

ИЖВДА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1893

Годъ 24-й.

Невскій пр., № 6.

XXIV г.

№ 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выходить еженедельно, съ приложениемъ 12-ти еженесячн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 3 іюля 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к. Цѣна Сборн. 50 к., съ пер. 60 к. При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА ІЮЛЬ. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1893 г., съ 36 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 37 рис. руководѣльныхъ работъ.

Умница. Съ карт. П. Вагнера, грав. Кlossь.

Сильный человекъ.

Романъ К. Орловскаго.

(Продолженіе).

VII.

Разъ—это было, кажется, въ третій день послѣ приѣзда Любови Петровны—я сидѣлъ у нея въ гостиной, и не могъ не замѣтить, что эта всегда равнодушная съ виду женщина, была чѣмъ-то встревожена. Со мной она, правда, старалась быть очень любезной—я, вообще, успѣлъ какъ-то войти у нея въ милость,—но по ея разсѣянной улыбкѣ не трудно было догадаться, что слова мои до нея какъ бы не доходятъ. Нѣсколько разъ она перебивала меня, чтобы позвонить, и съ явнымъ безпокойствомъ спрашивала, не вернулась-ли Анна Семеновна. И вотъ растворилась дверь, и Аня вошла вдругъ совсѣмъ неожиданно, вошла съ блескомъ оживленія на лицѣ, и отъ нея чѣмъ-то молодымъ, весеннимъ будто пахнуло. Ея смуглое личико даже зарумянилось. Такою счастливою, веселою, сияющею я Аню еще не видалъ. Но Любовь Петровна встрѣтила дочь суровымъ взглядомъ, и съ плохо сдержаннымъ раздраженіемъ спросила, гдѣ она пропадала такъ долго.

Глаза дѣвушки миготъ потухли и приняли какое-то упрямое, недовѣрчивое выраженіе.

— Я просто гуляла, отвѣтила она, дѣлая видъ, что

не замѣчаетъ вовсе гнѣва матери или не считаетъ нужнымъ обращать на него вниманіе.

Но Любовь Петровна этимъ не удовлетворилась. Она, правда, сдерживала свое неудовольствіе въ моемъ присутствіи и старалась говорить ровно и тихо. Впрочемъ, я не могъ себѣ даже представить ея голосъ инымъ, до того онъ казался мнѣ безцвѣтнымъ и неспособнымъ вышатайся до громкихъ и страстныхъ звуковъ. Зато сколько затаенной, озлобленной ѣдкости было въ ея словахъ, когда она напомнила дочери, сколько разъ она запрещала ей выходить одной, и къ тому же не спросясь.

— Да, вѣдь, ты, навѣрно, куда-нибудь заходила? настаивала Любовь Петровна.— Не можетъ быть, чтобы ты битые два часа гуляла, да еще въ такую ужасную погоду.

Весь этотъ день, въ самомъ дѣлѣ, шелъ мелкій снѣгъ, но ужаснаго въ погодѣ не было ничего.

— Ну, что-жъ, коли заходила?! не глядя на мать, по вся вспыхивая, проронила Аня.

— Къ этимъ людямъ, конечно?.. Ты ни во что не ставишь, я вижу, мои слова...

Мнѣ было очень непріятно присутствовать при этомъ объясненіи, такъ какъ самолюбіе Ани, очевидно, страдало, и я напередъ зналъ, что она выместитъ на мнѣ это опущеніе. Но дѣлать было нечего. Встать и уйти—значило подчеркнуть семейную сцену и выказать явную безтактность. На мою выручку какъ разъ въ эту минуту показался въ дверяхъ Семенъ Андреевичъ. Аня быстро повернула къ нему свое воспаленное личико.

— Что это, о чемъ у васъ разговоръ? спросилъ Котоповъ, поздоровавшись со мной.

И спросилъ онъ это какъ разъ потому, что при явленіи его всѣ замолчали.

— Ничего особеннаго... съ обычной, спокойной ироніей проговорила Любовь Петровна.— Аня только опять была у этихъ Луниныхъ, къ которымъ ты самъ, вѣдь, сколько разъ ей говорилъ не ходить.

— А!.. холодно отозвался на это Семенъ Андреевичъ, хотя лицо его и глаза какъ-то вдругъ потемнѣли, что служило у него признакомъ сдержаннаго гнѣва.

Онъ строго посмотрѣлъ на дочь, но, встрѣтившись съ ея пламенно-умоляющимъ взглядомъ, тотчасъ смягчился.

— Аня, тихо произнесъ онъ,—я, вѣдь, повторялъ тебѣ нѣсколько разъ... просилъ тебя...

— Папа, да развѣ можно... развѣ я могу... дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила дѣвушка.— Если бы вы знали, что это за несчастные и... хорошие люди.

Глаза дѣвушки, страстные и умоляющіе, такъ и впились въ лицо Семена Андреевича.

— Хорошіе!.. съ короткимъ смѣхомъ возразилъ онъ.— Нечего сказать... Я не желаю, Аня, чтобы у тебя были такіа знакомства.

И снова голосъ Семена Андреевича принялъ болѣе мягкій, почти ласковый отбѣнокъ.

— Вѣдь, ты должна понять, Аня... вѣдь, ты умница такая...

И онъ принялся гладить ее по непослушнымъ курчавымъ волосамъ. Но дѣвушка не унималась. Сложивъ руки на колѣняхъ, она смотрѣла на отца пристально и строго.

— Папа, настаивала она, — какъ можете вы, вы, такой справедливый ко всѣмъ, запрещать мнѣ ходить къ этимъ людямъ, когда вы знаете, что у нихъ горе такое, что они всѣми, всѣми покинуты...

— Ты, кажется, надѣешься ее переубѣдить, вмѣшалась Любовь Петровна своимъ холоднымъ, насмѣшливымъ тономъ.— Посмотримъ, удастся-ли...

— Это ужъ ты мнѣ предоставь, тоже становясь вдругъ холоднымъ, почти ледянымъ, возразилъ Се-

менъ Андреевичъ женѣ. — Мы съ Аней понимаемъ другъ друга.

— Увидимъ, увидимъ...

И, откидываясь назадъ, Любовь Петровна сдѣлала видъ, что умываетъ себѣ руки.

Аня мелькомъ взглянула на мать негодующими глазами и тотчасъ опять повернулась къ отцу.

— Папа, заговорила она снова,—ихъ всѣ бранить, это правда... Но развѣ мы, которые, вѣдь, здѣсь ни отъ кого не зависимъ, развѣ мы должны слушаться чужого мнѣнія. На васъ это такъ непохоже, вы всегда готовы протянуть руку всякому, кого несправедливо обвиняютъ, вы презираете сплетни и молву... Неужели вы безжалостны къ однимъ этимъ Лунинымъ...

— Я готовъ имъ помочь, разумѣется, коли имъ деньги нужны, но я не хочу, чтобы моя дочь зналась съ такими людьми... Вѣдь, они сами виноваты, эти твои Лунины, коли отъ нихъ всѣ отвернулись.

Живой румянецъ загорѣлся на смуглыхъ щекахъ дѣвушки.

— Деньги! воскликнула она. — Вы думаете, что одними деньгами можно помочь... Бываетъ, вѣдь, горе хуже нужды,—горе, которому утѣшеніе нужно, а не деньги... Вѣдь, эта бѣдная Надя Лунина недавно еще была моей подругой... Я не могу, не могу ее оставить. Вы должны быть выше предразсудковъ, папа; я такъ привыкла видѣть васъ не только щедрымъ, но и добрымъ, милостивымъ, что я не могу, не могу понять, отчего именно къ этимъ бѣднымъ людямъ вы такъ несправедливы...

До сихъ поръ я не вмѣшивался въ разговоръ, признаюсь, не изъ одной боязни, чтобы мое вмѣшательство не сочли неумѣстнымъ, а изъ простого желанія узнать, къ чему приведетъ заступничество Ани. Я не переставалъ любоваться ею, пока шла эта сцена, любоваться ея искренней страстностью и той краской оживленія, отъ которой такъ выигрывало ея выразительное личико. Но тутъ я не утерпѣлъ. Горячность молодой дѣвушки и меня заразила.

— Анна Семеновна, заговорилъ я,—позвольте и мнѣ сколько-нибудь помочь этимъ вашимъ—я хотѣлъ сказать друзьямъ, но сказалъ только—знакомымъ.—Мнѣ, вѣдь, немножко извѣстна ихъ исторія.

Семья Луниныхъ принадлежала когда-то къ хорошему обществу города Т. Но мало-по-малу она опустилась, и давно уже ходили на ихъ счетъ недобрые слухи. Виною всему былъ Луининъ-отецъ, человекъ, быть-можетъ, недурной, но распущенный до крайности, игрокъ и пьяница. И, какъ водится, жизнь не по средствамъ, да карточные проигрыши довели до крушенія его, должно-быть, не слишкомъ закаленную честность. Онъ занималъ мѣсто по акцизному вѣдомству и до самыхъ пятидесяти лѣтъ ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ. Но вдругъ, на самомъ порогѣ старости, его попутала несчастная страсть. Онъ польстился на взятку и, непривычный въ такомъ дѣлѣ, попался сразу. Его выгнали изъ службы, и сразу всѣ двери закрылись передъ нимъ и передъ его семьей. Нужда и безчестіе заодно обрушились на его ни въ чемъ неповинное семейство. А тутъ случилась новая бѣда. Женить его дочери Нади отъ нея отказался, и сдѣлалъ это самымъ грубымъ, самымъ жестокимъ образомъ. Одна только Аня Котопова, бывшая подруга Нади по гимназіи, не переставала видѣться съ нею, наперекоръ волѣ матери. Я не могъ не восхищаться ея самоотверженнымъ великодушіемъ, и, должно-быть, она прочла это на моемъ лицѣ, только и теперь, послѣ многихъ лѣтъ, я помню свѣтлый, благодарный взглядъ, съ какимъ посмотрѣла она на меня въ отвѣтъ на мои слова.

— Если хотите, я могу къ нимъ зайти, добавилъ я,—чтобы предложить имъ...

— Вы, стало-быть, перебила она быстро, протягивая мнѣ свою маленькую, горячую ручку,—не то, что другіе; вы отъ несчастныхъ презрительно не отворачиваетесь? Благодарю васъ за нихъ, только повторяю вамъ, не деньги тутъ нужны, т. е. не однѣ деньги: нужно участіе...

— Что за охота вамъ, Николай Филипповичъ, брезгливо замѣтила Любовь Петровна, и блѣдныя ея губы сложились въ презрительную улыбку,—входить въ сношенія съ такими людьми?! Впрочемъ, это ваше дѣло, конечно... снисходительно проронила она, какъ бы извиняясь.

Семень Андреевичъ взглянулъ на жену, и въ его глазахъ я прочелъ опять то холодное, враждебное выраженіе, какое не разъ я уже въ нихъ замѣчалъ, когда онъ обращался къ ней.

— Аня, сказалъ онъ, бережно касаясь рукой до плеча дочери,—позволь ужъ мнѣ за это дѣло взяться. Я самъ побываю у Луниныхъ, общаю тебѣ. Улучу минуту, какъ-нибудь, хоть я и занятъ по горло. Я молвы не боюсь; только ты мнѣ дай слово не повторять своихъ поспѣшеній. Ты видишь, чуть-чуть насмѣшливо добавилъ онъ,—твоя мать этого не желаетъ. А тамъ увидимъ, пристрою, можетъ-быть, какъ-нибудь этого бѣдняка.

Аня схватила руку отца, все еще лежавшую на ея плечѣ, и молча поднесла ее къ губамъ.

— Вы добрый, добрый!.. говорила она, глядя на него мягкимъ, любящимъ взоромъ.

На слѣдующій день я снова могъ убѣдиться, до какой степени Аня дѣлала изъ отца все, что хотѣла. Когда я поднимался по лѣстницѣ конотоповскаго дома,—я обѣдалъ тамъ въ этотъ день,—я услышалъ грозные раскаты мощнаго голоса Семена Андреевича. Онъ бранилъ кого-то изъ прислуги, и гнѣвъ его былъ до того силенъ, что, даже увидѣвъ меня, онъ не могъ унять.

— Я тебя, мерзавца, кричалъ онъ, — прикажу выгнать сегодня же со всей твоей подлой семьей, чтобъ духа твоего здѣсь къ вечеру не было.

Старикъ-слуга весь дрожалъ передъ разгнѣваннымъ баринномъ.

— Ступай, добавилъ Семень Андреевичъ, опомнившись, должно-быть, и не желая продолжать эту сцену въ моемъ присутствіи,—ступай, прикажу тебя рассчитать... Извините, Николай Филипповичъ, сказалъ опъ мнѣ, — не хотѣлось бы, да что дѣлать?.. Хотъ кого вѣзбѣсятъ эти негодии.

За что былъ такъ раздраженъ Конотоповъ, я не узналъ, но, должно-быть, это была не бездѣлица: за пустяки онъ не сердился никогда.

Войдя съ нимъ въ залу, я увидалъ стоявшую тамъ Аню. Она слышала все, и блѣдное, встревоженное лицо ясно говорило, что ея сочувствіе на сторонѣ отца. Меня она какъ будто не замѣтила, и, вся взволнованная, принялась умолять Семена Андреевича не приводить своей угрозы въ исполненіе. Сначала онъ, всплилъ, почти грубо сказалъ ей, что она вмѣшивается не въ свое дѣло. Но гнѣвъ его не устоялъ противъ ея страстно-молящаго взгляда.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ, — пусть онъ остается, только бы не показывался мнѣ на глаза, а то за себя не ручаюсь.

На этотъ разъ Аня не поблагодарила отца, и все время обѣда Семень Андреевичъ былъ молчаливъ и угрюмъ. Аня, повидимому, не хотѣла, чтобъ я замѣтилъ настроеніе отца, только мнѣ она выказывала необычайное вниманіе. Мы разговорились съ ней въ этотъ вечеръ совсѣмъ по-пріятельски, и въ ея беззаботномъ смѣхѣ не было и слѣда той Ани, какою я видѣлъ наканунѣ, когда она заступалась за Луниныхъ. Она казалась совсѣмъ ребенкомъ, избалованнымъ и рѣзвымъ, но очаровательнымъ. И уходя отъ Конотоповыхъ поздно вечеромъ, я ощущалъ какую-то странную грусть на

сердцѣ, грусть по минувшимъ годамъ. И спрашивалъ я у себя, зачѣмъ не свела меня судьба съ этой дѣвушкой въ былые дни, когда сердце мое еще не разучилось искренно любить, не заглядывая недовѣрчиво въ будущее.

VIII.

Въ тотъ же вечеръ я узналъ настоящую причину дурнаго расположенія духа Семена Андреевича. Вернувшись къ себѣ въ гостиницу, я засталъ въ общей залѣ многочисленную и довольно шумную компанію. Уже издали мнѣ слышались громкіе и, какъ показалось мнѣ, опьянѣвшіе голоса. За-то, когда я вошелъ, всѣ разомъ затихли, и кое-какіе взгляды недовѣрчиво на меня покосились. Я хотѣлъ пройти къ себѣ въ комнату, но вдругъ одинъ изъ сидѣвшихъ за большимъ длиннымъ столомъ, какой-то молодой военный въ адъютантской формѣ, поднялся съ мѣста и остановилъ меня.

— Ба, Роевъ, какими судьбами?

Это былъ князь Дмитрій Алексѣевичъ Слудскій, очень еще молодой человекъ, но занимавшій уже въ петербургскомъ обществѣ довольно видное мѣсто. Я зналъ, что онъ пріѣхалъ наканунѣ и остановился въ той же гостиницѣ, гдѣ жилъ я, но повидаться съ нимъ я до сихъ поръ не считалъ нужнымъ: особенно близки мы не были; причиной тому была разница въ лѣтахъ, да и не питалъ я къ нему большой симпатіи; слишкомъ ужъ бойкимъ и увѣреннымъ въ себѣ мнѣ казался этотъ князь, у котораго молодая прыть какъ нельзя лучше мирилась съ расчетливостью не по годамъ. Онъ прекрасно зналъ, кому и когда слѣдуетъ выказывать дружбу, и поразительно холоднымъ дѣлалось его обращеніе съ тѣми самыми людьми, съ которыми незадолго передъ тѣмъ онъ являлся и кутилъ совсѣмъ по-товарищески. И теперь, когда, увидавъ меня, онъ выразилъ какую-то усиленную радость, я тотчасъ подумалъ, не скрывается-ли тутъ задняя мысль.

— Да я здѣсь ужъ недѣли двѣ, по своимъ дѣламъ, отвѣтилъ я равнодушно.—Скажите мнѣ лучше, какъ вы сюда прикатили, зимой, наканунѣ самыхъ праздниковъ?

Онъ покрутилъ блестящіе черные усы и принужденно засмѣялся.

— Такъ, сказалъ онъ,—имѣніе у меня здѣсь есть, а завтра выборы открываются. Ну, вздумалось посмотрѣть, какъ производится сія махинація.

— А, вотъ оно что, выборы! съ притворною довѣрчивостью проронилъ я, а въ головѣ у меня тотчасъ промелькнуло: „нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь подвоха противъ Семена Андреевича“.

Я оглянулся, и сквозь густой табачный дымъ узналъ лица главныхъ противниковъ Конотопова. Нельзя было и сомнѣваться, что тутъ шелъ противъ него заговоръ. Но крайне меня удивило, что въ числѣ прочихъ я увидалъ Вьюгина.

— Борисъ Павловичъ, вы тоже здѣсь? сказалъ я, подходя и протягивая руку.

Мнѣ показалось, что онъ сконфузился.

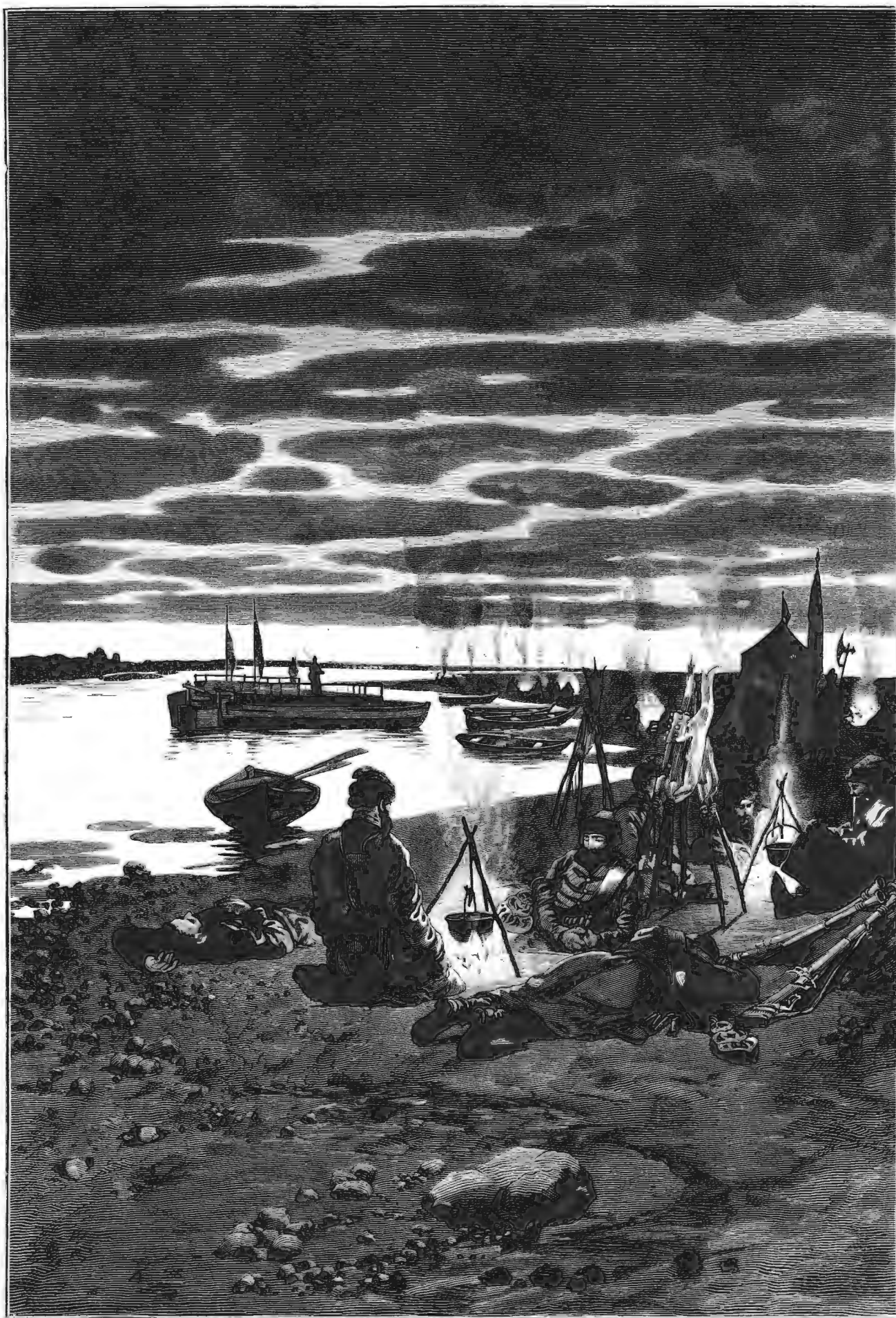
— Если позволите, я послѣ зайду къ вамъ, было его отвѣтомъ.

Я хотѣлъ уже раскланяться съ княземъ и уйти къ себѣ, но онъ сталъ меня удерживать.

— Что-жъ, не хотите присоединиться къ компаніи? Выпьемъ-ка бакальчикъ вмѣстѣ!.. Или вы этихъ господъ не знаете? Ничего, я васъ перезнакомлю.

„Что-жъ, подумалъ я,—не мѣшаетъ, пожалуй, раз-узнать, какіе тамъ у нихъ фокусы затѣваются“.

И я далъ себя перезнакомить съ присутствующими. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я уже, впрочемъ, зналъ въ лицо, какъ видныхъ земскихъ ораторовъ. Тутъ былъ адвокатъ Шмыгаевъ и одинъ старый господинъ съ почтеннымъ лицомъ и необыкновенно лукавыми глаз-

Походъ противъ Стеньки Разина. Приваль стрѣльцовъ на берегу Волги.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А Рябушкина, грав. Шлишперъ.

Библиотека "Руниверс"

За устройствомъ гнѣздышка. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Шрейберъ
Библиотека "Руниверс"

ками—по фамилии Джембицкій, хотя говорили онъ совершенно чистымъ русскимъ языкомъ, баронъ Дрейеръ, мужчина среднихъ лѣтъ, до крайности сонливый, но приличный неимовѣрно, и Платонъ Платоновичъ Турусовъ, большой мастеръ вернуть злое, острое слово и солгать съ надлежащимъ апломбомъ. Словомъ, тутъ былъ весь сонмъ недавно побѣжденной партіи. И, странное дѣло, на ихъ лицахъ и слѣдъ исчезъ той пристыженной унылости, какая видѣлась на этихъ лицахъ въ день избранія Семена Андреевича. Неужели колесо повернулось такъ быстро, и дворянскіе выборы могли выйти наперекоръ земскимъ? И что же вызвало такую перемену?

Но отвѣта на этотъ нѣмой вопросъ я сразу не получилъ. Шутокъ было сказано много, хоть и не слишкомъ остроумныхъ. Ухаживали за мной усердно, явно стараясь меня задобрить, и по адресу Семена Андреевича было пущено нѣсколько ядовитыхъ намековъ, вызвавшихъ общій смѣхъ, но въ самую тайну меня не посвящали. Тосты предлагались больше за разныхъ отвлеченныхъ понятій, какъ „общее дѣло“, „благо губерніи“, чокались за счастливый исходъ предстоявшихъ выборовъ, но говорить ясно, недвусмысленно, при мнѣ, очевидно, стѣснялись.

Просидѣвъ около часа въ этой компаніи, я всталъ и распростился.

— Что-жъ, увидимся завтра при открытіи собранія? сказалъ мнѣ князь, значительно пожимая руку. — Вы, конечно, воспользуетесь своимъ правомъ и примете участіе, и, разумѣется, постоите за общее наше дворянское дѣло?..

— За общее дѣло я всегда готовъ стоять, холодно отвѣтилъ я и вышелъ.

Но изъ-за дверей я слышалъ, что кто-то на мой счетъ замѣтилъ:

— Не клеится... не изъ нашихъ. Напрасно вы, князь, такъ старались.

Это былъ, кажется, Турусовъ.

Десять минутъ спустя въ мои двери постучались. Я отворилъ, и вошелъ Борисъ Павловичъ.

— Что, очень васъ удивило меня увидѣть тамъ, въ этомъ обществѣ? спросилъ онъ, садясь.

Онъ какъ-то хитро улыбался, говоря это.

— Признаюсь, да... Я даже не совсѣмъ понялъ, какъ это вы...

— Какъ это я очутился въ враждебномъ лагерѣ? перебилъ онъ меня живо. — И вы подумали, можетъ-быть, что я, чего добраго, передался на ихъ сторону? Ну, вотъ и ошиблись. Пошелъ я къ нимъ, чтобы лучше вывѣдать, что замышляютъ они тамъ противъ Семена Андреевича. И все разузналъ и пришелъ вамъ передать: вы, я знаю, вѣдь, изъ нашихъ... Да, вотъ оно какъ...

Вьюгинъ, очевидно, говорилъ это не безъ нѣкоторой грусти. И въ самомъ дѣлѣ, я никакъ не ожидалъ отъ него такого коварства.

— Вы, однако, не подумайте, поспѣшно добавилъ онъ, взглядываясь въ меня своими прямыми, честными глазами, — чтобы пришлось мнѣ особенную политику въ ходъ пускать. На обманъ я бы не пошелъ ни за что, даже ради Семена Андреевича...

— Ну, какой тамъ обманъ! размѣялся я. — Просто военная хитрость, и вполне законная...

— Нѣтъ, нѣтъ, я бы этого не сдѣлалъ: военная хитрости не по моей части. И вышло оно очень просто. Кто-то изъ этихъ господъ, Турусовъ, кажется, вообразилъ, что меня не трудно будетъ переманить, очернивъ въ моихъ глазахъ Семена Андреевича. Вѣдь, они знаютъ тамъ, что, убѣдись я когда-нибудь въ справедливости этихъ обвиненій, я бы отступилъ отъ него тотчасъ. Этого я не скрывалъ никогда. Ну, и подослали они ко мнѣ одного изъ своихъ, пригласили отужинать вмѣстѣ

и потолковать насчетъ будущихъ выборовъ. Что-жъ, я пошелъ, но предупредилъ ихъ, конечно, чтобы на меня не рассчитывали. А мнѣ въ отвѣтъ они говорятъ: „мы отъ васъ ничего не требуемъ, приходите только, сами увидите...“ Вчера еще вечеромъ было сборище у старика Джембицкаго — это главный ихъ воротила... меня и туда позвали... Ну, и наслышался я тамъ красивыхъ вещей насчетъ Семена Андреевича, будто Литовскій отсчиталъ ему цѣлыя двѣсти тысячъ за концессию, да земскія деньги онъ преспокойно въ оборотъ пускаетъ по своимъ дѣламъ, да банкъ имъ устроенъ съ тѣмъ, чтобы разорять закладчиковъ и за бездѣнокъ ихъ землю скупать. Ну, словомъ, сотой доли всего этого было бы довольно, чтобы Конотопова посадить на скамью подсудимыхъ, а меня изъ друзей его превратить въ непримиримаго врага...

Вьюгинъ, говорившій это необыкновенно порывисто, тутъ вскочилъ со своего мѣста и принялся шагать по комнатѣ быстрою, возбужденною походкой.

— Да, продолжалъ онъ, — была минута, признаюсь, когда имъ почти удалось пошатнуть мою вѣру въ Семена Андреевича. Если бы они, въ самомъ дѣлѣ, были правы... Да, вѣдь, нѣтъ, нѣтъ... это не можетъ быть, Николай Филипповичъ, не правда-ли, не можетъ? Вы, конечно, недавно познакомились съ Конотоповымъ, но вы составили уже себѣ мнѣніе на его счетъ... Развѣ онъ похожъ на плута-афериста, развѣ его широкая, великодушная натура способна на такія продѣлки? И что-жъ, когда я потребовалъ доказательствъ, когда я сказалъ имъ: „давайте мнѣ цифры, давайте свидѣтелей, голословно обвинять человѣка нельзя“, доказательствъ у нихъ не нашлось. Подозрѣнія, слетни... много у нихъ нѣтъ...

— Только не понимаю, отозвался я, — на что они рассчитываютъ теперь; коли на земскихъ выборахъ Семенъ Андреевичъ прошелъ такъ блистательно, на дворянскихъ онъ пройдетъ и подавно...

— Ну, на этотъ счетъ бабушка на-двое сказала... Бѣда въ томъ, видите-ли, что у нихъ теперь кандидатъ нашелся, и очень опасный вдобавокъ...

— Ужъ не князекъ-ли этотъ? воскликнулъ я. — Полноте!

— Онъ самый... Они его изъ Петербурга нарочно выписали. А онъ, хоть и молодъ очень, а человѣкъ видный, флигель-адъютантъ и богатый помѣщикъ. Придумалъ эту штуку все тотъ же Джембицкій. До сихъ поръ они между собой никакъ створиться не могли, ну, и помирились, кажется, на томъ, чтобы взять себѣ человѣка со стороны...

— Да все-таки я въ толкъ не возьму, перебилъ я нетерпѣливо, — какими судьбами такой молокососъ изъ Петербурга можетъ стать поперекъ дороги Семену Андреевичу?

— Это вы потому такъ думаете, что на земскомъ собраніи у Семена Андреевича такое большинство оказалось, а на дворянскомъ можетъ оказаться совсѣмъ не то... Натѣзетъ сюда разная мелкота изъ уѣздовъ—они свои мѣры приняли—мелкота самая податливая, которую и подбить можно, и попросту и даже подпоить. А коли увидятъ они, что дѣло съ княземъ не выгораетъ, у нихъ другая комбинація придумана—всѣ свои голоса подать за нашего второго кандидата, за Одуванчикова, который все время былъ сподручникомъ у Семена Андреевича. Вы видѣли его? Старичокъ такой, хилый совсѣмъ, дряхлый, ну, словомъ, кукла настоящая... А для нихъ онъ годится. И непремѣнно намъ сплотиться надо, чтобы интригу эту разстроить. Я завтра, чѣмъ свѣтъ, къ Семену Андреевичу. А коли мнѣ увидать его не удастся, вы ужъ, пожалуйста, ему все это передайте. За этимъ я къ вамъ и явился... Меня, вы знаете, Любовь Петровна не жалуетъ, такъ, можетъ статься, меня и не примутъ у

Конотоповыхъ. Такъ вы ужъ непремѣнно, непремѣнно общайтесь...

— Какъ вы, однако, засмѣялся я,—принимаете къ сердцу интересы Семена Андреевича!

Онъ посмотрѣлъ на меня сперва какъ бы въ нерѣшительности, а потомъ, быстро подойдя ко мнѣ, взялъ меня за руку.

— Послушайте, Роевъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—мы познакомились съ вами недавно, но вы, кажется, изъ тѣхъ, кому довѣриться можно...

Мнѣ стало почти неловко отъ внезапнаго порыва молодого человѣка. Я догадывался, про что онъ хотѣлъ мнѣ сказать.

— Я преданъ Семену Андреевичу всею душой, продолжалъ Вьюгинъ,—и не потому только, что цѣню и уважаю его, какъ человѣка, я люблю его почти какъ отца... Ну, да что тамъ говорить намеками да полусловами, лучше признаться вамъ прямо...

И онъ признался мнѣ въ своемъ чувствѣ къ Аннѣ, сказалъ мнѣ, что любитъ ее давно, уже болѣе года, что имѣетъ основаніе надѣяться на взаимность. Онъ говорилъ объ этомъ долго и горячо, и я слушалъ его съ невольнымъ сочувствіемъ, хотя, признаюсь, мнѣ было немножко совѣстно получать эти признанія послѣ того, какъ за какой-нибудь часъ передъ тѣмъ я чуть было не далъ унести себя овладѣвшимъ мною сладкимъ грѣзамъ... Про это я, разумѣется, передъ Вьюгиномъ и не заикнулся. Въ тридцать пять лѣтъ не такъ легко раскрывать свою душу передъ чужимъ человѣкомъ...

— Я знаю, добавилъ онъ,— что это дерзкія, почти несбыточныя надежды. Придется ждать, можетъ быть, ждать долго. Я небогатъ, у меня положенія нѣтъ, да не стою я такой дѣвушки, какъ Аня. Да что дѣлать, въ любви никто не воленъ,—послѣднія слова онъ произнесъ едва внятно,— я буду ждать годъ, два, быть можетъ, болѣе, въ твердой увѣренности на нее... она, вѣдь, не изъ тѣхъ, которая мѣняются съ годами.

Столько было искренности и теплаго чувства въ словахъ Вьюгина, что, когда мы прощались, я горячо пожалъ его руку, отъ души желая ему успѣха и счастья. Мнѣ хорошо было чувствовать себя такимъ безкорыстнымъ, такимъ отзывчивымъ. Мнѣ казалось, что я готовъ помочь ему достигнуть его цѣли, не задумываясь пожертвовать собственнымъ чувствомъ. И довольный собою, я улегся и заснулъ крѣпкимъ сномъ, какой навѣваетъ удовлетворенная совѣсть.

IX.

Когда я на слѣдующее утро проснулся, отъ моихъ великодушныхъ намѣреній и слѣда не осталось. Передъ моимъ воображеніемъ носился образъ Ани, я какъ будто слышалъ опять ея милый, умный смѣхъ, видѣлъ молодой румянецъ, загоравшійся на ея смугломъ личикѣ, когда что-нибудь сказанное мною вызывало ея особенное сочувствіе. „Да, да, правда, мнѣ самой такъ кажется“, не разъ отвѣчала она на сдѣланныя мною замѣчанія, и голосокъ ея, такой мягкій и теплый, звучалъ еще въ моихъ очарованныхъ ушахъ. Я мысленно обозвалъ себя Донъ-Кихотомъ и рѣшился не уступать ее Вьюгину.

Въ исходѣ одиннадцатаго часа я уже спѣшилъ къ дому Конотоповыхъ и у самого крыльца наткнулся на Бориса Павловича. Но обоихъ насъ ожидало разочарованіе. Къ моему удивленію, насъ не приняли. Я торопился домой, чтобы къ открытію собранія облечься въ свой камергерскій мундиръ, какъ навстрѣчу мнѣ попался Надеждинъ.

— Что, успѣли уже побывать у Семена Андреевича? Я признался ему въ своей неудачѣ.

— Не удивительно, что васъ не приняли... Тамъ, должно-быть, теперь кутерьма происходитъ не малая, объяснилъ мнѣ всевѣдущій Надеждинъ.

— По случаю кандидатуры князя Слуцкаго? спросилъ я.

— А, вы ужъ знаете? Удивительно, какъ это быстро у насъ слухи разносятся, а еще говорятъ: въ провинціи нѣтъ жизни, нѣтъ движенія... Только совсѣмъ не по этому случаю кутерьма. Есть у Конотопова забота поважнѣе. Сегодня утромъ, чѣмъ свѣтъ, его сыпockъ изволилъ прикатить, Михаилъ Семеновичъ.

Я посмотрѣлъ на него такимъ недоумѣвающимъ взглядомъ, что Надеждинъ расхохотался.

— А, да вы, я вижу, не догадываетесь, что означаетъ пріѣздъ Михаила Семеновича... Онъ, вѣдь, такой голубчикъ, такая прелесть, что самому батюшкѣ съ нимъ не справиться.

— Что, сильно кутить мальчикъ, да?

— Не то, чтобы кутить, этого мало, для Михаила Семеновича это было бы черезчуръ заурядно... Птеничекъ онъ высшаго полета, которому не тысячи, а десятки тысячъ подавай. И денюжкамъ отцовскимъ онъ глаза протираетъ, можно сказать, художественно. Да неужели вы съ нимъ въ Петербургѣ не встрѣчались? А коли онъ пріѣхалъ сюда, значить, у батюшки приходится позаимствовать не малую толку: изъ-за бездѣлицы онъ беспокоитъ себя не станетъ. Михаилъ Семеновичъ привыкъ разсуждать такъ: „папаша человѣкъ умный и дѣловой, стало-быть, денегъ у него много, потому что порядочному человѣку иначе дѣлами заниматься не стоитъ... Стало-быть, изволь мнѣ кушъ выкладывать, когда нужно, потому я также по-барски хочу тратить, какъ ты по-барски наживать. А коли дать не захочетъ, я такой скандалъ учиню, что папашѣ расквашиваться придется“. Да-съ, и замѣчательное это, право, дѣло. У такихъ дѣльцовъ, какъ Семенъ Андреевичъ, всегда подобные сынки. Немезида, Немезида, что и говорить...

Этимъ философскимъ размышленіемъ Надеждинъ закончилъ свой рассказъ. Когда я, часъ спустя, въ сборѣ, гдѣ происходило молебствіе, отыскалъ глазами Семена Андреевича, я не замѣтилъ однако на его лицѣ ничего похожаго на гнѣвъ или тревогу. Оно глядѣло спокойно, почти величаво. И, гордо выпрямившись, не разъ онъ обводилъ увѣреннымъ взглядомъ стоящую позади толпу. И когда у выхода изъ церкви мы встрѣтились, въ пожатіи его руки, въ выраженіи глазъ была одна его обычная привѣтливость.

— Извините, что васъ не принялъ, шепнуть онъ мнѣ, улыгнувшись,—по горло былъ занятъ.

— Я хотѣлъ васъ только предупредить про то, что узналъ вчера, вполголоса отвѣтилъ я.

Семенъ Андреевичъ вторично пожалъ мнѣ руку.

— Знаю, знаю... снисходительно и какъ бы равнодушно кивнулъ онъ головой,—и все-таки благодарю васъ за то, что побезпокоились...

Здѣсь было не мѣсто пускаться въ пространныя объясненія. Но и позже за весь этотъ день мнѣ съ Семеномъ Андреевичемъ переговорить не удалось. Засѣданіе продолжалось не долго, всего какихъ-нибудь полтора часа—настоящія занятія должны были начаться лишь на слѣдующій день—и Семенъ Андреевичъ держалъ себя все время какъ-то официально, ни разу даже не заговоривъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ приверженцевъ. Тутъ я увидѣлъ и его сына, и наружность молодого человѣка совсѣмъ не отвѣчала тому, что сказалъ мнѣ про него Надеждинъ. Стройный, красивый, съ тонкими, нѣжными чертами и совсѣмъ еще молодымъ румянцемъ на лицѣ, онъ казался почти юношей. И глаза у него были такіе открытые, веселые, хорошіе, что я невольно задался вопросомъ, не присочинилъ-ли чего-нибудь Викторъ Александровичъ. Миша Конотоповъ все время не отходилъ отъ матери и сестры, оживленно съ ними разговаривая. Сразу видно было, что онъ любимецъ матери, до того нѣжно, почти

любовно останавливался на немъ взглядъ ея всегда неподвижныхъ глазъ, какъ-то внезапно при этомъ зажившихся отъ восхищенія.

Я подошелъ къ дамамъ, и Любовь Петровна меня тотчасъ познакомила съ сыномъ. Онъ поздоровался со мной необыкновенно развязно и весело.

— Очень, очень радъ, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку своею маленькой, блѣлой выхоленной рукой. Чему онъ такъ радовался, я рѣшительно недоумѣвалъ. — Какъ это мы съ вами въ Петербургѣ не повстрѣчались, а? — И влажные, блестящіе его глаза засмѣялись.

„Нѣтъ, кажется, Надеждинъ правъ, подумалъ я, увидавъ молодого Конотопова поближе, — и Семену Андреевичу отъ сына хорошаго ожидать не приходится“.

Я заговорилъ съ Аней, и меня тотчасъ поразила въ ней рѣзкая перемена со вчерашняго вечера. Она ушла въ себя, отвѣчала неохотно, и тѣнь какая-то, что-то озабоченное, строгое легло на ея молодое личико. Странная была у этого лица способность мѣнять выраженіе. Въ это утро она казалась словно нѣсколькими годами старше, до того потухъ румянецъ на ея щекахъ, и глаза ея, такіе еще рѣзвые наканунѣ, будто совсѣмъ разучились блестять и смѣяться.

Начинали уже расходиться, и Анна Семеновна тоже собиралась уѣзжать, какъ вдругъ по галлерей послышались чьи-то приближавшіеся шаги.

— Миша, представь меня, долетѣлъ до моихъ ушей увѣренный и въ то-же время слащавый голосъ князя Слуцкаго.

Мы обмѣнялись холоднымъ поклономъ. Князь пожималъ руку Миши совсѣмъ по-товарищески, хоть и былъ многимъ его старше.

— Князь Дмитрій Алексѣевичъ Слуцкій, сказалъ Миша, подводя молодого адъютанта къ матери и сестрѣ.

По блѣднымъ чертамъ Любови Петровны мгновенно пробѣжала какая-то странная, почти болѣзненная тревога. И неровнымъ, взволнованнымъ голосомъ она проговорила, протягивая руку:

— Вы, стало-быть, сынъ князя Алексѣя Николаевича?

Князь молча наклонилъ голову, звякнувъ шпорами, и Любовь Петровна тотчасъ возвратила своему лицу обычное выраженіе насмѣшливо-скучающаго равнодушія, завязавъ съ княземъ безразличный свѣтскій разговоръ. А холодный и въ то-же время какъ-бы жгучій взглядъ молодого князя пристально какъ-то остановился на Анѣ.

Разсчетливый и страстный, онъ выраженіемъ глазъ тотчасъ выдавалъ эти свои два главныя свойства. Аня, видимо, произвела на него впечатлѣніе, хотя въ ея обращеніи съ нимъ было еще больше сдержанности, чѣмъ со мною нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Слуцкій былъ не изъ робкихъ, и когда женщина ему нравилась, — эту черту я за нимъ подмѣтилъ давно, — ему доставляло какое-то особенное удовольствіе встрѣчать у нея на первыхъ порахъ что-то похожее на неприязнь. Это поджигало его, должно-быть, вызывая рѣшимость восторжествовать во что бы то ни стало. И та смѣсь вкрадчиваго лукавства и затаенной насмѣшливой дерзости, которую я такъ не любилъ въ его голосѣ, не переставала звучать у него, пока онъ разговаривалъ съ молодою дѣвушкою. Но все это было лишь дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Засѣданіе кончилось, залъ опустился, и передъ нами вдругъ, какъ-бы изъ земли, выросла внушительная фигура Семена Андреевича, незамѣтно для меня подошедшаго къ женѣ.

— А, князь, васъ познакомили съ моими? промолвилъ онъ, обращаясь къ Слуцкому и не подавая ему руки. Никогда не забуду того пылающаго ненавистью взгляда, который бросилъ онъ на Слуцкаго, пока на губахъ складывалась ироническая улыбка. Что-то до того грозное, повелительное и гнѣвное было въ глазахъ Семена Андреевича, что не устоялъ передъ ними и этотъ самоувѣренный человѣкъ. Онъ не возразилъ ничего, и тутъ-же, поклонившись дамамъ, съ преувеличенною любезностью, поспѣшилъ отойти.

— Пора уѣзжать, все кончено, сказалъ Конотоповъ женѣ.

Любовь Петровна медленно встала и, невольно повинаясь, оперлась на его протянутую руку.

— Вы знаете, разслышалъ я вполголоса сказанныя ей слова мужа, наклонившагося почти къ самому ея уху, — что этого человѣка я не хочу видѣть въ обществѣ моей дочери? Помните это, и если когда-нибудь онъ переступитъ черезъ порогъ моего дома...

Дальше я уже ничего разслышать не могъ. Я видѣлъ только, какъ, приподнявъ голову, Семенъ Андреевичъ рѣшительно и гордо выходилъ изъ залы, да уловилъ я въ то-же время недружелюбный и насмѣшливый взглядъ, какимъ проводилъ Миша Конотоповъ уходившаго отца.

(Продолженіе будетъ).

Гавріиль Романовичъ Державинъ.

(Портр. на стр. 625).

Сто пятьдесятъ лѣтъ исполняется 3-го іюля настоящаго года со дня рожденія одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей и дѣятелей на пользу просвѣщенія нашего отечества, Гавріила Романовича Державина, и русское общество должно благодарною памятью почтить жизнь и дѣла глѣнца славной Екатерининской эпохи.

Родъ Державинныхъ восходитъ къ стариннымъ временамъ Московскаго государства. Въ княженіе Василія Темнаго, въ XV в., выѣхалъ въ Русь изъ Большой Орды на великокняжескую службу мирза Багримъ, котораго окрестилъ самъ великій князь. У одного изъ потомковъ Багрима былъ сынъ *Держава*, и отъ этого-то Державы, начавшаго свою службу въ Казани, и повелся родъ Державинныхъ. Въ теченіе слѣдующихъ столѣтій родъ этотъ сильно захудалъ; въ XVII вѣкѣ нѣкоторые представители его владѣютъ совсѣмъ незначительными помѣстьями за Волгой, верстахъ въ 40 отъ Казани, не вдалекѣ отъ устьевъ Камы, и на государевой службѣ не выдвигаются. Тѣмъ не менѣе, предки и родственники знаменитаго поэта значатся въ военной службѣ. Прадѣдъ его, въ числѣ городовыхъ дворянъ, участвуетъ въ крымскомъ походѣ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ; двое дядей его служатъ — одинъ во флотѣ, достигая чина лейтенанта, другой значится подполковникомъ ландмилиціи въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ. Отецъ Державина, Романъ Николаевичъ, поступилъ на службу рядовымъ въ Бутырскій полкъ въ 1722 году, и за тѣмъ служилъ попеременно въ разныхъ гарнизонныхъ полкахъ и дослужился до чина подполковника. Мать поэта, Фекла Андреевна, принадлежала къ роду Козловыхъ, которые издавна

владѣли помѣстьями въ однихъ съ Державинными дачахъ, и уже прежде роднились съ ними. Эта „убогая чета“, говоритъ въ своемъ классическомъ трудѣ академикъ Гротъ, „жила и умерла бы невѣдомая для свѣта, если бы не далъ ей Богъ сына, который своими дарованіями и судьбой навѣки прославилъ имя Державинныхъ“.

Гавріиль Романовичъ родился 3 іюля 1743 года, въ воскресенье, и названъ по празднуемому 13-го числа этого мѣсяца собору архангела Гавріила. Но мѣсто его рожденія остается въ точности неизвѣстнымъ. Самъ онъ называлъ своею родною городъ Казань; но въ деревняхъ, принадлежавшихъ его родителямъ, живеть преданіе, что нашъ знаменитый поэтъ увидѣлъ свѣтъ или въ Кармачахъ, или же въ Сокурахъ, теперь Ланшевскаго, а прежде Казанскаго уѣзда, верстахъ въ 40 отъ губернскаго города. Новорожденный былъ такъ малъ и слабъ, что, по мѣстному народному обычаю, сочли нужнымъ запекать его въ хлѣбъ. Но росъ онъ живымъ и острымъ мальчикомъ и сдѣлался любимцемъ отца, тогда какъ мать болѣе привязана была къ его меньшему, на годъ моложе его, брату, смиренному и разсудительному. Родители Державина были люди малообразованные, мать едва умѣла подписать фамилію свою. Нравы той среды, къ которой они принадлежали, были на степеніи довольно первобытной, и въ дѣтствѣ Державину приходилось быть свидѣтелемъ дикихъ ссоръ съ сосѣдями и разныхъ домашнихъ дракъ. Но въ тѣ времена становилось уже необходимымъ хоть какое-нибудь образованіе. За нѣсколько лѣтъ до рожденія Гавріила Романовича, императрицей Анной Іоанновной былъ изданъ законъ, по которому дворянскіе дѣти,

Гавріилъ Романовичъ Державинъ (по поводу 150-лѣтія со дня его рожденія).
По снимку профессора Юрдана съ портрета Тончи, грав. Шюблеръ.

по достижении семилетнего возраста, представлялись въ Петербургѣ въ герольдію, а въ Москвѣ и въ другихъ городахъ къ генералъ-губернаторамъ „на смотръ“, — для повѣрки возраста и для испытанія, чему мальчикъ дома учился. Потому „смотри“ этотъ долженъ былъ повториться по достиженіи мальчикомъ двѣнадцатилѣтняго возраста, уже съ обязательнымъ умѣньемъ „совершенно читать и чисто писать“, послѣ чего родители могли держать недоросля дома не иначе, какъ давъ письменное обязательство, что онъ, кромѣ одного, по выбору, иностраннаго языка и Закона Божія, будетъ обучаемъ арифметикѣ и геометріи; въ противномъ случаѣ, они должны были отдавать его „въ государственныя академіи или другія школы“. Въ пятнадцать лѣтъ молодой человекъ подвергался новому смотру въ Петербургѣ или Москвѣ и отлучался къ родителямъ, только подъ условіемъ учиться далѣе географіи, фортификаціи и исторіи, а въ двадцать лѣтъ онъ обязательно поступалъ на службу. При этихъ условіяхъ, конечно, родители должны были позаботиться учить дѣтей, и, благодаря заботливой матери, Державинъ по пятому году научился уже читать. Но дальнѣйшее его образованіе, само собою разумется, правильно пойти не могло: учителями его, послѣ первыхъ уроковъ, сдѣлались, по его собственному выраженію, „церковники“, т. е. какой-нибудь дячокъ или понамарь, и, быть-можетъ, не имѣя онъ былъ обязанъ кой-какимъ развитіемъ, а именно малограмотной матери, пріохочивавшей его къ чтенію, особенно, духовныхъ книгъ, игрушками и сластями.

Для маленькаго Державина рано началась кочевая жизнь. Ему не было еще и года, какъ отецъ его командированъ былъ по дѣламъ службы въ Франскіе, нынѣ Вятской губ., потомъ въ Ставрополь, уфадный городъ Самарской губ., а отсюда, въ концѣ 1749 или въ началѣ 1750 года, въ Оренбургъ. Съ нимъ переѣзжала изъ города въ городъ и семья. Въ Оренбургѣ Державинъ съ братомъ и былъ „смотрящимъ“ въ первый разъ, въ губернской канцеляріи. Въ то время жилъ въ томъ городѣ приговоренный къ каторжной работѣ нѣмецъ Іосифъ Розе. При полной скудости средствъ къ образованію въ отдаленномъ краю, предприимчивый нѣмецъ завелъ въ Оренбургѣ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ. Розе былъ достойный землякъ Финляндскаго Вральмана, понававшего въ наставникъ изъ кучеровъ; онъ былъ круглый невѣжда, къ тому же развратенъ и жестокъ; но нѣмецкій языкъ, которому онъ брался преподавать, сдѣлался тогда такою же принадлежностью образованнаго человека, какъ позже французскій, и мѣстное дворянство охотно стало отдавать въ его школу своихъ дѣтей. Поступилъ въ нее и маленькій Державинъ. Розе самъ не зналъ нѣмецкаго языка грамматически и заставлялъ своихъ учениковъ только затверживать и переписывать вокабулы, которыя писалъ для нихъ красивымъ почеркомъ. Тѣмъ не менѣе два-три года, которые Державинъ пробылъ у этого выходца, не остались для него безплодными. Онъ выучился читать, писать и говорить по-нѣмецки, и возможности узнать въ подлинникъ произведенія нѣмецкой литературы, говоря словами названнаго біографа Державина, „не могла не имѣть великаго значенія для русскаго литературнаго таланта“. Другимъ приобретеніемъ будущаго поэта въ Оренбургской школѣ былъ красивый почеркъ и усѣбхи въ рисованіи перомъ. Не любя оставаться безъ дѣла, онъ рано пристрастился къ послѣднему занятію, въ промежуткахъ между уроками и по вечерамъ срисовывая съ любочныхъ картинъ разныхъ богатей и раскрашивая ихъ чернилами и охрой; всѣ стѣны его комнаты были оклеены этими первыми опытами художника-самоучки. Въ ноябрѣ 1754 года, отецъ Державина умеръ, оставивъ семью въ сиротствѣ и крайней бѣдности. Насколько тяжело было положеніе матери Державина, можно судить по рассказу сына, что ей нечѣмъ было заплатить 15-ти рублей долгу, оставшагося послѣ мужа. Между тѣмъ, сосѣди пользовались безащитностью вдовы, и возвратитъ часть ея родовой собственности, захваченной еще раньше однимъ изъ нихъ, теперь стало труднѣе. Тщетно искала вдова правосудія; кромѣ униженій для нея ничего не получалось. Толкался по переднимъ разнымъ вліятельныхъ лицъ, она водила съ собою и своихъ дѣтей, и тогдашнія впечатлѣнія глубоко запали въ душу впечатлительнаго мальчика. И съ тѣхъ поръ Державинъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ о томъ, никогда не могъ смотрѣть равнодушно ни на какую несправедливость, особенно, на притѣсненіе вдовъ и сиротъ.

Наступалъ, между тѣмъ, срокъ второго „смотра“ для дѣтей Державинскихъ. Окска Андреевна взяла для обученія мальчиковъ арифметикѣ и геометріи сперва „гарнизоннаго школьника“, а потомъ одного артиллерій штгыкъ-юнкера. Но и эти учителя сами мало смыслили въ своей наукѣ, обучали безъ правилъ и доказательствъ, довольствуясь въ арифметикѣ первыми дѣйствіями, а въ геометріи—черченіемъ фигуры; и Державинъ на всю жизнь остался плохимъ математикомъ. Такъ или иначе, но нужно было представить дѣтей въ герольдію, и вдова въ 1757 году свозила дѣтей въ Москву. Вскорѣ послѣ этого вопросъ объ образованіи Державина неожиданно разрѣшился учрежденіемъ въ Казани, въ началѣ 1759 года, гимназіи.

Съ поступленіемъ въ 1759 году въ Казанскую гимназію начинается новый періодъ жизни нашего поэта. Преподаваніе въ ней, собственно говоря, было плохо. „По недостатку хорошихъ учителей“, говоритъ Державинъ въ своихъ „Запискахъ“, его учили „едва-ли съ лучшими правилами какъ и прежде“. Наставники молодыхъ людей, къ тому же, занимались гораздо больше взаимными препирательствами и интригами, чѣмъ дѣломъ. И будущій знаменитый лирикъ вообще вынесъ не много. Съ благодарностью онъ могъ вспомнить болѣе всего настора Гельтергофа, который училъ гимназистовъ нѣмецкому языку. Въ гимназіи Державинъ познакомился съ одами Ломоносова, съ трагедіями Сумарокова, съ переводами Тредьяковскаго, и, подражая имъ, началъ самъ пробовать писать стихи. Сверхъ поэзіи, особенную охоту выказывалъ онъ „къ предметамъ, касающимся воображенія“: къ рисованію и музыкѣ. Въ гимназіи его чертежи и рисунки до того нравились директору, что онъ захотѣлъ похвастать ими передъ Шуваловымъ, кураторомъ Московскаго университета и виновникомъ учрежденія Казанской гимназіи. Шуваловъ, заботившійся о развитіи искусства въ Россіи, былъ пріятно пораженъ неожиданными плодами ученія въ отдаленной полуазиатской окраинѣ Россіи, какою была тогда Казань. По его распоряженію, ученики, работы которыхъ ему представляли, были въ награду записаны солдатами въ разные гвардейскіе полки, а Державинъ объявленъ кондукторомъ Инженернаго корпуса; но въ дѣйствительности вышло нѣчто иное: имя Державина какимъ-то образомъ очутилось въ спискѣ гимназистовъ, присланномъ отъ Шувалова въ канцелярію Преображенскаго полка, вслѣдствіе чего онъ и записанъ туда солдатомъ.

Державинъ пріѣхалъ въ Петербургъ ранней весной 1762 г., за три съ небольшимъ мѣсяца до восшествія на престолъ Екатерины II. „Паспортъ“ его на прожитіе въ Казани былъ просроченъ, и его встрѣтили формальнымъ допросомъ. Но такъ какъ онъ виноватъ не былъ въ томъ, участвъ въ гимназіи и явившись въ полкъ по первому требованію, то дѣло, конечно, не могло имѣть послѣдствій. Державинъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы устроиться сносно, и долженъ былъ поселиться въ казармахъ. „Протекторовъ“ у него не было, и ему пришлось прожить жизнь простого солдата дѣляя десять лѣтъ, въ грубой средѣ „сдаточныхъ“. Въсѣтъ съ другими солдатами онъ то ходилъ на учебу, то стоялъ на караулѣ въ рогномъ дворѣ, то отправлялъ черныя работы — чистилъ канавы, разгребалъ снѣгъ около сѣзжей, усыпалъ пескомъ учебную площадку и т. п. Заниматься науками, литературой, музыкой или рисованіемъ было рѣшительно некогда, и Державинъ только по ночамъ, когда всѣ улягутся, могъ читать случайно-добытыя книги, да пописывать стихи. Солдаты, замѣтивъ его страсть къ письменнымъ занятіямъ, стали просить его писать для нихъ письма къ роднымъ, и онъ чрезвычайно угодилъ имъ въ этомъ, стараясь употребить простонародныя выраженія; еще большее расположеніе заслужилъ онъ тѣмъ, что иногда давалъ имъ взаимно по рублю, по два. Это нѣсколько улучшило его положеніе: солдатскія жены, по его просьбѣ, уговорили своихъ мужей отправлять за него очередную службу и работу. Улучшеніе это было, однако, не настолько велико, чтобы позволить ему жить болѣе интеллигентною жизнью. Какъ простой солдатъ, Державинъ обязанъ былъ, между прочимъ, разносить къ офицерамъ своего полка отданные съ вечера приказы, и въ бытность Преображенскаго полка въ Москвѣ, ему приходилось иногда прогулять всю ночь по разнымъ частямъ города, по пустыннымъ, занесеннымъ снѣгомъ, улицамъ. Разъ, проходя на Прѣсновъ, онъ „потонулъ было въ снѣгу“; другой разъ на него напали собаки, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ тесаку, чтобы отбиться отъ нихъ. Въ одинъ изъ подобныхъ походовъ былъ съ нимъ забавный случай, чрезвычайно характерный для обрисовки его положенія. Къ ротѣ, въ которой онъ служилъ, принадлежалъ прапорщикъ князь Козловскій, извѣстный нѣсколькими литературными трудами, умомъ и геройскою смертію въ Чесменскомъ бою. Живя въ Москвѣ у другаго знаменитаго въ ту пору писателя В. И. Майкова, Козловскій читалъ ему однажды вслухъ какую-то трагедію, когда пришелъ съ приказомъ Державинъ. Отдавъ приказъ, послѣдній изъ любопытства приостановился въ дверяхъ. „Поди, братецъ, служивый, съ Богомъ“, сказалъ ему Козловскій: „что тебѣ здѣсь поусту звать? вѣдь, ты ничего не смыслишь...“ И бѣдный поэтъ долженъ былъ смиренно удалиться.

Такъ прожилъ Державинъ десять лѣтъ, медленно подвигаясь впередъ въ унтеръ-офицерскія чинахъ. Наконецъ, 1 января 1772 г. онъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Но и чинъ этотъ не много обѣщалъ ему въ будущемъ, хотя онъ имѣлъ уже и нѣкоторыхъ покровителей. „Бѣдность была для него великимъ препятствіемъ носить званіе гвардейскаго офицера съ приличіемъ“; съ другой стороны, отсутствіе протекціи должно было отзываться на его движеніи по службѣ. Съ обычной своей смѣлостью и настойчивостью, Державинъ самъ нашелъ для себя выходъ. Для усмиренія Пугачевщины назначенъ былъ тогда генералъ-аншефъ Библиковъ, и Державинъ явился къ нему съ предложеніемъ своей службы, въ качествѣ хорошо знающаго мѣстности, охваченныя мятежомъ. Библикову смѣлый прапорщикъ понравился, и онъ со-

гласился взять его съ собою, хотя и имѣлъ прежде уже всѣхъ необходимыхъ ему людей. И вотъ Державинъ является въ возмущенномъ краю, въ обстоятельствахъ, которые позволяли ему выказать свои способности. Энергическая и искусная дѣятельность его тамъ скоро обратила на него внимание не только Бибикова, но и всѣхъ другихъ начальствующихъ лицъ. Два года прожилъ здѣсь Державинъ въ походахъ и тревогахъ и получилъ слѣдующій чинъ. Но кончилась Пугачевщина, и дѣла его опять приняла теченіе неблагопріятное. Онъ пользовался расположеніемъ Павла Потемкина, бывшаго непосредственнымъ начальникомъ его, но тѣмъ самымъ вызвалъ къ себѣ нерасположеніе графа П. И. Панина, бывшаго противникомъ названнаго генерала, и въ то время, какъ другіе офицеры, не обнаружившіе никакой особенной дѣятельности, получили за усмиреніе Пугачевщины щедрыя награды, Державинъ, ознаменовавшій себя побѣдой надъ итежниками и отбившиій отъ нихъ множество плѣнныхъ и бѣженцевъ саратовскихъ колонистовъ, не получилъ, въ сущности, ничего, хотя былъ уже замѣченъ императрицею, какъ авторъ рѣчи Екатерины отъ имени казанскаго дворянства въ отвѣтъ на ея рескриптъ. А между тѣмъ его матеріальное положеніе было не въ лучшемъ состояніи; даже бѣдныя деревни его были разгромлены пугачевцами. Державинъ принялся настойчиво хлопотать и обратилъ къ кн. Г. А. Потемкину. Панинъ былъ настолько силенъ при дворѣ, что хлопоты его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ; ему дали 300 душъ въ Бѣлоруссіи, но зато признали неудобнымъ къ военной службѣ и уволили отъ нея съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Въ то время Державинъ болѣе или менѣе уже примкнулъ къ литературѣ. Въ первый разъ онъ явился въ печати въ 1773 году въ журналѣ *Старина и Новизна*, но безъ имени. Въ томъ же году онъ напечаталъ въ типографіи Академіи наукъ, въ 50 экземплярахъ, оду на бракосочетаніе в. кн. Павла Петровича. Но эти опыты, слабые и подражательные, прошли незамѣченными. По возвращеніи изъ командировки въ мѣстности, охваченныя Пугачевщиной, Державинъ опять попытался явиться въ литературѣ, на этотъ разъ съ небольшимъ собраніемъ своихъ трудовъ, напечатать отдѣльною книжкою „Оды... при горѣ Читалоговъ“ (гора эта находится около итежскихъ колоній), но опять безъ имени. Въ нихъ замѣтны уже проблески таланта; но недостатки ихъ такъ велики, что, говоря словами биографа Державина, „заставляютъ насъ удивляться силѣ и смѣлости, съ какими онъ послѣ восторженствовалъ надъ оковами, наложенными на него воспитаніемъ“. Литературная дѣятельность ему, повидимому, не давалась; но на службѣ онъ успѣлъ устроиться въ сенатѣ, подъ начальствомъ хорошо расположеннаго къ нему генералъ-прокурора князя Виземскаго, въ домѣ котораго онъ былъ принятъ. И здѣсь ему удалось заявить выдающіяся свои способности составленіемъ проекта экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ. „Весьма замѣчательно“, говоритъ академикъ Гротъ, „что человекъ, такъ мало учившійся, проведшій столько лѣтъ въ самыхъ неблагопріятныхъ для умственной дѣятельности обстоятельствахъ, и такъ недавно вступившій на поприще гражданской службы, могъ въ короткое время достаточно ознакомиться съ законами и положеніями финансовой части въ Россіи, чтобы составить такой уставъ. Естественно, что Державинъ гордился впоследствии этимъ трудомъ“. Въ домѣ Виземскаго Державинъ познакомился со многими знатными лицами, а также съ литераторами, со Львовымъ, Каннистомъ, Хемницеромъ и др., имѣвшими на него значительное вліяніе. Въ самомъ началѣ службы въ сенатѣ, онъ женился на молодой сестрѣ в. кн. Павла Петровича, дочери камердинера Петра III, португальца Бастидонъ, Екатерины Яковлевны, дѣвушкѣ прекрасной собою и нравственными качествами, которая стала на долгіе годы истиннымъ другомъ Гавриила Романовича.

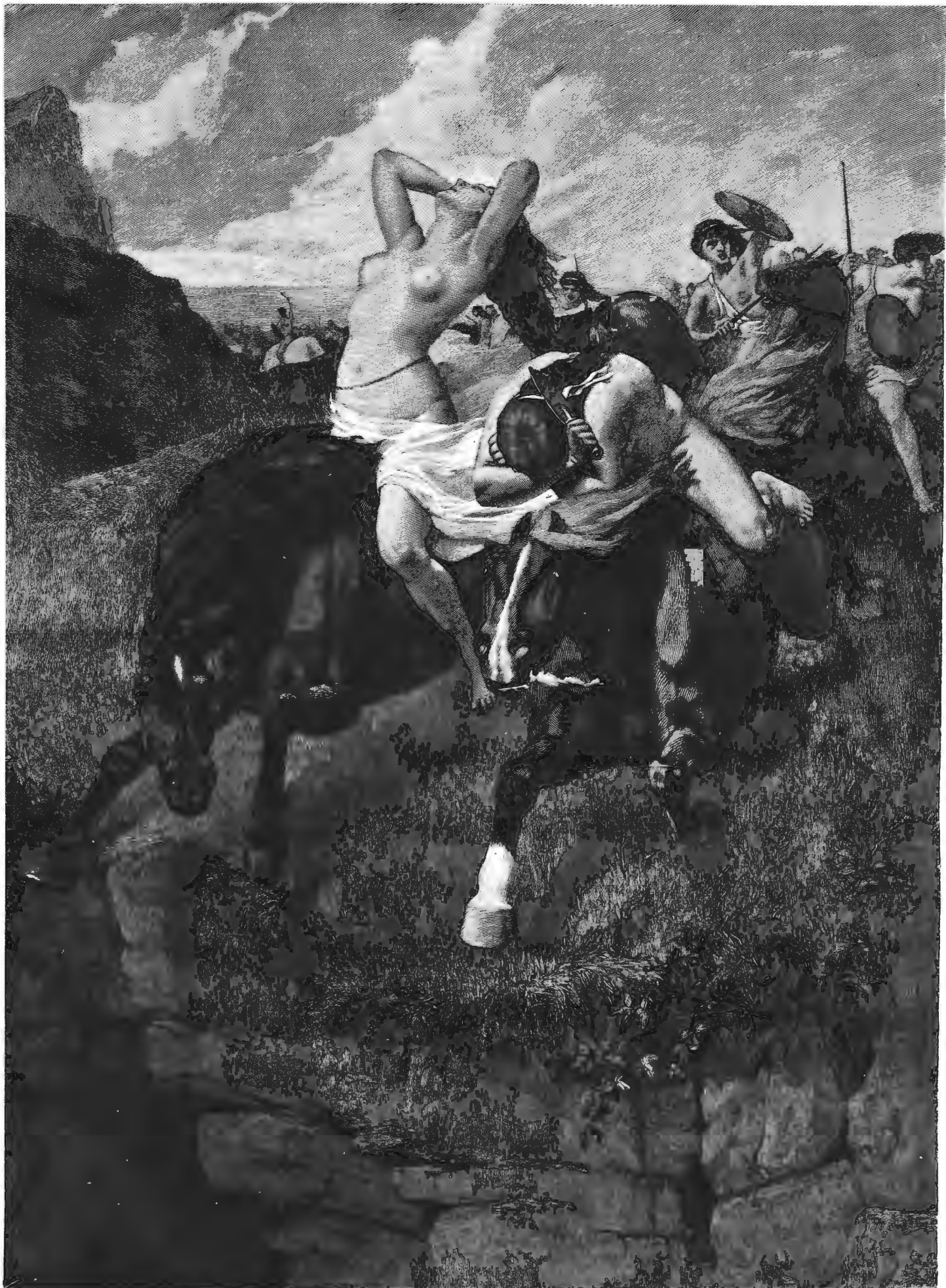
Литературная дѣятельность Державина, подъ вліяніемъ друзей-писателей, сообщавшихъ ему новыя взгляды на литературу, скоро стала принимать тотъ характеръ, который вывелъ его на путь къ славѣ. Онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ возникшаго тогда значительнаго журнала *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, и въ этомъ журналѣ начали появляться стихотворенія, которыя не могли не обратить вниманія на автора. Оды „На смерть князя Мещерскаго“, „Ключъ“, „На рожденіе порфиророднаго отрока“, „Къ первому сосѣду“, „Властителямъ и судьямъ“ были литературными явленіями, для того времени поразительными. И авторомъ заинтересовались; но заинтересовался небольшой кружокъ образованныхъ людей, такъ какъ *С.-Петербургскій Вѣстникъ* широкаго распространенія не имѣлъ, а авторъ къ тому же своего имени не подписывалъ. Въ это время, когда Державинъ сталъ выдвигаться въ качествѣ поэта, служебное положеніе его опять пошатнулось. Дѣло было въ томъ, что онъ слишкомъ настойчиво проводилъ свои взгляды и стремился къ справедливости, а князь Виземскій смѣшивалъ службу со своими интересами, любилъ, напримеръ, пѣкоторую неопредѣленность въ исчисленіи государственныхъ доходовъ, съ тѣмъ, чтобы поразить императрицу своею находчивостью въ случаѣ нужды ея въ деньгахъ, при кажущемся отсутствіи ихъ по отчетамъ, и Державинъ столк-

нулся съ нимъ особенно по поводу проекта смѣты доходовъ. Къ тому же Виземскій не любилъ, чтобы его подчиненные занимались литературой, и эпизодъ съ наградой Державина за „Фелицу“ еще болѣе усилилъ раздраженіе начальника противъ подчиненнаго. Въ концѣ концовъ, Державинъ долженъ былъ оставить службу при генералъ-прокурорѣ, а въ февралѣ 1784 года онъ былъ уволенъ въ отставку изъ сената.

Но въ это время въ судьбѣ Державина уже совершился полный переворотъ, подъ рѣшительнымъ вліяніемъ оды Фелицы. Написана она была уже въ 1782 году, но Державинъ даже не показывалъ ее никому. Изобразивъ въ Фелицѣ Екатерину въ основныхъ чертахъ ея величія, съ относительной скромностью и простотой ея жизни, Державинъ рисуетъ въ ней въ яркихъ краскахъ и въ добродушно шутиломъ тонѣ дворъ императрицы и жизнь вельможъ, исполненныхъ фантастической роскоши, барской прихоти и страсти къ наслажденіямъ, и естественно возникалъ вопросъ: захотятъ ли, вообще, великіе міра сего быть предметомъ шутки, потерять ли они „издѣвку“ надъ собою. Нескромностью пріятели (Козодавлева) ода, оригинальностью которой хранился въ бюро, распространилась по Петербургу и дошла до императрицы. Екатерина отнеслась къ ней совершенно особеннымъ образомъ: она увидѣла въ ней тогъ идеалъ, къ которому она искренно стремилась. Для современниковъ ода явилась *потулярнымъ* изображеніемъ императрицы, авторъ ея, — истолкователемъ идеала; никто еще не говорилъ о ней всепародно, съ такимъ одушевленіемъ и простотою. Будущность поэта была упоена, и Екатерина, подписывая указъ объ его отставкѣ отъ службы въ сенатѣ, поручила сказать Державину, что будетъ имѣть его въ виду, а еще раньше, прочитавъ оду, императрица прислала ему золотую, осыпанную брилліантами табакерку, въ которую вложены были 500 червонцевъ. Ода Фелицы подала поводъ княгинѣ Дашковой основать журналъ *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*, въ которомъ ода Державина и явилась въ печати впервые. Въ журналѣ этомъ, уже по близкому участію въ немъ императрицы получившемъ широкое по тому времени распространеніе, перепечатаны были изъ *Вѣстника* и прежнія оды Державина, и новыя, между которыми были „Благодарность Фелицѣ“, „Видѣніе мурзы“, „Рѣшительное“, наконецъ, и знаменитая величавая ода „Богъ“, и имя поэта сдѣлалось общезвѣстнымъ и знаменитымъ.

Было бы излишне здѣсь перечислять все написанное Державинимъ въ слѣдовавшій затѣмъ долгій періодъ его дѣятельности; произведенія его общезвѣстны. Служебная дѣятельность его той поры, напротивъ, не пользуется такой извѣстностью, и на ней стонѣтъ остановиться. Въ томъ же 1784 году, когда онъ вышелъ въ отставку, Державинъ получилъ назначеніе губернаторомъ въ Петрозаводскъ. Тамашинимъ намѣстникомъ былъ въ то время Тутольминъ, и Державинъ съ нимъ совершенно не поладилъ, будучи „горячъ и въ правдѣ чортъ“. Въ 1785 г. императрица перевела его губернаторомъ же въ Тамбовъ, подъ начальство намѣстника Гудовича. Державинъ оказалъ нѣсколько услугъ краю, основалъ театръ, открылъ первое народное училище, учредилъ типографію; много заботливости онъ обнаружилъ и, вообще, въ управленіи губерніи, отличался неутомимой дѣятельностью. Но и тутъ онъ не поладилъ ни съ кѣмъ, и кончилъ тѣмъ, что въ 1788 году былъ удаленъ по интригамъ отъ должности и отданъ даже подъ судъ. Судъ этотъ, подъ какимъ давленіемъ онъ ни находился, не нашелъ въ дѣйствіяхъ Державина ничего противозаконнаго; но несомѣнно было, что крутой и горячій нравъ увлекалъ поэта далѣе черты благоразумія; изъ-за одного неважнаго дѣла, въ которомъ была несправедливость, онъ готовъ былъ упустить болѣе важныя дѣла, идя на проломъ, не соглашаясь ни на какіе компромиссы. Императрица и вывела такое заключеніе. „Я ему (Державину) сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причинъ въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи“, — говорила она, по свидѣтельству Храповицкаго. Тѣмъ не менѣе Екатерина въ концѣ 1791 года сдѣлала Державина своимъ статсъ-секретаремъ. Но расположеніе ея поэтъ удержатъ не умѣлъ. Онъ явился къ императрицѣ съ цѣлыми кипами бумагъ и неизвѣнно настаивалъ на такомъ рѣшеніи дѣла, которое могло не согласоваться съ намѣреніями ея, обязанной нѣрѣдко согласоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ общими цѣлями управленія. Поэтъ въ горячности разъ схватилъ даже императрицу за платье, такъ что она пригласила третье лицо побыть при докладѣ. Наконецъ, онъ такъ паскучилъ ей, что она почетнымъ образомъ удалила его, назначивъ въ 1793 году сенаторомъ.

Къ непріятностямъ по службѣ присоединилась, нѣсколько времени спустя, тяжелая семейная утрата: 15-го іюля 1794 г. Державинъ лишился жены, такъ нѣжно любившей его и умѣвшей облегчать ему житейскія невзгоды. Поэтъ былъ бездѣтенъ и остался теперь совершенно одинокимъ, къ тому же неспособнымъ держать хоть въ какомъ-нибудь порядкѣ хозяйство. Этимъ обстоятельствами объясняется, почему черезъ полгода онъ вступилъ въ новый бракъ. Женился онъ на Дарьѣ Алексеевнѣ Дыловой, невѣсткѣ двухъ друзей его, Львова и Канниста, дѣвушкѣ, которую онъ давно зналъ, которую лю-

Парижскій Салонъ 1893 г. Отчаяніе амазонокъ. Съ карт. Люшиз, грав. Болд.

Шалуны. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б Томашевича, авторния Ангерера

была его первая жена, и во взаимности которой мог заранѣе быть увѣренъ; еще при жизни Екатерины Яковлевны она не скрывала своего расположения къ ея мужу. Такъ или иначе, но Державинъ пашель въ своей женѣ новаго друга, столь необходимаго для него.

Съ воцареніемъ Павла I, Державинъ получилъ назначеніе правителемъ канцеляріи Государственнаго Совѣта. Но представившись императору, онъ не сумѣлъ удержаться въ границахъ и „отосланъ къ прежнему мѣсту“ за „неприсгойный отвѣтъ“. Въ 1800 году Павелъ I назначилъ его президентомъ коммерцъ-коллегіи, и въ томъ же году государственнымъ казначеемъ. Наступило время преобразованій царствованія императора Александра, и съ учрежденіемъ министерствъ, Державинъ получилъ въ 1802 году высшій постъ, какого только могъ достигнуть. Онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Но и здѣсь, смѣло возражая, даже на своихъ докладахъ, онъ „сталъ приходить часъ отъ часу у императора въ остуду“, и не дальше, какъ въ 1803 году уволенъ отъ должности министра, причѣмъ государь замѣтилъ ему, что онъ „слишкомъ ревностно служить“.

Державинъ былъ уже старикъ; но въ самомъ серьезномъ смыслѣ онъ, дѣйствительно, „ревностно служилъ“, обнаруживал кипучую дѣятельность и отличался неуклонной прамотой и справедливостью, какъ понималъ ее. Эти свойства его чрезвычайно характерно выдаются, наиримѣръ, въ дѣятельности его въ Еврейскомъ комитетѣ. Назначеніе въ него Державина, который былъ и виновникомъ его учрежденія, испугало евреевъ. „Зная проникательность“ министра, они наложили на него по всемъ кагаламъ „херемъ“ или проклятіе, и, отправивъ въ Петербургъ миллионъ „на подарки“ по этому дѣлу, просили повѣреннаго своего всѣчески стараться о смѣщеніи его, а если это не удастся, то „извести его, на что дается срокъ до трехъ лѣтъ“. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о высокой неподкупности Державина, который, нужно замѣтить при этомъ, вѣчно нуждался въ деньгахъ.

Отставка не опечалила Державина. Удалившись въ новую свою деревню Званку (Новгородской губ.), онъ предался неутомимой литературной дѣятельности, начавъ писать трагедіи. Лирикъ по всему складу своего таланта, онъ вступилъ на ложный, несвойственный ему путь; но и эти произведенія его блещутъ прекрасными частностями. Тогда начинались новыя времена для литературы, и Карамзинская школа стояла въ прямой литературной враждѣ съ оживающимъ ложно-классическимъ направлениемъ, и основанному въ 1811 году представителями послѣдняго обществу „Бесѣды любителей русскаго слова“ противопоставили общество, подъ шуточнымъ названіемъ, „Арзамасъ“. Державинъ, естественно, былъ членомъ „Бесѣды“, но былъ настолько чутокъ, что не раздѣлялъ ея крайностей и съ уваженіемъ относился къ основателю новаго направленія Карамзину, и къ такимъ представителямъ „Арзамаса“, какъ Жуковский и другіе истинно талантливые люди. Извѣстно, что присутствуя на экзаменѣ Царскосельскаго лицей, онъ пораженъ и восхищенъ былъ „Воспоминаніями въ Царскомъ Селѣ“, прочтенными Пушкинымъ. „Мое время прошло“, говорилъ онъ по этому поводу С. Т. Аксакову: „теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славныя стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи ужъ ничего не остается желать. Скоро явится второй Державинъ—это Пушкинъ, который уже въ лицей перещеголялъ всѣхъ писателей“. Молодое литературное поколѣніе, съ своей стороны, съ глубокимъ уваженіемъ относилось къ даровитѣйшему представителю оживающаго направленія, — на него отряданіе ихъ не распространялось.

9-го іюля 1816 года Державина не стало. Онъ умеръ 73-хъ лѣтъ и 5 дней въ своей любимой Званкѣ и похороненъ въ Хутыньскомъ монастырѣ въ Новгородѣ. Въ Казани сооруженъ ему величественный памятникъ.

Три четверти вѣка, протекшіе со времени смерти Державина, — прекрасный пробный камень для славы поэта и жизненности его произведеній.

Исторія постепенно слагавшихся критическихъ возрѣній на Державина полна интереса и поученія. Пушкинъ, „утомленный предпринятымъ трудомъ“ сразу перечитать его всего, въ дружескомъ письмѣ произнесъ, было, о немъ жесткій приговоръ. „Этотъ чудакъ“, писалъ онъ, „не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вогъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣетъ понятія ни о слогахъ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣснть великое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы“. Но этотъ отзывъ, опубликованный только уже въ позднѣйшее время и оправдывающій сознаніе Пушкина, что въ дружескомъ обращеніи онъ передаетъ „рѣзкимъ и необдуманнмъ сужденіемъ“, выражаетъ лишь минутное настроеніе, высказанное въ интимной бесѣдѣ, и осуждаетъ исключительно вѣщную сторону поэзіи Державина, завѣшанную отъ недостаточнаго развитія языка въ то время, когда жилъ поэтъ. И въ томъ же письмѣ Пушкинъ указы-

ваетъ на такія свойства произведеній Державина, которые даютъ ему высокое мѣсто. „Что же въ немъ (въ Державинѣ)?“ спрашиваетъ Пушкинъ, и отвѣчаетъ: „мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника...“ И, вообще, Пушкинъ до конца жизни не переставалъ уважать талантъ и память знаменитаго лирика. „Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народнои не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ...“ Бѣлинскій въ подобномъ сужденіи становится уже на историческую точку зрѣнія. Признавая недостатки языка Державина съ чисто-эстетической стороны, онъ замѣчаетъ, что „если разсматривать его съ эмпирически исторической точки, то каждый стихъ его окажется чудомъ совершенства“. Державинъ, по его мнѣнію, при томъ „всегда могъ писать прекрасными стихами, ибо онъ по натурѣ своей былъ великій поэтъ“, и если не всегда дѣлалъ это, то потому, что „въ его время не были понятія о необходимости прекрасныхъ стиховъ, ни потребности въ нихъ“. И критикъ указываетъ на „многія истинно вдохновенныя мѣста“ въ произведеніяхъ Державина и на „превосходныя отдѣльныя стихотворенія“. По поводу появившагося въ печати замѣчанія, что будто бы „Державинъ дойдетъ къ потопству съ весьма легкою пошею“, Бѣлинскій отвѣтилъ: „не съ легкою пошею, а всеъ дойдетъ Державинъ до позднѣйшаго потопства, какъ явленіе великой поэтической силы, которая, по недостатку элементовъ въ обществѣ его времени, не опредѣлилась...“ И мнѣніе Бѣлинскаго долго было преобладающимъ и руководящимъ.

Съ конца 50-хъ годовъ, когда возникло „обличительное“ направленіе, во взглядахъ на Державина произошелъ переворотъ. Какъ нарочно, къ этому времени появились въ печати „Записки“ поэта, составленныя имъ въ Званкѣ, въ которыхъ онъ чистосердечно сознается въ своихъ слабостяхъ, и почти вся тогдашняя печать ополчилась на него. Всѣ, кто хотѣлъ тогдашняя печать ополчилась на него. Всѣ, кто хотѣлъ прослыть „передовымъ человѣкомъ“, бросали кстаги и нектаги грязью въ сверженнаго идола. Литературная „толпа“, какъ и всякая другая, говоря словами Бѣлинскаго, „узнавъ, что за великимъ человѣкомъ водились слабости, свойственныя малымъ людямъ“, обрадовалась. Но это настроеніе не могло быть продолжительно, и классическое послѣдованіе о сочиненіяхъ и жизни Державина, совершенное академикомъ Гротомъ, создало для славы Державина, какъ поэта и человѣка, и для благодарности ему потомства незыблемыя основанія.

Мы видѣли, какъ честно служилъ родинѣ Державинъ, въ качествѣ чиновника. Но на него навлекался упрекъ, что онъ льстия въ своихъ одахъ сильнымъ міра сего для достижения земныхъ благъ. Во всемъ мірѣ оды всегда имѣли характеръ выхваленія высокопоставленныхъ общественныхъ дѣятелей, но произведенія Державина являются даже противорѣчіемъ и этому представленію. Онъ былъ прежде всего искрененъ и честенъ и не льстия никому, какъ это показываетъ уже *ода Фелица*. До какой степени онъ не заслуживаетъ сказаннаго упрека, доказываетъ его отношеніи къ Потемкину, вліятельнѣйшему лицу Екатерининскаго царствованія; пока тотъ былъ живъ, лира поэта по отношенію къ нему была молчалива, а „Водопадъ“, воплотившій въ величественный и вѣщный образъ глубоко-поэтическое представленіе Державина объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, написанъ, когда Потемкина уже не было на свѣтѣ. Но что всего болѣе общаетъ прочно сти славы Державина, это, какъ говоритъ академикъ Гротъ, „тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремился выставить передъ своими согражданами“. Гоголь называлъ Державина „поэтомъ величія“, но величіе, воодушевлявшее поэта, неразрывно соединилось въ его представленіяхъ съ тѣмъ идеаломъ. И онъ справедливо могъ сказать про себя, что „истину царямъ съ улыбкой говорилъ“. Идеалъ Державина связывался съ представленіями міра высшаго, правды вѣчной; одушевленная ода его „Богъ“, не имѣющая равной во всей мировой литературѣ, „невольню поражаетъ“, по словамъ академика Грота, превосходствомъ ея передъ лучшими произведеніями другіхъ европейскихъ литературъ „со стороны быстроты движенія, высоты лиризма и поражающей картинности“ служить тому доказательствомъ и поясненіемъ. „Силою своего пламеннаго воображенія“, говоритъ академикъ Гротъ въ заключеніе своего труда: „своей здравой мысли и рѣзкаго слова Державинъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся передъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина. Несмотри ни на какія измѣненія времени, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы имъ начертанные сохраняютъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, бессмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ Русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія“.

А. Введенскій.

Приидите ко мнѣ!

Стихотвореніе Ад. Львовой.

Дни смятенія пришли: всюду скрежеть зубовъ,
Стоны, вопли, людскія проклятья,
И въ преступной враждѣ дѣти мучать отцовъ,
И на бой ополчаются братья.

Морь и голодъ кругомъ, и антихристъ царить,
Проповѣдья культъ разрушенія,
Онъ печатью тоски безнадежной клеймить
Всѣхъ, кто внемлетъ словамъ лжеученія.

«Приидите ко мнѣ,—обольщаетъ онъ мѣръ,—
Вы, несчастныя жертвы творенія,
Всякъ, кто голоденъ, нагъ, обездоленъ и сирь,
Кто измученъ тоскою сомнѣнія.

«Приидите ко мнѣ, всякъ, кто жаждетъ познать
Злую правду бытїа рокового,
Я повѣдаю вамъ, что не нужно страдать
Подъ ярмомъ произвола слѣпого.

«Жизнь,—безцѣльное зло! пресѣките на вѣкъ,
Корень жизни, ту страсть роковую,
Отъ которой на свѣтъ родился человекъ,
Чтобъ борьбу выносить вѣковую».

Такъ антихристъ гласить, обольщая людей,
Умножая кругомъ преступленія...
Скоро-ль будетъ конецъ?.. все темнѣй и темнѣй...
Звѣзды гаснуть... дождемся-ль спасенія!..

О, Мессія! гряди въ блескѣ яркой зари,
Въ лучезарной веснѣ обновленія!
Въ прахъ владычество смерти и ада сотри
Жизнерадостнымъ днемъ Воскресенія!

Страшный судъ сотвори надъ врагами любви,
И антихриста ввергни въ геену;
Смой съ земли навсегда пятна братской крови,
Что родили войну и измѣну.

И незблемый миръ водвори на землѣ,
Чтобъ, святымъ состраданьемъ согрѣта,
Возсіяла она, словно солнце во мглѣ,
Царствомъ Правды и вѣчнаго Свѣта!

О, Мессія, гряди! воскреси мертвецовъ
Торжествующей силою слова,
И живыхъ испѣли отъ мучительныхъ сновъ,
Отъ отчаянїя вѣка больного.

«Приидите ко Мнѣ,—мы услышимъ Твой зовъ,—
Ратью дружной сплотившись, народы!
Не на бой васъ зову противъ дикихъ враговъ,
Не на оргію буйной свободы!

«Не съ огнемъ и мечомъ ополчайтесь на зло,
Не со знаменемъ призрачной славы,
И лавровымъ вѣнкомъ не вѣнчайте чело
Проповѣдниковъ дикой расправы.

«Но сплотитесь дружнѣй, въ трудовую семью,
Разработайте ниву родную,
И обряцете вы въ обновленномъ раю,
Цѣну жизни и радость земную.

«Приидите ко Мнѣ! Я зову васъ на пиръ,
Гдѣ, какъ братья, всѣ примуть участие;
Въ мѣрѣ Божьемъ любовь воцарится и миръ,
И пойметъ человѣчество счастье!»

Новый законъ о ростовщичествѣ.

Немного, пожалуй, найдется законовъ, возбуждавшихъ съ теченіемъ времени въ государствѣ и обществѣ такіа діаметрально-противоположныя воззрѣнія, какъ законъ о ростовщичествѣ. Не говоря уже о Западной Европѣ, гдѣ, вообще, колебанія общественной мысли и рѣзче, и замѣтнѣе, но даже у насъ, въ Россіи, взглядъ на ростовщичество нѣсколько разъ мѣнялся: то государство становилось на сторону заемщиковъ, запрещая ростовщичество во всѣхъ его видахъ безусловно, то санкціонировало по отношенію къ нимъ самыя строгія и жестокиа мѣры принужденія, то, наконецъ, смотрѣло на взаимныя отношенія кредитора и должника совершенно равнодушно и индифферентно, предоставляя и того, и другого ихъ собственнымъ силамъ.

Было время, напр., когда, вообще, брать какіе бы то ни было проценты запрещалось безусловно. Такъ, въ древнѣйшемъ русскомъ памятникѣ иностраннаго происхожденія, въ такъ называемомъ *Судномъ Законѣ*, давать деньги въ ростъ не дозволялось. „*Аще даси нишу брату взаимъ*“, говоритъ этотъ законъ: „*не буди на нь нападая, ни за долги роста*“. Такое христіанское отношеніе къ заемщику, очевидно, установленное подъ влияніемъ Церкви, на самоѣ дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни не исполнялось. Повседневная жизнь со своею борьбою противоположныхъ интересовъ не могла уложиться въ строгія, высоко-нравственныя рамки христіанской догмы. Несомнѣнно сильнѣй такъ же обижалъ слабого, богатѣй—*нишго*, а проценты занимались уже слишкомъ высокіе, потому что *Русская Правда* узаконяетъ проценты, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они назначались при свидѣтеляхъ. Если же заимодавецъ не исполнялъ этого требованія, то судья говорилъ ему: *Привинюался еси, аже еси послуха не ставилъ*. Кромѣ того, къ условію гласности, законъ присоединяетъ еще и другое—ограниченіе мѣры процентовъ: онъ запрещаетъ брать *тысячные* проценты въ томъ случаѣ, если долгъ затянется на годъ, а требуетъ переводить ихъ на *годовые* и *третьи*.

Владиміръ Мономахъ, этотъ постоянный *радителъ* народа, идетъ еще далѣе: онъ прямо запрещаетъ *тысячные* проценты и допускаетъ брать только *третьи*, и то только 2 раза въ году, что въ общей сложности составляло около 10 кунъ на гривну, или, въ переводѣ на нашъ счетъ, около 20%. Столь великъ былъ тогда недостатокъ въ капиталѣ!

Эти законы, составляя основу русскаго законодательства о ростовщичествѣ, съ теченіемъ времени развивались, хотя и довольно медленно. Но подъ влияніемъ страшнѣйшей грубости

правовъ, развившейся вслѣдствіе татарскаго ига, были проведены въ жизнь столь жестокиа мѣры принужденія со стороны заимодавца, что мы въ настоящее время не можемъ понять, какъ люди могли выдерживать подобныя испытанія! За долгъ кредиторъ имѣлъ право въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выводить несчастнаго должника „на правесъ“, и если въ теченіе этого срока „*доправитъ*“ долга нельзя было, то заемщика выдавали заимодавцу головою „до искупа“. Подобный способъ насильственнаго, сопровождаемаго истязаніями, взысканія былъ, очевидно, заимствованъ у *баскаковъ*, которые за недомки выводили бѣдняка на площадь и сбѣли его передъ толпою до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь, сжалившись надъ своимъ собратомъ, не погасилъ его недомки. Такимъ образомъ, въ положеніе *баскаковъ* стали ростовщики!

Этотъ грубый обычай могъ господствовать только въ эпоху полного умственнаго застоя, который всѣ государства, а въ томъ числѣ и Россія, переживали въ опредѣленный возрастъ своего историческаго существованія. Когда мысль начала критически относиться къ явленіямъ, она не могла сохранить подобнаго учрежденія, одинаково противнаго, какъ съ церковной, такъ и обще-государственной точки зрѣнія. И вотъ, издается рядъ указовъ, которые смягчали прежніе суровые приемы взысканія. Мы не будемъ на нихъ останавливаться подробно, скажемъ только, что Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (X—255) еще разъ дѣлаетъ попытку совершенно запретить взиманіе роста, возставъ противъ него съ религіозной точки зрѣнія, что, конечно, оставалось мертвой буквой. Поэтому Сводъ Законовъ вновь узаконяетъ ростъ, дозволяя заимодавцу брать только 6%, которые называются узаконенными; взиманіе же процентовъ въ количествѣ выше этой нормы именуется *лихвою*, за которую ростовщикъ несетъ покамѣстъ отвѣтственность только матеріальную, а именно подвергается лишенію всего своего капитала въ пользу *Приказа Общественнаго Прізорнїя*. Но, во всей вѣроятности, такое наказаніе плохо обезпечивало положеніе заемщика, потому что законъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи прибѣгнулъ еще къ личной отвѣтственности ростовщиковъ. Такъ, Сводъ Законовъ изданія 1857 г. подвергаетъ за лихву въ первый разъ взысканію втрое противъ взятыхъ процентовъ, во второй разъ—аресту отъ 3-хъ недѣль—до 3-хъ мѣсяцевъ, а во третій—тюрьмѣ отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, и, кромѣ того, по полиціи было сдѣлано приказаніе—ростовщиковъ строжайше преслѣдовать и отсылать къ суду уголовному.

Затѣмъ, подъ вліяніемъ экономической школы, доказывающей, что лучшимъ регуляторомъ человѣческихъ отношеній есть спросъ и предложеніе, что шикакія государственныя мѣропріятія не въ состояніи обойти, избѣгать этого желѣзнаго закона, правительство отдало заемщика въ полную власть законодавцу. Опытъ показалъ, до чего привело подобное пидифференціе отношеніе правительства къ промыслу ростовщиковъ. Оказалось, что они при заключеніи своихъ сдѣлокъ руководствовались не столько спросомъ и предложениемъ, сколько стѣсненнымъ положеніемъ своихъ жертвъ, а въ деревняхъ безграничный произволъ этихъ общественныхъ пиявокъ привелъ къ полнѣйшему закрѣпощенію сельскаго населенія. Бывали случаи, что такіе деревенскіе кулаки наживали капиталы въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, сумѣвъ систематически разорить тысячи крестьянскихъ семействъ.

И вотъ, Высочайше утвержденное 24-го мая мѣсяца Государственного Совѣта наложено узду на ростовщиковъ. Новый законъ различаетъ ростовщичество сельское и городское. Подъ первымъ видомъ оны понимаются: суду въ видѣ промысла сельскимъ обывателямъ хлѣба, другихъ припасовъ или же денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга вполнѣ или частью хлѣбомъ, припасами или работою, если для совершения такой сдѣлки на чрезвычайно обременительныхъ, не соответствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условіяхъ, виновный воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика. Другой видъ ростовщичества законъ видитъ — въ ссудѣ капитала за чрезмѣрный ростъ или подъ обезпеченіе чрезмѣрной неустойки: 1) если заемщикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами, извѣстными законодавцу, принять условія ссуды,

крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ, или 2) если кто, занимаясь ссудами, скрылъ чрезмѣрность роста какимъ-либо способомъ, какъ-то: включеніемъ роста въ капиталную сумму, въ видѣ платы за храненіе, или неустойки. Такимъ образомъ, для того, чтобы признать сдѣлку ростовщическою, необходимы 2 условія: во 1) завѣдомая притѣснительность и разорительность для должника заключенной сдѣлки, и во 2) чрезмѣрность процентовъ, при чемъ ростъ, не превышающій 12%, не считается чрезмѣрнымъ. Ростовщическая сдѣлка признается недействительною, при чемъ виновный подвергается наказанію за сельское: — въ 1-й разъ, аресту до 3-хъ мѣсяцевъ, а во 2-й — тюремному заключенію отъ 1 до 6 мѣсяцевъ, а за городское — тюрьмѣ отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ и кромѣ того, по усмотрѣнію судьи, денежному взысканію до 300 руб. Капиталъ, отданный въ ростъ, не пропаладетъ, но ростовщикъ можетъ получить его обратно за вычетомъ полученныхъ платежей. Такому же наказанію подвергается и тотъ, кто пріобрѣтетъ и предъявитъ ко взысканію обязательство, завѣдомо для него ростовщическое, или получить по оному ростовщическій платежъ.

Устанавливая новый законъ, государственная власть, вѣроятно, и не рассчитываетъ окончательно искоренить ростовщичество. Вызванное къ жизни условіями нашего экономического строя, оно несомнѣнно будетъ существовать до тѣхъ поръ, покажутся не измѣнятся условія нашего хозяйственнаго быта. Но законъ, видимо, хочетъ наложить узду уже слишкомъ безперемонной аячности ростовщиковъ. Дай Богъ, усилѣха такому истинно благу намѣренію. Его нельзя не приветствовать отъ всей души.

Къ рисункамъ.

Умница. (Рис. на стр. 617).

У нашей шалуны новая игрушка: маленькая, мохнатенькая собачка, съ которой она забавляется день-деньской, то нарижая въ куклыны платья, то укачивая, какъ ребенка, то попросту дразня и забавляясь, какъ разсерженный звѣрекъ ворчить или пронзительно тавкаетъ. И въ минуты покоя она не покидаетъ своего новаго друга и, уставъ отъ шалостей, присядетъ на минутку умницей и бережно окутаетъ и обниметъ вилаго звѣрька, который, точно понималъ, что надо дать отдохнуть своей маленькой хозяйкѣ, смирихонько лежить у нея на колѣняхъ.

Походъ противъ Стеньки Разина. (Рис. на стр. 620).

Помѣщаемый на стр. 620 рисунокъ Рябушкина изображаетъ привалъ стрѣльцовъ во время похода ихъ противъ извѣстнаго разбойника XVII вѣка Стеньки Разина, бушевавшаго въ свое время на широкомъ просторѣ матушки Волги. Вся особенность рисунка Рябушкина заключается, главнымъ образомъ, въ удивительно счастливой передачѣ этого простора и шири, которые художникъ нашъ схватилъ, видимо, съ натуры, обставивъ эту натуру интересною историческою сценой.

Разбойникъ Стенька Разинъ былъ уроженецъ города Черкасска. Честолюбивый по природѣ, оны желалъ въ то бы то и стало сдѣлаться войсковымъ атаманомъ, но, потерпѣвъ въ этомъ неудачу, собралъ себѣ шайку и пошелъ на разбойничій промыселъ. Перейдя въ 1667 году Волгу, оны укрѣпились въ Камышевкѣ, усилился здѣсь, пошелъ на устье Яика, разбилъ высланный противъ него стрѣлецкій отрядъ Сѣверина и овладѣлъ Гурьевымъ. Разбой и грабежи Разина не ограничивались одною Русскою землею, оны безпокоилъ и персидскія владѣнія, такъ что персы выслали противъ него войско. Шахъ сталъ жаловаться Московскому царю. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ астраханскому воеводѣ раздѣлаться съ разбойникомъ. Разинъ былъ окруженъ, но получилъ помилованіе съ тѣмъ, что удалится на Донъ, прекратить грабежи и заладить свои вины усердною службою. Разинъ, однако, не могъ совладать съ собою. Въ 1670 году оны снова собралъ шайку разбойниковъ, напалъ на Черкасскъ, двинулся на Каму и Куму, разорилъ Тарки, и послѣ цѣлаго ряда грабежей и опустошеній сталъ подѣ самую Астраханью, которую и овладѣлъ, склонивъ подкупномъ стрѣльцовъ астраханскаго войска. Городъ былъ разграбленъ. Дворяне и богатые купцы казнены.

Затѣмъ Разинъ овладѣлъ Саратовомъ и Самарою и собрался идти на Москву, распустивъ молву, что идетъ туда для защиты царя отъ дворянъ и бояръ и везетъ съ собою царевича Алексѣя Алексѣевича (умершаго въ 1669 г.). Народъ заволновался. Восстаніе охватило все пространство отъ Астрахани до Нижняго-Новгорода. Положеніе становилось серьезно. Противъ Разина были высланы полки, и 3-го октября 1670 г. околичной Милославскій разбилъ его подъ Симбирскомъ. Разинъ бѣжалъ въ Самару. Поймать его удалось, однако, только на слѣдующій годъ, когда 24-го апрѣля атаманъ Яковлевъ при Кагальницкомъ городкѣ разбилъ его, захватилъ и отправилъ плѣнникомъ въ Москву. Тутъ Стенька Разинъ былъ колесованъ 6-го іюня 1671 г.

За устройствомъ гнѣздышка. (Рис. на стр. 621).

Веселыя птички, устраивающія себѣ гнѣздышко, изображены на рисункѣ Ф. Шехта, — скворцы, про которыхъ русскій народъ говоритъ: — „даромъ скворецъ только поетъ, да и ему скворешницу поставь“. На волѣ оны, обыкновенно, устраиваютъ себѣ гнѣздо въ дуплистомъ отверстіи ствола. Туда скворцы приносятъ сперва солому или стебельки травы, поверхъ которыхъ накладываются перья гусей, куръ и другія, а то сѣно или мохъ. Въ концѣ апрѣля въ такомъ гнѣздѣ самочка сидитъ уже на 5 или 6 шершавыхъ, блестящихъ яйцахъ голубого цвѣта. Когда появятся молодые птенцы, то родители не мало съ ними возятся, пока молодежь не научится летать, послѣ чего скворцы вторично выводятъ птенцовъ и, вырастивъ ихъ, до глубокой осени живутъ въ окрестностяхъ гнѣзда цѣлыми стаями.

Отчаяніе амазонокъ. (Рис. на стр. 628).

Французскій художникъ Эваристъ Люминэ болѣе сорока лѣтъ извѣстенъ, какъ талантливый изобразитель историческихъ сценъ, всегда оживленныхъ, полныхъ движенія и энергіи, хотя не всегда безупречныхъ по рисунку. Уроженецъ Нанта (1821), оны изучалъ живопись подъ руководствомъ Тройона и Ковье. Первые его картины были посвящены народной жизни въ Бретани, къ которой оны затѣмъ неоднократно возвращался въ своихъ работахъ. Въ нынѣшнемъ году 71-лѣтній художникъ выставилъ полотно, обращающее на себя вниманіе среди тысячъ картинъ Парижскаго Салона. На немъ изображено бѣгство съ поля сраженія амазонокъ, этихъ скачущихъ женщинъ-воительницъ, населявшихъ берега Термодона въ Понти и извѣстныхъ по сказаніямъ о Беллерофонѣ, Геркулесѣ и Тезей, а также и по „Иліадѣ“, гдѣ разсказывается, какъ парца амазонокъ Пенгезилея со своимъ войскомъ оказала помощь троянцамъ и погибла отъ руки Ахиллеса. Амазонки въ сраженіи бывали обыкновенно храбрѣе и предприимчивѣе мужчинъ, нападали на нихъ, и, въ случаѣ побѣды, гнали за побѣжденными, захватывали ихъ въ плѣнъ и потомъ, въ плѣну, обращались съ ними, какъ съ рабами, заставляя исполнять всѣ черныя работы. Но если случалось такъ, что счастье оставило ихъ, и побѣда оказывалась на сторонѣ враговъ, — оны никогда не сдавались живыми и тутъ же на полѣ сраженія находили себѣ гибель или неминуемую смерть. Иногда оны старались спастись бѣгствомъ, но если погоня наступала ихъ — оны съ маху бросались въ пропасть съ какого-нибудь обрыва или въ рѣку, часто увлекая за собой и тѣхъ, которые гнали за ними. Минута этого страшнаго, отчаяннаго нападенія и изображена на картинѣ Люминэ.

Шалуны. (Рис. на стр. 629).

У царства пернатыхъ не мало враговъ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ человекъ. Добро еще, если оны истребляютъ птицъ, вредныхъ или идущихъ въ пищу, но часто убиваетъ беззащитныхъ летуній изъ-за красиваго оперенія, идущаго на украшенія модницамъ, а то и безъ всякой цѣли и причины. Особенно возмутительно, когда отыскиваютъ гнѣзда, разбиваютъ въ немъ яйца или убиваютъ только что оперившихся птенцовъ. Если кому встрѣтятся подобныя шалуны, тогъ сдѣлаетъ не малое доброе дѣло, если вразумитъ ихъ, указывая на всю безсердечность и безцѣльность ихъ поступковъ.

Генераль-отъ-инфантеріи М. Ѳ. Петрушевскій.

(Портр. на этой стр.).

Во время гибели 18-го июня сего года на Волгѣ парохода „Альфонсъ Зевекъ“ погибъ находившійся въ числѣ пассажировъ генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Ѳомичъ Петрушевскій—одинъ изъ извѣстныхъ боевыхъ генераловъ нашей арміи.

Воспитанный въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, М. Ѳ. началъ свою службу на 19-мъ году отъ роду въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку въ 1850 году. Въ 1858 г. онъ поступилъ въ число слушателей Академіи Генеральнаго Штаба, въ которой окончилъ курсъ въ 1860 г. и былъ назначенъ на службу въ Оренбургскій военный округъ. Здѣсь въ 1863 г., за боевые отличія, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Последняя турецкая кампанія застала покойнаго въ должности командира бригады 14-й пѣхотной дивизіи. Онъ былъ причисленъ къ главной квартирѣ и вскоре получилъ 14-ю пѣхотную дивизію. Принимая видное участіе въ войнѣ, М. Ѳ. послѣдовательно заслужилъ Св. Георгія 4-й и 3-й степени, чинъ генераль-лейтенанта, Св. Анны 1-й степени съ мечами и брильянтовое оружіе. Покойный оставался начальникомъ 14-й пѣхотной дивизіи до 1882 года, когда и былъ назначенъ командиромъ 4-го армейскаго корпуса, которымъ командовалъ девять лѣтъ сряду. Въ 1891 г. М. Ѳ. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи съ назначеніемъ состоять при Военномъ Министерствѣ.

Подробности гибели генерала на объятomъ пламенемъ пароходѣ очевидцы передаютъ слѣдующимъ образомъ:—Услышавъ о пожарѣ, М. Ѳ., прежде чѣмъ подумать о собственномъ спасеніи, вспомнилъ о своемъ деньщикѣ, находившемся на кормовой части парохода, и пошелъ туда, чтобы предупредить его объ опасности. Въ это время сообщеніе съ носовою частью было прервано пламенемъ, охватившимъ пароходъ. Пришлось спасаться съ кормы, гдѣ опасность для соскакивавшихъ съ палубы увеличивалась тѣмъ, что винты, остановивъ которые не успѣли, продолжали работать, производя волненіе и затрудняя этимъ плаваніе кинувшимся въ воду. Генераль Петрушевскій выскочилъ съ деньщикомъ бросился, по несчастью, почти у самого винта. Сперва онъ пылалъ, поддерживаемый деньщикомъ, но затѣмъ послѣдній ослабѣлъ. На помощь генералу подошелъ одинъ изъ мужиковъ, подававшихъ помощь погибшимъ. Успѣли, однако, которые пришлось дѣлать въ борьбѣ съ теченіемъ и волнами, оказались не подъ силу шестидесятидвулѣтнему Петрушевскому и были причиной поразившаго его апоплексическаго удара, отъ котораго онъ и скончался. Последнее время покойный страдалъ болѣзнью печени и ожиреніемъ сердца, что, поистинѣ, главнымъ образомъ и повліяло на его преждевременную и оплакиваемую всеми знавшими его кончину.

Политическое обозрѣніе.

24 июня Великобританія привѣтствуетъ новобрачныхъ герцога Йоркскаго и принцессу Марію. На бракосочетаніи въ числѣ высокихъ гостей присутствуетъ и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Его Высочество прибылъ въ Англію 18 июня. Прибытіе Наслѣдника Русскаго Престола сопровождалось радушною встрѣчей на станціи Чарингъ-

Генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Ѳомичъ Петрушевскій († 18 июня 1893 г.). Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Кроссъ приищемъ Уэльскимъ, бывшимъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, принцессою Уэльскою съ дочерью, герцогиней Эдинбургскимъ, который былъ въ русскомъ адмиральскомъ мундирѣ, и прочими принцами. На платформѣ выстроенъ былъ почетный караулъ отъ шотландской гвардіи, а передъ вокзаломъ стояла конная лейбъ-гвардія. Дальнѣйшее пребываніе Его Высочества и другихъ высокихъ гостей, въ томъ числѣ короли и королевы Датскихъ, великихъ герцоговъ Гессенскаго и Мекленбургъ-Стрелицкаго, герцога Эрнеста Саксенъ-Кобургскаго, принца Альберта Бельгійскаго и другихъ, ознаменовалось рядомъ почестей и торжествъ. *Daily News*, сообщая о прибытіи гостей на бракосочетаніе внука королевы, отмѣчаетъ, что Цесаревичъ является представителемъ Государя, который ни разу къ Англіи недружелюбно не проявлялъ и который неоднократно оказывалъ человечеству великія услуги своими усиліями, направленными къ сохраненію общаго мира.

Германскій рейхстагъ открытъ, 22 июня, императоромъ слѣдующею тронною рѣчью: „Со времени отклоненія военнаго законопроекта никакихъ перемѣнъ въ положеніи Европы не произошло. Отношенія имперіи къ иностраннымъ государствамъ продолжаютъ непрежнему, къ великому моему удовольствію, вполнѣ дружественныя, ничѣмъ не омрачаемыя. При всемъ томъ соотношеніе военной силы Германіи къ военнымъ силамъ нашихъ союзей оказалось еще неблагопріятнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, вслѣдствіе чего дальнѣйшее развитіе нашей рати становится, въ виду успѣховъ въ этой области за границую, неизбежно необходимымъ. Во исполненіе возложенныхъ на меня конституціею обязанностей, я считаю неперемѣннымъ долгомъ содѣйствовать всеми средствами достаточной и дѣйствительной оборонѣ отечественной земли. Новый законопроектъ понижающій требованія, обращенныя къ личнымъ и платежнымъ силамъ страны. Скорѣйшее обсужденіе необходимо, дабы въ нынѣшнемъ году принявъ поворачивъ могъ состояться уже на новыхъ основаніяхъ. Вопросъ о покрытіи расходовъ служить предметомъ неустанныхъ соображеній; до истеченія текущаго финансоваго года придется прибѣгнуть, вѣроятно, къ матрикулярнымъ взносамъ“. Императоръ окончилъ прочитанную имъ тронную рѣчь, которая, къ концу ея, была дважды прервана возгласами одобренія, слѣдующей импровизаціей: „Богъ съ вами, милостивые государи,—да нищоно пошлетъ вамъ Господь Свое благословеніе для совершенія почетнаго дѣла, направленаго къ благу нашего отечества! Аминь“. Слова эти произвели на собраніе глубокое впечатлѣніе. На другой день въ Бѣлой залѣ, при закрытіи сессіи прусскаго ландтага, король Пруссій прочелъ рѣчь, въ которой перечислялъ прежде всего многочисленныя законодательныя мѣры, принятыя въ истекшемъ пятилѣтіи, при чемъ особенно выставилъ на видъ преобразование налоговъ. Затѣмъ, король констатировалъ, что результаты исполненія прошлогодней росписи превзошли ожиданія, и выразилъ надежду, что и въ нынѣшнемъ году дѣйствительный дефицитъ будетъ ниже смѣтныхъ предположеній. Въ заключеніе, въ тронной рѣчи выражается надежда на сохраненіе патристическаго духа и на укрѣпленіе мирныхъ чувствъ въ королевствѣ.

Англійская палата общинъ, большинствомъ 299 голосовъ противъ 267, приняла предложеніе Гладстона объ ускореніи преній по ирландскому биллю.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми изволили прибыть 17-го июня въ Бонафіордъ у мальхъ Пеленгофъ; 20-го — въ Корпо, въ абоскихъ шхерахъ; 22-го — въ Ферезундъ на Аландскихъ островахъ.

— 13-го июня, при огромномъ стеченіи народа, въ Тифлисѣ состоялась закладка второго миссіонерскаго храма во имя Казанской Божіей Матери, воздвигаемаго вмѣсто построенной и освященной, 2-го ноября 1892 года, временной миссіонерской церкви.

— 21-го июня, въ четвертомъ часу дня,

на квартиру оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, живущаго на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, въ одномъ изъ дворцовыхъ домовъ, пришелъ неизвѣстный чловекъ, скромно одѣтый, болѣзненнаго вида, на костыляхъ, и требовалъ непремѣнно видѣть оберъ-прокурора по экстренному дѣлу. Какъ только К. П. Побѣдоносцевъ вышелъ къ нему и спросилъ, что ему угодно, неизвѣстный ментально выхватилъ изъ кармана складной ножъ и замахнулся, но, къ счастью, стоявшій у дверей вышедшій лакей, увидавъ это движеніе, быстро схватилъ неизвѣстнаго за руки. Покушавшійся на преступленіе содер-

жится теперь въ полицейскомъ домѣ въ Царскомъ Селѣ; онъ еще молодой чловекъ, 25 лѣтъ, по фамиліи Гацинтовъ, воспитывался въ духовной семинаріи и вышелъ изъ 5-го класса. Производителемъ слѣдствія.

— 18-го июня, въ 4 часа пополудни, вышедшій изъ Рыбинска пассажирскій пароходъ „Альфонсъ Зевекъ“, не доходя 12 верстъ до Романова, погибъ отъ загорѣвшагося хлоска, которымъ былъ нагруженъ.

— Въ текущемъ году коренная ярмарка въ Курскѣ оказалась не особенно удачною. Общая сумма привоза товаровъ (включая стоимость лошадей и коровъ) простиралась

до 489.375 руб., а продано на 391.300 руб. В прошлом, 1892 году привоз составлял 552.505 рублей, а продано было на 390.300 рублей.

— Состояние свекловичных плантаций, по

сведѣніямъ, доставленнымъ къ 1-му іюня, представляется въ слѣдующемъ видѣ: — Общая площадь первоначальныхъ посѣвовъ составляла 312.174 дес., истреблено и не будетъ пересѣяно 3.001 дес., пересѣяно 27.749

дес., въ хорошемъ состояніи 248.715 дес. свекловичныхъ плантаций и въ неудовлетворительномъ 60.458 дес. Общее увеличение первоначальнаго посѣва, противъ прошлаго года, опредѣляется въ 32.255 десятинъ.

Научныя и техничeskія новости.

— Многочисленными наблюденіями, сдѣланными въ последнее время врачами, удостоено, что продолжительные приемы внутрь бромистаго калия или другихъ бромистыхъ препаратовъ вызываютъ появленіе на тѣлѣ особой, такъ-называемой *бромистой сыпи* въ видѣ прыщей и пр. и выпаденіе волосъ (образованіе лысень). Явленія эти исчезаютъ послѣ прекращенія лѣченія бромомъ.

— Найденъ новый *суррогатъ хлеба* въ веществѣ оболочекъ растительныхъ клѣтокъ, — *въ целлюлозѣ*. Вещество это переваривается до нѣкоторой степени въ желудкѣ жвачныхъ животныхъ, но органами питанія человека совершенно не усваивается, такъ какъ не

можетъ быть ими разложено на простѣйшія составныя части — углеводороды и сахаръ. Теперь найденъ способъ превращать целлюлозу въ вещество, способное къ усвоенію человѣческимъ организмомъ. Это важное открытіе, благодаря которому существующія въ природѣ громадныя количества целлюлозы становятся годными въ пищу человѣку, сдѣлано въ химической лабораторіи города Темешвара въ Венгріи. Въ настоящее время приготовленные тамъ препараты переданы для изслѣдованія ихъ питательности гейдельбергскому профессору Мейеру.

— Прусская бумага, пропитанная салициловой кислотой, употребляется теперь, какъ

лучшее средство противъ *ножного пота*. Полоски такой бумаги вкладываются между пальцами голой ноги, а вся ступня оборачивается цѣлымъ кускомъ бумаги. Последняя всасываетъ въ себя весь потъ и уничтожаетъ совершенно всякій дурной запахъ. Салициловая бумага пушена въ продажу монхенской фирмой А. Ульрихъ и К^о. Можно также посыпать ноги (и между пальцами) на ночь порошкомъ, составленнымъ изъ 90 частей талька, 7 ч. салициловой кислоты и 3 ч. крахмала.

— Изъ сплава *алюминія* съ титаномъ дѣлаютъ теперь въ Америкѣ *подковы*, которая сохраняются дольше, чѣмъ желѣзныя.

С М Ъ С Ъ.

Анекдотъ изъ жизни на Шипкѣ, рассказанный М. Ө. Петрушевскимъ. Изъ устъ почившаго героя Шипки мѣлъ случилось, однажды, слышать слѣдующій разсказъ:

„Въ одинъ изъ самыхъ несчастныхъ и холодныхъ зимнихъ дней, когда на наши укрѣпленія безпрерывно валилъ то снѣгъ хлопьями, то наносило мелкій холодный дождь, который насквозь пронизывалъ сыростью, я вышелъ вечеромъ изъ своей палатки и, закутавшись въ шинель, пошелъ по нашей линіи, чтобы лично провѣрить посты. Ноги мои то скользили, то вязли въ жидкой грязи; снѣгъ надалъ и таялъ; а палатки были покрыты ледяною корой, верхнее платье обращало въ какую-то жесткую кожу и топорщилось во всѣ стороны... Невольно приходилось подумать о томъ, что должны были выносить въ такую ночь наши солдатики, разставленные на отдѣльныхъ постахъ и въ секреткахъ... Иду, и прохожу мимо одной палатки, гдѣ у трехъ какихъ-то головешекъ грѣются солдаты. Слышу въ палаткѣ смѣхъ и говоръ, и приостановился, чтобы послушать.

„У-ухъ! Озябъ—смерть какъ! говорилъ, пожимаясь и стуча зубами, солдатъ, только что смѣившійся съ часовъ, присаживаясь къ огоньку. — Погода, братцы мои—чистая смерть!

„— Э-эхъ, ты! подхватило вдругъ нѣсколько свѣжихъ и веселыхъ голосовъ.—Раскисъ!.. А ты бы, братъ, подумалъ—туркъ-то, туркъ-то теперича каково! Ха-ха-ха!

„И громкій раскатистый смѣхъ покрылъ градъ шутокъ, посыпавшихся на озябшаго солдатика.

„Признаюсь, у меня на душѣ даже повеселѣло: съ такими молодцами и жить, и умирать пріятно!“ П. П.

По вопросу объ объединеніи времени достигнута слѣдующіе важные результаты:—Вся Европа раздѣлена на 3 пояса, и въ каж-

домъ изъ нихъ установленъ одинаковый счетъ часовъ, сообразно съ временемъ одного изъ пунктовъ. Въ западномъ поясѣ находятся государства: Великобританія, Голландія и Бельгія; здѣсь часы поставлены по времени Гринвича (англійской обсерваторіи близъ Лондона). Центральный поясъ состоитъ изъ Швеціи, Германіи, Австро-Венгріи, Босніи, Сербіи и Македоніи; къ нему присоединились также Швейцарія, Италия и Данія. Съ 1-го апрѣля этого года во всѣхъ этихъ странахъ время будетъ всюду одинаковое, а именно на часъ впереди отъ времени Гринвича. Наконецъ, Восточная Европа, т. е., Россія, Румынія, Болгарія и Румелия до Константинополя, составляетъ третій поясъ, гдѣ официальное (гражданское), желѣзнодорожное и научное время должно быть всюду и всегда на 2 часа впереди Гринвичскаго. Только Франція не желаетъ еще отказаться ради своего національнаго самолюбія отъ своего Парижскаго времени, обязательнаго для всѣхъ ея гражданъ въ судѣ и администраціи, и Руанскаго, принятаго на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ Франціи.

ШАХМАТЫ.

Рѣшенія задачъ № 12 „Нивы“ за 1893 годъ.

Задача № 7. Н. v. Gottschall (Halle) матъ въ 3 хода.

1. e2—e4, Кр. : d4; 2. Ф. g5, e5; 3. Ф. g1♠.

1. . . ., Кр. b6 или e6; 2. Ф. d8 (+), ♞; 3. Л. ♠.

1. . . ., e5; 2. Ф. d8, ♞; 3. Ф. ♠.

Рѣшилъ: И. С. Гудинцевій (Тирасполь); С. П. Соколовъ (Калуга).

Задача № 8. (Шахматъ).

1. c5—d6, 2. e3—d4; 3. c3—b4; 4. b2 : h8 D. и выигрываютъ.

Рѣшилъ крошкѣ вышеазванныхъ: М. Ө. Курочкинъ, С. Покровский (Москва); Н. Николаевъ (Тверь); М. и Н. Ключины (Торжокъ); Н. И. Кузнецовъ (Ромни); А. Ф. Заборовскій (Кіевъ); С. Поляновъ (Болари).

СОДЕРЖАНІЕ: Сильный человекъ. Романъ Н. Орловскаго. (Продолженіе).—Гаврииль Романовичъ Державинъ (съ портр.).—Придите ко мнѣ! Стихотвореніе Ад. Львовой.—Новый законъ о ростовщичествѣ.—Къ рисункамъ: Уница (съ рис.).—Походъ противъ Стенки Разина (съ рис.).—За устройствомъ гнѣздышца (съ рис.).—Отчаяніе амазонокъ (съ рис.).—Шалуны (съ рис.).—Генераль-отъ-инфантеріи М. Ө. Петрушевскій (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Научныя и техничeskія новости.—Смѣсь.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіи.

При этомъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ІЮЛЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1893 г. съ 36 рис. и отдѣльный листъ съ 29 чертж. выкроекъ въ натур. величину и 37 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волонскій.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

**АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ
ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ
ДЕРЕВА
составленный**

Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.

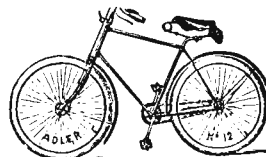
ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисун. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

ЗАЙКАНИЕ
ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ.
Прослѣть безвозмездно.

СПБ., Симеоновскал, 5. Учебникъ 3 руб.

ВАЖНО ДЛЯ ШКОЛЬ.

Книги учебныя и другія, одобр. Уч. Ком. Св. Синода и Минист. Нар. Просвѣщ., продаются по удешевленнымъ цѣнамъ. Каталогъ высылается **бесплатно**. Всѣ книги и ноты, съмѣ бы то ни было изданныя, высылаются немедленно и аккуратно. Книжный и музыкальный магазинъ Н. К. Селверстова, СПб., Садовая, д. 22. № 6433

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—13

велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ. —Требовать подписей изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанную краснымъ цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ.
№ 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—5

Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 24, avenue Victoria, Парижъ.

**ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО**

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Ш. № 6149 28—2

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО № 5930 (10)
 ПА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
 Носетина А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты лица. Цена 50 коп. Остерегаться подделокъ. Требовать подписи А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торгавлахъ Россійской Имперіи.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
 ТИРСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, МОСКОВСКИЙ
Л. ФОРШТРЕМЪ
 ЕЖЕДНЕВНО СБЪЖИИ.

ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНІЯ!

На многіе поступающіе къ намъ запросы относительно терапевтическаго значенія известнаго въ медицинѣ съ 1601 г., нами разсылаемаго,

Oberbrunnen

ГЛАВНАГО ИСТОЧНИКА
ЗАЛЬЦБРУННА

въ сравненіи съ минеральною водою тамъ же протекающаго источника „Kronenquelle“, часто смѣшиваемой съ нашимъ источникомъ, — мы считаемъ наилучшимъ отвѣтомъ помѣщеніе ниже **СРАВНИТЕЛЬНОГО СОПОСТАВЛЕНІЯ** важнѣйшаго состава частей обонхъ источниковъ по анализамъ профессоровъ: **FRESENIUS** и **POLECK**.

1.000 частей содержатъ (въ безводномъ видѣ):	Двууглекислаго натра.	Двууглекислой литины.	Двууглекислой магнезій.	Сѣрнокислаго натра.
OBERBRUNNEN	2,152	0,013	0,474	0,459
Kronenquelle	0,779	0,009	0,354	0,180

Главнѣйшія составныя части въ обонхъ источникахъ — двууглекислый и сѣрнокислый натръ; содержаніе **OBERBRUNNEN** почти въ три раза богаче, чѣмъ „Kronenquelle“ (по вышеприведеннымъ даннымъ), т. е. пациентъ долженъ выпить **ТРИ БУТЫЛКИ „KRONENQUELLE“**, чтобы усвоить количество важнѣйшихъ составныхъ частей, заключающихся въ **ОДНОЙ БУТЫЛКѢ „OBERBRUNNEN“**. Также и содержаніемъ литины „Oberbrunnen“ богаче. Ц. № 6450 2-1
 Разсылка книжеск. минеральн. водъ въ **Оберъ-Зальцбруннъ, Фурбахъ и Стриболъ.**

БРОШЮРА:
ВОЛОСЫ,
 ихъ **ЗНАЧЕНІЕ, ЗДОРОВЬЕ**
 и **УХОДЪ ЗА НИМИ.**
 Составилъ провизоръ
А. М. ОСТРОУМОВЪ.
 Высылается за 7-ми коп. почтовую марку. Адресъ для писемъ: Москва, провизору А. М. Остроумову. На гигиенической выставкѣ раздается бесплатно.

ОТЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА
 „Лекарственной травы Кузминча“ Erhedra vulgaris (Ягодный хвойникъ) смолисто-бальзамическаго свойства, новаго майскаго сбора. Цена 1 р. за фунтъ. При травѣ подробное наставленіе, съ разрѣшенія начальства. А также имѣются брошюры о ефедрѣ, ея свойствахъ и способѣ лѣченія, съ разрѣшен. рисунками; брош. при 3-хъ фунт. безплатно. Посылаю и наложеннымъ платежемъ. Адресъ: г. Бузулукъ, Самарской губ., изъ склада хвойника Сергѣю Зановевичу Орлову.

НА ЛЬВТО

ТОЛЬКО 5 руб.
 Высылается настоящій фотографическій аппаратъ съ треножникомъ, не игрушка, комъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій пр., 4. Заказы немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 10 к. марку. № 6455
 Высылается наложеннымъ платежемъ.

ЛЕВИНГЪСЪ и ГЮЗНИГЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450
 По новой системѣ
КРАСИВО ПИСАТЬ
 и двойной итальянской
БУХГАЛТЕРІИ
 выучиваю всякаго заочно (посредствомъ письменныхъ сношеній); за усилъхъ гарантія. Въ видѣ пробнаго урока высылка за 3 по 7 коп. марку. По окончаніи курса выдаю Ш. № 6452 свидѣтельство. 10-1
 Москва, Покровка, А. С. Шиманскому.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
УДОСТОЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ
 НА ВЕРОССЪ МОСКОВСКОМЪ ВЫСТАВЛѢ 1882
А. СІУИКО
ПАРФЮМЕРІЯ
 ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
 МОСКВА.
 ПРЕСЪКУРАНТЬ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ
А. ЦИГЛЕРА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 Г. С. К. МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ Д. КОСТЫРЕВОЙ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
 Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

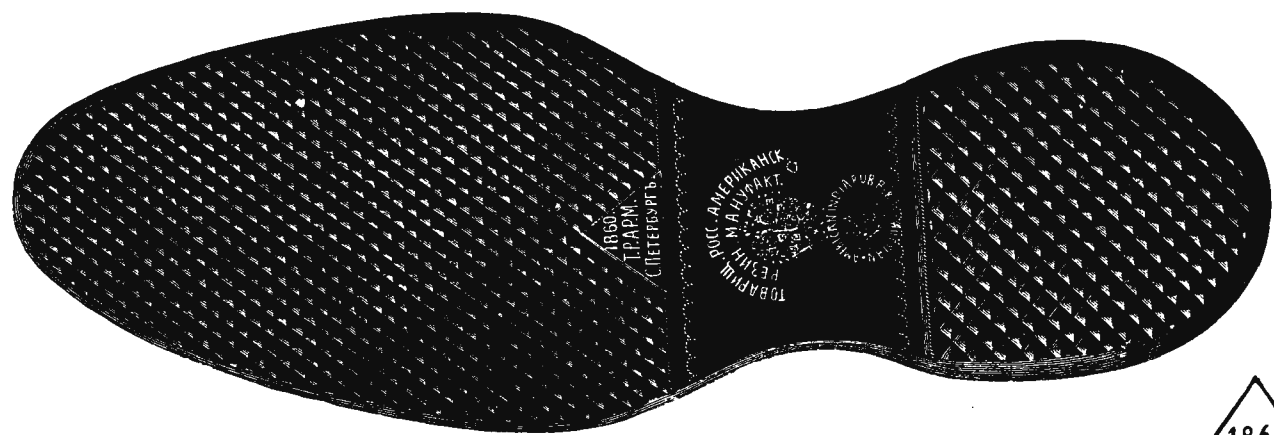
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-6

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

Библиотека "Руниверс"

ЛУЧШАЯ ВЪ МИРѢ

ГАРМОНИИ

фабрики НАЛЬБЕ

имѣютъ такой фабричный знакъ

и продаются у меня по слѣдующимъ дешовымъ фабричнымъ цѣнамъ:

Однорядныя: въ 4, 5, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 руб.

Двурядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28, 30 р. и въскія въ 22 р.

Трехрядныя: въ 60 р. и въскія въ 30, 50 и 75 р.

Самоучитель Соколова 1 руб.

По полученіи 1/3 стоимости въ задатокъ высылаются заказанныя съ маложеннымъ платежомъ.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

(10) Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по потреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

И. № 6432 S-4

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“ лучшие въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о.** Москва, Неглинный просп., домъ Елкиной. Прейсъ-куранты — бесплатно.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для кожи лица и рукъ.

При покупкѣ настоящаго вазелиноваго мыла Голлендера, просимъ обращать вниманіе на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подписи Г. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ. Цѣна 30 к.

Вазелиновое жирная пудра. кор. 80 к.
Вазелиновый колдъ-кремъ бан. 35 к.
Вазелиновая помада бан. 35 к.
Ландышевое молоко фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (4) № 6340 С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1. Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

ПИСЬМАЯ МАШИНА 25—20

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“ признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

8-й и 9-й ВЫПУСКИ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержашій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ. ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО. Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый — въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

безъ дост. съ пер.	безъ дост. съ пер.
при подпискѣ. 6 р. 8 р.	къ 1-му сентября. 2 р. 2 р.
къ 1-му августа. 2 „ 2 „	къ 1-му октября. 2 „ 2 „

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Для ознакомленія съ изданіемъ, вновь отпечатанный 1-й выпускъ „СКАЗОКЪ“ высылаются всѣмъ желающимъ за 50 коп. почтовыми марками.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

И. ШЕНБРУНЕРЪ.

Москва, Старый Газетный пер., д. Толмачева. Поставщикъ Император. Общ. Правильной Огноты и Дипловскаго Отдѣла.

Вновь полученъ громадный выборъ

РУЖЕЙ фабрики Августа Франкотта въ Люттихъ.

Чемпионъ, цѣною 45 р., 55 р., 65 р., 75 р., 85 р. и легкія — 85 р.

Легкой Мануфактуры въ Люттихъ.

Экзельзбургъ, цѣною 42 р., 48 р., 54 р., 58 р., 60 р., 80 р. и легкія — 85 руб.; садовые ружья — 100 руб.

Снотта и С-на въ Лондонѣ, цѣною отъ 80 руб. до 800 руб.

Особенно рекомендуется сортъ въ 155 р. подъ маркою „Марсъ“.

Иллюстрированный каталогъ высылаются по требованію.

Гг. офицерамъ допускаются при покупкѣ ружей льготы. Ш. № 6451 2—1

Адресъ для телеграммъ: Шенбрунеръ, Москва.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блонурныхъ, желтая вода для brunetonъ. Флаконъ 1 р. 75 н., большой 3 р. 50 н.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ drogistsъ Россіи. № 5420 (31)

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО ДРА ЛЕНГИЛЯ въ ВѢНѢ для БѢЛЫХЪ, СМЯЧЕННЫХЪ КОЖИ, ЛИЦА И РУКЪ

Трижды Кожи Свежей Видъ, рекомендуется какъ Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ Единственнаго Агента **Василія Аурихъ** въ С.Пбурѣ для Россіи.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

КАУЧУКОВЫЙ МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ

А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ. Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, вл. С.-Петербургъ. № 6263 11—6 Цѣна коробки 40 коп.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЬ. ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптек. и космет. магаз. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 н. безъ перес. № 6280 (10)

Провизоръ Кинуненъ.

Просимъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ. Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ТРЕБУЙТЕ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО ПРОИЗВОДА

АМОСТРОУМОВА

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ИЗВѣСТНАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

Тиль Монъ

проискохл. по сдѣлани изъ телячьей кожи съ 8 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы. Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ отпереть Тиль-Монъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень выстѣпательный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6439 6—3 3 разныя, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРКЪ С. Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ

въ громадн. выборѣ. Нов. иллюстр. прейсъ-куранта высылаются.

МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНКИ „БЕРНАРТЪ“.

При складѣ имѣется лабораторія и разл. сценны при покупкѣ безвозмездно. 10—9

К. И. Фреландтъ.

С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. Штейфана.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЬ

В. № 6326 В. ГЕНА въ ВѢНѢ 8—7

изъ грецкихъ орѣховъ. Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и борюди въ черныя, русыя, темны и свѣтло-каштановыя дѣтъ. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главныи складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.

XXIV г.

№ 28

Выданъ 10 июля 1893 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

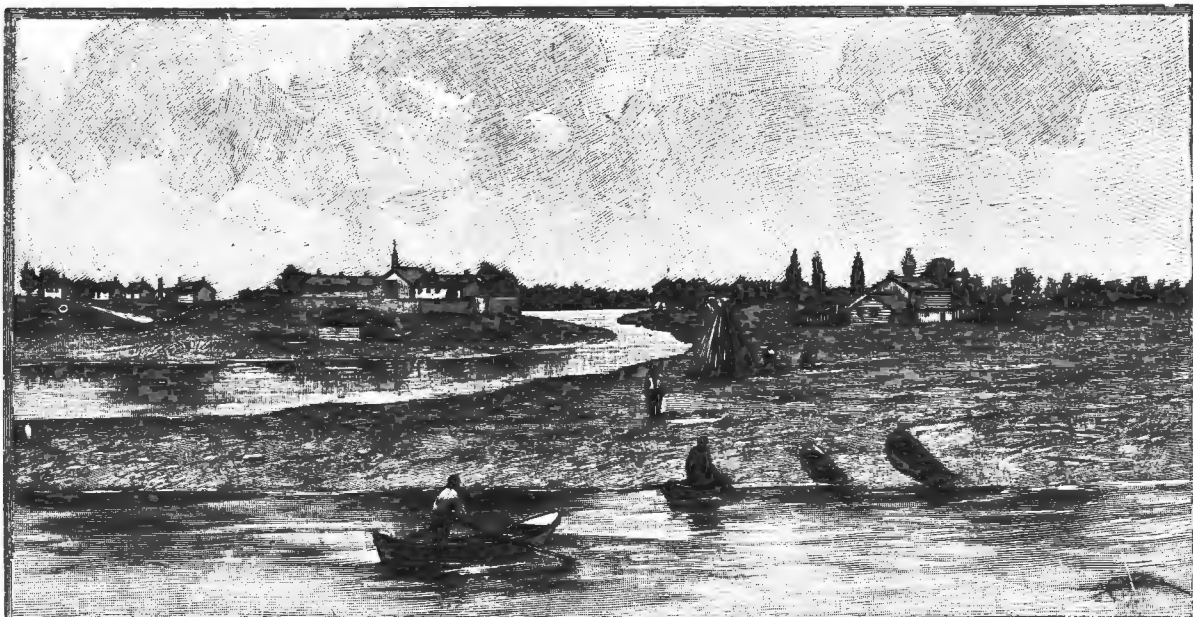
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. 5 р.	Съ дост. въ Петерб. 6 р. 50 к.	Безъ доставкѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р.	Съ перес. въ Москву и др. города Россіи 7 р.	За границу. 10 р.
-----------------------------------	---------------------------------------	--	---	--------------------------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр

Городъ Чикаго. Видъ большой улицы (State Street). Рис. Жуа, грав. Базепъ.

Городъ Чикаго въ 1830 году.

Городъ Чикаго.

Очеркъ. (Рис. на стр. 637, 638, 640, 641 и 643).

Нельзя сказать, чтобы у нас не было в настоящее время интереса къ этому городу: многие поѣхали уже туда, многие собираются ѣхать, а большинство желаетъ познакомиться съ тѣмъ, что дѣлается тамъ, хоть изъ описаній. Одно изъ такихъ описаній, весьма характерное, даетъ г. Щепанскій въ своихъ письмахъ изъ Чикаго (Dahem).

„Чикаго, пишетъ онъ, — центръ теперешняго всемірнаго торжища, называемаго Колумбійскою выставкою, обыкновенно носить почему-то названіе „города садовъ“. Этотъ колоссальный городъ кладетъ на каждаго свѣжаго человѣка печать своей цивилизованной дикости. Прожилъ я тутъ нѣсколько дней, а ужъ по себѣ самому чувствую, до какого дикаго, варварскаго состоянія можетъ дойти культурный человѣкъ. Теперь мнѣ кажется, пожалуй, въ порядкѣ вещей переходить, напримѣръ, черезъ улицы въ бродъ по колѣно въ грязи; я уже не обращаю вниманія на то, когда гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ преспокойно сплевываетъ мѣ на пальто, и удивляюсь лишь тому, что онъ настолько все-таки вѣжливъ, что предупредительно вытираетъ пятно своимъ грязнымъ платкомъ; когда я поднимаю глаза на какое-нибудь семнадцатизажное зданіе, я совершенно спокоенъ и не опускаю ни малѣйшаго головокруженія. Я чувствую теперь, что освоился здѣсь вполне, что перестаю отличатся отъ коренныхъ жителей дикаго американскаго Занада, главной столицей котораго безспорно считается Чикаго. Поэтому всѣ мои сужденія объ этомъ городѣ являю безпристрастными и не будутъ страдать тѣми ошибками, въ которыя впадали многие, считавшіе Чикаго мировымъ городомъ въ европейскомъ смыслѣ.

„Какъ ни странно, а я позволю себѣ сказать, что города Чикаго, какъ мы, европейцы, понимаемъ, совсѣмъ не существуетъ. Чикаго, несмотря на свое полутора-милліонное населеніе, несмотря на то, что съ его колоссальнымъ пространствомъ не можетъ сравниться ни одинъ городъ въ мірѣ, — все-таки не представляетъ города въ нашемъ, европейскомъ, смыслѣ. Чикаго въ центрѣ своемъ, — это дома, какъ первобытныя лѣсъ, нагроможденные, а по окраинамъ — прерія, по безконечной ширинѣ которой блуждаютъ длинными лентами улицы съ разбросанными по нимъ строениями.

„Почему Чикаго собственно называется „городомъ садовъ“, право, понять очень трудно. Съ этимъ названіемъ невольно связывается представленіе чего-то маленькаго и уютнаго, а между тѣмъ особенность Чикаго, именно, составляетъ безконечная ширь, кака-то негостеприимная дикость... Негостеприимность усугубляется еще тѣмъ, что всякій пріѣзжій схватываетъ тамъ сейчасъ же мучительнѣйшую болѣзнь — нѣчто въ родѣ морской болѣзни, причинами которой служатъ: климатъ, самый видъ города и ледяная вода. Къ сожалѣнію, можно избѣгнуть вреднаго вліянія только послѣдней, и то съ большимъ трудомъ, такъ какъ вамъ, мучимому жаждой, остается только или пить ее, или другія питья, всѣ значительно уснащенные спиртомъ.

„Болѣзнь выражается въ головокруженіяхъ, невыносимыхъ головныхъ боляхъ и сильныхъ діарреяхъ. Единственное средство отъ нея это — воздержанность и привычка. Можетъ-быть, еще можно искать происхожденіе названія Чикаго „городомъ са-

довъ“ въ томъ, что вся его округъ въ весьма значительной части покрыта зеленымъ. Но это не маячная подъ свою сѣнь свѣжая лѣтва садовъ, а дикая зелень толпой преріи. Пожалуй, въ Чикаго, въ какомъ-нибудь торговомъ домѣ больше комнатъ, чѣмъ деревьевъ во всемъ городѣ; въ одномъ такомъ домѣ мнѣ удалось недавно насчитать 1400 комнатъ. Мѣстный климатъ тоже не подходитъ для „города садовъ“. Хотя жители и увѣряютъ, что никогда здѣсь не было такой скверной и холодной весны, какъ въ этомъ году, но я теперь настолько уже обжился здѣсь, что нѣтъ возможности судить не по тому, что говорятъ мнѣ, а по тому, что я самъ вижу и чувствую. Я успѣлъ ознакомиться со здѣшней погодой. Внезапная перемена температуры иногда на 10 градусамъ, холодный, леденящій вѣтеръ при теплыхъ, ясныхъ лучахъ солнца, при страшномъ холодѣ гроза и градъ, хлонья снѣгу и, наконецъ, хуже всего — дожди, безконечные дожди, начиная съ мельчайшаго, точно сквозь сито просѣяннаго, и кончая крушійшими каплями, величиною съ „грецкій“, какъ говорится, орѣхъ — вотъ что мнѣ привелось видѣть, — ни одного солнечнаго, яснаго дня. Я не рѣшаюсь, однако, пока утверждать, что въ Чикаго всегда скверная погода. Судя опять-таки по тому, что къ открытію выставки, 1 мая, тамъ не было еще ни одной почки на деревьяхъ, можно все-таки съ достовѣрностью сказать, что въ Чикаго бываетъ очень продолжительная зима. О чикагскомъ лѣтѣ всѣ единодушно отзываются, какъ о невыносимо жаркомъ. Въ виду всего этого, я совѣтую всѣмъ европейцамъ, желающимъ посѣтить выставку, пріѣзжать сюда не ранее сентября.

„Второе основаніе, почему я совѣтую отложить теперь отъѣздъ на выставку, еще болѣе вѣское. Выставка, столь торжественно открытая президентомъ 1 мая, будетъ въ болѣе или менѣе мѣрѣ готова лишь къ 1 юлію. Выставку открыли, не обращая никакого вниманія на то, что посѣтители ея видятъ пока лишь огромныя зданія, внутри почти пустыя. Девять десятыхъ всѣхъ экспонатовъ лежатъ еще въ тысячахъ нераскрытыхъ ящиковъ, а нѣкоторые такъ еще и не прибыли въ Чикаго. Въ самыхъ зданіяхъ копошатся тысячи рабочихъ, на выставочныхъ улицахъ стоятъ сотни розовъ, цѣлыя желѣзнодорожныя поѣзда ожидаютъ выгрузки. И надъ этимъ хаосомъ, суетой взвились въ одинъ мигъ 1 мая тысячи флаговъ, и президентъ Кливлендъ, въ своемъ обычномъ черномъ сюртукѣ, спокойно, самодовольно объявилъ предъ безчисленною, ликовавшей толпой выставку открытой!..

„Чикаго и его всемірная выставка — это современное Вавилонское столпотвореніе; совершенно готовыми не будутъ никогда ни городъ, ни его выставка. Такъ и кажется, что всѣ эта громадная ложь, называемая Чикаго, въ одинъ прекрасный день разрушится — будетъ снесена съ лица земли какимъ-нибудь торнедо или провалится въ тонкое болото, на которомъ стоитъ и изъ котораго возникъ этотъ городъ... Если Чикаго послѣ двукратнаго пожара не выгорѣлъ еще въ третій разъ, то слѣдуетъ благодарить въ томъ Провидѣніе, а никакъ не ставить это въ заслугу мѣстныхъ архитекторовъ. У насъ, въ Европѣ, рассказываютъ все, что въ Чикаго строятъ только безопасныя отъ пожара, огнеупорныя зданія изъ желѣза и камня, а я вотъ, напримѣръ, самъ живу въ гостиницѣ, уже два раза сто-

рѣвшей, въ такт-пазываемомъ „Palmer-House“ (домъ Пальмера, — см. рис. на стр. 641), который считается зданіемъ абсолютно безопаснымъ отъ пожара. Въ этомъ домѣ простѣнки сдѣланы изъ волнистаго листового желѣза и, повидимому, дерево только служитъ здѣсь для покрывки. Но мнѣ пришлось видѣть, какъ выгорѣлъ „Armory“—арсеналъ, построенный по той же системѣ, какъ и Palmer-House; остались только четыре каменные главныя стѣны, порядкомъ попорченныя огнемъ, и все, что тамъ хранилось, оружіе и другія желѣзныя вещи, все это согнулось и расплавилось до неузнаваемости, однимъ словомъ,—куча развалинъ и среди нихъ уныло торчащія, голыя, почернѣлыя стѣны... Эти „огнеупорныя“ зданія въ центрѣ города перемѣшаны съ деревянными; въ худшихъ кварталахъ преобладаютъ деревянные дома, на окраинахъ же только кое-гдѣ между деревянными строеніями попадаются каменные. Будь даже въ Чикаго хорошо поставленная пожарная команда, чего на дѣлѣ и въ поминѣ нѣтъ, и то пожаръ натворилъ бы тамъ огромныхъ бѣдъ. Весь этотъ изумительно-красивый планъ города Чикаго, съ его правильными, четырехугольными, строго разграниченными кварталами, приковываетъ, дѣйствительно, взоръ, но опять-таки, въ случаѣ пожара, всѣ эти математически правильные, примыкающіе другъ къ другу четырехугольники охватятся широкимъ полемемъ... Пожарные могутъ бороться съ огнемъ только съ улицы, другого подхода къ нему получить нельзя, такъ какъ чикагское домостроительство старается только съэкономить пространство земли подъ домомъ, ничуть не заботясь о необходимости для зданія количества воздуха и свѣта. Въмѣсто дворовъ, тамъ какія-то спичечныя коробки, въ кото рыхъ негдѣ повернуться одному возу, и кромѣ входовъ, ведущихъ прямо во внутрь домовъ, для того, чтобы подойти къ этимъ колоссальнымъ многоэтажнымъ колодамъ, въ которыхъ проходитъ вся торговая жизнь города, оставлены узенькія полоски земли, называемыя въ Чикаго „аллеями“. Проходы, въ пять и шесть футовъ ширины, ночью не освѣщаются и не безопасны для прохожихъ. Они поражаютъ своею грязью и, лѣтомъ, повидимому, должны быть однимъ изъ разсадниковъ заразы и зловошія...

„Грязь этихъ „аллей“ ничуть не уступаетъ грязи на улицахъ, несмотря на рвеніе и заботливость „майора“ города; къ великой радости жителей, онъ заявляетъ обществу конныхъ, паровыхъ и электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, что и на ихъ обязанности лежитъ очистка улицъ, и очень усленно увѣщевалъ ихъ исполнить эту свою обязанность, хотя бы къ торжественному дню 1-го мая. Будь оно исполнено въ дѣйствительности, — весь Чикаго былъ бы словно прилизаннымъ: тамъ нѣтъ ни одной почти улицы, по которой не проложено желѣзно-дорожныхъ рельсъ. Но бѣда въ томъ, что, несмотря даже на все свое желаніе исполнить это требованіе, всѣ общества, вмѣстѣ взятые, не были въ состояніи вычистить уличной грязи. Улица, уровень которой представляетъ значительныя возвышенія и которая была покрыта асфальтомъ, не можетъ быть очищена; а таковы почти всѣ улицы во внутренней части города. Кромѣ того, развѣ мыслимо думать о чистотѣ, когда каждый житель считаетъ себя въ правѣ выливать помой и нечистоты прямо на улицу. Развѣ возможно, наконецъ, говорить объ очисткѣ немоощныхъ улицъ, которыхъ въ Чикаго большая часть, улицъ, которыя ничуть не лучше нашихъ грязныхъ проселочныхъ дорогъ гдѣ-нибудь въ Привислянскомъ краѣ, по которымъ можно пробираться лишь или зимою на саняхъ, или въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Какъ оно ни невѣроятно, но это святая истина — въ Чикаго большая часть улицъ не мочена... Это до невѣроятности скверное состояніе Чикаго объясняется только необходимостью его пространствомъ, которое, въ свою очередь, явилось слѣдствіемъ бѣшеной горячки къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ.

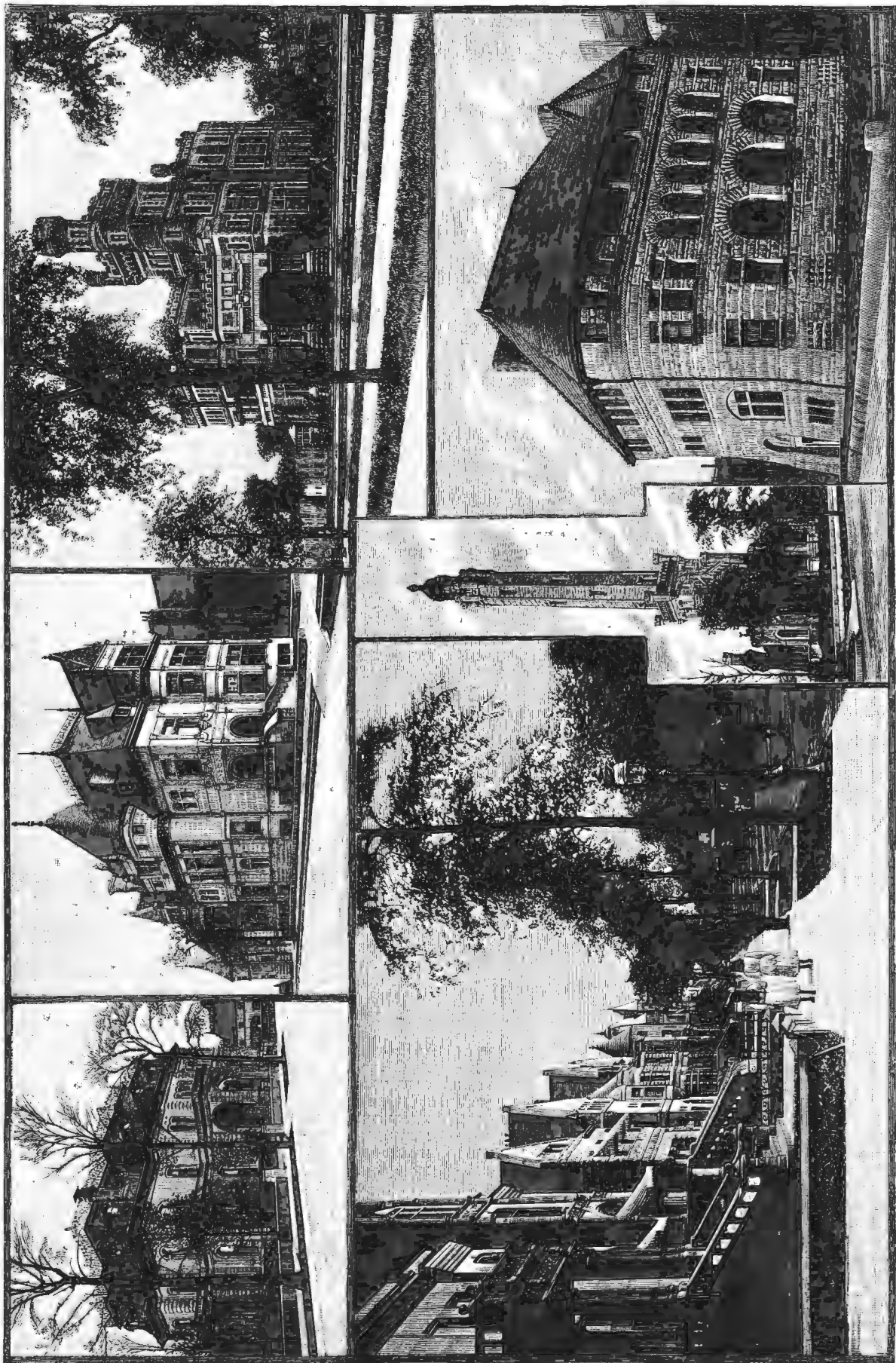
„Хотя въ Чикаго лишь въ полтора милліона занимаютъ пространство въ окружности приблизительно равное разстоянію отъ Петербурга до Ораніенбаума. Если же включить всѣ находящіяся въ этомъ кругѣ окрестности, то и тогда все-таки нельзя будетъ дать приблизительнаго понятія объ этой столицѣ дикаго Запада. Какъ ни соединяйте всѣ эти окрестныя мѣста, все-таки каждое изъ нихъ будетъ обособлено въ общей картинѣ, будетъ обнаруживать, что оно было до этого соединенія самостоятельнымъ. Чикаго, въ качествѣ города, и могло возникнуть только въ пустынной, безлюдной, совершенно гладкой мѣстности. По всей этой ровной площадипротянулись симметричными рядами квадраты улицъ. Среди нихъ виднѣются, такъ называемые, парки, а по нашему это скорѣе пустынные дуга преріи. Улицы, болѣею частью, какъ мы уже упомянули, немощеныя, по бокамъ имѣютъ тротуары, которые есть не что иное, какъ мостки изъ бревенъ, проложенные въ безчисленныхъ, углубленныхъ мѣстахъ улицъ на столбахъ. Такимъ образомъ, съ нашимъ братомъ, европейцемъ, какъ-нибудь задумавшимся, можетъ случиться неприятная исторія — стоить осунуться, чтобы вдругъ полетѣть въ яму четырехфуговой глубины. Я говорю это по печальному опыту. Я оказался въ такомъ неприятномъ положеніи, когда, не знаю почему, вздумалось мнѣ пойти пѣшкомъ изъ своей гостиницы на выставку; на это путешествіе я употребилъ, пе-

смотря на то, что шелъ скорымъ шагомъ, три часа и десять минутъ. Для перехода через эти немощеныя улицы набросаны мѣстами камни, по которымъ только ловкій прыгунъ, пожалуй, и сможетъ перебраться, не замаравъ ногъ, на другую сторону и побѣдоносно взобраться на „тротуаръ“. Въ этихъ кварталахъ высятся деревянные строения и, на ряду съ ними, виллы изъ некрашеннаго кирпича и высокіе, громадкіе замки съ гранитными фасадами, отдѣленные другъ отъ друга обнесенными загородкой лугами, на которыхъ пасутся лошади и коровы. Всѣ живущіе здѣсь ежедневно направляются въ центръ города за заработкомъ. Неудивительно, что уличная жизнь въ центрѣ Чикаго гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ и даже въ Лондонѣ, что желѣзныя дороги, cable-car и конно-желѣзныя дороги насилу успеваютъ отвозить пассажировъ.

„Для европейской публики средства передвиженія и сообщенія, практикуемыя обыкновенно въ Чикаго, оказались бы неудовлетворительными. Это чикагцы поили и рѣшили принять къ свѣдѣнію, въ виду ожидаемаго наплыва посѣтителей на выставку. Надлежащія власти рѣшили ввести двухминутное сообщеніе, электрическую желѣзную дорогу, которая пройдетъ надъ улицами къ вокзалу на выставкѣ, наконецъ, предположено пустить въ ходъ суда, которыя могли бы доставлять на выставку сразу по 2000 человекъ. За свое пребываніе здѣсь, я убѣдился, что американцы безразлично, какъ и на чемъ онѣ ѣдутъ, лишь бы ѣхать. Съ ужасомъ наблюдаю я этихъ безстрашныхъ людей, возвращающихся съ выставки въ городъ, за недостаткомъ мѣста въ вагонахъ, на буферахъ... А поѣзда тамъ летятъ. Время—деньги.

„Что касается разсказовъ о баснословно развитой коммерческой жизни въ Чикаго, слѣдуетъ замѣтить, что это преувеличено. Этотъ городъ производитъ впечатлѣніе чего-то колоссальнаго въ силу дѣлаго ряда контрастовъ, встрѣчающихся тамъ на каждомъ шагу. Въ Чикаго вы встрѣтите наряду съ яркимъ, ослѣпительнымъ электрическимъ освѣщеніемъ непроглядную тьму, семнадцатипятиэтажную громаду и возлѣ одноэтажный деревянный домикъ, „cable-car“ (электрическая желѣзная дорога) тянется по немощенымъ улицамъ, пенсальное богатство рядомъ съ неслыханной нищетой, рѣжущая глаза роскошь, ослѣпительный блескъ—среди невылазной грязи...

„Меня очень интересовалъ, какъ и многихъ другихъ путешественниковъ, вопросъ объ общественной безопасности въ Чикаго. Я старался изучить его практически, но не могу похвастать хорошими результатами. Когда я, на второй день послѣ моего пріѣзда сюда, около 11 часовъ вечера вышелъ изъ своей гостиницы, я замѣтилъ, стоя на той же улицѣ, на разстояніи двухъ blocks отъ моей гостиницы, красивую, освѣщенную электричествомъ, улицу, на которой мнѣ бросилось въ глаза ярко-освѣщенное окно какого-то помѣщенія, гдѣ продавалось шлезенское пиво. На подоконникѣ стояла статуя покойнаго германскаго императора Вильгельма и это дало мнѣ надежду, что хозяинъ этой лавочки европеецъ по крайней мѣрѣ. Я вошелъ туда и потребовалъ себѣ бутылку пива. Хозяинъ самъ подаль мнѣ пиво и, немного погодя, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „повидимому, вы здѣсь чужестранецъ; простите, но я вамъ совѣтую какъ можно скорѣе отправиться во-своеяи. Вы находитесь въ такой отчаянной мѣстности, что я даже, живущій здѣсь уже болѣе 7 лѣтъ, человекъ очень сильный, не дерзая выходить безъ револьвера“. Въ первую минуту и чуть было не расхохотался ему въ лицо: „какъ, при ослѣпительномъ электрическомъ свѣтѣ, вблизи моей гостиницы—такіе ужасы... быть не можетъ!...“ Но на меня подѣйствовало соображеніе,—что съ какой же стати ему выпроваживать меня изъ своей лавки, какая ему выгода? И я, послушавшись его свѣта, отправился домой. На другой день нѣсколько мѣстныхъ жителей увѣрили меня въ справедливости словъ добраго вѣнца. Мало того, одинъ знакомый, мѣстный житель, любезно ознакомившій меня со свѣтомъ и тѣнями жизни въ Чикаго, какъ-то въ разговорѣ замѣтилъ мнѣ — мы стояли въ общей залѣ моей гостиницы, въ которой ежедневно толпилось около двухсотъ человекъ: — „Будьте очень осторожны. Среди этихъ господъ, которыхъ вы тутъ видите, повидимому, невинно убивающими время въ разныхъ пустячныхъ занятіяхъ, по крайней мѣрѣ, двадцать — тридцать отъявленныхъ воровъ, разбойниковъ и головорѣзовъ, самыхъ искусныхъ во всемъ мѣрѣ; изъ нихъ, повѣрьте, болѣея часть уже давно сильно интересуется вашей персоной. Къ счастью, надо отдать справедливость, здѣсь же находится четверо тайныхъ агентовъ этой гостиницы, строго оберегающихъ, какъ васъ, такъ и всѣхъ гостей отеля „Palmer-House“, и, кромѣ того, въ каждомъ этажѣ гостиницы стоятъ специальная стража, которая обязательно услышитъ, если задумаютъ васъ убить...“ Меня это успокоеніе, впрочемъ, мало успокоило; въ истинѣ же этихъ словъ я теперь уже не сомнѣваюсь ничуть. До сихъ поръ я еще не имѣю того спокойнаго чувства утренности въ своей безопасности, которое было во мнѣ въ Европѣ. И несмотря на это, я все-таки, изъ чувства прирощеннаго человѣку любопытства, осторожно, осматриваясь, посѣщаю улицы, въ которыхъ, кажется, въ воздухѣ пахло преступленіемъ и во всякомъ случаѣ—порокомъ. Насмотрѣлся я тутъ на безконечныя проявленія людскаго горя, видѣлъ, до какого нравственнаго упадка можетъ дойти

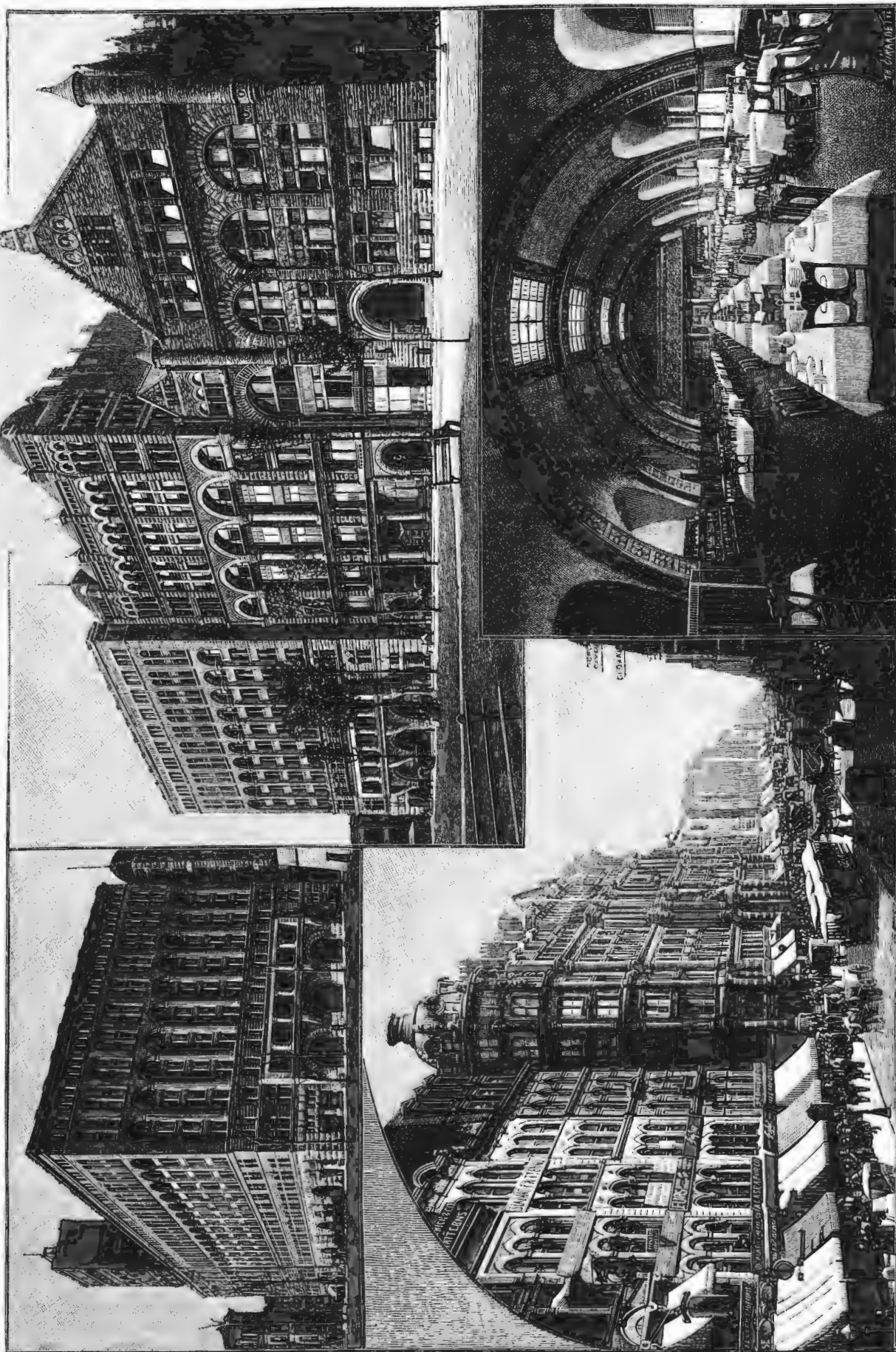

Городъ Чикаго. Архитектурные мотивы зданий. По фот. грав. Мейнаръ.
 Загородный домъ Potter Palmer.
 Домъ Г-жи Veagh.

Водоначалка.

Домъ Т. Раймпап.
 Мичиганъ-Авеню.

Домъ Т. Раймпап.

Городъ Чикаго. Главнѣйшія гостиницы. По фот. грав. Жерардэ.
 Гостиница Auditorium. Фасадъ Auditorium'а, обращенный къ озеру.
 Гостиница Palmers house. Столовая гостиницы Auditorium.

человѣкъ—этотъ вѣнецъ творенія... Я убѣдился, что все ученіе европейской фізіономістики со всѣми его типами—ничто въ сравненіи съ образцами, встрѣтившимися мнѣ въ этой столицѣ дикаго Запада. Во всемъ мірѣ не набрать столько злодѣевъ, сколько встрѣтите вы здѣсь людей, считавшихся бы у насъ, въ Европѣ, типическими представителями преступниковъ. Я не могу не засвидѣтельствовать этого, хотя никто изъ нихъ до сихъ поръ мнѣ не причинилъ ни малѣйшаго вреда“.

Таковъ Чикаго съ той своей стороны, которую не видитъ большинство европейскихъ корреспондентовъ, имѣющихъ дѣло только съ выставкой и минуящихъ, съ быстротою электрической дороги, проѣздомъ изъ своего отеля на выставку, главные улицы города. Улицы эти, дѣйствительно, очень красивы и, благодаря своимъ высоченнымъ домамъ и вѣчному движению, могутъ вызвать головокруженіе у непривычнаго человѣка. О характерѣ такой улицы можно судить по рисунку, помещаемому на стр. 637. Совершенно другой видъ имѣетъ уютная, богатая „Мичиганъ-Авеню“ (стр. 640), обсаженная деревьями и обстроенная домами самой прихотливой архитектуры. На томъ же рисункѣ, гдѣ изображена эта авеню, мы даемъ наиболѣе характерные мотивы этой архитектуры. Нужно замѣтить, что очень недавно здѣсь была почти непроходимая пустырь и когда, восемь лѣтъ тому назадъ, г. Потеръ-Пальмеръ задумалъ устроить здѣсь кварталъ—никто не хотѣлъ слѣдовать его примѣру. Въ настоящее время здѣсь чуть-ли не съ бою берется каждый клочокъ земли. Главнѣйшія гостиницы помѣщаются въ центрѣ города. Изъ нихъ наиболѣе значительныя по размѣрамъ:—„Аудиториумъ“ и „Домъ Пальмера“. Видный видъ ихъ, а также видъ столовой „Аудиториума“ помѣщены на стр. 641. Великолѣпная городская ратуша (стр. 643), съ массивными колоннами сѣраго гранита, является также однимъ изъ монументальныхъ зданій Чикаго. Къ сожалѣнію, въ ней вишня красота идетъ въ ущербъ внутреннимъ удобствамъ—здание почти вовсе лишено свѣта, и, чуть ли не цѣлый день, приходится пользоваться въ немъ искусственнымъ освѣщеніемъ.

Чикаго—городъ молодой, не только по сравненію съ европейскими, но даже американскими городами. Въ 1823 году въ Чикаго существовало всего пять собственниковъ съ капиталомъ 12,000 франковъ.

Въ 1830 году былъ подписанъ договоръ съ индѣйцами, по которому послѣдніе обязались уступить изъ этой мѣстности. Тогда въ Чикаго было 50 человѣкъ жителей и насчитывалось 16 деревянныхъ домовъ. Видъ Чикаго, въ это время, помѣщенъ въ заголовкѣ настоящей статьи, а въ концѣ ея изображена современная каменная набережная озера Мичиганъ—разница огромная!. Въ такомъ быстромъ, почти сказочномъ, ростѣ Чикаго, какъ вообще американскаго города, нѣтъ ничего удивительнаго. Оказывается, что и Джексонъ-паркъ, гдѣ теперь такъ широко раскинулась выставка, возникъ тоже словно по мановенію волшебной палочки.

„Въ клубѣ „Германія“, рассказываетъ далѣе г. Шепанскій,—познакомился я съ однимъ нѣмцемъ, который сообщилъ мнѣ, что всего два года тому назадъ въ Джексонъ-паркѣ охотились на дикихъ утокъ, которыхъ было тамъ видимо-невидимо,—это единственная дичь, которая сохранилась въ заселенныхъ лѣсахъ и болотахъ Сѣверной Америки, потому что американцы если очистить, такъ ужъ очистить на совѣсть, основательно. Имѣйте, однако, въ виду, что Джексонъ-паркъ лежитъ не за городомъ, а въ самомъ центрѣ Чикаго. Паркъ примыкаетъ къ Мичиганскому озеру, приблизительно между 25-й и 26-й улицами, а за нимъ далеко-далеко тянется Чикаго на югъ, въ безконечную даль... Одинъ знакомый мнѣ рестораторъ, имѣющій гостиницу на 129-й улицѣ, увѣрялъ меня, что даже отсюда, съ башни, съ помощью подзорной трубы, и то нельзя увидѣть послѣдняго зданія этого колоссальнѣйшаго въ мірѣ города. Чтобы еще яснѣе представить эту безконечную даль, довольно сказать, что границы Чикаго заключаютъ въ себѣ и Калуметское озеро, немного уступающее по своимъ размѣрамъ Боденскому озеру. Неудивительно, что всего два года тому назадъ среди Чикаго было огромнѣйшее тонкое, болотистое пространство, въ которомъ спокойно ютились дикія утки.

„Теперь Джексонъ-паркъ вмѣсто огромной топи представляетъ изъ себя безконечный рядъ дворцовъ, вокругъ которыхъ тѣснымъ полемъ обступаютъ отели, рестораны и увеселительныя заведенія, могущія вмѣстить въ себѣ нѣсколько сотъ тысячъ посѣтителей. Большинство изъ этихъ строеній возведено такъ основательно, солидно, что дай имъ Богъ простоять благополучно эти пять мѣсяцевъ и не слетѣтъ раньше отъ сильнаго порыва вѣтра. Пока всего только три отеля разрушилось до основанія... Къ счастью, не нашлось ни одного смѣльчака, который бы согласился на предложенія владѣльцевъ, всѣхъ этихъ гостиницъ поселиться въ нихъ бесплатно въ первые 8 дней послѣ ихъ открытія. Представляю себѣ удивленіе ваше, когда я вамъ скажу, что пашлись страховыя общества, которыхъ согласились принять на страхъ отъ огня эти карточные гостиницы. Могу васъ увѣрить, что общества эти надѣются, и вполне правильно, сдѣлать выгоднѣйшее дѣло. Они впамятуютъ шестьдесятъ долларовъ съ каждой тысячи страховой суммы, сами же платятъ за пожарные убытки, съ 1-го

іюня—75%, съ 1-го іюля—50% страховой суммы, съ 1-го сентября, т. е. за четыре недѣли до закрытія выставки, —все не обяжутся платить. Этой остроумной комбинаціей они, по всей вѣроятности, отобьютъ у „энергичныхъ“ содержателей гостиницъ въ Джексонъ-паркѣ, послѣ завершения своихъ дѣлъ въ своихъ деревянныхъ курятникахъ, охоту обращаться въ послѣднюю минуту „неосторожно“ со спичками или съ лампой, такъ какъ имъ не будетъ никакой выгоды хоронить въ пламени свои фундаментальные дворцы, за которые имъ не будетъ выплачено ни одного доллара страховой преміи.

„Позволю себѣ предположить, что выставочныя зданія не прочтѣ этихъ гостиницъ. Кое-гдѣ, подъ влияніемъ непогоды, на этихъ выставочныхъ дворахъ успѣлъ уже обвѣтриться и осыпаться тонкій слой штукатурки, и изъ-подъ него видно, что всѣ ихъ кажущіяся массивными колонны внутри совершенно пусты, и мраморныя стѣны этихъ дворцовъ обнаружил свои обштыя бревнами желѣзныя строения. Всѣ эти признаки разрушенія, попадающіеся на каждомъ шагу, портятъ все впечатлѣніе; поддѣльный мраморъ сталъ какимъ-то сѣро-грязнымъ и успѣлъ принять уже еще болѣе фантастическій видъ подъ рукою великаго художника—природы и ея стихій... Только при солнечномъ свѣтѣ штукатурка напоминаетъ еще мраморъ, и весь выставочный паркъ становится восхитительнымъ городомъ, не уступающимъ по красотѣ Венеціи, съ той только разницей, что въ Джексонъ-паркѣ красуется рядъ колоссальныхъ дворцовъ...“

„Для чикагцевъ вся эта Всемирная выставка не представляетъ ничего иного, какъ „показъ“, какъ огромную ярмарку, выдѣляющуюся только своими колоссальными размѣрами и своей разносторонностью, въ общемъ же не стоящую выше ярмарочнаго балагана. Большинство американцевъ держится такого же взгляда на нее. Устроена она нѣсколькими крупными капиталистами и спекулянтами—продавцами земельныхъ участковъ и интересовала ихъ только съ точки зрѣнія коммерческихъ выгодъ. Всѣ они думали сдѣлать выставку колоссальной ареной наживы, на которую должны будутъ кинуться безчисленныя массы мелкихъ спекулянтовъ и коммерческихъ людей; этихъ-то рыцарей наживы они и думали стричь, какъ барановъ. Въ этомъ они не ошиблись—дѣйствительно, двину можно датся, сколько людей набралось въ Чикаго, захваченныхъ одной мыслью, однимъ стремленіемъ, во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было способомъ, зашибить деньги. Но они ошиблись въ другомъ—въ публикѣ. Уже теперь можно смѣло предсказать, что выставка завершится съ огромнымъ дефицитомъ, если не съ полнѣйшимъ банкротствомъ. Что президентъ открылъ 1 мая совершенно не готовую выставку, объявляется только тѣмъ, что акціонерное выставочное общество истратило всѣ средства и нуждалось во входной платѣ. Но и входная плата не можетъ спасти ихъ, такъ какъ число посѣтителей выставки, достигшее въ день открытія 452,000 чел., колеблется теперь ежедневно между 9,000—18,000 чел., и такимъ образомъ едва хватаетъ денегъ отъ выручки съ посѣтителей лишь на уплату служащимъ. Но, право, ни одно коммерческое общество въ Европѣ, не скрывающееся, подобно Всемирной Колумбійской выставкѣ, подъ маской великаго національнаго предпріятія и достойное увѣковѣченія въ исторіи культуры, не станетъ такъ возмугительно халатно и недобросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ людямъ, рѣшившимся, въ своемъ великомъ заблужденіи, принять участие въ этомъ предпріятіи, какъ отнеслись и относятся до сихъ поръ эти выставочныя заправилы. Они ломаютъ густую, легкомысленнѣйшую комедію съ довѣренными имъ дѣльными экспонатами, и только надо удивляться, что три случившихся уже пожара на выставкѣ не приняли болѣе значительныхъ размѣровъ. По отношенію къ безопасности отъ огня не принято на выставкѣ никакихъ мѣръ, и комичное запрещеніе курить на всемъ пространствѣ выставки, исключая нѣсколькихъ ресторановъ, сдѣлано вовсе не изъ боязни уничтоженія экспонатовъ пожаромъ, а изъ галантности американцевъ къ своимъ дамамъ, которыхъ не въ состояніи безъ головокруженія выносить запахи сигары или папиросы. Охраняется выставка особой колумбійской гвардіей,—отрядомъ солдатъ, набранныхъ изъ людей разныхъ классовъ и націй. Они носятъ специальную форму и кажутся съ виду очень воинственны. Эта гвардія уже показала себя черезъ 8 дней послѣ открытія выставки. Она заявила, что устроитъ стачку, если каждому „гвардейцу“ не увеличатъ мѣсячнаго жалованья на 15 долларовъ (вмѣсто 60—75 долл.); нельзя поэтому сказать, чтобы въ „гвардіи“ тверда была дисциплина. Съ американской же точки зрѣнія они совершенно правы, такъ какъ здѣсь каждый долженъ брать столько, сколько онъ можетъ получить. Въ данномъ случаѣ „гвардейцы“ были, пожалуй, правы не только съ американской, но и съ нравственной точки зрѣнія, такъ какъ не умѣющая держать свое слово выставочная администрація дѣйствительно обѣщала имъ съ 1 іюня повышеніе платы на 15 долларовъ. Неполненіе данныхъ обѣщаній администрация поставила себѣ, повидимому, въ священное правило по отношенію ко всѣмъ и, главнымъ образомъ, къ экспонентамъ. Последнимъ были обѣщаны вполне надежныя, безопасныя помѣщенія, а вмѣсто того имъ отвели опаснѣйшія

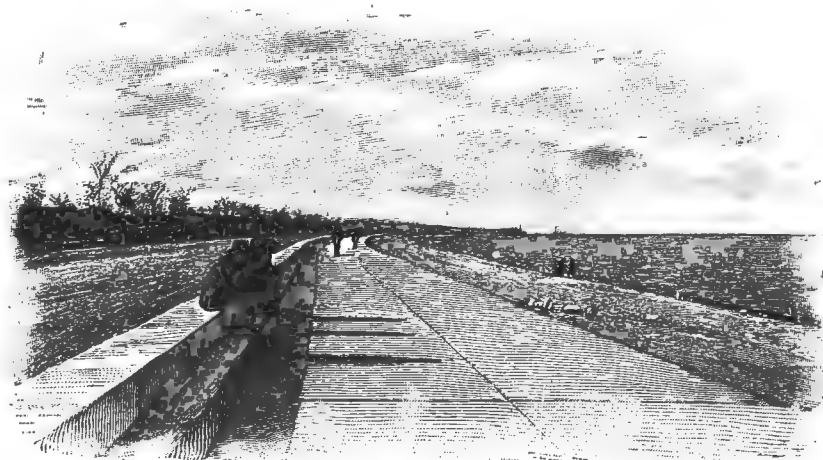

Городъ Чикаго. Городская ратуша. По фот. грав. Бодэ.

въ пожарномъ отношеніи выставочные дворцы, съ такими прочными крышами, что при каждой непогодѣ, значить, — почти постоянно, всё экспонаты приходится покрывать вощенымъ полотномъ, для предохраненія ихъ отъ хлещущаго во внутрь аданія дождя. Администраторы выставки рѣшили выкинуть отчаянный фокусъ, который долженъ принести имъ сразу кругленькую сумму въ два съ половиною милліона долларовъ. Сумма эта была имъ дана въ субсидію правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, съ условіемъ, чтобы выставка была закрыта по воскресеньямъ. „Worlds Fair“—администрація выставки, попятно, не мѣликая ни минуты, приняла деньги, а также и это условіе. Условіе это, однако, по отношенію къ Чикаго, вовсе не такъ настоятельно необходимо, ибо тутъ совершенно не соблюдается

святость воскреснаго дня — всё торговля, промышленныя и увеселительныя заведенія открыты весь день. Какъ бы то ни было — деньги получены условіе заключено и... не исполнено.

„И эта страна, этотъ городъ, который вовсе не нуждался во всемирной выставкѣ, для того, чтобы выставить всему міру произволъ каждаго своего гражданина и беззаконіе, безправіе всего общественнаго и государственнаго строя, еще находитъ себя, среди нашихъ же журналовъ, восхвалителей, увѣряющихъ, что эта великая падали страна кажется еще величественнѣе вблизи, по ознакомленіи съ нею!.. Нѣтъ, пусть раздастся этотъ хвалебный хоръ людей увлекающихся только необычнымъ, но и, заканчиваетъ г. Щеланскій, — слуга цокорный, не присоединюсь къ нему никогда...“

Городъ Чикаго. Набережная озера Мичиганъ. По фот. грав. Бодэ.

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ К. Орловскаго.

(Продолженіе).

Х.

Все только-что видѣнное и слышанное мною въ собраніи весь день потомъ не выходило у меня изъ головы. Собственно говоря, ничего особеннаго не произошло, а между тѣмъ я чувствовалъ, что передо мною разыгрывается тайная семейная драма и что ключъ къ ей завязкъ уже почти въ моихъ рукахъ. И я упорно преслѣдовалъ недаввшюся мнѣ пока загадку. Тревога, почти ужасъ, пробѣжавшій по лицу матери Ани, когда она увидѣла молодого князя, гнѣвные слова Конотопова, когда онъ выходилъ изъ собранія съ женой,—все это неотвязчиво меня преслѣдовало, вызывая у меня цѣлый рядъ томительныхъ недоумѣній. Страстная ненависть къ Слуцкому, какую я прочелъ въ глазахъ Семена Андреевича, не могла быть объяснена простымъ соперничествомъ на выборахъ. Тутъ, очевидно, скрывалась иная, болѣе затаенная, болѣе глубокая причина. Я силился отыскать эту причину, и двусмысленные намеки Надеждина мнѣ приходили на память. Что за мрачное воспоминаніе лежало между Конотоповымъ и его женой, воспоминаніе о чемъ-то давно минувшемъ, но все еще живомъ, и почему съ нимъ была связана личность молодого князя? Не разъ я насмѣшливо говорилъ себѣ, что нѣтъ мнѣ до этого никакого дѣла, что я, какъ провинціальная кумушка, изъ любопытства заглядываю въ чужія тайны, но въ то же время я сознавалъ, что эти тайны не были для меня чужими, что Конотоповъ и его семья мнѣ стали почему-то близкими, что совсѣмъ не любопытство, а иное чувство побуждало меня, такъ живо, интересоваться ихъ судьбой...

Эти размышленія были прерваны стукомъ въ мою дверь. Я отворилъ и, къ немалому своему изумленію, увидѣлъ князя Слуцкаго. Князь счелъ долгомъ извиниться, что не успѣлъ еще у меня побывать.

— Весь вчерашній день прошелъ въ разъѣздахъ, говорилъ онъ, сіяя изысканною любезностью.—Я радъ, что могу улучить теперь свободную минуту.

Я пригласилъ его сѣсть, ничего не отвѣтивъ на эти преувеличенныя извиненія. Онъ пріѣхалъ всего лишь тому 24 часа, а мы и въ Петербургѣ съ нимъ рѣдко видались. Онъ, очевидно, заискивалъ во мнѣ ради выборовъ, хотъ и зналъ, конечно, что голосъ мой будетъ поданъ за Семена Андреевича. Но Слуцкій былъ изъ тѣхъ людей, которые ничѣмъ не брезгаютъ. Холодный, даже надменный съ людьми, въ которыхъ ему нечего заискивать, онъ готовъ былъ льстить, даже унижаться передъ всякимъ, кто могъ ему хотъ сколько-нибудь пригодиться. Къ настоящему предмету своего посѣщенія онъ, однако, не приступилъ. Онъ заговорилъ о петербургскихъ знакомыхъ, небрежно рассказалъ два очень скандальные анекдота и, съ тою же изычною небрежностью, отозвался о провинціи и ея обитателяхъ. Я рѣшился самъ приступить къ дѣлу, не считая нужнымъ скрывать отъ него, что догадываюсь о его намѣреніяхъ.

— Этой скучной провинціи вы, однако, собираетесь, какъ слышно, посвятить свое время, князь, замѣтилъ я насмѣшливо, перебивая одинъ изъ его презрительныхъ отзывовъ о мѣстномъ обществѣ.

Слуцкій пожалъ плечами.

— До васъ уже дошло, сказалъ онъ,—что мнѣ предлагаютъ баллотироваться?

— И вы, конечно, не откажетесь?..

— Да, право, не знаю, отвѣтилъ онъ, добродушно засмѣявшись.—Откровенно говоря, особенно этого я не желаю, но если придется собою пожертвовать для об-

щаго дѣла, если никого другого не окажется, кто бы положилъ конецъ здѣшней неурядицѣ...

— Позвольте, снова перебилъ я,—мнѣ кажется, такого человѣка незначѣмъ и отыскивать... Семенъ Андреевичъ, который уже столько лѣтъ...

Смѣхъ молодого князя изъ добродушнаго тона перешелъ въ слегка презрительный.

— Конотоповъ?.. Помилуйте, его пѣсенка спѣта... Онъ, спору нѣтъ, человѣкъ способный, даже очень, но теперь, когда всѣ убѣдились, что онъ не болѣе, какъ аферистъ сомнительнаго свойства...

— А это ему, однако, не помѣшало блистательно пройти въ предсѣдатели.

— Да, интриги, рядъ ловкихъ фокусовъ, вѣчная манера сорить деньгами, благо эти деньги чужія... Такую игру долго вести нельзя... Въ земствѣ все люди ему преданные, потому что у нихъ самихъ рыльце въ пушку. А теперь, когда собралось все дворянство губерніи...

Меня взорвало.

— Вы, однако, рѣзко выражаетесь, князь, да и позвольте узнать, что вамъ даетъ поводъ съ такою ненавистью, да, съ ненавистью, — я пристально на него взглянуть, говоря это,—набрасываться на человѣка, котораго вы почти не знаете? Или я, можетъ-быть, ошибаюсь, и у васъ есть какіе-нибудь личные счеты съ Конотоповымъ?..

Слуцкій измѣнился въ лицѣ. Губы его перестали смѣяться и черты приняли жесткое выраженіе, собственное имъ всякій разъ, что онъ не хотѣлъ или не могъ приневолить ихъ къ добродушному ласкательству.

— Вы думаете, отвѣтилъ онъ сухо,—я могу дурно отзываться о комъ-либо только изъ личныхъ побужденій? Я сужу о Семенѣ Андреевичѣ на основаніи того, что я здѣсь слышу... Да и не здѣсь только, добавилъ онъ,—про это говорятъ и въ Петербургѣ... Вамъ это, кстати, не мѣшаетъ знать, вамъ, которые за него такъ горячо заступаетесь... Да, впрочемъ, васъ и переубѣждать незначѣмъ, будущее вамъ очень скоро покажетъ, что вашъ провинціальный колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Аферисты всегда рано или поздно зарываются, и Конотоповъ на земскомъ собраніи отыгралъ свои послѣдніе козыри.

Слуцкій всталъ и протянулъ мнѣ руку, очевидно, находя, что напрасно теряетъ со мной время.

— Конотоповъ, могу васъ увѣрить, въ такомъ положеніи, добавилъ онъ,—что ему во что бы то ни стало надо продлить, хотя немного еще, басню о благополучіи губерніи и объ его собственномъ богатствѣ. Онъ, какъ игрокъ, надѣется на послѣднюю ставку, и, проигравъ онъ ее, все его величіе рухнетъ. Вѣдь, все его состояніе—пуфъ, имѣнія заложены, и, провалился онъ на выборахъ, всѣ, у кого имѣются его векселя, а такихъ не перечесть, накинутся на него разомъ... Вы мнѣ не вѣрите?.. Подождите. Быть предводителемъ, конечно, не важная опора для кредита, но воздушный замокъ, выстроенный Конотоповымъ, держится пока на общемъ убѣжденіи, что Семенъ Андреевичъ непобѣдимъ, что до него никто прикоснуться не смѣетъ. И будь ему нанесенъ хотъ одинъ ударъ, весь этотъ мыльный пузырь разсѣется.

— Странно, однако, отвѣтилъ я,—что я здѣсь почти мѣсяцъ — и ничего про это не слышалъ, а вы въ какіе-нибудь двадцать четыре часа...

— Должно-быть, смотрѣлъ я иными глазами, чѣмъ вы... возразилъ нѣсколько иронически князь.

Сказавъ это, онъ уже собирался выйти, но вдругъ, какъ бы спохватившись, остановился.

Литературный альбомъ. „Анджело“, А. С. Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломко, грав. Ольшевскій.
Библиотека "Руниверс"

— Кстати, заговорил онъ опять, — вы, кажется, очень съ ними сблизились?

— Бывалъ у нихъ довольно часто, это правда. Да что же изъ этого?

— Ничего, такъ...

Онъ опять посмотрѣлъ на меня своими пристальными, недобрыми глазами.

— Вы, можетъ-быть, имѣете свои причины за Семена Андреевича такъ заступаться?

Онъ, очевидно, хотѣлъ меня взбѣсить, и это ему удалось.

— Ахъ, князь, возразилъ я довольно раздражительно, — мои причины, кажется, для васъ интересными быть не могутъ... Да и что-жъ тутъ особеннаго, коли меня возмущаютъ несправедливыя нападки на чело-вѣка, котораго я научился уважать?!

— Даже уважать, вотъ какъ! Ну, тогда, конечно, всякіе доводы окажутся безсильными. Кто не хочетъ видѣть истины, тотъ, разумеется, ея никогда не увидитъ. Вы, можетъ-быть, даже не замѣтили странныхъ отношеній въ семьѣ Конотоповыхъ?

— Какихъ отношеній? Чтò хотите вы сказать?! запальчиво сказалъ я. — И чтò можете вы знать про эти отношенія?

— Ничего, рѣшительно ничего... Я, вѣдь, лично не имѣю удовольствія быть съ ними на короткой ногѣ. Я сужу только по слухамъ... Да Семень Андреевичъ не даетъ себѣ особеннаго труда скрывать своего чувства къ женѣ и сыну.

— А вы что-нибудь знаете про эти... чувства? спросилъ я, въ свою очередь.

Мнѣ хотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобы заставить Слуцкаго проговориться.

— Можетъ-быть, и знаю, засмѣялся онъ. — Я хотѣлъ только убѣдиться, знакомы-ли они вамъ тоже. Не странно-ли, напри-мѣръ, что сынъ такого богатаго чело-вѣка, какъ Семень Андреевичъ, постоянно нуждается въ деньгахъ и вынужденъ занимать у перваго встрѣчаго?..

— На такого сына, я думаю, неосторожно отвѣтилъ я, — никакой отцовской щедрости не хватитъ.

— Вотъ, стало-быть, знаете тоже... И то, можетъ-быть, вамъ извѣстно, что Мишу Конотопова выключать изъ полка, если онъ не расплатится по своимъ векселямъ, а почтенному его родителю, повидимому, и дѣла нѣтъ до этого.

— Да мнѣ-то какое до этого дѣло?! воскликнулъ я, все болѣе раздражаясь.

— Какъ же?... Вѣдь, вы такъ интересуетесь ими, и вотъ именно, чтобы удовлетворить вашу справедливую любознательность, могу вамъ сообщить, что Миша Конотоповъ сегодня утромъ обращался за деньгами... къ кому бы вы думали?.. Ко мнѣ.

— И вы намѣрены ему дать взаймы?

Слуцкій погладилъ усы и опять засмѣялся недобрымъ смѣхомъ.

— Это мы увидимъ... какъ придется... А теперь до пріятнаго свиданія!

Крайне непріятное впечатлѣніе оставилъ во мнѣ разговоръ съ княземъ. Хотя его словамъ мнѣ плохо вѣрилось, я все-таки смутно чувствовалъ, что надъ Семеномъ Андреевичемъ собирается нешуточная гроза, но выпытать что-либо отъ Слуцкаго мнѣ все-таки не удалось. Одно было мнѣ ясно — у нихъ были какіе-то старинные счета, которые ничего общаго не имѣли съ предстоящими выборами. Слуцкій мстилъ Семену Андреевичу за какую-то старинную глубокую обиду. Про эту обиду знала Любовь Петровна, какъ зналъ про нее и Надеждинъ. И Любовь Петровна — на этотъ счетъ сомнѣній тоже не оставалось — была не на сторонѣ мужа. Мнѣ припомнилось, какъ въ собраніи она упомянула про отца князя, какъ задрожалъ при этомъ ея голосъ.

Надо было еще разъ переспросить Надеждина, теперь онъ, можетъ-быть, скажетъ.

Я взялъ извозчика и поѣхалъ къ Виктору Александровичу, но дома я его не засталъ. Не имѣя возможности удовлетворить загорѣвшееся любопытство, я захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь предпринять въ виду заговора, составлявшагося противъ Семена Андреевича. Я объѣхалъ нѣсколькихъ изъ главныхъ сторонниковъ Конотопова, но, какъ на зло, меня преслѣдовала неудача за неудачей. А во мнѣ самомъ внутренній голосъ продолжалъ подсмѣиваться надъ моимъ непрошеннымъ рвеніемъ.

До обѣда еще оставалось слишкомъ часъ. Я вспомнилъ вдругъ, что два дня передъ тѣмъ общалъ Анѣ побывать у Луниныхъ, и до сихъ поръ не сдержалъ слова, не сдержалъ оттого, что для меня самого не совсѣмъ было ясно, чѣмъ я могъ помочь бѣдной семьѣ, въ которой она принимала участіе.

„Увидимъ, что за чело-вѣкъ этотъ Луинъ, говорилъ я себѣ, вбѣгая на полусгнившія ступеньки крыльца, — а тамъ, можетъ-быть, отыщу ему подходящее мѣсто въ Петербургѣ. Для нихъ главное теперь уйти изъ прежней обстановки, отъ знакомыхъ лицъ“.

Мнѣ отворила молодая дѣвушка, и, какъ мнѣ показалось, оглядѣла меня съ какою-то странною недовѣрчивостью, должно-быть, вошедшею въ привычку. Одѣта она была не только бѣдно, но и неряшливо, и оттого, должно-быть, я нашелъ ее некрасивой. На блѣдныхъ, не крупныхъ чертахъ ея лица было что-то безжизненно-покорное, не горечь даже, а усталость какала-то. Я назвалъ себя и упомянулъ про Аню. Одно ея имя вызвало, но только на одинъ мигъ, искорку радости въ потухшихъ глазахъ дѣвушки. Но тотчасъ ее смѣнило опять выраженіе недовѣрія.

— Вы отъ Анны Семеновны? проговорила она тихо. — Войдите. Отца нѣтъ дома, но сейчасъ будетъ, должно-быть...

Голосъ у нея былъ прелестный, мягкій и сердечный, хоть и онъ былъ словно подернутъ какою-то непоправимою, безнадежною скорбью. Она провела меня въ комнатку, еле меблированную и страшно холодную. На стѣнахъ сѣроватыя пятна выступали отъ сырости: видно было, что старался кто-то поддерживать опрятность и порядокъ, но что старанія эти уничтожались въ борьбѣ съ распущенностью, какую ведетъ за собою нужда, приучающая ко всему относиться равнодушно. Полъ былъ вымытъ тщательно, но какія-то тряпки валялись въ углу. А на столѣ не прибраны были остатки обѣда. Дѣвушка принялась, впрочемъ, ихъ уносить въ другую комнату, но, посмотрѣвъ на меня, такъ и оставила это недо-дѣланнымъ, и блѣдная насмѣшка показала на ея губахъ. „Къ чему, не все-ли равно?“ говорили какъ будто при этомъ ея глаза.

Мы усѣлись. Я сказалъ ей, что общалъ Анѣ у нихъ побывать, что, можетъ-быть, удастся пристроить ея отца въ Петербургѣ.

— Батюшку пристроить? сказала она. — Только нѣтъ, вредъ-ли... Много разъ общали, да и онъ едва-ли захочетъ...

Тупое нежеланіе найти выходъ изъ своей безотрад-ной жизни, видно, охватило это молодое существо.

— А вотъ увидимъ, постараемся, отвѣтилъ я ободряющимъ тономъ. — Вотъ и Анна Семеновна очень заинтересована вами.

При этомъ имени опять заблестѣли ея глаза.

— Да, она добрая, добрая... И въ прошлую зиму часто къ намъ заходила, и вотъ теперь недавно была.

— Вы товарки по гимназій?

— Какія товарки!.. опять горько усмѣхнулась дѣвушка. — Развѣ я могу ставить себя на одну доску съ нею... Я думаю, достается ей отъ мамы за свои по-сѣщенія къ намъ.

Въ это время хриплый звонокъ раздался у крыльца, и минуто спустя вошелъ невысокаго роста человекъ, съ сѣдыми рѣдкими волосами и давно небритой сѣдой щетиной на подбородкѣ и щекахъ. Застарѣлая приниженность читалась на его лицѣ, приниженность, которой рѣзко противорѣчили лукавые, злобные глазки. Онъ вошелъ неровною, почти шатающеюся походкою. Луиниъ былъ, очевидно, выпивши.

— Честь имѣю рекомендоваться-съ, заговорилъ онъ, кланяясь со всего размаха, — Луиниъ, Степанъ Васильевичъ, надворный совѣтникъ Луиниъ-съ... Чѣмъ могу служить-съ?

Я повторилъ ему то, что сказалъ уже ранѣе его дочери.

— Такъ-съ... Много намъ чести... польщенъ, могу сказать, чувствительно польщенъ-съ... потому, сами изволите видѣть, въ какихъ хоромахъ живу-съ, и отъ такихъ важныхъ господъ-съ такое вниманіе къ моей нищетѣ...

Онъ расшаркался, смѣялся, и, должно-быть, чувствуя себя нетвердо на ногахъ, оперся рукою на столъ.

— Недавно еще, кажись, снова заговорилъ онъ, покачивая головой, — я тоже человекъ былъ-съ... настоящимъ, то-есть, человекъ, и уваженіе даже, могу сказать, заслужилъ-съ... Когда я въ свою канцелярію входилъ-съ, вставали передо мной-съ; да-съ, вставали и кланялись... А теперь извергнуть вонъ, причисленъ къ отребью рода человѣческаго-съ... и уваженія ко мнѣ нѣтъ уже ни отъ кого-съ... До старости дожилъ-съ...

— Папа, остановила его дочь, — вѣдь, они знаютъ все это и для того пришли, чтобы помочь вамъ... Что-жъ вы ихъ безпокоите понапрасну? Мѣсто они хотятъ вамъ прискаты.

Луиниъ приостановился.

— Мѣсто! завопилъ онъ, опять низко кланяясь мнѣ. — Мѣсто вы мнѣ прискаты хотите? Много вамъ благодаренъ-съ, за все ваше великодушіе благодаренъ-съ... Только все это понапрасну... да и мѣста вы мнѣ никакого не найдете-съ, потому, сами знаете, ошельмованъ.

Онъ произнесъ это, весь выпрямившись и будто гордясь своимъ положеніемъ. Онъ даже выставилъ правую ногу впередъ и, глядя на меня въ упоръ, добавилъ, возвышая голосъ:

— И не нужно мнѣ вашего мѣста... догнѣю и здѣсь... И къ чорту мнѣ все ваше великодушіе, да, къ чорту... потому что когда человекъ цѣлый годъ отовсюду гнали и грязью сакидывали, какъ послѣдняго пса, такъ ему ужъ ласки не нужно, не принимаетъ болѣе, не принимаетъ...

— Послушайте, Степанъ Васильевичъ, сказалъ я, вставая, — я зашелъ къ вамъ, чтобы вамъ предложить какую-нибудь работу не здѣсь, а въ Петербургѣ... Но, я вижу, мнѣ лучше зайти въ другой разъ... Слово вашихъ я на свой счетъ не припимаю, да и хотѣлъ я за васъ похлопотать лишь потому, что мнѣ про васъ говорила Анна Семеновна Конотопова.

— Слышалъ, слышалъ-съ, захихикалъ Луиниъ. — Анна Семеновна сама здѣсь бывать изволила, великую честь намъ оказывала.

— Да Семенъ Андреевичъ самъ къ вамъ собирался.

— Не только собирался-съ, но и былъ... Да, вчера быть изволили-съ... деньги мнѣ даже вручили, не малую сумму, — дѣсти цѣлковыхъ.

Въ тонѣ, которымъ онъ проговорилъ это, были и злора, и какое-то странное хвастовство.

— Да, поистинѣ великую честь мнѣ оказать изволили ихъ превосходительство, самолично были, самолично...

— Папа, да перестаньте!.. вся пристыженная и блѣдная, принялась уговаривать его дѣвушка. — Что подумаетъ господинъ Роевъ?

— А, что подумаетъ?! громко захохоталъ Луиниъ, и

со всего размаху ударилъ кулакомъ по столу. — Пусть онъ не только думаетъ, что хочетъ, пусть все перескажетъ самому хоть Семену Андреевичу, котораго ты за благодѣтеля нашего считаешь. Благодѣтель!.. Пожертвовалъ отъ избытковъ своихъ, отъ незаконнаго стяжанія цѣлыя двѣсти рублей, да времени своего дорогаго съ десятокъ минутъ, ха, ха!.. Господинъ Роевъ, обратился онъ вдругъ ко мнѣ, весь выпрямившись, — посудите сами... вы человекъ благородный, потому къ бѣдному человекъ прійти не побрезгали, и пришли не съ тѣмъ, чтобы унижить его своимъ благородствомъ, не съ тѣмъ, я это чувствую... Каково мнѣ на старости лѣтъ — онъ ударилъ себя кулакомъ по груди — милостыню принимать, да еще выражать при этомъ благодарность, когда, вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ, по-настоящему-то, самый тотъ человекъ, кого я благодарить обязанъ, во сто разъ больше меня заслуживаетъ, чтобы его на позоръ выставили за всѣ его дѣла. Былъ за мной грѣшокъ, дѣйствительно, былъ... а у него, у Семена Андреевича-то!.. И кабы справедливость была на свѣтѣ, не мнѣ бы передъ нимъ унижаться, а ему, ему отвѣтъ бы дать надо...

Онъ закашлялъ, видимо, обезсиленный собственнымъ гнѣвомъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Луиниъ?! заговорилъ я.

Дочь Степана Васильевича на этотъ разъ ничего не возразила, она тихо плакала, закрывъ лицо руками.

— Кабы я зналъ, что вы...

Луиниъ опять выпрямился и перебилъ меня:

— Кабы знали, не пришли бы сюда! воскликнулъ онъ. — Ну, такъ и незачѣмъ было ходить, не нужна мнѣ помощь ваша, непрощенная... то-есть, по-настоящему, пужна-то она мнѣ очень; только знаю я, что ничего изъ этого не выйдетъ. Я человекъ пропащій... видите — запилъ... я, вѣдь, знаю, что пьянъ, знаю. И остался у меня послѣдняя радость, что случай имѣю сказать вамъ въ лицо: не хочу вашей помощи, не хочу!..

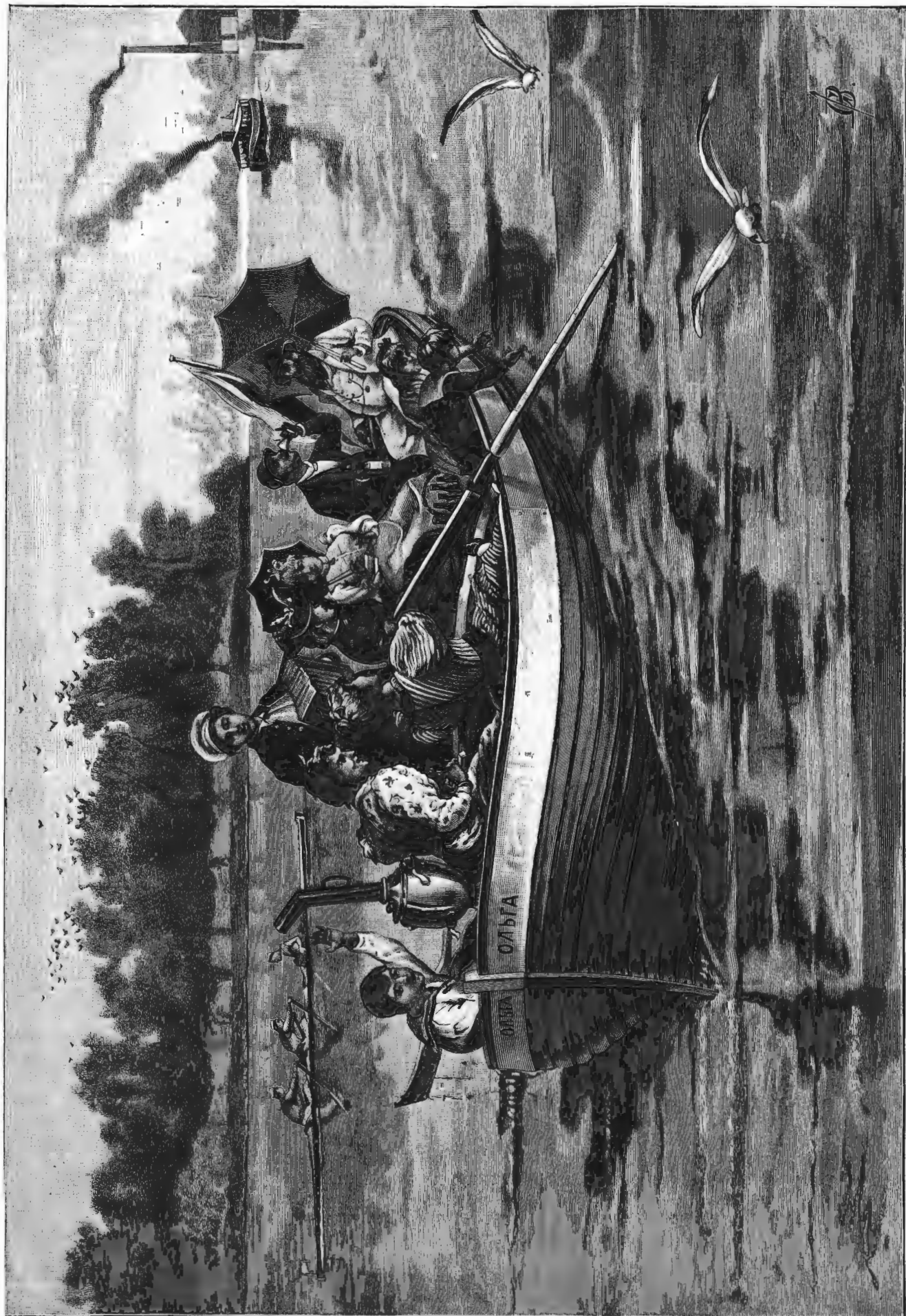
Сцена эта мнѣ претила несказанно, и все-таки я оставался и выслушивалъ эти безумныя рѣчи: не хотѣлось мнѣ вернуться къ Анѣ съ такимъ отвѣтомъ.

— Годъ тому назадъ, продолжалъ Луиниъ, и голосъ его какъ-то разомъ вдругъ упалъ, почти даже смягчился, — когда меня только что выгнали изъ службы, я обращался къ Семену Андреевичу, просилъ его, униженно просилъ оказать мнѣ защиту, и что-жъ?.. Велѣлъ онъ меня выгнать изъ своей передней какъ послѣдняго мерзавца, находилъ, должно-быть, что я домъ его мараю своимъ присутствіемъ... А, вѣдь, самъ-то, самъ-то десятками тысячъ загребаешь... Вотъ онъ каковъ, благодѣтель-то! А теперь смиловался вдругъ, самъ мнѣ деньги свои воровскія принесъ; только поздно теперь... годъ тому назадъ я еще человекъ былъ, а теперь поздно, не поправишь. Не чувствую больше въ себѣ благодарности, потому что долго битая собака ласки не чувствуетъ...

И новый взрывъ бѣшенства овладѣлъ имъ, только это было уже иное, безсильное, разслабленное бѣшенство.

— Папа, вступилась опять дѣвушка, — вы хоть бы про Аню-то вспомнили, изъ-за нея постыдились бы такъ говорить... Она васъ, кажется, ничѣмъ не обидѣла, и одна только она все это тяжелое время про насъ вспоминала.

— Да, правда, словно пораженный чѣмъ-то, посмотрѣлъ на дочь Степанъ Васильевичъ, — Анна Семеновна ни въ чемъ не виновата, слова противъ нея не скажу, она, какъ птичка весенняя, къ намъ залетала, въ нашу хату убогую... Такъ и скажите ей, господинъ Роевъ, — всѣмъ сердцемъ ей благодаренъ, и дочку мою бѣдную ей поручаю, пусть не забудетъ про мою Надю. А самъ я, говорю вамъ, отпѣтый, и не стѣдитъ обо мнѣ

Возвращение съ пикника. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Шюлеръ.

Изъ времени собиранія земли Русской. Великій князь Василій III диктуеть свое завѣщаніе.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Зейденберга, грав. Хелмицкій.

хлопотать, и не долго мнѣ, безпутному старикашкѣ, промаяться... Знаю, что не долго...

Слезы выступили на покраснѣвшихъ глазахъ Лунина, и совсѣмъ дрыблымъ, хилымъ онъ мнѣ вдругъ показался.

— Такъ скажите, что благодарю-съ... И дочку мою поручаю, скажете?.. Скажете?.. Ну, и хорошо, а теперь полно, будетъ-съ, довольно вы на меня налюбовались.

Онъ отеръ слезы рукавомъ и сишло засмѣялся. Надя проводила меня къ крыльцу, робко упрасивая не рассказывать про то, что я слышала.

— Онъ не всегда, вѣдь, таковъ, увѣряла она меня.

— Да неужели вы думаете, что Анна Семеновна переѣздитъ къ вамъ изъ-за этого? Не беспокойтесь, она привыкла дѣлать добро не ради благодарности.

И, торопливо пожавъ ей руку, я увѣрилъ ее, что постараюсь какъ-нибудь пристроить ея отца. Не хорошо было у меня на душѣ, когда я выходилъ отъ Луниныхъ, и, какъ ни старался я воскресить въ себѣ образъ Семена Андреевича, какимъ я представлялъ его себѣ до этихъ поръ, черная, неизгладимая тѣнь легла на этотъ образъ, и охватившее меня неловкое, брезгливое ощущение стряхнуть съ себя я уже былъ не въ силахъ.

XI.

Вечеромъ былъ у губернатора балъ, куда я отправился затѣмъ только, чтобы лишній разъ увидѣть Аню. Былъ тамъ, разумеется, цѣлый рой губернскихъ прелестницъ, барышень, совсѣмъ еще юныхъ, съ узкими плечиками и съ пугливо опущенными глазками, и барышень, пессовсѣмъ уже юныхъ, но за то очаровательно разбитныхъ и пускавшихся въ атаку на мужичкѣ съ поразительнымъ удалствомъ. Былъ и драгунскій штабс-ротмистръ съ огромными усами, распорядившійся танцами, какъ эскадроннымъ ученьемъ, пока два юркіе, хотъ и очень малорослые, чиновника по особымъ порученіямъ исполняли долгъ службы, усердствуя въ ухаживаніи за дамами. Лакеи въ нѣсколько засаленныхъ фракахъ осторожно разносили угощенія, тщательно обходя гостей второго разбора, изъ боязни, что, пожалуй, не хватить на всѣхъ. Мѣстный военный оркестръ, съ грѣхомъ пополамъ, трубилъ нескончаемые кадрили и вальсы, но зато подъ конецъ вечера, изрядно хлебнувъ прохладительнаго, на славу прогремѣлъ захватскую мазурку. И хозяева были подъ-стать всему этому. Губернаторъ, маленький и кругленькій человѣчекъ, похожій на арбузъ на куриныхъ ножкахъ, этими самыми ножками сѣменилъ необыкновенно быстро, безпокойно перебѣгая изъ одной комнаты въ другую, но при этомъ не утрачивая достоинства, приличнаго сану. У супруги его—кетати, она была почти головой выше мужа—эта сановитость достигала необычайныхъ размѣровъ. Стоя въ дверяхъ второй залы, она съ томною величавостью принимала гостей, снисходительно улыбаясь мужчинамъ, а дамамъ протягивая кончики пальцевъ. Словомъ, было все какъ слѣдуетъ,—шумно, людно и душно.

Когда я вошелъ въ залу, танцы уже были въ полномъ разгарѣ. Но я тщетно искалъ Аню: Конотоповы еще не успѣли пріѣхать. Губернаторша встрѣтила меня съ преувеличенною любезностью.

— М-г Роевъ, сказала она, вызывая улыбку на своемъ сильно нарумяненномъ лицѣ, — я на васъ рассчитываю... вы, конечно, не откажетесь дирижировать нашимъ маленькимъ праздникомъ— „notre petite fête“, какъ она выразилась.—Вы будете для насъ, провинціаловъ, настоящимъ провидѣніемъ...

Ее видно не удовлетворяло примѣрное усердіе драгунскаго штабс-ротмистра, и мнѣ она платила дань, какъ постоянному жителю столицы. Но ея жеманная любезность меня не тронула. Я отказался.

— Вы лучше обратитесь вотъ къ этому молодому человѣку, сказалъ я, вдругъ увидѣвъ входящаго Мишу Конотопова,—онъ по этой части, конечно, мастеръ.

Губернаторша сдѣлала гримасу, но все-таки обратилась къ Мишѣ съ своею просьбою. Юный гусаръ съ готовностью принялъ возложенную на него обязанность, но, ближе всмотрѣвшись въ его раздумившееся лицо, я тотчасъ раскаялся въ данномъ мною совѣтѣ. Миша Конотоповъ былъ, очевидно, пьянъ. Объ этомъ говорили его усиленно блестящія глаза и его раскраснѣвшія щеки. Поправить ошибку было, однако, слишкомъ поздно. Миша вступилъ въ оживленную бесѣду съ губернаторшей, явно очарованной его красивой наружностью и бойкою развязностью, съ которою онъ сыпалъ комплименты на французскомъ языкѣ. А по губамъ его пробѣгала какая-то нехорошая, злорадная улыбка. Но губернаторша не примѣчала ничего.

„Ну, будь, что будетъ“, подумалъ я и, когда Миша отошелъ, шепнулъ ему только на ухо, остановивъ за локоть:

— Конотоповъ, будьте осторожны, — вы, кажется, немножко того...

Миша разсмѣялся.

— А, замѣтили? Я только немножко... Слуцкій насъ угостилъ обѣдомъ сегодня. Ну, да это ничего, сойdetъ, придастъ только нѣкоторое оживленіе... не бойтесь...

И отстегнувъ саблю, Миша принялся за свои обязанности, увлекая въ круговоротъ вальса какую-то блѣдную провинціальную дѣву. Всѣ передъ нимъ разступались, до того лихо кружилъ онъ свою даму. Надо ему отдать справедливость, Миша танцевалъ мастерски, и стоявшія вокругъ барышни пожирали его восхищенными глазами. А съ лица его, между тѣмъ, не сходила все та же зловѣщая улыбка.

Для меня, однако, вальсъ представлялъ мало интереснаго и, увидавъ Надеждина, я направился съ нимъ въ кабинетъ губернатора, гдѣ курили и топились мужчины, предпочитавшіе танцамъ вольную бесѣду и, въ особенности, карточные столы. Тутъ были налицо всѣ коноводы враждебной Семену Андреевичу партіи. Они пользовались случаемъ, чтобы вести агитацію среди вновь прибывшихъ дворянъ. Меня поразило, что Надеждинъ былъ съ ними на самой короткой ногѣ.

— Что, Платонъ Платоновичъ, весело сказалъ онъ, подходя къ одной кучкѣ, гдѣ ораторствовалъ Турусовъ, — ковы противъ насъ куете, здѣсь даже, на губернаторскомъ балу?

— Что за ковы, помилуйте?! Мы ведемъ дѣло на чистоту, не хоронимся... этихъ господъ стараемся просвѣтить.

Одинъ стоявшій тутъ низкорослый помѣщикъ, съ довольно плюгавымъ видомъ, и усами, нафабранными чутьли не сапожной ваксой, не поддавался, однако, увѣщаніямъ Турусова.

— Позвольте, говорилъ онъ,—Платонъ Платоновичъ. Все это, можетъ-быть, и такъ, а нельзя не вспомнить про то, что сдѣлалъ для насъ Семень Андреевичъ. Вотъ въ нашемъ уѣздѣ, тому два года, неприятность большая вышла, растрата въ управѣ была, — изволите помнить? — и нечѣмъ было пополнить, нечѣмъ... приходилось всей управѣ подъ судъ идти,—и что-жъ: Семень Андреевичъ изъ своего кармана уплатилъ, хорошихъ людей изъ бѣды спасъ...

— Да, ужъ нечего говорить, хорошихъ... хихикая, вмѣшался Надеждинъ.

— Да какъ же-съ, продолжалъ все тотъ же помѣщикъ. — И то надо сказать, кого несчастный случай не попутаетъ. Вы вотъ смѣтаете, что я сказалъ „хорошихъ“, а мы свою управу цѣнимъ, второе трехлѣтіе выбираемъ и стоять за нее будемъ всегда.

— И то надо сказать, заговорилъ другой помѣщикъ, человѣкъ геркулесовыхъ размѣровъ, съ такимъ басомъ,

что соборному діакону подѣ-стать, — у насъ, благодаря этой самой желѣзной дорогѣ, что устроилъ Семень Андреевичъ, съ десятины по 6 копѣекъ скинули... это цѣнить надо...

— А вы думаете, злобно засмѣялся Турусовъ, — Семень Андреевичъ тутъ про себя забыть? И коли онъ тамъ расщедрился, чтобы управу вашу изъ петли вынуть, онъ деньги эти потомъ не вернулъ?

— Кто знаетъ?.. чужая душа потѣмки, слышалось вокругъ, — а все-таки...

— А вотъ чтѣ я вамъ скажу, господа, возвышая голосъ, продолжалъ Турусовъ, — берегитесь, чтобы за всю эту манну небесную вамъ же расплачиваться не пришлось. Пожалуй, чего добраго, и у насъ въ губерніи окажется растрата, да такая, что трещину уже ничѣмъ замазать нельзя будетъ.

Повидимому, этотъ доводъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Меня взорвала наглость Турусова, взорвало и то, что Надеждинъ не заступился за Семена Андреевича, а только насмѣшливо крутилъ свои тоненькіе усы.

— Это клевета! воскликнулъ я, — или, чтѣ то же, голословное обвиненіе. И одного бы я желалъ, чтобы такіа слова могъ услышать Семень Андреевичъ: онъ нашелъ бы, чтѣ вамъ отвѣтить. Я знаю его, правда, всего нѣсколько дней, но въ одномъ я не сомнѣваюсь: человѣкъ онъ недюжинный, не мелочной, и ужъ, конечно, не способный на какую-нибудь низость.

Увы! я тотчасъ замѣтилъ, что слова мои прозвучали какъ-то не въ тонъ, что въ нихъ была какая-то восторженность, совсѣмъ не подходившая подъ общее на-

строеніе. Не возражалъ мнѣ, правда, никто, но въ глазахъ Турусова промелькнула искорка, точно они говорили мнѣ, эти глаза: „эхъ, новичокъ вы, новичокъ... насъ развѣ этимъ вы проймаете?“

А вырвались у меня эти слова такъ горячо какъ разъ потому, что во мнѣ самомъ зародились сомнѣнія насчетъ Семена Андреевича. И не хотѣлъ поддаться этимъ сомнѣніямъ, возмущался ими даже, какъ измѣной какой-то, и такъ рѣшительно заступился за Семена Андреевича, чтобы въ собственныхъ глазахъ искупить эту измѣну. Но я тутъ же могъ убѣдиться, что Конотоповъ не нуждается въ моемъ заступничествѣ. Выраженное мною желаніе исполнилось съ поразительной быстротой: не прошло и минуты, какъ въ дверяхъ показался Семень Андреевичъ. И при видѣ его, какъ по волшебству какому-то, разомъ измѣнились всѣ лица. Тѣ самыя губы, которыя едва успѣли проронить язвительные, даже позорящіе, намеки, теперь складывались въ преданную улыбку. У Семена Андреевича даже какъ будто и противниковъ не было вовсе, до того встрѣтили его всѣ единодушнымъ привѣтствіемъ и поспѣшили вокругъ него столпиться, ловя каждое его слово. А онъ глядѣлъ на нихъ съ тою же спокойною, хотя и горделивою привѣтливостью, какую я видѣлъ всегда въ его чертахъ въ минуты его торжества. Ростомъ онъ былъ выше всѣхъ, да и не однимъ только ростомъ. Если бы въ комнату вошелъ совсѣмъ посторонній человѣкъ, не знавшій его въ лицо, онъ, завидѣвъ его, сразу бы догадался, что, безспорно, Конотопову принадлежит первенствующая роль.

(Продолженіе будетъ).

„Да здравствуетъ республика!“

Миньатюра Арн. П—а.

Лучи заходящаго солнца краснымъ заревомъ освѣщали Парижъ. Небо было словно окрашенное пенареніями крови, которая лилась, лилась день и ночь изъ-подъ ножа безъ устали стучавшей гильотины.

Врачъ Просперъ, одѣтый въ свое „рабочее“ платье, стоялъ у окна въ анатомической залѣ. Студенты не собрались еще. Странное чувство охватывало его. Нервы были напряжены. Ему казалось, съ самаго того дня, когда началась эта рѣзня, что живетъ онъ во снѣ, и что сонъ этотъ—тяжелый, нездоровый сонъ. Онъ ненавидѣлъ старый порядокъ до глубины души, но и новый былъ слишкомъ страшенъ, слишкомъ отвратителенъ, чтобы отдохнуть и забыться при немъ. Просперъ искалъ спасенія въ „работѣ“, и, правда, „новый порядокъ“ щедро давалъ ему матеріалъ для этой работы. На столахъ, вокругъ него, лежали труны. Большой котелъ кишѣлъ посредническими комнатами, вышуканная клубы пара. Возлѣ него была кучею сложена гора мертвыхъ головъ, съ краткою, но многоговорящею надписью надъ ними: „Свѣже-отрубленные“. Просперъ подошелъ, наклонился... Непзьяснимо-торжественный отпечатокъ величія накладываетъ смерть на самыя обыкновенныя лица!.. Вотъ—голова съ красивыми, тонкими, измѣженными чертами лица. При жизни онъ умѣлъ только улыбаться... По всему—это молодой баричъ, избалованный жизнью. Какъ сосредоточенно серьезенъ онъ теперь...

— Разъ! сказалъ Просперъ, и голова погрузилась на дно котла... А вотъ маленькая, дѣвчья головка... Милое, почти дѣтское личико...

— Два! произнесъ Просперъ, и снова послышался плескъ воды... Вотъ голова священника—это видно по тонзурѣ. Лицо покрыто морщинами, зубы стиснуты. Кто знаетъ, какія мысли жили въ этой головѣ? Можетъ-быть, этотъ священникъ былъ

ученый, который скромно провелъ свою славную жизнь, чтобы копчить, какъ Лавуазье, подъ ножомъ гильотины?..

— Три!

И еще одну голову взялъ Просперъ... Правильно очерченный носъ, нѣжный овалъ лица и густыя, короткія кудри блондурихъ волосъ... Полуоткрытые голубые глаза, словно глаза сфинкса, глядѣли на Проспера, не видя его. Такъ смотритъ смерть куда-то въ вѣчность, не замѣчая ничего земного и тлѣннаго. Просперъ узналъ это лицо, узналъ эту голову. Это была она, Дезире де-Туръ, женщина, которую онъ любилъ, какъ свою жизнь, о которой онъ мечталъ, какъ узникъ мечтаетъ о свободѣ, съ которой одною онъ могъ повнѣть счастье!.. И она умерла на эшафотѣ, въ грубыхъ рукахъ палача, подъ тяжелой гильотиной, при радостныхъ кликахъ толпы:

— Да здравствуетъ республика!

Онъ думалъ, она далеко... Ее поймали на какой-нибудь заставѣ и вернули въ Парижъ... Дезире умерла, Дезире больше не улыбнется своей привѣтливой улыбкой, не трихнетъ своими блондурихми кудрями... Ее открыли, несмотря на мужской костюмъ (а какъ онъ заботился объ этомъ костюмѣ!), ее захватили въ тюрьму, ее обвинили въ государственной измѣнѣ, ее везли по улицамъ, ее казнили на глазахъ всего народа... За что? А онъ! Гдѣ былъ онъ въ то время? Зачѣмъ не могъ броситься онъ въ толпу, чтобы, если не разогнать этихъ негодиевъ, то, по крайней мѣрѣ, умереть вмѣстѣ съ нею!..

„Гдѣ я былъ тогда? безмысленно проносилось въ головѣ Проспера. — Гдѣ я теперь? Кругомъ—труны, мракъ, головы, котелъ какой-то...“

И страхъ охватилъ Проспера и безуміе... Онъ бросился къ окну, бѣжать... На улицѣ валяла шумная толпа, и вдругъ воздухъ огласился радостнымъ, неистовымъ, буйнымъ крикомъ:

— Да здравствуетъ республика!..

Древности Старой Ладogi.

Очеркъ В. Ч.

Сколько разъ мы отправляемся лѣтомъ въ заграничныя поѣздки, чтобы тамъ, съ красной книжкой Бедекера въ рукахъ, осматривать и изучать разныя достопримѣчательности, и совсѣмъ не обращаемъ вниманія на то, чтѣ у насъ у самихъ, такъ сказать, подъ бокомъ. Вотъ, напримѣръ, можно съ увѣренностью сказать, что не многимъ извѣстны достопримѣчательности Старой Ладogi, одного изъ самыхъ древнихъ городовъ сѣверной Руси; въ свое время онъ былъ довольно значительнымъ торговымъ центромъ; теперь же это не больше, какъ

жалкій, бѣдный поселокъ, ютящійся подлѣ древнихъ развалинъ. Наши лѣтописи, какъ извѣстно, расходятся въ указаніи города, гдѣ поселился Рюрикъ. Однѣ указываютъ прямо на Новгородъ, другія утверждаютъ, что Рюрикъ поселился въ Ладогѣ, срубивъ тамъ городъ, и только черезъ два года послѣ смерти братьевъ переехалъ къ Ильмену. Какъ бы то ни было, первое достоверное извѣстіе о Ладогѣ относится уже ко временамъ Владиміра и Ярослава и находится въ хроникѣ Стурлеона.

Главное историческое сокровище Старой Ладоги, это — развалины древней крѣпости; стѣны этой крѣпости, за исключеніемъ западной, обвалились, и только три башни еще пока держатся. Подъ двумя изъ этихъ башенъ находятся тайники. Рассказываютъ, что въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ тайникѣ юго-восточной башни спускался мѣстный мѣщанинъ Апаньевъ. Онъ нашелъ тамъ ходъ подъ стѣною, по направленію къ Волхову, выложенный изъ плитняка, со сводомъ; въ другомъ концѣ ходъ упирается въ желѣзную дверь, запертую замкомъ. Теперь входъ въ эти тайники заваленъ камнями и доступъ къ нимъ почти невозможенъ. Вдали, на берегу рѣки Ладожки, замѣтны остатки древней каменной церкви, открытыя г. Бранденбургомъ. Другая церковь, открытая имъ же, находится въ самой Ладогѣ. Обѣ церкви, судя по плану, принадлежатъ къ древнему трехъ-абсидному типу, образцомъ котораго можетъ служить крѣпостная церковь Св. Георгія. Въ церквахъ этихъ уцѣлѣли части покрывавшаго стѣны орнамента, довольно грубаго рисунка. Кроме того, въ одной изъ нихъ найдено было хорошо сохранившееся бронзовое панцидло и разныя серебряныя подвѣски къ иконамъ, очень древнія.

Въ самой крѣпости, на пригоркѣ, окруженная молодыми деревьями и высокими кустами, стоитъ небольшая, деревянная церковь Св. Дмитрія Солунскаго, съ характернымъ куполомъ и еще болѣе характернымъ обветшалымъ крыльцомъ. Вокругъ нея раскинуто небольшое кладбище, а изъ-за ветхой крыши поднимаются восьмисотлѣтнія бѣлыя стѣны церкви Св. Георгія. Деревянная церковь Св. Дмитрія внутри представляетъ печальную картину бѣдности и запустѣнія. Каменная церковь Св. Георгія имѣетъ особенный художественный и археологическій интересъ. Теперь, къ сожалѣнію, она испорчена пристройкою шаблонно-рутинной колокольни, но въ ней расположены фрески XII столѣтія, подробно описанныя Прохоровымъ. Особенно интересными представляются двѣ фрески: Вознесеніе Господне, въ куполѣ, хорошо сохранившееся, вѣроятно, благодаря значительной высотѣ, на которой оно находится, и другая фреска — Св. Георгій Побѣдоносецъ, на восточной стѣнѣ діакона. Въ Вознесеніи Спасителя изображенъ сидящимъ на радугѣ, въ голубомъ кругѣ, который поддерживается ангелами; внизу — Богоматерь и апостолы, раздѣленные другъ отъ друга пальмовыми деревьями;

еще ниже — пророки; раздѣляющія ихъ ниши украшены разнообразнымъ причудливымъ орнаментомъ. На другой фрескѣ изображена спасенная Св. Георгіемъ царевна и побѣжденное чудовище, которое она ведетъ за собой на бѣлой лентѣ, и даже башня, гдѣ помѣщаются зрители совершившагося чуда. Побѣдоносецъ изображенъ въ воинскихъ доспѣхахъ, верхомъ на бѣломъ конѣ.

Фактъ открытія этихъ фресокъ довольно любопытенъ. Въ 1780 году, митрополитъ новгородскій Гавріилъ, проѣздомъ въ Петербургъ, посетилъ Старую Ладогу. Войдя въ церковь Св. Георгія, онъ обратилъ вниманіе на обвалившуюся мѣстами штукатурку, подъ которою былъ ясно виденъ другой слой, расписанный масляными красками. Полагая, что на немъ находится кака-нибудь надпись о времени сооруженія храма, владыка приказалъ отбить верхнюю штукатурку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но при отбиваніи былъ частью разбитъ и второй слой, а подъ нимъ обнаружился третій, древнѣйшій, съ фресковыми изображеніями. Тогда принялись за снятіе верхнихъ слоевъ, чтобы окончательно обнаружить фрески. Слои были сняты грубо, небрежно и неумѣло; въ одномъ мѣстѣ было снято два слоя, въ другомъ одинъ. Стѣны оказались обезображенными и не мало смущали прихожанъ церкви, которыхъ только недостатокъ средствъ удерживалъ отъ приданія стѣнамъ должнаго благолѣпія. Идали „благодѣтели“, и благодѣтель нашелся — изъ купцовъ. Въ 1849 году почти всѣ фрески были сбиты со стѣнъ топорами и ломомъ и выброшены, какъ мусоръ, въ одну изъ башенъ крѣпости. Уцѣлѣли только тѣ, которыхъ штукатурка не сочли нужнымъ отбивать и прямо замазали слоемъ извести. Прохоровъ около трехъ недѣль рылся съ помощниками въ грудѣ выброшенныхъ изъ церкви обломковъ, но, кромѣ самыхъ ничтожныхъ частей, ему не удалось составить ничего болѣе или менѣе полнаго. Добившись „благолѣпія“ внутри, благодѣтели перенесли свои работы и на наружное благолѣпіе: они сломали трапезу, пристроенную въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка, замѣнили ее другою, продолговатою, и возвели колокольню, которая не вяжется ни съ чѣмъ остальнымъ и только портитъ общее впечатлѣніе. Сколько другихъ драгоценнѣйшихъ достопримѣчательностей, въ особенности по части фресковой живописи, погибло на Руси такимъ образомъ, благодаря непонятному пренебреженію, съ которымъ русскій человѣкъ относится къ своей старинѣ!

Стихотвореніе.

Ф. Талина.

Сколько думъ, сколько чувствъ пережито,
Сколько грѣзъ я своихъ схоронилъ!..
Но зачѣмъ это все не забыто,
О, зачѣмъ я тебя не забылъ?..

И зачѣмъ эти живы страданья,
Сердцу больно, такъ больно отъ нихъ!..
Или небо мнѣ шлетъ наказанья
За порывъ надеждъ молодыхъ?

Иль за то, что такъ жадно, такъ рапо
Я снѣшилъ на призывы любви?..
И горитъ незажившая рана,
И мучительны думы мои!..

Къ рисункамъ.

„Анджело“. (Рис. на стр. 645).

У Пушкина, въ тетрадахъ, принадлежавшихъ къ 1833 году, была найдена поэма „Анджело“, которая является не чѣмъ инымъ, какъ передѣлкой Шекспировой поэмы „Мѣра за мѣру“. Изъ этой поэмы художникъ С. Соломко на своемъ рисункѣ изобразилъ ту сцену, когда Клавдіо —

въ цѣняхъ, въ уныніи глубоко,мъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараюсь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвень онъ сидѣлъ,

и его утѣшалъ монахъ. Въ это время къ нему является сестра Изабелла, вызванная изъ монастыря, чтобы испросить прощеніе у Анджело своему несчастному брату. Она пришла сказать ему, какую цѣну назначилъ суровый правитель за его помилваніе.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.

Какъ извѣстно, это былъ передѣтый Дукъ, который, благодаря этому признанію, узналъ правду про Анджело.

Пикникъ. (Рис. на стр. 648).

День выдался прекрасный, и гости не заставили себя ждать. Въ условленный часъ пестрое и веселое общество разбѣстилось въ просторномъ кафе, который, подъ мѣрными ударами веселыя, пошесы по зеркальной поверхности красавицы-Невы, между ея живописными берегами, къ мѣсту пикника. Тамъ, посреди зелени, на мягкой муравѣ, расположились прибывшіе живописными группами. Быстро пролетѣло время, и развеселившееся общество не безъ сожалѣнія покинуло гостеприимный уголокъ. Чтобы вознаградить за нежеланный отъѣздъ, возвращеніе было самое шумное и голоса веселой компаніи звонко раздавались среди наступившей вечерней тишины надъ гладью Невы.

Василій III диктуетъ свое завѣщаніе.

(Рис. на стр. 649).

Маленькая, низенькая горница. Лампада у широкаго образа освѣщаетъ ее. Тихо. Тутъ нѣтъ ни толпы, ни криковъ народныхъ, а между тѣмъ здѣсь, въ этой маленькой горницѣ, совершается одно изъ величайшихъ событій Русской исторіи: великій князь, слѣпой, Василій III диктуетъ свое завѣщаніе, послужившее впоследствии однимъ изъ краеугольныхъ камней начала собиранія земли Русской.

Великій князь Василій III Васильевичъ, прозванный за свою слѣпоту „Темнымъ“, сынъ Василія II Дмитріевича, внука Донскаго, вступилъ на великокняжескій престолъ десятилѣтнимъ мальчикомъ въ 1425 году. Въ началѣ своего государственванія онъ зависѣлъ отъ совѣта боярскаго, и съ первыми лѣтъ встрѣтилъ соперника въ дядѣ Юри и врага въ дѣдѣ Витовтѣ, осадившемъ въ 1426 году городъ Опочку. Съ этихъ поръ уже сталъ Василій испытывать на себѣ всѣ невыгоды давнишней удѣльной междоусобицы. Ему приходилось воевать съ родичами, бѣднѣть въ татарскую орду, искать тамъ упрывы и нѣсколько разъ спасаться бѣгствомъ. Три раза онъ былъ лишаемъ престола. Въ 1446 году онъ былъ схваченъ Шемякою и княземъ Можайскимъ въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ и ослѣпленъ. Слеплого, его отравили въ Угличѣ. Но отсюда онъ пошелъ съ тверскими полками на Москву, и 17-го февраля 1447 г. возвратился на великокняжескій престолъ. Занявъ его въ третій разъ, онъ началъ готовить объединеніе Россіи, законченное его сыномъ, великимъ княземъ Иоанномъ III, при чемъ духовенство наше стало независимо отъ константинопольскаго патріарха; онъ фактически пересталъ платить дань орду и, желая узаконить новый порядокъ престолонаслѣдія, еще при жизни своей назвалъ старшаго сына, Иоанна, великимъ княземъ и объявилъ его соправителемъ. Въ завѣ-

лания своемъ Василій не только благословляетъ старшаго сына своею отчиною, т. е. великимъ княженіемъ, но считаетъ великое княженіе Владимірское неразрывно соединеннымъ съ Московскимъ, вслѣдствіе чего Владимір и другіе города этого княжества сближаются съ городами московскими.

До Василія Темнаго въ завѣщаніяхъ своихъ князья прежде всего распоряжались отчиными своими московскими волостями и потомъ уже благословили старшаго сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ утвердительно или предположительно. Завѣщаніе Василія Темнаго составлено чрезвычайно мудро, именно въ видахъ объединенія Руси подъ властью одного великаго князя, и потому его можно, не обвиняя, назвать однимъ изъ краеугольныхъ камней этого объединенія. Василій III скончался 27-го марта 1462 года отъ сухотной болѣзни.

Вице-адмиралъ М. Д. Новиковъ. (Портр. на этой стр.).

Нашъ черноморскій флотъ лишился любимаго начальника и героя севастопольской обороны. 22-го іюня, въ Севастополѣ, скончался вице-адмиралъ Модестъ Дмитріевичъ Новиковъ, бывшій во время послѣдней Турецкой войны начальникомъ верхне-дунайскаго морского отряда, а затѣмъ старшимъ флагманомъ и начальникомъ черноморскаго флота.

Боевая служба М. Д. Новикова началась еще въ Севастополѣ, когда онъ, въ чинѣ лейтенанта, за взрывъ пороховыхъ погребовъ 6-го бастиона былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени, а за другіе свои подвиги, оказанные во время Крымской кампаніи, получилъ золотую полусаблю, съ надписью „за храбрость“, орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Вскорѣ послѣ Севастопольской войны М. Д. оставилъ флотъ и перешелъ на службу въ Военное Министерство, а затѣмъ вышелъ въ отставку. Находясь въ отставкѣ, онъ получалъ по особому представленію Военнаго министра чинъ подполковника. За это время на него возлагались, по Высочайшему повелѣнію, различныя порученія и командировки въ Москву и во многія губерніи, которыя покойный исполнялъ блестяще. Передъ объявленіемъ войны Турціи, въ 1876 году, М. Д. Новиковъ, по волю покойнаго генерал-адмирала великаго князя Константина Николаевича, призванъ былъ снова на службу во флотъ и принималъ самое дѣятельное участіе въ послѣдней Турецкой войнѣ. Онъ былъ начальникомъ морскихъ силъ на Дунаѣ, и за непосредственное участіе въ геройскихъ дѣлахъ нашихъ миноносцевъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени. Въ одномъ горячемъ дѣлѣ, во время атаки неприятельскаго броненосца и при загражденіи Дуная минами, М. Д. Новиковъ получилъ контузію. (Во время

Вице-адмиралъ М. Д. Новиковъ († 22 іюня 1893 г.).
Съ фот. Здобнова грав. Шюблеръ.

Севастопольской кампаніи покойный М. Д. контуженъ былъ два раза). Покойный пользовался за свои контузіи привилегіями: ему было разрѣшено носить фуражку въ то время, когда, по уставу, морскіе чины обязаны быть въ парадныхъ шляпахъ и киверахъ, и разрѣшено ходить съ палкой, какъ контуженному въ ногу.

Модеста Дмитріевича Новикова всѣ знали, какъ человѣка правдиваго, хорошаго, пользовавшагося всеобщою любовью. Всѣ служившіе подъ его начальствомъ навѣрное съ признательностью вспомнятъ о немъ. Когда М. Д. командовалъ 8-мъ флотскимъ экипажемъ, онъ сумѣлъ стать въ самыя тѣсныя, дружественныя отношенія съ офицерами. Каютъ-компанія во время его командованія экипажемъ представляла дружную, хорошо сплоченную семью. Память о Модестѣ Дмитріевичѣ надолго сохранится въ сердцахъ его подчиненныхъ. Портретъ, который помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ, снятъ съ фотографіи, которую намъ удалось достать у одного изъ боцмановъ 8-го флотскаго экипажа, шеврониста Иванчева, который, узнавъ о смерти М. Д., остодобилъ сперва, а затѣмъ горько зарыдалъ; успокоившись немного, старшій морякъ вынулъ изъ стекляннаго шкапика портретъ въ рамкѣ, поцѣловалъ его, перекрестился на иконы и произнесъ: „царство небесное“.

Передавая намъ дорожку ему портретъ, Иванчевъ просилъ о возвращеніи его ему и при этомъ прибавилъ: „если ваше благородіе будете писать объ адмиралѣ, то напишите, что всѣ мы, его бывшіе подчиненные матросики, сильно любили нашего командира, и онъ для насъ былъ отцомъ роднымъ“. Охотно даемъ мѣсто этому, идущимъ отъ чистаго сердца, словамъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Севастополя, тѣло покойнаго адмирала было 25-го іюля перенесено изъ казармы въ Адмиральскій Княже-Владимірскій соборъ. У гроба были поставлены почетный морской караулъ при двухъ флагахъ, контръ-адмиральскомъ и вице-адмиральскомъ. Отсюда останки севастопольскаго героя, съ подобающими воинскими почестями, были перенесены на пристань, а оттуда, на спеціально для этого назначенномъ суднѣ, на Братское кладбище,—это мѣсто вѣчнаго упокоенія всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя. За гробомъ почившаго шла масса народа: здѣсь былъ почти весь Севастополь, явившійся отдать послѣдній долгъ незабвенному бывшему своему губернатору и храброму адмиралу.

М. Д. Новиковъ происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи, родился 21-го іюня 1829 года. По окончаніи курса въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1841 году, поступилъ на службу во флотъ; въ 1845 году былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ — мичманы въ 29-й флотскій экипажъ.

Политическое обозрѣніе.

Изъ времени пребыванія въ Англій на торжествахъ, по случаю свадьбы герцога Йоркскаго съ принцессой Май, Наслѣдника Русскаго престола, газеты особенно отмѣчаютъ пріемъ въ Гильдголлъ лондонскимъ городскимъ представительствомъ. На завтракъ присутствовали отъ 700 до 800 лицъ, въ томъ числѣ Датская королевская чета съ принцемъ Вольдемаромъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Уэльскій съ супругою; Цесаревичъ сидѣлъ на правую руку принцессы Уэльской и рядомъ съ принцессою Модъ. Послѣ тоста въ честь Датской королевской четы, лордъ-мэръ провозгласилъ тостъ за Наслѣдника Цесаревича, сказалъ ему „добро пожаловать“ и присовокупилъ, что Его Императорское Высочество пріѣхалъ не съ политическою миссіей, а въ качествѣ родственника королевскаго дома. „Мы желаемъ ему всякаго благополучія“, сказалъ въ заключеніе лордъ-мэръ. Оркестръ исполнилъ русскій народный гимнъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ благодарилъ и выразилъ надежду, что дружескія чувства, существующія между англійскимъ и русскимъ царствующими домами, распространятся и на оба народа. Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ въ атаманскомъ мундирѣ и при орденѣ Подвязки.

На обратномъ пути на родину, Наслѣдникъ Цесаревичъ останавливался въ Берлинѣ, гдѣ состоялся торжественный пріемъ Высочаго Гостя.

Берлинъ занятъ въ настоящее время военнымъ законопроектомъ, который обсуждался въ рейхстагѣ въ первый разъ 25 іюня, при чемъ имперскій канцлеръ, защищая законопроектъ, сказалъ, что требованія предъявляются самыя скромныя, чтобы обезпечить положеніе Германіи въ Европѣ и дать Германіи возможность ставить на вѣсъ въ пользу поддержанія мира такія же военныя силы, какъ теперь. Въ заключеніе канцлеръ просилъ ассигновать необходимое для того, чтобы Германія спокойно пользовалась настоящимъ и безъ опасенія взирала на будущее. Неопредѣленность положенія выяснилась наконецъ 1-го іюля, когда рейхстагъ, большинствомъ 198 голосовъ противъ 187, принялъ первую статью военнаго законопроекта. Въ пользу статьи подали голоса, помимо консерваторовъ, члены имперской партіи, національ-либералы, поляки, за исключеніемъ одного, антисемиты, за исключеніемъ Альварда, Либермана и Лейса, члены свободомыслящаго союза и два члена центра, Аренбергъ и Лендеръ. Принятіемъ главной статьи военнаго законопроекта хотя незначительнымъ большинствомъ въ 11 голосовъ исчерпывается всякій интересъ къ дальнѣйшему ходу преній.

Интересныя новости получены изъ Франціи: — Парижъ только что успокоился послѣ значительныхъ уличныхъ беспорядковъ. Начался онъ съ протеста учащейся молодежи противъ осужденія одного изъ организаторовъ бала, на ко-

торомъ участвующіе вели себя болѣе, чѣмъ нескромно. Студенты и художники выразили свое неудовольствие сходками и шумными демонстраціями противъ лицъ, которыхъ они считали виновниками стѣсненій своихъ вольностей; къ молодежи присоединился великій сбродъ, и уличные беспорядки приняли угрожающій видъ. Полиція при этомъ поусердствовала не въ

мѣру, и въ схваткахъ оказались не только избитые и раненые, но одного юношу убили наповалъ. Энергичное вмѣшательство правительства, которое закрыло биржу труда, ставшую очагомъ всякихъ революціонныхъ вепшыекъ, а съ другой стороны уволило префекта полиціи Лозе, успокоило смутяновъ, и жизнь въ Парижѣ потекла своимъ порядкомъ.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества, 25-го іюня, на яхтѣ „Царевна“, изволили прибыть въ Бомарзундъ, 29-го іюня — въ Бромарфъ, близъ Гаугеда и 1-го іюля — въ Экенесъ.

— Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ возвратился 1-го іюля изъ-за границы и прослѣдовалъ въ Красное Село.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликованы Высочайшія повелѣнія о торговой конвенціи, заключенной между Россіею и Франціею 5-го (17-го) іюня 1893 года, и о ратификаціи конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенной между Россіею и Соединенными Штатами Сѣверной Америки 16-го (28-го) марта 1887 года, и дополнительнаго къ этой конвенціи протокола 19-го февраля (3-го марта) 1893 года.

— По полученнымъ Министерствомъ Финансовъ, къ 15-му іюня, донесеніямъ податныхъ инспекторовъ, въ общемъ положеніи посылбовъ, какъ яровыхъ, такъ и озимыхъ, отмѣчается дальнѣйшее улучшение.

— Директорамъ всѣхъ реальныхъ училищъ циркулярно сообщено, что съ предстоящаго учебнаго года, согласно Высочайшему повелѣнію 1888 года, представляется возможнымъ замѣнить существующіе техническія отдѣленія общими и предостаивть окончившимъ курсъ реальныхъ училищъ возможность поступать въ высшія спеціальныя заведенія.

— Министерство Государственныхъ Имуществъ разрѣшило создать въ Кіевѣ, съ 1-го по 10-е августа, VIII всероссійскій съѣздъ лѣсохозяевъ и лѣсовладѣльцевъ.

— 29-го іюня, на Лахтѣ, близъ Петербурга, происходило торжество закладки храма и освященія часовни въ память подвига императора Петра Великаго, самоотверженно спасшаго утопавшихъ 5-го ноября 1724 года.

— Правленіемъ желѣзнодорожныхъ обществъ вмѣнено въ обязанность принятіе строгихъ мѣръ къ пресѣченію поѣздной и паровозной прислугѣ способовъ провозить какія бы то ни было посылки безъ вѣдома надлежачаго начальства и полиціи.

— Въ музей по антропологіи и этнографіи Императорской Академіи Наукъ поступила изъ Адмиралтейства интересная коллекція разныхъ этнографическихъ предметовъ, сохранныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія русскими моряками въ кругосвѣтномъ плаваніи.

Научныя и техническія новости.

— Изученіе флоры въ Канадѣ привело тамошняго естествоиспытателя Дрюмонта къ заключенію, что *окраска цвѣтвъ* мѣняется въ теченіе года слѣдующимъ образомъ: весной до іюля преобладаетъ бѣлая окраска, въ іюлѣ и августѣ — желтая, въ сентябрѣ и октябрѣ — голубая и пурпуровая. Интересно было бы произвести такія же наблюденія у насъ въ Россіи.

— Произведенными въ послѣднее время изслѣдованіями доказана полная *возможность замѣны сына* и травы лиственнымъ кормомъ: а именно, 5 фунтовъ листьевъ (безъ всякихъ

вѣточекъ) по своей питательности соотвѣтствуютъ 4 фунтамъ лугового сѣна средняго качества. Если же взять пучокъ листьевъ дуба съ вѣтвями, то въ немъ окажется 40% годныхъ въ пищу веществъ, для вербы процентъ этого доходитъ до 60.

— Такъ называемыя *симпатическія чернила*, которыя обнаруживаются лишь при извѣстныхъ условіяхъ, можно приготовить разными способами, смотря по тому, какого цвѣта чернила желательно получить. Растворите мѣдъ въ соляной кислотѣ, къ которой прибавлено немного азотной, и полученную

жидкость разведите водой до тѣхъ поръ, пока обмокнутое въ нее перо не станетъ давать невидимыя черты. Если такое невидимое письмо надо проявить, то нагрѣйте его: сейчасъ же выступятъ красныя *желтыя чернила*; охладите бумагу — и все опять исчезнетъ. Для полученія *голубыхъ чернилъ*, слѣдуетъ растворить 1 часть азотнокислаго кобальта въ 25 частяхъ воды. Чтобы приготовить *зеленыя*, — 2 части хлористаго кобальта смѣшиваютъ съ 0,05 ч. хлористаго никеля и растворяютъ въ 50 частяхъ воды. Для письма надо употреблять гусинья перья.

Смѣсь.

Международная художественная выставка открыта будетъ въ Вѣнѣ съ 1 марта по 1 мая (новаго стиля) 1894 г. За свѣдѣніями слѣдуетъ обращаться къ администраціи „Genossenschaft der bildenden Künstler“, въ Вѣнѣ.

Странный процессъ. Послѣ введенія новыхъ судовъ, намъ теперь становится непонятной та страшная волокита, которая раньше господствовала въ нашихъ дореформенныхъ учрежденіяхъ. Существовали процессы, которые продолжались по нѣскольку десятковъ лѣтъ и переходили по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. Многие изъ нихъ къ тому же оканчивались чрезвычайно странными рѣшеніями. Вотъ одинъ изъ такихъ продолжительныхъ и странныхъ процессовъ, который имѣлъ мѣсто въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ городѣ Лидѣ, Виленской губерніи, и подлинное дѣло и переписка о которомъ сохранились до сихъ поръ: —

Мѣщанинъ С. К. нанялъ мамку для своего сына и притомъ, какъ человѣкъ предусмотрительный, заключилъ съ нею контрактъ на цѣлый годъ. Но мамка А. Д., прокормивъ ребенка двѣ недѣли, почему-то перешла на службу къ другимъ господамъ. Быть-можетъ, въ другое время почтенный С. К. простилъ-бы подобную дерзость; но дѣло въ томъ, что другой, какъ разъ, нельзя было достать, и ребенокъ долго оставался безъ пищи. Тогда мѣщанинъ С. К. рѣшился наказать дерзкую мамку: онъ подалъ въ судъ жалобу. — Общественное любопытство было сильно заинтересовано исходомъ этого страннаго процесса, вслѣдствіе чего нашлись лица, которая снабжали А. Д. деньгами и совѣтами. Началось судыбище. И вотъ, процессъ, переходя изъ одной инстанціи въ другую, длился цѣлыя 26 лѣтъ. Наконецъ, на 27-мъ году вышло слѣдующее окончательное рѣшеніе: обязать мамку А. Д. докормить сына мѣщанина С. К. одиннадцать мѣсяцевъ и пятнадцать дней. Но сынъ С. К. уже давно имѣлъ собственныхъ дѣтей и вовсе не пуждался въ мамкѣ.

Интересный научный опытъ. Кто желаетъ убѣдиться собственными глазами въ томъ, что свѣтъ дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на бактеріи, пусть возьметъ стеклянную чашку съ плоскимъ дномъ и наклеитъ на послѣднемъ буквы, вырѣзанныя изъ черной бумаги, положимъ, слово „тифъ“. Въ чашку наливается затѣмъ какаля-либо питательная жидкость, напр.: агаръ изъ мясного пептона, наполненная бактеріями. Переверните теперь чашку вверхъ дномъ такъ, чтобы буквы оказались сверху, и выставте ее на солнце на 24 часа. Подъ черными буквами, слѣдовательно въ затѣненномъ мѣстѣ, бактеріи разовьются и дадутъ богатая колоніи, въ остальныхъ же мѣстахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, онѣ окажутся совершенно уничтоженными, и слово „тифъ“ вырѣжется на свѣтломъ, прозрачномъ фонѣ еще болѣе черными, мрачными красками, еще рѣзче и виднѣе. Такимъ образомъ, въ солнечномъ свѣтѣ мы имѣемъ могущественнаго защитника въ борьбѣ организма съ бактеріями холеры, тифа и друг. Этимъ объясняется благотворное вліаніе, какое оказываетъ на здоровье человека свѣтлое помѣщеніе, квартира, выходящая окнами на солнечную сторону, и, наоборотъ, вредъ мрачныхъ и темныхъ жилищъ. Становится понятнымъ и быстрая самоочистка рѣкъ отъ попадающихъ въ нихъ разлагающихся веществъ, такъ какъ способность солнечнаго свѣта убивать бактеріи нисколько не ослабляется при прохожденіи черезъ воду.

Культура чая на островѣ Цейлонѣ достигла такихъ размѣровъ, что не остается уже болѣе мѣста для какой-либо другой культуры: вся земля занята подъ чайныя плантаціи.

Климатъ въ окрестностяхъ Персидскаго залива до такой степени жаркій, что европейцы не въ состояніи переносить его. Въ сентябрѣ и октябрѣ термометръ на солнцѣ показываетъ иногда 80°, а въ тѣни 40°. Самая низшая температура зимою 10° тепла. Температура дня и ночи почти одинакова, и воздухъ постоянно влажный.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Чинго. Очеркъ (съ 6 рис.). — Сильный человѣкъ. Романъ Н. Орловскаго. (Продолженіе). — „Да здравствуетъ республика!“ Миніатюра Арт. П.—а.—Древности старой Ладоги. Очеркъ В. Ч.— Стихотвореніе Ф. Галина. — Къ рисункамъ: „Анжели“ (съ рис.). — Пининикъ (съ рис.). — Василій III думаетъ свое заванчаніе (съ рис.). — Вице-адмиралъ М. Д. Новиковъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Научныя и техническія новости. — Смѣсь. — О перемѣнѣ адреса. — Тиражъ выигранный въ Государственномъ Банкѣ. — Объявленія.

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.
Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключающій въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2, 3 и 4-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движеніе вдуваніемъ воздуха на № 3950 (ромбъ), на № 3956 и 3958 ножною педалью. № 3950 въ 2 октавы 5 р.
№ 3956 " 3 октавы, съ ножн. пед. 17 р.
№ 3958 " 4 " " " " " " 23 р.
Самоучитель Маковского 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 руб.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарына.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всякій заочно (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ А. КОССОДО.**
Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медаліи. № 6208 52—20
За 2 семиклѣбныя марки высылается пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ТРЕБУЮТЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
А. МОССТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПЕРВАЯ НАИЛУЧШАЯ МАРКА
ОСТЕРГАТЪ ПЕРЛОКЪ

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ А. ЦИГЛЕРА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
Г. СКА. МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ Д. КОСТЫРЕВОЙ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
начиная съ 12 Руб. до 500 Рублей
СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
ИЗЪ СЪЕДИНЕННАГО ЦЕНТРА
БРУНО ЗЕНГЕРЬ и К^о
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР. № 25-1.
ОПТ. СКЛАДЪ. ФАБРИКА СЪЛТАРЪ, ТРИУМФЪ.

Поставщики Высочайш. швейц. Особой и Русской арміи.
Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.
САМЫЙ ОВШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ**, (основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—21, 5982 Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**
ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром. хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (2)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ Mimosa ЛОЗЕ Ixora-viola
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ нуаферовъ.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ **СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“**
Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.
Основной и запасный капиталы 18,500,000 руб.
Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10,000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ немедленно послѣ смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 77 руб. 50 коп. и пользуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.
Страхованія принимаются на суммы отъ 1,000 до 100,000 руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ выдается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эпидемической болѣзни.
Дивидендъ страхователей за 1892 г.—12⁰/₁₀₀.
Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ третьяго года страхованія.
Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.
№ 6434 6—3

ИМѢТЕ-ЛИ ВЫ СТАРУЮ КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ?
Желаю покупать для моей коллекціи русскіе и иностранные штемпельные конверты (не равные) и письма съ наклеенными на нихъ марками 1840—1865 г. Почтовые расходы за пересылку принимаю на мой счетъ. Конверты и марки вышедшіе послѣ 1865 г. не высылать. И. И. Зивертъ, Мясницкая, д. Сытова, Москва. Ц. № 6460

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алыкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ бесплатно: Контора отправки нѣмецкихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ**.
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—6 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
Парфюмерн. магазинъ **Г. ПЮПА**, Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:
Эсоз Букетъ Жюкей клубъ Букетъ императрицы Илангъ-Илангъ Майскій-Ландышъ Бѣлая лилія Сирень перс. Лавкой Фалка
Віолетъ де Парма Резеда Люби меня Стенлей букетъ Iris Эдельвейсъ Жасминъ Опонанси Шипръ Букетъ де Цааръ
Бѣлая роза Милль-Флёръ Араціи Гиацинтъ Киссъ не квилъ Испанская кожа Свѣлое сѣно Черемуха Lilas Heuri Lotus.
ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЛАЮТСЯ НЕ МЕНѢЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1р. 40к. съ прѣсылкой по всѣмъ городамъ Россіи (включая СИБИРЬ)

ЛЕВШИНСКІЙ и ГЮЗІНСКІЙ
имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450
Въ 30 верстахъ отъ г. Вышняго-Волочка и ст. Николаевской ж. д., въ Тверской губ.
ПРОДАЮТСЯ:
1) Имѣніе 500 дес., пашня, лѣсъ, дуга, 70 коровъ, 20 лошадей, берктыры, домъ и всѣ постройки фундаментальныя; полный инвентарь, хозяйство на полномъ ходу. Цѣна 40 тыс., изъ нихъ банку 18 тыс.
2) 800 дес. покосовъ и мелкаго лѣса; можно накашивать болѣе 20 т. пуд. сѣна. Есть скотный дворъ, сарай, изба. Цѣна 20 т., изъ нихъ банку 8 тыс.
3) 78 дес., лѣсъ 25-лѣтн., покосы, выкорчеванная земля для пашни, мельница водная о 2-хъ поставкахъ. Цѣна 6 т., изъ нихъ банку около 2-хъ тыс.
Адресъ: **Вышній-Волочекъ**, князю **Л. Л. Шаховскому**. Ц. № 6458

П. № 6482 9—5

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“
лучшіе въ свѣтѣ!
предлагаютъ торговый домъ **Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о**.
Москва, Неглинный просп., домъ Ежикова.
Прейсъ-куранты—бесплатно.

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЭ
Тинъ-Топъ
превосходно сдѣланъ изъ тюленевой кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Тинъ-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармоній: бока раздвигаются какъ у гармоши, очень вышительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6489 6—4
3 разныя, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С. Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРЕДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА **АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ**
окрашиваетъ въ черной и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. № 5924
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
Главный складъ А. Эггундъ, С.-Петербургъ, Бассейная, № 2. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известнѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ
въ громадн. выборѣ. Нов. иллюстр. прейсъ-куранты высылаются. **МОМЕНТАЛЬНЫЯ ПЛАСТИНКИ „БЕРНАРТЪ“.**
При складѣ имѣется лабораторія и разасненія при покупкѣ безвозмездно. 10—10
К. И. Фреландтъ.
С.-Петербургъ, у Казанскаго моста д. № 30/16. Москва, Мясницкая, д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. Штейфанъ.

XXIV г.

№ 29

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертёжной и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ всё вышедшее номера со всеми прил.

Выданъ 17 июля 1893 г.

Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Будущій мужъ науки. Рис. И., грав. Бошгъ.

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ К. Орловскаго.

(Продолженіе).

И старался улучшить минуту, чтобы подъ шумъ балнаго говора перекинуться съ Конотоновымъ насидишь хоть двумя-тремя словами. Но сдѣлать это мнѣ не удалось. Наѣхавшіе изъ уѣздовъ дворяне рады были случаю увидать своего предводителя и обступили его такъ плотно, что отвести его въ сторону было невозможно. Замѣтивъ меня, онъ только пожалъ мнѣ руку мимоходомъ, кивнувъ мнѣ головой съ такой доброй, спокойной улыбкой на лицѣ, что, казалось, никакія тревоги не посѣщали его всё эти дни. И долго потомъ вспоминалъ это выраженіе на чертахъ Семена Андреевича; потомъ мнѣ уже не удавалось уловить на нихъ что-либо подобное. Я не догадывался тогда, какъ близокъ къ своему паденію былъ этотъ крѣпкій человекъ, точно дубъ среди мелкаго лѣса, смотрѣвшій на окружавшихъ его людей. „Ну“, подумалъ я, „ни въ чьей помощи онъ не нуждается, и никогда не сломить его какому-нибудь Слущкому.“

Съ этими мыслями я выходилъ изъ кабинета, какъ въ дверяхъ меня нагналъ Платонъ Платоновичъ Турусовъ.

— Николай Филипповичъ, заговорилъ онъ вполголоса, умиленно прищуривая глаза, — послѣзавтра, въ сре-

ду вечеромъ, у меня кое-кто собирается и, надѣюсь, вы мнѣ не откажете въ удовольствіи васъ тоже увидѣть у себя. Не безпокойтесь, это вовсе не партійное собраніе—я знаю, вѣдь, что вы душою и тѣломъ принадлежите къ друзьямъ Семена Андреевича, и, вѣрите мнѣ, я умѣю цѣнить вашу искреннюю преданность своей партіи... Но у меня будутъ и друзья, и недруги, и вамъ нечего бояться стать измѣнникомъ...

Я тотчасъ сообразилъ, что побывать въ непріятельскомъ лагерѣ входитъ въ мою роль добровольнаго лазутчика, и согласился.

— Впрочемъ, добавилъ я, какъ бы невзначай,— настоящихъ враговъ и нѣтъ вовсе у Семена Андреевича, развѣ одинъ только Слуцкій...

— Еще бы... Да неужто вы не знаете?! воскликнула Турусовъ, и я уже готовился услышать рассказъ Платона Платоновича, конечно, приправленный ложью, какъ вдругъ Турусовъ неожиданно и какъ бы испуганно замолкъ. Я прослѣдилъ его взглядъ и увидѣлъ въ трехъ шагахъ отъ насъ, выходявшихъ подъ руку изъ большой залы, Слуцкаго и Аню. Блестящіе глаза молодого князя были обращены къ ней съ обычною имъ самоувѣренною лестью, но по выраженію лица Ани тотчасъ было видно, что говорившій съ нею вызывалъ у ней лишь чувство, очень близкое къ отвращенію. Вѣки у нея были опущены, губы сложены твердо и непріязненно.

— Анна Семеновна, какъ вы поздно, подошелъ я къ ней.

Она протянула мнѣ руку, освобождая другую изъ-подъ локтя Слуцкаго.

— Мнѣ кажется, напротивъ, что я здѣсь уже давно, отвѣтила она съ какою-то принужденною веселостью, въ которой слышалось что-то враждебное по адресу Слуцкаго. — Мы съ княземъ успѣли уже провальсировать...

Она проговорила это, словно отстраняя отъ себя Слуцкаго. Было что-то неуловимое въ ея смѣломъ взглядѣ, обращенномъ ко мнѣ, и въ то же время совершенно ясное для насъ обоихъ. Князь тотчасъ понималъ, что ему ничего не оставалось какъ отойти прочь. Мы были теперь вдвоемъ, и я воспользовался случаемъ, чтобы сказать ей про свое посѣщеніе у Луниныхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это хорошо, какъ это мило съ вашей стороны...—Она снова протянула мнѣ руку.—А я такъ думала, что это одно изъ тѣхъ обѣщаній, которыми совсѣмъ забываются потомъ...

Ея глаза такъ краснорѣчиво, такъ горячо благодарили меня, что я почувствовалъ себя и пристыженнымъ, и счастливымъ отъ незаслуженной ласки ея взгляда. Такого выраженія, мягкаго, глубокаго, добраго, въ этихъ глазахъ мнѣ еще никогда не доводилось видѣть.

— Я не изъ тѣхъ, Анна Семеновна, возразилъ я, усаживаясь возлѣ нея,— для которыхъ обѣщанія одни пустыя слова. И я добросовѣстно постараюсь этого бѣднаго Лунина пристроить какъ-нибудь. Только не скрою отъ васъ: есть люди, которымъ помогать не легко...

И я передалъ ей, какъ странно отвѣтилъ Лунинъ на мое предложеніе, смягчая, конечно, рѣзкость его словъ.

— Вы думаете, я про это не знала — и буду огорчена, разочарована? Я, вѣдь, по лицу вашему вижу, что вы боитесь меня огорчить... Нѣтъ, по-моему, тогда-то и надо помогать, когда это дается не легко, когда встрѣчаешь неблагодарность, озлобленіе... плоха, вѣдь, та любовь къ людямъ, которая останавливается и холодѣетъ, когда ее встрѣчаютъ не такъ, какъ хотѣлось бы... Вѣдь, подумайте, что перенесъ этотъ человѣкъ, сколько въ немъ накопилось безпомощнаго, затаеннаго гнѣва. Тутъ-то и надо помогать и не одними деньгами,

надо смягчить больное, обиженное сердце, поставить на ноги человѣка, который самъ себя пересталъ уважать. Вы знаете, отецъ мой тоже былъ у нихъ?..

— Да, мнѣ говорили...

Я посмотрѣлъ на нее мелькомъ и занулся, вспоминая, какъ выражался Лунинъ насчетъ Семена Андреевича.

— И сказали вамъ тоже, продолжала она, все тѣмъ же взволнованнымъ, почти лихорадочнымъ голосомъ,— какъ недружелюбно его тамъ встрѣтили? И что-жъ, вы думаете, онъ презрительно отвертывается отъ нихъ? Нѣтъ, отецъ не таковъ... для него не люди важны, а дѣло. Онъ ничѣмъ оскорбиться не можетъ, когда со-знаетъ, что правъ... За это я его такъ и люблю, прибавила она вполголоса.

— Да и вы на него, кажется, похожи, отвѣтилъ я.

Она посмотрѣла на меня пристально и, какъ будто, уловила въ моихъ глазахъ какую-то затаенную, не высказанную мысль.

— Вы, можетъ быть, думаете, возразила она быстро,— что я равнодушна къ чужому мнѣнію изъ... гордости какой-то, что меня забавляетъ даже просто поступать наперекоръ другимъ? Вы меня своенравной считаете? Да? Признайтесь.—Она покачала головой, и вдругъ на лицѣ ея оживленіе смѣнилось чѣмъ-то похожимъ на грусть.— Нѣтъ, я просто всегда поступала такъ, какъ мнѣ кажется, что надо, пожалуй, даже, какъ мнѣ... хочется поступать, слѣдуя тому, что мнѣ подскажетъ... ну, хоть чутье, положимъ. Я чутью больше вѣрю, чѣмъ долгимъ размышленіямъ. Можетъ быть, это нехорошо, но я ужъ такая... ну, избалованная, коли хотите...

— Въ такомъ случаѣ, разсмѣялся я въ отвѣтъ,— очень хорошо дѣлали, что баловали васъ...

— Полноте, не шутите... Я, вѣдь, совсѣмъ не шучу теперь и я хотѣла вамъ сказать про другое, совершенно другое... Вы, кажется, расположены къ моему отцу, да, я не ошиблась, искренно расположены? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, съ перваго же дня показалось, что вы его полюбили...

Я сказалъ ей въ отвѣтъ, какъ Семенъ Андреевичъ сразу очаровалъ меня и привлекъ къ себѣ.

— Да такъ, я думаю, со всѣми бываетъ. Въ немъ есть что-то истинно обаятельное, чему не поддаться нельзя.

— Нѣтъ, у него много, очень много враговъ. И какъ разъ теперь я чувствую какъ-то, что противъ него гроза собирается... Это опять-таки мнѣ мое чутье подсказываетъ, отецъ мнѣ не говорилъ ничего. Но иной разъ, когда я на него взгляну невзначай, мнѣ кажется, что у него есть затаенная какая-то забота. И мнѣ страшно именно оттого, что онъ не высказывается. Я его разспрашивала сегодня, а онъ только засмѣялся и сказалъ, чтобы я не боялась. Но въ глазахъ его я прочла какую-то глубокую, скрытую грусть... Такъ на васъ онъ разсчитывать можетъ, во всякомъ случаѣ можетъ? спросила она вдругъ.

И меня почти обжегъ горячій взглядъ ея чудныхъ глазъ, которымъ волненіе придавало тѣмъ большую страстность, что, обыкновенно, они глядѣли такими невозмутимыми.

— Да говорю же я вамъ, горячо воскликнулъ я,— что преданъ я вашей семьѣ всѣмъ сердцемъ и не измѣню этой преданности ни за что и никогда!.. Вамъ, можетъ-быть, это страннымъ кажется, мы, вѣдь, такъ недавно знакомы; но бываютъ же минуты, когда отдаешься разомъ, вѣчно, на цѣлую жизнь...

Она посмотрѣла на меня почти съ удивленіемъ, точно изъ-за преданности ея отцу она разглядѣла иное чувство, касавшееся лично ея. Я чуть-чуть даже покраснѣлъ отъ ея взгляда, да, покраснѣлъ, несмотря на свои тридцать пять лѣтъ. Она словно задумалась на мигъ, отвернувъ отъ меня глаза, и по губамъ ея вдругъ пробѣжала странная, загадочная улыбка. Потомъ она

опять обратилась ко мнѣ, опущенныя вѣки медленно приподнялись, и, продолжая улыбаться, она спросила:

— Итакъ, на васъ разсчитывать можно въ какомъ бы то ни было случаѣ? И я тоже могу разсчитывать?

— Вы, вы особенно, поспѣшили я отвѣтить.

— Хорошо, я принимаю это, какъ обѣщаніе. Не забывайте этихъ словъ!

И кака-то торжественность въ ея голосѣ примѣшивалась къ чуть-чуть насмѣшливому выраженію ея губъ. Въ эту минуту къ намъ подошелъ Вьюгинъ. Аня, молча, протянула ему руку, и я не могъ не замѣтить, какъ мигомъ потухли ея глаза.

— Что, Борисъ Павловичъ, не танцуете? Какъ не стыдно въ ваши года?! сказала я съ отбѣнкомъ покровительственной небрежности.

Въ эту минуту Вьюгинъ мнѣ казался необыкновенно жалкимъ.

„Бѣдный малый, подумалъ я,—и онъ можетъ помыслить объ этомъ очаровательномъ существѣ, онъ, едва достойный обметать соръ подъ ея ногами...“

Вьюгинъ мнѣ не отвѣтилъ, разсѣянно только пожавъ мою руку.

— Я заходилъ къ вамъ сегодня утромъ, сказалъ онъ Анѣ,—мнѣ надо было переговорить съ вашимъ батюшкой... Впрочемъ, онъ, вѣроятно, уже знаетъ...

— Про Слуцкаго? равнодушно перебила Аня.—Знаеть, конечно.

— Скажите ему, что я слѣжу за всѣми движеніями непріятельской арміи, цѣлю даже систему наблюдательныхъ постовъ устроилъ, можно сказать, цѣлый отрядъ добровольцевъ.

Аня, какъ мнѣ показалось, очень равнодушно выслушала эти слова, между тѣмъ какъ говорившій ихъ такъ и горѣлъ усердіемъ. Они обмѣнялись еще двумя-тремя ничего не значащими фразами, и, обратившись ко мнѣ съ какимъ-то усталымъ движеніемъ, которое шло къ ней необыкновенно, Аня поднялась съ мѣста.

— Пойдемте, сказала она, опираясь рукою на мою, и, уходя, слегка кивнула Вьюгину головой.

„Я прежде ошибался, подумалъ я съ нѣкоторымъ злорадствомъ,—она его въ грошъ не ставитъ. Это очевидно“.

Въ другой комнатѣ, гдѣ были самые почетные гости, къ немалому своему удивленію, я увидаль Любовь Петровну и рядомъ съ нею Слуцкаго. Они разговаривали очень оживленно, и странное выраженіе, горькое и въ то же время какъ будто торжествующее, играло на ея блѣдномъ лицѣ. Она меня примѣтила тотчасъ и подозвала къ себѣ. Но по разсѣянному вопросу, съ какимъ она ко мнѣ обратилась, не трудно было догадаться, что она все еще была занята тѣмъ, чтó говорилъ ей Слуцкій. А князь, подошедшій между тѣмъ къ Анѣ, тутъ же пригласилъ ее на мазурку. Я не далъ ей отвѣтить.

— Анна Семеновна, сказалъ я,—дала мнѣ слово уже сегодня утромъ въ собраніи.

Это была неправда, и я не могъ знать, говоря это, не захочетъ-ли своенравная Аня уличить меня во лжи. Но она, только молча, посмотрѣла на меня, и благодарная улыбка показалась на ея губахъ.

Намъ, однако, не суждено было танцовать мазурку. До моего слуха—я стоялъ тогда въ дверяхъ на мигъ опустѣвшей танцевальной залы—дошло вдругъ нѣсколько словъ, сказанныхъ шопотомъ Слуцкимъ:

— Конотоповъ, не пей больше... ты и такъ ведешь себя невозможно. Ты офицеръ и все-таки въ порядочномъ обществѣ...

— Ну, ну, раздался въ отвѣтъ пьяный хохотъ Миши,—въ порядочномъ... Да я ничего, право, ни-чего. Дай мнѣ только глотокъ хлебнуть, въ горлѣ пересохло...

— Au fond, mon cher, je m'en lave les mains, хо-

лодно отвѣтилъ князь и, войдя опять въ залу, мелькомъ бросилъ на меня недружелюбный взглядъ.

Вскорѣ я могъ убѣдиться, что Слуцкій уговаривалъ Мишу не понапрасну. Минуту-двѣ спустя, Миша, ведя подъ-руку какую-то барышню, стремительно вбѣжалъ въ залу и громко крикнулъ:

— A vos dames pour la troisième contredanse.

Тутъ началось нѣчто поистинѣ необычайное. Миша любезничалъ со своей дамой, кстати сказать, до-нельзя некрасивой, до того преувеличенно, до того насмѣшливо и нагло, что мнѣ стыдно и больно становилось за бѣдную дѣвушку. И сама кадрили превратилась въ какой-то невообразимый сумбуръ. Послѣ каждой фигуры Миша придумывалъ что-нибудь небывалое, и притомъ, заставляя пары кружиться въ необузданномъ вихрѣ, придавалъ своимъ выдумкамъ какой-то страшный, неприличный отпечатокъ. Слишкомъ ужъ быстро завертѣлъ онъ всѣхъ въ какомъ-то фантастическомъ, полусумасшедшемъ круговоротѣ, слишкомъ громко кричалъ, то и дѣло звеня шпорами и топая ногами. Все это до нельзя походило на танцы черезчуръ веселой и подкутившей компаніи. Сперва, послѣ первой фигуры, никто еще хорошенько не давалъ себѣ въ этомъ отчета, и многие даже подумали, что это новая столічная мода. Но мало-по-малу всѣхъ охватило впечатлѣніе чего-то несообразнаго и до-нельзя неприличнаго. Аня, сидѣвшая невдалекѣ отъ меня съ своимъ кавалеромъ, раза два оглянулась въ мою сторону съ какимъ-то недоумѣвающимъ испугомъ. Потомъ, вся вспыхнувъ, она рѣшительно поднялась съ мѣста, и, взявъ кавалера подъ-руку, вышла изъ залы. Ея примѣру послѣдовали и другія пары. Но Миша не унимался. Видя, какъ рѣдѣетъ въ залѣ, онъ съ какимъ-то дикимъ упоеніемъ все стремительнѣе кружилъ остатки своей разбѣгавшейся арміи. А вокругъ все испуганнѣе становились лица глядѣвшихъ на это мамашъ, и сама губернаторша въ нѣмомъ ужасѣ остановилась въ дверяхъ залы, не зная, какъ унять расходившагося Мишу.

Случайно онъ очутился возлѣ того мѣста, гдѣ стоялъ я.

— Конотоповъ, схватилъ я его за руку, — перестаньте, вы съ ума сошли...

— Оставьте меня въ покоѣ!.. Вамъ-то какое дѣло? раздражительно отдернулъ онъ свою руку.

— Смотрите, сестра ваша давно встала и ушла—ей за васъ стыдно...

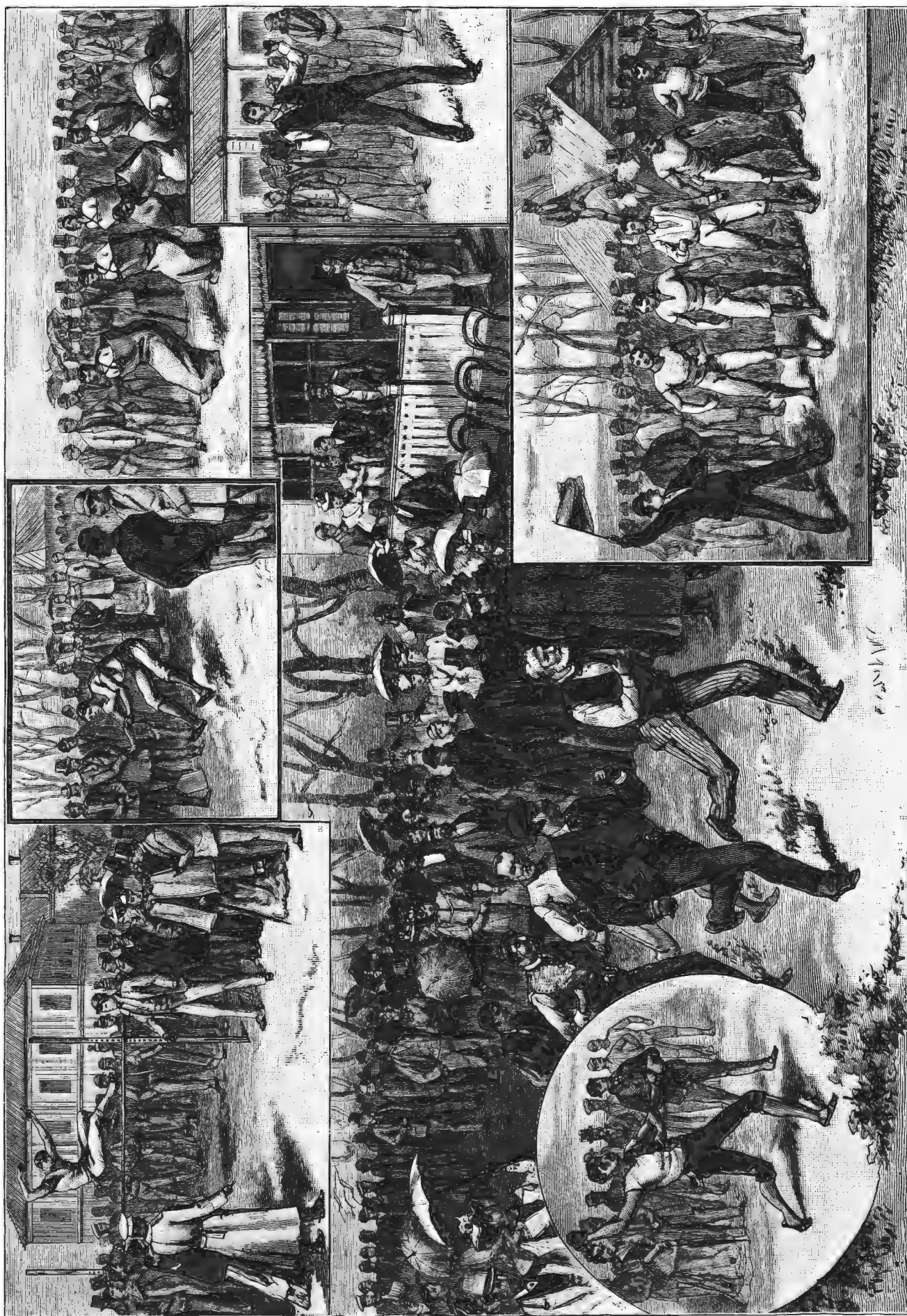
— Сестра, а? Въ самомъ дѣлѣ, опомнился онъ вдругъ, пристально озираясь.—Ну, да и въ самомъ дѣлѣ, пора кончить.

И двинувшись на середину залы, онъ прокричалъ что-то хриплымъ голосомъ. На мигъ опять сомкнулся кругъ танцующихъ. Оркестръ замолкъ, и все разсыпалось, какъ лопнувшая ракета.

Поправить бѣду было, однакожъ, слишкомъ поздно. Всѣ находились въ какомъ-то оцѣпенѣніи отъ случившагося скандала, и многие стали уѣзжать. Драгунскій штабъ-ротмистръ, которому возвращены были бразды правленія, тщетно старался оживить общество, пустившись вальсировать. Его примѣру не послѣдовалъ никто. Губернаторша стояла посреди гостиной, негодующая и безпомощная. Самъ Миша, повидимому, смуглился: онъ растерянно сновалъ по комнатамъ, тщетно отыскивая на чьемъ-либо лицѣ сочувственную улыбку. Даже Слуцкій отъ него отвернулся. Но вдругъ передъ нимъ какъ изъ земли выросъ его отецъ, преграждая ему дорогу. Я мигомъ понялъ, какимъ долженъ быть Семенъ Андреевичъ въ минуты гнѣва, хотъ онъ и сумѣлъ сдержать себя, увидавъ сына, и едва слышнымъ шопотомъ проговорилъ:

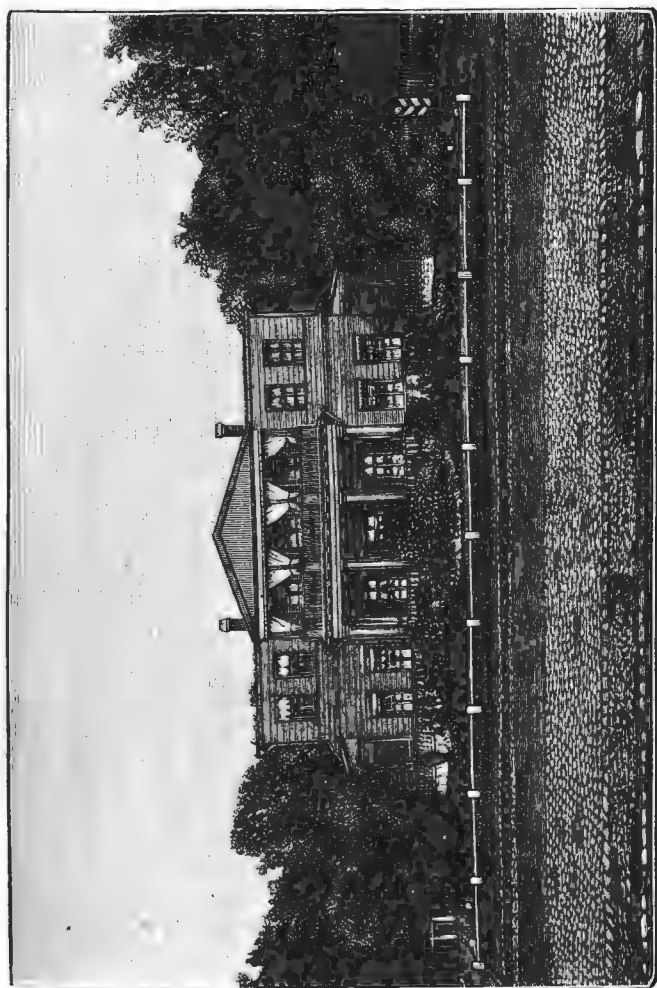
— Ступай домой, чтобы и духу твоего здѣсь не было.

Но въ шопотѣ этомъ, и въ блескѣ его черныхъ глазъ, и въ сдвинутыхъ бровяхъ была такая нешу-

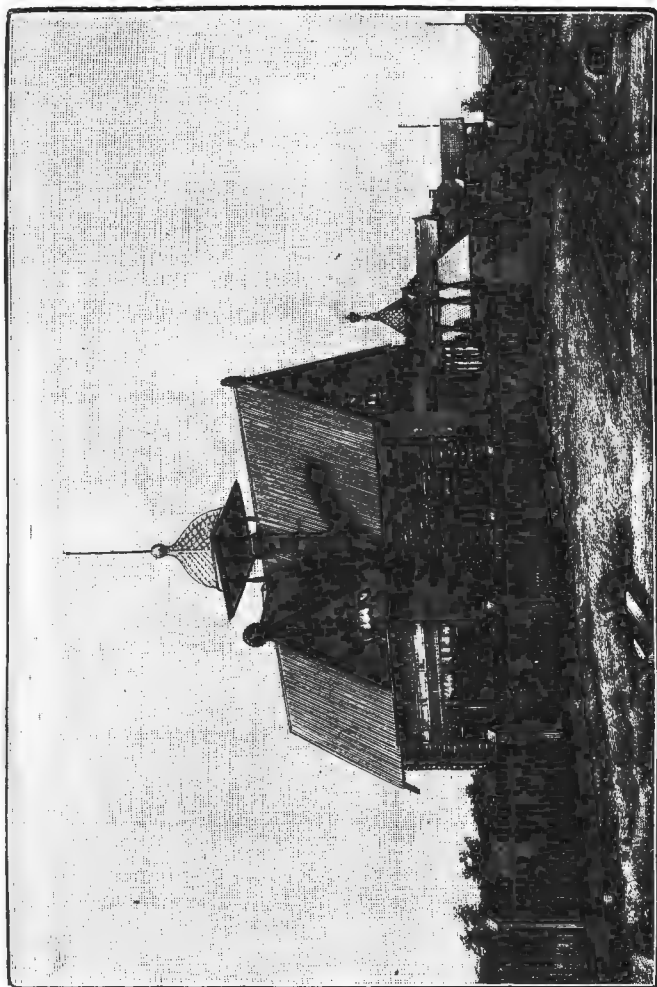

Полевая игры въ С.-Петербургѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г Броллинга, грав М Рашевскій.
 Прыжокъ въ вышину
 Бросаніе мяча.
 Бѣгъ ветерановъ.

Прыжокъ въ длину
 Бѣгъ въ мѣшкахъ.
 Бросаніе ядра.
 Стартъ.

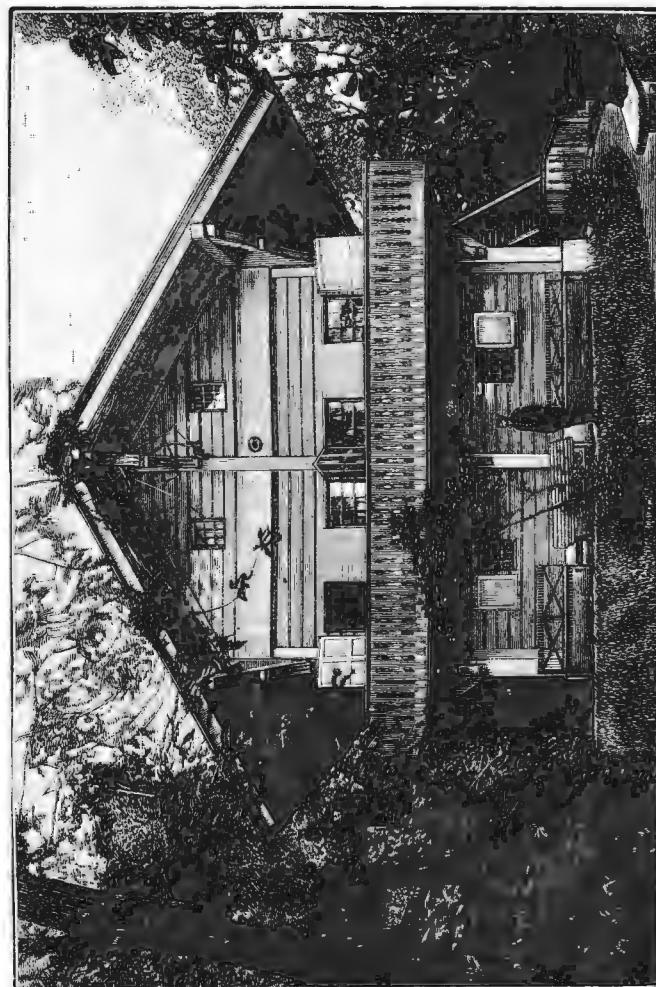
Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Главнокомандующаго въ Красномъ селѣ
Съ фот. грав. Флюгель

Домъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича въ деревнѣ „Русское Копорское“, близъ Краснаго села.
Съ фот. грав. Флюгель.

Домъ, гдѣ жилъ Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ, по званію командира Гусарскаго полка, въ деревнѣ „Русское Копорское“. Съ фот. грав. Флюгель.

Дудергофскій дворецъ. Съ фот. грав. Флюгель.

точная угроза, что Миша какъ-то ступевался передъ разгнѣваннымъ отцомъ. Онъ не вышелъ даже, а какъ-то проскользнулъ въ дверь мимо Семена Андреевича.

Конотоповы уѣхали до начала мазурки. Аня, подойдя ко мнѣ, попросила у меня извиненія:

— Вы не разсердитесь, нѣтъ? говорила она, пожимая мнѣ руку.—Я знаю, что не разсердитесь...

Не долго оставался и я. Нѣсколько минутъ простоялъ я въ дверяхъ, любуясь, какъ провинціальныя дѣвы, покорныя руководству драгуна, выдѣлывали замысловатыя фигуры мазурки, очевидно, позабывъ уже про охватившій ихъ недавно ужасъ. Я вышелъ уже и хотѣлъ нанять извозчика, какъ меня остановилъ нагнавшій меня Вьюгинъ.

— Пойдемте-ка пѣшкомъ, сказалъ онъ мнѣ,—смотрите, что за дивная ночь!

— Да, ничего, кажется... не слишкомъ холодно, равнодушно отвѣтилъ я,—пойдемте, пожалуй.

Все небо, правда, было усыяно звѣздами, и въ воздухѣ какъ-то оттепелью повѣяло, тою первою зимнею оттепелью, которая такъ похожа на обманчивую, но чарующую женскую ласку. Но особенно чарующаго я въ этомъ не находилъ ничего, никакихъ поэтическихъ восторговъ не вызвала у меня эта картина зимней ночи, и хотя на душѣ у меня было хорошо, клонило меня, чего грѣха таить, не къ мечтамъ, а къ сну. Не даромъ же мнѣ стукнуло тридцать пять. И полунасмѣшливо я покосился на своего молодого спутника, находившагося, очевидно, въ какомъ-то глупо-восторженномъ настроеніи.

Мы сперва шли молча. Я, повидимому, дѣйствовалъ охлаждающимъ образомъ на Вьюгина. Но вдругъ онъ не выдержалъ и, схвативъ меня за руку, воскликнулъ:

— Николай Филипповичъ, знаете, зачѣмъ я васъ попросилъ со мной пройтись? Оттого, что мнѣ невыразимо, до боли хочется съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своею радостью... а вы, я знаю, поймете...

„Чему онъ радуется?“ подумалъ я, съ жалостью глядя на его открытое лицо, а губы мои лживо отвѣтили: „Конечно, пойму, конечно...“

— Вы не повѣрите, что за счастье, продолжалъ онъ,—работать, стараться для дорогихъ людей, и видѣть, что дѣло спорится. Вѣдь, мнѣ дорогъ вся конотоповская семья, какъ-то нераздѣльно, цѣликомъ дорога, и сама Любовь Петровна тоже, хоть я и знаю, что она меня крѣпко недолюбливаетъ. Я съ тѣмъ даже мирюсь, что меня теперь къ нимъ въ домъ почти совсѣмъ не пускаютъ... Что прикажете, я все-таки крѣпко увѣренъ, что все устроится, и Аня будетъ моя...

И добрый малый почему-то счелъ нужнымъ взять меня въ повѣренныя своихъ горячихъ и, по-моему, несбыточныхъ надеждъ. Не хотѣлось мнѣ его разувѣрять, но, признаюсь, меня корбило нѣсколько отъ его самодовольной наивности. Да и было мнѣ не совсѣмъ ловко выслушивать эти изліянія соперника, которому я собирался по-дружески подставить ногу. И въ отвѣтъ на восторженные рѣчи Вьюгина я отпустилъ лишь односложныя, неопредѣленныя восклицанія, скорѣе вызванныя нетерпѣніемъ, чѣмъ сочувствіемъ. Но Борисъ Павловичъ этого и не примѣчалъ.

XII.

Утромъ, когда я уже готовился ѣхать въ собраніе, ко мнѣ неожиданно пришелъ мой старинный пріятель Бурдасовъ. Привела его ко мнѣ, разумѣется, нужда въ деньгахъ. Удовлетворивъ эту вполне законную потребность, я задумалъ воспользоваться случаемъ, чтобы попытаться у него кое-какія подробности объ отношеніяхъ Слуцкого къ Семену Андреевичу, да кстати пощупать пульсъ у общественнаго мнѣнія. Такіе люди, какъ Бурдасовъ, правда, очень плохіе наблюдатели, но отлич-

ные проводники для переѣвъ въ настроеніи общества. Торопиться въ собраніе было не зачѣмъ. Тамъ предстоялъ вовсе не интересный вопросъ о какомъ-то дворянскомъ пансіонѣ. Я хорошо зналъ теперь, что настоящая стряпня дѣлалась за кулисами.

— Ба, неужели до сихъ поръ не слышали, батенька? Это прекуръзная исторія... Только прикажите кстати закусочки подать. Предупреждаю, исторія предлинная.

Бурдасовъ расположился удобно въ креслѣ, досталъ изъ ящика вторую сигару и, утоливъ аппетитъ закуской, принялся рассказывать. Исторія, въ самомъ дѣлѣ, вышла предлинная и вдобавокъ претемная. Началась она очень давно, когда Семенъ Андреевичъ былъ только что выпущеннымъ изъ корпуса офицеромъ. Въ полку, въ который онъ опредѣлился, служилъ и отецъ Слуцкого, князь Алексѣй Николаевичъ, только былъ онъ старше лѣтъ на пять или на шесть. Не влюбились они другъ друга какъ-то сразу, съ первой же ихъ встрѣчи. Слуцкій былъ формалистъ большой и къ тому же холодно-надменный въ обращеніи, въ особенности, съ младшими. Семенъ Андреевичъ и тогда уже обнаружилъ съ своей стороны большую вспыльчивость и нравъ далеко не податливый. И за словомъ въ карманъ ему тоже лѣзть не приходилось. А на бѣду вышло такъ, что онъ попалъ въ эскадронъ, которымъ командовалъ князь, не пропускаяшій ни единого случая придрасться къ молодому человѣку. Бурдасовъ мнѣ пересказалъ цѣлую кучу тогдашнихъ полковыхъ исторій, но передавать ихъ я считаю лишнимъ, тѣмъ болѣе, что правдивость Константина Константиновича болѣе, чѣмъ для меня сомнительна. Какъ бы то ни было, дѣло у нихъ дошло до такой крупной стычки, что Семену Андреевичу пришлось выйти изъ полка. Онъ хотѣлъ вызвать своего командира, но этого не позволяла дисциплина. Зато, оставивъ полкъ, Конотоповъ настойчиво потребовалъ дуэли, но князь отъ нея уклонился и, благодаря связямъ, добился того, что молодого офицера перевели въ армію. Полкъ, куда его опредѣлили, стоялъ какъ разъ въ нашей губерніи, гдѣ у Семена Андреевича имѣлась родовая деревня, впрочемъ, не слишкомъ большая. Прослужилъ онъ еще года два, потомъ, выйдя въ отставку, попробовалъ заняться дѣлами, но вскорѣ нашелъ, что игра не стоитъ свѣчъ, и что его способностямъ тѣсно въ небольшомъ отцовскомъ помѣстьѣ. Ему тогда ужъ хотѣлось развернуться во всю ширь. Онъ возвратился въ Петербургъ и тамъ, съ помощью тетенекъ—связи у него тоже, вѣдь, были, хоть и не перваго разбора—попробовалъ счастья на гражданской службѣ. Тогда какъ разъ подготавливалась великая реформа 19 февраля, и въ Петербургѣ канцелярскія перья лихорадочно работали. Да и не однѣ только канцелярскія: особенностью того времени, миновавшаго, впрочемъ, довольно скоро, была готовность все прочесть и всѣхъ выслушать, допустить даже, что умную мысль можетъ, пожалуй, высказать и тотъ, на комъ нѣтъ мундира. Человѣку со способностями и самолюбіемъ былъ тогда случай показать себя. Семенъ Андреевичъ это понималъ какъ нельзя лучше и, разумѣется, присталъ къ либеральному лагерю. Таково уже было тогдашнее теченіе, да и больше простора имѣлось, разумѣется, въ виду для бойкаго ума во всемъ, что клонило въ сторону нововведеній. Одною, однако, Семенъ Андреевичъ все-таки не расчелъ, — что подъ либеральными теоріями таился, какъ изнанка, старинный чиновничій духъ. А молодой Конотоповъ могъ годиться во что угодно, только не въ чиновники. Разъ ему довелось услышать, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей той эпохи въ пылу спора произнесъ слѣдующую фразу: „Неужели вы не хотите понять, что эмансипація—это прежде всего генеральное сраженіе, которое мы должны выиграть противъ дворянства“. Не трудно было смекнуть, кто такой эти „мы“, и у молодого человѣка сильно разгорѣлась

какая-то природная антипатія къ бюрократіи, отождествлявшей свою побѣду съ дѣломъ освобожденія народа. И вотъ вскорѣ послѣ того у него вышла неприятность съ самымъ этимъ крупнымъ дѣятелемъ. Ему было поручено составленіе записки по случаю прїѣзда депутатовъ такъ-называемаго, второго призыва, и, выслушавъ разъясненія начальника, онъ рѣшительно отказался эту записку составить. Послѣ этого, разумѣется, шансовъ на карьеру больше не предвидѣлось. Но предстояло иное, лучшее даже, пожалуй: открывались новыя крестьянскія учрежденія, и Семенъ Андреевичъ сдѣлался однимъ изъ посредниковъ своего уѣзда и къ тому же однимъ изъ тѣхъ, память о которыхъ еще до сихъ поръ не исчезла. Замѣчательно кстати, что, благодаря его стычку съ дѣятелемъ, въ Петербургѣ его тотчасъ записали въ „красные“, хотя въ самой этой стычкѣ молодой человекъ явился какъ разъ защитникомъ дворянскихъ депутатовъ. Но бюрократія за своихъ всегда стоитъ горой, а, впрочемъ, тутъ она и не совѣмъ ошиблась. Въ извѣстномъ смыслѣ Конотоповъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ изъ „красныхъ“, т. е. крестьянъ въ обиду не давалъ и съ губернаторомъ сдѣлался не разъ.

Все это, конечно, я повторяю не со словъ Бурдасова, который даже мало и говорилъ про общественную дѣятельность Семена Андреевича, а дополняя его рассказъ тѣмъ, что я слышалъ отъ здѣшнихъ, чтобы кстати ужъ слить въ одно цѣлое всю прошлую исторію моего героя.

Репутацію образцоваго посредника Семенъ Андреевичъ приобрѣлъ благодаря тому, въ особенности, что, за исключеніемъ одного только случая, ему удалось ввести новые порядки вездѣ самымъ мирнымъ образомъ. И единственный этотъ случай произошелъ какъ разъ въ имѣніи князя Слуцкаго, въ большомъ торговомъ селѣ Разказовѣ. Своего бывшего владѣльца разказовскіе крестьяне почти въ лицо не знали, и помѣщичья власть для нихъ олицетворялась въ нѣмцѣ-управляющемъ, ими, разумѣется, глубоко ненавидимомъ. Первое же объясненіе бывшего неограниченнаго владыки съ его недавними подчиненными — дѣло шло о торговой площади — привело къ тому, что перетрусившій нѣмецъ обратился въ бѣгство и поскакалъ просить защиты у властей. Семену Андреевичу удалось водворить порядокъ очень быстро, но онъ счелъ однако нужнымъ предупредить князя телеграммой, чтобы тотъ прїѣхалъ и смѣнилъ управляющаго, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній. Самолюбивый Конотоповъ, я думаю, не безъ тайнаго наслажденія отправлялъ эту телеграмму. Но князь послѣдовалъ его совѣту лишь наполовину: управляющаго онъ не смѣнилъ, а самъ только запуталъ дѣла еще больше прежняго. Въ одинъ прекрасный день, накануне самой уборки, крестьяне наотрѣзъ объявили, что надѣла принимать не желаютъ и на барщину выходить не намѣрены. Слуцкій потерялъ голову и отправилъ къ Семену Андреевичу умоляющее письмо съ просьбою тотчасъ прїѣхать. Злорадное торжество поднялось въ сердцѣ Конотопова, когда онъ прочелъ записку князя, почти униженно взывавшаго къ его защитѣ, и потомъ, когда онъ увидѣлъ своего бывшего врага, исполненнаго передъ нимъ самаго усерднаго искательства. Князь былъ изъ тѣхъ гордецовъ, надменность которыхъ необыкновенно быстро смѣняется раблѣпствомъ. Онъ не стоялъ упорно за свою помѣщичью власть и денежныхъ потерь не боялся: одна мысль его нугала, какъ бы не случилось въ имѣніи крупной исторіи, и какъ бы извѣстіе объ этомъ, дойдя до Петербурга, не повредило его служебному положенію. Семенъ Андреевичъ понялъ это сразу и поспѣшилъ его успокоить.

— Не бойтесь, князь, до экзекуціи не доведемъ, сказалъ онъ, снисходительно улыбаясь.

И, въ самомъ дѣлѣ, онъ приложилъ все усилія, чтобы вывести изъ затрудненія своего бывшего врага. Сомнѣваюсь только, чтобы онъ заслужилъ этимъ благодарность князя, слишкомъ ужъ явно сквозило въ каждомъ его словѣ какое-то покровительственное презрѣніе.

Князь взялъ продолжительный отпускъ и, оставшись въ деревнѣ на все лѣто, отъ нечего дѣлать перезакопился съ мѣстными помѣщиками. Встрѣченный, было, сперва довольно холодно, онъ сумѣлъ однако вскорѣ приобрести всеобщее расположеніе. При всей своей обычной надменности, онъ могъ, когда того хотѣлъ, казаться добрымъ малымъ и привлекать къ себѣ непринужденностью обращенія. Князь овдовѣлъ два года передъ тѣмъ, и не мудрено, что общая молва признала его завиднымъ женихомъ и тутъ же подыскала ему подходящую невѣсту.

У ближайшаго сосѣда князя, Петра Аванасьевича Турова, была взрослая дочь, Любовь Петровна, и вдобавокъ прекрасное имѣніе, единственной наслѣдницей котораго эта дочь должна была впоследствии сдѣлаться. Туровъ обладалъ всеми качествами примѣрнаго хлѣбосола — добродушіемъ, щедростью и ограниченностью. Его Новоспасское всегда было полною чашей, и, разумѣется, не было недостатка въ охотникахъ уѣсться за его обильный столъ, да кстати прїударить за богатой наслѣдницей. Любовь Петровна была дѣвушка въ полномъ смыслѣ слова замѣчательная, — сдержанная, пожалуй, даже скрытная, она совѣмъ не походила на отца, у котораго все было нараспашку. Сейчасъ было видно, что она изъ тѣхъ, кто умѣетъ за себя постоять и цѣну себѣ знаетъ. Вслужить ей голову было не легко, а сама она, хоть и не поражала красотой, хоть и не было въ ней даже того бойкаго задора, которымъ такъ и дышать инья молоденькія дѣвушки, привлекала къ себѣ всякаго и привлекала уже, конечно, не однимъ приданымъ. Что-то почти неприступное и въ то же время манищее, какая-то скрытая, загадочная прелесть была и въ ея спокойныхъ, умныхъ глазахъ, и въ мягкомъ звукѣ ея неспѣшныхъ, чуть-чуть насмѣшливыхъ рѣчей, и въ самой ея осанкѣ, легкой, свободной и все-таки горделивой.

Немного было, конечно, тонкихъ цѣнителей среди уѣздной молодежи, но и они, все до одинаго, находились подъ очарованіемъ Любочки. Глядя на нее, каждый невольно вспоминалъ про какую-нибудь волшебную сказку, которою зачитывался въ дѣтствѣ, до того походила она на одно изъ тѣхъ таинственныхъ существъ, которыя опутываютъ своими чарами героевъ такихъ сказокъ. Не мудрено, что поддался этому очарованію и Слуцкій, и удивиться можно развѣ тому, что передъ нимъ такъ охотно разступились мѣстные женихи, какъ бы признавая его несомнѣнное превосходство. Какъ бы то ни было, онъ сталъ ѣздить въ Новоспасское очень часто, и одинъ только изъ бывавшихъ тамъ обыкновенно гостей позволялъ себѣ не уступать ему мѣсто возлѣ молодой хозяйки. Человекъ этотъ былъ Семенъ Андреевичъ, тоже ѣздившій къ Туровымъ нерѣдко и до сихъ поръ всегда принятый у нихъ съ распростертыми объятіями. Петръ Аванасьевичъ, когда былъ наединѣ съ супругой, говаривалъ ей даже не разъ: „Что, матушка, выдать бы намъ Любочку за Конотопова? Гдѣ намъ лучшаго жениха найти: уменъ, дѣло знаетъ, собою молодець... Не все ли равно, что онъ небогачъ... Деньги и безъ того у Любочки будутъ...“

Но такъ было только до появленія князя. Слуцкій не то чтобы оттѣснилъ его на второй планъ — Семенъ Андреевичъ былъ не изъ тѣхъ, которые ступеньваются передъ кѣмъ-либо, — но въ отношеніяхъ къ нему Туровыхъ произошла какая-то странная перемена, и совершилась она такъ незамѣтно, что иной, менѣе зоркій, человекъ ни про что бы не догадался. Сперва было только какъ будто менѣе радушія со стороны хо-

заявъ Новоспаскаго, потомъ явилась какая-то неловкость, что-то похожее даже на смущеніе съ ихъ стороны. „Ужъ не просватали ли они дочь за Слуцкаго и не боятся ли мнѣ про это сказать“. Конотоповъ былъ убѣжденъ, что, случись это, ему непременно побоятся открыты истину. Онъ какъ-то привыкъ чувствовать себя сильнѣе другихъ и внушать людямъ что-то похожее на страхъ. На князя онъ глядѣлъ совершенно иными глазами, чѣмъ прочая молодежь. Онъ хорошо помнилъ еще, какъ недавно Слуцкій передъ нимъ лебезилъ, и не равенство, а скорѣе презрѣніе возбуждалъ въ немъ блестящій соперникъ. Что мать любимой дѣвушки отдастъ предпочтеніе князю, въ этомъ онъ не сомнѣвался: всѣ мамы тщеславны. Но въ Петрѣ Аванасьевичѣ онъ былъ увѣренъ, а сама Любочка, хоть она еще не давала ему права считать себя любимымъ, ни за что—въ этомъ онъ не сомнѣвался—не выбрала бы себѣ жениха ради его высокаго положенія въ обществѣ. Онъ рассчитывалъ при этомъ не столько на ея сердце, сколько на ея гордость. Онъ полюбилъ ее искренно и безкорыстно, и не говорилъ ей объ этомъ до сихъ поръ, потому что самъ тоже былъ гордъ, и ему постыднымъ казалось добиваться богатой певички. А Люба всегда отличала его среди прочихъ, ясно давая ему понять, что онъ имъ не чета, хоть и не измѣняла для него своей всегдашней сдержанности. Пока Люба оставалась къ нему тою же, онъ не боялся соперничества князя. Но вотъ онъ и въ ней сталъ подмѣчать несомнѣнные признаки чего-то похожаго не на холодность только, но на что-то худшее, на презрѣніе. Да, въ ея глазахъ онъ прочелъ разъ именно презрѣніе къ себѣ. Этого онъ вынести не могъ, и, добившись того, чтобы остаться съ дѣвушкой наединѣ, онъ потребовалъ отъ нея объясненія, потребовалъ рѣшительно и настойчиво. На этотъ разъ она и скрытничать не захотѣла. Она призналась, что перемѣнилась въ обращеніи съ нимъ, потому что не можетъ его уважать. И когда, возмущенный и взволнованный, онъ сталъ спрашивать дальше, она взглянула на него съ враждебною холодностью и какъ-то гадливо проронила: „Вы сами знаете, за что... Удивляюсь, какъ вамъ не стыдно настаивать“... Она хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее почти насильно и услышалъ, наконецъ, слова, отъ которыхъ кровь у него вся закипѣла. „Спросите у князя, если вы забыли, за что вамъ пришлось выйти изъ полка...“

А, вотъ, стало-быть, гдѣ была причина случившейся перемѣны. Князь не постыдился оклеветать его, можетъ-быть, приписавъ ему свой собственный поступокъ...

— Князь?! закричалъ онъ.—Да это ложь, слышите: ложь. Я докажу это, потребую его къ отвѣту... Онъ не захотѣлъ драться со мною тогда, пользуясь тѣмъ, что былъ моимъ начальникомъ, и теперь онъ смѣется...

— Не знаю, перебила его Люба, вскидывая плечами,—странно въ такомъ случаѣ, что вамъ пришлось оставить полкъ...

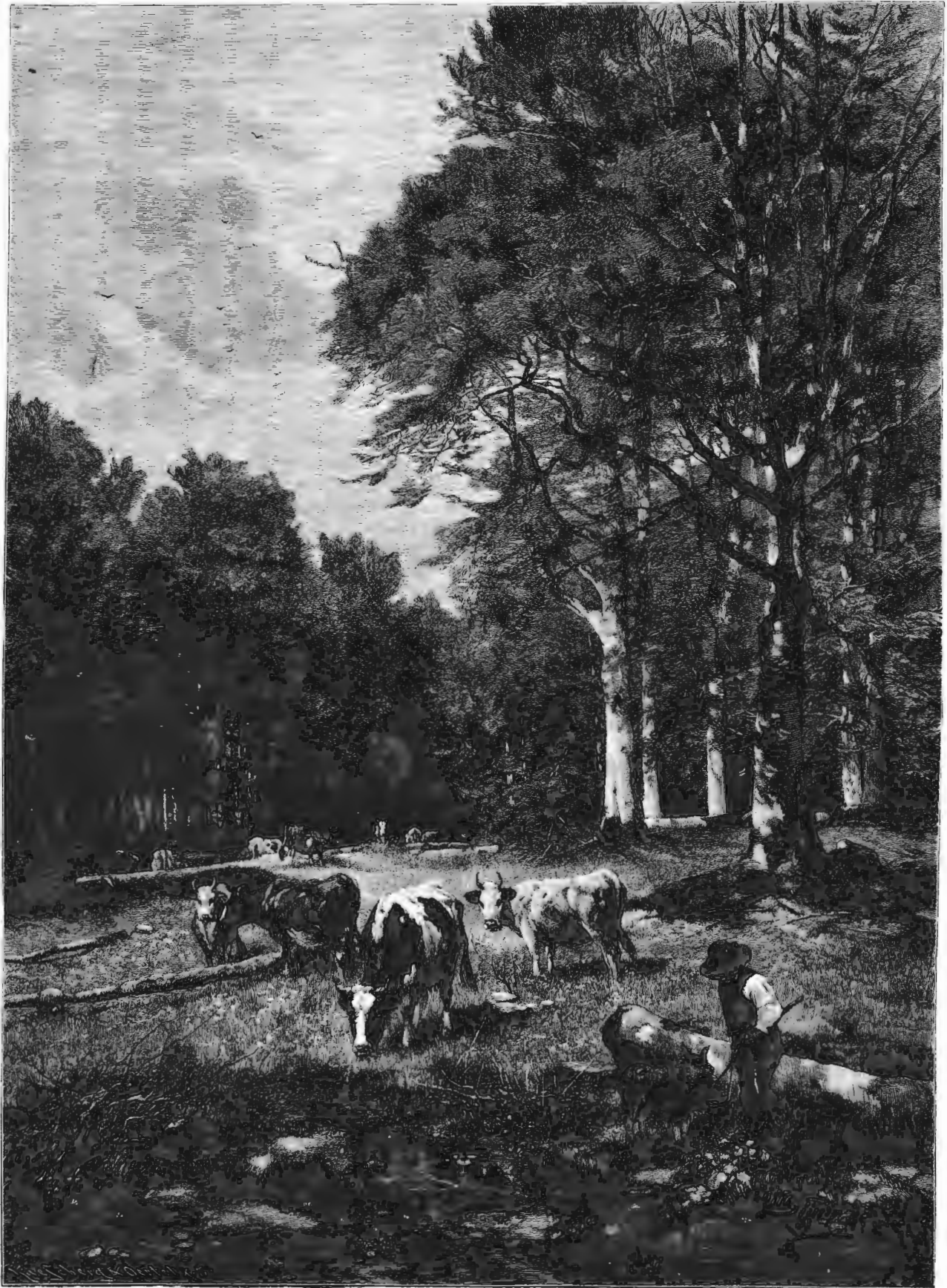
Семень Андреевичъ не настаивалъ болѣе. Онъ по-скакалъ въ усадьбу князя, твердо рѣшившись заставить его драться на этотъ разъ. Но князя въ деревнѣ уже не оказалось. Семень Андреевичъ узналъ, что въ тотъ же день онъ уѣхалъ въ Петербургъ, вызванный какой-то телеграммой. Туровы были страшно поражены этимъ извѣстіемъ. Со-дня-на-день они ждали предложенія со стороны князя,—ждали тѣмъ болѣе, что Люба призналась матери въ своей любви къ Слуцкому. Неприступная дѣвушка, наконецъ, полюбила. Въ Конотопѣ ей нравились его умъ, его энергія, но сердце ея и передъ нимъ оставалось холодно. То, что Семень Андреевичъ принималъ за робкое, не высказавшееся еще чувство, было лишь невольнымъ, но равнодушнымъ признаніемъ того умственного превосходства, какимъ обладалъ Конотоповъ, не болѣе.

Открытіе это ошеломило Семена Андреевича. Онъ

не подозрѣвалъ, что человекъ, оклеветавшій его такъ низко, не только посягнулъ на его честь, но и овладѣлъ сердцемъ молодой дѣвушки. Онъ не допускалъ мысли, чтобы Люба могла привязаться къ Слуцкому, въ которомъ онъ видѣлъ всегда одно мишурное самолюбіе, одно жалкое ничтожество, и ненависть къ врагу поднялась въ немъ еще сильнѣе прежняго. Онъ полетѣлъ въ Петербургъ, сгорая отъ нетерпѣнія помѣряться, наконецъ, съ человекомъ, испортившимъ всю его жизнь, готовый на все, чтобы принудить его стать передъ нимъ на барьеръ.

Но до Петербурга ему доѣхать не пришлось. Въ Москвѣ онъ получилъ случайно извѣстіе, сразу измѣнившее его рѣшеніе, узналъ, что побудило князя такъ неожиданно покинуть деревню. Женщина, съ которою Слуцкій былъ въ связи уже нѣсколько лѣтъ, овдовѣла, и, вызванный ея телеграммой, онъ поспѣшилъ къ ней. Всѣ говорили, что свадьба ихъ не заставитъ себя ждать, что князь связанъ давнишнимъ обѣщаніемъ. Ихъ отношенія не были тайной ни для кого. Мужъ этой женщины, больной, разслабленный, медленно угасалъ уже нѣсколько лѣтъ, и всѣ знали, что, сдѣлавшись свободной, она поспѣшитъ обвиняться съ княземъ. Итакъ, ухаживая за Любой, Слуцкій обманывалъ Туровыхъ. Для его поступка съ Семеномъ Андреевичемъ не было даже извиненія въ ревности, была одна лишь низкая, презрѣнная злоба, и желаніе Конотопова во что бы то ни стало добиться кровавой развязки—мигомъ пало. Онъ могъ отомстить инымъ образомъ, отомстить не ему только, но и Любѣ. Въ его любви къ ней была теперь примѣсь иного чувства, очень похожаго на ненависть. Его радовала мысль, что привезенное имъ извѣстіе заставитъ Любу не только страдать, но и краснѣть за свое брошенное на вѣтеръ чувство. И онъ не обманулся въ расчетѣ. Мщеніе его было удовлетворено вполне. Люба заболѣла опасно, а злобные толки уѣзднаго общества, подхваченные съ радостью всѣми, кто былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ появленіемъ князя, мучительно отзывались въ ея самолюбивомъ сердцѣ. Родители увезли ее за границу. А когда она вернулась, годъ, проведенный въ тепломъ климатѣ, вдали отъ гнетущихъ воспоминаній, принесъ ей одно лишь физическое выздоровленіе. На сердцѣ у нея лежало неисцѣлимое чувство ноющего, скорбнаго разочарованія. Ей все равно было теперь, за кого бы ни выйти, а родители торопили ее, какъ бы чувствуя за собою какую-то отвѣтственность за случившееся, какъ бы желая стереть съ себя что-то постыдное. Семень Андреевичъ сталъ ѣздить къ нимъ попрежнему, зорко наблюдая за Любой, и, глядя на ея спокойное, чуть-чуть только поблѣднѣвшее лицо, онъ думалъ, что отъ прошлаго и слѣда не осталось, что оскорбленное самолюбіе помогло ей заглушить обманутую любовь. И когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ сдѣлалъ ей предложеніе, она согласилась. А въ душѣ она, можетъ-быть, ненавидѣла своего жениха еще болѣе, чѣмъ самого Слуцкаго, ненавидѣла за то именно, что онъ имѣлъ поводъ радоваться ея горю, что когда онъ принесъ извѣстіе о женитьбѣ Слуцкаго, скрытое торжество почувствовалось ей въ его взглядѣ. И, выходя за него, она говорила себѣ, что онъ торжествуетъ напрасно, что никогда не видать ему съ нею счастья.

Но Семень Андреевичъ былъ не изъ тѣхъ, которые склоняютъ голову передъ женскою местию. Онъ любилъ жену страстно, забывъ о томъ, что недавно еще къ его любви примѣшивалось чувство злобной радости. И какъ всѣ натуры, склонныя къ деспотизму, онъ не останавливался передъ мыслью, что она, пожалуй, не останалась. Для него довольно было того, что любимое существо принадлежитъ ему, а покорить себѣ ея душу онъ надѣялся силою собственного чувства. Семень Андреевичъ былъ, вообще говоря, довольно низкаго мнѣнія о жен-

На просѣкъ. Съ карт. О. Штрютцел, грав. Кезебергъ.

щинах и какъ-то безсознательно видѣлъ въ нихъ существа низшаго порядка. Холодность невѣсты его не пугала, и на первыхъ порахъ ихъ замужней жизни онъ выказывалъ ей столько нѣжной предупредительности, и его огненная, все подавляющая, натура такъ любовно смирялась передъ ея волей, что иная на ея мѣстѣ, быть-можетъ, и поддалась-бы обаянію этого сильнаго человѣка, казавшагося передъ ней такимъ послушнымъ и преданнымъ. Но Любовь Петровна смиряться не умѣла. Въ ней что-то застыло навсегда, застыла способность отозваться на чью-либо страсть, кромѣ развѣ страсти одного только человѣка. Но этотъ человѣкъ былъ далеко: она съ нимъ болѣе не встрѣчалась послѣ его отъѣзда изъ деревни. На всѣ ласки мужа она платила такимъ обиднымъ равнодушіемъ, что скоро, очень скоро Семень Андреевичъ охладѣлъ къ молодой женѣ. Мягкая покорность была такъ чужда его природѣ, что, убѣдившись, какъ мало цѣнятъ его старанія угодить женѣ, онъ стяхнулъ съ себя власть любви, какъ что-то недостойное. Не удивительно, что онъ сталъ искать себѣ развлеченій на сторонѣ, развлеченій быстрыхъ и часто мѣнявшихся. Дѣла, которымъ онъ отдавалъ свое время, оставляли ему мало свободы, да его пылкая кровь и требовала какъ разъ жгучихъ, но мимолетныхъ ощущений. Далекое не примѣрнымъ мужемъ былъ Семень Андреевичъ, но ревновать жену онъ оттого не разучился. И вотъ, чрезъ пять лѣтъ послѣ свадьбы, Слуцкій опять пріѣхалъ въ нашъ губернский городъ. Конотоповъ зорко наблюдалъ за женой въ минуту ея первой встрѣчи съ княземъ. Встрѣча эта обошлась просто, слишкомъ даже просто. Не только о прошломъ и упомянуто не было между ними, — это разумѣлось само собой, — но никакого, даже малѣйшаго смущенія не показалось на блѣдномъ лицѣ молодой женщины. Лицо это стало теперь замѣчательно красивымъ, но какой-то законченной и застывшей красотой изваянія. Счастье, говорятъ, красить женщинъ, а Любви Петровнѣ затаенное горе придало что-то возвышенное, почти героическое, точно она носила это горе, какъ сознание подвига. И въ то же время такая глубокая, почти язвительная иронія читалась на ея губахъ, такая насмѣшка не надъ людьми только, а надъ собою, что лицо ея получало странную, демонически злобѣщую прелесть, не свойственную женскимъ лицамъ.

Что произошло затѣмъ, Бурдасовъ мнѣ въ точности передать не могъ. Его рассказъ былъ до того сбивчивъ, что многое, очевидно, онъ прилепелъ отъ себя. Мнѣ приходится дополнить его слова тѣмъ, что я позже узналъ отъ Надеждина. Слуцкій и Любовь Петровна встрѣчались часто — князь оставался въ городѣ подъ предлогомъ какихъ-то дѣлъ, — но зоркая недоувѣрчивость Семена Андреевича не успѣла подмѣтить никакихъ тревожныхъ признаковъ, — и охотницамъ до силетень Любовь Петровна не давала поводовъ злобно истолковывать ея поведеніе. Если и была у нея какая-нибудь тайна, выраженіе ея лица оставалось такимъ-же загадочно-спокойнымъ. Никакого сближенія, казалось, не произошло между нею и Слуцкимъ. Но подозрительность Семена Андреевича на этомъ не успокоилась. Должно-быть, въ обращеніи съ нимъ жены появлялся теперь новый какой-то оттѣнокъ насмѣшливой враждебности. Ихъ жизнь, повидимому, шла прежней колеей, все такая-же безцвѣтно-спокойная. Ничто не могло подсказать ему, что въ сердцѣ жены снова вспыхнула

прежняя страсть. А между тѣмъ какое-то чутье ему говорило, что ея холодное равнодушіе въ присутствіи Слуцкаго было притворно. И вотъ онъ убѣдился, наконецъ, что его подозрѣнія не напрасны. Разъ, вернувшись домой невзначай, онъ засталъ князя у жены и не могъ уже сомнѣваться въ ея измѣнѣ. И тутъ произошло нѣчто совсѣмъ невѣроятное. Семень Андреевичъ могъ теперь потребовать отъ князя полного удовлетворенія, свести съ нимъ всѣ счеты за прошлое. Но ему этого уже было мало. Ему захотѣлось нанести князю оскорбленіе, которое навсегда-бы запятнало его жизнь непоправимымъ позоромъ. Когда Слуцкій ему сказалъ, что готовъ принять всѣ условія, какія захочетъ онъ ему поставить, — князь прикинулся теперь храбрецомъ, — Семень Андреевичъ засмѣялся.

— А, вотъ какъ, сказалъ онъ, — думаете отъ меня дуэлью отдѣлаться... Нѣтъ, ошиблись въ расчетѣ. Поздно, князь... Вы не захотѣли со мной драться тогда, въ полку... теперь я драться не хочу. Подлому трусу, какъ вы, должна быть и подлая отместка.

Онъ вывелъ князя за руку въ другую комнату, позвалъ людей и приказалъ имъ тутъ-же, въ своемъ присутствіи, расправиться съ нимъ, какъ съ воромъ, пойманнымъ на мѣстѣ въ кражѣ. И онъ глядѣлъ все время, скрестивъ руки на груди, пока шла грубая, лакейская расправа.

— Что, довольно съ васъ будетъ, кажется? спросилъ онъ, когда его безпомощный врагъ лежалъ передъ нимъ на паркетѣ, почти лишенный сознания. — Теперь ступайте и, коли хотите, жалуйтесь на меня. Имѣете на то полное право...

Князя вывели полуживого и съ трудомъ усадили въ извозничьи сани. На другой день его не было въ городѣ, и двадцать четыре часа спустя распространилась ужасная вѣсть, что князя нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ застрѣлился у себя въ Разказовѣ, запершись въ кабинетѣ. Много было толковъ о причинахъ этой загадочной смерти. Иные увѣряли, что князь былъ убитъ своимъ камердинеромъ, но этому плохо вѣрили, хотя, какъ водится, на слѣдствіи двое призванныхъ врачей дали совершенно противоположныя показанія. Одинъ изъ нихъ признавалъ самоубійство несомнѣннымъ, но другой съ нимъ упорно не соглашался. Слѣдствіе ничего положительнаго не раскрыло. И вотъ пошли по городу смутные толки, и до сихъ поръ не прекратившіяся. Увѣряли, что князь палъ жертвой американской дуэли, и какая-то догадливая особа, успѣвшая проникнуть въ тайну его отношеній къ Любови Петровнѣ, распустила по городу этотъ слухъ. Знаетъ правду одинъ только Надеждинъ. Его отецъ былъ приглашенъ Семеномъ Андреевичемъ въ секунданты на случай, если-бы князь все-таки настаивалъ на дуэли. Удовлетворивъ свою месть, Конотоповъ рѣшился, было, выйти на барьеръ со своимъ противникомъ. Самоубійство князя освободило его отъ дуэли, а Надеждинъ-отецъ подъ строжайшимъ секретомъ передалъ обо всемъ сыну, и вотъ почему Викторъ Александровичъ былъ правъ, говоря, что знаютъ про эту исторію только трое. Семень Андреевичъ хранилъ тайну свято, щадя память своего покойнаго врага. Но теперь все это давно былъемъ поросло, — почти двадцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, — и Надеждинъ счелъ себя въ правѣ раскрыть мнѣ схороненную тайну.

(Продолженіе будетъ).

„Фишка“.

Рассказъ А. Цѣхановича.

У насъ не много уже ихъ осталось... Я говорю объ одномъ замѣчательномъ типѣ русскаго простолюдина изъ временъ крѣпостничества, очутившагося въ эпохѣ нашихъ дней. Есть домовитыя стародворянскія семьи, гдѣ эти люди прошлаго,

въ искусственной сферѣ старинны и ея невозвратимыхъ традицій, доживаютъ свои послѣдніе годы.

Фишка служила у господъ Глушниковыхъ, родовое помѣстье которыхъ, вынѣ проданное, находилось въ Ярославской губерніи.

Старикъ Глушковъ въ настоящее время занимался уже мелкимъ ходатайствомъ по дѣламъ, госпожа Глушкова страдала первыми и вышивала въ пальцахъ, а сынъ-студентъ давалъ уроки. Фишка обожала этого студента единственно потому, что когда-то, лѣтъ двадцать пять назадъ, присутствовала при его рожденіи и видѣла „махонькимъ, вотъ такимъ“. Предлога этого казалось для нея совершенно достаточно, чтобы души не чаять въ „Иванѣ Ивановичѣ-махонькомъ“, какъ она называла его въ отличіе отъ отца—„Ивана Ивановича-большого“.

По упраздненіи крѣпостного права, дѣвка Афимя или Фишка слезно просила у господъ позволенія остаться при нихъ, на томъ простомъ основаніи, что ей „идти некуда“, а къ нимъ, къ господамъ, она ужъ привыкла. Въ словесномъ условіи было упомянуто, что жалованья она попрежнему получать не желаетъ, а что касается „ученія“ въ формѣ подзатыльника иногда, или какъ тамъ придется,—то насчетъ этого чтобы господа тоже не стѣснялись, потому безъ этого нельзя, она чело-вѣкъ темный, а они все-таки господа, и т. д.

Глушковы охотно воспользовались предложеніемъ Фишки, тѣмъ болѣе, что погромъ дворянскаго режима оставилъ ихъ почти совсѣмъ безъ прислуги.

Вскорѣ Глушковы переѣхали въ Петербургъ, и тутъ началась довольно скучная жизнь, благодаря тому обстоятельству, что имѣніе и „души“ были заложены и перезаложены.

Фишка осталась единственной прислугой. Высокая, какъ грендерскій солдатъ, сильная и здоровая баба, она несла всѣ роды обязанностей. Она стирала, готовила обѣдъ, терла барынѣ пятки на сонъ грядущій, ходила съ шпешами о займѣ денегъ, а въ особенно трудныя минуты отиравалась въ благотворительныя учрежденія, выдававшія дрова бѣднымъ, при чемъ брала ихъ лично для себя и носила громадными охапками на своей могучей спицѣ. Лицо Фишка имѣла такое, къ которому оставалось только придраться усы, чтобы подучился самый типичный солдатъ; но, несмотря на это, голосъ ея былъ прискли-виль, чисто бабій, слова она выговаривала мягко и слащаво, чаще всего выражалась уменьшительными именами. Кротости это созданіе было необыкновенной, по причинѣ того, вѣроятно, что практической и всякій другой умъ у нея замѣнила чистая, наивная душа, недоступная ничему, кромѣ преданности и поразительнаго самоотверженія.

Дѣла, господъ Глушковыхъ съ каждымъ годомъ ухудшались. Приходили иногда дни такой нищеты, что чувствовался недостатокъ въ пицѣ. Въ такихъ случаяхъ Фишка показывала притъ необычайную. Она шла въ лавки и начинала такъ неотступно и трогательно просить въ долгъ, что почти всегда возвращалась съ грудой провѣаніи.

Тутъ лицо ея изъ печально-просительнаго преобразалось въ радостное.

— Пожалуйте кушать! съ особенной почтительностью докладывала она часа черезъ два послѣ своей экскурсіи.

Барыня и баринъ гнѣвно вглядывали на нее, принимая такое приглашеніе за насмѣшку.

— Простынетъ, продолжала Фишка,—а не то, можетъ-быть, обождать прикажете?

— Да провизію развѣ ты покунала сегодня? спрашивала мадамъ Глушкова.

— На книжку взяла-съ...

— И дали?

— Дали-съ.

За обѣдомъ Фишка служила въ такіе дни особенно торжественно, съ трогательной заботливостью стараясь поддержать господскій режимъ на той высотѣ, на которой онъ долженъ былъ быть по ея мнѣнію.

Однажды барыня почувствовала себя нездоровой и слегла въ постель. Она и равнѣ долго перемогалась, но недугъ взялъ свое. Когда призвали доктора, онъ сказалъ, что больной жить остается всего нѣсколько дней. Фишка, поделушавшая это въ полуотворенную дверь изъ кухни, рѣшила, что докторъ вретъ, и что Господь Богъ не допуститъ такого горя для ихъ семьи. Поэтому, изъ денегъ, полученныхъ за день передъ тѣмъ на кофе (ей только и давалось полтинникъ на кофе), она купила свѣчу и поставила къ образу „Скорбящей“ въ ближайшей церкви; однако облегченія не послѣдовало. Барынѣ дѣлалось хуже съ каждымъ часомъ. Фишка, то и дѣло, вызывалась тереть „спинку“ или „пяточки“, но барыня отклоняла эти предложенія и только слабымъ голосомъ говорила ей:

— Худо мнѣ, Фишка, очень худо.

— Богъ дастъ, матушка, легче будетъ, исейте-ка вотъ клюквы...

Но барыня отказывалась и отъ клюквенной воды.

За нѣсколько часовъ до смерти госпожа Глушкова призвала Фишку къ себѣ и велѣла запереть дверь.

— Афимяшка! сказала она.

Фишка вздрогнула, не узнавъ своего имени, по въ лицѣ и голосѣ умирающей барыни было столько торжественности, что она обмерла отъ удивленія.

— Я скоро... умру... Не оставь барыня и... Ванюшу... я тебѣ ихъ поручаю... Ты моя добрая... вѣрная слуга... прости меня... грѣшную, если я...

— Барыня, матушка, родимая! кинулась къ ней Фишка „и, рыдая, поцѣловала пальцы блѣдой, безсилно упавшей руки. Барыня погладила ее по головѣ и продолжала:

— Не жалѣй меня, Фишка... Я устала отъ этой жизни... и не могу привыкнуть къ сраму этой нищеты... Выросла я, какъ ты поминишь, въ холѣ... а теперь...

Въ это время вошелъ баринъ. Фишка вскочила и ушла въ кухню.

Ночью барыня померла. Сынъ и отецъ зарыдали, а Фишка повернулась къ образу, передъ которымъ теплилась лампадка, и стала класть земные поклоны, истово крестясь и пенча молитву. Потомъ она подошла къ умершей, поклонилась ей въ землю, и благоговѣнно принялась за омовеніе. Она все дѣлала, не спѣша, только тихія слезы неудержимо капались по ея скуластымъ щекамъ. Во время одѣванія покойницы она, то и дѣло, цѣловала ея руки, смачивая ихъ не протекающими слезами.

Съ этого дня Иванъ Ивановичъ-маленькій словно свихнулся. Онъ вышелъ изъ университета, гдѣ уже былъ на третьемъ курсѣ, и сталъ сильно запивать. Потомъ, снисходя къ просьбамъ отца, который сильно состарѣлся послѣднее время и не могъ уже ходить ни по какимъ дѣламъ, поступилъ писцомъ въ департаментъ, но запивать не бросилъ, и вскорѣ былъ исключенъ.

Послѣ этого онъ заплъ еще хуже, дошелъ до блѣдой горячки, и умеръ въ больницѣ. Фишка выла цѣлые три дня послѣ похоронъ, на которыхъ шла за гробомъ своего воспитанника, ведя подъ-руку Ивана Ивановича-большого, который еле переступалъ дрожащими ногами.

И вотъ остались на свѣтѣ Фишка и Иванъ Ивановичъ-большой. Они переѣхали на другую квартиру:— одна комната и кухня.

Всю заботу свою Фишка теперь обратила на старика. Въ немъ она видѣла послѣднюю нравственную зацѣпу своего личнаго существованія. Она чувствовала, что если умереть и старый баринъ, то послѣднее волокно въ нити ея жизни порвется. Но старикъ уже гасъ, и вскорѣ слегъ въ постель. Бѣдность была страшная. Не на что даже было позвать доктора, но тѣмъ не менѣе Фишка позвала его, а вмѣсто платы повалилась на лѣстницѣ въ ноги, прося не оставить барина. Молодой врачъ былъ тронутъ, и продолжалъ лѣчить старика безвозмездно. Это было не долго однако.

Въ одинъ изъ чудныхъ весеннихъ дней конца мѣся старикъ померъ. Фишка на этотъ разъ не взвыла даже, лицо ея приняло деревянное выраженіе. Она одѣла барина, положила на столъ, зажгла вѣнчальную свѣчу и пошла въ полицію просить на похороны. За гробомъ она шла одна, шагая большими, мужскими шагами и звякая подковами каблуконъ о камни.

На засыпанной могилѣ она присѣла въ глубокомъ раздумьѣ. Проходили минуты, часы, а она все сидѣла, какъ живое извѣніе, какъ живой надгробный памятникъ.

Вѣтеръ шелестилъ листьями ивы, невдалекѣ въ кустахъ цѣлкнулъ соловей. Фишка пошевелилась.

— Ну, вамъ тутъ хорошо, баринъ! сказала она вдругъ съ странной, потерянной улыбкой. — Лежите себѣ, Христосъ съ вами, а миѣ некогда, я пойду убирать квартиру.

И она поспѣшно пошла къ выходу, удививъ сторожа, который давно уже заперъ ворота.

Придя домой, она сѣла въ кухнѣ на свою кровать и, болтая ногами, тихо забормотала:

— Баринъ придетъ, барыня придетъ, а квартира не убрана, надо убрать...

Потомъ на минуту сознаніе озарило ее, и она сознала дѣйствительность.

Ни барыня, ни барыни, ни Ивана Ивановича маленькаго, никого нѣтъ,—она одна, совсѣмъ одна... Она даже не знаетъ, чтѣ ей дѣлать теперь.

Фишка опустила свою растрепанную голову и, казалось, застыла въ раздумьѣ.

Начало свѣтать. Сперва окрасились въ яркіе цвѣта дальніе полугоны неба, потомъ вспыхнулъ край тучи, и вдругъ золотые лучи брызнули прямо въ окна, ярко и весело озарили пустынную квартиру.

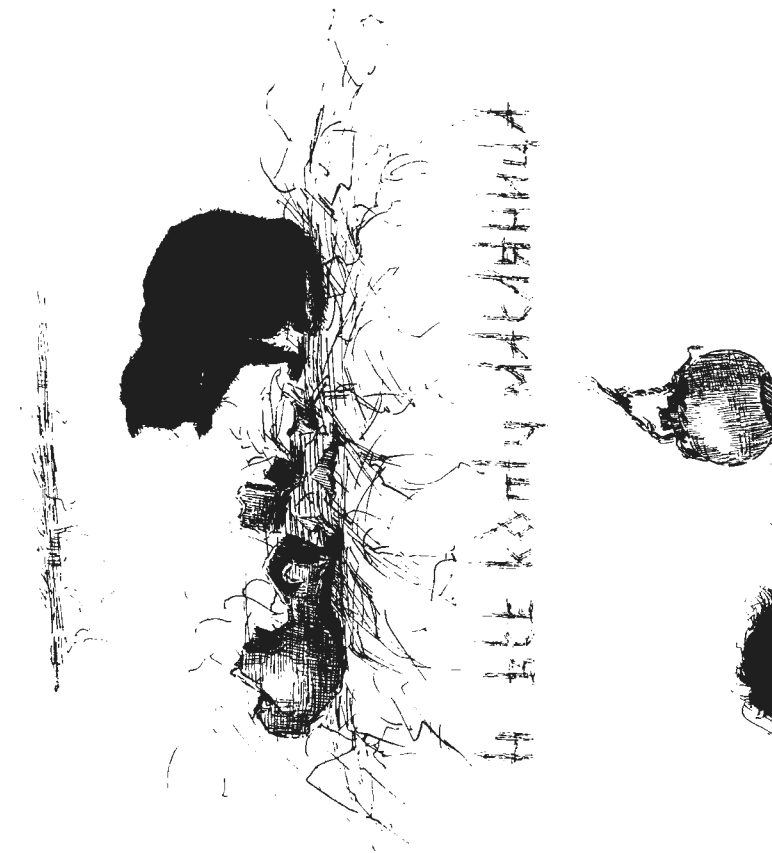
Фишка вздрогнула, вскочила и бросилась почему-то въ уголъ, потомъ въ другой, потомъ распахнула окно и съ привычною проворностью начала протирать стекла. Затѣмъ ей этого, очевидно, показалось мало. Она наполнила глиняную чашку, взяла мыло, и съ мочалкой въ рукахъ взобралась на подоконникъ, глухо бормоча: „чтобы чистенько имѣ было, а то прѣдутъ, заругаются: Фишка, отчего рамы не промыла!“

Она стала во весь ростъ на подоконникъ и дѣлательно принялась за работу.

Вдругъ кто-то снизу окликнулъ ее:

— Афимя, чтѣ ты дѣлаешь?!

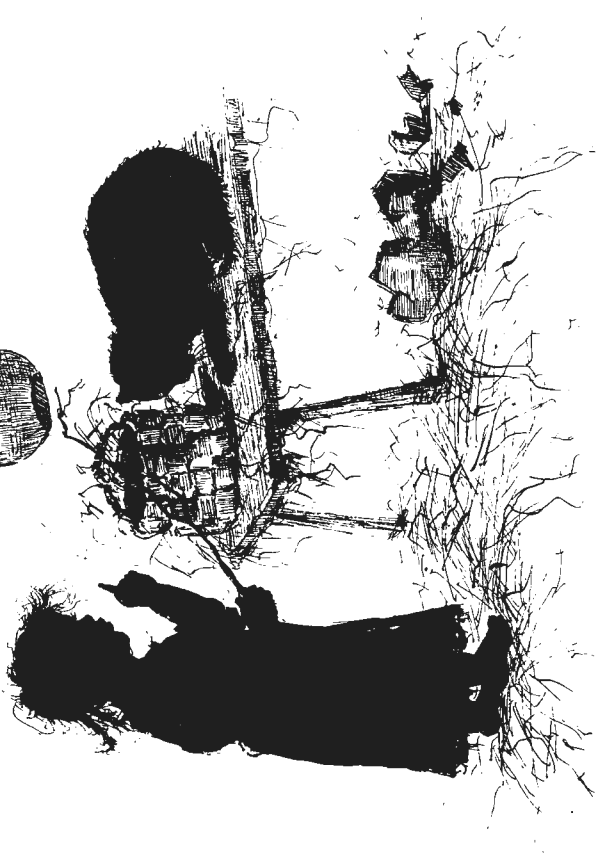
Фишка вздрогнула, пошатнулась и ушла съ высоты четвертаго этажа.

И не коню маханица

куда кони ешь коньякомъ

Приманъ и выжкитъ коню

пряди какъ ешь катшней

Смлузты. Пословицы въ лицахъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Фирсовой, автотипия Ангерера.

Изъ времянь Медичи. Съ карт. Беккера, по фот. Берлицскаго фотограф. общества, грав. Клоуль.

Музыка въ Японіи.

Японцы, богато одаренные способностями къ разнаго рода искусствамъ, какъ это ни странно, совершенно почти не знакомы съ музыкой, и, главнымъ образомъ, съ инструментальной... То незначительное количество музыкальных инструментовъ, которое теперь въ ходу въ Японіи,—завезено туда извнѣ: нѣскольکو разновидностей скрипки ввели въ Японію буддисты, а самизо или баню, нѣчто въ родѣ продолговатой гитры, заимствовано японцами изъ Манилы. Кромѣ этихъ двухъ инструментовъ, имѣются еще у японцевъ флейта и барабанъ, на которыхъ играютъ только одной палочкой. Подъ аккомпаниментъ этихъ своеобразныхъ инструментовъ раздается, обыкновенно, не менѣе своеобразное пѣніе...

Въ домахъ болѣе состоятельныхъ японцевъ встрѣчается еще кто или японское фортепиано; оно состоитъ изъ длинной, болѣе 2 аршинъ длины, горизонтальной гармонической доски, надъ которой, на сдѣланной изъ слоновой кости кобылкѣ напнуто двѣнадцать струнъ. На кото играютъ только дамы и дѣвушки, такъ какъ въ Японіи, вообще, принято заниматься музыкой исключительно женщинамъ. Кото стоитъ на полу, и играющія на этомъ инструментѣ стоятъ на колышкахъ. Струны кото перебирають онѣ съ помощью маленькаго остроколючаго наперстка изъ слоновой кости, надѣваемого на пальцы. По звуку кото похожъ на арфу.

По всей Японіи, то и дѣло, встрѣчаются бродячія музыкантши въ сопровожденіи иногда музыкантовъ, но исключительно слѣпыхъ и слѣпыхъ. Всегда почти играютъ они на самизо. Иногда попадаются цѣлый оркестръ: слѣпой съ самизо, нѣсколько женщинъ съ флейтами и тоже съ самизо и, кромѣ того, еще одна, поющая подъ ихъ музыку. Несмотря на свою крайнюю бѣдность, всѣ эти музыкантши и музыканты всегда чисто и даже прилично одѣты, и возбуждаютъ этимъ не малое удивленіе и европеяца, привыкшаго видѣть у себя на родинѣ бродячихъ музыкантовъ голышами и оборваншами...

Въ Японіи можно встрѣтить еще оригинальный типъ—бродячихъ жрецовъ... Наигрывая на флейтѣ или гулкомъ барабанѣ, они продають при этомъ разныя освещенные предметы, символическіе знаки, амулеты и пр., раздають благословенія и получаютъ за это разнаго рода вещественныя воздаянія. Во время своихъ переходовъ изъ города въ городъ, на головѣ у нихъ красуется маска изъ плетенаго бамбука, имѣющая форму чешуйчатого улья, на рукахъ черныя полуперчатки и поверхъ исподняго свѣтлаго платья — кирнамъ, надѣта на нихъ черная роба.

На японскомъ барабанѣ, похожемъ нѣсколько на гонгъ, можетъ играть только опытный и знакомый съ его устройствомъ человекъ: непривычному не удастся навлечь изъ него ни единого звука. Когда жрецы въ храмахъ бьютъ въ барабаны и поютъ при томъ священныя гимны, эти звуки поражаютъ даже нѣкоторую гармонию... Барабаны для храмовъ изготовляются изъ дерева, сердцевидной формы, полые внутри, и снабжаются для игры на нихъ короткой деревянной палочкой. Священныя гимновъ у японцевъ безчисленное множество; чѣмъ долѣе жрецъ въ состояніи непрерывно пѣть и барабанить, тѣмъ въ большей милости онъ у Будды.

Всѣ эти гимны, распѣваемые подъ звуки барабана въ великолѣпно разукрашенномъ, насыщенномъ благовоіями, фантастическомъ полумрачномъ храмѣ производятъ на непривычнаго подавляющее впечатлѣніе. Тихо льется пѣжный напѣвъ священнаго гимна и замираетъ въ отдаленномъ углу храма... Вдругъ его прерываетъ оглушительный ударъ огромнаго ко-

локола, потрясающій все капище, и эхо на тысячи ладовъ повторяетъ эти звуки въ недосягаемой высотѣ... Колоколъ этотъ привѣшенъ на верху высокой башни, на дворѣ храма, и громовые звуки его разносятся на нѣсколько верстъ по окрестностямъ.

Въ нѣкоторыхъ маленькихъ городахъ Японіи можно встрѣтить также женщинъ-жрецовъ, поющихъ гимны подъ собственный же аккомпаниментъ, на барабанѣ, нѣсколько иначе устроенномъ, чѣмъ у жрецовъ. Въ болѣе же населенныхъ городахъ въ храмѣ бываетъ такихъ женщинъ-жрецовъ даже нѣсколько, и онѣ готовы за достодолжное воздаяніе протанцовывать предъ изображеніемъ того бога, котораго проситель-молищійся хочетъ умилостивить, одинъ изъ священныхъ танцевъ.

Есть въ Японіи еще одна оригинальная музыка — тихая храмовая музыка. Всѣ исполнители хотя и держатъ въ рукахъ инструменты и даже дѣлають видъ, что играютъ, но на дѣлѣ инструменты ихъ не издають никакого звука. Это дѣлается изъ опасенія, чтобы звукъ не усладилъ уха недостойнаго человека и тѣмъ не осквернилъ бы святости храма.

У японцевъ совершенно не существуетъ нотъ для ихъ національной музыки; они поютъ и играютъ только по слуху. Древняя національная музыка по слуху же переходитъ изъ рода въ родъ и сохраняется въ извѣстныхъ лишь семьяхъ, въ тѣсномъ кругу и въ строгой тайнѣ. Въ тѣхъ же изъ этихъ семей, гдѣ нѣтъ ни одного лица, могущаго сохранить въ чѣлости и передать грядущему поколѣнію эту священную тайну, принимается въ семью лицо изъ другой какой-нибудь семьи, и ему присвоиваются всѣ права законнаго члена даннаго семейства.

Въ Токио существуетъ придворная канцелла, исполняющая и древнюю національную музыку. Никто кромѣ придворныхъ, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, не имѣетъ права присутствовать при исполненіи этихъ пьесъ. Иногда, въ очень, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, эта канцелла даетъ публичные концерты, и то лишь въ пользу школы для обученія національной музыкѣ. На такого рода концертахъ всѣ слушатели — лица самыя высокопоставленныя въ Токио — сидятъ, молча, на полу, въ богатѣйшихъ праздничныхъ костюмахъ, и внимательно, сосредоточенно слушаютъ какую-либо древнюю оперу, съ обыкновеннымъ стариннымъ трагическимъ сюжетомъ—борьбой чувства съ долгомъ.

Для чужеземца, привыкшаго къ европейской музыкѣ, національная японская музыка представляетъ какое-то дисгармоническое соединеніе рѣзкихъ звуковъ, въ пѣніи японцевъ нѣтъ ни мелодіи, ни перелива тоновъ. Концертъ длится, обыкновенно, нѣсколько часовъ; въ антрактахъ зрители принимаютъ завтракъ и готовятъ себѣ тутъ же чай на принесенныхъ съ собой „hibachi ocha“ — маленькихъ ручныхъ печкахъ для варки чая.

Вліяніе, однако, цивилизаціи, повидимому, все болѣе и болѣе начинаетъ отражаться въ Японіи и на музыкѣ. Такъ, тамъ въ очень многихъ школахъ преподается уже европейская музыка. Въ Токио учреждена даже консерваторія для обученія европейской музыкѣ. Учителями въ консерваторіи состоятъ нѣсколько японцевъ — отличныхъ пианистовъ. Благодаря изумительному прилежанію и блестящей памяти японцевъ, они быстро усваиваютъ преподаваемое имъ, и можно вполне ожидать, что въ скоромъ времени они совершенно бросятъ свою монотонную музыку и всецѣло предадутся изученію музыки европейской...

Къ рисункамъ.

Будущій мужъ науки. (Рис. на стр. 657).

Ему кто-то далъ увеличительное стекло, и любопытный мальчикъ, поглядѣвъ въ него, увидѣлъ новый міръ, невидимый простому глазу. Усики комара представились его глазу въ видѣ громадныхъ паноритиковъ, крылышко бабочки покрылось красивыми, ровными стаканчиками съ зазубренными краями, блоха стала ужаснымъ чудовищемъ съ пригнутой головой и длинными лапками... И восхищенный мальчикъ все наблюдалъ, обо всемъ разспрашивалъ, до всего допытывался.

Полевая игра въ Петербургѣ. (Рис. на стр. 660).

Болѣе десяти лѣтъ пишутъ и проповѣдуютъ, что нашимъ дѣтямъ недостаегъ физическаго воспитанія, но отъ словъ до сихъ поръ не много перешли къ дѣлу. Однимъ изъ тормозовъ является само общество, смотрящее на игры и гимнастику, какъ на безцѣльную трату времени и ненужный акробатизмъ; съ другой стороны — недостатокъ опытныхъ руководителей мѣшаетъ воочію убѣдиться въ привлекательности и пользѣ физическихъ движеній.

Рядомъ съ равнодушіемъ общества и отсутствіемъ опытныхъ руководителей, нѣсколько тормозитъ дѣло физическаго

воспитанія разнорѣчіе въ указаніяхъ, какія упражненія наиболѣе пригодны нашей молодежи.

Во Франціи послѣдняя задача разрѣшилась благополучно, благодаря неустаннымъ стараніямъ барона П. де-Кубермана (автора „L'Éducation en Angleterre, l'Éducation anglaise en France“) и другихъ лицъ. „Лига физическаго воспитанія“ съ каждымъ годомъ все разрастается, и устраиваемыя ею игры и состязанія получили должную оцѣнку печати и публики. Въ Германіи, этой классической странѣ „Turnen“, также замѣтенъ поворотъ ко введенію игръ и другихъ упражненій, по образцу англійскихъ или народныхъ игръ. Этотъ поворотъ послужилъ предметомъ интересной брошюры д-ра Ф. Кубли, предсѣдателя Петербургскаго Гимнастическаго общества, подъ заглавіемъ „Die Bewegung für Jugend—u. Volksspiele in Deutschland 1893“. Такимъ образомъ оказывается, что въ Англии существуютъ вполне пригодныя игры для юношества. Насколько онѣ привлекательны, можно судить по тому успѣху, какимъ сопровождалась подобныя игры и въ Петербургѣ, гдѣ онѣ были устроены Англійскимъ обществомъ чтенія и спорта 15 мая настоящаго года, на плацу 1-го кадетскаго корпуса. Игры состояли въ бѣганіи взапуски, въ метаніи ядра и мяча и въ прыжкахъ. На нашемъ рисункѣ онѣ изображены почти всѣ. Бѣгъ въ длину происходилъ на дистанцію въ 100 ярдовъ

(300 футовъ) и четверть, полъ и цѣлую милю (754 сажени), бѣгъ ветерановъ, т. е. лицъ старше 30 лѣтъ, бѣгъ съ подыманіемъ мѣчей и бѣгъ черезъ 10 барьеровъ, каждый въ 3 1/2 фута вышины. Наиболье интересными, какъ зрѣлище, были два послѣдніе бѣга, а по результатамъ оказался бѣгъ въ 100 ярдовъ, которые В. Мартинъ пробѣжалъ въ 11 секундъ. Въ прыжкахъ отличился А. Говардъ, перескочившій прямо съ земли жердь на 5 футовъ 1 дюймъ высоты. Несмотря на то, что всѣхъ упражненій было 13, зрители съ возрастающимъ интересомъ слѣдили за всѣми видами ихъ, и съ увлеченіемъ привѣтствовали каждое удачное проявленіе силы и ловкости.

Виды помѣщеній Августѣйшихъ Особъ въ Красномъ селѣ. (Рис. на стр. 661).

Красное село, расположенное на возвышенности, образуемой Дудергофскими горами, служитъ, какъ извѣстно, мѣстомъ ежегодныхъ лѣтнихъ лагерныхъ сборовъ подъ Петербургомъ гвардейскихъ войскъ. Первый такой лагерь состоялся въ 1765 году при императрицѣ Екатерицѣ II, затѣмъ здѣсь происходили маневры въ 1819, 1820 и 1823 годахъ, а съ 1824 г. Красное село сдѣлалось постояннымъ мѣстоположеніемъ лагеря. Красносельскій лагерь очень красивъ. Выровненные валки, прекрасныя шоссеиныя дороги, устроенныя первоначально въ 1868 году, безконечный рядъ палатокъ и красивыя отдѣльные навильоны, офицерскіе баракки имѣютъ своеобразный видъ, которымъ нельзя не полюбоваться. Великій Князь Главнокомандующій помѣщается въ отдѣльномъ дворцѣ, по типу очень похожемъ на домъ въ помѣщичьей усадьбѣ добраго стараго времени. Собственно, такъ-называемый, дворецъ въ Красномъ селѣ находится на Дудергофскихъ высотахъ и имѣетъ видъ простаго сельскаго дома, въ швейцарскомъ вкусѣ. Онъ построенъ еще по приказанію императора Николая Павловича.

Виды этихъ дворцовъ мы помѣщаемъ на стр. 661. Тутъ же изображены и домъ, гдѣ жилъ Великій Князь Николай Николаевичъ, когда изволилъ командовать лейбъ-гвардіи Гусарскимъ полкомъ, и весьма изящный домикъ съ шатровымъ крыльцомъ Наслѣдника Цесаревича. Дома эти находятся въ деревнѣ „Русское-Копорское“, близъ Краснаго села, такъ какъ, собственно, въ лагерномъ расположеніи, въ палаткахъ, помѣщаются пѣхотныя части, а кавалерія располагается по окрестнымъ Красному селу деревнямъ.

На просѣкѣ. (Рис. на стр. 665).

Яркое солнце залило свѣтомъ буковый лѣсъ и разсыпалось животворными лучами по травѣ небольшой просѣки, гдѣ яркими пятнами обрисовывается пасущееся стадо на изумрудной зелени. Точно застывшія, стоятъ коровы, изрѣдка притывая голову къ травѣ и лѣниво обрывая ее, или изрѣдка подходятъ къ ручью, который не шумитъ и точно заснулъ въ полдневный жаръ.

Силуэты. (Рис. на стр. 668).

Рисунки, въ видѣ черной тѣни предметовъ на бумагѣ, были извѣстны еще въ древности, и, по преданію, первый рисунокъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ контуромъ тѣни лица. Названіе силуэтъ было дано во Франціи чернымъ рисункомъ и, въ особенности, портретамъ въ профиль при Людовикѣ XV, при которомъ контролеръ финансовъ Силуэтъ (Silhouette) вызвалъ неудовольствие общества плохими и смѣнными финансовыми реформами, осмѣяннымъ въ карикатурахъ. Въ то же время силуэтомъ стали называть несовершенный рисунокъ, гдѣ только контуръ напоминаетъ о предметѣ.

Въ нашихъ четырехъ силуэтахъ цѣлая исторія жаднаго kota, который попробовалъ полакомиться сливочками, по примѣру своей маленькой хозяйки, и былъ строго наказанъ ею, когда не ловкимъ движеніемъ разбилъ крышку.

Изъ временъ Медичи. (Рис. на стр. 669).

Италія въ позднѣйшія времена среднихъ вѣковъ, до періода и за періодъ реформаціи, представляетъ какую-то неразрѣшимуя загадку.

Дѣйствительно, страшный, подавляющій контрастъ: съ одной стороны, хотя бы, наша Александръ VI, въ мірѣ Родриго Ленцуоли, онъ, одинъ изъ самыхъ развращенныхъ, безстыдныхъ людей въ свѣтѣ, исполненный въ то же время преданнѣйшей, фанатической любви къ сыну, безсердечному, распущенному Цезарю Борджіа, убійцѣ своего брата, Жуана Гаудіа, и къ не менѣе испорченной, извѣстной своей порочностью и очаровательной красотой, дочери своей—Лукреціи Борджіа. Съ другой стороны, жертва этого кровожаднаго паны, сожженный по его повелѣнію, какъ еретикъ, доминиканскій монахъ Геронимъ Савонаролла, пріоръ собора Св. Марка во Флоренціи, того города, въ которомъ въ то же время Маккіавелли, одинъ изъ выдающихся стилистовъ и историковъ того времени, писалъ свои знаменитыя произведенія. Мало того, подобно цвѣтку, выросшему на болотистой почвѣ, мощно расцвѣла въ это время вновь итальянская поэзія, лишившаяся гениальныхъ Данте и Петрарки. На сгнбу этимъ генимъ, это

время, время господства Медичи, выдвинуло Аріоста съ его „Непстовымъ Роландомъ“, Торквато Тассо, знаменитаго творца „Освобожденнаго Іерусалима“, и, въ противоположность имъ, дало Петра Аретино, создавшаго себѣ всемірную пзвѣстность, изумившаго даже папу Льва X своими ѣдкими, сатирическими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скандальными сонетами и другими произведеніями... Въ этомъ вѣкѣ моральной разнузданности рисоваль Рафаэль Санціо своихъ Мадоннъ, гениальный Микель-Анджело высѣкалъ своимъ мощнымъ рѣзцомъ произведенія, предъ которыми донинѣ благоговѣть весь цивилизованный міръ, этотъ вѣкъ былъ расцвѣтомъ творчества Корреджіо, Тициана, Браманта.

Вотъ что представляла Италія въ XV и XVI вѣкахъ. Это было время полной дисгармоніи ума и сердца, думъ и чувствъ. Папы и князья вели отвратительный, распущенный, порочный образъ жизни и въ то же время полагали всѣ свои усилія на постройку церквей, тратили огромныя средства на приобретеніе знаменитыхъ, цѣнныхъ библиотекъ. Всѣ они даютъ вѣрное представленіе о родѣ Медичи. Родъ Медичи былъ самымъ выдающимся въ свое время, какъ по продолжительности своего вѣшняго блеска и своего подавляющаго вліянія на государство, церковь и общество, такъ и по своей удивительной судьбѣ, возшедшей богатымъ банкировъ изъ Флоренціи въ наслѣдственные князья, папы, герцоги и, наконецъ, въ великіе герцоги Тосканскіе. Медичи, сильно покровительствовавшіе наукамъ и искусствамъ, также отдали дань блестящему расцвѣту современнаго имъ искусства, въ лицѣ Лоренцо Прекраснаго и его матери, Лукреціи Торнабуони. Подъ вліяніемъ всеобщаго расцвѣта наукъ и искусствъ, поднялось и образованіе женщинъ до такой высокой степени, которой онѣ врядъ ли когда достигнутъ.

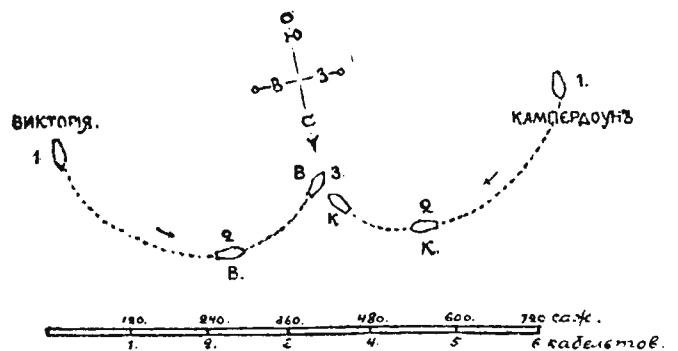
Несмотря на это, надо помнить обратную сторону этого и не слѣдуетъ поэтому представлять себѣ идеальной жизни при дворѣ Медичи, представленную на нашемъ рисункѣ. Какъ во времена Перикла въ Аѣнахъ, подобно тому, какъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ, здѣсь точно такъ же шла рука объ руку расцвѣтъ мысли съ распатанностью нравственности. Красивыя дамы, очаровывавшія своимъ тонкимъ остроуміемъ, своей изящностью, имѣли самыя извращенныя понятія о своемъ долгѣ, о своихъ обязанностяхъ, и не менѣе изящные кавалеры имѣли не мало грѣховъ на душѣ, не мало грязи скрывали подъ своей вылощенностью. Червь порока подтачивалъ и въ конце подточилъ этотъ съ виду изящный, неустойчивый міръ показнаго блеска и роскоши...

Гибель англійскаго броненосца „Викторія“.

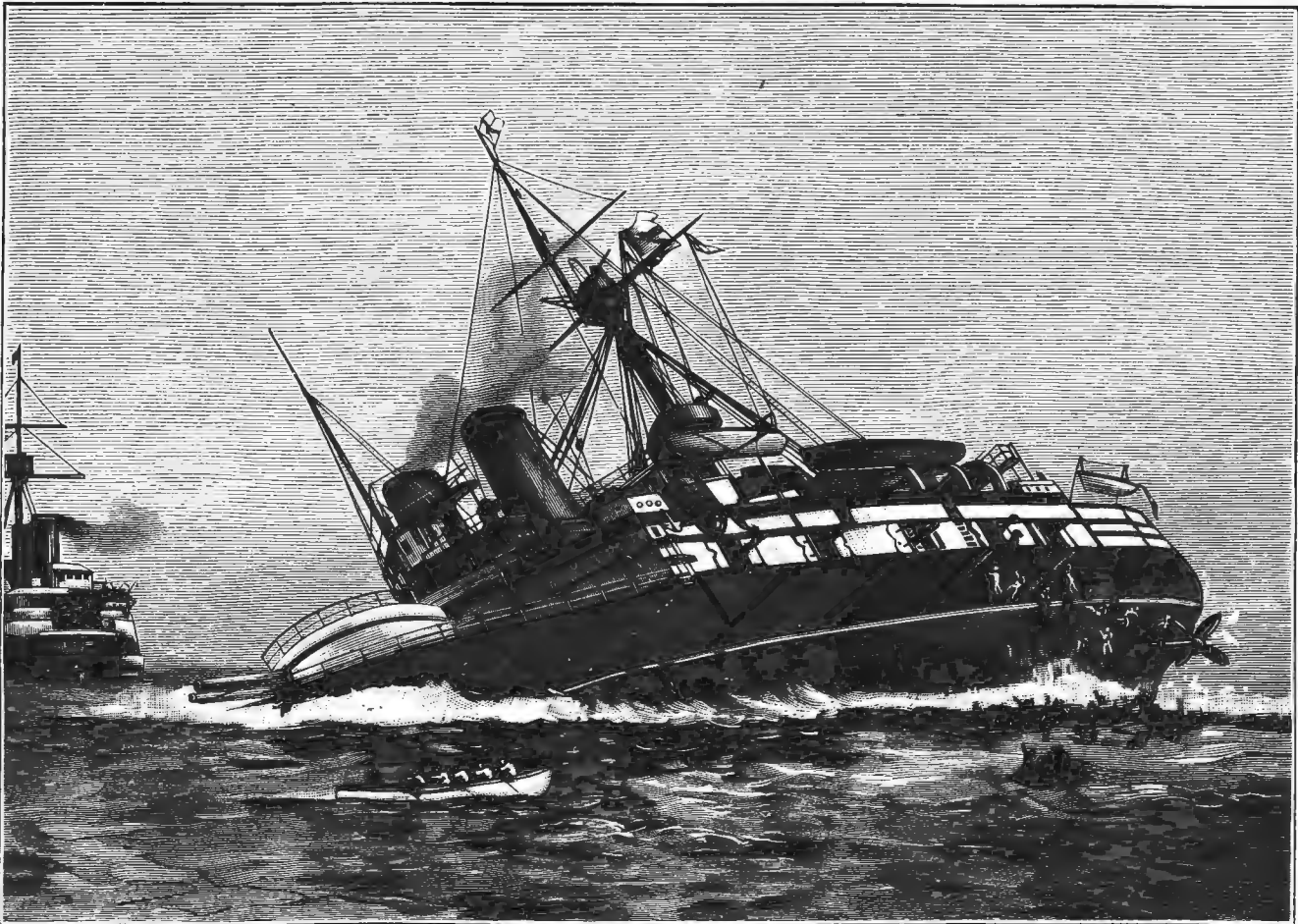
(Рис. на стр. 672).

11 юня, во время маневровъ англійской эскадры въ Средиземномъ морѣ, недалеко отъ Триполи произошло столкновение двухъ броненосцевъ, имѣвшее страшныя, гибельныя послѣдствія.

Какъ видно изъ прилагаемаго чертежа, катастрофа явилась послѣдствіемъ совершенно ненормальнаго приказанія начальника эскадры, вице-адмирала Трайона, сдѣлать маневръ, который непременно долженъ былъ повести къ столкновенію. Эскадра шла двумя кильватерными колоннами. Одна колонна отстояла отъ другой на разстояніи 600 сажень. Вице-адмиралъ Трайонъ на броненосцѣ „Викторія“ шелъ впереди правой колонны, а контръ-адмиралъ Маркгамъ—впереди лѣвой колонны на „Компердаунѣ“. Трайонъ хотѣлъ сдѣлать построение въ одну колонну по два корабля въ каждой цѣпи. Для этого онъ приказалъ „Компердауну“ повернуть вправо, а самъ повернулъ

лѣво. Оба должны были повернуться сначала на 90 градусовъ, а затѣмъ на 180 и стать рядомъ. Для такого поворота разстоянія въ 600 сажень между колоннами было мало, и непонятно, какимъ образомъ такой ошгтныи морякъ, какъ адмиралъ Трайонъ, этого сразу же не сообразилъ. Контръ-адмиралъ Маркгамъ, получивъ приказаніе, усомнился и далъ сигналъ, что не понялъ его. Получивъ, однако, подтвержденіе приказанія, онъ сталъ исполнять распоряженіе начальника. Всѣ

Гибель английского броненосца „Виктория“. Съ рис. I. I. N., по эскизу очевидца, грав. Шюблеръ.

маневръ длился 16 минутъ. Маркгамъ былъ настолько увѣренъ въ столкновеніи, что велѣлъ спустить якорь. Но адмиралъ Трайонъ приказалъ шлюпкамъ уходить. Таранъ „Кампердоуна“ ударилъ адмиральское судно съ неимоверною силою прямо въ центръ. Вода полилась въ громадный проломъ съ такой быстротой, что носъ „Викторіи“ началъ скоро погружаться въ воду. Тогда вице-адмиралъ закричалъ: „Спасайся, кто можетъ“. Самъ онъ остался на мѣстѣ. Когда судно всѣмъ своимъ корпусомъ погрузилось въ воду, образовался настоящій водоворотъ, на днѣ котораго стальные лопасти винтовъ все еще работавшей машины, точно ножи, крошили и убивали несчастныхъ, тѣсно искавшихъ спасенія. Броненосецъ скоро исчезъ подъ водой. Раздался глухой звукъ, похожій на раскатъ грома; вода точно разступилась и изъ нея пѣдры вырвалось цѣлое облако паровъ,—это произошло, повидимому, взрывъ котловъ. Подосѣвшія лодки спасли часть экипажа и вытащили массу изуродованныхъ, ошпаренныхъ тѣлъ. Погибли: вице-адмиралъ Трайонъ, 22 офицера и 337 матросовъ. „Викторія“ затонула на глубинѣ въ 70 сажень и, повидимому, поднять ее будетъ невозможно. „Кампердоунъ“ тоже сильно пострадалъ и наполнился водой, но не затонулъ, благодаря закрытію непроницаемыхъ для воды перегородокъ и дѣйствию насосовъ.

В. В. Саловъ.

(Портр. на этой стр.).

Въ средѣ русскихъ инженеровъ В. В. Саловъ давно пользуется всеобщимъ уваженіемъ и самой искренней любовью,—да оно и не удивительно: за свою тридцатипятилѣтнюю службу въ Министерствѣ Путей Сообщенія, многіе изъ заслуженнѣйшихъ нашихъ инженеровъ были слушателями профессора

Салова, нѣкоторые были его товарищами, многіе подчиненными и многіе имѣли постоянныя служебныя и частныя сношенія съ высокоуважаемымъ талантливымъ инженеромъ, энергичнымъ и неутомимымъ труженикомъ. Василий Васильевичъ Саловъ родился въ октябрѣ 1839 года въ родовомъ своемъ имѣніи — Сосновкѣ, въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи.

Окончивъ первымъ курсъ наукъ въ Институтѣ Корпуса инженеровъ Путей Сообщенія 25 іюня 1858 года, В. В. Саловъ поступилъ, въ чинѣ инженеръ-поручика, на постройку С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, гдѣ онъ въ лѣто предшествовавшаго года, еще будучи воспитанникомъ института, состоялъ десятникомъ. Въ 1862 году онъ былъ командированъ генераль-адъютантомъ Чевкинскимъ за границу для осмотра замѣчательнѣйшихъ гидротехническихъ сооружений Западной Европы и слушанія нѣкоторыхъ курсовъ наукъ въ Парижской школѣ мостовъ и дорогъ *). Осенью 1863 года, по возвращеніи В. В. Салова изъ-за границы, на него возложено было въ Институтѣ Корпуса инженеровъ Путей Сообщенія чтеніе лекцій по курсу торговыхъ сооружений. Пройдя нѣсколько должностей затѣмъ, В. В. Саловъ, съ учрежденіемъ въ составѣ Министерства Путей Сообщенія въ февралѣ 1881 года особаго управления по сооруженію Криворогской (нынѣ Екатеринбургской) и Баскунчакской желѣзныхъ дорогъ, переименованнаго впоследствии во Временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, былъ назначенъ членомъ сего Управленія, а въ февралѣ 1883 года его предсѣдателемъ. Въ апрѣлѣ 1892 года В. В. Саловъ былъ назначенъ

Предсѣдатель Инженернаго Совѣта Министерства Пут. Сообщ. В. В. Саловъ (по случаю 35-лѣтія служебной дѣятельности). Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

*) Въ школѣ этой, въ томъ же 1862 г., въ числѣ воспитанниковъ выпускнаго курса находился г. Саді-Карно, нынѣшній президентъ Французской республики.

членом вновь образованного Инженерного совѣта, а въ октябрѣ того же года председателемъ этого Совѣта. Въ холерную эпидемію 1892 года, В. В. Саловъ былъ командированъ въ зараженныя мѣстности для руководства мѣрами по предупрежденію распространения этой эпидеміи въ районѣ средней Волги, и блестяще исполнилъ возложенное на него порученіе. Нынѣ, въ качествѣ председателя Инженернаго совѣта Министерства Путей Сообщенія, онъ знаменуетъ свою дѣятельность просвѣщеннымъ руководствомъ и живымъ плодотворнымъ участіемъ въ разработкѣ техническихъ условій для сооруженія Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Празднованіе сослуживцами 35-ти-лѣтія служебной дѣятельности юбиляра было весьма задумчиво. Изъ всѣхъ уголковъ Россіи, гдѣ только проложена желѣзная дорога, — были получены В. В. Саловымъ поздравительныя телеграммы.

Высокопреосвященный

Никандръ. (Портр. на этой стр.).

28-го іюля скончался въ Тулѣ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ православныхъ іерарховъ, высокопреосвященный Никандръ, архіепископъ Тульскій и Бѣлевскій. Въ мірѣ Николай Покровскій, уроженецъ Воронежской епархіи, онъ окончилъ курсъ въ 1839 году въ Киевской духовной академіи. Послѣ покойнаго митрополита Исидора, высокопреосвященный Никандръ былъ старшій изъ всѣхъ православныхъ іерарховъ въ Россіи. Большая часть служебной дѣятельности почившаго святителя Никандра была сосредоточена въ Тулѣ. Здѣсь онъ былъ ректоромъ духовной семинаріи и здѣсь же еще въ 1860 г. возведенъ въ санъ епископа, состоя, такимъ образомъ, болѣе 32-хъ лѣтъ архіепископомъ Тульскимъ. Служба его началась

всего только два архіепископа: высокопреосвященные Сергій Херсонскій и Феодосій Новгородскій.

Памятниками административно-архидиаконской дѣятельности почившаго святителя Никандра въ Тулѣ остаются многія учрежденія, устроенныя по его мысли, его заботами и при его матеріальной поддержкѣ. Въ числѣ ихъ заслуживаетъ особаго вниманія женское епархіальное училище, благодаря которому тысячи сиротъ и дочерей духовенства Тульской епархіи получали и получаютъ образованіе въ духѣ православной церкви.

Высокопреосвященный Никандръ, архіепископъ Тульскій и Бѣлевскій († 28 іюня 1893 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

въ Тулѣ еще при бывшемъ его учителѣ, покойномъ святителѣ Дмитріи, скончавшемся архіепископомъ Херсонскимъ. Всѣ служившіе и учившіеся въ Тульской семинаріи, подъ начальствомъ архимандрита Никандра, съ единодушной похвалою отзывались о немъ, какъ о наставникѣ и начальникѣ. Такое же воспоминаніе высокопреосвященный Никандръ оставилъ по себѣ и въ семинаріяхъ Екатеринославской и Новгородской, гдѣ онъ былъ профессоромъ и ректоромъ. Въ 1886 году высокопреосвященный Никандръ отпраздновалъ пятидесятилѣтіе священнослуженія. 22-го октября духовенство Тульской епархіи поднесло своему архіепископу драгоценную панагію, украшенную бриллиантами, и учредило въ мѣстной духовной семинаріи стипендію имени юбиляра. Въ томъ же году, въ день Св. Пасхи, Государь Императоръ пожаловалъ высокопреосвященному Никандру бриллиантовый крестъ на клобукъ, рѣдкое отличіе, которое имѣютъ въ настоящее время

Часовня на Лахтѣ, въ память подвига Петра Великаго.

(Рис. на этой стр.).

Вблизи Петербурга, на Лахтѣ, имѣется, какъ извѣстно, историческая сосна, связанная съ воспоминаніемъ о Петрѣ Великомъ. Государь любилъ любоваться открывающимся отсюда красивымъ видомъ и часто сидѣвалъ подъ этою сосною. По странному степенію обстоятельности, здѣсь же Петръ, спасая 5-го ноября 1724 года утонувшихъ, простудился, и простуда эта вызвала смертельный недугъ, отъ котораго онъ и скончался. Нынѣ поды указанной сосною выстроена, въ память самоотверженнаго подвига императора Петра, чугунная часовня, освященная 29-го іюня. Передъ освещеніемъ часовни была совершена закладка храма, сооружаемаго на Лахтѣ во имя Св. Апостола Петра.

По окончаніи торжества закладки, духовенство направилось крестнымъ ходомъ къ часовнѣ, силою закрытой полотномъ. При приближеніи крестнаго хода раздались звонъ колоколовъ, пожертвованныхъ на будущій храмъ и временно помѣщающихся въ часовнѣ. Освященіе и закладку совершалъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Палладій. Въ моментъ погруженія Св. Креста въ воду раздались пушечныя выстрѣлы съ стоящаго на рейдѣ парохода, окутывавша сооруженіе завѣса упала, и глазамъ присутствовавшихъ предстала, увѣнчанная ярко вызолоченою короною часовня, изображенная на нашемъ рисункѣ.

Политическое обозрѣніе.

Национальный праздникъ 2-го іюля во Франціи прошелъ спокойно, несмотря на недавніе безпорядки въ Парижѣ. Поутру состоялась обычная манифестация передъ статуею города Страсбурга, но рвчей произнесено не было и никакихъ инцидентовъ не было. Президентъ Карно приветствовалъ виватами на всемъ пути слѣдованія его на парадѣ. Только Латинскій кварталъ не принималъ участія въ увеселеніяхъ. Въ провинціальныхъ городахъ, по обыкновенію, военные смотрѣ привлекли массы народа. Въ Рубѣ

Чугунная часовня на Лахтѣ, въ память подвига Петра Великаго, освященная 29-го іюня. Съ фот. грав. Рашевскій.

произошло несколько драк между социалистами, бывшими „Internationale“, и патриотами, распевавшими Марсельезу.

Въ настоящее время Франция занята Сиамомъ и отношениемъ его къ землямъ, находящимся подъ покровительствомъ французовъ. Вотъ что говорилъ министр иностранныхъ дѣлъ Девелль о нихъ въ палатѣ 6-го іюля: „Франція не могла терпѣть со стороны сямцевъ захватовъ, опасныхъ для земель, состоящихъ подъ нашимъ протекторатомъ, вслѣдствіе чего и должна была возвратитъ себѣ дѣвѣй берегъ Меконга. Во время операцій произошло несколько инцидентовъ; между прочимъ инспекторъ Грогюренъ былъ грубо умерщвленъ въ постели по приказанію сямскихъ мандариновъ. Сіамъ, не осмивая самаго факта, погребовалъ срока для производства дознанія, при чемъ обѣщала формальное удовлетвореніе. Недѣлю тому назадъ отправился на мѣсто событій депутатъ Демпиръ-де-Вилье съ порученіемъ отстоять законныя требованія Франціи“. Девелль протестуетъ противъ обвиненія въ томъ, будто политика была уступчива въ угоду Англии. Лордъ Дюфферинъ объявилъ, что Англія не станетъ Франціи поперекъ дороги, а Девелль, въ свою очередь, обѣщала предупредить Англию, дабы та могла принять мѣры къ охранѣ своихъ подданныхъ въ случаѣ, если придется прибѣгнуть къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Бангкока. Девелль довелъ до свѣдѣнія Англии, что его изумилъ заявленія, сдѣланныя недавно Греемъ въ палатѣ общины. „Потребовалось увеличить морскія силы передъ Бангкокомъ — продолжалъ Девелль — въ виду подобныхъ же мѣръ, принятыхъ Англійей и другими державами. Судамъ было приказано не переступать мейнамскаго бара, при чемъ, однако, было заявлено, что основанный на договорѣ 1856 года права Франціи остаются въ силѣ. Приказъ не былъ полученъ во время. Двѣ канонерки, которыя, вопреки международному праву, были атакованы сямцами, прошли къ Бангкоку“. Упомянувъ затѣмъ объ инцидентѣ съ пароходомъ „Jean Baptiste Say“,

который сямцы потопили, Девелль продолжалъ: „Образъ дѣйствій Сиамъ не позволяетъ терпѣть далѣе. Требованія Франціи должны быть удовлетворены, права ея должны быть формально признаны, иначе придется принять соответственные мѣры. Правительство надѣется, что палата обнаружитъ довѣріе къ его осмотрительности и твердости“. Рѣчь Девелля неоднократно прерывалась рукоплесканіями.

3 іюля, утромъ, на православному кладбищѣ въ Мункачѣ вынуты изъ могилы останки русскаго полковника Палицына. Церемонія состоялась въ присутствіи русскаго военнаго агента полковника Воронина, прибавившаго въ Мункачѣ въ сопровожденіи венгерскаго депутата Пасмаиди. Металлическій гробъ съ останками несли на рукахъ унтеръ-офицеры до самаго вокзала. За гробомъ шли офицеры общенерской арміи, съ корпуснымъ командиромъ графомъ Юскюлемъ во главѣ, и офицеры мѣстныхъ гошведовъ со своимъ командиромъ майоромъ Лейтошомъ. Выстроенная передъ вокзаломъ пѣхота произвела залпы, установленные для генеральскихъ чиновъ. Постъ полудня состоялся въ офицерскомъ собраніи парадный обѣдъ. Графъ Юскюль провозгласилъ на нѣмецкомъ языкѣ „ура“ въ честь Русскаго Императора и русской арміи; русскій военный агентъ, полковникъ Воронинъ, тоже на нѣмецкомъ языкѣ, „hoch“ въ честь императора Франца-Иосифа, общенерской арміи и венгерскаго ландвера. *Neue Freie Presse* представляетъ на видѣ, что происходившее вынутіе изъ могилы останковъ русскаго полковника Палицына совершалось съ особою торжественностью, превосходящею обычный актъ международной вѣжливости, такъ какъ австро-венгерское военное вѣдомство стремилось придать этому акту характеръ товарищескаго привѣта русской арміи. Эта воинская любезность есть въ то же время любезность политическая, а фактъ, что представлялась возможность оказать ее при соучастіи гошведовъ, является отряднымъ знаменіемъ времени.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великою Княжною Ксеніею Александровною, 8-го іюля, возвратились изъ филиппидскихъ шхеръ въ Новый Петергофъ.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее повелѣніе о ратификаціи конвенціи относительно измѣненія дѣйствующей шифъ въ Египтѣ санитарной, морской и карантинной системы.

— Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ циркулярно предложено губернаторамъ озаботиться, чтобы въ каждомъ уѣздѣ къ началу будущаго учебнаго года были учреждены, по

крайней мѣрѣ, двѣ двухклассныя церковно-приходскія школы съ учительскими курсами и курсами сельскаго хозяйства, для приготовленія учителей въ школы грамоты.

— Въ Москвѣ организовано новое общество потребителей, подъ названіемъ „Гигіена и экономія“.

— Въ ночь на 30-е іюня въ Кіевѣ скончался отъ разрыва сердца драматургъ Иванъ Николаевичъ Ге.

— Уфимское губернское земское собраніе постановило открыть въ Уфимской губерши 129 библиотекъ для народа.

— Императорская археологическая комиссія предложила Московскому университету обществу любителей естествознанія, антро-

пологии и этнографіи принять для ихъ музей нѣсколько саркофаговъ съ муміями изъ числа 23 таковыхъ, принятыхъ отъ правительства Египетскаго хедива.

— Г-жа Череповская заѣхала капиталъ въ 10.000 р. для выдачи изъ процентовъ его пособій на приданое выходящимъ замужъ дѣвкамъ, окончившимъ курсъ въ институтахъ.

— Московскій библиографическій кружокъ получилъ разрѣшеніе издавать въ Москвѣ ежемѣсячный журналъ „Книговѣдніе“. Тамъ же разрѣшено издавать журналъ „Библиотека врача“.

— Во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ Сербіи вводится обязательное изученіе русскаго языка.

С м ѣ с ь.

Огромная глыба наменнаго угля будетъ фигурировать скоро на выставкѣ въ Чикаго въ видѣ цѣльнаго куска вѣсомъ въ 744 пуда. Глыба эта, извлеченная изъ одной австрійской каменноугольной копи, — величайшій изъ добытыхъ когда-либо изъ нѣдръ земли цѣльныхъ кусковъ угля. Работа по извлеченію ея продолжалась 9 мѣсяцевъ и стоила 10,000 рублей.

Гигіеническое значеніе яблока. Яблоко было запретнымъ плодомъ для нашихъ первыхъ прародителей. Точно такъ же и въ скандинавскихъ сказаніяхъ богамъ было запрещено вкушать яблока. Съ точки зрѣнія греческой мифологіи яблоко служитъ, такъ сказать, призомъ за божественную женскую красоту. Въ священной римской имперіи увѣчанное крестомъ яблоко изображало державу, какъ символъ императорской власти.

Наша современная химія подвергла также яблоку разнымъ изслѣдованіямъ на своей волшебной кухнѣ. Она указываетъ намъ, что яблоко состоитъ изъ слѣдующихъ составныхъ частей: растительныхъ волоконъ, бѣлковины, сахара, гумми, яблочной кислоты, дубильной кислоты, извести, воды и, что особенно важно, фосфора. Вотъ въ этихъ-то составныхъ частяхъ яблока и заключается его таинственная, восстанавливающая сила. Фосфоръ благотворно дѣйствуетъ на восстановление нервной матеріи, входящей въ головной и спинной мозгъ. Кислотныя части яблока замѣчательно благотворно дѣ-

ствуютъ на людей, ведущихъ, главнымъ образомъ, сидячую жизнь и питающихся мясомъ и дичью. Подобно тому, какъ установилось въ медицинѣ, такъ называемое, молочное лѣченіе, лѣченіе виноградомъ, слѣдовало бы включить въ программу гигиѣны и лѣченіе яблоками.

Невѣроятное количество комаровъ наблюдается теперь на Кавказѣ, въ Закавказскомъ округѣ. Новому, непривычному человеку нѣтъ силъ пробыть тамъ и нѣсколькихъ часовъ. Ляжки и Киндыргозы, два селенія близъ р. Алазани, совершенно заполнены комарами. Комары необыкновенно большой величины; они жадно виваются своимъ жаломъ въ тѣло, хотя бы даже прикрытое легкою тканью, и ихъ укусы причиняютъ сильную боль и даже ранки, заживающія не ранѣе 3-хъ дней.

Всемирная Колумбова выставка въ Чикаго описывается въ цѣломъ рядѣ изданій, среди которыхъ выдающееся мѣсто занимаетъ „The book of the fair“, печатаемая Банкрофтовой Компаніей (the Bancroft Company) въ Чикаго и Санъ-Франциско. Въ богато иллюстрированныхъ выпускахъ большого формата помѣщается историческій обзоръ всѣхъ бывшихъ выставокъ и сообщенія исторической очеркъ города Чикаго, затѣмъ идетъ описаніе искусствъ, науки и промышленности въ тѣхъ произведеніяхъ, какія выставлены на Колумбовой выставкѣ въ Чикаго.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Сильный человекъ. Романъ Н. Орловскаго. (Продолженіе). — „Фиша“. Разсказъ А. Цѣхановича. — Музыка въ Японіи. — Къ рисункамъ: Будущій мужъ науки (съ рис.). — Полевая игра въ Петербургѣ (съ рис.). — Виды помѣщенія Августѣйшихъ Особъ въ Красномъ селѣ (съ 4 рис.). — На простѣкѣ (съ рис.). — Силуэты (съ рис.). — Изъ времени Медици (съ рис.). — Гибель англійскаго броненосца „Винторія“ (съ чертеж. и рис.). — В. В. Саловъ (съ портр.). — Высокопресвященній Никадръ (съ портр.). — Часовня на Лахтѣ, въ память подвига Петра Великаго (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — С м ѣ с ь. — О перемѣнѣ адреса. — О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — Объявленія.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. **5 р.** Съ дост. въ Петерб. **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печниковской, Петровская Торг. линия **6 р.** Съ перес. въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всіми прилож., Сборникомъ и пр.

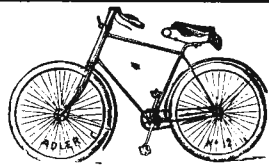
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПОЛЮСТРОВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ВОДА

изъ артезианскаго источника № 22, употребляемая для дѣченія съ 1718 года. Сохраняется въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Доставка и отправка въ провинцію отъ 25 бутылокъ. Цѣна 1/2 бутылки 20 копѣекъ, 1/4 бутылки 10 копѣекъ; залогъ за бутылку 5 копѣекъ. Упаковка и пересылка по желѣзнымъ дорогамъ 25/4 бутылки или 50/4 бутылки по 50 коп. за каждыя 100 верстъ разстоянія. № 6462

Правленіе Полюстровскихъ водъ: С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франнфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—15

велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

ПРОДАЕТСЯ
ЕДИНСТВЕННАЯ ДЛЯ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ № 6464

столярно-парпетная паровая фабрика Фридриха Михайловича Зетцера, находящаяся въ г. Тифлисі.

Объ условіяхъ можно узнать въ гор. Эривани у повѣреннаго и уполномоченнаго фирмы, Начальника Кенакирской заставы, Леонида Леонидовича Парфентьева. 5—1

ЗАКАНИЕ
ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ.
Проспектъ безвозмездно.

СПБ., Симеоновск., 5. Учебникъ 3 руб.

ЛЕВШИНСКІЙ И ГЮЗІНСКІЙ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (30)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и въ всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6449 28—4

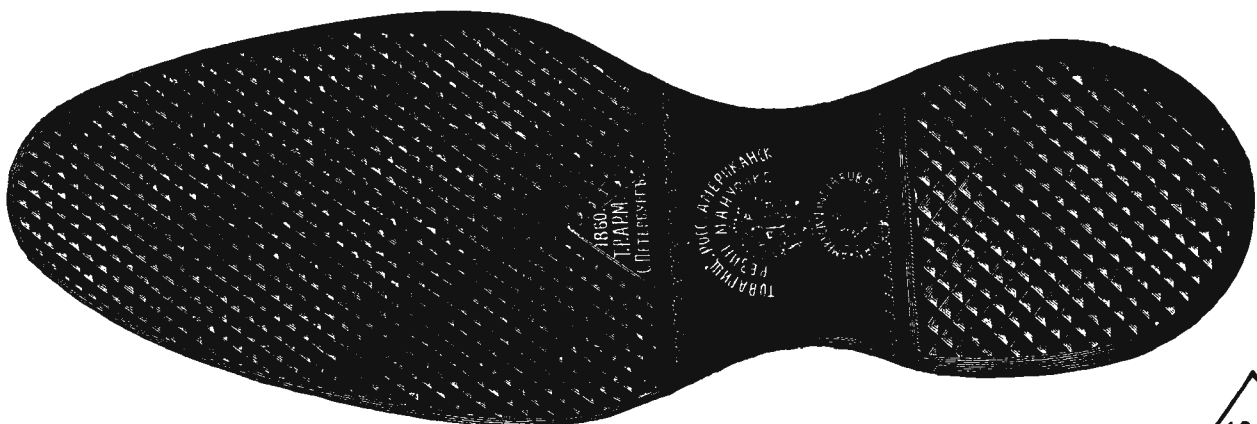

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЭ

превосходно сдѣланъ изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

(Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ съумѣетъ открыть Типп-Топъ.)

Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоннѣ, очень выстѣпительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6139 6-5
3 разн., по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

С. Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20-31.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.
Косметическіе спермацетовые, (10) личные № 5898

УТИРАЛЬНИКИ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пакки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пак. 2 руб., 4 пакки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ—красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговлѣ аптекарскихъ и парфюмерныхъ товаровъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ГАРМАННЫЕ ЧАСЫ
только 4 р. 50 к.

Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. ♦ 3 минутъ часовъ 12 руб. 75 коп. ♦ 5 минутъ—20 руб. ♦ Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА
въ ЦАНЪ (корол. Прусское)
обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и различныхъ любительскихъ обществъ.
Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вели. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вели. Герцога Ольденбургскаго, Герцога Лудвига Баварскаго, Е. И. Выс. Принцессы Фридрихъ-Карлъ Прусской, Е. И. Выс. Принцессы Альбрехтъ Прусской и другихъ царствующихъ особъ. К. № 6465

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведения, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульскихъ договъ и сенбернаровъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ.
Къ предстоящему охотничьему сезону: дичавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отменно дрессированныхъ и молодыхъ, съ гарантіею. Иллюстрированные прейсъ-курранты по-французски и по-нѣмецки, бесплатно.
Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

Дозвол. цензур., СПб., 14 июля 1893 г.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

8-й и 9-й ВЫПУСКИ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ. ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. П. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна. 24 вып., каждый—въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

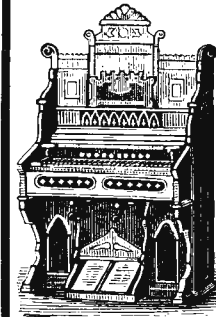
Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р. Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

безъ дост. съ пер.	безъ дост. съ пер.
при подпискѣ 6 р.	къ 1-му сентября. 2 р. 2 р.
къ 1-му августа. 2 " 2 "	къ 1-му октября. 2 " 2 "

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПб., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Для ознакомленія съ изданіемъ, вновь отпечатанный 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылаются всѣмъ желающимъ за 50 коп. почтовыми марками.

ФИСГАРМОНИИ

лучшихъ фабрикъ, американскія, французскія, и Шидмайера, рекомендованная

Глава чемъ, Гевельтомъ, Листомъ и др. № 85, 110, 125, 130, 140, 150, 175, 180, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550.

600, 700, 900, 1000 рублей и дороже.

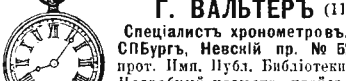
Самоучитель для физгармоніи 2 р. Играть на физгармоніи можно выучиться легко.

Иллюстрир. прейсъ-куррантъ и каталогъ потамъ для физгармоніи—бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (11) Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-куррантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магизина. Ручательство на 2 года. № 6283

УПОТРЕБЛЯЙТЕ !!

Только 1-ая въ Россіи по качеству

„ЧУДО-ВАКСА“

М. П. Кузнецова.

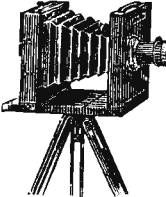
Смягчаетъ и сохраняетъ обувь и придаетъ Ц. № 6483 наилучшій блескъ. 2-1

== ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ ==

10, 15, 20, 30 и 35 коп. за жест. коробку. Депо у А. Г. Рейнгерца, СПб., Гороховая, 26-40. Прейсъ-куррантъ—бесплатно.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

№ 6467 для Г. Г. любителей. 2-1

Естьдѣствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовк. можетъ снимать вполне хорошіе портреты, группы и ландшафты. Цѣна прибора 15, 18, 25, 35, 50 руб. и др. Всѣ принадл. отъ 9 р. за наборъ.

Е. КРАУСЪ и К°

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32. ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ въ С.-Петербургѣ, Мойна № 42.

Поставленіе и иллюстр. прейсъ-куррантъ высылаются за семи коп. почт. марку.

ПИШУЩАЯ МАШИНА 25-21

РЕМИНГТОНА № 5
„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министертвахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

По новой системѣ

КРАСИВО ПИСАТЬ
и двойной итальянской

БУХГАЛТЕРІИ

выучиваю. всякаго заочно (посредствомъ письменныхъ сношеній); за усѣбхъ гарантіи. Въ видѣ пробнаго урока высылаю за 3 по 7 коп. марси. По окончаніи курса выдаю Ц. № 6452 свидѣтельство. 10-2
Москва, Нокровка, А. С. Шиманскому.

Велосипеди англійскаго завода „Гумберъ и К° Лмтд.“
лучше въ свѣтѣ!
предлагаютъ торговой домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный просп., домъ Епкинкой. Прейсъ-курранты—бесплатно.

НОВАЯ КНИГА:

ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛѢТІЯ.
АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Проф. Г. БРАНДЕСА. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. Продаётся въ извѣстн. магазинахъ. Изданіе и складъ въ книжномъ магазинѣ

Ө. А. БОГДАНОВА, № 6459 2-2
Москва, Петровка, Петровскія линіи, № 5.
Магазинъ высылаетъ всевозможныя русскія книги съ наложен. платежомъ.

Leichner's Fettmilde

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для упроченія красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 6258 10-8

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ДУХИ: „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
„ЛЮБИ МЕНЯ“
„КОРИЛОПСИСЪ“
„ИСПАНСКАЯ КОЖА“
„КОНЕЦЪ ВѢКА“
„ЛѢСНОЙ ЛАНДЫШЪ“.

НОВОСТЬ! Прелестная туалетная вода „О-де-БРОКАРЪ“

ФАБРИКИ
Броккаръ и К°.
Невскій, д. 30, СПб. № 6428 3-3

XXIV г.

№ 30

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженесячн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ всѣ вышедшіе номера со всѣми прил. Выданъ 24 іюля 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Сильный человекъ.

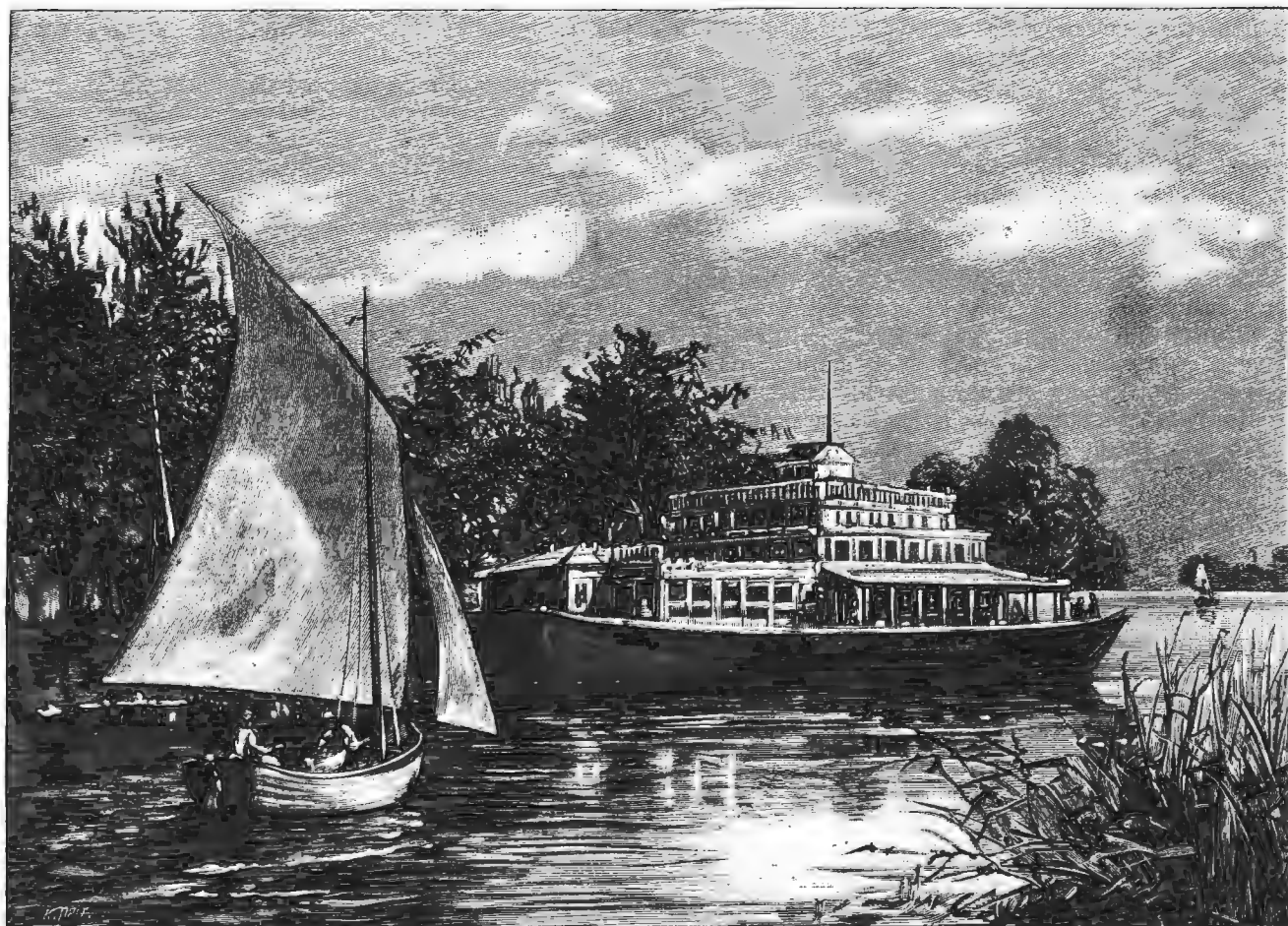
Романъ К. Орловскаго. (Продолженіе).

XIII.

Едва Бурдасовъ окончилъ свой рассказъ, какъ мнѣ подали записку отъ Ани. „Приѣзжайте къ намъ сегодня обѣдать, писала она. — Мнѣ надо вознаградить себя за вчерашнюю мазурку“. Мы поспѣшили въ собраніе. Было уже слишкомъ два, и я боялся опоздать. Мои обязанности мѣстнаго избирателя и дворянина приобрѣли вдругъ въ глазахъ моихъ необыкновенную важность, и никогда еще я въ себѣ не ощущалъ такой безграничной преданности интересамъ Семена Андрее-

вича. Недавнія еще мои сомнѣнія на его счетъ словно исчезли изъ моей памяти. Подѣйствоваль-ли на меня рассказъ Бурдасова или только-что полученная записка Ани, право, не знаю, только вошелъ я въ залу исполненный самыхъ ликующихъ и побѣдоносныхъ чувствованій.

Происходившее тамъ, однако, тотчасъ разсѣяло это праздничное настроеніе. Пренія по ничтожному вопросу о дворянскомъ пансіонѣ затянулись и, вопреки извѣстной поговоркѣ, на этотъ разъ „мышь родила гору“.

Лѣтняя жизнь въ Англіи. Пловучая дача на Темзѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) П. Пясецнаго, грав. Цастушкевичъ.

Сразу я даже не понялъ, изъ-за чего такъ разглагольствовали и горячились ораторы. Я не зналъ еще тогда, что многочленные собранія походятъ на женщинъ, и что разжигаются въ нихъ страсти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ничтожнѣе погодъ. Дѣло шло о какихъ-то грошахъ, о трехъ или четырехъ сотняхъ рублей, которыя Семень Андреевичъ предлагалъ ассигновать. Но подъ этими пустяками, о которыхъ такъ пространно толковали, чувствовалось нѣчто совсѣмъ иное, какое-то возбужденно тревожное настроеніе, что-то похожее на собирающуюся грозу. Противники Семена Андреевича были гораздо многочисленнѣе и оживленнѣе, чѣмъ когда-либо. Его сторонники возражали имъ какъ-то вяло. Самъ онъ тоже былъ, очевидно, не свой. Онъ словно чувствовалъ, что утрачиваетъ власть надъ собраніемъ. Дошло до того, что адвокатъ Шмыгаевъ явственно произнесъ:

— Надо положить конецъ, господа, этой системѣ увертокъ и надувательствъ.

И слова эти были подчеркнуты рукоплесканіями.

— Чтѣ это такое? спросилъ я у проходившаго мимо Надеждина.—Они точно удила закусили...

— Именно, именно, подтвердилъ онъ кивкомъ головы.—Пугливыя лошади всегда заносятъ... А со вчерашняго дня ходятъ слухи, что съ банкомъ не ладно... Да-съ, дѣло, кажется, принимаетъ плохой оборотъ, и всего хуже, что князекъ этотъ, кажется, съ Литовскимъ успѣлъ снюхаться. Вчера—я это доподлинно зналъ—Самуилъ Моисеевичъ у него битые три часа пробылъ передъ губернаторскимъ баломъ...

Когда приступили, наконецъ, къ голосованію, уже въ началѣ пятаго часа, Семень Андреевичъ оказался въ меньшинствѣ. Само по себѣ это было, конечно, ничтожное поражение, но какъ симптомъ—оно было, тѣмъ не менѣе, важно. И шумные возгласы торжествующей оппозиціи это показывали ясно.

Когда мы съ Надеждинымъ вошли въ кабинетъ Семена Андреевича,—онъ тоже въ этотъ день обѣдалъ у Конотоповыхъ,—мы застали его въ непривычномъ возбужденіи. Онъ не старался даже этого скрывать и, расхаживая крупными шагами по комнатѣ, давалъ волю накипѣвшему въ немъ гнѣву.

— Мелкота, жалкіе трусишки! говорилъ онъ, не то про себя, не то обращаясь къ намъ. — Какъ баранье стадо ринулись въ сторону, потому что одному изъ нихъ померещилось, будто есть опасность... Вѣдь, сколько лѣтъ, сколько лѣтъ меня знаютъ, а всякому слуху повѣрить готовы... Что? подошелъ онъ вдругъ ко мнѣ.—Замѣтили, какъ этотъ Шмыгаевъ сказалъ, что пора конецъ положить этой системѣ?.. Подлецъ! И вы этому тоже вѣрите? Да? Скажите, вѣрите?

И не давъ мнѣ времени отвѣтить, онъ продолжалъ, отходя отъ меня прочь и размахивая руками:

— Пробуютъ ужалить меня своими намеками, благо имъ кусаться нельзя—зубовъ не хватаетъ... Но мы еще посмотримъ, кто кого...

И будто опомнившись, онъ снова обратился ко мнѣ, но совсѣмъ уже другимъ тономъ:

— У васъ былъ Слуцкій вчера? Чтѣ онъ вамъ говорилъ? Старался завербовать васъ, небось?

Меня изумило, что онъ знаетъ про нашъ разговоръ со Слуцкимъ. Хорошо, значитъ, у него было организовано шпионство по городу.

— Мы говорили не много... Князь мнѣ, вы знаете, не особенно симпатиченъ...

— Не симпатиченъ? Да? размѣялся онъ.—Зачѣмъ же? Онъ человекъ, кажется, очень милый, съ отличными манерами... Чудесный будетъ предводитель... Что, Надеждинъ, будетъ онъ предводителемъ, какъ вы думаете? Молокососъ такой, а меня изъ сѣдла хотеть выбить. Посмотримъ, посмотримъ...

Онъ засмѣялся опять и снова принялся ходить по комнатѣ.

— Да, чтѣ Слуцкій! Чтѣ Турусовъ! Это враги, враги отъявленные... Кстати, у Турусова завтра собраніе, пойдите, Надеждинъ, пойдите, пожалуйста... Ну, да не въ нихъ дѣло...

Голосъ его разомъ перемѣнился, и точно волна грусти нахлынула на его беспорядочную, отрывистую рѣчь.

— Каковы тѣ, прочіе?! Столько лѣтъ передо мной дрожали... Да три дня еще тому назадъ, три дня, на земскихъ выборахъ... Каковы, а? Надеждинъ! Вѣдь, право, дали-бы мнѣ еще хоть три года сроку, все-бы имъ устроилъ, привелъ-бы въ порядокъ... Зависть одна тутъ, подлая зависть... Вѣдь, я не для себя лично, а для дѣла... Безъ меня, вѣдь, никому съ этимъ не справиться!.. Знаютъ это хорошо, а хотятъ вырвать изъ моихъ рукъ вожжи, потому что надоѣло чувствовать надъ собою узду... Охъ, подлецы, подлецы! На свой аршинъ меня думаютъ мѣрить, точно у меня такіе-же мелкіе расчеты, какъ у нихъ, да такое-же мелкое тщеславіе... Тщеславіе! очень для меня лестно, право, такими людишками управлять... Въ томъ-то и была моя ошибка, что я хотѣлъ встряхнуть ихъ отъ вѣковой лѣни, заставить понять, что такое гражданскій долгъ передъ родиной... Вѣдь, тогда только мы перестанемъ быть варварами, когда научимся на общее дѣло безкорыстно работать... Да гдѣ имъ это понять?! Они умѣютъ только копейки подсчитывать, да подъ того подкапываться, кто видитъ дальше ихъ куриного носа. Я слишкомъ широко для нихъ смотрѣлъ на земское дѣло. Видитъ Богъ, я одного желалъ, чтобы понемногу исчезала эта дикость и нищета, чтобы земское дѣло стало живымъ, но, видно, съ такимъ народомъ этого достигнуть нельзя... рано еще, не досрости...

— Семень Андреевичъ, вмѣшался Надеждинъ,—земство, вѣдь, попрежнему въ вашихъ рукахъ, если бы даже на дворянскихъ выборахъ...

— Вы думаете? свергнувъ глазами, перебилъ его Конотоповъ. — Я, вѣдь, тѣмъ только и держался, что меня боялись... А будетъ нанесенъ мнѣ этотъ первый ударъ, и не увидятъ они меня больше на предсѣдательскомъ креслѣ, мигомъ вся эта мелкота на меня накинется и не дастъ мнѣ окончить начатого дѣла. Людми не разумъ управляетъ и ужъ, конечно, не совѣсть, а страхъ лишь, да воображеніе. Они тогда только способны твердо идти впередъ, когда сами не знаютъ, зачѣмъ идутъ и куда. Толпа тогда лишь послушна, когда слѣпа...

Въ дверяхъ показался лакей и объявилъ, что Любовь Петровна проситъ въ гостиную. Семень Андреевичъ опомнился мигомъ. Этого ничтожнаго повода было достаточно, чтобы вернуть ему обладаніе надъ собой.

— Пойдемте, сказалъ онъ своимъ обычнымъ, ровнымъ голосомъ.—Пора, кажется, и за столъ. Онъ былъ, видимо, недоволенъ, что увлекся въ нашемъ присутствіи. Сдѣланное надъ собою усиліе не сгладило глубокой морщины, явившейся между его бровями.

Любовь Петровна насъ приняла съ необычнымъ радушіемъ. Ей какъ будто доставляло особое удовольствіе насъ видѣть въ этотъ день. Я никогда не видалъ ее до сихъ поръ такою оживленною, какъ будто она намѣренно старалась не примѣчать сумрачнаго настроенія мужа.

— Я не поѣхала въ собраніе, говорила она, — я знала, что ничего особеннаго не будетъ. Охота вамъ цѣлый день разсуждать о такомъ пустомъ вопросѣ... пансіонъ какой-то. Скажите, Викторъ Александровичъ, обратилась она къ Надеждину,—какъ это вы сумѣли на такую тему ораторствовать такъ долго? Или произошло что-нибудь неожиданное?

Она, конечно, знала, что произошло, и притворялась намѣренно. Семень Андреевичъ, опустившись въ кресло, ни единымъ словомъ, даже движеніемъ глазъ не отозвался на замѣчанія жены. Онъ какъ будто не раз-

слышалъ, что она сказала. А между тѣмъ я чувствовалъ, что раздраженіе въ немъ опять закипаетъ, и сдерживается онъ съ очевиднымъ трудомъ. И по безпокойному взгляду, брошенному Аней на отца, я понялъ, что она догадывается объ этомъ тоже.

— Ничего не произошло, Любовь Петровна, съ двусмысленной улыбкою отвѣтилъ Надеждинъ.—Мы попросту теряли время. Да развѣ въ русскихъ собраніяхъ оно иначе бываетъ?..

Я давно примѣтилъ, что Надеждинъ, разговаривая съ Любовью Петровною, всегда напускалъ на себя этотъ добродушно-насмѣшливый тонъ. Но она не сердилась за это, выказывая ему даже явное расположение.

— Когда же у васъ произойдетъ генеральное сраженіе? продолжала Любовь Петровна.—Вы меня предупредите, пожалуйста, а то Семенъ Андреевичъ всегда меня оставляетъ въ неизвѣстности. Я, вѣдь, не могу не интересоваться... особенно теперь, когда всѣ увѣряютъ, что такіа ужасныя интриги ведутся противъ мужа.

Что-то неестественное, натянутое было въ ея словахъ и, въ особенности, въ короткомъ смѣхѣ, ихъ сопровождавшемъ. Она какъ будто прикидывалась наивной, она, знавшая вдоль и поперекъ всѣ мельчайшія нити сложныхъ отношеній губернскихъ партій.

Я подсѣлъ между тѣмъ къ Анѣ.

— Благодарю васъ за лестныя для меня сожалѣнія, началъ, было, я шутливо, но по выраженію ея лица тотчасъ понялъ, что тонъ этотъ былъ теперь совершенно неумѣстенъ. „Мнѣ не до шутокъ и не до пустой болтовни“, съ упрекомъ, казалось, говорили мнѣ ея глаза. Взглядъ ея не переставалъ тревожно останавливаться на Семенѣ Андреевичѣ, и все-таки для виду она мнѣ отвѣтила что-то, беззаботно даже засмѣявшись.

Мнѣ жутко стало, какъ будто я сознавалъ, что сейчасъ вотъ, сейчасъ, среди всего этого притворнаго обмѣна ничего не значащихъ словъ, всей этой натянутой веселости, неожиданно разразится громовой ударъ.

И ударъ, въ самомъ дѣлѣ, разразился. Въ ту самую минуту, какъ мы входили въ столовую, съ шумомъ распахнулась противоположная дверь, и на порогѣ, веселый и развязный, показался Миша Конотоповъ. Семенъ Андреевичъ грозно выпрямился и сверкнувшимъ взглядомъ смѣрилъ молодого человѣка съ ногъ до головы.

— Ты откуда? И какъ ты смѣешь входить сюда?

Но Миша, какъ ни въ чемъ не бывало, раскланявшись со всѣми, подошелъ къ матери и поцѣловалъ ея руку.

— Mon cher, calmez vous, съ укоромъ произнесла Любовь Петровна.

А въ глазахъ Ани я прочелъ испуганную мольбу, обращенную къ отцу. Но Семенъ Андреевичъ не обратилъ на это никакого вниманія.

— Гдѣ ты пропадалъ со вчерашняго вечера? Коли стыдно было мнѣ на глаза показаться, то и теперь бы могъ избавить насъ отъ своего общества.

— Да на что-жъ было показываться, ничуть не смущаясь, отвѣтилъ Миша.—Я, вѣдь, зналъ, что вы мнѣ наскжете совершенно ненужныхъ и ни къ чему не ведущихъ любезностей, какъ сейчасъ вотъ...

— Любезностей?! громовымъ голосомъ отвѣтилъ отецъ.—И ты еще смѣешь... Вчера ты велъ себя, какъ мальчишка, какъ послѣдній мальчишка. И, вѣдь, ты сдѣлалъ это не просто такъ, какъ грубую шалость, а зло, съ намѣреніемъ... я тебя знаю хорошо... И послѣ этого ты смѣешь сюда входить, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Я... пришелъ къ обѣду, нагло возразилъ молодой человѣкъ, — въ самое, кажется, подходящее время... А если вамъ не угодно, чтобы я сѣлъ съ вами за столъ, прикажите, пожалуйста, чтобы мнѣ подали обѣдать въ мою комнату...

Намѣреніе раздражить отца, вызывающій тонъ въ

словахъ Миши были такъ очевидны, что Семенъ Андреевичъ сдержалъ себя. Негодованіе было черезчуръ сильно, чтобы найти себѣ выраженіе въ словахъ. Аня къ тому же, схвативъ отца за руку, такъ краснорѣчиво умоляла его нѣмымъ взглядомъ своихъ глазъ, что Семенъ Андреевичъ какъ-то понялъ вдругъ всю неумѣстность, все безобразіе этой сцены и, презрительно вскинувъ плечами, произнесъ:

— Садись, коли хочешь... Мнѣ все равно... хотѣлъ бы я только знать, въ какомъ миломъ обществѣ ты оставался все время...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ удовлетворю ваше любопытство, сказалъ Миша, разсмѣявшись. — Ночь и все утро я провелъ у Слуцкаго—мы, вѣдь, пріатели...

Я ожидалъ, что этотъ новый вызовъ превзойдетъ мѣру терпѣнія Семена Андреевича, но я ошибся. Презрительное выраженіе на лицѣ его только усилилось.

— Удивляюсь, проговорилъ онъ,—что князю угодно было тебя принять... князь человѣкъ благовоспитанный, а давать пристанище каждому пьянчужкѣ не особенно пріятно... Господа, сядемте, обратился онъ къ намъ, и до самаго конца обѣда уже ни единымъ словомъ не обмѣнялся съ сыномъ, даже не взглянулъ на него ни разу.

Миша силился показать, что это ему рѣшительно все равно, и неоднократно пробовалъ завязать разговоръ то съ сестрой, то съ однимъ изъ насъ. Но его притворная развязность ему не помогала. Онъ глядѣлъ какимъ-то жалкимъ и опальнымъ; даже слуги, подавая ему блюда, смотрѣли на него презрительно. Весь обѣдъ прошелъ тяжело и мрачно. Едва вышли изъ-за стола, Семенъ Андреевичъ увелъ сына въ кабинетъ, и вскорѣ оттуда сталъ доноситься его громкій, раздраженный голосъ. Я подсѣлъ къ Анѣ, но разговориться съ ней, какъ бы я того желалъ, не было никакой возможности. Забота и грусть такъ ясно читались на ея блѣдномъ, какъ бы исхудавшемъ, личикѣ, что завести съ нею одну изъ нашихъ обычныхъ бесѣдъ я не рѣшался. А въ присутствіи ея матери коснуться того, что занимало ее въ эту минуту, было уже совершенно нельзя, хотя, быть-можетъ, какъ разъ теперь ея наболѣвшее сердце готово было откликнуться на слова дружбы и сочувствія. Она, то и дѣло, пугливо обращала голову въ сторону кабинета, откуда не переставали доноситься грозные раскаты голоса ея отца... Для меня было настоящимъ мученіемъ сидѣть возлѣ нея, видѣть ея измученное личико и обмѣниваться съ нею одними короткими, безразличными словами, когда мнѣ такъ хотѣлось выразить ей, какъ искренно я раздѣляю ея тревогу за отца, за этого, быть-можетъ, виновнаго, но все же и для меня дорогого человѣка. Поняла она или нѣтъ, я не знаю, но когда я сталъ прощаться, ея взглядъ обратился ко мнѣ такъ пристально, столько любви и довѣрія было въ немъ, и такъ крѣпко пожала она мою руку своей маленькой горячей рукой, что, должно-быть, она поняла и не сомнѣвалась во мнѣ.

Я вышелъ вмѣстѣ съ Надеждинымъ, и въ залѣ намъ попался навстрѣчу Михаилъ Семеновичъ. Объясненіе его съ отцомъ только что кончилось. Его румяное, беззаботное лицо на этотъ разъ было все искажено отъ злости и волненія. Не помня себя, съ глазами, налитыми кровью, онъ воскликнулъ, завидя насъ:

— Что, слышали, какъ отчитывалъ меня батюшка? Ну, да мы съ нимъ расквитаемся, заставлю папашу раскаяться...

XIV.

На слѣдующій вечеръ происходило сборище у Турусова.

Платоновъ встрѣтилъ меня съ радушіемъ необыкновеннымъ.

— Вотъ обрадовали-то, вотъ обрадовали, принялъ

Боярыня. Ориг. рис. проф. И. Е. Рѣпина, грав. Ив. Павловъ (гравюра удостоена серебряной медали на экзаменѣ Импер. Общества Поощр. Худож.).

онъ меня съ распростертыми объятіями. — Не смѣлъ ожидать, право, не смѣлъ...

Онъ едва не облобызаль меня въ своей шумной радости. Турусовъ былъ, вообще, человѣкъ крайне сладкорѣчивый, весь, казалось, нараспашку. Но, разумѣется, только для виду. Мнѣ, впрочемъ, не впервые пришлось удивиться, сколько елейнаго притворства въ провинціальныхъ нравахъ, которымъ мы, столичные жители, такъ охотно приписываемъ добродушную простоту въ обхожденіи.

Собравшееся у Турусова довольно многочисленное общество оказалось крайне разношерстнымъ. Тутъ были главные представители обѣихъ партій, и я рѣшительно не могъ понять, съ какою заднею мыслію Платонъ Платоновичъ счелъ нужнымъ пригласить къ себѣ явныхъ сторонниковъ Котопова. Были тутъ и Вьюгинъ, и Надеждинъ, да еще человѣка два-три изъ партіи Семена Андреевича, и находились они, повидимому, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со своими политическими врагами. За Бориса Павловича принялся старикъ Джембицкій; Надеждина силится оборозить молодой князь. Словомъ, ничего похожего на заговоръ, на партійную сходку здѣсь, очевидно, не было. Коли велась тутъ какая-нибудь тайная игра, такъ ужъ очень замысловатая и сложная. Но совсѣмъ ужъ я обомлѣлъ, когда въ исходѣ одиннадцатаго часа въ дверяхъ показался новый посѣтитель — Миша Котоповъ. Тутъ было что-то ужъ совсѣмъ непонятное. Въ эти два дня онъ, повидимому, успѣлъ какъ нельзя лучше перезнакомиться съ цѣлымъ городомъ. Всѣ, за исключеніемъ одного только Вьюгина, его встрѣтили, какъ хорошаго пріятеля, устроили ему даже, какъ будто, маленькую овацію. Выходило словно, что учиненный имъ на губернаторскомъ балу скандалъ создалъ ему какую-то популяриность въ губернскомъ обществѣ. Самъ Миша показался мнѣ до неприличія веселъ и доволенъ собой. „Ну, братъ“, подумалъ я, „видно, совсѣмъ ужъ у тебя мѣднй лобъ“. И когда Миша ко мнѣ подошелъ, чтобы поздороваться, сильно меня подмывало не протянуть ему руки. Онъ былъ настоящимъ героемъ вечера. Есть такіе люди, которые вездѣ и всегда себя чувствуютъ, какъ на собственныхъ именинахъ. Несмотря на то, что онъ былъ здѣсь самымъ младшимъ по возрасту, онъ держалъ себя совершенно за панибрата со всѣми, мило шутилъ, рассказывалъ анекдоты и одинъ за другимъ опорожнялъ стаканы сельтерской воды съ коньякомъ.

— Что, успѣли-таки добыть нѣкоторые фонды? спросилъ у него Надеждинъ, очевидно, нисколько не стѣснявшійся молодымъ человѣкомъ. — По глазамъ вижу, что успѣли...

Миша только повелъ плечами, да хихикнулъ, закуривая хозяйскую сигару. А Слудкій, стоявшій въ двухъ шагахъ отъ насъ, бросилъ на Мишу быстрый, но пристальный взглядъ, какъ-то странно при этомъ шурясь.

— Вы знаете, Роевъ, съ поразительною беззащитностью обратился ко мнѣ Миша, — я, вѣдь, къ вамъ сегодня утромъ собирался, хотѣлъ у васъ попросить. Авось, думалъ, не откажетъ, вѣдь, наслѣдство получилъ недавно... Ну, да безъ вашей помощи обошлось...

Слудкій опять многозначительно посмотрѣлъ въ нашу сторону.

— Удивляюсь одному, Михаилъ Семеновичъ, коли пошло между нами на откровенность, возразилъ я нѣсколько сдержанно, — что бы вамъ къ матушкѣ вашей обратиться, чѣмъ по чужимъ людямъ рыскать за деньгами?!...

Миша усмѣхнулся.

— Спасибо за совѣтъ... Такъ безъ васъ и не догадался бы. Во-первыхъ, у родительницы моей презрѣнаго металла нема, а во-вторыхъ, кабы даже онъ имѣлся... Ну, словомъ, на мамашину щедрость рассчитывать не приходится...

— Роевъ, пожалуйста-ка сюда! подошелъ ко мнѣ Борисъ Павловичъ, — тутъ у насъ преинтересная беседа. — И отведя меня въ сторону, онъ шепнулъ мнѣ на ухо: — Охота вамъ съ этимъ дряннымъ, пахальнымъ мальчишкой разговаривать. Панъ Джембицкій, продолжалъ онъ, подводя меня къ кучкѣ, собравшейся вокругъ старика, — извольте уже побѣду трубить по случаю вчерашняго голосованія. Такъ вы заодно со мной поубавьте у него самонадѣянной прыти.

— Что, панъ ясновельможный, обратился онъ къ старому поляку, сухощавое лицо котораго ничуть не утратило выраженія необыкновеннаго достоинства, не смотря на фамильярно-насмѣшливый тонъ Вьюгина, — не слишкомъ-ли вы ужъ торопитесь предсказывать намъ поражение. Увѣренность въ побѣдѣ, конечно, поддерживаетъ духъ войска и на враговъ наводитъ смущеніе. Только напрасно вы поговорку про медвѣжью шкуру позабыли, медвѣдь-то живехонекъ.

— Посмотримъ, Борисъ Павловичъ, посмотримъ, мягко проговорилъ Джембицкій. — И у меня тоже отыщется поговорка, тоже совсѣмъ русская: цыплятъ по осени...

Джембицкій щеголялъ чистымъ выговоромъ и прѣкраснымъ знаніемъ русскаго языка. Польскаго въ немъ было, собственно говоря, только нѣкоторая смѣсь гордаго самоуваженія съ коварною податливостью. И ненавидѣлъ онъ Семена Андреевича потому какъ разъ, что характеръ и приемы были у него совершенно противоположные.

— На земскомъ собраніи вы насъ разбили на-голову, спору нѣтъ; только день на день, вѣдь, не приходится. Господа дворяне не такъ-то склонны подчиняться велѣніямъ нашего самодержца Семена Андреевича, оттого, можетъ-быть, что не такъ чувствуютъ на себѣ его благодѣянія, хе, хе!

— Чтѣ хотите вы этимъ сказать, Станиславъ Казимировичъ? весь вспыхнувъ, проговорилъ Вьюгинъ.

— Да очень просто, манна небесная... Не мудрено, что она расточается, такъ сказать, народу избранному...

— Коли ужъ такъ, подхватилъ одинъ изъ стоявшихъ вокругъ, — въ данномъ случаѣ манна небесная, пожалуй, отъ самого народа избраннаго исходитъ, отъ Самуила Моисеевича то-есть... Вотъ онъ настоящій источникъ благъ земныхъ, ключъ благодворный въ пустынь...

— Великая заслуга Семена Андреевича, спору нѣтъ, продолжалъ Джембицкій, — что ключъ этотъ онъ отыскалъ. Только, увы! ужъ никакъ нельзя сказать, чтобы и манна эта, и струя благодатная на всѣхъ одинаково расточались. Оттого-то и есть у Семена Андреевича такіе горячіе поклонники...

Борисъ Павловичъ вспылилъ. Никогда прежде я не видалъ его такимъ. Глаза его загорѣлись, и черты лица, всегда казавшіяся мнѣ какъ-то заурядными, запечатлѣлись вдругъ такою силою негодующаго убѣжденія, что я диву дался, какъ можетъ разомъ преобразиться человѣкъ, когда его захватятъ за живое.

— Перестаньте говорить намеками, выскажитесь прямо, громко произнесъ онъ, такъ что всѣ разговоры мгновенно примолкли и всѣ присутствовавшіе насторожили уши. — Гласные подкуплены, хотите вы сказать? Подкуплены деньгами Литовскаго?..

— То-есть не всѣ гласные, именно не всѣ, ехидно вставилъ Джембицкій.

— И для себя, для своей крошечной партіи, которая вотъ уже шесть лѣтъ безсильно интригуетъ противъ Семена Андреевича, кто изъ личныхъ выгодъ, кто изъ личной мести, — болѣе высокихъ мотивовъ, вѣдь, у васъ нѣтъ, господа, — вы хотите выговорить какую-то монополию мнимаго безкорыстія?..

Вьюгину хотѣли возразить многіе, — группа слушающихъ становилась все гуще, — но онъ не далъ себя перерубить. Истинное воодушевленіе, что морская волна, оно все сноситъ передъ собою.

— Нѣтъ, господа, нѣтъ, продолжалъ онъ,—если мы подкуплены, то однимъ лишь—свѣтлою головой и твердою волей человека, который сумѣлъ поставить земское дѣло на настоящую высоту, сумѣлъ освободить его отъ мелкихъ, личныхъ счетовъ и сплотить вокругъ себя людей, одинаково съ нимъ проникнутыхъ желаніемъ служить общему дѣлу—дѣлу подъема народнаго образованія и народнаго хозяйства. Вспомните, чѣмъ была наша губернія десять лѣтъ назадъ и чѣмъ стала теперь. Число школъ утроилось, по врачебной части мы едва ли не занимаемъ первое мѣсто въ Россіи, есть у насъ и хорошія дороги, и сельскохозяйственные склады, и дешевый кредитъ земскаго банка—и все это безъ отягощенія плательщиковъ. А если вы насъ укоряете деньгами Литовскаго,—хотѣлъ бы я знать, отказались ли бы вы отъ этихъ денегъ, если бы власть была въ вашихъ рукахъ? Нѣтъ, вы бы только распорядились ими иначе... И вотъ чего вы не можете простить Семену Андреевичу, не можете вы ему простить, что онъ знаетъ не хочетъ ваши излюбленные привычки дѣлить между собою земскій пирогъ, да проводить на земскія должности не тѣхъ, кто болѣе способенъ, а тѣхъ лишь, съ кѣмъ вы хлѣбъ-соль водите да садитесь каждый вечеръ за карточный столъ. Кумовства нѣтъ у насъ, вотъ что вамъ колетъ глаза, вотъ, по-вашему, смертный грѣхъ Семена Андреевича.

— Кумовства нѣтъ, хе-хе-хе, засмѣялся Джембицкій.—Слышите, Платонъ Платоновичъ, нѣтъ кумовства?

— Вы изволили сказать, мягкимъ голоскомъ запѣлъ Турусовъ,—что друзей Семена Андреевича соединяетъ не общая хлѣбъ-соль и не дружба за карточнымъ столомъ?.. Правда, правда, Семенъ Андреевичъ въ карты не играетъ, а насчетъ хлѣба-соли самый у насъ въ губерніи первый хлѣбосоль... Цѣнимъ мы всѣ очень его гостепріимство... денегъ не жалѣетъ Семенъ Андреевичъ, ни своихъ, ни чужихъ, особенно чужихъ-съ...

Одобрительный хотѣлъ послушался вокругъ. Я взглянулъ на Слуцкаго: онъ не смѣялся и упорно молчалъ, осторожно избѣгая выронить хотя бы малѣйшее словечко въ обвиненіе Конотопова, но такую глубокою ненавистью дышало его блѣдное лицо, такъ злобно вспыхивали его шустрые черные глазки, что сознание какой-то близкой неминуемой бѣды меня охватило. Онъ будто уже предвкушалъ торжество надъ врагомъ, предвкушалъ съ полною увѣренностью въ побѣдѣ.

— Да перестаньте же, наконецъ, почти закричалъ Вьюгинъ,—прятаться за эти полувысказанные намеки, или признайтесь лучше, что нѣтъ у васъ иного орудія, что прямого обвиненія вамъ не откуда взять, иначе оно давно бы у васъ было высказано. И сколько вы ни старались очернить дѣятельность Семена Андреевича, вамъ это не удалось ни разу. Помните, на земскомъ собраніи говорилось о растратѣ по больницѣ, и что же вышло?

— Да, да, подхватило нѣсколько голосовъ,—знаемъ мы, какъ покрывается недочетъ по смѣтѣ...

— Говорилось о банкѣ, продолжалъ Вьюгинъ,—и что же, гдѣ злоупотребленія?.. Мы всѣ читали балансъ...

— Балансъ не трудно подвести, вставилъ Турусовъ,—и банкъ все-таки лопнетъ не сегодня, такъ завтра, коли не поддержитъ его все тотъ же Самуиль Моисеевичъ.

— На это, господа, не извольте рассчитывать, страннымъ, не-русскимъ акцентомъ проговорилъ толстенкій господинъ съ золотыми очками на глазахъ и большимъ загнутымъ носомъ надъ широкимъ, мясистымъ ртомъ. Господинъ этотъ вошелъ очень еще недавно и какъ-то совсѣмъ не слышно: многіе даже не замѣтили его появленія. Одинъ только хозяинъ да Слуцкій поздоровались съ нимъ необыкновенно любезно. Но когда онъ проговорилъ эти немногія слова, всѣ лица мгновенно, съ какою-то внимательною тревогою, обратились въ

его сторону. Я замѣтилъ, что одинъ изъ присутствующихъ толкнулъ сосѣда за локоть:

— Кто это? спросилъ онъ вполголоса.

— Это Самуиль Моисеевичъ, такимъ же шопотомъ отвѣтилъ Джембицкій, разслышавшій вопросъ.

— То-есть какъ это не рассчитывать? съ улыбкою на губахъ въ свою очередь спросилъ Турусовъ.

Я сталъ подозрѣвать, что роли у нихъ были распределены заранее. И мало-по-малу для меня дѣлалась ясною настоящая цѣль этого страннаго сборища.

— Я болѣе не намѣренъ, отчеканилъ господинъ Литовскій, какъ бы съ усиленіемъ выговаривая слова,—оказывать господину Конотопову дальнѣйшій кредитъ.

Онъ произнесъ это совершенно равнодушнымъ тономъ, и тѣмъ необычайнѣе казалось выраженіе страха, почти ужаса на лицахъ большинства присутствующихъ.

— То-есть какъ это, какъ не намѣренъ? растерянно спросилъ кто-то.

— Да, вѣдь, банкъ, кажется, въ совершенномъ порядкѣ, замѣтилъ другой.

— И учрежденъ онъ на нашъ земскій капиталъ, подхватилъ третій.

— Не знаю, какой тамъ капиталъ, все такъ же равнодушно проговорилъ Литовскій,—но только я болѣе не намѣренъ...

— Ха, ха, земскій капиталъ! Забавно это слышать! потирая руки, сказалъ Джембицкій.—Онъ давно не существуетъ.

— Могу васъ поздравить, господа, съ ласковой улыбкой добавилъ Турусовъ.—У кого вклады, тотъ пусть торопится...

Волненіе все усиливалось. Сперва какъ будто недомѣвали и только переглядывались. Потомъ все громче стали подыматься негодующіе, испуганные голоса, и негодованіе все росло, какъ разъ потому, что испугъ придавалъ этимъ голосамъ смѣлость.

Но Вьюгинъ еще разъ попробовалъ овладѣть общимъ вниманіемъ и возстановить поколебленное довѣріе къ Семену Андреевичу.

— Позвольте, господа, чего вы перепугались? заговорилъ онъ опять.—Какіхъ-то неопредѣленныхъ слуховъ?.. Подождите, все разъяснится... Да, наконецъ, чѣмъ же виноватъ Семенъ Андреевичъ въ неудачныхъ спекуляціяхъ банка, если бы даже, въ самомъ дѣлѣ, оказались потери? Чѣмъ онъ виноватъ, коли господину Литовскому угодно отстранять себя отъ участія въ дѣлѣ, которымъ онъ сперва такъ живо интересовался? Повѣрьте мнѣ, что отъ всѣхъ этихъ обвиненій не останется ничего; это мыльные пузыри, которые исчезнуть такъ же скоро, какъ они возникли, потому что въ одно, въ одно я твердо вѣрю—въ глубокою, непоколебимую честность Семена Андреевича...

Но тутъ произошло нѣчто уже совсѣмъ неожиданное. Раздался вдругъ почти надъ самымъ моимъ ухомъ визгливый голосъ Миши Конотопова. Онъ стоялъ тутъ среди прочихъ и до сихъ поръ молчалъ, только хихикая подчасъ втихомолку.

— Это вы про моего отца, Борисъ Павловичъ? сказалъ Миша, раскачиваясь на каблукахъ.—Это ему вы такъ вѣрите?.. Чѣмъ же онъ васъ такъ плѣнилъ, позвольте узнать? Вѣдь, очень ужъ надо быть наивнымъ, чтобы батюшкѣ моему такъ безгранично довѣряться!

Эффектъ эти слова произвели до того необычайный, что всѣ какъ-то разомъ умолкли и будто оцѣпенѣли, точно волшебная сила ихъ мгновенно сковала. Даже Вьюгинъ не нашелся, что сказать. Впечатлѣніе было слишкомъ сильное, чтобы вылиться словами.

— Конотоповъ, закричалъ я,—вы съ ума сошли или вина слишкомъ много выпили сегодня!

Я не принималъ до сихъ поръ участія въ спорѣ, и оттого, должно-быть, былъ менѣе другихъ огорошенъ выходкою Миши.

— Вы-то чего кипятитесь? дерзко отвѣтил Миша.— Выюгинъ имѣетъ свои причины за отца моего изъ кожи лѣзть, а вы-то, вы?

Выюгинъ не далъ ему договорить. Весь дрожащій негодованіемъ, съ лицомъ, налитымъ кровью, онъ вдругъ пакинулся на молодого человѣка и схватилъ его обѣими руками за плечи. Столько было неудержимой страстности въ его порывѣ, что Миша, хоть и былъ роста высокаго и казался не робкаго десятка, опѣшилъ-таки и невольно какъ-то отступилъ назадъ шага на два.

— Слушайте, Конотоповъ! закричалъ на него Борисъ Павловичъ, не выпуская его изъ своихъ рукъ.—Онъ мгновенно преобразился и необыкновенно выросъ въ моихъ глазахъ.—Такихъ вещей въ шутку, на вѣтеръ не говорить... И ужъ, конечно, не сыну ихъ говорить про отца. Такъ извольте ужъ здѣсь, при всѣхъ, открыто высказать то, на что вы намекаете, потому что иначе я васъ буду считать за...

Я былъ увѣренъ въ эту минуту, что дѣло у нихъ не обойдется безъ скверной исторіи. Но Миша не потерялъ спокойствія духа и, не переставая смѣяться, самымъ добродушнымъ тономъ перебилъ Выюгина какъ разъ во-время, чтобы не дать Борису Павловичу проронить неместное для него словечко.

— Да извольте, Борисъ Павловичъ, съ большой даже готовностью все выскажу.

Руки Выюгина мгновенно опустились.

— Батюшка мой, Семенъ Андреевичъ, много, конечно, очень сдѣлалъ для губерніи, щедрымъ онъ былъ всегда. Только себя при этомъ никогда не забывалъ... Какъ мнѣ это ни тяжело, а не могу не повторить того, что вотъ говорилъ господинъ Джембицкій, что Самуилъ Моисеевичъ моему батюшкѣ отсыпалъ кушъ изрядный. Этого я, какъ честный человѣкъ, скрывать не стану. А что касается банковскихъ денегъ, то батюшка всегда на нихъ смотрѣлъ, какъ на свои собственныя...

— Этого быть не можетъ... это... пробормоталъ, было, Выюгинъ совершенно растерянно.

На него жалко было смотрѣть, до того ясно читалось на его лицѣ, какимъ глубокимъ страданіемъ отзывались въ немъ беззащитныя слова Миши.

— Да вотъ, коли не вѣрите, спросите у Самуила Моисеевича! Онъ здѣсь кстати.

Самуилъ Моисеевичъ безпоясочно заерзалъ на креслѣ, въ которое передъ тѣмъ только что опустился. Всѣ лица мгновенно обратились въ его сторону, повинувшись, быть-можетъ, невольному желанію отвернуться отъ человѣка, который съ такимъ безстыдствомъ выступалъ въ качествѣ обвинителя отца.

— Чтѣ, Самуилъ Моисеевичъ?! Похвастайтесь-ка, сколько вы батюшкѣ отсыпали за его добрыя услуги?

— Стыдитесь, Конотоповъ! кинулся я къ нему, хватая его за руку.

Онъ и тутъ не измѣнилъ своему завидному хладнокровію.

— Отъ меня правды захотѣли, и я правду только и высказалъ. Чего тутъ стыдиться?

Но голосъ его мнѣ уже показался не такимъ увѣреннымъ, какъ прежде. Онъ, должно-быть, начиналъ чувствовать тяжесть общаго презрѣнія. Прочіе на него перестали обращать вниманіе. Его позорная роль была сыграна, и онъ это, кажется, понималъ.

— Чтѣ, Самуилъ Моисеевичъ, признавайтесь! Говорите! смѣясь обратился къ Литовскому хозяинъ дома.

Въ кучкѣ стоявшихъ тутъ слышались хихиканья.

— Что вы ко мнѣ пристаёте, господа? какъ-то брезгливо, съ большимъ достоинствомъ, и въ то же время чуть-чуть испуганно произнесъ Литовскій.—Никакихъ личныхъ отношеній къ г. Конотопову я не имѣлъ и имѣть болѣе не намѣренъ.

— Значитъ, все-таки имѣли когда-то? продолжалъ его подзадоривать Турусовъ.

Неловкое впечатлѣніе, сперва произведенное словами Миши, видимо, смѣнялось веселымъ. Одинъ изъ присутствующихъ—кажется, это былъ Джембицкій—обратился даже съ какою-то шуткой къ Выюгину. Не въ добрый часъ онъ, однако, это сдѣлалъ. Борисъ Павловичъ вспыхнулъ, и накопившееся въ немъ чувство разразилось взрывомъ негодующихъ словъ. Не помню теперь въ точности, что онъ наговорилъ въ отвѣтъ неосторожному шутнику, но тому, должно-быть, не поздоровилось: сконфуженный, онъ отошелъ прочь. Столько было искренняго, болѣзненнаго горя въ гнѣвномъ отвѣтѣ Выюгина, что передъ этимъ гнѣвомъ замерли всѣ попытки смѣяться и торжествовать. Много безсвязнаго, много лишняго наговорилъ Выюгинъ, но впечатлѣніе его слова произвели на всѣхъ очень сильное.

— Я, вы знаете, докончилъ онъ,—былъ всею душою привязанъ къ Семену Андреевичу. Люблю я его и теперь, потому что привязанность и дружбу въ одинъ мигъ нельзя изъ сердца вырвать. И все-таки... вотъ вамъ мое слово, господа, какъ ни тяжело это будетъ для меня, съ этой минуты я примыкаю къ вамъ, и такъ же горячо стану обличать Конотопова, какъ до сихъ поръ защищалъ его.

Всѣ обступили Бориса Павловича. Про Мишу совершенно забыли, и когда нѣсколько минутъ спустя я обернулся въ его сторону, молодого человѣка уже не было въ комнатѣ. Впрочемъ, и Выюгинъ скоро послѣдовалъ его примѣру, да и всѣ прочіе изъ числа прежнихъ сторонниковъ Семена Андреевича не долго оставались у Турусова. Какъ ни упрашивалъ насъ хозяинъ, отъ ужина мы всѣ отказались. И надо признаться, мы покидали-таки поле сраженія, какъ разбитое войско.

— Ну, что вы про это скажете? заговорилъ я, взявъ Надеждина подъ руку и направляясь съ нимъ пѣшкомъ къ моей гостиницѣ.

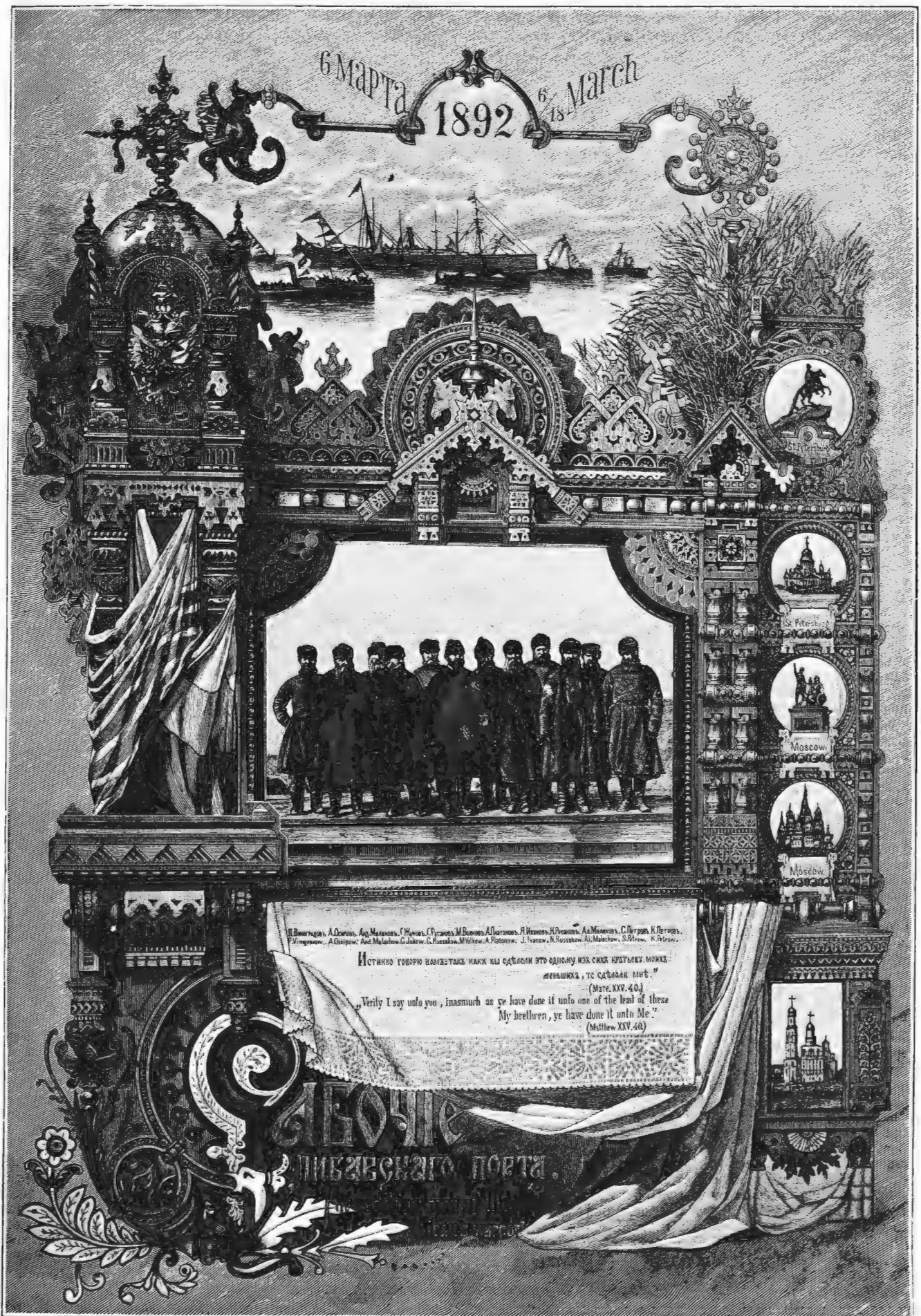
— Скажу, что этотъ Миша Конотоповъ великій подлецъ; это несомнѣнно. А что до всѣхъ этихъ разоблаченій, то для меня, вы знаете, они не новость, и я потому не счелъ нужнымъ кипятиться, какъ прочіе.

— Какъ, не новость?! воскликнулъ я.—И вы все-таки...

— Стояли горой за Конотопова! договорилъ Надеждинъ за меня.—Не только стоялъ, но и буду стоять впередъ и вамъ же совѣтую. Впрочемъ, вамъ и совѣтовать нечего. Лучше,—знаете ли, что вамъ скажу: по-настоящему-то, коли положить руку на сердце, изъ насъ ни для кого, или почти ни для кого, все это не было тайной. Догадывались, по крайней мѣрѣ, многіе, хоть и не знали ничего въ точности, да и теперь не знаютъ. А стояли они за Семена Андреевича, да и я тоже, потому, что все-таки, что тамъ ни говори, онъ пользу великую принесъ губерніи. А согласитесь, вѣдь, лучше и въ частномъ, и въ общественномъ дѣлѣ довѣряться такому человѣку, который, положимъ, и себя не забудетъ, но за то поведетъ это дѣло къ общему удовольствію, чѣмъ какому-нибудь честному глупцу, который ни себѣ, ни другимъ пользы не принесетъ. Ничего на свѣтѣ нѣтъ бесполезнѣе этихъ представителей безпомощной морали. Общество призвано не преміи раздавать за добродѣтель, а устраивать для своихъ членовъ возможно сносную жизнь: и для такой цѣли намъ Семены Андреевичи и нужны...

— Вы, стало-быть, думаете, сказалъ я, оставляя эти философствованія безъ прямого отвѣта,—что сегодняшній пассажъ останется безъ всякаго вліянія на выборы?

— Очень бы желалъ такъ думать, да—увы—не могу. Видите ли, милый мой, есть въ людяхъ одно очень странное свойство. Въ одиночку они довольно-таки разсудительныя твари и съ очень многимъ даже готовы помириться, когда требуютъ обстоятельства. Ну, а коль скоро они въ толпу соберутся—удивительная у

Адресь отъ рабочихъ Либавскаго порта Филадельфійскому благотворительному комитету.
 Съ фот. грав. Флюгель.

нихъ порой является шепетильность, удивительная потребность какая-то показать себя примѣрно-нравственными существами. И вотъ, тѣ самые люди, которые давно знали про грѣшки Семена Андреевича и ничуть этимъ не возмущались, теперь вдругъ ощутить въ себѣ необыкновенный порывъ добродѣтельного педагогованія, и, главное, совсѣмъ даже искренно ощутить; стануть увѣрять, что только со вчерашняго дня у нихъ глаза открылись. И, замѣтите, для такого поворота въ томъ, что мы привыкли называть общественнымъ мнѣніемъ, которое потому только и общественно, что ни у кого его въ частности нѣтъ, непременно нужно, чтобы данъ былъ какой-нибудь толчокъ извнѣ, чтобы выскочить казусъ чрезвычайный, какъ вотъ сегодня... И все отшатнулося отъ Семена Андреевича, потому что какъ же, вѣдь, это подавать голосъ за чело-вѣка, когда собственный сынокъ его публично изобли-

чилъ. Да, хитрую штуку соорилъ нашъ князекъ... Это опъ, вѣдь, всю эту гадость сострипалъ. Это месть Слуцкаго за позоръ его отца, и ловко же онъ отплатилъ, давъ сынку Конотопова займы.

Надеждинъ засмѣялся своимъ короткимъ смѣхомъ, не то чтобы недобырымъ, а скорѣе недовѣрчиво-равнодушнымъ, и протянулъ мнѣ руку.

— Вотъ мы и пришли... Да, милый мой, наступилъ конецъ блестящей дѣятельности Семена Андреевича... Помните, я говорилъ вамъ, что врагъ его сторожить въ собственной семьѣ. Такъ оно и вышло. Ну, прощайте, будемъ ожидать дальнѣйшихъ событій. Или, хотите, я къ вамъ зайду на часокъ и все разскажу, что знаю про исторію Семена Андреевича?

И Надеждинъ, завернувъ ко мнѣ въ номеръ, передать мнѣ то, что уже извѣстно читателю.

(Продолженіе будетъ).

Сѣрый день.

Стихотвореніе Д. Мережковскаго.

Какъ этотъ сѣрый день и пѣнешь, и отрадись!
Къ намъ, дѣтямъ страждущимъ своимъ, какъ мать, полна
Природа жалостью. И вѣтерокъ прохладенъ,
И все смиренная объемлетъ тишина.

* * *

Какъ благодаренъ я и какъ доволенъ малымъ!
Не падо солнца намъ: милѣй, чѣмъ яркій лучъ,

Уютный полумракъ — очамъ моимъ усталымъ —
И темныхъ хвойныхъ иглъ, и теплыхъ сѣрыхъ тучъ.

* * *

Я смерти не боюсь и жизни покоряюсь:
Какъ это облако, уснувшее вдали,
И какъ цвѣты — безъ думъ, я только наслаждаюсь
Спокойствіемъ небесъ, спокойствіемъ земли...

400-лѣтній юбилей введенія книгопечатанія въ Черногоріи.

Четыреста лѣтъ тому назадъ въ Черногоріи, въ Ободскомъ-градѣ, въ монастырѣ Св. Николая была отпечатана кириллицей и издава въ свѣтъ первая церковно-славянская книга „Октоихъ“ или „Осмогласникъ“, считающаяся по праву древнѣйшимъ памятникомъ славянскаго книгопечатанія у южныхъ славянъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда турки-османы, властно распоряжавшіеся на Балканскомъ полуостровѣ, давившіе своимъ тяжелымъ игомъ грековъ, болгаръ, сербовъ и албанцевъ, приводили въ трепетъ даже всю Среднюю Европу, — въ то время властители Зеты — нынѣшней Черногоріи, представлявшей тогда только часть Сербскаго королевства, на ряду съ другими свободными и мощными европейскими цивилизованными государствами, сумѣли воспринять и ввести гениальное изобрѣтеніе Гутенберга въ своемъ крохотномъ, окруженномъ полчищами дикихъ турокъ, княжествѣ.

Тогдашніе повелители Черногоріи, вынужденны были, ради спасенія послѣднихъ остатковъ сербской независимости, уйти вмѣстѣ со своими единомышленниками изъ долинъ въ горы Верхней Зеты. Когда турки стали грозить резиденціи князя, Сабляку, храбрый князь второй черногорской династіи Иванъ Црноевичъ отправился въ 1483 году въ Италію и республику Венецію за помощью противъ общаго врага. Король Боснии, дочь котораго была замужемъ за Црноевичемъ, также вѣрѣлъ сильно отъ турецкаго гнета, а властитель Герцеговины былъ низложенъ турками, захватившими его страну. Князь Иванъ Црноевичъ вынужденъ былъ оставить Саблякъ и искать себѣ болѣе надежную и безопасную резиденцію. Выборъ его палъ на нынѣшнее Цетинье. Тамъ, среди далеко въ небо уходящихъ горъ, построилъ онъ первымъ дѣломъ монастырь, затѣмъ, въ 1484 году, устроилъ близъ Цетинье, при монастырѣ, привезенную имъ изъ Венеціи типографію и сталъ печатать кириллицей церковныя книги и распространять ихъ въ народѣ. Цетинье онъ сдѣлалъ и центромъ метрополіи.

Изъ церковныхъ книгъ, изданныхъ этой первой славянской типографіей за время отъ 1484 по 1493 годъ, только одна — „Октоихъ“ или „Осмогласникъ“ сохранилась, какъ драгоценнѣйшая реликвія, въ черногорской княжеской библиотекѣ; на книгѣ этой показанъ и годъ изданія — 1493.

Какъ извѣстно, великое изобрѣтеніе Гутенберга было перенесено изъ Майнца и стало извѣстно въ Римѣ въ 1467 г., а въ 1469 г. съ нимъ ознакомились въ Венеціи, Франціи, Швейцаріи и Англии, въ 1482 г. было занесено оно въ Австрію и только значительно позже, въ 1564 г., въ Россію.

Избранница Аллаха.

Мусульманская легенда С. И. Уманца.

Предлагаемая оригинальная легенда о счастьи и возвышеніи чело-вѣка существуетъ въ разсказахъ мусульманъ Средней Азіи, а также крымскихъ и кавказскихъ.

Слышана она и записана въ Крыму.

Миръ въ первый времена по своемъ сотвореніи былъ населенъ дивами или деринами, похожими на ангеловъ, съ тѣломъ, созданнымъ изъ огня и свѣта.

Въ ихъ власть была отдана вся вселенная, и онѣ вла-

чествовали надъ землею въ продолженіе семидесяти вѣковъ. За ихъ ослушаніе, однако, величіймъ Всесильнаго, ихъ смѣнили пери, за двѣ тысячи лѣтъ до появленія человѣка. Пери не были ни ангелами, ни демонами. Онѣ были смертны и до-ступны страданіямъ.

Пери оказались такъ же непокорны волѣ Неба, какъ и гордыя дивы. Напрасно посылались имъ наказанія,—наказанія эти не служили имъ на пользу!

Тогда вмѣсто пери были созданы человѣкъ...

Она явилась мужчиной, красивымъ—какъ ангель, крѣпкимъ—какъ сталь, гибкимъ—какъ кнларисъ.

Была создана и подруга для него, помощница, женщина, послѣднее и лучшее созданіе Творца небесъ и людей. Это была вѣнецъ творенія, драгоценный перлъ вселенной! Она была надѣлена кротостью и блестяла красотой, предъ которой меркло солнце и отъ зависти краснѣла луна.

Она была строина, какъ пальма, проворна—какъ аптлона, черноока—какъ газель.

Аллахъ радовался, глядя на нее съ высоты седьмого неба, и ждалъ, что она, эта женщина, Имъ созданная, какъ украшеніе міра, всей душой своей, любящей и кроткой душой, будетъ предана Ему, Всесильному, Всемогущему Аллаху, пламенеющему и безграничному, чѣмъ ея властелинъ, мужчина.

Но первая женщина не была такой, какой желалъ ее видѣть Великій Аллахъ: она была точно такая же, какъ и всѣ женщины, которыя родились послѣ нея.

При добротѣ сердца и красотѣ, она была столь же легкомысленна, какъ и остальные.

Она—увъ!—мало думала о милосердіи Аллахѣ, создавшемъ ее царицей міра, властительницей сердецъ, счастливой матерью и любимой супругой.

Аллахъ огорчился и ждалъ, не найдется-ли какая другая женщина изъ рода людскаго, которая всѣмъ сердцемъ своимъ возблагодаритъ Творца за милости, которыя онъ излия на женщину, которая прильнетъ къ Нему всей пѣжной душой своей и будетъ помнить о небесахъ больше, чѣмъ о грѣшномъ мірѣ.

Аллахъ напрасно ждалъ такой женщины: она не рождалась!

Много вѣковъ прошло, но такой женщины не являлось въ мірѣ!

И вотъ премудрый Аллахъ рѣшилъ создать такую женщину, которая бы думала о Небѣ и о Немъ, Творцѣ міра и всего сущаго, больше, чѣмъ о погрявшей въ грѣхахъ землѣ съ ея горемъ и слезами людскими.

Аллахъ создалъ еще невиданную доселѣ красавицу, предъ которой блѣднѣютъ черноглазая гурія рай Пророка, но глаза у этой красавицы не тамъ, гдѣ они обыкновенно бываютъ, внизу лба, спереди лица, а на темени: премудрый Аллахъ хотѣлъ, чтобы она, эта Его избранница, не видѣла вовсе грѣшной земли, а взирала бы только, волей-неволей, на одно небо, разстилающееся надъ ея головою, и думала о Немъ, Великомъ Аллахѣ, котораго такъ часто забывали и дивы, и пери, и весь родъ людской.

Но у этой женщины, съ очами наверху головы, случилось ужасное горе: у нея пропалъ сынъ, ея возлюбленный мальчикъ, котораго она взростила, пѣжила и баловала.

Куда пропалъ онъ, кто похитилъ его?

И вотъ, медленной стопою бродитъ она изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, по всему лицу земли, эта избранница Аллага, и полными слезъ глазами смотритъ на небо, взывая къ его милосердію.

Она ищетъ, несчастная, пропавшаго сына, но нигдѣ его не находитъ!

И вотъ, ходитъ эта несчастная межъ людей и хватаетъ перваго, кто подвернется ей, подъ-руки. Она крѣпко схватываетъ его, боится, чтобы онъ не вырвался, въ надеждѣ, что она нашла сына. Она поднимаетъ его все выше и выше, приближая его къ темени, гдѣ, по волѣ Аллага, блистаютъ ея чудныя, черныя, увлаженныя слезами очи...

Приблизивши избранника къ глазамъ, она съ отчаяніемъ и досадою бросаетъ его обратно на землю, не найдя въ немъ того, кого жаждетъ найти душа ея,—млага сына.

А тѣмъ временемъ тотъ, кого она возноситъ съ земли, поднимая къ высоко, на верху ея головы, горящимъ очамъ, становится и богатъ, и счастливъ, и знатенъ...

Но счастье и богатство—все летитъ прахомъ, когда бѣдная мать выпускаетъ изъ рукъ своего случайнаго избранника, не признавъ въ немъ сына.

Найдетъ-ли она его когда-нибудь, бѣдная?..

Смѣлое предпріятіе новой полярной экспедиціи.

Очеркъ И. Б. (Карта, портретъ и рис. на стр. 691 и 692).

Извѣстный норвежскій ученый, географъ и путешественникъ по полярнымъ странамъ, д-ръ Фритіофъ Нансенъ, получилъ, наконецъ, возможность осуществить свою давнишнюю идею—снарядить экспедицію и во главѣ ея отправиться къ сѣверному полюсу.

Хотя по повсемѣстной въ Норвегій подпискѣ на это предпріятіе и были собраны значительныя средства, но они оказались недостаточными. По расчету Нансена, не хватало еще 80.000 кронъ, и государство рѣшило, наконецъ, ассигновать ему недостающую сумму. Такая щедрость норвежскаго стортинга объясняется тѣмъ, что экспедиція Нансена есть дѣло національное, въ ней затронута гордость и самолюбіе Норвегій. Швеція имѣетъ Торрелли и Норденшильда, почему же Норвегій, гордящейся своими знаменитыми талантливыми писателями Ибсеномъ и Бьернстерномъ-Бьернсономъ, не имѣетъ также отважнаго, всему міру извѣстнаго географа и путешественника? И вотъ, когда хранитель естественнно-историческаго отдѣла Бергенскаго музея, Фритіофъ Нансенъ, прославившійся уже своимъ отважнымъ путешествіемъ въ Гренландію, предложилъ правительству свой планъ достиженія сѣвернаго полюса совершенно новымъ, оригинальнымъ путемъ, въ немъ предположили именно такого кандидата на мировую извѣстность, и не оставили его предпріятію втуне. Вся Норвегій такъ увлеклась смѣлымъ предпріятіемъ Нансена, что не пожелала даже слушать совѣта самого Норденшильда и пренебрегла мнѣніемъ и даже средствами шведскаго барона Диксона, всю душою преданнаго разрѣшенію великаго полярнаго вопроса. Энергія и дѣятельность Нансена, дѣйствительно, изумительны. Когда, въ прошломъ году, онъ убѣдился, что расходы будутъ велики и подника, пожалуй, не сможетъ покрыть ихъ всѣ, онъ отправился въ Англій и во всѣхъ значительныхъ ея городахъ читалъ лекціи по данному вопросу. Помимо собраннаго имъ за свои чтенія денегъ, нѣкоторыя англійскія географическія общества дали ему субсидіи.

Наше правительство также рѣшило оказать дѣятельное содѣйствіе смѣлому, многообещающему предпріятію Нансена. По распоряженію нашего правительства, 26 собакъ доставлены къ устью рѣки Оленека: За ними ухаживаетъ норвежецъ Торстенсенъ (знакомый кормача на „Fram“, суднѣ, на которомъ отправился Нансенъ). Высылаются охотники на островъ Котельный съ запасомъ пищевыхъ продуктовъ для 12 человѣкъ, который будетъ положенъ здѣсь въ двухъ мѣстахъ. Такой же запасъ высылается также на островъ Ляховъ (въ Новой Сибири). Запасы эти будутъ осмотрѣны въ 1894 и 1895 годахъ.

Нансенъ, узнавшій объ этомъ изъ телеграммы шведско-норвежскаго посланника въ Петербургѣ, еще болѣе восприимчивъ духомъ, такъ какъ теперь у него явилась возможность, въ случаѣ крушенія „Fram“, спастись, добравшись съ экипажемъ на лодкахъ къ одному изъ упомянутыхъ острововъ.

Весь планъ Нансена построенъ на гипотезѣ. Онъ увѣренъ, что существуетъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ очень сильное теченіе, направляющееся отъ сибирскихъ его береговъ, чрезъ открытое полярное море, къ гренландскому берегу, и что такимъ образомъ корабль, свободно предоставившій себя среди льдовъ этому теченію, долженъ современемъ быть пригнаннымъ имъ чрезъ полярное море къ восточному берегу Гренландіи. Нансенъ основываетъ это на слѣдующемъ наблюденіи: норвежскіе китоловы, затеряныя зимой во льдахъ у восточнаго берега Гренландіи, весной были отнесены къ югу, между тѣмъ какъ суда, затеряныя льдами къ сѣверу отъ Берингова пролива или сибирскихъ береговъ, исчезали навѣки. До сихъ поръ были извѣстны три пути, по которымъ предполагалось, что можно достигъ сѣвернаго полюса: 1) отъ Новой Земли къ сѣверу, минуя открытую экспедиціей Найеръ-Вейирехта страну Франца-Иосифа; 2) съ восточнаго берега Гренландіи, чрезъ Шницбергеновъ заливъ. Но всѣ попытки достигнуть полюса по какому-либо изъ этихъ путей пресѣкались на 82° и 83° сѣв. широты, въ виду непроходимой, неприступной стѣны льдовъ. Такъ какъ до сихъ поръ неизвѣстно, простираются-ли эти ледяныя громады до самаго полюса или только окружаютъ открытое море, омывающее югъ,—никто не рѣшался пробираться далѣе по ледянымъ массамъ, хотя бы на собакахъ или оленяхъ, боясь встрѣтить непреодолимую преграду въ видѣ льда или моря, и въ то же время не имѣть возможности вернуться. Итакъ, главнымъ препятствіемъ къ достиженію сѣвернаго полюса служатъ двигатели этихъ ледяныхъ массъ, морскія теченія, направляющіяся отъ полюса въ южныя широты. Этими теченіямъ должны соотвѣтствовать и теченія, идущія къ полюсу. Какъ извѣстно, такими считаются небольшое раздѣленіе гольфштрема, противоположное лабдорскому теченію и проходящее вдоль западнаго берега Гренландіи, и другая часть гольфштрема, направляющаяся мимо норвежскаго берега вилотъ до Новой Земли и Шницбергенова; кромѣ того, чрезъ Беринговъ проливъ тоже проходитъ къ сѣверу одно изъ значительнѣйшихъ теченій. Къ такимъ теченіямъ относится и то, которое должно вытекать въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ сравнительно высокой температурой воды огромныхъ сибирскихъ рѣкъ. Нансенъ полагаетъ, что послѣднее теченіе несетъ воды отъ Ново-Сибирскихъ острововъ къ сѣверу.

Читални и уставщинъ Федосѣевскаго толка, служащiе панихиду на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.
Ориг. рис. К. Лебедева, грав. Хелищкiй.

Рыбная ловля въ лѣтній вечеръ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Кравченка, автотип. Ангерера.

по ю полюсу, взаимно течений, идущих от полюса к югу, и падаетея, что, если он ввернется со своим судномъ сказанному течению, оно должно привести его к северному полюсу. Главным опорным пунктомъ его сѣлаго плана служить найденное во льдахъ плаще одного матроса съ судна „Жаннетта“. Въ 1879 году, какъ извѣстно, издатель *New-York Herald*, Гордонъ Беннеттъ, снарядилъ эту „Жаннетту“, подъ командой де-Лонга, для отысканія пропавшаго безъ вѣсти знаменитаго Норденшильда. „Жаннетта“ отправилась въ свой путь, но уже на востокъ отъ острововъ Врангеля была затерта льдами, просидѣла въ нихъ два года и, наконецъ, погибла 13 июля 1881 года близъ Ново-Сибирскихъ острововъ, подь 77° 15' сѣв. шир. Ничтожная часть экипажа спаслась и нашла убѣжище въ дельтѣ Лены у тунгусовъ; капитанъ же съ остальными погибъ. 18 июня 1884 г., въ колоніи Юліанегаабъ, на западномъ берегу Гренландіи, пришло къ берегу льдину, на которой находились примерзшіе панталонъ, пропитанные масломъ и имѣвшіе помѣтку имени матроса съ „Жаннетты“, и при нихъ двѣ записки, писанныя рукою де-Лонга. Разсуждая, какимъ образомъ могли попасть съ Ново-Сибирскихъ острововъ къ Юліанегаабъ эти жалкія реликвіи погибшихъ путешественниковъ, Хансенъ считаетъ несомнѣннымъ, что ихъ несло холодное теченіе, идущее чрезъ северный полюсъ или, по крайней мѣрѣ, мимо него, и затѣмъ по восточному берегу Гренландіи. По этому теченію льдина, по мнѣнію Хансена, двинулась къ югу, пока не попала, у мыса Фаревеля, въ упомянутый рукавъ голфштрема, пригнавшій ее къ западному берегу Гренландіи. Хотя, очевидно, планъ Хансена основывается на отрицательномъ доказательствѣ, на отсутствіи какого-либо иного объясненія появленія у западнаго берега Гренландіи, какъ упомянутой льдины, такъ и разнаго илу и лѣса съ береговъ Сѣверной Азіи, чѣмъ его собственное, но онъ такъ вѣритъ въ него, что ничто не можетъ его удержать отъ его осуществленія: ни сдѣланное ему опытами полярными путешественниками предостереженіе о непреодолимости ледяныхъ стѣнъ, ни высказанныя ими сомнѣнія въ возможности достигнуть и Ново-Сибирскихъ острововъ, составляющихъ нынѣ отравившій пунктъ его путешествія. Сначала онъ разсчитывалъ попасть въ предполагаемое, фатальное для него, теченіе изъ Берингова пролива, но теперь, не указывая причины, онъ рѣшился достигъ по Барскому морю до крайней сѣверной оконечности и тамъ ждать благоприятнаго момента, чтобы двинуться съ дельты Лены вдоль западнаго берега Ново-Сибирскихъ острововъ и ввернуться тамъ сказанному полярному теченію. Зная напередъ, что ему придется все время сидѣть во льдахъ, Хансенъ обратилъ главное вниманіе на строеніе своего судна, отъ прочности и выносливости котораго и зависяетъ, по его мнѣнію, успѣхъ его предпріятія. Судно построено Коллиномъ Аргеромъ въ Лаурвигѣ и названо „Fram“ (впередъ). При постройкѣ „Fram“, главнымъ образомъ старались судну сообщить способность сколь возможно сильнѣйшаго сопротивленія напору льда и нѣсколько облегчить его экипажу суровость полярной зимы. Ради первой цѣли, судно придана короткая, сжатая форма, съ покатыми, почти полукруглыми дномъ; если оно, благодаря этому, не въ состояніи быстро двигаться и маневрировать, за то оно по возможности обезпечено отъ губительнаго боковаго напора, который, въ крайнемъ случаѣ, выдвинетъ судно вверхъ изъ льда, но никакъ не сокрушитъ его, и, слѣдовательно, надо будетъ лишь заботиться, чтобы не скливалось или совсѣмъ не опрокинуло судна. „Fram“ имѣетъ въ длину 39 и въ ширину 11 метровъ; вмѣстимости оно 800 тоннъ, изъ которыхъ 380 составляютъ вѣсъ груза, а 420—судна съ машинами. Для машины въ 160 лошадиныхъ силъ берется запасъ топлива всего на 3—4 мѣсяца, такъ какъ судно оно понадобится лишь при возвращеніи на родину. Какъ только вступитъ оно во льды, вѣтъ и руль будутъ сняты. Киль и шканты построены изъ толстаго, прочнаго дуба, стѣнки для защиты отъ напора льда въ 60—70 сантиметровъ толщены. Ради второй цѣли, обращено особое вниманіе на устройство каюты, помѣщающейся въ задней части судна. Строитель ея старался ее обезопасить отъ холода и сырости. Освѣщается „Fram“ электричествомъ, необходимую силу для котораго будетъ доставлять особый аппаратъ, приводимый въ движеніе вѣтромъ или же помощью человеческихъ рукъ. Эта работа заставитъ экипажъ дѣлать усиленные движенія, и такимъ образомъ отчасти согреетъ его, отчасти развлечетъ среди однообразнаго, томительнаго бездѣйствія и, кромѣ того, избавитъ, извѣстнымъ образомъ, ихъ отъ губительнаго скорбуга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, электрическое освѣщеніе доставитъ богатый и безопасный свѣтъ среди непроглядной полярной ночи.

Экипажъ судна состоитъ всего-навсего изъ 12 человекъ—всѣ они норвежцы. Помощникомъ Хансена рѣшился быть совершившій съ нимъ путешествіе въ Гренландію капитанъ Отто Свердрупъ. Въ числѣ остальныхъ имѣются: врачъ, машинистъ, охотники, убьющіе владѣть гарпуномъ, однимъ словомъ, у Хансена имѣются представители всѣхъ тѣхъ спеціальностей, которыми, онъ думаетъ, придется пользоваться во время долговременнаго путешествія. До чего популярна сѣбѣ планъ Хансена въ народѣ, можно судить по тому, что очень

скоро нашлись желающіе предпринять съ нимъ это путешествіе и многіе соотвѣтствующіе своимъ образованіемъ и знаніемъ его высокимъ, строгимъ требованіямъ. Большинство изъ нихъ, подобно самому Хансену, люди женатые и семейные. Въра въ благоприятный исходъ предпріятія Хансена основывается еще на блестяще выполненномъ имъ путешествіи въ Гренландію, окружившемъ его въ глазахъ народа ореоломъ серьезнаго ученаго и отважнаго путешественника. Хансенъ разсчитываетъ употребить на свое путешествіе 4 года, но все-таки, на всякій случай, снабдилъ свое судно запасами на 6 лѣтъ.

Всѣ въ Норвегіи заинтересованы этимъ предпріятіемъ. Въ томъ числѣ одинъ норвежскій астрономъ говоритъ, что, по всей вѣроятности, на северномъ полюсѣ вовсе не такъ холодно, какъ предполагаютъ. Северный и южный полюсы никоимъ образомъ не представляютъ самыхъ холодныхъ мѣстностей въ мірѣ. День будетъ знать Хансенъ лишь съ 21 марта по 22 сентября; въ остальную часть года будетъ полярная, темная ночь, въ родѣ нашей осенней. Звѣзды тамъ все время мерцаютъ на небѣ, онъ не увидитъ ни восхода, ни захода ихъ. Всюду вокругъ царитъ мертвая тишина. Только по временамъ нарушаютъ ее бури, страшныя бури Ледовитаго океана. Нельзя себѣ и вообразить, что представляетъ изъ себя эта буря въ глухую зимнюю ночь. Въ непроглядной тьмѣ стонетъ и воетъ, свищетъ и реветъ что-то страшное, титаническое... Точно всѣ подземныя силы ополчились на невидимаго, несуществующаго врага. Огромныя ледяныя горы громоздятся другъ на друга, скрывая подъ собой море... Но и ихъ не видно въ окружающемъ мракѣ... Когда наступитъ для Хансена день, онъ продолжитъ цѣлые полгода. Если Хансенъ поставитъ на полюсѣ посредній столъ и сидеть вокругъ него вмѣстѣ со своимъ экипажемъ, то, въ то время, когда его часы будутъ показывать 12 ч., для сидящаго налѣво отъ него будетъ уже часъ, для слѣдующаго два и т. д. Если Хансенъ захочетъ выиграть часъ времени, стодитъ ему подвинуться лишь на одно мѣсто налѣво, и онъ уже имѣетъ часъ вперед. Сидя за своимъ столомъ на северномъ полюсѣ, они будутъ занимать всевозможные меридіаны, сходящіеся въ этомъ мѣстѣ. На северномъ полюсѣ нѣтъ часовъ, тамъ нѣтъ ни сѣвера, ни востока, ни запада—тамъ есть одинъ только югъ. И Хансенъ будетъ стоять тутъ, на краю міра, и весь земной шаръ будетъ подъ его ногами, къ югу отъ него. Куда ни кинетъ онъ взоръ, куда ни укажетъ онъ рукою—все будетъ югъ.

Отплытіе д-ра Хансена въ экспедицію изъ Христианіи состоялось 24-го іюня новаго стиля. Погода была пасмурна: ходили сѣрыя, нависшія тучи, накрапывали частый, упорный дождикъ, дулъ рѣзкій вѣтеръ. Такая перемѣна погоды была, однако, встрѣчена даже съ удивленіемъ послѣ нестерпимыхъ, чисто-тропическихъ жаровъ и зноянаго, сухого, порывистаго вѣтра, который дулъ неутомимо за послѣдніи три-четыре недѣли.

Еще задолго до отплытія, рано утромъ, явились на берегъ нѣсколько человекъ изъ команды Хансена и переправились въ шлюпки на бортъ своего судна, стоявшаго на якорѣ въ небольшомъ заливѣ фюрда, бортъ-б-бортъ съ однимъ изъ старшихъ судовъ военно-учебной эскадры, на разстояніи 200 футовъ отъ берега.

Въ восьмомъ часу утра гавань оживилась: въ ней задвигались небольшіе служебные пароходы, загроможденные пассажирами и кладью. Каждый изъ нихъ, проходя мимо „Fram“, замедлялъ ходъ; надъ бортомъ его развѣвались платки, зонтики и шапки, а въ воздухѣ раздавались громкія, радующія пожеланія счастливаго пути остававшему Христианію судну, и далеко надъ водами разносились дружныя гулы восторженнаго привѣтствія, въ то время, какъ команда Хансена усердно работала, приводя свое судно въ окончательный порядокъ.

Къ одиннадцати часамъ, т. е. ко времени отъѣзда, „Fram“ былъ уже приведенъ въ полный порядокъ. Д-ра Хансена еще не было. Вокругъ его судна толпились въ шлюпки, и многаборныя, изящныя гондолы, гоночные боты и морскіе глги, яхты и паровыя баркасы, всѣ болѣе или менѣе красиво разукрашенные серебряными березками. На нихъ и на берегу тѣсными толпами видѣлись провожающіе.

Вдругъ толпа встрепенулась: скорымъ ходомъ къ „Fram“ направлялся изящный паровая баркасикъ. На немъ видѣлись: на носу—матросъ съ багромъ въ рукѣ, а на кормѣ—д-ръ Хансенъ. Въ нѣсколько минутъ баркасикъ очутился бортъ-б-бортъ съ „Fram“, и Хансенъ, блѣдный и замѣтно смущенный, взбѣжалъ по трапу и появился уже на палубѣ. Ни крика, ни хлопка не донеслось къ нему со стороны многочисленныхъ зрителей: они затаили дыханіе, и эта нѣмая, какъ бы благоговѣйная тишина краснорѣчивѣе словъ выразила ему ихъ глубокое сочувствіе.

„Fram“ двинулся. Его сопровождала цѣлая флотилія пожелавшихъ какъ можно дальше проводить его. Когда „Fram“ проходилъ мимо фюрда, съ него раздались три пушечные салюта.

Затѣмъ „Fram“ поравнялся съ жилищемъ д-ра Хансена въ Лизакерѣ, и въ ту же минуту солнечныя лучи, дружно прорывая сѣрыя тучи, залили свѣтомъ и море, и берегъ, и стройную женскую фигуру, всю въ бѣломъ, на одномъ изъ прибреж-

ныхъ утесовъ. Это была г-жа Хансенъ, послѣднимъ прощальнымъ взглядомъ провожавшая своего мужа.

Съ баркасовъ грянула музыка. Раздались звуки національнаго гимна и пѣсенъ: „Сыны Норвегій“, „Да, мы любимъ родину свою“ и т. д. И воздухъ огласился кликами: „Да здравствуетъ Хансенъ!“ — „Счастливаго возвращенія, Хансенъ!“

Миль двадцать пять за Христианіей, провожавшіе „Fram“ баркасы распрощались съ нимъ...

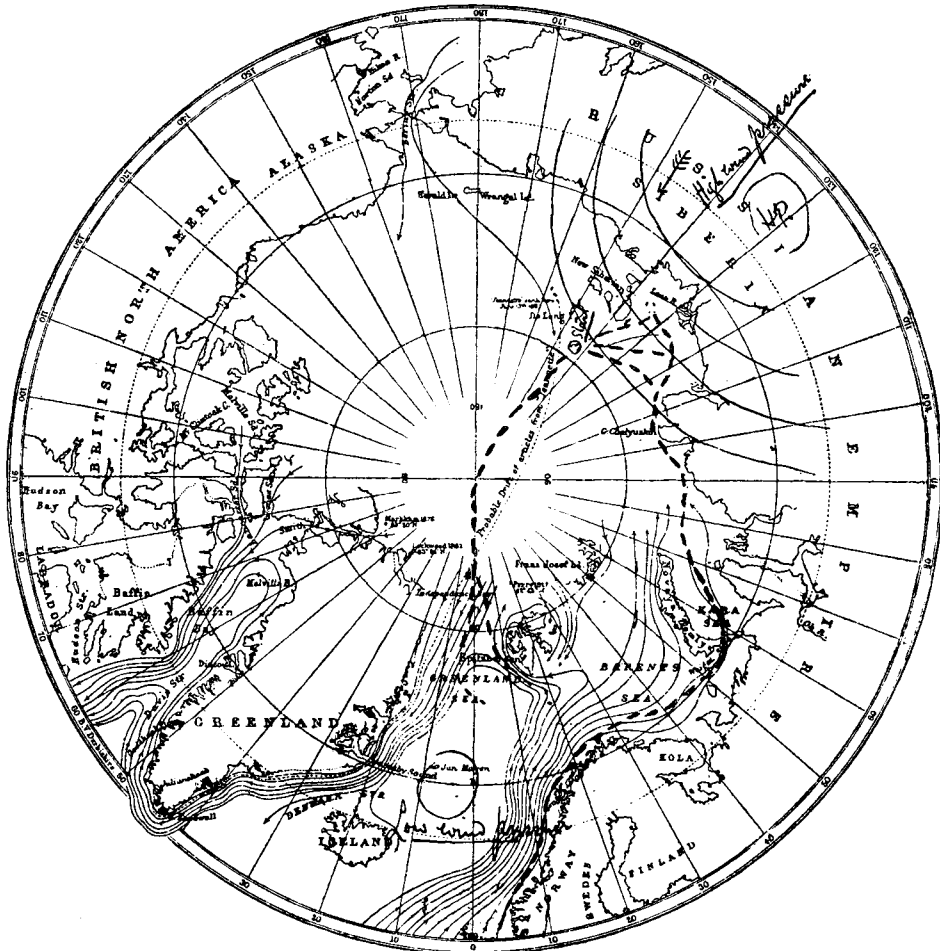
Прощаніе было задумчивое и трогательное. Докторъ Хансенъ стоялъ у сѣдной своего судна и пожималъ руки всѣмъ, высказывавшимъ ему сочувствіе.

„Прежде, чѣмъ окончательно разстаться съ докторомъ, пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ тутъ корреспондентовъ, — я въ послѣдній разъ обошелъ и оглядѣлъ „Fram“. На палубѣ все было уже приспособлено къ плаванію, а внизу, въ каютахъ, мое вниманіе привлекъ большой портретъ жены д-ра Хансена съ малюткой-дочерью. Сходство его съ оригиналомъ поразительное и, равно какъ и самая отдѣлка его, говоритъ о великомъ талантѣ художника, — знаменитомъ Вереншельдѣ. Въ той же каютѣ-гостиной второй простѣнокъ занималъ прелестный норвежскій пейзажъ работы того же мастера. Каюты всѣхъ слу-

жащихъ выходить въ нее; при этомъ интересно замѣтить, что самую тѣсную, самую неудобную изъ нихъ занимаетъ начальникъ экспедиціи. Нигдѣ ни слѣда зеркала или тому подобныхъ, болѣе изысканныхъ предметовъ туалета. Скамьи съ плетеными сидѣньями, съ шерстяными коврами и подушками; диванчики и непередвигаемыя скамьи и сундуки, еще гигантская печка, — вотъ и все незатѣливое убранство этого жилища. Однообразная строгость обстановки нѣсколько смягчается портретами дорогихъ сердцу каждого моряка женъ или любимыхъ.

„Со всѣхъ сторонъ, отъ каждой вещи, вѣяло простотой и благородствомъ, которыми исполнены самыя цѣлыя ихъ путешествія и они сами, начиная съ самого командира и кончая послѣднимъ изъ матросовъ. На столѣ каюты лежалъ цѣлый ворохъ телеграммъ, гдѣ (въ различныхъ выраженіяхъ) высказывалось одно и то же единодушное желаніе благополучія смѣлому мореходу

и его командѣ. Вниманіе и особое удовольствіе проявилъ д-ръ Хансенъ къ одной изъ нихъ: она была изъ Сибири, съ увѣдомленіемъ, что ледъ въ Карскомъ морѣ и на его границахъ находится въ самомъ благоприятномъ состояніи, и что туда можно идти вполне безопасно“.

Карта полярныхъ странъ съ автографической отмѣткой пути д-ра Хансена.

и его командѣ. Вниманіе и особое удовольствіе проявилъ д-ръ Хансенъ къ одной изъ нихъ: она была изъ Сибири, съ увѣдомленіемъ, что ледъ въ Карскомъ морѣ и на его границахъ находится въ самомъ благоприятномъ состояніи, и что туда можно идти вполне безопасно“.

Къ рисункамъ.

Пловучая дача на Темзѣ. (Рис. на стр. 677).

Въ Англіи есть обычай, достойный подражанія — устранивъ легкія пловучія жилища для лѣтняго времени, или дачи, въ родѣ представленной на нашемъ рисункѣ. Подобныя оригинальныя постройки можно встрѣтить, напримѣръ, на Темзѣ, выше Лондона, неподалеку отъ Ричмонда. Онѣ устраниваются на широкіхъ плоскодонныхъ судахъ и достигаютъ иногда такихъ размѣровъ, что цѣлыя семейства размѣщаются въ нихъ довольно комфортабельно. Онѣ стоятъ обыкновенно у береговъ или острововъ, въ наиболѣе живописныхъ мѣстахъ, и удерживаются съ помощью канатовъ или якорей. Преимущества ихъ состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, не нужно пріобрѣтать землю для постройки дачи, во-вторыхъ, когда наскучитъ жить на одномъ мѣстѣ, сдѣлать только нанять лошадей и съ помощью ямки передвинуть ее на другое избранное мѣсто, или же совершить подобное переселеніе посредствомъ буксирнаго пароходика. Такъ владѣльцы подобныхъ пловучихъ дачъ и дѣлаютъ нѣсколько разъ въ теченіе лѣта.

Представленная у насъ дача — затѣйливѣе другихъ по архитектурѣ и болѣе большихъ размѣровъ. Съ виду она трехъ-этажная, но это только такъ кажется: она имѣетъ одинъ этажъ, но болѣе высокая средняя часть, занимаемая залой, сдѣлана въ два свѣта; а надъ нею устроена плоская крыша съ просторною на ней террасой, обнесенной рѣшеткою. На срединѣ этой террасы находится еще небольшая бесѣдка, въ которой въ теченіе цѣлаго дня можно быть защищеннымъ отъ солнца.

Собореніе съ берегомъ поддерживается посредствомъ мостковъ или, по мѣрѣ надобности, съ помощью лодки.

Боярыня. (Рис. на стр. 680 и 681).

Имя Ильи Ефимовича Рѣпина, какъ художника, слинкомъ извѣстно въ Россіи, чтобы еще прибавить къ нему какіе-нибудь похвалыя эпитеты. Оно говоритъ само за себя и за рисунокъ, помѣщаемый нами въ передачѣ молодого гравера Павлова, награжденнаго за эту гравюру серебряною медалью. Титъ боярыни не разъ передавался на полотнѣ и не разъ его описывали мастера русскаго слова:

„Ходитъ плавно — будто лебедушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ...“

Адресъ отъ рабочихъ Филадельфійскому комитету.

(Рис. на стр. 685).

Доброе дѣло всегда возбуждаетъ сочувствіе въ людяхъ; за сдѣланное добро не благодарятъ, обыкновенно, но нельзя не вспоминать о немъ съ чувствомъ глубокой признательности. Въ прошломъ году, какъ извѣстно, американцы привозили хлѣбъ для раздачи въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Это наглядное выраженіе всемірнаго братства глубоко тронуло насъ, и мы, какъ умѣли, выражали свои чувства по этому поводу. Однимъ изъ такихъ выраженій послужилъ трогательный адресъ, посланный въ Филадельфійскій благотворительный комитетъ рабочими Либавскаго порта. Художественный орнаментъ этого адреса, помѣщаемый на стр. 685, сопровождается слѣдующимъ текстомъ:

„Изъ многихъ милліоновъ русскаго народа, намъ, рабочимъ контрагентовъ по постройкѣ Либавскихъ портовъ, вышло

счастье лично встрѣтить дорогихъ американскихъ гостей, видѣть пароходъ „Индіана“, привезшій въ Россію самый драгоценный подарокъ—хлѣбъ для голодающихъ, видѣть славныхъ представителей вашего человѣколюбиваго общества. Наша депутація, въ числѣ 12-ти человекъ, коихъ фотографію, въ память о дорогомъ русскому сердцу событіи, вамъ теперь посылаемъ, выразила уже капитану парохода „Индіана“ нашу искреннюю благодарность Филадельфійскому благотворительному комитету за ихъ теплое участіе къ великому несчастью, постигнувшему русскій народъ. Какъ эти 12 человекъ депутатовъ, такъ и мы все, такъ твердо вѣримъ, и весь русскій народъ молимъ Бога, да благословитъ Онъ ваше истинно-христіанское чувство любви къ ближнему и да поможетъ въ будущемъ добрымъ дѣламъ вашего общества“.

На Преображенскомъ кладбищѣ. (Рис. на стр. 688).

Въ Москвѣ, вообще, богатой великой стариною, есть много разныхъ уголковъ, заслуживающихъ серьезнаго и внимательнаго изученія. Однимъ изъ такихъ уголковъ является Рогожское кладбище на одномъ концѣ Москвы, съ его особеннымъ міромъ, обычаями и своеобразнымъ людомъ; другимъ — Преображенское кладбище, на другомъ концѣ Москвы, рядомъ съ единовѣрческою обителью, богатой драгоценнѣйшими памятниками нашей древней иконописи и заключающей въ себѣ знаменитую Хлудовскую бібліотеку старопечатныхъ книгъ и рукописей.

Еще подъѣзжая отъ Москвы къ Преображенскому, уже начинаешь замѣчать какія-то особенныя, не встрѣчающіяся въ городѣ, типы и личности. Вы видите на улицѣ много мужчинъ и женщинъ въ черномъ, полупночномъ одѣяніи, съ какими-то особымъ, сухимъ и строгимъ выраженіемъ лица, съ дѣловыми (кожаными чепками) въ рукахъ. Подъѣзжая къ Преображенскому кладбищу, вы уже начинаете встрѣчать и похоронныя процессіи, но обычаями и приѣмамъ не похожія на тѣ процессіи, какія встрѣчаются въ центрѣ города. Покойниковъ не везутъ, а несутъ какіе-то дюжіе ребята, на особыхъ носилкахъ. Тѣла положены не въ гробы, а въ открытыя колоды, прикрытыя богатыми покрывами. Крышу колоды отдѣльно несутъ передъ гробомъ на головахъ. Передъ процессіей шествуетъ не духовенство, а простой „начетчикъ“ со старою книгою въ рукѣ, а около него или позади идутъ, такъ называемыя „читалки“ — женщины въ черныхъ рясахъ и съ черными платками на головѣ. Онѣ то читаютъ по книжкамъ, то расцѣвуютъ unis-sono погребальныя пѣсни.

Вступивъ въ аллею Преображенскаго кладбища, вы почти на каждомъ шагу натѣкаете на сцены, подобныя той, которую мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*. Это родственники покойнаго идутъ служить панихиду на его могилу. По обычаю старообрядческаго, женскій персоналъ идетъ не въ современныхъ модныхъ платьяхъ, а прикрывъ ихъ черными

рясами и платками. За родственниками слѣдуютъ „читалки“ расцѣвующія на всемъ пути къ могилѣ свои пѣсни; между ними есть и молодыя, и старыя, и отмѣченныя какимъ-нибудь виднымъ убожествомъ.. Впереди идетъ начетчикъ и на ходу помахиваетъ своей *кащейю* (т. е. курильницей), заминаяющей здѣсь церковное кадило. Да, многое въ этихъ встрѣчахъ и отдѣльныхъ сценахъ Преображенскаго кладбища напоминаетъ намъ древнюю, до-петровскую Русь, которая, по странной и грѣбъ случаю, пережила своего грознаго Преобразователя именно здѣсь, въ Преображенскомъ, гдѣ шѣкогда стояли страшныя застѣпки Преображенскаго Приказа, гдѣ зашѣдалъ приспомянутый князь-кезарь со своими дьяками и подьячими, и гдѣ верннлся судъ и расправа надъ стрѣльцами въ послѣдніе годы XVII вѣка. П.

Д-ръ Нансенъ, организаторъ полярной экспедиціи. По фот. грав. Шюблеръ.

стояла на берегу молодая дѣвушка, а у ногъ ея, позабывъ объ уженьѣ, сидѣлъ юноша; съ восхищеніемъ любующъ миловидною спутницей. Иарѣдка перекидывались они словами, но и безъ словъ будетъ памятна имъ надолго рыбная ловля въ тихій лѣтній вечеръ.

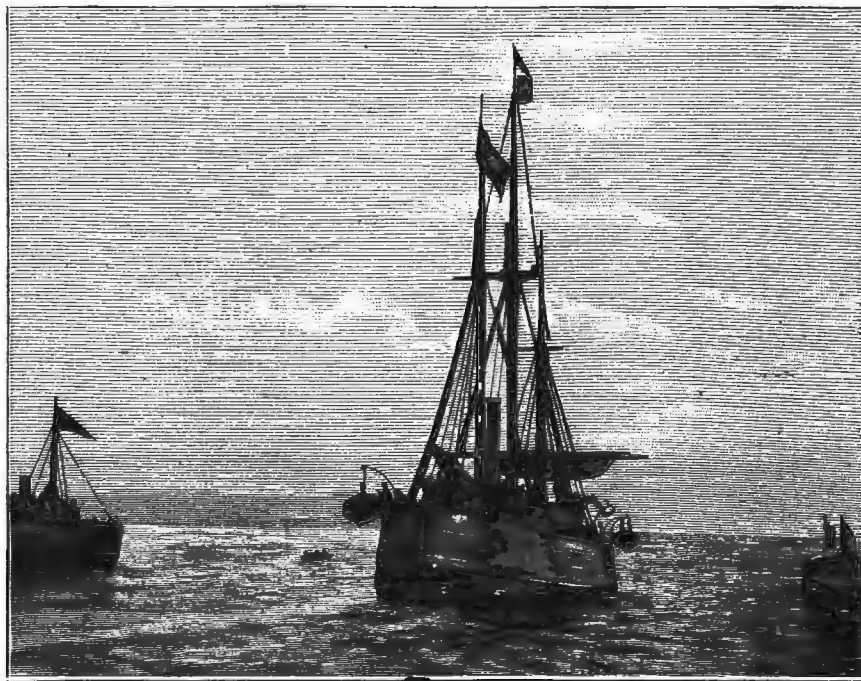
Рыбная ловля въ лѣтній вечеръ. (Рис. на стр. 689).

Наступилъ вечеръ — тихій, благоуханный лѣтній вечеръ. На берегу рѣки, засыпавшей въ вечерней прохладѣ, красно расположились нѣсколько лицъ поудить рыбу. Въ одномъ мѣстѣ, всѣ обитая лучами заходящаго солнца, сидѣла въ мягкихъ креслахъ старушка-бабушка, возлѣ которой сѣдой старикъ-слуга, бывший крѣпостной, съ подобострастіемъ возился около удочки, стараясь всѣми силами угодить матушкѣ-барынѣ и поймать побольше рыбы. Въ другомъ мѣстѣ группа дѣтей, подъ надзоромъ гувернера, съ шумомъ и смѣхомъ закидывала удочки и съ перритворнымъ восторгомъ встрѣчала каждую пойманную рыбку. Въ сторонѣ ото всѣхъ

Николай Евграфовичъ Адауровъ.

(Портр. на стр. 693).

Постройка Велико-Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути имѣетъ важное государственное значеніе, даже болѣе, значеніе международное. Не только Сибирь, вся Россія, Европа, по и цѣлый свѣтъ заинтересованъ въ осуществленіи этого грандіознаго рельсоваго пути. Насколько важно осуществленіе этого дѣла, можно уже судить по тому, что во главѣ его Державною Волею поставленъ Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ, который самъ совершилъ закладку пути. Не пройдетъ трехъ-четырехъ, много пяти лѣтъ, и Августѣйшій Предсѣдатель комитета по

„Fram (Впередъ)“ — пароходъ полярной экспедиціи д-ра Нансена. Съ фот. грав. Флюгель.

постройкѣ Велико-Сибирскаго пути, по всей вѣроятности, пройдетъ вторично черезъ всю Сибирь, но уже въ царскомъ вагонѣ. 30-го іюня последовало торжественное освѣщеніе и открытіе управленія по сооруженію Сибирской желѣзной дороги. Начальникомъ этого управленія назначенъ одинъ изъ способнѣйшихъ и талантливѣйшихъ нашихъ инженеровъ путей сообщенія, статскій совѣтникъ Н. Е. Адауровъ, человекъ пол-

ный силъ и энергій. 1-го іюля Н. Е. Ададуровъ, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій М. М. Коштина и инженера путей сообщенія Е. И. Ададурова 3-го, выѣхалъ въ Сибирь для осмотра производящихся работъ на строящейся желѣзной дорогѣ.

Н. Е. Ададуровъ родился въ Тулѣ 25 августа 1836 года. Окончивъ курсъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія въ 1856 году съ чиномъ инженеръ-поручика и наименованіемъ „отличившимся“, онъ былъ назначенъ въ департаментъ разсмотрѣнія проектовъ и сметъ, гдѣ оставался до конца 1857 г., когда былъ откомандированъ въ Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Съ этого времени Н. Е. Ададуровъ послѣдовательно участвовалъ въ постройкѣ С.-Петербургско-Варшавской, Московско-Ярославской, Московско-Рязанской, Курско-Кіевской и Фастовской желѣзныхъ дорогъ; кромѣ того, имъ построены въ совершенно особыхъ условіяхъ двѣ небольшія вѣтви: Чулковская каменноугольная и Корчаковская заводская.

Церковь на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ. (Рис. на этой стр.).

Изображаемый на нашемъ рисункѣ храмъ—отъ подножія до креста „есть,—какъ выразился настоятель его при встрѣчѣ нынче, въ маѣ, Наслѣдника Цесаревича, поѣдившаго храмъ, — жертва благочестивыхъ гражданъ г. Москвы“. Выстроена этотъ храмъ на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, въ память спасенія жизни Наслѣдника Цесаревича въ Отсу. Освященіе храма произошло 23 мая. Правый же придѣлъ его былъ освященъ 30 іюня. Придѣлъ этотъ, во имя Св. Александра Невского и Маріи Магдалены, сооруженъ на средства московскихъ хоруговцевъ, въ память серебряной свадьбы Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Политическое обозрѣніе.

Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ по всеподданнѣйшему докладу министровъ Иностранныхъ дѣлъ и Финансовъ, вводится съ 20-го числа текущаго іюля повышенный тарифъ, утвержденный 1-го іюня. Съ этого дня товары, привозимые изъ странъ, не представляющихъ Россіи таможенныхъ услугъ, будутъ обложены пошлиною на 30, 20 и 15 процентовъ выше нормальныхъ. Изъ числа такихъ странъ самое важное значеніе имѣетъ для насъ Германія, и въ ней опубликованіе законоположеній о принятіи русскаго максимальнаго тарифа произвело нѣкоторое смущеніе на берлинской биржѣ и повліяло особенно на курсъ бумагъ восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. Газеты признаютъ, что убытки

германской вывозной торговли въ Россію увеличатся. Германскій союзный совѣтъ принялъ проектъ повышенія пошлины на привозные изъ Россіи товары. По мнѣнію газетъ, новое положеніе вещей принесетъ прежде всего пользу Австріи, которая ведетъ переговоры съ Россією, придерживаясь извѣстной торгово-покровительственной политики, могущей ввести въ искушеніе ея вѣрность тройственному союзу.

Въ Англіи палата общинъ окончила обсужденіе ирландскаго билля по статьямъ. Во время прерій, между нѣкоторыми антипарнелитами и консерваторами произошла драка, которую съ трудомъ удалось остановить. Подобныхъ сценъ никогда не случалось въ великобританскомъ парламентѣ.

Событія въ Сіамѣ принимаютъ для Франціи неблагоприятный оборотъ. Ультиматумъ, съ которымъ Франція обратилась къ сіамскому правительству, не принесъ желательныхъ послѣдствій, такъ какъ послѣднее хотя соглашается внести требуемые 3 милліона и готово на территориальныя уступки по лѣвому берегу Меконга, но не иначе, какъ послѣ дознанія и обсужденія бывшихъ событій. Велѣдствіе такого отвѣта представителю Франціи Пави, поручивъ своихъ согражданъ попеченіямъ представителя Голландіи, удаленнаго изъ Бангкока на канонерку „Forfait“, а берега Сіама подвергнуты блокадѣ.

Императорскимъ приказомъ руссінская греко-католическая семинарія въ Львовѣ упраздняются, и учреждаются въ Львовѣ, Пшемислѣ и Станиславовѣ епархіальныя семинаріи, такъ какъ надзоръ за такими семинаріями легче, и онѣ менѣе доступны анти-національной и анти-

католической агитаціи. Послѣдній мотивъ особенно выставляется на видъ въ официальной запискѣ, въ которой тоже сказано, что руссінскіе епископы выразили папѣ свое согласіе на упраздненіе упомянутыхъ семинарій.

Въ Германіи гдѣ, главнымъ городѣ Трансильваніи, 11 іюля

открылся многочисленный румынскій съѣздъ. Председатель Рату изложилъ въ своей рѣчи жалобы румынскаго населенія Венгрии и особенно рѣзко высказался противъ венгерской печати, которая называетъ національныя стремленія румынъ и ихъ борьбу за сохраненіе румынскаго языка государственною измѣною. Съѣздъ постановилъ неустанно продолжать борьбу, для чего избрана комиссія, состоящая изъ 40 членовъ. Съѣздъ принялъ въ заключительномъ засѣданіи нѣсколько рѣшеній, изъ нихъ важнѣйшее касается совмѣстнаго дѣйствія съ немадьярскими народностями Венгрии. Получены тысячи привѣтственныхъ телеграммъ, особенно отъ славянъ Австро-Венгрии.

Н. Е. Ададуровъ, начальникъ управленія по сооруженію Сибирской жел. дороги. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Церковь на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, въ память избавленія Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Ему опасности въ Отсу. По фот. грав. Рашевскій.

Разныя извѣстія.

— 12-го іюля, въ Петербургѣ, на Кадетскомъ плацу, состоялся Высочайшій смотръ кадетъ петербургскаго кадетскаго лагернаго сбора.

— Ихъ Императорскія Величества изволили присутствовать 13-го іюля въ Красносельскомъ лагерѣ при исполненіи зари съ церемоніей, а 15-го іюля изволили посѣтить Красное Село, по случаю тезоименитства Августѣйшаго Главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

— Въ № 101 *Собранія узаконеній и распоряженій Правительственнаго* напечатано Высочайшее повелѣніе объ образованіи общества Юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и утвержденіи устава онаго.

— Армяно-грегоріанскій архіепископъ Мкртичъ Высочайше утвержденъ въ санѣ

патріарха Эчмиадзинскаго и католикоса всѣхъ армянъ и пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

— 15-го іюля, послѣ торжественнаго молебствія, подняты въ Нижнемъ-Новгородѣ армяно-орочные флаги.

— Въ ночь на 11-е іюля въ дѣлѣровскомъ лиманѣ, близъ Очакова, произошло столкновение парохода „Генералъ Коцебу“ съ пароходомъ „Князь Потемкинъ“. На послѣднемъ, сильно поврежденномъ, пострадало 7 человѣкъ.

— При № 444 *Сборника тарифовъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ* опубликованъ сводъ тарифовъ на перевозку грузовъ во всѣхъ сообщеніяхъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ.

— Въ виду заключенія комиссіи изъ врачей-спеціалистовъ о полной пригодности рациональнаго электрическаго освѣщенія лампочками накаливанія для общественаго учебнаго заведенія, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ устроить, въ видѣ опыта, электрическое освѣщеніе въ Петербургской Ларинской гимназіи.

— Русское общество пчеловодства получило разрѣшеніе издавать въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ *Вѣстникъ русскаго общества пчеловодства*.

— По берегамъ Дѣлѣра возникла усиленная разработка гипсовыхъ залежей.

— Въ окрестностяхъ Бахчисарая найдены серебряная руда и сѣрный колчеданъ съ примѣсью золота.

Научныя и техническія новости.

— Сильнымъ соперникомъ сахара можетъ стать составленный недавно препаратъ—*сукроль*. Онъ слаще сахара въ 200 разъ и, по изслѣдованію Памписа, совершенно безвреденъ. Особенно можетъ быть онъ полезенъ для подслащиванія напитковъ.

— Лучшее средство для *приклеиванія этикетокъ къ стеклу*— это свѣжій яичный бѣлокъ. Яичные бѣлки сбиваютъ на плоскомъ блюдѣ, пока изъ нихъ не получится легкая пѣна; когда она расилывается, опускаютъ въ нее плоскую кисточку и смазываютъ ею этикетки. При наклеиваніи на стекло, этикетки слѣдуетъ прижимать чистымъ платкомъ. Платокъ того онъ держится очень хорошо и не отклеивается болѣе, хотя бы стеклянная посуда находилась въ сырости помѣщенія или даже пролежала долгое время въ холодной водѣ.

— Въ искусственно приготовляемой *сельтерской водѣ* берлинскій профессоръ Гохштергеръ нашелъ очень много бактерий. Въ нѣкоторыхъ бутылкахъ, пролежавшихъ долго на льду, количество микробовъ достигало нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Причиной загрязненія сельтерской воды служатъ нерѣдко то обстоятельство, что для промыванія бутылокъ берутъ не кипяченую, а сырую воду.

— Изъ наблюдений, сдѣланныхъ въ Петербургскомъ Ботаническомъ саду, оказывается, что сила *запаха цвѣтотъ* мѣняется отъ самыхъ различныхъ причинъ. Нѣкоторые цвѣты пахнутъ сильнее въ теплую погоду, тѣмъ въ холодную; въ открытомъ помѣщеніи сильнее, тѣмъ въ закрытомъ; ночью сильнее, тѣмъ днемъ. Резеда, напримѣръ, издаетъ гораздо болѣе слабый запахъ, если предъ цвѣтеньемъ

покрыть ее тѣмъ-нибудь и тѣмъ преградить къ ней доступъ свѣта. Есть и такіе цвѣты (*Nycteginia sarpensis*), которые пахнутъ только ночью. Вместе съ тѣмъ сдѣлано наблюденіе, что запахъ цвѣтотъ находится въ извѣстной зависимости отъ присутствія крахмала въ лепесткахъ: съ полнымъ исчезновеніемъ крахмала прекращается и запахъ, и наоборотъ, при новомъ появленіи крахмала въ лепесткахъ (напр., если обезкрахмаленный цвѣтокъ погрузить въ сахарный растворъ) цвѣтокъ снова начинаетъ распространять вокругъ себя запахъ.

— Кто желаетъ *продать* своей мебели, сдѣланной изъ еловаго или сосноваго дерева, *видѣ дуба*, можетъ легко достигнуть этого, пропитавъ ее дубильною кислотою и затѣмъ подвергнувъ ее дѣйствію амміачныхъ паровъ.

Смѣсь.

Необыкновенно большое количество платины—279 пудовъ добыто въ Россіи за прошлый годъ. Количество это на 53% превышаетъ норму добычи этого металла за послѣднее десятилѣтіе.

Борьба съ засухами нашихъ земледѣльцевъ, несмотря на всю свою упорность и продолжительность, почти безуспѣшна. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что у насъ нѣтъ доступнаго для сельской интеллигенціи толковаго руководства по данному вопросу. Серьезный пробѣлъ этотъ въ нашей сельскохозяйственной литературѣ теперь нѣсколько восполненъ вновь вышедшей книжкой г. Павла Янковскаго, озаглавленной: „Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ“. Съ 17-ю рисунками въ текстѣ. Сиб., 1888 г. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 коп. Книжка эта представляетъ краткій сборникъ работъ, необходимость выполнения которыхъ выдвинута неустранимыми послѣдствіями лѣтъ. Въ ней описаны: работы по задержанію снѣговыхъ и дождевыхъ водъ, закрѣпленію и облѣсенію овраговъ, прекращенію вреда отъ легучихъ пещковъ путемъ разведенія на нихъ ивы, и, наконецъ, по посадкѣ древесныхъ черенковъ и колыевъ. Въ приложеніи помѣщены: инструкція объ отпускѣ древесныхъ сѣмянъ и саженцевъ изъ казенныхъ лѣсныхъ питомниковъ и списокъ лѣсныхъ ревизоровъ-инструкторовъ. Книжка составлена умѣло и вполне удовлетворительно. Въ ней имѣются для желающихъ ознакомиться подробно съ даннымъ вопросомъ указанія на соотвѣтствующіе литературные источники.

Замѣчательная столовая. Одинъ богачъ въ Такомѣ (Америка) устроилъ обѣдъ на 28 человѣкъ, при чемъ столовой служило пустое дупло дерева, находящагося въ его имѣніи.

Путь ружейной пули, прорѣзываемый ею въ воздухѣ, можетъ быть сдѣланъ видимымъ; для этого нужно лишь смазать пулю вазелиномъ, благодаря чему, послѣ выстрѣла, слѣдъ сдѣланнаго пулею пути остается въ видѣ струи дыма, видимая при тихой погодѣ почти вплоть до самой цѣли.

Самыя высокія морскія волны наблюдаются вблизи мыса Доброй Надежды, гдѣ онѣ, подъ вліяніемъ продолжительнаго крѣпкаго сѣверо-восточнаго вѣтра, достигаютъ высоты въ 12 метровъ.

Синистинская Мадонна Рафаэля въ 1754 г. была помѣщена въ тронной залѣ Дрезденскаго дворца, но при этомъ картинѣ не могли дать должнаго освѣщенія въ виду того, что необходимое для этого мѣсто было занято королевскимъ трономъ. Узнавъ объ этомъ, король Августъ III собственноручно отодвинулъ тронъ въ сторону и уступилъ почетное мѣсто этому величайшему художественному произведенію.

Осторожность страхового общества. Одно изъ обществъ страхованія жизни въ Парижѣ не принимаетъ, на основаніи своего

устава, на страхъ лицъ, красящихъ себѣ волосы. Оно опасается, что такого рода господа, ради того, чтобы казаться моложе, могутъ рѣшиться употреблять и такіе средства, которыя сократятъ имъ жизнь.

Прямо идти съ закрытыми глазами могутъ весьма немногіе и непремѣнно уклонятся въ ту или другую сторону отъ прямого пути. Недавно найдено этому объясненіе. Тщательныя измѣренія скелетовъ обнаружилъ, что у человѣка обѣ нижнія конечности рѣдко бываютъ одинаки по размѣрамъ. Обыкновенно, лѣвая нога длиннѣе, (у 55 чел. на 100), и ею дѣлается невольнo болѣе длинный шагъ, чѣмъ правой. Эта неравномѣрность исправляется только при помощи глазомѣра. Но если закрыть глаза,—то болѣе длинный шагъ лѣвой ноги заставляетъ дѣлать уклоненіе. Замѣчательно также, что какъ бы въ уравновѣшеніе болѣе длинной лѣвой ноги, правая рука у 75 человѣкъ на сто длиннѣе лѣвой.

Употребленіе кипяченой воды для питья у древнихъ народовъ было извѣстно еще задолго до 550 года до Родж. Хр. Въ 188 главѣ I книги исторіи Геродота сказано слѣдующее: „Киръ отправился въ походъ, достаточно запасшись провіантомъ и скотомъ изъ своихъ владѣній; онъ везъ съ собой и воду р. Хоасна, текущей у Сузы. Къ царскому столу подавали только эту воду; ее вскипятили и везли въ серебряныхъ сосудахъ на четырехколесныхъ повозкахъ, влекомыхъ мулами“.

Оригинальный способъ привлеченія покупателей придумали американцы. Владѣлецъ магазина, въ придачу къ проданному товару, даетъ первая главы какого-нибудь интереснаго, захватывающаго романа. Въ результатѣ покупатель этотъ вскорѣ снова является въ магазинъ, чтобы новой покупкой получить продолженіе романа. И такъ повторяется его частыя покупки до окончанія всего романа.

Фунтъ пробковой массы, какъ оказывается по сдѣланнымъ наблюденіямъ, вполне достаточно для того, чтобы удержать на водѣ человѣка средняго возраста.

Быстрота теченія гольфштрема, среднимъ числомъ, равняется 4½ километрамъ въ часъ. Въ извѣстныхъ мѣстахъ она доходитъ до 25 вкл. въ часъ, и, вслѣдствіе этого, движенье его сильно замѣтно на поверхности океана, въ особенности, при солнечномъ блескѣ, когда оно кажется какъ бы широкой рѣкою огненной расплавленной массы.

Союзъ противъ плеванія существуетъ уже нѣкоторое время въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Во многихъ конкахъ вывѣшены объявленія: „плевать воспрещается“. Во Франціи съ той же целью возбужденъ вопросъ о плеваніи въ гигиеническомъ совѣтѣ департамента Сены. Арманъ Готье, иниціаторъ этого дѣла, выска-

заль желаніе, чтобы полицейская префектура выставила объявленіи о томъ, что воспрещается влѣзать въ общественныхъ экипажахъ. Докторъ Оливье говоритъ, что, мало того, экипажи эти необходимо каждое утро обмывать и дезинфицировать. Наше Русское общество охраненія народнаго здравія препроводило въ Министерство Путей Сообщенія ходатайство, выработанное комиссіей, подъ предсѣдательствомъ Н. О. Здекауера, при участіи В. В. Пашутина, директора Медицинскаго департамента Л. О. Рагозина, проф. Афанасьева, Чудновскаго, Шидловскаго и др., о томъ, чтобы въ вокзалахъ на пассажирскихъ и товарныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, въ вагонахъ и на пассажирскихъ пароходахъ были разставлены плевательницы съ четкими надписями о томъ, чтобы публика, въ виду заразительности выдѣлений, плевала исключительно въ опредѣленныя для этого мѣста. Нельзя не порадоваться такому ходатайству нашихъ ученыхъ; каждому изъ нашихъ читателей, вѣроятно, не разъ приходилось видѣть, какъ, напримѣръ, въ вагонѣ желѣзной дороги пассажиры, безъ всякаго стѣсненія, плюютъ на полъ, а многіе такъ и прямо—куда повало.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ предѣлывать подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Сильный человекъ. Романъ К. Орловскаго. (Продолженіе).—Сѣрый день. Стих. Д. Мережковскаго.—400-лѣтній юбилей введенія нипогочтанія въ Черногоріи.—Избранница Аллаха. Мусульманская легенда С. И. Уманца.—Смѣлое предпріятіе новой полярной экспедиціи. Очеркъ И. Б. (съ картой, портр. и рис.).—Уль рисункамъ: Пловучая дача на Темзѣ (съ рис.).—Боярыня (съ рис.).—Адресъ отъ рабочихъ Филадельфійскому комитету (съ рис.).—На Преображенскомъ кладбищѣ (съ рис.).—Рыбная ловля въ лѣтній вечеръ (съ рис.).—Николай Евграфовичъ Адауровъ (съ портр.).—Церковь на Ходынскомъ полѣ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Научная и техническая новости.—Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ И. М. Н. Волконскій.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. в Петерб. **5 р.** Съ дост. в Петерб. **6 р. 50 К.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия **6 р.** Съ перес. въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

ДВѢ СКОРОПЕЧАТНЫЯ МАШИНЫ

типографскія, завода Кеннигъ и Бауеръ въ Оберцель, близъ Вюрцбурга, подержанныя, но хорошо сохранившіяся, продаются по цѣнѣ 1500 и 1800 руб.

Обращаться: въ С.-Петербургъ, Ср. Подъяч., № 1, въ типографію.

ПРОСЯТЬ франц. гражд. Генриха Манье (Henri Maniez), а равно всѣхъ его знающихъ, сообщить его (Манье) адресъ на шв. зав. Э. Э. Вите въ Н. Маргеланъ, Ферганской области, пивовару О. О. Е. № 6474

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7—1

НЕОБХОДИМО

имѣть каждому теплое и мягкое одѣяло чистой шерсти замѣчательно краснаго тигроваго рисунка хорошей величины цѣною за 8 руб. и въсовыхъ за 7 ф. Высылаемъ съ налож. плат. мануф. торг. Мелееникова. Банковская лин., № 2, С.ПБ.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМИЯ

въ Гогенгеймѣ. D. № 6470
Зимній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 16 октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМИИ
Гогенгеймъ, въ юль мѣс. 1893 г. Vossler.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—13

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Новая американская скоропишущая машина „ГАЛЛЬ“.

№ 6228 (4)
Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробные шрифты бесплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕНПЕЛЬ въ г. Одессѣ.
Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“

Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—16 велосипед. „Орелъ“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6449 28—5

L'URBAINE

ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ ВЫСОЧАЙШЕ ДОПУЩЕННОЕ въ дѣятельности въ Россіи 2-го Іюля 1889 года.

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО для Россіи, С.-Петербургъ, — 13, Невскій, 13. Особые доверительныя гарантіи для встрахъ въ Россіи.

Агентство во всѣхъ больш. г-рахъ Россіи.

- 1) Залогъ въ 500.000 р. вложенный въ Государств. Банку.
- 2) Специальный резервный фондъ, и
- 3) Специальный запасъ капиталъ, образовавшійся невприсвоенно въ Государств. Банку.

Нѣтъ дѣятельн. Общества установлен. особымъ фактическимъ правительственнымъ контролем. Вамъ участіе въ прибыляхъ Общества предоставляется встрахованнымъ събудущаго лѣтъ:

Если болѣе или менѣе случаи пріятныя встрахованію времени и вы неспособны въ трудъ, Общество беретъ на себя уплату премій, во все время болѣзни.

Въ случаѣ полнѣйшей неспособности въ трудъ въ теченіи 2—3 лѣтъ. Общество выдаетъ 1/2 встрахов. капиталъ самому встрахованному вдовцѣ, а послѣдующее 1/2 по наступленіи срока договора.

Р. № 6230 6—4

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кускомъ; Опонмада (лучше колдъ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи въ В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ.

СКРИПКИ
по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2 р., 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
Струны, канцоль и всё другія принадлежноти.
Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величинами для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ какъ и большія.

КОРНЕТЫ-А-ПИСОНЪ
хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ
хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“, находившіяся въ употребленіи у первыхъ артистовъ, по 85 и 120 руб.
Иллюстриров. прейсъ-курantz—бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарына.

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптеч. и космет. магазинах. Цѣна фла. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес. № 6260 (11)

Провизоръ Кинуненъ.
Проезжайте обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ЛЕШИНГЪ и ГЮЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. № 6326 В. ГЕНА въ Вѣнѣ 8-8

изъ грецкихъ орховъ. Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтло-каштановый цвѣт. Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ. Колокольная, 18.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ МАРКА.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЪ РОССІИ Складъ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.** (основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25-22 5982 Новый каталогъ 60 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе **А. Ф. МАРКСА**, въ СПб—гѣ:
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.
СОЧ. **Ө. К. АРНОЛЬДА.**
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВТОРОЕ пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе.
Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, изображающихъ лѣсистость — одна Россіи, по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ.
Первое изданіе этого тома разошлось въ очень короткое время, а между тѣмъ спросъ на него не уменьшается. Такой успѣхъ изданія слѣдуетъ конечно приписать своевременному появленію книги, подробно трактующей вопросы лѣсного хозяйства и лѣсоохраненія.
Въ этомъ томѣ подробно разъясняются новые законы о сохраненіи лѣсовъ и вызванныя ими административныя распоряженія. Статистическія свѣдѣнія замѣнены новѣйшими данными; усилено вниманіе читателей на санитарное значеніе лѣсовъ; помѣщены вышедшія до мая 1893 г. Циркулярныя предписанія г. Министра Государ. Имуществъ; новая правила для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства и для снабженія частныхъ лицъ древесными сѣменами и саженцами и проч., и проч., и проч.
Предварительно печатанія 2-го изданія, 1-й томъ „Русскаго Лѣса“ былъ тщательно пересмотрѣнъ. Пользуясь указаніями пяти-лѣтняго опыта примѣненія лѣсоохранительнаго закона, составители признали необходимымъ частью исключить все то, что пережило свою исторію и оказалось излишнимъ въ настоящее время, частью же дополнить новыми разъясненіями народившіеся новые вопросы, а прежніе освѣтить въ духѣ нынѣ утвердившихся взглядовъ.
Желая по возможности сдѣлать книгу доступною для каждаго, издатель нашелъ возможнымъ понизить цѣну ея съ 5 р. на 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к.
Также имѣются въ продажѣ 2-й и 3-й томы „Русскаго Лѣса“. Цѣна за всѣ три тома 14 р. съ пересылкой.
Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.
Основной и запасный капиталы 18.500.000 руб.

Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10.000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ немедленно послѣ смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 77 руб. 50 коп. и пользуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.

Страхованія принимаются на суммы отъ 1.000 до 100.000 руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ выдается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эпидемической болѣзни.

Дивидендъ страхователей за 1892 г.—12%.

Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ третьяго года страхованія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 6434 6-4

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE I.YS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (32)

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**
Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медаліи. № 6208 52-21
За 2 семиклѣбныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

„ЭКСИЖКАТОРЪ“
уничтожаетъ грибокъ; необходимо для каждой постройкы. Адресъ: Риттеръ, Варшава. Брошюры бесплатно. 4-3

ПРОДАЕТСЯ
ЕДИНСТВЕННАЯ ДЛЯ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ № 6464
столярно-паркетная паровая фабрика **Фридриха Михайловича Зетцеръ**, находящаяся въ г. Тифлисѣ.
Объ условіяхъ можно узнать въ гор. Эривани у повѣреннаго и уполномоченнаго фирмы, Начальника Кенакирской заставы, Леонида Леонидовича Парфентьева. 5-2

Фирма премирована на европейскіхъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.
(11) МИНДАЛЬНОЕ № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и приятная пѣна, впитывается въ кожу, придаетъ ей эластичность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговля алтекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известнѣхъ алтекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. —Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

О С Т Е Р Е Г А Т Ъ С Я П О Д Д Ѣ Л О К Ъ

П. № 6432 8-7

Велосипеды англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмгд.“ лучше въ свѣтѣ! предлагаетъ торговый домъ **Г. ЖЕМЪИЧКА и К^о.** Москва, Неглинный просп., домъ Екинной. Прейсъ-курantz—бесплатно.

НОВОСТЫ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЭ
Тиль-Топъ превосходно сдѣланъ изъ тюлевоваго кожанъ съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Тиль-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: оока раздвигаются какъ у гармошки, очень вѣстительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6439 6-6
3 разнѣе, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежкомъ. С. Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРКЪ** Невск. пр., № 20-31.

ШОКОЛАТЬ
Фабрики „Сестручки“
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГРАДАХЪ РОССІИ
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЪ ВЫБРАННѢЙШІЕ НАШЕИ МАРКИ.

XXIV г.

№ 31

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣсич. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“, и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 31 іюля 1893 г. Остат. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Сильный человекъ.

Романъ К. Орловскаго. (Продолженіе)

XV.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, ко мнѣ явился Вьюгинъ. Его необыкновенно растерянный видъ и блуждающіе, воспаленные глаза меня разсмѣшили, хотя самъ я вовсе не былъ въ смѣшливомъ настроеніи.

— Что это вы, Борисъ Павловичъ? спросилъ я, здороваясь.— Вы кого-нибудь только что убили или убить собираетесь... на васъ глядѣть страшно.

— Полно вамъ шутить, упавшимъ голосомъ возразилъ онъ.— Я пришелъ къ вамъ по очень серьезному дѣлу. Я только что принялъ рѣшеніе, которое, повѣрьте, мнѣ далось не легко.

Онъ тяжело опустился въ кресло и посмотрѣлъ на меня такъ грустно, что мнѣ его жалко стало. Спусти мигъ, онъ опять вскочилъ съ мѣста и принялся ходить по комнатѣ быстрыми, неровными шагами. Я смотрѣлъ на него молча, выжидая, что онъ скажетъ.

— Удивляюсь я вамъ, право, началъ онъ.— Вы не разъ мнѣ говорили про свою преданность Семену Андреевичу, а теперь кажетесь такимъ спокойнымъ. Вчерашняя исторія какъ будто не произвела на васъ никакого впечатлѣнія...

— Напрасно такъ думаете. Только волноваться тутъ нечего. Не стану же я слѣпо довѣрять словамъ этого негодяя Миши...

— Нечего волно-

ваться, говорите вы? Негодяй онъ, это безспорно, презрѣннѣйшій негодяй, но все-таки онъ ему сынъ, и не вѣрять ему нельзя, потому что, вѣдь, онъ долженъ знать всю правду, и не станетъ, вѣдь, сынъ клеветать на отца. Какъ хотите, это невозможно...

— Почему невозможно? попробовалъ я его успокоить.— Коли онъ рѣшился очернить родного отца изъ-за какихъ-то денежныхъ счетовъ публично, отчего не допустить, что онъ его просто оклеветалъ. Одно другого не лучше...

— Нѣтъ, нѣтъ, покачалъ головой Вьюгинъ.— Этого

быть не можетъ... Я самъ такъ думалъ сперва, хотѣлъ увѣрить себя, что на слова этого мальчишки обращать вниманія не стоитъ... Я всю ночь промучился надъ этимъ, потому что мнѣ, вѣдь, больно, несказанно больно разрывать съ человекомъ, котораго съ молодыхъ лѣтъ я привыкъ уважать высоко. Но нѣтъ... чѣмъ больше я думалъ, чѣмъ больше силился отогнать подозрѣнія, тѣмъ яснѣе я сознавалъ, что прежняго довѣрія уже ничѣмъ не возстановить... Ахъ, вы не можете понять, что значитъ для меня убѣдиться въ нечестности Семена Андреевича... вы не знаете, чѣмъ онъ былъ для меня. Я былъ обласканъ имъ, когда, почти еще мальчикомъ, пріѣхалъ сюда послѣ университета. Родителей моихъ

Николай Ивановичъ Новиковъ (по поводу 75-ти-лѣтія со дня кончины). По снимку съ портр. Боровиковскаго, грав. Шюблеръ.

даже нѣтъ на свѣтѣ, друзей у меня здѣсь тоже не было, а Семень Андреевичъ меня принялъ, какъ родного. Отчего я ему такъ полюбился, не знаю, право, только этотъ суровый, расцѣтливый человѣкъ мнѣ выказалъ столько доброты, столько участія... О, вы не знаете, какой онъ добрый... умнымъ всё его признають, но сколько въ немъ сердца, какимъ онъ можетъ быть мягкимъ, снисходительнымъ, гуманнымъ, это я знаю одинъ. Сколько разъ черезъ мои руки проходили деньги, которыя онъ мнѣ тайкомъ поручалъ раздавать. Съ какой готовностью этотъ черствый съ виду человѣкъ всегда выслушиваетъ каждаго, у кого есть до него просьба, какъ старательно онъ умѣетъ вникать въ чужую нужду, понимать горе совершенно постороннихъ ему людей. Помимо его блестящей дѣятельности, которая на виду у всѣхъ, сколько пользы, настоящей, разумной пользы онъ принесъ разному мелкому люду, съ такимъ вниманіемъ, съ такою сердечностью входя въ положеніе каждаго. А многіе, даже изъ числа его друзей, даже Надеждинъ вотъ, увѣрены, что онъ ничего не дѣлаетъ безъ расчета. О, неправда, неправда! Вотъ хоть я, напримѣръ, чѣмъ могъ я быть ему полезенъ? Я, вѣдь, вы знаете, не богатъ, я былъ совершенно неопытенъ, когда пріѣхалъ сюда, но зато, какъ у всякаго молодого человѣка, много у меня было разныхъ смутныхъ мечтаній, стремленій, не знающихъ себѣ опредѣленной цѣли, и онъ сдѣлалъ для меня то, что рѣдко отецъ сдѣлаетъ для родного сына. Онъ приучилъ меня работать, направилъ меня къ опредѣленной дѣятельности, словомъ, далъ моей жизни содержаніе и цѣль.

Я невольно улыбнулся, и онъ это замѣтилъ.

— О, вы не думайте, чтобы дѣло шло о моемъ чувствѣ, про которое я вамъ говорилъ здѣсь намедни... Конечно, моя привязанность къ нему тѣмъ сильнѣе, что я полюбилъ его дочь. Но, помимо этого, я связанъ съ нимъ безкорыстной преданностью человѣка, который ему обязанъ тѣмъ, что нашелъ себѣ ясный и твердый путь. И теперь я долженъ сказать себѣ, что этотъ самый Конотоповъ, что это великое, богатое сердце все-таки не что иное, какъ обманщикъ и воръ, что совѣсть не позволяетъ идти съ нимъ заодно, что надо сейчасъ же, сегодня, передъ всѣми стать на сторону его враговъ и заодно съ ними обличить его... О, это ужасно, ужасно... И все-таки я рѣшился, рѣшился тѣмъ полнѣе, что мнѣ-то именно, поймите это, мнѣ всего болѣе нельзя не порвать съ нимъ открыто нашихъ отношеній, нельзя какъ разъ оттого, что у меня столько причинъ быть ему лично благодарнымъ. Не могу же я пожертвовать общимъ дѣломъ, стать лжецомъ, прикрывать хотя бы своимъ молчаніемъ его продѣлки изъ-за того, что ко мнѣ онъ всегда былъ добръ и привѣтливъ, изъ-за того, наконецъ, что я люблю его дочь... И я сдѣлаю это, какъ бы оно ни тяжело.

Вьюгинъ, какъ бы утомленный, бросился въ кресло и закрылъ лицо обѣими руками.

— Но послушайте, Борисъ Павловичъ, сказалъ я, — вѣдь другіе, Надеждинъ, напримѣръ, и я тоже не менѣе васъ убѣждены въ виновности Семена Андреевича — Надеждинъ, кажется, не сомнѣвался въ ней давно — и все-таки мы останемся на его сторонѣ, потому что въ нашихъ глазахъ польза, которую онъ приноситъ, все-таки искупаютъ нѣкоторую его... ну, скажу прямо... нечестность, коли хотите... А мы, Надеждинъ да я, кривить душою тоже не любимъ. Такъ зачѣмъ же вамъ...

Пока я говорилъ, Вьюгинъ все внимательнѣе, все пристальнѣе устремлялъ на меня свои заблестѣвшіе глаза, и на послѣднемъ словѣ онъ вдругъ оборвалъ меня, оборвалъ страстнымъ, зазвенѣвшимъ голосомъ...

— Вы не любите кривить душою и все-таки рѣшаетесь подать голосъ за человѣка, котораго считаете мошенникомъ? Такъ ли я васъ понялъ? И вы хотите

оправдать себя тѣмъ, что человѣкъ этотъ все-таки можетъ быть полезенъ?... Нѣтъ, какъ хотите, это сдѣлака съ совѣстью, это ложь передъ собою и передъ обществомъ... потому что вы не имѣете права взвѣшивать на какихъ-то вѣсахъ пользу и вредъ, какіе можетъ принести нечестный, хоть и способный человѣкъ... слышите, не имѣете права...

Онъ застучалъ кулакомъ по столу.

— Всякій, кто закрываетъ глаза передъ зломъ, становится его пособникомъ, я, по крайней мѣрѣ, не сдѣлаю этого ни за что, не сдѣлаю какъ разъ потому, что мнѣ такъ хотѣлось бы это сдѣлать...

Долго еще онъ говорилъ на эту тему. Я слушалъ, молча, не находя, что возразить. Я не раздѣлялъ увлеченія Вьюгина, его страстной жажды самопожертвованія, и все-таки невольно съ нимъ соглашался.

— И вотъ, закончилъ Борисъ Павловичъ, — я зашелъ къ вамъ сегодня потому, что рассчитываю на васъ. Вы, вы одни можете объяснить Конотопову и, въ особенности... онъ понизилъ голосъ, — и, въ особенности, Аннѣ Семеновнѣ причину того, что, быть-можетъ, покажется имъ измѣной съ моей стороны. О, она пойметъ, не безпокойтесь!

Вьюгинъ примѣтилъ, должно-быть, удивленное выраженіе на моемъ лицѣ.

— Согласитесь, возразилъ я, — что это не особенно удобное порученіе...

— Знаю, знаю, очень даже неудобное... Но, поймите, что мнѣ самому этого, вѣдь, никакъ, никакъ нельзя сдѣлать, да едва ли мнѣ и удастся ее увидѣть сегодня... Любовь Петровна, вы знаете, ко мнѣ не благоволитъ, и все послѣднее время я рѣдко имѣлъ случай бывать у Конотопова, а мнѣ все-таки хотѣлось бы, чтобы она узнала и поняла все, прежде чѣмъ я вынужденъ буду сдѣлать рѣшительный, непоправимый шагъ. И вы согласитесь, не правда ли, милый, голубчикъ Николай Филипповичъ, согласитесь, да?

Какъ разъ въ эту минуту мнѣ подали записку. Я пробѣжалъ ее, а Вьюгинъ, не сводя съ меня глазъ, стоялъ передо мной въ нетерпѣливомъ ожиданіи моего отвѣта.

Записка была отъ Ани. „Мнѣ непременно, непременно надо васъ видѣть сегодня“, писала она, „сегодня, до собранія. Я останусь все утро дома и буду васъ ждать“.

— Хорошо, сказалъ я, пряча записку въ карманъ, — я согласенъ, хотя, предупреждаю васъ, дипломатъ я, кажется, плохой. Случай вамъ благопріятствуетъ: Анна Семеновна меня проситъ, какъ разъ, зайти сегодня утромъ... вѣроятно, она уже знаетъ, что произошло вчера.

Здѣсь мнѣ надо повиниться въ несовѣмъ хорошемъ чувствѣ. Какъ ни тронуть я былъ искренностью Вьюгина, что-то почти насмѣшливое и въ то же время торжествующее зашевелилось во мнѣ, когда я проговорилъ это. „Бѣдный, подумалъ я, пожалуй, ему и не особенно многимъ приходится жертвовать, вѣдь, все равно, онъ напрасно мечтаетъ насчетъ расположенія къ нему Анны Семеновны; впрочемъ, съ мечтами не легче разставаться, чѣмъ съ дѣйствительностью“.

На лицѣ Вьюгина я, однако, не прочелъ никакого смущенія. Ревность въ немъ даже не зашевелилась, сильна, должно-быть, была у него вѣра въ молодую дѣвушку.

— Ну, вотъ видите, сказалъ онъ, хватаясь за шляпу, — какъ это кстати. И какъ я узнаю ее въ этомъ; слышала, должно-быть, отъ брата — этотъ негодяй, чего добраго, похвастался даже своимъ поступкомъ — и тотчасъ обратилась къ вамъ. Да и къ кому ей было обратиться... она всегда, вѣдь, такъ, прямо къ цѣли, не задумываясь... Ну, такъ вы скажете, объясните, не правда-ли?

Онъ долго пожималъ мнѣ руки, смотря мнѣ въ лицо своими честными, прямыми глазами и, повидимому, совершенно убѣжденный, что я съ полнымъ безкорыстіемъ, безъ задней мысли, заступлюсь за него передъ Аней. И схватившись ужъ за ручку двери, онъ опять вернулся ко мнѣ и еще разъ повторилъ свою просьбу.

Не прошло и получаса, какъ я звонилъ у крыльца Конопотовскаго дома. По усердному и въ то же время какъ бы таинственному выраженію на лицахъ прислуги, я могъ замѣтить, что на мой счетъ даны были особенныя приказанія. Меня тотчасъ провели въ гостиную безъ доклада. Я засталъ Аню одну. Она сидѣла въ углу, вся уткнувшись въ глубокое кресло. При моемъ появленіи она медленно приподнялась и сдѣлала нѣскольکو шаговъ мнѣ навстрѣчу. Я былъ пораженъ сушью блескомъ ея глазъ и мертвенною блѣдностью ея лица. Что-то строгое, я почти бы сказалъ, неумолимо-строгое читалось на этомъ лицѣ, что-то говорившее о глубокомъ непоправимомъ горѣ или о полномъ, безвозвратномъ самоотреченіи. Ея молодыя черты сильно удлинились и закаменѣли. Такими кажутся иногда лица монахинь, или, пожалуй, тѣхъ женщинъ, которые уже много, очень много перенесли въ жизни и на будущее смотреть съ безучастною покорностью. Она едва коснулася моей руки своими холодными пальчиками и тотчасъ снова ушла на прежнее мѣсто.

— Садитесь, проговорила она беззвучно, едва шевеля губами.—Мнѣ надо узнать отъ васъ всю правду насчетъ того, что было вчера. Надѣюсь, вы отъ меня не скроете ничего.

Она точно допрашивала меня, какъ подсудимаго. Ея неподвижные глаза испытывали меня съ какимъ-то страннымъ недоумѣніемъ.

— Я не имѣю повода скрывать отъ васъ что-либо, было моимъ отвѣтомъ.—Я даже очень радъ, что могу сказать про все это именно вамъ. Говорить съ Семеновъ Андреевичемъ было бы мнѣ, признаюсь, тяжело... пусть онъ лучше узнаетъ черезъ васъ...

Она, молча, наклонила голову, скрестивъ руки на колѣняхъ.

— Скажите мнѣ только, продолжалъ я,—надо-ли мнѣ зайти сперва къ Любви Петровнѣ... вашей матери можетъ, пожалуй, показаться страннымъ...

— О, не беспокойтесь, перебила она меня живо и какъ будто чуть-чуть насмѣшливо.—Намъ здѣсь не помѣшаютъ. Отца нѣтъ дома, а матери... нездоровится.

Послѣднія слова она произнесла какъ-то неохотно, запинаясь.

— Братъ мнѣ сказалъ все. Вы про это догадались, конечно, изъ моей записки. Его вы тоже не увидите. Онъ уѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ.

Голосъ ея опять сталъ беззвучнымъ, и неподвижная строгость снова легла на ея смуглое личико.

— Вамъ, можетъ-быть, страннымъ покажется, съ видимымъ усиленіемъ продолжала она,—что я до сихъ поръ про это не знала. Но это именно такъ... и даже сегодня утромъ братъ сказалъ мнѣ про вчерашнее лишь случайно, прощаясь со мной предъ отъѣздомъ. Это было его отвѣтомъ, гнѣвнымъ, запальчивымъ отвѣтомъ на мои упреки за его поведеніе. Вы, я думаю, убѣдились, что братъ не останавливается ни передъ чѣмъ... ему даже какое-то удовольствіе, кажется, доставило сказать мнѣ объ этомъ. Вы можете себѣ представить, каково мнѣ было услышать отъ него такіа вещи.

Она не переставала говорить все тѣмъ же чуть слышнымъ, будто застывшимъ голосомъ. Но вдругъ при послѣднемъ словѣ глаза ея сверкнули, и почти гнѣвно она перебила себя:

— Да что же вы молчите?! Вы видите, какъ тяжело мнѣ, какъ ужасно тяжело рассказывать вамъ все это, а вы, молча, сидите передо мной съ какимъ-то несноснымъ соболѣзнованіемъ на лицѣ, точно вы наслаж-

даетесь моими мученіями. Теперь не время укрываться приличіями. Случай насъ сблизилъ, и хотя вы для меня совершенно чужой человѣкъ... у меня никого нѣтъ здѣсь, къ кому бы я могла обратиться, и я вынуждена была написать именно вамъ... Такъ не мучьте меня, говорите, говорите скорѣй!!

Я былъ до того озадаченъ этой неожиданной вспышкой, что слова не шли мнѣ на языкъ.

— Что же вы, собственно, хотите отъ меня узнать, Анна Семеновна? нашелся я только сказать.

— Да все, все, и прежде всего ваше собственное впечатлѣніе... Поймите, что я не могу и, главное, не хочу такъ сразу повѣрить словамъ брата, потому что онъ въ состояніи похвастаться своимъ поступкомъ передо мною, какъ тамъ онъ похвастался клеветой на отца. Вы, можетъ-быть, не знаете, что значить любить, какъ я любила отца. Любить, для меня, по крайней мѣрѣ, и вѣрить безгранично—одно и то же... И вдругъ узнать отъ родного брата, что отецъ, который былъ для меня всеѣмъ, въ которомъ я видѣла не отца только, а великій умъ и великое сердце, что отецъ... О, это ужасно!

Она ломала себѣ руки, говоря это. На щекахъ ея горѣлъ теперь страстный румянецъ, и воспаленные зрачки расширились, какъ послѣ изнурительной болѣзни.

— Расскажите мнѣ все по порядку... Вѣдь, вы не отъ одного брата про это, конечно, слышали... Если онъ говоритъ правду, давно ходятъ, разумеется, слухи. До меня они только не дошли до сихъ поръ.

Положеніе мое было не изъ легкихъ. Отправляясь на зовъ молодой дѣвушки, я предавался, чего грѣха таить, сладкимъ, хоть и неопредѣленнымъ мечтамъ о какомъ-то сближеніи, къ которому приведетъ наша встрѣча. И вотъ мнѣ приходилось играть неблагодарную роль обличителя ея отца, если я не хотѣлъ просто солгать. Иного выбора не было, да и самая ложь ни къ чему послужить не могла. Истина все-таки должна была открыться. Признаюсь, внутренно я начиналъ проклинать судьбу, впутавшую меня въ эту исторію и такъ неожиданно измѣнившую мою пріятную роль зрѣлаго обожателя хорошенькой и оригинальной дѣвочки.

Нечего было дѣлать: я смирился передъ необходимостью и передалъ Апѣ, передалъ, конечно, бережно, какъ можно болѣе щадя ея привязанность къ отцу, все, что случилось на вечерѣ у Туурсова. Про собственное мнѣніе я благоразумно умолчалъ, надѣясь, по крайней мѣрѣ, избѣгнуть неприятной обязанности его высказать. Но и тутъ я ошибся въ расчетъ.

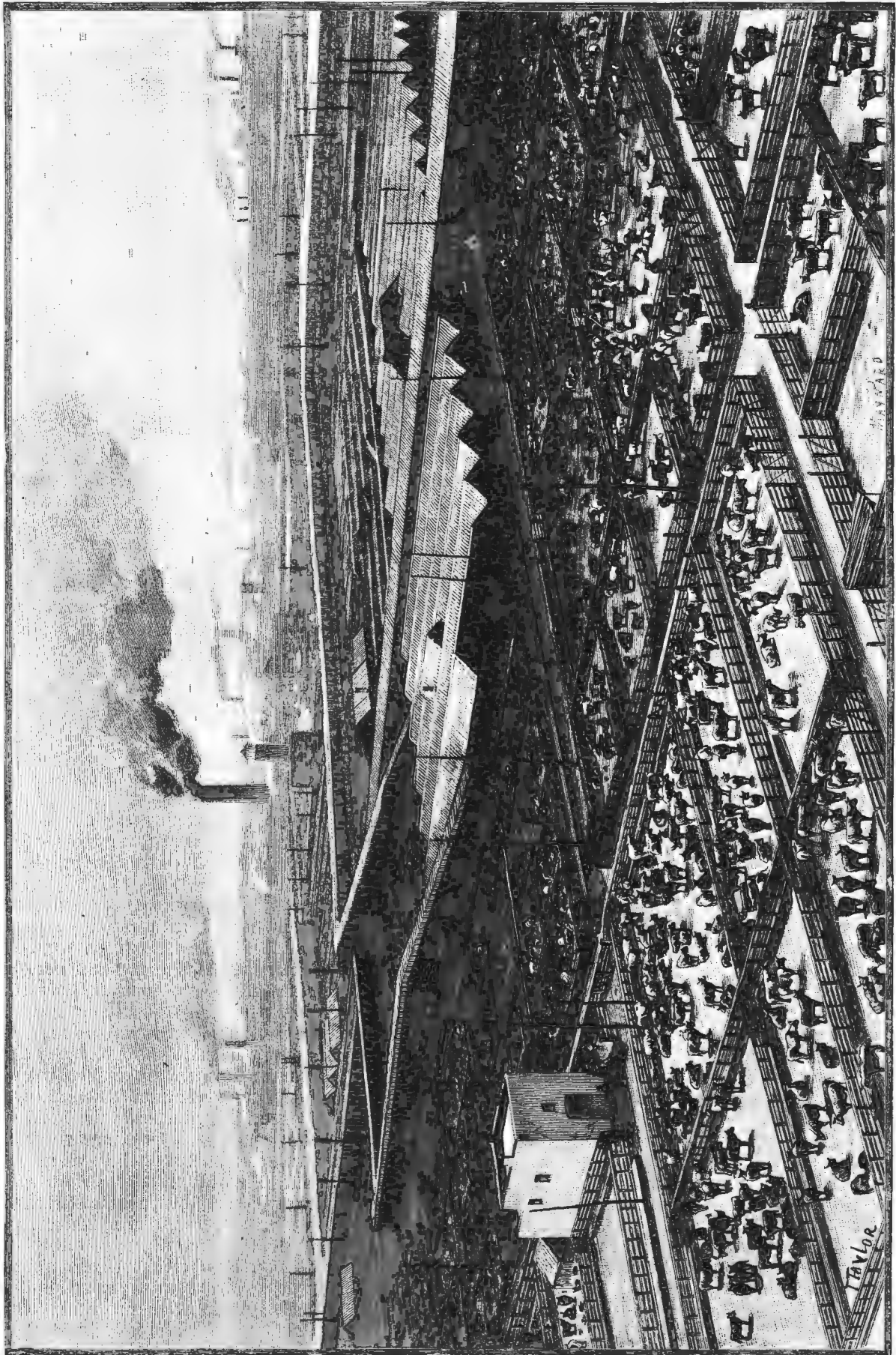
— Хорошо, сказала она, выслушавъ меня съ поразительнымъ самообладаніемъ—она ни разу даже меня не прервала.—Я вижу, что братъ, по крайней мѣрѣ, ничего не преувеличилъ насчетъ разыгранной имъ роли. Но главное, главнаго вы мнѣ все-таки не сказали. Я хочу знать, справедливы-ли всѣ эти ужасныя обвиненія, и въ вашихъ глазахъ виноватъ-ли, въ самомъ дѣлѣ... Семенъ Андреевичъ?

Слово „отецъ“ на этотъ разъ остановилось на ея губахъ, и пришлось его замѣнить другимъ.

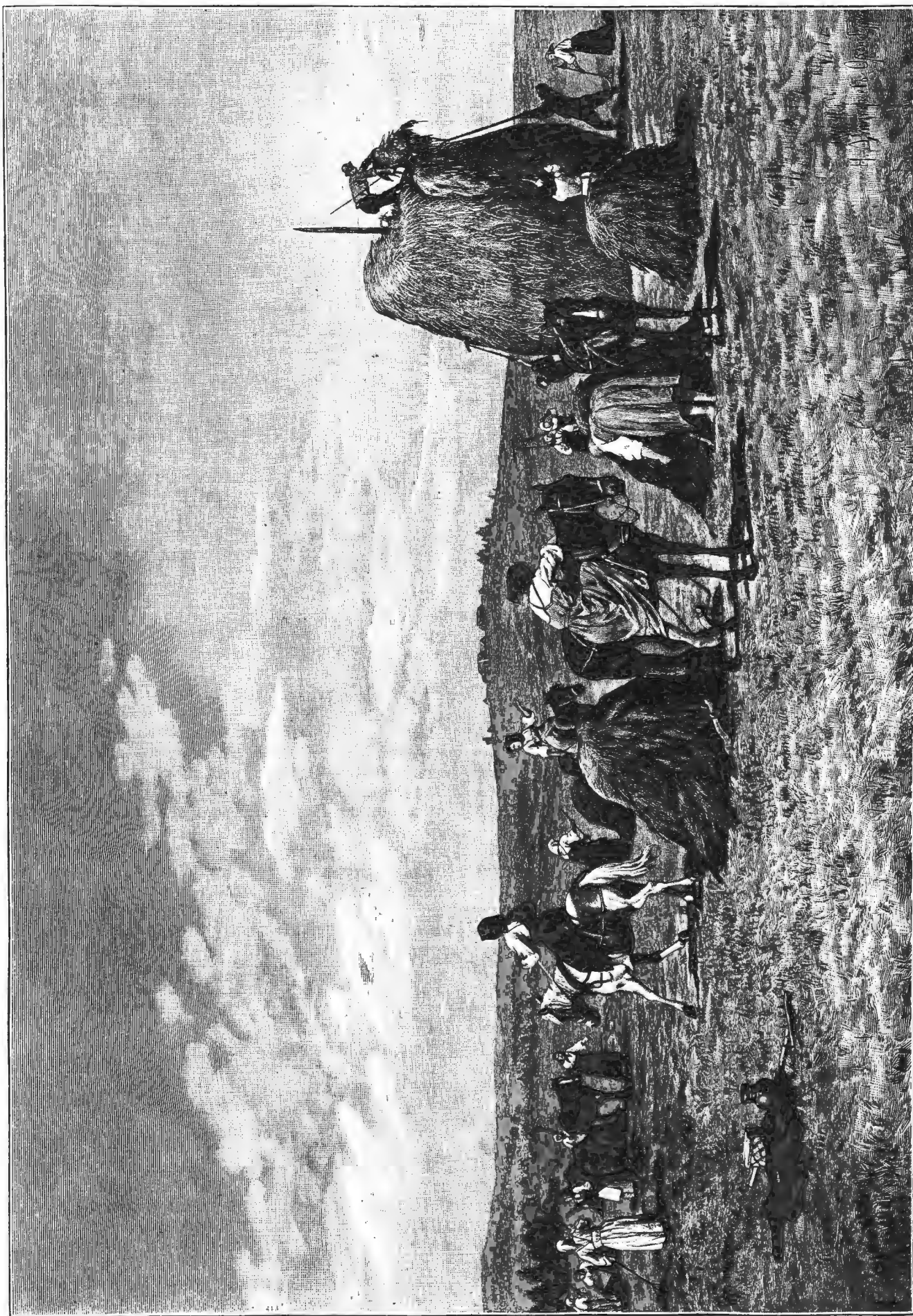
— Вы должны мнѣ отвѣтить прямо, безъ поговорокъ, настаивала она, почувствовавъ, должно-быть, что я колеблюсь.—Я этого требую отъ васъ, имѣю право этого требовать.

Она такъ и впиалась въ меня своими загорѣвшимися глазами. Я ощущалъ на себѣ ея пламенный взглядъ, хоть и не рѣшался поднять на нее глаза. Еще одинъ мигъ длилось мое колебаніе, но медлить отвѣтомъ было невозможно.

— Я могу только передать вамъ общее впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что словамъ вашего брата повѣрили... Впрочемъ, поспѣшилъ я прибавить, замѣтивъ, какъ она

Скотопригонный паркъ при центральныхъ бойняхъ въ Чикаго. Рис. Тэйлоръ, грав. Мейнаръ

Съюность. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. Дмитриева-Оренбургского, грав. Шюблеръ

вдругъ измѣнилась въ лицѣ, какъ словно мрачная тѣнь легла на это лицо.—Тамъ были почти исключительно люди, и безъ того враждебно расположенные къ Семену Андреевичу, люди, склонные вѣрить всему нехорошему на его счетъ.

— Стало-быть, перебила она рѣзко и отчетливо,— эти слухи ходили уже давно, и вы про нихъ знали... не знала про нихъ только я... Такъ говорите же, говорите, продолжала она еще громче, еще страстнѣе прежняго.—Я хочу знать ваше личное мнѣніе, вы, по крайней мѣрѣ, не врагъ моему отцу, вы мнѣ это говорили не разъ... для меня важно именно ваше мнѣніе, какъ честнаго человѣка... да, тамъ были и другіе, кого я врагами отца считать не могу, тамъ были Надеждинъ и Борисъ Павловичъ?

Въ ея словахъ мнѣ какъ будто послышалась горькая, ироническая нота.

— Мы были возмущены, глубоко возмущены, конечно, поспѣшилъ я отвѣтить.

— Возмущены, да? И все-таки повѣрили? Я по вашему лицу вижу, что повѣрили, по вашимъ уклончивымъ отвѣтамъ... Вѣдь, не рѣшаетесь же вы мнѣ прямо сказать, что это неправда!

— Анна Семеновна! воскликнулъ я,—чего вы отъ меня требуете? Не могу же я проникнуть въ чужую душу и лучше всѣхъ здѣшнихъ, лучше васъ самихъ знать настоящую истину.

— О, не лгите, не лгите, со слезами въ глазахъ отвѣтила она упавшимъ, но все еще взволнованнымъ голосомъ.— Не старайтесь такъ малодушно скрывать то, чтò, помимо вашей воли, ясно сквозитъ въ вашихъ словахъ. Ну, коли вы боитесь прямо высказаться за себя, такъ, по крайней мѣрѣ, говорите за прочихъ, хотя бы за Вьюгина, который тоже былъ тамъ... Вы знаете, конечно, повѣрилъ-ли онъ тоже...

Тутъ только я вспомнилъ про порученіе Вьюгина, которое, признаюсь, совсѣмъ было выпало изъ моей памяти. Я почти обрадовался случаю укрыться за это порученіе.

— Вьюгинъ былъ у меня сегодня утромъ, и онъ просилъ даже меня передать вамъ...

— Просилъ передать! Да что-жъ вы объ этомъ не говорили до сихъ поръ?

И тревожная краска опять залила лицо молодой дѣвушки.

— Борисъ Павловичъ меня просилъ увѣдомить васъ, сказалъ я,— что, несмотря на всю свою преданность Семену Андреевичу, онъ вынужденъ теперь измѣнить свои отношенія къ вашему батюшкѣ. Онъ надѣется, что вы поймете мотивы этой перемѣны въ его взглядахъ и не перетолкуете ихъ въ дурную сторону. Онъ былъ страшно взволнованъ, когда говорилъ мнѣ про это, и согласитесь, что мнѣ тоже не легко вамъ это передавать...

Признаюсь, я былъ не совсѣмъ искрененъ въ эту минуту, и сообщать Анѣ про измѣну Вьюгина мнѣ доставляло даже какое-то нехорошее, тайное наслажденіе. И прослушала она меня въ глубокомъ, страшномъ молчаніи. Когда я кончилъ, и то ужъ мигъ спустя, она возразила только дрожащимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Да, это для васъ не легко... я вижу. Стало-быть, Вьюгинъ тоже... и вы приберегли это извѣстіе къ самому концу... Спасибо вамъ, спасибо.

Мое положеніе становилось до того неловкимъ, до того тяжелымъ, что я теперь искалъ лишь предлога, какъ-нибудь покончить съ этимъ страшнымъ, мучительнымъ объясненіемъ. Предлога не нашлось, но случай меня все-таки вывелъ изъ затрудненія. Въ сосѣдней комнатѣ послышались медленные шаги. Аня встрепенулась, испуганно повернула голову и увидѣла отца, остановившагося въ дверяхъ. Она страшно поблѣднѣла

и, вся задрожавъ, съ трудомъ поднялась съ мѣста. Отецъ и дочь не видались еще въ это утро. Лико Семена Андреевича было необыкновенно мрачно, но, замѣтивъ меня, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и придалъ своему голосу намѣренно-равнодушный оттѣнокъ.

— А, Николай Филипповичъ, сказалъ онъ, подходя и здороваясь.— Не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить. Здравствуй, Аня, обратился онъ къ дочери и поцѣловалъ ее въ лобъ, который та ему подставила почти безсознательно.—Какъ ты блѣдна сегодня! Ты здорова, надѣюсь?..

Она не отвѣтила и, вздрогнувъ, какъ бы отъ озноба, отодвинулась назадъ, испуганно глядя на отца. Мы всѣ трое промолчали нѣсколько секундъ, и глубокіе, умные глаза Семена Андреевича внимательно обводили насъ обоихъ, будто проникая въ самыя затѣнные наши мысли. Странное дѣло, онъ не повторилъ своего вопроса дочери и не сталъ меня спрашивать о вчерашнемъ вечерѣ. Я какъ-то сразу почувствовалъ, что ему все уже извѣстно.

— Миша уѣхалъ, вы знаете? сказала Аня, какъ-то пытливо всматриваясь въ отца.

Мнѣ показалось, что какая-то борьба происходила въ ней, борьба между сомнѣніемъ и любовью...

— Знаю, не успѣлъ только съ нимъ проститься. Пришлось выѣхать очень рано, совершенно спокойно произнесъ Семенъ Андреевичъ.

Опять наступило молчаніе. Аня стояла передъ отцомъ, не сводя съ него глазъ.

— Папа, начала она вдругъ необыкновенно низкимъ и въ то же время мягкимъ голосомъ,— папа, скажите мнѣ... я хочу знать отъ васъ, потому что я только одному вамъ и вѣрю,— правда-ли, можетъ-ли быть правдой, чтò я сейчасъ слышала вотъ отъ Николая Филипповича.

Голосъ ея вдругъ оборвался, и какъ-то еще пристальнѣе, еще пытливѣе глаза ея глянули въ лицо Семена Андреевича.

— Что же ты слышала такого? Чтò вы ей сказали, Николай Филипповичъ? Удивительно спокойно прозвучали эти слова, какъ слова человѣка, не допускающаго сомнѣнія въ себѣ и настолько увѣреннаго въ своемъ превосходствѣ надъ прочими, что ничто не можетъ поколебать его душевнаго равновѣсія. Была-ли это тонкая игра умѣлаго актера, или какое-то своеобразное убѣжденіе въ собственной правотѣ, не признающее принятаго мѣрила, я не берусь рѣшить. Но впечатлѣніе, произведенное этимъ спокойствіемъ на Аню, было поразительное.

— Нѣтъ, нѣтъ, почти закричала она, бросившись къ отцу и склоняя къ нему голову на грудь.—Это все неправда, неправда. Всѣ они лгутъ, всѣ...

Всхлипыванья прервали ея слова, и она спрятала на груди отца свое мокрое лицо.

— Аня, успокойся! Что это, нервный припадокъ? На тебя это такъ непохоже...

Она обняла его страстно, порывисто, и, не сказавъ болѣе ни слова, вырвалась изъ его рукъ и бросилась вонъ изъ комнаты. Семенъ Андреевичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, потомъ повернувшись ко мнѣ, повторилъ свой вопросъ.

— Что вы ей сказали такого, Николай Филипповичъ?

Мое положеніе было незавидное. „Нечего дѣлать“, подумалъ я, и опять укрылся за Вьюгина, снова воспользовавшись его порученіемъ, чтобы какъ-нибудь выпутаться изъ бѣды. Старательно подбирая выраженія, я признался Конотопову, что Вьюгинъ почему-то измѣнилъ свой прежній образъ мыслей и рѣшился отступить отъ партіи, къ которой принадлежалъ до сихъ поръ. Я, конечно, не пощадилъ при этомъ Бориса Павловича, хоть и было у меня, чего грѣха таить, немножко гадко на душѣ въ эту минуту. Семенъ Андрее-

вичь меня выслушалъ строго, но, повидимому, совершенно равнодушно.

— Что-жь, очень жаль, проговорилъ онъ,—но нечего дѣлать. Кому угодно отъ меня уходить въ другой лагерь,—милости просимъ. На очень молодыхъ людей, вообще, плоха надежда... А теперь, извините, я долженъ съ вами распрощаться.... Пора въ собраніе. Кстати, остановился онъ въ дверяхъ, пожавъ мою руку довольно холодно, какъ мнѣ почудилось,—вы у меня обѣдаете сегодня, помните? Или вы тоже, можетъ-быть, раздумали?

Я совершенно забылъ, что въ этотъ самый день былъ назначенъ у Семена Андреевича большой политическій обѣдъ, и при мысли о томъ, какъ обойдется это празднество при теперешнемъ настроеніи, морозъ у меня пробѣжалъ по тѣлу. „Ну, да моя хата съ краю“, успокоился я, и вслѣдъ за Семеномъ Андреевичемъ поспѣшилъ въ собраніе.

XVI.

Собраніе открылось при очень тревожномъ настроеніи. Семенъ Андреевичъ долго не занималъ председательскаго мѣста, и страстямъ, или, вѣрнѣе, страстишкамъ, подогрѣтымъ различными сплетнями, было дано полное время бродить. А бродятъ онѣ, чѣмъ дольше, тѣмъ, извѣстное дѣло, сильнѣе. Я скоро убѣдился, что пересуды и розсказни о вчерашнемъ вечерѣ успѣли принести невѣроятныя, фантастическіе размѣры. Воображеніе почтенныхъ дворянъ, а еще болѣе страхъ, совсѣмъ теперь закусили удила.

— Слышалъ? подошелъ ко мнѣ Бурдасовъ, хватая меня за фалды сюртука. — Видъ у него въ это утро былъ необыкновенно взерошенный, точно самые волосы у него на головѣ заволновались. — Семенъ Андреевичъ, говорятъ, слопалъ не только цѣлыхъ двѣсти тысячъ, которыя ему отечиталъ Литовскій, но и всѣ банковскія деньги. Крахъ полнѣйшій... Это чортъ знаетъ что такое... и вкладчикамъ едва-ли по гривеннику съ рубля получить...

Мнѣ хотѣлось отвѣтить, что ему-то нечего про это беспокоиться, такъ какъ у него едва-ли и копѣйка найдется своя въ банкѣ. Но я только повелъ плечами, и отошелъ прочь, отыскивая Надеждина.

— Плохо, мой милѣйшій, съ своей неизмѣнной саркастической улыбкой сказалъ мнѣ Викторъ Александровичъ,—совсѣмъ даже плохо... Теперь и Семену Андреевичу ничего не придумать, развѣ онъ опять выкинетъ штуку и всѣхъ поразитъ какимъ-нибудь щедрымъ жертвоприношеніемъ на общую пользу... только едва-ли, источникъ, кажется, изсякъ. Я поговорилъ съ Самуиломъ Моисеевичемъ: онъ отъ Конотопова отрещивается, даромъ, что жидъ... И вотъ вамъ признакъ наивѣрнѣйшій. Вѣдъ, отчего вся эта катавасія произошла? Оттого, что Семенъ Андреевичъ сынку въ подачкѣ напрямикъ отказалъ. А какъ вы думаете, сдѣлалъ-ли бы онъ это, кабы имѣлись у него на-лицо карбованцы?..

Въ эту минуту раздался председательскій звонокъ. Господа дворяне, высыпавъ въ залу, шумно заняли мѣста. Мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ Слуцкимъ—мы были съ нимъ одного уѣзда. Онъ старался придать себѣ равнодушный и въ то же время какъ бы скромный видъ, но въ блескѣ его зрачковъ, иногда вспыхивавшихъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, и въ невольномъ движеніи руки, которой онъ, то и дѣло, принимался крутить свой правый усъ, было какое-то затаенное торжество. Въ галлерей публики собралось очень много, видно, по городу успѣли уже разойтись слухи, и наше скучающее общество жадно столпилось въ ожиданіи крупнаго скандала. Я отыскалъ глазами мѣсто, гдѣ, обыкновенно, сидѣли Конотоповы. Аня была тутъ, рядомъ съ матерью. Нездоровье, должно-быть, не помѣшало Любови Петровнѣ пріѣхать. Лицо ея было

блѣднѣе обыкновеннаго, и крѣпко стиснутыя губы словно замкнулись, чтобы не дать выразиться на ея чертахъ никакому опредѣленному чувству. Она сидѣла, вся выпрямившись, гордая и въ то же время какъ бы безучастная, точно все происходившее здѣсь не касалось ея нисколько. До того она застыла въ неподвижности, что ее, пожалуй, можно было бы принять за статую богини мести. Зато личико Ани выдавало и тревогу, и боязнь, и надежду, и глаза ея, устремленные на отца, опять говорили, какъ прежде, про горячую, безпредѣльную любовь. И какъ зажглись они вдругъ, когда, въ самомъ началѣ засѣданія, изъ-за какого-то пустого случая, нѣкоторые изъ самыхъ видныхъ членовъ оппозиціи, сперва Шмыгаевъ, а потомъ и Слуцкій, попробовали, было, произвести нападеніе на Семена Андреевича, и онъ смаялъ ихъ разомъ однимъ ловкимъ, насмѣшливымъ словомъ, вызвавшимъ одобрителный хохотъ. Аня какъ бы вся торжествовала эту побѣду отца, увѣренная, должно-быть, что болѣе теперь уже нечего. И въ самомъ дѣлѣ, Конотоповъ на своемъ председательскомъ мѣстѣ казался такимъ же полновластнымъ вождемъ послушной толпы, какимъ я видѣлъ его въ первый разъ на земскомъ собраніи. Но побѣда эта уже была послѣдняя...

Началось среди полного невниманія чтеніе безконечнаго доклада о злоупотребленіяхъ въ одной изъ дворянскихъ опекъ. Никто не предвидѣлъ, что изъ-за этого сыр-боръ загорится. Растрата была неособенно крупная. Докладчикъ читалъ вялымъ, деревяннымъ голосомъ, и равнодушная скука, повидимому, царила въ собраніи. Но вотъ, когда докладъ закончился предложеніемъ отдать подъ судъ секретаря опеки, гдѣ произошла растрата, и, казалось, сомнѣнія быть не могло, что принято оно будетъ единогласно, поднялся съ своего мѣста Турусовъ, и тонкимъ, ехиднымъ голосомъ произнесъ:

— Господа, не торопитесь произносить свой приговоръ. Дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется. Легко могла бы повториться ошибка, которую мы допустили три года тому назадъ, когда рѣшили предать суду секретаря губернской земской управы Гуричева. Тогда, какъ сегодня, всѣ улики были, повидимому, налицо, а мы все-таки обвинили тогда безвиннаго.

Собраніе какъ-то разомъ встрепенулось. Всѣ поняли, что сказано это было не спроста, и поднятъ вопросъ самаго щекотливаго свойства. Беспорядочный говоръ пошелъ по дремавшему до сихъ поръ собранію, какъ вѣтеръ иной разъ нивѣсть откуда поднимается среди лѣтняго затишья.

— Да, да, это правда, напрасно обвинили Гуричева, поддакивали одни.

— Какъ—напрасно? Позвольте! возражали другіе.— Гуричевъ былъ обвиненъ за дѣло...

Конотоповъ всталъ и, господствуя надъ толпой своимъ высокимъ ростомъ, громко и рѣзко зазвонилъ. Обычное самообладаніе не измѣнило ему и теперь, хотъ и замѣтно поблѣднѣло его лицо подъ ударомъ брошеннаго ему косвеннаго обвиненія.

— Господа, сказалъ онъ,—вы уклоняетесь въ сторону отъ вопроса. Мы не на земскомъ, а на дворянскомъ собраніи, и дѣло Гуричева насъ не касается.

— О, да, да, разумѣется, хихикнулъ Турусовъ.—Для васъ это не совсѣмъ удобное воспоминаніе...

— Хотятъ замаять вопросъ, послышался рѣзкій голосъ какого-то господина, до сихъ поръ всегда упорно молчавшаго,—но мы этого не допустимъ, не допустимъ! повторилъ онъ, почти взвизгнувъ.

Въ любой толпѣ всегда найдется человѣкъ, въ обычное время робкій и безгласный, который вдругъ, когда нанесенъ кѣмъ-нибудь первый ударъ, съ неожиданною яростью набрасывается на того самаго, передъ кѣмъ онъ прежде рабски трепеталъ.

— Стыдитесь, господа, стыдитесь, пробовали успокоить собраніе дворяне, оставшіеся вѣрными Семену Андреевичу.

— Нѣтъ, господа, свѣту надо, побольше свѣту, вспрыгнувъ съ своего мѣста и усиленно колотя рукою по столу, завопил Шмыгаевъ.—Мы на этотъ разъ не дадимъ отвести себѣ глаза недостойными увертками. Въ докладѣ, который мы только что прослушали, есть изнанка, которую хотятъ отъ насъ скрыть. Надо, чтобы вся истина была обнаружена, надо...

Рѣзкій звонокъ предсѣдателя покрылъ его голосъ.

— Повторяю, господа, громогласно отчеканилъ Конотоповъ,—что этихъ преній я допустить не могу. Собраніе не имѣетъ права касаться дѣятельности земства... Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ о секретарѣ Сокольской опеки, и если вамъ угодно будетъ признать, что виновность его недостаточно выяснена...

— Я прошу слова, отчеканилъ Слуцкій, вставая.

— Я тоже, съ противоположнаго конца залы громко раздался голосъ Вьюгина.

Я посмотрѣлъ на князя. Онъ, видимо, колебался начать свою обвинительную рѣчь, раскаиваясь даже, быть-можетъ, въ своей внезапной рѣшимости помѣряться съ врагомъ. Онъ былъ необыкновенно блѣденъ, и сначала у него слова выходили неровно, какими-то скачками; самый его голосъ, обыкновенно, такой мягкій и вкрадчивый, звучалъ теперь рѣзко и крикливо. Но сила воли, а еще болѣе, вѣроятно, сила ненависти, помогли ему справиться съ первоначальною робостью, и хоть говорилъ онъ далеко не красно, впечатлѣніе онъ произвелъ необычайное.

— Вамъ предстоитъ рѣшить, милостивые государи, сказалъ онъ, — вопросъ чрезвычайно важный, гораздо болѣе важный, чѣмъ вопросъ о виновности секретаря... Сокольской опеки...

Слуцкій на мигъ замаялся, не сразу припомнивъ названіе уѣзда. Но это было всего одинъ мигъ. Недобрые глаза его блеснули и, осиливъ свое замѣшательство, онъ продолжалъ увѣреннѣе прежняго:

— Я съ недавнихъ поръ между вами, милостивые государи; признаюсь, съ здѣшними дѣлами мало знакомъ, но и до меня дошли слухи о томъ, что три года тому назадъ секретарь губернской управы понесъ наказаніе не за свою вину. Онъ, можетъ-быть, понесъ его добровольно, и вамъ, конечно, господа, ближе, чѣмъ мнѣ, извѣстно, какъ заставляютъ молчать человѣка, когда въ этомъ есть надобность. И я слышалъ...

— Что это, сплетни? перебилъ его вдругъ одинъ изъ сторонниковъ Конотопова.—Вы слышали? Да отъ кого? Назовите, по крайней мѣрѣ, имя!

— Да, имя, имя! раздалось съ разныхъ сторонъ.

Но Слуцкій не смутился. Онъ стоялъ неподвижно, и нехорошая улыбка кривила его тонкія губы; только судорожныя подергиванія руки, изо всей силы опиравшейся на столъ, выдавали его волненіе.

— Я никого не назову, возразилъ онъ,—потому что пришлось бы называть слишкомъ многихъ. Если вамъ угодно считать это сплетнями, то, я думаю, не хорошо уже то, что такія сплетни могутъ у насъ заводиться. И поэтому надо разсѣять всякія сомнѣнія. Я, вѣдь, не обвиняю никого, господа, но когда, повторяю, ходятъ слухи, что секретарь Сокольской опеки только подставное лицо, что не имъ произведена растрата, и дѣло обнаружилось потому только, что во-время не успѣли пополнить кассу, то, какъ мнѣ кажется, мы этихъ слуховъ пропустить мимо ушей не должны, а слѣдуетъ намъ выбрать комиссію для проверкі этого дѣла...

Всѣ взгляды разомъ устремились къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Сокольскій предводитель Балабовскій. Это былъ совсѣмъ дряхлый старичокъ, безобидный и безответный, котораго всѣ необыкновенно любили, и Сокольскій уѣздъ

выбиралъ его уже седьмое трехлѣтіе. Никому и въ голову не могло придти, чтобы почтенный старичокъ самъ произвелъ или хотя бы прикрылъ денежную растрату. Онъ глядѣлъ совершенно невиннымъ и растеряннымъ, какъ бы спрашивая у сидѣвшихъ вокругъ, что значить вся эта непонятная для него исторія, и усомниться въ его честности не было, явно, никакой возможности, но всѣ очень хорошо понимали, въ кого мѣтили слова князя. У всѣхъ было, вѣдь, еще на памяти, какъ благополучно, хотъ и не совсѣмъ чисто, разыгралась исторія съ растратою въ губернской управѣ. Гуричевъ былъ преданъ суду, но обвиненъ не былъ, за отсутствіемъ уликъ, и отдѣлался увольненіемъ отъ должности. А деньги, недостававшія въ кассѣ управы, великодушно пополнилъ Семенъ Андреевичъ, котораго за это въ то время многіе даже превозносили. Носились, правда, слухи, что самыя эти деньги давно были взяты самимъ Конотоповымъ въ минуту нужды, когда иного средства не было обернуться, и возвращены уже потомъ, сослуживъ свое дѣло, а Гуричеву было заплачено за молчаніе. Но тогда этимъ слухамъ почти никто не вѣрилъ, и теперь лишь, благодаря старательнымъ подкопамъ, какіе вели противъ Семена Андреевича Слуцкій и люди его партіи, да еще по милости черезчуръ болтливаго Миши, старыя сплетни выплывали наружу и какъ-то вдругъ имъ повѣрили всѣ.

Но Семенъ Андреевичъ оставался непоколебимымъ среди общаго смятенія. Прозрачныя намеки Слуцкаго, одобрительный хохотъ, кое-гдѣ подхватывавшій эти намеки, не въ силахъ были нарушить его величаваго спокойствія. Пока говорилъ князь, Конотоповъ только чуть-чуть прищуривалъ глаза, придавая своимъ красивымъ чертамъ слегка презрительное выраженіе. Когда Слуцкій кончилъ, онъ не возразилъ ничего и только вымолвилъ равнодушно и отчетливо:

— Слово принадлежитъ Борису Павловичу Вьюгину.

Трудно было прочесть на лицѣ Семена Андреевича, чтѣ въ эту минуту происходило у него на душѣ. Сдается мнѣ, однако, что я вѣрно понималъ загадочную причину его поразительнаго спокойствія. Какъ глазъ опытнаго моряка, увѣренно окидывая взглядомъ безконечную даль взволнованнаго моря, напередъ вѣрно угадываетъ, есть-ли опасность, Семенъ Андреевичъ, хорошо знавшій свое собраніе, хладнокровно отдавалъ себѣ отчетъ въ его истинномъ настроеніи. Онъ заранѣе подготовился къ нападкамъ враговъ, къ измѣнѣ колеблющихся, но въ то же время онъ не переставалъ разсчитывать на свое вѣрное большинство. Его чуткое ухо улавливало малѣйшіе оттѣнки противорѣчивыхъ возгласовъ, раздававшихся въ залѣ, и, взвѣсивъ силы своихъ противниковъ, онъ не терялъ увѣренности въ побѣдѣ. И теперь, именно теперь, когда долженъ былъ заговорить Вьюгинъ, глаза Семена Андреевича довѣрчиво остановились на молодомъ человѣкѣ, какъ бы ожидая, что сейчасъ вотъ раздастся могучій, дружескій голосъ—Вьюгинъ былъ однимъ изъ лучшихъ ораторовъ собранія, извѣстный, въ особенноти, искренней теплотой своего слова. Семенъ Андреевичъ, должно-быть, не повѣрилъ моимъ словамъ: онъ не могъ допустить, чтобы измѣнила ему испытанная преданность Вьюгина. Я уловилъ взглядъ, брошенный имъ на молодого человѣка, и, странно сказать, мною до того овладѣлъ страхъ ожиданія, что ознобъ прошелъ у меня по спинѣ. Я зналъ, вѣдь, что не на защиту Конотопова поднялся со своего мѣста Вьюгинъ, и нестерпимо долгимъ показался мнѣ короткий мигъ внимательнаго молчанія, пока заговорилъ Борисъ Павловичъ. Съ безпокойствомъ я взглянулъ на Аню: ея глаза тоже были устремлены на Вьюгина, но въ нихъ читалось не довѣрчивое спокойствіе, какъ у ея отца, а страстная, почти испуганная мольба.

(Продолженіе будетъ)

Лакомна. Съ карт. Г. Каульбаха, по фот. Г. Ганфштенгеля грав. Брендамуръ.

2

„Вегетарианка“.

Рассказ. Переводъ съ французскаго В. Карпинской.

Лесная лѣтняя ночь спускалась на землю, полная волшебнаго сіянія, пронитанная дивнымъ ароматомъ цвѣтовъ... Убрала она свою черную мантию яркими, сіяющими, какъ драгоценныя камни, звѣздами; потемнѣлъ старый, разросшійся паркъ... Тѣни сгустились въ широкихъ аллеяхъ, подъ сводами развѣсистыхъ, столѣтнихъ деревьевъ... Яркій столбъ луннаго свѣта дрожалъ на зеркальной поверхности пруда... Озаренная луннымъ сіяніемъ, изящная, китайская бесѣдка, вся обвитая цвѣтущей зеленью, казалась призрачно волшебною! Едва слышно шелестѣли деревья, словно шептали таинственныя слова въ эту чудную, лунную ночь. Что-то сказочное, неуловимое, какъ любовь, вѣяло надъ огромнымъ, сладко дремавшимъ паркомъ...

Лунные лучи проскользнули сквозь густо-разросшіяся вѣтви деревьевъ и трепетными, неровными свѣтлыми пятнами рассыпались по дорожкѣ аллеи. Въ бесѣдкѣ говорили тихо, словно приелушавшись къ ласковому дыханію ночи.

— Берта, заговоришь мужской голосъ, — вы неумолчны... вы меня мучаете... и такимъ вздоромъ!

— Все не вздоръ, Робертъ... Или я не стою такой жертвы?

— Я не говорю... я согласенъ принести всякую жертву для васъ, по это... право, это смѣшно!

— Тѣмъ легче для васъ исполнить ее!

— Послушайте, Берта, ну, хорошо, я общаюсь вамъ, и... обману васъ, непремѣнно обману!

— О, нѣтъ! Въ семьѣ де-Лорансъ никогда не было лгуновъ, Робертъ, я это знаю!

— Вы просто безжалостны, Берта; ну, можно ли ставить это серьезнымъ препятствіемъ къ нашей свадьбѣ, къ нашему счастью. Вы просто не любите меня... ищите предлога отказать...

— Вы полагаете, что я буду искать предлога? насмѣшливо прозвучалъ голосъ Берты. — Плохо вы меня тогда знаете... Слушайте, Робертъ! Ни ради чего въ свѣтѣ не откажусь я отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій! Вы знаете, я росла самостоятельно. Отецъ рано умеръ. Мама никогда не стѣсняла меня. Я и думала и чувствовала, какъ я хочу. Выработались во мнѣ пзвѣстные взгляды, убѣжденія, и я съ ними не разстанусь! Мы должны взаимно уважать наши симпатіи и убѣжденія... Вотъ почему, если вы меня любите, вы должны принести маленькую жертву...

— Маленькую! почти простоналъ Робертъ.

— Растительная пища здорова для человѣческаго организма, она не способуетъ, какъ мясо, къ отяжеленію ума и замедленію мозговой дѣятельности. Я много читала и думала по этому вопросу... Насколько употребленіе мяса вредно и развиваетъ въ человѣкѣ хищные, животныя инстинкты, настолько молоко, яйца и растительная пища—здоровы, освѣжаютъ расщудочную дѣятельность и освобождаютъ организмъ отъ вредныхъ элементовъ...

— Вы увлекаетесь, Берта!

— Ни мало. Я пью молоко, ѣмъ яйца, растительную пищу, чувствую себя прекрасно, вопреки всемъ уговорамъ и убѣжденіямъ мамы и братьевъ и знакомыхъ, и желаю, чтобъ мой мужъ раздѣлялъ мои взгляды и согласился, изъ любви ко мнѣ, на подобную жертву...

— Кажется, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не приносилъ такой странной жертвы на алтарь любви!

— Тогда не надо, Робертъ. Отбросьте всякую мысль обо мнѣ.

Голосъ дѣвушки зазвучалъ сухими, раздраженными нотками.

— Однако, пора и домой... Я думаю, насъ ждутъ... Отъ пруда тише съиростью... Идемте, Робертъ! произнесла Берта, вставая со скамейки.

— Что вы за упрямца! вздохнулъ молодой человѣкъ.

Они медленно прошли нѣсколько темныхъ аллей и вышли на озаренную лунной площадку передъ окнами большого дома; въ окнахъ этихъ свѣтились огни. Молодая дѣвушка остановилась и, улыбаясь, протянула руку своему спутнику.

— Спокойной ночи, Робертъ... я устала и пойду спать!

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на бѣлую, стройную фигуру стоявшей передъ нимъ дѣвушки, на милое, заодно улыбающееся личико.

— Гадкая капризница! хотѣлъ онъ крикнуть ей въ отвѣтъ, но вмѣсто этого глаза его вспыхнули, онъ склонился и нѣжно поцѣловалъ протянутую ему руку.

Придя къ себѣ въ комнату, онъ отворилъ окно, выходящее въ паркъ, сѣлъ и глубоко задумался. Ему было и смѣшно, и обидно, и больно.

„И зачѣмъ ей нужно, чтобъ я сталъ травояднымъ? думалъ онъ.—Питался бы манной кашкой, да фруктами! Ну, какъ отказаться отъ мяса, отъ дичи? Отказаться отъ сочнаго, вкуснаго куска бифштекса? Это невозможно. И вино не пойдетъ въ горло съ приправой манной кашки да огурцовъ!“

И Робертъ замахалъ отъ волненія по комнатѣ. Онъ не замѣчалъ чудной ночи, заглядывавшей къ нему въ окно, не

замѣчалъ аромата, ливнагося благоуханной струею изъ сада. Въ его воображеніи рисовался сочный кусокъ мяса, и рядомъ съ нимъ—овощи, каша, салаты! Возможно-ли промѣнить одно на другое?

Отказаться отъ Берты? Но могъ-ли онъ сдѣлать это? И ради чего? Онъ былъ богатъ, молодъ, красивъ, искренно любилъ Берту, не ради ея денегъ и богатаго приданаго. Все въ этой своеобразной дѣвушкѣ привлекало его... Тонкій, насмѣшливый умъ, живость, изящество, красота, даже ея упрямство. Робертъ зналъ, что Берту трудно заставить отказаться отъ ея фантазій. Дѣвушка съ дѣтства привыкла исполнять все свои прихоти. Теперь она увлеклась этой несчастной маніей вегетарианства, и уже цѣлые три мѣсяца, несмотря на protestъ всей семьи, не ѣстъ мяса и питается молокомъ да растительной пищей.

„Мнѣ кажется, продолжалъ соображать Робертъ,—что, откажись я отъ мяса, хищные, животныя инстинкты вовсе не уменьшатся во мнѣ, а просто-на-просто я сдѣлаюсь злющимъ, звѣремъ... съ голода!“

Долго еще нагалъ онъ по комнатѣ, все раздумывая и обдумывая. Уже яркіе лучи солнца скользнули въ комнату, когда онъ вдругъ остановился у окна, и, махнувъ рукой, словно вызывая кого-то на борьбу, рѣшительно произнесъ:

— Нѣтъ, не могу, не могу... Не откажусь отъ мяса... Не желаю умереть голодной смертью... Нѣтъ... Богъ съ ней... Это капризъ, тиранинъ!—Онъ улегся въ постель и, засыная, все еще бормоталъ: нѣтъ, не могу, не могу! Не въ силахъ!..

На другой день Робертъ всталъ поздно, съ блѣднымъ, порѣшительнымъ лицомъ. Онъ рѣшилъ уѣхать. Онъ постилъ около мѣсяца у своихъ бывшихъ школьныхъ товарищей, братьевъ Берты. Теперь онъ проснется съ ней и уѣдетъ! Скрѣпя сердце, онъ изъявилъ желаніе раздѣлится на сегодня ея вегетарианскій обѣдъ, чтобъ лишній разъ, передъ отъѣздомъ, взглянуть на нее, побыть въ ея обществѣ.

Имъ накрыли два прибора на террасѣ. Обѣдали они вдвоемъ. Берта, молча, улыбалась. Робертъ, съ восторженнымъ изумленіемъ, смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ она кушаетъ какой-то супъ изъ овощей, молоко, яйца, какіе-то соусы. Правда, столъ былъ сервированъ богато, молоко, яйца—все было свѣжее, прекрасное.

Но Роберту хотѣлось заплакать. Онъ не прикоснулся къ вину и сидѣлъ, уныло опустивъ голову.

— Вамъ не нравится? Попробуйте, Робертъ, супу и этого соуса. Необыкновенно вкусно!

Робертъ попробовалъ. Правда, все это было вкусно, но развѣ можно сравнить съ мясомъ? Онъ отдалъ бы все эти соусы и салаты за одинъ кусокъ мяса!

Едва прикоснувшись къ фруктамъ, поданнымъ вмѣсто десерта, злой и голодный, Робертъ всталъ изъ-за стола и убралъ къ себѣ.

„И такъ вотъ вѣчно голодать! думалъ онъ.—Ни за что на свѣтѣ. Пойду, попрошу повара прислать мнѣ кусокъ мяса... иначе до вечера умру съ голода!“

Вечеромъ онъ пошелъ проститься съ Бертой въ знакомую бесѣдку. Она, какъ тогда, задумчиво сидѣла на скамейкѣ.

— Прощайте, Берта! произнесъ онъ, подходя къ ней.—Я пришелъ проститься съ вами... Завтра утромъ я уѣду.

— Вы уѣзжаете?

Голосъ дѣвушки дрогнулъ и оборвался.

— Зачѣмъ ломать комедію? Лгать я не умѣю, прощайте... Вы требуете непосильной жертвы...

— Непосильной жертвы!

— Да, Берта, я здоровъ, силенъ и не хочу морить себя голодной смертью... Ваши соусы и салаты—для меня голодовка! Если вы можете оттолкнуть меня и мою привязанность ради пустого каприза, ради вздора—прощайте!

— Счастливаго пути!

Голосъ дѣвушки зазвучалъ гордо и холодно. Сердце Роберта тоскливо жалось. Неужели придется уѣхать, отказаться отъ Берты, отъ счастья!

— Берта... пожалѣйте, смилостивьтесь!

— Прощайте!

Холодность ея больно задѣла молодого человѣка. Можетъ-быть, она вовсе не любитъ его, смѣется...

— Прощайте!—Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по аллеѣ и оглянулся. Берта стояла на порогѣ бесѣдки. Ему показалось, что она готова броситься къ нему...

— Берта, дорогая моя!

— Упрямый, гадкій... ну, останьтесь... я разрѣшу вамъ, по праздникамъ, когда вы того заслужите... маленькій кусочекъ... крохотный кусочекъ мяса... Ну, хорошо? Согласны? Да?

— Милушка, радость моя, останусь... заслужу! по заслугамъ будетъ и награда...

Робертъ нѣжно и горячо прижалъ къ груди свою невесту.

А ночь дышала надъ ними истомой и пѣглой... Деревья тихо и таинственно шептались...

Молодая чета вегетарианцевъ была вполне счастлива. Совершивъ далекое свадебное путешествие, они поселились въ прелестной виллѣ, на южномъ берегу Франціи. Робертъ безропотно подчинился упрямому капризу своей молодой жены и, нѣрѣдка съѣдая небольшую порцію мяса, штался по способу вегетарианцевъ и вовсе не чувствовалъ себя отъ этого больнымъ и слабымъ. Онъ до того привыкъ къ „травояденію“, что не шутя задумывался надъ этимъ вопросомъ и даже собирался писать статью въ одну изъ большихъ газетъ, гдѣ хотѣлъ доказать всю пользу молочнаго и растительнаго питанія для человѣческаго организма. Но статья все откладывалась за недостаткомъ времени...

Жизнь молодыхъ супруговъ текла тихо и спокойно, они рѣдко выѣзжали, рѣдко принимали у себя, ожидая, съ глубокимъ чувствомъ радости и нетерпѣнія, появленія на свѣтъ своего первенца и наследника. Робертъ баловалъ жену, какъ ребенка, озабоченно взглядываясь въ ея блѣдныя, похуѣвшее лицо, окружалъ ее шажими ласками и заботами.

За послѣднее время онъ замѣчалъ, что Берга ничего не ѣсть, часто смущается и краснѣетъ при его взглядѣ, и нѣсколько разъ заставалъ ее въ слезахъ. Все это крайне безпокоило и смущало Роберта.

Пчеловодный музей и учебная пасѣка въ С.-Петербургѣ.

Очеркъ В. А. Фрея. (Рис. на стр. 709).

Изученіемъ жизни пчелъ занимался еще Аристотель. Въ этомъ отношеніи повѣстны также наблюденія натуралистовъ Шваммердама, Маральди, Ріема, Шираха и Реомюра, но честь и слава полного разоблаченія (въ 1792 году) всѣхъ секретовъ этихъ умныхъ пасѣковыхъ вывала на долю Франциска Губера, тѣмъ болѣе знаменитаго, что тридцатидвухлѣтній наблюденія свои надъ пчелами этотъ великій алифилъ (пчелолубъ) производилъ, будучи уже слѣпъ на оба глаза.

Русская земля, впрочемъ, и безъ помощи ученыхъ, могла уже гордиться медомъ и воскомъ еще во времена первыхъ князей своихъ. Кто не слыхалъ, наприимѣръ, о чудесныхъ княжескихъ медахъ, коими славно унизались сами могучіе богатыри наши? Куда же дѣлался теперь эти чудные медовые напитки? Гдѣ и какъ достать намъ нынѣ хотя бы ложечку не фальсифицированнаго меда или зажечь предъ образомъ свѣчку воска яраго, не сфабрикованную изъ гадкаго суррогата его, перезина (азокиритъ — осадокъ нефти), который, къ несчастью, почти совсѣмъ вытѣснилъ съ заводовъ настоящій пчелиный воскъ? Да, какъ ни печально, а приходится констатировать, что пчеловодство наше, продукты коего, кромѣ внутренняго громаднаго потребления, составляли когда-то славнѣйшіе для Россіи предметы вывоза, давно уже утратило свое прежнее значеніе. Причинно тому послужили, съ одной стороны, сокращеніе былыхъ приволья и удобствъ, весьма важныхъ для пчеловодства, а съ другой — уменьшеніе самаго спроса на его продукты, вызваннаго замѣною воска — другими освѣтительными материалами, меда — сахаромъ, а медовыхъ напитковъ — спиртными. Положимъ, что еще и теперь можно насчитать въ Россіи не мало мѣстъ, гдѣ пчеловодство еще процвѣтаетъ! Возьмемъ, наприимѣръ: Кавказъ, Сибирь, Донъ, Малороссію, Новороссію и Бѣлороссію, Сѣверо-Восточныя области, Поволжскія низовыя губерніи и Литву, жилище же (сельскіе) Осетин, Абхазин и Уфимской губерніи почти только медомъ и кормятся.

Какъ, однако, ни унало пчеловодство, а общій сборъ меда въ Россіи все-таки еще достигаетъ количества на сумму 8 миліоновъ рублей, и больше половины его вывозится за границу. Цельзя не пожелать поэтому весьма возможнаго при рациональныхъ хозяйствахъ развитія этой симпатичной отрасли промышленности, тѣмъ болѣе: 1) что ее весьма удобно соединить со многими другими сельскохозяйственными отраслями; 2) что Россія болѣе, чѣмъ всякая другая страна въ Европѣ, поставлена во многія благоприятныя для пчеловодства условія, и 3) что рыночная цѣна чистыхъ продуктовъ ея, несмотря на уменьшеніе спроса, и теперь еще высока. Но такъ какъ успѣхи культуры повлекли за собой неизбѣжное сокращеніе и видоизмѣненіе естественныхъ условій пчеловодства, то прежде всего является необходимость во всевозможныхъ усовершенствованіяхъ самыхъ системъ пасѣчнаго пчеловодства. Эту же задачу вѣрнѣе и скорѣе можно было бы разрѣшить, собравъ вмѣстѣ образцы всѣхъ практиковавшихся донныѣ системъ пчеловодства, и, путемъ наглядныхъ сравненій ихъ, изыскать новую, болѣе современную и рациональную систему.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать открытія у насъ въ С.-Петербургѣ перваго еще въ Россіи, да и въ пѣлой Европѣ всего втораго, пчеловоднаго музея, а при немъ учебной пасѣки. Похвальная мысль распространить этимъ путемъ популярныя свѣдѣнія по части рациональнаго пчеловодства явилась у виднаго въ настоящее время, по своей специальности, дѣятеля Н. Д. Вердеревскаго, страстнаго любителя и специалиста своего

— Берга, что съ тобой? Отчего ты не ѣшь ничего? часто спрашивалъ онъ жену, когда они сѣлились за своей вегетарианскій обѣдъ, и молодая женщина не дотрогивалась до кушанья. — Можетъ-быть, тебѣ хочется съѣсть что-нибудь другое? Яркая краска заливала блѣдныя щеки Берты.

— О, нѣтъ, мнѣ ничего не хочется, возразила она. — Можетъ-быть, ты желаешь покушать другого, Робертъ... пожалуйста, прикажи подать себѣ... мяса!

Робертъ удивленно взглядывалъ на жену, не зная, чѣмъ объяснить такую снисходительность.

Въ одно ясное июльское утро, онъ ранѣе обыкновеннаго вернулся съ прогулки и, озабоченный нездоровьемъ жены, даже не перемѣнивъ костюма, прошелъ прямо къ ней въ будуаръ. Быстро откинувъ дорогую портьеру у двери, онъ взглянулъ н... остолебѣлъ. Берга сидѣла за маленькимъ столикомъ и съ аппетитомъ кушала сочный кусокъ бифштека...

Слова замерли на губахъ Роберта... Берга стояла передъ нимъ, опустивъ голову. Слезинки блестѣли на ея рѣсницахъ.

— Прости, Робертъ... ради Бога, прости... ленилась она... Я не виновата... я не могу теперь ничего ѣсть, кромѣ мяса...

Вдругъ Робертъ громко и весело засмѣялся, привлекая къ себѣ жену, которая спрятала на его груди свое смущенное, раскраснѣвшееся личико, и шажко обнялъ ее... Родившіяся у нихъ сыны, званый въ честь отца также Робертомъ, — съ дѣтства терпѣть не могъ растительной пищи.

дѣла, одного изъ ревностныхъ слушателей извѣстнаго въ свое время пчеловода, академика А. П. Бутлерова.

Безъ капиталовъ, одними только живыми да печатными словами убѣжденія, почтенный Н. Д. Вердеревскій сумѣлъ заинтересовать въ своемъ дѣлѣ какъ сельское общество, такъ и многихъ вліятельныхъ лицъ, и даже само правительство. Общее сочувствіе еще болѣе укрѣпило его въ намѣреніи основать въ С.-Петербургѣ пасѣку и музей не только съ одною педагогическою цѣлью, но и, какъ соединительное звено, для болѣе тѣснѣйшій сношеній между пчеловодами всей Россіи, что, естественно, должно было бы урегулировать рыночныя цѣны на всѣ продукты пчеловодства.

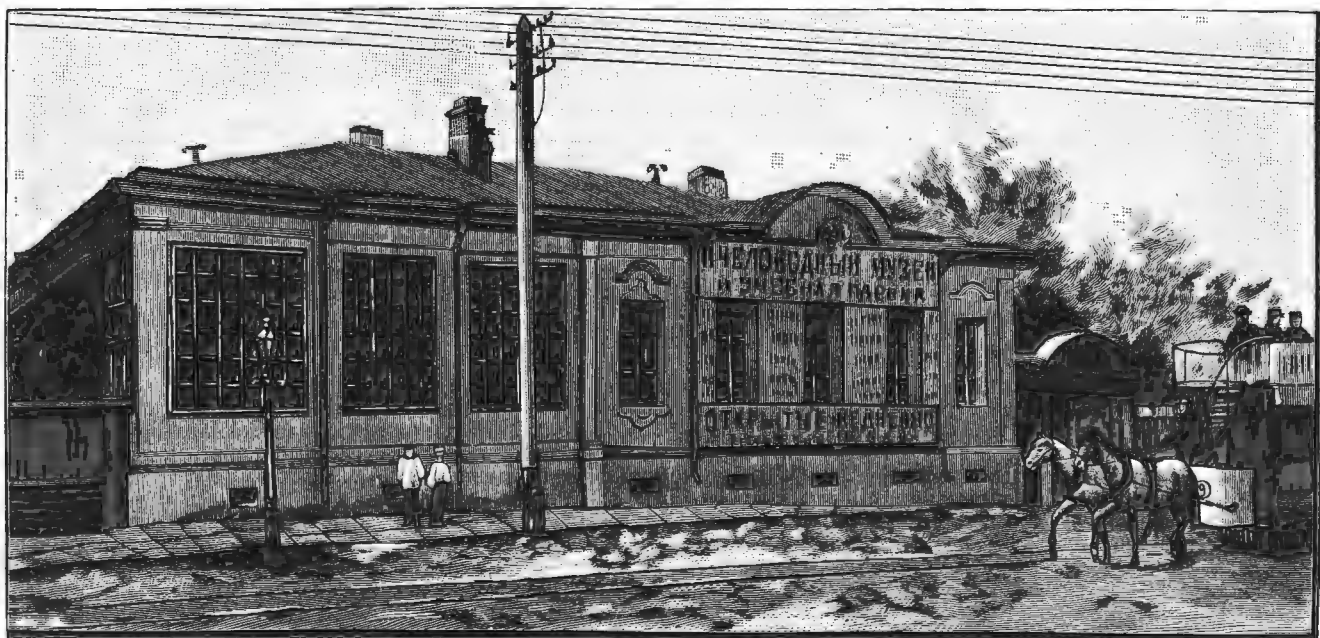
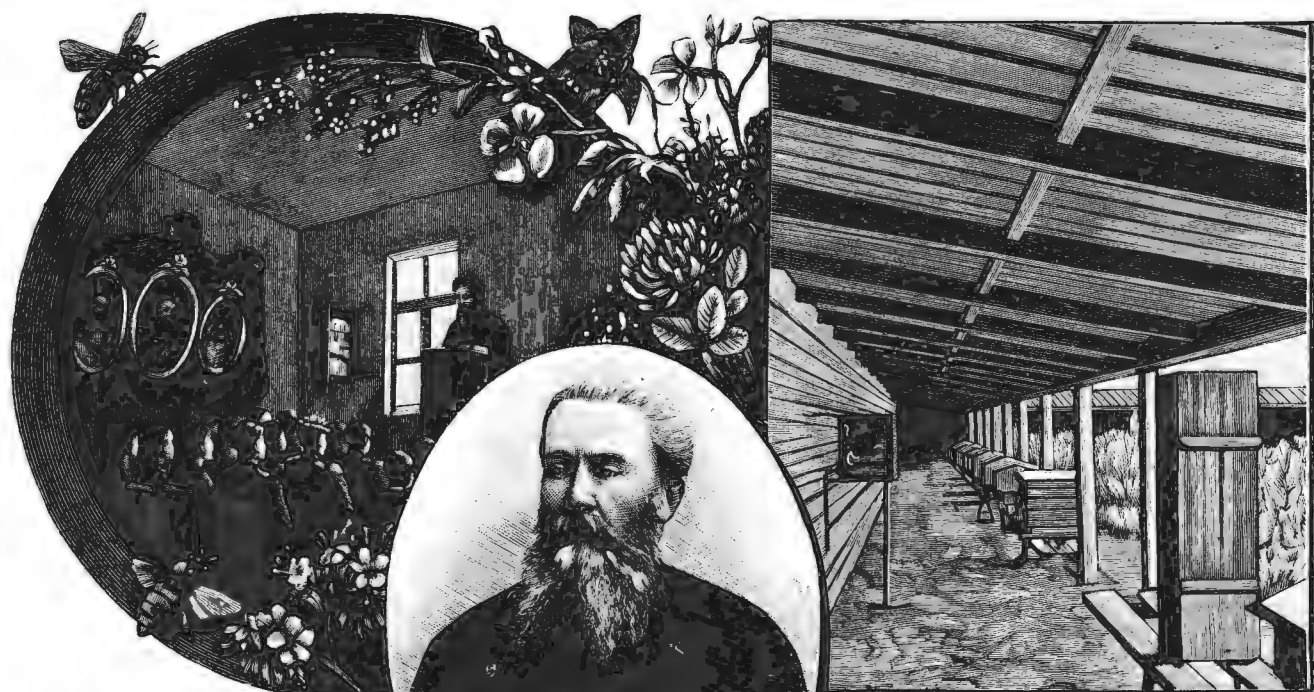
Наконецъ-таки, въ маѣ мѣсяцѣ 1892 года, труды г. Вердеревскаго увѣнчались видимымъ, въ прямомъ смыслѣ слова, успѣхомъ, такъ какъ одинъ изъ домовъ на Каменноостровскомъ пр. (№ 30) украсился, хотя и скромно, но много говорящею любительскому сердцу, вывѣскою: „Пчеловодный музей и учебная пасѣка“, а 14-го числа того же мѣсяца основатель ихъ, полный самыхъ розовыхъ надеждъ, гостеприимно распахнулъ двери взлелѣяннаго имъ дѣтница, установивъ за обзорныя собраныя съ великими трудами въ теченіе пяти лѣтъ коллекцій и образцовъ небольшую плату (30 коп.).

Самый музей не великъ, но, благодаря умѣлому выбору экспонатовъ и обстоятельному объясненію, любезно предлагаемому каждому изъ посетителей его самимъ г. Вердеревскимъ, вы, не будучи даже специалистомъ этого дѣла, выносите убѣжденіе, что здѣсь не встрѣтите ни одного празднаго или даже малонинтереснаго предмета, какъ это часто случается въ большинствѣ нашихъ выставокъ и музеевъ. Каждый желающій можетъ тутъ наглядно и основательно, отъ „альфы“ до „омеги“, ознакомиться съ исторіей пчеловодства.

Въ четырехъ небольшихъ залахъ музея собрано значительное количество экспонатовъ, относящихся къ разнымъ деталямъ пчеловоднаго дѣла. Въ примыкающей же къ музею стеклянной галлерей можно видѣть всевозможные ульи, начиная отъ самыхъ первобытныхъ и кончая позднѣйшими усовершенствованными, каковы, наприимѣръ, американскій — Лангстрота, итальянскій — Дубини, двухсемеиный — Зубарева, галиційскій — протоіерея Наумовича и много другихъ. Между техническими нововведеніями обращаютъ на себя вниманіе: снаряды для снятія роесъ съ дерева, состоящіе изъ желѣзнаго кружка, съ шерстяными, опредѣленной длины, шнурками, на извѣстныхъ разстояніяхъ по его окружности; металлическія формовки для искусственныхъ воицнѣ. Упогребляя эти восковыя дощечки, съ выдавленными на нихъ машинкою съ обѣихъ сторонъ углубленіями для ячеекъ, можно заставить ичель, если только улей поставленъ по ватерпасу (снарядъ для опредѣленія строго горизонтальнаго положенія предмета), дѣлать соты въ любомъ размѣрѣ и въ желаемыхъ направленіяхъ. Затѣмъ — американскіе центрофуги — для совершеннѣйшаго опоражниванія сота отъ меда. Это жестяной, на вертикальной оси и съ двумя коническими шестернями, цилиндръ, съ краномъ внизу и съ двумя проволочными щипцами, въ видѣ крыльевъ, посрединѣ. Вскрытый съ одной стороны сотъ, т. е. безъ крышечекъ на ячейкахъ, вмѣстѣ съ рамкою опускаютъ въ ящикъ и начинаютъ быстро вращать за рукоятку оси. Центробѣжная сила выбрызгиваетъ медъ на стѣнки цилиндра, откуда уже онъ и стекаетъ внизъ. Такъ же поступаютъ и съ другой стороной сота. Въ результатѣ — чистый

Литературный альбомъ. Сказка „Два брата“. Сраженіе съ дракономъ.
Гравюра, извлеченная изъ новаго изданія А. Ф. Маркса „Сказки, собранныя Бр. Гриммами“.

Публичная лениця.
Терраса въ саду.

Н. Д. Вердеревскій, директоръ.
Фасады музея на Каменноостровскомъ проспектъ.

Навъсь съ образцовыми ульями.
Пастна.

Пчеловодный музей и учебная пастна въ С.-Петербургѣ. Ориг. рис. (собств. «Нива») Котляревскаго, грав. Шюблеръ Библиотека Универс

медь и пустой, совершенно неповрежденный сот, вливш годный снова в улей. Такие же центрофуги (без ящиков) только для одной рамки, с сотом, под названием „русско-медо-качалки-чародѣйки“, гораздо проще, удобнѣе и дешевле американских. Интересны также: американское зеркало, для моментальной остановки улетающего роя посредством наведения на него, такъ-называемаго „зайчика“, и сажалки—для пересылки пчелъ-матокъ на значительныя разстоянія: большія—кавказскія, въ видѣ шкатулки съ отверстиями за рѣшетками съ боковъ, на 10 матокъ каждая, съ небольшою чеплюю свитую и запасомъ пресованнаго меда съ сахаромъ на дорогу, и маленькія, на 1 матку, въ видѣ небольшой дощечки, съ двумя разнаго диаметра сквозными отверстиями, закрытыми съ одной стороны проволочною сѣткою, а съ другой задвигною дощечкой изъ жести. Въ большее углубленіе помѣщается матка со свитомъ, а въ меньшее—ихъ дорожный провиантъ. Такія послылки, по Высочайшему повелѣнію, пересылаются почтою безплатно и, мало того, доставляются адресату прямо на домъ. Куртки, очень похожія на пивеньскія кофеевныя, но только съ болѣе длинными носкомъ сверху и съ маленькимъ мѣхомъ внизу. Наполняются онѣ тѣющими гнилушками, дающими ароматный дымъ и употребляются для усмиренія пчелъ, которыя, воображая нападеніе на нихъ, снѣгать забрать возможно больше меда, почему тяжельютъ и жалить уже не въ состояніи.

Есть здѣсь образчики костюмовъ пчеловода и дешевые (1 рубль) и удобные головные уборы, вполнѣ замѣняющіе стериотинную сѣтку,—это широкополыя соломенные шляпы, съ сѣткою изъ мелковаго тюля, обвѣшанныя кругомъ кисеи.

Видное мѣсто въ музеѣ занимаетъ также и бібліотека съ обширнымъ выборомъ спеціальныхъ сочиненій и периодическихъ изданій и съ замѣчательною коллекціей миланскаго юнжера Ф. Клеричи, изъ 30 картинъ, наглядно представляющихъ физиологію пчелы и типы враговъ ея. По сѣткамъ, кромѣ другихъ, не менѣе рѣдкостныхъ, подобныя же коллекціи, развѣшаны за стеклами рамки съ сотами, извѣстно приготовленными и запечатанными самими пчелами, какъ какіи-нибудь кондитерскія печенія.

Въ особой витринѣ размѣщены продукты пчеловодства: разныя сорта медовыхъ напитки, медъ сѣверный, липецъ, кавказскій-спущенный и др.; медовые прищипки и печенія; рядомъ сѣтки изъ воска, химически-чистаго, съ примѣсью отъ 10 до 50% церезина и цѣлкомъ изъ церезина, крашенныя и не крашенныя; искусственная вошница и проч. Имѣется также гербарій и громадная коллекція разныхъ медоносныхъ растений.

Стекланная галерея музея заканчивается декорированною лавровыми деревьями террасою, съ отлогою лѣсницею въ обширный садъ. У подножія ея помѣщены въ саду двѣ стеклянныя солнечныя воскотопки, довольно удачно эксплоатирующія теплоту солнечныхъ лучей. Растроенный солнцемъ воск стекаетъ постепенно на нижнее—второе дно прибора.

Широкая аллея, съ двумя длинными клумбами, обсаженными кругомъ богатой коллекціей выводковъ кадочныхъ плодовыхъ деревьевъ, ведетъ прямо на пасѣку.

Большое прямоугольное пространство, съ массою клумбочекъ съ медоносными растеніями, но за то весьма бѣдное деревьями, представляетъ самую пасѣку изъ 70-ти разнообразныхъ системъ ульевъ съ пчелами. Пасѣка окружена сплошнымъ узкимъ навѣсомъ, гдѣ помѣщены тоже ульи, но, болѣею частью, необитаемые—это, такъ-называемыя, образцовые-учебныя. Для наблюдений за внутреннею дѣятельностью пчелъ во многіе ульи, въ заднія сѣтки, вставлены большія стекла. Особенно, интересенъ расположенный у самаго забора, окружающаго пасѣку, педагогическій улей Лангстрота, это обыкновенный узенькій ящикъ въ одинъ сотъ, между двумя параллельными стеклами. Каждый уголокъ этого улья и всякое движеніе его обитательницъ видно, какъ на ладони. Но пчелъ только видишь, а отъ нападенія ихъ защищены вполнѣ, такъ какъ даже самый летокъ (отверстіе, откуда вылетаютъ пчелы), устроенный, въ видѣ квадратной, съ боковыми стеклами, трубки, направлень прямо въ заборъ.

Хозяйственное состояніе всей пасѣки узнается при помощи особаго улья, называемаго контролеромъ, поставленнаго на десятичные вѣсы. Прибыль или убыль пасѣчнаго хозяйства узнается по ежедневной разницѣ въ вѣсѣ означеннаго улья.

Большинство пчелъ въ ульяхъ кавказской породы (желтаго цвѣта), отличающейся своимъ незлобіемъ (жалить, только будучи озлоблены), трудолюбіемъ и прочими надъ другими породами преимуществами, ставшими эту породу наравнѣ со всемирно-славянскими итальянскими пчелами.

Существуетъ ошибочное убѣжденіе, что вся сила пасѣки—въ количествѣ ульевъ; практика же, какъ разъ наоборотъ, доказываетъ, что цѣлый десятокъ малосильныхъ ульевъ принесетъ менѣе дохода, чѣмъ одинъ сильный улей, съ населеніемъ до 60,000 пчелъ лучшей породы. Изъ такого улья смѣло можно рассчитывать на сборъ не менѣе 1½—2 пудовъ меда въ лѣто. Превратить обыкновенный рой пчелъ въ кавказскій не представляетъ особенной трудности: стоитъ только замѣнить простую матку кавказскою, сгнѣвшею въ продажѣ отъ 3—5 рублей. Выводъ кавказскихъ матокъ, для продажи, производится

въ большихъ размѣрахъ. Для этого существуетъ особый маленький улейскъ, называемый „мученикомъ“, съ небольшою семьею кавказскихъ пчелъ, у которыхъ въ лѣто разъ пять отнимается матка, пока, наконецъ, измученная семья не присоединится къ другому рюю.

Въ одномъ изъ угловъ навѣса пасѣки устроена маленькая лабораторія, гдѣ между прочимъ прикрѣпляютъ къ рамкамъ восковыя основы. Два окна этой лабораторіи, выходящія на пасѣку, вертятся кругомъ на вертикальной оси. Благодаря такому устройству оконъ, залетающія въ лабораторію случайно пчелы могутъ быть моментально выпущены на воздухъ.

Тутъ же обращаетъ вниманіе простой, дешевый шкафъ для хранения рамокъ съ сотами. Рамки эти настолько практично могутъ быть въ немъ развѣшаны, что, при сравнительно небольшомъ объемѣ шкафа, въ немъ можетъ свободно помѣститься болѣе 300 пудовъ меда въ сотахъ.

Что касается открытыхъ при музеѣ практическихъ курсовъ пчеловодства, то объ усилившемся со дня на день сочувствіи общества къ этому полезному начинанію можно судить уже по замѣтно возрастающему числу слушателей ихъ, что именно и побудило г. Вердеревскаго приобрести недавно еще другую большую пасѣку въ Шуваловѣ. Такимъ образомъ, къ услугамъ практикантовъ, для нагляднаго ознакомленія съ рациональнымъ пчеловодствомъ, предоставлено теперь всего до 200 ульевъ, всѣхъ существующихъ типовъ, съ цѣлою арміею различныхъ пчелъ.

При пасѣкахъ имѣются три опытные пчеловода, изъ которыхъ старшій, подъ личнымъ наблюденіемъ самого владѣльца, руководитъ практическими занятіями.

Съ февраля сего года, стараніями г. Вердеревскаго, параллельно съ курсами пчеловодства, для желающихъ открыты практическія занятія по обученію прививкѣ плодовыхъ деревьевъ. И къ этой новинкѣ общество наше отнеслось довольно сочувственно, такъ какъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени слушателей новыхъ курсовъ собралось уже нѣсколько группъ. Занятія ведетъ ученый садоводъ, а въ подвалѣ музея заготовлены засыпанные сырымъ нескормъ цѣлыя тысячи нарочно выписанныхъ разнородныхъ дичковъ. Полный курсъ (6—7 руб.) проходится всего въ 12 дней.

Въ заключеніе не безынтересно будетъ ознакомиться съ краткими выдержками изъ личной вашей бесѣды съ почтеннымъ Н. Д. Вердеревскимъ, какъ многолѣтнимъ практикомъ, сдѣлавшимъ не мало общепользныхъ наблюдений и открытій.

— Рациональное пчеловодство, объясняетъ намъ Н. Д.,—стоитъ въ томъ, чтобы, на основаніи точныхъ наблюдений надъ жизнью и работою пчелъ, создать для пчелы такія условія, при которыхъ она давала бы наибольшую производительность и наибольшій доходъ. Наука пчеловодства стоитъ теперь настолько высоко, что всѣ главныя вопросы ея можно считать разрѣшенными, а самую практику безусловно освѣщенной. Ничѣ о какихъ-либо иныхъ ульяхъ, кромѣ рамочныхъ, не можетъ быть и разговора. Полнымъ хозяиномъ въ старыхъ колодахъ быть невозможно. Тамъ пчелы будутъ дѣлать то, что сами захотятъ. Здѣсь же то, что заставитъ ихъ дѣлать хозяйинъ. Если онъ захочетъ роить—пусть заставитъ выводить черву. Захочетъ меда—пусть не даетъ роителю. При рамочныхъ ульяхъ все это въ полной власти хозяйина. Но въ томъ-то и бѣда, что рамочное рациональное пчеловодство развивается у насъ еще довольно туго, а въ простыхъ долбленыхъ ульяхъ не прогрессируютъ никакими нововведеніями. Миѣ удалось, наконецъ, найти способъ, чтобы улучшить, насколько возможно, наши простые крестьянскіе ульи-колоды, и вотъ именно какъ: нужно продѣлать отверстіе въ головѣ колоды, сверху наставляется ящикъ, въ которомъ 11 рамокъ, вмѣщающихъ примѣрно по 5 фунтовъ меда каждая, итого, значитъ, почти 1½ пуда чистаго сотоваго меда, а такой медъ противъ обыкновеннаго, изъ колоды, стоитъ вдвое дороже. Устройство ящика съ крышей и съ рамками обойдется дома не дороже 2 руб. Въ музеѣ ящики шутчюй работы стоятъ 3 руб. 50 коп. Какъ видите—просто и полезно! Въ концѣ августа ящикъ снимается, и зиму колода стоитъ уже безъ него. Самое же отверстіе закрывается втулкой...

— Скажите, пожалуйста, на что, собственно, идетъ у насъ медъ, и великъ ли самый спросъ на него?

— О, медъ, это—чрезвычайно здоровое лакомство. Это прямо дѣльное вещество отъ очень многихъ болѣзней! Не употребляйте его у насъ просто отъ непривычки и за неимѣніемъ подъ рукою, дѣйствительно, хорошаго меда, но, на самомъ дѣлѣ, русскій человекъ страстный любитель меда. Наконецъ, вездѣ, гдѣ идетъ сахаръ, не исключая даже варенья, медъ куда лучше!..

— Просите нескромный вопросъ, какъ, вообще, идутъ здѣсь ваши дѣла?

— Со второго года дѣла начали развиваться: особенно хорошо можетъ идти приготовленіе шипучихъ медовыхъ напитковъ, типа шампанскихъ винъ. Поступаетъ также много заказовъ изъ провинціи по принадлежностямъ пчеловодства. Кромѣ того, я вхожу въ сношенія съ владѣльцами пасѣки и покупаю и принимаю отъ нихъ на комиссію медъ. Имѣю также подъ своимъ наблюденіемъ до 18 пасѣкъ въ окрестно-

стихъ С.-Петербурга... Вообще, я стремлюсь поставить дѣло на практическую почву и вотъ что предлагаю хозяевамъ: пусть заводятъ пасѣчку. Если будетъ 200 ульевъ, я беру на

себя отсюда управление этой пасѣчкой и гарантирую 7% на капиталъ. Найду и пчеловода, и медъ продамъ, да еще и въ барышахъ буду...

Къ рисункамъ.

Николай Ивановичъ Новиковъ. (Портр. на стр. 697).

Печальна была судьба этого необыкновеннаго русскаго чело­вѣка: Н. И. Новиковъ происходилъ изъ дворянъ и родился 27-го апрѣля 1744 года. Первоначальное воспитаніе его было „домашнее“, т. е. у сельскаго дьячка. Еще ребенкомъ Новиковъ былъ опредѣленъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, откуда въ 1760 г. былъ исключенъ за лѣность вмѣстѣ съ 70-ю другими учениками и студентами, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Г. А. Потемкинъ. Затѣмъ Новиковъ поступилъ на службу въ з.-гв. Измайловскій полкъ. Свободное время посвящалъ онъ на пріобрѣтеніе полезныхъ знаній, хотя и не выучился иностраннымъ языкамъ, которыхъ такъ и не зналъ всю жизнь. Въ 1767 году Новиковъ пошелъ въ число лицъ, прикомандированныхъ для писемоводства въ комисію о составленіи проекта новаго уложенія. Въ это время узнала его императрица, которой ему случалось читать журналы собранія. Въ 1768 году Новиковъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика, и въ 1769 г. началъ издавать свой первый журналъ *Трутень*. Журналъ сразу обратилъ на себя вниманіе рѣзкими нападка­ми на невѣжество, прикрывавшееся мнимою добродѣтелью, маскою благочестія, на пристрастіе ко всему французскому, на распущенность нравовъ и т. п.; въ числѣ статей были и обличенія въ злоупотребленіяхъ крѣпостнымъ правомъ. Вскорѣ *Трутень* вооружилъ противъ себя многихъ; въ числѣ лицъ, которымъ не нравилось направленіе этого журнала, была сама Екатерина. Новиковъ долженъ былъ прекратить изданіе. Однако, вскорѣ Новиковъ возобновилъ свою журнальную дѣятельность, начавъ въ 1772 году изданіе тоже сатирическаго журнала *Живописецъ*. Незадолго до того, Новиковъ оказалъ важную услугу русской литературѣ изданіемъ -перваго въ Россіи „Опыта историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“; въ 1773 году онъ началъ изданіе важнаго историческаго сборника: „Древняя Російская Вивлио­ника“; на продолженіе этого изданія Екатерина II вскорѣ назначила денежное пособіе. Въ 1774 году Новиковъ приступилъ къ изданію сатирическаго журнала *Копилекъ*, въ которомъ сталъ доказывать, что будъ возможность возвратитъ древне-русскіе нравы, то ихъ можно было бы поставить „образцомъ чело­вѣку“.

Какъ извѣстно, большинство русскіхъ „образованныхъ“ людей конца XVIII вѣка сильно увлекалось масонствомъ, по примѣру западно-европейскаго общества. Екатерина II не любила масоновъ. Сначала она дѣйствовала противъ нихъ путемъ насмѣшки и сатиры; потомъ приняла противъ масоновъ самыя строгія мѣры. Сохранилось извѣстіе, что въ 1774 г., во время наибольшаго развитія масонства въ русскомъ обществѣ, нѣкоторые изъ масоновъ, пріятели Новикова, собрались у него въ домѣ и объявили Новикову, что принимаютъ его въ свое общество, при чемъ сказали: „Мы знаемъ тебя, знаемъ, что ты честный чело­вѣкъ, и увѣрены, что ты не нарушишь тайны“. Новиковъ, находившійся тогда, по его собственнымъ словамъ, „на распутьи между волтеріанствомъ и религіей“, не замедлилъ примкнуть къ масонству, въ надеждѣ найти въ немъ краеугольный камень, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе. Сначала Новиковъ пошелъ въ „елагнскую ложу“, но, увидѣвъ, что здѣсь занимаются „изъясненіемъ іероглифовъ и аллегорій“, перешелъ къ ученію Рейхеля, гдѣ все „было обращено на правдивость и самопознаніе“. Сдѣлавшись масономъ, Новиковъ продолжалъ журнальную дѣятельность, въ которой затѣнулъ уже первые слѣды новаго направленія. Такъ, онъ издавалъ (въ 1777—1780 гг.) журналъ *Утренній Свѣтъ*, съ цѣлью чисто филантропическою: на выручаемыя за журналъ деньги и на пожертвованія подписчиковъ было основано въ Петербургѣ два училища для бѣдныхъ сиротъ. Въ 1779 году Новиковъ переселился въ Москву, гдѣ арендовалъ на 10 лѣтъ университетскую типографію. Вскорѣ познакомился онъ съ профессоромъ нѣмецкаго языка въ Московскомъ университетѣ Шварцемъ, однимъ изъ самыхъ увѣ­ренныхъ мартинистовъ. Московскую типографію Новиковъ быстро привелъ въ отличное состояніе; завелъ новыя машины и шрифты, печаталъ полезныя книги, заводилъ книжныя лавки въ разныхъ городахъ и всѣми способами старался пріохотить публику къ чтенію; для этого, между прочимъ, онъ преобразовалъ *Московскія Вѣдомости*, вслѣдствіе чего число подписчиковъ стало быстро увеличиваться; особенно же по­нравилось публикѣ бесплатное приложеніе: „Дѣтское Чтеніе“— первое въ Россіи періодическое изданіе этого рода.

Дѣйствуя заодно съ Шварцемъ, Новиковъ основалъ въ 1782 году „Дружеское учное общество“, въ составъ котораго вошли многие члены изъ масоновъ и немасоновъ. Въ это время Новиковъ считался уже главою московскихъ масоновъ,

хотя, какъ видно изъ его собственныхъ отзывковъ, онъ не увлекался обрядовою стороною масонства. „Дружеское учное общество“ предназначалось для того, чтобы распространять правила истиннаго воспитанія, выписывать изъ-за границы и приготавливать въ Россіи хорошихъ наставниковъ, издавать полезные книги и распространять ихъ въ училищахъ. На счетъ „общества“ воспитывалось до 50 студентовъ, и нѣкоторые молодые люди (какъ, напримѣръ, Карамзинъ) получили возможность побывать за границею. Шварцъ устраивалъ студенческія общества для упражненія въ переводахъ и сочиненіяхъ, изъ которыхъ многіе были напечатаны. Въ 1784 г. Общество было преобразовано въ „Типографическую компанію“; кромѣ того, послѣ указа 15-го января 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ, Новиковъ завелъ свою собственную типографію; его примѣру послѣдовалъ членъ общества И. В. Лопухинъ. Съ 1785 года начинаются для Новикова первыя непріятности. Императрица Екатерина, слѣдя за ходомъ дѣлъ во Франціи, нашла необходимымъ принять мѣры противъ русскіхъ масоновъ. Прежде всего обращено было вниманіе на типографскую дѣятельность Новикова; его привлекли къ отвѣтственности за изданіе „страш­ныхъ книгъ, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ“, московскому митрополиту Платону поручено было истребовать Новикова въ Закоуѣ Божіемъ и рассмотре­ть книги. Но Платонъ отозвался о Новиковѣ такъ: „Молю Всевсего Бога, чтобы не только въ словесной частвѣ, миѣ вѣрнопой, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе, какъ Новиковъ“; о книгахъ же онъ не сказалъ ничего дурнаго, признавъ вредными только сочиненія энциклопедистовъ. На этотъ разъ дѣло кончилось для Новикова благополучно, но за нимъ зорко слѣдили; императрица сама приказала не отдавать ему на слѣдующій арендный срокъ университетской типографіи. О значеніи же Новикова среди его друзей особенно свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: въ 1787 году, во время голода, богатый Подходяишинъ, увѣжденный словами Новикова, отдалъ въ его распоряженіе для вспоможенія голодающимъ все свое состояніе (1 мил. руб.); этотъ филантропъ умеръ потомъ въ бѣдности, но всегда вспоминалъ о Новиковѣ съ глубокимъ уваженіемъ.

Наконецъ, судьба Новикова свершилась. Въ 1791 году (въ ноябрѣ) члены „Типографической компаніи“ рѣшили закрыть ее, а 21-го апрѣля 1792 года Новиковъ былъ арестованъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, с. Авдотьино-Тихвинскомъ. Въ то же время запечатаны были въ Москвѣ типографіи и книжныя лавки Новикова, а также лавки книгопродавцевъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Вмѣстѣ съ Новиковыми привлечены были къ отвѣтственности нѣкоторые его друзья. Князь Прозоровскій началъ самое пристрастное слѣдствіе, желая открыть въ „адскихъ замыслахъ“ Новикова, котораго называлъ „тонкимъ плутомъ“; особенно добивался онъ открыть связь московскихъ мартинистовъ съ французскими якобинцами...

Новикову поставлено было въ вину, между прочимъ, то, что онъ въ дѣлѣ поставленія въ религію прибѣгалъ къ „невѣдомому чело­вѣку Рейхелю“, а не „къ російскимъ пастырямъ“; его обвинили въ намѣреніи перевести на русскій языкъ описанія религіозныхъ системъ древнихъ народовъ. Сношенія масоновъ съ масонскими магистрами, прицами брауншвейгскимъ и кассельскимъ, выставлены были, какъ нарушеніе вѣрноподданнической присяги и вступленіе въ иностранное подданство. Новиковъ показалъ, что отъ продажи книгъ онъ имѣлъ за четыре года 150 тис. рублей барыша; изъ этого слѣ­дователи сдѣлали такое заключеніе: „Изъ сего довольно ясно, какъ онъ продажею книгъ грабилъ публику“. Особенную важность придавали тому обстоятельству, что въ числѣ захваченныхъ бумагъ было письмо, содержавшее извѣстіе, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ былъ добраго мнѣнія о масонахъ. Изъ Москвы Новикова перевезли въ Шлиссельбургскую крѣ­пость, гдѣ его допрашивалъ извѣстный сыщикъ Шенковскій. Замѣчательно, что первоначально Екатерина хотѣла, чтобы Новикова судили установленнымъ судебнымъ порядкомъ, но 1-го августа 1792 года послѣдовалъ на имя князя Прозоровскаго рескриптъ, изъ котораго видно, что, хотя Новиковъ и заслуживалъ „казни“, но для того, чтобы дать ему время „принести въ злодѣйствахъ своихъ покаяніе“, онъ былъ осужденъ на 15 лѣтъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ 1796 году императоръ Павелъ I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, освободилъ Новикова; послѣ чего Новиковъ прожилъ въ своей подмосковной, с. Авдотьино-Тихвинскомъ, 22 года, не принимая участія ни въ литературѣ, ни въ общественной дѣятельности. Скончался онъ на 74-мъ году, ровно 75 лѣтъ тому назадъ, 31-го іюля 1818 г. и погребенъ въ церкви названнаго села.

Н. Ширяевъ.

Скотопригонный паркъ на центральной бойнѣ въ Чикаго.

(Рис. на стр. 700).

Одною изъ самыхъ крупныхъ диковинокъ въ Чикаго справедливо считается скотопригонный паркъ при бойняхъ и, въ особенности, самая бойня. Ничего подобнаго нѣтъ во всемъ мѣрѣ, какъ по величинѣ, такъ и по количеству убиваемаго здѣсь скота. На одной только изъ бойнь, принадлежащей фирмѣ Armour, съ 1-го апрѣля 1892 по 1-е апрѣля 1893 г. было убито 1.750.000 свиней, 1.800.000 быковъ и 625.000 барановъ и запродано скота на 102.000.000 долларовъ. Работало тутъ 11.000 человекъ, годовое вознагражденіе которыхъ составляетъ 5.500.000 долларовъ. Для развозки своихъ продуктовъ: окороковъ, сала, жира и пр., фирма Armour пользовалась 4.000 железнодорожными вагонами и 700 лошадьми. Кроме того, при ней есть фабрика клея, на которой работаетъ 750 человекъ и которая даетъ ежегодно 12.000.000 фун. клея. Итого на свинныхъ бойняхъ убивается среднимъ числомъ въ день 5.000, а зимой даже 10.000 свиней и, сверхъ того, одновременно 4.500 быковъ. Тутъ же у бойнь высятся колоссальныя ледники и огромныя мастерскія для соленья мяса. Общіе размѣры оборота чикагскихъ бойнь можно себѣ довольно ясно представить изъ слѣдующей таблички количества животныхъ, привезенныхъ въ

Сіамъ. Король Хулаэнгкорнь I и его супруга.
По фот. грав. Шюблеръ.

обрѣвшія всемирную извѣстность. Пригнанные по особому устройству на проходѣмъ на бойню быки помещаются въ узкій коридоръ со множествомъ дверей, выходящихъ въ клѣти безъ потолка. Въ дверяхъ имѣется отверстие, въ которое быкъ просовываетъ голову, совершенно не подозревая, что тамъ, наверху, по доскѣ, перекинутой въ видѣ моста надъ перегородками клѣтей, идетъ мясникъ съ мучелемъ въ рукѣ; ударъ его, всегда разсчитанный и вѣрный, попадаетъ между роговъ быка и безъ промаха—смертеленъ. Убитый такимъ образомъ быкъ падаетъ прямо мордой къ двери, которая сейчасъ же растворяется, и животное, при помощи цѣпи, приводимой въ движеніе паромъ, подымается на воздухъ. Тутъ же его свѣжуютъ, выотраиваютъ, обмываютъ струей холодной воды, разрѣзаютъ пополамъ и отправляютъ въ ледники. Благодаря

своимъ бойнямъ, Чикаго снабжаетъ съѣтными припасами чуть-ли не весь городъ Соединенныхъ Штатовъ. Для этого имѣются спеціальныя вагоны-ледники. Гостиницы, трактиры, рестораны въ самыхъ отдаленныхъ маленькихъ общинахъ могутъ покушать прекрасное свѣжее мясо даже по мелочамъ, отдѣльными частями, которые пересылаются въ ящикахъ, снабженныхъ льдомъ. Если мясо имѣетъ мало жира, его отвариваютъ и отправляютъ въ этомъ видѣ въ Европу, для употребленія въ арміяхъ; кроме того, его маринуютъ и коптятъ для употребленія въ колоніяхъ или для британскихъ моряковъ. Свиней убиваютъ нѣсколькимъ инымъ способомъ.

Сіамъ. Королевская пристань на рѣкѣ Менамъ.
По фот. грав. Рашевскій.

Сіамъ. Дворецъ короля въ Бангкокѣ.
По фот. грав. Рашевскій.

паркъ въ 1892 г., сравнительно съ количествомъ скота, доставленнаго на самый большой рынокъ во Франціи въ 1891 г.

	Чикаго.	Парижъ.
Быковъ	3.511.796	294.119
Свиней	7.714.435	445.661
Барановъ	2.145.079	1.070.574
Коровъ	197.576	178.882

Скотъ доставляется фермерами и промышленниками въ Чикаго на повоздѣ прямо въ самый паркъ, гдѣ помещается въ отдѣльные загонъ, панимаемые за сравнительно дешевую цѣну, напр. по 50 к. съ быка. Продажа происходитъ при помощи комисіонера въ нѣсколько минутъ.

На востокъ отъ скотопригоннаго парка высятся болѣе 27 большихъ зданій бойнь; изъ нихъ самыя знаменитыя бойни—вышеупомянутой фирмы Armour, Swift, Nelson, Morris, при-

своимъ бойнямъ, Чикаго снабжаетъ съѣтными припасами чуть-ли не весь городъ Соединенныхъ Штатовъ. Для этого имѣются спеціальныя вагоны-ледники. Гостиницы, трактиры, рестораны въ самыхъ отдаленныхъ маленькихъ общинахъ могутъ покушать прекрасное свѣжее мясо даже по мелочамъ, отдѣльными частями, которые пересылаются въ ящикахъ, снабженныхъ льдомъ. Если мясо имѣетъ мало жира, его отвариваютъ и отправляютъ въ этомъ видѣ въ Европу, для употребленія въ арміяхъ; кроме того, его маринуютъ и коптятъ для употребленія въ колоніяхъ или для британскихъ моряковъ. Свиней убиваютъ нѣсколькимъ инымъ способомъ.

Сѣнокошь. (Рис. на стр. 701).

Даровитый профессоръ живописи Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, въ своемъ рисункѣ на стр. 701, какъ нельзя лучше пи-

люстрировалъ всѣмъ известное стихотвореніе А. Н. Майкова „Сѣнокосъ“.

Пахнетъ сѣномъ надъ дугами...
Въ нѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно певеля...

Лакомка. (Рис. на стр. 705).

Манная кашка удалась на славу: бѣлая, сладкая, тягучая... Маленькій братецъ, заперевъ по самую шею, какъ червячокъ моли въ коконъ, поворачивая полнощекую головку, точно изъ болыни, чтобы отъ него не отпали любимого кушанья, и тараща глазки, торопливо началъ глотать ложку за ложкой вкусную кашу, потомъ работа пошла медленнѣе и, наконецъ, голодь былъ утоленъ, и маленький шалунъ принялся

которымъ былъ занять г. Бангкокъ, нынѣшняя столица Сіама. Но флотъ долженъ былъ отступить, такъ какъ населеніе возмутилось противъ вторженія европейцевъ, и въ 1689 г. Фаулконъ былъ убитъ. Такой же участи подвергся и одинъ изъ послѣдующихъ правителей, китаецъ Фіатакъ, убитый генераломъ Хакри, который вступилъ во власть и потомки котораго до сихъ поръ управляютъ Сіамомъ. 1 октября 1868 г., взошелъ на престолъ король Зомдеджъ Хуалонгкорнъ, правящій и понынѣ. Онъ родился 21 сентября 1853 г. и воспитывался подъ руководствомъ англичанки.

Бангкокъ расположенъ по обѣимъ берегамъ Менама, въ центрѣ его помѣщается дворецъ короля, окруженный высокой стѣной въ 1300 метровъ длины, вооруженной кое-гдѣ пушками. Постройки дѣлаются изъ бамбука и возводятся на столбахъ. Только монастыри и королевскіе дворцы выстроены изъ камня. Кроме того, тамъ есть пловучіе дома, служащіе

Дешевая столовая г-жи Е. Г. фонъ-Валь у Тучкова моста въ Спб. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бrolлинга, грав. Рашевскій.

раздуть подносимую къ его рту кашку изъ ложки. Сестрица поняла, что онъ сытъ, и предложила другимъ дѣткамъ полакомиться вкуснымъ блюдомъ. Точасъ же курчавый мальчуганъ подставилъ свой рогики и дѣвочка позабыла про куклу, въ ожиданіи очереди, въ то время, какъ третій лакомка, по-рачьи, спускается со ступенекъ, чтобы принять участіе во всеобщемъ шпршествѣ.

Лит. альбомъ. „Два брата“. (Рис. на стр. 708).

Сказки, собранныя братьями Гриммами и издаваемые А. Ф. Марксомъ, богато иллюстрированы рисунками художника Гротъ-Юганна. На 708 стр. настоящаго номера мы помѣщаемъ одну изъ этихъ иллюстрацій, изображающую сраженіе съ дракономъ молодого охотника, который освобождаетъ отъ этого дракона прекрасную царевну, укрытую въ видѣ нѣющуюся вдали церковь. Сцена эта заимствована изъ сказки „Два брата“. Переводъ сказокъ П. Н. Полевого и прекрасенъ.

Сіамъ. (2 рис. и 2 портр. на стр. 712).

Послѣднія политическія событія, какъ известно уже читателямъ изъ политическаго обозрѣнія *Нивы*, выдвинули маленькое азиатское королевство Сіамъ, благодаря его конфликту съ Франціей. Сношенія ея съ Сіамомъ начались съ давнихъ поръ. Въ 1663 г. грекъ Константинъ Фаулконъ, изъ Кефалоніи, сталъ главою правительства въ Сіамѣ и отправилъ въ 1684 г. посольство во Францію къ Людовику XIV. Франція въ отвѣтъ на это послала ему въ 1685—1688 гг. флотъ и 500 чел. десанта,

обыкновенно помѣщеніями для лавокъ и разныхъ ремесленныхъ мастерскихъ. Главная торговля производится такимъ образомъ на водѣ. У сіамцевъ считается тяжелымъ преступленіемъ ходить по мосту, когда подъ нимъ проѣзжаетъ какое-нибудь лицо изъ семейства верховнаго правителя. Среди огромнаго двора королевскаго дворца возвышается прямоугольный, украшенный скульптурной работой и увѣнчанный остроконечной вызолоченной башней,—это зала для приема иностранныхъ пословъ и для храненія праха мертвыхъ королей до ихъ сожженія. Тутъ-же зала, гдѣ король, окруженный массой чиновниковъ, ежедневно даетъ имъ приказанія. Къ этой залѣ примыкаютъ покои короля, королевы и помѣщенія безчисленной женской свиты.

Дешевая столовая госпожи Е. Г. фонъ-Валь.

(Рис. на этой стр.).

Несмотря на существующія въ столицѣ столовыя съ удешевленной пищей, настоятельная потребность дать возможность бѣднѣйшему населенію столицы, въ особенности, прибывающимъ въ столицу чернорабочимъ, имѣть достаточную, питательную пищу за ничтожную плату или и вовсе безплатно, въ особенности, во время существованія въ столицѣ эпидемическихъ болѣзней, уже давно останавливала на себѣ вниманіе общества. Благая мысль эта осуществлена въ февралѣ текущаго года, благодаря инициативѣ супруги с.-петербургскаго градоначальника, Е. Г. фонъ-Валь, открытіемъ 1 февраля го-

родской денежной и безилатной столовой при скотопригонном дворе. Вторая столовая открыта на Лиговских прудах 8 апреля; третья — на баркѣ у Тучкова моста — 8 мая. Эта последняя и изображена на нашем рисункѣ.

Съ тѣхъ поръ въ столовыхъ ежедневно получаютъ пропп-

таніе около 1000 человекъ, изъ коихъ болѣе $\frac{1}{3}$ безилатно, а остальные — по 4 коп. за обѣдъ, состоящій изъ $\frac{3}{4}$ фунта хлѣба и неограниченнаго количества супа или щей. Общество считается въ своемъ составѣ 855 членовъ. Капиталъ Общества за короткое время существованія Общества достигъ 13,771 руб.

Политическое обозрѣніе.

Таможенная борьба между нашимъ отечествомъ и Германией уже началась. Въ отвѣтъ на повышение таможенныхъ пошлинъ на товары, привозимые въ Россію изъ странъ, не дѣлающихъ таможенныхъ уступокъ русскимъ произведеніямъ, германское правительство опубликовало, 17-го іюля, постановленіе, по которому главные предметы русскаго вывоза подвергаются при ввозѣ въ Германию возвышеннымъ таможеннымъ пошлинамъ на 50 проц., если они будутъ провозиться изъ Россіи, но не изъ Финляндіи.

Конечно, Россія не могла не оставить безъ отвѣта подобное распоряженіе, и въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 16-го сего іюля о взаимнѣи особо повышенныхъ пошлинъ, министромъ Финансовъ, по соглашенію съ министромъ Иностраннѣхъ дѣлъ, постановлено: А. Съ произведеній почвы и промышленности Германіи съ ея вѣв-европейскими колоніями взимать пошлины съ надбавкою въ 50%. Б. Настоящее постановленіе вводитъ въ дѣйствіе съ 21-го іюля сего года. В. Дѣйствіе сего постановленія не распространяетъ на товары, которые, при вступленіи онаго въ силу, окажутся на складѣ въ таможенѣ, а равно на товары, грузовые документы на кои будутъ сданы пограничной или портовой таможенѣ въ теченіе всего дня 21-го іюля до окончанія дѣйствія таможи (ст. 56 уст. там. изд. 1892 г.).

По словамъ газетъ, германское правительство уведомило русское правительство, что оно не отказывается отъ переговоровъ о торговомъ трактатѣ и предлагаетъ начать ихъ 19 сентября. Русское правительство, принимая это предложеніе, уведомило о своей готовности начать эти переговоры и раѣе на почвѣ взаимныхъ уступокъ.

Считаемъ не лишнимъ прибавить, что въ Германию вывозится товаровъ изъ Россіи на 250 милліоновъ, а ввозится изъ Германіи на 75 милліоновъ рублей.

Французско-сіамское столкновеніе окончилось къ полнѣйшему удовлетворенію Франціи, которая занимаетъ, вѣрѣе до очищенія сіамцами лѣваго берега р. Меконгъ, гавань и рѣку Шонтобунъ и предоставляетъ себѣ право учредить консулства въ Ханъ и Коратъ. Сіаму воспрещено содержать вооруженныя суда на озерѣ Тиллесаанъ. Владѣнія Англии и Франціи будутъ раздѣлены нейтральною полосой и соглашеніе о ней уже подписано въ Парижѣ.

Всѣ французскія газеты радуются побѣдѣ, одержанной французскою дипломатіею въ сіамскомъ дѣлѣ и хвалятъ энергію и искусство Девелли, причемъ ими обнаружено много единодушія, благоразумія и патріотической умѣренности. Какъ лучшее доказательство такого единодушія, дѣлающаго честь печати, приведемъ слѣдующія слова орлеанскаго газеты *Soleil*: „Безусловное принятіе ультиматума сіамцами послѣ попытки къ сопротивленію — такой успѣхъ, важность котораго признается всею иностранною прессою. Успѣхъ этотъ будетъ содѣйствовать повышенію престижа трехцѣтвитаго знамени. Поздравляемъ правительство съ этимъ успѣхомъ, и если на выборахъ онъ принесетъ пользу республикѣ, то мы съ этимъ легко примиримся, потому что въ выигрышѣ окажется и Франція“.

Въ Вѣнѣ опубликовано императорское повелѣніе о допущеніи иностранныхъ военныхъ судовъ къ берегамъ австро-венгерской монархіи. Въ одной и той же гавани могутъ спускаться якорь только три судна подъ однимъ и тѣмъ же флагомъ, а на всемъ протяженіи прибрежья могутъ находиться одновременно только шесть военныхъ кораблей одной націи. Исключенія допущены лишь въ случаѣ, когда судно терпитъ нужду на морѣ или если заранѣе было испрашено дипломатическимъ путемъ разрѣшеніе.

Разныя извѣстія.

— 22-го іюля, въ высосторкественный день Тезоименитства Ея Императрицы величества Государыни Императрицы, Ихъ Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великими Князьями Ксеніею Александровною и Ольгою Александровною и Ихъ Императорскія Высочества Великія Князья и Великія Княгини слушали божественную литургію въ церкви Большаго Петергофскаго дворца. По окончаніи Богослуженія, Ихъ Величества принимали поздравленія, а затѣмъ въ залахъ дворца, въ Высочайшемъ присутствіи, состоялся завтракъ.

— Высочайше повелѣно объявить городъ Нижній-Новгородъ съ прилегающими къ нему

мѣстностями, въ время ярмарки, въ состояніи усиленной охраны.

— Въ № 104 *Сборника законовъ и распоряженій Правительства* напечатано Высочайшее повелѣніе о взаимнѣи особо повышенныхъ таможенныхъ пошлинъ.

— Гофмейстеръ, коллежскій ассесоръ графъ Иванъ Толстой назначенъ вице-президентомъ Императорской Академіи Художествъ.

— Высочайшимъ приказомъ петербургскимъ городскимъ головою назначенъ тайный совѣтникъ В. А. Ратьковъ-Рожновъ.

— Въ Финляндіи въ предстоящемъ учебномъ году открывается около 10 новыхъ русскихъ народныхъ школъ.

— Департаментомъ желѣзныхъ дорогъ издано вновь распоряженіе, чтобы на всѣхъ

станціяхъ имѣлась кипячая вода для питья, и предложено содержатьяамъ буфетовъ на станціяхъ отпускать безилатно пассажирамъ кипятокъ.

— Согласно новому тарифу, плата за проездъ дѣтей въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ въ вагонѣ III класса по Балтійской ж. д. взимается въ размѣрѣ четверти дѣйствующаго за проездъ взрослыхъ пассажировъ тарифа.

— Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ разрѣшенъ областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи, который состоится съ 20 сентября по 10 октября въ г. Саратовѣ.

— Русскій художникъ М. О. Микѣшинъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ „Сербской королевской академіи“.

СОДЕРЖАНІЕ: Сильный человекъ. Романъ К. Орловскаго. (Продолженіе). — „Вегетарианка“. Рассказъ. Переводъ съ французскаго В. Карпинской. — Пчеловодный музей и учебная пасѣна въ С.-Петербургѣ (съ рис.). — Къ рисункамъ: Николай Ивановичъ Новиковъ (съ портр.). — Скотопригонный паркъ на центральной бойнѣ въ Чикаго (съ рис.). — Сѣнокосъ (съ рис.). — Ланомка (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Два брата“ (съ рис.). — Сіамъ (съ 2 рис. и 2 портр.). — Дешевая столовая г-жи Е. Г. Фонъ-Фаль (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. И. Волонскій.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. **5 р.** Съ дост. въ Петерб. **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія **6 р.** Съ перес. въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу. **10 р.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

СРЕДСТВО

для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6149 28-6

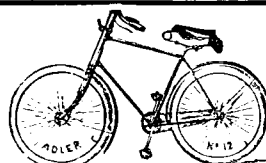
ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7-2

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЛЕВИНГЪСЪ и ГЮЗНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франкфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-17

велосипед. „Орель“.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейер-курантъ за 10 коп. марку.

1865.

1882.

ТОВАРИЩЕСТВО

1870.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

№ 0372 26-8

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

4711

О-ДЕ-КОЛОНЬ.

СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ Ц. № 6475 ЯРЛЫКОМЪ 3-1

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. Депо въ С.-П.-бургѣ, у Алекс. Тиссъ и К^о, Пушкинская, № 4.

Требовать: ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.
!!ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ!!

НОВАЯ КЕРОСИН. РЕГЕНЕРАТИВНАЯ ЛАМПА „ЭЛЕКТРА“.

Горитъ ровнымъ прекраснымъ свѣтомъ, трудно отличимымъ отъ электрическаго — огнемъ внизъ; расходуетъ въ часъ горѣнія около 1/3 фунта керосина при силѣ свѣта въ 75 свѣчей. Лучшее и эффектнѣйшее освѣщеніе, замѣняющее въ послѣднее время всякое другое освѣщеніе въ хорошихъ магазинахъ, ресторанахъ, клубахъ, фабрикахъ, конторахъ и пр. Ц. № 6480.

Прейсъ-курранты высылаются за 7-ми копѣеч. марку. Исключительная продана въ Конторѣ О. Г. ЭТИНГЕРА, Варшава, Св. Креста, 32.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (3)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ *Mimosa* ЛОЗЕ *Ixora-viola*

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО

Д-р ЛЕНГИЛЯ

въ вѣвѣ

для БѢЛЫХЪ, СМЯГЧЕНІЯ И ЧИСТОТЫ КОЖИ, ЛИЦА И РУКЪ

Придаетъ Кожи Совѣтскій Видъ, рекомендуется какъ Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ ЕДИНСТВЕННОГО АГЕНТА

ВАСИЛІЯ АУРИХЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

РЕКТИФИКАЦИОННЫЕ ЗАВОДЫ

для очистки спирта

устройства существующіе съ 1818 года

МЕХАНИЧЕСКІЕ ЗАВОДЫ Ц. № 6481

БОРМАНЪ ШВЕДЕ И КО.

въ Варшавѣ.

Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ устроено нами слишкомъ 100 ректификационныхъ заводовъ.

Д-ръ Волицкій лечитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2-3 и 6-7 1/2 ч. в.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрп. ЦХVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ДВЕ СКОРОПЕЧАТНЫЯ МАШИНЫ

типографскія, завода Кенигъ и Бауеръ въ Оберцель, близъ Вюрцбурга, сохраненныя, но хорошо сохранившіяся, продаются по цѣнѣ 1500 и 1800 руб.

Обращаться: въ С.-Петербургъ, Ср. Подъяч., № 1, въ типографію.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи заказа приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высчитается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже. Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р. Футляры для скрипки по 3/2, 3, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

Струны, канцоль и всѣ другія принадлежности.

Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ какъ и большія.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 р. собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“, находящіяся въ употребленіи у первыхъ артистовъ, по 85 и 120 руб. Иллюстриров. прейсъ-курантъ — безплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для кожи лица и рукъ.

При покупкѣ настоящаго вазелиноваго мыла Голлендера, просимъ обращать вниманіе на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подписи Г. Голлендеръ и требовать всегда мыла Голлендеръ. Цѣна 30 к.

Вазелиновая жирная пудра . . . кор. 60 к.
Вазелиновый кольдъ-кремъ . . . бан. 35 к.
Вазелиновая помада . . . бан. 35 к.
Ландышевое молоко . . . фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (5) № 6340 С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1. Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

издателя „РЕМЕСЛЕННОЙ ГАЗЕТЫ“ и журнала „Техник. Сборникъ и Вѣстникъ Промышл.“ ученаго инженеръ-механика **К. А. КАЗНАЧЕВЪ**

Москва, Долгоруковская, д. № 71.

Въ магазинѣ постепенно сосредоточиваются различныя изданія по техническимъ и ремесленнымъ производствамъ. Магазинъ высылаетъ всякаго рода книги, сборники рисунковъ, чертежи и различныя учебныя пособия по первому требованію, желающимъ — съ наложеннымъ платежомъ.

Полный каталогъ магазина высылается за одну семимон. марку. Ц. № 6493

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только 3 года.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

2-й ВЫИГРЫШНЫЙ

Банкирскій домъ **ГЕНРИХЪ БЛОКЪ**,

59, Невскій, СПб. (5-1) 1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., надъ выигрышъ въ 5000 р. и 1 мал. с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05413, № 04 выигрышъ въ 500 р.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ известный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и различныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вели. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вели. Герцога Ольденбургскаго, Герцога Лудвига Баварскаго, Е. И. Выс. Принцессы Фридрихъ-Карль Прусской, Е. И. Выс. Принцессы Альбрехтъ Прусской и другихъ царствующихъ особъ. В. № 6477

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ.

Къ предстоящему охотничьему сезону: лагавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ, съ гарантіею. Иллюстрированное прейсъ-курантъ по-французски и по-нѣмецки, безплатно.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

К. В. МАЗИНГА, въ Москвѣ,

между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковскій переулокъ, пользуется всеми правами назенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленій и VII дополнительнаго класса. Во всѣ классы воспитанники принимаются приходскими и пансіонерами. Въ приготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало приемныхъ экзаменовъ 10 августа. Начало ученія 17 августа. Ц. № 6482

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧ. КУРСЫ

РАПГОФЪ.

Музыкальные курсы драматическаго искусства. Адресъ: СПб., Малая Морская, № 7. Приемные часы директора и приемъ вновь поступающихъ съ 20 августа ежедневно, отъ 1-3 ч. дня и отъ 5-7 ч. вѣч. Подробныя прогнр. выслаются и выдаются безплатно. Директоръ Евгений Павловичъ **РАПГОФЪ.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (12)
Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 62 прот. Имл. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ ма- газина. Ручательство на 2 года. № 6283

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛКЪ!
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОУХОНОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ЦѢНЪ 50 1/2 К. 30 К.

Главный складъ для всей Россіи у К. И. Феррейна въ Москвѣ. Ш. № 6485

НЕОБХОДИМО
имѣть каждому теплое и мягкое одеяло чистой шерсти замѣчательно красиваго тигроваго рисунка хорошей волнистымъ цѣною за 8 руб. и въсюхъ за 7 ф. Высылаютъ съ налож. плат. мануф. торг. Масленникова. Банковская лин., № 2, СПб.

Искусственные жернова
фабрики **И. Траппа** не требуютъ ковки; въ 2-3 часа производителъ въ друг. жернововъ. Главный представитель **В. Б. Жуковскій.** С.-Петербургъ, 10-я рота, д. 6.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ
НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВКѢ 1889
А. С. УИКО
ПАРФЮМЕРІЯ
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

Фирма премирована на европейскіхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскихъ товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ известнѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Басейная ул., д. № 2.

ПРОДАЕТСЯ

ЕДИНСТВЕННАЯ ДЛЯ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЯ № 6464

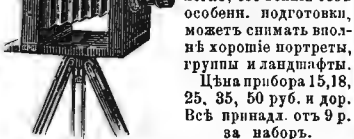
столярно-паркетная паровая фабрика **Фридриха Михайловича Зетцеръ**, находящаяся въ г. Тифлисѣ.

Объ условіяхъ можно узнать въ гор. Эривани у помѣщика и уполномоченнаго фирмы, Начальника Кенарикской заставы, Леонида Леонидовича Парфентьева. 5-3

!! УПОТРЕБЛЯЙТЕ !!
Только 1-ая въ Россіи по качеству
„ЧУДО-ВАКСА“
М. П. Кузнецова.
Смываетъ и сохраняетъ обувь и придаетъ Ц. № 6163 наилучшій блескъ. 2-2
= ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ =
10, 15, 20, 30 и 35 коп. за жест. коробку. Депо у А. Г. Рейнгерца, СПб., Гороховая, 26-40. Прейсъ-курантъ — безплатно.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

№ 6467 для Г. г. любителей. 2-2

Велѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всѣмъ безъ исключенія. подгот. можетъ снимать вполнѣ хорошія портреты, группы и ландшафты. Цѣна прибора 15, 18, 25, 35, 50 руб. и др. Всѣ принад. отъ 9 р. за наборъ.

Е. КРАУСЪ и К^о

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32. ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.

ЗАЯВЛЕНІЕ

ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ. Проспектъ безвозмездно. СПб., Симеоновская, 5. Учбникъ 3 руб.

Велосипеди англійскаго завода „Гумберъ и К^о. Лмтд.“ лучше въ свѣтъ! предлагаетъ торговый домъ

Г. ЖЕМЛИЧКА и К^о. Москва, Неглинный просп., домъ Ечкиной. Прейсъ-курантъ — безплатно.

ПИШУЩАЯ МАШИНА 25-22

РЕМИНГТОНА № 5

„новѣйшая изъ всѣхъ существующихъ системъ“

признана лучшей въ свѣтъ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 5896 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кобандъ.

Утвержденные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ,

основанные въ 1881—82 г. Мобѣстие состоитъ 1 сентября въ 1 ч. дня. Начало занятій 2 сентября. Окончашіе полный курсъ ученія получаютъ свидѣтельство или аттестатъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧ. КУРСЫ

РАПГОФЪ.

Музыкальные курсы драматическаго искусства. Адресъ: СПб., Малая Морская, № 7. Приемные часы директора и приемъ вновь поступающихъ съ 20 августа ежедневно, отъ 1-3 ч. дня и отъ 5-7 ч. вѣч. Подробныя прогнр. выслаются и выдаются безплатно. Директоръ Евгений Павловичъ **РАПГОФЪ.**

Иллюстрированный
Журналъ
Литературы

XXIV г.

№ 32

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣдн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеѣмъ прил. Выданъ 7 августа 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Ц. этого № 20 к., съ пер. 25 к. Ц. Сбор. Соч. Екат. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ «ШИВЫ» ЗА АВГУСТЪ (СОЧИНЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1893 г. съ 32 рисунками и отд. лист. съ 32 чертеж. выкр. въ натур. величину и 21 рис. вышивныхъ работъ.

Сильный человекъ.

Романъ К. Орловскаго.

(Продолженіе).

— До сихъ поръ, милостивые государи, началъ Выгинъ громкимъ, но дрожавшимъ отъ волненія голосомъ,—когда мнѣ приходилось просить слова въ этомъ собраніи, я неизмѣнно дѣлалъ это, чтобы поддержать всякое предложеніе, идущее отъ нашего предсѣдателя. Сегодня въ первый разъ я вынужденъ поступить иначе,

и мнѣ не зачѣмъ говорить вамъ, съ какою глубокою душевною болью я подчиняюсь этой тяжелой необходимости. Вы, вѣдь, знаете, господа, какъ близокъ я былъ, какъ горячо я былъ преданъ Семену Андреевичу Конотонову. И не легко мнѣ, повѣрьте, очень не легко возвышать голосъ противъ человека, котораго все мы

Дворецъ и эспланада передъ нимъ въ Ораніенбаумѣ. Съ фот. грав Шлипперъ.

так привыкли уважать, который столько ужъ лѣтъ занималъ среди насъ такое руководящее положеніе...

Съ первыхъ же словъ Вьюгина глубокое, напряженное молчаніе воцарилось въ залѣ, до того глубокое и внимательное, что, казалось, на ряду съ голосомъ Бориса Павловича, слышалось это самое молчаніе. Теперь, когда всего на одну секунду онъ приостановился, чтобы перевести духъ, громкій шопотъ пробѣжалъ по собранію, не то удивленный, не то испуганный. Никто не ожидалъ, что Вьюгинъ такъ рѣшительно выступитъ противъ своего бывшего патрона. И самъ Конотоповъ, рука котораго сперва, было, судорожно ухватилась за колокольчикъ, какъ-то сразу осунулся, пораженный этимъ новымъ, негаданнымъ ударомъ. Звонъ колокольчика не раздался, и словно омертвѣвшая рука бесильно уронила его на столъ. А лицо Ани, за которымъ я не переставалъ тревожно слѣдить, мгновенно измѣнилось, и страдальческая блѣдность покрыла ее потухшія черты.

— Я не могу не присоединиться къ предложенію князя Слуцкаго, продолжалъ Вьюгинъ, — я долженъ сдѣлать болѣе, долженъ убѣдительно просить васъ единогласно принять это предложеніе, потому что въ такомъ вопросѣ различія въ мнѣніяхъ у насъ быть не можетъ. Я не хочу скрывать ни отъ васъ, ни отъ себя, что, говоря это, я тѣмъ самымъ выражаю недовѣріе господину предсѣдателю, потому что всѣ мы, вѣдь, знаемъ, что прослушанный нами докладъ исходитъ отъ него. Отвергая этотъ докладъ, выбирая изъ своей среды комиссію, мы будемъ имѣть въ виду не одно только дѣло о злоупотребленіяхъ въ Сокольской опецѣ. Мы, въ сущности, подвергнемъ своему контролю и суду цѣлый рядъ дѣйствій, успѣвшихъ возбудить въ нашемъ обществѣ много разнорѣчивыхъ толковъ, но дѣлать нечего. Очень жаль, что подобныя толки могли подняться, что на имя одного изъ самыхъ почтенныхъ нашихъ дѣятелей легла тѣнь. Но разъ это случилось, мы свѣта бояться не должны. Въ интересахъ дѣла, истина должна быть раскрыта, какъ бы печальна она ни была. Недомолвокъ между нами не должно быть. И пусть не говорятъ намъ, что мы не имѣемъ права касаться того, что происходило въ нашемъ земствѣ. Нашъ предсѣдатель въ то же время занимаетъ должность предсѣдателя управы, и въ этомъ двойномъ характерѣ его дѣятельности мы не можемъ разбивать ее по частямъ, закрывать глаза передъ тѣмъ, что относится къ дѣламъ нашего земства. Нашъ предсѣдатель, предводитель дворянства нашей губерніи долженъ быть чистъ отъ всякихъ нареканій. Теперь, передъ выборами, это важнѣе, чѣмъ когда-либо. И когда мы слышимъ, что, въ качествѣ предсѣдателя управы, онъ вступалъ въ сдѣлки съ господиномъ строителемъ желѣзной дороги, что учрежденный на земскія средства банкъ стоитъ накануне крушенія, что, наконецъ, бывший секретарь управы былъ обвиненъ напрасно, такъ сказать, прикрылъ собою незаконные поступки самого предсѣдателя, когда мы слышимъ все это, господа, — и мы слышимъ это все громче, все настойчивѣе, — мы должны сдѣлать все, чтобы эти сомнѣнія разъяснились. Я долго не хотѣлъ вѣрить этимъ обвиненіямъ, считалъ ихъ голословными вымыслами, но, къ сожалѣнію, я вынужденъ признаться, что на этотъ счетъ мое убѣжденіе поколеблено. Повторяю это еще разъ, я съ глубокою сердечною горестью высказываюсь такъ передъ вами, но само то безграничное довѣріе, съ которымъ я прежде относился къ Семену Андреевичу, не позволяетъ мнѣ поступить иначе. Я не въ силахъ остаться въ какомъ-то неопредѣленномъ, сомнѣвающимся отношеніи къ дѣятелю, которому я такъ полно отдавалъ все свое уваженіе. Да и самъ онъ, я увѣренъ въ этомъ, не хотѣлъ бы остаться подъ тяжестью такого сомнѣнія. Онъ самъ первый, конечно, захочетъ того, что одно можетъ очистить его

отъ всякихъ нареканій, — неподкупнаго гласнаго суда... Милостивые государи, я произнесъ это роковое слово и не отрекаюсь отъ него. Мы должны въ предѣлахъ, намъ предоставленныхъ закономъ, возбудить слѣдствіе надъ дѣйствіями Семена Андреевича Конотопова.

Вьюгинъ сѣлъ, какъ садится на скамью подсудимыхъ обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ. Весь блѣдный, съ трясущимися руками, онъ, казалось, чувствовалъ на себѣ тяжесть непоправимой вины. Бѣдному малому, я думаю, не легко было сознавать, что каждое его слово доходитъ до слуха Ани, и все глубже становится пропасть между нимъ и любимую дѣвушкой. Но, признаюсь, мнѣ было не до него, и сожалѣть о немъ я не былъ въ силахъ. Все мое вниманіе, все мое сочувствіе нераздѣльно принадлежало Анѣ. Взглядъ ея, сперва неподвижный, постепенно разгорался и краска все ярче заливала ее щеки. Страшная, мучительная борьба проходила, должно-быть, въ ней, послѣдняя борьба между привязанностью къ отцу и бывшей ей въ глаза грубою, ужасною правдой. Я понималъ, чего стоило ей выслушивать грозное обвиненіе Вьюгина, и когда, подъ самый конецъ его рѣчи, ея глаза вдругъ неудержимо устремились на отца, въ нихъ ясно читалось нѣмое, безвыходное отчаяніе. Любовь Петровна нагнулась къ дочери и шепнула ей что-то на ухо. Аня вздрогнула и, вся выпрямившись, невольнымъ движеніемъ отодвинулась отъ матери. Съ этой минуты она опять окаменѣла въ какой-то ледяной неподвижности.

Когда Вьюгинъ кончилъ, не раздалось въ залѣ ни одного рукоплесканія. Надо отдать справедливость врагамъ Семена Андреевича: какъ ни радовали ихъ, должно-быть, обвиненія Вьюгина, они посоветились ихъ привѣтствовать, какъ желанную побѣду. Невнятный, тревожный гулъ только прошелъ по собранію. Противники Конотопова будто не посмѣли наброситься на свою жертву, точно ихъ удерживалъ послѣдній остатокъ страха передъ нимъ, послѣдній отблескъ его прежняго обаянія.

Это была всего какая-нибудь минута, но Семень Андреевичъ сумѣлъ ею воспользоваться. Пока говорилъ Вьюгинъ, онъ слушалъ съ понуренной головой, словно былъ безсиленъ отразить ударъ. Но минуты нерѣшительности въ рядахъ его враговъ было достаточно, чтобы вернуть ему самообладаніе. Онъ обмѣнялся вполголоса двумя-тремя словами съ сидѣвшими возлѣ него уѣздными предводителями и, поднявъ голову, твердо произнесъ:

— Предложенія князя Слуцкаго и Бориса Павловича Вьюгина будутъ переданы въ депутатское собраніе. Въ завтрашнемъ засѣданіи намъ будетъ сообщено его заключеніе. Предлагаю собранію отложить пока баллотировку по вопросу о дѣйствіяхъ Сокольской опеки и перейти къ очереднымъ занятіямъ.

Въ депутатскомъ собраніи Конотоповъ былъ вполнѣ увѣренъ: оно почти исключительно состояло изъ его сторонниковъ. Расчетъ Семена Андреевича былъ какъ нельзя болѣе понятенъ. Нельзя было сомнѣваться, что депутатскимъ собраніемъ вопросъ будетъ похороненъ. Но попытка замаять дѣло все-таки не удалась. Оппозиція, сперва какъ будто колебавшаяся, не захотѣла выустить изъ рукъ удобнаго случая вполнѣ очернить своего властнаго противника. Нѣсколько человѣкъ разомъ потрещали слова, и Семень Андреевичъ не рѣшился прекратить пренія. Онъ боялся, должно-быть, раздражить недавно еще послушную ему толпу. И вотъ съ разныхъ сторонъ поднялись новыя обличенія. Уже не скрываясь, прямо заговорили о деньгахъ, выплаченныхъ Литовскимъ Семену Андреевичу, о растратахъ въ земскомъ банкѣ. Кто-то изъ Конотоповской партіи воскликнулъ:

— Гдѣ доказательства, гдѣ? Все это голословно! Но тутъ вышло еще хуже.

— Какъ голословно? рѣшительно поднялся со своего мѣста Турусовъ. — Полно, господа! Какъ будто всё мы не знаемъ, что Литовскимъ негласно выдано цѣлыхъ двѣсти тысячъ; какъ будто для кого-нибудь тайна, какъ хозяйничали въ банкѣ его директора.

Фактическаго результата изъ этого, конечно, выйти не могло. Собрание не имѣло права сдѣлать постановленія объ отдачи подъ судъ своего предсѣдателя, но разрушить навсегда его доброе имя, сдѣлать невозможнымъ его выборъ на новое трехлѣтіе — это было во власти оппозиціи. И она въ этомъ успѣла. Я не сомнѣвался уже, что карьера Семена Андреевича кончена.

Онъ, однако, не сдался и тутъ. Онъ шепнулъ что-то на ухо одному изъ предводителей, и тотъ послушно направился туда, гдѣ сплошными рядами сидѣли наиболѣе вѣрные изъ конотоповцевъ. Посланецъ успѣшно выполнилъ порученіе, и дружно посыпались уже не прежніе негодующіе возгласы, которые могли только затянуть пренія, а громкіе крики: „довольно, довольно! пора кончить!“.

— Собрание высказывается въ пользу закрытія преній! отчетливо сказалъ Конотоповъ.

Но оппозиція потребовала баллотировки, увѣренная, что за нею окажется большинство, и Семень Андреевичъ будетъ окончательно посрамленъ. Въ этомъ расчетѣ она, впрочемъ, ошиблась: большинство оказалось въ пользу закрытія преній, но, правда, большинство всего въ три голоса. Не зачѣмъ и говорить, что мы оба, Надеждинъ и я, остались вѣрными своему знамени, и намъ, стало-быть, Семень Андреевичъ былъ обязанъ этой скромной побѣдой. Очередной вопросъ касался выдачи грошовой пенсіи вдовѣ какого-то дворянскаго засѣдателя. Въ залѣ поднялся шумъ. Я тоже всталъ, слѣдуя примѣру многихъ, и хотѣлъ подойти къ Анѣ, чтобы выразить ей свое сочувствіе; но Ани и ея матери уже не было въ залѣ.

XVII.

Человѣческой натурѣ свойственна очень странная и довольно-таки непривлекательная черта. Когда въ нашемъ присутствіи кто-нибудь подвергнется незаслуженному оскорбленію, мы, къ сожалѣнію, бываемъ склонны, хотя бы и сочувствовали обиженному, отъ него пугливо отвернуться, точно отъ зачумленнаго. Намъ становится даже стыдно чего-то, стыдно, должно-быть, за себя, за свое безсиліе возстановить нарушенную справедливость. Чувство это, я думаю, очень сложное. Въ немъ есть и нравственная трусость, и нѣчто другое, ропотъ возмущенной совѣсти, не дающей прямо взглянуть въ лицо тому, за котораго не рѣшаешься выступить открыто. Впрочемъ, психологъ я плохой и разбирать себя по ниточкамъ не охотникъ. Скажу только, что нѣчто подобное я испытывалъ, когда кончилось наше засѣданіе. Мнѣ было и неловко, и даже больно за Семена Андреевича, и какъ разъ влѣдствие этого чувства неловкости я не рѣшался подойти къ нему, избѣгалъ даже его взгляда. И когда часъ спустя я входилъ въ ярко освѣщенный сѣни Конотоповскаго дома, мнѣ стало еще болѣе жутко. Я предвидѣлъ, что торжественный обѣдъ по случаю выборовъ будетъ смахивать на похоронный. Согласитесь, не совсѣмъ удобно провозглашать тосты за того самаго человѣка, который передъ лицомъ цѣлаго общества только что подвергся тяжкому обвиненію.

Но вышло оно совсѣмъ не такъ, какъ я думалъ. Семень Андреевичъ поистинѣ удивилъ меня, хотя я и давно успѣлъ убѣдиться въ его завидномъ самообладаніи. Онъ встрѣчалъ своихъ гостей съ такой поразительной непринужденностью, такимъ беззаботнымъ казалось его лицо, и такъ сыпалъ опъ своимъ блестящимъ остроуміемъ, что какъ будто и самъ онъ, и всё мы совсѣмъ позабыли о случившемся. Да, онъ именно сумѣлъ заставить насъ объ этомъ забыть. Личною

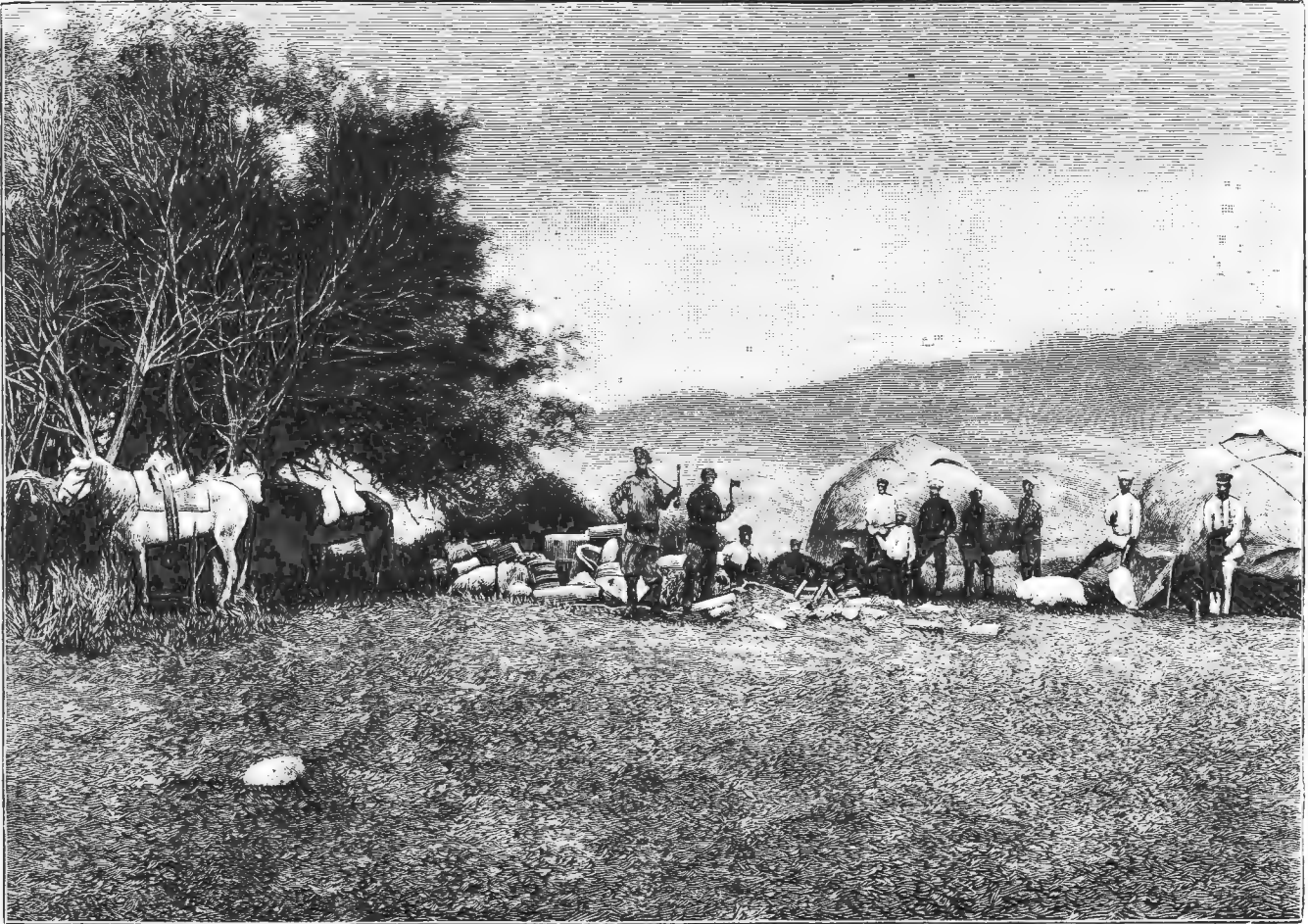
притворной любезности скрасить взаимную натянутость было бы, пожалуй, не трудно — удивительный запасъ двоедушія, вѣдь, скрывается въ провинціальныхъ сердцахъ, кажущихся такими невинными. Но притворства не было и слѣда въ широкомъ гостепримствѣ хозяина и въ праздничномъ настроеніи гостей, которыхъ опытный оболъститель необыкновенно скоро довель до искренняго веселія и до громкихъ выраженій сочувствія. Правда, гости были подобраны старательно. Имѣлись тутъ налицо одни завязые сторонники хозяина, но, вѣдь, и въ ихъ ряды могла проскользнуть измѣна, и, кто знаетъ, пришлось, можетъ-быть, замѣнить кое-кого, ставшаго переобѣзчикомъ. Вѣдь, былъ же налицо примѣръ Вьюгина. Какъ бы то ни было, однако, всё мы съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ подняли бокалы за своего любимаго вожда, и подогрѣтые не то превосходнымъ виномъ, не то заразительнымъ чувствомъ вѣрности своей партіи, мы поклялись стоять за Семена Андреевича до конца. Увѣренные, что между нами измѣнниковъ нѣтъ, мы заговорили съ полною, даже беззащитною откровенностью. И самъ я, кажется, входилъ во вкусъ своей новой роли заговорщика. Взвѣшивались силы противниковъ, считались голоса, и тутъ же, кстати, предлагались средства завербовать въ свою пользу перѣшителей. Средства эти были очень недвусмысленныя, давно привычныя русскому благородному дворянству. Они заключались въ предварительномъ дѣлежѣ ожидаемой добычи. Въ слѣдующую осень должны были происходить выборы мировыхъ судей, и кандидаты намѣчивались заранѣе, разумѣется, съ устраненіемъ всѣхъ, кто въ рѣшительную минуту отсутствовалъ отъ своего знамени.

Семень Андреевичъ очень ловко и какъ-то шути торговался съ представителемъ каждаго уѣзда, такъ что выходило оно будто совсѣмъ даже прилично. И все-таки не могу не припомнить здѣсь того скрытнаго ощущенія гадливости, какое испытывалъ я, присутствуя на этомъ торгѣ. Стыдиться мнѣ, впрочемъ, было нечего. Не получалъ я, вѣдь, для себя ничего, да и не хотѣлъ получить, а сидѣвшіе вокругъ меня продавали свои голоса заодно съ голосами друзей такъ откровенно, что скоро я осилилъ въ себѣ эту неумѣстную брезгливость. Одно только мнѣ пришло въ голову, пока я сидѣлъ за этимъ роскошнымъ обѣдомъ съ обильными возліяніями дорогихъ винъ, — какое-то сходство съ Вальтасаровымъ пиромъ. Вокругъ насъ были всѣ признаки богатства: широкая зала, ярко залитая огнемъ, старинный фарфоръ и дорогая бронза на столѣ; пламя свѣчей весело играло въ граненомъ хрусталѣ, и въ глазахъ шировавшихъ тоже игралъ огонекъ, и голоса ихъ громко звенѣли, мало-по-малу возвышаясь до пьянаго разгула, и лакеи, вытянутые въ струнку, чинно подавали блюда и обносили вино... А между тѣмъ я зналъ, вѣдь, и всё мы знали тоже, что надъ этимъ домомъ, надъ головой его хозяина повисла уже, какъ черная туча, угроза разоренія и позора.

Если бы за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, когда въ собраніи мы всё были подъ живымъ впечатлѣніемъ рѣчи Вьюгина, кто-нибудь заикнулся о возможности для Семена Андреевича вновь баллотироваться въ предводители, на это отвѣтили бы лишь пожиманіемъ плечъ. Кандидатура Семена Андреевича считалась похороненной. А теперь эта самая кандидатура не вызвала никакихъ сомнѣній. Ее привѣтствовали громко, единодушно, торжественно. Случилось это какъ-то само собою. Конотоповъ и не заявлялъ о своемъ желаніи баллотироваться. Онъ какъ будто подчинился только общему желанію присутствующихъ. Да, настоящимъ чародѣемъ былъ Семень Андреевичъ. Онъ обладалъ великою тайною неожиданно овладѣвать людскими сердцами, подчинять ихъ какому-то непонятному обаянію. Онъ точно заодно съ шампанскимъ напоилъ насъ дурма-

Любимый уголокъ. Ориг рис. (собств. „Нивы“) А. Писемскаго, грав. Ольшевскій

Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло. Бивуанъ въ урочищѣ Джюсъ-Агачъ (Джунгарія). Съ фот. грав. Рашевскій.

Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло. Мостъ черезъ Манасъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

номъ, за своимъ обѣдомъ. И теперь, провожая своихъ гостей, онъ глядѣлъ такимъ же властнымъ, такимъ же увѣреннымъ въ побѣдѣ, какимъ я видѣлъ его въ первый разъ.

Но когда онъ вернулся къ намъ въ кабинетъ, — мы вдвоёмъ съ Надеждинымъ остались послѣ всѣхъ—этотъ торжествующій побѣдитель намъ показался уже совершенно инымъ. На лицѣ его, за минуту еще оживленномъ и самоувѣреннымъ, успѣла лечь мрачная печать утомленія, немощи и страданія, того глубокаго, сокрушающаго страданія, какое знаютъ одни только сильные люди, когда они поняли, что роль ихъ уже сыграна, и имъ некуда больше идти. Наскучивъ долгимъ притворствомъ, онъ тяжело, безпомощно опустился въ кресло и на минуту склонилъ свою могучую, упрямую голову на обѣ приподнятыя руки. Передъ нами онъ, очевидно, не стѣснялся, да и противно ему было, должно-быть, принуждать себя къ этой лжи, и какое-то горестное отвращеніе и къ себѣ, и къ людямъ извратило вдругъ его красивыя черты. Мы оба молчали, не рѣшаясь заговорить. Не долго, однако, длилось это тягостное молчаніе. Онъ приподнялъ голову, взглянулъ на насъ отуманенными глазами и, какъ бы стряхнувъ съ себя овладѣвшую имъ слабость, быстро и рѣшительно всталъ.

— Что, господа, спросилъ онъ съ какою-то странно улыбною на губахъ, — хорошо я разыгралъ свою роль? Какъ вы думаете, въ рукахъ они у меня?..

Но онъ не выдержалъ своего насмѣшливаго тона и, сильно покачавъ головой, продолжалъ уже совершенно инымъ голосомъ, полнымъ глубокой, озлобленной горечи.

— Ахъ, какъ тяжело, тяжело... какъ за людей стыдно и за себя тоже, что вокругъ себя видишь одну только мелкоту эту противную; ей всегда надо подавать одно и то же, и ловится она всегда на ту же недостойную удочку.

Онъ заходилъ по комнатѣ крупными, отрывистыми шагами, громко звенѣлъ его голосъ, быстро, неудержимо сыпались слова, точно онъ спѣшилъ вылить наружу свое переполненное горечью сердце. Онъ не обращалъ даже вниманія на то, что обѣ двери были настежь, и всякій случайно проходившій мимо легко могъ разслышать, что онъ говорилъ. На самаго умнаго, на самаго сдержаннаго человѣка находятъ минуты, когда ему надо высказаться во что бы то ни стало, опорожнить до дна всю душу, хотя бы весь міръ его услышалъ, и долго хранимыя тайны онъ этимъ бы выдалъ первому встрѣчному.

— Общаніе подачекъ—лакомый кусокъ для голоднаго желудка, на это они пойдутъ, когда угодно, пока вѣрятъ еще, что въ томъ, кто сулитъ имъ это, есть сила выполнить общаніе... И не понимаютъ они даже, эти жалкіе глупцы, что сила эта въ нихъ, въ нихъ самихъ, что создаютъ они ее слѣпо, какъ слѣпо разрушаютъ, когда беретъ ихъ испугъ, какъ бы эта сила не пошатнулась. О, какъ бы дорого я далъ, чтобы это не было такъ, чтобы имѣлъ я дѣло съ настоящими, съ свободными людьми, которые стояли бы за меня по убѣжденію и по убѣжденію тоже отъ меня бы отвернулись, коли я этого стою... Вы думаете, они исполнились тамъ, въ собраніи, потому, что какимъ-то слухамъ повѣрили, и ихъ возмутило то, что про меня тамъ рассказываютъ?.. Ничуть не бывало. Зародилась у нихъ тамъ вдругъ боязнь, что меня не выберутъ, что осилитъ меня Слуцкій... Да, Слуцкій!.. Нашли мнѣ преемника, нечего сказать! Что я разоренъ тамъ, что-ли, и бросились отъ меня въ сторону, какъ стадо барановъ... И вотъ теперь, теперь, стоило мнѣ показать, что я не боюсь этой интриги, что голова у меня свѣжа, какъ прежде, и опять послушно вернулись просить милостыни... Да, что же вы молчите оба, вы-то что молчите? остановился онъ вдругъ, вскинувъ на насъ загорѣвши-

мися глазами. — Вы-то вѣрите что-ли во всѣ эти розсказни, думаете, что я, Семень Конотоповъ, могъ на старости дѣтъ ограбить земство? Вы оба, вѣдь, за меня, я знаю, да мало-ли кто за меня?! Вьюгинъ тоже былъ изъ моихъ, вскормленъ мною, а вотъ, видите, какъ-то... Ну, да что, онъ, по крайней мѣрѣ, отъ полнаго сердца говорилъ, вполне искренно, хоть и не видать, бѣдный малый, дальше своихъ ушей. Показалось ему, какъ вамъ, можетъ-быть, кажется, что нельзя не повѣрить, когда всѣ говорятъ, что Семень Конотоповъ, въ самомъ дѣлѣ, нечестный человѣкъ, потому что въ итогѣ у него не всякая копѣйка подсчитана. Эхъ, господа, господа, да что такое честный человѣкъ у насъ-то, въ Россіи? Тотъ-ли, кто съ нѣмецкою аккуратностью итоги подводитъ, да сидитъ, сложа руки, или тотъ, кто за всѣхъ работаетъ головой, кто край обогащаетъ своимъ трудомъ, своими мыслями, хотя бы у него, пожалуй, случилась какаля-нибудь прорѣха въ счетахъ? Коли на то пошло, признаюсь, я дрожать надъ копѣйкой не мастеръ, надъ чужой точно такъ же, какъ надъ своей собственной. Когда деньги нужны, я беру ихъ, не глядя откуда, зато возвращу втрое, вдесятеро. Такъ, пожалуй, считайте меня за нечестнаго человѣка. Только знаете, кто нечестными дѣлаетъ такихъ людей, какъ я?.. Тотъ, кто близорукимъ недоувѣремъ не даетъ имъ кончить своего дѣла и вырываетъ его у нихъ изъ рукъ...

Онъ остановился, какъ бы выпытывая, что за впечатлѣніе производили на насъ его слова. Къ счастью, однако, онъ не принудилъ насъ дать ему опредѣленный отвѣтъ; должно-быть, показалось ему, что онъ насъ убѣдилъ.

— А что, Надеждинъ, спросилъ онъ вдругъ,—какъ вы думаете, чѣмъ кончатся выборы?

— Слуцкаго не выберутъ, загадочно отвѣтилъ Викторъ Александровичъ.

— Слуцкаго? Еще бы!..—Старинная, злобная ненависть такъ и заискрилась въ темныхъ глазахъ Семена Андреевича.—Ну, а меня? Или вы хотите сказать, что и меня тоже не выберутъ? Ну, да была, не была... Теперь отступать поздно, да и нельзя мнѣ отступать. Бываютъ положенія, когда выбора нѣтъ и надо идти на бой... Ну, а теперь, господа, вы меня извините. Нервы у меня, вѣдь, тоже не желѣзные, отдохнуть надо.

Онъ торопливо пожалъ намъ обоимъ руки и вышелъ.

— Больно ужъ зарвался, покачавъ головой, сказалъ ему вслѣдъ Надеждинъ.—Для него, въ самомъ дѣлѣ, выбора нѣтъ. Не быть предводителемъ, не председательствовать въ собраніи—это для Семена Андреевича почти навѣрное значить идти подъ судъ... Ну, Роевъ, прощайте, я иду, а вы?

Я замаялся, сдѣлавъ видъ, что ищу свою шляпу. На самомъ дѣлѣ, у меня были свои причины не торопиться уходить. Съ минуту передъ тѣмъ, я замѣтилъ, будто въ полутьмѣ сосѣдней комнаты что-то шевельнулось и потомъ, въ полосѣ мѣсячнаго свѣта, вливавшагося въ окно, точно мелькнуло женское платье. „Ужъ не Аня-ли это?“ подумалъ я, и едва Надеждинъ вышелъ, быстро направился къ противоположнымъ дверямъ. Это была, въ самомъ дѣлѣ, она. Выпрямившись, она стояла теперь передо мною, вся облитая бѣлымъ сіяніемъ мѣсяца, и какъ привидѣніе, выскользнувшее изъ тьмы, глядѣла она, блѣдная и строгая, въ блѣдномъ свѣтѣ луны.

— Вы давно здѣсь? какъ-то невольно спросилъ я, подходя.

Я почему-то не рѣшился протянуть ей руку.

— Я все слышала, было ея отвѣтомъ.

Голосъ ея былъ какой-то странный, беззвучный, словно угасшій.

— Я шла сюда къ отцу и... не рѣшилась войти...

Впрочемъ, какимъ-то вызывающимъ тономъ добавила она, — то, что вы слышали, вы и Надеждинъ, я, кажется, слушать имѣла право...

Я промолчала.

— Мнѣ надо передъ вами извиниться, продолжала она.—Когда вы мнѣ сегодня утромъ про все это сказали, я не хотѣла вѣрить. Теперь я знаю, что вы говорили правду...

Я подошелъ еще ближе и взялъ ее за руку.

— Бѣдная моя, вы вся дрожите. У васъ лихорадка... Чего добраго, расхвораетесь...

— О, за меня не беспокойтесь... я, вѣдь, не изъ слабыхъ... И не все-ли равно. Могу я развѣ о себѣ думать теперь?..

Мнѣ хотѣлось присесть слова участія и утѣшенія, хоть и безразсудно было съ моей стороны пытаться ее утѣшить въ такую минуту. Бережно я усадилъ ее въ кресло и, не выпуская ее руки изъ моей и наклонившись къ ней, я старался увѣрить ее, что она волнуется напрасно, что большое воображеніе не вѣрно перетолковываетъ ей то, что доведось ей узнать. Долго и горячо я твердилъ ей про это, самъ не вѣря собственнымъ словамъ. Она сидѣла, молча, опустивъ голову и, должно-быть, не слушая того, что я говорилъ. Но мало-помалу я увлекся оттого-ли, что, оставаясь вдвоемъ съ нею среди ночной темноты, я почувствовалъ вдругъ какую-то негаданную близость между нами, оттого-ли, что давившее ее тяжелое горе вызывало у меня приливъ нѣжнаго состраданія. Самъ не знаю, какъ это случилось, я опустился передъ нею на колѣни и горячо прильнулъ губами къ ее маленькой, похолодѣвшей ручкѣ. Въ первый мигъ она не отняла ее у меня, быть-можетъ, не сознавая даже, что я дѣлаю. Но вдругъ она опомнилась, вырвала у меня руку и захотѣла встать. Но силы ей измѣнили, и безпомощно она снова упала въ кресла.

— Что вы? Встаньте... вы говорите, что вы любите меня... да встаньте же... Я не могу, я не хочу васъ слушать. Да неужели вы не понимаете, какъ это недостойно съ вашей стороны... Вы не знаете развѣ, что... что я люблю другого?..

Она совсѣмъ овладѣла теперь собою и рѣшительно встала. Мое положеніе было изъ незавидныхъ. Какъ могъ я, въ мои почтенныя лѣта, разыграть передъ нею эту глупую роль. Я проклиналъ свое увлеченіе, но дѣлать было нечего: спасти свое достоинство было уже поздно. Мнѣ оставалось одно только: прикинуться негодующимъ, да и притворяться мнѣ не приходилось—до того сильно было мое раздраженіе и противъ нея, и противъ себя самого. Разумѣется, я вскочилъ на ноги.

— Вы мнѣ дали право, однако, воскликнулъ я,— считать себя вашимъ другомъ!

Да, я рѣшился упрекнуть ее за это, не посоветился упрекнуть бѣдную, разбитую горемъ, дѣвушку, какъ будто что-нибудь могло значить для нея мое оскорбленное самолюбіе.

— Другомъ?.. Хороша дружба!.. Вы, кажется, дружны тоже съ Вьюгинимъ, и все-таки могли сейчасъ вотъ...

— Такъ вы любите Вьюгина?! запальчиво отвѣтилъ я.—Любите человѣка, который сегодня такъ недостойно, такъ нагло оскорбилъ вашего отца...

Она посмотрѣла на меня гордымъ, пронизывающимъ взглядомъ, широко раскрывъ свои заплаканные глаза.

— И вы захотѣли воспользоваться этимъ? сказала она почти презрительно.—О, полноте, не продолжайте, не заставляйте меня краснѣть за васъ. Не вамъ, кажется, винить Бориса Павловича, когда я ему прощаю... Да, я не могу не простить ему: онъ поступилъ, какъ честный человѣкъ. Я, вѣдь, знаю, какъ мучительно, какъ тяжело было ему выступать обвинителемъ отца... Онъ иначе поступить не могъ, а вы, вы хотѣли воспользоваться минутой, когда я не могла бороться со своимъ горемъ,

когда вы меня видѣли безпомощною, чтобы заставить меня выслушать ваши признанія. Стыдитесь!

Она отвернулась отъ меня и медленно вышла. Я не остановилъ ее, не попробовалъ даже оправдаться. Я былъ совершенно уничтоженъ ее словами. Они поразили меня тѣмъ сильнѣе, что я былъ такъ твердо увѣренъ въ ничтожество Вьюгина, не могъ допустить, чтобы онъ значилъ для нея что-нибудь. Съ минуту еще я постоялъ въ опустѣвшей комнатѣ и, какъ уличенный преступникъ, съ тяжестью стыда надъ своей головой, вышелъ изъ Конотоповскаго дома.

XVIII.

До выборовъ оставалось еще три дня. Я рѣшился воспользоваться этимъ, чтобы съѣздить въ свою Подлиповку, куда я еще не заглядывалъ. Мнѣ хотѣлось, какъ я увѣрялъ себя, подышать свѣжимъ воздухомъ деревни, да исполнить передъ памятью дяди священный долгъ благодарности, а на самомъ дѣлѣ меня тянуло развлечься чѣмъ-нибудь послѣ неожиданно постигшаго меня разочарованія. Путь туда лежалъ самый удобный—2 часа по желѣзной дорогѣ, да верстъ 12 въ сторону. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ собранія не ожидалось ничего особеннаго до самаго дня рѣшительнаго боя. Да и опостылѣли мнѣ почему-то вдругъ наши провинціальныя бури. Я выѣхалъ рано утромъ, не простившись ни съ кѣмъ, и сразу, едва усѣвшись въ вагонъ, погрузился въ глубокомысленныя хозяйственныя соображенія. День, кстати, былъ чудесный. Развеселое январское солнце такъ радостно блистало надъ гладкимъ покровомъ яркаго снѣга, что могло, казалось, разогнать хоть какую тоску. А когда со станціи пара здоровыхъ саврасыхъ провезла меня дробною рысцою по гладкой дорогѣ, нѣмая бѣлизна безпредѣльной снѣжной простыни вокругъ, да блѣдно-голубое, привѣтливо глядѣвшее, небо такимъ убаюкивающимъ миромъ повѣяли на меня, что нельзя было и вспоминать про все только что покинутое мною въ городѣ: и про взаимные подкопы нашихъ партій, и про мою такъ не во-время вспыхнувшую любовь. „Эхъ, раздумывалъ я, съ какимъ-то жестокимъ удовольствіемъ вдыхая въ себя бодрящій морозный воздухъ,—чего тамъ кипятиться да требовать отъ жизни новыхъ, еще неиспытанныхъ, впечатлѣній. Четвертый десятокъ на исходѣ, и поздно искать жгучихъ наслажденій молодой, нетронутой любви, коли не успѣлъ я пораньше отвѣдать этой опыняющей чаши. Тутъ, въ этомъ родномъ гнѣздѣ, доставшемся мнѣ послѣ дяди, настоящее, близкое, мирное дѣло, а потому и настоящая прямая задача. Тутъ не можетъ быть ни измѣнъ, ни разочарованій...“ И я видѣлъ себя уже въ будущемъ, какъ ревностнаго хозяина, добросовѣстно исполняющаго эту прямую задачу. А на сердцѣ, пока я говорилъ себѣ все это, у меня щемило немножко, правда, не жгучею болью обманутой страсти, а какимъ-то чутъ ноющимъ сознаніемъ потерянной милой надежды, которой я отдался съ запоздалою вѣтренностью...

Того, что нашелъ я въ Подлиповкѣ, исполнѣ бы хватило, чтобы занять меня по-уши и заставить позабыть надолго про всякіе любовные недочеты. Задача оказывалась совсѣмъ не такою простою, какъ я думалъ. Меня, словно лѣсъ дремучій въ сказкѣ, обступили глубокія дебри запутанныхъ хозяйственныхъ счетовъ и безпорядковъ, завѣщанныхъ мнѣ покойнымъ дядей заодно съ имѣніемъ. Я скоро убѣдился, что не справится мнѣ съ этимъ и въ три недѣли, и что за свою новую роль хозяина, я, чего добраго, взялся позднею, какъ и за роль влюбленнаго. Передо мною было одно сплошное, упорное желаніе меня провести, а съ моей стороны полная неумѣлость сознательно выйти изъ опутывавшихъ меня сѣтей недобросовѣстной отчетности. И слѣдуя великому примѣру Александра Македонскаго, я разсѣкъ узелъ, котораго распутать не умѣлъ,—разсчиталъ

управляющего и на мѣсто его поставилъ степенно глядѣвшаго мужичка, до сихъ поръ занимавшаго какую-то неопредѣленную должность, но сразу овладѣвшаго моимъ довѣріемъ.

— Эхъ, баринъ, говорилъ онъ мнѣ, глядя, какъ я вожусь надъ конторскими книгами и не досчитываюсь то хлѣба въ амбарахъ, то всякаго домашняго скарба,— просто жалко глядѣть, какъ это вы все убиваетесь.

И столько было сочувствія въ его грубоватомъ голосѣ, столько непоколебимаго спокойствія въ его лицѣ и движеніяхъ, что я такъ и порѣшилъ сдать ему пока бразды правленія. „Неученый онъ, правда, и не слѣшломъ далекій, пожалуй, раздумывалъ я, но все же лучше этихъ плутовъ-управляющихъ“. И тутъ же я проникся вѣрою въ одинъ афоризмъ, слышанный мною на собраніи отъ двухъ-трехъ нашихъ помѣщиковъ, что простой русскій мужикъ, со своей прародительской смѣткой, всякое дѣло понимаетъ лучше любого ученаго агронома. Нужно, вѣдь, человѣку, особенно, такому, кто самъ въ дѣлѣ смыслитъ немного, на каждый случай имѣть подъ рукой подходящее изреченіе. „Только вотъ бѣда, продолжалъ я разсуждать,—въ грамотѣ онъ плоховать, надо будетъ ему въ подмогу конторщика подыскать“. И тутъ мнѣ сразу пришелъ на память прогнанный аклизный чиновникъ Лунинъ, которому я пообщалъ отыскать мѣсто. Правда, не совѣмъ блистательно отрекомендовалъ онъ себя, когда я къ нему заходилъ. Да что за бѣда, кто на Руси не ищетъ, особенно, съ горя? И если такому человѣку, сбившемуся съ пути, во-время оказать поддержку, отчего бы ему не исправиться. Добрая помощь бѣдняку порою дѣлаетъ чудеса. Конечно, тѣ двадцать пять рублей, которые я могъ ему дать помѣсячно, не ахти какое содержаніе, но голодный и этимъ, разумѣется, не побрезгаетъ. А дочь его, Надю, которая мнѣ очень понравилась, можно, кстати, будетъ пристроить тутъ же, въ качествѣ сельской учительницы. И обдумывая все это, я съ какою-то горькою радостью говорилъ себѣ, что исполняя тѣмъ самымъ желаніе Ани и будто напослѣдокъ, разставаясь съ ней, дѣлаю это въ память моей отвергнутой, но все еще преданной любви...

Съ этими благими мыслями я вернулся въ городъ наканунѣ выборовъ и, придѣвшись, поспѣшилъ въ собраніе.

— А, вернулись-таки? привѣтствовали меня Надеждинъ.—А я, грѣшный человѣкъ, подумывалъ уже, что лыжи наострилы, дабы избавиться отъ необходимости покривить душой при баллотировкѣ. Вы, вѣдь, петербуржцы, такіе дипломаты!.. Или, чего добраго?..

И онъ посмотрѣлъ на меня съ своей двусмысленной улыбкой. „Неужели и этотъ человѣкъ, подумалъ я,— успѣлъ уже проникнуть въ мои сердечныя тайны“. Ну, да не все-ли равно! Чтò значили для меня теперь мелкіе улолы самолюбія?..

Шли пренія о какихъ-то совершенныхъ пустякахъ, и разговаривать можно было, сколько угодно. Я разузналъ отъ Надеждина, чтò происходило въ мое отсутствіе. Расчетъ Семена Андреевича оказался вѣрнымъ. Депутатское собраніе единогласно отвергло предложеніе Слудкаго и Вьюгина, а затѣмъ вопросъ былъ на время замять. Сокольскій предводитель, въ свою очередь, заявилъ, что деньги, исчезнувшія изъ дворянской опеки, имъ пополнены, и виновникъ всей этой передраги, скромный секретарь, былъ предоставленъ своей участи, т. е. полному забвенію. За эти два дня, повидимому, шансы Конотопова значительно поднялись. За него работали какіе-то новые, пожалуй, довольно темные, но за то очень ревностные сторонники. Его кандидатура проходила черезъ всѣ мытарства закулисныхъ торговъ, гдѣ заинтересованные въ успѣхѣ этихъ торговъ ее подогрѣвали необыкновенно старательно. Главныя дѣйствующія лица, вожди и ораторы, какъ-то за эти два дня сошли со сцены, уступая мѣсто второстепеннымъ дѣятелямъ. Со стороны оппозиціи велись тоже подкопы не менѣе хлопотливо. Чтò должно было выйти изъ всего этого,— не могъ предсказать даже Надеждинъ. Какъ-то ужъ очень гадко стало у меня на душѣ отъ этихъ разсказовъ. „И съ какой стати, невесело раздумывалъ я,— пришлось мнѣ тоже доигрывать свою маленькую роль въ этихъ грязноватыхъ интригахъ“. Признаюсь, въ эту минуту, совершенно исчезло для меня прежнее обаяніе Конотопова, весь тотъ живой интересъ, который я такъ недавно принималъ въ его судьбѣ. „Дѣлать нечего, дождусь конца, а тамъ умою себѣ руки и оттряхну пыль съ ногъ своихъ“...

(Продолженіе будетъ)

Въ верховьяхъ рѣки Манасъ.

Изъ дневника путешествія въ Китай 1889—1890 гг.

Бр Грумъ-Гриммайло. (Рис. на стр. 721).

По выходѣ изъ Кульджи, нѣкогда русской провинціи, на границѣ которой мы снаряжались въ долгое странствованіе, мы пересѣкли Тянь-Шань переваломъ Ачалъ и спустились на сѣверную его сторону. Недружелюбно встрѣтила она насъ: крутые, оголенные, обрывистые склоны горъ, испещренные узкими трещинами, изъ которыхъ съ шумомъ вырывались быстрыя рѣки, пустынная, лишенная растительности и каменистая почва подгорной полосы, нестерпимый зной внизу, снѣгъ, холодъ и суровая природа въ горахъ,—вотъ что находили мы во все время нашего пути. Мы то спускались съ горъ, то снова поднимались въ тщетныхъ поискахъ перевала на южную сторону Тянь-Шаня, который намъ хотѣлось пересѣчь еще разъ, для выясненія топографическаго рельефа этой сложной системы горъ. Надо замѣтить, что перевалы на картахъ обозначены и названы, но до сихъ поръ еще никто изъ европейцевъ на нихъ не поднимался, нанесены же они по разсирочнымъ даннымъ. По порученію Императорскаго Географическаго общества, намъ первымъ приходилось изслѣдовать пагорную полосу Тянь-Шаня и составить карту этой страны. Безъ проводника пайти перевалы было очень трудно, даже невозможно. Въ проводники же никто изъ мѣстнаго населенія не осмѣливался къ намъ идти, такъ какъ китайцы, всегда относящіеся подозрительно къ научнымъ изысканіямъ Янгуйза (западнаго чорта, какъ именуютъ они европейцевъ), и въ данномъ случаѣ старались всѣми силами намъ мѣшать. Мало того, что они запрещали мѣстному населенію, калмакамъ, давать проводниковъ, они, всячески стремясь возбудить ихъ противъ насъ, разсказывали имъ небылицы про наши намѣренія; наконецъ, назло насъ обманывали относительно характера населенія, называя ихъ разбойниками, ворами и т. п.

Выходила масса недоразумѣній и непріятностей, которыя, однако, кончались весьма быстро, такъ какъ у азіатовъ не хватало смѣлости рискнуть на что-либо крупное. При такихъ условіяхъ, несмотря на всѣ наши старанія, мы не нашли переваловъ, но все же дѣль была достигнута, ибо пагорная полоса была изслѣдована весьма тщательно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Рискуя переходить въ бродъ потоки, лагая по горнымъ тропамъ и карнизамъ, стараясь пройти въ ползую воду, вверх по теченію рѣкъ, по дорогамъ, проходнымъ только зимой, мы измучили себя и своихъ лошадей до послѣдней возможности. Между тѣмъ время уходило, еще много оставалось изслѣдовать до наступленія зимы. Потому рѣшено было прекратить дальнѣйшія наши попытки и идти къ г. Урумчи, придерживаясь подгорной полосы. Въ столицѣ Синь-Дривя мы разсчитывали повлѣять надлежащимъ образомъ на китаискія власти, чтобы продолжать уже безъ помѣхи свои научныя работы.

Мы остановились въ уроч. Фы-Хо, подойдя вилотную къ почти отвѣснымъ стѣнамъ горнаго ущелья. Окружающая мѣстность отличалась дикостью. При подножіи скалъ изъ ключей начиналась рѣчка, носящая то же имя, что и ущелье. Горы, покрытыя еловымъ лѣсомъ, прорѣзывались прогалинами, которыя представляли роскошные альпійскіе луга. Въ тотъ же день вечеромъ наши люди, экскурсируя по окрестнымъ горамъ, наткнулись на стадо марановъ и убили молодую самку. Прекрасное мясо ея замѣнило намъ временно нашу повседневу шкуру—баранину, а шкура поступила въ коллекцію. Ущелье было такъ уютно, что мы собирались провести здѣсь дня два, но китайцы не оставили и тутъ насъ въ покоѣ. Какой-то пастухъ—калмакъ, подошедшій къ нашей стоянкѣ со своимъ стадомъ и приглашенный нашими людьми пообщать вмѣстѣ,

Крестины во Флоренци въ средніе вѣка. Съ карт. М. Ваггеца, грав. Рено.

сообщилъ, подъ величайшимъ секретомъ, что старшина близлежащаго китайскаго селенія приказалъ своимъ подчиненнымъ сломать мостъ черезъ рѣку Манасъ. Этимъ путемъ старшина хотѣлъ заставитьъ насъ выйти на большую дорогу, называемую Бей-лу или Императорской. Хотя мы до этого момента и не подозрѣвали о существованіи какого-то моста въ горахъ и совершенно не знали, что такое рѣка Манасъ, и почему ее нельзя перейти въ бродъ, но спускаться въ низину на большую дорогу, во всякомъ случаѣ, вовсе не входило въ наши расчеты. Вотъ почему мы рѣшили воспротивиться такому явному противодѣйствію со стороны китайцевъ. Я занялся разспросами о Манасѣ, а братъ, взявъ приличный конвой, отправился въ селеніе Шичанъ-за къ старшинѣ. Неожиданное появленіе вооруженныхъ людей заставило китайца одуматься. Разсыпавшись въ любезностяхъ, онъ завѣрилъ, что мостъ не только не будетъ сломанъ, но будетъ исправленъ въ случаѣ, если бы оказался плохъ. Наученные горькимъ опытомъ, мы, однако, не повѣрили китайцу и, простоявъ сутки только для необходимыхъ астрономическихъ работъ, двинулись рано утромъ на востокъ, по тропѣ, ведшей къ Манасу. Люди, уже начавшіе пручаться къ быстрой вьюкѣ, къ 6-ти часамъ утра составили обозъ и снялись съ бивака. До селенія внизъ по рѣкѣ Фы-хо было верстъ семь; пославъ вьюки впередъ, мы съ братомъ осмотрѣли прекрасныя каменноугольныя копи, разрабатываемыя съ поверхности, и, взявъ образцы угля, догнали вьюки уже близъ селенія. Чиновника тутъ не было, онъ еще съ вечера уѣхалъ съ донесеніемъ о насъ въ городъ Манасъ, лежащій на большой дорогѣ. Сдѣлавъ небольшую закупку хлѣба въ лешкахъ, мы повернули вдоль горъ и вскорѣ, идя вверхъ по ущелью, поднялись на небольшой перевалъ, съ котораго были восхитительно видны лежащія на югѣ горы. Тутъ впервые передъ нами предсталъ громадный горный массивъ, именуемый Дѣзъ-Мегенъ-Ора, состоящій изъ пяти вершинъ, блестящихъ своимъ снѣговымъ покровомъ. Отсюда и беретъ начало Манасъ—величайшая изъ рѣкъ Тянь-Шаня. Дальнѣйшіе разспросы и изысканія выявили довольно точно рельефъ горной системы въ этомъ мѣстѣ. На меридіанѣ горъ Манаса и южнѣе его, верстахъ въ 40, начинается громадное плоскогорье, называемое калмаками Дѣзъ-Мегенъ; на немъ высится выше-названный горный массивъ, который какъ бы вѣнчаетъ здѣше. Позади массива, т. е. южнѣе его, идетъ хребетъ, тянувшійся отъ востока на западъ; другой хребетъ, почти параллельный ему, двумя своими концами примыкаетъ къ Дѣзъ-Мегенъ-Ора. Перемычки между этими хребтами имѣютъ весьма мягкіе перевалы и, перейдя ихъ, мы попадаемъ либо въ долину рѣки Уланъ-Су и Хоргоса, либо въ долину р. Камъ, а переваливъ южный хребетъ—въ долину р. Юлдусъ. Такимъ образомъ плоскогорье Дѣзъ-Мегенъ съ его вершиной составляетъ какъ бы центръ, гдѣ сходится вѣтви системы горъ Тянь-Шаня, и откуда берутъ начало всѣ большія рѣки, какъ текущія на югъ, такъ и на сѣверъ.

Нашъ проводникъ, полу-калмакъ, полу-китаецъ, съ суетворнымъ страхомъ рассказывалъ про вершины Дѣзъ-Мегенъ-Ора. По вѣрованіямъ туземцевъ, самыя высокія вершины служатъ жилищами боговъ, и тѣмъ неприступнѣе и грознѣе вершины, тѣмъ обитающій на ней богъ сердитѣе и страшнѣе. Отъ проводника, однако, мы не узнали именъ боговъ, обитающихъ на этихъ вершинахъ. Его физическое уродство гармонировало вполне съ умственнымъ убожествомъ. Изъ ответовъ можно было понять только одно—всякій, кто осмѣливался приблизиться къ вершинамъ, неминуемо погибалъ. Впрочемъ, это можно было видѣть и безъ его рассказовъ, потому что такая громада снѣга и льда обѣщала присутствіе ледниковъ, а обрывистые бока—массу проластей и трещинъ въ снѣговомъ покровѣ.

Спускался съ перевала, мы постепенно взобрали въ горную трещину, сначала довольно широкую и даже мѣстами обработанную подъ покрѣвы картофеля и овса, но затѣмъ сужившуюся настолько, что вьюки, то и дѣло, зацѣпляли своими концами за выступы скалъ.

Погода стояла теплая и ясная. Въмѣстѣ съ удаленіемъ отъ мѣстъ осѣдлости, появилась въ большомъ разнообразіи животная жизнь; то и дѣло попадались новые, до сихъ поръ невиданные чешуекрылыя и экземплярны пернатого царства. Свободные люди, вооружившись, кто дробовикомъ, кто сѣткой, занялись охотой. Довольно нарядники, лѣнясь почти по неприступнымъ склонамъ, гонялись за громадными экземплярами бабочекъ рода Аполло; кое-гдѣ раздавались звонкіе выстрѣлы дробовика. Мы шли уже около шести часовъ, но время проходило почти незамѣтно среди занятій по коллектированію. Однако, ущелье дичало все болѣе и болѣе, и вскорѣ пришлось прекратить наши охотничьи забавы. Ущелье стало извилистымъ; очевидно, мы были у выхода. При одномъ изъ поворотовъ, вдали послышались раскаты грома. Всѣ удивленно переглянулись; странно показалось намъ услышать грозу при почти безоблачномъ небѣ. Проводникъ, появившійся, казалось, наше недоумѣніе, произнесъ, протянувъ руку и указывая впередъ: „Манасъ!“... „Такъ вотъ какова рѣка, черезъ которую придется намъ переходить!“ подумалось каждому. Всѣ примужились и стали торопиться впередъ. Братъ, бывшій въ головѣ отряда,

позвавъ проводника и старшаго изъ казаковъ, немедленно рысю поѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть переправу. Это дѣлалось всегда заблаговременно, чтобы не задерживать движенія каравана. По мѣрѣ приближенія, грохотъ усиливался и, наконецъ, слился въ непрерывный гулъ, изрѣдка прерываемый ударами, похожими на пушечные выстрѣлы. Минуть черезъ двадцать вьюки остановились. Прогнѣнувшись съ трудомъ впередъ, я увидѣлъ, что причиной остановки была почти полная невозможность подняться вверхъ изъ лога, по которому мы шли. Пересѣченный ущельемъ, горный отрогъ остался позади насъ, поэтому стѣна, по которой надо было подняться, была не высока, но почти отвѣсно спускалась ко дну ущелья, гдѣ стояли наши вьюки. Когда я подѣхалъ, снѣжившіеся люди усердно работали, сбрасывая камни и стараясь сдѣлать подъемъ болѣе легкимъ. Развязавъ каждое отдѣленіе вьючныхъ лошадей, мы, наконецъ, стали подниматься наверхъ. Широкая долина раскрылась передъ глазами: окаймленная съ востока и запада оголенными каменными стѣнами, она тянулась къ югу верстъ на пять и тамъ какъ бы замыкалась каменнымъ выступомъ, надъ которымъ выселись снѣжныя вершины Дѣзъ-Мегенъ-Ора. На сѣверѣ же видны были только, насколько глазъ хватало, верхушки каменныхъ горъ, которыя казались ниже нашего горизонта. Рѣки видно не было, она скрывалась въ глубокомъ, промытомъ въ скалѣ каньонѣ и текла подъ самыми скалами восточной горной гряды. Площадка, на которую мы поднялись, была широка и покрыта полувываженой травой. Тутъ уже стояли братъ, проводникъ и проводникъ и о чемъ-то жарко разговаривали. „Ну, что мостъ?“ спросилъ я, подѣхавъ. „Да кто его знаетъ“, отвѣтилъ братъ, указывая на проводника, — „этотъ уродъ прикинулся дурачкомъ и толкуетъ, что про мостъ онъ ничего не знаетъ и указать его не можетъ“. Разспросы повторились снова и съ тѣмъ же усѣхомъ. Приходилось или идти далѣе вверхъ по рѣкѣ, или остановить караванъ и совмѣстными усилиями отыскать мостъ. Пока шли переговоры, люди, частью изъ любопытства, частью наэлектризованные ревомъ рѣки, заглушавшимъ голоса, разбрелись, оставивъ лошадей. Въ отрядѣ появилась суетливость, какъ во время опасности: всѣмъ почему-то понадобилось искать мостъ. Надо было возобновить порядокъ. Братъ, отозвавъ людей, остался на мѣстѣ, а же съ тремя людьми отправился на поиски. Терраса, на которой мы стояли, поднималась надъ уровнемъ рѣки сажень на 50; ея край почти отвѣсно падалъ на вторую ступень, ширину сажени пять, покрытую карагачевою порослью съ торчащими тамъ и сямъ камешными глыбами. Эта узкая полоса представляла родъ каменной набережной, точно искусственно отшлифованной, съ пещерами въ стѣнахъ и бассейнами, выточенными правильными овалами на поверхности.

Съ трудомъ спустившись внизъ, мы вскорѣ нашли мостъ, искусно замаскированный каменными глыбами. Къ нему шла тропа; на нее мы не попали только по милости проводника, который, конечно, не могъ не знать о существованіи моста, дѣйствовалъ же по наущенію китайцевъ и, впрямую, хотѣлъ доказать невозможность переправы черезъ Манасъ въ горахъ. Мостъ, всего аршинъ шести длиной, упирался на нависшія надъ пропастью каменные глыбы тамъ, гдѣ стѣны каньона сходились ближе всего. Четыре совершенно изогнутыя и тонкія карагачевыя переводницы моста были покрыты хворостомъ, поверхность котораго лежали каменные плиты. Мостъ казался такимъ слабымъ, что, повидному, долженъ былъ рухнуть отъ малѣйшей прибавки тяжести. Вода подъ нимъ была сажень въ 10—12-ти и неслась, вследствие громаднаго наденія, съ ужасающей быстротой. Брошенная съ моста булыга, въсомъ футовой въ тридцать, производила при паденіи на воду шумъ наподобіе пушечнаго выстрѣла; подхваченная теченіемъ, она оставалась на поверхности воды на протяжении семи-восьми сажень. Мѣстами вода текла безъ всплескиваній и гладко, какъ раскаленный свинецъ, имѣя зеркальную поверхность, но достигнувъ подводныхъ скалъ, она вдругъ громоздила громадную волну и, надувшись валомъ, бѣшено перераспылялась черезъ препятствіе, падала съ высоты двухъ-трехъ сажень, разбивалась въ тысячи брызгъ, и затѣмъ, вся бѣлая отъ пѣны и клокоца, какъ лава, неслась далѣе, поминутно ударя съ ужасающей силой то въ одну, то въ другую стѣну каньона. Стихійная сила проявлялась тутъ въ полной мѣрѣ. Красота разбуевавшейся воды приковывала къ себѣ взоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видъ дикой, безпричинной ярости и грохотъ подавляли и ошеломляли. Невольно хотѣлось уйти, бѣжать отсюда, отъ этой погрязающей все человѣческое существо картины... И снова тянула какал-то невидимая сила къ рѣкѣ, снова хотѣлось загнать туда, въ эту разрывающуюся подъ ногами пропасть, чтобы еще разъ увидѣть незнакомую картину и эту дикую моль стихій. Такъ чувствовали себя всѣ люди, осторожно подхажившіе къ рѣкѣ и заглядывавшіе внизъ. Изслѣдовавъ крѣпость моста, мы пришли къ заключенію, что проводить по немъ павьючевныхъ лошадей опасно и слѣдуетъ перенести кладу на рукахъ. Противоположный подъемъ съ моста былъ такъ крутъ, что не всякая лошадь могла на него подняться; къ тому же подъемъ представлялъ совершенно гладкую плиту, наклоненную къ рѣкѣ.

День клонился къ вечеру; мы не успѣли бы перенравиться, а потому волей-неволей приходилось тутъ почевать. Пославъ наверхъ за вьюками, я осмотрѣлся кругомъ. При солнечномъ освѣщеніи было хорошо,—свѣжалъ зеленый, площадки, покрытыя ровнымъ слоемъ песка, и мѣстами прорывавшіяся изъ камней струйки чистой, какъ кристаллъ, воды, оживляли дикія и суровыя скалы, пріятно гармонируя съ ихъ темнымъ сѣрымъ фономъ. Площадки между кустами и камнями были такъ малы, что негдѣ было поставить нашу юрту. Приходилось спать подъ открытымъ небомъ; я выбралъ болѣе укромный уголокъ подъ нависшей скалой. Скоро подошли вьюки, и черезъ часъ, лежа на мягкихъ войлокахъ, мы пили кирпичный чай, закусывая лепешками, приготовленными на бараньемъ салѣ. Пока готовили ужинъ, казаки принялись за повседневныя работы, т. е. починку амуниціи, ковку лошадей и промывку ранъ на сиппачъ животнохъ, причиненныхъ имъ вьюками. Артиллеристъ-препараторъ Матвій Жиллевъ пришился за шкуру марала, мы же съ братомъ, закончивъ съемку и дневникъ, отравились осматривать мѣсто завтрашняго подъема. Отъ моста тропинка шла параллельно рѣкѣ по крутому откосу, поросшему карагачевой порослью; версты черезъ полторы она выводила на прибрежный уступъ; къ югу этотъ уступъ прекращался точно такъ же; къ сѣверу же, пересѣкаемый широкими промоинами, служившими, вѣроятно, для стока весеннихъ водъ и спускавшимися къ самой рѣкѣ, онъ тянулся, насколько хваталъ глазъ. Осмотръ не далъ угнѣнительныхъ результатовъ; весь подъемъ до верхней площадки былъ такъ узокъ и крутъ, что приходилось вьючить лошадей у самого моста, на площадкѣ около девяти квадратныхъ аршинъ. Работа трудная и опасная. Мы вернулись домой съ наступленіемъ сумерокъ и застали ужинъ уже готовымъ. Люди устроились на почевку поближе къ водѣ. Въ глубокомъ ущельѣ видѣлся среди наступившей темноты красноватый блескъ огня отъ костра, на которомъ грѣлись чайники; кругомъ него шевелились люди. Живописная группа ихъ, озаренная яркимъ пламенемъ среди потонувшихъ во мракѣ скалъ, шумъ рѣки и багровый блескъ огня на клочковатой поверхности воды производили чарующее впечатлѣніе; наверху слышался звонъ колокольчика; это бродили межъ гранитныхъ обломковъ наши лошади, уже выстоявшія и получившія свою дачу сухого фуража. Небо горѣло тысячами огней и дополняло картину, достойную кисти художника. Зажегши фонарь, одинъ изъ казаковъ разостлалъ салфетку на коврѣ и подаль желѣзную миску, въ которой были изъ сухой кислой капусты и лежали большіе куски вареного марального мяса. Мы ѣли мясное всего разъ въ сутки, а потому самое неприхотливое варево очереднаго казака-повара казалося всегда превосходнымъ. Пищи отдѣльной отъ людей намъ не полагалось, все приготовлялось въ общемъ котлѣ, а затѣмъ мы и брату подавали въ отдѣльной мискѣ. Благодаря большому аппетиту, обѣдъ всегда ожидался съ нетерпѣніемъ и съѣдался быстро. Пообѣдавъ и выпивши чай, мы улеглись спать на наши войлочные подстилки. Сонъ, однако, бѣжалъ отъ глазъ, яркій блескъ звѣздъ надъ головою и ревъ рѣки возбуждали нервы, и дума за думой тѣснилась въ головѣ. Мы только что начали наше путешествіе, а уже успѣли много перетерѣть. Ответственность передъ обществомъ была большая, хватить-ли силъ доковчигъ начатое дѣло и выполнить всѣ порученія? Каковы будутъ результаты? Вотъ что безпокойно болѣе всего и что подъ-часъ при неудачахъ тяжелымъ камнемъ ложилось на душу. Ночь прошла покойно; утрення свѣжесть разбудила рано. Солнце хотя и должно было быть уже высоко, но въ ущельѣ, окруженномъ высокими стѣнами, было еще темно. Одысьясь, умытыя и выпиты двѣ кружки чая было дѣломъ одной минуты, и мы живо принялись за вьючку. Перенесли вьюкъ на противоположный берегъ, приводили туда же лошадей и начинали вьючить. Тутъ сказалося въ полной мѣрѣ вся трудность и опасность работы. Лошади съ трудомъ стояли на гладкой плитѣ противоположнаго берега; приходилось держать поводъ весьма сильно, а перѣдко и придерживать крушъ лошади въ моментъ затягиванія вьюка круговымъ арканомъ. Малѣйшая неловкость могла повлечь за собой паденіе въ пропасть и человека, и лошади. Навьюченное животное немедленно отводилось наверхъ; на полпути оно передавалось другому вожаку, который, приведя на площадку, сунувъ вьюкъ и передавалъ подъ присмотромъ особо назначенныхъ для этого людей. Наверху распорядился братъ, и же остался у моста. Дѣло пошло у насъ усиленно, но медленно. Вьючившіе люди смѣнялись; свободные прибирали кое-что, или, сидя на мосту, покуривали трубки, забавляясь бросаньемъ камней въ рѣку. Улары бултыхъ, хотя и небольшихъ, о воду производили въ узкихъ стѣнахъ ущелья ужасный грохотъ. И вскорѣ велѣлъ прекратить эту забаву; вьючка была сопряжена съ такой опасностью, что всякій ударъ заставлялъ съ тревогою думать, не унало-ли что-нибудь изъ нашего имущества въ воду. Воспользовавшись ровнымъ свѣтомъ, я снялъ фотографію съ моста. Но вскорѣ выглянуло солнце и облило ущелье яркимъ, ослѣпляющимъ свѣтомъ. Жизнь какъ-то сразу проснулась; появились жучки, бабочки; въ устахъ защебетали птицы. Между тѣмъ вьючка мало-по-малу наладилась, а счель свое присутствие излишнимъ и, взявъ сѣтку, отпра-

вился ловить еще до сихъ поръ не понадавшійся видъ прыгающаго жука рода Zizindella. Къ сожалѣнію, однако, какъ оказалось потомъ, напрасно покинулъ я мѣсто вьючки; люди, освоившись съ опасностью, скоро стали относиться къ дѣлу черезчуръ безпечно. Эта-то безпечность и была причиной несчастія, случившагося съ нами. Увеликивъ ловлей жуковъ, я лазалъ по прибрежнымъ скаламъ, то спускался къ рѣкѣ, то поднимался снова. Случайно подожди къ мосту, я велѣлъ перемѣнить вьюкъ на лошади и вернулся къ своему занятію. Но не прошло и десяти минутъ, какъ раздался сильный грохотъ; я вздрогнулъ отъ неожиданности. Мысль, что опять кто-либо изъ людей бросилъ въ воду камень, мелькнула въ головѣ, и на этотъ разъ я рѣшилъ наказать виновнаго. Обернувшись къ мосту, отъ котораго былъ всего шагахъ въ ста, я, однако, увидѣлъ полный беспорядокъ; страшное подозрѣніе закралось въ душу, въ нѣсколько прыжковъ я былъ у моста. Отчаянный крикъ „лошадь унала!“ раздавшійся вдругъ откуда-то сверху, былъ мымъ отвѣтомъ. Мергвенная блѣдность покрыла лица людей. Всѣ бросились къ берегу. „Давай арканы... Бѣги на спускъ къ водѣ!“ раздавались чьи-то команды. Суматоха поднялась невообразимая. И ничего не видалъ, а потому и не мѣшалъ дѣлать людямъ, что они находили нужнымъ. Схвативъ арканы, нѣсколько человекъ бросились къ прононѣ, которой началось ущелье. Уналь-ли человекъ съ лошадыю? Какъ и откуда унали? Что было на упавшей лошади? Вопросы эти тѣснились въ головѣ, а боязнъ узнать о гибели кого-либо изъ людей экспедиціоннаго отряда заставляла сердце болѣзненно сжиматься. Ползкомъ пробирался по прибрежнымъ камнямъ, мы жадно засматривали въ глубокую пропасть, думая найти какой-либо слѣдъ упавшаго. Но напрасно,—рѣка не мѣняла своего урвутаго лица, и ни малѣйшаго присутствія чего-либо посторонняго не было видно. Пучина мгновенно поглотила упавшее; оставалось только узнать, въ чемъ заключалась утрата. Вскорѣ вернулся и люди, бѣжавшіе къ прононѣ, конечно, безъ всякихъ результатовъ. Мы осмотрѣлись; изъ числа людей, бывшихъ внизу, не хватало только семирѣнца Чуркина. „Онъ, ваше благородіе, наверхъ убѣгъ; какъ-же, это его лошадь унала, да и доложитъ его благородію падо было“, сказалъ кто-то. „Слава Богу, люди цѣлы!“ и каждый вздохнулъ свободнѣе. „Да не видалъ-ли кто, что въ водѣ было?“ спросилъ я. Оказалось, что изъ присутствующихъ никто ничего не видѣлъ, а тревогу поднялъ отсутствовавшій Чуркинъ. Перебирая мысленно навьюченныхъ лошадей, мы никакъ не могли найти ту, которая сдѣлалась жертвою рѣки. „Да не пѣганка-ли это съ серебромъ?“ сказалъ кто-то. Холодомъ обдало при этомъ предположеніи; неужели, дѣйствительно, пропало серебро, которое цѣлкомъ велозо на одной лошади? Но всѣмъ признакамъ, казалось, оно именно и должно было быть; объ этомъ вьюкъ, какъ на зло, никто не помнилъ, и не зналъ времени его отправленія. Да и гдѣ было все помнить при пятидесяти сличкомъ вьючныхъ лошадахъ. Мысль, что пропало серебро, и что вмѣстѣ съ тѣмъ должно было кончиться и наше путешествіе, поразила всѣхъ, всѣ притихли. „Надо, братцы, искать, не увидимъ-ли его гдѣ-либо застрявшимъ въ камняхъ“; съ этими словами всѣ двинулись на новые поиски. Не будучи въ силахъ оставаться долѣе покойнымъ, я бѣгомъ пустился вверхъ по тропѣ. На полпути я встрѣтилъ брата, сѣвшившаго узнать, что у насъ случилось. „Кажется, серебро пронало!“ крикнулъ я ему.—„Какъ серебро?“ спросилъ братъ.—„Постой... не можетъ быть... серебро я самъ отвелъ на верхъ“.—„Да вѣдь у васъ лошадь унала“, сказалъ я ему.—„Какъ у насъ? Нѣтъ, наши лошади далеко отогнаны и ихъ стережетъ Николай. Это у васъ лошадь унала“, сказалъ братъ.—„Да вотъ сейчасъ придетъ Чуркинъ, онъ побѣжалъ лошадей считать“. Творилось что-то странное. Оставалось только одно предположить,—завьюченная лошадь была пущена по тропинкѣ безъ провожатаго. Скоро дѣло разъяснилось. Не успѣли мы спуститься къ мосту, какъ сверху приближалъ, весь въ поту и задыхался, Чуркинъ. „Ну, что, Чуркинъ?“—„А вотъ, ваше благородіе, сейчасъ посмотрю“, и онъ сталъ перебирать по названіямъ всѣхъ бывшихъ у моста лошадей:—„Пѣганка голубой, Соколы, Козель, Карпоухій, Сѣрко безхвостый... Ваше благородіе, чернаго Пѣганки нѣтъ“, сказалъ онъ черезъ мгновение. Дѣйствительно, его не было, и это была именно та лошадь, съ которой я велѣлъ снать въ постѣдній мой приходъ мои астрономическіе инструменты и наложить какой-то другой вьюкъ. „Должно, она сама и есть, ваше благородіе, сказалъ, подходя къ намъ, старшій казакъ,—мы ее только что наверхъ отправили. А въ камняхъ ничего не видалъ, все утонуло“. Слава Богу, потеря была хотя и чувствительна для насъ, но вознаграждена. На ней была вся кухня и переметныя сумы съ теплымъ платьемъ казачьимъ и нашимъ.

Мы стали разспрашивать, какъ дѣло случилось. Оказалось, что паденіе видѣлъ тотъ-же Чуркинъ. Онъ несъ въ это время черезъ мостъ одинъ изъ вьючныхъ ящиковъ. Услышавъ сначала шумъ, а затѣмъ страшный грохотъ и обернувшись, онъ увидѣлъ несущіяся по поверхности воды блестящія предметъ, затѣмъ сѣдо и огромный тюкъ. На секунду мелькнула въ водѣ голова лошади, затѣмъ все исчезло, сброшенное съ водо-

Торжество мира. Съ карт. Фонтапа, грав. Боугъ.

пада. Выяснилась и причина несчастия. Одинъ изъ казаковъ повелъ завьюченную лошадь наверхъ, но, не дойдя до встрѣчнаго чловѣка, привязалъ ее къ какому-то дереву и самъ ушелъ. Сверху за лошадью шелъ въ это время калмакъ-проводникъ. Лошадь, пугливая по природѣ, увидавъ незнакомаго чловѣка, да къ тому же и одѣтаго, какъ пугало, испугалась и рванулась; гибкое дерево согнулось, но затѣмъ, выпрямившись, рвануло лошадь съ такой силой, что повалило ее на бокъ. Несчастное животное, очутившись на крутомъ откосѣ, тщетно старалось подняться на ноги—тяжелый вьюкъ тянулъ въ пропасть. Слѣды отчаянной борьбы лошади были видны на склонѣ; огромные камни были сдвинуты съ мѣста, и глубоки борозды въ сыпучемъ грунтѣ указывали на страшныя усилія животного. Потерявшійся проводникъ, вмѣсто того, чтобы перерѣзать арканы вьюка и тѣмъ спасти лошадь, испугавшись ответственности, забился въ кусты и остался безучастнымъ свидѣтелемъ борьбы на смерть. Подъ тяжестью вьюка и лошади, корни дерева не выдержали, одинъ за другимъ стали лопаться. Вотъ лопнулъ послѣдній корень, и лошадь, сдѣлавъ ужасный прыжокъ черезъ голову, полетѣла въ пропасть.

Я зналъ виновника несчастия, но не могъ рѣшиться утѣпить горе людей о погибели лошади и имущества и наложить взысканіе на виновнаго.

„Вьючить скорѣе!“ крикнулъ я, уходя съ братомъ. Этотъ приказъ былъ почти лишнимъ, люди и такъ старались скорѣе покинуть это ужасное мѣсто, и съ лихорадочной поспѣшностью стали закрѣплять вьюки на лошадяхъ. Черезъ четверть часа послѣдняя лошадь была отправлена наверхъ. Осмотрѣвши мѣсто почвѣки, чтобы убѣдиться, все-ли взято, и сдѣлавъ несомнѣимыя работы для съемки, я, въ сопровожденіи пренаратора Жилиева, поднялся на верхнюю площадку, гдѣ стояли наши спутанныя лошади.

День стоялъ жаркій, было около одиннадцати часовъ, и солнечные лучи падали немилосердно. Стѣны узкаго каменнаго ущелья быстро нагрѣлись, и отъ нихъ шло жаромъ; духота была невыносима. Мы стали подгонять лошадей, чтобы присоединиться къ каравану, уже ушедшему версты на три впередъ, и нѣрѣдка перебрасывались словами. „А знаете что, ваше благородіе, сказалъ мнѣ пренараторъ,—вѣдь, мы напрасно скоро уѣхали отъ рѣки, надо было посмотреть тамъ, около перваго водопада; кажись, нашъ вьюкъ въ камняхъ застрялъ.“—„Эхъ, Матвѣй, что же ты мнѣ объ этомъ раньше не сказалъ, отвѣтилъ я ему.—Да ты, можетъ-быть, что-либо за него принялъ?“—„Да я, ваше благородіе, точно и не утверждаю, что видѣлъ вьюкъ, гдѣ его разсмотрѣть въ такой тѣмѣ, вѣдь, сажень восемьдесятъ ошъ отъ меня былъ; а все-таки это, должно, былъ вьюкъ“. Дѣлать было нечего, хотя и не хотѣлось возвращаться къ только что покинутой рѣкѣ, но надежда достать жогъ часть потеряннаго заставила меня повернуть лошадь обратно. Проѣхавъ около полуверсты по краю балки, внизу которой буневала невидимая для насъ рѣка, мы остановились у промывки, шедшей къ рѣкѣ, и сдѣлали съ лошадями; взявъ ихъ въ поводъ, мы стали спускаться внизъ, по вскорѣ это оказалось невозможнымъ—пологий спускъ сдѣлался каменнымъ и крутымъ. Снявъ уздечки съ лошадей и спутавъ имъ ноги, мы пошли одни, пробираясь между кустами карагача и колючаго шиповника; путь становился все труднѣе и труднѣе, наконецъ, пришлось спускаться, дѣлаясь руками за кусты и вѣтви деревьевъ. Мой пренараторъ, дожей комплекціи, съ трудомъ продвигавъ то, что мнѣ доставалось легко, и обливался потомъ. Боясь за него, я приказалъ ему остаться на мѣстѣ; дисциплина заставила его покориться, хотя по всему видно было, что сдѣлалъ онъ это неохотно. Снявъ съ себя все лишнее, я продолжалъ спускаться одинъ, лавируя то вправо, то влѣво. Я все шелъ по карнизамъ, образованнымъ выступами скалы; привычка къ ходьбѣ по горамъ, пріобрѣтенная еще во время путешествія на Памиръ и во время охоты въ горахъ сѣверной Персіи, помогала легко преодолевать довольно серьезныя препятствія. Я уже почти добрался до рѣки, но тутъ попалъ въ такое критическое положеніе, о которомъ и теперь вспоминать непріятно. Пробираясь по карнизамъ и внимательно слѣдя за видомъ ихъ и направлеиемъ, я сдѣлалъ ошибку. Разсчитывая, что, проползши подъ нависшей скалой по узкому карнизу и перепрыгнувъ черезъ отвѣсную, идущую до воды, щель скалы, благополучно доберусь до мѣста, гдѣ долженъ былъ быть, по моему расчету, водопадъ, я безъ большого труда проникъ въ узкое отверстіе подъ скалой и довольно легко перепрыгнулъ черезъ полусаженную трещину на площадку противоположнаго края. Площадка была широкая, и я быстро продолжалъ путь. Однако расчетъ былъ не вѣренъ,—площадка постепенно сузилась и круто оборвалась въ рѣку, заслоненную отъ меня какимъ-то выступомъ, лежащимъ ниже. Пришлось вернуться назадъ. Вспомнилось, но ужъ слишкомъ поздно, правило горной охоты, что никогда не слѣдуетъ двигаться впередъ по пути, по которому нѣтъ возврата. Подойдя къ краю трещины, чрезъ которую только что перепрыгнулъ, я созналъ весь ужасъ своего положенія. Путь былъ закрытъ, какъ впередъ, такъ и назадъ. Подъ ногами была трещина глубиною сажень десять, съ отвѣсными стѣнами и бнующей

водой внизу, слѣва поднималась гладкая скала, справа—обрывистый берегъ былъ невозможенъ для спуска, такъ какъ нависалъ надъ торчащими внизу каменными массами. Единственный путь впередъ было узкое, фута въ полтора высокою, отверстіе противоположнаго края пропасти, съ гладкой, наклоненной къ рѣкѣ, поверхностью карниза, шириною фута въ два. Холодный потъ выступилъ на лбу, и стало жутко. Тщетно я осматривался кругомъ; приходилось прыгать черезъ пропасть, съ опасностью разбиться о выступъ низко нависшей скалы или сорваться въ пропасть. Моментъ малодушія, и я сталъ звать на помощь далеко оставленнаго Матвѣя. Конечно, одинъ ревъ рѣки быть отвѣтомъ на слабый мой зовъ. Только мой песикъ „Вася“, привѣтливо виляя хвостомъ, поближе подобрался ко мнѣ и сѣлъ у ноги. Много думъ промелькнуло въ головѣ въ эту минуту; вспомнились тѣ опасности, которыя не разъ приходилось встрѣчать въ долгія странствованія... „Господь помогаль преодолевать все, авось и теперь выберусь изъ опасности съ Его помощью“. Взявъ камень, я бросилъ его въ щель противоположнаго края пропасти и велѣлъ его подать своей собацѣ; та исполнила это легко, хотя замѣтно было, что ноги ее скользили по карнизу, велѣдствіе присутствія мелкаго гравія напологой къ рѣкѣ плитѣ.

„Нельзя останавливаться послѣ прыжка“, подумалось мнѣ.—„Надо живо проползти опасное мѣсто, иначе не удержишься на краю, и тогда помнишь какъ звали“. Слѣдовало разсчитать прыжокъ такъ, чтобы не вадѣть головой или спиной верхняго края скалы; я примѣрился нѣсколько разъ, стараясь найти хорошую опору правой ногой. Разогнувъ ноги своей охотничьей куртки и воротъ рубахи, я сталъ на краю пропасти на лѣвое колено, а правой уперся въ выступъ скалы. Моментъ былъ ужасный. Согнувшись въ тазу и взмахнувъ впередъ руками, я сдѣлалъ отчаянный толчокъ правой ногой и ужалъ плашми на противоположный берегъ; градомъ посыпалась изъ подъ-моего туловища галька и песокъ. Безсознательно выгнать руки, я вѣшнлся въ какой-то выступъ и помогъ туловищу сдѣлать усиліе и подобрать ноги, уже скользивши по направлеию скаты къ рѣкѣ. Еще мгновеніе—и я былъ внѣ опасности. Какъ ни кажется страшнымъ, но эта кратковременная работа всѣхъ мыщцъ тѣла была такъ энергична, что пришлось съѣсть минутъ на пять, чтобы отдохнуть. Черезъ нѣкоторое время я былъ у рѣки и видѣлъ ясно все, что было вблизи стремнины, у которой Матвѣй какъ будто замѣтилъ нашъ вьюкъ. Одного взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться въ невозможности чего-либо подобнаго, до того бѣшено неслась тутъ вода. Осмотрѣвъ тщательно все приближныя скалы, я рѣшилъ возвратиться наверхъ, по соблазнили видомъ воды. Мнѣ захотѣлось паниться, да кстати наполнить водое флягу, бывшую со мной. Тутъ чуть не повторилось утреннее несчастіе. То мѣсто, надъ которымъ я стоялъ, представляло большую плитку, гладко отшлифованную и наклоненную къ водѣ; разстояніе отъ меня до воды было всего 5—6 аршинъ. Спустившись на плитку, я улегся на нее и подползъ къ краю,—рука до воды не доставала. Поэтому я спустилъ флягу на веревочкѣ, стараясь погрузить ее пашкой въ воду, но быстрота воды была такъ велика, что пашку относило, какъ щечку. Замѣтивъ трещину немного ближе къ берегу, я сталъ подвигаться къ ней; не успѣлъ я добраться до края и наполнить бутылку, какъ совершенно неожиданно на рѣкѣ поднялся огромный валъ. Вода почти мгновенно поднялась аршина на два у берега, и масса ей обрушилась на меня. На одно мгновеніе я былъ весь покрытъ водой; инстинктивно схватившись за корни какого-то дерева, висѣвше близъ меня, а другой рукой за выступъ камня, я удержался на плитѣ. Но къ ужасу моему, обтеревъ глаза отъ лившейся съ фуражки воды, я увидѣлъ, что собачки моей со мной не было. Шемлящая боль захватила мнѣ грудь. „Вася, Вася!“ сталъ я звать своего любимца, но только ревъ рѣки былъ мнѣ отвѣтомъ. Я снова подползъ къ краю скалы, затѣмъ, подпавшись на ноги, сталъ пробираться по краю рѣки, стараясь заглянуть во всѣ щели берега, чтобы найти гдѣ-либо свою собачку, но все напрасно. „Пронала...“ подумалось мнѣ. Проклинаю ужасную рѣку, я сталъ карабкаться вверхъ съ остервенѣишемъ, чтобы заглушить внутреннюю боль. Уже прошло минутъ десять, и я былъ высоко, какъ вдругъ послышался сади шорохъ; я обернулся, за мной стоялъ мой песикъ, весь мокрый, помахиная хвостомъ. Трудно передать ту радость, которая охватила все мое существо. Волненіе пережитыхъ минутъ этого ужаснаго дня вылилось тутъ совершенно невольно, и охватилъ руками своего любимца, и слезы радости невольно выступили изъ глазъ. „Ваше благородіе-е-е!“ послышался окликъ.—„Матвѣй!“ крикнулъ я въ отвѣтъ. „Слава Богу, ваше благородіе, я ужъ думалъ, что съ вами не вѣсть что приключилось, вѣдь, ужъ почти что часъ васъ жду“. Поднимаясь наверхъ, я разсказалъ про свое приключеніе... „Только напрасно вы, ваше благородіе, за Ваську испугались, развѣ собака когда потонетъ? Собака никогда не потонетъ!“ сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.—„Особенно Васька, ужъ больно онъ ловоктъ!.. Вы тутъ осторожьѣе, ваше благородіе“, сказалъ онъ, когда мы стали съ трудомъ пробираться черезъ густыя заросли карагача,—„тутъ колодцы повариты“. Дѣйствительно, почти въ самомъ

логу были четыре или пять колодезь; нѣкоторые были частью засыпаны, другіе странно глубоки и, казалось, достигали уровня рѣки. Колодези были круглые, почти двухъ сажень въ диаметрѣ. Назначеніе ихъ осталось невыясненнымъ, можетъ-быть, это были мурфы золотонекателей. Но, судя по грунту, въ этихъ мѣстахъ трудно было ожидать присутствія золота. Наконецъ, мы добрались до лошадей. Выюки уже давно скрылись изъ глазъ въ пазухахъ прихотливо вившейся тропы, опавшей горные выступы праваго берега рѣки. Глубокіе водостоки прорѣзали террасообразный высокій берегъ, и въ треугольные вырѣзы ихъ гдѣ-то далеко-далеко узкой лентой видѣлся рѣка. Противоположный берегъ поднимался круто и представлялъ мѣстами сѣрыя, мѣстами красныя, лишенные растительности и какъ-то дико нагроможденныя одна на другую, скалы.

Вотъ впереди щелкнулъ выстрѣлъ, и, спустя нѣсколько минутъ, цѣлое стадо горныхъ козъ выскочило изъ промоины и пронеслось въ горы. Взявъ бинокль, я съ трудомъ различилъ на днѣ промоины, почти у воды, нашего калмака-проводника, копошившагося около чего-то, лежащаго на землѣ.

Солнце было высоко, палящіе лучи его накалили землю и окружающія скалы, и жгли немилосердно руки и лицо. Высокая растительность стояла, не шевелясь, какъ мертвая; ни одного дуновенья вѣтерка. Уныло опустивъ головы, шли наши лошади, бѣдный песикъ Васька, черный, какъ уголь, тщетно искалъ тѣни подъ каждымъ камнемъ и маленькимъ кустикомъ. Вырывъ ему подъ камень величюю мѣше его

на половину, онъ ложился въ нее и тяжело дышалъ, открывъ совершенно высохшій ротъ. Отрядъ приунылъ. Скоро пришлось помогать моему псу переносить жару, употребляя въ дѣло флягу съ водой, добытой съ такимъ трудомъ. Раза три я вливалъ ему въ ротъ воду и смачивалъ голову, но скоро послѣдняя капля была вылита; пришлось употреблять въ дѣло платку, чтобы образумить совершенно обезумѣвшую отъ жары собаку. Забывшись куда-нибудь, собака не выходила на зовъ, и приходилось ее отыскивать. Выведенный изъ терпѣнія непослушаніемъ животнаго, я взялъ его на сѣдло и провезъ версты три. Но вотъ дорога повернула въ горы; впереди, въ верстѣ, видѣлся перевалъ; мы подогнали лошадей, и вскорѣ съ вершины некрутого подъема увидѣли узкую полосу зелени. Лошади подняли головы и потянули къ водѣ; я сбросилъ съ сѣдла собачку; она сначала какъ-то съ недоумѣніемъ побѣжала около лошади, но затѣмъ стремглавъ понеслась съ перевала и вскорѣ исчезла въ зелени. Подѣхавъ къ камышамъ, мы нашли веселый ручеекъ; тутъ же былъ и Васька, лежавшій на днѣ ручья; вытянувъ морду противъ теченія, онъ, видимо, наслаждался прохладой. Нанонивъ лошадей, мы суетились вылезъ по рѣкѣ около версты и остановились въ рощѣ, состоящей изъ десятка громадныхъ тополей. Царствовавшая кругомъ тишина, проходила подъ тѣнью деревьевъ и кружка горячаго чая вскорѣ заставили позабыть всѣ тревоженія пережитого дня, а къ вечеру веселыя казачьи пѣсни подъ звукъ гармонки оживили долину. Надолго остались намъ памятыя верховья Манаса.

Къ рисункамъ.

Дворецъ въ Ораніенбаумѣ. (Рис. на стр. 717).

Нынѣшній Ораніенбаумскій дворецъ былъ заложенъ княземъ А. Д. Меншиковымъ, извѣстнымъ временщикомъ при Петрѣ Великомъ, въ 1714 году. Первоначально дворецъ этотъ былъ загороднымъ домомъ Меншикова, который развелъ при немъ большой садъ съ фонтанами, водопадами, оранжереями и даже звѣриницей. Дворецъ стоялъ на возвышенной террасѣ и состоялъ изъ главнаго каменнаго корпуса и двухъ каменныхъ павильоновъ, соединенныхъ съ нимъ полукруглыми круглыми колонадами; въ одномъ изъ павильоновъ находилась домовая церковь, другой носилъ названіе японской залы. Зала построена, но свѣдѣніямъ, въ 1756 году, а церковь еще позже. Внизу тянулись болота, поросшія ольхой и камышемъ; съ моремъ сообщенія не было. Меншиковъ прорылъ существующій и нынѣ каналъ къ морю длиною въ 222 сажени и шириною въ 5 сажень. По преданію, каналъ сдѣланъ въ три дня девятью тысячами крѣпостныхъ крестьянъ Меншикова. Петръ, проѣхавъ по нему, сказалъ: „Дѣло знатное, хотя, должно-быть, немного и коштowało“. Дворецъ этотъ былъ любимымъ загороднымъ дворцомъ Меншикова; здѣсь онъ дѣлалъ для двора великолѣпныя празднества. Особенно часты были здѣсь празднества въ дни царствованія юнаго Петра II. Тутъ устраивались, въ густыхъ ораніенбаумскихъ лѣсахъ, охоты на водившихся тамъ голубыхъ песцовъ, находимыхъ теперь только въ Норвегій и Архангельской губ. Елисавета Петровна приказала графу Растрелли пристроить къ палаатамъ Меншикова два флигеля съ башнями: съ правой стороны—фрейлинскій, съ лѣвой—кухонный. Между башнями была проведена рѣшетка съ золочеными украшеніями, со въѣздными воротами на главный дворъ. Въ это же время построены всѣ нынѣшніе дворцовыя каменныя службы. Въ 1745 г. Ораніенбаумъ съ дворцомъ былъ отданъ государыней наследнику Петру Феодоровичу. Новое владѣніе очень поправилось цесаревичу, и онъ не забывалъ ему въ теченіе всей своей жизни. Въ этомъ дворцѣ онъ, уже будучи императоромъ, подписалъ знаменитый указъ о волности дворянства 18 февраля 1762 г. 29 июня 1762 г. окончилъ императоръ здѣсь свое царствованіе. Екатерина II въ январѣ 1780 г. приказала слободу Ораніенбаумъ переименовать въ городъ. Нынѣ Ораніенбаумскій дворецъ, въ томъ видѣ, какъ онъ у насъ изображенъ, принадлежитъ Великой Княгинѣ Екатерины Михайловнѣ.

Любимый уголокъ. (Рис. на стр. 720).

Въ самомъ концѣ сада, куда рѣдко проникаетъ заботливый глазъ садовника, и его рука не мѣшаетъ кустамъ и травѣ расти на волѣ, стоитъ полуразвалившаяся скамейка. Широкія вѣтки деревьевъ раскинулись надъ нею шатромъ и охраняютъ отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца, которые золотыми иглами врываются въ рѣдкіе просвѣты густой зелени, расцвѣвая по землѣ подвижныя узоры. Тамъ, вдали отъ людей, любо сидѣть посреди тишины, ничѣмъ не парусаемой въ любимомъ укромномъ уголкѣ.

Крестины во Флоренці. (Рис. на стр. 725).

Ежегодно во французскомъ салонѣ появляются картины, обращающія на себя вниманіе стройными изящными фигурами, облеченными въ живописные костюмы эпохи возрожденія въ Италіи. Эти картины принадлежатъ кисти художника

Ваггеда, и гравюры съ нихъ неоднократно появлялись на страницахъ нашего журнала. Въ сегодняшнемъ номерѣ гравюра изображаетъ крестины во Флоренціи.

Торжество мира. (Рис. на стр. 728 и 729).

Живопись, какъ и словесность, не чужда аллегорій, или иносказательнаго образаго выраженія или изображенія. У талантливаго писателя и даровитаго художника она заставляетъ задуматься надъ собою и восхищаться искусству автора, если аллегорія понятна и остроумна. Наша гравюра изображаетъ торжество мира, ничѣмъ не парусаемаго.

Гр. Ѳ. Квитка (Основьяненко).

(Портр. на стр. 732).

Имя Г. Ѳ. Квитки всегда будетъ занимать почетное мѣсто въ исторіи русской литературы XIX столѣтія. Не обладая гениальностью и художественнымъ талантомъ, какъ Пушкинъ, Гоголь и другіе знаменитые наши писатели, Квитка заслужилъ добрую память потомства за тѣ добрыя идеи, которыя постоянно проводилъ онъ и въ своихъ произведеніяхъ, и въ жизни. Сочиненія Квитки всегда будутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для характеристички правды и убѣжденій русскаго дворянства въ первой половинѣ текущаго вѣка. Литературные критики того времени рѣдко осуждали „это провинціальное остроуміе“, называя подобныя сочиненія „глубокомысленными наблюденіями надъ человѣческимъ сердцемъ изъ-за плетни, чертами правды, подмѣченными между маслобойней и скотнымъ дворомъ“. При такихъ печатныхъ отзывахъ о цензурныхъ строгостяхъ нужно было имѣть не мало гражданскаго мужества, чтобы издавать свои произведенія, посвященныя характеристикѣ современныхъ нравовъ. Но Квитка сумѣлъ преодолѣть эти препятствія, и въ этомъ заключается его заслуга предъ обществомъ.

Григорій Феодоровичъ Квитка родился 18 ноября 1778 года въ селѣ Основѣ, родовомъ владѣннѣй фамиліи Квитокъ, вблизи Харьковѣ. Отъ имени села Основы Г. Ѳ. Квитка впоследствии и заимствовалъ свой псевдонимъ „Основьяненко“. — Первые годы жизни были весьма печальны: слабый, ослѣпшій отъ золотухи еще на рукахъ кормилицы, онъ не подавалъ надеждъ на жизнь. Но внезапное, можно сказать, чудесное исцѣленіе отъ слѣпоты, случившееся съ Квиткою на пятый годъ отъ рожденія, во время посѣщенія его матерью Озерянскаго монастыря, произвело рѣшительный переворотъ въ дальнѣйшей судьбѣ мальчика. Въ немъ стало быстро развиваться глубокое религиозное чувство, и уже на двѣнадцатомъ году Квитка поступилъ въ монахи. Но, въѣсто того, отецъ опредѣлилъ 15-ти-лѣтняго сына въ военную службу, откуда вскорѣ Квитка перешелъ въ гражданскую, а потомъ снова въ военную. Однако, излюбленная мечта о поступленіи въ монашество не покидала его, несмотря на скоро полученныя ротмистрскія эполеты. На 22 году Квитка поступилъ послушникомъ въ Куряжскій монастырь, гдѣ началъ вести строго-монашескую жизнь. Въ монастырѣ Квитка пробылъ около 4 лѣтъ; но, уступая настояніямъ родителей и, главнымъ образомъ, влѣдствие невозможности, по слабости здоровья, принять постриженіе, онъ оставилъ свое намѣреніе поступить въ монахи. Здоровье его поправилось, хотя въ то же время онъ имѣлъ несчастіе потерять лѣвый глазъ и попортить лицо отъ взрыва при приготовленіи домашняго фейерверка. Это несчастіе не

помышало Квитка продолжать являться съ собранияхъ, заниматься музыкою, играть на домашнемъ театрѣ и даже служить въ харьковской милиціи въ 1806—1807 годахъ. Въ это время на Квитку оказало громадное вліяніе начавшееся тогда преобразование общественной жизни г. Харькова, чему начало положено было учрежденіемъ тамъ университета (въ 1805 г.). Плодами общественной дѣятельности Квитки явились: устройство въ Харьковѣ мѣстнаго театра, участіе въ первомъ на югѣ Россіи журналѣ *Украинскій Вѣстникъ* (1816—1818 гг.), учрежденіе Харьковского института благородныхъ дѣвицъ, для чего Квитка, управлявшій первое время дѣлами института, принесъ въ жертву почти все свое состояніе, учрежденіе въ Харьковѣ кадетскаго корпуса (переведеннаго потомъ въ Полтаву) и устройство Харьковской публичной бібліотеки. Кроме того, Квитка (съ 1817 г.) былъ харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1840 г. избранъ былъ въ председатели харьковской палаты уголовного суда. Въ 1821 году Квитка женился на классной дамѣ Харьковского института г-жѣ Вульфъ, о которой отзывался, какъ о „наградѣ, данной судьбою“.

Литературная дѣятельность Квитки началась съ 1816 года, когда онъ напечаталъ въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* статью о Харьковскомъ институтѣ. Но, собственно, на литературное поприще Квитка вступилъ только съ 1827 года, когда стали появляться его произведенія въ столичныхъ изданіяхъ.

Отличительную черту таланта Квитки составляло то, что въ произведеніяхъ его воспроизводилась дѣйствительная жизнь. Квитка самъ писалъ: „Мнѣ было досадно, что все мечтаютъ подъ облаками, изобрѣтаютъ страсти, создаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, направо и не писать того, что попадетъ на глаза?“ Оттого Квитка не брался описывать тогъ бытъ, котораго не зналъ и не изучалъ. „Заграничныхъ людей“, говорилъ онъ, „въ свои повѣсти не беру... Въ высшемъ кругу сдѣлаю образъ, утонченность, благопріичіе; нѣтъ нищды для замѣчаній, наблюденій. Вотъ, въ простомъ классѣ людей не образованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному уму, разсудку, если что замѣчу,—пишу!“

Несправедливость критики сильно тревожила Квитку; онъ самъ сознавалъ, что его повѣсти изъ малороссійскаго быта, переданныя на русскомъ языкѣ, терли во многомъ свою оригинальность; но онъ не могъ не возмущаться безпочвдными отзывами, что эти произведенія что-то въ родѣ ярмарочной макулатуры. Къ счастью Квитки, его ободряли и поддерживали

Писатель Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко (по поводу 50-лѣтія со дня кончины). По фот. грав. Шюблеръ.

народъ и надѣялся на помощь Франціи, партія эта замыслила войну съ Россіею съ цѣлью возвратитъ завоеванія Петра Великаго. Время для этого тогда казалось благопріятнымъ, потому что Россія была сильно ослаблена Бироновскимъ правленіемъ и трудною войною съ Турціею въ 1736—1739 гг. Скрывая истинный поводъ къ войнѣ, шведское правительство

такіе уважаемые писатели, какъ Жуковскій и Плетневъ.

Г. Ф. Квитка скончался въ Харьковѣ 8 августа 1843 года. Дѣтей у него не было, но онъ всю жизнь любилъ дѣтей. При погребеніи Квитки знаменитый проповѣдникъ, архіепископъ Иннокентій (Борисовъ), сказалъ одно изъ лучшихъ своихъ надгробныхъ словъ. Н. Ширяевъ.

Двѣ медали въ память Абовскаго мира.

(Рис. на этой стр.).

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія внутреннее состояніе Швеціи было крайне печально. Борьба многочисленныхъ партій только обезсиливала страну и давала поводъ къ вмешательству иностранныхъ дворовъ. Особешю силою пользовались тогда партія „шапокъ“ и „шляпъ“, названныя такъ по ихъ наружнымъ отличіямъ. Первая изъ нихъ пользовалась покровительствомъ и субсидіями Россіи, а вторая—Франціи. Въ 1738 г. „партія шляпъ“ одержала рѣшительный перевѣсъ надъ „партіею шапокъ“. Чтобы поддержать свое значеніе въ

народѣ и надѣясь на помощь Франціи, партія эта замыслила войну съ Россіею съ цѣлью возвратитъ завоеванія Петра Великаго. Время для этого тогда казалось благопріятнымъ, потому что Россія была сильно ослаблена Бироновскимъ правленіемъ и трудною войною съ Турціею въ 1736—1739 гг. Скрывая истинный поводъ къ войнѣ, шведское правительство

издало 24-го іюля (4-го августа) 1741 года декларацію, въ которой поводами къ разрыву мира были выставлены слѣдующія причины: убійство шведскаго дипломатическаго агента Синклера, совершенное будто бы по тайному приказанію Русскаго Двора, запрещеніе вывоза хлѣба изъ Лифліндіи въ Швецію, вопреки условія Ништадтскаго трактата 1721 года, устраненіе отъ престола Россійскаго престола цесаревны Елисаветы Петровны и герцога Голштинскаго Карла-Петра-Ульриха (внѣшдствіи императора Петра III) и намѣреніе шведскаго правительства освободитъ Россію отъ иноземцевъ. Русское правительство издало отъ имени малолѣтнаго императора Іоанна Антоновича манифестъ (отъ 13-го августа), въ которомъ было объявлено о твердой рѣшимости защищать честь и цѣлость имперіи. Военныя дѣйствія во время этой войны продолжались почти три года. Со стороны

шведовъ вся эта кампанія представляла только рядъ ошибокъ, объясняемыхъ общимъ разстройствомъ дѣлъ, тогдашняго шведскаго правительства. На первыхъ же порахъ успѣхъ былъ на сторонѣ русскихъ: 23-го августа они овладѣли городомъ Вильманстрандомъ, нанеся шведамъ сильное пораженіе. Между тѣмъ, на престолѣ вступила императрица Елисавета Петровна (25-го

Двѣ медали (лицевая и обратная стороны), выбитыя въ вѣчное воспоминаніе Абовскаго мира (по поводу 150-лѣтія заключенія этого мира). Автогипія Ренара.

ноября), и военные дѣйствія приостановились въ виду начавшихся переговоровъ о мирѣ. Но такъ какъ шведское правительство настаивало на уступкѣ Россіею принадлежавшей ей части Финляндіи и Карелии, то война возобновилась, о чемъ и послѣдовалъ новый манифестъ 18-го марта 1742 г. Счастье опять было на сторонѣ русскихъ: въ іюлѣ вѣнта была сильная крѣпость Фридрихсгамъ, а въ сентябрѣ послѣдовала кантуляція, въ силу которой шведскія войска сдали русскимъ Гельсингфорсъ и въ числѣ 17 тысячъ удалились въ Швецію, оставивъ въ русской власти всю Финляндію. Гельсингфорсская кантуляція побудила шведское правительство просить мира. Русское правительство, отклонивъ посредничество англійскаго и датскаго кабинетовъ, предложило открыть переговоры въ финляндскомъ городѣ Або; военные дѣйствія, между тѣмъ, продолжались, хотя и безъ выдающихся результатовъ. Уполномоченными при переговорахъ были: со стороны Россіи—генералъ А. И. Румянцевъ и баронъ фонъ-Люберасъ, со стороны Швеціи—государственный совѣтникъ Цедеркрейцъ и королевскій статсъ-секретарь фонъ-Нолькенъ.

Ратификація мирнаго трактата, заключеннаго „на вѣки“ въ Або, послѣдовала со стороны Россіи ровно 150 лѣтъ тому назадъ, 7-го августа 1743 года; подъ этимъ числомъ трактатъ вошелъ въ „1-е Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ (Т. XI № 8766). Весь трактатъ состоитъ изъ 20 статей. Въ статьяхъ IV и V Швеція навсегда подтвердила уступку Россіи земель, уже отошедшихъ отъ шведской короны по Ништадтскому трактату 1721 года, и, кромѣ того, уступила „на всегда“ область Кюменгорскую въ Финляндіи съ городами и крѣпостями Вильманстрандомъ и Фридрихсгамомъ, городъ Нейшлотъ съ округомъ и всѣ гавани, мѣста и округа до рѣки Кюмени. Россія же возвратила Швеціи Або и Бюрнеборгъ, области: Остроботнію, Тавастгустскую и Ништадтскую, Аландскіе острова, часть Карелии и область Саволакскую (за исключеніемъ Нейшлота). Швеція дозволяетъ былъ ежегодный безошланный вывозъ хлѣба на сумму 50,000 рублей изъ балтійскихъ русскихъ портовъ. Замѣчательно также, что въ трактатѣ изъ общей амнистіи были исключены казаки и ихъ дѣти, „слѣдовавшіе шведскому (т. е. шведскому) оружію“; безъ сомнѣнія, здѣсь была рѣчь о малороссійскихъ наемникахъ 1709 года.

Въ память Абовскаго мира, по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, вычеканены были золотыя, серебряныя и бронзовыя медали. На большой золотой медали (въ 35 червонцевъ) изображено: на одной сторонѣ—портретъ императрицы, на другой—рѣка Кюмень и на ней мостъ; изъ облаковъ двѣ руки держатъ лавровый вѣнокъ; въ немъ связаны гербы Россіи, Швеціи и Голштиніи; надпись гласитъ: „Крѣпчайшимъ союзомъ, въ память заключеннаго съ Швеціей вѣчнаго мира въ Абовѣ 1743 года, августа 7-го дня“. Были такія же медали меньшаго размѣра. На другой медали съ одной стороны воспроизведенъ портретъ императрицы съ лагиской надписью вокругъ; съ другой—аллегорическое изображеніе мира Россіи съ Швеціей съ надписью:—„Reconciliatio Rvsiae et Sveciae“ (Замиреніе Россіи и Швеціи).

Генераль-адъютантъ Г. Г. Даниловичъ.

(Портр. на этой стр.).

Въ понедѣльникъ, 2-го августа, исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности въ офицерскихъ чинахъ выдающагося современнаго педагога-практика, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантерій Григорія Григорьевича Даниловича. Нынѣ бла-

гополучно царствующій Государь Императоръ, будучи Пслѣдникомъ Цесаревичемъ, передъ отъѣздомъ на поле военныхъ дѣйствій во время послѣдней русско-турецкой войны, избралъ юбиляра воспитателемъ Августѣйшихъ дѣтей, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Александровича и Георгія Александровича. Это было въ 1877 году. Юбиляръ оказался на высотѣ своего призванія. Имъ составленная программа воспитанія заслужила Высочайшее одобреніе, а мудрое руководительство и умѣлый выборъ наставниковъ и преподавателей для Ихъ Императорскихъ Высочествъ служить лучшимъ доказательствомъ выдающихся педагогическихъ качествъ генерала Даниловича. Вдольная часть служебной карьеры Григорія Григорьевича принадлежит педагогическому поприщу, на которое онъ впервые выступилъ въ концѣ 1845 года, въ качествѣ преподавателя артиллерій воспитанникамъ Дворянскаго полка. Молодого педагога особенно интересовали психологія и философія. Изученію этихъ наукъ онъ посвящалъ все свое свободное отъ занятій время и свои теоретическіе выводы и заключенія провѣрялъ и дополнялъ наблюденіями, которыми богата преподавательская дѣятельность каждаго любознательнаго педагога. Назначенный въ 1850 году начальникомъ учебнаго отдѣленія Главнаго Штаба, затѣмъ инспекторомъ и директоромъ втораго кадетскаго корпуса, юбиляръ не пересталъ интересоваться педагогіей. Наоборотъ, онъ усилилъ свое усовершенствованіе областью болѣе обширныхъ наблюденій и сосредоточилъ вокругъ себя молодыхъ педагоговъ шестидесятихъ годовъ, полныхъ убѣжденіемъ, что учитель одно временно долженъ быть воспитателемъ, знакомымъ съ психологическими явленіями вообще и душевными особенностями каждаго изъ своихъ учениковъ въ частности.

Подробная оцѣнка дѣятельности Г. Г. Даниловича невозможна въ краткой биографической статьѣ. Юбиляръ, какъ педагогъ, рѣзко выдѣляется изъ среды современниковъ по своимъ правильнымъ, твердо сложившимся убѣжденіямъ на воспитаніе и образованіе. Его идеаль—человѣкъ съ добрымъ

сердцемъ, съ пытливымъ умомъ, подготовленный всесторонне къ предстоящей практической дѣятельности, крѣпкій нравственно и физически. Въ настоящее время юбиляръ, занимая высочайшій и отвѣтственный постъ воспитателя Царскихъ дѣтей и сохранивъ симпатичныя качества своего характера, продолжаетъ работать съ неустанной энергіей на пользу горячо любимой имъ родины.

Родился онъ въ 1825 г. въ небольшомъ родовомъ имѣніи—селѣ Степановкѣ, Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи. Какъ сынъ офицера, тяжело раненаго въ Отечественную войну, Г. Г. былъ принятъ на восьмомъ году въ бывшій малолѣтній Александровскій корпусъ въ Царскомъ Селѣ, затѣмъ продолжалъ общее образованіе сначала въ первомъ кадетскомъ, потомъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусахъ, и въ 1843 году, по окончаніи курса въ бывшемъ Дворянскомъ полку, произведенъ въ офицеры въ л-гв. Литовскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ офицерскимъ классамъ Артиллерійскаго училища. Изъ этого учебнаго заведенія Г. Г. былъ прикомандированъ въ 1845 году къ первой бригадѣ гвардейской пѣшей артиллеріи, въ концѣ того же года назначенъ преподавателемъ артиллеріи въ Дворянскій полкъ. Въ генераль-майоры юбиляръ произведенъ въ 1866 году, въ 1881 году назначенъ генераль-адъютантомъ къ Его Величеству и въ прошломъ году произведенъ въ генералы-отъ-инфантерій. За свои усердные труды имѣлъ много наградъ: ордена Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и другіе.

Н. Афанасьевъ.

Политическое обозрѣніе.

Общественное мнѣніе въ Германіи, если доврять *Berliner Tageblatt*, отнюдь не расположено къ таможеннымъ затрудненіямъ Германіи съ Россіей. По словамъ этой газеты, Германія чувствуетъ теперь, что значить таможенная война. Ея вывозъ, который равнялся въ концѣ 80-хъ годовъ 200 милл.

маркамъ, и еще въ 1891 г. 145 милл. маркамъ,—страшно сократился. Желѣзодѣлательная промышленность, предметы которой играли главную роль въ этомъ вывозѣ, затѣмъ падѣнія химическія, ткацкія и многихъ другихъ видовъ промышленности теряютъ въ Россіи рынокъ, на которомъ они господствова-

ли до сих поръ. Товары должны храниться въ складахъ, такъ какъ новыхъ рынковъ для сбыта нельзя найти сейчасъ же. Въ восточныхъ портахъ корабли стоятъ на якорѣ, за неимѣніемъ грузовъ. Всѣ интересы, связанные съ транспортомъ, страдаютъ. Убытки сказываются особенно осязательнымъ образомъ, именно, теперь, потому что они совпадаютъ съ паденіемъ курсовъ и съ общимъ экономическимъ застоємъ. Экономическому организму, уже истекающему кровью изъ тысячи ранъ, нанесены новыя раны; народное благосостояніе, и безъ того сильно поколебленное, подвергается новымъ потрясеніямъ.

Французско-сіамское столкновение окончено: блокада сіамскихъ береговъ снята. Представитель Франціи Пави вернулся въ Бангкокъ; французскому знамени былъ отданъ салютъ съ форта Пекнамъ, и официальные сношенія между Франціей и Сіамомъ возобновлены.

Колониальныя дѣла отвлекли вниманіе отъ процесса Дюкре и Нортонъ въ Парижѣ, надѣлавшихъ не мало шума своими документами, якобы выкраденными изъ англійскаго посольства. 24 июля, при разбирательствѣ дѣла, Нортонъ увѣрилъ, что онъ дѣйствовалъ только по внушенію Дюкре, редактора *Cocarde*. Дюкре же съ негодованіемъ отрицалъ обвиненіе Нортонъ, утверждая, что Нортонъ былъ коротокъ съ англійскимъ посольствомъ,

и что единственно въ интересахъ отечества Нортону были обещаны деньги за похищеніе документовъ. Судъ присяжныхъ на другой день вынесъ приговоръ, коимъ Нортонъ былъ присужденъ къ тюремному заключенію на три года и денежному штрафу въ сто франковъ, а Дюкре — къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и штрафу въ сто франковъ. Судъ постановилъ также взыскать съ обоихъ подсудимыхъ вмѣстѣ одинъ франкъ для возмѣщенія проторей и убытковъ, причиненныхъ гражданскому истцу Клемансо, котораго болѣе другихъ обвиняли поддѣлыватели документовъ въ некрасивыхъ дѣйствіяхъ.

Познавские поляны не вполне разделяютъ взгляды своихъ представителей на военный законъ, и недавно протестъ ихъ выразился въ весьма рѣзкой формѣ на одномъ изъ общественныхъ собраній, гдѣ многіе изъ правительственной партіи были освидѣаны и даже грубо оскорблены. Этой участи подвергся и одинъ священникъ, пробовавшій успокоить публику. Волненіе противъ польскихъ депутатовъ рейхстага, вотировавшихъ военный законъ, дошло до того, что въ толпѣ слышались крики: «на висѣлицу польскую придворную партію!». Полиція принуждена была вмѣшаться, чтобы защитить одного польскаго журналиста и разогнать собраніе.

Разныя извѣстія.

— 27-го июля, въ 3-мъ часу дня, Ихъ Величества прибыли въ Петербургъ, заѣзжали помолиться въ Петропавловскій и Казанскій соборы, а затѣмъ возвратились въ Петергофъ.

— 27-го июля, Ихъ Императорскія Величества посѣтили оберъ-камергера Э. Д. Нарышкина и генераль-адъютанта Г. Г. Даниловича.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее повелѣніе о досрочномъ выкупѣ Донецкой жел. дороги.

— Департаментомъ таможенныхъ сборовъ предписано взымать съ 20 сего июля съ германскихъ судовъ за приходъ и за отходъ установленный рублевой ластовый сборъ,

вмѣсто прежняго пониженнаго пятикопѣечнаго.

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія подтверждено распоряженіе о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ Юрьевскомъ учебномъ округѣ и предложено обрабатывать особое вниманіе на знаніе вновь поступающими русскаго языка.

— Командирамъ корпусовъ разрѣшено, по окончаніи лагерныхъ и подвижныхъ сборовъ, увольнять нижнихъ чиновъ усть-ижорскаго лагеря на волыныя работы до 1 октября, прочихъ же до 15 сентября.

— Въ болѣе значительныхъ селахъ С.-Петербургской губерній, по почину врачей,

учреждаются «сельскіе комитеты общественнаго здравія», въ которые рѣшено пригласить учителей и учительницъ народныхъ школъ.

— 23-го іюля торжественно освящена и открыта Озерковская вѣтъ Приморской С.-Петербургско-Сестрорѣцкой жел. дороги.

— Въ настоящее время имѣется 33 утвержденныя правительствомъ велосипедныхъ общества.

— Капиталы разныхъ лицъ и учреждений духовнаго вѣдомства, помѣщенные въ видѣ вѣчныхъ вкладовъ въ нѣкоторыхъ городскихъ общественныхъ банкахъ, рѣшено окончательно изъять отсюда и внести въ Государственный Банкъ.

Научныя и техническія новости.

— По изслѣдованіямъ д-ра Поленскаго, *мясо отъ соленія теряетъ значительную часть своей питательности*. Пролежавъ нѣсколько дней въ водномъ растврѣ кухонной соли, селитры и сахара, оно потеряло около 8% азота и 35% фосфорной кислоты.

— Эдиссонъ изобрѣлъ *новый и притомъ очень дешевый способъ получения сильныхъ электрическихъ токовъ*. Въ желѣзній цилиндръ, вставленный въ обжигательную печь, высыпается нѣкоторое количество металлическаго окисла или соли, напримѣръ, окиси желѣза. Къ цилиндру плотно привинчивается крышка, отъ которой спускается внизъ угольный стержень, сдѣланный изъ кокса и угольнаго порошка путемъ прессовки и обжига, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются въ элементахъ Бунзена. Одинъ конецъ проволоки укрѣпленъ въ крышкѣ, а другой въ наруж-

ной стѣнкѣ сосуда. Если сильно накалить желѣзный цилиндръ, то находящійся въ немъ воздухъ соединится съ углемъ стержня въ окисъ углерода, которая, въ свою очередь, дѣйствуетъ на содержащуюся въ сосудѣ окисъ желѣза, разлагаетъ ее и выдѣляетъ металлическое желѣзо; окисъ же углерода соединяется съ кислородомъ желѣзнаго окисла и образуетъ угольную кислоту (слѣдующую ступень окисленія углерода). Последняя, въ прикосновеніи съ раскаленнымъ углемъ, снова восстанавливается въ окисъ углерода, которая далѣе восстанавливаетъ желѣзо, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока въ сосудѣ остаются еще уголь и металлическое соединеніе. Восстановленный металлъ, осаждающійся частью на стѣнкѣ реторты, частью на угольномъ стержнѣ, даетъ начало сильному электрическому току между этими частями при-

бора. Излишняя угольная кислота можетъ быть удалена выкачивающимъ насосомъ, и происходящее при этомъ разрѣженіе воздуха способствуетъ еще усилению тока. Дешевизна употребляемыхъ матеріаловъ даетъ этому новому способу Эдиссона большое преимущество предъ обычными теперь динамомашинными. Открытію этому, очевидно, предстоитъ великое будущее.

— Найденъ способъ *прививки свекловичныя*, благодаря которому удастся улучшить качество получающихся сѣмянъ и достигнуть возможно большаго урожая и въ то же время наибольшаго содержанія сахара.

— *Противъ укуловъ насекомыхъ* совѣтуютъ употреблять слѣдующій составъ: Liq. Ammon. caust. 3,0; Collodii 1,0; Acid. salicylic. 0,1 (30 ч. нашатырнаго спирта, 10 ч. коллодія и 1 ч. салициловой кислоты).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г-жѣ Лу-ной (Тифлисъ), г-ну Ан-ву (Ростовъ) и друг. Въ виду интереса, возбужденнаго помѣщенной въ № 21-мъ *Нивы* за настоящій годъ, въ отдѣлѣ «Научныя и техническія новости», краткой замѣткой объ употребленіи калуфера, какъ средства противъ падежей болѣзни, мигреней, невралгій и тому подобнахъ нервныхъ страданій, и полученныхъ по этому поводу запросовъ, позволимъ себѣ дать, вмѣсто того, чтобы отвѣтить на каждый запросъ въ отдѣльнотѣ, одно общее объясненіе:—

Калуферъ, извѣстный подъ разными латинскими названіями, какъ-то: Mentha topana или Zaratensis, Tanacetum balsamita L. или hortense и др., растетъ въ средней и южной Россіи, гдѣ онъ разводится очень часто въ садахъ и огородахъ. Растеніе это принадлежитъ къ семейству сложноцвѣтныхъ и близко стоитъ къ роду валериановъ. Наружнымъ видомъ, сильнымъ ароматическимъ запахомъ и острымъ вкусомъ напоминаетъ шафалѣ и мяту. Простому народу давно были извѣстны дѣлательныя свойства этого растенія, въ особенности, его свойство малчивать падежую болѣзнь. Употребляютъ его также при мигреняхъ, прикладывая къ головѣ связіе листья калуфера.

Докторъ Смирновъ обратилъ вниманіе на это простонародное средство и сталъ пользоваться имъ своихъ болѣзней въ колоніи Каррасъ, близъ Пятигорска. Результаты оказались очень удачны. Всѣ три случая, въ которыхъ находились д-ромъ Смирновымъ признаки падежей болѣзни, окончились полнымъ выздоровленіемъ; признаки совершенно прекратились и болѣе не возвращались. Такъ же успѣшно дѣйствъ калуферомъ д-ръ Смирновъ и невралгію въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ валериана была уже безцѣльна. Лѣкарствомъ служитъ *отваръ изъ свежихъ или сушеныхъ листьевъ калуфера*. Больные получаютъ *утромъ и вечеромъ по стакану* этого напитка.

Листья калуфера можно выписать черезъ посредство любого аптекарскаго магазина; если откажутся мѣстные (прованціальныя), можно обратиться къ содѣйствію столбичныхъ, напр., «Штоль и Шнитъ» въ С.-Петербургѣ. Подробное сообщеніе о калуферѣ напечатано въ московскомъ журналѣ *Медицинское Обозрѣніе* за нынѣшній годъ.

Пожертвованія, поступившія въ редакцію журн. «Нива», на сооруженіе новаго соборнаго православно. храма въ г. Варшавѣ:

- 1) Отъ подпоручика 9 стрѣлковаго полка Ивана Прокофьевича Коновалова, ст. Жерняка—10 руб.
- 2) Отъ М. Н. въ С.-Петербургѣ—5 руб.
- 3) Отъ С. К. Рыкунова, г. Смоленскъ,—3 руб.
- 4) Отъ В. Подколызина, г. Озургечи, Кутаисской губ.,—3 руб.

Всего 21 руб.—Отправлены на имя Варшавскаго ген.-губернатора 17-го іюля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Сильный человекъ. Романъ Н. Орловскаго. (Продолженіе).— Въ верховьяхъ рѣки Манасъ. Изъ дневника путешественія въ Китай 1889—1890 гг. Бр. Грумъ-Гржимайло (съ 2 рис.).—Къ рисункамъ: Дворецъ въ Ораніенбаумѣ (съ рис.).—Любимый уголокъ (съ рис.).—Крестины во Флоренціи (съ рис.).—Торжество мира (съ рис.).—Гр. Ф. Квятка (Основаніемъ) (съ портр.).—150-ти-лѣтіе Авбаскаго мира (съ рис.).—Генераль-адъютантъ Г. Г. Даниловичъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Научныя и техническія новости. — Почтовый ящикъ. — Пожертвованія. — О перемѣнѣ адреса. — О подпискѣ на «Ниву» 1893 г.—Объявленія.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Без дост. в Петерб. 5 р.	Съ дост. в Петерб. 6 р. 50 к.	Без доставки в Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия 6 р.	Съ перес. в Москву и др. города Россіи 7 р.	За границу. 10 р.
---------------------------------	--------------------------------------	--	--	--------------------------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всіми прилож., Сборникомъ и пр.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ, сими имѣетъ честь довести до свѣдѣній любителей, что № 6493 3—1 наталоги деревьямъ, растеніямъ, цвѣточнымъ луновницамъ и пр. на 1893—1894 г. изданы и выслаются по требов. бесплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816-го года.

„ЭКСЖКАТОРЪ“
уничтожаетъ грибокъ; необходимо для каждой постройки. Адресъ: Риттеръ, Варшава. Брошюры бесплатно. 4—4

Искусственные жернова
фабрики Г. Траппа не требуютъ ковки; въ 2—3 раза производятъ мельче друг. жернововъ. Главный представитель **В. Б. Жуковский.** С.-Петербургъ, 10-я рота, д. 6.

НЕОБХОДИМО
имѣть каждому теплое и мягкое одеяло чистой шерсти замѣчательно красиваго тигроваго рисунка хорошей волнистой цѣною за 8 руб. и въсовыхъ за 7 ф. Выслаются съ наклад. плат. мануф. торг. Машеникова. Банковская лин., № 2, Спб.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО № 5930 (11)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты лица. Цѣна 50 коп. Остерегайтесь поддѣлокъ. Требовать подписи А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

ЛЕВШИНСКІЙ и ГИЗИНСКІЙ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условными обращ. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7—8

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
ТОЛЬКО 4 р. 50 к.
Никелевые, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 р. 75 к. 5 штукъ—20 руб. № 6187
Адресъ: Спб., Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій 4.
Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. Выслаются немедленно, можно и наложеннымъ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ
А. БЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ. Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6282 11—7
Цѣна коробки 40 коп.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ
А. БЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ. Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6282 11—7
Цѣна коробки 40 коп.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „С. СТУКЪ“
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Leichner's Fettender
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 6258 10—9
Театральная гримировка!
Жирный румяна, бѣлѣла. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

НЕОБХОДИМО ДЛЯ ВСѢХЪ!
Единственный въ Россіи по полнотѣ свѣдѣній и массѣ материала роскошно-иллюстрированный
КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ
на 1894 г. „Царь-Колоколь“ на 1894 г.
Съ приложеніемъ „Иллюстрированной Исторіи Россіи“
ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫИДЕТЬ
въ началѣ августа.
Цѣна календарю (безъ приложенія) 40 к., съ приложеніемъ 50 к., въ роскошномъ тисненомъ переплетѣ 1 р. — Приложеніе отдѣльно не продается. Складъ изданія: Москва, 1) книжный магазинъ В. В. Душнова, Мясницкая, 2) у А. Д. Ступина, Никольская, при которъ изданія—Чистые пруды, д. № 193, и во всѣхъ изв. книжныхъ маг. Россійск. Имп.
Въ виду громаднаго спроса покорѣнныя просятъ прислать свои требованія заблаговременно. Цѣна календаря, противъ прошлаго года, значительно понижена, а объемъ календаря увеличенъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
СРЕДСТВО
для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Ш. № 6449 28—7

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—14
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ выслаются безвозмездно.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“
Франкфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Специальная фабрика знаменитыхъ 24—18 велосипед. „Орелъ“.
На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—14
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ выслаются безвозмездно.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“
Франкфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Специальная фабрика знаменитыхъ 24—18 велосипед. „Орелъ“.
На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-куррантъ за 10 коп. марку.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ выслаются по почтѣ бесплатно. Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—7 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOISE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахи во рту. № 5121 (81)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

АНГЛІЙСКІЕ
ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОВНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.
Парфюмерн. магазинъ Г. ЛЮПА. Лассавъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:
Эссенъ Сувельтъ
Жасминъ и лаванда
Букетъ Императрицы
Илангъ-Илангъ
Майскій-Ландышъ
Бѣлый гелотропъ.
Вѣснъ лилія
Сирень перс
Левкой
Фиалка
Віолетъ де Парма
Роза
Люби мена
Стефаній Сувельтъ
Ірисъ
Зеленый вейсъ
Жасминъ
Опоянокъ
Шипръ
Букетъ де Царь
Бѣлая роза
Милль-Феръ
Анжиль
Гладиоль
Кисей ме кирикъ
Испанскія роза
Сѣвнъ вѣно
Черемуха
Лилъ-неурі
Lotus.
Прѣнные флаконы выслаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой въ всѣ города Россіи. (иномъ: Сибиріи)

Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.
 По получении заказа приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высылается с наложенным платежом на остальную сумму.

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
 Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
 Фуляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
 Струны, канюфоль и всё другое принадлежностей.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величины для детей по тѣм-же цѣнамъ какъ и большія.
КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 р., собственной С.-Петербургской фабрики въ 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Совстоа въ 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“, находившаяся въ употребленіи у первыхъ артистовъ, по 85 и 120 руб. Иллюстриров. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ

и
АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ,

Средняя Подъяческая ул., № 1.

Значительно расширивъ свои типо- и литографіи, снабдивъ ихъ новейшими усовершенствованными машинами, находятъ возможнымъ исполнять, кромѣ своихъ текущихъ работъ, и постороннія всякаго рода типографскія и литографскія работы, какъ - то: печатаніе и брошюровку книгъ, прейсъ-курантовъ, циркуляровъ, бланковъ, счетовъ, контрактовъ и т. п.

Печатаніе красками (хромо-литографія) этикетовъ и плакатовъ, художественное воспроизведеніе точныхъ копій оригинальныхъ картинъ, начиная отъ самыхъ обыкновенныхъ до болѣе сложныхъ художественныхъ произведеній. При литографіи имѣются для этого свои специалисты-художники и граверы.

При наборѣ учебныхъ книгъ съ набора изготовляются матрицы, съ которыхъ при новомъ изданіи отливается стереотипъ, такъ что не приходится вновь расходоваться на новый наборъ.

Вновь расширенное отдѣленіе печати съ мѣди и со стали принимаетъ заказы на печатаніе офертывъ, гелиографуръ, фотографуръ и всякаго рода гравюръ на стали и мѣди.

35.000.000 № 6491
 деревьевъ приготовлено къ осенней продажѣ, изъ коихъ болѣе 1.000.000 фруктовыхъ. Цѣна фруктовымъ привитымъ отъ 5 коп. за дерево, лѣснымъ отъ 30 коп. за 1000 деревъ. Прейсъ-курантъ по требованію высылается бесплатно Садоводство В. В. Быханова въ Линецкѣ (Тамб. губ.).

ЭЛЕОПАТЬ
 Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.
 ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптек. и космет. магазин. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес.
 № 6280 (12)

Провизоръ Кинуненъ.
 Просьба обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ.
 Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

Тинъ Топъ
 превосходно сдѣланъ изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.
 Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Тинъ-Топъ.
 Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
 Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
 Гармоній: бока раздвигаются какъ у гармоини, очень выстетительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6190 5-1
 3 разныя, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к.
 Пересылаю наложеннымъ платежомъ.
 С. Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

БАЗАРЪ МАРКЪ
ХОЛЕРНЫЯ АПТЕЧКИ для публики (съ наставленіемъ) 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к., для врачей 7 руб., съ пересылкою 8 руб., въ аптекахъ наложеннымъ платежомъ.
А. В. ЗЕЙДЕЛЯ
 въ Кіевѣ, на Врѣщатск. № 6486

КРАСИВО ПИСАТЬ
 выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ
А. КОССОДО.
 Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медаліи. № 6208 52-22
 За 2 семиклѣбечныя марки высылается пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

СИБИРСКАЕ ТРИКО
 чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., по прочности и дешевизнѣ незамѣнимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч.
 Иногороднымъ высылается образцы. Магазины: СИБ., Владимірская, № 6; Петерб. сторона, Больш. пр., д. 38-40. Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6489 10-1

2-й ВЫИГРЫШНЫЙ
 Банкирскій домъ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, СПб. (5-2)
 1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., наль выигрываетъ въ 5000 р. и 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05413, № 04 выигрываетъ въ 500 р.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
 Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ**.
 (основ. въ 1863 г.)
 МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Бюкандъ и Екатеринбургъ. 35-23
 5982 Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
 ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“
 Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.
 Основный и запасный капиталы 18.500,000 руб.

Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10,000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ немедленно послѣ смерти. За такое страхованіе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 77 руб. 50 коп. и пользуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.

Страхованія принимаются на суммы отъ 1,000 до 100,000 руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ выдается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эпидемической болѣзни.

Дивидендъ страхователей за 1892 г. — 12%.
 Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ третьяго года страхованія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.
 № 6434 6-5

Утвержденные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ — Основанные въ 1882 году
МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ.
 Главный составъ преподавателей на сезонъ 1893—94 г.

Пѣніе: Проф. Е. Ф. Пванцигеръ. И. Панае. Г-жа А. Н. Хомутова-Нардуччи. Н. П. Кларкъ. Д. Н. Мирская. О. Ф. Сефферъ. А. Р. Дюфферъ. Драм. искусство: С. М. Сосновскій. Хоровое пѣніе: Е. П. Рапгофъ. Скрипка: В. З. Половъ. Э. Ф. Крюгеръ.	Мѣдно-дух. инструм.: Проф. Тюрнеръ. Виолончель: А. Ц. Пуянъ. Флейта: Г-нъ Келеръ. Теорія: К. фонъ-Бахъ. Итальянскій языкъ: Г-жа Каталиотти. Мимика и танцы: Г-нъ Н. С. Агостовъ.	Фортепiano: Гг. Е. П. Рапгофъ. А. К. фонъ-Дрейеръ. А. И. Поветтика. П. П. Фоссъ. Э. А. Вильманъ. Г. Ф. Россетъ. А. Ф. Янсонъ. А. С. Якобъ. Г-нъ проф. Вефингъ. Г-нъ В. В. Ярмушъ. Ф. Л. Диллонъ. Е. Ф. Блумъ. Е. А. Горячева. О. Я. Турянка и проч.	Адресъ: СІВ., Малая Морская, № 7. Пріемные часы директора и пріемъ вновь поступающихъ съ 20 августа — ежедневно съ 1—3 дня и съ 5—7 ч. вечера. Мобѣствіе состоится 1 сентября въ 1 ч. дни. Начало занятій 2 сентября. Окончавшіе полный курсъ получаютъ свидѣтельство или аттестатъ. Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно. Директоръ курсовъ № 6488 Евгеній Павл. РАПГОФЪ.
--	---	---	--

XXIV г.

№ 33

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣснч. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій. № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ всѣ вышедшіе номера со всѣми прил. Выданъ 14 августа 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

E. Anders.

Герта. Съ карт. Андерса, грав. Кирзей.

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ К. Орловскаго.

(Продолженіе).

Я отправился къ Лунинымъ, чтобы и съ этимъ дѣломъ покончить.

Не догадывался я про то, что меня тамъ ожидало: — Надя, отворившая мнѣ, какъ-то сперва не рѣшалась меня впустить.

— Отца нѣтъ дома, сказала она, словно пугливо.

— Да мнѣ вашего отца и не надо, могу объясниться и съ вами.

Но она все еще придерживала рукой полуотворенную дверь, таинственно озираясь, а изъ сосѣдней комнаты доносился осторожный шопотъ чьихъ-то голосовъ.

— Нельзя ли вамъ зайти въ другой разъ, все тѣмъ же испуганнымъ тономъ повторила дѣвушка.

Но вотъ послышались чьи-то мужскіе шаги. Дверь въ переднюю отворилась, и въ ней показался Вьюгинъ.

— Это онъ, онъ, Ревъ! радостно воскликнулъ онъ, — сразу узналъ его голосъ... Войдите, Николай Филипповичъ, войдите. Отъ него, вѣдь, прятаться нечего, добавилъ онъ, обращаясь къ кому-то другому, бывшему съ нимъ въ комнатѣ.

Я скинул пальто и вошелъ. Къ немалому своему изумленію, я увидаль Аню.

Такъ вотъ отчего Надя Лунина не хотѣла меня впустить!

— Аня, сказалъ Вьюгинъ, горячо пожимая мнѣ руку,—ему все можно сказать. Онъ, вѣдь, другъ намъ.

Но Аня глядѣла на меня недовѣрчиво и будто съ неохотой протянула мнѣ руку.

— Можетъ-быть, и другъ, проговорила она сдержанно,—по друзья, вѣдь, бываютъ разные...

И во взглядѣ ея было что-то почти враждебное, что-то напоминавшее мнѣ про нашу недавнюю встрѣчу. Я поспѣшилъ ее успокоить.

— Случай, кажется, отвѣтилъ я, стараясь улыбнуться, хоть улыбка моя вышла, должно-быть, очень принужденною, — сыгралъ со мною плохую шутку... и явился я сюда очень невпопадъ...

И я объяснилъ ей, что привело меня къ Лунинымъ.

— Мнѣ не зачѣмъ увѣрять васъ, я думаю, что не могъ я ожидать васъ здѣсь встрѣтить.

Противъ моей воли, что-то похожее на иронию, прозвучало у меня въ этихъ словахъ.

— Да скажите ему, Аня, живо вмѣшался Борисъ Павловичъ,—зачѣмъ мы здѣсь, и отчего все это вышло.

Онъ, очевидно, не зналъ про нашу размолвку.

— Пожалуйста, не объясняйте мнѣ ничего, сказалъ я,—коли вамъ это хоть сколько-нибудь тяжело. Я не думаю напрашиваться на ваше довѣріе.

Горечь въ моемъ тонѣ стала, вѣроятно, еще замѣтнѣе. Она поразила теперь и Вьюгина.

— Я вамъ все расскажу, коли она не хочетъ, заговорилъ онъ опять.—Да и пришли вы сюда какъ нельзя болѣе кстати. Вы намъ очень, очень нужны, и я увѣренъ, что вы не откажетесь помочь...

Откуда у него бралась такая увѣренность, Богъ его знаетъ. Но влюбленные, и, въ особенности, счастливые влюбленные не знаютъ, извѣстное дѣло, никакихъ стѣсненій и въ каждомъ первомъ встрѣчномъ готовы видѣть себѣ друга и пособника. Торжествующее блаженство у нихъ такъ и просится наружу, съ какою-то назойливостью требуя себѣ отъ всѣхъ сочувствія.

— Что-жъ, я готовъ, коли на то пошло, сказалъ я, уже открыто прибѣгая къ насмѣшливой развязности. Признаюсь, во мнѣ подымалась внутренняя злоба, и я не прочь былъ даже уколоть Аню, чтобы отомстить ей за свое разочарованіе.

— Вы знаете, Роевъ, началъ Вьюгинъ, — что мы давно любимъ другъ друга. Она дала мнѣ слово еще прошлую весной...

„Прошлою весной, а я-то, я-то!..“

Я все сильнѣе проклиналъ себя за сыгранную мною нелѣпую роль.

— Ея мать не соглашалась ни за что, но я надѣялся, что со временемъ, благодаря расположенію ко мнѣ Семена Андреевича, все уладится, и мы рѣшились ждать. Но теперь, послѣ всего того, что случилось, на это рассчитывать уже нельзя. Семенъ Андреевичъ рветъ и мечетъ. Да и не могу я поспѣвать на него за это. Я поступилъ ужасно, возмутительно, и все-таки я не могъ поступить иначе. Вы должны понять это, Роевъ, вѣдь, она, она, его дочь, это понимаетъ...

Въ горящихъ глазахъ Вьюгина читалось желаніе, нѣтъ, жажда услышать отъ меня одобряющее, поощрительное слово, но я намѣренно промолчалъ, искоса взглянувъ на Аню. Она сидѣла на диванѣ, опустивъ голову, и тоже молчала.

— И вотъ, продолжалъ Вьюгинъ, но уже вполголоса, какъ-то пристыженно,—я попросилъ ее дать мнѣ случай съ нею повидаться, чтобы сказать ей, что намъ ждать уже не зачѣмъ, что если она попрежнему вѣритъ мнѣ и любить меня, ей нельзя уже оставаться въ родномъ домѣ. Она пришла сюда, и я сказалъ ей это, и

сейчасъ вотъ, передъ вашимъ приходомъ, она общалась со мною хотя бы противъ воли отца...

Я опять взглянулъ на Аню. Она теперь приподняла голову и смотрѣла на меня открыто, безъ смущенія. Она догадалась, конечно, что въ молчаніи моемъ было какое-то осужденіе, была даже почти обида, и этого она вынести не захотѣла.

— Николай Филипповичъ, заговорила она, медленно вставая и подходя ко мнѣ,—вамъ непонятно, что родная дочь становится на сторону того, кто передъ всѣми выступилъ противъ ея отца? Ну, такъ я вамъ объясню. Когда онъ сдѣлалъ это, онъ, вѣдь, жертвовалъ тѣмъ, что было для него всего дороже, жертвовалъ мною, потому что, вѣдь, онъ былъ глубоко увѣренъ, что я потеряна для него навсегда. Такъ вотъ почему я продолжаю любить его, и если бы онъ этого не сдѣлалъ, я бы, можетъ-быть, любила его меньше. Но такъ какъ я знаю теперь, къ сожалѣнію, знаю, что говорилъ онъ тогда одну правду, я не въ силахъ больше, поймите это, не въ силахъ оставаться въ домѣ отца, и какъ разъ потому, что такъ горячо его всегда любила, и такъ высоко онъ передо мною стоялъ. Я знаю, что тяжелый ударъ ему нанесу, болѣе тяжелый, чѣмъ все остальное, но иначе я не могу. Осуждайте меня, пожалуй; я готова вынести людской судъ. Совѣсть моя спокойна. Я боролась съ собою всѣ эти дни, не знала, куда мнѣ идти, но теперь я рѣшилась...

Почти цѣлую минуту мы всѣ трое промолчали. Желанія оскорбить ее во мнѣ уже не было. Волна добраго, почти растроганнаго чувства во мнѣ поднималась, но словъ это чувство себѣ не находило. Во мнѣ какой-то внутренней переломъ совершался. Я ощущалъ въ себѣ какую-то странную отраду, почти радостную готовность все принести въ жертву—любовь свою и оскорбленное самолюбіе. Это было, быть-можетъ, ребяческое, показное великодушіе, но стыдиться мнѣ его все-таки не приходится.

— Ну, чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ? обратился я къ Вьюгину, смотря на него уже совершенно инымъ, почти дружескимъ взглядомъ.

— Да очень и очень многимъ... Въ такихъ случаяхъ, вы знаете, на каждомъ шагу встрѣчаешь самыя разнообразныя формальныя затрудненія и устранить все это въ два-три дня одному человѣку, пожалуй, не подь силу.

И онъ мнѣ тутъ же рассказалъ, что имъ уже сдѣлано по части такого устраненія. Сговорчивое духовное лицо, разумѣется, нашлось, но обязанности пастырскаго сана все-таки побуждали это лицо ставить разныя, очень трудно выполнимыя требованія, конечно, ради обезпеченія себя отъ возможной отвѣтственности. Вьюгинъ мнѣ передавалъ все это съ такимъ видомъ, какъ будто онъ и сомнѣваться не могъ въ моей полной готовности ему пособить. И лишній разъ мнѣ пришлось убѣдиться, до какого наивнаго и чистосердечнаго эгоизма доходятъ самыя хорошіе люди, когда ими овладѣваетъ счастливая любовь.

— А, главное, вотъ что, Николай Филипповичъ, вы намъ въ свидѣтели нужны для самаго вѣнчанія. Мнѣ, вѣдь, никому здѣсь довѣриться нельзя, потому что всѣ непременно выдадутъ. Подумывалъ я о Надеждинѣ, да нѣтъ, проболтается. Ну, такъ вы ужъ непременно, непременно.

Я улыбнулся. Еще немного, и онъ сталъ бы упрашивать меня помочь ему въ тайномъ увозѣ дѣвушки, на которой я самъ еще такъ недавно собирался жениться. Но это былъ уже послѣдній проблескъ все еще таившагося во мнѣ ироническаго настроенія. Вѣрный принятому рѣшенію быть великодушнымъ, я чистосердечно общалъ Вьюгину свою помощь.

— Что, довольны вы мною, Анна Семеновна?—И спросивъ это, я добавилъ почти шопотомъ:—Простите меня теперь за прежнее, да?

Она, молча, подала мнѣ руку, но вторить моему шутливому тону она не могла или не хотѣла. Въ глазахъ ея блестѣла твердая, непреклонная рѣшимость, но заодно съ нею въ нихъ тайлосъ иное чувство, совсѣмъ не похожее на радостный восторгъ Бориса Павловича,— глубокая скорбь о неизбѣжномъ разрывѣ съ отцомъ. Я понималъ ее и постыжился удалиться. Вьюгинъ меня проводилъ до крыльца, осыпая горячими выраженіями благодарности.

— Послѣзавтра утромъ я буду у васъ, и мы все порѣшимъ...

— А когда же самый великій день? Вѣдь, вы знаете, я въ Петербургъ собираюсь...

— Ну, останьтесь хоть немножко, хоть денекъ-другой, упрасивалъ онъ меня,—что вамъ это стоить...

Онъ и не подозревалъ, чего мнѣ это, въ самомъ дѣлѣ, стоило. „Ну, да что-жь, надо ужъ быть щедрымъ до конца“. Я простился съ нимъ, согласившись на всѣ его просьбы, потомъ сказалъ Надѣ, что беру ея отца къ себѣ въ имѣніе; чѣмъ вызвалъ у нея чуть не слезы благодарности, и уѣхалъ отъ Луниныхъ съ благотворнымъ сознаниемъ своего рыцарскаго самоотреченія. А все-таки, пока извозчицы сани меня тащили по ухабистымъ улицамъ, болѣзненное чувство потихоньку ныло у меня на сердцѣ и ныло не по одной моей утраченной надеждѣ, а и потому то же, что живо я представлялъ себѣ, что за непоправимое горе собирается надъ головой несчастнаго Семена Андреевича. И говорилъ я себѣ невольно, что, какъ ни былъ онъ виновенъ, и какъ ни безукоризненно чиста его дочь, все-таки мое тайное сочувствіе принадлежитъ ему, и было что-то жестокое въ томъ высокомъ пониманіи своего долга, которое такъ неудержимо влекло Аню изъ родительскаго дома...

XIX.

Выборы по уѣздамъ прошли необыкновенно гладко. Предводители вездѣ были выбраны прежніе, кромѣ одного только Сокольскаго уѣзда: старикъ Балабаевскій палъ невинною жертвою случившагося скандала. Этотъ результатъ всѣми былъ признанъ за благоприятное предзнаменованіе для Семена Андреевича. Всѣ предводители, въ томъ числѣ и вновь избранный по Сокольскому уѣзду, были явными его сторонниками. Конотопская партія громко привѣтствовала уѣздныя баллотировки; оппозиція сумрачно молчала. Но вотъ начался главный, рѣшительный актъ драмы. Приступили къ избранію губернскаго предводителя. Семень Андреевичъ не прибѣгнувъ къ обычной уловкѣ притворнаго отказа. Когда раздались шумные и, повидимому, дружные возгласы: „просимъ, просимъ Семена Андреевича баллотироваться“, онъ медленно поклонился собранію и громко, отчетливо произнесъ:

— Господа, ваше довѣріе уже три раза призывало меня на почетный постъ, на которомъ я старался, по мѣрѣ силъ, защищать интересы дворянства, понимая эти интересы въ широкомъ смыслѣ. Дворянство не узкосословная корпорація, а передовой общественный классъ, открытый для всѣхъ и каждаго. Смыслъ и значеніе оно можетъ имѣть только въ качествѣ такого передового класса, перваго въ государствѣ по своимъ прежнимъ заслугамъ и по своему образованію. Оно должно помнить эту свою историческую роль и, вѣрное престолу, вѣрное отечеству, заступаться не за свои только сословныя выгоды, а за нужды дѣлага населенія губерніи. Такъ понималъ я всегда его роль, такъ понимали ее и вы. И если вы найдете, что я вѣрно и твердо въ теченіе прошлыхъ девяти лѣтъ держался этого начала, вы мнѣ окажете прежнее довѣріе, которое я готовъ принять съ глубокою признательностью. Заранѣе преклоняюсь, милостивые государи, передъ вашимъ рѣшеніемъ, въ увѣренности, что оно будетъ нелицеприятно и справедливо.

Сказавъ это, онъ еще разъ поклонился собранію и уступилъ старшему изъ уѣздныхъ предводителей свое мѣсто у баллотировальнаго ящика. На лицѣ его нельзя было прочесть ни малѣйшей тревоги, и, если увѣренность въ побѣдѣ одинъ изъ ея лучшихъ залоговъ, друзьямъ Семена Андреевича не приходилось сомнѣваться въ исходѣ. Ихъ шумные клики провожали его, когда онъ медленными и ровными шагами выходилъ изъ залы. Все мигомъ смѣшалось въ одну кучу. Дворяне потянулись къ губернскому столу, а публикою въ галлерейхъ—ея было очень много въ этотъ день—овладѣло необыкновенное волненіе. Всего болѣе, разумѣется, волновались дамы. Сквозъ гулъ и шумъ, наполнявшіе залу, явственно слышались пискливые женскіе голоса, настойчиво требовавшіе, чтобы имъ заранѣе предсказали исходъ. Я взглянулъ на Любовь Петровну. Она сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, все такая же невозмутимая, все такая же загадочная. Изрѣдка ея двойной лорнетъ направлялся на одного изъ тѣхъ, кто подходилъ къ губернскому столу, чтобы положить свой шаръ въ баллотировальный ящикъ и, хотя сосредоточенное вниманіе читалось въ ея глазахъ, по ея чертамъ нельзя было судить, чего она желала въ эту минуту, побѣды или пораженія мужа. Ани возлѣ нея не было. Впрочемъ, я какъ-то заранѣе зналъ, что ея не будетъ, и ничуть не удивился, увидѣвъ, что мѣсто ея рядомъ съ матерью осталось незанятымъ.

Исходъ баллотировки, какъ оно почти всегда и бываетъ, не оправдалъ ничьихъ ожиданій. Семень Андреевичъ былъ выбранъ, но очень слабымъ большинствомъ. Избирательныхъ шаровъ оказалось въ ящикѣ 190, неизбирательныхъ 172.

— Что-жь, конечно? спросилъ я у Надеждина, очутившагося возлѣ меня.

— Нѣтъ, только что начинается, отвѣтилъ онъ, чуть-чуть улыбувшись.— Да вы смотрите лучше на лицо Семена Андреевича.

Конотоповъ стоялъ опять передъ нами у губернскаго стола, и на этотъ разъ, молча, поклонился: выражать благодарность было не за что. Но лицо его, недавно еще такое безмятежное, теперь рѣзко измѣнилось, выдавая чувство злобной досады, вызванной этимъ оскорбительнымъ торжествомъ.

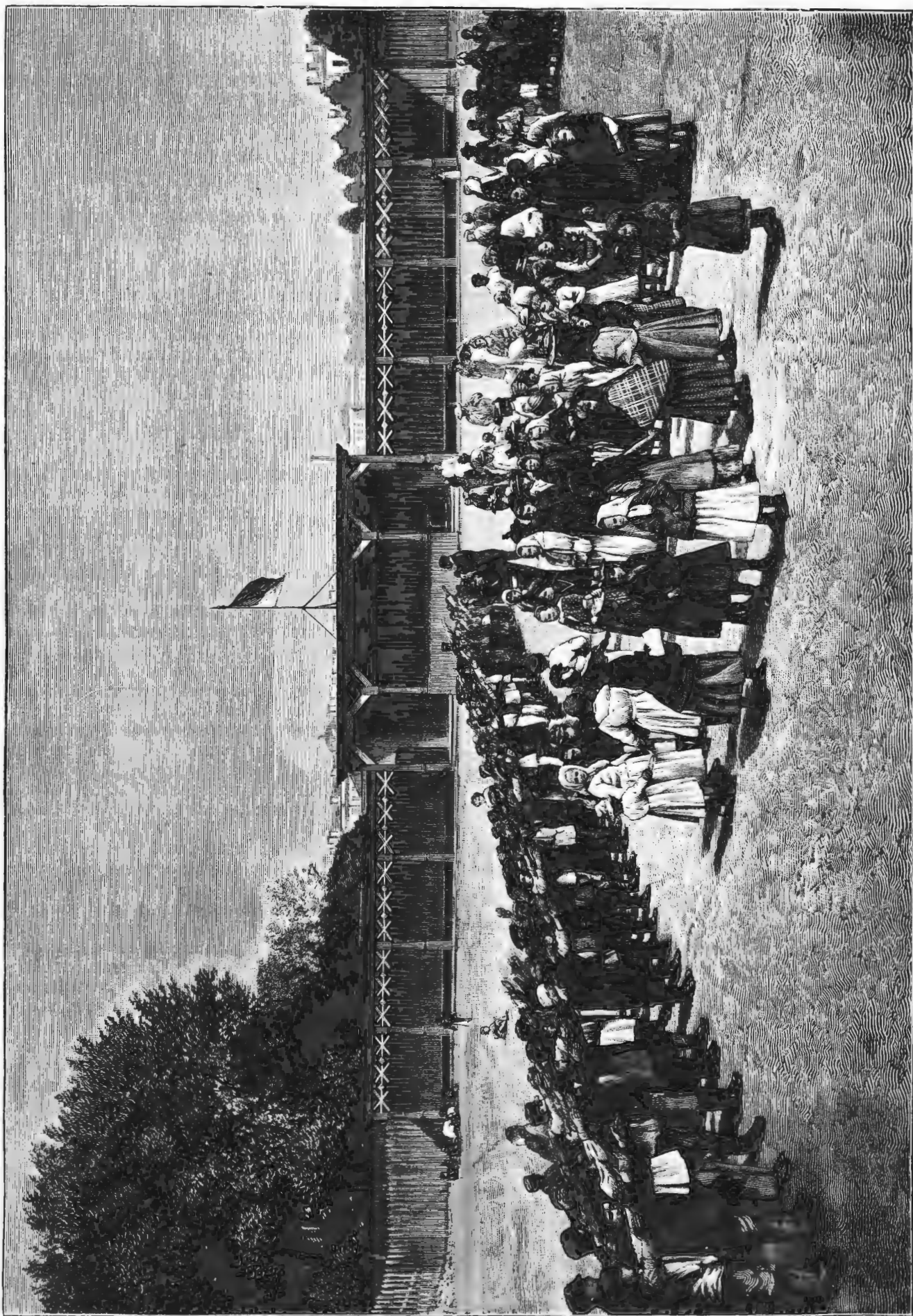
— Господа, сказалъ онъ, принуждая свой голосъ къ равнодушной твердости,—кто еще желаетъ баллотироваться?

Наступила минута нерѣшительнаго смятенія. Вокругъ князя Слуцкаго собрались вожаки оппозиціи, настойчиво убѣждая его баллотироваться. Слуцкій что-то возражалъ хриплымъ голосомъ, очевидно, боясь отдать себя на волю коварной судьбы. Лицо его было необыкновенно красно. Обычная самоувѣренность куда-то исчезла. Онъ долго отбивался отъ своихъ настоячивыхъ друзей, хотя долго отбивался отъ своихъ настоячивыхъ друзей, хотя крики „просимъ, просимъ“ такъ же неистово раздавались вокругъ, какъ за полчаса передъ тѣмъ для Семена Андреевича.

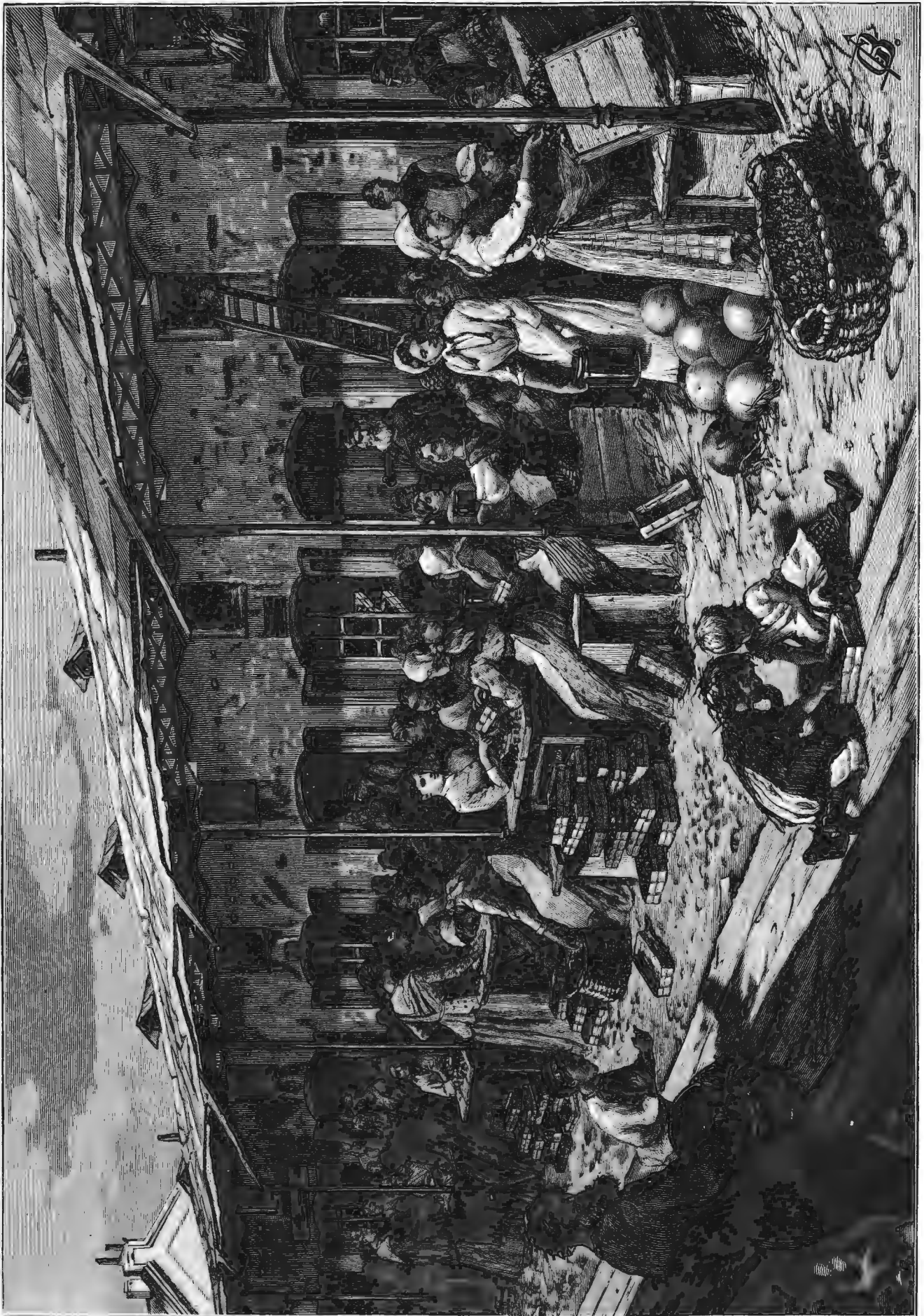
Введенный изъ терпѣнія, Конотоповъ, наконецъ, объявилъ, что будетъ вызывать по алфавитному списку желающихъ баллотироваться. Это средство подѣйствовало. Едва была провозглашена четвертая по очереди фамилія, Слуцкій выступилъ изъ окружавшей его кучки и слегка дрожащимъ голосомъ сказалъ, что готовъ подчиниться волѣ избирателей.

— Сдѣлайте милость, отозвался на это Семень Андреевичъ такимъ тономъ, какъ будто онъ приглашалъ его идти на смертный бой съ хищными звѣрами.

И, дѣйствительно, нѣчто подобное ожидало бѣднаго князя. Я съ удовольствіемъ подмѣчалъ, какъ многіе ему клали налѣво—я успѣлъ уже приглядѣться къ скрытнымъ движеніямъ руки подъ зеленымъ сукномъ—и съ откровеннымъ наслажденіемъ я тоже положилъ ему черный шаръ. Результатъ вышелъ плачевный:

Городской дѣтскій садъ г-жи Е. Г. фонъ-Валь на Лиговскихъ пруднахъ въ СПБ. Съ фот. грав. Шиллеръ.

Чистка ягодъ на Щунинномъ дворѣ въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Хелмцкій.

Слущкій былъ забаллотированъ съ трескомъ. При всей своей ловкости онъ не сумѣлъ завоевать себѣ сочувствія. Столичнымъ выходцамъ, которые блестящимъ метеоромъ налетаютъ на провинцію и будто изъ пыли готовы посягнуть ей свои досуги, сдѣлаться популярными, вообще, рѣдко удается. Въ одномъ отношеніи я, впрочемъ, долженъ отдать князю справедливость: онъ вынесъ свое поражение съ неоспоримымъ достоинствомъ. Во многихъ судьба его, быть-можетъ, вызвала злорадство, но смѣшнымъ и жалкимъ онъ не показался никому.

Поле было очищено. Баллотироваться въ предводителя никто болѣе не захотѣлъ. Но оставалось одно послѣднее состязаніе, то, на которомъ всего ярче обнаруживается наше провинціальное коварство. Надо было выбрать второго кандидата и сдѣлать это такъ, чтобы онъ не оказался забаллотированнымъ и въ то же время не получилъ больше бѣлыхъ шаровъ, чѣмъ самъ Копотоповъ. А для партіи Семена Андреевича задача оказывалась нелегкою, такъ какъ одинаково невозможно было стовориться съ оппозиціей и предугадать заранее, что она замышляетъ. Въ прежніе годы скромную роль кандидата неизмѣнно принималъ на себя нѣкто Федоръ Федоровичъ Одуванчиковъ, самый безобидный человѣкъ въ губерніи, Божья коровка въ полномъ смыслѣ. Намѣренно обидѣть эту Божью коровку казалось такъ же немислимо, какъ провести ее въ предводители. Но, какъ знать? Изъ злобы на Семена Андреевича оппозиція могла рѣшиться даже и на это. Ея кандидатъ былъ блистательно побитъ. Отчего бы ей не отплатить за это, посадивъ на предводительское кресло человѣка, у котораго ни одного врага не было въ губерніи, потому что никто къ нему серьезно не относился. Правда, отъ этого могло пострадать общее дѣло, но развѣ любая оппозиція когда-нибудь думаетъ про общее дѣло, когда ей надо учинить каверзу своимъ противникамъ?

Не удивительно поэтому, что собраніе заволновалось теперь гораздо сильнѣе, чѣмъ передъ баллотировкой Семена Андреевича. Роли въ каждомъ лагерѣ были распредѣлены давно; однако, въ послѣднюю рѣшительную минуту, сомнѣніе овладѣло всѣми, и обѣ партіи стали посылать другъ къ другу не то лазутчиковъ, не то уполномоченныхъ, чтобы вывѣдать кое-что, да кстати завязать переговоры, конечно, не безъ тайной цѣли другъ друга подвести. Но въ томъ-то и заключалась вся трудность, что для соглашенія не имѣлось никакой почвы, такъ какъ поступаться другъ передъ другомъ было уже нечѣмъ. Оставалось одно: распустить побольше ложныхъ слуховъ, чтобы разгадать тайну противниковъ. Съ этою цѣлью былъ даже сдѣланъ небольшой перерывъ.

— Посмотрите, какъ зашушукали, сказалъ мнѣ Надеждинъ, — ни дать, ни взять, кумушки на базарѣ, и Бурдасовъ-то нашъ какъ заусердствовалъ: такъ и шмыгаетъ отъ одной кучки къ другой. А, вѣдь, недавно еще въ противный лагерь совѣмъ перебѣжать собирався; ну, да его преданность немудрено куштить...

Къ намъ подошелъ Турусовъ.

— Платонъ Платоновичъ, съ побѣдой, встрѣтилъ его Надеждинъ.

— Все шутить изволите... Какая тутъ побѣда! съ притворнымъ уныніемъ пожалъ плечами Турусовъ.

— А такая, что предводителемъ у насъ будетъ Одуванчиковъ. Положимъ, что съ этимъ поздравлять другъ друга не придется.

— Нѣтъ, ужъ извините, съ гордымъ видомъ отвѣтилъ Турусовъ, — наши до этого не допустятъ. Для насъ выше всего интересы губерніи.

И, сказавъ это, онъ отошелъ прочь и тотчасъ затерялся въ окружившей его оживленной группѣ.

— А вретъ, вѣдь, по глазамъ вижу, что вретъ, проговорилъ ему вслѣдъ Надеждинъ.

— Да что-жъ вы-то со своею пронизательностью, замѣтилъ я ему, — не идете на рекогносцировку?

— Поздно, мой милѣйшій, да, признаюсь, неохота... Я, вѣдь, здѣсь больше въ качествѣ безпристрастнаго наблюдателя. Все это во мнѣ только желчь шевелитъ немножко, а крови не волнуется. — Ба, да вотъ самъ Федоръ Федоровичъ, будущій предводитель...

Федоръ Федоровичъ проходилъ мимо своей немного торжественной походкой.

— Федоръ Федоровичъ, заранѣе поздравляю; кажется, вы у насъ будете предводителемъ.

— Что-жъ, очень можетъ быть, съ достоинствомъ возразилъ на это Одуванчиковъ.

— И вы примете должность, такъ-то и примете?..

— Разумѣется, приму... долгъ прежде всего.

Одуванчиковъ какъ будто даже обидѣлся. Скажи это не онъ, не Божья коровка Федоръ Федоровичъ, можно было бы подумать, что за этими словами кроются тайные виды какіе-то, но прямодушіе и ограниченность Федора Федоровича стояли превыше всякихъ сомнѣній, и самая важность его тона служила только отраженіемъ его искренняго желанія достойно выполнить свои обязанности.

Раздался колокольчикъ.

— Полюбуйтесь-ка еще вотъ этимъ зрѣлищемъ, шепнулъ мнѣ на ухо Надеждинъ, кинувъ головой въ сторону князя. — Видите, какъ онъ всѣми оставленъ. Право, ни дать, ни взять, бѣдная кляча, которую бросили на дорогѣ, потому что она не въ силахъ взобраться на гору съ возомъ...

— Ну, ужъ приходятъ вамъ въ голову сравненія. Слущкій, по-вашему, кляча...

— Никто изъ насъ, милый мой, не можетъ знать, глубокомысленно отчеканилъ Надеждинъ, — когда и какъ ему доведется стать клячей. Иной цѣлый вѣкъ призы выигрывалъ, а тамъ, глядь, его заставляютъ воду таскать... Ну, да полно философствовать! Смотрите, началось шествіе...

Въ самомъ дѣлѣ, господа дворяне длиннымъ хвостомъ потянулись къ баллотировальному ящику. И еще таинственнѣе, еще коварнѣе прежняго глядѣли ихъ исполненные важности лица. Подойдя къ столу, я распустилъ, что, пожалуй, вѣрнѣе будетъ не слишкомъ усердствовать, и положилъ Одуванчикову нальбо. Дорогой я даже шепнулъ про это кое-кому изъ нашихъ, но, должно-быть, не многие вняли моему совѣту. Одуванчиковъ получилъ огромное, подавляющее большинство. Онъ былъ нашимъ губернскимъ предводителемъ. И вотъ этотъ самый человѣкъ, который за пять минутъ передъ тѣмъ былъ для насъ всѣхъ чѣмъ-то въ родѣ куклы, нужной для полноты декораціи, теперь стоялъ передъ нами и бормоталъ что-то въ родѣ выраженной благодарности. И самъ онъ въ эту минуту вѣрилъ въ самого себя, и мы его слушали почти съ уваженіемъ. И все это сдѣлало нѣсколько лишнихъ шариковъ, поавшихъ не туда, куда слѣдовало. Украдкою, съ какимъ-то трепетомъ я взглянулъ на Семена Андреевича. Онъ тоже стоялъ тутъ, въ двухъ шагахъ отъ своего бывшаго сподручника, и какъ-то необыкновенно отчетливо, необыкновенно рельефно чувствовалось всѣми его окомчателное, его безвозвратное паденіе, точно были тутъ какіе-то невидимые нравственные вѣсы, ясно обнаружившіе вдругъ, сколько значенія и власти утратилъ онъ въ одну минуту. Онъ, очевидно, сознавалъ это самъ и крѣпился, чтобы выказать равнодушное достоинство. Но само это усиліе надъ собой еще подчеркивало то, что онъ пытался скрыть.

Стали понемногу расходиться, и всѣхъ насъ, такъ показалось мнѣ, давило смутное сознаніе чего-то нехорошаго, или, по крайней мѣрѣ, нелѣпаго, совершеннаго нами въ этотъ день. Была, должно-быть, и та всегдашняя грусть, которую приноситъ съ собою всякая

катастрофа, всякое разрушеніе. А мы, вѣдь, понимали всѣ, что собственными руками свергли человѣка, передъ которымъ такъ долго преклонялись.

— А, вѣдь, какая порой жестокая вещь справедливость, сказала мнѣ почти на ухо нагнавшій меня въ толпѣ Надеждинъ, — вѣдь, чего грѣха таить, Семень Андреевичъ заслужилъ сегодняшній урокъ, а все-таки не совѣмъ, я думаю, хорошо чувствуютъ себя давшіе его. Мы не только спихнули съ мѣста бывший свой кумиръ, мы его разбили. Да, посмотрите, какъ теперь накинута на него всѣ, кто прежде сгибался передъ нимъ въ три погибели. Для него это потеря не только власти, это потеря всего — и состоянія, и, пожалуй, добраго имени. Мы сами, того не подозревая, здѣсь драму разыграли, а шли сюда — какъ на комедію. Глупо и стыдно оно какъ-то выходитъ, и тѣмъ стыднѣе, что мораль въ этой баснѣ выходитъ очень безнравственная. На общественномъ дѣлѣ лучше умному человѣку давать наживаться, чѣмъ замѣнить его честнымъ дуракомъ...

Мы выходили на крыльцо. Въ эту самую минуту подали чью-то карету, и мы невольно посторонились, чтобы пропустить того, кто собирался въ нее сѣсть. Это былъ Семень Андреевичъ. Онъ прошелъ, не узнавая насъ, прошелъ усталой, согбенной походкой старика. Онъ уже не дѣлалъ усилій надъ собой, и его страшно осунувшееся лицо говорило ясно, что въ этомъ человѣкѣ надорвана какая-то главная жизненная пружина. И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я его зналъ, я почувствовалъ къ нему жалость.

XX.

Утромъ слѣдующаго дня, сидя передъ своимъ пылавшимъ каминомъ, я предавался довольно-таки грустнымъ размышленіямъ. Я не могъ не сказать себѣ, что судьба меня завертѣла самымъ глупымъ образомъ, побудивъ меня принять такое живое участіе въ чужомъ дѣлѣ, чтобы потомъ навязать мнѣ такую непривлекательную роль. Лицо Семена Андреевича, какимъ я его видалъ мелькомъ наканунѣ, при выходѣ изъ собранія, это горестное, утомленное лицо не выходило у меня изъ памяти, а между тѣмъ я собирался заодно съ Вьюгинымъ нанести этому человѣку, котораго не переставалъ любить, ударъ еще болѣе тяжелый, чѣмъ всѣ обрушившіяся на него до сихъ поръ невзгоды. Но данное обѣщаніе меня связывало, обѣщаніе, вырванное въ слабую минуту, и отступаться отъ него было уже поздно. И вотъ раздались по коридору легкіе, быстрые шаги, и дверь въ мою комнату растворилась. Это былъ мой счастливый соперникъ. По одному взгляду на его возбужденное лицо я увидѣлъ, что колебаній у него нѣтъ и слѣда, что съ твердою рѣшимостью, если и не съ легкимъ сердцемъ, онъ идетъ къ своей цѣли и пришелъ требовать у меня выполненія даннаго слова.

— Ну-съ, Николай Филипповичъ, началъ онъ, — все устраивается какъ нельзя лучше. Священникъ согласился, второго свидѣтеля добылъ. Представьте себѣ, кого? — Бурдасова. Извините, что какъ будто ставлю его съ вами на одну доску, да иного выбора не было. До завтрашняго дня будетъ молчать, какъ рыба. Обѣщаль я ему за это, конечно, малую толику. Завтра въ четыре часа обѣдѣмся въ Троицкой церкви, на краю города, а потомъ укатимъ ко мнѣ въ имѣніе. Дѣло теперь за вами. Надѣюсь, вы не раздумали? Аня будетъ ждать у Луниныхъ, и вы повезете ее оттуда въ церковь. Что, согласны? Да?

Вьюгинъ говорилъ такъ стремительно, съ такою увѣренностью въ близкомъ осуществленіи своихъ надеждъ, что возразить что-либо, остановить его не было возможности. Да и что могъ я возразить? Мнѣ приходилось доигрывать до конца почти смѣшную роль шафера любимой дѣвушки, самому отдать ее въ руки человѣку,

который отнималъ ее у меня. И приходилось дѣлать все это съ покорною улыбкою на лицѣ, чтобы не выдавать, по крайней мѣрѣ, своего оскорбленнаго самолюбія, и я, молча, наклонилъ голову, подчиняясь всему, чего ожидалъ отъ меня Вьюгинъ.

— А потомъ, когда все будетъ кончено, продолжалъ Борисъ Павловичъ, — будетъ до васъ еще одна просьба...

— Еще одна? какъ-то невольно вырвалось у меня ироническое, почти горькое восклицаніе.

— Да, вы ужъ не откажите, пожалуйста. Сдѣлайте это для нея, для Ани... Мы на васъ только, вѣдь, и можемъ рассчитывать. Примите на себя трудъ... да, я не скрою, это большой трудъ... извѣстить обо всемъ Семена Андреевича.

— Какъ?! вскочилъ я со своего мѣста. — Вы хотите, чтобы я...

— Да, мы надѣемся, умоляемъ васъ... Не зачѣмъ, вѣдь, говорить вамъ, какъ тяжело, какъ страшно тяжело для бѣдной Ани такъ разставаться съ родительскимъ домомъ. Ей хотѣлось бы смягчить, если можно, горе отца, добиться его прощенія, потому что она, вѣдь, не перестала его любить... И я тоже, я тоже люблю его. Повѣрьте мнѣ, нѣтъ униженія, на которое я бы не пошелъ, чтобы искупить нашу вину, коли это, въ самомъ дѣлѣ, вина. И вы одни это можете сдѣлать, вы одни, котораго онъ такъ цѣнитъ.

— Прекрасно! Вы хотите, чтобы я, вашъ пособникъ, явился къ Семену Андреевичу съ повинною и вынесъ на себѣ его справедливый гнѣвъ, сдѣлался бы свидѣтелемъ его отчаянія?! Нечего сказать, вы очень ужъ высокаго мнѣнія о моей готовности жертвовать собой! И васъ, кажется, ни разу не останавливала мысль, что за страшное горе вы причиняете человѣку, про котораго сами же говорите, что его любите. Странная, поистинѣ, любовь...

Я заходилъ по комнатѣ въ необыкновенномъ волненіи.

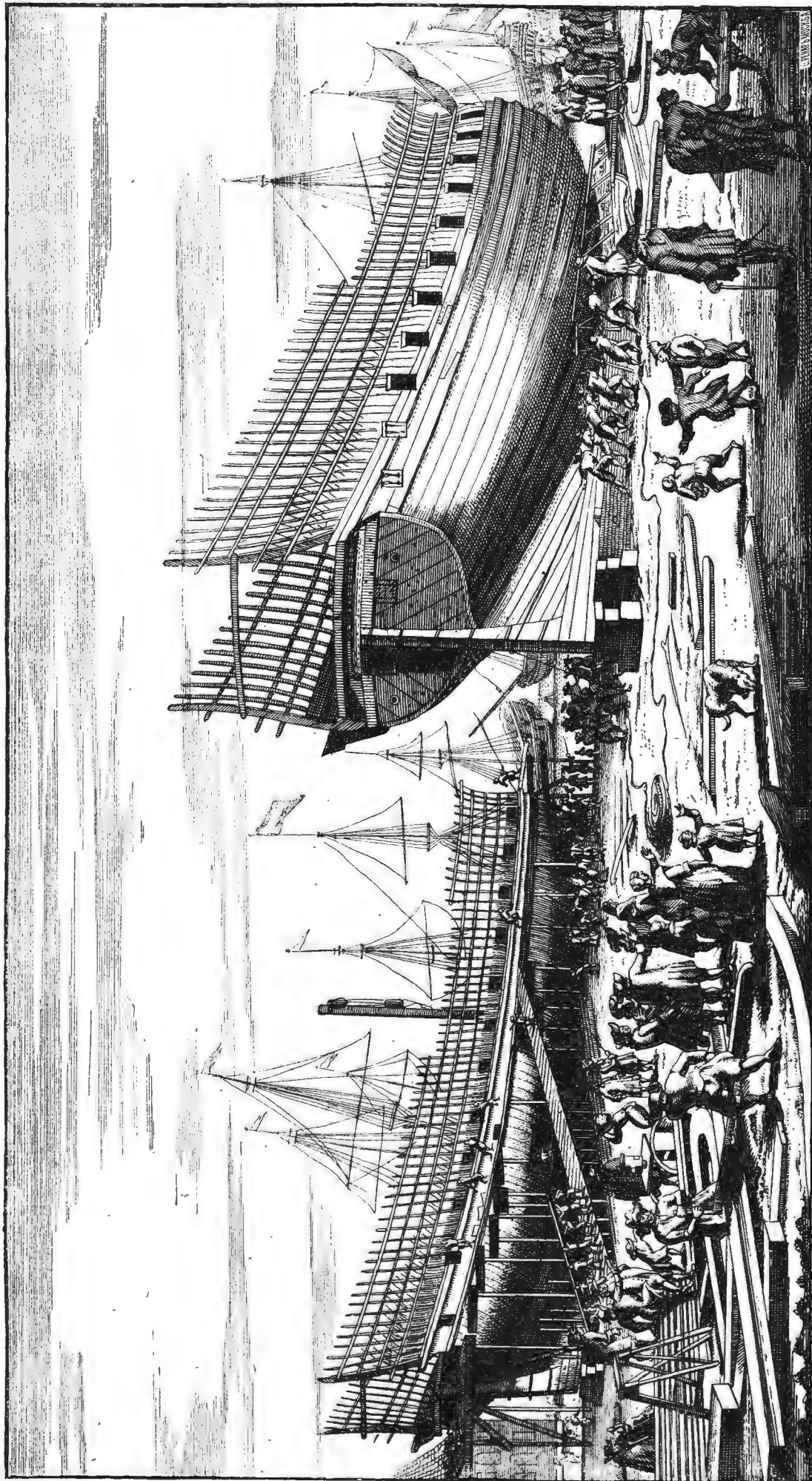
— Все это я передумывалъ не разъ. Больно оно, конечно... Всякому, у кого есть сердце, больно, вѣдь, причинять другому зло, хотя бы это былъ совѣмъ чужой человѣкъ, а Семень Андреевичъ мнѣ далеко не чужой... Но бываютъ положенія, когда выборъ и есть только между одинаково трудными рѣшеніями, когда за счастье любимаго существа волей-неволей приходится заплатить цѣною жертвы для другого. Могу ли я колебаться, скажите сами, когда съ одной стороны Аня и наша любовь и цѣлая жизнь впереди, а съ другой — боязнь огорчить Семена Андреевича? Мертвые, вы знаете, пусть хоронятъ мертвыхъ. И не въ правѣ же онъ требовать, чтобы его дочь навсегда оставалась при немъ...

— И какъ разъ потому, оборвалъ я его горячо, — что онъ теперь мертвый, какъ вы говорите, что его живая дѣятельность кончена, и у него осталось одно только утѣшеніе — дочь, вы себя считаете въ правѣ ее отнять у него?!

Но Вьюгина мои слова не смутили. Съ безпощадной логикой счастливой, увѣренной въ себѣ любви, онъ доказалъ мнѣ, что горе родителей при разлукѣ съ любимою дочерью — скоро преходящее горе, что изъ-за него нельзя жертвовать цѣлою молодой жизнью, что самую природой они обречены на такую разлуку, и не вина дѣтей, коли ихъ сердечныя влеченія идутъ наперекоръ отеческой воли, что такъ всегда было и будетъ.

— И неужели, закончилъ онъ, — вы откажетесь перенести нѣсколько тяжелыхъ минутъ, чтобы этимъ ослабить ѣдкую боль неизбежнаго разрыва, вы, который такъ преданы Семену Андреевичу, такъ безкорыстно преданы?

При этихъ словахъ Вьюгина, опять поднялась во мнѣ злая насмѣшка надъ собою, надъ этимъ неотразимымъ сдѣленіемъ обстоятельствъ, заставлявшимъ меня соб-

По поводу 200-лѣтя коммерческаго судостроенія въ Россіи. Постройка корабля во времена Петра Великаго.

Съ гравюры начала XVIII-го стол. автотипія Ренара.

ственными руками расчищать дорогу сопернику и принимать на себя отвѣтственность за его поступокъ.

„Ну, что же“, думалъ я,—„пусть будетъ такъ, пусть до конца я останусь здѣсь гостемъ на чужомъ пирѣ, для котораго не похмелю даже, а одна лишь горечь въ томъ свадебномъ кубкѣ, который ему приходится осушать! Не сворачивать же мнѣ съ полдороги?..“
(Продолж. будетъ).

Одна изъ царей древняго Египта.

Находка мумій фараоновъ и жрецовъ близъ развалинъ храма Дерь-эль-Бахри и подъ ними, въ обширныхъ высѣченыхъ въ скалѣ храплицахъ, обратила вниманіе образованнаго міра на этотъ храмъ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ архитектуры древняго Египта.

Храмъ Дерь-эль-Бахри расположенъ въ самомъ живописномъ уголкѣ Фиванскаго некрополя; мысль о немъ неразрывно слита съ воспоминаніемъ о его строительницѣ, могучая личность которой въкогда гремѣла своими подвигами во всей странѣ фараоновъ.

Хнеми-Амушъ Гачесугъ Макаре Усергъ-Кау былъ полный царскій титулъ женщины, со славою носившей двойную

Жница. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Трутовскаго, грав. Шюблеръ.

корону Египта за тридцать пять вѣковъ до нашего времени.

Она родилась около второй половины семнадцатаго столѣтія до Р. Х. и была четвертымъ ребенкомъ Тутмеса I и его сестры и супруги *) Мерп-Амонъ. Гаченсутъ съ дѣтства сознавала преимущества своего высокаго рожденія и, благодаря своему уму, практическому смыслу и энергій, рано сдѣлалась любимницею отца, который послѣ смерти трехъ старшихъ дѣтей торжественно объявилъ ее наследницею престола и — какъ гласитъ надпись на Карнакскомъ храмѣ — допустилъ къ участию въ правленіи. Къ этому шагу, кромѣ родительской любви, его побудила предусмотрительность, такъ какъ по женской линіи — имѣвшей при фараонахъ перевѣсъ надъ мужскою — Гаченсутъ была единственнымъ представительницею древнѣйшаго царскаго рода. Два младшіе ея брата происходили отъ позднѣйшихъ браковъ фараона, поэтому родъ ихъ считался младшею линіею, и только бракъ съ принцессою прямой линіи могъ доставить скорѣе ихъ дѣтямъ, чѣмъ имъ самимъ, полныя права престолонаслѣдія.

Дарованное Гаченсутъ преимущество, по происхожденію, передъ ея братьями пришлось властолюбивой принцессѣ какъ нельзя болѣе по душѣ, такъ какъ при всей своей почитлности къ отцу, она не была добра къ своимъ братьямъ. Къ сожалѣнію, тѣ памятники, которые могли бы пролить свѣтъ на многія характерныя подробности въ исторіи фамилии Тутмеса, по большей части разрушены, и мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, что было причиною смертельной вражды между Гаченсутъ и ея братьями: властолюбие ли и высокомеріе царицы, или ихъ зависть къ ея знатному происхожденію? Во всякомъ случаѣ, послѣ преждевременной смерти отца, начались тяжелыя осложненія, во время которыхъ трое младшихъ дѣтей Тутмеса I выказали много ненависти и мстительности по отношенію къ сестрѣ.

Старшій сынъ, повидимому, произвелъ насильственный переворотъ въ установленномъ порядкѣ престолонаслѣдія и вынудилъ сестру вступить съ нимъ въ бракъ, чтобы обезпечить своему потомству захваченную власть. Однако вліяніе Гаченсутъ во время короткаго правленія Тутмеса II имѣло все-таки первенствующее значеніе, и лишь только ненавистный супругъ умеръ, она посѣдила снова, и на этотъ разъ безраздѣльно, овладѣть браздами правленія, окруживъ себя блескомъ и пышностью фараона и принявъ его полный титулъ.

Почтеніе къ родителямъ не помѣшало Гаченсутъ уничтожить имя брата на воздвигнутыхъ сообща съ нимъ памятникахъ, назвать своимъ именемъ годы его правленія и, вообще, дѣйствовать такъ, какъ если бы тотъ никогда не царствовалъ.

Во всемъ остальномъ она вполне оправдала выборъ своего отца, сумѣвъ не только сохранить за Египтомъ завоеванія его въ Эѳіопіи, Суданѣ и по ту сторону Евфрата, но и обогатить страну новыми приобрѣтеніями на мирномъ поприщѣ. Гаченсутъ въ высокой степени обладала счастливымъ даромъ находить талантливыхъ государственныхъ людей, надежныхъ исполнителей ея предначертаній, почему и могла быть вполне увѣрена, что каждое изъ ея великихъ начинаній будетъ непременно хорошо выполнено и доведено до конца. Такъ, она возобновила разработку Синайскихъ рудниковъ, заброшенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и этимъ доставила казанъ новый источникъ дохода, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ подъему чувства національнаго самосознанія. Желая въ то же время удовлетворить религиознымъ потребностямъ подданныхъ, работавшихъ вдали отъ родины при очень тяжелыхъ условіяхъ, она велѣла, наиримѣръ, построить возлѣ бирюзовыхъ копей Сарабутъ-эль-Хадема храмъ въ честь богини Гаторъ, въ фундаментъ котораго найдено множество мураленыхъ сосудовъ изъ глины и фаянса, съ именемъ царицы Гаченсутъ.

Царица постигла своимъ дальновиднымъ умомъ, что Египетъ долгие не могъ держаться въ сторонѣ отъ остального міра, и что слѣдуетъ отстранить старые предразсудки ради возвышенія древняго государства фараоновъ; а такъ какъ приведеніе ея великихъ замысловъ въ исполненіе требовало, вообще, огромныхъ затратъ, то Гаченсутъ, за шесть столѣтій до Соломона, послала свой царскій флотъ для изслѣдованія „чуждой страны Пунтъ“, прославившей своимъ богатѣйшими естественными произведеніями.

Подъ именемъ „Пунтъ“ египтяне, кажется, въ одно и то же время подразумѣвали Южную Аравію и берегъ Сомали, въ особенности же, первую изъ названныхъ странъ. Царскій флотъ произвелъ тамъ такое сильное впечатлѣніе, что „князья и знать Пунта“, стоявшаго, вообще, на низкой ступени цивилизаціи, пожелали сопроводить его въ Оивы, чтобы выразить свое уваженіе могущественной владычнцѣ Египта. Появленіе „людей изъ Пунта“, повидимому, дало обильную пищу остроумію египтянъ, которые, разумеется, не преминули увѣковѣчить и это событіе въ своихъ лѣтописяхъ, высѣченныхъ на камнѣ.

У Гаченсутъ было двѣ дочери, Нофріуре и Гаченсутъ. Старшая была, повидимому, любимницею матери, хотя то обстоятельство, что о ней сохранилось особенно много свѣдѣній, можетъ быть дѣломъ простой случайности. Надписи повѣствуютъ, что она получила самое тщательное воспитаніе, и что мать

перенесла на нее свой духовный санъ „Божественной жещины“, т. е. верховной жрицы бога Амона, такъ что, по всей вѣроятности, Нофріуре занимала при дворѣ особенно блестящее положеніе.

Между тѣмъ братъ Гаченсутъ по отцу, котораго царица умышленно держала вдали отъ трона — по его негодующему выраженію — „въ бологахъ Буто“ *) — достигъ совершеннѣйшаго, и сестра противъ воли должна была назначить его соправителемъ. Будучи сама слишкомъ стара для брака съ юнымъ Тутмесомъ, она выдала за него Нофріуре, которая однако вскорѣ умерла. Позже, опять-таки изъ политическихъ видовъ, супругою Тутмеса дѣлается Гаченсутъ II, которая и была матерью Аменофиса II.

Тотъ фактъ, что со стороны матери Тутмеса III былъ не вполне царскаго происхожденія, и что этотъ пробѣлъ въ его родословной былъ сглаженъ только женитьбой на дочери ненавистной ему Гаченсутъ, долженъ былъ тяжелымъ бременемъ лежать на душѣ богато-одареннаго и самолюбиваго царя. Къ тому же, несмотря на высокій санъ соправителя, онъ былъ совершенно устраненъ отъ власти.

При жизни Гаченсутъ его распоряженія касались только закладки и освященія общественныхъ зданій, стало быть, сводились къ представительству. Это былъ большой искусъ для терпѣнія: Гаченсутъ царствовала двадцать два года.

Тутмесь III, вступивъ на престолъ по смерти Гаченсутъ I, обнаруживаетъ самую ярую ненависть къ памяти сестры, старается выставить ее безсовѣстной узурпаторшей и безъ дальнихъ околичностей присчитываетъ годы ея правленія къ своимъ. Но такъ же поступила нѣкогда и сама Гаченсутъ по отношенію къ своему покойному супругу и брату. Имя ея, гдѣ только возможно, уничтожалось на памятникахъ Тутмеса, и мстительность цари дошла до того, что по его распоряженію была открыта могила нѣкогда всемогущаго любимца царицы Земута, и уничтожены всѣ слѣды его существованія.

За мирнымъ правленіемъ царицы наступила эра великихъ походовъ. „Борьба и побѣда!“ былъ лозунгъ Тутмеса III, смысловаго кровью побѣжденныхъ народовъ давно накопившее въ душѣ его и долго подавляемое озлобленіе. Но какъ ни велика слава этого египетскаго Александра, она все же не можетъ совершенно затмить величіе Гаченсутъ.

Несмотря на всѣ старанія уничтожить ея имя, стереть съ лица земли память объ ея дѣяніяхъ, „добъ солнца“, „прославившая“, „вѣчно живущая“, все-таки стала извѣстна далекимъ поколѣніямъ, главнымъ образомъ, благодаря великолѣпнѣйшему изъ ея созданій, самому оригинальному изъ всѣхъ древне-египетскихъ архитектурныхъ произведеній — террасообразному храму Деръ-эль-Бахри.

Останки его основательницы еще не найдены, однако нѣтъ повода предполагать, что они сдѣлались добычей грабителей могилъ еще въ древности или жадныхъ феллаховъ въ новѣйшія времена: въ обоихъ случаяхъ до насъ дошло бы, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько ея *ушебти* (во множествѣ находимыхъ въ могилахъ статуэтки съ именемъ и титуломъ умершихъ). Незвѣстно, погребена ли Гаченсутъ въ „долнѣ царицъ“, или же въ нѣдрахъ скалистыхъ утесовъ, составляющихъ заднюю стѣну вышепомянутаго храма. Между муміями царей безъ труда были узнаны два младшіе ея брата; Масперо, кромѣ того, съ увѣренностью указываетъ на мумію Тутмеса I, несмотря на подмѣненный гробъ; а мумія царицы пропала безслѣдно...

Въ сѣверо-западномъ углу „города мертвыхъ“, тамъ, гдѣ горная долина Ассасифъ прерываетъ известковыя массы Ливійскаго хребта, Тутмесь I собственноручно заложилъ храмъ, который позднеѣ съ такимъ совершенствомъ окончила Гаченсутъ. Въ гордомъ величіи симметрично высились одна надъ другою четыре террасы великолѣпнаго зданія, прислоненнаго одною стороною къ утесу, который скрывалъ въ своихъ нѣдрахъ знаменитыя гробницы царей. Начиная отъ воротъ верхней террасы, сдѣланныхъ изъ краснаго гранита, нѣкогда спускалась внизъ до самой равнины аллея сфинксовъ, дѣлвившая зданіе на двѣ равныя половины; она простиралась дальше до храма Сети и отсюда по прямой линіи — къ рѣкѣ, такъ что, въ общемъ, длина ея равнялась 2,600 метрамъ. По ту сторону Нила, черезъ который набожнаго поклонника перевозило роскошно украшенное судно, снова возобновлялась широкая аллея, оканчивавшаяся лишь у главнаго Оиванскаго храма, который, при своемъ тогдашнемъ великолѣпнѣ, долженъ былъ представлять величественное зрѣлище. Конечно, Гаченсутъ не разъ любовалась съ верхней площадки своего святилища на разстилавшійся у ея ногъ пейзажъ, съ дѣлами Ливійскихъ горъ на горизонтѣ съ одной стороны, Аравійскихъ — съ другой и могучею рѣкою посерединѣ, такъ рѣзко и вмѣстѣ картино разграничивавшей пышную пестроту города живыхъ отъ строгого величія города мертвыхъ.

О развалинахъ Деръ-эль-Бахри можно смѣло сказать, что ихъ камни „говорятъ о прошломъ“... Къ сожалѣнію, этотъ каменный архивъ фараоновъ все болѣе и болѣе близится къ полному упадку, и большая часть его сокровищъ утрачена для насъ

*) Въ Египтѣ подобныя браки были въ порядкѣ вещей; вообще, въ древности такіе возрѣвшіе на бракъ не составляли исключенія.

*) Т. е. какъ предсѣдательный злымъ божествомъ Тифономъ богъ Горусъ въ египетской мифологіи.

навсегда. Там не менее, храм Деръ-эль-Бахри доставилъ наукѣ много драгоценнаго матеріала; особенно богата имъ третья терраса, гдѣ налѣво отъ остатковъ средней аллеи, въ одной изъ залъ восточной части здания, находится всемирно извѣстные барельефы и надписи. Эти, частью очень хорошо сохранившіяся, изобразенія не имѣютъ себѣ подобныхъ въ Египтѣ по ясности идеи и тонкости выполненія; они живо и правдиво повѣствуютъ о давнопрошеднихъ временахъ, и въ особенности, о томъ, какъ, напримѣръ, въ 9 году правленія царицы возвращеніе экспедиціи изъ „страны чудесъ“ было ознаменовано великолѣпными народными празднествами и торжественнымъ освященіемъ храма въ скалахъ.

„И царица, въ сверкающей діадемѣ на головѣ, сидѣла на золотомъ тронѣ среди пышно убранныхъ чертоговъ...“ повѣствуютъ надписи, изображая вслѣдъ за этимъ давку и нестрогу празднествъ, процессіи жрецовъ, военныя шествія и игры гладиаторовъ на равнинѣ передъ храмомъ. Арабскіе и эеіонскіе князья, на колѣняхъ передъ трономъ, „цѣлуютъ землю передъ Прославленной, которая сияетъ подобно солнцу, и называютъ себя ея подданными“; а жрецы, принося жертвы богинѣ Гагоръ, зываютъ: „Прими то, что тебѣ подобаешь, о, владычица небесъ, и сдѣлай могущественной нашу царицу въ тѣмъ годовѣ!“

Гаченсутъ, съ своей стороны, окруженная облаками египтянъ, въ жреческой мантии изъ мѣха пантеры, воздастъ почести

покровителю экспедиціи богу Амону, между тѣмъ какъ мимо неси, при восторженныхъ кликахъ народа, вереницею проходятъ представители Нубіи и „чудесной страны Пунта“, повергая къ стонамъ египетской царицы и ея вельможъ богатые дары изъ ладаннхъ деревьевъ, драгоценныхъ металловъ, камней и тканей...

Около тридцати пяти вѣковъ прошло со времени царствованія Гаченсутъ. Память о ней давно и безслѣдно исчезла въ египетскомъ народѣ, такъ глубоко павшемъ, состоящемъ теперь изъ самыхъ развѣренныхъ элементовъ; съ другой стороны, войны, землетрясенія и фанатическая вражда между христианами и магометанами совершили повсюду свое прискорбное дѣло разрушенія египетскихъ памятниковъ и болѣе всего—великолѣпнаго храма Деръ-эль-Бахри. Тамъ не менее, благодаря повѣннмъ изысканіямъ археологовъ, египетская исторія обогатилась, въ числѣ другихъ великихъ именъ, именемъ Гаченсутъ, а двѣ огромной важности находки мумій близъ ея храма сдѣлали этотъ мавзолей фамиліи Тутмеса въ нѣкоторомъ родѣ центромъ египетскаго некрополи. Величественныя террасы и покрытыя письменами стѣны ихъ оказали современной наукѣ большую услугу, достойно прославивъ имя царицы Гаченсутъ; но, быть-можетъ, руины Деръ-эль-Бахри далеко еще не сказали своего послѣдняго слова...

Колумбійская выставка въ Чикаго.

Зданія Германіи, Франціи, Англии, Швеціи, Индіи и испанская карусель.

(Рис. на стр. 747, 748 и 749).

Сѣверная часть Джексонъ-парка, гдѣ раскинулась Колумбійская выставка, посвящена исключительно Соединеннымъ Штатамъ, — сѣверо-восточная же его часть предназначена остальнымъ, принявшимъ участіе въ выставкѣ, государствамъ, зданія которыхъ рѣзко отличаются другъ отъ друга своей разнообразной архитектурой. Въ № 15 *Нивы* за текущей годъ было помѣщенъ видъ главнаго входа въ русскій отдѣлъ; теперь мы даемъ нѣсколько наиболѣе красивыхъ зданій другихъ государствъ. Зданіе, принадлежащее Германіи (стр. 747), носящее названіе „Нѣмецкій домъ“, построено германскимъ правительственнымъ архитекторомъ Радке. Постройка эта настолько прочна, что можетъ свободно простоять, по отзыву техниковъ, нѣсколько десятилѣтій. Она занимаетъ одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ въ выставочномъ паркѣ, у самаго Мичиганскаго озера, къ которому обращена своимъ фасадомъ и окружена старыми развѣсистыми деревьями. Нѣмецкое населеніе Чикаго пожелало оставить въ цѣлости послѣ выставки этотъ домъ въ воспоминаніе о ней. Такъ какъ нѣмцы въ Чикаго живутъ, болѣею частью, даже почти исключительно, въ сѣверной части Чикаго, а Джексонъ-паркъ, какъ извѣстно, находится въ южной части города, то, развѣсившись отъ американцевъ смѣлой предпримчивостью, они задумали перевезти этотъ домъ въ неизмѣнномъ его видѣ къ себѣ, въ сѣверную часть. Здѣшніе спеціалисты-архитекторы считаютъ эту затѣю выполнимой: стобитъ лишь построить огромный плотъ, помѣстивъ на него домъ и перевезти его по

Мичиганскому озеру на 10—12 англ. миль къ сѣверу, и тамъ, на мѣстѣ назначенія, установить его на землю. Нѣтъ проекта, который американецъ призналъ бы невыполнимымъ.

Какъ бы то ни было, „Нѣмецкій домъ“ представляетъ одно изъ лучшихъ украшеній выставки. Стилъ его является смѣсью готическаго съ ренессансомъ, отдѣльныя же части точно скопированы съ построекъ Ротенбурга на Тауберѣ, Гослара и другихъ нѣмецкихъ городовъ. Домъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ бюро и помѣщеній представителей нѣмецкаго правительственнаго комиссариата, колоссальную выставку книгопечатнаго дѣла въ Германіи, въ которой фигурируетъ 321 нѣмецкая фирма*). Въ пристройкѣ къ дому, имѣющей видъ небольшой

капеллы, помѣщаются всевозможные образцы выдающихся художественныхъ предметовъ церковнаго украшенія въ Германіи, напр., ранне древне, относящіеся къ средне-вѣковымъ временамъ, золотые и серебряные церковные сосуды, дарохранительницы, богато вышитыя церковныя одѣянія, расписанія, художественныя изображенія изъ священной исторіи, расписанныя на стѣнахъ церковныхъ оконъ, и т. д.

Выставочное зданіе французскаго правительства, выстроенное въ стилѣ ренессанса, главнымъ своимъ фасадомъ также обращено къ Мичиганскому озеру. Вытѣтъ съ двумя боковыми, нѣсколько выступающими навильонами, оно образуетъ посредитъ нѣчто въ родѣ двора, на которомъ разбитъ садъ, съ красивымъ бронзовымъ фонтаномъ посрединѣ. Въ одномъ изъ этихъ навильоновъ помѣщена уже знакомая на прежнихъ вы-

ставкахъ п, тѣмъ не менее, весьма интересная выставка г. Парижа; во второмъ навильонѣ выставлены для обозрѣнія реликвіи, документы и оружіе, имѣющіе связь съ маркизомъ Лафайетомъ, извѣстнымъ французскимъ героемъ, борномъ за независимость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, свѣтлая личность котораго еще до сихъ поръ служитъ связующимъ звеномъ дружественныхъ отношеній между Франціей и Америкой.

Гораздо красивѣе, съ вышней стороны, чѣмъ зданіе Франціи — „Victoria Home“, какъ американцы называютъ выставочное зданіе Англии. Въ красивомъ, оригинальномъ стилѣ временъ Генриха VIII возвышаются темно-коричневые, деревянные фронтоны и башенки надъ возведеннымъ изъ кирпича и унизаннымъ скульптурными украшеніями изъ терракоты нижнимъ этажемъ. Широкая лѣстница ведетъ въ огромный приемный залъ, богато украшенныя стѣны и потолокъ котораго обшиты деревомъ; за приемнымъ заломъ находится помѣщеніе клуба и затѣмъ бюро англійскаго комиссара. Среди замѣчательныхъ экспонатовъ, помѣщенныхъ въ „Victoria Home“, видѣются, наряду съ образцами успѣшной дѣятельности почтового вѣдомства, карты и документы, касающіеся открытія американскаго континента англичаниномъ Себастьяномъ Каботъ и имѣющіе особое еще значеніе на выставкѣ, сооруженной по поводу 400-лѣтія со дня открытія Америки испанопольянемъ Колумбомъ.

Также очень оригинально и выставочное зданіе Швеціи со своеобразными навильонами, куполами и прихотливыми башенками. Оно представляетъ образецъ шведской архитектуры

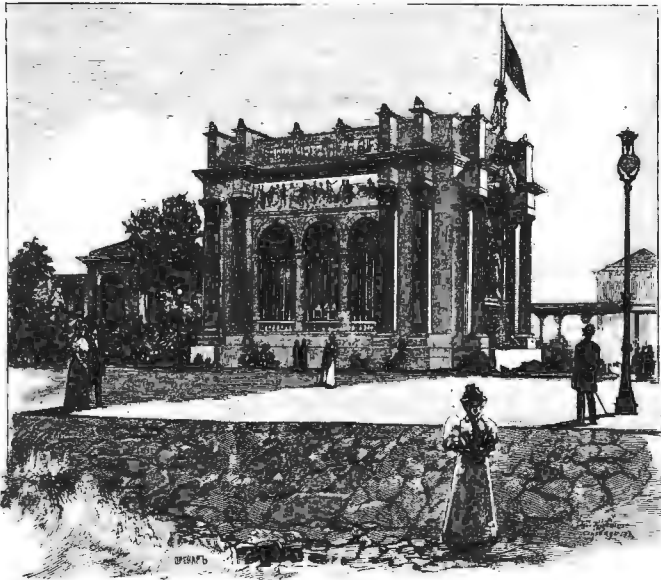

Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго. Нѣмецкій домъ.

По рис. I. Z., автотипія Ренара.

*) Необходимо замѣтить, что только Германія и Франція хорошо представлены на выставкѣ въ отношеніи экспонатовъ произведеній печати и имѣютъ для этого особые отдѣлы. Что касается русскаго отдѣла, то въ немъ пришлось помѣстить, напримѣръ, наши изданія въ машинномъ отдѣленіи.

XVI и XVII вѣковъ. Въ этомъ зданіи замѣчательно искусно сгруппированы въ высшей степени интересныя образцы современной промышленности, искусства и диковинокъ этой великой страны. Издѣлія изъ золота и серебра, шведскаго стекла и фарфора, продукты горнозаводской промышленности, матеріи и т. д. наполняютъ огромныя, украшенныя картинами и пор-

Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго. Зданіе Французской республики. По рис. I. Z., автотипія Ренара.

третами, центральныя помѣщенія, между тѣмъ какъ угловые павильоны уставлены живописными группами мебели, увѣшаны коврами, занавѣсами, разнаго рода вышитыми издѣліями и т. д.

Какъ разъ противъ зданія Швеціи возвышается большой павильонъ оригинальной восточной архитектуры, поражающій своею нестройю, богатой рѣзбой и прихотливыми орнаментами. Его нельзя назвать выставочнымъ зданіемъ—это, просто, индійскій чайный домъ съ базаромъ, на которомъ темнокожіи индѣецъ, съ тюрбаномъ на головѣ, продаетъ своимъ братьямъ-янки разнаго рода издѣлія изъ бронзы, слоновой кости и де-

рева; пестрыя индійскія ткани, шали и ковры висятъ тамъ цѣлыми горами и находятъ себѣ прекрасный сбытъ. Къ сожалѣнію, издѣлія эти, подъ вліяніемъ европейской культуры, потеряли уже нѣсколько свою самобытность, и сочетание европейскаго вкуса съ древне-индійскимъ причиняетъ только значительный ущербъ послѣднему.

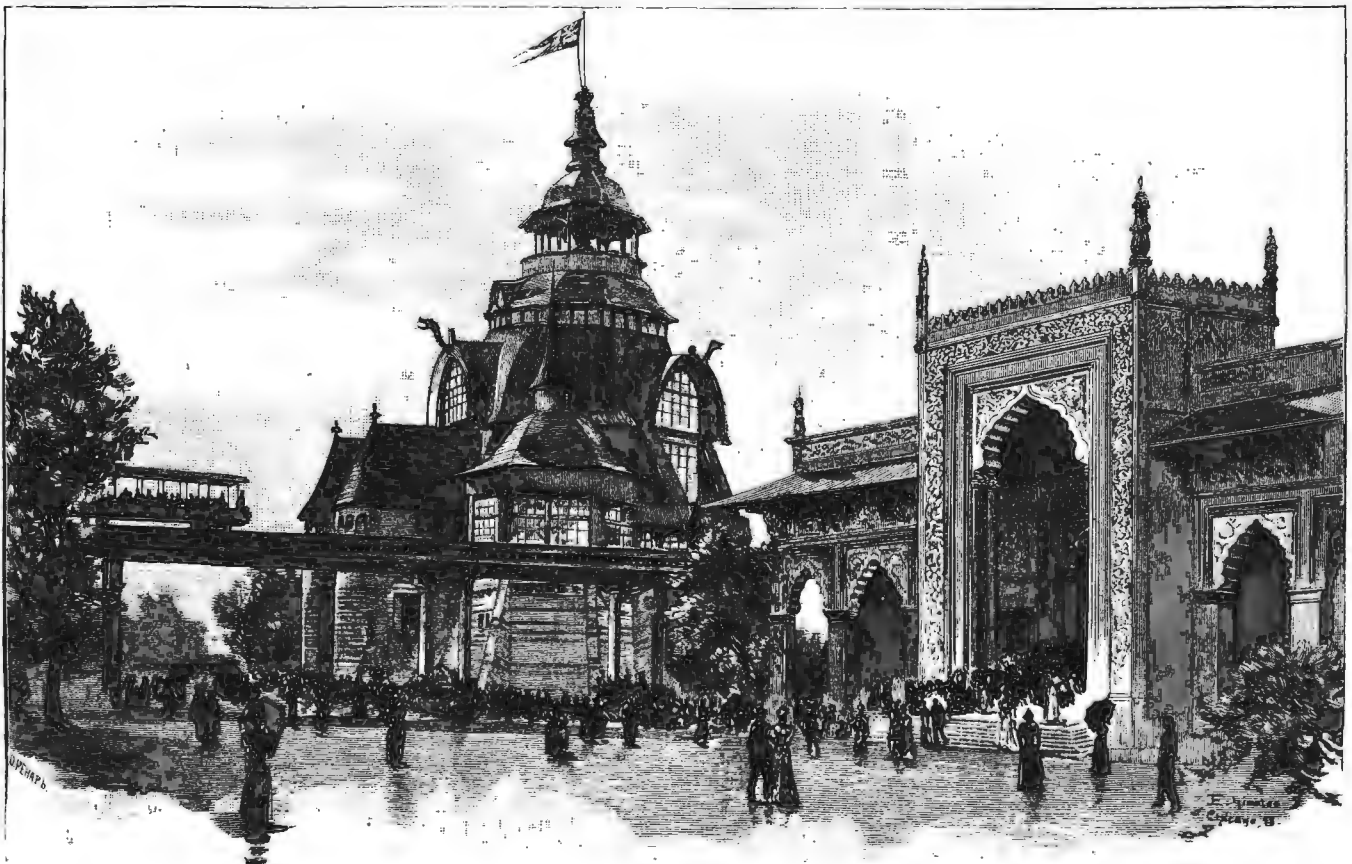
Въ узкомъ промежуткѣ между зданіями Швеціи и Индіи съ шумомъ катится поѣзда желѣзной дороги, рельсы которой покоятся на легкихъ стальныхъ столбахъ; дорога эта построена по образцу воздушной желѣзной дороги въ Чикаго и Нью-Йоркѣ. Она находится на высотѣ 10 метровъ надъ землею, и по полотну ея тянутся, приводимыя въ движеніе электриче-

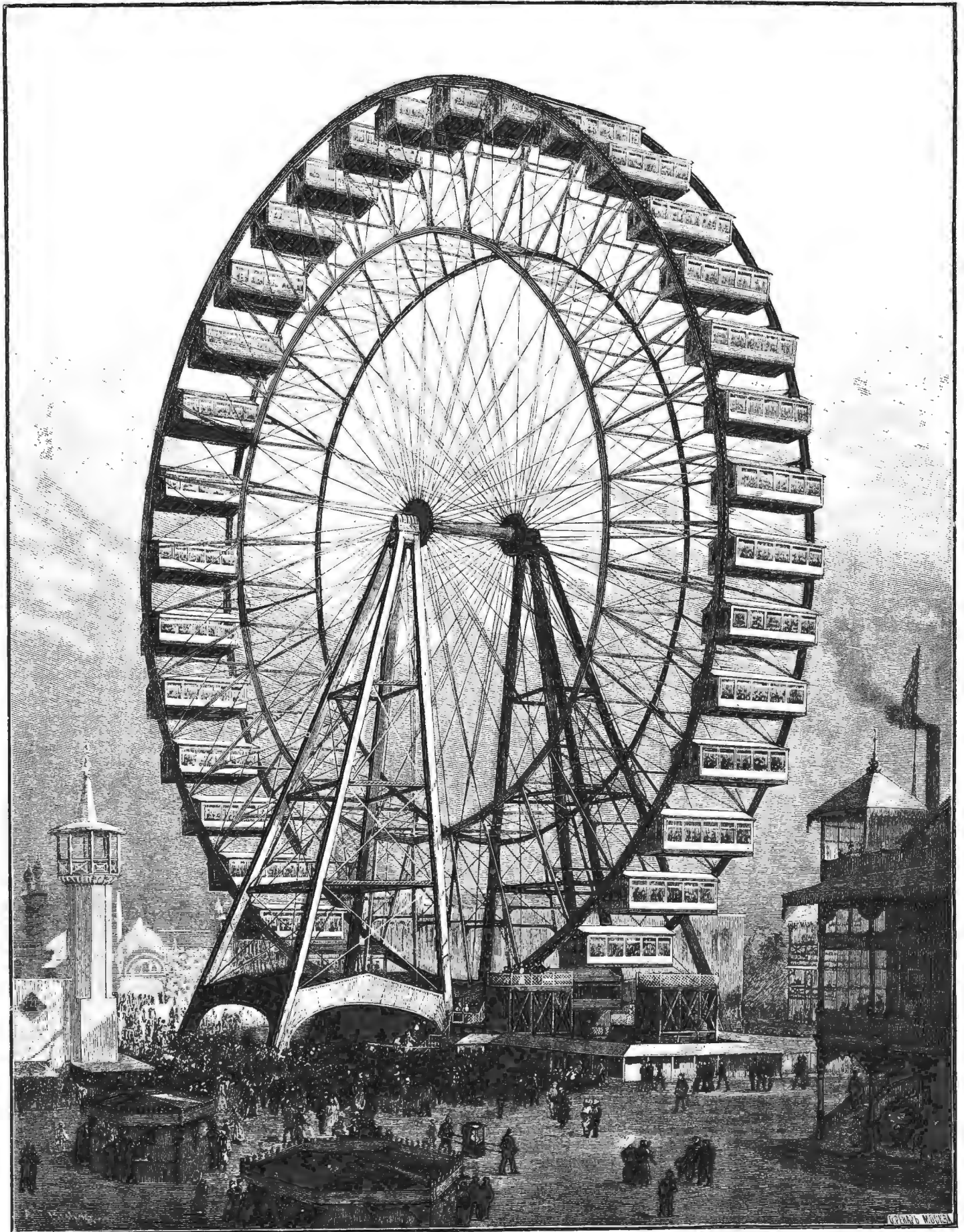
Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго. Зданіе Англии. По рис. I. Z., автотипія Ренара.

ствомъ, поѣзда, биткомъ набитые усталыми посѣтителями выставки; это единственный, до нѣкоторой степени, порядочный и удобный путь сообщенія на самой выставкѣ.

Необыкновенная любовь американцевъ ко всему колоссальному, необычайному нашла себѣ должное выраженіе въ сооруженной питтсбургскимъ инженеромъ Джорджемъ В. Г. Феррисъ испанской карусели. Каждому изъ нашихъ читателей извѣстны, навѣрно, такія карусели, вѣрнѣе, перекидные качели, устраиваемыя въ столицахъ на балаганахъ, гуляньяхъ, въ провинціи на ярмаркахъ, базарахъ. Несмотря на скромныя

Всемирная Колумбійская выставка въ Чикаго. Зданія Швеціи и Индіи. По рис. I. Z., автотипія Ренара.

Всемирная Колумбійская выставка. Исполнинская карусель. По рис. С. А., авторитет Рещара.

размеры наших каруселей, многие боится их и не рѣшаются на них пускать дѣтей. Но американская карусель, представленная у нас на стр. 749, является чѣмъ-то, въ полномъ смыслѣ, головокружительнымъ. Она въ 7 разъ больше обыкновенныхъ, и на колесахъ ея, имѣющихъ въ диаметрѣ 35 саж., повѣшено 36 крытыхъ помѣщений. Колесо это состоитъ изъ двухъ рѣшетчатыхъ металлическихъ круговъ, имѣющихъ въ объемѣ 109½ саж., соединенныхъ горизонтальными и на-крестъ лежащими перекладинами. Ось колеса, въ 1 аршинъ въ диаметрѣ и въ 6 саж. длины, покоится на двухъ рѣшетчатыхъ устояхъ, имѣющихъ 19½ сажень вышины. По окружности колеса, какъ уже упомянуто, подвѣшено, въ равномъ разстояніи другъ отъ

друга, 36 крытыхъ подвижныхъ помѣщений. Каждое изъ нихъ, длиною въ 11½ арш., 5½ арш. шир. и 3¾ арш. выш., сооружено изъ желѣза, покрытаго съ вѣншей стороны деревомъ, съ пятью рѣшетчатыми стеклянными, расположенными въ длину, по обѣимъ сторонамъ, окнами и двумя дверьми съ узкихъ сторонъ. Въ каждомъ помѣщеніи имѣется 40 подвижныхъ креселъ и особый кондукторъ, наблюдающій за входомъ и выходомъ пассажировъ. Всѣ колеса вѣсятъ съ наполненными пассажирами помѣщеніями равняется 72.000 пуд. Карусель приводится въ дѣйствіе паровой машиной въ 1000 лошадиныхъ силъ. Колесо употребляетъ на каждый поворотъ 20 минутъ. За два тура пассажиры платятъ 50 центовъ.

ДВѢТЫ.

Не рви, не рви цвѣтотъ, но къ нимъ чело склони.
Лелѣть ихъ весна и радуется свобода.
Не разрушай того, что создаетъ Природа:
Прими ихъ чистый даръ, ихъ аромать вдохни.

Они живутъ, какъ ты, но зло имъ недоступно.
О, радуйся тому, что осквернить не могъ

Донинѣ на землѣ рукой своей преступной
Ты хоть одинъ еще забытый уголокъ.

Слова людскихъ молитвъ и суетны, и жалки.
Изъ вашихъ же сердецъ, не вѣдающихъ зла,
О, дочери земли, смиренныя фіалки,
Возносится къ Творцу безмолвная хвала!

Д. Мережновскій.

Литературныя бесѣды.

„Рудинъ“, Тургенева.

Рудинъ — одинъ изъ интереснѣйшихъ и значительнѣйшихъ русскихъ типовъ, изображенныхъ Тургеневымъ, и вся русская литература представляетъ не много примѣровъ такого яркаго и осмысленнаго изображенія явленій русской жизни. Нужно сказать, однако, что въ то время, когда Тургеневъ создавалъ свою повѣсть, типъ этотъ не былъ безусловною новостью въ русской литературѣ. Пушкинскій Онегинъ, Лермонтовскій Печоринъ были проявленіями того же типа, но только въ другомъ освѣщеніи и съ нѣсколькими иными темпераментами героев; уже написаны были и напечатаны „Сонъ Обломова“, довольно ясно обрисовывавшій характеръ и значеніе героя Гончарова, изображенъ былъ и Гоголевскій Тентетниковъ, съ огромною силою Гоголевскаго гения соединившій въ себѣ черты всѣхъ названныхъ героев, но только въ примѣненіи къ самому заурядному человѣку, безъ малѣйшихъ романтическихъ прикрасъ. Все это было уже на лицо въ русской литературѣ, и если изображеніе Тентетникова не было еще распространено печатно, о немъ могли быть тѣ или другія представленія на основаніи слуховъ. Тѣмъ не менѣе, „Рудинъ“ былъ произведеніемъ для своего времени совершенно оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Родственность выше названныхъ героев, принадлежность ихъ къ общему типу не была тогда еще вполне ясна, но обстоятельствамъ того времени, а Тургеневъ вложилъ въ своего героя такіа самостоятельныя черты, которыя дѣлали его мало похожимъ на Пушкинскаго и Лермонтовскаго героев. Притомъ Рудинъ былъ человѣкомъ болѣе поздняго періода, болѣе молодого русскаго поколѣнія, чѣмъ Онегинъ и Печоринъ, нѣсколько отличный отъ этихъ послѣднихъ.

Тургеневъ взялъ своего героя съ совершенно новой точки зрѣнія, чѣмъ предшествовавшие великіе русскіе писатели. И Онегинъ, и Печоринъ представлены романтическими героями, разочаровавшимися въ жизнь, на манеръ, до вѣкоторой степени, героев Байрона. Но, собственно говоря, Онегинъ, въ правдивости изображенія исключаящей всякую мысль о предвѣстности и занимающей въ этомъ смыслѣ первое мѣсто между изображеніями многочисленной русской семьи „лишнихъ“ людей, не даетъ яснаго представленія о причинахъ своей разочарованности, и только при внимательномъ анализѣ можно открыть сущность его духовной природы; Печоринъ же былъ повтореніемъ его съ разоблаченіемъ отрицательныхъ злыхъ сторонъ типа. Между тѣмъ Тургеневъ не далъ своему Рудину никакой даже вѣншности разочарованія; онъ взялъ его идеализмомъ — и тѣмъ не менѣе онъ оказался настолько же безплоднымъ въ практической дѣятельности на общественную пользу, какъ и его разочарованные предшественники. Художнику предстояло рѣшить неотразимый вопросъ:—въ чемъ же причина этой странной бездѣятельности?—И онъ, художественно изображая дѣйствительный типъ, тѣмъ не менѣе невольно обставилъ его такими условіями житейскими, которыя нѣсколько поясняли его. Невольный, незначительный элементъ тенденціи, замѣтный и для читателя, получился вслѣдствіе этого въ романѣ.

Герой появляется передъ нами во всеоружіи ума и краснорѣчія, въ деревенской гостиной московской барыни, претендующей на высшій аристократизмъ. Его обаяніе такъ сильно, что при его приближеніи Наташа встаетъ передъ нимъ, какъ будто-бы онъ былъ, по прописному замѣчанію автора, „двухъмѣстующій принцъ“, и только одинъ Пигасовъ, очевидно, видавшій виды, не поддается его влиянію. Но вскорѣ наступаетъ разочарованіе: Рудинъ оказывается просто краснобаемъ,

не способнымъ ни къ какой практической дѣятельности. Благородныя слова на языкѣ — и довольно мелкіе помыслы внутри; желаніе и даже привычка первенствовать въ кружкѣ, который онъ избиралъ для себя. Серьезнаго духовнаго содержанія въ немъ — почти никакого. Авторъ чувствуетъ необходимость хоть нѣсколько пояснить своего героя, и вотъ Лежневъ рассказываетъ его идеалистическіе подвиги еще во времена студентства. Ясно, что Тургеневъ хотѣлъ намекнуть, что Рудинъ не теперь только таковъ передъ нами, а что онъ всегда таковъ по своей натурѣ, по натурѣ русскаго человѣка, возрасшаго въ бездѣятельной помѣщичьей средѣ. Въ чемъ же сказалась эта русская натура? Во-первыхъ, въ необыкновенной способности усвоить, но не выработать, идеи и теории, но только безъ труда, слѣдовательно только поверхностно, безъ всякой глубины знанія; во-вторыхъ, въ полной беззаботности насчетъ примѣненія этихъ идей и теорій къ жизни, въ нежеланіи знать окружающую дѣйствительность, — энтузіазмъ и пылъ героя въ головѣ, а не въ сердцѣ и нервахъ: онъ „холоденъ какъ ледъ“; въ-третьихъ, какъ объясненіе всего предвѣдущаго — онъ просто лѣнивъ, и предпочитаетъ жить на чужой счетъ и безъ счета занимать деньги, чѣмъ найти полезную практическую дѣятельность. Вотъ нѣсколько основныхъ свойствъ рудинской природы. Ему невольно противопоставляется скромный дѣятель, боящійся красныхъ словъ и дѣлающій свое маленькое дѣло — Лежневъ. Отсюда выводилось ясное и простое заключеніе, что Тургеневымъ сказано: „побольше дѣла, вѣншего словъ“ — лозунгъ послѣдующаго поколѣнія. Въ заключительной сценѣ съ Лежневымъ въ губернской гостиницѣ, картина эта, однако, нѣсколько измѣняется; Тургеневъ влагаетъ въ уста Лежнева многое, что смягчаетъ читателя въ его отношеніи къ Рудину. Здѣсь читатель узнаетъ, что не такъ ужъ лѣнивъ Рудинъ, какъ казалось, что въ видахъ практической дѣятельности онъ способенъ былъ долгое время прожить въ трудахъ въ какой-то землѣнкѣ; далѣе оказывается, что онъ въ тѣхъ-же видахъ практической жизни не способенъ сдѣлать ничего, что носило-бы печать порядочности, — неблагородство въ поступкахъ чуждо его натурѣ; наконецъ, Лежневъ говоритъ, что и хорошее слово — то же дѣло.. Съ чутъемъ истиннаго художника Тургеневъ угадалъ всю односторонность своей первой характеристикѣ, и, оставивъ ее на отвѣтственности извѣстнаго сорта умовъ изъ дѣйствующихъ лицъ, далъ другую, которую тоже отдалъ на отвѣтственность другого лица. Таковъ тенденціозный элементъ романа, уступившій, однако, художественному чувству дѣйствительности. Но, въ концѣ концовъ, вопросъ о томъ, что такое Рудинъ, какия причины вызвали подобное явленіе въ русской умственной жизни — остался не разрѣшеннымъ. Передъ читателемъ было яркое художественное изображеніе, смыслъ котораго ускользаетъ.

Тогда еще было время, неудобное для рѣшенія загадки. Тѣмъ не менѣе появилось направленіе литературное, которое проводило очень оригинальное воззрѣніе. Воззрѣніе это принципиально состояло въ томъ, что и Онегинъ, и Печоринъ, и Рудинъ — всѣ эти герои — „безпочвенники“; что ихъ бесцельно происходить оттого, что они чуждыми просвѣщеніемъ, игнорированными науку родную дѣйствительность и наполнявшимъ душу чуждыми идеями и идеалами, непримѣнимыми на роднѣ, отбѣснялись съ родной почвы — и лишились всякой иной, почему и являлись съ праздно-вращающимися словами на устахъ и съ „умами, кляпящими въ дѣйствіи пустомъ“, говоря словами

Пушкина. И если теперь, в иное время, послѣ долгаго историческаго опыта, въ сѣ этой точки зрѣнія взглянете на „лирическихъ“ русскихъ людей, выведенныхъ тогда литературою, то невольно согласитесь, что въ воззрѣніяхъ „почвенниковъ“ была огромная доля правды, и они вамъ сразу поясняютъ чрезвычайно многое въ исторіи умственныхъ движеній русскихъ. Рудинъ, разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, объясняется, по крайней мѣрѣ, въ доброй половинѣ своихъ свойствъ. Его время было временемъ усвоения русскимъ обществомъ европейскаго просвѣщенія и европейскіхъ идеаловъ. Съ дѣтства, въ рукахъ иностранцевъ, онъ долженъ былъ выучиться иностраннымъ языкамъ и иностраннымъ понятіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно сильному презрѣнію къ родной дѣйствительности, т. е. тому, на что Чацкій нападалъ съ такою рѣзкостью въ своемъ знаменитомъ монологе. Изъ Германіи, о которой онъ говорилъ такъ увлекательно у Ласунской, онъ вывезъ „плоды учености туманной“, говоря выраженіемъ Пушкина, и ворохъ идей и представлений нечего дѣлать на его родинѣ, какъ, впрочемъ, и всюду, безъ знанія жизни; сердце его не могло уже раздѣлять энтузіазма, вызываемаго теоретическими построеніями, и вотъ вамъ уже „умъ съ сердцемъ не въ ладу“, и вотъ вамъ чело-вѣкъ съ головнымъ энтузіазмомъ, но съ тайными сомнѣніями, холодившими сердце и кровь. Онъ добръ, благороденъ, полною возвышенныхъ мыслей на чужой образецъ — и абсолютно не находитъ себѣ поля дѣятельности, бросающъ съ одного на другое. И нѣтъ сомнѣній также, что благородное слово его — доброе дѣло, которое оставитъ благотворное вліяніе на всѣхъ, кого онъ встрѣтитъ на своемъ пути.

Рудинъ въ романѣ не только центральная фигура, но почти единственная, сосредоточивающая на себѣ вниманіе, если не считать Наташи. Съ остальными персонажами въ различныхъ видахъ и положеніяхъ вы встрѣчаетесь и въ другихъ произве-

деніяхъ Тургенева. Но Наташа должна остановитъ на себѣ вниманіе уже потому, что она постоянно противопоставлялась Рудину; о ней говорили, какъ о доказательствѣ превосходства русской женщины надъ мужчиною и т. п.; да подобнаго противопоставленія не чужды и самый романъ. Въ дѣйствительности, идеализированная Тургеневымъ личность Наташи далеко не можетъ имѣть того значенія, какое ей приписывается. Нѣтъ сомнѣнія, что она способна къ благороднымъ помысламъ и душевнымъ движеніямъ; но этимъ все и кончается. Встрѣчая Рудина „въ блескѣ ореола“ идей и идеаловъ, она увлекается и идеалами, и имъ одновременно, не умѣя отдѣлать одного отъ другихъ. Это, конечно, благородно, однакоже чисто по-женски. Когда, поставленный въ комическое положеніе „обирателя“, на ея страстный порывъ и готовность идти за нимъ всюду на цѣлую жизнь, онъ, помятый жизнью и, какъ мы уже говорили, нѣмъ умъ съ сердцемъ не въ ладу, заговариваетъ о „матушкѣ“, о ея несогласіи на бракъ ихъ, она быстро разочаровывается, бросая ему въ лицо: „трусъ!“ И это все еще хорошо и прекрасно, хотя совсѣмъ напрасно было-бы видѣть во всемъ этомъ что-то героическое. Но вотъ что не прекрасно: съ отъѣздомъ Рудина покинула Наташу и всѣ идеи и идеалы, которые такъ увлекали ее. Говорить, что она разочаровалась и въ „словахъ“ Рудина; но зачѣмъ же опять слѣдить его личность съ его проповѣдью? Нужно было имѣть умъ, чтобы раньше разглядѣть ложь его идеаловъ и не увлекаться ими, или же, разочаровавшись въ личности Рудина, умѣть отдѣлать отъ него его идеи. И чѣмъ же отличается дальнѣйшая судьба Наташи? Сначала она страдала... хотя, по правдѣ, мы не знаемъ, въ чемъ состояли ея страданія — Тургеневъ ограничился объ этомъ одною фразою. А затѣмъ она вышла замужъ за мѣстнаго „рыцаря“, обожавшаго ее — и будетъ имъ командовать, потому что „она умѣе его“... Появленіе Рудина и его идей въ средѣ, окружающей Наташу, прошло, въ сущности, безслѣдно для нея, напрасно возмущивъ на время ея обыденное существованіе...

Ароній Введенскій.

Къ рисункамъ.

Герта. (Рис. на стр. 737).

Герта, нѣмецкая красавица, спокойная и прекрасная, какъ прекрасное изваяніе. Улыбка застыла на коралловомъ ротикѣ, подъ косычкою пуховою грудь ея всколыхнется перекатною волной, и голубые глаза, какъ неба лазурь, безъ тучъ и безъ бурь, спокойно смотрятъ изъ-подъ соболонныхъ бровей.

Городской дѣтскій садъ г-жи Е. Г. фонъ-Валь.

(Рис. на стр. 740).

Рисунокъ нашъ изображаетъ весьма симпатичную сценку. Цѣлая толпа такъ-называемыхъ, отличныхъ мальчишекъ собрана въ правильные нестрые ряды и, подъ руководствомъ наставника, продѣлываетъ гимнастическія упражненія. Веселія, смѣющіяся личики и въ то же время строгое исполненіе предписываемыхъ движеній. Тутъ же вблизи и оживленная группа такихъ же немущихъ, лишенныхъ материнскаго ухода, дѣвочекъ... Однѣ водятъ хороходы, другія, столпившись около нихъ, принимаютъ также дѣятельное участіе въ общемъ веселіи... Всѣ рѣзвятся и, чувствуя надъ собою глазъ руководительницы, не позволяютъ себѣ никакой выходки, никакихъ отличныхъ замашекъ, которыя и извѣстны-то имъ стали изъ отличныхъ сценъ, благодаря отсутствію присмотра и полному своеволію. Собранныя же въ дѣтскій садъ, въ общество огромнаго числа дѣтей, онѣ проводятъ время съ пользою и вмѣстѣ съ тѣмъ весело и охотно идутъ сюда вмѣсто того, чтобы бѣгать зря по улицамъ.

Такая потребность въ безплатномъ предоставленіи дѣтямъ немущихъ жителей столицы не только питательной пищи, но и въ содѣйствованіи правильному нравственному и физическому развитію ихъ, чувствовалась уже давно, и только теперь осуществлена, благодаря заботамъ супруги петербургскаго градоначальника Е. Г. фонъ-Валь, путемъ устройства городского дѣтскаго сада. Открытіе подобнаго сада имѣло мѣсто при столовой на Лиговскихъ прудкахъ 29 мая с. г. Садъ этотъ ежедневно посѣщаютъ до 600 дѣтей. Занятіями руководятъ 3 наставницы Фребелевскаго общества, инструкторы изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ обучаютъ дѣтей гимнастикѣ и маршировкѣ, а для духовнаго назиданія дѣтей еженедѣльно посѣщаетъ священникъ.

Чистка ягодъ на Щукинскомъ дворѣ въ СПб.

(Рис. на стр. 741).

Въ Петербургѣ, на Садовой улицѣ, противъ Государственнаго Банка, находятся извѣстные рынки Александровскій и Маринскій, занимающіе самое обширное пространство петербургскихъ рынковъ пространство земли, ограниченное Чернышевскимъ и Апраксинымъ переулками, Садовой улицей и Фон-

танкой. Въ общепитіи эти рынки извѣстны подъ названіемъ дворовъ Апраксина и Щукина, и до громаднаго пожара въ 1862 г. представляли изъ себя безпорядочное скопленіе лавочекъ и лавочекъ. Нынѣ Маринскій и Александровскій рынки — красивое зданіе, внутри котораго, въ стройныхъ рядахъ лавочекъ, можно получить всевозможный товаръ. На Щукинскомъ дворѣ, преимущественно, сосредоточены перинные и бумажные лавки и ряды птицъ и ягодный. Въ первомъ можно купить всевозможную птицу и дичь, а во второмъ — фрукты и ягоды. Въ лѣтнее время ягодный рядъ представляетъ изъ себя своеобразную картину, когда множество женщинъ разбираютъ на немъ ягоды, громко расцѣвая пѣсни, быть-можетъ, для того, чтобы не имѣть возможности вкусно ими полакомиться.

200-лѣтіе коммерческаго судостроенія въ Россіи въ 1693 году. (Рис. на стр. 744).

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ іюль, августъ и сентябрь 1693 года, Петръ Великій посѣтилъ единственный тогда русскій морской портъ — Архангельскъ. Съ этимъ эпизодомъ въ жизни Петра связано воспоминаніе о закладкѣ имъ, собственными руками, перваго русскаго торговаго корабля на архангельской Соломбальской верфи. Къ сожалѣнію, не сохранилось свѣдѣній, котораго именно числа и при какой обстановкѣ совершилось это знаменательное событіе. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что Петръ Великій пробывъ въ Архангельскѣ въ 1693 году съ 29 іюля по 18 сентября, при чемъ шесть дней (съ 5 по 10 августа) провелъ въ плаваніи по Бѣлому морю. Какъ видно изъ переписки Петра съ царичею-матерью Натальею Кирилловною, онъ, при отъѣздѣ изъ Москвы въ Архангельскъ, обѣщалъ своей родительницѣ не пускаться въ море; по счастливоромъ возвращеніи изъ плаванія, онъ поспѣшилъ извѣстить о томъ царичю; но это извѣстіе только сильно огорчило ее, и она просила, даже закликала сына возвратиться скорѣе въ Москву, при чемъ, чтобы еще болѣе его разжалобитъ, писала отъ имени малолѣтняго его сына, царевича Алексѣя. По собственнымъ словамъ Петра Великаго, онъ плавалъ по Бѣлому морю „на своей яхтѣ Св. Петръ“; объ этомъ судишь сохранилось извѣстіе, что оно было построено, по всей вѣроятности, извѣстными динскими дѣсопромышленниками Бажениными на ихъ верфи на р. Вавчугѣ (въ 83 вер. отъ Архангельска); яхта имѣла въ длину 72 фута, въ ширину — 15 фут. и въ глубину — 7½ фут. и снабжена была 12 орудіями. Во время пребыванія въ Архангельскѣ, Петръ, въ лавкѣ простого шкипера, ежедневно посѣщалъ мѣстную биржу и ярмарку и познакомился со многими иностранными купцами и шкиперами; особеннымъ расположеніемъ его пользовались голландцы. Тогда же Петръ Великій задумалъ положить прочное основаніе русской морской торговлѣ; не откладывая дѣла, онъ

указалъ учредить въ Архангельскѣ верфь на Соломбальскомъ островѣ, немедленно приказалъ доставить лѣсъ и желѣзо и заложилъ первый русскій корабль, предназначенный для дальняго плаванія съ коммерческими цѣлями; вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ купить въ Голландіи 44-пушечный фрегатъ. Возвратившись въ Москву, Петръ послалъ для строившагося корабля блоки и велѣлъ отлить 24 пушки; кромѣ того, отправлены были въ Архангельскъ двое голландскихъ корабельныхъ мастеровъ. Въ 1694 году, 18 мая, Петръ Великій былъ уже снова въ Архангельскѣ, а 20 мая пропихнулъ спускъ построеннаго корабля: государь самъ подрубилъ подпоры и назвалъ корабль „Св. Павелъ“. Корабль имѣлъ въ длину по киллю 86 фут., въ ширину — 22 фут., въ глубину — 9 фут. Въ іюлѣ прибылъ къ архангельскому порту купленный въ Голландіи фрегатъ, который былъ встрѣченъ Петромъ Великимъ и наименованъ „Св. Пророчество“, а 26 августа Петръ оставилъ Архангельскъ, давъ повелѣніе воеводѣ Ф. М. Апраксину строить на Соломбальской верфи другіе купеческіе корабли. Изъ этого видно, что купеческое судостроеніе имѣетъ въ Россіи старшинство передъ военнымъ, начавшимся, какъ извѣстно, въ Воронежѣ въ 1695 году. Строителемъ первыхъ русскихъ коммерческихъ судовъ былъ датчанинъ Избрайтъ. Въ 1701 году такихъ кораблей было построено 6; все они были изъ соснового лѣса; имѣли три мачты, а для выхода и свѣта — люки, носившіе названіе „творилъ“. Корабли эти были трехмачтовые. Въ числѣ орудій, на каждомъ кораблѣ были пушки „дробовыя“, называвшіяся „басами“. Флаги, вымпелы и флагера были трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, синяго и краснаго, и отличались очень большими размѣрами, такъ, напр.: кормовой флагъ имѣлъ длины 13 арш., а ширины — 9 полотнищъ. Цвѣта для русскаго коммерческаго флага установлены были Петромъ Великимъ въ бытность его въ Архангельскѣ въ 1694 году и, въ сущности, составляли голландскій флагъ, только въ обратномъ порядкѣ расположенія цвѣтовъ.

Жница. (Рис. на стр. 745).

Одною изъ послѣднихъ работъ высокоталантливаго академика К. Трутовскаго была акварель „Жница“, гравюру съ которой читатели найдутъ на стр. 745. Утомленная трудной работой, прислонилась она къ золотымъ снопамъ и о чемъ-то задумалась. При взглядѣ на загорѣлую труженицу вспоминается извѣстная пѣсня. Мошюшко:

„Солнце садится,
Поле росится,
Пѣсенки я распѣваю...
Стала работа,
Жать не охота:
Мать зажуритъ меня, знаю“.

Баронъ А. Ф. Гойнингенъ-Гюне.

(Портр. на этой стр.).

Исполнилось пятьдесятъ лѣтъ полезной и выдающейся дѣятельности почтеннаго опекуна С.-Петербургскаго присутствія Онекунскаго Совѣта учрежденій Императрицы Маріи, члена совѣта С.-Петербургскаго училища ордена Св.

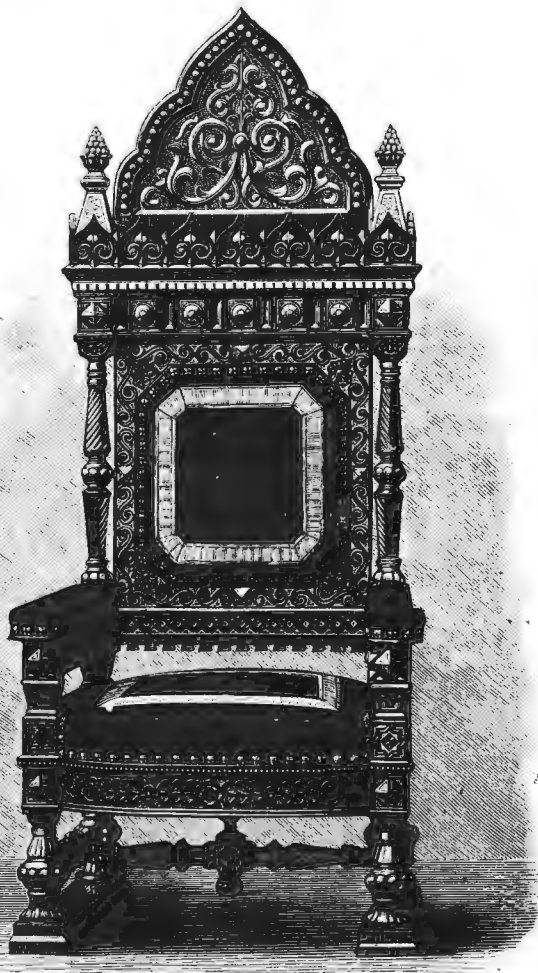

Почетный опекунъ Александръ Федоровичъ Гойнингенъ-Гюне.
Съ фот. Левидкаго, грав. Шюблеръ.

совершенно правильно и быстро то, что доводило многихъ до утомленія. Достоинства молодого дѣятеля были оценены, и онъ въ 1856 году занялъ отвѣтственный постъ управляющаго С.-Петербургскою палатою государственныхъ имуществъ.

Въ 1861 году на него, по особому Высочайшему повелѣнію, было возложено заселеніе Новороссійскаго края, велѣдствіе выхода многотысячной громады татаръ. За усильное выполнение этого порученія баронъ Гюне получилъ орденъ Св. Владимира 3-й степени и аренду на 12 лѣтъ. Въ 60-хъ же годахъ юбиляръ вводитъ въ дѣйствіе положеніе 26 ноября 1863 года о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ государственныхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній и устраиваетъ бытъ военно-заводскаго населенія, а также участвуетъ, въ качествѣ непремѣннаго члена С.-Петербургскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ разсмотрѣніи различныхъ дѣлъ по крестьянскимъ нуждамъ и повинностямъ. Въ 1869 году А. Ф. былъ назначенъ Симбирскимъ губернаторомъ и въ концѣ того же года — управляющимъ IV-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Этотъ отвѣтственный постъ юбиляръ занималъ въ продолженіе болѣе 12 лѣтъ. Въ качествѣ управляющаго IV отдѣленіемъ, баронъ Гюне участвовалъ въ пересмотрѣ законоположеній и обсуждалъ средства вѣдомства императрицы Маріи, занимался въ комиссіи по преобразованію Онекунскихъ Совѣтовъ и Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.

Кромѣ всего сказаннаго нельзя умолчать еще о томъ, что имя Гойнингенъ-Гюне связано со свѣтлой дѣятельностью — незабвенно-священной памяти — принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, къ которому онъ былъ однимъ изъ приближенныхъ лицъ и состоялъ гофмейстеромъ Двора Его Императорскаго Высочества.

Тронное кресло работы Г. Лизере въ СПб., исполненное по заказу Г. Турнестанскаго генераль-губернатора для подарка Бухарскому эмиру.
По фот. грав. Рашевскій.

Тронное кресло для эмира Бухарскаго.

(Рис. на стр. 752).

По заказу туркестанскаго генералъ-губернатора фирмою Лизере въ Спб. исполнено тронное кресло въ старо-русскомъ вкусѣ изъ золоченаго дерева (кленъ) крытое краснымъ плюшемъ и отделанное золотымъ галуномъ. Кресло предназначается для эмира Бухарскаго и весьма характерно, о чемъ можно судить по прилагаемому рисунку. Исполнено оно по чертежу В. Шерцера, русскими рабочими.

Высокопреосвященнѣйшій Леонтій, митрополитъ Московскій и Коломенскій. (Портр. на этой стр.)

Спаситель міра, посылая учениковъ своихъ и апостоловъ на всемірную проповѣдь, называлъ ихъ свѣтомъ міра, солью земли,

городомъ, на верху горы стоящимъ... *Такъ да свѣтитъ свѣтъ ваши предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго* (Матѣ. 5, 16), говорилъ Онъ. Много истинныхъ свѣтильниковъ—свѣточей міру было въ Церкви православной среди епископовъ и архіепископовъ, какъ преемниковъ апостольскихъ. Знаменита и наша древнерусская кафедра Московская.. Одинъ за другимъ, предъ глазами нашими, проносятся свѣтлые образы ея первосвятителей... Вотъ Петръ, Алексій, Иона... Вотъ Филиппъ, со дерзновеніемъ и вѣрою во Христа обличавшій грознаго царя Иоанна въ его беззаконіяхъ къ подданнымъ... Вотъ іерархи новѣйшаго времени—Шалонъ, извѣстный всѣмъ Филаретъ, къ которому ѣздили за совѣтомъ даже иностранные послы и сановники; мудрый Иннокентій, наконецъ, Макарій, обогатившій русскую богословскую науку многочисленными трудами*)... Строгий аскетъ и ревнитель благочестія Иоанникій, здравствующій и нынѣ митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

И вотъ на эту-то знаменитую первосвятительскую кафедру Московскую 17 ноября 1891 года вступилъ нынѣ въ Бозѣ почившій Леонтій, бывший ранѣе архіепископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ.

Его обширное богословское образование, сила его слова, долготѣνια и мудрая опытность въ управленіи паствою, его доброе, отзывчивое сердце, какъ къ пасомымъ, такъ и къ пастырямъ ихъ,—все это дало для Московской первосвятительской кафедрѣ преемника, достойнаго своихъ предшественниковъ.

Почившій митрополитъ, въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій, родился въ 1822 г., будучи уроженцемъ Воронежской губерніи. Первоначальное образование получилъ онъ въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ богословскихъ наукъ со степеню магистра богословія. Всѣ блага міра открылись предъ молодымъ ученымъ, но онъ презрѣлъ міръ, возлѣ лежащій и въ томъ же году принялъ монашество. Онъ всей душой отдался своему служенію. Первые двѣнадцать лѣтъ посвятилъ себя на служеніе воспитанію и образованію юношества, бывъ последовательно профессоромъ С.-Петербургской духовной семинаріи и помощникомъ ректора, затѣмъ инспекторомъ Кіевской духовной семинаріи, а потомъ инспекторомъ Кіевской академіи, въ званіи экстраординарнаго профессора. Наконецъ, 15 февраля 1853 г., нареченъ былъ архимандритомъ, а въ 1866 г., назначенъ ректоромъ, сначала—Владимирской семинаріи, затѣмъ Новгородской, а послѣ—С.-Петербургской. Въ 1860 г., 5 марта, опредѣленіемъ Святѣйшаго

Синода, повелѣно ему быть викаріемъ С.-Петербургской епархіи, для коей дѣли онъ и былъ рукоположенъ въ санъ епископа Ревельскаго, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ въ Исаакиевскомъ кафедральномъ соборѣ.

Когда созданный покойнымъ протоіереемъ І. В. Васильевымъ православный храмъ въ Парижѣ былъ готовъ, преосвященнѣйшій Леонтій, въ 1861 г., былъ посланъ для освященія храма. Служеніе его въ Парижѣ произвело впечатлѣніе не только на православныхъ, но и на коренныхъ жителей западной европейской столицы. Онъ былъ первымъ архіереемъ, побывавшимъ на Западѣ и освятившимъ въ чужеземной странѣ православный храмъ.

Затѣмъ, по смерти С.-Петербургскаго митрополита Григорія, временно управлялъ С.-Петербургскою епархіей до прибытія покойнаго митрополита Исидора.

Въ 1863 г., просвященнѣйшій Леонтій былъ возведенъ на кафедру епископа Подольскаго и Брацлавскаго, а въ 1873 г. уже носилъ санъ архіепископа. Съ этого года по 1874 г. управлялъ онъ новою епархіей—Херсонской, а съ 1875 г., въ теченіе 15-ти лѣтъ, епархіей Холмска-Варшавской, а затѣмъ, какъ мы выше сказали, 17 ноября 1891 года назначенъ на Московскую святительскую кафедру.

Членомъ Святѣйшаго Синода былъ онъ съ 1883 г., когда вмѣстѣ съ другими епископами пріѣзжалъ на торжество коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, а изъ высшихъ наградъ покойный высокопреосвященнѣйшій имѣлъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени и брильянтовый крестъ на клобукъ, пожалованный ему въ 1881 году. Между прочимъ, онъ состоялъ почетнымъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ.

Смотря на многотрудную и долговременную дѣятельность высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, къ нему, поистинѣ, можемъ приложить слова первоверховаго апостола Павла: *Для всѣхъ я сдѣлался всею, чтобы спасти по крайней мѣрѣ некоторыхъ* (Кор. 9, 22). Таковое-то подражаніе словамъ апостольскимъ и давало силу покойному владыкѣ, на какой бы кафедрѣ онъ ни находился, имѣть тѣсную связь какъ съ пастырями, такъ и съ паствою. Съ безконечною покорностью волѣ Божіей, *взирающе на начальника вѣры*

и совершителя Иисуса, онъ шелъ съ твердостью и упованіемъ на каждый предлежавшій ему трудный подвигъ. Такъ, напримеръ, управленіе паствою Подольской, которая была воссоединена изъ униатства въ православіе въ 1875 году—было весьма трудно: приходилось бороться съ церковными обрядами и обычаями, которые носили еще на себѣ живой отпечатокъ униатской старины; заботясь о чистотѣ православія, высокопреосвященнѣйшій съ большими стараніями уничтожилъ остатки униі, установивъ, напримеръ, чтобы хоругви въ церквахъ были православныя, а не носили католическій характеръ, чтобы крещеніе совершалось черезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе, чтобы стеариновыя и другія подобныя свѣчи въ православныхъ церквахъ не употреблялись, и т. под. Сдѣйствовалъ въ Подольской епархіи устройству братствъ: Иоанно-Предтеченскаго въ г. Каменцѣ при кафедральномъ соборѣ, въ м. Гусятинѣ Каменецкаго уѣзда и многихъ другихъ.

Когда въ 1875 году Леонтій былъ назначенъ на Холмска-Варшавскую кафедру, ему достался трудный подвигъ воспитать и воссоединить населеніе, только что обращенное изъ униі въ вѣру православную, и онъ, въ 15-ти-лѣтній періодъ управленія своего этой епархіей, блистательно выполнилъ эту многотрудную задачу.

Высокопреосвященнѣйшій Леонтій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

*) Догматическимъ богословіемъ Макарія, какъ извѣстно, пользуются все, кто изучаетъ богословскія науки.

Как и в других енархиях, высокопресвященный озоботился и здѣсь о дѣлѣ церковной проповѣди, объ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ и учрежденій столь желанныхъ нынѣ повсюду церковно-приходскихъ братствъ. Помня наставленія апостола: *Старайся представить себя Богу достойнымъ, длателемъ неукоризненнымъ, вѣрно преподающимъ слово истины. Будь бдителемъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе твое* (2 Тим. 2, 15; 4, 5), онъ 15 лѣтъ стоялъ на стражѣ русскихъ православныхъ интересовъ въ Западномъ краѣ.

И вотъ 1-го августа въ селѣ Черкизовѣ, за Преображенской заставой, недалеко отъ первопрестольной столицы, московскій святитель тихо закончилъ свою многотрудную земную жизнь.

Подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ (2 Тим. 4, 7), скажемъ словами апостола. Дѣйствительно, почившій архимандритъ до конца дней своихъ былъ свѣтлыиикомъ, на веру горы стоящимъ, былъ солью земли, до конца не потерявшею свою силу.

А. А. Зыбинъ.

Политическое обозрѣніе.

Вслѣдствіе опубликованія въ Германіи меморандума, представленнаго имперскимъ канцлеромъ фонъ-Киприви союзному совѣту, о русско-германскихъ торговыхъ переговорахъ, министръ Финансовъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* ознакомилъ, съ своей стороны, русское общество съ обстоятельствами возникновенія и хода этихъ переговоровъ. Съ самаго начала обмена мыслей о торговыхъ сношеніяхъ съ Германіей въ ноябрѣ 1891 года, Россія, несмотря на всю предупредительность, встрѣчала со стороны Германіи одни только требованія, истощившія терпѣніе и вызвавшія, наконецъ, максимальный тарифъ и вслѣдъ затѣмъ таможенныя затрудненія съ Германіей. Насколько они выгодны для послѣдней, можно судить о прекращеніи промышленной дѣятельности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, гдѣ преимущественно производились предметы вывоза въ Россію, и на ряду съ тѣмъ желаніе устроить порто-франко въ Данцигѣ и Штеттинѣ.

Гораздо цѣлесообразнѣе поступила Австрія, и подробные переговоры объ австрійско-русскомъ торговомъ договорѣ начнутся во второй половинѣ сентября. Австрійскіе экспортеры рѣшили подробно изслѣдовать условія вывоза австрійскихъ товаровъ въ Россію, выбрали въ Варшавѣ довѣренное лицо для доставленія необходимыхъ свѣдѣній. Подобныя довѣренныя лица будутъ избраны еще въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ русскихъ городахъ.

Франція занята выборами, которые проходятъ во всей странѣ спокойно. Въ 520 изъ 581 округовъ прежніе депутаты вновь выступаютъ кандидатами. Общее мнѣніе, что выборы будутъ благоприятны убрѣненнымъ партіямъ. Большинство депутатовъ находится среди своихъ выборщиковъ, которыхъ знакомятъ съ программой своихъ будущихъ дѣйствій. Изъ числа подобныхъ рѣчей и объявленій, обращаетъ на себя вниманіе рѣчь министра-президента Дююи. На банкетѣ, данномъ ему выборщиками въ Ле-Шюи, ораторъ настаивалъ на необходимости урегулировать вопросъ о свободѣ товарищества и преобразовать законы о рабочихъ. Говоря о „присоединен-

ныхъ“, Дююи выразилъ удовольствіе, что они присоединились къ республикѣ, которая принадлежитъ всемъ, и привѣтствовалъ ихъ, если они дѣйствуютъ не изъ корысти и не изъ эгоизма. „Франція — сказала Дююи — должна укрѣпить своимъ политическимъ единодушіемъ территориальное единство, что составляетъ нашу силу и нашу надежду. Достоинство и величіе Франціи—это наша единственная забота!“ Рѣчь свою Дююи заключилъ указаніемъ на дипломатическій успѣхъ въ сѣмскомъ дѣлѣ. Французскія газеты одобряютъ въ общемъ эту рѣчь, провозглашавшую необходимость правительственнаго большинства и доступности республики для всѣхъ. Общее вниманіе обращаетъ на себя одновременное обнародованіе 1 августа, во время выборовъ, посланія папы къ архіепископу бордоскому и циркуляра архіепископа парижскаго священникамъ его наставъ, настаивающихъ признавать существованіи учреждений.

Въ Парижѣ, 3-го августа, третейскій судъ по дѣлу о Беринговомъ морѣ постановилъ слѣдующее: всѣ права Россіи въ части Берингова моря, простирающейся на востокъ отъ морской границы, установленной договоромъ между Соединенными Штатами и Россією, въ мартѣ 1867 года, переходятъ всецѣло къ названному Штатамъ. Соединенные Штаты не имѣютъ никакого права охраны или собственности надъ тюленями, посѣщающими острова, принадлежащіе Штатамъ въ Беринговомъ морѣ, когда эти тюлени находятся внѣ обыкновенной трехмильной границы. Затѣмъ судъ установилъ правила въ нѣсколько статей относительно охраны тюленей въ Беринговомъ морѣ внѣ границъ вѣдѣнія подлежащихъ правительствъ.

Несмотря на то, что рѣшеніе третейскаго суда о тюленяхъ промыслахъ въ Беринговомъ морѣ вполне удовлетворило требованія Англій, изъ Оттавы сообщаютъ, что установленныи судомъ на будущее время правила для ловли тюленей вызвали въ Канадѣ большое неудовольствіе: канадцы утверждаютъ, что при новыхъ правилахъ американцамъ удастся монополизировать ловлю тюленей.

Разныя извѣстія.

— 30-го іюля Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великою Княжною Ксению Александровною прибыли въ Ропшу, для наблюденія за ходомъ большихъ маневровъ, длившихся 4 дня. 3-го августа былъ данъ Государемъ Императоромъ общій отбой. По окончаніи маневровъ, Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами изволили переѣхать на жительство въ Красное село. 4-го августа состоялись въ Красномъ селѣ въ Высочайшемъ присутствіи офицерскія скачки.

— Генералу-адъютанту, генералу-отъ-инфантеріи Г. Г. Даниловичу Высочайше пожалованы брильянтовые знаки ордена Св. Александра Невскаго при милостивомъ рескриптѣ.

— Въ № 113 *Собр. узак. и расп. Правит.* напечатано Высочайшее повелѣніе о принятіи нѣкоторыхъ мѣръ вслѣдствіе обезцѣненія серебра.

— Высочайше повелѣно отменить взисканія за провозъ мимо таможенъ безношлинныхъ отпускихъ товаровъ.

— Всѣ сибирскіе водные пути, находящіеся въ вѣдѣніи губернскихъ и областныхъ управленій, рѣшено съ будущаго года перевести въ вѣдѣніе министерства Путей Сообщенія, въ коемъ организуется Западно-Сибирскій округъ.

— Согласно опубликованному въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* росписанію призыва новобранцевъ 1893 г., подлежатъ нынѣ призыву 262,000 человекъ. Въ томъ числѣ въ Петербургской губ. 2,711 чел.

— Главное управленіе государственнаго коннозаводства, съ цѣлью распространенія ветеринарныхъ свѣдѣній между крестьянами, постановило принимать крестьянскихъ дѣтей въ казенныя заведенія коннозаводства для бесплатнаго обученія ихъ началамъ ветеринаріи и присмотру за лошадьми.

— На Закавказской желѣзной дорогѣ, у входа въ Сурамскій туннель, со стороны станціи Ципа, сооруженъ обелискъ въ память посѣщенія работъ по постройкѣ туннеля Ихъ Величествами.

— Квартирныя присутствія, въ вѣдѣніи которыхъ будетъ квартирный налогъ, откроютъ свои дѣйствія въ городахъ съ сентября мѣсяца.

— Въ теченіе предстоящаго учебнаго года рѣшено устраивать для учениковъ ремесленнаго училища Русскаго Техническаго общества экскурсіи на наиболѣе выдающіеся фабрики и заводы, съ объяснительными лекціями.

— Въ Петербургскомъ учительскомъ институтѣ учреждаются три новыя стипендіи. Тѣ, которымъ таковыя будутъ выдаваться, обязаны будутъ прослужить въ остзейскихъ губерніяхъ не менѣе четырехъ лѣтъ.

ШАХМАТЫ

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ № 20 „Нивы“.

№ 20. № 13. 1. Котрс. (Прага). Матъ въ 2 хода.

1. Ф. h7—h3, ♘c2; 2. Матъ различными способами.

Второе рѣшеніе: 1. Н. f2c2; 2. ♚.

№ 14. К. Стаг. (+) (Göteborg). Матъ въ 3 хода.

1. e2—e4, Кр: e5 (Кр. e6); 2. e5 и т. д.

1... Кр. e5; 2. Ф. c3+ и т. д.

1... ♘c2; 2. Ф. b6+ и т. д.

Правильныя рѣшенія обѣихъ задачъ прислали: А. Коссода (Одесса) и Д. А. Гофлинъ (Симферополь).

Корреспонденція.

Д. А. Г. (Симферополь) и Н. О. Е. (Одесса). Задачу № 17 (№ 22 „Нивы“) Вы рѣшили неправильно.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-

родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Сильный человекъ. Романъ Н. Орловскаго. (Продолженіе).—Одна изъ царицъ древняго Египта.—Колумбійская выставка въ Чинаго. Зданія Германіи, Франціи, Англій, Швеціи, Индіи и испанскія карусель (съ 5 рис.).—Цвѣты. Стихъ Д. Мережковскаго.—Литературныя бесѣды. „Рудинъ“, Тургенева.—Къ рисункамъ: Герта (съ рис.).—Городскій дѣтскій садъ г-жи Е. Г. фонъ-Валь (съ рис.).—Чистая ягода на Шуминомъ дворѣ въ СПб. (съ рис.).—200-лѣтіе коммерческаго судостроенія въ Россіи въ 1693 году (съ рис.).—Жница (съ рис.).—Баронъ А. Ф. Гойнингенъ-Гюне (съ портр.).—Тронное кресло для эмира Бухарскаго (съ рис.).—Высокопресвященнѣйшій Леонтій, митрополитъ Московскій и Коломенскій (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—О подискѣ на „Ниву“ 1893 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волонскій.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Без дост. в Петерб. **5 р.** | Съ дост. в Петерб. **6 р. 50 к.** | Без доставки в Москвѣ чр. конт. обьявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия **6 р.** | Съ перес. в Москву и др. города Россіи **7 р.** | За границу. **10 р.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

ЗАКАНИЕ
ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ.
Проспектъ безвозмездно.
СПБ., Смяеонвская, 5. Учебникъ 3 руб.

Искусственные жернова
фабрики I. Траппа
не требуютъ ковки; въ 2—3
раза производятельнѣе
друг. жернововъ.
Главный представитель
В. Б. Жуновскій.
С.-Петербургъ, 10-я рота, д. 6.

ЛЕВИНГЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатаются
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ,
сими имѣетъ честь довести до свѣдѣнія лю-
бителей, что № 6493 3—2
каталоги деревьямъ, растениямъ, цветоч-
нымъ луковичкамъ и пр.
на 1893—1894 г.
изданы и высылаются по требов. безплатно.
Заведеніе существуетъ съ 1816-го года.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями
обращ. нисменно: Генрихъ Блонкь,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7—4

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

(латышъ)
окончившій полный курсъ городского учи-
лища, „при отличномъ поведеніи“, желаетъ
принять себѣ мѣсто въ Россіи.
Адресъ: Лифляндской губ., Венденскаго
уѣзда чр. Штокмансгофъ и Старо-Побалгъ,
Лейманское училище, Л. Лаунагъ. № 6496

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. № 6326 В. ГЕНА въ Вѣнѣ 8—9

**ОХРАНТЕЛЬНАЯ
МАРКА.**

изъ грецкихъ
орѣховъ.
Безвредное сред-
ство для быстрого
окрашивания во-
лосъ и бороды въ
черный, русый,
темно и свѣтло-
каштановый цвѣтъ.
Цена за флак. 3 р.
съ пер. въ Евр.
Росс. Главный
складъ для Россіи
у В. Аурихъ въ С.-
Петербургѣ, Ко-
локольная, 18.

**СИБИРСКОЕ
ТРИКО**
чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ
1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., по прочности
и дешевизнѣ незамѣнно для костюмовъ до-
машнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охот-
ничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ,
техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимнази-
стовъ и проч.
Иногороднымъ высылаются образцы.
Магазины: СПБ., Владимирская, № 6; Петерб.
сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш.
Новая улица, 15. № 6489 10—2

ГАРМАШНЫЕ ЧАСЫ
только 4 р. 50 к.
Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводится
безъ ключа, и указатель секунды. 3 пугу-
ви часовъ 12 руб. 75 коп. 5 пугувъ—
20 руб. Высылаются немедленно, можно
и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ,
Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій, 4.
Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подар-
ковъ за 10 коп. марку. № 6499

ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНІЯ!

На многіе поступающіе къ намъ запросы относительно терапевтическаго значенія известнаго въ медицинѣ съ 1601 г.,
нами разсылаемаго,

ГЛАВНАГО ИСТОЧНИКА

Oberbrunnen

ЗАЛЬЦБРУННА

въ сравненіи съ минеральною водою тамъ же протекающаго источника „Kronenquelle“, часто смѣшиваемой съ нашимъ
источникомъ, — мы считаемъ наилучшимъ отвѣтомъ помѣщеніе ниже **СРАВНИТЕЛЬНОГО СОПОСТАВЛЕНІЯ** важнѣйшаго
состава частей обонихъ источниковъ по анализамъ профессоровъ: **FRESENIUS и POLECK.**

1.000 частей содержатъ (въ безвод- номъ видѣ):	Двууглекислаго натра.	Двууглекислой литмы.	Двууглекислой магнези. натра.	Сѣрнокислаго натра.
OBERBRUNNEN	2,152	0,013	0,474	0,459
Kronenquelle	0,779	0,009	0,354	0,180

Главнѣйшія составныя части въ обонихъ источникахъ— двууглекислый и сѣрнокислый натръ; содержаніе **OBERBRUNNENA**
ПОЧТИ ВЪ ТРИ РАЗА БОГАЧЕ, ЧѢМЪ „Kronenquelle“ (по вышеприведеннымъ даннымъ), т. е. пациентъ долженъ выпить
ТРИ БУТЫЛКИ „KRONENQUELLE“, чтобы усвоить количество важнѣйшихъ составныхъ частей, заключающихся **ВЪ ОДНОЙ**
БУТЫЛКѢ „OBERBRUNNEN.“ Также и содержаніемъ литмы „Oberbrunnenъ“ богаче. Ц. № 6450 2—2

Разсылка книжеск. минеральн. водъ въ Оберъ-Зальцбруннѣ, Фурбахъ и Утриболѣ.

1865. **ТОВАРИЩЕСТВО** 1870.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26—9
въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**
право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской
Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.
По получении аванса приблизительно 1/3 стоимости заказа требуется высылается с наложенным платежом на остальную сумму.

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Футляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.
Струны, канцолы и всё другое принадлежностей.
Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для детей по тем же ценам как и большаи.
КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ хорошей заграничной работы в 12, 15, 22, 25 и 35 р. собственной С.-Петербургской фабрики в 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois в 90 руб., 150 руб. и 250 руб.
ФЛЕЙТЫ хорошей заграничной работы в 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики в 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“, находящаяся въ употреблении у первых артистовъ, по 85 и 120 руб.
Иллюстриров. прейс-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (13)
Специалист хронометровъ. СПбургъ, Невский пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейс-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

НЕОБХОДИМО
иметь каждому теплое и мягкое одеяло чистой шерсти замѣчательно красиваго тигроваго рисунка хорошей величины цѣною за 8 руб. и въсовыхъ за 7 ф. Высылается съ налож. плат. мануф. торг. Масленникова. Банковская лин., № 2, Спб.

2-й ВЫИГРЫШНЫЙ
заемъ, 1 сентября тиражъ, продается на условныхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ **БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ**, 59, Невскій, Спб. (5-3) 1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домъ съ задаткомъ 20 руб., пазъ выигрываетъ въ 5000 р. и 1 мая с. г. на билетъ III (Дворянскаго) займа 05413, № 04 выигрываетъ въ 500 р.

ШИПУЦАЯ МАШИНА 25-23

РЕМИНГТОНА № 5
„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“
привлана лучшей въ свѣтѣ. Имѣетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейс-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 5998
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Кокандъ.

МАГАЗИНЪ КОВРОВЪ
И
МАТЕРІЙ ДЛЯ МЕБЕЛИ
СПЕЦІАЛЬНО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, Зернальная л., по Садовой, № 56
А. КАШИЦЕВА.

ДОМЪ СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1766 г.
Почетный отзывъ Парижской выставки 1889 г.
Пеньковыя матеріи Дамассъ (Mouline) различныхъ рисунковъ, шириной 1 3/4 арш., отъ 50 коп. до 1 р. 75 коп. аршинъ.
Булеты Альбанзъ, шир. 1 3/4 арш., отъ 1 р. 40 коп. до 3 руб. арш.
Набивныя матеріи, жаспе-кремъ, шагрень, круазе, крестонъ и пр., отъ 14 коп. до 2 р. 75 коп. аршинъ.
Котлины шерстяной, новыхъ рисунковъ, изящныхъ цвѣтовъ, отъ 1 р. до 1 р. 75 к.
Шерстяной сатинъ, репсъ и дамъ.
Бронзателъ шелковыя, французскихъ рисунковъ Chaudron, Rose antique, seajou Electric, Myrthe, шир. 1 арш. 10 верш., отъ 1 р. 50 к. до 8 руб. арш.
Дама-Ролль, Лампа, Велюръ-фантази.
Атласъ шелковыя, разныхъ цвѣтовъ, лучшаго качества, шир. 1 арш. 10 верш., отъ 3 руб. аршинъ.
Ковры передъ кроватями (Descende de lit) отъ 1 рубля. № 6497

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОВА.
ДЛЯ ПРОВИНЦІЙ И ДАЧЪ НЕ ЗАМѢНИМЪ
ретрадинокъ, механизмъ для простыхъ отхожихъ мѣсть, замѣлеть ватерклозеть. Не допускаетъ ни сквознаго вѣтра, ни зловонія. Не требуетъ воды, не портится отъ мороза. Цѣна 12 р.; упаковка и отправка 1 1/2 р.; въсь около 1 пуда. Ручной душгъ. Не сложенъ, не требуетъ ни руководства, ни поправки. Постоянно готовый для употребленія. Цѣна 3 р., вмѣстѣ съ складной резиновой ванной отъ 10 р.
Иллюстрированное описаніе высылается бесплатно. № 6495
ВАС. ВАС. КРЮГЕРЪ.
Спб., Английскій пр., № 25, кв. № 12.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“
Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургъ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-19
велосипед. „Орелъ“.
На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
Иллюстр. прейс-курантъ за 10 коп. марку.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ Дрогистовъ Россіи. № 5420 (33)

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
А. ЛЕМЕРСЪЕ.
Средство для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просьба обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЪЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Ш. № 6499 28-8

НЕОБХОДИМО ДЛЯ ВСѢХЪ!
Единственный въ Россіи по полнотѣ свѣдѣній и массѣ материала роскошно-иллюстрированный
КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ
на 1894 г. „Царь-Колоколъ“ на 1894 г.
Съ приложеніемъ „Иллюстрированной Исторіи Россіи“
ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫДЕТЪ
съ начала августа.
Цѣна календарю (безъ приложенія) 40 к., съ приложеніемъ 50 к., въ роскошномъ тисненомъ переплетѣ 1 р. — Приложеніе отдѣльно не продается. Складъ изданія: Москва, 1) книжный магазинъ В. В. Думнова, Масленникая, 2) у А. Д. Ступина, Никольская, при которъ изданія — Чистые пруды, д. № 199, и во всѣхъ н.а. книжныхъ маг. Россійск. Имѣ.
Въ виду громаднaго спроса скорѣйше просить присылать свои требованія заблаговременно. Цѣна календаря, противъ прошлаго года, значительнаго понижена, а объемъ календаря увеличенъ.

ПРОДАЕТСЯ
ЕДИНСТВЕННАЯ ДЛЯ Кавказа И ЗАКАВКАЗЬЯ № 6464
Столярно-паркетная паровая фабрика Фридриха Михайловича Зетцера, находящаяся въ г. Тифлисѣ.
Объ условіяхъ можно узнать въ гор. Эривани у новѣрснаго и уполномоченнаго Фирмы, Начальника Кавказскаго заставы, Леониды Леонидовича Парфентьева. 5-4

КРАСКА
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ
окрашиваетъ въ черныи и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности (11) свѣтлѣе и темнѣе. № 5924
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
Главный складъ А. Энгландъ, С.-Петербургъ, Вассейная, № 2. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
№ 12 Руб. до 500 Рублей
СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°
Спб. Невскій пр. № 25

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ
Типъ Мень
превосходно сдѣланъ изъ туленевой кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Топъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармоній: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень вмѣстительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6490 5-2
3 разнѣ, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к. Пересылка наложеннымъ платежомъ.
С. Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРКЪ Невск. пр., № 20-44.

№ 4711.
РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое лучшее глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, дѣлняютъ запахъ розмъ — вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.
Изданіе № 4711 можно получить въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. Въ С.-Петербургѣ депо у Алекс. Тиссъ и №., Пушкинская, № 4.

ЦВѢТЮЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫИ
СЕРЕБРЯНЫИ МЕДАЛИ
А.СИУИКО
ПАРФЮМЕРА
ВЫСОКАЯ КАЧЕСТВА
МОСКВА.

ЖЖВА

Иллюстрированный
Журналъ
Литературы

XXIV г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

№ 34

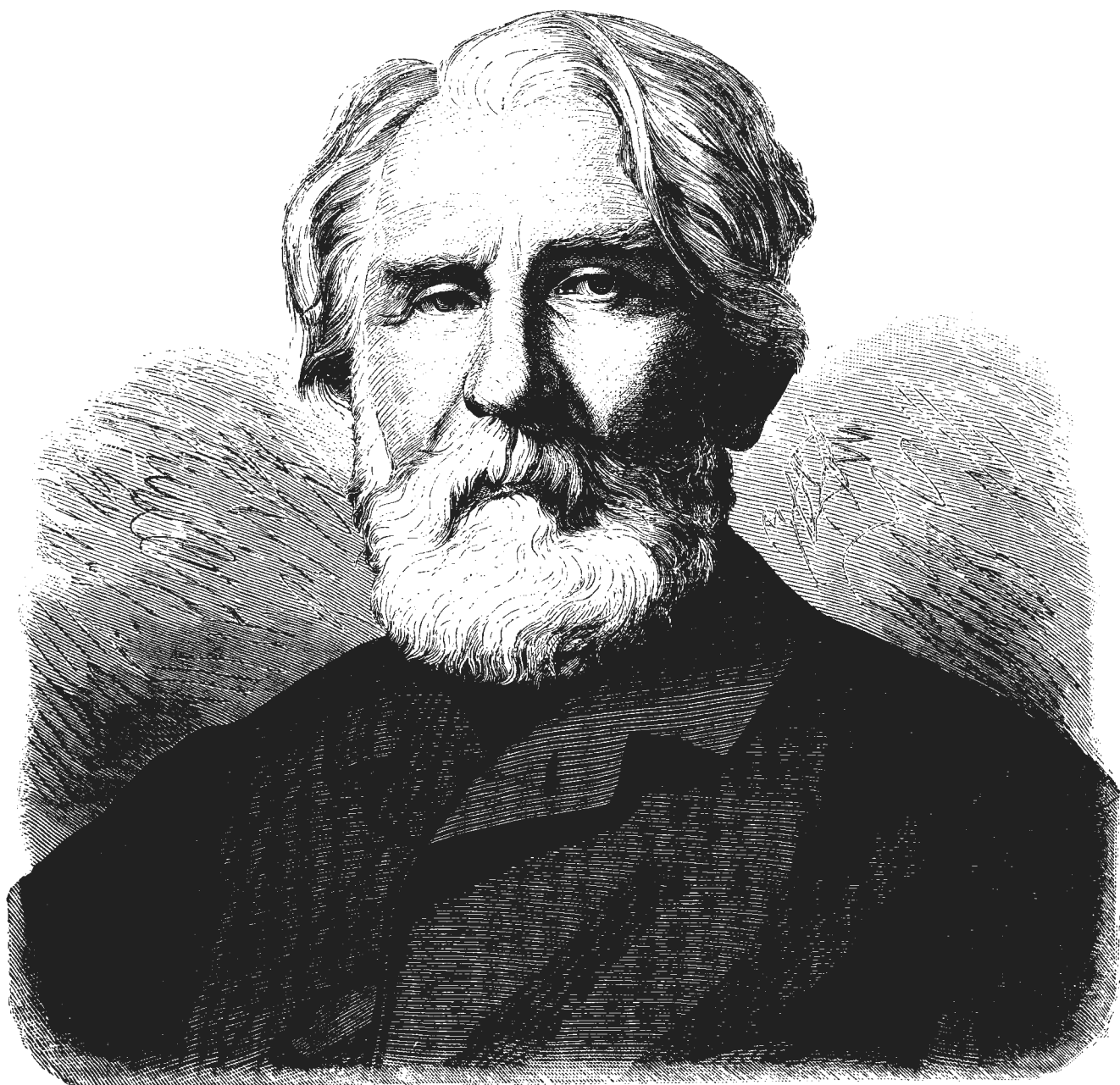
Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣдн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1893

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ всѣ вышедшіе номера со всѣми прил. Остад. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цена этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Выдавъ 21 августа 1893 г.

Цена этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (по поводу 10-ти-лѣтія со дня кончины, 50-ти-лѣтія съ появленія перваго литературнаго произведенія и 75-ти-лѣтія со дня рожденія). Съ фот. граф. Ю. Барановскій.

Три Тургеневскія „памяти“.

Очеркъ А. И. Введенскаго.

Текущій 1893 годъ, въ который 22 августа исполняется десятилѣтіе со смерти Ивана Сергѣевича Тургенева, любимѣйшаго писателя русскаго, „властителя думъ“ нѣсколькихъ поколѣній, — годъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ еще два повода къ воспоминанію о знаменитомъ авторѣ „Записокъ охотника“. 28 октября исполнится семидесятипятлѣтіе со дня рожденія его, а весною исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ „разсказа въ стихахъ“ — *Параша*, которымъ Тургеневъ выступилъ на литературное поприще. Чье русское сердце не отзовется при воспоминаніи объ этихъ трехъ моментахъ, имѣющихъ столь глубокой смыслъ въ исторіи русскаго просвѣщенія!

Отецъ Тургенева служилъ въ Елисаветградскомъ кирасирскомъ полку, который случайно стоялъ въ 1818 году въ Орлѣ; тамъ 28 октября и родился Иванъ Сергѣевичъ, вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ ему привелось провести чуткіе дѣтскіе годы и испытать впечатлѣнія, наложившія на его мысль и на произведенія яркую печать. Въ Орловской губерніи, въ десяти верстахъ отъ Мценска, есть село Спасское-Лутовиново, которое принадлежало матери Тургенева, и этому-то уголку Русской земли и его интимной жизни суждено было дать тѣ незабываемыя поученія, которыми такъ хорошо, для блага русской жизни, воспользовался знаменитый писатель. Будущій великій писатель росъ тамъ подъ присмотромъ гувернеровъ и учителей-швейцарцевъ и нѣмцевъ; но для предстоявшей ему дѣятельности существовавшие уроки давала ему окружающая жизнь. Гувернеры воспитывали его на „французскій манеръ“, соответствовавшій идеаламъ и представленіямъ матери его, и на русскій языкъ въ домѣ обращалось мало вниманія; но „крѣпостной камердинеръ“ этой самой матери Тургенева заинтересовалъ мальчика русской литературой, читалъ ему украдкой, гдѣ-нибудь въ саду или дальней комнатѣ, „Россиаду“ Хераскова. Какъ водилось тогда, иностранцы-учителя относились къ русской жизни и къ русскому народу если не съ презрѣніемъ, то, въ самомъ лучшемъ случаѣ, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ; но деспотически суровые распорядки въ домѣ, заставлявшіе трепетать не только крѣпостныхъ людей, а и дѣтей, Ивана Сергѣевича и его старшаго брата, вызывали въ будущемъ писателѣ сочувствіе къ народу. „Ненависть къ крѣпостному праву“, писалъ Тургеневъ уже на склонѣ лѣтъ на одинъ „откровенный записокъ“, „уже тогда (въ 16 лѣтъ, когда онъ былъ, по его собственнымъ словамъ, „просто мальчикъ — чуть не дитя“) — уже тогда жила во мнѣ, — она, между прочимъ, была причиной тому, что я, возросшій *среди побѣговъ и истязаній*, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ...“ Позже, когда онъ, уже авторомъ „Записокъ охотника“, по поводу некролога о Гоголѣ, былъ высланъ въ деревню, „безъ права выѣзда“ почти на цѣлые два года, тамъ онъ познакоился „съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ его вниманія“. Такъ писалъ онъ впоследствии, въ своихъ „воспоминаніяхъ“. Таково значеніе родины для Тургенева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для исторіи русскаго развитія.

Выступленіе Тургенева на литературное поприще совершилось, какъ сказано, стихотворнымъ разсказомъ „Параша“ весною 1843 года. Нужно замѣтить, что значительно раньше, еще въ 1838 году, два стихотворенія его напечатаны были въ *Современникѣ*. Но то не было дѣйствительное и самостоятельное начало литературной дѣятельности; бывшій тогда профессоръ русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ П. А. Плетневъ, получивъ отъ Тургенева для просмотра нѣсколько стихотвореній, выбралъ изъ нихъ тѣ два и напечаталъ безъ подписи автора. Это была въ нѣкоторомъ смыслѣ случайность. Но съ „Парашей“ Тургеневъ въ полномъ смыслѣ самостоятельно и сознательно вступилъ на литературную дорогу, надавъ ее отдѣльной книжкою. Съ нея только и можно считать его настоящую литературную дѣятельность.

Позже, въ тотъ періодъ, когда Тургеневъ былъ великъ и знаменитъ не только на родинѣ, а и во всемирной литературѣ, онъ съ пренебреженіемъ относился къ этимъ первымъ своимъ литературнымъ опытамъ. „Я чувствую положительную, чуть не физическую антипатію къ моимъ стихотвореніямъ“, писалъ онъ, — „и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ, но дорого бы далъ, чтобы ихъ, вообще, не существовало на свѣтѣ“. И позже, на настойчивое приставаніе къ нему — падаѣ его стихи, — замѣтилъ: „я бы счелъ его (это предложеніе) за насмѣшку, если бы могъ предложить... желаніе отвѣстись ко мнѣ пронически. Нечего и говорить, что я могу отвѣтить только абсолютнымъ отрицаніемъ...“ Во всемъ этомъ сказалась, однако, только необыкновенная строгость къ себѣ „выскаательнаго художника“, и „Параша“ была для своего момента литературнымъ произведеніемъ рѣшительно замѣчательнымъ, обѣщавшимъ въ авторѣ большаго писателя, только еще не шедшаго своей настоящей дороги. Вотъ что писалъ Бѣлинскій по поводу ея: „Теперь, когда Лермонтова уже нѣтъ, а прекрасное дарованіе г. Майкова пока не об-

щаетъ идти дальнѣе антологическаго рода, — поэзія русская если не умерла, то уснула. Теперь стихи встрѣчаются только въ журналахъ; между ними попадаются и такіе, въ которыхъ есть чувство и замѣтно большее или меньшее дарованіе; но они всѣ лишены присутствія могучей мысли. А такъ какъ поэзія русская давно уже пережила свой періодъ прекрасныхъ чувствъ и сладостныхъ мечтаній, и еще съ Пушкина начала періодъ мысли, то... могучимъ властителемъ думъ нашего времени уже перестали быть „стишки“ — въ потребности публики ихъ смѣнила поэзія мысли... Вотъ почему, если теперь и нельзя пожаловаться на бѣдность въ стихотворныхъ произведеніяхъ, то нельзя и сказать, чтобы было что читать по этой части“. И охарактеризовавъ такимъ образомъ то безплодное въ поэтическомъ отношеніи время, Бѣлинскій продолжаетъ: „Многіе заключаютъ изъ этого, что вмѣстѣ съ Лермонтовымъ умерла и русская поэзія. Что касается до насъ, мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, и думаемъ, что русская поэзія не умерла, а только уснула, по обыкновенію, и что по временамъ она будетъ просыпаться и разсказывать намъ свои прекрасные сны — до тѣхъ поръ, пока не явится на Руси новый поэтъ... Небольшая книжка, на дняхъ появившаяся въ Петербургѣ подъ скромнымъ названіемъ „разсказа въ стихахъ“, *есть именно одинъ изъ такихъ прекрасныхъ сновъ* на минуту проснувшейся русской поэзіи, *какіе давно уже не видѣлись ей*. Увѣренные въ глубокомъ снѣ нашей поэзіи, мы взяли за „Парашу“ съ явнымъ предубѣжденіемъ, думая найти въ ней — или сентиментальную повѣсть о томъ, какъ онъ любилъ ее, или какъ она вышла замужъ за него, или какую-нибудь юмористическую болтовню о современныхъ нравахъ, написанную прозаическими стихами. Каково же было наше удивленіе, когда, вмѣсто этого, прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутренняго содержанія, отличающуюся юморомъ и провіею!.. Мы не повѣрили первому впечатлѣнію и прочли снова, — еще лучше!.. Отъ многократно повтореннаго чтенія мы почти знаемъ наизусть прекрасное поэтическое произведеніе, такъ неожиданно, такъ отраднo освѣжившее душу нашу...“ Иложивши затѣмъ содержаніе поэмъ, приведа ея лучшія мѣста и указавъ „для любителей мелкихъ припѣвокъ“ слабыя стихи, въ заключеніе Бѣлинскій восклицаетъ: „Дай Богъ, чтобы наша встрѣча съ талантомъ автора „Парашин“ не была... случайна, но превратилась въ знакомство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой талантъ — не болѣе, какъ вспышка юности, кинѣніе молодой крови, а не признакъ призванія, и можетъ обмануть возбужденныя имъ ожиданія и надежды, какъ обманула поэта героиня его поэмъ“. Современный читатель, познакомившись съ поэмою Тургенева, можетъ найти отзывъ Бѣлинскаго нѣсколько преувеличеннымъ; но нужно помнить время, въ которое она написана. И тотъ фактъ, что знаменитый критикъ остановилъ на ней пристальное вниманіе и разгадалъ въ ней будущій великій талантъ, въ сотый разъ доказываетъ необыкновенную эстетическую чуткость Бѣлинскаго, его необыкновенную прозорливость.

Прошли немногіе годы, и авторъ „Парашин“ доказалъ, что „такой талантъ“ его былъ не вспышкой юности, а истиннымъ „признакомъ призванія“. Все, что было живого и мыслящаго въ Россіи, чутко прислушивалось къ вѣщему голосу любимаго поэта, надолго ставшаго вождемъ мысли русской. Возникли и вновь падали недоразумѣнія между нимъ и, въ сущности, незначительной частью русскаго общества, и время пронесло имя Тургенева черезъ десятилѣтія, не коснувшись его обаянія. И въ тотъ моментъ, когда онъ, окруженный ореоломъ мировой славы, сходилъ со своего земного поприща, во всемъ русскомъ мыслящемъ обществѣ, части того народа, служенію которому онъ отдалъ лучшіе дни своей жизни и лучшія силы своего великаго дарованія, было одно чувство — чувство великой, невознаградимой утраты. Уже съ конца 1881 года стали приходиться вѣсти о тяжелой болѣзни, овладѣвшей Тургеневымъ, настолько угрожающей, что противъ нея оказывались бессильными первыя знаменитости парижскаго медицинскаго міра. Тургеневъ не давалъ духомъ, продолжалъ писать. Лѣтомъ 1882 года онъ написалъ даже новую повѣсть: „Клара Милнчъ“. Но болѣзнь скоро сломила его окончательно. На смертномъ одрѣ, уже безъ всякой надежды, ни мало не обманывая себя насчетъ исхода своего недуга, Тургеневъ думалъ и заботился все о той же дорогой его сердцу русской литературѣ. Последнія строки, писанныя имъ незадолго до смерти, карандашомъ, не подписанныя даже его именемъ, были обращеніемъ къ гр. Л. Н. Толстому съ просьбой, навѣянной именно этою трогательною заботой. „Пишу же я вамъ собственно“, говорится въ этомъ обращеніи, „чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою последнюю искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь, этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, если бы

могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣствуетъ! Я же человекъ конченый..“

И Тургенева не стало. Умеръ онъ вдали отъ родины, близъ Парижа, въ Буживаль, 22 августа 1883 года. Вѣсть объ этомъ пронеслась по всему цивилизованному міру, вызывая всюду печаль. Почти во всѣхъ русскихъ городахъ служились панихиды; русская печать, когда лежалъ онъ уже „хладный и нѣмой“, склонилась передъ дорогимъ прахомъ, только теперь чувствуя всю великость своей потери. И не одно русское общество, но весь міръ говорилъ о смерти Тургенева, какъ о тяжелой утратѣ для всѣхъ литературъ. Нѣмецкіе критики, по поводу его смерти, „вспоминали имя самого Гёте!..“ Тѣло Тургенева, между тѣмъ, ждали въ Россію. Незадолго до своей смерти великій писатель земли Русской выразилъ желаніе быть похороненнымъ на Волковомъ кладбищѣ, тамъ, гдѣ спитъ вѣчнымъ сномъ его другъ Бѣлинскій. И воротился онъ на родину, которая такъ рѣдко видала его, хотя и была связана съ нимъ тѣснѣйшими узами мысли и сердца. Поздно, уже

только 27-го сентября, прибылъ на Варшавскій вокзалъ прахъ его, окруженный вѣнками, какъ выраженіемъ неувидаемой славы. Здѣсь ждали его представители русскаго общества—отъ литературы, ученыхъ учреждений и общества, учебныхъ заведеній, отъ многихъ русскихъ городовъ. Сто семьдесятъ девять депутатій съ вѣнками, громадною процессіей, растянувшейся версты на двѣ, шли передъ траурной колесницей, встречаемая повсюду несмѣтными толпами народа, провожая Тургенева на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Время сглаживаетъ острые чувства, какъ ни были бы законны и естественны причины ихъ, и создаетъ болѣе спокойное отношеніе къ неизбежному факту смерти. Тургенева нѣтъ,—но духъ его съ нами въ его трогательныхъ произведеніяхъ, полныхъ благородной мысли и великой поучительности. И съ чувствомъ не тщетной скорби вспоминаемъ мы день кончины великаго писателя, а съ чувствомъ безконечной благодарности къ его памяти, соединеннымъ съ чувствомъ гордости за родную страну, родившую и воспитавшую его великій талантъ.

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ К. Орловскаго.

(Продолженіе).

На слѣдующій день, въ назначенный часъ, я былъ у Луниныхъ. Аню я тамъ уже засталъ. Одѣта она была въ простенькое сѣрое суконное платье и совсѣмъ не была похожа на невѣсту, до того худенькимъ и блѣднымъ казалось ея личико. Я замѣтилъ, что глаза даже были у нея заплаканы. Она со мною поздоровалась, молча, поблагодаривъ меня однимъ взглядомъ. Да и хорошо было, что не нашлось у нея словъ. Она сознавала, конечно, что мнѣ тяжело было выслушивать отъ нея выраженія признательности.

— Вы какъ будто нездоровы, Анна Семеновна, постарался я сказать какъ можно непринужденнѣе. — Я, признаться, за васъ немножко боюсь. Передъ вами длинная дорога и погода къ тому же ужасная.

Какъ нарочно, мелкій, упрямый свѣжокъ, гонимый порывистымъ вѣтромъ, съ ранняго утра сыпалъ съ хмураго неба.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, торопливо отвѣтила она, — коли я боюсь за кого-нибудь, такъ ужъ не за себя, конечно.

Она посмотрѣла на меня какимъ-то страннымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

— А что... ваши, отецъ вашъ? Я не видѣлъ Семена Андреевича послѣ... послѣ выборовъ...

Она чуть-чуть вздрогнула при моемъ вопросѣ.

— Онъ спокоенъ, какъ всегда, только молчаливѣе обыкновеннаго. Онъ со мной не говорилъ почти эти два дня... Тѣмъ лучше, можетъ-быть... я бы не вынесла. Ахъ, Николай Филипповичъ, какъ тяжело мнѣ, какъ тяжело. Сейчасъ вотъ, когда собиралась сюда, я вошла къ нему. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, угрюмый такой, сосредоточенный, мрачный. Услыхавъ мои шаги, онъ вздрогнулъ и сперва было сердито спросилъ, что мнѣ надо, а потомъ всталъ, обнялъ, поцѣловалъ меня такъ нѣжно, такъ ласково поцѣловалъ, все глядя меня по волосамъ. Мнѣ такъ жалко его стало, такъ мучительно жалко, что я чуть, было, не расплакалась и не призналась во всемъ.

Двѣ слезинки показались на ея рѣсницахъ и медленно скатились по лицу. Она даже ихъ не отерла.

— И вотъ еще одна моя послѣдняя просьба къ вамъ...

Дрожащею рукою она достала изъ кармана запечатанное письмо и подала его мнѣ.

— Потомъ, сегодня же, если можете, вы передайте ему это. Я не захотѣла это оставить тамъ у себя... мнѣ казалось, что слишкомъ было бы жестоко дать ему это найти у меня на столѣ. А такъ, если вы все ему скажете и объясните, ему все-таки будетъ легче. Я знаю, что это трудное, очень трудное порученіе, но оно, вѣдь, уже послѣднее. И если вы сохранили ко мнѣ еще немножко дружбы... ахъ, постарайтесь, Нико-

лай Филипповичъ... смягчить для него этотъ тяжелый ударъ. Скажите, что я во всемъ покорюсь его волѣ, что если онъ только позволитъ, я вернусь, брошусь къ его ногамъ...

Я взялъ изъ ея рукъ письмо и, молча, наклонилъ голову.

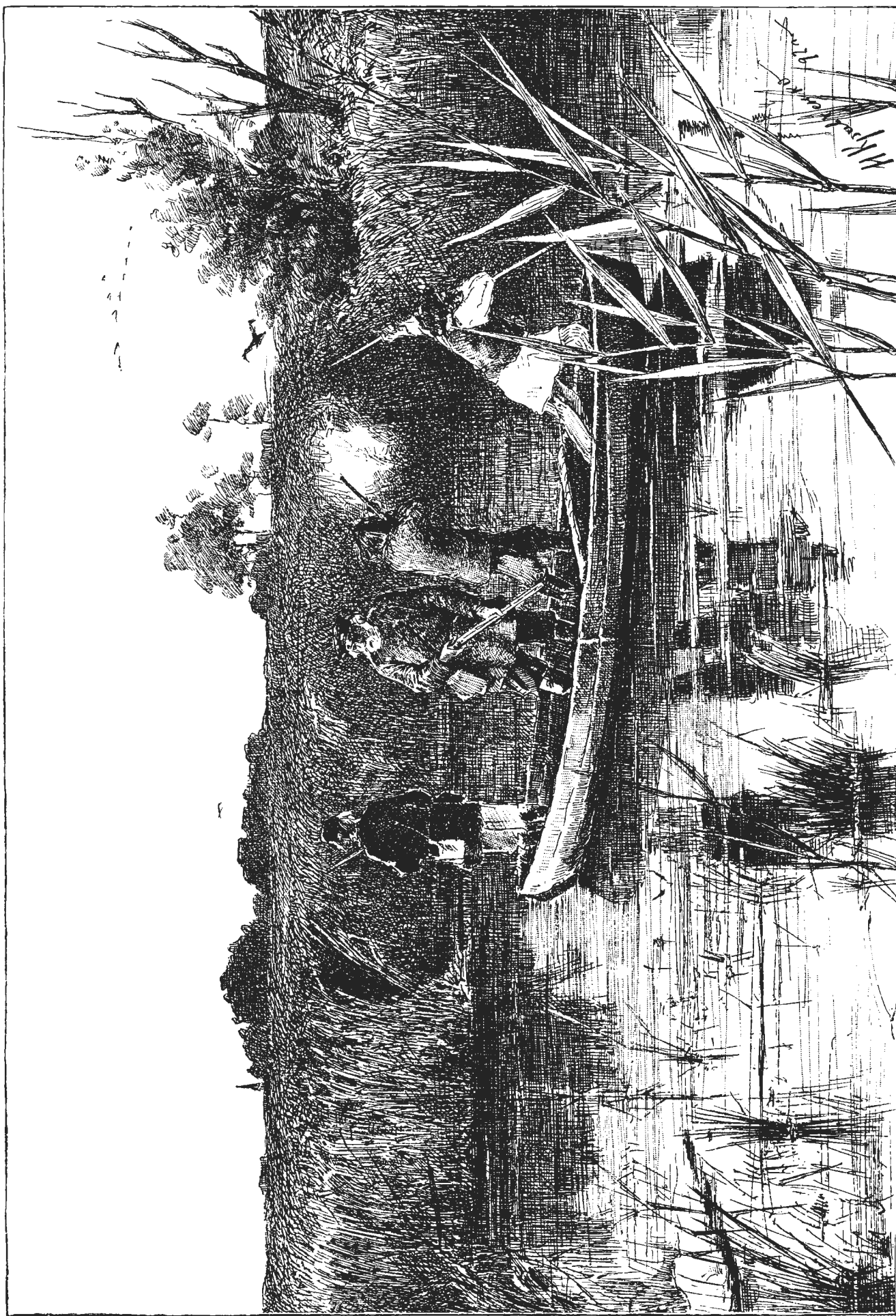
— Анна Семеновна, заговорилъ я, мигъ спустя, — не разстраивайте себя, поберегите свои силы... будущее устроится само собой. А теперь поѣдьте. Вьюгинъ насъ ждетъ... пора.

Она медлила почему-то, словно ее пугалъ этотъ послѣдній, уже невозвратный, шагъ. Станнымъ мнѣ казалась, что торопить ее приходилось мнѣ. Да, все было странно въ моемъ положеніи. Я уже покорно выносилъ насмѣшливую волю судьбы, навязавшую мнѣ во всей этой исторіи такую оригинальную роль.

Къ счастью, нашъ разговоръ былъ прерванъ Надею и ея отцомъ. Ихъ появленіе сразу настроило насъ обоихъ на иной ладъ. Надя сочла нужнымъ принарядиться и казалась необыкновенно важной. А старикъ Луининъ, совершенно трезвый въ этотъ день, облекся даже въ довольно поношенный вицмундиръ и какъ-то растерянно, пугливо шаркалъ ножкой. Мнѣ онъ выказывалъ особенное, почти рабское почтеніе, стараясь, должно-быть, меня заставить позабыть о нашей первой встрѣчѣ. Но мнѣ уже было совсѣмъ не до него, и двумя-тремя фразами я отдѣлался отъ словоохотливаго старика, объяснивъ, что онъ можетъ отправиться въ мою Подлиповку, чтобы занять тамъ свою новую должность.

Теперь и Аня стала торопиться. Она обняла Надю, накинула шубку и поспѣшила на крыльцо. За нею я, разумеется, пріѣхалъ въ каретѣ. Раннія зимнія сумерки уже наступили, и дорогой въ церковь никто бы не могъ насъ распознать въ полутьмѣ, если бы даже намъ пошались навстрѣчу знакомые. Я усадилъ Аню въ карету, и тутъ-то, когда лошади тронулись, я особенно рѣзко почувствовалъ, какъ неожиданно-быстро закрутила меня жизнь,—какъ откровенно бы я размѣялся, если бы кто-нибудь за нѣсколько дней передъ тѣмъ мнѣ предсказалъ, что я повезу Аню въ церковь вѣнчаться съ другимъ.

А вотъ мы и въ церкви. Маленькій ветхій храмъ глядѣлъ необыкновенно уныло; хотя и передъ иконостасомъ, и въ паникадилахъ всѣ свѣчи были зажжены. Какимъ-то ощущеніемъ холода и грусти пахнуло на меня, при видѣ убогой церкви съ потертымъ коврикомъ на амвонѣ, старикомъ-священникомъ въ поношенной ризѣ, да съ двумя десятками простолодиновъ, пришедшихъ сюда взглянуть на диковинное зрѣлище. Поистинѣ странно выходила эта свадьба, гдѣ были всего только женихъ съ невѣстою, да насъ двое свидѣтелей, да Надя съ ея отцомъ, да эта кучка чужихъ людей

Литературный альбомъ. „Записки охотника“, И. С. Тургенева. „Льговъ“.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Кравченка, автотипія Ангерера.

Литературный альбомъ. „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, И. С. Тургенева.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Кравченко, автотипія Ангерера.

позади, какія-то старухи въ дырявыхъ салопахъ, да нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ, да еще какой-то нищій съ грязной сумой и посохомъ въ рукѣ. А за окнами — церковь стояла на пустырь у окраины города — вѣтеръ да мятель вели свою унылую пѣсню, тоскливо примѣшивая свой голосъ къ хриплымъ, невѣрнымъ голосамъ пѣвчихъ. Я взглянулъ на Бюгина, и невольный упрекъ сказался въ моемъ взглядѣ.

„Сумѣешь ли ты,“ подумалъ я, „оцѣнить это молодое существо, такъ смѣло, такъ беззавѣтно отдающееся тебѣ, и никогда не дать ей раскаяться въ томъ, что изъ-за тебя она бросила родныхъ и пережила эту горестную минуту, сдѣлавшую изъ праздничнаго, вѣчнаго обряда что-то невыразимо тяжелое и мрачное?“ Но Бюгинъ бодро отвѣтилъ на мой взглядъ, и въ его прямихъ глазахъ свѣтилась твердая вѣра въ будущее, вѣра въ самого себя и въ свою любовь.

Аня стояла впереди меня, слегка наклонивъ голову, вся неподвижная, вся ушедшая, казалось, въ теллую, усердную молитву. Чтò происходило у нея на душѣ, пока совершался обрядъ, которымъ начиналась для нея новая, еще неизвѣстная, жизнь — кто скажетъ? Врядъ ли и сама она отдавала себѣ въ этомъ ясный отчетъ. Быть-можетъ, нѣмой упрекъ себѣ поднимался въ ея сердцѣ. Глубокое смиреніе будто овладѣло ею, склонило внизъ ея гордую, упрямую головку. И глядя на нее, я совсѣмъ теперь позабылъ о себѣ, и во мнѣ тоже складывалась безкорыстная, искренняя молитва за ея будущее.

Обрядъ между тѣмъ приходилъ къ концу. Три раза новобрачные обмѣнялись кольцами, священникъ подаль имъ вино и велѣлъ поцѣловаться. И когда губы Бюгина коснулись блѣднаго личика молодой жены, глаза его засвѣтились яркимъ, торжествующимъ счастьемъ. Въ глазахъ Ани я прочелъ нѣчто иное: въ нихъ тоже, пожалуй, было счастье, но къ нему примѣшивалась тревога, а можетъ-быть, и раскаяніе. Когда я поздравилъ ее, она лишь крѣпко пожала мнѣ руку и, молча, операясь на мужа, направилась къ выходу. Тамъ, у паперти, давно уже дожидались сани. Мы съ Бюгинымъ бережно усадили Аню и окутали ей голову и ноги. На прощанье еще разъ я пожалъ ей руку, съ невольной тревогой озираясь на темнѣющую вокругъ снѣжную даль. Мятель прошла, вѣтеръ какъ будто стихъ, но хмурая январская ночь уже опустилась на землю, окутывая все мутною, непроглядною мглою.

— Берегись, не сбейся съ дороги, сказалъ я кучеру.

— Помилуйте, баринъ, ослабился тотъ почти обремененно, — дорогу знаемъ, сколько разъ Бориса Павловича возили.

Еще одно прощальное привѣтствіе, и ямщикъ замахнулся кнутомъ, и лошади бойко тронули, поднимая копытами снѣгъ. Всего какая-нибудь минута, и сани окунулись въ туманную бездну ночи. Замеръ звукъ копытъ и полозьевъ, а я долго еще глядѣлъ вслѣдъ умчавшейся тройкѣ, спрашивая у себя, куда уносить она Аню, и, полно, счастье ли ждетъ ее тамъ, въ концѣ этой длинной, угрюмой дороги.

XXI.

Въ тотъ же вечеръ я поѣхалъ къ Конотопову. Какъ ни тяжело было мнѣ исполнять взятое на себя порученіе, медлить этимъ дѣломъ я не могъ. Нельзя было оставлять Семена Андреевича въ неизвѣстности. Когда я позвонилъ у подъѣзда, ни въ одномъ изъ оконъ не было видно свѣта. Казалось, весь домъ погрузился въ мракъ и дремоту, но казалось оно только снаружи. Внутри онъ весь былъ полонъ тревоги. Я понялъ это по одному виду швейцара, бросившагося мнѣ отворять съ шумной поспѣшностью. Онъ точно ждалъ чего-то, точно догадывался, что я приношу важныя извѣстія. Когда я велѣлъ доложить о себѣ Семену Андреевичу,

прислуга засуетилась, сперва не рѣшаясь исполнить мое приказаніе. Горничная шмыгнула мимо, пискливымъ шопотомъ говоря швейцару, чтобы послали за барышней карету къ Аверинымъ — это былъ одинъ изъ домовъ, съ которыми Конотоповы были дружны. Минуты двѣ спустя лакей вернулся сверху, объявивъ, что Семень Андреевичъ не такъ здоровъ и извиняется. Но я послалъ его вторично, сказавъ, что у меня важное, настоятельное дѣло. Меня приняли. Я засталъ Семена Андреевича въ его кабинетѣ, безпокойно ходившаго взадъ и впередъ. Онъ встрѣтилъ меня съ необычною холодностью.

— Вы меня иростите, Николай Филипповичъ, сказалъ онъ, останавливаясь передъ дверями, — я нездоровъ и не велѣлъ принимать никого. Но коли у васъ, въ самомъ дѣлѣ, до меня настоятельная нужда, садитесь, пожалуйста, а васъ слушаю.

Это было уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ, который всегда принималъ меня съ такою радушною любезностью. Онъ пододвинулъ мнѣ кресло и усѣлся тоже, какъ дѣлаютъ это, готовясь къ офиціальному, неприятному объясненію. Но я не думалъ даже сѣтовать на него за это. Во мнѣ была одна только жалость къ нему при мысли, чтò за страшную вѣсть онъ услышитъ отъ меня сейчасъ, жалость и недоумѣніе, какъ готовить его къ этой вѣсти. За послѣдніе дни лицо его страшно постарѣло и осунулось. Новая морщина показались у вѣкъ, и въ головѣ, должно-быть, засѣли, чтобы не покидать ее болѣе, неотвязныя, мрачныя думы. Отъ прежней бодрости, отъ привычки владѣть собою и господствовать надъ другими не осталось и слѣда.

— Я къ вамъ съ порученіемъ отъ Анны Семеновны, проговорилъ я тихо, не рѣшаясь поднять на него глаза.

Онъ мигомъ вскочилъ съ мѣста.

— Отъ Ани? Вы ее видѣли?.. Гдѣ она? бросился онъ ко мнѣ, весь охваченный страстнымъ волненіемъ.

— Я разстался съ Анной Семеновной всего два часа назадъ...

— Разстались съ нею? Да гдѣ же, гдѣ же? не даль онъ мнѣ договорить, закидывая вопросами.

— У меня отъ нея къ вамъ письмо...

— Письмо? стало-быть, ея нѣтъ въ городѣ?!.. Она уѣхала? Да говорите же... куда, куда?

— Она недалеко отсюда и вернется, когда вы... Она умоляетъ васъ простить ей...

Я подаль ему письмо, говоря это. Онъ сорвалъ конвертъ и швырнулъ его на полъ, но письма не принялся читать. Руки его сильно дрожали.

— Да гдѣ же она? Гдѣ вы съ нею видѣлись? Ничего не понимаю...

Напротивъ, онъ понималъ, несчастный, понималъ слишкомъ хорошо, что дорогая его Аня для него потеряна. Оттого-то онъ и не рѣшался сразу прочесть ея письмо.

— Я простился съ нею на паперти Троицкой церкви... Анна Семеновна побоялась оставить это письмо здѣсь, она поручила мнѣ...

— Въ церкви?! громко, на весь домъ, прозвучалъ голосъ Семена Андреевича, — въ церкви? И уѣхала? Да ужъ не обвѣчалась-ли она съ кѣмъ-нибудь тайкомъ, чего добраго?!..

Онъ странно засмѣялся, говоря это. Я промолчалъ. Теперь онъ бросился къ столу, гдѣ стояла лампа, и принялся читать.

— Она уѣхала съ мужемъ, Борисомъ Павловичемъ, въ его имѣніе, продолжалъ я. — Она надѣется на ваше милостивое прощеніе и вернется къ вамъ...

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе рукой, какъ бы прося меня замолчать. Письмо было длинное. Съ лихорадочною быстротой онъ прочитывалъ страницу за страницей. Глаза его загорѣлись; губы дрожали. На

мигъ онъ даже оперся лѣвой рукой о столъ, чувствуя, что у него подкашиваются ноги. Дочитавъ, онъ уронилъ письмо на полъ. Столъ вырвался у него изъ груди, и всей своею тяжестью онъ упалъ въ кресло, хватаясь обѣими руками за голову.

— За Вьюгина... за... — Онъ съ какимъ-то отвращеніемъ топнулъ ногою. — И тайкомъ, крадучись... и это сдѣлала моя дочь, моя единственная дочь... Ахъ, зачѣмъ же, зачѣмъ не сказать мнѣ лучше, не признаться?..

Но это была всего одна минута безпомощнаго, дикаго горя. Онъ выпрямился, посмотрѣлъ на меня своимъ властнымъ, пронзающимъ взглядомъ и поднялся во весь ростъ.

— Такъ вы были пособникомъ этого Вьюгина, свидѣтелемъ, такъ, что-ли? Благодарю васъ, я этого не ожидалъ...

Въ комнату посиѣбно вошелъ лакей и объявилъ, что карета вернулась отъ Авериныхъ, и барышни тамъ не нашли.

— Хорошо, знаю, проговорилъ онъ уже болѣе сдержанно, — больше не надо, отложить карету.

И онъ снова зашагалъ по комнатѣ, понемногу овладевая собою.

— Ну-съ, Николай Филипповичъ, началъ онъ минутой спустя, — расскажите же мнѣ теперь все по порядку. Дѣло сдѣлано, его не поправишь. Разумные люди съ прошлымъ не борются, а смотрятъ впередъ. Я желаю все знать до малѣйшихъ подробностей, я, кажется, на то имѣю право.

Онъ проговорилъ это все еще рѣзко, но ужъ гораздо спокойнѣе прежняго.

Я принялся рассказывать, упомянулъ, что давно знаю о чувствѣ Вьюгина, и Семень Андреевичъ самъ, какъ я думалъ, не противился этой женитьбѣ. Онъ всегда, вѣдь, былъ такъ расположенъ къ молодому человѣку...

— Дальше, дальше, заторопилъ онъ меня, качая головой. Очевидно, ему нестерпимо было слышать само имя Вьюгина.

Я продолжалъ, избѣгая произносить это имя, дѣлая все возможное, чтобы смягчить впечатлѣніе отъ моего разсказа. Но старанія мои не приводили ни къ чему. Семень Андреевичъ, то и дѣло, перебивалъ меня, не слушая даже того, что я говорилъ, а слѣдуя лишь теченію собственныхъ мучительныхъ мыслей. Безсвязныя восклицанія у него вырывались невольно, точно отъ физическаго страданія. Болѣзненные впечатлѣнія словно наматывались у него на какой-то громадный винтъ, и каждый новый поворотъ этого винта вызывалъ у него острую физическую боль. Продолжалось это всего, быть-можетъ, нѣсколько минутъ, но страшно долгими почудились мнѣ эти минуты. Наконецъ, онъ поборолъ себя и, восторженувшись, какъ-то вдругъ остановился передо мной.

— Николай Филипповичъ, извините меня... я самъ не свой... Я не слушалъ васъ, кажется, вовсе. Теперь это, я думаю, прошло. Повторите еще разъ, прошу васъ.

И онъ снова опустился въ кресло, измученный, усталый, но вполне уже владеющий собой. Я повторилъ свой разсказъ, но уже въ короткихъ словахъ. Надо было щадить его. Онъ не вытерпѣлъ и на этотъ разъ, и перебилъ меня:

— Отъ меня, отъ меня скрывать... Вѣдь, я же не врагъ ей. И бросить домъ, бросить меня для этого...

Онъ не выговорилъ ненавистнаго имени, и, посмотрѣвъ на меня тупымъ, виноватымъ взглядомъ, откинулся назадъ. Онъ сталъ теперь слушать спокойнѣе, а когда я дошелъ до послѣдняго своего разговора съ Аней, когда я сказалъ ему про ея слезы, про горестное чувство, съ какимъ она шла навстрѣчу новой жизни, онъ даже какъ будто смягчился.

— Бѣдная, бѣдная моя, произнесъ онъ, — да, не легко ей было... Зачѣмъ же она не говорила раньше, зачѣмъ?.. Я не запретилъ бы ей, не помѣшалъ...

И слезы, настоящія, горячія слезы полились изъ глазъ этого крѣпкаго, властнаго человѣка. Наступило молчаніе. Я не трогался съ мѣста, не произносилъ ни слова, чтобы дать ему наплакаться. Тѣмъ лучше, если бы онъ могъ забыть про мое присутствіе. Я почти радовался обороту, какой приняло наше тяжелое объясненіе, но такъ ему кончиться не было суждено. Шелковое платье зашуршало въ сосѣдней комнатѣ, и Любовь Петровна вошла скорой, взволнованной походкой.

— Ани все нѣтъ, раздраженнымъ тономъ обратилась она къ мужу, не примѣчая меня вовсе. — Я посылала еще въ одинъ домъ — опять нѣтъ. Надо, однакоже, что-нибудь сдѣлать... А, Николай Филипповичъ, простите, пожалуйста. Да что же это?.. Ты, кажется, плачешь? обратилась она опять къ мужу. — Что же это значить?..

— Прочти, только сказала ей Семень Андреевичъ, указывая рукой на лежавшее на коврѣ письмо.

Я подвѣлъ его и подаль ей. Она быстро принялась читать.

— Какъ?! Убѣжала, обвинчалась тайно съ этимъ Вьюгинымъ?! Прекрасно!..

— Да читай же, читай до конца, съ принужденнымъ спокойствіемъ перебилъ ее мужъ.

Она принялась опять за письмо, и все-таки не дочитала.

— И вы принесли это письмо, напустилась она теперь на меня, — вы были тамъ, на этой свадьбѣ? Вы имъ помогали? Ну, отъ васъ я этого не ожидала. Это очень... безкорыстно съ вашей стороны и очень благородно.

Я не далъ себѣ труда обдумать, что за намекъ заключался въ этихъ словахъ. Быть-можетъ, она догадывалась про мое прежнее чувство къ Анѣ, и теперь хотѣла меня кольнуть этимъ. Меня поражало, что мужъ и жена, какъ бы слившіеся на этотъ разъ въ одномъ горестномъ чувствѣ, ощущали его такъ различно. У Семена Андреевича была оскорблена любовь къ дочери, горячая и потому ревнивая, у нея страдало одно только тщеславіе.

— Вотъ, ударила она нѣсколько разъ пальцами по бумагѣ, — вотъ къ чему привели всѣ твои нѣжности, все твое баловство.

Она словно праздновала какую-то побѣду, язвительно говоря это мужу.

— Если бы ты лучше умѣлъ держать ее въ рукахъ... вѣдь, она тебя только и слушалась... Я, родная мать, была, вѣдь, ничѣмъ для нея...

Лицо Семена Андреевича, сперва слушавшаго молча, вдругъ странно исказилось при этихъ словахъ, и насмѣшка показалась и на немъ. Но что это была за могучая, за метительная насмѣшка.

— Вы? сказалъ онъ тихо, хотя глубокая, неумолимая ненависть слышалась въ его голосѣ, читалась въ слегка прищуренныхъ глазахъ, — да, виноваты во всемъ только вы... — Онъ поднялся съ кресель, и голосъ его зазвучалъ громче. — Зачѣмъ вы не сумѣли внушить ей любовь и довѣріе къ себѣ, зачѣмъ вы ее отталкивали мелкими, нелѣпыми придирками?.. Посмотрите, что вы сдѣлали со своими дѣтьми! Дочь убѣжала, а сынъ...

Я дорого бы далъ, чтобы не присутствовать при этой сценѣ. Но уйти было такъ же неловко, какъ оставаться и слушать. И вотъ гнѣвная рѣчь Семена Андреевича была прервана неожиданнымъ образомъ. Въ комнату вошелъ лакей съ двумя конвертами въ рукѣ, и, увидавъ его, Конотоповъ замолчалъ.

— Письмо отъ Самуила Моисеевича къ вашему превосходительству и телеграмма, сказалъ онъ, подавая и то, и другое.

Лицо слуги было почтительно и невозмутимо, точно

онъ не разслышалъ ничего изъ-за дверей, какъ не догадывался онъ, что за роковое извѣстiе приносить теперь. Семень Андреевичъ, взглянувъ на письмо, распечаталъ его съ какою-то лихорадочною поспѣшностью. Телеграмму онъ бросилъ на столъ, не читая. Любовь Петровна, принимая холодный видъ оскорбленнаго достоинства, отвернулась и медленно вышла, не удостоивъ меня и кивка головы.

— Чего тебѣ надо?... Чего ты ждешь? какимъ-то неестественнымъ голосомъ крикнулъ на лакея Конотоповъ.

— Не будетъ никакихъ приказанiй? все тѣмъ же равнодушно-почтительнымъ тономъ спросилъ лакей, не трогаясь съ мѣста.

— Нѣтъ, можешь пойти.

Слуга удалился,

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, Семень Андреевичъ, началъ я, но онъ и не разслышалъ моихъ словъ.

Онъ вился весь въ только что развернутое имъ письмо; должно-быть, очень и очень важно было его содержанiе, если оно было въ силахъ заставить его на минуту даже позабыть про дочь. Дочитавъ, онъ разорвалъ письмо, и клочки полетѣли на полъ. Потомъ онъ принялся за телеграмму, и, должно-быть, то, что онъ прочелъ, его поразило еще сильнѣе. Рука, державшая телеграмму, безпомощно опустилась на столъ, а другою онъ провелъ по глазамъ, точно они помутились на мигъ. Онъ простоялъ такъ нѣсколько секундъ, потомъ его взглядъ остановился на мнѣ и, протягивая мнѣ руку, онъ слабымъ голосомъ сказалъ:

— Извините меня, но я вынужденъ просить васъ меня оставить теперь одного. Я только что получилъ извѣстiе, которое подѣлать тому, которое мнѣ принесли вы... Да, тяжелый выдался денекъ, тяжелый...

Я молча подаль ему руку и вышелъ. Нервы у меня были совсѣмъ разстроены, точно надо мною самимъ или надъ близкими моими страхалась бѣда. Я попробовалъ освѣжить свою голову прогулкой, но на чистомъ воздухѣ, среди тишины окружавшей меня пустынной улицы, мнѣ стало еще хуже. Случайно я проходилъ мимо клуба и завернулъ туда, чтобы отдохнуть среди постороннихъ, равнодушныхъ людей и услышать какiя-нибудь равнодушныя, хотя бы самыя пустыя рѣчи. Но и тутъ я не ушелъ отъ того же вопроса о Семенѣ Андреевичѣ, въ этотъ день занимавшемъ весь городъ. Шли громкіе пересуды о томъ, каковъ будетъ результатъ только что окончившихся выборовъ. Говорили, что будетъ создано чрезвычайное земское собраніе, и Семену Андреевичу тогда не сдобровать. „Теперь ужъ ему не выпутаться, слышалось съ разныхъ сторонъ.—Литовскій отъ него отказался, и кредита ему уже не добыть, а вдобавокъ—это сегодняшнее извѣстiе“

Какое извѣстiе? Неужели успѣлъ разойтись слухъ о свадьбѣ Ани? Я отыскалъ Надеждина, и принялся его расспрашивать. Извѣстiе, въ самомъ дѣлѣ, было зловѣщее. Турусовъ, за какой-нибудь часъ передъ тѣмъ, получилъ изъ Москвы телеграмму о предстоящемъ крахѣ одного изъ тамошнихъ банковъ. Семень Андреевичъ, какъ мнѣ сообщилъ Надеждинъ, давно велъ съ этимъ банкомъ дѣла, и векселей его тамъ имѣлось на крупную сумму. Теперь не только изсякалъ этотъ источникъ кредита, но, въ случаѣ несостоятельности банка, приходилось неминуемо по векселямъ расплатиться, безъ всякой надежды на отсрочку. Богатство Конотопова оказывалось построеннымъ на пескѣ, хотя много лѣтъ сряду онъ поддерживалъ это непрочное зданіе, возводя его все выше и выше.

— Да что вы такъ качаете головой, сказалъ мнѣ Надеждинъ,—и придаете себѣ такой строго укоряющій видъ. Съ его умомъ, съ его ловкостью была полная возможность когда-нибудь выпутаться. Мало-ли создается

такихъ состоянiй! Когда у человѣка апетита и способностей хватаетъ на милліоны, а въ карманѣ у него мѣдный грошъ какой-нибудь, что-жъ тутъ мудренаго, коли приходится вести азартную игру, и успѣхъ ему дался бы непременно, кабы не этотъ крахъ, да еще въ такую минуту, когда здѣсь довѣріе къ нему пошатнулось, и деньги до зарѣзу нужны, чтобы пополнить дефицитъ въ земскомъ банкѣ и спастись отъ скамьи подсудимыхъ... Да, теперь у него осталась одна надежда—на Любовь Петровну. Тяжело ему будетъ смирить свою гордость и обратиться за помощью къ женѣ, но иного выбора уже нѣтъ. Заложить Ново-Спасское,—Любовь Петровна, вѣдь, до сихъ поръ свое имѣніе тщательно оберегала отъ спекуляцій мужа,—это его послѣдняя карта. Но согласится-ли она, вотъ вопросъ

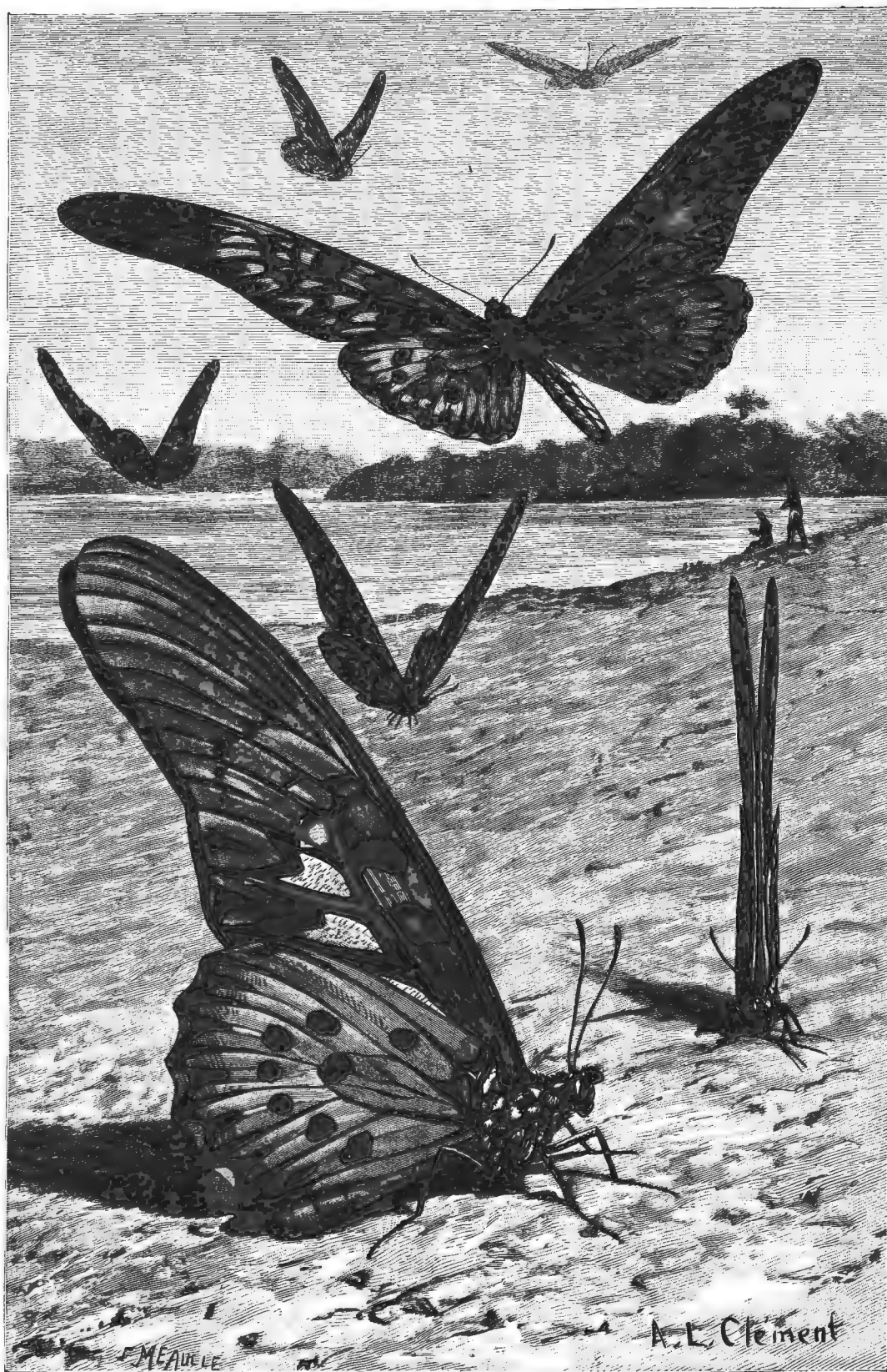
Послѣдняя карта! Если это было такъ, въ самомъ дѣлѣ, то уйти отъ разоренiя и отъ позора Семень Андреевичъ уже не могъ. Я зналъ, вѣдь, кака я упорная ненависть къ мужу тайлась въ сердцѣ Любови Петровны. И дрожь у меня пробѣжала по спинѣ при мысли, что человѣку, котораго я такъ недавно еще видѣлъ въ полномъ обладанiи неоспоримой власти и всеобщаго уваженiя, быть-можетъ, вскорѣ останется лишь жалкій и страшный исходъ самоубійства.

XXII.

На другой день весь городъ нашъ гудѣлъ разказами о свадьбѣ Ани. Это было до того неожиданное событіе, что изъ-за него утихли даже толки о неминуемомъ разоренiи Семена Андреевича. Для нашихъ дамъ романической интересъ бѣгства Ани и тайнаго вѣнчанiя въ Троицкой церкви былъ гораздо привлекательнѣе всѣхъ, даже самыхъ злобныхъ, сплетенъ насчетъ ея отца, и дамы не позволили мужской половинѣ общества отвлечь ихъ отъ этой животрепещущей темы. Невольно я тоже сталъ героемъ дня, какъ скоро узнали о моемъ участiи въ этомъ дѣлѣ, и ко мнѣ посыпался цѣлый ворохъ записокъ съ приглашенiями къ обѣду и на вечеръ, дабы услышать изъ моихъ устъ какъ можно больше неизвѣстныхъ еще подробностей. Разумѣется, я уклонился отъ исполненiя обязанности рассказчика и заперся у себя, чтобы не слышать этихъ жестокихъ по своему безсердечному равнодушию пересудовъ городской молвы. Несмотря на свое недавнее рѣшеніе поскорѣ уѣхать, я откладывалъ свой отъѣздъ со дня на день, все выжидая развязки. Нельзя же было оставить Т, не узнавъ, чѣмъ все это кончится, что будетъ съ Аней и съ ея отцомъ. Я написалъ къ ней длинное письмо, сообщая ей весь мой разговоръ съ Семеномъ Андреевичемъ, но умолявъ, конечно, о грозившей ему катастрофѣ. Не хотѣлось мнѣ омрачать первыхъ дней ея и безъ того невеселаго медоваго мѣсяца. А дурная вѣсть, думалось мнѣ, и безъ меня дойдетъ до нея скоро.

Семена Андреевича за всѣ эти дни мнѣ увидеть не удалось. Я навѣдывался къ нему не разъ, но меня не принимали. Сѣтовать за это я не думалъ, конечно. Одно чувство овладѣло мною—искреннее участіе къ нему, тревога за его судьбу, отвратить которую не было въ моихъ силахъ. И вотъ уже на пятый день послѣ моего свиданiя съ Конотоповымъ, по городу съ ужасной быстротой разошлась новая грозная вѣсть. Но прежде, чѣмъ сказать объ ней, я долженъ передать читателю, что произошло за эти дни, хоть и узналъ я объ этомъ гораздо позже, узналъ отъ Ани. Мнѣ приходится отступить назадъ и какъ бы ступешаться, чтобы изложить событія, прямымъ свидѣтелемъ которыхъ я уже не былъ.

Когда Семень Андреевичъ получилъ роковую телеграмму заодно съ отказомъ Литовскаго судить ему денегъ, онъ въ первый разъ, быть-можетъ, за цѣлую свою жизнь почувствовалъ себя не въ силахъ бороться

Исполинская бабочка Западной Африки. (*Papilio Antimachus*).

Рис. Клемана, по экземпляру, привезенному И. Дыбовскимъ, грав. Мэоъ.

возникшія затрудненія. Въ первый разъ ему отчетливо сказалося, что и для него может наступить минута безвыходнаго отчаянія. Хотя много ужъ лѣтъ онъ велъ рискованную игру, какъ бы нарочно вызывая опасности, онъ не зналъ тѣхъ ужасныхъ безвыходныхъ положеній, откуда можно спастись, только пожертвовавъ своимъ достоинствомъ. Онъ не былъ изъ числа людей, которые привыкли находить лазейки, потому что вынуждены вести жизнь травленаго звѣря. Семень Андреевичъ всегда плылъ въ открытомъ морѣ и на всѣхъ парусахъ. Его смѣлый умъ презиралъ мелкія трудности и мелкія средства, потому что у него всегда былъ достаточный запасъ широкихъ, хоть и рискованныхъ, плановъ. Ему нравилось, что свои крупныя дѣла онъ ведетъ, почти не имѣя наличныхъ денегъ, и чѣмъ выше поднималось волшебное зданіе его предприятий, тѣмъ увѣреннѣе глядѣлъ онъ впередъ, не сомнѣваясь въ побѣдѣ. У него было теперь два большія имѣнія, домъ въ городѣ, крупный сахарный заводъ. Основаніемъ всему этому богатству послужили двѣсти тысячъ, полученныя отъ Литовскаго шесть лѣтъ тому назадъ. Правда, все было заложено до-нельзя, и если бы ему пришлось разомъ уплатить всѣ долги, трудно сказать, осталось-ли бы у него хоть что-нибудь. Но Семень Андреевичъ уповалъ на будущее, на свое умѣніе и ловкость. Крупное приданое жены — въ Ново-Спасскомъ было слишкомъ четыре тысячи десятинъ прекраснаго чернозема — позволяло ему вести широкую жизнь, не считая. Любовь Петровна, умѣвшая цѣнить способности мужа, давала ему хозяйничать и тратить доходы, но отдать ему Ново-Спасское въ полное распоряженіе она не соглашалась ни за что, и Ново-Спасское было свободно отъ всякаго долга. Теперь, когда вокругъ Семени Андреевича затянулась мертвая петля, спасти его могла только жена.

Какъ всѣ счастливые игроки, онъ прекрасно умѣлъ рассчитывать ходы, но беречь выигранныя деньги онъ не былъ въ состояніи.

Когда возникала временная нужда въ деньгахъ, онъ учитывалъ какой-нибудь вексель, ни минуты не сомнѣваясь, что въ-время успѣетъ расплатиться. Теперь этихъ векселей въ земскомъ банкѣ набралось слишкомъ на тридцать тысячъ, и при новомъ предводителѣ легко могло случиться, что произведена будетъ ревизія, и тогда... тогда въ портфель окажутся, вмѣсто настоящихъ цѣнностей, директорскіе векселя. Этого нельзя было допустить ни за что, надо было напяречь всѣ силы ума, всю изворотливость опытнаго дѣльца, чтобы найти тридцать тысячъ, по крайней мѣрѣ, въ какой-нибудь мѣсяцъ. А Семень Андреевичъ рѣшительно не зналъ, откуда добыть эти деньги. Въ дѣлахъ была заминка, сахаръ не продавался, да подъ этотъ сахаръ давно была получена крупная ссуда. Литовскій наотрѣзъ отказывался помочь, а московскій банкъ, на который прежде Семень Андреевичъ всегда надѣялся, какъ на твердую опору, былъ наканунѣ крушенія.

Онъ зналъ, что не уйдетъ отъ тяжелой необходимости просить помощи у жены и въ то же время признаться ей въ своемъ отчаянномъ положеніи. И все-таки онъ сразу не рѣшился прибѣгнуть къ этому послѣднему средству. Его, не знавшаго боязни, страшило объясненіе съ женой. Онъ хорошо, вѣдь, сознавалъ, что за непримиримая ненависть къ нему таилась подъ ея притворной, молчаливой покорностью. Эта ненависть копилась годами, и чѣмъ долѣе Любовь Петровна подчинялась давившему ее мощному самовластію мужа, тѣмъ сильнѣе, конечно, будетъ взрывъ ея мстительной злобы. Съ того самаго дня, когда Семень Андреевичъ въ ея присутствіи такъ безощадно распорядился съ ея любовникомъ, никакой попытки къ примиренію между супругами не происходило. Копотоновъ съ равнодушнымъ презрѣніемъ будто и не замѣчалъ глубокаго раз-

лада, скрывавшагося подъ внѣшнимъ приличіемъ отношеній. А Любовь Петровна берегла свою ненависть ко дню ожидаемой расплаты.

И теперь этотъ день насталъ. Не мудрено, что Семень Андреевичъ обманывалъ себя насчетъ возможности уйти отъ неизбежнаго униженія и предпочиталъ ему униженія иного рода. Цѣлые три дня онъ рыскалъ по городу, тщетно изыскивая средства найти деньги и выслушивая холодный отказъ отъ тѣхъ самыхъ людей, которые недавно еще преклонялись передъ нимъ съ такою готовностью. И вотъ, измученный, раздраженный вынесенными оскорбленіями, онъ пошелъ, наконецъ, къ женѣ. Его всегда послушные нервы были теперь возбуждены до послѣдней степени. Онъ началъ объясненіе съ Любовью Петровной въ самомъ непри- нужденномъ тонѣ. Но ея чуткое ухо все-таки разлы- шало подъ этимъ притворнымъ равнодушіемъ тщательно сдерживаемое дрожаніе голоса.

— Какъ?! У тебя денежныя затрудненія? сказала она, дѣлая видъ, что не знаетъ о состояніи его дѣлъ.— У тебя? Я никогда тебя про это не спрашивала, но ты, кажется, можешь достать сколько угодно денегъ... Да хотя бы у Литовскаго!..

— Литовскій отказалъ, коротко отвѣтилъ Семень Андреевичъ.

— Отказалъ? Какая неблагодарность!

— Вотъ еще, благодарности вздумала ожидать! раз- смѣялся онъ желчно.— Онъ находитъ, что я больше не могу быть ему полезенъ.

— Ну, такъ что-жъ, продай хлѣбъ.

— Хлѣбъ давно весь проданъ...

— И деньги истрачены, конечно?.. Новоспасскія деньги тоже?..

Любовь Петровна взглянула на мужа острымъ, корот- кимъ взглядомъ и немного помолчала.

— Ну, продай сахаръ. Заложи, наконецъ, имѣніе, домъ.

— На сахаръ нѣтъ цѣнъ. А имѣнія, то-есть мои имѣнія, и домъ этотъ заложены давно. Ты, кажется, это знаешь...

Семень Андреевичъ до сихъ поръ сдерживался, хо- рошо понимая, что жена нарочно подвергаетъ его этому допросу, чтобы вывести изъ терпѣнія. Его голосъ ста- новился менѣе ровнымъ: онъ понемногу терялъ власть надъ собой.

— Да, да... заложены... Ну, а банкъ этотъ москов- скій, откуда ты всегда до сихъ поръ получалъ сколько угодно денегъ... Какимъ это образомъ, я ужъ этого хорошенко не понимаю?

— Банкъ на-дняхъ будетъ объявленъ несостоятель- нымъ, и по всѣмъ моимъ векселямъ, которыхъ слиш- комъ на пятьдесятъ тысячъ, надо будетъ расплатиться.

— А!.. Это, въ самомъ дѣлѣ, не хорошо.

Любовь Петровна сдѣлала видъ, что крайне изумлена всѣмъ этимъ и старается придумать, какой бы совѣтъ дать мужу.

— Я и не подозрѣвала, что ты такъ неостороженъ... Вѣдь, сколько же у тебя, наконецъ, долговъ?

— А съ чего я началъ? Съ грошей, потому что двѣсти тысячъ, которыя я взялъ съ Литовскаго, гроши въ сравненіи съ тѣмъ, что я сдѣлалъ. Я работалъ не для себя... Ты знаешь, для себя мнѣ почти ничего не нужно. Я привыкъ жить по-спартански.

— Ну, этого я не замѣчаю, вполголоса проронила Любовь Петровна.

— Да, потому что я не скопидомъ, не трясусь, по- нѣмекки, надъ каждой копейкой... Это правда, и когда есть деньги, не вижу надобности скушиться. Прошлое мое ты, кажется, помнишь... Ну, да не въ этомъ дѣло. Я хотѣлъ только сказать, что не для себя трудился, а для дѣтей, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, ради самаго труда, потому что моя натура требуетъ дѣятельности

и риска. И, вѣдь, ты знаешь очень хорошо, чего я достигъ. Пусть дадутъ мнѣ выпутаться, и я покажу, что рассчитываю вѣрно и дѣла умѣю вести. Впрочемъ, я не затѣмъ къ тебѣ пришелъ, чтобы въ грѣхахъ своихъ исповѣдываться. Вѣрь мнѣ или нѣтъ, все равно. Безъ умѣнія и расчета такіа состоянія, какъ мое, не приобретаются. Я пришелъ сюда тебѣ сказать, что мнѣ денегъ теперь до зарѣзу надо и не для предприятия какого-либо или расхода, а чтобы выкупить свои векселя въ земскомъ банкѣ, потому что иначе мнѣ грозитъ скамья подсудимыхъ.

Любовь Петровна изобразила на своемъ лицѣ испугъ и недоувѣріе.

— Быть не можетъ?! Ты это такъ только говоришь... Да что-жъ ты сдѣлалъ, наконецъ, я не пойму, и какъ могъ ты это сдѣлать? Судь... Это ужасно... Вѣдь, на судѣ бывають только преступники...

Семень Андреевичъ топнулъ ногой.

— Ахъ, всѣ вы женщины таковы... Кличка вамъ прежде всего... Преступники!.. Если я выкуплю сегодня векселя, гдѣ мое преступленіе? И, стало-быть, вся вина моя въ томъ, что какъ разъ въ нужную минуту я денегъ отыскать не могу. А затѣмъ я это сдѣлалъ, затѣмъ бралъ изъ банка? Мало ли затѣмъ... видно, нужно было. Я никого не обманывалъ за всю свою жизнь, никого. Никто не сталъ бѣднѣе изъ-за того, что вель дѣла съ Семеномъ Конотоповымъ. Пользоваться своимъ умомъ или богатствомъ и обирать болѣе слабого, вотъ что постыдно и преступно... А я, я нарушалъ только букву, не обращалъ вниманія на форму, потому что я форму презираю. Я всегда имѣлъ намѣреніе честно расплатиться со всѣми, и теперь этого хочу. А если я запутался, то потому лишь, что не умѣлъ скупиться, что бѣднаго человѣка не обсчитывалъ никогда и нуждающемуся въ помощи не отказывалъ... Вотъ моя вина, коли это виной можно назвать...

Любовь Петровна опять промолчала и, взглянувъ на мужа самымъ невиннымъ образомъ, спросила:

— Да чего же ты собственно отъ меня хочешь?

— Мнѣ нужна твоя довѣренность, чтобы заложить Ново-Спасское въ тридцать двѣ тысячи, мѣрно отчеканилъ Семень Андреевичъ.

Любовь Петровна не вскрикнула, не выразила даже удивленія. Она только уставилась на мужа долгимъ взглядомъ своихъ недобрыхъ глазъ и насмѣшливо отвѣтила:

— Довѣренность на залогъ Ново-Спасскаго? И ты вообразилъ, что я на это соглашусь?

Пока она это говорила, злая улыбка показалась на ея тонкихъ губахъ.

— Я очень хорошо знаю, въ томъ же ироническомъ тонѣ возразилъ Семень Андреевичъ, — что на какую-нибудь жертву съ твоей стороны было бы смѣшно рассчитывать. Но послѣ того, что я тебѣ сейчасъ сказалъ, ты должна понять, что я поставленъ въ необходимость этого требовать отъ тебя.

— Требовать? Это чудесно...—Она размѣялась. — Послѣ того, что ты сейчасъ сказалъ, я могу только видѣть, что ты совершенно разоренъ, и съ моей стороны было бы просто непростительною глупостью со-

гласиться. Это значило бы вдобавокъ разорить и меня, и дѣтей.

— Полно! Крошечный долгъ въ 32 тысячи на имѣніи, стоящемъ почти миллионъ, это по-твоему разореніе? Неужели ты не понимаешь, что дѣло идетъ не обо мнѣ одному, а о цѣлой семьѣ. Вѣдь, если я не буду въ состояніи выкупить изъ земскаго банка мои векселя, опозоренъ буду не я только, а всѣ вы, и ты, и дѣти.

Она покачала головой.

— Твой позоръ до меня не касается...

— Послушай, оборвалъ онъ ее громовымъ голосомъ,— я никогда у тебя ничего не просилъ и просить не сталъ бы, если бы не эта крайняя нужда. Ты для меня чужая съ тѣхъ поръ, какъ... Да ты сама помнишь, я думаю...

— Помню, да... И потому именно, что я помню хорошо, я ничего не сдѣлаю, чтобы тебя спасти. Если бы отъ меня, и только отъ меня, зависѣло тебя избавить отъ позора и это мнѣ не стоило бы никакой жертвы, стоило бы только пожелать этого, такъ я и тогда бы не захотѣла тебѣ помочь... Ты испортилъ всю мою жизнь, ты нанесъ мнѣ самое странное оскорбленіе, какое можно только нанести женщинѣ, ты былъ причиною смерти единственнаго человѣка, котораго я когда-нибудь любила... Мало этого: ты оскорблялъ меня и послѣ этого постоянно, оскорблялъ каждый день, лишилъ меня любви единственной дочери, и ты воображаешь, что я прощу, что я приду къ тебѣ на помощь... Да, я рада, понимаешь ли, рада, что ты въ этомъ отчаянномъ положеніи, что ты наконецъ получишь заслуженное наказаніе... Это—первая счастливая минута въ моей жизни, и я терпѣливо ждала, чтобы такая минута наступила, и, наконецъ, дождалась... И какой же ты, въ сущности, неадекватный человѣкъ со всѣмъ твоимъ хваленнымъ умомъ... Просить меня, ха-ха, тебѣ помочь, и кому помочь — расточителю, моту, наконецъ—вору... потому что ты воръ, что бы ты тамъ ни говорилъ...

Вся кровь бросилась въ голову Семена Андреевича. Онъ кинулся къ женѣ, онъ, можетъ-быть, готовъ былъ задушить ее въ эту минуту. Но послѣдній остатокъ власти надъ собой, послѣдняя искра нравственнаго достоинства во-время остановили его. Нѣсколько мгновений онъ простоялъ передъ женою, съ дико стиснутыми губами, смотря на нее воспаленнымъ взглядомъ и не находя словъ, чтобы излить душившее его чувство негодованія, онъ отвернулся и, шатаясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты.

Когда на слѣдующее утро камердинеръ Семена Андреевича вошелъ къ нему въ спальню, то засталъ своего барина лежащимъ на кровати безъ признаковъ жизни, съ перекосившимся и посинѣвшимъ лицомъ. Вѣко на правомъ глазу опустилось, лѣвый, напротивъ, былъ широко раскрытъ и выпятился наружу. За часъ передъ тѣмъ, какъ сказалъ потомъ врачъ, съ нимъ сдѣлался ударъ, лишившій его владѣнія языкомъ и правую сторону тѣла. Вѣсть мигомъ разлетѣлась по городу и дошла до меня, когда я только что собирался выходить.

(Окончаніе будетъ).

Даръ Прометей.

Когда, по греческому сказанію, Прометей создалъ изъ глины человѣческія существа, и богиня Аѳина вдохнула въ нихъ божественное дыханіе, сынъ титановъ увѣнчалъ свое дѣло тѣмъ, что похитилъ для своихъ созданій небесный огонь, чѣмъ сдѣлалъ для нихъ возможнымъ иное, болѣе высокое, существованіе, соотвѣтственно ихъ человѣческому достоинству. Похищеніе небеснаго огня было, конечно, преступленіемъ въ глазахъ отца боговъ Зевса, почему онъ и осудилъ виновнаго быть прикованнымъ къ одной изъ дикихъ скалъ Кавказа, гдѣ орелъ ежедневно клевалъ его печень, пока Геркулесъ не убилъ орла и не освободилъ Прометей. Но жертва принесла свои плоды,

люди съ теченіемъ времени достигали все высшей и высшей степени цивилизаціи, и пожертвовавшій для нихъ собою Прометей сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ героевъ мнѣической Греціи, подвигъ котораго не устають прославлять въ теченіе тысячелѣтій поэтъ, художникъ, скульпторъ...

Позднѣйшее, менѣе легендарное, время повѣствуетъ, что Прометей принесъ огонь съ острова Лемноса, изъ огнедышащей горы Мозиклосъ; по другому сказанію — онъ изобрѣлъ зажигательное зеркало; наконецъ, ему приписываютъ изобрѣтеніе способа добывать огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева. Эти сказанія, перечисляющія способы добыванія

Лѣтній отдыхъ. Съ карт. О. Липгера, грав. Кирзей.

Дѣлежка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Хелмидкій.

огни древними, подтверждаются новейшими изысканиями д-ра Планка и профессора Миллера о способах освящения у греков и римлян.

Труднее всего, разумеется, было добывать огонь посредством двух кусков дерева: брали буравъ изъ лаврового дерева и вертели его въ кускѣ древесныя плѣща — быть-можетъ, посыпаннаго сѣрой или углемъ—до тѣхъ поръ, пока не вспыхивало пламя. Но эта процедура была такъ трудна, что требовала нѣсколькихъ смѣнъ людей. Едва ли искусные пользовались древне кременемъ, а употребленіе зажигательнаго зеркала изъ металла безъ ртутной амальгамы требовало, по меньшей мѣрѣ, много терпѣнія, такъ что рассказъ о сожженіи Архимедомъ римскаго флота посредствомъ зажигательныхъ зеркалъ несомнѣнно долженъ быть отнесенъ къ области легенды.

Такъ какъ добываніе огня въ древности было сопряжено съ трудностями, то совершенно являлось естественно стремленіе поддерживать на очагѣ непрерывный огонь; сварядамъ-же для добыванія огня, по ихъ непрактичности, было отведено второе мѣсто. Отсюда самымъ простымъ и естественнымъ образомъ вытекаетъ культъ Весты. Культъ этой богини домашняго очага, священнаго огня, богини, подательницы благъ, чтимой въ каждомъ домѣ каждой деревни и города, на почвѣ практической выражался тѣмъ, что въ каждой общинѣ было, по крайней мѣрѣ, одно мѣсто, куда во всякое время можно было придти за огнемъ, когда погасалъ собственный очагъ. А какъ огонь былъ символомъ небесной, божественной чистоты, то служить Вестѣ могли только непорочныя дѣвственницы. Съ другой стороны, огонь Весты былъ символомъ счастья для деревни, города, государства. Когда, во вторую Пуническую войну, Римъ былъ устрешенъ всевозможными предзнаменованиями несчастья, самымъ дурнымъ изъ нихъ было то, что потухъ вѣчный огонь въ храмѣ Весты, и бѣдная весталка, давшая на своей ночной стражѣ потухнуть огню, должна была въ эти тяжелыя времена искупить свою неосторожность смертью, тогда какъ въ другое время она отдѣлялась бы тѣлеснымъ наказаніемъ.

Почтеніе римлянъ къ огню было такъ велико, что у нихъ было въ обычаѣ никогда не тушить лампу, но оставлять ее догорать, несмотря на копоть и дурной запахъ.

Это благоговѣніе передъ огнемъ налагало на каждого священную, даже религиозную обязанность не отказывать сосѣду въ огнѣ, какъ бы часто онъ его ни просилъ. Отказъ въ огнѣ былъ равносильнъ изгнанію изъ общины, объявленію вражды. Зажженный свѣтильникъ ставился даже въ могилу весталки, которую за нарушеніе обѣтовъ хоронили живою; заключеннымъ также давали огонь, какъ это видно изъ одного разсказа, приводимаго Демосенномъ: „Одинъ узникъ въ государственной тюрьмѣ въ Аѳинахъ укралъ у другого долгое обязательство и въ возникшемъ по этому поводу спорѣ откусилъ ему носъ. Тогда остальные преступники приняли рѣшеніе не принимать отъ него и не подавать ему „ни пищи, ни огня“.

Дадимъ здѣсь мѣсто другому характерному анекдоту. Въ одной комедіи Плавта скупецъ, по имени Евкліо, старается, съ присущею всегъ скупцамъ скарденностью, чтобы никто не посѣщалъ его дома. Но такъ какъ онъ не осмѣливается отказать кому-либо въ огнѣ, то приказываетъ служанкѣ потушить огонь на очагѣ. Едва ли она охотно повинуется въ виду тѣхъ трудностей, съ которыми было сопряжено добываніе огня.

Впрочемъ, скупой Евкліо со своими предосторожностями былъ правъ въ томъ отношеніи, что просьба огня иногда была лишь предлогомъ для того, чтобы проникнуть въ чей-нибудь домъ. Такъ, извѣстенъ разсказъ поэта Лонгуса о влюбленномъ юношѣ Дафинисѣ, который хочетъ видѣться со своею возлюбленною Хлоей подъ предлогомъ прихода за огнемъ. Нѣчто подобное можно наблюдать еще теперь въ Нижне-Рейнскихъ провинціяхъ, вѣроятно, и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, по деревнямъ. Молодой человекъ, собирающійся просить руки молодой дѣвушки, идетъ, болѣею частью, въ воскресенье, къ ея родителямъ и просить огня для своей трубки. Каждый, кто только вышелъ изъ дѣтскаго возраста, понимаетъ это иносказаніе. Парень раскуриваетъ трубку, его просятъ садиться, и часто дѣло рѣшается тутъ же на семейномъ совѣтѣ, послѣ чего пришедшій „за огнемъ“ курильщикъ уходитъ изъ дому счастливымъ женихомъ.

Естественно, что въ древности, и болѣе всего въ одиноко стоящихъ домахъ, обращали особенное вниманіе на то, чтобы огонь на очагѣ ночью не потухалъ. Тѣмъ не менѣе, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ храмахъ Весты, огонь отъ времени до времени долженъ былъ возобновляться, такъ какъ древніе полагали, что небесное пламя, благодаря земному употребленію, теряетъ первоначальную чистоту; поэтому въ Римѣ былъ обычай, въ день 1-го марта, которымъ въ древности начинался новый годъ, тушить всѣ огни въ городѣ. Тогда на алтаряхъ Весты добывали, посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева или посредствомъ зажигательнаго зеркала, новый огонь и отсюда разносили его во всѣ частныя дома.

Эго возрѣніе на святость и чистоту огня кроется въ глубокой древности. Такъ, въ героическую эпоху Греціи, приблизительно около времени разрушенія Трои, самоубійца не пре-

давали сожженію, какъ того требовалъ повсемѣстный обычай для мертвыхъ тѣлъ, въ зарывали въ землю, опасаясь осквернить священныи огонь соприкосновеніемъ съ нимъ. Въ историческую эпоху, напротивъ того, былъ обычай—что, быть-можетъ, еще не всегъ извѣстно—хоронить мертвыхъ, хотя рядомъ съ погребеніемъ существовало и сожженіе труновъ. До насъ дошла рѣчь Аполлонія къ аѳинянамъ, въ которой онъ ихъ убѣждаетъ отказаться отъ сожженія труновъ, „такъ какъ это безчеститъ небесный огонь“. То же возрѣніе побуждаетъ малочисленныхъ въ настоящее время парсовъ, послѣдователей религіи Зороастра, оставлять своихъ покойниковъ на высокихъ башняхъ, въ жертву коршунамъ, чтобы не осквернить ими священнаго огня или матери земли.

Изъ этого же чувства благоговѣнія къ огню, какъ къ драгоценному дару Неба, возникъ обычай снабжать переселенцевъ, отирающихся на поиски новой родины, священнымъ огнемъ родного города или деревни.

Насколько скудны были, вообще, освѣтительные матеріалы, настолько несовершенно и самое употребленіе огня, т.-е. освѣщеніе. Въ древнѣйшія времена огонь очага въ то же время освѣщалъ жилое помѣщеніе. Позднѣе вошли въ употребленіе длинные факелы. Для нихъ употребляли смолистую сосновую лучину, какъ и въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Шварцвальдѣ, особенно, въ крестьянскихъ кущинахъ; далѣе—сухіе, обмазанные смолою, сучья или пропитанные смолою, воскомъ и т. д. и связанные вмѣстѣ прутья; позднѣе у римлянъ были смоляные факелы изъ пакли и восковыхъ факелы. При ношеніи, ихъ втыкали въ металлическую трубку, снабженную наверху чашкой, предохранявшей руку отъ капель жидкой смолы. На стѣнахъ жилыхъ помѣщеній для факеловъ были особыя приспособленія.

Однѣе изобразаетъ великолѣпное освѣщеніе во дворцѣ короля феаковъ, Алкиноя. Въ залѣ были разставлены золотыя статуи юношей, державшія въ рукахъ факелы и освѣщавшія столъ пиршества. А Вергілій въ Энеидѣ разсказываетъ о прекрасной волшебницѣ Цирцѣ, что она изготовила ткань при свѣтѣ факела изъ кедроваго дерева.

Рядомъ съ факелами упоминаются передвижныя металлическія рѣшетки, на которыхъ горѣлъ хворостъ, освѣщая и согревая жилище. Позднѣе явились лампы изъ глины, не рѣдки были и лампы свинцовыя, желѣзныя, серебряныя, золотыя, даже стеклянныя и мраморныя. Онѣ имѣли общезвѣстную форму маленькихъ лодочекъ съ двумя отверстиями: одно для свѣтильни, другое для палванія масла. Свѣтильной служила сердцевина одной породы тростника или кусокъ веревки; горючимъ матеріаломъ—наряду съ масломъ, нефть. Царственный расточитель Геліогабалъ жегъ благовонія. Лампы были съ виду очень изящны, украшены по своей поверхности иногда высокохудожественными изобразженіями.

Умершихъ лампы сопровождали въ могилу; могильныя раскопки дали большую часть тѣхъ тысячъ лампъ, которыя теперь наполняютъ наши музеи. При всегъ несовершенствѣ способовъ освѣщенія въ древности, когда ни одному греку или римлянину не представлялась даже въ мечтахъ возможность такого яркаго свѣта на улицахъ и въ домахъ, какой теперь у насъ, освѣщеніе все-таки дѣлало уснѣхи и въ то отдаленное время. Такъ, по всей вѣроятности, въ Италиі изобрѣтены свѣчи; по крайней мѣрѣ, о нихъ упоминаютъ писатели временъ императоровъ. Онѣ изготовлялись изъ воска, а для бѣдныхъ—изъ сала.

Хорошее и дешевое освѣщеніе, впрочемъ, далеко не составляло такой потребности, какъ теперь. Пора вставанія для всѣхъ была съ восходомъ солнца; соответственно этому и ложились рано; длинныхъ зимнихъ вечеровъ нашего Сѣвера не знало счастливое небо Греціи и Италиі. Въ спальняхъ, въ древнія времена, не жгли огня въ избѣжаніе копоти; исключеніе дѣлалось только для дѣтскихъ комнатъ. Къ тому же, масло вначалѣ было дорого, такъ какъ во времена Гомера въ Греціи еще не разводили оливковыхъ деревьевъ; даже гораздо позднѣе съ масломъ были очень бережливы. Потушивъ лампы, рабы тотчасъ же должны были ихъ наполнять снова, чтобы хозяинъ, въ случаѣ кражи масла, могъ на другое же утро застѣть ее и наказать виновника. Во времена имперіи, римскія дѣвушки пряли шерсть при свѣтѣ масляной лампы; въ болѣе ранній періодъ греческой культуры въ Италиі, бѣднѣйшій классъ населенія долженъ былъ довольствоваться свѣтомъ змѣяго очага: мужчины занимались вырѣзваніемъ факеловъ, женщины ткали или вываривали виноградное сусло, свивая пѣну листьями, вмѣсто уполовника. Въ одной комедіи Аристофана выставляется различіе между лампами, требующими много и мало масла; лампы съ нѣсколькими свѣтильнями, число которыхъ иногда доходило до двадцати, употреблялись только въ богатыхъ домахъ во время празднествъ.

Само собою разумеется, безъ свѣта не могъ обойтись и другой классъ людей, работавшихъ въ вѣчныхъ погемкахъ: рудокопы въ древности, обыкновенно, укрѣпляли свои лампочки на лбу, подобно тому, какъ въ наше время рудокопы и оружейники носятъ на головѣ или на каскѣ электрическія предохранительныя лампочки Труве.

Объ освѣщеніи улицъ въ древности, конечно, не было и рѣчи,

поэтому ишеходамъ необходимо было имѣть факель или фонарь. Последний былъ похожъ на теперешніе фонари, которые еще употребляются мѣстами въ захолустныхъ городахъ и по деревнямъ; стекло, вошедшее въ употребленіе лишь гораздо позже, замѣнялось роговыми пластинками, пузыряремъ, пропитаннымъ масломъ полотномъ или жестяными пластинками съ дырочками. Устройство этихъ ручныхъ фонарей также не могло сравниться практичностью съ теперешними, и, надо думать, что они не мало чадили и коптели. Изобрѣтеніе полой горѣлки и стекляннаго цилиндра, благодаря которымъ наши керосиновые лампы не коптятъ, относится лишь къ концу XVIII столѣтія. Вообще, ранѣе основательнаго усовершенствованія свѣтильнаго аппарата, нечего было и думать объ удовлетворительномъ освѣщеніи улицъ.

Въ древности, при ночныхъ прогулкахъ и поѣздкахъ, особенно частыхъ въ жаркое время года, были въ ходу факелы, носимые слугами изъ рабовъ. Обыденное время у древнихъ было послѣ 4-хъ часовъ пополудни. Праздничный обѣдъ затягивался до поздней ночи, послѣ чего факельщики провожали гостей по домамъ. Собственно, ночная жизнь начала входить въ моду при императорахъ, въ эпоху всеобщаго упадка нравовъ; вмѣстѣ съ этимъ развилась большая роскошь въ освѣщеніи. Такъ, послѣ одного великолѣпнаго пиршества, даннаго Клеопатрой въ честь Антонія, каждый гость получилъ въ свое распоряженіе нѣсколькихъ рабовъ-эоіоповъ съ факелами. Заслуженнымъ государственнымъ людямъ и самовникамъ назначалась такая свѣта въ видѣ особой почести, а народъ умѣлъ придавать этому обычая характеръ овацій, которыми охотно чествовалъ своихъ любимцевъ. Напримеръ, когда Цинерошъ, открывъ заговоръ Катилины, — чѣмъ спасъ государство, — вечеромъ возвращался домой черезъ рынокъ, улицы были освѣщены, какъ днемъ. Чтобы почтить его, народъ съ факелами и лампами становился у дверей домовъ, женщины взбирались на кровли и свѣтили оттуда. А какое величественное зрѣлище долженъ былъ представлять триумфальный въѣздъ Цезаря, когда триумфатору предшествовали слопы со множествомъ факеловъ на спинахъ! Изъ этого видно, что нѣмецкія шествія съ факелами не есть измысленіе новѣйшихъ временъ.

Въ первые вѣка по Рождествѣ Христовомъ были уже небольшие зачатки уличнаго освѣщенія, но они безслѣдно исчезли во время бурь, перевернувшихъ весь политическій и общественный строй древняго міра. Константинополь въ VI вѣкѣ долженъ былъ имѣть уличное освѣщеніе: Прокоцій рассказываетъ „о тратахъ императора Юстиніана изъ городскихъ суммъ на другіе предметы въ такомъ размѣрѣ, что ничего не оставалось на вознагражденіе врачей и учителей и на освѣщеніе улицъ“. А одинъ изъ отцовъ церкви, Иеронимъ, упоминаетъ о религиозномъ спорѣ православнаго съ еретикомъ на одной изъ улицъ Антіохіи, спорѣ, затанувшемъ до тѣхъ поръ, „пока не зажгли уличные фонари“.

Большимъ освѣщеніемъ сопровождался, разумѣется, экстраординарные событія человѣческой жизни. Такъ, похороны и погребальныя празднества въ древности происходили ночью, и потому, естественно, не могли обойтись безъ факеловъ и фонарей. Вечеромъ накануне свадьбы и передъ солнечнымъ восходомъ въ день рожденія двери чествуемыхъ лицъ были украшены цвѣтами и иллюминированы. Далѣе, непреложный обычай требовалъ, чтобы вечеромъ, послѣ свадьбы, невѣсту торжественно, съ факелами, провожали изъ родительскаго дома въ домъ жениха.

Возвращаясь къ практической сторонѣ жизни, укажемъ на чрезвычайно важное значеніе огня въ военное время. Уже въ Троянскую войну огненные сигналы оказали величайшія услуги. Когда греческій флотъ, для виду, отплылъ и укрылся за островомъ Тенедосомъ, а деревянная лошадь была втащена въ городъ, Елена дала объ этомъ знать своимъ соплеменникамъ, размахивая факеломъ съ самой высокой крѣпостной башни. Бдительность троянцевъ она усыпила пиршествомъ. Когда флотъ, подъ покровомъ ночи, вновь достигъ берега Иліона, адмиральское судно выставило факель, и по этому знаку хитрый Спихонъ выпустилъ изъ деревяннаго коня греческихъ героевъ, которые, въ соединеніи съ только-что высадившимися товарищами, принялись распространять смерть и гибель между

ничего не подозрѣвавшими троянцами. И когда, наконецъ, Троя пала, Агамемнонъ подалъ своей супругѣ Клитемнестрѣ обшпаный гигантскій сигналъ. На вершинѣ горы Иды приказалъ онъ зажечь огромный костеръ; на другихъ заранѣе назначенныхъ вершинахъ горъ отвѣтили такими же огненными сигналами, и вѣсть о побѣдѣ понеслась дальше, къ королевскому дворцу въ Аргосъ, гдѣ уже былъ готовъ планъ позорной гибели великаго героя.

Очень остроумное примѣненіе этому огненному телеграфу далъ Алкibiадъ во время осады Аоннъ лакедемонянами. Онъ приказалъ часовымъ, въ удостовѣреніе ихъ бодрствованія, трижды махнуть факеломъ, какъ скоро онъ сдѣлаетъ тотъ же знакъ ночью съ Акрополя: кто не отвѣтитъ, тотъ долженъ понести наказаніе, какъ если бы самовольно отлучился со своего поста.

Чрезвычайно ловко была придумана кароагеплянами, во время войны съ Сициліей, слѣдующая военная хитрость: они устроили двѣ совершенно одинаковыя клеисидры (водяные часы), вокругъ которыхъ шли въ точности соответствующіе одинъ другому круги съ разными сигнальными надписями. Когда хотѣли подать другъ другу вѣсть, то, напр., на сицилійскомъ берегу махали факеломъ, и въ ту же минуту на обонихъ берегахъ, Сициліи и Африки, приводили въ движеніе, посредствомъ вращенія, водяные часы. Какъ скоро уровень воды въ часахъ достигалъ того круга, на которомъ стояла желаемая надпись, въ Сициліи во второй разъ поднимали факель, а въ Африкѣ читали на соответствующемъ кругу приблизительно слѣдующее: пришлите денегъ, или: пришлите военныхъ машинъ, или: пришлите пѣхоту, и т. д. Такие переговоры, конечно, должны были вестись чрезвычайно точно, иначе всѣ сигналы факеломъ, не совпадая съ ходомъ клеисидры, оставались непонятными и потому не достигали цѣли.

Очень удачную военную хитрость рассказываетъ Аристидъ Элейскій. Однажды онъ отплылъ съ аонискимъ флотомъ на неприятеля, но этотъ послѣдній, показавъ рѣшительный перевѣсъ въ силахъ, самъ на него напалъ, и Аристидъ долженъ былъ отступить. Съ наступленіемъ ночи онъ приказалъ зажечь свѣтильники, такъ что неприятель могъ ясно видѣть принятое имъ направленіе. Потомъ Аристидъ велѣлъ потушить огни, зажечь другіе свѣтильники, укрѣпленные на кускахъ пробки, и пустить ихъ въ море, послѣ чего бѣглецы могли безпрепятственно продолжать путь, тогда какъ обманутые неприятели преслѣдовали плывущіе свѣтильники.

Наконецъ, въ высшей степени важно примѣненіе огня къ мадамъ. Самый знаменитый мажъ въ древности, причислявшійся къ семи чудесамъ свѣта, былъ на островѣ Фаросѣ; онъ освѣщаль Александрійскую гавань, указывая шиперамъ опасныя мели. Постройка его относится къ III вѣку до Р. Х.; онъ имѣлъ 547 футовъ вышины и освѣщаль море на 41 милю кругомъ; стоилъ 800 талантовъ (около 10 милліоновъ руб.). Теперь отъ него нѣтъ и слѣда.

Этимъ исполненнымъ сооруженіемъ мы закончимъ нашъ очеркъ. Пресловутая „чудеса свѣта“ не единственное, чѣмъ заслуживаютъ наше удивленіе два великіе народа древности, — греки, народъ науки и искусства, и римляне, народъ, по преимуществу, политики. Главная ихъ заслуга, благодаря которой они сдѣлались учителями всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, претендующихъ на цивилизацію и гражданственность, это ихъ жизнь, это тотъ неподражаемый, неуловимый духъ, которымъ она была проникнута. Одинъ извѣстныхъ знатоковъ древности справедливо указывалъ на то, что близкое знакомство съ великими представителями древней цивилизаціи пріобрѣтается изученіемъ не столько ихъ великихъ дѣлъ, сколько ихъ повседневной жизни. Безыскусственная простота и, быть-можетъ, по этому самому величіе, характеризуютъ бытъ грековъ и римлянъ. Самые трудныя, отчасти даже теперь не разрѣшенныя задачи въ области искусства и политики они разрѣшали, шутя, предоставивъ повѣйшимъ народамъ, преимущественно, народамъ XIX столѣтія, усовершенствованіе техническихъ искусствъ, въ томъ числѣ освѣщенія. Оставленный ими пробѣлъ въ научной сферѣ отнюдь не умаляетъ ихъ славы; пролитый ими духовный свѣтъ достаточно яркъ, и ни одинъ великій умъ, ни одинъ благодѣтель челоуѣчества послѣдующихъ поколѣній не мнивалъ ихъ животворнаго вліянія.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Записки охотника“ И. С. Тургенева — „Льговъ“ и „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“. (Рис. на стр. 760 и 761).

Изящные рисунки молодого художника Н. Кравченко ставятъ припомнить два разсказа безсмертнаго романиста изъ дѣлаго риднаго блестящихъ записокъ охотника. Первый изъ нихъ переноситъ зрителя на широкій прудъ въ большомъ стѣнномъ селѣ Льговѣ. „На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затиньяхъ между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ... Небольшія стаи то и дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ

выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у!“

Художникъ изобразилъ ту сцену разсказа, когда на этомъ-то прудѣ, въ плохомъ дощаникѣ Сучка, который „нихался“ длиннымъ шестомъ, авторъ разсказа, въ сопровожденіи неизвѣстнаго Ермолая и охотника Владимира, у котораго все лицо было повязано чернымъ платкомъ, увлеченъ охотой, не подозревая, какъ она окончится для всѣхъ неприятно.

На другомъ рисункѣ художникъ изобразилъ ночную бесѣду въ домѣ богатаго помѣщика и охотника Александра Михайлыча Г***, гдѣ авторъ познакомился съ таинственнымъ Василіемъ Васильевичемъ, назвавшимъ себя Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда.

Исполинская бабочка. (Рис. на стр. 765).

Смѣлый путешественникъ Иванъ Дыбовскій привезъ изъ своего опаснаго путешествія въ Конго большую коллекцію насекомыхъ. Брадравиля, Бауги и Верхній-Кемо были главными и успѣвѣйшими пунктами собиранія этой богатой энтомологической коллекціи, изъ которой одинъ экземпляръ изображенъ на нашемъ рисункѣ. Исполинская бабочка со своими колоссальными крыльями водится въ Западной Африкѣ и представляетъ большую энтомологическую рѣдкость. Она носитъ въ наукѣ названіе „Papilio Antimachus“.

Впервые бабочка эта была описана вѣдущимъ натуралистомъ въ Сиера-Леонѣ и была описана Дрюри, въ 1782 г., въ его трудѣ, озаглавленномъ „Illustrations of natural history“.

Наша гравюра изображаетъ „Papilio Antimachus“ въ разныхъ положеніяхъ: на лету и ползющей по землѣ. Изображенная на первомъ планѣ бабочка движется по песку морского берега, отыскивая себѣ пищу. Голова и щитокъ у нея чернаго цвѣта и усѣяны свѣтлыми, почти бѣлыми, маленькими точечками; счетомъ ихъ десять на головѣ, четыре у соединенія крыльевъ; кромѣ того, известное количество такихъ же еще по бокамъ груди. Брюшко у нея сверху тоже черное, а снизу темноватое, цвѣта глины, какъ на концахъ, такъ и по бокамъ. Крылья ея нижнія свѣтлыя, а по концамъ сѣроватыя, унизаны черными пятнышками, расположенными симметрично на обоихъ крыльяхъ, и окаймлены зубчатымъ бордюромъ изъ желтыхъ полулуночекъ. Верхнія же крылья по серединѣ, у самого тѣла ея, черныя и, чѣмъ дальше къ краямъ, тѣмъ они свѣтлѣе. На нихъ имѣются также свѣтлыя желта-сѣрыя пятна, неправильной формы, то овальныя, то въ формѣ полулунія.

Экземпляръ „Papilio Antimachus“, описанный Дрюри, былъ съ распушенными крыльями, величиною въ 8½ англ. дюймовъ или 21,5 см. сантиметровъ, а привезенный г. Дыбовскимъ чуть меньше—въ 21 сантиметръ.

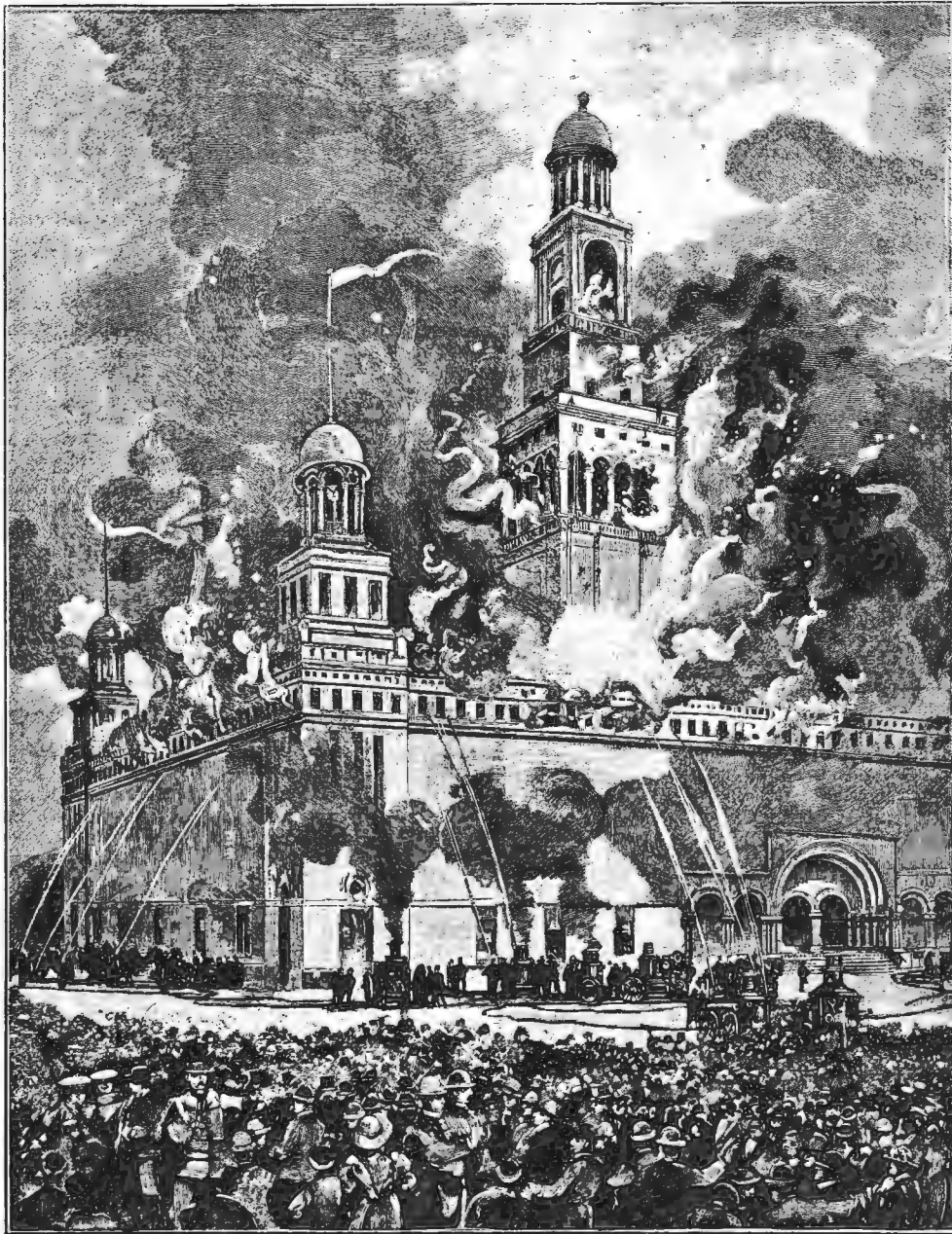
Лѣтній отдыхъ. (Рис. на стр. 768).

Лѣто въ полномъ расцвѣтѣ, и чудный день манитъ подъ прозрачную, благоухающую тѣнь деревьевъ. Тамъ, въ прохладномъ полусвѣтѣ, невольно охватываетъ сладкая дрема, и свѣтлыя мысли, какъ пчелы вокругъ цвѣтловъ, такъ и рѣются въ мечтательной головкѣ нашей красавицы.

Дѣлежка. (Рис. на стр. 769).

Отецъ вернулся съ ярмарки. Прежде другихъ къ нему подошла дѣтвора за гостинцами, и онъ, не успѣвъ сойти съ тележки, долженъ былъ отдать привезенные булочки. Не мало хлопотъ и толковъ причинили они. Не торопясь, по-холодаки, дѣлать ребятинки связку баранокъ, но такъ и кажется, что выжидательный покой парушится слезами и криками.

Пожаръ на выставкѣ въ Чикаго. (Рис. на этой стр.).

Пожаръ зданія компании „Геркулесъ“ на Колумбійской выставкѣ въ Чикаго.
По рис. съ пат. авторства Кройса.

Къ сожалѣнію, оправдаными справедливыми предположеніями корреспондентки изъ Чикаго, помещенной въ *Нивъ* въ № 28. На выставкѣ не замедлилъ произойти пожаръ, стоившій многихъ человеческихъ жертвъ. Пожаръ вспыхнулъ въ зданіи компании „Геркулесъ“, гдѣ помещались аппараты для приготовления искусственнаго льда и для искусственнаго пониженія температуры въ помѣщеніяхъ. Зданіе это, въ 37 саженъ длины и 20 саж. ширины, состоявшее изъ желѣзной обрѣшетки, крытой досками, съ высокой 30-ти-саженной башней по серединѣ, было такъ же красиво, какъ и непрочное. Какъ и всѣ прочія выставочныя зданія, сооруженныя на сѣвѣ, оно не только не было обезпечено отъ пожара, но какъ бы приспособлено къ нему. 10 іюля пришлось въ этомъ убѣдиться вѣроятно—вспыхнувшей въ этомъ зданіи пожаръ много охватилъ его всего и образовалъ одинъ горящій костеръ. Скоро прибывшая пожарная команда не могла, собственно, ничего помочь. О тушеніи пожара нельзя было и думать. Но брандмейстеръ рѣшился на отчаянный шагъ и велѣлъ порядочному числу пожарныхъ взобраться на среднюю башню. Пламя уже запылало на ней со всѣхъ сторонъ. Несчастные пожарные, самоотверженно исполнившіе свой долгъ, были обречены на неминуемую гибель. Они спустили канаты на землю, надѣясь по нимъ спуститься, но канаты сгорѣли. Они были отрѣзаны отъ земли и должны были погибнуть въ подбравшемся къ нимъ пламени. Въ порывѣ отчаянія кидались они съ высоты 70-ти футовъ и находили себя внизу ту же смерть въ огнѣ, отъ которой они надѣлись спастись наверху, на башнѣ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ башня рухнула всей своей громадой. Съ нею вмѣстѣ погибли въ пламени и нѣсколько десятковъ пожарныхъ. При раскопкахъ нашли 12 труповъ; около 30 человекъ изувѣченыхъ; остальные не найдены—вѣроятно, сгорѣли безслѣдно.

Жанъ-Мартенъ Шарко.

(Портр. на этой стр.).

4-го августа, въ Марванѣ, скоропостижно скончался отъ апоплексическаго удара знаменитый ученый, известный невропатологъ, профессоръ Жанъ-Мартенъ Шарко. Родился онъ въ Парижѣ 29 ноября 1825 года. Окончивъ курсъ лицей, покойный поступилъ въ Парижскій университетъ на медицинскій факультетъ. Защитивъ въ 1853 г. блестяще диссертацию, онъ былъ назначенъ директоромъ клиники въ Парижской медицинской школѣ. Въ 1856 г. онъ состоялъ врачомъ при центральномъ бюро парижскихъ госпиталей, а въ 1862 г. былъ назначенъ врачомъ известнаго колоссальнаго парижскаго госпиталя Salpêtrière. Здѣсь, съ 1866 г., началъ онъ читать лекціи о маразмѣ, хроническихъ и нервныхъ болѣзняхъ, обратившія на него всеобщее вниманіе въ научномъ мірѣ. Новый профессоръ проводилъ совершенно новые взгляды, излагая ихъ талантливо и доказательно. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Salpêtrière стали стекаться слушатели со всѣхъ концовъ Франціи и даже изъ другихъ странъ. Скоро Шарко стоялъ уже во главѣ цѣлой школы и прославилъ Salpêtrière своими лекціями. Въ 1873 г. онъ былъ избранъ профессоромъ патологической анатоміи въ Парижскомъ университетѣ, но въ 1882 г. промѣнялъ эту кафедру на другую, специально для него учрежденную, кафедру нервныхъ бо-

Профессоръ Жанъ-Мартенъ Шарко († 4 августа 1893 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

лѣзней, при чемъ лекціи должны были читаться въ госпиталѣ Salpêtrière. Важнѣйшія заслуги Шарко состоятъ въ томъ, что онъ пролилъ много свѣта въ области патологической анатоміи нервной системы, открылъ рядъ неизвѣстныхъ раѣ нервныхъ болѣзней, сильно выдвинулъ впередъ диагностику нервныхъ болѣзней, указавъ новые пути къ ихъ распознаванію. Въ новѣйшее время онъ сильно интересовался гипнотизмомъ и цѣлымъ рядомъ лабораторныхъ изслѣдованій доказалъ, что гипнотизмъ можетъ служить медицинскіи орудіемъ въ борьбѣ съ различными нервными болѣзнями. Его интересовала также электротерапія и металлотерапія. Вообще, онъ утверждалъ, что въ борьбѣ съ болѣзнями надо искать новыхъ средствъ. Труды Шарко очень многочисленны. Онъ писалъ и печаталъ свои монографіи въ теченіе 40 лѣтъ.

Похороны въ Бозѣ почившаго митрополита Московскаго Леонтія.

(Рис. на этой стр.).

3 августа, изъ Крестовой церкви, въ Черкизовѣ, было перенесено тѣло въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, въ Чудовъ монастырь. На другой день, 4 августа, послѣ заупокойной литургии, отслуженной высокопреосвященнымъ Оеогностомъ, архіепископомъ Новгород-

Похороны въ Бозѣ почившаго Московскаго митрополита Леонтія. Выносъ тѣла изъ Чудова монастыря.
Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

скимъ и Старорусскимъ, совершенно было отпѣваніе, послѣ чего состоялся выносъ тѣла почившаго архимандрита изъ Чудова монастыря на Ярославскій вокзалъ, для слѣдованія по желѣзнодорожъ въ Троице-Сергіеву лавру—мѣсто погребенія, назначенное самимъ почившимъ. На выносъ присутствовали и шли пѣшкомъ за колесницей: Его Императорское Высочество Августѣйшій Генералъ-Губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ, командующій войсками ген.-ад. Костанда, городской голова Рукавишниковъ и всѣ начальствующія лица.

Все духовенство столицы въ полномъ сборѣ участвовало въ шествіи. У Казанскаго собора Его Высочество съ Августѣйшей Супругой, слѣдовавшей за кортежемъ въ экипажѣ, оставили процессію и отбыли на погребеніе въ Троице-Сергіеву лавру. По всему пути, отъ монастыря до вокзала, было огромное стеченіе народа. У церкви служились литіи, и во все время шествія раздавался колокольный звонъ. Погребенъ почившій 5-го августа въ Троице-Сергіеву лавру, въ склепѣ Успенскаго собора.

Политическое обозрѣніе.

Въ Германіи опубликовано императорское распоряженіе, отъ 5 (17) августа, относительно увеличенія таможенныхъ пошлинъ на товары, привозимые изъ Финляндіи. Распоряженіе вступаетъ въ силу немедленно. Въ официальной газетѣ опубликованы далѣе установленныя союзнымъ совѣтомъ инструкціи для исполненія мѣры, согласно которымъ 4 (16) октября назначается крайнимъ срокомъ для примѣненія общаго (невозвышеннаго) таможеннаго тарифа къ товарамъ, вывозимымъ изъ Финляндіи до 6 (18) августа и въ Германіи еще не очищеннымъ пошлиною ко двю опубликованія распоряженія.

Въ Австро-Венгріи, съ другой стороны, по свѣдѣніямъ *Wiener Tageblatt*, представители желѣзныхъ дорогъ, заинтересованныхъ въ прямомъ сообщеніи юго-западной Россіи съ Австро-Венгріею, Швейцаріей и Франціею, совѣщались, подъ предѣлательствомъ представителя австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, относительно пониженія нѣкоторыхъ тарифовъ, при чемъ достигнуто принципиальное соглашеніе о размѣрѣ допущаемыхъ пониженій. Между прочимъ, дано соглашеніе на особенное уменьшеніе тарифовъ на хлѣбъ, лѣсъ и керосинъ, привозимые изъ Россіи, и на желѣзо, стекло и писчую бумагу, отправляемая въ Россію.

Во Франціи выборы окончились спокойно, но предстоятъ не мало перебаллотировокъ. Всего выставлено было 2.060 кандидатуръ, въ томъ числѣ 371 въ Парижѣ. Отмѣчая выборы, республиканскія газеты говорятъ, что выборы 8-го (20-го) числа указываютъ на отвращеніе страны къ партіямъ, не признаю-

щимъ теперешней конституціи; правительственное большинство тверже, чѣмъ когда-либо. Выборы депутатовъ отвлекли въ странѣ вниманіе отъ событій 6 августа въ Эгъ-Мортѣ, близъ Нима, на югѣ Франціи, гдѣ произошли драки французскихъ рабочихъ съ солдаты заводоу съ итальянскими рабочими, при чемъ убито 12 и ранено 30 человекъ. Прибывшія войска восстановили порядокъ, и правительство тотчасъ дало удовлетвореніе Италіи, отрѣшивъ отъ должности мѣстнаго мэра. Тѣмъ не менѣе, эти событія вызвали не мало волненій и манифестацій, враждебныхъ Франціи. Въ Римѣ два дня кряду, во время вечернихъ концертовъ на площади Колонна, оркестру приказано было только играть итальянскіе народные гимны и германскій гимнъ, которые вызвали шумныя оваціи. Затѣмъ, 9-го августа, толпа направилась къ площади Фарнезе, гдѣ помѣщается французское посольство при Квириналѣ, но доступъ къ площади былъ закрытъ войсками. Полиція разогнала толпу. Небольшой группѣ удалось, однако, обойти дворецъ Фарнезе съ задней стороны, и, несмотря на противодействие войска, нѣкоторыми лицами была сдѣлана попытка заломать желѣзную рѣшетку одного изъ оконъ перваго этажа. Толпу удалось разогнать лишь по прибытіи подкрѣпленія. Телеграммы изъ многихъ другихъ городовъ Италіи сообщаютъ о демонстраціяхъ, вызванныхъ событиями въ Эгъ-Мортѣ. Въ Мессинѣ толпа сорвала и сожгла гербъ французскаго консульства. Въ Генуѣ сожжены 12 конножелѣзныхъ вагоновъ французскаго общества.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великими Князьями Ксеніею Александровною и Ольгою Александровною и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, 10-го августа, въ 6 часовъ вечера, на Императорской яхтѣ „Александрія“, отбыли изъ Новаго Петергофа къ Кронштадту, гдѣ перешли на Императорскую яхту „Полярная Звѣзда“, для слѣдованія въ Либау, а оттуда въ Данію.

— Въ санѣ митрополита Московскаго и Коломенскаго возведенъ членъ Святѣйшаго Синода, высокопреосвященный Сергій, архиепископъ Херсонскій и Одесскій.

— 12-го августа состоялась, въ присутствіи Ихъ Величествъ, торжественная закладка Либаускаго военнаго и коммерческаго порта.

— Министерство Государственныхъ Имуществъ организовало штатъ инструкторовъ молочнаго хозяйства для устройства между отдѣльными крестьянами артельного молочнаго и преподаванія въ хозяйствахъ практическихъ примѣровъ веденія молочнаго хозяйства.

— При монастыряхъ, въ которые стекаются ежегодно массы богомольцевъ, рѣшено устроить правильно-организованныя больницы съ постоянными врачами при нихъ.

— 5-го августа, въ Одессѣ и ея окрестностяхъ, Кишиневѣ, Аккерманѣ, Тирасполѣ и Балтѣ наблюдалось, при совершенно ясной погодѣ, довольно продолжительное и сильное землетрясеніе.

— Г. попечитель Кавказскаго учебнаго округа обратилъ особое вниманіе директоръ и начальниковъ училищъ и школъ на

образовательныя прогулки учащихся. Прогулки эти будутъ совершаться систематически, подъ руководствомъ опытнаго воспитателя, который будетъ давать ученикамъ на мѣстѣ нужныя объясненія.

— Командиръ Петербургскаго порта, адмиралъ Верховскій, предложилъ члену правленія „Одесскаго общества содѣйствія физическому воспитанію дѣтей“, г. Радецкому, устроить игры для дѣтей въ районѣ порта и чтеніе о вредѣ пьянства, объ играхъ на воздухѣ, для рабочихъ въ Новомъ Адмиралтействѣ и Галерномъ островѣ.

— Секретарь Московскаго географическаго общества Ивановскій и военный топографъ Пастуховъ сдѣлали восхожденіе на вершину Большаго Арабата, достигнувъ высшей ея точки.

Смѣсь.

Средства нашего Краснаго Креста, согласно опубликованнымъ свѣдѣніямъ послѣдней ревизіи, выразились въ цифрѣ 3,422,420 р. 88 к.; изъ нихъ: кредитными билетами, купонами и переводами 9,925 руб. 62 коп., документами 100 руб., въ Государственномъ банкѣ: на текущемъ счетѣ 43,733 руб. 26 коп. и на храненіи процентными бумагами 3,368,662 руб.

Цѣны на дикихъ звѣрей. Главнымъ поставщикомъ дикихъ звѣрей въ зоологическіе сады и зверинцы служитъ Г. Хагенбекъ въ

Гамбургѣ. Согласно его „прейскуранту“, самымъ дорогимъ звѣремъ является жирафъ, цѣна котораго 27,500 фр. Гиеногамъ стоитъ 25,000 франковъ. Цѣна лучшаго экземпляра льва достигаетъ 5,000 фр., а слона—колеблется отъ 6,000 до 12,000 фр. Тигра можно купить за 2,500—4,000 фр. Леопарды стоятъ до 750 фр., черныя пантеры отъ 1,000 до 1,500 фр.

Милліонъ франковъ завѣщанъ профессоромъ хирургіи въ Туринѣ Джачинто Пакіотти на различныя ученія учрежденія этого города.

СОДЕРЖАНІЕ: Три Тургеневскія „памяти“. Очеркъ А. И. Введенскаго (съ портр.).—Сильный человѣкъ. Романъ Н. Орловскаго. (Продолженіе).—Дѣръ Прометей.—Къ рисункамъ: Литературный альбомъ. „Записки Охотника“ И. С. Тургенева.—„Льговъ“ и „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“ (съ 2 рис.).—Исполнинская бабочка (съ рис.).—Лѣтній отдыхъ (съ рис.).—Дѣленина (съ рис.).—Пожаръ на выставкѣ въ Чинаго (съ рис.).—Прессоръ Шарко (съ портр.).—Похороны въ Бозѣ почившаго митрополита Московскаго Леонтія (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Воллонскій.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. инородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписанные билеты.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. 5 р. } Съ дост. въ Петерб. 6 р. 50 к. } Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. обьявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торг. линія 6 р. } Съ перес. въ Москву и др. города Россіи 7 р. } За границу 10 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

**Утвержденные Министерством
Внутренних Дѣлъ,
основанные въ 1881—82 г.**
Молобствіе состоится 1 сентября въ 1 ч.
дня. Начало занятій 2 сентября.
Окончившіе полный курс ученія полу-
чаютъ свидѣтельство или аттестатъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧ. КУРСЫ РАШГОФЪ.

Адресъ: Спб., Малая Морская, № 7.
Приемные часы директора и приемъ вновь
поступающихъ съ 20 августа ежедневно,
отъ 1—3 ч. дня и отъ 5—7 ч. вѣч. По-
дробныя прогнр. высылаются и выдаются
безплатно.
Директоръ Евгений Павловичъ
РАШГОФЪ.

№ 6478

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ
1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., по прочности
и дешевизнѣ неизмѣнно для костюмовъ до-
машнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охо-
тничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ,
техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимнази-
стовъ и проч.

Иногороднымъ высылаются образцы.
Магазины: Спб., Владимірская, № 6; Петерб.
сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш.
Новая улица, 15. № 6489 10—3

Новая американская скоропишущая машина „ГАЛЛЬ“ № 6228 (5)

Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина
пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе
различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р.
Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину
и пробныя шрифты безплатно. Единственный представитель для
всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕМПЕЛЬ въ г. Одессѣ.
Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

НАРЛЬ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

Садовое заведеніе въ Ригѣ,
смыслъ имѣть честь довести до свѣдѣній лю-
бителей, что № 6493 3—3
нatalogи Деревьямъ, растеніямъ, цвѣточ-
нымъ луковичкамъ и пр.
на 1893—1894 г.
изданы и высылаются по требов. безплатно.
Заведеніе существуетъ съ 1816-го года.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ
перенески) въ 15 уроковъ
у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ
А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской все-
мирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ зо-
лотой медали. № 6208 52—23
За 2 семиклѣбныя марки высылаются
пробное письмо и условія. Адресъ: Про-
фессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ
Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (4)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ Mimosa ЛОЗЕ Ixora-viola

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Основный и запасный капиталы 18.500,000 руб.

Примѣръ. Отецъ семейства, 38-ми лѣтъ отъ роду, страхуетъ
10,000 руб., которые должны быть выданы женѣ и дѣтямъ
немедленно послѣ смерти. За такое страхованіе онъ упла-
чиваетъ трехмѣсячную премію въ 77 руб. 50 коп. и поль-
зуется участіемъ въ прибыляхъ Общества.

Страхованія принимаются на суммы отъ 1,000 до 100,000
руб. на жизнь одного лица. Застрахованный капиталъ вы-
дается и въ случаѣ смерти отъ холеры или другой эпидеми-
ческой болѣзни.

Дивидендъ страхователей за 1892 г.—12%.

Первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ
третьяго года страхованія.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣ-
дѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая
Морская, собств. домъ № 37) и агентами Общества въ го-
родахъ Имперіи.

№ 6434 6—6

2-й ВЫГРЫШ- НЫЙ

заемъ, 1 сентября ти-
ражъ, продается на
условіяхъ дешевыхъ
и добросовѣстныхъ

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, Спб. (5—4)
1 марта с. г. на билетъ II займа,
сер. 02081 № 25, купленный въ Банк.
Домъ съ задаткомъ 20 руб., пять
выигрышъ въ 5000 р. и 1 мал с. г.
на билетъ III (Дворянскаго) займа
05413, № 04 выигрышъ въ 500 р.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. За условіями
образ. письменно: Генрихъ Блокъ,
С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7—5

Американская новость!

Металлическія подошвы и набойки для
мужчинъ, дамъ и дѣтей.

Подошвы эти могутъ быть подбиты подъ
обувь каждаго, и отличаются передъ во-
сужденіи слѣдующими преимуществами: Онѣ
прочнѣе кожи, легче кожи, дешевле кожи,
эластичнѣе кожи, не допускаютъ сви-
ваться наблукамъ, замѣняютъ вторую
подошву и не пропускаютъ сырость.
При заказѣхъ высылаютъ выкройку подошвы.
Цѣна 1-ой пары подошвъ и набоекъ СР.
1. 60. Единствен. представительство для
Россіи: С.-Петербургъ, Сладъ Новыхъ
Изобрѣтеній, Невскій, 4. Заказъ высыла-
ются немедленно, можно и наложеннымъ.
Торговцамъ уступка. Каталогъ всѣхъ изоб-
рѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку.

ДВИГАТЕЛИ ГРѢТЫМЪ ВОЗДУХОМЪ. Про-
спектъ высл. за 7 коп. марку. Заводъ
„Сила и Свѣтъ“, Спб., у Зоологич. сада.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪБЛОКЪ!
Фирма премірована на европейскихъ
выставкахъ десятью золотыми ме-
далями и высшими знаками.
Косметические спермацеваты,
личные № 5898
УТИРАЛЬНИКИ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацеватныхъ
утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистою. Удобное средство въ дорогѣ,
гдѣ лицо особенно подвержено взаи-
мной пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда
имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп.,
съ перес. не менѣе двухъ пач.
2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія подѣлокъ, про-
шу обратить вниманіе на подписъ
А. Энглундъ—красными чернилами
марку С.-Петербургской Косметиче-
ской Лабораторіи. Получать можно
въ Высочайше утвержденномъ рус-
скомъ обществѣ торговли аптекар-
скими товарами, Казанская ул., № 12
и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ торговыхъ Рос-
сійской Имперіи.—Главный складъ
для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Пе-
тербургъ, Васильевая ул., д. № 2.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕНЬ-ПОРТМОНЪ

Тиль-Топъ
превосход-
но сдѣланъ изъ телячьей кожи
съ золотомъ, съ никелирован. замкомъ.
Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю
и только онъ сумѣетъ открыть Тиль-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бока раздвигаются какъ у гар-
мони, очень изящный: шт. 3 р. 75 к.;
2 за 6 р. 75 к. № 6190 5—3
3 разнѣе, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к.
Пересладо наложеннымъ платежамъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ,
Невск. пр., № 20-44.

ШОКОЛАТЬ
ФАБРИКИ ССІУКЪ
НАХОДИТСЯ
ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ
РОССІИ
ПРЕДУСТРЕЖЕНІЕ
ВЪ ПОРАЖЕНІИ
НАШЕЙ
МАРКИ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪБЛОКЪ!
ПРОВИЗОРА
Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ
ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЪСДѢ
1/2 50 1/2 30

Главный складъ для всей Россіи у К. И.
Феррейръ въ Москвѣ. III. № 6485

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Просятъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ,
которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодер-
минъ, такъ какъ появились подѣлки съ точнымъ подражаніемъ упа-
ковки и ярлыковъ. III. № 6449 28—9

Новое издание А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Только что отпечатано и поступило
въ продажу

НОВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ
повѣсти Н. В. ГОГОЛЯ

„ТАРАСЪ БУЛЬБА“.

Новое издание повѣсти „Тарасъ Бульба“ снабжено специально для этого изданія художественно исполненными рисунками и виньетками, прекрасно иллюстрирующими содержание повѣсти.

Въ изданіи 170 страницъ текста и 28 рисунковъ и виньетокъ извѣстныхъ художниковъ: М. Зичи, Р. Штейна, А. Котляревскаго и др.

Текстъ отпечатанъ красивымъ четкимъ шрифтомъ на отличной бумагѣ.

Цѣна новаго изданія „Тарасъ Бульба“ въ переплетѣ, украшенномъ гравюрой и портретомъ Гоголя, 30 к., съ перес. 40 к.

Образецъ виньетокъ (стр. 44).

Повѣсть „Тарасъ Бульба“ допущена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

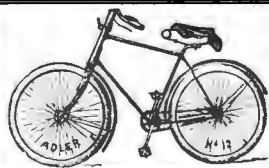
Повѣсть „Тарасъ Бульба“, по своему истинно-народному характеру, является очень желательною и полезною книгою для чтенія среди крестьянъ, нижнихъ чиновъ, фабричныхъ рабочихъ и т. д., а также можетъ служить прекраснымъ учебнымъ пособіемъ для школъ. Въ виду этого при выписываніи названной книги большими партіями (отъ 100 и болѣе экземпляровъ) для полковъ, фабрикъ, школъ и пр. будетъ дѣлаться соответствующая уступка.

Съ требованіями просить обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Невскій пр., № 6; въ Москвѣ: Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), Бр. Салаевыхъ (В. В. Думнова), И. Д. Сытина, Никольская; въ книжные магазины „Новаго Времени“ въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ; Н. П. Карбасникова въ Москвѣ и Варшавѣ, и во всѣ извѣстные книжные магазины.

Андрей врадется ночью изъ лагеря запорожцевъ.

Образецъ рисунковъ (стр. 69).

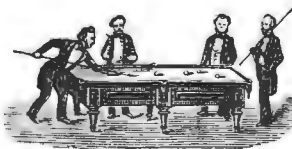
Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургъ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—20

велосипед. „Орель“.

На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.

Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—15

Иллюстрированные прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

ПХЛАУ и БРАНТЪ,

Петровка, д. Ганецкой. Ильинка, рад. съ Биржей.
Вновь получены въ громадномъ выборѣ
LAWN TENNIS SHOES,

а также
CYCLISTES SHOES

(для гг. велосипедистовъ)
туфли на резиновой подошвѣ всѣхъ размѣровъ.

Англійскіе непромокаемые

ПАЛЬТО, ПЛАЩИ, НАКИДКИ
И ПЛЕДЫ,

сдѣланные изъ лучшихъ шерстяныхъ матерій извѣстной англійской фабрики
CHAS. MACINTOSH & CO,
MANCHESTER.

КРЫЛАТКИ: фасонъ очень удобный
носить сверхъ осенняго
и даже ватнаго пальто.

Образцы матерій высылаются бесплатно.

РЕЗИНОВЫЯ ШИНЫ 1-го сорта
Т-ва Россійско-Американской резиновой
мануфактуры.

НАТЯЖКА ВЪ 2 ЧАСА.

Въ большомъ выборѣ:

РЕЗИНОВЫЯ скатерти всѣхъ рисунковъ.
РЕЗИНОВЫЯ дорожныя подушки всѣхъ размѣровъ.

РЕЗИНОВЫЕ плавательные пояса всѣхъ величинъ.

РЕЗИНОВЫЕ чепчики для кунанья, бань и проч.

РЕЗИНОВЫЯ ванны „Туб“ большой выборъ.

РЕЗИНОВЫЕ мѣшки для губокъ и мыла.

РЕЗИНОВЫЕ нагавники всѣхъ системъ.

РЕЗИНОВЫЯ хирургич. вещи для ухода за больными.

РЕЗИНОВЫЯ техническ. вещи для фабрикъ и заводовъ и масса др. всевозможныхъ резиновыхъ новостей.

РЕЗИНОВЫЯ техническ. вещи для фабрикъ и заводовъ и масса др. всевозможныхъ резиновыхъ новостей.

ШВЕДСКІЯ КОЖАНЫЯ
КУРТКИ,

готовы и на заказъ.

Дорожныя вещи

работы мастеровъ извѣстной фирмы Лансвага.

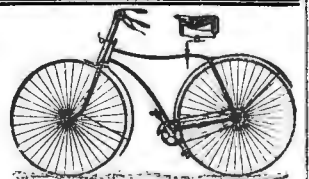
Багажныя корзины, обитыя красною цвѣтною непромокаемою парусиною и кожей, замѣчательно прочны, а главное удивительно легки; за прочностью ручаясь. Погребцы и корзины-несессеры для съѣстн. припасовъ по умѣрен. цѣнамъ.

Издѣлія Т-ва Россійско-Американской резиновой мануфактуры.

ПХЛАУ и БРАНТЪ,

Петровка, д. Ганецкой, Ильинка, рядомъ съ Биржей. П. № 6503

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ Ж. БЛОКЪ.

(основ. въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,

П. № Божандъ и Екатеринбургъ. 25—24

5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

XXIV г.

№ 35

Выходит еженедельно, съ приложіемъ 12-ти еженеѣлчн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 28 августа 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Три ненапечатанныя письма Грибоѣдова къ Амбургеру.

Сообщ. Арс. И. Введенскаго.

Амбургеръ, Андрей Карловичъ, былъ въ 1828 году русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ, и имя его нерѣдко встрѣчается въ официальныхъ донесеніяхъ Грибоѣдова; но писемъ къ нему творца „Горе отъ ума“ до сихъ поръ въ печати не появлялось. Письма, предлагаемая теперь читателю, найдены въ Тавризѣ позднѣйшимъ генеральнымъ же консуломъ, Николаемъ Андреевичемъ Аничковымъ, и хранились въ семейныхъ бумагахъ Аничковыхъ *).

*) Считаю долгомъ своимъ выразить глубокую благодарность Маріи Богдановнѣ Аничковой, любезно дозволившей мнѣ снять копіи съ писемъ и напечатать ихъ. *Вс.*

Переписка, возникшая въ 1828 году между Грибоѣдовымъ и Амбургеромъ, не лишена серьезнаго значенія для біографіи знаменитаго писателя. Амбургеръ, до прибытія Грибоѣдова въ Персію, былъ главнымъ представителемъ русскихъ интересовъ въ только что побѣжденной странѣ, и въ дружескихъ письмахъ къ нему отражаются взгляды Грибоѣдова на предстоящую ему роль и дѣятельность въ Персіи—гораздо ярче, чѣмъ въ официальныхъ отношеніяхъ къ Паскевичу, къ директору Азіатскаго департамента Родофиникину и т. п., или же, наконецъ, къ знакомымъ и друзьямъ, которыхъ политическія дѣла и отношенія могли интересовать только косвенно.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасанія. Рис. 1. Павильонъ Общества бесплатныхъ и дешевыхъ столовыхъ. Съ фот. грав. М. Рацевскій.

Приѣхавъ съ обширными полномочіями для сношеній съ Персіей, Грибоѣдовъ, естественно, долженъ былъ еще изъ Закавказья уведомить Амбургера о характерѣ своего назначенія и о своихъ видахъ и намѣреніяхъ; этому именно и посвящено первое письмо, не имѣющее даты, но писанное, очевидно, изъ Тифлиса въ первой половинѣ августа 1828 г., по возвращеніи изъ-подъ Ахалкалаки, всего вѣроятнѣе, числа около 12-го, и, конечно, раньше 15-го—день паденія Ахалциха передъ русскимъ оружіемъ. Всѣ обстоятельства, о которыхъ говоритъ Грибоѣдовъ въ письмѣ, прямо указываютъ на это. Тогда именно былъ въ Тифлисѣ и докторъ английской миссіи въ Тегеранѣ, и придворный врачъ шаха Макнилъ, жена котораго, по словамъ письма, посѣтила Нину Александрову Чавчавадзе, въ тѣ дни еще невѣсту (promise) Грибоѣдова—они обвѣнчались 22 августа. Въ другихъ письмахъ встрѣчаются любопытныя свидѣтельства о томъ, какъ относился Грибоѣдовъ къ Паскевичу, къ Родофиникину, вообще, къ лицамъ, съ которыми онъ былъ связанъ официальными дѣлами. Въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ и подчиненнымъ онъ является тутъ тѣмъ же справедливымъ и дружески настроеннымъ, какимъ мы знаемъ его и изъ другихъ данныхъ, и всегда готовымъ защитить ихъ отъ разныхъ неумѣстныхъ притязаній. Въ третьемъ письмѣ Грибоѣдовъ общается Амбургеру защищать его отъ безцеремонности генерала Панкратѣва, и мы знаемъ, что онъ исполнилъ это обѣщаніе, написавъ, въ отношеніи отъ 23 сентября къ Паскевичу, убѣдительношую просьбу — „однажды навсегда предписать имъ (Панкратѣву и, вообще, пограничнымъ начальникамъ), дабы они воздерживались...“

Печатаемъ письма съ возможной точностью: *)

I.

(1828 г.—около половины августа).

Les feuilles publiques vous apprendront nos victoires. L'Empereur s'est rendu maître presque de toutes les forteresses sur le Danube et déjà on assiège Varna. Anapa prise, de ce côté-ci le Comte a emporté d'assaut Kars, Akhalkalake et Gartvis, je crois, qu' Akhalkalike tombera un de ces quatre matins. Vous n'aurez pas besoin de faire sonner cela trop haut aux Persans, car les bruits leur en sont déjà parvenus depuis longtems.

Mon instruction pour nos voisins est très simple. Je suis muni d'assez de pouvoir pour être utile à Abbas-Mirza dans la circonstance la plus grave de sa vie. Je tiens de S. M. l'Empereur même, comment il y est porté par une pure générosité; mais si jusques-là on se conduisait mal envers moi, c'est pour le maintien du traité, je reprendrai ma lettre de créance sans bruit ni scandale, et après...ils n'auront qu' à siffler. Vous avez vu ce qui s'en est suivi du départ de Ribaupierre de Constantinople. L'Empereur Nicolas a une énergie, que n'ont pas eu ses prédécesseurs, et il est agréable d'être le ministre d'un souverain, qui fait respecter la dignité de ses envoyés.

A propos, faites en sorte, mon cher, qu'on me reçoive partout de la manière la plus distinguée. Mon rang n'est rien, mais celui de Conseiller Intime est affecté à ma place, Excellence de fait. Aussi m'a-t-on reçu partout en deça du Caucase, comme il me revenait, maîtres de police, исправники, окружные начальники, et une cavalerie nombreuse m'a toujours été députée à chaque relais. J'ai ici une garde d'honneur, à l'égal de Sipiaguine, et c'était de même au camp de Paskevitz, car je suis l'égale de tout le monde, on ne m'écrit que par relation, et je n'ai de chef que l'Empereur et son Vice-Chancelier. J'ose espérer qu'on ne fera pas moins en

*) Читатели нашего журнала, получившіе въ прошломъ 1892 году полное собраніе сочиненій (а между нимъ и письмъ) Грибоѣдова, имѣютъ въ письмахъ къ Амбургеру существенное къ нему дополненіе.

Perse, que ce qu'on rend ici au caractère, dont je suis revêtu. Vous savez, que chez les Orientaux les dehors font tout.

J'ai vu Macknill, et sa femme est venu connaître ma jolie promise.

Bonjour. Tout à vous

A. Gr.

J'ai un pli de Tolstoi à votre adresse avec de l'argent pour votre calèche.

Boutourline m'a passé 200 ducats par vous, qu'il me doit, mais c'est une bêtise, et je lui écrirai, qu'il me les paye lui même.

Avant mon départ du camp, Paskevitz a fait une recommandation par rapport à votre service au Vice-Chancelier, et cela de la manière la plus flatteuse pour vous, moi j'ai fait de même. J'espère, que l'on en tient en compte pour l'avenir.

Je vous enverrai encore un courrier d'Erivan. Нельзали Аббасъ-мирзу заставить заплатить скорѣе 8-й куруръ (около полумилліона руб.), онъ себя ужасно повредить, коли промѣшкаетъ, и я ему не могу быть въ спасеніе. Я нарочно остановлюсь въ Эривани. А то онъ подумаетъ, что, какъ новый приѣзжій отъ Государя, я могу сдѣлать ему уступку. Вообще представьте ему, что мнѣ даже неприлично къ нему прибыть, куда не исполнена основная статья мира. Иначе мы возвратимся къ преніямъ Декарганскимъ. Этотъ послѣдній куруръ изъ наличныхъ не то, что другая статья, какъ наприм. размѣнъ плѣнныхъ или имуществъ переселенцевъ. Безъ этого все, что сдѣлано, какъ будто не существовало, ни мира, ни ратификаціи, и прежняя уплата 7-ми куруровъ ни во что вмѣняется. Вотъ слова Императора изъ депеши вице-канцлера отъ 19 іюня: „Коли будутъ персіане прибѣгать къ новымъ изворотамъ, то оставить ихъ, покуда военная обстановка дозволяетъ мнѣ [Государю] опять къ нимъ обратиться“.

Переводъ: Изъ газетъ вы узнаете о нашихъ побѣдахъ. Во власти Императора теперь почти всѣ крѣпости на Дунаѣ, и уже осаждена Варна. По взятіи Анапы, по сю сторону (т. е. Кавказа) графъ (Паскевичъ) взялъ приступомъ Карсъ, Ахалкалаки и Гартвисъ, думаю, что и Ахалцихъ сдастся въ одинъ прекрасный день. Вамъ нѣтъ надобности хлопотать о разславленіи между персами всего этого, потому что слухи объ этомъ давно уже дошли до нихъ.

Моя инструкція въ отношеніи нашихъ сосѣдей очень проста. Я снабженъ достаточными полномочіями, чтобы быть полезнымъ Аббасъ-мирзѣ въ обстоятельствѣ, самомъ важномъ въ его жизни. Я знаю отъ самого Е. В. Императора, какъ онъ склоненъ къ тому же по чистому великодушію; но если стали бы вести себя относительно меня до такой степени дурно, то для поддержанія договора я возьму назадъ мои вѣрительныя грамоты безъ шума и скандала, и затѣмъ... имъ придется только свистѣть. Вы вѣдѣли, что послѣдовало за выѣздомъ Рибоьера изъ Константинополя. Императоръ Николай обладаетъ энергіей, какой не имѣли его предшественники, и пріятно быть министромъ Государя, который умѣетъ заставить уважать достоинство своихъ посланниковъ.

Кстати, устройте, мой другъ, такъ, чтобы меня принимали повсюду съ знаками наибольшаго уваженія. Мой чинъ не великъ, но моему мѣсту принадлежитъ рангъ Тайнаго Совѣтника, фактически Превосходительства. И потому повсюду меня принимали по сю сторону Кавказа, какъ мнѣ и подобало, полицейскія власти—исправники, окружные начальники, и многочисленная кавалерія всегда посылаема была мнѣ на каждую станцію. У меня здѣсь почетная стража, наравнѣ съ Сипягинимъ, и то же было въ лагерѣ Паскевича, потому что я равень всѣмъ, мнѣ пишутъ не иначе, какъ „отношеніями“, и надо мною нѣтъ начальника, кромѣ Импе-

ратора и его вице-канцлера. Смѣю надѣяться, что въ Персіи сдѣлаютъ не меньше того, что дѣлается здѣсь по характеру моихъ полномочій. Вы знаете, что у восточныхъ народовъ вѣщность дѣлаетъ все.

Я видѣлъ Макниля, и его жена пріѣзжала познакомиться съ моей хорошенькой невѣстой.

Прощайте. Весь Вашъ
А. Гр.

У меня письмо отъ Толстаго по вашему адресу съ деньгами для васъ на коляску.

Бутурлинъ перевелъ на васъ 200 дукатовъ, которые онъ мнѣ долженъ; но это глупости, и я ему напишу, чтобы онъ мнѣ заплатилъ ихъ самъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ лагеря, Паскевичъ рапортомъ рекомендовалъ вице-канцлеру вашу службу, и сдѣлалъ это въ самомъ лестномъ для васъ смыслѣ; я съ своей стороны сдѣлалъ то же. Надѣюсь, что это будутъ имѣть въ виду въ будущемъ.

Изъ Эривани я пошлю къ вамъ еще курьера. Нельзяли Аббасъ-мирзу заставить... и т. д.

II.

Shoulavéri. 10 Septembre. 1828.
Par la route d'Erivan.

Je me suis marié, mon cher Amburger, j'ai fait une grave maladie, et je vais vous rejoindre sous peu. Tâchez de me faire prêt mon logement, pour que ma femme ait un réduit pour les deux, trois semaines, que je passerai à Tauris. Si le Chah n'est pas à Téhéran, comme on le dit, il se pourra, que je passerai l'hiver entier à Tauris, mais alors, je prendrai mes mesures pour être à mon aise.

J'ai envoyé votre rapport et le montant de vos dépenses extraordinaires au Général en Chef. Mais savez vous que je crains qu'on ne vous désapprouve, car n'ayant aucun caractère représentatif, vous avez largement donné dans de certaines occasions, comme un Envoyé—Extraordinaire. Il est vrai que sans cela on ne fait rien en Perse, j'espère beaucoup dans la confiance que le Général a pour vous; mais le Département Asiatique fait et juge les calculs tout autrement. Je vous raconterai, quand nous nous verrons, comme j'ai été pauvrement traité sous ce rapport.

Imaginez vous, que tout ce que vous recevez d'officiel de moi, je vous l'avais adressé il y a déjà quelque temps par le gouverneur militaire de Tiflis, durant ma maladie, persuadé, qu'il avait dirigé quelques летучка sur Abbas-Abad, et qu'il y savait, quelles mesures prendre pour qu'elles vous parviennent à point nommé. Point du tout. Voila que mes employés les ont retrouvés dans la chancellerie civile du gouverneur avec d'autres papiers arriérés, gazettes etc.

Bonjour. Prenez le courour aux conditions que vous avez su établir, et qui s'accordent tellement avec le voeu du ministère; cela vous fera beaucoup d'honneur.

Tout à vous
A. Gribojédof.

Dès que je serai parvenu à Erivan, je vous ferai savoir, quand je bougerai de là, pour que votre mehendar ne m'attende pas inutilement.

Переводъ:

Шулаверы. 10 сентября. 1828.
На пути въ Эривань.

Я женился, мой любезный Амбургеръ, я перенесъ тяжелую болѣзнь, и скоро я буду вмѣстѣ съ вами. Постарайтесь о томъ, чтобы приготовили мнѣ помѣщеніе, гдѣ жена моя имѣла бы пріютъ на двѣ, на три недѣли, которыя я проведу въ Тавризѣ. Если шаха нѣтъ, какъ говорятъ, въ Тегеранѣ, возможно, что я проживу цѣлую зиму въ Тавризѣ, но въ такомъ случаѣ я приму свои мѣры, чтобы устроиться поудобнѣе.

Я послалъ вашъ рапортъ и размѣры вашихъ экстраординарныхъ издержекъ главнокомандующему. Познаете, я боюсь, что васъ не одобрятъ, потому что, не имѣя миссіи представительнаго характера, вы слишкомъ

щедро раздавали въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ будто бы вы были чрезвычайный посланникъ. Правда, безъ этого ничего не дѣлается въ Персіи, и я надѣюсь на довѣріе, которое имѣетъ къ вамъ главнокомандующій; но азіатскій департаментъ дѣлаетъ и обсуждаетъ расчеты совсѣмъ иначе. При свиданіи я расскажу вамъ, какъ скудно поступили со мной въ этомъ отношеніи.

Представьте, что все, что вы получите отъ меня официальнаго, я вамъ послалъ уже нѣсколько времени назадъ, во время моей болѣзни, черезъ военнаго губернатора Тифлискаго, и былъ убѣжденъ, что онъ направилъ нѣсколько „летучекъ“ въ Аббасъ-Абадъ и что онъ сумѣлъ принять мѣры, чтобы все дошло до васъ въ назначенный пунктъ. Но ничуть не бывало. Мои чиновники нашли ихъ въ канцеляріи губернатора вмѣстѣ съ другими запоздалыми бумагами, газетами и проч.

Прощайте. Принимайте куруръ на условіяхъ, которыя вы сумѣли установить и которыя столь совпадаютъ съ желаніями министерства; это вамъ сдѣлаетъ большую честь.

Весь вашъ А. Грибоѣдовъ.

Какъ только я пріѣду въ Эривань, я сообщу вамъ, когда выѣду оттуда, для того чтобы вашъ мехмендаръ (официальный проводникъ) не ждалъ меня бесполезно.

III.

20 сентября (1828).

Любезный Андрей Карловичъ. Сейчасъ прибылъ ко мнѣ отъ васъ Юзуфъ. 50 д(укатовъ?) я посылаю Мальцову (?), отъ котораго и получите росписку по доставленіи денегъ куда слѣдуетъ. Желаніе ваше насчетъ переводчика я угадалъ, и не везу вамъ никакого ориентальнаго шута, институтскаго вѣтренника. Я зналъ, что мирза для васъ гораздо нужнѣе. Объ жалованьи вашемъ мы переговоримъ, и настроимъ гр. Ивана Федоровича, которому я уже внушилъ, какъ онъ долженъ писать къ вице-канцлеру, какъ скоро получить на этотъ счетъ отношеніе отъ меня изъ Тавриза. Съ Родофинкинымъ нечего толковать, онъ свинья, всѣхъ насъ кругомъ обрѣзалъ, просто сказать обокралъ. И если бы государъ одинъ день остался въ Петербургѣ послѣ моего назначенія, то я бы напелъ случай ему доложить. Ne parlez pas de cela du tout avec votre secrétaire...

Pancratief sera mis à l'ordre... D'abord parce que vous avez raison de vous offenser, et puis par la véritable considération, dont vous jouissez auprès du Général-en-chef. Bonjour, je suis pressé, et très impatient de vous revoir.

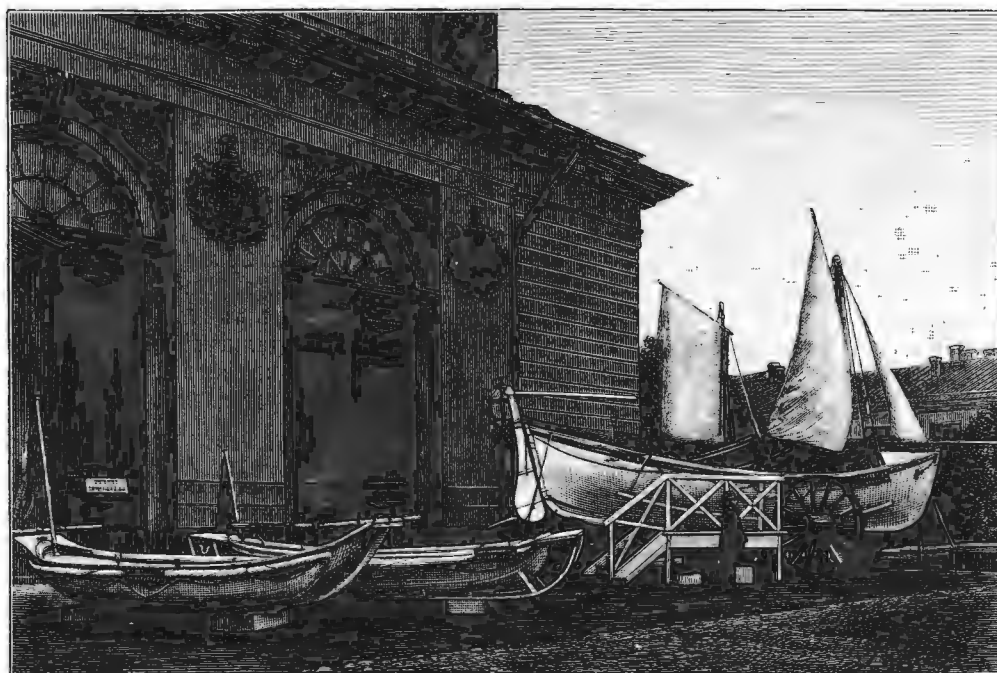
(Переводъ: Не говорите совсѣмъ объ этомъ съ вашимъ секретаремъ.

Панкратьевъ будетъ поставленъ на свое мѣсто. Впервые, потому, что вы имѣли основаніе оскорбиться, и затѣмъ по истинному уваженію, которымъ вы пользуетесь у главнокомандующаго. Прощайте, спѣшу, и съ нетерпѣніемъ ожидаю свиданія съ вами.)

Tout à vous A. G.

Мирза Джафаръ забросалъ меня нотами. Вотъ еще Богъ навязалъ на меня самозванца-посланника. Броженіе въ жителяхъ отъ него превеличайшее. А онъ отъ графа не имѣетъ никакого кредита, да и графъ на это власти не имѣетъ. Вы знаете формы. Что же касается до позволенія выходить отъ насъ въ Персію, это графомъ и въ Тифлисъ, и сюда предписано, и никто не препятствуетъ. По наученію мирзы Джафара здѣсь всего 60 семействъ потребовали билеты и 71 теперь сидятъ и нейдутъ. А я увѣренъ, что онъ пишетъ объ тысячахъ своему принцу.

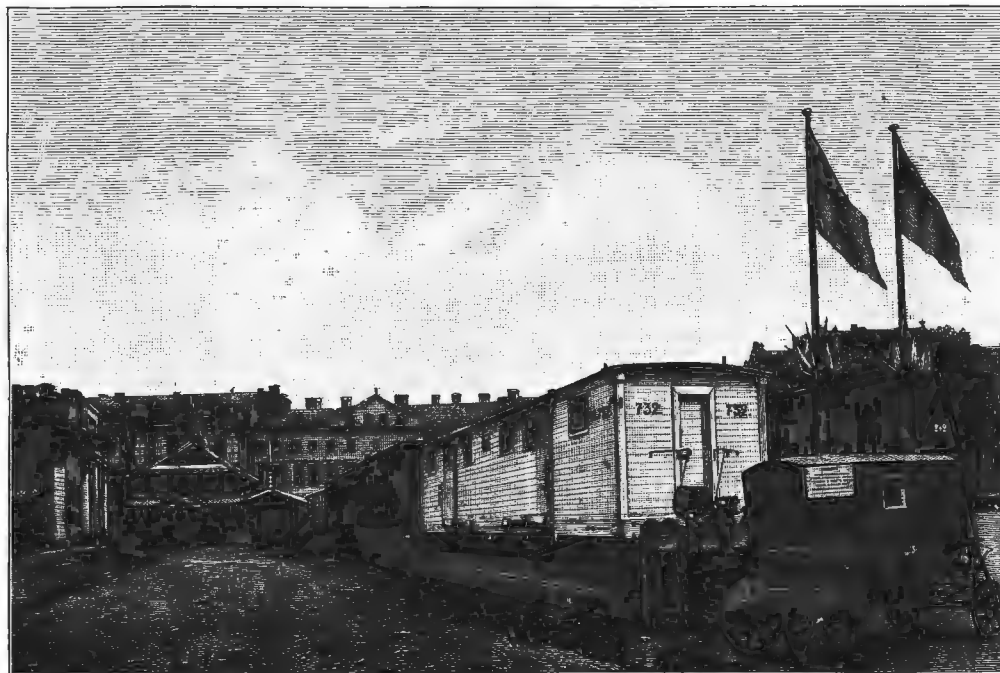
Вы знаете характеръ графа; когда до него дойдетъ, то онъ его просто велитъ по шеямъ проводить. Что за государство, что за народъ! Этотъ еще полуввропеецъ, и вздоръ дѣлаетъ; воображаю, какая безтолочь ожидаетъ меня далѣе.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения. Рис. 2. Лодки Общества спасения на водахъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения. Рис. 3. Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Общества спасения на водахъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения. Рис. 4. Чайная СПб. Общества трезвости. Образцы санитарных вагонов. Съ фот. грав. М. Рашевский.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения. Рис. 5. Отдѣлъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ фот. грав. М. Рашевский.

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романъ Н. Орловскаго.

(Окончаніе).

Я посиѣдилъ въ Конотоповскій домъ узнать о подробностяхъ. Докторъ былъ уже тамъ и пустилъ больному кровь. Какъ увѣряла прислуга, онъ надѣялся его спасти. Я тотчасъ отправилъ нарочнаго къ Анѣ, крѣпко сомнѣваясь, что Любовь Петровна захочетъ послать за дочерью. Во второмъ часу я опять зашелъ къ Семену Андреевичу. Сознаніе уже вернулось, онъ могъ даже, хоть и съ трудомъ, произносить отрывочныя, неясныя слова. Докторъ, какъ разъ въ эту минуту спускавшійся съ лѣстницы, мнѣ разрѣшилъ къ нему войти. Онъ полужалъ въ широкомъ креслѣ въ той самой комнатѣ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. При немъ былъ только старый камердинеръ. Глубокая скорбь, но скорбь уже покорная, запечатлѣлась на его чертахъ. Онъ тотчасъ узналъ меня и, повернувъ ко мнѣ голову, попробовалъ улыбнуться. Правая рука повисла безъ жизни—онъ могъ едва шевелить ею. Но языкомъ онъ почти уже владѣлъ и, сквозь несовѣсть еще ясныя звуки, я слышалъ нѣсколько разъ повторенное имя его дочери.

— Я послалъ къ Аннѣ Семеновнѣ, посиѣдилъ я сказать.— Она, конечно, будетъ сегодня же...

Глаза его засвѣтились благодарностью. Онъ хотѣлъ мнѣ протянуть свою больную руку, но она ему не повиновалась. Тогда, грустно качнувъ головой, онъ подалъ мнѣ лѣвую.

— Спасибо, явственно прошептали его губы.

— Такъ вы позволите ей быть здѣсь, повидаться съ вами?..

— Да, да, проговорилъ онъ, сильнѣе прежняго качнувъ головой.

Вечеромъ въ тотъ же день Аня пріѣхала и, не рѣшаясь прямо войти въ отцовскій домъ, зашла сперва ко мнѣ. Вьюгинъ былъ съ нею.

— Поѣдьте сейчасъ, онъ приметъ васъ, онъ ждетъ васъ съ самаго утра, сказалъ я.

Она второпяхъ принялась меня спрашивать.

— Ну, слава Богу, слава Богу, сказала она почти радостно, услышавъ, что положеніе отца не безнадежно. Ей, видимо, еще хотѣлось что-то спросить, но она не рѣшалась. Я понялъ этотъ нѣмой вопросъ и увѣрилъ ее, что не она виною случившагося несчастія. Конечно, я не могъ этого знать, но что-то мнѣ подсказывало, что одно принесенное мною извѣстіе не сразило бы крѣпкую натуру Семена Андреевича.

Мы поѣхали съ нею вдвоемъ, Вьюгинъ остался у меня. Странное дѣло, Аня не думала спрашивать о матери. Я догадывался, что Любовь Петровна не захочетъ встрѣтиться съ дочерью, но послѣ того, какъ Семенъ Андреевичъ ясно выразилъ желаніе повидаться съ Аней, мнѣ до Любви Петровны не было уже дѣла. Прислуга насъ впустила безъ малѣйшаго затрудненія.

Семенъ Андреевичъ сидѣлъ въ томъ же креслѣ, какъ утромъ. Съ нимъ былъ теперь докторъ. Камердинеръ побѣждалъ впередъ предупредить врача о нашемъ прибытіи. Надо было подготовить больного, чтобы не вызвать опаснаго волненія. Но едва докторъ успѣлъ сказать ему нѣсколько словъ, Семенъ Андреевичъ почти вскрикнулъ отъ радости. Рѣчь его была гораздо свободнѣе. И когда Аня вошла и въ слезахъ бросилась къ ногамъ отца, пряча на его колѣняхъ свое мокрое лицо, онъ притянулъ ее къ себѣ своею лѣвою, здоровою рукой и губы его зашептали:

— Аня, Аня, дружокъ мой... радость моя, спасибо, что пріѣхала, спасибо.

Больше онъ говорить не могъ. Но докторъ почему-то не испугался за своего пациента. Онъ думалъ, по-

видимому, что радостное свиданіе не принесетъ ему вреда.

И докторъ не ошибся. Семенъ Андреевичъ оправился скоро. Онъ, правда, ходилъ съ трудомъ и правою рукою владѣлъ довольно плохо, но прежнія живыя способности и прежняя живая рѣчь къ нему вернулись. Одна только перемена въ немъ поражала. Онъ сталъ необыкновенно мягкимъ, необыкновенно снисходительнымъ и, часто повторяя, что жизнь его кончена, что общественной дѣятельности для него уже нѣтъ, онъ говорилъ это безъ горечи, примиренный съ судьбою, какъ будто даже благодарный ей за то, что она дала ему, наконецъ, узнать чувство, котораго, быть-можетъ, уже много лѣтъ въ немъ не было, чувство спокойствія и мира.

Недѣлю спустя я уѣхалъ изъ Т. Вьюгинъ и Аня проводили меня на станцію, и, когда я прощался съ ними, какъ съ друзьями, я ощутилъ въ себѣ какую-то странную перемену, какое-то незнакомое прежде мягкое чувство, позволявшее такъ безкорыстно желать полного счастья любимой мною прежде дѣвушкѣ и человеку, отнявшему ее у меня.

XXIII.

Полтора года я не заглядывалъ въ Т—скую губернію, и понемногу у меня стерлись вынесенныя оттуда живыя впечатлѣнія. Я вспоминалъ объ Анѣ и о моей неудачной любви уже безъ всякой тѣни смущенія. Угасла послѣдняя вспышка молодости, и безмятежно скучная холостая жизнь потекла ровно, какъ по невозмутимой глади сонной рѣчки. Въ газетахъ я прочелъ, что Семенъ Андреевичъ вышелъ въ отставку изъ предсѣдатель управы. Въ корреспонденціяхъ изъ Т. нѣсколько безразличныхъ казенныхъ фразъ было посвящено его дѣятельности, и надъ его именемъ замолкла общественная молва. Немного спустя, Надеждинъ мнѣ написалъ, что запутанныя дѣла Конотопова уладились, благодаря Вьюгину. Весь шумъ, поднятый т—скими выборами, улегся. Никто, даже враги Семена Андреевича, не вспоминали теперь лихомъ про блестящее время его предводительства. „Я думаю“, такъ доканчивалъ Надеждинъ свое письмо, „всѣ у насъ теперь сожальютъ о великомъ актѣ самоотреченія, которымъ наши дворяне лишили себя обильныхъ предводительскихъ обѣдовъ. Одуванчиковъ губерніи не кормить, и отъ всей широкой дѣятельности Конотопова всего живѣе осталось въ памяти его хлѣбосолецтво. Видно, для общественнаго дѣятеля хорошій поваръ все-таки лучшее средство заслужить благодарность согражданъ. А по-моему, на Одуванчикова сѣтуютъ напрасно. Онъ вѣжливо, ограниченъ и важенъ... да, представьте себѣ, именно важенъ. Шитый мундиръ и предсѣдательское кресло—могучіе психологическіе стимулы. Совѣтую вамъ объ этомъ размышлять въ свободныя минуты, коли у васъ попрежнему осталась охота философствовать. Теперь у насъ все гладко и тихо, и, конечно, тѣмъ лучше. Посредственные люди намъ по плечу, и живетъ съ ними покойно. Не интересна ихъ дѣятельность, правда, и умовъ не волнуетъ, да къ чему же интересы, волнующіе умы, когда имѣется у насъ винтъ, ежедневно дающій намъ ровно столько пищи для головы и для сердца, сколько намъ какъ разъ нужно“.

Я отложилъ въ сторону письмо Надеждина и зѣвнулъ. Его желчный юморъ меня уже не трогалъ и тоже мнѣ показался чѣмъ-то ненужнымъ и устарѣлымъ.

Слѣдующимъ лѣтомъ я отправился въ свою Подлиповку: надо было все-таки для очистки совѣсти посмо-

трѣть, что тамъ дѣлается, хотя доходы оттуда поступали исправно. Тамъ я все нашелъ въ отличномъ порядкѣ, и старикомъ Лунинымъ нахвалиться не могъ. Его Надя тоже какъ нельзя лучше вела порученную ей школу. Оба они глядѣли совершенно счастливыми людьми. Старикъ пересталъ пить, а дочь его даже расцвѣла на деревенскомъ воздухѣ: у нея и женихъ намѣчивался, тоже изъ школьныхъ учителей. Я ощущалъ въ себѣ чувство удовлетворенія отъ сдѣланнаго мною добраго дѣла, стоившаго, вдобавокъ, такъ мало труда. Погода стояла отличная, урожай былъ хорошъ, и я испытывалъ тотъ подъемъ духа, какой всегда приносить съ собою въ деревнѣ урожай, да ясные лѣтние дни. Разѣзжая по сосѣдству, я разъ, на станціи, гдѣ мѣнялъ лошадей, наткнулся на Бориса Павловича.

— Ва, Вьюгинъ! привѣтствовалъ я его, выскакивая изъ тарантаса.

Мы обнялись, какъ истинные друзья.

— Какъ?! Лѣто проводите у себя въ Подлиповкѣ, укорилъ онъ меня, — а къ намъ и не заглянете... Вѣдь, всего тридцать верстъ.

Я узналъ отъ него, что онъ попрежнему земскій дѣлатель, только ужъ не мировой судья, а предсѣдатель уѣздной управы, и что дѣла у него, и свои, и общественныя, идутъ отлично.

— Пріѣзжайте къ намъ, пріѣзжайте... жена вамъ будетъ очень рада, и Семенъ Андреевичъ тоже... вѣдь, онъ живетъ у насъ теперь, вы слышали?

— Ну, а какъ его здоровье? Какъ дѣла?

— Ничего, поправился... Не то, что прежде, конечно, но бодръ и спокоенъ, а, пожалуй, даже счастливъ. Мы теперь съ нимъ душа въ душу и вдвоемъ понемногу распутываемъ черезчуръ затянувшійся узелъ его прежнихъ финансовыхъ операцій... Тогда, помните, очень было плохо, ну, да ничего, нашелся исходъ. Я заложилъ свое имѣніе, правда, скрѣпя сердце, да надо было расплатиться по его векселямъ. Тяжеленько было въ первый годъ, ну, а теперь, съ Божьею помощью, все, кажется, пойдетъ на ладъ.

Онъ сказалъ это просто, не хвастаясь, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ. Я крѣпко пожалъ ему руку и простился съ нимъ, обѣщая пріѣхать.

— А что Любовь Петровна? спросилъ я, садясь въ экипажъ. — Неужели и она съ вами?..

Вьюгинъ улыбнулся, покачавъ головой.

— Теща эти полтора года провела за границей и, кажется, о возвращеніи въ Россію не помышляетъ... Ну, до свиданья, промолвилъ онъ, видимо, не желая продолжать разговоръ на эту тему. — Не забывайте про свое общаніе.

Мы разстались.

Недѣли двѣ спустя, я отправился къ Вьюгинымъ. Но засталъ я дома одного Семена Андреевича: молодая чета уѣхала куда-то въ гости. Онъ былъ на террасѣ и, сидя въ широкомъ креслѣ, возился съ трехмѣсячнымъ мальчуганомъ, своимъ внукомъ. Завидя меня, онъ сдалъ ребенка на руки кормилицѣ и поднялся ко мнѣ навстрѣчу. Но сдѣлать это онъ могъ не иначе, какъ опираясь рукою на костыль. Перемѣна въ немъ была поразительная. За эти полтора года бодрый и красивый пятидесятилѣтній мужчина обратился въ совершеннаго старика. Волосы посѣдѣли, лицо осунулось, глаза, эти недавно еще свѣтлившіеся, привѣтливые глаза, утратили блескъ и силу. Зато наряду съ этимъ иная перемѣна сказывалась въ чертахъ Семена Андреевича. Въ нихъ отражалось полное спокойствіе души, полное примиреніе съ людьми и съ совѣстью. И въ голосѣ его уже не было прежней страстности, зато не было тревоги и горечи. Онъ звучалъ, правда, немного по-старчески, но сталъ мягкимъ, почти ласкающимъ.

— Что, Николай Филипповичъ, сказалъ онъ послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій, — странно вамъ увидать

меня такимъ? Съ груднымъ ребенкомъ на колѣняхъ, на совершенномъ покоѣ, безъ хлопотъ, а стало-быть, и безъ дѣла? Не похожъ я на прежняго Семена Конотонова, а? Говорите прямо!

— Не похожи, да... Только знаете, что, — вы мнѣ, пожалуй, такъ лучше нравитесь, чѣмъ прежде, и никогда я не повѣрю, чтобы вы могли жить, какъ говорите, безъ дѣла. Страсти въ человѣкѣ могутъ застыть, но умъ никогда...

— Ну вотъ, видите, засмѣялся онъ тихо, — вы мнѣ стали даже комплименты подносить въ утѣшеніе... Согласитесь, это дурной признакъ.

— Не повѣрю я никогда, возразилъ я, — чтобы вы перестали интересоваться тѣмъ, что васъ окружаетъ...

— Пожалуй, что и такъ. Уличная публика тоже интересуется политикой, въ которой ровно никакого участія не принимаетъ. Такъ и я, — смотрю и люблюсь, какъ жизнь течетъ мимо... Нѣтъ, какъ хотите, это не то. Кто самъ былъ у руля, кто боролся съ теченіемъ, тому стать простымъ пассажиромъ тяжело...

Въ этихъ словахъ что-то старое прозвучало, что-то напоминавшее прежняго Семена Андреевича. Да и глаза тоже блеснули слегка, но это была лишь мимолетная, добродушная искорка.

— Пассажиръ вы, я думаю, изъ тѣхъ, отвѣтилъ я, — которые даютъ подчасъ капитану полезные совѣты.

— Ну, да, ну, да, весело качнулъ онъ головой, — мы съ Борисомъ живемъ душа въ душу. Не думалъ я, признаюсь, когда вы помогли умыкать мою Аню, чтобы зять у меня вышелъ такой дѣльный и толковый. Слабость имѣлъ я къ Борису всегда, да видѣлъ я въ немъ только ученика себѣ, и то не изъ первыхъ. А, вѣдь, ученикъ-то, пожалуй, учителя перещеголяетъ. Даю я ему, правда, совѣты, потому что моя старая голова не отучилась еще порою новыя мысли придумывать. Только врядъ ли онъ въ этихъ совѣтахъ будетъ еще долго нуждаться. Вѣдь, чего грѣха таить, Роевъ, когда вы меня въ послѣдній разъ видѣли, не я одинъ былъ разбитъ параличемъ, а всѣ мои созданія, вся моя дѣятельность тоже. Порвалъ бы я эти путы, конечно, не случись такого ряда неожиданностей, да въ томъ-то и дѣло, что неожиданности встрѣчаются всегда... Ну, а Вьюгинъ не потерялъ духа и полегоньку такъ, мало-помалу, сталъ распутывать черезчуръ усложнившіяся дѣла и, кажется, рано или поздно, проберется на прямую дорогу.

Такъ мы проболтали съ Семеномъ Андреевичемъ часа два, потомъ отобѣдали вдвоемъ, потомъ еще посидѣли вмѣстѣ часокъ на террасѣ. Онъ говорилъ о своемъ прошломъ, и говорилъ безъ заносчивости, безъ горечи, можетъ-быть, даже безъ сожалѣнія. Это былъ точно рассказъ о чужой жизни, освѣщенный мѣткимъ сужденіемъ посторонняго зрителя. Странно было какъ-то слушать эту повѣсть о недавнемъ прошломъ, точно это прошлое и не касалось говорившаго, и самъ онъ какъ бы вычеркивалъ себя изъ списка живыхъ.

Я простился съ Семеномъ Андреевичемъ, не дождав- шись Вьюгиныхъ, и невеселыя думы налетѣли на меня, пока тройка, звеня бубенчиками, ровно и дружно везла меня домой. Отчего это у насъ на Руси, спрашивалъ я у себя, словно рокъ тяготѣетъ надъ крупными, энергичными людьми, и всѣ они сходятъ какъ-то со сцены, не додѣлавъ своего дѣла? Зачѣмъ недостааетъ имъ всегда чего-то: либо выдержки, чтобы довершить начатое, либо яснаго сознанія нравственнаго долга, безъ котораго и самый хорошій человѣкъ рано или поздно свихнется съ настоящаго пути? И неужели русскимъ людямъ долго еще придется выбирать между недостаткомъ твердости воли и еще худшимъ недостаткомъ полной безукоризненной честности, и никогда имъ, никогда не выйти изъ этой роковой дилеммы?

конецъ.

Новая побѣда человѣка надъ водною стихіею.

Гидрологическій очеркъ В. А. Фрей.

Любуясь съ набережной гигантскими размѣрами какого-нибудь низменнаго колосса-парохода, удивительнаго своимъ посѣщеніемъ воды нашей красавицы-Невы, петербуржецъ, всѣ морскія путешествія котораго ограничивались, по большей части, лишь плаваніями по такъ-называемой, Маркизовой Лужѣ, въ Петергофѣ да въ Кронштадтѣ, невольно проникается чувствомъ нѣкотораго уваженія къ, дѣйствительно, замѣчательной величинѣ нашего гостя-иностранца, зачастую затрудняющаго даже повернуться въ нашей, сравнительно, еще широкой, рѣкѣ. Нѣкоторые смѣльчаки-любители, уснѣвшіе уже въ частой борьбѣ съ волнами Маркизовой Луки приобрести свою долю опытности, считая почему-то величину и силу сносами, авторитетно констатируютъ, что на такой сильной громадинѣ вполне безопасно можно пуститься даже и въ открытое море.

Увы! Что значить наша, хотя бы даже и Маркизова Лужа въ сравненіи съ настоящимъ открытымъ моремъ, а тѣмъ болѣе съ океаномъ! Тамъ и въ тихую-то погоду никогда не бываетъ абсолютнаго спокойствія, а чуть только налетитъ шквалъ, всякій, кто очутится въ эту минуту въ открытомъ морѣ, допустимъ даже на самомъ прочномъ, громадномъ и, повидимому, обеспеченномъ отъ всякихъ опасностей суднѣ, воочию убѣдится, что имѣть дѣло не съ лужею, а съ грозною, всеокружающею стихіею, отъ которой не спасетъ его никакаго гигантъ-корабль, будь онъ хоть въ десять разъ болѣешихъ размѣровъ, чѣмъ всѣ вселяющія къ себѣ уваженіе мирныхъ городскихъ жителей морскія чудовища-пароходы, взятые вмѣстѣ.

Никакія описанія не въ силахъ ясно и полно передать ужасную картину борьбы несчастныхъ моряковъ, застигнутыхъ все болѣе и болѣе свирѣпѣющей бурей. Правду говоритъ пословица: „Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ и страха не выдалъ“.

Когда, въ качествѣ посторонняго наблюдателя, констатируешь слѣды разрушенія морскихъ волнъ, невольно задумаешься о томъ: почему это въ нашъ обильный самыми разнообразными изобрѣтеніями вѣкъ не найдется такой предпримчивый человѣкъ, который сумѣлъ бы изыскать средство побѣдить, наконецъ, эту, приносящую къ тому же безусловный вредъ человѣчеству, страшную стихійную силу, и сдѣлать изъ нея усерднаго, послушнаго и надежнаго работника для достиженія экономически-полезныхъ цѣлей?

Впрочемъ, это объясняется отчасти тѣмъ, что сила морскихъ волнъ болѣе знакома и чаще свидѣтельствуется только весьма ограниченному кругу наблюдателей, по большей части, прибрежными жителями, у которыхъ невольный паническій страхъ, возбуждаемый ревомъ бури и застаивающей ихъ некая прежде всего спасенія отъ нея въ стѣнахъ своихъ жилищъ, осматривать, прочны-ли рамы и двери, и ежеминутно ожидать, что буря разрушитъ и самый домъ, въ которомъ они укрылись,—очевидно, легко можетъ отогнать всякую мысль объ утилизаціи этой даровой силы природы.

Тѣмъ не менѣе, намилсь нѣкоторые спеціалисты-гидрологи, которымъ, путемъ многотрудныхъ наблюденій, удалось-таки подвести подъ довольно точные законы какъ направленіе самаго движенія морскихъ волненій, такъ равно и, сравнительно со всякою другою, куда болѣе интенсивную силу ихъ. Благодаря этому, выяснилось теперь, что движеніе морскихъ волнъ не представляетъ какого-нибудь безцѣльнаго и произвольнаго колебанія морской поверхности, но, напротивъ того, всякое видимое и даже скрытое стремленіе волнъ въ ту или другую сторону обязательно должно носить свой извѣстный характеръ и заключать въ себѣ строго опредѣленную силу, дѣйствующую всегда въ одномъ неизмѣнномъ направленіи.

Въ виду этихъ законовъ, общее движеніе обширныхъ поверхностныхъ массъ морской воды, обусловливаемое вѣтромъ, раздѣляется на три совершенно отдѣльных движенія: 1) Верхній, сравнительно тонкій, слой воды, какъ находящійся въ безусловной прямой зависимости отъ вѣтра, движется по его же направленію, прямо впередъ, почему и самое движеніе это называется *горизонтальнымъ*. Особою силою оно не отличается. 2) Слѣдующій слой воды, глубиною уже до двухъ десятковъ футовъ, движется въ вертикальномъ ко дну моря направленіи и сила его опредѣляется степенью, такъ-называемой, качки предметовъ, дѣйствію его подвергающихся. Это движеніе носитъ названіе *вертикальнаго*. И, наконецъ, 3) *наклонное* движеніе, подъ разными углами, начинающееся на тѣхъ мѣстахъ береговыхъ водъ, гдѣ глубина дна не достигаетъ предѣловъ района въ глубину волненія. Вначалѣ почти вертикальное, оно дѣлается все болѣе и болѣе наклоннымъ, по мѣрѣ приближенія къ берегу, пока не обратится почти въ горизонтальное движеніе. Оно-то и составляетъ, такъ-называемое, береговое волненіе.

Однако утилизировать силу волненія, единственно на основаніи только что описанныхъ результатовъ наблюденій спеціалистовъ, далеко еще не представляется возможнымъ, такъ какъ необходимо еще принять во вниманіе, что характеръ волненія массъ воды даннаго мѣста зависитъ также

отъ общезвѣстныхъ неровностей площади морского дна, а равно и отъ высоты самыхъ волнъ.

Впрочемъ, болѣе или менѣе удачныя попытки въ этомъ отношеніи неоднократно дѣлались въ разныхъ уголкахъ свѣта, но создать изъ многотрудныхъ усилій своихъ что-нибудь практически-полезное, годное для всеобщаго употребленія, до сихъ поръ, насколько извѣстно, никому еще не удавалось. Одинъ изъ волежкихъ старожиловъ рассказывалъ мнѣ, впрочемъ, что еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, на Волгѣ, какой-то простой купецъ-самоучка изобрѣлъ особое буксирное судно, движущееся автоматически даже и противъ теченія, но такъ какъ, по роду своей спеціальности, изобрѣтатель самъ же и эксплуатировалъ его, то и не хотѣлъ, изъ чисто коммерческихъ видовъ, сообщить никому своего секрета, почему мысль его такъ и осталась безъ всякаго общепользнаго практическаго результата.

Недавно появилась, наконецъ, за границей вновь изобрѣтенная лодка, которая безъ гребцовъ, парусовъ, винта или, вообще, безъ какого бы то ни было механическаго двигателя имѣетъ возможность плыть впередъ, въ одной только зависимости отъ силы морского волненія. Понятно, что на совершенно тихой водѣ, какъ, напримѣръ, прудахъ, каналахъ и маленькихъ рѣчкахъ, движеніе такой лодки является безусловно невозможнымъ, но зато въ открытомъ морѣ, гдѣ волненіе, какъ описано выше, никогда не прекращается, практическіе результаты вновь изобрѣтеннаго двигателя становятся очевидными.

Весьма оригинальный и крайне простой двигатель этотъ посчастливилось устроить пѣкоему г. Х. Линдену, находящемуся нынѣ въ Неаполѣ.

Первую мысль къ этому изобрѣтенію подало наблюденіе надъ способомъ употребленія въ дѣло плавательныхъ органовъ обыкновенныхъ рыбъ. Плавники ихъ, въ особенности, болѣе широкіе хвостовые, обладаютъ, какъ извѣстно, замѣчательнѣйшею подвижностью; легко поддаваясь двигательной силѣ водъ, они описываютъ волнообразную линію, благодаря чему рыба и подвигается впередъ съ довольно большою быстротою. О какомъ-нибудь значительномъ активномъ напруженіи для этого со стороны обладателей плавниковъ не можетъ быть и рѣчи. Легкія эластическія перышки, изъ конхъ состоятъ слабѣе плавники рыбъ, очевидно, не могутъ вступать въ какую-либо борьбу съ грозною и не подлежащею даже сравненію съ ними стихійною силою, а тѣмъ болѣе оказать ей какое-либо противодѣйствіе. Рыба, такъ сказать, плаваетъ не активно, а совершенно пассивно носится силою волнъ, едва лишь слабо регулируя свои движенія хвостовымъ плавникомъ.

Основываясь на этомъ свойствѣ плавательныхъ органовъ рыбъ, г. Линденъ попробовалъ укрѣпить съ боковъ обыкновенной лодки двѣ тонкія стальные эластическія доски горизонтально и одну такую же у килы (кормы) вертикально. Расположеніе этихъ досокъ сдѣлано было съ такимъ расчетомъ, чтобы силы какъ горизонтальнаго, такъ и вертикальнаго волненія моря одинаковымъ образомъ могли бы дѣйствовать на тонкую эластическую поверхность устроенныхъ досокъ, имѣняя ихъ первоначальное положеніе абсолютнаго покоя. Обрушиваясь всею своею силою на пѣжну воспримчивую поверхность иругихъ досокъ, волны застаиваютъ ихъ вибрировать эгою поверхностью, т. е. автоматически описывать волнообразныя линіи, или, такъ сказать, какъ бы ползти по волнамъ, сообщая имѣть съ тѣмъ поступательное движеніе и самой лодкѣ, къ которой доски эти прикрѣплены. Доска, вертикально помѣщенная за кормою лодки, съ одной стороны можетъ замѣнять собою руль, а съ другой—служить для пѣкорого увеличенія силы поступательнаго движенія. Характеръ этого движенія напоминаетъ собою способъ, употребляющійся нѣкоторыми моряками для плаванія на своихъ корабельныхъ лодкахъ, съ однимъ весломъ сзади. Лодки эти, благодаря только быстротѣ, винтообразнымъ движеніямъ единственнаго весла, помѣщаемаго на кормѣ ихъ, подвигаются впередъ съ порядочною быстротою, при чемъ регулировать это движеніе и возвращать лодку можно при помощи того же весла.

Правда, что скорость движенія вновь изобрѣтеннаго волнодвигателя получилась весьма незначительная, а именно не болѣе двухъ километровъ въ часъ; но въ данномъ случаѣ, кака бы то ни была скорость движенія, не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ болѣе всего важнѣе собственно одинъ принципъ этого изобрѣтенія, на практикѣ доказавшаго возможность утилизаціи силы волнъ. Примѣненіе же самаго принципа для тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, само собою разумѣется, заставитъ сдѣлать надъ первоначальнымъ изобрѣтеніемъ разныя переустройства и усовершенствованія. Стоитъ только припомнить исторію утилизаціи силы вѣтра. Тогда точно такъ же изобрѣтенъ былъ первоначально самый простой двигатель въ одномъ только прямомъ направленіи. Если бы тогда попробовалъ кто-нибудь сказать, что, при помощи почти аналогичныхъ съ самыми примитивными, парусовъ можно будетъ плавать чуть не противъ вѣтра, ему

Трудно жить на бѣломъ свѣтѣ! Съ карт. М. Вуншъ, грав. Брендамуръ.

засмѣялись бы въ глаза. Между тѣмъ, можно-ли сравнить теперь искусно расположенную систему парусовъ нашихъ гоночныхъ усовершенствованныхъ яхтъ съ жалкою тряпкой, неуклюже натинуюю на только что изобрѣтенномъ вѣтродвигателѣ. Плавательныя же пластинки волнодвигателя г. Линдена смѣло могутъ быть названы „водяными парусами“, и болѣе чѣмъ возможно, что путемъ тѣхъ же измѣненій въ количествѣ и формѣ ихъ или въ самой системѣ ихъ расположенія ухитрятся въ недалекомъ будущемъ настолько же улучшить первоначальное изобрѣтеніе, насколько удалось сдѣлать это съ парусными судами.

Предоставляя, впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса искусству болѣе специальныхъ изобрѣтательныхъ умовъ, рассмотримъ, насколько даже и теперь, въ своемъ младенческомъ, такъ сказать, развитіи новая лодка можетъ быть полезна человечеству, благодаря весьма успѣшному примѣненію ея въ разныхъ случаяхъ. Кому не извѣстно, напримѣръ, какъ неприятно дѣйствуетъ на пассажировъ постоянная качка небольшихъ лодокъ, плавающихъ по морю, какъ затрудняетъ она движеніе судна и самую работу гребцовъ. Если же примѣнить къ этимъ лодкамъ новое изобрѣтеніе, движеніе коего исключительно только и обуславливается горизонтальнымъ и вертикальнымъ движеніемъ волнъ (а качка только и бываетъ при этомъ), то дѣлается очевиднымъ, что приборъ г. Линдена не только прекратитъ неприятное колебаніе лодки, но, напротивъ того, всецѣло принимая его на свои, специально для того устроенные, щиты, успѣшно воспользуется его силою для увеличенія поступательнаго движенія лодки, что, безъ сомнѣнія, облегчитъ значительно и самую работу гребцовъ.

То же изобрѣтеніе можетъ служить прекраснымъ средствомъ для сообщеній съ континентомъ во время бури между малыми и отрѣзанными отъ материка островами. Въ данномъ случаѣ можно даже и поступиться быстротою самаго движенія, тѣмъ болѣе, что тутъ важнѣе, собственно, то, что лодка, разъ спущенная въ море, можетъ направиться къ на-

значенной цѣли именно въ одномъ данномъ ей направленіи, и успѣшно достигнуть ея, не требуя, для своего очень труднаго, какъ извѣстно, во время бури управленія, большого расхода людей.

Наконецъ, изобрѣтеніе г. Линдена оказываетъ незамѣнимую услугу симпатичнымъ цѣлямъ спасенія на водахъ. Какъ часто случается, что экипажъ разбитаго бурей судна, пересаженный въ спасательныя лодки и предоставленный произволу судьбы, выбивается изъ силъ въ безплодной борьбѣ съ волнами и безпомощно погибаетъ въ морѣ. Если же каждую спасательную лодку снабдить вышеописанными аппаратами плавниковъ, приспособивъ ихъ къ движенію впередъ въ извѣстномъ направленіи, то спасательная лодка автоматически, безъ всякой затраты физической силы своихъ пассажировъ, постепенно, но за то надежно, можетъ подвигаться.

Быть-можетъ, нѣкоторые скептики, противники всякихъ новаторскихъ стремленій, проницательно огнесутся къ этому новому изобрѣтенію и назовутъ его простою игрушкой, но пусть только не забываютъ они, что важна, собственно, инициатива практическаго примѣненія всякаго новаго двигателя, осуществленнаго на дѣлѣ, хотя бы даже и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Припомнимъ, что даже утилизація силы пара, такъ успѣшно эксплуатируемаго нынѣ, своимъ практическимъ примѣненіемъ обязана также простому маленькому чайнику, поднятію крышки котораго, по наполненіи его кипяткомъ, подало драгоцѣнную мысль свѣтлому уму человѣка обратить паръ въ послушное орудіе для достиженія общепользныхъ цѣлей.

Можно съ увѣренностью сказать, что между специалистами-гидрологами, профессиональными моряками, а, можетъ-быть, даже и среди самоучекъ-любителей непремѣнно найдутся новые умы, которымъ удастся выработать болѣе совершенную форму волнодвигателя. Тогда человечество съ полною безопасностью будетъ носиться въ какой-нибудь легкой скорлупкѣ по вселиющимъ нынѣ въ сердцахъ нервныхъ людей панической ужасъ бурнымъ, гигантскимъ волнамъ океана.

Прощаніе.

Стихотвореніе Н. Де-Лазари.

Прощай же, мой милый! Прощаясь съ тобою,
Я съ жизнью прощаюсь своей!
Меня ты забудешь, быть-можетъ, съ другою,
А я, примирившись съ тяжелой судьбою,
Попрещему буду твоей.

Но если пмѣнять мечты неизмѣнныя—
Станешь ты въ мірѣ опять одинокъ,—
Зови!. И исполню я клятвы священныя,
И вновь къ намъ вернутся тѣ дни незабвенныя,
Дни, позабыть о которыхъ ты могъ!

Человѣкъ на берегу моря.

Разсказъ Бретъ-Гарта. (Переводъ съ англійскаго).

Въ разстояніи не болѣе часа ѣзды отъ Плаза выступаетъ въ море далекій скалистый мысъ. Тутъ ютятся на немъ нѣсколько домиковъ. Разбросаны они, словно вчера только разметала ихъ буря. За каждымъ домикомъ — клочокъ обработанной земли, огороженный бамбуковымъ тростникомъ и жердями, выброшенными, очевидно, моремъ.

По сосѣдству съ этой деревушкой стояла когда-то, на гребнѣ мыса, береговая телеграфная станція, служившая наблюдательнымъ пунктомъ для большого коммерческаго города. Отсюда извѣщалась таможня о всѣхъ приходящихъ судахъ.

Въ то время повадилась ходить сюда какой-то человѣкъ, — машинистъ, давнишній эмигрантъ изъ Европы, оставившій тамъ жену съ семьей. Онъ работалъ гдѣ-то на заводѣ внутри страны, скопилъ небольшія деньги и рассчиталъ, что ихъ хватитъ на то, чтобы вынестъ семью въ Америку.

Задолго, за мѣсяць до времени, когда можно было ждать корабль, на которомъ ѣхала жена его, онъ явился на берегъ и каждый день приходилъ на станцію справляться, не видно-ли этого корабля. Самъ онъ единственный разъ только и былъ въ морѣ, когда переплывалъ его по пути въ Америку, а потомъ все время жилъ внутри страны, даже съ берега не видаль морской воды и забылъ, какое бываетъ море.

Онъ ждалъ, но дни проходили, а корабля не было. Минувалъ мѣсяць, прошли еще двѣ недѣли, три недѣли, еще два мѣсяца, и, наконецъ, — цѣлый годъ. Корабля не было.

И вдругъ человѣкъ, къ которому уже привыкли на станціи, пересталъ ходить сюда.

Но онъ вернулся.

Вернулся онъ равъ, когда вечерняя заря золотила уже далекое море, на закатѣ дня, и наблюдающій на телеграфной станціи готовъ былъ покончить свои занятія. Они разговорились.

— А сколько времени надо, спросилъ человѣкъ, — чтобы отказаться отъ ожиданія корабля?

Голосъ его дрожалъ и глаза казались жалкими.

Отвѣтить было трудно: — это зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Годъ?

— Пожалуй, и годъ. Но случилось, что корабли приходили и послѣ двухлѣтняго ожиданія...

Человѣкъ поблагодарилъ и ушелъ. И снова сталъ появляться ежедневно на станціи.

Но корабля, котораго ждалъ онъ, — все еще не было. Показывались съ моря красныя клипера, входили въ гавань, гремѣли пушечные выстрѣлы салютовъ, но корабля, котораго ждалъ человѣкъ, — не было...

Сталъ онъ ходить на-авось, на другія суда, на палубѣ каждаго вновь прибывшаго судна появлялся онъ и оглядывалъ пристально, по-одиночкѣ, весь привезенный „живой грузъ“, разспрашивалъ капитановъ, матросовъ, но все напрасно...

На станціи онъ надоѣлъ ужъ, и ему перестали отвѣчать. Кто-то посоветовалъ ему выходить на берегъ и попробовать самому слѣдить, не идетъ-ли корабль, на которомъ пріѣдутъ (вѣрно, пріѣдутъ, все-таки есть еще надежда на это): — „она“ и „дѣти“...

И съ утра до ночи сталъ просиживать человѣкъ на берегу моря. И часто сонъ заставлялъ его тамъ. Много кораблей видѣлъ онъ, но все были это не тѣ. Много разъ приходилось ему встрѣчать уже знакомые корабли, которые онъ провожалъ глазами, когда они уходили изъ гавани. Они возвращались, приходили новые, но *того* корабля не было...

Къ человѣку на берегу приглядѣлись, его знали многіе, приходившіе гулять на гребень мыса и любоваться отсюда видомъ широкаго моря. Онъ никого не трогалъ, сидѣлъ тихо и тоже смотрѣлъ на это море, которымъ любовались гуляющіе...

Веселое общество вбиралось однажды, въ праздничный день, съ пѣнями и смѣхомъ, на скалистый гребень мыса. Лай собаки раздавался вблизи. Подошли къ тому мѣсту, гдѣ лаяла собака, и нашли тамъ человѣка мертвымъ.

Ни денегъ, ни бумагъ не было въ его карманахъ, — были только вырѣзки изъ газетъ и журналовъ съ разсказами моряковъ, перенесшихъ бури...

Лицо мертваго было обращено къ морю.

М.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения.

I.

I. Павильонъ Общества городскихъ дешевыхъ и бесплатныхъ столовыхъ. (Рис. 1, стр. 777).

Въ небольшомъ, русскаго стиля, красивомъ павильончикѣ, декорированномъ цвѣтами и лавровыми деревьями, Общество городскихъ дешевыхъ и бесплатныхъ столовыхъ экспонируетъ на выставкѣ гигиены пищу, которую оно въ изобиліи предлагаетъ бѣднякамъ за баснословно дешевую плату, а зачастую и совсемъ даромъ. Изъ кушаній, составляющихъ эту пищу, можно указать на, такъ-называемые, сычуги (желудокъ быковъ), изъ которыхъ изготовляются чужь-ли не гастрономическія блюда. Киселя щи, наиримѣрь, приготавливаются слѣдующимъ образомъ: берется 50 штукъ сычуговъ, 3 пуда капусты, 8 ф. овсяной крупы, $\frac{1}{8}$ мѣры луку, 30 шт. кореньевъ, 8 ф. муки подправочной, на 5 коп. перцу и лавраго листу, да соли на 10 коп. Сваренныя изъ этихъ продуктовъ щи выходятъ очень вкусными. Точно такъ же приготавливается картофельный супъ и лапша, съ замѣною, конечно, капусты, въ первомъ случаѣ однимъ мѣшкомъ картофеля, а во второмъ 30-ю фунтами макаронъ.

О питательности такой пищи можно судить по химическому анализу, сдѣланному профессоромъ А. В. Пелемъ надъ обыкновеннымъ бульономъ изъ $\frac{1}{4}$ ф. мяса съ костями и бульономъ изъ $\frac{1}{2}$ ф. желудка. Результаты получились слѣдующіе:

	Бульонъ изъ мяса:	Бульонъ изъ желудка:
Удельный вѣсъ	1,009	1,016
Реакція	кислая	индифер.
Геміальбумоза и пептоны . .	слѣды	2,994%
Общее количество азота . . .	0,124%	0,372%
Хлорист. натра (повар. соли) .	0,985%	1,413%

Кислой реакціи, составляющей непремѣнную принадлежность почти всякаго мясного бульона, въ такомъ же, сваренномъ изъ желудка, не оказывается, что, естественно, дѣлаетъ послѣдній бульонъ болѣе, такъ сказать, застрахованнымъ отъ прокисающаго, нежели первый.

Наконецъ, даже и бѣлая геміальбумоза въ мясномъ бульонѣ одинъ только слѣды, тогда какъ въ сваренномъ изъ желудка чужь не 3%, почему послѣдній бульонъ является и питательнѣе перваго, тѣмъ болѣе еще, что въ бульонѣ изъ желудка въ $\frac{1}{2}$ раза болѣе азота.

Но Общество кормитъ своихъ нахлѣбниковъ не одними только сычугами. Въ столовыхъ, кромѣ того, подаются и мясныя котлеты—естъ, впрочемъ, котлеты и изъ сычуга—(5 к. шт.), печенька, сельди (2 к. шт.) и кильки (2 к. десятка).

Въ постное время, вмѣстѣ со скоромными, имѣются и постныя блюда: горохъ, изъ $\frac{1}{2}$ п. гороху, 8 ф. подсоленнаго масла, 8 ф. подправочной муки, $\frac{1}{4}$ мѣры луку, лавраго листа на 5 коп. и соли на 10 коп. Грибной супъ и щи со сибтками; на первый идетъ мѣшокъ картофеля и 8 ф. грибовъ, а на вторые 3 пуда капусты и 20 ф. сибтковъ, количество же всѣхъ остальныхъ приправъ одинаково съ гороховымъ супомъ.

Есть въ столовыхъ традиціонное наше блюдо—каша, даже трехъ сортовъ: гречневая, пшенная и ячневая. Она подается за 3 коп. съ масломъ, смотри по желанію, скоромнымъ или подсоленнымъ.

Для приготавливанія пищи, въ столовой на скотопригонномъ дворѣ имѣются два мѣдныя котла, вмѣстимостью по 25 ведеръ. Котлы эти есть не что иное, какъ передѣланная „походная кухня“, изобрѣтенная полковникомъ Липшинымъ. Они укладываются на особую тѣлѣжку и легко перевозятся съ мѣста на мѣсто. Въ столовыхъ же котлы эти сняты съ колесъ и вѣданы въ бѣты плиты, при чемъ кругомъ ихъ, для равномѣрности нагреванія, устроены особыя шаровыя трубки, какое приспособленіе, благодаря еще при томъ герметически закрывающейся крышкѣ котла, способствуетъ весьма быстрой варкѣ кушанья. Содержимымъ такихъ двухъ котловъ, стоящихъ 800 руб., можно накормить, если, конечно, какъ дѣлаютъ многія экономныя хозяйки, отбавить предварительно немного бульона на запасъ, 600—700 человекъ. Изъ котловъ пища, по изготовленіи, наливается въ жестяные баки, откуда уже и разносится прислугою въ особыхъ глиняныхъ мискахъ-тарелкахъ, вмѣстимостью каждая до $\frac{2}{3}$ бутылки, объедающимъ.

Для кипятка устроено 4 мѣдныя куба по 10 ведеръ каждый. Каши варятся въ духовыхъ печахъ, въ особыхъ горшкахъ, содержащихъ 7—8 фунтовъ крупы.

Столовые приборы изъ простой бѣлой глины: плоскія миски, тарелки и кружки, деревянные ложки и обыкновенные ножи и вилки.

Преобладающій элементъ посѣтителей столовыхъ Общества—работіе всѣхъ видовъ, специальностей и званій, прохожіе бѣдняки, а зачастую даже и обѣдѣвшіе интеллигенція, которые иной разъ приходятъ сюда съ цѣлою семьей.

Процедура выдачи пищи не сложна: входящій, если нѣтъ у него билета изъ особой абонементной книжки, покупаетъ его у кассирши, предъявляетъ тутъ же рядомъ и получаетъ $\frac{3}{4}$ ф. хлѣба, затѣмъ садится за столъ, и прислуга, по его требова-

нію, подаетъ каждому отдѣльно въ мискѣ или на тарелкѣ затребованное.

Помѣщеніе для обѣдовъ на скотопригонномъ дворѣ, раздѣленное на двѣ части, вмѣщаетъ до 300 человекъ. Тамъ же для нѣкотораго урегулированія финансоваго положенія посѣтителей, раздѣляютъ ихъ на извѣстныя группы: съ $1\frac{1}{2}$ ч. до 1 часу за обѣдъ взимаютъ по 4 коп.; за эту сумму даютъ, какъ выше сказано, $\frac{3}{4}$ ф. хлѣба и щей, супу или гороху, сколько кто можетъ съесть. Послѣ 1 часу пополудни за обѣдъ берутъ только 2 коп., хлѣба даютъ уже половину (хотя за 1 коп. его можно тутъ же и прикупить), пищу же все равно отпускаютъ въ потребномъ количествѣ. И, наконецъ, въ заключеніе, и хлѣбъ, и обѣдъ отпускаются бѣднякамъ даромъ.

Нижеслѣдующая таблица даетъ интересныя цифровыя данныя о количествѣ посѣтителей столовой на скотопригонномъ дворѣ за 5 мѣсяцевъ сего года.

	Февр.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Всего за 5 мѣс.
За плату по 4 коп.	2936	3953	6141	7743	7947	28720
„ „ „ 2 коп.	1442	1641	2883	2272	1448	9686
На пожертвов. билеты . . .	—	371	385	129	173	1058
Бесплатно.	8836	9791	8099	5791	6104	38621
Итого	13214	15756	17508	15935	15672	78085

Любопытно, что такое сравнительно большое количество нахлѣбниковъ, какъ 78,085 человекъ (въ среднемъ болѣе 520 человекъ на день), свободно удовлетворяется довольно маленькимъ персоналомъ служащихъ и прислуги, а именно: 2 кассирши, старшіи—оныхъ же и поваръ, 2 мужика, 3 судомойки и 3 дѣвочки, при чемъ содержаніе этого штата обходится всего въ 125 руб. въ мѣсяцъ.

Дровъ для варки пищи выходитъ до 15 саж. въ мѣсяцъ, хлѣбъ покупается по 90 коп. пудъ, посуда пожертвована Обществу городомъ, котлы же для варки принадлежатъ городу и находятся лишь во временнономъ пользованіи столовой. Какъ бы то ни было, но общій расходъ доходитъ до 1,000 руб. въ мѣсяцъ, и, принимая во вниманіе крайне незначительное увеличеніе мѣсяцъ отъ мѣсяца прихода, а именно: въ февралѣ 275 руб., въ мартѣ 353 руб., въ апрѣлѣ 523 руб., въ маѣ 581 руб. и въ іюнѣ 592 руб., дѣлается понятнымъ, что ежемѣсячно Обществу приходится погашать изъ наличныхъ средствъ болѣе 400 руб. дефицита.

Для дополненія картины благотворительныхъ задачъ Общества, нельзя обойти молчаніемъ факта устройства въ Пасхальную ночь безплатнаго братскаго разговѣнья, въ которомъ принимало участіе до 1,200 человекъ.—каждый изъ нихъ получилъ по куску освященнаго кулича и насхи, 1 яйцо, мяса и гуся по порціи, стаканъ молока и обѣдъ изъ супа или щей съ мясомъ.

Мы сообщили цифровыя данныя 1-й столовой Общества на скотопригонномъ дворѣ, находящейся въ завѣдываніи члена Общества Ф. Д. Андреева. Что касается до двухъ остальныхъ столовыхъ, помѣщающихся одна на Прудкахъ, а другая на баркѣ бывшаго катка у Тучкова моста, то почти все сказанное о первой можно съюзу отнести и къ двумъ остальнымъ; исключеніе составляетъ развѣ, нѣсколько меньшее количество посѣтителей, а слѣдовательно и приходо-расходныхъ статей, да, кромѣ того, въ томъ, что въ виду неудобства доставленія, за дальностью разстоянія, со скотопригоннаго двора на двѣ послѣднія столовыя сычуговъ, приготавливаніе пищи производится тамъ изъ обыкновеннаго мяса, покупаемаго по 10 к. за фунтъ.

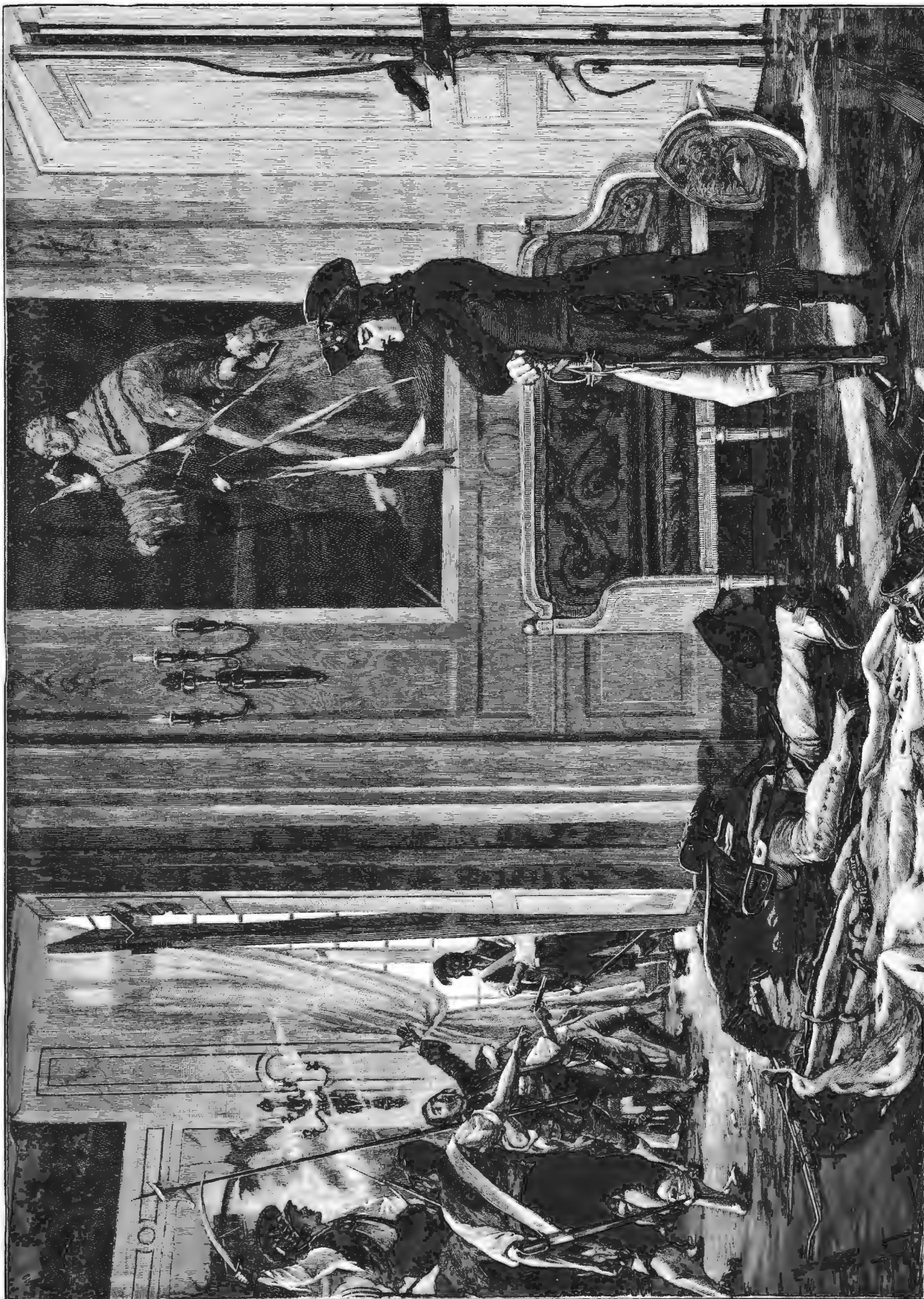
Въ настоящее время Общество насчитываетъ уже до 1,000 членовъ, при чемъ многіе жертвуютъ не только деньгами, но и натурой; такъ, напр., фирма Циницъ-Луи и Бѣлковъ доставляютъ безвозмездно въ погребномъ для Общества количествѣ свой чай.

II. Экспонаты Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ. (Рис. 2 и 3, стр. 780).

Экспонаты Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ расположены въ двухъ разныхъ мѣстахъ выставки. Общество имѣетъ свою витрину внутри манежа (рис. 3), образцы же спасательныхъ лодокъ (рис. 2) помѣщаются во дворѣ выставки. Между ними наиболѣе замѣчательны: лодка Форреста, изобрѣтенная, въ сущности, Бичингомъ, но получившая свое названіе отъ верфи, на которой построена. Лодка эта имѣетъ воздушные ящики на носу, на кормѣ и по бортамъ, и, кромѣ того, глухую палубу, вслѣдствіе чего не можетъ затонуть; вмѣстѣ съ тѣмъ она и крайне устойчива, такъ какъ снабжена тяжелымъ чугуннымъ фальшикомъ. Будучи опрокинута, лодка тотчасъ же поворачивается на киль (идея общеправѣснаго изобрѣтенія „Ванька-встанька“). Палуба лодки выше заборной воды, почему попадающая сюда вода стекаетъ сама въ особыя трубы. Обшивка лодки двойная, діагональная, изъ краснаго дерева, благодаря чему она очень прочна и не разсыхается. Стоимость всей лодки 3,700 руб. Лодка Фор-

Вечеръ на хуторѣ. Орг. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. Флюгелъ.

Наполеонъ Бонапартъ въ Тюльери 18 августа 1792 г. Съ карт. Р. Дюма, грав. Боггъ.

реста, какъ это и видно на рисункѣ, можетъ помѣщаться на особой тележкѣ и легко перевозится на ней къ мѣсту крушенія.

Двѣ зимнія спасательныя лодки: одна, на полозьяхъ, назначается для спасенія людей, провалившихся сквозь ледъ на большомъ разстоянн отъ берега, а другая, на лыжѣ Суслова, введенная только съ 1886 года, служитъ для спасенія на водѣ, покрытой ненадежнымъ или разбитымъ льдомъ. Для передвиженія лодокъ по льду служатъ шесты, вкладываемыя въ обухи на оконечностяхъ лодокъ. Лодки эти строятся изъ дерева и желѣза, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ въ носу и въ кормѣ придѣлываются воздушныя ящики, съ цѣлью предохраненія лодки отъ потопленія.

Временами, на дворѣ выставки неприятно поражаетъ слухъ посетителя какой-то протяжный, глухой и хриплый звукъ — это услужливый матросъ демонстрируетъ предъ любопытными зрителями силу голоса безокойнаго экспоната выставки, такъ-называемаго „ревуна“, посредствомъ котораго спасательныя станціи предупреждаютъ суда объ опасности. Этимъ простымъ приборомъ, въ 10-ти-лѣтній періодъ, двумя только крейсерскимъ станціямъ удалось предупредить болѣе чѣмъ 300 случаевъ разныхъ крушеній.

Интересный экспонатъ представляетъ ракета, изобрѣтенная Константиновымъ и употребляемая въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно подняться къ погибающему суду. Замѣтивъ судно, сѣвшее на мель или камень, устанавливаютъ ракетный станокъ, укладываютъ въ него ракету, начиненную порохомъ, и притовняютъ ракетный линь, т. е. товеньку бечевку. На концѣ линя находится желѣзная дѣлочка съ кольцомъ, которое накладывается на переднюю часть станка, и за него ракета, при вылетѣ, зацѣпляется крючкомъ и несетъ линь на разстояніе до 290 саж. Когда конецъ линя схватитъ на палубѣ погибающаго судна, то не трудно уже будетъ установить сообщеніе съ берегомъ при помощи болѣе толстаго каната (леера), по которому на блокъ двигается взадъ и впередъ особый спасательный стулъ, доставляющій по очереди на берегъ весь экипажъ судна. Для того же, чтобы получить канатъ обратно съ судна, на которомъ уже не осталось ни одного человѣка, кто могъ бы отвязать конецъ каната, изобрѣтено остроумный приборъ, состоящій изъ двухъ кривыхъ ножей, вдѣланныхъ въ деревянный ящикъ. Въ продольное отверстіе этого ящика закладывается канатъ, и ящикъ, при помощи оттяжки, приближается къ самой мачтѣ судна, тогда ножи смыкаются и легко отрѣзываютъ канатъ, дѣлаемый обыкновенно изъ манильской мочалы (не тонущей на водѣ).

Въ витринѣ внутри манежа выставки Обществомъ экспонируются спасательныя лодки въ небольшихъ моделяхъ; по стѣнамъ развѣшаны картины и рисунки, изображающіе разные случаи спасенія и гибели людей и судовъ: тутъ же находятся и автоматическіе колокола и трешетка, силою одного лишь вѣтра предупреждающіе возможность крушенія. Цѣлая коллекція самыхъ разнообразныхъ приборовъ и снарядовъ для подачи помощи утопающимъ, модели ботовъ и прочихъ судовъ Общества, а также и сараевъ, существующихъ на каждой станціи для храненія всѣхъ этихъ принадлежностей, представляютъ также не мало интереса. Содержаніе одной изъ выставленныхъ здѣсь картинъ невольно заставляетъ убѣдиться, насколько опасна добровольно принятая на себя Обществомъ благая роль спасителя погибающихъ. Весьма часто случается, что и суда самихъ же спасителей подвергаются роковымъ аваріямъ. Такъ, напр., въ сентябрѣ 1887 г., ботъ „Великая Княгиня Александра Юсифовна“ былъ перерѣзанъ пополамъ незамѣтаннымъ его громаднымъ пародономъ, къ которому онъ сѣлнлъ на помощь. Вотъ этотъ погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ у балки (подводные камни) „Некмангрудъ“, при входѣ въ Финскій заливъ. Момента его гибели именно и изображенъ на картинѣ, а среди экспонатовъ имѣется даже и точная модель этого злосчастнаго бота, отъ котораго на память Обществу остался одинъ лишь красный спасательный кругъ.

Самая мысль объ учрежденіи въ Россіи спасательныхъ станцій пришла впервые капитану Фрейгангу, именно подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія 4 апрѣля 1866 г., спасенія драгоцѣнной жизни въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра II. Тогда же еще открыта была и всеобщая подписка, но осуществитъ самую мысль, путемъ открытія настоящаго Общества спасенія на водахъ, удалось едва лишь въ 1872 году. Нынѣ Общество имѣетъ уже 990 отдѣльныхъ спасательныхъ станцій и т. п. учрежденій, коими спасено по 1892 годъ 7,501 человѣкъ и предупреждено 731 крушеніе судовъ, что дастъ въ среднемъ на каждый годъ по 375 случаевъ спасенія и по 36 предупрежденія этихъ случаевъ. Кроме указаннаго числа спасательныхъ станцій, Общество только что, а именно 8 сего августа, открыло еще новую станцію свою на Стрѣльницкомъ берегу Финскаго залива, на мыскѣ дамбы, гдѣ останавливались прежде ходившіе сюда пароходы. Тутъ, между прочимъ, установленъ нынѣ огромный маячный фонарь съ рефлекторомъ, пожертвованный г. Вейнгаузеномъ. Оборотныя средства Общества доходятъ до 2 милліоновъ, изъ которыхъ, за вычетомъ расходовъ, остается около $\frac{1}{2}$ мил. валичнаго капитала.

III. Чайная С.-Петербургскаго общества трезвости. (Рис. 4, стр. 781).

Что касается экспонатовъ Общества трезвости, то имъ отдѣлено сравнительно скромное мѣстечко вверху павильона, самый же павильонъ занятъ „чайною“. Главную цѣлью Общества (открыта въ апрѣлѣ 1890 года) служитъ, какъ извѣстно, противодѣйствіе чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ. Всѣхъ чайныхъ существуетъ нынѣ въ Петербургѣ 12, если не считать временной, на самой выставкѣ. Членовъ Общества насчитываетъ до 400 человѣкъ. Чайныя служатъ главнымъ проводникомъ прекрасныхъ стремленій Общества: дешевая пища, духовно-нравственныя бесѣды, хоровое пѣніе, народныя чтенія съ туманными картинками, читальни съ книгами и газетами, — все это привлекаетъ не мало рабочаго люда, который постепенно оцѣниваетъ пользу абсолютной трезвости и дѣлается, наконецъ, ярымъ адептомъ Общества. Такіе примѣры бывали, и ихъ нельзя не отмѣтить съ удовольствіемъ. Общественной дѣятельности чайныхъ Общества можно приблизительно составить себѣ понятіе по общему доходу ихъ за 1892 годъ, выразившемуся въ суммѣ 38,315 руб. 75 коп.

IV. Образцы санитарныхъ вагоновъ. (Рис. 4, стр. 781).

Во время борьбы съ холерной эпидеміей прошлаго 1892 года, желѣзныя дороги явились однимъ изъ главныхъ дѣятелей, тѣмъ болѣе важныхъ, что имъ предстояла для этого двойная задача. Во-первыхъ, нужно было обезопасить пробѣгающихъ отъ возможности заразиться въ вагонахъ, а во-вторыхъ, предотвратить распространеніе эпидеміи среди своихъ же служащихъ и рабочихъ. Для достиженія первой части задачи нѣсколько товарныхъ вагоновъ передѣлано было въ санитарныя, при чемъ обращено особое вниманіе на то, чтобы доставить возможно болѣе удобствъ какъ больнымъ, такъ и медицинскому персоналу. Вагоны снабжены окнами и раздѣлены на два отдѣленія для больныхъ, каждое по 2 кровати, съ помѣщеніями: для проводника, гдѣ находится плита, кубъ для кипятка, бакъ для дезинфекціи бѣлья, столъ, табуретъ, печь и самоваръ, и для фельдшера и аптеки, съ медикаментами и дезинфекционными принадлежностями; тутъ же бѣлье и проч. Въ отгороженномъ внутри ящикѣ помѣщается ледникъ. Освѣщеніе стеариновое. Полъ покрытъ линолеумомъ, потолокъ мелкою пробкою по лаку, что не допускаетъ сырости (изобрѣтеніе полковника Леонтьева). Стѣны и мебель окрашены бѣлой масляной краской, позволяющей тотчасъ же замѣтить на нихъ малѣйшее пятно. Николаевскою и Московско-Брестскою желѣзными дорогами выставлено по одному вагону для перевозки тяжело раненыхъ; эти вагоны передѣланы изъ третьеклассныхъ.

Отсутствіе болѣе или менѣе удобныхъ средствъ для перевозки больныхъ по нашимъ, обыкновенно безокойнымъ, въ известное время года, даже и для здороваго человѣка, грунтовыми дорогамъ побудило устроить особую тележку въ видѣ закрытой кругомъ лакированной парусной повозки, напомнимъ своей вѣшностью обыкновенную кибитку. Чтобы ослабить тряску и толчки, кузовъ тележки поставленъ на дрожныя, укрѣпленныя на рессорахъ. Съ одного бока — дверца для входа проводника, а съ другого — небольшое окошко; во всю заднюю стѣну широкія двойныя дверцы, черезъ которыя больной вносятся внутрь тележки. Для больнаго устроены легкія носилки, которые вкатываются въ тележку по резиновымъ роликамъ и служатъ ему постелью. Ролики покоятся на спиральныхъ пружинахъ, и такимъ образомъ получается тройная рессорная система. Внутри тележки два сидѣнья для проводника, подъ ними ящики съ медикаментами и санитарными принадлежностями. Для ослабленія толчковъ, при спускѣ, служить тормазъ.

V. Отдѣлъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. (Рис. 5, стр. 781).

Внутри манежа выставки, въ отдѣлѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ сосредоточены приспособленія для дезинфекціи здѣсь, между прочимъ, экспонируется модель камеры для дезинфекціи вагоновъ. Камера эта съ двойными стѣнами, поломъ и крышей. Внутри ея положены старыя дымогарныя трубы отъ паровозовъ, образующія родъ змѣевика. Для проруска вагона въ камеру служатъ двойныя ворота. По установкѣ вагона въ камеру, изъ котла резервнаго паровоза пускаютъ паръ въ змѣевикъ, при чемъ притокъ его регулируется такъ, чтобы температура медленно доходила до требуемыхъ 110° Ц. Черезъ часъ притокъ пара прекращается, и послѣдній мало-по-малу вытѣсняется изъ камеры при посредствѣ воздушныхъ крановъ и клапановъ. Когда паръ весь выгнанъ, закрываютъ всѣ краны и клапаны и даютъ камерѣ и находящемуся въ ней вагону медленно остывать. Интересна также другая модель камеры для дезинфекціи людей, платья, бѣлья, обуви и мѣховыхъ вещей, представляющая помѣщеніе изъ 4-хъ отдѣленій: 1) для раздѣванія, 2) для дезинфекціи людей, 3) для дезинфекціи мѣховыхъ вещей, обуви и тѣхъ предметовъ, которые не выдерживаютъ высокой температуры и 4) для дезинфекціи перерѣгнутымъ паромъ платья, выдерживающаго нагреваніе. Самая дезинфекція производится слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ, которому предполагаютъ произвести полную дезин-

фекции, вводится въ раздѣльную; здѣсь онъ снимаетъ съ себя верхнее платье и бѣлье, которыя распределяются по отдѣленьямъ № 3 и 4, а самъ поступаетъ въ отдѣленіе № 2. Отдѣленіе это представляетъ продолговатую комнату съ прорѣзями въ потолокъ, черезъ которые человекъ можетъ выставить голову наружу, пока на его тѣло, посредствомъ парового пульверизатора, направляютъ струю какого-либо дезинфицирующаго раствора. Одновременно и въ отдѣленіи № 4 производится дезинфекція перегрѣтымъ паромъ бѣлья и другихъ предметовъ, выдерживающихъ высокую температуру, помощью тѣхъ же приборовъ и приспособленій, какъ въ вышеописанной камерѣ для дезинфекціи вагоновъ. Разница въ работѣ заключается только въ болѣе скоромъ нагрѣваніи и охлажденіи камеръ и въ болѣе высокой температурѣ, достигающей до 120° Ц. Нельзя обойти молчаніемъ также и модели кухни для рабочихъ при мастерскихъ, для приготовления горячей пищи и кипятка для чая. Съ появленіемъ холеры, къ кухнѣ было пристроено помѣщеніе для приготовления сахарной воды, съ печью для сушки сухарей, гдѣ одновременно можетъ просушиваться до 1½ пудовъ хлѣба. Расходъ сухарей около 2 пудовъ на 30 ведеръ воды. Для чая, на каждую артель рабочихъ въ 10—12 человекъ, полагается одинъ жестяной чайникъ. Чтобы дать возможность и паровозной прислугѣ имѣть горячую пищу и чай, на каждый паровозъ полагается одинъ паровой чайникъ и одна паровая кастрюля. Какъ тотъ, такъ и другая имѣютъ двойныя стѣнки и дно, между которыми, посредствомъ особой трубочки, можетъ быть пущенъ паръ изъ паровоза. Тутъ же во множествѣ разставлены разнокалберные ящики съ медикаментами и дезинфекционными средствами, представляющіе собою образцы поѣздныхъ аптечекъ; выставлены образцы кровати-носилокъ, а по стѣнамъ развѣшаны планы, чертежи и фотографическіе снимки по разнымъ отраслямъ желѣзнодорожнаго дѣла.

Быстрое осуществленіе всѣхъ вышеописанныхъ мѣропріятій для борьбы съ холерой минушаго года вызвало было настоятельную потребность, именно въ тѣхъ соображеніяхъ, что желѣзныя дороги, съ одной стороны, ускоряютъ и облегчаютъ передвиженіе значительныхъ массъ людей разныхъ странъ,

съ другой—способствуютъ и болѣе быстрому распространенію заразныхъ болѣзней, каковая опасность несомнѣнно еще увеличивается при появленіи такихъ грозныхъ бичей человечества, какъ азиатская холера. Въ подтвержденіе сказаннаго, можно привести множество примѣровъ. Такъ, напр., въ эпидемію 1852 г., холера, по только что открытой тогда Николаевской ж. д., была занесена изъ С.-Петербурга въ Москву. Въ 1854 г., по той же дорогѣ, холера была занесена изъ С.-Петербурга въ Тверь. Эпидемія холеры въ 1865 г. изъ Суэца въ Александію была занесена по желѣзной же дорогѣ; тѣмъ же путемъ пробралась холера и изъ Марселя въ Парижъ въ томъ же году. Еще лучшимъ доказательствомъ заразнопроводности (если можно такъ выразиться) желѣзныхъ путей служатъ цифровыя данныя, собранныя нашими казенными желѣзными дорогами въ эпидемію прошлаго 1892 года. Оказывается, что отъ 7 іюня (начала эпидеміи) по 1 ноября на дорогахъ, протяженіе которыхъ равняется 10,193 верстамъ, поелипровано 717 больныхъ холерою, такъ что въ общемъ они составили 76% общаго числа больныхъ служащихъ на дорогахъ, которыхъ всего заболѣло 1,003 человекъ (изъ нихъ въ казенныхъ зданіяхъ только 377 чел. больныхъ). Такимъ образомъ, въ среднемъ выводѣ, 1 больной пассажиръ приходится на 13 верствъ протяженія пути или на каждый пробѣздъ между станціями, надаетъ по два холерныхъ пассажира. За то же время казенными желѣзными дорогами проведено всего 4½ милліона пассажировъ, слѣдовательно, изъ каждыхъ 6,276 пассажировъ одинъ былъ несомнѣнно больною.

Изъ вышеприведеннаго станутъ понятны столь энергическія мѣры, предпринимаемыя дорогами какъ для обеззараживанія пробѣгающихъ, такъ и для полной изоляціи во время пути въ спеціальныхъ санитарныхъ вагонахъ больныхъ отъ здоровыхъ. Со времени установленія обеззараживанія по 1 октября, на одной только Закавказской желѣзной дорогѣ было обеззаражено 307.714 пассажировъ и 109.245 мѣстъ багажа. Въ концѣ концовъ, дезинфекціонные пункты получили даже такую репутацію, что имъ приходилось обеззараживать вещи, нарочно привозимыя изъ городовъ, въ чемъ и не было отказа со стороны желѣзнодорожной администраціи и служебнаго персонала.

Къ рисункамъ.

Трудно жить на бѣломъ свѣтѣ. (Рис. на стр. 785).

Какъ сонъ протчалось красное лѣто, быстро провеслись ясные дни, унеся съ собою беззаботное веселье и сладкія радости молодежи. Наступило время засѣсть за книжку. Съ неохотой и трудомъ засѣли многие за книги, которыя кажутся очень непріятными тѣмъ, кто за нихъ принимается впервые. Иной дебютантъ долго сидитъ за какой-нибудь задачей, и въ его юной головкѣ невольно проносится неотвязная мысль: „трудно жить на бѣломъ свѣтѣ“.

Вечеръ на хуторѣ. (Рис. на стр. 788).

Рисунки нашего даровитаго рисовальщика И. И. Ижакевича давно знакомы нашимъ читателямъ, и его бытовые сцены не разъ украшали страницы *Нивы*. Въ нынѣшнемъ № помѣщаемъ работу молодого художника въ иномъ родѣ. Имъ изображенъ пейзажъ: „Вечеръ на хуторѣ“, прекрасно иллюстрирующей извѣстное стихотвореніе И. С. Аксакова „Вечеръ“.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ.
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулись съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова—
На закатѣ легкой вѣтерокъ...

Наполеонъ въ Тюльери въ 1792 г.

(Рис. на стр. 789).

Картина А. Дюма изображаетъ Наполеона въ Тюльери въ 1792 году, въ то время неизвѣстнаго и скромнаго капитана артиллеріи. Бонапартъ случайно былъ въ Парижѣ, когда тамъ разгорѣвшаяся революція достигла своего апогея. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ безобразій и бунтарей, видѣлъ разграбленіе дворца, неустойчивавшую толпу, несчастнаго короля, принужденнаго угрозами надѣть красный колпакъ при рукокасающихъ раззуданнаго народа. Всѣ эти событія навсегда поселили въ немъ отвращеніе къ anarchii и распущенности, и онъ говаривалъ, цоричая слабость Людовика XVI, что ему слѣдовало съ самаго начала вымести пушечнымъ ядромъ 500 человекъ этихъ негодлеви, а остальные разбѣжались бы сами.

Статуя Клода Шаппа. (Рис. на стр. 792).

Въ 1792 году, молодой ученый Клодъ Шаппъ представилъ французскому законодательному собранію описаніе придуманнаго имъ для переговоровъ на разстояніи аппарата, который

онъ назвалъ „Телеграфъ“. На слѣдующій же 1793 годъ, т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ, была устроена во Франціи первая телеграфная линія. Это былъ, такъ-называемый, оптическій телеграфъ, дѣлавшій сообщенія при помощи условленныхъ знаковъ аппарата К. Шаппа. Система самаго аппарата ясна по его воспроизведенію на статуѣ изобрѣтателя, изображенной на нашемъ рисункѣ (стр. 792). Статуя эта торжественно открыта 1-го іюля сего года въ Парижѣ. Она поставлена на углу улицы „de Bac“ и бульвара „Saint Germain“. Мѣсто выбрано очень удачно—оно недалеко отъ улицы „de l'Université“, гдѣ сгруппированы телеграфныя бюро, и въ соедѣствіи съ домомъ, гдѣ жилъ Шаппъ, на углу улицы „de Bac“ и набережной „d'Orsay“. Починъ увлѣочеченія памяти Шаппа принадлежитъ Эрнесту Жаккэ, бывшетокарю почтоваго и телеграфнаго управленія, предложившему, въ возданіе заслугъ Шаппа, привести въ порядокъ его могилу и поставить ему памятникъ. Потребныхъ на это денегъ, разумѣется, не было. Тогда Жаккэ обратился ко всѣмъ почтовымъ и телеграфнымъ служащимъ съ предложеніемъ собрать по подлинкѣ нужную сумму денегъ. Два года не жалѣлъ Жаккэ трудовъ и успѣлъ для осуществленія своей идеи. Успѣхъ превзошелъ всякія его ожиданія—подписка дала 38.000 франковъ, на которые и былъ сооруженъ памятникъ. Былъ объявленъ конкурсъ, и лучшимъ былъ признанъ проектъ скульптора Даме. Памятникъ, дѣйствительно, исполненъ очень удачно. Скульпторъ сумѣлъ найти подходящую позу для отлитой изъ бронзы фигуры и искусно сгруппировалъ окружающіе предметы. На цоколѣ выдѣляется красивый аллегорическій барельефъ, изображающій эмблему почты и телеграфа.

Клодъ Шаппъ родился въ Брюлонѣ въ 1763 г. Первоначальное обученіе получилъ онъ частью въ La Fleche, частью въ Rouen и затѣмъ поступилъ въ семинарію, откуда вышелъ со званіемъ аббата.

Сдѣлавъ свое изобрѣтеніе, онъ сообщилъ проектъ братьямъ, и семья его не поколебалась немедленно снабдить его необходимыми средствами для осуществленія его блестящей идеи. Пятнадцать мѣсяцевъ пробился Шаппъ надъ опытами, и въ концѣ 1791 г. они увѣчались успѣхомъ, такъ что онъ могъ смѣло ѣхать въ Парижъ и предложить свое изобрѣтеніе. Ему было разрѣшено сдѣлать нѣсколько официальныхъ пробныхъ опытовъ; но разставленные аппараты его были разрушены въ ту же ночь; виновники этой ужасной продѣлки остались неизвѣстны. Но Шаппъ не отчаялся. Съ огромными усиліями построилъ онъ новые аппараты настолько прочно и удачно, что они ни разу не передѣлывались въ теченіе своей 60-ти-лѣтней службы. 22 марта 1792 года предложилъ онъ ихъ законодательному собранію. Предложеніе это было принято, и снова назначены были опыты, но аппараты опять

были сожжены невѣжественною чернью, предположившей, что ими хотѣтъ воспользоваться для освобожденія ильненнаго короля. Черезъ нѣсколько времени законодательное собраніе распалось, и Шанну пришлось ждать до 1 апрѣля 1793 г., когда конвентъ снова заинтересовался его аппаратами. Ему были отпущены средства для новаго сооружеія его аппаратовъ. Лакапалу и Дону было поручено слѣдить за опытами. 27 юля того же года идея Шанна была окончательно блестяще осуществлена

на практикѣ, и конвентъ постановилъ дать гражданину Клоду Шанну званіе инженера телеграфовъ и назначилъ ему жалованья 5 ливровъ 10 су въ день. Шанну пришлось преодолѣть массу трудностей: ему приходилось бороться съ невѣжествомъ толпы, постоянно были у него недостачи денегъ, да, кромѣ того, рабочіе не хотѣли принимать ассигнаціи, отпускаяшіяся ему правительствомъ. Несмотря на все это, ему удалось все-таки провести линію между Парижемъ и Амьеномъ съ 16 станціями. 15 августа 1794 г. была отправлена первая депеша, возмѣщавшая взятіе Кенноа. Идея его была осуществлена, — теперь нужно было проводить новыя линіи, выбирать и устраивать станціи, покупать для этого землю, строить аппараты, набирать нужныхъ людей, однимъ словомъ, организовать цѣлую администрацію. Постоянно ощущавшійся недостатокъ въ деньгахъ сильно тормозилъ работы. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ Шанну, благодаря его неутомимой энергіи, удалось провести линію между Парижемъ и Страсбургомъ, съ 50-ю станціями. Во всѣхъ его работахъ помогали ему четыре его брата: Игнатій, Петръ, Рене и Авраамъ. Вслѣдствіе до 1804 г. занималъ онъ свой постъ. Тутъ только дала себя знать его четырнадцатилѣтняя непрерывная работа. Онъ заболѣлъ, затѣмъ сошелъ съ ума и умеръ 23 января 1805 г., 42 лѣтъ отъ роду. Аппараты его служили до 1855 г., когда они были замѣнены электрическимъ телеграфомъ.

В. А. Ратьковъ-Рожновъ. (Портр. на стр. 793).

С.-Петербургская Городская Дума не могла избрать на должность городского головы ни одного кандидата, такъ какъ бу-

вально все отказывались отъ чести представлять, какъ отъ тяжелой и отвѣтственной обязанности. Передъ избраніемъ кандидатовъ въ городскіе головы происходили выборы гласныхъ. Образовались двѣ партіи. Одна выставила кандидатуру бывшаго городского головы В. И. Лихачева, другая желала имѣть городскимъ головой одного общественнаго дѣятеля, но ни въ какомъ случаѣ не г. Лихачева. Во время выборовъ побѣдила партія „шовоумцевъ“.

Когда происходили засѣданія и избирались кандидаты въ городскіе головы, было намѣчено нѣсколько кандидатовъ. Большинство предложено двое: В. А. Ратьковъ-Рожновъ и баронъ П. Л. Корфъ, меньшинствомъ В. И. Лихачевъ и другіе. Все отказались. Никакія просьбы не могли убѣдить ихъ взять свой отказъ обратно. Тогда Городская Дума, въ новомъ составѣ, рѣшила отдохнуть въ лѣтнее канікулярное время и выборы отложить до осени, что противорѣчило новому Городовому Положенію. Такъ какъ кандидаты для утвержденія не было представлено, то 1-го юля послѣдовало Высочайшее назначеніе С.-Петербургскимъ городскимъ головою Владиміра Александровича Ратькова-Рожнова.

Новый С.-Петербургскій городской голова пользуется въ столицѣ обширною извѣстностью, какъ щедрый благотворитель и общественный дѣятель. Онъ въ продолженіе 16 лѣтъ состоялъ однимъ изъ энергичныхъ и дѣятельныхъ гласныхъ, безвозмездно работавшихъ на пользу столчнаго населенія, въ качествѣ предсѣдателя большичной и благотворительной комиссіи, члена комиссіи по народному образованію и попечителя нѣсколькихъ десятковъ думскихъ начальныхъ школъ. Въ распоряженіе Думы онъ предоста-

Вновь открытая въ Парижѣ 1-го юля 1893 г. статуя Клода Шанпа, изобрѣтателя оптическаго телеграфа (скульптура Даме). Съ фот. грав. Флѣре.

вилъ образцово устроенное зданіе для помѣщенія двухъ школъ, названныхъ городомъ, въ благодарность за щедрый даръ, училищами имени В. А. Ратькова-Рожнова. При его непосредственномъ участіи и благодаря его горячей неустанной дѣятельности, образовалось общество вспомошествованія учащимся въ начальныхъ школахъ. Дѣти бѣднѣе получили возможность быть тепло одѣтыми въ зимнюю службу, учиться, не затрачивая родительскихъ грошей на учебники, и продолжать

свое образование въ профессиональныхъ женскихъ школахъ и мужскихъ мастерскихъ. Какъ председатель болыпничной коммисіи, Владиміръ Александровичъ обратилъ вниманіе на разнѣженіе городскихъ амбулаторій. Какъ председатель благотворительной коммисіи, онъ лично принималъ бѣдняковъ, давалъ имъ совѣты и оказывалъ матеріальную помощь наиболѣе нуждающимся. Кромя того, Ратьковъ-Рожновъ состоитъ почетнымъ членомъ обществъ призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ и Ораниенбаумѣ, членомъ совѣта дома призрѣнія душевно-больныхъ, на Удѣльной, и многихъ другихъ общественныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Извѣстность новаго городского головы распространилась и за предѣлами столицы. Одинъ изъ волжскихъ пароходовъ общества „Самолетъ“ носитъ имя В. А. Ратькова-Рожнова.

Дѣятельность новаго городского головы, по блестящемъ окончаніи имъ курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ, началась въ Правительствующемъ Сенатѣ, гдѣ онъ былъ оберъ-секретаремъ. Затѣмъ В. А. занималъ должности товарища председателя С.-Петербургскаго окружнаго суда и члена С.-Петербургской судебной палаты. Государственная и общественная служба новаго городского головы была отмѣчаема неоднократно Высочайшими наградами. В. А. имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника, ордена Вѣлаго Орла, Св. Анны 1 ст. и другіе. Въ настоящее время онъ является неотъемлемымъ дѣятелемъ, полнымъ опытомъ (В. А. 59 лѣтъ), спокойствія и объективности.

Громадное богатство В. А. Ратькова-Рожнова ставитъ его въ независимое положеніе и несомнѣнно поможетъ ему поддержать достоинство вѣшняго городского представительства. Н. А.

Герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій.

(Портр. на этой стр.).

Въ ночь на 11 августа, скончался, въ своемъ охотничьемъ замкѣ Рейнгардсбруннѣ, 75-лѣтній герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-

маніи и прекратить гибельные для нея раздоры и неурядицы. Благодаря своему огромному авторитету, ему, какъ брату англійскаго принца Альберта и другу Наполеона III, удалось примирить притязанія своихъ державныхъ родственниковъ. Маленькое его герцогство было ареною либеральныхъ движеній Германіи и надежнымъ убѣдителямъ представителей послѣднихъ. Однимъ изъ такихъ бѣглецовъ, нашедшихъ себѣ

покровительство герцога Эрнста, былъ прославившійся затѣмъ въ Германіи, талантливый писатель Густавъ Фрейтагъ, встрѣтившій въ немъ высокаго и чуть-ли не перваго дѣятеля своего дарованія. Герцогъ самъ всею душою преданъ былъ литературѣ и искусству. Онъ очень любилъ театръ и, дѣятельно занимаясь музыкой, написалъ нѣсколько оперъ, проявивъ въ нихъ солидныя композиторскія способности. Въ теченіе долгихъ лѣтъ отпускалъ онъ изъ своихъ частныхъ средствъ огромныя суммы на отлично поставленный придворный театръ. Онъ былъ очень красивый, статный и бодрый старикъ. Онъ состоялъ въ бездѣльномъ бракѣ съ принцессой Ваденской.

Мечтавшій когда-то, въ дни своего могущественнаго вліянія, чуть-ли не объ императорской коронѣ, онъ примкнулъ затѣмъ къ объединительной прусской политикѣ князя „жельза и крови“ Бисмарка и сталъ его ревностнымъ сторонникомъ. На время, въ дни короткаго царствованія проткаго императора Фридриха III, герцогъ, въ высшей степени любившій и уважавшій императора, отшатнулся отъ започинаго канцлера, по затѣмъ, послѣ смерти императора и воцаренія нѣмѣцкаго императора Вильгельма, онъ снова продолжалъ свои дружественныя отношенія къ Бисмарку. До послѣднихъ дней своихъ герцогъ былъ противникомъ новаго курса германской вѣшней и внутренней политики и не разъ подымалъ свой голосъ противъ начинавшаго впечатлительнаго молодого императора. Въ виду бездѣтности герцога, ближайшимъ его наследникомъ является старшій сынъ его брата—принцъ Уэльскій, который не можетъ быть, однако, таковымъ, какъ наследникъ англій-

Владиміръ Александровичъ Ратьковъ-Рожновъ, новый С.-Петербургскій городской голова. Съ фот. Вестли, грав. Шюблеръ.

скіе отношенія къ Бисмарку. До послѣднихъ дней своихъ герцогъ былъ противникомъ новаго курса германской вѣшней и внутренней политики и не разъ подымалъ свой голосъ противъ начинавшаго впечатлительнаго молодого императора. Въ виду бездѣтности герцога, ближайшимъ его наследникомъ является старшій сынъ его брата—принцъ Уэльскій, который не можетъ быть, однако, таковымъ, какъ наследникъ англій-

Герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій († 11 августа 1893 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Герцогъ Альфредъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій (герцогъ Эдинбургскій).

Готскій. Въ лицѣ его угасъ одинъ изъ союзныхъ государей, владѣвшій самымъ неболыпшимъ государствомъ въ Германіи и въ то же время пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ и широкою популярностью. Въ тяжелыя годы смуты и неурядицы въ Германіи, во время грозившаго государству распаденія, лѣтъ 30—40 тому назадъ, герцогъ Эрнстъ употребилъ все свои усилія къ тому, чтобы возродить національное единство Гер-

скаго престола. Поэтому Саксенъ-Кобургъ-Готскій престолъ долженъ былъ перейти къ слѣдующему его брату, герцогу Альфреду Эдинбургскому. И. З.

Герцогъ Альфредъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій.

(Портр. на этой стр.).

Герцогъ Альфредъ Эдинбургскій родился въ Виндзорѣ-Кестлѣ,

6 августа 1844 года. Въ качествѣ кадета, сдѣлавъ онъ нѣсколько плаваній на военныхъ судахъ, а въ 1867 году отправился онъ въ Австралію и оттуда въ Индію и Восточную Азію. 23 января 1874 г. вступилъ онъ въ бракъ съ Великою Княжною Маріей Александровною, родившеюся 17 октября 1853 г. Отъ этого брака родилось пятеро дѣтей: Альфредъ, Марія,

Викторія, Александра и Беатриса. Герцогъ считался до сихъ поръ на англійской морской службѣ въ чинѣ адмирала; у насъ, въ Россіи, состоитъ онъ шефомъ второго черноморскаго флотскаго экипажа. Выпѣвшимъ Германскимъ императоромъ удостоенъ онъ чина генерала-отъ-инфантеріи съ дарованіемъ высшаго ордена Чернаго Орла. И. 3.

Политическое обозрѣніе.

Переговоры о заключеніи русско-германской торговой конвенціи, по словамъ *National Zeitung*, не начнутся ранѣе 1-го октября по новому стилю. Со стороны Россіи и Германіи будутъ по три представителя. Во всѣхъ ежедневныхъ отчетахъ желѣзнаго рынка верхней Силезіи жалуются на недостатокъ въ работѣ и на необходимость дальнѣйшаго сокращенія числа рабочихъ и выдувки многихъ доменъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, сообщаетъ *Frankfurter Zeitung*, владѣльцы фабрикъ кожаныхъ издѣлій и причастныхъ къ этому производству другихъ отраслей промышленности во Франкфуртѣ и Оффенбахѣ обратились къ государственному канцлеру съ просьбою, чтобы совѣщанія конференціи о русско-германскомъ торговомъ договорѣ начались ранѣе 1-го октября, чтобы договоръ или временное соглашеніе, на правахъ самой приоритетствующей державы, были заключены какъ можно скорѣе. Просители ссылаются на отъѣзду многихъ полученныхъ изъ Россіи заказовъ, на отсутствіе заказовъ, которые, обыкновенно, получаютъ ими съ Нижегородской ярмарки, и на начавшееся уже водвореніе на русскомъ рынкѣ конкурирующихъ имъ вѣнскихъ и парижскихъ кожаныхъ издѣлій.

Journal des Débats, на основаніи послѣднихъ свѣдѣній, даетъ итоги выборовъ 20 августа. Правая сохранила 51 мѣсто, выиграла 1 мѣсто, потеряла 40. Примирившіеся сохранили 14 мѣстъ, выиграла два, потеряли 15. Республиканцы либераль-

ные и умѣренные сохранили 69 мѣстъ изъ принадлежавшихъ имъ, выиграла 31 и потеряли два мѣста. Республиканцы сохранили 99 мѣстъ, выиграла 29 и потеряли 11. Радикалы-социалисты сохранили за собой 92 мѣста, выиграла 22 и потеряли 7. Революционеры сохранили шесть мѣстъ, потеряли 7, не выиграла ни одного. Общій итогъ перваго голосованія таковъ: 52 депутата правой, 16—примирившихся, 100—умѣренныхъ и либеральныхъ республиканцевъ, 128—республиканцевъ, 114—радикаловъ и социалистовъ, 6—революционеры; 172—перевалотировокъ. Незавѣстные результаты двухъ выборовъ въ отдаленныхъ колоніяхъ.

Изъ Кіля сообщаютъ: „Въ пятницу, 13-го августа, прибыла сюда, подъ англійскимъ флагомъ, нанятая французами прогулочная яхта „Insect“, приписанная къ Коусскому порту. Находящаяся на яхтѣ два француза задержаны вчера, какъ заподозрѣнные въ шпионствѣ. Они отказываются сообщить свои фамилии и отрицаютъ, что они офицеры. Лица эти проѣхали отъ острова Гельгоанда каналомъ, прорытымъ между Севернымъ и Балтійскимъ морями, и, повидимому, снимали фотографіи съ укрѣпленій. По имѣющимся при нихъ паспортамъ, выданнымъ въ Парижѣ, арестованные называются Рауль Дюбуа и Морисъ Дакъ. Первый изъ нихъ утверждаетъ, что онъ землевладелецъ, а второй,—что онъ комми-воажеръ. У нихъ отобраны снимки укрѣпленій Вилгельмсафена, Гельгоанда и Кіля.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ, задержанные въ Либавѣ дурною погодою, 16 августа, въ четыре часа утра, изволили отбыть изъ Либавы, на яхтѣ „Полярная Звѣзда“, въ Коненгагенъ, куда благополучно прибыли въ 10 часовъ вечера того же дня, а на берегъ изволили выйти утромъ 17 августа.

— Министръ Финансовъ, въ бытность свою на Нижегородской ярмаркѣ, объявилъ о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на устройство въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году всероссійской выставки.

— 19 августа, въ Москвѣ, состоялось празднованіе трехсотлѣтія Донскаго ставропигіальнаго монастыря.

— Министерствомъ Путей Сообщенія выработаны правила, по которымъ разрѣшено перевозить по желѣзнымъ дорогамъ переселенцевъ по установленному льготному тарифу въ приспособленныхъ къ перевозкѣ товарныхъ вагонахъ и вагонахъ III класса.

— Зимнее расписание движенія поѣздовъ вводитъ въ нынѣшнемъ году съ 1 октября.

— Согласно послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Петербургѣ имѣется около 15,000 дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 12 лѣтъ), нигдѣ не обучающихся.

— Въ уѣздахъ Петербургской губерніи устраиваются для народа, на средства мѣстныхъ земствъ, популярныя лекціи по гигиенѣ.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія

предложило попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ озаботиться устройствомъ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ пансіоновъ и интернатовъ.

— Врачи, состоящіе при среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, получили вновь предписаніе чаще осматривать съѣстные припасы, продаваемые маркитантами учащимся въ рекреационное время.

— Въ Москвѣ разрѣшено издавать журналъ, посвященный медицинѣ, подъ названіемъ *Врачебныя Записки*.

— Парижская земледѣльческая и сельскохозяйственная академія присудила Сергіевской пустыни большую золотую медаль за полезную сельско-хозяйственную дѣятельность.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Три непечатанныя письма Грибоѣдова къ Амбургеру. Сообщ. Арс. И. Введенскаго.—Сильный человѣкъ. Романъ К. Орловскаго. (Окончаніе).—Новая побѣда человѣка надъ водною стихіею. Гидрологическій очеркъ В. А. Фрей.—Прощаніе. Стихотвореніе Н. Де-Лазари.—Человѣкъ на берегу моря. Разсказъ Бретъ-Гарта. (Переводъ съ англійскаго).—Первая Всероссийская выставка гигиены и спасанія. I. (съ 5 рис.).—Изъ рисунковъ: Трудно жить на бѣломъ свѣтѣ (съ рис.).—Вечеръ на хуторѣ (съ рис.).—Наполеонъ въ Тюльери въ 1792 г. (съ рис.).—Статуя Клода Шалпа (съ рис.).—В. А. Ратьковъ-Рожиновъ (съ портр.).—Герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Нобургъ-Готскій (съ портр.).—Герцогъ Альфредъ Саксенъ-Нобургъ-Готскій (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—О перемѣнѣ адреса.—О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г.—Объявленія.

Печатать А. Ф. Марксъ.

Редакторъ И. М. Н. Волонскій.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВУ“:

Безъ дост. въ Петерб. 5 р.	Съ дост. въ Петерб. 6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р.	Съ перес. въ Москву и др. города Россіи 7 р.	За границу 10 р.
----------------------------	--------------------------------	---	--	------------------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просить обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Ш. № 6149 28—10

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахи во рту. № 5121 (32)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПАЦИНТЫ

и всё луковичная растенія и другія для огородовъ и оранжерей. Превосходные ассортименты растеній для оранжерей и огородовъ по 5 руб. 50 к., 10 руб. 50 к., 20 руб. Просить указать, для какой цѣли предназначается заказъ. Нашъ ассортиментъ для огородовъ по 10 руб. 50 коп. включаетъ въ себѣ болѣе 1000 луковичныхъ растеній. Упаковка—бесплатно. Нѣмецкіе, англійскіе и французскіе каталоги, по требованію, высылаются бесплатно. Адресъ: van Meerbeck & Co. Handelsgärtner, Hillegom bei Haarlem (Holland). Просить настоятельно обращаться съ требованіями только на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ.

ТЮЛЬПАНЫ

НЕОБХОДИМО имѣть каждому теплое и мягкое одѣяло чистой шерсти замѣчательно красиваго тигроваго рисунка хорошей величины цѣною за 8 руб. и въсовыхъ за 7 ф. Высылаютъ съ наклад. плат. мануф. торг. Масленникова. Банковская лин., № 2, СПб.

Ц. № 6505 **НАСТОЯЩІЯ ГААРЛЕМСКАЯ ЦВѢТЧНАЯ ЛУКОВИЦА** въсѣхъ сортовъ, высшаго разбора. СПб., Адмиралтейск. пл., 10. Г. ФРИКЪ.

ЗАКАНИЕ ЛѢЧИТЬ УСПѢШНО К. ЭРНСТЪ. Проспектъ безвозмездно. СПб., Симеоновскал, 5. Учебникъ 3 руб.

Только что вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ:
12 и 13 выпуски „СКАЗОКЪ БР. ГРИММОВЪ“.

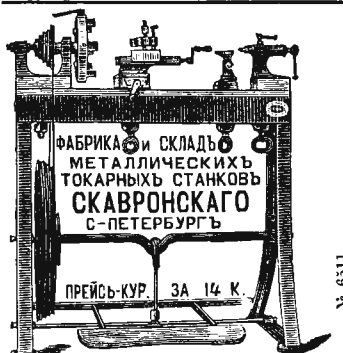
ЛВШИНСКЪ и ГЮЗИНСКЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаютъ и иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2436

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7-6

ЦВѢТЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ УДОСТОЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ НА ВСЕРОСС. МОСКОВСКОМЪ ВЫСТАВЛѢ 1882
А.СИУИКО ПАРФЮМЕРІА ВЫСШАГО КАЧЕСТВА МОСКВА. ТРИЕСЪ КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

6 р. НОВОСТЬ 6 р. ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ безъ элементовъ. Не требуютъ рѣшительно никакого ухода и могутъ быть проведены всякимъ всюду. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. Заказы высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. № 6510

НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

Тилъ-Топъ превосходно сдѣланы изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы. Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ слѣдуетъ открыть Тилъ-Топъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень вмѣстительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6490 5-4 3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежемъ. С. Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРОКЪ** Невск. пр., № 20-44.

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ.
СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ 3-2
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. Дено въ С.-П.-бургѣ, у Алекс. Тисъ и К°, Пушкинская, № 4. Требуется: ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ. **!!ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!!**

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ **В. В. ЕЗЕРСКАГО**
ПРИЕМЪ ПРИХОДЯЩИХЪ И ПАНСИОНЕРОВЪ ЕЖЕДНЕВНО. ПРОГРАММА И ПРАВИЛА СООБЩАЮТСЯ ЛИЧНО И ПИСЬМЕННО. С.-Петербургъ, уголь Невскаго и Садовой № 18. Москва, Тверская, д. Хомяковскихъ. № 6512

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6872 26-10

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо). Библиотека „Руниверс“

ФИСГАРМОНИИ

лучших Французских, американских фабрик и фабрик Шидмайера, рекомендованные Главачемъ, Гензельтомъ Листомъ и друг.

въ 100, 125, 130, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 250, 300, 400, 500, 750, 800, 1000 р. и дороже.

Самочучель для фисгармонии 2 р. Играть на фисгармонии можно научиться легко.

Иллюстрир. прейс-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармонии — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ЭКИПАЖИ

НА РЕЗИНОВЫХЪ БУФЕРАХЪ (РЕССОРАХЪ) НЕЗАМЪНИМЫЕ ДЛЯ ГРУЗОВЫХЪ ДОРОГЪ, покойны, прочны и легки на ходу.

Отъ 125 ряз., включая экипажъ отъ 143 рублия.

Складъ (въ бывш. Д. Фр. Д. Т. С.) въ Москвѣ, Кузнецкая ул., д. Терещенко.

Прейс-курантъ высылаемъ за 7 коп. марку.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

№ 6506 для Г. Г. любителей. 2—1

Всѣдѣствіе повѣнн. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовкн, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Цѣна прибора 15, 18, 25, 35, 50 руб. и др. Въ принад. отъ 9 р. за наборъ.

Е. КРАУСЪ и К^о

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32. ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ въ С.-Петербургѣ, Мойна № 42.

Наставленіе и иллюстр. прейс-курантъ высылаются за сем. коп. почт. марку.

Большая золотая медаль, Парижъ.

МАССА БЛАГОДАРН. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ:

БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНИХЪ и МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ: ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИЯ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

ПРОПОДАВАНІЕ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ.

ПОДЪ ГАРАНТІЕЙ УСТАНОВЛ. УСЛОВІЯ ПРОБЪ * МОСКВА * ВЫСОКАЯ ПЕНСИЯ * БЕЗПЛАТНО.

Почарская ул., д. Старикова. 5—1

МИНУЩАЯ МАШИНА 25—24

РЕМИНГТОНА № 5

„НОВѢЙШАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

признана лучшей въ свѣтѣ. Имѣетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейс-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаемъ бесплатно. № 5996

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ В. БЛОКЪ

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Ковландъ.

НЕОБХОДИМО ДЛЯ ВСѢХЪ!

Единственный въ Россіи по полнотѣ свѣдѣній и масѣбъ материала роскошно-иллюстрированный

КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ

на 1894 г. „Царь-Колоколь“ на 1894 г.

Съ приложеніемъ „Иллюстрированной Исторіи Россіи“ ПЕЧАТАЕТСЯ и ВЫЙДЕТЪ въ началѣ августа.

Цѣна календарю (безъ приложения) 40 к., съ приложеніемъ 50 к., въ роскошномъ тисненомъ переплетѣ 1 р. — Приложение отдѣльно не продается.

Складъ изданія: Москва, 1) книжный магазинъ В. В. Думнова, Мясницкая, 2) у А. Д. Ступина, Никольская, при конторѣ изданія — Чистые пруды, д. № 199, и во всѣхъ изв. книжныхъ маг. Россіи. Ими.

Въ виду громаднаго спроса покорѣннѣе просимъ принимать свои требованія заблаговременно. Цѣна календаря, противъ прошлаго года, значительно повышена, а объемъ календаря увеличенъ.

Календарь-Альманахъ „Царь-Колоколь“ ОБЩАГО НЕ ИМѢЕТЪ и НЕ ИМѢЕТЪ.

№ 6192 3—3

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО

ДРА ЛЕНГИЛЯ

въ ВЪНЪ

для БѢЛЫХЪ, СВѣЖИХЪ КОЖИ, ЛИЦА

и ЧИСТОТЫ

Тридцать Кожъ Совѣсній Визъ, рекомендуется какъ Хорошее Туалетное Мыло

НАСТОЯЩЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ Единственнаго Агента

Василия Аурихъ въ С. ПЕУРГЪ для Россіи.

Teichner's Fettender

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожн! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 6258 10—10

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ.

Употребляется для мытья кожн, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожю. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ; Олопомада (лучше козьей-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ

ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА, Пассаажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Звѣз. Сукетъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Ирисъ дубль	Розода	Миланъ-Флеръ
Букетъ Императрицы	Люби мена	Ариана
Илангъ-Илангъ	Стефанъ Букетъ	Грандъ
Майоннъ-Ландышъ	Ирисъ	Ирисъ въ мѣдѣ
Бѣлый гелотропъ	Звѣз. Берга	Испанскій сандалъ
Бѣлая лилія	Жасминъ	Среднее сѣно
Сирень перс.	Олеандръ	Чер. тухъ
Левкой	Шилпъ	Лиле. бел.
Фалка	Букетъ де Царъ	Лотисъ

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЛАЮТСЯ НЕ МЕНЬШЕ 10 К. ПОЧТ. ПЛАТ. 1 р. 40 к. съ прѣсылкой во все города Россіи. (Иногда Сибирь)

№ 6191 (46)

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (14)

Спеціалістъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейс-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ. ма-газина. Ручательство на 2 года. № 6283

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 к.

Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6509

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой нововъ шерсти, 2 ари. ширины, отъ 1 р. 60 коп. до 2 руб. ари., по прочности и дешевизнѣ незаменимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для г. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч.

Изюгородникъ высылаются образцы. Магазины: С. П., Владимирская, № 6; Петерб. сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш. Новая уллица, 15. № 6489 10—4

Любителямъ садоводства

высылаемъ бесплатно, по требованію, вышедшій изъ печати каталогъ на 1893—94 г. Фруктовымъ и ягоднымъ растеніямъ, декоративнымъ деревьямъ и кустарникамъ, розамъ, клубникѣ, разнымъ луковичкамъ и пр.,

Садоводство В. КРИСТЕРА

въ Кіевѣ, Институтская, д. Бродской. Существовать съ 1880 года. № 6513

В. Б. ЖУКОВСКИЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА. КРУМРЕЙНЪ и КАЦЪ. ЛѢСОПИЛЪНАЯ РАМА, ПИЛЫ, СТАНКИ ДЛЯ РАЗНООБРАЗН. ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

2-й ВЫИГРЫШНЫЙ

заявъ, 1 сентября тиражъ, продаетъ на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, С. П. (5—5) 1 марта с. г. на билетъ II займа, сер. 02031 № 25, купленный въ Банк. Домѣ съ задаткомъ 20 руб., нать выигрываетъ въ 5000 р. и 1 мал. с. г. на билетъ III (Дворницкаго) займа 05413, № 04 выигрываетъ въ 500 р.

МИНДАЛЬНОЕ № 5914

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освежающая и приятная пѣна, впитываясь въ кожю, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

XXIV г.

№ 36

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣсячн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 4 сентября 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Ц. этого № 20 к., съ пер. 25 к. Цѣна Сборн. 50 к., съ пер. 60 к.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ «СНІВЫ» ЗА СЕНТЯБРЬ. 2) «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за СЕНТЯБРЬ 1893 г. съ 31 рис. и отд. лист. съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 48 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Искатель приключеній.

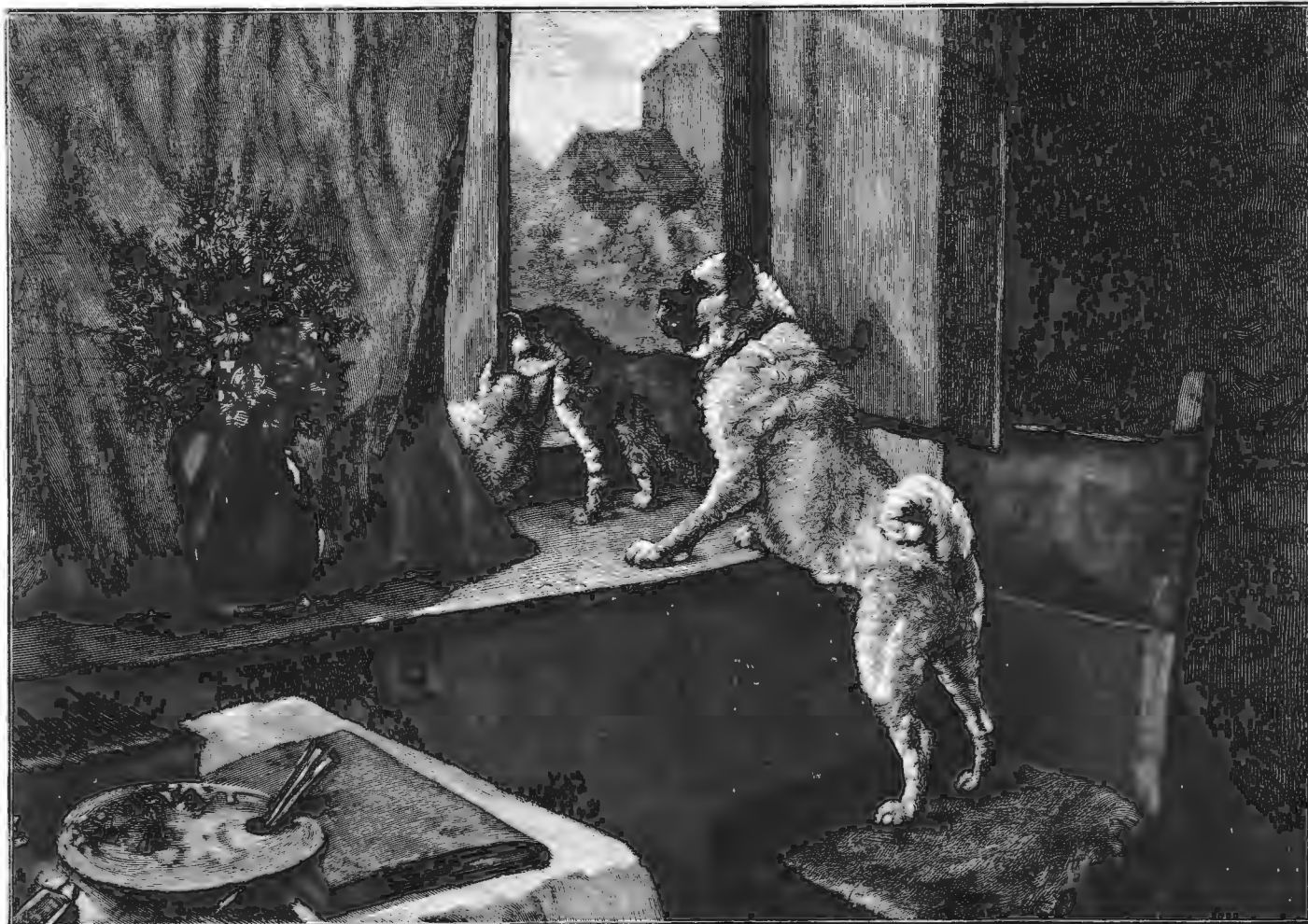
Повѣсть І. Ясинскаго.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ своемъ родовомъ имѣніи, Соколовкѣ, много лѣтъ безвыѣздно жилъ полковникъ Максимъ Петровичъ Самоцвѣтъ. На видъ это былъ человѣкъ не очень старій. Волосы его, выстриженные подъ гребенку, только

начинали серебриться, и густыя черныя брови казались еще чернѣе по сравненію съ бѣлыми, какъ снѣгъ, закрученными вверхъ, усами.

У него были двѣ дочери—Олимпиада и Ольга. Онѣ получили отчасти институтское, отчасти домашнее вое-

Въ ожиданіи хозяйки. Съ карт. Кл. Нильсенъ, грав. Герике.

питаніе, выросли и считались уже невѣстами. Обѣ онѣ были недурны, и деревня Соколовка частенько привлекала гостей: прїѣзжали офицеры, статскіе молодые люди и студенты и ухаживали за сестрами.

Несмотря на то, что старшей, Олимпіадѣ, было уже двадцать лѣтъ, а младшей восемнадцать, и онѣ считали себя самостоятельными дѣвицами, для надзора за ними Максимъ Петровичъ пригласилъ пожилую даму изъ полекъ, всю жизнь проведшую гувернанткой въ разныхъ домахъ и отличавшуюся нѣкоторымъ знаніемъ французскаго языка и умѣньемъ играть польки и вальсы, а также печь мазурки на Свѣтлый Праздникъ. Фамилія ея была Подбѣльская, и звали ее Антониной Антоновой.

Домъ въ Соколовкѣ былъ расположенъ на довольно высокомъ холмѣ, подошва котораго омывалась рѣчкой Соколомъ. Черезъ рѣчку были брошены въ двухъ мѣстахъ живописные мосты съ водяными мельницами. По ту сторону берега тянулась степь, казавшаяся безконечнымъ моремъ. А холмъ заросъ деревьями, между которыми были старыя, лѣтъ по полтораста, насаженные еще прадедомъ Максима Петровича. Въ саду было много и фруктовыхъ деревьевъ. Они тѣсно подступали къ окнамъ стараго дома, словно призраки прошлаго, которые сплелись руками и окружаютъ родное пещище.

Когда деревья смотрѣли въ окна дома, они видѣли на стѣнахъ полинялые портреты всѣхъ Самоцвѣтовъ, въ пудренныхъ парикахъ и пестрыхъ камзолахъ съ лентами и звѣздами. Въ началѣ вѣка ихъ писалъ итальянскій мастеръ, а потомъ число ихъ было умножено крѣпостнымъ живописцемъ, отпущеннымъ Максимомъ Петровичемъ на волю.

Мебель въ домѣ была краснаго дерева, рѣзная, съ выгнутыми спинками и обитая плотнымъ шелковымъ штофомъ, полинявшимъ отъ времени. Портьеры на окнахъ и дверяхъ тоже были шелковыя, двигавшіяся на золоченыхъ кольцахъ. Очевидно, полковникъ былъ большимъ любителемъ часовъ, потому что часы различныхъ эпохъ: часы „буль“, часы Людовика XVI, часы „анпирь“ и часы англійскіе оживляли старыя дома своимъ непрерывнымъ ходомъ и звономъ. Въ полдень, часы съ изображеніемъ Аполлона, падающаго съ колесницы, начинали играть гавоть, и въ ту же минуту, не поздне и не раньше, лакеи распахивали обѣ половинки столовой, гдѣ былъ готовъ завтракъ, и за столомъ собирались обитатели Соколовскаго дома: Максимъ Петровичъ выходилъ, опираясь на костыль съ серебряной ручкой, иногда поддерживаемый съ другой стороны Антониной Антоновой или же одной изъ дочерей; позади шла другая дочь или Антонина Антоновна, если ей не удавалось взять подъ руку Максима Петровича. Всѣ они усаживались вокругъ стола, и Максимъ Петровичъ съ привѣтливымъ видомъ смотрѣлъ на домохозяевъ. Большимъ несчастьемъ было опоздать къ завтраку или обѣду. Полковникъ сдвигалъ свои черныя брови, которыя сливались тогда въ одну общую грозную бровь, и глаза его, обыкновенно добродушные, голубые глаза, темнѣли и наливались кровью. Иногда же, если опаздывалъ къ завтраку членъ семьи, Максимъ Петровичъ внушительно стучалъ костылемъ.

Изъ этого можно было заключить, что старыя полковникъ обладалъ характеромъ желѣзнымъ и любилъ порядокъ; и въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ вспыльчивъ—могъ выйти изъ себя изъ-за пустяка и въ мелочахъ былъ суровъ и непреклоненъ. Впрочемъ, случаи, когда ему приходилось проявлять свою волю въ энергическихъ выраженіяхъ, были крайне рѣдки. Всѣ боялись и уважали полковника и ходили передъ нимъ по стрункѣ. Вообще же, въ своихъ сношеніяхъ съ людьми онъ обнаруживалъ большое благодушіе и доброту.

Когда собиралась молодежь въ Соколовскомъ домѣ,

когда ярко горѣли масляныя лампы въ залахъ и въ гостиной, когда въ вихрѣ вальса и полекъ мелькали маленькія ножки барышень, а вся атмосфера пропитывалась чѣмъ-то любовнымъ и веселымъ, и можно было ждать, что не сегодня—завтра Олимпіада и Ольга выйдутъ замужъ, Максимъ Петровичъ проникался общимъ чувствомъ, молодѣлъ душой.

Вдругъ въ одинъ прекрасный день всѣ въ уѣздѣ ахнули, когда узнали, что Максимъ Петровичъ женился на своей гувернанткѣ, Антонинѣ Антоновнѣ, и что это обстоятельство подѣйствовало такимъ удручающимъ образомъ на его дочерей, что одна изъ нихъ чуть не заболѣла. Это случилось въ сентябрѣ 1847 года.

Порядки въ Соколовкѣ круто измѣнились.

II.

Когда съ особенной рѣзкостью сказалось въ Соколовкѣ господство Антонины Антоновны, Олимпіада и Ольга, часто ссорившіяся прежде между собой, теперь сблизились другъ съ другомъ. Дѣвушки заключили оборонительный союзъ и выражали свое недовольство Антониной Антоновной во взаимныхъ признаніяхъ, которыми онѣ обмѣнивались, оставаясь наединѣ. Онѣ называли ее Антошкой или просто Антономъ и обсуждали ея поведеніе, ужасаясь ея хитрости и коварству, съ какими она опутала ихъ славнаго, честнаго отца.

Антонина Антоновна, обладавшая секретомъ управлять полковникомъ, дорого дала бы за средство подчинить себѣ падчерицъ такъ, чтобы онѣ ее полюбили. Единственное средство было — угождать имъ, но на это она не рѣшалась и не могла рѣшиться. Олимпіаду она сносила больше, чѣмъ рѣзкую Ольгу. Сначала она вывозила ихъ въ свѣтъ, на дворянскіе балы, потомъ стала наказывать Ольгу и не брать ее съ собой. Но одна Олимпіада сама отказалась отъ выѣздовъ съ маичихой. По этому поводу въ Соколовкѣ разыгралось нѣсколько бурныхъ сценъ. Антонина Антоновна плакала и искала утѣшенія на груди у Максима Петровича. Максимъ Петровичъ страшно стучалъ костылемъ, и его голосъ разносился по всему дому точь-въ-точь такъ, какъ это было въ Бородинскую битву, когда полковникъ велъ на смерть свой отрядъ и зычнымъ крикомъ старался заглушить шумъ сраженія. Падчерицы все-таки не покорились.

Антонина Антоновна была религіозная женщина, какъ большинство полекъ, и любила благотворить несчастнымъ; но ея доброта ограничивалась обносками, нѣсколькими фунтами муки, мѣдными деньгами. Единственный добрый поступокъ ея заключался въ томъ, что она воспитывала на свой счетъ молодого человѣка, сына ея бывшихъ хозяевъ, впавшихъ въ бѣдность. Отецъ и мать юноши, пользовавшіеся въ Польшѣ благосостояніемъ, вдругъ потеряли все, очутились на свѣрѣ Россіи безъ всякихъ средствъ; а когда имъ позволено было поселиться въ болѣе теплыхъ губерніяхъ, ихъ физическое здоровье было такъ уже расшатано, что климатъ не помогъ. Антонина Антоновна, которая воспитывалась въ ихъ домѣ еще на родинѣ, узнавъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи они находятся, стала отдавать имъ свои заработки, проникнутая искреннимъ чувствомъ къ этимъ добрымъ людямъ, когда-то такъ много ей сдѣлавшимъ. Старикъ Михольскій умеръ отъ воспаленія мозга, и вслѣдъ за нимъ умерла его жена. Ихъ сына, Ромуальда, Антонина Антоновна опредѣлила въ гимназію и затѣмъ содержала его въ университетѣ. Когда вышла замужъ Антонина Антоновна, Ромуальдъ сталъ часто бывать въ Соколовкѣ. Мало-по-малу, Олимпіада и Ольга начали обращать на него вниманіе. Ромуальдъ обладалъ хорошими манерами, былъ красивъ собою и одѣвался съ утонченной изысканностью. Можно было подумать, что онъ богатъ, но это былъ бѣднякъ, всѣмъ обязанный Анто-

нинъ Антоновнѣ и немногимъ урокамъ, которые онъ имѣлъ въ городѣ. Онъ брался учить всему—и пѣнію, и музыкѣ, и языкамъ, и рисованію. Танцевалъ онъ съ ловкостью балетмейстера, былъ веселъ и безпеченъ и славился своими побѣдами надъ женскимъ сердцемъ.

Когда онъ прѣзжалъ въ Соколовку, ему отводили комнату внизу, тамъ, гдѣ стояла лѣстница, ведущая на антресоли. Онъ подолгу живалъ въ Соколовкѣ и, кажется, прѣзжалъ въ деревню, главнымъ образомъ, въ тѣ минуты, когда у него не бывало никакихъ заработковъ. Антонина Антоновна шила ему бѣлье, снабжала его небольшими средствами, и онъ опять уѣзжалъ въ городъ или куда-нибудь къ сосѣднимъ помѣщикамъ. Чтобы присутствіе въ домѣ Ромуальда Михольскаго не было тяжело, Антонина Антоновна дѣлала видъ, что онъ помогаетъ ей въ хозяйствѣ, и, въ самомъ дѣлѣ, Михольскій просиживалъ иногда вечера за книгами, которыя вела Антонина Антоновна очень аккуратно. Самъ Михольскій заботился о томъ, чтобы производить на всѣхъ приятное впечатлѣніе: онъ рассказывалъ Максиму Петровичу анекдоты, игралъ ему на флейтѣ, или разыгрывалъ дуэты съ молодыми барышнями и катался съ ними верхомъ, а когда бывали вечеринки въ Соколовкѣ или гдѣ-нибудь у окрестныхъ помѣщиковъ, Михольскій отличался, какъ танцоръ. Въ концѣ концовъ, Михольскій побѣдилъ Соколовку, и едва онъ прѣзжалъ, какъ всѣ выражали по этому поводу живѣйшую радость: Максимъ Петровичъ улыбался до самыхъ ушей, барышни краснѣли и выскакивали къ нему навстрѣчу, даже горничныя и рукодѣльницы приятно ухмылялись, даже старикъ-лакей съ удовольствіемъ снималъ шинель съ молодого человѣка и бережно вѣшалъ ее на колышекъ, а поздно вечеромъ приходилъ къ нему и передавалъ соколовскія новости — напри- мѣръ, о томъ, что Олимпіада и Ольга гадали, прѣйдутъ ли Михольскій или нѣтъ.

III.

Родъ Михольскихъ былъ древнѣйшій и принадлежалъ къ немногимъ рыцарскимъ фамиліямъ, упоминаемымъ Папразцкимъ въ своемъ знаменитомъ гербовникѣ. Тѣмъ не менѣе, когда-то Михольскіе не были поляками; до XVI вѣка это были южно-русскіе служилые люди, которые потомъ приняли католичество и изъ защитниковъ православія стали усердными слугами польской короны. Наканунѣ паденія Польши фамилія Михольскихъ особенно прославилась: изъ ея среды вышелъ великій воинъ и сподвижникъ Костюшки, павшій при защитѣ Варшавы во время взятія ея Суворовымъ. Сохрани Польша свою самостоятельность, та вѣтъ Михольскихъ, отпрыскомъ которой являлся Ромуальдъ Михольскій, процвѣтала бы до сихъ поръ, и Ромуальдъ не велъ бы жизнь благороднаго приживальщика съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Несмотря на свою начитанность, свѣтскость, развязность и красивую вѣшность, Михольскій чувствовалъ, что онъ часто попадаетъ въ униженное положеніе въ тѣхъ домахъ, которые оказываютъ ему пріютъ, и что деньги играютъ гораздо большую роль, чѣмъ имѣетъ свое происхожденіе и какія бы то ни было душевныя или умственныя качества. Онъ, поневолѣ, сгибался въ дугу, льстилъ тамъ, гдѣ можно было взять тонкой лестью, а гдѣ нужно было нахальство — онъ бралъ наглостью. Бывъ въ Соколовкѣ, онъ ухаживалъ за обѣими сестрами. Втайнѣ Антонина Антоновна покровительствовала Ромуальду и не прочь была бы выдать за него одну изъ падчерицъ. Ромуальду нравилась Ольга, но Антонина Антоновна желала бы, чтобы Ромуальдъ женился на Олимпіадѣ: Ольга казалась ничтожной дѣвушкой, красота которой, къ тому же, обыкновенна и должна скоро отцвѣсть. Небольшого роста, полная, съ ясными живыми глазами, Ольга была еще дѣвочкой, между тѣмъ какъ Олим-

піада, стройная, высокая и свѣтлая блондинка съ темными бровями и матово-розовымъ лицомъ, могла быть названа серьезной красавицей, разумѣется, для тѣхъ, кто понимаетъ толкъ въ серьезной красотѣ, прибавляла Антонина Антоновна. Вѣтреная Ольга сама ухаживала за Ромуальдомъ, а Олимпіада была съ нимъ сдержанна, и только по живому румянцу, выступавшему на ея щекахъ, можно было заключить, какія чувства волнуютъ ее въ присутствіи Ромуальда.

Помѣщеніе, которое отводили Ромуальду въ Соколовкѣ, было благоприятнымъ пунктомъ, чтобы завести и поддерживать романъ съ молодыми дѣвушками. Желать на Ольгѣ или Олимпіадѣ и взять въ приданое пятьсотъ душъ крестьянъ было, конечно, находкой для бѣднаго польскаго шляхтича. Заручившись протекціей Антонины Антоновны, Ромуальдъ жилъ подъ лѣстницей и ждалъ у моря погоды, разучивая на флейтѣ „Фрейшюца“.

Однажды Антонина Антоновна позвала къ себѣ Ромуальда. Она сѣла на кушетку и обратилась къ нему со словами, поразившими молодого человѣка, какъ громъ:

— Ты получилъ наслѣдство.

— Я? Отъ кого?

— Умерла твоя тетка Августина. Вотъ формальное извѣщеніе—читай!

Она достала бумагу и подала Ромуальду.

— Ты вызываешься, какъ наслѣдникъ, продолжала она.—Объ этой теткѣ тебѣ ничего не извѣстно, но я тебѣ скажу, что она была страшно богата. Всю жизнь она жила скопидомкой, откладывала деньги, и у ней хранилась знаменитая шкатулка королевы Бонны, о которой я тебѣ столько разъ говорила. Когда-то въ этой шкатулкѣ я сама видѣла столько драгоценностей, что тебя смѣло можно поздравить. Ты поѣдешь въ Польшу, и тебя надо снарядить въ дорогу.

Молодой человѣкъ развернулъ бумаги и письма, пришедшія изъ города Ружанъ, гдѣ скончалась его богатая тетка, и пальцы его рукъ дрожали отъ сладкаго чувства.

— Какъ вы думаете, сколько мнѣ досталось, если перевести на деньги?

— Не знаю, но, вѣроятно, не меньше двухсотъ тысячъ злотыхъ.

Ромуальдъ обнялъ Антонину Антоновну и сталъ кружить ее по спальнѣ.

— Безумный! Не смѣй этого дѣлать! ласково разсердилась она.

Въ это время Максимъ Петровичъ въ столовой грозно нахмурилъ брови: часы съ Аполлономъ пробили ровно двѣнадцать, завтракъ былъ поданъ, и полковникъ одинъ сидѣлъ въ столовой, ожидая прихода домашнихъ. Никто не являлся. Тогда онъ застучалъ костылемъ въ полъ и страшнымъ голосомъ крикнулъ:

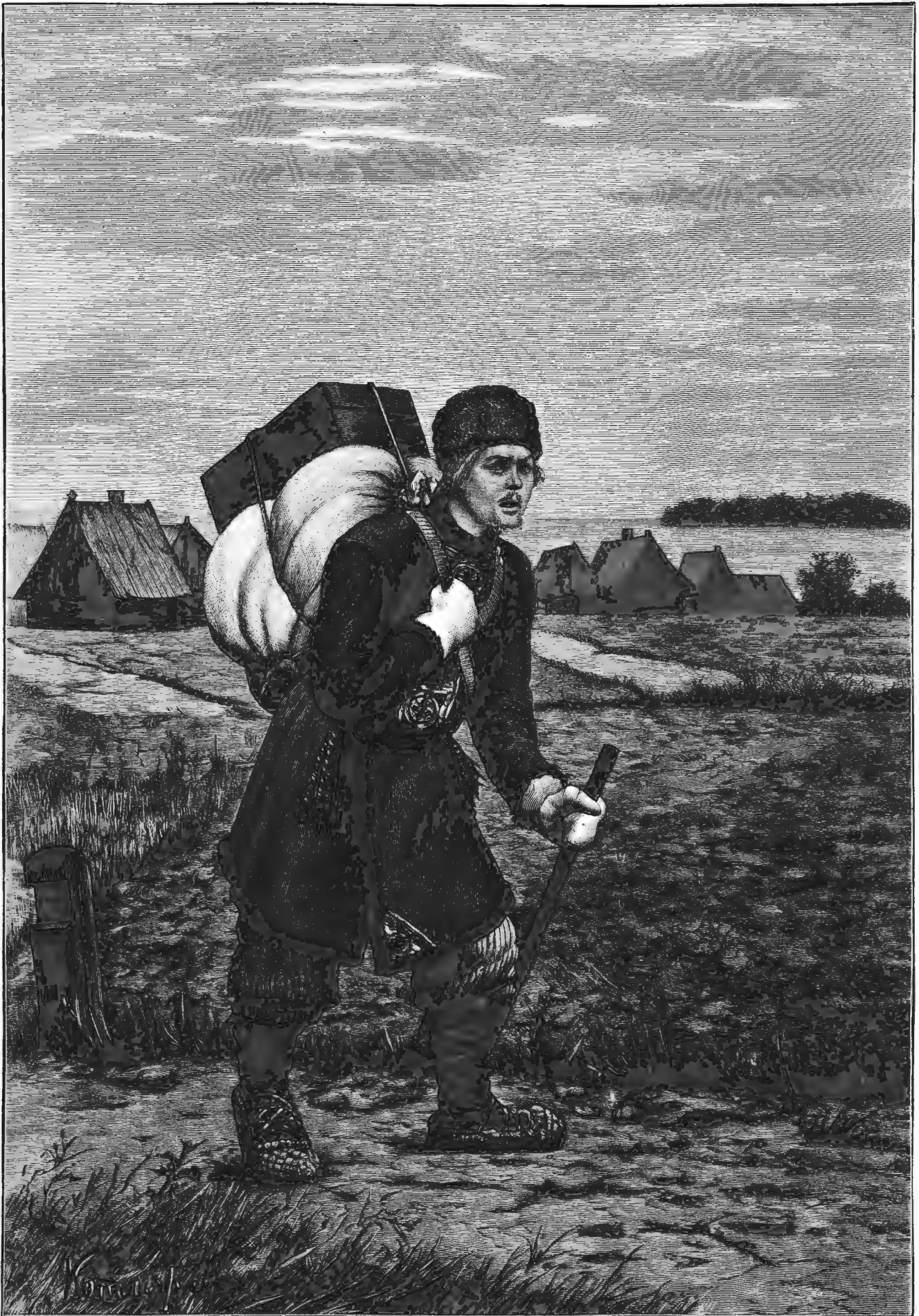
— Эй! Гей!

Антонина Антоновна давно не слышала такого крика; она поблѣднѣла и, какъ дѣвочка, бѣгомъ устремилась въ столовую.

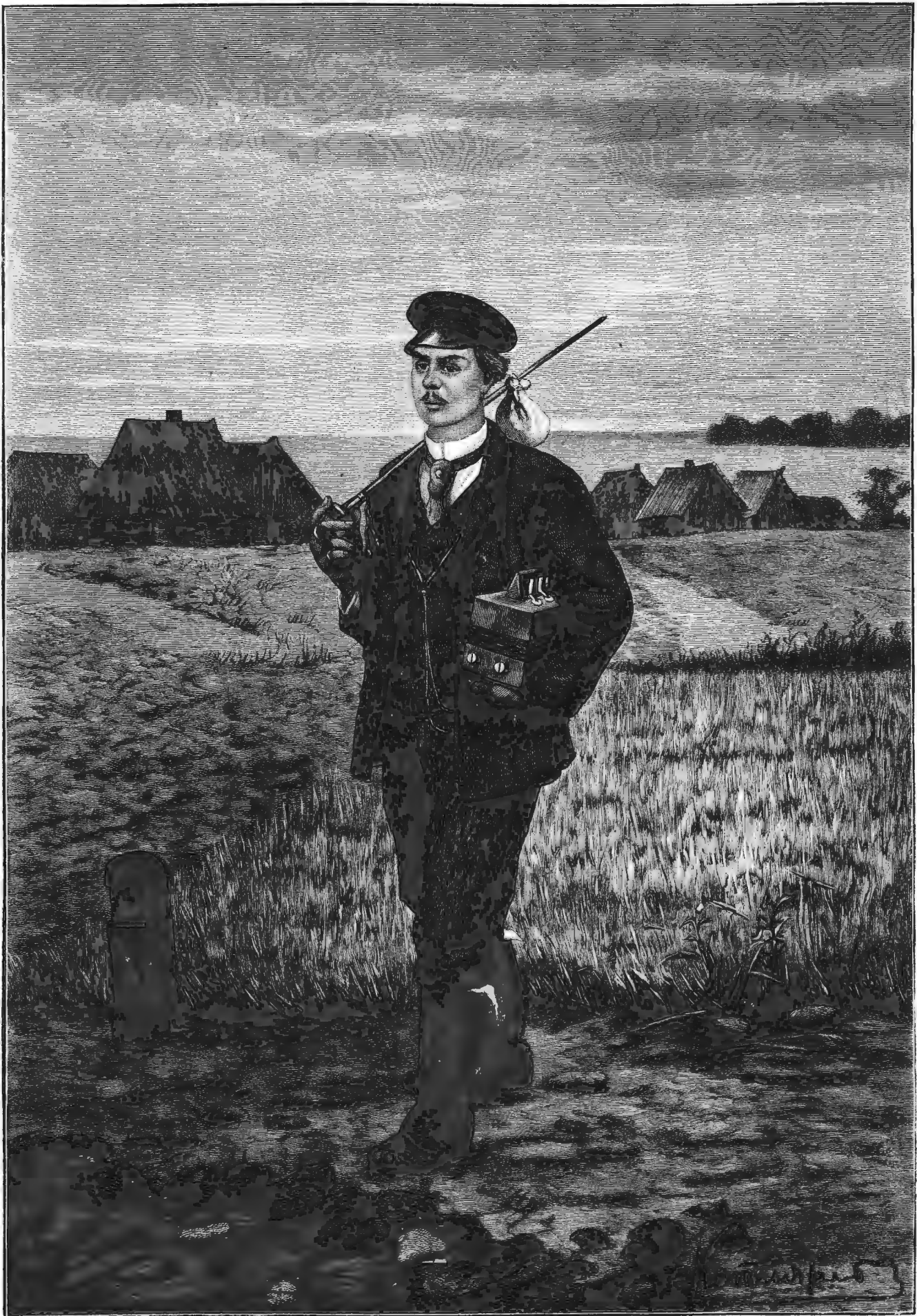
IV.

Антонина Антоновна снарядила Михольскаго въ дорогу. Ему данъ былъ удобный дорожный экипажъ, запряженный парю хорошихъ лошадей; везти его было поручено кучеру Трофиму, а для услугъ молодому барину былъ назначенъ казачекъ Вавилка, который, въ синей ливрѣ съ красными выпушками, возсѣдалъ на облучкѣ рядомъ съ возницей.

Михольскому были устроены цѣлыя проводы: изъ раскрытаго окна полковникъ Максимъ Петровичъ махалъ ему краснымъ фуларомъ. Антонина Антоновна стояла съ платкомъ на крыльцѣ. Ольга сошла со ступенекъ и махала платкомъ нѣсколько поодаль. За воротами длинной шеренгой были выстроены рукодѣльницы

Въ городъ. Ориг рис. (собств. „Нивы“) Нотляревскаго, грав. Хелмицкій.

Въ деревню. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Хелмицкій.

въ бѣлыхъ передникахъ. Каждая изъ нихъ, по приказанію Антонины Антоновны, махала платкомъ Ромуальду. Онъ уже отбѣхалъ полверсты, какъ опять увидѣлъ бѣлые платки изъ-за изгороди. Вскорѣ начался дождикъ, и въ сѣрой дымкѣ дождливаго дня исчезла Соколовка.

Ромуальдъ ѣхалъ безостановочно весь день. Уже вечерѣло, и солнце выглянуло сквозь туманныя облака, освѣтивъ полулѣтній, полусосенній пейзажъ багровымъ блескомъ погасающихъ лучей. Трофимъ обернувшись къ барину свое волосатое лицо и, причмокнувъ и трихнувъ головой, да еще вдобавокъ прищуривъ одинъ глазъ, произнесъ:

— А что, баринъ, не заѣхать-ли намъ на постоялый? И лошади какъ будто пристали, да и пора закусить. Вамъ чаю не угодно-ли? Вавилка плачетъ. Не плачь, дуракъ, сейчасъ прійдемъ. Ну, живо!

Онъ размахнулъ кнутомъ и погналъ лошадей по направлению къ постоялому двору.

Дворъ стоялъ въ открытомъ полѣ, и его содержала жидовка. Увидавъ подбѣхавшій экипажъ, она вышла на крыльцо и объявила съ поклонами, шопотомъ, что у ней въ корчмѣ пеладно, потому что еще ночью пріѣхали какіе-то господа, пили, играли въ карты, дрались и теперь всѣ спятъ.

— Кто они, мы не знаемъ, говорила жидовка,—это, должно-быть, пріѣзжіе. Лошади у нихъ хорошия, и похожи эти господа на барышниковъ или на шулеровъ. Я знаю, что они ѣдутъ на ярмарку въ Травинку.

— Что они могутъ мнѣ сдѣлать? спросилъ Ромуальдъ съ усмѣшкой.—Теперь вечеръ, и намъ некуда дѣваться. Пистолеты у меня съ собой. Вавилка, слѣзай!

— У васъ есть чѣмъ стрѣлать? освѣдомилась еврейка.—Дробь?

— Пули.

— Ну, такъ пожалуйста, добрый панъ. Я проведу васъ въ свою каморку, если вы не побрезгаете. Зовутъ меня Зуся. Милости прошу васъ.

— А въ Травинкѣ, говорите, ярмарка? Слышите, эй, вы, жидовка! отозвался съ козелъ Трофимъ.

— Да, большущая ярмарка.

— Такъ. А, значить, шасею еще проводятъ?

— Шляхомъ нельзя ѣхать, пояснила жидовка,— надо черезъ степь.

— Ромуальдъ Петровичъ, началъ Трофимъ, соскакивая съ козелъ и понижая голосъ,—мы тутъ заочуемъ. Я лошадей постерегу; будьте спокойны. А утромъ будетъ виднѣй.

Михольскій взглянулъ на Трофима, въ глазахъ котораго мелькало безпокойное чувство опасливости, и потомъ на Зусю, повидимому, простодушную женщину, однако, съ хитрымъ и какимъ-то затаеннымъ выраженіемъ, которое ему не понравилось, и сказалъ:

— Хорошо, посмотримъ.

Зуся ввела Михольскаго черезъ сѣни въ свою комнату. Надо было нагнуться, чтобы не удариться лбомъ о двери. Сама жидовка не нуждалась въ этомъ, потому что она была низкаго роста, и ее согнуло время.

— Откуда вы, баринъ, и кто вы? начала она.

— Я изъ самаго Харькова. Я помѣщикъ, прихвастнулъ Михольскій.

Впрочемъ, благодаря наслѣдству въ туманѣ, онъ считалъ себя уже не только помѣщикомъ, но и богатымъ человѣкомъ.

Еврейка стала любезнѣе улыбаться, вышла, поклонила работницу, и вернулась съ посудой. Скоро появился самоваръ, булки, сливки и масло. Прибѣжали внуки Зуси, и Михольскій далъ имъ по кусочку сахару. Это окончательно расположило къ нему Зусю.

— Вотъ ваши подушки, добродію. Ложитесь, пожалуйста, на мою постель. Я себѣ найду мѣсто съ дѣтьми. Спокойной ночи.

— А что, *ты* все спятъ? спросилъ Ромуальдъ.

— Они спятъ. Дай имъ Богъ здоровья и крѣпкаго сна. Сколько они мнѣ посуды переколотили! Еще они не знаютъ, что вы здѣсь. Спокойной ночи.

Ромуальдъ, предоставивъ слугамъ позаботиться самимъ о себѣ, бросился на постель и вскорѣ заснулъ тѣмъ сномъ молодости, который не видитъ даже грѣзъ—до того онъ крѣпокъ.

Вѣроятно, спать онъ не больше четырехъ часовъ, потому что, когда онъ проснулся, свѣча, хотя уже и совсѣмъ догорѣвшая, продолжала еще мигать въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Необыкновенная тишина царила въ корчмѣ; даже сверчокъ молчалъ. Ромуальдъ посмотрѣлъ въ щелку перегородки, которая отдѣляла его комнату отъ той, гдѣ ночевали неизвѣстные люди. Изъ щели дулъ рѣзкій свѣжій вѣтерокъ: комната была пуста, и окно въ ней отворено.

Какъ смѣло Михольскій вѣхалъ въ корчму, занятую подозрительными людьми, и безопасно расположился въ ней на отдыхъ, такъ, напротивъ, теперь онъ чувствовалъ робость, хотя подозрительныхъ людей уже не было. Это былъ безотчетный страхъ, который иногда овладѣвалъ Михольскимъ и казался ему чѣмъ-то бессмысленнымъ и, однакоже, непобѣдимымъ. Онъ вскопчилъ, ощупалъ деньги у себя на груди, убѣдился, что бумажникъ его цѣль, и вышелъ въ сѣни съ крикомъ:

— Трофимъ! Вавилка! гдѣ вы?

Слуги проснулись и откликнулись на зовъ барина. Они были сыты и даже нѣсколько пьяны.

— Что, все у насъ благополучно?

— Все. Отчего же быть неблагополучію? Господь миловалъ.

— Лошади цѣлы?

— Да вонъ онѣ стоятъ.

Ромуальдъ успокоился, подошелъ къ лошадямъ, потрепалъ ихъ и собрался въ дорогу.

— Свѣта бы дождаться, баринъ, возразилъ Трофимъ. Но Михольскій взглянулъ на небеса, гдѣ мигали межъ облаковъ звѣзды, и сказалъ:

— Погода хорошая. Вѣдь, теперь пески начнутся?

— Пески и балки, баринъ. Главное—балки.

— Э, пустяки! Мнѣ скучно въ корчмѣ.

— Да и намъ сумно, баринъ, а все-жъ бы обождать.

— Лѣнтяй, Трофимъ, ты разоспался. А по-моему, ѣхать надо сейчасъ.

— Слушаю-сь.

Изъ постоянныхъ обитателей корчмы не спала одна Зуся. Она приблизилась къ Ромуальду и, когда онъ заплатилъ ей серебряный рубль, бросилась цѣловать у него руку, рискуя полетѣть черезъ голову.

— Знаете что, господинъ? со вздохомъ проговорила она, озираясь по сторонамъ,— не хорошо вы дѣлаете, что уѣзжаете ночью. Кому-кому, а вамъ я этого не посоветую. Дурные люди уѣхали впередъ не даромъ.

Сердце у молодого человѣка забилося учащеннѣе, но ему хотѣлось показать передъ еврейкой и передъ своими людьми, что у него храбрость отчаянная, и онъ изъ тщеславія настоялъ на своемъ. На днѣ же этого чувства лежала твердая увѣренность, что съ нимъ дурного ничего не случится—именно потому, что никогда не случилось.

V.

Дорога отъ корчмы сначала шла по твердому хрящу, вдоль ручейка, но вскорѣ она повернула направо за песчаные холмы, и колеса стали вязнуть въ песокъ по самую ступицу. Лошади шли шагомъ, и, чтобы облегчить ихъ, Трофимъ вставалъ съ Вавилкой и шелъ пѣшкомъ. Медленно подвигался тарантасъ. Тишина стояла въ воздухѣ. Вотъ вдали, въ сумракѣ, показались нѣсколько черныхъ точекъ. Что это такое? А это, должно-быть, колодець, и возлѣ колодца деревья.

Через полчаса Ромуальдъ приблизился къ деревьямъ. Это были вербы, которыя стояли на мшистомъ островкѣ, среди песчаного моря. Можетъ-быть, когда-нибудь здѣсь, дѣйствительно, былъ колодець, но его давно завалили. Немного поодаль поднимался бугорокъ.

Трофимъ повернулъ направо, и вдругъ ось лопнула, колесо спало и тарантасъ покачнулся. Ромуальдъ упалъ въ песокъ.

— Ой! вскричалъ онъ.

— Я говорилъ, баринъ... началъ Трофимъ, но его испугало энергическое движеніе, которое сдѣлалъ Ромуальдъ рукой у самого его носа, и поэтому онъ благоразумно замолчалъ.

„Дерись, не дрясь, а ось сломана“, философски подумалъ Трофимъ, и сталъ, высѣкая огонь, осматривать сломанную ось. Онъ разводилъ руками, пожималъ плечами.

— Вѣдь, вотъ поди-жь ты! вѣдь, крѣпкая! Ромуальдъ Петровичъ, гляньте, ось-то подпиливали. Такъ и есть!

„Лжетеъ, подумалъ Ромуальдъ, — у страха глаза велики“, глянулъ при блѣдномъ свѣтѣ горящаго труга— и самъ убѣдился, что ось подпиливали.

— Да, бѣда, бѣда, бѣда, говорилъ Трофимъ, садясь на песокъ возлѣ сломанной оси.— Не ушиблись вы, баринъ?

— Чортъ съ тобой. Ты мнѣ скажи, что же дѣлать теперь?

— Я ужъ не знаю, что дѣлать, баринъ; развѣ, кусокъ вербы подвяжу! Кое-какъ, можетъ быть, дотащимся. Еще верстѣ тридцать до жилья, а проѣхали только десять. Не вернуться-ли, баринъ, назадъ?

— Зачѣмъ назадъ? сказалъ Михольскій, досталъ пистолеты изъ тарантаса и почувствовалъ себя въ безопасности.— Впередъ!

Трофимъ, кряхтя, что-то мастерилъ возлѣ оси.

— Садитесь, баринъ! Отлично! Богъ дастъ, благополучно. Скоро и свѣтъ. Садитесь.

Но едва молодой человѣкъ сѣлъ, какъ шагавъ черезъ двѣсти вербовая надставка сломалась.

— Вотъ видите, баринъ, началъ Трофимъ:— значить, нельзя садиться. Хорошо что я не совсѣмъ изъ ума выжилъ и взялъ другой вербовый сучокъ.

Прошло еще нѣсколько времени въ возлѣ съ осью. Трофимъ наладилъ, и экипажъ снова тронулся въ путь.

На горизонтѣ не было видно ни одного огонька. Степь словно вымерла. Мелькали какія-то свѣтлыя точки, но это были глаза волковъ. Звѣзды то мерцали, то сіяніе ихъ исчезало, затмеваемое облаками; поднимался запахъ чебреца, и протяжно вопили ночные кобчики. Дорога становилась все песчанѣе и труднѣе. Наконецъ, изъ ровной она стала гористой. Пришлось спускаться въ балку, которая была страшно крута. Ромуальдъ проклиналъ Трофима за то, что тотъ не досмотрѣлъ раньше, въ какомъ положеніи была ось, а Трофимъ потихоньку проклиналъ барина за то, что ему вздумалось ѣхать ночью.

Экипажъ достигъ уже дна балки. Лошади услышали лепетъ ручейка, извивавшагося гдѣ-то въ сторонѣ, и захрапѣли, настороживъ уши. Въ ту же минуту послышалось ржанье, на которое онѣ радостно отвѣчали. Позади спускался верховой. Можно было разглядѣть только его фигуру. За первымъ верховымъ показался второй, третій, четвертый; ѣхали они съ разныхъ сторонъ. Они быстро окружили остановившійся экипажъ.

— Стой! закричалъ одинъ изъ всадниковъ.

Ромуальдъ прижался спиной къ тарантасу, лавель мушку пистолета на ближайшаго всадника и спустил курокъ. Блеснулъ огонь отъ выстрѣла. Всадникъ покачнулся, упалъ на гриву лошади и поскакалъ. Вслѣдъ за нимъ бросились его товарищи.

— Вы его ранили, баринъ, а можетъ и убили, въ полголоса проговорилъ Трофимъ.— Хорошо угостили. Видно, что стрѣлокъ.

— А что-жь ты оробѣлъ, каналья?

— Ничего, у меня запасной шкворень есть... Вернутся они, баринъ.

— Я ихъ перебью по одиночкѣ, сказалъ Ромуальдъ.

Онъ никакъ не могъ вспомнить, почему онъ выстрѣлилъ такъ удачно. Въ головѣ у него шевелилось подозрѣніе, что онъ, можетъ-быть, ошибся и принялъ за разбойниковъ мирныхъ людей, но онъ дорого далъ бы за удовольствіе еще выстрѣлить. Разсудительный Трофимъ торопилъ его скорѣе выбраться изъ балки. Но такъ какъ лошади страшно устали, а дорога была неизвѣстна, то, послѣ нѣкотораго совѣщанія, рѣшено было отѣхать въ сторону, вдоль по теченію ручья, и расположиться на ночлегъ. Если разбойники вернуться, то имъ не придется въ голову искать ихъ такъ близко; они воображаютъ, что экипажъ поѣхалъ дальше. А утро вечера мудренѣе.

По мнѣнію Михольскаго, который теперь набрался храбрости до того, что ужъ ничего не боялся, можно было бы разложить костеръ. Но Трофимъ безусловно возсталъ противъ костра, въ которомъ не было ни малѣйшей надобности: ночь стояла теплая. Молодой баринъ расположился въ тарантасѣ, а Вавилка и Трофимъ заснули подъ экипажемъ. Стреноженные лошади тутъ же щипали траву. Бессонный ручеекъ лепеталъ всю ночь, и подъ его журчанье кое-какъ спалось путешественникамъ.

Чуть свѣтъ проснулся Трофимъ, разбудилъ Ромуальда и запрягъ лошадей. Можно было выбраться изъ балки кратчайшимъ путемъ и выѣхать на дорогу, которая оказалась за балкой сравнительно сносной. Мелкій дождикъ моросилъ съ утра и облегчалъ лошадямъ путь, уплотняя рыхлый песокъ.

VI.

Въ полдень Ромуальдъ пріѣхалъ въ большое казачье село Травинку, гдѣ въ это время стояла ярмарка. Надо было отдохнуть отъ дороги, успокоиться отъ тревоженій и починить экипажъ. Ромуальдъ остановился въ ярмарочномъ трактирѣ. Трактиръ былъ временный, и его содержалъ ахтырскій купецъ Павловъ, знакомый Михольскаго. Онъ отвелъ молодому человѣку маленькій номерокъ, находившійся въ сосѣдствѣ съ большимъ номеромъ, гдѣ помѣщалось семейство помѣщицы Черногоковой, пріѣхавшей въ Травинку съ дочерьюми.

— Что, братецъ, спросилъ онъ у Павлова, — скажи мнѣ, пожалуйста, часто у васъ бывають убійства и грабежи на дорогѣ?

— Да какъ вамъ сказать, Громвальдъ Петровичъ, каждый годъ случая два-три. Безъ этого нельзя обойтись, въ особенности, въ ярмарочное время. А что?

Ромуальду хотѣлось разсказать Павлову о своемъ приключеніи, но, по совѣту мудраго Трофима, онъ промолчалъ, чтобы не накликать какой-нибудь исторіи.

— Да ничего. А скажите, какіе это сосѣди у меня, барышни?

— Какъ же, пять барышень—большой выборъ невѣсть. Каждую ярмарку привозитъ госпожа Чернобокова. Что прикажете дѣлать—приданое за ними маленькое, кажется, даже никакого, деревня заложена и перезаложена, и мужиковъ всего три съ половиной человѣка. А товаръ, что годъ, все понемножку портится. Но, однако, есть недурныя, съ пріятной наружностью. Вамъ не зачѣмъ хлопотать—сами съ вами познакомятся. Помѣщица на этотъ счетъ безъ церемоній. А позвольте узнать, Громвальдъ Петровичъ, какъ здоровье Максима Петровича и Антонины Антоновны? освѣдомился Павловъ.

Ромуальдъ удовлетворилъ его любопытство и затѣмъ продолжалъ допросъ:

— А кто еще у васъ остановился?

— Да кто же? отвѣчалъ Павловъ.— Господинъ Ан-

жаровъ, молодой человекъ съ большими средствами, ищетъ себѣ пары, но никакъ не можетъ найти, графъ Сэгетъ съ супругой и дочерью; господинъ Коловратовъ, и затѣмъ вчера прибыло еще нѣсколько человекъ, я такъ полагаю,—тутъ Павловъ понизилъ голосъ и сказалъ почти на ухо Ромуальду—шюлера: много на нихъ колець, золотыхъ цѣпочекъ и брильянтовъ, а сами такъ и нюхаютъ. Они около Анжарова вьются.

Ромуальдъ вечеромъ вошелъ въ общую залу, сыгралъ партію на бильярдѣ съ маркеромъ и отправился въ дощатый театръ, гдѣ крѣпостные актеры графа Сэгета давали пьесу Кукольника. Съ нѣкоторыхъ поръ дѣла графа были скверны, и онъ развѣшилъ своимъ актерамъ ѣздить по городамъ и ярмаркамъ, отпустивъ ихъ на оброкъ.

Представленіе шло въ большомъ сараѣ, кое-какъ приспособленномъ къ требованіямъ сцены. На стѣнахъ висѣли мѣдные стѣнники и горѣли салныя свѣчи. Такія же свѣчи горѣли посреднѣ сарая, привязанныя къ деревянному обручу, который былъ оклеенъ цвѣтной бумагой и изображалъ изъ себя люстру. Занавѣсъ, сшитая изъ краснаго, желтаго и бѣлаго колена, раздѣляла сарай на зрительную залу и сцену. Кулись не было: актеры входили изъ однихъ и тѣхъ же дверей; боковыя двери были просто нарисованы на стѣнѣ. Оркестръ состоялъ изъ двухъ жидковъ и нѣсколькихъ крѣпостныхъ скрипачей. Когда Ромуальдъ вошелъ въ театръ, онъ засталъ тамъ блестящее уѣздное общество: мамы съ дочерьми сидѣли въ креслахъ, а за ними въ цвѣтныхъ сюртукахъ и пестрыхъ жилетахъ возсѣдали отцы. Молодые люди, въ венгеркахъ или во фракахъ, ухаживали за дѣвушками, поднося имъ оршадъ и лимонадъ, который продавался тутъ же въ сараѣ, недалеко отъ сцены. Ромуальдъ занялъ кресло въ первомъ ряду. Его почти никто не зналъ, и всѣ посмотрѣли на него съ любопытствомъ. Онъ былъ одѣтъ по

последней харьковской модѣ: на немъ былъ коричневый круглополюый сюртукъ съ узкими рукавами, и его манишка со множествомъ мелкихъ складокъ была повязана превосходной шелковой косынкой, а на темно-малиновомъ бархатномъ жилетѣ красовалась цѣпочка съ сердоликовымъ брелокомъ. Дымчато-сѣрая, въ продольныхъ полоскахъ, брюки не скрывали, какъ красиво сложены и какъ стройны его ноги, обутыя въ замшевыя съ лакированными носками ботинки. Въ рукѣ, обтянутой въ свѣжую перчатку, онъ держалъ кашемировый цилиндръ. Однимъ словомъ, онъ былъ франтъ, какіе рѣдко встрѣчались въ то время въ уѣздныхъ городахъ и въ захолустныхъ мѣстечкахъ, въ родѣ Травинки.

И такъ, всѣ взоры были обращены на Ромуальда, а онъ нашелъ нужнымъ ни на кого не смотреть. Онъ велъ себя такъ, какъ будто создавалъ неизмѣримую разницу между собой и всей этой чернью. Это внушило къ нему уваженіе со стороны нѣкоторыхъ маменокъ и папенокъ, и съ нимъ, во что бы то ни стало, почувствовали желаніе познакомиться. Къ сожалѣнію многихъ, Ромуальдъ послѣ перваго акта проникся такимъ презрѣніемъ ко всѣмъ и даже къ пьесѣ Кукольника, что безъ церемоніи зѣвнулъ, поднялся съ мѣста и направился къ выходу. Проходя мимо одного господина, онъ невольно остановился: рука у незнакома была на перевязи, и Ромуальду показалось, что какъ будто онъ гдѣ-то встрѣчалъ это смуглое черноглазое лицо съ большими, закрученными вверхъ, усами. Впрочемъ, невѣжливо было слишкомъ долго всматриваться въ незнакомаго человека, и Ромуальдъ прошелъ дальше. Вилка подаль ему его легкій плащъ, который Михольскій ловко накинулъ на себя и, взявъ изъ рукъ казачка трость съ набалдашникомъ, отправился въ трактиръ къ Павлову.

(Продолженіе будетъ).

Изъ исторіи денегъ въ Россіи.

Очеркъ В. Адамовича.

Много интересныхъ, поучительныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печальныхъ фактовъ даетъ намъ исторія денежнаго обращенія въ Россіи, представляющая далеко не въ радужныхъ краскахъ экономическое состояніе государства. Въ особенности, заслуживаютъ вниманія два явленія, послѣдовательно смѣнившія другъ друга, а именно: чрезвычайно печальная судьба нашей *мѣдной копейки* въ средніе вѣка и плачевное состояніе нашего *бумажнаго рубля* въ послѣдующее затѣмъ время.

Первое упоминаніе въ лѣтописи *о деньгахъ* мы встрѣчаемъ подъ 883 годомъ, а первое достовѣрное извѣстіе *о чеканкѣ* монеты находимъ только въ княженіе Дмитрія Донскаго. Въ этотъ долгій періодъ времени, обнимающій собою нѣсколько столѣтій, монетное дѣло въ Россіи было только въ зародкѣхъ. Исторія этого періода скудна свѣдѣніями, бѣдна фактами и не представляетъ такого животрепещущаго интереса, какой, напр., возбуждаетъ исторія нашей *мѣдной копейки*, появленіе которой тѣсно связано съ самыми печальными, самыми грустными фактами нашей средневѣковой жизни. Хотя, начиная съ Дмитрія Донскаго, монета въ Россіи уже чеканилась, но отечественныя издѣлія были незначительны и далеко не удовлетворяли потребностямъ времени. Поэтому государство всѣми силами старалось привлечь благородные металлы изъ-за границы, для чего даже само вело отпусковую торговлю съ соседними государствами. Отъ этой торговли получались, главнымъ образомъ, „*ефимки*“, — неокверканное нѣмецкое слово „*Joachimsthaler*“ — обозначающее „монету изъ серебра“. Эти „*ефимки*“ по свѣдѣтельству современниковъ, „*шли въ денежный передѣлъ*“, который заключался въ томъ, что правительство внутреннюю цѣнность монеты уменьшало въ два раза, отчего „*Великаго Государя казна—прибыль, а купецкимъ людямъ въ торгахъ попомнѣе*“. Передѣлка монеты сначала совершалась, хотя и подъ надзоромъ правительства, но частными лицами и, болѣею частью, иностранцами, съ которыми государство заключало по этому поводу различныя сдѣлки; однако, уже при Феодорѣ Ивановичѣ упоминается *о денежномъ дворѣ*, какъ государственномъ учрежденіи. Иностранная монета перечеканивалась въ русскую *серебряную копейку*, на которой былъ изображенъ всадникъ съ конемъ (отсюда произошло и само названіе копейка). Эти *серебряныя копейки* и счи-

тались главной денежной единицей въ Россіи до самаго царствованія Алексѣя Михайловича.

За это время Россія пережила много тяжелыхъ годовъ. Смутное время въ Россіи исчерпало всю московскую казну и легло тяжелымъ бременемъ на государство, заставивъ его прибѣгнуть къ помощи Церкви и своихъ гражданъ; непрерывныя войны съ Польшей, продолжавшіяся много десятковъ лѣтъ, поглотили значительныя средства Московскаго государства и разстроили окончательно его финансы. Вскорѣ начавшійся голодъ и морь уничтожили и тѣ скудные ресурсы, которые имѣлись еще въ наличности. Видя, что государственный бюджетъ расхитанъ совершенно, Алексѣй Михайловичъ рѣшился на чрезвычайную мѣру, а именно: вмѣсто *серебряныхъ* копеекъ онъ рѣшился чеканить *мѣдныя*, въ той же самой стопности. Эта своеобразная система не только не поправила финансовъ, но вызвала цѣлый рядъ бѣдствій, нанесла сильный ударъ народному хозяйству и, въ концѣ концовъ, разразилась жестокимъ кризисомъ, отъ котораго государство не скоро оправилось.

Народъ сначала бралъ мѣдныя деньги, не понимая, въ чемъ дѣло, и, если бы государство ограничилось небольшими выпусками, то, по всей вѣроятности, эта система не вызвала бы серьезныхъ послѣдствій; но обрадованное услѣхомъ правительство дѣлало все новыя и новыя выпуски, стараясь въ то же время серебряную копейку изыять изъ обращенія. Тогда началось сильное паденіе курса. Обезцѣненіе мѣдной монеты, прежде всего, началось въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ русская торговля соприкасалась съ иностранной, такъ какъ иностранцы требовали за товаръ прежнихъ серебряныхъ копеекъ. Затѣмъ рывокъ и цѣнность монеты стала падать все ниже и ниже, постепенно распространяясь на всю страну. Всеобщая паника охватила народъ, и, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго выпуска, курсъ мѣдныхъ денегъ былъ такъ низокъ, что не находилъ себѣ равнаго примѣра въ исторіи! Такъ, въ 1665 году, съ 1-го мая по 15 іюня, въ Москвѣ за одинъ серебряный рубль платили 15 рублей мѣдныхъ, а въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1662 г., за рубль серебромъ давали 20 рублей мѣдью.

Однако, бѣдствіе этимъ не кончилось... Правительство изъ одного пуда мѣди, который, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоилъ

На прогулку.

Съ карт. Машара, грав. Флёрс.

около пяти рублей, вычеканивало 312 руб., вследствие чего поддѣлка монеты сдѣлалась чрезвычайно выгодным ремесломъ, за которое сейчасъ же взылись тысячи монетчиковъ, несмотря на суровыя мѣры, которыя принимались по отношенію къ фальсификаторамъ: около 7000 человекъ было казнено, *болѣе чѣмъ у 15 тысячъ отрублены руки и ноги, но ничего не помогало: поддѣлка неустанно продолжалась, потому что была развита, главнымъ образомъ, въ средѣ русскихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Польшѣ, которые снабжали своихъ собратьевъ въ огромномъ количествѣ поддѣльной монетою. Народъ, получая за свои продукты ничего не стоящія деньги, пересталъ ѣздить на рынокъ. „Крестыане“, говоритъ Котошникъ, „увидя такія въ одну пору худыя дѣланы деньги, не почали въ города возить сѣно, дрова и стѣнныхъ припасовъ... и почала быть отъ тѣхъ денегъ скудость большая на вскіе товары, хотя о деньгахъ тѣхъ былъ указъ жестокой и казни, чтобы для ихъ товаровъ и припасовъ не подвысали, однако на то не смотрѣли“.* Въ особенности, было тяжело положеніе лицъ, получающихъ определенное, твердое жалованье, такъ какъ при обезцѣненіи монеты они, въ дѣйствительности, получали въ 15 и 20 разъ менѣе, нежели имъ платили. Такъ, изъ Малороссіи извѣщали государя: *„Жители малороссійскихъ городовъ не берутъ ихъ (т. е. мѣдныхъ денегъ) у войска и живности имъ откуда не везутъ; государевыя разные люди съ голоду помираютъ;... полки не берутъ жалованья мѣдными деньгами, хотя бы ихъ рубить, но всѣхъ не перерубить“*, а столичный Лодыженскій доносилъ: *„Ратные люди окупдыми въ конецъ и почали воровать безпрестанно, многихъ людей безъ животовъ сдѣлали... жить съ ними мнѣсть нельзя!“* Отовсюду, такимъ образомъ, сыпались категорическія заявленія, что система дурной монеты губитъ страну, что въ различныхъ частяхъ государства происходятъ волненія народа, что торговля прекратилась, а деморализація войска растетъ съ неудержимою силой... И правительству ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться снова къ серебряной монетѣ, и оно, дѣйствительно, по мѣрѣ возможности, начало выкупать мѣдную...

Петръ Великій нѣсколько упорядочилъ монетное дѣло, потому что хотя и пускалъ въ народъ негодную мѣдную монету, но въ отношеніи серебряной и золотой держался твердой политики и чеканилъ ее въ высокой пробѣ. Вскорѣ, однако, злоупотребленія повторились, и вотъ при Анніѣ Иоанновнѣ вновь произошелъ кризисъ съ мѣдными деньгами... Испугавшись, императрица созвала комиссію для предотвращенія грозныхъ послѣдствій... Комиссія пришла къ заключенію, что необходимо изъять изъ обращенія дурную монету, замѣнивъ ее хорошею... Но этимъ, въ сущности, роль комиссіи и окончилась: комиссія сошла со сцены, ничего болѣе не сдѣлавъ для поднятія курса нашей обезцѣненной копейки.

Когда же вступила на престолъ Елисавета Петровна, то возложила эту трудную обязанность на Сенатъ, который энергично и принялся за дѣло. Онъ посвятилъ этому вопросу много заседаній, на которыхъ велись оживленные пренія. Многія изъ нихъ чрезвычайно интересны, такъ какъ характерно обрисовываютъ образъ мыслей нашихъ государственныхъ людей середины XVIII вѣка. Такъ, напр., знаменитый полководецъ Минихъ совѣтовалъ *образовать торговую комиссію для сбыта негодной монеты въ Азію*; вѣроятно, онъ рассчитывалъ на неукротимое туземцевъ, полагая, что они будутъ принимать всякій безцѣнокъ. Мелиссино далъ проектъ *выпустить ассигнаціи для обмена дурной монеты*, который черезъ нѣкоторое время и былъ, дѣйствительно, введенъ Екатериной Великой, но при Елисаветѣ Сенатъ не рѣшился на подобную мѣру и отвергъ это предложеніе на томъ основаніи, что *„бумажныя деньги еще вредительны, чѣмъ мѣдные, ибо не содержатъ въ себѣ уже никакой внутренней доброты“*; вѣроятно, резюмируя, такимъ образомъ, свой отказъ, Сенатъ имѣлъ въ виду неудачную попытку, произведенную Дажономъ Ло во Франціи, и опасался, чтобы подобный кризисъ не постигъ Россію... Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что Сенатъ руководствовался и другими соображеніями, потому что высказалъ: *„да и предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ будутъ ходить бумажки“*. Комиссаръ Шлезерманъ, далѣе, далъ проектъ *объ вымнѣннѣ пятикопеечныхъ лотереею*, но Сенатъ и на это предложеніе не далъ своего согласія, говоря, что *„лотерея въ Россіи дѣло не только незабавное, но и не многимъ свѣдомое, и никто за незнаеміемъ сего дѣла и поддѣлываться не будетъ“*. Много и другихъ мнѣній было отвергнуто, пока, наконецъ, не было принято предложеніе Ягужинскаго, который совѣтовалъ *уменьшить стоимость пятикопеечныхъ по одной копейкѣ въ годъ до ихъ дѣйствительной стоимости, т. е. до одной копейки*. Несмотря на то, что это мнѣніе вызвало сильный протестъ со стороны Демидова, оно все-таки было принято и удачно выполнено на дѣлѣ. Но, устраняя зло, бросились въ другую крайность... Изъ пуда мѣди, который стоилъ 5 рублей, стали теперь чеканить 8 руб. деньгами, вследствие чего монета была столь неуклюжа, тяжеловѣсна, что рѣшительно не годилась къ употребленію... Поэтому вскорѣ, по совѣту Шувалова, вѣсъ ея былъ уменьшенъ въ два раза, такъ что изъ пуда мѣди начали чеканить 16 рублей; при Петрѣ III

вѣсъ ея еще болѣе уменьшился, потому что выдѣлывали 32 рубля изъ пуда мѣди... Но потомъ государство опять возвратилось къ прежней системѣ, и чеканило по 16 рублей до 1849 года. Затѣмъ, вѣсъ ея постоянно уменьшался, и съ 1868 г. у насъ чеканить 50 руб. съ пуда.

Мѣдныя деньги, сходя со сцены, теряя значеніе денежной единицы и обращаясь въ монету билонную (размѣнную), какъ будто завѣщали въ наслѣдство свою печальную судьбу бумажному рублю. Въ 1768 г., манифестомъ отъ 29 декабря, были введены въ Россію бумажныя деньги, впрочемъ, въ очень незначительномъ количествѣ: всего было выпущено ассигнацій на 2.619.915 рублей, а для размѣна ихъ учреждены были два ассигнаціонныя банка, въ Петербургѣ и Москвѣ. Главная причина, заставившая прибѣгнуть къ системѣ бумажныхъ денегъ, конечно, лежала очень глубоко и коренилась въ разстройствѣ финансовыхъ дѣлъ Россіи, но въ манифестѣ дѣлъ введенія указывалось та, что при такой системѣ уменьшилась неудобство обращенія мѣдной тяжелой монеты, которая въ то время представляла главную денежную единицу въ странѣ. Количество выпускаемой монеты было определено, а именно, по мысли законодательницы, оно не должно было превышать суммы звонкой монеты, положенной въ банкахъ, которые обнаны были, по желанію, размѣнивать бумажки... Но уже въ 1770 г., т. е. черезъ два года послѣ перваго выпуска, размѣнъ былъ прекращенъ, ибо правительство взяло обратно весь размѣнный фондъ. Тѣмъ не менѣе, прекращеніе размѣна не понизило цѣнности ассигнацій, потому что количество ихъ не превысило требованій времени. Затѣмъ, количество выпускаемыхъ ассигнацій увеличивалось изъ году въ годъ, въ чрезвычайно сильной прогрессіи, такъ что въ 1774 г. обращалось уже 20 милл. ассигнацій, въ 1786 г.—46 милл., въ 1787 г. уже 100 милл. Такой громадный выпускъ, падающій на 1787 годъ, объясняется тѣмъ, что правительство изъ всей полученной суммы дало 33 милл. руб. въ ссуду дворянству и городамъ, и только остальные обратило на государственныя потребности. Несмотря, однако, на столь усиленные выпуски, курсъ бумажекъ стоялъ все-таки довольно высокій, а именно за 100 серебряныхъ рублей давали только 103 ассигнаціонныхъ... Но этимъ дѣло не ограничилось... Войны, которыя вела Екатерина Великая, потребовали новыхъ денежныхъ затратъ, а единственнымъ источникомъ, откуда можно было черпать средства въ изобиліи, являлась бумажная система, и вотъ, къ концу царствованія Екатерины, въ обращеніи находилось 157 милл. руб. ассигнацій, вследствие чего рубль упалъ еще болѣе въ цѣнѣ. Послѣ вступленія на престолъ Павла I, Россія все еще продолжала вести въ Западной Европѣ войну, которая требовала большихъ денежныхъ затратъ со стороны государства... Едва прошло нѣсколько спокойныхъ годовъ со времени вступленія на престолъ Александра I, какъ надъ Россіей разразилась новая гроза, въ видѣ нашествія Наполеона, и это въ концѣ истощило государственную казну... Какъ велики были потери Россіи, понесенныя въ Отечественную войну, можно видѣть изъ того, что, послѣ низложенія Наполеона въ 1815 году, государственный долгъ Россіи, выраженный въ бумажномъ рублѣ, простирался до 825 милліоновъ, при чемъ рубль стоилъ только 23¹/₂ коп. Окончивъ успѣшно войну, правительство рѣшилось принять энергическія мѣры къ поднятію обезцѣненной монеты. Сначала рассчитывали сдѣлать погашеніе количества бумажныхъ денегъ, выкупивъ ихъ на средства, полученныя отъ продажи государственныхъ имуществъ, для каковой цѣли и была учреждена особая комиссія, которая успѣла, еще въ 1811 году, такимъ способомъ изъять изъ обращенія около 11 милл. руб. ассигн. Но, конечно, столь незначительная сумма не могла произвести никакого вліянія на увеличеніе цѣнности монеты, вследствие чего, въ 1817 году, рѣшили прибѣгнуть къ новому способу. А именно, въ этомъ году былъ сдѣланъ первый внутренній 6%-ный заемъ, а въ слѣдующемъ 1818 году — другой, которые, въ совокупности, дали 150 милл. руб... Подобными энергическими мѣрами государство уменьшило къ 1824 г. количество бумажныхъ денегъ до 595 милл.

Графъ Канкринъ, вступившій въ Министерство Финансовъ въ 1824 г., былъ сторонникомъ болѣе рѣшительной мѣры: въ 1839 г. онъ произвелъ *„девальвацію“*, т. е. приравнилъ русскій бумажный рубль къ его рыночной стоимости и объявилъ размѣнъ рубля на звонкую монету, при чемъ за серебряный рубль требовали 3¹/₂ руб. ассигн. Благодаря такой мѣрѣ, государственный долгъ сразу сократился до 170 милл. рублей. Вскорѣ затѣмъ были отпечатаны новыя кредитныя билеты, которые и замѣнили собою ассигнаціи... Однако, кредитныя билеты не долго стояли *al pari*, такъ какъ Крымская война принудила правительство сдѣлать новый выпускъ. 10 января 1855 года было объявлено, что новый выпускъ дѣлается только на время, и что въ продолженіе 3 лѣтъ послѣ заключенія мира излишніе выпущенныя билеты будутъ изъяты изъ обращенія... Съ тѣхъ поръ размѣнъ прекращенъ по настоящее время.

Крымская кампанія не обошлась Россіи дешево... Около полумилліарда рублей было выпущено въ короткій промежутокъ времени, такъ что количество бумажныхъ денегъ возросло до 735 милл.; вследствие чего полуперіалъ стоялъ около 6 руб. 50 коп. Вскорѣ затѣмъ послѣдняя Восточная война

потребовала новых денежных средств, почему были сдѣланы новые громадные выпуски, увеличившіе долг Россіи до 1 миллиарда 162 милл. рублей, послѣ чего полумпериаль возросъ въ цѣнѣ до 8 руб. 60 коп.

Въ послѣднее время, благодаря энергическимъ мѣрамъ правительства, стоимость нашего рубля стала вновь возвышаться, вслѣдствіе чего полумпериаль упалъ въ цѣнѣ до 7 р. 79 коп.

Во все это время, когда курсъ нашей бумажной валюты былъ крайне низкій, спекулянты вели отчаянную биржевую игру, произвольно то возвышая, то понижая курсъ нашего рубля и получая, вслѣдствіе этого, громадные барыши на счетъ государства... Долго правительство безуспѣшно боролось противъ этого зла, но, наконецъ, въ послѣднее время, оно рѣшилось примѣнить къ нимъ одну мѣру, сначала незначительную, которая, вѣроятно, впоследствии разовьется въ цѣлую систему. Такой мѣрой является учрежденіе *конечной* пошлины, ко-

торая взимается при провозѣ денегъ черезъ границу. Въ настоящее время эта пошлина имѣетъ не фискальное, а чисто статистическое значеніе, такъ какъ взимается въ крайне незначительномъ количествѣ (по одной копейкѣ съ каждыя 100 руб., при чемъ неполныя сотни считаются за полныя) и не можетъ поэтому государству доставить крупнаго дохода... Главная цѣль, которую преслѣдуетъ правительство, состоитъ въ томъ, чтобы наложить узду на спекулянтовъ, которые, желая вліять на курсъ нашего рубля, систематически снабжали иностранныя биржи нашими рублями для покрытія срочныхъ сдѣлокъ и ежемѣсячно совершали свои путешествія, перевозки рубля для заключенія мѣсячныхъ ликвидаций... Въ таможенныхъ, несомнѣнно, скоро отличатъ такихъ господъ отъ обыкновенныхъ туристовъ, послѣ чего послѣдуетъ должное возмездіе... Благодаря такой мѣрѣ, наша бумажная валюта будетъ устойчивѣе — и государство будетъ нести меньшіе убытки.

Телефонистка.

Разсказъ А. Бертольда. (Переводъ съ нѣмецкаго И. Эйзена).

I.

Вотъ уже годъ, какъ Либигъ открылъ небольшую комиссіонную контору, и дѣло пошло сначала очень хорошо, но въ послѣднее время порядкомъ пошатнулось. Приходилось, волей-неволей, ради того, чтобы дѣло совершенно не погнбло, войти въ сношенія съ не совсѣмъ надежными фирмами. Предъ тѣми фирмами, комиссіонеромъ которыхъ онъ состоялъ, онъ отвѣчалъ за отпущенный по его комиссіи товаръ. Онъ ожидалъ теперь на одной изъ ближайшихъ недѣль большихъ потерь, которыя везѣло должны были пасть на него.

Вдругъ раздался звонокъ у телефона. Либигъ подошелъ къ аппарату.

— Здѣсь 1212, Либигъ. Кто говоритъ?

— Съ центральной станціи. Вы сами у телефона, г. Либигъ?

— Да, сударыня! Добраго утра!

— Добраго утра, г. Либигъ! Я хотѣла только вамъ сказать, что къ вамъ звонилъ недавно г. Розе. Васъ, вѣроятно, не было въ конторѣ: на нашъ звонокъ мы не получили отвѣта. Что-жь, можно теперь позвонить къ г. Розе?

— Очень вамъ благодаренъ. Я какъ разъ былъ самъ у г. Розе, я пришелъ къ нему почти сейчасъ же послѣ того, какъ онъ позвонилъ къ вамъ. Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ за вашу любезность.

— Это моя обязанность, г. Либигъ.

— Вы исполняете ее, однако, въ необыкновенно любезной формѣ. Признаться, мнѣ очень хотѣлось бы знать, кому я обязанъ такой предупредительностью. Смѣю спросить ваше имя?

— Имя мое — Минна.

— Благодарю васъ, мадемуазель Минна. Но какъ мнѣ быть съ однимъ именемъ? Не могу-ли я знать и фамилію вашу?

— Фамилія — это служебная тайна... Я не имѣю права ска-

зывать. Либигъ снова возвратился къ письменному столу. Онъ улыбался, скверное настроеніе духа пропало у него, на мгновеніе, по крайней мѣрѣ. Каждый разъ бывалъ онъ очень доволенъ, когда подходилъ къ телефону и слышалъ пріятный голосъ молодой женщины, оказавшейся мадемуазель Минной. Она ему была совершенно незнакома, но онъ ей былъ очень обязанъ. Она всегда была на своемъ мѣстѣ и соединила проволоки замѣчательно быстро, гораздо скорѣе, чѣмъ остальные служащія. Если Либигъ не получалъ сейчасъ увѣдомленія, что онъ соединенъ, она всегда говорила ему въ телефонъ:

— Подождите минуточку. Какъ только проволока будетъ свободна, я вамъ позволю.

Такъ постепенно установились между ними искреннія отношенія. Если бы они встрѣтились на улицѣ, — они, вѣроятно, часто и встрѣчались, — имъ бы и въ голову не пришло, что они знакомы другъ другу. Они не знали другъ друга даже въ лицо, они знакомы были только по голосу въ телефонный аппаратъ.

II.

Когда вы станете подыматься по лѣстницѣ въ огромный залъ, гдѣ помѣщается главная телефонная станція, васъ поразитъ такой рѣзкій шумъ и стукъ, точно вы вошли въ огромную ткацкую фабрику, въ которой съ визгомъ и грохотомъ вертятся сотни ткацкихъ станковъ. Стоитъ открыть дверь въ этотъ залъ, чтобы увидѣть по всѣмъ стѣнамъ шкафы съ клапанами, имѣющими каждый особый номеръ. Это и есть такъ называемые аппараты-мультипликаторы, благодаря которымъ соединяются съ главной станціей не только всѣ телефонныя стѣи абонентовъ, но и другія телефонныя станціи.

Много тысячъ такихъ клапановъ расположено въ шкапахъ, подъ которыми тянется длинный столъ; за нимъ тѣсно, другъ возлѣ друга, сидятъ телефонистки. Всѣ онѣ въ одинакихъ темносинихъ блузахъ, съ узкими красными манжетами и воротничками. На головѣ у нихъ у каждой надѣта изогнутая полоска жести для того, чтобы постоянно придерживать плотно къ ушамъ двѣ слуховыя телефонныя трубки. Отъ этой полоски идутъ

двѣ тонкія проволоки, соединяющія трубки съ телефонной стѣйю. Точно такъ же свѣшивается на проволоку какъ разъ у рта телефонистки, другая еще трубка, въ которую она должна говорить. Въ углубленіи стола находится безчисленное множество наконечниковъ изъ желтой мѣди напоминающихъ остро-чипенные карандаши. Къ каждому наконечнику прикрѣпленъ длинный шнуръ, содержащій въ себѣ внутри вилегенную проволоку. Какъ только выскакиваетъ клапанъ, обозначая, что абонентъ № такой-то хочетъ, чтобы его соединили съ кѣмъ-либо, образуется отверстіе, въ которое втыкаютъ такой металлическій острый наконечникъ, съ тѣмъ, чтобы возобновить соединеніе.

Около ста пожилыхъ и молодыхъ дамъ исполняютъ въ каждомъ залѣ телефонной станціи ревностно и усердно свою службу, въ высшей степени тяжелую, сильно возбуждающую нервы.

То и дѣло слышатся однообразные заученные разговоры: „Здѣсь. Станція“. — „Кто тамъ?“ — „Прому позвать?“. — „Еще разъ, пожалуйста“. — „Подойдите ближе!“ — „Занято!“

Минна Геригъ — дѣвушка средняго роста, 23 — 24 лѣтъ. У нея смуглый цвѣтъ кожи и черные, слегка кудрявые, волосы. Черты лица ея очень симпатичны, особенно, когда она смѣется.

Вотъ она слышитъ въ трубки, плотно прижатая къ ея ушамъ, электрической сигналный звонокъ. Она смотритъ на клапанъ, тамъ значится 2839.

— Здѣсь. Станція. Кто тамъ?

— Прому соединить съ № 1644, купецъ Розе.

Минна замѣщаетъ № 1644 и говоритъ:

— Прому говорить.

Вслѣдъ затѣмъ она слышитъ черезъ свои трубки глухо раздающіеся слова:

— Здѣсь, Розе. Кто тамъ? Это вы, Гейшштедтъ? Ну, что?

— Говорили вы съ Либигомъ?

— Да, но онъ, повидимому, не хочетъ идти на это дѣло.

— Надо его уговорить. Только такимъ образомъ мы достигнемъ цѣли.

— Онъ, видимо, очень боизливъ.

— Нужно только уговорить. Зайдите сегодня послѣ обѣда.

— Хорошо, найду.

— Кончено.

Минна услышала тутъ, какъ раздались звонки у обонихъ аппаратовъ. Тутъ подвернулася какъ разъ свободная минутка, — она взяла списокъ абонентовъ и отыскала № 1644. Около этого номера значилось: „Эмиль Гейшштедтъ. Комиссіонная и экспортная контора шерстяныхъ товаровъ“. Второго абонента, только что говорившаго, Минна знала хорошо изъ дѣловыхъ разговоровъ между Розе и Либигомъ. Форма разговора и самый разговоръ, касавшійся Либига, былъ не совсѣмъ обыкновенный, и потому Минна приняла этотъ разговоръ къ свѣдѣнію, а также и имена, въ немъ упоминавшіяся.

III.

Минна Геригъ была дочь вдовы чиновника и имѣла младшую сестру и 12-ти-лѣтняго брата, Евгенія. Г-жа Геригъ получала маленькую пенсію, но ея не хватало для нихъ, и дочери должны были пойти на службу: Минна поступила въ телефонистки, младшая сестра, Анна, опредѣлилась въ торговое заведеніе конторщицей. Братъ же былъ еще гимназистъ.

Г-жа Геригъ боизливо собирала деньги, составившіеся изъ пенсіи, заработка дочерей, и весь день работала по хозяйству: варила, чинила платье и бѣлье себѣ и дочерямъ, занятымъ весь день своей тяжелой, утомительной службой.

Только что пробило семь, когда Минна отправилась изъ дома на службу. Но до этого ей нужно было зайти въ магазинъ резиновыхъ издѣлій. Придя въ магазинъ, она спросила заказавшій ею гуттаперчевый штемпель. Приказчикъ показал ей штемпель, сдѣлалъ отгисекъ, на которомъ значилось: „Евгеній Геригъ“ и затѣмъ сдѣловалъ адресъ. Минна сдѣлала

I.

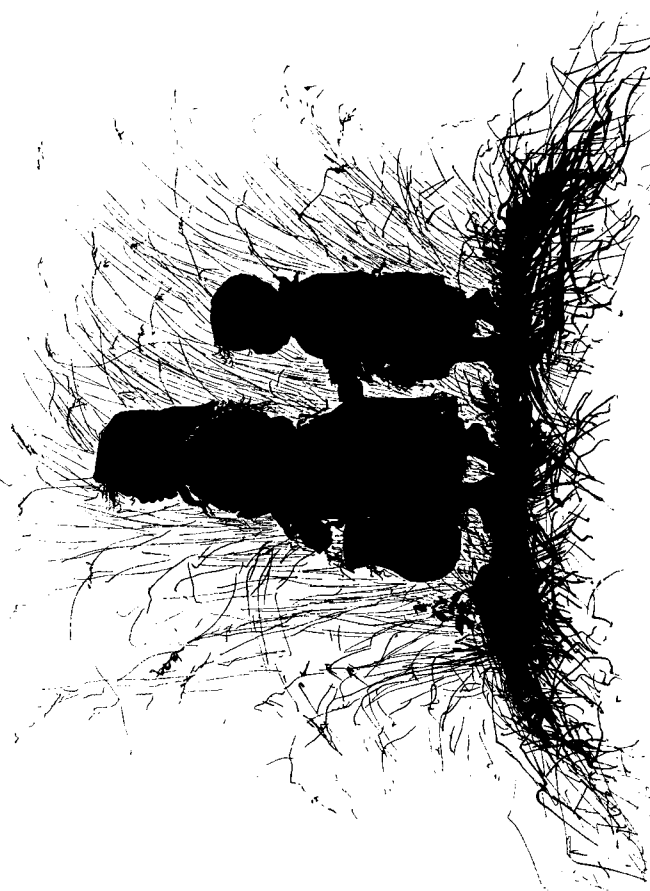

Вирокій лугъ... земля тамъ нѣгой
дышетъ,

Отъ запаха цвѣтовъ кружится голова,

И вѣтерокъ цвѣты, ласкаясь, колышетъ,

И шепчется, шурша, высокая трава...

II.

Вамъ спѣеть ягода душистой земля-
ники,

Снакомая давно приманка юнахъ лѣтъ...

Собралась дѣтвора—ихъ сборы не велики...

На дальній сѣнокосъ несутъ отну обѣдъ.

III.

Волною заблется травы высокой море...

Вотъ ягода... цвѣтокъ,—гляди—кувшинъ
разбитъ,

И радость рѣзвую смываетъ быстро горе,

Но только мигъ прошелъ—и снова смѣхъ
звучитъ.

Р. Н.

Дѣти. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Фирсовой, автотипія Ангерера.

„Нажеться,—клюеть!“ Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, грав. Рашевский.

сама нѣсколько пробныхъ оттисковъ и заплатила за штемпель, вмѣстѣ съ футляромъ и флакономъ штемпельной краски. Она сунула все это въ карманъ и отправилась на службу.

На другой день былъ день рожденія Евгенія, и завѣтнымъ его желаніемъ было имѣть гуттаперчевый штемпель. Мать была противъ этого его желанія, и отчасти была права, увѣряя, что въ такомъ случаѣ не было бы ни одного живого мѣста, гдѣ бы не наложили Евгеній своего штемпеля. Минна же не могла все-таки отказать маленькому брату въ такомъ огромномъ удовольствіи. Ей было отлично извѣстно, что въ гимназій, гдѣ былъ Евгеній, всѣ ученики только и бредятъ гуттаперчевымъ штемпелемъ. И Евгеній точно также на яву и во снѣ только и мечталъ о штемпелѣ, и Минна была счастлива, что завтра сможетъ осуществить эту его мечту.

Придя на службу, она сняла пальто и шляпу, надѣла на голову металлическое кольцо съ слуховыми трубками, и стала ждать обращенія къ ней абонентовъ. Прошло восемь, и тотчасъ послышался первый голосъ, — это былъ снова г. Гейнштедтъ. Онъ просилъ соединить его съ гостиницей на Краузенштрассе и, найдя ее, просилъ пригласить къ аппарату г. Мокржицкаго, занимавшаго комнату № 15.

Минна стала прислушиваться къ ихъ разговору все внимательно и внимательно, такъ какъ все чаще и чаще слышала въ немъ имя своего таинственнаго друга Либига. Мокржицкій и Гейнштедтъ говорили почти цѣлую четверть часа, и только о доставкѣ товаровъ. Разговоръ былъ въ иныхъ мѣстахъ довольно рѣзкій. Едва кончился онъ, какъ Мокржицкій опять позвонилъ на станцію, чтобы его соединили съ Розе. Опять стало упоминаться имя Либига, и, наконецъ, Розе и Мокржицкій условились встрѣтиться послѣ обѣда.

Незадолго до 9 часовъ утра, на телефонной станціи работа была въ полномъ ходу.

Выскочилъ номеръ 1212. Минна улыбнулась.

— Здѣсь станція. Кто тамъ?

— Доброго утра, мадемуазель Минна.

— Доброго утра, г. Либигъ. Хорошо-ли почивали?

— Отлично, благодарю васъ, мадемуазель Минна. Какъ вы?

— Очень хорошо, благодарю. У насъ масса работы. Васъ нужно соединить съ кѣмъ?

— Ни съ кѣмъ, мадемуазель Минна. У меня къ вамъ просьба. Я заказалъ для васъ въ кондитерской Шиллинга пирогъ, будьте столь добры взять его.

— Нѣтъ, милостивый государь, этого я не сдѣлаю; я уже говорила вамъ, что вы такимъ образомъ даете мнѣ взятку.

— Ошибаетесь, сударыня, какъ относительно служебной взятки, такъ и относительно меня. Увѣряю васъ, я высоко цѣню и уважаю ваше стремленіе окружить тайной вашу фамилию — я для васъ совершенно чужой. Но вы мнѣ оказали столько любезностей, что я долженъ чѣмъ-нибудь же отплатить. Да, кромѣ того, мнѣ приводилось слышать рассказы, какъ выражаютъ свою признательность другіе дѣловые люди телефонисткамъ за ихъ любезность и внимательность. Вы можете сегодня или завтра, въ какое угодно время, получить въ кондитерской этотъ пирогъ; за него уплачено — достаточно вамъ назвать лишь мою фамилию. Можете также послать за нимъ кого-нибудь, если вы сами не хотите зайти и думаете, что я намѣренъ подкараулить васъ въ кондитерской. Согласны вы теперь взять пирогъ?

— Я еще подумаю, г. Либигъ. Во всякомъ случаѣ, чувствительно благодарна вамъ за вашу милую любезность. Но, простите, пора кончать, у меня нѣтъ времени для частныхъ разговоровъ.

— До свиданія, мадемуазель Минна. Кончено!

Въ этотъ день послѣ обѣда Минна была свободна. Ровно въ часъ передала она свое мѣсто другой, слѣдующей за ней, по очереди, телефонисткѣ и отправилась домой. Она шла съ радостнымъ сознаніемъ, что сможетъ послѣ обѣда пойти погулять и немножко, такъ сказать, встряхнуться отъ своей однообразной, гибельной для здоровья, службы.

Когда она проходила по улицѣ мимо кондитерской Шиллинга, она вспомнила о подаркѣ и рѣшилась войти въ кондитерскую. Она подошла къ прилавку и спросила себя пирогъ г. Либига. Ей тотчасъ же вручили пирогъ, и Минна чуть-чуть покраснѣла, замѣтивъ, что онъ былъ очень дорогой.

Торопливо направилась она изъ кондитерской домой. Она рѣшила подарить этотъ пирогъ Евгенію въ день его рожденія. И, дѣйствительно, на слѣдующее утро пирогъ красовался на столѣ и, понятно, далеко не возбудилъ такой радости Евгенія, какъ завѣтный гуттаперчевый штемпель.

IV.

Раньше обыкновеннаго отправилась Минна на службу. Едва только открылась станція, какъ она позвала къ телефону Либига и поблагодарила его. Она объяснила ему, что вчера былъ день рожденія ея брата, что она подарила, поэтому, брату его пирогъ и считаетъ долгомъ еще разъ поблагодарить его за его любезность.

— Тѣмъ, что вы принесли пирогъ, мадемуазель Минна, вы доставили мнѣ большую радость, возразилъ ей Либигъ. — Кромѣ того, у меня есть сегодня къ вамъ просьба. Дѣло касается

устройства одного большого, очень важнаго для меня, дѣла; мнѣ придется сегодня очень много говорить по телефону, въ особенности, послѣ обѣда; будете вы послѣ обѣда у телефона?

— Да, я буду на службѣ весь день.

Дѣйствительно, послѣ обѣда начались усиленные разговоры въ телефонъ между Либигомъ, Розе и Гейнштедтомъ, почти не прерывавшіеся ни на минуту. Минна узнала, что дѣло шло о доставкѣ матерій на шестьдесятъ тысячъ марокъ, которыя Либигъ, въ качествѣ комиссіонера, заказалъ для Розе и Гейнштедта. Уплата векселями должна была послѣдовать на слѣдующій день. Какъ только кончился разговоръ съ Либигомъ, начался цѣлый рядъ разговоровъ между Розе и Мокржицкимъ, Мокржицкимъ и Гейнштедтомъ и между Гейнштедтомъ и Розе. Но и ихъ разговоры касались все того же упомянутаго дѣла, только въ другомъ смыслѣ. Минна такъ напряженно вслушивалась, что въ первый разъ въ жизни пренебрегла служебными обязанностями. То, что она узнала, было необыкновенно, подозрительно даже. Хотя и не все поняла она, такъ какъ среди разговора они ссылались на сказанное ими въ личныхъ непосредственныхъ бесѣдахъ, но ей было ясно, что дѣло тутъ не ладно, и что люди эти хотя бы какимъ-то образомъ обмануть Либига. Чтѣ бы ей предостеречь его объ этомъ? Но въ какой формѣ? Да и должна-ли она это сдѣлать?

Задумчивая, нерѣшительная, возвратилась она вечеромъ домой. Дома она застала небольшое общество, собравшееся для празднованія дня рожденія Евгенія. Она сочла своей обязанностью предаться общему веселью и легла спать далеко за полночь.

V.

Генрихъ Либигъ вскрывалъ утреннюю почту. Среди пришедшихъ писемъ было одно, конвертъ котораго былъ подписанъ на пишущей машинѣ. Либигъ вскрылъ перочиннымъ ножомъ конвертъ; въ немъ былъ листокъ бумаги, на которомъ значилось нѣсколько строкъ, отпечатанныхъ также на пишущей машинѣ. Онъ гласилъ слѣдующее: „Остерегайтесь заключенія сдѣлки съ Розе и Гейнштедтомъ. Дѣло не ладно. Гейнштедтъ и Розе выправили себѣ заграничные паспорта. Не состоите-ли въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ однимъ полякомъ, живущимъ въ гостиницѣ „Zum Kronprinzen“?“

Либигъ былъ пораженъ. На сегодня было назначено заключеніе крупной сдѣлки о доставкѣ матерій. Согласно заказа Розе и Гейнштедта, Либигъ заказалъ телеграммой товары на тѣхъ фабрикахъ, комиссіонеромъ которыхъ онъ состоялъ. Товаръ прибылъ и лежалъ на одномъ изъ берлинскихъ вокзаловъ. Тамъ должны были компаніоны Либига забрать сегодня тюки товару и заплатить за это предъявленнымъ уже къ уплатѣ векселями. Векселя эти были выданы разными большими банкирскими домами въ провинціи, вѣрность которыхъ была въ всякаго сомнѣнія. Точно такъ же и рекомендаціи, которыя должны были представить Розе и Гейнштедтъ, были обезпечены выданными соответствующими учрежденіями удостовѣреніями о кредитоспособности и вѣрности какъ Розе, такъ и Гейнштедта.

И вдругъ явилось это анонимное предостереженіе. Но, можетъ-быть, это — дѣло рукъ конкурента, старающагося разстроить сдѣлку. Анонимный авторъ письма не заслуживалъ хотя большого уваженія, но искра сомнѣнія уже безвозвратно зашла въ душу...

Безъ этого анонимнаго письма Либигу и въ голову не пришло бы сомнѣваться въ подлинности векселей, которые ему только что утромъ передалъ Розе и Гейнштедтъ. Не долго думая, хотѣлъ онъ переслать эти векселя тѣмъ фабрикамъ, которыя доставили это сукно, и, такимъ образомъ, онъ становился должнымъ этимъ фабрикамъ въ размѣрѣ суммы стоимости отпущеннаго сукна. Тотчасъ же отправилъ онъ одному изъ выдающихся банкирскихъ домовъ телеграмму съ просьбой увѣдомить его, выдалъ-ли означенный домъ вексель на сумму двѣнадцать тысячъ марокъ, срокомъ черезъ три недѣли, берлинской банковской фирмѣ Молльгауеръ и Копп. Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ получился отвѣтъ Либигу, что фирма не имѣетъ никакого понятія о подобномъ векселѣ и проситъ присылки послѣдняго.

Это извѣстіе возбудило у Либига сильное подозрѣніе противъ его компаніоновъ. Теперь ему пришлось предположить, что вѣрно и другое извѣстіе въ анонимномъ письмѣ, именно, что оба эти господина занесли заграничными паспортами.

Онъ рѣшилъ сдѣлать еще одну пробу. На одномъ изъ векселей, въ четырнадцать тысячъ марокъ, стоялъ бланкъ значительнаго берлинскаго банкирскаго дома, и въ книгахъ этого дома должно было быть указаніе на это. Либигу удалось лично переговорить съ директоромъ этого банка, и тотъ велѣлъ сейчасъ же справиться въ книгахъ.

Сейчасъ же выяснилось, что подобный вексель никогда не проходилъ черезъ руки этого банкирскаго дома. Мало того. Когда бухгалтеръ и кассиръ ближе всмотрѣлись въ вексель, они тотчасъ же заявили, что подлинъ банка фальшивая. Также и штемпель банка отличался отъ подлиннаго штемпеля. Подпись директоровъ банка была, дѣйствительно, замѣчательно схожа, но все-таки можно было сейчасъ замѣтить, что печат-

пыя буквы жирно, равно какъ и самая подпись, воспроизведены безусловно съ помощью гуттаперчевого штемпеля, скопированнаго съ оригинала.

VI.

Два часа спустя, сидѣли Розе и Гейшtedтъ подъ замкомъ, а на вокзалѣ поймали Мокржицкаго какъ разъ въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ, было, забрать тюки товару для отправки ихъ въ Россію. Съ Либигомъ замыслили устроить дерзкую мошенническую продѣлку. Розе и Гейшtedтъ, давно уже связанные другъ съ другомъ общими обманными продѣлками, объявили каждый въ Берлинѣ фирму и стали купцами, ожидая здѣсь только удобнаго случая, чтобы выкинуть какую-нибудь новую мошенническую штуку. Они уплатили за партію товара на 60.000 марокъ фальшивыми векселями, поддѣланными замѣчательно искусно, и хотѣли затѣмъ отправить товаръ въ Россію, сбыть его тамъ и замести всё слѣды.

Если бы Либигъ не былъ предупрежденъ письмомъ, то обманъ этотъ могъ бы обнаружиться лишь чрезъ нѣсколько недѣль, въ срокъ истеченія перваго векселя, а къ тому времени Розе и Гейшtedтъ успѣли-бы скрыться. Либигъ остался бы должнымъ шестьдесятъ тысячъ марокъ, сталъ бы банкротомъ и былъ бы даже и въ будущемъ лишень возможности заняться чѣмъ-нибудь, такъ какъ потерялъ бы великое довѣріе къ себѣ. Вся судьба его висѣла на волоскѣ — его спасло это письмо.

Слѣдующіе дни принесли Либигу массу хлопотъ. Приходилось давать показанія полиціи. Кромѣ того, онъ долженъ былъ телеграммой увѣдомить фабрики, доставившія товаръ, о томъ, что онъ еще пока не продавъ, и искать лица, кому бы сбыть эту партію товара.

Про письмо Либигъ въ своихъ показаніяхъ не упомянулъ ни слова. Ему не хотѣлось вникать въ эту грязную исторію своего спасителя. Спустя только нѣсколько дней послѣ этой исторіи, онъ вынулъ это письмо изъ письменнаго стола и сталъ внимательно его разсматривать. Онъ замѣтилъ на оборотной сторонѣ конверта какія-то слабо видѣвшіяся печатныя буквы, но никакъ не могъ ихъ разсмотрѣть. Это было, повидимому, отгискъ гуттаперчеваго штемпеля, но съ какимъ-то удивительно вычурнымъ шрифтомъ. Либигъ взялъ увеличительное стекло, но и въ него съ перваго взгляда не удалось ему разобрать ни одной буквы. Его вдругъ осыпала мысль, что отгискъ этотъ отпечатался на выворотѣ. Онъ взялъ тогда маленькое зеркало, и, съ помощью его, удалось ему, наконецъ, разобрать слабо выступавшія слова: „Евгеній Геригъ, Бергманштрассе, 168“.

По всѣмъ вѣроятіямъ, конвертъ лежалъ какъ-нибудь на листѣ бумаги, на которомъ былъ отгискъ этого штемпеля, не успѣвшій еще высохнуть и перешедшій на выворотъ на конвертъ.

Послѣ обѣда отправился Либигъ на Бергманштрассе и отыскалъ на ней домъ подлѣ № 168. Это былъ огромный, красивый домъ, стоявшій въ сплошь застроенной мѣстности. Либигъ отправился въ квартиру къ швейцару, но засталъ тамъ только жену его. Онъ спросилъ, не живетъ ли тамъ г. Геригъ, въ отвѣтъ на это она ему сообщила, что здѣсь живетъ, дѣйствительно, Геригъ, но только это вдова съ двумя дочерьми и сыномъ-гимназистомъ, и живутъ они въ первомъ этажѣ.

— Я агентъ страхового общества и долженъ принять на страхъ у Геригъ имущество, объяснилъ ей Либигъ.—Понятно, поэтому, мнѣ нужно хорошенько разузнать кое-о-чемъ. Скажите, чтѣ это за люди, эти Геригъ?

Жена швейцара, болтливая, какъ всѣ женщины, не въ укоръ имъ будъ это сказано, сообщила ему, что Гериги люди очень

приличные и порядочные, что вся семья трудится. Одна дочь, — ее зовутъ Минной — телефонистка, другая, Анна — конторщица, а сынъ, мальчикъ еще, Евгеній, посѣщаетъ гимназію.

Либигъ сразу прозрѣлъ. Минна Геригъ — его знакомая телефонистка. Такъ это она предупредила его, узнавъ, вѣроятно, изъ телефонныхъ разговоровъ его милыхъ компаніонцовъ обо всей махинаціи, которую затѣвали они противъ него.

Внизу, въ подъездѣ, позвонили, и словоохотливая собесѣдница Либига выглянула въ форточку.

— Вотъ какъ разъ возвращается мадемуазель Минна Геригъ. Сегодня послѣ обѣда она свободна, тихо проговорила она Либигу.

Въ нѣсколько прыжковъ взлетѣлъ онъ по лѣстницѣ, ведущей изъ квартирки швейцара въ домовыя сѣни, и загородилъ дорогу Миннѣ.

— Простите, сударыня, проговорилъ онъ, улыбаясь, — за дерзость, позвольте представиться. Я — Геррихъ Либигъ, телефонъ № 1212... Вы — мадемуазель Минна Геригъ, вы нѣсколькими строчками спасли меня и мое небольшое состояніе.

Минна страшно сконфузилась и покраснѣла. Она молчала, и Либигу удалось въ это время разсмотрѣть ее. Онъ долженъ былъ въ душѣ признаться, что она превзошла всѣ его ожиданія. Она была очаровательна, особенно, когда въ лучистыхъ глазахъ ея блеснула рѣшимость, даровавшая ему вѣчное, невыблемое счастье, рѣшившая его судьбу.

— Очень рада, проговорила Минна, и Либигъ сейчасъ же узналъ знакомый ему голосъ, звучавшій только гораздо мягче, пѣжнѣе, чѣмъ въ телефонный аппаратъ. — Очень рада, что предупрежденіе это пригодило вамъ. Я не знаю, какъ я себя выдала, но, какъ бы то ни было, прошу васъ настоятельно не говорить объ этомъ болѣе. То, чтѣ я сдѣлала, хотя бы и изъ самыхъ лучшихъ намереній, есть все-таки нарушение служебной тайны. Я долго колебалась, должна-ли я васъ извѣстить о томъ, чтѣ я слышала. Я имѣла хотя одинъ только подвѣршій, но меня обуялъ какой-то страхъ за васъ, за вашу судьбу, и я рѣшилась-таки послать вамъ это письмо.

Либигъ пожалъ ей обѣ руки въ знакъ своей сердечной признательности. Затѣмъ показалъ онъ ей синій отгискъ штемпеля на конвертѣ, давшій ему возможность узнать автора письма, и Минна удивленно замѣтила:

— Да это штемпель, который я подарила на прошлой недѣлѣ Евгенію. Вотъ не думала, что оно окажется моимъ предателемъ, закончила она, чуть улыбаясь.

Либигъ, также улыбувшись, взглянулъ на нее, и она покраснѣла опять и опустила глаза.

— Позвольте мнѣ представить вашей матушкѣ? Я долженъ также отблагодарить вашего маленькаго брата.

Минна колебалась одно только мгновеніе.

— Хорошо, отвѣтила она. — Разъ мы такъ оригинально познакомились съ вами, то я бы хотѣла, чтобы мама также знала объ этомъ. Пойдемте со мною.

Вскорѣ послѣ того жена швейцара въ домѣ № 168 по Бергманштрассе увѣряла, что наверху у Гериговъ состоялась помолвка, а именно, дочери Минны съ какимъ-то купцомъ Либигомъ. Кромѣ того, она увѣряла, но пошотою уже, что она сама своими глазами видѣла, какъ Минна и Либигъ на прощанье поцѣловались въ сѣняхъ.

Наблюдательная жена швейцара, дѣйствительно, права. Телерь Минна уже госпожа Либигъ. На ея мѣстѣ на телефонной станціи сидитъ другая телефонистка, у которой нѣтъ такого пріятнаго голоса, и которая далеко не такъ любезна и предупредительна. Да, не всякая телефонистка заслуживаетъ того, чтобы ей дарили пироги и даже женились на ней.

Библіографія.

Сравнительно очень еще недавно смотрѣли на такъ-называемыя „народныя“ изданія, какъ на книги, о которыхъ заботиться нечего, и оставляли дѣло такихъ изданій въ рукахъ людей, способныхъ лишь дать народу одну лубочную литературу. Мало-по-малу затѣмъ начали издавать для „народа“ брошюры и книги съ якомы припоровленнымъ къ пониманію темныхъ людей языкомъ.

Въ настоящее время, слава Богу, можно считать доказаннымъ какъ вредъ этой лубочной литературы, такъ и полную несостоятельность стремленія говорить съ народомъ неестественно-дѣланымъ языкомъ. Теперь есть у насъ „народныя“ изданія, вполне соответствующія ихъ высокой и серьезной цѣли. Но, все-таки, въ большинствѣ случаевъ, эти изданія дѣлаются, такъ сказать, съ предвзятой цѣлью, и книги именно сочиняются для „народа“ съ той или другой тенденціей. Русскіе классики, воспитавшіе, если можно такъ выразиться, свои произведенія на народномъ духѣ, до сихъ поръ, за весьма немногими исключеніями, почти не проникаютъ въ народъ. Причиною тому служатъ, съ одной стороны, можетъ-быть, нежеланіе собственниковъ классическихъ произведеній русской литературы дѣлать дешевыя изданія, а съ другой — особый условіи, въ которыхъ стоитъ главная торговля книгами для

народа, находясь въ зависимости отъ выбора и вкуса часто малограмотныхъ книгоношъ. Но дѣло въ томъ, что есть много путей и помимо этихъ книгоношъ для того, чтобы пройти хорошею книгѣ въ народъ. Къ чести нашей интеллигенціи нужно сказать, что она вовсе ужъ не такъ равнодушна въ отношеніи просвѣщенія народа, какъ это принято обыкновенно считать. Силою и рядомъ помѣщички, живущіе въ деревнѣ, и люди города, отправляющіеся туда, желаютъ сдѣлать запасъ книгъ для раздачи народу, при сельскихъ школахъ имѣются бібліотеки, пополняемыя на ассигнуемыя для этого суммы, въ тѣхъ же школахъ раздаются награды въ видѣ книгъ, владѣльцы фабрикъ и заводовъ покупаютъ для рабочихъ цѣлыми партіями книги; наконецъ, офицеры выписываютъ ихъ для раздачи солдатамъ...

Потребность есть, и желаніе, но часто въ такихъ случаяхъ возникаетъ почти невольный вопросъ: какія же книги выписывать и чтѣ лучше предложить народу?

Вотъ одною изъ такихъ книгъ можетъ вполне служить вышесказанное нынѣ въ свѣтъ изданіе повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба“, съ иллюстраціями художниковъ Зичи, Штейна и Котляревскаго. Два образца этихъ иллюстрацій читатели найдутъ на стр. 812. Всѣхъ гравюръ и вишетокъ въ изданіи

28. Цѣна книги, содержащей въ себѣ 170 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ четкими и ясными шрифтами, 30 копѣекъ—вполнѣ доступна. Изданіе допущено Ми-

нистерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

Тарась Бульба спасаетъ еврея

Плѣнь Тараса.

Гравюры, извлеченныя изъ новаго народнаго изданія А. Ф. Маркса—повѣсти Гоголя „Тарась Бульба“.

Къ рисункамъ.

Въ ожиданіи хозяйки. (Рис. на стр. 797).

Она давно уже вышла изъ дому. Любимцы ея сначала не замѣчали продолжительнаго отсутствія своей госпожи; черноносый мопсикъ, свернувшись клубкомъ, спалъ на мягкомъ стулѣ, а шаловливыя кошечки безшумно играли на полу, шкѣмъ не стѣсняемая. Но отсутствіе хозяйки было продолжительнѣе обыкновеннаго, и встревоженные настоянные недруги, позабывъ о племенной враждѣ, собрались у окна, въ которое нетерпѣливо поглядываютъ въ ожиданіи своей госпожи и ба-лавницы

Въ городѣ. (Рис. на стр. 800).

— Эхъ, погляжу и на тебя, паря,—былъ бы живъ отецъ твой, загнулъ бы онъ тебѣ салазки, говорилъ старый мужикъ Пахомъ, глядя на сборы сына вдовой сосѣдки своей въ городъ.

— А за что-жь бы это онъ загнулъ?

— А вотъ за это самое—чего на землѣ не сидишь. и мать-то свою обошелъ, ишь, вѣдь, весь скарбъ свой отдала—велики богачи.

— А у тебя занимали?..

— Погоди. дай срокъ, придете еще. Городъ-отъ бока-то по-вытрегъ.. Не видалъ я твоего города, что-ли..

— Что-жь, вздохнула сосѣдка,—люди не хуже насъ ходять, не даромъ говорится:—Городское телятко умнѣе деревенскаго дитятки... можетъ, и намъ Господь пошлетъ...

— Коли пошлетъ Господь, такъ и въ деревнѣ хорошо будетъ. А только въ городѣ нынче одно дьявольское навожденіе—свистоплясы, да разгулка времени одна—такъ-то..

Но парень махнулъ рукой и усмѣхнулся, не вѣря словамъ Пахома..

И на другой день съ деревенскаго пригорка видѣли, какъ уходилъ онъ въ городъ, нагруженный деревенскимъ добромъ..

Въ деревню. (Рис. на стр. 801).

Вернулся парень домой изъ города, разнеслась о томъ вѣсть по деревнѣ; говорили, онъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ.

— И вовсе не человѣкомъ, возражалъ дядя Пахомъ,—а человѣческой обликъ потерялъ.. жилетка—одно названье, безъ спицы...

— Ну?

— Сама сосѣдка сказывала—цыпочка болтается...

— При часахъ, значить?

— Какъ же—мѣдный пятакъ, вмѣсто часовъ-то, у него на цыпочкѣ виситъ, да и то, пока не пропѣетъ,—спинжалъ куцый, а рубанка въ дырахъ.

— Шеголь!

— А сапоги-то видѣли?

— Дыра одна отъ нихъ осталась..

— Ну, а изъ города капиталы то принесъ, которые зарабатывать хотѣлъ?

— Принесъ,—гармонику, вотъ тебѣ и весь капиталъ..

— Ну, а научился чему?

— Научился—цыгарки курить, да еще словамъ мудренымъ.. Дорого наука такая встала..

— За то въ городѣ побывалъ—извѣстно, городъ: въ сапогахъ ходитъ, слѣдъ—босикомъ!..

— Мать жалко; старушка убивается: платокъ у нея былъ—онъ и его пропѣлъ!..

На прогулку. (Рис. на стр. 805).

Последніе теплые лѣтніе дни. Большое общество, передъ отъѣздомъ съ дачи, устраиваетъ, въ послѣдній разъ, прогулку по тѣмъ дачнымъ мѣстамъ, гдѣ оно беззаботно веселилось въ теченіе теперь удающаго лѣта. Царица этихъ пивниковъ, всегда увлекательная, во всемъ блескѣ своей красоты, нетерпѣливо ожидаетъ начала послѣдней шумной прогулки, чтобы

еще раз увлечь, восхитить и побудить своих безчисленных поклонников.

„Кажется—клюетъ!“ (Рис. на стр. 809).

Теплѣе, ясныя лѣтніе дни смѣнились сѣренькими осенними деньками. Изрѣдка выдается солнечная погода, съ утра, потихоньку, туманъ подымается съ рѣки, и въ стеклянномъ воздухѣ вырисуются прибрежныя мѣстности, съ деревьями, уже лишенными лѣтняго убора. Любо въ такія утра ловить рыбу, и нашъ маленькій рыболовъ ни одного изъ нихъ не пропустилъ, чтобы не забраться спозаранку на бережокъ, сѣсть на обрубокъ дерева и терпѣливо наблюдать за подвижнымъ поплавкомъ, пока рыба не клюнетъ.

Генераль - адъютантъ М. И. Драгомировъ.

(Портр. на этой стр.).

30-го августа исполнилось двадцатипятилѣтіе служебной дѣятельности въ генеральскихъ чинахъ одного изъ самыхъ популярныхъ современныхъ военныхъ дѣятелей, командующаго войсками Кіевскаго военного округа, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Михаила Ивановича Драгомирова. Имя генерала Драгомирова извѣстно каждому русскому, слава объ его боевыхъ подвигахъ давно занесена на страницы русской исторіи, его сочиненія служатъ украшеніемъ военной литературы. „Удивительный военный воспитатель“ — такъ называлъ Драгомирова переводчикъ Драгомировской „Солдатской памятки“ на французскій языкъ. Эти слова прекрасно характеризуютъ свѣтлую личность современнаго военнаго дѣятеля. Драгомировъ любитъ солдатъ. Тѣ, въ свою очередь, благоговѣютъ передъ нимъ. Слогъ его кратокъ, ясенъ, убѣдителенъ и красивъ. Русскія пословицы, полныя жизненности и практическаго смысла, играютъ въ объ-

ему цесаревичу Николаю, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Великому Князю Владиміру Александровичу. Профессорскую кафедру Михаилъ Ивановичъ занималъ до 1868 года, когда былъ назначенъ начальникомъ штаба Кіевскаго военного округа. Впрочемъ, въ 1878 году онъ вновь возвратился въ Николаевскую академію и занималъ должность ея начальника до 1889 года. Лекціи по тактикѣ останутся для бывшихъ слушателей Драгомирова навсегда въ памяти по своей рельефности и живости.

Боевая дѣятельность генерала Драгомирова началась въ 1849 году. Онъ, будучи офицеромъ л.-гв. Семеновскаго полка, участвовалъ въ походѣ къ западнымъ предѣламъ имперіи по случаю Венгерской кампаніи. По громадную опытность, самоотверженность и умѣлое руководство пришлось проявить Михаилу Ивановичу въ нашей послѣдней Русско-турецкой кампаніи. Какъ командиръ 14-й пѣхотной дивизіи (съ 1873 г.), онъ распорядился переправой нашихъ войскъ отъ Зимницы къ Систоу, переправился самъ съ третьимъ рейсомъ подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, лично руководилъ ходомъ боя и занялъ Систоу и все окружающія высоты. Передъ переправой онъ издалъ достопамятный приказъ, вызвавшій сильный подъемъ войскового духа и несомнѣнно содѣйствовавшій той неувидаемой славы, которую заслужила наша армія 15 іюня 1877 года. Въ приказѣ, между прочимъ, было сказано: „Должно быть извѣстно всѣмъ, что, ввязавшись въ дѣло, будутъ поддержаны, но огню не смѣнены. Также бережливо расходовать патроны: хорошему солдату довольно 30 патроновъ для самаго жаркаго дѣла“. Насколько солдаты вникли и запомнили каждое живое слово этого приказа, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. На другой день послѣ боя Царь посетилъ раненыхъ въ госпиталѣ. Подлѣ

Генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ (по поводу 25-лѣтія служебной дѣятельности въ генеральскихъ чинахъ).

Съ фот. Денъера, грав. Шюблеръ.

Непремѣнный секретарь Академіи Наукъ академикъ А. А. Штраухъ († 14 августа 1893 г.). Съ фотографіи Класена, грав. Шюблеръ.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ († 17 августа 1893 г.). Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

ясненіяхъ Драгомирова видную роль и показываютъ въ юбиларѣ тонкое знаніе особенностей русскаго народнаго духа.

Генераль Драгомировъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ военной тактики. Въ 1858 году онъ былъ приглашенъ читать лекціи по тактикѣ въ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба и преподавать ее, а также военную исторію, въ Бозѣ почив-

одного изъ нихъ лежала на постели патронная сумка. „Зачѣмъ у тебя здѣсь сумка?“ спросили его. — „Чтобы показать фельдфебелю, если онъ спроситъ, что я исполнилъ приказаніе и истратилъ только 30 патроновъ“.

При оборонѣ Шипкинской позиціи отъ громадной арміи Сулеймана-паши генераль Драгомировъ былъ раненъ въ лѣвое

кольно. Не желая из-за поранения оставить руководство обороной, Михаил Иванович сам перевязал рану носовым платком, но сильное кровоизлияние вызвало упадок сил, и он, без памяти, был вынесен на носилках за линию падения пуль. Как относился Драгомировъ къ солдатамъ видно изъ слѣдующаго. После славной переправы черезъ Дунай, во время разговора Михаила Ивановича съ Августѣйшимъ главнокомандующимъ, подошла гвардейская рота. „Честь и слава вамъ, братцы“, обратился генералъ къ ротѣ, слыя фуражку.—„Спасибо вамъ, молодцы! Сослужили вы службу Царю Батюшкѣ! Показали себя! Дети вы Русской земли!“—„Рады стараться, ваше превосходительство!“ дружно отвѣчали храбрыя.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ родился 8 ноября 1830 г. Н. Афанасьевъ.

Академикъ А. А. Штраухъ. (Портр. на стр. 813).

14 августа, скончался скоропостижно въ Висбаденѣ непрелѣнный секретарь и директоръ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, ординарный академикъ, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Штраухъ.

А. А. родился въ С.-Петербурѣ, 1 марта 1832 г. Окончивъ медицинскій факультетъ бывшаго Дерптскаго университета, покойный занялся спеціально изученіемъ зоологіи и защитилъ въ 1859 г. докторскую диссертацию на тему изъ области зоологіи. Въ томъ же году, лѣтомъ, предпринялъ онъ научную экскурсію по Западной Европѣ, побывалъ въ Германіи, Франціи и Австріи, гдѣ изучалъ амфибіологію и энтомологію, затѣмъ отправился въ Алжиръ, гдѣ посвятилъ себя собиранію энтомологическихъ, ихтіологическихъ и эрнетологическихъ коллекцій, которыя онъ, по возвращеніи, передалъ въ зоологическій музей Академіи Наукъ. Какъ результатъ этого путешествія, была напечатана въ мемуарахъ Академіи статья его „Essai d'une Erpétologie de l'Algérie“, и, кромѣ того, былъ изданъ имъ отдѣльный трудъ: „Catalogue Systématique de tous les coleoptères décrits dans les annales de la société entomologique de France“, 7 апрѣля 1867 г. избрала академія А. А. за его ученія заслуги адъюнктомъ по зоологіи. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи изъ командировки съ ученой цѣлью, былъ онъ избранъ въ экстраординарные академики. За время съ 1869 по

1873 г. А. А. было издано нѣсколько новыхъ изслѣдованій о лядовитыхъ змѣяхъ. Это было какъ бы введеніемъ въ давно задуманное имъ капитальное сочиненіе о ветрѣющихся въ Россіи змѣяхъ. Въ 1876 г. было имъ составлено подробное описаніе пресмыкающихся и земноводныхъ, собранныхъ экспедиціей покойнаго Пржевальскаго. Избранный въ 1879 г. ординарнымъ академикомъ по зоологіи, покойный былъ вскорѣ назначенъ директоромъ зоологическаго музея Академіи, а въ 1890 г. — непрелѣннымъ секретаремъ.

Покойный чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и вплоть до послѣдняго времени обогащалъ зоологію своими учеными, капитальными изслѣдованіями выходившими въ свѣтъ въ мемуарахъ Академіи Наукъ.

А. Н. Апухтинъ. (Портр. на стр. 813).

Умеръ 17-го августа (въ 4 ч. 40 м. дня) Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ, и однимъ изъ талантливыхъ современниковъ нашихъ стало меньше. Литературное наслѣдіе, — небольшое томъ стихотвореній, — которое онъ оставилъ намъ, всегда будетъ занимать почетное мѣсто среди собраній твореній лучшихъ поэтовъ нашихъ. Началъ писать и печатать свои произведенія А. Н. довольно рано, — 19-ти лѣтъ, — въ 1859 году, тотчасъ же по окончаніи курса въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія. Дарованіе его было замѣчено сразу, и его лирическія стихотворенія стали расходиться въ спискахъ — до появленія ихъ въ печати. А. Н. никогда не нуждался, имѣя всегда достаточныя средства къ жизни, и потому никогда не зналъ подневольнаго, такъ сказать, труда. Но выпадъ на его долю такой трудъ, очень можетъ быть, что онъ создалъ бы вещи еще болѣе выдающіяся, чѣмъ его исполненныя задушевною прелестью лирическія стихотворенія. Большинство ихъ многимъ извѣстно наизусть, и многія положены на музыку и получили распространеніе популярной пѣсни. Человѣкъ въ высшей степени остроумный, А. Н. былъ извѣстенъ также, какъ ѣдкой сатирикъ, и въ обществѣ изъ устъ переходяты его ненапечатанныя эпиграммы. Соебѣдникъ А. Н. былъ исключительный, и, бывало, при его появленіи на всѣхъ лицахъ распускалась невольнаго привѣтливо-радостная улыбка... Много дружескихъ кружковъ вздохнуть теперь съ грустью, когда, собравшись, не увидятъ въ средѣ своей талантливаго и наумительно находчиваго Апухтина.

Политическое обозрѣніе.

Въ Эльзасъ-Лотарингіи, на прошлой недѣлѣ, происходили большіе маневры, въ присутствіи Германскаго императора. Первое мѣсто изъ приглашенныхъ гостей занималъ наслѣдній Итальянскій принцъ. Несмотря на недавній столкновеніи и безпорядки во Франціи и Италіи и на большую торжественность, которую сопровождалось присутствіемъ Неаполитанскаго принца въ отнятыя отъ Франціи провинціи, — французскія газеты сохранили спокойствіе.

Въ Мецѣ, гдѣ были сосредоточены маневры, Германскій императоръ, отвѣчая на рѣчь бургомистра, сказалъ: „Мецъ и его армейскій корпусъ составляютъ угловой столбъ военной силы Германіи, предназначенный обезпечивать не только Германію, но и всей Европѣ миръ, сохраненіе котораго составляетъ мою твердую волю“.

Черезъ два дня, 25 августа, на парадномъ обѣдѣ, данномъ гражданскимъ властямъ въ томъ же городѣ, императоръ выразилъ свою благодарность жителямъ Лотарингіи за сдѣланный ему приемъ. Въ оваціяхъ императоръ усматриваетъ, что Лотарингія сжилась съ имперіей, лотарингцы лояльно консервативны и желаютъ мира, вслѣдствіе чего онъ устроилъ себѣ среди нихъ уголокъ, чтобы они были увѣрены въ возможности спокойно трудиться для собственнаго благосостоянія. Германская имперія обезпечиваетъ имъ миръ; они нѣмцы и останутся нѣмцами съ помощью Божіей и германскаго меча. Затѣмъ императоръ провозгласилъ тостъ за Эльзасъ и Лотарингію и за вѣрныхъ ея жителей.

Во Франціи окончилась выборы въ палату депутатовъ. По официальному исчисленію, новая палата будетъ состоять изъ 409 республиканцевъ и радикаловъ, 79 крайнихъ радикаловъ и социалистовъ, 29 „присоединенныхъ“ и 64 консерваторовъ. Такіе результаты указываютъ, что страна рѣшительно желаетъ республики, и притомъ умѣренной.

Неизбранными оказались многіе радикалы, во главѣ съ Клемансо и Флоке. Забаллотированы также Леруа-Болье, республиканецъ Лиссагаре и ярый противникъ республики — Поль де-Кассаньякъ.

21-го августа, палата общинъ приняла, большинствомъ 301

голоса противъ 267, въ третьемъ чтеніи прландскій билль. Националисты и радикалы шумно выражали свое удовольствіе, вставали со своихъ мѣсть и махали шляпами и платками. Когда Гладстонъ съ женою оставилъ палату, громадная толпа народа окружила экипажъ Гладстона и привѣтствовала его восторженно. Разсмотрѣніе этого билля отличалось небывалою въ лѣтнихъ англійскаго парламента продолжительностью. Всѣхъ засѣданій было 82; рѣчей произнесено 459 за принятіе и 938 противъ билля. Защитники говорили въ общей сложности въ продолженіе 57¼ часовъ, а противники 152¼ часа. И вся эта громадная работа пропадетъ, если палата лордовъ не приметъ билля!

Изъ Подволочиска сообщаютъ, что тамъ состоялось совѣщаніе представителей русскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлью облегченія вывоза русскихъ хлѣбовъ, съ увеличеніемъ для того хлѣбныхъ складовъ, удлиненіемъ вѣтвей русскихъ желѣзныхъ дорогъ и упрощеніемъ способа перегрузки хлѣбовъ, перевозимыхъ розсыпью.

Дѣло митрополита Климента въ Болгаріи получаетъ новый интересъ. Въ настоящую минуту никто не знаетъ, гдѣ находится приговоренный къ пожизненному заключенію іерархъ. Какъ извѣстно, Климентъ все время содержался близъ Тырнова, въ Петропавловскомъ монастырѣ, гдѣ его охранялъ отрядъ изъ сорока жандармовъ. Теперь неожиданно въ Болгаріи разнеслась вѣсть объ исчезновеніи митрополита изъ монастыря. Одни говорятъ, будто митрополитъ успѣлъ скрыться изъ предѣловъ Болгаріи. Въ Софіи держится, впрочемъ, версія, что побѣгъ Климента состоялся съ согласія Стамбулова, пожелавшаго этимъ путемъ избавиться отъ затрудненія, созданнаго оппозиціей судей кассационнаго суда, намѣревавшихся будто бы отменить приговоръ и признать дѣло Климента неподсуднымъ свѣтскому суду, о чемъ-де и провѣдалъ Стамбуловъ. Надо замѣтить, что многіе въ Софіи не вѣрятъ вообще побѣгу тырновскаго оцаннаго митрополита, а объясняютъ неожиданное исчезновеніе Климента тайнымъ переименіемъ его изъ Петропавловскаго въ какой-либо глухой балканскій монастырь.

СОДЕРЖАНІЕ: Искатель приключеній. Повесть І. Ясинскаго. — Изъ исторіи денегъ въ Россіи. Очеркъ В. Адамовича. — Телефонистка. Рассказъ А. Бертольда. (Переводъ съ нѣмецкаго И. Эйзена) — Дети (съ 3 рис.). — Библиографія. Новое народное изданіе А. Ф. Маркса повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба“ (съ 2 рис.). — Въ рисункахъ: Въ ожиданіи хозяйни (съ рис.). — Въ городѣ (съ рис.). — Въ деревнѣ (съ рис.). — На прогулку (съ рис.). — „Намется — илетитъ“ (съ рис.). — Генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ (съ портр.). — Академикъ А. А. Штраухъ (съ портр.). — А. Н. Апухтинъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за СЕНТЯБРЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1893 г. съ 31 рис. и отдѣльный листъ съ 30 черт. выносокъ въ натур. величину и 48 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Без дост.

Съ дост.

Без доставки в Москвѣ

Съ перес. въ

За

въ Петерб. **5 р.**

въ Петерб. **6 р. 50 к.**

чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия **6 р.**

города Россіи **7 р.**

границу. **10 р.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

ПАЦИНТЫ

и всѣ луковичныя растенія и другія для огородовъ и оранжерей. Превосходные ассортименты растеній для оранжерей и огородовъ по 5 руб. 50 к., 10 руб. 50 к., 20 руб. Просить указать, для какой цѣли предназначается заказъ. Нашъ ассортиментъ для огородовъ по 10 руб. 50 коп. заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 луковичныхъ растеній. Упаковка—безплатно. Нѣмецкіе, англійскіе и французскіе каталоги, по требованію, высылаются безплатно. Адресъ: van Meerbeck & Co. Handełsgärtner, Hillegom bei Haarlem (Holland). Просить настоятельно обращаться съ требованіями только на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ.

ТЮЛЬПАНЫ

ЛЕВИНСКОЕ и ГИЗИНСКОЕ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“ № 2450

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ А. КОССОДО.**

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6203 52-24 За 2 семиклассныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ПИСАТЬ не только красиво но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кал. Э. Коидариесъ. № 6519 10-1

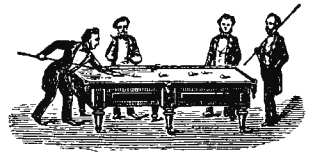
ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА Фабрики **И. ТРАППЪ** Известныя въ Россіи быстрыми, мягкими помоломъ и отсутствіемъ кваски. Статьи высылаются по требованію. КОНТОРА В. Б. ЖУКОВСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрат. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7-7

ЭКИПАЖИ НА РЕЗИНОВЫХЪ БУФЕРАХЪ (ФЕССОРАХЪ) ПЕЗАМЪИНЫМИ ДЛЯ ГРУПТОВЫХЪ ДРОСЪ, ПОКОМЪ, прочны и легки на ходъ. Отъ 12.5 руб., изъясненіе прилагаю отъ 14.5 рублевъ. Складъ (бывшій Л. Ф. ПИГО) въ Москвѣ, Малужская улица, д. Терещенко. Прейсъ-курнтъ высылается за 7 коп. маркѣ.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ **ЖЖЕННЫЙ КОФЕ** ТЕРСКАЯ, ПОДЪ ВЪЗДЪ САНВЪИЧЪ ПОДЪ ВЪЗДЪ **А. ГИПЛИУСЪ** въ Москвѣ. КОФЕ ПРИГОТОВЛЕНА ПОСРЕДСТВОМЪ ПЕРИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА. **Л. ФОРШТРЕМЪ** ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ. С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-16 Иллюстрированныя прейсъ-курнты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

SINAPISME RIGOLLOT Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага. ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ. — Требовать подлинныя изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанную краснымъ цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10-6 Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 21, avenue Victoria, Парижъ.

Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ безплатно. Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ**. **ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ**, Зальцбруннъ, въ Силезіи. 10-8 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ въ Гогенгеймѣ. D. № 6470 Зимній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 16 октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію безплатно **КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМИИ** Гогенгеймъ, въ Іюль мѣс. 1893 г. Vossler.

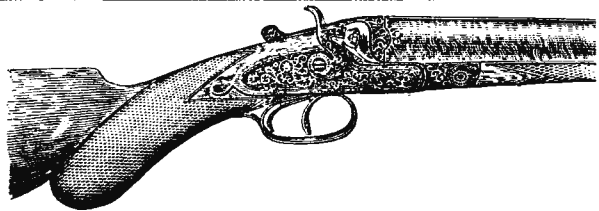
Фирма существ. съ 1848 г. **БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА!** Экономія съ изяществомъ. Очки и пенсне изъ настоящаго накладнаго золота „Double dog“. Оправы эти имѣютъ видъ настоящей масс. золотой, изящной работы. Цѣна съ перископическими (Periscopique) стеклами, шлифованными согласно научнымъ вычисленіямъ, съ совершенными правильными фокусомъ, укрѣпленнымъ зрѣніемъ, съ пересылкой 4 руб. Оправа изъ французскаго золота 3 руб., изъ чистаго никелина 2 р. 50 к. № 6517 Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, Королевская ул., № 49-8. Прейсъ-курнтъ безплатно. — Высылаю наложеннымъ платежомъ. НВ. Ручаюсь только за тѣ стекла и оправы, которыя выходятъ изъ моего магазина.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ **EAU DE LYS DE LOHSE** Бѣлая и розовая вода для бѣлонурыхъ, желтая вода для брюнетовъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к. **МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“** **ГУСТАВЪ ЛОЗЕ** Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (84)

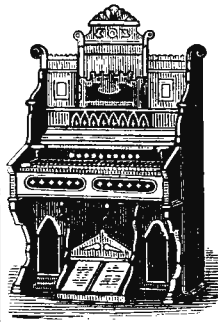
КОСМЕТИКА: ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА, ВЫСШІЙ СОРТЪ Жирная пудра, Пудра Велутинъ, Бѣлила, Румяна, Бархатный кремъ и т. д. **БРОКАРЪ и К^о.** № 50, Невскій. № 6520 2-1

У ЗЕМСКАГО, книгопродавца въ Россійскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ, въ Москвѣ, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ. Необыкновенные невинныя, небывалыя и удивительныя фокусы въ своихъ загадочныхъ таинственныхъ явленіяхъ. Изданіе 4-е, безъ перемены и дополненій. Новая чрезвычайно интересная и необыкновенно забавная для семейныхъ вечернихъ спиритическихъ сеансовъ **ДОМАШНЯЯ ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА.** Цѣна книжки 1 р. съ пересылкою. Составъ анти-спиритомъ **Альхаазръ Товіемъ Молдаваниномъ.** Книжка-Волшебница, по которой можно показывать самымъ простѣйшимъ способомъ тѣни (привидѣнія) желаемыхъ лицъ, хотя бы они во время сеанса были въ отсутствіи, за нѣсколько тысячъ верстъ или же умершія, узнавать имена и лѣта совершенно незнакомыхъ лицъ. Кромѣ того, по этой книжкѣ показываются необыкновенно удивительныя фокусы, а также можно узнать, сколько кто имѣетъ при себѣ въ карманѣ денегъ, или у себя въ домѣ, не смотря даже и на то, что если бы такое лицо было отъ своего дома на разстояніи за нѣсколько сотъ или тысячъ верстъ. Основанные на тайныхъ силахъ природы и на математическихъ исчисленіяхъ и на физическихъ пробѣрныхъ опытахъ. Съ приложеніемъ отдѣла: „Открытіе тайнъ древнихъ магиковъ“ извѣстнѣйшимъ профессоромъ **ГАЛЛЕМЪ**. Съ новѣйшимъ спиритизмомъ объ угадываніи чужихъ мыслей. Дѣятельность этой книжки достоверна. На ея обложкѣ имѣются интересныя рисунки. № 6524

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ И. ШЕНБРУНЕРЪ. Москва, Старый Газетный пер., д. Толмачева. **Поставщикъ Император. Общ. Правильной Охоты и Дмитровскаго Отдѣла.** Вновь полученъ громадный выборъ **РУЖЕЙ** фабрики **Августа Франнотта въ Люттикѣ.** Чьяпювъ, цѣною 45 р., 55 р., 65 р., 75 р., 85 р. и легкія --85 р. Лѣжской Мануфактуры въ Люттикѣ. Эксельзюръ, цѣною 42 р., 48 р., 54 р., 58 р., 60 р., 80 р. и легкія --95 руб.; садочныя ружья --100 руб. Снотта и С-на въ Лондонѣ, цѣною отъ 80 руб. до 800 руб. Особенно рекомендуется сортъ въ 155 р. подъ маркой „Марсъ“. Иллюстрированный каталогъ высылается по требованію. Гг. офицерамъ допускаются при покупкѣ ружей льготы. Ш. № 6451 2-2

ФИСГАРМОНИИ

лучших Французских, американских фабрик и фабрик Шидмайера. рекомендованные Главачемъ, Гензельтомъ и Листомъ и друг.

въ 100, 125, 130, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 250, 300, 400, 500, 750,

300, 1000 р. и дороже.
Самоучитель для фисгармоний 2 р.
Иллюстрир. прейс-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоний—**бесплатно.**

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

превосходно сдѣланъ изъ тульевой кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

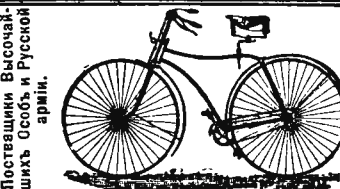
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ съумѣетъ открыть Тиль-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоний, очень вышительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6190 5—5 3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

С. Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРОКЪ** Невск. пр., № 20-44.

МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ **БУХГАЛТЕРИИ** иногороднихъ и москвитинъ ПОСРЕДСТВОМЪ ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ **С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ**

Ц. № 6505 **НАСТОЯЩІЯ ГААРЛЕМСКАЯ ЦВѢТЧНЫЯ ЛУКОВИЦЫ** всѣхъ сортовъ, высшего разбора. СПб., Адмиралтейск. пл., 10. **Г. ФРИКЪ.**

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
только 4 р. 50 к.
Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ—20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтений. Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 коп. марку. № 6516

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедными.

САМЫЙ ОВШИРНЫЙ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.**
(основ. въ 1863 г.)
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—25 5882
Новый каталогъ 80 страницъ. **БЕЗПЛАТНО.**

ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ

И АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ,
Средняя Подъяческая ул., № 1.

Значительно расширивъ свои типо- и литографіи, снабдивъ ихъ новейшими усовершенствованными машинами, находятъ возможнымъ исполнять, кромѣ своихъ текущихъ работъ, и постороннія всякаго рода типографскія и литографскія работы, какъ-то: печатаніе и брошюровку книгъ, прейс-курантовъ, циркуляровъ, бланковъ, счетовъ, контрактовъ и т. п.

Печатаніе красными (хромо-литографіи) этикетовъ и плакатовъ, художественное воспроизведеніе точныхъ копій оригинальныхъ картинъ, начиная отъ самыхъ обыкновенныхъ до болѣе сложныхъ художественныхъ произведеній. При литографіи имѣются для этого свои специалисты-художники и граверы.

При наборѣ учебныхъ книгъ съ набора изготовляются матрицы, съ которыхъ при новомъ изданіи отливается стереотипъ, такъ что не приходится вновь расходовать на новый наборъ.

Вновь расширенное отдѣленіе печати съ мѣди и со стали принимаетъ заказы на печатаніе офортвовъ, гелиографуръ, фотографуръ и всякаго рода гравюръ на стали и мѣди.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просятъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя **А. ЛЕМЕРСЬЕ**, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодермина, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Ш. № 6149 28—11

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО.

Москва, Патріаршіе пруды, д. Можухина.

Руководства по изученію и преподаванію русскаго языка, составленныя **В. Зелинскимъ**, преподавателемъ методики русскаго языка:

1. Методическая узанія и образцовые уроки по русской грамматикѣ, разработанные известными педагогами. Ц. 1 р.
2. То-же по объяснительному чтенію. Ц. 1 р.
3. Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Разъясненія и уроки, разработанные лучшими педагогами. Ц. 1 р.
4. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Ц. 25 к.
5. Норнеловъ русскаго языка. Ц. 50 к.
6. Четыре таблицы для письменнаго грамматич. разбора. Ц. 8 к.
7. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. Ц. 25 к.
8. Полный словарь словъ съ буквой ѣ. Изд. 3-е. Ц. 25 к.
9. Зрительный димтантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть I. Изд. 4-е. Ц. 50 к.
10. То-же. Часть II. Знаки препинанія. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
11. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ полнаго списка словъ съ буквой ѣ. Выпускъ I. Изд. 7-е. Ц. 50 к.
12. То-же. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разставкѣ знаковъ препинанія. Ц. 50 к.

ВВ. Пересылка книгъ на сумму менѣе рубля—10 к., а требованія на рубль и болѣе пересылаются на счетъ склада. За наложенный платежъ—10 коп. № 6518

Ф. Павленковъ выпустилъ дополненное 3-е изданіе социологическаго романа **Эд. Беллами** Мт. № 6523

ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ.

Къ паданію этому приложень научно-предсказательный очеркъ Риме: „Куда мы идемъ?“ въ переводѣ М. Энгельгарда (85 стр.). Цѣна новаго изданія прежняго—1 рубль.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ ДУХИ — „Капризъ Невы“ О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Невы“ МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Москвѣ“ Духи послѣднія новости „Москвѣ“ Мыло С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-нолонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЕ ЛАБОРАТОРИИ
Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО. Ц. № 6281 15—8

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ **МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ**
А. ЗЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ. Главное депо: Невская аптека магистра **А. Берггольца**. Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11—8
Цѣна коробки 40 коп.

СИБИРСКОЕ ТРИКО
чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., по прочности и дешевизнѣ незаменимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч.
Изгороднимъ высылаются образцы. Магазины: СИБ., Владимірская, № 6; Петерб. сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6489 10—5

Фирма препривана на европейскіхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика **А. ЭНГЛУНДЪ.**
Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ известнѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговлѣхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ**, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не печатанными рисунками художника **Л. П. СЕРГѢЕВА.**

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издѣл. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просятъ адресовать: въ СПб. въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6)

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ

ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА

составленный **Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.**
ИЗДАНІЕ 2-е, дополненное новыми рисунками въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ СИБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

ЦАРЬ-ДѢВВИЦА.

Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ромъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложеніи Царевны Софій. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ШОКОЛАТЬ ФАБРИКИ „ЕСТУЖКЕ“
НАХОДИТСЯ ВО ВЪСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССКОГО ЦАРСТВА
ПРЕДУСТЕРЕЖЕНІЕ: УБѢДИТЕСЬ НА ШЕЛѢ МАРКИ

XXIV г.

№ 37

Выходитъ ежедневно, съ приложеніемъ 12-ти вѣстѣй, книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 11 сентября 1893 г. Остат. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Искатель приключеній.

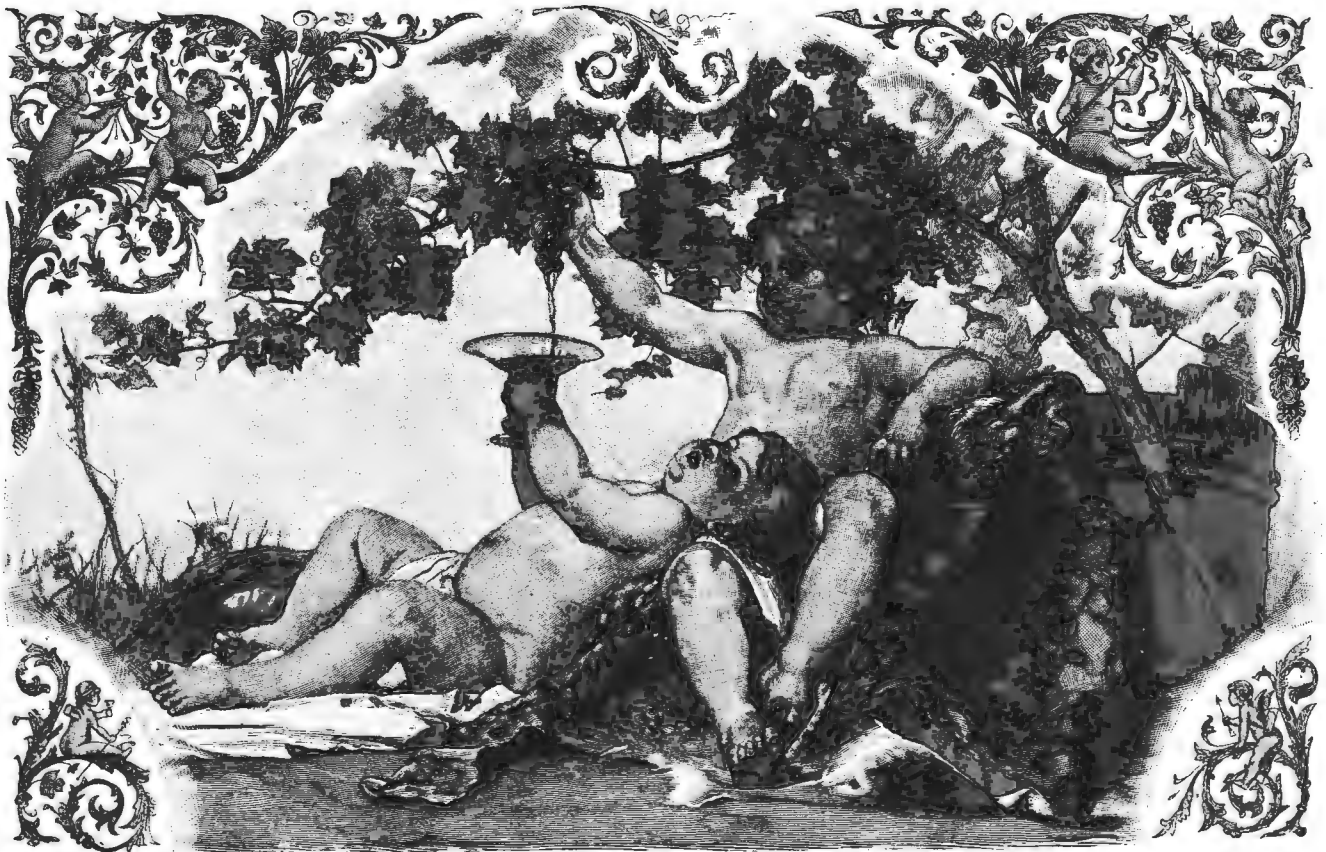
Повѣсть І. Ясинскаго.

(Продолженіе).

VII.

Общая зала въ трактирѣ Павлова была не велика и наскоро уставлена сборной мебелью, состоявшей изъ пузатыхъ креселъ краснаго дерева, изъ такихъ же столовъ съ ножками, о которыя непременно зацѣпишься, когда идешь мимо, и изъ нѣсколькихъ зеркалъ, тоже въ тяжеловѣсныхъ рамахъ. А между зеркалами на стѣнахъ красовались литографіи, изображавшія красивыхъ женщинъ, называвшихся „Европой“, „Азіей“, „Америкой“ и „Африкой“. „Австралія“ не было; по всей вѣроятности, фантазія живописца не могла никакъ представить себѣ эту часть свѣта въ реальномъ образѣ женщины. Стойка была

сколочена изъ досокъ, которыя Павловъ не успѣлъ даже покрасить, а только обиль темно-розовымъ колленкоромъ. Масляныя лампы чадили, вспыхивая неровнымъ пламенемъ и освѣщая залу дрожащимъ свѣтомъ. Нѣсколько купцовъ помельче пили чай и паходились въ другой залѣ, которая назначена была для чернаго народа. Двое половыхъ съ полотенцами черезъ плечо и въ такихъ грязныхъ кафтанахъ, какъ будто они употребляли ихъ для чистки трактира, катаясь съ этой цѣлью по полу, стояли у дверей, прислонившись къ косяку, и дремали. Можетъ-быть, имъ спились даже сны. Когда дрема одолѣвала ихъ, они вздрагивали, широко раскрывали глаза на нѣсколько

Осень. Рис. І. Церро, грав. Бодь.

минуть, дико озирались по сторонамъ, и опять, при-слонясь къ дверямъ, погружались въ свое блаженное сонное состояніе.

— Маркеръ, крикнулъ Ромуальдъ,—сыграемъ партію!

— Почему прикажете?

— Почему дамъ, не обижу тебя.

Маркеръ зажегъ лампу надъ бильярдомъ, освѣтилъ его, и началось катанье шаровъ. Проигравъ двѣ партіи, Ромуальдъ бросилъ кій и увидѣлъ, что въ бильярдной, на узенькомъ диванчикѣ съ высокой спинкой, сидитъ господинъ и съ пристальнымъ любопытствомъ смотритъ на него. Онъ поклонился Ромуальду и вкрадчиво спросилъ, приглаживая пальцами серебряные волосы на своихъ вискахъ:

— Позвольте узнать, вы харьковскій помѣщикъ?

— Да... то-есть, вѣришь, у меня имѣніе въ другомъ мѣстѣ, уклончиво отвѣчалъ Ромуальдъ,—въ Польшѣ.

— А... очень приятно. А у насъ вы изволите быть по особымъ видамъ?

— Я воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, собирався здѣсь жениться, а, можетъ-быть, и женюсь, вернувшись въ Харьковъ. Времени еще много впереди. Не хотите-ли партію? сказалъ Ромуальдъ незнакомому старичку.

Тотъ потеръ руки и отвѣтилъ:

— Съ удовольствіемъ, весьма охотно.

Сдѣлавъ выставку и выбравъ кій, старичокъ, по-смѣиваясь, скиксовалъ и предложилъ Ромуальду играть по три рубля, на чтѣ послѣдовало вѣжливое согласіе молодого человѣка. Лицо у старичка стало серьезно, онъ даже немножко поблѣднѣлъ. Прицѣливаясь кіемъ, онъ вытягивалъ какъ-то необыкновенно вперед свои руки и склонялъ на плечо голову; пересталъ киксовать, клалъ шары безъ промаха, и не далъ сдѣлать Ромуальду даже десяти очковъ.

— Какъ вы прекрасно играете, сказалъ Ромуальдъ.— Но я не въ ударѣ.

— А, это возможно! Мы сыграемъ вторую?

— Конечно.

Ромуальдъ сыгралъ со старичкомъ вторую партію, и снова проигралъ. Третья партія тоже была проиграна. Заплативъ счастливому партнеру девять рублей, Ромуальдъ спросилъ, кто онъ такой?

— А я бывшій помѣщикъ отъ двухъ тысячъ душъ, нынѣ же ничего не имѣю и существую только своимъ талантомъ.

— А какимъ, позвольте узнать?

— А играю на бильярдѣ, въ карты, держу пари—и выигрываю, оказываю услуги молодымъ дворянамъ, какъ знатокъ лошадей, и такимъ способомъ существую. Правда, тяжелъ хлѣбъ, но все же... Очень радъ съ вами познакомиться, очень радъ... Фамилія моя Коловратовъ. У насъ край не то, чтобы бѣдный, а осторожный. Въ этомъ трактирѣ остановились, можно сказать, завѣдомые шулера и чуть-ли не конокрады. Я не могу, разумѣется, говорить навѣрное, но отчего не предупредить такихъ людей, къ которымъ я почему-либо чувствую расположеніе? Увидите вы здѣсь этакого чернаго съ усами и потомъ еще трехъ, которые тоже всѣ на цыганъ смахиваютъ... сторонитесь ихъ. Ужъ лучше мнѣ проиграть какихъ-нибудь девять—пятнадцать рублей, а имъ проиграете тысячи. Я малымъ довольствуюсь, они же безпощадны.

— Вотъ какъ! Но, признаюсь, я самъ замѣтилъ господина съ черными усами; былъ я сейчасъ въ театрѣ и видѣлъ его тамъ. Не хотите-ли раздѣлить со мной ужинъ—одному довольно скучно. Скажите, какъ вы могли заключить, что это шулера и прочее?

— Жизненный опытъ, милостивый государь, жизненный опытъ! Носомъ слышу; какъ легавый пестъ слышитъ дичь, такъ я различаю плута отъ наивной души.— Старичокъ понизилъ голосъ.—А есть тутъ еще одинъ

молодой человѣкъ, нѣкто Анжаровъ, о которомъ такая слава, что будто онъ богатъ. На самомъ дѣлѣ—богатствъ у него никакихъ нѣтъ. Тоже шулеръ! Все состояніе свое онъ спустилъ въ карты, и теперь существуетъ лишь тѣмъ, что выигрываетъ и проигрываетъ—оборотомъ существуетъ, какъ въ торговлѣ: бываютъ такіе купцы, у которыхъ расходу больше, чѣмъ приходу, а между тѣмъ они миллионеры, пока въ одинъ прекрасный день не потребуютъ у нихъ торговыхъ книгъ и не увидятъ, что балансъ ихъ давно свихнулся. Такъ-то! Я предупреждаю васъ и относительно Анжарова. Держится онъ аристократомъ и неотразимъ для женщинъ, льстивъ и высокомеренъ—все это составляетъ основныя черты его характера. Пьетъ, какъ гусаръ, и ни въ одномъ глазу; ни на минуту не забудется,—удивительная сдержанность, осмотрительность и хитрость,—выжига девяносто шестой пробы! Вотъ, вы учились въ университетѣ,—позвольте узнать, слышали вы о наукѣ, называемой психологіей?

— Да, я даже прочиталъ цѣлую книгу по этому предмету.

— Такъ вотъ, видите-ли, шулерамъ хорошо знакома именно эта самая наука, психологія; они сразу видятъ, кого можно и кого нельзя. Вы, конечно, полагаете, что шулера обыгрываютъ какими-нибудь особенными картами, что у нихъ крапленныя колоды, передвижныя очки и тому подобный вздоръ? Нѣтъ. Это бываетъ, но не главное. Дѣйствуютъ шулера психологически: они сговариваются между собою, дѣлаютъ видъ, что не знакомы другъ съ другомъ, съ вами входятъ въ стачку противъ своихъ же друзей, а между тѣмъ васъ обыгрываютъ. Да-съ, народъ удивительный! со сверканьемъ глазъ и съ гордостью произнесъ старичокъ.—Вы знаете, я обязанъ шулерамъ, что людей узналъ. Положимъ, я проигралъ рѣшительно все свое состояніе: имѣніе, усадьбу, крестьянъ, собраніе книгъ, картинъ, монетъ, потому что я нумизматъ былъ и до сихъ поръ сохранилъ страсть къ нумизматикѣ. Мало того, я, можно сказать, проигралъ дочь, потому что принужденъ былъ выдать ее за шулера—и все же скажу, какъ честный человѣкъ, положила руку на сердце, что не будь шулеровъ, остался бы я круглымъ невѣждой, непросвѣщеннымъ степнымъ помѣщикомъ!

Онъ выпилъ стаканъ вина, предложенный ему Ромуальдомъ, и, обтеревъ ротъ, сказалъ:

— Впрочемъ, такого просвѣщенія вамъ не желаю. Есть у васъ имѣніе въ царствѣ Польскомъ—берегите его, молодой человѣкъ. И поэтому, не нуженъ-ли вамъ управляющій хороший? Скажите, сколько вы могли бы дать управляющему?.. Дали бы тысячъ шесть въ годъ?

— Отчего же, я далъ бы, сталъ врать Ромуальдъ.— Тенерешній мой управляющій получаетъ четыре тысячи, но я бы могъ дать шесть тысячъ хорошему управляющему.

— Такъ... Шестъ тысячъ. Я подумаю. Право, надо-ѣла эта безпутная, безшабашная, кочующая жизнь! По ярмаркамъ ѣздишь-ѣздишь... Ну, конечно, проживешь кое-какъ—вонъ, у меня есть человѣкъ, даже и экипажъ, и пара лошадей, а недавно четверка была; есть табакъ, есть всегда деньги въ карманѣ, вотъ золотые часы,—а все-таки цыганская жизнь! Тяжело: старость приближается—хочется отдыха.

Онъ сталъ строить планы наилучшаго управленія имѣніемъ, въ особенности, въ царствѣ Польскомъ, гдѣ культура высока, и гдѣ хозяйство можно довести до необыкновеннаго совершенства. Поддѣлываясь къ Ромуальду, старичокъ прищурилъ одинъ глазъ и хитро сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, „еще Польша не сгинѣла“... Ха-ха-ха!... Такъ-то, что-жъ, въ Польшу, такъ въ Польшу. А когда изволите ѣхать?.. Долго здѣсь про-будете?

Ромуальдъ тяготился уже старичкомъ, и не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться. Старичокъ не отставалъ отъ него и ходилъ по его пятамъ.

— Хотите, я познакомлю васъ со всѣми. Посмотрите, какъ васъ станутъ принимать! У насъ народъ душевный, простой, и, что ни говорите, любятъ богатыхъ. Сколько у васъ тамъ душъ?

Ромуальдъ не зналъ, сколько у него душъ, но онъ смѣло отвѣтилъ:

— До трехъ тысячъ.

Лицо у старика вытянулось отъ изумленія и благоговѣнія.

Въ залу вошло еще нѣсколько человѣкъ; въ числѣ ихъ былъ тотъ самый черный усачъ, встрѣча съ которымъ въ театрѣ смутила Ромуальда. Молодой человекъ посмотрѣлъ ему въ лицо съ вызывающимъ видомъ, но тотъ смотрѣлъ на него любезно и кротко.

— Я пари держу, что я встрѣчалъ эту физиономію, но гдѣ? сказалъ Ромуальдъ старичку.

И у него мелькнула мысль, что это тотъ самый господинъ, котораго онъ вчера ночью угостилъ изъ пистолета. Это открытіе показалось ему почти невѣроятнымъ; онъ пришелъ въ волненіе и пересталъ обращать вниманіе на старичка.

— Послушайте, послушайте, ясновельможный, да послушайте, говорю вамъ! закричалъ Коловратовъ, держа его за рукавъ.—Съ вами хотятъ познакомиться. Графъ Сэгетъ, мой большой пріятель.

Графъ Сэгетъ, блѣдный, бритый старикъ въ огромномъ темно-лиловомъ парикѣ и въ длинномъ скюртукѣ, застегнутомъ до самаго горла, чопорно подаль руку Ромуальду и, осклабивъ ротъ со вставными зубами, проговорилъ:

— Польскій, русскій, французскій—какіе хотите дворяне—всѣ равны между собою; насъ связываетъ одно общее отечество—честь. Если вы чувствуете себя здѣсь нѣсколько чужимъ, забудьте, что вы на чужбинѣ. Какъ молодому человѣку, вамъ будетъ оказано, къ тому же, покровительство въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно не покажется вамъ обиднымъ; напримѣръ, мы могли бы васъ представить красивымъ и милымъ женщинамъ, для которыхъ мы сами слишкомъ стары. Прежде всего, позвольте васъ увести отсюда и показать моей женѣ и дочери.

Онъ взялъ Ромуальда подъ руку, вывелъ его въ коридоръ и вошелъ въ номеръ. Графиня, еще не старая женщина, сидѣла за столикомъ вмѣстѣ со своею дочерью, высокой и миловидной блондинкой, и пила чай изъ дорожнаго фарфороваго несессера. Обѣ дамы вскрикнули „ахъ!“, при видѣ незнакомаго человѣка, но онѣ были одѣты настолько прилично, несмотря на поздній часъ, что въ этомъ восклицаніи, въ сущности, не было особенной надобности. Графъ извинился, что онъ потревожилъ своихъ дамъ, но сослался на ярмарочное время, на то, что теперь смѣшно было бы держаться строгихъ правилъ свѣтской жизни и слѣдовать этикету, и представилъ молодого человѣка. Дамы сейчасъ же обласкали его, напоили чаемъ, разспросили, кто онъ такой, и, когда узнали, что онъ ѣдетъ вводится въ владѣніе огромнымъ имѣніемъ, удвоили свою любезность. Онѣ стали припоминать общихъ знакомыхъ, и оказалось, что у Михольскихъ существуютъ какія-то дальнія, но тѣмъ не менѣе родственныя связи съ графами Сэгетами, которые были сначала французскими выходцами и пріѣхали при Станиславѣ Лещинскомъ въ Польшу, а затѣмъ польскими выходцами, и переселились въ Малороссію при Павлѣ I, принявъ, наконецъ, православіе. Польщенный неожиданнымъ родствомъ, Ромуальдъ сообщилъ, что онъ намѣренъ провести въ Кіевѣ нѣсколько дней, чтобы посмотрѣть на городъ, и попросилъ кстати дать ему письма къ тѣмъ лицамъ, которыхъ Сэгеты считаютъ въ Кіевѣ наиболѣе инте-

ресными, вліятельными и знатными. На это воспользовало полное согласіе графовъ Сэгетовъ, и они обѣщали приготовить Ромуальду рекомендаціи.

Шкатулка графини-дочери была снабжена походными клавирами. Увидавъ ихъ, Ромуальдъ сыгралъ нѣсколько пьесъ и, когда дамы узнали, что онъ поетъ, по ихъ просьбѣ, онъ спѣлъ нѣсколько романсовъ и самъ себѣ аккомпанировалъ. Конечно, клавиорды были плохи, но въ дорогѣ, на постояломъ дворѣ, это было такъ мило! Вавилка принесъ флейту—онъ сыгралъ изъ „Фрейшюца“. Онъ произвелъ прекрасное впечатлѣніе на графскую семью, и его просили завтра пожаловать на завтракъ, а затѣмъ вмѣстѣ идти осматривать ярмарку и быть, вообще, кавалеромъ дамъ, такъ какъ самъ графъ Сэгетъ предполагалъ цѣлый день посвятить осмотру сельско-хозяйственныхъ принадлежностей, какъ-то кость, топоры и пилы, которыя онъ долженъ былъ купить для имѣнія, и, кромѣ того, ему надо промѣнять своихъ лошадей на новыхъ.

Когда Ромуальдъ, простившись съ графами Сэгетами, шелъ по коридору, дверь изъ сосѣдняго номера открылась, и онъ увидѣлъ нѣсколько головокъ въ папильоткахъ и сверкавшіе любопытствомъ темные глаза. Потомъ дверь съ шумомъ затворилась, и послышался сдержанный смѣхъ барышень.

— Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего смѣшного, вопологоса, съ неудовольствіемъ проговорилъ Ромуальдъ, входя къ себѣ.

Въ отвѣтъ на эту фразу, въ тонкую перегородку, отдѣляющую его номеръ отъ сосѣдняго, что-то слабо постучало. Черезъ минуту повторился стукъ въ другомъ мѣстѣ—вверху, внизу, посрединѣ перегородки: ярмарочныя невѣсты, во что бы то ни стало, хотѣли заявить о своемъ присутствіи и ждали, что Ромуальдъ, какъ перепелъ, откликнется на ихъ стукъ. Но Ромуальдъ молчалъ.

VIII.

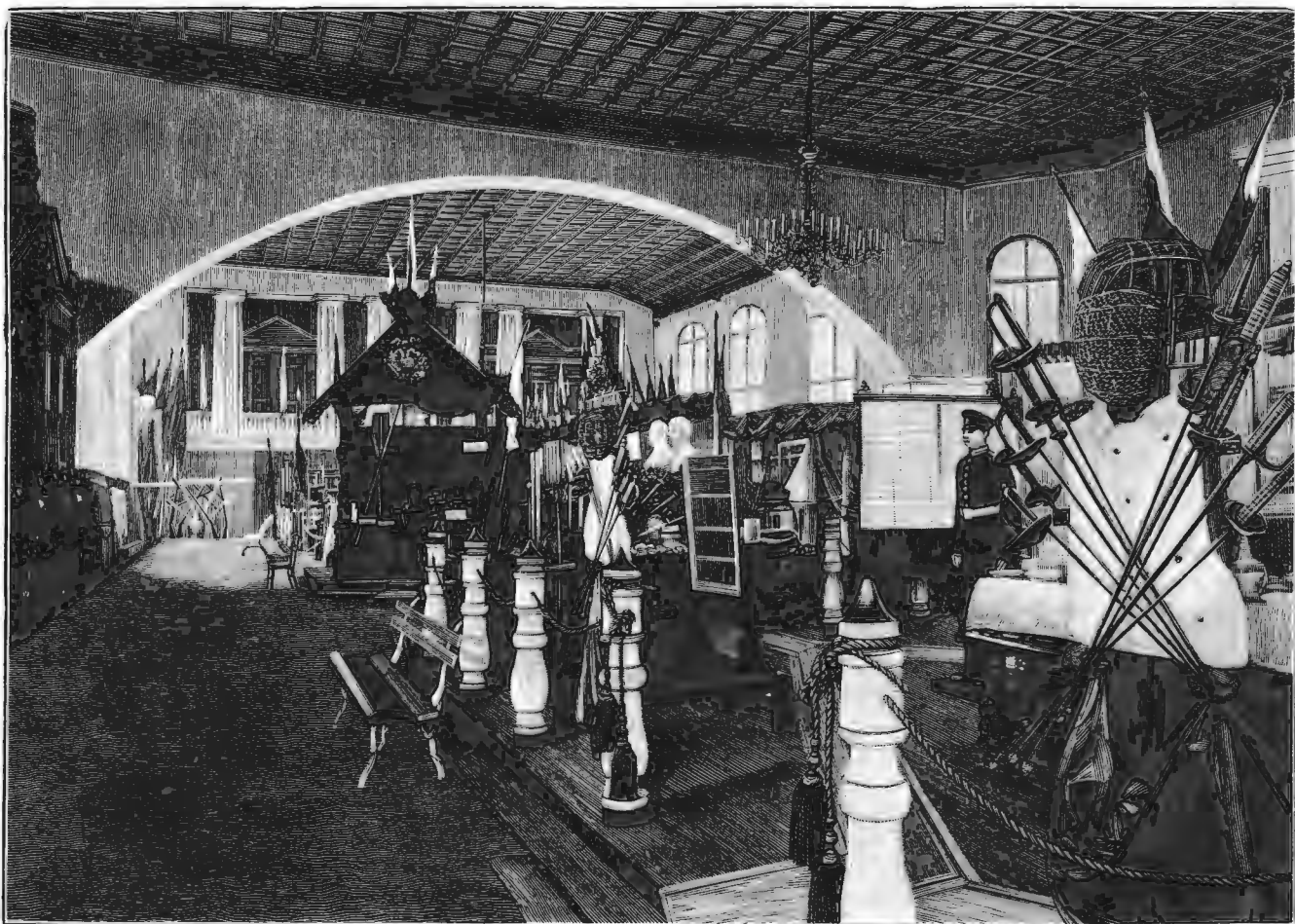
Несмотря на репутацію, которую сразу приобрѣли въ Травинкѣ подозрительныя личности, остановившіяся на постояломъ дворѣ Павлова, они имѣли на ярмаркѣ успѣхъ. Молодые помѣщики знакомились съ ними, привлекаемые ихъ венгерками, черными, закрученными вверхъ усами, таинственнымъ и наивно свирѣпымъ видомъ, любезно-вкрадчивыми манерами. Они ставили деньги, проигрывались и, удовлетворивъ любопытство, уступали мѣсто другимъ. Коловратовъ напрасно старался изо всѣхъ силъ чернить привлекательныхъ незнакомцевъ: ярмарочная молодежь, какъ мотыльки на огонь, летѣла къ шулерамъ и до тѣхъ поръ не успокаивалась, пока не обжигала себѣ крылья. Повидимому, считалось въ порядкѣ вещей пребываніе шулеровъ на ярмаркѣ. Они отнимали у публики деньги, но это была признанная профессія того времени, требовавшая особеннаго рода ловкости, находчивости и наглости. Ромуальдъ хотѣлъ бы наказать шулеровъ, и не столько наказать, сколько ихъ обыграть, надѣясь на свое обыкновенное счастье. Но онъ только объ этомъ мечталъ. Его сдерживало, во-первыхъ, то, что онъ все-таки не зналъ, въ какой степени онъ необыкновенно счастливъ; во-вторыхъ, у него денегъ было не особенно много, только-только „доѣхать до наслѣдства“.

На другой день проснулся молодой человѣкъ, принарядился, подвилъ себѣ волосы, взялъ свѣжій фуляръ, вспырснулъ духами, и отправился въ графскій номеръ. Его ждали; графиня-мать и графиня-дочь были одѣты въ свѣтлыя платья съ пышно вздутыми рукавами и съ гладко зачесанными, спускающимися съ ушей на щеки и опять возвращающимися за уши, волосами.

— Мы сейчасъ спорили съ мамъ, начала дѣвушка,—что вы не скушаете пыленка. Не угодно-ли разрѣшить наши сомнѣнія! Онъ ждетъ васъ вотъ здѣсь на

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения. Рис. 6. Павильоны фонографа Эдисона, В. А. Пармана и СПб. металлического завода. Съ фот. грав. Флюгель.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения. Рис. 7. Отдѣлъ Военнаго Министерства. Съ фот. грав. М. Рашевскій

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения. Рис. 8. Здание финляндскаго отдѣла. Съ фот. грав. Хелмицкій.

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасения Рис. 9. Витрины Русско-Американской резиновой мануфактуры и павильонъ Навязскихъ минеральныхъ водъ. Съ фот. грав. Хелмицкій.

сковородкѣ. Садитесь и кушайте. Не завязать-ли васъ салфеточкой?

Такой любезный и мило-фамиллярный пріемъ тронулъ Ромуальда, и онъ поспѣшилъ отвѣтить молодой дѣвушкѣ благодарно-любезнымъ взглядомъ.

— А я съѣмъ, разумеется, только крылышко, потому что я воздушное созданіе, весело продолжала молодая графиня.—Бѣдный папа, онъ уже часа два какъ уѣхалъ, и теперь, должно-быть, кричитъ и бранится съ цыганами и барышниками. Охота заниматься такимъ грязнымъ дѣломъ, какъ покупка лошадей на ярмаркѣ! Я люблю лошадей, я понимаю удовольствіе кататься верхомъ, но не правда-ли, мама, что папа лучше бы сдѣлалъ, если бы сначала позавтракалъ съ нами?

Болтовня дѣвушки была пріятной приправой къ завтраку, и Ромуальдъ не оставался въ долгу.

— Мы поѣдемъ? спросила старая графиня, обращаясь къ Ромуальду.

— Въ вашемъ экипажѣ! пояснила дѣвушка.

— Да, кажется, мой экипажъ уже въ добромъ здорově. Я вамъ расскажу, что случилось со мной въ дорогѣ, и это будетъ похоже на сказку; но, какъ вамъ угодно, можете вѣрить, можете—нѣтъ. Одно только: я никого не убилъ. И такъ, слушайте.

И онъ рассказывалъ о своемъ путешествіи со сломанной осью черезъ сорокаверстную степь.

— Ахъ, ужасно! сказала старая графиня, не вѣря Ромуальду, но съ сочувствіемъ и переглядываясь съ дочерью, какъ бы въ знакъ того, что ихъ пребываніе на постояломъ дворѣ тоже не совсѣмъ безопасно.

— Нѣтъ, ужъ вы теперь насъ не покидайте, ужъ вы теперь нашъ кавалеръ! Какъ угодно, а пока мы однѣ, вы шагу отъ насъ не смѣйте ступить!

— Вы нашъ, нашъ, нашъ! закричали въ одинъ голосъ обѣ женщины, и Ромуальдъ долженъ былъ поклониться въ знакъ готовности служить дамамъ, какъ подобаешь истинно образованному и хорошо воспитанному свѣтскому молодому человѣку.

Такъ прошелъ завтракъ, послѣ котораго Ромуальдъ позвалъ своего слугу и, узнавъ, что экипажъ его находится въ порядкѣ и ось сварена, велѣлъ заложить лошадей. Нельзя сказать, чтобы тарантасъ Михольскаго былъ блистателенъ, но все же графинямъ не было большого позора прокатиться въ немъ по ярмаркѣ. Усадивъ дамъ, Михольскій сѣлъ на скамейкѣ противъ нихъ, и Трофимъ направилъ экипажъ въ самую ярмарочную толпу, уподобивъ его кораблю, разсѣкающему острымъ носомъ волнующееся море. Ярмарочный день былъ въ полномъ разгарѣ: мадороссійскій народъ толпился по всему пространству огромной площади, застроенной балаганами, длинные ряды которыхъ тянулись, какъ улицы, въ разныя стороны. Голоса шумѣли, сливаясь въ общій гулъ и ревъ, и, чтобы бесѣдовать съ графинями, Ромуальдъ долженъ былъ почти кричать, а отвѣты ихъ угадывать по движенію ихъ губъ. На перекресткахъ нищія, собравшись въ кружокъ, пѣли однообразными голосами былины и сказки, сопровождая пѣніе игрою на цымбалахъ, лирахъ и кобзахъ. Всюду были видны постоянно смѣняющія другъ друга, смѣющіяся чернобровыя лица хохловъ и хохлушекъ вне-ремежку съ евреями и еврейками. Кушцы выхваливали свой товаръ и громко кричали изъ балагановъ. Звенѣли косы, ударяемыя о наковальню мужиками разъ по полтораста, потому что прежде чѣмъ купить косу, покупатель желалъ наладиться ея звономъ. Въ воздухѣ носился запахъ пригорѣлаго масла, и отчаянно визгливымъ голосомъ изъ-подъ грязныхъ тряпокъ, напаянныхъ на старыя жерди, съ полинялой выѣской, кричалъ фокусникъ, изображая Петрушку. Общій гулъ всѣхъ этихъ криковъ сдобривался еще густою струею непрерывно рокочущаго ярмарочнаго барабана, по временамъ прерываемаго пронзительнымъ свистомъ.

Ромуальдъ останавливалъ экипажъ передъ тѣми балаганами, которые обращали на себя вниманіе его дамъ. Онѣ выходили, торговали товаръ, покупали и отсылали его въ экипажъ. Ромуальдъ не позволялъ платить дамамъ, но вскорѣ онъ замѣтилъ, что кошелекъ его топчется гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было предполагать. Молодая графиня купила себѣ шаль, тарлатану на платье, набрала сережекъ и колечекъ для подарковъ прислугѣ, и ей очень хотѣлось приобрести музыкальный ящикъ. Мать многозначительно посмотрѣла на Ромуальда. Ромуальдъ, справившись о цѣнѣ ящика, выразительно промолчалъ. Былъ моментъ, когда дамы и ихъ кавалеръ почувствовали себя не въ духѣ, но моментъ этотъ скоро прошелъ. Чудесная погода способствовала тому, чтобы всѣ мелкія огорченія забывались возможно скорѣе, и, поспѣвивъ (чтобы сдѣлать честь ярмаркѣ) балаганъ фокусника, графиня Сэгетъ вмѣстѣ съ Ромуальдомъ уѣхали домой.

— Съ вами сочтется мужъ, объявила графиня молодому человѣку.—Какъ жаль, что мы не взяли съ собою денегъ, Людмила! обратилась она къ дочери.—У тебя былъ бы теперь музыкальный ящикъ.

— Можно вернуться, предложилъ Ромуальдъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Къ тому же, это баловство, можно отлично обойтись безъ музыкальнаго ящика. У меня такихъ музыкальныхъ ящиковъ полный чуланъ. Мы еще хотѣли купить книгъ, но не пришло въ голову. Все я виновата—занялась пустяками. Такъ вы съ нами обѣдаете, Ромуальдъ Петровичъ?

Онъ поклонился.

— Пожалуйста, я такъ привыкла къ вамъ, какъ къ родному, за эти часы! вскричала графиня-мать.—Я не знаю, что меня влечетъ къ вамъ. Право, если-бъ мой покойный сынъ былъ живъ, вѣроятно, я чувствовала бы къ нему то же самое, что къ вамъ, совсѣмъ любезно сказала она.—Нѣтъ, вы не уѣзжайте раньше насъ изъ Травинки; мы ужъ вмѣстѣ выѣдемъ, а то мы здѣсь умремъ отъ скуки и отъ страха. Ахъ, Пьеръ, Пьеръ, что онъ не возвращается!

IX.

Покинувъ на короткое время дамъ, Ромуальдъ зашелъ въ общую залу. Къ его удивленію, въ залѣ за столомъ сидѣлъ съ шулерами старичокъ Коловратовъ и игралъ. Какой-то помѣщикъ въ зеленомъ сюртукѣ съ огромнымъ воротникомъ въ видѣ хомута подошелъ къ столу и поставилъ нѣсколько рублей. Сначала онъ выигралъ, а потомъ быстро сталъ проигрывать и забастовалъ, отдавъ въ полчаса двѣсти рублей. Старичокъ, скрѣпя сердце, вынулъ изъ кармана деньги, выигранныя вчера у Ромуальда, и тоже отдалъ шулерамъ.

Графъ Сэгетъ прикатилъ на четверкѣ лошадей и, когда онъ вошелъ къ своимъ дамамъ, Ромуальдъ, бывшій въ номерѣ у графини, увидѣлъ почтеннаго графа безъ парика и едва держащимся на ногахъ. Сюртукъ его былъ облитъ виномъ, графъ бормоталъ:

— Милые, сердечные люди эти цыгане, а цыганки—ахъ, какія цыганки! какіе глаза! не глаза—звѣзды! Ахъ, какія цыганки! Цыганки, пойдите ко мнѣ, сюда цыганки!

Онъ улыбался во весь ротъ и, уставившись тусклыми, смѣющимися глазами въ уголь, манилъ къ себѣ воображаемыхъ красавицъ.

Ромуальду выпала роль няньки графа: онъ долженъ былъ его вывести изъ номера, привести къ себѣ, положить у себя на постель, успокоить, дожидаться, пока онъ заснетъ, и только тогда возвратиться къ дамамъ съ извѣщеніемъ, что все обстоитъ благополучно. Обѣ графини благодарили молодого человѣка, пожимали ему—старая графиня лѣвую руку, молодая—правую, и, наконецъ, сѣли съ нимъ обѣдать.

— Эти ярмарки! Эти цыгане! стала жаловаться графиня.—Вѣчно такъ, всю жизнь! Людмила, прости меня, что я вышла замужъ за твоего отца! Если бъ я вышла за другого, мы до сихъ поръ жили бы счастливо и въ довольствѣ. Да, Ромуальдъ Петровичъ, у насъ давнымъ-давно все заложено, и я не знаю, какъ еще мы существуемъ, какъ еще мы можемъ ѣздить, покупать лошадей четверками и бросать деньги какимъ-то цыганкамъ! Да, Ромуальдъ Петровичъ! Да, дѣти мои! съ чувствомъ заключила она сквозь слезы, взглянувъ на молодыхъ людей, — трудно быть матерью!

Она приложила къ глазамъ платокъ и нѣкоторое время плакала, или дѣлала видъ, что плачетъ. А пока глаза у мамани были закрыты, дочь посмотрѣла на Ромуальда, сконфузилась, покраснѣла и поторопилась опустить рѣсницы. Но этого было достаточно: Ромуальдъ сдѣлалъ движеніе къ молодой дѣвушкѣ и, пользуясь тѣмъ, что старая графиня ничего не видитъ, схватилъ руку ея дочери, притянулъ къ себѣ и напечатлѣлъ на пальчикахъ съ розовыми ноготками беззвучный нѣжный поцѣлуй. Старая графиня отняла въ это самое время платокъ отъ глазъ.

— Ахъ! сказала она съ грустной и пріятной улыбкой. — Вы ужъ чувствуете Бога въ сердцѣ, мои дѣти? Счастливые годы! счастливая пора! И я когда-то была молода, и мнѣ когда-то было пріятно искать и находить того, кому на всю жизнь я должна была отдать свою душу!

Она томнымъ взглядомъ заключила эту патетическую рѣчь и стала обращаться съ молодымъ человѣкомъ съ такой внезапной короткостью, что внушила ему безпокойство.

— Мнѣ кажется, что вы могли бы, начала она, — прежде чѣмъ вернетесь въ свое польское имѣніе, захватить къ намъ въ Стрижовку и погостить недѣлку-другую. Какъ бы это было хорошо! Сколько бы вы внесли радости и счастья въ нашу мрачную, унылую деревенскую жизнь! Я понимаю, что приглашать такого молодого человѣка, къ которому не лежитъ сердце и который не нашего круга, было бы неблагоуразумно. Но, простите меня, я васъ считаю своимъ, и вы знаете почему. Вы нашъ, я это говорю теперь съ убѣжденіемъ.

Она протянула руку и съ материнской нѣжностью провела ею по волосамъ Ромуальда.

— Какіе у васъ мягкіе каштановые волосы! Людмила, тебѣ нравится каштановый цвѣтъ волосъ? А не правда-ли, какъ благороденъ его профиль? А, скажите, Ромуальдъ Петровичъ, встрѣчали вы дѣвушекъ красивѣе Людмилы? Вѣдь, не встрѣчали? Нѣтъ, вы непременно должны пріѣхать къ намъ! Мы васъ возьмемъ въ руки! Право, не шутя, вы бы уѣхали изъ Стрижовки... можетъ-быть, даже не одинъ! совсѣмъ загадочно сказала графиня, и, обнявъ дочь, стала шептать что-то на ухо, отчего молодая дѣвушка зардѣлась и, стрѣльнувъ глазами въ Ромуальда, засмѣялась.

У Ромуальда отъ этого взгляда задрожало сердце, но въ то же время онъ подумалъ, что все время ведетъ себя глупо и что, если онъ не завелъ знакомства съ тѣми барышнями, которыя стучали къ нему въ перегородку вчера вечеромъ, зато онъ завелъ другое знакомство—съ барышней, которая стучитъ ему прямо въ сердце, и что это, пожалуй, опаснѣе. Но сообразивъ, что въ концѣ концовъ онъ ничего не потеряетъ, если нѣкоторое время будетъ ухаживать за Людмилой, Ромуальдъ не сталъ разочаровывать дамъ и не переимѣнилъ своего пылкаго обращенія на холодное. Не дѣлая предложенія, онъ, однако, уже вошелъ въ роль жениха и далъ слово непременно вернуться изъ Польши и пріѣхать прямо въ Стрижовку. Бѣхать же теперь въ Стрижовку онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ, потому что дѣла его такого рода, что требуютъ обязательнаго его присутствія на мѣстѣ.

Весь вечеръ провелъ опять Ромуальдъ у обѣихъ графинь, пѣлъ, какъ и вчера, романсы и игралъ на клавинодахъ, а совсѣмъ поздно, облеченный довѣріемъ старой графини, взявъ подъ руку Людмилу, вышелъ съ нею въ палисадникъ, находившійся во дворѣ трактира, и цѣлые полчаса смотрѣлъ съ дѣвушкой на звѣзды, прижимая ея руку къ своему сердцу и чувствуя, что она то же дѣлаетъ съ его рукой. Графиня изъ окна слѣдила за своими дѣтьми и, наконецъ, позвала Людмилу спать.

Ромуальду пришлось эту ночь провести вмѣстѣ съ Сэгетомъ. Проснувшись утромъ, Сэгетъ объявилъ, что у него пропали деньги, что онъ не можетъ показаться на глаза графинѣ, и сталъ со слезами на глазахъ умолять молодого человѣка выручить его изъ затруднительнаго положенія. Скрѣпя сердце, далъ Ромуальдъ несчастному графу пятьдесятъ рублей и, опасаясь, что дальнѣйшее пребываніе его въ Травинкѣ гибельно кончится для него самого, приказалъ Трофиму запрягать лошадей.

Но въ этотъ и въ слѣдующій день дамы не пустили Ромуальда, и онъ долженъ былъ еще быть ихъ кавалеромъ на ярмаркѣ, завтракать и обѣдать съ ними, заниматься съ Людмилой музыкальными и вокальными упражненіями и, въ заключеніе, нѣсколько разъ поцѣловаться съ нею за спиною у матери.

Но когда у него осталось въ карманѣ всего три золотые, онъ обнаружилъ такую энергію, что удерживать его дольше въ Травинкѣ уже было нельзя. Съ нимъ нѣжно простились, взяли еще разъ съ него слово, что онъ непременно пріѣдетъ въ Стрижовку, дали ему нѣсколько писемъ въ Кіевъ, и онъ уѣхалъ рано утромъ, оставшись долженъ Павлову за номеръ и подписавъ счетъ, который обязана была погасить Антонина Антоновна. Кромѣ того, Павловъ ссудилъ его небольшими деньгами и любезно взялъ съ него тройную расписку.

(Продолженіе будетъ).

Льеретта.

Повѣсть Жюна, (Переводъ съ французскаго).

— Позвольте, господишъ, вамъ слѣдуетъ въ третій классъ...
— Да, вѣдь, я вамъ сказалъ, что у меня взять билетъ на собаку...

— Все равно! Есть распоряженье...

— Мнѣ некогда сдавать собаку... вы видите, что поѣздъ сейчасъ трогается.

Съ этими словами графъ де-Трэнъ взялъ за ошейникъ своего большого пса шоколаднаго цвѣта и, подиравъ, толкнувъ его въ купѣ вагона, а загнѣвъ вошелъ туда и самъ. Кондукторъ не сказалъ болѣе ни слова и лишь пожалъ плечами.

— Ахъ, ты, мой славный старый Бобешъ, сказалъ де-Трэнъ своей собакѣ, которая, устроившись напротивъ, смотрѣла на него своими добрыми желтыми глазами, полными нѣжности и довѣрія. — Я бы совсѣмъ не уѣхалъ, если бы намъ пришлось съ тобой разлучиться... И это не было бы большой жертвой съ моей стороны, продолжалъ графъ, набросивъ себѣ пледъ на

колѣни.—Теперь я нехотю уже трогаюсь съ мѣста... Состарилсъ мы съ тобой, Бобешъ, рѣшительно состарилсъ!

Тутъ графъ вытянулъ свои ноги и какъ бы приговорился уснуть; между тѣмъ глаза его были открыты, онъ смотрѣлъ въ окно вагона, и передъ его глазами мелькали деревья, поля...

— Да, вогъ, если взять хоть настоящую мою поѣздку... Развѣ я могу сказать, чтобы меня особенно тянуло въ Виль-Рошъ? Да вовсе нѣтъ: я ѣду туда только потому, что это неизбѣжно. Раньше я ежегодно проводилъ около мѣсяца въ Виль-Рошъ, но вотъ уже пять лѣтъ, какъ меня тамъ не было... На этотъ разъ я не могъ придумать уже никакой отговорки! Поль и его жена рѣшительно ничего не хотѣли и слышать; да и я люблю этихъ добряковъ... Это—одинъ изъ самыхъ хорошихъ моихъ знакомыхъ... Да, наконецъ, герцогиня предложила мнѣ встрѣтиться въ Виль-Рошѣ въ самомъ непродолжительномъ времени... не ливиться по ея просьбѣ—это значило бы

подготовить полный разрыв... а съ ней справиться не легко. Къ тому же, я знаю отлично, что она меня обожаетъ, а, вѣдь, очень лестно быть предметомъ ея обожанія! Кстати, кого тамъ можно будетъ встрѣтить? Ужь, конечно, супруговъ Гранирэ, прекраснаго Жералдъ, госножу де-Бриэзъ, супруговъ Норваль... старую маркизу Виль-Рошъ и маленькую Пьеретту... маркиза каждое лѣто гоститъ у своего племянника, чтобы дать Пьереттѣ возможность подышать свѣжимъ воздухомъ... Затѣмъ миссъ Поля, гувернантку Пьеретты... Ахъ, Пьеретта, что это за нѣжный и притомъ смѣшной ребенокъ! Кого же еще? Герцогиню... и, къ несчастью, герцога! Герцогъ меня тоже любитъ. Да что же, я тамъ, вѣдь, проживу не долго! Мнѣ влѣзть всего только одну лошадь... какія-нибудь три охоты... вотъ и все... а затѣмъ герцогиня вернется въ Парижъ, или же рискуетъ лишиться моихъ вѣрныхъ услугъ! Неправда-ли, мой старый Бобешъ?

Затѣмъ, когда де-Трэнъ пересѣлъ въ карету, ожидавшую его у вокзала, и смотрѣлъ на пыльную дорогу, на угрюмый поля, ему стало досадно и грустно, что онъ рѣшился покинуть Парижъ въ ливарѣ мѣсяцѣ. Кругомъ полное заустѣе... не видно ни телѣжекъ, ни крестьянъ. Такъ и доѣхалъ бы де-Трэнъ до самаго замка, не встрѣтивъ ни одной живой души. Но вдругъ топотъ лошади вывелъ его изъ оцѣнѣннн... Де-Трэнъ нагнулся и увидѣлъ недалеко отъ себя стройную и гибкую женщину на чистокровномъ, нѣсколько поджаромъ, рыжемъ конѣ. На амазонкѣ было длинное пальто несочнаго цвѣта, плотно прилегавшее къ ея тѣлу. Изъ-подъ высокой шляпы спускались волосы густыми свѣтлыми прядями. Амазонка и ея лошадь были приблизительно одного и того же цвѣта, такъ что онѣ издали сливались въ одно сѣрое пятно. Она мчалась во весь духъ; за нею слѣдовалъ громъ въ голубой ливрѣ и высокихъ сапогахъ.

Поровнявшись съ каретой, амазонка замѣтила графа и разсмѣялась свѣжимъ громкимъ смѣхомъ...

„Вотъ какъ!“ подумалъ графъ, „это, должно-быть, новая со-сѣдка моихъ знакомыхъ... я, по крайней мѣрѣ, не знавалъ ни одной такой женщины въ этой убійственной мѣстности! Она восхиительна... и какъ молода! Но чего ей было смѣяться мнѣ подъ самый носъ? Можетъ-быть, у меня былъ очень ужъ глухой видъ, когда я смотрѣлъ на нее... Она, конечно, охотится, и мы съ ней еще свидимся -- я узнаю отъ нея, почему она разсмѣялась. Ну, вотъ, мы и прѣехали... Вонъ и самъ Поль на крыльцѣ“.

Маркизъ вышелъ навстрѣчу своему другу

Де-Трэнъ не ошибся: онъ засталъ въ Виль-Рошѣ всѣхъ тѣхъ гостей, которыхъ мысленно перечислялъ по дорогѣ сюда...

И когда онъ въ семь съ половиною часовъ вступилъ въ гостиницу, онъ увидѣлъ герцогиню въ какомъ-то изумительномъ туалетѣ и госпожу де-Бриэзъ, всю окутанную въ блѣдно-голубой тюль. На госножѣ Норваль было платье, смитое по модѣ завтрашняго дня. Гранирэ чувствовала себя не совсемъ, должно-быть, свободною въ своемъ черномъ бархатномъ платьѣ, вышитомъ серебромъ; среди этихъ же разряженныхъ дамъ находилась и амазонка, смѣнившая свой нарядъ на простую бѣлую блузу изъ легкаго шелка. Де-Трэнъ прошелъ въ гостиницу и раскланялся прежде всего передъ вдозой Виль-Рошъ, которая дружески протянула ему руку.

— Вашъ прѣздъ доставилъ мнѣ истинное удовольствіе, дорогой Жакъ, сказала вдова, — и, если хотите знать правду, я не рассчитывала на него.

Всѣ гости тотчасъ же окружили де-Трэна.

— Какъ видите, въ Виль-Рошѣ все осталось по-старому, продохала вдова, — вы снова попали въ среду своихъ прежнихъ друзей... всѣ они въ наличности...

— Но, сказалъ графъ, оглядываясь кругомъ, — но... я не вижу...

— Кого?

— Пьеретты...

— Какъ вы не видите Пьеретты... ее мудрено не замѣтить! вскричала вдова со смѣхомъ.

— Это, это — Пьеретта!

Амазонка сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Да же, да, это — Пьеретта.

Графъ стоялъ неподвижно, пораженный тѣмъ, что передъ нимъ стоитъ молодая красивая дѣвушка, которую еще такъ недавно онъ видѣлъ дѣвочкой.

Послѣ обѣда де-Трэнъ подошелъ къ Пьереттѣ. Они заговорили, и она стала называть его въ разговорѣ „monsieur“.

— Monsieur? Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ кажется страннымъ, что вы называете меня такъ.

— А какъ же вы хотите, чтобы я васъ называла?

— Раньше вы называли меня просто Жакомъ...

— Да, но это было раньше, когда я была двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, а теперь мнѣ восемнадцать лѣтъ, да, наконецъ, противъ этого возстала бы вся семья и начала твердить о моей неблаговоспитанности, и, если хотите, на этотъ разъ она была бы права... вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, нужно быть справедливымъ...

— Ну, будемъ справедливы и придумаемъ какой-нибудь исходъ...

— Исходъ, вы говорите? Какой исходъ? Не могу же я васъ называть „мой старичокъ“, какъ называю я дядю Поля!

— Конечно, вѣтъ. Но вы меня прямо огорчаете своимъ официальнымъ обращеніемъ. Я такъ счастливъ, что снова вижу васъ... Ну, а вы рады, что видите меня?

— Ну да, молодымъ дѣвушкамъ, вы, вѣроятно, знаете, нравятся всякія неожиданности.

— Это очень мило съ вашей стороны. Ну, а помните-ли вы, какъ мы играли съ вами въ шары, какъ мы сидѣли съ вами на скамейкѣ — я впереди правилъ лошадью, а вы сзади меня съ трубой?

— Да, я, вообще, помню, что вы были очень добры ко мнѣ, сказала Пьеретта, со смѣхомъ, — и что я злоупотребляла вашей добротой.

— Нисколько! Что вы... Вѣдь, вы меня тогда любили немного, не правда-ли?

— Конечно...

— И когда я говорилъ вамъ, отвѣчая на ваши увѣренія въ дружбѣ... сознайтесь, вы, вѣдь, увѣрили меня въ дружбѣ?

— Вѣроятно, надо же было уговорить васъ играть со мной въ шары...

— Ну, вотъ, видите... Я не вѣрилъ постоянству вашихъ чувствъ и возражалъ такъ: „вы вотъ теперь любите меня, Пьеретта, а когда вырастаете, то и забудете“. И знаете, что вы мнѣ отвѣчали на это? Хотите, я вамъ повторю, что вы мнѣ отвѣтили?

— Повторите.

— Вы мнѣ сказали: „напротивъ, Жакъ, я васъ буду любить еще больше, потому что я буду старше“. Какъ это вамъ нравится? А, вы молчите!

— Что же вы мнѣ прикажете дѣлать? — не восхищаться же собственными словами!

— И, продолжалъ де-Трэнъ, взявъ дѣвчонку за обѣ руки, — вы были тогда такая ласковая, веселая, добрая... ахъ, какъ мнѣ было тяжело разставаться съ вами...

Гутъ Пьеретта вдругъ выдернула свои руки и ушла, захвативъ чашку, которая стояла на столѣ.

— Знаете, я не люблю такихъ сценъ! сказала она.

„Да, изъ пѣкогда любящей и нѣжной дѣвочки“, подумалъ де-Трэнъ, „сформировалась молодая дѣвушка, неблаговоспитанная и сухая, но чертовски красивая... „Нужно быть справедливымъ“, какъ она только-что выразилась, — невозможно встрѣтить дѣвчонку, болѣе очаровательную“.

Въ теченіе семи дней, которые прошли со времени прѣзда Жака въ Виль-Рошъ, онъ не разъ являлся жертвой колкостей и придиорокъ Пьеретты.

Пьеретту очень баловала тетя Мпинелли, которая была въ то же время ея крестной матерью: вдова, строгая только на видъ, просто обожала дѣвчонку, и Пьеретта дѣлала, что хотѣла, — не удивительно поэтому, если изъ нея выработалась, какъ выразился графъ, неблаговоспитанная дѣвица.

Совершенно незнакома съ жизнью и неопытная еще, Пьеретта высказывалась обо всемъ такъ, что вызывала рѣзкое сужденіе. Еще до прѣзда Жака она „проноухала“, что герцогиня очень интересуется имъ. Затѣмъ, эти ея подозрѣнія наши себя тысячу подтвержденій въ разныхъ фразахъ, брошенныхъ герцогиней случайно. И когда, наконецъ, въ ней явилась полная увѣренность въ этомъ, Пьеретта всецѣло занялась герцогиней и графомъ, то стараясь помѣшать ихъ tête-à-tête'у, то подсмѣиваясь надъ ними, всюду за ними слѣди и подсматривая. И всякій разъ, какъ она заставала ихъ однихъ въ саду, она насмѣшливо сиривалась, можно-ли ей погулять съ ними, или, находя ихъ въ библиотекѣ, она извинялась, что беспокоитъ ихъ, но что ей необходимо достать книжку для бабушки. Все это привело къ тому, что внезапное появленіе маленькаго шпіона крайне смущало Жака: онъ краснѣлъ и путался, какъ ребенокъ, котораго поймали на какой-нибудь шалости, а это очень забавляло и изумляло Пьеретту.

Въ одинъ прекрасный день Пьеретта тихо вошла въ оранжерею, гдѣ герцогиня дѣлала сцену Жаку. Жакъ слабо зашпищался. Пьеретта остановилась на минуту и, разразившись громкимъ смѣхомъ, сказала своимъ приятнымъ голосомъ:

— Я вамъ не помѣшаю, госнода, — я забѣжала на минуточку за двумя гарденіями...

Раздраженная герцогиня сердито вышла изъ оранжереи; де-Трэнъ не рѣшился слѣдовать за нею,

— Ну-съ, сказала насмѣшливо Пьеретта, будто бы разсматривая со вниманіемъ гарденіи, — вамъ опять досталось?

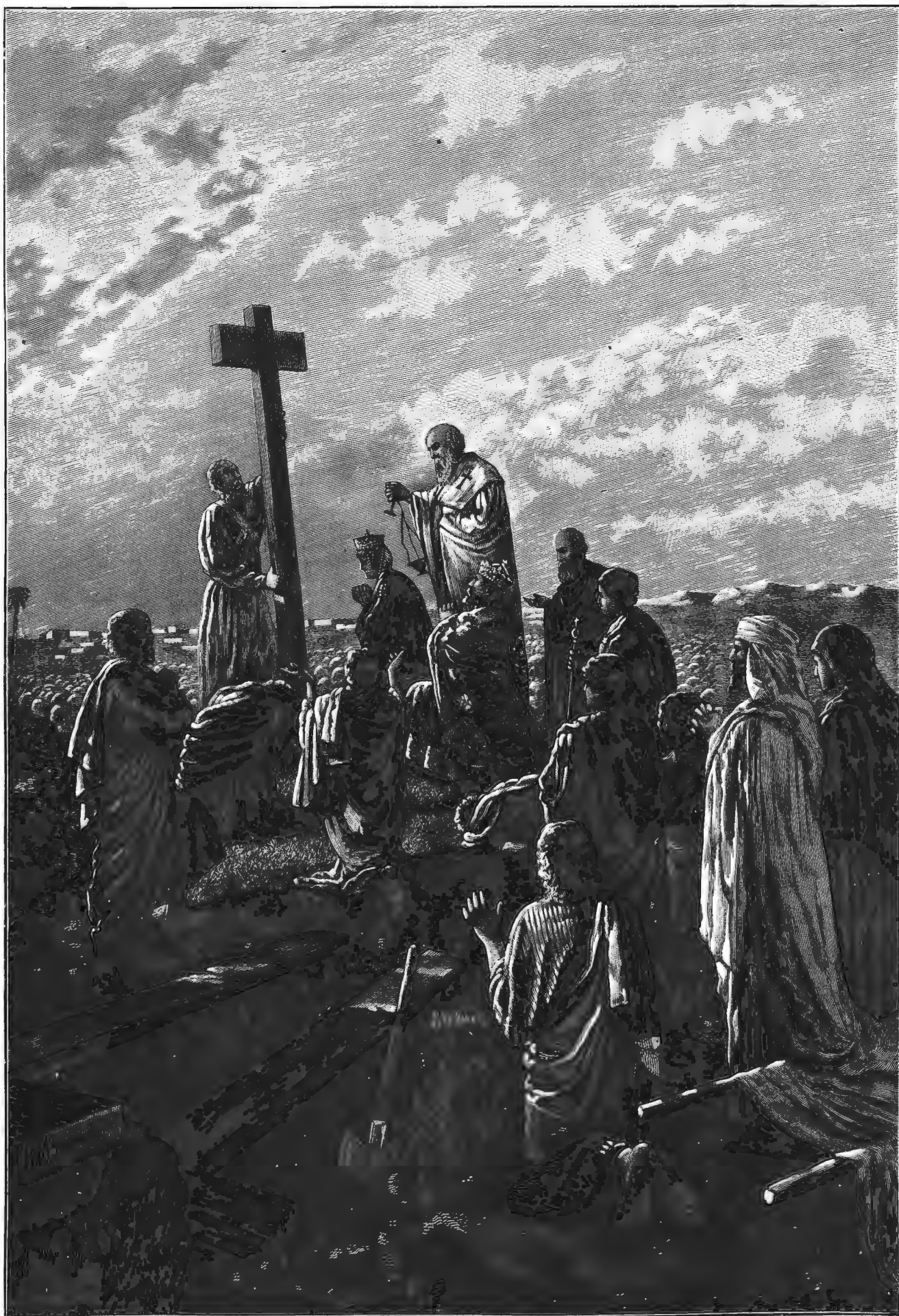
— Но... началъ было де-Трэнъ.

— О, я знаю, что это меня не касается, но мнѣ все-таки васъ жаль, потому что это, безъ сомнѣнія, не особенно-то весело.

— Вотъ какъ, сказалъ де-Трэнъ съ неудовольствіемъ. — Я не знаю, что вы предполагаете... Но я не могу допустить...

— Чтобы подозрѣвали госножу де-Буйонъ? Будьте покойны, я ее слишкомъ уважаю, прежде всего въ виду ея возраста, а затѣмъ также и за то... то высокое чувство, которое она питаетъ къ вамъ.

— Ко мнѣ? спросилъ де-Трэнъ, стараясь казаться изумленнымъ.

Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Матвѣева, грав. Хелмидцій.

— Пожалуйста, не прикидывайтесь пзумтеными!.. Она васъ обожаетъ... И черезъ минуту прибавила, смѣясь: — Она васъ обожаетъ, но за то ужъ и очень мучить...

— Меня „мучить“ больше всего то обстоятельство, что я нахожусь вѣдь одной кровлей и до пѣкоторой степени въ качествѣ гостя у дерзкой, неблаговоспитанной и негостеприимной маленькой хозяйки... которой я не могу сказать, какъ бы мнѣ ни хотѣлось, своего мнѣнія объ ея обращеніи и характерѣ...

Замѣтивъ, что Пьеретта покраснѣла отъ этихъ словъ и гордо подняла свою голову, де-Трэнъ продолжалъ:

— И если бы ваша бабушка знала, что вы...

Молодая дѣвушка рѣзко перебила его:

— Вы говорите о бабушкѣ, прелестно. Да, она была бы, конечно, въ восторгѣ, узнавъ, что вы избрали домъ моего дяди мѣстомъ для своихъ...

Она осталовилась, затрудняясь выразить свою мысль.

— Mademoiselle! проговорилъ Жакъ, раскрасившись не менѣе Пьеретты. — Я васъ увѣрю, что уваженіе къ дому вашего дядюшки настолько велико во мнѣ, что я не позволю себѣ ничего лишняго...

— Ничего лишняго? Но я, вѣдь, васъ видѣла...

— Ви меня видѣли? Что же я дѣлала? спросилъ де-Трэнъ, совершенно увѣренный въ томъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ своими хозяевами.

— Я видѣла, какъ вы цѣловались съ госпожей де-Буйонъ въ коридорѣ! вскричала она, съ такимъ пенетровствомъ сорвавъ гарденію, что весь стволъ цвѣтка зашатался.

— Ну, такъ что-жъ тутъ за важность, сказалъ де-Трэнъ, нѣсколько успокоенный.

— Что же вы могли сдѣлать больше этого? возразила она съ негодованіемъ, больше, чѣмъ съ негодованіемъ.

Пораженный графъ взглянулъ на Пьеретту: нахмурилъ брови, надувъ свои губки, она рвала цвѣты.

И глядя на нее, онъ разсмѣялся, а Пьеретта, сердито бросивъ маленькую корзину съ гарденіями и золотыя ножницы, убралась.

Прошелъ мѣсяць, а де-Трэнъ все еще жилъ въ Вилль-Рожъ. Онъ выискалъ даже вторую лошадь и участвовалъ въ каждой охотѣ.

Наконецъ, герцогиня начала поговаривать о Парижѣ. Она случала. Жакъ казался ей угрюмымъ, завѣтымъ, разсѣяннымъ, и она надѣялась, что съ возвращеніемъ въ Парижъ къ нему вернется обычное настроеніе духа. Пьеретта съ каждымъ днемъ становилась все свѣжѣе и кричаче; время она проводила днемъ — на конѣ, а вечеромъ — въ танцахъ. Пьеретта позволила ухаживать за собой всѣмъ охотникамъ, и особенное расположеніе проявляла къ Жералю де-Шампире, который, повичокъ въ ухаживаніи за барышнями, отдался этому дѣлу всей душой и не помышлялъ даже объ отъѣздѣ.

— Странно, говорила иногда вдова, смотря на Пьеретту, — вы вотъ восхищаетесь общимъ видомъ и настроеніемъ Пьеретты, ну, а я совсѣмъ иначе смотрю на это... въ ней что-то такое происходитъ.

— Видите-ли, тетя, отвѣчалъ де-Монтрѣ, — наилучшимъ подтвержденіемъ моихъ словъ служатъ ея розовыя щеки, беззаботный смѣхъ...

— Вотъ это именно и смущаетъ меня: щеки ея слишкомъ ярко горятъ, и смѣхъ ея слишкомъ рѣзокъ... во всемъ этомъ есть что-то неестественное. Не правда-ли, Жакъ? Какое она производитъ на васъ впечатлѣніе? Вы, вѣдь, проводите съ ней цѣлые дни, и она, кажется, съ вами не стѣбляется?

— На мой взглядъ, Пьеретта производитъ прекрасное впечатлѣніе; кажется, она чудесно себя чувствуетъ и хорошеетъ съ каждымъ днемъ, отвѣтилъ де-Трэнъ, нѣсколько смущенный вопросомъ графини.

Собственно говоря, де-Трэнъ не могъ дать вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи молодой дѣвушки, такъ какъ Пьеретта, послѣ сцены въ оранжерей, не сказала съ нимъ ни одного слова, и необыкновенно некусо встрѣчалась съ нимъ, такъ что никто этого и не подозрѣвалъ.

Наконецъ, герцогъ и герцогиня объявили, что уѣзжаютъ, и предложили Жаку ѣхать съ ними; нанлось мѣсто и Бобешу, съ которымъ никогда не разставался де-Трэнъ.

Вся компанія рѣшила поохотиться въ послѣдній разъ, несмотря на холодъ; но въ самый послѣдній моментъ, когда всѣ были готовы, и оставалось лишь сѣсть на лошадей, де-Буйонъ отказалась ѣхать на охоту, боясь простудиться. Жакъ былъ очень недоволенъ этимъ обстоятельствомъ; но дорогѣ въ назначенное мѣсто для охоты, Жакъ замѣтилъ, что Пьеретта очутилась рядомъ съ нимъ.

— Вотъ какъ, заговорилъ онъ, — вы сегодня рѣшились ѣхать со мной рядомъ — благодарю за честь. Прекраснаго Жерала вѣдь, вѣроятно, съ нами?

У Пьеретты поднялись брови, и она удивленно посмотрѣла на Жака, словно только-что увидѣвъ его.

— Вотъ какъ, вы здѣсь? Я готова была держать какое угодно пари, что вы также не пойдете на охоту.

— Отчего же мнѣ бы и не ѣхать на охоту, позвольте васъ спросить?

— Не знаю, право, ну, васъ могъ испугать холодъ, на-примѣръ.

Такой отвѣтъ разсердилъ Жака; онъ сказалъ:

— Остроуміе вашихъ намековъ даетъ мнѣ право заключить, что васъ обидѣли мои слова, относившіяся къ другу Жералю.

— Обидѣли? О, нисколько! де-Шампире, правда, ухаживаетъ за мной... это ясно для меня такъ же, какъ и для всякаго другого, такъ какъ это ухаживанье происходитъ на глазахъ у всѣхъ, и семья моя не имѣла бы ничего противъ этой отличной для меня партіи.

— Ахъ, вотъ какъ, проговорилъ Жакъ, пожавъ плечами, — вы находите, что это была бы отличная для васъ партія?

— Позвольте, я ничего не говорила вамъ о своемъ мнѣніи. Я передала только взглядъ семьи... Затѣмъ, развѣ это вамъ не все равно, прибавила она, устремивъ прямо на Жака свои глаза, — вѣдь, вы не намѣрены жениться на мнѣ, не правда-ли? Этотъ вопросъ крайне смутилъ и пораилъ Жака, и онъ началъ смѣяться, чтобы только скрыть свое смущеніе.

— Къ несчастью, мнѣ 38 лѣтъ, а вамъ... 17! Известно, что молодые дѣвушки не любятъ старыхъ мужчинъ.

— Почему? спросила Пьеретта съ какой-то яростью. — Мужчины-же любятъ старыхъ женщинъ!

— Старыхъ женщинъ! повторилъ Жакъ безсознательно.

— Да, даже такихъ, какъ госпожа де-Буйонъ, на-примѣръ. И она начала съ плохо скрытою досадою перечислять недостатки герцогини.

— Вы скажете мнѣ, быть-можетъ, что она прекрасно сохранилась... Но достаточно бросить на нее одинъ лишь взглядъ, чтобы разубѣдиться въ этомъ. Желта она, какъ брюква, а зубы?... они всѣ некротились, подгнилены, подпилены... половинки ихъ уже пѣтъ совсѣмъ. Когда она смѣется, зубы ея напоминаютъ зубцы старыхъ граблей. А ея округленныя формы? Онѣ часто сжимаются, какъ резиновый мячъ... Это просто возмутительно!

— Однако, сказалъ Жакъ съ трудомъ, — перемѣните нашъ разговоръ, поговоримте лучше о Шампире.

— Что же! Поговоримъ о немъ. Въ чемъ же вы можете упрекнуть его?

— Да ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ! Онъ краеніе, богатъ, изященъ... Всѣ мужчины стараются подражать ему, а всѣ женщины имъ восхищаются! И вотъ, когда, наконецъ, онъ сдѣлается мужемъ такой очаровательной личности, какъ вы, у него не будетъ никакого основанія жаловаться на свою судьбу.

— Пожалуйста, мнѣ не нужны ваши комплименты. Я знаю, что я не очаровательна, — я только свѣжа и молода.

де-Трэнъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь возражать, она протолкала:

— Я знаю хорошо всѣ свои недостатки и достоинства... Я знаю также, что исправленіе нервахъ привело бы къ ослабленію послѣднихъ, а потому я предпочитаю быть такой, кака я есть. Но оставаясь сама собой, продолжала она, понимая почти до шопота голосъ, — я никогда не выйду замужъ за де-Шампире и ни за кого въ этомъ родѣ. Вы говорите, что онъ красивъ... изященъ...

— Ну, конечно.

— Да, но онъ напоминаетъ картинку на бонбоньеркахъ. Онъ изъ тѣхъ, о которыхъ въ газетныхъ отголоскахъ говорить: „одинъ изъ нашихъ изящныхъ свѣтскихъ молодыхъ людей“. Вы говорите затѣмъ, что всѣ мужчины стараются ему подражать, а всѣ женщины имъ восхищаются... Но вы знаете, конечно, что есть мужчины, которые, какъ вы, на-примѣръ, пришли бы въ отчаяніе, если бы были на него похожи, — все равно, какъ есть женщины, подобныя мнѣ, которымъ кажется онъ смѣшонъ.

— Но я увѣрю васъ, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы вы насмѣхались надъ нимъ.

Она взглянула на него.

— Вотъ какъ, вы, кажется, и въ самомъ дѣлѣ, сомнѣвались въ этомъ? Какъ же, однако, вы были жестоки ко мнѣ, предполагая, что я соглашусь сдѣлаться женой чловѣка, который исключительно занятъ галетками, прической и духами!

Тутъ Жакъ почувствовалъ необходимость вступиться за своего пріятеля, хотя бы изъ приличія.

— Боже мой, да развѣ Шампире только объ этомъ и думаетъ — у него есть и другія дѣла...

— Конечно, прервала его Пьеретта, — онъ занятъ еще разными похужденіями... о которыхъ онъ любитъ говорить съ такимъ удовольствіемъ. По его словамъ, въ него была влюблена госпожа де-Бризъ, де-Гардъ... и многія другія. Госпожа де-Треиль не выходитъ замужъ, потому что любитъ другого... и онъ ясно намекаетъ, что этотъ другой — онъ самъ. Откровенно говоря, я нисколько не вѣрю его разсказамъ. Ну, а если бы даже это была и правда, такъ это меня нисколько не интересуетъ.

— Однако, это занимаетъ дамъ... эти исторіи...

— Только не мени! Видите-ли, де-Трэнъ, обо мнѣ сложилось совершенно ложное мнѣніе, и, такъ какъ вы уѣзжаете завтра, я не хотѣла, чтобы вы увезли съ собой дурное возмнѣніе обо мнѣ. О, не возражайте!.. Я знаю, что вы ду-

маете обо мнѣ, позвольте вамъ сказать всю правду. Та Пьеретта, которую вы знаете, легкомысленна, насмѣшлива, но есть другая Пьеретта—честная и серьезная—да, серьезная... Не смѣйтесь... дѣйствительная, настоящая Пьеретта, которой ни вы, ни кто другой, не знаете, и которую, вѣроятно, и никогда никто не узнаетъ.

Графъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, и она показалась ему совсѣмъ другой. Своими словами и глубокимъ взглядомъ она напомнила ему ту Пьеретту, которую онъ зналъ еще пѣвчимъ и тихимъ ребенкомъ. Глаза ея казались такими пѣвчими, любящими, она не улыбалась и, молча, смотрѣла на графа, какъ бы ожидая того, что онъ скажетъ. Но Жакъ былъ такъ пораженъ всѣмъ, что происходило вокругъ него, что не могъ придумать ни одной подходящей фразы. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Вдругъ внезапный скачокъ лошади, на которой ѣхала Пьеретта, вывелъ Жака изъ какого-то оцѣпенѣнія, и онъ увидѣлъ, что Пьеретта понеслась круиной рысью. Ея блѣдые волосы серебрились отъ блѣдныхъ лучей февральскаго солнца; издали блѣло ея пальто несочнаго цвѣта, плотно стигивавшее ея гибкій и стройный станъ, и вся она была, словно порывъ, вихрь, движеніе. Дѣвушка скоро нагнала ѣхавшую впередъ компанію охотниковъ, и на лицѣ ея снова появилась улыбка. Она снова обратилась въ обыкновенную Пьеретту, которая „беззаботна и насмѣшлива“.

На другой день Пьеретта не явилась къ завтраку. Вдова объяснила гостямъ, что у Пьеретты болитъ голова и что у ней итъ аниетина; если бы она не лежала въ постели, она спустилась бы внизъ проснуться съ гостями.

Когда экипажъ герцога былъ поданъ къ подъѣзду, показала Пьеретта; она была страшно блѣдна и удивительно измѣнилась за ночь.

— Вы, серьезно больны! вскрикнулъ отъ удивленія Жераль, увидѣвъ Пьеретту.

— Серьезно? О, нѣтъ! У мадемуазель Пьеретты не можетъ быть ничего серьезнаго, отвѣтила она, весело встряхивая блѣдыми волосами.

И, замѣтивъ, что бабушка и де-Трэнъ, пораженные страннымъ тономъ ея отвѣта и смѣхомъ, смотрятъ на нее пристально, она сказала:

— Ничего, пустяки, маленькая головная боль.

Супруги де-Буйонъ сидѣли уже въ экипажѣ. Жакъ подошелъ къ вдовѣ, чтобы на прощаньи поцѣловать ея руку, и замѣтилъ, что она съ удивленіемъ смотритъ въ сторону. Когда де-Трэнъ обернулся, то увидѣлъ, что Пьеретта стоитъ на колыбѣхъ передъ Бобешомъ и страстно цѣлуетъ его громадную голову.

Какъ только Пьеретта замѣтила, что на нее смотрятъ, она живо прекочила на ноги и, покрасивъ до корней волосъ, проговорила:

— Я обожаю Бобеша.

И затѣмъ, окончательно растерявшись, она безсознательно прибавила, замѣтивъ, что бабушка смотритъ на нее съ недоумѣніемъ:

— Это пустяки... маленькая головная боль.

Тутъ она снова нагнулась къ собакѣ и прильнула къ ней своимъ лицомъ. Де-Трэнъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и тихо сказалъ Пьереттѣ:

— А если мы съ Бобешомъ останемся съ вами.. съ вами навсегда... пройдетъ-ли у васъ головная боль? Скажите.

Пьеретта, быстро огнутивъ Бобеша, бросилась къ Жаку и обвила его шею руками.

— Ну, теперь, дѣти мои, проговорила вдова, пораженна неожиданною радостью,—вамъ нечего стѣняться.

Всѣ гости смѣялись, но Пьеретта, поднявъ свои глаза на Жака, серьезно сказала:

— Вотъ вамъ теперь удастся узнать настоящую Пьеретту!

Первая Всероссійская выставка гигиены и спасанія.

II.

VI. Фонографъ Эдиссона и павильонъ В. А. Парманъ и К^о.

(Рис. 6, стр. 820).

Съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ фонографъ, прошло 16 лѣтъ. Разумѣется, въ это время Эдиссонъ не оставилъ своего дѣтца и работалъ надъ нимъ, стараясь его усовершенствовать возможно болѣе. Результатомъ этихъ стараній явился фонографъ, экспонируемый нынѣ на Гигиенической выставкѣ. Фонографъ послѣдней конструкции приводится въ дѣйствіе электричествомъ. Посѣтители уже воистинѣ ясно слышатъ теперь самые мельчайшіе оттѣнки голоса лица, фонограмма коего воспроизводится. Кромѣ электрическаго двигателя, въ послѣднемъ фонографѣ сдѣлана и масса другихъ усовершенствованій, о которыхъ лучше всего свидѣтельствуетъ нынѣшній видъ аппарата.

Рядомъ съ фонографомъ Эдиссона экспонируетъ торговая фирма В. А. Парманъ и К^о. Павильонъ ея, представляющій модель жилого бревенчатаго дома, кажется, на первый взглядъ, какъ будто не додѣланнымъ, но крайней мѣрѣ, обшивка досками имѣется только въ верхней его части, внизу же ясно видны бревна, мѣстами чѣмъ-то обиты. Обшивка домика нарочно не доведена до конца, чтобы показать способъ обивки бревенчатыхъ зданій толемъ снаружи. Здѣсь ясно показана гибкость этого матеріала, дающаго возможность плотно обивать ряды бревенъ, защищая тѣмъ дерево отъ сырости и гниенія, а обитателей дома отъ холода. То же самое можно сказать и о примѣненіи того же толя для облицовки низъ черныхъ половъ и прокладки фундамента, образцы каковыхъ работъ также экспонируются. Насколько велико распространеніе толя, можно отчасти судить уже потому, что одною фирмою В. А. Парманъ и К^о продается въ годъ болѣе 150,000 кв. саж. кровельнаго толя.

Кромѣ толя, въ павильонѣ экспонируются еще: шведскій картошъ для стѣнъ, замѣняющій въ деревянныхъ домахъ штукатурку. Изокартонъ — подъ обонъ въ сырыхъ помѣщеніяхъ. „Энгидрия мастна“, при уюгребленіи которой отбивается штукатурка, стѣна два раза прокрашивается этой масткой, предварительно разогрѣтой на огнѣ, послѣ чего вновь штукатурится, дѣлаясь уже воистинѣ непроницаемой для сырости, если только послѣдняя не образуется отъ промерзанія стѣнъ.

Противъ гниенія дерева, плѣсени и образования грибовъ экспонируется, такъ называемый, „Карболінеумъ“ — противогнилостный составъ, легко примѣняемый повсюду, какъ хорошо образныхъ изъ него подѣлкахъ, служа для нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще и довольно красивую (темно-коричневаго цвѣта) краску. Упомянутый составъ особенно удобенъ для бревенчатыхъ строеній, въ которыхъ загниваютъ часто цѣлыя бревна, почему и требуютъ крайне затруднительной замѣны ихъ новыми. Для устраненія этого неудобства, карболінеумъ является какъ нельзя болѣе кстати.

VII. Павильонъ С.-Петербургскаго Металлическаго завода.

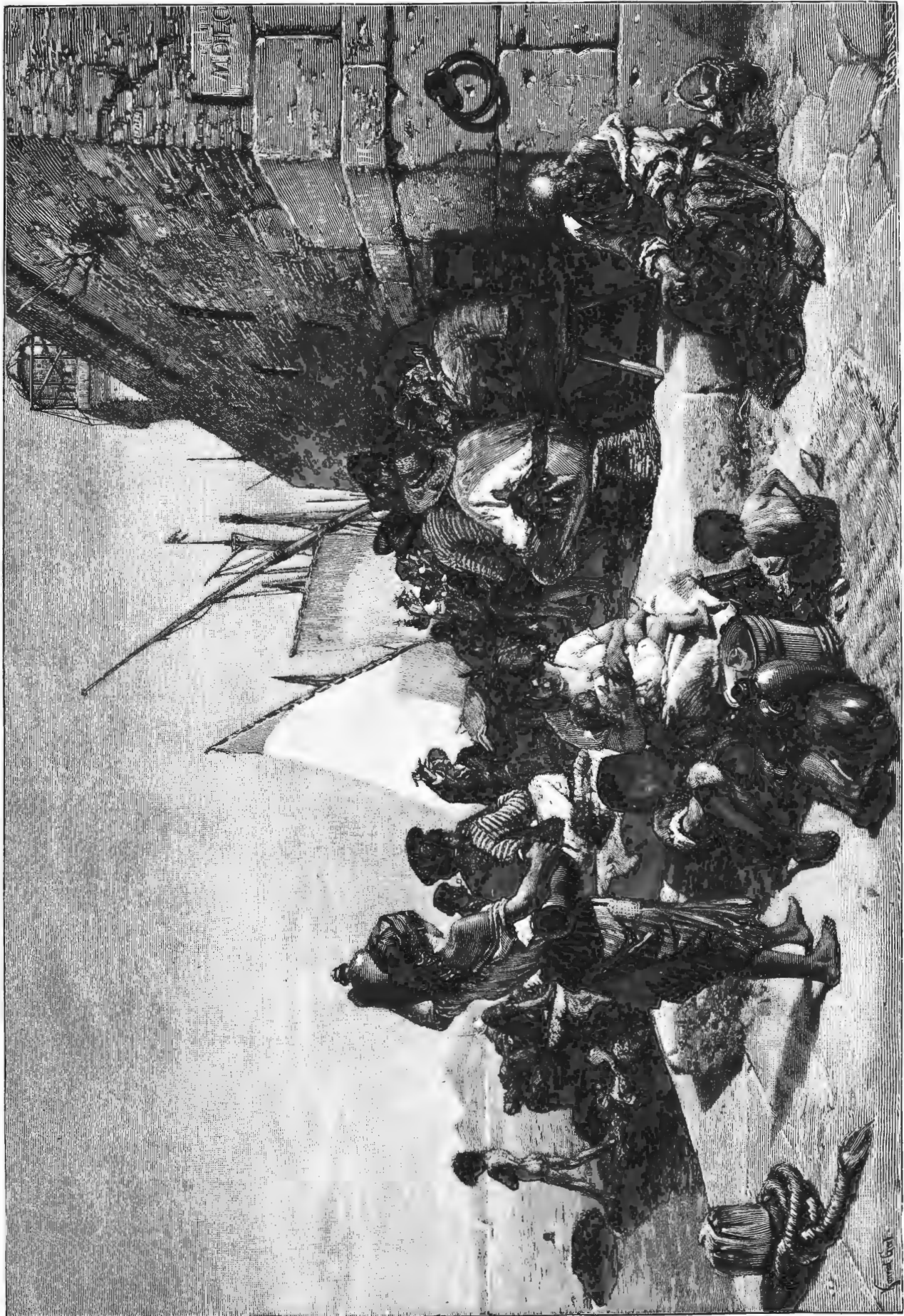
(Рис. 6, стр. 820).

Одна половина этого павильона представляетъ изъ себя образецъ комнаты жилого дома, снабженнаго усовершенствованными приспособленіями по отопленію и вентиляціи. Печи воднаго отопленія, установленныя въ этой комнатѣ, имѣютъ то преимущество, что почти не отнимаютъ мѣста въ помѣщеніи, батареи же, какъ междуоконныя, такъ и подоконныя, для глаза непривычнаго не сразу даже и замѣтны, между тѣмъ, ими достигается уничтоженіе великаго сквозняка отъ оконъ, такъ какъ промежутки между зимними и лѣтними рамами нагрѣваются. При такой системѣ отопленія (низкаго давленія) сохраняется полная возможность регулировать теченіе воды по нагрѣвательнымъ приборамъ, а следовательно и управлять температурою въ помѣщеніяхъ. Если вода нагрѣвается не непосредственно въ котлѣ, а въ особомъ, такъ называемомъ, пароводяномъ аппаратѣ, то получается пароводяное отопленіе. Тутъ же находится камера, показывающая, что вентиляція достигается устройствомъ особыхъ водяныхъ калориферовъ и увлажнителей, служащихъ для нагрѣванія наружнаго воздуха. Воздухъ вводится въ помѣщенія посредствомъ каналовъ, въ видѣ карнизовъ, съ мелкими отверстиями. Такимъ образомъ, въ особыхъ случаяхъ, вводится и ненагрѣтый наружный воздухъ. Подобнаго же устройства камеры, съ водяными калориферами, помѣщаемыя на чердакѣ, служатъ для усиленія вытяжки комнатнаго воздуха. Всѣ предметы вентиляціи, находящіеся въ образцовой комнатѣ, отличаются простотою своей конструкции, но вмѣстѣ съ тѣмъ изыщною вышностью и удобствомъ регулированія.

Въ другой половинѣ павильона выставлена паровая камера для дезинфекціи бѣлья и госпитальныхъ принадлежностей. Рядомъ съ камерой находится громадныхъ размѣровъ мѣдный, вращающійся на цапфахъ, котелъ для варки пищи съ механической мѣшалкой. Нагрѣваніе пищи производится посредствомъ пара, пропускаемаго между двойными стѣнками котла. За котломъ помѣщенъ кубъ для кипяченія воды, посредствомъ паровой спирали. Время, требуемое для того, чтобы вскипятить въ немъ 8 ведеръ воды, не превышаетъ 5-ти минутъ. Вертикальный паровой котелъ, находящійся въ павильонѣ, позволяетъ приводить въ дѣйствіе главные изъ выставленныхъ экспонатомъ завода.

Кромѣ выставленныхъ въ описываемомъ павильонѣ, экспонаты завода находятся и въ другихъ отдѣлахъ выставки.

С.-Петербургскій Металлическій заводъ, открытый въ 1857 г., занимался вначалѣ выдѣлкою однихъ только простыхъ вещей изъ мѣди, желѣза и стали, но мало-по-малу сталь переходитъ и къ болѣе сложнымъ издѣліямъ. Въ настоящее же время мастерскія его, занимающія, вмѣстѣ съ прочими принадлежащими къ нимъ зданіями, пространство въ 16,500 кв. саж., вмѣщаютъ, при нормальномъ производствѣ, до 1,500 рабочихъ,

Импровизаторъ. Съ карт. К. Гробъ, грав. Гедашъ.

Галицкіе бояре ташать на костеръ попадью-колдунью, любимицу князя Ярослава Осмомысла.
 Ориг. рис. (собств. "Нивы") К. Лебедева, автогішія Генаря.

на жалованье которымъ расходуется около 600,000 рублей ежегодно.

Годовой оборотъ завода составляетъ 2—3 мил. руб., при основномъ капиталѣ въ 800,000 руб. акціями и 800,000 руб. облигациями и оборотномъ около одного милліона рублей по послѣднему отчету.

IX. Отдѣлъ Военнаго Министерства. (Рис. 7, стр. 820).

Отдѣлъ Военнаго Министерства представляетъ на выставкѣ экспонаты вѣдомствъ — Интендантскаго, Главнаго Управления военно-учебныхъ заведеній и Главнаго Военно-Медицинскаго Управления.

а) *Интендантскій отдѣлъ.*

Въ этомъ отдѣлѣ сгруппированы весьма интересные экспонаты, относящіеся къ обмундированію, продовольствію и снаряженію нашихъ войскъ, и по этимъ экспонатамъ можно судить о томъ, каковы главнѣйшія условія гигиены, въ которыхъ находится нашъ русскій солдатъ. На первомъ планѣ, разумеется, стоитъ здѣсь матеріалъ для его одежды — сукно. Для выдѣлки шинельнаго солдатскаго сукна употребляется исключительно одно руно нашей простой русекой овцы, потому что волосъ ея не такъ легко гнется, какъ напр. волосъ орднесской овцы, который при сгибѣ легко даже ломается. Для мундираго же сукна употребляется руно такъ называемой, шленской или меринсовой овцы, при первомъ взглядѣ на которое не компетентному наблюдателю покажется, что это скорѣе какіе-то клочки гривы, а совсѣмъ не руно, употребляемое для выдѣлки такого тонкаго и довольно щегольскаго сукна, какимъ оказывается мундириное. Руно для суконъ стрижется, моется и сортируется на нѣсколько сортовъ. Для выдѣлки армейскихъ суконъ интендантство допускаетъ только первые два сорта (съ переднихъ лопатокъ, реберъ и боковъ овецъ), изъ которыхъ прядутся двѣ шерстяныя нити, — основа, болѣе скрученная, и утокъ, скрученный нѣсколько слабѣе. Затѣмъ ткется, такъ называемое, шерстяное полотно, которое намывается и, будучи затѣмъ прокатываемо между двумя деревянными валами, пробивается уже ворсомъ обыкновеннаго сукна. Такое сукно, дозволенное Военнымъ Министерствомъ для обмундирования арміи, должно имѣть 1) установленный вѣсъ въ одномъ аршинѣ надлежащаго ширины; 2) определенное число нитей въ одномъ квадратномъ дюймѣ, какъ по основіи, такъ и по утку, и, наконецъ, 3) выдерживать известную силу напряженія при своемъ разрывѣ. Для изслѣдованія вѣсть этихъ свойствъ сукна, обуславливающихъ его доброкачественность, употребляются, кромѣ разныхъ приборовъ, также и микроскопъ, а самую процедуру этого изслѣдованія можно наглядно видѣть на выставкѣ. Мы вкратцѣ прослѣдили способъ и матеріалы, служащіе для выдѣлки „годнаго“ сукна. Теперь посмотримъ, какъ дѣлается сукно „негодное“, т. е. фальсифицированное. Первоначальный способъ выдѣлки такого сукна отличается развѣ тѣмъ, что для полученія основнаго шерстяного полотна берутся самые худшіе сорта шерсти и, притомъ, безъ разбора, тѣхъ и другихъ породъ овецъ; зачастую же употребляются даже и бумажныя нити. Затѣмъ остается навести ворсъ, что достигается весьма оригинальнымъ способомъ. На всякой суконной фабрикѣ не обходится безъ того, чтобы при выдѣлкѣ сукна не падали на полъ мелкія волокна шерсти, такъ называемыя, крошки, которыя въ прежнія, давно-прошедшія, времена просто выбрасывались, а теперь, — въ вѣкъ всевозможныхъ фальсификацій, — тщательно собираются въ одну общую корзину и представляютъ для фабрики неожиданную доходную статью, ибо продаются по 5—6 руб. за пудъ. Эти крошки, представляющія мелкіе обрѣзки отъ суконъ разныхъ цвѣтовъ, равно какъ и прибавляемые къ нимъ разнородные мелкіе остатки отъ давно изношенныхъ уже (часто даже людьми съ тѣми или другими заразными болѣзнями) суконъ, крошатся особой машиной въ довольно мелкій шерстяной порошокъ, въ какомъ видѣ онъ и получилъ себѣ известность, подъ именемъ „кнона“, среди многочисленныхъ фабрикантовъ суконъ. Кнонъ этотъ, представляющій самую разнообразную смѣсь суконныхъ отбросовъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, окрашивается въ какой-нибудь одинъ требуемый цвѣтъ, и при помощи тѣхъ же ворсовальныхъ деревянныхъ валковъ искусно „вбивается“ въ не менѣе скверное суконное полотно. Результаты получаются блестящія: отличить кнонированное сукно отъ доброкачественнаго простымъ взглядомъ для неспециалиста совершенно невозможно; мало того, повнѣчкѣ скорѣе купитъ себѣ фальсифицированное сукно, такъ какъ оно гораздо виднѣе, глаже и толще настоящаго. Можно представить себѣ, насколько является необходимымъ каждому изъ насъ научиться сразу отличать кнонированное сукно, которое, помимо своей очевидной непрочности, безусловно опасно еще и въ гигиеническомъ отношеніи. Для этого требуется только разорвать образчикъ сукна надъ листомъ бумаги: отъ кнонированнаго сукна, при этомъ разрывѣ, посыплется на бумагу большое количество шерстяной пыли, настоящае же — такой пыли почти совершенно не даетъ. Болѣе опытные могутъ легко различить сукна одно отъ другого также и по степени ихъ эластичности: въ хорошемъ сукнѣ, при растягиваніи его руками, ясно обнаруживается значи-

тельная упругость прочныхъ шерстяныхъ нитей, изъ которыхъ оно сдѣлано, тогда какъ фальсифицированное сукно почти совсѣмъ не растягивается. Наконецъ, для опредѣленія кнонированнаго сукна лучше всего служить микроскопомъ: хорошее сукно подъ микроскопомъ, увеличивающимъ отъ 250 до 500 разъ, представляется въ видѣ „длинныхъ“, перпендикулярныхъ одно съ другимъ, волоконъ, тогда какъ поддѣльное окажется состоящимъ изъ разнокалиберныхъ „короткихъ“ кусочковъ такихъ же волоконъ. Если, при микроскопическомъ изслѣдованіи кнонированнаго сукна, подвергнуть его дѣйствию слабого раствора соляной кислоты, то короткія палочки сукна немедленно же сдѣлаются разнородными, что наглядно покажетъ присутствие въ немъ кнона. Остается добавить, что кнонированное сукно въ носкѣ отличается своими отрицательными качествами; насколько оно красиво бываетъ въ продажѣ, настолько же оно и непрочное, такъ какъ весьма скоро рвется, протирается и выснается, и, быстро теряя свой первоначальный видъ, въ самое непродолжительное время превращается въ нигкуда негодную тряпку.

Далѣе въ отдѣлѣ слѣдуютъ непромокаемыя ткани, служащія для изготовленія разныхъ предметовъ снаряженія солдатъ, какъ-то: ранцевъ, мѣшковъ, патронташныхъ сумокъ и т. п.

Ткани эти, въ видѣ матерчатыхъ ванночекъ, подвѣшенныхъ на особыхъ стойкахъ и наполненныхъ водою еще съ момента открытія Гигиенической выставки, вполне доказали свою непромокаемость, такъ какъ съ нижней стороны до сихъ поръ еще остаются совершенно сухими.

Затѣмъ Интендантство выставило цѣлую коллекцію самыхъ разнообразныхъ приборовъ, снарядовъ, вѣсовъ и таблицъ, служащихъ для изслѣдованія качества зерна и муки. Въ особеннѣности достойны вниманія: крайне простой, но весьма практичный аппаратъ доктора Раковича, для опредѣленія въ муцѣ присутствія спорыньи и прочихъ вредныхъ для здоровья примѣсей, а также и не менѣе полезный приборъ Исаева, для указанія вѣса и объема зерна разныхъ сортовъ.

Не менѣе интересно также наглядное изображеніе въ рисункахъ всего процесса приготовленія сухарей на военной сукхарной фабрикѣ въ Ровнѣ. Фабрика эта, проектированная и устроенная членомъ технического комитета интендантскаго управления, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ барономъ Дершау, составляетъ до 2000 пудовъ сухарей ежедневно, причѣмъ все дѣлается механическимъ способомъ, начиная съ приготовленія самаго тѣста и кончая рѣзкою его на ломтики. Рабочимъ остается только наблюдать за машинами, насыпать муку и унавоживать уже готовые сухари.

Остается разсмотрѣть теперь также и болѣе слабую сторону дѣятельности нашего Интендантства, а именно производство обуви, многочисленные образцы которой, изготовленные въ обмундировальныхъ мастерскихъ машиннымъ способомъ, также экспонируются на выставкѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о безусловной доброкачественности кожаннаго товара, нельзя однако не пожалѣть, что столь важный предметъ, каковымъ въ походно-боевой жизни солдата является обувь, до сихъ поръ еще шьется не для каждаго солдата по мѣрѣ, а всего лишь въ восемь различныхъ мѣрокъ. Положимъ, что для установленія этихъ восьми мѣрокъ былъ сдѣланъ обмѣръ цѣлыхъ 12,000 солдатскихъ ногъ, но тѣмъ не менѣе каждому, даже и не военному, хорошо известно, какую громадную роль играетъ въ продолжительномъ походѣ наиболѣе рациональная пригонка сапогъ по ногѣ.

б) *Главное Управление военно-учебныхъ заведеній.*

Экспонаты Главнаго Управления военно-учебныхъ заведеній живо обрисовываютъ весь домашній обиходъ учебно-воспитательной жизни воспитанниковъ, который, также благодаря вывѣшеннымъ здѣсь таблицамъ, виденъ, какъ на ладони. Такия же таблицы, составленныя докторомъ А. А. Смирновымъ, графически опредѣляютъ постепенное (съ 1886 по 1893 годъ) физическое развитіе кадетъ, касающееся ежедневной средней прибыли въ ростѣ, обхватѣ грудной клѣтки, силѣ мышцъ и въ смѣстности легкихъ. Эти таблицы, помимо своего прямого назначенія, любопытны уже потому, что составлены по индивидуализирующему методу, тогда какъ обыкновенно для этихъ цѣлей употреблялся донынѣ другой, такъ называемый, генерализующій методъ. Разница между ними та, что въ первомъ случаѣ наблюденія и измѣренія во все го дѣлаются надъ однимъ и тѣми же воспитанниками (т. е., развѣ избранными индивидуумами), тогда какъ во второмъ методу, опыты подвергаются ежегодно разные питомцы даннаго учебнаго заведенія, и ужъ затѣмъ изъ полученныхъ результатовъ выводятся въ таблицахъ среднія данныя такихъ наблюденій.

в) *Главное Военно-Медицинское Управление.*

Главное Военно-Медицинское Управление выставило много любопытныхъ предметовъ, относящихся къ санитарному благоустройству арміи и лечебныхъ заведеній, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Цѣлые блестящіе ассортименты всевозможныхъ хирургическихъ инструментовъ, красиво разложены въ изящныхъ витринахъ на среднѣхъ. Тутъ же обращаетъ на себя вниманіе цѣлый рядъ разнокалиберныхъ стерилизаторовъ, служащихъ для чистки и дезинфекціи вышеупомянутыхъ

инструментовъ. Тѣ же стерилизаторы употребляются также и при составленіи небольшихъ пакетовъ, заключающихъ въ себѣ весь необходимый ассортиментъ перевязочныхъ средствъ; такіе пакеты проектируются раздавать въ военное время на руки каждому солдату. Развернуть лакированную бумагу, составляющую оболочку пакета, раненый солдатъ найдетъ въ немъ клочекъ гигроскопической ваты, кусокъ марли, перевязочный бинтъ и компрессъ, и, притомъ, все эти предметы, благодаря предварительной очисткѣ ихъ стерилизаторомъ, могутъ похвастать своей идеальной чистотой, составляющей, какъ известно, главное условіе при первоначальной перевязкѣ тяжелой раны. Такихъ перевязочныхъ пакетовъ, благодаря введенію нашихъ Главнымъ Военно-Медицинскимъ Управленіемъ особымъ аппаратамъ, можно заготовить до 100,000 въ самое непродолжительное время. Заслуживаетъ также интереса и полезная передвижная гигиеническая лабораторія для производства химическихъ и бактериологическихъ изслѣдованій, составленная Военно-Медицинскимъ Управленіемъ по мысли приватъ-доцента доктора Раичевского. Въ клеенчатой корзинѣ, разбитомъ своимъ не превышающей обыкновеннаго дорожнаго чемодана, удобно помѣщается все необходимое для того, чтобы моментально развернуть въ любомъ мѣстѣ маленькую, походную бактериологическую лабораторію, со всеми ей принадлежностями, а съдовательно и производить въ желаемое время тѣ или другія химико-физическія наблюденія. Насколько полезны такія лабораторіи, лучше всего доказываетъ успешное приключеніе ихъ въ Туркестанѣ, гдѣ именно осязательнѣе всего явилась потребность въ такого рода наблюденіяхъ.

X. Финляндскій отдѣлъ. (Рис. 8, стр. 821).

Финляндія, привыкшая держать себя въ отношеніи всего русскаго совершенно обособленно, устроила на Гигиенической выставкѣ свою собственную „вторую“ выставку, обнимающую собой, подобно первой, все безъ исключенія отдѣлы ея или, такъ называемыя, „секціи“. Въ Финляндскомъ отдѣлѣ едва ли не болѣе любопытнымъ экспонатомъ является именно самый Финляндскій павильонъ, представляющей жилой разборный домъ-дачу, изъ трехъ комнатъ и кухни, легко разбирающейся въ нѣсколько часовъ, для перевозки его съ мѣста на мѣсто. Стоитъ онъ со всеми принадлежностями, кромѣ печи и фундамента, 2500 рублей, а съ доставкой на петербургскій финляндскій вокзалъ — 3015 руб. Каменная настилка, служащая основаніемъ павильона, замѣчательна тѣмъ, что совершенно не пропускаетъ влаги, такъ какъ сдѣлана изъ гранитныхъ кубиковъ, съ асфальтовой замазкою. Описывать по порядку все экспонаты, помѣщенные внутри павильона, было бы отчасти повтореніемъ общаго описанія главной выставки.

XI. Товарищество Россійско-Американской резиновой мануфактуры.

(Рис. 9, стр. 821).

Товарищество Россійско-Американской резиновой мануфактуры, основанное въ 1860 году, работаетъ теперь съ капиталомъ въ 6 миллионовъ рублей. Дѣлая ежегодно почти 10-ти-миллионные обороты, фабрика даетъ пропитаніе 3.000 человѣкъ рабочихъ.

Главный продуктъ вырабатываемый мануфактурой и составляющей ея специальность, это — обыкновенныя резиновые галоши, которыхъ ежедневно выдѣлывается около 18.000 паръ.

Кромѣ галошъ товарищество занимается также выдѣлкой изъ резины самыхъ разнообразныхъ вещей, для которыхъ только оказывается этотъ матеріалъ болѣе или менѣе пригоднымъ. Все эти вещи имѣются на выставкѣ.

XII. Минеральная вода Кавказа и Цѣхочинска. (Рис. 9, стр. 821).

Только гутъ, въ этомъ павильонѣ можно наглядно представить себѣ, какое огромное собственное богатство минеральныхъ водъ имѣемъ мы на одномъ Кавказѣ! Оно можетъ удовлетворить почти всемъ требованіямъ для излеченія различнѣйшихъ болѣзней: тутъ и желѣзистыя воды, и щелочныя, и углекислыя, и сернистыя, а если прибавить къ нимъ солёныя воды Цѣхочинска, тутъ же рядомъ съ кавказскими — особенно удачно экспонированная, то окажется, что нѣтъ, за небольшимъ развѣ исключеніемъ, иностранныхъ водъ, аналогичныхъ которымъ мы не могли бы найти у насъ въ Россіи. Мы имѣемъ и русскій Эмсъ, и Виши, Мариенбадъ, Вурбуль, Аполлинариесъ, Сельтеръ, Пирмонтъ, Францесбадъ, Аахенъ, Баденъ, Кемеричъ, Инель-Гольштадтъ, Безансонъ, русскую горькую воду и проч. и проч., и, несмотря на все это, мы не только ѣздимъ за границу пить воды (пусть бы ужъ это было однимъ пока неизбежнымъ зломъ, вслѣдствіе многихъ неустройствъ нашихъ курортовъ), но мы и дома-то, въ Россіи, вынуждаемъ массую заграничныя воды и пьемъ ихъ постоянно, отъ привоза до привоза иногда даже совершенно испортившіяся! Почему же все это? Въ отвѣтъ на это приведемъ маленькій фактикъ изъ собственныхъ наблюденій: намъ хотѣлось достать въ Петербургѣ воды нашего знаменитаго углекислаго источника — Нарзана, употребленіе котораго, прибавимъ въ скобкахъ, благодаря его химическому составу и пріятно освѣжающему дѣйствию, должно было бы совершенно вытѣснить и Сельтеръ, и Аполлинариесъ, и мы нашли его всего въ одномъ только больномъ аптекарскомъ складѣ въ количествѣ едва нѣсколькихъ бутылокъ, да и то за цѣну 50 коп. (!!) бутылка! Многихъ другихъ водъ и совсѣмъ нельзя достать ни за какую цѣну!

B. A. Фрей.

Стихотвореніе.

Любимъ?.. Темныя рѣсницы
У тебя блестятъ слезой...
И солнце, садъ и птицы —
Все люблюея тобой.

Чувства свѣтлаго не скроемъ, —
Подыми на друга взгляды...
Любить, любить! птицы роетъ
За тебя мнѣ говорить.

A. Луньяновъ.

Къ рисункамъ.

Осень. (Рис. на стр. 817).

На нашемъ рисункѣ осень изображена аллегорически, въ видѣ молодого Вакха, когда онъ... гроздія срываетъ съ изгибистой лозы,
Ихъ связывалъ въ вѣнокъ, вѣнчалъ сполъ власы,
Иль нектаръ выжималъ, смѣясь, своей ручонкой
Изъ золотыхъ кистей надъ чашей среброзвонкой,
И тѣшилъ, когда струей ему въ глаза
Изъ ягодъ брызнетъ сокъ прозрачный, какъ слеза.

Воздвиженіе Креста. (Рис. на стр. 825).

Прошло триста сличкомъ лѣтъ, и слова Распятаго, сказанныя предъ страданіями Его: „И когда Я вознесенъ буду отъ земли, встану привлеку къ Себѣ“ (Іоанн. 12, 32) — исполнились. Орудіе позорной казни сдѣлалось символомъ искупленія и спасенія. Въ IV вѣкѣ по Р. Х. благочестивою царицею Еленою крестъ Спасителя былъ открытъ и торжественно, въ присутствіи царицы, епископомъ іерусалимскимъ Макаріемъ былъ показанъ народу съ возвышеннаго мѣста. Посему, день 14-го сентября и названъ днемъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

На нашемъ рисункѣ изображенъ тотъ моментъ, когда епископъ, въ присутствіи царя и царицы, воздвигаетъ Животворящій Крестъ предъ собравшимся народомъ.

Импровизаторъ. (Рис. на стр. 828).

Импровизаторами называютъ людей, одаренныхъ замѣчательными дарами создавать произведенія искусства безъ подготовленія, внезапно. Чаще другихъ, импровизационъ встрѣчаются въ музыкѣ и литературѣ. Древніе не знали импровизаторовъ, если не называть этимъ именемъ рапсодовъ или пастуховъ Виргилія. Зато въ болѣе позднее время, начиная съ

XV столѣтія, въ Италіи постоянно встрѣчаются импровизаторы, и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились и по сіе время. Такъ, въ этомъ столѣтіи прославились импровизационъ Серафино д'Аквилло и Бернандо Аккотти, въ XVI вѣкѣ — Мароне, Кверчо и Сильвіо Антоніано, въ XVII — Перфетти, Цукко, Метастазъ и, въ особенности, Корилла, увѣнчанный въ Капитоліи въ 1776 году. Кромѣ итальянцевъ, и у другихъ народовъ встрѣчаются эти удивительные люди. На нашемъ рисункѣ изображена сцена, когда, очарованные вдохновенною рѣчью, итальянскіе простолюдины, забывъ работу и несмотря на зной, жадно слушаютъ чудные стихи импровизатора.

Галиціе бояре ведутъ на костеръ Настасью, любимицу князя Ярослава Осмомысла.

(Рис. на стр. 829).

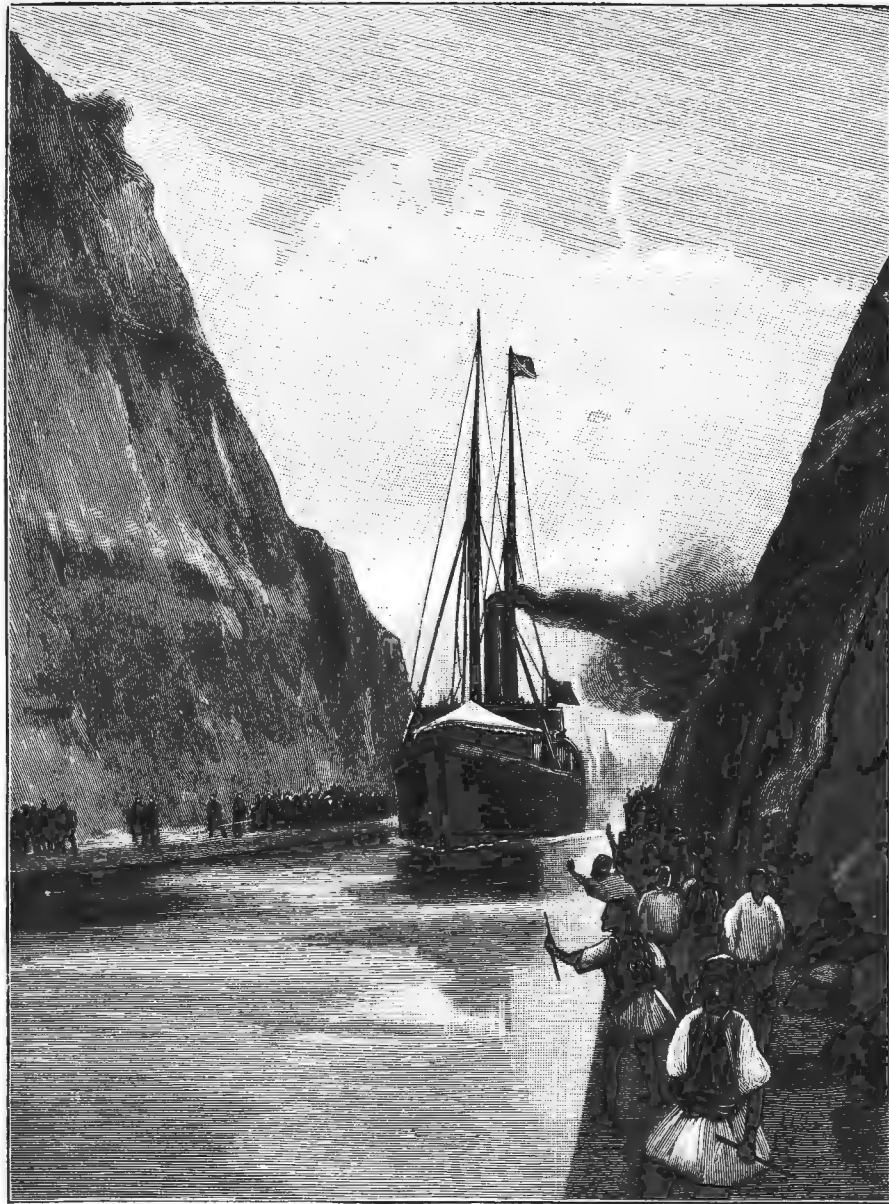
Галицкое боярство, чрезвычайно богатое и состоявшее изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, очень наивною собою повдѣйшую польскую богатую шляхту, какъ по своимъ обычаямъ, такъ и по своелюбію, и по своему постоянному вмѣшательству не только въ политическія отношенія своихъ князей, но даже и въ ихъ частную, семейную жизнь.

Любопытнѣйшимъ эпизодомъ подобнаго рода вмѣшательства была подробно-описанная въ нашихъ лѣтописяхъ семейная распря знаменитаго Галицкаго князя Ярослава (Владиміровича) Осмомысла. Въ семьѣ своей онъ жилъ не въ задухѣ съ женою, дочерью Юрія Долгорукаго. Главною причиною раздоровъ было то, что онъ завелъ себѣ любимицу, Настасью, которая пользовалась большимъ влияніемъ на него и сильно интриговала въ пользу своего сына, наставшая, чтобы Ярославъ передалъ престолъ ему, а не законному сыну своему Владиміру. Въ 1173 году эта семейная распря дошла до того, что княгиня, супруга Ярослава, вмѣстѣ со своимъ сыномъ и

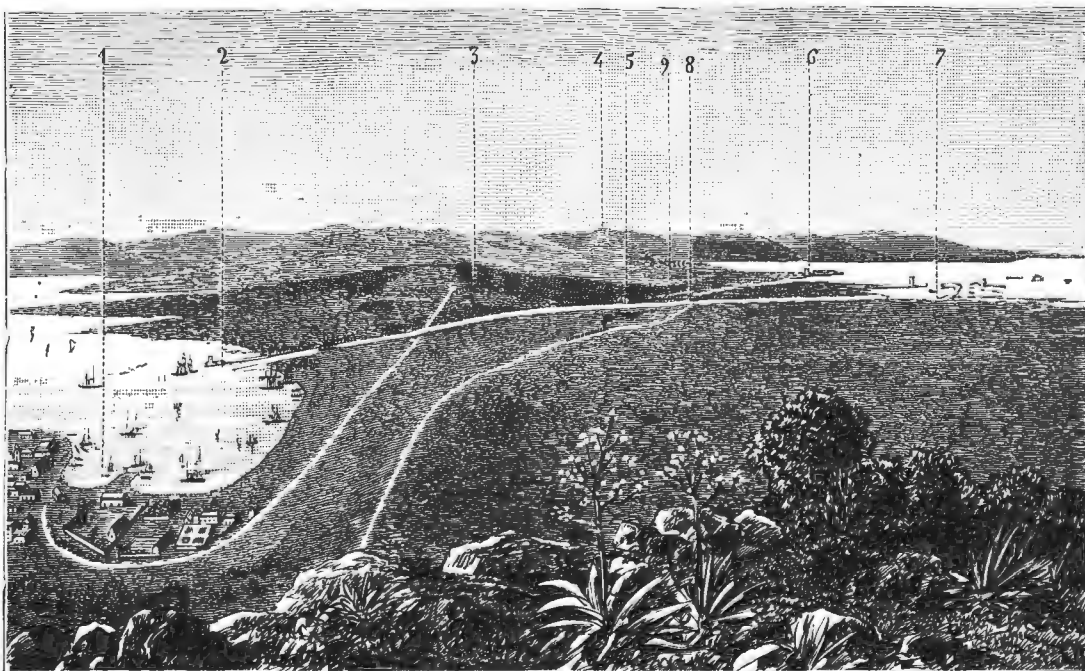
пѣкоторыми изъ бояръ, рѣшилась покинуть Галичъ и удалась въ Польшу, гдѣ и пробыла 8 мѣсяцевъ. Бояре вознегодовали на князя Ярослава... Среди нихъ и въ народѣ стали ходить слухи, что „Настаска“ приковала его къ себѣ какими-то чарами—что она вредная и злая колдунья,—и все поднялось противъ нея... Бояре вошли въ сношеніе съ княгиней—сирогой, и одинъ изъ нихъ, Святополкъ, началъ звать княгиню обратно, обѣщая пощадить князя къ тому, чтобы онъ отказался отъ „Настаски“. Княгиня согласилась на эти обѣщанія, и поѣхала въ обратный путь со своимъ сыномъ, княжичемъ Владиміромъ. Между тѣмъ, бояре, предводимые Святополкомъ, вторглись однажды въ княжю палату, вырвали Настасью изъ рукъ смущеннаго и озадаченнаго князя, перебили ея сторонниковъ и передали ее въ руки разъяренной толпы галичанъ, которые сожгли ее на кострѣ, какъ колдунью.

Коринѣскій каналъ. (Рис. на этой стр.).

25-го июля торжественнымъ открытіемъ Коринѣскаго канала закончено предпріятіе, которое намѣревались осуществить въ теченіе двадцати двухъ вѣковъ. Еще Коринѣскій тиранъ Періандръ (600 г. до Р. Х.) пытался прорыть каналомъ узкій Коринѣскій перешеекъ, связывающій собственною греческій материкъ съ Морсей (Иеллопессомъ) и соединить

Открытие Коринѣскаго канала. По рис. Гр. грав. Рашевскій.

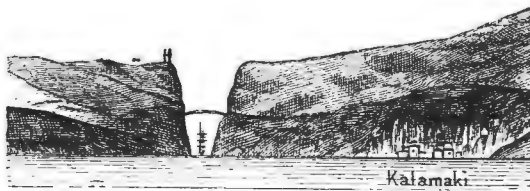
Видъ Коринѣскаго канала съ птичьего полета.

- 1) Эгинскій заливъ и Каламаки. 2) Впаденіе канала въ Эгинскій заливъ. 3) Развалины стараго города. 4) Акро-Коринѣ. 5) Маякъ. 6) Новый Коринѣ. 7) Впаденіе канала въ Коринѣскій заливъ. 8) Железнодорожный мостъ. 9) Развалины древняго Коринѣа.

такимъ образомъ Коринѣскій (Лепаитскій) заливъ съ Эгинскимъ. Димитрій Полиоркетъ (350 годъ до Р. Х.) снова занялся этимъ проектомъ, но началъ его осуществлять на дѣлѣ только императоръ Неронъ въ первое же столѣтіе нашего лѣтосчисленія. Онъ поставилъ на эту работу около 30,000 человекъ, но вкорѣ работы были оставлены. Виновниками этого были, по словамъ преданія, коринѣскіе жрецы, которые ссылались на комичный теперь для насъ доводъ, выставленный еще при Димитріи Полиоркетѣ, а именно, что уровень Коринѣскаго залива выше уровня Эгинскаго, и что, слѣдовательно, въ случаѣ прорытія канала неизбеженъ потопъ. Кроме того, они увѣрили всѣхъ, что подъ землей отъ удара кирки слышатся тяжелые стоны и крики. Шестнадцать вѣковъ никто не подымалъ этого проекта. Въ прошломъ только вѣкѣ взялись, было, за него, но безуспѣшно, венеціанцы. Въ 1826 г., регентъ Греціи графъ Каподистрія подробно разработалъ проектъ прорытія Коринѣскаго канала. Но, въ силу своей колоссальности, проектъ казался

неосуществимымъ. Только послѣ того, какъ Лессепсъ блестяще завершилъ прорытіе Суэскаго канала, всплылъ опять проектъ о Коринѣскомъ каналѣ. Весной 1882 г. начала работы основанная венгерскимъ генераломъ Тюромъ „Интернациональная компанія морскаго Коринѣскаго канала“ и послѣдующихъ финансовыхъ затрудне-

ний довела все-таки свое предприятие до конца. Планъ проведенія канала составленъ былъ инженеромъ Герстеромъ.

Коринѣскій каналъ.

Линія проведеннаго Герстеромъ канала почти совпадаетъ съ линіей, проектировавшею Нерономъ. Она пересѣкаетъ перешеекъ въ сѣверо-западномъ направленіи, начинается у Коринѣскаго залива, идетъ между Новымъ Коринѣомъ и мѣстомъ кушанія Луграки и, проходя прямо по перешейку, впадаетъ въ Эгейскій заливъ. Общая длина канала составляетъ 6,3 килом. (около 6 верстъ), ширина его 22,6 и глубина 6,3 метра. Вдоль всего перешейка идетъ горный кряжъ, спускающийся пологими скатами къ обоимъ морямъ: Эгейскому и Ионійскому. Наибольшее возвышеніе почвы надъ уровнемъ моря не болѣе 40 сажень, вѣдствие чего въ нѣкихъ мѣстахъ приходилось вынимать много земли. Инженеръ Мюнхъ вычислилъ въ началѣ еще работу, что особымъ способомъ выемокъ придется удалить 920.000 куб. метр. каменной массы; если прибавить сюда 6.472.000 куб. метр., которые нужно было взорвать вдоль линіи канала, то все количество, которое необходимо было удалить, проектируется до 7.392.000 куб. метр., изъ которыхъ 1.150.000 падаютъ на подводную линію. Для всей этой огромной работы потребовалось до 1.120.000 килограмм.

(70.000 пуд.) динамита, 50.000 килогр. (305 пуд.) черного пороха или суррогата пороха, 103.000 электрическихъ проводниковъ для зажиганія минь, 2.000.000 разрывныхъ капсулъ и 500.000 мотковъ зажигательной проволоки. Расходы по сооруженію канала, включая устройство плотины и постройку мостовъ, сторожевыхъ домовъ, маяковъ, телеграфа и буксирныхъ судовъ, нечислены въ 26 милліоновъ франковъ.

Значеніе Коринѣскаго канала огромное. Прорытіемъ его устранено одно изъ большихъ неудобствъ для судоходства по Средиземному морю. Судамъ не придется теперь дѣлать очень не безопасный обходъ Морей въ 200—300 лишнихъ верствъ. Для насъ, русскихъ, онъ имѣетъ еще большее значеніе, какъ близкій соединительный путь изъ Чернаго моря въ Средиземное.

Каналъ былъ открытъ въ присутствіи всей королевской семьи, дипломатическаго корнуса и большого числа высоко-

поставленныхъ особъ и почетныхъ гостей. Поперекъ канала, у входа въ него, была протянута бѣлая шелковая лента. Въ опредѣленный по церемоніалу моментъ, королева перерѣзала золотыми ножницами ленту, и затѣмъ король съ королевой и всей Августѣйшей семьей прослѣдовалъ по каналу на королевской яхтѣ „Сфакторія“.

Н. Д. Ахшарумовъ. (Портр. на этой стр.)

— Ну, до свиданья, господа, до свиданья... увидимся осенью! говорили, прощались, захавшии, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, къ намъ въ редакцію, Н. Д. Ахшарумовъ — полный тогда, по виду, жизни и энергіи, несмотря на свои 73 года...

Но намъ не суждено было увидѣться.

Изъ имѣній сенатора Ровинскаго, гдѣ гостилъ послѣднее время Николай Дмитриевичъ Ахшарумовъ, — получено извѣстіе, что онъ скончался 18 августа, послѣ тяжелой болѣзни, явившейся результатомъ перваго удара. Вотъ уже который слу-

чай, что первый ударъ является смертельнымъ для людей, посвятившихъ жизнь свою авторскому творчеству. Напрасно иные думаютъ поэтому, что творчество — не есть работа, а такъ себѣ — чуть-ли не пріятное препровожденіе времени, — нѣтъ, писателю приходится сильно расплачиваться за тотъ подъемъ и напряженіе нервной системы, при которыхъ только и мыслимо его творчество. Н. Д. Ахшарумовъ былъ писателемъ, имя котораго вступившія нынѣ въ самостоятельную жизнь поколѣнія научились уважать еще съ дѣтства, по его исполненнымъ поэзіи и неподдѣльной прелести сказкамъ. Началь онъ свою литературную дѣятельность въ 1845 г., написавъ пьесу-шутку „Маскарадъ“, которая и была разыграна тогда же на сценѣ Александринскаго театра въ бенефисъ покойной Сошницкой. Но, собственно, имя Н. Д. Ахшарумова приобрѣло популярность въ 60-хъ годахъ, когда онъ сталъ печатать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* романъ „Чужое имя“. Послѣ этого романа Ахшару-

Н. Д. Ахшарумовъ († 18-го августа 1893 г.).

Рис. и грав. А. Нейманъ.

мовъ далъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, отличающихся свойственнымъ этому автору колоритомъ фантастичности и представляющихъ глубокий интересъ, какъ по развиваемой интригѣ, такъ и по умѣнию автора съ большою наблюдательностью и анализомъ трактовать избранный сюжетъ.

Читатели *Нивы* ежегодно видѣли на страницахъ нашего журнала произведенія Н. Д. Ахшарумова, бывшаго постояннымъ и желаннымъ сотрудникомъ *Нивы*, и въ настоящее время въ портфель редакціи, въ числѣ приготовленныхъ къ печати рукописей, имѣется его романъ, который и появится въ будущемъ году въ *Нивѣ*.

Н. Д. Ахшарумовъ родился въ Петербургѣ 3-го декабря 1820 года. Воспитывался онъ въ Царскосельскомъ лицей, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1839 году. Съ 1847 по 1852 гг. Ахшарумовъ посѣщалъ классы Академіи Художествъ.

Политическое обозрѣніе.

Высокоротжественный день 30-го августа Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Семействомъ провели въ Даніи. Поутру Датская королевская семья и Царственные Гости присутствовали на молебствіи и завтракали на Императорской яхтѣ „Подарная Звѣзда“. Вечеромъ состоялся парадный обѣдъ въ Фреденсборгѣ съ участіемъ, кромѣ Высочайшихъ Особъ, членовъ Русскаго посольства, адмираловъ, командировъ нахо-

дящихся здѣсь русскихъ военныхъ судовъ и прибывшихъ на похороны принца Вильгельма представителей иностранныхъ государей.

Копенгагенскій корреспондентъ *Hamburger Nachrichten* пишетъ, что въ Фреденсборгѣ, гдѣ собрался теперь Августѣйшій Родственники Датской королевской семьи, встаютъ рано, и послѣ перваго завтрака, въ 8 час. утра, Высочайшіе Гости

совершают продолжительныя прогулки въ дворцовомъ паркѣ. Въ 1 часъ дня бываетъ общій завтракъ въ такъ-называемомъ, китайскомъ залѣ. Въ 7 час. семейно обѣдаютъ въ купальномъ залѣ. За столомъ играетъ музыка королевской гвардіи или капелла „Полярной Звѣзды“. Вечеромъ, въ 9 час., подается чай въ покояхъ королевы Луизы. Къ королевскому столу приглашаются кавалеры и дамы дипломатическаго корпуса, министры и другіе сановники.

Во Франціи идутъ сибирскія приготовления къ принятію русскихъ моряковъ, которые придутъ на своихъ судахъ въ Тулонъ 1-го октября. Энтузіазмъ по этому поводу распространяется по всей Франціи. Газеты наполнены статьями, касающимися встрѣчи. Русскихъ моряковъ встрѣтятъ въ Тулонѣ по русскому обычаю — хлѣбомъ-солью. Муниципальные совѣты, мѣстные учреждения и частныя лица соперничаютъ между собою въ стараніяхъ сдѣлать встрѣчу грандіозною. Изъ Тулона будетъ совершена поѣздка въ Парижъ.

Судя по заявленіямъ муниципальных совѣтовъ разныхъ городовъ, надо ожидать, что эта поѣздка будетъ непрерывной національной оваціей. Железнодорожныя общества устраиваютъ спеціальныя поѣздки, военныя товарищества готовятъ военный праздникъ.

Въ Парижѣ, комитетъ французской прессы установилъ программу парижскихъ празднествъ въ честь русскихъ моряковъ. Въ программу включены большіе праздники французскихъ

провинцій съ участіемъ провинціальныхъ обществъ и прессы, народный банкетъ, конскія скачки, состязанія гимнастовъ, концерты, фейерверкъ и иллюминація. Эта программа празднествъ будетъ окончательно установлена лишь по утвержденіи ея русскими и французскими властями.

Знаменитый противникъ республики Кассацьякъ въ *Autorité* говоритъ, что при встрѣчѣ русской эскадры Франція выкажетъ въ первый и, быть-можетъ, въ единственный разъ полное единомысліе.

31 августа, вечеромъ, въ Прагѣ произошли большія демонстраціи, вызванныя тѣмъ, что младочехи, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ депутатовъ, пытались, несмотря на запрещеніе, отпраздновать банкетомъ годовщину императорскаго рескрипта 1871 года. Вълѣдствіе сего городъ Прага и два прилегающіе къ нему округа объявлены въ маломъ осадномъ положеніи, при чемъ отмѣняется свобода собраний, ограничивается свобода печати, упраздняется судъ присяжныхъ и четыре газеты запрещены. Эта мѣра, по официальному объясненію, вызвана постоянными волненіями среди населенія, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ затрогивалась личность монарха.

Въ Лондонѣ, 28 августа, палата лордовъ, большинствомъ 419 голосовъ противъ 41, отклонила прагматическій билль во второмъ чтеніи. Пренія длились четыре дня. Результатъ голосованія былъ встрѣченъ шумными и долгими аплодисментами.

Разныя извѣстія.

— 22 августа, по случаю дня рожденія Ея Величества Королевы Эллиновъ, Ихъ Императорскія Величества присутствовали на богослуженіи въ константинопольской православной церкви, а затѣмъ завтракали съ Особами Датской и Греческой Королевскихъ Фамилій на яхтѣ „Полярная Звѣзда“.

— Въ *Правит. Вѣстн.* опубликованы правила на операциіи выдачи конторами и отдѣленіями Государственнаго Банка ссудъ подъ хлѣба, чрезъ посредство земскихъ учреждений.

— Въ № 129 *Собранія узаконеній и распоряженій правительства* напечатано Высочайшее распоряженіе о выкупѣ 6% золотой ренты 1883 года и о выпускѣ російскаго 4% золотого займа, V выпускъ 1893 года.

— Императорское Православное Палестинское Общество установило съ 1 сентября цѣны на поѣзды въ III классѣ до русскаго по дворья въ Иерусалимъ и обратно въ предѣлахъ отъ 38 р. 50 к. до 66 р., въ зависимости отъ мѣста отправления и пути слѣдованія.

— Согласно распоряженію министра Путей Сообщенія, переданы въ аренду Обществу Юго-Восточныхъ жел. дорогъ Орловско-Грязская и Ливенская жел. дороги.

— Высочайше разрѣшено учредить товарищество на паяхъ, подъ именемъ „Товарищество землевладѣльцевъ“.

— Крестьянскимъ Поземельнымъ банкомъ, согласно послѣднему отчету, за десять лѣтъ

его дѣятельности, выдано 9,896 ссудъ на сумму 65,171,628 руб. 45 коп. Общая покупная цѣна, съ присоединеніемъ доплатъ покупателямъ, опредѣлилась въ 82,729,146 руб. 50 к. На средства эти 268,499 домохозяевами приобретено 1,890,350 десятинъ земли.

— 1 сентября исполнилось 300-лѣтіе города Старый-Осколь, Курской губерніи.

— Въ Волынской губерніи, среди чеховъ-католиковъ, обнаруживается сильное движеніе къ соединенію съ православной церковью. Въ одномъ приходѣ, Дубенскаго уѣзда, въ с. Волковыхъ, присоединено къ православной церкви 774 чеха-католика.

— Въ теченіе 1892—1893 гг. на русскихъ заводахъ выкурено 26,769,981 ведро спирту.

С М Ъ С Ъ.

Путешествіе доктора Нансена, согласно сдѣланному имъ самимъ сообщенію, до Хабаровки, при Югорскомъ проливѣ, совершено благополучно. Пароходъ „Фрамъ“ превосходно идетъ во льдахъ. Экспедиція занаслась 34 хорошими собаками. Югорскій проливъ свободенъ отъ льда съ 3-го іюля. Карское море, по видимому, благопріятно экспедиціи; ледъ виденъ только въ большомъ разстояніи отъ берега. На востокѣ, судя по густой синевѣ дали, море должно быть свободно отъ льда на большомъ пространствѣ. Въ надеждѣ найти съ этой стороны благопріятный проходъ, экспедиція направилась къ Новосибирскимъ островамъ, а оттуда, раньше конца августа, къ сѣверу. Всѣ члены экспедиціи здоровы и бодры.

Итогъ денежныхъ расходовъ на одну крестьянскую душу, въ среднемъ, по исчисленію Воронежскаго статистическаго комитета, составляетъ 26 р. 27 к. въ годъ, да почти столько же тра-

тится натурою; всего же потребляется одною душою на 53 р. 5 к. Около половины этой суммы идетъ на личное потребленіе, а остальное — на хозяйство. Изъ личнаго потребленія 19 р. 64 к. относится къ нищѣ, 2 р. 21 к. къ одеждѣ и 2 р. 17 к. къ напиткамъ. Растительной нищи выходитъ на вдвое большую сумму, чѣмъ животной.

ПОПРАВКА: На 216 стр. „Сборника Нивы“ за Сентябрь сего года вмѣсто помѣщенной, по ошибкѣ, при перевѣркѣ, шахматной діаграммы должна быть слѣдующая шахматная задача:

Н. П. Смирнова (Москва).

Бѣлыя — Д. а5, f8, h4.
 — Пр. a1, a3, c3, d2, e3, f2, f6.
 Черныя — Д. c7.
 — Пр. b6, d8, h2, h6, h8.
 Запереть дамку.

СОДЕРЖАНІЕ: Искатель приключеній. Повѣсть Г. Ясинскаго. (Продолженіе). — Пьеретта. Новѣсть Жюпа. (Переводъ съ французскаго). — Первая Всероссийская выставка гигиены и спасанія. II (съ 4 рис.). — Стихотвореніе А. Лунянова. — Къ рисункамъ: Осень (съ рис.). — Воздвиженіе Креста (съ рис.). — Импровизаторъ (съ рис.). — Галичскіе бояре ведутъ на костеръ Настасью, любимицу князя Ярослава Осмомысла (съ рис.). — Норинскій каналъ (съ 3 рис.). — Н. Д. Ахшарумовъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Сибирь. — Поправка. — О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — Тиражъ выигранный въ Госуд. Банкѣ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волонскій.

ПАЦИНТЫ

и всѣ луковичныя растенія и другія для огородовъ и оранжерей. Превосходные assortименты растеній для оранжерей и огородовъ по 5 руб. 50 к., 10 руб. 50 к., 20 руб. Просить указать, для какой цѣли предназначается заказъ. Нашъ assortиментъ для огородовъ по 10 руб. 50 коп. заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 луковичныхъ растеній. Упаковка — безплатно. Нѣмецкіе, англійскіе и французскіе каталоги, по требованію, высылаются безплатно. Адресъ: **van Meerbeck & Co. Handlungsgärtner, Hillegom bei Haarlem (Holland).** Просить настоятельно обращаться съ требованіями только на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ.

ТЮЛЬПАНЫ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. II. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БРОШЮРЫ

о Эфедрѣ травѣ „Кузмиача“, ея свойствахъ и способѣ лѣченія: ревматизма и катаровъ всѣхъ видовъ, съ раскраш. рисун. л. 30 к. почтов. марками; налож. платежъ на 10 коп. дороже. Г. Бузулукъ, Самар. губ., въ складъ хвощника Сергія Зиновьевичу Орлову. Складъ имѣетъ большой запасъ „Эфедры“ (Трава „Кузмиача“) новаго майскаго сбора, состоящихъ лѣсовъ, смолисто-бальзамическаго свойства, цѣна 1 руб. за фун. Подробное наставленіе съ разрѣшенія начальства прилагаю при травѣ при 3-хъ фун. Брошюру безплатно посылаю и наложеннымъ платежемъ. № 6527

Нижю массу благодарностей. Инициаторъ С. З. Орловъ.

НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЦВѢТЧОУНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
 УДОСТОВѢННЫЙ
 СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛІЙ
 НА ВСЕРОССІЙСКОМЪ
 ВЫСТАВКѢ ЧЕЧЕНСКОМЪ
А.С.УЧКО
 ПАРФЮМЕРІЯ
 ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА
 МОСКВА.
 ТРИЕСЪ КУРАНТЬ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

Г Л И Ц Е Р И Н О В О Е

МЫЛО № 5930 (12)

НА БЕГЕЗОВОМЪ СОКУ.
 Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
 Для чистоты лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требуется подписка А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

2 внутр. съ выигр. заемъ 1866 г.

55 тиражъ 1 сентября 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.
12	39	500	2352	36	500	5254	49	500	8235	33	500	10375	32	1000	12304	26	500
67	6	500	2358	8	500	5298	9	500	8263	18	500	10388	23	500	12382	26	500
84	11	500	2358	28	1000	5331	17	500	8462	30	500	10429	47	500	12550	29	500
92	14	500	2378	30	500	5337	25	500	8481	20	1000	10601	8	500	12658	49	500
113	37	25000	2394	24	500	5581	27	500	8548	28	500	10638	22	500	12889	3	500
193	10	500	2520	28	500	5627	29	500	8574	46	500	10670	33	5000	12891	44	500
455	36	500	2608	20	1000	5658	28	8000	8576	13	500	10751	18	500	12971	39	500
621	11	500	2668	4	500	5804	26	500	8582	8	500	10801	45	500	13032	45	500
652	10	500	2776	1	500	5875	47	500	8589	4	500	10804	1	500	13135	13	500
656	45	500	2803	35	1000	5970	32	500	8638	36	500	10856	42	500	13182	43	500
679	14	500	2929	16	500	6077	50	8000	8759	30	500	10901	7	500	13254	50	75000
746	25	500	2948	8	500	6115	11	8000	8772	4	500	10909	10	500	13417	30	500
840	6	500	3161	46	500	6150	39	5000	8789	5	500	11021	20	500	13429	49	500
856	48	500	3213	35	500	6153	4	500	8848	16	500	11036	14	5000	13447	46	500
897	9	500	3239	27	500	6163	3	500	8870	24	500	11070	10	500	13528	45	500
898	22	500	3240	46	500	6245	17	500	8878	47	500	11072	2	500	13570	39	500
927	44	5000	3447	6	500	6385	36	500	8920	39	500	11124	25	500	13610	7	500
975	17	500	3553	47	500	6375	12	500	8951	6	500	11188	20	500	13621	25	500
1116	2	500	3698	45	500	6441	28	500	8954	36	500	11290	40	500	13625	36	500
1147	20	1000	3768	29	500	6505	45	500	9045	47	500	11379	14	500	13627	28	500
1253	9	500	3918	22	500	6595	45	500	9122	38	500	11387	37	500	13652	42	500
1260	4	500	3934	18	500	6678	2	500	9201	18	500	11404	39	500	13658	2	500
1321	19	200000	3982	9	500	6796	50	500	9209	38	500	11429	47	500	13719	30	500
1534	17	10000	4147	39	5000	6838	29	500	9425	10	500	11445	9	500	13747	48	500
1545	42	500	4156	15	500	7028	33	500	9462	10	8000	11525	1	500	13768	30	500
1547	29	500	4184	8	500	7076	17	500	9479	42	500	11550	20	500	13879	48	500
1670	36	500	4210	39	5000	7317	38	500	9546	25	500	11611	43	500	13984	5	500
1950	14	500	4250	39	500	7369	28	1000	9546	29	500	11658	3	10000	14273	11	500
1974	35	500	4317	17	500	7396	46	500	9561	12	500	11736	4	500	14457	45	500
2035	40	500	4383	34	10000	7593	7	500	9597	24	500	11843	47	500	14492	1	500
2126	29	500	4421	3	500	7593	12	500	9608	7	500	11855	8	500	14519	43	500
2154	18	500	4500	5	500	7743	38	500	9694	50	500	11900	9	500	14548	13	500
2199	2	500	4551	30	1000	7876	37	500	9785	5	500	11922	43	500	14581	15	500
2209	15	500	4660	3	500	7991	3	500	9834	37	500	12033	12	1000	14675	29	500
2244	4	500	4934	12	500	8019	8	500	9884	17	500	12086	44	1000	14700	11	40000
2254	14	500	5064	36	1000	8048	41	500	9911	45	500	12137	2	500	14765	36	500
2299	28	500	5083	37	500	8068	43	500	10047	37	500	12192	8	500	14814	10	6000
2337	24	1000	5196	21	500	8204	12	500	10083	9	500						

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

382, 424, 485, 720, 877, 887, 1112, 1242, 1597, 1754, 1824, 1838, 2030, 2279, 2424, 2429, 3023, 3047, 3249, 3427, 4156, 4735, 4755, 5183, 5184, 5303, 5355, 5359, 5524, 5532, 5611, 5649, 6077, 6418, 6793, 7177, 7275, 7400, 8019, 8469, 8496, 8638, 8997, 9326, 9334, 9465, 9624, 9860, 9956, 10043, 10314, 10388, 10786, 10825, 11005, 11449, 11532, 11695, 11702, 11816, 11855, 12102, 12357, 12478, 12614, 13249, 13270, 13648, 13688, 14040, 14127, 14466, 14638, 14650, 14803, 14830, 14967, 15485, 15550, 15601, 15692, 15728, 15733, 16050, 16211, 16236, 16855, 16940, 17463, 17478, 17596, 17829, 18044, 18301, 18321, 18511, 18575, 18796, 18928, 19237, 19689, 19825.

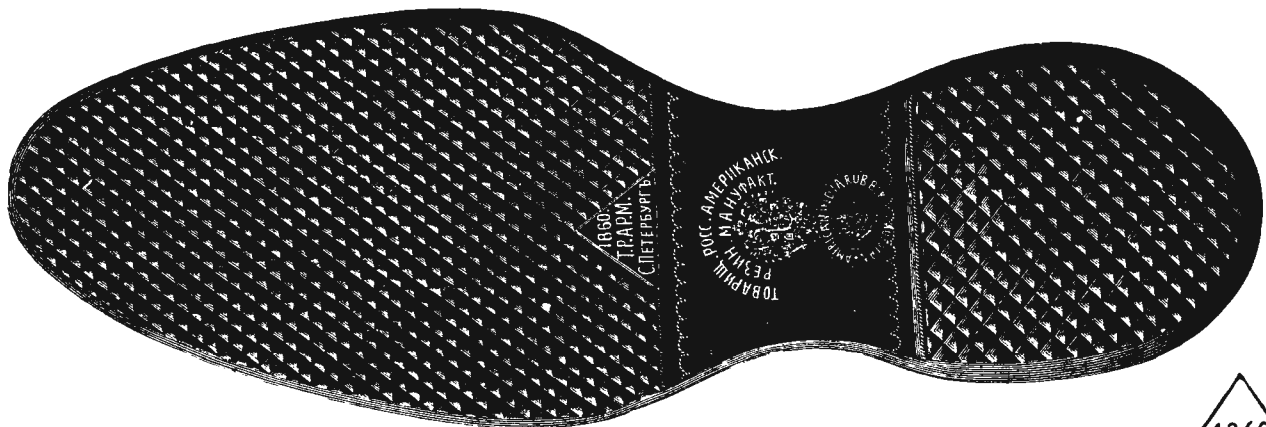

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

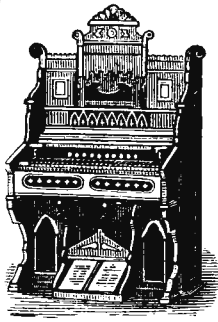
№ 6372 26-11

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ФИСГАРМОНИИ

лучших французских, американских фабрик и фабрик Шидмайера, рекомендованная Главачемъ, Гензельтомъ Листомъ и друг.

въ 100, 125, 180, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 250, 300, 400, 500, 750

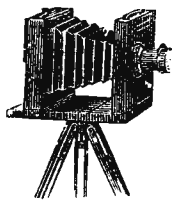
800, 1000 р. и дороже.
Самоучитель для фисгармоний 2 р.
Играть на фисгармонии можно выучиться легко.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоний — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

№ 6506 для Г.г. любителей. 2-2

Вследствие новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполне хорошия портреты, группы и ландшафты. Цена прибора 15, 18, 25, 35, 50 руб. и др. Вся принадлеж. отъ 9 р. за наборъ.

Е. КРАУСЪ и К^о

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32. ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ въ С.-Петербургѣ, Мойна № 42.

Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются за семи коп. почт. марку.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (15)

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Шип. Публ. Библиотекн. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., по прочности и дешевизнѣ незамѣнимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч.

Иногороднымъ высылаются образцы. Магазины: СПб., Владимирская, № 6; Петерб. сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6489 10—6

PARFUMERIES

IXORA

ED. PINAUD

Savon... à l'IXORA
Essences... à l'IXORA
Huile... à l'IXORA
Poudre de Riz à l'IXORA

37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

ЗКПАЖИ
НА РЕЗИНОВЫХЪ БУМРАХЪ (РЕССОРАХЪ) ПЕЗАМЪИИМЫ для грузовыхъ машинъ, покоемъ, прочны и легки на ходъ. Отъ 125 руб. изданный экземпляръ отъ 145 рублей. Складъ (въ бывш. Д. Ф. П. Л. О.) въ Москвѣ, Калужская улица, д. Терещенко. Прейсъ-курантъ высылается за 7 коп. марку.

ТОВАРИЩЕСТВА „РИГИЕНА“ ЛИБОЛИНЪ ДЕВОДИРАЦИОННАЯ ЖИДКОСТЬ

Разр. СПб. Врачеб. Управ. Прод. въ лучшихъ аптек. магаз. Оптов. продажа въ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

СПБ. площ. Александринск. театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметьева. Варшава, Новый свѣтъ, 37. 8-5

Большая золотая медаль. Парижъ.

МАССА БЛАГОДАРН. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ **БУХГАЛТЕРИИ** ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВЪ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ. ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

ПРОДАВАНІЕ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ **С. Я. Л. ДЭНТАЛЬ**.

УСЛОВІЯ ПРОБНОГО КУРСА * **МОСКВА** * ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Поварская ул., д. Старикова. 5-8

КАРМАНЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 к.

Англискіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 30 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6528

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ПОДЪ МАСКОЙ БЛАГОЧЕСТІЯ.

Историческій романъ-хроника Э. Постери, въ трехъ частяхъ. (Преступленія и оргинанъ). Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 1 рубль. Мт. № 6526

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица. Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просить обращать вниманіе на имя изобрѣтателя **А. ЛЕМЕРСЬЕ**, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодермина, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Ш. № 6449 28—12

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (5)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ *Mimosa* ЛОЗЕ *Ixora-viola*

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Первоклассный алыкачскій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ бесплатно: Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ. **ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ**, Зальцбруннъ, въ Силезіи. 10—9 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

АНГЛИЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИИСТВА ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ **Г. ПЮПА**, Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Роза Сукетъ	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Жасминъ клубъ	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Букетъ Императрицы	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Иланг-Илангъ	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Майскій Ландышъ	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Вѣлей геліотропа	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Вѣлей лилія	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Сирень перс.	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Лавандъ	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ
Фиалка	Роза Ширазъ	Роза Ширазъ

Пробные флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 коп. съ пересылкой во всѣ города Россіи. (Ирм. Сибиріи)

ВЫСОЧ. УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К^о.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ „Персидская сирень“, „Ландышъ“, „Резеда“, и т. д.

Употребляется какъ духи, туалетная вода и куренія.

ИЗОБРѢТATEЛИ „ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА“

просить покупателей при покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку утверждѣнную Правительствомъ, такъ какъ явилось подражатели названій и отдѣлки.

В. Б. ЖУКОВСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ДЕПАРТАМЕНТА. КРУМРЕЙНЪ и НАЦЪ. ЛѢСОПІЛЬНИЦА РАМЕНЪ ЛІЯЛЪ СТАНКА И ДРУГІЕ ИЗОБРАЖЕНІЯ СЪ РАБОТНИКАМИ ДЕРЕВА

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло, ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы — вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. Въ С.-Петербургѣ депо у Алекс. Гиссъ и К^о, Пушкинская, № 4.

ПИШУЩАЯ МАШИНА 25—25

РЕМИНГТОНА № 5 „НОВѢЙШАЯ ЗВЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ“

пришла лучшей въ свѣтѣ. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министертвахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 5996 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса, Екатеринбургъ, Ковандъ.

XXIV г.

№ 38

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженемѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеѣми прил.
Выданъ 18 сентября 1893 г.

Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Письмо А. В. Кольцова.

Исключительно счастливый случай доставилъ въ наши руки письмо А. В. Кольцова, имѣющее большое зна-

ченіе для его биографіи. Писано оно изъ Москвы, въ январѣ 1841 года, т. е. въ такую эпоху жизни поэта,

Задумчивость. Съ карт. П. Синибальди, грав. Руффъ.

о которой известно очень не многое, притомъ къ сестрѣ его, Анисѣ Васильевнѣ, о перепискѣ съ которой, какъ и вообще, съ родными, тоже почти ничего неизвѣстно; въ печати имѣются письма Кольцова почти исключительно къ немногимъ литературнымъ дѣятелямъ того времени. Отношенія поэта къ роднымъ болѣе или менѣе выяснены Де-Пуле, но въ нихъ все же оставалось много темнаго; письмо, полученное нами, бросаетъ на нихъ довольно яркій свѣтъ.

Какъ известно, осенью 1840 года Кольцовъ прѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, по дѣламъ. Вообще считается, что отношенія его къ роднымъ были уже и тогда въ значительной мѣрѣ испорчены, какъ испорчены отношенія и къ воронежскимъ друзьямъ и знакомымъ, благодаря новымъ взглядамъ Кольцова, внесеннымъ изъ близкихъ отношеній съ петербургскими литераторами. Изъ письма читатель увидитъ, однако, что родные относились къ Кольцову въ ту пору еще очень хорошо, хотя и смотрѣли на него, какъ на чуждающагося ихъ, и Кольцовъ, со своей стороны, былъ къ нимъ очень привязанъ, совсѣмъ не оправдывая въ дѣйствительности мнѣній объ этомъ Бѣлинскаго. И если Анисья Васильевна такъ враждебно относилась позже къ брату, то были, къ тому, нужно думать, причины значительныя. Письма Кольцова къ знаменитому критику, которыя тотъ приводитъ въ своей статьѣ, посвященной поэту, находятся въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ нашимъ письмомъ. Едва ли можно сомнѣваться, что Бѣлинскій, въ своемъ презрѣннѣи къ провинціальной мѣщанской жизни, крайне преувеличивалъ чувства къ ней и Кольцова. „Пророчески угадали мое положеніе; у меня самого давно уже лежитъ на душѣ грустное сознание, что въ Воронежѣ мнѣ не сдобровать“, писалъ поэтъ знаменитому критику. И эти „угадали“ и „у меня самого“ не служатъ ли яснымъ указаніемъ, что Бѣлинскій подсказывалъ Кольцову и развивалъ въ немъ недовольство жизнью, поселяя въ душѣ поэта грустную раздвоенность? Наше письмо можетъ, съ своей стороны, представить тому не менѣе ясное доказательство. Съ другой стороны тонъ письма, съ его наивными разсужденіями насчетъ „прекрасной минуты, въ которую жила жизнь чудесная — непостижимая тайна души человѣческой“, „благороднаго сознанія въ собственное я“, „голоса роскошнаго Запада“, и т. п., выдаетъ намъ, какъ отразилось на умѣ нашего народнаго поэта вліяніе его петербургскихъ друзей, съ ихъ мудренымъ для него философствованіемъ. Приводимъ письмо это цѣликомъ *):

„Милая сестра моя, Анисья Васильевна. Благодарю тебя душевно за письмо; оно такъ полно души и чувства любви и искренности, что я прочелъ его нѣсколько разъ. Такія письма не всегда у насъ выходятъ изъ души. Это была у тебя прекрасная минута, въ которую жила жизнь чудесная, — непостижимая тайна души человѣческой. Въ ней въ одной сколько жизни, сколько сторонъ различныхъ, сколько угловъ и тайниковъ добрыхъ и злыхъ. Порою именно святая благодать неба осеняетъ ее и вѣетъ упоительно на все такую магическою силою, и въ эту пору къ чему она ни прикасается, все освѣщаетъ своимъ божественнымъ свѣтомъ, самую ледяную душу согреваетъ теплотою своего чувства, и все помыслы исчезаютъ какъ дымъ отъ лица огня. Но бываетъ другая пора, пора тяжелая, полная грязныхъ мыслей и грустныхъ думъ и замирающей тоски, и весь свѣтъ намъ кажется печаленъ и мраченъ, и злой духъ невидимо преслѣдуетъ насъ и шепчетъ намъ какія-то страшныя рѣчи, и силою тянетъ насъ на грѣхъ, на зло, на муку, и на гибель. И если въ чьей груди не лежитъ нравственнаго сознанія о самомъ себѣ, бѣда. Онъ въ одну минуту погубитъ насъ навсегда, и ужъ никога

*) Оригиналъ письма будетъ немедленно переданъ въ Императорскую Публичную Библиотечку.

изъ-подъ его вліянія не освободится человекъ; каждую минуту онъ изъ одной крайности начнетъ идти въ другую, пока бездна погибели не поглотитъ и его добраго имени, и его существованія.

„Эта-то минута, этотъ-то злой духъ погубилъ бѣдную Варю, и она, не имѣвши въ груди нравственнаго долга, погибла навсегда. Теперь у ней одинъ остался выходъ изъ этого состоянія, и этотъ выходъ — смерть. Потому-то она безсознательно и призываетъ ее прежде времени. Какія страшныя драмы разыгрываются въ жизни, и разыгрываются въ нашихъ глазахъ! Бѣдная Варя — если не вспомнила, то скоро вспомнитъ мои слова! Я говорилъ ей еще ихъ во-время; но видно не было у ней въ душѣ чувства понять ихъ.

„Да, есть натуры, которыя видятъ свою гибель — и идутъ на нее, и никакая посторонняя сила не властна ихъ остановить. И потому, что они лишены, можетъ быть, отъ самой природы этого благороднаго сознанія въ собственное свое „я“, ихъ жизнь — любить вещи, находить вни — самихъ себя. Бѣдные люди! жаль ихъ, а помочь нечѣмъ. Другой гибнетъ тоже, но онъ знаетъ прежде, что онъ гибнетъ, и идетъ твердо по избранной дорогѣ; и часъ паденія — часъ его торжества, потому что онъ все стремленіе своей жизни сосредоточилъ давно ужъ въ одной минутѣ. И благословенна его гибель.

„Но будетъ объ этомъ. Закроемъ молчаніемъ эту печальную страничку несчастныхъ людей; перейдемъ къ другому. Но къ чему же? Прежде всего: странно для меня, что ты получила въ одно время три письма? Они посланы изъ разныхъ мѣстъ, въ разное время, идѣ-жъ они были? кто ихъ держалъ? и для чего? — не знаю. Въ ли получили посылки? Я послалъ съ Карпомъ Петровичемъ Капканщиковымъ (?): „Герой нашего времени“, двѣ книги; Пушкина 3 часть; „Дамермурскую невесту“; Вальтеръ-Скотта; „Гецъ“, Гете, драму; писанную драму Шекспира — „Ричардъ Второй“. Воткинъ послалъ ноты — тетрадь, музыка Шуберта; мой „Соловей“; изъ Питера кой-какія разныя, не помню, сколько нотъ, трубкою свертокъ. Ноты посланы, объ посылки, на имя Андропова. Теперь еще для тебя купилъ пѣсни Пушкина — „Съ Богомъ въ дальнюю дорогу“, и „Льсной царь“, Гете, музыка Шуберта, и еще кой-какіе пустилки. Хотѣлъ купить школу для пѣнныя Варламова, да дорожа: 28 рубл. просятъ, а денегъ нѣтъ; выпишу изъ Воронежа.

„Въ письмѣ ты, наконецъ, мнѣ ужъ слишкомъ много льстишь, насказавши такъ много похвалъ; а не написала, поняла ли думу „Льсь“. Прочти въ 11 номерѣ „О. Записокъ“, въ отдѣленіи наукъ, статью о четырехъ драмахъ Шекспира, — тамъ увидишь въ ней, что значитъ нравственный долгъ человека.

„Воткинъ со мной теперь очень хорошъ, а тогда были у него сердечныя дѣла, но только я не зналъ; они-то и мшались всему. Бѣлинскій со мной былъ такъ хорошо, что писать объ этомъ не достанетъ десяти бумаги; припѣду — разскажу. Я скоро теперь припѣду; еще дѣло задерживаетъ меня немного, но на-дняхъ, кажется, всему будетъ конецъ. Ты, другъ мой, ужасно меня обидѣла, говоря, что я куда-то опредѣлился, и тебѣ не сказалъ. Отцу и матери извинительно такъ судить, — я имъ самъ много подавалъ примѣровъ такъ думать; но тебѣ грѣхъ, сестра, думать, чтобы я отъ тебя скрывался... Что же я отъ тебя сокрылъ? — скажи. Сколько помню, кажется я всегда съ тобой былъ откровененъ. Глупые люди выдумали и разнесли пустой слухъ, а вы и повѣрили. Ужели чужой народъ больше имѣетъ для тебя вѣры, чѣмъ родной братъ? Жаль, что такъ вы ошиблись все во мнѣ.

„Фамусовъ выдаетъ свою Софью Павловну за „Пряника“, — часъ добрый, пора костюмъ на мѣсто. Славная парочка: гора съ спичкой, бочка съ иголкой, масло съ водою... А какъ ни смѣшно, но мнѣ все-таки Тимофѣ-

ева жаль: онъ добрый человекъ, какъ бы она его не завербовала. Но судьба рѣшила, — съ Богомъ; они обои не малолѣтки, и вещи ужъ понимаютъ хорошо.

„Недавно былъ я на концертѣ. Пьла Паста *), итальянка, женичина 48 лѣтъ; но Боже мой! — что за голосъ, что за музыка, что за звуки, за грація, что за искусство; что за сила, за энерія въ этомъ голосѣ роскошнаго Запада! Если-бъ ты слышала! чудеса! диво дивное, чудо чудное! Я весь былъ очарованъ, упоенъ ея звуками; кровь вся въ жилахъ кипѣла кипяткомъ. Еще былъ я съ Красовымъ въ дворянскомъ собраніи, въ маскарадѣ, идъ было людей двѣ тысячи человекъ, много замаскированныхъ женицинъ, мужчинъ. Огромная зала, полна людей, богато, разнообразно одѣтыхъ, танцующихъ; и музыка съ высокими хоръ, какъ съ дальняго неба, волнами разливаясь во все стороны, падала внизъ, на насъ, людей назѣмныхъ.

„Я написалъ еще нѣсколько пьесокъ, и довольно удачно; послалъ ихъ къ Бѣлинскому. Онъ просто отъ нихъ въ восторгѣ. Нѣсколько дней было такъ удачныхъ, что я написалъ весьма хорошо. Одну изъ нихъ, не лучшую, я послалъ къ тебѣ давно, въ батенькиномъ письмѣ.

„Батенькѣ, маменькѣ, сестрамъ, зятямъ отъ меня кланяйся. Скажи батенькѣ, что я скоро буду домой, живъ, здоровъ, только постарѣлъ; ты едва ли узнаешь, —

въ эти четыре мѣсяца я пережилъ больше, чѣмъ въ четыре года. Желаю тебѣ больше въ тысячу разъ, чѣмъ желаю самому себѣ. Живи, пой и стучи на фортепьянахъ, и да Господь сохранитъ тебя отъ всякаго зла и горя. Цѣлую тебя горячо и крѣпко. Прощай.

„Любящій тебя братъ твой Алексѣй Кольцовъ. 1841. Января 10 дня. Москва“.

Не лишне будетъ сказать въ заключеніе, что упоминаемая въ письмѣ „Варя“, конечно, и есть Варвара Григорьевна Лебедева, урожд. Огаркова, позже предметъ „страстной любви“ Кольцова, которой „пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ“, по Бѣлинскому, „озарился закатъ его жизни“, но которая въ дѣйствительности заключала въ себѣ такъ мало поэтическаго. Это была, по разсказу Де-Шуле, суетная женщина, совершенно опустившаяся въ Воронежѣ, потомъ уѣхавшая оттуда съ какимъ-то офицеромъ, а лѣтомъ 1841 года окончательно сгубившая уже большого поэта. Кольцовъ, назвавшій ее въ письмѣ „неимѣвшею въ груди нравственнаго долга“, очевидно, не окрашивалъ ее уже и тогда, раньше губительной связи, въ тѣ поэтическіе цвѣта, въ которые — трудно догадаться, на какихъ основаніяхъ — облекалъ ее Бѣлинскій.

Арсеній Введенскій.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.

(Продолженіе).

Х.

Въ Травинкѣ было нѣсколько случаевъ холеры. Въ это время эпидемія то разгоралась, то затихала на Югѣ, и проявляла себя тамъ и здѣсь то чуть замѣтно, то опустошая цѣлыя селенія. Появленіе страшной гостии разогнало Травинскую ярмарку ранѣе срока.

Тарантасъ Михольскаго катился по гладкой дорогѣ и обгонялъ на каждомъ шагѣ крестьянскія повозки, нагруженныя пьяными мужиками, краснолицыи веселыми бабами, связанными телятами, горшками, корытами и всякаго рода лукошками. Ромуальдъ ѣхалъ по этой веселой дорогѣ и размышлялъ о превратностяхъ судьбы и о шкатулкѣ королевы Бонны, куда ему стѣбитъ только запустить руку, чтобы набить карманы золотомъ и утѣшиться отъ всѣхъ неудачъ, вольныхъ и невольныхъ. На поворотѣ, тамъ, гдѣ начиналась длинная семи-верстная гребля, тарантасъ обогнала тройка лошадей въ наборной кованой сбруѣ, окруженная цѣлымъ косякомъ молодыхъ, выхоленныхъ, лоснящихся жеребцовъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ черноусый шулеръ съ подвязанной рукой, и, поровнявшись съ Михольскимъ, кивнулъ ему головой, какъ человекъ, съ которымъ онъ знакомъ. Вскорѣ онъ исчезъ вмѣстѣ со своими лошадьми въ густомъ облакѣ пыли.

— Трофимъ, спросилъ Ромуальдъ, — какъ ты думаешь, кого я подстрѣлилъ?

— Я самъ думаю, баринъ, что это онъ. Я въ Травинкѣ все за нимъ присматривалъ. Точно, что они насъ окружили у балки. У ихъ жеребца голосъ какъ труба. Жаль, мѣтки на черноусомъ нѣтъ.

— А рука?

— У него усохла, говорятъ, давнымъ-давно, проговорилъ Трофимъ, и разочаровалъ своимъ отвѣтомъ молодого человѣка.

„Не можетъ быть!“

Михольскій откинулся на подушки. Черезъ нѣкоторое время онъ сказалъ:

*) Джюдитта Паста (урожд. Негри), итальянская пѣвица, ангажирована была въ 1840 г. въ петербургскую итальянскую оперу. Въ свое время она пользовалась большою извѣстностью; для нея Беллини написалъ извѣстныя оперы „Сонамбула“ и „Норма“.

— Трофимъ, ты нарочно такъ ѣдешь, чтобы вытрясти изъ меня душу.

Трофимъ пустилъ лошадей шагомъ. Съ тарантасомъ поровнялись мужики и ѣхали рядомъ, свѣсивъ съ вонзъ ноги въ смазныхъ сапогахъ.

— Куда ѣдете?

— А домой.

— А что куповали?

— А ничѣго.

— А чьи вы?

— А ничьи.

— Какъ ничьи?.. Развѣ бываютъ ничьи люди?

— Еще, благодаря Бога, бываютъ.

— Кто вы такіе?

— Казаки.

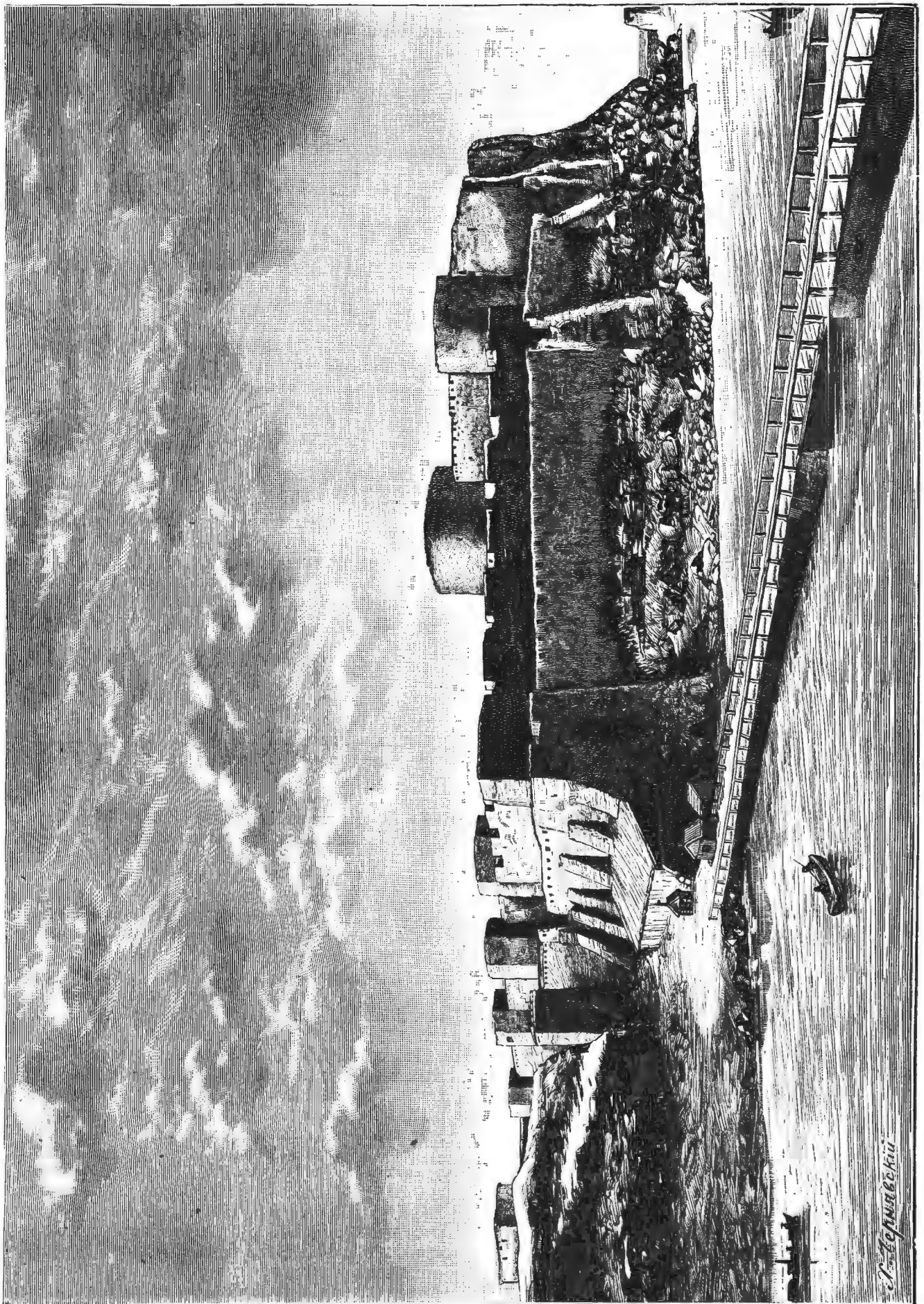
— Ишь, каналы! сказалъ Михольскій, обиженный самостоятельными и лаконическими отвѣтами людей, никому не принадлежащихъ, и нашелъ сообразнымъ съ своимъ достоинствомъ прекратить эту бесѣду.

Слѣдующее за Травинкой большое село называлось Горловкой, и въ немъ находилась станова квартира. Проѣзжая мимо становаго, Михольскій почувствовалъ потребность явиться къ блюстителю порядка и разсказать, что на него ночью, нѣсколько дней тому назадъ, было сдѣлано нападеніе въ балкѣ подъ Травинкой, и что человекъ, котораго онъ подозрѣваетъ, былъ имъ раненъ въ руку, а теперь онъ только что проѣхалъ со своимъ табуномъ лошадей черезъ Горловку, и, можетъ-быть, гдѣ-нибудь недалеко остановился. Свой планъ онъ сообщилъ Трофиму. Трофимъ долго отвѣчивалъ молодого барина не заѣзжать къ становаму, но Михольскій настоялъ на своемъ.

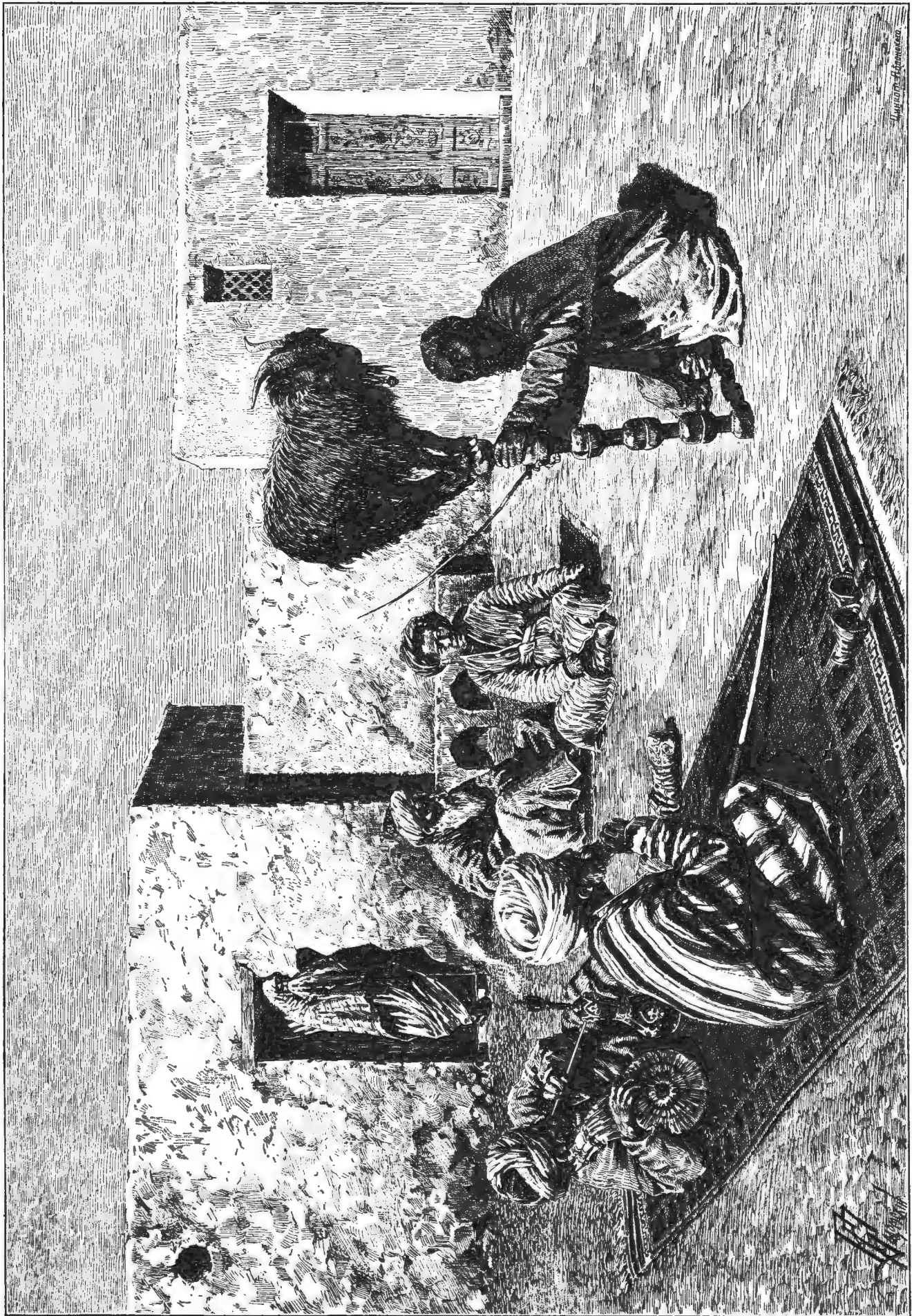
ХІ.

Становой былъ маленькій, кругленькій и совершенно лысый человекъ съ лукавыми глазами и короткими ручками. Выслушавъ рекомендацію пріѣзжаго молодого барина, становой взялъ изъ стойки чѣбукъ съ бисернымъ чахлономъ, раскуривъ трубку и, пуская дымъ, спросилъ, поглядывая на собесѣдника:

— Что же вамъ надо? Чѣмъ я могу вамъ служить? Михольскій разсказалъ, что тогда-то и при такихъ-то

Видъ Анкерманской крѣпости съ сѣверо-восточной стороны. Оргл. рис. (собств. „Нивы“) Чернявскаго, грав. Шлиперъ

Бухарскій фонусникъ. Оргл. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, авторши Яблонскаго.

обстоятельствах онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ самозащитѣ.

— Имѣли законное право. Но почему вы объ этомъ такъ поздно заявили?

Михольскій изложилъ, что побудило его къ такому позднему заявленію, и почему раньше онъ молчалъ.

Становой подозрительно посмотрѣлъ на него и, сильно затянувшись, спросилъ:

— Такъ вамъ угодно, чтобы я что же сдѣлалъ—арестовалъ проѣзжаго господина, примѣты котораго вы мнѣ сообщили?

— Да, мнѣ кажется, что это вы должны сдѣлать.

— Гм... Прежде всего, я долженъ буду задержать васъ. Такъ какъ происшествіе случилось не въ моемъ станѣ, и даже не въ моемъ уѣздѣ, то я снесусь, а на это уйдетъ много времени. Охота вамъ, молодой человѣкъ, возиться съ пустяками! Такихъ случаевъ на каждомъ шагу сколько угодно, мы въ такое время живемъ! Можетъ-быть, потомъ этого не будетъ, а пока надо терпѣть маленькое зло. Мой совѣтъ—забудьте, что вы мнѣ сказали. Вы не курите?.. А то я бы вамъ могъ предложить хорошій жуковъ табакъ. Такъ, молодой человѣкъ. Вы меня простите, старика, я вамъ по-дружески говорю.

Михольскій поклонился.

— Къ тому же, продолжалъ становой,—вы ужъ угостили грабителя выстрѣломъ; совершили расправу—чего-жъ вамъ больше? Нѣтъ, батенька, семь шкуръ съ вола не деруть—несправедливо. Можетъ-быть, вы рану ему смертельную нанесли.

— Нѣтъ, я его, кажется, въ руку.

— А въ руку, такъ въ руку—все равно тяжелая рана. Согласитесь сами, что вору прежде всего нужна рука.

— Но, можетъ-быть, я его и не ранилъ. Это одно предположеніе.

— Не ранили—и то хорошо: совѣсть спокойна, мягко заключилъ становой, и опять потянулъ изъ чубука.— Вотъ что, давайте-ка лучше закусимъ. Пьете водку? Подать завтракъ!

Выпивъ нѣсколько рюмокъ полынной, которую становой совѣтовалъ смѣшивать съ рябиновой и сдабривать сладкой, Михольскій пришелъ въ веселое настроеніе, и уже черезъ какой-нибудь часъ распѣвалъ со становымъ романсъ „Очи черныя“. Явилась сожительница станowego, толстая, бѣлотѣлая баба, тоже стала пѣть, и пустила пронзительную ноту, прослезившись. А становой подхватывалъ басомъ, закрывалъ глаза и качалъ головой въ тактъ пѣнію.

Михольскому захотѣлось спать. Становой принесъ подушку, положилъ на диванѣ въ своей гостиной Михольскаго и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты со словами:

— Люблю порядокъ. И если удастся задушить въ самомъ началѣ какую-нибудь серьезную ябеду—радуясь подобно отцу, встрѣчающему блуднаго сына. Тельца готовъ заклать, а о поросенкѣ нечего и говорить.

XII.

Михольскій удивился, когда, открывъ глаза, увидѣлъ надъ собою звѣздное небо, а постель, на которой онъ лежалъ, оказалась подвижной и качающейся. Голова у него шумѣла и болѣла, и ему трудно было ее поднять. Но, наконецъ, онъ съ усиленіемъ привсталъ и осмотрѣлся. На облучкѣ, какъ всѣ эти дни, сидѣлъ Трофимъ вмѣстѣ съ Вавилкой, и лошади легкой рысцой бѣжали по хорошей дорогѣ.

„Гдѣ это я? Что со мной? Отчего у меня такъ болитъ голова?.. Ничего не могу вспомнить. Ахъ, да, я спилъ у станowego“...

— Трофимъ, а Трофимъ!

— Чего изволите, баринъ?

— Ты живъ?

— Точно такъ, Громвальдъ Петровичъ.

— Ну, Трофимъ, это что-то странное. Скажи мнѣ, какимъ образомъ меня положили въ тарантасъ?

— Положили, Громвальдъ Петровичъ.

— Мнѣ кажется, что становой мнѣ снился.

— Нѣтъ, у станowego мы сегодня поѣли хорошей яичницы съ саломъ—во снѣ я никогда такой не ѣлъ! А васъ мы взяли подъ-руки и за ноги, и съ позволенія вашего, потому что вы молчали, я поѣхалъ. Хорошее угощенье... „На, говоритъ, тебѣ—пригодится, Трофимъ—рубль“, и сейчасъ мнѣ рубль на дорогу. Это, значитъ, черноусый... И, главное, посторонній человѣкъ, а не жалко рубля.

— Какой черноусый?

— Да черноусый, съ рукой. Говорятъ, рука ему эта очень какъ пользу приносить. Разсчетливый человѣкъ, а мнѣ далъ рубль между тѣмъ.

— Да откуда-жъ онъ взялся?

— А откуда мы взяли?—заѣхали къ становому, очень просто, и онъ заѣхалъ. Онъ тамъ другъ и пріятель; становому жеребчика подарилъ. Нашими лошадьми, особенно рыжимъ, приходилъ любоваться. Дѣйствительно, что чортъ! Вполнѣ ласковый человѣкъ.

— Я, кажется, обмѣнялся съ нимъ рубашками, брезгливо сталъ говорить Михольскій. — Выходить, я два раза спалъ. Нѣтъ, должно-быть, чего-нибудь подсыпали въ водку. Ты говоришь, другъ станowego?

— Водой не разольешь. Благородные люди. Баба у нихъ тоже очень зажиточная, щеки такъ и трясутся. Я такъ думаю, что, не иначе, дѣлится этотъ черноусый со становымъ, а тотъ его покрываетъ. Становой увѣдомился, что отъ васъ доносъ, и давай васъ увѣщевать; изъ заднихъ комнатъ черноусаго вывелъ, и вы поцѣловались; а поцѣловались, значитъ, благословеніе приняли и должны молчать.

— Что ты мелешь, Трофимъ? Ты меня совсѣмъ сбиваешь; у меня опять мысли стали путаться.

— Ничего, это съ похмелья, Громвальдъ Петровичъ. Становой ловко подстроилъ. Рука у черноусаго — точно... Но, съ горки на горку! Кучеръ станowego, Филиппъ, доподлинно говорилъ мнѣ, что собственными глазами видѣлъ. Вся рука на пружинахъ и на трехъ винтахъ — одинъ американскій, другой нѣмецкій, третій гишпанскій. Теперь намъ надо думать, какъ бы у насъ лошадей не увели.

— Ну, чортъ съ тобой, Трофимъ, думай, а я буду о своемъ думать, сказалъ Ромуальдъ.

И онъ снова опустилъ голову на подушки, рѣшивъ сосредоточиться на чемъ-нибудь пріятномъ, сталъ мечтать объ Ольгѣ и о шкатулкѣ королевы Бонны, и проснулся уже на разсвѣтѣ отъ предутренняго холода.

— Трофимъ, если ты родился подъ счастливой звѣздой, то благополучно доведешь меня до Кіева, началъ весело Ромуальдъ, — и лошади у насъ не пропадутъ. Трофимъ, а Трофимъ, ты знаешь, что такое счастливая звѣзда?

— Не надо объ этомъ говорить, Громвальдъ Петровичъ, сказалъ Трофимъ, махнувъ кнудомъ. (Онъ боялся непонятныхъ словъ).

XIII.

Путешествіе до Кіева было совершенно благополучно. Выѣхавъ однажды на пригорокъ, Михольскій увидѣлъ въ отдаленіи словно неподвижное облако, все въ бѣлыхъ и синеватыхъ пятнахъ, мѣстами сверкавшихъ золотыми искрами. Это былъ Кіевъ, который видѣлся за двадцать восемь верстъ. Трофимъ, снявъ шапку, перекрестился, Вавилка сдѣлалъ то же самое. У Михольскаго забилося сердце. Экипажъ спустился съ пригорка, и опять исчезъ Кіевъ; потянулся темный сосновый боръ, обступили дорогу непроходимые Бро-

варские лѣса. Передъ обѣдомъ Ромуальдъ пріѣхалъ въ Никольскую слободку, гдѣ надо было дать роздыхъ лошадямъ. Михольскій, закусивъ, принялся пить чай и любезничать съ черноглазой Саррой, дочерью содержателя постоялаго двора. Вавилка пошелъ слушать лирниковъ, а Трофиму захотѣлось купить и съѣсть арбузъ. Онъ привелъ въ исполненіе свое гастрономическое намѣреніе, и, когда Ромуальдъ подумалъ, что пора уже трогаться съ мѣста и послалъ за Трофимомъ, прибѣжалъ Вавилка со словами:

— Ой, худо Трофиму! Какъ бы не умеръ. Кажуть, что холера!

Холера въ окрестностяхъ Кіева еще продолжалась. Михольскій поблѣднѣлъ, чайная ложечка выпала изъ его рукъ — ему показалось, что холера вошла уже въ комнату, стоитъ передъ нимъ и сейчасъ обниметь его своими холодными, мерзкими руками.

— Холера? обратился онъ къ Саррѣ.

Сарра ничего не могла отвѣтить, она тоже испугалась, хотя смертные случаи на постояломъ дворѣ были нерѣдки. Она бросилась подъ навѣсъ смотрѣть на Трофима, который корчился въ судорогахъ. Лицо его почернѣло, губы странно ссохлись, глаза стали совсѣмъ стеклянные. Михольскій, увидѣвъ слугу въ такомъ жалкомъ видѣ и тутъ же обѣдки арбуза, погубившаго Трофима, началъ ругать его и упрекать въ обжорствѣ. Смертная тоска была сильнѣе брани барина, Трофимъ моталъ головой и разставался съ жизнью. Вавилка плакалъ, утирая слезы кулаками.

— Есть какой-нибудь фельдшеръ, докторъ? спросилъ Михольскій у еврейки.

Но не было ни доктора, ни фельдшера. Еще прошло пять минутъ, и Трофимъ навѣки закрылъ глаза. Огорченный и испуганный, Ромуальдъ вернулся на постоялый дворъ, между тѣмъ какъ сельская полиція уже потащила трупъ на холерное кладбище.

— Вавилка! каналья! что дѣлаешь?! закричалъ Ромуальдъ, увидавъ въ окно, что казачокъ доѣдаетъ арбузъ, отъ котораго умеръ Трофимъ. — Вѣдь, этакое животное! Пойди сюда!

Вавилка повиновался, и баринъ, схвативъ его за ухо, сталъ прилежно вертѣть его вверхъ и внизъ, пока оно не стало совершенно краснымъ. Должно-быть, средство было дѣйствительное и обладало какими-нибудь таинственными качествами. Вавилка не умеръ.

Михольскій въ слободкѣ былъ неожиданно подвергнутъ карантину. Всѣхъ подозрительныхъ пріѣзжихъ, которые могли ввезти въ городъ холеру, приказано было задерживать. Такъ прошло нѣсколько дней. У Михольскаго осталось только пять червонцевъ. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что, во всякомъ случаѣ, наслѣдство уже не за горами. Безденежье не пугало его. Но наканунѣ того самаго дня, когда кончился карантинъ, у Михольскаго ночью увели лошадей: сбылось предсказанье покойнаго Трофима.

Пришлось нанять подводу и поскорѣе убираться изъ Никольской слободки. Проѣхавъ мостъ, Ромуальдъ поднялся въ гору на Крещатику и, миновавъ обширный пустырь, остановился на Печерскѣ, на Никольской улицѣ, которая была самой оживленной въ городѣ. Магазины украшали ее своими вывѣсками, и гостиница „Серебряный Лебедь“, гдѣ остановился Ромуальдъ, была хотя и не казиста на видъ, но опрятна и прилична. Ее содержалъ полный, сановитый полякъ съ краснымъ, соннымъ лицомъ и рыжими висячими усами. Дыханіе у него было затруднительное, и онъ сохлѣлъ, какъ кузнечный мѣхъ. Пристально посмотрѣвъ на пріѣзжаго, онъ оцѣнилъ, чего стѣдитъ его гость, и, сообразно этой оцѣнкѣ, отвелъ ему небольшую комнату окномъ во дворъ. Ромуальдъ, однако, не удовлетворился хозяйской оцѣнкой и, позвавъ къ себѣ сановитаго поляка, сталъ пускать ему пыль въ глаза. Хозя-

инъ, панъ Рагульскій, хорошо понималъ, что гости должны обладать гоноромъ, даже не соотвѣтствующимъ ихъ средствамъ, а потому онъ сдѣлалъ видъ, что пыль, которую пускалъ Михольскій, онъ принимаетъ за настоящую золотую и, кланаясь, пообщалъ пріѣзжему считать его своимъ лучшимъ гостемъ, впрочемъ, ни разу не дотронувшись не только до его колѣнокъ, но и до плеча, какъ того требовалъ этикетъ старопольскаго вѣжливаго раболѣпства.

— Скажите, панъ Рагульскій, обратился къ нему съ вопросомъ Ромуальдъ Михольскій, появляясь черезъ полчаса въ буфетѣ, гдѣ за стойкой, съ перомъ въ рукѣ, воссѣдалъ сановитый хозяинъ гостиницы, — гдѣ живеть, во-первыхъ, князь Войдылдъ? Затѣмъ, я имѣю дѣло къ панамъ, — тутъ Михольскій назвалъ еще нѣсколько громкихъ польскихъ фамилій...

— Если панъ имѣеть дѣло къ такимъ важнымъ господамъ, началъ Рагульскій съ поклономъ, — то лучше всего, предварительно, послать жидка разузнать. Я, на-примѣръ, знаю, что Войдылдъ здѣсь, но Сольтанскіе давно выѣхали; а объ остальныхъ ничего мнѣ не извѣстно, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ я въ первый разъ слышу. Эй, жидекъ! закричалъ Рагульскій, — поиди сюда! Вотъ, ты нуженъ ясновельможному пану Михольскому.

— А что, холера у васъ какъ? освѣдомился Михольскій у Рагульскаго, точно холера была тоже въ числѣ его знатныхъ знакомыхъ, и мелькомъ взглянулъ на поблѣжавшаго жидка.

— Ахъ, холера... произнесъ Рагульскій. — Не надо говорить о ней, я ничего не знаю; есть она или нѣтъ — неизвѣстно. Можетъ-быть, люди умираютъ отъ другой болѣзни, а говорятъ, будто отъ холеры.

— А это что у васъ за комната? У васъ тамъ народъ? спросилъ Михольскій, засматривая въ сосѣдную залу.

— Панъ Михольскій, солидно произнесъ панъ Рагульскій, — въ этой комнатѣ собираются мои всѣ добрые гости, которые желаютъ попытать счастья на зеленомъ полѣ въ дьябелка.

— У васъ играютъ въ ландскнеттъ? спросилъ Михольскій.

— Въ дьябелка, повторилъ солидно сановитый хозяинъ, и, обмокнувъ гусяное перо въ чернильницу, прекратилъ разговоръ, храня, однако, на лицѣ вѣжливое выраженіе.

Жидокъ затаилъ дыханіе и стоялъ поодаль.

— Чего бы выпить и съѣсть? сказалъ Михольскій, глядя на стойку, уставленную тарелками и разнообразными закусками. — Я боюсь, что въ каждомъ кускѣ мяса сидитъ холерный ядъ.

Панъ Рагульскій поморщился; снисходительно улыбувшись и пожавъ плечомъ, онъ проговорилъ:

— Если кто хочетъ ѣсть, тотъ не разсуждаетъ; надо ѣсть, чтѣ послалъ Господь Богъ. А противъ холеры, которой, слава Богу, еще не было въ моемъ заведеніи, лучше всего добрая водка... Выпить одну рюмку, выпить другую, выпить третью, то можно ѣсть рѣшительно все. Позвольте вамъ предложить литовскихъ полотковъ; въ Малороссіи, откуда вы пріѣхали, не имѣютъ о нихъ хорошаго представленія. Вотъ я вамъ самъ отрѣжу. Кушайте, прошу васъ. Если бы отъ ѣды приключалась холера, не осталось бы ни одного чело-вѣка; однакоже, остается очень много, а умираетъ немного. Какихъ-нибудь лишнихъ полтораэта, сто чело-вѣкъ въ день! Увѣрю васъ, это мало замѣтная убыль. Валится, къ тому же, народъ темный, и я не вижу, чтобы моя касса стала въ послѣднее время слабѣе: несутъ, какъ всегда, по пятаку, по золотому, по рублю, по пепу. А, наконецъ, чтѣ такое жизнь? философски заключилъ панъ Рагульскій. — Будь у васъ дѣти или жена — жаль было бы умирать въ такіе ранніе годы;

но, повѣрите, молодому человѣку нисколько не страшно разставаться съ жизнью. Вѣрите мнѣ, старику, панъ Михольскій! Это не такое ужъ сокровище!

Чѣмъ больше ѣлъ и пилъ Михольскій, тѣмъ любезнѣе и разговорчивѣе становился хозяинъ. Когда же Михольскій насытился и пересталъ закусывать, панъ Рагульскій пахмурился за своей конторкой и сосредоточенно сталъ записывать все съѣденное гостемъ, чтобы потомъ подать ему подробный счетъ. Напрасно Михольскій началъ съ нимъ разговоръ о покражѣ у него лошадей: панъ Рагульскій писалъ и писалъ, по временамъ устремляя глаза въ потолокъ и какъ бы ловя на лету не повинующіеся его памяти и улетѣвающіе въ пространство бутерброды и рюмки съ водкой.

Комиссіонеръ-еврейчикъ все стоялъ у дверей и терпѣливо ждалъ, пока насытится молодой человѣкъ. Дождавшись вожделѣнной минуты, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, наклонивъ на-бокъ свою остроносую голову, украшенную двумя длинными черными пейсами, осклабился, поклонился, сдѣлалъ впередъ еще нѣсколько журавлиныхъ шаговъ, и, прежде чѣмъ Михольскій опомнился, напечатлѣлъ на его плечѣ горячій, влюбленный поцѣлуй.

— Подожди, подожди! сказалъ ему Михольскій.—Ты подожди тамъ, въ моемъ номерѣ. Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Мандель. Будьте живы и здоровы! отвѣчалъ еврейчикъ, радостно впиваясь глазами въ молодого человѣка, чтобы узнать, чтѣ именно ему понадобится и чѣмъ онъ можетъ ему лучше всего угодить: придется-ли принести молодому пану галантерейнаго товару изъ магазиновъ, или же доставить, подъ прикрытіемъ ночи, другой товаръ. А можетъ-быть, пану Михольскому пужна контрабанда? Хорошее полотно, заграничныя сигары, жепевскіе часы и цыбикъ чаю?

На лицѣ Ромуальда Мандель не могъ прочесть ничего. Онъ вздохнулъ, съежился и тѣмъ же журавлинымъ шагомъ вышелъ изъ залы. Михольскій направился вслѣдъ за своимъ жидкомъ.

Въ номерѣ жидокъ трусливо заперъ за собой дверь, приблизился къ Ромуальду, взявъ его за колѣно и тихо, захлебываясь отъ испуга и счастья, началъ, не сводя пытливаго взгляда съ молодого человѣка:

— Я все могу достать ясновельможному пану и, если надо, выкопать изъ земли, потому что я люблю пана, какъ только его увидѣлъ! Я молодой еще Мандель, но многіе господа находятъ, что безъ меня нельзя обойтись; они ищутъ меня, когда прѣзжаютъ въ Кіевъ, спрашиваютъ, гдѣ Мандель? гдѣ нашъ Мандель? Пускай онъ намъ достанетъ птичьяго молока. Мандель, имѣешь пять пецовъ, десять пецовъ, сколько хочешь пецовъ, но только не смѣй говорить, что ты чего-нибудь не можешь, нашъ коханный Мандель!

Расхваливая себя, еврейчикъ отъ времени до времени вытягивалъ, какъ змѣй, шею, присасываясь на секунду страстными поцѣлуями къ плечу Михольскаго и почтительно отпрядывалъ назадъ. А рѣчь въ похвалу невѣроятныхъ качествъ молодого Манделя такъ и лилась изъ его мокраго, косо улыбающагося рта.

— Хорошо, хорошо! Я вѣрю тебѣ. Узнай мнѣ, на-

чалъ Михольскій,—гдѣ живетъ князь Войдылдъ и когда къ нему можно прѣѣхать?

Мандель со страхомъ глянулъ вокругъ себя, какъ бы прислушиваясь, нѣтъ-ли кого въ номерѣ, и, убѣдившись, что никого нѣтъ, тихо сказалъ:

— Какъ, вы знакомы съ такимъ княземъ, какъ Войдылдъ? Вамъ нужно его видѣть? Князь Войдылдъ, князь Войдылдъ! заголосилъ еврейчикъ.— Это наша краса и гордость всего края. Его любятъ поляки, и безъ него не было бы насъ, евреевъ. Да, я вамъ вѣрно говорю, князь Войдылдъ женатъ на дочери простого жида, по имени Залманъ-Заецъ — вы не шутите съ этимъ! И съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, онъ никогда не отказываетъ ни одному еврею; имъ вольно жить во всѣхъ имѣніяхъ князя Войдылда, и ихъ предпочитаютъ больше, чѣмъ христіанъ, потому что христіанъ много, а евреевъ мало, и потому, что съ христіанъ не можетъ быть такой пользы, какъ съ насъ. Хорошо, ясновельможный, я узнаю, когда вы можете прѣѣхать къ князю Войдылду. Но большое счастье, если онъ васъ приметъ! О, большое счастье!

— А Сольтанскіе въ Кіевѣ? а Нарушевичъ? а Паздерницкіе?

Жидокъ махалъ руками въ знакъ громового впечатлѣнія, которое производитъ на него каждая изъ этихъ фамилій.

— Да, да, всѣхъ знаю и всѣмъ имѣлъ радость чѣмъ-нибудь услужить! Графъ Паздерницкій давно уже любитъ меня, какъ родного сына; видитъ Господь Богъ, что говорю правду! И я ему служу, и служилъ, и буду служить вѣрой и правдой, лучше какъ отцу. Вы знаете что, ясновельможный панъ Михольскій? Я вотъ какой Мандель! Посылаетъ за мной графъ Паздерницкій: „такъ и такъ, мнѣ скучно, Мандель! Придумай мнѣ забаву.“ Такъ что-жъ бы вы думали, я ничего не выдумалъ для графа? Нѣтъ, я сейчасъ же, черезъ какихъ-нибудь полчаса, вернулся къ нему, и это было вечеромъ, въ одиннадцать часовъ. Но я уже былъ ипдюкомъ—я парядился для графа—и графъ остался доволенъ. Присягаю, что это правда! Я первый Мандель въ Кіевѣ, я самый лучший Мандель въ краѣ! опять сталъ хвалить себя жидокъ и, судорожно извиваясь отъ восторга, раболѣпства и жажды взять въ руки молодого человѣка и узнать, кто онъ такой и какаа съ него будетъ пожива, подползалъ къ Михольскому и все прикивалъ къ его плечу и колѣнкамъ.

— Не нужно-ли теперь чего пану? О, пусть панъ скажетъ, это ничего не будетъ стоить пану: я сдѣлаю это изъ любви къ пану, потому что панъ гордый и многоможный панъ, а я есть жидъ, который созданъ для того, чтобы угождать пану!

Замѣтивъ въ глазахъ Михольскаго какое-то желаніе, Мандель чуть не подпрыгнулъ и, какъ змѣй-искуситель, сталъ раздувать искру, проспущуюся въ сердцѣ молодого человѣка. Его шопоть долго раздавался въ номерѣ Михольскаго и, наконецъ, Мандель соблазнилъ молодого человѣка и, вытянувъ изъ него приказаніе, котораго добивался, ушелъ неслышно, какъ тѣнь или какъ змѣй.

(Продолженіе будетъ).

Преждевременное выпаденіе волосъ.

Очеркъ Г. Вольнге.

Когда станешь наблюдать лысыхъ людей, то прежде всего бросается въ глаза рѣзкое различіе, замѣчаемое въ этомъ отношеніи между мужчинами и женщинами. Во-первыхъ, у мужчинъ лысины встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ у женщинъ. Во-вторыхъ, мужчина начинаетъ лысеть гораздо раньше, чѣмъ женщина, и, въ-третьихъ, самое появленіе лысины различно. У мужчинъ обнажаются прежде всего лобная и затылочная часть головы, такъ что лишь на самой макушкѣ остается узенькая прядь волосъ, — какъ бы мостикъ, перекинутый между густыми еще пучками на вискахъ. У женщинъ же, напротивъ

того, волосы начинаютъ выпадать на другихъ мѣстахъ черепа, а именно, на верхушкѣ темени и за ушами. Чѣмъ объяснить такое странное на первый взглядъ различіе? Не есть-ли это одна изъ тѣхъ особенностей, которыми сильный полъ такъ любитъ отличать себя отъ прекрасной половины человѣческаго рода? Не есть-ли это одинъ изъ тѣхъ признаковъ низшей породы, которые мы такъ охотно разсыкиваемъ въ физической и психической организаціи женщины?

Оказывается—все дѣло здѣсь въ шляпѣ и въ прическѣ. Смотрите такія же легкія, воздушныя шляпки и не стригите такъ

На рѣкѣ Днѣпрѣ. Сборъ лозы для выдѣлки корзинъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Флюгель.

низко и такъ часто вашихъ волосъ, и шляпы будутъ и у васъ такимъ же рѣдкимъ украшеніемъ, какъ и у представительницъ прекраснаго пола.

Постояннымъ пошеишемъ тяжелыхъ шапокъ и шляпъ изъ толстой, непроницаемой для воздуха матеріи, мы до такой степени изнѣживаемъ кожу головы, что она становится крайне чувствительной ко всякой переѣнѣ погоды, къ малѣйшимъ измѣненіямъ температуры и влажности воздуха. Есть много людей, которые ни за что не рѣшатся выйти безъ шляпы даже на нѣсколько минутъ изъ жарко нагрѣтой комнаты. Особенно вредны въ этомъ отношеніи сильно нагрѣвающія голову мѣховыя шапки и непромокаемыя шляпы.

Между тѣмъ женщины, благодаря своимъ легкимъ, прозрачнымъ и сквознымъ шляпкамъ, еле только держащимся на головѣ и совершенно ее не стѣсняющимъ, закаляютъ и укрѣпляютъ кожу черепа. А что же, какъ не здоровая кожа, требуется для хорошаго роста волосъ? Когда кожа достаточно питается, когда къ ней свободно приливаютъ свѣжіе соки, когда ничто не препятствуетъ отдѣленію и удаленію отмирающихъ съ поверхности частицъ ея, когда, слѣдовательно, постоянно происходитъ живой обмѣнъ въ клѣточкахъ и быстрое возобновленіе образуемой ими ткани, то и гнѣдящіяся въ этихъ клѣточкахъ корни волосъ находятъ для себя обильный питательный матеріалъ и выгоняютъ длинныя, сильныя побѣги.

Но мыслимо-ли все это тамъ, куда ни воздухъ, ни свѣтъ не имѣютъ часто свободнаго доступа. Выдѣляемая кожей испарина, когда голова покрыта плотною шляпою, не можетъ свободно испаряться, и скопляется въ значительныхъ количествахъ. Это не проходитъ безъ слѣда для здоровья кожи: подъ вліяніемъ содержащихся въ потѣ солей и жирныхъ кислотъ она начинаетъ размягчаться и постепенно разрушается до того, что самыя верхніе слои клѣтокъ отпадаютъ, еще не достигнувъ окончательнаго развитія.

Не малый вредъ причиняютъ также сжимающіе голову твердые края шляпы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они надавливаютъ на черепъ, т. е., на лбу и затылкѣ, кожа быстро истирается, ростъ ея задерживается, и въ результатѣ получается замѣтная борода. Понятно, все проходящее здѣсь сосуды и нервы сжимаются, и питаніе соответственной части кожи, вслѣдствіе этого, значительно ухудшается. Все эти обстоятельства приводятъ въ концѣ концовъ къ тому, что волосы, растущіе на лобной и затылочной частяхъ черепа, начинаютъ выпадать, для образованія же новыхъ не оказывается уже удобной почвы.

Между тѣмъ, во многихъ случаяхъ мы могли бы сохранить до преклонныхъ лѣтъ, а то и до конца жизни, нашъ естественный головной уборъ, если бы мы не такъ усердно покрывали его всевозможными изобрѣтеніями шляпныхъ фабрикантовъ, начиная отъ цилиндровъ и кончая мягкими шляпами всякихъ фасоновъ. Какъ и всегда, природа смѣтитъ намъ за то, что мы такъ плохо слушаемся ея указаній. И дѣйствительно, не странно-ли, что какъ разъ та именно часть нашего тѣла, которая наименѣе нуждается въ защитѣ, такъ какъ уже отъ природы снабжена хорошимъ прикрытіемъ, наиболѣе тщательно оберегается нами отъ всякихъ вліяній?

Лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго можетъ служить растительность лица — борода и усы. Сколько разъ приходится встрѣчать совершенно лысыхъ людей, потерявшихъ послѣдній волосъ съ своей головы и щеголяющихъ въ то же время красивой окладистой бородой или длиннѣйшими усами.

Не слѣдуетъ, конечно, заключать отсюда, что всегда и во всякое время шляпы покрываютъ голову. Нельзя же отрицать того, что шляпа предохраняетъ наши волосы отъ загрязненія пылью, задерживаетъ нѣсколько сильное испареніе кожи въ жаркое время года и доставляетъ головѣ необходимое тепло въ крѣпкіе морозы. Но для этой цѣли вполне достаточно имѣть легкую фуражку, пропускаемую для воздуха и паровъ, и носить ее притомъ лишь тогда, когда въ томъ оказывается необходимость.

Обыкновенно говорятъ — и это чрезвычайно распространенный взглядъ, — что, если волосы сильно „лѣзутъ“, то надо ихъ низко и часто стричь, что это, будто бы, способствуетъ укрѣпленію волосъ. Оказывается, между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, по утвержденію вѣснаго врача Зеегера, что это мнѣніе публики представляетъ одно только заблужденіе. Напротивъ того, коротко остриженные волосы подвергаются вскорѣ различнымъ болѣзненнымъ измѣненіямъ. Дѣло въ томъ, что при срѣзываніи волосъ у корня обнажаются мягкая и шѣпная сердцевина, и ихъ внутренніе каналы.

Ускоряется также и нормальный ростъ такихъ волосъ, что неизбежно влечетъ быстрое истощеніе находящагося въ нихъ запаса питательныхъ соковъ. Между тѣмъ, приливъ свѣжихъ соковъ затрудняется, такъ какъ давленіе краевъ шляпы на кожу еще болѣе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ сократился раздѣляющій ихъ мягкій слой волосъ. Обмѣнъ веществъ совершается не такъ, какъ слѣдуетъ, и все питаніе кожи, а, слѣдовательно, и волосъ окончательно нарушается, становится ненормальнымъ, неправильнымъ. Дальнѣйшее нарастаніе волосъ прекра-

щается, выросшіе раньше, вслѣдствіе плохого питанія, высыхаютъ и выпадаютъ, для образованія же новыхъ волосъ уже не хватаетъ производительныхъ силъ. Въмѣсто длинныхъ побѣговъ на головѣ показывается только рѣдкій пушокъ, а вскорѣ и тотъ пропадаетъ — разрушенъ, значитъ, самыя сосочки, изъ которыхъ выгоняются волосныя трубочки.

Что стрижка волосъ скорѣ вредитъ росту волосъ, чѣмъ способствуетъ ему, нагляднымъ доказательствомъ тому служатъ длинныя косы жепщицъ, никогда не выдвигавшія ножницъ. По отрѣжкѣ хоть разъ пышную косу, новой уже не вырастаетъ. Это испытали на себѣ многія дѣвушки, отрѣзавшія себѣ волосы въ эпоху нигилизма: онѣ такъ и остались съ короткими (сравнительно, конечно) волосами, хотя впоследствии и сожалѣли о своихъ чудныхъ косахъ, погибшихъ безвременю въ угоду требованію времени.

У женщины, благодаря особой формѣ ихъ причесокъ, больше всего страдаетъ питаніе волосъ, растущихъ на макушкѣ и за ушами, такъ какъ они-то главнымъ образомъ и подвергаются наибольшему вытягиванію, скручиванію и тому подобнымъ манипуляціямъ, приводящимъ въ концѣ концовъ къ тѣмъ же явленіямъ, которыя вызываются операціей стрижки волосъ у мужчинъ.

Наслѣдственная слабость почвы, на которой растутъ волосы, играетъ здѣсь также не малую роль. Есть цѣлыя роды лысыхъ людей, гдѣ лысина является какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ всѣхъ членовъ семьи. Что дѣло здѣсь, именно, въ свойствахъ самой почвы, доказываетъ различіемъ сопротивленія, которое обнаруживаютъ волосы разныхъ людей при вытягиваніи: у однихъ они выдерживаютъ очень сильную тяжесть, у другихъ сопротивленіе крайне слабое: волосъ вырывается съ корнемъ очень легко. Болѣе шѣпной и слабой почвѣ соответствуютъ и болѣе тонкіе и рѣдкіе волосы, на грубой же и толстой кожѣ растутъ и болѣе густыя, и болѣе частыя, и глубже сидящіе волосы: это, такъ называемыя, щетинистыя волосы. Все дѣло здѣсь въ слабости или сильномъ развитіи самихъ органовъ, образующихъ волосы, и въ наслѣдственной передачѣ этой слабости или силы отъ поколѣнія къ поколѣнію. Съ слабостью же кожи связано обыкновенно и сильное потѣніе головы — явленіе также неблагоприятное для нормальнаго роста волосъ. Если ко всему этому присоединяется еще плохая гигиена головы, какъ-то пошеище тяжелыхъ шапокъ, твердыхъ шляпъ съ давящими краями и т. п., то лысина неизбежна.

Изъ сказаннаго легко заключить и о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принимать, чтобы предохранить свою голову отъ преждевременнаго облысенія. Прежде всего слѣдуетъ помнить о томъ, что голову надо держать всегда, по возможности, въ холодѣ. Голову держи въ холодѣ, а ноги въ теплѣ — вотъ краткій и простой рецензъ гигиены. Не кутайте ее поэтому въ такіе уборы, которые заставляютъ ее сильно потѣть. Носите легкія гигиеническія (доступныя вентиляціи) шляпы.

Второй совѣтъ: не стригите очень низко вашихъ волосъ. Старайтесь, чтобы каждый волосъ, прикрытый въ своемъ основаніи шляпою, былъ настолько длиннее, чтобы концы его свободно торчали изъ-подъ шляпы наружу. Короче могутъ быть волосы возлѣ шеи, гдѣ они цѣлкомъ находятся на свободѣ.

Въ-третьихъ, слѣдуетъ избѣгать дурной привычки часто проводить по волосамъ руками, которыя обыкновенно шѣпколько жирны. О смазываніи волосъ различными жирами, маслами, помадами и проч. и говорить нечего. Все это способствуетъ только закупоркѣ поръ на кожѣ головы, что въ свою очередь препятствуетъ правильному дыханію кожи. Въ волосахъ имѣется достаточно и своего природнаго, естественнаго жира, выдѣляемаго железами кожи. Надо только равномерно распределить его по всей длинѣ волосъ съ помощью мягкаго, не царапающаго гребня или щетки: тогда они безъ всякой помады получаютъ надлежащій блескъ.

Если же волосы слишкомъ сухи, и природный жиръ въ нихъ почти совершенно отсутствуетъ, то это признакъ плохого питанія кожи, моментъ грозящей лысины. Въ такомъ случаѣ необходимо позаботиться объ усиленіи питанія кожи, о возбужденіи упавшей дѣятельности ея нервовъ и сосудовъ. Иногда бываетъ достаточно вооружиться мягкою головою щеткой и слегка проводить ею по кожѣ до тѣхъ поръ, пока не появится легкая краснота — признакъ, что кожа достаточно возбуждена. Еще лучше и вѣрнѣе дѣйствуетъ массажъ кожи, производимый движеніемъ ея взадъ и впередъ. Есть люди, которые умѣютъ по произволу двигать всюю кожей головы съ помощью мускульныхъ сокращеній. Кому это не удастся, пусть положитъ свою ладонь на макушку и рукою переѣмцаетъ кожу головы до тѣхъ поръ, пока мускулы ея не станутъ покорнѣе волѣ. Въ минуту можно сдѣлать отъ 40 до 50 такихъ движеній. Продолжая ихъ въ теченіе 4—5 минутъ, начинаешь ощущать теплоту на макушкѣ — это значитъ, что цѣль достигнута. Расчесываніе щеткою или массажъ слѣдуетъ совершать ежедневно по три раза: утромъ, днемъ и вечеромъ. Дѣйствіе этихъ средствъ можно еще усилить электризованіемъ кожи — по два раза въ сутки.

Другой способъ возбужденія дѣятельности кожи заключается въ особаго рода массажѣ сухою сукошкою. Ею проводятъ по

затылку и плечамъ до тѣхъ поръ, пока не появится ощущение „гусиной кожи“ отъ макушки и боковыхъ частей головы до ушей и щекъ. Операцию эту надо производить тоже дважды на день.

Такимъ путемъ мало-по-малу восстанавливается нормальное питание кожи, и она приобретаетъ еще къ тому способность сопротивленія вліянію погоды и перепадовъ температуры, такъ что дальнѣйшее извѣживаніе ея теплыми покрывалами становится излишнимъ.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что указанными здѣсь средствами можно производить чудеса. Если черепъ уже совершенно оголенъ, такъ что и пуха нѣтъ на немъ, если процессъ разрушенія живой кожной ткани пошелъ такъ далеко, что и чувство осязанія уже успѣло притупиться, то потерянныхъ волосъ уже не вернуть. Только въ рекламѣ можно было бы

объявлять: „нѣтъ болѣе лысыхъ людей“, какъ объявляютъ нѣтъ болѣе свѣдлыхъ волосъ и проч. Но если чувствительность кожи еще сохранилась, если иѣдется еще порядочный пухъ на лысинѣ рядомъ съ отдѣльными еще сильными и крѣпкими пучками волосъ, то не слѣдуетъ терять надежды на успѣхъ лѣченія.

Въ случаѣ удачнаго лѣченія, чрезъ три-шесть мѣсяцевъ начинаютъ появляться благоприятные признаки. На краю лысины, у границы волосистой части головы, пушокъ становится болѣе густымъ, ростки удлиняются, превращаясь мало-по-малу въ крѣпкіе волосы; параллельно слѣдуетъ и процессъ окраиванія волосъ. Надо только помнить, что всѣ вышеуказанныя правила гигиены головы должны быть тщательно соблюдаемы и во время лѣченія. Въ противномъ случаѣ, „lasciate ogni speranza“.

Стихотвореніе.

П. Порфирова.

Скажи мнѣ, милая, зачѣмъ, со мной встрѣчался,
Ты улыбаешься и смотришь на меня?
И отчего сквозь смѣхъ, мгновенно загораясь,
Блеснетъ порою взоръ, исполненный огня?

Скажи мнѣ, отчего, поймавъ тотъ взоръ, невольно
Влѣдѣю я въ лицѣ, а въ сердцѣ бьется кровь,

Такъ бьется, что ему и радостно, и больно,
Какъ будто для него весна вернется вновь?

Игру любимыхъ глазъ, мгновенныя улыбки
Пойму-ль, какъ вѣрный знакъ влелѣйной мечты?..
Вѣдь, сердцу бѣдному такъ горестны ошибки..
О, милая, скажи: смѣешься? Любишь ты?

Ни франка въ карманѣ.

Истинное происшествіе изъ жизни Наполеона.
переданное Эдуардомъ Шульце.

Переводъ съ нѣмецкаго.

I.

Это было позднимъ лѣтомъ 1807 года. Императоръ Наполеонъ, до переселенія двора въ Фонтенбло, жилъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ Тюльери. Онъ остановился тутъ не надолго, съ той лишь цѣлью, чтобы своимъ присутствіемъ ускорить возведеніе величественныхъ зданій и устройство новыхъ улицъ.

Только-что пробило половина восьмого утра, когда изъ небольшой воротъ тюльерійскаго дворца, выходящихъ на набережную Сены, показалась двое мужчинъ—одинъ большого, а другой маленькаго роста; они направилась тихимъ шагомъ по берегу рѣки.

На нихъ были касторовыя шляпы съ большими полями, надетыя до самыхъ глазъ, длинные сюртуки изъ грубаго сукна и бархатныя брюки, доходящія до коленъ; на ногахъ у нихъ были темныя чулки и башмаки съ пряжками, а въ рукахъ—толстыя палки.

Время отъ времени прохожіе эти останавливались въ различныхъ мѣстахъ набережной, гдѣ работали каменщики, и осматривали ихъ работу. Дойдя до Champs-Élysées, они повернули и направилась къ площади de l'Étoile. Стѣны триумфальныхъ воротъ, воздвигавшихся тамъ въ честь великой арміи, возвышались надъ землею футовъ на двадцать; на лѣсахъ, окружавшихъ строеніе, разгуливала масса рабочихъ безъ всякаго дѣла. Погода была теплая и солнечная, прохожіе усѣлись лицомъ къ постройкѣ на одну изъ скамеекъ, находившихся на площади.

Возлѣ этой скамейки, старикъ-буккинистъ устроилъ свою торговлю, скромно разложивъ на столикѣ свои старыя книги.

— Вотъ лѣтчикъ! обратился къ нему одинъ изъ сидѣвшихъ, показывая пальцемъ черезъ плечо на постройку.

— Подождите немного, господа, возразилъ буккинистъ.—Потерпите немного, сейчасъ пробѣгутъ девять часовъ, и тогда вы увидите, какъ они прилежно начнутъ работать.

— Вотъ какъ! Вы, значить, часто за ними наблюдаете?

— Каждый день! отвѣтилъ буккинистъ.—Видите-ли, за работой смотрятъ здѣсь трое: каждый изъ нихъ проводитъ два часа на постройкѣ, а потомъ, послѣ получасоваго отдыха, еще нѣсколько часовъ въ конторѣ. Отъ девяти до одиннадцати наблюдаетъ здѣсь господинъ Бертело. Апри Бертело—при немъ работа кипитъ. Онъ раньше былъ солдатомъ... и въ теченіе двухъ часовъ, которые онъ здѣсь проводитъ, здѣсь дѣлается гораздо больше, чѣмъ въ остальное время, когда за постройкой слѣдятъ другіе. Вотъ, бьютъ девять часовъ! Смотрите, что сейчасъ будетъ, господа.

Дѣйствительно, въ это время раздался рѣзкій, повелительный голосъ, который приказывалъ рабочимъ. Трубки исчезли, всякій разговоръ прекратился, и закончилась работа.

— Вотъ, вотъ онъ—Бертело! сталъ поносить буккинистъ, показывая на молодого человѣка съ подвязанной рукой. — Онъ былъ раненъ при Фриландѣ, ударомъ штыка въ руку. Я его знаю хорошо; мы еще вчера съ нимъ толковали, и онъ купилъ у меня планъ стараго Парижа. Не могу-ли я и вамъ, господа, предложить карты или книги?

Но ни карты, ни книга у него не купили...

II.

— Послунай, Маделонъ, будь благоразумна и выбрось этого

господина Бертело изъ головы! Онъ, можетъ-быть, и порядочный человѣкъ, но онъ не владѣетъ лѣвой рукой, такъ какой-же онъ работникъ? Когда триумфальная арка будетъ окончена, онъ останется безъ хлѣба, да и тамъ, на постройкѣ, ему каждый день могутъ отказать. Какъ же онъ будетъ содержать свою жену? Ты говоришь, что онъ дѣльный каменщикъ,—а я тебѣ скажу, что онъ калѣка. Съ твоимъ приданнымъ въ двѣ тысячи франковъ ты найдешь себѣ жену получше!..

— Здравствуйте, господа, чѣмъ могу вамъ служить?

Съ этими словами госпожа Арбалетъ, содержательница кухмистерской, разговаривавшая со своей племянницей, обратилась къ знакомымъ намъ прохожимъ, которые, незамѣтно для нея, вошли въ пустой еще залъ ея заведенія, выходящій прямо на улицу. Они не могли, конечно, не слышать словъ хозяйки, и взглянули съ участіемъ на красивую молодую дѣвушку, занимающуюся у буфета.

Прохожіе показали себѣ двѣ порціи бараньихъ котлетъ и бутылку шамберену.

— Я принесу вино, тетюшка, сказала молодая дѣвушка, и вышла изъ комнаты.

Хозяйка накрыла передъ гостями столъ и сказала:

— Вы, господа, вѣроятно, слышали сейчасъ, въ чемъ дѣло. Моя племянница, дочь брата моего покойнаго мужа, сирота, пріѣхала изъ деревни, изъ Логарингін, гдѣ жила у своей бабушки; этакая молодая, ребенокъ еще, влюбилась въ земляка своего, вѣроятно, потому, что ей понравился его мундиръ. Видите-ли, господинъ этотъ находится теперь въ Парижѣ, и она пріѣхала ко мнѣ погостить... И вотъ они хотятъ пожениться. Но развѣ это возможно?.. Вотъ я ее теперь и браню, а она плачетъ...

Въ эту минуту вошла молодая дѣвушка, поставила на столъ бутылку и стаканы, и покраснѣла, услышавъ, что рѣчь идетъ о ней.

— Послушайте, Маделонъ, обратился одинъ изъ гостей, который былъ пониже ростомъ, къ молодой дѣвушкѣ,—господинъ Бертело былъ солдатомъ, не замолвятъ-ли начальники словечко за него?

— Начальникъ его боленъ, отвѣтила скромно молодая дѣвушка,—и когда онъ выздоровѣетъ, онъ, вѣроятно, напишетъ императору, чтобы тотъ ему далъ какую-нибудь небольшую должность. Хотя и то сказать, вѣдь, государю придется устроить очень много большихъ солдатъ. Да мы не торонимся, я тоже думаю, что Апри пробѣдетъ себѣ дорогу; во всякомъ случаѣ, мы будемъ другъ другу вѣрны.

— Это отлично, Маделонъ, одобрилъ гость,—что вы не отчаиваетесь. Нужно только терпѣніе. Иногда къ намъ совершенно неожиданно приходитъ на помощь случай, который храбрымъ и настойчивымъ скорѣе всѣхъ помогаетъ.

Тутъ явились бараньи котлеты, и госпожа Арбалетъ записалась съ племянницей у буфета. Оба гостя были одинъ въ залѣ; когда завтракъ былъ законченъ чашкой кофе, посетители, бесѣдовавшіе все время шопотомъ, собрались уходить. Тотъ, который былъ пониже, поклонившись хозяйкѣ, надѣлъ шляпу и вышелъ въ открытую на улицу дверь; другой попросилъ дать счетъ.

Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ“, драма А. С. Пушкина. Григорій Отрельевъ читаетъ царскій указъ въ корчмѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

Новое знакомство. Съ рис. М. Леблига, грав. Целз.

Когда счетъ былъ поданъ, поѣдатель, замѣтно изъѣвившись въ лицѣ, началъ совать руку то въ тотъ, то въ другой карманъ; онъ искалъ свой кошелекъ, который забылъ захватить съ собой.

Мадамъ Арбалетъ, подбоченившись, стояла передъ столомъ, грозно поглядывая на поѣдателя, пока тотъ тинетно шарилъ въ своихъ карманахъ, и, наконецъ, сказала извѣстнымъ голосомъ:

— Двѣнадцать франковъ по счету, милостивый государь, — двѣнадцать франковъ!

— Просите, началъ поѣдатель въ ужасномъ смущеніи. — Я забылъ взять съ собой свой кошелекъ, а у того господина тоже нѣтъ денегъ съ собой. Мы офицеры, и будьте покойны — черезъ нѣсколько часовъ вы получите свои деньги.

Госпожа Арбалетъ рѣшительно стала между гостемъ и дверью, и зашипѣла:

— А, такъ вотъ какъ, вы и вашъ почтенный товарищъ хотѣли меня нагрѣть на двѣнадцать франковъ! То, что вы говорите — одна ложь. Одинъ изъ васъ могъ еще какъ-нибудь забыть свой кошелекъ, а если у обоихъ изъ васъ его не оказалось, а вы все-таки ѣдите, да ѣдете, такъ это явное мошенничество. Но вы меня будете помнить! Маделонъ, бѣги къ комиссару полиціи и скажи, чтобы онъ сейчасъ арестовалъ здѣсь обоихъ этихъ мазуриковъ, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ.

— Тетушка, сказала Маделонъ, вынимая изъ кармана кошелекъ съ деньгами, — я вѣрю, что они честные господа. Если они забыли деньги сегодня, они ихъ принесутъ намъ въ другой разъ. Но вы, тетюшка, во всякомъ случаѣ, ничего не потеряете. Вотъ ваши двѣнадцать франковъ. Эти господа будутъ должны не вамъ, а мнѣ.

— Пусть будетъ такъ, сказала, видимо, успокоившаяся госпожа Арбалетъ. — Ты, Маделонъ, хочешь, вѣроятно, купить себѣ опытность за двѣнадцать франковъ, — это тебѣ пригодится. Во всякомъ случаѣ, ты откупилае отъ прогулки въ полицію.

— Сердечно благодаренъ за вашу доброту и ваше довѣріе, Маделонъ, сказалъ оставшійся въ комнатѣ гость. — Я совѣмъ забылъ, что у меня есть часы. Могу я ихъ оставить вамъ въ видѣ залога?

— Мнѣ залога не надо, милостивый государь, отвѣтила Маделонъ.

— Еще разъ благодарю, вы сегодня же о насъ услышите.

И съ этими словами онъ приблизился къ господину, который ждалъ его на улицѣ, чтобы съ нимъ пуститься въ обратный путь домой.

III.

Въ эту минуту въ залу вошелъ молодой человѣкъ. Это былъ самъ Бертело, который зашелъ позавтракать къ госпожѣ Арбалетъ, чтобы провести со своей Маделонъ свободные полчаса. Бертело съ удивленіемъ посмотрѣлъ вѣдѣ удалявшимся гостямъ.

— У васъ такое лицо, господинъ Бертело, заговорила госпожа Арбалетъ, — точно вы увидѣли привидѣніе. Что съ вами?

Бертело отвѣчалъ, что если бы онъ здѣсь, дѣйствительно, увидѣлъ привидѣніе, то былъ бы этимъ удивленъ меньше, чѣмъ встрѣчею съ людьми, которыхъ онъ здѣсь только что видѣлъ.

— Ну, что-жъ тутъ такого удивительнаго? спросила госпожа Арбалетъ. — Эти два господина здѣсь ѣли и пили и оказались безъ денегъ. Они хотѣли даже улизнуть отъ меня; маленькій, тотъ былъ хитеръ, вышелъ даже первый. Если я ихъ не вѣдѣла арестовать или не заставила ихъ оставить мнѣ что-нибудь подъ залогъ, то это лишь благодаря Маделонъ, которая была такъ глупа, что заплатила 12 франковъ за этихъ двухъ мазуриковъ.

Бертело глядѣлъ на госпожу Арбалетъ нѣсколько минутъ, молча, съ открытымъ ртомъ и удивленнымъ видомъ.

— Арестовать? Требовать залога? повторилъ онъ беззвучнымъ голосомъ. — Хорошо все-таки, что вы такъ далеко не зашли. Знали-ли вы этихъ гостей, Маделонъ?

— Откуда же мнѣ ихъ знать? отвѣтила молодая дѣвушка. — Я ихъ видѣла въ первый разъ сегодня. Они мнѣ показались порядочными людьми.

— Да говорите скорѣе, господинъ Бертело, сказала госпожа Арбалетъ, — что вы знаете объ этихъ поѣдателяхъ?

— Присмотрѣлись-ли вы хорошо къ маленькому господину? спросилъ Бертело. — Узнаете-ли вы его, если я вамъ покажу его хорошій портретъ?

— Я его сейчасъ узнаю, отвѣтила госпожа Арбалетъ.

— И я также! отвѣтила Маделонъ.

— Вотъ, присмотритесь къ этой головѣ, сказалъ Бертело, вынимая изъ кошелька серебряную пятифранковую монету и передавая ее хозяйкѣ.

Когда г-жа Арбалетъ поднесла монету къ свѣту, она была

поражена поступкомъ Бертело. Маделонъ также взглянула на монету черезъ плечо хозяйки. Черты лица госпожи Арбалетъ мало-по-малу точно каменѣли, и грудь у нея подымалась все выше и выше.

— Это, вѣроятно, случайное сходство, сказала она Бертело свѣтлымъ шопотомъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ увѣренно, — это подлинное изображеніе. Тотъ изъ вашихъ гостей, который пошеже, — нашъ императоръ.

IV.

Весь этотъ день принесъ госпожѣ Арбалетъ и ея племянницѣ много душевныхъ потрясеній. Въ два часа прѣхалъ гофъ-фурьеръ и привезъ обѣимъ имъ письменное приглашеніе къ шести часамъ явиться съ визитомъ къ ея величеству императрицѣ; за ними должна была прѣхать придворная карета, если не послѣдуетъ отказа. Отказъ, конечно, былъ невозможенъ, и обѣ дамы, возбужденныя неопредѣленными надеждами и опасеніями, нарядились въ свое праздничное платье. Во время ихъ отсутствія, кухарка должна была присматривать за поѣдателями. Арбалетъ очень хотѣлось извѣстить Бертело о приглашеніи во дворецъ, но послѣ обѣда его нельзя было нигдѣ отыскать. Говорили, что онъ внезапно получилъ какое-то порученіе отъ высшаго начальства; можетъ-быть, ему пришлось даже выѣхать въ Нормандію на каменоломни.

Въ семь часовъ госпожа Арбалетъ съ Маделонъ сѣдѣла въ гостиной императрицы Жозефины, и государыня, которая такъ мило и любезно умѣла разговаривать съ людьми всякаго положенія и слоя общества, разспрашивала ее, какъ приготовляются хорошія бараньи котлеты — любимое блюдо ея супруга. Вдругъ отворилась дверь.

— Ахъ! вскричала Маделонъ, сіяя счастьемъ, забывъ обо всемъ.

Дѣйствительно, въ гостиной показались императоръ въ зеленомъ егерскомъ мундирѣ, и генералъ Дюрокъ, въ сопровожденіи господина Бертело, съ орденомъ Почетнаго Легіона въ петлицѣ.

— Я сѣдѣю, Маделонъ, уплатить вамъ свой долгъ, сказалъ Наполеонъ. — Вотъ ваши двѣнадцать франковъ, сердечно благодарю васъ! — И онъ подаль ей маленькій шелковый кошелекъ. — Я надѣюсь, госпожа Арбалетъ, продолжалъ онъ весело, — съ васъ довольно и того, что вы узнаете о существованіи на свѣтѣ и честныхъ плутовъ.

— Ваше величество изволятъ мнѣ простить, сказала госпожа Арбалетъ, — но, какъ я имѣла уже честь замѣтить государынь, я не могла знать, кто вы были, а я должна смотрѣть за своимъ дѣломъ — я имъ добываю себѣ кусокъ хлѣба; ваше величество, вы, вѣдь, тоже живете своимъ ремесломъ.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ государь съ видимо возрастающимъ удовольствіемъ. — Каждый долженъ заботиться о средствахъ существованія и, конечно, не желая нести убытки, онъ не долженъ быть слишкомъ доверчивымъ, ни на тропѣ, ни во главѣ арміи, ни въ харчевнѣ. У меня къ вамъ есть просьба: господинъ Бертело назначенъ императорскимъ мастеромъ при постройкѣ дорогъ; онъ получаетъ 6,000 франковъ жалованья и казенную квартиру. Дадите-ли вы свое согласіе на его женитьбу съ Маделонъ?

— Съ удовольствіемъ, ваше величество!

— А теперь, господинъ Бертело, продолжалъ императоръ, — подайте руку вашей невѣстѣ и отпразднуйте весело обрученіе въ улицѣ С.-Оноре. Здѣсь, Маделонъ, прибавилъ онъ, подавалъ ей открытую коробку, въ которой свѣтилось золотое украшеніе, усѣянное изумрудами, — вы найдете брошь, серьги и браслетъ ко дню вашей свадьбы, а въ этомъ ящикѣ нѣсколько слитковъ золота на обезаженіе вашего хозяйства.

— Позвольте и мнѣ сдѣлать вамъ маленькій подарокъ на память о сегодняшнемъ утрѣ, сказалъ генералъ Дюрокъ, бывшій передѣтнымъ вмѣстѣ съ Наполеономъ, когда онъ утромъ ходилъ смотрѣть пикогнито на постройки.

И Дюрокъ подаль молодой дѣвушкѣ ящикъ съ серебряными ложками.

Бертело и Маделонъ не находили словъ для благодарности, направляясь къ двери и раскланиваясь царственнымъ хозяевамъ, вмѣстѣ съ госпожею Арбалетъ.

У дверей госпожа Арбалетъ, дѣлая реверансъ, сказала, обращаясь къ императору:

— Надѣюсь, что ваше величество и господинъ генералъ сдѣлаете мнѣ честь и зайдете еще какъ-нибудь ко мнѣ. Теперь, когда я васъ знаю, я могу вамъ отнуждать въ кредитъ.

— Если я когда-нибудь еще зайду къ вамъ, отвѣтилъ государь, который не имѣлъ никогда обыкновенія носить съ собою денегъ, — то не приду больше безъ франка въ карманѣ — генерала Дюрокъ.

Къ рисункамъ.

Задумчивость. (Рис. на стр. 837).

При взглядѣ на эту исполненную задумчивой прелестіи картинку, гдѣ, какъ живые, сидятъ мужчина и дѣвушка,

погруженные въ свои думы — она, смотря на двухъ прелѣтѣвшихъ голубковъ, онъ — устремивъ свой взглядъ куда-то въ даль, невольно приходитъ въ голову слова стиховъ нашего поэта К. Р. —

Пропеслись мимолетныя грёзы!
 Беззаботные минули дни!
 Словно осенью листья березы
 Незамѣтно умчались они.
 Все, что горькаго въ прошломъ прожито
 Наболевшей душою моею,
 Хоть на мигъ было мной позабыто
 Среди этихъ безоблачныхъ дней...
 Но конецъ пышноцвѣтному лѣту,
 Ужъ грозитъ намъ сѣдая зима,
 И на смѣну и зною, и свѣту,
 Наступаютъ и стужа, и тьма...

Аккерманъ. (Рис. на стр. 840).

Аккерманъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ не только Бессарабской губерніи, но и всей Россіи. Основаніе Аккермана, вмѣстѣ съ устройствомъ всѣхъ другихъ древнегреческихъ колоній по берегамъ Чернаго моря, можно отнести ко времени греко-персидскихъ войнъ, т. е. около 650 г. до Р. X. Древнѣйшія письменныя извѣстія относятся къ V вѣку до Р. X. (Описаніе Скиѣи, Геродота, 484—404 г.). Въ это время здѣсь стоялъ городъ Тира или Тирасъ, средоточіе торговли жившихъ здѣсь греческихъ колонистовъ, тиритовъ. По другимъ извѣстіямъ, поселеніе называлось Офіузы или Офіусъ. Собственно, Офіусъ называлось поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго посада Аккермана — Турлаки. Другое поселеніе, южнѣе, имѣвшее укрѣпленіе съ высокой скалы (гдѣ теперь Аккерманская крѣпость), съ гаванью, развившійся въ цѣлый городъ, называлось Тирасъ; впоследствии всѣ поселенія слились въ одинъ городъ.

Тирасъ велъ обширную торговлю. Съ высокой башни укрѣпленія виденъ былъ нынѣшній Бугазъ — мѣсто впаденія Днѣпровскаго лимана въ море (цареградское гирло); она была очень удобна для наблюденія за приходящими и уходящими торговыми судами. Въ гавани стояли наготовѣ суда, снаряженныя для торговли и для бѣгства, въ случаѣ неудачной войны съ чужаками. Отчасти силой, отчасти выкупами, сообразно обстоятельствамъ, тиритамъ удавалось сохранять свою самостоятельность, свои учрежденія, представлявшія много сходнаго съ учрежденіями городовъ метрополій. Тириты чеканили свою монету съ изображеніемъ своихъ владыкъ (олигарховъ), а позднѣе и римскихъ владѣтелей.

Около этого времени, въ окружавшихъ Тирасъ степяхъ между пажитнымъ теченіемъ Днѣстра и устьемъ Дуная (Буджакская степь), жило нѣсколько скифскихъ племенъ: гаринъ, бригтолагн и болѣе сильныя изъ нихъ гаты. Въ III вѣкѣ до Р. X. гаты начали усиливаться и вступили въ борьбу съ владѣтелями Фракіи, желавшими захватить ихъ земли. Съ усиленіемъ гатовъ, расширявшихъ свои владѣнія, началась борьба съ Тирасомъ, торговля его терпѣла уронъ, послѣдствіемъ чего начался его упадокъ; съ распространеніемъ здѣсь римскаго владычества, около II вѣка до Р. X., греческія колоніи, въ томъ числѣ и Тирасъ, потеряли свою самостоятельность. Когда же основалось нѣсколько римскихъ поселеній, гаты постоянно нападали на нихъ и грабили; такъ, около 54 года до Р. X., они ограбили окрестности и разрушили самый городъ римской колоніи Ольви.

Въ то же время съ востока явилось новое скифское племя аланы, которые, покоривъ тавровъ Крымскаго полуострова, напали на Восторгъ и Херсонесъ; римскій протопреторъ Мизин (нынѣшнія Валахія и Болгарія) явился на помощь и отбѣгнулъ алановъ изъ Таврии. Борьба съ римлянами возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ. Даки, подъ предводительствомъ Децебала, разбили римлянъ, въ 85 г. по Р. X., и, отбѣгивъ аланъ, хотѣвшихъ овладѣть Тирасомъ, завладѣли имъ сами; Тирасъ былъ переименованъ въ „Альба-Юлія“. Тутъ же, по союздству съ Тирасомъ, поселились аланы; верстахъ въ 50 отъ Тираса было ихъ главное становище (нынѣшняя молдаванская деревня Олонешты). Около 106 г. по Р. X., Траянъ завоевалъ Дакию и гатовъ, отбѣгнулъ ихъ на сѣверъ въ предгорья Карпатъ; онъ опредѣлялъ границы римскихъ владѣній въ Буджакѣ сторожевыми башнями и валомъ. Римскіе колонисты поселились въ Дакии, и съ тѣхъ поръ началось медленное, но постоянное романизованіе колоній.

Около 200 года, по Р. X., въ южно-русскихъ степяхъ появляются готы; тѣснимые гуннами, они двинулись, въ 275 г., на западъ въ Траянову Дакию и по дорогѣ ограбили Тирасъ. Около 379 года Тирасъ, послѣ паденія Римской имперіи, перейдя съ окружающей мѣстностью во власть Византіи, становится извѣстнымъ подъ именемъ Лейконолеса и Аспиро-строна. Но и на этотъ разъ недолго продолжалась мирная жизнь тиритовъ. Около 471 года явились новые враги съ сѣвера — это славянскія племена, извѣстныя у греко-византійскихъ писателей подъ именемъ антовъ (лутичи и тиверцы у Нестора); анты вынудили Византійскаго императора Юстиніана I уступить имъ Буджакскую степь съ Тирасомъ, переименованнаго ими въ Бѣлогородъ. Приблизительно въ то же время явились авары или обры, вытѣсненные изъ Закаспійскихъ степей турками. Тирасъ переходилъ изъ рукъ

въ руки и былъ нѣсколько разъ разоряемъ аварами, прогнанными славянами въ 582 г. Въ 679 году Тирасъ едва спасся отъ болгаръ, которые тогда еще не ослаблились и двинулись за Дунай подъ предводительствомъ Аспаруха. Печенѣги въ войнахъ съ хозарами (679—883 гг.) вытѣснили венгровъ или угровъ съ береговъ Южн. Буга; послѣдніе перешли чрезъ Днѣстръ, овладѣли, въ 885 году, Буджакской степью и Бѣлогородомъ, который былъ переименованъ въ Фегеръ-Варъ. Около 1092 года, венгры были вытѣснены пришедшими сюда печенѣгами, которыхъ заставили удалиться съ береговъ Дона и Днѣпра половцы (иначе куманы и узы), овладѣвшіе Бѣлогородомъ и переименовавшіе его въ Аклибу. Въ концѣ XII вѣка (собственно около 1200 г.), усиѣнными войнами великаго князя Данила Романовича Галицкаго, половцы были изгнаны, и Бѣлогородъ опять сдѣлался славянскимъ городомъ. Монгольское нашествіе 1234 года отрѣзало надолго славянъ отъ береговъ Чернаго моря.

Въ 1261 году, Византійскій императоръ Михаилъ Палеологъ, прогнавъ крестоносцевъ, въ благодарность за помощь, оказанную ему генуэзцами, открылъ послѣднимъ доступъ къ бывшимъ греческимъ колоніямъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря; между прочими имъ былъ уступленъ и Бѣлогородъ. Генуэзцы, овладѣвъ городомъ, выстроили на развалинахъ древнегреческаго укрѣпленія свою крѣпость, а самому городу дали названіе „Монъ-Кастро“.

Около 1412 года, Эдигей, первый ханъ новообразовавшагося тогда Крымскаго татарскаго царства, раздѣлялъ Южную Бессарабію между Польшею (король Владиславъ II) и Венгріей (Сигизмундъ). Чрезъ нѣкоторое время, около 1420 г. великій князь Литовскій, Александръ Витовтъ, предпринявъ походъ на Югъ, прогналъ ногайцевъ изъ Буджака за Днѣбрь, дошелъ до Монъ-Кастро, взялъ его и присоединилъ къ Литвѣ; съ этимъ присоединеніемъ городъ утратилъ окончательно свою самостоятельность и свое торговое значеніе. Около 1430 г., турки, послѣ окончательнаго покоренія Валахій, взяли Монъ-Кастро и уступили вмѣстѣ съ Буджакомъ, въ благодарность за помощь во время войны, великому Молдавскому государю, Стефану IV. Послѣдній поручилъ своему наместнику Петру Раену выстроить церковь *) въ память Св. Іоанна Сочавскаго; весь городъ былъ окруженъ стѣною и названъ Цигате Альба—Civitas Alba. Около 1503 года, городъ былъ опять возвращенъ туркамъ, которые построили вокругъ генуэзскаго замка большую крѣпость и переименовали въ Аккерманъ, преобразовавъ его въ цѣлый восточный городъ.

Съ похода Петра Великаго на Прутъ, въ 1711 году, возобновляется цѣлый рядъ войнъ Турціи съ Россіей. Населеніе Бессарабіи начало тяготѣть къ единовѣрній Россіи и желать свободы отъ турокъ. Во время войнъ Турціи съ Россіей, послѣ Петра, въ 1770, 1774, 1787, 1792, 1806—1807, 1811 гг. Аккерманъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 1770 г., 21 сентября, Аккерманъ сдался отряду бригадира барона Ингельстрема, но въ концѣ войны, въ 1774 году, возвращенъ Турціи. Съ 30-го сентября 1789 года, Аккерманъ былъ занятъ отрядомъ казаковъ генерала Платова; по заключеніи мира, въ 1791 году, онъ былъ возвращенъ Турціи **, а 30-го ноября 1806 года, опять занятъ герцогомъ де-Ришелье. Въ 1811 году, Аккерманъ причисленъ къ разряду русскихъ крѣпостей III класса, а въ 1812 году, по бухарестскому миру, окончательно присоединенъ къ Россіи и сдѣланъ средоточіемъ управленія новороссійскаго казачьяго войска.

Главной исторической достопримѣчательностью Аккермана является — крѣпость, основаніе которой вырублено изъ цѣльной скалы. Она представляетъ форму большого неправильнаго четырехугольника, у котораго, впрочемъ, нѣкоторыя стороны слегка изогнуты внутрь. Двѣ стороны этого четырехугольника, сѣверо-восточная и сѣверная, выходятъ прямо въ воды лимана; другія двѣ — западная и юго-восточная, отдѣлены отъ города громаднымъ рвомъ, около 40 футовъ глубины и 30 ф. ширины, превосходно обложеннымъ камнями; за рвомъ идетъ широкій и довольно высокій валъ, теперь немного сложенный, но когда-то подвигавшійся настолько, что совершенно скрывалъ крѣпость съ суши.

Съ юго-востока — крѣпость выдѣляется не очень высоко надъ уровнемъ суши, за исключеніемъ болѣе высокихъ башенъ, но съ лимана она видна очень далеко. Своими громадными толщинами (отъ 7—12 и до 15 футовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) сѣверо-восточными стѣнами и высокими башнями производитъ она грандіозное впечатлѣніе; трещины, обваливающіяся части стѣнъ и скалы, покрытыя травой или мохомъ, усиливаютъ силу впечатлѣнія. Со стороны лимана разрушился цѣлый рядъ башенъ и громадная часть крѣпостной стѣны. Окружность всей крѣпости равняется почти верстѣ, наибольшее протяженіе съ востока на западъ (по диагонали) около 165 сажень, а наибольшая высота — крайнихъ башенъ сѣверо-восточной стѣны — отъ уровня воды, гдѣ заложенъ фундаментъ второй стѣны и другого ряда башенъ, около 13 сажень. Внутри крѣпость раздѣляется на

*) Церковь эта есть и теперь.

***) Въ Музѣи Одесскаго общества исторіи и древностей хранятся виды Аккерманской крѣпости, рисованные М. А. Ивановымъ въ 1791 году; съ нея же — акварель Боссоли 1839 года.

три отдѣленія: сѣверо-восточное, юго-западное и сѣверное, которое находится на самомъ берегу и гораздо ниже остальныхъ двухъ, находящихся на возвышеніи.

На высокомъ выступѣ скалы, между сѣверной и сѣверо-восточной сторонами крѣпостного четырехугольника, въ сѣверномъ отдѣленіи стоитъ древнѣйшая часть крѣпости — Генуэзскій замокъ, построенный на мѣстѣ древнегреческой крѣпости Тираса; онъ представляетъ четыре большія круглыя башни, высотой около 45 футовъ, соединенныя между собой, почти такой же высоты, толстыми каменными стѣнами; внутренность замка, безъ сомнѣнія, измѣнившаяся отъ позднѣйшихъ перестроекъ, наполнена развалинами какого-то зданія, съ ходами въ подземныя помѣщенія. Дворъ, окружающій замокъ, совершенно пустынный; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны груды камней и остатки каменныхъ стѣнъ, да справа, недалеко отъ замка, въ амбразуру стѣны, выходящей въ лиманъ, направлена довольно большая чугунная пушка, какъ видно, русская; надпись гласитъ: „пробована въ 1792 году“. Юго-восточная часть имѣетъ ворота, съ разрушеннымъ подземнымъ мостомъ; крѣпостной ровъ засыпанъ навозомъ и землей. Эти ворота ведутъ въ городъ. Въ этой части заключаются остатки зданій, мечети и минарета. Изъ нея ведутъ почти подъ землей ворота въ сѣверное отдѣленіе, стѣна котораго разрушена водой лимана и которое имѣетъ тоже ворота, выходяща прямо въ воду.

Вообще, части крѣпости, выходяща въ лиманъ, скорѣе другихъ частей подвергаются разрушенію, хотя въ этихъ мѣстахъ, кромѣ громадныхъ башенъ и чрезвычайной толщины стѣнъ, есть еще громадные, массивныя каменные подпоры. Насколько крѣпко сложено все — можно судить по слѣдующему: въ 1877 году, осенью, упала одна изъ древнѣйшихъ башенъ (входящая въ составъ генуэзскаго замка), подымавшаяся въ углу, образуемомъ сѣверной и сѣверо-восточной сторонами крѣпостного четырехугольника; глыбы этой стѣны, объемомъ въ двѣ три кубическія сажени, сцементированныя изъ обтесанныхъ кусковъ камня и кирпича, упавъ съ высоты 10—12 сажень, не рассыпались и до сихъ поръ.

Масса камня, остающаяся отъ разрушенія разныхъ частей, рыхлится; вездѣ — разрушеніе и трещины. Крѣпость пустуетъ — въ ней только складъ камыша, употребляющагося для отопленія мѣстной тюрьмы. У воротъ живетъ какой-то сторожъ. По обросшимъ травой дворамъ можно встрѣтить только пощипывающихъ мелкую травку лошадей или овецъ, да нѣсколькихъ птицъ, находящихся себѣ тамъ ностальное, безвозмездное убѣжище.

Бухарскій фокусникъ. (Рис. на стр. 841).

Азиатское терпѣніе вошло въ поговорку, и бухарскій фокусникъ съ козломъ, вѣроятно, много положилъ изобрѣтательности и труда, чтобы добиться результата, такъ всегда потѣшающаго

публику, будетъ-ли это на площадкѣ, или въ укромномъ гаремномъ уголкѣ бухарскаго мецената. Весь фокусъ заключается въ томъ, чтобы взвести козла на верхушку колонки, составленной изъ отдѣльныхъ кусковъ, напоминающихъ собою катушку отъ нитокъ. И крупный экземпляръ горной породы цѣпкихъ и легкихъ, какъ газель, козловъ исполняетъ съ сознаниемъ собственного достоинства этотъ, кажущійся съ перваго взгляда непреодолимымъ, фокусъ.

На рѣкѣ Днѣпрѣ.

(Рис. на стр. 845).

Въ Малороссіи, по берегу рѣкѣ, гдѣ растетъ ивнякъ или тальникъ, глухою осенью собираютъ лозу, т. е. гибкія вѣтви деревьевъ и, затѣмъ, зимою плетутъ изъ нихъ корзины, и т. п. Событь такой лозы и изображенъ на рисункѣ Ижакевича.

Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ“, А. С. Пушкина.

(Рис. на стр. 848).

Рисунокъ на стр. 848 изображаетъ „Корчму на Литовской границѣ“ изъ безсмертной драмы А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“.

Пристава, слѣдившій за всѣми, переходившими рубежъ земли русской, застаютъ въ корчмѣ двухъ чернецовъ и мрянина, котораго, какъ грамотный, читаетъ царскій указъ объ изловленіи „педостойнаго чернеца Григорія“. Чтобы побѣждать подозрѣній, Григорій перечисляетъ примѣты не свои, а одного изъ бродягъ-чернецовъ, Варлаама: „А лѣтъ ему вору Гриникъ отъ роду... за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду скдую, брюхо толстое...“ Эта извѣстная сцена и передана на рисункѣ А. Замцова.

Варлаамъ и Мисаилъ, дѣйствующія лица сцены въ корчмѣ, личности не вымышленныя. Въ грамотѣ Юва о растригѣ, писанной къ архимандриту Сольвычегодской обители Введенія, говорится о чернецѣ Пименѣ, который познался съ „тѣмъ воромъ“. При немъ были совѣтникамъ ночь Варлаамъ и крылошанинъ Мисаилъ. О Варлаамѣ и Мисаилѣ говорится также и въ „Сказаніи, еже содѣяся на Москвѣ, и о растригѣ“, при чемъ, тамъ встрѣчается указаніе на одну неточность въ сценѣ у А. С. Пушкина: Григорій скинулъ съ себя ищечское платье только въ землѣ Литовской.

Новое знакомство.

(Рис. на стр. 849).

Новое, первое знакомство будущихъ недруговъ. Исцугашио выкладываютъ долгоухіе зайчики изъ корзины, около которой, толкая и суетясь, вертятся щенята, наткнувшіеся на незнакомыхъ, невиданныхъ дотогѣ звѣрковъ.

Вице-президентъ Академіи Художествъ, графъ И. И. Толстой. (Портр. на этой стр.)

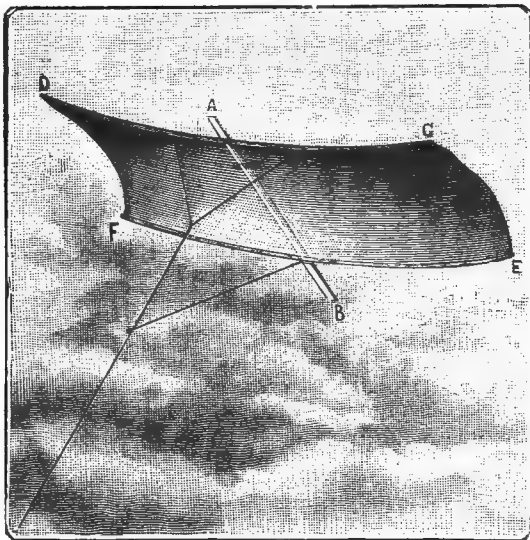
Императорская Академія Художествъ, состоящая подъ покровительствомъ Августѣйшаго своего президента, Великаго Князя Владиміра Александровича, имѣетъ въ настоящее время своимъ представителемъ молодого, опытнаго и талантливаго дѣятеля въ лицѣ гофмейстера Двора Его Величества графа Ивана Ивановича Толстого, въ іюль

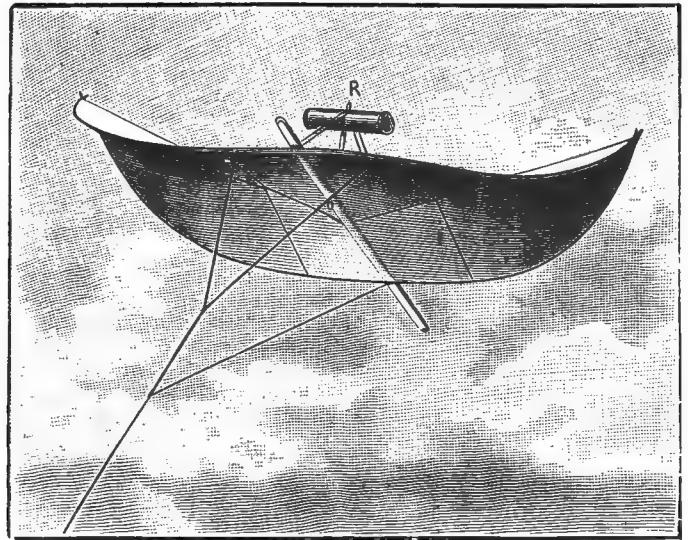
Графъ И. И. Толстой, вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

А. А. Скальковскій (по случаю 65-лѣтія государственной службы). Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

Бумажные змѣи въ Китаѣ. Рис. 1. Обыкновенный змѣй.

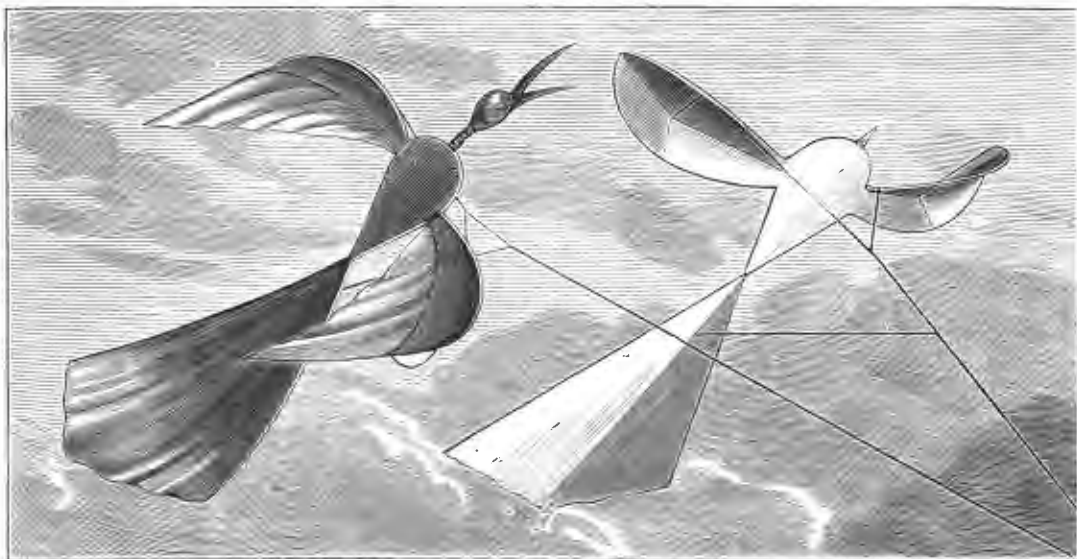
Бумажные змѣи въ Китаѣ. Рис. 2. Змѣй съ музыкальнымъ инструментомъ.

назначеннаго вице-президентомъ Академіи. Обязанности новаго представителя нашей богатой художественной хранилища слишкомъ сложны, отвѣтственны и требуютъ основательнаго знанія художественнаго творчества, энергіи и неутомимости. Мало того, вице-президенту Академіи необходимо знать свой-

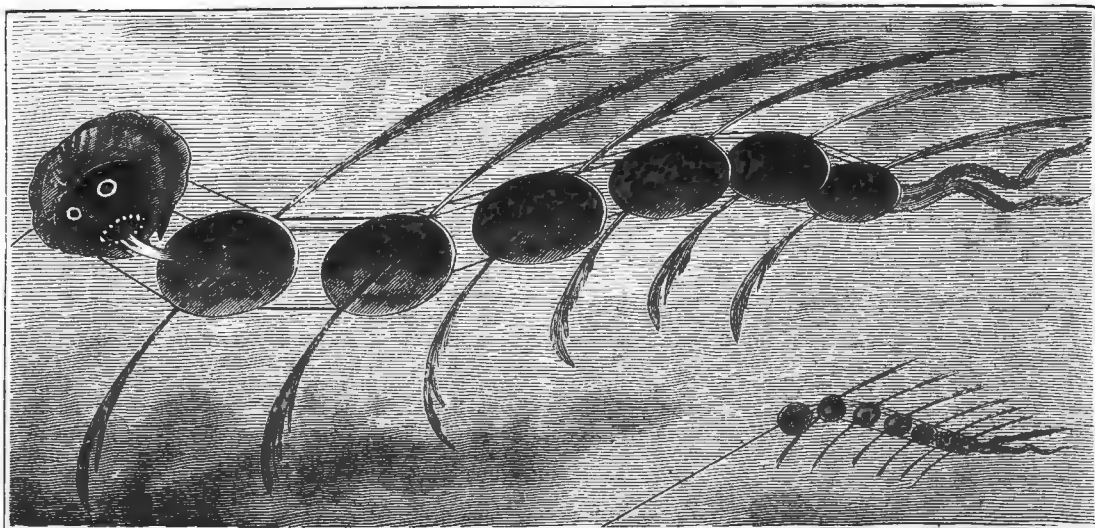
ство и особенности душевной жизни, вообще, чтобы уметь ладить съ людьми, имѣющими большое самостоятельное общую характерную черту большаго таланта нашихъ талантливыхъ художниковъ. Графъ И. И. Толстой обладаетъ всѣмъ, что требуется отъ него. Онъ, несмотря на свои 35 лѣтъ, располагаетъ большою опытностью и обстоятельно изучилъ внутренніе академическіе порядки въ свою бытность конференц-секретаремъ Академіи

(съ 1889 года по 23 января 1893 г.). Онъ неутомимъ и полонъ энергіи. Какъ знатокъ художественнаго творчества и исторіи искусства, имѣетъ завидное прошлое, обещающее свѣтлое будущее. Онъ вмѣстѣ съ профессоромъ Н. П. Кондаковымъ издастъ роскошный и единственный въ своемъ родѣ

обстоятельный трудъ подъ заглавіемъ „Русскія древности въ памятникахъ искусства“. Четвертое издание выпуска этого труда, по своей художественности и правильности взгляда на значеніе историческихъ памятниковъ, составляютъ украшеніе бібліотеки каждаго русскаго образованнаго человека и обогатили нашу историческую художественную литературу. Знаетъ археологію, графъ Толстой знаетъ также, какъ одинъ изъ выдающихся

Бумажные змѣи въ Китаѣ. Рис. 3. Змѣй въ формѣ птицы.

Бумажные змѣи въ Китаѣ. Рис. 4. Змѣй-драконъ, составленный изъ кружковъ.

пумизматовъ. Ему принадлежит обстоятельное описание древнѣйшихъ русскихъ монетъ кievскихъ, новгородскихъ и псковскихъ.

Новый вице-президентъ является потомкомъ древней аристократической фамилии графовъ Толстыхъ, хорошо знакомыхъ русской исторіи. Его бабка, Прасковья Михайловна Толстая, дочь знаменитаго фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго, пользовалась глубокимъ уваженіемъ императора Николая Павловича. Его отецъ, графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, былъ съ дѣтства личнымъ другомъ императора Александра Николаевича и въ продолженіе пѣсколькихъ лѣтъ находился во главѣ министерства почтъ и телеграфовъ. Его дядя, графъ Теофилъ Матвѣевичъ Толстой, подъ псевдонимомъ Ростислава, славился, какъ романистъ, музыкальный критикъ и композиторъ. Графъ И. И. Толстой закончилъ образование на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета и расширилъ свои знанія путемъ самостоятельной кабинетной работы и природной наблюдательностью во время своихъ многочисленныхъ и далекихъ путешествій. Онъ прекрасный психологъ и замѣчательно сердечный человекъ. Простота и любезность въ обращеніи, доступность и предупредительность — вотъ тѣ природныя качества графа, которыя достойны глубокаго уваженія. Его симпатичный характеръ способенъ сблизить любыхъ антагонистовъ художниковъ, его обходительность известна каждому, имѣвшему когда либо съ нимъ дѣловыя отношенія. Несомнѣнно, въ недалекомъ будущемъ новый вице-президентъ поставитъ нашу Академію Художествъ на должную ей высоту и приметъ всѣ мѣры къ развитію эстетическаго чувства русскаго народа.

Графъ Иванъ Ивановичъ родился въ Петербургѣ 18 мая 1858 года. Учился сперва въ третьей гимназій. По выходѣ изъ университета, онъ началъ свою карьеру въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, но вскорѣ перевелся на службу въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Когда была образована коммиссія свѣдущихъ людей по штейнгому и переселенческому дѣлу, подъ предѣлательствомъ графа Н. И. Игнатьева, онъ принималъ въ ней дѣятельное участіе, въ качествѣ дѣлопроизводителя. Затѣмъ, назначенный членомъ переселенческой конторы, учрежденной въ селѣ Ватракахъ, Симбирской губерніи, принималъ партіи переселенцевъ и направлялъ ихъ далѣе. Здѣсь особенно замѣтно проявилось гуманное отношеніе графа къ бѣдствующему люду, искавшему себѣ счастья въ отдаленныхъ мѣстахъ нашей родины. Въ 1886 году Иванъ Ивановичъ назначенъ членомъ Археологической коммиссіи и работаетъ въ ней съ замѣчательной неутомимостью. Кроме того, онъ состоитъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Археологическаго общества, въ которомъ съ 1885 г. по 1891 годъ былъ секретаремъ.

Н. Афанасьевъ.

А. А. Скальковскій. (Портр. на стр. 852).

Недавно одинъ изъ достойнѣйшихъ старожилловъ города Одессы, много потрудившійся на поприщѣ исторіи какъ этого города, такъ и вообще южнаго края и Запорожской Сѣчи, тайный совѣтникъ Аполлонъ Александровичъ Скальковскій отпраздновалъ 65-ти-лѣтіе своей государственной службы.

А. А. Скальковскій состоитъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ, Московскаго Императорскаго общества исторіи и древностей, Русскаго Географическаго и Вольно-экономическаго общества, Одесскаго общества исторіи и древностей, Виленской археологической коммиссіи и Копенгагенскаго историческаго общества и, кроме того, сотрудничаетъ въ пяти статистическихъ комитетахъ. Труды А. А. посвящены исключительно Новороссійскому краю и въ частности Одессѣ. Изъ трудовъ этихъ, какъ наиболѣе выдающихся, можно отмѣтить: „Хронологическій обзоръ исторіи Новороссійскаго края“, издавъ 1836 года, и „Первое 35-ти-лѣтіе Одессы“. Труды эти А. А. имѣлъ счастье представить Государю Императору Николаю Павловичу и въ то время Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. На эти произведенія было обращено вниманіе Жуковскимъ, бывшимъ тогда воспитателемъ Цесаревича. При выходѣ въ свѣтъ этихъ двухъ книгъ, знаменитый Сперанскій поощрилъ А. А. Скальковскаго на дальнѣйшіе литературные труды.

За свои литературные труды А. А. былъ удостоиваемъ многократно преміями и почетными отзывами. X.

Бумажные змѣи въ Китаѣ. (Рис. на стр. 853).

Искусство приготовленія бумажныхъ змѣевъ весьма распространено на дальнемъ Востокаѣ. Въ особенности, китайцы, имѣющіе подъ руками бамбукъ, китайскую бумагу и легкія шелковыя ткани, достигли большого совершенства въ устройствѣ подобныхъ снарядовъ, самыхъ разнообразныхъ формъ, невѣроятныхъ въ другихъ странахъ.

Японскіе летучіе змѣи уже имѣютъ всемірную извѣстность и продаются у всѣхъ торговцевъ японскими надѣльями. Недавно однимъ изъ корреспондентовъ журнала *La Nature*, г. Гюне, была заказана въ Китаѣ для этого журнала цѣлая коллекція образцовъ различныхъ видовъ змѣевъ, употребляемыхъ повсемѣстно въ Китаѣ, Аннамѣ и Тонкинѣ.

Нѣкоторые изъ этихъ образцовъ мы приводимъ здѣсь въ рисункахъ, заимствованныхъ изъ журнала *La Nature*.

Рис. 1 изображаетъ простѣйшій типъ.

Остовъ его состоитъ изъ прямой бамбуковой палочки АВ и двухъ боковыхъ, слегка изогнутыхъ, CD и EF. На эту рамку наклеивъ листъ бумаги, расширяющійся на концахъ С. Е. и D. F. Подъ дѣйствіемъ вѣтра, бумага образуетъ двѣ выпуклыя поверхности, которыя поддерживаютъ всю систему въ равновѣсіи. На рисункѣ указанъ также способъ прикрѣпленія нитокъ. Змѣй этотъ бываетъ, обыкновенно, до одного метра шириною.

Рис. 2 представляетъ, такъ - называемый, „музыкальный змѣй“, къ которому прикрѣплена бамбуковая трубка R (резонаторъ) съ тремя отверстіями, однимъ посрединѣ и двумя на концахъ. При полетѣ змѣя, воздухъ, врывающійся въ трубку, производитъ довольно сильный, жалобный звукъ, слышимый на значительномъ разстояніи. Этотъ змѣй почти такого же устройства, какъ и предыдущій, съ тою лишь разницею, что концы поперечныхъ палочекъ соединены между собою и получаютъ видъ крыльевъ, прикрѣпленныхъ къ одной центральной оси. Змѣй этотъ бываетъ очень большихъ размѣровъ — до трехъ метровъ въ діаметрѣ. Резонаторы помѣщаются иногда по три и по четыре одинъ надъ другимъ и производятъ весьма сильный низкій звукъ. По словамъ г. Гюне, музыкальный змѣй очень распространенъ въ Китаѣ и Тонкинѣ. Иногда цѣлыя сотни такихъ змѣевъ летаютъ по воздуху, въ окрестностяхъ Ханоя. Этотъ типъ змѣевъ служитъ предметомъ религиозныхъ суевѣрій, и ему приписывается свойство отгонять злыхъ духовъ. Съ этою цѣлью его иногда, во время вѣтра, привязываютъ къ крышамъ домовъ, гдѣ онъ въ продолженіе цѣлой ночи издаетъ жалобные звуки, подобіе золотой арфы.

Рис. 3 представляетъ змѣя-птицу. Остовъ его изображенъ на правой сторонѣ рисунка. Большею частью, китайцы довольствуются однимъ остовомъ; иногда же дополняютъ его птвичьей головой и кусками тонкой бумаги, прикрѣпленной къ крыльямъ. При вѣтрѣ бумага приходитъ въ движеніе и напоминаетъ взмахи крыльевъ. Такой дополненный змѣй-птица изображенъ съ лѣвой стороны рисунка; онъ достигаетъ иногда одного метра длины.

Въ заключеніе приводимъ описаніе наиболѣе любопытнаго вида китайскихъ змѣевъ. Это — змѣй-драконъ (рис. 4). Онъ состоитъ изъ ряда маленькихъ, чрезвычайно легкиихъ дисковъ эллиптической формы, сдѣланныхъ изъ китайской бумаги, натянутой на бамбуковую рамку. Диски соединены двумя нитками, поддерживающими ихъ на равномъ разстояніи одинъ отъ другого. По длинной оси къ эллипсамъ прикрѣплены поперечныя бамбуковыя тростинки, концы которыхъ выдаются изъ дисковъ и оканчиваются сѣблями травъ, поддерживающихъ весь снарядъ въ равновѣсіи. Передній дискъ пѣскольکو выпуклый, и на немъ изображается фантастическая голова съ кусочками зеркала вмѣсто глазъ. Диски постепенно уменьшаются, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ, изобраающемъ змѣя при его полетѣ. Они получаютъ наклонъ къ направлению вѣтра въ 45°, и весь снарядъ приобретаетъ движеніе, напоминающее изгибы ползущей змѣи. Къ заднему диску привязаны двѣ ленты, образующія хвостъ дракона. Нужна большая ловкость, чтобы заставить змѣй-драконъ летать; китайцы достигли въ этомъ искусствѣ большого совершенства, но европейцамъ оно дается съ трудомъ. (с.)

К. В. Рукавишниковъ. (Портр. на стр. 856).

При избраніи городского головы жителями Москвы трудно было намѣтить тѣхъ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ по правиламъ городского положенія утверждался въ должности Высочайшей властью. Трагическая кончина Н. А. Алексѣева, погибшаго отъ злодѣйской руки психоната, лишила москвичей лучшаго представителя ихъ интересовъ, украшавшаго Москву грандіозными общественно-полезными зданіями, улучшившаго санитарное состояніе вѣтреннаго его попеченію города. Намѣченные кандидаты было много, но они всѣ отказались отъ избранія, мотивируя свой отказъ трудностью замѣнить москвичамъ Н. А. Алексѣева. Только послѣ усиленныхъ просьбъ К. В. Рукавишниковъ согласился баллотироваться въ кандидаты на должность городского головы, получилъ абсолютное большинство голосовъ и былъ утвержденъ въ новомъ своемъ званіи. Новый московскій городской голова не новичокъ на общественномъ поприщѣ. Онъ братъ Рукавишниковъ — основателя исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, и состоитъ попечителемъ этого пріюта и его главнымъ руководителемъ. Самое образцовое устройство полезнаго и гуманнаго учрежденія обязано трудамъ, знаниямъ и матеріальнымъ средствамъ Константина Васильевича. Долготѣнная дѣятельность новаго городского головы, въ качествѣ попечителя Рукавишниковскаго пріюта, представила ему видное мѣсто на бывшемъ въ Москвѣ съѣздѣ представителей исправительныхъ заведеній. Заботясь объ исправленіи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, Рукавишниковъ не забывалъ и взрослыхъ, стараясь облегчить своей широкой благотворительной дѣятельностью участь того контингента столичнаго населенія, который наиболѣе доставляетъ кандидатовъ

въ „мертвый домъ“. Новый городской голова трудился и трудится, занимая, одновременно, постъ директора Московскаго тюремнаго комитета и постъ вице-президента Комитета по разбору и приравнѣнію нищихъ.

Кромѣ того, К. В. Рукавишниковъ извѣстенъ, какъ меценатъ-покровитель народнаго, особенно музыкальнаго, образованія, а также своею дѣятельностью по городской Думѣ и губернскому московскому земству. Онъ состоитъ почетнымъ членомъ Общества распространенія техническихъ знаній и Общества распространенія полезныхъ книгъ, директоромъ Московской консерваторіи, почетнымъ мировымъ судьей въ Москвѣ и Московскомъ уѣздѣ и членомъ многихъ благотворительныхъ учреждений. Образование свое Константинъ Васильевичъ получилъ въ Московскомъ университетѣ и закончилъ за границей—посѣщеніемъ извѣстныхъ университетовъ, серьезнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ выдающимися представителями науки.

3687 словъ, помѣщенные на бланкѣ открытаго письма. (Рис. на стр. 856).

Искусство скатаго письма, посредствомъ котораго можно помѣстить на сравнительно незначительномъ пространствѣ такое количество словъ, которое невольно поражаетъ свою цифрою, съ перваго взгляда кажется любонитнымъ фокусомъ, не имѣющимъ никакихъ практическихъ результатовъ. Но стоитъ только вспомнить о голубиной почтѣ, услуги которой могутъ въ военное время оказать незаменимыми—и необходимость скатаго до возможныхъ предѣловъ письма станеть болѣе чѣмъ очевидна. Мы даемъ образчикъ такого письма, исполненный А. С. Чернышевскимъ. Тутъ, на величинѣ бланка открытаго письма, написано: 20 исalmовъ, весь Символь Вѣры, утреннія и вечернія молитвы и молитва за царя—всего 3687 словъ. Передано письмо факсимиле.

Разныя извѣстія.

— 5-го сентября, Ихъ Императорскія Величества слушали Божественную литургію въ конногвардейской православной церкви, и послѣ завтрака на яхтѣ „Полярная Звѣзда“ произведенъ смотръ крейсерамъ „Память Азова“ и „Дмитрій Донской“.

— Въ *Правит. Вѣстн.* опубликованы временныя правила застрахованія хлѣба въ зернѣ по пониженнымъ тарифамъ российскихъ акціонерныхъ страховыхъ обществъ.

— Представители петербургской печати, собравшись 5-го сего сентября, послали парижскому комитету по устройству франко-русскихъ празднествъ слѣдующую телеграмму:

„Петербургская печать, глубоко признательная французской печати за горячую дружбу, проявляемую ею по отношенію къ Россіи по поводу посѣщенія Тулона русской эскадрой, выражаетъ французскимъ собратьямъ свои горячія и искреннія симпатіи и счастлива, что можетъ снова, какъ въ незабвенные дни Крошштадта, подтвердить свои братскія чувства къ великому французскому народу и его славнои печати. Да здравствуетъ Франція!“

Затѣмъ рѣшено просить редакторовъ русскихъ газетъ, которые во время чествованія русской эскадры будутъ присутствовать въ Тулонѣ и Парижѣ, являясь тамъ также представителями петербургской печати.

Возбужденный-же при этомъ вопросъ о командировкѣ въ Тулонъ и Парижъ специальныхъ делегатовъ отъ петербургской печати остался, за позднимъ временемъ, открытымъ до другого собранія, которое будетъ созвано распорядительнымъ комитетомъ, составленнымъ, по закрытой баллотировкѣ, изъ пяти лицъ: кн. М. Н. Волконскаго (ред. *Новы*), М. А. Загуляева (представ. *Нового Времени*), В. В. Комарова (ред. *Свѣта*), О. К. Нотовича (ред. *Новостей*) и А. И. Поповичаго (ред. *Паломника*).

— 30-го августа, въ Варшавѣ, въ бывшемъ королевскомъ замкѣ, въ Ричардской залѣ, архіепископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства, совершено молебствіе по случаю открытія дѣйствій комитета, учрежденнаго для сооруженія новаго православнаго собора, и вслѣдъ за тѣмъ состоялось первое засѣданіе комитета.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія назначило въ петербургскія классическія гимназіи особыхъ наблюдателей, изъ профессоровъ университета, за преподаваніемъ древнихъ языковъ.

— Главное тюремное управленіе, для облегченія участи ссыльныхъ, сдѣлало распоряженіе по подвѣдомственнымъ ему учрежде-

Новый пожарный снарядъ. (Рис. на стр. 857).

Представленный на нашемъ рисункѣ, изобрѣтенный Паули снарядъ приспособленъ для тушенія огня и для спасанія погибающихъ въ пламени. Онъ представляетъ помѣщенную на телѣгѣ площадку съ нѣсколькими прикрѣпленными къ ней раскладными лѣстницами, которыя устанавливаются въ наклонномъ положеніи помощью согнутой зубчатой металлической дуги. Снарядъ можно перевозить съ мѣста на мѣсто, предварительно сложивъ лѣстницы для облегченія передвиженія.

На краю каждой лѣстницы устроены откидывающіяся платформы, съ которыми соединены другія подвижныя лѣстницы для поддержки главной. Подвижныя лѣстницы представляютъ въ то же время удобное соединеніе съ землею и служатъ также для подъема наверхъ пожарныхъ рукавовъ.

На каждой платформѣ помѣщенъ воротъ, посредствомъ котораго двигаются прикрѣпленные на канатахъ спасательныя будки между окнами горящаго дома и платформой. Эти же будки могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ употреблены для самихъ пожарныхъ съ цѣлью ближайшаго направленія водяныхъ струй.

Одновременный снимокъ съ пяти оборотовъ.

(Рис. на стр. 857).

Американскій фотографъ М. Ставъ придумалъ снимать своихъ клиентовъ передъ двумя зеркалами, поставленными другъ къ другу подъ угломъ въ 45°. Снимающійся садится на табуретъ въ углу зеркалъ. Благодаря такому оригинальному, въ сущности, очень простому, приспособленію, получается, какъ изображено у насъ на рисункѣ, одновременно пять изображеній одного и того же лица. При строгомъ профилѣ и помощью последовательнаго отраженія въ одномъ зеркалѣ отраженій въ другомъ, получаются изображенія съ пяти разныхъ сторонъ. Этотъ способъ можетъ сильно заинтересовать художниковъ и артистовъ.

Политическое обозрѣніе.

Вся Франція занята приготовленіями къ встрѣчѣ русскихъ судовъ и ихъ командъ. Въ составъ эскадры входятъ: эскадренный броненосецъ „Императоръ Николай I“, подъ командой капитана 1-го ранга Дикова; крейсеръ 1-го класса „Память Азова“, подъ командой капитана 1-го ранга Чухинна; крейсеръ 1-го класса „Адмиралъ Нахимовъ“, подъ командой капитана 1-го ранга Лаврова; крейсеръ 1-го класса „Рында“, подъ командой капитана 1-го ранга Крюгера, и канонерка 1-го класса „Терезд“, подъ командой капитана 2-го ранга Лопинскаго. Во главѣ русской средиземной эскадры назначенъ контръ-адмиралъ О. К. Авеланъ. Онъ явится представителемъ русскаго флота во время ответнаго визита въ Тулонѣ французской эскадрѣ, посѣтившей Крошштадтъ въ 1891 году. Контръ-адмиралъ О. К. Авеланъ родился въ августѣ 1839 года. На службѣ онъ заявилъ себя человекомъ съ неутомимой энергіей и пользуется репутацией храбраго моряка. По происхожденію онъ—попомокъ одного изъ знатныхъ французскихъ родовъ, переселившихся въ Россію въ прошломъ вѣкѣ. О. К. Авеланъ—кавалеръ многихъ русскихъ

и иностранныхъ орденовъ и, между прочимъ, имѣетъ командорскій крестъ Почетнаго Легіона.

Можно предположить, что императоръ Германскій, Вильгельмъ, чрезвычайно любитъ маневры. Едва они успѣли окончиться близъ Мена, какъ императоръ Вильгельмъ, въ сопровожденіи короля Саксонскаго и принца Леопольда Баварскаго, отправился въ Кесегъ, для присутствованія на маневрахъ австрійскихъ войскъ. Въ маневрахъ германскихъ войскъ, юный императоръ не только былъ зрителемъ, но и принималъ участіе. Рассказываютъ также, что императоръ Вильгельмъ поспорилъ съ командиромъ 16-го корпуса, генераломъ Геслеромъ, что онъ возьметъ его въ плѣнъ съ лѣвымъ крыломъ его корпуса. Въ этомъ штъ ничего невозможнаго, сказалъ генералъ, — мнѣ хорошо извѣстны военныя таланты вашего величества“. И онъ принялъ пари. Но, принявъ его, онъ перемѣнилъ диспозицію своего корпуса и повелъ дѣло такъ ловко, что въ плѣну оказался не онъ, а императоръ Вильгельмъ, да еще съ цѣлою, командуемой имъ, дивизіей. Въ Кесегѣ императоръ Вильгельмъ узналъ о болѣзни князя Бисмарка. Говорятъ, что

на здоровье желѣзнаго кап-лера не мало повліло предпи-саніе воздержаться отъ прои-знесенія публичныхъ рѣчей. Болѣзнь князя оказалась тяжелой и встревожила многих. Импе-раторъ, узнавъ о ней, послалъ телеграмму, въ которой выразилъ князю свое соболѣзнованіе и предложилъ ему переѣхать на жительства въ одинъ изъ импе-раторскихъ замковъ, такъ какъ климатъ въ Фридрихсруэ неблаго-приятенъ. Князь Бисмаркъ го-рячо благодарилъ императора длинною телеграммою, но отка-зался принять предложеніе, слѣ-дуя совѣту профессора Шве-цингера, высказавшагося про-тивъ переѣзды мѣста житель-ства, уже привычнаго для князя.

Изъ Дакки передаютъ о при-бытіи англійской миссіи въ пре-дѣлы Афганистана. Послѣ от-правленія обратно конвоя изъ киберскихъ стрѣлковъ, миссія поступила подъ охрану войскъ афганскаго эмира. Она выступи-ла 8-го сентября утромъ изъ Лун-ди-Хотала. Въ пограничномъ мѣ-стечкѣ Лунди-Ханъ Дюранъ былъ встрѣченъ представителемъ эмира Голамъ-Хайдаромъ и аф-ганскимъ конвоемъ изъ 100 пѣ-хотинцевъ и столькихъ же всад-никовъ. Голамъ-Хайдаръ былъ весьма любезенъ; всѣ англійскіе

Н. В. Рукавишниковъ, новый Московскій городской голова.
Съ фот. автотипія Ренара.

офицеры были приглашены щественныя зданія; людей убито не много.

въ палатку, гдѣ ихъ угощали. Послѣ получасовой остановки, миссія продолжала путь въ Да-ку. Голамъ-Хайдаръ и Дюранъ ѣхали впереди. Голамъ-Хайдаръ ростомъ 6 футовъ и 2 дюйма, носитъ простую сѣрую одежду. Лагерь въ Даккѣ расположенъ живописно на правомъ берегу рѣки.

Злостное республиканское правительство снова въ затруд-нительномъ положеніи. Послан-ная для возобновленія порядка бразильскимъ правительствомъ изъ Рио-Жанейро въ Рио-Гранде эскадра присоединилась къ ми-тежинкамъ. Три бразильскіе частные парохода, батальонъ морской пѣхоты, провинція Ба-гін и Пернамбуко перешли на сторону адмирала Мелло, кото-рый въ настоящее время распо-лагаетъ тридцатью судами. И владѣетъ гаванью Рио-Жанейро. Адмиралъ Мелло намѣренъ вы-нудить голодомъ сдачу горо-да. Пейкоето обратились къ провинціальнымъ властямъ съ просьбою выслать войска, но просьба эта осталась безъ от-вѣта.

Возмутившійся флотъ бомбар-дировалъ 1-го сентября Рио-Жанейро въ продолженіе всего дня. Повреждены нѣкоторыя об-

Научныя и техническія новости.

— Французскій психиатръ Ш. Фере наблюдалъ нѣсколько случаевъ помъшательства у домаш-нихъ животныхъ. Исслѣдованіе обнаружилъ, что такой же формой психическаго разстрой-ства страдали раньше ихъ хозяева, и кото-рые и сообщ-или свою болѣзнь живот-нымъ. Такъ, комнатная собачка одной дамы, стра-давшей агаро-фобіей, то-есть, боязнью большаго пространства, также зарази-лась вскорѣ этой психиче-ской болѣзью и под-верглась ужаснымъ припадкамъ страха, когда ее заставляли переходить улицу. Та-кимъ обра-зомъ можно считать уста-новленнымъ фактомъ пере-дачу психиче-скихъ болѣзней отъ чело-вѣка къ его домашнему животному.

— Французскій агрономъ Лабубенъ (La-boulléne) сдѣлалъ очень важное открытіе, которое можетъ оказать сельскому хозяйству и садоводству очень важныя услуги. На осно-ваніи известнаго факта, что нѣкоторыя ра-стенія изъ семейства лютиковыхъ (Ranunculaceae) причиняютъ вредъ скоту, когда они примѣшаны къ травѣ въ зеленомъ видѣ, и со-

вершенно безвредны для животныхъ въ видѣ сухого сѣна, Лабубенъ заключилъ, что все дѣло здѣсь въ растительныхъ сокахъ, напол-няющихъ свѣжее растеніе. И дѣйствительно,

важныхъ растений въ горячую воду. Полу-ченной вытѣжкой и слѣдуетъ обливать ово-щи, цвѣты и пр., чтобы предохранить ихъ и защитить отъ нападенія вредныя и личи-нокъ.

— Изобрѣ-тенная недав-но электри-ческая тѣла состоитъ изъ нагрѣваемой электриче-скимъ токомъ проволоки изъ платиниро-ванной стали, которая получа-ется при по-груженіи ста-ли въ азюрный растворъ хлор-истой пла-тины. Съ помощью этой пилы самое твердое дере-во рѣжется безъ труда.

— Париж-скій механикъ Кулері-Мери изобрѣлъ ча-совой меха-низмъ для ве-лосипедовъ. При-боръ этотъ от-считываетъ въ метрахъ раз-стояніе, пройденное велосипедомъ. Съ по-мощью особаго приспособленія этотъ авто-матическій счетчикъ приуравливается для какаго угодно велосипеда. Въсь всего при-бора, который прикрѣпляется къ рулю са-моката, не болѣе одного фунта.

— Дитонъ изслѣдовалъ тѣла, вытряхивае-мую прислугой изъ дамскихъ платьевъ, и нашелъ въ ней значительное количество ми-

[Small text block containing a dense paragraph of text, likely a continuation of the scientific article or a separate short notice.]

Двадцать псалмовъ, Символь Вѣры, утренняя и вечерняя Молитвы и Молитва за Царя (всего 3687 словъ), помѣщенные на бланкѣ открытаго письма. Воспроизведено въ натуральную величину, по оригиналу А. Черныянаго. Автотипія Ренара.

въ сокахъ зеленыхъ листьевъ и стѣмянъ раз-личныхъ лютиковыхъ, волкобая, осенняго Delphinium и др., содержатъ сильныя яды, въ видѣ такъ-называемыхъ, алкалоидовъ. Водные растворы этихъ веществъ, какъ доказано опы-тами Лабубена, убиваютъ гусеницъ и личи-нокъ насекомыхъ. Добыть ихъ можно проще всего, положивъ соответственныя части на-

крупнообразных, в том числе и туберкулезных палочек.

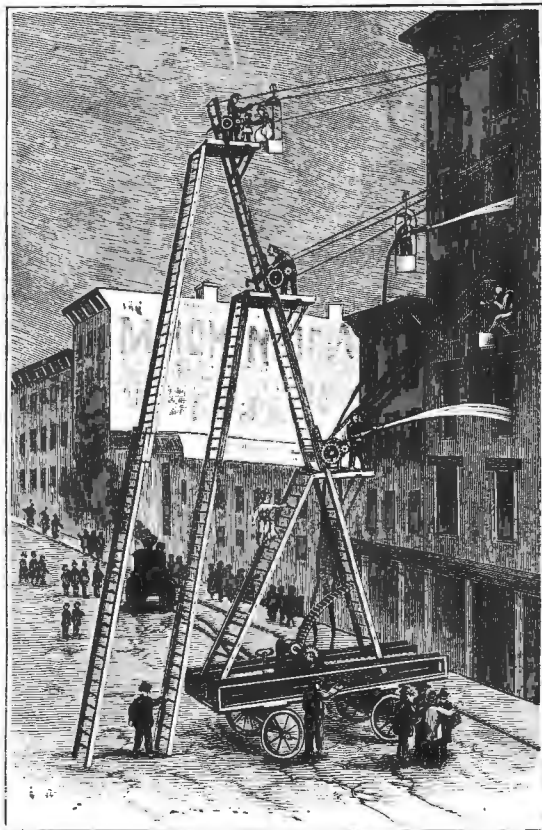
— Очень вкусный сыр, почти не отличный от настоящего и прекрасно сохраняемый в течение нескольких лет, получают в Саксонии из крупного блага картофеля. Сварив его, перетирают в однообразную массу, к которой прибавляют сметаны (1 фунт на 5 фунтов картофеля); помешивают, пока не получится однородная смесь. Если оставить ее теперь в покое, то она начнет „бродить“; по прошествии четырех дней, массу снова растирают и процеживают, а затем высушивают в сухом, теплом месте, и сыр готов.

— Бронза из марганца в отношении прочности, растяжимости и пр., как оказывается из новейших опытов, превосходит обыкновенную бронзу из меди и олова. Прокатанная марганцовая бронза настолько прочна, что из нее можно выдвигать составные части локомотивов и тому подобные предметы, подвергающиеся большим давленим. Из сплава меди, марганца и никеля получается марианг, металл, который можно рвать, катать и вытягивать в проволоку. Большое преимущество марганцевых сплавов в том, что сопротивление, оказываемое ими прохождению электрического тока, не изменяется от перемены температуры, чего нельзя сказать о многих других металлах, употребляемых в электротехнике.

— Что сок апельсина и лимона опасный враг холерных запятых, доказываются сдвданными недавно замечательными наблюдениями. Колонии этих бактерий, помещенные на свежесрезанную поверхность апельсина или лимона, погибли через несколько часов; даже на верхней кожиде (неповрежденной) они прожили всего один сутки; бактерии, находившиеся в дурно упакованном ящике с лимонами, уже по прошествии одного дня утратили способность к развитию. Наконец, на лежавших в комнате лимонах на следующий день уже нельзя было найти никаких следов холерных запятых. Разрушают их, очевидно, апельсиновая и лимонная кислоты, содержащиеся в этих фруктах.

Смесь.

Выставка продуктов пчеловодства и пчелы состоится 11, 12 и 13 октября (нов. стиля) на всемирной Колумбийской выставке, а также — конгресс пчеловодов, на который получило весьма лестное приглашение наш известный специалист пчеловод Г. Н. Кондратьев, издатель и переводчик нескольких капитальных трудов по пчеловодству. Г. Кондратьев избран на последнем 23-м собрании Северо-Американского пчеловодного общества почетным членом, о чем недавно и получено им официальное извещение из Вашингтона от названного общества, состоящего под ведомством энтомологического отделения департамента земледелия Соединенных Штатов. Секретарь общества, г. Франк Бенсон, доводя до сведения г. Кондратьева о состоя-

Новый пожарный снаряд, изобретенный Паули. По рис. с нат. грав. Флюгеля.

Одновременный фотографический снимок с пяти различных оборотов. По фот. грав. Тириа.

шемся единогласном избрании его в почетные члены, прибавляет: „Я предложил избрать Вас в почетные члены не только в виду оказанных Вами больших услуг в делье преуспевания пчеловодства в Вашей стране, но, главное, за труды Ваши по ознакомлению Вашего народа с лучшими американскими сочинениями по пчеловодству“.

Лечение больного жемчуга. У подошвы берегового утеса, под окнами замка Мирамаре, служившего резиденцией покойного мексиканского императора Максимилиана, на десятисаженной глубине, имеется в Адриатическом море небольшая выбонна, выдолбленная в камне руками водолазов. В выбонну эту положены самые ценные в свете жемчуги. Они принадлежат австрийской эрцгерцогине Райерс. Эрцгерцогиня долгое время не носила этих драгоценностей. Вдруг она как-то заметила, что жемчуг сильно потускнел: его постигла, так-называемая, „боллезнь“. Спрошенные по этому поводу специалистами единогласно заявили, что единственное средство, чтобы вернуть жемчугу его прежний блеск, это погрузить его на долгое время в глубину моря. Эрцгерцогиня последовала их совету. И вот уже много лет лежат эти жемчуги на упомянутом месте. По временам их вынимают, чтобы убедиться, насколько успешно лечение. Действительно, постепенно, хотя и очень медленно, возвращается к ним былой их красивый блеск.

Продавец докторских дипломов арестован недавно в Нью-Йорке. Он продавал свои поддельные дипломы по цене от 125 до 250 франков. Любопытно то, что находились люди, которые покупали подобные документы и пользовались ими.

Исполнительный свадебный пирог украшал стол герцога Йоркского и принцессы Тэкс. Пирог был приготовлен в Честере и стоил 1,200 рублей. Он состоял из трех этажей и весь был сплошь убран художественно сдвданными фигурами и эмблемами из сахара. Подобные пироги составляют необходимую принадлежность каждой английской свадьбы. Пирог выставляется лишь для вида и к нему никто не прикасается, при раздвде же каждый гость получает по куску этого пирога на память в красивой украшенной коробке.

Английский путешественник Ричард Бертон путешествовал по Афганистану в костюме магометанского факира. Он так искусно разыгрывал свою роль, что население относилось к нему с благоговением, как к святому. Вдруг в одной деревне, куда он прибыл и где его принимали так же восторженно, как-то вечером явился к нему несколько старшин из жителей и просили его как можно скорее уехать. „Почему же?“ спросил он, изумленный. — „Мне казалось, что меня здесь даже любят“. — „Совершенно верно“, ответили старшины. — „И до того даже любить, что были бы очень счастливы видеть у себя вашу могилу“. Бертон быстро собрался и уехал.

Смяться от души, что

называется, всё́мъ липомъ, не совсѣмъ безопадно. Отъ такого смѣха, какъ наблюдено, съ теченіемъ времени, начинаетъ морщиться кожа.

Новый Гаврсній маякъ. Въ непродолжительномъ времени, на Гаврскомъ мысѣ, во Франціи, засвѣтится сильнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время маячныхъ фонарей. Напряженность свѣта гаврскаго маяка превыситъ второе свѣтовую силу наиболѣе извѣстныхъ въ Европѣ маяковъ и будетъ равняться свѣту 2.500,000 горѣлокъ карсельныхъ лампъ. Ночью, при ясномъ небѣ, свѣтъ отъ гаврскаго маяка распространится вдаль на 52 мили, а въ дождливую погоду — на 22 мили. Оптический аппаратъ маяка, специально предназначенный для усиленія его свѣта, состоитъ изъ четырехъ двояко-выпуклыхъ стеколъ, расположенныхъ квадратомъ и касающихся другъ друга подъ прямымъ угломъ. Стекла съ рамами утверждены на цилиндрическомъ поплавокѣ, вращающемся внутри круглаго сосуда, наполненнаго до верха водою, присутствие которой облегчаетъ вращеніе фонаря, совершенно устраняя треніе. Напряженность свѣтовыхъ лучей будетъ зависеть, главнымъ образомъ, отъ электрическаго свѣточа и устройства чечевичныхъ стеколъ, выпуклость которыхъ должна способствовать распространенію лучевыхъ сноповъ на возможно далекія разстоянія. (А. х.)

Общество борьбы противъ холода и жары. Американцы со свойственною имъ практичностью и предприимчивостью достигли того, что съ успѣхомъ борются противъ холода и противъ жары. Такъ, въ городѣ Сень-Луи уже давно учреждено общество парового отопленія, которое, за извѣстную плату, посредствомъ паровыхъ трубъ, снабжаетъ тепломъ cadaго домовладѣльца, желающаго воспользоваться этимъ удобствомъ. Теперь то же общество, помощью тѣхъ же трубъ, снабжаетъ жителей охлажденнымъ воздухомъ. вмѣсто пара въ трубахъ циркулируетъ аммоніакъ въ состояніи жидкости, который, соприкасаясь съ вѣтшимъ воздухомъ, охлаждаетъ его. Такимъ образомъ, абоненты, за сравнительно небольшую плату, имѣютъ возможность по своему желанію понижать у себя въ квартирахъ температуру на 10 и даже 15 градусовъ, что въ лѣтнее жаркое время, безъ сомнѣнія, чрезвычайно пріятно. (х.)

Вліяніе луны на рыбную ловлю. Одинъ старый рыбакъ-итальянецъ замѣтилъ, что луна имѣетъ вліяніе на результаты рыбной ловли. Такъ, лучше всего рыба наклеивается на 4 или 5 день послѣ первой четверти мѣсяца. Это лучший періодъ для рыбной ловли. За три дня до полнолунія и до 4-го послѣ этого фазиса луны уловъ рыбы посредственный. За два дня до послѣдней четверти до 2-хъ дней слѣдующаго полнолунія ловля мало благопріятна. Съ 3-го дня послѣ послѣдней четверти до новолунія рыба наклеивается очень плохо. До 4-хъ дней по новолуніи рыба попадается болѣе, послѣ этого посредственно, и т. д. (х.)

Оригинальный миссионеръ живетъ теперь въ Нью-Йоркѣ. Это весьма уважаемый у себя на родинѣ египтянинъ, по имени Абдуръ-Раманъ. Въ Нью-Йоркѣ явился онъ для обращенія христіанъ и язычниковъ въ магометанство.

Задача № 18.

Прочестъ пословицу (вырѣзанную на краяхъ блюда) такимъ образомъ: выбравъ за начало ея одну изъ буквъ и перескакивая черезъ опредѣленное количество буквъ, прибавлять къ ней другія.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Котора журналъ „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Письмо А. В. Нольцова. — Искатель приключеній. Повѣсть Г. Ясинскаго. (Продолженіе). — Прендевременное выпаденіе волосъ. Очеркъ Г. Вольте. — Стихотвореніе П. Порфирова. — Ни франка въ нарманѣ. Истинное происшествіе изъ жизни Наполеона, переданное Эдуардомъ Шульте. (Переводъ съ нѣмецкаго.) — Къ рисункамъ: Задумчивость (съ рис.). — Анкерманъ (съ рис.). — Бухарскій фокусникъ (съ рис.). — На рѣкѣ Днѣпрѣ (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ“, А. С. Пушкина (съ рис.). — Новое знакомство (съ рис.). — Вице-президентъ Академіи Художествъ, графъ И. И. Толстой (съ портр.). — А. А. Снялковскій (съ портр.). — Бумажные змѣи въ Китаѣ (съ 4 рис.). — И. В. Рунавишниковъ (съ портр.). — 3687 словъ, помѣщенныхъ на бланкѣ открытаго письма (съ рис.). — Новый пожарный снарядъ (съ рис.). — Одновременный снимокъ съ пяти оборотовъ (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Научныя и техническія новости. — Смѣсь. — Задача. — О перемѣнѣ адреса. — О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. **5 р.** } Съ дост. въ Петерб. **6 р. 50 к.** } Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объѣзв. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія **6 р.** } Съ перес. въ Москву и др. города Россіи **7 р.** } За гра- ницу. **10 р.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

14-й и 15-й ВЫПУСКИ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащій въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый — въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Въ конторѣ изданій А. Ф. Маркса въ СПБ. продаются слѣдующія народныя иллюстрир. изданія сочиненій

Н. В. ГОГОЛЯ.

1. Коляска. <i>Повѣсть.</i> Брош. 10 к.	*8. Тарась Бульба. <i>Повѣсть.</i> Въ перекл. 30 к.
2. Вечеръ накануне Ивана Купала. <i>Повѣсть.</i> Брош. 10 "	*9. Пропавшая грамота. <i>Повѣсть.</i> Брош. 10 "
3. Вій. <i>Повѣсть.</i> Брош. 20 "	*10. Ночь предъ Рождествомъ. <i>Повѣсть.</i> Брош. 20 "
*4. Майская ночь или утопленница. <i>Повѣсть.</i> Брош. 20 "	11. Женитьба (соверш. невѣроятное событіе). <i>Комедія.</i> Брош. 20 "
*5. Сорочинская ярмарка. <i>Повѣсть.</i> Въ перекл. 20 "	*12. Шинель. <i>Повѣсть.</i> Брош. 15 "
6. Носъ. <i>Повѣсть.</i> Брош. 10 "	13. Занодованное мѣсто. <i>Повѣсть.</i> Брош. 10 "
7. Страшная мѣсть. <i>Повѣсть.</i> Брош. 20 "	14. Ревизоръ. <i>Комед.</i> Брош. 40 "

* Допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

Выписыв. отъ 1—3 брошюръ прилаг. за перес. зазан. бандер. 15 к.
" " 4—8 " " " " " " 25 "
" " 9—13 " " " " " " 40 "

Выписывающіе одновременно не менѣе 14 книжекъ непосредственно изъ КОНТОРЫ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій, 6,— за пересылку не платятъ.

ПАЦИНТЫ

и все луковичныя растения и другия для огородов и оранжерей. Превосходные ассортименты растений для оранжерей и огородов по 5 руб. 50 к., 10 руб. 50 к., 20 руб. Просьба указать, для какой цели предназначается заказ. Нашъ ассортиментъ для огородов по 10 руб. 50 коп. заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 луковичныхъ растений. Упаковка—бесплатно. Нѣмецкіе, англійскіе и французскіе каталоги, по требованію, высылаются бесплатно. Адресъ: **van Meerbeek & Co. Handelsgärtner, Hillegom bei Haarlem (Holland).** Просьба настоятельно обращаться съ требованіями **только** на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ.

ТЮЛЬПАНЫ

ПОЛНЫЙ КАРМАННЫЙ ТЕХНИКЪ

С. Н. Ванкова.
Необходимое пособие для всякаго инженера, механика, архитектора, фабриканта и студента находится въ продажѣ во всѣхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Варшавы.
Цѣна 2 р. 50 коп. № 6536

ЧУДЕСА ВЫСТАВКИ ВЪ ЧИКАГО.

Новая книга съ 70 рисунками. Цѣна 1 руб. 40 коп. съ пересылкой.
Адресъ: Одесса, технологу Н. П. Мельникову. № 6534 2—2

ЛЕШИНСКЪ и ГЮЗНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450
За почтовую марку высылаю указатель для заказовъ грывневыхъ, пупочныхъ и почечныхъ бандажей. № 6530
Адресъ: городъ Харьковъ, бандажисту Отгенсону.

ЦАРЬ-ДЬВИЦА. Вс. Соловьева. Ром. хрон. XVII в., вт. 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ.
состоящий изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. И. СЕРГѢЕВА.**

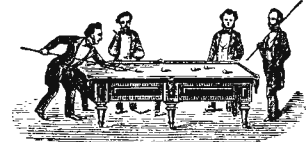
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издан. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ СПб. контору журнала „Нива“ (Невскій, 6-й).

Новая американская скоропишущая машина „ГАЛЛЬ“.

Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробные шрифты бесплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ **Э. ШТЕЙНПЕЛЬ** въ г. Одессѣ. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкй пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—17
Иллюстрированные преисъ-курanty по требованіямъ высылаются безвозмездно.

УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ К. А. ШШЕНИШЫНА

съ приготовительнымъ курсомъ въ **КАДЕТСКИЕ КОРПУСА** и въ экз. **ВОЛЬНООПРЕДѢЛЯЮЩАГОСЯ.** Москва, Арбатъ, домъ Алексѣевой. Приемъ учениковъ съ 10-го августа. Начало ученія 16-го августа. № 6531 2—1

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (33)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Касимовская невеста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Изъ біографій путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемесячно выпускается 4 книжки. Мт. № 6532
До 20 августа 1893 г. вышли слѣдующія 120 біографій: Андерсена, Аристотеля, Байрона, Берне, **БЕНКАРИА** и **БЕНТАМА**, Вакона, Вѣлинскаго, Карла Вэра, Беранже, Векховена, Боккаччо, Бомарше, Боткина, Джордано Бруно, Рих. Вагнера, Леопардо да Винчи, Волкова (основателя рус. театра), Воронцовыхъ, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, Ганни, Говарда, Гоголя, **ГРИБОДОВА**, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дакерра и Нанса, Даламбера, Данте, Дарвина, **ДАШКОВОЙ**, Демидовыхъ, **ДЕРЖАВИНА**, Дефо, Дженнера, Диккенса, Достоевскаго, **ЮАННА IV ГРОЗНАГО**, Кальвина, Калкина, Караизца (основателя харьк. университета), Карейля, Кеплера, Колумба, Конфуція, Кольцова, Коперника, Крамского, Крылова, Кювье, Лавуазье, Лангаса и Эйлера, Лейбница, Лермонтова, Лесинга, Линнкетона, Линкольна, Линнея, Лойбля, Локка, Ломоносова, Лябелля, Мейербергера, Микель-Анджело, Милли, Мицкевича, Мольера, Монтегеске, Томаса Мора, Моцарта, Никитина, Никона, Новикова, Ньютона, Р. ОУЭНА, Наская, Песталоцци, Пирогова, Потемкина, Пржевальскаго, Прудона, Пушкина, Рабле, Рафаэля, Рихелье, **САВОНАРДЫ**, Сакія-Муни (Будды), Салтыкова, Синфга, Сенковскаго, В. Скотта, Сперанскаго, Стефенсона и Фультона, Струва, Стэнли, Текерея, Торнвемады, Уатта, **УШИНСКАГО**, Фарадея, Фонвизина, Франклина, Цвилли, Шиллера, Шопенгауэра, Шопена, Шумана, **ЩЕПНИНА**, Эдисона и Морзе, Джорджъ-Элиота, Юма.
Жирными заглавными буквами обозначены біографіи, вышедшія за послѣдніе 3 мѣсяца. Главный складъ изданія въ книжн. магазинѣ Н. Луковникова (Спб. Лентуковъ пер. 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЪЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просьба обращать вниманіе на имя изобрѣтателя **А. ЛЕМЕРСЪЕ**, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подраженіемъ упаковки и ярлыковъ. Ш. № 6149 28—13

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“

„Мюскъ“ Духи | послѣднія новости | „Мюскъ“ Мыло и О-де-колонъ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для вы-
ставки въ ЧИКАГО. 15—9

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9.
Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

КАЖДАЯ ДАМА стремится имѣть шикарную и изящную талию!

достичь этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крюч-
ковъ и петель ПРИМА!
ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.

Рис. съ нѣжными крючками и петлями. | Рис. съ патентов. крючками и петлями.
Послѣ 4-хъ-недѣльнаго ношенія лифа. | Послѣ 4-хъ-мѣсячнаго ношенія лифа.

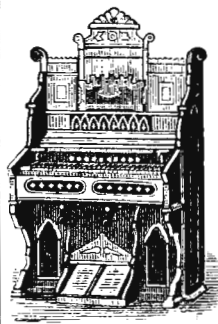

Вездѣ-впадины и складки. | Впад. и склад. нѣтъ; видъ какъ новый.
На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ дѣйствительности-же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

Патентованные крючки и петли ПРИМА

не слабеютъ отъ времени, не сбиваются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.
Платье, снабженное патентованными крючками и петлями ПРИМА, никогда не теряетъ своего фасона ни при какой работѣ, благодаря чему получается громад-
ная экономія въ платьяхъ при незначительной затратѣ.
Крючки и петли никогда не портятся, а потому возможно ихъ отшивать отъ изношеннаго платья, для нашиванія на новое.
Нашивать эти застежки очень легко; по каждой карточкѣ прилагается подробное изъясненіе. № 6538 12—1
Патентованные крючки и петли ПРИМА имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ
Единственный оптовый складъ у **Бр. ЗРЛЕНБАХЪ.**
С.-Петербургъ, 4-я рота, 16.—собств. домъ.

ФИСГАРМОНИИ

лучших французских, американских фабрик и фабрик Шидмайера, рекомендованные Главачемъ, Гензельтомъ, Листомъ и друг.

въ 100, 125, 130, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 250, 300, 400, 500, 7. 0

300, 1000 р. и дороже.
Самоучитель для фисгармонии 2 р.
Играть на фисгармонии можно выучиться легко.

Иллюстрир. преферантъ и каталогъ нотамъ для фисгармонии—бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 49. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

для взрослыхъ и дѣтей 12—3
выучиваетъ добросовѣстно, дешево и скоро. Переговоры до 12 ч. дня. Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

КРАСИВО ПИСАТЬ БУХГАЛТЕРИИ

по новой системѣ и двойной итальянской выучиваю всякаго заочно (посредствомъ письменныхъ сношеній); за усилья гарантій. Въ видѣ пробнаго урока высылаю за 3 по 7 коп. марку. По окончаніи курса выдаю Ш. № 6452 свидѣтельство. 10—8 Москва, Покровка, А. С. Шиманскому.

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., но прочности и дешевизнѣ незамѣнимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч.

Изгороднимъ высылаются образцы. Магазины: СИБ., Владимірская, № 6; Петерб. сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш. Новая улица, 15 № 6189 10—7

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ
Н. Д. МАСЛОВА.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербурѣ.
Большой, изящно изданный томъ, въ 371 стран. убористой печати, въ красивой обложкѣ, съ вывѣткою худож. Р. Штейна. СИБ., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ
окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности (12) свѣтлѣе и темнѣе. № 5924
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
Главный складъ А. Эггундъ, СИБ., Михайловская ул., 2, д. Иербина. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Руссiйской Имперіи.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу
НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,
подъ редакціею академика, профессора Н. С. Тихонразова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.
Цѣна за всѣ 5 томовъ—6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп., а въ пяти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетяхъ 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 50 к. Требования и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.
Въ Москвѣ, у Н. И. Печковской, Петровскія линіи.
Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Только что отпечатано и поступило въ продажу
НОВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ „ТАРАСЪ БУЛЬБА“.
Новое изданіе повѣсти „Тарасъ Бульба“ снабжено специально для этого изданія художественно исполненными рисунками и вывѣтками, прекрасно иллюстрирующими содержание повѣсти. Въ изданіи 170 страницъ текста и 28 рисунковъ и вывѣтокъ повѣсти, худож. М. Зичи, Р. Штейна, А. Котляревскаго и др. Текстъ отпечатанъ красив. четкимъ шрифтомъ на отличной бумагѣ.
Цѣна новаго изданія „Тарасъ Бульба“ въ переплетѣ, украшенномъ гравюрой и портретомъ Гоголя, 30 к., съ перес. 40 к. Съ требованіями обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, СИБ., Невскій пр., № 6; въ Москвѣ—въ Контору Н. И. Печковской, Петровскія линіи. Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ Ф. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія линіи, № 5. Комиссіонеръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
Нов. томъ профес. Брандеса. Главн. теченіи литературы XIX столѣтія. Англійская литература. Ц. 2 р. 50 к. Большой выборъ всевозможн. русскихъ книгъ. Всегда находится на складѣ изданія: Гг. Деверена, Маркса, Павленкова, Гербея, Достоевской, Мартынова, Стасюлевича, Фета и друг. При оптовыхъ покупкахъ—уступка. Точное и скорое исполненіе заказовъ. Высылка мож. б. и наложен. платежомъ. Магазины высылаютъ всякія изданія, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было объявленныя. № 6133 2—1

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саласа.
Историческій романъ время востанія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СИБ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

3-й ВЫИГРЫШНЫЙ

(Дворянскій) заемъ, 1 Ноября тиражъ, продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

№ 6139 5—1

ЗКИПАЖИ
НА РЕЗИНОВЫХЪ БУФЕРАХЪ (РЕССОРАХЪ) НЕЗАМѢНИМЫЕ ДЛЯ ГРЯЗНЫХЪ ДОРОГЪ,
покойны, прочны и легки на ходѣ.
Отъ 125 рр., изящный экипажъ отъ 145 рублей.
Складъ (бывшій К. Фр. И. Л. С.) въ Москвѣ, Калужская улица, д. Терещенко.
Прейсъ-куртъ высылается за 7 коп. марку.

Ц. № 6507 5—4

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается великій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ
А. КОССОДЮ.

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52—25
За 2 семиклѣвочныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодю въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА
ФАБРИКИ И. ТРАППЪ.
Извѣстныя въ Россіи быстрымъ, мягкимъ помоломъ и отсутствіемъ комки. Отказы высылаются по требованію. Контора в Б. ЖУКОВСКАГО С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПИСАТЬ не только красиво но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо: Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кат. Э. Кошадарскъ. № 6519 10—2

ШОКОЛАТЬ
ФАБРИКИ С. СТУЦКЕ
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГИРОВАХЪ РУССІИ
ПРОДОЛЖАЮТЪ ОТЪ ПОДАРОЖАНІЯ НАШЕИ МАРКИ

ПРОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ!
ПРОВИЗОРЪ
Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
4 КВ. 50 К. 1/2 КВ. 30 К.

Главный складъ для всей Россіи у п. И. Ферр. инъ въ Москвѣ. Ш. № 6185

XXIV г.

№ 39

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выходит еженедельно, съ приложеніемъ 12-ти еженедельн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертёжей и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 25 сентября 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIV.

Князь Войдылда жилъ въ небольшомъ каменномъ домѣ, стоявшемъ среди огромнаго двора, застроеннаго службами — людскими, конюшнями, флигелями и сараями. Къ дому примыкала тѣнистый садъ, спускавшійся по склону горы къ Дибиру. Окруженный съ обѣихъ сторонъ стеклянной галлереей и украшенный съ фронтона колоннами въ стилѣ имперіи, этотъ ма-

ленькій домъ или палацъ, какъ называли его слуги князя, производилъ впечатлѣніе павильона, или, скорѣе, охотничьяго убѣжища, чѣмъ солиднаго городского жилища. На воротахъ былъ прибитъ гербъ князя Войдылда, и такой же гербъ украшалъ собою верхній карнизъ фронтона. Лакеи и официалы князя были одѣты въ ливрею, сдѣланную изъ свѣтло-лазурнаго сукна съ серебряными галунами и съ красными петли-

Въ перегонну. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Ольшевскій.

цами на отворотахъ. Штиблеты — желтые и на серебряныхъ пуговкахъ. Всѣ эти подробности бросились въ глаза Михольскому, когда онъ, на другой день послѣ своего прѣзда въ Кіевъ, подѣхалъ въ наемномъ экипажѣ къ усадьбѣ князя. Жидокъ Мандель притаился у ограды и, когда Михольскій вылезалъ изъ экипажа, онъ выставилъ свою острую мордочку изъ-за куста и сейчасъ же спрятался. Не безъ нѣкотораго волненія вошелъ Михольскій во дворъ князя Войдылда и приблизился, ступая по гладкимъ каменнымъ плитамъ, къ главному входу. Швейцаръ съ булавой былъ первымъ препятствіемъ, которое опъ долженъ былъ преодолѣть. Справившись о князѣ Войдылдѣ, Михольскій узналъ, что князь принимаетъ, и два лакея побѣжали съ докладомъ къ ясновельможному. Долго ждалъ Михольскій въ передней, украшенной рогами оленей и лосей. Наконецъ, его ввели въ слѣдующую комнату. Это была длинная, темноватая зала, на окнахъ которой висѣли тяжелыя шелковыя драпировки съ бахромой и золотыми кистями. Въ гладкомъ, какъ зеркало, паркетномъ полу отражались падавшія изъ оконъ полосы свѣта, вмѣстѣ съ точеными ножками золоченой мебели, стоявшей въ строгомъ порядкѣ вдоль стѣнъ. Съ потолка спускалась люстра изъ массивной бронзы на восемнадцать свѣчей, и въ равномъ другъ отъ друга разстояніи на стѣнахъ висѣли зеркала въ золоченыхъ рамахъ, а между зеркалами бронзовые стѣнники. Въ углу бѣлѣлось мраморное изваяніе князя Юсифа Войдылда, который въ то время, какъ предокъ Михольскаго сражался подъ знаменами Костюшки за независимость Польши, хлопоталъ о займѣ пятьсотъ тысячъ червонцевъ въ Петербургѣ и, наконецъ, получилъ ихъ отъ великодушной Екатерины. Мраморный Войдылдъ былъ изображенъ въ кунтушѣ, при саблѣ и со свиткомъ въ рукѣ.

— Прошу вельможнаго пана подождать еще моментикъ, сказалъ официалистъ, неслышно входя въ залу и вѣжливо склоняя предъ Михольскимъ станъ.

Нечего дѣлать, надо еще ждать. Наконецъ, раздались гармоническіе звонки — это били и играли часы съ курантами. Послышался рѣзкій голосъ:

— А кто тамъ, панове? А зовите его сюда!

Казачокъ словно выросъ изъ-подъ земли и попросилъ Михольскаго пожаловать къ ясновельможному. Ромуальдъ прошелъ черезъ гостиную, черезъ какую-то маленькую комнатку, всю въ пестрыхъ стеклахъ, и затѣмъ его ввели въ кабинетъ съ высокими сводчатымъ потолкомъ, уставленный огромными никафами краснаго дерева, за стеклами которыхъ красовались длинные ряды богато переплетенныхъ книгъ. Посрединѣ комнаты, наискосокъ, стоялъ столъ массивнаго краснаго дерева на толстѣйшихъ рѣзныхъ ногахъ, въ свою очередь, покоящихся на стеклянныхъ подставкахъ. За столомъ, словно на тронѣ, въ креслѣ съ высокой рѣзной спинкой, воссѣдалъ князь Войдылдъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти съ черными, низко подстриженными волосами и маленькими усиками. Лицо у него было круглое, жирное, съ заплывшими глазами и трехъэтажнымъ спѣсивымъ подбородкомъ. Грудь его была раскрыта, и на немъ былъ богатый азіатскій халатъ, а въ рукѣ онъ держалъ длинный чубукъ и курилъ.

Онъ кивнулъ головой Михольскому и не всталъ съ мѣста, какъ бы желая испытать, какую степень невѣжливости можетъ вытерпѣть молодой гость. Замѣтивъ, что гость опѣшилъ отъ этого пріема, онъ усмѣхнулся и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Почему вы повѣрили, что графъ Сэгетъ мой хорошій знакомый?

Михольскій взглянулъ налѣво и направо, оглянулся назадъ, посмотрѣлъ по угламъ — нигдѣ не было другого стула. Кабинетъ былъ назначенъ для гостей такого сорта, которые не должны садиться въ присут-

ствіи гордаго князя. Михольскій сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы выйти съ нѣкоторой честью изъ неловкаго положенія.

— Сэгетъ—дворянинъ и я тоже дворянинъ, началъ Ромуальдъ, подходя къ письменному столу и опираясь на него обѣими руками.—Вы тоже дворянинъ. Я привыкъ вѣрить людямъ своего круга, съ которыми всегда обращался вѣжливо, въ чемъ вы можете убѣдиться, любезный князь.

Брови у князя Войдылда поднялись до половины лба. Онъ вынулъ чубукъ изо рта и раскрылъ ротъ. Поглядѣвъ на молодого человѣка, онъ, наконецъ, произнесъ:

— Ваша фамилія Михольскій?

— Да, меня зовутъ Михольскій, точно такъ же, какъ васъ — князь Войдылдъ. Наши имена когда-то записала рука исторіи на своей скрижали, проговорилъ Михольскій.

Князь перемѣнилъ тонъ.

— Эй! кто тамъ? Хлопы! Принесите кресло пану Михольскому. Развѣ вы не видите, что это порядочный человѣкъ, который пришелъ не за тѣмъ, чтобы просить у меня на бѣдность, а явился вспомнить старину, какъ родакъ?

Михольскому подали кресло. Онъ сѣлъ.

— Я, дѣйствительно, ни о чемъ не прошу, началъ онъ,—я прѣхалъ въ Кіевъ провести весело время и хотѣлъ повидѣться съ людьми своего круга.

— Конечно, такъ. Я это теперь вижу, сказалъ князь.

— Я получилъ наслѣдство, продолжалъ Михольскій,—и тѣмъ менѣе я могу нуждаться въ какой бы то ни было помощи. Хотя, все равно, я не нуждался бы въ ней, если бы у меня не было ни гроша. Я получилъ образованіе, которое мнѣ дало бы возможность прожить, никого не тревожа своими просьбами.

— Я тоже получилъ образованіе, сказалъ князь Войдылдъ, и показалъ рукой на шкафы съ золочеными книгами,—я прочиталъ все это. Такъ панъ—наслѣдникъ? съ просвѣтленнымъ лицомъ спросилъ князь Войдылдъ.

— Слава Богу, не много, но имѣю на хлѣбъ! отвѣчалъ Михольскій, въ то же время соображая, что у него въ карманѣ ничего нѣтъ.

— Панъ Михольскій! началъ князь Войдылдъ,—признаюсь, мнѣ понравилось, что у пана есть гордость, я не люблю людей смиренныхъ и низкопоклонныхъ. Такииъ образомъ, я не отпущу пана. А пока не рассказать-ли мнѣ онъ чего-нибудь интереснаго и занимательнаго? Я люблю послушать людей, которые прѣзжаютъ издалека. Какъ холера въ вашихъ мѣстахъ?

Михольскій объяснилъ, что холера въ Харьковской губерніи ослабѣла уже нѣсколько мѣсяцевъ и рассказалъ князю Войдылду о смерти своего кучера.

— Но панъ скоро будетъ имѣть много новыхъ хлопотъ; это уронъ не большой. Такъ панъ есть потомокъ Якуба Михольскаго? Пріятно видѣть, что польская кровь еще не совсѣмъ изсякла. А что, слыхалъ панъ Михольскій о венгерской смутѣ и о движеніи въ Краковѣ?

— Да, отвѣчалъ молодой человѣкъ,—объ этомъ мнѣ доводилось много читать, а также слышать.

— А у насъ, на Украинѣ, все тихо; такая тишина, сказалъ князь, пародируя Мицкевича, — что если бы крикнулъ нашъ польскій орелъ въ Варшавѣ, то слышно было бы въ Кіевѣ; да только нѣтъ, не крикнетъ.

Князь Войдылдъ, который сталъ богачомъ и первымъ магнатомъ въ Юго-Западномъ краѣ только потому, что польскій орелъ пересталъ кричать, задушенный руками, между прочимъ, его предка Юсифа Войдылда, патристически вздохнулъ.

— Отчего не крикнетъ? сказалъ многозначительно Михольскій.—Онъ кричитъ, и только надо имѣть слухъ потоньше.

— О, какія слова говорить панъ Михольскій! Можно подумать, что панъ есть галиційскій эмиссаръ.

Михольскій имѣлъ смутное представленіе о галиційскихъ эмиссарахъ, но зналъ, еще гостя у Гантовича, что въ заграничной Польшѣ образовалось патриотическое общество, которое съ нѣкоторыхъ поръ стало посылать въ Россію, къ полякамъ, довѣренныхъ людей для сбора пожертвованій на революцію. У него мелькнула мысль, ничего не говоря прямо князю Войдылду, дать ему понять, что передъ нимъ сидитъ потомокъ, болѣе или менѣе достойный своего славнаго предка. Трудно измѣрить глубину человѣческой души, даже такой, какава была у Ромуальда Михольскаго, но безъ особенной клеветы на этого молодого человѣка можно теперь (когда его ужъ нѣтъ въ живыхъ) утвердительно сказать, что его полное безденежье въ значительной степени способствовало нѣкоторому его плутовскому настроенію; онъ, съ одной стороны, испугался, потому что выдавать себя за политическаго агента никогда не бываетъ безопасно, а съ другой, ему все это представилось шуткой и приятной мистификаціей. Онъ замѣтилъ, какъ сразу поднялся къ нему интересъ со стороны князя Войдылда, и рѣшилъ балансировать на мнимой высотѣ своего новаго призванія до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно. Все это случилось мгновенно, безъ всякихъ приготовленій, и вышло изъ головы Михольскаго, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Устремивъ на князя Войдылда пристальный взглядъ, молодой человѣкъ съ легкой улыбкой произнесъ:

— Да, ясновельможный князь, польскій орелъ кричить, и предъ вами одинъ изъ его вѣрныхъ слугъ.

Князь Войдылдъ стремительно привсталъ, посмотрѣлъ на дверь и, приложивъ палецъ къ губамъ, сдѣлалъ знакъ гостю молчать. Убѣдившись, что драпировка на дверяхъ не волнуется, и что никто не подслушиваетъ, онъ сказалъ:

— Но панъ не галичанинъ?

— Нѣтъ, мой районъ ограничивается Украиной.

— Гм! Пану слѣдовало бы начать съ этого, а не съ письма Сэгета. Но послѣ, мой коханный, послѣ, мы поговоримъ объ этомъ послѣ.

— Нѣтъ сомнѣнья, что князь Войдылдъ сочувствуетъ...

— О!

— И со временемъ онъ выразитъ это сочувствіе въ осязательной формѣ.

— Тсс... панъ, замолчи! попросилъ князь Войдылдъ, и опять глянулъ на драпировку.—Повѣришь, мы мученики: имѣемъ такъ много слугъ, что нельзя плюнуть въ домъ, чтобы не попасть въ чью-нибудь физиономію. А теперь время скверное, не то, что прежде; хлопны стали думать, чего прежде имъ и не приходило въ голову.

— Да, если бы не хлопны, то дѣло Канарскаго и Обнинскаго не такъ бы плохо кончилось, сказалъ Михольскій, который объ этомъ дѣлѣ имѣлъ тоже смутное представленіе.

Князь Войдылдъ замахалъ надъ головой обѣими руками, нахмурилъ брови, наморщилъ лицо, сдѣлалъ гримасу, присѣлъ слегка къ полу и закричалъ:

— Тише, тише, панъ! Какое несчастье, что за политическія порученія берутся молодые люди, у которыхъ нѣтъ осторожности!.. Ради Бога, тише, мой дорогой!

Онъ приблизился къ Михольскому и крѣпко стиснулъ ему руку.

— Не бойся, ясновельможный князь, проговорилъ Михольскій.—Я гораздо осторожнѣе, чѣмъ ты думаешь, и многое, что я знаю, даже тебѣ никогда не будетъ извѣстно. А если слуги твои такъ ненадежны, то отчего же ты ихъ не переѣмнишь?

— Всѣ они одинаковы, ихъ всѣхъ надо перевѣшать!

— Крутая расправа, князь:—времена прошли.

— Ахъ, прошли, сказалъ князь Войдылдъ.—Послушай, дорогой мой, я хочу пригласить тебя сегодня къ себѣ на обѣдъ. Поэтому пойдемъ теперь къ княгинѣ, чтобы она знала, кого она будетъ видѣть у себя за столомъ. Мы же обладаемъ въ пятомъ часу. Я представлю тебя и познакомлю съ епископомъ Эвалинскимъ и съ кармелитанскимъ провинціаломъ, ксепдзомъ Янушпольскимъ—это большіе патриоты.

Онъ взялъ подъ руку Михольскаго и повелъ черезъ рядъ гостиныхъ, убранныхъ во вкусъ того времени.

Княгиня Войдылдъ сидѣла передъ зеркаломъ, украшеннымъ цвѣтами изъ саксонскаго фарфора, въ своемъ будуарѣ, который весь былъ обитъ голубымъ и блѣдно-розовымъ атласомъ и устланъ французскими коврами. Можно было подумать, что княгиня живетъ въ какомъ-то пестромъ облакѣ, что это не уголокъ земли, а уголокъ рая, — такъ было все богато, прекрасно и роскошно въ ея будуарѣ. Двѣ хорошенькія дворянки только-что окончили причесывать княгиню, одѣтую въ батистовый пенюаръ съ широкими бруссельскими кружевами. Ея тонкія смуглыя руки были украшены золотыми браслетами, усаженными крупными бриллиантами. Темные густые волосы низко росли на лбу. Лицо было продолговатое, нѣжное, съ яркимъ румянцемъ подъ смуглой кожей, съ алыми, толстыми губами, съ темнымъ пушкомъ надъ верхней губой и съ такими горячими, большими, черными глазами, что можно было понять, почему князь Войдылдъ сдѣлался другомъ еврейства.

Когда Войдылдъ подвелъ Михольскаго къ своей женѣ, княгиня небрежно взглянула на него, словно ей было жаль отрываться отъ созерцанія своей красоты въ зеркалѣ. Подавъ ему руку, которую Михольскій почтительно поцѣловалъ, она продолжала смотреть въ зеркало и, услышавъ, что князь Войдылдъ пригласилъ Михольскаго къ обѣду, сказала съ еврейскимъ акцентомъ:

— Прошу пана только не опоздать, потому что мы не станемъ его дожидаться.

Она шутливо улыбнулась.

— Если я опоздаю, значитъ, я умеръ, любезно отвѣчалъ Михольскій съ поклономъ.

— А какъ вамъ понравился Кіевъ? начала княгиня, все не глядя на Михольскаго.

— Чудесный городъ! Я въ восторгѣ отъ Кіева! отвѣчалъ Михольскій.—Но мой вѣздъ въ него сопровождался несчастьемъ: у меня украли пару моихъ любимыхъ лошадей.

— Если пану нужны лошади, и онъ не имѣетъ еще своихъ, я пошлю ему, сказалъ князь.—У меня есть какія угодно. У меня бѣсятся лошади оттого, что на нихъ никто не ѣздитъ. Гдѣ остановился панъ?

Михольскій отвѣчалъ, что въ гостиницѣ „Серебряный Лебедь“.

— А!.. Ее содержитъ — знаешь кто? — мой бывший молдавскій экономъ... плутъ и мошенникъ высшей школы, панъ Рогульскій.

— Какая погода сегодня? опять, не отрывая глазъ отъ зеркала, спросила княгиня.

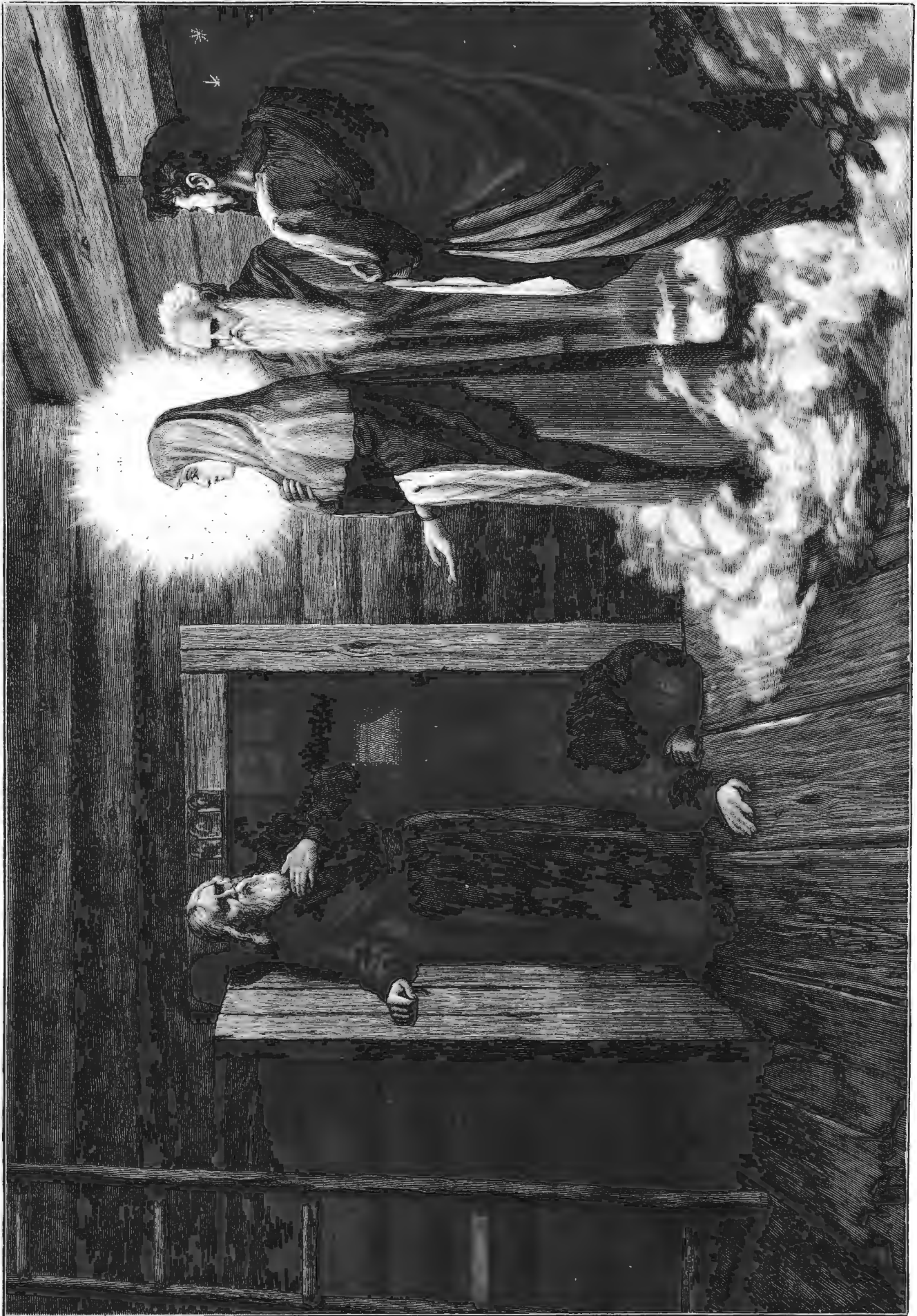
— Недурной лѣтній день, но ужъ пахнетъ осенью, объявилъ Михольскій.

Княгиня кивнула головой. Это было знакомъ, что аудіенція кончена.

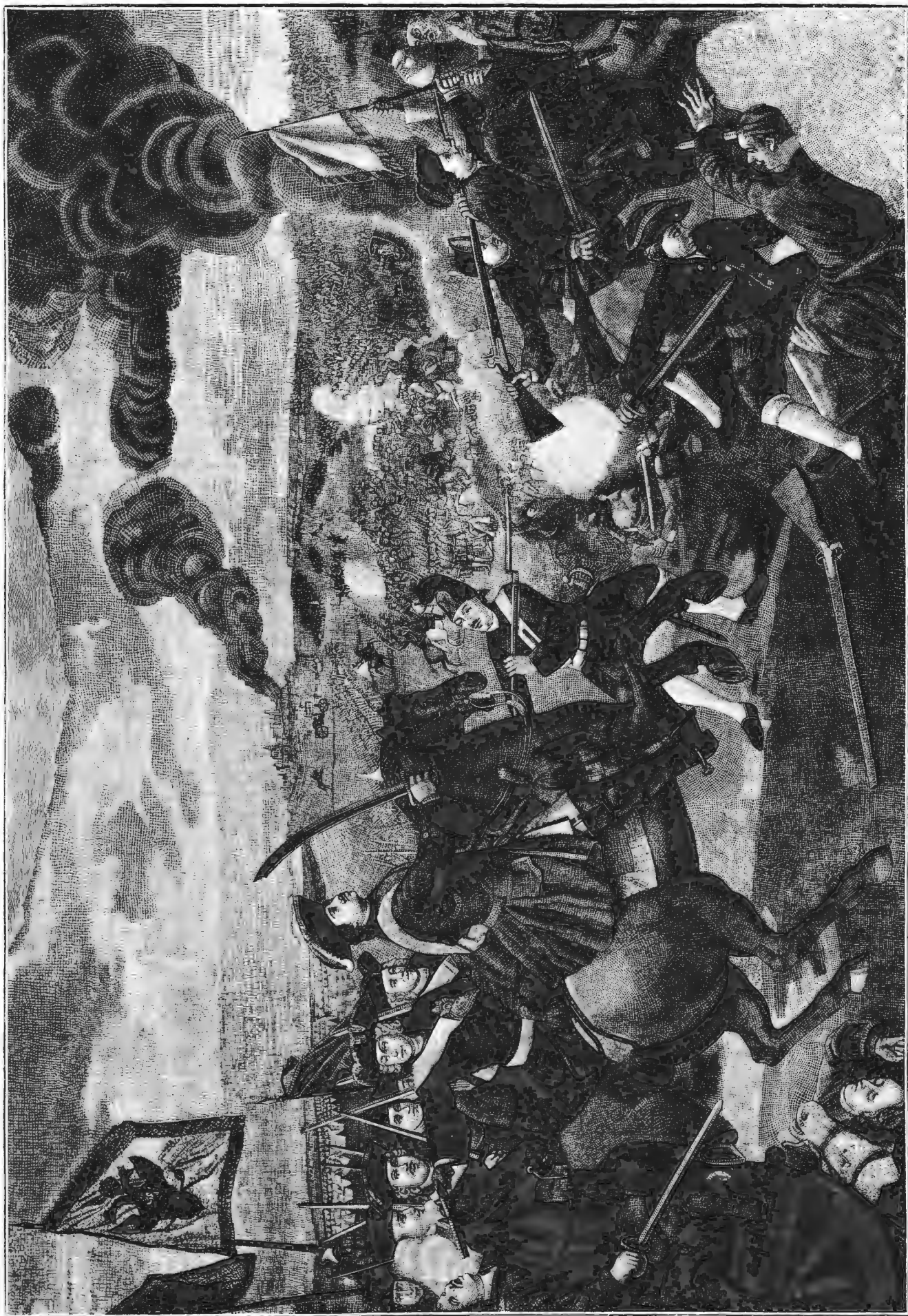
Князь Войдылдъ всталъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и, когда Михольскій поклонился, вышелъ съ нимъ изъ будуара и проводилъ его до передней.

— Смотри-жь, панъ Михольскій, ты видишь, что я расположился къ тебѣ. Будь и ты ко мнѣ расположенъ. Все же, я князь Войдылдъ, а ты только панъ Михольскій! прибавилъ онъ.

Михольскій вышелъ изъ дома князя Войдылда, про-

Явлення Богоматери Св. Сергію. Орг. рис. (собств. „Нивы“) В. Андреева, грав. Хелміцкій.

Полтавская баталія. Мозаичная картина, исполненная М. В. Ломоносовымъ и находящаяся въ Имп. Анад. Худ. въ СПб.
Факсимиле грав. для „Нивы“ Флюгель.

вожаемый швейцаромъ, который распахнулъ передъ нимъ не только дверь крыльца, но и бросился открывать калитку. Такой необыкновенный почетъ, оказанный пану Михольскому, пренесполнилъ восторгомъ Манделя, который все время стерегъ его, сидя въ сторонкѣ на кучѣ камней подъ прикрытіемъ кустарника. Едва извозчикъ тронулся, какъ Мандель, словно заяцъ, шмыгнувъ изъ своей засады, быстро пробѣжалъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ Михольскаго, и обѣими руками и ногами уцѣпился за запятки. Поэтому, когда коляска подвезла Михольскаго къ гостиницѣ „Серебряный Лебедь“, Мандель уже былъ на мѣстѣ и сообщилъ Рогульскому обо всемъ, что онъ видѣлъ. Михольскій сталь, было, расплачиваться съ извозчикомъ, но на крыльцѣ появился Рогульскій и отвелъ въ сторону руку Михольскаго. Онъ произнесъ:

— Извините, пожалуйста, панъ Михольскій. Мы потому сосчитаемся. Не подобаетъ вамъ самимъ утрудять себя такимъ низкимъ дѣломъ, какъ плата мелочи. Нѣтъ, не годится.

Михольскому это было на руку. Онъ повернулся и пошелъ въ свой номеръ; но едва онъ снялъ съ себя плащъ, какъ панъ Рогульскій явился къ нему и спросилъ, не желаетъ-ли онъ перемѣнить номеръ и занять лучшій, потому что вчера не было хорошаго номера, и онъ невольно отвелъ ему комнату окнами во дворъ, а теперь освободился номеръ съ тремя окнами на улицу. Михольскій согласился занять хорошій номеръ съ тремя окнами на улицу.

Вспомнивъ, въ какую великолѣпную ливрею одѣты слуги князя Войдылда, Михольскій подумалъ, что недурно было бы и Вавилкѣ сдѣлать что-нибудь необыкновенное въ этомъ родѣ. Онъ сказалъ о своемъ желаніи пану Рогульскому, а панъ Рогульскій крикнулъ Манделя, который, пораженный тѣмъ, что у Михольскаго не простое знакомство съ княземъ Войдылдомъ, а просто дружеская связь, не смѣлъ даже являться къ нему на глаза; будучи же посланъ паномъ Рогульскимъ, онъ осторожно отворилъ дверь, опасаясь произвести шорохъ, и, наконецъ, вошелъ. Притворяясь тѣнью и не смѣя дышать, выслушалъ онъ приказаніе Михольскаго достать ему портного, который бы сшилъ ливрею Вавилкѣ какъ можно скорѣе. Онъ не заставилъ себя повторять, и черезъ пять минутъ явился въ сопровожденіи другого жидка, широкаго, рябого и похожаго на лягушку, въ длинномъ лапестиковомъ сюртукѣ. У этого жидка ротъ былъ до ушей и, несмотря на огромную лысину, густые, черные, кудрявые пейсы. На отворотѣ его кафтана была зашпиlena толстая иголка, а вокругъ иголки намотана нитка въ видѣ цифры восемь. Михольскій заказалъ ему ливрею для Вавилки, и, вспомнивъ, что въ его гербѣ темно-алый щитъ раздѣленъ посрединѣ зеленой полоской, приказалъ одѣть Вавилку въ пурпурную куртку съ золотымъ галуномъ и въ зеленые штиблеты съ красными пуговицами. Покончивъ съ этимъ, Михольскій сталь умываться, приготавливаясь къ обѣду, до котораго, впрочемъ, оставалось еще часа два. Онъ выбралъ самую лучшую крахмальную сорочку, вдѣлъ въ рукава двойныя костяныя запонки съ бриллантовыми искрами, надѣлъ бѣлую шелковую косынку и, при темно-сѣрыхъ полосатыхъ брюкахъ, плотно обрисовывавшихъ его стройныя икры, нарядился въ совершенно свѣжій, безукоризненный черный фракъ; подобно княгинѣ Войдылдѣ, онъ долго стоялъ передъ зеркаломъ и любовался собой, поворачиваясь направо и налево. Наконецъ, пробилъ назначенный часъ. У него дрогнуло сердце, и онъ приказалъ, чтобы ему привели извозчика; но явился панъ Рогульскій и объявилъ, что отъ князя Войдылда, на все время пребыванія пана Михольскаго въ Кіевѣ, доставленъ экипажъ съ парой бѣлыхъ лошадей и съ кучеромъ.

— Не угодно-ли опереться на мое плечо? сказалъ

савиный панъ Рогульскій Михольскому. — Тутъ ступеньки, и можно, не зная, поскользнуться.

— О, нѣтъ! Я еще не такъ старъ, возразилъ Михольскій и не оперся на плечо пана Рогульскаго.

Но панъ Рогульскій продолжалъ идти возлѣ пана Михольскаго, и доставилъ себѣ маленькое удовольствіе, посадивъ-таки его въ экипажъ.

— Къ ясновельможному князю Войдылду? спросилъ онъ, ослабляясь.

— Да, къ князю.

Панъ Рогульскій низко поклонился; кучеръ хлопнулъ бичомъ, и пара понесла Ромуальда. Мандель, по-прежнему, очутился на запяткахъ и старался съежиться такъ, чтобы его никто не замѣтилъ.

Ровно въ пять часовъ Михольскій былъ уже въ столовой князей Войдылдовъ.

XV.

Столовая представляла собою длинную комнату съ овальнымъ потолкомъ и съ окнами, завѣшанными краснымъ бархатомъ. Данцигскіе стулья стройнымъ рядомъ были вытнуты вдоль стѣнъ, и такіе же стулья, съ высокими спинками, стояли вокругъ длиннаго стола, покрытаго бѣлой скатертью и сверкашаго, при свѣтѣ люстры и высокихъ канделябръ, серебромъ, искрами цвѣтныхъ хрусталей и букетами свѣжихъ цвѣтовъ. Большой столъ поодаль былъ уставленъ закусками, въ числѣ которыхъ, словно колесо, возвышался голландскій сыръ рядомъ со стекляннимъ боченкомъ съ жидкой икрой и со всевозможными соленьями, между которыми видную роль занимали грибы. Потирая руки, епископъ первый подошелъ къ закускамъ и благословилъ ихъ. Князь Войдылдъ налилъ большія рюмки водкой, и всѣ мужчины чокнулись. Панъ же Михольскій, въ качествѣ молодого человѣка, подносилъ закуски дамамъ и угощалъ ихъ.

Загрѣмѣла музыка. Князь сѣлъ противъ княгини, въ концѣ стола, и по лѣвую руку отъ себя посадилъ отца кармелитанскаго провинціала Янушпольскаго, а по правую Ромуальда, рядомъ съ которымъ сѣла красавица Хруцова. Епископъ помѣстился по лѣвую руку отъ княгини. Въ числѣ гостей было нѣсколько военныхъ. Молодой человѣкъ, адъютантъ генераль-губернатора Бибикова, графъ Коновязовъ, отличался своей красотой, интересной блѣдностью и черными усиками, а также серебряными аксельбантами. Михольскій давно уже не находился въ такомъ блестящемъ обществѣ. Онъ смотрѣлъ на все любопытными глазами, дѣлая, однако, видъ, что нисколько не занятъ блескомъ и пышностью обѣденной обстановки князя Войдылда. Даже на зеркальныя плато, которыя стояли передъ каждымъ приборомъ и которыя онъ видѣлъ въ первый разъ, онъ наружно не обратилъ никакого вниманія. А въ этихъ плато отражались, опрокинувшись, и бронзовые канделябры, и серебряные кубки, и букеты розъ и фіалокъ, и лица гостей—худое, сухое и лукавое лицо кармелитанскаго провинціала, который былъ похожъ на Вольтера, и круглое, напряженно-красное лицо епископа Звалинскаго, который, вообще, всю фигуру своею напоминалъ шаръ. Можно было бы заключить, что жизнь онъ вель далеко не монашескую, но благочестивое выраженіе его глазъ свидѣтельствовало, что, если не поведеніе, то, во всякомъ случаѣ, мысли у этого высокаго церковнослужителя необыкновенно чисты. Рядомъ съ епископомъ сидѣлъ еще молодой господинъ съ желтымъ, почти шафраннымъ лицомъ, похожій на еврея и оказавшійся венгерскимъ графомъ, который плохо говорилъ по-французски, а потому предпочиталъ молчать. Фамилія его была Корнушъ. Можетъ-быть, ради графа Корнуша, можетъ-быть, ради другихъ гостей—за спиной каждаго гостя стояли рослые гайдуки въ свѣтло-лазурныхъ ливреяхъ и съ такими же, какъ у генераль-губернаторскаго адъютанта, аксель-

бантами. У каждого сбоку имѣлась лядунка и сабля, и усы у нихъ были такіе громадныя, что висѣли чуть не до пояса. Слуги приносили блюда и передавали приборы гайдукамъ, которые ставили ихъ на столъ. Кухня у князя Войдылда была французская, но съ отѣбкомъ старо-литовскимъ; былъ поданъ цѣбликомъ зажаренный козлепокъ и павлинь съ распущеннымъ хвостомъ и съ гребешкомъ. Хлопали пробки отъ шампанскаго, и все время обѣда на хорахъ играли музыканты и гремѣлъ органъ.

Ромуальдъ обмѣнивался любезными фразами съ Хрущовой, а отецъ-провинціалъ, прихлебывая крѣпкое венгерское, пристально смотрѣлъ, словно черезъ рюмку, на молодого человѣка, которому по временамъ становилось не совсѣмъ ловко подъ взглядомъ этихъ черныхъ, пытливыхъ и какихъ-то безстыдно-ласковыхъ глазъ.

Отецъ-провинціалъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Конечно, я не ошибаюсь, панъ Михольскій родомъ съ Литвы?

— Да, я оттуда.

— И родители ваши умерли?

— Да, отвѣчалъ Михольскій.

— Кажется, я когда-то зналъ вашу матушку. Но, скажите, изъ какой она фамили?

— Отецъ ея былъ литовскимъ скарбникомъ; она урожденная Бродовская.

— Такъ, такъ, произнесъ отецъ-провинціалъ. — Я зналъ вашу матушку, когда она была еще молодой дѣвушкой. Кто бы подумалъ, что судьба будетъ такъ превратна! Но вамъ сродни Краковскіе?

— Какъ же, Краковскіе наши родственники, и моя родная тетка, Апеля, была замужемъ за тѣмъ самымъ Краковскимъ, которому предлагали польскую корону. Князь Войдылдъ посмотрѣлъ на Михольскаго.

— А, ей-Богу, панъ Михольскій, ты знаешь меня, потому что моимъ предкамъ никогда не предлагали ничего подобнаго. Правда, они были королями у себя въ своихъ помѣстьяхъ, но до Варшавы имъ было мало дѣла.

— Однакоже, когда-то Войдылды были князьями надъ всей Литвой, замѣтилъ отецъ-провинціалъ.

— Было это слишкомъ давно, возразилъ Войдылдъ, — тогда въ Польшѣ королевалъ Горохъ!

— Да, и тогда предокъ пана Михольскаго спасался въ кievскихъ пещерахъ, сказалъ шарообразный епископъ.

Михольскій покраснѣлъ, а отецъ-провинціалъ подержалъ епископа и пояснилъ съ своей вольтеровской улыбкой:

— Ничего, ничего. То нисколько не вредитъ пану Михольскому: за него молится на небесахъ православный святой, и если панъ когда-нибудь измѣнитъ вѣрѣ отцовъ, то о немъ не скажутъ, что онъ измѣнилъ вѣрѣ дѣдовъ. Приятно быть въ такомъ положеніи, и многіе теперешніе поляки могутъ ему позавидовать!

Князь Войдылдъ что-то шенуль отцу-провинціалу. Лицо ксендза покрылось легкой дымкой таинственности; онъ другими глазами взглянулъ на молодого человѣка, чуть-чуть кивнулъ ему головой, какъ бы въ знакъ извиненія за то, что онъ позволилъ себѣ начать разговоръ объ его православномъ предкѣ.

— Не будемъ отвлекать молодого человѣка отъ его приятныхъ обязанностей по отношенію къ паннѣ Хрущовой, сказалъ князь Войдылдъ. — Панъ Михольскій, предложи паннѣ Хрущовой рюмочку венгерскаго!

Но Хрущова отказалась отъ венгерскаго, которое поспѣшилъ ей подать Михольскій, и, вообще, она плохо ѣла и пила, заботясь, по модѣ сороковыхъ годовъ, о томъ, чтобы производить на молодыхъ людей впечатлѣніе неземнаго созданія. Княгиня болѣею частью

молчала, хотя ея яркая восточная красота привлекала, отъ времени до времени, всѣ взоры, и тогда, замѣтивъ, что на нее смотрять, она потуплялась и краснѣла густымъ румянцемъ. Свѣчи словно ярче стали горѣть въ высокихъ канделябрахъ; музыка заиграла громче, и гости стали веселѣе: шло время, и осушались бутылки. А епископъ, казалось, раздулся уже до болѣе правильной формы шара, и въ вольтеровской улыбкѣ отца-провинціала зазмѣнилось что-то дьявольское.

Обѣдъ кончился поздно вечеромъ, и княжескіе гайдуки должны были развезти нѣкоторыхъ гостей по домамъ. Одинъ Михольскій остался трезвъ, и это понарилось князю.

— Ты славный малый, пане Михольскій, сказалъ ему Войдылдъ, — съ тебя, какъ съ гуся вода! Удивительно, что въ такомъ молодомъ человѣкѣ совсѣмъ нѣтъ дна! Пойдемъ ко мнѣ въ арсеналъ, выпьемъ стараго меду. У меня есть нѣсколько бутылокъ въ Кіевѣ. Когда въ гостяхъ у меня былъ генераль-губернаторъ, даже ему не подаль! Повѣришь, родной? Но, мнѣ кажется, ты оцѣнишь мой медъ.

Михольскій оцѣнилъ: выпилъ цѣлый кубокъ, и потомъ другой, и, наконецъ, третій, который поднесъ къ губамъ, не проливъ ни одной капли. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное: оба — и Ромуальдъ, и князь Войдылдъ — заснули. Слуги положили ихъ, какъ мертвые тѣла, на два дивана. Только на другой день раскрыли они глаза.

— Во всякомъ случаѣ, намъ надо опохмелиться, сказалъ князь Войдылдъ — и приказалъ подать еще бутылку стараго вина. Распивъ ее, онъ пожалъ руку молодому человѣку и сказалъ, что онъ съ этого времени можетъ ежедневно пріѣзжать къ нему на обѣдъ безъ всякаго приглашенія.

— Какъ только устроишь свои дѣла — я не спрашиваю тебя о нихъ — пріѣзжай ко мнѣ, ты всегда мой гость. Затѣмъ, мой милый, я говорилъ съ отцомъ-провинціаломъ; и мы поняли другъ друга. — Дипломатія всегда была добродѣтелью хорошихъ поляковъ, глубокомысленно замѣтилъ князь Войдылдъ. — И такъ, мы съ нимъ рѣшили, что тебѣ надо помочь въ твоихъ знакомствахъ съ кievскимъ панствомъ. Слава Богу, въ нашемъ краѣ не мало патріотовъ... Ради Бога, я не говорю ничего особеннаго, и я даже не вѣрю, чтобы что-нибудь вышло изъ этого. Москали согнули насъ въ бараній рогъ. Но отчего не попытаться? Бываютъ положенія, когда порядочный человѣкъ обязанъ пустить себѣ пулю въ лобъ, заранѣе убѣжденный, что она его не оставитъ въ живыхъ... Тише, на милость! Я не люблю кievскихъ стѣнъ — у нихъ есть уши. Когда ты пріѣдешь ко мнѣ въ Моцлавку, тамъ совсѣмъ другіе порядки. Прощай, мой коханный! До вечера!

По выходѣ отъ князя Войдылда, Михольскій, сѣвъ въ экипажъ и нечаянно глянувъ въ сторону, замѣтилъ жидка Манделя, выльзающаго изъ-за куста и своимъ журавлинымъ шагомъ направляющагося къ нему.

— Что тебѣ надо? спросилъ Михольскій. — Ты не отстаешь отъ меня!

— Куда же мнѣ дѣваться, ясновельможный панъ? униженно отвѣчалъ Мандель. — Я живу вами, всѣ мои мысли о васъ, и такого пана въ первый разъ вижу, ой!

— Я тебя третій разъ вижу на этой кучѣ камней; у тебя тамъ гнѣздо?

— Пускай будетъ гнѣздо, ясновельможный панъ, пускай я буду птица, самоотверженно согласился Мандель, — но я повиненъ доложить ясновельможному пану, что жидамъ запрещено жить въ Кіевѣ, и поэтому я развѣ знаю, гдѣ я ночую и гдѣ провожу день?

Тутъ онъ занялъ свое мѣсто на запяткахъ, съезжившись, какъ воробей въ дождь.

(Продолженіе будетъ).

Либавскій коммерческій портъ.

Очеркъ В. А. Фрея. (Рис. на стр. 872 и 873).

Самая мысль о возможномъ улучшеніи Либавскаго коммерческаго порта возникла уже давно; по крайней мѣрѣ, капитальныя работы для этого начаты были около сорока лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, вначалѣ онѣ подвигались крайне медленно, и только съ устройствомъ Либаво-Роменской желѣзной дороги или, вѣрнѣе сказать, съ проведеніемъ вѣтви ея отъ Калкуви до Либавы, когда правленіе названной дороги (для котораго потребность въ существованіи на одной изъ главныхъ своихъ станцій коммерческаго порта являлась крайне ощутительной) приняло дѣятельное участіе въ этихъ работахъ, дѣло пошло впередъ нѣсколько быстрее.

Тѣмъ не менѣе наибольшаго своего развитія работы достигли только въ последнее время, когда само правительство приняло въ судьбѣ Либавскаго порта болѣе активное участіе. Къ давно ожидаемому дню Высочайшаго приѣзда въ г. Либаву, состоявшагося, какъ извѣстно, 12-го минувшаго августа, большая часть порта была уже готова, и можно теперь съ увѣренностью сказать, что не далѣе весны будущаго года коммерческій портъ будетъ вполне законченъ.

На рисункѣ 1 читателю усмотрятъ набережную „Новой“ Либавы, куда ведетъ изъ стараго города легкій висячій мостъ. Здѣсь изображенъ именно тотъ моментъ, когда населеніе порта окончило всѣ приготовления къ тому, чтобы подобающимъ образомъ встрѣтить своихъ Высочайшихъ Гостей. Самый мостъ разукрашенъ флагами, а возлѣ него обращаетъ на себя вниманіе парочно выстроенный муниципалитетомъ города, совместно съ контрагентами по постройкѣ порта, роскошный павильонъ съ пристанью, изящно декорированные массою флаговъ и красивыми гирляндами растений и задранчиванными длинными пологими матеріями нашихъ національных цвѣтовъ.

Двадцатаго августа сего года, именно здѣсь и изволили высадиться изъ катера Ихъ Императорскія Величества, чтобы начать вѣздъ за снѣмъ Своей объѣзды города.

Чтобы содержаніе послѣдующихъ рисунковъ сдѣлать для всѣхъ нашихъ читателей возможно болѣе понятнымъ, необходимо сказать нѣсколько словъ относительно способа, практикующагося, вообще, при устройствѣ морскихъ портовъ. Каждый знаетъ, конечно, что морскою коммерческій портъ долженъ удовлетворять, главнымъ образомъ, тому неизмѣнному условію, чтобы служить для всякаго, находящагося въ немъ, судна удобно и спокойно гаванью, для чего является настоятельная необходимость въ устройствѣ болѣе или менѣе надежнаго прикрытія внутреннихъ водъ порта отъ какого бы то ни было вліянія морскихъ волнъ. Съ этою цѣлью и устраивается обыкновенно вдоль берега порта—понятно, на извѣстномъ отъ него разстояніи—искусственное загражденіе или „волноломъ“, иначе называемый „моломъ“. Этотъ молъ есть не что иное, какъ длинная, въ большинствѣ случаевъ нѣсколько искривленная, въ зависмости отъ направленія господствующихъ въ данной мѣстности вѣтровъ, искусственная коса, главнымъ матеріаломъ для устройства которой служатъ обыкновенно простые булыжные камни. Погружаемые на дно одинъ за другимъ и нагруженные тамъ постепенно другъ на друга, они образуютъ, въ концѣ концовъ, твердую каменную плотину, нѣсколько возвышающуюся своимъ гребнемъ надъ уровнемъ воды въ морѣ. Когда прежде устраивали такимъ образомъ молъ, то частенько случалось, что камни, образующіе молъ, во время сильныхъ бурь отпоялись страшною силою морскихъ волнъ далеко въ сторону и тѣмъ, понятно, способствовали только скорѣйшему разрушенію самаго сооруженія. Со временемъ практика выработала однако для этой цѣли болѣе совершенный матеріалъ, который и тѣмъ съ успѣхомъ примѣняютъ при постройкѣ Либавскаго коммерческаго порта. Изъ обыкновенныхъ большихъ булыжныхъ камней стали готовить особую кладку, коей, съ помощью песка и цемента, придаетъ правильную прямоугольную форму. Такіе параллелипипеды, извѣстные подъ именемъ „массивовъ“, какъ размѣрами своими, достигающими 1,5 × 0,8 × 0,8 сажени, такъ и вѣсомъ: отъ 1200 до 1800 пудовъ, могутъ вполне противустоять напору волнъ, а потому и служатъ лучшимъ матеріаломъ для устройства мола. Рисункъ 6 представляетъ именно упомянутые массивы, расположенные въ правильные штабеля, для предварительной просушки и приобритенія ими надлежащей крупности. Такіе, однако, громадные предметы, какими являются массивы, потребовали и особыхъ приспособленій, какъ для своего передвиженія съ мѣста на мѣсто, такъ равно и для доставки по назначенію. Для этого понадобилось соорудить особую машину. Общій видъ этой парочно выписанной изъ Англій машины, подъ названіемъ „Травелеръ“, изображенъ на рисункѣ 5. Травелеръ представляетъ изъ себя устойчивый, хотя и гравіозный металлическій ворота, двигающійся на колесахъ по рельсамъ. Наверху этихъ воротъ, на рельсахъ же, поставлена паровая машина, съ подвижными къ ней на пѣвьяхъ особымъ подъемнымъ краномъ, который приспособленъ къ тому, чтобы удобно схватывать и поднимать массивъ на воздухъ. Посредствомъ шестерней, про-

веденныхъ къ нижнимъ колесамъ травелера, паровая машина можетъ сообщать всей системѣ поступательное движеніе, смотря по надобности впередъ или назадъ, и въ то же время сама, вмѣстѣ съ краномъ, а слѣдовательно и съ подхваченнымъ имъ массивомъ, двигается впередъ или влѣво, т. е. туда, гдѣ требуется поставить массивъ.

Въ томъ, что постройка Либавскаго коммерческаго порта подвигалась въ первые годы довольно медленно, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ сначала самая кладка его, такъ называемая, вожнаго мола производилась по всѣмъ правиламъ искусства, т. е., другими словами, постъ предварительной наброски на дно извѣстнаго слоя булыжныхъ камней, массивы погружались на упомянутый слой и ставились тамъ одинъ на другой, образуя вполне правильную стѣну, въ которой массивы располагались въ шахматномъ порядкѣ. Само собой разумѣется, что такая правильная кладка массивовъ, помимо массы времени, потребовала еще и новой спеціальной машины. Для этой цѣли устроенъ былъ такъ называемый, „вращающійся титанъ“, который представляетъ изъ себя длинный деревянный помостъ, висящій однимъ изъ своихъ концовъ надъ водою. Поворотный кругъ подъ среднюю часть титана, благодаря тутъ же на помостѣ помѣщенной паровой машины, даетъ ему возможность поворачиваться кругомъ, захватывать съ берега, посредствомъ особо приспособленнаго для того крана, массивъ, переносить его по воздуху къ поверхности воды и погружать тамъ, на указанномъ мѣстѣ, въ море, образуя, такимъ образомъ, мало-по-малу, правильную стѣну мола. Однако, титанъ этотъ (см. рис. 2) въ самомъ началѣ работъ не совсемъ исправно, и приведеніе его въ полный порядокъ не обошлось даже безъ участія англійскихъ заводчиковъ. Тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ его усовершенствованіемъ, миновала и самая надобность въ немъ—именно, для первоначальной цѣли, такъ какъ дальнѣйшую кладку мола рѣшено было производить простою наброскою массивовъ. Тогда титанъ получилъ уже иное назначеніе и съ успѣхомъ сталъ служить для нагрузки массивовъ съ берега на шаланды и паромы. Шаланды, служащія для перевозки массивовъ къ мѣсту работъ, имѣютъ видъ прочнаго деревяннаго судна съ палубой. На каждую шаланду устанавливается по три массива, съ которыми она и буксируется пародами къ мѣсту выгрузки. Здѣсь, посредствомъ особаго приспособленія, одинъ изъ концовъ шаланды постепенно накрывается, заставляя тѣмъ самымъ массивы скользить по ея поверхности, и, наконецъ, падать въ море. Понятно, что массивы ложатся въ морѣ, какъ понало, и располагаются тамъ, неправильно громадясь одинъ на другой, наподобіе кусковъ пшеничаго сахара, наскоро набросанныхъ горкой. Само собою разумѣется, что такая неправильная кладка массивовъ, достигавшая тѣмъ не менѣе одинаковой прочности, какъ и при правильной ихъ укладкѣ, производилась несравненно скорѣе, и, благодаря именно ей, самыя работы по постройкѣ коммерческаго порта удастся закончить на два года ранѣе предполагаемаго для того срока.

Несмотря, однако, на то, что сооруженіе мола представляется чрезвычайно устойчивымъ и прочнымъ, нельзя поручиться, чтобы морское дно было вполне защищено имъ отъ размыва волнами, результатомъ чего неминуемо явится постепенное осѣданіе или накрененіе на сторону самаго мола. Во избѣжаніе этого прибегаютъ къ весьма простому средству: берутъ обыкновенный свѣжій хворостъ, плотно сплетаютъ изъ него рядъ длинныхъ цыновокъ или шпотовъ, шириною нѣсколько превышающихъ размѣры основанія загражденія, и затѣмъ, набрасывая на такой шитъ камни, затопляютъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ возвести молъ. Этотъ шителенный хворостъ, вдавливаясь, благодаря громадной тяжести наваленныхъ на него массивовъ, въ морское дно, достаточно прочно укрѣпляетъ его, защищая тѣмъ самымъ отъ размыва волнами, и служитъ вѣрною гарантіею надежной устойчивости самаго сооруженнаго мола. Описанные шиты называются „тюфяками“, и читателю, по рисунку 4, будутъ имѣть возможность усмотрѣть себѣ наглядно способ ихъ установкы и затопленія на дно моря.

Кромѣ мола, въ Либавскомъ коммерческомъ портѣ устроена обширная бухта съ набережными для удобной стоянки судовъ, вырытая въ самомъ материкѣ и носившая названіе „ковна“. Работы по углубленію фарватера такого ковна производятся, конечно, землечерпательными машинами, которыя и представлены на рисункѣ 3. Одна изъ нихъ, по конструкціи ничего новаго изъ себя не представляющая, передана правительствомъ контрагентамъ вышеозначенныхъ работъ, инженерамъ П. А. Борейшѣ и С. П. Макенювичу, которые для ускоренія дѣла перевели сюда изъ Петербурга еще одну изъ своихъ собственныхъ землечерпательныхъ машинъ, снабженную даже электрическимъ освѣщеніемъ, а также и двѣ паровыя шаланды, служащія для нагрузки и выгрузки получаемой со дна земли. Эти желѣзные шаланды, въ отличіе отъ вышеописанныхъ деревянныхъ, исключительно предназначены для перевозки и погруженія массивовъ, снабжены особымъ опускаемымъ дномъ,

Осеннее раздумье. Съ карт. Боденгаузена, по фот. Ульовъ грав. Йерике.

благодаря которому моментально выгружают на предназначенном для того месте весь запас привезенной земли. У тех же контрагентов имется здесь еще и цѣлая особая

команда долазовъ, находящаяся подъ вѣдѣніемъ опытнаго англичанина и предназначенная для постоянного контроля работъ, производящихся подъ водою.

Два абиссинскіе разсказа.

Сообщеніе В. А.

Живое творчество слова является настолько существенно необходимымъ условіемъ жизни человѣческой, что даже народы, находящіеся сравнительно на низкой степени развитія, не имѣя еще возможности выдѣлнить изъ себя единичныхъ личностей, способныхъ создать литературныя произведенія,—все-таки даютъ образцы народнаго творчества,—какъ зачатки будущей литературы и очевидное свидѣтельство ея необходимости.

Такия народныя произведенія, обыкновенно, въ высшей степени наивныя, простыя, по конструкціи, въ то же время полны наблюдательности, а подчасъ и глубокаго смысла.

Ниже мы приводимъ два очень любопытные разсказа изъ африканской народной литературы, весьма не хитрыя по замыслу, но исполненные такой общежителской правды, что невольно поражаешься этою правдою, весьма примѣнимой къ намъ и подмѣченной между тѣмъ въ средѣ, ничего общаго, повидимому, съ нами не имѣющей. Разсказы эти записаны въ Абиссиніи, на туземномъ языкѣ, повѣстными итальянскимъ путешественникомъ по Африкѣ А. Чекки (Antonio Cecchi) и почти дословно переведены съ итальянскаго, при чемъ смягчены только двѣ-три неудобныя въ популярной печати мелочи.

Языкъ животныхъ.

I.

Жилъ былъ абиссинскій старшина, у котораго была непомерно толстая жена. Разъ отправились они вмѣстѣ въ дорогу. Онъ ѣхалъ на конѣ, а жена на слабой кобылѣ, за которою бѣжалъ годовалый жеребенокъ.

По дорогѣ они встрѣтили чорта, въ видѣ старика, одѣтаго нищимъ.

Поровнявшись съ нимъ, онъ споткнулся, упалъ и, обращаясь къ старшинѣ, сталъ жаловаться: „помоги мнѣ встать: у меня нѣтъ силы“.

Тотъ сошелъ съ лошади и поднялъ его, а въ награду за это старикъ предложилъ дать ему все, что онъ только пожелаетъ.

— Мнѣ ничего не надо, отвѣтилъ старшина,—одного, развѣ, мнѣ хочется: понимать языкъ всѣхъ тварей.

— Открой ротъ! сказалъ нищій.

Онъ открылъ, чортъ дунулъ ему въ ротъ, и сталъ онъ понимать языкъ всѣхъ животныхъ Абиссиніи.

Чортъ удался. Они поѣхали дальше. Вдругъ слышитъ старшина, жена котораго ничего не знала о случившемся, что жеребенокъ сказалъ матери:—Мать, иди тише; я усталъ и не могу поспѣть за тобой.

— Стыда у тебя нѣтъ, что-ли, чтобы говорить это? отвѣтила кобыла-мать; — не видишь развѣ, какую тяжесть я несу на себѣ и все-таки не жалуюсь?

Услыхавъ это, старшина сошелъ со своей лошади и попросилъ жену пересѣсть съ кобылы на нее.

Жена пересѣла, по тутъ же захотѣла узвать отъ мужа, зачѣмъ это ему понадобилось. Онъ, однако, не могъ сказать ей, потому что чортъ запретилъ ему разсказывать подъ страхомъ смерти.

А жена настаивала:—Если ты не скажешь мнѣ,—я не буду больше любить тебя.

Мужъ началъ ее упрасивать и уговаривать, и сказалъ, что если онъ разскажетъ, то долженъ умереть; но жена, — очень любопытная и вмѣстѣ съ тѣмъ дурная, — продолжала настаи-

вать:—Скажи, а потомъ и умирай.

Тогда образцовый мужъ сказалъ:—Ну, хорошо, дойдемъ до дому; ты приготовишь необходимое для моихъ похоронъ, а потомъ я разскажу тебѣ и умру.

Пришли домой, и петербильная жена тотчасъ же принялась за приготовленія къ похоронамъ своего мужа; когда все было готово, онъ сталъ разсуждать, что жизнь прекрасна, — и пожелалъ подождать хоть до нѣни пѣтуха.

Когда же пѣтухъ запѣлъ, онъ вдругъ услышалъ, какъ собака сказала пѣтуху:

— Зачѣмъ ты поешь, когда нашъ хозяинъ готовится къ смерти?

— Нашъ хозяинъ одурѣлъ! отвѣтилъ пѣтухъ.

— Почему? возразила собака.

— Потому что у него всего одна жена, и онъ такъ обабился, что готовъ выдать ей свою тайну. Я, напротивъ, имѣю больше тридцати жевъ, всѣхъ ихъ кормлю и ни одной не разсказываю о моихъ дѣлахъ; если бы я былъ на его мѣстѣ, взялъ бы добрый пруть и хорошенько отхлесталъ бы эту любопытную бабу. Посмотрѣла бы ты тогда!..

У хозяйна, слышавшаго весь разговоръ между собакой и пѣтухомъ, открылись глаза, и онъ надумался привести совѣтъ въ исполненіе. Сказано, сдѣлано,—взялъ онъ палку и отъ всей души принялся дубасить ею жену. Съ этого дня жена перестала и думать о томъ, чтобы узнать тайну своего мужа.

II.

Разъ абиссинскій старшина, у себя на деревнѣ, услышалъ, какъ работавшіе вола сказали бывшему тутъ вблизи ослу:

— Здравствуй, братъ! какъ дѣла?

— Ничего себѣ, отвѣчалъ осель.

— Ты счастливецъ, замѣтилъ одинъ изъ воловъ,—я, напротивъ, чувствую себя очень не хорошо; весь день нашу землю своего хозяина.

— Такъ отчего-жъ тебѣ, сказалъ осель,—не приврать немного? Притворись, что заболѣлъ, бросься на землю, и хозяинъ, навѣрное, не заставитъ тебя работать.

Хозяинъ наматалъ себѣ это на усъ. На другой день волъ рѣшился поступить, какъ ему присовѣтовалъ осель. Принелъ угрозу работникъ въ стойло, чтобы взять его на работу, и нашелъ животину на землѣ, совѣмъ больную, словно она и подвигаться не можетъ. Тогда работникъ пошелъ сказать объ этомъ хозяйну, а тотъ приказалъ поставить въ ярмо осла-совѣтчика и бить его до крови, если онъ не захочетъ работать. Работникъ сдѣлалъ, какъ ему было велѣно, и пошелъ пахать землю. Бѣдный осель долженъ былъ проработать цѣлый день, и цѣлый же день терпѣть побой. Прийдя въ конюшню, онъ нашелъ вола, который все еще продолжалъ притворяться больнымъ, и спросилъ его, какъ онъ провелъ день.

— Ты—мой спаситель, отвѣчалъ волъ,—прежде я, то и дѣло, только работалъ, а благодаря тому средству, которое ты мнѣ указалъ, мнѣ можно и освободиться—сегодня я чувствую себя очень хорошо.

Осель отвѣтилъ:—Это вѣрно, но я долженъ сказать тебѣ, что сегодня въ полѣ, на работѣ, я слышалъ о тебѣ разговоръ. Волъ сталъ заклинять осла разсказать ему все; тогда тотъ сказалъ:—Знай, что хозяинъ велѣлъ работнику, если ты завтра будешь еще боленъ, продать тебя мяснику.

Волъ, услыхавъ это, тотчасъ же рѣшилъ взяться за правду и вернуться къ работѣ.

Старая гувернантка.

Разсказъ Генриха Зейделя.

(Перев. съ нѣмецкаго).

Зашла я недавно къ своей старой гувернанткѣ, разсказывала мнѣ одна старая знакомая.—Хотѣлось мнѣ повидать ее, пока она еще не отправилась въ хирургическую клинику. Ей необходимо было сдѣлать очень серьезную операцію, исхода которой опредѣлить нельзя было. Я ее застала совершенно спокойной и даже веселой, по обыкновенію. Кажется, если и въ тяжелыя минуты жизни не оставляетъ меня доброе расположение духа, то я должна благодарить за это свою старую гувернантку. Сейчасъ же накрыла она столъ новой скатертью, достала свои расписанныя цвѣточками фарфоровыя чашечки, появившіяся на столѣ только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, и заварила кофе. Подала она и особенно вкусное печенье, которое сама приготовляла по особому таинственному рецепту. Съ самаго дѣтства питала я слабость къ этому печеню,—и она это помнила.

— Вотъ дѣла какия, Анхень! сказала она.—Давай-ка еще разъ повеселимся, какъ прежде бывало.

Я невольно вздохнула. Она взглянула на меня своими любящими, свѣтящимися глазами, посмотрѣла съ минутку и сказала:

— Я совершенно спокойна и весела, мой другъ. Все готово уже, остальное въ волѣ Божьей. На случай, если, какъ мнѣ сдается, плохо кончится, я въ послѣдніе восемь дней мало-помалу—сразу, ты, моя милая, знаешь, я не могу все сдѣлать,—все приготовила... Никому и не надѣлаю хлопотъ, все пойдетъ какъ по маслу. Вчера, закончивъ всѣ свои приготовленія, отправилась я на Матвѣевское кладбище посмотрѣть на свое хорошенькое мѣстечко. Купила я его уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Денежъ былъ такой славный, солнце какъ-то особенно любовно пригрѣвало землю, весело чиркали птички, кругомъ цвѣли розы. Тихо и мирно было тамъ... Издали глухо доносился городской шумъ. По обѣ стороны моего мѣстечка были уже жильцы... Теперь моя очередь... Направо отъ меня лежитъ профессоръ какой-то, налѣво—тайналъ свѣтлицца. Общество вполнѣ приличное, даже изысканное для меня... И, представь,—

на этомъ, единственно мнѣ принадлежащемъ, клочкѣ земли зеленѣла высокая, колеблющаяся травка, и росли чудные цвѣты... Какъ ни тяжело мнѣ было нагибаться, но я нарвала себѣ тамъ букетикъ. Вонъ онъ стоитъ въ водѣ! Я возьму его съ собой въ клинику и поставлю возлѣ кровати. Когда я вышла этотъ букетикъ, близко-близко отъ меня, въ кустахъ дликихъ розъ, весело заливалась маленькая птичка. Вдругъ вспорхнула она среди пѣсни и быстро исчезла въ высокой дали... Какъ жаль, что я не знаю, какъ звали эту птичку, беззаботно расхлѣвавшую въ чапѣ кипарисовъ, на могильныхъ почернѣвшихъ крестахъ. Скоро опять прилетитъ она туда и залетѣла, и я хогь и буду тамъ, но ужь не услышу ея голосящей пѣсни...

Тихо взяла я ея руку и пѣжно стала гладить тонкіе, сморщенные пальцы. Говорить я не могла.

Ласково выставивъ мою руку, подошла она озабоченно къ большому, доставшемуся ей еще по наслѣдству, комоду съ блестящими мѣдными углами. Съ трудомъ выдвинула она верхній ящикъ. Тамъ лежало гладко сложенное платье. Все платье было бѣлое, вышитое; бѣлье—безъ мѣтокъ, по старинному обычаю. Невольно какъ-то мелькнула у меня мысль: „какъ хороша будетъ она въ этомъ платье!“

— Третьяго дня, снова заговорила она,—заказала я себѣ гробъ. Очень милый, симпатичный господинъ вопль меня по магазину и предлагалъ мнѣ на выборъ, какой угодно. Да, трудный былъ выборъ. Тамъ были великолѣпные металлические гробы, отливанные золотомъ и серебромъ; это, вѣрно, для графовъ и богатыхъ купцовъ. Они мнѣ не понравились, однако,—мнѣ казалось, что въ нихъ будетъ мнѣ не ловко. Любезный господинъ, замѣтивъ, что эти гробы мнѣ не нравятся, сказалъ: „сударыня, мы ужь что-нибудь да найдемъ, у насъ есть на всякій вкусъ!“ И онъ показалъ мнѣ прекрасный черный гробъ, такъ искусно отполированный, будто сдѣланный изъ чернаго дерева. „Очень мило“, сказала я ему, — „только бѣда, что онъ черный, — это слишкомъ траурно“. — „Такъ я вамъ посоветую свѣтло-желтый“, отвѣчалъ онъ, — „у насъ есть такіе же свѣтло-желтаго цвѣта. Не угодно ли!“ — „Да, этотъ мнѣ нравится, только опять-таки эта гарнировка изъ чернаго крена...“ — „Эту гарнировку очень любить, сударыня“, возразилъ онъ мнѣ. — „Впрочемъ, какъ угодно. Если позволите, я предложу вамъ кое-что, мы частенько ужь это дѣлали. Вотъ, представьте себѣ, здѣсь и здѣсь, затѣмъ тамъ, и такъ далѣе—букетикъ изъ двухъ или трехъ розъ, и въ промежуткахъ между ними всячія гирлянды изъ маленькихъ шотландскихъ розъ—это выходитъ очень мило и изящно“.

Мнѣ это очень понравилось. Я согласилась, и мы условились въ цѣнѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ спросилъ онъ меня: „Вы, сударыня, захватили, можетъ-быть, мѣрочку съ собой, или прикажете послать кого-нибудь ее снять?“

„Будьте столь добры, снимите!“ отвѣтила я ему.—„Гробъ этотъ для меня самой“.

Онъ сразу огорчился. Онъ весь уставился на меня не то въ ужасъ, не то въ изумленіи. Наконецъ, я вывела его изъ этого состоянія, объяснивъ, что, если заказ этотъ и не нужно исполнить теперь же, то все-таки я ручаюсь ему, что онъ не уйдетъ изъ его рукъ.

Онъ сталъ снова, попрежнему, любезенъ и записалъ себѣ все въ книгу. При разставаніи, пожелалъ онъ мнѣ счастья и великаго благополучія.

Оттуда отправилась я къ монументнику выбрать себѣ могильный памятникъ. Никогда не приходилось мнѣ бывать въ подобномъ магазинѣ. Я просто изумлена была. Чего только тамъ не было: мраморные ангелы съ опущенными крыльями и пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, маленькіе геніи съ опрокинутыми факелами, надломленные колоны, тяжелые гранитные монументы, кресты, могильныя плиты... Всѣми ими можно было уставить огромное кладбище. Скоро нашла я себѣ подходящую, скромную могильную плиту, какъ разъ такую, какъ мнѣ хотѣлось. Это было послѣдней моей заботой. Все было сдѣлано, и я со спокойнымъ сердцемъ вернулась домой. Аккуратно записала я на листикѣ всѣ свои покупки, приложила къ нему потребныя на нихъ деньги и запечатала все это въ конвертъ. Все было справлено, какъ слѣдуетъ.

Тутъ ужь могла я, милая Анхень, кажется, спокойно ждать будущаго, но нѣтъ, меня мучилъ страхъ... Не за операцию,—она будетъ сдѣлана лучшимъ хирургомъ; все, что въ силахъ человѣческаго искусства, все будетъ сдѣлано, а дальше только одна надежда на Бога... Нѣтъ, я боюсь ужасной вещи... И никакъ не могу предотвратить ея. Ты знаешь, вѣрно, что при операціяхъ даютъ разные наркотическія средства, и большой, лишившись совершенно сознанія, въ дикомъ бреду говоритъ иногда ужасныя слова. Представь, Анхень, мнѣ пришлось разъ быть свидѣтельницей такой исторіи съ одной моею хорошей знакомой; это была добрейшая душа; никогда не слышала я отъ нея ни одного худого слова. И что-жъ! Когда ей дѣлали операцию, и была, по ея желанію, въ сосѣдней комнатѣ. Случайно какъ-то чуть-чуть расворилась дверь, и я услышала, что она говорила въ бреду. Она страшно ругалась и произносила ужаснѣйшія слова; я даже не думала никогда, что она знала подобныя скверныя выраженія. Вотъ этого-то я и боюсь. Я, кажется, въ землю отъ стыда заруюсь, если узнаю потомъ, что я говорила подобныя гадости.

Я, понятно, пыталась ее успокоить, но напрасно; такъ и ушла она съ этимъ страхомъ въ клинику.

На другой день послѣ операціи отправилась я туда. Все сошло отлично, теперь была полная надежда на ея выздоровленіе. Ей было только строго-на-строго запрещено говорить и видѣться съ кѣмъ-либо, такъ какъ она была страшно слаба. Я разговаривалась съ сестрой милосердія, ходившей за ней, и та мнѣ рассказала слѣдующее:

— Первымъ дѣломъ, послѣ пробужденія отъ наркоза, знакомая ваша схватила меня за руку, съ мольбою посмотрѣла мнѣ въ глаза и спросила: „Что я говорила? Скажите мнѣ откровенно, милая сестрица, что я такое говорила?“ Я могла только сказать ей одну истину. „Первымъ дѣломъ“, отвѣтила я ей,—„прочли вы ясно и довольно громко „Отче Нашъ“, и затѣмъ, спустя нѣкоторое время, вы тихо и прерывисто произнесли: „О, Господи, какъ велики были страданія Твои!“ Вотъ и все“. Вы бы видѣли, что за радость отразилась на ея блѣдномъ лицѣ, когда она услышала это. „Дорогая сестрица“, почти вскрикнула она,—„какъ я вамъ благодарна, какъ вы меня ознакомили этимъ!“ И несмотря на всю свою слабость, она кинулась къ моей рукѣ и чуть было не поцѣловала ее; я вовремя успѣла осторожно убрать руку.

Теперь знакомая моя живетъ уже опять у себя на квартирѣ и, сравнительно, очень бодрѣ и веселѣ. Недавно отраздповали мы на славу ея выздоровленіе, вѣли вкусныя ея маленькія леченія и записали ихъ кофеемъ изъ завитыхъ фарфоровыхъ чашечекъ. При этомъ она рассказывала мнѣ:

— Первымъ дѣломъ отправилась я, послѣ выздоровленія, къ любезному гробовому мастеру. Онъ меня сейчасъ же узналъ, очень мило раскланялся со мной и сказалъ, что очень радъ видѣть меня въ вождѣльномъ здравіи. Это вышло у него такъ откровенно и мило, что онъ еще болѣе расположилъ меня къ себѣ; кромѣ того, въ душѣ я сознавала, что нѣсколько обманула его коммерческіе расчеты. И я не могла не высказать ему этого чувства.

— Хотя условіе наше теперь еще нельзя исполнить, сказала я ему, — по оно остается неизмѣннымъ, — я упомяну объ этомъ въ своемъ завѣщаніи. Ну, такъ помните, свѣтло-желтый съ гирляндами изъ шотландскихъ розъ...

— Какъ же, неизмѣнно, отвѣтилъ онъ, слегка наклонивъ голову и радостно потирая руки.—Отъ души желаю еще долго ждать исполненія вашего заказа.

Не правда-ли, Анхень, со стороны гробовщика это было очень мило сказано. Вотъ теперь кричатъ все, что весь міръ испорченъ,—я этого не нахожу. Умѣй только хорошо обходиться съ человѣкомъ, и онъ съ тобой будетъ хорошъ. Это мой твердый взглядъ; съ нимъ прожила я всю жизнь и не измѣню его и теперь, на краю могилы. А какъ по-твоему, Анхень?

Спокойно доживаетъ свои дни моя старая гувернантка, бодро и весело ждетъ она будущаго,—не страшитъ ее мысль ни о мирномъ ея мѣстечкѣ на Матвѣевскомъ кладбищѣ, ни о красномъ желтомъ гробѣ съ розовыми гирляндами...

И. 3—нѣ.

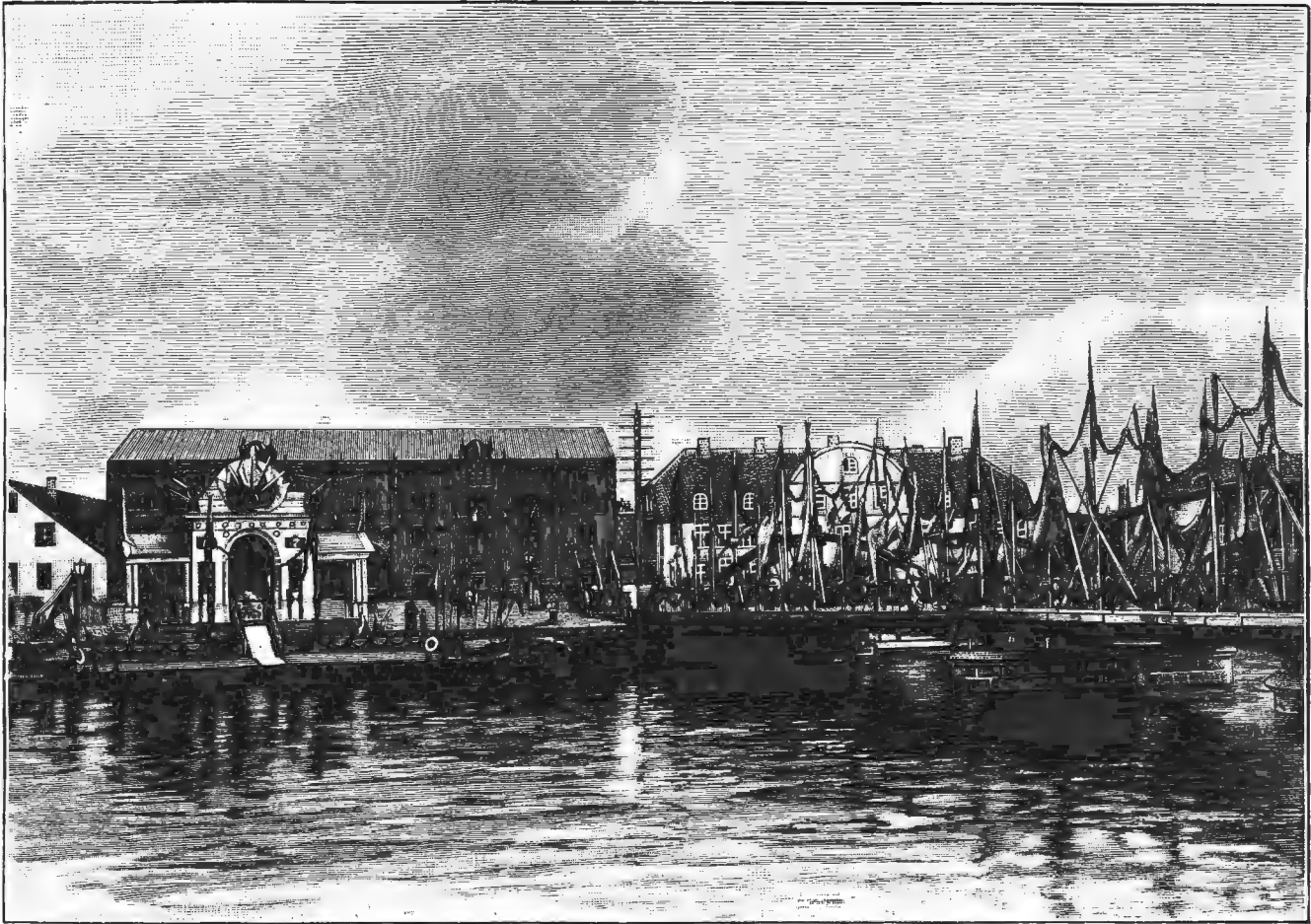
Гальванизмъ.

Научный очеркъ В. Бердрова.

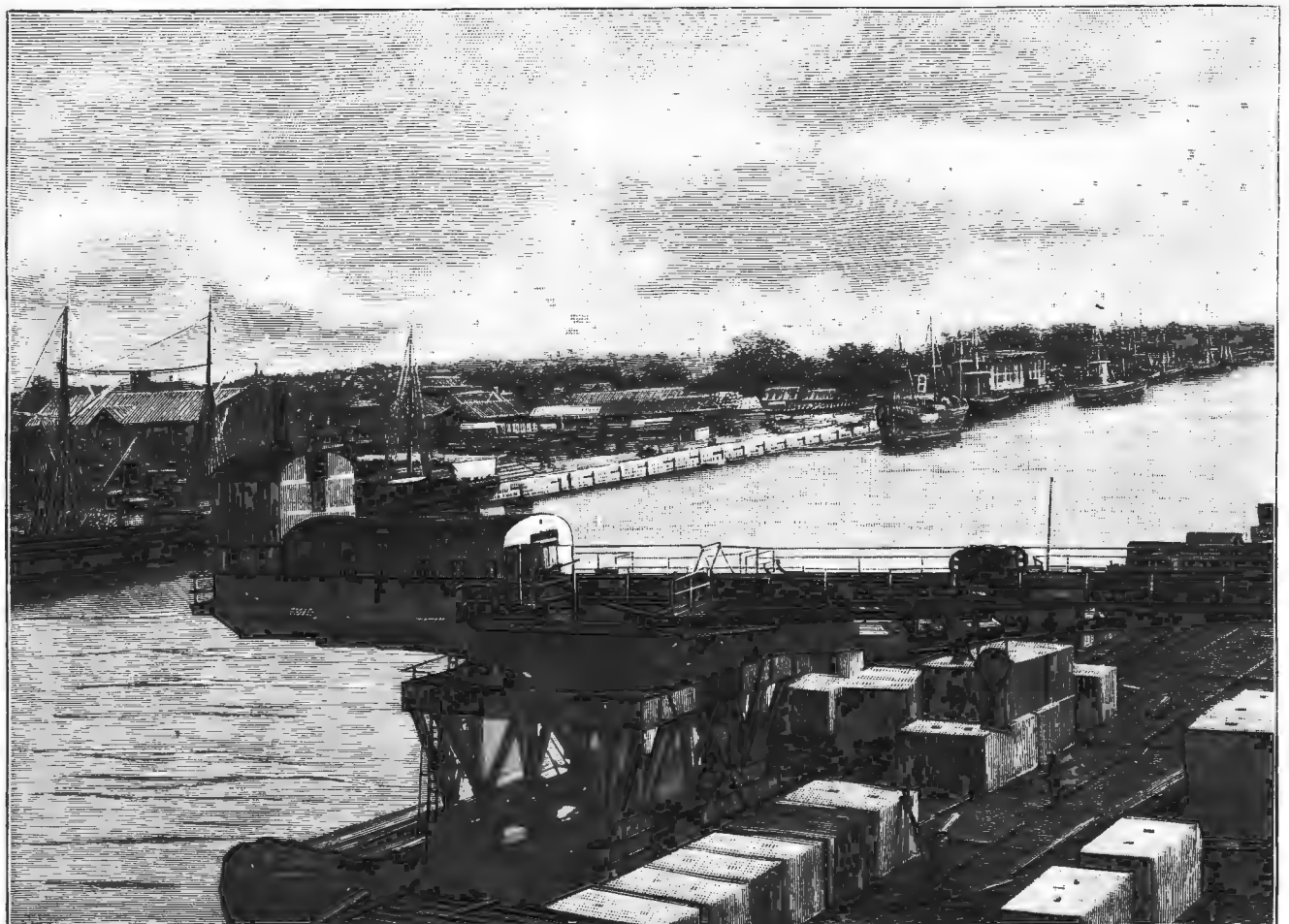
Съ 8-ю рис. въ текстѣ.

Въ словѣ „гальванизмъ“, которымъ называется обширная область электричества, получаемого химическимъ путемъ чрезъ соприкосновеніе разнородныхъ основаній, кроется недоразумѣніе, вѣрнѣе, даже неправильность. Дѣйствительно, въ 1790 году болонскій врачъ и профессоръ Гальвани сдѣлалъ знаменитое наблюденіе надъ лягушечьими лапками. Онъ замѣтилъ, что послѣднія вздрагивали отъ прикосновенія къ металлической рѣшеткѣ, на которой онѣ были повѣшены. Но объясненіе, которое онъ далъ этому знаменательному явленію, было неправильное. Итальянскій физикъ Вольтъ, которому принад-

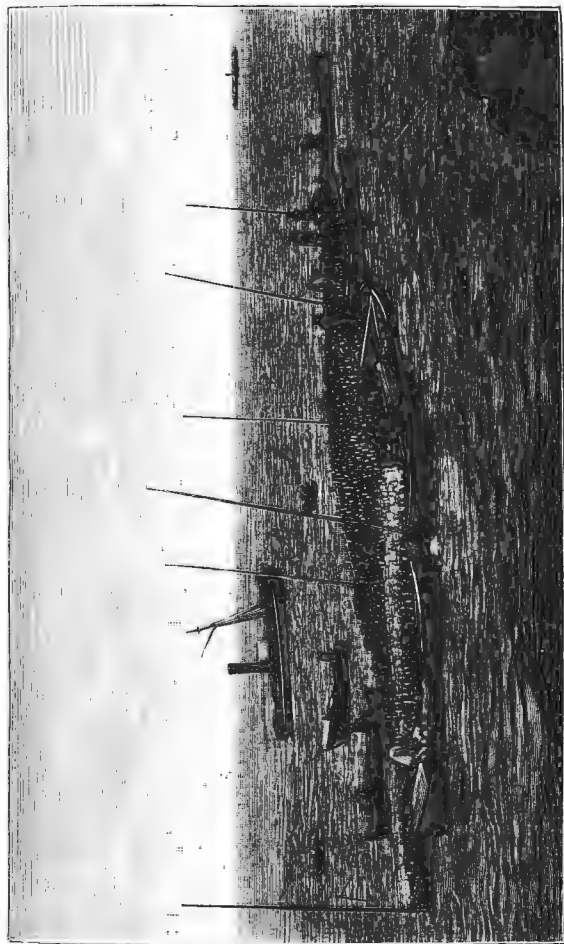
лежать гораздо большія заслуги въ изслѣдованіи гальваническаго электричества, не только блестяще опровергъ объясненіе Гальвани, но и далъ, въ свою очередь, совершенно вѣрное объясненіе этому явленію. Анатомъ Гальвани искалъ причину возникновенія электричества, обнаруживающагося въ этихъ сокращеніяхъ лапокъ лягушекъ, въ самомъ тѣлѣ живогнаго; физикъ же Вольтъ, наоборотъ, предположилъ ее въ самомъ металлѣ рѣшетки, и гипотеза Вольты блестяще оправдалась. Исполнѣ доказать справедливость своего объясненія удалось ему лишь въ 1794 году, когда онъ изобрѣлъ свой мѣдный

Сооружение коммерческаго порта въ Либавѣ. Рис. 1. Мостъ и набережная новой Либавы, въ день прїѣзда Августѣйшихъ Особъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Сооружение коммерческаго порта въ Либавѣ. Рис. 2. Титанъ для передачи массивовъ съ берега на шаланды и общій видъ гавани со стороны новой Либавы. Съ фот. грав. Рашевскій.

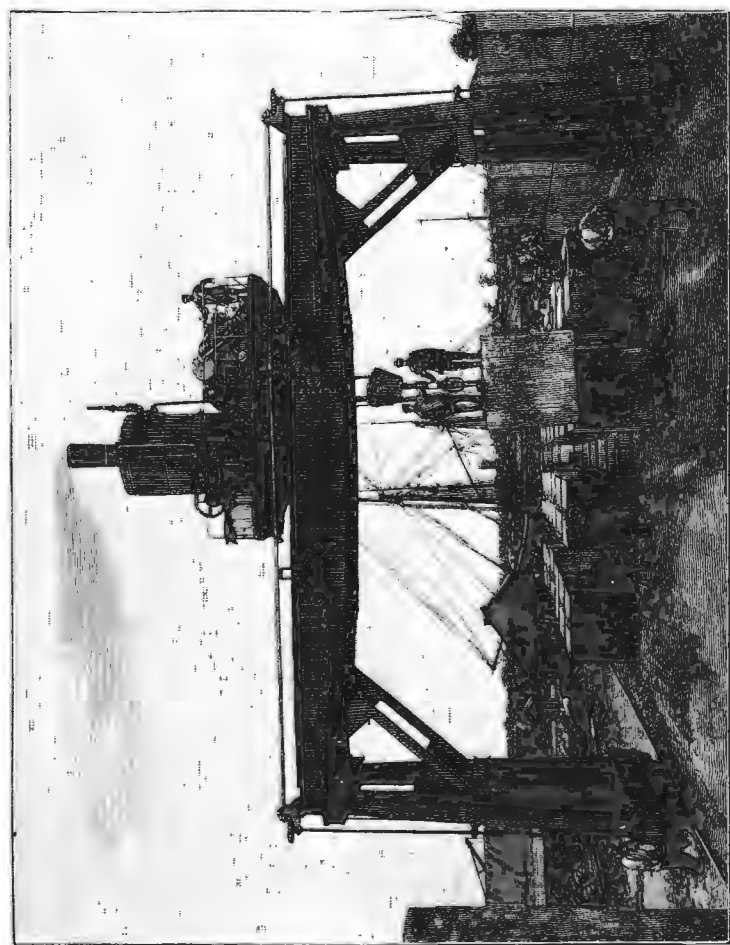
Сооруженіе коммерческаго порта въ Либавѣ. Рис. 4. Тюфяки въ моментъ установли и затопленія ихъ въ море. Съ фот. грав. Рашевскій.

Сооруженіе коммерческаго порта въ Либавѣ. Рис. 6. Общій видъ расположенія массивовъ. Съ фот. грав. Флягель.

Сооруженіе коммерческаго порта въ Либавѣ. Рис. 3. Землечерпательная машина, работающія въ ковшѣ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Сооруженіе коммерческаго порта въ Либавѣ. Рис. 5. Травелеръ, служящій для доставки массива къ мѣсту работъ и установли массивовъ въ штабеля. Съ фот. грав. Шюберъ.

аппарат, наглядно показывавший скопление слабого электричества, проявившегося в его первоначальном наблюдении. Этот медный аппарат был впоследствии лишь усовершенствован.

Первое выдающееся открытие в области гальванизма было сделано в 1800 г. В этом году Вольта, вместо того, чтобы вызывать электрический ток, как он это делал до сих пор, простым соприкосновением двух металлических полос, соорудил столб из медных и цинковых кругов и доказал, что чрез увеличение металлических полос и, особенно, чрез прокладку между ними сырых, окисленных войлочных кругов, возникающее электричество получает необыкновенно сильное напряжение.

Къ этому аппарату, названному „Вольтовым столбом“, присоединились вскоре целый ряд новых изобретений для получения электрического тока, в виде разнообразных гальванических элементов; таким образом, вскоре представилась возможность легко получать гальваническое электричество. Мы не станем далее говорить обо всех этих изобретениях, так как с ними может наглядно ознакомиться каждый, имеющий дело с электрическим звонком или телефоном. Теперь мы перейдем къ разным выдающимся явлениям гальванического электричества.

Три главные такие явления, с самого начала игравшие выдающуюся роль и применявшиеся в технике и промышленности, открыты, как обыкновенно, совершенно случайно, долго занимали умы ученых и служили предметом безконечных исследований. Вскоре после изобретения Вольтова столба, два известные английские физика сделали знаменитое открытие, что электрический ток, возникающий в Вольтовом столбе, обладает удивительным свойством разлагать воду на ее составные части: кислород и водород. Но это открытие было только началом целого ряда других, доказавших возможность разлагать, помощью гальванического тока, еще много других веществ на их химические составные части.

Газовая батарея Грове (рис. 1) показывает, каким образом происходит это разложение воды на ее составные элементы. Батарея Грове представляет из себя стеклянную, плотно прикрытую бутылку, с налитой в нее, содержащей кислоту, водою, наполняющею сверху две стеклянные трубки, приделанные по бокам къ бутылке. Внутри трубок находятся два медные прута, служащие для сообщения аппарата с током гальванической батареи. Пруты эти соединены внутри трубок с двумя тонкими платиновыми проволоками, необыкновенно чувствительными къ действию кислоты. В обеих трубках, наполненных первоначально доверху водою, сейчас же по соединении медных прутьев с источником гальванического тока, начинает происходить целый ряд явлений. Ток проходит чрез медные прутья, платиновые проволоки, с ними соединенные, и, наконец, чрез воду, и тотчас же вокруг белых платиновых проволок появляется огромное число пузырьков газа; пузырьки эти то лопаются, то снова вздымаются на поверхность, точно силась вытеснить всю жидкость из трубок. В той трубке, где проволока соединена с отрицательным полюсом гальванического элемента, скопится гораздо большее количество газа, превышающее количество газа, содержащегося в другой трубке; соединенной с положительным полюсом, ровно вдвое. Причина такого распределения газа заключается в том, что в первой трубке образуется одна из двух составных частей воды — водород, а во второй другая — кислород, содержащийся в воде во вдвое меньшем количестве, чем водород. Стоит вынуть

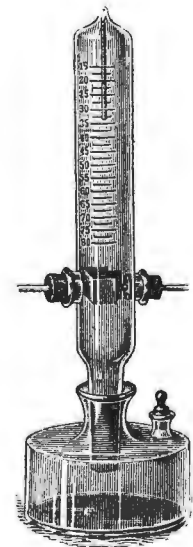

Рис. 2. Вольтметр Кольрауша.

трубки, и в каждой из них мы будем иметь в отдельности эти оба газа. Если же смешать содержимое в этих трубках, то образуется, как известно, взрывчатый гремучий газ.

Для практического применения способа разложения воды на ее составные части изобретением был физиком Кольраушем прибор, названный им „вольтметром“ (рис. 2). Чтобы определить силу тока, получаемого из какого-нибудь источника гальванического электричества, разлагают этим током находящуюся в стаканчике вольтметра воду и узнают точное количество выделенного газа по шкале, разделенной на кубические сантиметры и помещающейся на поверхности стаканчика вольтметра. В виду того, что каждый электрический ток в определенное количество времени может разложить известное лишь, соответствующее силе его, количество воды, можно легко определить по показанию вольтметра силу подлежаемого электрического тока.

Затем, уже в позднейшее время, обратили внимание на еще более значительное действие электрического тока — на способность его разлагать не только воду, но и соль. В 1838 году Якоби удалось, при помощи электрического тока, разложить хлорную соль на ее составные химические части. Благодаря этому открытию, он изобрел способ гальванического покрытия предметов медью. Вскоре удалось разлагать электрическим путем и другие соли, и сейчас же стали это дело применять в промышленности.

В 1841 г., в Германии, недавно скончавшимся физиком Верпером фон-Сименсом был изобретен способ гальванического золочения. В своих „Воспоминаниях“ покойный ученый в юмористическом тоне рассказывает, что открытие это он сделал во время своего ареста в Магдебургской тюрьме, в которую он был заключен за то, что дрался на дуэли. В тот же почти год стал известен способ гальванического серебрения. Значительно позже набрели на способ покрывать электрическим путем предметы сталью. Это открытие и произвело огромный переворот в типографском искусстве. Употреблявшиеся до этого времени, для печатания большого количества книг и рисунков, свинцовые, цинковые, деревянные и каменные доски не могли долго служить и скоро портились, точно также и вошедшие затем в употребление доски и тины, покрытые медью, так-называемые „гальвано“ годились лишь для известного числа оттисков при помощи печатного станка; доски же, покрытые сталью электрическим путем, дают сотни тысяч одинаково хороших, отчетливых оттисков и обладают необыкновенной прочностью.

Если мы обратимся теперь от химических къ магнетическим явлениям гальванических токов, то опять-таки встретим ряд замечательных открытий. Главным и основ-

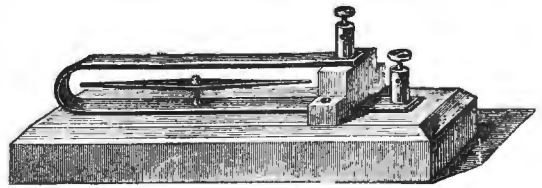

Рис. 3. Гальваноскоп.

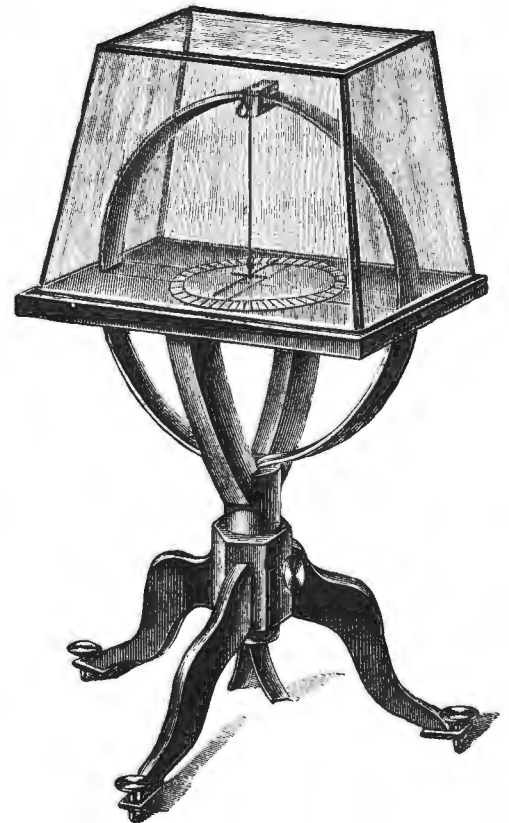

Рис. 4. Тангентбуссоль.

Если мы обратимся теперь от химических къ магнетическим явлениям гальванических токов, то опять-таки встретим ряд замечательных открытий. Главным и основ-

нымъ должно быть признано, по праву, изобрѣтеніе электрическаго телеграфа.

Въ 1820 г. въ Копенгагенѣ датскій ученый Эрстедтъ открылъ неизвѣстное дотолѣ свойство электрическаго тока отклонять магнитную стрѣлку отъ ея постоянного положенія, указывающаго, приблизительно, по линіи меридіана, т. е. съ сѣвера на югъ. Какъ только было сдѣлано это открытіе, уже изобрѣли небольшой аппаратъ, изображенный на рис. 3 и предназначенный для опредѣленія присутствія электрическихъ токовъ. Гальваноскопъ въ состояніи обнаруживать присутствіе токовъ небольшой линіи силы и отличается изумительно простымъ устройствомъ. Онъ состоитъ всего изъ мѣдной дуги, огибающей такимъ образомъ магнитную стрѣлку, что стонгтъ лишь оба конца дуги соединить съ источникомъ электричества, чтобы тотчасъ отклонить магнитную стрѣлку отъ ея естественнаго положенія. Силу гальваническаго тока этимъ аппаратомъ опредѣлить, конечно, трудно, но зато по показанію магнитной стрѣлки можно вполне опредѣлить, въ какомъ направленіи проходитъ токъ чрезъ гальваноскопъ; это уже одно, при необыкновенной его простотѣ, дѣлаетъ этотъ аппаратъ незаменимымъ при многихъ электротехническихъ работахъ и, главнымъ образомъ, при изслѣдованіи направленій токовъ.

Если же нужно точно опредѣлить силу гальваническаго тока, то для этого употребляются болѣе сложные аппараты; изъ нихъ болѣе всего применяется при научныхъ изслѣдованіяхъ такъ называемая, „тангентенбуссоль“ (рис. 4). Въ сущности она состоитъ также изъ широкой мѣдной полосы и магнитной стрѣлки, но, кромѣ того, въ ней есть еще нѣкоторыя приспособленія, отсутствующія въ простомъ гальваноскопѣ. Магнитная стрѣлка, для большей подвижности, подвѣшена на шелковинкѣ и въ сравненіи съ окружающимъ ее кольцомъ очень незначительна.

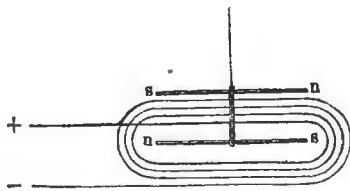

Рис. 5. Синусъ-буссоль.

Стеклянный колпакъ изолируетъ аппаратъ отъ вліянія окружающаго воздуха, которое, — будь это даже дыханіе самого наблюдателя, — можетъ отразиться на результатѣ изслѣдованія. Помѣщенный на столѣкъ аппарата, подъ магнитной стрѣлкой, кругъ съ дѣленіями даетъ возможность при каждомъ замѣреніи опредѣлить точно уголъ отклоненія магнитной стрѣлки, вызваннаго даннымъ гальваническимъ токомъ. Этотъ-то уголъ отклоненія и служитъ мѣриломъ силы изслѣдуемаго тока. При болѣе сильныхъ токахъ оказывается неудобствительнымъ для сказанной цѣли и этотъ аппаратъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ магнитная стрѣлка не отклоняется уже отъ своего положенія и становится прямоугольно къ плоскости мѣднаго кольца. Поэтому тутъ уже употребляется изображенная на рис. 5, „синусъ-буссоль“, въ которой токъ проходитъ не по одному мѣдному кольцу, а по цѣлому ряду намотанныхъ вокругъ деревяннаго кольца проволоки; кромѣ этого, „синусъ-буссоль“ нѣсколько лишь отличается отъ тангентенбуссоли.

Едва только стало извѣстнымъ отклоненіе магнитной стрѣлки подъ вліяніемъ гальваническаго тока, какъ это открытіе было положено уже въ основаніе вновь изобрѣтеннаго электрическаго телеграфа. Токъ гальванической батареи удалось передавать по проводкѣ на дальнее разстояніе. Посредствомъ измѣненія направленія и прерыванія тока явилась, такимъ образомъ, возможность на разстояніи заставить магнитную стрѣлку отклониться вправо и влево отъ ея обычнаго положенія и руководить по своему усмотрѣнію этими отклоненіями. Всѣ многообразныя отклоненія магнитной стрѣлки условились отмѣчать соответствующими знаками, затѣмъ буквами; изъ ряда регистрирующихъ отклоненія буквъ стали составлять слова, — однимъ словомъ, стали телеграфировать цѣлыя фразы. И такъ возникъ болѣе десяти лѣтъ исключительно употреблявшійся всюду сигнальный телеграфъ. Осуществленіе его оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ ожидали, и лишь въ 1833 г. двумя германскими учеными, Гаусомъ и Веберомъ, въ Геттингенѣ, былъ изобрѣтенъ первый

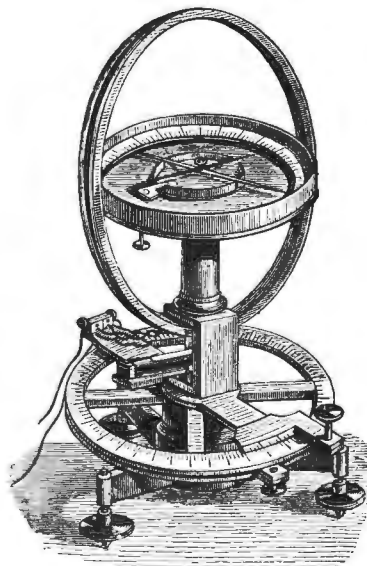

Рис. 6. Астатическая двойная магнитная стрѣлка.

телеграфный аппаратъ. Впервые телеграфной сѣтью были соединены обсерваторія Геттингенскаго университета съ физическимъ кабинетомъ, и такимъ путемъ профессора получили возможность, не выходя изъ комнаты, дѣлаться другъ съ другомъ своими научными наблюденіями. Слабые гальваническіе токи на далекомъ разстояніи плохо дѣйствовали на магнитную стрѣлку; но и это препятствіе было вскоре устра-

нено съ помощью изобрѣтенныхъ астатической двойной магнитной стрѣлки и мультипликатора. Астатическая магнитная стрѣлка представляетъ изъ себя соединеніе двухъ магнитныхъ стрѣлокъ, сообщенныхъ другъ съ другомъ тонкой проволокой и расположенныхъ одна надъ другой. При томъ, онѣ направлены своими полюсами въ разныя стороны (S — южный, N — сѣверный полюсъ). Въ мультипликаторѣ верхняя стрѣлка движется по кругу съ дѣленіями, по которому можно опредѣлить уголъ ея отклоненія. Чтобы обезопасить мультипликаторъ отъ вліянія воздуха, аппаратъ снабженъ стекляннымъ колпакомъ. При такой системѣ магнитныхъ стрѣлокъ вліяніе земнаго магнетизма дѣлается почти совершенно неощутимымъ. Когда, въ силу вліянія земнаго магнетизма, верхняя стрѣлка своимъ сѣвернымъ полюсомъ стремится повернуться къ сѣверу, одновременно нижняя стрѣлка своимъ южнымъ полюсомъ, находящимся на этой же сторонѣ, стремится стать на югъ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, только вслѣдствіе того, что одна стрѣлка всегда оказывается нѣсколько болѣе намагнитчена, чѣмъ другая, вся система стрѣлокъ, хотя и очень слабо, удерживается въ своемъ направленіи съ сѣвера на югъ. Изъ этого положенія можно ее легко вывести, и даже очень слабые гальваническіе токи отклоняютъ такую двойную стрѣлку. Чтобы усилить отклоненіе ея, было увеличено въ нѣсколько разъ число проволоки, огибающихъ, какъ и въ синусъ-буссоли, магнитную стрѣлку. Какъ показываютъ наши рисунки 6 (астатическая стрѣлка въ отдѣльности) и 7 (въ связи со всѣмъ аппаратомъ-мультипликаторомъ), — на деревянную раму намотано въ рядъ и другъ на другъ, какъ на катушкѣ, огромное количество тончайшей мѣдной проволоки, выделяющей необыкновенно сильный токъ.

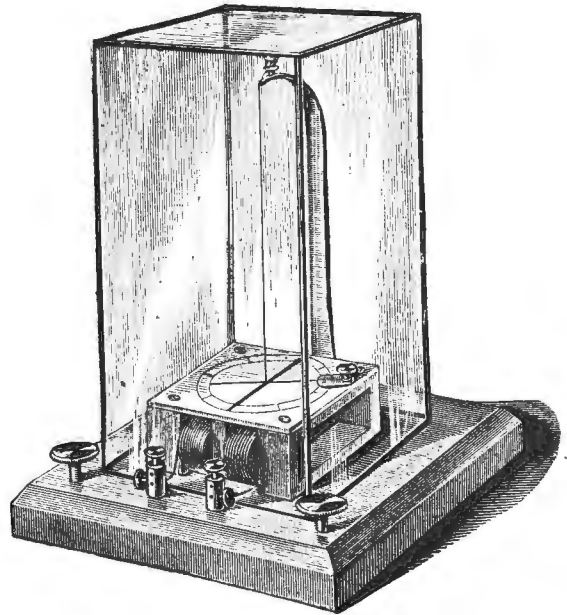

Рис. 7. Мультипликаторъ.

Сигнальные телеграфы исключительно дѣйствовали до 1850 г. и оставались еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долго въ употребле-

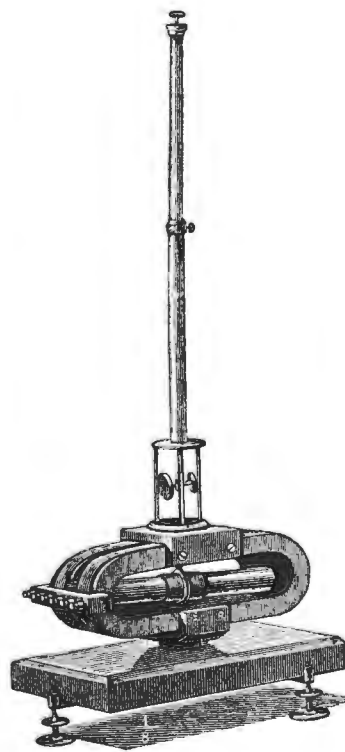

Рис. 8. Зеркальный гальванометръ.

и оставались еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долго въ употребле-

ни, несмотря на то, что къ тому времени уже былъ изобрѣтенъ, основанный совершенно на новомъ принципѣ, телеграфъ Морза. Въ телеграфированіи черезъ океанъ аппаратъ Гоуса и Вебера примѣняется и теперь, и, пожалуй, будетъ и впредь употребляться. Но на такихъ отдаленныхъ разстояніяхъ, какія приходится преодолевать телеграфамъ черезъ Атлантическій и другіе океаны, сила гальваническихъ токовъ до того ослабѣваетъ, что ее уже не можетъ воспринять ни аппаратъ Морза, ни даже обыкновенный аппаратъ сигнала телеграфа. Для этой цѣли былъ изобрѣтенъ германскимъ профессоромъ Веберомъ такъ-называемый, „зеркальный гальванометръ“, изображенный у насъ на рис. 8. Въ этомъ аппаратѣ чувствительность къ электрическому току доведена до высшей степени. Въ немъ электричество соединилось съ оптикой, и только такимъ образомъ явилась возможность обнаруживать токъ самой незначительной силы, воспринимаемый аппаратомъ изъ источника электричества, находящагося на разстояніи тысячи миль и болѣе. Въ зеркальномъ гальванометрѣ производится наблюденіе не непосредственно по отклоненію магнитной стрѣлки, но по небольшому, соединенному съ ней, зеркалу: показателемъ является при этомъ свѣтвой лучъ. Изъ какого-либо отдаленнаго источника свѣта падаетъ на это зеркало свѣтвой лучъ, который, въ свою очередь, отражается на блѣдомъ масштабѣ нахо-

дящемся притомъ въ рукахъ телеграфиста. Когда аппаратъ находится въ состояніи покоя, свѣтвой лучъ отражается на масштабѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ 0. Но какъ только магнитъ, а вмѣстѣ съ нимъ и зеркало, подъ вліяніемъ гальваническаго тока, слѣдуютъ малѣйшее отклоненіе, хотя-бъ на одну десятую миллиметра,—свѣтвой точка на масштабѣ начинаетъ двигаться вправо или влѣво, и своими колебаніями даетъ краснорѣчивыя указанія телеграфистамъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о третьемъ главномъ свойствѣ гальваническаго тока. Это—его незамѣнимая способность служить для освѣтительныхъ цѣлей. Всякій изъ насъ, теперь можно сказать, знаетъ и видѣлъ электрическую свѣтвую дужку и лампочку накаливанія, но при этомъ надо имѣть въ виду, что нынѣ для этой цѣли уже не употребляются гальваническіе элементы, но необходимый электрическій токъ получается при помощи динамо-машинъ и поэтому уже выступаютъ далеко за предѣлы гальванизма. Зато есть другая область, въ которой гальванизмъ получаетъ день-о-дня все болѣе и болѣе значеніе—это медицина, въ которой дѣйствіе электричествомъ получило широкое примѣненіе. Успѣхъ этого дѣйствія очень значителенъ, и можно надѣяться, что со временемъ оно будетъ играть такую же роль въ наукѣ, какъ и предыдущія примѣненія гальванизма.

Осень.

Стихотвореніе П. Порфирова.

Скучно... Рощи обнаженные
Мнѣ навѣяли печаль.
Листья, вѣтромъ окрыленные,
Шелестя, несутся въ даль,

Гдѣ надъ лѣсомъ и надъ нивою
Вечеръ гаснетъ, и заря
Брызнетъ въ рѣчку говорливую
Жаркимъ свѣтомъ янтаря

И потухнетъ.. Надъ полянами
Ночь сойдетъ, кропя росой,
Ночь, повитая туманами,
Будто ризой парчевой...

Къ рисункамъ.

Въ перегонку. (Рис. на стр. 861).

Какъ бѣшеные, несутся лихіе кони, вырывая комья земли сильными копытами. Съ крикомъ и посвистомъ погоняютъ ихъ возницы, старающіе обогнать одинъ другого. И любу русскому сердцу стѣблю летѣть въ перегонку, любу потѣшить себя бѣшеною ѣздою, такъ чтобы духъ захватывало и все окружающее вихремъ проносило мимо!..

Явленіе Богородицы Преподобному Сергію.

(Рис. на стр. 864).

Спаситель міра, въ прощальной бесѣдѣ съ учениками Своими въ саду Геосимаанскомъ, между прочимъ, сказалъ, чтобы они не смущались предстоящимъ Его отшествіемъ отъ нихъ, но вѣровали бы, и что вѣра ихъ принесетъ большой плодъ: „да не смущается сердце ваше“, говорилъ Онъ имъ, „вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте“ (Іоан. XIV, ст. 1). Часъ скорби вашей, говорилъ Онъ имъ, будетъ кратокъ, но за нимъ будетъ радость, которую уже никто не отниметъ отъ васъ, и радости вашей не будетъ предѣла, потому что все, что ни попросите у Отца Моего, будетъ дано вамъ.

И истинные подвижники, какъ сонастѣдники апостоловъ, послѣ многотрудной подвижнической жизни и скорбей, какъ отъ собратій своихъ, такъ и отъ міра, также сонастѣдовали и сонсчитывали эту блаженную радость о *Душѣ Святой*.

На нашемъ рисункѣ и представлено явленіе Пресвятой Богородицы Преподобному Сергію, игумену, Радонежскому чудотворцу.

Труденъ и пренеполненъ скорбей былъ первоначальный путь Преподобнаго Сергія! Но Милосердый Господь утѣшилъ его по обѣтованію Своему и прославилъ его. Дары Духа Божія, видимо, почивали на Преподобномъ, и люди достойные перѣдко видѣли, что ему сослужитъ ангелъ; видѣли огонь, исходящій во Св. Чашу во время совершенія имъ Безкровной Жертвы.

Наконецъ, Св. Сергій своею вѣрою, своими подвигами достигъ такой высокой чистоты, что сподобился посѣщенія Царицы Небесной.

Однажды, послѣ совершенія правила, онъ сказалъ своему ученику Михею: „бодрствуй, чадо! Мы будемъ имѣть чудное посѣщеніе!“ Едва онъ произнесъ эти слова, какъ услышалъ голосъ: „Пречистая грядетъ!“ Святой Сергій посѣдѣлъ изъ келліи въ сѣни, и его осіялъ необыкновенный свѣтъ ярче солнечнаго. Онъ увидѣлъ Преподобную Дѣву, сопровождаемую апостолами Петромъ и Іоанномъ, блистающую въ неизреченной славѣ. Преподобный палъ ницъ на землю, но Богородица коснулась его и сказала: „Не бойся, избранныкъ мой! Услышана молитва твоя объ ученикахъ твоихъ и о мѣстѣ семъ, при тебѣ и послѣ тебя неотступно буду отъ обители твоей и буду покрывать ее“. Сказавъ сіе, стала невидимою.

Веселимый Господь прославилъ праведника, не далъ преподобному Своему видѣть истлѣнія. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти были обрѣтены мощи Преподобнаго Сергія не-

тлѣнными, и, даже, самыя одежды его сохранились въ цѣлости. Мощи его были открыты 5 іюля 1423 года.

Александръ Зыбинъ.

Мозаика Ломоносова. (Рис. на стр. 865).

Помѣщаемый въ нынѣшнемъ № *Нивы* снимокъ съ мозаики Ломоносова можетъ дать лишь слабое понятіе о колоссальныхъ размѣрахъ этой любопытной мозаической картины и о массѣ затраченнаго на нее труда.

Мозаическія работы принадлежать къ числу послѣднихъ увлеченій гениальнаго помора-академика. Въ послѣдніе годы жизни онъ занялся съ особеннымъ усердіемъ стеклянными производствомъ и задумалъ внести въ это дѣло многія усовершенствованія и улучшения. Въ своемъ небольшомъ имѣніи, которое было ему пожаловано гдѣ-то между Ораніенбаумомъ и Копорьемъ, онъ устроилъ небольшой стеклянный заводъ, на которомъ, между прочимъ, занялся также изготовленіемъ цвѣтныхъ кубиковъ изъ стеклянной массы для производства мозаическихъ работъ. Отсюда же, вѣроятно, увлеченный своими опытами, онъ и писалъ къ Ив. Ив. Шувалову свое знаменитое посланіе „о пользѣ стекла“, которое начиналось знаменитыми стихами:

„Не право о стеклѣ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ...“

Добившись нѣкотораго совершенства въ изготовленіи мозаическихъ кубиковъ, Ломоносовъ, по самому свойству своей широкой и гениальной натуры, тотчасъ же задался грандіознымъ планомъ. Онъ задумалъ воспользоваться своими успѣхами въ мозаикѣ для того, чтобы при посредствѣ ея увековѣчить память своего любимаго героя-полубога—Петра Великаго. У Ломоносова явилась мысль создать цѣлый рядъ мозаическихъ картинъ, изъ которыхъ каждая представляла бы собою изображеніе какого-нибудь подвига Петра Великаго. Эти картины, какъ представлялось Ломоносову, должны были украсить собою памятникъ, исключительно посвященный прославленію плодотворной дѣятельности „Отца Отечества“—памятникъ, и по замыслу, и по исполненію, достойный его славы. Одна изъ такихъ картинъ, изображающая „Полтавскую баталию“, и начата была Ломоносовымъ въ громадныхъ размѣрахъ—и не закончена... Онъ умеръ, едва принявшій за выполненіе своего плана... Это несовершенное произведеніе перваго русскаго мозаичиста находится въ настоящее время въ Академіи Художествъ. П.

Осеннее раздумье. (Рис. на стр. 869).

Тихо я бреду одна по саду,
Подъ ногами желтый листъ хруститъ.
Осень льетъ предвѣстную прохладу,
О прошедшемъ лѣтѣ говорить.
Говоритъ увиданнымъ цвѣтами,
Грустнымъ видомъ выжатыхъ полей,
И холодными, сырными вечерами
Всей печальной прелестью своей...

Ю. Р. Жадовская.

Пасторъ Э. Ф. Герценбергъ. (Портр. на этой стр.)

1 сентября исполнилось 40-лѣтне службы въ должности законоучителя Пажескаго корпуса пастора Э. Ф. Герценберга. Почтенный юбиляр — самый старый ветеранъ въ корпусѣ, и многие изъ его питомцевъ занимаютъ высшія правительственныя должности. Достоуважаемый пасторъ состоитъ въ теченіе уже 33 лѣтъ придворнымъ духовникомъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ принцевъ Ольденбургскихъ, сначала у Его Высочества

лемъ Пажескаго корпуса. Свѣтлый умъ, блестящія педагогическія способности и живое и энергичное слово, исходившее отъ добраго, великодушнаго сердца, нашли себѣ быстрый откликъ въ сердцахъ его прихожанъ и титулованныхъ питомцевъ, доставили ему массу почитателей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглашеній занять должность законоучителя въ большей части выдающихся столичныхъ учебныхъ заведеній.

Пасторъ Э. Ф. Герценбергъ имѣетъ ордена до Станислава 1-й ст. включительно и звѣзду дома принцевъ Ольденбургскихъ.

Пасторъ Э. Ф. Герценбергъ (по поводу 40-лѣтня педагогической дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Баронъ О. А. Бюлеръ (по поводу 50-лѣтня служебной дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Петра Георгиевича, а нынѣ у Его Высочества Александра Петровича. Кромѣ того, пасторъ Герценбергъ состоитъ законоучителемъ и преподавателемъ исторіи нѣмецкой литературы въ Александровскомъ лицей, законоучителемъ въ Училищѣ правовѣдѣнія, Инженерномъ училищѣ, 1-мъ и Николаевскомъ кадетскихъ корпусахъ, Коммерческомъ училищѣ и Маріинскомъ институтѣ. Имя юбиляра пользуется большимъ уваженіемъ въ нашемъ высшемъ обществѣ и, въ то же время, съ благоговѣніемъ вспоминается низшимъ столичнымъ нуждающимся

Теперь ему 65 лѣтъ, но онъ очень бодръ и полонъ силъ. Въ день юбилея пасторъ получилъ со всѣхъ концовъ Россіи болѣе 200 поздравительныхъ телеграммъ отъ благодарныхъ питомцевъ, сохранившихъ свѣтлую память о своемъ любимомъ законоучителѣ и преподавателѣ.

Баронъ О. А. Бюлеръ. (Портр. на этой стр.)

4-го сентября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ государственной службы, ученой, педагогической и литературной дѣятельности

Проф. К. Хр. Нидманъ (по поводу 25-лѣтня дѣят.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Проф. Л. С. Ауэръ (по поводу 25-лѣтня дѣят.). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Проф. В. В. Вурмъ (по поводу 25-лѣтня дѣят.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

классомъ, которому великодушный пасторъ оказываетъ свою помощь, какъ добрымъ совѣтомъ, такъ и матеріальными средствами, печернявающими почти весь его заработокъ.

Э. Ф. Герценбергъ, окончивъ курсъ въ Петропавловскомъ училищѣ, лишенный родителей, самъ, своими трудами и энергіей, пробилъ себѣ дорогу, поступивъ въ Дерптскій университетъ. По окончаніи богословскаго факультета въ 1853 г., Э. Ф. получилъ мѣсто пастора въ латышской церкви Христа Спасителя въ С.-Петербургѣ и былъ назначенъ законоучите-

барона О. А. Бюлера, почетнаго опекуна московскаго Опекунскаго Совѣта учреждений Императрицы Маріи, управляющаго московскими сиротскими заведеніями: Николаевскимъ институтомъ, Реальнымъ и Александровскимъ училищами; директора Московскаго Главнаго Архива Министертва Иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, баронъ О. А. Бюлеръ состоитъ членомъ 28-ми ученыхъ обществъ и учреждений.

Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ родился 3-го апрѣля 1821 г. въ Ямбургскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи.

Получивъ прекрасное воспитаніе и домашнюю подготовку, благодаря своей матери, онъ въ 1832 году поступилъ во 2-ю с.-петербургскую гимназію, а черезъ три года перешелъ въ Императорское училище правовѣдѣнія. Въ 1841 г. поступилъ баронъ Ѳ. А. на службу въ канцелярію Правительствующаго Сената.

Лишившись въ 1843 году отца, имѣвшаго, благодаря своему высокому образованію, большое на него влияние, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ былъ откомандированъ къ сенатору кн. П. П. Гагарину, ревизовавшему по Высочайшему повелѣнію Астраханскую губернію. Тогда-то обнаружилась въ немъ та приверженность къ православной вѣрѣ, которая была ему внушена матерью. Будучи посланъ на границу Кавказа, онъ, между прочимъ, донесъ сенатору, что на всемъ 500-верстномъ протяженіи почтовой дороги, отъ Астрахани до Кизляра, не видѣлъ ни одной церкви. Этотъ пунктъ былъ включенъ во всеподданнѣйшій докладъ государю Николаю Павловичу. Впоследствии барону Бюлеру удалось выстроить каменную трехъ-престольную церковь въ рязанскомъ имѣніи его жены и пятиглавую, каменную же, церковь въ подольскомъ имѣніи, доставшемся его сыну; затѣмъ были имъ собраны средства на сооруженіе каменной часовни на Александровской станціи Варшавской жел. дор., въ память благополучнаго туда возвращенія императора Александра II изъ Парижа; а за послѣднее время, по его инициативѣ, устроены домовыя церкви въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, при московскихъ Николаевскихъ женскихъ училищѣ и институтѣ и на его загородной дачѣ.

Въ 1850 году Ѳ. А. перешелъ на службу по Министерству Иностранныхъ дѣлъ и назначенъ былъ въ Молдавію и Валахію въ генеральное консульство, сперва секретаремъ, затѣмъ генеральнымъ консуломъ, а затѣмъ, по удаленіи господарей, барону Бюлеру было поручено сформировать канцелярію временнаго русскаго правительства въ Яссахъ и управлять ею.

Пожалованный въ гофмейстеры Высочайшаго Двора, онъ былъ назначенъ въ 1873 году директоромъ Московскаго Главнаго Архива. При бар. Бюлерѣ возобновилась дѣятельность Комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, которая выпустила въ свѣтъ новыя удешевленныя изданія *Сборника Кирилъ Давидова* и *Судобниковъ* и стала издавать свой сборникъ актовъ, доведенный нынѣ до 5-го выпуска.

Въ 1878 году бар. Бюлеръ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ. Съ 1886 года онъ управляетъ самымъ обширнымъ въ имперіи институтомъ — Московскимъ Николаевскимъ Сиротскимъ; на его попеченіи находится около 1000 сиротъ. Трудно исчислить все, что сделано барономъ Ѳ. А. въ этихъ заведеніяхъ за послѣднія семь лѣтъ, какъ въ учебномъ, воспитательномъ, а равно и въ санитарномъ отношеніяхъ.

Три юбиляра. (Портр. на стр. 877).

С.-Петербургская Консерваторія праздновала 1-го сентября

Гибель броненосца береговой обороны „Русалка“.

(Рис. и портр. на стр. 880 и 881).

Рано утромъ, 7 сентября, при хорошей погодѣ, броненосецъ „Русалка“ и лодка „Туча“ вышли изъ Ревеля, по направленію къ Гельсингфорсу, для того, чтобы перевалить черезъ заливъ и направиться черезъ шхеры къ Біоркэ-Зундъ, гдѣ эти суда должны были соединиться съ остальнымъ отрядомъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кронштадтъ.

Къ вечеру, 7-го же числа, „Русалка“ и „Туча“ должны были прибыть въ Гельсингфорсъ, 8 числа онѣ должны были почевать въ Ропченсальмѣ, а 9 — въ Біоркэ-Зундѣ. Выйдя на ревальскій рейдъ, „Русалка“, имѣя впереди „Тучу“, благополучно миновала островъ Карюсъ, гдѣ начало значительно свѣжѣть: когда они миновали о. Наргенъ, вѣтеръ усилился отъ 5 до 7 балловъ, при сильномъ волненіи, но все же въ томъ положеніи суда дошли до пловучаго маяка Ревельштейнъ, который „Туча“ миновала благополучно, „Русалка“ же, по неизвѣстной причинѣ, повернула поперекъ и обошла маякъ съ лѣвой стороны, а затѣмъ встала все же въ кильватеръ „Тучи“. Начало темнѣть, пошелъ сильный дождь.

На „Тучѣ“, шедшей впереди, боялись крушенія; въ котлѣ отпиглилась гайка, сломало фокъ-мачту, кое-кто изъ экипажа спустился въ каюту помолиться...

Вслѣдствіе темноты не видно было „Русалки“, и тормъ былъ настолько силенъ, что подать помощь „Русалкѣ“ не было возможности.

Деятаго числа въ Біоркэ съ „Тучей“ соединились суда отряда. Отсюда были посланы телеграммы начальнику Свеаборгскаго порта, который сообщилъ, что „Русалка“ потерпѣла крушеніе и что отправленные на поиски суда нашли шлюпку, тѣло матроса, обломки судна, мостикъ, двери отъ каюты, шесть связанныхъ матросскихъ коекъ (пробковыхъ), нѣсколько паръ чистаго бѣлья команды, по всей вѣроятности, по старинному морскому обычаю, приготовленнаго для того, чтобы переодѣться передъ смертью (обыкновенно бѣлье это находится всегда въ особенныхъ чемодахъ).

Причиной крушенія, какъ предполагаютъ, была ветхость

двадцатипятилѣтіе службы трехъ выдающихся профессоровъ г. Ауэра, Вурма и Нидмана, которымъ дирекція Русскаго музыкальнаго общества въ этотъ день поднесла адреса съ благодарностью за долготѣльную безупречную дѣятельность и за громадныя услуги, оказанныя ими, въ теченіе этого времени, дѣлу музыкальной педагогикъ и процвѣтанія искусства въ Россіи.

Левъ Семеновичъ *Ауэръ* родился въ 1845 г. въ Венгріи. По окончаніи курсовъ Пештской консерваторіи, онъ занимался у знаменитаго Іоахима. Въ 1862 году онъ концертировалъ въ Лондонѣ; между 1863—65 гг. состоялъ концертмейстеромъ въ Дюссельдорфѣ, а слѣдующіе два года въ Гамбургѣ. Съ 1868 года онъ былъ приглашенъ Русскимъ музыкальнымъ обществомъ профессоромъ консерваторіи, и съ этого времени начинается у насъ его плодотворная дѣятельность, въ качествѣ педагога, солиста, дирижера симфоническихъ собраній и квартетиста. Нужно ли говорить о блестящихъ результатахъ его профессорской дѣятельности?—Онъ далъ цѣлый рядъ выдающихся скрипачей, прославившихся, кто въ качествѣ виртуоза, кто какъ педагогъ, унаслѣдовавъ отъ своего профессора его превосходную методику преподаванія.

Съ 1874 г. Л. С. состоитъ солистомъ Высочайшаго Двора и Императорскихъ театровъ. Въ теченіе четверти вѣка г. Ауэръ не переставалъ пользоваться неизмѣнною любовью публики; въ теченіе этого же времени онъ участвовалъ въ квартетахъ Русскаго музыкальнаго общества въ качествѣ перваго скрипача и своимъ участіемъ сумѣлъ выдвинуть наши квартетныя собранія на первенствующее мѣсто. Не меньше таланта, артистическаго темперамента, знанія музыкальной литературы и пониманія исполняемыхъ авторовъ обнаружилъ онъ и какъ дирижеръ, когда стоялъ во главѣ оркестра симфоническихъ собраній.

Другой юбиляръ, Василій Васильевичъ *Вурмъ*, также стяжалъ себя извѣстность, какъ безподобный виртуозъ на корнетѣ-а-пистонѣ и какъ одинъ изъ выдающихся профессоровъ нашей консерваторіи. В. В. родился въ 1826 г. въ Брауншвейгѣ; состоитъ солистомъ Императорскаго Двора и театровъ, а съ 1868 г. и профессоромъ въ нашей музыкальной альма матер. Съ 1869 г. Вурмъ занимаетъ постъ капельмейстера всѣхъ музыкальныхъ хоровъ гвардейскаго корпуса.

Карлъ Христіановичъ *Нидманъ* извѣстенъ въ Петербургѣ съ 1845 г., когда онъ былъ приглашенъ первымъ кларнетистомъ въ итальянскую оперу. Родился въ 1824 г., какъ и товарищъ его, г. Вурмъ, въ Брауншвейгѣ. И онъ долгое время состоялъ капельмейстеромъ военныхъ оркестровъ (Измайловскаго, Преображенскаго, Литовскаго и другихъ полковъ) въ періодъ времени между 1852 и 1868 гг., а съ этого времени онъ приглашенъ въ консерваторію, гдѣ его добросовѣстная педагогическая дѣятельность спускала ему любовь товарищей и его учениковъ.

В. Баскинъ.

суда: броненосецъ „Русалка“ — стараго типа мониторъ (рис. на стр. 880), совершенно безъ бортовъ; надводная часть его возвышалась надъ уровнемъ воды всего на 3 фута, почему волны гуляли свободно по палубѣ даже при небольшомъ волненіи. На „Русалкѣ“ было 6 шлюпокъ и паровой катеръ. Командиръ былъ боленъ.

„Русалка“ была построена въ 1867 г., въ Петербургѣ. По тѣмъ же планамъ, представляя точную копию съ „Русалки“, построена была тоже въ Петербургѣ, на заводѣ Митчелли, и также въ 1867 г., „Чародѣйка“. Оба эти броненосца предназначены были для береговой обороны, двухбашенные, длиной 206 ф., шириной 42 и сидѣли въ водѣ отъ 11 до 13 ф., клѣтчатой системы, съ двойными днами. Машины ихъ развѣвали сначала до 700 индикатори. силъ (200 номин.); вооружены двумя въ каждой башнѣ девяти-дюймовыми стальными орудіями и затѣмъ скорострѣльными пушками. Корпусъ „Русалки“ обошелся въ 616 тыс. руб., механизмъ и котлы — въ 146 тыс.; въ 1878 г. поставлены новые котлы, стоившіе 50 тыс. Водозапасеніе „Русалки“, т. е. вѣсъ судна въ морѣ, съ полными запасами — 1,959 тоннъ, т. е. 117,540 пуд.

На суднѣ въ день катастрофы было 12 человекъ офицеровъ и 166 человекъ нижнихъ чиновъ. Вотъ имена офицеровъ: 1) командиръ капитанъ 2-го ранга Викторъ Христіановичъ Іенинъ, 2) старшій офицеръ капитанъ 2-го ранга Николай Николаевичъ Протопоповъ 1-й, 3) лейтенантъ Валеріанъ Альфредовичъ Стравинскій, 4) лейтенантъ Валеріанъ Левкиевичъ Ершовъ 2-й, 5) лейтенантъ Григорій Васильевичъ Бурхановскій, 6) мичманъ Ричардъ Константиновичъ Майеръ, 7) мичманъ Владиміръ Алексѣевичъ Долговъ, 8) корпуса морской артиллеріи: штабъ-капитанъ Владиславъ Михайловичъ Алькиновичъ, 9) поручикъ Михаилъ Николаевичъ Буровъ, 10) корпуса флотскихъ штурмановъ штабъ-капитанъ Петръ Петровичъ Кирилловъ, 11) помощникъ старшаго инженера-механика Левъ Николаевичъ Янъ и 12) докторъ медицинскій, младшій врачъ Викторъ Тимоѣевичъ Сверчковъ.

На нашемъ рисункѣ на стр. 880 помѣщена группа пажныхъ чиновъ, во главѣ со своимъ вахтеннымъ начальникомъ, лейтенантомъ Валеріаномъ Альфредовичемъ Стравинскимъ; группа снята на палубѣ „Русалки“ и на фотографіи сдѣлана надпись, собственной рукой лейтенанта Стравинскаго, фамиліи всѣхъ 16 человекъ матросовъ. Вотъ они: Курышевъ, Перминовъ, Масловъ, Рубцовъ, Ракущинъ, Петренко, Чижиковъ, Тимароковъ, Сычевъ, Фіалковскій, Кульвертъ, Гудковскій, Фроловъ, Емельяновъ, Алюбанъ, Рѣшинъ; кромѣ того, здѣсь же снятъ лейтенантъ Стравинскій и старшій сынъ командира „Русалки“ — Коля, который въ день катастрофы не былъ на броненосцѣ. Фельдшеръ Емельяновъ, а также матросы Браунъ и Финшеръ, не задолго до конца практическихъ занятій въ Ревелѣ, были переведены на другія суда, а потому остались въ живыхъ; живъ также и Коля Ленишъ (сынъ командира).

По наведеннымъ справкамъ, какъ сообщаетъ *Правительственный Вѣстникъ*, — служащіе на сосѣднихъ съ Гельсингфорсомъ маякахъ, а также и лодчаны, вовсе не видали „Русалки“, а съ Ревельштейнскаго пловучаго маяка видѣли этотъ броненосецъ около 11 часовъ утра 7-го сентября, потому онъ скрылся за пасмурностью. Это — послѣднее достоверное свѣдѣніе о погибшемъ броненосцѣ. Правда, одинъ изъ допрошенныхъ рыбаковъ на островѣ Эстлуотанъ сообщилъ, что сынъ его, будто бы, слышалъ въ роковой день катастрофы орудіиный выстрѣлъ съ моря, но дѣйствительно-ли это былъ прощальный отзвукъ несчастнаго броненосца — неизвѣстно. Пока, когда пишутся эти строки, неизвѣстно только, что „Русалка“ вышла изъ Ревеля, скрылась въ туманѣ изъ глазъ видѣвшихъ ее въ послѣдній разъ, и море окутало ее этимъ туманомъ, какъ непроницаемой, страшною тайной, выбросивъ затѣмъ жалкіе, ничтожные остатки огромнаго судна. Къ берегу прибило, между прочимъ, капитанскій мостикъ, на которомъ замѣтны слѣды топоровъ. Если это свѣдѣніе справедливо — оно безмолвно свидѣтельствуетъ о тѣхъ тщетныхъ усилияхъ, которыя были сдѣланы экипажемъ для своего спасенія. Какъ оказывается, способъ прикрѣпленія и спуска шлюпокъ на „Русалкѣ“ былъ настолько сложенъ, что могло случиться, что ихъ разбило волнами прежде, чѣмъ онѣ были спущены.

Предположеній относительно причинъ гибели „Русалки“ высказывается такъ много, что трудно разобраться въ нихъ и трудно рѣшить, какое изъ нихъ правдоподобнѣе.

Въ мѣстахъ находженія обломковъ отъ погибшаго броненосца, между камнями и мелкими островками къ югу острововъ Сандхамна, Кремеръ-Э, т. е. въ районѣ предполагаемаго крушенія „Русалки“, и во всей мѣстности къ югу отъ Гельсингфорса и на востокъ отъ маяковъ Грохара и пловучаго Эрейсъ-Грундъ производится розыскъ массой мелкихъ судовъ, посланныхъ изъ Гельсингфорса и Ревеля, и всѣмъ лодчаникамъ цехомъ.

Мы воздерживаемся дѣлать какія-нибудь рѣшенія о причинахъ гибели „Русалки“ впродолженіи спеціально назначенной для разслѣдованія этого дѣла комиссіи. Комиссія образована, подъ предѣлительствомъ контръ-адмирала Гессена, изъ членовъ, капитановъ 1-го ранга Сильверстова и Юрѣва, при дѣлопроизводителѣ, исправляющемъ должность военнаго слѣдователя, штабсъ-капитанѣ Кетрицѣ.

На донесеніе временно-управляющаго Морскимъ Министерствомъ о броненосцѣ береговой обороны „Русалка“, Государь Императоръ соизволилъ телеграфировать временно-управляющему Морскимъ Министерствомъ, генераль-адъютанту Кремеру, изъ Фреденсборга, слѣдующее:

„Глубоко пораженъ и огорченъ печальнымъ извѣстіемъ о „Русалкѣ“. Телеграфируйте мнѣ все, что будетъ извѣстно о дальнѣйшихъ поискахъ.
АЛЕКСАНДРЪ“.

Вмѣстѣ съ этимъ выраженіемъ Высочайшаго вниманія, отовсюду являютел доказательства сочувствія русскихъ людей къ постигнутому нашу славою, тѣсную и дружную семью моряковъ горю. Служатся наши дѣды, въ газеты высылаютъ деньги въ пользу семействъ погибшихъ матросовъ...

Вотъ, между прочимъ, два симпатичные факта. Какъ извѣстно, адмиралъ Шварцъ, бывшій главный командиръ Кронштадтскаго порта и военный губернаторъ г. Кронштадта, въ настоящее время назначенный предѣлителемъ главнаго военно-морского суда, когда узналъ, что кронштадтское купечество желаетъ чествовать его обѣдомъ по случаю оставленія имъ прежней должности, благодаря за вниманіе кронштадтское купечество, выразилъ свое желаніе, чтобы тѣ деньги, которыя должны были быть употреблены на обѣдъ, были переданы оспротѣвшаимъ семьямъ экипажа погибшаго броненосца „Русалка“. Второй фактъ тотъ, что контръ-адмиралъ Макаровъ, главный инспекторъ морской артиллеріи, увѣдомилъ уже телеграммою вдову покойнаго командира „Русалки“, что ея старшій сынъ, Николай Ленишъ, хотя не понавшій въ число призывныхъ въ нынѣшнемъ году воспитанниковъ морского кадетскаго корпуса, принятъ по приказанію высшаго начальства въ корпусъ на казенный счетъ.

Отъ французскаго морского министра, вице-адмирала Риошье, изъ Парижа, временно-управляющій Морскимъ Министерствомъ получилъ слѣдующую телеграмму:

„Соблаговолите принять выраженіе глубокаго чувства скорби, которое я испытываю вмѣстѣ со всѣми французскимъ флотомъ, узнавъ о горестномъ событіи, опечалившемъ русскій флотъ“.

На это временно-управляющимъ Морскимъ Министерствомъ, генераль-адъютантомъ Кремеромъ, было отвѣчено французскому морскому министру слѣдующею телеграммою:

„Соблаговолите принять мою искреннюю благодарность и позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ живую признательность русскаго флота за чувства симпатіи французскаго флота, которыя вы выразили по случаю ужаснаго несчастія, постигнаго нашъ флотъ“.

Въ лицѣ командира „Русалки“ флотъ нашъ потерялъ одного изъ выдающихся офицеровъ, любившаго искренно свое дѣло и свою спеціальность. Офицеры „Русалки“ подъ его начальствомъ дѣлательно занимались нынѣшнее лѣто, совершенствуя себя въ трудномъ дѣлѣ управленія современной могучей морской артиллеріей и обучая этому дѣлу подрастающее поколѣніе. Гибель офицеровъ и экипажа „Русалки“ — потеря тяжелая, чувствительная для нашего флота. Ужасъ ея усугубляется трагичностью обстановки, при которой всѣ эти 178 человекъ должны были видѣть себя живо погребенными.

Вѣчная память этимъ мученикамъ долга, погибшимъ на службѣ отечеству!

Разныя извѣстія.

— 10-го сентября, прибыли изъ Даніи на крейсера „Дмитрій Донской“ Ея Величество Королева Эллиновъ, Ольга Константиновна съ королевичемъ Христофоромъ и прослѣдовали въ Стрѣльнинскій дворецъ.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи земствамъ принимать отъ крестьянъ въ 1893 году земскіе поземельные сборы хлѣбомъ.

— Министерство Финансовъ рѣшило устроить во многихъ городахъ Россіи рабочие дома для облегченія сбыта и полученія заказовъ на издѣлія ремесленнаго труда.

— На должность непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ, оставшюся вакантною послѣ смерти академика А. А. Штрауха, избранъ академикъ Н. Ф. Дубровинъ.

— 29-го августа произошло соединеніе рельсовымъ путемъ Суры съ Волгой.

— 13-го сентября, въ присутствіи архіепископа Иркутскаго, генерала-губернатора и высшихъ чиновъ администраціи Восточной Сибири, открыто вновь учрежденное иркутское горное училище.

— 14-го сентября состоялось первое общее учредительное собраніе недавно утвержденнаго „С.-Петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію“.

— Британскимъ и иностраннымъ библейскимъ обществомъ распространенія Св. Писанія, согласно послѣднему отчету, употреблено, со времени открытія своихъ дѣйствій, т. е. съ 1804 г., болѣе 100 миліоновъ рублей на переводъ, печатаніе и распространеніе Св. Писанія.

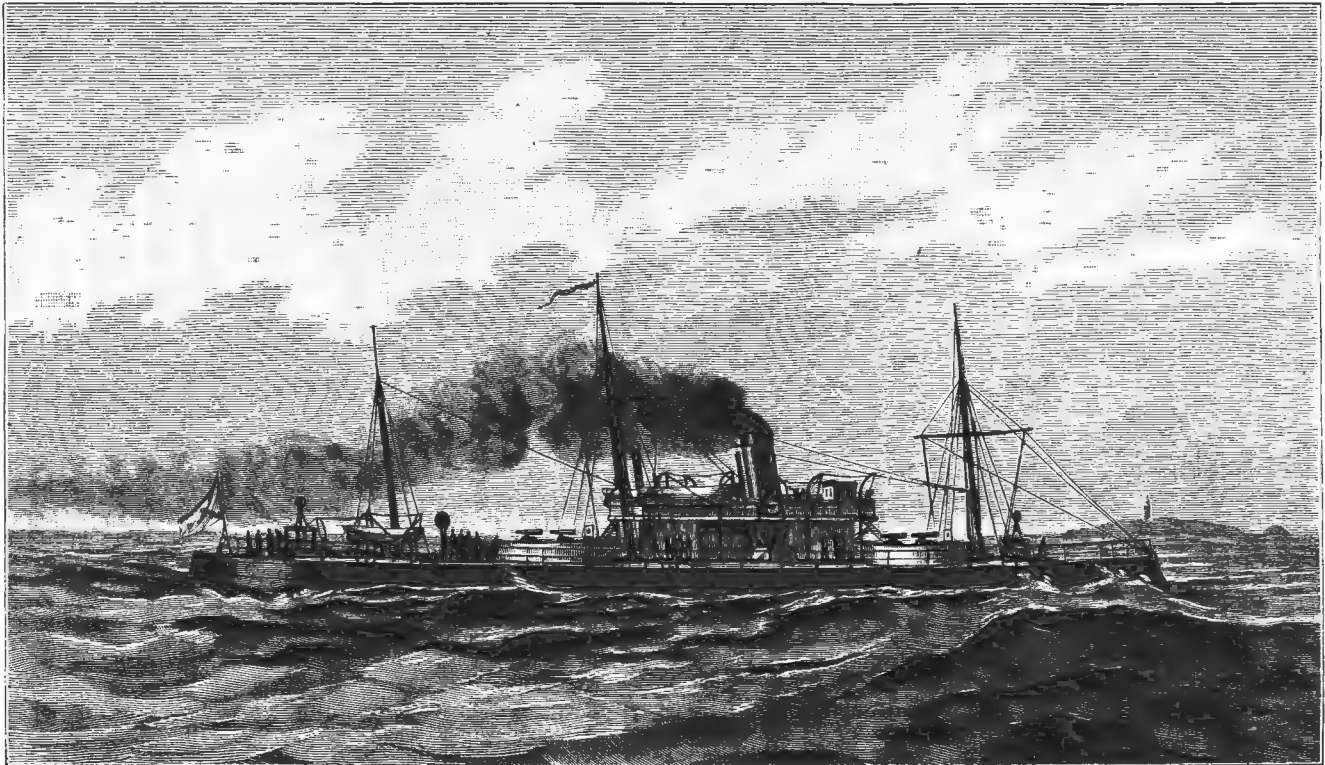
— Находявшіяся при Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ историко-этнографическія коллекціи финскихъ древностей переданы въ вѣдѣніе казенной археологической комиссіи.

Политическое обозрѣніе.

Франція готовится русскимъ гостямъ грандіозныя встрѣчи и торжества. 14-го сентября министръ-президентъ принималъ президента парижскаго муниципальнаго совѣта, съ которымъ онъ условился относительно главныхъ пунктовъ программы празднествъ, устраиваемыхъ муниципалитетомъ во время пребыванія русскихъ морскихъ офицеровъ въ Парижѣ. Въ первый день русскіе офицеры будутъ приглашены на обѣдъ къ президенту республики, во второй и третій день ихъ будетъ угощать муниципалитетъ, въ четвертый день они будутъ обѣдать у морского министра, въ пятый — у военнаго министра, а въ шестой — у министра-президента. Въ

седьмой день завтракъ у Карно.

Въ Берлинѣ, 15-го сентября, состоялось, подъ предѣлительствомъ статсъ-секретаря Беттихера, подготовительное къ русско-германскимъ переговорамъ засѣданіе приглашенныхъ правительствомъ на совѣщаніе компетентныхъ лицъ изъ торгово-промышленнаго міра и сельскихъ хозяевъ. На засѣданіи присутствовали министры Гейденъ, Берлинъ и помощникъ статсъ-секретаря Ротгенбергъ. По поводу предстоящихъ переговоровъ о русско-германскомъ торговомъ договорѣ *National Zeitung* пишетъ: „Какъ уже не разъ сообщалось, комиссія изъ германскихъ и русскихъ уполномоченныхъ приступитъ въ на-

„Русалка“, броненосецъ береговой обороны, потерпѣвшій крушеніе при переходѣ изъ Ревеля въ Біорнэ-Зундъ.
По наброску Николая Іениша, сына бывшаго командира „Русалки“, грав. М. Рашевскій.

чалѣ октября къ переговорамъ о торговель договорѣ между обѣими имперіями. Такъ какъ 1-е октября приходится въ воскресенье, то засѣданія начнутся 2-го октября. Какъ на-

вѣстно, замѣчаютъ по этому поводу официозно, съ русской стороны было сдѣлано предложеніе создать уполномоченныхъ еще въ августѣ, но это предложеніе было отвергнуто герман-

Рѣпинъ.	Рансушинъ.	Рубцовъ.	Алюбашъ.	Кульвертъ.	Фроловъ.
Курышевъ.	Масловъ.	Чижинъ.	Сычевъ.	Гудковскій.	Емельяновъ.
М. Перминовъ.	Лейт. Стравинскій.	Петренко.	Фіалковскій.		
	Ник. Іенишъ.	Тимороковъ.			

Группа матросовъ съ лейтенантомъ В. А. Стравинскимъ, снятая на палубѣ броненосца „Русалка“. По фот. грав. Шюблеръ.

скимъ правительствомъ по нѣкоторымъ причинамъ, изложеннымъ въ запискѣ германскаго правительства; главнѣйшею же изъ этихъ причинъ слѣдуетъ считать убѣжденіе правительства въ томъ, что, въ виду развитыхъ въ послѣдней русской нотѣ возрѣвній, нельзя было рассчитывать въ то время на успешный ходъ переговоровъ. Между тѣмъ истекшій промежутокъ времени долженъ былъ способствовать уясненію положенія дѣлъ, такъ какъ русское правительство, на основаніи результатовъ таможенной войны, могло убѣдиться, до какой степени должно считаться не только желательнымъ, но даже и необходимымъ (?) для Россіи соглашеніе съ Германскою имперіей въ торгово-политическомъ отношеніи (!)». Та же газета, отмѣчая обменъ денегъ между императоромъ Вильгельмомъ и княземъ Бисмаркомъ, замѣчаетъ, что если содѣйствіе стараго государственнаго дѣятеля молодому монарху оказалось въ 1890 году невозможнымъ, то оно теперь, по истеченіи трехъ лѣтъ, богатыхъ политическими мѣропріятіями, болѣею частью открытываемыми княземъ, является еще болѣе невозможнымъ. Притомъ князь Бисмаркъ едва ли откажется отъ критики германской политики, но критика эта получитъ другую окраску и отношенія князя къ высшей имперской власти болѣе не будутъ смущать болѣшую часть народа. *Berliner Börsen Courier* полагаетъ, что если князь Бисмаркъ поѣдетъ для окончательнаго рѣшенія въ Висбаденъ, то, вѣроятно, онъ приметъ предложеніе императора и остановится въ пезантомъ мѣстномъ

Капитанъ 2-го ранга В. Хр. Ленишъ, командиръ броненосца „Русалка“, погибшій при его крушеніи. Съ фот. грав. Шюблеръ.

императорскомъ дворцѣ, что должно считать предвѣстникомъ личнаго свиданія князя Бисмарка съ императоромъ въ Берлинѣ.

Въ *Times* телеграфируютъ изъ Симлы, что оставляющій постъ вице-короля Индіи, маркизъ Лэндсдоунъ, произнесъ на банкетѣ, данномъ въ честь его, рѣчь, въ которой, коснувшись Афганистана, сказалъ: „Туча на горизонтѣ, очевидно, собирается исчезнуть. Не хочу — прибавилъ маркизъ — слишкомъ рассчитывать на успѣхъ миссіи сэра Дюрана въ Афганистанѣ. Но вопросы о границахъ всегда сопряжены съ затрудненіями, но эти затрудненія уже устранены на половину, если обѣ стороны приступаютъ къ обсужденію вопроса въ умѣренномъ и предупредительномъ настроеніи. Нельзя ожидать отъ эмира лучшихъ отношеній къ сэру Дюрану, какъ теперешнее“.

Изъ Вашингтона сообщаютъ, что сенаторъ Стюартъ предложилъ 12-го сентября, передать президенту Кливленду суду за нарушение конституціи, такъ какъ Кливлендъ стѣсняетъ независимость сената своими попытками побудить конгрессъ отмѣнить законъ Шермана. Независимость обѣихъ палатъ — присовокупилъ Стюартъ — должна быть сохранена. Пользоваться влияніемъ одной палаты, чтобы контролировать дѣйствія другой, значитъ нарушать конституцію. Предложеніе Стюарта, которое будетъ обсуждаться въ сенатѣ, пронявело большую сенсацию: сторонники въ сенатѣ свободной чеканки серебра намѣрены помѣшать отмѣнѣ закона Шермана.

Научныя и техническія новости.

— *Алюминій* стали употреблять для выдѣлки проволочныхъ щетокъ и скребницъ. Его легкость и непромокаемость заставляютъ этотъ металлъ предпочесть другимъ металламъ и дереву, изъ которыхъ до сихъ поръ пригоовлялись, главнымъ образомъ, таковы щетки.

— Отъ двухколесныхъ велосипедовъ перешли уже къ *одноколеснымъ*. Въ Америкѣ изобрѣтенъ такой „унициклъ“. Сидѣнье помѣщается въ центрѣ большого колеса и, чтобы оно не вращалось вмѣстѣ съ послѣднимъ, его прикрѣпляютъ ко второму колесу, которое находится внутри перваго и катится по же-

лобку, устроенному во внутренней поверхности наружнаго колеса. Передвиженіе совершается съ помощью педалей, снабженныхъ, по обыкновенію, зубчатыми колесиками.

— До какой степени трудно уничтожить всякіе источники заразы даже при тщательной дезинфекціи вещей пассажировъ, слѣдующихъ изъ неблагополучной мѣстности, доказываетъ описанный недавно случай — зараженія дѣлой мамы матерью, пріѣхавшей изъ холерной мѣстности и уговиншей своихъ родныхъ купленными тамъ бутербродами. Это были единственные вещи, которыя ей удалось спрятать въ карманѣ и, такимъ образомъ, спа-

сти отъ дезинфекціи надсмотрщиковъ. *Заносъ заразы* произошелъ, слѣдовательно, *при посредствѣ съестимыхъ припасовъ*.

— Гарнакъ нашелъ причину *неуязвимости ежей* для змѣй и другихъ ядовитыхъ животныхъ. Оказывается, что цѣанстый калий, вспыснутый въ кровь ежа, не производитъ на него никакого дѣйствія, тогда какъ кошка, отъ гораздо болѣе слабой прививки этого яда, тотчасъ же погибаетъ. Вслѣдствіе этого ядъ змѣй и тому подобныхъ животныхъ, содержащій цѣанстыя соединенія, не представляетъ никакой опасности для ежей.

С М Ъ С Ъ.

Замѣчательная резолюція Александра I. Въ 1817 г., въ г. Ряжскѣ (Рязанской губ.), жилъ 43-лѣтній отставной подпоручикъ Лука Шмаровъ. Чѣмъ онъ занимался до этого времени — неизвѣстно, но изъ сохранившагося о немъ архивнаго дѣла видно, что Шмаровъ состоянія не имѣлъ, и только за матерью его числилось 6 душъ крестьянъ, что въ отставкѣ онъ находился уже 19-й годъ, и что въ ряжскомъ уѣздномъ судѣ о немъ, Шмаровѣ, производился цѣлый рядъ дѣлъ: о проткнути долотомъ руки и бока каптенармусу, о самовольномъ отнятіи лошади съ хомутомъ, о самовольномъ завладѣніи землею и побиеніи ея законнаго хозяина, о „чиненіи въ земскомъ судѣ неблагопріистойностей“, объ оскорбленіи словами засѣдателя суда и т. п. — Ряжская полиція аттестовала Шмарова, какъ человека „характера невоздержнаго“ и „склоннаго къ нанесенію обидъ и буйствамъ“. И вотъ на этого-то подпоручика въ 1817 г. поступилъ доносъ отъ учителя ряжскаго училища въ произнесеніи имъ, Шмаровымъ, ругательныхъ словъ противъ особы государя Александра Павловича. Шмарова, конечно, позвали въ судъ, но онъ виновнымъ себя не призналъ, а судъ усмотрѣлъ противорѣчіе въ показаніяхъ доносителя и не придавъ значенія показаніямъ двухъ свидѣтелей на томъ основаніи, что одинъ изъ свидѣтелей былъ родственникъ учителя, а другой три года назадъ жилъ въ домѣ у перваго свидѣтеля. На этомъ основаніи судъ, по бездоказательности, оправдалъ Шмарова и, кромѣ того, не придавъ значенія новому дѣлу о побиеніи Шмаровымъ въ пьяномъ видѣ прапорщика, начальника ряжскихъ инвалидовъ. Но когда дѣло поступило на ревизію въ Рязанскую уголовную палату, послѣдняя нашла

Шмарова виновнымъ, какъ въ государственномъ преступленіи, такъ и въ побиеніи прапорщика, и приговорила Шмарова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу вѣчно, а имѣвше его, какое окажется, отдать законнымъ наследникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, палата обвинила ряжскій уѣздный судъ въ томъ, что „онъ имѣлъ излишнее и къ единой запутанности и продолженію дѣла производствъ“, и еще, между прочимъ, въ томъ, что отпустилъ Шмарова на поруки только потому, что онъ, будучи подъ арестомъ, „не могъ себя изурить“. За все это палата постановила привлечь къ отвѣтственности весь составъ суда. Опредѣленіе палаты вмѣстѣ съ „секретнѣйшимъ“ дѣломъ о Шмаровѣ, по тогдашнимъ порядкамъ, поступило въ Сенатъ, и вдругъ, къ великому всѣхъ изумленію, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получено было въ палатѣ увѣдомленіе рязанскаго гражданскаго губернатора, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Управляющій Министерствомъ полиціи, С.-Петербургскій военный губернаторъ, увѣдомили, что по доведеніи имъ до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія о произнесеніи подпоручникомъ Шмаровымъ дерзкихъ противъ Особы Его Императорскаго Величества словъ и приговора надъ нимъ уголовной палаты, опредѣляющаго ему лишеніе чиновъ, дворянства и ссылки въ каторжную работу вѣчно, — Государь Императоръ указать соизволил: *Дѣло о Шмаровѣ уничтожить, Шмарова освободить, подтвердить ему, чтобы онъ впредь меньше нилъ и меньше врагъ*“. Палата немедленно освободила Шмарова и въ присутствіи взяла съ него росписку въ томъ, что онъ „Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы онъ, Шмаровъ, впредь меньше

пить и меньше вралъ, слышалъ". Тѣмъ дѣло и кончилось. (н. ш.)

Путешествіе доктора Нансена. Въ окрестностяхъ Хабаровки, какъ сообщаютъ шведскія газеты, докторъ Нансенъ сдѣлалъ нѣсколько геологическихъ наблюдений и очень интересныхъ раскопокъ. Экспедиція вышла изъ Хабаровки 22-го июля. Со встрѣчными до Хабаровки льдами „Фрамъ“ справлялся отлично, благодаря сдѣланнымъ для этого докторомъ Нансеномъ приспособлениямъ. Самоѣды видѣли пароходъ „Фрамъ“ 25-го числа направляющимся къ сѣверовостоку по открытой водѣ между льдами и берегомъ; въ то время находился онъ въ 26 миляхъ выше Ямала. Дальнѣйшее движеніе „Фрама“ къ полюсу можно будетъ выражать лишь въ градусахъ, такъ какъ приполярныя области, въ которыхъ онъ будетъ двигаться, не изслѣдованы никѣмъ и потому не имѣютъ еще названій.

Число комнатныхъ собакъ королевы Викторіи достигаетъ до 55 штукъ. Помѣщеніе ихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Для нихъ даже устроена отдѣльная комната, въ родѣ гостиной. Въ этой комнатѣ стѣны увѣшаны портретами прежнихъ королевскихъ собакъ. Въ рамки нѣкоторыхъ изъ этихъ портретовъ вѣдланы медальоны съ шерстью собакъ.

О величинѣ мухъ. Многие думаютъ, что небольшія мухи потому не велики ростомъ, что еще не развиты, слишкомъ молоды, что если бы онѣ жили дольше, то онѣ преобразились бы въ экземпляры большей величины. Но это не вѣрно. Въ какомъ видѣ муха развивается изъ личинки, въ такомъ она неизмѣнно и остается. Различныя величины этихъ насекомыхъ соответствуютъ такимъ образомъ каждой особой разновидности, и маленькая муха такъ же не представляетъ еще молодой, неразвитой мухи, какъ пони не есть не-

доразвитая лошадь, а представляетъ изъ себя особенный родъ маленькихъ лошадей.

ШАХМАТЫ.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 22 „Нивы“.
 № 16. Г. Сундукианца. Матъ въ 2 хода.
 1. Ф. h4-d6; 2. Матъ различными способами.
 № 17. К. Stål. Матъ въ 3 хода.
 1. К. g6-f4, К. d3; 2. Ф. d8, и т. д.
 1. . . ., К. e4; 2. К. e6+ и т. д.
 1. . . ., К. a4; 2. Ф. f8+ и т. д.
 1. . . ., Кр. d4; 2. Ф. :g7+ и т. д.
 1. . . ., К. e8; 2. de, и т. д.
 1. . . ., ♝; 2. Ф. a8, и т. д.

Правильныя рѣшенія № 16 прислали: И. Ф. Вельць (Кіевъ), Н. О. Ерошевскій (Одесса), Д. А. Гофлинъ (Симферополь).
 Въ воскресенье 26-го сентября въ „СПБ. Шахм. Общ.“ долженъ начаться матчъ М. И. Чигорина съ докторомъ З. Таррашемъ изъ Нюрнберга. Ставка 5000 м. Побѣдителемъ будетъ считаться выигравшій первымъ 10 партій; ничьи не считаются. — Партіи матча съ примѣчаніями будемъ давать въ „Нивѣ“ по появленіи ихъ въ „Новомъ Времени“.

СОДЕРЖАНІЕ: Искатель приключеній. Новѣсть І. Ясинскаго. (Продолженіе). — Либавскій коммерческій портъ. Очеркъ В. А. Фрея. (съ 6 рис.). — Два абиссинскіе разсказа. Сообщеніе В. А. — Старая гувернантка. Разсказъ Генриха Зейделя. (Переводъ съ нѣмецкаго). — Гальванизмъ. Научный очеркъ В. Бердрова (съ 8 рис.). — Осень. Стих. П. Порфирова. — Къ рисункамъ: Въ переконку (съ рис.). — Явленіе Богоматери Преподобному Сергію (съ рис.). — Мозаика Ломоносова (съ рис.). — Осеннее раздумье (съ рис.). — Пасторъ Э. Ф. Герценбергъ (съ портр.). — Баронъ В. А. Бюлеръ (съ портр.). — Три юбиляра (съ 3 портр.). — Гибель броненосца береговой обороны „Русалка“ (съ 2 рис. и портр.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Научныя и техническія новости. — Сѣнь. — Шахматы. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марнсъ. Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. 5 р.	Съ дост. въ Петерб. 6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р.	Съ перес. въ Москву и др. города Россіи 7 р.	За границу. 10 р.
-----------------------------------	---------------------------------------	--	---	--------------------------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

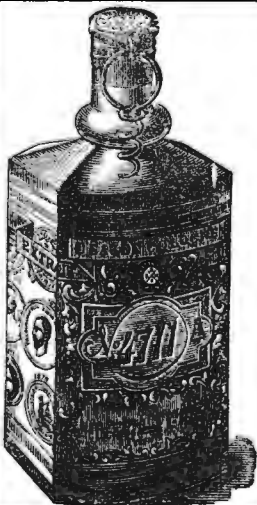
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптекарей Россіи. № 5420 (35)

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.
 Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просятъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Ш. № 6449 28—14

4711
0-ДЕ-КОЛОНЪ.

СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ
Ц. № 6475 ЯРЛЫКОМЪ 3-3

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. Дено въ С.-П.-бургѣ, у Алекс. Тиссъ и К°, Пушкинская, № 4.
 Требовать: ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.
!!ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!!

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Поступили въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новыя изданія **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
ГИГИЕНА ДѢТСТВА. И. ФЛАММАРІОНА. Переводъ съ франц. скихъ. Цѣна 50 коп. Продается у всѣхъ книгопродавцевъ.
РАЗСКАЗЫ О НЕБѢ. Е. Прехтевскаго. Съ 64 рисунками. Цѣна 50 коп. Мт. № 6542

КАЖДАЯ ДАМА стремится имѣть шикарную и изящную талию!
 достигъ этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крючочковъ и петель ПРИМА!
ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.

Рис. съ нѣтъшними крючками и петлями. | Рис. съ патентов. крючками и петлями.
 Послѣ 4-хъ-недѣльнаго ношенія лифа. Послѣ 4-хъ-мѣсячнаго ношенія лифа.

Вездѣ видны и склады. Видъ и складъ нѣтъ: видъ какъ новыя.
 На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ дѣйствительности-же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

Патентованные крючки и петли ПРИМА
 не слабѣютъ отъ времени, не сгибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.
 Нашивать эти застежки очень легко; при каждой картонкѣ прилагается подробное наставленіе. № 6538 12—2
 Патентованные крючки и петли ПРИМА имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ.
Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ.
 С.-Петербургъ, 4 рота, 16, —собств. домъ.

ПАЦИНТЫ

и всѣ луковичныя растенія и другія для огородовъ и оранжерей. Превосходные ассор-
 тменты растеній для оранжерей и огородовъ по 5 руб. 50 к., 10 руб. 50 к., 20 руб. Просьба ука-
 зать, для какой цѣли предназначается заказъ. Нашъ ассортиментъ для огородовъ по 10 руб.
 50 коп. включаетъ въ себѣ болѣе 1000 луковичныхъ растеній. Упаковка—бесплатно.
 Нѣмецкіе, англійскіе и французскіе каталоги, по требованію, высылаются бесплатно.
 Адресъ: van Meerbeck & Co. Handełsgärtner, Hillegom bei Haarlem (Holland).
 Просьба настоятельно обращаться съ требованіями **только** на нѣмецкомъ, англійскомъ
 и французскомъ языкахъ. Р. № 6515 5—5

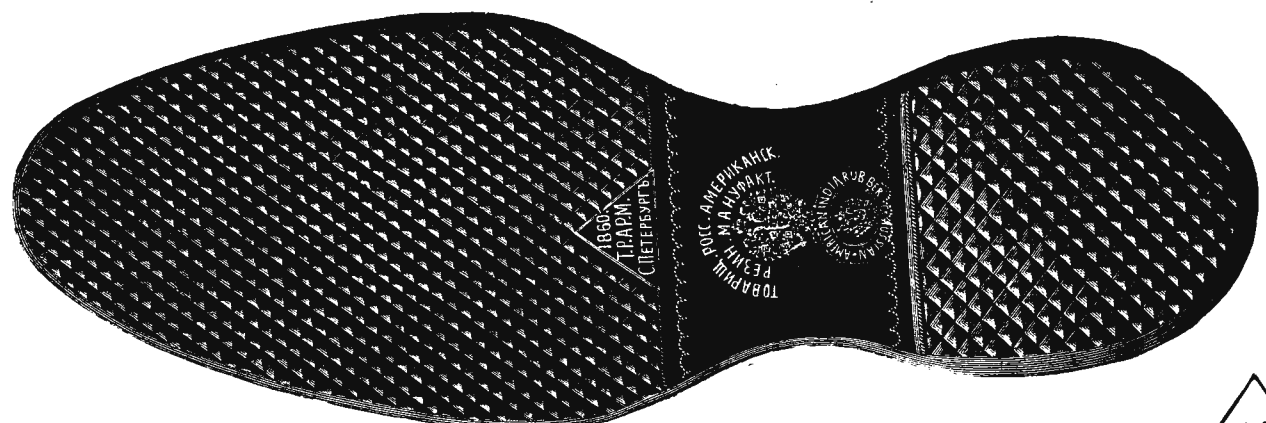
ТЮЛЬПАНЫ

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26—12

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

АЛЬБОМЪ
 РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИЛІВАНІЯ,
 состоящій изъ 25 листовъ съ 391 со-
 вершенно новыми, оригинальными и
 нигдѣ еще не напечатанными рису-
 нками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
 Альбомъ этотъ отличается изяществомъ
 вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ
 включена масса превосходныхъ вещей—
 отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ
 и крупныхъ. Цѣна этого изданія назна-
 чена крайне умеренная: въ изящ. лито-
 граф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересыл-
 кою 1 р. 60 к.
 Требования просить адресовать: въ СПБ.
 въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6)

3-й ВЫШІГРЫШНЫЙ
 (Дворянскій) заемъ, 1 Ноября тиражъ, продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 59 НЕВСКІЙ, СПБ.

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ
Типъ-Топъ
 превосход-
 но сдѣланъ изъ телячьей кожи
 съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ.
 Изящной и прочной работы.
 Секретъ замка сообщается только покупателю
 и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Топъ.
 Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
 Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
 Гармонный: бока раздвигаются какъ у гар-
 моніи, очень вмѣстительный: шт. 3 р. 75 к.;
 2 за 6 р. 75 к. № 6347 1—1
 3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
 Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
 С. Петербургъ.
БАЗАРЪ МАРКЪ Невск. пр., № 20-44.

В. Б. ЖУКОВСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРЕДЛАГАЕТЪ МАСЛО СЪРОУТЪЕЛ-
 НЫХЪ СРЕДЪ
КРУМРЕЙНЪ И НАЦЪ
 ТЕРМОСЪ ИЛИ РАМЕТЪ ПИЩА И ТАЧЕРИ
 ДАВАНІЯ ЗНАЮЩИИ СЪ РАБОТЪ И ДѢЛА

МОНЕТЫ И МЕДАЛИ
 есть рѣдки у В. Г. Бѣлина, также покупаю
 и мѣняю. СПБ. Садовая, № 25.
НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
 Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
 Романъ изъ жизни Туркестанскаго края Н. П. КАРАЗИНА. Изд. 2-е дополн. 8-ю
 новыми оригинальн. рисунк. автора. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн.
 колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обрац. въ Контору
 журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. 6).

Заказы из провинции исполняются немедленно и аккуратно.

По получении заказа приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое высылается с наложенным платежом на остальную сумму.

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже. Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р. Футляры для скрипки по 3/4, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р. Струны, кавифоль и все другие принадлежности.

Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для детей по той же цене как и взрослые.

ГОРНЫ-А-ПИСТОНЪ хорошей заграничной работы в 12, 15, 22, 25 и 35 р. собственной С.-Петербургской фабрики в 50, 60, 75 и 100 р. Знаменитой фабрики Courtois в 90 руб., 150 руб. и 250 руб.

ФЛЕЙТЫ хорошей заграничной работы в 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб., собственной С.-Петербургской фабрики в 60, 75, 85, 120 и 160 р. Флейты „модели Циммермана“, находящиеся в употреблении у первых артистов, по 85 и 120 руб.

Иллюстриров. преис-курантъ—бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ главное депо музыкальных инструментов и ноты: С.-Петербург, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мост, д. Захарьина.

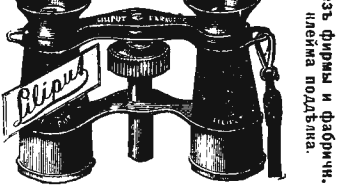
ЧУДЕСА ВЫСТАВКИ ВЪ ЧИКАГО.

Новая книга с 70 рисунками. Цена 1 руб. 40 коп. с пересылкой. Адрес: Одесса, технологу Н. П. Мельникову. № 6534 2—2

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (16) Специалист хронометров. СПбург. Невский пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. преис-курантъ по запросу. Бесплатно. Пересылка на счет магазина. Ручательство на 2 года. № 6383

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОНЛЬ

со шкур. въ замшевомъ кошелк. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азиат. 9 р. 50 к. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманъ жилета или между пуговицами мундира и иногда замѣняетъ, какъ для похода, охоты, путешествия или театра, больше и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°. Специальн. фабр. оптич. инструментовъ Париж. Rue de Bondy, 32. Единственный складъ для Россіи С.-Петербург, Мойна, № 42. Платос. пр.-кур. оптич. и фотогр. прибор. высылается каждый за семи-коп. марку. 2—1

PARFUMERIES aux Violette de Parme ED. PINAUD Savon... aux Violette de Parme Essences... aux Violette de Parme Huile... aux Violette de Parme Poudre de Riz aux Violette de Parme 37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS GRAND PRIX EXPOSITION-PARIS 1889

Новое издание А. Ф. МАРКСА, въ СПБ. Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, подъ редакціею академика, профессора Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками. Цена за всѣ 5 томовъ—6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп., а въ пяти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетяхъ 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 50 к. Требования и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6. Въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, Петровскій линіи. Изданіе это можно получить также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

L'URBAINE (УРБЭНЬ) ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ ВЫСОЧАЙШЕ ДОПУЩЕННОЕ къ дѣятельности въ Россіи 2-го Іюня 1889 года. ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО для Россіи, С.-Петербургъ.—18, Невскій, 13. Особая допозволяемая гарантія для астрах. въ Россіи. Агентство во всѣхъ больш. гор. Россіи. 1) Залогъ въ 500.000 р. казенный въ Государств. Банкѣ. 2) Специальный резервный фондъ, и 3) Специальный запасъ капиталъ, хранящійся исключительно въ Государственномъ Банкѣ. Надъ дѣятельности Общества установлено постоянный факельный правительственный контроль. Вызвавъ участіе въ прибалт. Обществе предоставляемъ астрахователямъ следующие выгоды: Если болѣе или несчастный случай причинитъ астрахованному времянную неспособность къ труду, Общество беретъ на себя уплату премій, во все время болѣзни. Въ случаѣ полной неспособности къ труду въ теченіи 2—3 лѣтъ Общество выдаетъ 1/2 астрахов. капитала своему астрахованному немедленно, а послѣднюю 1/2 по наступленіи срока договора астрахованному наследникамъ.

ДУХИ высшего достоинства: „Персидская Сирень“, „Амариллисъ“, „Люби меня“, „Ландышъ“, „Iris Blanc—Бѣлый Ирисъ“ и т. д. ЗЕМЛЯНИЧНОЕ, ЛАНДЫШЪ, ЖОКЕЙ КЛУБЪ, КИТАЙСКОЕ и т. д. МЫЛА БРОКАРЪ и К°. 30. Невскій, 30. № 6544 2—1

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОВНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП. Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ: Эссъ букетъ Жюкей клубъ Букетъ Императрицы Илангъ-Илангъ Майскій-Ландышъ Бѣлый геліотропъ Бѣлая лилія Сирень перс. Левкой Фіалка Вилетъ де Парма Ресда Люби меня Стенлей букетъ Iris Эдельвейсъ Маслинъ Ополоннакъ Шипръ Букетъ де Царь Бѣлая роза Милль-Флеръ Акашія Гіацинтъ Киссъ мв кевкъ Испанская кожа Свѣжее сѣно Черемуха Litas Heuri Lotus. ПРОВНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕ МЕНЬЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1Р. 40К. съ пересылкой во весь городъ Россіи. (Кромъ Сибіри)

ЭКИПАЖИ НА РЕЗИНОВЫХЪ БУМРАХЪ (РЕССОРАХЪ) НЕЗАМѢНИМЫ ПОКОЯНЫ, прочны и легки на ходѣ. Отъ 125 руб., казенный амплажъ отъ 145 рублей. Складъ (бывшій С. Ф. П. Д. О.) въ Москвѣ, Малозаская улица, д. Терещенко. Преис-курантъ высылается за 7 коп. марку.

СИБИРСКОЕ ТРИКО чистой новой шерсти, 2 ари. ширины, отъ 1 р. 80 коп. до 2 руб. арш., по прочности и дешевизнѣ незамѣнно для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч. Иногороднымъ высылается образцы. Магазины: СПб., Владимирская, № 6; Петерб. сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш. Новая улица, 15 № 6489 10—8

С.-Петербургская фабрика „BEBE RUSSE“. Предлагаетъ почтеннѣйшей публикѣ усовершенствованныя куклы своей выработки, по вышности столь изящныя и красивыя, что не уступаютъ заграничнымъ, прочностью же превъшаютъ, въ виду своего небожачаго качества. Цены умеренныя. Гг. торговцамъ услуга. Иногороднымъ преис-курантъ высылается бесплатно. № 6535 3—2 С.-Петербургъ, р. Ждановка 9.

БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ. ПАРИЖЪ. МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ. ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.—ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЦІИ НАУКЪ С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ. УДОБН. ГАРАНТІИ. МОСКВА. ВЫСЫЛАЮТСЯ НЫИ ЛЕКЦІИ БЕЗПЛАТНО. Цоварская ул., д. Старикова. 5—4

КАРМАШНЫЕ ЧАСЫ только 4 р. 50 к. Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ—20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6541

ЛЕВИНГЪ и ГРОЗНГЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

Фирма премирована на европейскіихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими званами. Косметическіе спермацевитовые, личные № 5398 УТИРАЛЬНИКИ. Косметина А. ЭНГЛУНДЪ. При употребленіи спермацевитовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цена пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлки, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ—красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговля аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайлов. площ., д. Жербина, № 2.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ УДОСТОВЕРЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛІЮ НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВКѢ 1882. А. СІУИКО ПАРФЮМЕРІЯ ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА МОСКВА. ПРЕИСКУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

XXIV г.

№ 40

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выходитъ ежедневно, съ приложеніемъ 12-ти еженѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ всѣ вышедшіе номера со всѣми прил. Выданъ 2 октября 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Ц. этого № 20 к., съ пер. 25 к. Цѣна Сборн. 50 к., съ пер. 60 к.

При семь прилагаются: 1) СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ОКТЯБРЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ОКТЯБРЬ 1893 г. съ 33 рис. и отд. лист. съ 24 чертеж. выкр. въ натур. величину и 20 рис. выпильныхъ работъ.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

І.

Прошло четыре дня. Михольскій бывалъ у князя Войдылда, посѣтилъ отца-провинціала Янушпольскаго и удостоился получить благословеніе отъ самого епископа Звалинскаго въ костельномъ домѣ. Онъ выпилъ рюмку мальвазіи за епископскимъ завтракомъ и выслушалъ много сочувственныхъ, но крайне неопредѣленныхъ словъ. Ихъ неопредѣленность была на руку Михольскому: онъ боялся опредѣленности въ такой же степени, какъ боялись ея кievскіе польскіе патріоты; каждый думалъ про себя, что, рано или поздно, Михольскій попадетъ, и никому не было охоты связывать свою прочную и благополучную судьбу съ ненадежной судьбой мелкаго политическаго авантюриста, какимъ считали Михольскаго. Впрочемъ, посвященные въ его неясную тайну внутрененно удивлялись сдержанности молодого чело-вѣка, у котораго языкъ хорошо при-вязанъ и не болтаетъ ничего такого, что могло бы вовлечь дру-гихъ въ бѣду. За это благоразуміе къ Михоль-

скому благоволили, угощали его, ухаживали за нимъ и въ глубинѣ души желали ему, конечно, не провалиться сквозь землю, но поскорѣе оставить Кіевъ и въ другомъ мѣстѣ искать удачи. Другъ другу патріоты въ этомъ не признавались. Сходясь, они обмѣливались догадками, что ожидаетъ Михольскаго, говорили, что ему надо помочь пробраться въ Галицію или куда онъ захочетъ, многозначительно и съ нѣкоторымъ торжествомъ улыбались — вотъ, молъ, есть же порядочные молодые поляки, не умеръ же еще въ русской Польшѣ старый духъ свободы; и этимъ платоническимъ восторгомъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ страхомъ, все ограничивалось.

Ничего больше не надо было Михольскому; положеніе, занятое имъ такъ внезапно среди кievскаго общества, было покапріятно. Впрочемъ, ему надобны были деньги. Однажды онъ раскрылъ свой бумажникъ, заглянулъ во всѣ его отдѣленія — нигдѣ ничего не было; онъ порылся въ чемоданѣ, вывернулъ карманы своихъ костюмовъ — не нашлось ни гроша. Правда, онъ жилъ

Городъ Нѣжинъ. Памятникъ Н. В. Гоголю въ городскомъ скверѣ. Съ фот. Пржилускаго грав. Рашевскій.

въ долгъ въ „Серебряномъ Лебедѣ“, экипажъ ему ничего не стоилъ, панъ Рогульскій размѣнялъ ему кредитки на пятьдесятъ звонкихъ рублей (хотя кредитокъ не получилъ — Михольскій могъ быть забывчивъ), но надо было давать каждый разъ, приѣзжая къ Войдылду и къ другимъ польскимъ панамъ, по монетѣ гайдукамъ и придверникамъ. На ливрею для Вавилки потрачены послѣдніи деньги, взятыя у пана Рогульскаго. Очувтившись въ такомъ незавидномъ положеніи, Ромуальдъ погрузился въ невеселыя думы. Чтобы утѣшить себя, онъ досталъ письмо, извѣщавшее его о наслѣдствѣ. Нѣсколько разъ уже прочитывалъ онъ благодѣтельные строки пана Подлипальскаго, душеприказчика тетки Августины. Эти строки, въ особенности, тамъ, гдѣ говорилось о сундукѣ королевы Бонны, казались ему лучезарными, отъ нихъ исходилъ свѣтъ и прогонялъ мракъ его души. Нѣсколько коротко было это письмо. Неизвѣстно было, кто такой Подлипальскій. Не изслѣдовано было, что такое содержить въ себѣ сундукъ королевы Бонны. Но тѣмъ лучше для сердца, убаюкивающего себя сладкими надеждами: наслѣдство въ туманѣ, и поэтому можно считать его колоссальнымъ. Но тяжело положеніе богатыхъ наслѣдниковъ, еще не введенныхъ во владѣніе и чающихъ движенія воды! Какое нетерпѣніе, какой апшетить! Какіе планы, которые хочется осуществить и не можешь!

Ромуальдъ послалъ Антонинѣ Антоновнѣ подробный отчетъ о своемъ путешествіи, о своихъ приключеніяхъ, о своихъ расходахъ; ничего не упомянулъ, какъ онъ ловко и безъ всякой для себя опасности выдалъ себя въ Кіевѣ за политическаго агента, но похвастался блестящими знакомствами. Отвѣтъ на это посланіе долженъ былъ придти не раньше трехъ недѣль. А до тѣхъ поръ какъ жить?

Михольскій отворилъ дверь, и въ тѣни коридора увидѣлъ остроносую фигуру, подобострастно ожидающую приказаній своего патрона.

— Мандель, это ты? Поди сюда — мнѣ съ тобой нужно переговорить объ очень важномъ дѣлѣ. Пришло время доказать тебѣ, что ты меня любишь дѣйствительно. Я не знаю, конечно, за что, но, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, я стою твоей любви, и поэтому когда-нибудь ты будешь награжденъ такъ, какъ не ожидаешь.

Мандель въ отвѣтъ согнулъ спину и облобызалъ колѣни Ромуальда.

— Чтобы не дѣлать долгихъ предисловій, скажу тебѣ прямо, съ самаго начала, что мнѣ нужны деньги. Мнѣ ихъ нужно немного, ну, рублей триста, четыреста; конечно, если достанешь тысячу, то это еще лучше. Черезъ нѣсколько дней я получу деньги и возвращу тебѣ съ процентами — понимаешь? Развѣ ты не видишь, какимъ я пользуюсь уваженіемъ, и какія у меня знакомства?

Мандель опять припалъ къ колѣнямъ Михольскаго, но уста его были сомкнуты, онъ не произнесъ ни слова, и только скорбно смотрѣли на Михольскаго его темные, миндалевидные глаза.

— Я не знаю, я не знаю, гдѣ я могу взять такихъ денегъ! началъ онъ черезъ нѣсколько минутъ гробового молчанія, которое показалось Михольскому зловѣщимъ, — у меня нѣтъ! Въ этомъ панъ можетъ убѣдиться — пусть онъ подвергнетъ меня какимъ угодно пыткамъ! Пусть онъ съ меня сниметъ кожу съ живого! Нѣтъ, онъ не добудетъ съ меня ни одного рубля. Достать? Но гдѣ залогъ? Теперь такой свѣтъ насталъ, что никто не вѣритъ. Если бы панъ былъ нашъ, кievскій, если бы у него имѣние было въ здѣшней губерніи, о, — я бы досталъ и принесъ тысячу, и не одну — двѣ тысячи принесъ бы, я бы принесъ пану три тысячи! Однакоже, имѣніе у пана очень далеко, такъ далеко, что отсюда никто не можетъ его увидѣть, даже

въ очень большую подзорную трубу не видно. Пусть панъ требуетъ отъ меня птичьего молока — я ему достану: это легче, чѣмъ деньги.

— Ну, такъ пошелъ вонъ! закричалъ на него Михольскій, и замахнулся тростью.

Жидокъ отпрянулъ отъ пола, какъ резиновый мячъ, ударился въ дверь, отворилъ ее головой, вылетѣлъ въ коридоръ и исчезъ.

— Мой дорогой, началъ Михольскій, входя къ пану Рогульскому, по обыкновенію, не покидавшему своего поста за конторкой въ буфетѣ. — Мой дорогой, на нѣсколько дней мнѣ нужно денегъ; дай мнѣ, пожалуйста, сто червонцевъ; я тебѣ возвращу съ благодарностью.

Лицо у пана Рогульскаго, сляваго передъ этимъ улыбкой и счастливаго тѣмъ, что онъ видитъ передъ собой пана Михольскаго, омрачилось, онъ сталъ сопѣть, съ нимъ сдѣлался приступъ кашля, и легкія его стали хрипѣть такъ продолжительно и съ такимъ упрямствомъ, что можно было потерять терпѣніе, дожидаясь отвѣта пана Рогульскаго — этотъ отвѣтъ застрялъ гдѣ-то въ горлѣ, даже глубже — гдѣ-то въ самыхъ отдаленныхъ вѣткахъ дыхательныхъ путей, и не могъ выйти оттуда, потому что каждый разъ его опережалъ страшный кашель. Побагровѣвъ, какъ сукно, панъ Рогульскій въ отчаяніи махнулъ рукой, въ знакъ того, что едва-ли онъ можетъ что-нибудь сказать, упалъ на конторку, закрылъ руками лицо, и такъ провель еще нѣсколько минутъ, чтобы придти въ себя. Но и придя въ себя, онъ не сразу отвѣтилъ Михольскому: онъ вытаращилъ глаза, словно сейчасъ проснулся, и забылъ, на что онъ долженъ отвѣчать. Выраженіе глазъ его было совсѣмъ бессмысленное, дикое, и, прежде всего, онъ слабымъ голосомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, какъ онъ страдалъ, пожаловался на удручающій его недугъ. Михольскій долженъ былъ пособолѣзновать пану Рогульскому: „Да, это удивительный кашель, не дай Богъ никому!“

— Представьте, я ужъ двадцать лѣтъ страдаю такимъ кашлемъ, а между тѣмъ живу; должно-быть, такъ угодно Богу, отвѣчалъ панъ Рогульскій, взявъ въ руки перо, и сталъ что-то записывать въ свою книгу.

Панъ Михольскій, однако, не нашелъ возможнымъ прекратить на этомъ свою бесѣду съ паномъ Рогульскимъ; онъ подождалъ минуту, и, видя, что панъ Рогульскій совсѣмъ забылъ объ отвѣтѣ, который онъ отъ него требовалъ, снова приступилъ:

— Панъ Рогульскій, началъ онъ, — ты, кажется, забылъ, я только-что просилъ у тебя сто червонцевъ. Можешь ты мнѣ ссудить ихъ на пять дней? Ты получишь за нихъ сто двадцать... Ты слышишь?

Новый, нестерпимый и мучительно-несносный приступъ кашля потрясъ грудь несчастнаго пана Рогульскаго. Лицо его стало темно-пурпурнаго цвѣта, глаза выкатились на лобъ, и съ выраженіемъ страданія, съ которымъ ничто не можетъ сравниться, были обращены къ небесамъ. Можетъ-быть, въ нихъ можно было прочесть даже укоръ Всемогущему за то, что Онъ допускаетъ страдать такъ ни въ чемъ неповиннаго человека. Шумъ, словно отъ несущагося вѣтра, прерывался хрипомъ, напоминавшимъ собою бой старинныхъ часовъ, и затѣмъ, вдругъ, сквозь этотъ хрипъ прорывались лающіе стоны, словно завывала дѣлая стая голодныхъ псовъ. Ухватившись обѣими руками за грудь, кашлялъ панъ Рогульскій, и, наконецъ, въ изнеможеніи упалъ на стулъ, откинулъ голову на спинку и такъ сидѣлъ минуты двѣ, пока кашель не сталъ легче, потому что все кончается, даже самый злой приступъ кашля. Страдальческими глазами, наполненными слезами и кровью, посмотрѣлъ панъ Рогульскій на пана Михольскаго и произнесъ:

— Ясновельможный панъ Михольскій, дай мнѣ покой. Ты видишь — я чуть не умеръ. Сообрази, откуда

у меня можетъ взяться сто червонцевъ?!. Никто не платитъ, всѣ должны. Ради Бога, дай мнѣ свободно вздохнуть; я чувствую, что опять начинается. Разрывается грудь моя! Охъ, Матерь Божія! Святой Іосифъ!

Михольскій сердито повернулся и вышелъ изъ буфета.

— Хамское отродье! пробормоталъ онъ.

Панъ Рогоульскій не услышалъ этого восклицанія; если услышалъ, онъ не отнесъ его къ себѣ, и, во всякомъ случаѣ, лучше получить брань отъ молодого человека, знающагося съ магнатами, чѣмъ отдать сто червонцевъ.

— Вавилка! позвалъ Михольскій своего казачка.— Поди сюда, плутъ. Ты видишь, теперь ты одѣтъ, на тебѣ все, какъ на слугѣ какого-нибудь магната, ты долженъ быть мнѣ благодаренъ по гробъ жизни. Не скрывай отъ меня ничего—вывороти свои карманы. Чтѣ у тебя есть?

Вавилка долженъ былъ повиповаться, и въ карманахъ у него нашлось нѣсколько полтинниковъ.

— Гдѣ укралъ?

Вавилка молчалъ. Полтинники были подарены въ тѣхъ домахъ, куда привозилъ его Михольскій, нуждаясь или, вѣрнѣе, совѣмъ не нуждаясь въ его услугахъ. Еще въ Травинкѣ подарила ему цѣлый рубль графиня Людмила. Но, видя, что барину угодно считать его воромъ, Вавилка не возражалъ; онъ покорно отдалъ Ромуальду деньги и заплакалъ.

— Сколько я у тебя беру, каналья? спросилъ Михольскій.—Ровно семь полтинниковъ; за нихъ ты получишь семь червонцевъ. Но! Молчать!

Добывъ подъ такіе высокіе проценты такую незначительную сумму, Михольскій сталъ веселѣе, принарядился и отправился, по обыкновенію, къ князю Войдылду на завтракъ.

— Ну, что твой дѣла, панъ Михольскій?.. Какъ ты управляешься въ Кіевѣ? Скажи, поступають-ли какія-нибудь жертвовапія? таинственно спросилъ онъ.

— Еще никакихъ, отвѣчалъ Михольскій.—„Кромѣ семи полтинниковъ, полученныхъ отъ Вавилки“, подумалъ онъ.

— Послушай, началъ серьезно князь Войдылдь,— послушай, мой дорогой, я замѣчаю, что кіевское панство перестало быть патріотическимъ. Даже отецъ-провинціалъ кармелитанскій, человекъ несомнѣнно преданный польской идеѣ, пальцемъ не кивнетъ, если понадобится дать какую-нибудь лепту на общее дѣло. Но я тебя свезу къ одной старушкѣ. Только ты, ради Бога, будь остороженъ и какъ-нибудь не впутай меня, потому что ты меня погубишь, слышишь? Вѣдь, официально я, нѣкоторымъ образомъ, другъ генераль-губернатора—я у него бываю, и онъ у меня бываетъ; и не забудь, что когда у меня онъ бываетъ, то всегда пьютъ за его здоровье. Строго говоря, это неблагородно, и я самъ такъ думалъ, пока не прочиталъ „Валленрода“ Мицкевича. Съ врагомъ можно обниматься и цѣловаться, но держать камень за пазухой. Да вотъ бѣда: какъ держать камень такъ, чтобы никто не замѣтилъ? Такъ, когда мы поѣдемъ къ старушкѣ, и я тебя отрекомендую ей,—ты, черезъ нѣкоторое время, начни немножко меня осуждать, упрекни въ недостаткѣ любви къ отечеству. Это ей понравится, а мнѣ будетъ полезно. Такъ-то, мой дорогой. Тсс! Я слишкомъ много говорю! Выпьемъ съ тобой бутылку такой старинны, отъ которой у тебя крылья вырастутъ, и ты улетишь. Богъ знаетъ куда. Мнѣ презентовалъ отецъ-провинціалъ. Онъ привезъ ее изъ погреба житомірскихъ доминиканцевъ, гдѣ бутылка стояла съ прошлаго вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, вино, которое предложилъ князь Войдылдь Михольскому, было замѣчательное, ароматъ отъ него распространился по всему кабинету и ударилъ въ голову молодого человека, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообщить, какое именно это вино.

— Скажи, началъ князь Войдылдь,—ты хитеръ и чертовски уменъ, я замѣчаю, ибо все молчишь. Правда, никто тебя не тянетъ за языкъ, но все-таки ты поступаешь по-философски. Скажи, мой дорогой, ты, дѣйствительно, ѣдешь за наслѣдствомъ или же... для отчизны?

— Вотъ вызовъ меня, какъ наслѣдника, а вотъ и письмо болѣе подробное, сказалъ Ромуальдъ, вынимая изъ бокового кармана бумаги.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога! вскричалъ князь Войдылдь, отстраняя бумаги.—Спрячь ихъ, коханный, я не стану читать; ты подсунешь мнѣ что-нибудь такое... Послушай, я спросилъ для того, чтобы дать тебѣ возможность быть со мной откровеннымъ... Но пойдѣмъ сначала въ арсеналъ, тамъ мы свободнѣе объяснимся.

Онъ повелъ молодого человека въ арсеналъ — такъ называлась небольшая охотничья комната, вся увѣшанная оружіями разныхъ временъ и высокой цѣны. Тутъ стояли старинныя пики и висѣли сабли польскихъ жолнѣжей и дворянъ, карабины, штуцера и даже гарматы (пушки). Подъ стекломъ хранилось сѣдло, на которомъ князь Іосифъ Войдылдь выѣзжалъ въ Гродно на сеймъ, гдѣ его голосъ былъ рѣшающимъ въ пользу иностраннаго вліянія на дѣла Польши. Сѣдло было усыпано алмазами, бирюзой и яхонтами, шито серебромъ по лазурному бархату, и стоило до ста тысячъ польскихъ злотыхъ.

— Я намѣренъ дать тебѣ денегъ, сказалъ, оглянувшись на дверь, князь Войдылдь, — мой коханный, я очень радъ былъ бы, если-бъ ты нуждался. О, ты тонкій дипломатъ, ты понимаешь, о чемъ я говорю. Итакъ, я хочу, чтобы ты нуждался. Я думаю, тебѣ нечего это объяснять два раза. Ты еще не получилъ наслѣдства, а потому тебѣ—не возражай, мой дорогой—я предлагаю взять у меня вотъ этотъ кошелекъ со ста червонцами. Какъ знаешь, такъ и поступи: отдашь—хорошо, не отдашь—еще лучше. Что, ты уразумѣлъ меня? шопотомъ спросилъ князь Войдылдь и пожалъ ему руку такъ крѣпко, что Михольскій чуть не вскрикнулъ.

— Понялъ, яснелъможный, отвѣтилъ Михольскій.— У тебя великодушное сердце.

— Ни слова о сердцѣ, и, если бы когда-нибудь случилось,—этого не случится, но надо все предусматривать,—у тебя спросили бы, отъ кого ты получалъ деньги, то отъ меня ты не получалъ. Я могъ тебѣ дать взаймы, но это наши личные счеты. Нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше!

Изъ арсенала князь Войдылдь провелъ Михольскаго въ оранжерею и въ садъ, гдѣ угощалъ его абрикосами прямо съ дерева и ѣлъ самъ, такъ какъ былъ слегка взволнованъ и чувствовалъ потребность чѣмъ-нибудь охладить разгоряченное сердце.

— Мой дорогой, оставайся у меня обѣдать, а вечеромъ мы поѣдемъ къ старушкѣ. Ея фамилія знатная; хотя она не графиня и не княгиня, однакожъ, настоящая старозавѣтная польская магнатка!

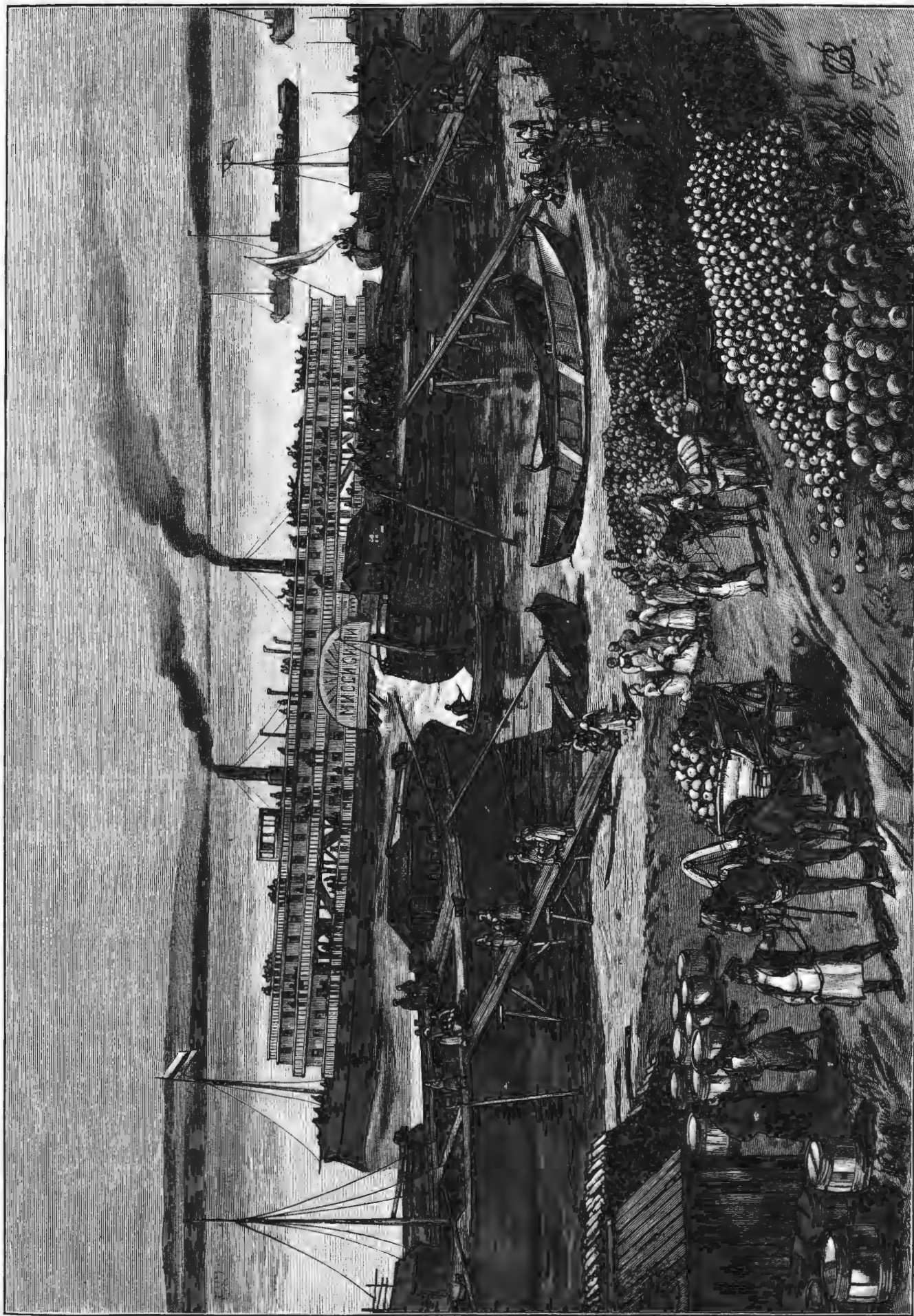
Послѣ обѣда, за которымъ опять было выпито, Михольскій и князь Войдылдь отдохнули и отправились къ пани Пташинской. Она жила на самомъ краю города, на Житомірской улицѣ, въ большомъ каменномъ домѣ, окруженномъ садомъ и службами. У пани Пташинской слуги всѣ были старые, сѣдые, лѣтъ по шестидесяти и даже по семидесяти, начиная съ придверника или швейцара, у котораго сѣдые волосы росли даже на носу, и кончая комнатнымъ лакеемъ, который ходилъ, сторбившись. Сама пани Пташинская была дама приятной наружности, лѣтъ пятидесяти пяти, одѣтая вся въ трауръ, котораго она не снимала съ тридцатаго года, когда былъ убитъ ея мужъ. Черное платье сидѣло на ней, какъ мантия на королевѣ, и косынка, спускавшаяся на ея лобъ и щеки, придавала ей видъ монахини какого-то суроваго и величаваго ордена.

Городъ Нѣжинъ. Греческая церковь, мужской монастырь, соборная церковь и Преображенская. Съ фот. Пржилускаго грав. Рашевскій.

Городъ Нѣжинъ. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко (бывшій лицей). Съ фот. Пржилускаго грав. Рашевскій.

Отправка арбузовъ на Волгѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Хелмцикій.

Когда князь Войдылдъ представилъ ей Ромуальда Михольскаго, она сидѣла въ высокомъ креслѣ съ рѣзной и раззолоченой спинкой и, вмѣсто привѣтствія, только взглянула на молодого человѣка и протянула ему руку для поцѣлуя. Онъ поцѣловалъ руку у Пташинской и поцѣловалъ ея колѣно. По соблюденію этого старопольскаго обычая привѣтствовать высокихъ дамъ, Михольскій былъ признанъ патриотомъ.

— Откуда панъ и куда? кратко спросила пани Пташинская у Михольскаго.

— Изъ Украйны на границу, такъ же кратко отвѣчалъ онъ.

— Какія у пана надежды?

— Всѣ мои надежды я возлагаю на Бога и польское панство.

Старуха усмѣхнулась.

— Между польскимъ панствомъ, начала она, — есть честныя, рыцарскія сердца; но если бы оно *все* было такимъ, Польша до сихъ поръ существовала бы. Польша погибла потому, что въ ней не было честныхъ людей, съ убѣжденіемъ сказала пани Пташинская и взглянула на князя Войдылда, можетъ-быть, вспомнивъ объ его предкѣ, князѣ Юсифѣ.

— Исторія могла многому научить, афористически замѣтилъ на это молодой Михольскій.

— Да, и она могла пріучить къ покорности, сказала пани Пташинская со вздохомъ. — Развѣ теперь мало польскихъ юношей, которые гордятся тѣмъ, что поступаютъ полковниками въ русскую гвардію и служатъ при Дворѣ? Они совсѣмъ стали москалями и не признаютъ другого отечества, кромѣ Россіи. У меня есть родственникъ Пташинскій, который уже сталъ Пташинскимъ — и хотя онъ Фердинандъ, но называетъ себя Федоромъ. Однакоже, лучше погибнуть, чѣмъ дать погаснуть пламени любви къ отечеству, патетически заключила Пташинская.

— Я то же самое сказалъ на-дняхъ пану Михольскому, замѣтилъ князь Войдылдъ, сидѣвшій какъ на иголкахъ. — Но прошу извинить меня, пани Пташинская, у меня неотложное дѣло и, кромѣ того, я вижу, что бесѣда принимаетъ направленіе, когда быть всего удобнѣе вдвоемъ; третій въ такомъ разѣ есть лишній.

Онъ всталъ.

— У васъ лишнія опасенія, князь, сказала Пташинская съ тонкой улыбкой. — Я не смѣю васъ удерживать. До пріятнаго свиданія. До воскресенья!

Князь Войдылдъ поцѣловалъ кончики ея пальцевъ и вышелъ.

— Итакъ, панъ Михольскій, несмотря на молодость, уже настолько опытенъ, что ему поручаютъ важныя дѣла? откровенно спросила Пташинская, вынувъ изъ-подъ косынки черепаховый лорнетъ, висѣвшій на золотой цѣпочкѣ. Она поднесла его къ глазамъ и стала разсматривать Ромуальда, словно желая удостовѣриться, въ какой степени онъ молодъ и опытенъ.

— Молодое сердце бьется иногда лучше стараго, сказалъ Михольскій. Но, сообразивъ, что Пташинскую можетъ обидѣть это изреченіе, онъ поспѣшилъ сказать: — Хотя, конечно, бываетъ, что юность и старость подаютъ другъ другу руку. Но опять сообразивъ, что пани Пташинская, несмотря на свои пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, вѣроятно, считаетъ себя все-таки молодой дамой, и что названіе старухи ей можетъ быть неприятно, онъ еще разъ перевернулъ фразу и сказалъ ее въ окончательной формѣ такъ: — Есть сердца, которыя никогда не старѣются, и есть сердца, которыя никогда не могутъ быть названы молодыми; они соединяются, когда необходимо дѣйствовать серьезно.

— Гм! Въ самомъ дѣлѣ, на что панъ разсчитываетъ? Нѣтъ-ли во всемъ этомъ легкомыслія?

Михольскій ни на что не разсчитывалъ и безъ обиняковъ говорить ему было труднѣе, чѣмъ по-китайски.

Зная по опыту, что туманъ считался до сихъ поръ кievскими патриотами самымъ благоразумнымъ способомъ для обмѣна мыслей, Михольскій съ нѣкоторымъ напряженіемъ произнесъ:

— Да, легкомысліе — бичъ польской политики. Но времена перемѣнились и, кажется, теперь, при новыхъ взглядахъ и старомъ опытѣ, возможно выбрать такой путь, на которомъ, во всякомъ случаѣ, не такъ-то легко будетъ поскользнуться.

— Панъ находитъ, что возможенъ такой путь? скептически спросила Пташинская.

— Возможенъ! — И, вдохновившись желаніемъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ патриотической старушки, Ромуальдъ заговорилъ: — Не надо забывать, что теперь время особенно благоприятное: всюду движеніе, во Франціи революція, въ Германіи, въ Пруссіи, въ Италіи... Пусть пани вспомнить, что дѣлается въ Австріи... не сегодня — завтра вспыхнетъ возстаніе въ Венгріи... того гляди, въ Краковѣ загорится! Насталъ часъ! вскричалъ Михольскій.

— Какъ пріятно слышать такія горячія рѣчи! воскликнула Пташинская, не сводя съ молодого человѣка своего черепаховаго лорнета. — Сколько пану лѣтъ?

— О! Мнѣ ужъ много лѣтъ.

— Однакоже?

— Мнѣ двадцать шестой годъ, отвѣчалъ Ромуальдъ.

— Панъ имѣетъ офиціальное положеніе? тихо спросила Пташинская.

— Да, тихо отвѣчалъ Михольскій.

— Кто же такой панъ?

— Пани сама видитъ.

— Можетъ-быть, панъ — генераль-эмиссаръ?

— Я не имѣю права, несмотря на все мое уваженіе къ пани Пташинской, говорить объ этихъ предметахъ, дипломатически промолвилъ Михольскій.

— Но панъ собираетъ пожертвованія?

— Прежде всего, для дѣла, которому я служу, началъ Михольскій, — я готовъ отдать все, что имѣю. На-дняхъ я получилъ болѣе двухсотъ тысячъ золотыхъ отъ покойной тетки и рѣшилъ не оставить изъ нихъ ни гроша. Если кому угодно присоединиться къ моей жертвѣ, — это его дѣло; я никого не принуждаю и не имѣю на то силы.

— О, разумѣется!

— Скажу болѣе, для того, чтобы никого не вовлечь въ бѣду, я беру деньги, если мнѣ дадутъ, — взаймы.

— Такъ что молодой панъ есть банкиръ революціонной Польши? спросила Пташинская, поднесла лорнетъ къ глазамъ, откинулась на высокую спинку своего кресла и такъ нѣсколько минутъ молчала, созерцая Ромуальда, которому стало, наконецъ, совсѣмъ неловко. Онъ поднялся съ мѣста, находя свой визитъ оконченнымъ.

— Куда-жъ панъ?

— Я тоже имѣю дѣло, пани Пташинская, и мнѣ надо снѣшить. Во всякомъ разѣ, мнѣ нельзя терять время на молчаніе, произнесъ молодой человѣкъ съ кисло-любезной улыбкой.

— Подождите минуту, проговорила пани. — Вы чересчуръ осторожны, но вы должны еще принять ленту вдовы.

Михольскій остался въ гостиной, а пани Пташинская вышла, ступая по мягкимъ пушистымъ коврамъ и незамѣтно двигаясь, какъ тѣнь. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, держа въ рукѣ свертокъ. Когда она положила свертокъ на столъ, послышался легкій золотой звонъ. Это были червонцы. Пани Пташинская сѣла у столика на другое кресло и, когда она взяла свертокъ, руки ея дрожали. Сорвавъ бумагу, она рассыпала золото по столику. Золото заискрилось при огнѣ свѣчей, и душа Михольскаго наполнилась чувствомъ невольнаго умиленія при видѣ красивыхъ круглыхъ

монеть, издававшихъ чарующій звонъ. „Когда я получу свое наслѣдство, я возвращу эти деньги. Отчего не взять? Въ моемъ положеніи...“ Такъ думалъ Михольскій. Разсыпавъ золото, пани Пташинская стала его раздѣлять на кучки и подсчитывать, и, по мѣрѣ того, какъ она подсчитывала, руки ея дрожали все болѣе и болѣе. Подъ конецъ ей ужъ трудно было держать въ пальцахъ червонцы — они выскальзывали и падали на скатерть и къ ней на колѣни. Михольскій все ждалъ. Но вотъ Пташинская сосчитала червонцы, сложила ихъ опять въ высокій столбикъ, распрямила бумагу, въ которой они были завернуты, опять завернула ихъ въ нее же, взвѣсила свертокъ на рукѣ, задумчиво посмотрѣла на Ромуальда и опустила свертокъ въ карманъ.

— Панъ еще долго пробудетъ въ Кіевѣ? спросила она, и руки ея перестали дрожать.

— Я не знаю, можетъ-быть, нѣсколько дней, можетъ-быть, завтра выѣду, можетъ-быть, послѣзавтра.

— Пусть панъ извинитъ: я раздумала, сказала Пташинская, помолчавъ.

Она подобрала шлейфъ своего траурнаго платья, поджала губы, встала и выпрямилась.

— Покажи мнѣ хоть какой-нибудь знакъ, что ты эмиссаръ, произнесла она, — и ты получишь вдвое больше!

Михольскій поблѣднѣлъ.

— Здѣсь все основано на вѣрѣ, отвѣчалъ онъ.— Наконецъ, я не желаю никакихъ денегъ отъ пани Пташинской и тутъ не можетъ быть разговоровъ. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! отвѣтила пани Пташинская.

II.

Выйдя на улицу, Ромуальдъ снялъ шляпу и провелъ рукой по разгоряченному лбу. Его лицо пылало отъ стыда.

Онъ шелъ по тротуару, вымощенному досками, мимо фонарей, которые слабо горѣли на большихъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Нигдѣ не было видно извозчика. Мѣсто было темное. Въ то время на улицахъ, даже въ большихъ городахъ, случались ночные грабежи и убійства. Кіевъ, въ особенности, этимъ славился. Разбросанный на громадномъ пространствѣ, незастроен-

ный, съ частями города, разбѣдиненными пустыми площадями и темными оврагами, онъ былъ гнѣздилищемъ разнаго безпаспортнаго бѣглаго люда. Еще недавно въ Тарасовомъ яру была убита купчиха со своей горничной. Газетъ не было, и молва преувеличивала число городскихъ происшествій. Опустивъ руку въ карманъ и сжимая кошелекъ съ золотомъ, Михольскій шелъ торопливыми шагами, спотыкаясь о поломанныя доски тротуаровъ. Онъ негодовалъ на князя Войдылда, привезшаго его къ Пташинской и оставившаго безъ экипажа, словно нарочно. Этотъ князь—трусъ! Вдругъ онъ услышалъ въ чуткой тишинѣ ночи, распростершейся надъ Кіевомъ, другіе шаги. Кто-то шелъ позади его и притомъ гораздо быстрѣе. Михольскій ускорилъ шаги, но неизвѣстный все-таки приближался. Подойдя къ фонарю, молодой человѣкъ остановился, чтобы пропустить впередъ незнакомца. Тотъ тоже остановился и произнесъ несколько не враждебнымъ голосомъ:

— Кажется, вы Михольскій?

— Да. Позвольте узнать, кто же вы?

— Коновязовъ. Мы съ вами встрѣчались у князя Войдылда. Откуда вы такъ поздно? Впрочемъ, что за вопросъ! Пойдемте вмѣстѣ. Хотите, я васъ введу въ одинъ очень милый и очень интересный домъ? сказалъ адъютантъ.—Между нами, тамъ идетъ большая игра. Вдвоемъ будетъ веселѣе и, можетъ-быть, безопаснѣе, со смѣхомъ заключилъ онъ.—Хотите? Отчего не проиграть и не выиграть какихъ-нибудь сто рублей? Я безъ этихъ ощущеній не могу жить. Съ вами деньги есть?

— Есть.

— Ну, вотъ, отлично. Давно видѣли князя?

— Сегодня.

— Славный малый, сказалъ графъ Коновязовъ.

— Простодушень, возразилъ Михольскій.

— Образецъ магнатовъ, замѣтилъ Коновязовъ.— Мнѣ онъ самъ говорилъ, что у него первое удовольствіе было, еще лѣтъ десять тому назадъ, — приглашать къ себѣ сосѣдей-дворянъ, посориться съ ними и велѣть ихъ отдуть, положивъ на коврѣ, чтобы не обидѣть ихъ дворянства; и затѣмъ, отдаривъ и накативъ до смерти, спровадить домой. Ну, вотъ, мы уже и у цѣли нашего путешествія. Видите, вонъ свѣтитса огонекъ — это домъ Ильинскаго.

(Продолженіе будетъ).

Куреніе въ прошломъ.

Очеркъ В. Адамовича.

Исторія табаку, говорятъ нѣкоторые писатели, представляетъ странную противоположность съ исторіей другого растенія, точно также вывезеннаго европейцами изъ Америки, а именно картофеля. И въ самомъ дѣлѣ, табакъ, не смотря на проповѣди, запрещенія, жестокия и безчеловѣчныя наказанія, съ удивительной быстротой распространялся среди народовъ Европы и Азіи,—а картофель, несмотря на всевозможныя успія и поощренія правительства, съ трудомъ прививался къ европейской почвѣ.

Когда 12-го октября 1492 г. маленькій флотъ присталъ къ острову Санъ-Сальвадору, то Христофоръ Колумбъ и его спутники были поражены необыкновеннымъ видомъ: краснокожіе жители острова выпускали клубы дыма изо рта и носа! Какимъ образомъ происходило куреніе у индѣйцевъ въ то время, когда ихъ увидѣлъ Колумбъ, рѣшить трудно по недостатку свѣдѣній, но вотъ что пишетъ Гонзало-де-Овiedo, много лѣтъ прожившій въ Новомъ Свѣтѣ: „Индѣйцы, живущіе на островѣ Гишпаніола, имѣютъ очень вредный обычай: они вдыхаютъ въ себя черезъ носъ дымъ, происходящій отъ сожиганія травы, посредствомъ трубочки, одинъ конецъ которой они вставляютъ въ носъ, а другой—держатъ надъ горящими листьями, лежащими на раскаленныхъ угольяхъ“. Другіе же писатели (Бензонн) свидѣтельствуютъ, что индѣйцы скатываютъ высушенный листъ въ форму свертка, при чемъ одинъ конецъ берутъ въ ротъ, а другой зажимаютъ, и затѣмъ уже втягиваютъ въ себя дымъ... Такой свертокъ у нихъ назывался „табако“.

Куреніемъ они забавлялись только во время праздниковъ, съ цѣлью привести себя въ состояніе одурѣнія и опьяненія „воющимъ и дьявольскимъ запахомъ“, по выраженію Бензонни, послѣ чего они впадали въ безмятежное и засыпали. Видѣ-

ныя ими во спѣ галлюцинаціи они принимали за вѣсти съ „того свѣта“ и рассказывали, что вели бесѣду съ „Большимъ Духомъ“. Неудивительно, поэтому, что обычай куренія считался у индѣйцевъ священнымъ, примѣнялся только въ торжественныхъ случаяхъ, а сама трава цѣнилась у нихъ очень высоко, въ особенности, потому, что ей приписывались нѣкоторыя цѣлебныя свойства.

Испанецъ Овiedo первый привезъ табачныя сѣмена изъ Америки въ Европу, при чемъ это растеніе цѣнилось на новой своей родинѣ исключительно за свои цвѣты, и только впоследствии приобрѣло извѣстность, какъ медицинское средство отъ ревматизма, кашля, зубной боли и т. д... Любители цвѣтовъ съ удовольствіемъ сажали его въ своихъ садахъ, а въ 1550 году оно было разведено даже въ королевскомъ лиссабонскомъ саду.

Что же касается до обычая курить, то онъ былъ занесенъ сначала въ Испанію и Португалію возвращавшимися мореплавателями съ Новаго Свѣта, а затѣмъ, уже отсюда сталъ быстро распространяться по всему континенту. Вначалѣ эта странная привычка, усвоенная отъ индѣйцевъ и неизвѣстная никому въ Европѣ, возбуждала только удивленіе и не вызывала никакихъ запрещеній. Люди, пристрастившіеся къ ней, стыдились своей слабости, боялись насмѣшекъ и тайно предавались этому удовольствію. Рассказываютъ, что извѣстный шеголь своего времени, враждавшійся въ высшемъ лондонскомъ обществѣ, сэръ Вальтеръ Ралегъ, страстный любитель куренія, тоже принималъ вначалѣ всѣ мѣры предосторожности, чтобы не обнаружить своей слабости: уединялся у себя въ кабинетѣ, затворялъ крѣпко двери, высылалъ слугу и т. д. Но, однажды, увлекшись трубкой, онъ забылъ затворить дверь,

и вдруг, неожиданно, въ комнату вошелъ лакей, не знавшій о существованіи подобнаго удовольствія... Увидя, что у барина идетъ изо рта и поса дымъ, онъ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ комнаты, сталъ кричать, что „баринъ горитъ“, и поднялъ на ноги весь домъ... Тайна была обнаружена, и долѣе скрывать было невозможно... Впослѣдствіи Ралегъ ввелъ табакъ въ употребленіе при лондонскомъ дворѣ.

Но когда куреніе начало проникать во всѣ слои общества и распространяться въ народѣ съ неизвѣстной быстротой, тогда правительсто и, въ особенности, духовенство, рѣшили энергически бороться противъ развивающейся страсти къ куренію. По приказанію правительства говорились проповѣди, собирались митинги, издавались сочиненія, въ которыхъ указывались ядовитыя свойства табака. Однако, ничто не помогало... Сами ораторы, произносившіе патетическія рѣчи о вредѣ куренія, немедленно прямо съ кафедръ отравлялись предаваться любимому удовольствію: куренію или нюханію... Говорятъ, что, однажды, по приказанію короля Людовика XIV, долженъ былъ говорить рѣчь знаменитый ораторъ своего времени, докторъ Фагонъ... Собралась масса публики. Почтенный докторъ взошелъ на трибуну и началъ громить обычай куренія, проповѣдуя, что табакъ—смертельный ядъ; но едва только дошелъ до середины рѣчи, какъ до того увлекся своимъ краснорѣчіемъ, что непрерывно сталъ вынимать изъ кармана и нюхать табакъ, не замѣчая смѣха своихъ слушателей. Въ особенности не любилъ курящихъ англійскій король Яковъ I, прозванный „Британскимъ Соломономъ“, который, въ 1603 году, самъ издалъ сочиненіе о вредѣ куренія. Онъ обыкновенно говорилъ, что, если бы ему пришлось когда-либо угощать дьявола, то онъ сначала попотчивалъ бы его горчицей, а потомъ подаль бы ему трубку.

Видя, однако, что подобныя мѣры не имѣютъ успѣха, а куреніе попрежнему быстро распространяется въ народѣ, правительства повсюду стали прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ. Такъ, въ 1623 году, папою Урбаномъ VIII была издана булла, которою было запрещено нюханіе табаку въ церквахъ подѣ страхомъ отлученія... Амуратъ IV въ Турціи, въ 1625 г., велѣлъ виновныхъ въ куреніи водить по улицѣ съ петлею на шеѣ, потомъ казнить, и отрубленные головы съ трубками во рту выставлять на показъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1638 г., во время похода въ Персію, солдатъ, пойманыхъ въ куреніи, четверговали, вѣшали и сажали на колъ... Въ Персіи, шахъ Аббасъ Великій точно также строго запретилъ куреніе и велѣлъ въ наказаніе отрѣзать губы и носы, а торговцевъ табакомъ велѣлъ сжигать вмѣстѣ съ товаромъ... Даже въ Швейцаріи—этой вѣчно свободной странѣ, въ 1661 г., алпенцельскій магистратъ опредѣлялъ за торговлю табакомъ, какъ за грѣхъ, запрещенный Самимъ Богомъ, точно такое же наказаніе, какъ и за убійство... Наконецъ, въ 1692 г., въ городѣ Сантъ-Яго, нитъ монаховъ были замурованы въ стѣны за то, что позволили себѣ во время богослуженія курить сигары у церковныхъ дверей, а папа Иннокентій XII еще разъ, въ 1698 г., съчелъ своимъ долгомъ подтвердить прежнія суровыя наказанія за куреніе.

Тѣмъ не менѣе подобныя суровыя мѣры не приостановили распространенія табаку... Запрещенный плодъ казался еще болѣе вкуснымъ, удовольствіе еще болѣе заманчивымъ—и куреніе еще болѣе усиливалось. Старались курить тайкомъ, даже уходили въ лѣсъ, забирались въ подвалы,—но привычки не бросали. И вотъ: въ виду невозможности бороться противъ этого порока, который охватилъ всѣ классы общества,—всѣ эти запрещенія начинаютъ уничтожаться. Папа Бенедиктъ XIII, который самъ былъ страстнымъ любителемъ куренія, и котораго къ тому же убѣдили, что во время долгихъ обѣдовъ нѣтъ возможности удержаться отъ нюханія, полезнаго тѣмъ, что оно удерживаетъ отъ грѣха и соблазна—издалъ новую буллу, которой отменилъ прежнія стѣшенія... Въ Турціи суровыя наказанія были уничтожены султаномъ Мухамедомъ IV, послѣ чего табакъ сдѣлался необходимымъ въ ихъ жизни предметомъ, а страсть къ куренію вошла до такой степени въ народную привычку, что изображеніе турка съ трубкою сдѣлалось въ Европѣ эмблемой куренія на вывѣскахъ лавокъ.

Послѣ этого правительствамъ ничего болѣе не оставалось, какъ помириться съ фактомъ, и они начали извлекать изъ табаку возможно большую фискальную пользу. Съ куреніемъ вскорѣ всѣ освоились, и Людовику XIV даже представили проектъ замѣнить, вслѣдствіе распространившейся въ войскахъ привычки къ куренію,—выдачу хлѣба солдатамъ выдачею табаку, который, будто бы, одинаково удовлетворяетъ голодь. Но, къ счастью, этотъ проектъ не былъ испробованъ на дѣлѣ.

Къ намъ, въ Россію, табакъ былъ впервые привезенъ англичанами, которые умѣли снабжать наше отечество табакомъ самаго хорошаго качества, каковаго въ Англии уже никто не курилъ (Пол. Соб. Зак. т. XVI, проектъ Тендова). Не взирая, однако, на это, наши соотечественники находили удовольствіе въ куреніи, которое и у насъ точно такъ же, какъ и въ Западной Европѣ, начало распространяться чрезвычайно быстро. Поэтому очень скоро духовенство и правительство обратило на это зло свое вниманіе и издало цѣлый рядъ запрещеній.

Такому отношенію духовенства къ куренію, главнымъ образомъ, способствовало слѣдующее обстоятельство. Въ царствованіе Михаила Феодоровича среди народа распространилось какое-то суевѣрное преданіе о табакѣ, и, сверхъ того, вышла въ свѣтъ книга, подѣ заглавіемъ „Миръ съ Богомъ“, которая осуждала употребленіе табаку, называла его „проклятымъ и богомерзкимъ“ и доказывала, что куреніе есть смертный грѣхъ и лишаетъ человѣка Божьяго благословенія. Въ виду этого духовенство, во главѣ съ патриархомъ, возстало противъ употребленія табаку, и прокляло его, вслѣдствіе чего царь Михаилъ Феодоровичъ въ 1634 г. издалъ слѣдующій указъ: „На Москвѣ и въ городахъ о табакѣ заказъ учинить строгій подѣ смертною казнью, чтобъ нигдѣ... табакъ у себя не держали и не пили и табакомъ не торговали... И за то тѣмъ людямъ чинити наказанье большое безъ пощады подѣ смертною казнью, а дворы ихъ и животовъ имая, продавати и деньги имати въ государеву казну“. Алексѣй Михайловичъ, въ Уложеніи 1649 года, подтвердилъ указъ своего отца, при чемъ со всѣми подробностями было опредѣлено, какъ „плати“, „пытати“ и „наказывати“ курильщиковъ. Такое „питіе“ табаку преслѣдовалось столь жестоко не только потому, что считалось „противнымъ и негоднымъ Богу зелиемъ“, но и потому, что вслѣдствіе дороговизны его „люди пропиваются хуже вина“, вслѣдствіе чего куреніе считалось хуже пьянства и азартныхъ игръ, и правительсто указывало на него, какъ на одну изъ причинъ воровства, убійствъ и грабежа... И вотъ на курильщиковъ устраиваются цѣлыя облавы, а за поимку назначаются награды...

Тѣхъ, у кого табакъ „объявится“ велѣно пытать: *бити кнутомъ на козлѣ по торгамъ*, съ цѣлью узнать, откуда онъ получилъ... „А за многіе приводы у такихъ людей“, у которыхъ „вымутъ“ табакъ, „пороти коздрю и носъ рязати“, а послѣ пытокъ и наказанья, „ссылать въ дальніе города, гдѣ государъ укажетъ, чтобы на то смотря инымъ такъ не повадно было дылати“.

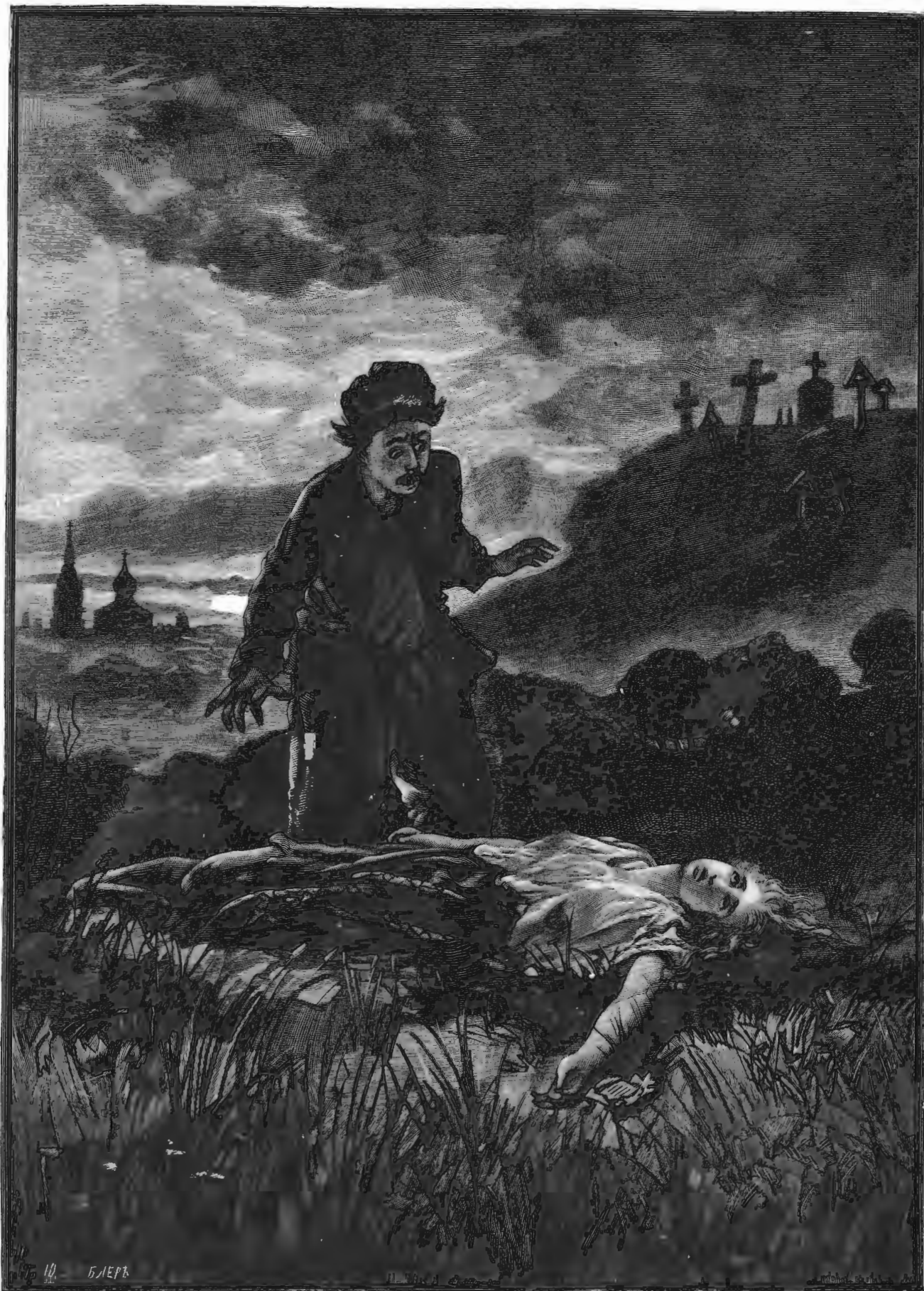
Такия жестокия наказанія, опредѣленные въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича за куреніе и за держаніе табака, тѣмъ болѣе удивительны и несообразны, что, напр., то же самое Уложеніе за убійство сына или дочери опредѣляетъ только церковное покаяніе и заключеніе въ тюрьму (гл. XXII). Подобная несообразность заставила Болгина сдѣлать такое остроумное замѣчаніе: „Яко бы мѣте грѣха было убитъ сына или дочь, нежели вложитъ въ носъ щепотку истертой травы“ (прим. на Исторію Россіи Леклерка, т. I, стр. 471).

Путешествовавшій по Россіи Оlearій, въ первой половинѣ XVII вѣка, лично присутствовалъ при исполненіи казни надъ виновными въ продажѣ табаку и описываетъ ее подробно въ своихъ запискахъ.

„Преступники“, пишетъ онъ, „передѣ Приказомъ „Новая четверть“ должны были обнажить свое тѣло по поясъ и прилежъ на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача, охвативъ руками шею этого прислужника. Ноги преступниковъ были крѣпко связаны и сдерживались за конецъ веревки другимъ прислужникомъ палача, такъ что подвергающіеся наказанію не могли двигаться ни вверхъ, ни внизъ. За преступникомъ становился палачъ, въ трехъ добрыхъ шагахъ отъ него, и начиналъ длиннымъ и толстымъ кнутомъ наносить ему удары по спинѣ изо всей своей силы, такъ что послѣ каждаго удара выступала кровь и струилась внизъ по тѣлу преступника. Рѣзкость ударовъ увеличивалась еще и отъ того, что на концѣ кнута были прикрѣплены три ремня, длиною въ палецъ, изъ жесткой, невидѣанной досной кожи, которые рѣжутъ, словно ножи. За тяжкія преступленія виновные засѣкаются такимъ кнутомъ до смерти. Передѣ исполненіемъ этого наказанія служитель судьи, находившійся тутъ же, прочелъ въ особой запискѣ, сколько ударовъ должно было дать каждому, а затѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ крикнулъ „полю“. На этотъ разъ мужчины получили отъ 20—26 ударовъ, а женщина 16 ударовъ, послѣ которыхъ она упала безъ чувствъ. По исполненіи этого наказанія, на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже на палецъ шириною, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содрана была кожа... Тѣмъ не менѣе, послѣ всего этого, каждому виновному въ продажѣ табаку привѣшивалась на шею пачка съ табакомъ... и въ такомъ видѣ, связанныхъ за руки попарно и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, связанныхъ преступниковъ вывели сперва изъ города, а потомъ провели обратно въ Кремль, и во все это время продолжали бить ихъ кнутомъ“.

Не взирая, однако, на подобныя жестокости, находились смѣльчаки, которые доставляли табакъ, а количеству любителей куренія попрежнему увеличивалось. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ казни англійскаго короля Карла I, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ, велѣлъ изгнать изъ Россіи всѣхъ англичанъ, которые были главными поставщиками табаку. Однако, они ухитрились подкупить архангельскаго воеводу и, попрежнему, посылали въ Московское государство огромныя партіи табаку.

Петръ Великій, видя, что жестокія мѣры не приводятъ ни къ какимъ результатамъ, въ 1697 году уничтожилъ прежнія

Литературный альбомъ. „Вій“, Гоголя. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Маковскаго, грав. Шюблеръ.

запрещенія, дозволивъ всѣмъ свободно курить и торговать съ уплатою пошлины, а въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, самъ заключилъ съ маркизомъ Кармартепомъ договоръ о торговлѣ табакомъ, при чемъ Кармартепъ долженъ былъ уплатить впередъ 12,000 фунтовъ стерлинговъ и давать казнѣ ежегодно 1000 фунт. табаку; взвозная пошлина была назначена въ 4 коп. съ фунта.

Такимъ образомъ, указомъ 1697 года у насъ окончился печальный и жестокий періодъ, давшій множество невзвѣстныхъ жертвъ... И правительство больше не издавало запрещеній относительно употребленія табаку. Что же касается до общества, то оно до послѣдняго времени ведетъ агитацію противъ распространенія куренія, хотя въ послѣднее время эта пропаганда имѣетъ мало успѣха. — Для борьбы съ этимъ зломъ въ Англии составилось общество British Anti-Tabago Society, а во Франціи Société contre l'abus de tabac, которыя печатають брошюры, издають журналы, назначаютъ конкурсы и преміи за лучшія сочиненія по вопросу о зловредности куренія.

У насъ въ Россіи такое общество думалъ основать г. Межовъ, но попытка его окончилась неудачей. Въ своей брошюрѣ, которую онъ раздавалъ всѣмъ безплатно, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ обращается къ молодому поколѣнію: „Заключая васъ, вышлите въ смыслъ всего мною написаннаго и, если для васъ дороги ваша будущность, ваши успѣхи въ свѣтѣ, ваше здоровье... не начинайте отравлять

свой организмъ табакомъ!“ „Привычка курить“, говоритъ онъ, „не имѣетъ смысла, потому что природа человѣка не требуетъ вдыханія табачнаго дыма въ организмъ ни для своего питанія, ни для поддержанія силъ... а въ свѣжемъ организмѣ, введенномъ въ атмосферу табачнаго дыма или впервые вдыхающемъ въ себя паренія никотина, природа энергически протестуетъ...“ Далѣе, докторъ Браунъ утверждаетъ („Кавказъ“, 1869, № 8 и 9), что табакъ вредно дѣйствуетъ на спинной мозгъ, при семъ подтверждаетъ свое мнѣніе статистическими данными: по его мнѣнію, изъ 142 большихъ, страдающихъ спинною сухоткою, 127 человѣкъ было привычно курящихъ, т. е., около 90%. — И всякій разъ, какъ только они старались курить меньше, болѣзненные признаки уменьшались, вновь усиливались при увеличеніи куренія. Далѣе въ той же брошюрѣ г. Межовъ доказываетъ, что куреніе вредно отзывается на зрѣніи, желудкѣ, сердцѣ, вызывая сердцебиеніе, и на мозгъ, сообщая туность разсудка и позывъ къ спиртнымъ напиткамъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а бороться въ настоящее время противъ этой укоренившейся народной привычки чрезвычайно трудно, въ особенности, потому, что табакъ сталъ играть чрезвычайно важную роль въ народномъ хозяйствѣ: въ бюджетахъ почти всѣхъ государствъ онъ является солидной статьей дохода, при чемъ однимъ только европейскимъ государствамъ онъ даетъ болѣе миллиарда франковъ!

Три желанія.

Восточный разсказъ.

Въ древнемъ городѣ Багдадѣ жилъ шѣкій калифъ. Онъ былъ мудръ, славенъ, какъ правитель, и отличался непримиримой ненавистью къ гиурамъ. Однако, ему никакъ не удавалось совершенно истребить въ своей странѣ невѣрныхъ. Приходилось ему терпѣть ихъ присутствіе въ силу своихъ же личныхъ и государственныхъ интересовъ. Ненавистные чужестранцы обогащали страну, и среди нихъ не мало было очень способныхъ, образованныхъ, даже ученыхъ людей, оказывавшихъ своими знаніями значительныя услуги повелителю правовѣрныхъ. Но стоило этимъ пришельцамъ обнаружить притязанія на какія-либо государственныя или общественныя должности, какъ повелитель приходилъ въ сильный гнѣвъ и искалъ въ ходъ коварное средство. Оно состояло въ томъ, что дерзновенный соискатель должности милостиво приглашался къ столу калифа. Послѣ богатѣйшаго обѣда, въ заключеніе, гостю подавалось пекучею приготовленное рыбное кушанье. Изъ вѣжливости и приваительности къ такой высокой милости, гость сѣдалъ рыбу, хотя и съ трудомъ, всю цѣликомъ. Этого только и ждали всѣ пренебрегающіе. Съ великою радостью говорили они изумленному гостю, что онъ показалъ себя вѣдостояннымъ занять государственную должность, что онъ воочію доказалъ великому повелителю и всѣмъ придворнымъ свою жадность и ненасытность: ненасытный въ пищу, онъ будетъ ненасытенъ и въ должностяхъ. Никакія увѣренія несчастнаго гостя, что онъ сѣдалъ это только изъ почтенія къ калифу, не помогали. Изъ-за богатѣйшаго стола отравили его насильно въ тюрьму. Но прошествіи шѣсколькихъ дней, на дворѣ тюрьмы уже красовалась на высокомъ шестѣ огрубленная христіанская голова.

Однажды понадобился калифу дѣльный оберъ-шталмейстеръ, для завѣдыванія его главной конюшней. Среди соискателей на эту должность появился и молодой, статный англичанинъ мистеръ Джонни. Своими мягкими, симпатичными чертами лица, Джонни какъ-то невольно привлекалъ къ себѣ каждого.

Блѣсурый англичанинъ очень полюбился всѣмъ придворнымъ, такъ что они хотѣли, было, избавить его отъ гибельнаго рыбнаго кушанья за столомъ калифа. Но калифъ, наоборотъ, отказался нарушить свою старую привычку и приказалъ подать Джонни рыбу. Она такъ понравилась англичанину, что онъ съѣлъ ее всю съ головой. Калифъ, увидѣвъ это, сурово покачалъ головой. Всѣ придворные встѣдъ за нимъ покачали своими, увѣянными чалмами, головами. Полюбившійся имъ всѣмъ Джонни самъ произнесъ себѣ своей ненасытностью смертный приговоръ. Калифъ рѣшилъ оказать ему необыкновенную милость, великодушно позволивъ ему высказать три желанія. Ему не было разрѣшено просить прямо о дарованіи жизни, но общаю лишь, что онъ будетъ помплованъ, если сможетъ умно воспользоваться дарованнымъ ему правомъ.

— Молодой эффенди! сказалъ ему старый, сѣдородый тюремный смотритель. — Жаль мнѣ тебя! Зачѣмъ ты такой ненасытный? Развѣ ты не знаешь, что у насъ, мусульманъ, не принято сѣдывать все, что тебѣ подадутъ? Впрочемъ, откуда тебѣ это знать? Ты, вѣдь, гиуръ.

И добрый старикъ провелъ мистера Джонни по всему почти тюремному зданію въ большую, темную камеру въ самомъ отдаленномъ углу тюрьмы. Два крохотныя окна были задѣланы толстой рѣшеткой. Къ счастью Джонни, въ нихъ не было стеколъ, и онъ могъ дышать свѣжимъ воздухомъ. Какъ только остался онъ одинъ — послышалось, что на полъ упало что-то... Это былъ камень съ лоскуткомъ ненасанной бумаги.

На немъ было написано:

„Незнакомецъ-эффенди,—первымъ своимъ желаніемъ попроси къ себѣ мулла и скажи, что ты хочешь стать мусульманиномъ.“

„Когда это будетъ исполнено, пожелай, чтобы калифъ отдалъ тебѣ въ жены младшую дочь, принцессу Фатиму.“

„Третье желаніе сообщи тебѣ потомъ, въ свое время, твой Фатима. Не бойся ничего, прекрасный незнакомецъ,—тебя зорко и неустанно хранилъ любящая тебя женщина!“

— Вотъ какъ! засмѣялся мистеръ Джонни, и вдругъ ему стало очень весело...

Онъ скоро крѣпко и спокойно заснулъ.

На слѣдующее утро сообщилъ онъ старому Мустафѣ, что первое его желаніе, это — стать мусульманиномъ, и что онъ хочетъ, чтобы сейчасъ же пришелъ къ нему набожный, строгій мулла для наставленія въ вѣрѣ.

— Валла, валла! (Ей Богу!) — Лучшаго и пожелать нельзя было, сказалъ Мустафа и быстро, насколько позволяли ему его коротенькія ножки, побѣжалъ во дворецъ.

Тамъ разсказалъ онъ главному евиуху желаніе умнаго англичанина. Овратительный черныи Али, который былъ еще толще Мустафы, хлопнулъ себя отъ изумленія по своему огромному животу и воскликнулъ:

— Клянусь бородой Магомета, этотъ молодой гиуръ рѣдкостный малый! Это бѣлый воронъ въ своемъ племени! Всѣхъ эту долженъ я сейчасъ же передать нашему повелителю. Онъ теперь какъ разъ въ гаремѣ у третьей кадины и бесѣдуетъ со своей любимицей, прекрасной Фатимой.

Понятно, тотчасъ посланъ былъ въ темницу къ молодому англичанину строгій, нетошечный постоумъ мулла. Денно и поночь заимались они надъ кораномъ, и чрезъ нѣсколько недѣль мистеръ Джонни былъ обращенъ въ несаго правовѣрнаго мусульманина. Ему было дано имя „Гассанъ“, на него былъ надѣтъ длинный красивый кафтанъ, а на бѣлокурой головѣ его красовалась изящная феска, брошенная къ нему, какъ и камень съ залеской, кѣмъ-то чрезъ окно.

— Тебѣ ужъ не отрубятъ головы! извѣстилъ его съ радостью добрый Мустафа. — Тебѣ, какъ мусульманину, калифъ подаритъ шелковый шурокъ, въ знакъ того, чтобы ты самъ имъ удавился. Не отчаивайся! Можетъ-быть, если ты умно придумаешь еще два оставшіяся тебѣ желанія, ты избавишься и отъ шелковаго шурка.

Новообращенный мусульманинъ былъ приглашенъ во дворецъ и очень милостиво принятъ калифомъ и всѣмъ придворными. Онъ долженъ былъ здѣсь, въ присутствіи всѣхъ, высказать второе свое желаніе. По добромъ мусульманскому обычаю, трижды низко поклонился онъ предъ повелителемъ, скромно, почтительно прижавъ руки къ груди, и сказалъ калифу:

— Великій, мудрый и справедливый калифъ! Во-вторыхъ, я желаю назвать сегодня же своей женою самую юную принцессу твоего гарема, прекрасную Фатиму.

— Какъ? Фатиму? Мою любимѣйшую, прекраснѣйшую дочь? — Клянусь всѣми семью останками святого нашего пророка, ты одаренъ милостями свыше! воскликнулъ калифъ. — Иншалла, иншалла! (Такъ Богу угодно!) Ты назвешь мою дочь еще до захода солнца своей женою. Три дня дарую я тебѣ на брачное ширшество. Послѣ этого ты долженъ будешь высказать мнѣ третье свое желаніе. Если оно будетъ такъ же умно, какъ это, тогда я помилую тебя.

Гассанъ удалился, выразивъ жестами свою глубочайшую благодарность.

Въ тотъ же вечеръ во дворцѣ калифа состоялось торжественное празднество. Огромный гаремный садъ, походившій скорѣе на паркъ, былъ освѣщенъ тысячами пестрыхъ фонарей. Длинной живою лентой стояли гаремныя рабыни, одѣтыя въ длинныя праздничныя одежды, держа богатые свадебные подарки предъ широко раскрытыми сѣнями гаремнаго помѣщенія. Густая толпа красивыхъ одалисокъ проходила чрезъ сѣни въ богато убранный залъ, гдѣ должны были состояться смотрныя юной, очаровательной Фатимы. У магометанскій бракъ не освящается ни духовнымъ лицомъ, ни устанавливается гражданскимъ актомъ. У нихъ это частная и личная сдѣлка между родителями невѣсты и женихомъ. Залъ былъ роскошно украшенъ въ честь этого торжества. Полъ былъ устланъ дорогими коврами и пестрыми, изящно плетеными, соломенными матами. Всюду высились огромные стоячие подвѣчники, задрапированные пахучими растеніями. Вдоль стѣнъ тянулись мягкіе диваны, маля къ отдохновенію и нѣгѣ. Цѣлыя горы засахаренныхъ фруктовъ, печеній, всевозможныхъ сластей разносились на серебряныхъ подносахъ и предлагались собравшимся въ большомъ числѣ дамамъ, съ жаждою набрасывавшимся на богатое угощеніе. Тутъ же подавался и невзбѣжный ароматическій черный кофе въ изящныхъ прозрачныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ, а также и всевозможныя прохладительныя напитки. Въ средній залъ, на скамеечкѣ, стояла невѣста. Подвѣчное платье изъ дорогого блага шелка, богато шитое золотомъ, красиво облегло очаровательную, граціозную фигуру Фатимы. Тончайшая кружевная чадра покрывала ее почти всю. Гассанъ, одѣтый въ блестяще вышитый золотомъ и шелками кафтанъ, вступилъ, наконецъ, въ залу и, обратившись къ Фатимѣ, спросилъ ее:

— Фатима, по волѣ Аллаха, я выбралъ тебя себѣ въ жены! Желашь ты быть моею?

Какъ только произнесъ онъ это, въ залѣ поднялись ликования и восторги. Женихъ бросилъ горсть мелкихъ монетъ и приблизился затѣмъ къ своей очаровательной невѣстѣ. Почтительно подѣловалъ онъ протянутую ему невѣстой руку и радостно проговорилъ:

— Дорогой мой ангель-хранитель, какъ достигнуть мнѣ великаго счастья быть любимымъ тобой?

Фатима мигнула ему, чтобы онъ не говорилъ болѣе, пока не разойдутся гостя. Всѣ дамы, молодыя и старыя, съ шумомъ и смѣхомъ бросились на полъ подымать кинутыя женихомъ монеты. По магометанскому повѣрью, монеты эти приносятъ счастье. Когда гости разошлись, и новобрачные, окруженные рабынями, остались одни, Фатима подняла чадру. И она предстала предъ восхитеннымъ супругомъ во всей своей ослѣпительной, юной красотѣ... Онъ обнялъ ее граціозную талию и долго, молча, не могъ отвести отъ нея восторженнаго, влюбленнаго, безъ словъ говорящаго взгляда.

— О, любезный супругъ мой, Гассанъ! заговорила Фатима, — Знай, что я видѣла тебя въ потаенное оконце селамлика (одного изъ отдѣленій гарема) сидящимъ за столомъ моего отца. Съ перваго же мгновенія полюбился ты мнѣ, и я захотѣла спасти тебя; мнѣ удалось это, главнымъ образомъ, благодаря моей матери. Калифъ самъ проговорился въ гаремѣ моей матери о трехъ желаніяхъ, которыя могли бы тебя спасти. Ты и ему такъ полюбился, что онъ съ самаго начала рѣшилъ отдать за тебя меня, свою любимую дочь. Не бойся, сегодня вечеромъ научу я тебя третьему желанію, и тогда тебѣ, дорогой мой повелитель и супругъ, будетъ дарована полнѣйшая свобода, и ты получишь даже высокую государственную должность!

Черный статный евнухъ, такъ называемый, „агаодасса“, поспѣшно вошелъ въ залу. Онъ явился съ вѣстіемъ, что третья кадина, мать молодой новобрачной, ждетъ молодыхъ къ себѣ съ визитомъ. Въ покояхъ третьей кадины царилъ также изысканный роскошь. Молодой супругъ былъ восторженно принятъ. Несмотря на свою третьестепенность, кадина эта была очень любима калифомъ. Калифамъ, какъ преемникамъ пророка, предназначается имѣть семь кадинъ, т. е. законныхъ женъ. Если онѣ и не имѣютъ права называться султаншами, то дѣти ихъ могутъ все-таки именоваться принцами и принцессами. Около часу провели молодые у кадины и удалились оттуда, одаренные богатыми подарками, въ кіоскъ въ гаремномъ саду.

На третій день послѣ смотрныя и празднествъ состоялся у калифа диванъ (собраніе). Всѣ придворныя и государственныя

саовники явились сюда въ полной парадной формѣ. Здѣсь же присутствовало и значительное число муллъ. Всѣмъ хотѣлось услышать третье желаніе умнаго новообращеннаго правовѣрнаго. Наконецъ, появился молодой супругъ прекрасной Фатимы. Гордо закинувъ голову, какъ подобаетъ зятю всемогущаго калифа, вступилъ онъ въ это многолюдное, блестящее собраніе. Когда онъ почтительно поклонился, по обычаю, калифу, тотъ милостиво сказалъ ему:

— Миръ тебѣ, милый сынъ мой Гассанъ! Что у тебя за желаніе?

— О, великій и могущественнѣйшій повелитель правовѣрныхъ, да поилетъ тебѣ Аллахъ миръ и благоволеніе! отвѣтилъ Гассанъ и поцѣловалъ край кафтана калифа.

— Ну, говори свое желаніе! Говори безъ боязни, сынъ мой, уши мои открыты рѣчамъ твоимъ.

— Милостивый повелитель! Если кто-либо совершаетъ злое дѣло, то другой долженъ видѣть это, чтобы утверждать, что тогъ, дѣйствительно, это сдѣлалъ. Поэтому я прошу только указать мнѣ того человѣка, который видѣлъ, что я съѣлъ за столомъ твоимъ роковую рыбу.

Одно мгновеніе во всей огромной залѣ царилъ общее гробовое молчаніе. Если бы упала иголка, можно было бы услышать звукъ отъ ея паденія, — такое мучительное безмолвіе господствовало вокругъ повелителя. Нѣкоторые изъ придворныхъ, блѣднѣе отъ страха, съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ на лицѣ калифа. Нѣкоторое время калифъ безмолвствовалъ. Наконецъ, онъ почесалъ себѣ за ухомъ, въ раздуміи коснулся своимъ жирнымъ указательнымъ пальцемъ до своего властнаго орлиного носа, нѣсколько разъ покачалъ своей огромной, увѣчанной чалмой, головой, и въ заключеніе произнесъ слѣдующее рѣшеніе:

— Гассанъ, сынъ мой, желаніе твое такъ же умно, какъ и справедливо!

Затѣмъ калифъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стоялъ старый его великій визирь, и спросилъ его:

— Али-бей-Юсуфъ, старый, вѣрный слуга мой, видѣлъ ты, что Гассанъ дѣлалъ съ рыбнымъ кушаньемъ? Говори прямо, не стѣсняясь!

Великій визирь, маленькій, толстый старичокъ, дрожа, какъ осенній листь, отвѣчалъ слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ:

— Великій повелитель, тебѣ хорошо извѣстно, что я слабъ уже и сильно испортилъ себѣ зрѣніе на твоей службѣ... Развѣ мыслимо было видѣть мнѣ, что дѣлалось за твоимъ высочайшимъ столомъ, далеко отъ моего мѣста? Спроси объ этомъ лучше Ахмедъ-Бей, надзирающаго за высочайшимъ столомъ!

Ахмедъ-Бей былъ личнымъ врагомъ великаго визиря. Но Ахмедъ поклялся всѣмъ семью магометанскими небесами, что оба его глаза не видѣли ничего насчетъ съѣденія рыбы. При этомъ онъ высказалъ предположеніе, что оба главные совѣтника, находившіеся воля самого калифа, должны быть болѣе освѣдомлены насчетъ этого. Оба старые, почтенные главные совѣтника свято, во всеуслышаніе увѣрили, что они ничего ровню не видали. Эти лживыя увѣренія были подтверждены всѣмъ присутствующими, вплоть до послѣдняго повараика. Толстый, мясистый главный поваръ нагло утверждалъ, что роковая рыба была принесена назадъ на кухню совершенно нетронутою. Весело усмѣхался, слушалъ умный Гассанъ всѣ эти оправданія. Снова приблизился онъ къ трону калифа и сказалъ:

— Повелитель правовѣрныхъ! Я явлюсь къ тебѣ, какъ ко второму царю Соломону, и спрашиваю твоего мудраго рѣшенія: виновенъ я или нѣтъ?

— Ты меня называешь Соломономъ, сынъ мой... Да, по уму и мудрости тебѣ, повидимому, тоже не много не хватаетъ до него. Ты невиненъ и долженъ быть награжденъ. Мой визирь самъ признался сейчасъ, что онъ состарѣлся и потерялъ зрѣніе на службѣ. Я разрѣшаю ему съ сегодняшняго дня отправиться на покой въ его помѣстья, а ты, Гассанъ, займешь его мѣсто и его дворецъ. Ну, что-жъ, скажите вы, всѣ вѣрно-поданные мои, справедливо мое рѣшеніе или нѣтъ?

— Справедливо и мудро, какъ и всѣ твои прежнія и всѣ твои будущія рѣшенія! воскликнули въ одинъ голосъ всѣ придворныя и саовники великаго калифа.

Три раза низко наклонили они свои головы къ самому мозанчному полу, касаясь его своими чалмами.

Много-ли сдѣлалъ нововведеній въ странѣ своего тестя молодой визирь Гассанъ — не извѣстно. Одно только можно съ вѣрностью сказать, — что роковое рыбное кушанье было навсегда изгнано со стола калифа.

Городъ Нѣжинъ и его лицей.

Очеркъ.

Рис. на стр. 885 и 888.

Городъ Нѣжинъ расположенъ въ какихъ-нибудь трехъ съ лишнимъ часахъ ѣзды отъ Кіева; онъ принадлежитъ къ однимъ изъ выдающихся уѣздныхъ городовъ Россіи, а по густотѣ своего населенія и обширности занимаемаго пространства, можетъ вполне претендовать на званіе губернскаго города.

Самъ городъ отстоитъ отъ станціи Кіево-Воронежской же-

лѣзной дороги въ четырехъ верстахъ. Нѣжинъ находится при рѣкѣ Осѣрѣ, которая дѣлитъ городъ на двѣ неравныя части, соединенныя четырьмя мостами.

Центромъ города считается Гоголевская улица, или, какъ принято называть, „Мостовая“. На Соборной площади северъ на мѣстѣ, подаренномъ городу В. П. Таръ

Свиданіє Дмитрія Самозванца, по пути вь Москву, съ царицею-инокинею Марею, матерью царевича Дмитрія. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. Лебедева, грав. Шюблеръ.

бывшимъ предводителемъ дворянства. Въ этомъ скверѣ поставленъ изображенный на нашемъ рисункѣ, памятникъ Гоголю. Памятникъ состоитъ изъ базиса о двухъ ступеняхъ изъ краснаго гранита и четырехгранной колонны изъ темнаго гранита — вышиною въ 3 аршина, — на которой утверждены бюстъ, отлитый изъ темной бронзы; высота бюста 1½ аршина; сверхъ того, памятникъ стоитъ на искусственномъ холмикѣ, сдѣланномъ изъ кирпича; высота всего памятника съ холмикомъ, отъ поверхности земли, 7½ аршинъ. На лицевой сторонѣ, на колоннѣ сдѣлана надпись: „Опредѣлено мнѣ чудной властью озирать жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя слезы“. А сзади: „Родился въ Малороссіи 19 марта 1810 года, поступилъ въ Гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ 1821 г., кончилъ въ 1828 г.; умеръ въ Москвѣ 21 февраля 1852 года и погребенъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ“.

Въ Нѣжинѣ 21 церковь и два монастыря. Мужской Благовѣщенскій монастырь основанъ въ 1702 г. уроженцемъ города Нѣжина, митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ. Въ 1796 году монастырь сгорѣлъ, и только (строился съ 1803 по 1815 г.) тогда снова отстроенъ. Затѣмъ, но древности, выдаются: соборная церковь Свят. Николая Чудотворца и приходская Успенская, существовавшая при Петрѣ Великомъ, а также греческая церковь, отличающаяся своею довольно красивою архитектурою въ византийскомъ стилѣ, и католическій костелъ.

Число жителей въ Нѣжинѣ, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, насчитывается свыше 40,000 душъ, изъ коихъ главный контингентъ составляютъ малороссы-казаки, управляющіеся почти особо.

Характерная особенность здѣшней промышленности, получившая извѣстность въ Россіи, это — соленье огурцовъ и маринованіе разныхъ ягодъ, грибовъ и проч., и производство табаку, разводимаго мѣстными обывателями въ большомъ количествѣ.

Граница городскія владѣнія въ старину была очень велика. Въ городской управѣ Нѣжина хранится грамота Польскаго короля Іоанна-Казимира, выданная въ Варшавѣ 9 мая 1633 г., изъ коей видно, что городская черта шла съ одной стороны село Круты (18 вер.), а съ другой — рѣчку Дѣвицу, находящуюся нынѣ въ 12 верстахъ отъ города.

Достоверное историческое прошлое Нѣжина начинается около 1320 года, когда онъ достался князьямъ Литовскимъ и впоследствии былъ присоединенъ къ Польшѣ.

Затѣмъ, съ начала казачества, Нѣжинъ сдѣлался главнѣйшимъ городомъ гетманщины. Въ 1514 г., гетманъ Евстафій Рожинскій изъ Куреней и околнцъ перенесъ его въ полковій городъ.

8 января 1654 г., съ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству, Нѣжинъ вошелъ въ составъ городовъ Русскаго царства.

Въ 1668 г. Нѣжинъ былъ сожженъ и разграбленъ кн. Ромодановскимъ за то, что жители не хотѣли вступить къ себѣ царскаго воеводы. Во время царствованія Петра Великаго, въ Нѣжинѣ поселился (1712 г.) постоянный гарнизонъ — часть корпуса фельдмаршала Шереметева — какъ въ населеннѣйшемъ изъ 8 городовъ Малороссіи; городъ тогда былъ земляной, т. е. обнесенъ землянымъ валомъ; имѣлъ монастырь и семь приходскихъ церквей, изъ коихъ 3 каменные, а также каменные ряды и нѣсколько каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ тамошнимъ грекамъ, изъ коихъ многіе вели обширную торговлю съ Востокомъ.

До конца первой половины нашего столѣтія, Нѣжинъ былъ первенствующимъ, ибо къ нему стекались произведенія мѣстнаго хозяйства большей части Черниговской губ., также Подтавской и Курской; сюда съѣзжались помѣщики занеяться необходимыми товарами и повеселиться. Самое основаніе здѣсь кн. Безбородко высшаго учебнаго заведенія — лица объявится именно не какою-нибудь прихотью основателя, а просто исключительнымъ значеніемъ, которымъ пользовался тогда г. Нѣжинъ между другими городами Малороссіи.

Торговля Нѣжина въ XVII и XVIII столѣтіи обязана исключительно своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ явившимся сюда грекамъ съ Балканскаго полуострова, вѣдѣствіе гоненій турокъ на христіанъ.

Въ 1692 г. нѣжинское греческое общество, по благословенію Кіевского митрополита Варлаама Ясинскаго, общими пожертвованіями соорудило деревянную церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, впоследствии сгорѣвшую, а въ 1725 г. выстроена нынѣшняя каменная, Архангело-Михайловская церковь. При церкви образовалось братство, получившее значеніе, какъ судебная инстанція для разбирательства въ дѣлахъ торговыхъ, а также по личному найму прислуги и рабочихъ. Данная суду печать съ изображеніемъ Іисуса Христа и Всѣхъ Святыхъ, съ означеніемъ 1692 г., въ 1736 году замѣнена была другою, изображающею руку, держащую вѣсы съ греческою и русскою надписью: „Печать Нѣжинскаго греческаго братства компромиссинальнаго суда 1736 года января 1 дня“. Новая реформа Екатерины II не коснулась греческаго нѣжинскаго общества, а потому на откровенную къ императрицѣ деуцатію съ просьбой объ утвержденіи прежнихъ пожалованныхъ имъ грамотъ, Екатерина II, указомъ своимъ отъ 1 сентября 1785 г., подтвердила всѣ данныя раньше права и привилегіи, и имѣла только названіе суда братства, переименовавъ Греческій магистратъ въ Нѣжинскій, при чемъ бывшіе судьи братства названы были бургомистрами и ратманами. Другихъ лицъ, подъ видомъ грековъ, воспрещалось принимать и записывать въ греческое общество. Затѣмъ, грамота Екатерины вносилъ подтверждена была грамотами императора Александра I, 29 декабря 1801 г., и греческій магистратъ существовалъ до введенія въ Нѣжинѣ городского положенія 1870 г.

Съ уничтоженіемъ магистрата въ 1870 г., при введеніи общаго городского положенія, окончательно уничтожилась связь, соединявшая членовъ нѣжинскаго греческаго общества какъ въ городѣ, такъ и внѣ его. Нѣжинскіе греки потеряли свои привилегіи, и имя осталось, только какъ обозначеніе части городского населенія Нѣжина, будто въ родѣ сословія или званія, ничѣмъ, однако, не отличающагося отъ остальныхъ городскихъ сословіи. Самое число такихъ „официальныхъ“ грековъ нынѣ ничтожно, а греческій элементъ въ ихъ бытовыхъ чертахъ совершенно отсутствуетъ. Ни одинъ изъ нихъ не знаетъ своего роднаго языка, всѣ они приняли черты истыхъ малороссовъ, и вѣдѣствіе кровнаго смѣшенія съ мѣстнымъ населеніемъ, утратили физическія особенности своего племени. И такъ, собственно, для Нѣжина осталось нѣсколько старыхъ греческихъ домовъ, построенныхъ необыкновенно прочно, съ толстѣйшими каменными стѣнами и желѣзными рѣшетками и ставнями даже въ окнахъ вторыхъ этажей, гдѣ за рѣшотками запорами въ былое время богачи-греки хранили свои богатства, что можно заключить изъ того, что въ каждомъ такомъ домѣ встрѣчаются въ стѣнахъ различныя пиши и потайныя шкафы.

Одной изъ главныхъ достопримѣчательностей города Нѣжина считается бывшій лицей князя Безбородко, въ которомъ воспитывался знаменитый нашъ Н. В. Гоголь. 16 апрѣля 1805 г. графъ И. А. Безбородко подалъ на Высочайшее имя прошеніе о дозволѣніи открыть въ Нѣжинѣ Гимназію высшихъ наукъ на свои средства и на капиталъ въ 210,000 р., пожертвованный покойнымъ его братомъ, А. А. Безбородко. 29 іюля 1805 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Графъ Безбородко возвелъ на собственный счетъ специальное для этого зданіе. Главный корпусъ его, въ 2 этажа, украшенъ былъ изящной колонадой, съ очень узкими пролетами; съ обѣихъ сторонъ были возведены трехъэтажныя крылья, которыя тянулись къ саду и образовали вмѣстѣ съ главнымъ корпусомъ довольно обширный внутренний дворъ. На фронтонѣ зданія начертана была надпись: „трудоу и усердіемъ“ — девизъ рода князя Безбородко. По смерти князя И. А. Безбородко, 19 апрѣля 1820 года, Высочайшимъ рескриптомъ повелѣно внуку его, гр. А. Г. Кумелеву-Безбородко, носить званіе почетнаго попечителя гимназій. 4 сентября 1820 г. послѣдовало торжественное открытіе Гимназій высшихъ наукъ кн. Безбородко. Директоромъ назначенъ былъ домашній учитель гр. Кумелева-Безбородко, В. Г. Кукольникъ. Курь былъ 9-лѣтній, и принимался дѣти отъ 9 до 11 лѣтъ въ начальный разрядъ. Кукольникъ вскорѣ умеръ (6 февраля 1821 г.), и на мѣсто его назначенъ былъ И. С. Орлай. Время директорства Орлая считается для Гимназій высшихъ наукъ самымъ блистательнымъ періодомъ ея существованія. При немъ, медкій помѣщикъ, коллежскій ассessorъ Гоголь-Яновскій отдалъ, было, сына своего Николая въ Гимназію высшихъ наукъ, но, не будучи въ состояніи платить 1000 р. въ годъ, онъ просилъ попечителя принять сына на казенный счетъ; на что и послѣдовало разрѣшеніе. Какъ извѣстно, Н. В. Гоголь былъ однимъ изъ худшихъ учениковъ, писалъ съ орфографическими ошибками и очень часто былъ замѣчаемъ наряду съ друзьями своими Милорадовичемъ и Кобеляцкимъ за несправность и шутство въ гимназій. Онъ же вмѣстѣ съ Кукольниковомъ (сыномъ покойнаго директора), А. С. Аванасьевымъ и К. Базили издавали рукописный журналъ въ желтой оберткѣ съ виньетками, подъ названіемъ „Свертанъ Заря“. При Гоголѣ устроенъ былъ въ заведеніи домашній театръ, на которомъ исполнялись только иностранныя пьесы, и имѣлся свой оркестръ. Послѣ переезда Орлая въ Рипельевскій Лицей, въ 1826 г. гимназія признана была, благодаря своему новому директору Шашелинскому и нѣсколькимъ еще профессорамъ, политически неблагонадежною. Поэтому рѣшено было дать ей совершенно новое устройство и замѣнить ее Лицеймъ кн. Безбородко съ физико-математическими науками, что и состоялось 7 октября 1832 года. Но и новому лицей суждено было не долго существовать въ своемъ первоначальномъ видѣ. 24 апрѣля 1840 г. лицей съ физико-математическимъ направленіемъ преобразовался по новому уставу въ юридическій.

Затѣмъ, по ходатайству графа Д. А. Толстого, бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на преобразование лицей въ Историко-Филологическій институтъ, и 14 сентября 1875 г. состоялось въ Нѣжинѣ открытіе означеннаго института. Вскорѣ послѣ того сдѣлана была надъ среднимъ зданіемъ пристройка 3-го этажа; кромѣ того, построены были особыя каменные флигеля для помѣщенія преподавателей института. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведена была въ порядокъ и устроена институтская бібліотека, достигшая вмѣстѣ съ приобрѣтенными и пожертвованными сочиненіями 100,000 томовъ. Въ институтѣ имѣется еще мюнцъ-кабинетъ, имѣющій до 5000 номеровъ.

Политическія отношенія Россіи къ Франціи.

Историческая справка.

Тяжелое послѣдствіе время „злой татарщины“, — полная не-образованность и грубость нравовъ всѣхъ классовъ населенія, — удаляли Россію въ теченіе многихъ вѣковъ отъ всякаго участія въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ Западной Европы. Но съ половины XVII вѣка дѣла въ восточной Европѣ приняли иной оборотъ. Польское королевство, вслѣдствіе внутренняго неустойчиваго и религиозныхъ распрій, стало быстро клониться къ упадку; между тѣмъ Россія, послѣ бурнаго переворота, пережитаго въ Смутное время, стала быстро усиливаться, и черезъ полвѣка Петръ Великій могъ уже располагать ея силами, какъ могучимъ средствомъ для сообщенія своей державѣ важнаго значенія въ средѣ европейскихъ государствъ.

Успѣхи Петра Великаго въ борьбѣ съ сильною тогда Швеціею обратили на Россію вниманіе всей Европы. Французскій король Людовикъ XIV въ началѣ еще Сѣверной войны познѣлъ будущее важное значеніе Россіи, но не спѣшилъ, однако, сблизиться съ Петромъ, отчасти выжидая окончательныхъ результатовъ, а болѣе потому, что потерялъ неудачу въ попыткахъ склонить Русскаго государя къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Австріи. Но уже вскорѣ послѣ смерти „великаго короля“, политическія отношенія между Россіею и Франціею установились настолько прочно, что сдѣлались существенною необходимостью для обоихъ государствъ. — До Петра Великаго во Франціи о Россіи знали очень мало; русскіе посланники являлись рѣдко, и эти посольства не имѣли никакого значенія ни въ политическомъ, ни въ торговомъ отношеніяхъ; до начала XVII вѣка даже не было совсѣмъ сношеній между Россіею и Франціею. Англійскіе и голландскіе купцы, несмотря на дозволеніе царя Алексея Михайловича торговать съ Россіею всѣмъ иностранцамъ безъ различія, не допускали французовъ принимать участіе въ этой торговлѣ. За все время сношеній Россіи съ Франціею до XVIII вѣка, только разъ русское посольство имѣло, дѣйствительно, серьезное значеніе: это — посольство въ 1687 году извѣстнаго князя Якова Федоровича Долгорукова, впоследствии любимаго Петра Великаго. Князь Долгорукій былъ присланъ къ королю Людовику XIV съ предложеніемъ вступить въ союзъ, составившійся тогда противъ Турціи. Но Людовикъ XIV дорожилъ союзомъ съ турками, и русскимъ посланникамъ пришлось выслушать такія рѣчи: „И какой бы разумъ и славу Его Величества (т. е. короля Людовика) оказалъ на весь свѣтъ, если-бы помогать недругу, а наступалъ на друга (т. е. Турцію)“. Русскимъ посланникамъ прямо сказали, что, предлагая союзъ, Россія взыска не за свое дѣло: „У Его Величества (т. е. у короля) войскъ великія, и онъ можетъ одною своею особою одержать надъ турками побѣду“. Когда же русскій посланникъ со своими „товарищами“ вздумалъ спорить по поводу пропуска въ царскомъ титулѣ въ отвѣтной королевской грамотѣ, имъ объявили, что за подобныя строптивости король „обѣщается учинить имъ великое безчестіе“. Чтобы какъ можно болѣе унижить русское посольство, французское правительство официально разглашало, что король былъ недоволенъ представителями Россіи за то, что они „открыто торговали тканями и мѣхами, забывая, такъ сказать, званіе посланниковъ, чтобы дѣйствовать въ качествѣ мелочныхъ торговцевъ, и предпочитая личныя выгоды чести своихъ государей“ *).

Но времена переменяются. Въ 1717 году Петръ Великій посѣтилъ Парижъ. О впечатлѣніи, произведенномъ на французовъ этимъ посѣщеніемъ, можно судить по слѣдующимъ строкамъ изъ письма маршала герцога Вильроа, воспитателя короля Людовика XV: „Этотъ государь, мнѣшій варваръ, вовсе не походитъ на такового; онъ проявилъ такія чувства величія, великодушія и привѣтливости, какихъ мы вовсе не ожидали“. — Въ 1717 году заключенъ былъ Россіею и Пруссіею договоръ съ Франціею о посредничествѣ послѣдней для заключенія мира съ Швеціею. Старанія Франціи, для которой заключеніе мира было важно уже и для торговыхъ сношеній съ Россіею, были не напрасны, хотя желанный миръ состоялся не скоро. Французскому правительству удалось склонить Карла XII къ созыву мирнаго конгресса; шведскій король согласился на уступки Петру Великому, но все дѣло разстроилось вслѣдствіе внезапной смерти Карла, убитаго 11 декабря (п. с.) 1718 года. Старанія Франціи о мирѣ не прекращались, и, наконецъ, въ 1721 году Швеція прямо обратилась къ посредничеству Франціи. Французскій посланникъ при Стокгольмскомъ дворѣ Кампредонъ прибылъ въ Петербургъ для предварительныхъ совѣщаній, и при его посредствѣ состоялся конгрессъ въ г. Ништадтѣ, закончившійся славнымъ Ништадтскимъ миромъ 30 августа 1721 года. — Въ концѣ царствованія Петра Великаго, французская дипломатія оказала ему снова важную услугу, устранивъ войну

Россіи съ Турціею, которая страшилась успѣховъ русскаго оружія въ Персіи. Константинопольскій трактатъ, 12 іюня 1724 года, устранившій этотъ разрывъ, былъ заключенъ вслѣдствіе особенныхъ стараній французскаго посланника при Султанѣ, Бонака, котораго Петръ Великій осмыслилъ за это своими милостями. Петръ Великій очень дорожилъ союзомъ съ Франціею. Въ 1719 году зашла, было, рѣчь о помолвкѣ десятилѣтней дочери Петра, царевны Елисаветы Петровны, съ малолѣтнимъ французскимъ королемъ Людовикомъ XV; спустя два года, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ Кампредонъ доносилъ своему правительству, что царь желалъ бы выдать дочь свою за принца Шартрскаго, обѣщая употребить все успія для возведенія принца на Польскій престолъ. Дѣло это какъ будто пошло на ладъ, но въ декабрѣ 1723 г. принцъ скончался. Послѣдній разъ переговоры о бракосочетаніи Елисаветы Петровны съ королемъ Людовикомъ XV ведены были незадолго до кончины Петра Великаго. Но французское правительство относилось къ Россіи сдержанно и, между прочимъ, къ великому неудовольствію Петра Великаго, отказалось признать за нимъ титулъ Императора.

По кончинѣ Петра отношенія Франціи къ Россіи начали замѣтно измѣняться. Вскорѣ Франціи вступила въ союзъ съ Швеціею, не оставившею намѣреній вернуть завоеванія Россіи. Черезъ нѣсколько времени возникли серьезныя затрудненія по поводу польскихъ дѣлъ. Въ 1733 году скончался Польскій король Августъ II. Франціи, вопреки желанію русскаго двора, поддерживала кандидатуру на Польскій престолъ бывшаго короля Станислава Лещинскаго, низложеннаго Петромъ Великимъ. Чтобы склонить на свою сторону Россію, Франція обѣщала поддержку русскимъ интересамъ въ отношеніи Турціи и гарантію всѣхъ русскихъ владѣній; но управлявшій иностранными дѣлами Россіи графъ Остерманъ не былъ сторонникомъ Франціи. Французское правительство объявило однакоже, что будетъ поддерживать Станислава силою оружія и субсидіями. Русскій корпусъ занялъ Варшаву, и тамъ избранъ былъ железами Россіею кандидатъ — король Августъ III, курфирстъ Саксонскій. Станиславъ Лещинскій удалился въ Данцигъ, гдѣ ожидалъ помощи французовъ. Вскорѣ, дѣйствительно, явилась французская флотилія съ десантомъ; французы въроломнымъ образомъ овладѣли русскимъ фрегатомъ „Митавою“; по извѣстію о приближеніи сильнаго русскаго флота заставило французскую флотилію удалиться, оставивъ безъ помощи десантный отрядъ (болѣе 2000 человекъ); этотъ отрядъ, послѣ неудачной попытки овладѣть русскими укрѣпленіями, сдѣлся на каннибалию и на русскихъ корабляхъ былъ перевезенъ въ Кронштадтъ. Вскорѣ послѣдовала ед. ч. Данцига. Это было первое вооруженное столкновение между русскими и французскими войсками. Пѣхотные французскіе офицеры прибыли въ Петербургъ; императрица Анна Иоанновна пригласила ихъ на придворный балъ, возвратила имъ шпаги и отпустила во Францію. Вскорѣ послѣ того Россія, въ силу союзнаго договора съ Австріею, должна была предоставить этой державѣ вспомогательный корпусъ для войны съ Франціею; война, однакоже, прекратилась раньше, чѣмъ русскіе войска начали военныя дѣйствія, но русская дивизія, подъ начальствомъ генерала Кейта, дошла въ 1735 году до береговъ Рейна. Вскорѣ Франція оказала Россіи „услугу“ въ дѣлѣ заключенія Вѣлградскаго мира 1739 года; отъ имени Россіи дѣйствовалъ французскій посланникъ въ Константинополѣ маркизъ де-Вильневъ, подписавшій трактатъ, лишившій Россію всѣхъ плодовъ трудной четырехлѣтней побѣдоносной кампаніи. Скрытое недоброжелательство Франціи къ Россіи тогда же выразилось еще при двухъ обстоительствахъ: Франція снова рѣшительно отказалась признать за Россійскими государями титулъ Императорскій и заключила съ Швеціею союзный договоръ съ обязательствомъ выдавать ей пособие въ суммѣ 300 тысячъ талеровъ въ годъ. Шведско-русская война 1741—1743 гг. была возбуждена проросками Франціи, желавшей отвлечь Россію отъ союзныхъ дѣйствій въ пользу Австріи.

Участіе французскаго посланника при Русскомъ дворѣ маркиза де-Шетарди въ государственномъ переворотѣ, — восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны (25 ноября 1741 г.), — извѣстно. Первое время послѣ переворота, де-Шетарди, по выраженію тогдашняго англійскаго посланника, былъ „первымъ министромъ при русскомъ дворѣ“; по это французское вліяніе на русскую политику продолжалось не долго. Канцлеръ Бестужевъ скоро сталъ открыто дѣйствовать въ пользу Англии и Австріи и ловкими интригами устранилъ удаленіе отъ двора маркиза Шетарди (1744 г.). Это обстоятельство не помѣшало, впрочемъ, Франціи въ 1745 году признать Елисавету Петровну „Императрицею“, но съ тѣмъ, чтобы она выдала „реверсалію“ (обязательство), что согласна признавать при всѣхъ дворахъ первенство французскихъ посланниковъ передъ русскими. Во время Семилѣтней войны Россія находилась въ союзѣ съ Франціею, но при Петрѣ III союзъ этотъ рушился.

* „Русское посольство во Францію и Испанію 1687 года“, Д. Языкова („Библ. для Читанія“, 1835 г., т. IX). „Донесенія о пребываніи русскихъ пословъ во Франціи съ 1681 по 1718 гг.“ (Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества“, т. XXXIV, СПб., 1881 г., стр. 15—19).

При вступлении на престолъ Екатерины II (въ 1762 г.) французскій посолъ въ Петербургъ баронъ Бретель полагалъ, что роль его будетъ такая же, какъ маркиза де-Шетарди при началѣ царствованія Елисаветы Петровны; но Екатерина въ первые же дни своего царствованія заявила представителямъ иностранныхъ державъ, что во всемъ будетъ дѣйствовать такъ, „какъ найдеть удобнымъ для себя“. Она тотчасъ же отвергла вышеупомянутую „реверсалию“ и объявила, что прерветъ сношенія съ тѣми дворами, которые не будутъ признавать ее „императрицею“. Многие государственные люди тогдашней Франціи были враждебны Россіи; особенно ненавистью отличался министр герцога Шуазеля; онъ официально писалъ, что считаетъ „великою цѣлью — унижать (humilier) Россію“ и „причинять ей всевозможный вредъ (faire tout le mal possible)“. Для достиженія этихъ цѣлей онъ содержалъ даже наемныхъ писакъ, обязанныхъ велески чернить дѣйствія Русской императрицы и, вообще, русскій народъ. Самъ слабодушный король Людовикъ XV откровенно сознавался, что „цѣль его политики относительно Россіи состоитъ въ томъ, чтобы удалить ее, насколько возможно, отъ дѣлъ Европы“. Этимъ объясняется тотъ рядъ явныхъ и тайныхъ интригъ французскаго королевскаго правительства, посредствомъ которыхъ оно старалось парализовать успѣхи русскаго оружія и русской дипломатіи въ дѣлахъ, касавшихся Польши и Турціи. Впрочемъ, въ общемъ, отношенія Россіи къ Франціи до начала революціи были въ царствованіе Екатерины II миролюбивыя, несмотря даже на такіе факты, какъ, напр., явное подстрекательство Турціи къ войнѣ съ Россіею въ 1769 году, посылка помощи польскимъ конфедератамъ въ 1772 г. и др. Въ 1780 году Франція признала декларацію Россіи о вооруженномъ нейтралитетѣ. Въ маѣ 1782 г. цесаревичъ Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ супругою, Маріею Теодоровною, посѣтилъ Парижъ, подъ именемъ „графа и графини Сѣверныхъ“; здѣсь августѣйшіе путешественники были приняты съ особымъ почетомъ и радушіемъ. Въ концѣ царствованія Екатерины, когда вспыхнула французская революція, отношенія къ Франціи перемѣнились. По полученіи извѣстій о казни Людовика XVI, императрица прекратила всѣ сношенія съ Франціею, указомъ 2 февраля 1793 г. велѣла выслать изъ Россіи всѣхъ французовъ, которые подъ присягою не отречутся отъ революціонныхъ правилъ, и воспретила въѣздъ въ Россію французамъ, не имѣющихъ паспортовъ отъ королевскихъ принцевъ; кромѣ того запрещены были: ввозъ французскихъ товаровъ, перенеска съ Франціею и издававшихся тамъ книги и журналы. Прибывшій въ Петербургъ въ 1793 г. графъ д'Артуа (братъ Людовика XVI, впоследствии король Карлъ X) былъ принятъ Екатериною II съ большими почестями; передъ отъѣздомъ императрица прислала ему золотую саблю съ надписью „Avec Dieu pour le Roi“; эта сабля была прежде вручена возложена на раку Св. Александра Невскаго и окроплена святою водою. Вскорѣ послѣдовало заключеніе договоровъ, направленныхъ для дѣйствій противъ Франціи; русская армія подъ начальствомъ Суворова должна была выступить въ походъ во Францію. Кончина императрицы (6 ноября 1796 г.) остановила эти вооруженія. Императоръ Павелъ I вступилъ въ союзъ съ Австріею, Англіею, Турціею и другими государствами для борьбы съ революціонною Франціею (Итальянскій походъ Суворова 1799 года, дѣйствія союзнаго русско-турецкаго флота подъ начальствомъ адмирала Ушакова). Не задолго до кончины своей (11 марта 1801 г.), императоръ Павелъ I измѣнилъ свою политику въ отношеніи Франціи. Государь былъ недоволенъ дѣйствіями своихъ союзниковъ, Австріи и, въ особенности, Англіи, которая овладѣла островомъ Мальтою, считавшимся владѣніемъ Павла I, какъ Гросмейстера Мальтійскаго ордена. Первый консулъ Франціи, Наполеонъ, спѣшилъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами и отпиривалъ въ Россію всѣхъ русскихъ военно-плѣнныхъ, обмундировавъ ихъ на счетъ казны. Это поправилось императору Павлу; вскорѣ началось сношенія съ французскимъ правительствомъ и приготовленія къ войнѣ съ Англіею; но кончина Павла остановила войну.

Императоръ Александръ I, въ сентябрѣ 1801 г., заключилъ формальный миръ съ Франціею, при чемъ условлено было составить особый торговый трактатъ. Но это согласіе длилось не долго; честолюбивая и завоевательная политика Наполеона вызвала знаменитую борьбу съ Россіею, продолжавшуюся съ 1805 по 1815 годъ и закончившуюся паденіемъ Наполеона. Для общей характеристики отношеній Россіи къ Франціи могутъ служить слова Александра I, сказанныя послѣ пожара Москвы въ 1812 году: „Наполеонъ или Я, онъ или Я! Мы не можемъ болѣе царствовать вмѣстѣ: Я научился понимать его; онъ не обманетъ меня болѣе“ („Napoléon ou Moi, ou lui ou Moi! Nous

ne pouvons plus régner ensemble. J'ai appris à le connaître; il ne me trompera plus“).—Императоръ Александръ I не могъ быть довольнымъ и политикою возстановленнаго имъ короля Людовика XVIII, постоянно преслѣдовавшаго цѣли, не согласныя съ видами Русскаго Императора.

Въ началѣ царствованія императора Николая Павловича политика Франціи, при королѣ Карлѣ X, согласовалась, въ особенности по греческому вопросу, съ видами русскаго правительства. Франція предложила извѣстный союзъ между нею, Россіею и Англіею 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года, послѣдствіемъ котораго была Наваринская битва, въ которой русскій флотъ, вмѣстѣ съ французскою эскадрою подъ начальствомъ контръ-адмирала Риньи и англійскаго вице-адмирала Кодрингтона, одержалъ блестящую побѣду надъ турецко-египетскимъ флотомъ (8-го октября 1827 г.). Король относился столь же сочувственно къ Россіи и во все время войны 1828—1829 годовъ.—Революція 1830 года мало измѣнила отношенія Россіи къ Франціи. Король Луи-Филиппъ не оказывалъ явнаго покровительства полякамъ ни во время революціи 1830—1831 гг., ни послѣ, когда во Франціи собралось много польскихъ эмигрантовъ. Во Франціи поляки встрѣтили сочувственный приемъ, для нихъ собирали деньги и устраивали комитеты, но все это не казалось опаснымъ для русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что само французское правительство, по собственнымъ соображеніямъ, очень было озабочено связью польскихъ эмигрантовъ съ туземными революціонерами. Другой оборотъ приняли дѣла, когда Наполеонъ III достигъ верховной власти во Франціи. Въ настоящее время уже несомнѣнно, что внимательство Франціи въ войну Россіи съ Турціею (въ 1854—1856 гг.) было вызвано не столько намереніемъ противодѣйствовать усиленію Россіи, сколько личными неприязненными отношеніями Наполеона III къ императору Николаю I, видѣвшему въ племянникѣ „великаго капитана“ не законнаго наследника французской короны, а авантюриста. Этимъ объясняется отвѣтъ императора Николая Павловича на письмо Наполеона III по поводу Спирской битвы, что онъ „довѣряетъ Богу и своему праву“ и что „Россія явится въ 1854 году такою же, какъ была въ 1812 году“.—Самъ Наполеонъ III чувствовалъ несостоятельность своей политики въ восточномъ вопросѣ, и это ясно видно изъ того, что въ тронной рѣчи, произнесенной имъ незадолго до начала Крымской войны, онъ говорилъ: „Франція имѣетъ столько же, если не больше, интересовъ препятствовать Россіи расширять свою власть до Константинополя; овладѣвъ Константинополемъ, Россія сдѣлалась бы властительницей Средиземнаго моря“. Парижскій миръ 1856 года, удовлетворившій самолюбіе и честолюбіе Наполеона III и не принесшій Франціи никакихъ выгодъ, свидѣтельствуетъ передъ потомствомъ о томъ, что враждебная Россіи французская политика въ восточномъ вопросѣ въ 1850-хъ годахъ была бесполезна и только безъ существенной причины разстраивала доброе согласіе между обоими великими народами. Польскія дѣла въ 1860-хъ годахъ также подали поводъ къ охлажденію между русскимъ и французскимъ правительствами. Наполеонъ III обнадѣживалъ поляковъ, но ограничивался только дипломатическими потаи „во имя челолюбія и общаго интереса Европы“. Несмотря на все это, почившій государь Александръ Николаевичъ посѣтилъ въ 1867 году Парижъ; но, вообще, политика Наполеона III была такова, что Россія не могла не объявить себя „нейтральною“ во время Франко-Германской войны 1870—1871 гг. Въ деклараціи русскаго правительства по этому поводу были слѣдующія знаменательныя слова: „Несогласія, возникшія между правительствами французскимъ и прусскимъ, обратили на себя заботливое вниманіе Государя Императора. По волѣ Его Императорскаго Величества употреблены были всѣ старанія для предупрежденія вооруженнаго столкновенія. Къ сожалѣнію, рѣзкость, проявившаяся съ самаго начала въ сношеніяхъ между правительствами французскимъ и прусскимъ, и неснѣнность, съ какою были приняты самыя крайнія рѣшенія, сдѣлали тщетными усилія Императорскаго правительства и другихъ державъ, стремившихся достигнуть той же цѣли“.

Съ тѣхъ поръ прошло 22 года. Политическій строй Франціи измѣнился, и съ нимъ измѣнилась и ея политика Франціи. Дружественныя отношенія Россіи къ Франціи не нарушились ничѣмъ, а, напротивъ, окрѣпли и утвердились. Послѣднее въ іюлѣ 1891 года французской эскадрою Кронштадта и вышшій отвѣтныи визитъ русской эскадры въ Тулонъ служатъ ближайшими и очевидными доказательствами, что для политическихъ и другихъ отношеній между Россіею и Франціею наступаетъ новая эпоха. Н. Ш.

Къ рисункамъ.

Отправка арбузовъ. (Рис. на стр. 889).

Всѣмъ извѣстны вкусныя плоды—арбузы въ изобиліи разводятся въ южно-русскихъ степяхъ, въ которыхъ жаркое лѣто способствуетъ произрастанію этого растенія на открытомъ

воздухѣ, при чемъ культура его отнюдь не трудная: земля не удобряется, и подъ поля арбузовъ, называемыя бакчами или баштанами, идетъ черноземная почва, взрываема тяжелымъ плугомъ и засѣваемая послѣ послѣднихъ весеннихъ морозовъ. Созрѣвающіе на бакчахъ плоды не только употребляются въ

въ пищу на мѣстѣ, но въ громадномъ количествѣ развозятъ водою и по желѣзнымъ дорогамъ по всей Руси великой. Свособразная картина отравленія арбузовъ на Волгѣ изображена на нашемъ рисункѣ на стр. 889.

Литературный альбомъ. „Вій“, повѣсть Гоголя.

(Рис. на стр. 893).

Полныя разнообразія и картинныя произведенія Н. В. Гоголя представляютъ неисчерпаемый источникъ для вдохновенія художника. Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ гравюру съ карандашнаго рисунка извѣстнаго профессора В. Маковского, изображающую сцену изъ повѣсти „Вій“ Н. В. Гоголя, когда философъ, Хома Брутъ, уходя въѣдму „... сталъ на ноги и посмотрѣлъ ей въ очи (разсвѣтъ загорался, и блестяи золотия главы вдали кievскихъ церквей): — передъ нимъ лежала красавица съ растрепанною косогою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами...“

Свиданіе Самозванца съ его мнимой матерью.

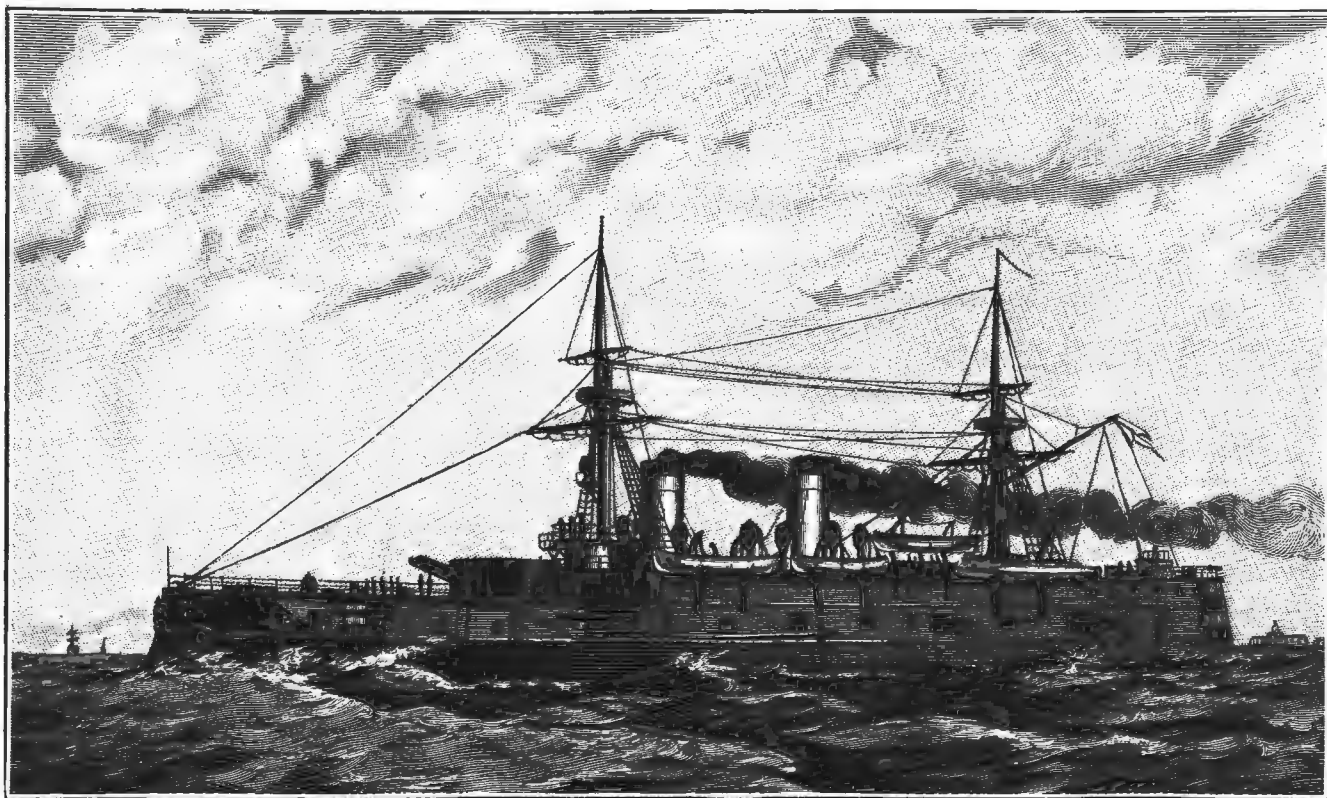
(Рис. на стр. 896 и 897).

Дмитрій Самозванецъ—этотъ неразгаданный еще нашими историками ловкій интригантъ и проходимецъ—уже сидѣлъ на Москвѣ, во всемъ величїи Московскаго „законнаго“ государя, окруженный своими любим-

цами, поддерживаемый многочисленными польскими клеветами, обожаемый чернью, которую онъ успѣлъ ослѣпить своими быстрыми, изумительными успѣхами въ борьбѣ съ Борисомъ... Но бояре его уже успѣли раскусить — и умный обманщикъ это отлично понималъ; понималъ и то, что внутренняя дворцовая борьба съ ними будетъ ему не по силамъ. И вотъ онъ началъ искать себѣ опоры среди бояръ, списывая ихъ расположеніе то щедрыми милостями, то хитрыми уловками. Прежде всего, онъ вернулъ пѣв сѣлки всѣхъ тѣхъ, кого долженъ былъ считать своими близкими родными, признавая Грознаго своимъ отцомъ. Разосланные Борисомъ по дальнимъ окраинамъ бояре Романовы, Сидкие, Куракины, Бѣльскіе были призваны въ Москву, облаканы Самозванцемъ, осыпаны щедрыми милостями его... Но для окончательнаго упроченія на престолѣ, для окончательнаго очарованія народа, предстояло еще совершить одинъ безумно-смѣлый шагъ: рѣшиться на свиданіе съ мнимою матерью своею, впокинуею Марою, давно уже томившеюся въ дальней и бѣдной обителѣ. Самозванецъ, видимо, колебался и не сѣвшилъ этимъ дѣломъ; онъ понималъ, что ему предстояло поставить на карту всю судьбу свою, что одно слово впокинуи Мары могло разрушить все очарованіе его успѣховъ, могло развѣнчать его въ глазахъ народа и низвести съ престола всемогущихъ государей на позорную плаху... Но онъ, наконецъ, рѣшился и отправилъ якобы за своею матерью почет-

Контръ-адмиралъ Ф. К. Авеланъ, командиръ русской Средиземной эскадры.

Броненосный корабль „Императоръ Николай I“. Грав. Флюгель.

При слѣдующемъ 41-мъ № „Нивы“ будетъ разослана главная премія за текущій годъ:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ.

Въ виду этого, Контора покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ не прямо изъ почтовыхъ учреждений, а по земской почтѣ, черезъ довѣренныхъ лицъ, или инымъ путемъ, озаботиться, съ своей стороны, чтобы премія была доставлена имъ своевременно и въ надлежащемъ видѣ, такъ какъ почтовыя конторы, сдавъ полученное ими по принадлежности, дальнѣйшей ответственности на себя не принимаютъ. Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые получаютъ корреспонденцію на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, не имѣющихъ почтовыхъ отдѣленій, благоволятъ требовать премію отъ лицъ, заведывающихъ станціями.

ное посольство. Инокция Марѳа, давно забытая всѣми, потерпѣвшая всякихъ лишеній и невзгодъ, была вдругъ окружена почестями и вниманіемъ, услугами и лестью... Торжественная встрѣча готовилась ей подѣ Москвою. На широкомъ просторѣ полей раскинутъ былъ шатеръ изъ богатѣйшихъ тканей. Шатеръ тотъ былъ окруженъ блестящей свитой Самозванца, выхвачнаго навстрѣчу. Безчисленные толпы народа заняли кругомъ все поле около шатра — собрались посмотреть на умилительное зрѣлище свиданія матери съ сыномъ-царемъ. Инокцию Марѳу привезли и посадили въ шатръ. Немного спустя приблизился къ шатру и Самозванецъ, на всемъ пути сопровождаемый громкими радостными кликами толпы. Смѣло переступилъ онъ порогъ шатра и опустилъ за собою его полъ... Все кругомъ замерло въ молчаливомъ ожиданіи. Что творилось въ шатрѣ? Какими глазами взглянули другъ на друга мнимая мать и мнимый сынъ? Объ этомъ молчать исторіи. Но нѣсколько времени спустя Самозванецъ торжественно вывелъ мать изъ шатра за руку — она цѣловала и обнимала его при всѣхъ, заливаясь слезами, и онъ повелъ ее къ богатой колымагѣ, ожидавшей у входа шатра, и воздухъ вновь потряса отъ оглушительныхъ кликовъ толпы, обманутой слабостью женщины и коварствомъ

ловкаго проходивца... Точно такъ же, какъ мы не знаемъ, что было сказано тамъ въ шатрѣ между матерью царевича Дмитрія и Самозванцемъ, дерзко принявшимъ на себя его Святое имя, такъ не можемъ мы знать и тѣхъ побужденій, въ силу которыхъ инокция Марѳа признала сыномъ Самозванца. Было нѣсколько попытокъ объяснить психологическій процессъ, побудившій ее сдѣлать это. Наиболее удачная изъ нихъ принадлежитъ гр. А. К. Толстому, который въ драмѣ своей „Царь Борисъ“ выводитъ инокцию Марѳу въ потрясающей своимъ драматизмомъ сценѣ. Въ сценѣ этой она говоритъ, что, кто-бы ни былъ невѣдомый тотъ мститель,

...Идущій на Бориса, да хранить
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Мать буду я!
Моемъ его я сыномъ буду звать!
Кто-бы ни былъ онъ—онъ врагъ тебѣ, убійца—
Онъ мнѣ союзникъ будетъ!..

И потомъ, послѣ смерти Бориса, Марѳа, видимо, желала лучше видѣть на престолѣ самозванца, чѣмъ потомство убійцы своего сына..

Русская эскадра въ Тулонѣ.

(Портреты и рисунки на стр. 901, 904 и 905).

Контръ-адмиралъ Ѳ. К. Авеланъ.

Командиръ русской Средиземной эскадры, контръ-адмиралъ Ѳ. К. Авеланъ, назначенный представителемъ русскаго флота во время отвѣтнаго визита въ Тулонѣ французской эскадрѣ, посѣдившей Кронштадтъ въ 1891 г., родился въ августѣ 1839 г. Ему теперь 54 года. На службѣ онъ заявилъ себя человѣкомъ съ неутомимой энергіей и пользуется репутаціей храбраго моряка. По происхожденію онъ шведъ. Отецъ его былъ морякомъ русской службы. Ѳ. К. Авеланъ-Адлерштерна воспитывался въ петербургскомъ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и началъ службу въ Балтійскомъ флотѣ гардемаринномъ, одновременно со сверстниками и однокашниками: нынѣ вице-адмираломъ В. П. Верховскимъ и капитаномъ 1-го ранга А. Н. Страннолюбскимъ. Въ 1886 году онъ получилъ чинъ капитана 1-го ранга и въ 1891 году чинъ контръ-адмирала. Въ теченіе 33 лѣтъ службы онъ совершилъ 25 морскихъ кампаній на судахъ Балтійскаго и Черноморскаго флота, и командовалъ послѣдовательно корветомъ „Азія“, клиперомъ „Вѣстникъ“, корветомъ „Рында“, фрегатомъ „Свѣтлана“ и затѣмъ снова корветомъ „Рында“. Ѳ. К. Авеланъ кавалеръ многихъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ и, между прочимъ, имѣетъ командорскій крестъ Почетнаго Легіона. На послѣдней своей должности начальника штаба Балтійскаго флота, Ѳ. К., благодаря справедливому и участливому отношенію къ подчиненнымъ, снискалъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе.

Капитанъ 1-го ранга Р. Р. Дикеръ, командиръ эскадреннаго броненосца „Императоръ Николай I“.

Командиръ эскадреннаго броненосца „Императоръ Николай I-й“, капитанъ 1-го ранга Р. Р. Дикеръ принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ моряковъ. Какъ командиръ, онъ считается однимъ изъ опытѣйшихъ, всѣ суда, которыми онъ командовалъ, всегда находились въ образцовомъ порядкѣ и за долговременное командованіе судами и ихъ сбереженіе капитанъ 1-го ранга Дикеръ получаетъ особое вознагражденіе сверхъ положеннаго жалованья.

Броненосный корабль „Императоръ Николай I“, играющій роль адмиральскаго корабля въ эскадрѣ, имѣетъ въ длину 326 фут. и въ ширину 67 фут. При водоизмѣщеніи въ 8440 тоннъ и силѣ машины въ 8000 индикаторныхъ силъ, броненосецъ дѣлаетъ 15 узловъ въ часъ. Тяжелое вооруженіе, помѣщающееся на немъ, состоитъ изъ 2 двѣнадцатидюйм., 4 восьмидюймов. и 8 шестидюймов. орудій и 20 скорострѣльныхъ пушекъ.

Капитанъ 1-го ранга В. М. Лавровъ 2-й, командиръ броненоснаго крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“.

Старшій изъ командировъ судовъ нашей Средиземной эскадры, командиръ крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“, капитанъ 1-го ранга Василій Михайловичъ Лавровъ родился въ 1841 году, 28 декабря, въ службу вступилъ въ 1858 году; за свою тридцатипятилѣтнюю службу В. М. прекрасно ознакомился съ морскими хозяйствомъ, занимая въ штабъ-офицерскихъ чинахъ портовый должностіи. Съ производствомъ въ мичманскій чинъ, въ 1863 г., началъ плаваніе въ иностранныхъ водахъ, при чемъ съ 1863 по 1866 годъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе на корветѣ „Рында“ и шхунѣ „Алеутъ“; на этой шхунѣ плавалъ онъ впоследствии въ должности старшаго офицера. Въ 1868 г. получилъ въ командованіе шхуну „Алеутъ“, въ 1885 году былъ назначенъ временно-командующимъ клипера „Абрекъ“; послѣднее плаваніе, на основаніи положенія о морскомъ цензѣ, совершилъ въ 1892 году; въ 1891 году командовалъ онъ броненосцемъ береговой обороны „Адмиралъ Лазаревъ“, и затѣмъ назначенъ командиромъ крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“. Долговременное полезное служеніе во флотѣ В. М. Лаврова отмѣчено многими Монаршими наградами: кромѣ ордена Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ, полученнаго имъ за бое-

вые отличія въ 1868 году, онъ имѣетъ ордена русскіе: Св. Станислава 3-й и 2-й ст., Св. Анны 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст.; въ 1887 году удостоился получить подарокъ съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени. Въ виду особаго вознагражденія за образцовую службу и распорядительность ему назначена пенсія въ размѣрѣ 1,600 рублей въ годъ. Старшій братъ В. М. Лаврова 2-го, контръ-адмиралъ Иванъ Михайловичъ Лавровъ 1-й, въ настоящее время занимаетъ отвѣтственный постъ командира Севастопольскаго порта и Севастопольскаго градоначальника.

Броненосный крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“, нѣсколько длиннѣе „Императора Николая I“—на 7 фут. и уже на 6 фут., имѣетъ водоизмѣщенія всего 7781 тонну и машинной своей, въ 8000 индикат. силъ, въ состояніи развивать 16,7 узловъ въ часъ. Крейсеръ имѣетъ на себѣ 8 восьмидюйм. и 10 шестидюйм. орудій и 16 легкихъ и скоростр. пушекъ.

Капитанъ 1-го ранга Г. П. Чухинъ, командиръ полуброненоснаго фрегата „Память Азова“.

Командиръ крейсера 1-го ранга, капитанъ 1-го ранга Григорій Павловичъ Чухинъ, пользуется славой „Морского волка“: въ русскомъ флотѣ ему принадлежитъ почетное мѣсто, и имя его хорошо извѣстно всей морской семьѣ. Строгий къ самому себѣ, а также и къ подчиненнымъ, этотъ опытный, съ виду суровый командиръ, будучи истинно русскимъ человѣкомъ, обладаетъ добрымъ сердцемъ при большомъ природномъ умѣ и закаленнымъ въ морѣ твердымъ характерѣ. Почти всю свою службу плавалъ онъ въ иностранныхъ водахъ, сперва въ должности старшаго офицера, а затѣмъ и командира. Г. П. держалъ всегда въ строгомъ подчиненіи всѣхъ чинновъ экипажа, начиная съ младшаго матроса и кончая старшимъ офицеромъ. Его хладнокровіе и тактъ ставятся другимъ въ образецъ. Отношеніе къ подвѣдомственнымъ ему чинамъ строгое, но вполне отеческое. Порядокъ на его крейсерахъ образцовый. Происхожденіе изъ старой дворянской фамиліи, Григорій Павловичъ Чухинъ родился въ 1848 году; въ службу вступилъ въ 1864 году и черезъ три года произведенъ былъ въ первый офицерскій чинъ.

Колоссальный фрегатъ „Память Азова“, 377 фут. длины и 51 ф. ширины, отличается быстротою. Машина его, развивая 8000 индикат. силъ, даетъ ему возможность дѣлать 17½ узловъ въ часъ. Вооруженіе фрегата составляютъ 2 восьмидюйм. и 13 шестидюйм. орудій и 17 скоростр. пушекъ.

Капитанъ 1-го ранга А. Х. Кригеръ, командиръ корвета „Рында“.

Командиръ корвета „Рында“, капитанъ 1-го ранга Александръ Христіановичъ Кригеръ принадлежитъ къ выдающимся офицерамъ Балтійскаго флота. Несмотря на свою молодость, онъ успѣлъ увѣнчать себя военными лаврами, полученными за боевыя заслуги во время послѣдней турецкой войны. Плавая съ мичманскаго чина на различныхъ судахъ Гвардейскаго экипажа, А. Х. Кригеръ съ 1871 по 1873 годъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Свѣтлана“; затѣмъ съ 1875 по 1877 годъ на томъ же фрегатѣ онъ находился въ иностранномъ плаваніи, а затѣмъ съ 1879 года почти ежегодно А. Х. Кригеръ плавалъ въ иностранныхъ водахъ, въ должности старшаго офицера: сперва яхты „Штандартъ“, затѣмъ на фрегатѣ „Свѣтлана“, затѣмъ клипера „Стрѣлокъ“, а въ 1886 году получилъ въ командованіе императорскую яхту „Царевна“, съ 1883 по 1892 годъ былъ въ Германіи, въ качествѣ морскаго агента русскаго правительства, а въ апрѣлѣ 1892 года назначенъ командиромъ корвета „Рында“.

Четвертое мѣсто по величинѣ занимаетъ среди судовъ эскадры корветъ „Рында“, 265 фут. длины и 45 ф. ширины. Какъ и всѣ три предыдущіе, „Рында“ имѣетъ стальной корпусъ. Машина корвета развиваетъ всего 3000 индик. силъ и сообщаетъ ему ходъ въ 14½ узловъ въ часъ. Артиллерія его со-

стоитъ изъ 10 шестидюймов. орудій и 13 скорострѣльныхъ и легкихъ пушекъ.

Капитанъ 2-го ранга М. О. Лоцинскій, командиръ канонерской лодки 1-го ранга „Терець“.

Капитанъ 2-го ранга Михаилъ Федоровичъ Лоцинскій происходить изъ дворянъ Черниговской губернии, родился 5 ноября 1849 года, воспитаніе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1866 году, черезъ четыре года произведенъ въ гардемарина, въ 1872 году произведенъ въ мичманы со старшинствомъ, а съ 1886 года состоитъ въ чинѣ капитана 2-го ранга. М. О. Лоцинскій чисто русскій человѣкъ, принадлежитъ къ старой, почтенной украинской фамиліи (Лоцица); въ Черноморскомъ флотѣ пользуется извѣстностью храб-

раго, знающаго офицера и прекраснаго, искренняго человѣка и сердечнаго товарища.

Отецъ Авель, іеромонахъ-священнослужитель на крейсере „Адмиралъ Нахимовъ“.

Священнослужителемъ на броненосномъ крейсере „Адмиралъ Нахимовъ“ состоитъ отецъ Авель, іеромонахъ Іоанно-Златоустова монастыря. Отецъ Авель принадлежитъ къ достойнѣйшимъ инокамъ обители, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, еще не старый. Какъ извѣстно, на суда флота, отправляющіяся въ заграничное плаваніе, обыкновенно назначаются наиболее благочестивые, образованные и не старые священнослужители, зачастую прекрасно владѣющіе иностранными языками.

Разныя извѣстія.

— 19 сентября, въ малой конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ происходило торжественное засѣданіе, по поводу состоявшагося пятого присужденія премій митрополита Макарія.

— Въ Москвѣ возникло новое ученое учрежденіе, подъ названіемъ „Законоучительское братство“. Цѣль новаго учрежденія — совмѣстное обсужденіе и разработка разныхъ вопросовъ по преподаванію Закона Божія.

— 25 сентября Обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству торжественно праздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія.

— С.-Петербургское Фребелевское Общество рѣшило открыть въ Петербургѣ, на Пе-

скахъ, народный дѣтскій садъ, который явится дневнымъ приютомъ для бѣдныхъ дѣтей отъ 4 до 8 лѣтъ.

— Г. Министромъ Финансовъ утверждены правила о надзорѣ за производствомъ маргарина и искусственнаго масла.

— Въ октябрѣ созывается въ Петербургѣ съѣздъ представителей всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ для обсужденія вопросовъ, касающихся улучшеній въ пассажирскомъ и товарномъ движеніи.

— При Императорской Академіи Наукъ постановлено учредить особую зоологическую лабораторію.

— Согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ Главнаго Тюремнаго Управленія, общее число со-

державшихся во всѣхъ мѣстахъ заключенія и пересылаемыхъ арестантовъ увеличилось въ сравненіи съ прошлымъ годомъ на 1,111 чел.

— Въ Курскѣ наблюдалось рѣдкое явленіе. Рано утромъ, въ теченіе двухъ съ половиною часовъ, падали на землю безчисленныя массы оранжеваго, голубого и чернаго цвѣта какихъ-то инфузорій, покрывшихъ все оранжево-голубымъ слоемъ.

— По опубликованнымъ свѣдѣніямъ горнаго департамента въ 1892 году въ Россіи было добыто 422.010,500 пудовъ минеральнаго угля, — болѣе, чѣмъ въ 1891 г., на 42.210,336 пуд.

— Нынѣшній урожай винограда въ окрестностяхъ Феодосіи, по послѣднимъ извѣстіямъ, вдвое больше прошлогодняго.

Политическое обозрѣніе.

Официальная программа русско-французскихъ празднествъ установлена окончательно. Русская эскадра прибудетъ въ Тулонъ въ полдень, 13 октября, по новому стилю, а въ Парижъ офицеры эскадры выѣзжаютъ 16 числа, въ 4 ч. пополудни. Побѣдка совершится безъ остановокъ, и офицеры прибудутъ въ Парижъ 17 октября, въ 9 часовъ утра. Изъ Парижа русскіе морскіе офицеры уѣдутъ 24 числа, въ 11 часовъ вечера, и остановятся: 25-го въ Лионѣ и 26-го въ Марселіи; возвратятся въ Тулонъ 26 октября вечеромъ. Передъ отплытіемъ русской эскадры состоится спускъ броненосца „Jaureguiberry“, и затѣмъ она отплыветъ изъ Тулона 28-го. Празднества въ Тулонѣ будутъ имѣть исключительно морской характеръ; на нихъ будетъ присутствовать только морской министр. На нихъ не будетъ ни президента республики, ни министра-резидента, ни другихъ министровъ. Министры будутъ принимать русскихъ офицеровъ въ Парижѣ. Президентъ Французской республики, принимая 20 сентября бюро комитета прессы, вполне одобрилъ программу празднествъ, при чемъ присовокупилъ, что празднества должны оставить въ русскихъ неизгладимое воспоминаніе.

Въ Берлинѣ начались переговоры о русско-германскомъ торговомъ соглашеніи. Въ столицу Германской имперіи русскіе делегаты пріѣхали 15 сентября, и *Nordd. Allg. Zeit.* сердечно привѣтствуетъ ихъ. Газета считаетъ задачу конференціи не легкою, но надеется, что значеніе ожидаемыхъ отъ Германіи уступокъ будетъ вполне отъменно Россіею, и что тамъ будетъ признано, что экономическія уступки со стороны Германіи возможны лишь тогда, если онѣ будутъ вполне уравновѣшены экономическими выгодами. *Nordd. Allg. Zeit.* не отрицаетъ затрудненій, встрѣчаемыхъ въ разрѣшеніи вопроса съ русской точки зрѣнія, но вѣритъ, что испытанному знанію дѣла и разсудительности русскихъ делегатовъ удастся найти выходъ изъ затрудненій. Въ торговыхъ кругахъ напряженно ожидаютъ результата переговоровъ. Союзъ сельскихъ хозяевъ агитируетъ за созывъ окружныхъ собраній для соблюденія аграрныхъ интересовъ. *National Zeitung* порицаетъ агитацію союза, такъ какъ въ совѣтѣ экспертовъ для русско-германскихъ переговоровъ находится достаточное число сельскихъ хозяевъ. Конференція открылась 21 сентября въ помѣщеніи императорскаго управленія иностранныхъ дѣлъ. Делегатовъ привѣтствовалъ статсъ-секретарь баронъ Маршалъ. Совѣщанія происходятъ подъ предѣлательствомъ прусскаго посланника въ Гамбургѣ барона Тильмана. Въ качествѣ русскихъ делегатовъ участвуютъ: дѣйств. ст. сов. Тимирязевъ и Лабзинъ и ст. сов. Рафаловичъ, а какъ вторые делегаты — дѣйств. ст. сов. Штейнъ и губ. секр. Неллисъ. Совѣщанія держатся въ секретѣ. Тамъ же мѣсте *Kölnische Zeitung* сообщаетъ, что русско-германская торговая конференція началась съ обсужденія тарифныхъ

измѣненій, требуемыхъ Германіей. Чисто техническіе таможенные вопросы переданы въ специальную комиссію, заключенія которой будутъ, по мѣрѣ разработкы, обсуждаться въ конференціи.

Гладстонъ произнесъ, 15-го сентября, въ Альберт-Галлѣ, въ Эдинбургѣ, рѣчь, въ которой выставилъ на видъ, что шотландскій вопросъ останавливаетъ законодательныя мѣры для Англии и Шотландіи. Если лорды не отступятъ отъ принятаго ими положенія, то не одинъ шотландскій билль будетъ представленъ на судъ избирателей. Гладстонъ выразилъ надежду, что палата лордовъ вѣрѣе будетъ слѣдовать благоразумнымъ совѣтамъ. „Мы ни въ какомъ случаѣ, присовокупилъ ораторъ, — не можемъ уступить лордамъ; мы, съ Божьею помощью, найдемъ средства для достиженія нашей цѣли“.

Для борьбы съ палатой лордовъ, по словамъ *Westminster Gazette*, уже образовалось въ Лондонѣ общество подъ названіемъ „Worth, not Birth“ (достоинство, а не рожденіе). Агитація общества будетъ направлена противъ наследственныхъ привилегій палаты лордовъ. Оно имѣетъ въ виду объединить для той же цѣли всѣ либеральныя, радикальныя и рабочія ассоціаціи Лондона. Къ обществу уже примкнуло нѣсколько членовъ парламента. Президентомъ его избранъ депутатъ Сторей, который уполномоченъ внести въ палату общинъ резолюцію, напоминающую, что эта палата нѣкогда объявила, что великое собраніе, составленное изъ наследственныхъ членовъ, бесполезно, опасно и вредно.

Изъ Праги сообщаютъ: 20-го сентября появился манифестъ младочешскихъ депутатовъ. Въ манифестѣ заявляется, что событія, послѣдствіемъ которыхъ было объявленіе въ Прагѣ малаго осаднаго положенія, вызваны агентами-подстрекателями. Приверженцы младочешской партіи приглашаются дѣйствовать увѣренно и рѣшительно, но спокойно и осмотрительно. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ опасныхъ въ государственномъ отношеніи мѣсте манифеста, его вынуждены были печатать въ Лейпцигѣ и Будапештѣ, и, по появленіи въ свѣтъ манифеста, онъ тотчасъ былъ конфискованъ.

Изъ Бангкока сообщаютъ, что 19-го сентября состоялось окончательное соглашеніе между Франціей и Сіамомъ. Соглашеніе будетъ подписано 3-го октября.

Въ Лондонѣ получено свѣдѣніе, что миссія сэра Дюрана прибыла въ Кабуль 20 сентября. На встрѣчу миссіи былъ посланъ за городъ отрядъ всадниковъ, который и провожалъ англичанъ при ихъ вѣздѣ въ Кабуль. Вѣздъ членовъ миссіи состоялся въ пяти высланныхъ эмиромъ колескахъ, при чемъ афганская артиллерія салютовала 21-мъ выстрѣломъ. Эмиръ принималъ сэра Дюрана и его спутниковъ очень радушно.

Научныя и техническія новости.

— Трехлѣтніе опыты, произведенные въ Саксенъ-Веймарскомъ великомъ герцогствѣ), шлаки въ соединеніи съ каинитомъ, представителемъ сельско-хозяйственной школы (въ показали, что такъ-называемые Томасовые шлаки являются отличнымъ удобреніемъ для львовъ, сно-

Капитанъ 1 ранга Ричардъ Романовичъ Динеръ, командиръ эскадреннаго броненосца „Императоръ Николай I“. Съ фот. грав. Шюблеръ.

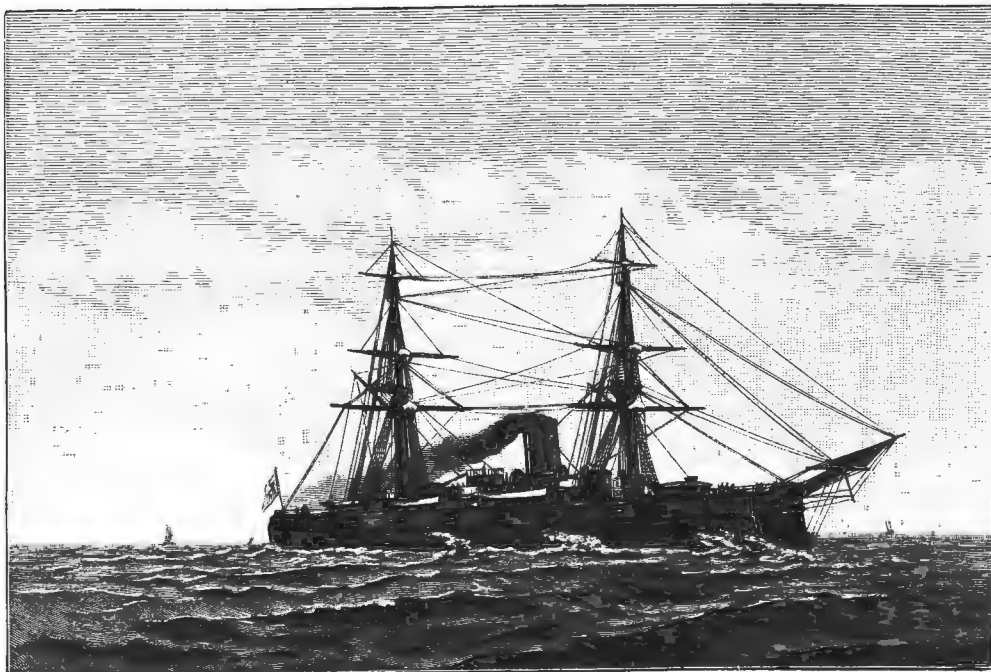
Капитанъ 1 ранга В. М. Лавровъ 2-й, командиръ броненоснаго крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“.

Капитанъ 1 ранга Г. П. Чухнинъ, командиръ полуброненоснаго фрегата „Память Азова“.

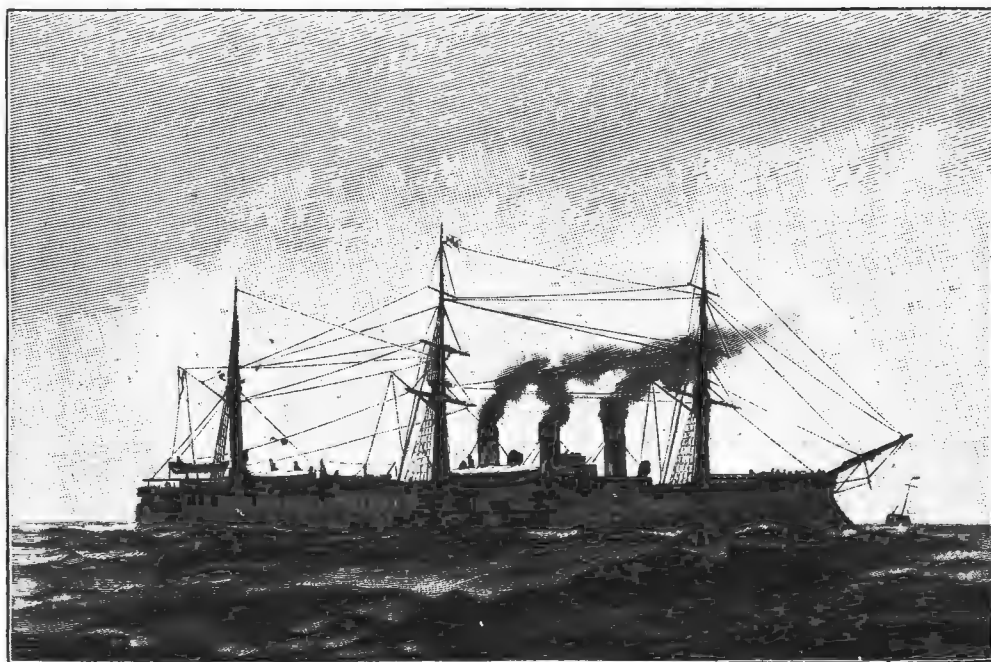
собствующее росту злаковъ и бобовыхъ растений, а въ частности, урожаю клевера. Составъ этихъ шлаковъ: около 17% фосфорной кислоты, 50% извести, 4% магнелин, 14% окиси желѣза, до 4% перекиси марганца и глинозема, 7,5% кремневой кислоты и ничтожная примѣсь сѣры и сѣрной кислоты.

— Для очистки платьевъ отъ жирныхъ пятенъ оказывается очень пригоднымъ слѣдующий, изобрѣтенный недавно въ Мюнхенѣ, способъ. Во вращающуюся машину для мытья бѣлья прибавляютъ размельченнаго въ порошокъ мрамора или песка въ одинаковой вѣсовой пропорціи къ водѣ, затѣмъ, перемѣшавъ воду, вливаютъ немного бензина или бензола. Передъ тѣмъ, какъ положить платье въ машину, его не слѣдуетъ чистить щеткою. При вращеніи прибора песокъ смываетъ всю грязь и пыль, покрывающую жирныя пятна. Если послѣ этой операции вымыть платье въ бензинѣ, то вещество это можетъ непосредственно воздѣйствовать и растворить жиръ, понавшій на ткань.

— Розенталь и Франкъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ усовершенствов-

Броненосный крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“. Грав. Рашевскій.

Полуброненосный фрегатъ „Память Азова“. Грав. Рашевскій.

вали фотографъ введеніемъ болѣе толстыхъ пластинокъ для передачи звуковыхъ волнъ. До сихъ поръ употребляли пластинки толщиной отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{10}$ миллиметра и еще менѣе, въ новомъ же аппаратѣ толщина пластинокъ отъ 2 до 4 миллиметровъ и выше. Вслѣдствіе этого, становится возможнымъ получать фонограммы не на мягкомъ воскѣ, а на твердыхъ металлахъ: свинцѣ, оловѣ, цинкѣ, латуни, мѣди и т. д., отъ чего, конечно, и самыя фонограммы выходятъ гораздо болѣе отчетливыми, лучше сохраняются и могутъ быть пущены въ дѣло снова, безъ всякой предварительной обработки.

— Чтобы приготовить искусственную минеральную воду, свободную отъ бактерий и хорошо насыщенную углекислымъ газомъ, слѣдуетъ сначала растворить въ водѣ тѣ соли, которыя входятъ въ составъ данной воды, и кипятить до тѣхъ поръ, пока весь воздухъ не будетъ удаленъ. Затѣмъ растворъ этотъ вливаютъ прямо въ герметически закупоренный сосудъ съ угольной кислотой; емѣсь охлаждають, а потомъ уже только обык-

Капитанъ 1 ранга А. Х. Кригеръ, командиръ корвета „Рында“.

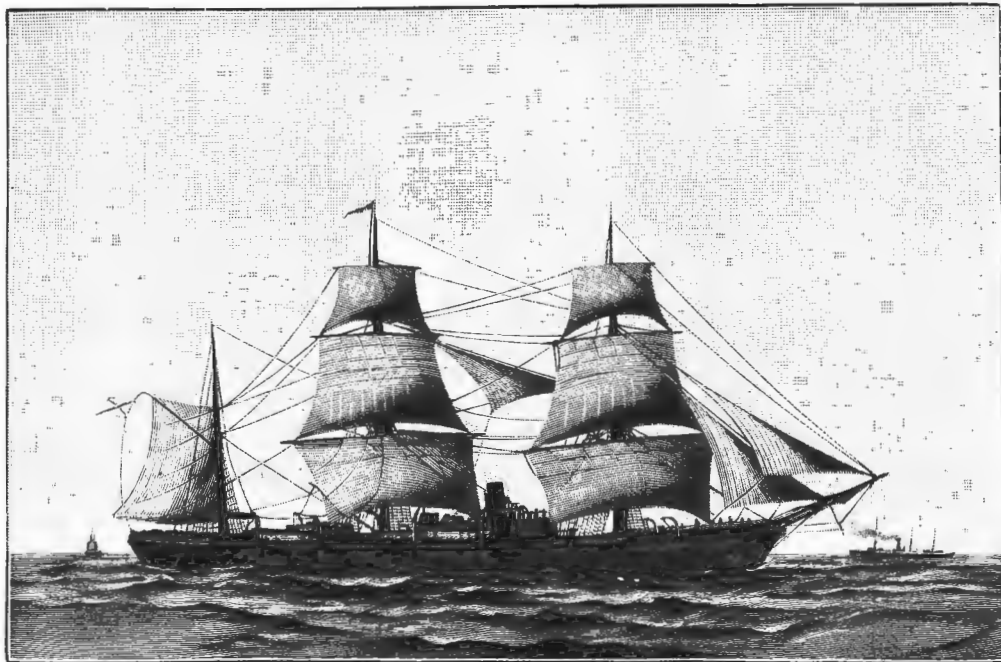
Капитанъ 2-го ранга М. В. Лощинскій, командиръ канонерской лодки 1 го ранга „Терець“.

Отець Авель, ієромонахъ Іоанно-Златоустова монастыря, священнослужитель на броненосномъ крейсере „Адмиралъ Нахимовъ“.

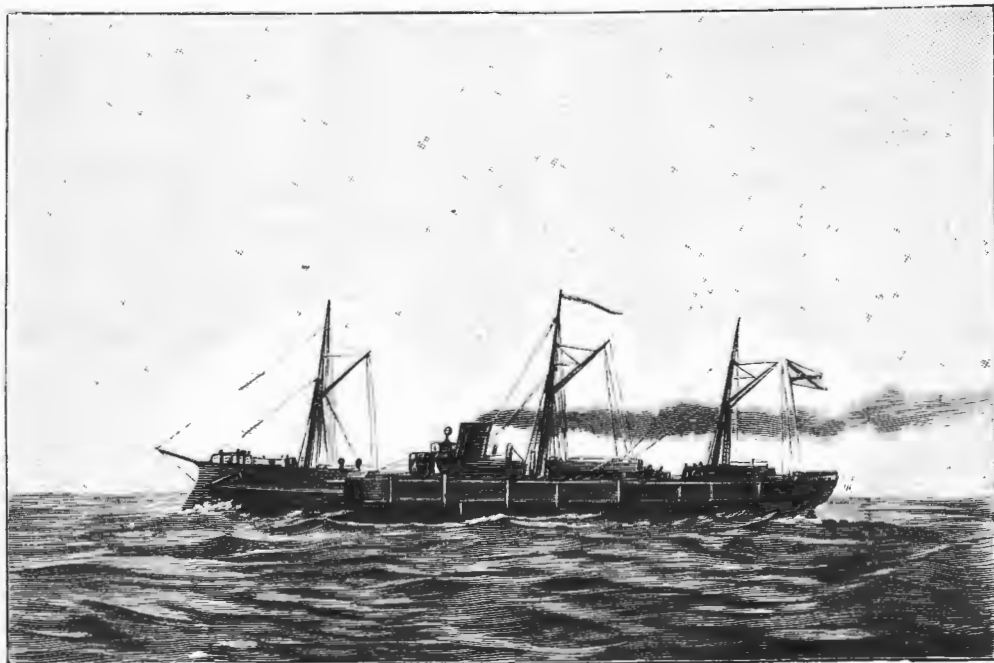
повненнымъ способомъ насыщаютъ воду углекислымъ газомъ.

Смѣсь.

Погребеніе заживо въ Китаѣ. Древній обычай китайцевъ— хоронить заживо людей добровольно и противъ воли—далеко еще не вымеръ. Печальной этой участи подвергаются, большей частью, такіа лица, которая грозятъ быть моральною или физической обузой семьи или общины, напр., игроки, профессиональные вору, несправимые курильщики опиума и проказенные. Французскій миссіонеръ, Х. Пигу, рассказываетъ, что въ округѣ Тонглокъ, гдѣ онъ жилъ, сосѣдь его былъ страстный, несправимый курильщикъ опиума. Для удовлетворенія своей вредной и дорогостоящей страсти, продать онъ, сначала, свои поля, затѣмъ жену и, наконецъ, своихъ сыновей. Послѣ этого онъ сталъ воровать; этимъ онъ исчерпалъ уже всякое терпѣніе своихъ ближнихъ, и они рѣшили избавиться отъ него, разъ навсегда. Нѣсколько сильныхъ молодыхъ людей извѣстали его о послѣдовавшемъ рѣшеніи его родственниковъ заживо похоронить

Корветъ „Рында“. Грав. Рашевскій.

Канонерская лодка „Терець“. Грав. Рашевскій.

его. Безирекосовно послѣдовалъ онъ за ними въ сосѣднюю долину, гдѣ уже была выкопана яма, и, попросивъ лишь одной милости,— покрыть ему лицо травой, далъ себя закопать. Въ округѣ Санонъ Пигу не разъ приходилось быть свидѣтелемъ погребенія заживо проказенныхъ. Жертвы этого варварскаго обычая не выказываютъ, обыкновенно, ни малѣйшаго сопротивленія, и этотъ героизмъ объясняется религіозными воззрѣніями китайцевъ. По ихъ вѣрованіямъ, загробная жизнь представляетъ продолженіе земной, а именно, что на томъ свѣтѣ каждый будетъ жить такъ, какъ онъ покинулъ этотъ. По народнымъ воззрѣніямъ, обезглавленный несетъ на томъ свѣтѣ свою голову подъ мышкой или привязанной къ поясу. Потому-то китайскій уголовный законъ предусматриваетъ нѣсколько степеней смертной казни, которая считается тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе повреждается тѣло преступника. Самая легкая степень смертной казни, это—повѣшеніе, обезглавливаніе представляется уже болѣе тяжкимъ; самое ужасное, это—„лин-чи“, т. е. разрваніе на

тысячи кусков". Таким образом, смерть въ видѣ погребенія живо, при чемъ тѣло остается неповреждаемымъ, считается у нихъ одной изъ самыхъ легкихъ и пріятныхъ видовъ казни. (э.)

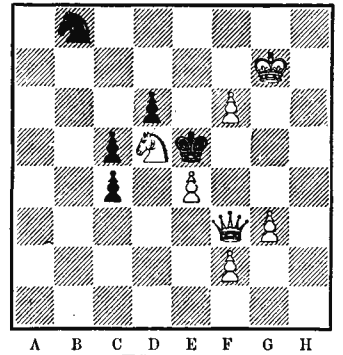
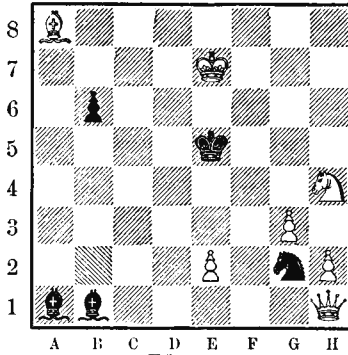
Врачебное искусство въ Китаѣ имѣло уже правильную, прочную постановку еще въ V и VI вѣкѣ по Р. Х. Въ VII вѣкѣ появилась китайская медицинская энциклопедія, состоявшая изъ 300 томовъ, подъ редакціей врачей. Въ 669 г. былъ учрежденъ однимъ корейскимъ жрецомъ университетъ. Въ немъ преподавались: врачебное искусство, акушерство (укальваніе иглами), массажъ и лѣченіе женскихъ болѣзней. Курсъ былъ 9-лѣтній, каждый десятый день былъ свободный, и, кромѣ того, два раза въ годъ были каникулы по 15 дней, но передъ каждымъ каникулами былъ устраиваемъ экзаменъ. Врачи были обязаны весь свой гонораръ, за первый годъ практики, отдать своимъ учителямъ. Акушерской практикой занимались специально женщины и также буддистскія монахини. Въ VIII вѣкѣ появилось на японскомъ языкѣ изслѣдованіе о нарывахъ, а въ началѣ IX вѣка появился древній японскій сборникъ медицинскихъ свѣдѣній (Dai-dô-tsu-schi-ho), собранныхъ по деревнямъ и храмамъ. Но китайское врачебное искусство вслѣдъ за тѣмъ снова заняло первенствующее мѣсто. Въ IX вѣкѣ китайцы уже разработали науку о гигиенѣ и затѣмъ основали больницу; учрежденія для выдачи народу лѣкарствъ имѣлись уже у нихъ ранѣе. (э.)

Изъ жизни дроздовъ. 29 июля, по сообщенію журнала „Nature“, пойманъ былъ молодой дроздъ и посаженъ въ большой, расположенный на совершенно открытомъ мѣстѣ, птичникъ. На слѣдующее утро владѣлецъ птичника замѣтилъ, какъ старая птица кормила черезъ рѣшетку червями пойманнаго дрозда. Въ этомъ же птичникѣ въ теченіе десяти лѣтъ находился старый дроздъ-самецъ, пойманный еще очень молодымъ. Онъ взялъ со стоявшей въ птичникѣ тарелки кусочекъ смоченнаго въ молоко хлѣба и тоже сталъ кормить молодого дрозда. Сначала птенецъ не бралъ ни за что корма отъ своей старой няньки, но затѣмъ принялся ѣсть. Старые дрозды наблюдали за этой сценой издали, и все время, въ продолженіе котораго самецъ кормилъ птенца, приносили кормъ черезъ рѣшетку. На другой день (31 июля) они уже ограничились только наблюденіемъ за птенцомъ съ сосѣдняго дерева. Какъ-то подкралась къ птичнику кошка, и старые дрозды сейчасъ же подняли страшный крикъ, стараясь оновѣстить о томъ стараго дрозда и его юнаго питомца. (э.)

ШАХМАТЫ,
подъ редакціей Э. С. Шиффера.

Задача № 19.
Н. И. Максимовъ (СПБ.).
Черные.

Задача № 20.
I. Kestl (Прага).
Черные.

Бѣлые.
Мать въ 2 хода.

Бѣлые.
Мать въ 3 хода.

Матчъ М. И. Чигорина
съ докторомъ Зигбертомъ Таррашемъ.

Для д-ра Тарраша предстоящій матчъ является первымъ серьезнымъ матчемъ. З. Таррашъ еще молодой игрокъ. Въ 1883 г. въ Нюрнбергѣ онъ взялъ 1-й призъ въ „Hauptturnier“, завоевавъ собою этимъ право участвовать въ „Meisterturnier“axh“. Послѣ успешной игры въ Гамбургѣ въ 1885 г. и въ Франкфуртѣ на М. въ 1887 г., Таррашъ завоевываетъ 1-й призъ подъ-рядъ въ 3-хъ турнирахъ: въ Дреславлѣ въ 1889 г., въ Манчестерѣ въ 1890 г. и въ Дрезденѣ въ 1892 г. Во всѣхъ трехъ послѣднихъ турнирахъ онъ проигралъ только одну партію! — Михаилъ Ивановичъ Чигоринъ, кромѣ блестяще выиграннаго матча по телеграфу со Стейнницемъ, 2-хъ матчей со Стейнницемъ и матча съ Гунсбергомъ въ Гаваннѣ, извѣстенъ побѣдами на турнирахъ въ Берлинѣ 1881 г., въ Лондонѣ 1883 г. и, въ особенности, въ Нью-Йоркѣ 1889 г., гдѣ онъ раздѣлилъ 1-ый и 2-ой призы съ Веисомъ, послѣ упорнаго матча, окончившагося въ ничью.

Настоящій матчъ особенно интересенъ въ виду того, что невозможно сказать, у котораго изъ двухъ мастеровъ больше шансовъ выйти побѣдителемъ изъ состязанія. Кромѣ того, въ Петербургѣ этотъ матчъ является первымъ шахматнымъ событіемъ, имѣющимъ всемирный интересъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Искатель приключеній. Повесть І. Ясинскаго. (Продолженіе). — Куреніе въ прошломъ. Очеркъ В. Адамовича. — Три желанія. Восточный разсказъ. — Гора дѣтскихъ и его лицей. Очеркъ (съ 3 рис.). — Политическія отношенія Россіи къ Франціи. Историческая справка. — Къ рисункамъ: Отправка арбузовъ (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Майская ночь“, Гоголя (съ рис.). — Свиданіе Самозванца съ его мнимой матерью (съ рис.). — О разсылкѣ главной премии за 1893 г.: Живописнаго альбома съ 10-ю акварелями. — Русская эскадра въ Тунисѣ (съ 5 рис. и 7 портр.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Научныя и техническія новости. — Смѣсь. — Шахматы. — О подлиннѣ на „Ниву“ 1893 г. — Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ОКТЯБРЬ; 2) ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1893 г. съ 33 рис. и отдѣльный листъ съ 24 чертмъ. выкройки въ натур. величину и 20 рис. вышивныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Князь М. Н. Волонскій.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1893 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. **5 р.** } Съ дост. въ Петерб. **6 р. 50 к.** } Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія **6 р.** } Съ перес. въ Москву и др. города Россіи **7 р.** } За границу. **10 р.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу **НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ,**

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, подъ редакціей академика, профессора Н. С. Тихонова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.

Цѣна за всѣ 5 томовъ — 6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп., а въ нѣтъ роскошныхъ коленкорныхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 50 к. Требования и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6. Въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи. Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ ВЪ СЕМЬѢ.

Д-ра Энциера. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Русаковой, пересмотрѣнный д-ромъ Добровольскимъ. Цѣна 50 к. Мт. № 6552

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (6)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ **Mimosa** ЛОЗЕ **Ixora-viola**

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛЫВАНІЯ, состояющій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. И. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изысканствомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ изданіи, литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 50 к.

Требованія просить адресовать: въ СПБ., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЪ КОФЕ
ТЕРСКАЯ, А. И. ПИЛИПЪ, въ МОСКВѢ, ПЕТРОВСКАЯ ТОРГ. ЛИНІЯ, 10.
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.
Вс. Соловьева.

Ромъ-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ромъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. Изд. 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ выслаются по почтѣ безплатно. Контора отправки нѣмецкихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.** **ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.**

10—10 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 6373

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что обувь производства его фабрики имѣютъ слѣдующіе торговцы и въ слѣдующихъ городахъ:

Только что вышла новая книга:
УХОДЪ ЗА КРАСОТОЙ
Какъ сохранить до старости природную красоту и какъ возстановить ее въ случаѣ преждевремен. утраты.
Сост. Николай П. Гинь.
Продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Склады изданія: 1) у автора, Москва, Срѣтенка, Пресвириный пер., д. Ганьшиныхъ, кв. № 56, и 2) (для гг. торговцевъ) въ книжн. магаз. П. К. Приинишкова, Москва, Петровскія линіи.
Выписывающіе отъ автора за перес. не платятъ. Въ укладу принимаются марки.

НОВЫЙ! КОШЕЛЕНЬ-ПОРТМОНЪ

Типъ Топъ
превосходно сдѣланы изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ съумѣетъ открыть Типъ-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармонки, очень изящный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (2)
3 разныя, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Переслано наложеннымъ платежемъ.

С. Петербургъ, Невск. пр., № 20-44.

МЫЛО.
отъ головной перхоти
ПРОВІЗОРЪ

А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

НАРОДНАЯ ЦИТРА

очень любимый и легко изучаемый музыкальный инструментъ.
Въ теченіе 1 часа можно выуч. играть. Звукъ очень мягкіе и пріятныя тембра. Подробное описаніе вис. безплатно. 7-ми педальныя, съ приспособ. для настройки только 6 р. Лучш. работы и сильнѣе въ тонъ 3 р. Ноты 10 альбомовъ по 50 коп., пересылка за 15 фунт. Ц. № 6545 3-1

И. Ф. МЮЛЕРЪ. Москва, Петровка, д. Волкова.

ШОКОЛАТЪ
Фабрики «С-С-У-К-Е»
НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

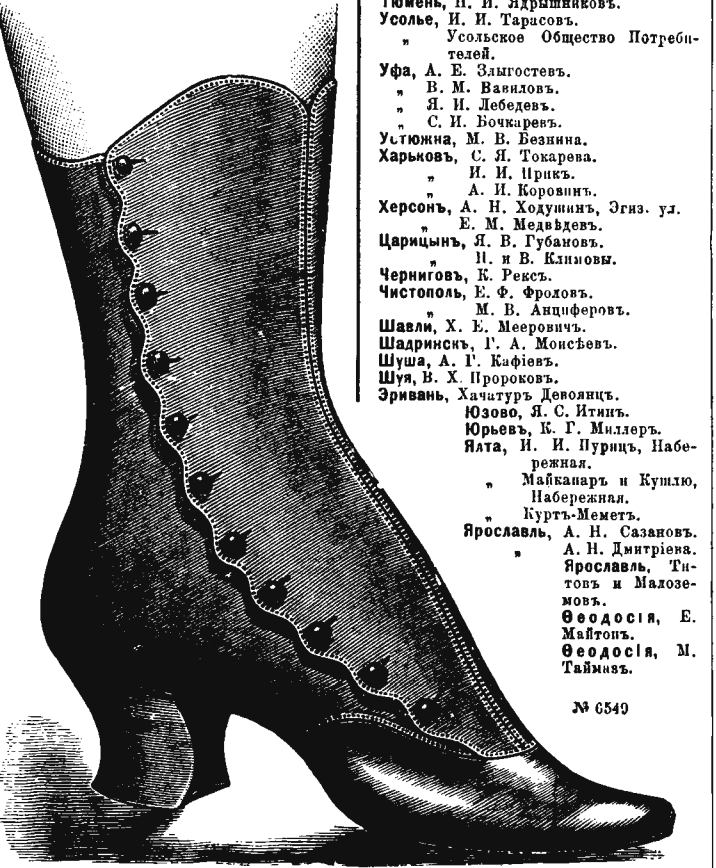
Фирма преицирована на европейскіхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
(13) **МИНДАЛЬНОЕ** № 5914

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нежность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подлин. А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Носметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известнѣхъ аптекарскіхъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайл. пл., д. Жербина, № 2.

- Александровскъ, Г. Д. Ольховскій.
- Армавиръ, С. И. Месликниъ.
- Архангельскъ, М. И. Арсенонъ.
- Астрахань, С. Ф. Трёмбинскій.
- И. Г. Степановъ.
- Н. И. Постниковъ.
- Торг. д. «Братья Гантшеръ».
- Бану, Х. А. Сааковъ, въ пассажѣ.
- Балаково, Е. С. Ермилинъ.
- Барнаулъ, Е. А. Жернаковъ.
- Г. Д. Маштаковъ.
- Д. Н. Суховъ.
- Батумъ, Х. А. Нанадопуло, набережная.
- Д. Зильбермейстеръ.
- Бахмутъ, Насл. А. Я. Абрамовича.
- Бердянскъ, С. К. Левензонъ, Гостинный дворъ.
- М. И. Бабаджанъ.
- Благовѣщенскъ, И. Я. Чурянь и Къ.
- Богородицкъ, П. В. Рудневъ.
- Богословскій заводъ, Прокофій Матвѣевичъ Шадринъ.
- Борисоглѣбскъ, Василій Андреевичъ Черномашенцовъ.
- Брянскъ, К. Т. Бриллиантовъ.
- М. Г. Добычинъ.
- Бузулукъ, Г. М. Киселевъ.
- Вейсенштейнъ, Г. Лейнбергъ.
- Верхнеудинскъ, Е. Г. Цигальниціи.
- Вильно, Л. М. Завиндъ.
- Владивостокъ, У. Г. Лангелитъ.
- Владикавказъ, Е. С. Зипалова Сынновъ.
- Братья Н. и В. Богдасаровъ.
- Д. А. Никитинъ.
- С. Э. Терзиевъ.
- Воронежъ, Братья М. и Л. Поповъ.
- В. С. Федоровъ.
- Воронцовна (Ставр. губ.), С. Р. Корниловъ.
- Воткинскій заводъ, Г. С. Пьянковъ.
- Вѣшня, И. Рабиновичъ.
- Гельсингфорсъ, Марія Линдросъ, Александровская ул., 11.
- Э. Леибекъ, противъ Эспланады.
- Георгиевскъ, Е. М. Кузьминъ.
- Грозный, Е. М. Зипалова.
- Гурьевъ (Урал. Обл.), В. В. Ларинъ.
- Двинскъ, С. А. Клячкинъ.
- Дубовка (Сарат. губ.), Александръ Христофоровичъ Граубергеръ.
- Евпаторія, И. Я. Воеводкинъ.
- Еяскъ, И. С. Карлашевъ.
- Екатеринбургъ, братья Макаровъ.
- Екатеринодаръ, Бр. Г. и С. Шевцовы.
- И. В. Копляровъ.
- И. М. Шапошниковъ.
- Екатеринославъ, Х. Л. Будиловъ.
- К. А. Стрѣлянинъ.
- В. О. Гусевъ.
- В. Г. Заморуевъ.
- Елизаветградъ, Х. С. Олинская.
- Г. Д. Меерсонъ.
- Л. Л. Межеревскій.
- Енисейскъ, И. П. Захаровъ.
- С. В. Козьминъ.
- Есентуки, Е. С. Зипалова Сынновъ.
- Житомиръ, О. А. Эленбергъ, С.-Петербургскій магазинъ.
- Зейская пристань на Амурѣ, П. А. Опаришъ.
- Зиньинскій, П. В. Воробейскій.
- Иваново-Вознесенскъ, Александръ Венедиктовичъ Шудровъ.
- Иркутскъ, П. П. Фаустейнъ.
- А. И. Иѣсехонова.
- А. Ф. Второвъ.
- Казань, М. В. Катковъ.
- Калуга, Я. Г. Кушнинниковъ.
- Насл. В. М. Добровольскаго.
- Каменецъ-Подольскъ, Г. Гитлеръ.
- З. Гитлеръ.
- Карасубазаръ, М. Тумановъ.
- Касимовъ, И. О. Петъко.
- Кашинъ (Тверск. губ.), Федоръ Федоровичъ Черевинъ.
- Керчь, Д. И. Дичманъ, Воронц. ул.
- Х. С. Михайловъ.
- С. Фильштйнеръ.
- Кизель, Кизелевское Общ. Потребит.
- Кинешма, М. П. Новикова.
- Кирсановъ, П. Е. Егоровъ.
- Кіевъ, Насл. А. И. Шабардина.
- Козловъ, В. Н. Никифоровъ.
- Колыванъ, Е. А. Жернаковъ.
- Коротоякъ, И. В. Андреевъ.
- Кострома, Ф. Ф. Настухова.
- М. И. Чернышева.
- Красноярскъ, Николай Герасимовичъ Гадаловъ съ Сынновъми.
- Ф. Ф. Раззороновъ.
- Кременчугъ, Я. М. Бабаджанъ.
- Кронштадтъ, Я. К. Марковъ.
- Кузнецкъ (Томск. губ.), Леонидъ Никандровичъ Емельяновъ.
- А. В. Хизовъ.
- Нурганъ, М. А. Щербакъ.
- Нурсъ, магазинъ СИБ. Мех. обуви, Московская ул. д. Александра.
- Кутаисъ, Г. О. Кемуларовъ.
- П. В. Габунія.
- В. Г. Габунія.
- Луганскъ, Л. Д. Левитовъ.
- Майкопъ, О. Н. Сармакешевъ.
- Маргеланъ, Д. Н. Захо.

- Мариуполь, К. И. Берюшовъ.
- В. А. Томазовъ.
- С. М. Сахаровъ.
- Минусинскъ, Н. А. Смирновъ.
- Митава, А. Хомза.
- Мелитополь, С. М. Сахаровъ.
- А. М. Косой.
- Михайловъ (станція по Закавказской ж. д.), И. В. Аюновъ.
- Могилевъ губернс., О. М. Эберлингъ.
- Подольскъ, Ю. Г. Бройде.
- Моздокъ, Н. Г. Кожвинниковъ.
- Моршанскъ, И. М. Муницъ.
- Ф. Н. Барановъ.
- Невьянскій заводъ, А. М. Филипповъ.
- Нерчинскъ, С. И. Рындигъ.
- В. М. Лукинъ.
- Нижній-Новгородъ, Митрофанъ Никандровичъ Смирновъ.
- И. Д. Богдановъ.
- Николаевскъ на Амурѣ, Дикманъ и Къ.
- Николаевъ, Л. Ага, Соборная ул.
- Б. Бабаджанъ.
- Никольское-Орхово, Общ. Потребителей.
- Новороссійскъ, Г. Н. Шумовъ.
- Новочеркасскъ, Е. Д. Титченко.
- И. И. Моноцковъ.
- С. К. Карѣевъ.
- Н. Г. Милоковъ.
- Нѣжинъ, А. Я. Золотницкій.
- Оберпленъ, К. Ф. Лейбергъ.
- Одесса, С. Нейманъ, Ришельевская ул.
- К. М. Яковенко, Александровская ул.
- К. М. Яковенко, Соборн. пл.
- З. Филуринъ, Рыбная площ.
- Л. Филуринъ, въ городскомъ домѣ на старомъ базарѣ.
- Омскъ, А. И. Деровъ.
- Оренбургъ, А. И. Мотковъ.
- О. И. Грабовскій.
- Орелъ, Братья А. Я. и В. Шенкина.
- Павлодаръ, А. И. Деровъ.
- Пенза, М. П. Карташовъ.
- К. П. Карташовъ.
- А. Н. Семеновъ.
- Пермь, П. Г. Гавриловъ.
- Продовольственный отдѣлъ Уральской ж. д.
- Пинега, Братья Володинъ.
- Полтава, С. Я. Токарева.
- Поти, М. Г. Алхазовъ.
- Похомонь, И. А. Сѣвѣнниковъ.
- Прилуки (Полтавск. губ.), И. С. Литвиненко Сынновъ.
- Патигорскъ, С. А. Бураковъ.
- В. С. Зипаловъ.
- Братья Лейзеровичъ.
- Ревель, К. Юргенсонъ.
- Рига, А. Хомза и Къ.

- Ромны, П. Н. Кузнецовъ.
- Ростовъ на Дону, П. И. Ильинъ.
- Братья А. и Э. Бахчисрайцевы.
- И. М. Троицкинъ.
- И. Н. Барбашинъ.
- Ярославскій, Титовъ и Малоземовъ.
- Рыбинскъ, Н. В. Батривъ.
- Рязьскъ, И. В. Дураковъ.
- Рязань, А. М. Пономаревъ.
- Салаирскій рудникъ, Е. М. Смирновъ.
- Самара, К. Н. Поповъ.
- Ю. В. Христензенъ.
- Самарандъ, Д. Н. Захо.
- Саратовъ, П. Г. Вестужевъ.
- А. Н. Болдыревъ.
- А. Н. Потокова.
- Севастополь, П. И. Грязновъ, Нахимовскій просп.
- А. Чаушъ.
- И. И. Базовъ.
- А. Квашинъ.
- Семипалатинскъ, А. И. Деровъ.
- Ф. П. Плещеевъ.
- Серпуховъ, Е. Я. Фирсадова съ Сын-зп.
- Симферополь, Л. Я. Бозаджievъ, Поднебеская улица.
- И. Ф. Гусиковъ.
- И. М. Баласный.
- Симбирскъ, И. М. Бердичъ.
- Снопникъ, В. С. Фадѣевъ.
- Славянскъ, Братья Чеботаревы.
- Смоленскъ, Б. А. Гринцевичъ.
- А. В. Ананьевъ.
- Сумы, В. Г. Софроновъ.
- Сухумъ, В. Хайкиевичъ.
- Сызрань, А. К. Гукъ.
- Тавризъ, Багдасаръ Джаніевъ.
- Таганрогъ, П. И. Ильинъ.
- Ташевъ и Хаспекъ.
- Талсенъ, Г. В. Бергеръ Сынновъ.
- Тамбовъ, М. А. Афанасьевъ.
- П. И. Гриндевъ.
- Ташинтъ, Д. Н. Захо.
- Тверь, М. И. Жуковъ.
- Тегеранъ, Н. Г. Засыпкинъ.
- Тифлисъ, А. С. Григорьевъ, Дворцов. ул.
- С. Г. Алавердовъ.
- И. В. Абовьяницъ, Эриванск. ул.
- А. В. Абовьяницъ.
- А. А. Шарбабеговъ.
- Тобольскъ, Н. А. Ершовъ.
- И. И. Корсукова.
- Томскъ, И. И. Малыхъ.
- И. И. Колосовъ.
- Е. М. Головановъ.
- Торжокъ, М. М. Лукинниковъ.
- Тула, Н. И. Ксенофонтовъ.
- Н. И. Щегольковъ.
- Торговый Домъ «Селезнева Сынновъ».
- Тюмень, П. И. Ядрышниковъ.
- Усолье, И. И. Тарасовъ.
- Усольское Общество Потребителей.
- Уфа, А. Е. Зыгостевъ.
- В. М. Вавиловъ.
- Я. И. Лебедевъ.
- С. И. Бочкаревъ.
- Устюжна, М. В. Везина.
- Харьковъ, С. Я. Токарева.
- И. И. Црикъ.
- А. И. Коровинъ.
- Херсонъ, А. Н. Ходушинъ, Эгиз. ул.
- Е. М. Медвѣдевъ.
- Царицынъ, Я. В. Губановъ.
- И. и В. Клиновъ.
- Черниговъ, К. Рексъ.
- Чистополь, Е. Ф. Фроловъ.
- М. В. Андиферовъ.
- Шавли, Х. Е. Меероничъ.
- Шадринскъ, П. А. Монсѣевъ.
- Шуша, А. Г. Кафеевъ.
- Шуя, В. Х. Пророковъ.
- Эриванъ, Хачатуръ Девонянъ.
- Юзово, Л. С. Ильинъ.
- Юрьевъ, К. Г. Миллеръ.
- Ялта, И. И. Пуриць, Набережная.
- Майкапаръ и Кушлю, Набережная.
- Куртъ-Меметъ.
- Ярославъ, А. Н. Сазановъ.
- А. Н. Дмитріевъ.
- Ярославъ, Титовъ и Малоземовъ.
- Феодосія, Е. Майтопъ.
- Феодосія, М. Таймязъ.

№ 6540

Вышли из печати и разосланы подписчикам

14-й и 15-й ВЫПУСКИ

нового роскошного периодического издания, под названием:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ первый (1893), содержащий въ себѣ:

СКАЗКИ,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакціею П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый — въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Издание А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СПБ., Невскій, № 6; въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Н. Печковской, а также во всѣхъ книжн. и эстампныхъ магаз.

Для ознакомленія съ изданіемъ, вновь отпечатанный 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается всѣмъ желающимъ за 50 коп. почтовыми марками.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 к.

Английскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6560

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., по прочности и дешевизнѣ незаменимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, конторщиковъ, техникумовъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч.

Иногороднымъ высылаются образцы. Магазины: СПБ., Владимирская, № 6; Петерб. сторона, Вольж. пр., д. 38—40. Рига, Вольж. Новая улица, 15. № 6489 10—9

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица. Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просьба обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ тономъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Ш. № 6449 23—15

Прейсъ-кур. почтовыхъ марокъ на 1893/4 г. выслано за 14 коп. почт. марк.—Б. Гостонскій, с. Потокъ, ст. Мироповка, Кіев. г.

Изд. Т-ва Росс.-Америк. резин. м-ры. ПИХЛАУ И БРАНТЬ.

Подр. объявл. помѣщ. въ № 34, „Нива“ с/г. ВЪ МОСКВѢ, Петровка, д. Ганецкой. Ильинка, рядомъ съ Виржей. Ш. № 6556

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается вслѣдъ заочнo (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52—26

За 2 семиконечныя марки высылаютъ пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

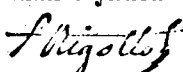
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—18

Иллюстрированныя преісъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ.—Требовать подписи изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанную краснымъ цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—7

Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie, 21, avenue V.сота, Парижъ.

С.-Петербургская фабрика „BEBE RUSSE“.

Предлагаетъ почтеннѣйшей публикѣ усовершенствованныя нунки своей выработки, по вышивности столь изящныя и красивыя, что не уступаютъ заграницнымъ, прочностью же превышаютъ, въ виду своего небышагося качества. Цѣны умеренныя. Гг. торговцамъ уступка. Иногороднымъ преісъ-куррантъ высылается безплатно. № 6335 3—3 С.-Петербургъ, р. Ждановка 9.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ! КАУЧУКОВЫЙ МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ. Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11—9 Цѣна коробки 40 коп.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА ФАБРИКИ Т. ТРАППЪ. ИЗВѢСТНЫЕ ВО РОССИИ БЫСТРЫМЪ, МЯГКИМЪ ПОМОЛОМЪ И ОТСУТСТВИЕМЪ КОЖКИ. ОТЗЫВЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ. КОНТОРА ВЪ Б. ЖУКОВСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

По весьма умереннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ

въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25 р. и дор. СКРИПКИ 3/4, 1 1/2 и 1 3/4 величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ.

Самоучитель Багалица въ 1 р., 2 р. 50 к. и 3 р. АЛТЫ и ВИОЛОНЧЕЛИ.

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. (Отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ). Самоучитель Соколова по 1 1/2 и 2 1/2 руб.

Ноты въ дѣшевыхъ изданіяхъ. Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированныя преісъ-курранты—безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо

Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Бузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Въ конторѣ изданій А. Ф. Маркса въ СПБ. продаются слѣдующія народныя иллюстрир. изданія сочиненій

Н. В. ГОГОЛЯ.

- 1. Коляска. Повесть. Брош. 10 к.
- 2. Вечеръ накануне Ивана Нупала. Повесть. Брош. 10 "
- 3. Вій. Повесть. Брош. 20 "
- *4. Майская ночь или утопленница. Повесть. Брош. 15 "
- *5. Сорочинская ярмарка. Повесть. 15 "
- 6. Ночь. Повесть. Брош. 10 "
- 7. Страшная мѣсть. Повесть. Брош. 20 "
- *8. Тарасъ Бульба. Повесть. Въ перекл. 30 к.
- 9. Пропавшая грамота. Повесть. Брош. 10 "
- *10. Ночь предъ Рождествомъ. Повесть. Брош. 20 "
- 11. Женитьба (соверш. невѣроятное событіе). Комедія. Брош. 20 "
- *12. Шинель. Повесть. Брош. 15 "
- 13. Заколдованное мѣсто. Повесть. Брош. 10 "
- 14. Ревизоръ. Комед. Брош. 40 "

* Допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

Выписыв. отъ 1—3 брошюръ прилаг. за перес. заказн. бандер. 15 к. " " 4—8 " " " " " 25 " " " 9—13 " " " " " 40 "

Выписывающіе одновременно не менѣе 14 книжекъ непосредственно изъ КОНТОРЫ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій, 6,— за пересылку не платятъ.

Деньги могутъ быть присылаемы почтовыми марками.

В. № 6554 6—1

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Дубинкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста. БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. преісъ-куррантъ высыл. по требован. безплатно.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. Павленкова:

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ПРИРОДѢ. ЖОРНА ДАРИ. Переводъ съ французскаго. Д. Голова. Съ 102 рисунками. ЦѢНА 1 Р. 25 К. Мт. № 6551

ЛЕПНИЦЫ и ГЮЗНИЦЫ ПИСАТЬ не только красиво но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылка условія и пробное письмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кал. Э. Кошидарисъ. № 6519 10—3

Поступила въ продажу сѣвѣра осенняго сбора № 6533 **ЭФЕДРА** (или трава Кузьмича). Лучшіе отборные сорта собственныхъ сборовъ, высылаются по чтой во всѣ мѣста Росс. Имг. по 1 р. за ф. безъ перес., съ прилож. наставленія. Высылка производится и съ налогомъ платежа. Желающимъ ознакомиться съ подробнымъ описаніемъ растенія и его свойствамъ, на каждыя 3 ф. высылаются по одной и на 5 ф. по двѣ брошюры Н. П. Партанскаго—безплатно. Главный складъ и Контора К. С. Шерстникова, въ Бузулукѣ, Сам. губ. Адр. для телегр. извѣстенъ.

XXIV г.

№ 41

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выходитъ ежедневно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣсячн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 9 октября 1893 г. Остал. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Голландская дѣвушка. Съ карт. Фехнера младш., грав. Гейеръ и Кирмсей.

Помоги!

Помоги!.. Для головки
твоей не могу
Изъ любимыхъ цвѣтовъ
приготовить уборъ:
Ихъ такъ много цвѣтеть
на зеленомъ лугу,
Что невольно теряется
взоръ.
* * *
Я ревниво смотрю, какъ
успѣтъ мотылекъ
Твой задумчивый взглядъ
на минуту привлечъ...
Помоги-же связать мнѣ
и чудный вѣнокъ,
И безумную, страстную
рѣчь!

А. Луньяновъ.

При этомъ №. разсылается гг. годовымъ подписчикамъ главная художеств. премія „Нивы“ на 1893 годъ—АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10-Ю АКВА РЕЛЯМИ.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

На обрывѣ, точно замокъ, возвышался узкій, какъ башня, четырехъэтажный домъ съ высокой крышей. На днѣ оврага стояла лужа, и въ ней отражался домъ своими освѣщенными окнами. Окна были завѣшаны прозрачными, красными занавѣсками до половины. Молодые люди подошли къ высокому крыльцу, на которое, съ высоты четвертаго этажа, опирались узкія, высокія колонны. Дверь была плотно затворена, и надо было долго стучать, прежде чѣмъ впустили вошедшихъ. Входъ былъ грязный, освѣщенный сальными свѣчами. Плащи и палки были брошены куда попало на землю, въ углу передней. Единственный лакей съ заспанной физиономіей и съ бѣльмомъ на глазу, вооруженный кривой саблей, оберегалъ переднюю. Онъ раскрылъ двери передъ графомъ, посмотрѣлъ на Михольскаго, котораго видѣлъ въ первый разъ, и пропустилъ въ залу. Зала тоже была грязная, и тоже освѣщали ее сальные свѣчи. Онъ горѣли въ деревянныхъ, золоченыхъ стѣнникахъ и въ такой же люстрѣ посреди комнаты. Половина столовъ была пуста; возлѣ одного изъ нихъ толпилась кучка народу; тамъ играли. За залой была еще другая комната, гдѣ тоже играли; въ третьей комнатѣ тоже шла игра. Слышался шелестъ картъ, звонъ денегъ, отдѣльные восклицанія. Остановившись недалеко отъ стола, гдѣ происходила игра (между тѣмъ какъ графъ Коновязовъ, пожавъ ему руку, пошелъ дальше, въ слѣдующую комнату), Ромуальдъ смотрѣлъ на новыя лица.

Молоденькій, завитой, какъ барашекъ, и безусый чело-вѣкъ, скорѣе похожій на дѣвушку или даже на дѣвочку, графъ Пунинскій держалъ банкъ. Онъ считалъ, что ему необходимо быть чрезвычайно хладнокровнымъ, и всѣ свои силы употреблялъ на то, чтобы не выдать своего волненія. Поэтому онъ былъ въ обращеніи сухъ, медителенъ въ движеніяхъ и холодно относился къ деньгамъ; но на его щекахъ выступалъ такой яркій румянецъ, которому позавидовала бы любая красавица.

Въ числѣ партнеровъ хорошенькаго графа были два чело-вѣка, похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Они выдавались изъ общей массы игроковъ своей странной внѣшностью. Волосы у нихъ были расчесаны по-срединѣ, чернаго цвѣта, и прямыми плоскими прядями падали почти до самыхъ плечъ. Усы были длинные, польскіе, но одинъ изъ нихъ носилъ бакенбарды, а другой — длинную испанскую бородку, которая была повязана галстукомъ и торчала изъ-подъ него на четверть аршина. Шаровары на нихъ были сшиты изъ какой-то толстой матеріи и чуть не до колѣнъ обложены кожей. Къ уговицѣ сюртука, похожего скорѣе на полушубокъ, потому что онъ былъ обшитъ, несмотря на теплую погоду, мелкимъ чернымъ барашкомъ, былъ привѣшенъ кисетъ для табаку, расшитый бисеромъ и стеклярусомъ, а въ особомъ карманѣ заткнута трубка съ коротенькимъ чубукомъ. Рядомъ съ кисетомъ висѣла тонкая ременная плеть. Вскорѣ Михольскій узналъ изъ разговора, который слышалъ вокругъ себя, что это паны Розмачульскій и Пустогловскій — скандалисты и „балагулы“.

Когда молоденькій банкометъ билъ карту, Розмачульскій восклицалъ:

— Клянусь честью, то божественная карта!

И ему вторилъ Пустогловскій:

— Клянусь честью!

Они вынимали деньги изъ широкихъ шароваръ и ставили небольшими кучками. Михольскій замѣтилъ,

что, проигравъ, Розмачульскій безъ церемоніи деньги принималъ и пряталъ въ карманъ, а Пустогловскій придвигалъ свои Розмачульскому, и тотъ тоже ихъ пряталъ. Когда же они выигрывали, то стирали къ выигрышу свои четыре руки съ такой стремительностью, что являлось опасеніе, какъ бы они вмѣстѣ со своимъ выигрышемъ не захватили и чужія деньги. Глаза у нихъ горѣли, какъ у волковъ, и, нечаянно увидя Михольскаго, они толкнули другъ друга локтемъ и, повернувшись къ нему лица, нѣкоторое время пристально смотрѣли на него.

— Клянусь честью! сказала послѣ этого Розмачульскій.

— Клянусь честью! подтвердилъ Пустогловскій.

Эти паны играли словомъ „честь“ и придавали ему различное значеніе, смотря по тому, какимъ тономъ оно было сказано. Съ любопытствомъ глядѣлъ Ромуальдъ на обоихъ пановъ — на пана Розмачульскаго и пана Пустогловскаго: въ первый разъ видѣлъ онъ такихъ татарообразныхъ поляковъ. Балагулы продолжали, отъ времени до времени, оборачиваться въ его сторону и пытливо смотрѣть на Ромуальда.

Графъ Коновязовъ прошелъ по заламъ игорнаго дома и вернулся къ Михольскому; онъ дотронулся до его плеча.

— А что вы стоите безъ дѣла? Вонъ князь Войдылдъ.

— Неужели князь? Я не ожидалъ его здѣсь встрѣтить, сказалъ Ромуальдъ.

— Почему не ожидали? Здѣсь бываютъ всѣ. Въ холерное время тутъ было такъ полно, что яблоку негдѣ было упасть.

— Князь Войдылдъ! вскричалъ графъ, — везетъ?

— Тысячу громовъ! отвѣчалъ князь, — я сейчасъ спустилъ въ рулетку препорядочную сумму. Здравствуй еще разъ, панъ Михольскій. Ты чего сконфузился? Бываютъ дома, о которыхъ не говоришь, и, когда встрѣчаешься тамъ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, то, по крайней мѣрѣ, надо быть храбрымъ.

— Да, да, вамъ надо освоиться, господинъ Михольскій. — Я васъ сейчасъ познакомлю съ Ильинскимъ! Господинъ Ильинскій!

Онъ подозвалъ къ себѣ коротенькаго чело-вѣчка съ двумя горбами — на груди и на спинѣ. Этотъ чело-вѣчекъ былъ увѣшанъ золотыми цѣпями, словно веригами, которыя онъ далъ обѣтъ носить, чтобы угодить богу богатствъ и воровской удачи.

Михольскаго представили, какъ богатаго молодого чело-вѣка, и содержатель игорнаго дома граціозно расшаркался и пожалъ руку новому гостю.

— Позвольте васъ ввести во владѣніе, сказалъ онъ, — вотъ одна зала, здѣсь играютъ въ банкъ, въ фараонъ, въ гальбикъ, тамъ коммерческія игры — преферансъ и вистъ, а вотъ здѣсь забавляются рулеткой и лото. Наконецъ, пожалуйста сюда — къ вашимъ услугамъ буфетъ съ закусками и съ виномъ. Подобно предкамъ своимъ, я считаю своей священной обязанностью быть гостеприимнымъ.

Горбуны говорили о своемъ гостеприимствѣ, фразы его были выложены и манеры холодно-вѣжливы.

Онъ не отставалъ отъ Михольскаго и отъ князя Войдылда. Наконецъ, увидавъ, что они желаютъ играть, онъ сдѣлалъ серьезное лицо и исчезъ, потому что ему надо было подойти еще къ другой группѣ гостей, развлечь ихъ и возбудить къ игрѣ.

— Странно, что нѣтъ Абрамсона, сказалъ графъ Ко-

новязовъ,—онъ обѣщалъ, и я такъ рассчитывалъ, проговорилъ онъ вполголоса, какъ бы по разсѣянности обращаясь къ Михольскому. — Дѣло въ томъ, что мнѣ хочется поставить карту графу Пунинскому, а у меня всего десять червонцевъ. Впрочемъ, я поставлю карту.

— А пожалуй и я, сказалъ князь Войдылдъ, и шепнулъ Михольскому: — Если ты будешь играть, панъ, то не давай займы Коновязову: тебѣ вѣдомъ игрецкій обычай? И надѣюсь, что, все равно, ты не получишь долга.

Онъ подошелъ къ столику и тоже поставилъ карту.

Приятный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Михольскаго; ему страшно захотѣлось принять участіе въ игрѣ. Чего нельзя сдѣлать со ста червонцами въ карманѣ! Но ему было стыдно играть на эти деньги при князѣ Войдылдѣ. Онъ остановился поодаль и жадно смотрѣлъ на зеленое сукно.

Графъ Коновязовъ проигралъ два червонца. Князь Войдылдъ проигралъ десять. Онъ обернулся къ Михольскому и посмотрѣлъ на него злыми глазами.

— А что? спросилъ онъ.

— Пани Пташинская девотка и скупа, какъ чортъ, проговорилъ Ромуальдъ, приближаясь къ Войдылду. — Она потребовала доказательствъ, но ты самъ понимаешь, ясновельможный...

— Тсс... Ты съ ума сошелъ, панъ Михольскій! съ ужасомъ произнесъ князь Войдылдъ, озираясь и оставивъ взглядъ на графѣ Коновязовѣ, который продолжалъ играть съ переменнымъ счастьемъ. — Не гнѣви меня, панъ Михольскій; если ты еще разъ заикнешься, я не знакомъ съ тобой. Играй, панъ.

Приблизясь къ столу, Ромуальдъ взялъ мѣлъ и написалъ на сукнѣ крупную цифру, окруживъ ее чертой. Новая колода картъ затрещала въ его рукахъ.

— Сто рублей! Уголь! На-пе!

Счастье повалило Михольскому.

Онъ ужъ два раза выигралъ ту самую сумму, которую намѣтилъ мѣлкомъ. Графъ Пунинскій холодно посмотрѣлъ на него и движеніемъ своей блѣдной, продолговатой руки отодвинулъ въ его сторону два свертка червонцевъ.

— Отчего панъ Невѣдомскій не показалъ намъ начала, что у него въ карманахъ? шепелявъ, какъ ребенокъ, съ особеннымъ балагульскимъ шикомъ проговорилъ Розмачульскій, обращаясь къ Михольскому. — Клянусь честью, хотѣлъ бы узнать, столько-ли въ нихъ было содержанія, сколько въ панской головѣ, если объ умѣ пана можно заключить по его дерзкимъ взглядамъ?

— Развѣ ты не видишь, что это не панъ Невѣдомскій, а панъ Безыменскій? серьезно сказалъ Пустогловскій.

— Или, можетъ-быть, панъ Ослинскій? спросилъ его Розмачульскій, приставляя пальцы къ ушамъ.

— Панъ Галганскій! сказалъ Пустогловскій грознымъ голосомъ, тыча указательнымъ пальцемъ въ зеленое сукно. — Ставь сто пецовъ! А, не любишь?!

— А, не любить! Клянусь честью! повторилъ другой балагуль, и спряталъ въ карманъ деньги, лежавшія возлѣ его карты, битой Пунинскимъ.

— Кажется, вы не прислали, или нечаянно взяли назадъ? произнесъ банкومترъ, приостанавливая метать карты.

— Ну, но-но-но-но... Клянусь честью, деньги взяты! Вацлаве, ты видѣлъ?

— Я видѣлъ, Яне; клянусь честью! отвѣчалъ товарищъ съ гордостью и молодцовато провелъ рукой по своимъ огромнымъ усамъ.

Бѣлья, какъ у дѣвушки, руки молоденькаго графа, прекратившаго споръ съ балагулами и великодушно удовлетворившагося ихъ объясненіемъ, пришли снова въ движеніе, и карты съ эластическимъ шорохомъ

стали ложиться направо и налево. Михольскій еще выигралъ два свертка червонцевъ. Балагулы затрогивали его, но онъ дѣлалъ видъ, что совѣмъ ихъ не замѣчаетъ. Когда онъ протянулъ руку за послѣднимъ выиграннымъ сверткомъ, балагулы чуть не вырвали у него денегъ.

— Развѣ панъ выигралъ? азартно спросили они, повернувшись къ нему ослабленные рты.

— Да, выигралъ панъ, проговорилъ графъ Пунинскій, бросая довольный взглядъ на банкъ, который, несмотря на этотъ проигрышъ, все-таки не былъ сорванъ. Можно было надѣяться, что графъ Пунинскій не только долго продержится, но даже выйдетъ съ нѣкоторой честью изъ игорной битвы.

— Ты, Михольскій, чертовски счастливъ, сказалъ князь Войдылдъ. — Я завидую тебѣ. Сколько ты выигралъ?

— Я не считалъ, но, полагаю, уже до восьмисотъ червонцевъ.

— О-хо-хо!

— Дана—бита! Дана—бита!

— Уголь! На-пе! Ва-банкъ!

— Что? Кто сказалъ „ва-банкъ“? Прошу прислать деньги.

— Клянусь честью, никто не говорилъ „ва-банкъ“! вскричалъ панъ Розмачульскій.

— Клянусь честью! какъ эхо сказалъ Пустогловскій. — У всѣхъ есть уши. Никто не слышалъ „ва-банкъ“.

— А зачѣмъ вы изъ рукава карту бросили?! закричалъ молоденькій графъ, внезапно потерявъ терпѣніе. Вся его напускная, дѣтская серьезность исчезла; руки его дрожали, и дрожала нижняя челюсть, выдвинутая впередъ. — Прочь, негодяи!

— Яне, ты слышишь? Клянусь честью, графъ вообразилъ, что онъ можетъ демократамъ наступить на горло. Яне, докажемъ! Я, Вацлавъ Розмачульскій, не позволяю!

— Не позволяю, вскричалъ Пустогловскій. — Veto!

— Veto!

Михольскій отстранился. Балагулы на секунду наклонились, и послышался грохотъ — они опрокинули столъ вмѣстѣ со свѣчами. Карты слетѣли на полъ, и по всему полу разсыпались деньги.

— Veto!

— Veto!

Оглашая воздухъ криками, Розмачульскій и Пустогловскій ринулись на деньги, и среди всеобщей, поднятой ими, сумятицы стали хватать серебряные рубли и польскіе и русскіе золотые. Графъ Пунинскій, блѣдный, какъ смерть, стоялъ въ своей бархатной курточкѣ, не зная, что предпринять. Наконецъ, ребенокъ пересилилъ въ немъ мужчину, и онъ расплакался. Его бросились утѣшать какіе-то господа въ венгеркахъ, между тѣмъ какъ балагулы производили все болѣе и болѣе шумъ въ игорномъ домѣ. На шумъ выскочила свободная публика изъ сосѣднихъ комнатъ. Прочіе игроки продолжали играть, ни на что не обращая вниманія. Напрасно оттащивали балагуловъ: они ползали по полу, какъ косматые звѣри. Наполнивъ карманы, они вдругъ встали во весь ростъ, выхватили изъ-за поясовъ по кинжалу, съ угрожающимъ жестомъ подняли руки и, держа кинжалы надъ головой, направились къ выходу.

— А, шулера! а, разбойники! а, цыгане! кричали имъ вслѣдъ польскіе паны, приступая къ нимъ, но не смѣя ихъ остановить изъ уваженія къ кинжаламъ. У самыхъ дверей оба балагула замедлили шагъ, повернулись къ публикѣ лицомъ и мрачно, въ одинъ голосъ, стараясь заглушить общій шумъ, вскричали:

— Да будетъ проклята аристократическая Польша, оскорбившая сыновъ народа! Да развѣются прахомъ магнатскія богатства! Да будетъ повѣшенъ графъ Пу-

Видъ парадной лѣстницы на Юрданскомъ подъѣздѣ въ Зимнемъ дворцѣ, въ Петербургѣ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Китаева, грав. М. Рашевскій

Библиотека "Руниверс"

Петербургская жизнь. На конкѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. Шюблерь.

нинский! Смерть пану Невѣдомскому! Да здравствуетъ сѣрая крестьянская республика! Вивать, балагулія!

III.

Выигравъ на чужія деньги болѣе трехъ тысячъ рублей, Михольскій почувствовалъ себя такимъ важнымъ магнатомъ, что, при взглядѣ на него, панъ Рогульскій сейчасъ же это увидѣлъ и понялъ, что счастливая перемѣна произошла въ его судьбѣ. Онъ засуетился, встрѣчая пана Михольскаго, тихонько покашливалъ въ руку, а Михольскій металъ на него такіе молніеносные взгляды, что можно было опасаться переѣзда молодого пана въ другую гостиницу. „Дашь—потеряешь, и не дашь—потеряешь“, думалъ панъ Рогульскій, впрочемъ, считая свою политику благоразумнѣйшей.

Михольскій заперся въ номеръ и пересчиталъ деньги. При блѣдномъ свѣтѣ пасмурнаго утра, червонцы горѣли, словно солнечныя пятна, и въ комнатѣ становилось довольно весело. Обо всемъ происшедшемъ молодой человѣкъ успѣшилъ написать Антонинѣ Антоновнѣ, и былъ увѣренъ, что она одобритъ его поведение и удачу.

Объ Ольгѣ онъ мало думалъ въ послѣднее время; чѣмъ дальше онъ уѣзжалъ отъ Соколовки, тѣмъ блѣднѣе становился въ его душѣ образъ молодой дѣвушки. Тысячи другихъ дѣвушекъ были похожи на нее, и ни одной изъ нихъ онъ тоже ясно не помнилъ. Ольга была, такъ сказать, представительницей всѣхъ этихъ, несно рисовавшихся въ его воображеніи, барышень. Немножко ему нравилась Людмила Сэгетъ и немножко красавица Хрущова. Надо отдать ему справедливость, онъ заснулъ съ мыслью объ Ольгѣ, а проснувшись, въ четыре часа дня, подумалъ о томъ, что честиѣ всего было бы отослать князю Войдылду сто червонцевъ, при личномъ же свиданіи объяснить, что это мистификація, шутка, недоразумѣніе или что-нибудь въ этомъ родѣ и, кстати, надо всѣмъ этимъ посмѣяться. Но ложный стыдъ помѣшалъ ему привести въ исполненіе благой планъ.

Какъ только всталъ и одѣлся Ромуальдъ Михольскій, просунувъ въ щелку дверей свое тощее тѣло Мандель и, окинувъ быстрымъ взглядомъ шкатулку съ бумагами, бритвенный приборъ и раскрытый чемоданъ, сталъ предлагать молодому человѣку обычныя свои услуги. Сначала Михольскій гналъ Манделя и выговаривалъ ему за то, что онъ не сумѣлъ достать ему денегъ, когда понадобилось. Но вскорѣ Мандель смирился угодничествомъ и лестью гордыню новаго магната, и тотъ послалъ его за кое-какимъ товаромъ.

Ночью Михольскому снилось, что онъ маркизь, и онъ во снѣ старался улыбаться такой улыбкой, которая появляется на губахъ только знатныхъ и великихъ людей. Съ этой улыбкой онъ всталъ на другой день.

Его свѣтлость маркизь Ромуальдъ Михольскій рѣшилъ сегодня сдѣлать визиты людямъ своего общества — князьямъ, графамъ и другимъ титулованнымъ особамъ. Еще разъ уничтоживъ взглядомъ пана Рогульскаго, который, между тѣмъ, узналъ, что Михольскій выигралъ тридцать тысячъ (молва, какъ извѣстно, любить иногда утраивать и удешевлять—ей это ничего не стоитъ), сѣлъ въ экипажъ и направился къ князю Войдылду.

Вельможнаго князя онъ засталъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Потомокъ князя Юсифа нуждался въ деньгахъ; счастливыя времена, когда можно было получить полмилліона червонцевъ за отчизну, прошли, отчизна уже куплена, и не всякій товаръ можно продавать два раза. Князь Войдылдъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ шелковомъ азиатскомъ халатѣ, и кисло улыбался, такъ что, вмѣсто двухъ губъ, выходило три. Та же молва, которая приписывала Михольскому тридцатитысячный выигрышъ, утверждала, что князь проигралъ въ эти дни болѣе ста тысячъ.

— Ну, что, панъ Михольскій, тебѣ, кажется, понравился Кіевъ такъ, что ты не намѣренъ больше уѣзжать отъ насъ?

— Какъ не намѣренъ?

— А такъ, мой дорогой: играешь и играешь.

— Я игралъ только разъ и то по вашему требованію, возразилъ Михольскій.

— Развѣ-жъ я требовалъ? возразилъ князь Войдылдъ. — Но, положимъ, такъ. Чѣмъ ты занятъ былъ эти дни? Съѣздилъ ты еще разъ къ пани Пташинской?

— О, Богъ съ ней! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Это правда, она скептически и тонкая штучка. Самое нехорошее, пане Михольскій, это то, мой другъ, что вдругъ стало извѣстно, что ты собираешь деньги на... но ты понимаешь на что.

— Кому стало извѣстно? съ испугомъ спросилъ Михольскій.

— Говорятъ о громадныхъ суммахъ, которыя ты ужъ собралъ въ Кіевѣ.

— Я имѣю только сто княжескихъ червонцевъ, сказалъ Михольскій,—и вотъ кладу ихъ обратно на столъ.

— Что ты! что ты! Убери сейчасъ, а то я, знаешь какъ, раздѣлаюсь съ тобой?! Не зли меня, панъ Михольскій. Я велю гайдукамъ выбросить тебя на улицу... Ну, полно! А это все неправда, что у насъ толкуютъ! Признаюсь, я слыхалъ только отъ пани Пташинской. Однако, коханий Михольскій, если бы у тебя, дѣйствительно, было много денегъ, скопившихся тѣмъ или инымъ путемъ, то совѣтую, для безопасности, положить ихъ ко мнѣ на храненіе. Никакихъ расписокъ отъ меня не получишь, кромѣ слова—слова князя Войдылда! Ты поѣдешь на-дняхъ,—не вѣкъ ты будешь сидѣть въ Кіевѣ,—и куда же тебѣ въ дорогѣ имѣть такую массу денегъ? Случится-ли тебѣ быть въ Варшавѣ или въ Краковѣ, я только напишу нѣсколько словъ тамошнимъ банкирамъ, Хаймовичу или Дрейкацу, и ты получишь отъ нихъ все сполна.

— Отчего нѣтъ. Я просилъ бы объ этомъ князя Войдылда; его предложеніе мнѣ нравится! вскричалъ Михольскій.—Но не обременить-ли оно тебя, князь?

— Пустое! Надѣюсь, что въ моемъ карманѣ спрячется тысяча Михольскихъ, а одному всегда будетъ просторно, со смѣхомъ сказалъ князь Войдылдъ, дѣлаясь веселѣе.—Такъ когда же ты уѣзжаешь? Уѣзжай поскорѣ! наставительно и со вздохомъ произнесъ князь.

— Да, пора; это я самъ чувствую, отвѣчалъ Михольскій.— Наслѣдство мое заключается, если бы зналъ князь, главнымъ образомъ, въ сундукѣ королевы Бонны; надо поскорѣе достать этотъ сундукъ. Тамъ богатства несмѣтныя.

— Гм... гм!.. несмѣтныя! Все это возможно. Какъ выѣдешь, заѣзжай въ мою Моцлавку и посмотри на несмѣтныя богатства, и будешь имѣть о нихъ разумное представленіе. Являйся завтра ко мнѣ обѣдать и привези, сколько у тебя имѣется, если хочешь пользоваться моимъ кошелькомъ и покровительствомъ.

Онъ ласковѣе попрощался съ Михольскимъ и, когда узналъ, что онъ ѣдетъ съ визитомъ къ Паздерницкому, велѣлъ поклониться. Михольскій, однако, не засталъ Паздерницкихъ дома, или они его не приняли, и тогда онъ отправился къ епископу Звалинскому, а отъ епископа къ патристическому отцу-провинціалу Янушпольскому, затѣмъ къ графу Коновязову, къ Хрущовымъ и, наконецъ, вернулся обѣдать въ „Серебряный Лебедь“.

Начинало вечерѣть. Все было не по вкусу Михольскому: онъ раскритиковалъ обѣдъ, поданный паномъ Рогульскимъ, и нашель, что такого дрянного вина онъ никогда не пилъ. Хотя богатый князь Войдылдъ не могъ особенно заискивать у бѣднаго Михольскаго, который былъ маркизомъ только во снѣ, тѣмъ не менѣе, молодому человѣку чрезвычайно льстило, что этотъ князь беретъ у него какъ бы займы деньги. Услу-

жить князю Войдылду! Сдѣлать видъ, что не замѣчаешь его временного денежнаго затрудненія и, отдаваясь подъ его протекцію, самому втайнѣ быть его протекторомъ! Маркизь Ромуальдъ Михольскій, ты высоко начинаешь летать! Но береги крылья,—смотри, чтобъ никто ихъ не обрѣзалъ.

Въ тотъ годъ сельское хозяйство было заброшено въ Юго-Западномъ краѣ, да, можетъ-быть, и повсемѣстно въ Россіи. Многіе дворяне продали евреямъ хлѣбъ на корню и до умолота, и въ началѣ осени привезли съ собою въ Кіевъ много денегъ; плодомъ такого обилія капитала явилась игра; всѣ играли. Каждый думалъ, что, можетъ-быть, не сегодня—завтра, холера прекратитъ его дни, и было бы смѣшно беречь копейку. Поляки веселились, ѣздили другъ къ другу въ гости, устраивали вечера съ музыкой и съ танцами, бросали золотые пригоршнями, безумно влюблялись, иногда на самое короткое время, и весело умирали, если смерть застигала ихъ на балу или въ игорномъ домѣ.

Въ „Серебряномъ Лебедѣ“, какъ и у пана Ильинскаго, всю ночь играли въ карты, при плотно закрытыхъ ставняхъ.

Это была игра мелкая, но все же страстная. Развѣ бываетъ игра безстрастная? Въ ней принимали участіе пріѣзжіе купцы, мелкопомѣстные дворяне, армейскіе офицеры и ксендзы.

— Пана Рогульскій!

— Припадаю къ ногамъ пана Михольскаго.

— Скажи, панъ, большая игра идетъ у тебя въ „Серебряномъ Лебедѣ“?

— Такъ себѣ игра, ясновельможный панъ; больше хлопотъ, чѣмъ прибыли. Вѣрите-ли, мнѣ всѣ должны, и я самъ кругомъ въ долгахъ.

Онъ поднесъ свою широкую руку къ распухшему отъ сна, красному лицу и старался выдвинуть изъ глаза слезинку; но старанія его не могли увѣнчаться успѣхомъ.

Михольскій вытащилъ изъ кармана горсть золотыхъ, потрясъ ихъ на ладони передъ Рогульскимъ и сказалъ:

— Ты не получишь ни гроша раньше моего выѣзда.

Хозяинъ „Серебрянаго Лебеда“ пожалъ плечами, улыбнулся и вытаращилъ глаза.

— Зачѣмъ панъ шутитъ? сказалъ онъ. — Если я не получу ни гроша до панскаго выѣзда, то изъ этого слѣдуетъ только, что панъ мнѣ заплатитъ, потому что онъ настоящій панъ. Чтѣ дальше говорить? Если панъ хочетъ пройти въ карточную залу, я къ его услугамъ.

— Представь, что я проиграюсь у тебя до нитки, сказалъ Михольскій, берясь за ручку дверей,—и тогда ты совсѣмъ не получишь, ни до выѣзда, ни послѣ выѣзда. Идетъ?

Рогульскій сталъ держать руку у рта, какъ бы для того, чтобы, на всякій случай, не допустить себя до кашля. Онъ зналъ, что кашель выведетъ его изъ затрудненія, но, съ другой стороны, онъ боялся уже оскорбить уши пана Михольскаго, у котораго теперь столько денегъ въ карманахъ. Можетъ-быть, такъ богъ Эоль боялся когда-то, чтобы не разлетѣлись его вѣтры во всѣ стороны свѣта:—щеки пана Рогульскаго раздувались, но, закупоривъ ротъ ладонью, онъ успѣлъ настоять на своемъ.

— Ты согласенъ на это? Видишь, панъ, сколько у меня! И все это можетъ пройти мимо твоего носа!

Тутъ Михольскій показалъ хозяину „Серебрянаго Лебеда“ столько денегъ, что свѣтъ, испускаемый золотомъ, отразился въ жадныхъ зрачкахъ пана Рогульскаго.

Панъ Рогульскій еще разъ пожалъ плечами, улыбнулся,—ему было смѣшно; онъ понималъ, что бываютъ шутки у великихъ пановъ, которымъ бѣдный шляхтичъ долженъ подчиняться, потому что въ такихъ случаяхъ часто можно получить выгоду.

— Чтѣ дѣлать! сказалъ онъ.—Я рѣшительно не по-

нимаю, какъ я извернусь, если панъ мнѣ не заплатитъ. Но надо подумать, заключилъ онъ, поднося на смѣну правой руки лѣвую и зажимая ею ротъ.

— Я посовѣтовалъ бы пану Михольскому, осторожно началъ Рогульскій,—отдать кому-нибудь деньги на сохраненіе и тогда идти и смѣло играть, такъ червонецъ на пятьдесятъ, не больше. Отсюда бы двойная выгода для пана: во-первыхъ, онъ не остался бы мнѣ долженъ, въ случаѣ онъ проиграется, чего Боже сохрани, а во-вторыхъ, у него сохранилась бы значительная часть капитала, безъ котораго, что ни говори, нельзя быть магнатомъ.

— Твоя правда, панъ Рогульскій, сказалъ Михольскій.—Вотъ на тебѣ кошелекъ, гдѣ двѣсти червонцевъ. Здѣсь у меня еще тысяча, но это надо будетъ отвезти завтра къ князю Войдылду—я обѣщаль.

— Можетъ-ли это быть! вскричалъ панъ Рогульскій, съ поклономъ принимая червонцы.—Князь Войдылдъ—и ему нужны тысяча червонцевъ! Значитъ, правда, что онъ много проигралъ?

— Ничего не знаю, отвѣчалъ Михольскій такимъ тономъ, какъ будто онъ именно одинъ и зналъ истину.

— Говорятъ, о, Всемогущій Боже, что онъ проигралъ триста тысячъ! прошепталъ панъ Рогульскій, багровѣя отъ ужаса.

— Очень можетъ быть, непроницаемымъ тономъ отвѣтилъ Михольскій, и вошелъ въ залу.

Тамъ было тихо. По отсутствію возгласовъ, можно было бы заключить, что въ залѣ никого нѣтъ, между тѣмъ какъ въ ней находилось, по крайней мѣрѣ, тридцать человѣкъ, разбившихся на кучки. Эти люди обгрызали другъ друга съ сосредоточенной злобой. Игравшіе въ фараонъ походили на голодныхъ волковъ, терзающихъ общую добычу. Провинціалъ Янушпольскій первый увидѣлъ Михольскаго и сначала старался быть не узнаваемъ и не узнавать его, но потомъ сдѣлалъ ему знакъ.

— Подите сюда, молодой человѣкъ, съ улыбкой сказалъ онъ,—станьте возлѣ меня. Играйте съ Божьей помощью.

Михольскій началъ ставить по одному червонцу, по два, и все продолжало ему везти. Онъ сорвалъ банкъ. А когда ксендзь заложилъ новый, онъ опять его сорвалъ.

— Не ставьте такихъ большихъ суммъ! сказалъ провинціалъ.

Но Михольскій ставилъ, и все выигрывалъ.

Наконецъ, онъ самъ заложилъ банкъ. Ему захотѣлось взять столько денегъ, сколько было у всѣхъ этихъ людей, собравшихся въ залу. Посоловѣвшими отъ счастья глазами Михольскій бросалъ игрокамъ вызовъ.

— Дружище! Рома! Михалини! Какими судьбами? Вотъ, гора съ горой не встрѣчается, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда! Дай же расцѣловать тебя, обнять, прижать къ сердцу. О!

Слова эти были сказаны красивымъ, средняго роста, человѣкомъ съ закрученными вверхъ черными усами и съ наглыми темными глазами на выкатъ, обведенными широкими бровями. Михольскій съ тревогой посмотрѣлъ на кучки золота и кредитныхъ бумажекъ, разложенныхъ имъ на карточномъ столикѣ.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?.. спросилъ онъ, догадываясь, что это тотъ самый шулеръ, котораго онъ, вѣроятно, подстрѣлилъ въ балкѣ, съ которымъ онъ, вѣроятно, выпилъ на ты у становаго, и который, наконецъ, вѣроятно, увелъ у него лошадей въ Никольской слободкѣ послѣ трагической смерти Трофима.

— Хорошъ! кричалъ черноусый молодецъ.—А еще другъ и закадычный товарищъ!.. Не узнаешь! А какъ мы рубашками обмѣнялись?

Чтѣ-то смутное мелькнуло въ умѣ Михольскаго. „Вѣдь, это правда“, подумалъ онъ, но вслухъ сказалъ:

— Можетъ-быть, я и встрѣчался съ вами, однако, и не могу назвать васъ не только другомъ, но даже своимъ знакомымъ, я даже не знаю вашей фамилии.

— Малотреповъ! басомъ заявилъ молодець.

— Что же вамъ угодно? спросилъ Михольскій, прямо глядя ему въ глаза.

— Играть и выиграть.

— А деньги у васъ... есть?

— Будутъ, сказалъ Малотреповъ и ударилъ по столу туго набитымъ кошелькомъ.

Досада и стыдъ кишѣли въ душѣ Михольскаго. Аппетитъ къ чужимъ червонцамъ у него мгновенно пропалъ. Незамѣтная для другихъ перемена произошла въ немъ: изъ нападающаго онъ, вдругъ, обратился въ защищающагося. Этого онъ не хотѣлъ показывать. Игра, вмѣсто удовольствія, стала приносить ему огорченіе за огорченіемъ. Ксендзь Янушпольскій потянулъ десять червонцевъ. За десятью червонцами уплыли кредитки и прихватили за собой нѣсколько серебряныхъ рублей. „Падо забастовать“, думалъ Михольскій, и продолжалъ метать карты направо и нѣлѣво. Онъ никого не видѣлъ, кромѣ цыганской рожи Малотрепова, котораго считалъ величайшимъ своимъ врагомъ и обидчикомъ. Каждый полтинникъ, который выигрывалъ Малотреповъ, бѣсилъ Михольскаго, а если Малотреповъ проигрывалъ, это его радовало, какъ ребенка. Но вотъ Малотреповъ сдѣлалъ паузу, походилъ вокругъ стола, пока шла игра, вернулся назадъ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ; въ одной рукѣ онъ держалъ колоду картъ, а другою, которая плохо дѣйствовала у него, раскрылъ бумажникъ и вынималъ деньги. Можно было подумать, что до этого момента Малотреповъ только забавлялся банкомъ и изучалъ шансы проигрышей и выигрышей. Теперь ужъ онъ все это, какъ будто, постигъ, и при взглядѣ на него было ясно, что онъ увѣренъ въ своей силѣ и непременно обыграетъ Михольскаго. Михольскій затрепеталъ. Малотреповъ сразу убилъ пять картъ, пропустилъ двѣ и убилъ еще пять.

— Что, дружище?

Фамильярность Малотрепова и его счастье бѣсили Михольскаго, но онъ сдерживался, и ярость, которой нельзя было выйти изъ береговъ, бросалась ему въ голову и затмевала его разсудокъ.

— Однакоже, онъ взялъ банкъ! вскричалъ провинціалъ Янушпольскій.—И какой огромный банкъ!

Михольскій едва слышалъ эту фразу сквозь туманъ, застилавшій ему слухъ и глаза, ноги у него полкосились, онъ упалъ безъ чувствъ.

Очнувшись онъ уже въ своемъ номерѣ, и возлѣ него хлопотали Мандель и панъ Рогульскій. Проигрышъ былъ громаденъ. Михольскій долженъ былъ отдать Малотрепову все то, что онъ выигралъ сегодня, и половину своего прежняго выигрыша. Осталось у него четыреста червонцевъ. Прежде это было бы цѣлымъ состояніемъ для бѣднаго шляхтича, но теперь, для маркиза Михольскаго, четыреста червонцевъ казались жалкой суммой, а главное, было ему совѣстно ѣхать завтра къ князю Войдылду и отдавать на сохраненіе такой ничтожный капиталъ. Онъ заснулъ съ самыми мрачными мыслями и съ тяжелыми ожиданиями.

Утромъ онъ опять засталъ князя Войдылду въ дурномъ расположеніи духа, и опять у знаменитаго магната было три губы.

— Ты чего похудѣлъ, панъ Михольскій? спросилъ Войдылдъ.

— Я проигрался вчера въ пухъ и въ прахъ.

— Сколько-жъ ты проигралъ?

— Не спрашивай, ясновельможный князь, мнѣ едва хватить на дорогу.

— А, миллионъ дьяволовъ! вскричалъ князь Войдылдъ.—А ты же хотѣлъ мнѣ дать на сохраненіе сколько-нибудь червонцевъ! Такъ ты совсѣмъ нищимъ станешь?

— Я больше не буду играть. Счастье отвернулось отъ меня. Вотъ у меня всего къ твоимъ услугамъ двѣсти червонцевъ.

Князь Войдылдъ произнесъ:

— Бить тебя надо, сто плетей выпать, такъ ты бы зналъ, какъ проигрывать. Но, мой коханный, и меня надо бить; я такъ проигрался, какъ тебѣ и не снилось, я только молчу,—весь доходъ съ Моцлавки,—это не мало! А когда уѣзжаешь?

— Завтра уѣзжаю.

— День проведешь у меня, не правда-ли? или пѣтъ, тянетъ? Ужъ не къ Хрущовымъ-ли поѣдешь завтракать? Не влюбись въ эту кокетку... Ну, такъ до свиданья! Остановись въ Моцлавкѣ у графа Олуховскаго, моего управляющаго. На тебѣ къ нему письмо... Иди, я поцѣлю тебя.

Князь Войдылдъ поцѣловалъ Михольскаго, провелъ его въ будуаръ княгини, которая угостила молодого человѣка кофеемъ, и затѣмъ простился съ нимъ въ арсеналъ, предварительно „раздавивъ“ бутылку стараго венгерскаго. Непутствуемый поклонами гайдуковъ и придверника, покинулъ Михольскій княжескую усадьбу и вышелъ за ворота.

(Продолженіе будетъ).

Путешествіе Пири.

(Письмо изъ Америки).

Недавно, будучи въ Бостонѣ, я имѣлъ случай видѣть и познакомиться наровой и парусный баркъ „Falcon“, на которомъ отправился америкаецъ, лейтенантъ Пири, во вторичное путешествіе въ Арктическое море. Самъ Пири находился на баркѣ и объявилъ свой приходъ въ Бостонъ желаніемъ дать возможность своимъ бостонскимъ друзьямъ ознакомились съ судномъ, на которомъ онъ отправляется въ Гренландію.

— Сначала я отправлюсь отсюда въ Портландъ, говорилъ лейтенантъ Пири,—а отсюда пойду въ Нью-Фаундлендъ за углемъ, и, нагрузивъ уголь, отправлюсь въ Лабрадоръ. Здѣсь я приму на судно собакъ и тогда уже предприму плаваніе въ Гренландію.

Въ то же время изъ Христіаніи сообщали объ отправленіи въ полярное плаваніе парохода „Фрамъ“, на которомъ докторъ Нансенъ предпринялъ экспедицію съ цѣлью достигнуть, наконецъ, сѣвернаго полюса.

Пири не задается этою задачею, хотя не отказывается отъ нея, если ему удастся проникнуть до полюса.

Онъ зафрахтовалъ въ Нью-Фаундлендѣ баркъ „Falcon“, который былъ построенъ специально для китобойнаго промысла и подвергался основательному ремонту передъ плаваніемъ въ Гренландію. Это трехмачтовое судно, съ крѣпкимъ дубовымъ корпусомъ (т. е. крѣпленіи изъ дуба), съ сильно сколоченнымъ штевемъ и съ вооруженіемъ брига; на двухъ переднихъ мачтахъ реи съ прямыми парусами, а бизань-мачта—

съ косымъ парусомъ. Судно въ 162 фута длины, 26 футовъ ширины и сидитъ съ полнымъ грузомъ 17 футовъ, 311 тоннъ водоизмѣненія. На баркѣ имѣется машина системы Compound въ 80 лошадиныхъ силъ. Подъ парами и подъ парусами баркъ можетъ идти 9 узловъ. Баркомъ командуетъ капитанъ Генри Бартлеттъ. Весь экипажъ состоитъ изъ 17 человѣкъ. Но моряки не примутъ участія въ путешествіи Пири по Гренландіи. Они только доставятъ его туда, гдѣ онъ пробудетъ до 1895 г., когда за нимъ придетъ баркъ „Falcon“ и доставитъ его обратно въ Америку.

На бакѣ барка помѣщаются животныя, взятыя въ экспедицію. Въ числѣ животныхъ и птицъ есть эскимосскія собаки, восемь ословъ и 30 ручныхъ голубей.

Голуби предназначаются для службы почтальонамъ, для переноски писемъ изъ Гренландіи на Нью-Фаундлендъ. Опытъ подтвердилъ, что голуби не только переносятъ полярный климатъ, но даже покрываются въ Гренландіи особой шубой изъ перьевъ, которая не вырастаетъ въ другомъ климатѣ. Голубятня сдѣлана для птицъ на палубѣ. Голуби были заперты, но Пири говорилъ, что онъ выпуститъ ихъ на волю, лишь только выйдеть въ море.

Вѣстѣ съ Пири отправляется въ экспедицію его супруга.

Сварженіе экспедиціи обходится въ 25.000 долларовъ, которые ассигнуются изъ личныхъ средствъ лейтенанта Пири, исключая 10.000 долларовъ, пожертвованныхъ г. Боунигомъ

Изъ жизни Запорожской сѣчи. Казакъ, возвращающіеся послѣ морского набѣга.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Шлишперъ.

за доставку членовъ экспедиціи въ Гренландію и обратно. Запаслись самыми лучшими инструментами, паровымъ катеромъ для плаванія въ заливахъ по водѣ, свободной отъ льдовъ; машина этого катера послужитъ за зимней квартирѣ для электрическаго освѣщенія, которымъ хотятъ освѣтить проектированный домъ. Кроме того, на суднѣ находятся шлюпки, годныя для плаванія во льдахъ, и одна эскимосская лодка. Пири взялъ запасъ провизіи, достаточный по расчету времени его пребыванія въ Гренландіи. Лондонское географическое общество пожертвовало 1.200 фундовъ чаю, 2.400 пуд. кофе, бочку какао, бочку шоколаду, много мяса, бисквитовъ, изюму, консервовъ, сушеныхъ фруктовъ и картофеля. Даже взято нѣсколько бутылокъ шампанскаго, вѣроятно, на случай встрѣчи съ норвежскимъ путешественникомъ, докторомъ Хансеномъ, экспедиція котораго окончится въ годъ окончанія экспедиціи Пири.

Въ трюмъ барка погружены, между прочимъ, составныя части дома, который будетъ служить зимнею квартирою въ Гренландіи.

Цѣль экспедиціи заключается въ томъ, чтобы проникнуть въ невѣдомыя доселѣ мѣста Гренландіи и дойти до сѣвернаго полюса, если это будетъ возможно. Партія Пири, высадившись въ Гренландіи, проникнетъ сначала въ Макъ-Кормикевую бухту, гдѣ она и перезимуетъ. Домъ будетъ стоять нѣсколько сѣвернѣе отъ мѣста, выбраннаго Пири въ первую его экспедицію. Онъ будетъ находиться въ сѣверо-восточной части Инглефильдскаго залива. Постройкой дома займутся отъ момента прихода въ Гренландію до первыхъ снѣговъ. Дальнѣйшее путешествіе внутрь Гренландіи отлагается до будущей весны. Оно начнется, вѣроятно, въ маѣ будущаго года. Только четыре или пять человекъ пойдутъ за Пири. Члены экспедиціи запаслись карабинами системы Винчестера и достаточнымъ количествомъ патроновъ, при чемъ одинъ маленькій итутчеръ принадлежитъ г-жѣ Пири, и для него взято 300 соответственныхъ патроновъ.

Пири останется въ Гренландіи до 1895 г., когда придетъ судно и будетъ искать его. Въ продолженіе всего этого времени его пребыванія въ Гренландіи никто не будетъ имѣть о немъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ устѣхъ голубиной почты проблематиченъ, а изъ опыта прошлой экспедиціи дознано, что письма, отправленныя Пири съ эскимосами, дошли до Америки черезъ два мѣсяца послѣ его личнаго возвращенія туда.

Примѣръ путешествія по Гренландіи женщины до такой степени новъ и исключителенъ, что и остановлю вниманіе читателей на нѣкоторыхъ подробностяхъ прошлаго путешествія г-жи Пири съ ея мужемъ.

Молодая женщина поразила тогда всѣхъ желаніемъ своимъ совершить полярное путешествіе на баркѣ „Kite“ въ 1891 г. Но она добилась исполненія этого своего желанія и провела годъ въ маленькомъ домикѣ, построенномъ у подножія Красной Скалы, и въ лагерь, расположенномъ въ Макъ-Кормикевской бухтѣ. Домикъ, въ которомъ они жили, былъ въ 20 футовъ длины и въ 12 футовъ ширины и былъ раздѣленъ на двѣ половинныя. Меньшая принадлежала счастливымъ супругамъ, большая — послужила въ распоряженіе другихъ членовъ экспедиціи. Совершенно крохотная библіотека помѣщалась въ углу комнатки, рядомъ съ прачечными принадлежностями. Любопытная женщина изучила почти всю литературу, посвященную изслѣдованію разнообразныхъ полярныхъ экспедицій. Она сама начала вести дневникъ и составлять коллекцію интереснѣйшихъ предметовъ.

Чѣмъ развлекалась эта женщина во время однообразной жизни въ полярной тѣмѣ? Она охотилась. Ей ничего не стоило убить моржа, и на борьбу съ этимъ животнымъ она смотрѣла, какъ на шалость. Она убивала однажды моржа въ тридцать пять футовъ длины, а клыкъ его, длиною въ шесть футовъ, она привезла изъ путешествія въ видѣ приза и воспоминанія.

Г-жа Пири — единственная женщина, побывавшая на крайнемъ Сѣверѣ, проникшая внутрь Гренландіи до широты Красной Скалы. Когда была устроена зимняя квартира, лейтенантъ Пири послалъ за эскимосомъ и за его женой. Эскимоска, по имени Мане, заняла мѣсто горничной г-жи Пири. Когда заливъ освободился отъ льда, къ берегамъ

Красной Скалы пришли и другіе туземцы, въ числѣ пятидесяти человекъ, и поселились на берегу, въ ихъ собачьихъ конурахъ.

Г-жа Пири прожила въ Гренландіи, не снимая съ себя мѣхового платья. Ея лѣтнее платье было изъ годстой шерстяной матеріи, изъ которой было сшито ея нижнее платье; загѣмъ она надѣвала красную фланель и, наконецъ, носила пеньюаръ до колѣнъ изъ толстой шерстяной матеріи. Верхнее платье шилось по фасону туземцевъ, т. е. въ видѣ самоѣдской шубы. Мѣховая шапка дополняла костюмъ. Зимній костюмъ ничѣмъ не отличался отъ эскимосскаго, развѣ только лучшей отдѣлкой того же мѣхового матеріала. Отдѣтая въ такой костюмъ, съ винтовкою на спинѣ, на лыжахъ, г-жа Пири совершила много путешествій по Гренландіи. Она прекрасно бѣгала на лыжахъ и никогда не смущалась при затруднительномъ положеніи.

Г-жа Пири, сопровождаемая мужемъ и свитой, совершила путешествія въ 250 миль, и во все это время она спала по ночамъ подъ открытымъ небомъ. Она спала, можно сказать, въ мѣховомъ мѣшкѣ, а сонъ ея былъ такъ же сладокъ, какъ и сонъ утомленнаго путника, засыпающаго на полѣ при легкой бризѣ, подъ голубымъ небомъ чуднаго Востока. Ея вѣрными друзьями во время путешествій были двѣ собаки: эскимоска „миссъ Микей“ и ньюфаундлендецъ „мистеръ Джекъ“.

Пири далъ женѣ торжественное обѣщаніе никогда не уставать, не скучать и не жаловаться на судьбу. По отношенію къ нищѣ онъ былъ равнодушенъ, но г-жа Пири была такъ бережлива, что ей случалось даже собирать крошки въ жестяную кружку со стола и обращать ихъ въ пищу. И надо отдать справедливость — ни одинъ монархъ не бываетъ окруженъ такой атмосферой благодарности и признательности, какой была окружена эта американка въ роли ключницы во время экспедиціи.

Ея служанка научилась готовить кофе. Туземцы, вообще, любили этотъ напитокъ, предпочитая его чаю, и, разумѣется, находили его лучше эскимосскаго лакомства, въ видѣ пернчатого жира. Они особенно любили морскіе сухари. Часто г-жа Пири платила своей служанкѣ конфетами за ея службу. А другія женщины, съ чисто дѣтской радостью, набрасывались на сахаръ.

Однажды, когда лейтенантъ Пири, въ сопровожденіи норвежца Аструпа, находился въ путешествіи внутри страны, жена его была испугана слышаемъ, характернымъ въ жизни эскимосовъ. Въ сосѣднемъ погостѣ, между прочими эскимосами, жилъ колдунъ.

Его называли „ангакосъ“. Ему случилось присутствовать на собраніи эскимосовъ въ хижинѣ, когда г-жа Пири скучала у себя дома, въ отсутствіи мужа Колдуна, сидя въ кругу эскимосовъ, началъ сеансъ предсказаній. Сначала онъ раскачивался медленно впередъ и назадъ. Потомъ всталъ въ трансъ. Когда это случилось съ нимъ, всѣ остальные эскимосы вышли изъ хижины и явились къ г-жѣ Пири съ выраженіемъ видѣнія колдуна.

Свѣжная поляна, говорили они, — ни одного живого. Вдругъ появляется Аструпъ. Онъ одинъ Твоего мужа съѣлъ медвѣдь Аструпъ бѣденъ. Онъ шатается.

Несчастная, напуганная женщина проводила день за днемъ въ мучительномъ ожиданіи своего мужа, и каждый день ее навѣщали эскимосы, предсказывая дурныя послѣдствія. Мужъ не возвращался.

Не мудрено, что послѣ трехмѣсячной разлуки съ мужемъ и девятидневнаго абсолютнаго уединенія, эта смѣлая женщина едва не обезумѣла отъ радости при видѣ съ утеса паруснаго брига, шедшаго съ моря къ берегамъ Гренландіи. Это былъ баркъ „Kite“. И когда, по шестивинъ нѣсколькихъ дней, возвратился мужъ ея, здоровый, веселый, удовлетворенный въ желаніи своемъ, безлюдныя пустыни Гренландіи представились г-жѣ Пири въ розовомъ цвѣтѣ. Это было въ августѣ, а утромъ 23 сентября всѣ члены экспедиціи отправились въ Филадельфію за исключеніемъ одного г. Вергофа, прощавшаго безъ вѣсти.

Когда мистрисъ Пири вернулась въ Филадельфію, ее забросали приглашеніями; но она скоро уѣхала въ Вашингтонъ, гдѣ ее ожидала мать.

Н. Максимовъ.

Путешественникъ Пири и его жена.
По рис. Н. грав. Шюблеръ.

Письма съ Колумбійской всемірной выставки.

Очеркъ Г. Сиаони.
Русскій отдѣлъ.

Администрація всемірной Колумбійской выставки въ Чикаго виновна тому, что очень многіе замѣчательные русскіе экспонаты, которые не могли своевременно попасть на выставку въ виду прошлой суровой зимы, не были включены въ первый выставочный каталогъ и потому не смогли сразу обратить на себя вниманіе публики. Тѣмъ отградѣ видѣть теперь, какъ русскіе экспонаты, расположенные въ нижнемъ помѣщеніи колоссальнаго зданія мануфактурнаго отдѣла, среди отдѣловъ Бельгій, Швеціи, Норвегіи и Даніи, привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе и вызываютъ прямо-таки единодушный восторгъ американцевъ и другихъ иностранныхъ обозрѣвателей выставки.

Первымъ дѣломъ, приводящимъ всѣхъ въ восхищеніе твореніе извѣстнѣйшаго русскаго художника и перваго знатока русскаго стиля И. Ронетта — вѣстибюль главнаго входа въ русскій отдѣлъ, въ византийско-московскомъ стилѣ, изъ темнаго дерева, съ мозаичными вставками. Снимокъ съ этого вѣстибюля былъ помѣщенъ въ № 15 „Нивы“ за текущій годъ. Какъ только вступаешь въ русскій отдѣлъ, первымъ дѣломъ привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе колоссальная, исполненная по рисунку талантливаго художника Н. Набокова, витрина Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ С.-Петербургѣ. Въ ней выставлены всевозможные образцы бумагодѣлательнаго и гравировальнаго искусства, гальванопластики, гелиографіи, хромофотографіи и фототипіи (изъ всѣхъ этихъ блестящихъ работъ выдѣляется особенно искусно исполненная по новѣйшей системѣ поддѣлка подъ акварель, отпечатанная въ три всего основныя краски).

Огромная акварель, изображающая съ птичьего полета все колоссальное зданіе Экспедиціи, а также цѣлый рядъ фотографическихъ снимковъ съ внутреннихъ видовъ зданія, сдѣланныхъ во время полнаго хода работъ и украшающихъ фасадъ витрины, даютъ полное и ясное представленіе о блестящей и колоссальной дѣятельности этого учрежденія, находящагося подъ просвѣщеннымъ руководствомъ профессора Роберта Ленца.

Внизъ этой витрины расположены необыкновенно цѣнные и замѣчательно искусно исполненныя произведенія Императорской Петергофской, Томской и Екатеринбургской гранильныхъ фабрикъ и мозаичныхъ мастерскихъ.

Нѣкоторые экспонаты, дѣйствительно, поразительны. Такъ, напр., три шифоньерки въ 4 фута вышины съ мозаичными досками, сдѣланными изъ самыхъ твердыхъ породъ камней. Одна изъ нихъ представляетъ въ самыхъ тонкихъ нерелливахъ красокъ троническій лѣсъ, оживленный пестрыми попугаями и кажающимися на цѣнныхъ лавахъ обезьянами. Шесть лѣтъ работала искусный мозаичистъ надъ этимъ изумительнымъ художественнымъ твореніемъ, стоимость котораго опредѣлена въ 80,000 долларовъ (около 150,000 руб.). Затѣмъ особенно выдѣляются составляющія собственность Императорскаго Двора три колоссальныя граничныя, богато украшенныя, чаши изъ свѣтло-зеленаго нефрита, краснаго, цвѣта сырого мяса, родонита и кварцита. И къ этимъ чудесамъ искусства присоединяются богатѣйшія собранія художественной бронзы, выставленныя извѣстными петербургскими фирмами А. Мельцеръ, Н. Штанге и К. Ф. Верфель. Отлитыя по моделямъ Лансерэ, Либериха, Обера, Ваха, Позена, Грачева, Самонова и Сафонова, бронзы эти съ изумительной экспрессіей и близостью къ природѣ даютъ рядъ бытовыхъ картинокъ изъ крестьянской жизни, главнымъ образомъ, изъ быта Малороссіи и удалаго казачества.

Любезный и предупредительный представитель фирмы Верфель, г. Трубе не въ состояніи, буквально, отвѣчать на безчисленные, постоянно сыплющіеся на него, вопросы публики по поводу выставленныхъ представляемой имъ и другими фирмами бронзъ и цѣнныхъ издѣлій изъ сибирскихъ горныхъ каменныхъ породъ. Тутъ выставлены доски для столовъ, икатулки, прессъ-панье, подвѣшники и масса другихъ издѣлій изъ малахита, лашеъ-лазули, родонита, нефрита, горнаго хрусталя, порфира, яшмы, агата, лабрадора и др.

Вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ пользуются, затѣмъ, замѣчательныя русскія издѣлія изъ золота и эмали, исполненныя, по образцамъ, въ чисто-византийскомъ стилѣ, извѣстными мастерскими Овчинникова и Грачева (въ Петербургѣ). Выставленные этими фирмами, искусно вычеканенные изъ золота и серебра, кубки, чаши, столовые сервизы, иконы и рызы для иконъ, разные церковные сосуды, украшенные разноцвѣтной эмалью, приводятъ въ восхищеніе, какъ знатоковъ, такъ и всѣхъ посѣтителей выставки. Вполнѣ поддерживаютъ это впечатлѣніе и поощающіеся далѣе экспонаты И. Ходжеяна (въ Петербургѣ), представляющіе издѣлія изъ кавказскаго серебра, украшеннаго турецкими и другими драгоцѣнными камнями: — броши, браслеты, пояса, книжальи и другіе художественно исполненные предметы роскоши.

Минуты рады шкафовъ, силою уставленныхъ художественно

и съ большимъ вкусомъ раскрашенными издѣліями изъ паньмане фирмы Лукутина и Вишнякова (въ Москвѣ), раскупаемыми въ огромномъ количествѣ въ качествѣ русскіхъ сувенировъ, попадаешь къ огромной витринѣ съ замѣчательно красивыми образцами шптыхъ золотомъ и серебромъ дорогихъ парчевыхъ матерій для церковныхъ одеждъ, завѣсъ и древней мебели. Ихъ экспонируетъ знаменитая московская фабрика А. В. Сапожникова. Большинство этихъ издѣлій исполнено въ византийскомъ стилѣ. Невдалекѣ отъ этой витрины выставлены поразительныя фабричныя фирмы М. С. Кузнецова и Нечаева-Мальцева. Первая фирма выставила большое количество прекраснаго разрисованныхъ фарфоровыхъ сервизовъ, вазъ и т. п., а издѣлія послѣдней краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, до какого совершенства развито въ Россіи стеклянное производство, а именно изготовленіе искусно граниченыхъ хрустальныхъ вазъ и сосудовъ, люстръ и пр. Обращаютъ на себя вниманіе также находящіяся тутъ же возлѣ и выставленныя фирмой А. Гезеле въ С.-Петербургѣ, художественныя рѣзные золотыя рамы, двери для дарохранительницъ, консоли и т. д. Особенный интересъ вызываетъ среди всѣхъ школа г-жи Сѣмечкиной въ С.-Петербургѣ, экспонирующая, главнымъ образомъ, художественно изукрашенный большой дубоваго дерева шкафъ, помѣщающійся у самаго главнаго входа и вполнѣ гармонирующій съ древне-русской орнаментовкой вѣстибюля. На передней части шкафа помѣщены выжженныя съ изумительнымъ искусствомъ на вставкахъ изъ свѣтлаго клееноваго дерева девять различной величины картинъ, представляющихъ нѣсколько портретовъ извѣстнаго нашего романиста и мыслителя Л. Н. Толстого въ разные годы его жизни, а также изображающихъ того же великаго писателя за рабочимъ его столомъ, за плугомъ на полѣ и одинокимъ созерцателемъ природы въ тихой чащѣ лѣса.

Еще нѣсколько другихъ выставленныхъ здѣсь работъ школы г-жи Сѣмечкиной воочію доказываютъ, какъ восхитительно красивъ древне-русскій стиль въ примѣненіи къ предметамъ домашняго убранства.

Обратимся теперь къ отдѣлу, помѣщающемуся вдоль имѣющей 50 футовъ ширины галереи свободныхъ искусствъ, прорѣзающей наиболѣе посѣщаемое пространство русскаго отдѣла. Здѣсь сейчасъ же останавливаютъ взоръ cadaго дѣла замѣчательно удачно скомпонованныя группы изукрашенной золоченой бронзой и античной желѣзной арматурой мебели работы небезизвѣстныхъ артистическихъ столярныхъ петербургскихъ мастерскихъ Ф. Мельцера и К^о и Н. Ловигона.

Черезъ нѣсколько шаговъ далѣе, какъ разъ напротивъ сказанной галереи, величественно висится выставка русскіхъ мѣховъ, обиліемъ которыхъ Россія выдѣляется изъ среды всѣхъ прочихъ государствъ.

Знаменитая фирма П. М. Гринвальдъ, поставляющая свои мѣховыя товары къ Высочайшему Двору и удостоенная высшихъ наградъ на многихъ предыдущихъ всемірныхъ выставкахъ, своимъ эффектнымъ и богатымъ выборомъ мѣховъ блестяще доказываетъ посѣтителамъ настоящей выставки, какое неистощаемое богатство пушныхъ звѣрей имѣется еще въ Россіи въ дѣйственныхъ лѣсахъ и гольяхъ, непроходимыхъ тундрахъ Сибири. Кромѣ безчисленнаго количества артистически выдѣланныхъ шкуръ песцовъ, чернобурныхъ лисицъ, львовъ, тигровъ, кунницъ, соболей, горностаевъ и пр., выставленъ здѣсь поразительный мѣхъ подъ накидку, составленный изъ 42 шкурокъ серебристыхъ чернобурныхъ лисицъ; мѣхъ этотъ представляетъ точную копию съ изготовленнаго подъ накидку для Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. И всю эту въ высшей степени и во всѣхъ отношеніяхъ цѣнную выставку окружаетъ, точно сторожа, нѣсколько дюжины искусно набитыхъ чучелъ медвѣдей, всѣхъ многоразличныхъ водящихся въ Россіи породъ, волковъ, лисицъ и другихъ дикихъ звѣрей. Стоитъ только подойти къ задней сторонѣ этой тишиной сѣверной выставки, чтобы сразу насладиться совершенно инымъ — зрѣлищемъ блестящихъ покоевъ южныхъ азіатскихъ народовъ. Они помѣщаются въ концѣ галереи свободныхъ искусствъ и убраны лучшими мебельными фабрикантами съ чисто-восточной роскошью. Дорогие персидскіе ковры покрываютъ полы и стѣны; пестрые, пузатые диваны и табулеты неотразимо манятъ усталаго обозрѣвателя къ отдохновенію и покою. Всѣ эти разубранные покои, среди которыхъ имѣется также точная копія съ древней мечети, находящейся близъ Баку, служатъ въ то же время вмѣстѣ и замѣчательно цѣнными кавказскими, белуджистанскими и турецкостанскими рѣдкостными предметами, въ видѣ прекраснаго оружія, питьевыхъ роговъ, чубуковъ, злато- и серебротканыхъ матерій и т. д. Къ сожалѣнію, освѣщеніе въ этомъ мѣстѣ очень слабо, и впечатлѣніе, производимое этой своеобразной кавказской, такъ и дышащей югомъ выставкой, значительно ослабѣваетъ вслѣдствіе этого.

Этотъ недостатокъ освѣщенія сильно отражается на мно-

Христiанскiе мученики. Съ карт. Г. Мантегацца, грав Герике.

Черная лысуха (*Fulica atra*), схваченная щукой. Рис. А. Шлехт, грав. Шрейбер.

гих других, выставленных в галереях, экспонатах, в числе конхъ находятся химическіе продукты, прекрасные образцы бумаги петербургской фабрики братьевъ Варгунныхъ, разные металлическія издѣлія, самовары, и, наконецъ, знаменитые рояли и пианино петербургскихъ фабрикъ Беккера и Шредера, равно какъ и Мюльбаха и Рейнгардта.

Только пространство между галлереей и восточной стѣной здания мануфактурнаго отдѣла опять вступаетъ въ полосу, залитую свѣтомъ. Но зато все это мѣсто уже порядкомъ отдалено отъ главной выставки и, къ сожалѣнію, мало посѣщается поэтому публикой. Это тѣмъ болѣе досадно, что тамъ какъ разъ выставлена масса очень выдающихся витринъ, съ замѣчательно искусно исполненными издѣліями. Въ нихъ, напр.,

имѣются прекрасные фабрикаты изъ шелка и плюша, работы П. А. Мусси въ Москвѣ, ткани золотомъ и серебромъ матеріи, исполненные на фабрикѣ братьевъ Загладныхъ, также въ Москвѣ, и, наконецъ, сотни разныхъ сортовъ, отпечатанныхъ всевозможными нестрыми красками ситцевъ и колѣнокорозъ, огромныхъ фабрикъ соединеннаго товарищества Иванова-Воснесенской мануфактуры.

Кромѣ того, тутъ же обращаютъ на себя заслуженное вниманіе прекрасно исполненные конторскія книги работы Лира въ Ригѣ, всевозможныхъ красокъ и цвѣтовъ картины духовнаго содержанія—издѣлія Д. Стабровскаго, равно какъ рядъ богато украшенныхъ церковныхъ колоколовъ работы Д. М. Самгина въ Москвѣ.

Военныя и санитарныя собаки.

(Съ 5 рисунками).

Вопросъ о примѣненіи собаки для военныхъ цѣлей, именно въ дѣйствующихъ войскахъ, уже давно пользуется вниманіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ природѣ собаки есть черты и особенности, которыя, конечно, можно утилизовать во многихъ случаяхъ, когда средства человеческой организаціи оказываются недостаточными, —особенно, имѣя въ виду способность

элементомъ на боевомъ полѣ, какъ лошадь, — съ тою лишь разницею, что поле дѣятельности для нея можетъ быть гораздо шире.

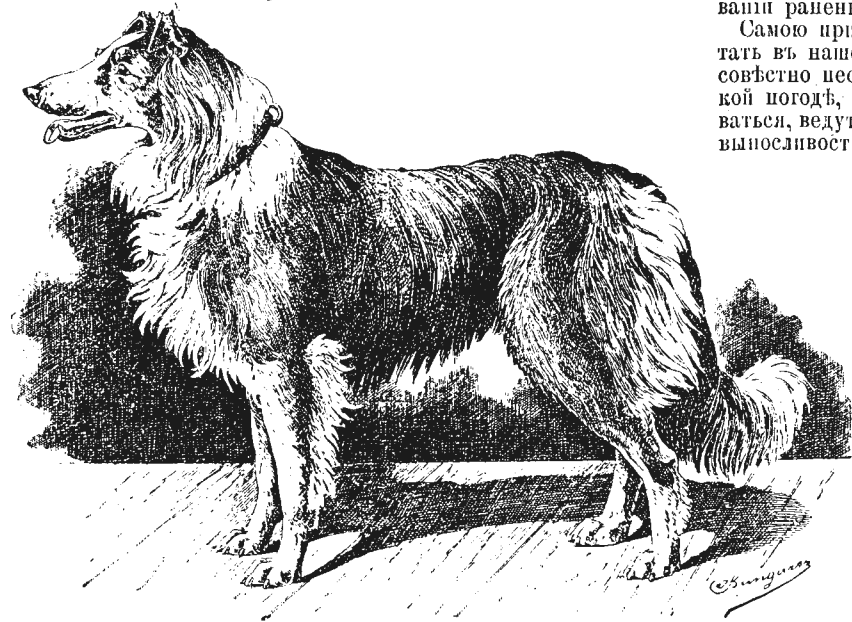
Собаки при отрядѣ могутъ быть и лазутчиками, и почталонами, и переносчиками, и, наконецъ, помощниками санитарной прислуги, какъ при собираніи, такъ и при транспортированіи раненыхъ.

Самою пригодною собакою для военныхъ цѣлей нужно считать въ наше время шотландскую овчарку. Эти собаки, добросовѣстно несущія свою убійственную тяжелую службу при всякой погодѣ, обладаютъ удивительною способностью ориентироваться, ведутъ дѣло безъ гвалта и отличаются бдительностью, выносливостью и привязанностью. При этомъ онѣ обнаруживаютъ весьма высокую смѣлость и остроту чутья слѣда.

Сообразно назначенію собакъ, она должна пройти соответственную школу и усвоить себѣ тѣ привычки, которыя необходимы при службѣ даннаго рода.

Для развѣдочной и форпостной службы собаки приучаются, путемъ дрессировки, изслѣдовать полосу мѣстности, находящуюся впереди своего отряда, обѣгая ее въ разныхъ направленіяхъ и давая знать, если встрѣтитъ что подозрительное —стойкою. Въ непріятельской землѣ такія собаки нерѣдко могутъ оказать весьма серьезныя услуги, особенно, при развѣздахъ, а также ночью вьюмахъ, такъ какъ ихъ зрѣніе острѣе и слухъ лучше, чѣмъ у людей команды, не говори уже о чутьѣ; кромѣ того, онѣ несутъ службу этого рода съ пристальнымъ вниманіемъ. На форпостахъ дѣло собаки заключается въ томъ, чтобы, почувши приближеніе чужихъ, увѣдомлять объ этомъ наблюдающаго за нею стойкою или возвращеніемъ, безъ всякихъ другихъ знаковъ. Необходимо, при обученіи собаки къ сторожевой и развѣдочной службѣ въ передовой линіи, достигнуть того, чтобы она забыла о лаѣ и визгѣ, т. е. чтобы она исполнила требуемое отъ нея безъ шума, ибо иначе она можетъ выдать себя и привлечь вниманіе противника.

Опыты, дѣлавшіяся съ цѣлю выясненія пригодности собакъ

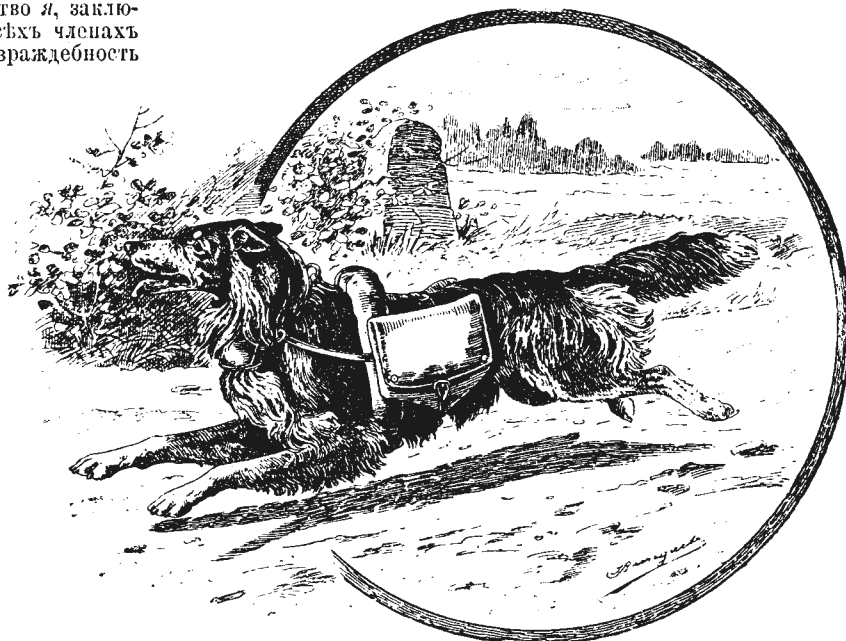

Овчарка шотландской породы, наиболѣе пригодная для военныхъ цѣлей.

собаки къ разностороннему и прочному усвоенію себѣ массы приемовъ и дѣйствій, нормально ей несвойственныхъ. Дрессировкою можно приучить ее, какъ извѣстно, даже къ продѣлыванію такихъ штукъ, которыя казались бы невозможными, если бы она не исполнила ихъ фактически. Чрезвычайная смѣлость, наблюдательность, хорошая память, прочная привязанность къ хозяину, весьма развитое чувство я, заключающее не только понятіе о себѣ самой, но о всѣхъ членахъ дома, къ которому она принадлежитъ, рѣзкая враждебность ко всякому опредѣленному не я, прекрасное зрѣніе и слухъ, исключительное чутье, выстѣ съ рядомъ заслугъ на различныхъ поприщахъ, дѣйствительно, могутъ давать большія основанія надѣяться, что этотъ старый, испытанный и преданный другъ человека окажется полезнымъ и на боевомъ полѣ.

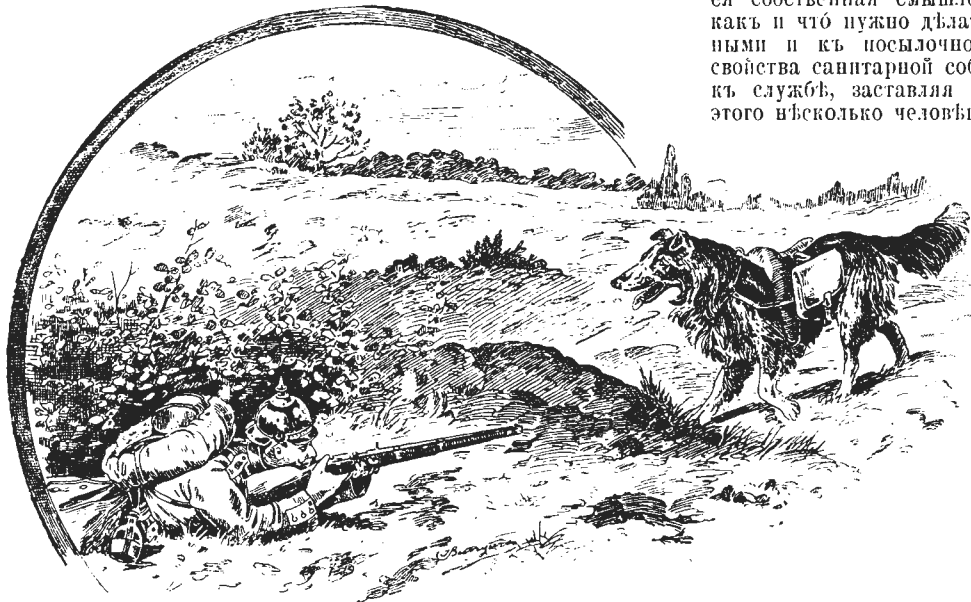
Новое огнестрѣльное оружіе — малокалиберное ружье, стрѣляющее бездымнымъ порохомъ и огничающееся, какъ чрезвычайною дальностью полета пуль, такъ и силою и мѣткостью боя, по всей вѣроятности, потребуетъ измѣненія тактическихъ и стратегическихъ приемовъ во многихъ направленіяхъ; прежде же всего, напр., уменьшенія глубины фронта до послѣдняго предѣла, возможнаго разсѣянія борющихся единицъ и увеличенія интерваловъ между передовыми линіями противниковъ. Иначе говоря, разсыпному строю, отдѣльныя звенья котораго причтутся за великими прикрытіями отъ глазъ противника, стремясь не приближаться къ нему безъ крайней необходимости, безъ сомнѣній, придется играть основную роль въ бояхъ будущаго, если только бездымный порохъ найдетъ столь же широкое примѣненіе въ военномъ дѣлѣ, какъ и порохъ Бертольда Шварца.

А при этомъ условіи, собакѣ едва ли не суждено стать такимъ же нормальнымъ служебнымъ

На посылкахъ.

къ службѣ на посылахъ, показали, что ими можно пользо-
ваться для пересылки бумагъ съ полною надежностью, — если,
конечно, съ нею не случится на пути чего-либо совершенно
неопредѣленнаго, т. е., напр. если она не будетъ убита, и т. п.

На развѣдкахъ

На этой службѣ съ нею не можетъ тягаться ни всадникъ, ни
велосипедистъ, а тѣмъ болѣе человѣкъ, ѣдущій въ колесномъ
экипажѣ, ибо собака почти независима отъ затрудненій, предо-
ставляемыхъ характеромъ мѣстности, и для нея не имѣютъ
никакого значенія отсутствіе порядочныхъ дорогъ, болота,
овраги, рѣчки, кустарники и пр., съ которыми приходится
считаться и всаднику, и экипажу. Такъ какъ, кромѣ всего,
у собаки очень сильно чувство мѣста и способность разобратъ въ на-
правленіи, то собачья почта представляетъ одинъ изъ скорѣйшихъ и
надежнѣйшихъ путей для передачи извѣстій, приказаній и пр. Собакѣ
придѣлываютъ, въ этомъ случаѣ, къ ошейнику кожаную сумочку, куда и
вкладываются посылаемые бумаги. На ошейникѣ же проставляется и
номеръ части войскъ, къ которой она принадлежит, чтобы, въ случаѣ,
если бы она заблудилась или была убита, можно было узнать пунктъ ея
назначенія. Въ виду возможности захвата ея живую или мертвою,
неприятелемъ, эта отмітка дѣлается секретными знаками, чтобы не вы-
дать, какія части находятся впередъ него.

Само собою понятно, что если со-
бакѣ доступна сфера посылочной
службы, то, въ извѣстныхъ случаяхъ,
снабженныя нѣсколькими болѣе тяже-
лыми и объемистыми сумками, со-
баки могутъ служить для быстрой
передачи своимъ частямъ, какъ па-
троновъ, во время боя, на линію огня,
такъ и другихъ предметовъ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться
надобность, при различныхъ положеніяхъ передвиженія и боя,
напримѣръ, водки, чаю, сахару и проч.

Но кромѣ задачъ боя, собака можетъ съ пользою служить

самые усердные поиски санитарной прислуги, нѣкоторые изъ
тяжело раненыхъ остаются неразъискаемыми. Здѣсь собака
можетъ оказать чрезвычайныя услуги, отыскивая раненаго по
чутью и обезпечивая ему помощь; вмѣстѣ съ дрессировкою и
ея собственная смѣленость скоро заставляють ее понять,
какъ и что нужно дѣлать. Пригодность къ поискамъ за ране-
ными и къ посылочной службѣ составляютъ необходимыя
свойства санитарной собаки. Въ мирное время ихъ приучаютъ
къ службѣ, заставляя отыскивать притворно-мертвыхъ. Для
этого нѣсколько человѣкъ изъ команды кладутъ въ скрытыхъ
мѣстахъ лицомъ къ землѣ. Найдя
такого мнимо-раненаго, собака ло-
жится на него передними лапами
и начинаетъ лаять, показывая са-
нитару мѣсто, куда онъ долженъ
поспѣшить. Она не должна уходить
съ мѣста или переставать лаять до
появленія санитара.

И для этой службы годятся так-
же только овчарки, но отнюдь не
охотничьи собаки, ибо послѣднія
при поискахъ за ранеными въ лѣ-
систой и богатой дичью мѣстности
часто будутъ отвлекаться отъ сво-
его дѣла охотничьею страстью.

Другія породы годятся при уда-
леніи раненыхъ съ поля сраженія,
гдѣ нужны сильныя собаки, и гдѣ
онѣ оказывались полезными уже
много разъ.

Для этого сильный и крѣпкій
песъ виригается въ легкую, осо-
беннымъ образомъ устроенную, те-
лѣжку, на которую и кладутся раненые, и которая служитъ

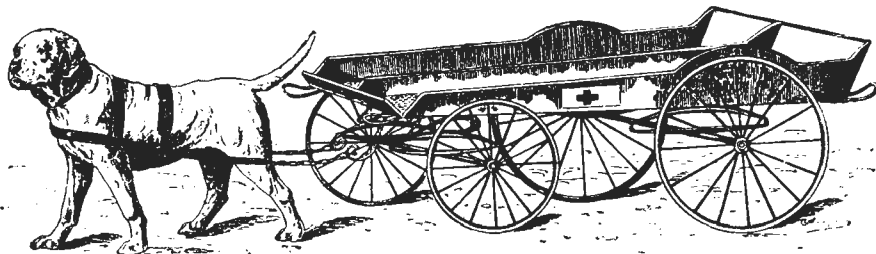
для помѣщенія двухъ человѣкъ. Эти телѣжки не высоки, проч-
ны, съ хорошими рессорами и съ колесами, устроенными на

У раненаго.

манеръ велосипедныхъ, т. е. съ шариками въ каналѣ между
осью и ступицею, для уменьшенія тренія. Колеса имѣютъ воз-
можно широкіе ободья и резиновыя шинны. Такъ какъ ходъ
собаки быстрѣе, чѣмъ шагъ человѣка, обремененнаго ношею,
то переносъ раненыхъ значительно ускоряет-
ся: одна собачья телѣжка, при двухъ челове-
кахъ прислуги, можетъ сдѣлать почти вдвое
больше, чѣмъ тѣ же двое людей съ носилка-
ми, не принимая въ расчетъ облегченія для
посильщиковъ, которые, въ силу этого, долгие
сохраняютъ способность работать.

Чтобы читатель не составилъ, однако,
неправильнаго представленія о предметѣ, а
именно—не вообразилъ себя полчище псовъ,
сопутствующихъ войскамъ, необходимо замѣ-
тить, что число собакъ при отрядахъ должно
быть ограничено настолько, насколько воз-
можно. Для развѣдочной и посылочной службы
нѣтъ никакой надобности въ значительномъ числѣ ихъ. Дѣло
въ томъ, что при случайностяхъ военного времени, когда во-
просъ о пищѣ иногда крайне обостряется, и при плотоядной,
въ сущности, натурѣ собаки и ея способности дичать, большая

Санитарная телѣжка, запряженная собакой

также и дѣлу гуманности, помогая своимъ чутьемъ при оты-
сканіи и собираніи раненыхъ. Послѣ сраженій въ лѣсистыхъ
или густопорошенныхъ кустарниками и травой мѣстностяхъ
очень часто случается, особенно ночью, что, несмотря на

масса собак при армии может стать, при неблагоприятных условиях, настоящим бичом и пугалом, как для своих, так и для чужих, а также поводом ко многим возмутительным сценам, которые будут вносить еще лишнюю тяжесть в тяжелую и без того картину великой войны. Именно подобны собаки, если бы их нельзя было держать сытыми, конечно, не оставят в покоѣ палых лошадей, трупов убитых, будут бродить около, возбуждая тревогу в окружающей местности и выдавая, при этомъ, не катая части, къ которымъ принадлежатъ, и проч.

Къ рисункамъ.

Голландская дѣвушка. (Рис. на стр. 909).

Нигдѣ національная одежда такъ не сохранилась отъ старыхъ временъ въ неприкосновенности, какъ у голландскихъ женщинъ. Полныя и высокія роста, съ бѣлыми цвѣтомъ лица, красными губами, голубыми глазами и свѣтлыми гладкими волосами, онѣ любятъ щеголять въ платьяхъ того же покрою, какой носили ихъ прабабки. Особенно характерными являются чепцы и пластинки изъ серебра или латуни на вискахъ и на лбу, по которымъ можно отличить женщину одной провинціи отъ другой. Дѣвушки также носятъ чепцы, изъ-подъ которыхъ нерѣдко видны прехорошенькія личики, всегда скромныя и спокойныя.

Парадная лѣстница на Иорданскомъ подъѣздѣ въ Зимнемъ дворцѣ. (Рис. на стр. 912).

Зимній дворецъ, мощно возвышающійся своими красными колоссальными массами на огромной Александровской площади, многое претерпѣлъ на своемъ вѣку; вмѣстѣ съ неисчислимыми сокровищами, въ немъ хранящимися, съ нимъ связано много разныхъ воспоминаній. Начатый постройкой при Аннѣ Иоанновнѣ, въ 1732 г., онъ былъ законченъ совершенно лишь въ царствованіе Петра III. Рассказываютъ, что Петръ III приказалъ возможно скорѣе закончить дворецъ и назначилъ даже крайній срокъ. Исполнить это было очень не легко, тѣмъ болѣе, что, помимо самой постройки дворца, вокругъ послѣдняго было возведено цѣлое селеніе избушекъ рабочихъ, были нагромождены разныя строительныя матеріалы, огромныя бревна и доски изъ-подъ лѣсовъ и т. д. Наступилъ крайній срокъ, и все это въ какіе-нибудь день—два убрать было немислимо. Тутъ внезапно осянула распорядителя строительными работами счастливая мысль. Было объявлено, что всѣ матеріалы, какъ въ видѣ досокъ, бревенъ, кирпича, такъ и всѣ избы отдаются въ полное распоряженіе жителей столицы. Расчетъ былъ вѣрный. На слѣдующее утро площадь у дворца была совершенно чиста и свободна,—все, что было, жители растаскали въ одну ночь. Не долго, какихъ-нибудь 70 съ лишнимъ лѣтъ простоялъ Зимній дворецъ, служа однимъ изъ первыхъ украшеній столицы. 29 декабря 1837 г. въ Зимнемъ дворцѣ вспыхнулъ пожаръ, быстро охватившій его со всѣхъ сторонъ. Тутъ-то въ Возѣ почившій Государь Николай Павловичъ проявилъ героическое великодушіе и изумительное присутствие духа. Между прочимъ, когда пожарные, подвергаясь ежеминутно смертельной опасности, срывали со стѣны колоссальное троюмо, — Государь, зная, что въ царившемъ кругомъ шумѣ и грохотѣ все равно словъ его услышать нельзя будетъ, вынулъ тяжелымъ биноклемъ въ зеркало, разлетѣвшеяся вдребезгъ. Этимъ онъ заставилъ увлекшихся пожарныхъ бросить зеркало и увидѣть, что самимъ имъ грозила гибель. Дворецъ былъ совершенно уничтоженъ пожаромъ. Но онъ былъ отстроенъ вновь очень быстро графомъ Клейнмихелемъ, и къ Пасхѣ 1839 г. былъ совершенно законченъ. Въ такомъ видѣ онъ стоитъ и понынѣ. Занимая пространство въ 3150 кв. саж., дворецъ обращенъ однимъ фасадомъ къ Главному Штабу, а другимъ—къ Невѣ. Со стороны Невы имѣется у него, такъ-называемый, Иорданскій подъѣздъ, изъ котораго и ведетъ вверхъ, изображенная у насъ на рисункѣ, великолѣпная мраморная лѣстница, вся уставленная тропическими растениями, съ лѣпными украшениями, съ роскошно расписанными потолками.

На конкѣ. (Рис. на стр. 913).

Конно-железныя дороги или, по-просту, конки стали достояніемъ всѣхъ большихъ городовъ. Небольшая плата за большое разстояніе привлекаетъ въ нихъ не только людей недостаточ-

наго дѣла, понятна, при санитарныхъ огородахъ, гдѣ собаки должны быть въ достаточномъ количествѣ. Но за то санитарные отряды прямо опираются на тылъ дѣйствующихъ частей и стоятъ въ болѣе прямомъ и постоянномъ сообщеніи со всякаго рода складами и путями сообщенія, лежащими въ сферы военныхъ операцій, и, стало-быть, въ состояніи съ меньшими затрудненіями прокармливать своихъ прожорливыхъ сотрудниковъ. Хотя и здѣсь едва можно сомнѣваться, что, при тяжелыхъ условияхъ, собаки, при всей ихъ полезности, могутъ иногда сдѣлаться чувствительною обузою.

Съ другой стороны, и зажиточные люди, благодаря удобству и быстротѣ сообщенія, часто предпочитаютъ закрытыя отъ непогоды конки трясучимъ и оборванымъ ванькамъ; оттого внутри конки порой можно видѣть своеобразныхъ представителей всѣхъ сословій, и смѣсь типовъ встрѣчающихся сразу невольно направляется подъ карандашъ художника.

Казакъ, возвращающійся послѣ морского набѣга. (Рис. на стр. 917).

Страшные недругамъ запорожскіе казакъ наводили страхъ и тревогу на сосѣдей Сѣчи не только на сушѣ. Случалось, что казакъ шли походомъ на лодкахъ, которыхъ было у нихъ два рода: рѣчныя и морскія. Первые—небольшия, въ которыхъ они ловили также рыбу и собирали „всякій принасъ хоромный и дровяной“, а вторыя достигали 10 сажней длины и имѣли до 40 весель съ каждой стороны. Такіе „челны морскіе“ навывались также „дубами“ или „чайками“ (должно быть, въ подражаніе татарскимъ круглымъ „канкамъ“). На „чайкахъ“ казакъ спускались по Днѣпру и доходили даже до Царьграда и Вѣлой Арапіи или Египта, которые „мушкетнымъ дымомъ окуривали и давали пороху шохати“. На своихъ дубахъ они были почти неуязвимы близъ береговъ, но и въ открытомъ морѣ казакъ отваживались иногда нападать на большія суда, абдорировали и грабили ихъ, а въ случаѣ неудачи разсыпались по морю, „какъ сталъ скворцовъ“. На нашемъ рисункѣ изображена дикая ватага казакъ, возвращающаяся послѣ удачнаго набѣга съ лѣсками домой.

Христіанскіе мученики на аренѣ цирка. (Рис. на стр. 920).

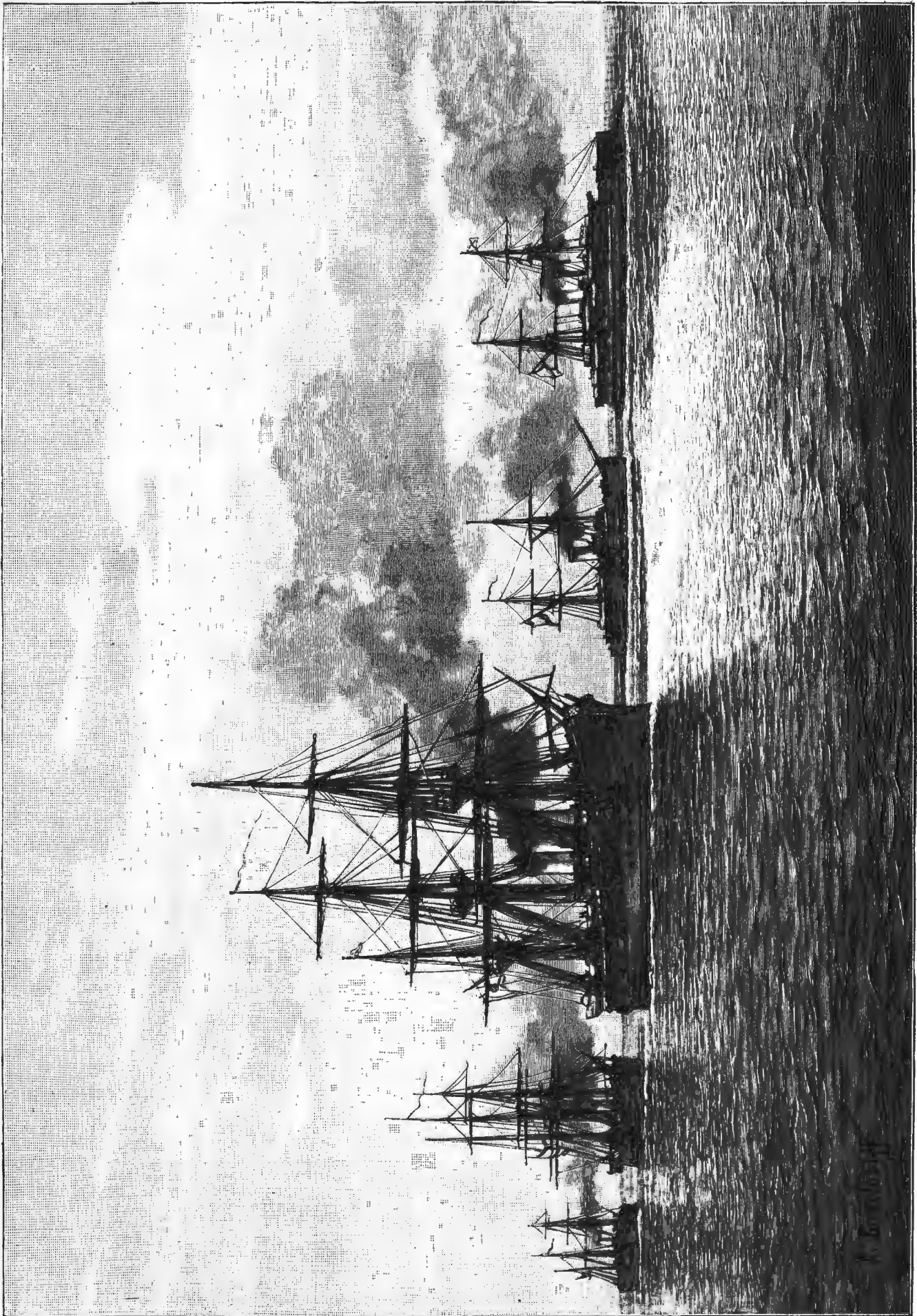
Гошея на христіанъ и всевозможныя мученія, которымъ подвергали полновластные ихъ притѣснители, представляютъ неисчерпаемый матеріалъ для писателя и художника. И на страницахъ нашего журнала воспроизводились неоднократно гравюры тѣхъ картинъ, въ которыхъ художники воспроизводили кровавыя и потрясающія сцены изъ времени преслѣдованія первыхъ христіанъ язычниками. Въ сегодняшнемъ номерѣ читатели найдутъ снимокъ съ картины Мантегацца, который трогательно и въ то же время чрезвычайно выразительно изобразилъ весь ужасъ, какой являли несчастные мученики, обреченные на сѣденіе дикими звѣрьми.

Черная лысуха, схваченная щукой. (Рис. на стр. 921).

Въ первые теплые весенніе дни прилетаетъ лысуха изъ южныхъ странъ снова на любимое свое озеро, оставленное осенью. Какъ антъ и ласточка, изъ-году-въ-годъ возвращается она на то же самое мѣсто. Сейчасъ начинается парочка кружитья среди сѣраго ситовника и проплогоднаго камыша, отыскивая себѣ ищущую и удобное мѣсто для гнѣзда будущія птенцовъ. Лысуха очень красива; плавныя ея движенія, красивая фигура и окраска перьевъ производятъ чарующее впечатлѣніе. Оперенье ея темно-коричневое, мѣстами сѣроватое, по бокамъ бѣлыя пятнышки, лобъ красный, блестящіе глаза окружаютъ три ободка, желтый, затѣмъ сѣрый и, наконецъ, красный. Клювъ спереди желтый, а у корня красный. Длинные пальцы окаймлены каждый въ отдѣльности плавательными перепонками (лопастями). Быстро и легко движется она по огромнымъ листьямъ водяныхъ лилій, среди цѣлыхъ островковъ рдеста. На сбитомъ у берега камышѣ, въ низкомъ дуплѣ гнилого дерева или даже на группѣ листьевъ, низко, надъ самою гладью озера ютится гнѣздо лысухи. Оно устроено не очень искусно, зато очень удобно и ловко скрыто отъ посторонняго, хищнаго

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ, при этомъ № прилагается подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи, для заблаговременнаго возобновленія подписки на журналъ „Нива“ въ 1894 году.

Канонерская лодка "Теречь".
 Кораветь "Рында".
 Полуброненосный фрегат "Память Азова".
 Броненосный крейсер "Адмирал Нахимов".
 Броненосный корабль "Император Николай I".
 Русская Средиземная эскадра на пути в Тулонь. Оригинальная акварель (собств. "Нивы") проф. А. Боголюбова, грав. М. Рашевский.

глаза. Тамъ лежатъ, обыкновенно, отъ шести до двѣнадцати лицъ, сидѣнь устѣянныхъ коричневыми пятнышками и очень большихъ сравнительно съ величиной самой лысухи. Три недѣли длится ихъ высиживаніе; вылушшіеся послѣ этого крохотные птенцы на слѣдующій день покидаютъ уже гнѣздо и слѣдуютъ за своей матерью въ водную стихію. Съ этой минуты начинается ихъ оживленная жизнь. Невольно залюбуешься, какъ они ерзаютъ и шумно рѣзвятся вокругъ своихъ родителей. То тутъ, то тамъ улавливаютъ они своими широкими клювами какую-нибудь крохотную мушку или червячка. Стоитъ мать найти какой-нибудь лакомый кусочекъ, какъ птенцы стрѣлой бросаются къ ней за подачкой. Вся насторожившись, плыветъ мать впереди, осматриваясь по сторонамъ, нѣтъ-ли гдѣ какой-либо опасности. Вотъ въ вышній зачернѣлась темная, описывающая черные круги точка. Короткій, тихій зовъ, и въ одинъ мигъ на зеркальной глади озера нѣтъ ни души... Вся пернатая семья исчезла. Куда? Этого нельзя было бы угадать, если бы то тамъ, то сямъ не выглядывала изъ-подъ зеленого листа водяной лиліи крохотная коричневая головка, если-бъ изъ воды не высовывался пугливо трещащій кончикъ желтаго клюва. Опасность миновала, и вся семья въ полномъ сборѣ снова бороздитъ воду. Онѣ ныряютъ и плаваютъ ничуть не хуже рыбы, легко гребя крыльями, точно веслами. Казалось бы, въ такомъ случаѣ, нѣтъ имъ гдѣ-либо никакого опаснаго врага. Человѣкъ взялъ ихъ подъ свое покровительство, собака и кошка не преслѣдуютъ ихъ въ водѣ, ни ястребъ-перепелятникъ, ни соколъ, ни сарычъ не могутъ ихъ найти въ ихъ потайномъ убѣжищѣ. А между тѣмъ въ ихъ же родной стихіи, въ тихомъ поэтическомъ уголкѣ озера, среди цвѣтущихъ водяныхъ лилій пріурочена имъ мученическая смерть. И отъ своего жестокаго и неутомимаго врага нѣтъ несчастной лысухи никакого спасенія. Врагъ этотъ — щука. Одинъ уже въшній видъ ея обнаруживаетъ прожорливаго хищника: плотная, продолговатая, съ приплюснутой головой, съ широкой пастью и рядомъ длинныхъ, хищнически заостренныхъ зубовъ. Все, что попадаетъ ей на зубы, погибаетъ неминуемо и мгновенно. Рѣзкими, быстрыми движеніями своего мощнаго хвоста прорѣзываетъ хищникъ воду по всѣмъ направленіямъ: нѣтъ для него ничего неприкосновеннаго. Ничѣмъ она не пугается, — жадно пожираетъ и головастики, и большихъ лягушекъ; не укрывается отъ нея и кольчатый ужъ, залязгающій въ воду; она безжалостно истребляетъ карповъ и форелей, блаторыбицъ и окуней. Во всѣхъ прѣсноводныхъ бассейнахъ водится этотъ кровожадный тиранъ, эта морская акула въ миниатюрѣ. Довко схватывая молодыхъ птенцовъ, пожираетъ она часто цѣлую семью. Чуть только появится въ ея округѣ лысуха, какъ она обречена уже на неминуемую гибель. Одного за другимъ, увлекаетъ она въ водную глубь молодыхъ птенцовъ, не падитъ она и старшихъ рослыхъ лысухъ, какъ это доказываетъ нашъ рисунокъ на стр. 921. Издали, подъ водой, ворко слѣдитъ она за всѣми движеніями рѣзвой пернатой семьи. Въ томъ озерѣ или прудѣ, гдѣ есть щука, не должна оставаться лысуха, она должна искать себѣ другое мѣсто, если только желаетъ сохранить жизнь себѣ и своему потомству.

3.

Русская Средиземная эскадра. (Рис. на стр. 925).

Въ прошломъ номерѣ *Нивы* мы дали подробные снимки съ судовъ русской Средиземной эскадры, — русской гостыи въ Тулонскихъ водахъ, — а также и описаніе каждаго судна; теперь, на 925 страницъ, мы помѣщаемъ гравюру съ исполненной специально для *Нивы* проф. Боголюбовымъ акварели, изображающей ту же эскадру на морѣ въ полномъ ея составѣ.

Кажется, что можно было сдѣлать, давая вѣрное изображеніе такихъ предметовъ, неодушевленныхъ, какъ морскія суда, но взгляните въ рисунокъ маститаго профессора, и вы увидите не фотографію, не мертвое изображеніе этихъ предметовъ, но, дѣйствительно, картину настолько живую, словно передъ вашими глазами какимъ-то чудомъ явилось тихое море съ величаво раскинувшейся на немъ нашей эскадрой.

Профессоръ И. П. Мержеевскій.

(Портр. на стр. 927).

Въ прошломъ сентябрѣ исполнилось 30-ти-лѣтіе профессорской дѣятельности въ Медицинской Академіи профессора Ивана Павловича Мержеевского, пользующагося славной извѣстностью лучшаго современнаго знатока психіатріи и невропатологіи. Эта извѣстность не ограничивается предѣлами нашего отечества. За границей при ученыхъ изысканіяхъ нерѣдко ссылаются на авторитетъ нашего опытнаго психіатра. Имъ проведена масса цѣнныхъ изслѣдованій и наблюденій, особенно, въ области патологіи идиотизма, общаго возрастающаго паралича помѣшанныхъ и алкоголизма. По его инициативѣ и благодаря его постояннымъ заботамъ объ улучшеніи быта душевныхъ больныхъ, воздвигнуто въ Петербургѣ при Военно-Медицинской Академіи новое зданіе клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней. *Выстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи* обязанъ профессору Мержеевскому, какъ своимъ возникновеніемъ въ 1883 г., такъ и

образцовымъ веденіемъ подъ его просвѣщеннымъ руководителествомъ.

Изъ условий, благопріятствующихъ развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ Россіи, профессоръ Мержеевскій выдѣлилъ на первый планъ наследственность, злоупотребленіе спиртными напитками и вліяніе ненормальной окружающей среды. Наследственность играетъ важную роль въ развитіи истеріи (отъ 50 проц. до 70), эпилепсіи (20 проц.), психики св. Витта, прогрессивной мышечной атрофіи, Фридриховской болѣзни, пораженій спинного мозга. Особенно часты случаи умопомѣшательства, когда оба супруга расположены къ душевнымъ болѣзнямъ. Поэтому профессоръ Мержеевскій возражаетъ противъ браковъ между двумя первыми лицами и отмѣчаетъ, что многіе славные русскіе роды, имена представителей которыхъ занесены въ исторію, исчезли, именно благодаря неудачнымъ бракамъ, давшимъ въ результатъ полное вырожденіе. Въ больницахъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней число паціентовъ, поступившихъ вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками, колеблется отъ 7 проц. до 42 проц. Значительный процентъ поступаетъ въ больницы, особенно, въ годы наибольшаго возбужденія умовъ и чувствъ общества. Профессоръ Мержеевскій являлся, на основаніи своего опыта, противникомъ чрезмѣрныхъ требованій современной школы и учебнаго ценза. Непомѣрное отягощеніе мозга впечатлѣніями, которыя въ сущности напрягаютъ только память насчетъ развитія соображенія или насчетъ логическихъ операцій, вообще, — расшатываютъ нервную систему развивающагося юношества. Таково мнѣніе профессора, пришедшаго къ заключенію, что 1) число душевныхъ и нервныхъ заболѣваній въ послѣднее время возрастаетъ значительно, 2) господствуютъ, по большей части, тяжкія хроническія и продолжительныя болѣзни и 3) душевно и нервно-больные не могутъ исполнять обязанности гражданъ.

Иванъ Павловичъ происходитъ изъ дворянъ Люблинской губерніи. Родился въ 1838 году, воспитывался въ Люблинской гимназіи и кончилъ въ 1861 году курсъ Медико-Хирургической Академіи. Какъ лучшему изъ окончившихъ, совѣтъ Академіи предложилъ Мержеевскому остаться на три года при Академіи для усовершенствованія. Въ 1864 г. онъ блестяще защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ «Клиническія изслѣдованія психическихъ (буиныхъ) больныхъ» и получилъ степень доктора медицины. Назначенный младшимъ врачомъ клиники душевныхъ болѣзней Военно-Медицинской Академіи, Мержеевскій отправился въ 1872 году за-границу, гдѣ занимался въ лабораторіяхъ Вирхова и Инле, а также слушалъ лекціи Траубе, Френкеса, Вестфала и Шарко. Въ эту поездку онъ осматривалъ заведенія для душевныхъ больныхъ въ Берлинѣ, Швейдеригофѣ, Геттингенѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Гамбургѣ, Виттурнѣ, близъ Рескляде (возлѣ Копенгагена), и Парижѣ. Въ 1874 г. онъ былъ вновь командированъ Академіей за-границу и занимался тамъ систематически научными изслѣдованіями, посѣщая лабораторіи и лекціи Клодъ-Бернара, Брока, Шарко и Ранве, и изучалъ устройство домовъ для душевно-больныхъ въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Лондонѣ, Гануэллѣ, Ирльвудѣ, Норвичѣ, Гагѣ и Гелѣ. Въ 1876 г. избранъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ психіатріи и невропатологіи, и директоромъ клиники душевныхъ болѣзней; черезъ два года назначенъ совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1889 г. академикомъ.

И. П. Мержеевскій, будучи энергичнымъ и неутомимымъ труженникомъ на научномъ поприщѣ, издалъ много печатныхъ трудовъ, относящихся къ невропатологіи, психіатріи и антропологии. Въ теченіе его продолжительной профессорской дѣятельности и подъ его ближайшимъ руководствомъ, изъ Военно-Медицинской Академіи вышла масса опытныхъ врачей, хорошихъ психіатровъ. Профессора Бехтерева, Попова, Чижъ и Анфимовъ — ученики профессора Мержеевского, которому, кстати сказать, принадлежитъ много цѣнныхъ докладовъ и рѣшеній по спорнымъ судебно-психіатрическимъ вопросамъ. Въ настоящее время Иванъ Павловичъ продолжаетъ, попрежнему, работать безъ усталы, какъ неутомимый дѣятель, полный силъ и энергіи.

Н. Афанасьевъ.

Профессоръ Максъ фонъ-Петтенкоферъ.

(Портр. на стр. 930).

Основатель модной теперь гігіены, тайный совѣтникъ, докторъ Максъ фонъ-Петтенкоферъ, профессоръ гігіены въ Мюнхенскомъ университетѣ, праздновалъ въ этомъ году пятидесятилѣтній юбилей полученія имъ докторской степени.

Знаменитый ученый родился 3 декабря 1818 г. въ Лихтенгеймѣ, близъ Нейбурга на Дунаѣ. 8-лѣтнимъ мальчикомъ онъ отправился въ Мюнхенъ къ своему дядѣ, бывшему придворнымъ аптекаремъ. По окончаніи курса въ гимназіи, поступивъ въ университетъ, занялся онъ сначала филологіей, но дядя предложилъ ему сначала заняться естественными науками и фармаціей и поступить къ нему въ аптеку ученикомъ. Онъ послѣдовалъ его совѣту, но строгость дяди оттолкнула его отъ этихъ занятій и вынудила даже оставить его домъ и стать аптекаремъ. Черезъ полгода онъ вернулся къ дядѣ назадъ и былъ, понятно, принятъ съ распростертыми объятіями. Осенью 1841

года принялся он снова серьезно за занятия и 18 июня 1843 года, послѣ блестящей защиты докторской диссертации, удостоенъ былъ степени доктора медицины, хирургіи и акушерства. Близкое знакомство съ знаменитымъ химикомъ и минералогомъ Г. Н. фонъ-Фуксомъ и профессоромъ химіи д-ромъ Августомъ Кайзеромъ благотворно отразилось на дальнейшей академической карьерѣ Петтенкофера. Проработавъ одинъ семестръ въ лабораторіи д-ра Шерера въ Вюрцбургѣ, онъ отиравался въ Гисенъ къ Либигу, гремѣвшему тогда своими знаменитыми работами не только по химіи и сельскому хозяйству, но и по физиологіи и патологіи. Правительство не рѣшилось создать для Петтенкофера въ Мюнхенѣ такую же кафедру, какую занималъ въ Вюрцбургѣ Шереръ, и Петтенкоферъ занялъ въ 1845 г. должность ассистента на главномъ почетномъ дворѣ въ Мюнхенѣ, но уже 17 ноября 1847 г. назначилъ его король Людвигъ I экстраординарнымъ профессоромъ медицинскаго факультета. Въ 1850 году предоставилъ ему король Максимилианъ II должность придворнаго аптекаря и назначилъ его въ 1852 г. ординарнымъ профессоромъ. Въ 1872 г. Петтенкоферъ приглашенъ былъ въ Вѣнскій университетъ на кафедру ординарнаго профессора гігіены, при чемъ ему предложили учредить согласно его указаніямъ спеціальныи гігіеническій институтъ. Но онъ отклонилъ это лестное предложеніе, добившись разрѣшенія на учрежденіе въ Мюнхенѣ подобнаго института, открывшаго свои благотѣльные дѣйствія уже въ 1878 году. Король Максимилианъ II пожертвовалъ 10,000 гульденовъ изъ своихъ личныхъ средствъ на устройство въ физиологическомъ институтѣ большого Петтенкоферскаго дыхательнаго аппарата, съ помощью котораго профессоръ Фойтгъ, при содѣйствіи Петтенкофера, исполнилъ знаменитыя свои работы по вопросамъ питанія и обмена веществъ. При королѣ Людвигѣ II гігіена была признана обязательнымъ предметомъ на заключительныхъ медицинскихъ испытаніяхъ, и принцъ-регентъ Луитпольдъ неоднократно выказывалъ расположеніе и общалъ свое содѣйствіе великому гігіенисту.

Максъ фонъ-Петтенкоферъ—основатель экспериментальной гігіены. Его работы о воздухѣ, водѣ, почвѣ, жилищѣ, платьѣ, питаніи и т. д. способствовали теоретическимъ занятіямъ этой новой наукой и вмѣстѣ съ тѣмъ заключали въ себѣ массу практическихъ правилъ и полезныхъ совѣтовъ. Своими изслѣдованіями о распространеніи холеры и брюшинно-го тифа онъ оказалъ огромное, неосцѣнимое вліяніе на оздоровленіе городовъ и спасъ тѣмъ тысячи людей отъ болѣзни и преждевременной смерти. Благодаря ему, почти всѣ болѣе или менѣе значительныя города Германіи снабжены водопроводомъ и канализаціей, результатомъ чего оказалось паденіе смертности и заболѣваній. Благодаря его энергичной дѣятельности возникъ цѣлый рядъ гігіеническихъ обществъ. Имя Петтенкофера, наконецъ, извѣстно еще въ химіи, въ обширной области которой онъ имѣетъ большія заслуги.

А. Н. Плещеевъ. (Портр. на стр. 932).

Телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Парижѣ внезапно скончался, 26-го сентября, на 68 году жизни, одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ поэтовъ-лириковъ, Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Жизнь покойнаго протекала при исключительныхъ обстоятельствахъ: въ началѣ 1849 года, въ бытность свою въ Москвѣ, А. Н. былъ арестованъ по прикосновенности къ политическому дѣлу Петрашевскаго и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. По рѣшенію военнаго суда, онъ былъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими лицами къ разстрѣлянію, но императоръ Николай Павловичъ смягчилъ этотъ приговоръ, — и Плещеевъ, по Высочайшей конфирмаціи, назначенъ былъ въ оренбургскіе линейные батальоны, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Послѣ девятимѣсячнаго заключенія въ крѣпости, онъ былъ 24 декабря 1849 года отправленъ въ Оренбургскій край, гдѣ и оставался до 1858 года. Первое время Плещеевъ служилъ въ Уральскѣ, потомъ принималъ участіе въ экспедиціи, предпринятой генералъ-адъютантомъ Перовскимъ для занятія коканской крѣпости Акмечетъ, вышѣ — Перовскъ, и принималъ участіе въ штурмѣ этой крѣпости, за что произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1856 году въ прапорщики. Прослуживъ годъ во фронтѣ, А. Н. перешелъ въ гражданскую службу, а черезъ годъ вышелъ въ отставку. Въ 1857 году, 17 апрѣля, А. Н. Плещееву были возвращены права потомственнаго дворянства, а годъ спустя разрѣшено жить въ сто-

лицѣ, и онъ вскорѣ поселился въ Москвѣ, гдѣ и началъ снова свою литературную дѣятельность, прерванную со времени его ареста, въ 1849 году. Еще въ 1856 году, когда возникъ знаменитый органъ М. Н. Каткова—*Русскій Вѣстникъ*, начали появляться стихотворенія А. Н. Плещеева, подписанныя неполной фамиліей А. П.—въ. Съ 1856 по 1859 годъ, кромѣ цѣлаго ряда переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній, А. Н. напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* четыре большія повѣсти: „Наслѣдство“, „Будни“, „Отецъ и дочь“ и „Пашинцевъ“.

Начало же его дѣятельности литературной относится къ 1843 году, когда въ XXXI томѣ *Современника* Плетнева появилось впервые его произведеніе — стихотворный переводъ „Пѣсни странника“ Рюккера. Въ то время А. Н. было всего лишь 18 лѣтъ невступно. Такимъ образомъ, ровно полвѣка назадъ выступилъ онъ на литературное поприще, по волею судьбы вмѣсто торжества пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности пришлось служить панихиду по почившемъ поэту.

А. Н. Плещеевъ за всю свою многострадальную жизнь былъ однимъ изъ тѣхъ незнающихъ покоя труженниковъ, которые живутъ интеллигентнымъ трудомъ, вынужденные обстоятельствами работать изъ-за средствъ. Денежныхъ ресурсовъ, которые могло дать непосредственное творчество строгого къ своимъ произведеніямъ А. Н. Плещеева, разумеется, не хватало на прожитіе, и онъ долженъ былъ обращаться къ заработку путемъ переводовъ, редакціонныхъ занятій, сотрудничества въ газетахъ и даже казенной службы въ контролѣ. Житейскій гнетъ несомнѣнно отражался на нашемъ лирикѣ, который по своему таланту могъ бы оставить въ наслѣдство русской литературѣ значительно большее число лирическихъ (родъ поэзи, въ которомъ наиболѣе выдавался покойный А. Н.) стихотвореній, чѣмъ заключаетъ ихъ въ себѣ небольшой томикъ отдѣльнаго ихъ изданія. Но этотъ томикъ, небольшой по объему, по значенію своему является цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу. Лирически произведенія А. Н. не только глубоко прочувствованы, но и продуманы, и въ нихъ читатель найдетъ гораздо болѣе мыслей, чѣмъ въ иномъ—скажемъ даже—философскомъ произведеніи... Много изъ этихъ стихотвореній твердится наизусть, много положено на музыку, переведено на иностранныя языки и помѣщено въ хрестоматіи...

Вообще, А. Н. при жизни своей пользовался большою популярностью. Весьма доступный, привѣтливый, об-

ходительный, онъ относился съ одинаковой ласковостью ко всѣмъ приходившимъ къ нему, и многіе, въ особенностъ, изъ молодежи, помнятъ его незатѣйливый по обстановкѣ, съ обитою клеенкой мебелью, съ простымъ письменнымъ столомъ и литографированнымъ портретомъ Бѣлинскаго надъ нимъ, кабинетъ въ квартирѣ на Спасской площади. Сколько хорошаго, свѣтлаго и отраднаго было испытано въ этомъ кабинетѣ, гдѣ работала и принимала своихъ посѣтителей А. Н. Плещеевъ, простой и задушевный въ обращеніи, но, именно благодаря этой простотѣ и задушевности, облетенный ореоломъ какого-то неизъяснимаго, какъ патриархъ, веденія...

Только въ концѣ жизни, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, А. Н. Плещеевъ вдругъ получилъ огромное наслѣдство и сталъ богатымъ человекомъ, такъ что послѣдніе годы его жизни протекали въ спокойствіи и во всемъ томъ комфортѣ, какой можетъ дать роскошь.

Подарки французовъ русскимъ морякамъ.

(Рис. на стр. 932 и 933).

Въ числѣ различныхъ подарковъ, которыми Франція собирается отблагодарить нашу родину, въ лицѣ русскихъ моряковъ, за братскій приемъ французской эскадры въ Кроунштадтѣ два года тому назадъ, обращаютъ на себя вниманіе двѣ скульптурныя работы извѣстныхъ французскихъ ваятелей Шаню и Кутана. Изваяніе недавно умершаго Шаню называется „Мысль“ и изображаетъ женщину, въ полномъ цвѣтѣ красоты, съ прекраснымъ задумчивымъ лицомъ, откинувшую голову, точно мѣшающее полету мысли. Другая статуя, работы Кутана — „Миръ“ представляетъ генія мира въ полномъ вооруженіи, безъ котораго, по нынѣшнимъ временамъ, миръ не надеженъ. „Si vis pacem, para bellum!“ Оливковая вѣтвь вокругъ меча служитъ единственнымъ указаніемъ на миролюбіе генія, попирающаго въ своемъ всеоружіи рогъ изобилія. Такой подарокъ краснорѣчиво намекаетъ на тотъ миръ, который тяго-

Академикъ Иванъ Павловичъ Мерзевскій (по поводу 30-лѣтія профессорской дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

Юбилейный год!.. „Нива“ вступить съ началомъ будущаго 1894 г. въ XXV годъ своего существованія.

Развиваясь шагъ за шагомъ, постепенно и непрерывно стремясь къ болѣе полному осуществленію своей цѣли, — всестороннему удовлетворенію нравственныхъ, умственныхъ и художественныхъ потребностей русской семьи, журналъ нашъ давно приобрѣлъ симпатію русскаго общества, среди котораго многіе не измѣнили „Нивѣ“ со времени ея возникновенія.

Горючо благодаря за эти симпатіи, сочувствіе и поддержку нашему дѣлу, мы всецѣло сознаемъ, что читатели и читательницы наши могутъ ожидать, что наступающій 1894 годъ не только выдаться для „Нивы“, какъ юбилейный по времени ея существованія, но что явится онъ выдающимся, главнымъ образомъ, и по тому, что дастъ „Нива“ своимъ подписчикамъ.

Ожиданія эти будутъ удовлетворены съ нашей стороны, полагаемъ, въ такой мѣрѣ, которая превзойдетъ самыя большія изъ нихъ. Мы имѣли возможность, не щадя денежныхъ затратъ, приобрести право на прило-

женіе къ „Нивѣ“ полнаго собранія сочиненій одного изъ первостепенныхъ нашихъ писателей, — сочиненій, которыя представляютъ такое литературное приложеніе, какого еще до сихъ поръ не было въ состояніи дать ни одинъ журналъ.

До сихъ поръ „Нива“ давала въ приложеніяхъ сочиненія, тщательно редактированныя и изданныя и, по возможности, дополненыя, такихъ классическихъ русскихъ писателей, какъ Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Полежаевъ, Кольцовъ, Козловъ и др. — произведения которыхъ составляютъ уже достояніе всего общества. Произведенія же писателей, послѣ смерти которыхъ не истекло еще *пятидесяти лѣтъ*, являются, какъ извѣстно, по закону, собственностью наслѣдниковъ, которые, какъ частныя лица, не могутъ уступить изданія настолько, чтобы сдѣлать его доступнымъ для большинства читающей публики.

Для этого нужны исключительныя средства. Не востоявъ относительно этихъ средствъ, мы имѣемъ возможность дать въ будущемъ, юбилейномъ году „Нивы“ ея подписчикамъ, какъ *бесплатное приложеніе*,

Сочиненія Ф. М. Достоевскаго.

Имя Достоевскаго слишкомъ извѣстно въ Россіи, и кому изъ грамотныхъ русскихъ людей не дорого оно? — Своими, исполненными жизненной правды и глубокаго психологическаго анализа произведениями онъ сумѣлъ пробудить въ человѣческомъ сердцѣ лучшія его чувства. Въ настоящее время выраженіе: „Кто читалъ Достоевскаго, тотъ сталъ добрѣе и лучше!“ вошло почти въ посло-

вуду. Въ виду этого понятна желаніе каждаго не только прочесть произведенія Ф. М. Достоевскаго, но и имѣть ихъ у себя; въ отдѣльной же продажѣ стоить они слишкомъ дорого, и потому мы въ правѣ рассчитывать на сочувствіе нашихъ подписчиковъ, давая *бесплатно*, въ видѣ приложенія къ „Нивѣ“ на 1894 годъ, *въ новомъ тщательномъ свѣренномъ и просмотрѣнномъ изданіи* слѣдующія

Сочиненія Ф. М. Достоевскаго

въ двѣнадцать книгъ:

- КНИГА I.** Бѣдные люди. Романъ.
Двойникъ. Петерб. поэма.
КНИГА II. Господинъ Прохарчинъ. Рассказъ.
Романъ въ девяти письмахъ.
Хозяйка. Повѣсть.
Ползунковъ.
Слабое сердце. Повѣсть.
Чужая жена.
Честный воръ. Изъ записокъ неизвѣстнаго.
Елка и свадьба. Изъ записокъ неизвѣстнаго.
КНИГА III. Бѣлая ночь.

- Сентиментальный ром.
Неточка Незванова.
Маленькій герой. Изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ.
На Европейскія событія 1854 года. Стихотв.
Дядюшкинъ сонъ. Изъ мордасовск. воспоминаній.
КНИГА IV. Село Степанчиково и его обитатели. I и II часть изъ записокъ неизвѣстнаго.
КНИГА V. Записки изъ Мертваго Дома. Романъ въ двухъ частяхъ.

- Сиверный анекдотъ. Рассказъ.
КНИГА VI. Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Записки изъ подполья. Повѣсть.
Крокодилъ. Необыкновенное событіе. Повѣсть.
Игронъ. Ром. (Изъ записокъ молодого человѣка).
КНИГА VII. Униженные и оскорбленные. Ром. въ 4-хъ частяхъ съ эпилог.
КНИГА VIII. Вѣчный мужъ. Рассказъ.

- КНИГА IX.** Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Части I, II и III.
КНИГА X. Преступленіе и наказаніе. Ром. въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Части IV, V и VI.
КНИГА XI. Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Части I и II.
КНИГА XII. Идиотъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части III и IV.

Всѣ эти **ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ**, изящно изданныя, будутъ разосланы подписчикамъ „Нивы“ въ теченіе 1894 года **ПО ОДНОЙ КНИГѢ ВЪ НАЧАЛѢ КАЖДАГО МѢСЯЦА**—безъ какихъ бы то ни было доплатъ на пересылку и дополнительныхъ взносовъ.

Къ первой книгѣ будетъ приложенъ **портретъ Ф. М. Достоевскаго**, гравированный на стали Ф. А. Бронгаузомъ въ Лейпцигѣ, и биографическій-литературный очеркъ о Ф. М. Достоевскомъ, вновь составленный для этого изданія В. В. Розановымъ.

Что касается остальныхъ произведеній Ф. М. Достоевскаго: „Бѣсы“, „Подростокъ“, „Дневникъ писателя“ и „Братья Карамазовы“, то мы **нынѣ же** принимаемъ на себя обязательство дать ихъ, какъ **бесплатное приложеніе** при „Нивѣ“ 1895 года, заручившись уже теперь правомъ на это, согласно нотаріальному договору, заключенному нами съ законными наслѣдниками Ф. М. Достоевскаго.

Такимъ образомъ, наши подписчики въ теченіе 1894 и 1895 годовъ получаютъ въ видѣ **бесплатнаго приложенія** Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго.

Считаемъ также нужнымъ обратить вниманіе на то, что представляемая нашимъ подписчикамъ возможность получить сочиненія Ф. М. Достоевскаго въ видѣ **бесплатнаго приложенія** никогда болѣе не повторится и ни однимъ журналомъ не можетъ быть предоставлена своимъ читателямъ, такъ какъ, на основаніи помнутаго договора съ наслѣдниками Ф. М. Достоевскаго, „Нивѣ“ принадлежитъ исключительное право на приложеніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго съ тѣмъ, что право это не можетъ быть предоставлено никакому другому журналу.

Несмотря на такое капиталное приложеніе, какъ сочиненія Ф. М. Достоевскаго—программа „Нивы“ въ 1894 году будетъ еще увеличена.

Чтобы удовлетворить самыя взыскательныя требованія читателей, которые могли-бы опасаться, что они получаютъ въ видѣ новѣйшихъ произведеній современныхъ писате-

Разрочка подписной платы за „НИВУ“ 1894 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ:
ДЛЯ Г-Г. ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:
ВЪ ДВА СРОКА: безъ доставки при подачѣ 3 р. 50 к., 1 июня 1894 г. 3 р.
ВЪ ТРИ СРОКА: безъ доставки при подачѣ 2 р. 1 июля 94 г. 2 р. 1 сентября 1894 г. 1 р. 1 октября 1894 г. 1 р. 1 ноября 1894 г. 1 р. 1 декабря 1894 г. 1 р. 1 января 1895 г. 1 р. 1 февраля 1895 г. 1 р. 1 марта 1895 г. 1 р. 1 апреля 1895 г. 1 р. 1 мая 1895 г. 1 р. 1 июня 1895 г. 1 р. 1 июля 1895 г. 1 р. 1 августа 1895 г. 1 р. 1 сентября 1895 г. 1 р. 1 октября 1895 г. 1 р. 1 ноября 1895 г. 1 р. 1 декабря 1895 г. 1 р. 1 января 1896 г. 1 р. 1 февраля 1896 г. 1 р. 1 марта 1896 г. 1 р. 1 апреля 1896 г. 1 р. 1 мая 1896 г. 1 р. 1 июня 1896 г. 1 р. 1 июля 1896 г. 1 р. 1 августа 1896 г. 1 р. 1 сентября 1896 г. 1 р. 1 октября 1896 г. 1 р. 1 ноября 1896 г. 1 р. 1 декабря 1896 г. 1 р. 1 января 1897 г. 1 р. 1 февраля 1897 г. 1 р. 1 марта 1897 г. 1 р. 1 апреля 1897 г. 1 р. 1 мая 1897 г. 1 р. 1 июня 1897 г. 1 р. 1 июля 1897 г. 1 р. 1 августа 1897 г. 1 р. 1 сентября 1897 г. 1 р. 1 октября 1897 г. 1 р. 1 ноября 1897 г. 1 р. 1 декабря 1897 г. 1 р. 1 января 1898 г. 1 р. 1 февраля 1898 г. 1 р. 1 марта 1898 г. 1 р. 1 апреля 1898 г. 1 р. 1 мая 1898 г. 1 р. 1 июня 1898 г. 1 р. 1 июля 1898 г. 1 р. 1 августа 1898 г. 1 р. 1 сентября 1898 г. 1 р. 1 октября 1898 г. 1 р. 1 ноября 1898 г. 1 р. 1 декабря 1898 г. 1 р. 1 января 1899 г. 1 р. 1 февраля 1899 г. 1 р. 1 марта 1899 г. 1 р. 1 апреля 1899 г. 1 р. 1 мая 1899 г. 1 р. 1 июня 1899 г. 1 р. 1 июля 1899 г. 1 р. 1 августа 1899 г. 1 р. 1 сентября 1899 г. 1 р. 1 октября 1899 г. 1 р. 1 ноября 1899 г. 1 р. 1 декабря 1899 г. 1 р. 1 января 1900 г. 1 р. 1 февраля 1900 г. 1 р. 1 марта 1900 г. 1 р. 1 апреля 1900 г. 1 р. 1 мая 1900 г. 1 р. 1 июня 1900 г. 1 р. 1 июля 1900 г. 1 р. 1 августа 1900 г. 1 р. 1 сентября 1900 г. 1 р. 1 октября 1900 г. 1 р. 1 ноября 1900 г. 1 р. 1 декабря 1900 г. 1 р. 1 января 1901 г. 1 р. 1 февраля 1901 г. 1 р. 1 марта 1901 г. 1 р. 1 апреля 1901 г. 1 р. 1 мая 1901 г. 1 р. 1 июня 1901 г. 1 р. 1 июля 1901 г. 1 р. 1 августа 1901 г. 1 р. 1 сентября 1901 г. 1 р. 1 октября 1901 г. 1 р. 1 ноября 1901 г. 1 р. 1 декабря 1901 г. 1 р. 1 января 1902 г. 1 р. 1 февраля 1902 г. 1 р. 1 марта 1902 г. 1 р. 1 апреля 1902 г. 1 р. 1 мая 1902 г. 1 р. 1 июня 1902 г. 1 р. 1 июля 1902 г. 1 р. 1 августа 1902 г. 1 р. 1 сентября 1902 г. 1 р. 1 октября 1902 г. 1 р. 1 ноября 1902 г. 1 р. 1 декабря 1902 г. 1 р. 1 января 1903 г. 1 р. 1 февраля 1903 г. 1 р. 1 марта 1903 г. 1 р. 1 апреля 1903 г. 1 р. 1 мая 1903 г. 1 р. 1 июня 1903 г. 1 р. 1 июля 1903 г. 1 р. 1 августа 1903 г. 1 р. 1 сентября 1903 г. 1 р. 1 октября 1903 г. 1 р. 1 ноября 1903 г. 1 р. 1 декабря 1903 г. 1 р. 1 января 1904 г. 1 р. 1 февраля 1904 г. 1 р. 1 марта 1904 г. 1 р. 1 апреля 1904 г. 1 р. 1 мая 1904 г. 1 р. 1 июня 1904 г. 1 р. 1 июля 1904 г. 1 р. 1 августа 1904 г. 1 р. 1 сентября 1904 г. 1 р. 1 октября 1904 г. 1 р. 1 ноября 1904 г. 1 р. 1 декабря 1904 г. 1 р. 1 января 1905 г. 1 р. 1 февраля 1905 г. 1 р. 1 марта 1905 г. 1 р. 1 апреля 1905 г. 1 р. 1 мая 1905 г. 1 р. 1 июня 1905 г. 1 р. 1 июля 1905 г. 1 р. 1 августа 1905 г. 1 р. 1 сентября 1905 г. 1 р. 1 октября 1905 г. 1 р. 1 ноября 1905 г. 1 р. 1 декабря 1905 г. 1 р. 1 января 1906 г. 1 р. 1 февраля 1906 г. 1 р. 1 марта 1906 г. 1 р. 1 апреля 1906 г. 1 р. 1 мая 1906 г. 1 р. 1 июня 1906 г. 1 р. 1 июля 1906 г. 1 р. 1 августа 1906 г. 1 р. 1 сентября 1906 г. 1 р. 1 октября 1906 г. 1 р. 1 ноября 1906 г. 1 р. 1 декабря 1906 г. 1 р. 1 января 1907 г. 1 р. 1 февраля 1907 г. 1 р. 1 марта 1907 г. 1 р. 1 апреля 1907 г. 1 р. 1 мая 1907 г. 1 р. 1 июня 1907 г. 1 р. 1 июля 1907 г. 1 р. 1 августа 1907 г. 1 р. 1 сентября 1907 г. 1 р. 1 октября 1907 г. 1 р. 1 ноября 1907 г. 1 р. 1 декабря 1907 г. 1 р. 1 января 1908 г. 1 р. 1 февраля 1908 г. 1 р. 1 марта 1908 г. 1 р. 1 апреля 1908 г. 1 р. 1 мая 1908 г. 1 р. 1 июня 1908 г. 1 р. 1 июля 1908 г. 1 р. 1 августа 1908 г. 1 р. 1 сентября 1908 г. 1 р. 1 октября 1908 г. 1 р. 1 ноября 1908 г. 1 р. 1 декабря 1908 г. 1 р. 1 января 1909 г. 1 р. 1 февраля 1909 г. 1 р. 1 марта 1909 г. 1 р. 1 апреля 1909 г. 1 р. 1 мая 1909 г. 1 р. 1 июня 1909 г. 1 р. 1 июля 1909 г. 1 р. 1 августа 1909 г. 1 р. 1 сентября 1909 г. 1 р. 1 октября 1909 г. 1 р. 1 ноября 1909 г. 1 р. 1 декабря 1909 г. 1 р. 1 января 1910 г. 1 р. 1 февраля 1910 г. 1 р. 1 марта 1910 г. 1 р. 1 апреля 1910 г. 1 р. 1 мая 1910 г. 1 р. 1 июня 1910 г. 1 р. 1 июля 1910 г. 1 р. 1 августа 1910 г. 1 р. 1 сентября 1910 г. 1 р. 1 октября 1910 г. 1 р. 1 ноября 1910 г. 1 р. 1 декабря 1910 г. 1 р. 1 января 1911 г. 1 р. 1 февраля 1911 г. 1 р. 1 марта 1911 г. 1 р. 1 апреля 1911 г. 1 р. 1 мая 1911 г. 1 р. 1 июня 1911 г. 1 р. 1 июля 1911 г. 1 р. 1 августа 1911 г. 1 р. 1 сентября 1911 г. 1 р. 1 октября 1911 г. 1 р. 1 ноября 1911 г. 1 р. 1 декабря 1911 г. 1 р. 1 января 1912 г. 1 р. 1 февраля 1912 г. 1 р. 1 марта 1912 г. 1 р. 1 апреля 1912 г. 1 р. 1 мая 1912 г. 1 р. 1 июня 1912 г. 1 р. 1 июля 1912 г. 1 р. 1 августа 1912 г. 1 р. 1 сентября 1912 г. 1 р. 1 октября 1912 г. 1 р. 1 ноября 1912 г. 1 р. 1 декабря 1912 г. 1 р. 1 января 1913 г. 1 р. 1 февраля 1913 г. 1 р. 1 марта 1913 г. 1 р. 1 апреля 1913 г. 1 р. 1 мая 1913 г. 1 р. 1 июня 1913 г. 1 р. 1 июля 1913 г. 1 р. 1 августа 1913 г. 1 р. 1 сентября 1913 г. 1 р. 1 октября 1913 г. 1 р. 1 ноября 1913 г. 1 р. 1 декабря 1913 г. 1 р. 1 января 1914 г. 1 р. 1 февраля 1914 г. 1 р. 1 марта 1914 г. 1 р. 1 апреля 1914 г. 1 р. 1 мая 1914 г. 1 р. 1 июня 1914 г. 1 р. 1 июля 1914 г. 1 р. 1 августа 1914 г. 1 р. 1 сентября 1914 г. 1 р. 1 октября 1914 г. 1 р. 1 ноября 1914 г. 1 р. 1 декабря 1914 г. 1 р. 1 января 1915 г. 1 р. 1 февраля 1915 г. 1 р. 1 марта 1915 г. 1 р. 1 апреля 1915 г. 1 р. 1 мая 1915 г. 1 р. 1 июня 1915 г. 1 р. 1 июля 1915 г. 1 р. 1 августа 1915 г. 1 р. 1 сентября 1915 г. 1 р. 1 октября 1915 г. 1 р. 1 ноября 1915 г. 1 р. 1 декабря 1915 г. 1 р. 1 января 1916 г. 1 р. 1 февраля 1916 г. 1 р. 1 марта 1916 г. 1 р. 1 апреля 1916 г. 1 р. 1 мая 1916 г. 1 р. 1 июня 1916 г. 1 р. 1 июля 1916 г. 1 р. 1 августа 1916 г. 1 р. 1 сентября 1916 г. 1 р. 1 октября 1916 г. 1 р. 1 ноября 1916 г. 1 р. 1 декабря 1916 г. 1 р. 1 января 1917 г. 1 р. 1 февраля 1917 г. 1 р. 1 марта 1917 г. 1 р. 1 апреля 1917 г. 1 р. 1 мая 1917 г. 1 р. 1 июня 1917 г. 1 р. 1 июля 1917 г. 1 р. 1 августа 1917 г. 1 р. 1 сентября 1917 г. 1 р. 1 октября 1917 г. 1 р. 1 ноября 1917 г. 1 р. 1 декабря 1917 г. 1 р. 1 января 1918 г. 1 р. 1 февраля 1918 г. 1 р. 1 марта 1918 г. 1 р. 1 апреля 1918 г. 1 р. 1 мая 1918 г. 1 р. 1 июня 1918 г. 1 р. 1 июля 1918 г. 1 р. 1 августа 1918 г. 1 р. 1 сентября 1918 г. 1 р. 1 октября 1918 г. 1 р. 1 ноября 1918 г. 1 р. 1 декабря 1918 г. 1 р. 1 января 1919 г. 1 р. 1 февраля 1919 г. 1 р. 1 марта 1919 г. 1 р. 1 апреля 1919 г. 1 р. 1 мая 1919 г. 1 р. 1 июня 1919 г. 1 р. 1 июля 1919 г. 1 р. 1 августа 1919 г. 1 р. 1 сентября 1919 г. 1 р. 1 октября 1919 г. 1 р. 1 ноября 1919 г. 1 р. 1 декабря 1919 г. 1 р. 1 января 1920 г. 1 р. 1 февраля 1920 г. 1 р. 1 марта 1920 г. 1 р. 1 апреля 1920 г. 1 р. 1 мая 1920 г. 1 р. 1 июня 1920 г. 1 р. 1 июля 1920 г. 1 р. 1 августа 1920 г. 1 р. 1 сентября 1920 г. 1 р. 1 октября 1920 г. 1 р. 1 ноября 1920 г. 1 р. 1 декабря 1920 г. 1 р. 1 января 1921 г. 1 р. 1 февраля 1921 г. 1 р. 1 марта 1921 г. 1 р. 1 апреля 1921 г. 1 р. 1 мая 1921 г. 1 р. 1 июня 1921 г. 1 р. 1 июля 1921 г. 1 р. 1 августа 1921 г. 1 р. 1 сентября 1921 г. 1 р. 1 октября 1921 г. 1 р. 1 ноября 1921 г. 1 р. 1 декабря 1921 г. 1 р. 1 января 1922 г. 1 р. 1 февраля 1922 г. 1 р. 1 марта 1922 г. 1 р. 1 апреля 1922 г. 1 р. 1 мая 1922 г. 1 р. 1 июня 1922 г. 1 р. 1 июля 1922 г. 1 р. 1 августа 1922 г. 1 р. 1 сентября 1922 г. 1 р. 1 октября 1922 г. 1 р. 1 ноября 1922 г. 1 р. 1 декабря 1922 г. 1 р. 1 января 1923 г. 1 р. 1 февраля 1923 г. 1 р. 1 марта 1923 г. 1 р. 1 апреля 1923 г. 1 р. 1 мая 1923 г. 1 р. 1 июня 1923 г. 1 р. 1 июля 1923 г. 1 р. 1 августа 1923 г. 1 р. 1 сентября 1923 г. 1 р. 1 октября 1923 г. 1 р. 1 ноября 1923 г. 1 р. 1 декабря 1923 г. 1 р. 1 января 1924 г. 1 р. 1 февраля 1924 г. 1 р. 1 марта 1924 г. 1 р. 1 апреля 1924 г. 1 р. 1 мая 1924 г. 1 р. 1 июня 1924 г. 1 р. 1 июля 1924 г. 1 р. 1 августа 1924 г. 1 р. 1 сентября 1924 г. 1 р. 1 октября 1924 г. 1 р. 1 ноября 1924 г. 1 р. 1 декабря 1924 г. 1 р. 1 января 1925 г. 1 р. 1 февраля 1925 г. 1 р. 1 марта 1925 г. 1 р. 1 апреля 1925 г. 1 р. 1 мая 1925 г. 1 р. 1 июня 1925 г. 1 р. 1 июля 1925 г. 1 р. 1 августа 1925 г. 1 р. 1 сентября 1925 г. 1 р. 1 октября 1925 г. 1 р. 1 ноября 1925 г. 1 р. 1 декабря 1925 г. 1 р. 1 января 1926 г. 1 р. 1 февраля 1926 г. 1 р. 1 марта 1926 г. 1 р. 1 апреля 1926 г. 1 р. 1 мая 1926 г. 1 р. 1 июня 1926 г. 1 р. 1 июля 1926 г. 1 р. 1 августа 1926 г. 1 р. 1 сентября 1926 г. 1 р. 1 октября 1926 г. 1 р. 1 ноября 1926 г. 1 р. 1 декабря 1926 г. 1 р. 1 января 1927 г. 1 р. 1 февраля 1927 г. 1 р. 1 марта 1927 г. 1 р. 1 апреля 1927 г. 1 р. 1 мая 1927 г. 1 р. 1 июня 1927 г. 1 р. 1 июля 1927 г. 1 р. 1 августа 1927 г. 1 р. 1 сентября 1927 г. 1 р. 1 октября 1927 г. 1 р. 1 ноября 1927 г. 1 р. 1 декабря 1927 г. 1 р. 1 января 1928 г. 1 р. 1 февраля 1928 г. 1 р. 1 марта 1928 г. 1 р. 1 апреля 1928 г. 1 р. 1 мая 1928 г. 1 р. 1 июня 1928 г. 1 р. 1 июля 1928 г. 1 р. 1 августа 1928 г. 1 р. 1 сентября 1928 г. 1 р. 1 октября 1928 г. 1 р. 1 ноября 1928 г. 1 р. 1 декабря 1928 г. 1 р. 1 января 1929 г. 1 р. 1 февраля 1929 г. 1 р. 1 марта 1929 г. 1 р. 1 апреля 1929 г. 1 р. 1 мая 1929 г. 1 р. 1 июня 1929 г. 1 р. 1 июля 1929 г. 1 р. 1 августа 1929 г. 1 р. 1 сентября 1929 г. 1 р. 1 октября 1929 г. 1 р. 1 ноября 1929 г. 1 р. 1 декабря 1929 г. 1 р. 1 января 1930 г. 1 р. 1 февраля 1930 г. 1 р. 1 марта 1930 г. 1 р. 1 апреля 1930 г. 1 р. 1 мая 1930 г. 1 р. 1 июня 1930 г. 1 р. 1 июля 1930 г. 1 р. 1 августа 1930 г. 1 р. 1 сентября 1930 г. 1 р. 1 октября 1930 г. 1 р. 1 ноября 1930 г. 1 р. 1 декабря 1930 г. 1 р. 1 января 1931 г. 1 р. 1 февраля 1931 г. 1 р. 1 марта 1931 г. 1 р. 1 апреля 1931 г. 1 р. 1 мая 1931 г. 1 р. 1 июня 1931 г. 1 р. 1 июля 1931 г. 1 р. 1 августа 1931 г. 1 р. 1 сентября 1931 г. 1 р. 1 октября 1931 г. 1 р. 1 ноября 1931 г. 1 р. 1 декабря 1931 г. 1 р. 1 января 1932 г. 1 р. 1 февраля 1932 г. 1 р. 1 марта 1932 г. 1 р. 1 апреля 1932 г. 1 р. 1 мая 1932 г. 1 р. 1 июня 1932 г. 1 р. 1 июля 1932 г. 1 р. 1 августа 1932 г. 1 р. 1 сентября 1932 г. 1 р. 1 октября 1932 г. 1 р. 1 ноября 1932 г. 1 р. 1 декабря 1932 г. 1 р. 1 января 1933 г. 1 р. 1 февраля 1933 г. 1 р. 1 марта 1933 г. 1 р. 1 апреля 1933 г. 1 р. 1 мая 1933 г. 1 р. 1 июня 1933 г. 1 р. 1 июля 1933 г. 1 р. 1 августа 1933 г. 1 р. 1 сентября 1933 г. 1 р. 1 октября 1933 г. 1 р. 1 ноября 1933 г. 1 р. 1 декабря 1933 г. 1 р. 1 января 1934 г. 1 р. 1 февраля 1934 г. 1 р. 1 марта 1934 г. 1 р. 1 апреля 1934 г. 1 р. 1 мая 1934 г. 1 р. 1 июня 1934 г. 1 р. 1 июля 1934 г. 1 р. 1 августа 1934 г. 1 р. 1 сентября 1934 г. 1 р. 1 октября 1934 г. 1 р. 1 ноября 1934 г. 1 р. 1 декабря 1934 г. 1 р. 1 января 1935 г. 1 р. 1 февраля 1935 г. 1 р. 1 марта 1935 г. 1 р. 1 апреля 1935 г. 1 р. 1 мая 1935 г. 1 р. 1 июня 1935 г. 1 р. 1 июля 1935 г. 1 р. 1 августа 1935 г. 1 р. 1 сентября 1935 г. 1 р. 1 октября 1935 г. 1 р. 1 ноября 1935 г. 1 р. 1 декабря 1935 г. 1 р. 1 января 1936 г. 1 р. 1 февраля 1936 г. 1 р. 1 марта 1936 г. 1 р. 1 апреля 1936 г. 1 р. 1 мая 1936 г. 1 р. 1 июня 1936 г. 1 р. 1 июля 1936 г. 1 р. 1 августа 1936 г. 1 р. 1 сентября 1936 г. 1 р. 1 октября 1936 г. 1 р. 1 ноября 1936 г. 1 р. 1 декабря 1936 г. 1 р. 1 января 1937 г. 1 р. 1 февраля 1937 г. 1 р. 1 марта 1937 г. 1 р. 1 апреля 1937 г. 1 р. 1 мая 1937 г. 1 р. 1 июня 1937 г. 1 р. 1 июля 1937 г. 1 р. 1 августа 1937 г. 1 р. 1 сентября 1937 г. 1 р. 1 октября 1937 г. 1 р. 1 ноября 1937 г. 1 р. 1 декабря 1937 г. 1 р. 1 января 1938 г. 1 р. 1 февраля 1938 г. 1 р. 1 марта 1938 г. 1 р. 1 апреля 1938 г. 1 р. 1 мая 1938 г. 1 р. 1 июня 1938 г. 1 р. 1 июля 1938 г. 1 р. 1 августа 1938 г. 1 р. 1 сентября 1938 г. 1 р. 1 октября 1938 г. 1 р. 1 ноября 1938 г. 1 р. 1 декабря 1938 г. 1 р. 1 января 1939 г. 1 р. 1 февраля 1939 г. 1 р. 1 марта 1939 г. 1 р. 1 апреля 1939 г. 1 р. 1 мая 1939 г. 1 р. 1 июня 1939 г. 1 р. 1 июля 1939 г. 1 р. 1 августа 1939 г. 1 р. 1 сентября 1939 г. 1 р. 1 октября 1939 г. 1 р. 1 ноября 1939 г. 1 р. 1 декабря 1939 г. 1 р. 1 января 1940 г. 1 р. 1 февраля 1940 г. 1 р. 1 марта 1940 г. 1 р. 1 апреля 1940 г. 1 р. 1 мая 1940 г. 1 р. 1 июня 1940 г. 1 р. 1 июля 1940 г. 1 р. 1 августа 1940 г. 1 р. 1 сентября 1940 г. 1 р. 1 октября 1940 г. 1 р. 1 ноября 1940 г. 1 р. 1 декабря 1940 г. 1 р. 1 января 1941 г. 1 р. 1 февраля 1941 г. 1 р. 1 марта 1941 г. 1 р. 1 апреля 1941 г. 1 р. 1 мая 1941 г. 1 р. 1 июня 1941 г. 1 р. 1 июля 1941 г. 1 р. 1 августа 1941 г. 1 р. 1 сентября 1941 г. 1 р. 1 октября 1941 г. 1 р. 1 ноября 1941 г. 1 р. 1 декабря 1941 г. 1 р. 1 января 1942 г. 1 р. 1 февраля 1942 г. 1 р. 1 марта 1942 г. 1 р. 1 апреля 1942 г. 1 р. 1 мая 1942 г. 1 р. 1 июня 1942 г. 1 р. 1 июля 1942 г. 1 р. 1 августа 1942 г. 1 р. 1 сентября 1942 г. 1 р. 1 октября 1942 г. 1 р. 1 ноября 1942 г. 1 р. 1 декабря 1942 г. 1 р. 1 января 1943 г. 1 р. 1 февраля 1943 г. 1 р. 1 марта 1943 г. 1 р. 1 апреля 1943 г. 1 р. 1 мая 1943 г. 1 р. 1 июня 1943 г. 1 р. 1 июля 1943 г. 1 р. 1 августа 1943 г. 1 р. 1 сентября 1943 г. 1 р. 1 октября 1943 г. 1 р. 1 ноября 1943 г. 1 р. 1 декабря 1943 г. 1 р. 1 января 1944 г. 1 р. 1 февраля 1944 г. 1 р. 1 марта 1944 г. 1 р. 1 апреля 1944 г. 1 р. 1 мая 1944 г. 1 р. 1 июня 1944 г. 1 р. 1 июля 1944 г. 1 р. 1 августа 1944 г. 1 р. 1 сентября 1944 г. 1 р. 1 октября 1944 г. 1 р. 1 ноября 1944 г. 1 р. 1 декабря 1944 г. 1 р. 1 января 1945 г. 1 р. 1 февраля 1945 г. 1 р. 1 марта 1945 г. 1 р. 1 апреля 1945 г. 1 р. 1 мая 1945 г. 1 р. 1 июня 1945 г. 1 р. 1 июля 1945 г. 1 р. 1 августа 1945 г. 1 р. 1 сентября 1945 г. 1 р. 1 октября 1945 г. 1 р. 1 ноября 1945 г. 1 р. 1 декабря 1945 г. 1 р. 1 января 1946 г. 1 р. 1 февраля 1946 г. 1 р. 1 марта 1946 г. 1 р. 1 апреля 1946 г. 1 р. 1 мая 1946 г. 1 р. 1 июня 1946 г. 1 р. 1 июля 1946 г. 1 р. 1 августа 1946 г. 1 р. 1 сентября 1946 г. 1 р. 1 октября 1946 г. 1 р. 1 ноября 1946 г. 1 р. 1 декабря 1946 г. 1 р. 1 января 1947 г. 1 р. 1 февраля 1947 г. 1 р. 1 марта 1947 г. 1 р. 1 апреля 1947 г. 1 р. 1 мая 1947 г. 1 р. 1 июня 1947 г. 1 р. 1 июля 1947 г. 1 р. 1 августа 1947 г. 1 р. 1 сентября 1947 г. 1 р. 1 октября 1947 г. 1 р. 1 ноября 1947 г. 1 р. 1 декабря 1947 г. 1 р. 1 января 1948 г. 1 р. 1 февраля 1948 г. 1 р. 1 марта 1948 г. 1 р. 1 апреля 1948 г. 1 р. 1 мая 1948 г. 1 р. 1 июня 1948 г. 1 р. 1 июля 1948 г. 1 р. 1 августа 1948 г. 1 р. 1 сентября 1948 г. 1 р. 1 октября 1948 г. 1

титъ обѣ дружественныя державы. — Обѣ эти статуи отлиты на заводѣ братьевъ Тьебо. Кромѣ статуи, Парижъ подноситъ нашимъ морякамъ медаль, выбитую въ честь ихъ прибытія въ столицу Франціи. Изображеніе медали помѣщено на стр. 933.

Видъ тулонскаго рейда. (Рис. на стр. 933).

Тулонъ, на который нынѣ обращено вниманіе всей Европы, по случаю посѣщенія его русскою эскадрою, представляетъ изъ себя перворазрядную приморскую крѣпость съ прекрасною бухтою, которая служитъ мѣстомъ стоянки французскаго средиземнаго флота. По преданіямъ, на мѣстѣ города въ древности была греческая колонія Телоніонъ (Telo Martius). Въ X и XII столѣтіяхъ по Р. Х. городъ подвергался частымъ на-

паденіямъ сарациновъ. При Людовикѣ XIV Тулонъ былъ впервые укрѣпленъ Вобаномъ, и съ того времени началась его жизнь, такъ что въ настоящее время въ городѣ съ окрестностями живутъ до 75000 жителей.

Въ два часа дня, 1 октября они встрѣтили дорогихъ гостей изъ далека, нашихъ моряковъ. При пушечной пальбѣ и кликахъ восторга прибыли русскія суда, подъ главнымъ командованіемъ контръ-адмирала Ф. К. Авелана, и были привѣтствуемы, отъ лица Франціи, сначала тулонскимъ мэромъ, а затѣмъ морскимъ министромъ, сказавшимъ: „Кронштадтъ и Тулонъ — это мѣста, которыя свидѣтельствуютъ о симпатіяхъ между русскимъ и французскимъ народами. Вы будете вездѣ встрѣчены, какъ сердечные друзья“.

Политическое обозрѣніе.

Русская Средиземная эскадра на пути въ Тулонъ еще до французскихъ торжествъ была предметомъ большаго вниманія въ Испаніи. Въ Кадиксѣ былъ данъ морскими властями въ честь русскихъ 24 сентября блестящій банкетъ. Присутствовали военныя и гражданскія власти, а также иностранныя консулы. На банкетѣ генералъ-капитанъ произнесъ тостъ за здоровье Императора Всероссийскаго, а контръ-адмиралъ Авеланъ — за короли и королеву-регентшу Испанскихъ. Префектъ Кадикса шлъ за здоровьемъ русскихъ моряковъ.

По случаю прибытія русской эскадры во Францію, одно изъ судовъ французской Ламанской флотиліи отправится 1 октября къ Біаррицѣ, чтобы привѣтствовать Великаго Князя Алексѣя Александровича.

Русско-германскіе переговоры въ Берлинѣ подвигаются медленно. Медленность объясняется подробно разработкою матеріала. Германское правительство формулировало 70 пунктовъ. Очень вѣроятно, что русскіе делегаты встрѣтятъ надобность въ новыхъ инструкціяхъ.

28-го сентября возобновились засѣданія австрійскаго рейхсрата, въ который внесены пока слѣдующіе законопроектъ: о государственной росписи на будущій годъ, обѣ измѣненія законоположеній о государственномъ ополченіи и о реформѣ выборовъ въ рейхсратъ. Въ государственной росписи предусмотрены πληншекъ доходовъ (619.105.779 гульденовъ) надъ расходами въ 411.542 гульдена. Министръ государственной обороны требуетъ 936.617 гульд. болѣе, чѣмъ въ текущемъ году, и преимущественно на увеличеніе численности кадровъ ополченія. По проекту новаго закона о государственномъ ополченіи, въ послѣднемъ предполагается увѣличить срокъ службы и личный составъ. Къ штату пѣхотнаго баталіона добавляются 2 офицера и 62 нижнихъ чиновъ, а къ штату кавалерійскаго полка 16 офицеровъ и 183 нижнихъ чиновъ. Новымъ законопроектномъ о преобразованіи избирательной системы, способъ выборовъ въ рейхсратъ и косвенные выборы въ сельскихъ общинахъ оставлены безъ измѣненія; только избирательное право распространено: 1) на всѣхъ бывшихъ въ бою и выслужившихся унтеръ-офицеровъ; 2) на всѣхъ грамотныхъ гражданъ, комъ минуло 24 года отъ роду, отбывшихъ воинскую повинность, имѣющихъ постоянное занятіе и установившихъ за шесть мѣсяцевъ до выборовъ свое мѣсто жительства въ соответствующемъ избирательномъ округѣ.

О первомъ совѣщаніи сэра Дюрана съ эмиромъ афганскимъ сообщаютъ изъ Лондона, что сэръ Дюранъ и его спутники были встрѣчены въ саду дворца эмира высшими афганскими

сановниками и почетнымъ карауломъ. Старшій сынъ эмира проводилъ миссію въ приемный залъ, гдѣ эмиръ, окруженный множествомъ воиновъ чиновъ, радушно съ нею поздоровался. При этомъ эмиръ высказалъ свое сожалѣніе, что свиданіе его съ вице-королемъ Индіи оказалось невозможнымъ; по прибытіи австрійской миссіи — заявилъ эмиръ — показываетъ, что между Англіею и Афганистаномъ существуетъ истинная дружба. Эту „истинную“ дружбу подтверждаетъ сообщеніе, полученное Times изъ Лагора, чрезъ Калькутту, и утверждающее, что въ Кабулѣ происходила передъ прибытіемъ туда австрійской миссіи серьезныя безпорядки. Помощникъ главнокомандующаго войсками, Мали-ханъ, обругалъ одного солдата гератскаго полка, вслѣдствіе чего одна рота этого полка взбунтовалась и застрѣлила Мали-хана. Бѣжавшіе затѣмъ бунтовщики были схвачены, и 11 изъ нихъ были казнены выстрѣлами изъ пушекъ, къ которымъ ихъ привязали. По этому случаю всѣ афганскія войска должны были присягнуть на коранѣ, что будутъ себя вести безукоризненно и не осрамятся передъ ожидаемыми англичанами. Далѣе передаютъ, что начальникъ гератскихъ войскъ Фарамузъ-ханъ арестованъ, и что гератскому губернатору приказано произвести еще другіе аресты.

Въ Болгаріи отношенія Фердинанда Кобургскаго къ Стамбулову стали очень натянутыми. Стамбуловъ, говорить, недоволенъ вліаніемъ принцессы Клементины, а послѣдняя возстановляетъ сына противъ своего перваго совѣтника, мѣшающаго ей распорядиться по-своему. Всѣ ожидаютъ открытаго столкновенія, и обѣ враждующія стороны заручаются, безъ стѣсненія, союзниками. Такъ, въ Новое Время пишутъ изъ Софіи, что офицеры софійскаго гарнизона почти всѣ приняли сторону Стамбулова послѣ того, какъ онъ вынесилъ имя, что Кобургъ намѣренъ, отдѣлавшись отъ Стамбулова, пригласить въ болгарскую армию австрійскихъ офицеровъ, въ качествѣ инструкторовъ, о чемъ-де и состоялось уже соглашеніе между принцемъ Кобургскимъ и графомъ Кальноки, чему до сихъ поръ пренятствоваль-де Стамбуловъ. Пользуясь происшедшимъ такимъ образомъ поворотомъ въ свою пользу мнѣніи болгарскихъ офицеровъ, Стамбуловъ дѣйствуетъ весьма энергично. Начевику запрещенъ вѣздъ въ Софію; Тончевъ и Родославовъ получили полицейское предостереженіе о выселкѣ, и къ октябрьской сессіи болгарскаго народнаго собранія готовится проектъ закона объ усиленной охранѣ софійскаго и филиппольскаго округовъ и обѣихъ столицъ сѣверной и южной Болгаріи.

Профессоръ Максъ фонъ-Петтенкоферъ (по поводу 50-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фот. грав. Геданъ.

Разныя извѣстія.

— Изъ Императорскія Величества, 26-го сентября, присутствовали на литургіи въ Копенгагенской православной церкви и затѣмъ завтракали на яхтѣ „Полярная Звѣзда“.

— Въ „Правит. Вѣсти.“ опубликовано Высочайшее повелѣніе о конвенціи, заключенной между Россіею и Китаемъ о соединеніи ихъ пограничныхъ сухопутныхъ телеграфныхъ линий.

— Съ Высочайшаго разрѣшенія выпущены кодификаціоннымъ отдѣломъ новыя изданія

томовъ свода законовъ: V, VII, 1 ч. VIII, 2 ч. X, 2 ч. XI, устава сельскаго хозяйства и положеній о наймѣ на сельскія работы и о трактирномъ промыслѣ и свода уставовъ учебныхъ учреждений и учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Для объединенія кодификаціонной и законодательной частей въ вѣдомствѣ Государственнаго Совѣта, кодификаціонный отдѣлъ по Высочайшему повелѣнію упраздненъ, и

обязанности такового возложены на Государственную Канцелярію.

— По почину Великой Княгини Александры Іосифовны съ Высочайшаго позволенія открыта подписка въ пользу семействъ, оставшихся послѣ моряковъ, погибшихъ на „Русалкѣ“.

— Вице-адмиралъ Н. И. Казнаковъ назначенъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта.

— 26 сентября въ Эчмиадзинѣ, въ рези-

денци верховныхъ патриарховъ и католиковъ всѣхъ армянъ, Мкртичъ I принялъ священное помазание отъ собора армянскихъ старѣйшихъ епископовъ.

— Главнымъ руководителемъ и распорядителемъ работъ по возведенію зданій для будущей Всероссийской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ назначенъ академикъ архитектору В. П. Цейдлеръ.

— 26 сентября торжественно открыта новая больница для душевно-больныхъ, устроенная Петербургской Городской Думой на приоброжденной городомъ новознаменской дачѣ.

— Многія желѣзныя дороги, въ виду обязательности введенія для пассажирскаго движенья вагоновъ IV класса, приступили къ приспособленію для этой цѣли крытыхъ товарныхъ вагоновъ.

— Въ Юрьевскомъ учебномъ округѣ издано распоряженіе о представленіи въ мѣстный университетъ диссертаций на русскомъ языкѣ.

— 26 сентября въ Архангельскѣ состоялось торжественное открытіе имѣющаго огромное значеніе для всего сѣвернаго края технического училища Имени Императора Петра I.

Шахматы.

Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Матчъ М. И. Чигорина съ д-ромъ З. Таррашемъ.

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

1-я партія матча. Играна 26 сент. 1893 г.

Длилась 3 1/2 часа.

Таррашъ. Бѣлые.	Чигоринъ. Черные.	Таррашъ. Бѣлые.	Чигоринъ. Черные.	Таррашъ. Бѣлые.	Чигоринъ. Черные.
1. e2—e4	e7—e5	10. a4: b5	a6: b5	19. c. d4—e3	c. f8—b4!
2. K. g1—f3	N. b8—c6	11. K. f3—d4*	K. e4—c5	20. c. e3—d2	0 0
3. c. f1—b5	a7—a6	12. c. c1—g5*	Ф. d8—d7	21. Ф. f3—g3	f7—f5?!!
4. c. b5—a4!	K. g8—f6	13. K. b1—c3	c7—c6!*	22. K. e3: d5!	e6: d5!*
5. 0—0	K. f6: e4!*	14. Ф. d1—h5	K. e7—g8	23. c. d2: b4	Л. f8—d8
6. d2—d4!*	b7—b5	15. Л. f1—e1	K. c5—e6	24. c. b4—d6	Л. h8—b6
7. c. a4—b3	a7—d1!	16. c. g5—e3	K. e6: d4	25. c. b3: d5	Ф. d7—f7
8. d4: e5*	K. c6—e7*	17. c. e3: d4	K. g6—f4	26. Ф. g3—e3	Л. b6—a6
9. a2—a4	Л. a8—b8?	18. Ф. h5—f3	K. f1—e6	27. Л. a1: a6	c. c8: a6
				28. Ф. e3—b6	сдался !)

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Если 4. c: c6, то dc; и на 5. K: e5—Ф. d4; отыгрывал пѣшку съ хорошимъ положеніемъ.
- 2) Если 5... c. e7, то 6. K. e3, d6; 7. c: c6+, bc; 8. h3, съ хорошей игрой для бѣлыхъ.
- 3) Слабѣ 6. Л. e1 или 6. Ф. e2, по причинѣ 6... K. c5. Брать пѣшку (ed) нельзя; тогда 6... ed; 7. Л. e1, f5 или d5; 8. K: d4, угрожая f3 и бѣлые получаютъ выигранное положеніе.
- 4) Лучше чѣмъ 6... c. e7; 7. Ф. e2.
- 5) Уже здѣсь можно играть a2—a4; если 8... b4, то 9. a5, чтобы пойти c. a4. Если 8... c. g4?, то 9. de, c: f3; 10. Ф: d5 и выигрываютъ. Правильный отвѣтъ 8... Л. b8; хуже 8... c. b7.
- 6) Ходъ, введенный Андерсеномъ; нѣсколько слабѣе 8... c. e6.
- 7) Лучше, чѣмъ 9... c. b7.
- 8) Угрожая послѣ 11... c5?, продолжать 12. K. c6, K: c6; 13. c. d5, K: e5; 14. c: e4, Ф: d1; 15. Л: d1 съ выиграннымъ положеніемъ.
- 9) Предпочтительнѣе, повидимому, 12. c3 (K: b3; 13. Ф: b3). Д-ръ Таррашъ, впрочемъ, стоитъ за свое продолженіе.
- 10) Теперь слонъ на b3 занимаетъ незавидное положеніе.
- 11) Просмотрѣ, стоящій немедленно партіи. Послѣ 21... c. c5; 20. Kp. h1, K. d4 или f7—f6, мы предпочли бы партію черныхъ.
- 12) Если 22... c. d2, то 23. K. f6+, Л: f6; 24. ef, и бѣлые выигрываютъ вслѣдствіе угрозы c: e6 и Ф: g7+.
- 13) Потеряны 2 пѣшки, черные теряютъ еще фигуру или получаютъ матъ: 28... Л: d6; 29. ed. c. e8; 30. Ф. d8+, K: d8; 31. Л. e8+. Или 30... Ф. f8; 31. Л: e6, и т. д.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

2-ая партія матча. Играна 28 сентября 1893 г.

Длилась 5 час. 31 мин.

Чигоринъ. Бѣлые.	Таррашъ. Черные.	Чигоринъ. Бѣлые.	Таррашъ. Черные.	Чигоринъ. Бѣлые.	Таррашъ. Черные.
1. e2—e4	e7—e6	16. c. b2—a1	c. c8—g4	31. Ф. d2: g5	K. a4: c3
2. Ф. d1—e2!	e7—c5!	17. K. e2—c1	b7—b5	32. c. a1: c3	Л. c6: c3
3. K. b1—c3	K. b8—c6	18. h2—h3	c. g4—e6	33. Л. e2: c3	c. a5: c3
4. K. g1—f3	a7—a6?	19. K. e2—e2	c. a8—c8	34. K. g3—f5?	Ф. a7—d7
5. g2—g3	K. c6—d4	20. Л. b1—d1	(c. c5—b6?)	35. c. g2—f3!	b5—b4
6. Ф. e2—d3!	Ф. d8—b6	21. Ф. c2—b2	K. c6—a5	36. Л. c1—g1	Л. c8—f8?!
7. c. f1—g2!	K. g8—e7	22. d2—d3	Kp. g8—h8?	37. K. f5: g7	c. e6: a2!)
8. K. f3: d4	c5: d4)	23. g3—g4!	f7—f6	38. K. g7—f5	Ф. d7—f7
9. K. c3—e2	K. e7—c6	24. K. e2—g3	K. a5—b7	39. Ф. g5—h6	Ф. f7—f6!)
10. c2—c3	25. Kp. g1—h2	25. Kp. g1—h2	K. b7—c5	40. Л. g1—g6!	Ф. f6: g6
11. h2: c3?)	c. f8—c5	26. Ф. d2—d2	K. c5—a4	41. Ф. h6: f8+	c. a2—g8
12. 0—0	0—0	27. Л. d1—c1	c. b6—a5	42. c. f3—h5!	Ф. g6—e6!)
13. Ф. d3—c2	e6—e5	28. Л. e1—c2	Л. c8—e6	43. Ф. f8—g7	±
14. Л. a1—b1?)	Ф. b6—a7!	29. Л. f1—c1	Л. f8—c8		
15. c. c1—b2	d7—d6	30. g4—g5	f6: g5	2 ч. 40 м.	2 ч. 51 м.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Этотъ ходъ сдѣланъ съ цѣлью избѣжать обыкновенные избитые варианты, хорошо знакомые противнику. Ферзь на e2 съ послѣдующимъ продолженіемъ не позволяетъ чернымъ сдѣлать выгодный для нихъ ходъ d7—d5.
- 2) Если теперь K. d4?, то 5. K: d4, cd; 6. K. b5, Ф. b6 (e6—e5; 7. Ф. c4); 7. Ф. c4, c. c5; 8. b4, a6; 9. bc, ad или Ф: b5; 10. Ф: d4 и выигрываютъ.
- 3) Предпочтительнѣе кажется точчасъ K: d4 и K. e2.
- 4) Нехорошо 8... c. c5; 9. b4, c: b4, по причинѣ 10. Л. b1 (а не cb, K: b4 и т. д.)
- 5) Ходъ 11. d2: c3 давая бѣлымъ болѣе легкую игру; если 11. dc, c. c5, то 12. 0—0, и на 12... K. e3; 13. Ф. c2, K. g4; 14. K. f4 и затѣмъ K. d3 или b2—b4 и т. д.
- 6) Нѣсколько лучше сразу c. b2, Л. ad1 и т. д.; Ферзь на a7 стоитъ лучше, чѣмъ на b6 (ср. 20 ходъ бѣлыхъ).
- 7) Соблазнительный ходъ 20... K. b4? оказывается ошибочнымъ, а именно: 20... K. b4; 21. Ф. b1, c: a2; 22. Ф. b2, c: f2+; 23. Kp. h1, c. c4; 24. d4! и черные теряютъ фигуру.
- 8) Слишкомъ осторожно; отчего не 23... f7—f5 (23. d4, fe)?
- 9) Очевидно, жертва качества (Л: c3) ни въ чему не ведетъ.
- 10) Слѣдовало играть 36... Л. g8 и на 37. K. e7—37... h6! (можно и c: a2, жертвуя качествомъ въ расчетъ на проходныя пѣшки), а на 37. K. h6,—Л. f3 (37... g3; 38. Ф. f6+, Л: g7; 39. Л: g7, Ф: g7, 40. Ф: e6). Ошибка черныхъ объясняется недостаткомъ времени на обдумыванье послѣднихъ ходовъ.
- 11) Послѣ 37... Л. g8; 38. Ф. f6, Л: g7, 39. Л: g7, Ф: g7; 40. Ф: e6, игра, вѣроятно, была бы ничья.
- 12) Не помогать и 39... Л. g8, по причинѣ: 40. Л: g8+, Kp: g8; 41. Ф. g5+, Kp. f8; 42. c. h5 и выигрываютъ.
- 13) Если 42... Ф. g5, то 43. h3—h4, Ф. f4+; 44. Kp. h3 и выигрываютъ.

Смѣсь.

Многіе любители-фотографы, даже профессиональные, крайне затрудняются при фотографированіи свѣтлыхъ и свѣтящихся предметовъ въ темномъ фонѣ и, наоборотъ, темныхъ предметовъ на свѣтломъ фонѣ, такъ какъ при этомъ получаются ореолы, т. е. свѣтлыя пятна, уничтожающія контуры попадающихъ въ нихъ предметовъ, что, конечно, портитъ снимокъ.

Для уничтоженія этого, слѣдуетъ облить пластинку, со стороны, не покрытой эмульсіей, коллодіемъ, густо окрашеннымъ гуммигутомъ съ красной анилиновой краской. Коллодій очень быстро застываетъ, такъ что, чрезъ нѣсколько секундъ, пластинку можно вставлять въ кассету.

Послѣ проявленія снимка, коллодій легко снять со стекла. Обливаніе коллодіемъ дѣлается въ темной комнатѣ.

При фотографированіи на приготовленныхъ такимъ образомъ пластинкахъ получаются снимки, замѣчательные по выработкѣ самыхъ мельчайшихъ подробностей. (в. т.)

Самой низкой температуры достигъ искусственнымъ способомъ французскій физикъ Пиктегъ, завоевавшій себѣ большую известность своими работами по вопросу о разжиженіи и уплотненіи газовъ. Ему удалось получить холодъ въ—255° Цельсія, при чѣмъ дыханіе замерзало при самомъ исхожденіи изо рта и падало на землю въ видѣ ледяныхъ кристалликовъ. (з.)

Апельсины вмѣсто мыла употребляются хозяйками во Флоридѣ для мытья комнатъ. Въ каждомъ почти городѣ этого самаго ароматнаго изъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, очень богатаго эфирными фруктомы, можно встрѣтить этотъ оригинальный обычай. Апельсины разрѣзаются для сказанной цѣли на двѣ части, и ими натираютъ полъ. Апельсиновая кислота служитъ прекраснымъ очистительнымъ средствомъ и въ примѣненіи къ чисткѣ половъ придаетъ имъ бѣлоснѣжный цвѣтъ. (з.)

Сравнительные опыты силы сопротивленія стали и камня произведены были недавно въ вѣнскомъ технологическомъ институтѣ. Для этой цѣли взяты были небольшіе, кубической формы, куски корунда (безводной глины), самаго твердаго, послѣ алмаза, минерала и куски самой лучшей стали. Корундъ былъ разрушенъ подъ давленіемъ 118 центнеровъ (354 пуд.), а сталь выдержала давленіе 844 центн. (2,532 пуд.) и только затѣмъ была раздроблена

на мельчайшія частички, разлетѣвшіяся съ оглушительнымъ грохотомъ въ разныя стороны. (з.)

Электрическая пушка. Изобрѣтатель меллинита, Тюрнпегъ, предложилъ французскому военному министерству проектъ изобрѣтенной имъ пушки, бьющей на разстояніи 3—4 километровъ и выпускающей 5,000 снарядовъ въ минуту. Орудіе это отличается, сравнительно, очень легкимъ вѣсомъ,—его можно перевозить съ помощью всего двухъ лошадей, и требуетъ всего 4 человѣкъ прислуги. Снаряды пушки представляютъ маленькія бомбы, начиненныя какимъ-то таинственнымъ веществомъ, которое при взрывѣ уничтожаетъ все живое вокругъ себя на разстояніи 50 метровъ. (з.)

Послѣ гибели англійскаго броненосца „Викторія“ найденны были на водѣ два плававшіе предмета изъ каюты адмирала Трайона: его телескопъ и ящикъ для денегъ. Интересна судьба этого ящика. Онъ былъ предназначенъ для хранения списка сигналовъ. Весьма поэтому важно было, чтобы, на случай войны, онъ не достался въ руки враговъ. Съ этой цѣлью ящикъ залитъ свинцомъ, и въ днѣ его продѣржаны отверстия, чтобы онъ, будучи выброшенъ за бортъ, сейчасъ же погрузился въ воду. И что-же случилось? Огромный корабль, представлявшій изъ себя, можно сказать, послѣднее слово новѣйшаго кораблестроенія, пошелъ ко дну, точно камень. А налитый свинцомъ, весь просверленный ящикъ, специально предназначенный для погруженія въ воду, какимъ-то чудомъ остался на одномъ изъ обломковъ на ея поверхности и помѣщенъ теперь въ Лондонскомъ музеѣ, въ воспоминаніе о погибшемъ броненосцѣ.

Объ изумительномъ дѣйствиіи кофе на лошадей даетъ интересныя свѣдѣнія натуралистъ Мартинсъ. Проѣзжая по Саксоніи, у одного домохозяина нашелъ онъ замѣчательно красивую лошадь, за которую послѣднему предлагали уже около 300 рублей, но тотъ ни за что не соглашался ее отдать, несмотря на то, что онъ самъ купилъ ее за 20 рублей. Она была тогда слабая, зачухшая, и страдала несвареніемъ желудка. Всѣ, судя по ея жалкому виду, предсказывали, что она долго не протянетъ. Новый ея хозяинъ сталъ ее кормить жареными кофейными зернами и кашкой изъ молотого кофе съ медомъ, и лошадь очень быстро совершенно оправилась. У нея исправилось пищевареніе, поднялась мозговая дѣятельность,—однимъ словомъ, исчезли всѣ болѣзни, лошадь стала

сильной, здоровой и красивой. Хозинъ ея не можетъ нахвалиться на это дѣлительное для лошадей средство отъ истощенія, упадка силъ, отсутствія аппетита и т. д. При этомъ Мартинсъ замѣчаетъ, что ему было не безызвѣстно значеніе кофе во врачебномъ искусствѣ, какъ тоническаго средства, но что онъ никогда не ожидалъ отъ него такихъ изумительныхъ, прямо-таки, чудесныхъ результатовъ. Кофе уже давно извѣстенъ въ ветеринаріи, какъ прекрасное средство для стельныхъ коровъ, предохраняющее ихъ отъ выкидыша.

Древнѣйшая книга въ свѣтѣ. Национальный банкъ въ Парижѣ обладаетъ необыкновенно цѣннымъ сокровищемъ — „Papyrus Prisse“. Папирусъ этотъ былъ найденъ г. Приссе при раскопкахъ въ одномъ египетскомъ гробу, содержащемъ въ себѣ, кромѣ этого произведенія, мумію одного изъ членовъ первой египетской династіи. Это одно уже доказываетъ, что книга эта относится, по крайней мѣрѣ, къ XXV вѣку до Р. Хр.; изъ самой же замѣчательной книги явствуетъ, что она относится къ еще болѣе раннимъ временамъ, ко временамъ царя Асси. Одно уже заглавіе доказываетъ ея сѣдую древность: „Приказы начальника Пта-Готепа, жившаго въ правленіе Асси, царя всего сѣвера и юга“. А Асса этотъ жилъ въ 3350 г. до Р. Хр. Начальникъ царя Асси былъ человѣкъ очень даровитый, обладавшій недюжинными литературными способностями.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ († 26-го сентября 1893 г.).
По фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. Книга намѣстника Пта-Готепа раздѣлена на 44 главы и написана на египетскомъ ритмическомъ языкѣ. Она касается высшихъ классовъ и содержитъ въ себѣ для нихъ рядъ максимъ и наблюденій, подъ которыми съ удовольствіемъ подписались бы наши нынѣшніе моралисты. Совѣты, даваемые имъ членамъ правительства, замѣчательны. Онъ совѣтуетъ имъ неустанно работать и въ дѣлствіяхъ своихъ держаться правилъ достойныхъ человѣка. По его мнѣнію, каждый высшій сановникъ долженъ благоговѣть предъ знаніемъ и мудростью и точно слѣдовать ихъ указаніямъ; онъ долженъ быть во всемъ умѣренъ, не злоупотреблять своей властью и стараться возбуждать къ себѣ любовь, а не страхъ, такъ какъ только этимъ путемъ можно ожидать благопріятнаго суда потомства. Изъ его словъ о божествѣ явствуетъ, что единобожіе согласовалось съ религіозными воззрѣніями древнихъ египтянъ. Счастье благопріятствовало этому достойному, благородному человѣку, рассказывающему въ своей прекрасной книгѣ, что ему исполнилось 110 лѣтъ, и что онъ испыталъ на себѣ всѣ почести, которыя только находятъ въ распоряженіи египетскихъ царей. (э.)

Жилой домъ двадцатаго вѣка представленъ въ видѣ образца на всемирной Колумбійской выставкѣ въ Чикаго. Въ немъ имѣется для сообщенія со всѣми его этажами электрическая подъемная ма-

Подарки французовъ русскимъ морякамъ Средиземной эскадры.

„Вооруженный миръ“. Скульптура Кутана. Съ фотогр. грав. Флюгель.
Намѣстникъ въ древнемъ Египтѣ соединялъ въ себѣ всѣ обязанности и права нынѣшнихъ министровъ земледѣлія, юстиціи,

„Мысль“. Скульптура Шапо. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

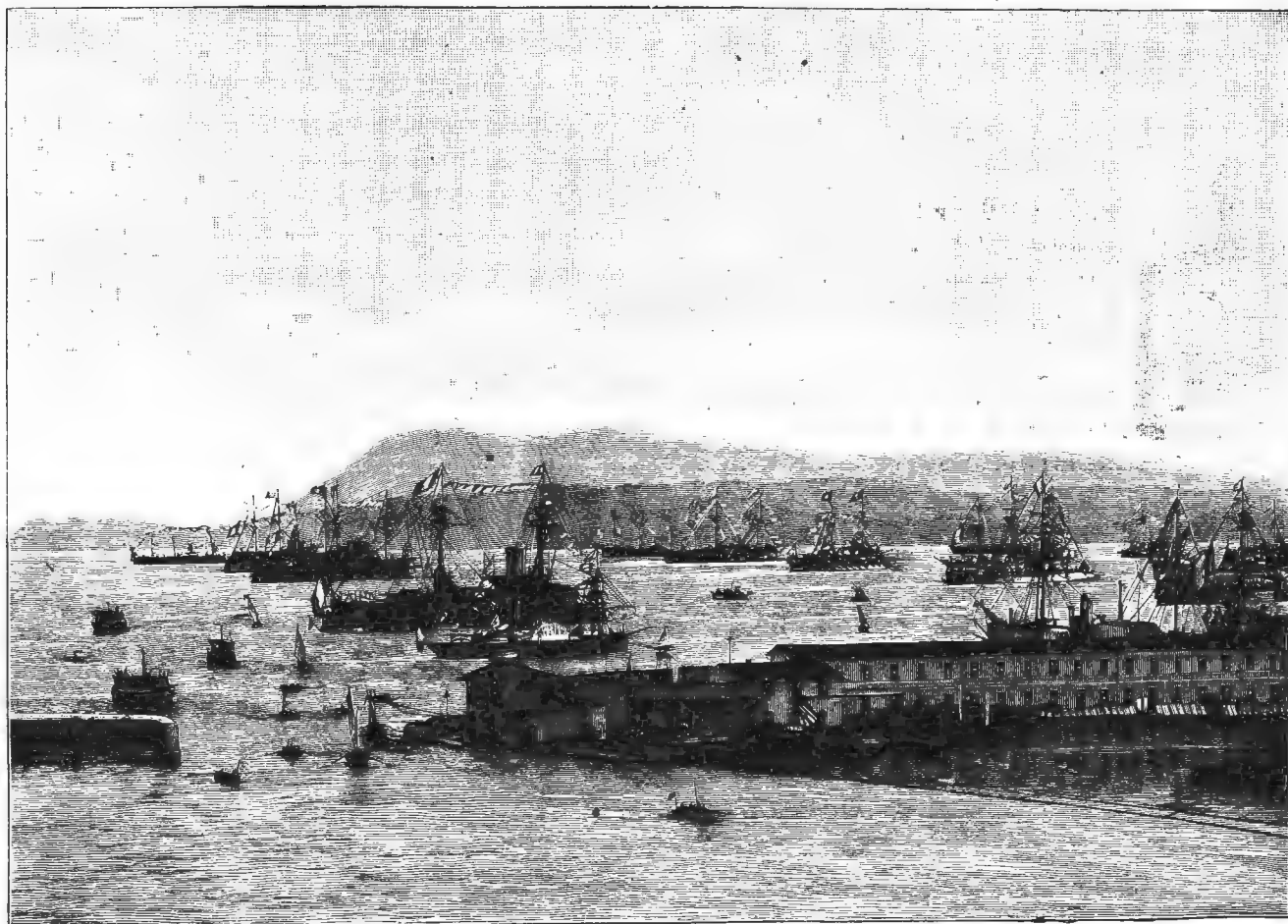
шина; электрическій токъ приводитъ въ движеніе всѣ машины въ домѣ, какъ напр., швейная, для стирки бѣлья, и т. д. Та же электрическая сила изготовляетъ нужный въ домѣ ледъ и колѣшечъ предназначенныя для освѣженія воздуха огромныя опахала. Замѣчательнымъ удобствомъ отличается сильно сберегающее время электрическое отопленіе, въ особенности, въ примѣненіи къ плитѣ, для варки кушанья. На мраморную доску, замѣняющую плитку, ставятъ горшки и соединяютъ ихъ съ электрическимъ проводомъ. Электрическій токъ, употребляемый для варки кушанья, вмѣстѣ съ тѣмъ нагреваетъ утюги и воду для мытья и стирки бѣлья.

Вице-адмирал Винъ, морской префектъ города Тулона. По фот. грав. Шюблеръ.

Медали, выбитыя въ честь русскихъ моряковъ Средиземной эскадры для раздачи имъ въ память посещенія Франци.

Видъ тулонскаго рейда. По фот. грав. Шюблеръ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ предупрежденіе постоянно поступающихъ просьбъ гг. подписчиковъ о высылкѣ имъ втораго экземпляра подписнаго бланка на „Ниву“, при этомъ №. Контора разсылаетъ подписной бланкъ въ двухъ экземплярахъ, съ просьбою передать второй экземпляръ кому-либо изъ знакомыхъ, которые пожелаютъ подписаться на „Ниву“ 1894 года.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Помогі! Стих. А. Дунаева.—Искатель приключеній. Повесть І. Ясинскаго. (Продолженіе).—Путешествіе Пири. (Письмо изъ Америки).—Письма съ Колумбійской всемірной выставки. Очеркъ Г. Сиамонъ.—Росенция и санитар-

ныя собачи (съ 5 рис.).—Къ рисункамъ: Голландская дѣвушка (съ рис.).—Парадная лѣстница на Иорданскомъ подъѣздѣ въ Зимнемъ дворцѣ (съ рис.).—На коннѣ (съ рис.).—Казани, возвращающіеся послѣ морскаго набѣга (съ рис.).—Христианскіе мученики на аренѣ цирка (съ рис.).—Черная лысуха, схваченная щучкой (съ рис.).—Русская Средиземная эскадра (съ рис.).—Профессоръ И. П. Мержеевскій (съ портр.).—Профессоръ Мансъ фонъ-Петтенкоферъ (съ портр.).—А. Н. Плещеевъ (съ портр.).—Подарки французамъ русскимъ морякамъ (съ 4 рис.).—Видъ тулонскаго рейда (съ рис.).—Объявленіе о „Нивѣ“ 1894 г.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Шахматы.—Сибирь.—Завлеченіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

При этомъ № разсылается гг. годовымъ подписчикамъ главная художеств. премія „Нивы“ на 1893 годъ—АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

РАМЫ

для премій „Нивы“ 1893 г.—
десяти акварелей извест-
нѣйшихъ художниковъ.

Рамы сдѣланы подъ орѣхъ, съ рѣзбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ виду громаднаго спроса на рамы, мы можемъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по слѣдующей весьма недорогой цѣнѣ: гг. городскимъ подписчикамъ по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 к., 10 рамъ за 8 р. 50 коп. (со стеклами); гг. московскимъ подписчикамъ (у П. П. Печковской, Петровскіи линіи) по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 коп., 10 рамъ 8 руб. 50 коп. (безъ стеколъ); гг. иногороднымъ подписчикамъ высылаются не менѣе 5 рамъ, съ лицомъ и упаковкою за 4 руб., а 10 рамъ за 7 р. 50 к. (безъ стеколъ). Рамы высылаются по жел. дор. или чрезъ транспортн. контору. Стоимость пересылки уплачивается адресатами на мѣстѣ, при получении посылки.

Съ требованіями обращаться въ СПБ-гь, въ Контору журнала „Нива“, Невскій, д. 6.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое издание
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

5й томъ „СОЧИНЕНІЙ ДИККЕНСА“ (ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ).

Въ этомъ томѣ помѣщены романы: „Нашъ общій другъ“ и „Оливеръ Твистъ“. Содержание предыдущихъ томовъ: 1-й—„Давидъ Копперфильдъ“, 2-й—„Домби и сынъ“, 3-й—„Холодный домъ“ и „Повѣсть о двухъ городахъ“, 4-й—„Крошка Дорритъ“ и „Большія ожиданія“, 6-й томъ („Записки Инквизицкаго клуба“ и „Николай Ницльби“) — печатается.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Мт. № 6 08

**EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE**
БАЛЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (34)

Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ подѣлоновъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придвори. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ пафюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Полюбимѣйшій иллюстрированный АЛЬБОМЪ для МАРОКЪ.

Форматъ фоліо, 600 страницъ, сост. П. И. Кривингъ, въ роскоши перепл. Цѣна 6 руб. (перес. за 10 ф.).

Продается во всѣхъ книжныхъ и писче-бумажныхъ магазинахъ и у издателя № 6572 3—1

ОТТО КИРХНЕРЪ, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 14.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ искусственными БРИЛЛІАНТАМИ: превосходными

БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ НАКЛАДКИ такъ что трудно отлич. отъ наст. брилліант.
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к. № 6546 9—1
№ 358. Золотыя серьги. Пары 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к.
№ 306. Золотая брошка съ 8 брилліантами, ноже на С.-Петербургъ,
браслетъ № 401. Шт. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к. Невскій просп., № 20—31.
Товаръ перес. наложен. платежомъ. Телеграфіе заказы исполняются немедленно.

БАЗАРЪ МАРОКЪ

„КАПРИЗЪ ДУХИ — „Капризъ Невы“
НЕВЫ“ О-ДЕ-КОЛОНЪ „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“
„Мюскъ“ Духи | послѣднія новости | „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ | и О-де-колонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются пре-
красными достоинствами и изготовлены для вы-
ц. № 6281 | ставки въ ЧИКАГО. | 15—10
СБЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9.
Невскій, 69.
Москва, Никольскій, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26 - 13

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (17)
 Специалист хронометровъ.
 СПбургъ, Невскій пр. № 52
 прот. Имп. Публ. Библиотеки.
 Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

Большая золотая медаль. Парижъ.
МАССА БЛАГОДАРН. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ:
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ
БУХГАЛТЕРИИ
 иногороднихъ и москвитинъ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
 вполне замѣняющія устное преподаваніе. — Плата умеренная.
 преподаватель коммерческихъ наукъ
С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ.
 ПОЛН. ГАРАНТИЯ УСПѢХА * ПРЕДЪОСТАВЛЕНІЕ ПОДАРОКОВЪ *
 УСЛОВІЯ ПРОСЬБЫ ЛЕНЦІИ * МОСКВА * ВЫСЛАДКА БЕЗПЛАТНО.
 Поварская ул., д. Старикова. 3-5

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

превосходно сдѣланы изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы. Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Топъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень изящный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (3) 3 разное, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С. Петербургъ, Невск. пр. № 20-44.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 к.
 Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С. Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6.67

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
 ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА
 КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
 Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цена банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли антикарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ антикарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, СПб. Михайловская пл., д. Жербина, № 2.

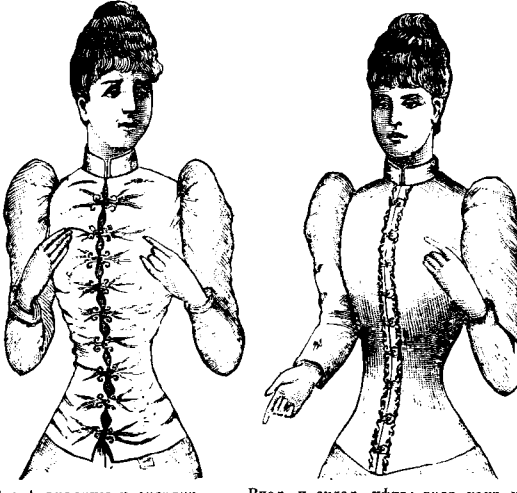
БРОШЮРА:
ВОЛОСЫ,
 ихъ значеніе, здоровье и уходъ за ними.
 Составилъ провизоръ
А. М. ОСТРОУМОВЪ.
 Продается по 10 коп. въ книжныхъ и антикарскихъ магазинахъ.

3-й ВЫШГРЫШНЫЙ
 (Дворянскій) заемъ, 1 Ноября тиражъ, продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 59 НЕВСКІЙ, СПБ.

№ 6539 5-3

КАЖДАЯ ДАМА стремится имѣть шикарную и изящную талію!
 достигъ этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крюч-
 ковъ и петель ПРИМА!
ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.

Рис. съ иголками и петлями. | Рис. съ патентов. крючками и петлями.
 После 4-хъ-недѣльнаго ношенія лифа. После 4-хъ-мѣсячнаго ношенія лифа.

Платежъ, снабженное патентованными крючками и петлями ПРИМА, никогда не тербуетъ своего фасона ни при какой работѣ, благодаря чему получается громадная экономія въ платѣхъ при несамостоятельной работѣ.

Крючки и петли никогда не портятся, а потому возможны по ихъ опириванію отъ капризныхъ платѣхъ. Для вышиванія на новое.

Вездѣ виадины и складки. Влад. и склад. нѣтъ; видъ какъ новый.
 На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ действительности же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

Патентованные крючки и петли ПРИМА
 не слабѣютъ отъ времени, не сгибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.
 Нашивать эти застежки очень легко; при каждой карточкѣ прилагается подробное поставленіе. № 6538 12-3
 Патентованные крючки и петли ПРИМА имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ =
Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ.
 С.-Петербургъ, 4 рота, 10, — собств. домъ.

Путешествія д-ра А. В. Елистева

приложеніе къ журналу „Природа и Люди“.
 Въ вышедшихъ выпускахъ помѣщены рисунки художниковъ В. Г. Назанцева, Н. Н. Разина, академика А. Д. Кившенко, С. Н. Потровичъ, Е. П. Самонши-Судюнской, академика Н. С. Самонши, Э. Н. Соноловскаго. Ц. № 6550
 Подписка на журналъ „Природа и Люди“ съ приложеніями продолжается.
 Подписная цѣна съ перес. и дост 6 р. Контора редакціи: СПб., Стрѣлянная ул., № 12.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ О. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія линіи, № 6. Комиссіонеръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
 Нов. томъ профес. Ерандеса. Главн. теченія литературы XIX столѣтія. Англійская литература. Ц. 2 р. 50 к. Большой выборъ всевозможн. русскихъ книгъ. Всегда находится на складѣ изданія: Г. Девриана, Маркса, Павленкова, Гербея, Достоевской, Мартынова, Стасюлевича, Фета и друг. При оптовыхъ покупкахъ — уступка. Точное и скорое исполненіе заказовъ. Высылка мож. б. и наложен. платежомъ. Магазинъ высылаетъ всякія изданія, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было объявленныя. № 6538 2-2

ЖЕНЩИНСЪ И ГИЗНИРЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ЖАНЖЕНЫ
 Бр. НОВАЛЕВСКИХЪ.
 Имѣются въ большомъ выборѣ мужскіе, дамскіе и дѣтскіе. Заказы по лифу выполняются въ точности въ СПб., Невскій, пассажъ, 2-я галлер., № 48. Отдѣленіе въ Одессѣ, Полицейская, д. 22. Прейск-курантъ безплатно. № 6564

ШТОРЫ „ФРИДМЕНЪ“
 безъ употребленія гвоздей.
 Придѣланы къ окнамъ на счетъ магазина. Исключительно въ магазинѣ бѣлая С. Фридменъ, Большая Морская, 26. 2-1

В. Б. ЖУКОВСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА.
КРУМРЕЙНЪ И КАЦЪ.
 Лѣ сопиельныя РАМЫ, ПИЛЫ, СТАНКИ ДЛЯ РАБОТЫ ДЕРЕВА

Прейск-кур. почтовымъ маркомъ на 1893/4 г. высылаю за 14 коп. почт. марк. — Б. Гостонскій, с. Потокъ, ст. Миронова, Киев. г.

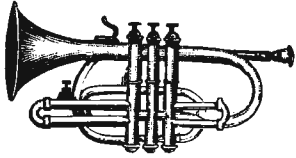
ПОЛНЫЙ КАРМАННЫЙ ТЕХНИКЪ
 С. Н. Ванкова.
 Необходимое пособіе для всякаго инженера, механика, архитектора, фабриканта и студента находится въ продажѣ во всѣхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Варшавы. Цѣна 2 р. 50 коп. № 6536 (2)

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
 УДОСТОВЕРЕННЫЙ
 СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛЮ
 НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВКѢ 1882
А. С. УИКО
 ПАРФЮМЕРІА
 ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
 МОСКВА.
 ПРЕСК-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

АЛЬБОМЪ

РИСУНОКОВЪ ДЛЯ ВЫПИКИВАНІЯ.
 состоящий изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
 Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ изданіи линограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
 Требования просить адресовать: въ СПб., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 61)

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОПЪ

хорошей заграничной работы въ 12, 15, 22, 25 и 35 руб.; собственной фабрики въ 59, 60, 75 и 100 руб.; удостоены награды на выставкѣ въ Чикаго; знаменитой фабрики Courtois въ 90 р., 150 р. 250 руб.

Школа-самоучитель Баганца въ 1 1/2 и 2 1/2 р. Альторны, баритоны, басы и др. Иллюстрир. прейсъ-курантъ — без латно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

НАКОНЕЦЪ-ТО ПОВОСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ „БУБЕНЬЧИКИ“.

Сборникъ 50-ти совокъ новенькихъ пѣсенокъ для вѣснаго юношества со словами для пѣвня. Собраны и легко арранжированы для фортепиано Н. Артемьевымъ.

Цѣна 1 р. (Пѣсни эти также пригодны для одной игры, какъ легкия пѣсенки). ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ АЛЬБОМЪ НАРОДНЫХЪ ТАНЦЕВЪ И ПЛЯСОНЪ. Ц. 1 р. 50 к. арр. Б. Ф. Клиновъ.

ПРОДАЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ

Н. Х. ДАВИНГОФЪ

СПб., Б. Морская, 28 (уг. Гороховой).

Гостинный дворъ, № 12 (по Невскому).

Заказы изъ провинцій исполняются

НЕМЕДЛЕННО

а также съ наложеннымъ платежомъ.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ. ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптеках и космет. магазинах. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес. № 6565 (1)

Провизоръ Кинуненъ.

Просьба обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПУТЪ

Безъ фармы и фармы. Никакая подделка.

со шурк. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К^о.

Специальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ. Rue de Bondy, 32.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллус. пр.-кур. оптич. и fotogr. прибор. высылается каждый за семидесяти коп. 2—2

СИБИРСКОЕ

ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. до 2 руб. арш., по прочности и дешевизнѣ незаменимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для г. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей, гимназистовъ и проч.

Иногороднымъ высылается образцы. Магазины: СПб., Владимирская, № 6; Петерб. сторона, Больш. пр., д. 38—40. Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6489 10—10

КОСМЕТИКА: ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА,

ВЫСШІЙ СОРТЪ

Жирная пудра, Пудра Велутинъ, Бѣлила, Румяна,

Бархатный кремъ и т. д.

БРОКАРЪ и К^о.

№ 30, Невскій.

№ 6520 2—2

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просьба обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ поплились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ.

ТОВАРИЩЕСТВО

СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ

имѣть честь довести до свѣдѣнія что его производства

НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѣ ВЪ ЧИКАГО

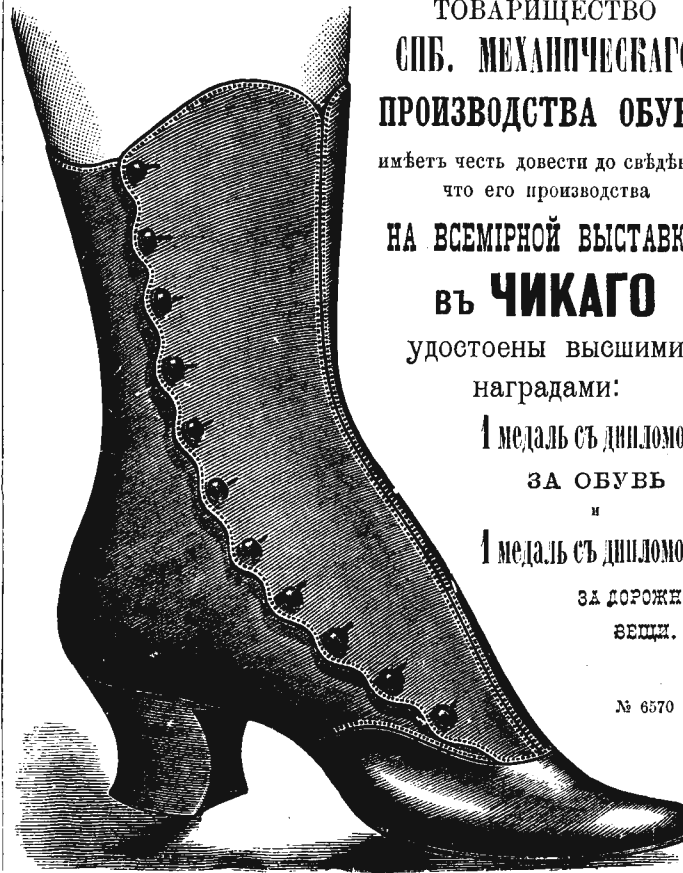
удостоены высшими наградами:

1 медаль съ дипломомъ ЗА ОБУВЬ

и 1 медаль съ дипломомъ

ЗА ДОРОЖНЫЕ ВЕЩИ.

№ 6570

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА ПРОВОДНИКЪ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассаажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенция Букетъ Жасминъ	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Букетъ Императрицы	Розада	Миланъ-Беръ
Илангъ-Илангъ	Лилии меня	Анжисъ
Майскій-Ландишъ	Степной букетъ	Гвоздики
Бѣлый гелотропъ.	Ирисъ	Киссъ му гиль
Бѣлая лилія	Эдельвейсъ	Испанская кожа
Сирень перс.	Жасминъ	Съѣсъ снѣгъ
Лаванда	Олеопанакъ	Черемуха
Фиалка	Шипръ	Lilas Henri
	Букетъ де Царь	Lotus.

Пробные флаконы высылаются не менѣе 10 флаконовъ за 1 р. 40 к. съ пересылкой во всѣ города Россіи. (Иромъ СИБИРИ)

5-я ТЫСЯЧА! Только что вышло изъ печати 5-мъ изданіемъ

ЧТОМНЪ СЪИГРАТЬ? Сборникъ 77 новыхъ легкихъ пѣсень и танцевъ въ 2 руки, 1 р. 50 коп., въ переплетѣ 2 р. 25 коп. ЛЮТШЪ, Н. Бирюльки. Сборникъ нов. легк. мелод. и характ. пѣсень въ 4 руки, 2 части по 1 р., общ. выѣстъ 1 р. 50 коп. Изданы у издателя

Юлій ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. И во всѣхъ муз. маг.

PARIS Printemps

NOUVEAUTÉS Envoi gratis et franco du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'HIVER, sur demande affranchie adressée à MM. JULES JALUZOT & Ce PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN LANGUE RUSSE

НАРОДНАЯ ЦИТРА очень любимый и легко изучаемый музыкальный инструментъ. Въ теченіе 1 часа можно выуч. играть. Звукъ очень мягкіе и пріятельскіе. Подробное описаніе высл. безплатно. 7-ми медалью, съ принос. для настройки только 6 р. Лучш. работы и сильнѣе въ тонѣ 9 р. Ноты 10 альбомовъ по 50 коп., пересылка за 15 фунт. Ц. № 6545 3—2

І. Ф. МИУЛЕРЪ. Москва, Петровка, д. Вадюха.

PARFUMERIES

IXORA

ED. PINAUD

Savon... à l'IXORA

Essences... à l'IXORA

Huile... à l'IXORA

Poudre de Riz à l'IXORA

37, BOULEVARD de STRASBOURG PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

XXIV г.

№ 42

Выходит еженедельно, съ приложеніемъ 12-ти еженедельн. книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Подписка (СПБ., Невскій, № 6) продолж. Каждый новый подписч. получаетъ все вышедшіе номера со всеми прил. Выданъ 16 октября 1893 г. Остат. услов. см. въ началѣ объявл. этого номера. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, имя котораго извѣстно всему образованному русскому обществу, безусловно и по праву принадлежит къ блестящей плеядѣ художниковъ отечественнаго слова — беллетристовъ сороковыхъ годовъ, и въ настоящее время является однимъ изъ представителей славной эпохи русской литературы.

Родился онъ въ дворянской семьѣ, въ имѣніи своего отца, въ деревнѣ на Волгѣ, въ Симбирской губерніи, въ 1822 году 19-го марта. Здѣсь прошло и раннее его дѣтство до десятилѣтняго возраста. Подготовленный затѣмъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ въ Москвѣ, онъ поступилъ въ Инженерное училище. Въ 1840 г. Дмитрій Васильевичъ оставилъ училище и поселился на Васильевскомъ островѣ, поближе къ Академіи Художествъ. Здѣсь онъ преданъ давнишнему своему любимому занятію — живописи. Слабость зрѣнія, однако, помѣшала ему сдѣлаться живописцемъ, и скорѣй опредѣлилось истинное его призваніе — быть писателемъ.

Первыми его работами были переводы съ французскаго въ сборникѣ Плюшара „Переводчикъ или его одна повѣсть“. Въ 1844 году онъ помѣстилъ въ *Литературной Газетѣ* два оригинальные разсказа. „Театральная карета“ и „Собачка“ и еще „Обзоръ выставки въ Академіи Художествъ“. Въ 1845 г. онъ, въ сборникѣ Некрасова „Физиологія Петербурга“, помѣстилъ еще два разсказа. „Петербургскіе шарманщики“ и „Лотерейный балъ“. Въ этихъ первыхъ произведеніяхъ Дмитрія Васильевича сказались несомнѣнный беллетристическій талантъ, и въ то же время опредѣлились направленіе и манера писателя, выразилась совѣтъ особенный, свойственный ему юморъ. Этимъ юморомъ проникнуто большинство такъ называемыхъ, мелкихъ — мелкихъ по размѣрамъ — произведеній Григоровича, въ числѣ которыхъ есть вещи весьма крупныя по своему литературному значенію. Тщательность обработки языка, огромная наблюдательность живой разсказъ, — все это ставитъ эти произведенія на видное мѣсто въ русской литературѣ.

Но главная заслуга Дми-

трія Васильевича была еще впереди. Въ 1847 г. въ декабрьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* появилась его повѣсть „Деревня“, а въ журналѣ *Современникъ* — „Антонъ-горемыка“. Это были *первыя* произведенія въ русской литературѣ, художественно воспроизводившія крестьянскій бытъ, который считался до тѣхъ поръ, такъ сказать, недостойнымъ поэтическаго творчества. Потомъ много лѣтъ спустя, во время торжествъ въ Москвѣ въ память Пушкина, при одной изъ застолийныхъ бесѣдъ собравшихся писателей, кто-то назвалъ Тургенева родоначальникомъ литературы изъ крестьянскаго быта, имя въ виду извѣстнаго его „Записки охотника“. Тургеневъ самъ поправилъ эту ошибку и торжественно уступилъ здѣсь первенство Дмитрію Васильевичу.

При появленіи названныхъ повѣстей Григоровича, тогдашній руководитель вкуса и верховный судья въ литературныхъ дѣлахъ, Бѣлинскій, отнесся къ нимъ съ живымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Извѣстность Дмитрія Васильевича установилась такимъ образомъ сразу, и онъ проявилъ весьма оживленную дѣятельность. Скоро одинъ за другимъ стали появляться его разсказы изъ такъ называемаго, „народнаго“ быта: „Пахарь“, „Свѣтлое Христово Воскресенье“, „Въ ожиданіи парома“, „Смедовская долина“; затѣмъ два большіе романа, „Переселенцы“ и „Рыбаки“.

Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Григоровичъ является, какъ авторъ, просвѣщеннымъ, мягкимъ и гуманнымъ человекомъ, тонкимъ наблюдателемъ и искуснымъ, мастерскимъ разсказчикомъ, постоянно оставаясь вѣрнымъ лучшимъ литературнымъ традиціямъ.

Но не одна русская литература, и русское искусство очень многимъ обязано Дмитрію Васильевичу. Одаренный отъ природы чуткимъ художественнымъ вкусомъ, онъ обладаетъ при этомъ огромнымъ запасомъ опыта оцѣнокъ произведеній искусства и глубокимъ знаніемъ художественной старины. „Общество поощренія художествъ“ не только всегда имѣло въ немъ дѣятельнаго члена, но почти всецѣло обязано своимъ блестящимъ состояніемъ его трудамъ и заботамъ.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

IV.

Коляска князя Войдылда несла Михольскаго и прицѣпившагося сзади Манделя по хорошей дорогѣ, въ свѣтлый, не жаркій, но и не холодный сентябрьскій день съ такой быстротой, съ какой онъ еще никогда не ѣздилъ на своихъ лошадяхъ: въ часъ онъ дѣлалъ по пятнадцати верстѣ, и къ вечеру онъ былъ почти у цѣли своего путешествія. Оставалась еще до Моцлавки одна упряжка. Строго говоря, онъ не могъ себѣ дать яснаго отчета, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Моцлавку. Онъ уподоблялся той пушинкѣ, которая носится въ разныя стороны по волѣ вѣтра въ бурную погоду, или той паутинѣ, которая осенью плыветъ, серебрясь въ воздухѣ, покорная малѣйшему дуновению зефира. Ему бы надо было прямо ѣхать на Вильну и на Гродно, туда, гдѣ умерла его тетка, но силы воли не доставало у Михольскаго, и онъ, подобно зайцу, дѣлалъ сложныя петли, прежде чѣмъ судьбѣ угодно будетъ допустить его до спасительной норы. Обстоятельства такъ складывались, что приключенія бѣжали за Михольскимъ по пятамъ. Ему было бы скучно, если бы его жизнь шла по колесѣ ровнымъ ходомъ, безъ толчковъ, безъ радостей и безъ горя. Онъ ѣхалъ въ Моцлавку, чтобы посмотреть, во-первыхъ, что это за имѣніе, чтобы увидѣть тамъ новыхъ людей, чтобы удовлетворить своей инстинктивной жаднѣ столкновеній съ обстоятельствами, и, наконецъ, онъ не рассчитывалъ, что пробудетъ тамъ долго. Рессорныя пружины пріятно убаюкивали его въ коляскѣ, обитой атласнымъ адаманкомъ.

На дорогѣ лежала большая корчма.

— Хорошая корчма, похвалилъ Гаврила.

И Михольскій остановился въ корчмѣ. Онъ приказалъ Вавилкѣ вынуть изъ погребца и поставить самоваръ. Вавилка отправился исполнять приказаніе своего барина въ сѣни, а баринъ, тѣмъ временемъ, лежалъ на диванѣ и сталъ думать обо всемъ томъ, что случилось съ нимъ въ Кіевѣ.

Шумъ, пересыпаемый бранью, послышался въ сѣняхъ. Такъ какъ на брань отвѣчалъ жалобный голосъ Вавилки, то Михольскій вскочилъ съ диванчика, отворилъ дверь и заглянулъ въ сѣни, что тамъ дѣлается. Онъ увидѣлъ своихъ старыхъ знакомыхъ, пана Розмачульскаго и пана Пустогловскаго. Балагулы отчаянно спорили съ Вавилкой и доказывали ему, что самоваръ не есть привилегія его пана, потому что привилегіи давнымъ-давно уничтожены, а пьетъ чай тотъ, кто хочетъ, и такъ какъ они раньше пріѣхали въ корчму, то раньше должны удовлетворить свою жажду.

— Отойди прочь, хамское отродье! крикнулъ панъ Розмачульскій и толкнулъ Вавилку, а панъ Пустогловскій схватилъ самоварчикъ, который уже испускалъ горячій паръ и сердито шумѣлъ, какъ бы принимая участіе въ этомъ шумѣ и спорѣ, и направился съ нимъ въ свою комнату. Михольскій закричалъ:

— Какъ вы смѣете трогать моего казачка?! Куда? Я не позволю себя грабить! Если вы сдѣлаете еще шагъ, я буду стрѣлять!

Панъ Пустогловскій остановился съ самоваромъ въ вызывающей позѣ, поднялъ его и грозно сказалъ:

— Я прошу пана замолчать! Осторожно!

Панъ Розмачульскій бросился къ Михольскому, разставилъ ноги, напоподобіе циркуля, подбоченился обѣими руками и, откинувъ съ величайшимъ презрѣніемъ голову, воскликнулъ:

— Ты что здѣсь, панъ, распоряжаешься? Ты напрасно грозилъ намъ, что будешь стрѣлять! Если у

тебя пара пистолетовъ, то у насъ двѣ пары; на нашей сторонѣ сила! А! Сморчокъ, франтикъ! Невѣдомскій!

На крикъ прибѣжалъ содержатель корчмы. Сжавъ обѣ ладони, онъ умоляюще сталъ кланяться панамъ Розмачульскому и Пустогловскому.

— Что вы, господа, дѣлаете? Смотрите, господа, уже готовъ самоваръ! Видите, прислуга несетъ самоваръ для васъ. Оставьте! Она уже принесла вамъ самоваръ! И, обращаясь къ Михольскому, онъ униженно прибавилъ:—Панскій самоваръ будетъ возвращенъ пану въ цѣлости. Они шутятъ! У нихъ такой характеръ, что они все любятъ шутить! Они хорошіе, добрые люди! Сдѣлайте одолженіе, не сердитесь на нихъ! Простите, сдѣлайте вашего одолженія! повторялъ еврей, между тѣмъ какъ дѣвка, съ мѣднымъ самоваромъ, подошла къ пану Пустогловскому.

— Прошу взять вашу плевальницу! Иначе я, клянусь честью, брошу ее на землю! Я не привыкъ приказывать по два раза. Слово—законъ!

— Клянусь честью, слово—законъ! отозвался панъ Розмачульскій, какъ эхо.

Вавилка подбѣжалъ къ Пустогловскому; но Розмачульскій толкнулъ самоваръ такъ, что кипятокъ пролился и обварилъ пальцы казачку.

— То нѣжное твореніе! сказалъ со смѣхомъ панъ Розмачульскій, увидавъ слезы на глазахъ Вавилки.

Михольскій ушелъ. Содержатель корчмы, Хаимъ, подбѣжалъ къ нему, въ его комнату, и еще разъ сталъ извиняться, проклиная Розмачульскаго и Пустогловскаго, отъ которыхъ житья нѣтъ ни одному корчмарю, и удивляясь, что ихъ не арестуютъ и не освободятъ край отъ такихъ разбойниковъ.

— Главное, они ничего не хотятъ влатить; имъ все подавай даромъ! Ой, вей миръ, что еще случилось?

Въ сѣняхъ опять послышался шумъ; загрохотала посуда. Снова бушевали балагулы.

— Да, такъ вотъ какъ! кричалъ панъ Розмачульскій, яростно потрясая кулакомъ у самого носа дѣвки,— аристократишкѣ подаютъ фаршированную щуку, а намъ ничего! Га! Никому не надо, ни намъ, ни ему! Пусть онъ тоже останется безъ фаршированной щуки! Га! еще Польска не сгинѣла!

— Не сгинѣла! отвѣчалъ Пустогловскій, ударяя каблукомъ по остаткамъ блюда.

Еврей поднялъ жалобный крикъ, и къ нему присоединилась еврейка. Розмачульскій и Пустогловскій стали пинками прогонять хозяевъ.

— Что вы, собаки, мѣшаете намъ! Хриstopродавцы, чесночныя души! Прочь, а то мы покажемъ, какъ съ нами обращаться, мы заставимъ уважать равенство, на которое имѣютъ право всѣ природныя поляки! Мы демократы, но мы шляхтичи. Прочь, пархатые! Горе перьямъ вашихъ бебеховъ! Вивать балагуля!

— Вивать!

Пришлось Михольскому выпить чай, не закусивъ, хотя ѣсть хотѣлось порядкомъ. Черезъ нѣкоторое время еврейка, которой стало жаль голоднаго молодого челоуѣка, предложила ему зажарить курицу. Когда курица была готова, еврейка тихонько, прикрывъ ее миской, сама понесла Михольскому. Но курица, зажаренная въ маслѣ, обладала аппетитнымъ запахомъ, который дошелъ до длинныхъ носовъ пановъ Розмачульскаго и Пустогловскаго. У пановъ пробудился аппетитъ. Они отворили дверь къ Михольскому.

— Панъ ѣсть курицу? спросилъ панъ Пустогловскій.

— И, кажется, закаренную на вертелъ? спросилъ панъ Розмачульскій, пытливо глядя на столъ.

— Прошу подѣлиться съ нами!

— Безъ дальнихъ разговоровъ!

— Безъ прелиминарій!

— По праву сильнаго!

— По праву шляхтича!

— Такова моя воля!

— И моя!

Михольскій всталъ.

— Прочь!

— А ну, Вацлаве!

— А ну, Яне!

Розмачульскій схватилъ Михольскаго за плечи, а Пустогловскій обѣими руками вѣдпился въ блюдо съ курицей. Но Михольскій стряхнулъ съ себя Розмачульскаго, ударилъ кулакомъ въ спину и сбиль имъ съ ногъ пана Пустогловскаго, который растянулся на полу. Поднявшись, панъ Пустогловскій испустилъ рыканье, потому что, несмотря на ярость и на обиду, духъ юмористическаго балагульства въ немъ былъ сильнѣе всего. Вынувъ изъ-за пояса кинжалъ, онъ сталъ продѣлывать имъ угрожающія эволюціи у самаго лица Михольскаго. Такія же эволюціи началъ панъ Пустогловскій, забѣжавъ съ другой стороны Михольскаго. Михольскому оставалось только вооружиться стуломъ, что онъ и сдѣлалъ. Пустогловскій и Розмачульскій отлетѣли отъ него на приличное разстояніе и тоже схватили каждый по стулу. Началось нападеніе, сопровождавшееся трескомъ мебели, и не извѣстно, чѣмъ бы кончилось это сраженіе, если бы не раздался колокольчикъ. А такъ какъ съ колокольчикомъ имѣла право ѣздить только полиція — капитанъ-исправникъ или ассесоръ, то звонъ этотъ, который все приближался и становился громче и громче, возмѣлъ отрезвляющее дѣйствіе на пановъ Розмачульскаго и Пустогловскаго. Они бросили стулья и одинъ за другимъ быстро убѣжали изъ комнаты Михольскаго. Колокольчикъ пересталъ звонить. Дверь открылась, и къ Михольскому, блѣдный отъ страха и дрожа, какъ осиновый листъ, вползъ Мандель.

— Охъ, разбойники! Охъ, они! Какъ они смѣли нападать на пана?! Охъ!..

Михольскій, взволнованный битвой, спросилъ, приводя въ порядокъ свой туалетъ передъ кривымъ зеркаломъ, въ которомъ отражался не одинъ Михольскій, а два или три:

— Мандель, полиція?

Мандель оглянулся на дверь, сдѣлалъ журавлиный шагъ къ Михольскому и, поцѣловавъ его въ плечо, объявилъ:

— Никого не пріѣхало. Это я пріѣхалъ, я, Мандель, чтобы вы были живы и здоровы!

И онъ показалъ Михольскому колокольчикъ, который держалъ въ рукѣхъ.

— Я знаю, началъ онъ, — чѣмъ ихъ прогнать. Они трусы, эти балагулы, они только храбры на словахъ! Ихъ надо умѣть пугать, и Мандель умѣеть! съ гордостью заключилъ жидокъ, заливаясь беззвучнымъ, хриплымъ смѣхомъ и присѣдая на корточки.

Паны Пустогловскій и Розмачульскій тихонько выѣхали изъ корчмы. Ночь прошла благополучно.

V.

— Скажи, Гаврила, чья это усадьба? Ужъ не Моцлавка-ли это? спросилъ на другой день утромъ Ромуальдъ, проѣхавъ вереть десять по проселочной дорогѣ.

Кучеръ показалъ бичомъ на раскинувшуюся вдали усадьбу и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это Галѣвка, а до Моцлавки еще далеко.

— А кому принадлежитъ Галѣвка?

— Пану Румицкому. Онъ предводитель дворянства.

— Богатый панъ?

— Богатый и гордый. А было время, когда отецъ его ходилъ по-простому и служилъ экономомъ у другихъ пановъ. Впрочемъ, вы извините меня и не разгнѣвайтесь, что я позволяю себѣ рассказывать такое о панѣ Румицкомъ. Вѣдь, и пановъ дѣлаютъ изъ разнаго тѣста! Прежде, говорятъ, дворянъ было меньше, а все были магнаты, а теперь магнатовъ только и осталось, что нашъ князь Войдылдъ; онъ крестьянъ жалѣеть, панъ же Румицкій каждый день мучаетъ народъ. Его отецъ купилъ дворянство за двѣсти червонцевъ. Такъ-то, дешево были дворянскія привилегіи, когда король правилъ Польшей!

Усадьба, виднѣвшаяся на горизонтѣ, яснѣе и яснѣе выдѣлялась изъ голубоватаго тумана, который ее облагалъ. Острыя вершины тополей вырисовывались на горизонтѣ. Чѣмъ ближе подѣзжалъ фаэтонъ, тѣмъ виднѣе становилась усадьба. Вотъ уже забѣлѣлись колонны барскаго дома, а на шестѣ вѣется красный флагъ — въ знакъ того, что панъ Румицкій дома и принимаетъ. Когда коляска Ромуальда поровнялась съ усадьбой, ворота открылись, и оттуда выскочили ливрейные гайдуки. Низко кланяясь, они перерѣзали путь коляскѣ и стали просить Ромуальда заѣхать къ пану Румицкому въ гости. Гаврила угрюмо ожидалъ, и, когда Ромуальдъ изъявилъ согласіе заѣхать къ пану Румицкому, кучеръ молча сплюнулъ и повернулъ лошадей, крѣпко ударивъ ихъ бичомъ.

Печать благосостоянія лежала на всей усадьбѣ пана Румицкаго. Посрединѣ двора были разбиты пестрыя клумбы съ осенними цвѣтами, между которыми красовались георгины, астры и другіе, расположенные такимъ образомъ, что казались гигантскими букетами. Дорожки были усыпаны краснымъ пескомъ. Встрѣчать Михольскаго выскочили на крыльцо лакеи въ красныхъ ливреяхъ съ золотыми пуговицами и съ гербовыми бляхами. Они помогли ему выйти изъ коляски и подняться по ступенькамъ. Вошелъ онъ въ переднюю и, тронутый такимъ почтительнымъ пріемомъ, смѣло взялся за хрустальную ручку, чтобы идти дальше. Но вдругъ дверь открылась, и новый лакей съ недовольнымъ и строгимъ видомъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Позвольте узнать вашу фамилію?

— Фамилію я скажу ему самому, пану Румицкому. Если онъ пригласилъ меня, то ему не зачѣмъ узнавать мою фамилію въ передней черезъ лакея.

— Панъ ошибся и проситъ извиненія: онъ по коляскѣ заключилъ, что ѣдетъ князь Войдылдъ, котораго присутствіе для него было бы большой честью.

Михольскій покраснѣлъ и сказалъ свою фамилію; лакей побѣждалъ къ барину. Минуть пять ждалъ Михольскій въ передней. „Нѣтъ, я наговорю ему дерзостей, ворчалъ онъ, — я потребую отъ него удовлетворенія“. Лакей вернулся и сказалъ, что панъ Румицкій проситъ пана Михольскаго. Ромуальдъ вошелъ въ залу, убранную изысканно и даже со вкусомъ мебелью краснаго дерева и зеркалами, отдѣланными бронзой, и въ гостиной встрѣтилъ хозяина, который шелъ навстрѣчу гостю.

Это былъ человѣкъ уже лѣтъ пятидесяти, съ крашеными волосами и съ лиловымъ носомъ, одѣтый въ бархатную визитку. Онъ протянулъ Михольскому руку, съ большими брильянтовыми перстнями на всѣхъ пальцахъ, и съ холодной вѣжливостью сказалъ:

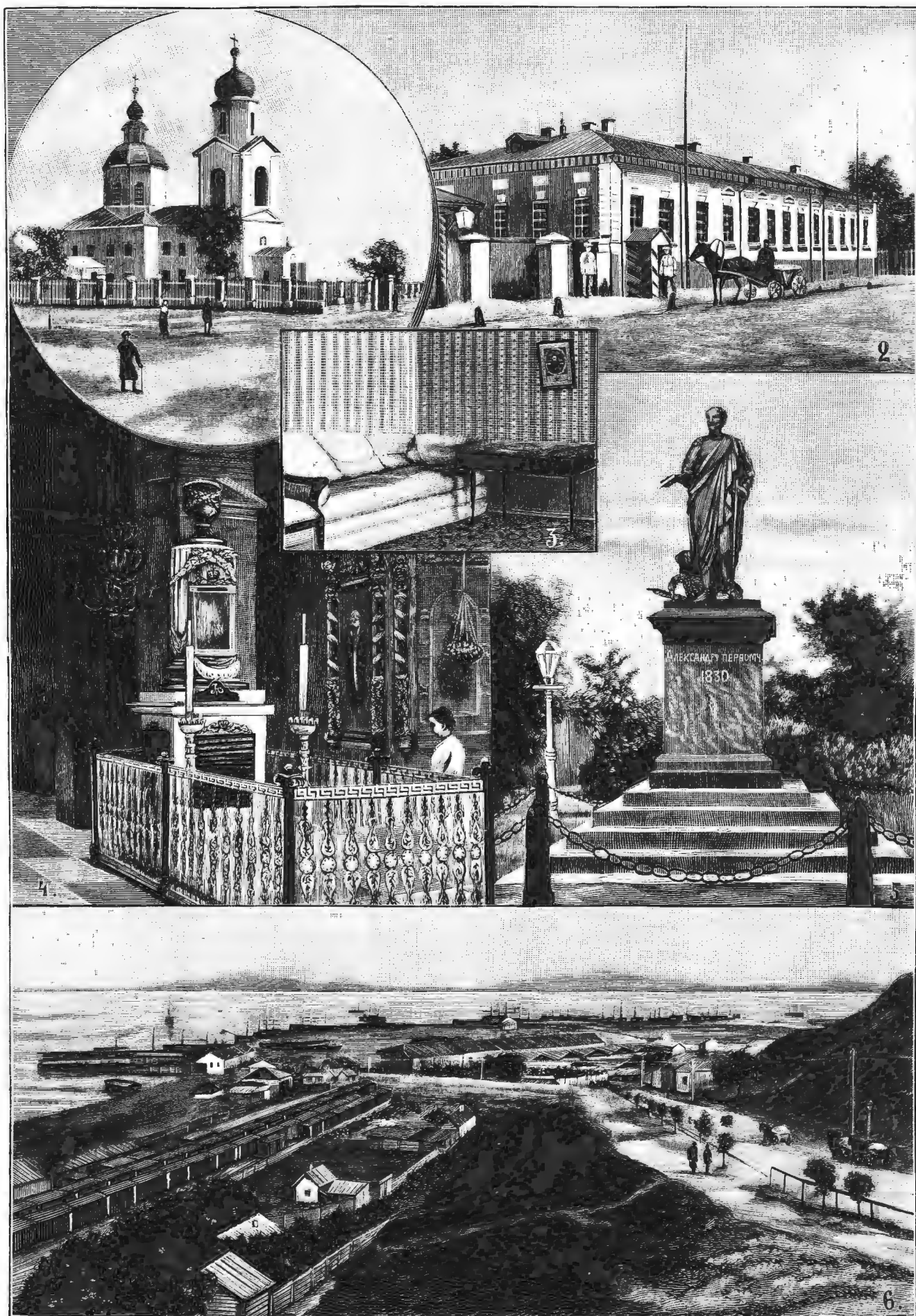
— Ахъ, pardon!

— Да, странно! сказалъ Михольскій, — я прождалъ въ передней полчаса.

— Нѣсколько минутъ, возразилъ Румицкій. — Pardon!

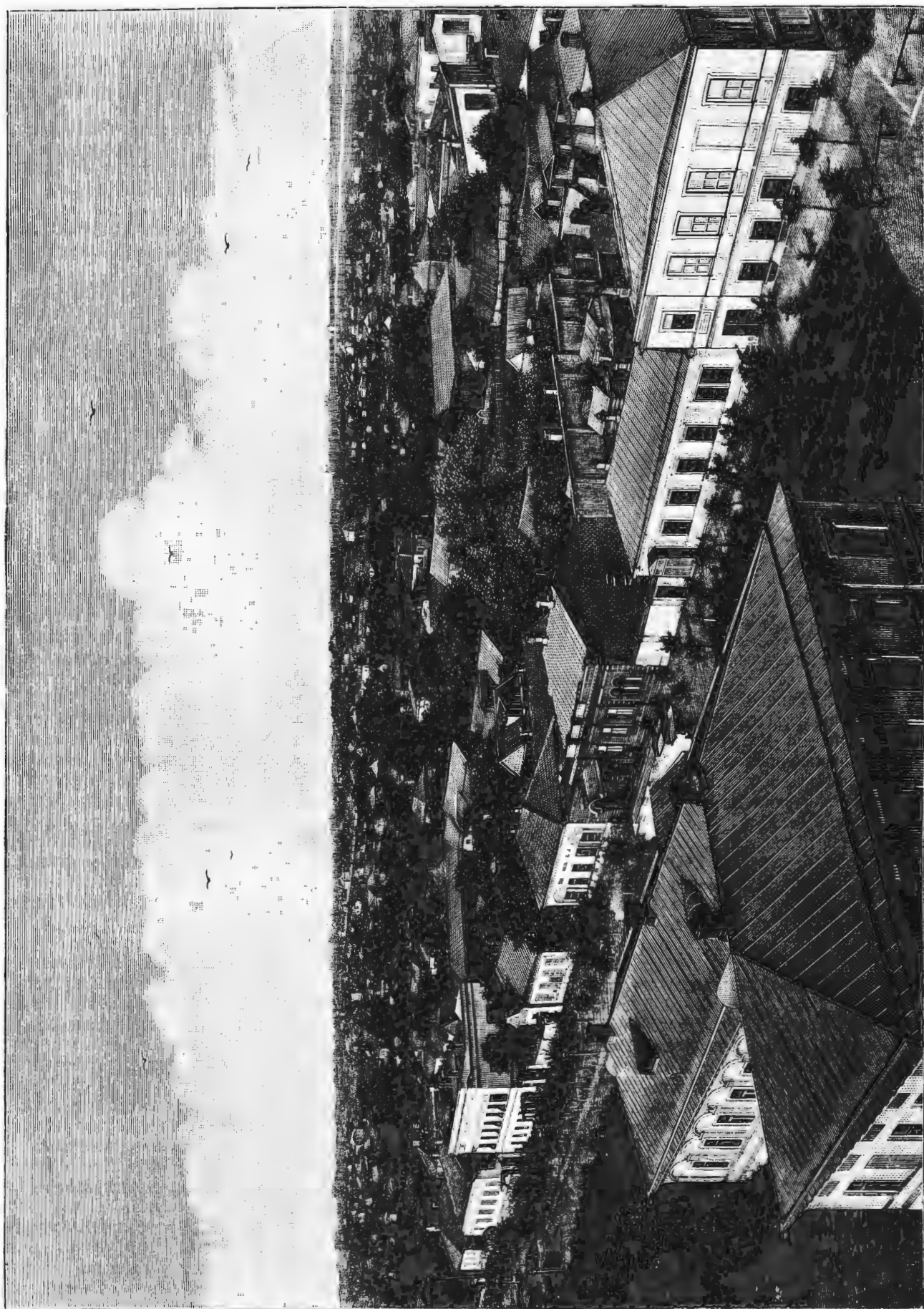
— А, вы приняли меня за князя Войдылда! продолжалъ Михольскій. — Но долгъ вѣжливости требовалъ, пригласивъ меня, все-таки не держать въ передней.

— Pardon, pardon! Во всемъ виноваты слуги, и они получаютъ свое, сказалъ Румицкій. — Они сдѣлали мнѣ невѣрный докладъ. Pardon!

Виды города Таганрога. Съ фот. Измайловича грав. М. Рашевскій.

1) Михайловско-Троицкая церковь, заложенная императоромъ Петромъ Великимъ. 2) Дворецъ императора Александра I. 3) Диванъ въ императорскомъ дворцѣ, на которомъ скончался императоръ Александръ I. 4) Памятникъ императору Александру I въ церкви Ново-Иерусалимскаго греческаго монастыря. 5) Городской памятникъ императору Александру I. 6) Общій видъ Таганрогскаго порта, построеннаго императоромъ Петромъ Великимъ.

Видъ юго-восточной части города Таганрога. Съ фот. Измайловца грав. М. Рашевскій

— Они могли ошибиться, потому что коляска, дѣйствительно, князя Войдылда. Я ѣду отъ него изъ Кіева въ Моцлавку.

На лицѣ Румицкаго проступило доброжелательное выраженіе.

— Панъ Михольскій?

— Да, панъ Михольскій.

— Панъ Михольскій ѣдетъ управляющимъ Моцлавскаго ключа?

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать управляющимъ? Я не возьму такого мѣста; у меня у самого есть имѣніе. Я ѣду въ гости; я просто хочу посмотрѣть Моцлавку.

— Pardon, pardon, pardon! три раза сказалъ панъ Румицкій, схватилъ обѣими руками руку Михольскаго, потомъ обнялъ его за талію, привлекъ къ себѣ и пошелъ съ нимъ дальше.

Онъ ввелъ его въ большую комнату, которую онъ называлъ кабинетомъ, и въ которой было уже нѣсколько человѣкъ гостей. Кабинетъ Румицкаго заключалъ въ себѣ шкафы съ книгами, а между шкафами висѣли сѣдла, арапники и ружья. Гости курили сигары, сосали изъ длиннѣйшихъ чубуковъ, украшенныхъ огромными янтарями, разговаривали, пѣли, хлопали по полу бичами, и, вообще, находились въ веселомъ расположеніи духа. На письменномъ столѣ стоялъ подносъ съ бутылками и стаканами.

— Рекомендую пана Михольскаго, пріятеля князя Войдылда! возгласилъ панъ Румицкій, представляя гостя своему обществу.

Михольскому стали пожимать руку. Румицкій налилъ большой стаканъ вина и поднесъ гостю.

— Прошу васъ выпить и забыть невольную непріятность. Я, во всякомъ случаѣ, радъ, что познакомился съ вами, и надѣюсь не отсутствовать сегодня въ Моцлавку. Вы видите, какъ у меня весело, и какое хорошее общество!

Михольскій выпилъ залпомъ вино.

— О, я вижу, что вы настоящій полякъ и чудесно пьете! сказалъ Румицкій.—Садитесь сюда, на диванъ.

Молодой человѣкъ сѣлъ рядомъ съ двумя стариками. Они разговаривали между собой о плохой торговлѣ, объ одесской пшеницѣ, о винокурнѣ, о холерѣ. Михольскій пересталъ слушать этотъ неинтересный для него разговоръ и вниманіе свое перенесъ на молодыхъ людей, которые бесѣдовали о бердичевской ярмаркѣ, о ландскнехтѣ, о лошадахъ, о женщинахъ, о фракахъ и о брюкахъ.

— Самое лучшее сукно—это седанъ, увѣряю васъ, седанъ! убѣдительно доказывалъ молодой помѣщикъ съ розовымъ, какъ у дѣвушки, лицомъ и съ тупыми воловьими глазами на выкатѣ. Слово „седанъ“ онъ старался выговаривать сладко, брызжа слюной.—Я заказываю свои скюртуки въ Парижѣ четыре раза въ годъ. Шьютъ въ Парижѣ божественно! Я прошу пана, обратился онъ къ своему собесѣднику,—провести рукою по сукну. Не правда-ли, мягче бархата?! А какой покрой кармановъ! Какія петли! Какія пуговицы!

Въ качествѣ знатока франтовскихъ вещей, Михольскій полюбопытствовалъ взглянуть ближе на сукно седанъ и на скюртучекъ работы парижскаго портного.

— Да, да, это седанъ, настоящій, божественный седанъ! вскричалъ молодой помѣщикъ, обращаясь къ Михольскому.

Хозяинъ позвонилъ въ серебряный колокольчикъ. Вбѣжалъ слуга въ красной ливреѣ.

— Спроси, пріѣхалъ-ли комиссаръ?

— А не угодно-ли взглянуть на тросточку? Такой тросточки ужъ, разумѣется, въ Харьковѣ нѣтъ. Вещица парижская! Ее можно согнуть въ кольцо, и она не ломается.

Хозяинъ опять позвонилъ, и опять влетѣлъ камердинеръ въ красной ливреѣ.

— Скажи повару, чтобы не забылъ кайенскаго перцу въ соусъ. Да позови пивничаго въ столовую.

— Слушаю, найяснѣйшій панъ!

Гости стали гнуть парижскую тросточку, но она не поддавалась усиліямъ согнуть ее въ кольцо и сломалась.

— Ахъ, гдѣ же я теперь добуду такую тросточку?! За пятьдесятъ червонцевъ я не добуду здѣсь такой, и, къ тому же, это подарокъ дѣка де-Брешъ. Какое горе!

Новый звонокъ—и новое появленіе краснаго слуги.

— Скажи берейтору, чтобы онъ сѣлъ на Султана и хорошенько бы промялъ его. Да спроси у эконома, отправлена-ли въ Бердичевъ пшеница? Стой! У маршала двора справся, наказанъ-ли Янъ?

— Сейчасъ, найяснѣйшій панъ.

Каждый разъ, отдавая приказаніе, панъ Румицкій пытливо поглядывалъ въ сторону Михольскаго и ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ на него такая безостановочная распорядительность. Наконецъ, онъ самъ подошелъ къ Михольскому и предложилъ ему осмотрѣть дворъ и конюшни.

Выводивъ Михольскаго, онъ вернулся назадъ, проникнутый къ нему уже дружескимъ чувствомъ, такъ какъ Михольскому понравились лошади и образцовый порядокъ двора.

— Я просилъ бы пана Михольскаго, при случаѣ, рассказать объ этомъ князю Войдылду. Мы сосѣди съ княземъ. Я не знаю, какъ я былъ бы счастливъ, если бы, подобно пану Михольскому, когда-нибудь князь Войдылда заѣхалъ ко мнѣ.

Было два часа. Панъ Румицкій извинился передъ гостями, вышелъ изъ кабинета и возвратился, переодѣвшись. На немъ былъ теперь фракъ и бѣлый жилетъ, и онъ пахнулъ, какъ банка французской помады.

— Я сейчасъ пойду къ женѣ и попрошу ее, какъ можно скорѣе, дать намъ обѣдать, объявилъ онъ гостямъ.—А вамъ, господа, рекомендую сходить на мою псарню и полюбоваться моими гончими, хортами и лягавыми.

Онъ снова удалился, и многіе гости послѣдовали его приглашенію. Михольскій остался въ кабинетѣ вмѣстѣ со старичкомъ, которому было, пожалуй, лѣтъ восемьдесятъ, но который, тѣмъ не менѣе, держался еще бодро. Онъ ласково обратился къ Михольскому:

— Такъ панъ пріятель князя Войдылда? Хорошо для молодого человѣка. Жаль только, что времена перемѣнились. Прежде, когда существовало еще Польское королевство, нельзя было жить безъ покровительства какого-нибудь важнаго магната. Я, вѣдь, помню... Чего я только не помню! началъ онъ со вздохомъ.—Я былъ депутатомъ на сеймахъ и бывалъ на балахъ у такого всемогнутаго пана, какъ князь Карлъ Радзивиллъ, прозванный „пане коханку“. Я говорилъ съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, какъ теперь съ вами; я участвовалъ въ битвѣ подъ Дубенкой и видѣлъ, какъ брали Варшаву; я зналъ вашего дѣда, и, можно сказать, на моихъ рукахъ онъ умеръ, пораженный пулею въ грудь. Быстро, быстро мѣняется исторія! Въ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, картина стала другая. Мой дорогой, гдѣ теперь вы увидите кунтуши и кубраки? Нѣтъ Польши—нѣтъ какъ нѣтъ кунтушей! Потому что, едва-ли это Польша!—Старичокъ указалъ вокругъ себя презрительнымъ движеніемъ руки.—Развѣ панъ Румицкій полякъ въ томъ смыслѣ слова, въ которомъ мы привыкли его понимать? Развѣ можно было въ наше время вести такіе пустые разговоры, какіе сейчасъ? Мы не знали роскоши, у насъ не было ничего извѣстно о сукнѣ седанъ, но за то тщеславіе наше направлялось на другія цѣли: мы говорили по-латыни, когда собирались промочить горло старымъ венгерскимъ, мы обсуждали политическіе вопросы, мы ломали не тросточки, а сабли, потому что не умѣли и не хо-

тѣли прощать обидь. Ужъ если надо было пустить пыль въ глаза, то мы тратили миллионы. Да, князь „пане коханку“ истратилъ на одинъ пиръ полтора миллиона злотыхъ. Да, было время! Ты знаешь, панъ, началъ старичокъ, понизивъ голосъ,—какъ вышелъ въ люди нашъ амфитрионъ? Его отецъ хорошо игралъ на теорбанѣ и плясалъ; а былъ онъ простымъ дворовымъ мальчишкой. За эти таланты онъ понравился эконому, и тотъ его сталъ обучать читать и писать. Когда онъ выросъ, эконому женилъ его на своей фавориткѣ и, умирая, передалъ ему экономство. Сталъ эконому Румицкій первымъ воровъ во всемъ краѣ и добился мѣста управляющаго, пока самъ не купилъ двухъ тысячъ душъ и дворянство... Приѣзжай когда-нибудь ко мнѣ, панъ. Я живу недалеко, въ Ясленкахъ; ко мнѣ десять верстъ ѣзды отъ Моцлавки. Если еще хочешь повидать что-нибудь старопольское, то увидишь только у меня. Вмѣстѣ со мною ужъ окончательно умретъ Польша. И, хоть теперь нѣтъ такого титула, даже официально, меня называютъ еще подкоморіемъ!

Послѣ признаній эксъ-подкоморія, двери кабинета раскрылись настежь и ввалили гости. Они утомились, разсматривая собакъ, и непринужденно разлеглись на диванахъ, опять раскуривая трубки и сигары и хлопая по полу бичами. Собакъ они хвалили, называли ихъ божественными и, въ особенности, восторгались какимъ-то куцымъ хортомъ.

— То хортъ!

— Божественный хортъ! А даю слово, такого хорта нигдѣ не найдешь!

Явился хозяинъ и, взявъ за талію Михольскаго, повелъ въ гостиную и представилъ своей женѣ, на которой недавно женился. Это была милая и пригожая полька, хорошо воспитанная во Львовѣ. Она остановила на Михольскомъ взглядъ и стала съ нимъ разговаривать о Кіевѣ. Разговоръ съ ней пріятно занялъ Ромуальда. Въ пять часовъ всѣ двери растворились вдругъ, словно по мановенію волшебника. Камердинеръ въ башмакахъ и чулкахъ, съ рукой, обернутой въ салфетку, показался на порогъ и поднялъ вверхъ тарелку; хозяйка взяла руку Михольскаго. Всѣ гости отправились медленнымъ шагомъ въ столовую, гдѣ посрединѣ стоялъ столъ, блиставшій серебромъ и хрусталемъ. Лакеи-казачки въ красныхъ ливреяхъ съ галунами выстроились вокругъ стола. Панъ Румицкій угощалъ всѣхъ, упрасивалъ ѣсть, не стѣняясь, и, кстати, пояснялъ, изъ чего сдѣлано какое блюдо, а также, во сколько обошлась ему какая-нибудь рѣдкая приправа, выписанная изъ-за границы, и сколько платитъ онъ повару-французу, котораго переманилъ отъ управляющаго князя Войдылда, графа Олуховскаго. Хозяйка, возлѣ которой сидѣлъ Михольскій, потупляла глаза и краснѣла; иногда она взглядывала украдкой на сосѣда.

Въ концѣ обѣда подали токайское вино; но Михольскій, узнавшій толкъ въ напиткахъ, бывая у князя Войдылда, не могъ пить этого вина, потому что оно было молодое, мутное и неустоявшееся. Румицкій обратился къ нему:

— Отчего не пьете? Vraiment, то нектаръ!

— Vraiment, повторилъ помѣщикъ съ розовыми щеками и воловьими глазами.—Подобнаго вина я не пилъ ни въ домѣ Браницкаго, ни у Сангушко, ни даже у Потоцкихъ!

— Еще бы! шепнулъ подкоморій Михольскому.— Вѣдь, его нога никогда не бывала у магнатовъ!

Послѣ токайскаго былъ поданъ кофе. А послѣ кофе снова всѣ гости были приглашены хозяиномъ осматривать псарню и конюшни. Вернувшись, молодежь занялась ландскнехтомъ, пожилые сѣли въ вистъ. Михольскій сталъ играть въ ландскнехтъ и выигралъ двадцать червонцевъ. Но хозяйка прислала казачка и попросила его въ гостиную. Тамъ приготовлялся чай.

Михольскій бросилъ игру и вслѣдъ за нимъ вошелъ Румицкій.

— Надо всѣхъ позвать гостей, строго сказалъ онъ женѣ,—панъ Михольскій нашъ уважаемый гость, но я удивляюсь, почему ты дѣлаешь исключеніе! прибавилъ онъ шопотомъ и, нѣжно и сладко улыбаясь, взялъ жену за руку, для того, чтобы, повидимому, напечатлѣть на ея пальцахъ поцѣлуй, а на самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы наказать ее: онъ такъ крѣпко сжалъ руку жены ниже локтя, что отъ его пальцевъ остались синіе слѣды на нѣжномъ тѣлѣ.

У молодой женщины слезы навернулись на глаза, но она такъ же притворно должна была улыбнуться мужу и съ любовью поцѣловать его въ лобъ.

Михольскій замѣтилъ все; обжигаясь кипяткомъ, онъ поскорѣ выпилъ чай и простился съ хозяйками.

Стоялъ чудесный осенній вечеръ, когда коляска покатила Ромуальда въ Моцлавку. Гаврила молчалъ; Вавилка уныло смотрѣла по сторонамъ,—слуги не были накормлены; но они не заявляли объ этомъ, такъ какъ, все равно, заявленіе ихъ было бы ужъ бесполезно.

VI.

Моцлавка—мѣстечко, которое находится въ центрѣ множества деревень, составляющихъ Моцлавскій ключъ. Вокругъ Моцлавки растутъ дремучіе лѣса, идущіе до самой Литвы. Въ проломѣ вѣкъ мѣстечко еще не было резиденціей князей Войдылдовъ, но князь Юсифъ плѣнился его дикимъ мѣстоположеніемъ и близостью къ охотѣ; лѣса были полны всякаго рода дичью; тамъ водились дикіе кабаны и лоси! Онъ построилъ на берегу рѣки Моци дворецъ, заключавшій въ себѣ восемьдесятъ комнатъ, и на его убранство истратилъ такую массу денегъ, которой могъ бы позавидовать польскій король, въ то время нуждавшійся въ самыхъ пустыхъ суммахъ для уплаты жалованья своимъ слугамъ. На Моцлавскій дворецъ пошли и червонцы, данные князю Юсифу Екатериною Второй. Фронтонъ былъ украшенъ сорока шестью коринтскими колоннами съ опиравшимся на нихъ великолѣпнымъ архитектуромъ. Передъ домомъ и въ паркѣ, примыкавшемъ къ нему, бѣлѣлось много мраморныхъ статуй, возвышались обелиски и гранитные мавзолеи. Когда Михольскій вѣхалъ во дворецъ, дворецъ показался ему какимъ-то волшебнымъ сномъ. Цѣльныя зеркальныя окна безъ переплетовъ блестя на солнцѣ своими позолоченными бронзовыми петлями. По бокамъ тянулись трехэтажные флигеля. Гаврила подкатилъ коляску къ правому флигелю, и оттуда выскочили высокіе, голубые гайдуки, служившіе при особѣ главнаго управляющаго Моцлавскимъ ключомъ, графа Олуховскаго. Курьеръ князя Войдылда уже предупредилъ графа о приѣздѣ Михольскаго, какъ такого человѣка, съ которымъ надо обращаться осторожно. Графъ вышелъ на крыльцо и дружески поздоровался съ Ромуальдомъ. Олуховскій былъ такъ высокъ, что гайдуки казались при немъ особенно рослыми людьми. Худой, костистый, съ небольшою головой, сдавленной въ вискахъ, съ маленькими, медвѣжьими глазами и стриженными серебряными волосами, онъ былъ одѣтъ въ венгерку и въ охотничьи сапоги. Должно-быть, онъ собирался на охоту, хотя, на вопросъ Михольскаго, онъ отвѣчалъ, что былъ сейчасъ въ экономіи и потому такъ одѣтъ. Онъ угостилъ Михольскаго роскошнымъ обѣдомъ, во время котораго рассказалъ нѣсколько анекдотовъ о панѣ Румицкомъ. Велъ онъ себя, какъ истый баринъ. Къ обѣду былъ приглашенъ моцлавскій капелланъ, отецъ Дукланъ, съ большимъ, до смѣшнаго большимъ, носомъ, напоминавшимъ стручекъ зрѣющаго краснаго перца. Капелланъ былъ веселымъ малымъ и знатокомъ вина.

Пируя у графа Олуховскаго, Михольскій посматри-

валь вокруг и удивлялся великолѣбію, среди котораго жилъ управляющій князя Войдылда. Его комнаты были уставлены мраморными фигурами, бронзовыми вещами и такой мебелью, какой не было даже въ Кіевѣ въ княжескомъ домѣ. Замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ смотритъ на его обстановку Михольскій, графъ Олуховскій промолвилъ:

— Хотите послѣ обѣда взглянуть на достопримѣчательности дворца? Стоитъ для этого одного захватить къ намъ; Польша прошла, а магнаты остались!

— Ея никогда и не было, смѣясь, сказалъ капелланъ.

— Но, ты говоришь глупости, ксендзь! произнесъ Олуховскій.

Капелланъ продолжалъ:

— Глупости? Вся Польша состояла изъ помѣстій князей Войдылдовъ, графовъ Олуховскихъ и другихъ. Польша жила домашней жизнью, но политической у нея никогда не было. Войдылды ссорились съ Олуховскими или съ Радзивиллами, Польша раздѣлялась на два лагеря, на три, на четыре, и оставался правъ тотъ, кто силенъ, а слабый всегда былъ неправъ. Развѣ неправда?

— Воздержись, ксендзь! вскричалъ Олуховскій, — что подумаетъ о твоёмъ польскомъ духѣ панъ Михольскій!

— А пускай себѣ думаетъ, что ему угодно, возразилъ капелланъ. — Какое ему дѣло до моего польскаго духа! Онъ можетъ о немъ думать то же, что и о моемъ носѣ.

Капелланъ всталъ и, пошатываясь, ушелъ въ свои комнаты отдыхать послѣ обѣда, а графъ Олуховскій повелъ Михольскаго во дворецъ.

Маршалъ двора шелъ впереди со связкой ключей въ рукахъ. Онъ отворилъ массивныя двери, обложенныя бронзой, и графъ съ гостемъ вошелъ въ огромную переднюю, стѣны которой были выложены старинными изразцами. По обѣимъ сторонамъ мраморной лѣстницы, на желтыхъ мраморныхъ пьедесталахъ, стояли красивыя бѣлыя статуи работы лучшихъ мастеровъ прошлаго вѣка. Поднявшись по лѣстницѣ, надо было пройти черезъ комнату съ мозаичными стѣнами и поломъ. Тутъ стояли бронзовыя изваянія польскихъ королей по лѣвую руку и князей Войдылдовъ по правую. Потомъ шли комнаты, наполненныя картинами кисти Рубенса, Ванъ-Дика, Тиціана, Леонардо-да-Винчи, Пуссена и другихъ величайшихъ мастеровъ Широка, жирно позолоченныя, рамы были чудомъ рѣзного искусства. За картинной галлереей опять Михольскій вступилъ въ мозаичныя комнаты. Первая — голубая зала съ золотыми пронизьями, тонкими орнаментами въ стилѣ имперіи и съ двѣнадцатью многоаршинными зеркалами. Посрединѣ съ потолка, расписаннаго живописью и украшеннаго рѣзнымъ позолоченымъ дубомъ, спускалась люстра на триста свѣчей, за которую было заплачено въ Парижѣ двѣ тысячи червонцевъ. Мебель въ этой залѣ состояла изъ столовъ съ малахитовыми и лапсидальными досками и изъ золоченыхъ креселъ, обитыхъ кордуанской кожей. Вторая зала — зеленая съ серебряными орнаментами и увѣшана картинами Буше, нарочно рисовавшего свои сюжеты по заказу князя Юсифа Войдылда. Паркетъ въ залѣ былъ изъ лимоннаго и чернаго дерева. За залами тянулись гостиныя, наполненныя тоже зеркалами, картинами, агатовыми столами, севскимъ и саксонскимъ фарфоромъ, бронзой, мраморными каминами, группами работы Давида и Пигалы, портретами кисти Рембрандта, Рубенса и Веласкеца Драгоценности, которыя были разбросаны на каждомъ шагу, поражали глазъ и утомляли вниманіе. Осмотрѣвъ одну комнату, Михольскій переходилъ въ другую, и ему показывали то изящный, краснаго де-

рева письменный столъ Маріи Антуанеты, обложенный бронзовой мозаикой, рѣзными камнями съ портретами королевскихъ особъ и фарфоровыми пластинками; то сервизъ Людовика XVI; то собраніе драгоценныхъ камней въ серебряной массивной витринѣ; то рукоятку кинжала работы Бенвенуто Челлини; то зеркало въ рамѣ, необыкновенной чеканки, величиною въ десять аршинъ въ окружности. Библиотека занимала самую маленькую комнату во дворцѣ; все-таки въ ней было до четырехъ тысячъ томовъ латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ книгъ. Во дворцѣ имѣлась театральная зала, и въ Моцлавкѣ еще недавно проживала труппа актеровъ. Она была распущена по случаю холеры, жертвой которой пали ея первые персонажи. Арсеналъ, который Олуховскій показалъ Михольскому, былъ своего рода чудомъ. Въ немъ хранилось не только охотничье оружіе, но и военное всѣхъ временъ. Кіевскій арсеналъ былъ только слабой копіей Моцлавскаго.

— Какая чудесная броня! сказала Михольскій, приближаясь къ стальнымъ доспѣхамъ, висѣвшимъ на стѣнѣ и сверкавшимъ серебряными листами и турецкими надписями.

— Въ этой самой бронѣ князь Янъ Войдылдъ, вмѣстѣ съ Собѣскимъ, взяли Вѣну, сказалъ Олуховскій, и слегка ударилъ по стали.

Доспѣхи издали странный, жалобный гулъ

— Сегодня я хочу соблюсти по отношенію къ вамъ старый славянскій обычай, съ улыбкой сказалъ сѣтельный управляющій — Я ужъ приказалъ вытопить.. баню! Надо пользоваться случаемъ, панъ Михольскій. Такой бани нѣтъ въ цѣлой Польшѣ, да, вѣроятно, и въ Россіи: она вся мраморная и устроена по системѣ римскихъ термъ.

Вечеромъ онъ самъ отправился съ Михольскимъ въ баню, а послѣ бани былъ пуншъ, и опять капелланъ дразнилъ графа своими выходками противъ старой Польши и мрачными предсказаніями относительно будущаго поляковъ.

— Жаль, говорилъ онъ, — жаль, когда подумаешь, что такія сокровища, которыя собраны теперь въ Моцлавкѣ, черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ, а можетъ-быть, и раньше, будутъ растасканы и расхищены! И все потому, что проснется въ душѣ какого-нибудь Войдылда старопольское безуміе, захочется ему своевольства и безнаказанности, и прахомъ пойдетъ добро!

— Да оставь, перестань каркать! Ворона, а не ксендзь! сказалъ Олуховскій, стараясь горячимъ пуншемъ связать языкъ болтливаго капеллана.

Михольскій заснулъ въ богато убранной комнатѣ, на роскошномъ ложѣ, подъ шелковымъ одѣяломъ, и ему снилось, послѣ ряда обычныхъ неопредѣленныхъ сновидѣній, грѣзъ и быстро потухающихъ образовъ, будто онъ проспалъ много лѣтъ и проснулся не самимъ собою, а своимъ потомкомъ. О себѣ онъ вспоминалъ, какъ о предкѣ, относился критически къ своимъ поступкамъ, но безъ злости, и улыбался надъ своими слабостями. Въ качествѣ же потомка, онъ уже былъ славенъ, жилъ въ такомъ точно дворцѣ, какъ Моцлавскій, окруженный роскошными произведеніями искусства. И всѣ приѣзжали къ нему на поклонъ.

Рѣзкіе звуки охотничьяго рожка разбудили его. Онъ вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну и сталъ смотрѣть во дворъ. Стаи собакъ, собранныхъ въ смычки, визжали и лаiali вокругъ псарей. Собиралась охота. Олуховскій хотѣлъ доставить удовольствіе гостю и приказалъ охотникамъ снарядиться потравить лисицъ и зайцевъ въ ближайшемъ „островѣ“. Послѣ великолѣпнаго завтрака, Михольскій взялъ изъ арсенала хорошую двустволку и ножъ, и охотники верхами выѣхали изъ воротъ усадьбы.

(Продолженіе будетъ).

Лѣтописецъ Несторъ. Ориг. рис. (собств. „Низы“) В. Андреева, грав. Мульгаповскій.

Городъ Таганрогъ.

Очеркъ М. Ф. Измайловича (съ 7 рисунками).

Городъ Таганрогъ расположенъ на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, въ 25 верстахъ отъ впаденія рѣки Дона. Исторія его начинается съ 1698 года (этотъ годъ помѣщенъ въ гербѣ города), когда императоръ Петръ Великій, одновременно съ сооруженіемъ перваго флота въ Воронежѣ, обратилъ вниманіе на выдающійся въ Азовское море мысъ, называвшійся Таганъ-имъ Рогомъ, и, повелѣвъ построить на томъ мѣстѣ гавань и крѣпость, положилъ начало городу, который назвалъ Троицкимъ. 1 апрѣля 1699 года государь повелѣлъ учредить въ Таганьемъ Рогѣ Троицкую губернію. Это распоряженіе и состоявшееся въ 1710 году повелѣніе о разведеніи близъ города дубовой рощи съ дѣлью имѣть современемъ подручный матеріалъ для постройки кораблей, свидѣтельствуютъ о томъ, что Великій Преобразователь Россіи придавалъ этой мѣстности большое значеніе.

Послѣ неудачнаго похода 1711 года построенные на Таганьемъ Рогѣ городъ и крѣпость, по требованію турецкаго правительства, были два раза срываемы до основанія, такъ что бригадиръ Шедеразъ, вступивъ въ эту мѣстность въ 1769 г., не нашелъ въ ней ни одной души.

Съ воцареніемъ императрицы Екатерины II мѣстности Азовскаго побережья были вновь призваны къ жизни. 28 марта 1775 года состоялся Высочайшій указъ императрицы, которымъ разрѣшалось водвориться въ Азовскія губерніи въ Керчи и Еникале, какъ грекамъ, которые служили въ русскомъ войскѣ, такъ и всякаго званія людямъ, при чемъ поселенцамъ отведены были обширныя земли, предоставлены были нѣкоторыя льготы по платежу податей, разрѣшено имѣть свой судъ, отдѣльный отъ общихъ судовъ Россійской Имперіи.

Этотъ указъ положилъ начало нынѣшнему Таганрогу, который въ 1776 году былъ объявленъ главнымъ портомъ Азовскаго моря. Въ 1778 году при Таганрогскомъ портѣ, по Высочайшему повелѣнію, учреждены адмиралтейство и корабельная верфь. Къ тому же времени, именно къ 1779 году, относится распоряженіе о вызовѣ изъ Крыма грековъ и армянъ, которымъ отведены были земли при впаденіи рѣки Калмиуса въ Азовское море, гдѣ они образовали особый округъ съ нынѣшнимъ городомъ Мариуполемъ, а по рѣкѣ Дону основали городъ Нахичеванъ и нѣсколько селеній, составившихъ Нахичеванскій округъ. Затѣмъ, 27 апрѣля 1780 года, былъ изданъ манифестъ, возвѣщавшій свободное поселеніе всѣхъ и каждаго въ предѣлы Азовской губерніи, вѣроятно, вслѣдствіе малозаселенности.

Масса бѣлыхъ, дезертировъ, торговыхъ людей, со всѣхъ концовъ бросились на этотъ призывъ, и населеніе Азовской губерніи быстро увеличилось съ каждымъ годомъ.

Въ 1803 году Таганрогъ былъ выдѣленъ въ особое градоначальство, и первымъ градоначальникомъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи Дашковъ, дѣятельность котораго ограничивалась исключительно предѣлами города. Съ назначеніемъ же въ 1805 году на должность градоначальника дѣйствительнаго камергера Кампенгаузена, вслѣдствіи государственнаго контролера, дѣла приняла болѣе широкое развитіе, и по его предствленіямъ послѣдовалъ цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій, направленныхъ къ улучшенію мѣстной администраціи и къ облегченію условій торговаго и промышленнаго развитія. Благодаря его стараніямъ, были соединены въ одно цѣлое всѣ поселенія Азовскаго побережья, и благосостояніе, какъ Таганрога, такъ и всей объединенной мѣстности быстро возрастало. Къ сожалѣнію, Кампенгаузенъ не долго осталась на этой должности. Съ отъѣздомъ его изъ Таганрога дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Преемники его не только не повліяли на дальнѣйшее процвѣтаніе края, но не могли даже удержатъ съ такимъ трудомъ и усиліемъ составленное новое градоначальство, отъ котораго отдѣлены были сначала городъ Ростовъ, въ 1834 году, а затѣмъ Нахичеванъ и Мариуполь въ 1859 году и присоединены къ Екатеринославу. Затѣмъ, послѣ длиннаго ряда лѣтъ полнаго затихія въ административномъ и экономическомъ отношеніяхъ Приазовскаго края, представляется единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ назначеніе въ 1866 году таганрогскимъ градоначальникомъ адмирала Ивана Алексѣевича Шестакова, который, въ первый же годъ вступленія въ управленіе градоначальствомъ, поднялъ цѣлый рядъ вопросовъ къ поднятію и дальнѣйшему развитію упадающаго экономическаго значенія Приазовскаго края. Дѣятельность его была направлена главнымъ образомъ къ развитію судоходства по Азовскому морю, съ цѣлью уничтоженія зависимости края отъ иностранцевъ, и къ продолженію путей сообщенія, требуемыхъ его природными богатствами. Словомъ, адмираломъ Шестаковымъ не было упущено изъ виду ничто, что клонилось на пользу управляемаго имъ края, по всѣ эти предположенія и проекты остались неисполненными. Шестаковъ также настойчиво доказывалъ необходимость объединить Приазовскій край путемъ образованія новой губерніи изъ Азовскаго побережья. Мысль, какъ видимъ, объ учрежденіи Та-

ганрогской губерніи далеко не нова, много разъ и масса проектовъ были подносимы на Высочайшее усмотрѣніе, разсматривались въ Государственномъ Совѣтѣ, а кончилось тѣмъ, что Таганрогъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Области Войска Донскаго.

Таганрогъ, какъ портъ, всегда былъ и будетъ естественнымъ рынкомъ всего Азовскаго моря; онъ ведетъ съ давнихъ поръ торговля сношенія непосредственно съ Западной Европой и съ улучшеніемъ портовыхъ сооружений, съ устройствомъ элеваторовъ и другихъ приспособленій для нагрузки и выгрузки судовъ, Таганрогу, какъ единственному порту, имѣющему прямое сообщеніе съ средней Россіей, захватывающему отчасти богатія Волго-Донскія мѣстности, предстоитъ блестящая будущность. У береговъ Таганрога Азовское море довольно мелкое, до 10 футовъ глубины, но это было бы достаточнымъ для пароходовъ и судовъ, приспособленныхъ для Азовскаго, вообще, мелкаго моря, если бы не свирѣвствующія здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, выгоняющій воду изъ залива часто настолько, что захваченные пароходы лежатъ на боку и красятъ подводную часть положительно до киля. Глубоко-сидящіе пароходы, преимущественно, иностранные, останавливаются въ 40 верстахъ отъ города, на таганрогскомъ рейдѣ, и тамъ передаютъ и принимаютъ свои грузы на мелкія суда въ открытомъ морѣ, подвергаясь всякимъ случайностямъ погоды; однако, несмотря на эти неудобства, здѣсь грузится до 1,000 иностранныхъ судовъ въ навигацію, и подвозится грузъ изъ Ростова, Ейска, Мариуполя и другихъ мѣстъ Азовскаго побережья.

Построенная императоромъ Петромъ I крѣпость много разъ была разрушаема, но затѣмъ вновь отстраивалась; послѣдній разъ сильно пострадала въ Крымскую войну отъ англійскихъ канонерокъ, бомбардированныхъ городъ; вслѣдствіи зданія ея были отремонтированы и приспособлены для казармъ расположенныхъ здѣсь войскъ. На самомъ берегу Петръ I построилъ церковь во имя Св. Михаила Архангела, которая видна съ моря за 25 веретъ и указывала путь судамъ по фарватеру; преданіе говоритъ, что для этой цѣли ночью, по Высочайшему повелѣнію, горѣлъ на колокольнѣ громаднѣйшій фонарь. Въ 1855 году англійскія канонерки не пощадилъ и этого памятника и разрушили ее настолько, что необходимо было ее запечатать; но затѣмъ, въ шестидесятыхъ годахъ, церковь эта вновь возобновлена совершенно въ томъ же видѣ, какъ прежде, и названа, вѣроятно, какъ единственный памятникъ бывшаго города Троицкаго, „Михайловско-Троицкой“. Нынѣ рядомъ съ этой церковью построенъ электрической маякъ. Петровскій же портъ замѣненъ новымъ, каменнымъ, такъ какъ старый былъ деревянный и настолько фундаментально былъ построенъ, что просуществовалъ цѣлые два вѣка; въ настоящее время вытащили болѣе 5,000 дубовыхъ и сосновыхъ свай, вколотенныхъ по указанію великаго строителя. Эти гигантскія сваи доставлены были сюда силою до Дуны изъ дремучихъ въ то время воронежскихъ лѣсовъ. Упомянутая дубовая роща, въ 5-ти верстахъ отъ города, существуетъ по настоящее время въ видѣ большаго парка, подъ названіемъ „Дубки“, служащаго единственнымъ мѣстомъ загороднаго гулянья.

Императоръ Александръ I избралъ городъ Таганрогъ своей лѣтней резиденціей, жилъ здѣсь чрезвычайно просто, что доказываетъ какъ самый дворецъ, такъ и сохранившаяся до настоящаго времени полная внутренняя обстановка. Здѣсь же хранится походная церковь съ холщевымъ складнымъ иконостасомъ, съ которой императоръ всегда путешествовалъ. Въ этомъ же дворцѣ императоръ Александръ I 19-го ноября 1825 г. въ 10 час. 47 мин. утра скончался. Здѣсь тѣло было балъзмировано и отправлено въ Петербургъ, а внутренности похоронены въ церкви Ново-Иерусалимскаго греческаго монастыря; на томъ мѣстѣ поставленъ памятникъ, состоящій изъ плиты сѣраго цвѣта, съ вѣрваннымъ чернымъ мраморнымъ крестомъ, надъ которой возвышается мраморный же пьедесталъ съ золотой урной. Противъ монастыря поставленъ въ 1830 г. монументъ незабвенному Монарху: на мраморномъ пьедесталѣ возвышается мощная фигура императора со сверткомъ въ правой рукѣ. Память императрицы Елизаветы Федоровны осталась великолѣпный паркъ на берегу моря, въ трехъ верстахъ, насаженный по повелѣнію государыни и служащій въ настоящее время дачнымъ мѣстомъ для таганрожцевъ.

Въ настоящее время Таганрогъ прекрасно распланированъ, вымощенъ, улицы обсажены по бокамъ деревьями и образуютъ цѣлыя аллеи. Заграничная торговля города Таганрога значительно уменьшилась послѣ знаменитаго таможеннаго краха въ 1881 году; магазины на биржѣ теперь наполовину пусты и заколочены; изъ-за границы привозятся преимущественно, колониальные товары, весной лимоны и апельсины, а затѣмъ вино, масло деревянное, маслина, рожки турецкія, винная ягода, изюмъ — для погребителей южной и средней Россіи, а частью и для Нижегородской ярмарки, а вывозятся, главнымъ образомъ, зерновой хлѣбъ, икра и масло сибирское.

Студія скульптора.

Перев. съ нѣмецкаго В. Крейшера. (Съ 5 рис.).

Всякому извѣстно, что живописцы создают свои произведения на полотнѣ съ помощью красокъ и кисти, а архитекторы — съ помощью циркуля, угольника и линейки. Напротивъ того, очень многимъ неизвѣстно, что дѣлается въ рабочей студіи скульптора. Скульптора перѣдко принимаютъ за штукатура, каменщика или гипсовщика, и лишь немногие, благодаря особенностямъ его ремесла, знаютъ, какъ создаются художественныя произведения изъ мрамора или бронзы. Воспоминаніе о тѣхъ скульпторахъ, которые работали, преимущественно, по мрамору въ древнія времена и въ эпоху ренессанса, послужило къ тому, что представители этого искусства и теперь кажутся работающими не иначе, какъ молоткомъ и рѣзцомъ; но это большое заблужденіе. Въ настоящее время многіе ваятели никогда даже не имѣли въ рукѣ рѣзца, и они были бы поставлены въ большое затрудненіе, если бы имъ пришлось на камнѣ выразить свою художественную идею.

Весь центр тяжести истинно-художественнаго творчества заключается въ скульптурѣ, какъ и въ другихъ искусствахъ, въ воспроизведеніи внутреннего образа художника. Но такъ какъ воспроизведеніе образа не дается разомъ, а, напротивъ того, лишь путемъ многократныхъ исправленій художнику удается, наконецъ, вѣрно его передать, то для него необходимъ матеріалъ, который былъ бы удобенъ для такихъ исправленій. Такія качества заключаются въ модельной глинѣ, — сѣрой, желтоватой или коричневой, — жирный сортъ земли, принимаемый профанами за стеклянный клей, съ которымъ этотъ сортъ земли имѣетъ лишь наружное сходство.

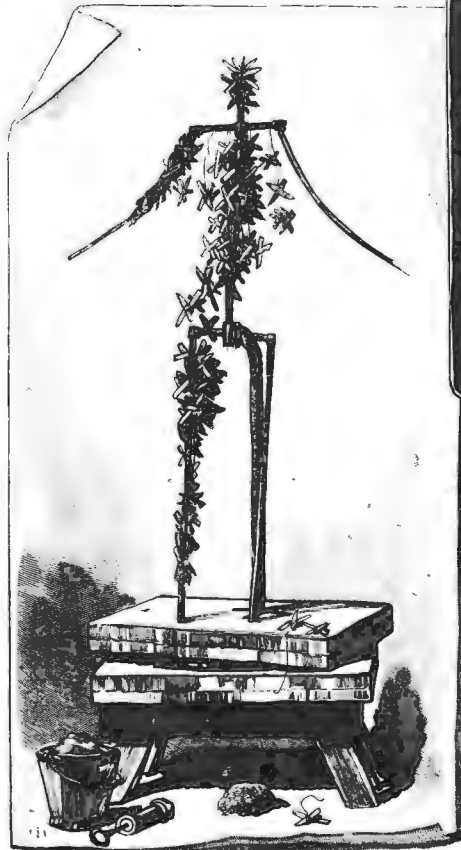
Мягкое, и въ то же время тягучее свойство этого матеріала, который долженъ постоянно смачиваться, представляетъ художнику полную свободу дѣйствія. Онъ можетъ убавлять и прибавлять его, сколько ему нужно.

Какъ и всякій другой художникъ, скульпторъ начинаетъ съ эскиза. Значеніе эскиза заключается не только въ сохраненіи образа — такъ какъ для этой цѣли было бы достаточно и рисунка, — но онъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и моделью, на которой художникъ легко можетъ въ самомъ началѣ работы усмотрѣть свою ошибку. Хотя значеніе эскиза исчерпывается этими двумя цѣлями, однако художникъ старается придать своей модели такой характеръ, отъ котораго ему не нужно было бы существенно отклоняться при дальнейшей работѣ.

Когда эскизъ готовъ, скульпторъ приступаетъ къ отдѣлкѣ, и тутъ его ожидаетъ весьма тяжелый и сложный трудъ.

Представимъ себѣ, что нужно создать фигуру выше человеческого роста съ распростертыми руками, и мы поймемъ, что ее нельзя слѣпить изъ мягкой и, притомъ, тяжелой глины. Въ

этихъ случаяхъ готовится желѣзныи скелетъ, который могъ бы выдержать тяжесть отъ двадцати до тридцати центнеровъ. Этотъ скелетъ составляется путемъ точныхъ и сложныхъ исчисленій изъ желѣзныхъ перекладинъ, а гдѣ возможно, и свинцовыхъ трубочекъ, которыя лучше поддаются различнымъ измѣненіямъ, придавая, притомъ, туловищу и око-

Желѣзныи остовъ съ деревянными закрѣпками

нностямъ необходимую устойчивость. Чтобы глина не спала со скелета отъ собственной тяжести, къ нему прикрепляются связки деревянныхъ крестиковъ различной величины. Помѣщенное здѣсь изображеніе представляетъ Спасителя съ распростертыми руками, а рядомъ съ нимъ желѣзныи остовъ съ приделанными къ нему крестиками.

Затѣмъ всѣ части остова покрываются лакомъ, чтобы предохранить ихъ отъ ржавчины, и вся фигура ставится на брусья, находящіеся на вшитой доскѣ. Тутъ уже художникъ беретъ за хорошо приготовленную глину. Для большей ясности,

предположимъ, что ему нужно вылепить фигурку въ одѣвнѣ. Для многихъ будетъ совершенно ново, если мы скажемъ, что даже при лѣткѣ фигуры, облаченной въ мантію съ без-

Формованіе модели.

Гипсовый бюстъ съ наполовину отбитой формой.

численнымъ и складками, приходится все-таки тщательно отдѣлывать прежде всего ея тѣло обнаженнымъ. Это вполне основательно съ художественной точки зрѣнія. Какъ бы густо ни сложились складки на фигурѣ, все-таки тѣло виднѣется мѣстами. Если бы тѣло не было вылеплено подъ одѣвнѣемъ, то нельзя было бы вѣрно передать и обнаженныхъ частей.

Когда голое тѣло вполне окончено и болѣе или менѣе тщательно отдѣлано лопаточкой и пальцами, смотря по характеру одѣвнѣи, — чѣмъ мень-

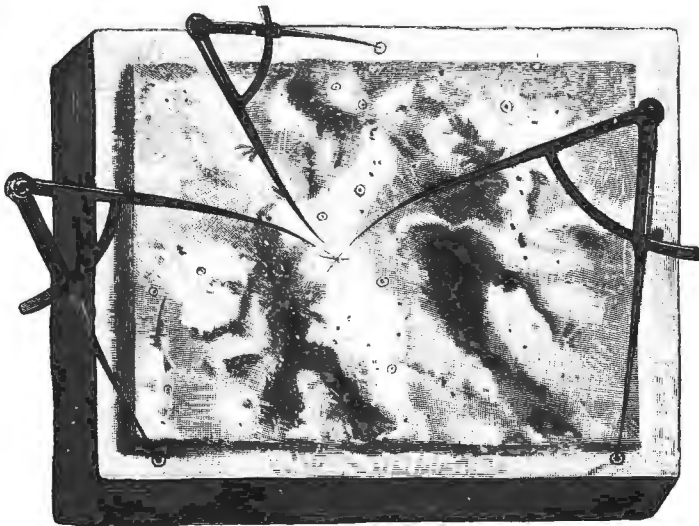

Гадалка. Съ картъ Ф. Винеа, грав. Гейеръ и Кирмае.

Художественные критики. Сь карт. Габріэля Макса, грав. Герике.

ше одъяннй, тѣмъ тщательнѣе должна быть отдѣлка тѣла,— тогда уже приступаютъ къ одеждѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на фигурѣ должна быть одежда, тѣло покрывается тонкой, мокрой шелковой матеріей. Эта матерія защищаетъ тѣло отъ порчи въ то время, когда идетъ отдѣлка платья. На отдѣльный манекенъ, частіямъ котораго можно придать любое положеніе, набрасывается мантія, и послѣ лишь многократныхъ и продолжительныхъ пробъ, художникъ достигаетъ желаемаго результата, на что уходитъ иногда даже нѣсколько дней. Лишь послѣ всего этого художникъ снова берется за глину.

Пунктирование съ помощью трехъ циркулей.

Наконецъ, модель изъ глины окончена, — глазъ художника къ замѣчаетъ уже ни одной ошибки, и онъ подписываетъ свою фамилію съ чувствомъ полного удовлетворенія.

Этимъ заканчивается художественно-творческая часть скульптурной работы. Художественный ремесленникъ воспроизводитъ эту модель на бронзѣ и мраморѣ.

Глину модели укрѣпляютъ, и модель въ законченномъ видѣ переходитъ къ гипсовицику, который по ней дѣлаетъ форму. Эта форма тщательно вымывается, и затѣмъ ее наполняютъ гипсомъ. Когда гипсъ затвердѣетъ, форму осторожно разбираютъ, и фигура, сдѣланная равнѣе изъ глины, теперь обращена въ гипсовую. Какъ этотъ процессъ ни кажется простымъ въ описаніи, онъ въ дѣйствительности весьма сложенъ.

Чтобы вполне объяснить ходъ этой работы, мы возьмемъ для примѣра простой бюстъ. По модели изъ глины, какъ показано на нашемъ рисункѣ, проводится тонкая жестяная стѣнка, начиная отъ основанія фигуры, по плечу, черезъ ухо, темя, и тѣмъ же путемъ, по другую сторону, обратно внизъ, такъ что стѣнка дѣлитъ модель на двѣ половины.

Затѣмъ гипсъ размѣшивается съ водой, къ которой прибавляется немного краснаго болуса. Этой гипсовой массой покрываютъ одну изъ половинокъ модели, стараются, чтобы ею заполнить всё, даже малѣйшія впадины. Черезъ 5 или 6 минутъ она затвердѣваетъ, тогда модель покрывается толстымъ слоемъ бѣлаго гипса. То же самое продѣлывается и съ другой половиной. Бюстъ теперь покрытъ формой, т. е. окруженъ гипсовой массой, которую жестяная стѣнка дѣлитъ на двѣ половины. Стѣнка эта, состоящая изъ отдѣльныхъ, небольшихъ частей, разбирается съ помощью маленькихъ щипцовъ, что дѣлается легко, а затѣмъ въ желобокъ, образовавшійся при снятіи стѣнки, вбиваются клинья, и мягкая глиняная модель, при этомъ, понятно, разбирается, и мы получаемъ двѣ половины гипсовой формы, которыя представляютъ точный снимокъ съ модели.

Гипсовая форма тщательно очищается отъ глины, вымывается водой, потомъ ее слегка смазываютъ масломъ, и обѣ ея половины крѣпко связываются. Тутъ уже приступаютъ къ отливкѣ. Для этого опять смѣшиваютъ гипсъ съ водой, и эта масса выливается, при сильномъ взбалтываніи, въ форму, пока она не наполнится. Когда масса затвердѣетъ, форму разбираютъ стамезкой и молоткомъ. Если бы форма была одного цвѣта съ моделью, то легко можно было бы задѣть ее инструментомъ. При различіи даже цвѣта и то необходимо крайняя осторожность въ этой работѣ.

Труднѣе бываетъ работа при большихъ фигурахъ, такъ какъ форма тогда дѣлается изъ нѣсколькихъ частей. Проще всего отливка при рельефныхъ работахъ. Гипсъ, однако, является лишь переходнымъ матеріаломъ, для воспроизведенія модели въ болѣе благородномъ видѣ—въ металлѣ или камнѣ, при чемъ для художественныхъ произведеній берется предпочтительнѣе мраморъ. Всякая работа изъ мрамора, несмотря на безукоризненную отдѣлку голаго тѣла, волосъ или даже одъяннй,

есть не что иное, какъ простое копированіе, обставленное массой вспомогательныхъ приспособленій.—„Безъ гипсовой модели нѣтъ и произведенія изъ мрамора!“ Это справедливо для всѣхъ отраслей пластическаго искусства, исключеніемъ являются лишь работы Микель-Анжелло и еще нѣсколькороботъ—впрочемъ, спорныхъ—относящихся къ древнему міру. На простомъ примѣрѣ мы постараемся объяснить главныя черты, какъ вырабатывается въ мраморѣ модель, сдѣланная художникомъ (см. рис. на этой стр.). Извѣстно, что съ помощью 2-хъ точекъ можно циркулемъ найти любую точку на площади, а съ помощью третьей, мы опредѣлимъ ея высоту. Предположимъ, что намъ нужно воспроизвести рельефъ на мраморѣ, имѣющей видъ прямоугольнаго четырехугольника; для этого выбираются двѣ точки на нижней его сторонѣ и третья на верхней. Затѣмъ опредѣляется наивысшая точка модели и, съ помощью трехъ циркулей и трехъ постоянныхъ точекъ, она намѣчается на кускѣ мрамора, подлежащемъ отдѣлкѣ. Точкою также опредѣляется и центръ модели. Когда опредѣленъ уровень наивысшей точки модели, тогда на мраморѣ отбиваютъ все, возвышающееся надъ нею. Точно такъ же опредѣляется высота и остальныхъ точекъ, пока модель и камень не покроются, наконецъ, дѣлой сѣткой точекъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга разстояніемъ въ одинъ сантиметръ, такъ что промежутки могутъ быть легко обработаны. Теперь уже начинается болѣе художественная часть работы, такъ какъ тутъ нужно разнообразными инструментами тонко обрисовать кожу, тамъ — искусно отдѣлать волоса и одѣяніе. Словомъ, передать жившъ, которую художникъ выразилъ съ помощью послушной глины, на твердомъ и упрямомъ камнѣ. Такимъ образомъ, „пунктирование съ помощью трехъ циркулей“—техническое выраженіе для этой работы—можетъ быть только уогреблено при рельефныхъ и имъ подобныхъ работахъ. Для высокихъ же и большихъ произведеній циркули бывають не достаточны, а потому они пунктируются съ помощью искусно устроенныхъ инструментовъ (см. рис. на стр. 951) и разнымъ образомъ. Какъ бы ни была различна эта работа, она зависитъ не отъ глаза гениальнаго художника, а отъ точности измѣрительныхъ инструментовъ.

Вся вышеописанная работа составляетъ спеціальность отливщика формъ, и моделью служитъ ему гипсовая фигура, которая выходитъ изъ формы. Если нужно, на примѣрѣ, сдѣлать нѣсколько снимковъ съ рельефнаго произведенія увеличеннаго талера, то это достигается двумя способами. Всего чаще дѣлается это посредствомъ желатиновой формы. На смазанную масломъ и покрытую шеплакомъ модель накладывается слой глины толщиной съ палець, которая, въ свою очередь, покрывается болѣе толстымъ слоемъ гипса. Когда этотъ слой затвердѣетъ, его снимають, глину счищаютъ и этимъ затвердѣлымъ слоемъ гипса опять покрываютъ модель. Между мо-

Рельефъ съ пунктирными знаками.

делью и этимъ слоемъ остается пустое пространство, которое наполняется черезъ отверстіе тягучимъ клеемъ. Черезъ 3—4 часа образуется изъ него эластичная масса, на которой и получается подробное изображеніе модели.

Эта масса лакируется и смазывается масломъ, и даетъ цѣлый рядъ оттисковъ, пока клей, постепенно испаряясь, не высохнетъ.

Если форма для повторительныхъ снимковъ дѣлается изъ глины, то должна состоять изъ такого числа частей, чтобы удобно было снимать въ отдѣльности каждую. И она поэтому называется составной формой; гипсовая форма сохра-

няется очень долго при хорошем уходе, но имеет тот недостаток, что отсюда с ней бывают покрыты большим числом швов, — т. е. возвышений в тех местах, где части формы сходятся.

При болѣе или менѣе тщательной отдѣлкѣ получаются все тѣ гипсовые предметы, которые мы встречаемъ въ продажѣ. Нѣкоторые изъ нихъ послѣ отдѣлки кладутъ въ ящики старинныя, и гипсъ получаетъ тогда название „слоповой массы“. — Изъ другихъ способовъ копировки остается еще упомянуть о фигурахъ изъ обожженной глины. Онѣ отдѣльными частями вкладываются въ формы, соединяются въ одно цѣлое и обжигаются въ печахъ. Для этой цѣли необходимо, чтобы глиняныя фигуры были какъ можно болѣе полны въ своей внутренней части, такъ какъ онѣ послѣ соединенія отдѣльных частей должны быть еще разъ перемоделированы, что далеко не всегда дѣлается рукой художника, а потому онѣ часто и бываютъ не высокаго достоинства.

Ихъ поэтому нельзя смѣшивать съ терракотами, которыя мы встречаемъ на художественныхъ выставкахъ.

Тутъ мы видимъ работу самого художника, которая послѣ моделировки сушится и обжигается. Само собой разумѣется, работы эти цѣнятся значительно дороже первыхъ.

Работа съ помощью пунктирной машины.

Лисьма съ Колумбійской всемірной выставкѣ.

Очеркъ Г. Снамонн.

Русскій отдѣлъ.

Продолжая описаніе русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ въ Чикаго, слѣдуетъ упомянуть о ювелирныхъ издѣліяхъ, между которыми отличаются работы золотыхъ дѣлъ мастера Хана въ С.-Петербургѣ.

Далѣе находимъ прекрасно шлифованныя модели, наподобіе навлинныхъ сверкающихъ глазъ, изъ добываемаго въ окрестностяхъ Кіева замѣчательно краснаго и цѣннаго камня — лабрадора. Выставлены онѣ Б. В. Корсаковымъ и Савицкимъ. Тутъ же находится ящикъ, наполненный очень красивыми отдѣльными фигурами и группами русскихъ крестьянскихъ типовъ Н. А. Вороновой. Затѣмъ, пробравшись черезъ толпу зрителей, добраемся до модели церкви въ характерномъ древне-русскомъ стилѣ, сдѣланной изъ гипса по плану архитектора И. Ронетта. Эта церковь посвящена памяти въ Бозѣ почившаго императора Александра II и, очевидно, возбуждаетъ большой интересъ.

Мы находимъ тутъ же нѣсколько скульптурныхъ произведеній изъ мрамора талантливаго эстонскаго художника Вейценберга, а именно: 4 женскіе бюста и одну въ высшей степени продуманную и художественно исполненную фигуру, „Ночь“. Здѣсь же выставлены также петербургскимъ профессоромъ скульптуры М. М. Поповымъ, двѣ прекрасныя, почти въ человѣческой ростъ, мраморныя фигуры: „Клеопатра“ и „Фрипа“. — Въ галлерей свободныхъ искусствъ, находящейся въ восточной части, невольно поражаютъ каждое нѣкоторыя чисто-русскія произведенія искусства, изъ которыхъ одно отличается богатствомъ своихъ цвѣтовъ и благородствомъ мысли, а именно мозаичный бюстъ Владиміра Чудотворца, имѣющій около 9 футовъ въ квадратѣ, сдѣланный Фроловымъ въ С.-Петербургѣ. Кромѣ того, тамъ же находятся два разрисованные окна съ изображеніями древнихъ русскихъ царей; прекрасный бюстъ, сдѣланный изъ камня распятіе и маленькая бронзовая модель извѣстнаго монумента императрицы Екатерины въ С.-Петербургѣ, исполненнаго М. Микѣшинымъ. Произведенія, которыя выставлены въ „Галлерей свободнаго искусства“, между отдѣлами Великобританіи и Колорадо и нѣмецкимъ отдѣленіемъ, представляютъ, какъ съ научной, художественной, такъ и съ гу-

манитарной точки зрѣнія, много достопримѣчательнаго. Кромѣ цѣлаго ряда учебныхъ пособій, выставлены тамъ всевозможныя рукодѣлія, изготовленныя, какъ въ состоящихъ подъ покровительствомъ Императрицы Маріи, петербургскихъ и московскихъ женскихъ учебныхъ заведеній, такъ и въ институтахъ для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ и т. п. Эти послѣднія, вмѣстѣ съ выставленными Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія специальными трудами по народному образованію, статистическими таблицами, планами, моделями и т. д., занимаютъ довольно большое пространство и заслуживаютъ значительнаго интереса. Каждый можетъ здѣсь легко убѣдиться въ томъ, сколько успій потрачено и тратится въ Россіи, какъ со стороны Императора и Императрицы, Членовъ Императорской Фамиліи, такъ и со стороны высокопоставленныхъ и даже частныхъ лицъ, для поднятія народнаго просвѣщенія, для воспитанія дѣтей и поддержки сиротъ и убогихъ.

Краснорѣчивыми доказательствами этого служатъ многіе отчеты и фотографическіе снимки всевозможныхъ школъ, церквей, госпиталей, убѣжищъ и т. д.

Живой интересъ возбуждаютъ образцы художественныхъ работъ „Центральной рисовальной школы барона Штиглица“ и „Императорской рисовальной школы Общества поощренія художествъ“ въ С.-Петербургѣ, выставленные въ большой залѣ и развѣшанные по ея стѣнамъ. Въ обѣихъ весьма популярныя и очень посѣщаемыя школахъ, обладающихъ прекрасными художественными музеями, кромѣ руководящихъ ими неутомимыхъ энергичныхъ директоровъ (проф. М. Месмахеръ и проф. Сабанѣвъ), состоятъ учителями многіе талантливые художники, получившіе академическое образованіе и пользующіея солидною извѣстностью. И среди произведеній этихъ школъ мы находимъ акварельные рисунки съ живою модели, и этюды такъ называемой „nature morte“ (цвѣтовъ, фруктовъ, матерій, кружевъ, оружія и т. д.), которые очень цѣнны. Школа Штиглица, между прочимъ, выставила замѣчательно художественно исполненный столовый приборъ, цѣна которому назначена 2000 долларовъ.

Налѣво отсюда, въ одномъ изъ проходныхъ, тянется цѣлый рядъ отдѣлений, изъ которыхъ первое вмѣщаетъ въ себя исключительно научныя произведенія. Здѣсь особенно заслуживаютъ вниманія работы картографическаго и хромофотографическаго заведенія А. Ильина въ С.-Петербургѣ, съ замѣчательнымъ искусствомъ и тщательностью исполненныя огромныя географическія карты, глобусы, ручныя атласы, картины изъ естественной исторіи, цѣпные образцы русскаго орнамента, исполненныя по оригиналамъ Н. Смакова, и т. д.

Далѣе можно видѣть фотографическія изображенія многихъ рѣчныхъ и желѣзнодорожныхъ мостовъ въ Россіи, съ относящимися къ нимъ брошюрами инженера Бѣлелюбскаго въ С.-Петербургѣ, извѣстный трудъ г-жи Алчевской подъ заглавіемъ „Что читать народу?“ и цѣлый рядъ книгъ съ разсказами лучшихъ русскихъ писателей въ ея передачѣ; техническія доклады В. И. Срезневскаго и, наконецъ, собраніе картъ, фотографій и межевыхъ плановъ А. И. Глуховскаго, исполненныхъ имъ во время экспедиціи для отысканія стараго русла рѣки Аму-Дарыи.

Не менѣе богато и слѣдующее отдѣленіе. Здѣсь, въ рѣзномъ дубовомъ шкафѣ, выставлено большое количество книгопечатныхъ произведеній разнаго рода типографа А. Бенке, исполненныхъ съ удивительнымъ вкусомъ и техническимъ совершенствомъ. Изъ нихъ особенно достойны вниманія: 6 томовъ „Русской пумизматики“, изданіе Великаго Князя Георгія Михайловича, „Русскія древности“, иллюстрированное изданіе графа И. Толстого и профессора Н. Кондакова; роскошно иллюстрированное изданіе „Земля и ея обитатели“, Элизе Реклю.

Тутъ же цѣлую стѣну занимаетъ собраніе эффектныхъ хромофотографій извѣстнаго художественнаго заведенія Штадлера и Паттисота въ С.-Петербургѣ. Многія изъ этихъ довольно большихъ картинъ изображаютъ героическія подвиги русскихъ войскъ изъ времени прежнихъ войнъ; другія же принадлежатъ къ недавнему изданію Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ роскошному художественному произведенію „Русскій флотъ“. Онѣ были исполнены акварелью талантливымъ русскимъ морскимъ художникомъ, капитаномъ 2-го ранга Игнаціемъ. Какъ разъ вапротивъ этой выставки находится произведеніе одного очень ревностнаго любителя фотоиннографіи, который возбуждаютъ живой интересъ въ каждомъ знатокѣ. Тутъ видны не только безсчетныя собранія весьма удачныхъ одноцвѣтныхъ и многоцвѣтныхъ отчетковъ, сдѣланныхъ фотоиннографическими клише, но и масса вытравленныхъ офортномъ рисунковъ на мѣдныхъ, алюминиевыхъ и серебряныхъ пластинкахъ для чисто-декоративныхъ цѣлей. Въ углубленія этихъ рисунковъ введена блестящая черная масса въ родѣ эмали, благодаря которой рисунки видѣны гораздо яснѣе и отчетливѣе. И даже самая выѣска фирмы экспонента съ надписью „Францъ Кройсъ въ С.-Петербургѣ“ сдѣлана такимъ же образомъ. Кромѣ того, на стѣнахъ этого же отдѣленія помѣщены артистически выполненныя фотографіи. Всѣ онѣ доставлены С. Соловьевымъ въ С.-Петербургѣ и Карломъ Финшеръ въ Москвѣ и Оренбургѣ. Между работами послѣдняго имѣется также нѣсколько хорошихъ фототипій и чрезвычайно интересная въ этнографическомъ отношеніи коллекція киргизскихъ типовъ.

Къ сожалѣнію, въ это отдѣленіе не попали сразу разнообразныя типографскія и хромофотографскія произведенія издательской фирмы и артистическаго заведенія А. Ф. Маркса (издателя нашего журнала).

Произведенія эти, помѣщенные почему-то сначала въ машинный, потомъ въ электрическій (?) отдѣлъ, теперь только переведены въ „Галерею свободнаго искусства“. Артистическое заведеніе А. Ф. Маркса выставило, между прочими произведеніями, портретъ А. Г. Рубинштейна, большой офортъ, роскошное изданіе „Потерянный рай“ Мильтона, иллюстрированный Доре, а также „Фаустъ“, иллюстрированный Энгельбертомъ Зейбертцемъ, въ русскомъ переводѣ. Полное одобреніе вызываютъ хромофотографическія работы артистическаго за-

веденія А. Ф. Маркса, представленные на выставкѣ въ таблицахъ скалы красокъ, для нагляднаго ознакомленія съ способомъ ихъ производствъ. Для сравненія копій съ оригиналами, послѣдніе выставлены тоже.

Боясь злоупотребить терпѣніемъ моихъ читателей, чувствую себя все-таки обязаннымъ сказать еще хотя бы поверхностно кое-что объ остальныхъ русскихъ экспонатахъ, очень интересныя и поучительныя предметы, выставленные Главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ. Кромѣ разныхъ альбомовъ и плановъ, около десяти замѣчательно правдиво и художественно исполненныхъ „Мастерскою учебныхъ пособій и игръ“ въ С.-Петербургѣ—групируя знакомить зрителя съ необыкновенными трудностями и страшными лишениями, которыя приходится испытывать русскимъ почтальонамъ на дальнихъ окраинахъ Имперіи. Здѣсь тяжело нагруженный, полужакоченый, въ глубокую зиму карабкается несчастный почтальонъ по едва замѣтнымъ горнымъ тропинкамъ дикаго Кавказа... Тутъ онъ со свистомъ несется по необозримой снѣжной равнинѣ, въ крохотныхъ самоѣдскихъ сапожкахъ, везомыхъ дюжинами умныхъ, пзумительно выносливыхъ собакъ. Тамъ мычитъ онъ то въ гору, то подъ гору, на весело позванивающей и подымающей столбы пыли лихой почтовой тройкѣ... Вотъ уныло тащится онъ по выжженной пустынѣ, на уязвющемъ въ раскаленномъ песку, мѣрно колыхающемся верблюдѣ. Далѣе трясется онъ въ тяжелой арбѣ на широколобыхъ волахъ. Еще далѣе плыветъ онъ на качающемся челнокѣ съ ловко гребущей, сильной рыбачкой. Въ самыхъ разнообразныхъ, такимъ образомъ, положеніяхъ видимъ мы здѣсь неустранимаго и вѣрнаго своему тяжелому долгу русскаго почтальона.

Затѣмъ нельзя не упомянуть выдѣляющіеся изъ всѣхъ выставленныхъ русскихъ кожаныхъ надѣвій экспонаты „Товарищества С. П. механическаго производствъ обуви“. Товариществу этому принадлежитъ заслуга перваго производства въ Россіи прочной, удобной и дешевой обуви, завоевавшей себѣ сразу огромное распространеніе.

Все еще остаются кое-какія интересныя произведенія, о которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Къ нимъ принадлежатъ: арифметическій приборъ („арнометръ“ Одера), посредствомъ котораго каждый въ состояніи въ нѣсколько минутъ дѣлать вычисленіе, надъ большими цифрами, сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, и находящійся въ настоящее время въ нижнемъ помѣщеніи выставки, автоматическій записыватель нотъ. Аппаратъ этотъ, изобрѣтенный барономъ Шиларъ фонъ-Шильхау въ С.-Петербургѣ, будучи помѣщенъ подъ клавиатуру рояля, обладаетъ цѣннымъ свойствомъ передавать всѣ извлекаемые играющимъ звуки на самодежущую бумагу въ видѣ линий разной длины. Посредствомъ особенно раздѣленнаго шаблона, такъ называемаго, ключа, линии эти могутъ быть безъ особеннаго труда читаемы совершенно такъ, какъ и ноты. Что за удобство представляетъ этотъ аппаратъ гениальнымъ виртуозамъ, а именно импровизаторамъ, совершенно лишне излагать. Представленные здѣсь также превосходныя бинокли, очки, пенсези, разнообразные точныя инструменты для метеорологическихъ изслѣдованій, термометры, микроскопы и др. доказываютъ, что Россія сдѣлала большіе успѣхи и въ этой области. Это доказываютъ произведенія давно прославленныхъ фирмъ И. Е. Милька и О. Рихтера.

Намъ остается только упомянуть объ интересной живописи по фарфору, талантливо исполненной г-жей А. Ламанской въ С.-Петербургѣ, о собраніи фотографій Дмитріева въ Нижнемъ-Новгородѣ и Емелевскаго въ Полтавѣ. Если что-либо достойное вниманія и ускользнуло отъ нашего обзора, то, все-таки, надѣюсь, что и сказаннаго достаточно, чтобы доказать, какое многостороннее участіе въ различныхъ отрасляхъ науки, искусства, промышленности, сельскаго хозяйства и т. д., приняла Россія на Колумбійской выставкѣ въ „Бѣломъ городѣ“, на Мичиганскомъ озерѣ.

Къ рисункамъ.

Лѣтописецъ Несторъ. (Рис. на стр. 945).

Предъ нашими глазами представляется величавый образъ древне-русскаго лѣтописца, киевонечерскаго монаха, жившаго въ концѣ XI и началѣ XII вѣковъ, преподобнаго Нестора, написавшаго первоначальную исторію земли Русской. Лѣтописецъ его носитъ названіе „новѣсть временныхъ лѣтъ“, или „о времени иже“ Она дошла до нашего времени не въ подлинникѣ, а во многихъ спискахъ съ продолженіями.

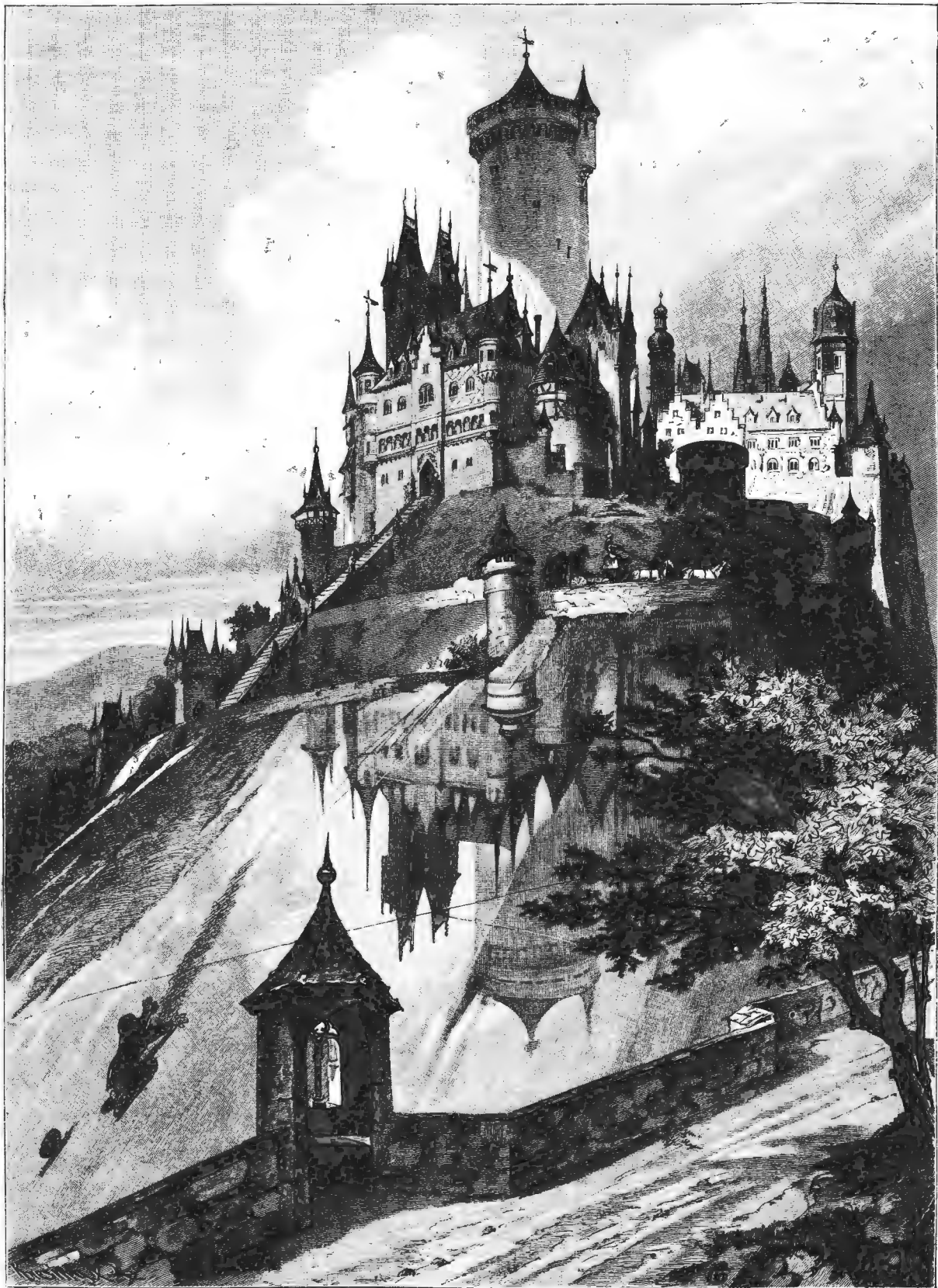
Какой великій вкладъ внесли подобныя Нестору русскіе лѣтописцы для грядущихъ поколѣній своими сказаніями въ исторію своей родины! Въ этихъ безмолвныхъ и тѣсныхъ кельяхъ, незамѣтно и тихо для міра, работали и трудилась свѣтлые умы, сказанія которыхъ и теперь служатъ неизмѣннымъ матеріаломъ для современныхъ ученыхъ историковъ.

Безпристрастіемъ, искренностью и правдивостью въ передачѣ

событій дышатъ лѣтописи Нестора. Правда и истина въ нихъ явныя.

Упомянемъ и о томъ, какимъ способомъ писали древніе лѣтописцы свои сказанія. Памятники русской письменности наглядно показываютъ, что на Руси въ тѣ вѣка писалось *кирилловскимъ, греко-славянскимъ* способомъ. Громаденъ трудъ этого способа письма. Каждая буква, простая или сложная, писалась отдѣльно, не разомъ, а въ нѣсколько приемовъ руки, что очень затрудняло пишущаго и требовало на то много времени. Подобное письмо въ нѣкоторой степени примѣняется къ рисовкѣ и къ письменамъ, не писаннымъ тростью или перомъ, а нарѣзаннымъ, выбитымъ, вышитымъ и т. п.

Биографическія свѣдѣнія о личности Нестора весьма скудны. Родился онъ въ 1059 году, вступилъ въ монастырь 17-ти лѣтъ (1076 г.); постриженъ въ иноки игуменомъ Стефаномъ и имъ же поставленъ въ іеродіаконъ. Въ 1091 году, Нестору поручено было отыскать мощи Преподобнаго Феодосія, который

Иллюстрація Гротъ-Юганна къ Гриммовской сказкѣ „Ворона“. Замокъ на стеклянной горѣ.

Гравюра, извлеченная изъ издашя А. Ф. Маркса „Иллюстрированная библиотека Нивы“.

онъ и открылъ вмѣстѣ съ двумя иноками. Умеръ онъ послѣ 1117 года, потому что этотъ годъ занесенъ въ хронологическій перечень въ началѣ его лѣтописи. Сколько же лѣтъ жилъ Несторъ—неизвѣстно. Въ патерикѣ Киево-Печерскомъ сказано только, что онъ „по лѣтѣхъ временныхъ преставился въ отчужденности“.

Касательно образованности Нестора извѣстно, что онъ былъ знакомъ не только съ произведеніями писателей древней Руси, но и съ сочиненіями византійскихъ писателей.

А. Зыбинъ.

Гадалка. (Рис. на стр. 948).

Искусство предсказывать судьбу по линиямъ руки или хиромантия—была извѣстна еще въ глубокой древности. Такъ, въ книгѣ Иова встрѣчается мѣсто, гдѣ говорится, что по особымъ примѣтамъ на рукѣ можно узнать будущее человѣка. Склонность къ таинственному поддерживала вѣру въ это искусство, и великіе міра сего, напримѣръ, Наполеонъ I, Вальтеръ Скоттъ и другіе, вѣрили въ хиромантию. И въ нашъ положительный вѣкъ еще попадаются лица, съ любопытствомъ и довѣріемъ протягивающія свою руку бродячей цыганкѣ, желая узнать свою судьбу. Картина Ринса художественно передаетъ группу людей, повидимому, живущихъ настоящимъ, изъ которыхъ самый молодой, еще не утратившій вѣру въ будущее, довольно равнодушно протягиваетъ руку бродячей гадалкѣ.

Художественные критики. (Рис. на стр. 949).

Габріэль Максъ, не только прекрасный художникъ, но и мыслитель въ живописи, не всегда былъ понятенъ въ своихъ работахъ, а потому и не понятъ не только простыми зрителями, но и специалистами—критиками художественныхъ произведеній. Послѣдніе иногда подымали горячіе споры и пререканія, чрезмѣрно хвали художника или порицая его безъ мѣры. Максъ отомстил своимъ зонламъ по-свойски, написавъ группу обезьянъ передъ картиною и назвавъ ихъ: „Художественные критики“.

Иллюстрація Гротъ-Иоганна къ Гриммовской сказкѣ „Ворона“. (Рис. на стр. 953).

Въ нынѣшнемъ № *Нивы* мы помѣщаемъ еще одну изъ прекрасныхъ иллюстрацій талантливаго художника Гротъ-Иоганна, помѣтившаго въ роскошномъ изданіи сказокъ, собранныхъ братьями Гриммами, цѣлый рядъ рисунковъ, полныхъ жизни, силы и глубокаго, осмысленнаго знанія бытовыхъ подробностей. Едва окончивъ эту трудную работу, художникъ скопчался, и мы, помѣщая еще одинъ изъ его рисунковъ на страницахъ нашего журнала, воздаемъ должное памяти этого достойнаго труженика, и вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминая нашимъ читателямъ о художественномъ трудѣ, который пережилъ своего творца и близится уже къ окончанію. Послѣ большихъ успѣховъ и затратъ, которыя пришлось намъ принять на себя, чтобы доставить русской публикѣ возможность ознакомиться съ полнымъ, роскошно иллюстрированнымъ сборникомъ братьевъ Гриммовъ—мы уже близимся къ тому моменту, когда все это объемистое изданіе закончится вполне и составитъ увѣнчанный томъ—украшеніе семейнаго стола и библиотечной полки, любимое чтеніе и старому, и малому, изъ котораго каждый сумѣетъ по-своему прочесть и понять сказку и „свое“ въ ней вычитать. Помѣщаемая нами гравюра относится къ сказкѣ „Ворона“ (помѣщена въ 12-мъ выпускѣ сборника Гриммовскихъ сказокъ, на стр. 285), замысловатое содержаніе которой, можетъ быть, ускользнуло изъ памяти читателей *Нивы*, подписавшихся на нашу „Иллюстрированную библиотеку“. Напомнимъ его вкратцѣ. „Заклдованная королева избираетъ себѣ юношу, который долженъ избавить ее отъ тяготящихъ надъ нею чаръ. Чары заключаются въ томъ, что у нея отнятъ человѣческій образъ, и она обречена влачить свой вѣкъ въ видѣ черной вороны. Первая попытка юноши, дѣйсгвующаго по указаніямъ „королевы-вороны“, не удается, и онъ долженъ предпринять дальнее путешествіе, за тридевять земель, и отыскать тотъ заколдованный замокъ, въ который она заключена. По счастью, королева оставила ему хлѣбъ, который—сколько ни ѣшь—не убавляется, и бутылку вина, въ которой—сколько ни пей—вино не убываетъ. Съ этими двумя талисманами онъ продолжаетъ все опасности и препятствія, а потомъ хитростью отбиваетъ у разбойниковъ три завѣтныхъ диковинки: палицу-крушительницу, коня, на которомъ на любую гору взобраться можно, и плащъ-невидимку, при помощи этихъ диковинокъ онъ взбирается на гладкую стеклянную гору, окружающую заколдованный замокъ, разбиваетъ ворота его, и избавляетъ свою королеву изъ рукъ темной силы“.

Профессоръ А. Н. Бекетовъ. (Портр. на стр. 956).

9-го октября сего года исполнится 50-лѣтіе служебной дѣятельности профессора Андрея Николаевича Бекетова.

Ученая дѣятельность А. Н. отличается разнообразіемъ и богатыми научными результатами. Его первый учено-лите-

ратурный трудъ, подъ заглавіемъ „Очеркъ тифлисской флоры“, появился въ 1853 году. Уже въ этой первой работѣ сказались будущій ученый съ замѣчательной наблюдательностью, умѣемъ анализировать и обобщать окружающую насъ растительный міръ. Пятидесятые и шестидесятые года составляютъ эпоху въ развитіи естествознанія и въ систематикѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя были уже извѣстны наукѣ. Въ это время дѣйствовали Дарвинъ, Ливней, Молешоттъ и др. Бекетовъ, дѣятельный наблюдатель природы, блестяще защитившій диссертацию сперва на магистра ботаники, затѣмъ на доктора естественныхъ наукъ, явился въ числѣ тѣхъ ученыхъ, которые руководили научнымъ движеніемъ. За годъ до появленія сочиненія Дарвина „О происхожденіи видовъ“, Андрей Николаевичъ высказалъ свое мнѣніе о вліяніи вѣшнихъ условий и борьбы за существованіе на организмы, но, придавая первенствующее значеніе вѣшнимъ условиямъ, онъ примкнулъ къ лагерю не Дарвина, а Ламарка и Жофруа Сентъ-Илера и разошелся съ Дарвинимъ во взглядѣ на борьбу за существованіе. По его мнѣнію, равновѣсіе въ природѣ было главнымъ стимуломъ жизненнаго состязанія, какъ конкретнаго проявленія общезначимаго закона непроницаемости. Сущность ученія Бекетова заключается въ принципѣ, что причина органическихъ формъ зависитъ отъ окружающихъ условий, и этотъ принципъ, высказанный имъ впервые въ докторской диссертацион, обстоятельно разработанъ въ статьѣ „Гармонія въ природѣ“. Профессорская дѣятельность Бекетова началась въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ занялъ въ 1857 г. кафедру ботаники. Въ Петербургскомъ университетѣ онъ профессоруствуетъ двадцать лѣтъ, принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи проекта устава 1863 года и устроилъ ботанической садъ при университетѣ. На развитіе этого сада Бекетовъ не щадилъ своихъ силъ и достигъ видныхъ результатовъ. Вступивъ на профессорское поприще, Андрей Николаевичъ предпринялъ изданіе „Курса ботаники для университетскихъ слушателей“, въ которомъ подробно разработалъ спорыя, گوشемъныя растенія и органиграфію скрытноствѣнныхъ, установилъ ботаническую терминологию, стараясь исправить иностранные термины и согласовать ихъ съ духомъ русскаго языка.

Съ 1889 г. онъ редактируетъ „Труды“ Вольно-Экономическаго общества. Занимая должность ректора С.-Петербургскаго университета въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1876 г. по 1883 г.), профессоръ Бекетовъ пользовался среди студентовъ большимъ уваженіемъ. Постоянно доступный, готовый оказать помощь и совѣтомъ, и дѣломъ, онъ сердечно и сочувственно относился къ чужому горю. Особенно цѣны его заботы о женскомъ образованіи. Высшіе женскіе курсы обязаны своимъ возникновеніемъ и первыми шагами на пути жизнедѣятельности его инициативѣ, хлопотамъ и энергіи. Когда же они были окончательно сформированы и учреждены К. Н. Вестужевымъ-Рюминимъ, Бекетовъ завѣдывалъ ими до момента ихъ преобразования и предѣлательствовалъ въ комитетѣ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.

А. Н. Бекетовъ родился 26-го ноября 1825 года въ селѣ Новой-Бекетовкѣ Пензенской губерніи. Дѣтство свое провелъ въ деревнѣ и въ Кирсановѣ, гдѣ сосредоточивались дѣла его отца. Онъ рано сталъ знакомиться съ лучшими литературными произведеніями того времени, отличался замѣчательной памятью и интересовался той богатѣйшей природой, среди которой росъ. По окончаніи курса въ гимназіи, онъ поступилъ въ 1841 году въ С.-Петербургскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ, но вскорѣ убѣдился въ ошибкѣ выбора факультета и перешелъ въ военную службу. Эта служба была также неудачна, и молодой Бекетовъ уѣхалъ въ Казань, гдѣ въ мѣстномъ университетѣ кончилъ курсъ въ 1849 году со степенію кандидата естественныхъ наукъ.

Н. Афанасьевъ.

Земляныя работы на Сибирской желѣзной дорогѣ.

(Рис. на стр. 956).

Съ 1-го октября текущаго года на Западно-Сибирской линіи открывается на протяженіи 240 верстъ, на участкѣ между городами Челябинскомъ и Курганомъ, движеніе рабочихъ поездовъ, при чемъ при обратномъ слѣдованіи вагоновъ разрешена, по просьбѣ мѣстныхъ промышленниковъ, перевозка грузовъ хлѣбныхъ и сырья съ платой по 10 коп. съ пуда.

Главный строитель Западно-Сибирской желѣзной дороги инженеръ Михайловскій и состоящіе въ его вѣдѣніи молодые инженеры трудятся, не покладая рукъ. Благодаря молодымъ инженерамъ, которые лично принимаютъ отъ рабочихъ задания имѣ работы, земляныя работы обощились очень дешево и при этомъ не были обижены и рабочіе; выгода эта получилась вслѣдствіе того, что на Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ очень мало работъ сдается подрядчикамъ.

Земляныя работы подвинулись почти на годъ впередъ противъ предполагаемаго и до Омска (743 версты) будутъ окончены въ этомъ году. Боязнъ, что не будетъ достаточнаго количества рабочихъ, не оправдалась, и дорога имѣетъ рукъ болѣе, чѣмъ нужно. При этомъ явилось очень мало рабочихъ изъ

дальнихъ губерній, а все дѣло производится почти исключительно мѣстными рабочими. Такихъ рабочихъ на участкѣ почти въ 800 верстѣ находилось, считая всѣхъ членовъ семей, болѣе 43,000 человекъ заразъ.

Видъ работы имѣетъ совершенно своеобразный характеръ, такъ какъ рабочіе являются на работы со своими семьями и живутъ въ палаткахъ въ родѣ tentes abris; отъ этого вся линия, гдѣ производится работы, имѣетъ видъ лагеря. Всѣ рабочіе рядятся съ кубической сажени по цѣнѣ отъ 1 р. 10 к. и выше, смотря по мѣстности и профилю насыпи и выемокъ; работаютъ всѣ члены семьи, не исключая и дѣтей. Громадный наплывъ рабочихъ создалъ и особые приемы работы, изъ которыхъ одинъ заслуживаетъ особеннаго вниманія; такъ какъ, при приливѣ рабочихъ, невозможно было ихъ снабжать тачками, то пришлось для успѣха прибѣгнуть къ помощи деревянныхъ носилокъ, величиною около 0,005 куб. сажени объема, такъ что ихъ приходится до 200 на одну кубическую сажень. Работаютъ такимъ образомъ: составляются артели изъ 6 человекъ или семейство изъ примѣрно такого числа лицъ; четверо посятъ носилки изъ резерва въ насыпь, а двое въ это время пабреютъ землю въ запасныя носилки. При такомъ способѣ рабочіе зарабатываютъ на своихъ харчахъ отъ 50 до 90 коп. на человека; работа идетъ бойко и весело. Кроме того, работа производится лошадьми и рогатыми скотомъ на двухъ и четырехъ-колесныхъ телегахъ. Произведенныя такимъ образомъ работы принимаются насыпанными вчернѣ и затѣмъ уже подрядчики особыми артелями приводятъ работы въ порядокъ за свой счетъ. Подрядчики производятъ работы по цѣнѣ отъ 2 р. до 2 р. 10 к. за кубъ и за всѣми расходами наживаютъ отъ 15 до 20 коп. на кубъ. Кроме того, на дорогѣ развита система хозяйственныхъ работъ, и земляныя работы не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія; часть ихъ производится также хозяйственно и значительно дешевле работъ, сданныхъ по контрактамъ. Рабочіе имѣютъ свои харчи, но, въ виду безлюдности мѣстности, по которой проходитъ дорога, и отдаленности селеній, организована подвозка провизіи, которая продается рабочимъ по цѣнѣ 3 коп. за фунтъ чернаго хлѣба, 4 коп. пшеничнаго и отъ 3 до 4 коп. за фунтъ свѣжаго мяса; вода въ бочкахъ и вновь вырытые колодези прѣсной воды предоставляются рабочимъ даромъ. Расчеты съ рабочими производятся ежедневно по субботамъ. Все вышесказанное относится до мѣстныхъ рабочихъ-покупчицниковъ; рабочіе же, пришедшіе изъ внутреннихъ губерній, помѣщаются въ баракахъ и содержатся подрядчиками во всѣхъ отношеніяхъ хорошо.

Пріемъ русскихъ моряковъ во Франціи.

(Рисунки на стр. 957, 958, 959 и 960).

Близилось 1-е октября, и съ каждымъ днемъ ее всѣхъ концовъ Франціи прибывало все больше и больше народу въ Тулонъ, для встрѣчи нашей Средиземной эскадры. Городъ укрался.

Къ 1-му октября весь онъ покрылся трехцвѣтными флагами русскихъ національныхъ цвѣтовъ, въ перемежку съ французскими, коврами, яркими драпировками, цвѣтами и растениями.

Стечение было такъ велико, что масса народа провела ночь подъ открытымъ небомъ — на улицахъ, въ садахъ и окрестностяхъ...

День 1-го октября насталъ свѣтлый, ясный, дѣтній; въ полдень на солнцѣ было 25° Р. Съ утра, съ девяти часовъ, съ самой той минуты, какъ французскій крейсеръ „Davout“, въ сопровожденіи восьми миноносокъ, вышелъ въ море, чтобы встрѣтить нашу эскадру, весь проснувшійся городъ и всѣ прибавшіе сюда толпаны повалили на берегъ. Пароходы, пароходики, паровые катера, яхты, суда парусныя и гребныя, переполненные радостными, разодѣтыми въ праздничныя платья, народомъ, безпрестанно отчаливали и мало-по-малу заповоложали широкое пространство рейда, словно живыя, пестрѣвшія праздничнымъ одѣяніемъ, объятаго толпы не могли удовольствоваться границею берега и выдвигались впередъ, въ самое море, все шире и шире, навстрѣчу другаямъ... Около полудня наша эскадра, сопровождаемая встрѣтившими ее французскими судами, стала выпростываться въ той особенной ослѣпительно-сѣрой дымкѣ, которая стелется на морѣ въ жаркій солнечный день. Вотъ очертанія становятся яснѣе и яснѣе, еще минута — и величественная, красивая эскадра наша вступила на рейдъ, на гротъ-мачтахъ всѣхъ ея судовъ развились французскіе флаги и грянули гульки, мощные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ: нашъ адмиральскій корабль привѣтствуетъ салютомъ Францію... Не странно-ли — этотъ грохотъ орудій, страшный въ дни раздора, во время войны, служить первымъ выраженіемъ и великаго торжества мира!.. И весь рейдъ огласился кликами привѣтствія: „Да здравствуетъ Россія“, кликами, которые были услышаны во всей нашей раскинувшейся отъ Чернаго до Бѣлаго моря странѣ, и заставили шибче забиться каждое русское сердце...

Послѣ обѣдн салютовъ, наша эскадра прошла къ арсеналу мимо французскихъ военныхъ судовъ, выстроенныхъ въ четыре ряда. Французы стояли по реямъ и отовсюду неслись дружественныя, все новые и новые клики: „да здравствуетъ, да

Автоматъ-гильзодѣлатель Перро-Минно.

(Рис. на стр. 961).

На гигиенической выставкѣ демонстрировался изобрѣтенный г-мъ Ж. Перро-Минно автоматъ для дѣланія гильзъ. Автоматъ этотъ дѣлаетъ гильзы безъ клея, при работѣ руки работника не касаются ихъ, на гильзахъ ставится штемпель фирмы, наконецъ, автоматъ снабженъ, для счета сдѣланныхъ гильзъ, особымъ автоматическимъ же счетчикомъ, соединеннымъ со звонкомъ, благодаря чему, заканчивая каждую тысячу штукъ, машина даетъ обрѣ этому знать звонкомъ. Мало того, для приведенія ея въ дѣйствіе можетъ быть приспособленъ легко и скоро любой двигатель, начиная отъ электричества и кончая простымъ ручнымъ маховикомъ, который безъ особаго труда можетъ быть приведенъ въ движеніе самою слабою физическою силою одного человека. Такая машина весьма свободно вырабатываетъ въ часъ до 10,000 штукъ гильзъ и при всемъ этомъ отличается замѣчательною простотою своей конструкціи. На верхнее колесо, помѣщенное съ правой стороны машины, надѣвается катушка папирсной бумаги, нарезанной лентою, подобно тому какъ практикуется это на телеграфныхъ аппаратахъ. Конецъ бумаги, пропущенной между вращающимися валками, направляется къ особому цилиндру, печатающему на бумагѣ штемпель фирмы папирсной фабрики и снабженному небольшимъ ящичкомъ, куда наливается краска. Если надпись на гильзѣ должна быть сдѣлана золотымъ прирѣтомъ, то и для этого рядомъ приспособлена, для насыпанія бронзоваго порошка, особая мѣдная воронка, ясно видная на рисункѣ. Затѣмъ бумажная лента проходитъ небольшое пространство, начиная постепенно скручиваться, пока, наконецъ, не дойдетъ до особаго металлическаго стержня, имѣющаго видъ палочки, употребляющейся для дѣланія гильзъ руками, на которомъ гильза уже окончательно свертывается въ надлежащую форму, при чемъ помѣщенное сверху стержня небольшое зубчатое колесико, прокатываясь по тому мѣсту, гдѣ край бумаги соединяются въ тонкій шовъ, гофрируетъ извѣстнымъ образомъ бумагу и, такимъ образомъ, сшиваетъ гильзу довольно прочно. Послѣ того безконечная гильза идетъ далѣе, но на своемъ пути встрѣчаетъ родъ обыкновенныхъ ножницъ, которыя и нарезаютъ автоматично гильзы въ желаемомъ размѣрѣ. Наконецъ, гильза сквозь особую трубочку попадаетъ уже въ механической счетчикъ, аккуратно отмѣчающій каждый разъ звонкомъ всякую прошедшую черезъ его металлическія ланки тысячу.

здравствуетъ Россія!“ Восторгъ былъ таковъ, что при воспоминаніи о немъ невольно текли, радостныя слезы туманятъ глаза; трудно писать, когда такъ и хочется такимъ же кликомъ отвѣтить на эти поразительно-дружескіе, сердечные клики всей, высланной въ Тулонъ своихъ представителей, Франціи!..

Высадившись на берегъ, контръ-адмиралъ Авеланъ, въ сопровожденіи офицеровъ своего штаба, направился въ арсеналъ, гдѣ встрѣтили русскихъ офицеровъ французскій главный морской штабъ и высшіе офицеры Тулонскаго порта. Послѣдовало общее дружественное рукопожатіе, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ. Хоръ морской музыки исполнилъ гимны: „Боже, Царя храни!“, сопровождавшій долгими кликами „Vive la Russie“, адмиралъ Авеланъ, съ обнаженною головою и въ сопровожденіи русскихъ и французскихъ офицеровъ, отправился въ морскую префектуру для визита французскому морскому министру.

Тутъ, принимая русскихъ гостей, министръ сказалъ: „Кронштадтъ и Тулонъ — это мѣста, которыя свидѣтельствуютъ о симпатіяхъ между русскими и французскими народами; вы будете вездѣ встрѣчены какъ сердечные друзья. Президентъ республики, правительство и вся страна поздравляетъ васъ съ пріездомъ, дорогой адмиралъ, и вашихъ спутниковъ, представляющихъ великій и благородный народъ“. Адмиралъ отвѣтилъ, что не въ силахъ выразить всю свою благодарность. „Русская эскадра и вся Россія — сказали адмиралъ — будутъ признательны за вашъ пріемъ“.

Оставляя морскую префектуру, Авеланъ благодарилъ министра за пріемъ. „Не хочу съ вами разстаться — сказалъ Авеланъ — пока не произнесу тѣхъ словъ, которые въ глубинѣ сердца у всѣхъ русскихъ: „Vive la France!“

Вечеромъ морской министръ давалъ обѣдъ въ честь офицеровъ русской эскадры. Этимъ обѣдомъ открылся рядъ празднествъ и торжествъ, устроенныхъ Тулономъ для нашихъ моряковъ. Все, что способно лишь придумать человекъ въ смыслѣ выраженія праздничнаго настроенія, было сдѣлано тутъ: — пиры, театральныя представленія, концерты, фейерверки и плуминаціи, шествія, венеціанскій праздникъ, праздничныя цвѣтовъ — все было задумано, устроено и выполнено умѣючи, блистательно. Но не въ этихъ празднествахъ, какъ бы ни были они великолѣпны, разумѣется, суть.

Главное заключается въ томъ единодушій и въ той сердечности, съ которыми вся Франція явилась привѣтствовать въ

Тулонъ русскихъ гостей. На другой день послѣ прѣзда, съ восьми часовъ утра, контръ-адмиралъ Авеланъ принималъ депутаціи генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ общинъ Франціи... Множество округовъ, городовъ, селеній и даже деревень прислали или своихъ представителей, или подарки, адреса, букеты... Французскія женщины устроили подписку, и отъ лица ихъ г-жа Аданъ передала русскимъ морякамъ 2138 браслетовъ *porte-bonheur* съ медальонами, на которыхъ выгравировано „Кронштадтъ — Тулонъ“. Браслеты эти предназначены женамъ матросовъ. Каждый браслетъ заключенъ въ футляръ изъ голубого атласа съ букетомъ незабудокъ. Для супруговъ офицеровъ—переданы брошки, священникамъ золотые кресты, семье адмирала сувениры, въ видѣ вѣтки незабудки изъ брильянтовъ и бирюзы.

Подробности пріема превзошли всякія ожиданія. Наши матросики, выпущенные на берегъ, были предметомъ самыхъ искреннихъ и непрерывныхъ овацій. Незнакомые имъ люди прямо, встрѣчаясь съ ними, мужчины и женщины, братски, по-дружески, обнимали и дѣловали ихъ. Въ первый день прибытія эскадры въ Тулонъ, оттуда было послано 1400 телеграммъ. Однѣ телеграммы въ газеты состояли изъ 150,000 словъ. Въ Тулонѣ же было получено изъ разныхъ концовъ Франціи 900 телеграммъ, привѣтствующихъ прибытіе русской эскадры.

Послѣ трехдневныхъ празднествъ въ Тулонѣ контръ-адмиралъ Авеланъ съ 50 офицерами выѣхалъ 4 октября въ Парижъ съ экстреннымъ поѣздомъ. Поѣздъ этотъ мчался между двухъ живыхъ стѣнъ. Масса крестьянъ изъ окрестныхъ общинъ и прибывшихъ издалека, безъ всякой надежды увидѣть русскихъ моряковъ, оглашали воздухъ криками: „Vive la Russie!“ „Vive le Tzar!“ Ночью города на дорогѣ устроили у себя блестящую иллюминацію; при приближеніи поѣзда, зажигались бенгальскіе огни. Въ Авиньонѣ и Валансѣ окружила

поѣздъ огромная толпа, съ префектомъ, мэромъ и начальникомъ войскъ во главѣ. И здѣсь, послѣ привѣтственныхъ рѣчей, адмиралу Авелану и офицерамъ поднесли подарки. Расположенные близъ полотна деревни, гдѣ вѣтъ станціи, точно также были залиты огнями. Крестьяне, женщины и дѣти толпились около рельсъ; все веселилось, тавцовало, пѣло подъ звуки музыки. Встрѣчали и провожали поѣздъ восторженными привѣтствіями. Наши моряки не смыкали глазъ, и эта задушевная встрѣча поселянтъ тронула ихъ до слезъ.

Пятаго октября Парижъ встрѣчалъ нашихъ моряковъ. „Весь городъ, передаетъ одинъ изъ очевидцевъ, расцвѣтился флагами, и безъ того красивый, онъ еще приварядился—великолѣбное поразительное! Съ утра небывалое оживленіе. Такой толпы на улицахъ и Парижъ никогда не видывалъ. Газеты, постоянно выпускающія новыя изданія, покупаются нарасхватъ. Лица, вчера вернушіяся изъ Тулона, передаютъ о трогательныхъ сценахъ тулонской встрѣчи. Города, сельскія общины, даже маленькія деревушки присылаютъ въ Парижъ или подарки, или адреса съ депутаціями. День прелестный, тепло, почти какъ лѣтомъ. Встрѣча нашихъ моряковъ Парижемъ превосходить все, что до сихъ поръ было, своей грандіозностью.

„Воодушевленіе трудно передать словами — это нужно видѣть; выносятся глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Волѣ двухъ милліоновъ парижанъ и провинціаловъ наполняютъ бульвары и улицы отъ станціи желѣзной дороги до зданія „Cercle Militaire“ (противъ Оперы), гдѣ останавливаются наши моряки. Здѣсь, на пути ихъ слѣдованія, на протяженіи нѣсколькихъ километровъ, слонная масса народа заняла и улицы, и окна, и балконы, и крыши; на каждомъ деревѣ нѣсколько человѣкъ; лѣнятся даже на фонаряхъ. Разумѣется, главная масса—парижане; но много также провинціаловъ, крестьянъ, иностранцевъ. Восторженные при-

Профессоръ А. Н. Бенетовъ (по поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности). Съ фот. Семененко, грав. Шюблеръ.

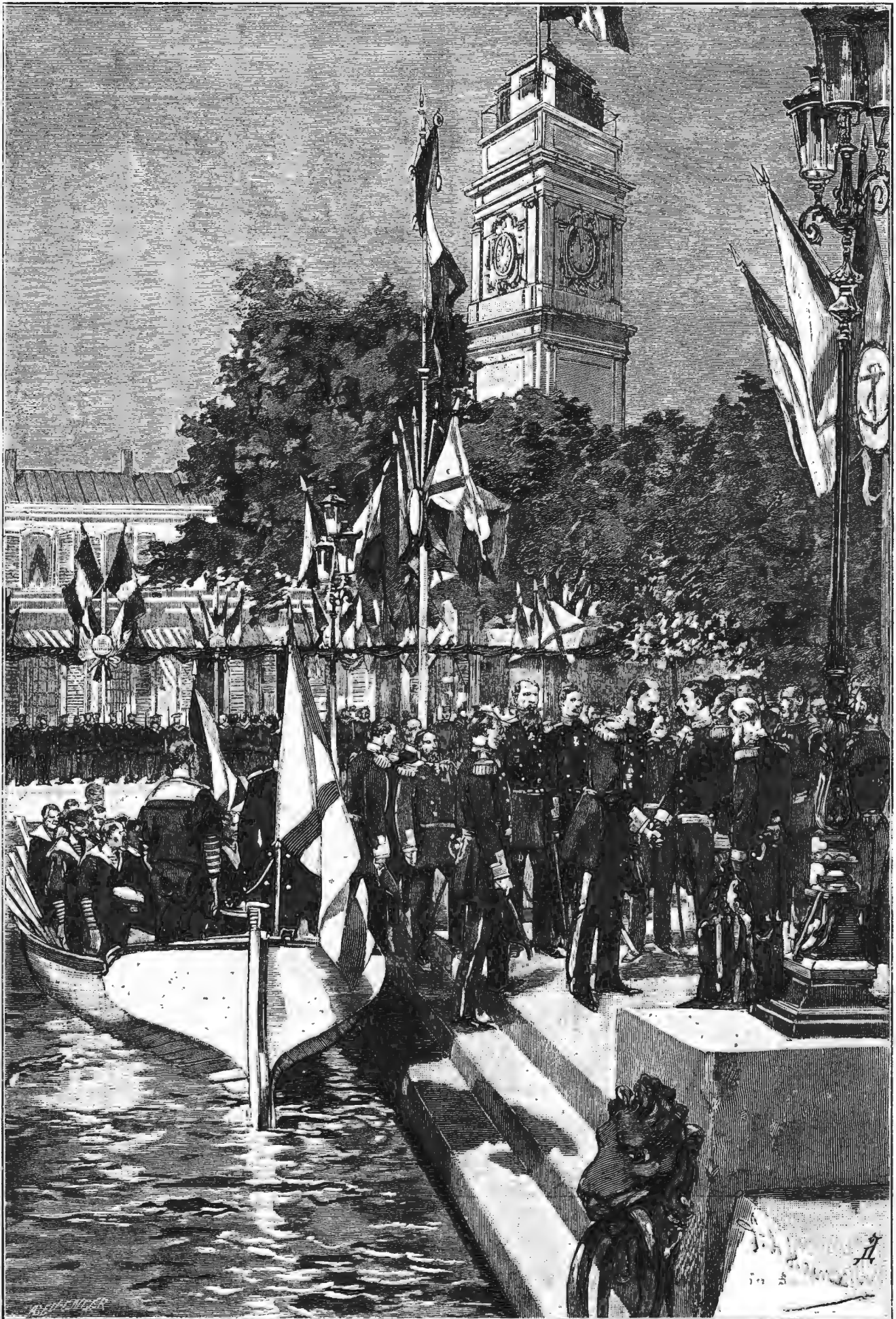
масса народа заняла и улицы, и окна, и балконы, и крыши; на каждомъ деревѣ нѣсколько человѣкъ; лѣнятся даже на фонаряхъ. Разумѣется, главная масса—парижане; но много также провинціаловъ, крестьянъ, иностранцевъ. Восторженные при-

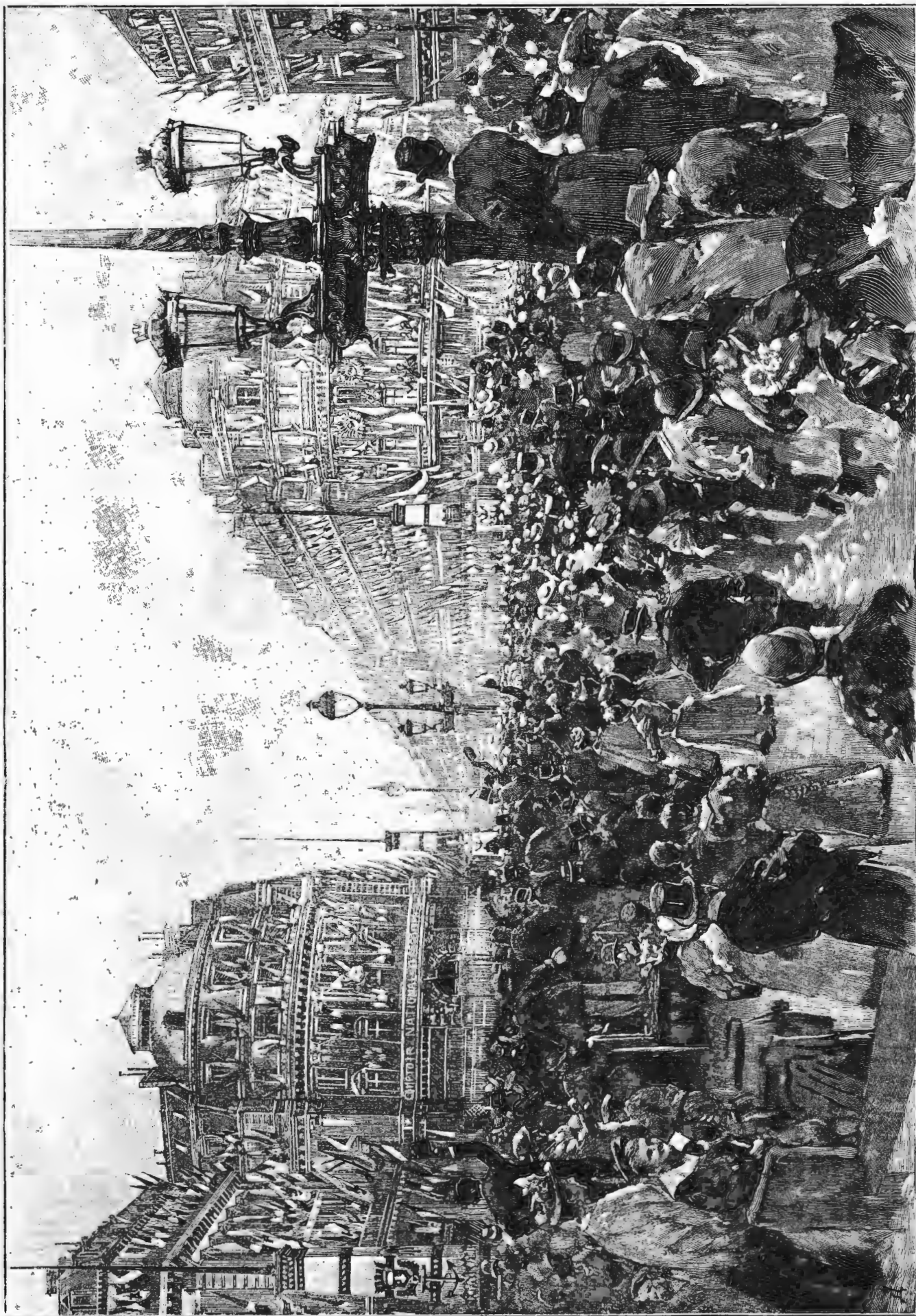
Земляныя работы на Сибирской желѣзной дорогѣ. Палатки, въ которыхъ проживаютъ рабочіе. Съ фот. грав. Хелмицкій.

Русская эскадра въ Тулонѣ. Приёмъ французскихъ посѣтителей на броненосномъ корабль „Императоръ Николай I“. По рис. III.

Русская эскадра въ Тулонѣ. Адмиралъ Авеланъ и командиры нашихъ судовъ, привѣтствуемые на Quai Horloge въ Тулонѣ французскимъ морскимъ штабомъ. По рис. Генепъ въ III. Библиотека "Руниверс"

Франко-русскія празднества въ Парижѣ. Площадь Большой Оперы въ моментъ проѣзда русскихъ моряковъ.
По рис. III.

вѣтствія раздаются по всему пути.

По бульварамъ, пышно изукрашеннымъ всевозможными флагами, драпировками, цвѣтами, мачтами, коврами, хоругвями, въ разныхъ мѣстахъ стояли хоры музыки, игравшіе попеременно „марсельезу“ и „русскій гимнъ“. На площади Орѣга стоялъ великолѣпно сдѣланный изъ плетенаго дерева корабль формы фрегата времени Людовика XV. Корабль этотъ поднесли адмиралу Авелану обыватели части IX парижскаго округа. Фрегатъ, съ настоящими мачтами и всѣми снастями, убранный весь искусственными цвѣтами. Названіе его — „Souvenir“. На немъ находится пергаментъ, удостоверяющій принадлежность фрегата адмиралу Авелану. На площади Орѣга остановка. Среди миллионной толпы, стоящей на огромной площади, въ виду тысячъ людей, высывающихся изъ оконъ, дѣлывшихся по балконамъ, крышамъ, фонарямъ, къ адмиралу подошелъ старѣйшій изъ парижскихъ мэровъ, г. Ферри, и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Адмиралъ! Отъ имени всего населенія IX округа, число котораго равняется населенію большаго города (125,000), я имѣю честь, въ качествѣ мэра, привѣтствовать въ вашемъ лицѣ великую дружественную націю и сказать вамъ: „добро пожаловать“. Загѣмъ, указавъ на значеніе этихъ празднествъ, онъ сказалъ: „Я имѣю честь представить вамъ комитетъ IX округа, которому поручено устройство въ вашу честь празднествъ. Комитетъ этотъ подноситъ вамъ маленькій chef d'œuvre терпѣливой и тщательной работы.—модель того, чѣмъ былъ нашъ флотъ въ прошломъ вѣкѣ. Мы сочтемъ за особую честь, если вы примете это подношение. Да здравствуетъ Франція и Россія, да увѣковѣчатся ихъ союзъ и да установитъ онъ во всей Европѣ продолжительный миръ!“

Адмиралъ Авеланъ горячо поблагодарилъ г. Ферри.

На этой страницѣ читатели найдутъ изображеніе подарковъ французскихъ женщинъ, которые были переданы г-жею Аданъ для женъ, матерей и сестеръ русскихъ моряковъ. Г-жа Аданъ сказала при этомъ: „Тысячи французскихъ женщинъ всѣхъ званій и слоевъ общества просятъ моряковъ русской эскадры, прибывшихъ въ Тулонъ, благосклонно принять для одной изъ женщинъ своей семьи по одному изъ этихъ предметовъ. Наши русскія сестры найдутъ на каждой изъ этихъ цѣнныхъ вещей цвѣтокъ, служящій мирнымъ символомъ для французскихъ женщинъ. Пусть Myosotis (незабудка) галльскихъ водъ и „незабудка“ водъ древней Россіи говорятъ въ будущемъ женскимъ сердцамъ въ нашихъ обожаемыхъ отечествахъ: *Ne oubliez pas* Крошгата и Тулона. Надѣюсь, что русскія женщины не забудутъ французскихъ женщинъ“.

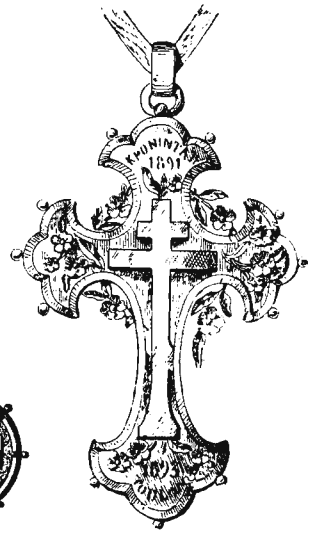
— И я также! любезно отвѣтила адмиралъ.

Нельзя не упомянуть, дѣлалъ отчетъ приема русскихъ моряковъ во Франціи, о трогательныхъ проявленіяхъ любви и дружбы, какъ со стороны нашихъ, такъ и со стороны французскихъ моряковъ. Поведеніе нашихъ матросовъ положительно примѣрное. Они понимаютъ очень хорошо, какъ надо вести себя въ гостяхъ. Не безъ того, конечно, иногда выпьютъ лишнее, но дѣло ни разу не дошло до неприличія. Былъ извѣстенъ только одинъ примѣръ, когда подвыпившій матросикъ сталъ пошатываться на ногахъ. Немедленно два французскія матроса дружески взяли его подъ руки, и онъ, не протестуя, послѣдовалъ за ними, отъ времени до времени останавливаясь, чтобы поцѣловать то одного, то другого. Они привели его къ пристани, усадили и простояли около него, пока пришла шлюпка, на которую они его сдали. Матросы возвращались изъ города и съ французскихъ кораблей, нагруженные всевозможными подарками: часами, шелковыми платками, кольцами, портъ-табакани и проч.— „Ну, что“, спрашиваетъ офицеръ на „Нахимовѣ“ матроса, вернувшись съ обѣда на французскомъ кораблѣ, — „хорошо было?“ — „И сказать-то не умѣю, ваше б—діе, въ рай лучше не будетъ.“ — „А кормили хорошо?“ — „Очень хорошо, ваше б—діе, я такихъ кушаньевъ отъ роду и не видывалъ“. Другой матросъ рассказываетъ: „Только это я на берегъ вышелъ, тутъ толпа, видимо-невидимо народа. Схватили меня на руки и потащили. Часа два таскали, такъ земли подъ собой и не видѣлъ. Таскають, цѣлуютъ, суютъ въ руки разные вещи, всего покрыли цвѣтами. Послѣ того потащили меня въ одинъ домъ по лѣстницѣ, до самаго пятаго этажа. Тутъ столъ накрыли, усадили меня и угостили обѣдомъ; за Батюшку нашего Царя нилъ и за весь православный народъ“. Матросы наши очень хорошо понимаютъ причину и смыслъ восторговъ французской толпы, и сами они въ восторгѣ отъ этого. Въ разгово-

Браслетъ съ жетономъ.

Подарки, переданные на русскую эскадру г-жею Аданъ отъ французскихъ женщинъ.

Брошь-медальонъ и золотой крестъ.

рахъ матросовъ съ французами, каждый говоритъ на своемъ языкѣ, и они отлично понимаютъ другъ друга. Одинъ изъ очевидцевъ слышалъ, какъ русскій матросъ объяснилъ французскому: „Ты то пойми, милый человѣкъ, у насъ сила несокрушима!“ На „Адмиралѣ Нахимовѣ“, ночью, часа въ два, вахтенный офицеръ услышалъ крики на водѣ. Поднялась тревога, стали спускать шлюпку. А человѣкъ унываетъ и все кричитъ: „Vive la France!“ — „Ваше благородіе“, кричитъ матросъ изъ шлюпки, — „должно, французъ, по-французски кричить“. Между тѣмъ шлюпка подняла къ утопающему; протигиваютъ ему весло—отталкиваетъ, бросаютъ ему спасательный буй—онъ братъ не хочетъ. Наспну его вытащили. — „Ты кто такой?“ — „Матросъ съ „Нахимова“.“ — „Какъ же тебѣ угрозило упасть?“ — „Да я не падалъ, я самъ бросился: потому на суднѣ кричать теперь не дозволяется, потому какъ люди спятъ, а мнѣ покричать „внѣ ли Франція“ захотѣлось, оченно ужъ добры они къ нашему брату“, отвѣтилъ подвыпившій матросъ, — „да оно съ моря и слышите...“

Другая сцена:— „Матросъ идетъ по улицѣ въ воскресенье, въ день великолѣпнаго праздника цвѣтовъ. Восторженная толпа аплодируетъ ему, сотни рукъ протягиваются къ нему съ криками: „Vive le Tzar! Vive la Russie!“ Гремѣла „Марсельеза“. Тучи разноцвѣтныхъ confetti наполнили воздухъ, прорѣзываемый градомъ большихъ и малыхъ букетовъ, которые сыплются на нашего матросика. Съ краснымъ лицомъ и палевными кровью глазами онъ размахиваетъ бѣлой фуражкой и кричитъ: „Vive la France!“ Слезы градомъ катятся по лицу взволнованной толпы. Вдругъ нѣсколько паръ рукъ схватываютъ его и съ триумфомъ сажаютъ въ великолѣпную барскую карету, нагруженную цвѣтами и дамами. Вмигъ растерявшійся матросикъ очутился въ объятіяхъ свѣжихъ и нарядно одѣтыхъ дамъ. „Стой! стой!“ кричитъ толпа женщинъ въ орлеанскихъ костюмахъ, протискиваясь къ каретѣ и заставляя ее остановиться: „Мы тоже хотимъ расцѣловать русскаго!“ И матросикъ, снявши фуражку, цѣлуется съ толпой женщинъ, съ торжественнымъ выраженіемъ взволнованнаго и загорѣлаго лица, точно христуется. Карета двинулась, матросикъ пошатнулся и ухватился руками за ея край, и эти руки стали покрывать поцѣлуями мужины, женщины и дѣти... Вокругъ „Терца“ собралась цѣлая флотилія расцвѣченныхъ лодокъ. Солнце ярко свѣтитъ, зажигается поверхность сверкающаго моря, больно жжетъ головы собравшейся публики. Докторъ „Терца“ замѣчаетъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, который сосетъ соску и шуритъ глазки на солнышко. „Закройте ребенка“, кричитъ онъ, „у него можетъ сдѣлаться солнечный ударъ“. Женщина взволнована этимъ вниманіемъ; она срывается съ мѣста, высоко поднимаетъ ребенка надъ водою и кричитъ: — „Именемъ этого ребенка я привѣтствую васъ!“ Два матроса, въ сопровожденіи толпы своихъ французскихъ товарищей, идутъ по улицѣ. Престарѣлый патеръ протискивается къ нимъ, и, снявши шляпу, жметъ имъ руки, каждому онъ даетъ по нѣсколько медальекъ религіознаго содержанія. Потомъ онъ взмахиваетъ шляпой по воздуху и дребезжащимъ голосомъ кричитъ, сверкая глазами: „Vive la Russie!“

Этотъ энтузіазмъ, этотъ восторгъ въ Парижѣ еще усилился. Тотъ же очевидецъ въ своемъ рассказѣ о первой встрѣчѣ русскихъ моряковъ въ Парижѣ, передаетъ: „Толпа кричитъ, волнуется. При-

вѣтствія гремѣть кругомъ. Въ воздухѣ стоятъ крики: „Vive la Russie!“, „Vive le Tzar!“ У многихъ на глазахъ слезы. Это настоящее триумфальное шествіе. Движемся шагомъ. Экипажи облыблены народомъ; стоятъ на подножкахъ, взирая на сзади на верхъ колесокъ, наши моряки не успѣваютъ отвѣчать на рукопожатія. Всюду насъ приветствуютъ веселія, воодушевленные восторгомъ лица. Не можемъ удержать радостныхъ слезъ. Всю дорогу раздаются звуки русскаго національнаго гимна и „Марсельзы“.

Въ Парижѣ никогда еще не было такой величественной, потрясающей манифестаціи—это все говорить въ одинъ голосъ.

„По прибытіи въ „Cercle Militaire“, адмиралъ Авеланъ появляется на балконѣ съ непокрытой головой. Крыши, балконы, окна Оперы и окружающіе ее дома чернятся народомъ. Раздается громовой залпъ приветствій. Картина трогательная, изумительная. Заговорило сердце дорогое, симпатичная душа возродившейся Франціи. Да здравствуютъ наши друзья!“

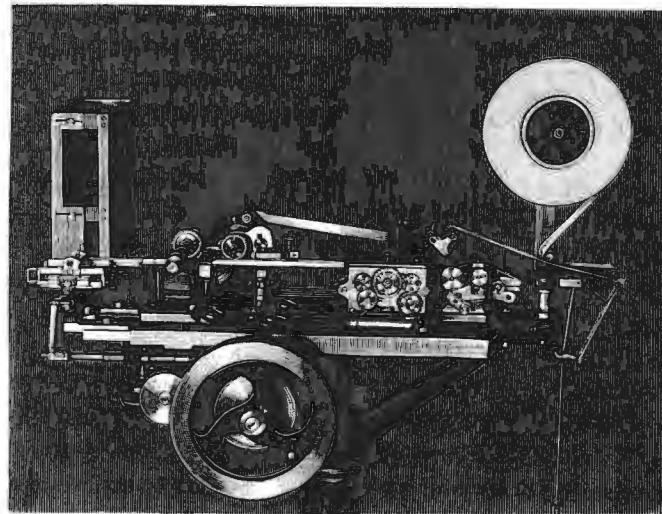
Политическое обозрѣніе.

1 октября, въ день прибытія русскаго эскадры въ Тулонъ, въ Копенгагенѣ Ихъ Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, Великой Княжны Ксении Александровны, принца Вальдемара Датскаго, принцессы Луизы, Викторіи и Маудъ Валійскихъ и многочисленной свиты, отправились на корабельную верфь для торжественной закладки устраиваемой новой Императорской яхты „Штаудартъ“. На верфи Высочайшія Особы были встрѣчены членами правленія верфи и командированными для надзора за постройкою яхты русскими морскими чинами. Находившіеся тамъ же рабочіе верфи и ихъ семейства восторженно приветствовали Ихъ Величества и Ихъ Высочества; хоръ музыкантовъ яхты „Полярная Звѣзда“ игралъ русскій народный гимнъ. По окончаніи церемоніи закладки, Императоръ Всероссийскій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и своею свитою отправился на французское судно „Isly“, бросившее якорь во внутренней гавани и украсившееся флагами. Императорская яхта „Полярная Звѣзда“, судно „Isly“ и прибывшее вмѣстѣ съ „Isly“ второе французское военное судно „Surcouf“ салютовали 30-ю пушечными выстрѣлами. Поздоровавшись съ находившимися на „Isly“ членами французскаго посольства и съ командиромъ и офицерами судна, Его Величество подробно осматривалъ судно, при чемъ выразилъ свое удовольствіе по поводу прекраснаго его устройства по новѣйшему типу. Пробывъ на „Isly“ минутъ 25, Императоръ Всероссийскій и Его Августѣйшіе Сыновья возвратились на бережную гавань. Въ моментъ схода Императора съ „Isly“, яхта „Полярная Звѣзда“, по приказанію Его Величества, салютовала французскія суда 30-ю выстрѣлами.

Русскихъ моряковъ, прибывшихъ въ тотъ же день во Францію, французскія газеты приветствуютъ, выставя на видъ

мирный характеръ визита въ Тулонъ. *Journal de Débats* говоритъ, что празднества, къ которымъ Франція готовится, и которыми державамъ болѣе или менѣе понравятся, но беспокоить не могутъ ни одной изъ нихъ. Газета *Soleil* называетъ союзъ Франціи съ Россією сердечнымъ, прочнымъ, долговременнымъ и мирнымъ; въ этомъ союзѣ нѣтъ ничего вызывающаго, тогда какъ тройственный союзъ тревожитъ весь міръ. *Figaro* говоритъ, что русскіе моряки—вѣстники согласія и мира. *Gaulois* посвящаетъ Русскому Императору статью, полную благодарнаго порыва. Конечно, совѣтныя статьи украшаютъ нѣмецкую прессу, которая, однако, не можетъ не удивиться благоразумнымъ статьямъ англійскихъ газетъ, въ которыхъ отмѣчается, что на тулонское празднество слѣдуетъ смотрѣть, только какъ на новую гарантію мира, и что въ тулонскомъ событіи нѣтъ никакой угрозы ни Англій, ни тройственному союзу. Той же сдержанностью, безупречною тройственному союзу, отличается и посѣщеніе Италіи англійскою эскадрой, подъ начальствомъ адмирала Сеймура,

изъ чего наши недруги хотѣли создать, если не угрозу, то видную контръ-демонстрацію прибытію русскихъ въ Тулонъ. Въ *Hamburger Nachrichten* передаютъ изъ Берлина, что русско-германскіе переговоры идутъ усиленно. Первое чтеніе конвенціоннаго тарифа предполагается окончить на этой недѣлѣ. *National Zeitung* слышала изъ достовѣрнаго источника, что сельско-хозяйственная подкомиссія на будущей недѣлѣ займется разсмотрѣніемъ доставленнаго совѣщаніями русскихъ и германскихъ делегатовъ обильнаго матеріала. Ко всемъ, однако, такимъ сообщеніямъ надо относиться съ большою осторожностью, такъ какъ извѣстно, что переговоры ведутся секретно. Но зато открыто и съ громадной энергіей ведется агитація нѣмецкихъ аграріевъ противъ русско-германскаго торговаго соглашенія.

Первая всероссійская выставка гигиены и спасанія. Автомать-гильзодѣлатель Перро-Минно. Съ фот. грав. Шюблеръ.

СОЧ. ДОСТОЕВСКАГО

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ НА 1894 г. ПРИ ЖУРНАЛѢ

ПОДПИСЧИКИ „НИВЫ“ НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 г. ПОЛУЧАЮТЪ:
52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 КНИГЪ сочиненій Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.
12 ВЫПУСКОВЪ „Ежемесячнаго литературнаго прилож.“
12 №№ „Парижскихъ модъ“ (съ 300 модн. рис. въ годъ).
12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ (съ 600 рисунк. и чертежами въ теченіе года).

2 ОФОРТА профессора Ив. Ив. Шишкина.
КАРТИНА проф. Ю. Ю. Клевера „Островъ Наргенъ“, отпечатан. 15 красками.

КАРТИНА художника Расмуссена „Неро-Фюрдъ въ Норвегій“, отпечатан. 18 красками.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за годовое изданіе

„НИВЫ“

со всеѣми приложеніями:

безъ доставки въ С.-Петербургъ . . .	5 Р.
съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .	6 Р. 50 К.
безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. Н. Печковской . . .	6 Р.
съ пересылкою иногороднымъ . . .	7 Р.
За границу . . .	10 Р.

Съ требованіями обращаться въ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ журнала „НИВА“, СПБ., Невскій пр., № 6.

„НИВА“

Berliner Tageblatt сообщает о слѣдующемъ постановленіи въ Галлэ: „Нѣмецкое сельское хозяйство не въ состояніи будетъ вынести положенія, которое создается пониженіемъ таможенныхъ пошлинъ на русское зерно. Россія имѣетъ огромныя экономическія преимущества предъ Германіею, благодаря дешевому рабочему труду, хищническому хозяйству, общинному управленію и низкой денежной валютѣ. Пониженіе тарифовъ ниже 5-ти марокъ за двойной центнеръ на русскій хлѣбъ (рожь и пшеницу) и уменьшеніе другихъ таможенныхъ тарифовъ на русскіе сельско-хозяйственные продукты будутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣмецкое сельское хозяйство станетъ въ невозможное положеніе. Мы просимъ, поэтому, всѣ союзныя правительства и рейхстагъ оставить существующія сей-

часъ таможенныя пошлины на русскій хлѣбъ и, по мѣрѣ паденія цѣнности русской валюты, ихъ постоянно повышать.

1-го октября въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхсрата обсуждалось объявленное въ Прагѣ малое осадное положеніе. Младочешскій депутатъ Эйль въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказался противъ него, назвавъ его фiasco политики графа Таафе. Нѣмецко-національная партія тоже протестовала противъ этой мѣры, какъ направленной противъ національнаго стремленія. Подобные отзывы давали еще вождь антисемитовъ Люгеръ и южно-славянскій Біанкнип. Депутатъ Гейльсбергъ заявилъ отъ имени нѣмецко-либеральной партіи, что хотя партія не входитъ въ обсужденіе принятыхъ въ Прагѣ мѣръ, но полагаеть, что онѣ вызваны ошибочною политикою правительства.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества изволили отбыть 6-го октября, въ 11 час. 45 минутъ утра, на Императорской яхтѣ „Полярная Звѣзда“, изъ Копенгагена.

— Его Императорское Величество Государь Императоръ Всемилолюбивѣе соизволилъ пожертвовать въ пользу семействъ моряковъ, погибшихъ на броненосцѣ „Русалка“, 5.000 рублей.

— Съ Высочайшаго разрѣшенія объявлено министромъ Финансовъ распоряженіе о временномъ, подъ обезпеченіе золота, выпускѣ кредитныхъ билетовъ на сумму 50 милліоновъ рублей.

— Въ *Провит. Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее повелѣніе о ратификаціи международной санитарной конвенціи.

— Съ 6 октября установлено прямое сообщеніе между Москвою и Челябинскомъ.

— Съ 1889 по 1892 гг. въ Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Киевскомъ и Новороссійскомъ университетахъ допущено къ окончательнымъ испытаніямъ 5.060 лицъ. Изъ нихъ получили дипломы первой степени 1.857 и второй степени 2.030; остальные же не выдержали экзаменовъ.

— При обществѣ для содѣйствія нуждающимся студентамъ С.-Петербургскаго универ-

ситета учреждена коммиссія по присканію уроковъ и другихъ занятій студентами.

— 5 (17) октября, въ замкѣ Лафоре, во Франціи, скончался на 85 году жизни маршалъ Макъ-Магонъ, герцогъ Маджентскій, бывший президентъ Французской республики.

— 5 (17) октября угасъ одинъ изъ самыхъ яркихъ свѣточей современнаго искусства, извѣстный композиторъ „Фауста“, Шарль Франсуа Гуно, 75 лѣтъ отъ роду. Въ № 3 *Нивы* за текущій годъ помѣщенъ большой, гравированный Бодомъ, портретъ его, писанный Кароліусомъ Дюраномъ, и дана обстоятельная біографія съ очеркомъ дѣятельности.

Смѣсь.

Простое средство отъ мозолей даетъ „Journal de Pharmacie et de chimie“. Оно состоитъ изъ смѣси 1 части индійскаго ляннаго экстракта, 10 частей силициловой кислоты, 5 частей скипидару съ 82 частями коллодія, къ которымъ нужно прибавить 2 части уксусной кислоты. (з.)

Движеніе глетчеровъ. Болѣе 16 лѣтъ тому назадъ одинъ итальянскій сенаторъ уронилъ какъ-то во время одного своего путешествія по Альпамъ свой сюртукъ въ расщелину глетчеровъ. Проводникъ замѣтилъ ему, что, благодаря движенію глетчера, лѣтъ черезъ семнадцать, сюртукъ появится у устья расщелины. Недавно

одна партія альпійскихъ туристовъ замѣтила на льдинѣ какое-то платье, — это и былъ злополучный сюртукъ итальянскаго сенатора, медленно опускавшійся въ ледяную бездну. (з.)

СОДЕРЖАНІЕ: Дмитрий Васильевичъ Григоровичъ (съ портр.). — Исатель приключеній. Повесть 1. Ясинскаго. (Продолженіе). — Городъ Таганрогъ. Очеркъ М. В. Измайловича (съ 7 рис.). — Студія скульптора Перевъ съ лѣвцаго В. Крейшера (съ 5 рис.). — Письма съ Колумбійской всемірной выставки. Очеркъ Г. Снамонн. Русскій отдѣлъ. — Къ рисункамъ Лѣтописецъ Несторъ (съ рис.). — Гадана (съ рис.). — Художественные критики (съ рис.). — Иллюстрація Гротъ-Юганна къ Гриммовской сказкѣ „Ворона“ (съ рис.). — Профессоръ А. Н. Бенетовъ (съ портр.). — Земляная работа на Сибирской желѣзной дорогѣ (съ рис.). — Автоматъ-гильзодѣлатель Перро-Минно (съ рис.). — Приемъ русскихъ моряковъ во Франціи (съ 5 рис.). — Политическое обозрѣніе. — О подпискѣ на „Ниву“ 1894 г. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Нн. М. Н. Волконскій.

РАМЫ для премій „Нивы“ 1893 г. — десяти акварелей извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Рамы сдѣланы подъ орѣхъ, съ рѣзьбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ виду громаднаго спроса на рамы, мы можемъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по слѣдующей весьма недорогой цѣнѣ: гг. городскимъ подписчикамъ по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 к., 10 рамъ за 8 р. 50 коп. (со стеклами); гг. московскимъ подписчикамъ (у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи) по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 коп., 10 рамъ 8 руб. 50 коп. (безъ стеколъ); гг. иногороднымъ подписчикамъ высылаются не менѣе 5 рамъ, съ ящикомъ и упаковкою за 4 руб., а 10 рамъ за 7 р. 50 к. (безъ стеколъ). Рамы вѣсятъ лаются по жел. дор. или чрезъ транспортн. контору. Стоимость пересылки улачивается адресатами на мѣстѣ, при полученіи посылки.

Съ требованіями обращаться въ СПБ-гь, въ Контору журнала „Нива“, Невскій, д. 6.

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Прейсъ-кур. почтовыхъ марокъ на 1893 г. высылаю за 14 коп. почт. марк. — Б. Гостонскій, с. Потокъ, ст. Мироновка, Киев. г.

НОВАЯ КНИГА С. ГОДЛЕВСКАГО:

„Основы современнаго развитія“ продается у Вольфа, Стасюлевича, Мартынова и другихъ извѣстныхъ книжныхъ магазиновъ. № 6583

ЛЕВИНГЕСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ПИСАТЬ не только красиво но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кал. Э. Ковидарисъ. № 6519 10—4

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (36)

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1894 Г.

ЗА ТРИ РУБ.

ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

РУСЬ.

Желая сдѣлать чтеніе ежедневной газеты общедоступнымъ, мы принимаемъ съ 1 Января, съ Божіею помощью, при главномъ и постоянномъ участіи талантливаго писателя К. Тхоржевскаго, изданіе ежедневной газеты, ЗА ТРИ РУБЛЯ съ пересылкою.

Въ газетѣ будутъ помѣщаться: передовыя статьи, правительственныя извѣстія, телеграммы Сѣвернаго Агентства и собственные письма изъ разныхъ мѣстъ провинціи, хроника: петербургская, внутренняя, иностранная, судебная, художественная, фельетоны, маленькіе рассказы, сцены изъ жизни, загадки, коммерческія, биржевыя, театральныя и справочный отдѣлы.

Военные подписчики будутъ получать еженедѣльно приказы за недѣлю.

Въ газетѣ будутъ всѣ новости и интересующія всякаго извѣстія.

Подписка на газету допускается для служащихъ и для духовенства съ разсрочкою по 1 рублю въ треть.

Допускается подписка на четверть года, съ 1 Января, съ 1 Апрѣля и съ 1 Октября, по 1 рублю за четверть года.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА

№ 6576

и

принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, Большая Итальянская, № 37. За подписку въ другомъ мѣстѣ редакція не отвѣчаетъ.

Редакторъ-Издатель князь Мещерскій.

УКРАШЕНИЕ для ЕЛОКЪ

для Г. иногородныхъ составлены коллекци:

Въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекция, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшения елокъ. Коллекци въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодны для большихъ семействъ, школы, приютовъ, базаровъ, собраний, Слаторворительныхъ цѣлей, пансионовъ и пр.

Покорнѣе прошу дать заказы на эти коллекци немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всея заграничныя новосты, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.

Товары перес. наложен. платежѣмъ.
Телеграфныя заказы исполняются немедленно.

С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20—21.

БАЗАРЪ МАРОКЪ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ

искусственными БРИЛЛИАНТАМИ:

превосходными БРИЛЛИАНТАМИ:
БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ НАКЛАДКИ такъ что трудно отличить отъ наст. бриллиант.
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6578 8—1
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 401. Золотая браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к.
№ 308. Золотая брошка съ 8 бриллиантами, похоже на браслетъ № 401. Шт. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к.

По новой системѣ № 6452 КРАСИВО ПИСАТЬ и двойной итальянской 10—4 БУХГАЛТЕРИИ

выучивая всякаго заочпо (посредствомъ письменныхъ сношеній); за успѣхъ гарантій.
Пробный урокъ высылаю бесплатно. По окончаніи курса выдаю свидѣтельство.
Москва, Покровка, А. С. Шаманскому.

НОВОСТИ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

Типъ Топъ
превосходно сдѣланъ изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ вышкелюван. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бокъ раздвигается какъ у гармоніи, очень выстигательный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (4)
3 разн. по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежѣмъ.

С. Петербургъ,
Невск. пр., № 20-44.

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ У ЗЕМСКАГО

кинопродавца, въ Россійскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ, въ Москвѣ, въ зданіи „Славянскаго Базара“, на Никольской ул.

СИСТЕМЫ И МЕТОДЫ ПРОФЕССОРА ОЛЕНДОРФА

изданіе 4-е.

для изученія французскаго и нѣмецкаго языковъ въ 5 1/2 мѣсяцевъ.

САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

съ приложеніемъ особаго отдѣла, въ которомъ имѣются самыя разнообразныя формы и образцы писемъ: дружескихъ, любовныхъ, родственныхъ, торговыхъ и другихъ, которыя можно писать по-французски. Кромѣ того весьма полезна для учениковъ, какъ вспомогательное руководство для сдачи экзаменовъ.

Предлагаемый русскимъ, желающимъ выучиться безъ помощи учителя въ 5 1/2 мѣсяцевъ правильно читать, писать и говорить по-французски, составленъ по новѣйшему, усовершенствованному методу известнаго профессора, г. ОЛЕНДОРФА, съ дополненіемъ въ ономъ учебникѣ для учащихся новаго легчайшаго способа изучить французскія слова и нѣкую рѣчь, изображенныя русскими буквами. Обработанъ подъ редакцію учителей французскаго языка Юл. АЛЬБЕРТА и А. В. СВѢТЛОВСКАГО. Съ дополненіемъ особой части, въ которой помѣщены легкія французскія разговоры, необходимыя въ особенности для путешествующихъ русскихъ за границей. Ц. 2 руб. съ пересылкой, въ роскошномъ французскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ.

Примѣчаніе. Приступивъ къ изданію настоящаго французскаго учебника, мы, составители, первыми долгому признанию крайне необходимомъ собрать лучшія руководства, какъ вспомогательные материалы, какіе только были до сего времени изданы для изученія французскаго языка и при этомъ сочли святою обязанностію дать публикѣ не какую-либо жалкую компиляцію, изъ среды которой и безъ того уже не мало разгуливаютъ таковыя популярныя изданія среди русскаго люда, того русскаго люда, который съ стремленіемъ жаждою любознательности старается изыскать средство изучить французскій языкъ по необходимости безъ помощи учителя, то есть найти то дѣльное руководство, которое было бы составлено толково и просто и могло бы вполне удовлетворить цѣлесообразному требованію. Рекомендуемъ нашу книгу желающимъ ее имѣть, въ которой мы даемъ вѣрный и новый приемъ выучиться по-французски говорить, писать и правильно читать безъ мажнѣйшей помощи учителя, въ самое кратчайшее время. При составленіи оного самоучителя нами были пересмотрѣны все лучшіе учебники со всеми упрощенными методами, изъ которыхъ мы и составили полный и ясный, толковый конспектъ, преимущественно изъ статей легкыхъ разговоровъ и фразъ съ легкой, просто изложенной французской грамматикой. Кромѣ того, мы нашъ учебникъ для самоучекъ обработали, дополнили и усовершенствовали по новой системѣ, еще до сего времени не бывавшей ни въ одномъ изъ лучшихъ учебниковъ за исключеніемъ въ своемъ родѣ прекраснаго изданія донтора Хана, который былъ одобренъ ученымъ комитетомъ и распроданъ съ поразительной быстротой въ самое короткое время, а новымъ

Точь-въ-точь безусловно такой же системы, какъ и французскій, о чемъ уже выше сказано, имѣется въ продажѣ САМОУЧИТЕЛЬ И НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, № 6573
по этой послѣдней нѣсколько полнѣе, и по этой же методѣ ОЛЕНДОРФА. Цена съ пересылкой 2 рубля, а во французскомъ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 рубля съ пересылкой.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—19

Иллюстрированныя прейсъ-курранты по потребованіямъ высылаются безвозмездно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 6554
6—2

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянской, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

Докторъ Фамилія
Элегантная дверная доска вел. 16×8 сан. изъ сукасной бронзы излито полированными рельефными буквами. Ц. въ 2 строки 2 р. 50 к., въ 3 стр. 3 р. Заказы изъ провинціи исполн. немедленно. Александръ Лийвъ, СПБ., Садовая, 45. Завед. рельефн. надписей и каучук. штампел.

Нах. плат. разе. новая книга
ПОЧВЫ И МЕЛИОРАЦІИ ИХЪ
М. И. Трухановскаго, канд. сел. хоз., земледѣльца и преподавателя землед. училища. Ученіе почвъ. Осушка земель. Раздѣлка болотъ подъ пашню и покосъ. Орошеніе. Укрѣпленіе легучихъ песковъ и пр. 1 р. 50 к. съ перес. Складъ: Саратовъ, Маринское земледѣльческое училище, М. И. Трухановскому. Отзвѣы въ спец. и общ. изданіяхъ.

БРОШЮРА:
ВОЛОСЫ,
ихъ значеніе, здоровье
и уходъ за ними.
Составилъ провизоръ
А. М. ОСТРОУМОВЪ.
Продается по 10 коп. въ книжкахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

3-й ВЫИГРЫШНЫЙ

(Дворянскій) заемъ, 1 Ноября тиражъ, продаетъ

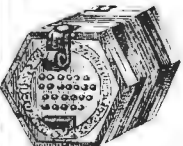
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

58 НЕВСКІЙ, СПБ.

№ 6389 5 4

АНГЛЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО,

небольшой инструментъ очень прїятнаго тона съ полной хроматической гаммою на которомъ можно легко научиться играть.

СОПРАНО 48-тонныя въ 24, 3^а, 40, 55, 70, 100, 125, 140 руб. и дороже, 56-тонныя въ 200 и 225 р.

БАРИТОНЫ 48-тонныя въ 85, 100 и 225 руб.

Самоучитель Ротштейна 2 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо

Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52-27
За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условия. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ТОВАРИЩЕСТВА СЫНОВЕЙ
А. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ
въ Москвѣ
Жемчугъ

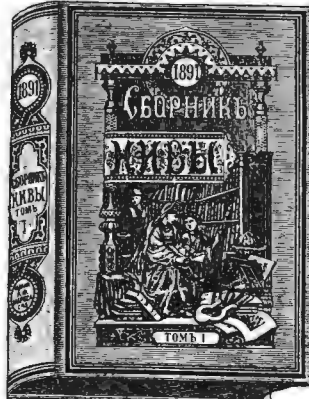
Книга: ПУТЕВОДИТЕЛЬ и СОБЕСѢДНИКЪ въ путешествіи по № 6579 2-1
КАВКАЗУ.

М. Владыкина. 2 тома, съ картою Кавказа, ц. 5 р. Складъ изданія: Нижинный магазинъ

Ө. А. БОГДАНОВА.
Москва, Петровка, Петровская лин., № 5.
Выписыв. изъ склада за перес. не платятъ.

ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ЛИЗОЛИНЪ
ДЕЗОДОРИЗАЦИОННАЯ
жидкость
Разр. СПб. Врачеб. Управ. Прод. въ лучш. аптеч. магаз.
Оптов. продажа въ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
СПб. площ. Александринск. театра, 9.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый свѣтъ, 37. 8-6

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ СЕСТУКЪ
НАХАНТЪЯ
ВОЗСЪЛЪЯ
РОССІИ
ПРЕДУСТРЕЖАЕМЪ
ИТЬ ФАБРИКАНЪ
МАРКЪ

КОЛЕНКОРОВЫЯ КРЫШКИ

на книги „Сборника Нивы“ за 1893 годъ.

Крышки изготовлены изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ илциными тисненіями золотомъ и краскою. Всего 6 крышекъ, изъ которыхъ три на поли. собр. соч. Ломоносова, Екатерины II и Фонвизина, и три на „Сборникъ“ (въ каждую крышку переплетается 3 книги Сборника). Цѣна одной крышки 25 коп., съ перес. 60 коп., а всѣмъ шести 1 р. 50 н., съ пересылкою 2 р. 50 н.
Съ требованіями обращаться въ СПб., въ контору „Нивы“, Невскій, 6.

ШТОРЫ „ФРИДМЕНЪ“

безъ употребленія гвоздей.
Придѣлка къ окнамъ на снѣгъ магазина. Исключительно въ магазинѣ бѣлыя С. Фридменъ, Большая Морская, 26. 2-2

ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА
ФАБРИКИ И. ТРАУПЪ.
ИЗВѢСТНЫЕ въ Россіи быстрымъ, мягкимъ помоломъ и отсутствіемъ ковки.
ОТЗЫВЫ ВЫСЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.
КОНТОРА В. Б. ЖУКОВСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

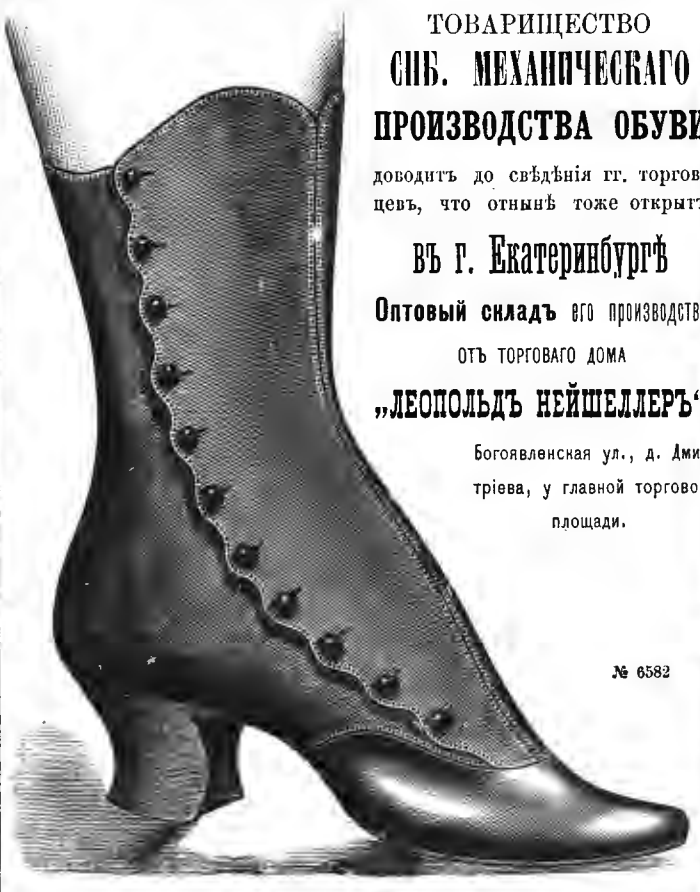
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просятъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, который снабженъ каждый флаконъ настоящимъ желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ этикетки и ярлыковъ.
Ш. № 6149 28-17

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. Павленкова:

ДОЛОЙ ОРУЖІЕ!

АНТИ-ВОЕННЫЙ РОМАНЪ
Б. Зуттнеръ.

Переводъ съ нѣмецкаго. Компактное изданіе въ 2 столбца. Цѣна 80 коп.

ТОВАРИЩЕСТВО СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ

доводитъ до свѣдѣнія гг. торговцевъ, что отнынѣ тоже открытъ

въ г. Екатеринбургѣ

Оптовый складъ его производства

отъ торговаго дома

„ЛЕОПОЛЬДЪ НЕЙШЕЛЛЕРЪ“

Богоявленская ул., д. Амтриева, у главной торговой площади.

№ 6582

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'HIVER, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & CIE
PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN LANGUE RUSSE

НАРОДНАЯ

ЦИТРА

очень любимый и легко изучаемый музыкальный инструментъ.

Въ теченіе 1 часа можно выуч. играть. Звукъ очень мягкіе и прїятельскіе. Подробное описаніе выс. безплатно. 7-ми медальныя, съ приспособ. для настройки только 6 р. Лучш. работы и сильѣе въ тонѣ 9 р. Ноты 10 альбомовъ по 50 коп., пересылка за 15 фунт. Ц. № 6545 3-8

И. Ф. МИУЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.

КАРМАШНЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 н.

Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6584

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

№ 5930 (13)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Носетика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для лѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требуется похвѣнись А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

НОТЫ

гдѣ-бы и кѣмъ-бы ни были изданы, высылаются наложеннымъ платежемъ

МУЗЫКАЛЬНОЙ ФИРМОЙ

М. БЕРНАРДЪ

СПб., Больш. Морская, № 26.

При требованіи на 5 руб. прилагается бесплатно Мт. № 6533
ДЛЯ ВСѢХЪ СЛОНЯЩИХЪ ПЬЕЦЪ.

XXIV г.

№ 43

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выданъ 23 октября 1893 г.

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ до-
ставки въ
СПБ. . . . 5 р.

Съ дост.
въ СПБ. . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою. . . . 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

Подписка въ
РАЗСРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
см. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1893 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Худож. Альбомомъ, Сборникомъ, и пр.

Оба удивлены. Съ карт. Фр. Мокка, грав. Берике.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Графъ Олуховскій съ широкимъ польскимъ гостеприимствомъ старался сдѣлать пребываніе Ромуальда въ деревнѣ какъ можно менѣе скучнымъ. Однакоже, съ теченіемъ времени, графу самому прискучило развлекать и занимать Михольскаго. У него явились свои заботы—распоряжаться текущими дѣлами. Постепенно Михольскій былъ предоставленъ самому себѣ и обществу кашеллана, и встрѣчался съ Олуховскимъ только за обѣдомъ, да и то не всегда. Однажды онъ заговорилъ, что ему пора уѣзжать, но графъ возразилъ на это:

— Князь Войдылда просилъ меня не отпускать васъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пріѣдетъ самъ изъ Кіева, а пріѣдетъ онъ скоро. Что дѣлать, папъ Михольскій, я исполню волю князя.

Михольскій становился унылъ. Жизнь въ Моцлавкѣ, среди великолѣпной обстановки, утомляла его своимъ пустыннымъ однообразіемъ; и когда онъ гулялъ въ английский паркѣ, глядѣлъ на мраморныя статуи, осыпаемая желтымъ листомъ, или на окна роскошнаго дома, позлащенные тихимъ свѣтомъ заходящаго солнца, въ его душѣ возникало сожалѣніе о напрасно и безплодно протекающихъ дняхъ.

Письма, полученныя отъ Антонины Антоновны и привезенныя въ Моцлавку изъ Кіева, не могли особенно развеселить молодого человѣка. Благодарствительница жаловалась на то, что ей нѣтъ житья въ Соколовкѣ отъ Олимпиады и Ольги, въ особенности, отъ Ольги, и заклинала своего воспитанника найти себѣ невѣсту въ Польшѣ и жениться на приличной дѣвушкѣ-католичкѣ. Олимпиада, по мнѣнію Антонины Антоновны, была бы еще сносною женой, хотя и любить, какъ змѣя, жалить исподтишка. Но Ольга, Ольга! Недавно она заявила мачихѣ, что обратится къ предводителю дворянства съ жалобой на нее, если ей не будетъ позволено переписываться съ Михольскимъ. „Знаю, мой коханный Ромуальдъ, писала Антонина Антоновна, — что ты никогда серьезно не думалъ объ этой дѣвчонкѣ, а потому я очень смѣялась ея злой выходкѣ. Кончилось все тѣмъ, что пока Ольга наша путь къ предводителю, я знала ближайшую дорогу къ Максиму Петровичу, и тотъ, въ виду несовершеннолѣтія непочтительной и непокорной дочери, предоставилъ мнѣ распорядиться съ нею, какъ я найду нужнымъ. У меня отъ радости дрожитъ перо въ рукѣ, что я сломила наглость Ольги“.

Вмѣсто того, чтобы убить въ сердцѣ Ромуальда чувство къ Ольгѣ, письмо Антонины Антоновны раззадорило и раздуло едва теплившійся огонекъ въ яркій пламень. Михольскому было жаль Ольги; онъ представлялъ себѣ ея слезы, ссоры съ мачихой, какъ ее обижаютъ въ Соколовкѣ и, можетъ-быть, наказываютъ, и у него темнѣло въ глазахъ отъ досады и гнѣва. Одиночество, среди котораго онъ жилъ въ Моцлавкѣ, въ значительной мѣрѣ способствовало этому настроенію молодого человѣка; Ольга словно выступила изъ тумана, приблизилась къ его изголовью, и онъ ясно увидѣлъ, что она съ мольбой протягиваетъ къ нему руки. Развѣ онъ не потомокъ рыцаря? Чортъ возьми, нельзя безнаказанно грубо обращаться съ Ольгой; со временемъ онъ оплатитъ за все Антонинѣ Антоновнѣ! И ужъ, во всякомъ случаѣ, на зло ей, этой бездушной женщинѣ, онъ женится на Ольгѣ и положитъ къ ея ногамъ сундукъ королевы Бонны.

Михольскаго стала мучить жизнь въ Моцлавкѣ; чтобы разсѣяться, онъ собрался къ подкоморію, къ тому са-

мому восьмидесятилѣтнему старику, котораго онъ встрѣтилъ у пана Румицкаго.

— А, вы хотите видѣть Чаплика? спросилъ графъ Олуховскій.—Что же, поѣзжайте, посмотрите на обломокъ старины!

Ромуальдъ, словно предчувствуя, что уже не вернется въ Моцлавку, взялъ съ собой свой чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ и послѣ завтрака отправился въ Ясленки, имѣніе эксъ-подкоморія Чаплика. Мужики, принадлежавшіе Чаплику, жили въ бѣдныхъ хатахъ, крытыхъ соломой, но чисто выбѣленныхъ. На улицахъ, хотя и кривыхъ, лужъ не было, потому что по обѣимъ сторонамъ дороги помѣщикъ велѣлъ выкопать узкія и глубокія канавы. Православная церковь возвышалась посреди села, а немного поодаль видѣлся крестъ стариннаго католическаго костела, напоминавшій собой большой амбаръ съ высокой острой кровлей.

Усадьба Чаплика лежала на выѣздѣ, на другомъ концѣ Ясленокъ; ее окружалъ тѣнистый садъ. Домъ былъ невеликъ и, подобно крестьянскимъ хатамъ, покрытъ соломой; обширные огороды примыкали къ нему. Дворня выскочила встрѣчать гостя, одѣтая въ „кубраки“—въ холщевые кунтуши, обшитыя синей китайкой. Подкоморій вышелъ къ Михольскому навстрѣчу и расцѣловался съ молодымъ человѣкомъ.

— Я не зналъ, что современные поляки такъ любезны, ворчливо сказалъ старикъ.— Я полагалъ, что на Украинѣ ужъ нѣтъ поляковъ. Милости прошу.

Онъ ввелъ Михольскаго въ комнаты. Эти комнаты были убраны со старосвѣтской простотой—полы покрашенныя, стѣны неоклеенныя обоями, а обитыя холстомъ съ пестрыми разводами, мебель—прошлаго вѣка, дубовая и ясеневая, вмѣсто картинъ—портреты знаменитыхъ польскихъ людей: Костюшки, Корсака, Чарнецкаго, Якуба Михольскаго, Яна Собѣскаго.

— Я представлю тебѣ своихъ домочадцевъ! сказалъ старикъ.

И черезъ нѣкоторое время Михольскій познакомился съ его сыновьями и женами сыновей, съ его внуками и внучками и съ его старухой-женой, а также съ дворянами и дворянками, проживавшими въ Ясленкахъ на иждивеніи эксъ-подкоморія Чаплика. Михольскій удивился, что въ такомъ небольшомъ домѣ живетъ столько народу. Было весело, но не шумно въ домѣ Чаплика. Барышни играли на клавиринахъ и пѣли, молодые люди забавлялись шахматами, пожилые играли въ вистъ по маленькой. За обѣдомъ всѣ вели себя необыкновенно чинно и смолкали, когда подкоморій или гость начинали говорить.

— Имѣніе у меня небольшое, но все-таки хватитъ моимъ потомкамъ, сказалъ эксъ-подкоморій.—Я не прижимаю крестьянъ, подобно Румицкому, и не стремлюсь заводить себѣ палаты,—Богъ тѣсноту любитъ. Зато каждый день мы сыты, и, на всякій случай, у насъ бережена копейка. Всѣ мои дочери и внучки получили воспитаніе въ Варшавѣ и въ Кіевѣ, а внуки воспитываются теперь въ университетѣ. Наша бібліотека наполнена настоящими книгами, а не деревянными обрубками, обложенными въ золоченую кожу, какъ у пана Румицкаго. Мы не пускаемъ пыли въ глаза, но хочу пану сказать, что наши колдуны лучше и патріотичнѣе всѣхъ тонкихъ блюдъ, которыя ему случалось кушать даже у князя Войдылда. Поэтому я требую, чтобы папъ съѣлъ еще тарелку.

Михольскаго уложили спать послѣ обѣда, и едва онъ проснулся, какъ началось опять угощеніе. Куда бы

онъ ни обернулся, всюду онъ видѣлъ доброжелательныя улыбки и готовность ему служить. Чувствовался недостатокъ въ почтенномъ домѣ, несмотря на то, что, кромѣ гостей и стариковъ, всѣ ѣли не серебряными ложками, а деревянными.

— Послушай, панъ Михольскій, пойдѣмъ ко мнѣ, запремся хорошенько на замокъ и потолкуемъ съ тобой объ одномъ дѣлѣ, сказалъ Чапликъ, уводя молодого человека въ отдѣльную комнату, гдѣ стоялъ сундукъ, окованный желѣзомъ, и на стѣнѣ висѣли огромные точеные счеты, а на полѣ лежали старыя бумаги и книги.

— Сядемъ, панъ Михольскій, не будемъ ничего скрывать другъ отъ друга; ты совсѣмъ еще молодъ, а я ужъ гляжу въ гробъ. Дай мнѣ твою руку.

Эксъ-подкоморій взялъ руку Михольскаго, пожалъ ее и не выпускалъ изъ своихъ. Ласково глянувъ ему въ глаза своимъ яснымъ, странно сохранившимся, по временамъ сверкающимъ взглядомъ, Чапликъ проговорилъ:

— Твоего дѣда, Якуба Михольскаго, я вижу теперь, какъ жисого: ты удивительно похожъ на него, и этимъ объясняется, почему я къ тебѣ чувствую расположеніе и довѣріе. Хотя я живу далеко отъ всякихъ центровъ, а все же долетаютъ до меня слухи; знаю я, что дѣлается теперь въ Краковѣ, и о чемъ мечтаютъ въ Варшавѣ. Послушай, не даромъ князь Войдылда такимъ почетомъ окружаетъ тебя, и всѣ кіевскіе магнаты, непрерывно другъ передъ другомъ, оказываютъ тебѣ вниманіе. Ты—Михольскій,—это слово хорошо звучитъ для польскаго уха! съ чувствомъ произнесъ эксъ-подкоморій.

Михольскій всталъ и проговорилъ:

— Многоуважаемый панъ Чапликъ, я не понимаю истиннаго значенія твоихъ благородныхъ словъ. Если ты что-нибудь слышалъ—не вѣрь; у меня нѣтъ никакихъ политическихъ цѣлей, въ этомъ даю тебѣ слово! Польшу я люблю, но я не знаю, какъ можно ей теперь служить и чѣмъ. А если ты все не вѣришь и думаешь, что я не хочу тебя посвятить въ свою тайну, то выслушай меня; я расскажу тебѣ все откровенно, какъ ты просишь, и тебѣ станетъ извѣстно, кака я у меня цѣль, и зачѣмъ, и куда я ѣду...

Тутъ онъ рассказалъ эксъ-подкоморію все, что случилось съ нимъ съ самаго перваго дня его выѣзда изъ Соколовки, ничего отъ него не тая; въ заключеніе онъ попросилъ совѣта, что ему дѣлать и какъ выпутаться изъ неловкаго положенія, въ которое онъ неловко попалъ.

— Ахъ, бѣдный юноша! вскричалъ Чапликъ, и затѣмъ строго произнесъ: — Совѣтъ мой вотъ какой: со всѣми быть такимъ же правдивымъ, какъ со мной. А къ князю Войдылду, по-моему, тебѣ не слѣдуетъ показываться на глаза, продолжалъ онъ. — Рано или поздно онъ узнаетъ, и вельможа онъ строгій, шутить не любитъ. Безъ всякой церемоніи дастъ онъ тебѣ сто плетей, и управы на него не найдешь. Да, да, мой милый, мягче заговорилъ эксъ-подкоморій, — мнѣ жаль тебя, потому что потомку Михольскаго надо было бы вести себя иначе: традиція обязываетъ!

Пока говорилъ Чапликъ, вѣхалъ нарочный въ голубой дивреѣ съ красными петлицами. Старикъ взглянулъ въ окно и сказалъ:

— Моцлавка легка на поминѣ. Гайдукъ князя Войдылда! Ну, коханий, это навѣрно за тобой?

Въ самомъ дѣлѣ, оказалось, что изъ Кіева пріѣхалъ князь и, во что бы то ни стало, пожелалъ сейчасъ же повидать Михольскаго.

Пробѣжавъ письмо Олуховскаго, молодой человекъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и рѣшительно отказался ѣхать въ Моцлавку. Чапликъ поддержалъ его въ этомъ намѣреніи и предложилъ уступить ему за двадцать червонцевъ дорожный тарантасъ, пару лошадей и чело-

вѣка съ тѣмъ, чтобы послѣдній, доставивъ Ромуальда на мѣсто, вернулся назадъ въ Ясленки.

Вечеромъ отиравился Ромуальдъ Михольскій, простившись съ Чапликомъ и его семьей, въ дальнѣйшее путешествіе.

VIII.

Михольскій ѣхалъ днемъ и ночью по проселочнымъ и большимъ дорогамъ Юго-Западнаго края, ночуя въ корчмахъ и изрѣдка заѣзжая къ помѣщикамъ. Онъ миновалъ уже нѣсколько еврейскихъ городовъ, грязныхъ, скучныхъ и охваченныхъ паническимъ страхомъ холеры, которая продолжала у нихъ свирѣпствовать. Наконецъ, поздно вечеромъ онъ пріѣхалъ въ городъ Ружаны.

На усиленный стукъ его, дверь гостиницы отворилась, и на порогѣ появился еврей въ одномъ бѣльѣ. Изступленно почесываясь руками и ухитряясь дѣлать это даже ногой, жидъ спросилъ:

— Вамъ надо комнату?

— Да, да, давай скорѣе.

— Вамъ нужно большую комнату?

— Все равно, какую-нибудь.

— Можетъ-быть, пану пужно маленькую?

— Убирайся къ чорту! Говорятъ тебѣ комнату!

Жидъ захлопнулъ двери, и Михольскій остался одинъ на крыльцѣ подъ дождемъ, который немилосердно лился съ хмураго неба.

Его не пустили точно такъ же въ сосѣднюю гостиницу и, наконецъ, пространствовалъ по грязнымъ улицамъ, онъ рѣшилъ ѣхать въ полицію и потребовать себѣ тамъ ночлега; но по пути увидѣлъ огонекъ, свѣтившійся въ окнѣ приземистаго домика, и постучалъ по стеклу. Чье-то волосатое лицо приблизилось къ окну; раздался голосъ:

— Кто тамъ?

— Прошу ночлега.

— Сейчасъ, подождите.

Въ галлерей послышались шаги, и дверь на улицу отворилась.

— Войдите.

Михольскій вошелъ и увидѣлъ высокую фигуру человека, одѣтаго въ подрясникъ.

— Простите, началъ Михольскій, и объяснилъ, что его не пустили ни въ одну гостиницу.

— Да, да, не пускаютъ, болятся. Холера навела на всѣхъ ужасъ; городъ, можно сказать, въ полномъ уныніи и какъ бы въ заустѣнніи. Позвольте узнать, кто вы такой?

Михольскій назвалъ себя.

— Что же, вы зачѣмъ пріѣхали къ намъ въ городъ? спросилъ священникъ, вводя Михольскаго въ маленькую комнатку, гдѣ пахло мятой и другими лѣкарственными травами, а въ углу предъ образомъ теплилась лампадка.

— Да, видите-ли, у меня умерла тетка, Августина Михольская.

— Католичка, знаю, слышалъ. Такъ и вы католикъ? произнесъ священникъ.—Послѣдство изволите получать, замѣчу мимоходомъ, не совсѣмъ благовременно: унылая погода и печальныя послѣдствія холернаго нашествія сдѣлали Ружаны мѣстомъ, которое можно сравнить съ нашимъ чистилищемъ. Вотъ, потрудитесь расположиться здѣсь, въ этой комнатѣ; вашъ чемоданчикъ внесли. А человека мы накормимъ и обогрѣемъ и лошадей подъ навѣсъ поставимъ. Весьма хорошо выдумали—постучать, помолчавъ, началъ священникъ.

— Вы одни живете? спросилъ Михольскій.

— Мѣсяцъ тому назадъ имѣлъ несчастье похоронить жену, со вздохомъ отвѣчалъ отецъ Христофорскій. — Сказать, все-таки, что я одинъ, не могу, имѣя дочь, нынѣ окончившую благородный пансіонъ въ Вѣлостокѣ

Екатерина Медичи, жена Генриха II—1533 г. † 1589 г.

Марія Медичи, жена Генриха IV—1600 г. † 1642 г.

Анна Австрійская, жена Людовика XIII—1615 г. † 1666 г.

Марія Лещинская, жена Людовика XV—1725 г. † 1768 г.

Марія-Антуанета, жена Людовика XVI—1770 г. † 1793 г.

Жозефина де-ла-Пажери, первая жена Наполеона I—1796 г. † 1814 г.

Марія-Луиза, вторая жена Наполеона I—1810 г. † 1844 г.

Марія-Амалия, жена Людовика-Филиппа—1809 г. † 1866 г.

Императрица Евгения, жена Наполеона III—1853 г.

Г-жа Карно 1887 г.

Изменение женского костюма в течение 3-х вѣковъ по портретамъ супруговъ правителей Франціи.

и приѣхавшую подъ отчий кровъ, дабы облегчить мнѣ веденіе хозяйства послѣ безвременной смерти понады. Тяжеловато мнѣ, вдовцу!

Изъ угла глаза священника выкатилась одинокая слезинка, но онъ отвернулся, чтобы ее скрыть.

— Сейчас, прошу извинить, подадутъ самоварчикъ. Заливную рыбу вы кушаете? Изъ напитковъ держу только аракъ, по случаю холернаго повѣтрія.

Дверь открылась, и на порогѣ показалась молодая дѣвушка въ темномъ платѣ.

— Ты еще не спишь? Это моя дочь. Павочка, поди сюда, посиди съ нами. Приѣзжій господинъ, по имени Михольскій; они явились сюда за полученіемъ наслѣдства послѣ ихъ тетки, Августины Михольской. Мы знали вашу тетку, то-есть знакомы не были. Домикъ у нихъ хорошій и, говорятъ, нѣсколько домиковъ въ Гроднѣ. Богатая была женщина. Однакоже, сколько мнѣ извѣстно... Впрочемъ, не желаю васъ разочаровывать.

— Что такое? обезпокоившись, спросилъ Михольскій.

Священникъ откашлялся.

— Ничего особеннаго. Чтò именно оставлено вамъ— не знаю. Можетъ-быть... Павочка, а что у насъ, кромѣ рыбы, есть? Нѣтъ-ли у насъ курочки? А молоко вкушаете? обратился священникъ къ молодому человѣку и, на его отрицательный отвѣтъ, опять спросилъ: — А масло и творогъ?

Михольскій былъ накормленъ гостепримнымъ священникомъ и уложилъ спать. Засыпая, онъ думалъ о завѣщаніи, которое осталось послѣ тетки Августины, и его была лихорадка.

На другой день молодой человѣкъ отдыхалъ отъ дороги. Къ вечеру, усталый, измученный безконечными отвѣваніями, вернулся отецъ Христофорскій, надѣлъ домашнюю расу и принялся трапезовать. Съ нимъ пришелъ его причетникъ, дячокъ Преображенскій, у котораго на затылкѣ торчала крошечная сѣдая косичка (а у самого священника она была толстая и длинная).

— Кстати, кое-что узналъ я по вашему дѣлу, обратился священникъ къ гостю.—Дѣйствительно, было составлено духовное завѣщаніе, и все недвижимое имущество послѣ смерти г-жи Августины Михольской досталось Подлипальскимъ, а вамъ назначена какая-то движимость. Такъ что завтра же, не теряя времени, отправляйтесь къ поименованнымъ Подлипальскимъ и потребуйте отъ нихъ... Вѣроятно, они безъ всякаго спора сдѣлаютъ васъ причастнымъ тѣхъ благъ, которыя выпали на ихъ долю, можно сказать, довольно неожиданно!

— Я знаю, что мнѣ достался капиталъ, сказалъ Михольскій.

— Возможно, возможно.

— У тетки хранилась историческая шкатулка, наполненная драгоценными вещами, и... и... Я совсѣмъ не слыхалъ раньше о Подлипальскихъ! вдругъ замѣтилъ Ромуальдъ.—Странно, что у насъ есть родственники съ такой фамиліей!

Домъ, въ которомъ скончалась Августина Михольская, принадлежалъ къ числу самыхъ большихъ въ городѣ Ружанахъ; деревянный, онъ покоился на высокому гранитномъ фундаментѣ, заключавшемъ въ себѣ огромные погреба. Колонны на крыльцѣ были веретенообразныя, обращенныя тонкими концами внизъ. Черепичная кровля защищала вмѣстѣ и обширный мезонинъ. Въ окнахъ зеленѣлись фуксіи и другіе комнатные цвѣты. Михольскій позволилъ. Двѣ старыя барышни Подлипальскія, въ папильоткахъ, сдѣланныхъ изъ клочковъ газеты, открыли двери и съ застѣнчивымъ крикомъ исчезли. Вышелъ ихъ братъ, пожилой господинъ съ короткой трубкой въ рукахъ и въ грязномъ лиловомъ галстукѣ.

— Кого вамъ надо?

— Я—Михольскій.

— А я—Подлипальскій.

— Вы получили наслѣдство послѣ моей тетки Августины?

— Не я получилъ, а мои сестры, которымъ благодѣтельница завѣщала свое недвижимое имущество.

— Я хотѣлъ бы взглянуть на завѣщаніе, такъ какъ законнымъ наслѣдникомъ состою я.

— Не горячитесь, панъ Михольскій, замѣтилъ Подлипальскій.—Прошу васъ пожаловать въ салонъ и сѣсть. Знаете, есть русская пословица: „что написано перомъ, не вырубишь топоромъ“. Завѣщаніе формальное, за подписью духовника и нѣсколькихъ свидѣтелей, писано собственной рукой вашей тетки, которая была въ здравомъ умѣ и твердой памяти: спорить противъ него нельзя. Я же извѣщалъ васъ, панъ Михольскій, о томъ, что въ завѣщаніи вы упоминаетесь „въ числѣ“ наслѣдниковъ. Но если намъ, Подлипальскимъ, достались дома за нашу неподкупную любовь къ больной старухѣ, всѣми брошенной и забытой, то вамъ, ея ближайшему родственнику, оказано, во всякомъ случаѣ, рѣдкое вниманіе и, быть-можетъ, завѣщаны такія сокровища, которыя намъ и не снились.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— А клянусь вамъ, какъ честный и благородный человѣкъ. Я, конечно, не знаю, я рѣшительно не знаю, чтò вамъ завѣщано, но, предполагаю, сокровища, потому что объ этомъ съ нѣкоторой глухотой гласитъ завѣщаніе.

— Позвольте мнѣ, наконецъ, взглянуть на завѣщаніе.

— Завѣщаніе хранится въ судѣ. У меня есть засвидѣтельствованная копія, которую и представляю на ваше милостивое благоусмотрѣніе.

Подлипальскій досталъ изъ небольшого столика сложенную четверо бумагу, развернулъ ее и подчеркнул погтемъ пунктъ завѣщанія Августины Михольской:

— „А племяннику моему, Ромуальду Михольскому, оставляю на вѣчное обо мнѣ воспоминаніе кипарисный сундукъ королевы Бонны со всѣмъ, чтò хранится въ немъ, наиболѣе для всѣхъ Михольскихъ дорогимъ“.

Ромуальдъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Сундукъ у васъ?

— Нѣтъ, проговорилъ Подлипальскій, и развелъ руками.

— Гдѣ же? Я васъ спрашиваю! закричалъ Михольскій.

— Тише! Зачѣмъ мы будемъ кричать? Этимъ мы дѣлу не поможемъ. Сундукъ королевы Бонны, о которомъ говорится въ завѣщаніи, и который составляетъ вашу неотъемлемую собственность, находится въ настоящее время за границей.

— Какъ онъ попалъ за границу? Чтò вы говорите? Вы обманываете меня!

— Нисколько не обманываю. Мои интересы требуютъ, напротивъ, чтобы вы были удовлетворены и остались бы довольны тѣмъ, чтò выпало на вашу долю. Сундукъ въ Краковѣ на сохраненіи, въ монастырѣ св. Сульниція, у братьевъ доминиканцевъ. Покойная пани Августина Михольская придавала такое огромное значеніе сундуку, что боялась держать его у себя— можетъ-быть, тамъ есть какія-нибудь неисчислимыя цѣнности или документы на владѣніе землями, универсалы польскихъ королей, клейноды, а, быть-можетъ, камни! Тутъ фантазія свободна и можетъ рисовать какія угодно предположенія. Такъ, не довѣряя никому и даже себѣ самой, она, на всякій случай, дабы избѣжать какихъ-нибудь политическихъ неприятностей, перевела сундукъ въ вѣрныя руки. Скажите, пожалуйста, при чемъ я тутъ? Напротивъ, вы должны быть мнѣ благодарны за сообщенныя мною свѣдѣнія.

— Да, разумѣется, отвѣчалъ Михольскій, вытирая

потъ съ лица раздушоннымъ платкомъ.—Признаюсь, это равносильно, если-бъ я получилъ наслѣдство на лупѣ. Можетъ-быть, тамъ много сокровищъ, но какъ ихъ достанешь?

— Но, положимъ, разница! сказать Подлипальскій.— Если у васъ есть небольшія деньги, легко перебраться за границу, побывать въ монастырѣ и взять свой сундукъ; а письмо къ пріору вамъ дастъ здѣшній ксендзъ.

Михольскій спросилъ:

— Вы говорите, что тамъ могутъ быть универсалы польскихъ королей на обширныя земли?

— О, да, клянусь! Я не утверждаю, но я говорю, что это весьма возможно!

— На какія же владѣнія?

— Какія! А, представьте, на княжество Лабунское, или на городъ Тарунъ. Вы можете предъявить къ правительству искъ!

— Но какимъ образомъ у Августины могли быть такіе универсалы!

— Не знаю. Сундукъ принадлежитъ королевѣ Боннѣ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я Подлипальскій, а вы Михольскій. На сундукъ многіе пріѣзжали смотрѣть, пока онъ хранился у пани Августины. Онъ обитъ желѣзомъ, но это желѣзо и этотъ кипарисъ такой работы, какой теперь вы нигдѣ не найдете. Словомъ, королевская вещь! Читайте дальше завѣщаніе.

— Да что-жъ читать!

— Нѣтъ, нѣтъ, читайте!

— „А по смерти моей три ключа отъ сундука королевы Бонны, имѣющіеся у меня, наслѣдники мои, Подлипальскіе, должны вручить племяннику моему, Михольскому, который одинъ имѣетъ право открыть сундукъ и узнать, что въ немъ содержится.“

— Чудачка старуха! Но, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть въ сундукѣ! вскричалъ Михольскій весело.

— А что, если вы вскрываете, и вдругъ тамъ — брильянтъ съ куриное яйцо! мечтательно сказала Подлипальскій.

— Брильянтъ не брильянтъ, но хотя бы какой-нибудь маленькій универсалъ.

— Универсалъ своимъ порядкомъ! Такъ вотъ, мы сейчасъ вамъ и передадимъ эти ключи, самодовольно промолвилъ Подлипальскій, и позвалъ своихъ сестеръ.

Старья дѣвы уже успѣли распустить папилютки и затянута въ корсеты. Стали онѣ такими тонкими, что издали можно было принять этихъ барышень за ось. Онѣ были одѣты въ синіе казакины, и ихъ длинныя, уже морщинистыя, шеи страшно были вытянуты впередъ, а на влажныхъ губахъ играла широкая улыбка.

Ромуальдъ Михольскій всталъ и поклонился. Онѣ протянули ему руки; онъ долженъ былъ поцѣловать ихъ пальчики. Старья дѣвы жеманно спросили, давно-ли онъ пріѣхалъ, какъ себя чувствуетъ и понравились-ли ему Ружаны? Но Подлипальскій прервалъ ихъ сладкія рѣчи приказаніемъ подать ключи. Дѣвушки востепенулись и, перегоня другъ друга, бросились исполнять возложенное на нихъ порученіе. Съ дѣтскимъ смѣхомъ вернулись онѣ и подали Михольскому ключи.

— Теперь долгъ нашъ, нѣкоторымъ образомъ мой, какъ душеприказчика, исполненъ, произнесъ Подлипальскій. — Можно объ этомъ разговаривать, сколько угодно, а претензій къ намъ вы ужъ имѣть не можете, не правда-ли? А потому лучше всего выпьемъ мы теперь по рюмкѣ, по другой и по третей, да закусимъ ветчиной и полотками, и заключимъ съ вами мировую. Что же касается до помѣщенія, то, разумеется, — не правда-ли, милыя сестры?—пану Михольскому удобнѣе всего было бы переѣхать къ намъ, чѣмъ жить у какого-то нищаго-попа? Для васъ, панъ Михольскій, за небольшую плату, найдется не одна комната... Перебирайтесь, и затѣмъ мы подумаемъ, какъ устроить васъ съ сундукомъ королевы Бонны и какъ получше и по-

скорѣе его добыть. Пойдемте же пить, а то иначе холера пристукнетъ насъ, и тогда пропадетъ ваше наслѣдство, достанется оно монахамъ, чего Боже упаси!

IX.

Не умѣлъ пользоваться Михольскій счастьемъ. Вѣдь, можно было бы съ тысячею червонцевъ поѣхать куда угодно, хоть въ Парижъ. На долю Михольскаго теперь осталось мечтать о королевскихъ универсалахъ, о княжествѣ Лабунскомъ, о брильянтахъ — величиною съ куриное яйцо и выбирать между прихлебательствомъ у паповъ Подлипальскихъ, которые обобрали его, и у священника Христофорскаго, который уже началъ вздыхать, что Михольскій—католикъ, а то хорошо было бы его Павочкѣ выйти замужъ за такого примѣрнаго и пригожаго молодого человѣка, котораго онъ полюбилъ, какъ родного.

Проходили дни и недѣли. Отъ Антонины Антоновны пришло письмо со вложеніемъ ста рублей, но на эти деньги нельзя было доѣхать до Кракова. Ромуальдъ предпочелъ истратить ихъ на подарки Павочкѣ Христофорской и старымъ дѣвамъ Подлипальскимъ, и опять сталъ ждать у моря погоды.

На что надѣялся молодой человѣкъ—сказать трудно; но, должно-быть, въ этой бессознательной надеждѣ было нѣчто дѣйствительное: въ одно прекрасное утро Павочка вѣбжала къ Михольскому, который занимался рисованіемъ картинокъ въ ея альбомѣ, и объявила:

— Васъ спрашиваетъ какой-то еврей.

У Михольскаго дрогнуло сердце. Еврей не ружанскій, потому что ни съ кѣмъ изъ ружанскихъ жидовъ не было у него никакого дѣла; а если не ружанскій, значитъ, какой-то дальній и, значитъ, явился онъ не сирота.

Когда Михольскій вышелъ въ переднюю, онъ увидѣлъ Манделя. Мандель бросился къ его колѣнямъ и сталъ ихъ обнимать съ увлеченіемъ.

— Мандель, Мандель, откуда ты?

— О, панъ Михольскій! Если бы вы были на днѣ морскомъ, я бы васъ тамъ нашелъ! Смотрите на меня, я не Мандель, я лучше, чѣмъ Мандель, я—собака, которая слышитъ, гдѣ ея господинъ. Третья недѣля, какъ я въ пути, третью недѣлю я не сплю и все думаю о васъ, третью недѣлю! Это очень страшно сказано, панъ Михольскій, потому что я могъ умереть отъ холеры, и меня могли убить разбойники, а, вѣдь, я не одинъ, у меня есть порученіе къ пану: я ему везъ и привезъ двѣсти прекрасныхъ червонцевъ. Каждый червонецъ, какъ малый ребенокъ, какъ свѣжая дѣвушка, ей-Богу!

— Подожди, встань, Мандель, расскажи мнѣ толкомъ началъ Михольскій, обрадовавшись. — Откуда двѣсти червонцевъ? Зачѣмъ ты меня разыскивалъ? Кто тебя посылалъ?

— Кто? Если бы у пана не было друзей! Самъ панъ мнѣ говорилъ, что у него друзья вездѣ, но только онъ гордый: онъ бѣгаетъ отъ нихъ, онъ не хочетъ съ ними знаться. Пусть панъ догадается, кто могъ послать ему двѣсти червонцевъ и кто могъ приказать Манделю сдѣлаться собакой и разыскать пана Михольскаго на днѣ морскомъ.

— Кто же? Я не могу сказать,—я не знаю.

— Князь Войдылдъ! съ торжествомъ отвѣчалъ Мандель.—О, Войдылдъ, Войдылдъ, Войдылдъ! Князь Войдылдъ, первый польскій магнатъ! заголосилъ Мандель. — Ему стѣдуетъ сказать только слово, ему стѣдуетъ только подумать, ему стѣдуетъ только дохнуть, чтобы я уже летѣлъ, какъ пухъ. „Мандель, любишь ты пана Михольскаго?“—„Люблю, многоможный князь!“—„Такъ отыщи мнѣ его и отдай ему червонцы, которые я ему долженъ, а если увидишь, что онъ въ нуждѣ, дай ему еще отъ меня пятьдесятъ червонцевъ; если этого бу-

деть мало, дай ему еще двадцать пять; если еще мало, дай еще двадцать пять, такъ что ты дашь ему двѣсти червонцевъ и еще сто червонцевъ...“ Триста прекрасныхъ, невинныхъ, необрубанныхъ пецовъ! съ умилениемъ сказалъ Мандель, и отправилъ руку за пазуху.

Онъ отвязалъ поясъ, набитый золотыми деньгами, и, застегивая одной рукой кафтанъ, другою подаль червонцы пану Михольскому.

— Вотъ! Прощу пересчитать.

— Что считать! возразилъ Михольскій.—Взять бы ты себѣ нѣсколько пецовъ, я былъ бы тебѣ благодаренъ за остальные.

— А панъ мнѣ дастъ нѣсколько пецовъ, я ему тоже буду благодаренъ, отвѣчалъ Мандель съ улыбкой.

— Возьми десять... двадцать... Возьми тридцать червонцевъ! Письма нѣтъ?

— Нѣтъ письма! Князь Войдыдъ на словахъ велѣлъ передать пану Михольскому, чтобъ онъ не попадался больше на глаза тѣмъ, кто на него сердить. Знаетъ панъ, что это значитъ? спросилъ Мандель, не сводя съ Михольскаго своихъ миндалевидныхъ черныхъ глазъ.

— Я не хочу знать, отвѣчалъ Михольскій, потупляясь.—Но пойдн сюда, у меня есть къ тебѣ дѣло.

— Къ Манделю всегда есть дѣло—всегда! вскричалъ еврейчикъ.—Развѣ я не за дѣломъ ѣхалъ къ пану? Пусть во всемъ мнѣ довѣрится ясновельможный панъ!

Михольскій привелъ его въ особую комнату и сказалъ:

— Садись.

— Я сяду при васъ!? Развѣ смѣетъ собака садиться предъ господиномъ?

— Садись! сказалъ Михольскій.

— Я сѣлъ, сказалъ Мандель, торопливо занимая кресло.

Михольскій рассказалъ ему о завѣщаніи тетки Августины и о сундукѣ королевы Бонны. Онъ ждалъ, какой эффектъ произведетъ на Мандела рассказъ объ этомъ сундукѣ, но лукавый Мандель равнодушно пожалъ плечами.

— Ахъ, что такое сундукъ королевы Бонны! Я не смѣю говорить, но мнѣ кажется, что тетка ясновельможнаго пана была не въ своемъ умѣ. Можно завѣщать сундукъ и можно въ сундукъ положить деньги,

можно въ сундукъ положить брильянты и всякіе жемчуги и даже ко. олевскіе универсалы, если они на что-нибудь еще годны. Но развѣ можно отдать его монахамъ! Другое дѣло, если вамъ нужно въ Краковъ. Только Манделю пора уже вѣрять, ясновельможный панъ.

— Ключи у меня, продолжать Ромуальдъ.—Ты посмотри, какіе ключи: каждый ключъ—кружево. Сундукъ отпереть нельзя безъ этихъ ключей.

— Для чего нельзя! сказалъ Мандель.

— Мандель, я живъ не буду, если не увижу этого сундука и не открою его. Я не могу спокойно спать, потому что тамъ запертъ мой сонъ, понимаешь-ли?

— Вы извините меня, я этого не понимаю; но я согласенъ, что тамъ запертъ вашъ сонъ. Такъ вамъ добратся надо въ Краковъ?

— А ты можешь устроить такъ, чтобы я переѣхалъ границу?

— Границу? Границу трудно переѣхать: по всей Польшѣ большая тревога; никого не пускаютъ за границу!

— Я знаю, и рассчитываю на тебя. Ты найдешь для меня дорогу безъ карантинновъ и таможенъ. Ты понялъ меня, мой милый Мандель?

— Пхе! Отчего я не понялъ пана? Съ такими деньгами, какъ у пана, конечно, можно пробраться въ Краковъ, если не повѣсятъ русскіе, австрійцы и поляки. Кто повѣритъ, что мы переходимъ границу тайно и безъ паспортовъ для того, чтобы выпустить на волю сонъ ясновельможнаго пана изъ сундука королевы Бонны? Ни одинъ таможенный чиновникъ этому не повѣритъ!

Михольскій задумался, но чѣмъ дальше, тѣмъ сундукъ королевы Бонны рисовался передъ нимъ въ болѣе и болѣе плѣнительныхъ краскахъ. Онъ махнулъ рукой, тошнунъ погой и вскрикнулъ:

— Была не была, я такъ хочу. Сегодня же выѣзжаемъ.

— Сегодня?.. Хорошо.

— Отъ этого зависить вся моя жизнь! продолжалъ Ромуальдъ.—Я хочу быть, Мандель, магнатомъ, и это мнѣ дастъ сундукъ... Такъ вотъ тебѣ пятьдесятъ пецовъ на руки; дѣлай, какъ хочешь, и къ вечеру чтобъ было все готово!

(Продолженіе будетъ).

Измѣненіе коетюма во Франціи въ теченіе трехъ вѣковъ.

Портреты на стр. 968 и 969).

Еще начиная съ XIV вѣка, законодательная роль въ дѣлѣ установленія вышней обстановки жизни перешла изъ Германіи во Францію, и съ тѣхъ поръ эта роль удержалась за нею до настоящаго времени. — Источникомъ моды, конечно, былъ блестящій французскій Дворъ, который, постепенно возвышался, уже въ XVI вѣкѣ не имѣлъ себѣ равнаго въ Европѣ. Безумная роскошь, проявившаяся при Дворѣ, заразила собою и высше классы тогдашняго общества, такъ что все другъ передъ другомъ щеголяли дорогою отдѣлкою своихъ нарядовъ, тратя безумныя деньги на различныя бездѣлушки и украшенія. Эта пещельная роскошь еще болѣе увеличилась вслѣдствіе того, что въ это время у кормила правленія стояла *Екатерина Медичи*, которая старалась поощрять эту роскошь изъ политическихъ видовъ, желая отвлечь своихъ сыновей отъ участія въ управленіи страной и подчинить ихъ своему влиянію.

Екатерина Медичи, дочь Лоренцо Медичи, герцога Урбинскаго, родилась въ 1519 году, 14-ти лѣтъ прибыла во Францію и здѣсь, при содѣйствіи дяди своего пана Климента VII, вышла замужъ за принца Генриха, внослѣдствіи Генриха II — короля Французскаго. Красивая, образованная, но въ то же время хитрая и немилосердная, она употребила всевозможныя средства для достиженія своихъ цѣлей, лишь-бы только достигъ власти. Хотя Екатерина Медичи сама и любила роскошь, но, овдовѣвъ въ 1559 году, перестала носить дорогие костюмы и цвѣтныя платья, и одѣвалась въ черное, сшитое, болышею частью, по испанской модѣ, но отъ придворныхъ дамъ требовала, чтобы онѣ блистали своими роскошными туалетами... Этимъ способомъ она старалась удалить отъ власти своихъ сыновей, Франциска II, Карла IX и Генриха III, — царствовавшихъ послѣ смерти ея супруга, Генриха II.

Блестящая свита Екатерины Медичи, состоявшая изъ нѣсколькихъ сотенъ дамъ и дѣвицъ, обязана была одѣваться въ дорогія матеріи, отдѣланныя украшеніями самой искуснѣйшей работы. Желая явственно обрисовать формы тѣла, Екатерина Медичи ввела въ моду шпурованье и подбитый китовый усомъ исподній лифъ, называемый корсетомъ. Ей нравились открытыя плечи и шея, вслѣдствіе чего придворныя дамы стали дѣлать вырѣзки въ верхней части лифа. Буфы на плечахъ туго набивались и высоко поднимались вверхъ. Одновременно съ этими плечевыми подушками стали входить въ моду и подушкообразныя подкладки, увеличивающія объемъ бедеръ, вслѣдствіе чего такого рода платье не уступало въ своемъ объемѣ настоящимъ фижмамъ. Головные уборы состояли изъ шапочекъ, разнообразной до безконечности формы, которыя отдѣлывались драгоценными каменьями, жемчугомъ и другими украшеніями. Высокій плюшеый воротникъ (фрезы) считался наряднѣйшей частью дамскаго туалета, при чемъ Екатерина Медичи предоставила одному итальянцу, по имени Винчолл, исключительное право на ихъ изготовленіе и продажу. Башмаки въ это время носили на *небольшихъ* каблучкахъ, но дамы маленькаго роста прибѣгали иногда къ высокой подошвѣ, желая увеличить свой ростъ. При Екатеринѣ Медичи въ первый разъ вошло въ моду ношеніе платковъ, называемыхъ въ то время *touchoirs de Venus*, которые дѣлались изъ дорогой матеріи, роскошно обшивались и должны были быть всегда надутыми.

Екатерина Медичи блестящимъ образомъ достигла тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремилась. Ея влияние особенно сильно оградилось на ея сына Генриха III, слабымъ и чувственнымъ королѣмъ, который, подражая своимъ придворнымъ дамамъ, самъ

Литературный альбомъ, „Прычинна“, Т. Шевченко. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича, грав. Рашевскій.

одъвался подобно кокетливой женщинѣ, иногда прямо въ костюмъamazonки и съ открытою грудью. Рассматривать дорогія вещи, завивать волосы, гладить и гофрировать воротнички—было его любимымъ удовольствіемъ. Рассказываютъ, что въ день своей коронаціи онъ съ такимъ наслажденіемъ предавался этому занятію, что пропустилъ часть, назначенный для торжества, вслѣдствіе чего обѣдня началась гораздо позже, и не успѣли пройтись: „Te Deum“.

Екатерина Медичи скончалась въ 1589 году, по вліянію ея на моду и, вообще, на нравы французскаго общества надолго оставило свой глубокой слѣдъ... Конецъ XVI и начало XVII столѣтія можно съ такимъ-же правомъ называть вѣкомъ Екатерины Медичи, какъ XVIII столѣтіе—вѣкомъ Людовика XIV. Дѣйствительно, и *Марія Медичи* и *Анна Австрійская*, подражая своей предшественницѣ, провели всю свою жизнь въ интригахъ, не гнушались никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей.

Марія Медичи, дочь великаго герцога Тосканскаго Франца III, родилась въ 1573 г., въ 1600 вышла замужъ за Генриха IV, короля Французскаго, который на другой-же день послѣ ея коронаціи былъ убитъ Равальякомъ въ 1610 году. Тѣмъ подозрѣніемъ пала на королеву, и молва громко обвинила ее въ этомъ убійствѣ.—Вскорѣ она сдѣлалась регентшею при малолѣтнемъ сынѣ своемъ Людовикѣ XIII, при чемъ успѣла выказать много способностей не столько въ управленіи страной, сколько въ веденіи интригъ, которыя привели къ тому, что она была заключена въ замокъ Блуа, откуда успѣла бѣжать черезъ окно. Черезъ нѣсколько лѣтъ она снова стала во главѣ правленія, но въ 1630 году была удалена возвышеннымъ ею-же кардиналомъ Ришелье въ замокъ Компьеннъ. Умерла она въ 1642 году въ г. Кельсѣ.

Анна Австрійская, старшая дочь Филиппа III, короля Испанскаго, родилась въ 1601 году, а въ 1615 году вышла замужъ за Людовика XIII. Это была красивая, но честолюбивая и легкомысленная женщина. Раздраженная тѣмъ, что власть перешла въ руки кардинала Ришелье, она вступила въ союзъ съ Маріей Медичи, братомъ короли и всей пансконспанской партіей, желая свергнуть власть перваго министра. Но кардиналъ перехватилъ ея письма, изъ которыхъ оказалось, что она состояла въ перепискѣ съ врагами Франціи. Едва со слезами на глазахъ королева выпросила пощаду у перваго министра. Послѣ смерти Ришелье въ 1642 году и смерти Людовика XIII въ 1643 году, Анна сдѣлалась регентшею, достигла завѣтной мечты, захватила власть въ свои руки, но не долго наслаждалась ею: эту власть она добровольно отдала въ руки Мазарини, который обходился съ нею грубо, даже при постороннихъ. Пока ее преслѣдовалъ Ришелье, она возбуждала сожалѣніе, послѣ же связи съ Мазарини ея ничтожество высказалось вполне. Она умерла въ 1666 г.

Вліяніе этихъ двухъ женщинъ на моду было такое-же, какъ и Екатерины Медичи. Онѣ также поддерживали роскошь, избравъ ее орудіемъ для своихъ цѣлей. мода сдѣлалась еще причудливѣе. Обнаженіе груди все болѣе и болѣе увеличивалось, такъ что папа Иннокентій IX издалъ буллу, въ которой предписалъ закрывать грудь, плечи и руки до локтя непрозрачною матеріею, при чемъ за ослушаніе грозилъ отлученіемъ отъ церкви. При дворѣ Людовика XIII дамы прикрывали грудь и шею кружевными косынками. Послѣ смерти короля косынки были оставлены. Лишь едва застегивался внизу четырьмя петлицами, а сверху раскрывался въ всю длину. Балмаши стали носить съ бантомъ и розеткой на посѣтъ, а для увеличенія роста дѣлали подошвы въ 3 и 4 дюйма толщиной. Появились мушки, которыя наклеивались на лицо, на шею и на грудь, при чемъ имѣли особенное значеніе, смотря по мѣсту, которое занимали: одна обозначала разлуку, другая скорое свиданіе, третья просила терпѣнія, четвертая требовала молчанія и т. д. Около 1620 г. воротнички измѣнили свой прежній фасонъ и изъ высокихъ преобразовались въ широкіе и отогнутые книзу. Въ это время вошло также въ употребленіе поясненіе поясныхъ зеркалецъ, украшенныхъ дорогими камнями часовъ, вѣровъ и муфтъ. На перчатки, косметики, вѣера, духи и зеркальца придворныя дамы тратили безумныя деньги. Такъ, навѣстная Маріонъ Делормъ поддерживала на эти бездѣлушки болѣе 50.000 талеровъ въ годъ!

Въ концѣ XVII вѣка для сохраненія цвѣта кожи и нѣжности лица днемъ носили маски или защищали себя отъ солнечныхъ лучей зонтикомъ и онахаломъ, а на ночь наклеивали на лицо особый, устроенный въ формѣ маски, пластырь (masquin), приготовленный изъ бѣлаго воска, лигуничейской смолы, китоваго жира и камфоры. Назначеніе этого пластыря состояло въ томъ, чтобы сообщать нѣжность кожѣ.

Въ XVIII вѣкѣ установившаяся мода нѣсколько измѣняется. Въ это время на троѣхъ были: *Марія Лещинская* и *Марія Антуанета*.

Марія Лещинская, дочь Станислава Лещинскаго и Екатерины, урожденной Опалинской, родилась въ 1703 году. Когда въ 1709 году, отецъ ея лишился Польскаго престола, она поселилась съ родителями въ Вейсенбургѣ, въ Эльзасѣ, а въ 1725 году вышла замужъ за короля Французскаго Людовика XV.

Марія Антуанета, младшая дочь Германскаго императора

Франца I и Маріи Терезин, родилась въ 1755 году и въ 1770 году вступила въ бракъ съ Людовикомъ XVI. Во время ея брачной церемоніи въ Версалѣ, поднялась страшная буря, разрушившая массу сооружений, подъ развалинами которыхъ погибло до 1200 человекъ. Такое народное бѣдствіе въ день брачной церемоніи, какъ будто, предвѣщало несчастную судьбу повобрачной. И дѣйствительно, эта умная, отличная воспитанная женщина, несмотря на свои симпатичныя душевныя качества, имѣла массу враговъ, которые всячески старались унижить ее въ народномъ мнѣніи за то, что она презирала установленный этикетъ и свободно предавалась удовольствіямъ. Въ началѣ революціи, несмотря на свое доброе сердце и благородство, она получила названіе l'Autrichienne, при чемъ народный голосъ обвинялъ ее въ разстройствѣ финансовыхъ дѣлъ государства, между тѣмъ какъ она тщетно старалась побудить своего супруга къ дѣятельности и энергическимъ мѣрамъ. Утверждали въ народѣ, что громадныя суммы раздаются иностранцамъ. Скандальный процессъ съ ожерельемъ бросилъ еще болѣе тѣнь на Марію Антуанету. Это знаменитое ожерелье, стоившее 1.000.000 фр., было подарено королевѣ кардиналомъ де-Роганъ, по совѣту графини Ламотъ, въ которую кардиналъ былъ влюбленъ. Графиня Ламотъ вскорѣ пріевонила себѣ это ожерелье, вслѣдствіе чего разыгралась цѣлая исторія. Несмотря на то, что Ламотъ была заклеимлена на казнь и посажена въ тюрьму, королева все-таки осталась причастна къ дѣлу.—Въ своемъ несчастіи во время революціи она выказала много твердости: раздѣляла съ мужемъ всѣ опасности во время народнаго волненія, мужественно защищалась передъ революціоннымъ судомъ, выслушала съ твердостью свой смертный приговоръ и пала на эшафотѣ 16-го октября 1793 г.

Первыя измѣненія, коснувшіяся костюма за это время въ XVIII вѣкѣ, заключались въ томъ, что были введены фишмы, забытыя 100 лѣтъ тому назадъ. Относительно появленія ихъ при французскомъ дворѣ рассказываютъ слѣдующій случай.

Въ 1714 году, на придворномъ балу Людовика XIV, появились двѣ знатныя англичанки, одѣтыя въ низкія куафюры и *умяренно* растянутыя юбки. Такой костюмъ очень понравился королю, который немедленно высказалъ свое желаніе, чтобы французскія придворныя дамы перенили этотъ обычай у англичанокъ. Этого замѣчанія было вполне достаточно, чтобы на другой-же день весь дворъ одѣлся на англійскій манеръ, при чемъ очень скоро мода довела *умяренныя* англійскія фишмы до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ что въ 1725 году диаметръ ихъ равнялся 7 футамъ, а окружность 3 саженимъ и 1 футу. Вначалѣ ихъ дѣлали изъ туго накрахмаленнаго полотна, затѣмъ стали употреблять тростникъ, а, наконецъ, китовый усъ и стальную обручъ. Въ виду этого, торговля китовымъ усомъ оживилась и вскорѣ развилась до такой степени, что въ восточной Фриландіи образовалось особое общество китолововъ, которому Генеральные Штаты Нидерландовъ не постѣдились назначить 600 г. флоринновъ въ субсидію, на томъ основаніи, что „*вслѣдствіе чрезвычайнаго потребленія китоваго уса на женскія юбки, торговля имъ становится съ каждымъ днемъ прибылнѣе*“.—Юбки, сдѣланныя на фишмахъ, не давали возможности прикрѣпить внизу шлейфъ, въ виду чего для этой цѣли употреблялся длинный кусокъ матеріи, который прикрѣплялся у пояса и спускался внизъ. Безобразіе увеличилось еще болѣе отъ того, что верхнюю юбку стали носить открытою спереди, обшивая ея конецъ воланами (volants) или фалборомъ, введенною въ употребленіе еще въ 1690 году. Дамамъ небольшого роста приходилось еще болѣе увеличивать сложность своего костюма, такъ какъ вошелъ въ обычай баламакъ на подставкахъ (patins), которыя доходили до 10 дюймовъ. Маски и мушки поемному стали выходить изъ употребленія, но зато набросались на пудру, которую начали употреблять въ чрезвычайно громадномъ количествѣ. Волоса завивали въ локоны.

Послѣ вступленія на престолъ Маріи Антуанеты, мода сдѣлалась чрезвычайно подвижной и неустойчивой, такъ какъ королева почти ежедневно мѣняла фасоны платья, при помощи знаменитой модистки того времени m-lle Бергазъ и танцовщицы Гимаръ. Чтобы судить о прихотливости королевы, достаточно сказать, что, начиная съ 1784 г., въ теченіе двухъ лѣтъ, фасонъ платья, употребляемыхъ при дворѣ, перемѣнился 17 разъ. Сама королева одѣвалась до такой степени своеобразно, что Марія Терезія однажды возвратила присланный дочерью портретъ съ надписью слѣдующаго содержанія: „*Вмѣсто королевы Французской, которую я хотѣла любоваться на портретѣ, я увидѣла разряженную танцовщицу. Безъ сомнѣнія, портретомъ ошиблись и прислали не тогъ, который предназначался мнѣ*“. Объемъ прически и ея хитрости увеличились до такой степени, что доставляли громадныя заработки парикмахерамъ, которые, подъ вліяніемъ моды, поставили себѣ задачею сдѣлаться настоящими художниками на этомъ поприщѣ.

И дѣйствительно, размѣры прически равнялись иногда съ объемомъ головы! Въ 70-хъ годахъ въ первый разъ также на дѣли передникъ, а въ началѣ 80-хъ годовъ стали носить для округленія особы подкладки—турнюры. Кроме того, около

этого времени вошло въ обычай носить зонты, тросточки и зонтики...

Жестокій переворотъ 1789 года, стремившійся уничтожить все существующее, дабы писать законы человечеству на *бл-вой доскѣ*, коснулся всѣхъ сторонъ внутренней, а также и вѣншей жизни человека. Революція хотѣла привить Франціи древнюю греко-римскую добродѣтель, вслѣдствіе чего даже въ костюмѣ хотѣла подражать древнимъ грекамъ и римлянамъ. Живописецъ Луи Давидъ подаль проектъ ввести античный костюмъ, состоящій изъ одной туники, плаща и сандалій, и притомъ одинаковый для мужчинъ и женщинъ... Въ аллеяхъ Люксембурга даже появились дамы, одѣтыя Фринами, Лансами, Асназіями, въ сопровожденіи доблестныхъ Ахиллесовъ, добродѣтельныхъ Аристидовъ и красивыхъ Алкивиадовъ. Однако, уже одни климатическія условія не позволили привиться этому обычаю... Какъ бы тамъ ни было, а такое увлеченіе античнымъ міромъ оставило глубокой слѣдъ на костюмѣ конца XVIII и начала нынѣшняго столѣтія. Оно перекроило все платье по новому образцу,—узкой туники, поднимавшейся немного выше груди, и верхняго платья безъ рукавовъ, спускавшагося цѣлаго ниже колѣнъ. Юбки постепенно суживались и укорачивались; талія поднималась все выше и выше, такъ что пространство отъ пояса до шен уже равнялось 6 дюймамъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, какъ видно изъ портретовъ *Жозефины, Маріи-Луизы, Маріи-Амалии, императрицы Евгеніи и г-жи Карно*, костюмъ вновь переживаетъ всѣ тѣ стадіи, которыя были отмѣчены въ эпоху самаго пышнаго его расцвѣта, т. е. въ XVI, XVII и XVIII вѣкѣ.

Жозефина, Маріа-Роза, происходящая изъ фамиліи Ташеръ де-ла Пажери, родилась въ 1763 году на островѣ Мартиникѣ, на 15 году своей жизни прибыла во Францію, гдѣ въ 1779 году вышла замужъ за виконта Александра Богарне, который налъ жертвою террора. Жозефина же въ 1786 г. вступила въ бракъ съ генераломъ Бонапарте и, затѣмъ, черезъ 8 лѣтъ, была коронована Наполеономъ I. Во время коронаціи императрица Жозефина была одѣта въ античномъ вкусѣ въ высоко подпоясанную тунику, на которую была надѣта верхняя роба съ длиннымъ шлейфомъ, широко раскрытая спереди отъ таліи внизъ. На престолѣ Жозефина была только пять лѣтъ. Наполеонъ I не имѣлъ отъ нея дѣтей и развелся съ нею, несмотря на то, что страстно любилъ ее. Послѣ развода она съ большою пышностью жила въ Наваррѣ, около города Эвре. Умерла она въ 1814 году.

Маріа-Луиза, старшая дочь императора Австрійскаго Франца I и Маріи-Терезіи, родилась въ 1791 году, а въ 1810 сочеталась бракомъ съ Наполеономъ I. Черезъ годъ у нея родился сынъ, котораго страстно ожидалъ Наполеонъ I и которому императоръ еще до рожденія далъ титулъ короля Римскаго. Въ 1812 году она сопровождала Наполеона до Дрездена, а въ 1813 году, когда Наполеонъ отиравался снова воевать, Маріа-

Луиза была сдѣлана имъ регентшею, хотя и съ большими ограниченіями. Послѣ отреченія Наполеона, она удалась въ Шенбруннъ, гдѣ прожила до самаго возвращенія своего супруга съ острова Эльбы. Затѣмъ, послѣ низложенія Наполеона, она въ 1816 г. была сдѣлана правительницею Пармы, Пiacенцы и Гвасталы, при чемъ побѣдители сохранили за нею титулъ ея величества. Она скончалась въ Вѣнѣ въ 1844 году.

Маріа-Амалия, дочь Фердинанда IV, короля обѣихъ Сицилій, и Маріи-Каролины, эрцъ-герцогини Австрійской, родилась въ 1782 году. Послѣ занятія Неаполя французскими войсками, она принуждена была путешествовать по Европѣ, проживая то въ Вѣнѣ, то въ Палермо. Вступивъ на французскій тронъ, она держала себя съ большимъ достоинствомъ, посвящая все свое время воспитанію дѣтей и благотворительнымъ цѣлямъ. Послѣ 24 февраля 1848 года она послѣдовала за мужемъ въ Англію, гдѣ проводила жизнь вдали отъ политики. Она имѣла 5 сыновей и три дочери и умерла въ 1866 или въ 1862 г., дождавшись 22 внуковъ.

Евгенія, вторая дочь графа Монтихо и Маріи Мануэлы (дочери бывшаго англійскаго консула въ Миланѣ—шотландскаго рода), родилась въ 1826 году въ Гранадѣ, получила образованіе во Франціи, при чемъ много путешествовала со своей матерью. Въ 1851 году, на празднествахъ въ Елисейскихъ поляхъ, она обратила на себя вниманіе Наполеона III, который послѣ неудавшейся попытки породниться съ домомъ Вазы и Гогенцоллернама, рѣшился вступить съ нею въ бракъ 30 января 1853 года.

Вліяніе новой императрицы вскорѣ обнаружилось, какъ въ политикѣ, гдѣ она явилась ревностною католичкою, такъ и въ *модахъ*, которыя она долгое время задавала тонъ. Рассказываютъ, что Наполеонъ III, желая дать сбытъ одной отрасли производства, попросилъ свою супругу надѣть косынку на лебяжемъ пуху. Императрица достаточно было одинъ разъ надѣть такую косынку, какъ мода на нихъ распространилась до такой степени, что торговля пухомъ сдѣлалась чрезвычайно прибыльной. Вслѣдствіи отъ продажи своихъ брильянтовъ она выручила 1.200.000 фр. Послѣ несчастной франко-прусской войны она, при содѣйствіи Лессенса и Кератри, оставила Парижъ, отправилась въ Англію и поселилась въ имѣніи Чилзъ-Герстъ, куда вскорѣ прибылъ и Наполеонъ, освобожденный отъ плѣна.

Измѣненія костюма въ современной намъ модѣ, совершались постепенно, кажутся незамѣтными на нашъ глазъ, но если сравнить костюмъ г-жи Карно, жены нынѣшняго президента Французской республики, на помѣщеніи у насъ портретѣ, съ томъ въ 1887 году, съ теперешнимъ покроемъ дамскихъ платьевъ, то разница окажется очень большая. Какъ ни странно, но теперешній дамскій костюмъ гораздо ближе подходитъ къ фасонамъ, даннымъ Екатериною Медичи, со времени которой мы и начали нашъ настоящій очеркъ...

Золотые сны.

Изъ восточныхъ мотивовъ.

Жилъ старецъ на скалѣ, на страшной крутизнѣ,
И людямъ и страстямъ почти недосыгаемъ,—
И множествомъ людей за то былъ уважаемъ,
Что имъ лишь издали былъ виденъ, да во снѣ.

Взойдя на пятьдесятъ три тысячи ступенекъ
Съ опасностью большой, какой-то человекъ
Однажды къ помощи отшельника прибѣгъ,
Промолвивъ коротко и ясно: „Дай мнѣ денегъ!“

Старикъ былъ изумленъ: „Забудь ихъ, презирай!
„Кто мнѣ приходитъ людъ за высшей благодатью!...“
— Но тотъ свое: „Хотя-бъ ты предалъ ихъ проклятью,—
„Но денегъ, все-таки, пожалуйста, мнѣ дай!...“

Старикъ опять прервалъ съ улыбкой сожалѣнья:
„Кто сильно любитъ прахъ, тотъ прахомъ станетъ самъ!...“
— Но тотъ свое: „Ты самъ стремишь хоть къ небесамъ,—
„Мнѣ-жъ только денегъ дай! Вотъ всѣ мои стремленья!...“

Насмѣшливо тогда сказалъ отшельникъ: „Что-жъ!
„Засни, чтобъ овладѣть желанною игрушкой:
„Проснешься—и найдешь червонецъ подъ подушкой;
„Чѣмъ чаще будешь спать, тѣмъ больше наберешь!...“

Просигель пятьдесятъ три тысячи ступенекъ
Сбѣжалъ почти стремглавъ—и легъ немедля спать.
Проснулся и полѣзъ онъ подъ подушку: глядь!
Червонецъ тутъ какъ тутъ!... И сталъ онъ жить для денегъ.

Въ мечеть-ли, въ баню-ли, или просто со двора,
Чтобъ высмотрѣть жену, въ гостихъ покушать плотно,
Иль съ другомъ поболтать—онъ шелъ ужъ неохотно
— И затвердилъ одно: „Мнѣ спать давно пора!...“

Онъ думалъ: „Я не воръ, не рабъ труда—и дружень
„Я съ высшей мудростью! Богатства моего
„Источникъ свѣтелъ, чистъ: по мнѣнью кой-кого
„Изъ правовѣрныхъ, трудъ безправственъ и ненуженъ!“

„Червонецъ миллионъ насилу—и, какъ богачъ,
„Начну я жизньню широко наслаждаться!
„Покуда-жъ—чаще спать и чаще просыпаться!...“
Онъ спалъ,—а годы шли, неслися годы вскачь!...

Неслись—и донеслись. И завершились глупо
Для снаваго тѣ сны, тѣ золотые сны:
Больше сундуки червонцами полны,
Но чтъ посылалъ сонъ, то стало жатвой!... трупа!...
В. Величко.

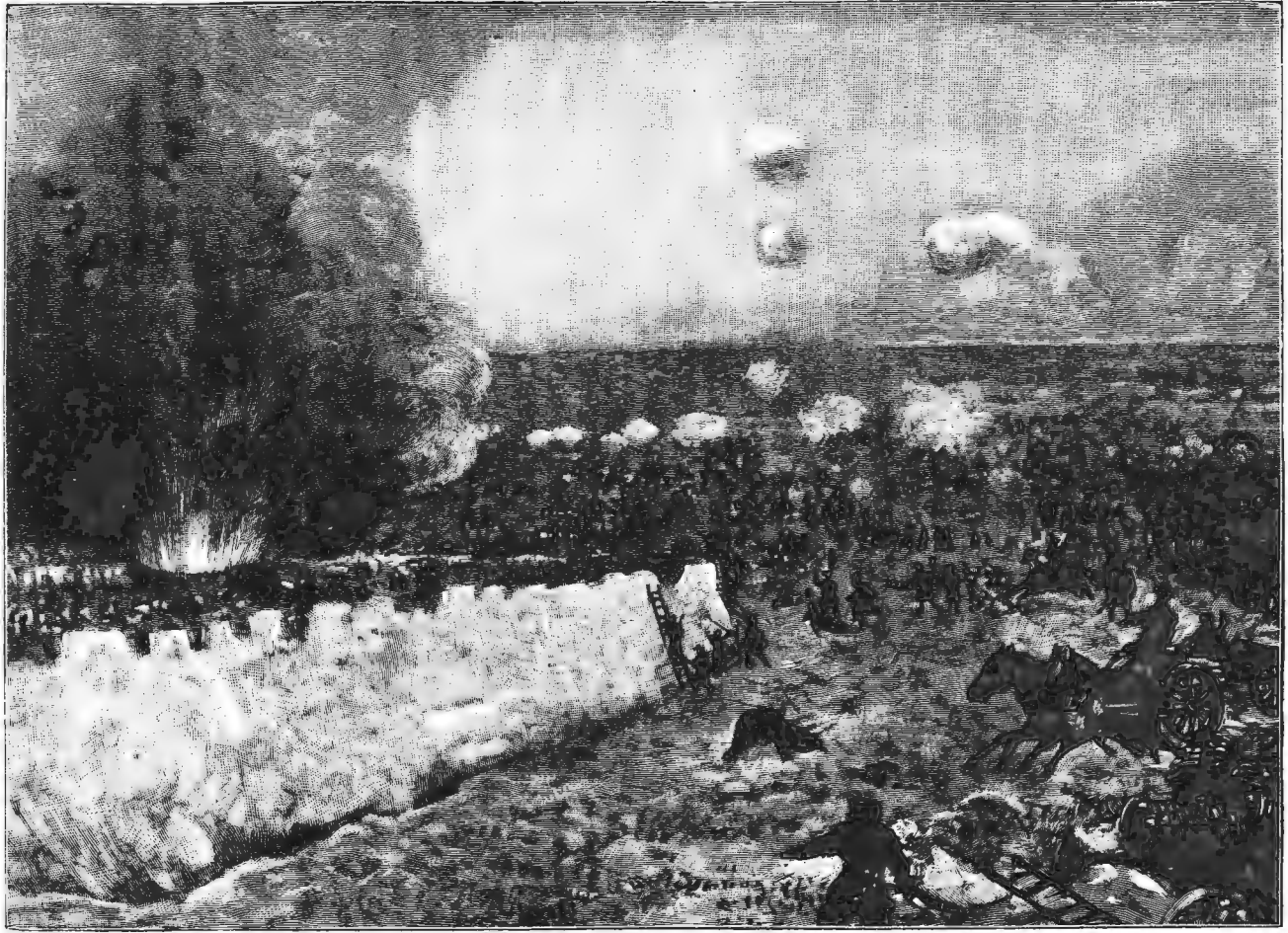
На маякѣ.

Изъ морскихъ разсказовъ X. Тавастьерна.

Почтовый пароходъ принесть тревожныя вѣсти съ Богскера, одного изъ самыхъ важныхъ маяковъ, куда заѣхалъ для доставленія съѣстныхъ припасовъ послѣ долгаго времени, въ продолженіе котораго нельзя было подступиться къ маяку, окруженному льдами. Оказалось, что въ желѣзной обшивкѣ маяка

образовалась огромная пробойна, послѣ бурн, два мѣсяца безъ перерыва бушевавшей въ покрытомъ льдами морѣ. Маякъ былъ поврежденъ и врядъ-ли былъ въ состояніи еще разъ противостать страшной весенней бурѣ.

Газеты забыли въ пабать, соответствующія правительствен-

Взрывъ мины и штурмъ 12 января 1881 года.

Станція Закаспійской желѣзной дороги у стѣнъ турменскаго укрѣпленія Геокъ-Тепе.
Геокъ-Тепе 12 лѣтъ назадъ и нынѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Пясецкаго, грав. Пястужкевичъ.
 Библиотека "Руниверс"

Объденный часъ. Съ карт. Тругъ, грав. Крей.

пять учреждения проявили изумительную энергию и распорядительность. Была снаряжена экспедиция для оказания помощи несчастным на маяк, отбрасываемым от всякого сообщения с землею. Маленький таможенный пароход, стоявший во льдах в гавани, на восток от Ганге, и похожий скорше на увеселительную яхту, был нагружен досками, шестами, съезными припасами и, вообще, всем необходимым. Угрюмый капитан сердито расказывал по палубе и проклинал неизвестно кого за беспорядочность. В душе был он очень недоволен тем, что ему поручено руководить этой экспедицией. Судно его было маленькое, изящное даже, но никоим образом не приспособленное для борьбы с опасными, весенними волнами.

Его злило, что он, совершенно не подчиненный ведомству доманской и маячной службы, даже как раз наоборот, служба протекционизму и таможенному делу, все-таки получил назначение в эту экспедицию и должен рисковать своим любимым судном, своею честью моряка и, чего доброго, даже жизнью. Возмущаясь всем этим, он резко протестовал... про себя, понятно. Далее никогда не простирался его протесты. С затасанным чувством злости смотрел он на свою изящную яхту, как ее нагружали до самых бортов строевым лесом, и как черные от дыма и копоти рабочие с механической фабрики загромождали блестящую чистой палубу грязным железом. Он ругался, ворчал, проклинал, и, в конце концов, стал готовиться к отплытию.

Было решено, что почтовый пароход пробуксирует яхту во льдах.

Вечером, пред отплытием почтового парохода, мы — я тоже был в этом числе, — находились на нашей таможенной яхте за молом; мы успели к тому времени прорваться по льду из восточной гавани. Капитан, инженеры, рабочие, — одним словом, все были уже на борту. Отправившиеся прощались, по обыкновению, со своими друзьями и в особенности, с подружками.

Чтобы сберечь наше слабое, чугунное суденышко для предстоявших еще подвигов, бросили мы пароход толстый буксирный канат и начали медленно подвигаться за мощным ледорезом. Все шло отлично, если не считать небольших толчков то вправо, то влево. Когда мы счастливо миновали скалы, пароход остановился. Огромная полынья кончилась уже, и мы вступили во льды.

Буксирный канат лопнул. Пароход стал пробиваться во льду один, обильно выгашивая нас, как только проложит путь. Времени прошло уже порядком, пока нам перебросили новый канат, но и он лопнул почти сейчас же, повредив нам немного форштевень.

В темноте нельзя было определить, далеко ли тянется вперед лед, но, во всяком случае, вооруженным глазом с палубы ничего кроме льда не было видно, воды не заметно было нигде.

Красная наша яхта совсем оказалось непригодною к такой экспедиции, но ночь была тихая, ясная, звездная; только потому мы и не направились назад, в гавань.

Пароход бросил наш канат и двинулся дальше один. Повреждения на яхте были скоро и легко исправлены фабричными рабочими, мы дали сильный ход, и яхточка быстро понеслась вперед.

Когда, на следующее утро, высунул я голову из двери маленькой палубной каюты, предо мною высилась скала Богскера, освещенная ярким весенним солнцем. Море было совершенно синее, чисто от льда и, сравнительно, спокойное.

Мы подошли к западной скале, на которой стоял маяк. С виду он казался невредимым.

Спустили якорь и шлюпки. Находившийся на палубе груз был, благодаря необыкновенно слабому волнению, быстро доставлен по назначению, и, спустя несколько времени, пристали мы к берегу в узкой расщелине скалы с высеченными в ней ступенями, служившей маяку гаванью. На нижней ступени стоял, приветствуя нас, маячный смотритель, страшно обрадованный тем, что, наконец, счастливо кончилась мучительная, тинувшаяся для них два с половиною месяца, безответность...

По пути вверх на платформу, как мы внимательно ни всматривались, нельзя было найти и следа каких-нибудь повреждений в маяке. Смотритель посоветовал нам минутку подождать, увидев, что мы сейчас увидим все, как следует. Возвышающаяся почти на двадцать футов над морем платформа первоначально была обнесена прочными железными перилами, но волны уже давно смыли эту пустую для них игрушку. Мы прошли мимо основательно и прочно устроенного подъемного крана, вделанного в скалы над крохотной гаванью; железные шести его, трехдюймовой толщины, были искривлены и погнуты.

Раньше как-то думали построить на устойчивой, сооруженной из гранита и цемента нижней платформе, здание для хранения запасов, но никак не могли привести это в исполнение, — первая сильная буря унесла с собою все, что было возведено...

В поврежденной части башни вся вышняя железная обшивка тщательно высеченного и возведенного высокого гранитного фундамента была частью согнута, частью сорвана почти на 60 футов вышины над уровнем моря и чуть-ли не на целую треть окружности маяка.

В это прекрасное весеннее утро, когда море, почти на 20 футов под платформой, ласгалось к скалам, отражая ласковые лучи солнца, целью было, прямо-таки, повбрить, что все эти ужасы натворены этим же чуть-чуть калыхавшимся, зеленовато-золотистым морем.

Вокруг маяка на высоте 50 футов был сделан железный балкон, куда подымались лодки во время непогоды. На юго-западной части четверть этого балкона была совершенно разрушена. Проложенный железный пол его был весь искорван; то там, то сям свешивались обломки железных полос; в других местах, на расстоянии двух и даже больше метров, было уничтожено совершенно все, как не бывало. Уцелел только верхний, замечательно прочный, из ковального железа, круг периль, да и то сильно изогнутый, в виде вопросительного знака, обращенного к небу.

Вообще, больше всего пострадала от бури юго-западная часть маяка. С этой стороны Балтийское море совершенно открыто и, когда развернется, вздымает чисто океанские волны...

Вот что произошло на маяке: — 13 февраля 1889 г. барометр упал, и были приняты обычные меры предосторожности на случай бури. Ветер дул с юго-запада, и весь день все кричал. Лодки были уже давно убраны в надежное место: одна — поднята на балкон, другая задвинута на фундамент.

Ожидалась сильная буря, если только не переменится ветер, — барометр все продолжал падать. Поднявшиеся волнение захлестывало уже стекла верхнего этажа, но к этому на маяке уже привыкли. К вечеру погода разыгралась во всю. Времени от времени по всему маяку пробегал, точно какой-то трепет, — это было всякий раз, как сильная, высокая волна захлестывала скалу и, ударившись о фундамент, разрывавшая пополам, низвергалась вниз, в клокотавшую морскую бездну... Но и это бывало прежде, и тоже казалось не особенно необычным. Но барометр продолжал все падать и смотритель невольно задумался о том, что будет и чем это кончится?

Точно во ответ на этот застывший у него в груди вопрос, ударила волна, потрясая маяк гораздо сильнее всех прежних; все здание затряслось, затемнелся раздался треск, полы которого на секунду водарились чья-то тишина.

Кто-то вошел и отработовал, что волной сорвало лодку с балкона, а балкон этот вынесся на пятьдесят футов над морем.

Дело приняло очень серьезный оборот.

Ни один из всех шести человек, бывших на маяке, не тушил в эту ночь лампы, не покрывал одеялом. С напряженными нервами прислушивались все к бешено бушевавшей непогоде, кричавшей с минуты на минуту... Удари становились все чаще, все сильнее, — лица делались бледные, все прижимались друг к другу ближе и, наконец, сонлился в находящейся в четвертом этаже общей читальне; смотритель встал за Библию. Но читать было глупо: шум бури и рев ветра заглушали звуки человеческого голоса. К этому присоединился рязкий грохот и треск вышней железной обшивки маяка, согнувшейся под паромом волн во внутрь и затем вновь выправившейся с олушительным металлическим звуком, точно бы ударили по дну огромного медного сосуда.

Положение было ужасно. Маяк дрожал все больше и больше, барометр не переставал падать. Шестеро заключенных на маяке и между ними одна женщина, жена одного из сторожей, каждую минуту так и ждали, что все они, вместе со своим, с виду лишь неистинным жилищем, низвергнутся с голой скалы в бешено клокотавшее, вспененное море. Чув приближавшуюся смерть, они умоляюще смотрели друг другу в глаза, точно ища в них утешения и поддержки... Удари становились все рязче, все ужаснее...

Море вдруг загудело, словно собрало все свои силы в одну единственную волну, захватившую в себя всю его воду, обнажив скалу до основания... Свет маяка озарил такую глубину, какой не выдвигал еще никто. Волна эта поднялась, переклестнула через скалы, через цементную платформу, через весь фундамент, и, высоко залетев, ударила в верхнее жилое помещение маяка. Железные полосы согнулись под этим страшным ударом. Он гнул все больше и больше, и, наконец, не выдержав натиска, с грохотом лопнул...

Сразу, от одного порыва ветра, подальше все двери и растворились настежь. С шумом и плеском, точно праздная побуду, перекатывалась вода по всем ходам и витым лестницам нижнего этажа, ринулась вниз, в запасный магазин, и с грохотом пошла назад, через распахнутую дверь, в клокотавшее море, вместе с захваченными ею съезными припасами, дровами, мебелью, кухонной посудой и платьем.

В читальне все как-то невольно застыло за руки и, затанув дыхание, с секунды на секунду ждали, что вот все здание рухнет...

Среди треска и грохота поломанных желѣзныхъ полосъ, среди ледяныхъ волнъ, захлестывавшихъ кверху и скатывавшихся по лѣстницамъ обратно внизъ, рѣшено было спасать, спасать все, что было можно. Это было общимъ лозунгомъ.

Каждый зналъ и понималъ, что другой лозунгъ: „спасайся, кто можетъ“—здѣсь былъ не къ мѣсту.

Всѣ или никто!

Смотритель, улучивъ минуту, пробрался въ свою комнату... и принесъ извѣстie, что барометръ началъ подыматься. Волны не ударили уже такъ часто и сильно въ маякъ. Теперь стало ясно, что къ спасенiю послужило то обстоятельство, что въ мѣстѣ самаго сильнаго вѣтра, между вѣшной желѣзной обшивкой и внутреннимъ деревяннымъ корпусомъ башни, были плотной, крѣпкой стѣной уложены въ штабеля дрова; они-то и оказали волнамъ гораздо больше сопротивленiя, чѣмъ сами желѣзные полосы.

Подъ утро всѣ уснули, измученные и изнеможенные. Съ наступленiемъ дня открылось море, все сплошь покрытое льдомъ. Теперь только поняли, что не напрасно трудились вчера, спасая припасы, рискуя жизнью... Прѣсной воды для питья было хотя и очень немного, но зато была спасена значительная часть дровъ и съѣстныхъ припасовъ. Разъ были дрова, то уже съ полгоря,—воду для питья и варки пищи можно было получить изъ-лѣда и снѣга. Два мѣсяца провела маячная стража въ своей полуразрушенной тюрьмѣ, не имѣя возможности никого оповѣстить о своемъ отчаянномъ положенiи...

Гибель мiра.

Очеркъ.

Какъ извѣстно, зимою 1892 года, въ небесномъ пространствѣ, въ созвѣзди Вozничка, внезапно появилась новая звѣзда, которая постепенно меркла въ теченiе одного года и сдѣлалась, наконецъ, невидимой даже въ самые сильные телескопы.

Благодаря усовершенствованнымъ инструментамъ послѣдняго времени, явилась возможность изслѣдовать эту звѣзду во всѣхъ, догдѣ неизвѣстныхъ подробностяхъ, при чемъ получены въ высшей степени неожиданные результаты.

Даже въ величайшiй телескопъ звѣзда эта казалась свѣтящейся точкой неизмѣримо маленькаго диаметра, въ которой невозможно было различить ея составныхъ частей. Но за то, при помощи спектроскопа и фотографiи, явилась возможность точнаго изслѣдованiя свойствъ свѣта звѣзды.

Положимъ теперь, что одно изъ мировыхъ тѣлъ, находящихся въ одной какой-нибудь системѣ, въ видѣ звѣзды, и движущихся, согласно наблюденьямъ, со скоростью 90 миль въ секунду, вторгнется въ другую солнечную и планетную систему. Въ такомъ случаѣ, эта звѣзда внезапно обратится въ раскаленное состоянiе, при близкомъ прохожденiи своемъ около одной большой или нѣсколькихъ маленькихъ планетъ. Во время этого наблюденья тѣло находилось въ той части солнечной системы, которая переполнена мелкими тѣлами, получившими вслѣдствiе этого чрезвычайно высокую температуру и большую или меньшую скорость.

Вслѣдствiе неизбежныхъ столкновенiй и обусловленныхъ ими взрывовъ, въ атмосферѣ происходитъ накаливанiе, какъ центральнаго тѣла (солнца этой планетной системы), такъ и наиболѣе крупныхъ тѣлъ. Осенью 1892 года снова вдругъ засіяла звѣзда послѣ того, какъ передъ тѣмъ она была очень слабо свѣтящейся. Это вторичное вспыхиванiе звѣзды профессоръ Фогель объясняетъ столкновеньемъ ея съ отдаленной планетой предполагаемой солнечной системы. Вотъ какой взглядъ устанавливаетъ современная наука на вѣроятную причину вспыхиванiя новой звѣзды Вozничка и другихъ раньше замѣченныхъ звѣздъ.

Изслѣдованiя надъ вспыхиванiемъ звѣздъ производились, главнымъ образомъ, въ физико-астрономической обсерваторiи въ Потсдамѣ, и они тотчасъ же выяснили, что свѣтъ звѣзды исходитъ, по меньшей мѣрѣ, отъ двухъ, но весьма вѣроятно, что и отъ нѣсколькихъ источниковъ, находящихся на очень близкомъ между собою разстоянiи и обладающихъ различной скоростью движенiя.

Профессоръ Фогель, вскорѣ послѣ первыхъ же наблюденьй, пришелъ къ тому предположенiю, что, при вспыхиванiи звѣзды, навѣрное, играетъ большую роль столкновенье небеснаго тѣла со многими другими тѣлами, и это предположенiе съ теченьемъ времени все болѣе и болѣе подтверждалось дальнѣйшими наблюденьями. Спектральные анализы, въ подтвержденiе высказанной еще великимъ Ньютономъ мысли, показали, что въ

Отъ ближайшаго пункта было шесть шведскихъ миль.

Однажды смотритель уступилъ настоятельнымъ просьбамъ служащихъ и отпустилъ двоихъ изъ нихъ въ единственно удобнѣйшей лодкѣ, пожелавъ имъ на прощанiе счастья и успешной доставки извѣстiя на берегъ.

Черезъ двѣнадцать часовъ, усталые, измученные, вернулись они обратно.

Дѣлать было нечего—приходилось оставаться на своихъ постахъ, тѣмъ болѣе, что самое худшее уже перенесено было, повидимому.

Такъ и остались всѣ, попрежнему.

Но приближенiя весны ждали всѣ съ ужасомъ, сомнѣваясь, что маякъ выдержитъ еще бурю... Ну, и вотъ теперь все устроилось прекрасно, всѣ были спасены и удовлетворены тѣмъ, что могли съ гордостью вспоминать о героически исполненномъ долгѣ. Смотритель, растроганный, протянулъ руку, которую мы всѣ горячо пожали.

Мы занесли свои имена въ маячный журналъ и пригласили смотрителя къ себѣ на яхту къ обѣду.

Освободившись отъ необычнаго груза и фабричныхъ рабочихъ, красивая наша яхточка птицей полетѣла обратно по морю.

Высоко, на баллюстрадѣ маячнаго фюаря махнулъ намъ три раза на прощанiе смотритель маяка русскимъ флагомъ.

И долго потомъ видѣли мы въ сумеркахъ весенней ночи привѣтливо мигавшiй намъ маячный огонекъ... И.

такъ-называемыхъ, вспыхивающихъ новыхъ звѣздахъ мы видимъ дѣйствительный пожаръ, воспламененiе или накаливанiе планетъ или даже цѣлой солнечной системы. Въ одной изъ своихъ прiятельскихъ бесѣдъ съ другомъ Кондюттъ Ньютономъ высказалъ о новыхъ звѣздахъ слѣдующее: „Возможно, что чудесныя звѣзды, вспыхиванiе которыхъ Гиннархъ, Тихо и Кеплеръ замѣчали на тѣхъ мѣстахъ неба, гдѣ до того не было ни одной звѣзды, воспламенились вслѣдствiе обрушившихся на нихъ кометъ, при чемъ такой случай возможенъ и съ нашимъ солнцемъ“.

Это мнѣнiе, какъ не подкрѣпленное никакими видимыми явленiями, не обратило на себя должнаго вниманiя. Только новыя наблюденья надъ звѣздой Вozничка послужили ему важной опорой, такъ какъ они на самомъ дѣлѣ обнаружили присутствiе многихъ небесныхъ тѣлъ, обладающихъ чрезвычайно быстрымъ движенiемъ и находящихся въ весьма близкомъ другъ отъ друга разстоянiи.

Вспыхиванiе звѣзды отнюдь не представляетъ спокойнаго и периодическаго повторяющагося явленiя, оно — необыкновенное событiе для цѣлаго мiра! Профессоръ Фогель говоритъ: „представьте себѣ, что какое-нибудь тѣло, подобное солнечной массѣ, вдругъ войдетъ изъ мирового пространства въ одну изъ солнечныхъ системъ, подобныхъ нашей, тогда было бы неизбежно столкновенье его съ отдѣльными членами системы“.

Взглядъ этого весьма важенъ для всѣхъ выводовъ и изслѣдованiй, касающихся продолжительности нашей собственной солнечной системы — нашего мiра.

Описанный выше переворотъ даетъ намъ представленiе о той ужасной катастрофѣ, которая произошла въ цѣлой солнечной системѣ, исчезнувшей въ громадномъ мировомъ пожарѣ. Если на планетѣ этой системы находились живыя существа, то они погибли вмѣстѣ съ нею во время катастрофы, и всякiй слѣдъ ихъ существованiя исчезъ уже въ огнѣ! Современная наука свидѣтельствуеетъ, что понятiе о безпрерывномъ покоѣ, законномъ развитiи, или о безконечномъ существованiи, которое, какъ предполагаютъ нѣкоторые, можно вывести изъ настоящаго состоянiя земли, планеты и солнца, является одной химерой. Нѣтъ ничего вѣчнаго ни на небѣ, ни, тѣмъ болѣе, на землѣ. Все звѣздное небо, подобно нашей землѣ, современемъ падетъ жертвою разрушенiя.

Ибо та же участь, которая постигла 20 или 25 звѣздъ въ послѣднiя 3000 лѣтъ, насколько простираются наши наблюденья, ожидаетъ и нашу солнечную систему въ послѣдующiе миллионы лѣтъ. Да, если мы допустимъ достаточно продолжительный периодъ времени, то, безъ сомнѣнiя, существованiе нашей земли такъ же не вѣчно, какъ и свѣтъ настоящаго солнца. Но будетъ-ли уничтоженъ человѣческiй родъ въ этомъ именно переворотѣ, или онъ погибнетъ раньше—этого никто не можетъ сказать съ увѣренностью.

Къ рисункамъ.

Оба удивлены. (Рис. на стр. 965).

„Тепло на солнышкѣ“. Заманчивой прохладой влечетъ къ себѣ прозрачная рѣчка. Весело журча, бѣгутъ серебристыя струйки по золотому песку, упругому, но мягкому подъ ногою. Не задумавшись, сбросило съ себя шаловливое дитя одежды и осторожно ступило въ воду. Какъ вдругъ, шурша крыльями,

изъ-за камыша выплылъ „даръ всей водяной и водоплавающей птицы“—лебедь и величаво направился къ удивленной его явленiемъ маленькой Ледѣ.

Литературный альбомъ. „Прычинна“, Т. Шевченко.

(Рис. на стр. 973).

... А тѣмъ часомъ изъ дубровы Козакъ выйизжае;

Пидь нымъ конькъ вороненькый
Насылу ступае.
„Изнемигса, товарищу,
Сегодня спочынемъ,
Близько хата, де дивчына
Ворота одчынить.
А може вже одчынила
Не мени, другому...
Шведче, коню, шведче, коню,
Посиншай до-дому!“
Утомывся вороненькый,

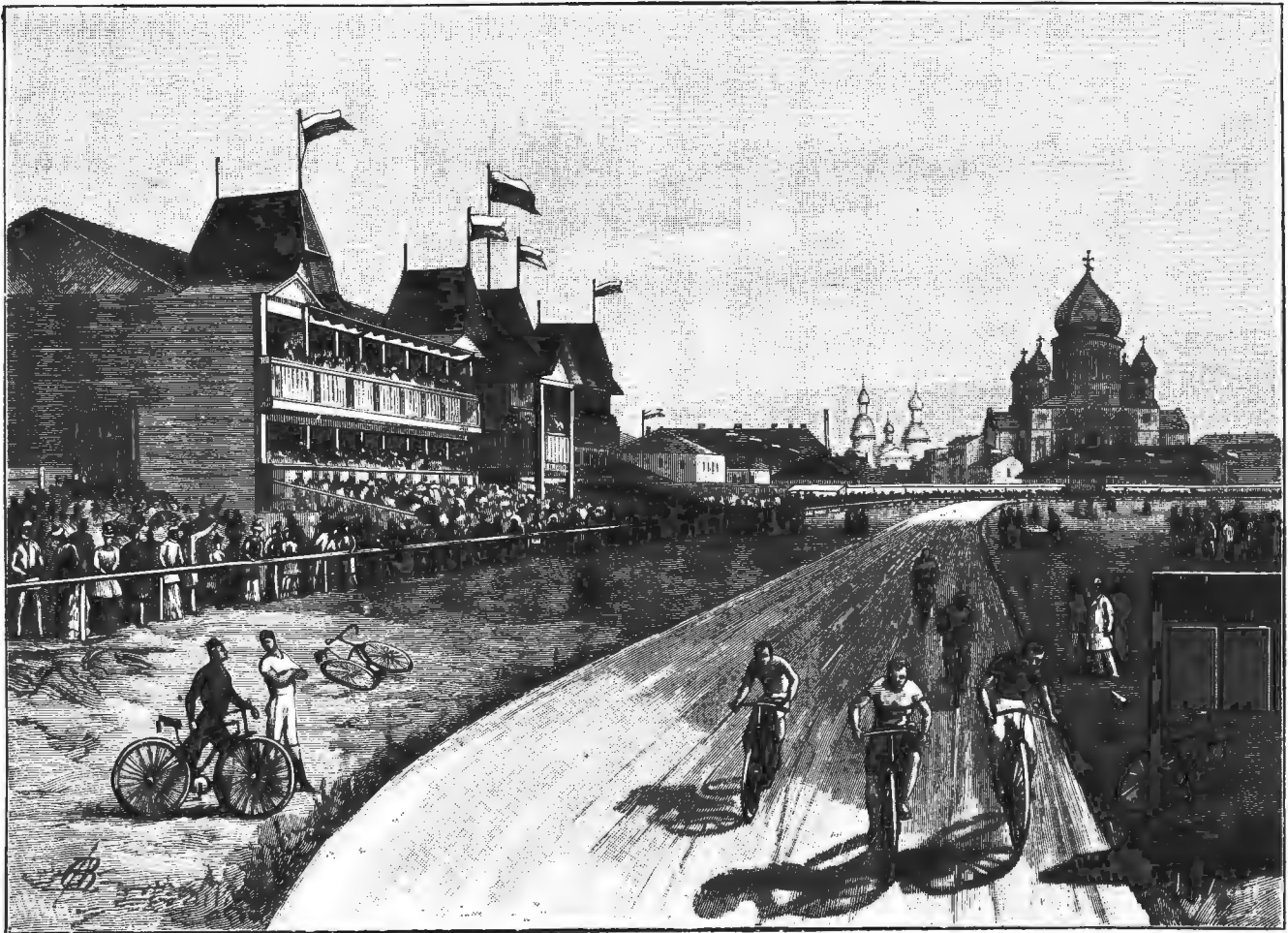
Иде, спотыкнется,—
Коло serca козацького
Якъ гадына вьється.
„Ось и дубъ той кучерявый...
Вона! Боже мылий!
Бачъ, заснула выглядавши
Моя сязокрыла!“
Кынувъ коня та до неи:
„Боже Ты мій, Боже!“
Клыче ии та цилуе...
Ни, вже не поможе!..

Геокъ-Тепе 12 лѣтъ назадъ и нынѣ.

(Рис. на стр. 976).

Это, недавно почти совѣтъ никому невѣдомое въ Европѣ, нима получило теперь всемирную извѣстность. Дѣйствительно,

самп. Теперь все пустынно кругомъ станци; тогда здѣсь стояли и двигались русскія войска, кнѣзла усиленная, тревожная жизнь: готовились къ осадѣ и атакѣ укрѣпленія, въ которомъ засѣли туркмены-текинцы. Тогда тутъ шла почти непрерывная перестрѣлка; играла военная музыка, какъ всегда въ отрядѣ Скобелева, происходили отдѣльныя стычки, дочпыи вылазки и отчаянныя схватки въ рукопашную; падали убитые люди, проливалась кровь; раздавались крики и стоны раненыхъ. Осада длилась около мѣсяца и, наконецъ, въ день 12 января 1881 года, война была окончена и кончилась навсегда. Въ этотъ день командующимъ войсками было рѣшено произвести штурмъ, и онъ былъ произведенъ. Заложенная въ одномъ мѣстѣ подъ стѣною мина, въ 72 пуда пороку, взорвавъ часть стѣны на воздухъ, образовала широкій проломъ, черезъ который и хлынули внутрь укрѣпленія съ криками „ура“ русскія войска. Объ остальномъ читатель догадывается самъ...

Состязаніе велосипедистовъ на Семеновскомъ циклодромѣ въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Броллинга, грав. Хелмицкій.

кому какое могло быть дѣло до земляного укрѣпленія, которое построили въ глубинѣ какого-то Ахаль-Текинскаго оазиса жившіе тамъ разбойники, туркмены, и почему-то назвали его Зеленымъ-Холмомъ (Геокъ-Тепе) *).

Еще недавно никакой европеецъ не могъ бы, иначе какъ съ большимъ рискомъ и опасностью для жизни, проникнуть въ названный оазисъ и приблизиться къ упомянутому укрѣпленію: его бы или ограбили, или взяли бы въ плѣнъ, или даже убили бы, какъ всякаго непрошеннаго гостя. Но времена пмѣнились, и теперь, вдоль одной изъ сторонъ этого укрѣпленія, пролегаетъ рельсовый путь, а по немъ ежедневно и совершенно спокойно проходятъ поѣзда, останавливаясь у вокзала хоросенькой станци, окруженной молодыми садами, среди которыхъ тихо журчитъ и плещется вода устроеннаго здѣсь небольшого фонтана. Это—вторая предъ Асхабадомъ, станция Закаспійской желѣзной дороги, *Геокъ-Тепе*.

Полная тишина и безмолвіе царятъ здѣсь теперь, какъ и надъ всей окрестною степью, и надъ стѣнами укрѣпленія, окружающимъ трехверстное пространство; и станция оживаетъ лишь на короткое время—отъ прихода до отхода почтовыхъ, товаро-пассажирскихъ и иныхъ поѣздовъ. Но не то было здѣсь въ зиму 1880—81 годовъ. Теперь здѣсь полный миръ и полная безонасность, и относительное довольство, какое нужно простому человѣку на землѣ; тогда была война со всеміи ея ужа-

* Въ укрѣпленіи былъ и есть холмъ, но такой же безцвѣтный, какъ и его стѣны или какъ та почва, изъ которой онъ сдѣланъ.

Странный это былъ день для туркменъ: много потеряли они своихъ защитниковъ; не мало также погибло женщинъ и дѣтей; но они сами были въ этомъ виноваты, не послушавъ двукратнаго предложенія генерала Скобелева сдаться безъ боя. За ними осталась и навсегда останется честь безстрашной обороны и отчаянной храбрости, какую они проявили; но эта честь дорого обошлась имъ.

Послѣ этого дня они уже нигдѣ ни разу не оказывали русскимъ сопротивленія и не дѣлали попытокъ вернуть свою самостоятельность. Прошло только 12 лѣтъ со времени ихъ покоренія, а они, ставъ изъ враговъ нашими новыми соотечественниками, превратились изъ разбойничьяго племени въ мирныхъ людей и благословляютъ теперь свою судьбу, приведшую ихъ подъ добрую и твердую власть Блага Царя.

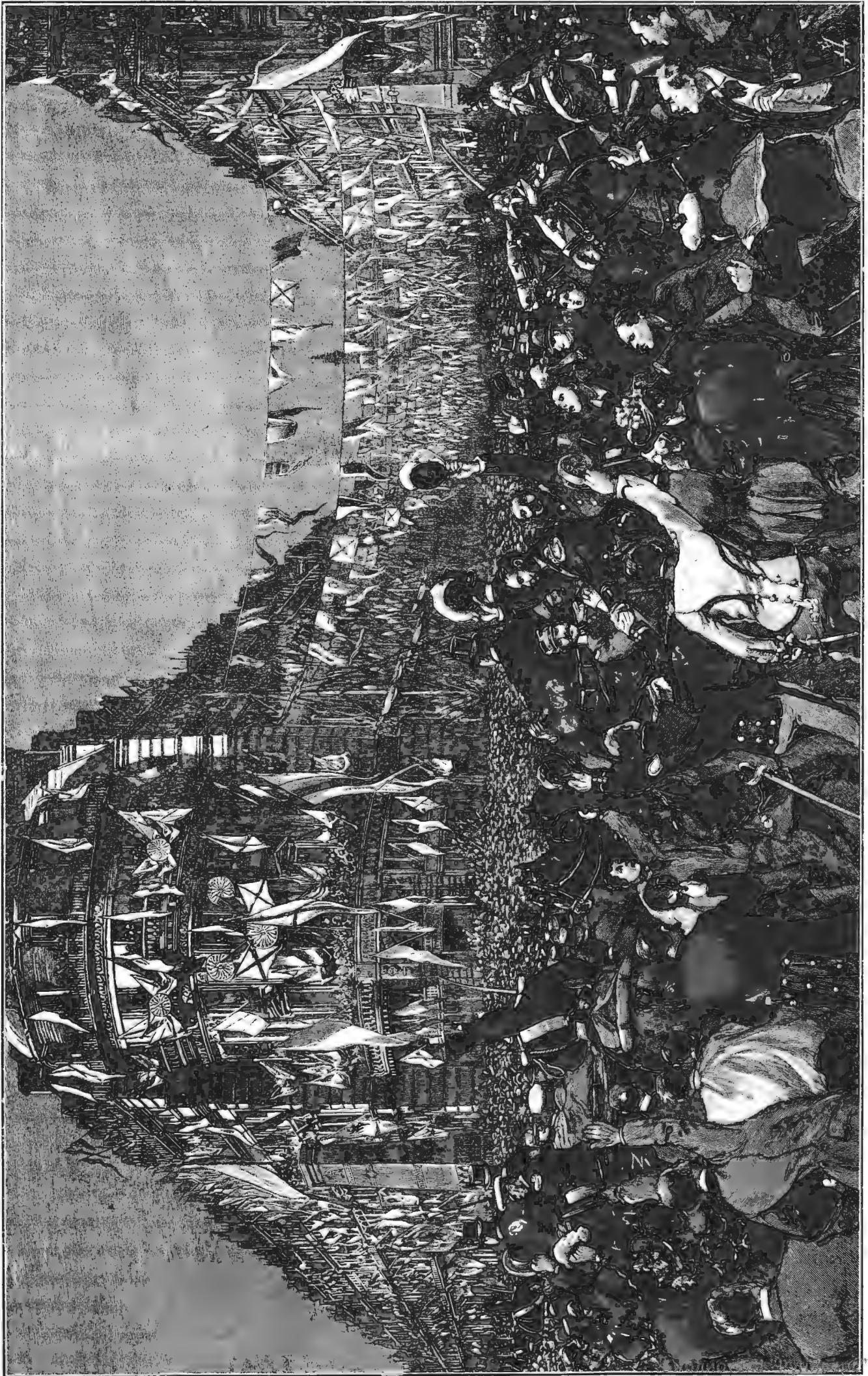
Объденный часъ. (Рис. на стр. 977).

Голодь—не тетка, и изъ-за него обычные недруги позабыли вражду и жадно устремились къ корму. Только заботливые родители ихъ внимательно слѣдятъ за милою группой своихъ дѣтеншей, утоляющихъ голодь.

Состязанія на велосипедахъ въ С.-Петербурѣ.

(Рис. на этой стр.).

Петербургъ давно не видалъ состязаній на велосипедахъ. Этотъ новый видъ спорта, развившійся повсюду до чрезвычайныхъ размѣровъ, плохо развивается у „хладныхъ невскихъ береговъ“.

Франко-русскія празднества въ Парижѣ. Привѣтствіе парижскою толпою нашихъ моряковъ передъ зданіемъ Cercle Militaire (военный клубъ).

По рис. Г. Мейсера въ Г. Г.

Дѣтъ двадцать пять тому назадъ на Крестовскомъ островѣ образовался уже первый кружокъ велосипедистовъ, ѣздившихъ на входившихъ въ то время въ моду деревянныхъ самокатахъ, изобрѣтенныхъ французомъ Мишо. Но вскорѣ кружокъ распался, и велосипедистовъ не стало видно. Спусти болѣе чѣмъ 10 лѣтъ, появляются снова велосипеды, но уже видоизмѣненные: съ большимъ колесомъ впереди и маленькимъ позади. Искусство первыхъ ѣздоковъ на нихъ въ нашей столицѣ, Ю. Блока, А. Маркова и В. Пруссакова, привлекло не мало подражателей. Въ 1884 г. устроились даже гонки на Царыцыномъ лугу. Затѣмъ, въ ту же зиму учреждено было „Обще-

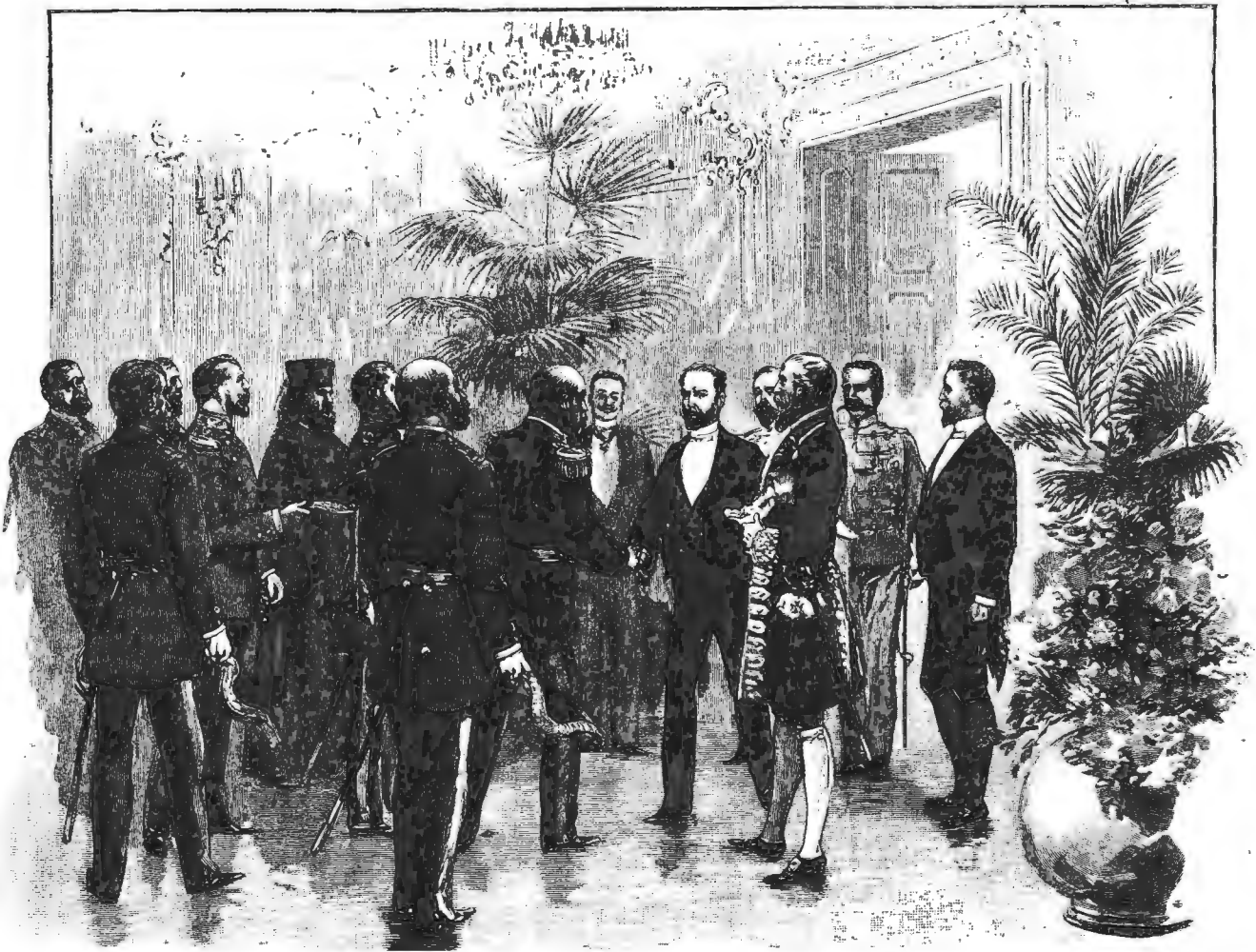
ство велосипедистовъ-любителей“. Весело и незамѣтно пролетѣли первые три года. Потомъ наступило охлажденіе, длившееся до настоящаго года, когда распространеніе велосипеда уже третьяго типа — безопасныхъ, стало повсюду замѣтнымъ. Общество оживило и начало устраивать поѣздки на велосипедахъ и состязанія. Несмотря на погоду, не всегда благоприятствовавшую любителямъ велосипеднаго спорта, всѣ три состязанія, бывшія въ С.-Петербургѣ: 30 августа, 8 и 12 сентября, удалась на славу. Видѣ „циклодрома“ на Семеновскомъ плацу, во время происходящаго на немъ состязанія, помѣщается нами на стр. 980.

Пріемъ русскихъ моряковъ во Франціи.

(Рис. на стр. 981, 982 и 983).

Наши моряки, каждый шагъ которыхъ былъ извѣстенъ во Франціи, тотчасъ, по пріѣздѣ въ Парижъ, посетили русскую церковь, что произвело особенно благоприятное впечатлѣніе на французовъ. Вообще, нужно отдать полную справедливость нашимъ морякамъ — они, судя по отчетамъ, держали себя

дѣя отдала имъ воинскія почести. При прібытіи и отъѣздѣ кортежъ былъ привѣтствованъ восторженными кликами многочисленной толпы; полицейскіе агенты едва успѣвали удержать ее въ границахъ кордона. По окончаніи пріема г. Карно приказалъ послать въ военный клубъ заготовленные ранѣе при-

Пріемъ адмирала Авелана и русскихъ офицеровъ президентомъ Карно въ золоченомъ залѣ Елисейскаго дворца. По рис. I. Z.

вполнѣ безукоризненно и съ полнымъ достоинствомъ явились представителями русскаго народа.

5 октября русскіе офицеры были представлены президенту Французской республики русскимъ посломъ, барономъ Моренгеймомъ. Пріемъ состоялся въ золоченомъ залѣ Елисейскаго дворца, роскошно украшенномъ цвѣтами и растеніями. Когда баронъ Моренгеймъ представилъ командира эскадры низко поклонившемуся президенту республики, адмиралъ Авеланъ произнесъ:

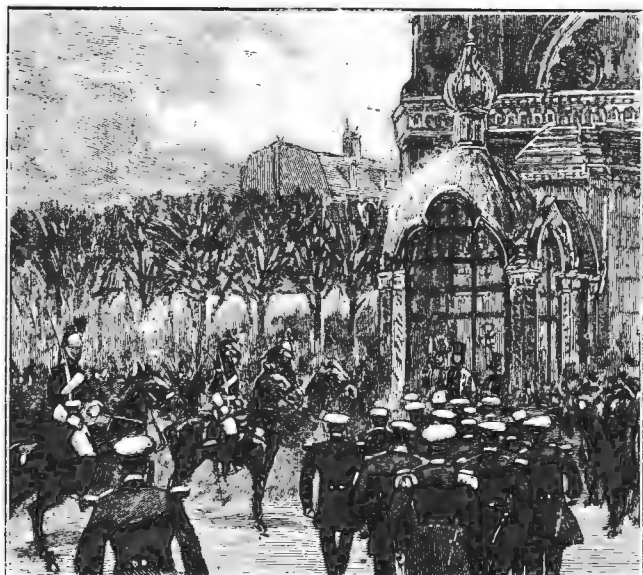
„Имѣю честь, г. президентъ Французской республики, выразить вамъ почтительнѣйшій привѣтъ, какъ отъ меня лично, такъ и отъ эскадры, состоящей подъ моимъ начальствомъ, и отъ всего русскаго флота“. Отвѣчая на привѣтствіе, г. Карно, между прочимъ, сказалъ: „Узы сочувствія, связующія Россію и Францію, скрѣпленныя два года тому назадъ въ Кронштадтѣ трогательными манифестациями въ честь нашего флота, становятся съ каждымъ днемъ все тѣснѣе, и лояльный обменъ нашихъ дружественныхъ чувствъ долженъ внушать всѣмъ, кому дороги благодѣянія мира, увѣренность въ безопасности“.

Пріемъ окончился въ 4½ часа. Первымъ удался русскій посолъ; дежурный караулъ отдалъ ему почести, присвоенныя посламъ, принимаемымъ въ официальной аудіенціи. Адмиралъ и его офицеры уѣхали въ коляскахъ; республиканская гвар-

лаженія на обѣдъ и балъ. Кромѣ того, президентъ подписалъ декреты о пожалованіи ордена Почетнаго Легиона различныхъ степеней членамъ русскаго посольства, адмиралу и офицерамъ русской эскадры.

При возвращеніи русскихъ офицеровъ въ Cercle Militaire произошло нѣсколько характерныхъ эпизодовъ. Въ то время, какъ адмиралъ Авеланъ продолжалъ свои официальные визиты, нѣсколько русскихъ офицеровъ вернулись въ Cercle Militaire, передъ которыми стояла большая толпа народа. Отъ времени до времени, желая отвѣчать на оваціи, офицеры выходили на балконъ и кланялись публикѣ. Одинъ изъ офицеровъ схватилъ большой французскій флагъ, указывая его народу, приказалъ флагъ къ своему сердцу. Эта нѣмая сцена произвела сильное впечатлѣніе и встрѣчена была восторженными кликами: „Vive la Russie!“ Другому русскому офицеру пришла трогательная мысль связать вмѣстѣ концы двухъ флаговъ, русскаго и французскаго. Другіе офицеры бросали съ балкона цвѣты и, когда цвѣтговъ уже болѣе не оказалось, разорвали свои перчатки и бросали клочки ихъ народу. Толпа грянула Марсельезу, нѣсколько русскихъ офицеровъ пропѣли русскій народный гимнъ.

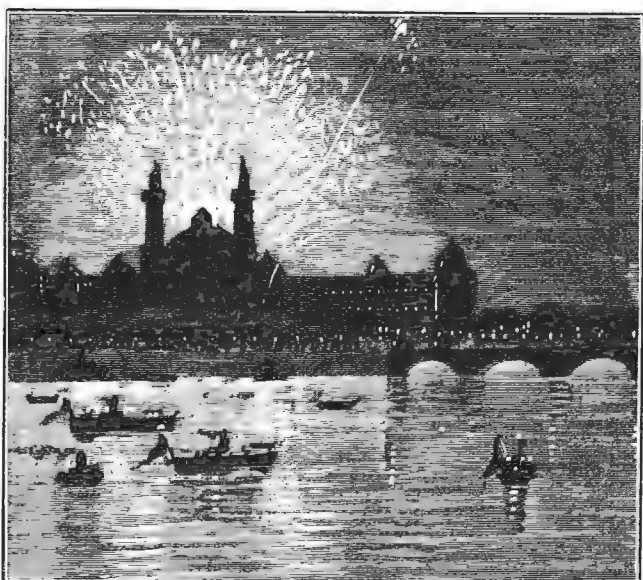
8 октября, во время прогулки по Парижу, русскіе моряки проѣхали 58 километровъ по улицамъ столицы. На всемъ протяженіи ихъ проѣзда публика толпилась двумя сплошными

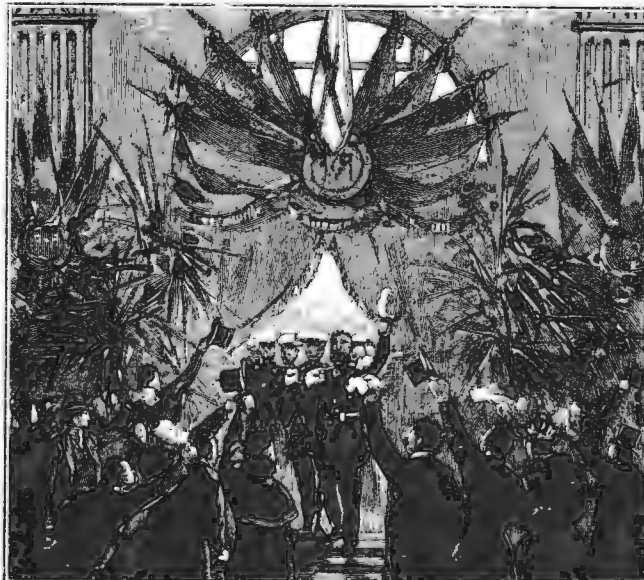
Посѣщеніе русской церкви нашими моряками.

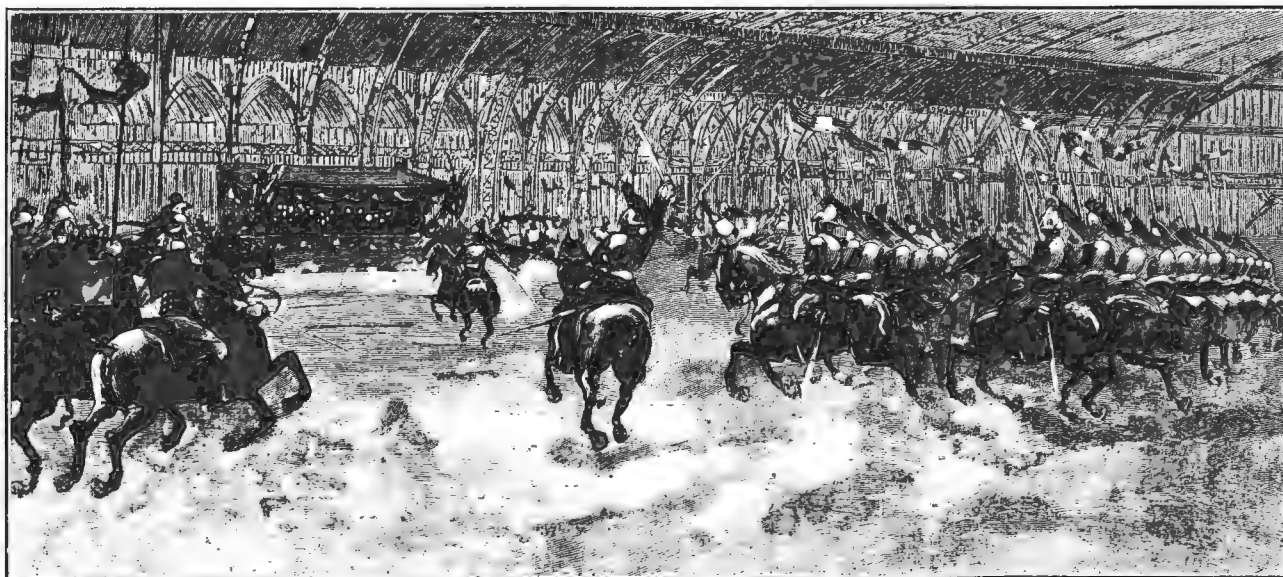
Посѣщеніе Halles centrales (Главный рынокъ).

Фейерверкъ въ Тронадеро.

На подѣздѣ Лионскаго вокзала.

Военная карусель въ галлерей машинъ.

Франко-русскія празднества въ Парижѣ. Съ рис. Г. Мейера въ I. I.

стѣнами. Народный энтузіазмъ достигъ крайнихъ предѣловъ. Несмотря на торжественность предыдущихъ пріемовъ, все поблѣднѣло передъ восторгомъ характерной парижской толпы въ популярныхъ кварталахъ, какъ, напримеръ, въ кварталѣ des Abattoirs, или въ аристократическихъ районахъ rue Monceau и Булонскаго лѣса. Въ rue Rivoli многие изъ публики вскакивали въ экипажи, чтобы позвать руку русскимъ офицерамъ. Префектъ Сенскаго департамента и представители парижскаго муниципальнаго совѣта прибыли за адмираломъ и его офицерами въ восемь часовъ утра.

Прибывъ въ центральные рынки (Halles Centrales), адмиралъ засталъ густую толпу зрителей во всѣхъ навильонахъ. У каждаго въ рукахъ нестрѣбуютъ франко-русскіе „сувениры“ и букеты, предназначенные для осыпанія цвѣтами экипажей русскихъ офицеровъ. Когда процессія приблизилась, представители всѣхъ профессій рынка, — мясники, зеленщики, посылщики и пр. выступили впередъ въ своихъ рабочихъ одеждахъ. Тридцать молодыхъ продавщицъ въ свѣтлыхъ платьяхъ держатъ въ рукахъ по роскошному букету. Послѣ представленія делегатовъ адмиралъ поблагодарилъ торговцевъ. Г. Карно привѣтствуетъ ихъ обыкновенно такимъ же образомъ. Затѣмъ кортежъ принялъ поздравленіе отъ г. Гобля, новаго депутата перваго округа.

11 октября, на пути изъ военнаго министерства, — гдѣ состоялся парадный завтракъ, — къ Марсову полю адмирала Авелана и русскихъ офицеровъ привѣтствовали делегация отъ множества французскихъ обществъ. Больше всего делегатовъ пришло отъ „національнаго общества спасанія“, „союза соратниковъ 1870—71 гг.“, „демократическаго союза отставныхъ защитниковъ отечества“ и пр. Адмиралу Авелану поднесено великолѣпное знамя съ надписью: „На память отъ союза соратниковъ 1870—71 гг. и отставныхъ воиновъ Франціи. Октябрь, 1893 г.“.

Въ военной школѣ (l'Ecole militaire) адмирала и его офицеровъ встрѣтилъ привѣтвенною рѣчью парижскій военный губернаторъ, генералъ Соссъ.

Состоявшаяся послѣ этого пріема карусель на Марсовомъ полѣ, въ галлерей машинъ, отличалась чрезвычайною пышностью. Фейерверкъ въ Трокадеро и на Эйфелевой башнѣ былъ блестящій. Самъ Эйфель съ семьей привѣтствовали адмирала Авелана и офицеровъ на башнѣ. Русскіе гости были очарованы великолѣпною панорамой иллюминированнаго города.

13-го октября состоялся торжественный отъѣздъ русскихъ моряковъ изъ Парижа. На всемъ пути слѣдованія съ площади

Оперы до Лионскаго вокзала русской кортежъ двигался съ трудомъ; восторженная толпа обступала экипажи, пожмала руки офицерамъ, обнимала ихъ и бросала имъ цвѣты, крича: „До свиданія!“ „Да здравствуетъ Россія!“ Адмиралъ Авеланъ и его офицеры прибыли въ 1 ч. ночи въ вокзалъ, великолѣпно иллюминированный. Адмиралъ Жервэ простился съ адмираломъ Авеланомъ и горячо обнялъ его. Съ первымъ поѣздомъ, въ 1 ч. 27 м., уѣхала часть офицеровъ, со вторымъ, въ 1 ч. 40 м., уѣхали адмиралъ Авеланъ и прочіе офицеры. Отъѣздъ сопровождался долгими овациями. Офицеры кланялись, пока поѣзда не исчезли изъ вида.

По отъѣздѣ изъ Парижа русскихъ моряковъ въ Тулонъ, Государь Императоръ послалъ изъ Гатчины президенту Карно, также отпривившемуся въ Тулонъ, слѣдующую телеграмму: „Въ ту минуту, когда русская эскадра оставляетъ Францію, Мнѣ пріятно выразить вамъ, какъ Я тронутъ горячимъ и блестящимъ пріемомъ, который Мои моряки встрѣчали повсюду на французской землѣ, и какъ за то признателенъ. Доказательства живой симпатіи, проявившіяся еще разъ такъ краснорѣчиво, прибавить новое звено къ узламъ, соединяющимъ обѣ страны, и, надѣюсь, будутъ содѣйствовать упроченію общаго мира—предмета ихъ усилій и самыхъ постоянныхъ желаній.“

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Президентъ Карно въ моментъ полученія этой телеграммы былъ окруженъ адмиралами и генералитетами. Присутствовавшіе, но выраженію лица президента, сразу замѣтили, что въ телеграммѣ заключается нѣчто очень радостное. Когда же онъ громко прочиталъ телеграмму, невыразимый восторгъ охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ. Президентъ сказалъ: „Делена эта безконечно очастливила меня и доставитъ большую радость всей Франціи“.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму президентъ Карно адресовалъ Государю Императору слѣдующую телеграмму: „Телеграмма, за которую и благодарю Ваше Величество, получена мною передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Тулона въ Парижъ. Превосходная эскадра, русскій флагъ которой я имѣлъ живѣйшее удовольствіе привѣтствовать во французскихъ водахъ, сердечный и некрепкій пріемъ, который Ваши храбрые моряки находятъ повсемѣстно во Франціи, снова подтверждаютъ блестящимъ образомъ некрепкую симпатію, соединяющую наши двѣ страны, и обозначаютъ въ то же время глубокую вѣру въ благотворное вліяніе, которое могутъ совместно оказывать двѣ великія націи, преданныя дѣлу мира“.

Политическое обозрѣніе.

Нѣтъ никакой возможности — писать *Правительственный Вѣстникъ* — прослѣдить по отдѣльнымъ газетамъ и журналамъ безконечно восторженныя чествованія представителей русскаго флота во Франціи. Это какой-то свѣтлый, могущественный потокъ, безъ поперечныхъ струй, стремящійся въ одну сторону, въ сторону обезпеченія для Европы благодѣйной прочнаго мира и спокойнаго труда. Направляющею и руководящею силой этого потока, съ такою стихійною мощью стремящагося по своему пути, является Государь Императоръ. Святая тишина и миръ, осылающіе Русскую Императорскую Семью и давно уже внесшіе въ Россію благодѣйныя спокойствія и сознательнаго преусиѣнія, вызвали теперь гораздо болѣе широкій, вполнѣ мировой откликъ. Неукоснительно мирный характеръ тулонскихъ и парижскихъ торжествъ; примиреніе, въ порывахъ чествованія русскихъ моряковъ, всѣхъ націй Французской республики и тотъ фактъ, что отслужены были во всѣхъ церквяхъ Парижа, по распоряженію архіепископа, благодарственные молебны за православленную Россію и католическую Францію — все это, сознаваемыя всею французскою печатью, несомнѣныя доказательства великой жизнеспособности и полной своевременности мысли Государевой — послать нашу эскадру къ берегамъ Франціи. И не даромъ возликовали уже и безъ того ликовавшіе французы, когда дошла до нихъ неожиданная вѣсть о томъ, что Государь Императоръ съ Настѣльникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ ступилъ въ Копенгагенъ на палубу „Isly“, на почву Франціи; не даромъ съ умиленнымъ единодушіемъ раздаются теперь во Франціи, велѣдъ за тостами Государю Александру III, тосты за Многолиостивую Государыню! И все это во имя обезпеченія мира, въ прямую противоположность тому, что часто бывало въ иное время. Изчезарными останутся въ исторіи переживаемые дни и благословенныя въ своихъ несчастливыхъ послѣдствіяхъ дружественныя, по сердцу, отношенія двухъ великихъ державъ“.

Въ блестящихъ дняхъ, приснопамятныхъ для всеобщаго мира, едва замѣтны прочія европейскія событія, даже тѣ, которыя создаются къ умаленію или помѣхѣ франко-русской дружбы. Въ Италіи стараются создать при посѣщеніи англійскими судами одну изъ „демонстрацій“, но словамъ главы министерства Джіолитти, устроившихъ дружественными и союзными державами, какъ краснорѣчивое выраженіе ихъ чувствъ къ итальянцамъ“. И въ то же время тулонскій корреспондентъ *Times*

напоминаетъ о братствѣ по оружію и о взаимныхъ симпатіяхъ британскаго и русскаго флотовъ съ XVI столѣтія вплоть до наваринскаго сраженія. Корреспондентъ горячо ратуетъ за посѣщеніе русскою эскадрою Портсмута, что безусловно окажетъ цѣлебное дѣйствіе, устранивъ національныя предубѣжденія. Не подлежитъ сомнѣнію, что русскимъ будетъ оказанъ сердечный пріемъ.

Въ Германіи на одной недѣлѣ дважды Германскому императору пришлось вспоминать о славѣ и могуществѣ соединенной Германіи. 6-го октября въ Бременѣ открыты памятники славному императору Вильгельму I, въ присутствіи его вѣнчннаго внука, а 11 октября юный императоръ привѣтствовалъ короля Саксонскаго Альберта, по случаю пятидесятилѣтія со дня полученія магистрымъ королемъ перваго офицерскаго чина. При этомъ императоръ вручилъ королю Саксонскому украшенный брилліантами фельдмаршалскій жезлъ и обратился съ рѣчью, въ которой онъ сказалъ, что такъ какъ, по волѣ Провидѣнія, императоръ Вильгельмъ I и Фридрихъ, а также фельдмаршалъ Мольтке не находятся болѣе въ живыхъ, то ему, императору, приходится повергнуть къ столамъ короля Альберта, единственнаго великаго полководца великихъ временъ, чувства преданности ему германской арміи. Король приобрѣлъ фельдмаршалскій жезлъ, сражаясь съ неприятелемъ, потому императоръ его проситъ принять подносимый ему жезлъ въ знакъ преданности его, императора, и арміи. Императоръ заключилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы жизнь короля была еще надолго сохранена для всѣхъ германцевъ. Король Альбертъ, отвѣчая на рѣчь императора Вильгельма, сказалъ, что маршалскій жезлъ будетъ онъ держать въ своихъ рукахъ твердо и вѣрно. „Если бы, изъави Богъ, присвокупилъ король, — я долженъ былъ еще разъ обнажить шпагу для обезпеченія Германской имперіи, и вынолю свой долгъ, какъ я и прежде дѣлалъ, держа въ рукѣ этотъ жезлъ“.

Правительственные законопроекты въ Австріи встрѣчены различными партиями не сочувственно. Либерально-нѣмецкая партія опубликовала сообщеніе, въ которомъ заявляеть, что въ избирательной реформѣ, предлагаемой правительствомъ, партія видитъ серьезную угрозу буржуазіи и крестьянству. Партія готова согласиться, чтобы рабочимъ классамъ было немедленно дано право представительства, но она возмущена образомъ дѣйствій правительства, которое, обѣщавъ въ своей программѣ воздержаться отъ измѣненія сословныхъ правъ и

преимущества, предполагает законопроект, влекущий за собою столь коренной переворотъ государственныхъ и социальныхъ условий. Польскій клубъ, съ своей стороны, заявляетъ, что, принимая во вниманіе настоящіе социальные и политическіе условия и оставаясь на автономической почвѣ, клубъ не одобряетъ правительственнаго законопроекта. Консервативный клубъ Гогенварта заявляетъ, что онъ согласенъ под-

держатъ справедливое расширеніе избирательнаго права, но, что, въ общегосударственныхъ интересахъ, не можетъ принять правительственнаго законопроекта безъ измѣненій. Такое несочувствіе предстоящимъ реформамъ едва-ли удастся правительству привести къ соглашенію по существу, и ему предстоитъ не мало труда и борьбы въ предстоящихъ засѣданіяхъ рейхсрата.

Разныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великими Князьями Ксеніемъ Александровною и Ольгою Александровною и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ прибыли 8-го октября, въ 7 часовъ вечера, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ Гатчину.

— 10 октября въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ совершено высокопресвященнымъ Палладіемъ, митрополитомъ С.-Петербургскимъ, благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю благополучнаго возвращенія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшею Семьею изъ путешествія.

— 14-го октября, въ часъ пополудни, Ихъ Величества, съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великою Княжною Ксеніемъ Александровною, отбыли изъ Гатчины въ Стрѣльну, гдѣ посѣтили Ея Величество Королеву Эллиновъ. Въ началѣ шестого часа вечера королева отбыла за границу.

— 10-го октября закрыта первая всероссійская гигиеническая выставка.

— Съ Высочайшаго соизволенія разрѣшено устроить на западной половинѣ Зимняго Дворца и частью въ Эрмитажѣ выставку предметовъ, поднесенныхъ Наслѣднику Цесаревичу, во время путешествія Его Императорскаго Высочества на Востокъ, различными лицами

и учрежденіями. Сборъ съ выставки назначается въ пользу Императорскаго русскаго общества спасанія на водахъ.

— 10 октября состоялось освященіе, послѣ производившихся ремонтныхъ работъ, усыпальницы Русскаго Императорскаго Дома — Петропавловскаго собора.

— 15-го октября состоялось открытіе въ Петербургѣ, въ зданіи Соляного городка, выставки человѣчества и създа человѣдовъ.

— Въ Москвѣ возникло славянское взаимно-вспомогательное общество. Цѣль общества — оказываніе помощи славянамъ, временно или постоянно проживающимъ въ Москвѣ.

— Въ Уральскѣ 1-го октября состоялось открытіе новаго областного суда по стеному положенію 25-го марта 1891 г.

— 10-го октября въ Москвѣ торжественно освящено и открыто новое зданіе физиологическаго института.

— Министерство Финансовъ предложило торговымъ и административнымъ агентамъ доставлять по телеграфу свѣдѣнія о существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ на рынкахъ во всѣхъ городахъ Россіи. Такія же свѣдѣнія будутъ получаться изъ Стокгольма, Бранлова и Буда-Пешта.

— Департаментъ желѣзныхъ дорогъ, для предупрежденія на желѣзныхъ дорогахъ несчастныхъ случаевъ съ людьми въ темномъ вре-

мя, сдѣлать распоряженіе о постановкѣ вне-реди паровозовъ, отправляемыхъ съ поѣздами большой скорости, американскихъ фонарей съ посеребренными или никелированными рефлекторами.

— Въ Крыму открытъ древній каналъ, сооруженный въ VIII в. до Р. X. и упоминаемый Плиніемъ Страбономъ. Длина его 9 верстъ, глубина 5 саж., ширина — около 2½ саж. Онъ проходитъ близъ древняго Неаполнса.

— Число табачныхъ плантацій въ Россіи исчисляется въ настоящемъ году въ 619,358 съ 53.164,5 десятинъ посѣва. Предполагаемый сборъ табаку опредѣляется въ 4.956,830 пуд.

— Въ сезонъ текущаго года на кавказскихъ минеральныхъ водахъ пользовалось водами 7265 человекъ.

— 9 (21) октября исполнилось 50-лѣтіе со времени полученія знаменитымъ ученымъ Рудольфомъ Вирховымъ степени доктора медицины.

— Въ ночь на 10-е октября, старшему астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи, въ Шульковѣ, г. Струве, удалось, при помощи 30-ти-дюймоваго рефрактора, видѣть пятого спутника Юпитера и начать точныя измѣренія его положеній относительно планеты. Спутникъ представляется въ видѣ звѣздочки 13-й величины и допускаетъ измѣренія даже при освѣщенномъ полѣ зрѣнія трубы.

СОЧ. ДОСТОЕВСКАГО

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ НА 1894 г. ПРИ ЖУРНАЛѢ

ПОДПИСЧИКИ „НИВЫ“ НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 г. ПОЛУЧАЮТЪ:
52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 КНИГЪ сочиненій **В. М. ДОСТОЕВСКАГО**.
12 **ВЫПУСКОВЪ** «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений».

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (съ 300 модн. рис. въ годъ).
12 №№ руководѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выроекъ (съ 600 рисунк. и чертежами въ теченіе года).

2 **ОФОРТА** профессора **Ив. Ив. Шишкина**.

КАРИНА проф. **Ю. Ю. Клевера** „Островъ Наргевъ“, отпечатан. 15 красками.

КАРИНА художника **Расмуссена** „Неро-Фюрдъ въ Норвегій“, отпечатан. 18 красками.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за годовое изданіе

„НИВЫ“

со всеми приложениями:

безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 5 Р.

съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 6 Р. 50 К.

безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. Н. Печковской. 6 Р.

съ пересылкою иногороднымъ 7 Р.

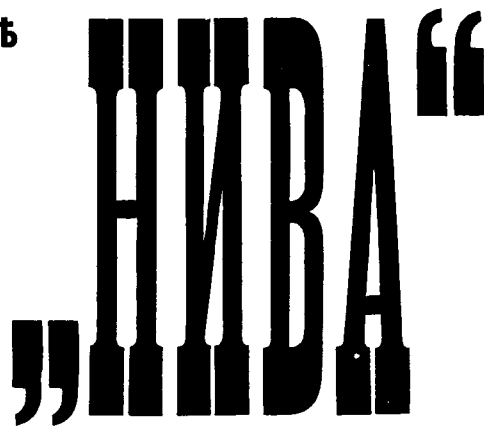
За границу. 10 Р.

Подробности см. въ „Нивѣ“ № 41, стр. 928—929.

Съ требованіями обращаться въ

ГЛАВНУЮ КОНТОРУ журнала „НИВА“, СПБ., Невскій пр., № 6.

Допускается разсрочка платежа въ 2 и въ 3 срока.

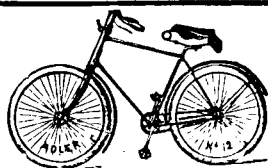
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подинные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Искатель приключеній. Повесть **И. Ясинскаго**. (Продолженіе). — Измѣненія костюма во Франціи въ теченіе трехъ вѣковъ. — Очеркъ (съ 10 портр.). — Золотые сны. Изъ восточныхъ мотивовъ. — На маякѣ. Изъ морскихъ разсказовъ **Х. Тавастерна**. — Гибель міра. Очеркъ. — Бъ рисункахъ. Оба удивлены (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Причина“, **Т. Шевченко**. (съ рис.). — Георгъ-Теле 12 лѣтъ назадъ и нынѣ (съ 2 рис.). — Обѣденный часъ (съ рис.). — Состязаніи на велосипедахъ въ С.-Петербургѣ (съ рис.). — Приемъ русскихъ моряковъ во Франціи (съ 7 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — О подпискѣ на „Ниву“ 1893 г. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ**.

Редакторъ **Ив. М. Н. Волмонскій**.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—21 велосипед. „Орель“.
На всемірной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-курantzъ за 10 коп. марку.

Новая американская скоропишущая машина „**ГАЛЛЬ**“ № 6228 (7)
Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Описаніе съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробные шрифты безплатно. Единственный представитель для всей Россіи **Торговый домъ Э. ШТЕМПЕЛЬ** въ г. Одессѣ. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

Вышли из печати и разосланы подписчикамъ

16-й и 17-й Выпуски

новаго роскошнаго иллюстрированнаго изданія

„СКАЗКИ“

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

переводъ подъ редакціею П. Н. ПОЛЕВОГО.

Иллюстраціи П. Гротъ-Юганна.

24 вып., каждый—въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

➔ Для ознакомленія съ изданіемъ, вновь

отпечатанный 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается всѣмъ желающимъ за 50 коп. почто-

выми марками.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просить обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подраженіемъ упаковки и ярлыковъ.

Ш. № 6149 28-18

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

Членскіе взносы и пожертвованія въ пользу Общества городскихъ дешевыхъ и безплатныхъ столовыхъ въ С.-Петербургѣ принимаются:

У предсѣдательницы Общ. Елизаветы Георгиевны Фонъ-Валь по субботамъ отъ 1 до 3 ч. дня въ квартирѣ г. Градоначальника.

У бухгалтера Общ. Николая Михайловича Платонова, ежедневно отъ 10 ч. до 2 ч. дня въ Казначействѣ Градоначальства.

и у секретаря Общ. Михаила Григорьевича Кривошлына ежедневно отъ 12 ч. до 2 ч. дня въ Канцеляріи Общ., помѣщающейся въ управленіи Градоначальства.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинь — Духи для комнатъ № 6112 (7)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ Mimosa ЛОЗЕ Ixora-viola

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПЮПА. Пассаажъ № 52.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссъ букетъ	Виолетъ де Парма	Бѣлая роза
Жюкей клубъ	Резеда	Милль-Флеръ
Букетъ Императрицы	Люби меня	Акація
Илангъ-Илангъ	Стенлей букетъ	Гадичинъ
Майскій-Ландышъ	Iris	Киссъ ме ивиць
Бѣлый геліотропъ.	Эдельвейсъ	Испанская кожа
Бѣлая лилія	Жасминъ	Съёмное сыно
Сирень перс.	Ополонаксъ	Черемуха
Лавка	Шипръ	Lilas Heuri
Фиалка	Букетъ де Царь	Lotus.

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕ МЕНЬШЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1 р. 40 к. съ пересылной во всѣ города Россіи. (Кром: СИБИРИ.)

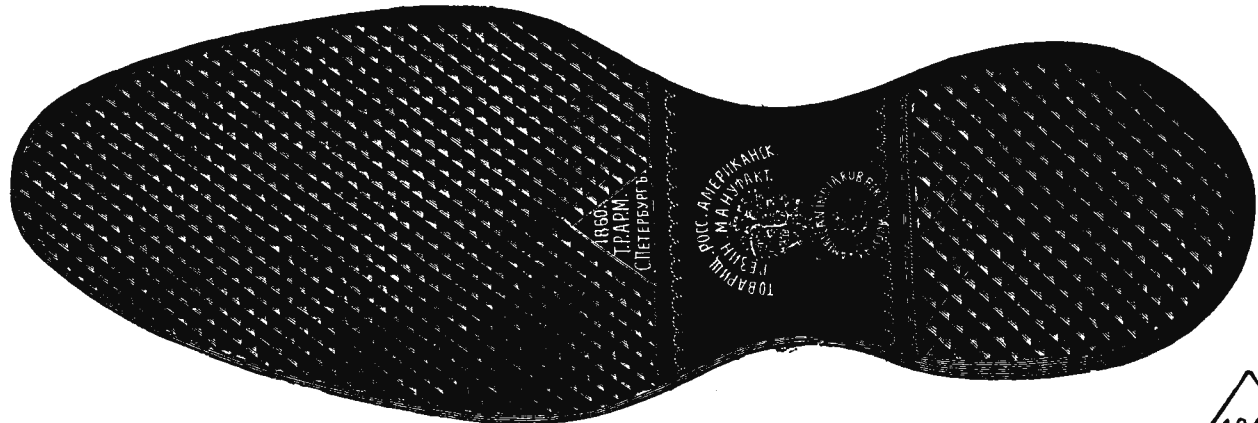
1865. ТОВАРИЩЕСТВО 1870.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-14

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

3-й ВЫШГРЫШНЫЙ

(Дворянскій) заемъ, 1 Ноября тиражъ, продаетъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

89 НЕВСКІЙ, СПБ.

№ 639 5-5

У КНИГОПРОДАВЦА Ф. А. ЮГАНСОНА,
въ Невѣ и Харьковѣ
поступили въ продажу
П. ЛѢТНЕВА.
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- К. 1893. Подписная ц. за 10 т. 6 р. 50 к.
Въ отд. продажъ ц. 1 р. за томъ.
- Томъ 1. Бархатные котги.
 - Томъ 2. На волосѣхъ.
 - Томъ 3. Поперекъ дороги и ошибки.
 - Томъ 4. Въ своихъ сѣтяхъ, пустое зерно.
 - Томъ 5. Вѣшеная лоцона.
 - Томъ 6. Узлеченіе и ошибки.
 - Томъ 7. Современный недугъ.
 - Томъ 8. Въ паше смутное время.
 - Томъ 9. Безъ воли.
На смѣну прошлаго.
По наитію.
 - Томъ 10. вмѣсто хлѣба камень.
Невидимый бычъ.
Арендаторъ. Науки и мухи.
Невѣдомо.

Въ ряду лучшихъ представителей нашей современной беллетристики имя Праксовы Александры Лачиновой, известной въ литературѣ подъ псевдонимомъ П. Лѣтнева, безъ сомнѣнія занимаетъ самое видное мѣсто. Въ продолженіе слишкомъ тридцатилѣтней литературной дѣятельности П. Лѣтнева, своей высоко-художественной теплотой, правдивостью и легкостью изложенія, сразу отбрасывающей лежужинный талантъ, завоевала себѣ глубокую симпатію во всѣхъ слояхъ читающей публики.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ
ГРИГОРІА КВИТКИ (Основаыяненко).
Шельменко волосистой писарь. — Шельменко девицкиъ. — Сватанна на Гонтаривки. — Щира Любовь, 248 стр. К. 1893 г. Ц. 35 коп., съ перес. 50 коп.

МОЕ ВОДОЛЪЧЕНІЕ.
СРЕДСТВА КЪ ИЗЛЪЧЕНІЮ ВОЛЪЗНЕЙ — И —
СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ
основанныя на 35-лѣтней практикѣ.
Сочиненіе священника
СЕВАСТІАНА КНЕЙПА.
Переводъ съ 41-го нѣмецкаго изданія. К. 1893. 1 р. 30 к.

УХОДЪ ЗА ЗДОРОВЬИМИ
И БОЛЬНЫМИ ДѢТЬМИ,
съ первыхъ дней жизни до юношескаго возраста.
Сочиненіе священника СЕВАСТІАНА КНЕЙПА, автора "Мое водолъченіе". Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. К. 1893. Ц. 60 к.

8,500 СЛОВЪ. СЛОВАРЬ
иностранныхъ словъ
НАИБОЛѢЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХЪ ВЪ
РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.
Составленъ подъ редакціей М. ЗА-СКАГО.
Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. К. 1893. Цѣна 35 коп.
Первое изданіе въ количествѣ 5000 экземпляровъ разошлось въ 6 мѣсяцевъ.

СНАЗКИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.
Изд. 2-е. Въ книгу вошли сказки слѣдующихъ авторовъ: А. С. Пушкина, М. Лермонтова, В. Жуковскаго, А. Толстого, Г. Данилевскаго, В. Крестовскаго, П. Ершова, Н. Некрасова, Л. Толстого, Г. Садонникова, Императрицы Екатерины II, И. Тургенева, С. Аксакова, Ф. Достоевскаго, Н. Гоголя и В. Одоевского. К. 1893. Ц. 30 к., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 55 к.

ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМЪ.
ПРАЗДНЫЯ МЫСЛИ ЛѢВТЯЯ.
О хлѣбѣ. — О тѣснотѣ. — О любви. — Объ одеждѣ. — Объ вѣдѣ и питіи. — Объ успѣхѣ. — О нуждѣ. — О памяти. Перев. съ 64 англійскаго изданія Ник. Гавлинъ. К. 1893. Ц. 50 к.

О ФИЛОСОФСКОМЪ УЧЕНІИ
гр. Л. Н. Толстого
по XIII тому его сочиненій. Сост. В. Ю. Сoderмане: Введеніе. — Любовь. — Страхъ смерти. — Трудолібіе или торжество земледѣльца. — Для чего люди одурманиваются. — Крейцеровъ соната. — Критическіе этюды. 2 изд. К. 1894. Ц. 60 к.

КАРЛЪ РЕКЛАМЪ.
Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Перев. съ нѣмецкаго, съ 12 рисунками. К. 1894 г. Ц. 60 к. № 6590
Каталоги книгъ продвинука по уменьшенной цѣнѣ высылаются бесплатно.

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности (13) свѣтлѣе и темнѣе. № 5924

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ А. Энглуна, СПБ., Михайловская пл., 2, д. Жербина. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торгован аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

Тиль-Топъ превосходно сдѣланы изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Тиль-Топъ.

Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.

Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.

Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармошки, очень въѣстительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (5)

3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.

Пересылаю наложеннымъ платежомъ.

С. Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРКЪ Невск. пр., №20-44.

ЛЕННИНГЪСЪ и ГИОЗИНЪСЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2450

Новая книга: УХОДЪ ЗА КРАСОТОЙ.

Какъ сохранить до старости природную красоту и какъ возстановить ее въ случаѣ преждевременной утраты. Составилъ Николай П. Гинъ. Ц. 25 к.

Продается въ лучш. книжн. маг. Автгоръ (Москва, Срѣтенка, Проксири н., д. Ганшинскихъ, кв. 56) выс. за 25 к. почт. марк.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 н.

Англійскіе, вѣрный ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штукъ часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ.

Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6384

КАЖДАЯ ДАМА

стремится имѣть шикарную и изящную талию!

достичь этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крючковъ и петель ПРИМА!

ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.

Рис. съ нынѣшними крючками и петлями. | Рис. съ патентов. крючками и петлями.

Послѣ 4-хъ-недѣльнаго ношенія лифа. | Послѣ 4-хъ-мѣсячнаго ношенія лифа.

Греждѣ видны и складки. | Внад. и склад. петлѣ; видъ какъ новый.

На вышериведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ дѣйствительности же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

Патентованные крючки и петли ПРИМА

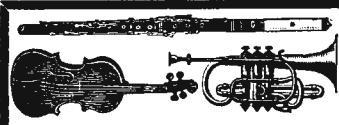
не слабаютъ отъ времени, негибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.

Нашивать эти застежки очень легко; при каждой карточкѣ прилагается подробное наставленіе. № 6538 12-4

Патентованные крючки и петли Прима имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ.

Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ.
С.-Петербургъ, 4 рота, 16. — собств. домъ.

С.-Петербургская
Химическая
Лабораторія
Мыло Глицеринъ Велуръ

ФЛЕЙТЫ хорошей заграничной работы въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40 и 50 руб.; собственной фабрики въ 60, 75, 85, 120 и 160 руб. Флейты „модели Циммермана“, находящаяся въ употреблении у первых артистовъ, по 85 и 120 руб. Школа-самоучитель Нелера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

КЛАРНЕТЫ въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р. и 35 р. и собственной фабрики въ 45 р., 60 р. и 75 р. Школа-самоучитель Нитцера по 2 1/2 и 4 р.

ПИКОЛО-ФЛЕЙТЫ въ 1 р. 50 к., 3 руб., 5 руб., 10 р. и 20 р.

Также все другіе музыкальные инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Инструменты собственной фабрики удостоены награды на выставкѣ въ Чикаго. Иллюстриров. прейсъ-курантъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальных инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарыина.

ВЫБОРЪ
изящныхъ
ШЕЛКОВЫХЪ
ТКАНЕЙ,
БАРХАТА и **ПЛЮША**
въ розничномъ магазинѣ
Б. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
въ **МОСКВѢ.**
ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,
№ 65, 66.

2-ой розничн. магазинъ въ Москвѣ: Верхніе Торговые ряды, № 102—103. 4—1
Въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, Су-ровская линия, № 134. III. № 6387
Фабрика: въ Москвѣ, за Покровск. мостомъ.

ШОКОЛАДЪ
ПОВАРЕННИЦА
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВИИ
въ **МОСКВѢ.**
№ 6, 9
2 1
продаетъ
во всехъ хоро ахъ
РОССІИ

В. Б. ЖУКОВСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА
КРУМРЕЙНЪ и **КАЦЪ.**
Льсопильныя РАМЫ, ПИЛЫ, СТАНКИ
ДЛЯ РАЗНООБРАЗН. ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

РАМЫ

для премій „Нивы“ 1893 г. — десяти акварелей извѣстнѣйшихъ художниковъ.
Рамы сдѣланы подъ орѣхъ, съ рѣзбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ виду громаднаго спроса на рамы, мы можемъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по слѣдующей весьма недорогой цѣнѣ: гг. городскимъ подписчикамъ по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 к., 10 рамъ за 8 р. 50 коп. (со стеклами); гг. московскимъ подписчикамъ (у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи) по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 коп., 10 рамъ 8 руб. 50 коп. (безъ стеколъ); гг. иногороднымъ подписчикамъ высылаются не менѣе 5 рамъ, съ ящикомъ и упаковкою за 4 руб., а 10 рамъ за 7 р. 50 к. (безъ стеколъ). Рамы высылаются по жел. дор. или чрезъ транспортн. контору. Стоимость пересылки уплачивается адресатами на мѣстѣ, при полученіи посылки.
Съ требованіями обращаться въ СПБ-гь, въ Контору журнала „Нива“, Невскій, д. 6.

„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ ДУХИ — „Капризъ Невы“
О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“
„Мюскъ“ Духи послѣднія новости „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-колонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО.
Ц. № 6281 15—11
СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9, Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Варшава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

НОВЫЕ ОБРАЗЦЫ
ДЛЯ
ЛѢТНЯГО СЕЗОНА 1894 г.
уже изготовлены и высланы для разсмотрѣнія гг. торговцевъ въ отдѣленіи
ТОРГОВАГО ДОМА
„ЛЕОПОЛЬДЪ НЕЙШЕЛЛЕРЪ“
въ Москвѣ: Варварка, противъ стар. гостин. двора.
„Одессъ: Еврейская ул., д. № 20.
„Екатеринбургъ: Божоявленская ул., д. Амитріева.
ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.
№ 6591

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (18)
Специалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Им. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283
Прейсъ-кур. почтовыхъ марокъ на 1893/4 г. высылаю за 14 коп. почт. марк. — Б. Гостонскій, с. Потошь, ст. Мироповка, Кіев. г.

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ
ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всехъ больш. аптек. и космет. магазин. Цѣна фл. содержитъ 120 граммъ 1 р. 50 м. безъ перес. № 6565 (2)
Провизоръ Кинуненъ.
Просьба обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ЦВѢТЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
УДОСТОЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВКѢ 1882 г.
А. СІУИКО
ПАРФЮМЕРІА
ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
Прейсъ-курантъ высылается безъ платно.

ВЫСОЧ. УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о.
ЦВѢТЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ
„Перидская сирень“,
„Ландышъ“,
„Резеда“,
и т. д.
Употребляется какъ духи, туалетная вода и куренія.
ИЗОБРѢТАТЕЛИ
„Цвѣтчнаго О-де-колопа“
просьба покупателей при покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку утвержденную Правительствомъ, такъ какъ явились подражатели названій и отдѣлки.
БИКЪ БИКЪ
БРОКАРЪ и К^о
ВАРШАВ. ШТЕЙНЪЛЪ УТВЕРЖД. 1864 г. 1864 г.
№ 6525 ст. 2

УКРАШЕНІЕ для **ЕЛОКЪ**
для гг. иногородныхъ составлены коллекціи:
въ **5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.**
и каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елки. Коллекція въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодна для большихъ семействъ, шоль, приютовъ, базаровъ, особаній, благотворительныхъ цѣлей, пансіоновъ и пр.
Покорѣнше прощу дать заказы на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли все заграничныя новосты, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.
Товаръ перес. наложен. платежемъ. Телеграфные заказы исполняются немедленно.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—21.
БАЗАРЪ **МАРОКЪ.**

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными
превосходными **БРИЛЛАНТАМИ:**
БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ НАКЛАДКИ такъ что трудно отлич. отъ наст. брилліант.
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6578—2
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к.
№ 308. Золотая брошка съ 8 брилліантами, похоже на браслетъ № 401. Шт. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к.

XXIV г.

№ 44

политики и современной жизни.

г. XXIV

1893

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

Выданъ 30 октября 1893 г.

Цена этого № 15 к. съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 фр.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 пф.

Безъ до-
ставки въ
СПБ. **5 р.**
Съ дост.
въ СПБ. **6 р. 50 к.**
За границу, съ пересылкою. **10 р.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровка. Торг. линіи. **6 р.**
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи **7 р.**
За границу, съ пересылкою. **10 р.**

Подписка въ
РАЗСРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
см. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Въ царствѣ Минадо. Съ карт. Г. Мура, грав. Брендамуръ.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Х.

Вышалъ сѣжокъ и тонкимъ слоємъ лежалъ на дороге. Солнце закатилось, и огненно-красный отблескъ вечерней зари покоился на Ружанахъ, молчавшихъ и словно вымершихъ. Изъ города выѣхала огромная фура, обтянутая полотномъ и наполненная жидами и жидовками. Двѣ лошади были запряжены въ дышло, а третья бѣжала на пристяжкѣ. Онѣ точно удрали съ живодерни и, испугавшись предстоящей имъ участи, рѣшились исправиться и кое-какъ еще послужить людямъ. На козлахъ сидѣлъ рыжий жидъ и постоянно махалъ рукой съ крикомъ: „вѣ, вѣ!“ Лошади тащили фуру безостановочно верстъ двадцать. Въ числѣ пассажировъ былъ единственный христіанинъ—Михольскій. Его тошнило отъ чесночнаго запаха, который онъ слышалъ вокругъ себя, но ради королевскаго сундука можно было подвергнуть себя и болѣе сильнымъ испытаніямъ. На двадцатой верстѣ фура остановилась у корчмы. Мандель помогъ Михольскому выйти, взялъ узелокъ и попросилъ его слѣдовать за собой. Михольскій повиновался, вошелъ въ корчму и тамъ переставился. Когда онъ вышелъ и занялъ свое мѣсто въ фурѣ, его никто не узналъ—онъ преобразился въ молоденькаго жидка, одѣтаго въ длинный ластиковый лансердакъ и въ бархатную ермолку подъ широкимъ теплымъ картузомъ. Поверхъ лансердака на немъ была надѣта барашковая шуба. Не говоря ни слова, онъ завалился спать въ глубинѣ фуры, и на другой день увидѣлъ вокругъ себя уже новыя лица: ружанскіе жидки оставили свой дилижансъ по дороге, и вблизи границы его заняли другіе жиды. Когда къ Михольскому обратились съ вопросомъ на еврейскомъ жаргонѣ его сосѣди, онъ помоталъ головой, сдѣлавъ видъ, что не понимаетъ; Мандель успѣшилъ объяснить, что товарищъ его глухо-нѣмой отъ рождения.

Поздно вечеромъ фура выѣхала въ крошечное еврейское мѣстечко, принадлежавшее пану Ясногурскому.

Оставивъ Михольскаго на постояломъ дворѣ, Мандель сталъ оживленно гоготать съ евреями, бѣгавъ изъ одного дома въ другой—геръ-геръ, геръ-геръ... и черезъ полчаса вернулся къ своему господину блѣдный, испуганный, но съ глазами, сіявшими торжествомъ.

Онъ тихо началъ:

— Панъ, ночью въ два часа мы переходимъ границу. Если насъ повѣсятъ, я не буду виноватъ!

— Хорошо, сказалъ Михольскій, — вину беру на себя.

На постояломъ дворѣ имъ попала газета, въ которой Михольскій прочиталъ о безпорядкахъ за границей: „Здѣсь господствуетъ прежнее недоумѣніе. Не можемъ сообщить общей картины нашего города, не можемъ предвидѣть конца нашимъ бѣдствіямъ; мы плаваемъ по безбрежному морю по произволу вѣтровъ и бурь. Не можемъ равнодушно писать при этомъ непрерывномъ волненіи. И какія зрѣлища представляются намъ ежедневно! Въ сію минуту, въ половинѣ пятаго часа пополудни, валитъ по улицѣ необозримая толпа женщинъ и дѣвицъ, съ угрожающимъ говоромъ и шопотомъ говорить, что онѣ хотятъ повлечь за собою толпу народа въ собраніе сейма и требовать призыва земскаго ополченія. Завтра, говорятъ, завтра рѣшительный день, въ который вступятъ въ бой различныя племена. Слышно, что венгерская армія приближается и готовится напасть на кроатовъ“.

Тревога охватила Михольскаго.

„Ужъ если ты туда ѣдешь, то будь остороженъ, по-

сѣтовалъ онъ себѣ.—Вообще, прежде чѣмъ переходить границу, подумай хорошенько!“

Но думать долго не пришлось. Въ комнату вошелъ средняго роста господинъ съ крошечной головкой и широкимъ, книзу становившимся все больше и больше, туловищемъ. Усы его, какъ двѣ черныя шпавки, были словно наклеены на бронзовыхъ щекахъ. Крошечный подбородокъ выбритъ и опирался еще на два другіе. На немъ былъ надѣтъ зеленый сюртукъ съ маленькими металлическими пуговицами, и въ рукахъ онъ держалъ трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

— Я—Ясногурскій, кастелянъ мѣстечка, сказалъ вошедшій, протягивая руку Михольскому.—Знаю, кто такой панъ и зачѣмъ онъ перебирается за границу. Ставлю себѣ въ особенную честь его довѣріе ко мнѣ.

Изъ-за спины Ясногурскаго показалась остроносая мордочка Манделя. Онъ умоляюще смотрѣлъ на Михольскаго и какъ бы просилъ прощенья за ложь, которую онъ позволилъ себѣ, чтобы склонить Ясногурскаго помочь Михольскому.

„Опять я становлюсь эмиссаромъ и политическимъ агентомъ“, со страхомъ подумалъ Михольскій.

Но онъ поблагодарилъ пана Ясногурскаго и спокойно сказалъ:

— Можетъ-быть, со временемъ, я отслужу чѣмъ-нибудь пану.

— Да, даромъ ничто не дѣлается, съ улыбкой проговорилъ панъ Ясногурскій. — Только-жъ я не хочу, чтобы это было со временемъ. Панъ будетъ для меня полезнѣе теперь же. Если панъ оказываетъ мнѣ довѣріе, то позволительно и мнѣ сдѣлать ему то же самое. Такимъ образомъ, мы будемъ квиты сегодня же ночью. Видишь, въ чемъ дѣло, любезный панъ,—у меня имѣются товары, которые ты провезешь съ собой и сдашь въ мѣстечкѣ Тыгодинѣ моему пріятелю Боруху Наумовичу. Не скрою отъ тебя, что ты кое-чѣмъ рискуешь. Правда, ночь хорошая, темная, но когда будешь проѣзжать бродъ Пшеклѣтый, бойся больше всего пуль стражниковъ: они имѣютъ обыкновеніе превращать тѣла контрабандистовъ въ рѣшетъ.

При этихъ словахъ Мандель закрылъ обѣими руками лицо; вздрогнулъ и Михольскій, но храбро сказалъ:

— Когда-нибудь всѣ умремъ; рано или поздно, рѣшительно все равно. Давай, панъ, твои товары.

— Прекрасно! Хвалю пана, воскликнулъ Ясногурскій. — Я бы долженъ угостить тебя, но боюсь—мало времени, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, „рюмка меду не дастъ броду“; зашумитъ голова, захочется спать, и пропадешь ты, какъ мыльный пузырь.

Еще разъ пожавъ руку Михольскому, Ясногурскій простился съ нимъ.

Въ два часа, за околицей мѣстечка, въ хорошую, окованную желѣзомъ, бричку, запряженную парой сильныхъ лошадей, сѣлъ съ Манделемъ Михольскій, и четверо верховыхъ, вооруженныхъ винтовками, служили ему конвоемъ. Бричка свернула въ сторону съ дороги. Мандель успѣшилъ улечься на днѣ, у ногъ Ромуальда, а верховые помчались впереди. Почва, по которой ѣхала бричка, была болотистая, топкая, и не слышно было топота лошадиныхъ копытъ и дребезжанья колесъ. Тихо и беззвучно подвигался впередъ экипажъ. Болото становилось все вязче, и все медленнѣе бѣжали лошади. Наконецъ, онѣ стали идти шагомъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ грязи. Не было видно ни зги. Ночь темная, осенняя стояла кругомъ. Снѣгъ растаялъ еще днемъ, потому что моросилъ дождь. Тучи

обложили небо со всѣхъ сторонъ, и ни одна звѣздочка не мерцала надъ головой. Какимъ образомъ кучеръ, маленький, черноусый гуцулъ, правилъ въ темнотѣ и узнавалъ дорогу, Михольскій не могъ постичь. Ему казалось, что они кружатъ, но, на самомъ дѣлѣ, бричка подвигалась впередъ почти по прямой линіи. Вскорѣ верховые совсѣмъ оставили ее: это потому, что они должны были обмануть бдительность стражниковъ и нарочно взяли въ сторону: стражники погонятся за ними, если ихъ увидятъ, начнется перепалка, а тѣмъ временемъ бричка переправится въ-бродъ и будетъ уже за чертой русскихъ владѣній.

Болото кончилось. Началось самое опасное мѣсто, потому что вдоль рѣчки, лежащей на границѣ, по ея лѣвому берегу непрерывно ѣздитъ шикета. Два провожатые поскакали налѣво, два направо. Бричка едва не опрокинулась, взобравшись на пригорокъ, на самомъ берегу рѣчки, и потомъ сразу (словно сорвалась съ высоты и стремительно летѣла въ бездну) ринулась въ воду. Кони захрапѣли, привычные къ этого рода переправѣ, и экипажъ погрузился до самаго кузова въ темную влагу. По временамъ, казалось, онъ совсѣмъ тонетъ — дно не вездѣ было ровное. Но черезъ нѣсколько минутъ бричка выбралась на другой берегъ.

Мандель вылѣзъ изъ-подъ передка, поднялъ голову и прошепталъ:

— Охъ, боюсь, что дорого обойдется намъ сундукъ королевы Бонны!

— Молчи!

— Вы думаете, какой товаръ мы перевозимъ?

— Ну?

— Пистоны, чтобы вы были живы и здоровы!

Въ темнотѣ справа блеснулъ огонекъ, раздался выстрѣлъ, и надъ самымъ ухомъ Манделя просвистала пуля.

— Ой! вскричалъ онъ и упалъ на дно брички, ощущая себя, не убитъ-ли онъ и не раненъ-ли.

Другая пуля послѣдовала за первой. Это стрѣляли австрійскіе таможенники. Въ отвѣтъ съ того берега раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Бричка, между тѣмъ, быстро понеслась въ непроглядной тѣмѣ, и черезъ какихъ-нибудь десять минутъ лошади уже были распряжены; бричка стояла подъ навѣсомъ, и Михольскій съ Манделемъ сидѣли въ теплой комнатѣ Боруха Наумовича и бесѣдовали съ нимъ.

XI.

Краковъ, куда черезъ день послѣ этихъ событій въѣхалъ съ Манделемъ Ромуальдъ Михольскій, поразилъ его своимъ стариннымъ, величавымъ видомъ. На каждомъ шагу попадались многоэтажные дома со свинцовыми крышами, башни съ готическими стрѣлками, мосты двухъ и трехъ-вѣковой давности, и отъ площадей въ разныя стороны вились узкія улицы, словно трещины.

Монастырь святого Сульпиція, принадлежавшій доминиканцамъ, стоялъ въ сторонѣ отъ шумныхъ кварталовъ, окруженный высокими стѣнами, въ которыхъ не было оконъ. Онъ походилъ на крѣпость и хранилъ суровое молчаніе.

Когда Михольскій приближался къ монастырю, Мандель издалъ слѣдовалъ за нимъ, блѣдный, со страшно искаженнымъ лицомъ, словно онъ ожидалъ чего-нибудь необыкновеннаго или боялся разочароваться и опасался, что Михольскій ускользнетъ отъ него, и въ немъ онъ потеряетъ какой-то источникъ доходовъ, до сихъ поръ, однако, скудно приносимыхъ Манделю этимъ молодымъ человѣкомъ.

Ромуальдъ подошелъ къ массивной калиткѣ, взялся за кольцо и постучалъ въ металлическую доску. Монахъ отворилъ ему.

— Чтò вамъ нужно? спросилъ монахъ.

— Мнѣ надо повидать настоятеля монастыря.

— Пожалуйте въ приемную и подождите нѣсколько минутъ.

Цѣлые полчаса ждалъ Михольскій въ комнатѣ съ высокими закопченными стѣнами, вдоль которыхъ висѣли огромныя картины въ тусклыхъ, нѣкогда золоченыхъ, рамахъ, изображавшія священные сюжеты — мучениковъ, пронзаемыхъ стрѣлами, распятіе Иисуса Христа, жертвоприношеніе Авраама. Чѣмъ дольше ждалъ Михольскій, тѣмъ сильнѣе становилось его волненіе. Чтобы побѣдить лихорадку, онъ сталъ ходить по длинной комнатѣ взадъ и впередъ. Наконецъ, вышелъ къ нему худой, бритый, съ изможденнымъ лицомъ и высокой, какъ призракъ, пріоръ монастыря. Онъ благожелательно улыбался и теръ костлявыя руки, чтобы ихъ согрѣть. Черные глаза его искрились двумя огнями, впрочемъ, потерявшими уже способность тепло дѣйствовать на чью бы то ни было душу. Давъ благословеніе Михольскому, монахъ спросилъ:

— Какое дѣло?

— Въ монастырѣ хранится сундукъ королевы Бонны, завѣщанный мнѣ моей родной теткой, Августиной Михольской.

Пріоръ подумалъ, поднялъ глаза на распятіе и сказалъ:

— Кажется, есть; да, есть такой сундукъ.

— Вотъ письмо ружанскаго пробоща, и вотъ ключи отъ сундука, котораго никто не имѣетъ права отпереть, кромѣ меня.

— Письмо и ключи, повторилъ пріоръ, — и никто не можетъ отпереть сундука, кромѣ васъ. Онъ пробѣжалъ письмо, опять возвелъ глаза къ распятію и произнесъ: — О сундукѣ надо справиться у брата казначей. Братъ Бартоломей, обратился онъ къ монаху, безмолвно стоявшему въ глубинѣ комнаты съ четками въ рукахъ, — передайте пана Михольскаго брату казначею, и пусть онъ удовлетворитъ его законное требованіе.

Простившись съ настоятелемъ, Михольскій послѣдовалъ за молчаливымъ монахомъ, который привелъ его къ брату Игнатію. Доминиканскій казначей былъ, по видимому, веселый монахъ; его круглые глаза любезно смотрѣли на міръ, который онъ считалъ довольно сноснымъ. Въ кельѣ его на полкѣ, вмѣстѣ съ книгами, стояло нѣсколько бутылочекъ. Давъ Михольскому поцѣловать свое плечо, казначей выслушалъ его просьбу и сказалъ:

— Не помню я. Конечно, есть, если ты говоришь и если это подтверждаетъ пріоръ. Ну, да все равно, узнаемъ, найдемъ — не пропадетъ.

Пройдя длинный рядъ коридоровъ, казначей отворилъ одну дверь, другую, третью, спускался по ступенькамъ куда-то внизъ, поднимался вверхъ. И жутко было Михольскому видѣть вокругъ себя сырыя стѣны съ лѣпными украшеніями и желѣзными кольцами, вдѣланными въ камень. Здѣсь, въ этихъ подвалахъ, быть-можетъ, когда-нибудь томились на желѣзныхъ цѣпяхъ преступники.

Казначей толкнулъ послѣднюю дверь. Комната была освѣщена сверху рѣшетчатымъ оконечкомъ. Не много было вещей въ ней: вдоль стѣнъ стояли дубовые шкафы, полки со старинными книгами въ ослиной и свиной кожѣ, мѣдные сосуды и шкатулки, окованные лѣдью и желѣзомъ. Взявъ ключи отъ Михольскаго и посмотрѣвъ на надпись, сдѣланную на одной шкатулкѣ, монахъ сказалъ:

— Вотъ твой сундукъ.

Михольскій взглянулъ на шкатулку и удивился ея малому размѣру. Вокругъ стараго дерева кружевное желѣзо заржавѣло, и плѣсень покрывала ларецъ, который не представлялъ изъ себя на первый взглядъ ничего интереснаго и заманчиваго. Если бы Михольскій встрѣтилъ его въ другомъ мѣстѣ, онъ не обратилъ бы на него вниманія.

Литературный альбомъ. „Цѣлитель Пантелеймонъ“. Стихотвореніе графа А. К. Толстого.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломко, грав. Шюблеръ.

Счастливая чета. Съ карт. Тито Конти, грав. по фот. Берлинского общества Крей.

— Бери, сказалъ монахъ. — Потрудись расписаться въ книгѣ, и съ Богомъ!

Молодой человѣкъ расписался и взялъ сундукъ. Онъ былъ легокъ. Во всякомъ случаѣ, сундукъ королевы Бонны не былъ наполненъ драгоценными металлами. Привратникъ распахнулъ передъ Михольскимъ калитку, и онъ вынесъ изъ монастыря свое сокровище.

Мандель со всѣхъ ногъ бросился на помощь своему господину, кликнувъ извозчика, и вдвоемъ они повезли наслѣдство въ еврейскую гостиницу, гдѣ остановился Михольскій. Предварительно они плотно заперлись въ нумерѣ. Глаза у обоихъ горѣли отъ нетерпѣнія и страха.

— Поди сюда, Мандель! Будь свидѣтелемъ, что мы найдемъ въ сундукѣ королевы Бонны.

Мандель молчалъ; руки у него тряслись.

Ключи послѣдовательно одинъ за другимъ были вложены Михольскимъ во всѣ три замка и каждый разъ, поворачиваясь, слабо звенѣли. Слово со стономъ, отворилась крышка ларца.

— Смотри, Мандель... но только, пожалуйста, подалее. Ты слишкомъ суешь свои руки.

— Что вы, панъ Михольскій! Я ничего! Развѣ это мои руки?

— Ну, то-то же. Видишь?

Въ сундукѣ оказался пестрый картонный ящикъ, заполнявшій собою всю его вмѣстимость. Михольскій вынулъ ящикъ, раскрылъ, а въ ящикѣ оказался другой ящикъ поменьше, тоже плотно заполнявшій его.

— Мандель, возьми пустой ящикъ и поставь его куда-нибудь.

Мандель поставилъ ящикъ на столъ. Михольскій изъ второй коробки вынулъ третью, изъ третьей четвертую.

— Что за чертовщина! Когда же мы доберемся до наслѣдства?! вскричалъ онъ.

Мандель все ставилъ коробки на столъ.

Изъ четвертой коробки Михольскій вынулъ пятую, затѣмъ шестую, седьмую и такъ далѣе, вплоть до двѣнадцатой, словно онъ былъ фокусникъ. Весь столъ былъ заставленъ коробками.

Потъ катился ручьями съ Михольскаго. Мандель пожималъ плечами, но и съ него лился потъ.

— Посмотримъ, посмотримъ! Однакоже, должно быть что-нибудь! Вотъ послѣдняя, кажется, коробка, съ облегченіемъ сказалъ Михольскій, вынимая крошечную коробку, которая вся могла умѣститься у него на ладони.

Мандель протянулъ руку къ коробкѣ, но Михольскій отстранилъ еврейчика.

— Не спиши! закричалъ онъ. — Но... тутъ еще коробка!

— Да, и такая маленькая, какъ скорлупка орѣха, сказалъ Мандель, и укоризненно покачалъ головой.

— Оно, положимъ, скорлупка орѣха, проговорилъ Михольскій, вскрывая послѣднюю коробочку, — да въ ней, можетъ-быть, брильянтъ величиною съ куриное яйцо.

— Пхэ! воскликнулъ Мандель.

Однакоже, любопытство его было такъ сильно, что онъ долженъ былъ заложить руки за спину, потому что онѣ плохо ему повиновались и тянулись къ коробочкѣ.

Коробочка заключала въ себѣ кубикъ плотно скомканной бумаги. Дрожащими пальцами развернулъ ее Михольскій.

— Универсалъ! радостно вскричалъ онъ.

— Универсалъ? переспросилъ Мандель. — А гдѣ же печать?

— Печати точно нѣтъ, сказалъ Михольскій, падая духомъ.

— Читайте лучше, панъ Михольскій.

У Михольскаго потемнѣло въ глазахъ; онъ готовъ былъ расплакаться отъ досады: на листѣ синей, толстой бумаги стариннымъ почеркомъ и выцвѣтшими чернилами было написано:

„Слѣдуй всегда тремъ главнымъ правиламъ:

„Не лги!

„Разсчитывай только на самого себя!

„Каждый день молись!“

Послѣ секунднаго молчанія, Михольскій гнѣвнымъ движеніемъ руки смахнулъ со стола всѣ коробки, сбросилъ на полъ сундукъ королевы Бонны и яростно толкнулъ его ногой. Сундукъ развалился, ударившись о порогъ дверей. Мандель не смѣлъ утѣшать Михольскаго. Блѣдныя губы жидка передергивала судорога— можетъ-быть, это былъ смѣхъ. Онъ, ни слова не говоря и не глядя на молодого человѣка, на цыпочкахъ вышла изъ номера своимъ журавлинымъ шагомъ.

„Теперь все конечно, думалъ Михольскій.—И стоило ради этого рисковать жизнью, честью, здоровьемъ!“ Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, давая волю своему гнѣву и ругая покойную тетку, чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, котораго ограбили и лишили не только всего, что онъ имѣлъ, но и надеждъ — самаго дорогого сокровища, какимъ только судьба одарила людей.

А между тѣмъ слѣдовало подумать, какъ выбраться изъ Кракова и обратно переѣхать границу. На улицахъ города было необыкновенное движеніе: польскія знамена гордо развѣвались на домахъ и башняхъ; городскую ратушу осаждалъ народъ, по улицамъ ходили патрули; тамъ и здѣсь играла музыка патріотическіе гимны, и молодыхъ людей вербовали въ повстанцы на площадяхъ, въ ресторанахъ, въ театрахъ и даже при выходахъ изъ костеловъ.

— Нѣтъ, надо бѣжать, сказалъ Мандель, входя къ Михольскому и трясясь всѣмъ тѣломъ.—Я погублю пана, а панъ погубитъ меня. Довольно глупостей! Довольно я былъ дуракомъ! Теперь нѣтъ Манделя, гордаго своей хитростью! Ахъ, меня обманули, какъ довѣрчиваго щенка!

Рано утромъ (бросивъ остатки сундука королевы Бонны въ гостиницѣ на произволъ судьбы) выѣхалъ изъ Кракова Михольскій вмѣстѣ съ Манделемъ.

Изъ предосторожности Мандель опять нарядилъ его евреемъ. Они прибыли цѣлыми и невредимыми къ Боруху Наумовичу въ Тыгодинь. Дождавшись темной ночи, Наумовичъ переправилъ обоихъ путешественниковъ, нагруженныхъ австрійскимъ товаромъ, черезъ бродъ, въ знакомомъ ему, Михольскому, мѣстѣ, и ни австрійскіе, ни русскіе стражники на этотъ разъ не замѣтили контрабандистовъ, хотя Мандель все-таки чуть не умеръ со страха. Ясногурскій далъ Михольскому пріютъ, но, опасаясь постоянныхъ обысковъ, которые въ это время производились на русской границѣ, постарался поскорѣ сплавить его. Прикрытый периной, былъ вывезенъ изъ мѣстечка Ромуальдъ Михольскій въ жидовской фурѣ. Отъ времени до времени къ нему наклонялся Мандель и шопотомъ спрашивалъ:

— Вы живы?

— Живъ, будь ты проклятъ! отвѣчалъ Михольскій.

Фура минула Ружаны по просьбѣ Михольскаго: онъ не хотѣлъ встрѣчаться ни съ Подлипальскими, ни съ отцомъ Христофоровскимъ, у котораго онъ бросилъ своего Вавилку. На выѣздѣ изъ Гродненской губерніи Мандель, который въ послѣднее время сталъ вести себя все развязнѣе, сядя съ Михольскимъ въ жидовской будкѣ, дернулъ его за рукавъ и сказалъ:

— Послушайте, ясновельможный панъ Михольскій, сказать вамъ всю правду? Пхэ... вы можете бить меня, какъ собаку! Я не вѣрилъ вашему сундуку, клянусь Богомъ. Пхэ... это было чересчуръ умно для моей глупой еврейской головы, иронически пояснилъ онъ.—Вы знаете, какой планъ у меня былъ? Панъ можетъ не бояться: Самъ Богъ его спасъ. Я хотѣлъ погубить пана, и князя Войдылда, и все кievское магнатство. Теперь вы понимаете, какой я презрѣнный собака. Я радуюсь,

что этого ничего не случилось, и что я ошибся въ васъ и во всѣхъ. Сердце мое болѣло, потому что я добрый. Но теперь я, попрежнему, останусь бѣднымъ жидкомъ Манделемъ. Развѣ мнѣ дать кто денегъ за то, что я ѣздилъ съ вами въ доминиканскій монастырь добывать сундукъ королевы Бонны? Мнѣ высмѣютъ глаза. Жалкій я Мандель! Презрѣнный Мандель! Несчастный Мандель!

— Ты шутишь, Мандель! вскричалъ Михольскій, пораженный признаніемъ жидка, преданность котораго казалась ему всегда такой искренней, хотя, правда, и совершенно безпричинной.

— Нѣтъ, я не шучу! Если-бъ я шутилъ и хотѣлъ-бы, чтобы панъ смѣялся, я бы лучше его пощекоталъ.

— Шпіонъ! проговорилъ Михольскій, и схватилъ жидка за горло.

Но Мандель выскользнулъ изъ его рукъ.

— Тсс!.. Развѣ такъ съ друзьями поступаютъ? Упаси Боже, я никому не доносилъ. Не на что доносить, когда я самъ одураченъ! вскричалъ Мандель, и въ его голосѣ послышалось отчаяніе. — Что-жъ вы думаете, что я и натурально собака, что я для того и рожденъ, чтобы цѣловать панскія ноги и ползать въ панской передней? Чтобы панъ зналъ, — есть у насъ, пархатыхъ жидовъ, гордость. Я ненавижу пана за то, что онъ меня обманулъ: я думалъ, что онъ важная птица! Ихъ, что выдумалъ панъ — сундукъ королевы Бонны! Онъ имѣетъ столько же лѣтъ, какъ и я, а еще занимается игрушками. Нѣтъ, никогда я не забуду, какъ ты меня обманулъ, панъ Михольскій! Прошу прощенья, милостивый панъ!

Въ это время фура остановилась у корчмы. Мандель приблизилъ къ Михольскому свое блѣдное, худое лицо съ насмѣшливыми глазами и поцѣловалъ его въ губы. Михольскій не успѣлъ отвернуться и крикнуть на жидка: „Пошелъ прочь, собака!“ какъ ужъ Мандель былъ далеко. Онъ ужъ больше не возвратился. Михольскій остался одинъ на большой дорогѣ съ пятьюдесятью червонцами въ карманѣ.

XII.

Еще одно испытаніе ожидало Михольскаго. У него имѣлась выданная ему въ Харьковской губерніи, на всякій случай, подорожная. Онъ давно ее просрочилъ. Ѣхать въ еврейскихъ фурахъ ему надоѣло страшно, потому что подвигались онѣ медленно — дѣлали въ день не больше двадцати, тридцати верстъ и внушали отвращеніе молодому человѣку своей грязью и нечистоплотными пассажирами. Онъ рѣшилъ взять почтовыхъ; но надо было возобновить подорожную — и Михольскій осторожно подчистилъ въ ней перочиннымъ ножичкомъ число и мѣсяцъ.

Безъ всякихъ затрудненій проѣхалъ онъ Виленскую губернію, Могилевскую и часть Черниговской. Но на одной изъ станцій Конотопскаго уѣзда станціонный смотритель обратилъ вниманіе на подчищенные мѣста и, задержавъ Михольскаго подъ предлогомъ, что нѣтъ лошадей, далъ знать о немъ въ ближайшую становую квартиру.

Становой былъ дома и самъ прискакалъ на станцію. Это былъ высокой армейскій офицеръ съ огромными усами.

— Кто такой? обратился онъ къ Михольскому.

Михольскій хотѣлъ, было, обидѣться, но указательный палецъ, которымъ становой ткнулъ въ подорожную, заставилъ его сообразить, что обижаться не со-всѣмъ своевременно.

— Я путешествую по своимъ дѣламъ и возвращаюсь въ Харьковъ; я ѣздилъ получать наслѣдство, отвѣчалъ Михольскій, окидывая взглядомъ фигуру становаго и замѣчая, что за дверью стоятъ люди.

— Въ кандалы! закричалъ становой, — будешь ты ѣздить у меня получать наслѣдства! Я упрячу тебя въ

Сибирь! еще громче закричалъ онъ, наклоняясь къ молодому человѣку и обдавая его запахомъ сивухи.

— Я ничего не сдѣлалъ уголовного, возразилъ Михольскій.

— Какъ ничего? А это что? Это что? страшнымъ, нечеловѣческимъ голосомъ вскричалъ становой, напрягаясь и наливаясь кровью, какъ комаръ, когда онъ погружить до самаго носа свое жало въ лобъ или въ носъ человѣка, дремлющаго невиннымъ сномъ на балконѣ, послѣ обѣда, въ спокойномъ креслѣ. — Ха-ха! Мы еще поговоримъ съ тобой! Я научу тебя, что значить уголовное! Я спрашиваю тебя, это что?

Михольскій молчалъ.

— Ну, голубчикъ, нечего мнѣ съ тобою разговаривать. Эй, колодку!

Вошелъ лысый разсылный и сотскій съ бляхой на груди. Въ рукахъ у сотскаго была колодка — два деревянные обрубка, въ видѣ хомута, съ отверстіемъ для ноги.

— Вы забываете, что я дворянинъ, сказалъ Михольскій дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Дворянинъ! Словесное заявленіе у насъ ничего не значить. Колодку!

— Но я служу...

— Гдѣ?

— Я служу, повторилъ Михольскій, — я служу въ Харьковѣ, прибавилъ онъ. — Я отлично знакомъ съ генераль-губернаторомъ Кокошкинымъ!

Становой пытливо посмотрѣлъ на всю фигуру молодого человѣка, покачалъ сомнительно головой и замѣтилъ:

— Подожди. Хорошо. Убери колодку. Еще успѣемъ. А ѣхать-то вамъ все-таки нельзя дальше, весело обратился онъ къ Михольскому.

— Но почему же не ѣхать?

— А потому, что таковъ законъ. Хоть вы и говорите, что чиновникъ, но я подозреваю васъ во лжи. Не угодно-ли пожаловать въ становую квартиру? Маршъ! Чиновникъ генераль-губернатора... Много такихъ чиновниковъ разбѣзжаетъ!

Михольскій долженъ былъ покориться. Нѣсколько мучительныхъ дней провелъ онъ въ становой квартирѣ. Становой содержалъ его въ холодной комнатѣ, рядомъ съ канцеляріей, и давалъ ему ѣсть только разъ въ день. Всѣ вещи, которыя нашлись у Михольскаго, равно и деньги, были отобраны становымъ; и арестанту не выдали даже бѣлья для перемены.

— Въ Харьковѣ лучше меня разберутъ.

— Да когда же вы отправите меня въ Харьковъ?

— А это не мое дѣло, я самъ жду.

— Чего же вы ждете?

— А распоряженія изъ Чернигова.

— Какого же распоряженія?

— А увидите, какого.

— Да вы за кого меня принимаете? Скажите откровенно! Если не вѣрите, что я харьковскій чиновникъ — положимъ, я солгалъ вамъ — кто же я такой?

— Вы — венгерецъ. А что вы не служите у генераль-губернатора, и въ этомъ убѣдился изъ адреснаго календаря — тамъ васъ нѣтъ.

— Но почему вы думаете, что я венгерецъ?

— Какъ, ѣдете изъ польскихъ губерній! Да, можетъ-быть, вы изъ-за границы ѣдете Малороссію волновать, становой погрозилъ пальцемъ у носа Михольскаго. — Нѣтъ, стараго воробья на мякинѣ не проведете!

Однажды ночью звонъ колокольчика разбудилъ становую квартиру. Дворъ наполнился бряцаньемъ шпоръ и сабель, — это изъ Чернигова прискакали жандармы.

Михольскому приказано было немедленно снаряжаться въ дорогу. Два солдата съ саблями на-голо сѣли въ сани по обѣимъ сторонамъ Михольскаго и помчали его въ Харьковъ. Днемъ и ночью, безъ отдыха,

летѣль Ромуальдь. Въ послѣднихъ числахъ ноябрю кибитка съ Михольскимъ и двумя жандармами вѣхала въ Харьковъ и направилась прямо къ генераль-губернаторскому дому.

Было около семи часовъ утра. Ночныя сумерки только что разсѣялись, но еще надъ городомъ висѣла мгла. Не всѣ дома проснулись: во многихъ были закрыты ставни.

Возлѣ тротуара, гдѣ шли работы и вколачивались въ землю новые столбы, стоялъ генераль въ шинели; поодаль, на вытяжку, ждалъ приказаній квартальный.

Увидѣвъ кибитку съ жандармами и съ арестантомъ, генераль помахалъ рукой. Кибитка остановилась; старшій жандармъ поспѣшилъ отрапортовать, кого онъ везетъ.

— А, знаю, сказалъ генераль. — Послушай, голубчикъ, ты у меня служишь? обратился онъ къ Михольскому.

Губы не повиновались Михольскому — онъ озябъ, хотѣлъ встать, но и ноги не повиновались.

— Да ты пьянъ, голубчикъ, сказалъ генераль. — Вотъ видишь, я тебя знаю, а ты меня не знаешь: я, вѣдь, и есть генераль-губернаторъ Кокоскинъ, у котораго ты на службѣ.

— Извините, ваше высокопревосходительство, проговорилъ Михольскій. — Грубость становаго заставила меня приобѣгнуть ко лжи.

— Ничего, голубчикъ! Встань, поскочи, поскочи — ноги согрѣются. Вотъ такъ, побей нога объ ногу. Давай-ка свой носъ. Ахъ, ты!

Генераль вытянулъ обшлагъ своего сюртука изъ-подъ шинели и крѣпко потеръ имъ побѣлѣвшій носъ молодого человѣка.

— Въ Харьковѣ учился... Студентъ?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство.

— А зачѣмъ подорожную подчистилъ?

— Ваше пр... пр... я потомъ вамъ все расскажу: замержаю.

— Везите венгерца ко мнѣ! приказалъ генераль-губернаторъ. — Скажите Прохорову, чтобы онъ его накормилъ и далъ бы рюмку водки.

Жандармы повезли Михольскаго. Генераль-губернаторъ нагнулся и сталъ смотрѣть, хорошо-ли вколочены тротуарныя тумбы, потомъ по лѣстницѣ взлѣзъ на крышу ближайшаго дома и осматрѣлъ, не разохлалась-ли зеленая бочка, которая тамъ стояла, по его распоряженію, на случай пожара.

Генераль-губернаторъ, возвратившись домой, велѣлъ позвать къ себѣ Михольскаго, какъ только тотъ согрѣлся.

— Такъ расскажи мнѣ все, по чистой совѣсти, началъ Кокоскинъ, — куда и зачѣмъ ты ѣздилъ и какъ совершилъ ты подлогъ, любезный венгерецъ?

— Боюсь, ваше высокопревосходительство, что вамъ покажется скучнымъ мой разговоръ.

— Не могу напередъ судить.

— Я ѣздилъ получать наслѣдство, какъ это видно изъ отобранныхъ у меня писемъ.

— Ну, и получить?

— Получилъ, отвѣчалъ Михольскій, — извольте взглянуть, ваше высокопревосходительство.

— Это что же такое? Цыдулка? По-латыни писана?

— По-польски, ваше превосходительство. Тутъ написано: „не лги, разсчитывай только на самого себя и каждый день молись Богу“.

— Хорошія правила, замѣтилъ генераль-губернаторъ.

— Хочу, ваше высокопревосходительство, въ точности соблюдать ихъ, а потому ничего не утаю и разскажу вамъ, съ вашего позволенія, какъ я добился послѣ цѣлаго ряда приключеній, наслѣдства, удостоившагося вашего высокаго одобренія.

— Ты черезчуръ, братецъ, по книжному говоришь. Я ученъ на мѣдныя деньги; мнѣ зубовъ не заговаривай, а бесѣдуй со мной просто, какъ я съ тобой.

— Да чего же проще, ваше высокопревосходительство. Чтобы вамъ интереснѣе было слушать, начну съ признанія, что я былъ за границей.

— Что ты? сказалъ Кокоскинъ и привсталъ, внимательно глянуть своими острыми зрачками въ открытые безпечные глаза Михольскаго. — Безъ паспорта?

— Безъ всякаго паспорта.

Еще разъ взглянулъ генераль на Михольскаго и произнесъ:

— Я слушаю тебя.

Цѣлые два часа разсказывалъ Михольскій о томъ, что съ нимъ случилось со дня его выѣзда изъ Соколовки. Кокоскинъ по временамъ хохоталъ или строго хмурилъ брови. Когда Михольскій кончилъ, онъ сказалъ:

— Я вѣрю тебѣ. Однакоже, братецъ, ты жестоко виноватъ, и счастливъ твой Богъ, что ты не дерзкій малый. Наказанъ ты достаточно, а награждать тебя не за что. Стой! Не хочешь-ли ты принять православіе?

— Неловко какъ-то, ваше превосходительство.

— Да ты, можетъ-быть, думаешь, ферть ты этакой, что православіе хуже римскаго католичества?

— Нѣтъ, я этого не думаю...

— А коли не думаешь, то какой же ты католикъ? Значить, ты католикъ плохой, и тебѣ слѣдуетъ принять православіе. Я бы тебѣ мѣсто далъ, потому что ты мнѣ понравился. Ты сообрази. А теперь пошелъ прочь. У жандарма получишь всѣ свои вещи и деньги.

Михольскій низко поклонился генераль-губернатору и вышелъ.

Черезъ двѣ недѣли онъ поступилъ къ нему на службу въ канцелярію помощникомъ столопачальника.

(Окончаніе будетъ).

Перчаточникъ.

Новелла Людвигъ Саломона. (Переводъ съ нѣмецкаго).

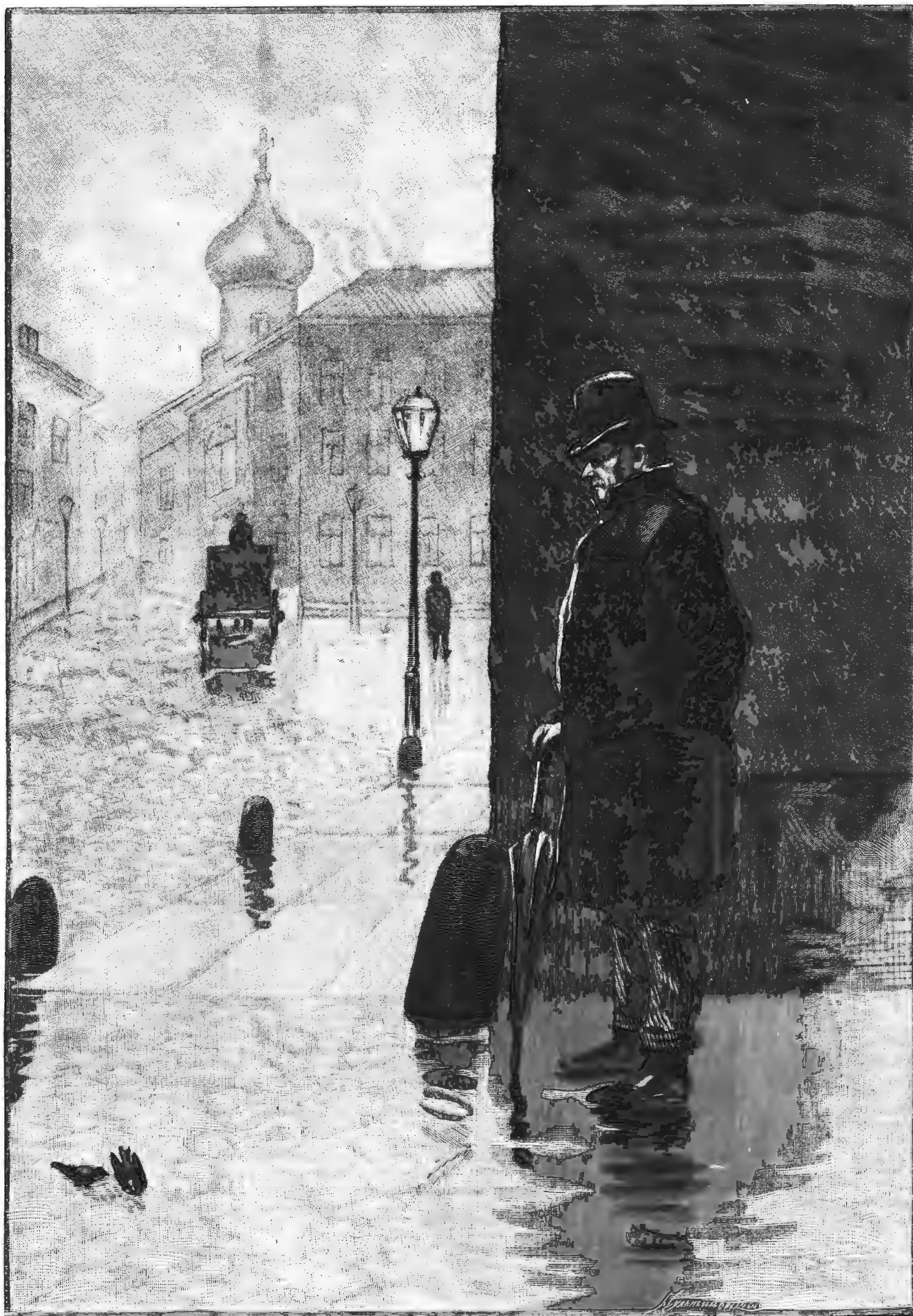
I.

Старикъ Жувенъ былъ сильно не въ духѣ, и было отъ чего. Какъ заманчивы были его сладкія мечты о свѣтломъ будущемъ, когда сынъ его подрастетъ, а онъ самъ, состарившійся, передастъ свою перчаточную мастерскую сыну и удалится на отдыхъ. Въ его разыгравшемся воображеніи рисовалось, какъ онъ, послѣ сытнаго обѣда, часовъ этакъ въ 4 или 5, въ своемъ изящномъ синемъ сюртукѣ, съ массивной палкой въ рукахъ, отправится въ живописныя окрестности своего милаго родного города Гренобля, зайдетъ тамъ въ садовый ресторанъ Барру или Кассера выпить чашку кофе и кстати сыграть партію въ тарокъ или шахматы. Тамъ будетъ онъ встрѣчаться со своими друзьями дѣтства и знакомыми, болтать съ ними о разныхъ исторіяхъ и злобахъ дня, а иной разъ пріятно будетъ вмѣстѣ, въ товарищескомъ кругу, вспомнить минувшіе дни, повздыхать вмѣстѣ по славной невозвратной порѣ юности, и затѣмъ, затѣмъ мирно, спокойно отправится онъ домой, въ свой теплый, уютный уголокъ.

„А“, — скажутъ прохожіе, увидѣвъ его возвращающимся до-

мой, „воцъ идетъ старикъ Жувенъ, онъ, вѣрно, гулялъ съ нашимъ департаментскимъ секретаремъ, а можетъ быть и съ самимъ каноникомъ; да, вотъ живетъ себѣ старикъ спокойно, отдыхаетъ на старости лѣтъ отъ трудовъ праведныхъ... Ну, пора ужъ, достаточно наработался онъ со своимъ перчаточничествомъ, все равно, на этомъ дѣлѣ далеко не уѣдешь. Отдыхай вѣласть, старина, — сынъ твой поведетъ дѣло твое еще лучше!“

Да, да все это мечталось ему когда-то, все это живо, точно на яву представлялось ему, въ особенности, когда онъ, бывало, послѣ обѣда сидеть отдохнуть на часокъ въ свое глубокое большое вольтеровское кресло... Но злая дѣйствительность разбивала вдребезги всѣ его мечты... Сынъ его уже былъ велико-возрастный молодой человѣкъ, былъ, правда, элегантенъ, изященъ, ловокъ и дѣло отцовское зналъ, но только бѣда въ томъ, что не было у него къ этому дѣлу ни малѣйшей охоты. Стоило, бывало, Жаку прикронть дюжину перчатокъ, и онъ больше и знать не хотеть, а ужъ про стояніе въ магазинѣ и говорить нечего. Между тѣмъ, ему не пужо было ни

Ревнивецъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Малышева, грав. Мультиповскій.

отыскивать требующих покупателей перчаток, ни давать примѣривать—на это была специально поставлена продавщица; онъ только долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ и быть любезнымъ и бесѣдовать съ покупателями, которыхъ только такимъ путемъ и можно къ себѣ залучить и приваждать. Но къ этой тонкой обходительности у Жака не было ни малѣйшихъ способностей, и ему было все это до того противно, что великій разъ, какъ ему приходилось показываться въ магазинѣ, бывалъ онъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа, былъ рѣзокъ и прямо-таки отваживалъ покупателей своимъ обращеніемъ съ ними. Не разъ высказывалъ онъ отцу прямо въ лицо, что вся эта „чепуха“ и въ мастерской, и въ магазинѣ, противна ему до смерги, и что онъ ни за что не согласенъ оставаться въ тѣсныхъ, жалкихъ рамкахъ этого ремесла... Его способности, вся его натура—увѣрялъ онъ отца—рвется къ широкой, славной дѣятельности, и оставаться жалкимъ перчаточникомъ составляетъ для него истинное несчастье.

Лучше всего хотѣлось Жаку стать художникомъ, скульпторомъ, подобно его другу Сюллису Массену, у котораго онъ проводилъ нѣрѣдко цѣлыя дни. Тамъ, въ мастерской Массена, Жакъ дѣлалъ модели, лѣпилъ, и изъ-подъ его рукъ выходили иногда, дѣйствительно, красивыя вещицы, достоинство которыхъ признавалъ и самъ старикъ Жувель. Но карьера художника, несмотря на всю свою заманчивость, была Жаку не подходяща. Чтобы посвятить себя серьезному искусству, у него, во-первыхъ, не было достаточнаго художественнаго образованія, а для того, чтобы пріобрѣсть это образованіе, онъ былъ слишкомъ уже въ лѣтахъ; во-вторыхъ, у него не было совершенно необходимыхъ средствъ къ этому. Сколько лѣтъ долженъ художникъ работать, прежде чѣмъ онъ завоеуетъ себѣ извѣстность и получить заказы, необходимые для поддержанія его существованія, находящагося почти всегда въ зависимости отъ воли случая! Всѣхъ тѣхъ сбереженій, которыя успѣлъ сдѣлать старикъ Жувель за время своей жизни, далеко не хватало для того, чтобы обезпечить Жаку возможность безбѣдно прожить нѣсколько лѣтъ, необходимыхъ для усовершенствованія его скульптурныхъ способностей.

Всѣ эти тяжелыя мысли не покидали старика почти никогда. Въ одинъ изъ лѣтнихъ теплыхъ вечеровъ, отдыхая въ своемъ уютномъ креслѣ, Жувель сидѣлъ, понури голову, и въ ней смѣлились все тѣ же неотвязчивыя, тяжелыя мысли. Вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, и Жакъ, въ сильномъ волненіи, вбѣжалъ въ комнату, прямо къ столу отца.

— Точно проклятіе какое-то лежитъ на мнѣ! рѣзокъ проговорилъ онъ и съ досадой швырнулъ свою шляпу въ дальній уголъ комнаты.

— Что такое? испуганно спросилъ его отецъ.—Ты на себя не похожъ!

— Да, все это проклятое перчаточничество, оно погубитъ меня совсѣмъ! повторилъ Жакъ.— Я не знаю, что будетъ...

И онъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Да въ чемъ дѣло?

— Очень просто въ чемъ: я люблю Сабину Колленъ, но отецъ ея далъ мнѣ сегодня совершенно ясно понять, что ни за что въ мірѣ не выдастъ онъ своей дочери за перчаточника.

Старикъ Жувель, услышавъ имя Коллена, въ испугѣ прислонился къ спинкѣ кресла, которое отъ неожиданнаго этого движенія сдвинулось чуть-чуть съ мѣста. Онъ покачалъ головой и хладнокровно сказалъ сыну: „какъ хочешь, у тебя слишкомъ смѣлая желанія—господинъ Колленъ, помимо того, что префектъ нашего города,—еще человекъ съ большимъ достаткомъ, советникъ нѣсколькихъ имѣній въ Альпахъ. И ничуть не удивляюсь, что онъ желаетъ имѣть болѣе почтвеннаго зятя, чѣмъ ты, по я только подозрѣвалъ въ тебѣ болѣе званія людей и, вообще, болѣе разсудка, и не считалъ тебя способнымъ дѣлать подобныя глупости“.

Жакъ провелъ рукой по лицу.

— Да если-бъ ты имѣлъ понятіе о ней, обратился онъ къ отцу,—если-бъ ты зналъ, что это за ангелъ, ты не судилъ бы меня такъ строго,—если бы тебѣ было извѣстно, что и она ко мнѣ неравнодушна, я увѣренъ, ты бы понялъ меня и мой образъ дѣйствій. Сегодня утромъ состоялось у насъ открытіе сельско-хозяйственной выставки. Префектъ произнесъ при этомъ рѣчь. Я занялъ мѣсто близъ него, чтобы лучше видѣть Сабину. Она стояла насупротивъ среди приглашенныхъ дамъ. Она скоро замѣтила меня и любезно кивнула мнѣ въ отвѣтъ на мой поклонъ. Наши взгляды не разъ встрѣчались въ продолженіи всей церемоніи, и въ ея милыхъ глазахъ я видѣлъ, сколько таилось въ нихъ любви и ласки. Когда рѣчь была кончена, и начался осмотръ выставки, я старался приблизиться къ ней, мнѣ это удалось—я стоялъ почти возлѣ нея. Только я успѣлъ перекинуться съ ней нѣсколькими словами, какъ подошелъ префектъ и, бросивъ на меня гнѣвный, уничтожающій взглядъ, подавъ ей руку и пожелавъ ей дальше. Счастью угодно было улынуться мнѣ еще разъ, сегодня, вечеромъ, когда кончился обѣдъ, и приглашенные начали вставать изъ-за стола. Тутъ я опять встрѣтился съ нею,—она подавала мило мнѣ руку и сказала, что очень рада нашей встрѣчѣ, дающей ей возможность выразить мнѣ ея восхищеніе моими моделями, которыя ей привелось видѣть въ мастерской Сюллиса Массена. Необыкновенно польщенный

тѣмъ, что она удостоила своимъ посѣщеніемъ нашу общую мастерскую, я хотѣлъ, было, уже поблагодарить ее за эту любезность, но какъ разъ въ это время позвалъ ее отецъ, и въ его голосѣ мнѣ такъ и слышалось пренебрежительное: „перчаточникъ“... Она поблѣднѣла, поклонилась мнѣ и поспѣшила на зовъ отца; насилью сдержалъ я себя: все во мнѣ кипѣло и колокотало; чуть было не потребовалъ я отъ этого высокообразнаго господина отчета за его казавшіяся мнѣ вызывающими поступки. Я хотѣ и сдержался, но уже не могъ болѣе оставаться тамъ, я выбѣжалъ вонъ, быстро миновалъ цѣлый рядъ улицъ, наконецъ, усталый, съ улегшимся немного сердцемъ, вернулся домой. Ну, а дальше,—дальше я самъ не знаю, что будетъ...

Быстро опустился онъ на стулъ у стола и схватился руками за голову.

— Какъ бы то ни было, но въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ ты теперь находишься, ни къ какому рѣшенію ты не придешь, спокойно возразилъ ему отецъ.— Подожди, дай пройти ночи, успокоись, ну, утромъ со свѣжей головой и обсудишь все.

Жакъ согласился въ данномъ случаѣ съ отцомъ, поднялся, пожелавъ ему спокойной ночи и направился въ свою комнату.

II.

Къ утру слѣдующаго дня онъ все еще не могъ успокоиться. Тщегно старался онъ придти къ какому-либо рѣшенію—одно только зналъ онъ, навѣрное, что ни за что не откажется онъ отъ Сабинны. Онъ взялъ шляпу и отправился за городъ, на окрестныя высоты—тамъ надѣялся онъ совершенно освѣжить отяжелѣвшую голову. Онъ взобрался на горы, и, дѣйствительно, ему стало сразу легче. Нѣсколько разъ дохнулъ онъ въ себя полною грудью чистый, свѣжій горный воздухъ и усѣлся на скалѣ.

Мѣсто оказалось очень удачное. Предъ нимъ живописно разстилалась весь Гренобль. Видъ города былъ такой очаровательный, что поневолѣ казалось, будто въ немъ живутъ только счастливые, довольные люди, что нѣтъ тамъ ни горя, ни страданій. Взоръ его безучастно скользилъ по убѣгающимъ длинными змѣвившимися лентами улицамъ и переулкамъ и остановился какъ-то неволью на старинномъ, гордо высившемся своей массивной громадой, зданіи префектуры, въ которомъ жила его дорогая Сабина, его счастье, овладѣть которымъ такъ безжалостно, зло пренитетвуютъ ему. И она теперь, вѣроятно, страдаетъ, и онъ, несмотря на все свое страстное желаніе, не можетъ ее успокоить, онъ не въ состояніи даже издали послать ей слово утѣшенія и любви.

Но тутъ вспомнилъ онъ, что Сабина ежедневно ходитъ утромъ въ кафедральную церковь слушать мессу. Итакъ, у него есть возможность еще видѣть ее хоть издали. Быстро спустился онъ съ горы и направился къ церкви. Судьба ему благоприятствовала—месса только начиналась. Церковь была полна молящихся. На скамьѣ въ ложѣ префектуры сидѣла она.

Онъ сталъ вблизи за колонну и собрался наблюдать за каждымъ ея движеніемъ. Но онъ совершенно почти не могъ разсмотрѣть выраженія ея лица, такъ какъ она сидѣла очень глубоко въ своей „ложѣ“, и его влюбленный взоръ съ трудомъ пронизывалъ окружавшій ее вѣракъ. Но вотъ, въ темномъ прорѣзѣ арки, онъ увидѣлъ, мелькнуло что-то блѣое—это была ея рука, словно выточенная изъ слововой кости... Это была рука, которая ему дороже всего на свѣтѣ, въ которой ему такъ безсердечно было отказано. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ ея тонкихъ, вѣжныхъ, розовыхъ пальцевъ, выдѣлявшихся изъ-подъ черныхъ шелковыхъ полуперчатокъ, высоко обхватывавшихъ ей руку.

Въ этомъ мѣгомъ созерцанія и восхищенія прошло нѣсколько минутъ. Другъ его ослѣпила счастливая мысль—въ немъ проснулся художникъ. Мигомъ вытащилъ онъ изъ кармана свою записную книжку, вынулъ карандашъ и сталъ набрасывать на бумагу классически-правильный контуръ дорогой ему руки; но грубый карандашъ не могъ передать ея неуловимо тонкихъ и изящныхъ линий и изгибовъ. Онъ дѣлалъ набросокъ за наброскомъ, онъ весь горѣлъ желаніемъ запечатлѣть ихъ,—все ему казалось, что его рисунокъ не передаетъ оригинала и, несмотря на то, что его послѣдній набросокъ представлялъ, буквально, живую руку, и именно выточенную руку его милой,—онъ все еще казался недоволенъ.

Месса кончилась, рука Сабинны исчезла съ окна, тихо скрипнула на поржавѣвшихъ петляхъ дверь,—она вышла изъ церкви, и онъ не смѣлъ даже издали послать ей привѣтствіе. Всѣ тяжелыя мысли, сѣдавшія его наканунѣ, снова неудержно нахлынули на него, и онъ, въ тяжеломъ раздумьи, засунулъ въ карманъ записную книжку и также вышелъ изъ церкви. Онъ не зналъ, куда ему теперь идти. Домой вернуться—не было у него силъ. Тутъ онъ вспомнилъ про своего друга Сюллиса Массена и, обрадовавшись, направился къ его мастерской. Онъ рѣшилъ показать Массену свой набросокъ съ руки Сабинны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже главнымъ образомъ, дать возможность другу-скульптору судить о самомъ оригиналѣ, какъ о чудеснѣйшемъ твореніи всеильной природы.

Скоро добрался онъ до мастерской, но Массенъ былъ странно

запятать. Ему нужно было как можно скорѣй вылѣпить проект надгробнаго памятника, такъ какъ заказчикъ долженъ былъ уѣхать и желалъ видѣть проектъ памятника хоть вчернѣ. Поэтому Массенъ успѣлъ лишь бросить бѣглый взглядъ на рисунокъ Жака, похвалилъ его и не преминулъ замѣтить, что онъ и самъ ужъ обратилъ вниманіе на восхитительно правильный строй пальцевъ и всей руки Сабинны и давно хотѣлъ просить ее дать ему снять модель съ ея руки.

При этихъ послѣднихъ словахъ Сюльписса, Жакъ оживился и рѣшилъ въ душѣ, что его другъ правъ, — дѣйствительно, съ этой руки надо вылѣпить модель, и онъ сейчасъ же, тутъ же попробуетъ это исполнить. Онъ схватилъ кусокъ глины, тщательно перемялъ его и быстро принялся за работу на модельномъ стулѣ, служившемъ для занятій учениковъ Массена и теперь стоявшемъ свободнымъ. Самый оригинальнѣе руки ясно и отчетливо рисовался предъ его глазами, а сдѣланный имъ рисунокъ служилъ еще болѣе руководствомъ въ его быстрой, горѣвшей въ его рукахъ, работѣ.

Въ общемъ, модель уже была готова, оставалось исполненіе отдѣльныхъ частей и тщательная отдѣлка ихъ. Тутъ ему пришлось убѣдиться, сколько трудностей приходится преодолѣть скульптору при лѣпкѣ руки, сколько нужно вложить усилій, чтобы соблюсти соотношеніе всей модели съ отдѣльными ея частями, и всѣхъ частей въ отдѣльности между собою. Работа ему давалась съ большимъ трудомъ, но онъ не унывалъ и работалъ все дѣлательнѣе и усиленнѣе, — онъ позволялъ себѣ отдыхъ лишь въ нѣсколько минутъ на обѣдъ. Отчасти ему помогали и самъ Массенъ; онъ давалъ ему совѣты, указывалъ, что рука должна лежать свободно, легко, чтобы пальцы были болѣе вытянуты, кое-что поправлялъ ему, и такимъ образомъ модель приближалась все болѣе къ художественному совершенству и этимъ самымъ вполне отождествляла оригиналь. Къ вечеру, къ несказанной радости Жака, модель была совершенно закончена. Онъ не могъ оторваться отъ нея — она оживала въ его воображеніи, ему хотѣлось благоговѣнно прикоснуться къ ней губами. Когда онъ вернулся домой и уже лежалъ въ постели, его модель неотступно стояла живая предъ его глазами, она снилась ему во снѣ, она не оставила его и утромъ, послѣ пробужденія.

III.

Углубленный, весь ушедшій въ свои тяжелыя мысли, сидѣлъ старикъ Жувенъ за утреннимъ кофе, въ комнатѣ, сосѣдней съ перчаточной мастерской. Какъ разъ въ эту минуту вошелъ къ нему мальчикъ изъ мастерской и положилъ ему на столъ пакетъ съ только-что изготовленными перчатками. Нужно было рассортировать ихъ по величинамъ, проставить на нихъ цѣны, послѣ того оставалось ихъ вынуть, прогладить и разложить, наконецъ, по коробкамъ въ магазинъ. Съ этимъ былъ сопряженъ и послѣдній осмотръ работы; поэтому, всю эту сортировку и окончательное приготовленіе перчатокъ къ продажѣ и взялъ старикъ Жувенъ на себя. Быстро развернулъ онъ пакетъ, разбросалъ по столу перчатки и сталъ внимательно осматривать каждую пару. Это были дамскія перчатки, большою частью, самыхъ высшихъ сортовъ, свѣтло-желтыя, свѣтло-голубыя, свѣтло-розовыя, простеганныя шелкомъ, изъ самой тонкой лайки. Затѣмъ онъ разложилъ по куцкамъ пары одинаковыхъ размѣровъ. При этомъ отдѣльную парку положилъ онъ на столъ передъ Жакомъ. Тотъ, занятый своими мыслями, машинально взялъ первую попавшуюся пару и сталъ ее разсматривать. Работа была чистая, изящная, во, все-таки, чѣмъ болѣе онъ въ нее вглядывался, тѣмъ сильнѣе росло въ немъ недовольство ею. Самая форма перчатки была груба, по его мнѣнію, покроя ея мало сообразовалась со строемъ изящной дамской руки, пальцы были неуклюжи. Онъ вызвалъ въ своемъ воображеніи форму руки дорогой его Сабинны и съ ужасомъ представилъ себѣ, какъ эта чудная, точеная ручка была бы обезобразена такой перчаткой. Какъ-то невольнѣ представилъ онъ себѣ при этомъ тотъ истинный покроя, при которомъ перчатка нѣжно и изящно облегалась бы красивыя формы руки, и ему захотѣлось тутъ же сейчасъ попробовать прикроить такую образцовую перчатку.

Прежде всего онъ нарисовалъ ее на листѣ бумаги. У него явилось сомнѣніе относительно нѣсколькихъ линій, онъ не зналъ, навѣрное, какъ ихъ провести, и поэтому отправился въ мастерскую Сюльписса Массена, гдѣ находилась его модель руки Сабинны, и изучилъ по модели всѣ линіи и ихъ соотношенія между собою. Наконецъ, ему удалось по этой модели выкроить образецъ перчатки, соотвѣтствовавшій вполне его строгимъ художественнымъ требованіямъ. По этому образцу

изготовилъ онъ нѣсколько паръ перчатокъ и, къ величайшей радости, убѣдился, что онъ не только не скрываютъ изящныхъ формъ руки, но еще болѣе, рельефнѣе выдвигаютъ ихъ. Онъ видѣлъ, что его перчатки далеко превосходятъ прежнія своей изящностью.

Отецъ Жака былъ еще болѣе доволенъ этимъ, чѣмъ онъ самъ. Послѣ того, какъ онъ тщательно, своимъ опытнымъ старымъ глазомъ осматривалъ покроя и, въ особенности, форму пальцевъ въ новыхъ перчаткахъ Жака, — онъ пришелъ окончательно въ восхищеніе. Какъ опытный коммерсантъ, онъ предугадалъ, что эти новыя перчатки его сына произведутъ огромный, коренной переворотъ въ фабрикаціи перчатокъ. Онъ выхлопоталъ себѣ привилегію на этотъ новый покроя перчатокъ и ввелъ его въ своей мастерской.

Жакъ, между тѣмъ, не остановился на этомъ; онъ продолжалъ свои художественныя работы въ этомъ направленіи, лѣпилъ модели мужскихъ и дѣтскихъ рукъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Онъ изучилъ, такимъ образомъ, современнѣе, въ совершенствѣ анатомическое строеніе человѣческой руки и поэтому постигъ всѣ особенности, свойственныя хорошей, изящной перчаткѣ. Онъ до того усовершенствовался въ своихъ работахъ, что могъ по одному взгляду на руку скроить на нее именно облегающую, изящную перчатку.

При этомъ, естественно, увеличивался и его интересъ къ самой фабрикаціи перчатокъ. Онъ посвящалъ въ свои планы Сабину, и она очень интересовалась ими. Она даже высказала удобный случай и посѣтила оице мастерскую Сюльписса Массена, гдѣ она ознакомилась очюю съ разными восхитительно, артистически-художественно исполненными Жакомъ моделями рукъ. При этихъ осмотрахъ завязывалась всегда маленькая бесѣда, которая безконечно счастливила Жака и все болѣе приближала его къ его милѣ. Онъ и теперь не осмѣливался еще просить ея руки, но его все сильнѣе и сильнѣе окрыляла надежда, что, въ концѣ концовъ, онъ все-таки достигнетъ своей желанной цѣли.

Съ каждымъ днемъ посвящалъ онъ себя все усерднѣе этому дѣлу, устроилъ новое отдѣленіе въ мастерской и все болѣе расширялъ кругъ сбыта. Тутъ ему пришла еще на помощь открывшаяся ремесленная выставка въ Парижѣ. Онъ выставилъ на ней свои перчатки разныхъ величинъ и вызвалъ ими неописуемое восхищеніе. Въ особенный восторгъ отъ нихъ приницъ дамы и, главнымъ образомъ, отъ изготовленной изъ самой тончайшей лайки — пары, названной Жакомъ „Gants Sabine“. Со всѣхъ сторонъ посылались къ нему заказы, и скоро во всемъ Парижѣ не было ни одного перчаточнаго магазина, въ которомъ не имѣлось бы сильно раскупавшихся „Gants Jouvin“, считавшихся самымъ высшимъ сортомъ перчатокъ. Вслѣдъ за тѣмъ торговцы всей Франціи посѣщали выписать себѣ эти перчатки.

Скорѣй фирма Жувена въ Греноблѣ была завалена столькими заказами, что вынуждена была переѣхать въ огромное помѣщеніе; число рабочихъ пришлось увеличить въ десять, двадцать, наконецъ, во сто разъ, и префектъ послалъ донесеніе правительству въ Парижъ, что въ Греноблѣ возникла новая отрасль промышленности, предоставляющая средства къ существованію многимъ сотнямъ рабочихъ.

Понятно, теперь префектъ смотрѣлъ на Жака Жувенъ совершенно иными глазами, и, когда послѣдній рѣшился, наконецъ, просить руки его дочери, онъ съ радостью изъявилъ свое согласіе. Жакъ сталъ счастливѣйшимъ человекомъ въ мѣрѣ. Фабрика его получала все больше и больше работы, область сбыта ея издѣлій была уже весь земной шаръ, даже въ Калифорніи и Австраліи въ высшемъ обществѣ носили жувеновскія перчатки. По мѣрѣ расширенія дѣятельности фабрики, становилось все труднѣе единолично руководить ею.

Тутъ пришла на помощь Жаку его юная супруга — она стала его правой рукой.

Гренобль приобрѣлъ себѣ почетное имя и богатство, благодаря необычайному расцвѣту новой отрасли промышленности, съ году на годъ становившейся все значительнѣе. И теперь, когда основатель этого производства уже давно умеръ, перчаточное производство въ Греноблѣ все прогрессируетъ. Мало-по-малу возникло тамъ 115 перчаточныхъ фабрикъ, на которыхъ занято 2.000 рабочихъ и 20.000 мастерицъ, шьющихъ перчатки. Ежегодно въ Греноблѣ изготовляется болѣе десяти милліоновъ паръ перчатокъ, стоимостью болѣе, чѣмъ въ тридцать милліоновъ франковъ.

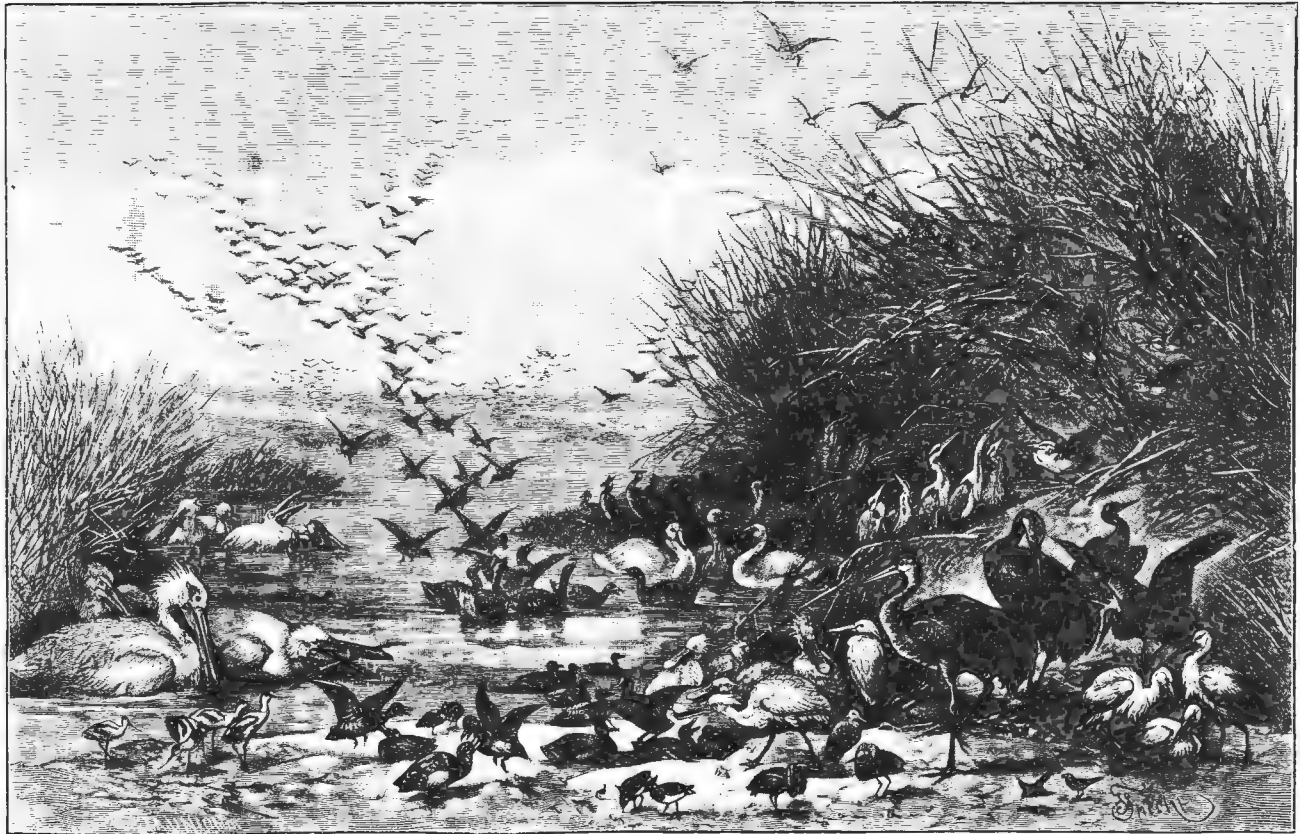
Недавно состоялось въ Греноблѣ большое народное празднество. Былъ освященъ памятникъ основателю перчаточнаго производства Жаку Жувену, воздвигнутый ему на главной площади признательнымъ городомъ Греноблемъ. И. Э.

Леонардо да-Винчи — изобрѣтатель парашюта и летательнаго прибора.

(Съ тремя рисунками).

Во всѣхъ сочиненіяхъ по физикѣ — изобрѣтеніе парашюта приписывается первому воздухоплавателю Пилатру де-Родіеру (1756—1785) или Ле-Норману, между тѣмъ какъ на дѣлѣ честь этого изобрѣтенія принадлежитъ знаменитому живописцу

Леонардо да-Винчи (1452—1519). Съ особеннымъ рвеніемъ занимался онъ вопросомъ о воздухоплаваніи. Для этого онъ устроилъ въ 1514 г. изъ особаго рода восковой массы пустыя звѣриныя и человѣческія фигуры, наполнивъ ихъ нагрѣтымъ

Уголокъ озера южныхъ степей Азіи. Рис. Ф. Шпехта, грав. Клоссъ.

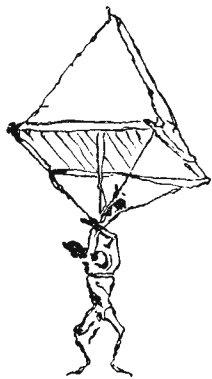
Африканскіе зебры и страусы, переночывающіе по степи. Рис. Ф. Шпехта, грав. Клоссъ.

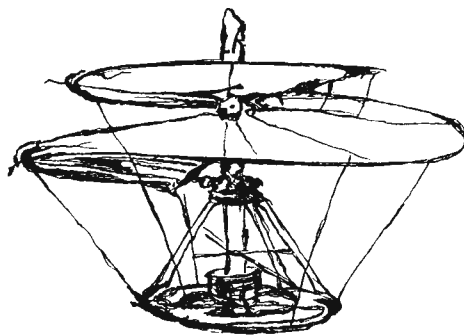
Маленькіе купальщики. Съ карт. Демонъ-Брегонъ, грав. Доши.

воздухом и пускать под облака. Таким образом, Леонардо да-Винчи должен, по справедливости, считаться изобретателем „монгольфьера“. Относительно парашюта пишет да-Винчи следующее: „если у кого-нибудь есть наметь из накрахмаленного полотна в двенадцать локтей вышины и со стороны в столько же локтей длины, то ош может безопасно и без боязни спускаться со всякой высоты, какой бы большой она ни была“. Къ замѣчанію этому присовокунулъ онъ помѣщаемый у насъ, объяснительный чертежъ; относительно послѣдняго, однако, необходимо замѣтить, что парашютъ въ сравненіи съ изображенной подъ нимъ человѣческой фигурой слишкомъ незначителенъ.

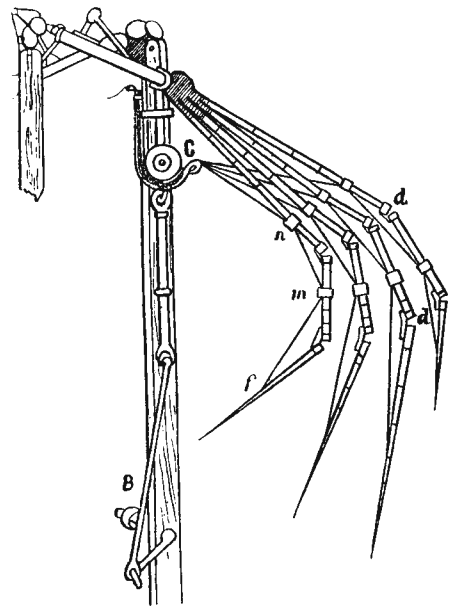
Затѣмъ Леонардо да-Винчи въ началѣ XVI вѣка составилъ еще нѣсколько различныхъ проектов для поднятія человѣка въ недостижимыя высоты атмосферы. Такъ, онъ изобрѣлъ такъ-называемый „воздушный винтъ“, маленькія модели котораго употребляются въ повѣйшее время въ видѣ игрушки: винтъ этотъ приводится механически во вращательное движеніе и поднимается къ потолку. Къ своему чертежу такого

Парашютъ. Факсимиле рисунка Леонардо да-Винчи.

Летательный приборъ. Факсимиле рисунка Леонардо да-Винчи.

Искусственные крылья. Факсимиле чертежа Леонардо да-Винчи.

воздушнаго винта, предназначеннаго служить летательнымъ снарядомъ, да-Винчи дѣлаетъ слѣдующее объясненіе: „края круга должны быть сдѣланы изъ желѣзной проволоки толщиною въ добрый канатъ и отстоять отъ центра на разстояніи шести локтей. Когда снарядъ этотъ изготовленъ въ видѣ винта (а именно изъ туго накрахмаленнаго полотна) и будетъ быстро вращаться вокругъ своей оси, то я думаю, что винтъ будетъ приводиться въ движеніе самимъ воздухомъ и подниматься къверху. Остовъ подъ упомянутое полотно долженъ быть снабженъ прочными прутьями. Можно сдѣлать съ него маленькую бумажную модель, ось которой будетъ представлять тонкій стальной столбикъ, который нужно вращать съ большою силой. Какъ только отпуститъ этотъ клинокъ, сейчасъ же начинать вертѣться винтъ“.

На томъ же принципѣ основано приписываемое, какъ повѣстно, Ресселю или Соважу, изобрѣтеніе пароходнаго винта. точно также у Леонардо да-Винчи впервые явилась мысль приводить въ движеніе судно силою водянаго пара, и онъ, дѣйствительно, соорудилъ паровой аппаратъ.

Наконецъ, гениальный художникъ сильно занятъ былъ опытами устройства для человѣка летательныхъ крыльевъ, по образцу птичьихъ. Изъ приведеннаго у насъ собственноручнаго его рисунка, мы видимъ вполне ясно и наглядно всю систему искусственныхъ сочлененій (*d, m, n*) и связанныхъ нитями (*f*), соединенныхъ въ пучокъ мускуловъ, наматываю-

щихся на подвижной блокъ *C*, для поддержанія крыльевъ при поднятіи. Посредствомъ маленькихъ, приделанныхъ ко всемъ суставамъ пружинокъ, крылья сами собою раскрываются при опусканіи, для захвата воздуха подъ своей полукруглой сводъ. Рукоятка *B* съ поршневымъ дышломъ должна приводить весь аппаратъ въ равномерное движеніе, поочередно поднимая и опуская блокъ *C*. Гениальное устройство этого снаряда представляетъ чудо механики. Здѣсь не принято только во вниманіе, будетъ-ли въ силахъ человѣкъ двигать продолжительное время крыльями потребной величины. Какъ бы то ни было, но въ рукописяхъ знаменитаго творца „Тайной Вечери“ имѣется масса разныхъ гениальныхъ, подчасъ, изобрѣтеній, приписанныхъ затѣмъ незаслуженно другимъ ученымъ естествоиспытателямъ.

Лантографъ Марей.

Очеркъ. (Съ рисункомъ).

Не малую сенсацию среди посѣтителей Первой Всероссийской Гигіенической выставки производилъ экспонированный физиологическимъ кабинетомъ С.-Петербургскаго университета приборъ для записыванія сложныхъ, безотчетныхъ движеній рукъ человѣка. Экспонатъ этотъ, представляющій изобрѣтеніе французскаго ученаго Марей, возбуждалъ особое любопытство публики, въ виду упрямно держащагося слуха, что приборъ обладаетъ замѣчательною способностью угадывать человѣческую мысль.

Мысль о графическомъ изображеніи сложныхъ движеній животнаго организма давно уже занимала головы ученыхъ, но долгое время тормозилась отсутствіемъ настолько чувствительнаго прибора, который могъ бы служить вполне надежнымъ факторомъ для передачи движеній, зачастую неувидимыхъ нашимъ глазомъ, а тѣмъ болѣе слухомъ. Правда, что со времени позидѣйнаго усовершенствованія Т. Эдисономъ своего фонографа (1888 г.), явилась возможность записывать, а слѣдовательно и воспроизводить, въ отсутствіи первоначальнаго источника полученія, пульсацию человѣческаго тѣла, но, благодаря сравнительно дороговизнѣ самого фонографа, способъ этотъ для цѣлей медицины оказывался мало пригоднымъ. Французскому ученому Е. I. Марей, путемъ изобрѣтенія особаго пневматическихъ капсулъ, извѣстныхъ нынѣ въ ученномъ мѣрѣ подъ именемъ „Капсулы Марей“, удалось, наконецъ, до извѣстной степени, разрѣшить вышеупомянутую задачу, и притомъ замѣчательно просто и экономично. Взявъ обыкновенную круглую, металлическую крышечку, съ маленькимъ желобкомъ снаружи, по окружности, Марей накрылъ ее резиновой перепонкою, слегка натянулъ, крѣпко обвязалъ, по

наружному желобку, прочнымъ шнуркомъ, и пневматическій капсуль былъ совершенно готовъ. Что атмосферный воздухъ оказывался заключеннымъ въ этой коробочкѣ, доказывать, кажется, не нужно. Оставалось только соединить два такіе капсулы вмѣстѣ, при помощи отверстій съ ихъ боковъ и длинной каучуковой трубки. Далеко не сложная система эта обладаетъ замѣчательною чувствительностью: самаго малѣйшаго нажатія на перепонку одного капсуля вполне достаточно, чтобы тождественное движеніе тотчасъ же передавалось на перепонку другого капсуля. Объясненіе этого явленія не менѣе просто: нажимая на одну перепонку, вы заставляете тѣмъ самымъ часть находящагося въ капсулѣ воздуха выходить черезъ отверстіе въ каучуковую трубку и устремиться въ отверстіе другого капсуля, а увеличеніе объема воздуха во второмъ капсулѣ естественно должно отразиться на самой покрывающей его перепонкѣ, которая и будетъ подниматься, поднимая въ то же время и любой пишущій рычагъ. Разъ были изобрѣтены столь чувствительные капсулы, не было задержки и за самыми приборами, каковыхъ частью тѣмъ же Мареемъ, частью другими учеными, а именно, Киоллемъ и Брандгейстомъ устроено сразу нѣсколько: такъ напр., для графическаго изображенія ударовъ пульса предназначенъ былъ „сфигмографъ“, для записыванія біенія сердца „кардиографъ“, для изображенія дыхательныхъ движеній „пнеумографъ“; и, наконецъ, устроены даже и такіе приборы, которые записывали тѣ и другія движенія вмѣстѣ, какими являются: „пансфигмографъ“—для пульса и сердца и „полиграфъ“—для графическаго изображенія дыхательныхъ и сердечныхъ движеній вмѣстѣ.

Почти всѣ упомянутые приборы, насколько намъ повѣстно,

съ полнымъ успѣхомъ примѣняются нынѣ въ медицинской практикѣ и въ отношеніи своего прямого назначенія не составляютъ желать ничего менѣе сложнаго и дешеваго. Но наука далеко не останавливается на пути новыхъ изобрѣтеній и возможнаго усовершенствованія прежнихъ.

Не довольствуясь блестящими результатами, достигнутыми изобрѣтенными имъ пневматическими капсулами, Марей задумалъ примѣнить ихъ къ записыванію болѣе сложныхъ движеній, чѣмъ біенія сердца и пульса, каковыми являются движенія рукъ человека, крыльевъ птицъ и т. п. Плодомъ его неустанныхъ трудовъ явился, наконецъ, возбуждавшій на выставкѣ значительный интересъ публики приборъ, названный имъ „пантографомъ“. Такое название, весьма популярное среди лицъ, занимающихся рисованіемъ или копированіемъ, заставляетъ нѣкоторыхъ смѣнивать приборъ Марей съ совершенно другимъ, служащимъ исключительно только для увеличенія и уменьшенія копій съ рисунковъ и плановъ и посящимъ хотя и одинаковое съ первымъ названіе, но по своему назначенію ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ.

Самая конструкция послѣдняго изобрѣтенія Марей, по обыкновенію, крайне проста. Приборъ, какъ усмотрятъ читатели на рисункѣ, состоитъ, собственно, изъ двухъ частей: первая представляетъ обыкновенную чугунную подставку съ мѣднымъ вертикальнымъ стержнемъ, а вторая—длинные четырехугольные салазки, снабженныя внизу, во всю ихъ длину, винтомъ, по которому, при помощи обыкновеннаго часового механизма, свободно двигается другой вертикальный стержень. На оба эти стержня надѣвается по одному деревянному параллелограмму, углы которыхъ соединены металлическими шарнирами, при чемъ самые прямоугольники, по желанію, могутъ двигаться по стержню вверхъ и внизъ. Въ одной плоскости съ параллелограммами съ двухъ сторонъ укрѣплены пневматическіе капсулы Марей, соединяющіеся между собой по-парно двумя каучуковыми трубками. На сторонахъ параллелограммовъ, соприкасающихся съ капсулами, надѣты круглыя металлические пластинки, непосредственно нажимающія на эластичную переноску капсуль. Обѣ части прибора могутъ быть отодвинуты одна отъ другой, насколько позволяетъ это длина каучуковыхъ трубокъ.

При производствѣ опыта, за выступъ перваго параллелограмма держать рукой, а выступъ другого параллелограмма, снабженный кисточкою, перомъ или какимъ-либо другимъ пишущимъ снарядомъ, въ точности воспроизводитъ графически, на подложенной подъ него бумагѣ самую неуловимую для глаза колебанія человеческой руки. Для большаго удобства и правильности полученія графическаго изображенія сложныхъ движеній, бумага накладывается на обыкновенный записывающій цилиндръ, который и помещается подъ кисточкой, и скорость движенія котораго, какъ извѣстно, можетъ регулироваться особымъ механизмомъ.

Полагаемъ, что вышеприведенное описаніе, вмѣстѣ съ помѣщеннымъ на страницахъ журнала рисункомъ, дастъ возможность нашимъ читателямъ уяснить себѣ сущность устройства послѣдняго изобрѣтенія Марей.

Остается теперь объяснить самое трудное, а именно, для чего собственно изобрѣтеніе это предназначено? Для этого намъ придется затронуть слегка области физиологій и психологій, почему мы и постараемся изложить наше объясненіе возможно понятнѣе для cadaго. Весьма извѣстно, наиримѣрь, что всякая мысль, проявившаяся въ нашемъ мозгѣ и, притомъ, доступная для немедленнаго же исполненія тѣми или другими органами нашего тѣла, тотчасъ же передается, черезъ соотвѣтствующій нервъ, тому органу, который и приводитъ въ исполненіе задуманное движеніе. Возьмемъ хотя бы тотъ моментъ, когда мы спойкою сидимъ въ креслѣ. Представимъ себѣ, что въ мозгу нашего явилась мысль, заставляющая насъ немедленно же встать со своего мѣста. Мысль эта моментально передается, при помощи соотвѣтствующихъ нервовъ, мышцамъ нашего тѣла, которые извѣстнымъ способомъ и приводятъ въ исполненіе зародившуюся въ головѣ мысль. Равнымъ образомъ, если мы хотимъ что-либо записать, происходятъ аналогичныя съ первымъ проявленія функций нашего организма, т. е. первыя передаютъ задуманное мышцамъ руки, которая и служитъ уже исполнительнымъ органомъ. Отсюда слѣдовало бы, кажется, что, если руку нашу соединить съ какимъ-нибудь наиболее чувствительнымъ пишущимъ приборомъ, то мысль наша должна была бы быть съ точностью записана имъ. Однако, это происходитъ только тогда, когда мысль „de facto“ захочетъ записать что-либо и притомъ именно съ помощью даннаго прибора.

Такъ, наиримѣрь, захотимъ мы написать цифру „8“ или какую-нибудь кривую линію, и приборъ съ точностью исполнитъ наше желаніе, немедленно же изобразивъ на бумагѣ пишущаго цилиндра какъ то, такъ и другое. Если же мысль наша не захочетъ ничего записывать, то побудитъ ее къ этому не въ состояніи положить никакой приборъ. Спрашивается, какимъ же тогда образомъ можно будетъ пользоваться изобрѣтеннымъ Мареемъ пантографомъ, если онъ оказывается не въ состояніи самопроизвольно воспроизвести нашу мысль. Чтобы точно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего прослѣдить, не зарождается ли въ нашемъ мозгу такихъ мыслей, которыя приводятъ въ исполненіе совершенно помимо нашей воли, т. е., иначе сказать, вопль „безотчетныхъ“. Если мы воскресимъ въ своей памяти нѣкоторые моменты изъ своей жизни, то каждый изъ насъ непремѣнно отыщетъ въ ней болѣе или менѣе случаевъ, когда мы совершали то или другое дѣйствіе, совершенно не отдавая въ немъ себѣ отчета. Такъ, наиримѣрь, мы можемъ чувствовать совершенно необъяснимую и вопль безотчетную симпатію или антипатію къ человеку, котораго мы встрѣтили въ первый разъ въ жизни и о которомъ мы до сего времени никогда даже не слышали. Такое странное чувство является совершенно помимо нашей воли, несмотря иной разъ и на то, что видѣнные поступки помянутаго субъекта намъ зачастую даже нравятся. Бываетъ также, что какая-то необъяснимая сила заставляетъ насъ вдругъ идти въ извѣстное мѣсто или совершать тѣ или другіе поступки, иной разъ даже далеко не соотвѣтствующіе нашему характеру. Точно такія же самопроизвольно рождающіяся въ нашемъ мозгу мысли заставляютъ иногда нашу руку писать то, о чемъ, какъ намъ кажется, мы совершенно не думали, или, во время самой серьезной письменной работы, въ которую, казалось бы, должны быть поглощены все наши мысли, рисовать на поляхъ рукописи какіе-нибудь совершенно не относящіеся къ дѣлу фигурки или наброски тѣхъ или другихъ предметовъ, или, наконецъ, во время письма или разговора безотчетно вертѣть или ломать руками какой-либо предметъ. Все вышеприведенное примѣры воочію доказываютъ, что отправленія разныхъ функций нашего организма происходятъ иной разъ вопль безотчетно, безъ всякаго участія нашей воли.

Вотъ для записыванія этихъ-то безотчетныхъ движеній мышць нашего тѣла и можетъ служить экспонированный на выставкѣ пантографъ Марей.

Положимъ, что за ручку пантографа взялся человекъ, съ заранѣе предвзятымъ намѣреніемъ отнюдь не позволять своей рукѣ дѣлать какія бы то ни было движенія. Дадимъ ему время наиболее сосредоточиться въ самомъ себѣ; и что же оказывается въ результатѣ: до тѣхъ поръ, пока мысль его останавливалась на одномъ лишь желаніи избѣгать какихъ-либо движеній своею рукою, держащею за ручку прибора, пишущій аппаратъ находится въ безусловномъ покоѣ, но какъ скоро ходъ мыслей, вслѣдствіе продолжительнаго ихъ напряженія, принялъ другое направленіе, мышцы руки самопроизвольно стали сокращаться, заставляя тѣмъ самымъ руку двигаться, а слѣдовательно и графически воспроизводить на записывающемъ цилиндрѣ безсознательно произведенное ею движеніе. Само собой разумѣется, что время наступленія такого момента проявленія безотчетной мысли у разныхъ субъектовъ далеко не одинаково и остается въ полной зависимости отъ того или другого состоянія нервной системы испытываемаго. У болѣе нервныхъ людей, какъ, наиримѣрь, у женщинъ, моментъ этотъ наступитъ сравнительно скорѣе, а надъ лицами, обладающими, какъ говорятъ, „железными нервами“, опытъ, быть можетъ, и совсѣмъ не удастся.

Что касается до характера самыхъ знаковъ, получаемыхъ на записывающемъ цилиндрѣ, то иной разъ они вопль понятно, хотя, въ зависимости отъ пишущаго снаряда, иной разъ и грубо, изображаютъ задуманный предметъ или даже слово, а въ иныхъ случаяхъ представляютъ какіе-то кабаллистическіе крючки или ангажи, для расадки которыхъ, въ свою очередь, нужно изобрѣсти какой-либо новый приборъ.

Какъ бы то ни было, но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о нѣкоторомъ несовершенствѣ получаемыхъ результатовъ, нельзя не пожелать дальнѣйшаго усовершенствованія этому любопытному изобрѣтенію, общающему въ будущемъ послужитъ драгоценнымъ вкладомъ въ науку, тѣмъ болѣе, если припомнимъ, что еще сравнительно очень недавно мы считали просто дѣтскою игрушкою и такіа замѣчательныя творенія гениальнаго ума, какъ, наиримѣрь, телефонъ и фонографъ.

Къ рисункамъ.

Въ царствѣ Микадо. (Рис. на стр. 989).

Японская имперія за послѣднія 20 лѣтъ сдѣлала большіе шаги на пути европейской цивилизаціи, принимая отъ гнилого Запада его призрачныя совершенства и утрачивая понемногу свой самобытный и своеобразный видъ, созданный вѣками,

подъ вліяніемъ расовой особенности, религіи, климата и мѣстности. Тѣмъ не менѣе, до сей поры въ странѣ Микадо понадаются мѣста, куда не проникло развѣщающее и обезличивающее европейство, и гдѣ можно любоваться японцами добраго стараго времени. Такими являются японцы, главнымъ образомъ, въ своей частной семейной жизни, въ своемъ домашнемъ

быту. Начиная съ обстановки—тутъ все японское, и этимъ японскимъ нельзя не залюбоваться, такъ въ немъ все своеобразно, мило и привлекательно. Неумолимый работникъ и большой любитель природы, японецъ старается имѣть ее всегда передъ собою, и если нѣтъ средствъ и мѣста, онъ создаетъ, на нѣсколькихъ саженихъ земли, все, что онъ въ природѣ любитъ, въ уменьшенномъ видѣ. Въ его саду можно встрѣтить и маленькій прудъ съ крошечнымъ островкомъ, и на немъ модельки, и мостикъ, и рѣчки, и рощицу деревьевъ-карликовъ съ цвѣтами и плодами; и все это окружаетъ домикъ своеобразной постройки съ его ширмочками, цыновками, фонарями и другими украшениями.

„Цѣлитель-Пантелеймонъ“. (Рис. на стр. 992).

Пантелей-государь ходитъ по-нолю
И цвѣтовъ, и травы ему по-нолю,
И все травы предъ нимъ разстланюся,
И цвѣты ему все поклоняюся.
И онъ знаетъ ихъ силы сокровыя,
Все благія и все ядовитыя;
И все въ добрымъ онъ травамъ, невреднымъ,
Отвѣчаетъ поклономъ привѣтнымъ,
А которы растутъ виноватыя,
Тѣмъ онъ палкой грозитъ суковатою.

А. Толстой.

Счастливая чета. (Рис. на стр. 993).

Узы Гименея для нихъ ничтожныя золотыя сѣти любви, и они, очарованные ею, согласно и неторопливо идутъ по жизненному пути, счастливые и любящие. Дай Богъ, чтобы это счастливое время навсегда сохранилось у нихъ въ сердцѣ! Тогда и въ невеселые дни, сквозь черныя тучи тяжелой жизни, какъ золотые лучи солнца счастья, согрѣетъ и утѣшитъ воспоминаніе о блаженной порѣ ихъ супружеской жизни.

Ревнивецъ. (Рис. на стр. 997).

Какъ хорошо, какъ полно бы было счастье любви — не будь соединено съ чувствомъ этой любви ревности! И чѣмъ сильнѣе любовь, тѣмъ чаще, тѣмъ безосновательнѣе является ревность, словно тѣнь, слѣдующая неотходно за нею. Тотъ, кто сказалъ гдѣ-то, что ревность есть тѣнь, тѣневая сторона любви, — былъ, повидимому, совершенно правъ. Обыкновенно, ревность безсмысленна, и является не тамъ, гдѣ нужно. Поводы создаются воображеніемъ ревнивца, и чѣмъ менѣе основанія къ нимъ, тѣмъ сильнѣе мучается онъ, придумывая различныя подтвержденія этимъ поводамъ... И начинаетъ онъ выкидывать подчасъ чисто сумасшедшія вещи: ходитъ, слѣдитъ, сторожить, сокращается, иногда по цѣлымъ часамъ стоитъ подъ дождемъ, чтобы выслѣдить какую-нибудь карету, въ которой, по его расчетамъ, находится предметъ его ревности, уѣзжая отъ него для изыбны... Фигуру такого ревнивца типично изобразилъ на нашемъ рисункѣ художникъ Матышевъ.

Уголокъ озера южныхъ степей. (Рис. на стр. 1000).

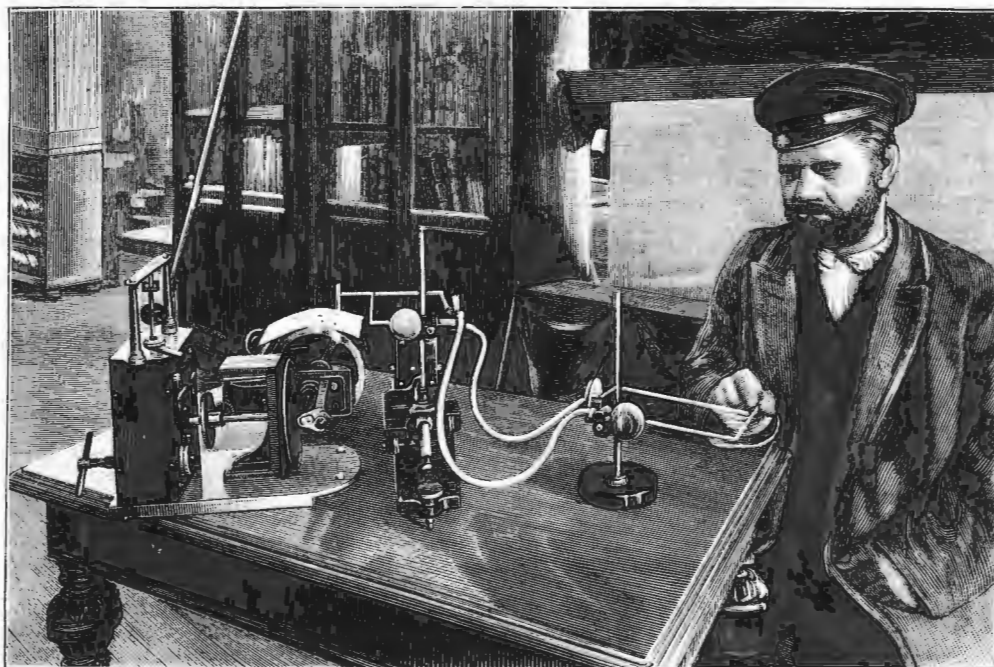
Сборнымъ пунктомъ почти всехъ животныхъ служатъ, наравнѣ съ огромными озерами, и небольшіе пруды и болота, наряду съ большими рѣчками — и маленькіе ручьи. Когда издали и не подозрѣваешь о существованіи озера изъ-за окружающаго его топкіе берега камышей, сотни и тысячи кружащихся болотныхъ и озерныхъ птицъ даютъ опытному глазу знать о близости воды. На гладкую поверхность озеръ то опускаются, то снова поднимаются оживленные группы бѣлыхъ и синихъ чаекъ, весело перепархиваютъ въ камышахъ въ поискахъ за пищей озерныя ласточки; изъ одного угла озера въ другой не-

сутся вереницы утокъ, гусей и лебедей; тихо бороздятъ воду гордые великаны, высоко въ воздухѣ рѣютъ чернѣющими точками орлы; вся камышевая заросль точно живетъ и колеблется подъ ихъ живыми массами. И все это чиркаетъ, щебечетъ, оглашая своими рѣзкими криками все степное озеро и его окрестности.

Африканскіе зебры и страусы. (Рис. на стр. 1000).

Голодь на сѣверѣ приводитъ животныхъ къ тому же, что мучительная жажда на югѣ. Когда маленькія озера и болота, освѣжающія своей прѣсно-соленой водой зебръ, антилопъ, буйволовъ, страусовъ и другихъ водящихся въ степяхъ животныхъ, постепенно высыхаютъ отъ палящаго зноя южно-африканскаго солнца, тогда все эти животныя собираются съ шумомъ и крикомъ вокругъ еще не высохшихъ озеръ и болотцевъ. Въ концѣ концовъ, когда и эти испаряются отъ лучей полуденнаго солнца, тогда все эти степные обитатели, волей-неволей, должны перекочевать отсюда въ другое мѣсто. Охваченные отчаяніемъ, подобно дикимъ лошадямъ и антилопамъ средне-азиатскихъ степей, или бизонамъ сѣверо-американскихъ прерій, собираются они въ огромныя стада и пробѣгаютъ прямымъ путемъ, наперерѣзъ, сотни миль, стремясь избавиться отъ бѣдствій этой все разрушающей поры.

И въ такихъ случаяхъ первыми рѣшаются покинуть негостеприимныя мѣста дикія тигровыя лошади. Чувствуя приближеніе зимы, беззаботно и быстро устремляются впередъ по необозримой степи сильныя полосатыя зебры, квагги и дау; каждый табунъ ихъ находится подъ охраной и руководствомъ стараго, опытнаго жеребца и избираетъ свой особый путь. Общее бѣдствіе заставляетъ животныхъ забыть свою постоянную вражду другъ къ другу и думать всеобща лишь объ одномъ спасеніи. Изъ небольшихъ табуновъ образуются многочисленные стада въ нѣсколько сотъ животныхъ, сразу, вмѣстѣ оставившихъ зимнюю степь, съ неослабленными еще силами, съ гордой еще волей. Съ большимъ оживленіемъ и захватывающимъ интересомъ изображаютъ путешественники грандіозную картину переселенія этихъ дикихъ тигровыхъ лошадей. Далеко отъ глазъ на-

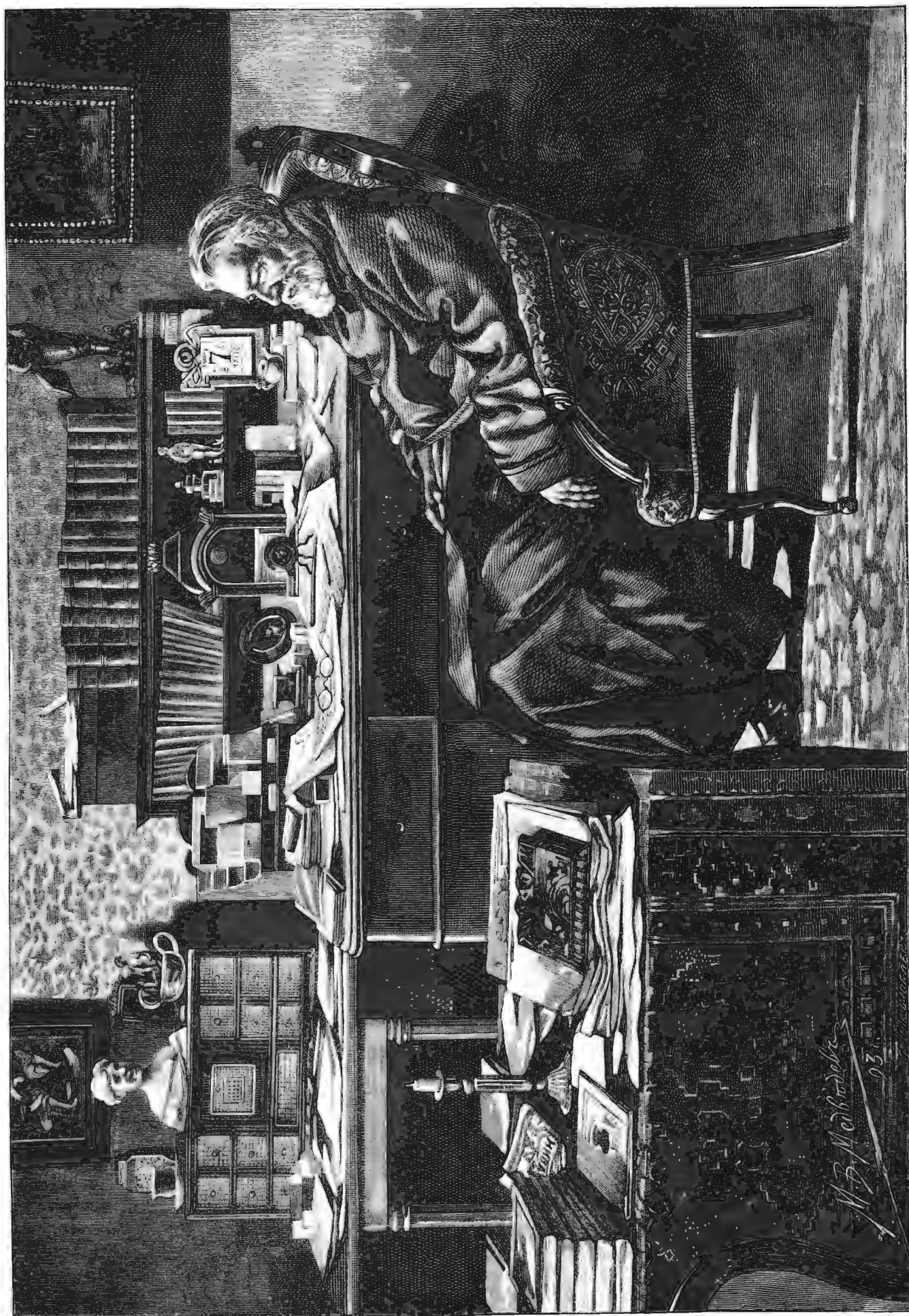

Первая Всероссийская выставка гигиены и спасанія. Пантографъ Марья. Съ фот. грав. Шлипперъ.

блюдателя однообразно тлится голая, красноватая, несчаивая степь, съ мелькающими кое-гдѣ лишь темными пятнами выжженной солнцемъ травы и рѣзкими кустиками мимозы, окаймляемая на горизонтѣ рѣзкими линиями синѣющихъ горъ. И среди этого пустыннаго ландшафта вздымается вдругъ облако пыли, и спокойно, недвижимо растетъ въ раскаленномъ воздухѣ, постепенно подымаясь, точно столбъ дыма, въ голубую высь... Оно придвигается все ближе и ближе. Наконецъ, на одно мгновение, лишь мелькаютъ въ немъ движущіяся живыя существа... Постепенно выступаютъ изъ окружающаго ихъ облака пыли причудливо, цестро окрашенныя дикія животныя... Тѣсно сомкнутыми рядами, съ высоко приподнятыми шей и хвостомъ, морда къ мордѣ, быстро проносятся они мимо вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ испуганными фигурами гу и страусовъ, направляясь къ какому-нибудь новому отдаленному настибу... И прежде чѣмъ наблюдатель успеетъ придти въ себя, дикое стадо уже чернѣетъ вдали одной лишь колеблющейся точкой, а черезъ нѣсколько мгновений и совсемъ исчезаетъ въ необозримой степной дали.

Маленькіе купальщичи. (Рис. на стр. 1001).

Говорятъ, женщинамъ недоступно искусство и будто нѣтъ женщинъ-композиторовъ, писателей, художниковъ и скульпторовъ. Женщины, созданныя по тому же образу и подобію Божію, какъ и сильный полъ человеческого рода, разсѣяли во многомъ подобныя предубѣжденія, устроивъ на Колум-

Къ 50-лѣтнему юбилею писательской дѣятельности Григоревича. Дмитрій Васильевичъ Григоревичъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) М. Медвѣдова, грав. Шюблеръ.

бійской выставкѣ отъ начала до конца цѣлое зданіе съ выставкой своихъ произведеній. Въ отдѣльности нерѣдко такіе произведенія краснорѣчиво говорятъ о талантливости женщины. Такъ, французское искусство живописи знаетъ не одну представительницу прекраснаго пола, и произведенія ихъ не терпятъ въ тысячахъ работъ художниковъ и скульпторовъ. Къ числу ихъ принадлежатъ и картины госпожи Демонъ-Бретонъ, о прелести работъ которой даетъ представленіе гравюра съ ея граціозной картины „Маленькіе кунальщики“.

Офицерскіе чины, погибшіе на „Русалкѣ“.

(Портр. на стр. 1007).

Въ № 39 *Нивы* мы дали своевременно отчетъ о страшномъ несчастіи, постигшемъ бронепосецъ береговой обороны „Русалка“, а также группу матросовъ, снятую на палубѣ броненосца, и портретъ ея командира—В. Хр. Тенниша. Въ настоящемъ номерѣ мы публикуемъ портреты остальныхъ офицерскихъ чиновъ „Русалки“, гравированные по нашему заказу съ портретовъ, помѣщенныхъ во *Вс. Илл.* Старшимъ офицеромъ на „Русалкѣ“ былъ Николай Николаевичъ Протопоповъ, капитанъ 2-го ранга, человекъ далеко еще не старый (родился въ 1850 году). Начать службу свою онъ на Каспійскомъ морѣ, но затѣмъ вскорѣ перешелъ въ артиллерійскій отрядъ Балтійскаго моря, гдѣ и продолжалъ служить до своей кончины. Три лейтенанта „Русалки“: В. А. Стравинскій, П. Л. Ершовъ и Г. И. Бурхановскій, совсѣмъ еще молодые люди: первый и второй кончили курсъ Морского училища въ 1882 году, а третій всего лишь въ 1885 году. Молодой мичманъ Владиміръ Алексѣевичъ Долговъ, сынъ севастопольскаго героя, подавалъ большія надежды, какъ отличный офицеръ и знатокъ артиллерійскаго дѣла. Онъ и переведенъ былъ изъ Черноморскаго флота, гдѣ служилъ прежде, будучи, между прочимъ, начальникомъ метеорологической станціи въ Константинополь, въ артиллерійскій отрядъ, какъ выдающийся молодой офицеръ. Погибъ онъ всего 25 лѣтъ отъ роду.

Г. К. Майеръ, 27 лѣтъ, былъ въ прошломъ году только назначенъ въ артиллерійскій отрядъ мичманомъ и успѣлъ участвовать въ плаваніяхъ только въ Балтійскомъ морѣ.

Штабсъ-капитанъ корпуса морской артиллеріи В. М. Алкимовичъ кончилъ курсъ въ 1880 г. въ Морскомъ Техническомъ училищѣ. Служилъ онъ на слѣдующихъ судахъ: „Петръ Великій“, „Забѣлка“ и лодкѣ „Туча“. На „Русалку“ онъ былъ переведенъ около года тому назадъ.

М. П. Буровъ, поручикъ—былъ сыномъ крестьянина Костромской губерніи. Окончивъ курсъ въ Техническомъ училищѣ, онъ былъ произведенъ въ кондуктора, а черезъ годъ, въ 1886 г., въ чинъ подпоручика. Затѣмъ онъ поступилъ въ Михайловскую артиллерійскую академію. Здѣсь онъ кончилъ курсъ въ текущемъ году и поступилъ на „Русалку“.

Штабсъ-капитанъ корпуса флотскихъ штурмановъ П. П. Кнриловъ родился въ 1850 году. Онъ служилъ штурманомъ на лодкѣ „Туча“ и на „Русалку“ былъ переведенъ въ 1890 г.

Помощникомъ старшаго механика на „Русалкѣ“ служилъ Л. Н. Янъ. Родился онъ въ 1861 году, а кончилъ курсъ въ Морскомъ Техническомъ училищѣ въ 1884 году.

Докторомъ былъ на „Русалкѣ“ надв. сов. В. Т. Сверчковъ. Ему было 31 годъ отъ роду. Академію онъ кончилъ въ 1887 г. Но отзывамъ знавшихъ его, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ медиковъ морского вѣдомства.

Франко-русскія празднества. Битва цвѣтовъ въ Марсели. (Рис. на стр. 1008).

Однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ, національныхъ празднествъ во Франціи считается такъ-называемая „bataille des fleurs“ (битва цвѣтовъ). Въ ней сказывается дѣлкомъ южная, живая, увлекающаяся натура французовъ, невольно заражающая всякаго своего весельемъ. Во время шумныхъ празднествъ по поводу—оставшагося навѣки памятнымъ въ исторіи XIX вѣка—пробыванія русскихъ моряковъ во Франціи, была также устроена такая „bataille des fleurs“, между прочимъ, въ Марсели. „Битва цвѣтовъ“ въ Марсели и изображена на нашемъ рисункѣ на стр. 1008. Послѣ блестящаго приема нашихъ моряковъ министромъ финансовъ Пейтралемъ, адмиралъ поѣхалъ къ командиру 15-го армейскаго корпуса, а потомъ въ мѣрю. Кортель двигался подъ настоящимъ дождемъ цвѣтовъ, и женщины, въ особенности, рискуя понасть подъ лошадей, стремглавъ кидались къ колескѣ адмирала, чтобы позать ему руку. Затѣмъ состоялся банкетъ, сервированный на 360 кувертовъ. Послѣ банкета, русскіе офицеры поѣхали на знаменитую Салпетриѣ, гдѣ состоялась „bataille des fleurs“. Несююрга на проливной дождь, „битва“ прошла чрезвычайно оживленно, и марсельцы устраивали своимъ гостямъ самыя горячія оваціи. Офицеровъ нашихъ буквально засыпали цвѣтами, букетиками и бутоньерками, но они не оставались въ долгу. При громкихъ кликахъ и оживленномъ смѣхѣ во всѣмъ направленіямъ пронзывали воздухъ міриады цвѣтовъ.

Къ 50-лѣтію писательской дѣятельности Дм. Вас. Григоровича.

(Рис. на стран. 1005).

Въ воскресенье, 31 октября, торжественно празднуется полу-вѣковой юбилей литературной и художественной дѣятельности Дмитрія Васильевича Григоровича, писателя, уважаемое имя котораго достаточно извѣстно грамотнымъ русскимъ людямъ.

Недавно, давая въ № 42 *Нивы*, въ виду приближающагося юбилея Дмитрія Васильевича, его портретъ и биографію, мы имѣли полное основаніе сказать, что онъ „безусловно и по праву принадлежитъ къ блестящей плеядѣ художниковъ отечественнаго слова—беллетристовъ сороковыхъ годовъ и въ настоящее время является однимъ изъ представителей славной эпохи русской литературы.“

Да, Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ—представитель старыхъ традицій русской литературы и не только преданный своему высокому дѣлу, но уважающій его, и въ силу этого уваженія относящійся къ нему съ такою ценительною доброжелательностью, которую одна уже, сама по себѣ, служить достаточно стимуломъ того уваженія, почта и—скажемъ слово—славы нашего магнатога юбиляра.

Уважай свой трудъ—и тогда только вызовешь къ себѣ уваженіе окружающихъ—вотъ правило, въ которомъ заключается тайна успѣха каждой дѣятельности.

Дмитрій Васильевичъ, обладая талантомъ, полвѣка тому назадъ еще признаннымъ и оцененнымъ, обладалъ знаніемъ и имѣя въ настоящее время уже пятидесятилѣтній опытъ писательской дѣятельности, работаетъ до сихъ поръ, самымъ тщательнымъ образомъ отдѣляя свои произведенія, не полагаясь ни на огромный талантъ свой, ни на знанія, ни на опытъ. „Трудъ, трудъ и добросовѣстное отношеніе къ нему—безъ труда

ничего не сдѣлаешь“, часто повторяетъ молодымъ писателямъ Дмитрій Васильевичъ и указываетъ на примѣры работы прежнихъ корифеевъ отечественной словесности, своихъ товарищей...

Много перебивало молодыхъ людей въ изображенномъ на нашемъ рисункѣ рабочемъ кабинетѣ Дмитрія Васильевича, и все унесло отсюда кто ласковое слово, кто дѣльный совѣтъ или полезное наставленіе...

Широкая художественная натура Дмитрія Васильевича не ограничилась рамками литературной дѣятельности; глубокой знатокъ искусства и свѣдущій цѣнитель художественной старины, онъ явился главнымъ дѣятелемъ „Императорскаго общества поощренія художествъ“, имѣющаго въ настоящее время собственный домъ въ Петербургѣ, на Большой Морской, съ прекрасно поставленною школою, съ музеемъ—любимымъ дѣтищемъ Дмитрія Васильевича, которому онъ посвятилъ много труда, энергіи и знанія, и съ огромною, вновь остроюною недавно залого. Въ этой залѣ въ воскресенье, 31 октября, состоялось чествованіе нашего юбиляра торжественнымъ собраніемъ, устраиваемымъ избраннымъ изъ среды литераторовъ и художниковъ распорядительнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ слѣдующихъ лицъ: Я. П. Полонскаго, А. А. Потѣхина, П. И. Вейберга, П. Н. Исакова, Н. Собко, А. Бенуа и А. Кундича.

Присоединяясь къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыя раздадутся въ честь магнатога юбиляра на этомъ собраніи, мы съ чувствомъ живѣйшей и сердечной искренности пожелаемъ, чтобы плодотворная дѣятельность его продолжилась еще на многіе годы...

Политическое обозрѣніе.

Франко-русскія торжества окончились, увѣнчанныя въ послѣдній день Царскимъ словомъ признательности. Нынѣ русскіе моряки уже далеко отъ гостеприимной Франціи, но ихъ время, ни разстояніе не изгладятъ изъ памяти и сердецъ обѣихъ націй тѣхъ чувствъ, какія одушевляли ихъ за послѣдніе дни, и теперь французскія газеты стараются резюмировать общее впечатлѣніе, оставленное празднествами. Впечатлѣніе это, какъ выражается *Temps*, было пріятное впечатлѣніе усюкоевія. Констатируя, что никакой диссонансъ не нарушилъ миро-

любивыя ликованія, парижскій органъ—мѣнье котораго раздѣляетъ большая часть органовъ парижской прессы—особенно доволенъ съ точки зрѣнія внутренняго положенія страны временнымъ сближеніемъ и даже согласіемъ, установившимся не только между политическими партіями, но и между всѣми классами общества. „Намъ кажется, присовокупляетъ *Temps*, что между нами останется кое-что отъ этихъ незабвенныхъ дней, когда всѣ французскія сердца были одинаково. Либералы, радикалы, консерваторы, монархисты, даже социалисты, если мы

завтра возобновимъ наши тяжбы съ ними, вѣчныя пререканія, по крайней мѣрѣ, будутъ относиться другъ къ другу снисходительнѣе, и мы будемъ помнить, что какъ бы ни были серьезны наши ссоры, что это, все-таки, ссоры семейныя, которыя должно рѣшать въ семейномъ духѣ, не позволяя, чтобъ онѣ приносили вредъ престижу и священнымъ интересамъ отечества“.

Особенное вниманіе обратило на себя участие католическаго духовенства въ чествованіи русскихъ. Въ Парижѣ, въ церкви Voeu National въ Монмартрѣ былъ отслуженъ „Te Deum“ въ первое воскресенье пребыванія русскихъ во Франціи.

Въ эти дни всеобщаго мирнаго чувства Германіи пришлось такъ напомнить о себѣ успокоенной Франціи. Изъ Страсбурга сообщаютъ: германскій лѣсничій Рейсъ, изъ Пленъ, близъ Ширмека, встрѣтилъ вчера пять французскихъ браконьеровъ на германской территоріи, въ 200 метрахъ отъ границы. Браконьеры открыли огонь противъ лѣсничаго, который остался невредимъ и убилъ двухъ браконьеровъ. Прокуроръ и судебный слѣдователь немедленно прибыли на мѣсто приключенія и удостовѣрились, что лѣсничій, конечно, дѣйствовалъ по необходимости самообороны.

Австрійскій императоръ выѣхалъ 16 октября неожиданно изъ Пешта въ Вѣну съ цѣлю разрѣшенія внутренняго кризиса, обострившагося вслѣдствіе коалиціи нѣмецко-либеральной

партіи съ клубомъ Гогенварга и польскимъ клубомъ. Графу Таафе приказано сегодня вечеромъ явиться въ Гофбургъ съ докладомъ. 17 числа, подъ предѣлательствомъ императора, состоялся совѣтъ министровъ, не давшій удовлетворительныхъ результатовъ; полагаютъ, что кабинетъ Таафе выйдетъ въ отставку.

15 октября въ Бѣлградѣ подписанъ торговый договоръ съ Россіей, взаимно предоставляющій торговлю преимуществами; особое значеніе имѣетъ статья объ установленіи прямой связи между желѣзнодорожными и судоходными на Дунаѣ предпріятіями обонхъ государствъ.

Болгарское народное собраніе открылось 15 октября. Это первое собраніе по новой, измѣненной болгарской конституціи въ половинномъ составѣ депутатовъ сравнительно съ числомъ ихъ по прежнему избирательному закону. Составъ новаго болгарскаго собранія, несмотря на это уменьшеніе числа депутатовъ, не измѣнился къ лучшему; большинство принадлежитъ попрежнему къ оплачиваемымъ Стамбуловымъ агентамъ. При всемъ этомъ оппозиціонные депутаты все-таки собираются сдѣлать, надѣясь на поддержку принца Фердинанда, нѣсколько щекотливыхъ для Стамбулова запросовъ.

Въ Вашингтонѣ, 18 октября, сенатъ большинствомъ 43 голосовъ противъ 32, принялъ предложеніе объ отмѣнѣ закона Шермана о серебрѣ.

Н. Н. Протопоповъ, старшій офицеръ, капитанъ 2-го ранга.

П. Л. Ершовъ 2-й, лейтенантъ.

В. А. Стравинскій, лейтенантъ.

Г. И. Бурхановскій, лейтенантъ.

Г. К. Майеръ, мичманъ.

В. А. Долговъ, мичманъ.

В. М. Алькимовичъ, штабсъ-капитанъ.

П. П. Кирилловъ, штабсъ-капитанъ.

М. Н. Буровъ, поручикъ.

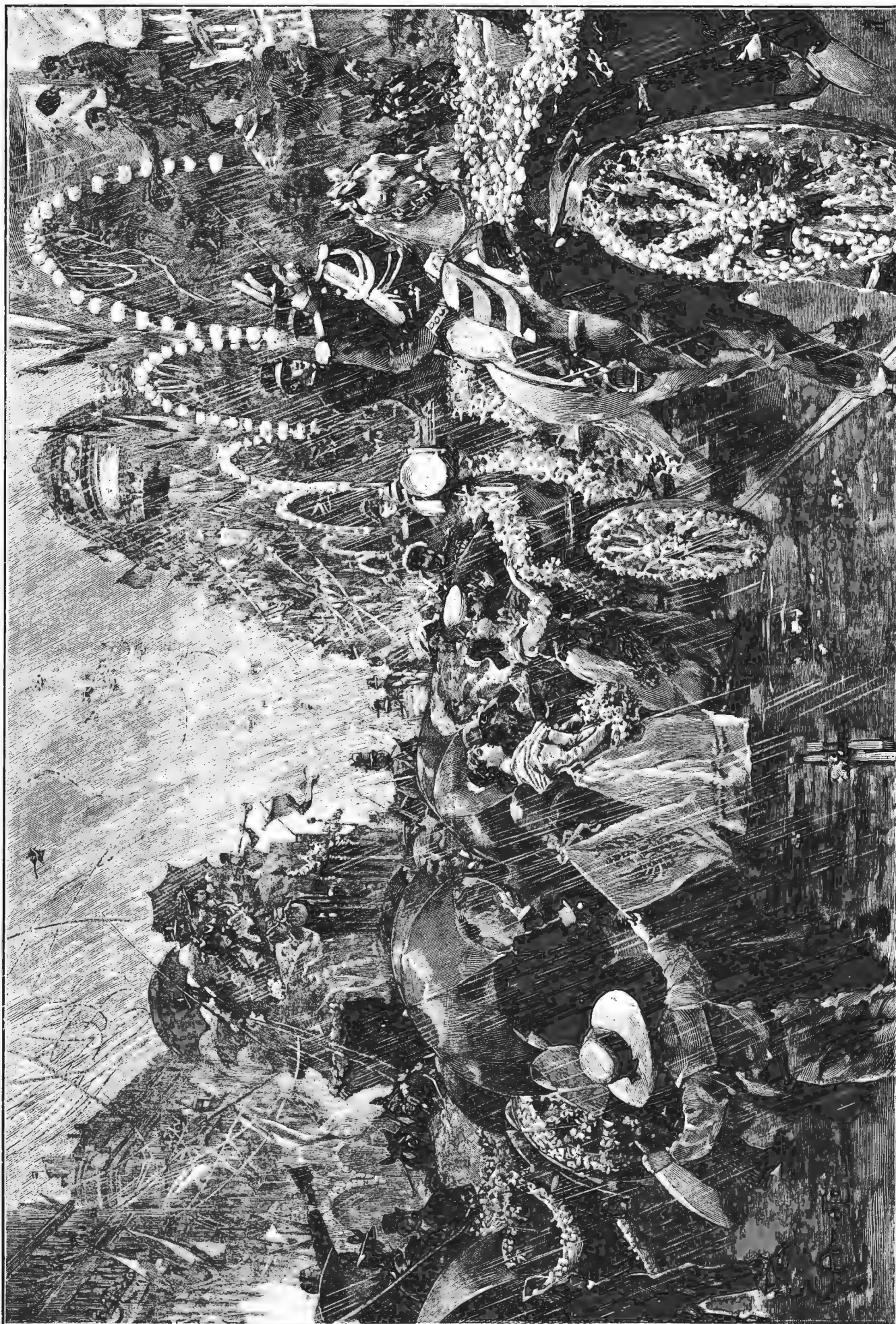
Л. Н. Янъ, помощникъ старшаго инженеръ-механика.

В. Т. Сверчковъ, докторъ медицины.

Офицерскіе чины броненосца береговой обороны „Русалка“, погибшіе при его крушеніи.

По портретамъ „Вс. Илл.“ грав. Шюблеръ.

Франко-руссія празднества. Битва цвѣтовъ въ Марсели. По рис. Амагго въ Ш.

Разныя извѣстія.

— 16 октября, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили усыпальницу русскаго Императорскаго Дома—Петропавловскій соборъ. Поклонившись праху въ Бозѣ почившихъ родителей, Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны, Ихъ Императорскія Величества позволили отбыть въ Казанскій соборъ, гдѣ приложились къ чудотворной иконѣ Казанскія Божія Матери. Въ 4 ч. 15 м. Ихъ Величества отбыли изъ Петербурга обратно въ Гатчино.

— 22 октября, Ея Величество Государыня Императрица съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Ксенією Александровною посѣтили въ Царскомъ Селѣ женское училище духовнаго вѣдомства, которое праздновало въ этотъ день 50-лѣтіе

со дня своего основанія.

— 17 октября, въ деревнѣ Сисова снѣта, близъ ст. Борки, совершена преосвященнымъ Иоанномъ, епископомъ сумскимъ, литургія, по окончаніи которой крестный ходъ направился къ тому самому мѣсту, гдѣ пять лѣтъ тому назадъ явленъ былъ Державному Вождю Земли Русской, Его Августѣйшей Семьѣ и всему русскому народу дивный Божественный Промыслъ. Здѣсь, передъ входомъ въ сооруженную и почти уже совершенно отдѣланную часовню, отслужено было благодарственное молебствіе съ возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему Дому.

— По Высочайшему повелѣнію утверждена заключенная между Россіей и Австро-Венгеріей конвенція о соединеніи новоселицкой

вѣтви юго-западныхъ дорогъ со львовско-тернопольскою желѣзною дорогою.

— На состоявшемся 19 октября публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ прочтенъ былъ отчетъ о девятиомъ присужденіи пушкинскихъ премій. Изъ представленныхъ сочиненій премій въ половинномъ размѣрѣ удостоено одно лишь сочиненіе Д. Аверкіева „О драмѣ“, и признаны заслуживающими похвального отзыва: „Стихотворенія“ А. М. Жемчужникова, „Стихотворенія“ князя Д. П. Цертелева и исполненный Д. Поливановымъ переводъ въ стихахъ комедіи Мольера „Мизантропъ“. Въ заключеніе присуждены золотыя медали рецензентамъ удостоенныхъ сочиненій: А. П. Введенскому (реценз. „О драмѣ“ Д. Аверкіева), И. П. Полонскому, графу А. А. Голенщеву-Кутузову и Ю. Д. Батюшкову.

П. И. Чайковскій.

Еще одна новая потеря для русскаго искусства:—въ ночь на 25-е октября угасть нашъ композиторъ Петръ Ильичъ Чайковскій,—угасть въ полномъ расцвѣтѣ силъ и мощнаго таланта, въ ореолѣ неувидаемой славы, сдѣлавшись жертвой грозной, безпощадной эпидеміи. П. И. скончался отъ холеры. Никакія усилія докторовъ не могли спасти его.

Всего за недѣлю до смерти усопшій композиторъ пожиналъ лавры въ Петербургѣ, при исполненіи его повой шестой симфоніи. Это была его лебединая пѣснь,—лебединая пѣснь въ шумной, многолюдной залѣ, при восторженныхъ кликахъ привѣтствовавшей своего любимца публики.

П. И. Чайковскій родился въ 1839 г., на Уралѣ, въ Воткинскомъ заводѣ, гдѣ его отецъ состоялъ окружнымъ горнымъ начальникомъ. Сынъ состоятельныхъ родителей, онъ съ дѣтства сталъ учиться игрѣ на фортепіано, страстную любовь къ которой онъ проявилъ съ самаго начала. Воспитаніе получилъ покойный въ училищѣ Правовѣдствія, откуда, по окончаніи курса, поступилъ на службу... Но аргументическая его натура не могла вынести узкихъ, правильно размѣренныхъ рамокъ, она рвалась въ высь, въ недостижимый волшебный міръ вдохновенныхъ звуковъ. Открывшееся въ 1859 г. Русское музыкальное общество и вмѣстѣ съ нимъ музыкальные классы при Михайловскомъ дворцѣ и осно-

П. И. Чайковскій († 25 октября 1893 г.).
Съ фотографіи Аронъ, авторитипія П. Демчинскаго.

ванная въ 1868 г. первая въ Россіи консерваторія—были у насъ первымъ живительнымъ источникомъ систематическаго музыкальнаго образованія. П. И. былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ вновь учрежденной консерваторіи. Ей онъ обязавъ своимъ первымъ музыкальнымъ образованіемъ, и ей же онъ щедро отплатилъ за это, ставъ навѣки славою и гордостью ея. Въ 1865 г. П. И. окончилъ пройденный имъ подъ руководствомъ проф. Зарембы курсъ консерваторіи и получилъ векорѣ приглашеніе занять должность профессора теории въ только что учрежденной тогда Московской консерваторіи, директоромъ которой былъ покойный Н. Г. Рубинштейнъ. Съ этого времени собственно и началась славная артистическая дѣятельность П. И., росшая со дня на день и обогравшаяся неожиданно далеко еще не завершепною... Живительно тѣсная въ немъ искра Божья могла еще долго питать этотъ яркій свѣточъ искусства... Настоящій краткій некрологъ не можетъ обрисовать великой, плодотворной дѣятельности славнаго маэстро (обзоръ ея мы дадимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ *Нивы*),—онъ является лишь

слабымъ отглаголомъ того чувства подавляющей скорби, которая невольно сжимаетъ сердце всякаго, узнавшаго о нежданной, преждевременной и столь высальной смерти одного изъ талантливейшихъ людей современной Россіи...

С М Ъ С Ъ .

Иорданъ испаряется. Рѣка Иорданъ течетъ, какъ извѣстно, въ совершенно закрытое Мертвое море. Бассейнъ этого моря, находящійся почти на 400 метровъ ниже обыкновеннаго уровня моря, достигъ бы такимъ образомъ высоты окружающихъ его горныхъ скалъ, если-бы вся притекающая масса воды изъ Иордана не испарялась подъ влияніемъ горячихъ лучей полуденнаго солнца. (э.)

Безопасность путешествія. Въ 1892 г. путешествовало по

водѣ на пароходахъ 650 милліоновъ человекъ, изъ числа которыхъ погибло 240 пассажировъ или, вѣрнѣе, одинъ на 2,708,333 человекъ. Желѣзныя дороги причиняютъ больше несчастій; изъ 530 милліоновъ пассажировъ погибло 293 пассажира или одинъ на 2,024,000. Такимъ образомъ, путешествіе по водѣ оказывается безопаснѣе, чѣмъ по желѣзной дорогѣ, и имѣетъ въ этомъ отношеніи даже болѣе преимуществъ, чѣмъ хожденіе по улицамъ густонаселенныхъ городовъ. (э.)

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 года.

Подробности смотри въ предыдущихъ №№.

Подписная цѣна показана на 1-й страницѣ.

СОДЕРЖАНИЕ: Искатель приключений. Повесть Г. Ясинскаго. (Продолжение). — Перчаточник. Новелла Людвиг Саломона. (Переводъ съ нѣмецкаго). — Леонардо да-Винчи—изобрѣтатель парашюта и летательнаго прибора (съ 3 рис.). — Пантографъ Марса. Очеркъ (съ рис.). — Къ рисункамъ: Въ царствѣ Минадо (съ рис.). — „Цѣлитель Пантелеймонъ“ (съ рис.). — Счастливая чета (съ рис.). — Ревнивецъ (съ рис.). — Уголь озерна южныхъ степей (съ рис.). — Африканскіе зебры и страусы (съ рис.). — Маленькіе кушалычки (съ рис.). — Офицерскіе чины, погибшіе на „Русалкѣ“ (съ 11 портр.). — Франко-русскія празднества. Битва цѣтовъ въ Марсели (съ рис.). — Изъ 50-лѣтію писательской дѣятельности Дм. Вас. Григоровича (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — П. И. Чайковскій (съ портр.). — Смѣсь. — О подлинкѣ на „Ниву“ 1894 г. — Поправка. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

РАМЫ

десяти премій „Нивы“ 1893 г.—
нѣйшихъ художниковъ.

Рамы сдѣланы подъ орѣхъ, съ рѣзбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ виду громаднаго спроса на рамы, мы можемъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по слѣдующей весьма недорогой цѣнѣ: гг. городскимъ подписчикамъ по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 к., 10 рамъ за 8 р. 50 коп. (со стеклами); гг. московскимъ подписчикамъ (у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи) по 1 руб. за раму, 5 рамъ за 4 р. 50 коп., 10 рамъ 8 руб. 50 коп. (безъ стеколъ); гг. иногороднымъ подписчикамъ высылаются не менѣе 5 рамъ, съ ящичкомъ и упаковкою за 4 руб., а 10 рамъ за 7 р. 50 к. (безъ стеколъ). Рамы высылаются по жел. дор. или чрезъ транспортн. контору. Стоимость пересылки уплачивается адресатами на мѣстѣ, при полученіи посылки.

Съ требованіями обращаться въ СПБ-гь, въ Контору журна-
ла „Нива“, Невскій, д. 6.

ДУХИ

высокаго достоинства: „Пер-
сидская Сирень“, „Ама-
риллисъ“, „Люби меня“,
„Ландышъ“, „Iris Blanc—Бѣлый Присъ“ и т. д.

МЫЛА

Земляничное, Ландышъ,
Жокей Клубъ, Китайское
и т. д.

БРОКАРЪ и К^о.

30. Невскій, 30.

№ 6544 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

XXV годъ. на 1894 г. годъ XXV.

Въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочимъ, слѣд. произвед.: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобiогр. архим. Фотія.—За полстолѣтія, мемуары докт. А. И. Ильинскаго.—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н. Глинни.—Записки принца Евгенія Виртембергскаго.—Воспом. А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго.—Записки А. Т. Болотова.

Въ 1893 году редакция начала новый отдѣлъ: „Обозрѣніе историческихъ журна-
ловъ“. Давая краткое содержаніе помѣщаемыхъ въ нихъ статей, редакция „Русской
Старины“ такимъ образомъ знакомитъ своихъ читателей съ цѣннымъ историческимъ
материаломъ, разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ.

Въ книгахъ будутъ помѣщены ПОРТРЕТЫ выдающихся русскихъ дѣтелей.—
Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца. № 6595 3—1

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

◆ Иногородн. подписч. адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосред-
ственно въ главн. контору редакціи журнала „Русская Старина“ СПб. Фонтанка,
145. Кромѣ того подписка принимается въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Киевѣ,
Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главн. книжныхъ магазинахъ.

◆ За своевременную аннуатную доставку журнала редакция принимаетъ на себя
полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана чрезъ редак-
цію журн. „Русская Старина“: СПб., Фонт. 145. **МОЖНО ПОЛУЧИТЬ** въ редакціи
журн. „Русская Старина“ за 1870, 76, 77, 78, 79, 80 гг. по 8 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ,
и за 1881, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92 и 93 гг. по 9 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ.

ПОПРАВКА: въ Сборникѣ „Нивы“, за Октябръ 1893 г., въ отдѣлѣ
„Библиографія“ цѣна книги „М. И. Михельсонъ Мѣткія и ходячія
слова“—указана ошибочно,—вмѣсто 3 р. слѣдуетъ: Цѣна 4 р.,
съ перес. 4 р. 50 к.

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА „ЭЛЕКТРА“

является послѣднимъ усовершенствованіемъ въ обла-
сти освѣщенія. Красота ея свѣта (неотличимаго отъ
электрическаго), сила его, изящный видъ самой лампы,
простота ухода за ней, дешевизна содержанія, дѣй-
ствительная крайняя практичность—все вмѣстѣ гаран-
тируетъ ей тогъ прекрасный, съ каждымъ днемъ
увеличивающійся сбытъ, который является лучшимъ
доказательствомъ ея дѣйствительныхъ, громадныхъ
достоинствъ. Исключительная продажа лампъ
„ЭЛЕКТРА“ въ конторѣ и складѣ
О. Г. Эттингера, Варшава, Св. Креста, 32.
Прейсъ-куррантъ высылаются за 7 коп. марку.
И. стояція лампы „ЭЛЕКТРА“ имѣютъ надпись:
„О. Г. Эттингеръ, Варшава.“ Ц. № 6599

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

А. ЛЕМЕРСЪЕ.

Средство для смѣгченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Просятъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЪЕ,
которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодер-
минъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упа-
ковки и ярлыковъ. Депо у А. Ралле и К. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ,
Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. Ш. № 6149 23—19

Вслѣдствіе здорожанія по-
чти всѣхъ сортовъ кожъ,
намъ также пришлось воз-
вышать цѣны на нѣсколько
сортвъ обуви.

При требованіи мы высы-
лаемъ иллюстрированный
прейсъ-куррантъ бесплатно.

ТОВАРИЩЕСТВО СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

С.-Петербургъ.
№ 6602

УКРАШЕНІЕ для ЕЛОКЪ

для гг. иногородныхъ составлены коллекціи:
Въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все
необходимое для украшенія елокъ. Коллекціи въ 25, 50 и 100 руб. особенно
пригодны для большихъ семействъ, школъ, пріютовъ, базаровъ, собраний,
благотворительныхъ цѣлей, пансіоновъ и пр.

Покорѣйше просимъ дать заказы на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ
оставлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли все
заграничныя новосты, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.

Товаръ перес. наложен. платимъ. С.-Петербургъ,
Телеграфные заказы исполняются Невскій просп., № 20—31. **БАЗАРЪ** **МАРОКЪ.**

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ

искусственными
превосходными БРИЛЛАНТАМИ:

БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ НАНЛАДНИ такъ что трудно отлич. отъ наст. брилліант.

№ 254. Золотое кольцо. Штг. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6578 8—3
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Штг. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к.
№ 307. Золотая брошка. Штг. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Штг. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к.
№ 308. Золотая брошка съ 8 брилліантами, пожемо ни
браслетъ № 401. Штг. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к.

Библиотека „Руниверс“

О СТВЕГАЕ-СЯ ПОДЪЕМОКЪ

Фирма премирована на европейских выставках...

При употреблении спермацетовых утиральников...

Прушинский. Спб., Невский, 20. Высылают за однокр. руб.

Лечебница Д-ра мед. Неткачева для страдающих заиканием...

Банкирский Домъ Г. Шерешевский и К. Спб., Невский пр., № 60...

Главное дело часовъ Э. Бурхардъ, Спб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Цезарь и Минка въ Цане (король Прусское) обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ...

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича...

Предлагаетъ, какъ специальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ...

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ. РУССКАЯ ЖИЗНЬ. Ежедневная газета политическая, общественная и литературная...

ДОМОСТРОЙ. Журналъ даетъ въ сжатой и обобщенной формѣ практически испытанные совѣты по всѣмъ отраслямъ домоводства...

Въ редакцїи продаются: ДОМОСТРОЙ за 1892 годъ (съ 1-го мая по 1-е января 1893 г.), Сборникъ сезонныхъ совѣтовъ по домоводству...

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1894 Г. БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ. НОВОЕ СЛОВО. НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ПАВЕЛЬ БУРЕ. поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.

на 1894 годъ. Печат. и скоро выйдетъ въ свѣтъ Николаевск. календарь и справочн. книга на 94 г.

Къ Рождеству! Для Елки!!! КОЛЛЕКЦІИ УКРАШЕНІЙ въ 3, 5, 8, 10 р. и т. д. до 75 руб.

ГАРМОНИИ

Фабрики **И. Ф. КАЛЬБЕ**

отличаются чистотой, чрезвычайно прочной работой, изящной отделкой и особенно приятным тоном, легко отбивающимся при тихой и громкой игре. Поэтому они считаются лучшими гармониями въ мирѣ.

Каждая гармонія фабрики **И. Ф. Кальбе** имѣетъ такой фабричный знакъ.

Эти гармоніи продаются у меня по слѣдующимъ дешовымъ цѣнамъ:

Однорядная въ 5 1/2, 6 1/2, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 9 1/2, 10, 10 1/2, 11, 12, 12 1/2, 14, 15, 18, 24 и 30 р.
 Двурядная въ 16, 18, 24, 28, 30 и 36 р.
 Трехрядная въ 75 руб.

Также у меня имѣются

Вѣнскія гармоніи:

ДВУХРЯДНЫЯ: въ 22 руб.
 ТРЕХРЯДНЫЯ: въ 31, 50 и 75 руб.
 Самоучитель Сололова 1 руб.
 Иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно.
 Заказы изъ провинціи исполняются по-медленно и аккуратно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 ГЛАВНОЕ ДЕЛО
 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
 Москва, Кузнецкій м., д. Захарыша.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1893 и 1894 гг., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

Чл. неск. взносы и пожертванія въ пользу Общества городскихъ дешевыхъ и бесплатныхъ столовыхъ въ С.-Петербургѣ принимаются:

У председателя Общ. Елизаветы Георгіевны Фонт-Валь по субботамъ отъ 1 до 3 ч. дня въ квартирѣ г. Градоначальника.

У бухгалтера Общ. Николая Михайловича Платонова, ежедневно отъ 10 ч. до 2 ч. дня въ Канцеляріи Градоначальства.

и у секретаря Общ. Михаила Григорьевича Кривошлыка ежедневно отъ 12 ч. до 2 ч. дня въ Канцеляріи Общ., помѣщающейся въ управленіи Градоначальства.

КАРАМЕЛЬ

изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Кіевѣ.
 Цѣна коробки 25 коп.
 Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая ул. 33.
 Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

16-й и 17-й ВЫПУСКИ

новаго роскошнаго иллюстрированнаго изданія

„СКАЗКИ“

собранныя братьями **Я. и В. ГРИММАМИ**.
 ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ **П. И. ПОЛЕВОГО**.
 Иллюстраціи **П. Гротъ-Юганна**.

24 вып., каждый — въ роск. обложкѣ, по одному вып. черезъ каждыя двѣ недѣли.
 Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ изданіе полностью, т. е. начиная съ 1-го выпуска.

Цѣна за все изданіе (24 выпуска) 12 р., а съ пер. иногор. 14 р.

Для ознакомленія съ изданіемъ, вновь отпечатанный 1-й выпускъ „Сказокъ“ высылается всѣмъ желающимъ за 50 коп. почтовыми марками.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

АЛЕКСАНДРЪ И К^о.

С.-Петербургъ, Невская, № 35

всегда имѣетъ въ громад. выборѣ послѣднія парижскія новости въ наладномъ золотѣ изъ разноцвѣтн. камней и **Diamond du Jour**, замѣчательн. бриллианты. Прейсъ-куранты всасл. безплатно. Ц. № 6596 2—1

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 к.

Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 20 руб. 4 Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4.
 Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6608

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается великій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО**.

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52 - 28

За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи **Адольфу Коссодо** въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЭ

провосход. по сдѣланъ изъ титановой кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ съумѣетъ открыть **Типъ-Топъ**.
 Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
 Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
 Гармоній: бокъ раздѣляется какъ у гармоніи, очень въбѣдительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (6)
 3 разнѣе, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
 Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

С. Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20-31.

PARFUMERIES

aux

Violettes de Parme

ED. PINAUD

Savon.... aux **Violettes de Parme**
 Essences... aux **Violettes de Parme**
 Huile... aux **Violettes de Parme**
 Poudre de Riz aux **Violettes de Parme**

37, BOULEVARD de STRASBOURG
 PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

ТОВАРИЩЕСТВА

А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ

въ Москвѣ

ЖЕМАНЪ

С. № 6580 2-2

Воскресенье, 31 октября

ОТКРЫТЬ

по случаю тиража 3-го займа,
 БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

№ 6598

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7 2. 26—20

Иллюстрированныя прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

Новая книга: **УХОДЪ ЗА КРАСОТОЙ.**

Какъ сохранить до старости природную красоту и какъ возстановить ее въ случаѣ преждевременной утраты.
 Составилъ **Николай П. Ганъ**. Ц. 25 к.
 Продается въ лучш. книжн. маг. Авторъ (Москва, Срѣтенка, Проспирн. п., д. Ганшинскихъ, кв. 56) выс. за 25 к. почт. зарп.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“
 Франкфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24—22

велосипед. „Орель“.

На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

ШОКОЛАТЪ

ФАБРИКИ **ЕССУЧКЕ**

НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

МАШЕВЪ НАРИМЪ

EAU DENTIFRICE

BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полоснанія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (35)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

XXIV г.

№ 45

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Выданъ 6 ноября 1893 г.

Ц. этого № 20 к., съ пер. 25 к. Цѣна Сборн. 50 к., съ пер. 60 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у
Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ до-
ставки въ
СПБ. **5 р.**

Съ дост.
въ СПБ. **6 р. 50 к.**

За границу, съ пересылкою. **10 р.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. **6 р.**

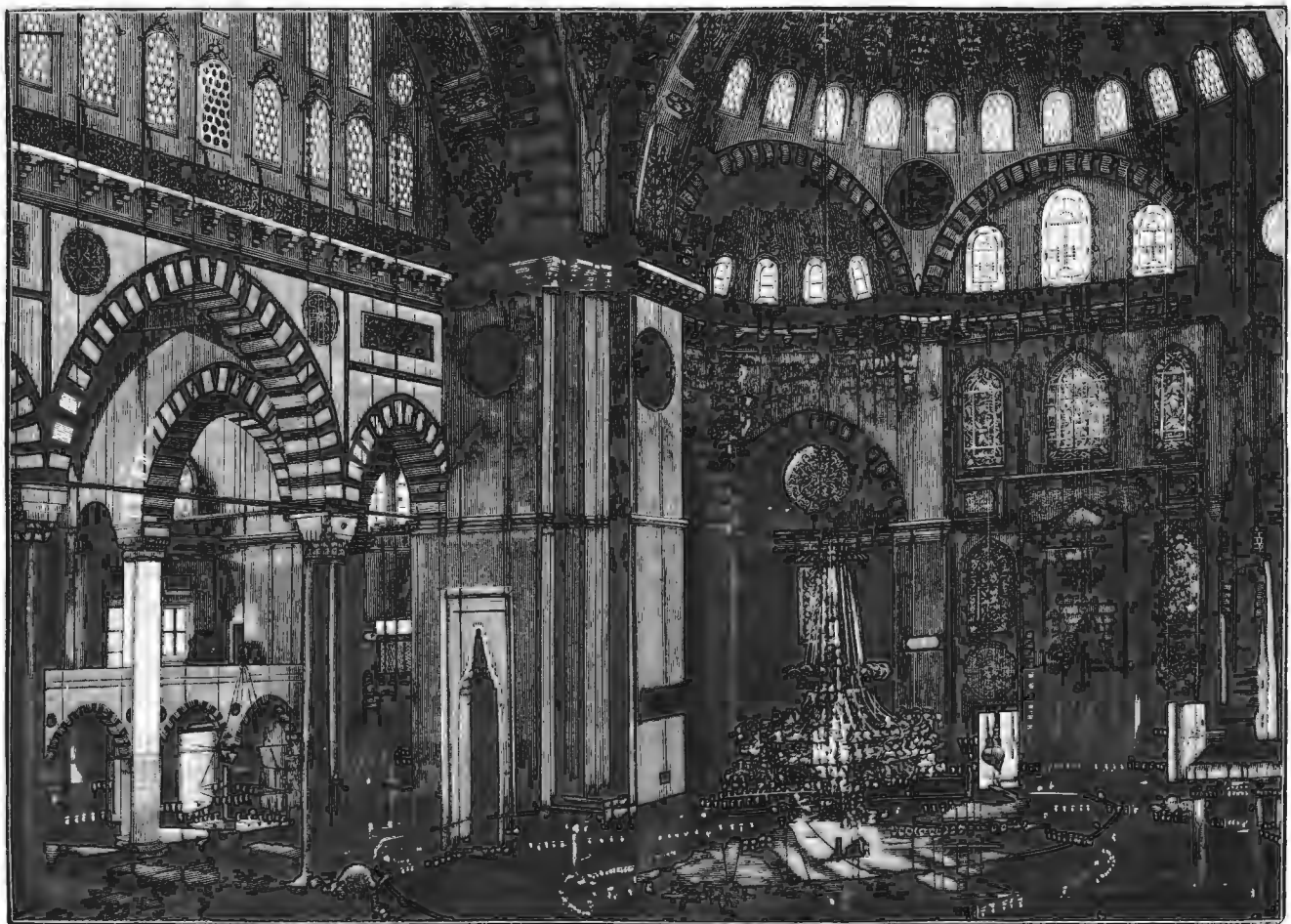
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи **7 р.**

Подписка въ
РАЗСРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
см. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1893 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Худож. Альбомомъ, Сборникомъ, и пр.

При семъ прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА НОЯБРЬ**; 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА НОЯБРЬ 1893 г.** съ 27 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. величину и 19 рис. рукодѣльн. работъ и 1 семейная игра.

Внутренній видъ мечети Сулейманіе въ Стамбулѣ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Мечеть Сулейманіе въ Стамбулѣ.

(Рис. на стр. 1013 и 1016).

Надъ Золотымъ Рогомъ, между двумя мостами, среди тѣсячищъ вверхъ по холмамъ домовъ, хановъ и мечетей необъятнаго Стамбула (турецкой части Константинополя), величественно возвышается громадная мечеть, увѣнчанная куполами, окруженная цѣлымъ рядомъ богоугодныхъ заведеній, блестящая при закатѣ солнца бѣлоснѣжнымъ мраморомъ, охраняемая, какъ сторожами, четырьмя гигантскими стройными минаретами и осыпанная вѣковыми кипарисами,—мечеть эта—Сулейманіе,—святыня Стамбула, вѣчный неизблемый памятникъ самой славной эпохи въ исторіи Турціи, гордой и могущественной эпохи царствованія султана Сулеймана I „Великолѣннаго“, завосваиваго Венгрію и осаждавшаго Вѣну. Долгое время она была средоточіемъ мусульманской учености, да и посейчасъ подъ ея сѣнью ютятся зданіе шейхульислама, духовной главы мусульманъ-турокъ. Построилъ ее султанъ Сулейманъ I (царств. 1520—1566) изъ своихъ царскихъ щедротъ, въ періодъ расцвѣта своего могущества. Тутъ же онъ и похороненъ въ роскошномъ мавзолеѣ („турбе“), рядомъ съ дѣтьми и любимой женой.

Въ противоположность прочимъ мечетямъ, Сулейманіе построена не на мѣстѣ бывшей христіанской церкви, а на свободной вершинѣ третьяго изъ семи холмовъ древней Византіи, не архитекторомъ грекомъ, а чистокровнымъ туркомъ, извѣстнымъ зодчимъ Синамомъ. Хотя прототипомъ ей, какъ и большинству Стамбульскихъ мечетей, послужила Св. Софія, но куполь ея, равный въ объемѣ куполу Софіи, превосходитъ его высотой на 20 футовъ и считается турками за чудо архитектуры. Внутренность храма полна свѣта; широкая арка въ мавританскомъ стилѣ, всюду мраморъ съ золоченой рѣзьбой въ формѣ сталактитовъ, строгая гармонія архитектурныхъ линий и кудреватая золотая надпись, нерѣдко перевивающаяся между собою, какъ кружево чудныхъ арабесокъ, невольно напоминаютъ лучшіе памятники арабскаго зодчества въ Сиріи и Испаніи; только главный куполь съ окружающими его 5 малыми куполами указываетъ на влияние византійскаго церковнаго стили. Главный куполь покоится на четырехъ громадныхъ колоннахъ изъ краснаго гранита (въ основаніи онѣ имѣютъ до 13 футовъ объема); колонны эти древне-египетскаго происхожденія; на одной изъ нихъ въ эллинской періодъ Византіи стояла статуя Венеры, а на другой уже во время имперіи возвышалась статуя имп. Юстиніана; капителли ихъ изъ бѣлаго мрамора тонкой арабской рѣзьбы.

По сторонамъ этихъ колоннъ наверху идутъ мраморныя галереи съ цѣлымъ рядомъ комнатъ, служащихъ и доселѣ для храненія драгоценностей правительственныхъ; тамъ имущество ихъ въ полной безопасности даже отъ произвола султановъ. Подъ галереями возвышаются въ видѣ террасъ амвоны для чтенія корана. Въ углу мечети, обращенномъ по направленію къ Меккѣ, подъ разноцвѣтными окнами чудной работы стекольника того времени Серхошъ-Ибрагима („пьянаго“), изящно выдѣляется рѣзной съ позолотой „михрабъ“ (алтарь) или ниша изъ мрамора, куда во время молитвы обращаются лицомъ имамъ и молящіеся. Бѣломраморная кафедра и такая же султанская ложа, два громадные золоченые подсвѣчника съ гигантскими восковыми свѣчами, большая желѣзная люстра съ массой лампадъ и разогнутые фоліанты старыхъ рукописныхъ корановъ дополняютъ необходимое убранство мечети.

Повсюду на стѣнахъ надписи изъ стиховъ корана. „Богъ есть свѣтъ небесъ и земли“, гласитъ надпись, извивающаяся вокругъ купола, „свѣтъ Его подобенъ свѣтильнику въ стѣнѣ; свѣтильникъ въ стеклянномъ сосудѣ; стеклянныи сосудъ блеститъ, какъ звѣзда; въ немъ горитъ благословенное древо-маслина, какой нѣтъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ; елей въ немъ загорается почти безъ прикосновенія къ нему огня; свѣтъ къ свѣту! Богъ ведетъ къ своему свѣту, кого хочетъ“. (Сура XXIV, ст. 35*). Надъ михрабомъ обычная надпись: „каждый разъ какъ поднимался Захарія на ступенямъ къ михрабу“. Надъ окномъ вправо отъ кафедры: „мѣсто молитвы принадлежитъ Богу; никто да не состязуется съ нимъ“ и т. д. Каменный полъ мечети весь устланъ пестрыми восточными коврами, нарочно сотканными съ богоугодною цѣлью мастерами-турками изъ Киршехра, Гердеста и прочихъ центровъ коврового производства Малой Азіи. Входитъ внутрь храма пновѣрцамъ долгое время воспрещалось, и лишь за послѣдніи 20—30 лѣтъ стали при-

ходить туда европейцы-туристы за изрядный бакшишъ и подъ условіемъ надѣтъ на ноги неуклюжія турецкія кожаныя бабуши. Снаружи у Сулейманіе, какъ и у прочихъ мечетей, подъ изящными мраморными колонадами расположены фонтаны и краны для омовенія правобѣрныхъ передъ молитвой.

Мечеть Сулейманіе была построена съ изумительною быстротою всего въ продолженіе 5 лѣтъ (съ 1550 по 1555 г.), и постройка ея обошлась слишкомъ въ 700,000 червонцевъ, громадную по тому времени сумму, лично пожертвованную султаномъ; матеріаломъ для нея (колонны, мраморъ и гранитъ) послужили остатки церкви св. Евеміи въ Кадиксѣ (древнемъ Халкидонѣ) и развалины старыхъ византійскихъ дворцовъ. Она была богато одарена Сулейманомъ; ея доходы и понынѣ простираются до 360,000 шастровъ въ годъ; вокругъ нея высятся свинцовые купола нѣсколькихъ семинарій (медресе), школъ, библиотеки, госпиталя, дарового пріюта для бѣдныхъ и прочихъ богоугодныхъ заведеній.

Рядомъ съ мечетью подъ вѣковыми кипарисами находится кладбище, и въ немъ среди могильныхъ памятниковъ турецкихъ вельможъ выдѣляются своимъ бѣлымъ мраморомъ и свинцовыми куполами три царскія „турбе“ (усыпальницы“). Особенно замѣчательны изъ нихъ два первыя: основателя мечети, самого Сулеймана, и его любимой жены, Хассеки Хурремъ („веселой госпожи“), болѣе извѣстной у европейскихъ историковъ подъ именемъ Роксоланы. Въ нихъ подъ золотыми старинными покрывами, украшенными стихами корана, возвышаются въ полумракѣ пустые деревянныя гробы („сандука“), поставленные надъ склепомъ, въ которомъ покоится прахъ усопшихъ; въ головахъ у каждого гроба бѣлѣтъ по гигантской чашѣ (у султана и принцевъ); стѣны испещрены арабскими надписями по голубой глазури и разноцвѣтнымъ фаянсомъ, удивительно художественнымъ по рисунку. Громадныя свѣчи и фоліанты-кораны, писанные за нѣсколько вѣковъ лучшими писцами, дополняютъ убранство турбе. Миръ и тишина царятъ въ этихъ усыпальницахъ; ни шумъ уличной жизни столицы, ни слишкомъ яркій лучъ солнца не врываются сюда чрезъ небольшие цѣтныя окна подъ куполомъ; лишь мулла, хранитель мавзолея, мѣрно читаетъ нарастающія стихи священной книги, молится за упокой души усопшихъ... Турбе Роксоланы менѣе пышно, и надъ ея открытымъ персидскою шалью гробомъ виситъ дочечка съ надписью: „здѣсь покоится прахъ цѣломудренной супруги султана Сулеймана Кануни (Законодателя), Хассеки Хурремъ-Ханумъ; да благоуааетъ земля, содержащая прахъ ея! скончалась 965 г. Гиджры (1558 г.)“. Эта султанша, имѣвшая громадное влияние на своего супруга и такъ много интриговавшая въ Сералѣ (по ея паушенію были казнены два старшіе сына султана, рожденные отъ другихъ женъ, да того чтобы очистить мѣсто къ престолу для ея сына, султана Селима II), была, по свидѣтельству венеціанскихъ пословъ того времени, русская плѣнница, замѣчательно красивая и умная; имя ея „Роксолана“, можетъ быть, испорченное френгамъ „Русска-Алена“ или „Рус-Алена“ („русская Алена“); къ сожалѣнію, у турецкихъ лѣтописцевъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній о ней не имѣется.

Мечеть Сулейманіе расположена посреди большой площади, обнесенной каменной стѣной слишкомъ 1000 шаговъ въ длину. Видъ, раскрывающійся отсюда, чисто волшебный. Внизу золотую легаю извивается Золотой Рогъ, усаженный лодками, пародами и мирно дремлющими броненосцами турецкаго флота; за нимъ на противоположномъ берегу сѣрбуютъ своими скудными каменными зданіями европейскіе кварталы Галаты и Перы, полные шума и движенія; лѣвѣе на холмѣ высятся граціозное зданіе, съ башней посрединѣ, морскаго госпиталя, еще лѣвѣе тянется холмъ съ пригородами Кассимъ-паша, Хаскѣй, Окъ-мейданъ и пр.; а направо сияетъ Босфоръ, зелѣнѣютъ окрестныя горы Азіи, сверкаетъ при закатѣ солнца своими безчисленными окнами азіатскій городъ Скутари (древній Хризиополь — „Златоградъ“), темнѣютъ хребты Принцевыхъ острововъ, отливаетъ сталью какъ бы неподвижное Мраморное море, и за нимъ далеко-далеко на горизонтѣ сияютъ высокія горы Впенніи съ бѣлоснѣжной вершиной классическаго Олимпа...

С. Чахотинъ.

Искатель приключеній.

Повѣсть І. Ясинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

ХІІІ.

Прошелъ мѣсяцъ.

Соколовскій домъ съ утра накануне Нового года

*) Коранъ. Переводъ Г. Саблукова, 1877 г., стр. 301.

былъ весь погруженъ въ смятеніе. Горничныя гладили юбки въ такихъ комнатахъ, куда онѣ обыкновенно не допускались для этой операціи. Повсюду распространялся запахъ пригорѣлаго бѣлья и крахмала. Къ ве-

черу стало пахнуть жжеными волосами, такъ какъ ба-рышни считали необходимымъ завить себѣ локоны для встрѣчи Нового года. Въ нѣсколькихъ печахъ грѣлись щипцы, и, когда простывала одна пара, дѣвчонки, другъ передъ дружкой, бросались въ уборную и подавали новую пару. Антонина Антоновна тоже была озабочена приведеніемъ своей внѣшности въ возможно болѣе благообразный и привлекательный видъ. Передъ зеркаломъ она примѣряла нѣсколько разъ вновь сшитое лиловое платье, замѣняла его зеленымъ, темно-пурпурнымъ и, наконецъ, остановилась на золотистомъ въ свѣтлыхъ листочкахъ.

Разочарованіе, которое она испытывала, глядя на свое изображеніе, и досаду, почему не все къ ней идетъ, она вымещала на своихъ горничныхъ. Сама она румянилась при помощи таинственныхъ баночекъ, которыя находились въ ея туалетной шкатулкѣ, а на щеки горничныхъ наводила румянецъ непосредственно при помощи рукъ: съ распухшими лицами металась дѣвчонка по всему дому.

Даже Максимъ Петровичъ поддался праздничному настроенію, въ ожиданіи вечерняго торжества. Онъ, какъ только смерклось, велѣлъ своему сорокалѣтнему казачку Сенькѣ зажечь въ спальнѣ свѣчи и приготовить бритвенный приборъ. Полковникъ брился всегда собственноручно. Подложивъ языкъ подъ щеку или выпятивъ при его помощи губы, онъ искусно соскабливалъ со своей старой, твердой кожи сѣдую щетину вмѣстѣ съ мыломъ и аккуратно вытиралъ каждый разъ бритву о полотенце, которое лежало у него на колѣняхъ.

Глубокій, безукоризненно бѣлый, снѣгъ ровнымъ пластомъ покрывалъ землю и крыши Соколовской усадьбы. Тишина, царившая вокругъ дома, въ небесахъ и во всей природѣ, сообщала печать особой торжественности ожидаемому празднику. Обычные звуки — голоса людей и животныхъ, скрипъ колодца или отворяемыхъ воротъ, визгъ полозьевъ, — все это казалось другимъ, чѣмъ-то особеннымъ, бывающимъ только разъ въ году. Голубыя тѣни сгущавшихся сумерокъ быстро сдвигались навстрѣчу другъ другу, и звѣзды, еще недавно серебряныя, уже стали золотыми или мерцали, какъ рубины и какъ яхонты. Постепенно домъ сталъ очищаться отъ юбокъ, отъ обрѣзковъ бумаги, отъ промазанныхъ напильтокъ, отъ гладильныхъ досокъ и отъ прочаго хлама. Лакеи быстро приводили въ порядокъ комнаты, разставляли мебель, зажигали свѣчи въ подсвѣчникахъ и люстрахъ и мели полы. Максимъ Петровичъ принарядился въ мундиръ, надѣлъ всѣ свои регалии, помолодѣлъ лѣтъ на пять и, опираясь на палку, имѣвшую форму костыля, вышелъ изъ спальни, чтобы полюбоваться веселымъ видомъ своего дома.

Вслѣдъ за Максимомъ Петровичемъ появилась Антонина Антоновна, шурша шелковымъ платьемъ и ища бдительнымъ хозяйственнымъ глазомъ безпорядка и виновныхъ, если таковой окажется. Максимъ Петровичъ поцѣловалъ у нея руку и благодушно произнесъ:

— Довольно, довольно; не сердись, Антонина; я хочу провести сегодняшній вечеръ возможно пріятнѣе.

— Съ какой стати ты взялъ, что я сержусь?

— Я слыхалъ, какъ ты сейчасъ кричала на Сеньку и еще на кого-то. Вотъ теперь у тебя лицо все въ пятнахъ, а это, мой другъ, не подобаетъ.

— Оставь, пожалуйста, Максимъ Петровичъ! вскричала Антонина Антоновна. — Какъ ты хочешь, чтобы я была спокойна, когда на каждомъ шагу меня раздражаютъ. Сегодня я весь день, какъ въ аду! Машка-Аршинъ грубитъ, Пашка-Рябая-Форма грубитъ, Наташка-Лапотъ грубитъ, — всѣ грубятъ. Ужъ я не говорю о вашихъ прелестныхъ дочеряхъ, Максимъ Петровичъ! Конечно, я должна вамъ повиноваться: вы мой благодѣтель; но пощадите же мое самолюбіе! Я не сержусь,

но я измучена. Пожалѣйте меня. Онѣ ни въ грошъ не ставятъ меня; онѣ позволяютъ себѣ улыбаться, когда я выговариваю имъ. Сегодня я не могла дожждаться щипцовъ. Войдите въ это. Въ пустякѣ не хотѣли мнѣ уступить! Завиваются цѣлый день! На что это похоже!

— Это понятно, Антонина Антоновна, съ неудовольствіемъ проговорилъ полковникъ. — Надо взять въ соображеніе, что имъ вдвоемъ столько же лѣтъ, сколько вамъ одиѣмъ. Имъ пристало!

— Такъ, благодарю васъ. Имъ пристало, а мнѣ нѣтъ! Имъ вдвоемъ столько лѣтъ, сколько мнѣ одной! Мнѣ всего сорокъ семь лѣтъ! вскричала она.

— Слѣдовательно, хватило бы еще на третью маленькую дочь, самодовольно смѣясь, сказалъ Максимъ Петровичъ.

— Такъ, такъ! Не доставало, чтобы онѣ корили меня годами, подражая вамъ, Максимъ Петровичъ! укоризненно и со слезами начала она. — Не забывайте, что я принесла въ жертву, выходя замужъ за васъ!

— Что же вы принесли?

Полковникъ нахмурилъ брови. Онъ не зналъ и не могъ вспомнить, что принесла ему въ жертву Антонина Антоновна. Поглядѣвъ на золотистое платье своей супруги, онъ покачалъ головой, подошелъ къ окну, взглянулъ на звѣзды, вздохнулъ и сѣлъ на ближайшее кресло, продолжая смотрѣть на небеса.

— Трубку! страшнымъ голосомъ закричалъ онъ, словно повелъ въ огонь цѣлый полкъ.

Онъ всегда кричалъ этимъ голосомъ и приказывалъ трубку, когда не могъ побѣдоносно выйти изъ спора съ Антониной Антоновной и чувствовалъ, въ то же время, необходимость прекратить пререканья.

Антонина Антоновна притихла, словно въ ротъ воды набрала, и вышла изъ залы. По дорогѣ она встрѣтила Наташку-Лапотъ, которая со щипцами бѣжала къ барышнямъ, сорвала на ней злость и оттрепала дѣвчонку по щекамъ. Та даже не спросила: за что? Встрепенувшись и мотнувъ головой, Наташка стрѣлой помчалась дальше, боясь, что простынуть щипцы.

Гости, которыхъ ждали въ Соколовкѣ, начали съѣзжаться; полковникъ, сидѣвшій у окна, пуская табачный дымъ, увидѣлъ, что на плотинѣ движутся двѣ огненные точки. Очевидно, это былъ возокъ съ двумя фонарями. За первымъ возкомъ, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, тянулся другой возокъ, но съ однимъ фонаремъ. Другой, очевидно, погасъ во время пути.

„Добро, что пріѣхали!“ подумалъ Максимъ Петровичъ, приходя опять въ благодушное настроеніе. — „Въ послѣднее время всѣ меня забывать стали, словно Соколовка чумная. Милости просимъ, милости просимъ!“

Возокъ съ двумя фонарями повернулъ не навстрѣчу, а въ другую сторону, и исчезъ изъ виду. Къ дому неуклонно подвигался только возокъ съ однимъ фонаремъ. Полковникъ сталъ волноваться.

„А что, если и этотъ мимо?“

Но ворота усадьбы отворились, и возокъ въѣхалъ во дворъ. Описавъ полукругъ по снѣгу, онъ остановился у праваго подъѣзда. Открылась дверца, и какой-то господинъ („право, незнакомый“, подумалъ Максимъ Петровичъ) выскочилъ изъ возка. Онъ былъ одѣтъ въ большую медвѣжью шубу. Собаки залаяли и бросились на пріѣзжаго. Но онъ назвалъ ихъ по именамъ, и онѣ затихли.

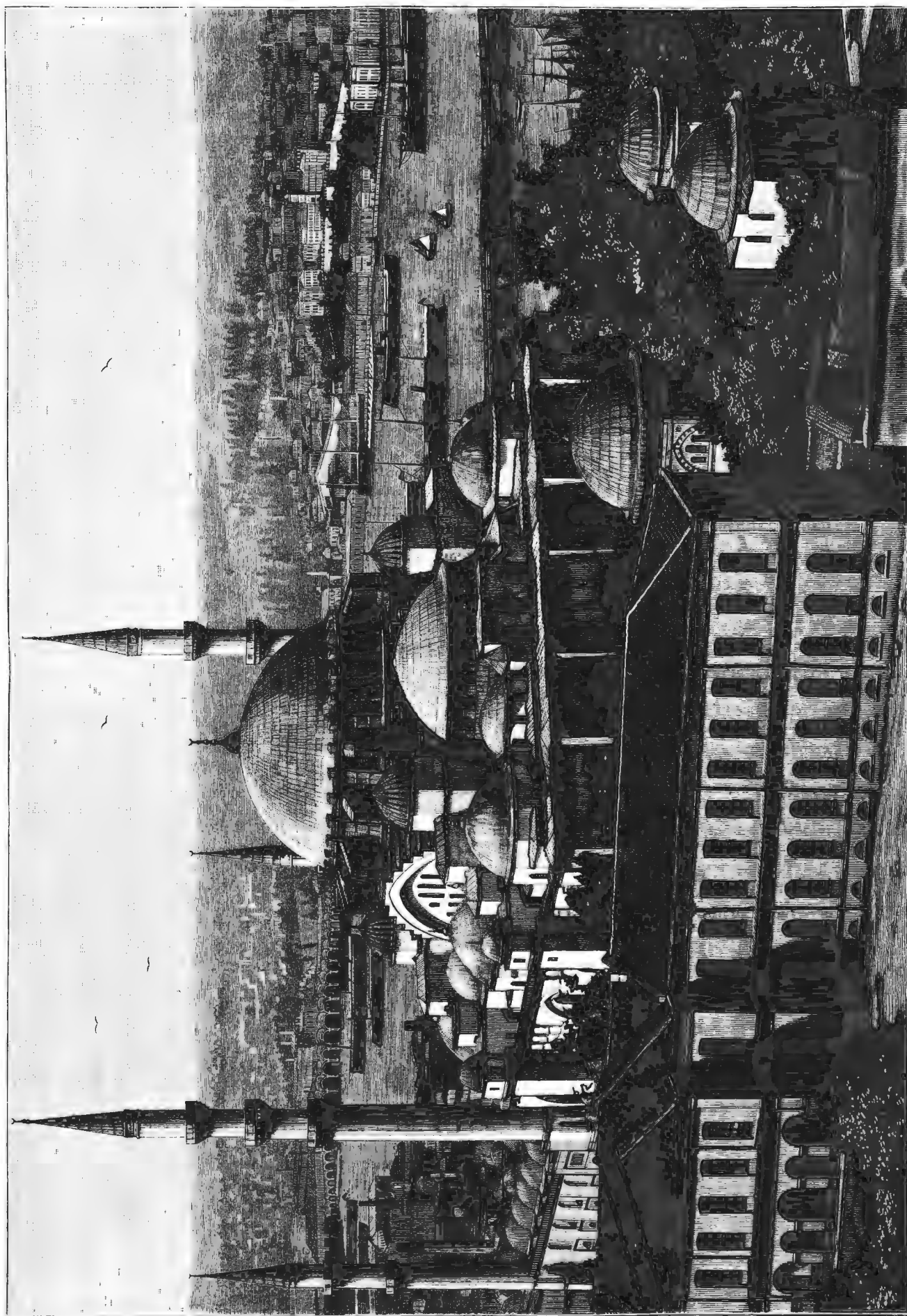
„Нѣтъ, знакомый!“ подумалъ Максимъ Петровичъ.

Только въ передней узналъ онъ Михольскаго.

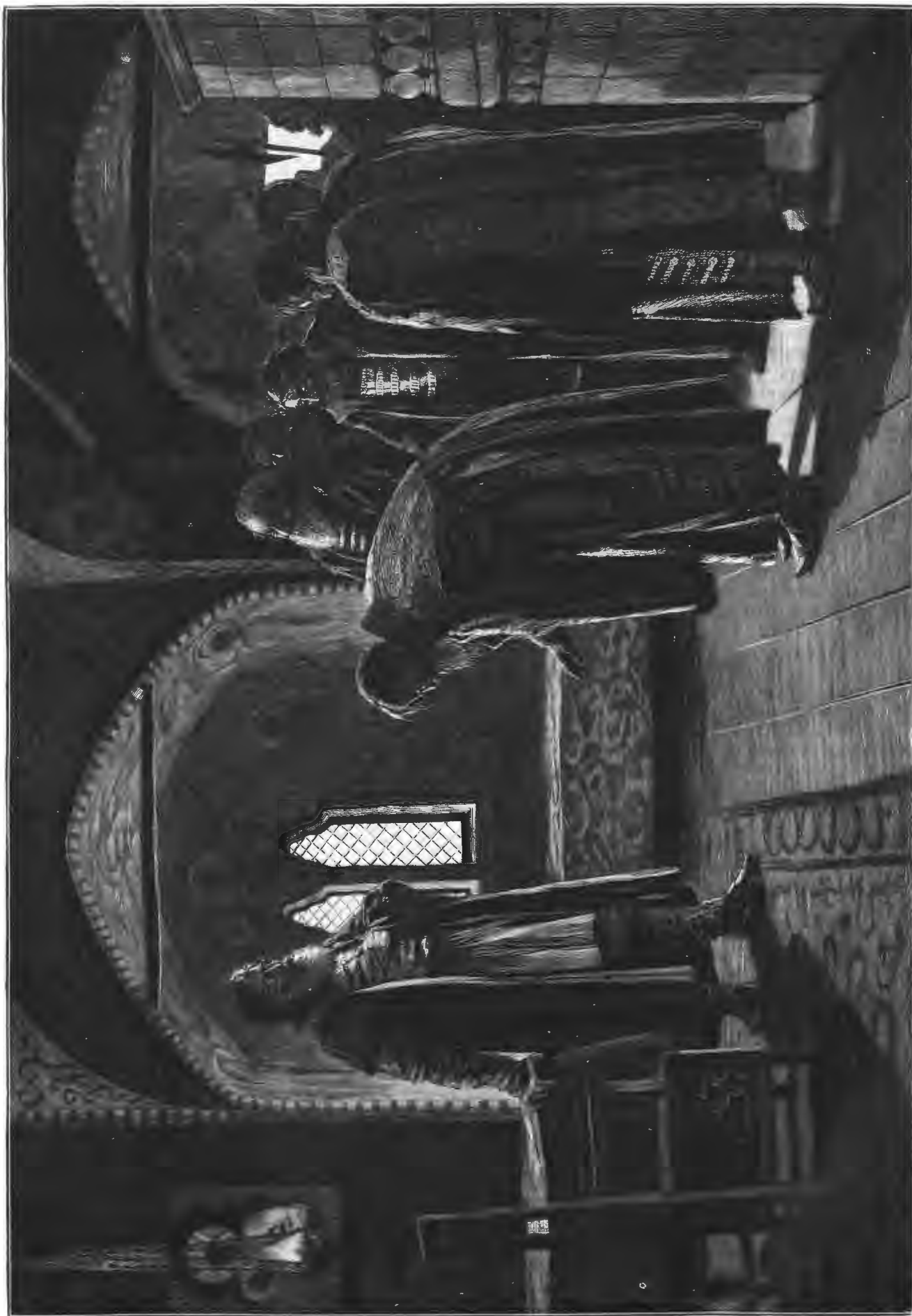
— Ба! вскричалъ полковникъ. — Да, вѣдь, это Михольскій! Здравствуй, милый странникъ!

— Блудный сынъ! вскричала Антонина Антоновна, выбѣгая изъ другой двери и кидаясь къ нему на шею. — Разказывай, разказывай, гдѣ былъ и почему такъ долго сидѣлъ въ Харьковѣ?

Михольскій разказалъ, какъ милостиво обошелся съ

Общій видъ мечети Сулейманіе въ Стамбуль. Съ фот. грав. Рашевскій.

Старая Русь. Князю Андрею Иоанновичу Большому бояре объявляют гнѣвъ великаго князя.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С Зейденберга, грав. Ращевскій.

нимъ Кокоскинъ и даже принялъ его на службу въ свою канцелярію.

Но Михольскій не кончилъ разсказа о Кокоскинѣ и о своей новой службѣ. Въ гостиную, гдѣ его посадили, съ радостнымъ восклицаніемъ вбѣжали обѣ дѣвушки, въ свѣтлыхъ платьяхъ, завитыя и сіяющія красотою и молодостью.

— Михольскій! Михольскій!

— Ахъ, какъ я рада!

— Ахъ, какъ мнѣ дурно!

Ольга поблѣднѣла и упала на кресло.

Олимпіада тоже почувствовала, что у нея подкашиваются ноги, и поспѣшила упасть на другое кресло.

Сердце у Михольскаго взыграло; голова закружилась отъ сознанія, что онъ такъ любимъ этими дѣвушками, и онъ колебался, не зная, къ которой изъ нихъ раньше подойти. Онъ предпочелъ Ольгу и поцѣловалъ у нея руку. Затѣмъ онъ поцѣловалъ руку у Олимпіады. Это волшебное прикосновеніе губъ молодого человѣка по дѣйствовало на дѣвушекъ, онѣ скоро оправились и весело стали щебетать, наперерывъ другъ передъ дружкой, задавая ему тысячу вопросовъ.

Вечеръ прошелъ въ безконечныхъ разсказахъ Ромуальда о своемъ путешествіи въ Ружаны и за границу. Быть-можетъ, онъ не все вспомнилъ, быть-можетъ, кое-что прибавилъ, но, въ общемъ, онъ былъ правдивъ и занимателенъ. Испытать столько, столько видѣть въ такое короткое время! Взбираться наверхъ и стремглавъ падать оттуда внизъ! Быть богатымъ и сдѣлаться нищимъ! Нѣсколько разъ рисковать жизнью! Ставить все на карту ради удовлетворенія пустого любопытства. Конечно, Ромуальдъ Михольскій герой. Такъ рѣшила Ольга и такъ же рѣшила Олимпіада, потому что глаза ея блеснули ласково и привѣтливо, когда она взглядывала на молодого человѣка.

Сундукъ королевы Бонны разсмѣшилъ полковника; но Антонина Антоновна опечалилась. Она высказала предположеніе, что въ сундукѣ, дѣйствительно, находились сокровища, но ихъ вынули доминиканцы. Она вспомнила, что слыхала отъ родителей Ромуальда длинную исторію объ этомъ сундукѣ, а также, что сама Августина не отворяла его изъ какого-то суевѣрнаго страха. Сундукъ былъ прибрѣтенъ еще Якубомъ Михольскимъ, который былъ безкорыстенъ и желалъ оставить потомкамъ что-нибудь достойное себя и своей славы. Нельзя предполагать, чтобы Якубъ такъ посмѣялся надъ своими потомками. Но нельзя и утверждать, чтобы въ трехъ совѣтахъ, которые были найдены Ромуальдомъ въ кипарисномъ ларцѣ, было что-нибудь смѣшное.

— Совѣты простые, но мудрые, сказалъ полковникъ.

Пока обсуждалось со всѣхъ сторонъ наслѣдство, полученное Ромуальдомъ, часы летѣли впередъ, словно на крыльяхъ; не успѣло пробить десять часовъ, какъ пробило одиннадцать; и вотъ уже стрѣлка приближается къ половинѣ двѣнадцатаго. Слуги спѣшатъ накрыть столъ. Антонина Антоновна выходитъ изъ себя, потому что, по ея мнѣнію, все дѣлается не такъ, какъ она приказала. Но, тѣмъ не менѣе, часы идутъ да идутъ, маятникъ стучитъ да стучитъ, и пора садиться за столъ. Михольскій предложилъ руку Ольгѣ, а Максимъ Петровичъ вспомнилъ старину и молодцовато подвелъ къ столу старшую дочь свою Олимпіаду. Взглянувъ на часы съ фазономъ Феба, полковникъ замѣтилъ, что остается до Новаго года четверть часа. Летитъ, летитъ Новый годъ, улетаетъ, улетаетъ Старый.

Хлопнула пробка, зашипѣло шампанское и наполнило узкіе золоченные стаканы изъ рѣзного стекла. Всѣ встали и чокнулись другъ съ другомъ.

— Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Съ новымъ счастьемъ! торжественно сказалъ Ромуальдъ, обмѣнявшись взглядами съ Ольгой.—Максимъ Петровичъ!

— Что тебѣ, братецъ? Къ твоимъ услугамъ!

— Я прошу у васъ руки вашей дочери.

Старикъ опѣшилъ.

— Которой? спросилъ онъ.

— Ольги Максимовны.

— Эфтаго я не ожидалъ, растерянно проговорилъ полковникъ и поглядѣлъ на Антонину Антоновну, которая позеленѣла отъ досады, между тѣмъ какъ Олимпіада поблѣднѣла отъ ревности.—Эфто, братецъ, трудно. Я не знаю, какъ рѣшить, продолжалъ полковникъ, — и притомъ, эсто, согласись самъ, подѣ Новый годъ. Почему?

— Чтобы жениться послѣ Новаго года.

— Никогда! тихо проговорила Антонина Антоновна.— Отчего ты со мной не посоветовался, Рома? еще тише спросила она.—Этого не будетъ, слышишь?

— Нѣтъ, будетъ! вскричалъ полковникъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ велъ войска въ огонь.

Ромуальда поцѣловалъ у старика руку.

— Папаша, я согласна, посиѣшила сказать Ольга, зардѣвшись.

— Только ты, братецъ, меня прости, я ужъ тебѣ скажу, Михольскій, что, конечно, эсто все равно рѣшительно; а все же... полковникъ занутался и продолжалъ:—Жена у меня тоже полька, но ты бы лучше сдѣлалъ, если бы принялъ православіе. Живешь ты, вѣдь, въ Россіи, да и предокъ твой былъ русскій чело-вѣкъ. Женись, но прими православіе!

— А я принялъ, отвѣчалъ Михольскій, не моргнувъ глазомъ.

— Какъ! вскричала Антонина Антоновна, всплеснула руками и возвела глаза къ небу.—Я все тебѣ прощала, но этого не прощу никогда, никогда, никогда! три раза воскликнула она.—И какъ же такъ скоро измѣнилъ ты вѣрѣ отцовъ! О, ренегатъ! Ты не женишься на Ольгѣ! Этого не будетъ!

— Нѣтъ, будетъ! громовымъ голосомъ вскричалъ полковникъ, разбилъ бокаль, обнялъ Михольскаго и заставилъ его поцѣловаться съ Ольгой.

Это была первая побѣда полковника, и это было первое и послѣднее пораженіе Антонины Антоновны.

Свадьба была сыграна въ Соколовскомъ домѣ въ концѣ января, и стѣздъ гостей былъ громадный. Сосѣди слишкомъ долго не бывали въ Соколовкѣ, и теперь обрадовались случаю. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на жениха и невѣсту, и всѣхъ велѣлъ звать къ себѣ на свадьбу дочери счастливый полковникъ. Былъ посланъ пригласительный билетъ даже его другу, маіору Вахлаковскому въ Харьковъ, гдѣ онъ проживалъ, нанимая у портного крошечную комнатку и терпя страшную нужду. Но, по неисповѣдимой волѣ судебъ или по особой распорядительности Антонины Антоновны, билетъ не дошелъ до маіора. Тѣмъ не менѣе, почтенный маіоръ любилъ разсказывать о балѣ, который былъ данъ въ Соколовкѣ полковникомъ Самоцѣтомъ по случаю бракосочетанія его дочери Ольги съ Ромуальдомъ Михольскимъ. Сидя вечеркомъ за самоваромъ въ семьѣ портного, маіоръ описывалъ даже блюда, которыя подавались въ Соколовкѣ на свадебномъ ужинѣ, и въ числѣ которыхъ были сахарныя башни, освѣщенные изнутри горящимъ ромомъ. Разсказъ свой Вахлаковскій оканчивалъ всегда одними и тѣми же словами: „и я тамъ былъ, и вино пилъ, по усамъ оно текло, да въ ротъ не попало“.

КОНЕЦЪ.

Тяжелый долгъ.

Разсказъ изъ солдатской жизни Рихарда Марша.

— Вы спрашиваете о границахъ военного подчиненія, мой юный другъ? сказала майоръ фонъ-Беренглау въ отвѣтъ на мой вопросъ. — На это я отвѣчу вамъ, что оно совсѣмъ не имѣетъ границъ и состоитъ въ томъ, чтобы безпрекословно повиноваться и исполнять приказанія начальства, хотя бы они были явно несправедливы.

Майоръ, ветеранъ войны за освобожденіе Германіи, грудь котораго, кромѣ другихъ орденовъ, украшала и знаменитый такъ-называемый, *Kanonenkreuz* за Лейпцигъ, умеръ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, но эти слова его до сихъ поръ не изгладились изъ моей памяти. Я даже помню, что, когда онъ пронзѣлъ ихъ, его худая фигура выпримилась на стулѣ, и за минуту передъ тѣмъ свѣтлѣвшійся весельемъ взглядъ его вдругъ сталъ суровымъ и мрачнымъ.

— Да, продолжалъ онъ, — про военное подчиненіе смѣло можно сказать то же, что и про справедливость: *Fiat justitia, pereat mundus*. Такъ и подчиненіе не должно ослабѣвать, хотя бы погибъ міръ. Мы обязуемся подчиняться съ той минуты, какъ принимаемъ присягу. Въ иныхъ случаяхъ это очень легко, въ другихъ—ничего нѣтъ тяжелѣе этого: такъ было и со мной, и объ этомъ-то я хочу разсказать вамъ.

Майоръ набилъ турецкую трубку, изъ которой онъ курилъ въ часы досуга, и продолжалъ:

— Я началъ военную службу кадетомъ въ гусарскомъ полку, которымъ тогда командовалъ полковникъ баронъ Симоній изъ Семиграды. Это былъ типъ настоящаго венгерскаго гусара: молодой человекъ, тридцати пяти лѣтъ, смѣлый до безрасудства и никогда не отступавшій предъ опасностями. Для него не было ничего невозможнаго, когда онъ находился во главѣ своихъ гусаръ.

— *Rayta, Huszar, rayta* — впередъ, гусары, впередъ! эти слова были лозунгомъ полковника, грозно раздававшимся во всѣхъ битвахъ съ французами. Могуче прозвучалъ онъ и на берегахъ Роны зимою 1814 года, когда мы шли скорымъ маршемъ на Лионъ.—Впередъ, гусары, впередъ! и полковникъ первый бросился въ начавшую замерзать рѣку, увлекая за собою весь полкъ. Наше быстрое появленіе предъ городомъ заставило удалиться стоявшій тамъ армейскій корпусъ генерала Ожеро. Французскій генералъ вообразилъ, что войска союзниковъ перешли Рону, тогда какъ они еще были далеко по ту сторону рѣки, и такимъ образомъ мы, три эскадрона гусаръ, овладѣли городомъ.

Конечно, дѣло не обошлось безъ пролитія крови, такъ какъ подъ самымъ городомъ на насъ налетѣлъ полкъ французскихъ кирасиръ. Желѣзные всадники ураганомъ обрушились на наши дрогнувшіе ряды, но полковникъ нашъ, потрясая саблей, кинулся впередъ, и оправившіеся гусары заставили отступить храбрыхъ кирасиръ.

Затѣмъ, во главѣ союзныхъ войскъ, мы вступили въ сердце Франціи. Въ Фонтенебло мы впервые отдохнули отъ тяжелаго похода. Здѣсь мы стояли въ залахъ величественнаго дворца.

Симоній получилъ въ награду за походъ всѣ высшіе ордена, сдѣлался извѣстнымъ всему міру героемъ, а для солдатъ былъ настоящимъ кумиромъ.

И такимъ онъ оставался во все время войны. Когда наступили мирныя времена, наша гордость такимъ начальникомъ была сильно омрачена.

Полковникъ и въ мирное время выше всего ставилъ безпрекословное подчиненіе и крайне жестоко относился ко всѣмъ, нарушившимъ его даже въ малой степени. Теперь подчиненные стали дрожать передъ нимъ не хуже, чѣмъ нѣкогда въ сраженіяхъ дрожали французы.

Всѣ мы жили въ постоянной боязни столкновения между нами и полковникомъ изъ-за самыхъ пустыхъ причинъ. И могло-ли быть иначе? Полковникъ нашъ имѣлъ даже обыкновеніе наказывать 40 палочными ударами того, кто явится послѣднимъ въ ряды по пробитіи тревоги, хотя бы на немъ не было никакой другой вины.

При тогдашнемъ образѣ военной службы, мы ничего не могли сдѣлать противъ подобнаго самоуправства. Субординація занимала ротъ даже офицерамъ. Нѣсколько несчастныхъ изъ нашего полка были даже разстрѣляны по приказанію полковника за самыя пустыя провинности. Безъ сожалѣнія послалъ онъ ихъ на позорную казнь, точно резиновыхъ куколъ.

Вотъ объ одной изъ жертвъ самоуправства нашего страннаго полковника я и хочу разсказать вамъ.

Это былъ кадетъ моего эскадрона. Однажды, какъ сейчасъ помню, въ ноябрѣ, онъ обратился ко мнѣ съ просьбой испросить у полковника отпускъ для него. Симоній же терпѣть не могъ эти прошенія объ отпускѣ.

— Солдатъ служить знамени, полкъ—его родина! говорилъ онъ, и сказалъ мнѣ и теперь, когда я передаю ему прошеніе кадета. Имени послѣдняго я не назову, такъ какъ находится въ живыхъ еще многіе, носящіе ту же фамилію. Онъ былъ бравымъ солдатомъ и, конечно, болѣе чѣмъ кто-либо

заслуживалъ отпуска, тѣмъ болѣе, что присутствіе его сдѣлалось необходимымъ дома.

По губамъ Симонія скользнула насмѣшливая улыбка. — Маленькинъ сыночекъ! процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Отлично, ему будетъ отпускъ, прибавилъ онъ,—но даю вамъ честное слово, ротмистръ, что онъ будетъ разстрѣлянъ, если опоздаетъ хоть на полчаса.

Офицеры смущенно переглянулись. Этого они не ожидали даже отъ нашего полковника. Прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ изъ-за такой пустой причины! Это противорѣчило даже духу военныхъ законовъ.

Я съ тревогой ожидалъ, что выйдетъ изъ всего этого. Чтò, если кадетъ случайно опоздаетъ?.. По безпечности или вслѣдствіи ошибки? Полковникъ Симоній никогда не измѣнялъ развѣ дажному слову.

Я смель своимъ долгомъ описать кадету опасность, которой онъ подвергался.

— Въ назначенный часъ я уже буду здѣсь, господинъ ротмистръ, сказалъ онъ, улыбаясь.—Завтра, рано утромъ, я отправлюсь въ путь, вечеромъ буду дома, пробуду тамъ два дня, и на четвертый возвращусь назадъ. Я буду здѣсь даже за три часа до назначеннаго срока.

— Все это очень хорошо, возразилъ я,— а читали-ли вы „Поруку“ Шиллера? Дамонъ тоже вычислялъ время, которое было необходимо для его отсутствія изъ Сиракузъ, однако онъ не принялъ въ соображеніе встрѣтившіяся на пути препятствія. То же можетъ случиться и съ вами. Погода прескверная, дороги испорчены и размыты дождемъ, вы можете заблудиться, на васъ могутъ напасть разбойники, наконецъ, ваша лошадь можетъ пасть... Развѣ вамъ такъ необходимо ѣхать домой?

Вмѣсто отвѣта кадетъ протянулъ мнѣ неписанный листъ бумаги. Это было письмо отца, извѣщавшее о тяжелой болѣзни матери молодого человека. Причина была столь важная, что не дать отпуска было бы положительно преступленіемъ.

Въ этотъ вечеръ, который я провелъ въ обществѣ полковника, я умолчалъ объ этомъ письмѣ. Утромъ я еще разъ предостерегъ кадета, совѣтуя ему лучше явиться нѣсколькими часами раньше, чѣмъ опоздать хоть на минуту.

Онъ обѣщалъ; но тѣмъ не менѣе все время его отсутствія я не переставалъ думать о немъ. Мое воображеніе дѣлало изъ него приговореннаго къ смерти Дамона, а стихи:

„Вдругъ буря и вѣтеръ, и ливень съ грозой.
Потоки со скатовъ въ долины стремятся,
Ручьи и источники пухнуть и злиться...
Онъ къ мосту спѣшитъ, подираясь клюкой,
Но волны срываютъ его и съ собой
Уносятъ и топятъ въ глубокія воды,
Дробя и ломая послѣдніе своды“...

постоянно звучали въ моихъ ушахъ, такъ какъ кадету приходилось переправляться черезъ широкій Дунай, чрезъ который на разстояніи нѣсколькихъ миль былъ только одинъ мостъ.

Что если онъ разрушится!

Ротмистръ разсмѣялся, когда я повѣрилъ ему мои опасенія. — Какія глупости! сказала онъ.—Мостъ держался цѣлое столѣтіе, неужели же онъ не продержится эти три дня? И, затѣмъ, неужели вы считаете серьезной угрозою полковника?.. Мнѣ кажется, это просто средство отгадить солдатъ просьбѣ отпуска. Онъ никогда не исполнитъ ея, даже если нашъ кадетъ опоздаетъ на цѣлый день. Легко сказать: разстрѣлять человека!

Эти слова успокоили меня, и до самаго утра четвертаго дня я надѣялся на лучшій исходъ дѣла.

Когда я проснулся, лилъ проливной дождь. Улицы Гросвардейна, гдѣ мы стояли, превратились въ рѣку, и на нихъ не было видно ни одной собаки, не только человека, и не слышно было обычнаго шума экипажей. Стояло то дождливое время, когда телги въ Венгріи увязаютъ въ грязь по колеса, и восемь лошадей едва могутъ сдвинуть ихъ съ мѣста.

А нашъ кадетъ находился на разстояніи 7 миль отъ крѣпости, и долженъ былъ сдѣлать его въ 12 часовъ. Въ это время, при ужасномъ состояніи дорогъ, онъ не могъ сдѣлать и мили.

Сердце мое стало биться сильнѣе, и я чувствовалъ какое-то смутное опасеніе. Оно возрастало по мѣрѣ того, какъ тянулася день.

Опасеніе мое было вполне естественно и, должно признаться, эгоистично. Именно я не столько дрожалъ за жизнь чуждаго мнѣ человека, сколько за свое собственное душевное спокойствіе. Если онъ опоздаетъ и будетъ осужденъ на казнь, то мнѣ предстояло командовать солдатами, которые должны будутъ разстрѣлять его.

По еще не все было потеряно. У кадета оставалось еще время. Быть-можетъ, онъ успѣетъ возвратиться, утѣшалъ я себя,—вѣдь, онъ знаетъ, что рискуетъ своей головой. Кто, однако, можетъ поручиться за то, что кадетъ не принялъ въ шутку

слов своего полковника, не считая его способным на беззаконное и жестокое дѣло.

Всѣ эти мысли начали волновать меня съ утра, и я не могъ даже развлечься въ кофейной, гдѣ товарищи играли въ карты и на бильярдѣ такъ же спокойно, какъ и всегда, какъ будто ни единое облачко не показывалось на горизонтѣ полка.

А за окнами, на улицѣ, продолжала шумѣть буря.

Наконецъ, мнѣ стало какъ-то не по себѣ въ кофейной, и я отправился въ казармы, надѣясь увидѣть тамъ кадета уже возвратившимся. Но онъ еще не возвращался. Пробыло 6 часовъ, а его все не было. За окнами стояла такая темень, что хоть глаза выколи, и лилъ непрерывный дождь. Молодой человекъ, очевидно, не могъ сдержать данного мнѣ слова вернуться къ шести часамъ.

А время летѣло. У воротъ казармъ загремѣли сабли: — мѣнялся караулъ; значить, было 7 часовъ, потому что въ эту часть приходится сѣдня часовыхъ. Кадету оставалось всего два часа. Если къ девяти онъ не будетъ въ казармахъ, то можетъ случиться нѣчто ужасное.

Полковникъ далъ честное слово разстрѣлять его, если онъ опоздаетъ, и, вѣроятно, сдержать свое слово. И онъ могъ сдержать его безо всякой опасности для себя. И въ самомъ дѣлѣ, чего только не могъ позволить себѣ любимецъ императора и гордость всей арміи? Очевидно, его поступки нельзя было мѣрить обычной мѣркой или подводить подъ узкіе законы.

Тревожный этими мыслями, я безпокойно ходилъ взадъ и впередъ. Восемь часовъ давно пробыло, а кадета все не было. Трубацы протрубили сигналы ложиться спать, и сигналы эти прозвучали въ моихъ ушахъ словно пѣснь погребенья.

Я проснулся рано. Меня разбудилъ сигналъ горнистовъ. Я быстро вскочилъ и одѣлся. Вѣроятно, было пять часовъ утра, и смѣнялся караулъ. Но, прислушиваясь къ звукамъ сигнала, я убѣдился, что музыканты играли тревогу. Я быстро выбѣжалъ на дворъ. Онъ былъ освѣщенъ факелами, и посреди его на статномъ конѣ видѣлся полковникъ.

Лицо его было неподвижно, точно высѣченное изъ мрамора. Только глаза его блестящіи и живо бѣгали по нестройной толпѣ гусаръ, навалившихся широкой дворъ, по мѣрѣ того, какъ раздавались звуки тревоги. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались и стронлись офицеры и солдаты. Царило глубокое молчаніе; нигдѣ не слышно было даже шопота. Всѣ лица были встревожены. Наконецъ, полкъ построился; штабъ-офицеры и эскадронные командиры поднесли полковнику рапорты.

Теперь я понималъ дѣль тревоги. Полковникъ хотѣлъ лично убѣдиться, во время-ли возвратился кадетъ.

Ротмистръ отвѣтилъ отрицательно на вопросъ полковника.

Симоній разразился злымъ смѣхомъ.

— Я такъ и зналъ, процѣдилъ онъ сквозь зубы, — я говорилъ: маленькіи сыночекъ! Не могъ вовремя оторваться отъ своей мамочки, вѣдь, онъ слышалъ, что я далъ честное слово разстрѣлять его, если онъ опоздаетъ хоть на полчаса. Вѣрно, онъ разсчитывалъ на то, что Симоній не въ состояніи или побоялся сдѣлать то, что обѣщалъ? Но онъ обманулъ... Господи! майору! вдругъ рѣзко произнесъ онъ, обернувшись къ майору, — кадетъ вернулся въ 4 часа утра и по моему приказанію посаженъ подъ арестъ. Черезъ три часа онъ долженъ быть разстрѣлянъ! Объ остальномъ позаботьтесь сами.

Сказалъ и, повернувъ лошадь, ускакалъ со двора.

Услышавъ ужасный приговоръ, я хотѣлъ броситься вслѣдъ за полковникомъ и закричать ему: — „это невозможно! это безуміе! этого не будетъ! Мы живемъ въ мирное время, и осадное положеніе не имѣетъ силы. Смертная казнь примѣняется только по приговору военного суда!“ Но было уже поздно. Майоръ и ротмистръ ускакали вслѣдъ за полковникомъ.

Какъ я узналъ впоследствии, они высказали ему все то, что пришлось и мнѣ въ голову. Онъ спокойно ихъ выслушалъ.

— Исполните мой приказъ, отвѣтственность я беру на себя! сказалъ онъ и отпустилъ смущенныхъ офицеровъ.

И вотъ случилось то, чего я боялся всего больше. Ротмистръ подошелъ ко мнѣ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ приказалъ мнѣ въ безъ четверти восемь часовъ вывести кадета изъ карцера на поляну, находившуюся въ верстѣ отъ города, и тамъ исполнить приказаніе полковника.

Ужасное приказаніе! Все существо мое возмущалось противъ жестокаго, ничѣмъ не оправдываемаго приговора. Сначала я хотѣлъ пойти къ полковнику и бросить къ ногамъ его свою саблю, сказавъ: — „ищите другого для исполненія того, что вошло вамъ въ вѣсепе деспотическое самоуправство и ваша жестокость!“ Затѣмъ, обсудивъ дѣло спокойно, я понялъ, что такимъ поступкомъ я не только не спасу кадета, но и самъ совершу проступокъ противъ военного подчиненія и нарушу присягу. Желая спасти другого, я самъ подвергнусь опасности быть разстрѣяннымъ по приговору военного суда. Да если я и откажусь, полковникъ прикажетъ другому, и кадетъ все равно будетъ разстрѣянъ, а мое имя, какъ нарушившаго первый священный долгъ солдата, покроется стыдомъ и позоромъ.

Могъ-ли я поступить такъ! Я былъ солдатъ и считалъ повинное своей первой обязанностью. Послѣдствія падали на Симонія, онъ одинъ долженъ былъ отвѣчать за свое жестокое дѣло.

Медлить было невозможно, я тотчасъ же отправился въ казармы и выбралъ шесть лучшихъ стрѣлковъ изъ нашего эскадрона.

Между тѣмъ ротмистръ отправился къ кадету, чтобы подготовить его къ ужасному извѣстію.

Молодой человекъ былъ пораженъ, какъ громомъ, и сначала не могъ сказать ни слова. Затѣмъ онъ сталъ упрекать ротмистра въ жестокой шуткѣ и ни за что не хотѣлъ вѣрить, что полковникъ осудилъ его на смерть. Ротмистръ едва могъ убѣдить его, что онъ не шутитъ, и что полковникъ твердо рѣшился сдержать свое честное слово.

Тогда юноша горько заплакалъ и о своихъ родителяхъ, и о своей погубленной молодой жизни. Онъ жаловался ротмистру, что умираетъ виновнымъ, что онъ во-время выбѣжалъ изъ дому. Развѣ онъ виноватъ, что проливной дождь обратилъ всю страну въ сплошное море, и что ему пришлось сдѣлать объѣздъ въ нѣсколько миль лишниихъ. Онъ исполнилъ свой долгъ, явился въ казармы, когда онъ смѣло могъ спасаться, дезертировавъ изъ полка, но онъ не сдѣлалъ этого. Онъ умолялъ свести его къ полковнику, чтобы онъ могъ оправдаться. Выслушавъ его, полковникъ, безъ сомнѣній, измѣнилъ свой приговоръ.

Тяжело было увѣрять несчастнаго, что полковникъ не измѣнитъ своего слова, какія бы доказательства онъ ни представилъ, и что единственная надежда воззвать къ милости полковника.

Тогда онъ сталъ просить ротмистра и другихъ офицеровъ пойти къ полковнику и объяснить ему все дѣло. Ротмистръ съ тремя товарищами тотчасъ же отправился къ Симонію.

Все было напрасно! Онъ не хотѣлъ измѣнить своему честному слову! Никогда!

— Вы напрасно трудитесь, господа! сказалъ онъ, подымаясь съ кресла. — Симоній знаетъ, что дѣлаетъ. Позаботьтесь лучше послать къ осужденному священника. Ну-съ, надѣюсь, что разговоръ нашъ конченъ.

Что было дѣлать? Мы позвали полкового священника. Онъ тоже пришелъ въ ужасъ, когда ему рассказали подробности происшествія.

— Да, вѣдь, это убійство! воскликнулъ онъ и, не медля ни минуты, побѣжалъ къ Симонію.

Между ними произошелъ горячій споръ, въ концѣ котораго священникъ грозилъ Симонію всеми муками загробной жизни. Но и онъ не поколебалъ рѣшимости полковника.

Огорченный, пошелъ онъ къ узнику. Они пробыли вмѣстѣ дѣляе два часа, показавшіеся мнѣ вѣчностью. Но странно, тѣмъ болѣе приближался мигъ казни, тѣмъ все менѣе я вѣрилъ въ ея возможность.

Нѣтъ! Милость должна послѣдовать. Вѣроятно, полковникъ потому и отказалъ просившимъ о списхожденіи офицерамъ, что самъ желалъ произнести слово прощенія въ самый рѣшительный моментъ.

Иначе быть не можетъ! угѣшалъ я себя. Но вся моя надежда вдругъ исчезла, когда прозвучалъ сигналъ выстушения. Надо было идти. Я построилъ свою небольшую команду, посреди которой поставилъ несчастнаго, обреченнаго на смерть кадета, явившагося въ сопровожденіи священника. Оба они были блѣдные, но спокойны. Мнѣ хотѣлось сказать кадету послѣднее слово утѣшенія.

— Въ какое ужасное положеніе поставили вы меня? сказалъ я ему.

Большие голубые глаза его умоляюще остановились на мнѣ, и я замолчалъ, сжавъ ему руку.

— Маршъ! скомандовалъ я, и мы вышли со двора казармъ.

На улицѣ собралась толпа. Всѣ были блѣдны. Кадета многіе знали въ городѣ, и никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ осужденъ на смерть.

Что долженъ былъ пережить за это время несчастный юноша?

— Подите, спросите полковника, какое преступленіе совершилъ этотъ блѣдный молодой человекъ, призовите его сердце къ человѣколюбію, подѣйствуйте на его совѣсть! хотѣлось мнѣ крикнуть этой толпѣ, но долгъ военного подчиненія заставлялъ меня молчать. Но ничто не могло заставить молчать мое сердце, которое билось такъ сильно, что я боялся, какъ бы не разорвалось оно. Я самъ шелъ, какъ осужденный на смерть, и кто знаетъ, кому тяжелѣе былъ этотъ путь: кадету, идущему на смерть, или мнѣ, ведущему его на казнь.

Наконецъ, мы пришли. Толпа отошла въ сторону, по не расходилась. Она хотѣла услышать приговоръ, такъ какъ по военнымъ законамъ приговоръ читается еще разъ на мѣстѣ казни аудиторомъ. Но никакого аудитора не было, да не было и приговора; мнѣ, просто, было приказано разстрѣлять кадета.

Теперь впервые моя обязанность показала мнѣ и отвратительной, и ужасной.

Не дѣлай этого, не унижайся до орудія полоумнаго тирана! Это убійство! Такъ все кричало во мнѣ. Смущенно оглянулся я назадъ, на городъ. Я все еще надѣялся увидать тамъ всадника, махающаго бѣлымъ платкомъ, вѣстника помилованія.

Но всадника не было видно. Я далъ знакъ, и одинъ изъ солдатъ завязалъ глаза кадету. Это было прощаніе со свѣтомъ. Моя люди стали въ рядъ, всѣ смотрѣли мрачно; всякій понималъ, что здѣсь совершается величайшая несправедливость, а не исполненіе закона.

Принцесса Александра Уэльская. Съ портрета Ванъ-деръ-Уайда, грав. Робертъ.
Библиотека "Руниверс"

Однако и въ солдатахъ жило сознание своего долга—подчинения. Я взмахнулъ саблей, и они взяли ружья къ прикладу. Второй взмахъ сабли—и они подошли поближе, на расстояние всего 10 шаговъ отъ кадета.

Священникъ еще говорилъ съ нимъ.

— Я исполню все, что ты поручилъ мнѣ, сынъ мой! Твое сердце чисто, имя незапятнано, ты умрешь спокойно и вступиши въ райскія селенія!

Такъ говорилъ священникъ, и лицо молодого человѣка озабрислось тихой радостью.

Въ этотъ самый мигъ солнце побѣдоносно разорвало тучи и теплыми лучами поцѣловало блѣдныя губы осужденнаго на смерть.

— Товарищи, дѣйте вѣрить! воскликнулъ онъ, а я въ послѣдній разъ обернулся къ городу. Желанный всадникъ не показывался. Я не могъ долѣе медлить. Тяжелый долгъ солдата! Я махнулъ саблей, и залль раздался... Кадетъ, какъ подкошенный, упалъ на землю. Онъ былъ мертвъ. На другой день утромъ мы погребли его.

Въ городѣ казнь кадета вызвала взрывъ негодованія. Горожане понимали, что полковникъ совершилъ беззаконіе, и видѣли, что даже офицеры были вооружены противъ своего начальника.

Только Симоній вѣлъ себя попрежнему, какъ будто ничего и не случилось. Но, безъ сомнѣнія, онъ чувствовалъ укору совѣсти, такъ какъ сталъ сидѣть дома чаще, чѣмъ обыкновенно онъ это дѣлалъ.

Однажды, когда онъ выѣзжалъ на прогулку во главѣ всего полка, къ нему подокакала курьеръ изъ Темешвара, мѣсто-пребыванія главнокомандующаго, сыркнулъ съ лошади и подалъ полковнику объемистый пакетъ. Полковникъ поблѣднѣлъ первый разъ за всю свою солдатскую жизнь.

Онъ тотчасъ прочелъ бумаги.

— Господишь подполковникъ, сказалъ онъ,—меня отзываютъ. Вы примете на себя командованіе полкомъ!

Съ этими словами онъ усакала отъ насъ.

Часа два спустя онъ выѣхалъ изъ города. Онъ былъ преданъ военному суду по повелѣнію императора Франца I, которому отецъ разстрѣляннаго кадета подалъ жалобу на полковника.

— Я не думаю, чтобы Симоній могъ настолько забытья! воскликнулъ монархъ, принимая жалобу, и тотчасъ же повелѣлъ военному суду изслѣдовать дѣло.

Когда фактъ сдѣлался общезвѣстнымъ, никто не хотѣлъ ему вѣрить, всѣ считали его выдумкой.

— Это невозможно! слышалось отовсюду.

За Симоніа проесли всѣ коронованныя особы Европы, которые сначала отказались вѣрить этому факту, именно Русскій императоръ Александръ I, король Пруссій Фридрихъ-Вильгельмъ III и король Англіи Георгъ IV. Изъ Маренны, французскаго городка, въ которомъ Симоній стоялъ во время

оккупации, даже явилась въ Вѣну депутация отъ дамъ и просила императора, своего бывшаго благороднаго врага, помиловать полковника.

Это невозможно! Такъ думали и эти наивныя дамы, которымъ Симоній казался благороднымъ и великодушнымъ рыцаремъ. Но военный судъ посмотрѣлъ на дѣло иначе, и Симоній почти единогласно былъ признанъ виновнымъ. Судъ приговорилъ увѣнчанаго славою героя многихъ войнъ къ продолжительному тюремному заключенію, лишенію дворянства, чиновъ и всѣхъ орденовъ, полученныхъ Симоніемъ за его двадцатипятилѣтнюю военную дѣятельность.

Слеза скатилась по лицу императора Франца, когда ему сообщили о приговорѣ военного суда. Быть-можетъ, онъ вспомнилъ въ это время о блестящихъ подвигахъ полковника...

Изъ нихъ прежде всего онъ могъ вспомнить о сраженіи при озерѣ Гарда (1796 г.). Оно уже было потеряно. Все бѣжало предъ побѣдоносными республиканскими войсками, и, когда французы опрокинули корпусъ, охранявшій тылъ отступавшей австрійской арміи, и послѣдней грозила опасность быть сбитой въ озеро, Симоній, тогда еще подполковникъ, съ горстью своихъ гусаръ бросился на дышавшія смертью орудія французовъ. Короткая, но ужасная схватка французовъ съ австрійскими гусарами спасла армію. Орденъ Маріи-Терези былъ наградою за это молодечье дѣло. Императоры и короли осыпали его своими милостями. Русскій императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ Георгія...

И однимъ взмахомъ пера уничтожилъ все это! Императоръ плакалъ... Это была тяжелая сцена... Прошелъ часъ, а приговоръ все еще лежалъ передъ нимъ неподписанный. Въ отдаленіи стояла свита, и среди нея не было человѣка, который сомнѣвался бы, что императоръ, во вниманіе къ просьбамъ трехъ монарховъ и изъ уваженія къ подвигамъ Симонія, разорветъ приговоръ.

Но они ошибались. Основное правило императора, его девизъ, было: „Справедливость — основа государственнаго строя“. И здѣсь онъ не хотѣлъ нарушить его. Симоній позорнымъ дѣломъ уничтожилъ свои прежнія заслуги. Императоръ взялъ перо и подписалъ приговоръ.

Когда Симоній узналъ объ этомъ, онъ былъ потрясенъ. Онъ не ожидалъ этого, полагаясь на важность своихъ прежнихъ заслугъ. Напрасно! императоръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго снисхожденія. Симоній былъ заключенъ въ крѣпость Арадъ. Внезапное несчастіе подѣйствовало на него такъ тяжело, что онъ не вынесъ заключенія и умеръ въ первый же годъ его, и никто не знаетъ, гдѣ лежатъ его кости. Имя его вычеркнуто изъ книги безсмертныхъ, но въ арміи перѣдко вспоминаютъ Симонія, какъ образецъ блестящей храбрости и дикаго самоуправства.

Вотъ вамъ наглядный примѣръ того, что значитъ военное подчиненіе. Теперь вы поймете меня лучше, когда я скажу: „военное подчиненіе не имѣетъ границъ“. Б. И.

Электричество въ домашнемъ обиходѣ.

Технической очеркъ.

(Съ 15 рисунками).

Время, переживаемое нами теперь, не даромъ называется временемъ „электричества“. Благодаря съ каждымъ днемъ появляющимся новымъ изобрѣтеніямъ, электричество все болѣе и болѣе получаетъ примѣненіе въ нашемъ домашнемъ обиходѣ, и интересъ къ нему неминуемо возрастаетъ. Недавно мы, въ № 39 *Нивы*, дали очеркъ о гальванизмѣ, а ниже читатели найдутъ любопытныя свѣдѣнія о новѣйшихъ примѣненіяхъ электричества. Масса разныхъ большихъ и малыхъ городовъ за границею вела и вводитъ спеціальныя электрическія станціи, сообщающія электрическую силу по проводамъ въ дома для различныхъ цѣлей, подобно тому, какъ до сихъ поръ проводили воду и газъ.

Первымъ дѣломъ, какъ извѣстно, служитъ электричество для освѣщенія, именно посредствомъ общезвѣстныхъ лампочекъ накаливанія, средняя сила горѣнія которыхъ простирается до 800—1000 часовъ. Лампы же съ вольтовой дугой употребляются для освѣщенія большихъ залъ, улицъ и т. д.

Весьма простое приспособленіе даетъ возможность освѣщать электричествомъ комнату только въ тотъ моментъ, когда въ нее входимъ, и тушить лампы сейчасъ же, по выходѣ изъ комнаты. Для этого нужно лишь прикрѣпить къ самой двери механической затворъ, который будетъ прекращать электрической токъ, когда дверь заперта.

Подобно тому, какъ газъ служитъ не только для освѣщенія нашихъ помѣщеній, но и для отопленія ихъ, для послѣдней цѣли можетъ быть употребляемо и электричество; но электрическое отопленіе, къ сожалѣнію, въ 38 разъ дороже отопленія каменнымъ углемъ, и потому пока интересно лишь съ теоретической стороны.

Опять-таки, какъ электрической токъ можетъ служить для отопленія, такъ и, наоборотъ, теплота, получаемая отъ нашихъ обыкновенныхъ аппаратовъ для отопленія, можетъ быть при-

способлена для полученія электрическаго тока, годнаго для освѣщенія. На этой остроумной идеѣ построена, напр., термо-электрическая печь доктора Жиро (рис. 1). Она представляетъ отапливаемую коксомъ печь, въ которой вырабатываемые горѣніемъ горячіе газы попадаютъ сначала въ цилиндрической колпакъ, и затѣмъ—въ концентричную съ этимъ колпаккомъ наружную поверхность, а потомъ уже проходятъ въ трубу. При подъемѣ вверхъ, горячіе газы эти приходятъ въ соприкосновеніе съ цѣлымъ рядомъ кружковъ изъ листового желѣза, содержащихъ въ себѣ термо-электрическіе элементы. Элементы эти, числомъ 700, прикрѣплены вѣнцеобразно, парами, и состоятъ изъ никкеля или жести и сплава цинка съ сурьмой, съ очень небольшою примѣсью извѣстныхъ металловъ. Жестыя эти вѣточки окружаютъ элементы, которые, въ свою очередь, изолированы цилиндрами изъ азбеста. Печь эта развиваетъ электрическую силу, достаточную для одной лампы накаливанія.

Есть еще много разныхъ практическихъ приспособленій для

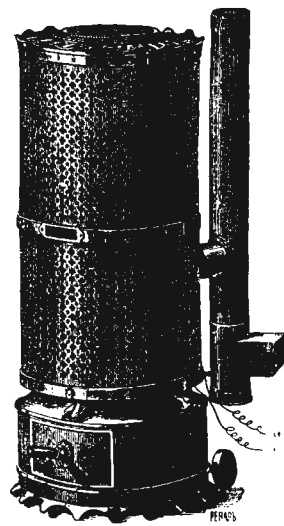

Рис. 1. Термо-электрическая печь доктора Жиро.

получения теплоты путем электрической силы, в которых можно очень легко регулировать количество и силу теплоты. Таковы имѣют преимущественно перед отоплением каменных углемъ, такъ какъ совершенно избавлены отъ всякаго запаха, дыма и пыли. Такъ, напримеръ, въ Америкѣ очень часто вагоны отапливаются электричествомъ, получаемымъ изъ того же источника, который приводитъ въ движение и самые вагоны.

Затѣмъ имѣются электрическіе утюги съ проволоками, накаливаемыми электрическимъ токомъ и дающими посредствомъ замыканія тока жаръ определенной силы и степени. Въ Парижской Оперѣ, ради противопожарныхъ цѣлей, употребляются исключительно такіе электрическіе утюги для глаженія легкихъ крахмальныхъ юбокъ балетныхъ танцовщицъ. Значительное преимущество электрическаго утюга заключается въ томъ, что нагрѣтый утюгъ сохраняетъ, въ продолженіе всего времени пользования имъ, определенную и неизмѣнную высокую температуру и даетъ возможность работать имъ непрерывно.

Рис. 2 изображаетъ такой утюгъ въ продольномъ и поперечномъ разрѣзѣ. Онъ представляетъ полный мѣдный остовъ, на днѣ котораго помѣщена пластинка *p* изъ обожженной глины, отдѣленная отъ металла *s* тонкимъ слоемъ слюды *t* и имѣющая на себѣ металлическую массу *M*, составъ которой и представляетъ тайну изобрѣтателя.

Черезъ пластинку изъ обожженной глины, какъ показываетъ чертежъ на рис. 2, проведена извилистая платиновая проволока *f*, къ концамъ которой *b* и *b'* прикрѣпляется электрический приводъ. Последній и накаливаетъ платиновую проволоку.

Рис. 2. Электрическій утюгъ въ разрѣзѣ сбоку и въ основаніи.

Рис. 3 представляетъ внѣшній видъ и разрѣзъ электрическаго утюга другой формы.

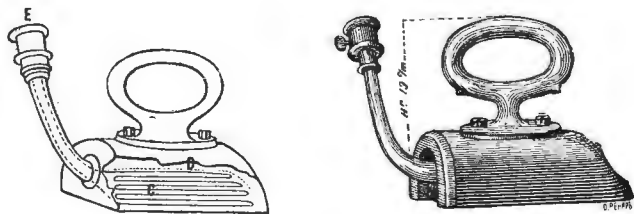

Рис. 3. Внѣшній видъ и разрѣзъ электрическаго утюга другой формы.

Здѣсь точно также внутри помѣщается сильно изогнутая и вдѣланная въ огнеупорную массу платиновая проволока *CD*, накаливаемая электрическимъ токомъ, соединяющимся въ точкѣ *E*.

Сильно распространены за границей электрическіе аппараты для накаливанія парикмахерскихъ щипцовъ (рис. 4), благодаря тому, что при этомъ нуженъ сравнительно не высокій жаръ, и обходится это не дорого. Сильно, въсколько разъ изогнутая проволока *A* накаливается электрическимъ токомъ, проходящимъ по ней чрезъ точку *B*.

На томъ же принципѣ устроены электрическая жаровня и электрическій аппаратъ для кипяченія воды (рис. 5 и 6). Платиновая проволока *F*, соединенная съ электрическимъ проводомъ въ точкѣ *H*

Рис. 4. Электрическій аппаратъ для накаливанія парикмахерскихъ щипцовъ.

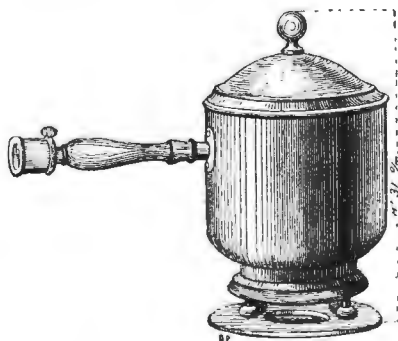

Рис. 5. Электрическая жаровня и электрическій аппаратъ для кипяченія воды. (Внѣшній видъ).

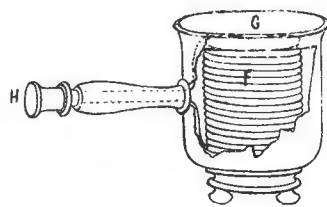

Рис. 6. Электрическая жаровня и электрическій аппаратъ для кипяченія воды. (Въ разрѣзѣ).

форки *a a a*, а внизу, съ одной стороны, духовая печь *H*, изображенная отдѣльно на рис. 8, и котель для кипяченія воды *J*.

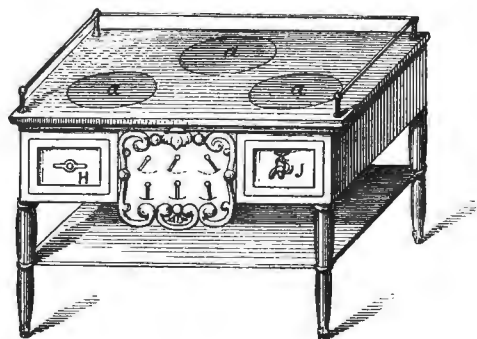

Рис. 7. Электрическая кухонная плита. (Внѣшній видъ).

Рисунокъ 9 изображаетъ одну изъ конфорокъ *a* въ продольномъ разрѣзѣ по направленію *M—N*. Платиновые проводки *cc*, скрытыя подъ металлическимъ слоемъ и вдѣланныя въ глиняный пластъ, соединены своими концами *b* и *b'* съ электрическимъ проводомъ. Въ духовой печи точно также проведена извилистая проволока, соединенная съ проводомъ. Принципъ, на которомъ основана эта плита тотъ же, что и въ другихъ приспособленіяхъ подобнаго рода:—какъ только по проволокамъ пробѣгаетъ токъ, онѣ сейчасъ же накаляются и передаютъ свой жаръ той массѣ, въ которую онѣ вдѣланы, а эта послѣдняя сообщаетъ этотъ жаръ металлу печи или плиты и, притомъ, въ требуемой степени. Аппаратъ этотъ хотя и очень остроумный, но все-таки слѣдуетъ признаться, что какъ онъ, такъ и, вообще, употребленіе электричества для отопленія и варки кушанья настолько дорого обходится, что мы не можемъ пока рекомендовать пользоваться его услугами впродолженіе до новыхъ усовершенствованій.

Электричество имѣетъ еще очень важное примѣненіе въ качествѣ двигательной силы. Мы постараемся опять-таки прослѣдить это его значеніе лишь по отношенію къ домашнему обиходу, не вдаваясь въ особенности и частности, интересныя только специалисту-технику.

Во многихъ гостиницахъ, а въ большихъ городахъ также и въ нѣкоторыхъ частныхъ многоэтажныхъ домахъ устроены подъемныя машины на лѣстницахъ совершенно особеннаго типа, движущіяся электричествомъ (рис. 10).

Такая машина состоитъ изъ подвижнаго стула, свободно подымающагося при помощи электрическаго кабеля на колесахъ по двумъ прикрѣпленнымъ къ периламъ другъ надъ другомъ шинамъ. На случай, если кабель порвется—имѣется автоматическій тормазъ, останавливающая ступль. Ступль этотъ, какъ видно на рисунокѣ, занимаетъ немного мѣста и не мѣшаетъ поэтому

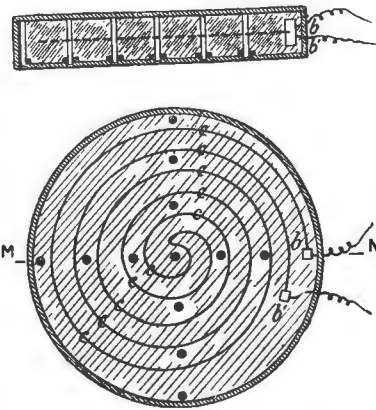

Рис. 9. Конфорка въ разрѣзѣ продольномъ и по направленію *M—N*.

Данте въ изгнаніи, читающій свои произведенія при дворѣ въ Равеннѣ. Рис. Буфетти, грав. Пааръ.
Библиотека Руниверс

Литературный альбомъ. „Муму“, повѣсть И. С. Тургенева. Герасимъ прощается съ Муму.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Табурина, грав. Шюблеръ.

взбираться другим по лестницѣ обыкновеннымъ путемъ; онъ можетъ быть примененъ ко всякой лестницѣ. Въ зависимости отъ того, въ какую сторону повернуть рычажокъ, стуль или подымается вверхъ, или опускается внизъ по периламъ лестницы. Для дѣйствій этого аппарата нужна сравнительно небольшая электрическая сила, — ее можетъ доставлять всякая электрическая станція.

Въ домашнемъ быту могутъ быть съ пользою и безъ труда употребляемы электрическіе двигатели, изготовляемые специально для маленькихъ мастерскихъ. Занимая гораздо меньше

Рис. 10 Подъемная электрическая машина для лестницъ.

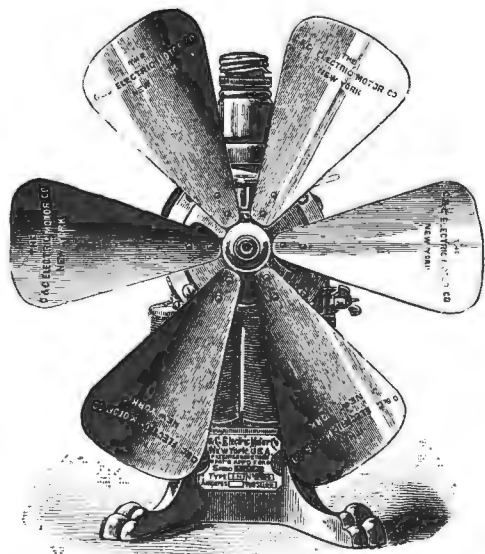

Рис. 12. Электрической вентиляторъ.

мѣста, чѣмъ газовые двигатели, они работаютъ безъ всякаго шума и приводятся въ дѣйствие однимъ лишь соединеніемъ съ электрическимъ проводомъ съ центральной станціи. Очень краткое наставленіе даетъ возможность всякому пользоваться этимъ двигателемъ. Рис. 11 представляетъ такой маленькій электрической двигатель, годный для разныхъ домашнихъ потребностей. Онъ можетъ быть съ огромной пользою употребляемъ для швейныхъ машинъ и устранять такимъ образомъ въ высшей степени вредное нажиманіе ногой педали машины. Затѣмъ онъ въ высшей степени пригоденъ для разныхъ токарныхъ и столярныхъ станковъ, тѣмъ болѣе, что занятіе токарными работами и выпиливаніе по дереву сильно распространено теперь. Въ Америкѣ введены уже почти во всѣхъ гостиницахъ такіе электрическіе двигатели для механической чистки ножей и сапогъ.

Электричество оказываетъ также незамѣнимыя услуги для вентиляціи залъ. Вентиляторъ, представленный на рис. 12, соединенный съ электрическимъ двигателемъ, даетъ необыкновенно сильную струю воздуха. Потребная для этого электрическая сила приблизительно равняется силѣ, нужной для одной лампочки накаиванія. Въ большихъ помѣщеніяхъ можно устроить нѣсколько такихъ вентиляторовъ и одновременно приводить ихъ въ дѣйствіе. Изображенный на рис. 12 вентиляторъ можетъ быть соединенъ со всякимъ проводомъ для электрическаго освѣщенія. Онъ снабженъ шестью крыльями,

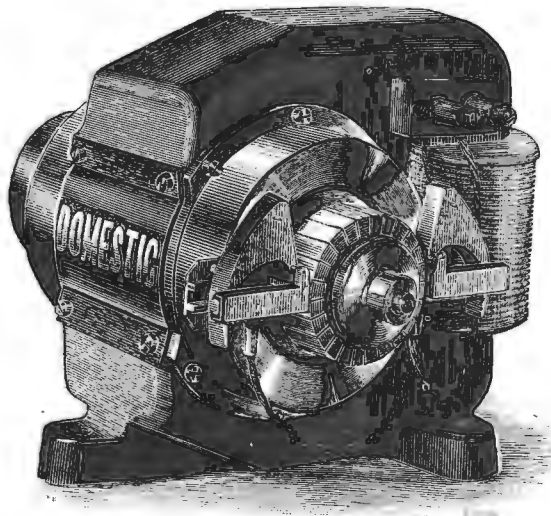

Рис. 11. Маленькій электрической двигатель.

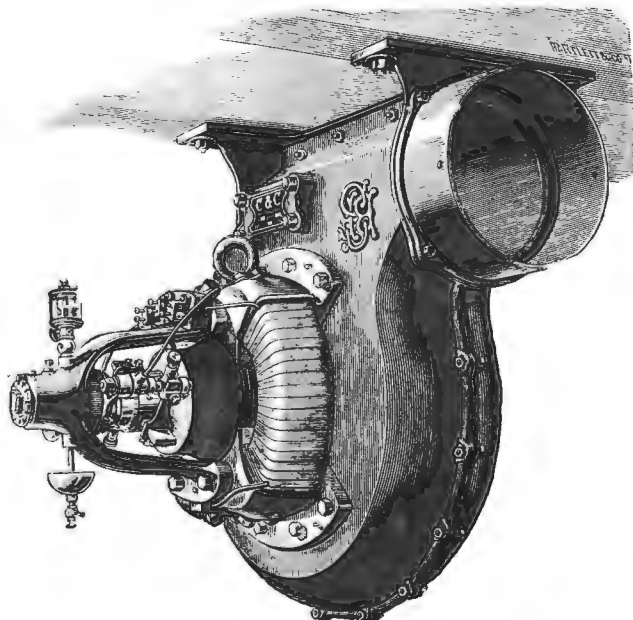

Рис. 13. Электрической двигатель и вентиляторъ

имѣющимъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ 31 сантиметръ, и своимъ вращеніемъ даетъ струю воздуха настолько сильную, что она чувствуется на разстояніи 10 метровъ въ окрестности. Онъ годится для ресторановъ, общественныхъ учрежденій, а также, пожалуй, и для частныхъ квартиръ.

Аппаратъ, представленный на рис. 13, есть электрической двигатель и въ то же время вентиляторъ; онъ прикрѣпляется къ потолку.

Маленькая динамо-машина, изображенная на рис. 14 и 15 спереди и сзади, очень полезна для лабораторій, въ которыхъ производятся разные электрическія работы. Она приводится въ движеніе рукой, служитъ прекраснымъ двигателемъ и даетъ отъ 10 до 12 большихъ элементовъ Бунзена. Съ помощью этой динамо-машины можно давать силу маленькимъ лампочкамъ накаиванія, производить гальваноэлектрическія работы, зар-

жать аккумуляторы и т. д. Она вѣситъ всего 9 килограммовъ; размѣры ея можно себѣ легко представить, по сравнению съ величиной изображенной на рис. 14 руки, вертящей ее. Ее можно привинтить къ столу или къ скамьѣ и путемъ болѣе медленнаго или болѣе быстрого верченія ручки ослаблять и усиливать токъ. Плечо ручки можетъ быть перемѣщаемо посредствомъ винтовъ, такъ что можно получить, какъ указано пунктирными линиями на рис. 15, три рычага разной длины, что служитъ опять-таки для усиления электрической энергій.

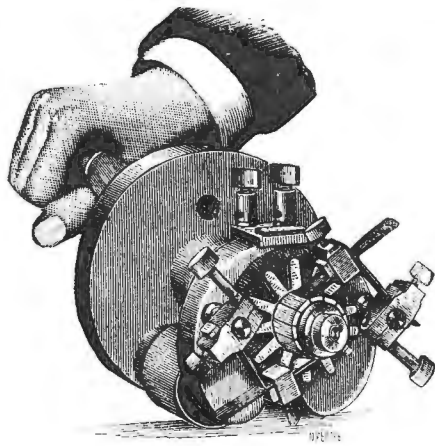

Рис. 14. Маленькая ручная динамо-машина. Передній видъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о распространенныхъ, главнымъ образомъ, лишь на фабрикахъ, электрическихъ пожарныхъ сигнальных аппаратахъ, поднимающихъ страшный трезвонъ, какъ только въ известномъ мѣстѣ температура превыситъ определенную норму. Въ Америкѣ употребляется преимущественно аппаратъ Шеффера, устройство котораго основано на расширеніи объема парафина въ моментъ его растворенія. Парафинъ при этомъ заключенъ въ чугунный сосудъ, снабженный маленькимъ поршнемъ изъ желтой мѣди, который при достиженіи известной температуры замыкаетъ токъ и приводитъ въ дѣйствіе звонокъ.

Для дверей и денежныхъ шкафовъ и др. придуманъ замѣчательно оригинальный и остроумный электрической замкъ

Достаточно только вставить очень трудно поддающийся подѣлкѣ совершенно плоскій или конической ключъ съ выгравированными выступами, чтобы прикоснуться къ цѣлой системѣ гуттаперчевыхъ столбиковъ и вызвать электрической токъ. Это устройство замка основано на искусно скомбинированной системѣ проводниковъ и непроводниковъ электричества. Для того, чтобы подѣлать ключъ, нужно узнать прежде эту систему, что совершенно невозможно, такъ какъ комбинацій при шести столбикахъ будетъ, по крайней мѣрѣ, миллионъ; такимъ образомъ, замокъ этотъ обезпечиваетъ полную неприкосновенность шкафа или двери, въ которую онъ вдѣланъ.

Можно также у выходной двери квартиры устроить такое

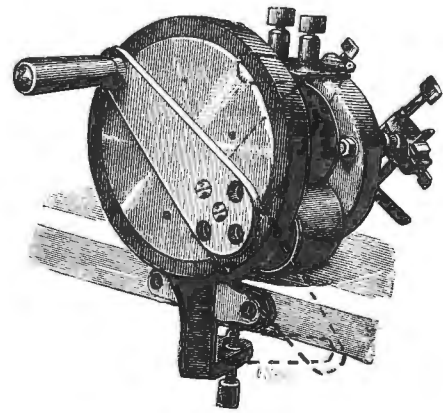

Рис. 15. Маленькая ручная динамо-машина. Задній видъ.

электрическое приспособленіе, посредствомъ котораго только тѣмъ, кто затворитъ эту дверь, затворятся и всѣ остальные двери квартиры.

И такъ, мы снова пришли къ двери и на этомъ закончимъ разсмотрѣніе роли электричества въ домашнемъ быту. Изъ нашего бѣлаго очерка читатели могли уже убѣдиться, какой рядъ замѣчательныхъ изобрѣтеній и усовершенствованій слѣланъ въ этой области и, можно вполнѣ надѣяться, въ виду замѣчательнаго развитія электротехники, что практическое приращеніе электричества достигнетъ еще большихъ успѣховъ.

Двѣ встрѣчи.

(Изъ записокъ маркиганта). Миниатюра Ар. П—а.

Свѣжій осенній вѣтеръ раздувалъ гривы лошадей и рвалъ покрывку съ моей повозки. Я шелъ сзади въ высокихъ сапогахъ и, несмотря на усталость, невольно любовался открывавшимися предо мною безконечными полями и краснымъ полымемъ закатывавшагося солнца. Дорога становилась все извилистѣе, по сторонамъ попадались густой дубовой кустарникъ, и вскорѣ мы добрались до берега рѣки. Вдали послышался гулъ и грохотъ располагавшагося на почлегѣ полка. Мы остановились въ покинутой болгарской деревнѣ.

Офицеры пригласили меня къ себѣ.

— А надо сознаться, война имѣетъ свои прелести, говорилъ молоденькій поручикъ, потирая руки отъ удовольствія, когда я вошелъ къ нимъ. Во всемъ онъ видѣлъ смѣшное или веселое. Сарай, въ которомъ они сидѣли, видимо, казался ему дворцомъ.

— Да мы, собственно, еще войны не видали, перебилъ его другой офицеръ съ бородкой. Этого я зналъ — онъ пошелъ на войну добровольцемъ, думая найти въ ней тѣ прелести, о которыхъ мечтали чуть-ли не съ дѣтства, и нашелъ одну грязь, усталость, болѣзни и смерть... Такъ, приближаясь по горѣ къ солнцу, рискуешь замерзнуть на вершинѣ.

Старикъ-капитанъ — тоже знакомый мнѣ — сидѣлъ, молча, съ вѣчной своей трубкой у стола, устроеннаго изъ дверной доски на двухъ боченкахъ.

— Война, заговорилъ онъ, наконецъ, и всѣ остальные затихли, — это — постоянное возбужденіе жизненныхъ силъ. Ну, рѣзня тамъ, переходы, почевки въ полѣ, все это, конечно... Но, главное, тутъ человѣческія чувства обнажены, такъ сказать, вотъ что важно — состраданіе, страхъ и любовь, храбрость, слава, все это такъ и вертится, такъ вотъ и перебирается. Война заставляетъ жить быстро. Ну, мы, поэтому, а, можетъ, вовсе не поэтому — выпьемъ за славу и здоровье!.. И онъ опрокинулъ сразу громадный стаканъ водки.

— Ура! подхватили всѣ.

Откуда-то изъ угла появился совѣтъ молоденькій офицеръ. Онъ тамъ, примостясь, писалъ письмо.

— Вѣрно, дамъ сердца? спросилъ его, улыбаясь, доброволецъ.

— Нѣтъ, это я писалъ... матери, тихо отвѣтилъ офицерикъ, какъ-будто конфузясь своихъ словъ.

За ужинкомъ все время стоялъ смѣхъ: — шутили съ нячмыъ поваромъ Николаемъ; старый капитанъ разсказывалъ про чьи-то любовныя похождения; наконецъ, мы улеглись всѣ на солому и закутались въ походныя шинели. Стихло все кругомъ, только лошади около насъ мирно жевали сѣно. Въ маленькое оконце пробирался блѣдный свѣтъ взошедшей луны.

— Спокойной ночи! сказалъ намъ капитанъ, и мы повторили ему, засыпая:

— Спокойной ночи... спокойной ночи!..

Наступила зима. Въ полубубкѣ и башлыкѣ пробирался я за фургономъ черезъ Балканскія горы. Лошади едва подымались по кругой и узкой дорогѣ. Кругомъ лежалъ свѣтъ, мѣстами разметаанный вѣтромъ. Стояла суровая, холодная ночь. Тучи бѣжали по небу. Стужа пробирала, несмотря на ходьбу и полубубокъ. По дорогѣ часто попадались сломанные повозки, дышла, колеса, оружіе, обрывки одежды, лошадиныя кости... Кости эти особенно неприятно видѣлись изъ подъ-свѣга. Вдругъ я увидѣлъ группу людей, сидѣвшихъ въ свѣгу у самаго обрыва. Мы остановились

— Кто тутъ? крикнулъ я.

Никто не отвѣтилъ. Только вѣтеръ шумѣлъ въ сосновыхъ вѣтвяхъ

— Кто тутъ? крикнулъ по-турецки нашъ проводникъ-болгаринъ

И снова никто не отвѣтилъ. Мы подошли ближе къ обрыву, и луна, выглянувъ ясьѣе изъ-за тучи, освѣтила свѣтъ и сидѣвшихъ людей. Четыре офицера и нѣсколько солдатъ сидѣли другъ противъ друга, на половину занесенные свѣгомъ, въ застывшихъ, неподвижныхъ позахъ, съ пошнѣвшими лицами. Въ зубахъ у одного была стиснута трубка, другой былъ безъ шапки. На лицахъ всѣхъ лежала холодная торжественность.

Мы обнажили головы.

Когда тронулись въ путь, мнѣ невольно и долго еще чудилось, что тотъ, съ трубкой въ зубахъ, говоритъ своимъ спутникамъ: „спокойной ночи“, и вѣтеръ, завывая межъ утесовъ и осеней, повторяетъ надъ ними: „спокойной ночи... спокойной ночи“...

Къ рисункамъ.

Князю Андрею Иоанновичу Большому бояре сбъясляютъ гнѣвъ великаго князя.

(Рис. на стр. 1017).

Иоаннъ IV Васильевичъ, вносльдствіи получившій названіе Грознаго, вступилъ на великокняжескій престолъ въ малолѣтствѣ. Безпомощный младенецъ былъ отданъ подъ опеку молодой его матери, княжны Елены (Глинской) и всего сонма бояръ московскихъ, изъ которыхъ въ ту пору особенно выдвигался любимецъ княгини Елены, бояринъ Иванъ Ѳеодоровичъ Овчина-Телешневъ-Оболенскій, храбрый воинъ и весьма ловкій дипломатъ. Однимъ изъ весьма тягостныхъ условий современнаго положенія Москвы было то, что при малолѣтствѣ великаго князя, при постоянной борьбѣ дворянскихъ партій въ столицѣ, внѣ Москвы существовали еще два княжескіе двора, въ удѣлахъ дядей государевыхъ—Юрія Иоанновича, князя Дмитровскаго, и Андрея Иоанновича, князя Старицкаго. Между дворомъ великокняжескимъ и дворами князей Юрія и Андрея существовали постоянныя сношенія и постоянное взаимное поддлыдыванье и подслушыванье, которое способствовало распространенію различныхъ слуховъ и преувеличенныхъ слуховъ, и нерѣдко приводило къ столкновеніямъ и ко взаимнымъ обясненіямъ довольно непріятнаго свойства. Изъ двоихъ дядей малолѣтняго князя Иоанна, Юрій велъ себя очень неосторожно, вскорѣ подаль поводъ къ обвиненію его въ измѣнѣ, былъ схваченъ, и, если вѣрнѣе нѣкоторымъ современнымъ свидѣтельствамъ, „заморенъ голодомъ“ въ темницѣ. Князь Андрей Старицкій былъ осторожнѣе брата, и потому довольно искусно поддерживалъ свои связи съ Москвою; но крутой способъ дѣйствій по отношенію къ его брату возбудилъ въ немъ опасенія, которыя вынуждали его смотрѣть подозрительно на всѣ мѣропріятія Московскаго двора. Такъ, напримѣръ, когда правительница пожелала, чтобы онъ прѣѣхалъ въ Москву для участія въ весьма важныхъ общихъ совѣщаніяхъ по дѣламъ Казанскимъ, князь Андрей отказался прѣѣхать подъ предлогомъ болѣзни. Этотъ предлогъ, въ свою очередь, возбудилъ противъ князя подозрѣніе въ Москвѣ: правительница послала доктора, освидѣтельствовать больного князя, а когда тотъ донесъ, что болѣзнъ у него неопасная—княгиня Елена потребовала, чтобы онъ явился, во что бы то ни стало. На такое требованіе князь Андрей отвѣчалъ, что „пастари не водилось, чтобы князей на Москву на носилкахъ волочили“—и не поѣхалъ. Тогда ужъ въ Москвѣ стали рѣшительно толковать о томъ, что князь Андрей собирается измѣнить великому князю-племяннику и думать събѣжать въ Литву. Въ Москвѣ было рѣшено, на всякій случай, загородить путь князю въ Литву ратью, которую выставили къ Вышнему Волочку. Эту мѣру предосторожности князь Андрей истолковалъ весьма естественно, какъ угрозу его личной безопасности—и рѣшился сѣзжать не въ Литву, а въ область Новгородскую, гдѣ надѣялся найти себѣ помощь противъ Московскаго насилія. 2-го мая 1537 г. онъ выѣхалъ изъ Старицы, собравъ на-скоро войско, къ которому прѣстали кое-какіе новгородскіе служилые люди. За княземъ погналось сильное войско московское, подъ предводительствомъ самаго князя Ивана Ѳеодоровича Овчины-Телешнева-Оболенскаго. Войска сошлись, но битвы не произошло. Князь Андрей вступилъ въ переговоры, и Оболенскій, во избѣжаніе кровопролитія, далъ ему клятву въ томъ, что, если онъ покорится добровольно, на него не только не будетъ наложена опала, но даже еще будутъ ему приданы новыя вотчины. Когда князь Андрей, едавнѣе на эти обѣщанія и клятвы, прѣѣхалъ въ Москву, Елена сдѣлала видъ, будто весьма недовольна своимъ любимцемъ, выговаривала ему при боярахъ, что онъ далъ клятву, „не обосовнишь съ нею“—и приказала объявить князю Андрею гнѣвъ великаго князя. Явившися къ князю Андрею бояре великаго князя объявили ему, что отнынѣ онъ—плѣнникъ Московскаго великаго князя, и изъ дворца перевели его въ темницу, въ которой онъ прожилъ не болѣе полугода. Его бояре и сторонники были подвергнуты жестокимъ пыткамъ и казнямъ.

Принцесса Александра Уэльская.

(Портр. на стр. 1021).

„Три красавицы, избѣжныя розы Даніа“—такъ народная молва называетъ трехъ дочерей Августѣйшей Датской четы, короля Христіана IX и королевы Луизы. Старшая изъ нихъ, принцесса Александра-Каролина-Марія-Шарлотта-Луиза-Юлія родилась въ Копенгагенѣ 19-го ноября 1844 года и сочеталась бракомъ (въ Виндзорѣ) 26-го февраля 1863 г. съ наслѣдникомъ престола Великобританскаго, Альбертомъ-Эдуардомъ, принцемъ Уэльскимъ.

Принцесса Александра приходится старшею сестрою Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Младшая изъ трехъ сестеръ, принцесса Тира—Амелія-Каролина-Шарлотта-Анна, замужемъ за Эрнстомъ-Августомъ, герцогомъ Кумберлендскимъ.

Глядя на классически прекрасныя черты супруги наслѣд-

ника англійскаго престола, до сего времени не угратившей своей удивительной красоты и привлекательности, трудно представить себѣ, что принцесса Уэльская давно уже стала бабкою. Но въ дѣйствительности это такъ; и у самой красивой Лэди соединеннаго королевства есть внуки—дѣти ея старшей дочери Луизы и супруга ея, Александра-Георга, герцога Файфа, бракосочетаніе которыхъ было торжественно отпраздновано въ Англии 15-го іюля 1889 года. Тѣмъ не менѣе принцесса Александра до сего времени является первою красавицею Англии, на которую съ любовью устремлены глаза ея будущиыхъ подданныхъ. Замѣчательная хозяйка и пріимрная супруга, она тридцать уже лѣтъ является средоточіемъ всего лучшаго и высшаго въ Англии. Не бываесть ни одного праздника или сколько-нибудь замѣчательнаго торжества, гдѣ-бы достойная супруга принца Уэльскаго не являлась первою гостею.

Помѣщаемый нами портретъ принцессы Уэльской представляетъ копію въ гравюрѣ съ сдѣланнаго недавно пастелью (сухія краски) портрета принцессы.

Данте въ изгнаніи. (Рис. на стр. 1024).

Величайшій поэтъ Італіи, Данте Алигьери, подобно всѣмъ гениальнымъ людямъ, пережилъ въ своей жизни не мало бѣдъ и несчастій, нужды и разочарованій. Родился Данте въ маѣ 1265 г., во Флоренціи, въ почтенной семьѣ; учился въ Болоньѣ и Падуѣ, готовясь посвятить себя государственной дѣятельности, и въ это время, пылкой юноша принималъ участіе въ извѣстной борьбѣ Гвельфовъ и Гиббеллиновъ, при чемъ его родина, Флоренція, была на сторонѣ первыхъ. Въ 1290 году онъ даже участвовалъ въ походѣ подъ начальствомъ Подесты Новелло да Поленга, затѣмъ ѣздилъ не разъ посломъ и, достигнувъ 35 лѣтъ, былъ избранъ въ пріоры флорентійской республики. Въ ней также борьба партій раздѣляла благополучіе государства, и изъ-за власти спорили „бѣлые“, расположенные отчасти къ Гиббеллинамъ, и „черные“, сторонники Гвельфовъ. Чтобы положить конецъ вѣчнымъ раздорамъ этихъ партій, Данте настоялъ предъ сенатомъ, чтобы вожаки обѣихъ партій были изгнаны изъ Флоренціи. Это положило начало несчастіямъ Данте, и, когда въ 1301 году во Флоренціи взяли перевѣсъ „черные“, ненавистный Данте былъ изгнанъ, имѣнія его конфискованы и домъ отданъ на разграбленіе черни. Данте удалился сначала въ Ареццо, откуда онъ съ другими изгнанниками домогался возвращенія на родину. Когда ихъ просьбы остались втуне, изгнанники сплотились и сплюю задумали въ 1304 г. возвратитъ себя къ власти. Попытка окончилась неудачею, и Данте, заподозрѣнный въ руководствѣ заговора, былъ объявленъ врагомъ отечества. Съ этого времени началась скитальческая жизнь поэта, слава котораго уже вѣяла надъ Італіей. Падуя, Генуя, Верона, Парижъ, Миланъ, Пиза, поочередно принимали творца „Божественной комедіи“ въ своихъ стѣнахъ. Между тѣмъ, моровая язва, свирѣпствовавшая во Флоренціи, похитила у Данте его жену и двухъ сыновей, и несчастный поэтъ, вѣдѣвъ со своими двумя сыновьями, дочерью Беатриче, искалъ гостепрѣимства у князя Равеннскаго Гвидо Новелло да Поленга. Тамъ онъ окончилъ третью часть своей „Комедіи“, и за чтеніемъ ея прозаическѣ Данте художникомъ на нашей гравюрѣ. Умеръ Алигьери въ 1321 году въ томъ же городѣ, и его безсмертныя творенія давно заслужили въ Італіи поэту прозваніе „божественнаго“.

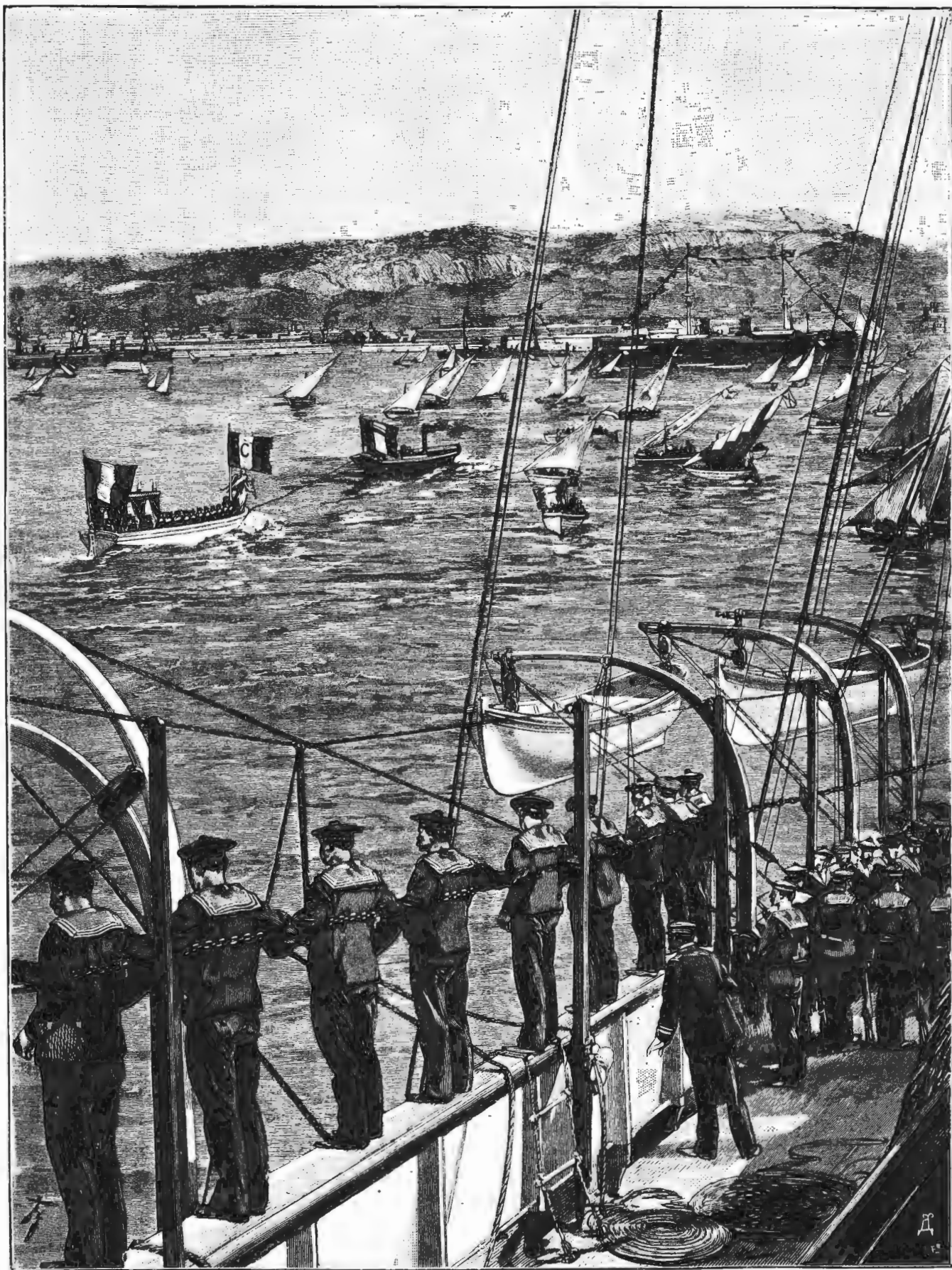
„Муму“. (Рис. на стр. 1025).

Нельзя пересказать въ нѣсколькихъ строкахъ трогательный разсказъ незабвеннаго И. С. Тургенева о беззащитной привязанности глухо-нѣмого дворника Герасима къ своей „Муму“. Да этого и не нужно, такъ какъ, кто разъ читалъ про „Муму“, у того навсегда въ памяти сцена потопленія собаки, которая послужила темой для нашего художника. Говорятъ, что канвой для разсказа послужило истинное происшествіе, и этому хочется вѣрить, такъ жизнененъ и правдивъ разсказъ про „Муму“.

Сцена, когда Герасимъ, котораго заставили утопить собаку, единственное существо, которое любилъ онъ, и которое любило его—производитъ потрясающее впечатлѣніе:—

Герасимъ везетъ на лодѣ топить свою „Муму“...

„Онъ бросилъ весла, приникъ головою къ Муму, которая сидѣла передъ нимъ на сухой перекладникѣ—дно было залито водой—и остался неподвижнымъ, скрестивъ могучія руки у ней на спинѣ, между тѣмъ какъ лодку волной помаленьку относило назадъ къ городу. Наконецъ, Герасимъ выпрямился, поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятыя имъ кирпичи, придѣлалъ петлю, надѣлъ ее на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкой, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее... Она доврѣчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка махала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки... Герасимъ ничего не слышалъ, ни быстро визга падающей Муму, ни тяжелая всплеска воды; для него самый шумный день былъ беззвученъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для

Франко-русскія празднества. Осмотръ русской эскадры президентомъ Карно въ Тулонѣ. По рис. въ III.

нась, и когда онъ снова раскрылъ глаза, попрежнему, сифшили по рѣкѣ, какъ бы гонясь другъ за дружкой, маленькія волны, попрежнему, полескивали онѣ о бока лодки, и только далеко позади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги...“

Франко-русскія празднества. Осмотръ русской эскадры президентомъ Карно въ Тулонѣ.

(Рис. на стр. 1029).

15 октября, при свѣтлой, ясной погодѣ состоялся президентскій осмотръ нашей эскадры. Съ самаго утра готовились наши суда къ этому смотру. Черногрудые, бѣлые и сѣрые корабли французской и русской эскадры, расцвѣченные сотнями и сотнями флаговъ по штангамъ отъ носа, отъ одной до другой мачты и затѣмъ до кормы, представляли изъ себя разноцвѣтную и весело шестистящую на синемъ воздухѣ лозаную линію трапеціи. Сотни яликовъ, зеленыхъ съ оранжевыми парусами, красныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, черныхъ, съ русскими и французскими знаменами, десятки пароходовъ, катеры, шлюпки, — нагруженные людьми такъ, что, по словамъ очевидца, страшно становилось за нихъ, казалось, вотъ-вотъ они столкнутся, или прямо пойдутъ ко дну, — бороздили воду, торопясь занять мѣсто на линіи профуда президента. Вдали горды, сжатый желтой лентой между волнистой линіей сѣрыхъ горъ, кое-гдѣ покрытыхъ зеленью и пазурными моремъ, — весело мелькалъ, шестясь тучами своихъ флаговъ.

Вдругъ сигнальный доложилъ, что у выхода изъ арсенала показалась президентская лодка. Вмигъ на „Николай“ поднимается огромное национальное французское знамя, и раздается оглушительная пушечная пальба, которой вторятъ съ „Formidable“. Бѣлая гребная лодка президента съ большой аллегорической золотой фигурой на носу, съ навѣсомъ изъ малиноваго бархата съ золотыми кистями на кормѣ, быстро подвигается впередъ при громѣ пушечной пальбы, предшествуемая маленькимъ пароходомъ, расчищающимъ дорогу, и сопровождаемая нѣсколькими другими лодками, гдѣ находятся разныя власти и члены правительства.

Когда лодка приблизилась, адмиралъ Авеланъ сдѣлалъ визитъ президенту республики, послѣ чего президентская лодка, пройдя мимо „Николая“, гдѣ на верхней палубѣ стояли: нашъ посоль, адмиралъ, посольскіе аташе, генералъ Фредериксъ и штабъ адмирала, отдавая честь г. Карно, обогнула „Герцег“, „Нахпмова“ и вернулась къ правому трану „Николая“, гдѣ г. Карно встрѣтилъ внизу адмирала. Наверху первыми привѣтствовали президента нашъ посоль. Послѣ представленія офицеровъ, г. Карно, въ сопровожденіи адмирала и его свиты, и членовъ правительства (не военные министры прибыли съ лѣваго трана и вошли на корабль одновременно съ г. Карно) отправились осматривать корабль. При этомъ команда, выстроившись во фронтъ, привѣтствовала г. Карно крикомъ: „здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!“ И это привѣтствіе, переведенное нѣсколькими французамъ, привѣтствовавшимъ на кораблѣ при этомъ посѣщеніи Карно, привело ихъ въ восторгъ своею оригинальностью. Все журналисты пожелали записать это привѣтствіе по-русски французскими буквами.

Маршалъ Макъ-Магонъ. (Портр. на стр. 1032).

5 октября с. г., умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ гражданъ Франціи, бывший президентъ Французской республики, маршалъ Макъ-Магонъ, герцога Маджентскій. Маршалъ Макъ-Магонъ родился въ Сюлли, близъ Огана, 13 июля 1808 г. Съ дѣтства преданный военной службѣ, онъ сейчасъ же по окончаніи курса въ Севъ-Сирской военной школѣ, въ 1830 г., оку-

нулся въ пороховой дымъ. Славная его дѣятельность представляетъ рядъ пумительныхъ боевыхъ подвиговъ и обнаруживаетъ выдающіеся его стратегическія способности. Перебывавъ командиромъ выдающихся полковъ, принимая участіе въ серьезныхъ кампаніяхъ на европейскихъ и африканскихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, онъ обезсмертилъ себя въ военной исторіи. Въ итальянскую войну, 4 июня 1859 г., онъ отличился въ сраженіи при Маджентѣ, въ которомъ разбилъ на голову австрийскую армію. За это ему были пожалованы императоромъ Наполеономъ III званіе маршала и титулъ герцога Маджентскаго. Онъ принималъ дѣятельное участіе и во франко-прусской войнѣ 1870 г. Несмотря на его храбрость и геройство, онъ, въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ, тяжело раненый осколкомъ гранаты, былъ взятъ въ плѣнъ со всей своей арміей. Въ 1873 г., послѣ выхода въ отставку Тьера, въ президенты республики избранъ былъ Макъ-Магонъ. Но въ силу разногласія съ политическими партиями и тиготѣи его къ крайней правой, онъ вынужденъ былъ 30 января 1879 г. подать въ отставку, которая была принята сенатомъ и палатой депутатовъ. Мѣсто его занялъ покойный Гриви, предшественникъ нынѣшняго президента Карно. Послѣ этого онъ совершенно сошелъ съ политической сцены, и скромно, забытый, доживалъ свои дни въ кругу близкихъ друзей, поминившихъ его боевыя и административныя заслуги. Только смерть его заставила Францію опомниться, и нынѣшними, торжественными похоронами Макъ-Магона, погребеннаго въ Домѣ Инвалидовъ, она постаралась загладить свое несправедливое отношеніе къ заслуженному ей воину, славному гражданину и истому рыцарю „безъ страха и упрека“.

А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

(Портр. на стр. 1032).

Тридцать лѣтъ тому назадъ въ октябрьской книжкѣ „Современника“ появилось нѣсколько стихотвореній, подписанныхъ „А. Михайловъ“; подъ этимъ псевдонимомъ скрывалось имя начинавшаго автора, скоро приобрувшаго себѣ извѣстность.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ родился 30-го іюля 1838 года. Его отецъ, родомъ эстонецъ изъ Аренсбурга, еще мальчикомъ поналъ въ Петербургъ, поступилъ въ театральное училище и, по выходѣ изъ него, сдѣлался камеръ-музыкантомъ при Императорскихъ театрахъ. Начальное образованіе А. К. Шеллеръ получилъ въ Петербургѣ въ Анненской школѣ, откуда поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій университетъ. Еще студентомъ ему удалось побывать за границей, гдѣ впоследствии онъ бывалъ неоднократно. Послѣ университета почти вся дѣятельность А. К. Шеллера сосредоточивается на литературѣ: онъ никогда нигдѣ не служилъ, ни на казенной, ни на общественной службѣ, посвятить все свое время и всѣ свои силы литературнымъ и научнымъ трудамъ. Первымъ крупнымъ произведеніемъ писателя былъ романъ „Гнилая Болота“, напечатанный въ „Современникѣ“ въ 1864 году.

Многіе романы А. К. Шеллера переведены на французскій, нѣмецкій, польскій, англійскій и другіе иностранные языки и изданы во всѣхъ странахъ Европы и даже въ Америкѣ.

Романами, однако, не исчерпываются литературныя произведенія А. К. Шеллера: его перу принадлежатъ много стихотвореній, подписанныхъ псевдонимами: А. Михайловъ, Б. Левинъ, А. Комаровъ. Не мало поработалъ А. К. Шеллеръ и надъ серьезными работами, преимущественно по социальнымъ и педагогическимъ вопросамъ.

Въ своей частной жизни А. К. доступенъ, ласковъ, добръ, очень постояненъ въ своихъ привязанностяхъ, снисходителенъ къ своимъ недругамъ, готовый и имъ оказать посильную услугу.

Л. И. Чайковскій.

Вслѣдъ за Гуно отошелъ въ вѣчность нашъ великій Чайковскій. Но наша потеря гораздо значительнѣе и больнѣе. Гуно — безусловно французскій композиторъ; восторгаясь его произведеніями, мы не можемъ, однако, позабыть, что они достояніе французской національности, тогда какъ произведенія незабвеннаго Чайковскаго принадлежатъ всему человечеству; это былъ художникъ, одинаково всѣмъ дорогой; его пѣсни находятъ откликъ въ сердцѣ всякой національности. Онъ не менѣе любимъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ, чѣмъ въ Россіи, и при всемъ томъ онъ русскій композиторъ. Россія въ немъ потеряла одного изъ самыхъ даровитыхъ своихъ дѣятелей, и потеря эта будетъ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ дальше мы отойдемъ отъ момента его смерти, — момента, поразившаго не только всѣхъ, принадлежащихъ къ музыкальному міру, но и, вообще, всѣхъ, кому дорого родное искусство. Такие художники, какъ Петръ Ильичъ Чайковскій, рождаются вѣками, — это вѣщанники музъ, ихъ любимцы!..

Для усненія значенія Чайковскаго въ музыкальной литературѣ, — для указанія его роли въ нашемъ искусствѣ, — собственно говоря, теперь еще не настало время; это дѣло будущихъ историковъ музыки. Характеристика его дѣятельности на поприщѣ оперной, симфонической и концертной музыки не можетъ быть сдѣлана на сѣбѣ, подъ свѣжимъ еще впе-

чатлѣвнѣмъ его смерти. Къ болѣе подробной оцѣнкѣ этой дѣятельности мы, вѣроятно, вскорѣй вернемся; теперь же время — поговорить о личности Петра Ильича, о крупнѣйшихъ фактахъ изъ его жизни, такъ или иначе вліявшихъ на развитіе его обширнаго таланта, и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ выросъ и окрепъ этотъ талантъ. Петръ Ильичъ принадлежалъ къ извѣстной фамиліи; отецъ его занималъ важный постъ окружнаго горнаго инспектора на Уралѣ, а впоследствии былъ директоромъ Петербургскаго технологическаго института; онъ далъ своимъ дѣтямъ образованіе, сообразно своему положенію и средствамъ; въ общій кругъ образованія ребенка-Чайковскаго входила и игра на роялѣ.

Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ училище Правовѣднія, откуда открывается широкая служебная дорога; отсюда не трудно заключить, что въ расчеты отца Чайковскаго вовсе не входило сдѣлать изъ сына артиста. Но обстоятельства сами складывались въ пользу будущаго композитора. Понечигель училища, Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, большой любитель и знатокъ музыки, особенно поощрялъ воспитанниковъ къ музыкальнымъ занятіямъ; устраивались вечера, на которыхъ воспитанниками разыгрывались классическія произведенія музыкальной литературы. Такимъ образомъ, Чайковскій, въ теченіе

своей школьной жизни, не только знакомился съ лучшими образцами страстно-любимой имъ ужъ тогда музыки, но и нашелъ поощреніе въ своихъ симпатіяхъ къ міру звуковъ. Есть основаніе предполагать, что онъ даже самъ принималъ участіе въ ученическихъ вечерахъ, такъ какъ онъ уже поридочно игралъ при вступленіи въ школу, а также, быть-можетъ, и пробовалъ свое перо въ композиціи.

Что это предположеніе не совсѣмъ безосновательно, можетъ доказать тотъ фактъ, что по выходѣ изъ школы на девятнадцатомъ году жизни (родился П. И. въ 1840 г., 25-го апрѣля, а окончилъ училище Правовѣдній въ 1859 г.), несмотря на блестящую служебную карьеру, которую онъ могъ бы сдѣлать въ ту пору, когда такъ нуждались въ юристахъ, онъ, хотя и поступилъ на службу по министерству Юстиціи (должно-быть, въ угоду родителямъ), но одновременно съ этимъ посѣщалъ музыкальные классы, открывшіеся, по инициативѣ А. Г. Рубинштейна, при только что образовавшемся Русскомъ музыкальномъ обществѣ. Этого мало. Какъ только открылась Петербургская консерваторія, П. И. бросилъ службу и тотчасъ же поступилъ туда, поощряемый директоромъ ея, А. Г. Рубинштейномъ, горячо любившимъ всю жизнь своего талантливаго ученика, котораго онъ всегда называлъ „дитятею своего сердца“.

А. Г. Рубинштейнъ игралъ большую роль въ музыкальномъ образованіи Петра Ильича; но не меньшую роль въ судьбѣ Чайковскаго игралъ и братъ А. Г., Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, пригласившій Чайковскаго профессоромъ Московской консерваторіи тотчасъ по окончаніи имъ курса въ Петербургѣ, въ 1865 г., однимъ изъ первыхъ учениковъ и по времени существованія нашей консерваторіи, и по успѣхамъ (П. И. получилъ большую медаль за ученическое сочиненіе — кантату, исполненную на актѣ). Благотворное вліяніе Ник. Григ. на талантъ нашего безавбвеннаго композитора заключалось въ томъ, что онъ, стоя во главѣ художественныхъ задачъ московскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества, часто включалъ въ программы симфоническихъ и квартетныхъ собраний этого общества произведенія Чайковскаго и, такимъ образомъ, знакомилъ публику съ его талантомъ. Это для молодого тогда композитора было чрезвычайно важно; онъ зналъ, что его произведенія не будутъ лежать на полкахъ музыкальныхъ магазиновъ.

Изъ сказаннаго вытекаютъ двѣ отрасли дѣятельности Петра Ильича: педагогическая и композиторская; къ нимъ одно короткое время прибавлялась третья, — журнальная (онъ пробовалъ писать рецензіи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“); но отъ послѣдней онъ вскорѣ отказался, находя неудобнымъ самому творить и писать о другихъ. Что же касается его педагогической дѣятельности, то нужно сказать, что и она тяготила его; но она была единственнымъ источникомъ его существованія, пока онъ не приобрѣлъ еще себѣ громкаго имени и извѣстнаго обезпеченнаго матеріальнаго положенія (за изданія его сочиненій, авторскій гонораръ за исполняемые произведенія и пр.), онъ, конечно, не бросилъ ее и относился къ ней весьма добросовѣтно, оставивъ два учебника, — одинъ гармоніи, принятый, какъ руководство, въ Московской консерваторіи, а другой, названный имъ: „Краткій учебникъ гармоніи, приспособленный къ чтенію духовно-музыкальныхъ сочиненій въ Россіи“.

Только съ 1879 года Чайковскій могъ выполнить завѣтную свою мечту, т. е. предаться исключительно творчеству, потому что къ этому времени онъ уже имѣлъ и громкое реноме въ качествѣ выдающагося композитора, и болѣе или менѣе обезпеченныя средства, такъ какъ представитель падающей музыкальной фирмы въ Москвѣ П. Юргенсонъ приобрѣлъ у него право изданія его сочиненій. Съ этого именно времени и начинается разнообразная и плодотворная его композиторская дѣятельность; онъ пишетъ во всѣхъ жанрахъ; нѣтъ такой области письма, которую Чайковскій не обогатилъ бы вдохновенными произведеніями. Оперы, балеты, симфоніи, музыкальныя картины, фантазіи, камерная музыка во всѣхъ ея видахъ (квартеты, трио и пр.), концерты для оркестра, для фортепіано съ оркестромъ, для скрипки съ оркестромъ, кантаты, хоры, около ста романсовъ, столько же, если не болѣе, вещей для одного фортепіано, церковная музыка („Литургія Св. Іоанна Златоуста“, „Всенощное бдѣніе“, духовные концерты), народныя пѣсни. Словомъ, Чайковскій проявилъ свой разносторонній и гибкій талантъ повсюду.

Всѣхъ оперъ у него одиннадцать, если считать не увидав-

шую свѣта „Ундину“. Дебютировавъ и неудачно „Воеводой“ (опера впоследствии уничтожена авторомъ; оставлены лишь увертюра и пляски сѣвнскихъ дѣвушекъ), онъ далъ слѣдующій рядъ оперъ: „Сифгурочка“, музыка къ весенней сказкѣ Островскаго того же названія (написана по образцу „Манфреда“, Шумана), „Опричникъ“ (составилъ имя автору; подучилъ премію въ 300 р.), „Кузнецъ-Вакула“ (премія въ 1,000 р.), „Орлеанская дѣва“, „Евгеній Онѣгинъ“ (поставленъ послѣ „Орл. Дѣвы“), „Мазепа“, „Чародѣйка“, „Пиковая дама“ и „Лоланта“. Сюда же слѣдуетъ причислить три балета: „Лебединое озеро“ (совершенно неизвѣстны Петербургу), „Спящая красавица“ и „Щелкунчикъ“. Самыя популярныя изъ сценическихъ его произведеній — „Евгеній Онѣгинъ“, „Пиковая дама“ и „Спящая красавица“.

Послѣднею лебединою его пѣсней была шестая симфонія, исполненная подъ его управленіемъ въ первомъ симфоническомъ собраніи (16-го октября); ее могли оцѣнить только слушатели этого вечера; остальные же пять, и, въ особенности, между ними „Манфредъ“, обошли весь музыкальный міръ. Трудно себѣ представить какую-нибудь программу концерта безъ имени Чайковскаго; но иногда вдохновенія Чайковскій достигаетъ въ симфонической музыкѣ, и въ особенности въ камерной, гдѣ талантъ его былъ представленъ самому себѣ и не былъ ограниченъ никакими рамками въ видѣ программы, текста, сценическихъ условій, мѣстнаго колорита; здѣсь нашъ композиторъ достигаетъ полета Глинка, Шопена, въ лучшіе ихъ моменты творчества. Впрочемъ, къ чему бы мы ни обратились, къ романсамъ-ли или къ концерту для какого-нибудь спеціальнаго инструмента; къ церковной музыкѣ или симфоніи, — вездѣ звучитъ лирическая струна, столь свойственная таланту Чайковскаго, такъ много одареннаго мелодическимъ даромъ и чуткой поэтической душой. Его пѣсни всѣхъ трогаютъ; специалисты же будутъ поражены его техникой, его мастерскимъ умѣньемъ распорядиться оркестровыми силами, его глубокимъ знаніемъ теоріи письма, его основательнымъ изученіемъ характеровъ всѣхъ инструментовъ, его знакомствомъ съ музыкальной литературой.

И умеръ онъ, едва достигши 53 лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ и таланта, такъ неожиданно, такъ безвременно; но завѣщанное имъ потомству составляетъ гордость и славу русской музыки; мѣсто его рядомъ съ Глинкой.

Хоронили П. И. Чайковскаго 28 октября. Развѣ только Тургенева и Достоевскаго сопровождала такая многоядная толпа народа. Здѣсь были депутаціи отъ всѣхъ музыкальныхъ обществъ, отъ всѣхъ артистическихъ кружковъ, отъ всѣхъ учебныхъ обществъ; дирекція Императорскихъ театровъ присутствовала въ полномъ составѣ; тутъ были представители отъ всѣхъ труппъ казенныхъ и частныхъ театровъ. Какъ въ Казанскій соборъ, гдѣ происходило отиваніе при участіи хора русской оперы, такъ и въ Александро-Невскую лавру, гдѣ Чайковскій похороненъ рядомъ со своими собратьями по искусству, — Глинкой, Бородинымъ и Мусоргскимъ, — публика могла входить только по билетамъ, выдававшимся наканунѣ въ конторѣ Императорскихъ театровъ извѣстными артистами оперной труппы. Вѣнковъ, присланный на могилу знаменитаго композитора отъ разныхъ учрежденій и лицъ, насчитываютъ свыше ста, съ самыми разнообразными надписями и выраженіями грусти о преждевременной потерѣ. Вѣнки присланы отовсюду; однихъ серебряныхъ вѣнковъ пятнадцать.

На крышкѣ гроба въ Казанскомъ соборѣ былъ возложенъ роскошный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, присланный Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицей. Изъ другихъ вѣнковъ особенное вниманіе обращалъ на себя вѣнокъ, присланный Ихъ Императорскими Высочествами Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ и Великой Княгиней Маріей Павловной. Къ половинѣ двѣнадцатаго прибыли въ соборъ Августѣйшій президентъ Императорской Академіи Наукъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ и вскорѣ за нимъ Его Выс. Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Къ прибытію тѣла въ соборъ здѣсь собрались: г. министръ Императорскаго Двора, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, оберъ-шталмейстеръ графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ, членъ Государственнаго Совета д. т. с. П. И. Стопниковскій, представители города, литераторы, художники, артисты и др. На могилѣ было произнесено нѣсколько рѣчей и прочитаны стихотворенія.

В. Басинъ.

Политическое обозрѣніе.

Франко-русскія событія не остались безъ послѣдствій. Въ англійской прессѣ высказываются мнѣнія, отъ которыхъ у насъ давно отвыкли, и которыя свидѣтельствуютъ о склонности общаго настроенія въ пользу русскихъ. Конечно, подобное явленіе не можетъ править тройственному союзу, особенно Италіи, которую подраживаютъ изъ Берлина и Вѣны, говоря, что до Германіи и Австріи нисколько не относится событія, происходящія въ Средиземномъ морѣ, и они могутъ лишь относиться до Англии и Италіи. Этимъ отчасти и объясняется

письмо изъ Рима въ *Times*, въ которомъ сообщается вѣское слово вполнѣ авторитетнаго лица относительно общей программы вѣншней политики Италіи: „Главная цѣль Италіи — неизмѣнное согласіе съ Англійей, что, конечно, равносильно союзу, въ виду особаго политическаго строя этой державы, не допускающаго англійское правительство заключать съ кѣмъ бы то ни было исьменные союзные договоры. Вся политика Италіи, насколько она даже обуславливается присоединеніемъ ея къ тройственному союзу, подчиняется прежде всего неиз-

мѣнному согласію съ Англійей. Вопреки сообщеніямъ *Hamburger Nachrichten*, можно считать достовернымъ, что итальянское правительство не обращалось къ Россіи съ просьбой обязать ему свое посредничество въ извѣстныхъ случаяхъ; хотя Италия дѣйствительно не питаетъ никакого антагонизма противъ Россіи, однако, она будетъ поддерживать Англійю во всѣхъ политическихъ дѣлахъ и вопросахъ въ Средиземномъ морѣ. Будь англо-итальянское соглашеніе скрѣплено формальнымъ союзнымъ договоромъ, то Италия, въ случаѣ, еслибъ Англійя того пожелала, вышла бы изъ состава тройственного союза по истеченіи его срока въ 1903 г.; но Италия извѣстно, что Англійя этого вовсе не желаетъ.

Министерство Таафе переживаетъ кризисъ. 23-го октября въ Буда-Пештѣ князь Виндингрецъ былъ принятъ императоромъ въ аудиенціи и принялъ на себя сформированіе коалиціоннаго министерства. Но несогласія партій при раздѣлѣ портфелей затягивали дѣло, и министерство до сего времени еще не образовалось.

Въ Берлинѣ говорятъ, что императоръ, послылавъ недавно графу Каприви свой портретъ, написалъ каприви письмо, въ которомъ выражается такъ: „Почитаю своимъ долгомъ явить вамъ новое доказательство моего довѣрія въ виду несправедливыхъ нападокъ, которымъ вы съ нѣкоторыхъ поръ подвергаетесь“.

Въ Христианинѣ, 23 октября, на обѣдѣ въ замкѣ, по случаю восьмидесятилѣтней годовщины униі, король произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что униі необходима для обезпеченія независимости и нейтралитета обоихъ государствъ, вслѣдствіе чего необходимъ и общій министръ иностранныхъ дѣлъ. Далѣе король выразилъ надежду, что на будущихъ выборахъ всѣ вѣрныя страны люди соединятся на защиту униі. Рѣчь была встречена съ почтительнымъ энтузіазмомъ.

Изъ Аонія сообщаютъ, что король въ рѣчи своей при открытіи сессіи палаты депутатовъ объявилъ, что обезпеченію парламента будутъ представлены финансовыя законопроекты для упорядоченія экономическаго положенія, между прочимъ конвенція относительно капитализаціи процентовъ нѣкоторыхъ займовъ.

Апелляціонный судъ въ Софій оправдалъ Нилью Георгіева, приговореннаго судомъ первой инстанціи, за участіе въ убійствѣ Бельчева, къ смертной казни, и приказавъ немедленно выпустить его изъ тюрьмы. Многие видятъ въ этомъ ослабленіе могущества Стамбулова.

Маршалъ Макъ-Магонъ.
По фотогр. грав. Шюблеръ.

Испанію постигли два ужасныя бѣдствія у Сантандера. Торговое судно „Cabo Muchicaco“, нагруженное керосиномъ, собралось выйти въ море, какъ вдругъ его взорвало на воздухъ. Взрывъ произвелъ въ портѣ и въ городѣ странное ошущеніе, и до сихъ поръ еще не приведены окончательно въ извѣстность ни число жертвъ, ни убытки. „Cabo Muchicaco“ стояло у набережной, въ самой оживленной части порта. О причинахъ происшедшаго на суднѣ пожара ничего точнаго пока не знаютъ, извѣстно только, что команда энергично боролась съ огнемъ до тѣхъ поръ, пока шкиперъ не рѣшился, наконецъ, увѣдомить власти о пожарѣ. Пожарныя и войска вызваны были по тревогѣ, губернаторъ и военныя власти тотчасъ пріѣхали на пожаръ. По сообщенію съ горѣвшимъ судномъ стоялъ пароходъ „Альфонсъ XII“, одинъ изъ лучшихъ пароходовъ заатлантической компаніи. Весь экипажъ этого парохода перешелъ, подъ предводительствомъ своего капитана, на „Cabo Muchicaco“ и съ удивительнымъ самоотверженіемъ помогалъ его командѣ. Послѣ полуторачасовыхъ успѣшнѣй удалось отстоять налуду, но тѣмъ временемъ огонь проникъ въ помѣщеніе, гдѣ хранились двадцать ящиковъ динамита, доставленныхъ на судно контрабандою. Произошелъ взрывъ. Борта судна разорвало какъ гранату и разомъ снесло все, что оказывало сопротивленіе страшному давленію воздуха и осколкамъ. Суда моментально лопались и тонули, дома обрушивались, набережная, наполненная любовными, покрывалась обезображенными трупами, рельсы желѣзной дороги, проходящей въ близкомъ разстояніи

отъ мѣста взрыва, были вырваны съ неизвѣстной силой и, разбросанныя по всѣмъ направленіямъ, увеличивали уже безъ того большое число жертвъ. Какъ разъ въ эту минуту входилъ въ вокзалъ пассажирскій поѣздъ. И поѣздъ постигла та же участь. Вагоны сброшены были съ рельсъ, опрокинуты, превращены въ щепки и много пассажировъ убито или изувѣчено. Плавающій керосинъ плавалъ по порту, угрожалъ судамъ, а отъ огненного дождя, посылавшагося на городъ, разомъ загорѣлось десять домовъ. Центральная телеграфная станція скрыта до основанія. Паника въ городѣ была неописанная. Губернаторъ пропалъ безъ вѣсти. Погибли тоже почти всѣ жандармы, капитанъ надъ портомъ, его адъютантъ, множество пожарныхъ. Всего, говорятъ, погибло до 600 человекъ.

Разныя извѣстія.

— Высочайше повелѣно состоящую нынѣ въ таможенномъ управленіи пограничную стражу выдѣлать изъ онаго въ отдѣльный корпусъ пограничной стражи и подчинить его министру Финансовъ съ присвоеніемъ послѣднему званія шефа пограничной стражи.

— 17 октября въ Москвѣ открылось новое благотворительное общество „Московский муравейникъ“, имѣющее цѣлью оказываніе временной помощи бѣднѣйшимъ жителямъ Москвы, преимущественно впавшимъ въ нужду по случаю внезапныхъ несчастій (пожара, болѣзни, смерти близкихъ, утраты мѣста, и т. д.).

— Въ Петербургѣ состоялось 22 октября открытіе общества вспоможенія, въ видѣ одновременныхъ соборій и пріисканія занятій, окончившимъ высшея женскія курсы.

— Департаментъ желѣзныхъ дорогъ издалъ циркуляръ, разъясняющій, что установленіе тарифа для учащихъ не лишаетъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній права проѣзда по военскому тарифу въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній оказывается для нихъ болѣе выгоднымъ.

— Рукавишкинскій пріютъ назначилъ 1 июля 1894 г. послѣднимъ

Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ) (по поводу 30-лѣтія его литературной дѣятельности).
Съ фот. Класень, грав. Шюблеръ.

срокомъ представленія сочиненій на объявленный имъ конкурсъ, на составленіе лучшихъ книгъ для чтенія въ исправительныхъ пріютахъ. Премія въ 1000, 450 и 200 руб.

— Для окончившихъ курсы Императорской Военно-Медицинской Академіи установленъ съ Высочайшаго утвержденія овалыиной золотой эмальированный жетонъ, увѣнчанный Императорскою короной, съ изображеніемъ чаши съ двумя обвивающимися около нея змѣями (эмблема медицины), звѣзды, проливающей свѣтъ (наука) и студенческаго погона, прикрѣпленнаго къ жетону на шарнирѣ.

— 15-го октября, въ Москвѣ, Императорское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи праздновало торжественнымъ засѣданіемъ 30-лѣтіе своего существованія. За это время обществомъ издано болѣе 80 томовъ трудовъ по различнымъ отраслямъ знанія, кромѣ 18 книжекъ „Этнографическаго Обозрѣнія“.

— Адмиралъ Авеланъ, во время своего восьмидневнаго пребыванія въ Парижѣ, получилъ 19000 писемъ; изъ нихъ 10,000 отъ лицъ женскаго пола. Четыре офицера занимались разборкой огромной корреспонденціи.

СОДЕРЖАНІЕ: Мечеть Сулейманіе въ Стамбулѣ (съ 2 рис.).—Исцѣлитель приключеній. Повесть І. Ясинскаго. (Окончаніе).—Тяжелый долгъ. Разсказъ изъ солдатской жизни Рихарда Марша.—Электричество въ домашнемъ обиходѣ. Техническій очеркъ (съ 15 рис.).—Двѣ встрѣчи. (Изъ записокъ маркизанта). Миниатюра Ар. П.-а.—Къ рисункамъ: Князю Андрею Ивановичу Большому бояре объявляютъ гибель великаго князя (съ рис.).—Принцесса Александра Уэльская (съ портр.).—Данте въ изгнаніи (съ рис.).—Муму (съ рис.).—Франко-руссія празднества. Осмотръ русской эскадры президентомъ Карно въ Тулонѣ (съ рис.).—Маршалъ Макъ-Магонъ (съ портр.).—А. И. Шеллеръ (А. Михайловъ) (съ портр.).—П. И. Чайковскій.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Тиражъ выпущенъ въ Государственномъ Банкѣ.—О подпискѣ на „Ниву“ 1894 г.—Объявленія.

50% съ выигр. заемъ Государственного Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г.

8 й тиражъ 1 ноября 1893 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

Table with 18 columns and multiple rows of lottery results. Columns are grouped by serial numbers (№ сер.) and sums (Сумма).

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 года.

Подробности смотри въ предыдущихъ №№.

Подписная цѣна показана на 1-й страницѣ.

Издание А. Ф. МАРКЕСА въ СПБ. ИИСУСЪ (сынъ Навина). Повѣствован. изъ библейск. времени ГЕОРГА ЭБЕРСА.

Книга: ПУТЕВОДИТЕЛЬ и СОБЕСѢДНИКЪ въ путешествіи по Кавказу. М. Владыкина. 2 тома, съ картою Кавказа.

Банкирская контора Н. А. ШИФЪ. С.-Петербургъ, Гороховая, № 13. СТРАХОВАНІЕ билетовъ 1 займа по 85 коп. 15 коп.

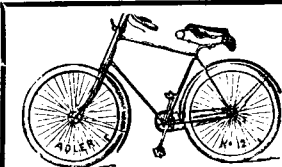

Полнѣйшій иллюстрированный АЛЬБОМЪ для МАРОКЪ.

Форматъ фоліо, 600 стран., соет. И. П. Кривницк. въ роскош. перен. Цѣна 6 руб. (перес. за 10 ф.).

Продается во всѣхъ книжныхъ и писче-бумажныхъ магазинахъ и у издателя № 6572 3-2

ОТТО КИРХНЕРЪ, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 14.

Гейрихъ Клейеръ, велосипеды „Орель“ Франкфуртъ н/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).

Спеціальная фабрика знаменитыхъ 24-23 велосипед. „Орель“.

На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ 83. Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

SINAPISME RIGOLLOT

Горчичники РИГОЛЛО или Горчичная Бумага. ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ. Требуется подписъ изобрѣтателя Р. RIGOLLOT.

САРИНКА и САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

Ц. № 6613 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ. 8-1 Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по требованію за 42 коп.

УКРАШЕНІЕ для ЕЛОКЪ

для гг. иногородныхъ составлены коллекціи: въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р. и каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ искусственными БРИЛЛІАНТАМИ. БЕЗЪ ФОЛЬГИ или НАКЛАДКИ такъ что трудно отлич. отъ наст. брилліант.

Товаръ перес. платенъ. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31. БАЗАРЪ МАРОКЪ.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больн. аптек. и космет. магазинах. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р 60 и. безъ перес. № 6563 (3)

Провизоръ Кинунень.

Проситъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинунень.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ЖЕНЬИ КОФЕ

ТВЕРСКАЯ, А. ГИПЛУСЪ, ВЪ МОСКВѢ.

Л. ФОРШТРЕМЪ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ.

НОТЫ

гдѣ-бы и кѣмъ-бы ни было изданныя выставляются наложеннымъ платежемъ МУЗЫКАЛЬНОЙ ФИРМОЙ

М. БЕРНАРДЪ

СПБ. Вольн. Морская № 26.
При требованіи на 5 руб. прилагается бесплатно № 6622
АЛЬБОМЪ САЛОННЫХЪ ПЬЕСЪ.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ

для кожи лица и рукъ.

При покупкѣ настоящаго вазелиноваго мыла Голлендера, просимъ обращать вниманіе на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подпись Г. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ. Цѣна 30 к.
Вазелиновая жирная пудра . . . кор. 60 к.
Вазелиновый кольдъ-кремъ . . . бан. 35 к.
Вазелиновая помада . . . бан. 35 к.
Ландышевое молоко . . . фл. 1 р.
Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (6) № 6340
С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1.
Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

ПИСАТЬ не только красиво но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдлинговъ. За двѣ 7 коп. марки выслаю условія и пробное письмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кал. Э. Конидарсь. № 6519 10—8

ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царяны Софьи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

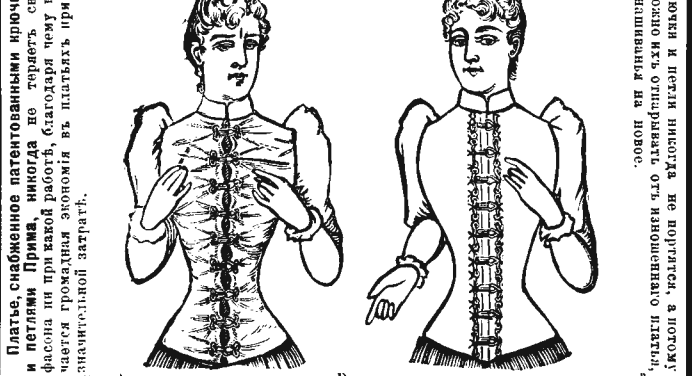
КАЖДАЯ ДАМА

стремится имѣть шикарную и изящную талию! достигъ этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крючочковъ и петель ПРИМА!

ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.

Рис. съ нѣйшими крючками и петлями. Рис. съ патентов. крючками и петлями.

Послѣ 4-хъ-вѣдѣльнаго пошеянія лифа. Послѣ 4-хъ-мѣсячнаго пошеянія лифа.

На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ дѣйствительности-же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

Патентованные крючки и петли ПРИМА

не слабеютъ отъ времени, не сгибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.

Нашивать эти застежки очень легко; при каждой карточкѣ прилагается подробное наставленіе. № 6538 12—5
Патентованные крючки и петли ПРИМА имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ
Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ.
С.-Петербургъ, 4 рта, 16, — собств. домъ.

ВОДА и ПУДРА КОРИАРИА
постепенно окрашивающая и нестирающаяся КРАСКА ВОЛОСЪ, БОРОДЫ и БРОВЕЙ.
Главный складъ для Россіи:
Петербургская Химическая Лабораторія
ИЗМАЙЛОВСКОЙ ПРОСП. № 27.

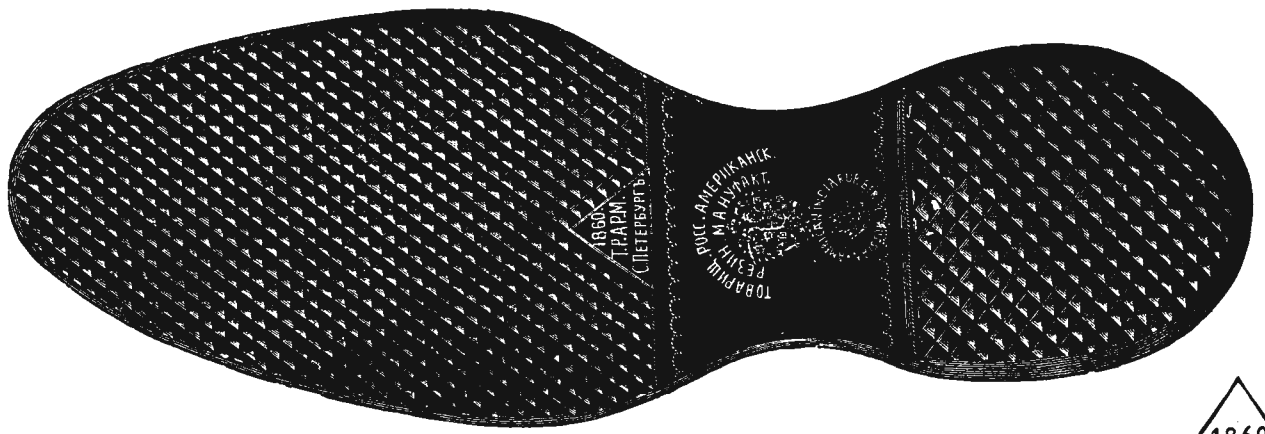

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6872 26—15

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

К Рождеству!
Для елки!!!

КОЛЛЕКЦИИ УКРАШЕНИЙ
в 3, 5, 8, 10 р. и т. д. до 75 руб.
Каждая коллекция составлена так, чтобы получилась роскошно убранная елка. Особенно превосходны коллекции специально для: **больших семейств, школ, приютов, базаров, собраний, благотворителей, Обществ, пансионов и проч.**

При требовании коллекций для благотворительных Обществ, школ и пр. слѣдует, кромѣ цѣны, упомянуть о количестве дѣтей, такъ какъ **даны самыя дешевыя коллекци** составляются тогда съ большимъ выборомъ сюрпризовъ для каждого.

Высылка первую почтой наложеннымъ платежомъ. Ц. № 6804 4-2
◆ Пересылка за счетъ покупателя. ◆

А. Г. РЕЙНГЕРЦЪ Складъ аптек. и парф. товар. С.-Петербургъ, Гороховая, 26-40.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
только 4 р. 50 к.

Английскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. ◆ 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. ◆ 5 штукъ—20 руб. ◆ Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6619

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

(14) **МИНДАЛЬНОЕ** № 5914

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная цѣна, впитывается въ кожу, придаетъ ей нежность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговл. аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайл. пл., д. Жербина, № 2.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОК!
КАУЧУГОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ
Д. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ. Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11—10
Цѣна коробки 40 коп.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОК!
НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

Тиль-Топъ превосходно сдѣланъ изъ телянейей кожи съ 3 отдѣл., съ никелировкой, замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ смѣетъ открыть Тиль-Топъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень выстигательный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (7)

3 разное, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежомъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С. Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА
Фабрики **Г. ТРАППЪ**

Извѣстные въ Россіи выстрѣмъ, мякиммъ, пшеницею и отсутствіемъ пыли. Отдѣлы высылаются по требованію. Контора: в Б. ЖУКОВСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.
„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“
Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, безъ предварительной цензуры.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается вѣрной своему знамени. Устраняя приемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ попрежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и виѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ: цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣс.—3 р., одинъ мѣс.—1 р.; для городск.—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р. **Разрочка допущается со взносомъ не мене 1 рубля ежемѣсячно впередъ.**

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1894 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ годоводовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь с. л.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.
Отдѣленія Конторы:
С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп., Невскій проспектъ, противъ Гостиного двора; 2) при книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Литейный проспектъ, 46.
Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова.
Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжн. магаз. Н. П. Карбасникова. № 6594 3—2

Редакторъ-издатель **А. А. Пороховщиковъ.**

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1894 Г.
ЗА ТРИ РУБ.
ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
РУСЬ.

Желая сдѣлать чтеніе ежедневной газеты общедоступнымъ, мы предпринимаемъ съ 1 Января, съ Божіею помощію, при главномъ и постоянномъ участіи талантливаго писателя К. Тхоржевскаго, изданіе ежедневной газеты, **ЗА ТРИ РУБЛЯ съ пересылкою.**

Въ газетѣ будутъ помѣщаться: передовыя статьи, правительственныя извѣстія, телеграммы Сѣвернаго Агентства и собственныя письма изъ разныхъ мѣстъ провинціи, хроника: петербургская, внутренняя, иностранная, судебная, художественная, фельетоны, маленькіе рассказы, сцены изъ жизни, загадки, коммерческій, биржевой, театральныи и справочный отдѣлы.

Военные подписчики будутъ получать ежедневно приказы за недѣлю.

Въ газетѣ будутъ всѣ новости и интересующія всякаго извѣстія.

Подписка на газету допущается для служащихъ и для духовенства съ разсрочкою по 1 рублю въ треть.

Допускается подписка на четверть года, съ 1 Января, съ 1 Апрѣля и съ 1 Октября, по 1 рублю за четверть года.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА № 6576 (2)
и
принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, Большая Итальянская, № 37. За подписку въ другомъ мѣстѣ редакціи не отвѣчаетъ.
Редакторъ-Издатель князь Мещерскій.

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ.
Зачное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій-корреспонденцій.
2-1 Полная гарантія въ успѣхѣ.
По окончаніи курса свидѣтельство. Условіе высылается за 7 к. марку. Киевъ, Дмитріевская, д. № 42. Преподавательница **Е. Д. Кургановская.**

ВЫЖИГАНІЕ
ПО ДЕРЕВУ, СУКНУ И БАРХАТУ
А. КОНСТАНТИНОВОЙ
Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.
Вознесенскій 31/2, кв. 22.
Книгопродавецъ 20%о уступки.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. Павленкова:**
„ПРЕСТУПНАЯ ТОЛПА“.
Опытъ коллективной психологіи. С. Сигезъ. Переводъ А. Афанасьева. 116 стр. Ц. 90 к.

ЛЪЧЕВИЦА
Д-РА МЕД. **НЕТКАЧЕВА**
для СТРАДАЮЩИХЪ **ЗАИКАНИЕМЪ** и другими болѣзнями **РЪЧИ.**
МОСКВА, Никитскій бул., д. Прибылова.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛЮ
НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЪСТАВКѢ 1882

АСИУКО
ПАРФЮМЕРІЯ
ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.

ТРЕЙСЪ КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА
въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

Обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. Н. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго, Герцога Лудвига Баварскаго, Е. И. Выс. Принцессы Фридрихъ-Карль Прусской, Е. И. Выс. Принцессы Альбрехтъ Прусской и другихъ царствующихъ особъ. В. № 6608

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ компанійныхъ собачекъ.

Къ предстоящему охотничьему сезону: лгавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отличнаго дрессированныхъ и молодыхъ, съ гарантіею. Иллюстрированные прейсъ-курранты по-французски и по-нѣмецки, бесплатно.

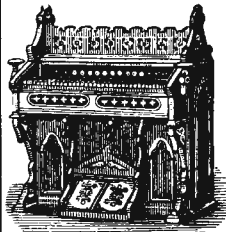
Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу.
(Bahnhof-Wittenberg).

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРЪ

А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ФИСГАРМОНИИ

фабрики Шидмайера
рекомендованная Главачемъ, Гензельтомъ
Листомъ и др.

и лучшихъ французскихъ и американскихъ фабрикъ въ 100, 125, 130, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 250, 300, 325, 350, 375, 400, 500, 700, 800, 1000 р. и дороже.

Самоучитель для фисгармоний 2 р.
Играть на фисгармонии можно выучиться легко.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоний — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 34а.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ШОКОЛАДЪ
А. И. АВРИУСОВА СЫНОВИИ
продаетъ во всѣхъ городахъ
РОССІИ

КАВКАЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ

П. П. Гнѣдича. Изящное издание на остатной бумагѣ, съ 71 рисункомъ М. М. Дальневича. Цѣна 1 р 50 коп. М. № 6623

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5420 (37)

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго колленора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1893 годъ, по позванному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

БРИТВА „STAR“

американская, совершенно безопасная, каждый можетъ ею брить даже самой нетвердой рукою. Цѣна 4 р. 50 к.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ЩЕТКА

американская, чиститъ ковры и обитые сукномъ полы, не поднимая пыли и не повреждая ихъ. Цѣна 8 р.

ЗУБНЫЯ ЩЕТКИ

изъ фиалковаго дерева, придаютъ пріятный запахъ и вкусъ, чрезвычайно прочной работы. Цѣна 60 к.

ВОЗДУХОЧИСТИТЕЛЬ „INDIA“
вѣшается въ комнатахъ, коридорахъ, сортирахъ и пр.

ПИЛА ДЛЯ ХЛѢБА

американская, рѣжетъ съ легкостью самый мягкій хлѣбъ въ тончайшіе куски и точится любой пилой. Цѣна 1 р. 35 к.

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ПРОБНИ
для всякой бутылки пригодна. Цѣна 40 коп.

ТУШИТЕЛЬ ЛАМПСЪ

моментально тушитъ сам. больш. горѣлку. Ц. 1 р. 50 к.

УЛУЧШЕН. ХЛѢБВЕРЗАТОРЪ.

Конецъ первичивается на мельчайшую пилу до крупаго дождя, для поливанія цвѣтовъ. Много похвалъ отъ покупателей. Цѣна 3 р.

ВОДЯНЫЯ МАТРАЦЫ
резиновыя, единственная подстилка, на которой пролежи не образуются и большой не чувствуетъ усталости. Цѣна 40 руб.

ПАРОВОЙ АППАРАТЪ

въ нѣсколько минутъ придѣланъ къ кровати, не безпокоя больного, и уже въ десять минутъ производитъ 30 град. и въ 30 минутъ 0 град. Реом. вполне безопасно и быстро вызываетъ сильнѣйшую испарину. Ц. 20 руб.

ПОСИЛКИ и КРЕСЛА

складныя, носятъ больныхъ и слабыхъ по лестницамъ и вагонамъ. Ц. отъ 8 до 25 р.

АППАРАТЪ „LARGIADERE“

для подкрѣпленія вускуловъ груди и рукъ. Цѣна 4 р.

МЫШЕЧНАЯ КОЛОТИЛКА.

Цѣна 2 р.

АППАРАТЪ „ЗАХЛЕТ“

для рациональнаго кипяченія и сохраненія молока груднымъ дѣтямъ. Цѣна 12 руб.

ПЛЕВАТЕЛЬНАЯ ФЛЯГА

„Dettweiler“ для ношенія въ кармапѣ. Цѣна 2 р. 50 коп.

СКЛАДНЫЯ ВАННЫ
резиновыя, для холодныхъ обтираній. Ц. 12 р.

КЛОЗЕТНАЯ БУМАГА

американская, особенно пригодна. Цѣна за пачку 80 коп.

МАССАЖНЫЯ ШАРЫ

обложены резиною для желудочнаго массажа. Цѣна 3 руб. № 6620

Многіе другіе притич. предметы рекоменд.

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ,

Складъ резиновыхъ товаровъ и новосей Большая Морская, № 34.

Отправка наложеннымъ платежемъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

А. ЛЕМЕРСЪЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просить обратитъ вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЪЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Депо у А. Ралле и К. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. Ш. № 6449 28—20

ВО ВРЕМЯ

ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКИ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„ЛЕОПОЛЬДЪ НЕЙШЕЛЛЕРЪ“

открываетъ тамъ же складъ для оптовой продажи и приѣма заказовъ на обувь

ТОВАРИЩЕСТВА

СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

С.-Петербургъ.

№ 6616

ВЫБОРЪ

ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ,

БАРХАТЪ и ПЛЮШЪ

въ розничномъ магазинѣ

Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ

въ Москвѣ.

ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА,
№№ 65, 66.

2-ой розничн. магазинъ въ Москвѣ: Верхнее Торговое ряды, № 102—103. 4—2
Въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, Суворовская линия, № 134. Ш. № 6587
Фабрика: въ Москвѣ, за Покровск. мостомъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (19)

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Нубл. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ заказчика. Ручательство на 2 года. № 6283

на 1894 годъ.
Печат. и скоро выйдетъ въ свѣтъ „Николаевск. календарь и справочн. книга на 94 г.“ Изданіе хорошо и много распространено. Плата за объявленія: цѣлая стр. 12 р., 1/2 стр. 6 р., 1/4 стр. 4 р. Адр. конторы изданія: гор. Николаевъ (Херс. губ.), Контора изданія Николаевскаго календаря И. Фефербойма. Подробн. иллюстр. объявл. по требов. высыл. бесплатно. Въ СПБ-гѣ объявл. для календаря принимаетъ Центральная контора объявленій Н. МАТИСЕНЪ.
на 1894 годъ.
на 1894 годъ.
на 1894 годъ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московскихъ) объявленіе отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ СПБ.

XXIV г.

№ 46

Выданъ 13 ноября 1893 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Цѣна этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шпр. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ до-
ставки въ . . . 5 р.

Съ дост.
въ СПБ. . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою. 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

Подписка въ
РАЗСРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
см. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торг. домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Подписка на 1893 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Худож. Альбомомъ, Сборникомъ, и пр.

Приготовленіе гущи передъ сельскимъ праздникомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменова, грав. Шястущевичъ.

Дарья д'Анчуткина и банкирскій теноръ безъ граціи.

Изъ воспоминаній моего пріятеля.

Повѣсть Вас. И. Немировича-Данченко.

I.

Восемь лѣтъ тому назадъ, моя покойная жена, окончивъ оперный сезонъ въ Веронскомъ театрѣ „Filarmónico“, вернулась въ Миланъ. Слухи о ея триумфахъ уже разнеслись по этому „пѣвческому рынку“; музыкальныя фирмы Риккорди, Лукка и другія выставили ея портреты, газеты „Secolo“, „Courriere de la Sera“ посвятили ей цѣлые столбцы, въ Albergo del Lerne, гдѣ мы всегда останавливались, лежали уже десятки телеграммъ отъ всевозможныхъ импрессаріо, съ разными предложеніями ангажементовъ, и массы карточекъ и писемъ сорока-сороковъ разбойниковъ, которыми, понетипѣ, являются тамоншіе агенты. Короче—все признаки настоящаго успѣха были налицо, включительно съ необыкновенными любезностями сладчайшихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, еще чайшихъ движенія воды, т. е. дебюта, и въ ожиданіи его коротавшихъ время, шляясь по Галлерей Витторіо. О послѣдней необходимо сказать нѣсколько словъ. Мнѣ придется часто возвращаться къ ней, говоря о разныхъ тинахъ удачниковъ и неудачниковъ, царей и парій артистическаго міра. Италия—страна пѣвцовъ, Миланъ—ихъ вѣчная ярмарка, Галлерей—самая кишень этой ярмарки. Это единственное въ мірѣ сооруженіе. Ничего подобнаго нѣтъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, дѣлающейся съ каждымъ годомъ все монументальнѣе и красивѣе. Галлерей Виктора-Эммануила—это два громадные пассажи крестъ-на-крестъ. Одною стороною она выходитъ на площадь знаменитаго Миланскаго собора, другою—на такую же La Scala, съ извѣстнымъ театромъ, предметомъ чайній и грѣвъ каждого пѣвца, и памятникомъ Леонардо-да-Винчи. Два остальные конца креста выходятъ на боковыя улицы. Внутри эти пассажи расписаны первоклассными художниками, уставлены статуями лучшихъ современныхъ ваятелей. Она уходитъ въ страшную высоту, гдѣ какимъ-то чудомъ архитектурнаго искусства покоятся колоссальныя стеклянные своды. По вечерамъ ея капелла—центръ,—подъ дивнымъ куполомъ горитъ тысячами огней, силовная толпа, вѣчно снующая тутъ, кажется массама муравьевъ, до того все кругомъ просторно, гигантски велико, поразительно своими пропорціями, арками, линиями, карнизами, портиками, наружными колоннадами. Здѣсь самыя блистательныя магазины, лучше рестораны, популярнѣйшія сценическія агентства—но это бы еще не относилось нисколько къ моей задачѣ. Тутъ истинный на весь міръ пѣвчій рынокъ. Въ самомъ дѣлѣ, Галлерей—улей пѣвцовъ всѣхъ націй, алчущихъ и жаждущихъ ангажемента, и затѣмъ именно набѣзжающихъ въ Миланъ, въ эту чудовищную комиссіонерскую контору, куда обращаются театры всего міра за пѣвцами и балетными труппами, за музыкантами и дирижерами, за декораторами, бутафорами, режиссерами, короче—за всѣмъ, что имѣетъ хоть самое отдаленное касательство къ театру. Понятно, что свободные художники этихъ профессій, окончивъ свои ангажементы, ѣдутъ сюда за новыми, за исключеніемъ ужъ слишкомъ ярко сіяющихъ звѣздъ холщеваго закулиснаго неба. Эти и безъ того заранѣе расписаны по всѣмъ главнымъ театрамъ. Впрочемъ, и они, случается, заглядываютъ въ этотъ колодезь, куда, вообще, артисту, на какой бы онъ высотѣ ни стоялъ, плевать не годится. Не будь въ Миланѣ созданной Наполеономъ I славною консерваторіи, Миланъ, со своими туманами, отвратительной зимою, горловыми и грудными болѣзнями, не сдѣлался бы муравейникомъ оперныхъ пѣвцовъ, а Галлерей не яви-

лась бы ихъ базаромъ. Не думайте, что существуютъ только конный, фруктовый, птичій и скотопригонный рынки,—есть и рынокъ пѣвчихъ, рынокъ артистовъ, и рынокъ этотъ—всесвѣтный. Сюда набѣзжаютъ жаждущіе славы и денегъ пѣвцы и пѣвицы пѣлаго міра. Своего рода этнографическая выставка. Смуглолицая, граціозная, съ пламенными глазами креолка изъ какой-нибудь Венецуэлы, и блѣсоватая, пенельноволосяя шведка, и тяжелая артиллерія сцены—толстолобая, мясистая, не ладно скроенная, но прочно сшитая дѣвица Амалия изъ Кенигсберга. Изъ Англии, Испаніи, Россіи, Франціи, Австріи, Германіи, Голландіи, изъ Америки, изъ Австраліи—тенора, басы, баритоны, одни съ продранными локтями, другіе въ брильянтахъ, но и тѣ и другіе, все равно, Милана и его Галлерей не минуютъ. Какъ пѣкогда у насъ, въ донисторическія времена, ремонтеры за лошадьми съѣзжались на Коренную, точно также и здѣсь импрессаріо всѣхъ оперныхъ сценъ съѣзжаются въ Миланъ за артистами. Здѣсь всѣ агентства, формирующія труппы, здѣсь профессора пѣнія—между нами говори—ничего не стоющіе. Отсюда начинаются карьеры, здѣсь заключаются ангажементы, создаются репутаціи и рушатся. Когда вы придите сюда—Галлерей полнымъ-полна, и вы видите, что это все свои жильцы, такъ сказать, а не гуляющіе. Они стоятъ кружками, толкуютъ, совѣмъ какъ у насъ на Никольскомъ рынкѣ безмѣстная кухарки, поденщики, огородники. Гуляютъ другіе, а господа артисты здѣсь нанимаются. Посмотрите, какимъ вопросительнымъ взглядомъ они васъ встрѣчаютъ—не новый-ли „импрессаріо“ проявился, не принесены-ли у васъ въ карманѣ чеки, и за пазухой контракты съ пробѣлами для фамилій?. Не послѣдуетъ-ли за вами бойкій, вороватый секретарь, знающій всѣ лазейки—совѣмъ типъ нашего конокрада—полу-цыгана, полу-еврея. Эту „безпокойную ласковость взгляда“ вы здѣсь увидите на тысячахъ лицъ. Въ центрахъ такихъ кружковъ иногда „агентъ“, отъ котораго зависитъ „caldo e freddo“ (тепло и холодно). Захочетъ—будешь столоначальникомъ, нѣтъ—изъ хористовъ не выбьешься никогда въ люди. Смиляется—артисту будетъ, что ѣсть, не взлюбить—возвращайся куда-нибудь въ Сиракузы и шей сапоги. И всѣ такъ: отъ туза, получающаго тысячи за вечеръ, до статиста, оплачиваемаго хуже желѣзнодорожныхъ носильщиковъ и facchino—всѣ-ему подвержены—этому христородавцу и всегда отъявленному разбойнику. Скорѣе на свѣтъ родится шестиланый поросенокъ съ орлими крыльями, чѣмъ добросовѣстный агентъ. Всмотритесь въ эту толпу—она интересна. Вотъ въ поднесенныхъ „бенефисныхъ“ (читай своихъ, купленныхъ на свои деньги—потому что только русскіе дураки дарятъ артистовъ) брильянтахъ знаменитая пѣвица, гордая передъ всѣми, кромѣ полдеца-агента и оборваннаго взяточника критика, который видитъ въ ней только „натуру“ или деньги. Вотъ ласковая, какъ кошечка, живущая впроголодь начинающая балерина, которой антрепренеръ, желающій ее „облагодѣтельствовать“, даетъ какихъ-нибудь двадцать пять франковъ въ мѣсяць. Для остальнаго—она должна сама „стараться“. Вотъ напыщенный и встопорщенный, какъ индюкъ, „маэстро“—привыкшій командовать и артистами, и пѣвцами. У этого шея деревянная, глаза смотрять черезъ васъ какъ-то... Вотъ ошлепанный гобоистъ или контрабасистъ съ платами на колѣняхъ и въ жилетѣ, представляющемъ художественное тепле всего, что онъ ѣлъ за послѣдній годъ. Вотъ какой-нибудь провалившійся и освітанный „tenorino“, проскальзывающій сюда тише во-

ды, ниже травы — получить *rivincita*, т. е., возможность спѣть гдѣ бы то ни было и что бы то ни было, только бы загладить свое фиаско. Вотъ голодные хористы-басы, озлобленные на цѣлый миръ и ожидающіе новаго Иерихона, чтобы разрушить его своими трубами иерихонскими. Это все кардиналы, Мефистофели—неудавшиеся и потому разжалованные въ хоръ, что, разумѣется, нисколько не увеличиваетъ ихъ любви къ неблагодарнымъ современникамъ. Вотъ—бульдоги бульдогами — расплѣзавшіе и размордавшие тапцовщики, все-таки претендующіе на легкость пуха и грацію... Тутъ же и наивныя, удивленные, благоговѣйныя глупыя личики хорошенеккихъ ученицъ, явившихся сюда срывать голоса къ разнымъ акуламъ-профессорамъ, въ родѣ Джиральдони, Гамбоджи и др., имена же имъ Ты, Господи, всѣси. Вотъ самоувѣренный и наглый, какъ зазпавшійся поварь — дебютантъ, какой-нибудь банкиръ изъ Москвы—рыхлый, мягкотѣлый.. У него есть достаточно денегъ, чтобы нанять театр, музыкантовъ и пѣвцовъ и самому пѣть у себя, устроивъ громадную клаку... Горе ему—если онъ попробуетъ появиться потомъ на настоящей сценѣ. Отъ его самоувѣренности и великолѣпія не останется и хвоста. Сейчасъ же явится на лицѣ нѣчто искастельное и приниженное, сконфуженное, точно онъ у цѣлаго міра готовъ просить прощенья.. Я уже говорилъ, что здѣсь дѣлаются репутаціи, здѣсь же онѣ и лопаются, какъ пузыри. Самые неліценпріятные судьи въ Галлерей. Смѣло — не вѣрьте газетѣ, особенно театральной. Въ послѣднюю артистѣ, состоя ея абонементомъ, самъ о себѣ шлетъ телеграммы самаго восторженнаго безграмотства. Не вѣрьте оплаченному процентомъ съ каждаго ангажемента — агенту — у этого свои артисты всѣ Мазини и Патти, хотя вмѣсто букетовъ розъ—они знакомы только съ гнилыми апельсинами и картофельною шелухой. Не вѣрьте и импрессарио—потому что этому часто платятъ сами пѣвцы за право дебюта, и чѣмъ больше они заплатили, тѣмъ, разумѣется, выше и ихъ успѣхъ въ его разсказѣ. Но придите въ Галлерейю—и вы узнаете всю правду. Еще бы — сюда изо всѣхъ труппъ возвращаются простые и безхитростные хористы и музыканты, а эти судятъ строго и вѣрно.

— Каковъ такой-то?.. спрашиваете вы объ артистѣ, котораго театральные журналы подняли на ладони къ самому небу.

Сейчасъ являются мелкія сошки, пѣвшія съ нимъ или акомпанировавшія ему.

— Э!.. Разумѣется, собака (*canе*).

И кончено. Будьте увѣрены, что отъ этого момента, несмотря на всѣ оды подкупленныхъ журналистовъ,— артистѣ до удачи такъ и станетъ слыть „псомъ“.

— Ну, а такой-то!

— *E bravissimo... Vero artista di cartello.*

И вчера еще никому не извѣстный начинающій нуль—сегодня дѣлается нѣкоторою величиною, и уже агенты на него посматриваютъ ласково: съ этого-де человѣка я могу снять шерстку!..

Здѣсь знаютъ всѣхъ. Всѣ формулярные списки налицо. Кого „Галлерей“ хвалитъ — тотъ, дѣйствительно, стоить этого, кого бранить—тому, навѣрное, цѣна грошь.

Я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ здѣсь, любуясь на калейдоскопъ типовъ, лицъ, характеровъ этого вавилонскаго столпотворенія, и все это—нервное, возбужденное, чуткое, впечатлительное, болѣзненно-самолюбивое, если хотите — завистливое, жадное, рвущее куски изо рта другъ у друга, готовое на все изъ-за лишней хвалебной строчки, изъ-за жалкаго аплодисмента, самообманывающееся, измученное, съ измочалившейся натурою, съ мельчавшею душою, съ исподличавшимися инстинктами, утратившее всю вѣру своей юности, всѣ упованія и радостныя мечты того времени, когда искусство явля-

лось, дѣйствительно, солнцемъ, а храмъ—театромъ для него... Все это—полное ненависти, непримиримое, озлененное, большое чужимъ успѣхомъ, излѣченное чужою неудачей, оскотинившееся отъ вѣчнаго униженія передъ закулисными снѣдами въ колесницѣ, излакействовавшееся передъ публикою, и испорченное до одури этою самою публикою. Все это съ ободранной кожей, коверкающееся до судорогъ отъ малѣйшаго прикосновенія, отъ самаго доброжелательнаго упрека—потому что вся ихъ душа, все ихъ тѣло—одна сплошная рана... Переведите ненависть здѣшнюю на обыкновенный языкъ, и вы поймете, почему такой-то „негодяй“. „Помилуйте, какъ же мнѣ не ненавидѣть NN, когда онъ вчера въ „Гугенотахъ“ такъ до взялъ, что вся публика да и я самъ въ ея чистѣ, заплотировали ему, какъ одинъ человѣкъ. Мнѣ задохнуться, а такого до—не дать никогда...“ А такая-то—развѣ не наглая дрянь... Помилуйте, третьяго дня вставила каденцію въ каватину „Лучія“, да такое трехчерточное *ля* точно на блюдѣ поднесла, что весь театръ на ноги вскочилъ... А вѣдь „Лучія“ моя коронная партія... Кто же послѣ этого станетъ меня слушать?..“ — „А вотъ тоже мерзавецъ идетъ... Ужасъ что такое!.. Я, вѣдь, помилуйте, вмѣстѣ съ нимъ Марселя пѣлъ, когда онъ едва-едва Сень-Бри одолѣвалъ. А теперь не угодно-ли? Опять мы вмѣстѣ, „скриттурованы“ (наняты), только Сень-Бри это уже я, а онъ, послѣ своего римскаго триумфа, будетъ пѣть Марселя!..“ — „Правда-ли, что ZZ получилъ 10.000 франковъ въ мѣсяцъ? Да, что же это дѣлаютъ агенты! Я ѣду въ Комо за 600,— а эта безголосая каналья (читайте — превосходный пѣвецъ) будетъ по 10.000 хапать!“

А—такъ на видъ, что это все за славные товарищи!.. Что за безхитростные добрые малые... И шляпы лихо, шлопайски заломлены на-бокъ или на затылокъ сдвинуты—вся-де у насъ душа на распахку. Какіе мы есть, такими насъ и получай. И улыбка—сладкая-сладкая, хоть муха на губы садись. Такъ бы и расцѣловать милашку—сама доброта и благожелательство. И движенія откровенныя, размахистыя. Что на душѣ, то и на языкѣ. „Бѣда моя—ничего спрятать про себя не могу—минуту видѣлъ человѣка, и уже всѣмъ сердцемъ къ нему. За пріятеля или товарища — въ куски разорвусь. Себя не пожалѣю за правду. Я такой—коли бы вратъ да интриговать умѣлъ—до меня бы теперь и рукой не достать...“ Положите къ этому простодушному мурлыкѣ палецъ въ ротъ—слава Богу, если еще по самое плечо отхватить руку, а то, пожалуй, и голову насьвозь, какъ котъ мышонку, прокусить. Издали васъ видить — въ глазахъ восторгъ. И чтобы ругать кого-нибудь—ни-ни. Это только русскій артистъ въ наивно-сти первобытной товарищей своихъ живописуетъ:

— Все это-де такая безголосая мразь и шваль, что будь я на мѣстѣ директора, всѣмъ бы имъ, хриплымъ пѣтухамъ, предложилъ мѣста ламповщиковъ или капельдинеровъ, а не пѣвцовъ. Вонъ, наприимѣръ, X.—не теноръ, а дубина, а У. развѣ не орясина? И М.—вѣдь, ужъ, кажется, самъ Богъ сотворилъ и испугался. Мать родила — и языка лишилась, такое чудидце на свѣтъ произвела. На портретѣ-то у него — самый нерукотворенный хамъ написанъ!

И пойдетъ, и пойдетъ распинаться...

Но это у насъ только...

Попадетъ этакій „добрый малый“ въ Италию, и сейчасъ же танцовальному искусству научится... Ужъ ругается меньше—невыгодно. Сейчасъ же какъ масло въ водѣ—наверхъ подымется... Ну, и портретъ въ опасности. Особенно съ басами — у басовъ-то, вѣдь, лапы — камни ворочать! А портретъ—пѣвцу, ахъ, какъ нуженъ. Съ сверхъестественнымъ медальономъ вмѣсто лица — не очень-то дамъ въ боковыхъ ложахъ прельстись. Хотъ въ вольные конькобѣжцы бѣги! И то надо сказать, что наши поющіе въ Италиі все-таки поскромнѣе будутъ.

Бухара. Чайная и резервуаръ Ляби-хаузъ. Фриг. рис. (собств. „Нивы“) П. Пясецаго, грав. Рашевский.

Зато итальянцы! Ты не нашимъ отечественнымъ ангеламъ чета. Они лукавствомъ берутъ.

— Вы знаете синьора Анджелини?

— Какъ же!

И на лицѣ у него вдругъ такое, что хоть съ него Симеона Богопріимца пиши.

— Ну, каковъ онъ?

— Прев-восходный пѣвецъ. Превосходный — понимае. *Unico* — единственный. Я передъ нимъ — вотъ какъ! И онъ срываетъ съ головы шляпу на-отлетъ — на всю длину руки. Отличный голосъ — поетъ — *il paraiso* (рай)! Это — я вамъ скажу — настоящий артистъ! Мнѣ-ли его не знать — помилуйте... Мнѣ съ нимъ пришлось встрѣтиться въ Барселонѣ. Меня телеграммой вызвали пѣть за него *il dusa di Mantua!*

— Какъ за него?

— Такъ... съ нимъ случилась дисграція... Онъ не понравился, — а публика, знаете, тамъ *terribile!* Сидитъ *con fusile in mano!* (точно съ ружьями въ рукахъ). Его освистали. Спектакля даже не кончилъ — *roveretto*. Ну, меня и вызвали... Вотъ этотъ перстень (скромно показываетъ онъ корявый палецъ съ громаднымъ брильянтомъ — поди отличи его, настоящий или нѣтъ!), вотъ этотъ перстень мнѣ тогда же и поднесли... Потомъ онъ пѣлъ, знаете, въ Падуѣ... И ничего — сошло бы. Ахъ, только что-то случилось тамъ — не знаю. *Jettatura* (дурной глазъ) — можетъ быть. Тоже и падуанцы — вы знаете, *i tigri!*.. Посреди второго акта — не дали ему арію окончить — потребовали занавѣсь и деньги назадъ... Я себѣ сижу, ничего не знаю, вдругъ телеграмма отъ *impressario*. Ради Бога — *amico* — выручи. Ну, что-жъ дѣлать, полетѣлъ къ нему. Нельзя же. Я душой люблю Анджелини — но какъ же не спасти труппу, съ голода, вѣдь, умерли бы! Явился, спѣлъ безъ репетиціи... Видите эту булавку, подымаеъ онъ подбородокъ, показывая вамъ еще болѣе подозрительный камень, — ну, такъ это тамъ...

Какъ видите — разница большая съ отечественными добрыми малыми.

А то и такъ бываетъ. Налетитъ на васъ пѣвецъ — глаза вспучены, губы вздуты, волоса копной, точно сейчасъ изъ банка съ воровскими деньгами убѣжалъ.

— Слышали, разумѣтся.

— Что такое?.. Ну, думаешь, сейчасъ объявить, что завтра его четверговать стануть.

— Какъ что... поздравляйте.

— Съ чѣмъ?

— Вотъ тебѣ и слава послѣ того! Я на прошлой недѣлѣ во Флоренціи Мазини зарѣзалъ.

Такъ и есть, уголовщина!

Вы съ недоумѣніемъ смотрите на знаменитаго пѣвца, еще недавно, поджавъ ноги, шившаго панталоны на венеціанскихъ *barcaiolo*.

— Чему вы удивляетесь... Въ лоскъ зарѣзалъ. Мазини нѣтъ... Понимаете — нѣтъ... Не существуетъ больше.

— Какимъ образомъ?.. поневолѣ пятитесь вы.

— Очень просто.

У такихъ все — очень просто!

— Вздумали „Риголетто“ давать въ Пальяно (главный флорентійскій театр) съ Мазини... А *la Pergola* (второстепенный) со мной. Сегодня въ *donna e mobile* онъ до беретъ, а на завтра я *re*.

— Да, вѣдь, *re* и въ партитурѣ нѣтъ.

— Что-жъ что нѣтъ. Развѣ мнѣ не все равно. Я взялъ да и вставилъ въ каденцію нарочно. Пусть допается отъ зависти. Вотъ мы какъ. Ну, ужъ и фуроръ былъ... Серенаду съ факелами мнѣ устроили. Одна маркиза тутъ же объявила мнѣ, что она умретъ, если я не полюблю ее... На рукахъ изъ театра вынесли въ слѣдующій спектакль... Ну, до свиданія, вонъ сидитъ мой агентъ — надо къ нему, рассказать...

— Это С.? спрашиваетъ меня сосѣдъ итальянецъ по столику, за который мы усѣлись съ убійцей Мазини.

— Да!

— Вѣднѣй! И онъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— А что?

— Страшно провалился во Флоренціи...

— Какъ провалился, что вы?

— Да такъ... Освистали и гнилыми апельсинами швыряли въ него.

— Ну, что вы... На рукахъ вынесли...

— Еще бы! Когда онъ въ третьемъ актѣ не выдержалъ и въ обморокъ упалъ.

— А серенада съ факелами?

— Какая серенада?

— Которую ему устроили.

Сосѣдъ смотритъ на меня съ удивленіемъ.

— Какую же серенаду съ факелами, помилуйте! Дѣйствительно, его четыре квестурино проводили на станцію — потому что публика его бить хотѣла послѣ второго дебюта. А серенады не было никакой, я самъ только третьяго дня изъ Флоренціи... Я, вѣдь, не пѣвецъ — мнѣ лгать нечего. И потомъ мнѣ его жаль ужасно...

То-то, думаю, у него во время разказа въ выпученныхъ глазахъ — истинный ужасъ свѣтился!

Нигдѣ вы не увидите такой пестроты, какъ въ Галлереѣ. Любая замоскворѣцкая купчиха такимъ одѣломъ не похвастается, какіе здѣсь костюмы носятъ господа артисты. Все въ клѣтку, все въ полоски, все накрестъ. И притомъ цвѣта самые вопіющіе. Самые неподходящіе цвѣта... Одинъ даже съ птицами на штанахъ являлся. Голубые штаны; на нихъ красные цвѣты, на красныхъ цвѣтахъ сидятъ и покотъ желтѣя птицы. Благодаря этому даже „скриттуру“ сдѣлалъ. Обратили вниманіе: почему бы намъ его не попробовать. Понравился и въ ходъ пошелъ. А брильянтовъ, а золота! Всякій, имѣвшій успѣхъ, пѣвецъ считаетъ необходимымъ насажать на персты колецъ до самыхъ ногтей. Такъ и ходитъ, растопыривъ пальцы. Точно у него на нихъ позолоченныя мозоли! Особенно, если онъ въ Америкѣ побывалъ. „Вѣдь, въ Америкѣ всѣмъ подносятъ!“ Такую ужъ легенду разъ навсегда пустили! Какъ же ему да не поднести — скандалъ! Вернулся оттуда „безъ якобы подношеній“ — да еще самъ при этомъ скіа-вовъ не освобождалъ и похищенъ индѣйцами не былъ и не выпущенъ ими же за прекрасный голосъ — такъ подумаютъ, что провалился. А на галстукахъ-то! Святители! Орлы, обезьяны, черепа, массонскіе знаки, руки съ вытянутыми впередъ указательнымъ пальцемъ и мизинцемъ — талисманъ противъ дурного глаза, и скелеты, и львы Св. Марка, и персидскіе, и какіе-то медвѣди, глотающіе луны, и луна въ ущербѣ, и драконы, и трюфовыя тузы, брильянты, изумруды, рубины и все съ орѣхъ величиною — и все подношенія, и все — отъ благодарной публики, и какіе-то гербы — значить, пѣвца одобряли и монархи, а главный талисманъ противъ дурного глаза — джеттатуры. Вы, разумѣтся, не знаете, что такое джеттатура. Это не только нашъ дурной глазъ, это и дурное вліяніе, и порча, и все что хотите. Отъ нея только рука съ вытянутыми пальцами и спасаетъ. Она у пѣвца вышита на изнанкѣ его театральнаго костюма, на его жилетѣ, на его рубашкѣ, она у него — на булавкѣ, на часовой цѣпочкѣ, на кольцѣ. Начнетъ ему публика свистать, онъ сейчасъ на нее — два пальца вперёдъ, какъ мы дѣтей козломъ пугаемъ...

— Что съ вами? Отчего вы такъ рано вернулись изъ Падуи: вѣдь, сезонъ въ разгарѣ.

— Джеттатура!

И всѣ вполне удовлетворены. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ — противъ джеттатуры ничего не подѣлаешь.

— Какой хорошей пѣвецъ ***. Отчего онъ всегда сидитъ безъ дѣла?

— Джеттатура!

И хоть бросай карьеру!

У такого-то импрессаріо нельзя пѣть. Джеттатура съ нимъ неразлучна. Такою-то пѣвицу нельзя ангажировать—она приноситъ съ собою на всю труппу джеттатуру. У такого-то порного отнюдь не заказывайте театральнаго костюма—бѣдняга вмѣстѣ съ платьемъ снабдитъ васъ джеттатурой. Когда вы поете, не зажигайте трехъ свѣчей—джеттатура; берегитесь гвоздя, вбитаго въ дверь—джеттатура; не встрѣчайтесь съ нищимъ, ослѣпшимъ на одинъ глазъ—джеттатура; не возьмите случайно въ сдачу пробитой монеты—джеттатура; не споткнитесь на лѣстницѣ театра—джеттатура, и т. д. цѣлый катехизисъ.

— Отчего вы не поете „Пуритане“? Это въ вашихъ средствахъ — а въ нынѣшній сезонъ ихъ на пятнадцать театрахъ даютъ. Охота вамъ сидѣть безъ контракта.

— „Пуритане“—ни за что. „Пуритане“ мнѣ всегда приносили джеттатуру.

Есть незнакомые люди, которые вамъ приносятъ джеттатуру. Одинъ знаменитый теноръ вообразилъ, что какой-то миланскій ободранецъ ему приприслѣ джеттатуру. Разумѣется, тотъ воспользовался этимъ. Куда теноръ ни явится, за нимъ ободранецъ. Теноръ — изъ гостиницы утормъ—у дверей уже торчитъ его спутникъ съ дурнымъ глазомъ. Теноръ началъ откупаться. Назначилъ ему небольшой пенсіонъ съ тѣмъ, чтобы „дурной глазъ“ его не преслѣдовалъ. Плутъ, благодаря своему дурному глазу, живетъ припѣваячи!

Тутъ же бѣгаютъ по Галлерей и авторы всевозможныхъ рекламъ.

Реклама и итальянскій артистъ неразлучны. Пѣвецъ безъ нея не можетъ обойтись. Она его воздухъ, его жизнь. Онъ упивается ею, онъ безъ нея ни на шагъ. Онъ самъ хочетъ жить будто въ какомъ-то стеклянномъ ящикѣ, чтобы вся публика видѣла каждый его шагъ. И какъ онъ ѣсть и пьетъ, и какое бѣлье носить, и на какой кровати спать, и какъ „любить“, и кого любить, и какія добрыя дѣла дѣлаетъ. Ребенокъ у него умретъ — реклама. Такой-то пѣль, зная о смерти своего ребенка — и сейчасъ же жалкія слова. А кто же ему, собственно, пѣть велѣлъ! Попадетъ въ Бразилію, въ тамошнія оперы — сейчасъ же летятъ въ Европу телеграммы, что онъ великодушно освобождаетъ скіавовъ. Я не могу безъ смѣха вспомнить одну нашу соотечественницу, пѣвшую на сценѣ Рио-Жанейро, которая весь міръ оповѣстила о томъ, какъ она торжественно освободила скіава, и какъ этотъ скіавъ, явившись на сцену, передъ всей публикой на колѣняхъ благодарилъ ее, и какъ она прослезилась и т. д. Потомъ оказалось, что скіавъ этотъ никогда рабомъ не былъ, — а просто, въ качествѣ комиссіонера, былъ нанятъ для исполненія этой трогательной роли... Другой, уже освобожденный итальянскимъ пѣвцомъ, скіавъ оказывался чистильщикомъ сапогъ на площади и пятый разъ фигурировалъ въ этой роли на сценѣ бразильскаго опернаго театра.

И еще новые и новые зоицы мелькаютъ въ вашихъ глазахъ въ этой замѣчательной galleria.

Положительно теряешься въ этомъ обиліи типовъ, въ этомъ калейдоскопѣ интернаціональной пѣвческой братіи, въ этихъ тысячахъ людей, такъ или иначе связанныхъ съ театромъ...

Вотъ, напримѣръ, сытые, важные, полные сознанія собственнаго достоинства, господа, совѣмъ директора департамента въ своей канцеляріи. Это—театральные агенты, комиссіонеры, посредники между персоналомъ театра и импрессаріо. Факторы подобнаго рода, въ свою очередь, иногда являются антрепренерами, иногда были ими и прогорѣли. Часто молодого пѣвца или пѣвицу они берутъ на нѣсколько лѣтъ на откупъ, во-

зять ихъ по цѣлому міру, устраиваютъ имъ рекламы, дѣлаютъ имя, берутъ за нихъ страшныя денги, но имъ даютъ гроши. Окончивъ—они выбрасываютъ ихъ съ большою славою, но безъ голосовъ или съ утомленными головами... Часто, когда такой агентъ получаетъ за пѣвицу сотни тысячъ франковъ, она на свою долю имѣетъ изъ нихъ какихъ-нибудь 400—500 фр. въ мѣсяць только. Истаскавъ одну—они уже высматриваютъ другую. Съ cadaго пѣвца или пѣвицы они обязательно должны снять шѣрстку. Является неопытный, начинающій юноша—они заставляютъ его для своего дебюта нанять театр, труппу, музыкантовъ. Они такую паутиною затягиваютъ приѣзжающихъ въ Италію, что часто опытные артисты платятъ имъ за право дебюта. А разъ заплатилъ — будь спокоенъ, денегъ никогда не получишь, потому что агентъ агенту уже сообщилъ, что ты богатъ и тебя грабить не только можно, но и должно. Часто, составляя контрактъ съ завѣдомо безголосымъ и бездарнымъ пѣвцомъ, агентъ одновременно заключаетъ его съ другимъ на тотъ же театръ и на тѣ же партіи. Первый долженъ провалиться, и факторъ отлично знаетъ это, но онъ два раза получить за комиссію... Передъ этими паразитами — всё съ поклячами. Съ ними не шутятъ—они сила! Они самонадѣяны и спокойны... Видите-ли вы этихъ юркихъ мальчѣ со шляпами на затылкѣ и фізіономіями, обличающими несомнѣнное знакомство съ углами паденія и отраженія. По этимъ ланитамъ рукоплескали, рукоплещутъ и будутъ рукоплескать цѣлыя поколѣнія обманутыхъ артистовъ—это ближайшіе родственники театральныхъ агентовъ — это импрессаріо. У нихъ одно на умѣ — ариеметика. Для нихъ искусство—круглый нуль. Имъ наплевать на него. Между ними есть разбогатѣвшіе лакеи, бѣжавшіе преступники, банкроты, шулера... Имъ все равно, открытъ-ли кафе-шантанъ съ отдѣльными кабинетами или оперу. Лишь бы это было выгодно. Сегодня они организуютъ компанію для „Вильгельма Телля“, завтра выпишутъ ученыхъ собакъ изъ Марселя, послѣзавтра, въ качествѣ настоящихъ макро, будутъ развозить закрѣпощенныхъ балеринъ по ярмаркамъ, а черезъ недѣлю, смотришь—у нихъ уже живой товаръ для Александріи и Каира. Безжалостные, подлые, жадные, они готовы на все, что имъ обѣщаетъ прибыль. Иногда имъ удастся, и они всплываютъ наверхъ, богатѣютъ, обзаводятся домами, ленточками въ петличкахъ, даже титулами и живо усваиваютъ себѣ самыя благородныя манеры, иногда—почва ускользаетъ у нихъ изъ-подъ ногъ, и они попадаютъ за рѣшетки тюремъ, бѣгутъ въ Америку или просто изъ импрессаріо дѣлаются мелкими агентами, секретарями. У одного англичанина здѣсь былъ лакей изъ антрепренеровъ. Я знаю въ Римѣ уличнаго чистильщика сапогъ, у котораго когда-то, во времена оны, пѣли Патти, Нильсонъ и Вольфини. Гонораръ, уплачиваемый артистамъ, раздѣляется на четыре квартала. Первый выдается при подписи контракта, второй—по приѣздѣ на мѣсто, третій—въ началѣ сезона, четвертый—въ концѣ его. Если импрессаріо не додалъ только послѣдняго—онъ считается рыцаремъ честности. Часто антрепренеръ съ кассою бѣжить, и артисты остаются, какъ раки на мели. Если его словятъ—его бьютъ, и тѣмъ дѣло кончается. Если нѣтъ—бѣдняги пѣшкомъ идутъ домой. Какъ-то въ Тироль, въ Ривѣ, я засталъ одну такую оперную труппу съ дивами, пришедшими туда пѣшкомъ изъ Триента. Предѣлъ честолубія cadaго такого импрессаріо получить одинъ изъ большихъ итальянскихъ театровъ. Счастливецъ дѣлается необыкновенно важенъ. Онъ подымаетъ плечи выше головы, шляпу сдвигаетъ на затылокъ, закладываетъ руки за прорѣзи жилета и никого въ мірѣ не замѣчаетъ. Лучшимъ артистамъ говорить „ты“, среднихъ—не видитъ, а при видѣ маленькаго—морщить носъ. Часто импрессаріо съ высоты

такого рода летитъ верхъ ногами внизъ и шлепается о-земь. Завтра онъ является въ Галлерею ручной, смиренный, тихій, и опять искательно и ласково начинаетъ плести свою паутину.

Галлерея — вѣчный пріютъ неудачниковъ и только случайное мѣсто самодовольнаго и хлыщеватаго показавля ихъ болѣе счастливыхъ собратій... Въ каждомъ человѣкѣ сидитъ это часто даже неясно сознанное желаніе — пойти полюбоваться на чужое горе и, даже сочувствуя ему, болѣя о немъ, насладиться мыслью о томъ — что вотъ де, слава Богу, меня это не коснулось, или я ушелъ отъ этого, сумѣлъ избѣжать его, выбиться изъ него. Болѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь, это развито въ артиста, живущемъ въ вѣчномъ угарѣ успѣха или провала, въ лихорадочномъ ожиданіи, въ минутѣ и для минуты. Да и кромѣ того — Галлерей все равно никакъ не минуешь. Въ Италиі въ мое время были три царя опернаго дѣла: Риккорди, Лукка и Сонцоньо. Первый — считался главнымъ изъ нихъ. Въ его рукахъ были сосредоточены почти девять десятыхъ оперъ, дающихся на всѣхъ мѣстныхъ сценахъ. Онъ — издатель, и въ качествѣ издателя — онъ имѣетъ право вычеркнуть любого пѣвца или любую пѣвицу изъ программы, представленной ему антрепренеромъ. „Я его (или ее) не знаю, и не увѣренъ въ томъ, что онъ (или она) подержитъ оперу, а потому негодно ли вамъ взять на его (ея) мѣсто N.N.“ Положимъ, импрессарио — не согласенъ, онъ стоитъ за своихъ артистовъ, онъ знаетъ ихъ. „Не хотите? Ну, такъ я не дамъ вамъ эту оперу!..“ Хочешь не хочешь, а пляши, враже, якъ панъ каже!.. Магазины Риккорди въ это время, которое я описываю, помѣщались подъ куполомъ Галлереи, въ ея центрѣ, противъ ресторана Биффи — тоже извѣстнаго каждому, такъ или иначе имѣвшему касательство къ сценѣ въ Миланѣ. Это положительно — клубъ артистовъ, и если у пѣвца, еще начинающаго свою карьеру, заведутся въ карманѣ лишніе гроши — вы непременно застанете его важно сидящимъ передъ Cafe Biffi съ сигарой въ зубахъ передъ стаканомъ какого-нибудь богопротивнаго пойла.

Женѣ нужно было купить что-то у Риккорди, чуть ли не новую оперу, которую ей приходилось вскорѣ пѣть въ Миланѣ. Мы пошли въ Галлерею — и мнѣ сейчасъ же пришлось убѣдиться, что слухи объ успѣхѣ жены уже разнеслись здѣсь. Какіе-то мордастые хористы, музыканты, молодые пѣвцы съ завистливыми глазами, растрепанная пѣвица, чающая дебюта, все это кланялось намъ, искало встрѣтиться съ нами, попасться намъ на дорогѣ, быть замѣченными. Въ окнахъ магазиновъ здѣсь уже красовались ея портреты въ „Динорѣ“ и „Травіатѣ“. Деревянные шеи гордыхъ maestri — оказывались вдругъ очень гибкими, а на лицахъ ихъ читалась уже, вмѣсто недавняго равнодушія, какая-то искательная привѣтливость. Начался мертвый сезонъ, и Галлерея была полнымъ-полна. Гулъ стоялъ надъ нею, какъ надъ гигантскимъ ульемъ; шорохъ тысячь ногъ сливался съ криками продавцевъ газетъ, съ смѣхомъ живыхъ и впечатлительныхъ неаполитанцевъ-пѣвцовъ, съ разговоромъ важныхъ и серьезныхъ ломбардцевъ, съ звуками роялей, доносившимися съ высоты, куда выходило въ самую Галлерею помѣщеніе мѣстныхъ профессоровъ пѣнія, съ трелями, гаммами и соль-феджіями ихъ ученицъ. Послѣ тихой и задумчивой Вероны этотъ гвалтъ пѣвчаго рынка оглушалъ... Мы купили ноты и только что вышли изъ магазина, какъ вдругъ передъ нами очутилась совершенно необыкновенная пара, необыкновенная даже здѣсь, гдѣ, вообще, трудно было бы чему-нибудь удивляться... Маленькая, распылившаяся старушка, которой мѣсто гдѣ-нибудь въ уѣздномъ русскомъ городѣ, да позахолустнѣе; сидѣтъ бы ей у окна, съ чулкомъ въ рукахъ, и поглядывать на деревянную церковь по ту сторону улицы, — церковь, обсаженную ветлами... Добрые глаза

ушли совѣмъ въ щелки, беззубый ротъ складывался въ вѣчную добродушную улыбку. Рядомъ съ нею — рыжая, длинная, плоскогрудая и плоскоспинная дѣвица съ веснушчатымъ лицомъ, безцвѣтными глазами и ртомъ въ ниточку. Прибавьте къ этому громадныя руки и ноги и неизбѣжную чолку надъ узенькимъ лбомъ — и портретъ будетъ дорисованъ.

— Мы васъ знаемъ-съ!.. совѣмъ неожиданно выпалила дѣвица, обращаясь къ моей женѣ.

— Наслышаны-съ! радостно подхватила ея матушка.

— Читали-съ!..

— Во всѣхъ газетахъ...

— И даже самъ Филиппи...

— Одобрить-съ, какъ же...

Это все такъ быстро просыпалось, что мы не могли даже вставить вопроса.

— Очень вамъ благодарна. Вы, вѣрно, учитесь пѣть?.. наконецъ, уловила жена мгновение, когда тѣ смолкли.

— Нѣтъ! гордо отвѣтила длинная барышня. — Я уже кончила... У меня контральто, и всѣ находятъ его божественнымъ!..

Я невольно улыбнулся.

— У моей дочки такой голосъ, что вчера ей агентъ одинъ сказалъ: у васъ миллионъ въ горлѣ.

— Я давно хотѣла познакомиться съ вами... Мы, русскіе, должны помогать другъ другу.

— Моя дочка не нуждается въ помощи, вдругъ надменно вмѣшалась старушка, и это было такъ неожиданно, такъ не шло ко всему ея расплывчато-добродушному виду, что нельзя было никакъ обидѣться на нее. — Моя дочка сама первоклассная пѣвица... Но она еще неопытная...

— Что же вамъ угодно отъ меня? едва удерживая улыбку, спросила жена, уже обращаясь къ первоклассной пѣвицѣ.

— Видите, я вполне увѣрена въ своей карьерѣ, но мнѣ надо нѣсколько совѣтовъ.

— Такъ приходите вечеромъ ко мнѣ...

— Только вы не думайте... Я, собственно, не ищу ничего покровительства.

— И прекрасно дѣлаете...

— Потому что у меня и голосъ, и школа, и артистическіе задатки.

— Душевно радуюсь.

— И притомъ, опять съ какимъ-то наскокомъ, совѣмъ по-сорочьи, вмѣшалась ея матушка, — и притомъ у тебя и наружность... Помнишь, что тебѣ агентъ говорилъ?

— Да и наружность! нисколько не стѣсняясь, подтвердила дочка. — А это тоже не послѣднее.

Мы скорѣе расширились съ ними. Еще минута — и мы бы не выдержали. Меня, по крайней мѣрѣ, разбирала хохоть...

— Вотъ еще несчастная! грустно проговорила жена. — Сколько такихъ ужъ здѣсь пропало.

Мы оглянулись — старушка съ дочкой шли къ выходу необыкновенно гордо: совѣмъ готовая знаменитость!.. Двое, трое ободранцевъ имъ поклонились, онѣ чуть-чуть кивнули имъ въ отвѣтъ и еще выше задрали носы.

— Какъ ихъ звать? спросилъ я. — Онѣ тебѣ, кажется, дали карточки.

— Вотъ прочти...

— *Darie d'Antchiutkina — celebre artista di canto!*

— Что... что?

Жена не повѣрила, сама прочла... Франко-итальянская карточка съ короной маркизской наверху, дѣйствительно, объявляла Дарью д'Анчуткину — знаменитою пѣвицей.

— Напрасно ты ихъ позвала къ себѣ.

— Ну, вотъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, я могу сдѣлать для нихъ что-нибудь. Пойми, вѣдь, онѣ однѣ здѣсь, ничего не знаютъ... Жалко...

Мученическая кончина Св. Евлаліи. Рис. Уэтергауза, грав. Кертеръ.

— О, и Господь съ ними. Видишь, какія самоувѣренныя. Совѣмъ козырныя!

— Нѣтъ, такъ нельзя относиться къ людямъ. И нисколько не раскаиваюсь, что позвала ихъ. А старушка

такъ мнѣ совѣмъ правится. Я помню, у меня нянька такая была... И такія же морщинки добрыя у глазъ у нея, какъ у той, и такой же подобранный ротъ, и точно стертый подбородокъ...

(Продолженіе будетъ).

Уголокъ города Бухары.

Картинка общественной жизни. П. Пясецкаго.

(Рис. на стр. 1040 и 1041).

Бухара или Бохара, — резиденція эмира, нашего недавняго гостя, стала въ послѣднее время довольно хорошо знакома русскимъ читателямъ во многихъ отношеніяхъ. Мы же введемъ ихъ въ одинъ изъ ея многочисленныхъ живописныхъ уголковъ, оригинальная красота которыхъ привлекаетъ къ себѣ по преимуществу глазъ художника и внимательнаго наблюдателя наиболѣе типичныхъ бытовыхъ картинъ.

Европейскому путешественнику, не заботящемуся какой-либо специальной цѣлью, слѣдуетъ нескать въ настоящей Бухарѣ великолѣпна, богатства и роскоши въ устройствѣ улицъ и зданій, чѣмъ такъ блещутъ современныя европейскія столицы, а наиболѣе простыхъ и сохранившихся отъ сѣдой старины картинъ незабывливой и свободной жизни во многомъ счастливыхъ обитателей Востока. И между многообразными проявленіями общественнаго устройства одно изъ болѣе интересныхъ есть то, которое рисуетъ намъ, какъ проводить народъ свои досуги. Вотъ это и представляеть нашъ рисунокъ, изображающій родъ большого ресторана, обширнаго чайнаго дома или клуба. Но это, однако, не самое дѣль, ни ресторанъ, ни чайный домъ, ни клубъ, такъ какъ подобныя мѣста собраній у жителей Бухары не представляютъ чего-либо цѣльнаго или отдѣльнаго, какъ это бываеть въ Европѣ, а они состоятъ изъ цѣлага ряда маленькихъ разнообразныхъ, очень незатѣпливыхъ построекъ, такъ или иначе сгруппированныхъ. Чаще всего они окружають одинъ изъ водныхъ бассейновъ или резервуаровъ, служащихъ для снабженія водою всей Бухары, въ которой ихъ нѣсколько сотъ, и всѣ они имѣють свое особенное названіе, прибавляемое къ слову *хаузъ*, что значитъ водоемъ. На нашемъ рисункѣ изображена часть одного изъ главныхъ такихъ резервуаровъ, называемаго „Дябихаузъ“. Онъ имѣеть шестиугольную форму, окруженъ каменной набережной, спускающейся со всѣхъ сторонъ лѣтниками, примѣрно въ десять ступеней, къ самой водѣ, и обсаженъ тутовыми деревьями, представляющими теперь гигантовъ-старцевъ, которымъ, судя по ихъ размаху, навѣрное, по многу сотенъ лѣтъ. Подъ тѣнью ихъ-то вѣтвей, наклонившихся надъ водою, расположились кольцомъ вокругъ резервуара, такъ-называемые, *чай-ханэ*, цырюльни, кухни и разныя мелочныя лавочки съ рѣшетчатыми окнами, заклеенными бумагой, и скорѣе слѣвленные изъ цыновокъ и разныхъ подпорокъ да подведенныхъ стѣночекъ, чѣмъ построеныя. Остающееся же свободное пространство между ними и окраинной набережной и служить любимѣйшимъ мѣстомъ собраній всѣхъ досужныхъ людей, приходящихъ сюда просто посидѣть и отдохнуть или побесѣдовать съ пріятелями, послушать новостей и потолковать съ нужными людьми о ежедневныхъ дѣлахъ и заботахъ. Такое препровожденіе времени бухарцами есть, если можно такъ выразиться, живое чтеніе живой газеты, какихъ въ ихъ странѣ въ печатномъ видѣ не существуетъ, а ихъ замѣняютъ улицы, площади и подобныя мѣста собраній у воды, вокругъ резервуаровъ, то есть та несмолкающая болтовня, кака я раздается здѣсь съ ранняго утра до поздняго вечера. Въ такихъ-то открытыхъ клубахъ, подъ тѣнью густолиственныхъ тутовъ, а иногда еще и подъ навѣсами изъ разныхъ цвѣтныхъ матерій на цвѣтной же подкладкѣ, прикрѣпленными къ вѣтвямъ деревьевъ, на разостланныхъ цынонкахъ, войлокахъ или стеганыхъ ватныхъ одеялахъ, сидятъ, полулежа, или лежатъ свободные бухарцы, попивая зеленый чай (гокъ-чай) или завтракая предлагаемыми разносчиками лепешками, пельменями и

фруктами, или лакомясь разнообразными мѣстными конфетами и мороженымъ, которое, между прочимъ, есть не что иное, какъ свѣтъ или толченый ледъ, облитый жидкимъ медомъ. Самое же главное и, повидному, самое пріятное занятіе есть чаепитіе, а потому главными и непрѣмыми членами такихъ общественныхъ собраній являются огромные русскіе самовары, — или, какъ бухарцы произносятъ это слово, *самовары*, — русскіе же чайники и чашки, хранимые здѣсь же въ погребахъ или деревянныхъ сундукахъ съ металлической оковкой, также московской работы. Перѣдко тутъ, подъ упомянутыми навѣсами или тентами, можно встрѣтить и вислицую лампу русскаго издѣлія, — *лампа*, въ произошевіи бухарцевъ. Впрочемъ, онѣ вѣшаютъ больше, кажется, какъ украшеніе, во всякомъ случаѣ не горять подолгу, потому что люди Востока живутъ въ большомъ согласіи съ природой: съ солнцемъ вмѣстѣ они встають, скоро же по наступленіи сумерокъ оканчивають свою общественную жизнь и расходятся на покой по своимъ домамъ. Зато цѣлый день, и круглый годъ, — и въ самыя знойныя часы горячихъ лѣтнихъ дней, и въ относительно холодное зимнее время, набережныя хаузвы Бухары бывають всегда оживлены народомъ, шумны, веселы и неудержимо влекутъ къ себѣ всякаго имѣющаго свободный часъ-другой. Но такія народныя собранія состоятъ, обыкновенно, изъ одной мужской половины населенія; представительницы же прекраснаго пола появляются здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ на улицахъ, и всегда не иначе, какъ закутанными въ широкій, обыкновенно синяго цвѣта, плащъ, и съ лицами, закрытыми густыми черными сѣтками, сдѣланными изъ конскаго волоса. Въ такой бронѣ женщина свободно и спокойно проходитъ чрезъ всякую толпу, по любой изъ улицъ, но, обыкновенно, сохраняя полное молчаніе, если она не находится въ сообществѣ себѣ подобныхъ, но и тогда ведетъ бесѣду, болѣею частью, вполголоса. Когда лицо женщины закрыто, она можетъ говорить и съ посторонними мужчинами, когда того требуетъ дѣло, напримеръ, съ кунами, при покупке чего-либо, при диктованіи улчичнымъ писцамъ письма или какой-либо просьбы въ судъ и т. и.

И такъ, вотъ одна изъ типичныхъ картинъ жизни населенія Бухары, и по ней можно составить себѣ представление и о жизни остальныхъ подданныхъ эмира... Много сохранилось въ этой жизни ветхозавѣтнаго; много есть худого, съ нашей точки зрѣнія, но есть не мало и своеобразно хорошаго. И вотъ что особенно бросается въ глаза европейцу, посетившему Бухару, это — простота жизни и свобода, т. е. непринужденность всѣхъ и каждаго въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

На Востоку виноватъ и стѣсненъ только преступникъ, и участь его тамъ, дѣйствительно, тяжела; зато всякій, не навлекшій на себя кары закона, проступкомъ или преступленіемъ, — свободенъ, какъ птица, вьющая гнѣздо близъ его жилища, или какъ этотъ тѣплый лучъ солнца, что освѣщаетъ, грѣетъ и радуеть его. Оттого, можетъ-быть, и въ душу европейца, созерцающаго эти простыя формы въ жизни обитателей сердца Азіи, проникаетъ какъ бы болѣзненное сожалѣніе о чемъ-то очень дорогомъ, но навсегда утраченномъ, — о той простотѣ и, такъ сказать, дѣтской свободѣ жизни, о правѣ жить, какъ кому хочется и кому какъ возможно, не ставясь предметомъ празднаго вниманія или даже порицанія, вызываемаго тоже праздностью мысли и болѣею жесткостью чувства, которое у жителя Востока такъ же ближе къ природѣ, какъ и весь складъ его жизни.

Дѣло о контрактѣ.

Разсказъ объ американскихъ порядкахъ. Мариа Тэзна. (Перев. съ англійскаго).

Я хочу разсказать здѣсь объ одномъ дѣлѣ. Происхожденіе этого дѣла таково:

Джонъ Вильсонъ Мэккензи, — изъ Роттердама, что въ штатѣ Нью-Джерси — заключилъ 10 октября 1861 г. съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ контрактъ, по которому обязался поставитъ 30 бочекъ мяса арміи генерала Шермана. Прекрасно заготовивъ мясо, онъ отправился съ тридцатью бочками въ главную квартиру Шермана. Но когда онъ прибылъ въ Вашингтонъ, Шерманъ уже тамъ не было. Его армія подвинулась къ Манассасу. Мэккензи отправился за нимъ туда, но опоздалъ: Шерманъ былъ уже въ Нашвиллѣ. Изъ Нашвилля армія перешла въ Чаттанугу, изъ Чаттануги — въ Атланту, и всюду за нею гнался неутомимый Мэккензи, и всюду опаздывалъ. Изъ Атланты онъ отправился слѣдомъ за арміею, когда Шерманъ сдѣлалъ знаменитый переходъ къ морю, но и тутъ не засталъ

ее. Услыхавъ потомъ, что Шерманъ отправился на экскурсію въ Палестину, онъ посѣдшилъ ему на перерѣзъ, взявъ мѣсто для себя и для своихъ 30 бочекъ мяса на одною изъ пароходовъ, шедшихъ въ Бейрутъ. Прибывъ послѣ многихъ приключеній въ Палестину, онъ узналъ, что Шерманъ и не думалъ туда отправляться, а воюеть себѣ въ стѣнахъ съ индѣйцами. Не думая долго, онъ вернулся въ Америку и направился, все со своими бочками, къ Скалистымъ горамъ. Послѣ 18-дневнаго тяжелаго и опаснаго пути онъ почти достигъ своей цѣли. Но тутъ, всего въ 4-хъ миляхъ отъ стоянки Шермана, онъ былъ внезапно окруженъ индѣйцами, убитъ и скальпированъ, а его „мясо“ съѣли индѣйцы. Впрочемъ, не все. Шермановскіе солдаты успѣли отбить одну изъ тридцати бочекъ и, такимъ образомъ, смѣлый подрядчикъ хотя отчасти исполнилъ свой контрактъ. По завѣщанію, онъ передалъ контрактъ своему сыну

Варооломею, который скоро умеръ, хотя успѣлъ составить полный счетъ по контракту съ правительствомъ. Счетъ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

Соединенные Штаты.

По договору съ Джономъ Вильсономъ Мэккэнзи, нынѣ умершимъ:

30 бочекъ мяса для генерала Шермана . . . 3.000 ф. ст.
Издержки по доставкѣ 14.000 ф. ст.

Итого . . . 17.000 ф. ст.

Отъ Варооломея контрактъ перешелъ въ руки В. Мартина, который началъ хлопотать объ уплатѣ ему должныхъ денегъ, но въ самомъ началѣ хлопотъ умеръ. Отъ Мартина контрактъ перешелъ къ Баркеру Аллену, отъ Аллена къ Ансону Роджерсу, который, ведя дѣло по различнымъ инстанціямъ, довелъ его до бюро девятаго аудитора. Но тутъ безжалостная смерть настала и Роджерса. Много собственниковъ перемѣнило контрактъ, но какъ-то такъ случалось, что всѣ они умирали прежде, чѣмъ добиться чего-нибудь. Наконецъ, поналъ онъ ко мнѣ позавѣщанію одного моего родственника, нѣкоего Губбарта,—Вифлеема Губбарта изъ Индіаны. Я рѣшилъ взяться, наконецъ, серьезно за дѣло и, собравъ всѣ бумаги и счета, отправился прямо къ президенту республики.

— Чѣмъ могу служить вамъ, сэръ? спросилъ меня президентъ.

— Сэръ, отвѣчала я,—10 октября, или около этого, 1861 г., Джонъ Вильсонъ Мэккэнзи, изъ Роттердама, что въ штатѣ Нью-Джерси, нынѣ покойникъ, заключилъ съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ контрактъ на поставку генералу Шерману 30-ти бочекъ мяса.

Тутъ президентъ меня остановилъ и отпустилъ—въѣжливо, но рѣшительно. На слѣдующій день я отправился къ государственному секретарю.

— Что вамъ угодно, сэръ? спросилъ тотъ.

— Ваша милость, отвѣчала я,—10 октября или около этого, 1861 г., Джонъ Вильсонъ Мэккэнзи, изъ Роттердама, что въ штатѣ Нью-Джерси, заключилъ съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ контрактъ на поставку генералу Шерману 30-ти бочекъ мяса...

— Довольно, сэръ, довольно. Моя канцелярія не имѣетъ отношенія къ поставкамъ мяса.

Я принужденъ былъ удалиться.

Обсудивъ хорошенько дѣло, я рѣшилъ обратиться къ морскому министру.

— Говорите поскорѣе, въ чемъ дѣло, сэръ, встрѣтилъ меня министръ, когда я вошелъ въ его бюро.

— Ваша честь, отвѣчала я,—10 октября, или около этого, 1861 г., Джонъ Вильсонъ Мэккэнзи, изъ Роттердама, что въ штатѣ Нью-Джерси, заключилъ съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ контрактъ на поставку генералу Шерману 30-ти бочекъ мяса...

Я дальше не пошелъ, и тутъ морской министръ тоже не имѣлъ никакого отношенія къ поставкамъ мяса для арміи. Мнѣ все это начинало казаться страннымъ: какъ будто-бы они всѣ хотѣли, во что бы то ни стало, уклониться отъ расплаты за мясо Мэккэнзи. На другой день я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ.

— Ваше могущество! сказала я ему.—10 октября, или около этого, 1861 г....

— Довольно, сэръ. Я слышалъ уже о васъ. Не угодно ли вамъ удалиться и унести съ собою этотъ глупый мясной контрактъ изъ моего бюро. Министрство внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ никакого къ нему касательства.

Я ушелъ; но теперь исторія начала возмущать меня. Я далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, добиться толку, рѣшивъ обойти всѣ казенныя бюро, пока дѣло о контрактѣ не будетъ рѣшено. Я положилъ себѣ, или получить деньги, или погибнуть въ борьбѣ, какъ погибли мои предшественники. Я былъ у главнаго почмейстера; ходилъ въ департаментъ земледѣлія; разговаривалъ со спикеромъ палаты и со спикеромъ сената. Никто изъ нихъ не имѣлъ отношенія къ моему контракту. Я поналъ, наконецъ, въ патентное бюро.

— Ваше святѣйшество, обратился я къ начальнику этого учреждения.—10 октября, или около...

— Вы и сюда забрались съ вашимъ контрактомъ! разсердился онъ.—Мое бюро не имѣетъ никакого отношенія къ такимъ дѣламъ. Убирайтесь къ чорту!

— Покорно васъ благодарю, но кто же нибудь да долженъ мнѣ заплатить за это мясо. Вотъ что: если вы не заплатите мнѣ—я разнесу, наконецъ, все ваше бюро, со всѣмъ, что въ немъ есть.

— Но, дорогой сэръ...

— Безъ всякихъ „но“, сэръ, отвѣчала я.—Патентное бюро отвѣтитъ мнѣ за мое мясо. Оно заплатитъ мнѣ за него до послѣдней копейки...

Нечего передавать подробности этой сцены. Она, конечно, закончилась битвой. Патентное бюро побѣдило. Но я ушелъ отсюда все же не съ чѣмъ: мнѣ дали совѣтъ. Мнѣ посоветовали обратиться въ казначейство.

Я такъ и поступилъ.

Послѣ 2-хъ часовъ ожиданія, меня принялъ главный казначей.

— Святѣйшій, доблестѣйшій синьоръ, сказала я ему.—10 октября, или около этого, 1861 г....

— Достаточно, сэръ. Я знаю, въ чемъ ваше дѣло. Потрудитесь обратиться къ первому аудитору казначейства.

Я обратился. Меня отослали ко второму аудитору, потомъ къ третьему. Третій аудиторъ направилъ меня къ первому контролеру въ отдѣленіе мясныхъ консервовъ. Дѣло, повидному, начинало налаживаться. Первый контролеръ пересмотрѣлъ свой архивъ, но не нашелъ въ немъ ничего, относящагося къ подряду Мэккэнзи. Я перешелъ отъ него ко второму контролеру того же отдѣленія. Тамъ повторилось то же. Но это меня не обезкуражило. Во всякомъ случаѣ, мои дѣломъ занимались. Въ теченіе недѣли я обошелъ всѣхъ шестерыхъ контролеровъ, по увы, безъ успѣха. Тогда я перешелъ въ департаментъ прененій. Въ три недѣли я обошелъ отдѣленія департамента утеринныхъ контрактовъ. Послѣ этого оставалась надежда только на одно учрежденіе—департаментъ обрывковъ и остатковъ. Я отправился туда. Въ комнатѣ сидѣло 16 хорошихъ лѣди, за конторскими книгами, и 6 молодыхъ людей, посвятившихъ ихъ въ тайны бухгалтеріи. Лѣди мило улыбались своимъ учителямъ; учителя съ готовностью возвращали эти улыбки. Все это было очень мило и весело. Два или три чиновника сидѣли съ газетами и, при моемъ появленіи, поглядѣли на меня вовсе не привѣтливо. Впрочемъ, они не сказали ни слова, поглядѣли только и снова принялись за газеты. Но меня не смутило это. Не даромъ я, въ самомъ дѣлѣ, все это послѣднее время только и дѣлалъ, что обходилъ разныя бюро и канцеляріи, начиная съ департамента мясныхъ консервовъ и кончая департаментомъ затерявшихся контрактовъ. Этотъ поучительный опытъ вышколоилъ меня до такой степени, что я могъ уже терпѣливо стоять на одномъ мѣстѣ, не перемѣняя ноги болѣе двухъ, или—самое большее—трехъ разъ, съ момента моего появленія въ канцелярію до того момента, когда кто нибудь изъ чиновниковъ соблаговолитъ, наконецъ, обратиться на меня свое вниманіе.

Однако, здѣсь мнѣ пришлось перемѣнить ногу 4 раза, и никто не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Тогда я самъ обратился къ чиновнику, читавшему газету:

— Славнѣйшій виазиръ, могу я видѣть великаго султана?

— Что вы хотите этимъ сказать? Кого вы имѣете въ виду? Если вы говорите о начальникѣ отдѣленія, то его нѣтъ теперь здѣсь.

— Посѣтитъ ли онъ сегодня свой чертогъ?

Молодой человѣкъ внимательно поглядѣлъ на меня, потомъ отвернулся и продолжалъ читать свою газету. Но я зналъ ихъ привычки. Я зналъ, что мое дѣло будетъ въ шляпѣ, если только чиновникъ этотъ успѣетъ окончить чтеніе газеты раньше прихода слѣдующей нью-йоркской почты. Я видѣлъ, что ему оставалось два только столбца. Очевидно,—успѣетъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени онъ окончилъ чтеніе, потянулся, зѣвнулъ и, наконецъ, спросилъ меня, что мнѣ, собственно, нужно.

— О, идолъ безчувственный, сказала я,—10 ок...

— А! Вы насчетъ контракта. Покажите мнѣ ваши бумаги.

И онъ началъ рыться въ старыхъ дѣлахъ. Долго рылся онъ безуспѣшно, но, наконецъ, въ сѣверо-западномъ отдѣлѣ онъ нашелъ давнымъ-давно затерявшіяся бумаги, касающіяся моего контракта; онъ нашелъ, наконецъ, ту скалу, о которую разбились мои многочисленные предшественники. Я былъ глубоко, но радостно взволнованъ. Я пережилъ, значитъ, всѣ опасности и достигъ, казалось, недостижимой цѣли.

— Дайте же мнѣ ихъ, обрадовался я,—теперь дѣло мое будетъ рѣшено, наконецъ...

Но онъ отодвинулъ мою руку, сказавъ, что это еще не все; остается еще многое сдѣлать.

— Гдѣ теперь находится Джонъ Вильсонъ Мэккэнзи? спросилъ онъ.

— Онъ умеръ.

— Когда онъ умеръ?

— Онъ, въ сущности, не умеръ, а былъ убитъ.

— Какъ?

— Онъ былъ убитъ индѣйцами.

— Кто именно убилъ его?

— Кто? Какой-то индѣецъ, конечно. Надѣюсь, не вашъ школьный надзиратель!

— Имя этого индѣйца?

— Его имя?... Я не знаю его имени.

— Вы должны знать имя. Кто присутствовалъ при фактѣ убійства?

— Я не знаю.

— Вы, значитъ, сами не присутствовали?

— Вы можете убѣдиться въ этомъ по моимъ волосамъ: я, вѣдь, не похожъ на оскальнированнаго.

— Тогда почему же вы знаете, что Мэккэнзи не живъ?

— Да потому, что это, навѣрное, извѣстно, что онъ умеръ.

— Этого мало. Намъ нужны доказательства. Захватили ли вы индѣйца?

Румынская пастушка. Съ карт. Г. Вастага, грав. Кезебергъ.

Филинь-пугачь (*Bubo ignavus*), защищающийся от нападения сапсана (*Falco peregrinus*).
Рис. Л. Бекманн, грав. Герике.

— Конечно, нѣтъ.
 — Напрасно. Вы *должны* пойти его. Нашли ли вы, по крайней мѣрѣ, тамагаукъ, которымъ былъ убитъ Джонъ Мэккензи?
 — Я никогда объ этомъ и не думалъ.
 — Вы должны пойти тамагаукъ. Вы должны пойти тамагаукъ и его собственника—индѣйца. Если вы сумѣете такимъ образомъ *доказать* смерть Мэккензи, обратитесь тогда въ департаментъ, вѣдающій просроченные платежи и, быть можетъ, добьетесь того, что вашимъ счетомъ займуся серьезно. Тогда, пожалуй, ваши дѣти, или внуки получатъ деньги. Но, во всякомъ случаѣ, вы должны доказать смерть подрядчика. Къ тому же долженъ васъ предупредить, что правительство никогда образомъ не согласится платить пугеви и прочія издержки бѣдняги Мэккензи. *Можетъ быть*, оно согласится заплатить за ту бочку мяса, которая попала-таки въ руки Шермаповскихъ солдатъ,— да и для этого вамъ надо будетъ добиться особой ассигновки на конгрессѣ,— но за 29 бочекъ, которыя съѣли индѣйцы, оно, навѣрное, не захочетъ платить ни гроша.
 — Значитъ, мнѣ полагается только 100 долларовъ, да и тѣ— проблематическіе! И это— послѣ всѣхъ путешествій Мэккензи со своимъ мясомъ по Европѣ, Азій и Америкѣ; послѣ всѣхъ его пенитанцій, страданій и гибели; послѣ безвременной смерти всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которые тщетно пытались добиться уплаты и дали въ этихъ попыткахъ!.. Молодой человѣкъ, почему же мнѣ не сказалъ этого съ самаго начала первый контролеръ казначейства?
 — Онъ не зналъ вашего дѣла.

— Почему не сказалъ мнѣ этого второй контролеръ? третій? четвертый? Почему не сказалъ мнѣ этого ни одинъ человѣкъ во всѣхъ тѣхъ канцеляріяхъ, пороги которыхъ я такъ долго обиваю?..

— Никто изъ нихъ не зналъ точно вашего дѣла. Вѣдь, мы здѣсь въ царствѣ рутинны. Вы, въ концѣ концовъ, подчинились ей и нашли, что вамъ было нужно. Это—лучшій способъ; вѣрнѣе, это единственный способъ добраться до истины. Онъ медленнѣе, этотъ способъ, правда, но за то онъ—вѣренъ.

— Да, вѣренъ, какъ смерть. Эта смерть была удѣломъ моихъ предшественниковъ. Я начинаю думать, что ея рука простерта и надо мною. Молодой человѣкъ, вы любите вотъ ту милую дѣвушку, съ мягкими голубыми глазами и перомъ за ухомъ,— я вижу это по вѣжнымъ взглядамъ, которые вы посылали по ея адресу. Вы хотите жениться на ней, но бѣдность стоитъ на дорогѣ вашего счастья. Вотъ! Протяните вашу руку,—вотъ вамъ мой мясной контрактъ! Возьмите его и будьте счастливы! Благослови васъ небо, мои дѣти!

Вотъ все, что я могу рассказать читателямъ объ этомъ знаменитомъ контрактѣ. Чиновникъ, которому я завѣщалъ его, умеръ. Какая судьба постигла потомъ самый контрактъ— не знаю. Но если читатель очень хочетъ знать это, пусть онъ походитъ по Вашингтонскимъ канцеляріямъ столько, сколько въ свое время походилъ я, и онъ, наконецъ, узнаетъ все то, что онъ могъ бы узнать въ первый же день, будь эти канцеляріи организованы такъ же просто и систематично, какъ организовываются всегда частныя коммерческія предпріятія.

И. Н.

Изъ процессовъ о волшебствѣ.

Очеркъ В. Адамовича.

Пытливый умъ человѣческой искони вѣковъ стремился къ разрѣшенію тѣхъ таинственныхъ вопросовъ, которые природа ставила первобытному человѣку на каждомъ шагѣ. Но погруженный во мракъ невѣжества, человѣкъ отвѣчалъ на эти вопросы своимъ младенческимъ языкомъ, вслѣдствіе чего съ самыхъ раннихъ эпохъ у народа образовалось чрезвычайно своеобразное представленіе о всѣхъ явленіяхъ окружающей природы. Засухи, быстрыя перемены погоды, повѣтріе, голодъ, морь, необъяснимыя нравственные страданія, таинственные излѣченія—словомъ, все непонятное для первобытнаго человѣка принималось дѣйствіемъ цѣлага сонма боговъ, изъ которыхъ одни вредили, а другіе помогали человѣку. Христіанское ученіе не было въ состояніи уничтожить всей массы суевѣрія, завѣщаннаго потомству предшествовавшими поколѣніями, а лишь дало ему другую окраску, болѣе соответствующую новому ученію.

Теперь все злое, которое раньше приписывали „злымъ богамъ“, стали приписывать дьяволу, при чемъ съ теченіемъ времени прежнее суевѣріе все болѣе и болѣе обогащалось творческой фантазіей человѣка. Мало-по-малу выработалось убѣжденіе, что дьяволъ спускается на землю, таскается среди людей и ловитъ въ свои сѣти грѣшныя души. О пребываніи дьявола на землѣ ходили самыя невѣроятныя рассказы, которые въ настоящее время могутъ вызвать одну лишь улыбку.. Привлеченныя къ допросу, во время одного процесса, шведскія вѣдьмы утверждали, что дьяволъ въ своихъ путешествіяхъ по землѣ носитъ особый костюмъ, состоящій изъ сѣраго кафтана, красныхъ штановъ съ ленточками и синихъ чулокъ. Про Лютера распустили слухъ, что онъ бросилъ въ дьявола чернильницу, а многіе благочестивые люди, не боясь вызвать педовѣрія, провозгласили утверждали, что плевали дьяволу въ рожу. Рассказывали далѣе, что одинъ ирландецъ, по имени Дунстанъ, выбросилъ дьявола за шею изъ хижины. А съ какимъ довѣріемъ даже высшее сословіе относилось къ подобнаго рода рассказамъ, можно видѣть изъ того факта, что одинъ средневѣковій писатель, не стѣняясь, утверждалъ въ своемъ сочиненіи, что дьяволъ, желая насолить человѣчеству, въ 1626 г. нанялъ близъ города Милана великолѣпную виллу и жилъ тамъ около полугода подъ именемъ герцога Маммона. Когда же въ Швейцаріи, въ Гларусѣ, въ 1786 г. была сожжена послѣдняя вѣдьма, во всей Западной Европѣ стали ходить рассказы, что дьяволъ расхаживаетъ по землѣ блѣдный, больной и изнеможенный отъ горя, такъ какъ предчувствуетъ свое паденіе.

Всѣ эти суевѣрныя измышленія народной фантазіи, объясняемыя исключительно средневѣковымъ невѣжествомъ, принесли, однако, много вреда человѣчеству. Они укрѣпляли людей въ убѣжденіи, что дьяволъ, дѣйствительно, заключаетъ сдѣлки съ колдунами и вѣдьмами и покушается у нихъ за извѣстныя блага души съ тѣмъ, чтобы тѣ распространяли соблазнъ среди людей. И средневѣковое благочестіе, даже въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, требовало преданія такихъ преступниковъ сожженію.

Кровавая исторія волшебства въ Западной Европѣ, собственно, начинается буллой папы Иннокентія VIII, изданной 5 декабря 1484 г., въ которой повелѣно было предавать казни всѣхъ сообщниковъ дьявола. Вскорѣ выработалась цѣлая

система преслѣдованія, нашедшая себѣ выраженіе въ трудѣ председателя инквизиціоннаго суда въ прирейнскихъ областяхъ— извѣстнаго своею жестокостію Якова Ширенгера, который, черезъ 4 года послѣ обнаруженія папской буллы, издалъ цѣлый кодексъ, гдѣ послѣдовательно изложилъ, какъ всѣ подробности процесса, такъ и тѣ признаки, по которымъ, по его мнѣнію, можно узнавать чародѣевъ, и объ ихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ; въ этомъ же трудѣ излагался способъ составленія договоровъ, которые дьяволъ заключалъ съ колдунами, а также и подробности обстановки дьявольскаго праздника „саббата“. Наказаніе дано вѣдьмѣ и колдуновъ опредѣлялось одно:—*казнь черезъ сожженіе*, которому предшествовали рядъ пытокъ и мученій, характеризующихъ собою жестокой средневѣковой уголовный процессъ. Послѣ всѣхъ ужасовъ пытки, эти несчастныя жертвы общаго заблужденія съ радостію бросались въ объятія смерти, надеясь въ ней найти забвеніе. Вотъ одинъ изъ тысячи подобныхъ процессововъ, имѣвшихъ мѣсто въ Шотландіи.

Служанка денюгата Байлифа Тракеншикаго, Геллія Дункантъ, хранила у себя какіе-то составы, быть можетъ, для того, чтобы поддерживать свою красоту. Но благочестивый хозяинъ сейчасъ же заподозрилъ ее въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и началъ пытать. Первую пытку Геллія выдержала мужественно. Ничего не добившись, рѣшили подвергнуть ее вторичному испытанію. Тогда Геллія призналась, но обвинила въ соучастіи до 50 самыхъ знатныхъ жителейща города Эдинбурга, а въ томъ числѣ и Евфимію, дочь лорда Клейфшонгалля, сенатора и члена юстицъ-коллегии. Дѣло приняло грозный оборотъ. Явилось подозрѣніе, что всѣ эти колдуны и колдуньи злоумышляли на жизнь короля Якова. Суевѣрный, слабохарактерный, но въ то же время и жестокой, король велѣлъ позвать къ себѣ на допросъ Геллію и сталъ лично руководить процессомъ. Одинъ изъ олеветанскихъ, бывшій учитель, почтенный и всѣмъ уважаемый человѣкъ, ибкто Куннингамъ, называемый въ процессѣ докторомъ Фіономъ, былъ также преданъ пыткамъ.. Переноса съ удивительнымъ терпѣніемъ всѣ страданія, онъ уиорно отрицалъ свою виновность, вслѣдствіе чего рѣшено было примѣнить къ несчастному испытаніе сапогами—самое свирѣное и болѣзненное.. Измученный страданіями, этотъ сильный душою и тѣломъ человѣкъ не выдержалъ и признался во всемъ, чего отъ него добивались. Автоматически повторялъ онъ за своими палачами, что онъ и сообщникъ дьявола, и развратный человѣкъ, и замышлялъ колдовствомъ погубить короля!—Судьи торжествовали. Но на другой день Фіонъ вновь сталъ отвергать свое участіе въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Тогда король опять велѣлъ подвергнуть его пыткамъ. Фіону бивали палы въ пальцы, особыми клещами срывали ногти.. но, видя упорство, рѣшились начать пытку сначала. Въ пыткахъ у Фіона лопнули жилы, изломались ногти, и онъ опять сознался. Подобнымъ испытаніямъ подвергли всѣхъ колдуновъ и вѣдьмъ, при чемъ всѣ рассказывали о своихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ страшныя небылицы, выдумывая на себя все, что было угодно слышать палачамъ. Король, прочитывая эти показанія, нѣсколько разъ кричалъ: „они лгутъ..“, но потомъ все-таки увѣровалъ. Вѣдьмы утверждали, что главная ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы, во время путешествія короля по морю, произвести бурю и потопить корабли. Для этого,

будто бы, собралось 200 вѣдьмъ, каждая помѣстилась въ рѣшетѣ, и вся эта ватага хотѣла взволновать море. Фіонъ былъ у дьявола секретаремъ, Геллія начальницей плясок... А король слушала всѣ эти небывлицы и потомъ признавался, что, дѣйствительно, во время его путешествія, когда вѣсьмъ дулъ попутный вѣтеръ, его корабль свнесло въ сторону.

Изъ процесса другихъ вѣдьмъ мы узнаемъ, что онѣ ночью ходили на Блокуллу (мѣсто, по народному преданію, собранія вѣдьмъ, похожее на нашу Лысую гору близъ Кіева и на Брокенъ въ Германіи), гдѣ пировали вмѣстѣ съ дьяволомъ: онѣ подробно разсказывали про одежду, въ которой дьяволъ былъ наряженъ, и про ужинъ, которымъ онѣ ихъ угощали. Подъ пытку вѣдьмы признались, что меню состояло изъ хлѣба съ капустою, свиного сала, овсяной муки, масла, молока и творогу... Ужинъ кончился пляской, при чемъ дьяволъ игралъ на арфѣ и хохоталъ...

Наивность судей при допросахъ переходила всѣ границы... Такъ, одинъ судья, старый служака, герой тридцатилѣтней войны, былъ назначенъ судьей въ Линденгеймскомъ процессѣ. Видя впередъ собору колдуний, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, почтенный судья настоятельно добивался у нихъ узнать о чрезвычайно интересномъ для него явленіи, а именно: кто у дьявола занимаетъ мѣсто парницы, кто изъ чертей прозведенъ въ генералы и за какія отличія, изъ кого состоятъ штатъ офицеровъ и хороши-ли тамъ кандалы? Подъ вліяніемъ пытки обвиняемыя повторяли слова своихъ палачей, вслѣдствіе чего отвѣты получались довольно опредѣленные. Показанія эти заносились, и потомъ благочестивые ученые исцущали надъ ними свой мозгъ, чтобы узнать полную организцію царства тѣмъ. У Горета приведена полная географія ада. В. Скоттъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, что книга этого ученаго написана столь методически и понятно, а географія ада поясняется собранными отовсюду свѣдѣніями, начиная съ Амвоніи и Порфирія до Главилія и аббата Фіорнъ, столь подробно, что теперь адъ такъ же хорошо извѣстенъ, какъ теченіе Нигера, и если путешественникъ не найдетъ выхода изъ ада послѣ прочтенія этой книги, то будетъ самъ виноватъ въ этомъ... Адъ онъ положительно дѣлится на округа, подобно тому, какъ нѣкогда дѣлили Германію.

Количество этихъ ужасныхъ процессовъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія. Въ небольшомъ городкѣ Вюрцбургѣ въ теченіе двухъ лѣтъ было разобрано 157 подобныхъ процессовъ, и всѣ они, почти безъ исключенія, окончились самой жестокой казнью. Какъ и всегда, вообще, главное число жертвъ падаетъ на женщинъ, но между несчастными попадаются также иностранцы, дѣти отъ 9-ти-лѣтняго возраста, 14 священниковъ, 2 несовершеннолѣтніе сына извѣстнаго въ свое время сенатора Штольценберга, и, наконецъ, красавица города Вюрцбурга Гобель Бабеліна.—Можно теперь себѣ представить, что творилось по всей Германіи! Костры пылали повсемѣстно, и въ чемъ благочестивые люди имѣли возможность ежедневно наслаждаться муками приверженцевъ дьявола. По словамъ Дельрію, въ одной только Женевѣ въ 1515 году, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, было предано казни 500 сообщниковъ дьявола. Ремингъ утверждаетъ, что въ Логаринггъ за пять лѣтъ, начиная съ 1580 года, было сожжено 900 колдуновъ и вѣдьмъ.—Статистическія данія Варроломея де-Синна показываютъ, что въ Комскомъ епископствѣ въ одинъ годъ было брошено въ пламя 1,000 человекъ, и, затѣмъ, ежегодно погреблялось по 100 колдуновъ и вѣдьмъ. Общая цифра погибшихъ въ пламени за колдовство чрезвычайно велика. По вычисленію нѣкоторыхъ писателей, до 1628 г. было сожжено 15,000 человекъ, а за весь періодъ отъ паданія буллы Иннокентія VIII (1484 г.) до 1749 г., когда въ Вюрцбургѣ была брошена въ огонь Марія Ренаша—болѣе 100,000 человекъ. Въ одной Англіи, по словамъ Баррингтона, во время этихъ преслѣдованій было сожжено болѣе 30,000 человекъ.

Что касается Россіи, то здѣсь количество погибшихъ за волхование несравненно меньше, нежели въ Западной Европѣ. Факты преданія сожженію одиноко стоятъ въ нашей исторіи, при чемъ самое преслѣдованіе отличалось всегда *случайнымъ* характеромъ и никогда не было такъ систематически организовано, какъ это мы видимъ въ Западной Европѣ у Шпенгера и его единомышленниковъ.—Громадное число казней было у насъ совершено помимо всякихъ процессовъ и безъ участія государственной власти, исключительно „народнымъ самосудомъ“, который давалъ о себѣ знать во время большихъ народныхъ бѣдствій: голода, мора, засухи, пожаровъ, ибо въ этихъ несчастіяхъ народъ всегда обвинялъ вѣдьмъ и волхвовъ. Такъ, изъ лѣтописи мы узнаемъ, что въ 1227 году новгородцы „изъясноша волхвовъ четыре“ на Ярославомъ Дворѣ, а въ 1411 году, когда была страшная моровая язва, было сожжено 12 „отпихихъ жонокъ“. Точно также, во время страшнаго пожара въ Москвѣ въ 1547 году, когда въ огнѣ погибло болѣе 1,500 человекъ, народъ обвинилъ во всемъ Анну Глинскую, утверждая, что она вынимала сердца у людей, кладя ихъ въ воду, и тою водою кропила улицы, разбѣжая по Москвѣ. Вообще, и у насъ, въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, женщины гораздо болѣе страдали отъ преслѣдованія въ чаро-

дѣйствіи, нежели мужчины, что объясняется отчасти тѣмъ приниженымъ положеніемъ, въ которомъ находилась женщина въ средніе вѣка. Намъ предки думали, что женщина гораздо способнѣе входитъ въ короткую связь съ пещеною силою. „Паче же женами бѣсовская волхвованія бывають“, утверждаетъ лѣтописецъ,—„искоинъ бо бѣсъ жену прелести, сія-же мужа; тако и въ наши дни много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравою и шыми бѣсовскими кознями...“ Прекрасному полу наши предки приписывали особенную „злостъ“, которую еще въ XI вѣкѣ началъ проповѣдывать Святославъ Изборникъ. Жена, говорится тутъ: „соблазнила Адама, положила начало всякому грѣху... Не слушай злой жены... медь каплетъ изъ устъ ея, но онъ скоро будетъ горче желчи и полыни, и острѣ ножа. Женщина улавливаетъ души честныхъ людей и низводитъ ихъ въ адъ... Пути адовы—пути ея... Она заключила въ темницу Іосифа, она совѣтовала самоубійствомъ кончить жизнь Іову, была виновницей убійства Ури и паденія Давида и Соломона; она ослѣпила сильнѣйшаго изъ людей Самсона, умертвила Навуфея, злоумышляла на жизнь пророка Ілліи и добивалась головы Іоанна!...“ Заперевъ женщину на другой половникъ, отрѣзавъ ее отъ всего остального міра, средневѣковой деспотизмъ бросилъ ее на жертву суевѣрью. „Издѣтка“, говорится въ одномъ памятникѣ,—„начнетъ она (женщина) у проклятыхъ бабъ обавничать навѣкать и еретичества искать и вопрошати будетъ многихъ, какою бы ей замужъ выйти и какъ бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и възметъ обавничковъ и обавницъ, и волшебствъ сатанинскихъ и надъ бѣстою будетъ шенты ухипрати и подъ носѣ подсыпати, и въ возглавіи и въ постелю шивати, и въ порты рѣзати, и всякія прилучившія къ тому промышляти, и кореньями и травами приѣшати и *всѣмъ надъ мужемъ чаруютъ*“. Естественно послѣ этого, что главный контингентъ несчастныхъ, ставшихъ жертвою суевѣрій и сторѣвшихъ въ пламени, представляли всюду женщины.

Вѣра въ силу колдовства была распространена у насъ не только въ простонародѣ, но повсемѣстно встрѣчалась въ среднѣ высшихъ классовахъ: отъ нея не были свободны даже и царскіе чертоги... Такъ, изъ одного процесса извѣстно, что первая супруга великаго князя Василія Ивановича, Соломонія, некала помощи отъ неплотія въ чародѣйствѣ и ворожбѣ. Долго она, при помощи своихъ прислужницъ, разбѣждала, гдѣ живутъ колдуны, и, наконецъ, велѣла къ себѣ позвать Ивана Сабурова, котораго упростила привести къ себѣ какую-то рязанку Стефаниду. Ворожея явился къ великой княгинѣ, осмотрила ее, наговорила на рукомоиникѣ, и объявила, что дѣтей у нея не будетъ, но, если она будетъ ежедневно умываться изъ наговореннаго рукомоиника, тогда князь всегда ее любить будетъ. Кроме того, ворожея совѣтовала княгинѣ, омочивъ куру въ рукомоиникѣ, кропить этою водою ежедневно сорочку, бѣлье и одежду великаго князя... Соломонія аккуратно исполняла совѣты ворожеи, но въ то же время замѣчала, что Василій Ивановичъ отдалялся отъ нея, такъ какъ страстно желалъ имѣть потомство. Однажды, возвращаясь съ охоты, великій князь обратилъ свое вниманіе на птичку гнѣздышко, и, вспомнивъ, что у него нѣтъ потомства, зарыдалъ и воскликнулъ: „Люгѣ мнѣ! Кому уподобился азъ? Не уподобился ли птицамъ небеснымъ, ни звѣрямъ земнымъ, ни рыбамъ, ни земли сей, яко и земля приоснѣтъ плоды своя во всякое время!...“ Княгинѣ донесли объ этой горькой фразѣ Василія Ивановича. Тогда она рѣшается вновь обратиться къ ворожбѣ. Черезъ того же Сабурова княгиня раздобыла какую-то „безносую черницу“, которая наговорила „не то масло, не то медъ прѣсный“ и велѣла этимъ лѣкарствомъ натирати свое тѣло... И этотъ совѣтъ Соломонія исполнила аккуратно, но не достигла желанной цѣли... Ее насильно вывели изъ дворца и постригли въ женской обители въ Суздальѣ.

Жена знаменитаго Курбскаго, Марія Козинская, на которой князь женился въ Литвѣ, точно также всѣми силами хотѣла расположить въ свою пользу своего супруга. Послѣ ея смерти былъ найденъ мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и какими-то снадобьями, полученными отъ одной старухи, которыми княгиня, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, думала поддерживать постоянную любовь своего супруга.—Іоаннъ Грозный точно также вѣрилъ въ предразсудки. По сказанію Горсея, царь, опасаясь смерти, собралъ на Сѣверѣ Руси до 60 чародѣевъ, велѣлъ привести ихъ въ Москву, занерезъ подъ стражу, и поручилъ своему любимцу, Богдану Бѣльскому, посѣщать и выпытывать ихъ о его судьбѣ. Эти чародѣйки, будто бы, и предсказали царю, что онъ умретъ 18 марта.

Нѣсколько случаевъ сожженія за чародѣйство мы встрѣчаемъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ, одинъ управляющій имѣніями графа Тышкевича доносилъ графу, что онъ ежечъ 6 чаровницъ, послѣ чего господская рожь поправилась. Три изъ нихъ сознались въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, а остальные, просидѣвъ 11 дней подъ чаномъ, такъ и умерли, не показавшись... и съ великимъ отчаяніемъ пошли на тотъ свѣтъ. Съ половины же прошлаго вѣка страшныхъ процессовъ о волшебствѣ нигдѣ не встрѣчается, если же и были случаи сожженія, то лишь какъ слѣдствіе народнаго самосуда.

Къ рисункамъ.

Приготовление гущи. (Рис. на стр. 1037).

(Изъ записной книжки).

Матушка-гуща известна и въ Тверской, и въ Псковской, и въ Новгородской губерніяхъ, но особеннымъ почетомъ она пользуется среди повгородскаго населенія, получившаго, за свои къ ней симпатіи, даже прозвище гущеѣдовъ. „Хороши и пироги, а гуща и гуще“, вѣроятно, обмолвился когда-нибудь одинъ изъ нихъ, и съ той поры поговоркою этою дразнить всѣхъ лакомыхъ-повгородцевъ, а о гущеѣдахъ повгородской Тесовской волости даже замѣчаютъ, что у нихъ „тридцать три подвала гущей разорвало“, до того ся много было наготовлено. Знаютъ повгородцы, что безъ гущи и повоселье — не въ новоселье, и праздникъ — не въ праздникъ, и потому, приглашая гостей на пирушку, прямо зовутъ „на гущу“. Зато и гости, вернувшись домой съ угощеніемъ, не знаютъ, какъ и нахвалиться радушиемъ хозяйки. „Ужъ такъ-то угощали“, разказываютъ они домочадцамъ: — „такъ-то угощали, что и не высказать! Гуща-то и съ масломъ была, и съ медомъ была, и съ сусломъ была.“ Слышая ихъ, можно подумать, что гуща такое лакомое блюдо, которое ѣдятъ развѣ только въ раю, да еще въ Новгородской губерніи.

Заинтригованный этими похвалами я упростилъ одну изъ повгородскихъ повѣдачъ мнѣ способъ изготовленія сего деликатнаго блюда, и вотъ что записалъ въ свою книжку: сначала берутъ пѣвѣстное количество ячменя и толкутъ его съ водою въ большой ступѣ, часто гдѣ-нибудь на дворѣ, причѣмъ тяжелый пестъ укрѣпляется на длинной жерди подобно дѣтской люлькѣ. Когда яченье столченъ, его надо высушить и „выпологъ“, т. е. провѣять въ „начѣвкѣ“ (родъ небольшого корытца). Послѣ того къ ячменю прибавляютъ гороху и начинается варка гущи. Чѣмъ больше гороху положить, тѣмъ и гуща выйдетъ вкуснѣе. Ёдятъ ее, глядя по вкусу, и холодную, и горячую; приправами къ ней, дѣйствительно, служатъ и масло, и медъ, и сусло.

И такъ это таинственное повгородское лакомство, давнее цѣлой губерніи столь милую кличку, оказывается простою ячменною кашницею съ горохомъ...

И. Тюменевъ.

Евлалія, христіанская мученица. (Рис. на стр. 1045).

Предъ глазами нашими беззащитный трущъ только что кончившей жизнь на крестѣ, молодой дѣвочки-христіанки Евлаліи. Ее сняли съ страшнаго орудія казни, и римскіе воины не подпускаютъ къ ней группирующихся вдали благочестивыхъ христіанъ, пришедшихъ, рискуя своею жизнью, чтобы поклониться тѣлу мученицы. Она пострадала за открытое исповѣданіе вѣры въ Распятаго Христа около 303 года, во время царствованія римскаго императора Диоклетіана, но сопротивленію котораго, въ 303 году, пущены были въ ходъ противъ христіанъ всевозможныя пытки и казни, не задумывались ни предъ какою жестокостію. Происходили такіе ужасы, которые невозможно изобразить или представить самому ярому разбойнику. Лактанцій, одинъ изъ современниковъ этихъ гоненій, описываетъ ужасы ихъ такъ:

„Если бы у меня, — говоритъ онъ, — были сотня усть и желѣзная грудь, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, претерпѣнныхъ вѣрующими“. Свирѣпство доходило до такой степени, что изувѣченныхъ снова лѣчили, чтобы мучить; мучили въ одномъ мѣстѣ отъ десяти до ста человѣкъ въ день безъ различія пола и возраста. (Lactant. De mort. persecutorum, cap. 16).

Румынская пастушка. (Рис. на стр. 1048).

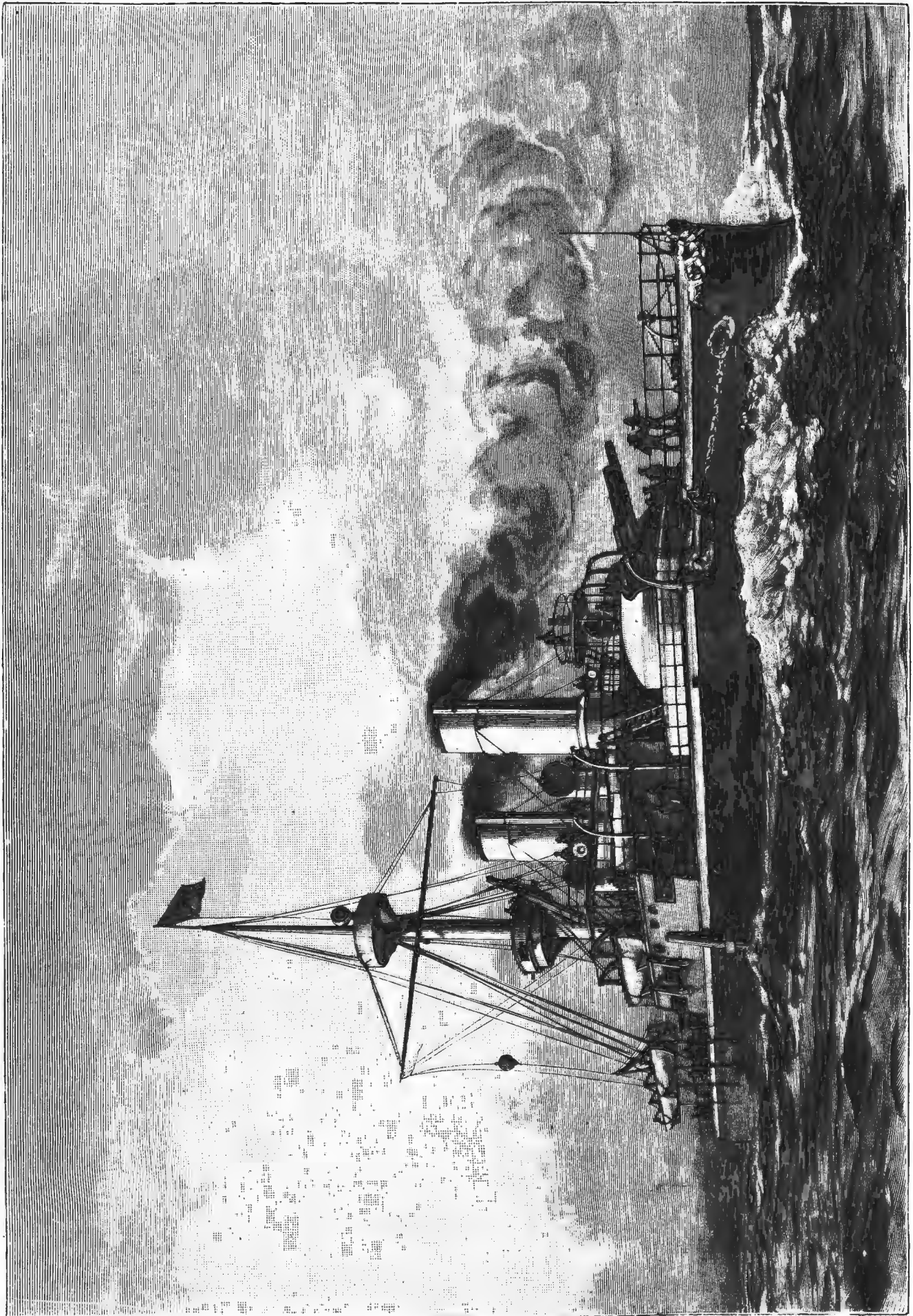
Между Тиссою и Днѣстромъ, вплоть до Карпатскихъ горъ, живутъ румыны — особый народъ, съ особыми бычачами и языкомъ. Происхождение ихъ мало известно. Въ той мѣстности, гдѣ они живутъ, когда-то жили даки: ихъ побѣдили и истребили римляне, слѣды которыхъ, въ свою очередь, изгладили въ странѣ готы, гуны, авары, болгары и нынѣ стараются уничтожить мадьяры и евреи. Но, несмотря на всю кровавую историю и истребленіе минувшихъ войнъ, кое-гдѣ оставались невредимыми коренные жители, прячась въ чащахъ лѣсовъ и въ разсѣлинахъ горъ. Сближаясь со своими побѣдителями, сродняясь съ ними, обитатели страны сохранили въ себѣ слѣды всѣхъ народностей, свидѣтельствующіе о смѣшеніи разныхъ племенъ по разнохарактерности обычаевъ, языка и типа. И дѣйствительно, глядя на лицо румына, задумчивое, умное и открытое, не поражаешься типичностью, оригинальностью его фizioноміи; напротивъ того, она напоминаетъ вамъ знакомыя черты славянина, турка, венгра и цыгана, въ особенности послѣдняго. Тѣмъ не менѣе лицо привлекательно, и вся фигура свидѣствуетъ о здоровьѣ и мощи сельскаго жителя. Особенно милосивидностью отличаются женщины въ ихъ непривлекательномъ нарядѣ: длинной сорочкѣ, вокругъ пояса обвязанной кускомъ нестрой матеріи въ видѣ юбки. Въ такомъ незатѣйливомъ костюмѣ и та пастушка, которая изображена посреди густого лѣса на нашей гравюрѣ, а въ то же

время сколько привлекательности и жизни въ этомъ дѣтницѣ природы.

Филинь-пугачъ (*Bubo ignavus*), защищающійся отъ нападенія сапсана (*Falco peregrinus*).

(Рис. на стр. 1049).

Сапсанъ, называемый также горнымъ, лѣснымъ, голубымъ соколомъ, водится всюду, начиная съ сѣверовосточной Азии и кончая Западной Европой; кромѣ того, до сихъ поръ еще не установлено, что американскій сапсанъ относится къ особому виду. Къ югу родина сапсана ограничивается сѣвернымъ берегомъ Средиземнаго моря; зимою онъ улетаетъ въ глубь Африки и даже на мысъ Доброй Надежды. Въ Индіи онъ появляется, только какъ зимній гость, въ началѣ октября, и улетаетъ отсюда въ апрѣлѣ. Въ Америкѣ сапсанъ летаетъ далеко на югъ, онъ перелетаетъ даже Мексиканскій заливъ. При его способности летать, путешествія въ сто миль и даже больше — для него прогулки. Сапсанъ — сильная и чрезвычайно ловкая птица, что видно съ перваго взгляда по его крѣпкому тѣлосложенію и сверкающимъ глазамъ. Онъ летаетъ чрезвычайно быстро, болѣею частью, низко надъ землею, торопливо хлопая крыльями. Весною только онъ взлетаетъ очень высоко. Сапсанъ очень недовѣрчивъ и до того остороженъ, что выбираетъ себѣ для ночлега исключительно почти хвойные лѣса; если же по близости такихъ нѣтъ, то онъ просидитъ лучше ночь на камнѣ въ чистомъ полѣ, чѣмъ переночуетъ въ небольшомъ листовномъ лѣсу. Сапсанъ ѣстъ одиѣхъ птицъ, начиная отъ дикаго гуся и кончая жаворонкомъ. Всѣ птицы, на которыхъ сапсанъ нападаетъ, знаютъ его хорошо и стараются прежде всего спастись отъ него. Сапсанъ убиваетъ поймавшую добычу уже въ воздухѣ, но такнхъ тяжелыхъ птицъ, какъ тетерево въ и дикихъ гусей, онъ тащитъ съ собою не можетъ и убиваетъ ихъ на землѣ, промучивъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не падаютъ съ нимъ вмѣстѣ на землю. Преслѣдуя свою добычу, сапсанъ летаетъ до того быстро, что нельзя даже опредѣлить эту быстроту. Слышенъ только шумъ и виденъ какой-то предметъ въ воздухѣ, падающій внизъ; но сапсана въ немъ узнать нѣтъ никакой возможности. Этой стремительностью нападенія и объясняется, вѣроятно, то, что сапсанъ рѣдко бросается на сидящихъ птицъ. Онъ боится самъ разбиться. Сапсанъ, какъ и всѣ дѣйствительно „благородные“ соколы, гоняется за добычей не для одного себя, онъ заботится о массѣ другихъ хищныхъ птицъ. Лѣвивыя и неловкія птицы, сидя на кочкахъ, слѣдятъ за сапсаномъ и, какъ только увидятъ въ его когтихъ добычу, быстро подлетаютъ къ нему и безцеремонно вырываютъ ее у него, не встрѣчая почти ни малѣйшаго сопротивленія, — сапсанъ бросаетъ непрошеному гостю добычу, взлетаетъ вверхъ и, рѣдко крича „кья-кьякъ“, улетаетъ прочь. Изъ всей массы птицъ, сапсану доставляютъ не мало хлопотъ и труда для того, чтобы справиться съ ними, сова и филинь. Представленный на нашемъ рисункѣ филинь-пугачъ, такъ называемый, „царь ночи“, отличается своей значительной величиной. Длина его простирается до 2½ фута, ширина болѣе 5 футовъ. Крыло достигаетъ 1½ фута, а хвостъ почти 1 фута. Въ чрезвычайно богатомъ и густомъ опереніи его, собственно, смѣняются только два цвѣта: болѣе или менѣе яркій красновато-сѣрый и черный. Каждое перо съ чернымъ стволкомъ и поперечными черными полосками на концѣ. На груди замѣтите всего ствольныя полосы, на брюшкѣ же оныя выступаютъ поперечными. Клювъ темно-сѣро-сильный, голые щитки ногъ свѣтло-голубовато-сѣрые. Глаза золотисто-желтаго цвѣта съ наружной красноватою каемкою. Въ Европѣ филинь водится во всѣхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ онъ предпочитаетъ гористыя, представляющія для него самое вѣрное убѣжище. Въ особенности филинь любитъ лѣсъ съ крутыми скалистыми обрывами. Нерѣдко селится онъ и въ непосредственной близости человѣка, котораго онъ все-таки чуждается, справедливо чуя въ немъ своего злѣйшаго врага. Ночью онъ всегда остороженъ, да и днемъ не дастъ въ руки такъ легко, какъ глухія совы. При дневномъ свѣтѣ трудно замѣтить спокойно сидящаго филина, такъ какъ цвѣтъ его оперенія замѣчательно совпадаетъ съ цвѣтомъ скалистой стѣны или древесной коры. Ночью онъ такъ же силенъ, какъ и ловекъ и храбрѣе. Главную его дичь составляютъ мыши и крысы. Гнѣзда себѣ устраиваетъ филинь, гдѣ попало, въ расщелинахъ скаль, въ земляныхъ норахъ, въ старыхъ зданияхъ и деревьяхъ, на землѣ даже, а также и въ камышахъ. Естественный исследователь графъ Вадвѣцкій видѣлъ гнѣздо филина въ камышахъ, на болотѣ. Гнѣздо это служило для одного крестьянскаго семейства источникомъ дароваго мяса. Вокругъ всего гнѣзда лежали остатки зайцевъ, утокъ, водяныхъ куро-чекъ, тетерево въ и т. д., и крестьянинъ въ теченіе продолжительнаго времени ежедневно приходилъ сюда собирать запасы провизіи. При нападеніи на филина сильныхъ птицъ, такнхъ, между прочимъ, какъ орелъ, соколъ, сапсанъ, онъ принимаетъ особыя средства къ защитѣ. Такъ, находясь въ неволѣ, какъ напр. изображено на нашемъ рисункѣ, привязан-

Вновь построенный броненосецъ „Адмиралъ Ушаковъ“, въ его полномъ вооруженіи. Оргл. рис. (собств. „Нивы“) Игнаціуса, грав. Гашевскій.

ный къ наместу въ лѣсу лѣсниками филинъ, замѣтивъ приближеніе врага, ложится на спину, выставляетъ навстрѣчу своему противнику свои когти и начинаетъ страшно шипѣть. Завязывается ожесточенная долгая борьба. Снасанъ отступается и нападаетъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся схватить филина за шею и сдвинуть горло. И усѣвшіеся на своей добычѣ, радостно расправивъ крылья и съ рѣзкимъ крикомъ, разрываетъ онъ своимъ острымъ клювомъ шею несчастнаго филина. Вотъ, обыкновенно, грустная развязка такого неравнаго боя...

Вновь построенный броненосецъ „Адмиралъ Ушаковъ“. (Рис. на стр. 1053).

27 октября сего года флотъ нашъ обогатился еще однимъ броненосцемъ „Адмиралъ Ушаковъ“, постройка корпуса котораго производилась въ С.-Петербурѣ, на Балтійскомъ судостроительномъ и механическомъ заводѣ, изъ стали Сименсъ-Мартинса. Форъ- и ахтеръ-штевни изготовлены въ Англіи; броня изготовляется на адмиралтейскихъ изюрокскихъ заводахъ въ Колинѣ. Длина корпуса по грузовой ватеръ-линіи 277 ф. 6 дюйм., полная длина съ тараномъ достигаетъ 283 ф. 6 д.; наибольшая ширина—52 ф., углубленіе на ровный киль—17 ф. и водоизмѣненіе 4126 тоннъ. Наибольшая толщина бортовой брони достигаетъ 10 дюймовъ. До спуска на воду броненосца употреблено въ постройку стали, собственно, на корпусъ до 73,000 пуд., а на штевни, кронштейны гребныхъ валовъ и рулевую раму—1810 пуд. Изготовленный на заводѣ Мадслей, въ Англіи, паровой, двухвинтовой, тройного расширенія механизмъ въ 5000 индикаторныхъ силъ, сообщитъ броненосцу скорость до 16 узловъ. Въсѣ спускаемаго корпуса 1600 тоннъ. Броненосецъ будетъ вооруженъ 4-мя 10 д. орудіями въ 45 калибровъ, 4-мя скорострѣльными 120 мм. пушками новаго образца, 24-мя мелкокалиберными пушками Гочкиса и Барановскаго и 4-мя минными аппаратами. Броненосецъ двухтрубный и двухбашенный.

Къ постройкѣ броненосца приступлено было 16 іюня 1892 г., закладка же состоялась 22 октября прошлаго года въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ день спуска на воду крейсера 1-го ранга „Рюрикъ“.

Торжественный спускъ броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“ состоялся на Балтійскомъ заводѣ въ присутствіи Ихъ Величествъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича, Великой Княжны Ксении Александровны и Великихъ Князей. Посреди Невы заняли позиціи расцвѣченные флаги военнаго суда, среди которыхъ выступала Императорская яхта „Александрія“. Балтійскій заводъ тонувъ въ національныхъ флагахъ и красивыхъ арматурахъ; путь, по которому шлѣдовать Ихъ Величествъ и Ихъ Высочества, и трапъ, ведущій на палубу новаго броненосца, были устланы краснымъ сукномъ и коврами, а паруса драпированы матерією національныхъ цвѣтовъ. На убранный бархатными коврами и алмазъ сукномъ пристани былъ раскинутъ красный шатеръ для Царскаго Семейства. Прибывъ на паровомъ катерѣ, Ихъ Величествъ, подыавшіеся по трапу, прошли въ эллингъ. Государь Императоръ, здороваясь, обошелъ вдоль фронта почетнаго караула среди уюосившихся подъ высокіе своды эллинга величественныхъ звуковъ національнаго гимна. Затѣмъ Ихъ Величествъ съ Ихъ Высочествами поднялись на верхнюю палубу броненосца и, осмотрѣвъ судно, сошли съ него и прошли къ Царскому шатру-палаткѣ, гдѣ изволили смотрѣть чертежи и модель спускаемаго броненосца. Но вотъ наступилъ рѣшительный моментъ—раздалось приказаніе приготовиться къ спуску. Гигантскій корпусъ броненосца, сдерживаемый канатами, стоялъ наклонною кормою къ Невѣ, едва не касаясь носомъ крыши эллинга. Застучали топоры, около огромныхъ подпорокъ закопошились, точно муравьи, рабочіе. Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. Вотъ колосъ подался впередъ, еще мигъ, и онъ плавно пошелъ по бѣлѣвнымъ саламъ половьямъ, и подъ громовые крики „ура“, вслѣдствіе зеркальную поверхность Невы, погрузился въ родную стихію. Загремятъ салюты. На броненосцѣ подняли флаги кормовой и гюйель, посреди развѣивался Императорскій штандартъ. Дойдя до среднихъ рѣбки, броненосецъ бросилъ якорь, повернувъ носъ ко взморью. На нашемъ рисункѣ онъ изображенъ въ полномъ уже вооруженіи, которое не замедлитъ своимъ окончаніемъ.

Похороны П. И. Чайковскаго. (Рис. на стр. 1056).

Въ прошломъ номерѣ *Ины*, въ посвященной незабвенной памяти нашего композитора П. И. Чайковскаго статьѣ, мы дали описаніе его похоронъ—въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ снимки моментальной фотографіи, относящіяся къ этимъ похоронамъ. Знаменательны и поучительны видъ процессіи, слѣдующей по улицѣ Глинки. Посмотрите, кака я масса народу, сколько молодежи въ депутаціяхъ, предшествующихъ печальной колесницѣ въ процессіи. И вся эта толпа, всѣ эти люди собрались почти въ память русскаго таланта по собственной волѣ и желанію. Вся торжественность похоронъ Чайковскаго именно заключалась въ массѣ народа, присутствовавшего тутъ.

Вѣнки, принесенные на гробъ покойнаго отъ разныхъ лицъ и учреждений, едва умѣстились на пяти особахъ колесницахъ. Снимокъ съ этихъ колесницъ помѣщенъ у насъ тоже.

Похороны П. И. Чайковскаго Государь Императоръ изволилъ принять на собственный Его Величества счетъ.

Янь Матейко. (Портр. на стр. 1057).

21 октября въ Краковѣ скончался одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ современныхъ художниковъ, Янь Алоизъ Матейко. Янь Матейко родился въ Краковѣ въ 1838 г. и проиходилъ изъ древняго чешскаго рода. Специальное художественное образованіе покойный получилъ въ краковской школѣ искусства, удостоившей его въ 1865 г. медали, а затѣмъ—въ академіяхъ мюнхенской и вѣнской. Первой его картинной, имѣвшей огромный успѣхъ, была: „Варшавскій сеймъ 1773 г.“, экзеноцированная имъ на парижской выставкѣ 1867 г. Картина эта сразу выказала его крупный талантъ и создала ему имя. Увлеченный и поддерживаемый успѣхомъ и сочувствіемъ, Матейко создалъ цѣлый рядъ картинъ изъ исторіи Польши, изъ которыхъ выдающіяся по слѣдъ: „Алхимикъ Сеидзвизый предъ Сигизмундомъ III“, „Приваніе Владислава Мудраго на польскій тронъ“, „Шутъ короля Сигизмунда“, „Люблинская унія“, „Русскіе послы просятъ Стефана Баторія о заключеніи мира“, „Молитва короля Яна Собѣскаго предъ битвой съ турками“, „Убіиство короля Пржемысла“.

Въ семидесятыхъ годахъ талантъ Матейко достигъ совершенства и получилъ яркую національную окраску. Картины Матейко были всегда тенденціозны. Онъ съ умысломъ выбиралъ сюжеты для своихъ картинъ изъ исторіи борьбы поляковъ съ нѣмцами. Такова его извѣстная картина: „Битва при Танненбергѣ 1440 года“, въ которой изображено поражение нѣмецкихъ меченосцевъ, „Пораженіе нѣмцевъ при Варшѣ“, „Присяга герцога Альбрехта прусскаго королю Сигизмунду“. Въ ряду выдающихся художественныхъ заслугъ Матейко слѣдуетъ указать на его цѣнное художественное изданіе рисунковъ польскихъ костюмовъ („Ubiory w Polsce“). Въ 1875 г. картины Матейко были изданы въ видѣ особаго альбома съ рисунками Войцискаго. Въ послѣдніе годы жизни, Матейко, пользовавшійся всемирной извѣстностью, занималъ высокой постъ начальника краковской академіи художествъ.

Николай Ивановичъ Лобачевскій. (Портр. на стр. 1057).

(По поводу столѣтія со дня рожденія).

22-го октября Казанскій университетъ началъ рядъ трехдневныхъ торжествъ, посвященныхъ воспоминанію знаменитаго русскаго геометра Н. И. Лобачевскаго. Торжества эти приурочены были къ 22 октября—дню рожденія Лобачевскаго; именно Казанскій университетъ праздновалъ этотъ день потому, что Лобачевскій былъ его воспитанникомъ, профессоромъ въ теченіе 32 и ректоромъ въ теченіе 19 лѣтъ; подъ конецъ жизни онъ былъ помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа. Такимъ образомъ, вся жизнь Лобачевскаго, начиная съ самаго дѣтства—онъ и воспитывался въ казанской гимназіи—до преклоннаго возраста протекла въ Казани.

Жизнь Н. И. Лобачевскаго—это скромная жизнь профессора провинціального университета—въдобавокъ еще русскаго и только-что основаннаго, и потому наполненнаго иностранцами. Лобачевскій проиходилъ изъ бѣдной, но интеллигентной семьи: отецъ его былъ архитекторомъ. Лишившись отца уже на пятомъ году, Н. И. Лобачевскій старшими своей матери былъ принятъ въ ноябрѣ 1802 г. на казенное содержаніе въ казанскую гимназію. Въ то время курсъ гимназіи былъ четырехлѣтній—и уже въ 1807 г. мы видимъ 14-лѣтняго Лобачевскаго казеннокоштнымъ студентомъ Казанскаго университета. Характернѣйшей чертой студента-мальчика оказалась вовсе не любовь къ математикѣ, а, напротивъ, стремленіе вообще поодолить свое скудное общее образованіе; не выдавался изъ среды товарищей математическими знаніями, онъ, однако, былъ много выше ихъ по общему развитію. Выдавался этотъ юноша и въ другомъ отношеніи: онъ былъ строителемъ, нѣрѣдко обнаруживалъ несовновненіе и нарушалъ университетское благочиніе; само собою разумѣется, что университетское начальство не было довольно своимъ воспитанникомъ, и онъ однажды подвергался опасности быть исключеннымъ изъ университета. Но его спасло, съ одной стороны, заступничество проф. Бартелеа, а съ другой—общая даровитость, которая хорошо соизнавалась учебнымъ начальствомъ.

Въ 1810 г. Лобачевскій кончилъ курсъ и удостоенъ былъ степени кандидата. По рекомендаціи профессоровъ Бартелеа, Литтрова и Броувера, Лобачевскій признанъ былъ достойнымъ степени магистра, въ каковой онъ и былъ утвержденъ попечителемъ 3 августа 1811 г. Въ 1814 г. молодой ученый, всего 21 года, былъ удостоенъ званія адъюнкта и приступилъ къ чтенію лекцій по чистой математикѣ. Черезъ два года онъ получилъ уже званіе профессора, въ которомъ пребывалъ до 1846 г., когда онъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа.

Профессорская дѣятельность Лобачевскаго была весьма разнообразна. Въ теченіе своей 32-лѣтней службы онъ непрерывно преподавалъ различныя отрасли чистой математики,

вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ лекціи по различнымъ предметамъ физико-математическаго факультета. Кромѣ чистой математики, онъ временно читалъ астрономію (по Деламбру), математическую физику (по Фурье, Лапласу, Пуассону и Френелю), опытную физику и, наконецъ, механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ (по Лагранжу и Пуассону).

Помимо занятій со студентами, Лобачевскій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ популярныя курсы по физикѣ и арифметикѣ для чиновниковъ, готовившихся къ экзамену на получение чина VIII класса. Публичныя лекціи по физикѣ, которымъ Лобачевскій отдавалъ также на мало времени, всегда привлекали въ его аудиторію многочисленную публику.

Первое сочиненіе, въ которомъ Лобачевскій изложилъ свои идеи, не было напечатано цѣликомъ. Оно было написано на французскомъ языкѣ и называлось: „Exposition succinte des principes de la Géometrie“. Извлеченіе изъ него было читано въ засѣданіи факультета 12-го февраля 1826 г., т. е. когда Лобачевскому было только 32 года. „Извлеченіе“ это было напечатано лишь три года спустя въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* за 1829 годъ. Напечатанный трудъ Лобачевского былъ встрѣченъ полнымъ молчаніемъ со стороны русскихъ геометровъ. Такое отношеніе русскаго ученаго міра побудило Лобачевского переработать свой первоначальный трактатъ „О началахъ геометріи“ и напечатать его въ 1835 г. подъ новымъ названіемъ „Воображаемая геометрія“ въ *Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета*. Почти одновременно съ этимъ Лобачевскій напечаталъ тамъ же другой свой трудъ, подъ названіемъ „Новыя начала геометріи съ полною теоріей параллельныхъ линій“.

Но тщетно: русскіе математики были равнодушны къ трудамъ геометра, и Лобачевскій рѣшился отдать свои открытія на судъ европейской науки, напечатать въ 1837 г. въ журналѣ Crelle's „Géometrie imaginaire“, а затѣмъ брошюру въ Берлинѣ „Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien, гдѣ въ сжатомъ видѣ излагаетъ свою теорію параллельныхъ линій. Въ Германіи брошюра эта обратила на себя вниманіе лишь спустя 30 лѣтъ послѣ ея выхода въ свѣтъ. Французскій математикъ Гуель издалъ французскій переводъ названной книги Лобачевского и тѣмъ положилъ основаніе славы русскаго геометра. Говоря другими словами, французская математическая почва оказалась какъ бы всего болѣе способной воспринять идеи Лобачевского, и съ тѣхъ поръ въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ математическій міръ, въ лицѣ самыхъ видныхъ своихъ представителей—Римана, Гельмгольца, Гуели, Бельтрами, Баггаліни, Клейна, Липшица и др.—разрабатываетъ идеи, возникающія изъ принциповъ новой геометріи Лобачевского.

Катастрофа у Сантандера. (Рис. на стр. 1057).

На страницѣ 1057 мы помѣщаемъ рисунокъ, дающій наглядное понятіе объ описанной въ прошломъ номерѣ, въ „Политическомъ обозрѣніи“, катастрофѣ въ Испаніи у Сантандера. Картина разрушенія полна. По странному совпаденію, предыдущій годъ особенно изобилуетъ несчастными случаями на водѣ. Катастрофа идетъ за катастрофой: броненосецъ „Викторія“, корветъ „Витязь“, „Русалка“, пароходъ А. Зевеке и, наконецъ, страшное происшествіе у Сантандера...

Политическое обозрѣніе.

Съ 1877 года, еще ни разу открытіе новаго законодательнаго періода во Франціи не имѣло столь торжественнаго характера, какъ нынѣ; никогда еще во французскихъ палатахъ относительно иностраннаго народа и иностраннаго государя не раздавались столь пророчествовавшія слова, сопровождавшіяся горячими возгласами, какъ тѣ, которыя президентъ палаты по старшинству и президентъ сената произнесли по поводу визита русскихъ моряковъ и телеграммы Государя Императора къ президенту Карно. Въ этомъ отношеніи день 2-го ноября останется навсегда достопамятнымъ. Въ этотъ день въ сенатѣ Шаллемель-Лакуръ напомнилъ, что визитъ русскихъ моряковъ глубоко тронулъ Францію. Вездѣ во Франціи ихъ встрѣчали восторженно. Если-бы сенатъ былъ въ то время въ сборѣ, онъ почелъ бы за счастье присоединиться къ виватамъ всей страны. „Мы убѣждены въ томъ,—продолжалъ ораторъ,— что симпатіи обоихъ народовъ окажутся долговѣчными, ибо ни на одномъ пунктѣ земнаго шара у нихъ нѣтъ противоположныхъ интересовъ. Сенатъ свидѣтельствуетъ Царю и Императорской Фамиліи свое уваженіе и привѣтствуетъ въ этой высокой дружбѣ надежду на миръ, новый залогъ цивилизаціи“. Затѣмъ засѣданіе было закрыто. Въ палатѣ депутатовъ Бланъ, президентъ по старшинству, удостоившись, что новый законодательный періодъ начинается при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, именно послѣ чудесныхъ празднествъ, гдѣ среди громаднаго энтузіазма свершилось единеніе Франціи съ Россіей, гдѣ два народа, взаимно привлекаемые неудержимой силою тяготѣнія, сочетали свои знамена и подписали въ своихъ сердцахъ европейскій миръ. „Никогда не забудутъ,—говорилъ г. Бланъ,— безсмертной телеграммы, гдѣ великодушный Государь въ благодарныхъ словахъ скрѣпилъ дружбу двухъ странъ, заявивъ объ ихъ миролюбивыхъ чувствахъ, да успокоится и да возникнетъ Франція! Она не въ одиночествѣ, коль скоро рядомъ съ нею стоитъ великая и могущественная нація. Никакихъ опасеній насчетъ будущаго Франція питать не должна и можетъ сохранять всѣ свои надежды“. Затѣмъ приступлено было къ избранію временнаго президента, и имъ избранъ Казиміръ Перье 295 голосами противъ Бриссона, который получилъ 195 голосовъ.

Въ Вѣнской официальной газетѣ опубликованъ императорскій рескриптъ, которымъ принята отставка министерства Таафе съ выраженіемъ живѣйшей признательности за оказанныя услуги и объявлено назначеніе министерства Ввидшиггреца. Официальный списокъ новыхъ министровъ слѣдующій: Ввидшиггрецъ—министръ-президентъ; Бакегемъ—министръ внутреннихъ дѣлъ; Шенборнъ—министръ юстиціи; Фалькенгайнъ—министръ земледѣлія; Вельсергеймъ—министръ народной обороны; Мадейскій—министръ народнаго просвѣщенія; Пленеръ—министръ финансовъ; Вурмбрандъ—министръ торговли; Яворскій—министръ для Галичины. 30 октября императоръ послалъ графу Таафе свой портретъ въ натуральную величину, въ великолѣпной рамѣ и привѣтственнымъ посвященіемъ. На другой день, въ полдень, новое министерство присягнуло.

Въ это время министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кальноки былъ въ отпуску, конемъ воспользовался для посѣщенія Швейцаріи и Италіи, гдѣ въ Миланѣ былъ принятъ королемъ Гумбергомъ.

По поводу этой поѣздки *National Zeitung* полагаетъ, что поѣздка эта еще разъ бесспорно обозначаетъ международное положеніе, занимаемое Италіей.

Въ Афинахъ также произошла перемѣна министерства, во главѣ котораго снова стоитъ Трикуписъ.

Въ Бѣлградѣ, 3 ноября, торжественно открыта скупщина. Въ тронной рѣчи король заявилъ, что представляемый скупщинѣ торговый договоръ съ Россіей еще болѣе утвердитъ дружественныя связи съ могущественною славянскою державою и дастъ болѣе благоприятныя условія для экономическаго развитія Сербіи.

Norddeutsche Allgemeine Zeitung сообщаетъ, что второе чтеніе русско-германскихъ тарифныхъ вопросовъ окончено 1 ноября.

Times, сравнивалъ англійскій флотъ съ морскими силами другихъ европейскіхъ державъ, особенно съ соединенными флотами Россіи и Франціи, приходитъ къ неблагоприятному для Англій заключенію. По мнѣнію газеты, Англій пришлось бы затратить около 1,000 милліоновъ рублей, чтобы уравновѣсить морскія силы.

Разныя извѣстія.

— 26 октября, въ Гатчино, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксеніи Александровны, происходило торжественное освященіе новаго помѣщенія, пожертвованнаго П. П. Боткинымъ, въ память покойнаго С. П. Боткина, для дома попеченія о хронически-больныхъ дѣтяхъ.

— Ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику Майкову—Всемилоствѣйше повелѣно быть вице-президентомъ сей академіи.

— Въ Николаевѣ, 31 октября, состоялся спускъ новаго самаго большаго броненосца черноморскаго флота „Три Святителя“.

— 24 октября, въ Москвѣ, открыта первая дѣтская народная читальня, устроенная

комиссіей при Обществѣ распространенія полезныхъ книгъ. Въ библиотекѣ имѣется пока 500 книгъ и около 70 журналовъ за нѣсколько лѣтъ.

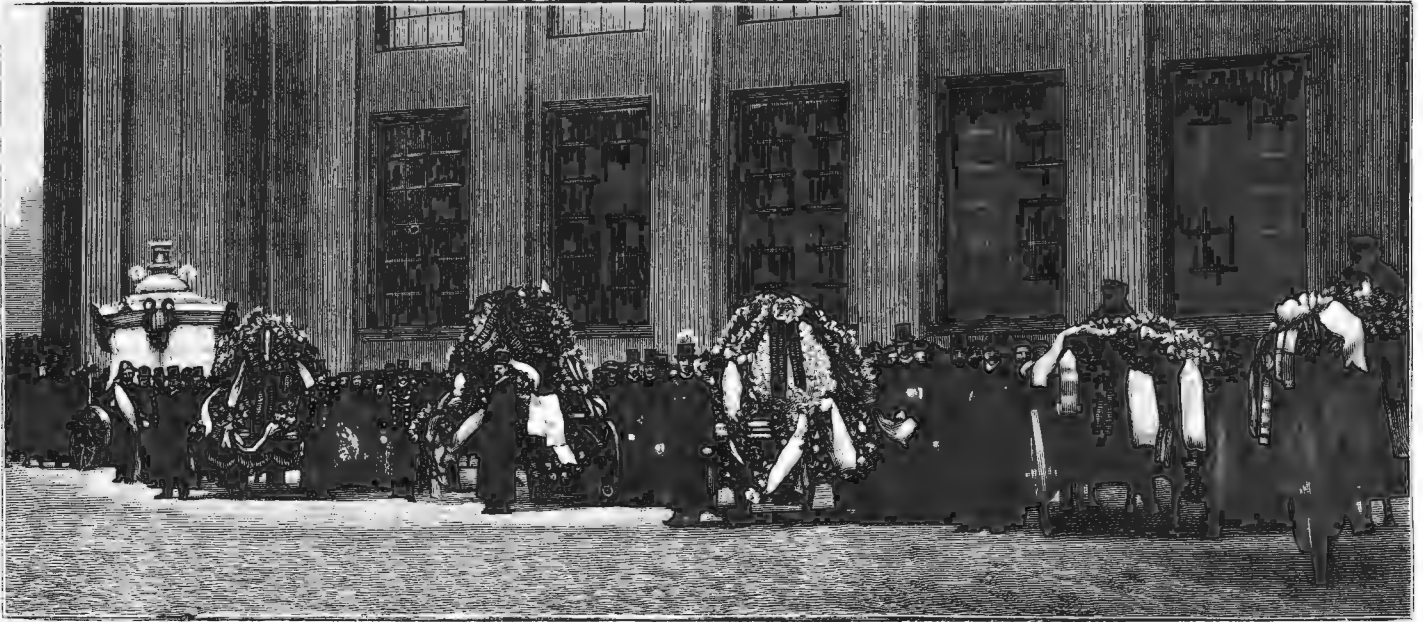
— Всероссийскимъ православнымъ обществомъ, дѣйствующимъ чрезъ посредство своихъ миссій въ Европейской и Азіатской Россіи и въ Японіи, въ продолженіе 20-лѣтняго своего существованія, обращено въ христіанство болѣе 85,000 иновѣрцевъ.

— Производящаяся правительственною ревизіею страховыхъ обществъ обнаружено, что дѣятельность обществъ по страхованію жизни за 1892 и 1893 гг. расширилась въ три раза болѣе предшествующихъ лѣтъ.

— С.-Петербургская Дума постановила для увѣковѣченія памяти П. И. Чайковскаго: 1) посвятить имени П. И. Чайковскаго въ Ли-

тейной или Казанской частяхъ два начальныя училища, первыя, которыя откроются въ текущемъ году; 2) учредить двѣ стипендіи имени П. И. Чайковскаго въ С.-Петербургской консерваторіи; 3) помѣстить на домѣ, гдѣ онъ скончался, мраморную доску съ обозначеніемъ дня и года его рожденія и смерти; 4) имѣть въ виду въ ближайшемъ будущемъ поставить бюстъ Чайковскаго.

— Готовится отдѣльное изданіе монографіи В. С. Баскина, посвященной обзору дѣятельности П. И. Чайковскаго. Монографія приобрѣтена фирмой П. Юргенсона и появится въ свѣтъ подъ № 4 въ серіи „Русскіе композиторы“, задуманной г. Баскинымъ. Первые три выпуска („Рубинштейнъ“, „Мусоргскій“ и „Сбровъ“) извѣстны уже лицамъ, слѣдящимъ за музыкальною литературою.

Похороны П. И. Чайковского. Пять колесницъ съ вѣнками, принесенными на гробъ усопшаго. По фот. генер. Насвѣтевича, грав. Хелмидкѣй.

Научныя и техническія новости.

— Изобрѣтенный въ Америкѣ *новый способъ очистки сахара* заключается въ томъ, что черезъ теплый сахарный растворъ пропускаютъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ электрической токъ; электроды берутъ цинковые. Токъ производитъ свертываніе бѣловыхъ веществъ, которыя увлекаютъ съ собою различныя, прижшанныя въ растворъ постороннія частицы. Образующаяся на электродахъ окись цинка соединяется съ этими ор-

ганическими веществами, которыя и осѣдаютъ въ видѣ грязнаго осадка. Въ сахарномъ же растворѣ никакихъ слѣдовъ цинка не оказывается.

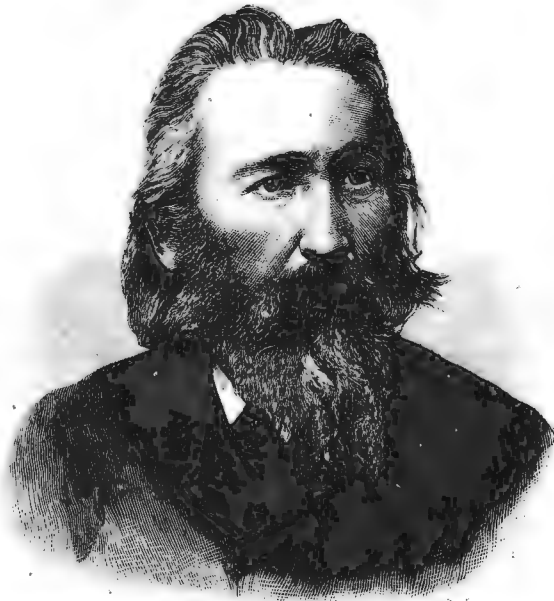
— Одинъ художникъ совершенно случайно открылъ недавно способъ получения *искусственного каучука*. У него было подъ рукою хлорчатниковоое масло, и онъ вздумалъ лакировать имъ свою картину. Къ его удивленію, получилось вещество, похожее на каучукъ до

такой степени, что спеціалисты не хотѣли сначала вѣрить, что вещество это получено искусственно. Въ настоящее время уже устроенъ однимъ капиталистомъ заводъ въ Саванна (въ штатѣ Георгіи) для выдѣлки искусственного каучука. Другой способъ приготовления его предложенъ Тилденомъ: матеріаломъ здѣсь служитъ не хлорчатниковоое, а терпентинное масло (скипидаръ).

— Делегранжъ изобрѣлъ очень остроум-

Похороны П. И. Чайковского. Слѣдованіе печальной процессіи по улицѣ Глинки. По фот. генер. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

Янь Матейко († 21 октября 1893 г.).
По фот. грав. Шюблерь.

ный и удобный прибор для выкачивания воды из лодок. Съ помощью этой помпы одинъ сильный мужчина можетъ выкачивать 20 ведеръ въ минуту.

— Бриссо предлагаетъ лечить *ракъ желудка* приемомъ хлорновато-кислаго натра внутрь по 12—16 граммовъ въ день. Онъ утверждаетъ, что средство это во многихъ случаяхъ способствовало улучшенію. Для раковъ полости рта и лица можно примѣнять промываніе (наружное) хлорновато-кислымъ калиемъ.

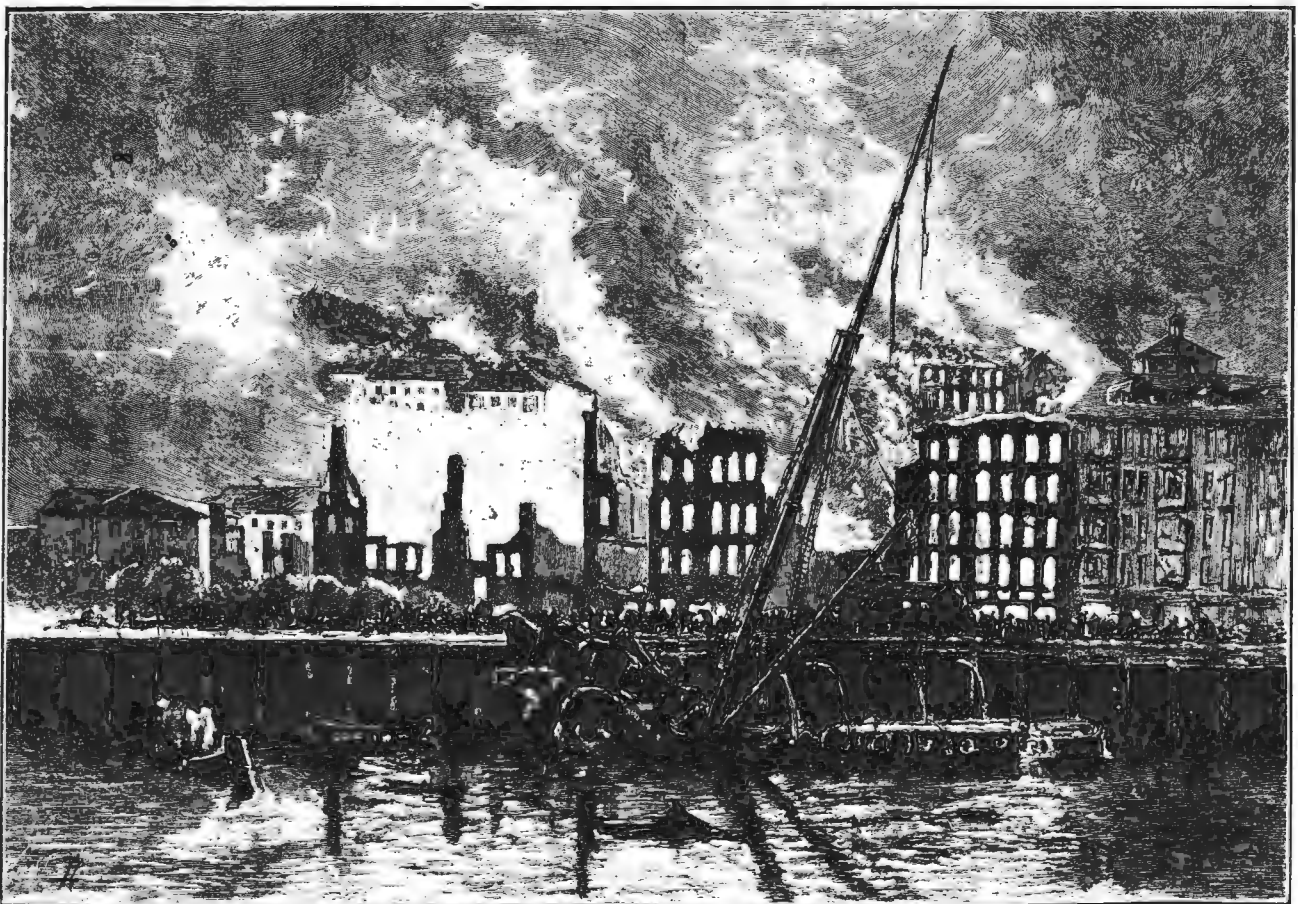
— Д-ръ Завиджано советуетъ давать дѣтямъ *во время коклюша* сокъ чеснока. Сокъ, выжатый изъ десяти зубковъ чеснока, смѣшиваютъ съ равнымъ количествомъ сиропа и ложку этого лекарства даютъ въ кофе каждые два часа. Средство это можно употреблять также, какъ глистогонное.

Н. И. Лобачевскій (по поводу 100-лѣтія со дня рожденія).
Съ фот. грав. Шюблерь.

— Въ Америкѣ, во время сильныхъ жаровъ, *ослаждаютъ комнатный воздухъ* посредствомъ нашатырнаго спирта, проводимаго по трубамъ изъ центральной станціи въ до-

ма и квартиры абонентовъ. Вслѣдствіе быстрого испаренія амміака въ трубахъ, стѣнки ихъ, а слѣдовательно и окружающій воздухъ, сильно охлаждаются.

Катастрофа у Сантандера. Видъ набережной послѣ динамитнаго взрыва. По рис. III.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1894 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при наплывѣ подписчиковъ, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ.

РЕБУСЪ НА ПРЕМИИ № 21.

Требуется прочесть данный ребусъ, принимая во вниманіе, что изображенія предметовъ замѣняютъ собою согласныя, а гвозди—гласныя буквы текста.

За вѣрное рѣшеніе этого ребуса назначается 67 премій (на сумму 301 руб. 60 к.), состоящихъ изъ слѣдующихъ изданій: 2 экз. „Фауста“, Гете, съ рисунками Зейберта, въ козавомъ тисненомъ переплетѣ (1 экз. городскимъ и 1 экз. иногороднымъ подписчикамъ); 2 экз. полного собранія сочиненій Н. В. Гоголя, въ 5 томахъ, (1 экз. городскимъ и 1 экз. иногороднымъ подписчикамъ); 3 экз. роскошнаго иллюстрированнаго изданія „Сказки братьевъ Гриммъ“ (1 экз. городскимъ и 2 экз. иногороднымъ подписчикамъ); 5 Художественныхъ альбомовъ „Нивы“ за 1891 г. (2 экз. городскимъ и 3 экз. иногороднымъ подписчикамъ); 5 Художественныхъ альбомовъ „Нивы“ за 1892 г. (2 экз. городскимъ и 3 экз. иногороднымъ подписчикамъ). Затѣмъ по 5 экземпляровъ слѣдующихъ сочиненій (изъ которыхъ 2 экз. городскимъ и 3 экз. иногороднымъ подписчикамъ): 5 экз. полного собранія сочиненій А. Н. Майнова (V изд.); 5 экз. полного собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова; 5 экз. „Въ старой Москвѣ“, истор. пов. въ 2 ч. графа Е. А. Саліаса; 5 экз. „Шесть разназовъ“ Лебедева (Н. Морской), съ рисунками Нарзинна; 5 экз. „Разназы и очерки“, В. С. Соловьева; 5 экз. „Княжна Острожская“, ист. пов. въ 2 ч. В. С. Соловьева; 5 экз. „Касимовская Невѣста“, истор. ром. въ 3 ч. В. С. Соловьева; 5 экз. „Юный Императоръ“, ром. въ 3 ч. В. С. Соловьева; 5 экз. „Наводненіе“, ром. В. С. Соловьева; 5 экз. „Ревизоръ“, ком. въ 5 д. Н. В. Гоголя.

Все полученныя до 10 декабря 1893 г. вѣрныя рѣшенія ребуса будутъ пронумерованы по порядку ихъ поступления (городскія отдѣльно отъ иногородныхъ), и затѣмъ, по жребію, будутъ распределены между ними преміи. Рѣшеніе ребуса, фамиліи и адреса лицъ, на рѣшенія которыхъ пали преміи (съ обозначеніемъ названій премій) будутъ напечатаны въ № 51 „Нивы“ с. г.

СОДЕРЖАНІЕ: Дарья д'Анчуттина и банкирскій теноръ безъ граци. Изъ воспоминаній моего пріятеля. Повѣсть Вас. И. Немировича-Данченко.—Уголокъ города Бухары. Картина изъ общественной жизни. П. Пясецаго (съ рис.).—Дѣло о контрактѣ. Рассказъ объ американскихъ порядкахъ. Марія Твиза. (Перев. съ англійскаго).—Изъ процессовъ о волшебствѣ. Очеркъ В. Адамовича.—Къ рисункамъ. Приготовленіе гуши (съ рис.).—Евлялія, христіанская мученица (съ рис.).—Румынская пастушка (съ рис.).—Фильмъ-пугачъ (Vibio ignavus), защищающійся отъ нападенія сапана (Falso peregrinus) (съ рис.).—Вновь построенный броненосецъ „Адмиралъ Ушаковъ“ (съ рис.).—Похороны П. И. Чайковскаго (съ 2 рис.).—Янь Матейно (съ портр.).—Николай Ивановичъ Лобачевскій (съ портр.).—Катастрофа у Сантандера (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Научныя и техническія новости.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—Ребусъ на преміи.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ив. М. Н. Волконскій.

Главное дѣло часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ., Гороховъ ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никель отъ 9 р. 50 до 16 р.
 „ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
 „ серебряные отъ 12 до 50 р.
 „ золотые отъ 25 до 500 р.
 „ регуляторы „вундерблатъ“

Завода отъ 17 до 65 р.

Высылаю наложен. платежемъ Иллюстр. прейсъ-куранты бесплатно.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. В. С. Соловьева. Ром.-хрон. XVIII в., въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
АЛЕКСАНДРЪ и Ко.
 С.-Петербургъ, Пассаажъ, № 36

всегда имѣетъ въ громадн. выборѣ послѣднія парижскія новости въ наладномъ золотѣ изъ разноцвѣтн. камней и Diamond du Jura, замѣняющій вполнѣ брилліанты. Прейсъ-куранты высыл. бесплатно. Ц. № 6596 2—2

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
 С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—21

Иллюстрированныя прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

ЛЪЧЕВНИЦА
 Д-РА МЕД. НЕТКАЧЕВА
 для СТРАДАЮЩИХЪ ЗАКАНИЕМЪ и другими болѣзнями РГЧИ.
 МОСКВА, Никитскій бул., д. Прибылова.

В. Б. ЖУКОВСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА
КРУМРЕЙНЪ и КАЦЪ.
 ЛѢСОПИЛЬНЫЯ РАМЫ, ПИЛЫ, СТАНКИ для РАЗНООБРАЗН. ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
 XXV годъ. на 1894 г. годъ XXV.

Въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочими, слѣд. произвед.: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіогр. архим. Фотія.—За полстоletія, мемуары докт. А. И. Ильинскаго.—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н. Глинни.—Записки принца Евгенія Виртембергскаго.—Воспом. А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго.—Записки А. Т. Болотова.

Въ 1893 году редація начала новый отдѣлъ: „Обозрѣніе историческихъ журналовъ“. Давая краткое содержаніе помѣщаемыхъ въ нихъ статей, редація „Русской Старинѣ“ такимъ образомъ знакомитъ своихъ читателей съ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ.

Гейнрихъ Клейеръ, велосипеды „Орелъ“
 Франкфуртъ и/М. (отдѣлен. въ Гамбургѣ).
 Специальная фабрика знаменитыхъ 24—24
велосипед. „Орелъ“.
 На всемирной выставкѣ въ Чикаго въ группѣ S3.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ за 10 коп. марку.

Въ книгахъ будутъ помѣщены **ПОРТРЕТЫ** выдающихся русскихъ дѣятелей.—Журналъ выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца. № 6595 3—2

Подшешая цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

◆ Иногородн. подписч. адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главн. контору редакціи журнала „Русская Старина“ СПБ. Фонтанка, 145. Кромѣ того подписка принимается въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Невѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главнѣхъ книжныхъ магазинахъ.

◆ За своевременную акуратную доставку журнала редація принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана черезъ редакцію журн. „Русская Старина“: СПБ., Фонт. 145. **МОЖНО ПОЛУЧИТЬ** въ редакціи журн. „Русская Старина“ за 1870, 76, 77, 78, 79, 80 гг. по 8 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ, и за 1881, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92 и 93 гг. по 9 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 6554
 6—4

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Певскомъ просп., д. 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнѣмъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

УКРАШЕНИЕ для ЕЛОКЪ

для Г. ИНОГОРОДНЫХЪ СОСТАВЛЕНЫ КОЛЛЕКЦИИ:

Въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекция, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшения елки. Коллекции въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодны для большихъ семействъ, школъ, приютовъ, базаровъ, собраний, благотворительныхъ цѣлей, пансіоновъ и пр.

Покорѣйше прому дать заказы на эти коллекции немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новинки, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.

Товаръ перес. наложен. платежемъ.
Телеграфные заказы исполняются немедленно.

С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20—31.

БАЗАРЪ МАРОКЪ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
искусственными БРИЛЛИАНТАМИ:
БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ НАКЛАДКИ такъ что трудно отлич. отъ наст. бриллиант.

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к.
№ 308. Золотая брошка съ 8 бриллиантами, похоже на браслетъ. № 401. Шт. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к.

СТРАХОВАНІЕ ПАССАЖИРОВЪ

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Страховые билеты Общества „Россія“ продаются НА ВОКЗАЛАХЪ ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ предъ отходомъ поездовъ и во всѣхъ агентствахъ этого Общества. В. № 6626 6—1

По новой системѣ № 6452
КРАСИВО ПИСАТЬ
и двойной итальянской 10—5
БУХГАЛТЕРІИ

выучиваю великаго заочнаго (посредствомъ письменныхъ сношеній); за успѣхъ гарантія. Пробный урокъ высылка безплатно. По окончаніи курса выдаю свидѣтельство. Москва, Покровка, А. С. Шиманскому.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 к.

Английскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. ♦ 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. ♦ 5 штукъ—20 руб. ♦ Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6624

ТИПЪ-ТОПЪ

превосходно сдѣланъ изъ тюлевой кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Топъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармонійный: бока раздвигаются какъ у гармошки, очень вышительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (8) 3 разное, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежемъ. С. Петербургъ, БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20-31.

ШОКОЛАТЪ

ФАБРИКИ СЕСТУКЪ

НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ

ПРОДОЛЖАЮТЪ ПРИБЛЖАТЬСЯ НАШЕЙ МАРКѢ

№ 411

ЖИРНАЯ ПУДРА 3—1
РИСОВАЯ ПУДРА
ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ

для кожи, лица и рукъ. Продается почти во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается вѣрной своему знамени. Устраняя приемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ попрежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа. Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему. Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ успія, чтобы внутренняя и вѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ дѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цена съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣс.—3 р., одинъ мѣс.—1 р.; для городск.—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р. Разрочки допускаются со взносомъ не менѣе 1 рубл. ежемесячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1894 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодичную подписку раньше 1 декабря газета высылается безплатно за декабрь с. л.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21. Отдѣленія Конторы: С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп., Невскій проспектъ, противъ Гостиного двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный проспектъ, 46. Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжн. магаз. Н. П. Карбасникова. № 6594 3—3

Редакторъ-издатель А. А. Пороховщиковъ.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(31-й годъ изданія).

Въ Москвѣ		На города		За границу	
съ доставкой:		съ пересылкой:		съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
6	5 50	6	6 —	6	9 —
3	3 —	3	3 50	3	4 80
1	1 30	1	1 50	1	1 90

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Инкитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся одновременномъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжныя магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается. № 6533 3—1

ГРОТЪ-КОЛЛЕКЦІЯ

подчасникъ для муж. или дам. часовъ, набранный мозаично-реднефнымъ способомъ изъ дѣльныхъ сибирско-уральскихъ минерал., въ число которыхъ входятъ: аметисты, александриты, бериллы, аквамаринъ, гранаты, изумруды, хризолиты, позирванные всевозможныя шифты, яшмы и мног. друг. породъ Уральскаго хребта въ природномъ ихъ видѣ. Къ гроту прилага. описаніе камней. Выс. за три руб. съ перес. Адр. г. Екатеринбургъ, Кузнецкая, 82. Мастеръ камешныхъ вещей А. Н. Насоновъ.

на 1894 годъ.

Печат. и скоро выйдетъ въ свѣтъ „Николаевск. календарь и справочн. книга на 94 г.“ Изданіе хорошо на годъ распространено. Плата за объявленія: цѣлая стр. 12 р., 1/2 стр. 6 р., 1/4 стр. 4 р. Адр. конторы изданія: гор. Николаевъ (Херс. губ.). Контора изданія Николаевскаго календаря И. Фенербойма. Подробн. иллюстрир. объявл. по требов. высыл. безплатно. Въ СПб-гѣ объявл. для календаря принимаетъ Центральная контора объявленій Н. МАТИСЕНЪ.

на 1894 годъ.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (8)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ *Mimosa* ЛОЗЕ *Ixora-viola*

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и носметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПРЕИСКЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

МЫЛО

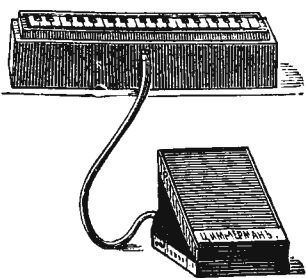
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключающій въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2, 3 и 4-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движение вдвухамиъ воздуха на № 3950 отомъ, на № 3956 и 3958 пожною недалюю.

№ 3950 въ 2 октавы 5 р.
№ 3956 „ 3 октавы, съ ножи. пед. 17 р.
№ 3958 „ 4 „ „ „ 23 р.

Самоучитель Маковского 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

для взрослыхъ и дѣтей 12—4 выучиваетъ добросовѣстно, дешево и скоро. Переговоры до 12 ч. дня. Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

Банкирсій Домъ

Г. Шерешевскій и К^о.
СПБ. Невскій пр., № 60, противъ Дачкова Дворца, продаетъ выигрышные билеты съ уплатою долга по частямъ: I и II займовъ съ задатк. 20 р. на бил. III (Дворник.) „ „ 10 р. „
Проценты лишь съ остатка долга.

ТОВАРИЩЕСТВА „ГИГИЕНА“

ЛИЗОЛИНЪ ДЕЗОДОРИЗАЦИОННАЯ ЖИДКОСТЬ
Разр. СПБ. Врачеб. Управ. Прод. въ лучшихъ аптекахъ, магаз. Оптов. продажа въ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
СПБ. площ. Александринск. театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметьева. Варшава, Новый свѣтъ, 37. 8—7

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. писемно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15—1

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪБЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими вышками.
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты и свѣжести лица: лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія подблоекъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, СПБ. Михайловская пл., д. Жербина, № 2.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.
Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу:
НОВОЕ, ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА.

Вновь пересмотрѣнное и дополненное авторомъ, въ трехъ томахъ, съ автографомъ и портретомъ А. Н. Майкова, гравированъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ. СПБ. 1893 г. Предпринимая это новое 6-е издание сочиненій А. Н. Майкова и желая, еще при жизни всѣми любимого и уважаемого поэта, сдѣлать наиболее доступными, распространенными и популярными его чудныя творенія, издатель рѣшилъ выпустить издание, не менѣе роскошно, чѣмъ прежнія, но стоящее только половину цѣны прежнихъ изданій. Издатель надѣется этимъ удешевленіемъ дать громадное распространеніе сочиненіямъ нашего, всею Россіею любимого, поэта.

Настоящее новое шестое издание представляетъ собою самое полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Въ это шестое издание вошли: всѣ произведенія автора,—какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ,—прежняго 5-го изданія 1888 г.; загѣтъ—всѣ позднѣйшія произведенія автора, печатавшіяся съ 1888 г. до 1893 г. включительно.

Шестое издание состоитъ изъ 3 большихъ томовъ, напечатанныхъ на лучшей бумагѣ и заключающихъ въ себѣ: т. I. Лирика,—600 стр.; т. II. Картины,—560 стр.; т. III. Драмы и рассказы,—512 стр.;—всего 1,672 страницъ.

Цѣна за всѣ три тома 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 60 коп. Въ трехъ роскошныхъ коленкорovýchъ переплетахъ 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6 въ СПБ. Къ Н. Н. Лезковской, Петровскій линіи, въ Москвѣ. Изданіе это можно получить также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Только что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу:

АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ

ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ ПО КАНВѢ

составленный по оригинальнымъ рисункамъ

Ю. М. ДРЕМЛЮГИ.

Альбомъ состоитъ изъ 20 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 170 рисунковъ разнообразныхъ, крупныхъ и мелкихъ, узоровъ, монограммъ, буквъ и проч. для вышиванія крестикомъ и гладью.

Рисунки отличаются большимъ разнообразіемъ по стилю и величинѣ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ узоровъ), красотой и излеществомъ, превосходно исполнены и отпечатаны 4-мя красками.

Альбомъ заключенъ въ изящную папку, украшенную акварелью художника И. Храброва, отпечатанною 14 красками.

Цѣна альбома 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6 въ СПБ. Къ Н. Н. Лезковской, Петровскій линіи, въ Москвѣ.

Изданіе это можно получить также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просьба обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодермина. такъ какъ появились подблочки съ точнымъ подраженіемъ упаковки и ярлыковъ. Депо у А. Ралле и Н. въ Москвѣ, С.-Петербургъ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. III. № 6449 28—21

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго колентора, съ золотымъ тисненіемъ, печатными красками, на 1893 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ

А. КОССОДО.

Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медалію. № 6208 52—29
За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

PARIS
GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'HIVER, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN LANGUE RUSSE

1-й ВЫИГРЫШНЫЙ

заявъ, 3 января тиражъ, продаетъ на условіяхъ дешовыхъ и добросовѣстныхъ

БАНКИРСІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 59, Невскій, СПБ. (6—1)

При этомъ № предлагается для гг. городскихъ и иногородн. подписч. объявленіе отъ В. Д. Михайловскаго въ Нарвѣ.

XXIV г.

№ 47

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣсныхъ книгъ „Оборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выроекъ.

Выданъ 20 во збрл 1893 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

Обоюдная услуга Ориг. рис. (собств. „Нивы“) анад. Шаховского, грав. Мультиановскій.

Дарья д'Анчуткина и банкирскій теноръ безъ граціи.

Изъ воспоминаній моего друга.

Пов Вас И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе)

II.

Вечеръ этотъ очень трудно забыть. Къ намъ собралось много русскихъ, и одни изъ нихъ стали теперь уже знаменитостями картопнаго царства, другіе или вернулись à ses moutons, или, увы, безвременно угасли, не свершивъ ничего и ни въ чьей душѣ не оставивъ большого слѣда. Молодой теноръ, теперь срывающій съ лету чисто папамскіе куши, тогда былъ еще скромнымъ и робкимъ, застѣнчивымъ юношей, краснѣвшимъ отъ каждаго вопроса и подходившимъ къ фортепіано со слезами на глазахъ. Онъ, впрочемъ, скоро разучился краснѣть и понялъ, что за кулисами тотъ кто не научится безстыдному лганью, кто не остервенѣтъ на куши — никогда не добьется никакого успѣха. Теперь въ этомъ Макіавели сцены — даже трудно узнать совѣстливаго новичка. Расскажи ему тогда о томъ, что онъ дѣлаетъ теперь, воображаю, какое негодование отразилось бы на этомъ, такъ рѣзко запечатлѣвшемся въ моей памяти красивомъ лицѣ, съ какимъ недоуміемъ отнесся бы онъ къ подобнымъ „клеветамъ“. А милая дѣвушка, веселая, счастливая, радостная, вся трепетавшая жизнью, блескомъ, талантомъ — кто бы ее узналъ теперь въ полупьяной женщицѣ парижскихъ бульваровъ, боящейся только одного на свѣтѣ — полицейскихъ комиссаровъ и городовыхъ. А состоя-

тельный и прочный, как Собакевичъ, и мордастый, как Бульдогъ, бась, кто бы думалъ, что онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, увлечется путешествіями по Африкѣ (что ему Гекуба), поступитъ въ иностранный легіонъ и будетъ убитъ гдѣ-то въ Дагомеѣ... Убитъ—хорошо еще, если не замученъ и не стѣдненъ... А гдѣ теперь хозяйка этого вечера, которую заслушивалась Италія, красивая молодая женщина. Не открывалась ли передъ нею блестящая даль успѣховъ и триумфовъ. Она обладала всѣмъ—и голосомъ, и талантомъ, и умомъ, и глубокимъ образованіемъ, и чуткою къ чужому горю душою и со всѣмъ необычнымъ поэтическимъ чувствомъ. Когда-то любимица Москвы, гдѣ молодежь на нее чуть не молилась Богу, потомъ предметъ зависти однихъ и восторга другихъ, она, не перейдя и тридцати лѣтъ, сгорѣла разомъ и, улыбаясь, умерла... И всего на все, что отъ нея осталось—грустное воспоминаніе да утопнувшая въ цвѣтахъ могила за величавыми стѣнами Донского монастыря... Я помню—мы слушали рассказы лучшаго изъ итальянскихъ maestro Фаччіо, теперь тоже вычеркнутого изъ списка живыхъ, о послѣднемъ сезонѣ въ La Scala, при чемъ извѣстный тогда всей Италіи Филиппи—критикъ и писатель—изрѣдка вставлялъ въ нихъ свои остроумныя и ядовитыя замѣчанія—и его уже нѣтъ, и онъ уже отошелъ туда, откуда никто не приходитъ. Въ самомъ дѣлѣ—какъ громко это кладбище позади, и какъ странно, что самъ живешь, полный силъ, энергіи, надежды, радуешься и борешься—въ концѣ этой теряющейся въ туманной дали прошлаго дороги, на которой, какъ верстовые столбы, мерещатся могилы, могилы и могилы дорогихъ и близкихъ людей!..

Въ большой гостиной у насъ было свѣтло и тепло, такъ что итальянцы, привыкшіе являться къ вамъ и сидѣть у васъ—если это не званый вечеръ—въ пальто, сняли ихъ. Лица у всѣхъ были оживлены, то и дѣло, всматривалъ и гасъ общій смѣхъ. Фаччіо иллюстрировалъ свои рассказы, подходя къ пианино и наигрывая тотъ или другой омерный мотивъ, о которомъ шло дѣло; редакторъ „*Corriere della Sera*“ Грамола набрасывалъ въ то же время карикатуры—изображая наглядно остроты Филиппи, какъ вдругъ распахнулись двери, и въ нихъ показались: знаменитая пѣвица Дарья д'Анчуткина со своей мамашей, отъ пароксизмовъ гордости и отраженнаго на нее ея дочерью величія, переходившей къ добродушной простотѣ небогатой старорусской помѣщицы.

— Вы извините, что мы безъ визита...

— Ну, мамаша, кто же въ нашемъ артистическомъ мірѣ занимается этими глупостями.

— Все-таки... правильнѣе бы...

— Пожалуйста, безъ церемоніи.

На Дарьѣ была шляпа, отдѣланная растрепанными ласточками, задравшими нелѣпо хвосты. Она такъ и осталась въ этихъ ласточкахъ, тогда какъ ея матушка, явившаяся въ какихъ-то цвѣтахъ, красныхъ и желтыхъ, украсившихъ ея голову, вынула изъ ридикюля ченецъ и совсѣмъ неожиданно надѣла его на себя. Появленіе д'Анчуткиной, какъ диссонансъ, нѣсколько разстроило, было, нашъ вечеръ, но, узнавъ, кто у насъ, она вдругъ притихла, вытаращила на Фаччіо и Филиппи глаза и съ полчаса сидѣла, не шевелясь.

— Вы—тоже учитесь пѣть? неволью загинотизи- рованный ею, спросилъ Фаччіо.

— Нѣтъ, maestro... Я уже выучилась...

— Здѣсь, въ Миланѣ?..

— А то гдѣ же!.. У насъ не у кого!..

Несчастная не знала, что учиться именно и слѣдуетъ у насъ, потому что въ Италіи—не у кого. Тамъ остались шарлатаны въ родѣ Ронзи, Гамбоджи и т. д.

— Что-жь, вы долго работали?

— Цѣлый годъ.

— Только? удивился Фаччіо.

— Да, знаете—я очень талантливая. Мнѣ довольно. Профессоръ былъ отъ меня въ восторгѣ.

— И онъ сказалъ вамъ, что вы готовы?

— Нѣтъ. Я сама это чувствую... Вотъ здѣсь, ткнула она себя въ животъ вмѣсто груди и при этомъ совершенно нелѣпо кивнула намъ всѣми своими ласточками.

— Значить, вы теперь ищите дебюта?

— Не ищу, а жду его!..

Она такъ гордо и заносчиво произнесла это, что Филиппи даже вздрогнулъ, а Грамола тотчасъ же сталъ ее дорисовывать.

— То-есть, какъ это *ждете*?

— Такъ... Не мнѣ надо искать, а пусть меня ищутъ... Я жду предложеній...

— Откуда, наприимѣръ?

— Я послала свои фотографіи съ адресомъ по всѣмъ театрамъ...

При словѣ фотографіи—легкій смѣхъ послышался кругомъ... д'Анчуткина—рыжая, покрытая веснушками, вся плоская и неуклюжая, въ этотъ вечеръ, экстравагантно одѣтая, была особенно некрасива.

— Да вы бы обратились къ агентамъ.

— Вотъ еще!.. Отчего же имъ не обращаться ко мнѣ?

— Да, вѣдь, они васъ не знаютъ.

— Я не думаю, чтобы имъ часто встрѣчались такія!

— Мы, все-таки, вдругъ зацѣла по-русски ея матушка,—природные костромскіе дворяне.

— Ну, это здѣсь въ счетъ не идетъ! тоже по-русски отвѣтилъ я ей.

Она презрительно сжала губы.

— У нихъ все изъ прачекъ, а то изъ шарманщицъ.

— Для сцены и для искусства это все равно.

— Ну, какъ же, вдругъ растормошилась и размахала она руками.—Ну, какъ же... Коли бы еще это они, макаронники, говорили, а то вы, русскій, и вдругъ благородную образованную дѣвицу приравняли къ ихнимъ мужичкамъ.

— Что это говорить она? спросилъ меня Фаччіо.

Я, разумеется, ему не перевелъ.

— Ну, знаете, вамъ долго придется такъ ждать, замѣтилъ д'Анчуткиной Филиппи.

— Напротивъ, у меня вчера, наприимѣръ, былъ уже агентъ. Какъ его?..

— На портфель похоже! вступилась ея мать.

— Портофоліо?..

— Ну, вотъ. Хромой... Онъ цѣлый вечеръ у насъ сидѣлъ и все уговаривалъ ѣхать пѣть.

— Куда именно?

— Представьте, нахаль такой—въ Ивреа. Я—и вдругъ поѣду въ Ивреа!

— Позвольте: Ивреа очень милый городъ, и съ него начинали многіе, теперь уже занимающіе видныя мѣста въ карьерѣ.

— Да вы поймите, я-то не могу. Я хочу въ Миланѣ, или во Флоренціи, или въ Римѣ.

— Вотъ что я вамъ посоветую—берите и руками, и ногами этотъ ангажементъ.

— И потомъ, вы даже и вообразить себѣ не можете, въ чемъ онъ мнѣ предлагаетъ выступать?—Въ Магдаленѣ въ „*Риголетто*“.

— Отчего же мы не можемъ себѣ вообразить... вмѣшалась жена.

— Оттого... Во-первыхъ, Магдалена—разбойничья се- стра...

— Простая ихняя мужичка! вставила матушка.

— А, во-вторыхъ, что же это за роль...

— Очень хорошая...

— Дурныхъ ролей нѣтъ, есть дурные артисты! точно про-себя проговорилъ Филиппи.

— Тамъ и пѣть нечего и показать своего таланта негдѣ...

— Позвольте, да вы гдѣ-нибудь уже участвовали, ну, хоть въ концертѣ?

— Нѣтъ... я не хочу въ концертахъ. Мнѣ нужны— костюмъ, сцена, публика, освѣщеніе.

— И гнилые апельсины! тихо проговорилъ Филиппи.

— Я ему говорю, что для меня Магдалена не подходитъ— а онъ мнѣ какою-то дерзостью отвѣчаетъ. Будь здѣсь мой папаша—онъ бы его, хромого чорта, въ окно выкинулъ.

— Просто бы морду побилъ! вырвалось, чисто похамски, у костромской дворянки.

— Вотъ что... Я вамъ зла не желаю, вѣдь, вмѣшалась жена,—берите Магдалену и поѣзжайте пѣть въ Ивреа.

— Да, вѣдь, вы съ Милана начали небось? заносчиво отрѣзала она.

— Да! но до Милана я два съ половиною года на московской императорской сценѣ пѣла.

— Ну, что московская сцена—на ней все бездарности!..

Мы даже глаза вытаращили... Д'Анчуткина уже дѣлалась забавна.

— Вотъ что: Верди—мой другъ, серьезно началъ Филиппи;—хотите, я напишу ему, чтобы онъ, специально для васъ, написалъ оперу, а Фаччіо настоять, чтобы васъ пригласили пѣть ее въ Скалу... Если Конти откажется—такъ Фаччіо подастъ въ отставку.

Д'Анчуткина такъ и заколыхалась.

— Ахъ, я была бы такъ благодарна вамъ...

— Только, къ сожалѣнію, мы васъ не слышали.

— Я хоть сейчасъ...

Вѣдная—она все это принимала въ серьезъ. Грамола уже зарисовывалъ на бумагу рядъ набросковъ, носившихъ вверху титулъ: дебютъ д'Анчуткиной. Филиппи сдѣлалъ каменное лицо...

Фаччіо сѣлъ къ піанино. Въ его улыбкѣ такъ и выржалось: отчего же не позабавиться. Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ.

— „Фаворитку“ поете?

— Да... Это моя коронная партія.

Она еще не выступала нигдѣ, а у нея были ужъ коронныя партіи!

И она самоувѣренно подошла къ роялю, выждала ритурнель, и когда Фаччіо кивнулъ ей,—начинайте,—она запѣла.

Въ сущности, ея пѣніе было вовсе не такъ плохо, какъ можно было ожидать. Она пѣла грубо, топорно, нутромъ, но у нея былъ голосъ, и большой голосъ. Только вмѣсто ювелиромъ отдѣланнаго бижу, онъ являлся какою-то оглоблею. Имъ можно было ушибить, но не очаровать, не увлечь... Въ большомъ количествѣ ея пѣніе не было приятно. Когда она окончила, ей изъ вѣжливости похлопали.

— Ну? остановились она передъ Филиппи.

Матушка ея такъ и впиалась въ него.

— Ну-съ... Что вы мнѣ скажете?

— Я вамъ скажу-съ, на этотъ разъ серьезно... Голосъ у васъ есть... Учитесь. Слышите—учитесь, и тогда, можетъ быть, что-нибудь изъ васъ выйдетъ... Если...

— Что если?

— Если у васъ окажется артистическій темпераментъ.

— А развѣ, по-вашему, теперь его нѣтъ?

— Можетъ-быть и есть... но... но по этому отрывку, который вы спѣли въ гостиной, ничего нельзя судить.

— Я говорила, вдругъ торжествуя и, очевидно, по-нявъ его по-своему, заговорила она.—Я говорила, что мнѣ нужна сцена, публика, кулисы...

Матушка ея въ счастливомъ обожаніи смотрѣла на нее: „красавица ты моя“, такъ и читалось въ ея влюбленномъ взглядѣ.

— Ты видишь, обратилась къ ней дочь по-русски,— даже Филиппи я понравилась!

Къ счастью, намъ не долго на этотъ разъ пришлось возиться съ нею.

Не успѣла она окончить, какъ вошелъ человѣкъ и доложилъ, что жену спрашиваетъ Діана Савелли. Эта молодая итальяночка была наша общая любимица. Хорошенькая, изящная, недурно образованная,—что для тамошнихъ женщинъ очень много,—она отличалась такою милою простотою и наивною, что если бы она и не была талантливою поэтессою, ея появленіе всюду казалось бы счастливымъ событіемъ. Я выбѣжалъ за нею и ввелъ ее къ намъ.

— Наконецъ-то, облегченно вздохнулъ Грамола.

— Что?

— Послѣ тучи—солнце!

Хорошо, что д'Анчуткина не слышала—на вѣкъ бы врагомъ намъ стала. Она, впрочемъ, довольна была своимъ *триумфомъ*, какимъ она считала сегодняшній вечеръ, и потому сидѣла спокойно и тихо.

— Это что—пѣвица? спросила она у меня.

— Нѣтъ... поэтесса...

— Которая стихи пишетъ?

— Да.

— Она, значитъ, впоследствии, послѣ моего дебюта, мнѣ что-нибудь посвятить... Сонетъ, что-ли...

— Почему вы думаете?

— Это въ Италіи всегда... Я ужъ знаю. Вѣдь, вашей женѣ посвящали же... Такіе обычаи у нихъ.

Она говорила съ такою увѣренностью, точно здѣсь родилась и выросла.

Діана точно лучъ свѣта внесла съ собою. Жена съ нею были большими друзьями, и вокругъ нихъ образовался кругъ. Д'Анчуткина съ матушкою, точно совы, сидѣли въ сторонѣ, отдѣльно, но сохраняли такой же видъ гордости и независимости. Я изъ вѣжливости подошелъ къ нимъ, съ цѣлью занять ихъ.

— Эта Діана и вамъ можетъ быть полезна... теперь даже.

— Какъ это?

— Она родственница Джіованины Лукки.

Дарья д'Анчуткина разомъ всполошилась.

— Представьте, я у нея три раза была, и меня, вы понимаете—меня, дворянку, не приняли.

— Понимаю! Иначе и не могло случиться. Вы, значитъ, не имѣете и представленія о томъ, что такое Лукка по отношенію къ молодымъ, начинающимъ артистамъ.

— Не царица же!

— Именно—царица. Аудіенціи у нея надо добиваться... Вамъ въ этомъ можетъ помочь именно Савелли... Она добра, и не откажетъ вамъ.

Лукка, какъ я говорилъ вамъ, вмѣстѣ съ Риккорди, была тогда собственницей большей части оперъ, дававшихся въ Италіи. Она дѣлала и раздѣляла, вѣнчала и развѣнчивала артистовъ. Ея благосклонность создавала тотчасъ же и славу, и ангажементы, и деньги; ея равнодушіе заставляло забывать даже ужъ извѣстныя имена.

— Я вамъ совѣтую поправиться Савелли.

— Какъ же это сдѣлать?

— Вы знаете—ни одна итальянка не можетъ быть равнодушна къ похвалѣ... Когда она прочитаетъ какое-нибудь изъ своихъ стихотвореній—а ее заставить сейчасъ же... Видите, моя жена и Грамола пристають ужъ къ ней... Когда она прочтетъ, подойдите и скажите ей что-нибудь приятное, попросите позволенія быть у нея.

— А она какого происхожденія?

— То-есть, какъ это? не сообразилъ я.

— Изъ дворянствъ? объяснила за свою менька.

— Я этого не знаю. Отецъ ея—визировалъ я.

Литературный альбомъ. „Предъ испанной благородной двое рыцарей стоятъ“. Стих. А. С. Пушкина.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Соломко, грав. Мультановскій.

Кошка! Съ карт. Штребена, грав. Йерике.

И, какъ оказалось, весьма кстати, потому что обѣ д'Анчуткины расцѣбли.

— Генеральская дочка!.. Это, значитъ, нашего круга будетъ.

Какъ я предполагалъ, такъ и оказалось. Діана не долго заставляла себя просить.

Она обратилась ко мнѣ:

— Что мнѣ прочесть, назначайте.

Я принесъ ей книгу и показалъ ей стихи „женщинѣ“. Это были мои любимые. Она читала прелестно: тихо, задушевно, безъ всякихъ эффектовъ, даже почти не повышая голоса. У нея и голосъ былъ нѣжный, пѣжный... Даже не понимавшіе языка слушали его, какъ музыку.

Звучный стихъ, красивая форма, оригинальность и прелесть дикціи невольно увлекли всѣхъ.

Діанѣ Савелли аплодировали, дамы ее цѣловали — мужчины имъ искренно завидовали.

— Вы меня избалуете совсѣмъ, краснѣла она.

Фаччио, тотъ смотрѣлъ на нее совсѣмъ влюбленными глазами; Грамола зарисовывалъ ее портретъ. Это мгновеніе Дарья д'Анчуткина сочла удобнымъ, чтобы исполнить мой совѣтъ. Она совсѣмъ по-верблужки набросилась на красавицу и утѣшила ее:

— Знаете, вы напишите что-нибудь хорошенькое, синьоръ Фаччио пусть положитъ это на музыку, а я спою въ какомъ-нибудь концертѣ.

Это было такъ неожиданно и глупо, что всѣ, и первая Савелли, расхохотались отъ всей души.

Дарья подняла къ рыжей чолкѣ мѣсто, гдѣ надлежало быть бровямъ, и удивленно на насъ оглянулась.

III.

Джіованина Лукка, несмотря на то, что въ ней мы совсѣмъ не заискивали, очень къ намъ благоволила. Для поддержки отношеній къ ней, а слѣдовательно и ко всему, такъ или иначе, связанному съ нею артистическому міру, намъ приходилось, иногда, дѣлать ей визиты. Она жила и вела себя такъ оригинально, что на этомъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. Жена разучивала оперу „Stella del Nord“, принадлежавшую Луккѣ. Очень заинтересованная въ томъ, чтобы этотъ Мейерберовскій шедевръ, съ нѣкоторыхъ поръ почти забытый въ Итали, опять пустить въ ходъ, Лукка постоянно освѣдомлялась о томъ, какъ идетъ дѣло у жены, нагоняла на насъ цѣлыя тучи импрессарио и агентовъ, предлагала свои деньги на постановку оперы и на уплату денегъ артистамъ. Въ концѣ концовъ, она назначила день, когда намъ къ ней пріѣхать, потому что передъ тѣмъ мы ее не застали дома. Въ ея квартирѣ была одна парадная комната, игравшая роль тронной залы. Посрединѣ ея стояло громадное кресло, передъ нимъ полукругомъ были расположены въ почтительномъ разстояніи болѣе скромныя. Когда мы пришли — всѣ эти послѣднія были уже заняты чайными движеніями воды артистками и артистами, хранившими благоговѣйное молчаніе. Двѣ „племянницы“, въ качествѣ флигель-адъютантовъ, вылетали въ тронную залу — узнавать, кто еще пришелъ. Лукка выходила только, узнавъ, что явился кто-нибудь, заслуживающій особеннаго ея вниманія. Не случись этого — посѣтителю могли просидѣть цѣлый часъ, созерцая передъ собою громадное кресло хозяйки. „Племянницы“, увидѣвъ насъ, кинулись къ хозяйкѣ, и та, еще издали крича: „наконецъ-то — очастливили меня эти гордые русскіе!“ выкатилась, поддерживаемая ими подъ руки, какъ нѣчто хрупкое и священное въ то же время. Это была глыба жира. Ее страшно было сажать даже — вдругъ расплзется во всѣ стороны, просочится сквозь полъ и оставитъ чудовищное маслянистое пятно... Она была одѣта, несмотря на утро, въ красный, расшитый золотомъ бархатъ, и на ея безобразной головѣ торчала пара страусовыхъ

перьевъ, въ разныя стороны, что давало ей сходство съ какой-то необыкновенно ожирѣвшей птицей. Она съ поспѣшностью, которую трудно было ожидать отъ нея, кинулась цѣловаться съ женою и съ итальянскою экзальтацией продѣлала это такъ, что, я думаю, нѣ улицѣ было слышно... Потомъ она величественно протянула мнѣ руку, для почтительнаго лобызанія, но я ее только пожалъ.

Старуха засмѣялась.

— Вы, вѣрно, только женѣ цѣлуете руку.

— Да, и матери. А такъ какъ для моей матери вы слишкомъ молоды, то...

Она кокетливо ударила меня по губамъ вѣромъ и, пыхтя опустила въ кресло, такъ что оно подъ нею затрещало. Племянницы стали справа и слѣва...

— Ну, какъ идетъ „Stella del Nord“?

— Пока хорошо...

— И зачѣмъ вы вышли за такого урода! кивнула она въ мою сторону.

— Очень вамъ благодаренъ за любезность.

— Я, вообще, терпѣть не могу мужей красивыхъ женщинъ...

— И женъ красивыхъ мужчинъ?..

Джіованина откинулась и захохотала отъ всей души... Захохотала такъ, что задохнулась, почему обѣ племянницы, съ испуганными лицами, начали колотить ее по шеѣ.

— Мнѣ еще никогда никто не смѣлъ отвѣчать такъ...

Ха-ха-ха... Да, въ мое время умѣли жить.

— Ваше время, развѣ оно прошло... Судя по тому, какъ на васъ смотритъ signor Alessandro, я думаю, что вы не имѣете права жаловаться и на настоящее...

— O caro tenorino! нѣжно улыбнулась она сидѣвшему тутъ же небольшому, худощавому, но красивому пѣвцу, смотрѣвшему на нее совсѣмъ по-собачьи.

Казалось, скажите ему „пилъ“ — принесетъ, „шершъ“ — искать будетъ, „кушъ“ — у ногъ уляжется. Онъ всей своей фигурой, жадными глазами, полураскрытымъ ртомъ изображалъ неукротимый порывъ къ ней, къ Джіованинѣ Лукка. Джіованина Лукка благоволила къ нему и дѣлала ему карьеру. Онъ ей платилъ привязанностью, въ которой не было ничего сыновьяго. Дѣло до этого было только его женѣ, красивой и полной итальянкѣ. А такъ какъ она ему не мѣшала — то и остальные ничему не удивлялись. Она и въ тотъ разъ сидѣла рядомъ съ нимъ, только моргая своими большими черными глазами. Ни малѣйшаго движенія въ правильныхъ чертахъ ея лица. Мясо-мясомъ.

— O caro tenorino!

Caro tenorino, точно на „ici“, сорвался съ мѣста, кинулся къ ней, припалъ губами къ ея рукѣ и замеръ... Другою она его гладила по головѣ, курчавой, какъ настоящей мерлушка-каракуль.

— Какъ онъ меня любитъ.

Чающіе движенія воды артисты и артистки смотрѣли на синьора Алессандро съ завистью.

— Я скоро въ Венецію поѣду... Тебя (она пѣвцамъ говорила „ты“), тебя Пюнтелли ангажировалъ въ Фениче?

— Нѣтъ!

— Ну, такъ онъ еще придетъ къ тебѣ. Я ему приказала...

Въ эту минуту „племянницы“ услышали звонокъ и разговоръ въ передней и кинулись туда. Черезъ минуту онѣ вернулись съ карточкой въ рукахъ.

— Cosa ce?.. (Что тамъ?)

— Una artista russa. (Русская артистка.)

— E bella? (Красивая?)

— Нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? всѣ русскія артистки красивыя. Какъ ее звать?

Племянница кивнула въ другую комнату, вытащила оттуда серебряное громадное блюдо, въ родѣ тѣхъ, на

которыхъ подаютъ рыбу, положила на нее карточку, бывшую у нея въ рукахъ, и съ благоговѣнiемъ подала Джіованинѣ.

— Che nome! воскликнула та. — Da-ri-a d'Antchoutkina! Non conosco... (не знаю)... Celebra artista di canto... Да она пѣла? я бы слышала.

— Ее рекомендовала Діана...

— А! тогда пусть войдетъ.

Анчуткина не вошла, а именно вскочила, — гордо и величаво, какъ и подобаетъ настоящей знаменитости.

Лукка, разумѣется, не вставая, протянула ей руку, но когда та вообразила, что для пожатія — хозяйка быстро ее отдернула...

— Я вамъ показываю свободный стулъ... Вонъ тамъ, тамъ... Нѣтъ, не около тепогіно... дальше.

И два страусовыя пера на ея головѣ расколыхались, очевидно, обнаруживая высшую степень негодованія хозяйки.

Дарья не садилась. Она ожидала мамашу. Та, наконецъ, подскочила какъ-то по-сорочьи, русскимъ „здравствуй“ совершенно изумила Лукку и усѣлась рядомъ съ знаменитой дочкой.

— Cosa? (Что такое?) спросила Джіованина.

— Ничего, ничего? закивала головою старушка.

— Вы давно знаете Діану?

— Я у нихъ познакомилась! кивнула Дарья на насъ.

— Отчего она въ васъ участіе приняла?...

— Вѣроятно, потому, что ей извѣстно, какая я артистка.

Лукка остолбенѣла и нѣкоторое время, не моргая, смотрѣла на д'Анчуткину.

— Я собираюсь пѣть ея романсы... Ихъ Фаччіо положить на музыку...

— Фаччіо не композиторъ... Онъ maestro... Онъ дирижируетъ оркестромъ.

— Для меня сдѣлаетъ, если я попрошу! увѣренно отвѣтила та и занялась пристальнымъ разсматриваніемъ гостей.

— Вы богаты? спросила ее Лукка.

— Я... да... у насъ въ Россіи есть имѣніе... и домъ въ Москвѣ.

— Это хорошо. Если вы богаты — то можете сами снимать театры и пѣть тамъ.

— Нѣтъ. Я хочу получать деньги за это.

Лукка засмѣялась.

— Вы совсѣмъ наивная! Ну, да Италия васъ скоро научитъ уму-разуму. Вы здѣсь у кого учились?

Она назвала.

— И, вѣрно, онъ съ васъ бралъ дорого, и по два раза въ день являлся.

— Вы почему знаете?

— Онъ не дуракъ. Онъ знаетъ, съ кого можно перья снять.

— Я къ вамъ пришла именно по дѣлу объ ангажементѣ.

— Слушаю васъ!

— Прикажете антрепренерамъ взять меня.

— То есть, какъ же взять васъ?

— Такъ, пригласить меня пѣть... У меня превосходный голосъ, и я пою отлично.

— Ну, и наружность! встала матушка.

— Что, что говоритъ она? спросила Лукка.

— Она? Что наружность у ея дочери выдающаяся.

— Выдающаяся... дѣйствительно. Еще бы не выдающаяся! негодовала Джіованина. — Особенно челюсти...

— Значитъ, всѣ условія для успѣха у меня есть.

— Какъ же, какъ же... Всѣ... Отчего вы не остались въ Россіи?

— Тамъ бы меня не оцѣнили.

— И потомъ, на ломанномъ языкѣ вступилась матушка, — и потомъ у нея отецъ генераль.

И она гордо оглянулась на всѣхъ.

— Полкомъ командоваль... Его самъ царь знаетъ. Сдѣлайте одолженіе! закончила она по-русски.

— Я вамъ сдѣлаю хорошіе сборы, не унималась знаменитая артистка. — На меня пойдутъ... Я не изъ трусливыхъ. Я ничего не боюсь. Для меня публика все равно, что ничто...

— А вы боитесь? обратилась Лукка къ женѣ.

— Конечно — боюсь! Особенно въ дебютахъ.

— И Патти боится, и Нильсонъ боится... Всѣ талантливыя боются.

— Это все старухи — имъ давно со сцены пора долой... отрѣзала Анчуткина.

— Даромъ только свѣтъ застять! опять встала костромская дворянка по-русски.

— Намъ, молодымъ, изъ-за нихъ трудно пробиваться. Почему я хуже какой-нибудь Пасква...

— Кого, кого?

— Паскуа... Ничѣмъ. Ее приглашаютъ, а я жду?

— Н-ну! только и могла проговорить Лукка. — Я такихъ еще, какъ вы, и не видала.

— Полагаю! — И она еще величественнѣе вытянулась на стулѣ. — Мнѣ профессоръ говорилъ, что такія вовсе не часто встрѣчаются.

— Замѣчательно, не выдержала, наконецъ, Лукка, обращаясь ко всѣмъ намъ. — Я не скрываю моихъ лѣтъ, да и скрывать нечего. По-моему, года у насъ у всѣхъ на лицѣ написаны, не зачѣмъ обращаться и къ метрическому свидѣтельству. Я уже тридцать пять лѣтъ вожусь съ артистами и артистками, и ихъ мимо меня прошло такъ много, что я съ трудомъ запоминаю даже лучшихъ изъ нихъ. А между ними были такія, какихъ ужъ нынче не встрѣчается.

— Ну, это положимъ! по-русски прервала ее д'Анчуткина.

Та не повела на нее и взглядомъ, точно ея не было и въ комнатѣ.

— Ну, такъ вотъ что... Всѣ эти тридцать пять лѣтъ я замѣчала одно: чѣмъ артистъ талантливѣе, тѣмъ онъ недовѣрчивѣе къ себѣ: и публики боится, и себя бережетъ, и робокъ, и волнуется... Я почти безошибочно привыкла отличать по этому таланты отъ бездарностей. Вотъ Пионтелли увѣряла, что не боится — и дѣйствительно: слушаю — и голосъ звучитъ ровно, и смотреть она какъ будто бы смѣло. Только взглянула ей на ноги — смотрю — дрожмя-дрожать. А Мазини — вѣдь, ужъ, кажется, ему волноваться нечего. Ъздила я въ послѣдній разъ слушать его во Флоренцію — иду къ нему за кулисы. „Buon successo!“ говорю ему. Онъ сидитъ, накладываетъ на лицо краски. Въ camerino жара невообразимая — дышать нельзя... Подаетъ мнѣ руку — холодная вся, какъ ледъ, и мокрая — отъ волненія. „Неужели, говорю, и ты, cara bestia — боишься?“ — „Всегда, отвѣчаетъ, — публика для меня тысячеголовый звѣрь... Какъ же не волноваться. Я, говорить, только въ Россіи ничего не боюсь, потому что тамъ этотъ звѣрь добрый, ласковый. Ему на шею можно сѣсть и ноги свѣсить. А тутъ нельзя не бояться“. Эльвира Репетто — извѣстная пѣвица. Положимъ, она ниже своей репутаціи — но все-таки хорошая... Кажется, тоже могла привыкнуть къ публикѣ, а, подите, случается — чуть не до обморока доходить. У нея даже есть особая молитва, специально для нея написанная...

— А я вотъ ничего не боюсь! опять упрямо встала д'Анчуткина.

— И не бойся, милочка, не бойся! утѣшила ее матушка. — Что ихъ, мужиковъ, бояться. Ты, все-таки, генеральская дочка.

Кажется, обѣ онѣ поняли, что для перваго визита засидѣлись слишкомъ долго. Дарья встала — палка-палкой — кивнула Луккѣ головою...

— До свиданія! обрадовалась та ея уходу.

— Вы меня не просите спѣть что-нибудь вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... У меня сегодня голова...

— Жаль... Я бы вамъ показала, какая у меня загородная школа. Я вамъ совѣтую, въ вашихъ же выгодахъ, рекомендовать меня всѣмъ агентамъ и здѣсь, и за границей. Только я должна предупредить васъ: я дешево не возьму. Мнѣ надо мн. го. Да мнѣ и не выгодно брать мало...

— Не берите, не берите! Что ихъ жалѣть. Спрашивайте прямо миллионъ. Все равно, вѣдь.

— Миллионъ,—это впоследствии. Я рѣшила такъ: за первый сезонъ нять тысячъ... А такъ будетъ видно.

И, величественно кивнувъ намъ, она вышла.

Я ужъ привыкъ любоваться ея выходками... Особенно хороша была костромская дворянка—ея матушка, отражавшая на себѣ блескъ дочери. Удивительно смѣшною казалась ея гордая поза—такая нелѣпая у этой коротенькой и круглой старушки...

— Кажется, я произвела на нее впечатлѣніе? спрашивала меня на другой день д'Анчуткина.

— Какъ же, какъ же, и сильное. Вѣдь, вы про Лукку?

— Да,—про нее.

А что это впечатлѣніе было, дѣйствительно, сильно, видно изъ того, что по ея уходѣ съ минуты продолжалось какое-то оцѣненіе, потомъ всѣ точно по сигналу рассохотались, и двумъ племянницамъ флигель-адъютантамъ опять пришлось заняться шеей задохнувшейся отъ смѣху Лукки.

— Гдѣ ея карточка, гдѣ ея карточка?.. ономнилась она, наконецъ.

Карточку знаменитой артистки отыскали и подали.

— Вотъ что, Амелия.

Старшая племянница выросла передъ нею, какъ листъ передъ травой.

— Вотъ что. Всѣмъ импрессарию, которые будутъ приходить ко мнѣ, впередъ объявляй, что если они вздумаютъ хоть занкнуться объ этой... какъ се... Dagia, что-ли?.. то — я ихъ къ себѣ и на глаза впередъ не пущу.. Dio! Какія есть дуры на свѣтѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Начало оспопрививанія въ Россіи 125 лѣтъ тому назадъ.

Очеркъ Н. Ширяева.

По свидѣтельству многихъ писателей, оспа перешла въ Европу въ VI вѣкѣ по Р. Х., и съ той поры начались осенные эпидеміи, истреблявшія массами населеніе лучшихъ европейскихъ странъ. Съ XI вѣка эта губительная болѣзнь началась въ Россіи и быстро развилась съ ужасающею силою. Долгое время не только въ Россіи, но и во всей Европѣ не знали никакихъ средствъ для борьбы съ этою эпидеміею; все ограничивалось одними карантинными предосторожностями. На Востокѣ и въ Турціи давно уже знали, что прививка оспы здоровымъ людямъ предохраняетъ ихъ отъ заболѣванія; но въ Европѣ боялись этого способа; старинные медики не признавали его дѣйствительности, и никто не рѣшался на подобныя опыты. Первый примѣръ прививки оспы въ Европѣ сдѣлалъ былъ только въ началѣ XVIII столѣтія. Супруга англійскаго посланника въ Константинополь, леди Монтегю, еще во время пребыванія въ столицѣ Турціи, привила оспу своему сыну и потомъ, уже въ Лондонѣ, подвергла той же операционъ свою дочь. Затѣмъ леди Монтегю издала (въ 1721 году) первое печатное сочиненіе о пользѣ оспопрививанія. Это нововведеніе возбудило самые оживленные толки, въ особенности въ Англии и Франціи, но вслѣдствіе съ тѣмъ встрѣтило сильнѣйшее противодействие не только въ народѣ, но и между медиками Лондонская медицинская коллегія рѣшила произвести опыты прививки натуральной оспы только надъ шестью преступниками, приговоренными къ смертной казни.—Вольтеръ, бывшій сторонникомъ оспопрививанія, писалъ, между прочимъ, императрицѣ Екатерицѣ: „Что касается насъ (т. е. французамъ), то чуть дѣло не дошло до того, что у насъ оспу нельзя прививать иначе, какъ по приговору парламента. Не знаю, что сдѣлалось съ нашею націею, которая прежде давала во всемъ великіе примѣры; мы теперь въ некоторыхъ случаяхъ оказываемся варварами, а въ другихъ обнаруживаемъ малодушіе“. Тѣмъ не менѣе оспопрививаніе стало распространяться. Въ Англии принцесса Уэльская, уступая настойчивымъ представленіямъ леди Монтегю, привила оспу своимъ дѣтямъ, во Франціи, въ 1756 году, герцогъ Орлеанскій сдѣлалъ себѣ такую же прививку.

Въ Россіи въ то время объ оспопрививаніи, конечно, никто не думалъ. Въ русскихъ указахъ XVIII вѣка болѣею осною считалась наравнѣ съ прокаженными; для нихъ отводились особыя загородныя помѣщенія, назначались даже особыя церкви; умершихъ отъ оспы воспрещалось вносить въ церкви.

Императрица Екатерина II, вскорѣ по вступленіи на престолъ (въ 1762 г.), обратила особенное вниманіе на причины малонаселенности Имперіи и, въ особенности, смертности между младенцами. Изъ докладовъ медицинской коллегіи императрица узнала, что едва четвертая часть рождавшихся младенцевъ достигала совершеннолѣтія, и что главною причиною смертности ихъ была — оспа. Екатерина рѣшила ввести въ Россіи оспопрививаніе и при этомъ совершила, поистинѣ, героическій подвигъ: она, для примѣра народа, привила оспу себѣ и своему сыну, цесаревичу Павлу Петровичу. Сама императрица сознавала высокое значеніе своего подвига; это она выразила въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 6 (17) декабря 1768 г.: „Я сознала, что самымъ лучшимъ дѣломъ будетъ—подать собою примѣръ, который могъ бы оказаться полезнымъ для всѣхъ людей; я вспомнила, что по счастливой случайности у меня не было оспы, и приказала вынестъ изъ Англии оспопрививателя“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что императрица тогда было 39 лѣтъ, а въ эти годы прививка оспы, по

новѣтямъ того времени, считалась весьма рискованнымъ дѣломъ.

Одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ Екатерину рѣшиться на немедленную прививку, было то обстоятельство, что, несмотря на всѣ предосторожности, оспа появлялась при Высочайшемъ дворѣ; жертвою ея былъ въ 1730 году юный императоръ Петръ II, и еще незадолго до прививки оспы Екатерицѣ II, отъ этой болѣзни скончалась одна изъ приближенныхъ фрейлинь.—Для прививки оспы императрицѣ и цесаревичу приглашенъ былъ изъ Англии знаменитый осенный врачъ Томасъ Димедаль († 1800 г.). При свиданіи съ нимъ, императрица Екатерина объявила, что рѣшилась привить себѣ оспу непосредственно прежде цесаревича, главнымъ образомъ, для того, чтобы можно было ежедневно съ нимъ видѣться во время болѣзни; при этомъ императрица приказала, чтобы до времени все это дѣло „не было гласнымъ“.—Ксатати должно замѣтить, что, прежде прививки оспы Екатерицѣ II, сдѣланы были въ Петербургѣ нѣкоторыя предварительныя распоряженія: устроены были „на счетъ цесаревича“ на Петербургской сторонѣ особый домъ, гдѣ докторъ Шульцъ (онъ же Шуленбургъ) началъ первые опыты оспопрививанія младенцами; по прибытіи Димедали, домъ этотъ поступилъ въ его завѣдываніе. Главная задача Димедали заключалась въ томъ, чтобы отыскать больного, отъ котораго можно было бы достать осеннюю матерію для императрицы. Сохранилось преданіе, что означенная матерія была взята отъ семилѣтняго сына простолудна Маркова; мать Маркова будто бы долго не соглашалась допустить Димедали взять оспу отъ сына, такъ какъ тогда существовало повѣрье, что тотъ, у кого возьмутъ осеннюю матерію, непременно умретъ, но отецъ Маркова будто бы сказалъ такъ: „Я самъ не менѣе люблю сына и боюсь его лишиться; по этому господинъ пришелъ къ намъ отъ имени нашей матушки-царицы: мы принадлежимъ ей, и дѣти наши также; если бы она погребовала жизни нашей, мы и на то должны тотчасъ согласиться!“ Государыня, будто бы, довольная Марковыми, пожаловала ихъ сыну дворянское достоинство съ фамиліею „Осеннаго“ и положила на его содержаніе до совершеннолѣтія капиталъ въ 3000 рублей. По изъ „Записокъ“ Димедали *) видно, что онъ, дѣйствительно, брать осеннюю матерію у одного ребенка, несмотря на сопротивленіе матери, однако Димедаль не подвизается, чтобы императрицѣ была привита оспа, взятая именно отъ этого ребенка; Димедаль прямо говоритъ, что онъ для этой цѣли „избралъ трехъ дѣтей здороваго сложенія и привилъ имъ оспу“.

Оспа была привита императрицѣ Екатерицѣ II, по настоячивому ея требованію, самимъ Димедалемъ, послѣ двухмѣсячныхъ предварительныхъ опытовъ. Прививка оспы императрицѣ совершилась въ Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, 12 октября 1768 года, въ 10 часовъ вечера. На другой день императрица уѣхала въ Царское Село, гдѣ благополучно пронесла болѣзненный періодъ, а 1 ноября она слушала благодарственный молебень по случаю выздоровленія. Во время болѣзни, Екатерина была въ веселомъ расположеніи духа и, между прочимъ, читала сочиненія Вольтера, о чемъ сообщала знаменитому философу въ слѣдующихъ путешествіяхъ. „Чуть не забыла я вамъ сказать, что я дополнила то незначительное число лѣтъ, или отсутствіе ихъ во время осенной операционъ, тремя или четырьмя превосходными цѣлебными средствами, которыми въ подобныхъ обстоятельствахъ и со-

*) Записки Димедали напечатаны во II томѣ „Сборника Императорскаго Историческаго Общества“ (СПБ., 1868 г.).

Беатриче Ченчи. Съ карт. Гвидо Рени изъ Галереи Барберини въ Римъ, грав. Флѣре.

вѣтую воспользоваться всякому человеку со смыслом; они состоятъ въ томъ, чтобы слушать чтеніе „Шотландки“, „Кандида“, „Обладателя сорока экю“ и „Принцессы Вавилонской“. Слушая ихъ, забываешь всякую боль“. На это письмо Вольтеръ отвѣчалъ стихами, въ которыхъ называлъ Екатерину „блгсательною разрушительницею всѣхъ предрасудковъ“ (de tous les préjugés destructrice brillante) и при этомъ прибавлялъ: „О, государыня, какой урокъ В. И. В. изволили дать нашимъ французскимъ щеголямъ, нашимъ премудрымъ учителямъ Сорбонны и нашимъ эскулапамъ медицинскихъ школъ!“ *)

Вскорѣ послѣ привитія оспы императрицѣ, Димсдаль предполагалъ привить оспу и цесаревичу, но, вслѣдствіе открывшейся у него 22 октября „летучей оспы“, налѣзшие это было отложено. Цесаревичу Павлу Петровичу тогда только что исполнилось 14 лѣтъ, и онъ отличался цвѣтущимъ здоровьемъ; когда сказали цесаревичу о предстоящей прививкѣ, онъ охотно согласился и даже, по словамъ Димсдаля, „желалъ нетерпѣливо, чтобы было приступлено къ опыту“. Павлу Петровичу оспа была привита 1 ноября въ Зимнемъ Дворцѣ, на одной только правой рукѣ; съ 10 числа появилась сыпь, а черезъ недѣлю цесаревичъ уже выздоравливалъ. Здѣсь слѣдуетъ кстати отмѣтить замѣчательный фактъ, что императрица дозволила взять отъ себя и отъ цесаревича оспенную матерію для прививки другимъ лицамъ, чтобы разсѣять предрасудокъ, будто бы подобное позанмствованіе вредило тому, отъ кого брали оспу.

Тотчасъ по выздоровленіи Екатерины II и Павла Петровича, Сенатъ опубликовалъ 20 ноября указъ, въ которомъ, послѣ пространнаго упоминанія о всегдшней „къ подданнымъ любви и милости Монархини“, находились слѣдующія слова: „Видѣла она (т. е. императрица) въ колѣнѣхъ трепетѣ и содроганіи вѣрные ея подданные быть должны о томъ, что она и дражайшій ея сынъ и наследникъ, въ которомъ сосогнитъ для будущихъ временъ всѣхъ російскихъ сыновъ надежда, ежечасно подвержены отъ оспы той опасности, которая большей части человеческого рода наноситъ смертельную язву; и дабы сей страхъ отъ всѣхъ какъ наискорѣе отнять: то, несмотря на зрѣлость своихъ лѣтъ въ несравненно большую противъ младолѣтства опасность, изъ любви къ отечеству предпріяла не только собственную свою особу опыту новозобрѣтеннаго привитія оспы мужественно вдать, но симъ своимъ великодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить соизволила и вселюбезнѣйшаго своего сына и наследника на то же поступить, чѣмъ и рѣшила бывшія до сихъ поръ вообще подданныхъ ся сомнѣнія, обрадовавъ Россію совершеннымъ выздоровленіемъ обоихъ сихъ вседражайшихъ для нея особъ“. Вслѣдствіе этого, упомянутымъ указомъ приглашены были всѣ вѣроподданные принести благодареніе Богу, а депутаты отъ различныхъ вѣдомствъ и члены „комисіи для составленія новаго уложенія“ явились лично для поздравленія императрицы; вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было, что на будущее время въ память совершившагося счастливаго для Россіи событія установленъ во всѣхъ городахъ имперіи особый праздникъ на 21 ноября **). Другимъ сенатскимъ указомъ, отъ того же 20 ноября, установлено было считать 21 ноября днемъ „табелнымъ“ съ освобожденіемъ присутственныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній отъ занятій; въ церквяхъ велѣно было служить благодарственные молебны и звонить въ колокола; вечеромъ приказано устраивать въ городахъ иллюминаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ опубликовалъ отвѣтъ императрицы на присенное поздравленіе. Государыня отвѣчала: „Мой предметъ былъ своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ монаховъ подданныхъ, кои, не зная пользы сего способа, онаго страшась, оставались въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего; ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы.***)“

Въ дополненіе къ сказанному отмѣтили еще, что въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1768 года, подъ 22 ноября отмѣчено, что въ этотъ день съѣзжались ко Дворцу „знатныя особы обоого пола и чужестранные министры „для всерадостнаго поздравленія съ благополучнымъ окончаніемъ“ императрицею и цесаревичемъ „великодушнаго и знаменитаго подвига ко благополучію подданныхъ“. Вечеромъ въ тотъ же день былъ во дворцѣ балъ въ присутствіи государыни и цесаревича. Выздоровленіе императрицы послѣ привитія оспы праздновали и въ Москвѣ. Тогдашній московскій главнокомандующій графъ П. С. Салтыковъ доносилъ императрицѣ отъ 6 ноября: „Нашъ московскій архіерей, какъ скоро увѣдалъ о благополучномъ выздоровленіи В. И. В., приказалъ по всей своей епархіи исправлять всенощное бдѣніе, благодарные молебны. Сей же день служилъ отмѣнно, отворяя царскія двери, какъ то бываетъ и на

великій день Пасхи... По окончаніи божественной литургии и по выстрѣлу изъ 101 пушки, г. оберъ-полциіймейстеръ поставилъ передъ кремлевскимъ дворцомъ быка жаренова, подареннаго вино, медъ и пиво; все то происходило съ великимъ порядкомъ“.

Докторъ Димсдаль за привитіе оспы императрицѣ и цесаревичу получилъ титулъ барона Російской имперіи (съ передачею этого титула старшему въ фамиліи), званіе лейбъ-медика, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пожизненную пенсію въ 500 фунт. стерл.; кромѣ того, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Димсдаль получилъ украшенные брильянтами миниатюрные портреты государыни и цесаревича, а сынъ Димсдаля—золотую табакерку съ брильянтами. Въ бытность въ Россіи Димсдаль привилъ оспу многимъ знатымъ лицамъ, а въ началѣ 1769 г. уѣхалъ въ Англію, получивъ отъ императрицы новый цѣнный подарокъ—муфту изъ самой дорогой черной собирекрой лиснцы.

Въ апрѣлѣ 1772 года Сенатъ снова приносилъ благодарность Екатерины II за введеніе въ Россію оспопрививанія по случаю поднесенія императрицѣ медалей въ память этого событія. На медали съ одной стороны находится грудное изображеніе императрицы въ коронѣ и мантии; на другой—храмъ Эскулапа, передъ которымъ лежитъ убитая гидра; изъ храма выходитъ императрица съ цесаревичемъ, исцѣленные отъ оспы; навстрѣчу имъ слѣшатъ Россія съ младенцами; на верху надпись: „Собою подала примѣръ“; а внизу: „1768 г., октября 12“ (день привитія оспы императрицѣ). Поднесеніе медалей состоялось въ засѣданіи Сената, при чемъ сенаторъ графъ Р. Л. Воронцовъ сказалъ слѣдующую рѣчь: „Всемилоствѣннѣйшая государыня! Сенатъ В. И. В., напоминая ту опасность, въ которую для спасенія рода человеческого привигемъ оспы себя и любезному сыну своему поступить позволили, не благодаренъ бы предъ Богомъ и вами явился, если бы публичнымъ знакомъ на вѣчныя времена не оставилъ память сего великаго дѣйствія; въ такомъ разсужденіи, сей искренней своей и народа благодарности знакъ повелѣвъ сдѣлать, повергаетъ его съ самымъ собою къ стопамъ вашего величества“. Императрица отвѣчала на это привѣтствіе словами: „Я исполнила долгъ свой, ибо добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы“.

Въ 1787 году, въ круглой залѣ бывшаго московскаго сената (гдѣ теперь московскій окружной судъ), въ числѣ горельефовъ, изображающихъ главныя событія царствованія Екатерины II, одинъ сдѣланъ былъ въ память введенія въ Россію оспопрививанія. На этомъ горельефѣ императрица изображена въ видѣ Минервы, которая даетъ дракону, терзающему дитя, ужалить свою обнаженную ногу; столпій возлѣ Гипократъ, окруженный матеріями подающими ему дѣтей, указываетъ на подвигъ Минервы; девизъ этого горельефа: „Своею опасностью другихъ спасаетъ“.

Послѣ 1768 года оспопрививаніе стало быстро распространяться по всей Россіи; въ началѣ 1770 годовъ оно было извѣстно уже въ Сибири. Въ концѣ XVIII вѣка явились народныя (лубочныя) картинки, въ которыхъ осмѣивались „поклеванныя ибтухами“ лица, т. е. рябые. Когда въ концѣ XVIII вѣка знаменитый Джентеръ открылъ пользу прививки „коровьей оспы“ для предохраненія отъ натуральной, этотъ способъ скоро сдѣлался извѣстенъ въ Россіи. Императрица Екатерина II, слѣдившая за успѣхами оспопрививанія, послала Джентеру драгоценный брильянтовый подарокъ, при лестномъ собственноручномъ письмѣ. Въ дѣлѣ распространенія въ Россіи оспопрививанія весьма видное участіе принимало Императорское вольное экономическое общество, основанное въ 1765 году. Особенное развитіе получила дѣятельность этого общества съ 1824 года, когда при обществѣ основано было „почетительное отдѣленіе о сохраненіи здоровья человеческого и всякихъ домашнихъ животныхъ“. Съ 1826 года общество получило право раздавать, съ Высочайшаго утвержденія, золотыя и серебряныя медали „за прививаніе оспы“ для ношенія на груди на зеленой лентѣ. Въ настоящее время общество разсылаетъ огромное количество оспенной матеріи для прививокъ во врачбныя отдѣленія губернскихъ правленій, въ земскія управы, врачамъ всѣхъ вѣдомствъ и оспопрививателямъ.

Въ 1871 г. ожидала появленія изъ Зап. Европы натуральной злокачественной оспы, и потому обратили вниманіе на оспопрививаніе. Въ виду усиленія требованій на оспопрививаніе, Вольно-Экономическое общество устроило въ своемъ домѣ, въ Петербургѣ, на углу Забалканскаго и 4 роты Измайловскаго полка, помѣщеніе для достаточнаго числа телятъ съ цѣлю полученія отъ нихъ оспенной лимфы, по примѣру Воспитательнаго дома. Учрежденіе это, потребовавшее значительныхъ затратъ со стороны Общества, принесло огромную пользу—оно могло съ этихъ поръ удовлетворить всѣ требованія на лимфу, снабжало таковой войска и участвовало вмѣстѣ съ правительствомъ и земствомъ въ мѣрахъ къ ослабленію оспенной эпидеміи. Первоначальное устройство и завѣдываніе телятникомъ было возложено на ветерина. врача Ф. И. Бострема. Ему принадлежитъ высокая заслуга введенія въ Россіи итальянскаго

*) Черезъ 6 лѣтъ, въ 1774 году отъ оспы скончался французскій король Людовикъ XV.

**) 21 ноября православная церковь празднуетъ „Введеніе во храмъ Пресвятыи Богородицы“. Праздникъ древній (съ IV вѣка) и считающийся въ числѣ великихъ или „двунадесятыхъ“.

***) Въ эти три акта напечатаны въ XVIII томѣ „Полнаго Собранія Законовъ“ (изд. 1830 г. подъ № 13204), подъ заглавіемъ: „о принесеніи Ея Императорскому Величеству и Е. И. В. Государю и Наслѣднику благодаренія за великодушный и знаменитый подвигъ въ благополучію своихъ подданныхъ привигемъ оспы и установленіи торжественнаго въ 21 день ноября каждаго года“.

способа прививания оспы детритомъ (соскобленными оспенными прыщами), болѣе вѣрными и дѣйствительнымъ средствомъ привитія оспы, чѣмъ осенняя лимфа, въ особенности, при пересылкѣ осенней матеріи на дальніи разстоянія. О. И. Бо-стремъ скончался въ 1875 г. Мѣсто его занялъ врачъ Диксонъ, вскорѣ умершій и замѣщенный въ январѣ 1876 г. врачомъ Э. Э. Горномъ, завѣдывающимъ и попыткѣ оспопрививательнымъ учрежденіемъ и имѣющимся при немъ телятникомъ. На паннѣмъ рисункѣ (стр. 1072) изображена одна изъ комнатъ небольшого помѣщенія оспопрививательнаго учрежденія, въ которой производится какъ прививка оспы разнымъ лицамъ, такъ и соскабливаніе детрита съ телятъ, присылаемыхъ въ учрежденіе съ болни при свидѣтельствѣ врача о ихъ здоровомъ состояніи.

Въ оспопрививательномъ учрежденіи и получается детритъ, для разсылки въ провинціи и прививается бесплатно ежедневно оспа. Съ 1881 г. Вольно-Экономическое общество открыло бесплатный входъ для бесплатнаго обученія оспопрививанію училищамъ и школамъ фельдшерницъ, повивальныхъ училищамъ и школамъ и СПбургской училищной семинаріи. За послѣдній 1892 отчетный годъ привита была оспа 3873 лицамъ, изъ которыхъ въ первый разъ привито было 3669 лицамъ и вторично (revaccinatio) 202 лицамъ. Въ теченіе этого же времени учрежденіемъ отпущено осеннаго детрита на 117,310 чел. или на 643,860 прививокъ, считая по 3 укола на каждой рукѣ. Благо-

творная дѣятельность оспопрививательнаго учрежденія усиливается съ каждымъ годомъ. Такъ, въ настоящемъ 1893 году, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, съ 1 января по 6 октября привита оспа 4053 лицамъ, т. е. гораздо болѣе, чѣмъ во всеміи предъидущемъ году.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ Петербургѣ есть чудотворная икона, Божіей Матери—всѣхъ скорбящихъ радости, служащая памятникомъ введенія въ Россіи оспопрививанія. Икона эта находится въ Скорбященской церкви, на углу Воскресенскаго проспекта и Шпалерной улицы. Эта икона прославилась во 2-й половинѣ XVII вѣка чудеснымъ исцѣленіемъ отъ неизлѣчимой болѣзни сестры патриарха Іоакима (въ 1688 г.). По желанію сестры Петра Великаго, царевны Наталіи Алексѣевны, св. икона въ 1711 году перенесена была въ новую столицу—Петербургъ. Эту икону особенно чтитъ императрица Екатерина II. Въ 1768 г. она, по данному обѣту, передъ привитіемъ оспы себѣ и царевичу Павлу Петровичу, торжественно, въ сопровожденіи всего двора и множества народа, приходила пѣшкомъ для поклоненія этой иконѣ; подобное же торжество было и по выздоровленіи императрицы отъ оспы. Слѣдующимъ примѣру государыни, знатныя особы и вообще люди всѣхъ состояній считали долгомъ прежде привитія оспы себѣ или дѣтямъ обращаться съ молитвами къ этой св. иконѣ. Такой обычай существовалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Расплатился.

Рассказъ. (Изъ воспоминаній моего дѣдушки).

Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, когда у меня были самыя незначительныя средства, я въ родномъ своемъ городѣ перебывалъ торговлей съѣстныхъ припасовъ. Передъ дверью лавки висѣли у меня разныя съѣдобныя вещи, для того чтобы завлечь къ себѣ покупателей, въ большинствѣ, людей очень бѣдныхъ. Никогда ничего у меня не пропадало съ дверей, и я былъ вполне спокоенъ за свой товаръ. Но вдругъ какъ-то разъ вечеромъ не досчитался я одной колбасы. Потеря была очень не великая, всего какихъ-нибудь сорокъ пфенниговъ, но мнѣ это было очень досадно. На слѣдующее утро зазвалъ я къ себѣ въ лавку проходившаго мимо полицейскаго и сообщилъ ему о воровствѣ. Его только что, нѣсколько дней тому назадъ, назначили на эту должность. Это былъ высокій, крѣпкій мужчина, но съ такимъ бѣднымъ, измученнымъ лицомъ, съ такими глубоко ввалившимися глазами, что казалось, будто онъ незадолго передъ тѣмъ перенесъ тяжелую, изнурительную болѣзнь.

— Нѣсколько дней подъ-рядъ буду я наблюдать за вашей лавкой, сказалъ онъ мнѣ.—Вы только оставьте вашъ товаръ висѣть, непрежнему, съ тѣмъ, чтобы можно было захватить вора на мѣстѣ преступленія.

Я съ нимъ вполнѣ согласился и послѣдовалъ его совѣту. Вечеромъ видѣлъ я, какъ полицейскій не разъ останавливался въ тѣни на другой сторонѣ улицы и наблюдалъ за моею лавкой. Такъ прошло нѣсколько дней.

Въ одинъ вечеръ разразилась страшная буря. Въ лавкѣ никого не было, дѣлать было нечего. Я сидѣлъ съ лампой въ сосѣдней съ лавкой каморкѣ и читалъ газету. Жена стряпала что-то на кухнѣ.

— Вильгельмъ, крикнула она мнѣ оттуда, — дождь льетъ какъ изъ ведра. Не внести ли лучше товаръ въ лавку.

— Онъ же виситъ подъ крышею, возражалъ я.— Впрочемъ, пожалуй. Дѣйствительно, погода невозможная. Дождь такъ и хлещетъ, а вѣтру, видно, такъ и хочется крыши сорвать.

Я подошелъ къ окну и всмотрѣлся въ темень. Освѣщеніе улицъ было у насъ тогда самое жалкое. И въ такую непогоду тьма казалась вдвое гуще. На улицу падалъ только слабій свѣтъ отъ нашей висѣчей лампы въ лавкѣ. И я увидѣлъ въ этомъ мерцаніи, какъ кто-то отошелъ отъ лавки, унося подъ мышкой свертокъ. Сначала это меня очень озадачило, но затѣмъ я сразу успокоился—я замѣтилъ блестящія, форменныя пуговицы. „Это—полицейскій“ сказалъ я себѣ, провожая его глазами. Я видѣлъ, какъ онъ зашелъ въ кусты возлѣ церкви и затѣмъ, сейчасъ же вынырнувъ оттуда, направился дальше. Полицейскій ушелъ и я рѣшилъ уже внести въ лавку выставленные товары. Только что подошелъ я къ двери, какъ сейчасъ-же замѣтилъ, что не хватаетъ одного окорока. Такъ вотъ, значитъ, и полицейскій надзоръ не помогъ. Воръ, повидному, перехитрилъ полицейскаго.

Вдругъ осенила меня неожиданная мысль. Наказавъ женѣ посидѣть въ лавкѣ, я сейчасъ-же отправился къ церковному садику. Буря утихла такъ же быстро, какъ и началась. Я черкнулъ спичку, и чуть заколебавшееся пламя ея освѣтило небольшое пространство вокругъ меня. На землѣ лежалъ полураскрытый пакетъ въ изорванной газетной бумагѣ. Я зажегъ еще одну спичку и увидѣлъ въ этомъ пакетѣ пропавшій съ моихъ дверей окорокъ. Я былъ возмущенъ до глубины души. Простой, обыкновенный воръ не могъ бы меня такъ возмутить, какъ этотъ; да, все говорило за то, что человѣкъ, который обязанъ былъ оберегать мою собственность, самъ-то и былъ

воромъ. За такой позорный поступокъ онъ долженъ быть наказанъ въ самой сильной степени. Я рѣшился разъ навсегда избавить себя и другихъ отъ этого порочнаго человѣка. Самое лучшее было бы схватить его, что называется, съ поличнымъ, и я сталъ раздумывать, какъ это сдѣлать. Несомнѣно, воръ долженъ будетъ придти за украденнымъ окорокомъ; значитъ, нужно оставить его на прежнемъ мѣстѣ и спокойно выжидать этой минуты. По всѣмъ вѣроятіямъ, рѣшилъ я, онъ явится за окорокомъ послѣ ночной снѣны. Я вернулся къ себѣ въ лавку и сталъ наблюдать по часамъ. Было безъ десяти минутъ десять. Наскоро заперъ я лавку и сейчасъ же прокрался незамѣтно снова въ садикъ, на прежнее мѣсто. Нѣсколько времени спустя, послышался вдали контрольный свистъ полицейскаго и отвѣтъ на него ночного сторожа. И затѣмъ раздались шаги, все ближе и ближе. По высокой, рослой фигурѣ и блестящимъ пуговицамъ я узналъ моего полицейскаго. Онъ вошелъ въ кусты и нагнулся, было, чтобы поднять пакетъ.

Тутъ я бросился на него, съ громкимъ крикомъ: „Стои!“ Онъ отшатнулся назадъ.

— Нечего сказать, хорошъ полицейскій, и воръ въ то же время! заговорилъ я, схвативъ его крѣпко за рукавъ. Силъ у меня было тогда пронасть, я могъ справиться съ кѣмъ угодно. Въ первый моментъ онъ сдѣлалъ, было, попытку вырваться, но я совладавъ съ нимъ. Несмотря на свой высокой ростъ, онъ не былъ въ силахъ двинуться и спокойно отдался мнѣ въ руки.

— Господи Милосердый! прошепталъ онъ.—Бѣдныя дѣтки!

— Объ этомъ вы должны были раньше думать, замѣтилъ я.— Что-жъ такое будетъ съ нами послѣ этого, если сама полиція воруетъ. Ну, нищему, оборванцу я еще могу простить такую вещь, — онъ воруетъ съ голоду, а вы чиновникъ, получаете жалованье...

— Послушайте, вдругъ заговорилъ онъ, дайте сказать мнѣ, выслушайте меня. Всѣ мои голодаютъ, и я самъ съ голоду насилу на ногахъ стою. Вотъ ужъ три дня, какъ моя жена и дѣти только и ѣли, что немножко заваренной на водѣ кашки. Я очень недавно назначенъ на эту должность, жалованье получу только черезъ мѣсяцъ... А пока у меня нѣтъ ни гроша за душой, послѣднее ушло у меня на продолжительную болѣзнь, отъ которой я только что оправился. Если бы я сказалъ, что мнѣ не на что просуществовать мѣсяцъ, мнѣ не дали бы этого мѣста. Клянусь вамъ, что я и не думалъ иначе, какъ заплатить вамъ за все мною у васъ украденное изъ перваго моего жалованья... Да и все мое жалованье 180 талеровъ въ годъ вмѣстѣ съ обмундировкой. Жена моя была третьяго дня у васъ и просила отпустить ей въ долгъ. Вы ей сказали, что въ долгъ вы никому не отпускаете, по приндциу. Дѣлайте теперь со мною, что хотите...

Я задумался.

— Пойдемте со мной ко мнѣ, на квартиру, сказалъ я ему, и мы молча пошли рядомъ. Я несъ подъ мышкой злополучный окорокъ. Приди домой, я зажегъ огонь въ запертой лавкѣ, чтобы остаться съ глазу на глазъ съ нимъ.

— Господинъ Миллеръ (его звали Миллеромъ), сказалъ я,— я знаю, что дѣлаю теперь то, что совсѣмъ не слѣдовало-бы,— я прощаю вамъ тяжкій проступокъ, а, быть можетъ, завтра вы же сами, по долгу службы, схватите какого-нибудь несчастнаго, укравшаго всего на какія-нибудь пять пфенниговъ и предадите его въ руки правосудія. И все-жъ-таки я сдѣлаю это,— я надѣюсь этимъ своимъ милосерднымъ поступкомъ замолить предъ престоломъ Всевышняго хоть малую толику своихъ

Оспоривательное заведение въ С.-Петербургѣ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества (уголь Забалканскаго просп. и 4 роты Измайловскаго полка). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, авторитипія Демчинскаго.

На разсвѣтъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Назанцева, автолпіл Кройса.

грѣховъ. Всякій изъ насъ, вѣдь, не безъ грѣха! И разъ я надѣюсь получить прощенье, то хочу просить и вамъ и, кромѣ того, помочь вамъ въ нуждѣ, чѣмъ только въ силахъ.

Я взялъ корзинку, наполнилъ ее разною провизіей и подалъ полицейскому.

— Вотъ вамъ, берите, сказалъ я, — накормите жену и дѣтей, а завтра пришлите жену ко мнѣ, я ей открою кредитъ, и вы будете мнѣ уплачивать въ день получения жалованья. Отпустить я вамъ буду по своей цѣнѣ, безъ всякой прибыли.

Онъ изумленно долго смотрѣлъ на меня.

— Благослови васъ Господь за вашу доброту! вырвалось у него наконецъ.

Онъ взялъ корзинку и вышелъ. На слѣдующій день явилась его жена съ пустой корзинкой; я отпустилъ ей на книжку все, что она хотѣла. Въ день получения первого жалованья, жена Миллера улатила мнѣ аккуратно долгъ. Я продолжалъ отпускать ей. Миллеръ изъ всѣхъ силъ старался выражать свою безпредѣльную признательность въ цѣломъ рядѣ хотя мелочей, но очень важныхъ для лавочниковъ. Мало-по-малу съ этого самаго дня торговля у меня пошла отлично. Состояніе мое росло со дня на день, такъ что я скоро смогъ купить себѣ домъ въ другомъ, болѣе состоятельномъ кварталѣ города, и открылъ тамъ гораздо большую лавку. Миллера послѣ этого упустилъ я совершенно изъ виду.

Въ тогдашнее время въ нашемъ городѣ не было и помину о тѣхъ путяхъ и средствахъ сообщенія, съ которыми мы такъ сжились теперь. Железныя дороги и телеграфы были рѣдкостью. Пожарной команды даже тогда не было; жители должны были сами тушить пожаръ, огнегасительныя средства и приспособленія были самыя примитивныя. Пока успѣвали пригасить къ мѣсту пожара первую пожарную книжку, могли сжечь три дома. Какъ-то разъ обрушилось несчастье и на мой домъ. Семья моя, состоявшая тогда уже изъ жены и четырехъ дѣтей, жила не внизу, а во второмъ этажѣ. Домъ былъ старый. Загорѣлось возлѣ самой нашей квартиры, и въ одинъ мигъ огонь охватилъ все наше жилье. Случилось это въ четыре часа утра — всѣ спали. Когда я проснулся и въ странномъ испугѣ соскочилъ съ постели, вся лѣстница была въ пламени, огненные языки лизали уже входную дверь. Путь къ выходу былъ отрѣзанъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи растерялся-бы, кажется, всякій, съ какамъ бы присуетивіемъ духа онъ ни былъ. Я бросился къ окну, растворилъ его и изъ всѣхъ силъ закричалъ на улицу:

— Горимъ! Спасите!

Ночной сторожъ загрубилъ въ пожарную трубу, растворились окна съ высунувшимися заспанными, испуганными лицами, нѣсколько голосовъ тоже кричали о пожарѣ, но насъ спасли некому было. Жена схватила дѣтей съ постели, торопливо одѣла ихъ кое-какъ, и они въ страхѣ прижались ко мнѣ. Жена въ полубессознательномъ положеніи упала на колѣни, безпомощно ломая руки.

Первый кто къ намъ кинулся — былъ полицейскій Миллеръ. Онъ схватилъ коверъ, завернулъ въ него мою жену и вынесъ вонъ. Двухъ маленькихъ ребятшекъ схватилъ я въ одну руку, другой взялъ старшаго сына, ему было семь лѣтъ, и быстро спустился съ ними по обжатымъ огнемъ лѣстницѣ. Какимъ-то чудомъ удалось намъ пробраться почти невредимо — мы были на улицѣ. Тутъ вдругъ вскрикнула жена: „Ахъ, Боже мой, нашъ Францикъ! Францикъ гдѣ нашъ?“

Въ страхѣ и смятеніи мы забыли совсѣмъ про самаго младшаго. Любимецъ нашъ Францикъ остался въ горѣвшей квартирѣ. Я бросился въ домъ, огонь и густой дымъ обступили меня сплошной стѣной. Но полицейскій предупредилъ меня. Онъ исчезъ въ дыму, а меня, обожженного и задохнувавшегося, вынесли на рукахъ. Вся улица полна была народомъ. Теперь подошли только первыя пожарныя трубы. Огромное зарево пожара освѣщало всю мѣстность — свѣтло было, какъ днемъ.

— Милый мой, родной мой! плакала жена. Всѣ старались ее успокаивать. Вверху у окна, во второмъ этажѣ, появилась темная человѣческая фигура.

— Лѣстницу! раздался оттуда неистовый крикъ. — Скорѣй лѣстницу! Пройти нельзя уже!

Отъ этого бѣшеннаго крика потерялъ я послѣднія свои силы и невольно закрылъ глаза, какъ-бы боясь видѣть это ужасное зрѣлище. Вокругъ меня бѣгали, кричали, шумѣли согни головы. Мимо меня протаскивали огромную пожарную лѣстницу. Больше я ничего не помнилъ. Вдругъ я почувствовалъ на своемъ лицѣ что-то мягкое, теплое, какія-то маленькія ручки охватили мою шею и падъ ухомъ раздался нѣжный, слабый голосокъ: „Папа!“ И въ тотъ-же моментъ всего меня передернуло отъ страшнаго грохота — обрушилась крыша пылавшаго моего дома.

Малышъ нашъ былъ спасенъ. Къ счастью, узналъ я, что всѣ мои отдѣлялись безъ всякихъ поврежденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣтилъ, что нѣсколько человѣкъ что-то дѣлаютъ возлѣ полицейскаго Миллера, лежавшаго въ полубезчувственномъ состояніи на землѣ. Я подбѣжалъ къ нему, насколько позволили мнѣ силы, и, нагнувшись, положилъ его голову къ себѣ на колѣни.

— Какъ мнѣ благодарить васъ! сказалъ я ему. — Вы мой спаситель, вы спасли мнѣ отъ смерти цѣлую семью.

Онъ чуть раскрылъ глаза и тихо, съ трудомъ проговорилъ: — Я только отдалъ долгъ.

Его подняли инесли въ госпиталь. Все тѣло было у него въ сильныхъ обжогахъ. Два мѣсяца пролежалъ онъ почти въ безнадежномъ состояніи. Я его постоянно навѣщалъ, подбадривалъ его, приносилъ ему все, что только могло поднять его силы. Наконецъ, онъ выздоровѣлъ.

Съ тѣхъ поръ поставилъ я себѣ за правило въ жизни: — не осуждать преждевременно человѣка и винкать въ причины его поступковъ.

И. З.

Воспоминаніе о Памирскомъ походѣ 1892 г.

Записки очевидца Б. Л. Тагѣева.

На верховьяхъ Аму-Дарьи (р. Акъ-су) лежитъ нагорная страна, носившая названіе Памиръ, т. е. крыша міра (индійск. слово Вамъ-и-Тунахъ). Эта возвышенная область, лежащая на средней высотѣ отъ 12,000 до 14,000 футовъ, несмотря на неоднократные труды многихъ ученыхъ путешественниковъ, чрезвычайно мало изслѣдована, благодаря суровости своего климата, а также малопроходимости окружающихъ ее горъ, но между тѣмъ эта каменистая суровая пустыня представляетъ изъ себя не маловажное политическое значеніе, какъ для Россіи, такъ и для сосѣдей ея, китайцевъ и афганцевъ.

Съ давнихъ временъ, еще до занятія русскими Кокандскаго ханства, Памиръ входилъ въ владѣнія хановъ и туда высылались ханскіе уполномоченные губернаторы „датхи“ и теперь даже могила Базай-датхи (Базай-и-Гумберъ), убитаго ваханскимъ разбойникомъ въ 1864 году, напоминаетъ наглядно объ этомъ обстоятельстве. Эта могила находится возлѣ развалинъ небольшого укрѣпленія при сліяніи рѣкъ Гульджиба (Вахджиръ) съ р. Кунтеемъ, а послѣдній, соединяясь съ р. Бай-Карой, образуетъ р. Ваханъ-Дарью, протекающую у сѣвернаго подножья хребта Гинъ-ду-Куша и по Вахану. Это мѣсто считалось самою южною частью кокандскихъ владѣній, и русскіе, завоевавъ Кокандское ханство, конечно, приобрѣли непререкаемое право также и на Памиръ, какъ принадлежащій кокандскимъ владѣтелямъ, но между тѣмъ, за неимѣніемъ надобности, Россія оставила Памирскій вопросъ до поры до времени въ покоѣ.

Китайцы и афганцы, однако, пользуясь отсутствіемъ русской администраціи на Памирѣ, стали хозяйничать, подчиняя себѣ мѣстное населеніе (киргизъ), дѣлая разныя населія, и даже ставя укрѣпленія и посты.

Въ 1888 году, когда въ Афганистанѣ совершились событія, извѣстныя подъ названіемъ афганской смуты, когда братъ афганскаго эмира Исханъ-Хана — Абдурахманъ отложился, и

самъ Исханъ-ханъ принужденъ былъ бѣжать въ предѣлы Россіи, самостоятельныя же ханства: Шугнанское, Рошанское, Бадахшанское и Ваханское, были покорены афганцами, а правители этихъ провинцій были или истреблены, или бѣжали, — афганцы, прогнавъ китайцевъ, появились на русской территоріи.

Экспедиція капитана, нынѣ подполковника Громбчевскаго, бывшаго, во время этихъ событій, на Памирахъ, крайне недружелюбно была встрѣчена афганцами, благодаря чему этому предприимчивому путешественнику не удалось проникнуть ни въ Кафиристанъ, ни сдѣлать нѣкоторыя изслѣдованія, которыя могли явиться весьма полезными для Россійскаго Императорскаго Географическаго общества. Но, несмотря на подобное безцеремонное поведение нашихъ памирскихъ сосѣдей, Русское правительство довольно хладнокровно смотрѣло на это дѣло и лишь въ 1891 году на Памиръ была снаряжена экспедиція, состоявшая изъ небольшого рекогносцировочнаго отряда, составленнаго изъ охотничьихъ командъ линейныхъ батальоновъ Ферганской области и небольшого числа казаковъ подъ начальствомъ командира 2-го туркестанскаго линейнаго батальона полковника Юнова. Этотъ рекогносцировочный отрядъ, во главѣ со своимъ смѣлымъ начальникомъ, появившемся своимъ на Памирѣ, долженъ былъ напомнить нашимъ памирскимъ сосѣдямъ о принадлежности Памира намъ — русскимъ.

Отрядъ, прибывъ на озеро Яшилъ-куль, отдѣлилъ отъ себя конную часть, которая сдѣлала нѣсколько большихъ и трудныхъ рекогносцировокъ подъ руководствомъ самого полковника Юнова, который чуть даже не погибъ со своими казаками въ одномъ неизвѣстномъ еще по картѣ мѣстѣ, отыскивая удобныхъ проходовъ.

Во время этой рекогносцировки былъ задержанъ и выдворенъ за предѣлы Россіи, путешествовавшій по Памиру, капитанъ англійской королевской гвардіи, Юхансендъ. И вотъ,

послѣ двухъ-мѣсячнаго скитанія по Памиру, рекогносцировочный отрядъ возвратился въ Маргеланъ 30 августа 1891 года.

Послѣ этой рекогносцировки Памирскимъ вопросомъ занялась вся Европа; въ иностранной прессѣ стали появляться разныя нелѣпыя статьи о какомъ-то предполагаемомъ, будто бы, военномъ движеніи Россіи къ Афганистану и т. д.; затѣмъ все смолкло и только въ 1892 г. стали въ Ферганѣ распространяться слухи о новомъ движеніи на Памиръ, но уже болѣе значительнаго отряда. Слухи были чрезвычайно шатки и разнообразны. Нѣкоторые увѣряли, что пойдетъ нѣсколько батальоновъ, другіе — что вторично отправятся только охотничьи команды, а были и такіе, которые увѣряли, что ничего не будетъ. Но вотъ возвратился изъ Петербурга вызванный туда полковникъ Юновъ и столь загадочный и интересный вопросъ для военныхъ былъ разрѣшенъ — сформировался памирскій отрядъ.

Во всѣхъ батальонахъ Ферганы набиралась охотники самые крѣпкіе и развитые люди и преимущественно по желанію. Желающихъ нашлось много, а потому выборъ былъ большой и хороній. Въ составъ отряда вошелъ 2-й туркестанскій линейный батальонъ, составившій изъ числа всѣхъ своихъ людей двѣ роты, т. е. первый полубатальонъ, а второй полубатальонъ составили двѣ роты изъ охотничьихъ командъ 2-го, 4-го, 7-го, 15-го, 16-го, 18-го и 20-го туркестанскихъ линейныхъ батальоновъ. Кромѣ пѣхоты въ составъ отряда вошли: два взвода туркестанской конно-горной батареи и оренбургскій № 6 конный казачій полкъ, а также чины военного телеграфнаго парка.

Отрядъ этотъ 2-го іюня, послѣ торжественнаго молебствія и присутствія начальствующихъ лицъ, съ музыкой и пѣснями, выступилъ изъ Маргелана, провожаемый маргеланскими жителями, по Учъ-Курганской дорогѣ на Даравутъ-Курганъ, кромѣ третьей роты, которая должна была слѣдовать на городъ Ошъ и оттуда, захвативъ отрядный транспортъ, двинуться черезъ перевалъ Талдыкъ въ мѣстечко Боръ-да-ба, гдѣ и встрѣтятся съ главными силами отряда. Путь по Исфайранскому ущелью черезъ Алайскій хребетъ къ Даравутъ-Кургану былъ чрезвычайно труденъ, мѣстами приходилось идти по такимъ узкимъ карнизамъ, что вьючныя лошади, уже привыкшія къ горнымъ дорогамъ, и тѣ иногда обрывались и падали въ пропасть. Подъемъ на перевалъ Тенгизъ-бай былъ невозможенъ труденъ (собственно перевалъ былъ заваленъ снѣгомъ и пришлось подниматься по соседней горѣ, почти отвѣсной); лошади, люди, тюки — все падало, катилось и калѣчилось.

Подъемъ и спускъ длились около полутора сутокъ и нѣкоторымъ несчастнымъ пришлось почевать на самой вышней перевала, на 12,000 футахъ, въ снѣгу, да еще во время метели.

Отъ Даравутъ-Кургана отрядъ шель все время вверхъ по правому берегу рѣки Кизиль-су, вдоль по Алайской долинѣ, и наконецъ 16-го іюня прибылъ къ мѣстечку Боръ-да-ба, гдѣ и соединился съ третьей ротою, подошедшею съ транспортомъ на одинъ часъ позже.

Третья рота 2-го туркестанскаго линейнаго батальона, составленная изъ охотничьихъ командъ 2-го, 4-го, 7-го и 15 батальоновъ, выступивъ одновременно съ отрядомъ, прибыла въ городъ Ошъ 4-го іюня и послѣ двѣхъ дней, навьючивъ огромный отрядный транспортъ, выступила на укрѣпленіе Гульча, куда, слѣдуя по чрезвычайно живописной дорогѣ, прибыла 8 іюня и продвѣваясь двинулась къ перевалу Талдыкъ. Путь до перевала шель, пересѣкая Алайскій хребетъ, по горной, разрабатанной, еще со времени Алайскаго похода, хотя уже теперь совершенно испортившейся, дорогѣ. Часто встрѣчались очень живописныя мѣста и особенно долина, носящая названіе „Ольгинъ дугъ“, а также и мѣстечко въ урочищѣ Акъ-басаго съ горами, покрытыми сплошнымъ арчевымъ лѣсомъ. 14-го іюня рота стала подниматься по узкому Талдыкскому ущелью на перевалъ Талдыкъ (12,000 футовъ).

Ну, достался же солоно этотъ денекъ третьей ротѣ, долго всеноминали солдаты „талдыкскую горку“. На Памирѣ хуже доставалось, но тамъ люди, все-таки, немного свыклись съ тяжестью горнаго похода; теперь же, впервые преодолевая такую преграду, какъ Талдыкъ, каждому очень тяжело казалось подниматься на высоту 12,000 футовъ.

Прямо войдя въ Талдыкское ущелье, рота стала подниматься по узкой, заросшей арчею, тропѣ. Съ каждою сотнею шаговъ воздухъ рѣдѣлъ и наконецъ дошелъ до того, что подниматься, непривычнымъ еще къ высотамъ людямъ, было почти совсѣмъ не въ мочь. Впитовка казалась тяжелѣе обыкновеннаго и странно оттягивала плечи. Ползуть солдаты кто какъ можетъ; другою сдѣлаешь десять шаговъ и сидеть, а тутъ еще вьюки валятся, лошади падаютъ, приходится останавливаться и ждать, а между тѣмъ холодъ отъ снѣга, которымъ покрыты почти весь перевалъ, давалъ себя чувствовать. Что было съ обозомъ — и описывать нѣтъ возможности: положительно нелзя было ничего разобрать въ этомъ хаосѣ. Солдаты выбились окончательно изъ силъ, перевьючивая поминутно срывающіеся тюки. „Самъ еле ползешь, а изволь тутъ и лошади подсоблять“, ворчали они. Но и теперь не переставали слытаться солдатскія остроты. Вотъ двое уже добираются до вышки, за ними карабкается еще небольшая кучка. Остановившись и смотря въ вѣдъ хъ.

— А што, братцы, вотъ и на небо ешчасъ запырину! Смотри, робята! шутить одинъ изъ кучки и съ крикомъ „ура!“ бросается, карабаясь по снѣгу, и вмигъ взбирается на вышку; по тутъ его силы покидаютъ, и онъ въ изнеможеніи, переводя духъ, садится на снѣгъ.

— Ну, и гора! Ну, и горища же! дьяволь ты побери! говоритъ другой, остановившись и глядя вверхъ на скрывающуюся въ облакахъ вершину Талдыка, раздражаясь, при этомъ, цѣлымъ потокомъ крѣпкихъ русскихъ словесъ, и, какъ будто облегчивъ себя этимъ, ползеть далѣе, работая руками и ногами...

Переваливъ Талдыкъ, пришлось еще преодолѣть перевалъ, но гораздо меньшій — Хатымъ-артъ и въ мѣстечкѣ Сары-ташъ рота стала бивакомъ при выходѣ изъ Хатымъ-артекаго ущелья въ Алайскую долину. Красивая и величественно грозная картина представляется нашимъ глазамъ: предъ вами разстилается широкая Алайская долина съ рѣкою Кизиль-су, окаймленная совершенно бѣлою стѣною — Заалайскимъ хребтомъ. Эта масса снѣга, доходящая до облаковъ и скрывающаяся за ними, невольно привлекаетъ взоры каждаго, и мысль о томъ, что черезъ два дня предстоитъ войти въ эту снѣжную массу, невольно волнуетъ ваше воображеніе. Но не до того было, чтобы долго раздумывать о подобныхъ пустякахъ; здѣсь завтра дневка и надо заботиться объ установкѣ палатокъ, да „согрѣваніи чайниковъ“.

— Спасибо тебѣ, Талдыкунка, шутить весельчакъ-солдатъ, — удружилъ намъ сегодня, да и себя не забылъ: шель, подметки да подборы себѣ на память оставилъ! и при этомъ солдатъ отдираетъ уцѣлѣвшіе доскушки подошвы.

Почти перпендикулярно пересѣкая Алайскую долину, рота подошла къ Боръ-да-ба и соединилась съ главнымъ отрядомъ. Здѣсь было сдѣлано распоряженіе начальника отряда, выступивъ первой и второй сотнямъ казачьяго полка на озеро Ранъ-куль, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находится сложенный китайцами провіантъ, и что китайцы, узнавъ о движеніи русскихъ, спѣшатъ въ неопредѣленномъ количествѣ для прикрытія его. Говорили, что сотнямъ приказано забрать этотъ провіантъ. Кромѣ того, въ приказѣ по отряду было предписано на завтрашній день 1-й и 2-й ротамъ выступить на перевалъ Кизиль-артъ для разработки дороги, а третьей ротѣ остаться дневать двое сутокъ. Последнему обстоятельству очень обрадовались солдаты: тяжело имъ досталась долгая возня съ такимъ огромнымъ транспортомъ. Послѣ ухода отряда погода стала хмуриться, посыпалась снѣжная крупа и въ теченіе дня раза три смѣнялась то снѣгомъ, то дождемъ. Часовъ въ пять 18-го іюня показались на противуположномъ берегу рѣки Кокъ-сай люди съ вьюками.

Всматриваются солдаты, и никто не можетъ понять, въ чемъ дѣло, такъ какъ показавшіеся люди ставятъ какія-то налки и идуть далѣе; но вотъ одинъ изъ офицеровъ наводитъ бинокль и поясняетъ, что это солдаты телеграфнаго парка доводятъ лшню военнаго телеграфа отъ Оши къ Боръ-да-ба, откуда будетъ ужъ сообщеніе гелиографомъ.

Погода дѣлалась все хуже и хуже, всю ночь шелъ сильный дождь, сопровождаемый чрезвычайно рѣзкимъ, холоднымъ вѣтромъ...

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Обоюдная услуга. (Рис. на стр. 1061).

Дѣдушка большой охотникъ до божественнаго, и грамотная внучка часто балуетъ старика, читая ему по печатному. Но сегодня ей недосугъ: отецъ порвалъ на рыбной ловлѣ сѣти, и она должна ихъ починить. А въ то же время у ней не дочитана книжка, которую ей хочется починить, а старику-дѣду люблю послушать. Вотъ она и упростила дѣдушку заигнать за нее изъяны въ сѣти, благо онъ когда-то самъ рыбачилъ, а за то она ему почитаетъ. И принимается сѣдой какъ лунь старикъ дрожжащими руками за иглу, въ то время какъ внучка усаживается около него, лукаво поглядывая на своего избавителя отъ нелюбимой работы.

Литературный альбомъ: „Предъ испанкой благородной...“ Стих. А. С. Пушкина.

(Рис. на стр. 1064).

Предъ испанкой благородной	Жизни имъ она дороже,
Двое рыцарей стоятъ;	И, какъ слава, имъ мила.
Оба смѣло и свободно	Но одинъ ей милъ. Кого же?
Въ очи прямо ей глядятъ.	Дѣва сердцемъ избрала?
Влещутъ оба красоюю,	„Кто, рѣши, любимъ тобою?“
Оба сердцемъ горячи,	Оба дѣвъ говорятъ
Оба мощною рукою	И съ надеждой молодою
Операны на мечи.	Въ очи прямо ей глядятъ.

Кошка! (Рис. на стр. 1065).

Такъ вотъ она, вѣчная ненавистница собачьяго племени, причинившая не мало горя и царящихъ въ его молодые годы. Вотъ она: *Felis vulgo catus* и, глядя на нее, спокойно сидящую на рисункѣ и точно дружащую своимъ равнодушнѣмъ, у него подымается злое чувство и лапа протягивается, чтобы толкнуть ненавистное животное.

Беатриче Ченчи. (Портр. на стр. 1069).

Въ средніе вѣка въ Римѣ проживалъ богатый и знатный родъ Ченчи. Особенную славу или, скорѣе, безславіе оставилъ ему Франческо Ченчи, жившій въ концѣ XVI вѣка. Порочный и властолюбивый, онъ неоднократно обвинялся въ самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ; но могущество и золото вырывали его изъ рукъ правосудія. Когда же жертвами его злодѣйствъ стали собственныя дѣти, чаша терпѣнія людскаго переполнилась, и онъ былъ убитъ. Семья Ченчи, заподозрѣнная въ смерти Франческо, была осуждена на смерть и жена убитаго, Лукреція, двое сыновей и красавица-дочь были казнены въ 1605 г. Но память о преступномъ Франческо и его несчастной семьѣ долго жила среди итальянскаго народа, и судьба несчастной Беатриче до сего времени восхваляется въ народныхъ пѣсняхъ. Печальная и трагическая судьба Ченчи неоднократно воспроизводилась также на сценѣ; между прочимъ, Перси Шелли оставилъ замѣчательную драму „Ченчи“. Художники также увѣковѣчили это имя. Такъ, одинъ изъ знаменитыхъ итальянскихъ живописцевъ, Гвидо Рени, ученикъ Караччей и современникъ прекрасной Беатриче, сохранилъ для потомства черты злосчастной дѣвушки и портретъ ея до сего времени украшаетъ галерею Барберини въ Римѣ. Гравюру съ нея мы помѣщаемъ на стр. 1069.

На разсвѣтѣ.

(Рис. на стр. 1073).

Изящный рисунокъ извѣстнаго пейзажиста В. Казанцева можетъ служить прелестною иллюстраціей къ извѣстному стихотворенію Ѳ. Тютчева.

Объявъ вѣщо дремотой
Полураздѣтый лѣсъ грустить;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ
согнй,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.
Гляжу съ участіемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещрен-
нымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Маврикій Юкай (по поводу 50-ти-лѣтія литературной дѣятельности).
По фот. грав. Шюблеръ.

Какъ увядающее мило,
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жгло,
Теперь такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!..

Маврикій Юкай. (Портр. на этой стр.).

Ни одинъ писатель не былъ такъ чествуемъ при жизни своимъ народомъ, какъ венгерскій писатель Маврикій Юкай—по поводу исполнившагося недавно пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. Вся Венгрія, какъ одинъ человекъ, готовилась къ этому празднику. На время приостановилась даже политическая жизнь страны—въ залахъ комитатскихъ собраний происходили совѣщанія объ устройствѣ овацій къ ожидаемому торжеству. Сотни городовъ пѣбрали Маврикія Юкай своимъ почетнымъ гражданиномъ, и не было почти ни одной деревни во всей Венгріи, гдѣ бы не праздновался этотъ дорогой для всей страны день. Въ чествованіи юбилея М. Юкай приняли участіе академія, національный театр, правительство, весь парламентъ безъ различія политическихъ партій. Ото всѣхъ нихъ посланы были ему адреса и депутація, каждая депутація имѣла своихъ ораторовъ, и М. Юкай письменно отвѣтилъ на всѣ адреса и каждую привѣтствовавшую его депутацію благодарилъ отвѣтною рѣчью. И во всѣхъ этихъ безчисленныхъ рѣчахъ отражался его блестящій умъ и неизсякаемый юморъ, точно солнечный лучъ въ тысячахъ осколковъ разбитаго зеркала.

Обозрѣть всю литературную дѣятельность М. Юкай невозможно, до того она огромна. Литературныя его произведенія представляютъ болѣе 500 томовъ, но если считать всѣ его политическія статьи и рѣчи, его фельетоны и юмористическія статьи, которые не были облечены въ форму книгъ, то, по всей вѣроятности, они составили бы еще пятьсотъ томовъ. Если принять во вниманіе методичную правильность работы

Юкай, дѣящейся ежедневно не менѣе двѣнадцати часовъ, то эта тысяча томовъ за пятьдесятъ лѣтъ неутомимой дѣятельности не покажется преувеличенной.

Бывали времена, когда Юкай однимъ произведеніемъ своего многосторонняго таланта удовлетворялъ литературныя потребности своего народа. Со своимъ загадочнымъ другомъ, талантливымъ поэтомъ Александромъ Петефи, сталъ Юкай въ 1848 г. во главѣ освободительнаго движенія, стремившагося улучшить угнетенное положеніе венгерскаго народа. Тяжело было тогда быть представителемъ венгерской національной литературы. Лишь послѣ долгихъ успѣй удалось Юкаю избѣжать исполненія произнесеннаго надъ нимъ жестокаго приговора военнаго суда. Получивъ разрѣшеніе вернуться въ Будапештъ, онъ рѣшилъ бросить свою агитаторскую дѣятельность и посвятить себя всецѣло литературѣ, поставивъ себѣ цѣлью—поддерживать въ народѣ его національный духъ. Чего онъ не могъ говорить открыто, то онъ облекалъ въ поэтическую форму, и народъ его понималъ, цѣнилъ, и цѣнитъ и боготворитъ до сихъ поръ.

Угнетенный народъ нуждался для своего духовнаго подъема въ національной литературѣ, и Юкай создалъ ее или, точнѣе, былъ однимъ изъ первыхъ ея создателей. Сочиненія Юкай сами по себѣ образуютъ цѣлую литературу. Кромѣ того, Юкай основалъ большую политическую газету „Отечество“ („Hon“) и юмористическій журналъ „Комета“ („Ustökös“), въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Ежедневная журнальная работа не мѣшала, однако, ему заниматься литературой и, когда въ Венгріи возродилась политическая жизнь, Юкай выступилъ однимъ изъ первыхъ въ ряду парламентскихъ ораторовъ, преслѣдуя въ своихъ вдохновенныхъ, полныхъ юмора, рѣчахъ интересы народа. Нѣкоторыя произведенія его, подъ вліяніемъ пѣтвившихся съ теченіемъ времени вкусовъ, утратили свое значеніе, но такія, какъ „Венгерскій набобъ“, „Черные бриллианты“, „Ворьба съ небомъ“, „Вѣдныя богачи“ и др. останутся навсегда выдающимися твореніями венгерской литературы. Нѣтъ почти ни одного европейскаго языка, на который не были бы переведены многія произведенія М. Юкай. Все, что онъ писалъ, исходило изъ глубины его добраго, чувствительнаго сердца, всѣ его произведенія проникнуты безграничною любовью къ народу и чистыми, святыми стремленіями къ его благу. Никогда перо Юкай не служило какимъ-либо низкимъ, сомнительнымъ, личнымъ цѣлямъ, никогда ни одна страница его не причиняла никому горя, ни одна строка не нагоняла тоски.

Такъ работалъ Юкай, и такъ онъ работаетъ и нынѣ. Ему теперь 69 лѣтъ, но его бодрость и свѣжесть общающа ему еще много лѣтъ неутомимой, плодотворной жизни.

Вновь построенный эскадренный броненосецъ „Три Святителя“. (Рис. на стр. 1077).

Нашъ Черноморскій флотъ обогатился двумя новыми судами, построенными въ адмиралтействѣ города Николаева и спущенными съ эллинговъ 31 октября сего года. Суда эти—эскадренный броненосецъ „Три Святителя“ и миносный крейсеръ „Гридень“.

„Гридень“ представляетъ изъ себя небольшое судно въ 800 тоннъ водоизмѣщенія, построенное по точному образцу такогоя крейсера „Казарскій“, сооруженнаго за границей два года тому назадъ.

Броненосецъ „Три Святителя“ является первымъ по величинѣ боевымъ судномъ въ русскомъ флотѣ и будетъ снабженъ всѣми новѣйшими приспособленіями, при чемъ къ нему примѣнены также всѣ самыя послѣднія усовершенствованія въ дѣлѣ судостроенія и морской техники. Построенъ онъ по типу англійскаго броненосца „Trafalgar“ и будетъ вооруженъ весьма сильною артиллерією (до 700 орудій). Въ числѣ орудій будутъ четыре 12-ти-дюймовыя. Будутъ также установлены аппараты для стрѣльбы минами. Машины броненосца изготовлены въ Англіи, орудія отливаются на Обуховскомъ заводѣ въ Петербургѣ. Броня и прочія части корпуса и различные механизмы—изготовлены частью на русскихъ, частью на иностранныхъ заводахъ, а также и мастерами Николаевскаго адмиралтейства. О солидныхъ размѣрахъ этого новаго колосса Черноморскаго флота можно судить по слѣдующимъ даннымъ: длина его 377 фут. 9 д., ширина 73 ф., углубленіе 27 ф. Водоизмѣщеніе 12,540

Вновь построенный эскадренный броненосец „Три Святителя“ въ его полномъ вооруженіи.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Игнаціуса, грав. Раппевскій.

тоннъ. Машины, по условію, должны развивать 10,600 индикаторныхъ силъ при ходѣ 16 узловъ въ часъ. Запасъ угля въ 1000 тоннъ дастъ возможность броненосцу оставаться въ морѣ при полномъ ходѣ свыше 4-хъ дней безъ сообщенія съ берегомъ. Постройка броненосца началась 2-го августа 1891 года и производилась подъ руководствомъ корабельнаго инженера К. К. Раткина.

На нашемъ рисункѣ броненосецъ „Три Святителя“ изображенъ въ полномъ вооруженіи такимъ, какимъ онъ будетъ въ открытомъ морѣ.

Л. Н. Майковъ. (Портр. на стр. 1080).

Важный, отвѣтственный постъ вице-президента Императорской Академіи Наукъ, оставившійся вакантнымъ послѣ смерти Я. К. Грота, въ настоящее время по Высочайшему указу порученъ ординарному академику Леониду Николаевичу Майкову, родному брату нашего высококонтантливаго маститаго поэта, Аполлона Николаевича.

Новый вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ, Л. Н. Майковъ становится во главѣ высшаго въ Имперіи научнаго учрежденія, въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ, съ прекрасной репутацией солиднаго ученаго изслѣдователя, заявившаго себя многими научными трудами въ области исторіи литературы древней и новой. Уже одно изданіе сочиненій Батюшкова представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію русской литературы. Затѣмъ слѣдуютъ его труды, напечатанные въ изданіяхъ Академіи Наукъ: „Разсказы Нортона о Петрѣ Великомъ“ и два выпуска „Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ“. Въ послѣдніе годы Л. Н. Майковъ занятъ подготовительными работами по изданію полного собранія сочиненій А. С. Пушкина, въ которое войдетъ все, написанное нашимъ великимъ поэтомъ.

Первымъ ученымъ трудомъ Л. Н. Майкова является его диссертация на степень магистра русской словесности. Трудъ этотъ, появившійся въ печати въ 1863 году, подъ названіемъ „О былинахъ Владимірова цикла“, обратилъ, въ свое время, вниманіе этнографовъ, которые впоследствии сами пришли къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришелъ молодой ученый Л. Н. Майковъ: о времени происхожденія былинъ Владимірова цикла, составляющихъ эпоху дружинный и изображающихъ Кіевскій удѣльный періодъ.

Л. Н. Майковъ происходитъ изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился въ 1839 году 28-го марта; по окончаніи полнаго курса во 2-ой С.-Петербургской гимназій, поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1860 году. По выходѣ изъ университета, Л. Н. поступилъ на службу по министерству Финансовъ. Въ 1863 году, какъ сказано выше, онъ былъ уже магистромъ, а черезъ годъ, перейдя на службу по министерству Внутреннихъ дѣлъ, посвятилъ себя наученію дѣла веденія статистики и примѣненія на дѣлѣ этой необходимой науки. Затѣмъ послѣдовательно Л. Н. принималъ дѣятельное участіе въ производствѣ переписи жителей Петербурга въ 1869 году, былъ однимъ изъ главныхъ членовъ Международнаго статистическаго конгресса, бывшаго въ Петербургѣ въ 1872 году; черезъ годъ онъ былъ представителемъ отъ Россіи и членомъ постоянной комисіи Международнаго статистическаго конгресса въ Вѣнѣ. Во время Всероссийской политехнической выставки въ Москвѣ, Л. Н. устроилъ отдѣлъ министерства Внутреннихъ дѣлъ. Съ этой дѣлѣю ему пришлось произвести статистическія изысканія въ губерніяхъ: Владимірской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской

и Ярославской. Въ послѣдующіе годы Л. Н. Майкову пришлось участвовать во многихъ комисіяхъ и, между прочимъ, въ занятіяхъ Высочайше учрежденной комисіи для разбора синодальнаго архива.

Кромѣ чисто научныхъ литературныхъ трудовъ, Л. Н. Майковъ принималъ участіе въ качествѣ сотрудника во многихъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. На страницахъ журналовъ: „Отечественныя Записки“, „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Древняя и Новая Россія“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Извѣстія Географическаго Общества“ и друг., за много лѣтъ можно встрѣтить статьи Л. Н. Майкова.

Въ 1884 году Императорская Академія Наукъ, во вниманіе къ двадцатилѣтнимъ ученымъ трудамъ Л. Н. Майкова, избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, и въ томъ же году Л. Н. была присуждена Уваровская „золотая медаль“, за составленную имъ, по порученію Академіи Наукъ, рецензію на сочиненіе Е. В. Барсова: „Причинанія сѣвера въ Россіи“. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, въ 1889 году, Л. Н. былъ избранъ въ адъюнкты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Черезъ годъ состоялось избраніе Л. Н. въ экстра-ординарные академики, а въ 1891 г. онъ избранъ былъ ординарнымъ академикомъ.

Кромѣ обязанностей ординарнаго академика, Л. Н. занималъ должности: помощника директора Императорской Публичной бібліотеки, правителя дѣлъ археографической комисіи министерства Народнаго Просвѣщенія, и, кромѣ того, ему нѣсколько разъ приходилось, по порученію министерства, участвовать въ археологическихъ и другихъ ученыхъ сѣздахъ въ Россіи. Въ 1877 году Л. Н. Майковъ былъ произведенъ въ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ предѣлительномъ хозяйственнаго комитета Императорской Публичной бібліотеки, съ оставленіемъ членомъ статистическаго совѣта министерства Внутреннихъ дѣлъ. Съ 1883 г., въ теченіе восьми лѣтъ, Л. Н. редактировалъ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Л. Н. Майковъ состоитъ въ числѣ тайнаго совѣтника съ 1892 года, имѣетъ всѣ русскіе ордена до Св. Анны 1-й степени и французскій орденъ „Officier de l'instruction publique“.

А. Х—ъ.

Собраніе петербургскихъ дамъ въ залѣ Адмиралтейства. (Рис. на стр. 1080).

Въ отвѣтъ на пріѣзды и подношенія французскихъ женщинъ, чествовавшихъ, во главѣ съ г-жею Жюльеттою Адавъ, нашихъ моряковъ, петербургскія дамы, отъ лица русскихъ женщинъ, рѣшили, въ свою очередь, почтить г-жу Адавъ, какъ руководительницу и организаторну оудію со стороны французскихъ женщинъ. Для этой дѣли было назначено 23 октября общее собраніе въ Морскомъ собраніи. О днѣ собранія было своевременно оповѣщено въ газетахъ, и въ залѣ Морского музея собралось очень много дамъ. Предѣлительствовала Н. В. Стасова. Послѣ долгихъ, горячихъ дебатовъ, большинствомъ голосовъ рѣшено поднести г-жѣ Адавъ подарокъ (серебряный, эмальированный приборъ) цѣною отъ 500 до 1000 р.; послать, черезъ посредство г-жи Адавъ, отъ имени русскихъ женщинъ французскимъ женщинамъ адресъ и, если хватитъ средствъ, уредить франко-русскую стипендію. Для приведенія всѣхъ этихъ рѣшеній въ исполненіе и для организаціи сбора пожертвованій набрана была особая комисія, въ которую вошли: Н. В. Стасова, А. Г. Бородинна, М. П. Пилкина, А. И. Брюлова, М. А. Торопова, О. А. Старницкая, К. Д. Безмешова и М. А. Егунова.

Политическое обозрѣніе.

Въ минувшую недѣлю началась парламентская дѣятельность въ Германіи, Австріи, Франціи и Сербіи. 4-го ноября, при открытіи сессіи рейхстага, императоръ прочиталъ тронную рѣчь. Императоръ прежде всего выразилъ рейхстагу свою благодарность за содѣйствіе реорганизациіи воиска. Затѣмъ, по поводу выраженія симпатій, встрѣченныхъ въ послѣднія походы императора, сказано, что въ этомъ видѣн залогъ удовлетворенія націи новою мѣрою для охраны отечества и для поддержанія мира. Главнѣйшею задачею рейхстага будетъ обсужденіе мѣръ для покрытія расходовъ, вызванныхъ военною реформою. Въ тронной рѣчи объявлено о внесеніи законопроекта реформы финансовой системы имперіи, а также законопроектовъ о табачномъ и винномъ налогахъ, о преобразованіи гербоваго сбора, о торговыхъ договорахъ, заключенныхъ съ Испаніей, Румыніей и Сербіей. Рейхстагу будутъ немедленно сообщены мѣропріятія относительно чрезвычайнаго повышенія таможенныхъ ставокъ, принятаго противъ Россіи. Императоръ выражаетъ надежду, что переговоры съ Россіей приведутъ къ устраниенію этихъ мѣръ. Въ заключеніе, рѣчь констатируетъ, что въ отношеніяхъ Германіи къ иностраннымъ державамъ не произошло замѣненій. Оставаясь въ тѣсной дружбѣ съ союзными государствами для преслѣдованія общихъ миролюбивыхъ цѣлей—говорится въ рѣчи—мы, вообще, находимся въ дружественныхъ отношеніяхъ

со всѣми правительствами. Поэтому императоръ выражаетъ увѣренность, что, съ помощью Божіею, благодать мира будетъ и впредь сохранена. Газеты, комментируя тронную рѣчь, останавливаются на выраженіи надежды о благоприятномъ разрѣшеніи русско-германскаго торговаго конфликта. Между прочимъ, депутатъ Рихтеръ заявляетъ въ „Freisinnige Zeitung“, что принятіе торговыхъ договоровъ рейхстагомъ несомнѣнно. Готовящаяся оппозиція аграріевъ направлена лишь противъ русско-германскаго торговаго договора, но, при особенномъ экономическомъ и политическомъ значеніи послѣдняго, оппозиція аграріевъ окажется безсильною. Правительство увѣждено въ необходимости заключенія этого договора, а большинство рейхстага, принимая во вниманіе политическія послѣдствія и перспективу новой жестокой таможенной борьбы, не приметъ на себя отвѣтственности въ отверженіи договора.

Въ Вѣнѣ, 11-го ноября, предѣлитель совѣта министровъ князь Виндингрецъ прочиталъ въ рейхстагѣ программу новаго правительства. Правительство представитъ законопроектъ объ избирательной реформѣ, коимъ право представительства будетъ даровано классамъ населенія, не пользующимся этимъ правомъ въ настоящее время, при чемъ будутъ ограждены интересы другихъ избирательныхъ группъ. Всѣ другіе важные политическіе вопросы останутся незатронутыми. Правительство намѣрено сосредоточить свое вниманіе на эко-

политических и финансовых вопросах под условием ограждения могущества и оборонительных сил государства. В программу входят: преобразование валюты и налогов, судебные реформы для подъема нравственных и материальных условий, особенно рабочего населения. Руководящими основами деятельности правительства будут: откровенность, правда в общественной жизни, призвание парламентских учреждений, сильное правление, устранение всяких элементов, нарушающих мир в стране и общее благосостояние. Коалиционная партия встретила программу шумными знаками одобрения. Зато другие группы ею крайне недовольны. Так, младочех Герольд заявил, что правительство исключает из своей программы все славянские народы, кроме поляков. Это заявление поддержали старочехи Фаудерлик, антисемит Люгер и южно-славянские депутаты Лагinya и Бианкин, при чем сильно напали на министерство.

В Париж, 9-го ноября, Дюнон прочитал в палате депутатов министерскую декларацию. Кабинет будет противиться пересмотру конституции, отделению церкви от государства, единому нивизиторскому и прогрессивному налогу, откажется от союза со всеми теми и от дружбы всех тех, кто не уважает всенародного голосования, частной собственности, индивидуальной свободы, свободы труда; правительство отвергает коллективистские учения, будет энергично подавлять всякие попытки к агитации или беспорядкам, равно всякие интернационалистские стремления; правительство

считает окончательно действующими школьный и военный законы и дополнит их специальными законами; оно заявляет о конверсии 4½ проц. ренты, которую воспользуется при составлении бюджета 1893 г. В декларации перечислены различные бюджетные реформы, проекты полицейских мер для подавления агитации ибкой партии и проект закона о взрывчатых веществах. Правительство будет твердо отстаивать общественный порядок внутри государства, поддерживать и защищать права Франции. Декларация оканчивается так: „Республика возвратила Франции первое место среди наций, придала ей столько силы, что она может искренно говорить о мире, добыла ей после долгого изолничания симпатию, характер которых был определен и значение вынесено незабвенными октябрьскими празднествами“. В заключение декларацией ставится вопрос о доверии. Декларацию много аплодировали левая и центральная, но ее ибколько раз прерывали крайняя левая и крайняя правая.

В Бѣлградѣ скупщина очень довольна тронною рѣчью короля, и въ отвѣтномъ адресѣ на нее выражаетъ королю безграничную преданность и любовь, такъ живо проявленную самыми населеніемъ во время путешествія юнаго монарха по Сербіи. Въ торговомъ договорѣ съ Россіей скупщина видитъ не одинъ лишь источникъ поднятія благосостоянія страны; она особенно радуется укрѣплению дружественныхъ связей съ мощною славянскою державою, съ которою соединяютъ Сербію вѣра и историческія традиціи.

Разныя извѣстія.

— 8 ноября, въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Настѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна посетили Его Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича.

— Въ тотъ же день, Государь Императоръ и Государыня Императрица навѣстилиправляющаго здоровьемъ оберъ-камергера д. т. с. Э. Д. Нарышкина.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано Высочайше утвержденное положение о Всероссийской промышленной и художественной выставкѣ 1896 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— 8 ноября, покровителемъ „Общества распространения религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“, высокопресвѣщеннѣйшимъ митрополитомъ Паладіемъ, въ сослуженіи съ 2 епископами, 4 архимандритами и 4 протоіереями (въ томъ числѣ съ о. Иоанномъ Сергіевымъ, Кронштадтскимъ), совершено торжественное освященіе храма Общества въ честь и славу Св. Троицы (на углу Николаевской и Стрельбиной ул.),

сооруженнаго въ благодарную память о чудесномъ избавленіи отъ опасности Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи 17-го октября 1888 г.

— По опредѣленіи Святѣйшаго Синода, сумма въ 250,000 р., которую рѣшено отпустить ежегодно, съ Высочайшаго утвержденія, начиная съ 1 января с. г., въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ на содержаніе духовенства, — за вычетомъ 2% въ пенсіонный капиталъ, — распределена въ постоянное содержаніе между 592 бѣднѣйшими причтами. Нормальный годовой окладъ жалованья для большинства причтовъ назначенъ, за вычетомъ 2% на пенсію, для священниковъ 294 рубля, для діаконовъ 147 руб. и для псаломщиковъ 98 руб.

— 8-го ноября исполнилось шестьдесятъ лѣтъ государственной службы члена Государственнаго Совѣта, бывшаго военнаго министра, генералъ-адъютанта графа Д. А. Милютина.

— Въ послѣднемъ общемъ собраніи Общества русскихъ художниковъ избранъ единогласно въ почетные члены общества Д. В. Григоровичъ.

— Въ засѣданіи конференціи Император-

ской Военно-Медицинской академіи, 6-го ноября, ординарный профессоръ академической терапевтической клиники (бывшей С. П. Богинина), Л. В. Поповъ, избранъ въ академики.

— Въ аудиторіи хирургической клиники университета Св. Владимира состоялось открытіе бронзоваго бюста основателя и учредителя киевскихъ клиникъ, В. А. Караваева.

— 6-го ноября отдѣленіе химіи русскаго физико-химическаго общества, состоящее подъ предѣтельствомъ проф. Д. П. Менделѣва, праздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія.

— Въ Южномъ Уралѣ, въ округѣ Кочкарской золотоносной системы, найденъ алмазъ въ ½ карата вѣсомъ. По опредѣленію нашего извѣстнаго минералога, профессора Гошаго Института П. В. Еремѣева, кристалликъ этотъ, несомнѣнно представляющій алмазъ, имѣетъ форму сорокавосемьгранника съ выпуклыми плоскостями и блѣдно-желтоватой цвѣтъ и по своему блеску не сравнимъ съ „мертвымъ“ блескомъ африканскихъ алмазовъ.

— Павловскіе и тульскіе кустари, помимо казенныхъ заказовъ, получили недавно отъ многихъ нашихъ механическихъ и другихъ заводовъ заказы болѣе, чѣмъ на 100,000 руб.

Научныя и техническія новости.

— *Пары амміака*, какъ оказывается изъ опытовъ Риглера, дѣйствуютъ убійственнымъ образомъ на бактеріи холеры, тифа, дифтеріи и сибирской язвы. Культуры этихъ бактерій, приставшія къ опущеннымъ въ нихъ пипеткамъ, оказывались при изслѣдованіи совершенно разрушенными по истшествіи двухъ-четырёхъ часовъ пребыванія въ комнатѣ, наполненной парами амміака. Споры сибирской язвы погибли только черезъ восемь часовъ. Меньше всего времени понадобилось для холерныхъ и тифозныхъ бациллъ: онѣ погибли черезъ два часа; сибиро-язвенныя палочки — черезъ три, а дифтерийныя черезъ четыре часа. На основаніи этихъ опытовъ Риглеръ совѣтуетъ *дезинфицировать помѣщенія* заразныхъ больныхъ парами амміака въ теченіе указаннаго времени.

— Австралійскій врачъ Криндъ сообщаетъ, что онъ съ успѣхомъ *лечитъ одышку* посредствомъ гипнозизма, внушая своимъ па-

ціентамъ во время гипноза, чтобы они по пробужденіи дышали свободно. Конечно, здѣсь рѣчь идетъ объ одышкахъ перваго происхожденія.

— Если *въ глазъ попадетъ* какое-нибудь *иностранное тѣло*: палочка, кусочекъ угля, наскокомое и т. п., то никоимъ образомъ не слѣдуетъ тереть глазъ, а, напротивъ, тотчасъ же закрыть его и попросить кого-либо изъ присутствующихъ помочь вытащить раздражающее глазъ тѣло. Большею частью, если пациентъ оставался неподвижнымъ, оно оказывается въ складкѣ нижняго вѣка, во внутреннемъ углу глазной ямочки, и отсюда легко удалить его кончикомъ носового платка. Если же его тамъ не оказывается, то, значитъ, оно попало подъ верхнее вѣко. Попросите своего пациента наравнѣть свой закрытый глазъ такъ, какъ будто-бы онъ собирался смотрѣть внизъ, на свои ноги; между большимъ и указательнымъ пальцами правой

руки ущемите свободный край верхняго вѣка, а пальцемъ лѣвой руки прижмите слегка верхнюю часть того-же вѣка. Быстро вывернувъ свободный край вѣка, вы увидите всю внутреннюю сторону его и, обыкновенно, тамъ же найдете и ипородное тѣло, которое надо теперь осторожно удалить кончикомъ платка. Сразу опустите руку, и вѣко снова приметъ свое обычное положеніе. После этой маленькой операціи слѣдуетъ еще немного подержать глазъ закрытымъ, слегка прикасаясь къ нему платкомъ. Если имѣется подъ рукою прохладная вода, а еще лучше, теплый растворъ борной кислоты, то приложите къ глазу компрессъ на четверть часа; боль и воспаленное состояніе быстро утихнутъ. Если же тѣло вилось въ глазъ, то слѣдуетъ подождать прѣзда врача, который долженъ въ такихъ случаяхъ извлечь его съ помощью особаго инструмента.

С М Ъ С Ъ .

80-лѣтній юбилей ученаго. 8 (20) декабря нынѣшняго года ботаники всѣхъ странъ предпринимаютъ чествовать знаменитаго шведскаго ботаника *Я. Азарда* по случаю исполняющагося въ этотъ день 80-лѣтія со дня его рожденія. Для чествованія неутомимаго изслѣдователя водорослей образовался международный комитетъ изъ профессоровъ

и ученыхъ не только Европы, но и Австраліи, специалистовъ по изученію низшихъ растений. Въ составъ его вошли: отъ Россіи профессоръ С.-Петербургскаго университета—Хр. Гоби, отъ Великобританіи—Фарловъ и Райгъ (Wright), отъ Нидерландовъ—Суригаръ, отъ Даніи—Розенвингъ, отъ Венгріи—Исванффи, отъ Швейцаріи—Кра-

мерь, отъ Германіи — Прингсбѣмъ, Рейше и Шмигъ, отъ Італіи — де-Тони и Пиккопъ, отъ Іспаніи — Магонъ, отъ Норвегіи — Вилле, отъ Швеціи — Кьельманъ и Нордштедтъ, отъ Австраліи (Мельбурнъ) — Мюллеръ. Во главѣ этого комитета стоитъ профессоръ Пармскаго университета и директоръ ботаническаго сада — де-Тони. Всѣмъ извѣстнымъ ботаникамъ, специалистамъ по альгологіи, разсланы теперь приглашенія отъ комитета принять участіе въ чествованіи престарѣлаго Агарда взносомъ 10—25 франковъ (можно посылать русскими деньгами), которые должны быть выставы въ Парму (въ Італіи) à M. le Prof. J. V. de Toni, Jardin botanique de l'Université de Parme (Italie). На собранія деньги будутъ приготовлены художественно-исполненный адресъ. Онъ будетъ поднесенъ Агарду съ автографическими подписями всѣхъ его почитателей въ день юбилея.

Придворный сниматель обуви — одно изъ значительныхъ придворныхъ лицъ сіамскаго короля. Сіамскій придворный экикетъ требуетъ, чтобы всѣ лица, въ томъ числѣ и министры, обязанныя представляться королю, являлись предъ очи повелителя безъ обуви. Предъ пріемнымъ заломъ и рабочимъ кабинетомъ имѣется малень-

Новый вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ, Леонидъ Николаевичъ Майковъ. Съ фот. Левидкаго, грав. Шюблеръ.

кая комната, въ которой всѣ приглашенные къ аудіенціи короля должны снимать сапоги и чулки, которые передаются для хранения на руки спеціальнымъ чиновникамъ. Королевскій камергеръ осматриваетъ затѣмъ, чисты ли ноги увсѣхъ представляющихся. Великаго, признаннаго удовлетворяющимъ его строгимъ требованіямъ, берутъ подъ руки два лакея и вводятъ къ двери пріемнаго зала. Камергеръ этотъ, носящій громкій и своеобразный титулъ „придворный сниматель обуви“, хотя и не занимающій вовсе этимъ сниманіемъ, отвѣчаетъ своей головою за то, чтобы грязная нога не переступала порога королевскихъ покоевъ. (э).

Планета Уранъ тратитъ на каждое свое обращеніе вокругъ солнца, составляющее для него годъ, 30,688 земныхъ дней, т. е. нѣсколько болѣе 84 нашихъ лѣтъ. Спрашивается, какъ должны быть созданы жители Урана, разъ они должны выдержать зиму, которая тянется непрерывно 21 годъ и которая, въ силу того, что Уранъ очень удаленъ отъ солнца, должна превосходить своей суровостью всѣ наши представленія о зимней стужѣ. Житель Урана, достигшій 50-лѣтняго возраста, по нашему лѣтоисчисленію имѣлъ-бы уже 4200 лѣтъ отъ роду.

Собраніе петербургскихъ дамъ въ залѣ Адмиралтейства для обсужденія проекта отвѣтнаго подарка г-жѣ Аданъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Ероллинга, автотипія Демчинскаго.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ гг. подписчиковъ на прилагаемое при настоящемъ номерѣ подробное объявленіе о подпискѣ на „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“ на 1894 годъ,

которая будетъ содержать въ себѣ:

ВСЕОБЩУЮ ИСТОРИЮ проф. ОСКАРА ІЕГЕРА, подъ редакціею профессора П. Н. ПОЛЕВОГО.

Въ четырехъ-объемистыхъ томахъ, съ болѣе 1000 худож. выполн. гравюръ и 80 таблицъ печат. черною и цвѣтными красками.

„Всеобщая исторія“ О. Іегера будетъ напечатана на такой-же бумагѣ, въ такомъ-же форматѣ и такимъ-же шрифтомъ, какъ прилагаемое при семъ объявленіе, а помещенныя въ немъ 27 гравюръ дадутъ понятіе о превосходныхъ иллюстраціяхъ, которыми будетъ обильно снабжено это новое изданіе.

Матч М. И. Чигорина съ д-ромъ З. Таррашемъ.

Матчъ, начавшійся 26-го сентября с. г., окончился 2-го ноября. Каждый изъ обоихъ игроковъ выигралъ 9 партій; 4 партіи были ничьи. Согласно условіямъ матчъ признанъ ничьимъ. Для Чигорина этотъ результатъ оказался очень благоприятнымъ въ виду того, что былъ моментъ, а именно, послѣ 17-й партіи матча, когда у него было только 5 партій проигвъ 8-ми. Ему удалось изъ послѣднихъ пяти партій выиграть 4 и проиграть только одну! За исключеніемъ 16-й партіи (Гамбитъ королевск. коня) и 21-й (Дебютъ ферзевыхъ пѣшекъ) всѣ остальные партіи игрались двумя дебютами. Всѣ нечетныя партіи (Таррашъ бѣлые) были испанскія партіи (деб. Лонеца), а всѣ четныя (Чигоринъ бѣлые) были французскія партіи съ ходами 1. e2—e4, e7—e6; 1. Ф. d1—e2. Послѣдній ходъ въ серьезную практичку введенъ впервые М. Чигоринымъ въ настоящемъ матчѣ.—Судя по результату, этотъ ходъ имѣетъ будущность, хотя онъ идетъ въ разрѣзъ съ господствующими теоретическими взглядами.—Этотъ матчъ далъ много интереснахъ партій, хотя и не обошлось безъ болѣе или менѣе грубыхъ ошибокъ съ обихъ сторонъ. Такъ, напр., Чигоринъ проигралъ грубымъ просмотромъ 1-ую и 5-ую партіи матча; прозвѣвалъ ферзя въ 11-й партіи, имѣя уже совсѣмъ выигранную партію; онъ упустилъ 2 раза случай сдѣлать ничью въ 9-й партіи и упустилъ случай выиграть 14-ую, послѣ того какъ Таррашъ, въ свою очередь, упустилъ выигрыть.—Ошибки Тарраша, вообще, не такъ очевидны. Онъ упустилъ выигрыть во 2-й партіи и нѣсколько разъ не воспользовался атакой или лучшимъ положеніемъ, упуская, напр., возможность выиграть пѣшку (напр. въ 13-й и 22-й). Пѣшечные концы партіи онъ вообще игралъ слабѣе Чигорина, за исключеніемъ 4-й партіи.

Однообразіе въ дебютахъ Таррашъ объяснялъ немѣнѣемъ времени изучить основательно всѣ дебюты. Онъ высказывалъ мнѣніе, что Чигоринъ въ другихъ дебютахъ (кромѣ Испанскаго дебюта и Французской партіи) съ нимъ можетъ дѣлать все, что захочетъ.—Результатъ матча соотвѣтствуетъ вообще отношенію силы обоихъ ма-

стро, независимо отъ нѣкоторой разницы въ стилѣ. Таррашъ является болѣе спокойнымъ и осторожнымъ игрокомъ; Чигоринъ же, какъ и всегда, болѣе смѣлымъ и энергичнымъ. Жаль, что 2—3 грубые промаха до сихъ поръ мѣшали ему достигнуть въ матчахъ вышшаго результата, соотвѣтствующаго его силѣ и изумительному искусству доводить разъ начатую атаку до конца. Вспомнимъ матчи со Стейнницомъ и матчъ съ Гунсбергомъ.—Во всякомъ случаѣ Чигорина, а также и Тарраша, должно признать сильнѣйшими игроками міра на ряду съ ветераномъ шахматной игры, В. Стейнницемъ. Въ заключеніе скажемъ, что стиль игры въ значительной степени страдаетъ отъ обычной (къ сожалѣнію, необходимаго) играть съ часами, т. е. отъ обязанности игрока сдѣлать опредѣленное число ходовъ въ каждый часъ. Въ настоящемъ матчѣ каждый игрокъ долженъ былъ дѣлать не менѣе 15 ходовъ въ часъ. Самыя короткія партіи длились 3 часа; самыя длинныя—почти 8 часовъ.—Во времена Морфи партіи иногда длились до 20-ти и даже 24-хъ часовъ, требуя нѣсколько вечеровъ, что, разумѣется, крайне неудобно и не всегда служитъ гарантіей отъ грубыхъ промаховъ. Какъ сообщаютъ заграничныя шахматныя журналы, въ началѣ будущаго года предстоить матчъ Стейнница съ Ласкеромъ, который недавно взялъ первый призъ въ Нью-Йоркѣ, выигравъ всѣ 13 партій!

Э. Шифферсъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Дарья д'Анчуткина и банкирскій теноръ безъ граци. Изъ воспоминаній моего пріятели. Повесть Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе).—Начало оспориванія въ Россіи 125 лѣтъ тому назадъ. Очеркъ Н. Ширяева (съ рис.).—Расплатился. Разск. (Изъ воспомин. моего дѣдушки).—Воспоминаніе о Памирскомъ походѣ 1892 г. Записки очевидца Б. Л. Тагѣева.—Къ рисункамъ: Обоюдная услуга (съ рис.).—Литературный альбомъ: Предъ испанной благородной... Стихъ А. С. Пушкина (съ рис.).—Ножки! (съ рис.).—Беатриче Ченчи (съ портр.).—На разсвѣтѣ (съ рис.).—Маврикій Юнаи! (съ портр.).—Вновь построенный эскадренный броненосецъ "Три Святителя" (съ рис.).—Л. Н. Майновъ (съ портр.).—Собраніе петербургскихъ дамъ въ залѣ Адмиралтейства (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разная известія.—Научныя и техническія новости.—Смѣсь.—О подпискѣ на "Иллюстрированную бібліотеку Нивы" на 1894 г.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ин. М. Н. Волонскій.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1894 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу **НОВОЕ, ОДИННАДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ,**

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

подъ редакцію академика, профессора Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками.

Цѣна за всѣ 5 томовъ—6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп., а въ пяти роскошныхъ коленкоровыхъ переплеткахъ 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору изданій А. Ф. Маркса, Невскій, д. 6.

Въ Москвѣ, у Н. П. Печковской, Петровскія линіи.

Изданіе это можно получить также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для гг. служащихъ (на въ казенныхъ, танъ и въ частныхъ учрежденіяхъ), выписывающихъ соч. Гоголя за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается разсрочка платежа на шесть сроковъ, при чемъ по полученіи перваго взноса имъ высылаются немедленно всѣ пять томовъ соч. Гоголя. За подробными условіями разсрочки просимъ обращаться въ контору журн. „Нива“.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полоснанія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (89)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. П. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

Ц. № 6613 **СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.** 8—2
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ **на свой счетъ.** | требованію за 42 коп.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица. Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просить обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковокъ и ярлыковъ. Дѣпо у А. Ралле и Н. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. Ш. № 6149 28—22

ДѢТСКОЕ МЫЛО

(ПЕРЕСЫЩЕННОЕ ЖИРОМЪ тмозовое мыло, приготои. по способу д-ра мед. Эйхгоффа, главы. врача отдѣленія нажики. болѣзней город. больн. въ Эльберфельдѣ).
Крайне мылкое туалетное мыло, почему рекомендуется для ежедневнаго употребленія для всякой кожи, въ особенности для вѣжной женской и дѣтской эидермы.

Фабрикація этого мыла произв. подъ постояннымъ наблюден. фармацевтовъ. Дѣтское мыло продается въ болышинствѣ аптекъ и аптекарскихъ магазинахъ. При покупкѣ просимъ обращать вниманіе на утвержд. фабр. марку № 4711.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условнымъ образомъ, письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15-2

ПИСАТЬ не только красиво но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За дѣль 7 коп. марки высылаю условия и пробное письмо. Одесса, Дерibasовская, д. № 17. Проф. кат. Э. Кошдарскъ. № 6519 10-6

Новая американская скоропишущая машина „ГАЛЛЬ“ № 6228 (S)

Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Описание съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробные шрифты безплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕМПЕЛЬ въ г. Одессѣ. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

КАЖДАЯ ДАМА

стремится имѣть шикарную и изящную талию!

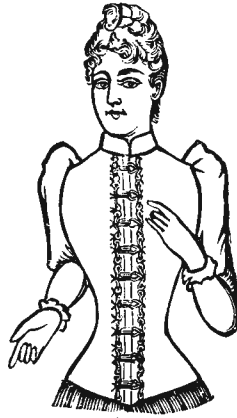
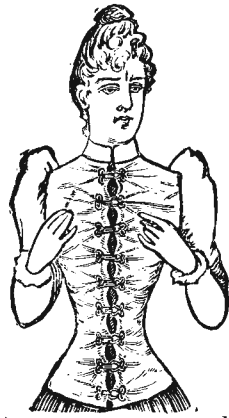
достичь этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крючочковъ и петель ПРима!

ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЮ ПОКРОЙ.

Рис. съ нынѣшними крючками и петлями. Рис. съ патентов. крючками и петлями.

Послѣ 4-хъ-недѣльнаго ношенія лифа. Послѣ 4-хъ-мѣсячнаго ношенія лифа.

Платье, снабженное патентованными крючками и петлями ПРима, никогда не теряетъ своего фасона ни при какой работѣ, благодаря чему подчасъ громадная экономія въ платьяхъ при незначительной затратѣ.

Крючки и петли никогда не портятся, а потому возобновляете ихъ отъ вышедшаго изъ употребленія лифа на новыя.

Бездѣль впадины и складки. Влад. и склад. нѣтъ; видъ какъ новый.

На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ дѣйствительности-же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

Патентованные крючки и петли ПРима

не слабеютъ отъ времени, не сгибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.

Нашивать эти застежки очень легко; при каждой карточкѣ прилагается подробное наставленіе. № 6538 12-6

Патентованные крючки и петли ПРима имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ

Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ. С.-Петербургъ, 4 рота, 16.—собств. домъ.

L'URBAINE

ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ ВЪСОУДАНІИ

допущенное въ дѣятельности въ Россіи 2-го Іюня 1889 года.

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО для Россіи, С.-Петербургъ. — 18. Невскій, 13.

Особая дополнительная гарантія для вострахованныхъ въ Россіи.

Агенты во всѣхъ больш. горахъ Россіи.

- 1) Залогъ въ 500,000 р. внесенный въ Государств. Банкъ.
- 2) Специальный резервный фондъ.
- 3) Специальный запасъ капитала, хранящійся исключительно въ Государственномъ Банкѣ.

Нашъ дѣятельный Общество установилъ постоянный фактиский организменный контроль.

Ваше участіе въ прибыляхъ Общества производится въстраховательныхъ складочныхъ выгодахъ.

Если болѣе для подробнаго случая прочтите инструкцію въ редакционную исполнителю въ трудъ, Общество беретъ на себя плату премій, но не въ время болѣе.

Въ случаѣ ПОЛНОЙ неспособности къ труду въ теченіи 2-3 лѣтъ Общество выдаетъ 1/2 вострахов. капитала самому вострахованному или его наследнику 1/2 по наступленіи срока договора.

Pl. № 6250 6-8

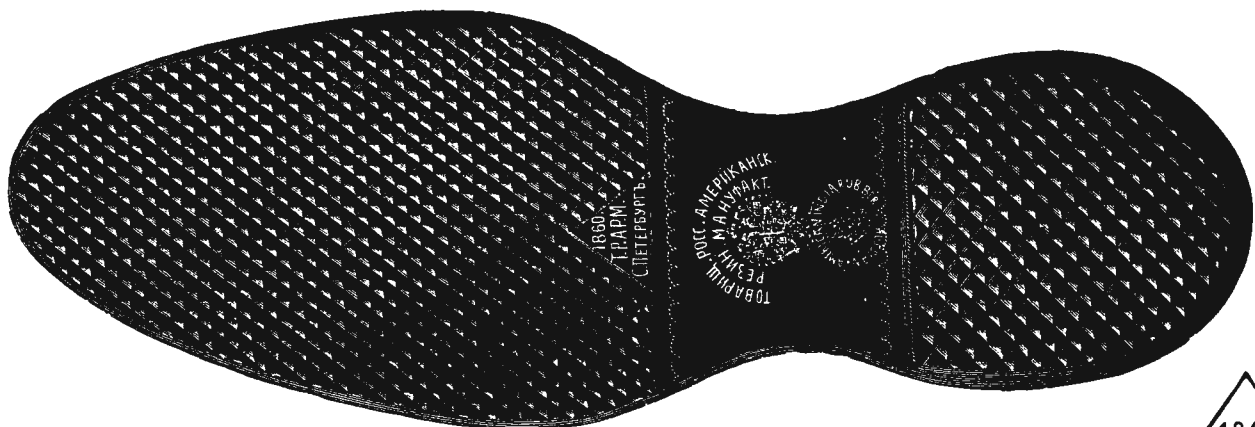
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-16

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (20)
 Специалист хронометровъ.
 СПбургъ, Невскій пр. № 52
 прот. Имп. Публ. Библиотеки.
 Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 6283

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
 только 4 р. 50 к.
 Английскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 пушкис часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ—20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтений, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 10 коп. марку. № 6638

1-й ВЫИГРЫШНЫЙ
 заемъ, 3 января тиражъ, продается на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, СПб. (6-2)

ФАБРИКА И СКЛАДЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ СКАВРОНКАГО С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Г. ВЕЙСЪ
 56, НЕВСКІЙ ПРОСП.
 „Обувь мужская, дамская и дѣтская, громадный выборъ готовой и галощъ Фетръ“. Обувь моего издѣлія отличается изяществомъ отдѣлки, легкостью, новизною фасоновъ и добротачествомъ матеріаловъ, чему служатъ доказательствомъ полученная въ Парижѣ золотая медаль и медаль въ Чикаго. Для удобства публики значительно увеличенъ магазинъ. Всѣ заказы выполняются аккуратно и хорошо подъ личнымъ наблюдениемъ. Также обувь моего издѣлія можно получать единственно: въ Ростовѣ на Дону у П. П. Ильина, въ Одессѣ у Везиновича и Кукурничина, въ Харьковѣ у Призь и Токаревой, въ Киѣвѣ у Шабардина. № 6646 4-1
 Просить требовать клеима магазина.
 Въ С.-Петербургѣ единственно лишь въ моемъ магазинѣ, Невскій, 56. Гг. иногороднихъ просить присылать старый сапогъ для мѣрки, которая по изготовленіи колодки всегда будетъ имѣться въ магазинѣ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 НЕВСКІЙ ПР. № 42.
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРЕИСК-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО № 5980 (14)
 на березовомъ соку.
 Носетина А. ЭНГЛУНДЪ.
 Для пѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегайтесь поддѣлокъ. Требовать подписи А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

1894 г. Открыта подписка 1894 г.
 на иллюстрированное изданіе, посвященное театру, искусствамъ и литературѣ
„ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“
 выходитъ во время сезона, съ 1-го сентября по 1-е мая, три раза въ недѣлю, а остальные 4 мѣсяца по одному разу.
 Въ 1893 г. въ „Театральной Газетѣ“ принимали участіе: Д. В. Григоровичъ, П. П. Гнѣдичъ, М. В. Крестовская, Н. Д. Нашкинъ, Г. А. Ларошъ, Д. С. Мережковский, П. О. Морозовъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, А. А. Потѣхинъ, А. Г. Рубинштейнъ, И. Е. Рѣпинъ, М. И. Чайковский, А. П. Чеховъ и др.
 Подписная цѣна остается прежняя, т. е. 6 р. въ годъ, съ дост. 7 р., съ перес. 8 р. Подписная цѣна на 4 мѣсяца 1893 г. (сентябрь—декабрь) 2 р., съ дост. и перес. 3 р.
 Годовые подписчики на „Театр. Газету“ 1894 г., подписавшіеся теперь, получаютъ газету ДАРОМЪ въ 1893 году со дня подписки на будущій годъ.
 Подписка принимается въ Главной Конторѣ—С.-Петербургъ, Литейный пр., д. № 43 (при типографіи А. Мучника), въ магазинахъ Е. В. Остолонова (бывш. Аравина), уголъ Екатерининскаго кан. и Чернышева пер., и во всѣхъ музыкальных и книжныхъ магазинахъ. № 6647

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“
 (31-й годъ изданія).

Въ Москвѣ		На города		За границу	
съ доставкой:		съ пересылкой:		съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
6	50	6	50	6	90
3	30	3	50	3	80
1	30	1	50	1	90

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.
 Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.
 Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.
 Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся одновременно въносить годовую плату, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается. № 6633 3-2

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1894 Г.
ЗА ТРИ РУБ.
 ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ
 ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
РУСЬ.
 Желая сдѣлать чтеніе ежедневной газеты общедоступнымъ, мы предпринимаемъ съ 1 Января, съ Божіею помощью, при главномъ и постоянномъ участіи талантливаго писателя К. Тхоржевскаго, изданіе ежедневной газеты, **ЗА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.**
 Въ газетѣ будутъ помѣщаться: передовыя статьи, правительственныя извѣстія, телеграммы Сѣвернаго Агентства и собственныя письма изъ разныхъ мѣстъ провинціи, хроники: петербургская, внутренняя, иностранная, судебная, художественная, фельетоны, маленькіе рассказы, сцены изъ жизни, загадки, коммерческой, биржевой, театральныя и сивачный отдѣлы.
 Военные подписчики будутъ получать ежедневно приказываю за недѣлю.
 Въ газетѣ будутъ всѣ новости и интересующія всякаго извѣстія.
 Подписка на газету допускается для служащихъ и для духовенства съ разсрочкою по 1 рублю въ треть.
 Допускается подписка на четверть года, съ 1 Января, съ 1 Апрѣля и съ 1 Октября, по 1 рублю за четверть года.
ПОДПИСКА ОТКРЫТА № 6576 (3)
 и принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, Большая Итальянская, № 37. За подписку въ другомъ мѣстѣ редакція не отвѣчаетъ.
 Редакторъ-Издатель князь Мещерскій.

ВЫБОРЪ ИЗЯЧНЫХЪ ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ, БАРХАТА И ПЛЮША
 ВЪ РОЗНИЧНОМЪ МАГАЗИНѢ
Б. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
 ВЪ МОСКВѢ.
 ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА, № 65, 66.
 2-ой рознич. магазинъ въ Москвѣ: Верхніе Торговые ряды, № 102—103. 4-3
 Въ С.-Петербургѣ: Гостиный дворъ, Суворовская линія, № 131. III. № 6387
 Фабрика: въ Москвѣ, за Покровск. мостомъ.

Къ Рождеству!
Для Елки!!!
КОЛЛЕКЦИИ УКРАШЕННІЙ
 въ 3, 5, 8, 10 р. и т. д. до 75 руб.
 Каждая коллекція составлена такъ, чтобы получила роскошно убранная елка. Особенно превосходныя коллекціи — специально для:
 — большихъ семействъ, школъ, пріютовъ, библиотекъ, собраний, благотворителей. Общественныхъ, учебныхъ и проч.
 При требованіи коллекцій для благотворительныхъ Обществъ, школъ и пр. слѣдуетъ, кромѣ цѣны, упомянуть о числѣ члѣнъ дѣтей, такъ какъ — **даже самыя дешевыя коллекціи** — составляются тогда съ большимъ выборомъ сюрризоровъ для каждого.
 Высылка первому почтой наложеннымъ платежомъ. Ц. № 6604 4-3
 Пересылка за счетъ покупателя.
А. Г. РЕЙНГЕРЦЪ Складъ антик. и парф. товар. С.-Петербургъ, Гороховая, 26 40.

ПРУШИНСКІЙ Спб., Невскій, 20.
 вымываетъ за одинъ руб.
ВСЕ СЕКРЕТЪ КРАСИВАГО ПОЧЕРКА.
КАРТОГРАФА
 для шрифта и ситуанціи выуть. Литографія Дюстердика, Тифлисъ. № 66:9

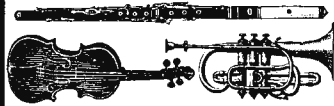
Вышли изъ печати слѣдующія КНИГИ
В. ЗЕЛИНСКАГО,
 преподавателя методикъ русскаго языка:
 1. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система для практическаго самоученія русскаго правописанія. Часть I. Изд. 5-е. Ц. 50 к. (Часть II — знаки препинанія—40 к.).
 2. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть II. Ц. 1 р. (Часть I тоже 1 р.).
 3. Китайскія сказки. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Зелинскаго. Ц. 10 коп.
 Тотъ-же автора прежде вышедшія изъ печати:
 1. Методическая указанія и образцовыя уроки по русскому грамматикѣ, разработанныя извѣстными педагогами. Ц. 1 р.—2) То-же по объяснительному чтенію. Ц. 1 р. 3) То-же по обученію грамотѣ звуковымъ способомъ. Ц. 1 р. 4) Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Ц. 25 к.—5) Корнесловъ русскаго языка. Ц. 50 к.—6) Четыре таблицы для грамматическаго разбора. Ц. 8 к.—7) Грамматическія задачіи для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. Ц. 25 к.—8) Полный словарь буквъ Ъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к.—9) Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ полного списка словъ съ буквою Ъ. Выпускъ I. Изд. 7-е. Ц. 50 к.—10) То-же. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковь препинанія. Ц. 50 к.
 Въ перечисленныхъ книгахъ имеются въ переплетѣ, по 15 к. за переплетъ.
Складъ изданій В. Зелинскаго: Москва, Патриаршіе пруды, д. Можухина.
 Пересылка книгъ на суму менше рубля—10 коп., а требованія на рубль и болѣе пересылаются на счетъ склада, исключая 10 к. за наложенный платежъ и 5 к. за каждый переплетъ. II. № 6640

ВНИМАНИЮ РОДИТЕЛЕЙ!

Еще В. Бѣлинскій сказалъ: „Вліаніе музыки на человека благотивно и чѣмъ раніе начнетъ онъ испытывать его на себѣ, тѣмъ лучше для него“.

Дѣйствительно, музыкальное развитіе много легче воспринимается въ дѣтскомъ возрастѣ, почему даже маленькимъ дѣтямъ нужно давать возможность чаще слушать музыку, и для этой цѣли рекомендуется:

СИМФОНІОНЪ съ ручкой. Цѣна 7 р., ноты по 35 коп. Симфоніоны заводно въ 18, 35, 55 руб. и дороже. Ноты къ нимъ по 35, 70, 85 коп. и дороже.

Для дѣтей 7 и болѣе лѣтъ имѣются: **СКРИПКИ** малаго размера въ 2, 4, 6, 8, 10, 15 и 25 руб.

Смычки по 50 к., 1, 2, 3 и 5 руб. Самоучитель Баганца 1 и 3 руб.

Для мальчиковъ лѣтъ 10 можно рекомендовать:

КОРНЕТИ-А-ПИСТОНЪ въ 12, 15, 22, 25, 35, 50 руб. и дороже. Самоучитель Баганца 1 1/2 и 2 1/2 руб.

ФЛЕЙТЫ въ 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30 руб. Самоучитель Келера 1 1/2 и 2 1/2 руб.

Для ознакомленія же съ клавишными инструментами, какъ дешевый и практичный, заслуживаетъ вниманія

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ въ 5, 17 и 23 руб.

Самоучитель Маковского 1 руб.

Всѣ другіе инструменты лучшею качествомъ по дешевымъ цѣнамъ.

Прейсъ-курантъ бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Большая Сѣверная Гостинница

С.-Петербургъ, Невскій пр., 118.

Заново отдѣланные номера въ количествѣ ста пятидесяти, цѣною отъ 1 р. 25 к. до 15 р. въ сутки, помѣсячно по составленію. Ежедневно завтраки изъ 2 блюдъ 75 коп., обѣды 1 р. и 1 р. 50 к. Одинъ разъ въ недѣлю отъ 5 до 8 ч. вечера обѣды съ музыкой—съ водкой и закуской 2 р. 50 коп. съ персони.

С. № 6644 3-1

В. I. СОЛОВЬЕВЪ.

К. ФАБЕРЖЕ

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ **БРИЛЛАНТОВЫЯ, ЗОЛОТЫЯ И СЕРЕБРЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ** Москва, Кузнецкій мостъ, д. Санъ-Галли.

Съ цѣлью дать публикѣ извѣстное руководство при заказахъ, фирма предприняла издание **НОВАГО ПРЕЙСЪ-КУРАНТА**

въ которомъ помѣщено до 250 иллюстрацій. Въ рисунки представляють собою фотографическіе снимки съ натуры и такимъ образомъ изображаютъ именно то, что имѣется въ магазинѣ. Подобный преісъ-курантъ служитъ превосходнымъ посредникомъ между фирмой и иногородними заказчиками.

Прейсъ-курантъ высылается бесплатно. Ц. № 6642 2-1

„КАПРИЗЪ ДУХИ — „Капризъ Невы“
О-ДЕ-КОЛОНЪ — „Капризъ Невы“
МЫЛО — „Капризъ Невы“

„Мюскъ“ Духи послѣднія новости „Мюскъ“ Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ и О-де-колонъ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Препараты „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ отличаются прекрасными достоинствами и изготовлены для выставки въ ЧИКАГО. Ц. № 6281 15-13

СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, 9. Невскій, 69.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Вршава, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЪ

ДЛЯ ВОЛОСЬ. ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптек. и космет. магазин. Цѣна фла. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес. № 6565 (4)

Провизоръ Кинуненъ.

Просьба обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинуненъ. Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

ЦВѢТЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ УДОСТОВЕРЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВЛ. 1882

АСИУКО

ПАРФЮМЕРІЯ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА МОСКВА.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЖЕРНОВА ФАБРИКИ I. ТРАППЪ. Извѣстны въ Россіи быстрымъ, мягкимъ, долговѣчнымъ и отсутствіемъ пыли. Статьи высылаются по требованію. Контора въ Б. ЖУКОВСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

УКРАШЕНІЕ для ЕЛОКЪ

для гг. иногородныхъ составлены коллекціи: Въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекція въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодна для большихъ семействъ, школъ, приютовъ, базаровъ, собраний, слоготворительныхъ цѣлей, пансіоновъ и пр.

Покорнѣе прому дать заказы на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новосты, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.

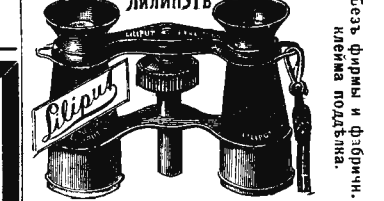
Товаръ перес. наложен. платежѣмъ. Телеграфныя заказы исполняются немедленно. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31. **БАЗАРЪ МАРОКЪ.**

При этомъ № прилагаются 3 объявленія: 1) для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе объ „Иллюстрированной библиотекѣ Нивы“ на 1894 г., содержащей въ себѣ „Всеобщую исторію“ профессора О. Тегера, съ образцами рисунковъ; 2) для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ) отъ Редакціи газеты „Биржевыя Вѣдомостей“ II изданія; 3) для гг. городскихъ подписчиковъ отъ чайнаго магазина Д. Сидорова въ Москвѣ.

НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО КОНГО

носитъ имя изобрѣтателя Виктора Вэссе. Складъ у Э. Э. Бо Младш. и Кр. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова. 26-1

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Безъ фирмы и фирмачи. Имя не подается. со плурк. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Дилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и нигде не замѣчается, какъ для ноли, охоты, путешествія или театра, болѣе и тѣлесде бинокли **Е. КРАУСЪ и К.**

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ. Rue de Bondy, 32.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ для РОССИИ С.-Петербургъ, Мойка, № 42. 2-1 Плюс. пр.-кур. высл. за семи-коп. марку.

КРАСКИ и ПРИНАДЛЕЖНОСТИ для живописи. РИСУНКИ вѣрныхъ рисунковъ для раскрашенія. № 6635

ТЕРРАКОТА Первоудныя картины для фарфора.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЯ КАРТОЧКИ. олеографіи, фотографіи и пр. и пр. Прейсъ-курантъ съ прилож. яр. руководства къ разнаго рода живописи—бесплатно. Р. Немецль. СПб. Волжск. Морская, 23.

ВЪЗЖНО ДЛЯ ДАМЪ.

Зачное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій-корреспонденцій. Полная гарантія въ успѣхѣ.

По окончаніи курса свидѣтельно. Условіе высылается за 7 к. марку. Невъ, Дмитріевская, д. № 42. Преподавательница Е. Д. Куртаковская.

НОВАЯ КНИГА,

отпечатанная безъ предварительной цензуры: „ОЗИМЫЕ ВСХОДЫ“, Б. Писинорова, продается въ СПб., Невскій, 30. въ книжномъ магазинѣ Д. Федорова. Цѣна 1 р. 50 к. № 6642 2-1

НОВОСТЫ КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ

превосходно сдѣланы изъ телячьей кожи съ 3 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.

Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Топъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 5 р. 75 к.

Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармонны, очень выстигательный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (9)

3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежѣмъ. С. Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРОКЪ** Невск. пр., № 20-31.

МЫЛО отъ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА **А. М. ОСТРОУМОВА** КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ ПРОВОСХОДНЫМИ БРИЛЛАНТАМИ.

БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ НАКЛАДКИ такъ что трудно отлич. отъ наст. брилліант. № 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к. № 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 358. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к. № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.

№ 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к. № 306. Золотая брошка съ 8 брилліантами, шохже на браслетъ № 401. Шт. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6.

XXIV г.
№ 48

Выходитъ ежедневно, съ приложеніемъ 12-ти еженѣсячи. нннгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

г. XXIV
1893

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выданъ 27 ноября 1893 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1894 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ до-
ставки въ
СПБ. 5 р.

Съ дост.
въ СПБ. 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою. 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи 7 р.

Подписка въ
РАЗСРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока
Подробности
сл. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1893 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всіми прилож., Худож. Альбомомъ, Сборникомъ, и пр.

Татарка. По рис. К. (собств. „Нивы“), грав. Шуцъ.

Дарья д'Анчуткина и банкирскій теноръ безъ граціи.

Изъ воспоминаній моего пріятели.
Пов. Вас. И Немировича-Данченко.
(Продолженіе).

IV.

Такъ бы въ моихъ воспомина-
ніяхъ Дарья д'Анчуткина и оста-
лась исключительнымъ и един-
ственнымъ въ своемъ родѣ perso-
нажемъ, если бы судьба не посла-
ла въ Миланскую Галерею по-
хожаго на нее кавалера, и тоже
пѣвца, и тоже обладающаго и
удивительнымъ голосомъ, и благо-
родною школою, и божественною
наружностью. Какъ-то я иду отъ
Биффи по направленію къ пло-
щади собора, едва проталкиваясь
въ толпѣ пѣвцовъ, пѣвицъ, хори-
стовъ, статистовъ, балеринъ, му-
зыкантовъ, агентовъ и импресаріо,
какъ вдругъ позади меня кто-
то радостно назвалъ мою фамилію.
— Васъ только и не доставало!
Вотъ ужъ именно кстати.
— Что случилось?
— Помилуйте... теноръ изъ бан-
ку объявился.
— Что?
— Теноръ изъ банку.
— Какъ изъ банку?
— Такъ, сидѣлъ у батюшки
своего въ банкѣ, деньги считалъ,
на приходъ записывалъ, и вдругъ,
что называется, почувствовалъ въ
грудѣ вопль къ искусству. „Какой,

говорить, я банкирь—я Ромео. Мое призваніе сцена“. Вросилъ банкъ и прямо сюда, да, вѣдь, на кого набѣжалъ...
— Ну?

— Прямо на Буци. А тотъ—не будь дуракъ. „Вы, говоритъ, геній, второй Мазини, помноженный на Гайара. Я изъ васъ въ шесть мѣсяцевъ знаменитость сдѣлаю, только не скунитесь...“ И представьте, фамилія-то у него какая! Каркадиловъ! Вы это можете себѣ представить:—Каркадиловъ изъ банка, и вдругъ вопль къ искусству и сейчасъ въ Миланъ къ Буци...

— Покажите мнѣ его...

— Пойдемъ, пойдемъ. Онъ тутъ не далеко въ фіаскаторіи, съ итальянскими винами знакомится. Всѣ они, говоритъ, немного на лагрицу похожи, но, впрочемъ, отъ жакды ничего—бутылочки двѣ-три марсала охолостить можно... съ зарядомъ, разумѣется.

— Съ какимъ зарядомъ?

— А онъ такъ, нальетъ въ стаканъ коньяку рюмку, до верху—марсалай наполнить и самъ себѣ командуетъ: Ванюша Каркадиловъ—пли!.. И хлопаетъ безъ „устатку“... Вонъ, вонъ—вонъ, онъ, душа.

Смотрю, въ Галлерей, передъ фіаскаторіей, сидитъ совершенно круглый „въюношъ“, съ едва намѣченными усиками и такимъ портретомъ, что его никакъ издали—изъ окна, напримѣръ, на улицу показать нельзя—примуть за оскорбленіе общественной нравственности. Носъ пуговкой—гдѣ его замѣтить! Щеки совершенно сверхъестественно завернулись около него, глазки узкіе-узкіе и безпокойно бѣгаютъ въ своихъ щелкахъ. Цвѣтъ, если это можно назвать лицомъ, такъ лица—розовый, руки пухлыя и, словно у младенца, какъ будто ниточками перевязаны. Животикъ съ выкатцемъ и на самомъ экваторѣ толстѣйшая цѣпъ. Собакъ водить—а не часы носить на ней.

— Каркадиловъ!.. Встрѣчай гостя!

И мой знакомый назвалъ меня.

Каркадиловъ вдругъ забеспокоился... Открывъ, было, ротъ, опять захлопнулъ его, стыдливо вскинулъ на меня глаза, всей пятерней залѣзъ себѣ въ кудлатыя лохмы, и вдругъ, когда я совсѣмъ ужъ пересталъ ждать его, объявилъ:

— Вотъ-съ... изъ Орла... Тенору приѣхалъ учиться.

— Что?.. Не понялъ я сразу.

— Тенору учиться... Пожалуйте... Эй, ты... какъ его...

— Кого тебѣ надо?.. вмѣшался мой приятель.

— Какъ здѣсь по-ихнему кавалера звать... человѣка.

— Тебѣ чего надо?

— Для господина, провіанту...

— Какого?..

— Какъ какого... Питвы, понятно. Марсала у нихъ, я вамъ скажу, она собственно деликатное... для дамъ больше, но если съ коньякомъ, то и намъ не очень ужъ зазорно... А можетъ, вы другой провіантъ предпочитаете?

— Нѣтъ, благодарю... Я воды...

— Воды! съ ужасомъ повторилъ онъ.

— Да, именно воды!..

— Помилуйте... Вода зимою въ калоши попадетъ, и то скверно... насморкъ-съ. А вы ее вдругъ въ ротъ.

— Ну, ты, валаамова ослица! остановилъ его мой знакомый.—Не остри. Это совсѣмъ не твое дѣло.

— Давайте—грѣхъ пополамъ. Шишучаго.

— Очнись... вѣдь, утро еще...

— А развѣ въ законѣ сказано, что по утрамъ пельзи? Что-то я въ уставахъ этого не читалъ.

Едва удалось отбиться отъ него.

— Я слышалъ, что вы у Буци?

— Да-съ. Сегодня первый урокъ-съ былъ. Онъ мнѣ говоритъ: дай-ка мнѣ ноту. Ну, я, знаете, пасть раскрылъ, да какъ шаркнулъ ему въ рожу въ самую—у насъ такія ноты въ Орлѣ вышибальными зовутся, потому мы ихъ въ рюмку практикуемъ, возьмемъ бем-

саго хрусталою рюмку ко рту, рывнемъ—и стекло даже вдрызгъ... У насъ такіе есть—дьякона, басы, которые мальцовскіе стаканы даже вдрызгъ... Многая лѣта!.. До „лѣта“ даже и не доходить. Отъ одного „многая“ у него въ рукахъ одно донышко остается...

— Хорошъ гусь! не стѣсняясь его присутствіемъ, восхищался приятель.

— Чему ты? удивлялся тотъ.—Точно ты самъ меня выдумалъ.

— Ну, братъ, такого не выдумаешь.

— Ну, что-жъ Буци, когда вы ему „дали ноту“?

— Вскочилъ изъ-за рояля... Что тебя, говоритъ, рѣжутъ что-ли... Ты, что, говоритъ, imbecile... Да, что это значить imbecile?

— Дуракъ...

— Я думалъ—хуже! Ты, что это, говоритъ, imbecile, хочешь, чтобы у меня барабанныя перепонки лопнули...

— Да, вы его какъ же поняли?

— Переводчикъ со мною... У тебя, говоритъ, пушка въ горлѣ... Дальнобойное орудіе—на девять верстъ туза на вылетъ!

— Это все онъ вамъ говорилъ?

— Нѣтъ, про орудіе—это мое. По-нашему, по-орловскому. Вы, какъ полагаете, черезъ шесть мѣсяцевъ онъ меня въ Ромей поставитъ.

— Въ Ромео?

— Вотъ, вотъ. Тебѣ, говоритъ, надо только нѣжности обучиться, а почему же мнѣ, думаю, и не обучиться нѣжности. Нѣжности такъ нѣжности. Тенору нѣжность нужна... Такъ какъ же насчетъ провіанту? Неужели такъ и будете желудокъ водою для насморка промачивать?

— Такъ и буду. Да и вамъ не совѣтую. Какая же у васъ нѣжность будетъ, когда вы коньякъ тянете, точно васъ на водоной привели.

— Это точно-съ. Басу можно, а намъ, тенорамъ, нельзя. Но я напоследокъ. Съ завтраго—шабашъ, шабашъ-матрешка!

— Увидимъ!..

— Сказалъ слѣпой!

— Не остри, тебѣ говорятъ. Вѣдь, ужъ назвалъ же тебя твой же профессоръ дуракомъ.

— Это онъ такъ... отъ удовольствія... ласково... Потому я, дѣйствительно, оглушить могу. Особенно кому съ непривычки. Мы въ Мценскомъ уѣздѣ, ты знаешь, какъ пѣли.

— Ну?

— Подъ колокола!

— Чего?

— Подъ колокола... Взойдемъ на колокольню... Гдѣ большой колоколь... Вдаримъ языкомъ—а очередной въ это время *ре* всей своей прорвой беретъ, и чтобъ скрозь колоколь слышно было.

— Не врешь?

— Я, братъ, врать не могу.

— Почему?

— Врать тоже умъ нуженъ. Сразу-то не соврешь—выдумка требуется.

— Какъ тебя, такую орясину, отецъ отпустилъ?

— Какъ же не отпустить, когда во мнѣ Мазини съ Гайаромъ сидятъ...

— Гдѣ?

— Внутри. Опять же папенка меня хорошо знаетъ. Я, братъ, своего ума,—у насъ, вѣдь, свой коммерческій умъ,—никогда не теряю. Опять же онъ, отецъ, тоже пѣние любитъ. Мы всегда въ Москву ѣздимъ, въ оперу—слушать... И расчетъ-съ. У насъ въ Орлѣ отлично знаютъ, что дѣло доходное... Мазини вотъ раскрылъ ротъ—сейчасъ ему двѣ тысячи рублей пожалуйста, раскрылъ другой—еще.

— Какъ другой? Развѣ у Мазини два рта?

— Плати мнѣ по двѣ тысячи—такъ я тебѣ и третій найду.

— Вотъ бы вамъ съ д'Анчуткиной познакомиться! засмѣлся я.

— Какая это будетъ д'Анчуткина? Дарья Степановна?

— Да!

— Генеральская дочь?

— Вы ее знаете?

— Дѣвица достойная... Мы въ Россіи у одной отставной пѣвицы съ нею учились, у Филатовой... Глинкинского обученія пѣвица. Ее въ Японіи монархи одобряли... Дѣвица достойная, Анчуткина. Я и панашу ихняго знаю — иптендантскій генераль, съ краснымъ лапласомъ. Ну, точно что у Дарьи Степановны и голосъ... Красота-съ—а не голосъ... Водопроводъ! Такъ и бьетъ. Если бы намъ съ ней унисончикъ — ну, такъ надо говорить дѣло, каргечью бы всю публику размело.

— Вы побывайте у нея. Она будетъ рада.

— Какъ же не побывать! Первымъ долгомъ. У нашихъ отцовъ—дѣла общія. Поставки. Отлично они на подметкахъ сошлись. Друзья первые теперь—не разольешь. Онъ тоже хотя и генераль, а ариметику отлично знаетъ, ну, а панаша, извѣстно, человекъ коммерческій. Онъ къ такимъ съ особеннымъ уваженіемъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете здѣсь выступить?

— А то какъ?

— Что вамъ за охота, не понимаю — человекъ вы богатый...

— Да, вѣдь, и это дѣло не бѣдное. Опять же чувствую въ себѣ восторгъ. Вы какъ полагаете, я ужъ въ концертахъ себя пробовалъ.

— Ну!

— Ей Богу! Въ Ливны мы ѣздили, въ Амценскъ... Въ пользу духовныхъ дѣвицъ.

И замѣтивъ наше недоумѣніе, онъ пояснилъ.

— Дьяконскія и дьячковскія дочери — для коихъ пріюты—пу, такъ на эти пріюты. И даже съ настоящими артистами, съ театральными. Съ куплетами артисты были, вотъ какіе. Одинъ въ дамскомъ платьѣ, на манеръ отставной чиновницы, шесть бисовъ у него было. Особенно, какъ онъ сталъ на кофейной гушѣ гадать.

— А вы что же пѣли?

— Я—арію Финна изъ... „Русалки“.

— Вотъ вы какъ!..

— А что же вы думали! Саногамы не утираемся. Это я съ вина такой себѣ ликъ набутылилъ. А вотъ дайте малость очухаться, мы вамъ такія манеры покажемъ. Съ вина-то всякій дурачкомъ становится...

— Такъ что-жъ вы пьете?

— Какъ же не пить... На чужой сторонѣ — сирота-сиротой.

— Казанская ты сирота, вотъ какая...

— Сбѣзжу къ Дарьѣ Степановнѣ, приложусь къ ручкѣ ейной маманки, и кончено. Окромя легкихъ винъ — никакой ереси. Кіанти здѣсь сказываютъ хороши. Ну, вотъ, я на него и сяду. У старика Ронкони стану игрѣ обучаться,—тѣлдвиженію. У Карони—фехтованью; потому въ оперѣ, то и дѣло, приходится при шагѣ. Военныя роли!

— Въ чемъ же вы дебютировать хотите?

— Я къ „Пророку“ склонность чувствую. Потому величественно: одѣяніе длинное, на манеръ архіерея, ну, и все-таки полководецъ, и голосу можно дать просторъ — какъ изъ трубы пустить. Фаусту, на примѣръ, пѣжность требуется. Профессоръ нашъ общалъ меня въ пять мѣсяцевъ пѣжности обучить... Но только не знаю... Къ нашему лику подойдетъ-ли пѣжность. Въ „Пророкѣ“ и игры меньше — стой во фронтѣ и ори, сколько влѣзетъ... Какъ изъ пушки въ публику пали, потому Пророкъ не даромъ воинственнымъ зовется — онъ долженъ на страхъ врагамъ пѣть... Ахъ, какіе у насъ въ Орлѣ безподобныя пѣвцы есть! Такіе, я вамъ скажу,—только что ихъ не знаетъ никто, а то боль-

шихъ денегъ стоятъ. На примѣръ, Селифонтовъ — онъ купеческой природы. Какъ вы думаете, онъ, вѣдь, разъ нижней октавой роженицу убилъ.

— Что?

— Роженицу. Шли они, послѣ хорошаго обѣда, въ фурорномъ видѣ, мимо деревяннаго дома одного, гдѣ роженица лежала. Ну, онъ, не зная этого, говоритъ: я вамъ покажу, какое нижнее *mi* бываетъ. Да какъ дасть его—роженница и сорвисъ со страху... И готова, и младенецъ тоже проналъ... Да, у насъ есть голоса. Колокольни съ мясомъ изъ земли выворачиваютъ.

— Ну, ты, братъ, того... Чортики еще тебѣ не представляются?

— Я свой предѣлъ знаю... У меня такъ—ней, пока въ глазахъ красное не замелькаетъ.

— Ступай-ка ты домой спать... Не хорошо... Еще, чего добраго, въ газетахъ тебя опишутъ.

— По-итальянски?

— Да.

— Наплевать. А домой я пойду, потому что къ вечернему уроку надо въ себя придти. Сейчасъ башку подъ крапъ—ней!.. А потомъ сельтерской шипучки внутрь, для промыву,—и въ постель спать.

— И ничего?..

— Ни въ одномъ глазѣ... Какъ оштукатуренный... Вотъ что, у меня такая фантазія—на послѣдокъ пуншу.

— Вставай, вставай... Нечего.

Каркадиловъ всталъ покорно. У него, вообще, задору было мало, хотя купеческая складка сказывалась, но достаточно было одного слова, чтобы онъ стихалъ и покорно далъ себя вести.

— Мнѣ все равно куда! говорилъ онъ. — Хотъ въ конюшню меня ставъ, хотъ на убой веди. Я согласный. Меня и маманка за тишину мою любила.

Такъ и теперь, когда, переваливаясь, онъ шелъ между нами, навстрѣчу намъ попался одинъ агентъ. Мой пріятель озлился при одномъ его видѣ.

— Видите вы этого подлнца! Два раза меня надулъ. Ангажементъ общалъ и деньги взялъ—и ничего. Взялъ да съ другимъ заключилъ условіе.

— Этоть? вступился вдругъ Каркадиловъ.

— Да.

— Хочешь я ему сейчасъ въ морду дамъ.

И онъ, было, уже направился къ нему.

— Оставь, оставь... Брось...

— Ну, твое дѣло... Не хочешь—такъ не хочешь... Да, вотъ что, братцы, тутъ кварталъ есть?

— Есть.

— И мировой есть...

— Ну, братъ, здѣсь еще похуже мировыхъ...

— Что-жъ толковали, горестно изумился онъ,—образованная Европа! А точно и въ нашей дикости и кварталы, и судьи. Разницы-то анъ и нѣтъ. Ты подумай, я сюда ѣхалъ, и такое у меня мечтаніе было, что цѣлый годъ квартала и въ глаза не увижу.

— Чудакъ человекъ, ты самъ посуди: ну, какъ тебя безъ квартала оставить.

— Точно... Надо говорить правду... Нельзя! А только грустно. Образованная заграница—а все по-нашему, по-сѣрому. А откупиться здѣсь можно?

— Нѣтъ...

— Значитъ, надо себя на деликатной ногѣ вести. Какъ въ первыхъ домахъ?

— Вотъ именно.

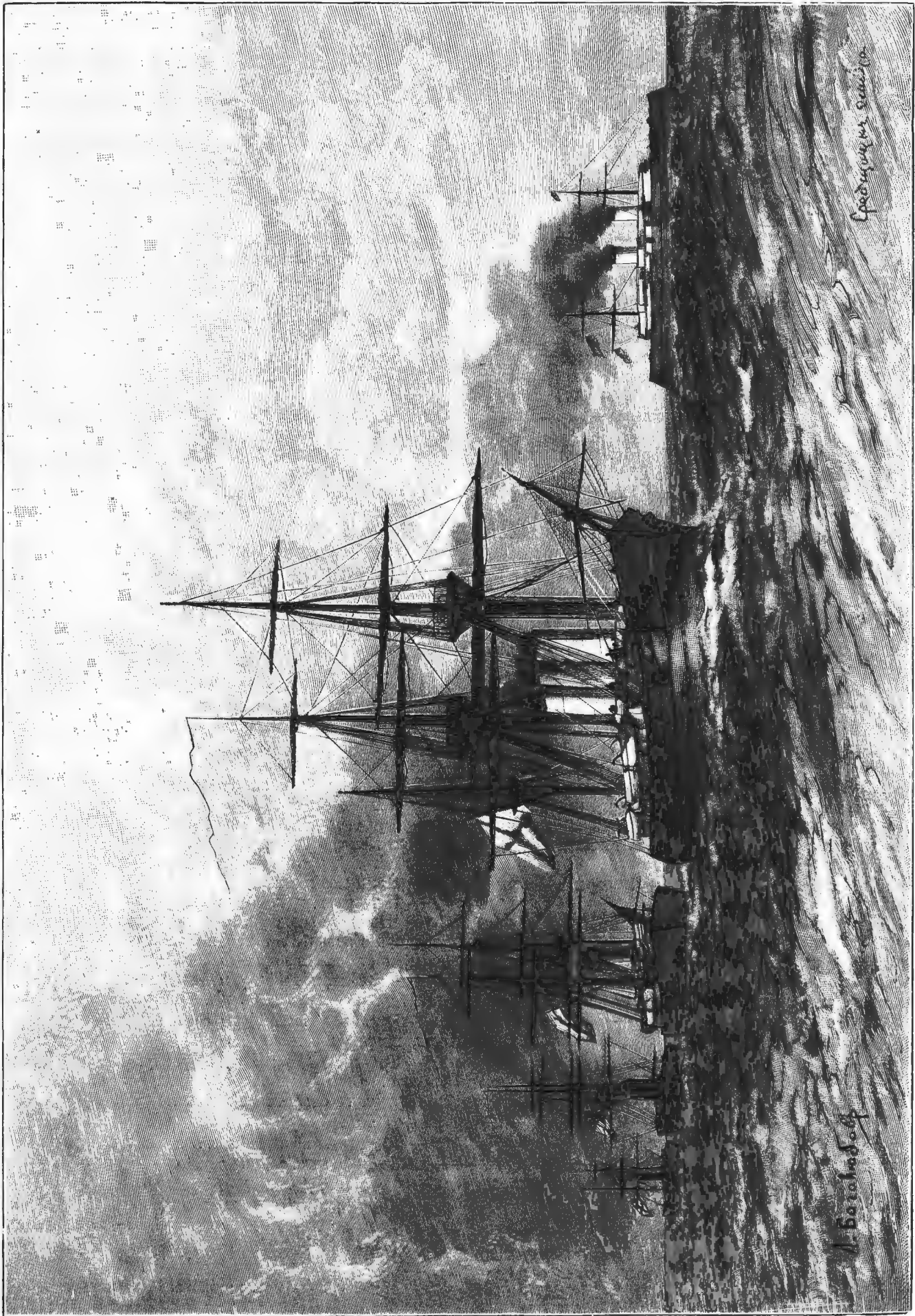
— Такъ и запишемъ въ поминанье... Я, вѣдь, самъ этого бою не люблю—а при случаѣ... Для пріятелей больше.

Мы его довели до дому.

— Переводчикъ мой пришелъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь, ждетъ.

— Подавай его сюда. Вотъ-съ, рекомендую. Безъ

Средиземная эскадра на пути изъ Аяччо въ Пирей. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. А. Боголюбова, грав. Рашевскій.

Тяжелый шагъ. Съ карт. К. Шиллера, грав. Пэне.

него я проналъ. На пяти языкахъ ругаться можетъ. Гимназистъ изъ евреевъ.

— Не изъ евреевъ, а изъ нѣмцевъ.

— И врешь... И чего ты только боишься. По нашей, по Орловской губерніи, еврей—первый человекъ. Безъ еврея намъ бы пропадать. Въ Ельцѣ народъ съ голодудохъ. Кулачки наши ловко его изводили, ну, а понаѣхали еврей, пошла конкуренція — ожили люди и стали Бога благодарить. Тоже пѣть будетъ учиться.

— У васъ есть голосъ?

— Баритонъ. И у Буци... я въ Россіи четыре года учился, теперь съ профессоромъ прохожу игру и партію.

— Держите вы, пожалуйста, Каркадилова въ строгости...

— Я уже и то стараюсь... Если бы онъ не пилъ—золото—человѣкъ бы былъ.

— Говорятъ тебѣ, зарокъ даю... съ завтрашняго дня полировать себя стану, а черезъ недѣлю Дарьѣ Степановнѣ визитъ—получайте де орловскаго первой гильдіи кунечскаго сына и тенора.

— Ну, подумайте, пожалуйста, обратился ко мнѣ мой приятель, когда мы разстались съ Каркадиловымъ, — зачѣмъ сюда прѣзжаютъ такіе... Чтò имъ дѣлать здѣсь?.. Вѣдь, уснѣха онъ не можетъ имѣть. Эта голодная стая итальянскихъ профессоровъ шнія обереть его, заставитъ потомъ освистать гдѣ-нибудь на маленькомъ театрикѣ и выкинетъ вонъ, какъ падаль. Не правда-ли? А, вѣдь, такіе сюда все чаще и чаще наѣзжаютъ. Эка невидаль, кричатъ. Вотъ у одного извѣстнаго пѣвца и голоса нѣтъ — а какую карьеру дѣлаетъ. Великій магъ и волшебникъ, умѣвший все загинотизировать, и публику; всѣ кричатъ: „ахъ, ахъ — божественно!“ Особенно дамы... Я не говорю — въ Италію слѣдуетъ ѣздить — только не учиться. Учиться здѣсь не у кого. Все измошенничалось, изолгалось. Получше профессора — всѣ выѣхали во Францію, въ Австрію, въ Германію, въ Англію. Учись дома — а сюда прѣзжай готовымъ пѣвцомъ — пѣть на сценѣ! Это такъ! У насъ негдѣ, да и нашу русскую сцену иностранцы заполняютъ. А тутъ сотни театровъ... Иной хоть маленький театр — сейчасъ тебя и поймутъ, и оцѣнятъ. И школа хорошая — итальянская публика... Она тебѣ ничего не проститъ — но за то и все хорошее у тебя отмѣтитъ. Вчера Баттистини пѣлъ. Вѣдь, общій любимецъ, а сорвался у него голосъ — Господи, какой свистъ пошелъ. Сверху до низу — заурлакали, заорали на него. Черезъ минуту, великолѣпно снѣлъ онъ арію — тотъ же энтузіазмъ. Это я понимаю — не то что у насъ: пролаялъ по-собачьи всю арію, а подъ конецъ далъ красивую верхнюю ноту, и сейчасъ публика въ восторгѣ, и психонатки танецъ св. Витта отплясываютъ, и бисъ, и вѣнки... Понравится разъ — а потомъ хоть бѣлугой вой — все равно. Все спуститъ, все проститъ. Это не публика, а стадо... Съ этойкой ничему и никогда, — и первое: строгости къ самому себѣ — не научишься. Прямо нужно говорить: глупая! Былъ я на представленіяхъ Шевалье въ Москвѣ — можете себѣ представить, въ какіе онъ ха-дѣзы и ща-беомоли залеталъ. Ничего. Дѣвицы бѣлыми платочками машутъ, бисъ... благодаримъ покорно. Попадаю я въ Марсель, и тотъ же Шевалье тамъ... Только онъ сорвался — Господи! столпотвореніе вавилонское! Я думалъ, отъ театра и хвоста не останется! Нѣтъ, у насъ что, у насъ народъ дуракъ, дѣйствительно...

V.

Послѣ этого прошло мѣсяца два, и мы только мелькомъ встрѣчали д'Анчуткину и ея мамашу. Они куда-то торопились все, сломя голову. Мы ихъ заставляли всегда на бѣгу, растрепанными, занятыми. Останавливались онѣ перевести духъ, роняли двѣ-три фразы, и опять

уносились въ пространство. Очевидно, у нихъ не было ни минуты времени. Бывало, удержишь Дарью Степановну.

— Куда вы?

— Ахъ, некогда.

— Что-нибудь сдѣлала для васъ Лукка?

— Представьте, какая мерзавка, я, было, кончила съ однимъ импрессарио, онъ представилъ ей списокъ артистовъ — а она, подлая, взяла да и вычеркнула меня... Простите, мнѣ нѣкогда... Тороплюсь въ агентство.

— Къ кому?

— Къ Брозовичу... Онъ хоть и изъ лакеевъ, но у него хорошіе театры.

И исчезала на поворотѣ въ улицу все съ тою же неизмѣнною мамашей, съ лица которой не сходило смятеніе. Она, эта старушка, даже когда и не говорила, то дѣлала движенія, изображавшія, что ей куда-то ужасно нужно и очень быстро, сейчасъ, сію минуту, сіе мгновеніе. Въ этомъ отношеніи она мнѣ очень напоминала московскихъ извозчиковъ, у которыхъ если затрепанная и ошалѣлая лохматая кобылка едва-едва плетется, то они дѣлаютъ такіе жесты, такъ подпрыгиваютъ на козлахъ, такъ машутъ руками и ногами, такъ выпячиваютъ шею впередъ и головой дергаютъ — какъ будто хотятъ сообщить голодному коню невѣроятную быстроту.

Спустя недѣлю послѣ этой встрѣчи я наткнулся на д'Анчуткину въ Галлерей Витторіо-Эмануэло. На этотъ разъ кромѣ мамаша за нею слѣдовалъ и теноръ Каркадиловъ.

— Поздравьте! радостно накинулась на меня Дарья Степановна.

— Съ чѣмъ прикажете?

— Кажется, дѣло устроилось. Фаворитку пѣть.

— Подписали контрактъ?

— Нѣтъ... Но агентъ былъ!

— И деньги взяли! успокоенномъ тономъ закончила мамаша. Все де въ порядкѣ.

— Ахъ, некогда! И Дарья понеслась впередъ.

Каркадиловъ тоже, было, за ней, потомъ вдругъ обернулся, схватилъ меня за руку.

— Какіе таланты! съ нѣкоторымъ даже ужасомъ воскликнулъ онъ.

— У кого?

— У нея и у меня!..

— Кто вамъ, душенька, сказалъ?

— Агентъ этотъ самый.

— Значитъ, и съ васъ онъ деньги взялъ?

— Какъ-же... Извѣстно, взялъ.

— Да, вѣдь, вы пока еще ничего пѣть не собираетесь?

— Что-жъ, что не собираюсь.

— За что-же онъ съ васъ взялъ?..

— Такъ... по дорогѣ... А я — нынче безъ провіанту.

— Я васъ не понимаю.

— Кромѣ кіанти — ни-ни. Ишь ликъ какъ отлакировался.

Лицо у него, дѣйствительно, стало спадать, но насколько не дѣлалось отъ этого выразительнѣе.

— Какіе таланты! еще разъ изумился онъ и бѣгомъ кинулся догонять своихъ, замѣтивъ, что изъ входа въ Галлерей матушка д'Анчуткиной машетъ ему и зонтикомъ, и потами, и головою киваетъ.

Черезъ недѣлю д'Анчуткина, уже подъ руку съ Каркадиловымъ, сбила меня съ ногъ на Via Durante.

— Куда вы! едва очнулся я.

— Къ агенту д'Ормевилю.

— А тотъ вашъ агентъ?

— Какъ деньги взялъ — съ тѣхъ поръ не показывался.

— Не беспокойтесь, Дарья Степановна, я при первой встрѣчѣ ему въ морду! утѣшалъ ее спутникъ.

— Пожалуйста, будьте такъ добры, Николай Ивановичъ.

— Это намъ ничего не стоитъ.

— А ваша мама?

— Третій день въ постели лежитъ—ногу вывихнула.

— Вотъ тебѣ и на!

— Увидѣла издали агента этого самаго и съ трамвая на всемъ скаку за нимъ вылетѣла. Ну, нога и подвернулась. Только доктора говорятъ—ничего опаснаго. Ахъ, некогда... Ахъ, опоздаемъ... Прощайте—прощайте!

И опять клыки впередъ, хвостъ на отлетъ и въ пространство—точно со слѣбу.

Прошло еще нѣсколько дней. Сажу у Биффи... Вдругъ на меня прямо она уже съ мамашей.

— Кажется, улаживается.

— Н-ну!

— Ей Богу... Вчера новый агентъ былъ... Въ Санъ-Ремо... „Сидя“ пѣть... Я—Химену.

— Не врать?

— Нѣтъ, помилуйте—деньги взять.

— Надуетъ, какъ тотъ.

— Этотъ?.. Этотъ честный человекъ. Руки все сидѣлъ мнѣ пѣловалъ. У васъ, говорить, такой талантъ, какихъ въ Италіи и не бывало.

— Поздравляю.

— Ждала, ждала—по крайней мѣрѣ, на хорошее попала...

— Этотъ агентъ съ орденомъ! вдругъ вмѣшалась мамаша.—Онъ тоже изъ дворяновъ, сказывается.

— Вѣрно, врать.

— Помилуйте, ему нельзя врать, у него отецъ гарибальдискимъ полковникомъ былъ.

— Мамаша, опоздаемъ!

— Ахъ, прощайте... За пятами нужно. Надо „Сидя“ пѣть.

— Мамаша, пора...

— Ахъ, сейчасъ, сію минуту.

И точно ихъ ураганомъ смело... Смотрю, черезъ двѣ минуты по тому же направленію летитъ Каркадиловъ, весь въ поту, размотавшійся, запылавшійся.

— Были? на бѣгу оретъ онъ мнѣ.

— Гдѣ...

— Здѣсь?

— Да кто?

— Онъ самья! Дарья Степановна съ мамашей.

— Какъ же, были. За Сидомъ полетѣли.

— Куда?

— Въ Африку...

Онъ даже и не сообразилъ.

— Да я уже купилъ имъ... Вотъ онъ, Сидъ... И роль-то по мнѣ. Геройская роль. И какіе таланты!

— Кто?

— Мы... Вчера опять агентъ говорилъ новый. Всѣ агенты говорятъ: какіе таланты!

— Вы ему опять денегъ дали?

— Далъ. Нельзя же. Потомъ пригодится... Они какъ доктора—даромъ не разговариваютъ. Дѣловые! Ликъ-то у меня спадаетъ.

Дѣйствительно, пуговка носа уже выдвинулась впередъ, а щеки, потерявъ свою выпуклость, уже висѣли, какъ собачьи уши.

— Прощайте, благородный Сидъ Кампеадоръ!

— Прощайте... Какое тамъ въ одномъ мѣстѣ верхнее ребро есть. Ушибить можно проходящаго господина.

Еще черезъ нѣсколько времени влетаетъ къ намъ Дарья.

— Есть у васъ общіе знакомые съ Верди?

— Есть... А вамъ зачѣмъ?

— Хочу съ Николаемъ Ивановичемъ ѣхать къ нему. Чтобы онъ насъ послушалъ.

— А Санъ-Ремо, а Сидъ...

— Негодный агентъ... Представьте, какой честный казался, и съ орденомъ—и вдругъ надулъ.

— Полковничій сынъ еще! съ негодованіемъ аккомпанировала мамаша.

— Ну, да Николай Ивановичъ съ нимъ расправится...

— Верди къ себѣ никого не пускаетъ.

— А если на карточкѣ—la fille du general russe...

— Не поможетъ.

— Ну, такъ я къ Арриго Бойто.

— Онъ уѣхалъ. Въ Парижъ...

— Вы не знаете честнаго агента?

— Честныхъ агентовъ въ Италіи нѣтъ. Они всѣ подлецы. Да присядьте на минуту.

— Ахъ, нѣтъ—некогда. Сейчасъ надо къ Сонцоньо...

— Зачѣмъ?

— Хочу въ Кармень проситься. Если выкрасить волосы—совсѣмъ у меня испанскій типъ. Прощайте.

И вылетѣли обѣ.

Мы уѣзжали изъ Милана, возвращаемся черезъ три мѣсяца—лѣтомъ. Жара, духота—дышать печѣмъ. Намъ оставалось здѣсь пробыть только три дня, чтобы уѣхать затѣмъ на Lago di Como въ Вилла д'Эсте. Пошелъ я въ Галлерю—смотрю, несмотря на пекло, такъ же озабоченно-остервенѣло летитъ подъ руку Дарья Степановна съ Николаемъ Ивановичемъ.

— Теперь уже вѣрно... кричатъ мнѣ издали.

— Что, вѣрно—ангажементъ?

— Да!.. Импрессаріо самъ былъ. Требовалъ насъ...

— Какіе таланты! восторженно вставилъ Каркадиловъ.

— Это онъ сказалъ?

— Да... И деньги взялъ.

— Зачѣмъ? Вѣдь, онъ самъ долженъ вамъ платить.

— На расходы, говорить, нужно. Развѣ съ нимъ можно разговаривать... Онъ, вѣдь, театръ снимаетъ. Какіе таланты! Я уже съ Буци кончилъ. Онъ меня всей итальянской нѣжкости обучилъ. Я ужъ и piano, и mezzavoce—все могу. Какіе таланты!..

И опять, какъ двѣ пули разомъ изъ двустволки, вылетѣли прочь...

Импрессаріо вскорѣ оказался не импрессаріо, а выгнаннымъ секретаремъ изъ какого-то театра. Онъ надулъ д'Анчуткину, какъ ее до сихъ поръ надували агенты. Къ ней приходили, оказывается, и днемъ, и вечеромъ, и раннимъ утромъ, подымали ее съ постели всякія бестіи—одному предлагали взять театръ въ Бреши—и ему недоставало денегъ на телеграмму—Дарья давала; другой показывалъ „депешу“—гдѣ импрессаріо спрашивалъ его—поди узнай, что такое д'Анчуткина. Если хороша—я ее сейчасъ ангажирую пѣть въ Неаполь. Онъ требовалъ за это сто франковъ. Она платила—онъ при ней писалъ телеграмму въ Неаполь: Ancitkina fara le fanatismo! Анчуткина сдѣлаетъ фанатизмъ—чисто итальянское выраженіе. Но потомъ оказывалось, что и этотъ былъ мошенникъ. Разъ къ ней разлетѣлся антрепренеръ. Хотите пѣть въ Бергамо—Фаворитку. Еще бы не хотѣть. Давайте двѣ тысячи франковъ. За первый дебютъ всегда надо платить. Сейчасъ и контрактъ подпишемъ—завтра выѣзжайте въ Бергамо. Черезъ недѣлю—дебютъ. Дуря—не справилась и подписала, и деньги отдала. На другой день собралась и покатила въ Бергамо. Приѣзжаетъ туда—лучшій номеръ въ гостиницѣ взяла,—нельзя же—дива! Летитъ въ театръ, спрашиваетъ импрессаріо. Къ ней выходитъ совсѣмъ незнакомый человекъ... Что вамъ угодно? Я подписала контрактъ съ здѣшнимъ театромъ. Тотъ на нее глаза выпучилъ.—Позвольте, говорить, контрактъ.—Показываетъ. Импрессаріо—я... А такого мы здѣсь и не слышали! Пришлось ей опять назадъ...

— Да какой же вамъ дуракъ говорилъ, что за дебюты платить надо? спрашивали у нея.

Она въ отвѣтъ называла дѣлѣй рядъ имепъ... Эти же платили.

— Глупо дѣлали.

— Безъ этого нельзя.

Въ Галлерей онѣ съ Николаемъ Ивановичемъ скандаль сдѣлали. Налетѣли случайно на фальшиваго импресарио, взявшаго съ нихъ двѣ тысячи. Тотъ—сталъ отпи-

раться. Каркадиловъ вспомнилъ орловскіе нравы и свернулъ ему челюсть. Всѣхъ ихъ потащили въ полицію. Тамъ итальянскій плутъ сталъ отказываться. Я когда де и не видѣлъ этихъ господъ. Стали слычать подлиси—эксперты показали, что эта не имѣетъ никакого сходства съ его почеркомъ. И Каркадилову, и д'Анчуткиной стоило большихъ денегъ потушить это дѣло.

(Продолженіе будетъ).

Воспоминаніе о Ламирскомъ походѣ 1892 г.

Записки очевидца Б. Л. Тагѣева.

(Продолженіе).

Съ разсвѣтомъ выступила рота, захвативъ лишь небольшую часть отряднаго провіанта, и потянулась по сухому мѣстамъ русла рѣки Кокъ-сай, по направленію къ Кизиль-артскому ущелью. Медленно движется длинная вереница сѣрыхъ утолщенныхъ солдатъ, пробирающихся между большими каменными глыбами и поднимающихся вверхъ по Кизиль-артскому ущелью. Это ущелье врѣзывается узкою щелью въ Заалайскій хребетъ, поднимаясь отъ Алайской долины къ перевалу Кизиль-артъ, и затѣмъ съ вышины его снова спускается въ долину рѣки Марканъ-су. Шумы и гѣмъ, бѣжитъ навстрѣчу идущимъ горная рѣчка Кокъ-сай, затѣмъ звывалъ между камнями и утесами, и гѣмъ еще болѣе затрудняя и безъ того не легкое движеніе отряда. Главный отрядъ съ артиллеріей, совлеченнейшей на лошадей, уже прошелъ наканунѣ, что ясно подтверждается оставшимися слѣдами въ видѣ навишихъ лошадей, брошенныхъ вьюковъ и т. д. Чуть проходимаго тропа вьется и круто поднимается вверхъ и, часто пересѣкаемая быстрою рѣкою, представляетъ не малое препятствіе для движущагося обоза и пѣхоты. Съ утра 19-го июня погода была пасмурная, облака спустились почти на землю, и казалось, что вотъ-вотъ коснется ихъ головою. Дорога, благодаря небольшой ширинѣ и нагроможденнымъ всюду камнямъ, была чрезвычайно неудобна, вьюки поминутно задѣвали за большіе обломки скалъ, лежащіе на протяженіи всего пути, обрывались и падали, такъ что бѣдные солдаты положительно выбивались изъ силъ поминутно, перевьючивая лошадей. Часамъ къ восьми поднялся холодный вѣтеръ, облака совершенно спустились на землю, сѣбная крупица стала гуще падать и немилосердно бить въ лицо, по вековѣ повалилъ сначала мелкій, а затѣмъ крупный снѣгъ, закружилась метель, кругомъ не видно ни зги. Спереди, сзади и съ боковъ все бѣло, все несетъ въ какомъ-то фантастически-ужасномъ вихрѣ. Идти приходилось положительно ощупью, наобумъ выбиралъ дорогу. Измокшіе и прозябшіе солдаты, одѣтые по сезону, т. е. июньски, оставляли вьюковъ, стараясь быстрою ходьбою хоть чуть-чуть разогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Поминутно приходилось перебѣгать, по колѣнъ въ водѣ, быстро несущуюся и мѣстами достаточно широкую рѣку, что, конечно, еще больше усугубило и безъ того тяжелый путь; но, несмотря на всю эту непривлекательную и тяжелую обстановку, въ нашемъ солдатѣ сказывался бодрый, свѣжій и неунывающий русскій духъ, тотъ духъ, который руководилъ имъ при переходѣ черезъ Балканы.

Вотъ подъ большимъ камнемъ, прикрывающемъ ихъ немало отъ снѣга и вѣтра, собралась кучка измокшихъ солдатъ, какъ ни въ чемъ не бывало закручиваются „цыгарки“, и вслѣдъ за подбадривающимъ табачнымъ дымкомъ, слышатся солдатскіе разговоры:

— Ну, что, братцы, совѣтъ зинунка-то расейскаля, смотри, все уми затвигло, не то, что въ Маргеланѣ, тамъ, поди, солдаты таперича лежатъ да фруктой разной обжаруются! весело богаеетъ одинъ солдатникъ, выколачивал о каблукъ трубку.

— И не пойму, пра, дядя это насъ повели сюды, кому нужны эти гали (камни)? Пропали они совѣтъ, шнь, сапожники какъ о нихъ, проклятыхъ, размочалили! говоритъ другой, разсматривая свои изорванные и никуда уже не годные сапоги.

Но не долго длится отдыхъ, холодъ прогналъ отдыхавшихъ, а тутъ еще показалась голова обоза. Медленно, какъ будто нехотя, поднимаются со своихъ мѣстъ отдохавшіе и снова безмолвно вѣзутъ впередъ, навстрѣчу разевирѣвшейся стѣнѣ. Какъ ни хотѣлось бы подольше отдохнуть, но положительно нѣтъ физической возможности дѣлать болѣе или менѣе продолжительныя привалы въ такую погоду, когда даже во время ходьбы холодъ пронизываетъ до самыхъ костей, а попадающій за воротникъ снѣгъ, тая, холодными струйками бѣжитъ по спинѣ. Въ виду тяжести пути, переходъ былъ назначенъ не изъ большихъ, — въ 30 верстъ подъ перевалъ Кизиль-артъ. Рота остановилась бивакомъ въ мѣстечкѣ, носимомъ названіе Донъ-Шиверъ, названіе не русское, и не туземное, но, откуда оно взялось — никто не могъ дознаться.

Приблизительно на третей четверти пути, снѣгъ ионемногу сталъ стихать, туманъ разбѣлся, и дорогу было уже возможно различать на довольно большое разстояніе. Люди и обозъ странно растянулись, и кое-гдѣ мелькали между камней вло-

идущіе, измученные солдаты и вьючки, сопровождаемые оборванными керекешами (возчиками). Несчастныя существа эти керекешы, — просто жаль смотрѣть на нихъ, — оборванные, притомъ вѣчно голодные и находящіеся въ полной зависимости отъ своихъ каравайбашей и, конечно, страшно эксплуатируемые ими, такъ что къ окончанію похода нѣкоторые изъ нихъ превращались просто въ шичихъ. Съ какою грустью и отчаяніемъ приходили многіе изъ нихъ къ офицерамъ, заявляя плачевнымъ тономъ: „тюра, тюра алаина кунчалъ!“ т. е., что лошадь, не вынесши тяжести вьюка, пала. Часто приходилось слышать такія восклицанія, но кому же какое дѣло до чужого горя? Стало яснѣе, кругомъ все заглохло бѣлою сѣбною пеленою, какъ бы накрыто одною сплошною скатертью, и благодаря этому, и безъ того мертвый пейзажъ получалъ видъ еще болѣе грустный и удручающій.

Пасмурны и недовольны лица у идущихъ солдатъ, какъ-то апатично переставляютъ ноги лошади, и у каждого на лицѣ можно прочесть одну мечту, одно лишь скромное желаніе, — лечь и отдохнуть. Но скоро-скоро желаніе всѣхъ осуществится, еще только полчаса ходьбы — и бивакъ...

Кто не бывалъ въ походахъ, а особенно, въ горныхъ, тотъ не можетъ понять того восторга и прелести, какіе доставляетъ усталому, измученному человѣку голубая струйка дыма бивачной кухни, весело поднимающаяся змѣйкой къ облакамъ.

Будь солдатъ изнеможенъ до самой послѣдней ступени, онъ оживетъ, силы его возобновятся, какъ только онъ здѣлалъ увидитъ этотъ соблазнительный бивачный дымокъ. Но не только люди приободряются, даже лошади, ощущая запахъ бивака, и тѣ радостно ржутъ и рвутся изъ-подъ своихъ тяжелыхъ и неудобныхъ вьюковъ. Показался дымокъ. „Бивакъ!“ раздается крикъ замѣтившихъ его. — „Бивакъ!“ разносится радостное извѣстіе во всѣхъ концахъ растянувшейся роты, и всѣ, напругая послѣднія силы, стараются преодолѣть возможно скорѣе небольшое разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ желанной дѣли. — Уже около кухоннаго котла сгруппировалась кучка подошедшихъ погрѣться солдатъ, ружья составлены въ козла, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ подхода людей.

Кухонная прислуга, пришедшая равнѣе, кое-какъ разожгла огонь и поставила палатку, куда забралась, въ ожиданіи своихъ вьюковъ, офицеры. Снѣгъ падалъ, хотя и не такъ сильно; вѣтра не было, но, вѣтеръ съ тѣмъ, не было и топлива. Подошедшіе люди были посланы собирать кизякъ, котораго было очень мало, да и тотъ намочъ и не горѣлъ. Уже подобралось порядочно народу, но обоза, конвой его и зввода, бывшаго въ аррьергардѣ, нѣтъ. Сидятъ люди подъ открытымъ небомъ, терпѣливо ждутъ своихъ незатѣйливыхъ складныхъ походныхъ хоровъ, а снѣгъ все сыплется, да сыплется. Спусти четыре часа послѣ прихода авангарда, подошелъ, наконецъ, и обозъ съ промокшими подстилочными кошками, палатками и разными солдатскими вещами. Палатки нѣмного застрѣли на бѣломъ, снѣжномъ фонѣ, и прозябшіе солдаты стали, было, грѣть воду въ манеркахъ, но мокрый кизякъ не горѣлъ; такъ и пришлось лечь, не согрѣвшись чайкомъ...

„Хотя бы водочки выдали“, ворчали солдаты, кутаясь въ мокрый тудунъ и лежа на сырой кошкѣ, подъ промокшими палатками, немилосердно стуча зубами отъ холода; но командиръ роты не любилъ „баловать солдатъ“, а поэтому водка выдана не была, а супъ съ совѣтъ недоставленнымъ мясомъ носилъ къ первому часу ночи, и, конечно, разоснавшіеся люди такъ его и не поѣли, и онъ былъ выдѣтъ изъ котловъ совьючившейся съ разсвѣтомъ кухни. Никогда еще такъ скоро не были стюкованы вещи и навьючены лошади, какъ на слѣдующее утро; къ тому же погода прояснилась, и просвѣживало даже голубое небо; удалось согрѣть и чайники.

Какими вкусными показались на сей разъ черствые сухари съ чаемъ, сильно нахнувшимъ дымомъ и съ плавающимъ соромъ, съ какимъ наслажденіемъ пили его всѣ, и даже офицеры. Раздалась команда „въ ружье!“ и рота снова тронулась, круто поднимаясь на перевалъ Кизиль-артъ. Тяжело дышится на высотѣ въ четырнадцать тысячъ футовъ, часто приходится останавливаться и, запылавшись, захватывать разрѣженный воздухъ полною грудью. Круто поднимается узенькая тропа, заваленная камнями; справа обрывъ, на днѣ котораго бѣжитъ рѣчка Кокъ-сай. Перевалъ пскрываетъ снѣгомъ, кругомъ ни дерева, ни кусточка — все сѣро, пустынно и мрачно. Часто

Стрѣлокъ изъ лука. Мраморная статуя Г. Эберлейна, грав. Фельдвельгъ.

попадаютъ, то съ правой, то съ лѣвой стороны дороги, трупы лошадей прошедшаго наканунѣ отряда, а также совершенно негнѣвные остовы лошадей, верблюдовъ и разныхъ животныхъ. Вышка перевала значительно поднимается надъ окрестными вершинами и чудный видъ представляется глазамъ: съ боковъ сѣдыя снѣжныя горы угрюмо и мрачно стоятъ у подножья перевала, а спереди крутой обрывъ, въ концѣ котораго виднѣется долина рѣки Марканъ-су. Вы, видя себя выше окружающихъ вершинъ, невольно радуется въ душѣ, что забрался такъ высоко, выше облаковъ, въ горы которыхъ еще вчера проходили.

На вышкѣ перевала (14,300 ф.) сдѣлали привалъ, задымилъ съ цыгарки и трубки, и вчерашняго настроенія какъ не бывало: всѣ веселы, шутятъ, и даже кто-то, было, затянулъ пѣсню, но, не встрѣтивъ, однако, сочувствія, оборвалъ ее и замолкъ...

„Ну, что, отдохнули братцы?“ спрашиваетъ подѣхавшій офицеръ.—„Еще бы маленько, ваше благородіе“, какъ сговорившись, отвѣчаютъ солдаты.—„Ну, садись!“ И самъ онъ слѣзаетъ съ лошади и садится на камень. Спускъ въ долину рѣки Марканъ-су довольно крутъ и извилистъ, но подѣ-гору идти не то, что въ гору, а потому чуть не бѣгомъ спускаются солдаты, переговаривая одинъ другому, и въ бродъ перейдя рѣку Марканъ-су, идутъ по глубокому песку, вдоль но широкому ущелью, окаймленному невысокими, покрытыми снѣгомъ, горами. Тяжело было идти, послѣ труднаго перевала, но рых-

лой несчадной дорогѣ, а тутъ вскорѣ подулъ встрѣчный вѣтеръ, поднимавшій дѣлмя облака пыли.

По дорогѣ поминутно попадались отдыхающіе солдаты, грустно сидящіе, безъ обычной болтовни, протирая отъ пыли глаза и уши. Воды не было—рѣчка осталась позади. Вотъ одинъ тѣдешный, выбившійся изъ силъ, солдатикъ захватился за болтающійся конецъ вьючной веревки и машинально переступаетъ ногами, буксирный лошадью, и не замѣчаетъ, какъ та, прижимая уши и скаля зубы, намѣревается улягнуть его, чтобы отдѣлаться отъ лишняго груза; но вьюкъ не даетъ ей привести въ исполненіе своего намѣренія, и животное, въ безспѣшной злобѣ, покоряется своей участи. „А что, землякъ, усталъ?“ раздается веселый голосъ казака, сопровождающаго транспорты,—„садись ко мнѣ!“ И онъ, сдвигаясь на крупъ лошади, сажаетъ солдатика на сѣдло. Еще верстъ шесть ущельемъ, затѣмъ поворотъ вправо, и глазамъ вашимъ представляется огромная равнина, окруженная совершенно бѣлыми козыкомъ снѣжныхъ горъ, а среди него, верстахъ въ десяти отъ васъ, блеститъ большое озеро Кара-Куль, на южной сторонѣ котораго завтрашняя стоянка отряда. „Ну, ребята, завтра мы, значитъ, на самую эфту Памиру зайдемъ, самъ слышалъ—ротный господамъ сказывалъ“, сообщаетъ солдатъ собравшейся кучкѣ людей, и всѣ довольны, что, наконецъ, добрался до Памира, но никто и не думаетъ о томъ, сколько ему еще предстоитъ впереди перетерпѣть и погулять по этой каменной горной пустынѣ.

(Продолженіе будетъ).

На кливерѣ.

Рассказъ Гергарда Бозра.

I.

Лѣтомъ 1888 г. въ африканскомъ портовомъ городѣ Бананѣ, въ устьяхъ р. Конго, стояло грузовое паровое судно, „Жанъ Мѣренторфъ“ изъ Антверпена. Судно грузилось „копра“—плодами пальмоваго дерева, высоко цѣнимыми въ Европѣ и употребляемыми для добыванія изъ нихъ пальмоваго масла. „Жанъ Мѣренторфъ“ могъ идти подѣ парами и подѣ парусами. Онъ совершалъ непрерывно рейсы между Антверпеномъ и берегами Конго. Капитанъ его Аппельманъ часто, шутя, сравнивалъ себя съ кучеромъ навозчиковъ дрожжекъ, совершающимъ постоянно одинъ и тотъ же туръ.

Съ Аппельманомъ я успѣлъ подружиться во время его пятинедѣльнаго пребыванія въ Бананѣ. Я рѣшилъ вернуться въ Европу на его суднѣ. Три года прослужилъ я въ одной факторіи въ Конго и никакъ не могъ побороть вредно влияющаго на меня тамошняго климата. Къ счастью, я вскорѣ могъ избраться изъ губительной Бананы далѣе въ глубь страны, въ Боту, а затѣмъ еще выше къ Стенлиполю. Кое-какъ перенесъ я нѣсколько припадковъ лихорадки, и затѣмъ началъ приходить въ себя. Вдругъ случился умереть въ Бананѣ одному изъ представителей нашей факторіи, и я былъ призванъ на его мѣсто. Ну, и намучился же я за эти шесть мѣсяцевъ. Здоровье мое дошло до того, что врачи наотрѣзъ запретили мнѣ тамъ оставаться и предписали предпринять морское путешествіе въ Европу, да ксати и пробить тамъ до тѣхъ поръ, пока я совершенно не поправлюсь. Я рѣшился не ждать слѣдующаго срочнаго почтового-пассажирскаго парохода, а воспользоваться для своей цѣли судномъ „Жанъ Мѣренторфъ“. Главнымъ для меня средствомъ лѣченія былъ морской воздухъ—приступы лихорадки ослабѣваютъ уже съ первыхъ дней пребыванія въ открытомъ морѣ,—и съ этой точки зрѣнія „Жанъ Мѣренторфъ“ былъ для меня гораздо удобнѣе, чѣмъ душной, переполненный пассажирами почтовый пароходъ.

Я былъ единственнымъ пассажиръ на суднѣ. Впрочемъ, вповалъ, былъ еще одинъ, правда, попавшій сюда не по своей волѣ. Это была огромная горилла. Она была предназначена однимъ чиновникомъ въ факторіи въ даръ зоологическому саду въ Антверпенѣ и передана капитану для доставки. Это дикое, страшно сильное, все обросшее темно-коричневыми волосами существо помѣщалось на палубѣ въ крѣпкой, прочной деревянной клеткѣ.

Матросы очень занимались гориллой, кормили ее и ожидали разныхъ забавъ съ нею, въ теченіе ихъ продолжительнаго плаванія.

II.

„Жанъ Мѣренторфъ“ былъ готовъ къ отплытію. Утромъ, чуть свѣтъ, рѣшено было сняться съ якоря. Я со своими вещами явился на бортъ судна уже наканунѣ послѣ обѣда и успѣлъ отлично устроиться. Капитанъ Аппельманъ отдалъ въ мое распоряженіе маленькое помѣщеніе около своей каюты. Онъ любезно увѣрялъ меня, что мнѣ въ моей „каютѣ“ придется только спать, а весь день я могу быть у него, въ его свободной каютѣ. Но мнѣ почти не приходилось пользоваться его любезностью,—помня предписанія и совѣты врачей, большую часть времени проводилъ я на палубѣ, жадно вдыхая свѣжій, чистый морской воздухъ.

Экипажъ судна, кромѣ капитана, штурмана, машиниста и нѣсколькихъ кочеваровъ, состоялъ изъ двѣнадцати матросовъ, все фландрійцевъ и валлоновъ. Только поваръ Элиасенъ былъ

датчанинъ. Старикъ Элиасенъ, какъ мнѣ уже успѣлъ рассказать капитанъ, жилъ сильно не въ ладахъ съ матросами. Тѣ увѣряли, что онъ очень небрежно готовитъ, портитъ кушанье и урѣзаетъ имъ порціи. Ежедневно были на него жалобы отъ матросовъ.

На разсвѣтѣ проснулся я отъ страннаго шума на палубѣ. Поднимали якорь. Рѣзко визжали цѣпи у борта... Скоро послышались мѣрные удары винта,—судно начало двигаться.

Пока я взобрался на палубу, мы уже успѣли порядкомъ отойти отъ берега. Судно обмѣнивалось еще прощальными сигналами съ Бананой. Экипажъ былъ занятъ мытьемъ палубы, сильно загрязненной отъ подъема якоря. Наступилъ, наконецъ, часъ завтрака. Но съ кухни все еще не звали за получениемъ полагающагося утренняго кофе. Штурманъ, имѣвшій также контры съ поваромъ, не дождавшись, самъ пошелъ на кухню. Котелъ для варки кофе висѣлъ, дѣйствительно, надъ огнемъ, но поvara не было. Онъ повѣстивъ о своемъ открытіи капитана. Тотъ отчаянно, но морскому обычаю, выругалъ поvara за то, что тотъ уже съ самаго отплытія, съ такой ранн, пализая и лежачъ гдѣ-нибудь смертельно пьяный.

Упустилъ некая Элиасена, но тѣтено. Никакихъ слѣдовъ. А между тѣмъ, несомнѣнно, онъ долженъ былъ быть на суднѣ. Штурманъ самъ видѣлъ поvara утромъ рано, какъ онъ раскладывалъ огонь на кухнѣ. Съ борта судна на берегъ никто отправиться не могъ, такъ какъ „Жанъ Мѣренторфъ“ стоялъ далеко отъ берега Конго, на рейдѣ, и сношенія съ берегомъ проходили только на лодкахъ. Проплыть отъ судна къ берегу тоже нельзя было, такъ какъ въ бухтѣ кишѣла масса крокодиловъ, нападавшихъ даже на лодки съ ѣздившими на берегъ матросами. Между тѣмъ всѣми было удостовѣрено, что ни при отплытіи судна, ни незадолго до этого никакой лодки видно не было. Пришлось прийти къ заключенію, что Элиасенъ лежитъ гдѣ-нибудь на суднѣ, или же съ нимъ случилось несчастіе.

Капитанъ былъ очень взволнованъ этимъ, и я вызвался ему въ помощники для розысковъ Элиасена. Я предложилъ допросить весь экипажъ, каждого отдѣльно, кто и когда видѣлъ Элиасена въ послѣдній разъ. Капитанъ, суевѣрный, какъ и всѣ моряки, считалъ эту исторію съ поваромъ за худое предзнаменованіе для нашего плаванія. Вернуться въ Банану за новымъ поваромъ уже нельзя было, и матросъ Шнелертъ, по-неволѣ, заступилъ мѣсто Элиасена.

Я призывалъ къ себѣ въ каюту по одиночкѣ всѣхъ изъ экипажа для допроса. Восемь человекъ, помимо штурмана, видѣли утромъ поvara, и могли поклясться, что онъ не сходилъ съ судна. Всѣ они видѣли своими глазами, какъ онъ развелъ огонь для варки кофе, какъ онъ потомъ подметалъ кухню и дѣлалъ приготовленія къ обѣду.

Самымъ важнымъ показаніемъ мнѣ показалось юнга Корнелия. Онъ увѣрялъ, что видѣлъ Элиасена за нѣсколько минутъ до подъема якоря, какъ тотъ изъ люка ведромъ, прикрѣпленнымъ къ канату, доставалъ воду для обмывки зелени. Доставаніе воды чрезъ люкъ очень опасно. Дѣло въ томъ, что корпусъ судна расширяется кверху. Такимъ образомъ, чтобы достать воду изъ верхнихъ люковъ, нужно перегнуться всѣмъ корпусомъ. Поэтому строго запрещено доставать воду чрезъ люкъ. Большею частью спускаютъ ведро за водой съ палубы или же съ боковыхъ платформъ, на которыхъ во время хода судна лежатъ, такъ называемые, береговые якоря. Элиасенъ

могъ, такимъ образомъ, доставалъ воду, перевѣситься, упасть въ море и утонуть.

Это было, по моему, очень простое и правдоподобное объясненіе исчезновенія Элиассена.

Меня только смущалъ какой-то боязливый, неуверенный тонъ, которымъ давалъ свои показанія Корнелій. Ему было шестнадцать всего лѣтъ, и онъ дѣлалъ, въ качествѣ корабельнаго юнга, уже второй рейсъ изъ Антверпена въ Конго. Онъ былъ очень рослъ для своихъ лѣтъ и считался очень ревностнымъ, работающимъ, и терпѣливо несъ все тяготы службы корабельныхъ юнгъ. Юнга—это всеобщій козель отпущенія: его бьютъ и ругаютъ все на кораблѣ, начиная съ капитана и кончая послѣднимъ матросомъ... Въ часы полагающагося для матросовъ отдыха, юнга поступаетъ въ распоряженіе повара, помогаетъ ему чистить зелень, подметаетъ кухню, посуду чиститъ и т. д. Съ ранняго утра до поздняго вечера не имѣетъ онъ ни минуты отдыха, если не считать таковыхъ почесыванія отъ то и дѣло влетающихъ ему подзатыльниковъ.

Корнелій говорилъ какъ бы нехоти. Мнѣ приходилось у него каждое слово, точно клещами, вытягивать. Иногда онъ задумывался на минуту, прежде чѣмъ дать отвѣтъ. Когда я ему просилъ все его показаніе и предупредилъ его, что ему придется, по всей вѣроятности, подтвердить его подъ присягой при прибытіи въ Антверпенъ, Корнелій странно заволновался и чуть было не взялъ своего показанія назадъ.

Я подѣлился съ капитаномъ своими свѣдѣніями и своими сомнѣніями. Онъ занесъ въ судовой журналъ извѣстіе о безвѣстномъ исчезновеніи повара Элиассена и привелъ имена допрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей. Все мои подозрѣнія относительно Корнелия онъ призналъ неосновательными. Онъ увѣрялъ, что Корнелій очень хорошій, добрый малый, только не особенно уменъ, и просто на-просто боялся меня, какъ чужого еще человѣка.

— Какъ-бы то ни было, закончилъ капитанъ,—юнга—правъ. Поваръ доставалъ воду черезъ локъ, былъ сильно пьянъ. Даго-ли перевѣситься и брызнуться въ воду. Да, по совѣсти сказать, Элиассенъ былъ скотина порядочная. Я увѣренъ, что никто изъ всего экипажа слезники по нему не проронить.

III.

Морской воздухъ воскресилъ меня. Я проводилъ на палубѣ не только весь день, но даже и спалъ тамъ, если только не мѣшали проливные дожди, часто выпадающіе на западныхъ берегахъ Африки. Мы держали путь прямо на Антверпенъ, шли полнымъ грузомъ, нигдѣ не останавливались. Погода была довольно благоприятная, и на суднѣ все обстояло благополучно, кромѣ развѣ гориллы, прозванной матросами „Штергеромъ“, которой были сильно не по нутру очень чувствительныя колебанія судна. Какъ только началась качка, Штергеръ начиналъ жалобно, пронзительно вѣть. На гориллу находило бѣшенство, и она пыталась, было, разломать свою клетку. Удайся ей это, она, по примѣру другихъ обезьянъ, не выносились, вообще, качки, бросилась бы неминуемо съ борга въ воду.

Матросы кормили Штергера всякою снѣдью. Они угощали гориллу, когда капитанъ не видѣлъ, ромомъ изъ своего рациона. Опьяненіе еще болѣе возбуждало ея бѣшенство.

Свободнаго времени было у меня много, скука и однообразіе страшныя. Меня сильно интересовала исторія исчезновенія повара, и я рѣшился наблюдать за всѣмъ экипажемъ.

Во мнѣ зародилось подозрѣніе, и я ужъ никакъ не могъ отъ него избавиться. Да, я почему-то былъ убѣжденъ, что Элиассенъ погибъ не по несчастной случайности. Но почему я такъ думалъ, я самъ себя отчета дагъ не могъ. Единственнымъ основаніемъ къ этому у меня было поведеніе юнга Корнелия. Я чувалъ, что ему известно что-то объ Элиассенѣ.

Корнелій терпѣливо и усердно несъ свою тяжелую службу. Стойко, почти апатично, выносилъ онъ то и дѣло сыпавшіяся на него побои и ругательства. Но стоило внимательно всмотрѣться, чтобы замѣтить его неумывавшееся смущеніе. Какъ бы инстинктивно чувствуя, что я за нимъ слѣжу, онъ избѣгалъ меня на каждомъ шагѣ. Я былъ увѣренъ, что онъ или самъ убійца Элиассена, или сообщникъ въ этомъ преступленіи.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, дѣйствительно, я сталъ слѣдить и за остальной командой. Я хотѣлъ выяснитъ себѣ отношенія ихъ между собою и къ Корнелию. Ежедневно поочередно выбиралъ я по одному лицу для своего наблюденія. Это не составляло для меня никакого труда, такъ какъ я дневалъ и ночевалъ на палубѣ. Я слѣдилъ при этомъ за каждымъ движеніемъ наблюдаемаго, за его жестами, разговоромъ съ товарищами, за выраженіемъ его лица въ ту минуту, когда тотъ предполагалъ, что его никто не видитъ. Я выбралъ себѣ очень удобный наблюдательный пунктъ—одинъ изъ четырехъ спасательныхъ ботовъ, высоко подвѣшенныхъ на краяхъ надъ палубой. Въ такомъ ботѣ сидѣлось очень хорошо, въ особености, когда были поставлены паруса и давали густую тѣнь. Отсюда была видна мнѣ вся палуба, и никому я не мѣшалъ, и никто даже и не видѣлъ меня. Часто въ тихую погоду устраивался я тамъ и по ночѣ.

Но вотъ, наконецъ, кончились мои занятія,—все были наблюдены и изучены. Одна только личность сильно заинте-

ресовала меня, это—матросъ Гуффенсъ. Широкоплечій, крѣпкій, онъ сразу мнѣ очень не понравился. По всему лицу проходила у него глубокой шрамъ. Гуффенсъ рассказывалъ, что получилъ его въ битвѣ англичанъ съ голландцами въ Книгстонѣ, на Ямайкѣ. Его свирѣные, быстро бѣгающіе глаза взгляды съ этимъ шрамомъ сообщали выраженію его лица нѣчто отталкивающее. Это было воплощеніе насилія и преступности...

Стояла свѣтлая лунная ночь. Я сидѣлъ въ своемъ спасательномъ ботѣ, помѣщавшемся на кормѣ. Судно шло подъ парами и парусами, глубоко сидя въ водѣ. Оба рулевые неподвижно стояли на рулѣ, и у меня невольно закралось подозрѣніе, что они спятъ. Они должны были придержать колесо и наблюдать за тѣмъ, чтобы судно не измѣнило курса.

На носу судна на вахтѣ стоялъ Гуффенсъ. Изъ-за нижнихъ парусовъ оба матроса на рулѣ могли видѣть только заднюю часть судна; но мѣсто, гдѣ стоялъ Гуффенсъ, было скрыто отъ нихъ парусами.

Посреди судна, кромѣ вахтенныхъ, на палубѣ спала остальная команда. Матросы предпочли провести эту теплую ночь лучше здѣсь, чѣмъ въ своихъ душныхъ койкахъ.

Горилла, находившаяся со своей клѣткой какъ разъ подо мною, была очень беспокойна. Она разбудила меня. Я усѣлся въ ботѣ и, ни для кого не замѣтный, оглядывалъ все судно.

Я замѣтилъ въ рукахъ у Гуффенсы какую-то вещь, которую онъ раскачивалъ изъ стороны въ сторону. Мнѣ показалось, что это была веревка. Сильно занятый своимъ дѣломъ, онъ совершенно не слѣдилъ за вахтой. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ онъ тихо повернулся и испуганно оглядѣлся кругомъ по всей палубѣ. Я спрятался опять въ ботѣ, чтобы онъ меня не увидѣлъ. Спусти минуты двѣ я опять осторожно выглянулъ.

Гуффенса уже не было на его посту. Тихо, неслышными шагами (подобно всѣмъ другимъ матросамъ на суднѣ—онъ былъ босъ) пробрался онъ на середину судна, къ группѣ спящихъ матросовъ. Близъ регеля, на обрывкѣ просмоленнаго паруса, спалъ Корнелій. Гуффенсъ, увѣренный, что его никто не видитъ, нагнулся надъ Корнелиемъ и сталъ размахивать тѣмъ, что я замѣтилъ у него раньше въ рукахъ. Теперь мнѣ удалось разсмотрѣть, что это была пеньковая петля. Я видѣлъ, какъ Гуффенсъ осторожно надѣвалъ ее на шею Корнелию; еще одинъ моментъ, и онъ былъ бы задуманъ, не усѣвъ и пиннуть даже. Съ бѣшенствомъ, въ смертельномъ ужасѣ вскочилъ я на ноги и не своимъ голосомъ окликнулъ Гуффенсы.

Тотъ, испуганный, отскочилъ прочь. Крикъ мой разбудилъ всѣхъ и, въ томъ числѣ, Корнелия, быстро вскочившаго и сорвавшаго съ шеи петлю. Я позвалъ Корнелия къ себѣ въ ботѣ. Гуффенсъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился на свое мѣсто. Я былъ до того взволнованъ этимъ происшествіемъ, что уже никакъ не могъ заснуть болѣе. У меня даже не было силы сказать хоть слово Корнелию. Тотъ вытиснулся въ ботѣ и скоро беззаботно уснулъ. Онъ въ своемъ еще дѣтскомъ умѣ и не представлялъ себѣ, что за смертельная опасность угрожала ему.

Собачья вахта (предразсвѣтная вахта) кончилась, и смѣнявшаяся команда, въ томъ числѣ и Гуффенсъ, отправилась къ койкамъ. Я слѣзъ съ бота на палубу. Только что я усѣлъ это сдѣлать, какъ ко мнѣ подошелъ вдругъ Гуффенсъ и обратился ко мнѣ спокойнымъ тономъ:

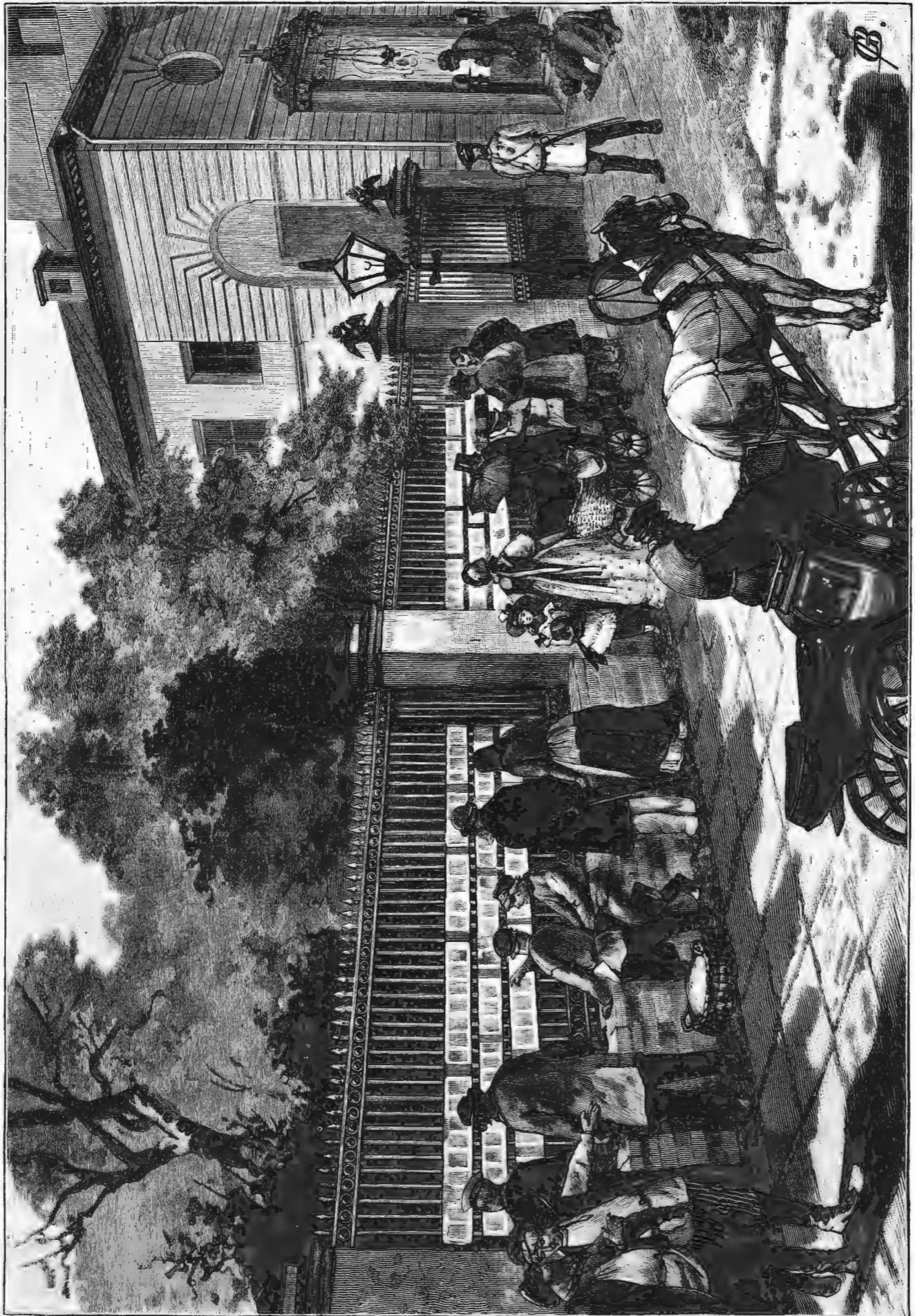
— Я хочу, чтобы вы, господинъ, меня поняли. Я думалъ только попутить съ этимъ мальчишкой, Корнелиемъ. Онъ хранилъ во снѣ, какъ крыса, и мнѣ вадумалось отучить его отъ этого.

Я только пристально посмотрѣлъ на него, не отвѣтивъ ни слова. Гуффенсъ смотрѣлъ все время въ сторону, и только разъ украдкой бросилъ на меня испуганнѣйшій, враждебный взглядъ. Не дождавшись отъ меня отвѣта, онъ повернулся и отправился въ общее матросское помѣщеніе.

Я пошелъ на носъ судна, къ мѣсту вахты. Тамъ было прохладно. Я усѣлся на наваленныя кучей снасти и заснулъ.

Проснулся я отъ раздававшихся на палубѣ громкихъ, рѣзкихъ голосовъ, крика и бѣганья матросовъ. Предчувствуя опять какое-нибудь несчастіе, я кинулся узнавать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что исчезла горилла. Прибѣжалъ штурманъ. Тщательно осморгали клѣтку—никакихъ поврежденій въ ней не было. Ясно было, что гориллѣ удалось какимъ-то образомъ отворить дверь клѣтки и ударить изъ томительнаго заключенія. И никто не замѣтилъ, когда и какъ это случилось. Стоявшіе на рулѣ не могли видѣть этого изъ-за мѣшавшаго имъ паруса, остальная команда спала, а съ вахты видно было только то, что дѣлалось впереди.

Штурманъ приказалъ часовымъ сейчасъ же взлѣзть на мачты и поискать, нѣтъ ли тамъ гдѣ гориллы. Тамъ ея нигдѣ не оказалось. На суднѣ тоже не было и слѣда ея. Однимъ словомъ, горилла пропала такъ же безслѣдно, какъ и поваръ Элиассенъ. Оставалось только предположить, что горилла, вышедшая изъ клѣтки, прыгнула за бортъ. Но это опять-таки было нелепо, такъ какъ, несмотря ни на равнѣйшій паруса вѣтеръ, ни на шумъ машины, все же должно было быть слышно ея паденіе въ воду. Кромѣ того, штурманъ утверждалъ, что если обезьяны, не будучи въ силахъ выдерживать качки, и бросаются за бортъ, то это никогда не обхо-

Чтеніе нравоучительныхъ таблицъ на оградѣ Сергіевскаго собора въ С.-Петербургѣ.
 Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Шлупперъ.

Маленькая гостя въ овчарнѣ. Съ карт. Г. Геблера, грав. Герике.

дителя съ ихъ стороны безъ раздрающихъ душу криковъ,—криковъ отчаянія и предсмертной агоніи.

Разбудили капитана и передали ему о потерѣ обезьяны. Аппельманъ, страшно раздосадованный, сталъ немилосердно ругаться; дѣло въ томъ, что онъ взялъ на себя отвѣтственность въ благополучной доставкѣ гориллы въ Антверпенскій зоологическій садъ. Онъ увѣрялъ, что виновата команда, плохо присматривавшая за гориллой. Въ особенности онъ накинулся на Корнелія, уходу котораго обезьяна была поручена. Я сталъ успокаивать капитана и пригласилъ его вмѣстѣ съ Корнеліемъ къ себѣ въ каюту.

Здѣсь, въ присутствіи юнга, разсказалъ я изумленному капитану все, что я видѣлъ въ эту ночь, и въ заключеніе обратился къ Корнелію:

— Если-бъ не я, сказалъ я ему,—то Гуффенсъ удавилъ бы тебя и выбросилъ бы за бортъ. Ты, братъ, что-то знаешь, но боишься Гуффенса. Признайся лучше, не то ты будешь тоже виноватъ, и тебя постигнетъ тяжелое наказаніе.

Корнелій былъ нѣмъ, и только по упорному настоянію капитана, наконецъ, объяснилъ, что онъ ничего не знаетъ, ничего онъ Гуффенсу не дѣлалъ, и нечего ему поэтому разсказывать. Ни просьбы, ни угрозы не помогали. Кончилось тѣмъ, что Аппельманъ далъ несчастному юнгѣ двѣ пощечины и выпнулъ его за дверь.

Когда мы остались одни, я сейчасъ же спросилъ Аппельмана: — Что-же дѣлать съ Гуффенсомъ? Я твердо увѣжденъ, что онъ намѣревался убить Корнелія. Я могу поклястись, что Гуффенсъ убійца Элиассена, а Корнелій случайный свидѣтель этого убійства. И вы не думаете его арестовать?

— Чортъ съ нимъ, только этого мнѣ не хватало, отвѣчалъ капитанъ.—Да, вѣдь, и нѣтъ никакихъ доказательствъ. Ну, что за польза будетъ изъ того, что я его посажу подъ арестъ. Я потерю не только одного человѣка изъ экипажа, но еще нѣсколькихъ, которые должны будутъ его сторожить. Этого голловорѣза мало заковать въ цѣпи, его нужно еще денно и нощно сторожить. И такъ я лишусь трехъ-четырехъ, столь нужныхъ мнѣ теперь человѣкъ. Понятно, въ виду Антверпена я заарестую Гуффенса и Корнелія и передамъ ихъ властямъ. А теперь, теперь мнѣ не до восстановления нарушенныхъ нормъ права, да, надѣюсь, и вамъ также. Да еще вопросъ, имѣемъ ли мы право лишить человѣка свободы изъ-за одного подозрѣнія...

IV.

Таинственное исчезновеніе обезьяны, весьма схожее съ исчезновеніемъ повара Элиассена, сильно обеспокоило экипажъ. Суевѣрные матросы стали думать, что тутъ дѣйствуетъ какая-то сверхъестественная сила, похищающая живыя существа... Стали поговаривать, что такъ будетъ продолжаться, пока не исчезнутъ всѣ люди съ судна, и послѣднее станеть, въ видѣ воздушнаго корабля, носиться по океану. Охваченные паникой, матросы боязливо поглядывали на сильно хмурившуюся погоду.

Небо все подернулось тонкой сѣрой пеленой. Вѣтеръ кричалъ. Судно шло наполовину на парусахъ, наполовину подъ парами. Барометръ сильно падалъ. Капитанъ приказывалъ все болѣе и болѣе рифить паруса. Погода разыгрывалась. Въ котлахъ усилили огонь, чтобы имѣть возможность на случай бури убрать паруса совершенно.

Начался дождь, и капитанъ, спокійствія ради, приказалъ со всѣмъ спустить верхніе паруса, въ нижніе вбить два рифа. Изъ парусовъ еще стояли въ передней части судна три стакселя.

Въ передней части судна находится почти горизонтально идущая наружу короткая мачта, бугшпритъ. Къ нему прикрѣплена удлиняющая его тонкая мачта, кливеръ, къ которой, въ свою очередь, прикрѣплена еще тоньшея — крайній кливеръ. Бугшпритъ со своими удлиненіями прикрѣпленъ снизу къ фокъ-мачтѣ. На канатахъ или стагахъ, идущихъ къ передней мачтѣ, втянуты были вышеупомянутые три паруса-стакселя, прикрѣпленные къ кливеру и крайнему кливеру.

Вдругъ стемнѣло. Вѣтеръ становился все сильнѣе и началъ крутить судно. Вѣшено рвалъ онъ оставшіеся паруса. Капитанъ рѣшился спустить и ихъ и бороться съ надвинувшейся бурей съ помощью одной лишь паровой машины. Нужно было убрать нижніе паруса, а также и спустить всѣ три стакселя. Корнелій, какъ самый ловкій и самый легкій изъ всей команды, былъ посланъ подвязать передній парусъ на крайній кливеръ. Онъ вскарабкался на мокрую тонкую мачту вплоть почти до самой ея верхины и держался ногами за протянутые внизу для этой цѣли канаты.

Несмотря на всю свою значительную силу, онъ самъ никакъ не могъ справиться съ уборкою паруса и, видимо, боялся, что вѣтеръ сорветъ его отсюда въ воду.

Аппельманъ, стоявшій на капитанскомъ мостикѣ и замѣтившій усилія юнга, крикнулъ:

— Эй, вы, ступай кто-нибудь наверхъ помочь мальчугану.

Должно же было такъ случиться, что на зовъ капитана кинулся не кто иной, какъ Гуффенсъ. Ловко вскарабкался онъ съ палубы на бугшпритъ и торопливо сталъ взбираться къ Корнелію. Меня что-то въ сердце толкнуло слѣдить за нимъ. Я вышелъ впередъ и могъ отсюда наблюдать за всѣмъ, что происходило на бугшпритѣ. Я видѣлъ, какъ Корнелій повернулся, и, когда онъ увидѣлъ Гуффенса, изъ груди его вырвался печеловѣческой, безумный крикъ смертельнаго ужаса.

Еще не успѣлъ Гуффенсъ долѣзть до юнга, какъ тотъ въ отчаяніи взобрался на самый край мачты и съ прежнимъ крикомъ хотѣлъ, было, уже броситься съ вышины мачты внизъ, въ воду. Въ отвѣтъ послышались проклятія Гуффенса. Я видѣлъ, какъ Гуффенсъ уже обхватилъ жадно стволъ мачты, чтобы долѣзть дальше, и протянулъ руку за Корнеліемъ.

Но вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное, непобъяснимое даже. По канату, соединяющему кливеръ съ брамстенной фокъ-мачтой, соскользнула внезапно какая-то фигура, въ одинъ мигъ сидѣла она уже на кливерѣ и протянула, въ свою очередь, руки къ Гуффенсу. Въ тотъ же моментъ я услышалъ раздрающій душу крикъ, но не одинъ, а цѣлые три, слышавшія въ одинъ.

Кровь застыла у меня въ жилахъ отъ этихъ звуковъ.

Капитанъ самъ бросился съ мостика въ переднюю часть судна; за нимъ послѣдовала вся команда.

Крайній кливеръ, то опускаемый, то поднимаемый бурей, былъ мѣстомъ ужасной борьбы Гуффенса съ—гориллой.

Застывшій отъ ужаса, сидѣвшій на краю мачты Корнелій былъ безучастнымъ свидѣтелемъ этой борьбы на жизнь и на смерть. Она длилась всего нѣсколько секундъ. Гуффенсу удалось вынуть изъ-за пояса ножъ, имѣющійся у каждого матроса. Онъ вонзилъ его въ обезьяну. Та страшно зарычала и, набросившись опять на своего противника, разодрала ему все тѣло когтями и зубами.

Окружавшіе очутились, наконецъ, отъ охватившаго ихъ всѣхъ ужаса, и двое матросовъ, вооружившись книжалами, быстро вскарабкались на мачту, чтобы прикончить съ гориллой. Та, вся израненная, истекая кровью, утробляла тщетныя усилія накинутаго на новыхъ враговъ; еще нѣсколько ударовъ книжала, и горилла, почти безжизненно скатившись съ бугшприта, на одну минуту удержалась еще за канаты и съ рѣзкимъ крикомъ грохнула въ море.

Большинъ усилій стоило матросамъ стащить внизъ на палубу сломанъ залитого кровью Гуффенса. Весь дрожа, какъ бы безсознательно, слѣзъ за нимъ и Корнелій. Но когда онъ добрался до палубы, силы его оставили, и онъ упалъ безъ чувствъ.

Раны Гуффенса были ужасны. Лицо его было разорвано въ куски, одинъ глазъ былъ вырванъ дѣлкомъ и свѣшивался на обрывкѣ кожи. У него было сломано нѣсколько реберъ, а груди и руки были до неузнаваемости истерзаны зубами гориллы.

У него еще было силы сознаться, что онъ убилъ ненавистнаго ему повара Элиассена, незадолго до отплытія, толкнувъ его въ воду въ ту минуту, какъ тотъ, нагнувшись, набиралъ воды. Онъ сказалъ, что потомъ поздно уже узналъ, что былъ свидѣтель этого убійства—юнга Корнелій. Онъ хотѣлъ ужъ, было, выбросить вслѣдъ за поваромъ и юнгу, но ему помѣшали. Тогда взялъ онъ съ Корнелія клятву вѣчнаго молчанія объ этомъ, подъ угрозой смерти. И Корнелій свято хранилъ свою клятву и тайну. Въ довершеніе, Гуффенсъ признался, что когда онъ протянулъ на мачтѣ руку къ Корнелію, онъ хотѣлъ его вытолкать сбросить въ море и затѣмъ сказать, что тотъ не могъ удержаться на мачтѣ и самъ свалился.

Черезъ четверть часа Гуффенсъ умеръ и былъ на слѣдующій же день погребенъ въ морскихъ волнахъ.

Корнелій долгое время пролежалъ въ горячкѣ, но потомъ оправился и подтвердилъ всѣ слова Гуффенса.

Горилла, по всей вѣроятности, послѣ своего освобожденія взобралась на одну изъ мачтъ и скрывалась тамъ за парусами. Необъяснимымъ только остается, какъ ей не замѣтили послѣ уборки парусовъ. Страшный крикъ Корнелія вѣбѣнулъ до крайности гориллу, сильно обозленную уже качкой, и она въ дикомъ порывѣ бросилась на попавшагося ей на глаза Гуффенса.

Несмотря на отчаянныя увѣренія матросовъ, что никто изъ насъ не увидитъ Антверпена, мы счастливы и вполне благополучно добрались до него, не запоздавъ даже ни на одиѣ сутки.

Только въ журналѣ судна „Жанъ Мѣренторфъ“ имѣется подробная записъ объ описанномъ событіи, въ которомъ горилла предотвратила убійство и послужила орудіемъ праведнаго суда Небеснаго Судьи...

Праздникъ трехъ главныхъ русскихъ орденовъ.

Очеркъ В.

Въ концѣ ноября Россія ежегодно празднуетъ учрежденіе трехъ важнѣйшихъ своихъ орденовъ, а именно: 24-го—*Св. Великомученицы Екатерины*, 26-го—*Георгія Побѣдоносца* и 30-го—*Св. Андрея Первозваннаго*.

Учрежденіе перваго изъ нихъ связано съ несчастнымъ Прутскимъ походомъ 1711 года, во время котораго едва не было уничтожено все русское войско. Изуренные походомъ и голодомъ, русскіе неожиданно были окружены со всѣхъ сто-

ронъ турецкимъ войскомъ, въ пѣсколько разъ сильнѣйшимъ. Отступленіе было отрывано. Гибель войска и плѣтъ самого царя казались неизбежными. Въ ставкѣ фельдмаршала происходилъ военный совѣтъ, рѣшающій судьбу Россіи, а Петръ I сидѣлъ, завернувшись, въ своей палаткѣ, предавался мрачнымъ размышленіямъ. Никому въ голову не приходило, чтобы турки согласились на мирные переговоры, но вдругъ неожиданно въ собраніе вошла Екатерина I, упрямившая Петра взять ее съ собою въ походъ, и предложила склонить непріятеля къ миру. Императрица взялась уговорить своего супруга, и, кромѣ того, собравъ всѣ драгоценности, отправила ихъ къ великому визирю. Векоръ турецкія батареи умолкли, и миръ былъ заключенъ на довольно выгодныхъ условіяхъ. Въ память такого подвига, Петръ Великій и учредилъ орденъ Екатерины, назвавъ его еще орденомъ *Освобожденія*. По первоначальной мысли, въ главѣ учрежденнаго ордена должна была быть *Великая Госпожа Ордена*; всѣ принцессы крови и 12 знатнѣйшихъ дамъ должны были быть *дамами отъ большого креста*, а 94—отъ малаго креста. Званіе *Госпожи Ордена* хотѣла удержать за собою Екатерина I. Однако эта мысль не была приведена въ исполненіе, и до самаго 1725 года знаки этого ордена украшали одну царю. Только послѣ смерти Петра I, Екатерина I въ первый разъ, 21 мая, пожаловала этотъ орденъ дочери своей Аннѣ Петровнѣ, а черезъ 4 мѣсяца, т. е. 18 сентября—Елизаветѣ Петровнѣ, и затѣмъ, 6 января 1726 г.—Аннѣ Іоанновнѣ герцогинѣ Курляндской и нѣкоторымъ другимъ. Изъ особъ, не царской крови, при Екатеринѣ I удостоилась получить этотъ орденъ Дарья Михайловна Меншикова, урожденная Арсеньева, супруга свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова. Такъ же скупо раздавался этотъ орденъ и въ послѣдующія царствованія. Такъ, Петръ II причислялъ къ этому ордену только 4 дамъ, Анна Іоанновна — 4 принцессы изъ царской фамиліи, Елизавета Петровна 13, императоръ Петръ III — трехъ голштинскихъ герцогинь, а Екатерина II — уже 41 кавалерственную даму (т. е. дамы отъ малаго креста), при чемъ изъ этого числа первую получила орденъ, 28 іюля 1763 г., знаменитая княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Затѣмъ, императоръ Павелъ пожаловалъ большой крестъ 4 германскимъ принцессамъ, а меньшій—41 русской дамѣ; императоръ Александръ I — большой крестъ 16, а меньшій—23 дамамъ.

Знаки ордена Св. Екатерины даются только дамамъ. По существу преданіе, что императрица Екатерина I въ шутку пожаловала этотъ орденъ 13-ти-лѣтнему кавалеру, Александру Александровичу Меншикову, впоследствии оберъ-гофмаршалу, который отличался чрезвычайно застѣнчивыми манерами и потому носилъ при Дворѣ названіе „*Demoiselle*“.

При пожалованіи, каждая дама, внося одновременно на богоугодныя заведенія по большому кресту 400 рублей, а по малому 250 рублей, даетъ торжественное обѣщаніе на Святыхъ Евангелии, въ присутствіи начальницы ордена, наличныхъ при Дворѣ дамъ кавалерственныхъ и духовной начальственной особы — быть вѣрною Его Императорскому величеству. Обязанности ея заключаются въ томъ, чтобы: 1) благодарить Бога за милостивое освобожденіе, дарованное Петру Великому; 2) молить Господа о здравіи, благополучіи и многолѣтствіи Его Императорскаго Величества и всей Фамиліи и благополучіи Его оружія; 3) въ томъ же намѣреніи прочитывать въ каждый воскресный день трижды „*Отче нашъ*“; 4) трудиться, сколько возможно, объ обращеніи нѣсколькихъ невѣрныхъ къ благочестивой православной вѣрѣ; 5) освободить на собственные деньги одного христіанина изъ варварскаго пораженія. Одяніе орденское состоитъ изъ серебрянаго гвезды, вышитаго золотомъ, зеленого бархатнаго шлейфа и такой же шляпы, на которой изображено полукружіе: алмазное съ яхонтами у государыни, только алмазное у принцессы и вышитое серебромъ у прочихъ. Ордену Св. Екатерины присвоена церковь, во имя Св. Великомученицы Екатерины, находящаяся при училищѣ ордена въ С.-Петербургѣ, надъ главнымъ входомъ которой красуется изображеніе орденскихъ знаковъ.

Въ нынѣшнее царствованіе большимъ орденомъ пожалованы: Великія Княжны: Елена Владиміровна, Ольга Александровна и Марія Павловна; крош-принцесса Луиза Датская, принцесса Гессенская; Великая Княгиня Елизавета Федоровна, супруга Сергія Александровича; *королева Испанская Марія Христина; императрица Японія; супруга нынѣшняго императора Германскаго*; княгиня Милена Петровна, супруга князя Черногогорскаго; Великая Княгиня Елизавета Маврикіевна, супруга Константина Константиновича; Александра Георгиевна, принцесса Греческая; Милица Николаевна, княжна Черногогорская и другія.

Мысль объ учрежденіи Военнаго ордена Св. Великомученика и Георгія Побѣдоносца принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая „изъ особенной императорской милости къ служащимъ въ войскахъ“ установила сей орденъ „для награжденія отличныхъ военныхъ подвиговъ и въ поощреніи въ военномъ искусствѣ“. Учрежденіе ордена праздновалось торжественнымъ образомъ 26 ноября 1769 г. По окончаніи литургии, въ придворной церкви, на которой присутствовала сама императрица и весь ея блестящій Дворъ, на середину церкви

былъ поставленъ двумя гофурьерами столъ, гдѣ на золотомъ блюдѣ лежали знаки ордена. Секретарь Ея Величества Стрелкаловъ прочиталъ статутъ, а архимандритъ Платонъ сказалъ блестящую проповѣдь. Послѣ освященія, Екатерина II возложила знаки ордена на себя, послѣ чего грянуло „многія лѣта“, а съ Петербургской и адмиралтейской крѣпостей былъ произведенъ 101 выстрѣлъ. Городъ былъ роскошно иллюминированъ. При разработкѣ статута Екатерина II въ руководство приднесла слѣдующее правило: „Ни высокая порода, ни полученныя предъ непріятелемъ раны, не должны давать права на пожалованіе сими орденомъ, но дается оный тѣмъ, кои не только должны свою исправляти во всемъ по присягѣ, чести и долгу, но сверхъ того отличили себя особеннымъ мужественнымъ поступкомъ, или подали мудрые и для воинской службы полезныя совѣты“. Георгіевскій орденъ имѣетъ четыре степени, при чемъ право пожалованія предоставлено главнокомандующему арміею съ *удостоенія думы* изъ наличныхъ кавалеровъ. Кромѣ того, 13 февраля 1807 г. учрежденъ еще *знакъ отличія военнаго ордена* для нижнихъ чиновъ, принадлежащій къ ордену Св. Георгія и носимый на присвоенной послѣднему лентѣ; съ 1856 г. онъ имѣетъ 4 степени, и каждой присвоена особая пенсія. Пожалованіе этимъ знакомъ отличія предоставлено кромѣ главнокомандующаго и всѣмъ командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ съ Высочайшаго утвержденія. Какъ высоко цѣнится орденъ Св. Георгія, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ 1801 году *Орденская дума* отъ имени всего Кавалерскаго сословія преподнесла императору Александру I орденскіе знаки, но государь отвѣтилъ, что „имѣя особенное къ сему ордену уваженіе, онъ оставляетъ желаніе *Думы* исполненію времени“. Затѣмъ, по возвращеніи императора изъ командія 1805 г., *Орденская Дума* вновь преподнесла государю орденъ Георгія I ст., но Александръ I отозвался, что знаки Георгія I ст. должны быть наградою за распоряженія начальственной, что онъ во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ только неустранимость своихъ войскъ, почему и находить приличнымъ принять только знакъ 4-й степени.

Со времени учрежденія Георгіевскаго ордена 1-ю степенью его имѣли только 24 лица, а именно: Екатерина II, Александръ II, король Шведскій Карлъ XIV, Бернадоттъ, герцогъ Англемскій, Вильгельмъ I, Кутузовъ-Смоленскій, Барклай-де-Толли, Паскевичъ-Эриванскій, Дибичъ-Забалканскій, Панинъ, Суворовъ, Потемкинъ, Беннгсенъ, Ренинъ, Румянцевъ, Орловъ, Долгоруковъ-Крымскій, Чапаговъ, Блохеръ, Шварценбергъ, Веллингтонъ, Радецкій, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. За цѣлое столѣтіе (1769—1869 г.) было пожаловано георгіевскихъ крестовъ всего 2874: русскимъ 2638 и иностр. 236. Въ царствованіе императора Павла, орденомъ Св. Георгія никто не награждался.

Но самый старшій изъ русскихъ орденовъ есть орденъ Св. Андрея Первозваннаго, учрежденный Петромъ I въ 1698 г. (по другимъ свѣдѣніямъ 10 марта 1699 г.) во имя Св. Апостола, просвѣтителя Св. Крещеніемъ предѣлы нашего отечества. По сказанію нашихъ лѣтописей, Св. Андрей, братъ Св. Петра, проповѣдывалъ христіанское ученіе близъ нынѣшняго Кіева, гдѣ водрузилъ крестъ, и доходилъ даже до Новгорода и села Грузина, гдѣ также водрузилъ жезлъ свой. По преданію, онъ былъ пригвожденъ ко кресту, поперечные брусья котораго были вдѣланы наконсо (Андреевскій крестъ). Петръ Великій жаловалъ этимъ орденомъ весьма рѣдко и притомъ за какія-нибудь особенныя заслуги, и желалъ самъ получить его только за военный подвигъ. Первымъ кавалеромъ этого ордена былъ знаменитый бояринъ Федоръ Головинъ, генерал-адмиралъ и фельдмаршалъ (10 марта 1699 г.), а вторымъ — малороссійскій гетманъ Іванъ Мазепа, на котораго Петръ Великій собственноручно въ Москвѣ, 8-го февраля 1700 г., возложилъ знаки этого ордена за заслуги, оказанныя въ борьбѣ съ крымскимъ ханомъ и турками; когда же Мазепа измѣнилъ въ 1709 г. царю, то Петръ лишилъ его ордена и предалъ проклятію. Самъ же Петръ I былъ только шестымъ по счету, удостоеннымъ этого ордена. Въ 1703 году, состоя въ званіи капитана бомбардирной роты, Петръ взялъ послѣ кровопролитнаго сраженія, при устьяхъ Невы, два шведскіе военные корабля, за что, по окончаніи благодарственнаго молебствія, старшій кавалеръ Головинъ возложилъ знаки этого ордена на царя. Участвовавшій въ подвигѣ царя Меншиковъ, въ званіи поручика бомбардирной роты, также былъ удостоенъ ордена.

По нынѣ дѣйствующему статуту, кавалеры этого ордена считаются всѣ въ 3-мъ классѣ и выѣстъ съ тѣмъ дѣлаются кавалерами Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и Св. Анны 1-й степени, хотя бы таковыхъ и не имѣли. Ордену присвоенъ Соборъ его имени на Васильевскомъ Островѣ. Орденское одяніе составляютъ: 1) длинная зеленая бархатная спанча, подложенная блюю тафтою съ глзетовыми краями, завязанная серебряными шнурами съ такими же кистями; на лѣвой сторонѣ вышита звѣзда, болѣе обыкновенной; 2) супервизъ бѣлаго глзета, съ золотымъ галуномъ, такую же бахрому и съ нашитымъ на груди крестомъ; 3) шляпа черная бархатная съ краснымъ перомъ и съ крестомъ Св. Апостола Андрея, нашитымъ на узкой голубой лентѣ.

Нынѣ въ числѣ другихъ, кавалерами сего ордена, кромѣ

Особь Россійскаго царствующаго Дома, состоятъ: князь сербскій Милавъ Обреновичъ; король Сербскій Александръ; князь Черногорскій Николай; король Сіамскій; Бисмаркъ; Карно; Каирви; Кальвоки; Макъ-Магонъ; маршалъ Капроберъ; принцъ Генрихъ Рейсъ; графы: Карль фонъ-Грюнне; Дм. Алек. Ми-

лютинъ; Оед. Лог. Гейденъ; Лог. Лог. Гейденъ; Ив. Дав. Деляновъ; князь Ал. Мих. Дондуковъ-Корсаковъ; Вор. Гр. Глинка-Мавринъ; баронъ Ал. Пав. Николаи; Ал. Ег. Тимашевъ; Ал. Агг. Абаза; Ор. Пав. Резвой; князь Ал. Бор. Лобановъ-Ростовскій; фонъ-Швейнциъ; Кон. Цу-Гогенлоэ-Шиллингефуреть.

Къ рисункамъ.

Татарка. (Рис. на стр. 1085).

Какъ бѣлыя привидѣнія проходятъ группами татарки по улицамъ городовъ въ Крыму, съ головы до ногъ закутанныя въ непроницаемое покрывало, и рѣдко кому удастся изъ-за распахнувшейся марами замѣтить блескъ красивыхъ глазъ, которые удалось зарисовать въ свой путевой альбомъ нашему художнику.

Русская эскадра на пути изъ Аяччио въ Пирей.

(Рис. на стр. 1088).

Послѣ двухпедельныхъ грандіозныхъ тулонскихъ празднествъ, эскадра наша направилась въ главный городъ Кор-

домъ окидываетъ все богатства комнаты, вѣря, что жизнь ея, жизнь, быть можетъ, въ довольствѣ и счастіи—еще впереди.

Стрѣлокъ изъ лука. (Рис. на стр. 1093).

Среди массы картинъ различныхъ выставокъ и галлерей исчезаютъ скульптурныя работы ваятелей. Публика, увлеченная блестящими полотнами мастеровъ, равнодушно проходитъ мимо творений рѣзца, иногда очень даровитаго.

Но встрѣчаются порою такіе бальоны судьбы среди скульпторовъ, произведенія которыхъ не остаются незамѣченными и среди такихъ громаднхъ скопищъ картинъ, какъ парижскій Салонъ или международныя выставки Берлина и Мюнхена. Такъ, на послѣдней подобной выставкѣ въ столицѣ Ба-

Больше ребята. Съ карт. Ривьера, грав. Джонъ.

сильи — Аяччио, составляющей передовую пость континентальной Франціи. Приемъ, оказанный властями и населеніемъ города нашимъ морякамъ, былъ такой же восторженный, какъ и въ Тулонѣ, Парижѣ, Лионѣ и Марсели. Энтузіазмъ доходилъ до того, что молодежь вригалась въ экипажъ адмирала. Во все время пребыванія эскадры населеніе устранило всюду адмиралу и нашимъ морякамъ шумныя оваціи, все усиливавшіяся и достигшія невѣроятныхъ размѣровъ при отплытіи эскадры въ Пирей, куда она и прибыла 28-го октября.

Тяжелый шагъ. (Рис. на стр. 1089).

Трудный шагъ! Послѣднее, что еще напоминало о прошлой жизни, о прежнихъ счастливыхъ и беззаботныхъ дняхъ, должно перейти въ руки безсердечнаго торгаша, который и поняти не захочетъ, какъ трудно разстаться съ дорогими вещами. Крестъ, который въ глазахъ старика, пропитаннаго барышомъ и жизнью, является простымъ кускомъ драгоценнаго металла, едва не стоить жизни человѣку, и при взглядѣ на него въ памяти старушки пробѣгаетъ свѣтлою тѣнью та радость, которою охватило ее, когда ея мужъ былъ украшенъ имъ. Старомодная брошь, запыленная, въ почергѣвшей оправѣ, завтра, быть можетъ, будетъ изломана рукою мастерового, сдѣлающаго изъ нея модный пустякъ, украшала ея дѣвственную грудь, когда она съ избранникомъ своего сердца стояла передъ алтаремъ. И все другія драгоценности, брошенные крючковатыми пальцами покушника на все, не могутъ быть оцѣнены на деньги, но жизнь съ ея неотступною нуждою заставляетъ промѣнять ихъ на нѣскольکو рублей, чтобы не умереть съ голоду. Грустно смотря на свои сокровища, старушка точно прощается со своею прошлою жизнью, въ то время, какъ ея дочь свѣтлымъ взгля-

варии невольно останавливалъ передъ собою и заставлялъ любоваться мраморный стрѣлокъ изъ лука, работы Густава Эберлейна изъ Берлина. Граціозная фигура юноши чрезвычайно удачно передана въ гравюрѣ, помѣщенной на стр. 1093.

Нравоучительныя таблицы на оградѣ Сергіевского собора. (Рис. на стр. 1096).

На одномъ изъ угловъ перекрестка одного изъ лучшихъ проспектовъ столицы, „Литейнаго“, въ срединѣ котораго когда-то стояла слобода служителей Литейнаго двора,—и широкой и прямой Сергіевской улицы, красиво возвышается всей гвардейской артиллеріи соборъ преподобнаго Сергія.

Нѣкогда, при артиллерійскихъ слободахъ тутъ была деревянная церковь. Но она сгорѣла, и на ея мѣстѣ была воздвигнута при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ церковь каменная. Въ 1796 году соборъ былъ перестроенъ архитекторомъ Демерцовымъ, и не только въ то время, но и поднесъ обращаетъ на себя вниманіе красотою постройки. На оградѣ, идущей отъ собора вдоль Литейнаго проспекта, развѣшаны большіе картоны, на которыхъ расклеены брошюры нравоучительнаго содержания, житія святыхъ и т. п. изданія, привлекающія постоянно не мало любопытныхъ всехъ слоевъ общества и различнаго возраста, тутъ-же ихъ читающихъ,—и изображенныхъ на рисункѣ нашего художника.

Маленькая гостя въ овчарнѣ. (Рис. на стр. 1097)

Мать, заглянувшая со своимъ ребенкомъ на рукахъ въ овчарню, замѣтила какую-то несправность и, посадивъ малютку на полъ, сказала ей: „посиди тутъ“, и отошла. Въ это время любопытное населеніе овчарни собралось вокругъ нежданной, маленькой

гостыи и, чуя, что она не сдѣлаетъ никому зла, привѣтливо относится къ ней, со вниманіемъ разглядывая ее. И маленькіе барашки подошли къ ней поближе, а она тоже не боится ихъ и смотритъ, точно понимая ихъ взгляды и чувствуя ласку ихъ...

Большіе ребята. (Рис. на стр. 1100).

Невыскательный характеръ итальянца среди благодатной природы его родины сдѣлалъ изъ него лѣтчика, при каждомъ удобномъ случаѣ готово всецѣло отдаться блаженному *far niente*. Въ городахъ, поэтому, можно встрѣтить подчасъ цѣлыя толпы здоровыхъ бездѣльниковъ, лаццарони, лежащихъ на боку въ тѣни какого-нибудь акаціи или дерева и, отъ нечего дѣлать, забавляющихся пустяками, въ родѣ того, какъ тѣ малые ребята, которые воспроизведены на страницѣ 1100 нашего журнала. Тѣмъ не менѣе, для пріѣзжаго или художника въ ихъ лѣтнихъ фигурахъ, посреди чуждой природы, такъ много привлекательно, что картина сама такъ и напрашивается подѣлать кисти художника.

Видъ дома въ Клину, гдѣ жилъ П. И. Чайковскій, и его рабочій кабинетъ. (Рис. на этой стр.).

Покойный композиторъ П. И. Чайковскій, какъ желанный гость повсюду, долженъ былъ, то и дѣло, чтобы исполнить настоячивыя просьбы его поклонниковъ, пріѣзжать то въ Москву, то въ Петербургъ, то въ заграничные города, гдѣ игрался его произведенія, за исполненіемъ которыхъ П. И. выражалъ согласіе слѣдить лично.

Въ большихъ городахъ, среди шума и суеты, конечно, плохо работало спокойному композитору, и для работы уединился онъ въ скромный городокъ Клину, гдѣ арендовалъ небольшой домъ. Видъ этого дома мы помѣщаемъ на этой стр. Здѣсь П. И. жилъ почти одиноко, занимая верхній этажъ, гдѣ помѣщался и рабочій кабинетъ его. Нижний этажъ занимала его прислуга, состоявшая изъ лакея съ женой съ двумя малолѣтними дѣтьми. Этотъ лакей и его семья, чрезвычайно преданные П. И., буквально молились на него, и онъ платилъ имъ искреннею привязанностью. Тутъ П. И. никто не мѣшалъ работать, онъ гулялъ здѣсь въ лѣсу и вдохновлялся тѣми поэтическими образами и грезами, которые онъ потомъ композиторскимъ гениемъ воплотилъ въ волшебныхъ звукахъ и музыкальных картинахъ. Въ Клину П. И.

жилъ много лѣтъ и много здѣсь работалъ; сначала онъ снималъ домъ подѣ Клиномъ, въ такъ называемомъ „Фроловскомъ“

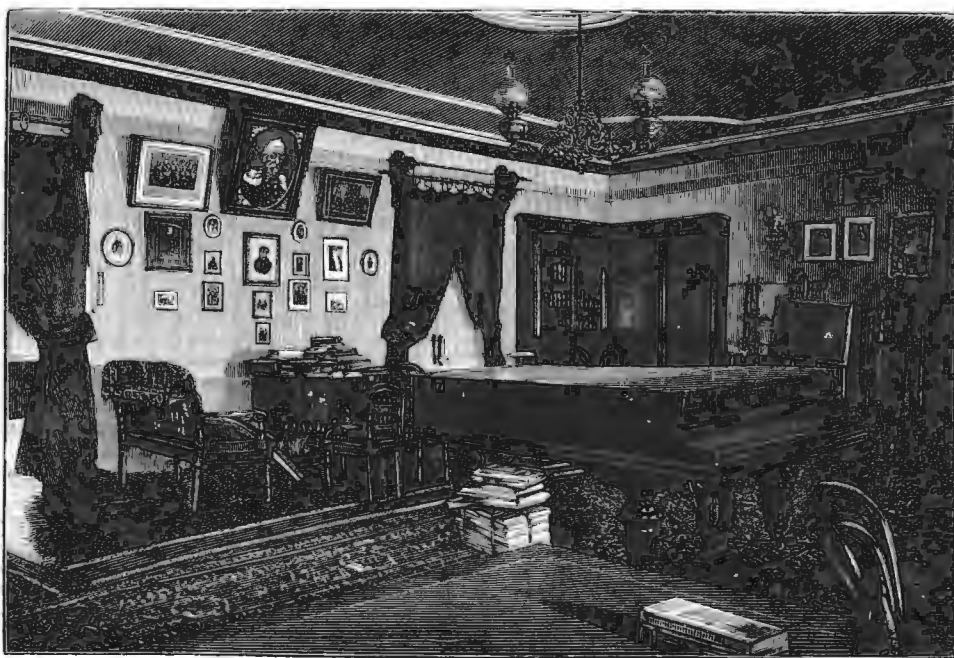
Преосвященный Ювеналій, епископъ Курскій и Бѣлгородскій. (Портр. на стр. 1101).

Преосвященный Ювеналій, вновь назначенный епископомъ

Видъ дома въ Клину, гдѣ жилъ П. И. Чайковскій. Съ фот. грав. Рашевскій.

60-хъ и 70-хъ годахъ пользовалась большимъ уваженіемъ въ Петербургскомъ обществѣ, скончалась въ глубокой старости, 98 лѣтъ, въ 1880 году. Всѣ Половцовы, которые въ настоящее время подвизаются на поприщахъ военной и гражданской службы и въ желѣзнодорожномъ мѣрѣ, принадлежатъ преосвященному Ювеналію племянниками. Преосвященный Ювеналій получилъ прекрасное воспитаніе въ семьѣ, а затѣмъ образованіе сперва въ Артиллерійскомъ военномъ училищѣ, а высшее въ Михайловской артиллерійской академіи, гдѣ онъ окончилъ курсъ первымъ. Еще во время ученія молодой офицеръ Половцовъ ощущалъ потребность идти въ монастырь, но пѣтъ любви къ матери, просившей не покидать ее, откладывалъ свое намѣреніе. 20-ти лѣтъ онъ опасно заболѣлъ; едва начавъ выздоравливать, получилъ отъ матери разрѣшеніе посвятить себя на служеніе Богу. По окончаніи курса въ Артиллерійской академіи, въ 1847 году онъ поступилъ въ число братьевъ Оптиной пустыни; въ 1855 году, послѣ испытанія въ послушаніи, постриженъ въ монашество. Въ монашество онъ поступилъ въ монастырь въ рукоположенъ въ іеромонахи; въ 1857 г. назначенъ членомъ Іерусалимской духовной православной мисіи. Здѣсь его выдающіяся способности и высокое образованіе при безиримномъ смиреніи были замѣчены, и въ 1861 году о. Ювеналій былъ возведенъ въ санъ игумена и назначенъ настоятелемъ Глинской пустыни; а чрезъ годъ былъ возведенъ въ

Рабочій кабинетъ П. И. Чайковскаго. Съ фот. грав. Шюблеръ.

санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Коренной пустыни; въ 1867 году за примѣрное и образцовое управленіе этой обителью архимандритъ Ювеналій былъ призванъ управлять въ качествѣ наместника Свято-Троицкой Александро-Невской лавры; затѣмъ онъ былъ наместникомъ Кіево-Печерской лавры. Послѣ тридцатилѣтняго пребыванія въ архимандричьемъ санѣ, въ 1892 г., вскорѣ послѣ смерти митрополита Исидора, архимандритъ Ювеналій былъ возведенъ въ епископскій санъ. Въ настоящее время преосвященный Ювеналій назначенъ на самостоятельную епископскую кафедру въ Курскъ. Епископъ Ювеналій авторъ многихъ учено-литературныхъ трудовъ, извѣстенъ и въ духовной литературѣ, какъ талантливый писатель. Изъ наградъ Высочайшихъ епископъ Ювеналій имѣетъ орденъ Св. Анны 1-й ст., Св. Владимира 3-й ст. и иностранныя ордена со звѣздами.

Военнопленные на судѣ Афганскаго эмира.

(Рис. на стр. 1104).

Докторъ Д. Э. Грей, главный врачъ при особѣ Афганскаго эмира, рассказываетъ о немъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ слѣдующее: „Его высочество эмиръ отличается очаровательною любовью къ обхожденію; по, увѣ, не съ тѣмъ, конечно, кто возбудилъ эмира противъ себя и испортилъ его расположеніе духа. Я однажды прибылъ на дурбаръ, въ то время, когда его высочество чинилъ судъ надъ хазарскими пѣвчими, захваченными на войнѣ. Эмиръ прервалъ судъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ о моемъ здоровьи, и послѣ небольшого разговора, черезъ переводчика, грозный повелитель уса-

дил меня и велѣлъ угощать чаемъ и папиросами. Въ это время, въ продолженіе двухъ часовъ, я слышалъ грубый голосъ эмира, которымъ онъ выкрикивалъ смертный приговоръ поочередно всѣмъ пѣвчимъ“. Сцена эта изображена на нашемъ рисункѣ.

Князь Альфредъ Виндишгрець. (Портр. на стр. 1105).

Новый австрійскій министръ-президентъ князь Альфредъ Виндишгрець, замѣститель неожиданно сошедшаго съ политической сцены графа Таафе, стоитъ во главѣ вновь образованнаго имъ, такъ называемаго, коалиціоннаго министерства, въ силу своего разнопартийнаго состава, носящаго въ себѣ зачатки быстро разложенія и паденія.

Князь Виндишгрець, внукъ австрійскаго фельдмаршала, родился 31-го октября (нов. ст.) 1851 г. Вступивъ въ военную службу, онъ дослужился до чина оберъ-лейтенанта. При этомъ онъ не оставлялъ своихъ занятій юриспруденціей. Прослушавъ лекціи въ Боннѣ и Прагѣ, онъ былъ удостоенъ степени doctor juris. Послѣ смерти отца, 28-го апрѣля 1876 г., онъ занялъ его мѣсто въ палатѣ господъ, въ которой скоро выдѣлился своимъ краснорѣчіемъ. Въ виду его юридическихъ способностей, по представленію палаты, онъ былъ назначенъ членомъ имперскаго суда, участвовалъ во многихъ важныхъ комсіяхъ и, наконецъ, занялъ выдающійся постъ въ богемскомъ ландтагѣ. Князь Виндишгрець состоитъ, кромѣ того, членомъ первой камеры въ Вюртембергѣ. Благодаря своему спуску съ дочерью князя Винценца Ауэринера, новый министръ-президентъ Австріи пользуется большимъ уваженіемъ въ придворныхъ кругахъ.

Разныя извѣстія.

— 14 ноября, въ высокаторжественный день рожденія Государыни Императрицы, въ церкви Собственнаго Его Величества (Аничкова) Дворца, въ присутствіи Ихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича, Великихъ Князей и Великихъ Князей, была совершена Божественная литургія. По окончаніи Богослуженія, Ихъ Величества принимали поздравленія. Затѣмъ, въ залахъ Дворца состоялся Высочайшій завтракъ. Послѣ завтрака Ихъ Величества съ Августѣйшею Семьею отбыли въ Гатчину.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликована Высочайше утвержденная инструкция о порядкѣ опредѣленія и взиманія государственнаго квартирнаго налога.

— Высочайше повелѣно переименовать гор. Хабаровку въ Хабаровскъ.

— Въ виду особаго почитанія Св. князя Всеволода-Гавриила не только во Псковѣ, но и всюю русскою Церковью, опредѣленіемъ Святейшаго Синода, отъ 3 ноября, разрѣшено почитать 700-лѣтнюю годовщину обрѣтенія

святыхъ мощей этого угодника Божія, день 27 ноября, церковнымъ торжествомъ, согласно желанію гражданъ Пскова, во главѣ съ архимандритомъ, въ особомъ порядкѣ, утвержденномъ Святейшимъ Синодомъ.

— Совѣтъ Русскаго общества охраненія народнаго здравія озабоченъ въ настоящее время составленіемъ возможно полнаго отчета по первой гигиенической выставкѣ, устроенной, по его почину, въ текущемъ году. Съ будущаго года, при обществѣ возникаетъ общедоступный гигиенической музей. Основаніемъ для этого учрежденія послужитъ весьма богатая и разнообразная коллекція предметовъ и веществъ, уступленныхъ съ этою цѣлью обществу многими бывшими экспонентами гигиенической выставки.

— Одновременно съ открываемой Русскимъ техническимъ обществомъ выставкой золотопромышленности и драгоценныхъ металловъ и камней, будетъ созванъ при Обществѣ съѣздъ специалистовъ для обсужденія вопросовъ о нуждахъ золотопромышленности.

— По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ отчетѣ по лѣсному управленію министерства Государственныхъ Имуществъ за 1892 г.,—къ 1 января 1893 г. общая площадь лѣсовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи казеннаго лѣснаго управленія, опредѣлилась въ 226.724,107¼ десятины, заключающихся въ 12,923 дачахъ. Сравнительно съ 1891 годомъ, произошло уменьшеніе общей площади лѣсовъ на 1.005,691¼ дес.

— Въ Юсуповомъ саду, на площадкѣ передъ вновь построеннымъ зданіемъ Общества спасенія на водахъ, выставлена модель погибшаго броненосца „Русалка“. Модель довольно значительныхъ размѣровъ, помещается въ особомъ павильонѣ, близъ рѣшетки сада.

— 12 ноября, въ Москвѣ, открылась выставка картинъ проф. Н. К. Айвазовскаго, сборъ съ которой предназначается въ пользу семей моряковъ, погибшихъ на броненосцѣ „Русалка“. Въ день открытія на выставкѣ перебывало множество посѣтителей.

Политическое обозрѣніе.

Телеграфъ, а затѣмъ газеты распространили по бѣлу свѣту возмутительное извѣстіе о покушеніи на жизнь германскаго канцлера графа фонъ-Каприви. О самомъ событіи сообщаютъ, что въ числѣ адресованныхъ на имя имперскаго канцлера посылокъ, сданныхъ въ дежурную комнату въ воскресенье, 14-го ноября, оказалось письмо, помѣченное Орлеаномъ, отъ 25-го ноября, а при письмѣ небольшихъ размѣровъ ящичекъ, въ родѣ карточекъ для визитныхъ карточекъ. Адьютантъ канцлера, баронъ Эммеьеръ, которому порученъ просмотрѣть всѣхъ адресуемыхъ графу Каприви посылокъ, вскрылъ письмо, вмѣстѣ съ которымъ Дешанто изъ Орлеана (улица Буттоно, 17) прерывождаль образчики сѣмянъ редиски удивительнаго сорта. „Сѣмя ихъ, сообщалось въ письмѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, а въ февралѣ получается плодъ“. Когда майоръ Эммеьеръ сталъ вскрывать перочиннымъ ножомъ ящичекъ, то изъ-подъ крышки ящичка, которая не легко уступала усиліямъ адъютанта, выпало нѣсколько зернышекъ, при чемъ адъютантъ тотчасъ замѣтилъ, что это вовсе не сѣмена редиски, а какъ будто пороховыя зерна. Выпавшія зерна Эммеьеръ положилъ на пенелышцу и приблизилъ къ нимъ зажженную спичку. Зерна вспыхнули. Тогда майоръ послалъ за начальникомъ полицейскаго участка, который взялъ съ собою подозрительный пакетъ. Въ участкѣ ящичекъ прежде всего былъ погруженъ въ воду, а потомъ крайне осторожно вскрытъ оружейныхъ дѣлъ мастеромъ. Тотчасъ было констатировано, что приходилось имѣть дѣло съ точно такою же адекою машиною, какую прошлымъ лѣтомъ взорвало у полицейской гауптвахты въ Шнапдау. Всѣхъ поразило еще то обстоятельство, что адресъ на адекой машинѣ въ Шнапдау былъ написанъ на безграмотномъ нѣмецкомъ языкѣ, а письмомъ, адресованномъ имперскому канцлеру, писано на безграмотномъ французскомъ языкѣ. Въ кругахъ дѣйствіи фран-

цузской колоніи склонны думать, что письмо и пакетъ посланы не обывателями Орлеана, такъ какъ въ Орлеанѣ нѣтъ ни социалистовъ, ни анархистовъ. Гораздо вѣроятнѣе, что письмо и пакетъ сданы были на почту въ Орлеанѣ, чтобы скрыты дѣйствительное мѣсто жительства виновника покушенія. Къ тому же, слогъ письма какъ бы указываетъ на то, что виновникъ покушенія вовсе не французъ. По поводу этого неудавшагося покушенія *Journal de St. Pétersbourg* пишетъ: „Полученная 15-го ноября телеграмма извѣщаетъ насъ о преступной попыткѣ, направленной противъ германскаго имперскаго канцлера. Адекая машина, отправленная изъ Орлеана, какъ сказано въ телеграммѣ, послана была прямо на его имя, и только счастливой случайности графъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Слѣдуетъ обождать разъясненія этого таинственнаго дѣла, для того, чтобы знать, кому должно приписать гнусность этого возмутительнаго преступленія, но какъ то заставляютъ предполагать недавнія злодѣйства—въ случаѣ, если приходится имѣть дѣло съ новымъ преступленіемъ анархистовъ, то это послужитъ лишнимъ доказательствомъ неотложной необходимости принять, наконецъ, серьезныя мѣры къ прекращенію ужасныхъ подвиговъ преступленій, которые, повидному, объявили всему обществу дикую войну! Но прежде всего въ настоящую минуту испытываешь чувство удовлетворенія при видѣ, что покушеніе не удалось. Изъ близкихъ и изъ далекихъ странъ канцлеру Германской имперіи прислали будущіа горячія поздравленія, къ которымъ мы съ полною искренностью присоединяемся“. Черезъ день *Nordd. Allg. Zeit.* сообщила, что императору послана такая же адекая машина, какъ и канцлеру Каприви. Машина тоже отправлена изъ Орлеана въ воскресенье и получена въ гражданскомъ кабинетѣ императора. Дѣйствіе ма-

инны было предпущено счастливою случайностью, вышедшею из подозрѣній.

Journal de St.-Petersbourg, отмѣчая это сообщеніе, говоритъ, „что виновникъ или виновники преступной попытки, къ счастью неудавшейся, направленной противъ г. канцлера Германской имперіи, мѣтили въ то же время еще выше, и что въ воскресенье въ гражданскомъ кабинетѣ императора Вильгельма II получена была посылка, предназначившая для его величества и тождественная съ тою, что была адресована графу Каприви. Хотя, къ счастью, монархъ никакой опасности не подвергнулся, такъ какъ такого рода посылки прямо его величеству не доставляются, нагряненіе совершить ужасное преступленіе все-таки очевидно, и эта гнусная махинація служитъ лишь подтвержденіемъ высказанныхъ нами наканунѣ соображеній. Такъ какъ посылки, о которыхъ идетъ рѣчь, отправлены были изъ Орлеана, то дѣло доведено официальною порядкомъ до свѣдѣній французскаго посольства въ Берлинѣ, и теперь остается ожидать результата слѣдствія, чтобы знать, кому слѣдуетъ приписать попытку къ преступленіямъ, которыя возбуждаютъ негодованіе и осужденіе всего міра“.

Во Франціи и въ Италіи снова министерскія затрудненія.

Вслѣдствіе несогласій среди французскихъ министровъ, кабинетъ вышелъ въ отставку 13 ноября. Сформированіе новаго кабинета встрѣчаетъ не мало затрудненій.

Научныя и техническія новости.

— При легкомъ *отмораживаніи* конечностей свѣтуютъ опухшее мѣсто со всѣхъ сторонъ плотно обклеить каучуковымъ липкимъ пластыремъ. Черезъ три дня наступаетъ полное выздоровленіе.

— Кто желаетъ *продолжать куреніе*, не вредя своему здоровью, тому Вендтъ совѣтуетъ употреблять табакъ, хорошо пропитанный отваромъ водяной конопли (конской гривы—*Otiganum vulgare*) и дубильнаго вещества: такимъ путемъ можно значительно ослабить вредныя дѣйствія заключающагося въ табакѣ никотина.

— *Узкія перчатки* легко *растягиваются*, если ихъ обернуть влажнымъ платкомъ и оставить ихъ въ такомъ видѣ на нѣсколько часовъ. Платокъ не долженъ быть очень мокрымъ, чтобы не испортить цвѣта перчатокъ.

— *Надписи на стеклѣ*, напр., на бутылкахъ и пр., можно дѣлать слѣдующимъ составомъ. Надо приготовить два раствора: одинъ — изъ 36 частей фтористаго (кремневородистаго) натра и 7 частей сѣрникокслаго кали, разведенныхъ въ 500 частяхъ воды; другой — изъ 14 ч. хлористаго цинка и 65 ч. соляной кислоты, растворенныхъ въ такомъ же количествѣ воды (въ 500 ч.). Смѣшавъ обѣ жидкости, получаютъ требуемый составъ.

Писать слѣдуетъ гусинымъ перомъ или кисточкой. Для той же цѣли можетъ годиться арканзасскій или миссисипскій жирный топочный камень въ 4 сантиметра длины и 5 миллиметровъ толщины; надо только надавливать нѣсколько на стекло.

— Братья Люмьеръ *усовершенствовали* изобрѣтенный Липманомъ способъ *полученія цвѣтныхъ фотографическихъ снимковъ*. Цѣль достигнута увеличеніемъ чувствительности пластинокъ до крайнихъ предѣловъ по отношенію ко всѣмъ составнымъ лучамъ благаго свѣта. Результаты получаются великолепные: на фотографическомъ снимкѣ воспроизводятся въ совершенствѣ всѣ мельчайшіе оттѣнки природы и цвѣтовъ.

— При *сильной потерѣ крови* врыскиваніе въ вены двухъ литровъ раствора поваренной соли (по 6 граммовъ соли на литръ воды) бываетъ достаточно, чтобы возстановить пульсъ и дыханіе больного.

— По изслѣдованіямъ доктора Влаева, произведеннымъ въ лабораторіи Военно-Медицинской Академіи, простой, обыкновенный кипятокъ оказывается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для *дезинфекціи* выдѣлений и бѣлья *холерныхъ больныхъ*. Многочисленные опыты, сдѣланные въ этомъ на-

правленіи, доказали, что отъ кипятка всѣ холерныя бактеріи совершенно погибли въ очень короткое время, что, между тѣмъ, даже сулема не всегда приводитъ къ такимъ удачнымъ результатамъ. Г. Влаевъ совѣтуетъ оставлять бѣлье холерныхъ больныхъ на 10—20 минутъ въ кипятокъ; выдѣленія же обливать кипяткомъ такъ, чтобы 8—12 объемовъ (напр., ведеръ) кипятка приходилось на одинъ объемъ выдѣлений. Средство это, помимо своей доступности, удобно еще тѣмъ, что не портитъ вещей, какъ это бываетъ при употребленіи другихъ обеззараживающихъ жидкостей, которыя и не всегда находятся подъ руками въ достаточномъ количествѣ.

— Подвергая электролізу минераль вольфрамитъ, содержащій очень рѣдкій въ природѣ металлъ вольфрамъ, получили недавно *новой* совершенно *сплавъ* желѣза съ вольфрамомъ. Сплавъ этотъ отличается чрезвычайною твердостью и необыкновенной магнитною силою. Въ то время, какъ обыкновенный подковообразный магнитъ изъ стали, вѣсящій одинъ килограммъ, притягиваетъ, въ лучшемъ случаѣ, всего только семь килограммовъ магнита, сдѣланный изъ новаго сплава желѣза съ вольфрамомъ, можетъ выдержать тяжесть въ двадцать разъ большую его собственнаго вѣса.

Искусство.

„*Боабдиль*“, опера Мошковскаго. Зимній театральнй сезонъ открылся съ началомъ сентября. Въ Маринскомъ театрѣ возобновили „*Вражью силу*“ Сѣрова; въ Александринскомъ поставлена трагедія Шиллера „*Коварство и любовь*“, а Малый театръ, въ которомъ серьезная опера будетъ чередоваться съ опереткой, открылъ свои двери никогда неуграбной въ Петербургѣ оперой Мошковскаго; заглавіе ея выставлено въ заголовкѣ; о ней-то и поговоримъ.

„*Боабдиль*“, если не ошибаемся, — первая опера названнаго композитора; онъ извѣстенъ по другимъ родамъ композиціи. „*Боабдиль*“ поставленъ былъ недавно въ Берлинѣ и, по отзывамъ иностранныхъ газетъ, имѣлъ тамъ успѣхъ. У насъ же, несмотря на блистательную для частной сцены обстановку и на старанія артистовъ, весьма добросовѣстно отнесшихся къ своей задачѣ, опера на первомъ представленіи имѣла только *succès d'estime*; причину надо искать въ авторѣ, и мы ее найдемъ, если внимательно приглядимся къ его произведенію. *Le style c'est l'homme*; вотъ стиль-то и не выдержанъ. Опера имѣетъ своимъ сюжетомъ эпоху борьбы испанцевъ съ маврами; Боабдиль — послѣдній мавританскій король, взятый въ плѣнъ испанскимъ королемъ Фердинандомъ. Казалось бы, что музыкальный иллюстраторъ долженъ обратиться къ музыкѣ этихъ національностей; но этого не случилось, или же въ весьма незначительной дозѣ.

Мошковскій написалъ оперу, мало заботясь о такъ-называемой, *couleur locale*, и его музыка носитъ обще-европейскій характеръ, т. е. то, чего здѣсь не ждешь. Кромѣ того, какъ поклонникъ Вагнера, онъ обращаетъ большое вниманіе на оркестръ, иногда во вредъ сценической ситуаци; музыкально-очерченныя характеровъ, за исключеніемъ двухъ, у него нѣтъ. Правда, въ оперѣ есть красивыя страницы, есть отдѣльныя выдающіяся мѣста, кое-гдѣ даже замѣтно стремленіе къ пользованію восточными мотивами, — но въ

общемъ нѣтъ выдержки; произведеніе не оставляетъ цѣльнаго впечатлѣнія. Къ этому нужно прибавить любовь композитора къ речитативной формѣ письма; но его речитативы, къ сожалѣнію, мало-выразительны и малохарактерны для избранныхъ героевъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного лица (Анхсы).

Но если отбросить такія требованія отъ произведенія Мошковскаго, то найдемъ въ „*Боабдиль*“ нѣсколько удачныхъ мѣстъ въ общеперномъ смыслѣ; есть аріи у главныхъ персонажей, есть дуэты, ансамбли (финалы), танцы. Въ каждомъ актѣ, кромѣ перваго, самаго слабаго въ оперѣ, можно найти два-три момента интересныя. И въ этомъ отношеніи обнаружилась неопытность композитора; онъ забылъ, что первое впечатлѣніе самое сильное, и первый актъ, дѣланный ровно часъ и изобилующій больше звуками, чѣмъ музыкальнымъ содержаніемъ, производитъ самое невыгодное впечатлѣніе, расхолаживая слушателей и даже отчасти утомляя ихъ. Последующія два дѣйствія лучше обработаны. Впрочемъ, по сюжету пришлось первый актъ, какъ диспозиціонный нѣсъ, немного растянуть; вотъ, кстати, вкратцѣ содержаніе оперы.

Главный полководецъ испанскихъ войскъ, Кабра, потерялъ свою единственную дочь, Эльвиру, которая похищена маврами; она — рабыня Анхсы, матери Боабдила, и любитъ его, пользуется его взаимностью. Среди плѣнныхъ находится и она, подъ именемъ Зорайи. Когда плѣнные подносятъ испанскому королю дары въ знакъ покорности, умоляя его пощадить жизнь Боабдила и его матери, Зорайя снимаетъ съ себя медальонъ съ портретомъ ея матери, въ которомъ Кабра узнаетъ свою жену, а въ Зорайѣ — похищенную Эльвиру. Король, ради политическихъ цѣлей, даруетъ Боабдилью жизнь, дѣлаетъ его своимъ вассаломъ и, кромѣ того, отдастъ ему руку Зорайи. Кабра, давшій клятву мстить маврамъ, только съ виду соглашается на этотъ бракъ и, когда онъ совершился (во вто-

ромъ актѣ), является за своей дочерью къ Боабдилю. Последний, подстрекаемой матерью къ освобожденію мавровъ и къ возстанію противъ испанцевъ, рѣшается оскорбить знамя послѣднихъ и призываетъ народъ къ оружію. Кабра, желая убить Боабдила, узнаетъ отъ его полководца Юзуфа, въ какомъ мѣстѣ и въ какомъ платьѣ будетъ Боабдиль. Но Зорайя, не желая разстаться съ мужемъ, рѣшается замѣнить его на означенномъ мѣстѣ и падаетъ мертвой отъ руки Кабра. Боабдиль убиваетъ Кабра и самъ съ отчаянія бросается на мечи испанцевъ, убѣдившись, что онъ проигралъ сраженіе и потерялъ жену.

Лучшими страницами по музыкѣ мы бы назвали: обрядъ вѣнчанія (свадебный маршъ), арии Кабры и Анксы, дуэтъ Кабры съ Зорайей въ послѣднемъ дѣйствіи,—большой дуэтъ Боабдила и Зорайи (тамъ же) и такой же дуэтъ его съ матерью. Исполнители — г-жи Политова (Зорайя) и Каренкая (Анка) и гг. Тартаковъ (Кабра) и Любинъ (Боабдиль)—имѣли успѣхъ, и, въ особенности, г. Тартаковъ,—этотъ талантливый баритонъ.

В. Баскинъ.

СМѢСЬ.

„Геніальная мысль“. Такъ называютъ американскія газеты планъ архитектора Бурнгама, давшаго изумительно-неожиданный отвѣтъ на вопросъ: „Что станетъ, по закрытіи всемірной Колумбійской выставки, съ выставочными зданіями?“ Вопросъ этотъ сильно интересуется всѣхъ американцевъ. 31-го октября выставка должна была быть закрыта, и не болѣе какъ черезъ три мѣсяца Джексонъ-паркъ долженъ быть очищенъ отъ всѣхъ построекъ и переданъ въ прежнемъ своемъ видѣ комиссарамъ парка въ Чикаго. Число возведенныхъ въ немъ зданій простирается до 150; изъ нихъ 20 колос-

Преосвященный Ювеналій, вновь назначенный епископъ Курскій и Бѣлгородскій. Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

сальныхъ строеній, могущихъ вмѣстить въ себѣ цѣлый маленькій городъ. Очень немногія изъ этихъ зданій построены настолько прочно, чтобы ихъ можно было оставить на мѣстѣ или вновь возвести на другомъ мѣстѣ. Зданіе отдѣла изящныхъ искусствъ, единственное прочно и устойчиво возведенное изъ всѣхъ официальныхъ зданій, останется нетронутымъ въ воспоминаніе выставки; точно также дѣлаются попытки къ сохраненію на мѣстѣ знаменитаго „ѣмцакаго дома“, рисунокъ котораго былъ своевременно помѣщенъ на страницахъ „Нивы“. Въ Чикаго сильно надѣются, что германское правительство подаритъ его мѣстнымъ иѣмцамъ. Что-же, сиречь, дѣлать съ остальными постройками, которыя никонимъ образомъ не смогутъ противостать разрушительному дѣйствію морозовъ и зимнихъ бурь? Продать ихъ на сломъ? Но тогда можно будетъ за все выручить какихъ-нибудь 200,000 долларовъ изъ тѣхъ 20 милліоновъ, которые были потрачены на постройку этихъ зданій. Единственную цѣнность будутъ имѣть въ такомъ случаѣ лишь желѣзныя скрѣпленія. Давно уже возникла мысль образовать изъ сломанныхъ строеній цѣлый островъ посреди Мичиганскаго озера и на этомъ острову помѣстить въ память о выставкѣ одно изъ зданій ея отдѣловъ. Но при этомъ во-время вспомнили, что бурное Мичиганское озеро быстро разрушитъ всю эту игрушечную для него известковую постройку.. Тутъ-го и пришла въ голову „геніальная мысль“ архитектору Бурнгаму, строителю и главному архитектору Колумбійской выставки. Онъ придумалъ не что иное, какъ въ одинъ прекрасный день предать огню всѣ очищенные отъ экспонатовъ выставочныя зданія, устроить, иными словами, всему этому „мраморному городу“ одно колоссальное „аутодафе“. Американцевъ прельщаетъ эта мысль

Хазарскіе военноплѣнные на судѣ Афганскаго эмира. По рис. Гр.

своей новизной, оригинальностью, неслыханностью, нам хочется видеть этот грандиозный фейерверк. Отстреленные руки и ноги и сожженные дома служат для них обязательным результатомъ каждаго торжественнаго праздника. Этому сумасбродному плану придали они поэтическую окраску: „Какъ изъ ничего возникла въ одну ночь выставка, величайшее чудо свѣта, взомедшее надъ міромъ лучезарнымъ солнечнымъ свѣтомъ, такъ же внезапно и исчезнетъ она въ лучахъ свѣта, озаривъ въ послѣдній разъ всю свою величественную громаду. Только такой конецъ достоинъ такой славной жизни...“ Какъ это звучно, но въ то же время какъ легкомысленна эта затѣя въ городѣ, который разъ уже совсѣмъ выгорѣлъ, который чуть ли не со дня на день ждетъ этого во второй разъ, какъ въ виду своей скученности, такъ и вълѣдствіе постоянно дующихъ тамъ сильныхъ вѣтровъ. Но врядъ ли примутъ чикагцы это во вниманіе,—болно ужъ заманчивъ для нихъ такой волшебный фейерверкъ изъ полудораста пылающихъ огромныхъ зданій. Такимъ образомъ, вѣроятно все, „гениальная мысль“ эта будетъ приведена въ исполненіе. (э.)

Князь Виндишгрецъ, новый президентъ австрійскаго совѣта министровъ. Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

Въ Гаваннѣ, въ 60 факторіяхъ Вуэльто-Абайо ежегодно готовится около 200 милліоновъ сигаръ, изъ которыхъ 70 милліоновъ идутъ въ Америку, 50 мил. въ Англію, 20 мил. въ Германію, 15 мил. въ Испанію, 7 мил. во Францію; остальные 38 мил. направляются въ Швецію, Данію, Россію и т. д. Но въ Гаваннѣ существуетъ еще 100 другихъ факторій, изготовляющихъ низшіе сорта сигаръ въ количествѣ до 150 милліоновъ штукъ, распространенныхъ въ Германію, Англію и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. (э.)

Безвредность хлѣба въ бактериологическомъ отношеніи доказана докторомъ Балланомъ въ Парижѣ. Для проверки предположенія, что печеный хлѣбъ легко можетъ заражаться болѣзнетворными микроорганизмами, содержащимися въ водѣ, которой пользовались для его приготовления, и вводитъ ихъ въ организмъ человека,—докторъ Балланъ изслѣдовалъ температуру только что выпеченныхъ хлѣбовъ. Вложенный въ нихъ мякишъ термометръ показалъ +110° по Цельсію. При такой температурѣ безусловно погибаютъ всевозможныя бактерии.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Получивъ нѣсколько запросовъ со стороны гг. подписчиковъ относительно объема новыхъ ежемѣсячныхъ

„ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“

даваемыхъ въ будущемъ 1894 г. при журналѣ „Нива“, сверхъ 12 книгъ сочиненій Э. М. Достоевскаго,—считаю долгомъ заявить, что „Ежемѣсячныя литературныя приложенія“ будутъ содержать въ себѣ приблизительно столько же литературнаго матеріала, сколько помещалось въ книгахъ „Сборника Нивы“.

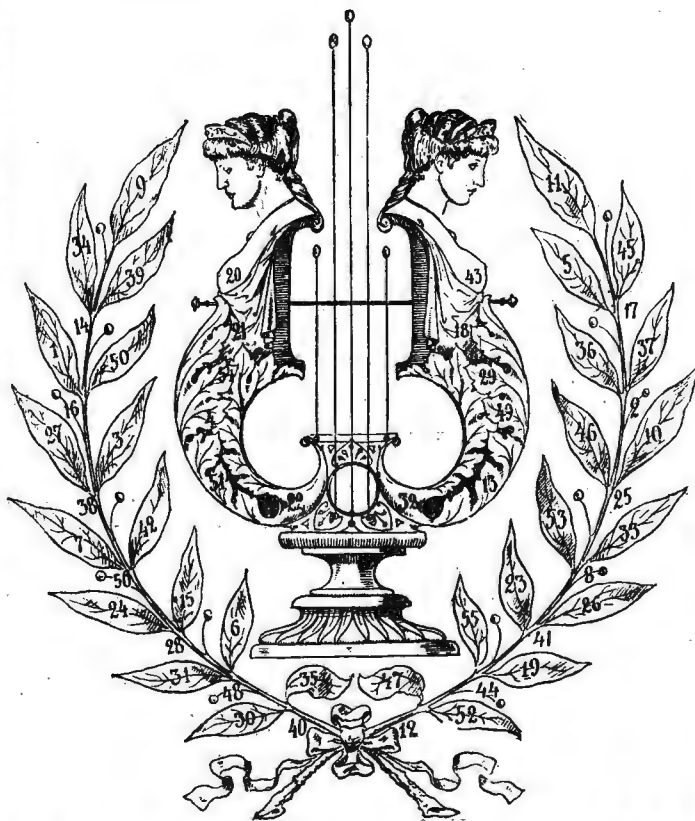
„Ежемѣсячныя литературныя приложенія“ будутъ выходить въ серединѣ каждаго мѣсяца, а сочиненія Э. М. Достоевскаго въ началѣ каждаго мѣсяца.

Задача № 22. Н. В. П.

Требуется найти *десять* словъ, значенія которыхъ слѣдующія:

- 1) Знаменитый музыкантъ 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.
- 2) Богиня 9. 10. 11. 12.
- 3) Городъ въ Италіи 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19.
- 4) Музыкальный инструментъ 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26.
- 5) Мѣра времени 27. 28. 29. 30.
- 6) Танецъ 31. 32. 33. 34. 35. 36.
- 7) Вулканъ на югѣ Европы 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43.
- 8) Плоскогоріе въ Азій 44. 45. 46. 47. 48.
- 9) Озеро въ Финляндіи 49. 50. 51. 52. 53.

10) Напитокъ 54. 55. 56.
Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ чиселъ прилагаемаго рисунка такъ, чтобы въ лирѣ получилась фамилія композитора, а въ вѣнкѣ названія его произведеній.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1894 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

По той-же причинѣ Контора проситъ всѣхъ желающихъ подписаться на „Иллюстрированную бібліотеку Нивы“, содержащую въ себѣ на 1894 г. „Всеобщую исторію“ проф. О. Іегера, поспѣшить присылкою требованій и подписныхъ денегъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Дарья д'Анчуткина и баннирсній теноръ безъ граціи. Изъ воспоминаній моего пріятели. Повѣсть Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе).—Воспоминаніе о Памирскомъ походѣ 1892 г. Залиски очевидца Б. Л. Тагѣва. (Продолженіе).—На кливерѣ. Разсказъ Гергарда Бозра.—Праздникъ трехъ главныхъ русскихъ орденовъ. Очеркъ В.—Къ рисункамъ: Татарка (съ рис.).—Русская эскадра на пути изъ Алячю въ Пирей (съ рис.).—Тяжелый шагъ (съ рис.).—Стрѣлокъ изъ лука (съ рис.).—Нравоучительныя таблички на оградѣ Сергіевскаго собора (съ рис.).—Маленькая гостя въ овчарѣ (съ рис.).—Большіе ребята (съ рис.).—Видъ дома въ Илну, гдѣ жилъ П. И. Чайковскій, и его рабочей кабинетъ (съ 2 рис.).—Пресвященный Ювеналій, епископъ Курскій и Бѣлгородскій (съ портр.).—Военнопѣльнице на судѣ Афганскаго эмира (съ рис.).—Князь Альфредъ Виндишгрецъ (съ портр.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣвіе.—Научныя и техническія новости.—Искусство. „Боддиль“, опера Мошковскаго.—Смѣсь.—Отъ издателя.—Задача.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—Объявленія.

ПОЗДРАВЛЯЕМУ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ!
 XIX годъ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ годъ XIX.
„СТРЕКОЗА“.

Есть вещи, которымъ свойственно вызывать всегда, всюду и у всѣхъ только одно чувство: чувство радостнаго удивленія.

Въ ихъ числу безспорно принадлежать и премія „Стрекоза“.

Въ нынѣшнемъ 1893 году ихъ было три. Всѣ онѣ уже лежатъ у васъ на столѣ.

Отъ добра добра не ищутъ. Можно и повторить, съ вариантомъ, то, что хорошо.

Въ 1894 году приложениями къ годовой подпискѣ на „Стрекозу“ будутъ служить:

1) II-ой томикъ **„РУССКОЙ ЛИРЫ“**

въ роскошномъ переплетѣ. Въ составъ его войдутъ наиболѣе удачныя стихотворенія вѣнцы преимущественно поэтовъ повѣйшаго времени.

2) Роскошный

АЛЬБОМЪ-КАЛЕЙДОСКОПЪ

in folio, въ изящной обложкѣ, отпечатанный на превосходной бумагѣ и содержащій разнообразныя вещи изъ области живописи, литературы, музыки, игры, задачъ и гаданий и проч. Эта небывалая главная премія „Стрекозы“ будетъ первымъ у насъ по своей оригинальности изданіемъ.

Наконѣцъ 3-ю премію составитъ

КАЛЕНДАРЬ „СТРЕКОЗЫ“ на 1895 годъ,

съ многочисленными рисунками, но вкусъ парижскихъ новогоднихъ „альманаховъ“.

Въ журналѣ будетъ открытъ новый отдѣлъ—франко-русскій. Въ немъ обѣщали принять участіе: Pierre Cubat, Sarah Bernard, Cornelius Herz, прозванный Moribond и два поэта—солдата: французскій—Дерудель и русскій—Петръ Мартыановъ, доставившій намъ уже свой великолѣпный переводъ извѣстнаго гимна парижскихъ бульвардьеръ „Rien n'est sacré pour un sarrien!“ („Nicht nie sviato dla sarriogal!“)

Въ „Стрекозѣ“ будетъ продолжаться „Юмористическая философія“ и кромѣ того, посылно будутъ разрабатываться нѣкоторыя отрасли самой повѣйшей русской философіи, какъ-то: травояденіе (вегетарианство), ничего-недѣланіе, саможое мастерство, факирская догма, анти-курение и злу-непротипленіе. Кромѣ того подняты и разсмотрѣны будутъ вопросы: однимъ мужичино „О всеобщемъ истребленіи женщинъ“ и одною дѣвучею (старою) „О всеобщемъ истребленіи мужчинъ“. Послѣ напечатанія этихъ трактатовъ, авторы ихъ будутъ немедленно обвиняны на счетъ журнала.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ съ преміями:	ПО 1/2 ГОДИЯМЪ безъ преміи:
въ СПб.—гдѣ безъ доставки 8 р. 50 к.	въ СПб.—гдѣ безъ доставки 4 р. 25 к.
съ доставкою 9 р. —	съ доставкою 4 р. 50 к.
во всѣ города 10 р. —	во всѣ города 5 р. —
за границу 12 р. —	за границу 6 р. —

1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться преміями, при подпискѣ на оба 1/2 годія доплачиваютъ по 50 к. за каждое.
 Редакция и контора помѣщаются: 80, Фонтанка, на углу Лештукова пер., въ СПб.
 Издатель Г. И. Корнфельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Бука).

ОБУЧЕНІЕ НА ГИТАРЪ,
 посредствомъ лекцій-корреспонденцій, съ ручательствомъ за успѣхъ, предлагаетъ музыкальная торговля С. М. Афроимовой, въ Тюмени, Тоб. г. Условія за 4 7-ми в. марки.

Семь разъ удостоены первыя награды.
СКРИПКИ,
 самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаема по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ. знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Футляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовыя инструменты. Новая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаци отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Зингеръ и проч. Подѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ бесплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
 Фабрика струнныхъ инструментовъ.
 П. № 6648 Крещнахъ. 4—1

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

В. Б. ЖУКОВСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНАГО ЗАВОДА
КРУМРЕЙНЪ и КАЦЪ.
 ЛЬСОПИЛЬНЫЯ РАМЫ, ПИЛЫ, СТАНКИ ДЛЯ РАЗНООБРАЗН. ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА
КРАСИВО ПИСАТЬ
 выучивается всякій заочно (посредствомъ перенески) въ 15 уроковъ у ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ
А. КОССОДО.
 Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52—30
 За 2 семиконѣчныхъ марья высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“
 (31-й годъ изданія).

Въ Москвѣ		На города		За границу	
съ доставкой:		съ пересылкой:		съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
6	50	6	—	6	—
3	30	3	50	3	80
1	30	1	50	1	90

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му юня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невозможности денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.
 № 6633 3—3

ЛЕНИНГЪ и ГИОЗИНГЪ НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО КОНГО
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
„ВЫРОЖДЕНІЕ“ Макса Нордау.
 Безъ предварительной цензуры.
 Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементновскаго. Изданіе Ф. Павленкова совершенно закончено: въ него вошли двѣ книги нѣмецкаго подлинника. Цѣна 1 р. 50 к. М. № 6659

Большая Сѣверная Гостинница
 С.-Петербургъ, Невскій пр., 118.
 Заново отдѣланные номера въ количествѣ ста пятидесяти, цѣною отъ 1 р. 25 к. до 15 р. въ сутки, помѣсячно по соглашенію. Ежедневно завтраки изъ 2 блюдъ 75 коп., обѣды 1 р. и 1 р. 50 к. Одинъ разъ въ недѣлю отъ 5 до 8 ч. вечера обѣды съ музыкой—съ водкой и закуской 2 р. 50 коп. съ персоной.
 С. № 6644 3—2

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность, механизма и вѣрность хода.
 Новый иллюстрир. преисъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.
 В. № 6554 6—5

EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для brunetокъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 6420 (88)

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
 А. ЛЕМЕРСЬЕ.
 Средство для смягченія кожи рукъ и лица.
 Цѣна 35 коп.
 Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просятъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Дѣпо у А. Ралле и К. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. III. № 6449 28—23

УКРАШЕНІЕ для ЕЛОКЪ
 для гг. иногородныхъ составлены коллекціи:
 въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.
 и каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекціи въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодны для большіхъ семействъ, школъ, пріютовъ, базаровъ, собраний, благотворительныхъ цѣлей, пансіоновъ и пр.
 Покорнѣе прошу дать заказы на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новости, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.
 Товаръ перес. наложен. платежѣмъ. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31. **БАЗАРЪ** **МАРОКЪ.**

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ
 искусственными **БРИЛЛАНТАМИ:**
 БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ НАКЛАДКИ такъ что трудно отлич. отъ наст. брилліант.
 № 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
 № 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6578 8—7
 № 355. Золотыя серьги на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
 № 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к.
 № 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
 № 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к.
 № 306. Золотая брошка съ 8 брилліантами, похоже на браслетъ № 401. Шт. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к.

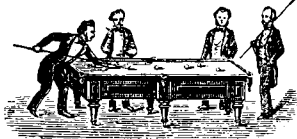

№ 6660

ЛУЧШИЙ ИНСТРУМЕНТЪ
ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ

для домашнего развлечения и вечеринок, красивый и прочный, играет громко. Ноты металлически никогда не портятся. Большой выбор пьес: русскія пьесы, духовныя пьесы, танцы, изъ оперъ и пр. Пьеса органу-соловей съ 10-ю пьесами по выбору 50 и 60 р. Каталогъ пьесъ бесплатно. Русско-французскія физь-гармони по 80, 75 и 1 р., а также и все другіе инструменты въ большомъ выборѣ лучшаго качества. Прейсъ-курантъъ всемъ инструментамъ высылаются бесплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно.

Рекомендуетъ фабрика музыкальных инструментовъ
Д. АЛЕКСАНДРОВА
въ С.Пб. Делю: Невскій пр., № 55.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.

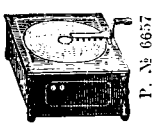
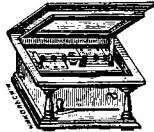
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-22
Иллюстрированныя преиьсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Выписывайте заблаговременно

КЪ ПРАЗДНИКУ
КАРМАНЫЕ ЧАСЫ

только 4 р. 50 к.

Английскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. 5 штукъ — 20 руб. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всехъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 66-0

АРИСТОНЪ-МАЛЮТКА

мал. ручная органъ съ 10-ю пьесами 8 р.

СИМФОНИОНЪ

музык. ящикъ съ мѣлководными нотами, ручные 8 р., заводные 18 р., 35 р. и 55 р.

У КУЛИКОВА.

Москва, Маросѣйка, домъ Еремьева. Прейсъ-курантъъ бесплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. Высыл. Безпл.

Г. ВЕЙСЪ

56, НЕВСКІЙ ПРОСП.
Обувь мужская, дамская и дѣтская, громадный выборъ готовой и галашъ Фетра*. Обувь моего издѣлія отличается изяществомъ отдѣлки, легкостью, новизною фасоновъ и доброкачествомъ матеріаловъ, чему служатъ доказательства полученная въ Парижѣ золотая медаль и медаль въ Чикаго. Для удобства публики значительно увеличенъ магазинъ. Все заказы выполняются аккуратно и хорошо подъ личнымъ надзоромъ. Также обувь моего издѣлія можно получать единственно: въ Ростовѣ на Дону у П. И. Ильина, въ Одессѣ у Визюновича и Кукуринича, въ Харьковѣ у Прикъ и Токаревой, въ Кіевѣ у Шабардина. № 6646 4-2
Простите требовать злыма магазина.
Въ С.-Петербургѣ единственно лишь въ моемъ магазинѣ, Невскій, 56. Г.г. иногороднихъ просятъ присылать старый саногъ для мѣры, которая по изготовленіи колодки всегда будетъ вѣрнѣе въ магазинѣ.

НОВОСТИ КОШЕЛЕНЬ-ПОРТМОНЪ

Типъ-Топъ
превосходно сдѣланъ изъ тулосевои кожи съ 3 отдѣл., съ никелированъ замкомъ. Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ съумѣетъ открыть Типъ-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоши, очень вѣстительный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (10)
3 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
С. Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20-31.

КЪ РОЖДЕСТВУ!
ДЛЯ ЕЛКИ!!!

КОЛЛЕКЦІИ УКРАШЕНІЙ
въ 3, 5, 8, 10 р. и т. д. до 75 руб.
Каждая коллекція составлена такъ, чтобы получалась роскошно убранная елка. Особенно превосходная коллекція специально для: болыиизъ семействъ, школъ, пріемовъ, базаровъ, собраній, благотворительн. Обществъ, пансіоновъ и проч.
При требованіи коллекцій для благотворительныхъ Обществъ, школъ и пр. слѣдуетъ, кромѣ цѣны, упомянуть о количествѣ дѣтей, такъ какъ дане самыя дешевыя коллекціи составляются тогда съ болыиизъ выборомъ скориризовъ для каждого.
Высылка первою почтой наложеннымъ платежемъ. Ц. № 6604 4-4
Пересылка за счетъ покупателя.
А. Г. РЕЙНГЕРТЪ Складъ аптек. и парф. товар. С.-Петербургъ, Гороховая, 26-40.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ЗАКАЗЪ БАНДЪ 28 КОП.
СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ
СТУПИНА НА 1894 г.
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ АВГУСТЪЙШАГО СЕМЕЙСТВА, 72 ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ (поэты и беллетристы, продолженіе) и приложенъ стѣнного календаря, карты Европ. Россіи въ краскахъ и карты Сибир. жезл. дорр. Благодаря богатству содержания, полнотѣ и точности справокъ, свѣдѣній, а также изящест. рисунковъ и портретовъ, онъ заслуживаетъ множество лестныхъ отзывовъ и поощреній. На 1 р. высыл. Б. изд., на 2 р. 11 экз., на 3 р. 18 экз. ПОЛУЧАТЬ МОЖНО У ИЗДАТЕЛЯ
А. Д. СТУПИНА МОСКВА, РАДОМЪ СЪ РЕМЕСЛЕННОЙ УПРАВОЙ. Склада въ С.-Петербургѣ у ТУЗОВА, КУЗИНА, СЫТИНА и ПАНАФИДИНА и у всехъ книгопродавцевъ въ Россіи.
Р. № 6656 2-1

Поступили новыя книги въ продажу:
МЫСЛИ О БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Мысли благоговѣйнаго христіанина о церкви или обществѣ вѣрующихъ, о храмѣ, о литургіи и о православномъ богослуженіи вообще. Изъ дневника Кронштадтскаго протоіеря Іоанна Ильича Сергіева. М. 1894 г. Ц. 1 р., въ перелт. 1 р. 50 к., въ хорошемъ 2 р.

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.
Изъясненіе изъ дневника протоіеря Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго). М. 94 г. 2 тома съ портрет. автора, исполнен. фототипіей. Ц. 2 р. 50 к., въ перелт. 3 р., и колени. 3 р. 50 к. ПРОДАЮТСЯ у книгопродавца А. Д. Ступина, Москва, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Управой. На пересылку прошу прилагать 20 коп. на каждый рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
XXV годъ. на 1894 г. годъ XXV.

Въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочими, слѣд. произвед.: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіогр. архим. Фотія.—За полстольтія, мемуары донт. А. И. Ильинскаго.—Записки П. Н. Галцова.—Записки С. Н. Глинни.—Записки принца Евгенія Виртембергскаго.—Воспом. А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго.—Записки А. Т. Болотова.
Въ 1893 году редакція начала новый отдѣлъ: „Обзорніе историческихъ журналовъ“. Давал краткое содержаніе помѣщаемыхъ въ нихъ статей, редакція „Русской Старинѣ“ такимъ образомъ знакомитъ своихъ читателей съ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ.

Въ книгахъ будутъ помѣщены ПОРТРЕТЫ выдающихся русскихъ дѣятелей.— Журналъ выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца. № 6595 3-3

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.
Иногородн. подписки. адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главн. контору редакціи журнала „Русская Старина“ С.Пб. Фонтанка, 145. Кромѣ того подписки принимаются въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главнѣхъ книжныхъ магазинахъ.
За своевременную акуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана черезъ редакцію журн. „Русская Старина“: С.Пб., Фонт. 145. МОЖНО ПОЛУЧИТЬ въ редакціи журн. „Русская Старина“ за 1870, 76, 77, 78, 79, 80 гг. по 9 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ, и за 1881, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92 и 93 гг. по 9 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ..

БЕЗПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ
журнала „БУДИЛЬНИКЪ“ на 1894 годъ.

Годовые подписчики на „Будильникъ“ въ 1894 г. (въ Москвѣ 9 р., а для иногороднихъ 10 р.) выигрываютъ:
1) 200,000 курьезныхъ фактовъ столичной и провинціальной жизни.
2) 75,000 карикатуръ общественной жизни, политики и театра.
3) 10,000 (а можетъ быть и меньше) художественныхъ карикатуръ знаменитаго карикатуриста Ф. Гретца изъ Вѣны, приглашеннаго къ участію въ 1894 г. въ журналѣ „Будильникъ“.
4) Постоянное приложеніе къ каждому изъ 50 номеровъ журнала съ а) юмористическимъ календаремъ, б) веселыми пьесами текущаго репертуара и в) разсказами изъ иностранной юмористики.
5) Годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, главный выигрышъ:

„ФАУСТЪ“
безсмертное твореніе Гете, въ лучшемъ переводѣ Н. В. Трунина, съ десятью болыиизъ иллюстраціями художника-академика Н. А. Савицкаго, исполненными фототипіей О. Ренаръ.
Полугодовые подписчики (въ Москвѣ 4 р. 50 к., для иногороднихъ 5 руб.) получаютъ половину выигрышей, но безъ права на главный выигрышъ („Фаустъ“). № 6651 5-1
По письменному соглашенію, ред. журн. „Будильникъ“ великодушнo допускаетъ разсрочку: 5 р. при подускѣ и 5 р. 1 июня 1894 г.
Подписная деньгъ—10 р. за годъ и 5 р. за 1/2 г.—просить адресовать: ВЪ МОСКВУ, въ редакцію журн. „Будильникъ“

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условнымъ обрам. письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15-3

КРАСКА
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневыи прочный цвѣтъ,—смотря по надобности (14) свѣтлѣе и темнѣе. № 5924
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
Главный складъ А. Энглуида, С.Пб., Михайловская н.л., 2, д. Жербина. Получить можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанскій, 12 и во всехъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

PARFUMERIES
aux
Violettes de Parme
ED. PINAUD
Savon.... aux Violettes de Parme
Essences... aux Violettes de Parme
Huile.... aux Violettes de Parme
Poudre de Riz aux Violettes de Parme
37, BOULEVARD DE STRASSBOURG
PARIS
GRAND PRIX
EXPOSITION-PARIS 1889

ПОЛЕЗНЫЕ И ПРИЯТНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:

САМАГО ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА ПО КРАЙНЕ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

ГАРМОНИИ
Фабрики Кальбе, лущилъ въ мѣрѣ:
Однорядная въ 5 1/2, 6 1/2, 7 1/2, 8, 8 1/2,
9, 9 1/2, 10, 10 1/2, 11, 12, 12 1/2, 14, 15,
18, 24 и 30 руб.

Двурядная въ 16, 18, 22, 24, 28, 30
и 36 р. и въскія въ 22 руб.

Трехрядная въ 75
руб. и въскія въ 30, 50 и 75 руб.

ОКАРИНЫ
60 к., 75 к., 1, 1 1/2,
2, 2 1/2, 3 1/2, 5 и 7 р.

ПАЛКА - ФЛЕЙТА
1, 2, 3 и 5 р. Легко
играть на ней.

Инструменты и
ноты для дѣт-
скихъ симфоній.

Дѣтскія трубы въ
75 к., 3 и 5 р.

Дѣтскія металлофо-
ны въ 1 1/2, 2 1/2 и 6 р.

АНГЛІЙСКІЯ
КОНЦЕРТИНО
по 24, 30, 40, 55, 70,
85, 100, 125, 140, 160,
200 р. и дороже.

Музыкальныя
икатулки
малыя съ ручкой
въ 2 и 3 руб.

Малыя заводныя въ
6, 9 и 15 руб.

Большія заводныя
въ 22, 28, 45, 65,
80 р. и дороже.

Большія заводныя
съ колокольчиками
и барабаномъ въ
150 и 200 руб.

ПОДСТАВКИ
ДЛЯ ЕЛКИ
съ музыкало 45 руб.

СИМФОНІОНЫ
Съ ручкой 7 руб.
Пьесы по 35 коп.
Заводныя 18 руб.
Пьесы по 35 коп.

Заводн., 60 тонн. 35 р. Пьесы по 70 к.
Заводн., 84 тонн. 55 р. Пьесы по 85 к.
Заводныя, 84 тонн. Sublime Harmonie
100 р. Пьесы по 1 р. 10 к.

Заводныя Sublime Harmonie Piccolo
150 р. Пьесы по 1 р. 75 к.

ФИСТАРМОНИИ
лучшихъ американскихъ и француз-
скихъ фабрикъ, а также избѣтнѣйшей
фабрики Шидмайера, рекомендованной
Главачемъ, Гензельтомъ, Листомъ и
другими въ 100, 125, 130, 160, 170, 180,
190, 200, 210, 225, 250, 300, 325, 350,

375, 400, 500, 700, 800, 1000 и 1200 р.
ФЛЕЙТЫ
по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60,
75, 85, 120 и 160 руб.
КЛАРНЕТЫ
по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 р.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ
цѣна 7 руб. Пьесы по 25 коп.
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ
цѣна 25 р. Пьесы по 60 коп.
ГЕРОФОНЪ
съ приспособ. для громкой и тихой игры.
33 руб. Пьесы по 60 коп.

Малый Фениксъ
цѣна 14 руб.
Ноты по 40 коп.

Фениксъ-органъ
цѣна 35 р.
Пьесы по 80 к.

ОРКЕСТРЪ-
МАНОПАНЪ
очень удобенъ для
танцевъ. Цѣна 75 р.

Ноты по 1 р. 40 к.,
2 р. 80 к. и др.

ПИАНО-
МЕЛОДИКО
(новый механиче-
скій инструментъ
со струнами) цѣна
инструмента безъ
нотъ 100 р. Ноты
отдѣльно по 80 к. за
метръ (= 1 1/2 арш.).

Сяюнграціи
пiano - оркестри-
онъ цѣна 250 р. Но-
ты по 80 к. метр.

Механическое
пьянино
прекрасн. и практи-
ченъ инструментъ,
можно играть по-
средств. верч. руч-
ки и какъ на обы-
кновенн. пѣнино.
Цѣна 600, 700 р. и
др. Ноты по 1 р.
50 к. за метр.

Механическій
пьянистъ.
Ашарать, который
можно приставить
къ роялю или пѣ-
нино, и посред-
ствомъ верч. ручкою
артистически вы-

полнить всевозможныя пьесы. Цѣна
450 р. Ноты изъ картона за метръ
1 р. и 1 р. 50 к.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ТАМЕРЪ.
Цѣна 200 р.

Ноты по 1 р. 50 к. за метръ (= 1 1/2 арш.).

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 31 и 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарина.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

СКРИПКИ
по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30,
40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки по 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5,
10, 15, 20, 30 и 60 руб.
Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величинъ для

дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ, какъ и
большія.
КОРНЕТЫ-А-РИСТОНЪ
по 12, 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 90,
100, 150 и 250 руб.

полить всевозможныя пьесы. Цѣна
450 р. Ноты изъ картона за метръ
1 р. и 1 р. 50 к.
МЕХАНИЧЕСКІЯ ТАМЕРЪ.
Цѣна 200 р.
Ноты по 1 р. 50 к. за метръ (= 1 1/2 арш.).

Только что вышла во II изданіи, съ удачнымъ портретомъ:
„У МОГИЛЫ
ЧАЙКОВСКАГО“
Элегія для фортеп. въ 2 руки
сочин. А. Шеферъ, 75 коп.
Имѣется у издателя
Юлія Генриха ЦИММЕРМАНЪ.
С.-Петербургъ: Б. Морская, 40.
Москва: Кузнецкій мостъ, д.
Захарина.
Высмака немедленно.

САРПИНСКІЯ НОВОСТИ
РУЧНОГО ТНАЧЕСТВА.
НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ОБРАЗЦОВЪ
на сезонъ 1894 года
Ц. № 6661
АЛЬБОМЪ
высмакается съ 1 декабря 1893 года
за 21 коп. марками.
ПРОДАЖА РОЗНИЧНАЯ И ОПТОВАЯ.
Адресъ: Саратовъ, складъ сарпинскъ
М. Баранкинъ и А. Гавриловъ.

Г. Шерешевскій и К°.
СПБ. Невскій пр., № 60, противъ Анчи-
кова Дворца, продаетъ выгршныя
билеты съ уплатою долга по частямъ:
I и II займовъ съ задатк. 20 р. на бл.
III (Двориск.) „ „ 10 р. „
Проценты лишь съ остатка долга.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ З. БУРХАРДЪ СПБ.
ГОРОХОВАЯ УЛ., у Краснаго моста, № 17.
Часы никель отъ 6 р. 50 до 15 р.
стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
серебр. отъ 12 до 50 р.
золот. отъ 15 до 500 р.
регуляторы двуи недельнаго
забвда отъ 17 до 35 р.
Высмака наложен. платежъ. Иллюстр.
прейсъ-куранты бесплатно.

! НОВОСТИ! ДУХИ
„НОЧНАЯ КРАСАВИЦА“.
! НОВОСТИ! ДУХИ
„СУВЕНИРЪ“
КРОНШТАДТЪ-ТУЛОНЫ.
ИЗОБРѢТATEЛИ ДУХОВЪ
„ПЕРСИДСКОЙ СИРЕНИ“
ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К°.
Невскій. № 30. № 6653 2-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ
НА
ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ
„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА“
(ГОДЪ ВОСЬМОЙ). № 6658
Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой — 5 р.; для фельдшеро-
в, фельдшерницъ и акушерокъ — 3 р. Подписка принимается: въ С.-Петер-
бургѣ; въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера; въ г. Воронежѣ, въ
конторѣ редакціи, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

К. ФАБЕРЖЕ
ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ
БРИЛЛАНТОВЫЯ, ЗОЛОТЫЯ и СЕРЕБРЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Санъ-Галли.
Съ цѣлю дать публикѣ извѣстное руководство при заказахъ, фирма предприняла
изданіе НОВАГО ПРЕЙСЪ-КУРАНТА
въ которомъ помѣщено до 250 иллюстрацій. Всѣ рисунки представляютъ собою
фотографическія снимки съ натуры и такимъ образомъ изображаютъ именно то,
что имѣется въ магазинѣ. Подобный прейсъ-курантъ служитъ превосходнымъ по-
средникомъ между фирмою и иногородними заказчиками.
Прейсъ-курантъ высмакается бесплатно. Ц. № 6642 2-2

ПРУШИНСКІЙ Спб., Невскій, 20.
ВЕСЬ СЕКРЕТЪ КРАСИВАГО ПОЧЕРКА.
Печатается и въ началѣ декабря выйдетъ
изъ свѣтъ: КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНАЯ
КНИЖКА для чиновъ и служителей город-
ской, уездной и сельской полиціи и чиновъ
жандармскихъ управленій. Изданіе Москов-
скаго Юридическаго книжнаго магазина А.
Ф. Скорова (Москва, Неглинная, 13).
Календарь состоитъ изъ двухъ частей въ 20
печатныхъ петитомъ листовъ, будетъ излющю
переплетенъ и снабженъ грифельной дочечкой,
карандашемъ и грифельмъ. Цѣна 1 р., съ пер.
1 р. 25 к. Выписывающіе отъ издателя не ме-
нѣе 10 экземпляровъ за перес. не платятъ.

НУЖНО ИМѢНІЕ устроен. при рѣвкѣ бл. ст.
до 50/т. подробно: Москва, Б. Дмитровка,
д. Явваго, кв. № 6, Р. А. Ремизовой.
Тутъ-же продаютъ имѣніе, Виленскій губ.,
18 в. отъ ст. Пет.-Варш. ж. д. Земли 800 дес.,
соснов. стар. лѣсъ, луга и пашни; живописная
и здоровая мѣстность. Старинная барская
усадьба на выск. берегу больш. рыбн. озера.
Полное хозяйство, инвентарь и скотъ.
Арендныхъ статей 2400 р. въ годъ. Цѣна 35/т.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
НАУЧНАЯ СЪ 12 Р. ДО 500 Р.
СОБСТВЕННАЯ МАСТЕРСКІЯ,
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

При этомъ № прилагаются для гг. иногор. подписч. 2 объявленія: 1) отъ Банкирскаго дома Генриха Блоннъ въ СПБ. 2) Отъ Конторы журнала „Велосипедистъ“ въ СПБ

ПОДАРКИ КЪ РОЖДЕСТВУ!

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

СКАЗКИ

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО
со множествомъ иллюстрацій П. ГРОТЪ-ЮГАННА.

Образецъ небольшихъ рисунковъ-иллюстрацій къ «Сказкамъ», гравированныхъ лучшими иностранными граверами, какъ Брендамуръ и др.

Не многія книги пользовались всюду такимъ громаднымъ и постояннымъ успѣхомъ, какъ этотъ классическій сборникъ произведеній народнаго творчества. И не удивительно! Едва заглянемъ въ него и перевернемъ нѣсколько страницъ, какъ уже перель нами начинаютъ нескончаемую вереницею проноситься легкіе и высоко-поэтическіе образы «Спящей красавицы», «Снѣгурочки», беззавѣтно-преданнаго Юганна, чудодѣвъ-карликовъ и грозныхъ великановъ, игривыхъ фей и русалокъ, величаво-важныхъ сказочныхъ королей и королевъ...

Другою важною стороною «Сказокъ» братьевъ Гриммовъ является ихъ общедоступность, общедоступность для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ классовъ общества, всѣхъ состояній... Ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ будетъ читать и простолюдинъ, и знатный, и бѣднякъ, и богачъ, и юноша, и старецъ... А въ смыслѣ семейнаго, домашняго чтенія — это настоящий кладъ, особенно, по тому «воспитательному» значенію, какое имѣютъ народныя сказки.

Многіе художники пытались воспроизвести сказочные образы этой сокровищницы, но никому доселѣ не удалось проявить въ иллюстраціи къ сказкамъ такого богатства фантазіи, такой даровитости и силы, какъ П. Гротъ-Юганну; въ немъ прекраснѣйшее художественное дарованіе сочеталось съ чуткою отзывчивостью, столь необходимой для осмысленнаго изображенія неуловимыхъ сказочныхъ сюжетовъ, — а потому и можно сказать, что онъ своей глубоко-обдуманной, художественной иллюстраціей еще возвысилъ значеніе классическаго сборника братьевъ Гриммовъ.

«Сказки» представляютъ собою **богато** изданный томъ, — въ 4-ю долю листа, на лучшей веленовой бумагѣ, — заключающій въ себѣ **576** страницъ и около **240** высоко-художественныхъ рисунковъ и вишетокъ.

Цѣна этому богато изданному тому **12 руб.**, съ пересылкою **14 руб.** Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ **14 руб.**, съ перес. **16 руб.**

Издание будетъ **вполнѣ закончено въ серединѣ Декабря.** Желающихъ получить «Сказки» въ переплетѣ просятъ **заблаговременно** прислать требованія и деньги, чтобы заказы ихъ могли быть исполнены своевременно.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ,

11-е изданіе, въ пяти томахъ,
значительно исправленное и дополненное, подъ редакціею академика

профессора **Н. С. ТИХОНРОВО**,

съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. ГОГОЛЯ, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ, съ двумя автографами Гоголя и нѣсколькими его собственноручными рисунками. С.-Петербург. 1893.

Это по счету **одиннадцатое**, а по полнотѣ **первое**, собраніе сочиненій Н. В. ГОГОЛЯ издано въ пяти большихъ томахъ in 8°, заключающихъ въ себѣ: **2708** стр., — и отпечатано четкимъ красивымъ шрифтомъ, на лучшей бумагѣ.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ доселѣ напечатанныя «сочиненія» Гоголя, при чемъ не было сдѣлано никакихъ отступленій отъ плана, начертаннаго самимъ Гоголемъ для полнаго собранія его сочиненій; **кромя** того, въ это изданіе вошли не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ отрывки, наброски и тексты нѣкоторыхъ неоконченныхъ произведеній.

Ученый комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, опредѣленіемъ, утвержденнымъ Его Сіятельствомъ г. Товарищемъ Министра, постановилъ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній «Сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ», изданіе 11-е, пять частей, о чемъ и напечатано въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Цѣна за пять томовъ — **6 рублей**, съ пересылкою **7 руб. 50 к.**, а въ пяти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ **8 руб. 50 коп.**, съ пересылкою **10 руб. 50 коп.**

Для гг. служащихъ (какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ), выписывающихъ соч. Гоголя за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается **разсрочка платежа** на шесть сроковъ, при чемъ по полученіи перваго взноса имъ высылаются немедленно всѣ пять томовъ соч. Гоголя. За подробными условіями просимъ обращаться въ контору журн. «Нива».

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ.

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней
въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполненными гравюрами — копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. **6 руб.**, съ перес. **7 руб.**; въ коленкоров. перепл. съ золот. тисненіемъ и 3-ми красками **7 руб.**, съ перес. **8 руб. 50 коп.**

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВЕСТИ П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множеством оригинальных рисунков и виньеток художника

К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Автором книги, **П. Н. ПОЛЕВЫМЪ**, глубоким знатоком нашего исторического прошлого, в этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческихъ разсказовъ и повѣстей, въ которыхъ каждая страница проникнута яснымъ пониманіемъ характеровъ и типовъ древней Руси и вполне искреннимъ желаніемъ возвысить имена тѣхъ дѣятелей, которые являлись горячими защитниками православія и русской народности...

Рисунки художника **К. В. ЛЕБЕДЕВА**, нашего известнаго иллюстратора и страстнаго поклонника русской художественной старины, представляютъ собою **24 эстампа на мѣди** и множество мелкихъ, въ высшей степени характерныхъ виньетокъ въ текстѣ, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ. Всѣ эти эстампы и виньетки воспроизведены съ величайшимъ мастерствомъ совершеннѣйшими изъ современныхъ способовъ передачи художественнаго рисунка.

Цѣна этой книги, несмотря на значительный объемъ (болѣе 450 стр., большого 8°) и роскошн. изданія, назначена нами весьма умѣренная: **5 руб.**, съ пересылкой **5 руб. 80 коп.**; въ красивомъ переплетѣ **6 р.**, съ перес. **7 р.**

Для любителей роскошныхъ изданій мы напечатали особо «65 нумерованныхъ экземпляровъ» на голландской бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ **25 руб.**, съ пересылкой **26 руб.**; въ роскошномъ полушпиревономъ переплетѣ **28 руб.**, съ пересылкой въ ящикѣ **30 руб.**

Утвержденнымъ Г. Товарищемъ Министра опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено книгу „ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВЕСТИ“ П. Н. ПОЛЕВОГО рекомендовать для фундаментальныхъ и ученыхъ библиотекъ (старшаго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

НОВОЕ, ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА.

Вновь пересмотрѣнное и дополненное авторомъ, въ трехъ томахъ, съ автографомъ и портретомъ А. Н. Майкова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ. С.-Петербургъ. 1893 г.

Предпринимая это новое 6-е издание сочиненій А. Н. Майкова и желая, еще при жизни всѣми любимаго и уважаемаго поэта, сдѣлать наиболее доступными, распространенными и популярными его чудныя творенія, издатель рѣшилъ выпустить издание, не менѣе роскошное, чѣмъ прежнія, но стоящее только по величинѣ цѣны прежнихъ изданій. Издатель надѣется этимъ удешевленіемъ дать громадное распространеніе сочиненіямъ нашего, всею Россіею любимаго, поэта.

Настоящее новое шестое издание представляетъ собою самое полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Въ это шестое издание вошли: всѣ произведенія автора, — какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, — прежняго 5 изданія 1888 года; затѣмъ — всѣ позднѣйшія произведенія автора, печатавшіяся съ 1888 года до 1893 года включительно, и, кромѣ того, стихотворенія, еще нигдѣ не напечатанныя.

Шестое издание состоитъ изъ 3 большихъ томовъ, напечатанныхъ на лучшей бумагѣ и заключающихъ въ себѣ: т. I. Лирика, — 600 стр.; т. II. Картины, — 560 стр.; т. III. Драмы и разсказы, — 512 стр.; — всего 1,672 страницы.

Цѣна за всѣ три тома **3 руб.**, съ пересылкой **3 руб. 60 коп.** Въ трехъ роскошныхъ коленкорovýchъ переплетахъ **4 руб. 50 коп.**, съ пересылкой **5 руб. 50 коп.**

Для любителей роскошныхъ изданій шестое издание «Полнаго Собранія сочиненій» А. Н. Майкова отпечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, на лучшей слоновой бумагѣ. Цѣна этому роскошному изданію **6 руб.**, а съ пересылкой **7 руб.** Въ богатыхъ переплетахъ **9 руб.**, съ пересылкой **10 руб.**

СОЧИНЕНІЯ ВСЕВОЛОДА СЕРГЬЕВИЧА СОЛОВЬЕВА.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческ. романъ конца XVIII вѣка. Въ 2-хъ част., in 8, напечатанъ на лучшей веленовой бумагѣ съ виньетками. СПб. Изд. 3-е. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.; въ коленкор. переплетѣ 5 р. 75 к., съ перес. 6 р. 25 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром.-хроника конца XVIII и начала XIX вѣка. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“. Въ 2-хъ част., напечат. на веленовой бумагѣ. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. кол. перепл. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 25 к.

СТАРЫЙ ДОМЪ. Историческ. романъ царствованія Императора Александра I и нач. царствованія Императора Николая I. Романъ этотъ представляетъ продолженіе романовъ „Сергѣй Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“. Въ 2-хъ ч., 693 стр. СПб. 1884 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. кол. перепл. 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 25 к.

ИЗГНАННИКЪ. Истор. ром. царствованія Императора Николая I, составляющій продолженіе романовъ: „Сергѣй Горбатовъ“, „Вольтерьянецъ“ и „Старый домъ“. Въ 2-хъ ч. СПб. 1885 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ кол. перепл. 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 25 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Ром.-хроника XVIII вѣка. Паденіе Вирона и водвореніе Елизаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изд. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. СПб. Изд. 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ 2-хъ част. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Изданіе 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ 3-хъ частяхъ. СПб. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 руб. 50 к.; въ коленкорovichъ переплетѣ 2 руб. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 к.

КРАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ 3-хъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII вѣкъ во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПб. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ПРОВОЖДЕНІЕ. Чрезвычайно интересный романъ изъ современной жизни, напечатанный на хорошей веленовой бумагѣ. СПб. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ. Изящное изданіе, напечатанное на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. Оглавленіе: I. Старья быль; II. Святочные разсказы; III. Навказскія легенды; IV. Очерки и воспоминанія. Большой томъ, 473 стр. СПб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; въ красив. коленкор. переплетѣ 3 р. 25 коп., съ перес. 3 р. 75 к.

Полупающимъ одновременно всѣ **ОДИНАДЦАТЬ** томовъ сочиненій Соловьева они уступаются **безъ пересылки брошюрованные вмѣсто 28 р. 50 к за 15 р., въ коленкорovýchъ переплетахъ вмѣсто 36 р. 75 к за 20 р., съ пересылкою иногороднымъ: брошюрованные вмѣсто 34 р. за 20 р., въ коленкорovýchъ переплетахъ вмѣсто 42 р. 25 к. за 25 р.**

**АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ
ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ ПО КАНВѢ**
составленный по оригинальнымъ рисункамъ
Ю. М. ДРЕМЛЮГИ.

Альбомъ состоитъ изъ **20 большихъ листовъ**, заключающихъ въ себѣ болѣе 170 рисунковъ разнообразныхъ, крупныхъ и мелкихъ, узоровъ, монограммъ, буквъ и проч. для вышиванія крестикомъ. Рисунки отличаются большимъ разнообразіемъ по стилю и величинѣ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ узоровъ), красотой и изяществомъ, превосходно исполнены и отпечатаны 4-мя красками.

Альбомъ заключенъ въ изящную папку, украшенную анварелью художника **И. Храброва**, отпечатанною 14 красками.
Цѣна альбома **1 руб. 50 коп.**, съ перес. **2 руб.**

**АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ
ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА,**
составленный **Л. П. СЕРГЬЕВЫМЪ.**
ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисунками.

Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ массу рисунковъ разнообразныхъ предметовъ для ажурныхъ работъ.
Цѣна въ литограф. оберткѣ **1 руб. 25 коп.**, съ пересылкой **1 руб. 60 коп.**

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. И. ВВЕДЕНСКАГО.

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.**
Съ биографіею и съ портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали **Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ** въ Лейпцигѣ.

Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ известное по рукописямъ или печатному тексту, **А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ.** Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8°, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной вышности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.
Цѣна **1 р. 50 к.**, а съ перес. **2 руб.** Въ двухъ коленкорovýchъ тисненыхъ красками переплетахъ **2 руб.**, а съ пересылкою **2 р. 50 коп.**

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. И. ФОНВИЗИНА.**
Съ биогр. очерк., автографомъ и гравир. на стали **Ф. А. Брокгаузомъ** портретомъ Фонвизина. Изданіе изданннй томъ въ 8-ю д. л. СПб. 1893 г.

Содержаніе. I. Комедія: Бригадиръ. — Недоросль. — Выборъ гувернера. — Комедія. — Добрый наставникъ. — Корюнь. — II. Стихотворенія. — III. Статьи въ прозѣ. — IV. Дневникъ. — V. Автобиографія. — VI. Письма Фонвизина.
Цѣна **1 р.**, съ перес. **1 р. 30 к.** Въ роскошн. коленк. перепл., тисненомъ золотомъ и красками **1 р. 40 к.**, съ перес. **1 р. 80 к.**

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. С. ГРИБОЭДОВА.**
Съ биогр. очерк. и портретомъ А. С. Грибоэдова, гравирован. на стали **Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ.

При изданіи нашего собранія сочиненій Грибоэдова, мы воспользовались всѣми сдѣланными до сихъ поръ изысканіями, исчерпывающими все, что изъ написаннаго Грибоэдовымъ было разбросано въ старыхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ или могло быть добыто въ рукописяхъ. Изданіе изданннй томъ въ 8 д. л., 392 стр. СПб. 1892 г.
Цѣна **1 р.**, съ пересылк. **1 р. 30 к.** Въ роскошн. коленк. перепл. тисненомъ золотомъ и красками **1 р. 40 к.**, съ перес. **1 р. 80 к.**

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. И. ПОЛЕЖАЕВА.**
Съ биогр. очерк. и портретомъ А. И. Полежаева, гравир. на стали **Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ.

Наше изданіе соч. Полежаева составлено по лучшимъ прежнимъ изданіямъ, при чемъ текстъ вновь тщательно проверенъ по источникамъ. Изданіе изданннй томъ, въ 8-ю д. л., 328 стр. СПб. 1892 года.
Цѣна **1 р.**, съ перес. **1 р. 30 к.** Въ роскошномъ коленк. перепл., тисненомъ золотомъ и красками, **1 р. 40 к.**, съ перес. **1 р. 80 коп.**

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ. Историч. повѣсть въ 2-хъ час. **Гр. Е. А. Саласа**, временъ востанія на престолѣ и начала царствованія Императр. Екатерины II. Это произведеніе нашего известнаго писателя можно назвать однимъ изъ лучшихъ истор. ром. СПб. Ц. 2 р. 50 коп., съ перес. 3 р.; въ коленкор. перепл. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к.

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.
Большой ром. въ 3-хъ час. **Н. Д. Маслова.** Изданіе изданннй томъ въ 381 стр., на лучшей бумагѣ, въ крас. обложкѣ. СПб., 1892 г. Цѣна **1 руб. 50 коп.** съ пересылкою.

ТУТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ, повѣсть **Д. В. Григоровича.** Весьма изящное изд., въ 16-ю долю листа, съ 36-ю оргин. рисунк. **Н. Н. Каразина**, на лучшей веленовой бумагѣ. Ц. **1 р. 25 к.**, съ перес. **1 р. 50 к.**, а въ роскошномъ коленкор. перепл. **1 р. 75 к.**, съ перес. **2 р.**

Сочиненія ЕКАТЕРИНЫ II.
Съ портретомъ Императрицы Екатерины II, гравированнымъ на стали **И. Ф. Дейнингеромъ** въ Мюнхенѣ.

Изданіе заключаетъ въ себѣ полное собраніе литературныхъ произведеній Импер. Екатерины II, въ которыхъ характеръ ея просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей выразился съ наибольшою широтою. Изданіе изданннй томъ въ 8-ю д. л., 448 стр. СПб. 1893 года.
Цѣна **1 р.**, съ перес. **1 р. 30 к.** Въ роскошн. коленк. перепл., тисненомъ золотомъ и красками, **1 р. 40 к.**, съ перес. **1 р. 80 к.**

Сочиненія М. В. ЛОМОНОСОВА,
Съ биогр. очеркомъ и портретомъ Ломоносова, гравирован. на стали **И. Ф. Дейнингеромъ** въ Мюнхенѣ.

Наше изданіе представляетъ собою самое полное и тщательно свѣренное собраніе всѣхъ литературныхъ сочиненій творца русскаго литературнаго языка. Изданіе изданннй томъ въ 8°, 352 стр. СПб. 1893 года.
Цѣна **1 р.**, а съ перес. **1 р. 30 к.** Въ роскошномъ коленк. перепл., **1 р. 40 к.**, съ перес. **1 р. 80 к.**

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
И. И. КОЗЛОВА.**
Изданіе исправленное и значительно дополненное, съ биогр. очерк. и портретомъ Козлова, гравир. на стали **Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ.

А. И. Введенскимъ отысканы были въ журналахъ и альманахахъ многія стихотворенія **И. И. Козлова**, пропущенныя въ прежнихъ изданіяхъ соч. Козлова. Такимъ образомъ это изданіе является самымъ полнымъ собраніемъ соч. Козлова. Изданіе изданннй томъ, въ 8-ю д. л., 344 стр. СПб. 1892 г.
Цѣна **1 р.**, а съ перес. **1 р. 30 к.** Въ роскошн. коленк. перепл., тисненомъ золотомъ и красками, **1 р. 40 к.**, а съ перес. **1 р. 80 к.**

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ
А. В. КОЛЬЦОВА.**
Съ биографіею и портретомъ Кольцова, гравирован. на стали **Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ. СПб. 1892 г.

Наше изданіе поставило себѣ цѣлью дать такое полное собраніе стихотвореній Кольцова, которое отражало бы съ наибольшою полнотою поэтическую личность нашего народнаго пѣвца.
Цѣна **50 к.**, съ перес. **70 к.** Въ роскошн. коленк. перепл. **80 к.**, а съ перес. **1 р.** Роскошное изданіе на велен. бумагѣ **1 р. 50 к.**, съ перес. **2 р.**, въ перепл. **2 р.**, съ перес. **2 р. 50 к.**

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ П. П. ГНѢДИЧА, для театра, любительскихъ и домашнихъ спектаклей. 1) Горючія письма. 2) На хуторѣ. 3) Женья. 4) На южномъ берегу Крыма. 5) Въ цвѣтахъ. 6) Старая сказка. Цѣна этому изданію изданію **2 руб.**, съ перес. **2 руб. 30 коп.**

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ Н. Морскаго (Лебедева) съ 118 рисунк. **Н. Н. Каразина.** Ц. **2 р.**, съ перес. **2 р. 50 коп.**; въ коленк. перепл., съ золотымъ тисненіемъ **2 р. 75 к.**, съ пересылкою **3 руб. 25 коп.**

ПОВѢСТИ, ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ **Вс. Крестовскаго** (автора «Петербургскихъ трущобъ»). Содержаніе: 1) Катакомбы Фары, 2) Подземный ходъ, 3) О собакахъ, 4) Сильная ошущенія подъ Петербургомъ, 5) Красавица, 6) Любовь въ 2-хъ час., 7) Mlle Gaillard, 8) Вѣчный дежурный, 9) Торная дорога, 10) Погибшее, но лилое созданіе, 11) Царь отъ міра сего, 12) Въ веселомъ духѣ. Большой томъ in-8° (307 стр.). Ц. **1 р. 25 к.**, съ перес. **1 руб. 50 коп.**

БОЛЬШОЕ РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ in folio

СОЧИНЕНІЯ ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

Занятіе.

Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“. Гете.

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25 эстампами гравированными на мѣди и 132 гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭПГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами:

Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классический образцовый переводъ А. ФЕТА передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) объясненіями всѣхъ трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части «Фауста».

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы «Фаустъ» Гете представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ по разстоянію.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВСЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ,

поэма ДЖОНА МИЛЬТОНА.

Переводъ съ англ. А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ, съ 50-ю превосходно исполненными картинками ГУСТАВА ДОРЭ. Роскошное изданіе in folio, въ красивомъ подшугреневомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями и обрѣзомъ.

Цѣна книги 50 рублей. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 25 фунтовъ—по почтовой таксъ.

Изданіе это осталось въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость.

КУРСЪ ЛѢСОВОДСТВА.

Для ЛѢСНЫХЪ ШКОЛЬ и для ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ и УПРАВЛЯЮЩИХЪ ИМѢНІЯМИ.

Составилъ **Ө. Б. Арнольдъ.**

Руководство это назначается, кромѣ школы, для тѣхъ лѣсовладѣльцевъ, которые не стремятся быть лѣсными высшей формации, а ощущаютъ необходимость, съ одной стороны, быть въ состояніи сами руководить несложными лѣсными работами, не прибѣгая каждый разъ къ приглашенію особаго лѣснаго специалиста, а съ другой, имѣя большое интенсивное хозяйство, желаютъ быть настолько свѣдущими, чтобы съ пониманіемъ для слѣдить за дѣйствіемъ своихъ лѣсничихъ.

Большой томъ in-8°, въ 388 страницъ, съ 25-ю рисунками въ текстѣ, на лучшей веленовой бумагѣ. СПБ. 1892 г.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Картины и Альбомы „НИВЫ“

по значительно удешевленнымъ цѣнамъ.

Картины, печатанныя масляными красками:

СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ И ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ

проф. И. И. Шишкина.

Размѣръ каждой: 16 вершк. вышины и 12 вершк. ширины.

Объ картины уступаются вмѣсто 3 руб. за 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 рубля.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА

проф. Ю. Ю. Клевера.

Размѣръ: выш. 15 вершк., шир. 1 1/2 арш. Картина уступается вмѣсто 3 р. за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ

проф. В. Д. Орловскаго.

Размѣръ: выш. 15 вершк., шир. 1 1/2 арш. Картина уступается вмѣсто 3 р. за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

БАБУШКИНА СКАЗКА

проф. Н. Е. Маковскаго.

Размѣръ: выш. 14 1/2 вершк., ширина 18 1/2 вершк. Карт. уступ. вмѣсто 2 р. за 75 к., съ перес. 1 р.

ГА ДАНЬЕ

проф. Н. Е. Маковскаго.

Размѣръ: вышина 18 1/2 вершк., ширина 14 1/2 вершк. Карт. уступ. вмѣсто 2 р. за 75 к., съ пер. 1 р.

КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ

проф. В. И. Янобія.

Размѣръ: вышина 18 1/2 вершк., ширина 14 1/2 вершк. Карт. уступ. вмѣсто 2 р. за 75 к., съ пер. 1 р. съ перес. 1 руб.

Выписывающіе одновременно нѣсколько картинъ прилагаютъ на пересылку всѣхъ всего 75 коп.

Картины, печатанныя красками съ акварелей:

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ ВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ДЕРЕВНѢ И МИНИНЪ НА КРЕМЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ

проф. Н. Е. Маковскаго.

Размѣръ каждой: вышина 11 1/4 вершк., ширина 8 3/4 вершк.

Объ картины уступаются вмѣсто 2 р. за 75 к., съ перес. 1 руб.

СВИДАНІЕ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ И ТАРАСЪ И АНДРІЙ НА ПОЛѢ БИТВЫ

Придворнаго художника М. Зичи.

Размѣръ каждой: выш. 12 верш., шир. 8 3/4 вершк.

Объ картины уступаются вмѣсто 2 р. за 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.—Цѣна за обѣ картины, наклеенныя на паспарту съ широкими белыми полями: вмѣсто 6 р.—3 р., съ перес. 5 р.

ПЛЯСКА ТАМАРЫ И ТАМАРА, ОНЛАБИВАЕМАЯ СВОИМИ РОДНЫМИ

Придворнаго художника М. Зичи.

Размѣръ каждой: выш. 12 верш., шир. 8 3/4 вершк. Объ картины уступаются вмѣсто 2 р. за 1 р., съ пер. 1 руб. 25 коп.

«БОЯРИНЪ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ И ИУДЕСНИКИ» И «ЦАРЬ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ И ЕГО ДѢТИ»

Проф. А. Д. Кившенко.

Размѣръ каждой: выш. 14 вершк., шир. 10 1/2 вершк. Объ картины уступаются вмѣсто 1 р. 50 к. за 75 к., съ перес. 1 руб.

СЕМЬЯ РЫБАКА И ТАРАНТЕЛЛА

художн. Ф. Келлера.

Размѣръ каждой: выш. 10 3/4 вершк., шир. 14 вершк. Объ картины уступаются вмѣсто 1 р. 50 к. за 75 к., съ перес. 1 руб.

Художественные Альбомы „НИВЫ“.

ВЫПУСКЪ 1-й—10 АКВАРЕЛЕЙ:

- 1) Проф. И. К. Айвазовскаго: «На Черномъ морѣ».
- 2) Акад. С. Ө. Александровскаго: «Молодая шведка».
- 3) Акад. С. И. Васильковскаго: «Раннее утро у запорожцевъ».
- 4) Акад. Е. Е. Волкова: «Пейзажъ».
- 5) Придворн. художн. М. Зичи: «Тамара».
- 6) Художн. Н. Н. Каразина: «Конный бухарскій стрѣлокъ».
- 7) Акад. А. Д. Кившенко: «Охота на лисицу».
- 8) Акад. Ю. Ю. Клевера: «Вечеръ въ деревнѣ».
- 9) Проф. Л. О. Премацци: «На дворѣ Толедскаго дома».
- 10) Проф. Н. Е. Сверчкова: «На медвѣдѣ».

ВЫПУСКЪ 2-й—10 АКВАРЕЛЕЙ:

- 1) Проф. И. К. Айвазовскаго: «Лунная ночь на берегу Чернаго моря близъ Сухумъ-Кале».
- 2) Академика А. Н. Бенуа: «Вечеръ».
- 3) Проф. А. П. Боголюбова: «Морской каналъ въ С.-Петербургѣ».
- 4) Проф. Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго: «У лодца».
- 5) Натаніеля Зихеля: «Фатма».
- 6) А. М. Котляревскаго: «Спряталась» (сцена изъ малороссійской жизни).
- 7) Проф. Н. А. Кошелева: «Изъ дѣтства Петра Великаго».
- 8) Проф. Л. Ф. Лагоріо: «Близъ Ай-Петри въ Крыму».
- 9) Проф. К. Е. Маковскаго: «Бояринъ».
- 10) В. И. Навозова: «У яблоковъ».

Каждый выпускъ (съ 10-ю акварелями) заключенъ въ роскошную картонную папку (10 вершк. длины и 7 1/2 вершк. шир.; той же величины и картины), украшенную изящными рисунками.

Всѣ картины альбома, благодаря высокохудожественному выполнению ихъ, представляютъ собою самое точное воспроизведеніе оригиналовъ. За достоинства же оригиналовъ рѣшаются вышеозначенныя имена извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Каждая картина въ альбомѣ печатана 15—20 красками, на лучшей бѣлой брисольской бумагѣ, и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ. На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Цѣна каждого выпуска (10 акварелей) 2 руб. съ пересылкою.

XXIV г.

№ 49

Выходитъ ежедневно, съ приложеніемъ 12-ти еженѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Выданъ 4 декабря 1893 г.

Ц. этого № 20 к., съ пер. 25 к. Сборн. Соч. Фонвизина 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ до-
ставки въ
СПБ. **5 р.**

Съ дост.
въ СПБ. **6 р. 50 к.**

За границу, съ пересылкою. **10 р.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. **6 р.**

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи **7 р.**

Подписка въ
РАЗРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
см. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1893 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Худож. Альбомомъ, Сборникомъ, и пр.

При семь прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ДЕКАБРЬ (СОЧ. ФОНВИЗИНА**, съ портр. его грав. на стали); 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ДЕКАБРЬ 1893 г.** съ 37 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. величину и 18 рис. рукодѣльн. работъ и 12 рис. бумажн. украшеній елки.

Добрые друзья. Съ карт. Гильдебрандта, грав. Генемацъ.

Дарья д'Анчуткина и банкирскій теноръ безъ граціи.

Изъ воспоминаній моего пріятели.

Повѣсть Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

VI.

Засидѣлись мы какъ-то въ театрѣ. Представленіе кончилось поздно. Намъ захотѣлось ѣсть. Мы отправились въ Галерею, гдѣ съ площади Леонардо-да-Винчи, сейчасъ же направо, недавно какой-то предпринчивый пѣмецъ открылъ громадный ресторанъ. Кажется, за послѣднее время вся торговля и промышленность уходитъ изъ итальянскихъ рукъ. Пока всѣ благодѣянія тройственного союза сказываются въ этой прекрасной странѣ полнымъ и разореніемъ. Ея золото ушло во Францію, фабрики и заводы попали въ лапы основательныхъ пруссаковъ и скоро самую силу вещей Италія станетъ простымъ и покорнымъ вассаломъ Германіи. Объ этомъ, впрочемъ, я уже говорилъ давно. Къ несчастію, на этотъ разъ я оказался хоронимъ пророкомъ! Зашли мы въ этотъ ресторанъ, онъ оказался полнымъ-полонъ. Едва-едва удалось намъ въ уголкѣ найти крошечный столикъ. Мы и этому были рады. Не успѣли мы сѣсть, какъ жена показала мнѣ: „Посмотри, вѣдь, это наши?“ — „Гдѣ?“ — „А вонъ, направо!..“ Дѣйствительно, за большимъ столомъ, недалеко отъ насъ, сидѣли мамаша и дочка Анчуткины съ господиномъ Каркадиловымъ. Съ ними были два истинные спарафучилло. Даже въ мошенническомъ театральномъ мірѣ Милана такихъ я не встрѣчалъ раньше. Передъ Николаемъ Ивановичемъ стояла бездна всякаго „провіанта“. Онъ съ благоговѣніемъ слушалъ обшлепанныхъ плутовъ, съ такими воровскими лицами, что вчужѣ дѣлалось страшно. Слушала, и въ его глазахъ такъ и выражалось: „Какіе таланты!“ Тѣ тоже не теряли времени даромъ. Они что-то до такой степени краснорѣчиво описывали Дарьѣ Степановнѣ, что та, совсѣмъ увлеченная, смотрѣла на нихъ влюбленными глазами, заигрывала и кокетничала съ ними, стараясь, видимо, во всю, чтобы расположить ихъ въ свою пользу. Мамаша блаженно жмурилась и изрѣдка открывала пасть, но не произносила ни слова, очевидно, боясь помѣшать. Это было такъ интересно, что когда около освободился столикъ, мы перешли туда. Насъ не было видно, но мы слышали все...

— И хорошій театръ? интересовалась Дарья.

— Единственный. Во всей Италіи нѣтъ такого. Это не театръ, а всемірная выставка. Стоитъ вамъ выступить тамъ — и цѣлая вселенная (Universo!) узнаетъ васъ. Изъ одной Америки къ вамъ посыплются приглашенія...

— Ахъ, я хочу въ Америку. Въ Америкѣ — всѣ знаменитости!

— И много брильянтовъ. Тамъ всѣмъ пѣвицамъ, особенно такимъ красавицамъ, какъ вы, подносятъ брильянты на блюдахъ... Какъ... Какъ ризотто!

Дарья блаженно зажмурилась. Плутъ № 1 поклонился и поцѣловалъ ея руку.

— И вы понимаете, подхватилъ плутъ № 2, обращаясь къ Каркадилову, — что мы удвоимъ въ три мѣсяца нашъ капиталъ. Вы вносите 15,000 лиръ, получите свое жалованье и, сверхъ того, дивиденду 100 на 100... Какой, вѣдь, расчетъ.

— Точно, балансъ подведенъ вѣрно... Только я одного не понимаю...

Но понимать ему, очевидно, не надо было, потому что № 2 немедля подхватилъ:

— И вы представьте себя съ вашей величественной наружностью и великолѣпнымъ голосомъ въ „Пророкъ“... А?

— Каккіе таланты! по-русски выпалилъ Николай Ивановичъ.

— Вѣдь, il pubblico съ ума сойдетъ. Въ камерино къ вамъ сейчасъ лягутся и Риккорди, и Сонцоньо. Тогда не вы въ нихъ, а они въ васъ станутъ заискивать. Вы имъ будете диктовать свои условія...

— Я, вступилъ въ свою очередь № 1, — не одинъ уже талантъ выпустилъ въ свѣтъ... Я выпустилъ Гайара...

— Вы!

— Я... Я выпустилъ Мореля! безбожно вралъ онъ.

— И Мореля?

— И Мореля. Вѣдь, какую ему рекламу устроилъ! Я выпустилъ Мазини... Я всѣхъ выпустилъ.

Каркадиловъ черезъ столъ восторженно пожалъ ему руку.

— Васъ теперь никто не знаетъ, и синьорину тоже. А послѣ этого сезона во всѣхъ газетахъ и журналахъ будутъ ваши портреты. Звѣзды первой величины! На всѣхъ углахъ мы ихъ приклеимъ, во всѣхъ магазинахъ выставимъ, издадимъ ноты съ ними, пустимъ въ продажу мраморныя статуэтки съ вашими бюстами, да что, diavola! — на Миланскомъ соборѣ выкинемъ хоругви съ вашими лицами. Чтобы весь міръ дивился! Меня не учить дѣлать славу артистамъ...

— Почтовыхъ голубей съ рекламами по всему свѣту разошлемъ. Daria e Nicolo — какъ Патти и Николини, даже въ Патагоніи будутъ извѣстны, все больше и больше входилъ въ экстазъ № 2-й, очевидно, завидуя товарищу. — Вотъ что, мы потомъ снарядимъ трансатлантическій пароходъ и въ цѣломъ мірѣ будемъ давать „Пророка“ и „Фаворитку“... Въ Китай, въ Абиссинію — вездѣ, гдѣ есть деньги...

— И въ Россію... Въ Орель.

— Да, и въ Россію...

— Только много денегъ надо... уже по-русски обратился Каркадиловъ къ Анчуткиной. — Подешевше бы...

— Попроламъ. Вернемъ свое...

Ни я, ни моя жена не могли остаться хладнокровными. Мы подошли къ соотечественникамъ. Тѣ вдругъ обрадовались, точно десять лѣтъ насъ не видѣли. Робертъ и Бертрамъ, очевидно, знали насъ, потому что вдругъ обезпокоились... Они зашептались о чемъ-то, кидая на жену опасливые взгляды.

— Провіанту не угодно-ли? радовался Николай Ивановичъ.

— Что это вы съ этими мошенниками сидите? спросилъ я.

— Какъ мошенниками?! Они въ Генуѣ театръ снимаютъ.

— Наверно, плуты. Вы посмотрите на лица ихъ.

— Итальянскія лица. Лица чистыя...

— Гдѣ вы съ ними познакомились?

— Сами они насъ нашли. Проходили по улицѣ, когда мы дуэтомъ пѣли...

— Какъ дуэтомъ?

— Такъ, изъ „Пророка“. Они сейчасъ въ двери — и въ полномъ фурорѣ на шею мнѣ... Такихъ голосовъ въ Италіи, говорятъ, нѣтъ. Каккіе таланты!

— Будьте осторожны...

Но не успѣлъ я окончить, какъ Робертъ и Бертрамъ накинулись на жену, лѣтя ей и съ дѣланнымъ восторгомъ живописуя ея успѣхи.

— Ну, видите, какіе мошенники...

— Я тоже съ разумомъ. Я сначала съѣзжу въ Геную... Посмотрю.

— Они уже сняли театръ?

— Нѣтъ, только ведутъ переговоры... По пятнадцати тысячъ надо намъ внести, и они столько же.

Мы стали разубѣждать ихъ, нарочно говоря по-русски, при чемъ Робертъ и Бертрамъ, какъ зайцы въ клѣткѣ, только поводили ушами все это время, стараясь угадать, о чемъ идетъ дѣло. Я, впрочемъ, не долго ихъ держалъ въ невѣдѣніи.

— Мы рассказываемъ нашимъ русскимъ, какія мошенничества продѣлываются въ Италіи разными господами, выдающими себя за импрессарио...

Робертъ, было, взвился, но Бертрамъ остался спокоенъ и, улыбаясь, объявилъ мнѣ:

— Ужасныя... Мы уже посвятили синьора и синьорину во всякія тайны этого рода. Мы ихъ предупредили, чтобы они всѣхъ этихъ *brigante*—разбойниковъ гнали вонъ отъ себя.

Что было дѣлать съ этими наглецами. Я ихъ оставилъ въ покоѣ и занялся Каркадиловымъ, желая подѣйствовать на его коммерческую смѣтку. Дарья, та была невмѣняема. Хоругви на Миланскомъ соборѣ, очевидно, совсѣмъ обольстили ее, и она продолжала смотрѣть на двухъ этихъ кавалеровъ влюбленными глазами. Мнѣ казалось, что я успѣлъ поколебать Николая Ивановича. У него даже утроба заколыхалась, и онъ уже разочарованно глядѣлъ на №№ 1 и 2 и даже провіантъ отъ нихъ отодвинулъ. Обрадованный этимъ результатомъ, я простился съ Каркадиловымъ и его дамами и... черезъ недѣлю узналъ, что они всѣ, съ Робертомъ и Бертрамомъ, уѣхали въ Геную!..

— Какіе несчастные! волновалась жена. — Мнѣ же денегъ ихъ жалко — деньги глушыя, вѣдь... Мнѣ ихъ самихъ! Я представляю себѣ все разочарованіе, обманутыя надежды этихъ бѣднягъ...

— Ну, у насъ совѣсть спокойна, мы все сдѣлали, что могли.

— Да, вѣдь, отъ этого имъ-то легче не будетъ...

— За то послѣ этого урока они станутъ умнѣе...

— Не думаю... Ты видишь, какіе они... У нихъ и кармана такого нѣтъ, откуда умъ вынуть.

Еще прошло двѣ недѣли — и вдругъ всѣ театральныя газеты Милана заговорили о чрезвычайномъ оперномъ сезонѣ въ Генуѣ, въ новой политеамѣ, гдѣ можетъ помѣститься, я уже не помню, сколько тысячъ человѣкъ, о двухъ русскихъ знаменитыхъ пѣвцахъ — тенорѣ Carcadillo и контрольнѣ Anciuetti, которую при этомъ называли *la bella Daria*. Оба они оказывались высокоаристократическаго происхожденія: *la bella Daria* — выросла при дворѣ, но вслѣдствіе своего сочувствія къ *roveri piguillisti*, бѣжала изъ Россіи, гдѣ ее бы уморили въ *i piombi di Pietroburgo*; въ свою очередь, Carcadillo, обладающій *cuore nobile* — благороднымъ сердцемъ — бросилъ блистательную карьеру и громадное состояніе отца — *il mitropolitо di Orel* (при этомъ пояснялось, что въ Россіи всѣ духовныя лица женаты) и уѣхалъ вслѣдъ за *bella Daria*. Сынъ прелата и придворная дѣвица обладаютъ голосами невѣроятной красоты и силы. Звуки ихъ чисты какъ *il neve di Mosca* (Московскій снѣгъ) и могущественны какъ *el uragano di Siberia*... Школа — но можно-ли въ ней сомнѣваться, если это любимые ученики маститаго Butzi, плакавшего, расставаясь съ ними. Съ *la bella Daria* путешествуетъ ея мать — нѣкогда украшеніе Зимняго дворца въ Петербургѣ и царица императорскихъ баловъ. Далѣе слѣдовали уже легендарныя подробности, какъ *Daria* ходила на охоту на бѣлыхъ медвѣдей и *Nicolo* собственноручно убилъ живого мамонта на Уралѣ. У него въ Орлѣ есть великолѣпное palazzo, изъ оконъ котораго открывается дивный видъ по одну сторону на Кавказскія горы, утопающія снѣговыми вершинами въ небесахъ, а по другую — на вѣчно голубое Балтійское море, гдѣ норвежцы, на виду у него, бьютъ китовъ... Въ заключеніе объявлялось, что дебютъ *Nicolo il magnifico* и *la bella Daria* будетъ, разумѣется, эпохою въ итальянскомъ искусствѣ.

Я помню, что тогда въ нашемъ кружкѣ очень смѣялись надъ этимъ.

Робертъ и Бертрамъ оказывались, дѣйствительно, на высотѣ своей задачи. Весна въ Миланѣ стояла скверная. То и дѣло сырыя равнины Брианцы и рисовыя поля Ломбардіи окутывали городъ туманами. Тучи ползли такъ низко, что разрывались о бѣлыя готическія иглы знаменитаго собора. Дождь шелъ, почти не переставая. Понятно, какъ мы обрадовались первому яркому и солнечному дню. Зимѣ должно-быть надоѣло, наконецъ, остуживать этотъ насквозь отсырѣвшій городъ, и она ушла за Альпы, въ Швейцарію, гдѣ ея царство еще не оспаривала теплая и благоуханная весна. Черезъ недѣлю нельзя было узнать Милана. Онъ высохъ, заблесталъ, сады его и старыя укрѣпленія подернулись зеленью — пѣжною, мягкой, первою зеленью, прелестною, какъ улыбка ребенка... Балконъ мой выходилъ на *Corso Vittorio*. Улица упиралась въ *il Duomo*, мраморное кружево котораго было такъ изящно на темно-синемъ южномъ небѣ. Внизу шумѣла веселая, обрадованная солнцемъ, толпа, по вечерамъ отовсюду доносились дуэты, терцеты и хоры возвращавшихся по домамъ рабочихъ. Изъ воротъ въ ворота скользили закутанныя въ черное женщины. Напротивъ, черезъ улицу, выступали рѣзные балконы, заставленные цвѣтами, каждой волнѣ тихаго вѣтерка отдававшими свое тонкое благоуханіе.

— И говорятъ, что здѣсь, подъ этимъ небомъ, можетъ погибнуть искусство! продолжалъ начатый со мною споръ синьоръ Аграте, художникъ изъ Реджіо, болѣе краснорѣчивый защитникъ итальянскихъ живописцевъ, чѣмъ талантливый ихъ соперникъ. — Понятно, что прежней дорогой оно идти не можетъ. У насъ не будетъ Рафаэлей — не такое время. Классическіе образцы отжили. Тайна старой молитвы, создававшей Мадоннъ, утрачена. Теперь на нихъ смотрятъ болѣе съ уваженіемъ, чѣмъ съ увлеченіемъ. Реальный вѣкъ и реальные сюжеты... И это во всемъ. Почему поэзія не ставитъ такихъ упрековъ, какъ живописи?.. Развѣ возможенъ теперь „Адъ“ Данте, „Потерянный Рай“ Мильтона?

И въ самомъ дѣлѣ, странно было бы думать, что подъ этимъ солнцемъ, каждой каплѣ красокъ сообщающимъ свое тепло и свой свѣтъ, могутъ перевестись таланты! Тутъ, среди этого разнообразія тоновъ, въ виду этихъ древнихъ стѣнъ, украшенныхъ мраморами Карары, въ чудной и плодоносной Ломбардской равнинѣ, которую точно сторожатъ снѣговыя вершины Альпъ съ сѣвера и мягкіе контуры изящныхъ Аппенинъ съ юга.

— Вы уже были въ нашей „Academia delle belle-arti“?

— Нѣтъ еще.

— Какъ же это возможно... Вѣдь, тамъ выставка. Туда прислано болѣе семисотъ картинъ, около ста статуй, масса акварелей. И вы сидите здѣсь, и вы любите искусство!..

Помѣщалась эта выставка въ *Palazzo di Brera*, приобрѣвшемъ всемірную извѣстность коллекціями картинъ миланскихъ и иныхъ художниковъ. Этотъ дворецъ, какъ и всѣ въ Италіи, имѣетъ свою исторію. Нѣсколько благородныхъ фамилій Италіи, введенныя въ плѣнъ Германскимъ императоромъ Генрихомъ II, дали обѣтъ, если судьба поможетъ имъ вернуться на родину, посвятить себя исключительно труду и религіи. Когда плѣнниковъ выкупили, они купили внѣ тогдашняго Милана свободное мѣсто — Бранду, и построили тамъ дома, гдѣ занялись изученнымъ ими въ Германіи производствомъ льняныхъ тканей. Отсюда впоследствии создавался когда-то могущественный монашескій орденъ Умилиатовъ, быстро сосредоточившій въ своихъ рукахъ громадныя богатства. Понятно, что съ накопленіемъ ихъ, благія цѣли ордена рушились. Монастырь про-

Невѣста Нила. Древне-египетскій обычай принесенія въ жертву Нилу дѣвушки.
 Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблеръ

Зимняя идиллія. Съ варт. Шмидбергера, грав. Клоесъ.

славился своими поварами, настойками, винными погребками, а окрестные дома населили красивыя миланки, нуждавшіяся въ утѣшеніи почтенныхъ отцовъ-умилатовъ. Члены этого ордена обставили пріемъ новыхъ послушниковъ такими затрудненіями, что долгое время въ немъ числилось не болѣе пятидесяти или шестидесяти монаховъ, располагавшихъ тѣмъ болѣе средствами, чѣмъ малочисленнѣе была ихъ коммуна. Не прошло и двадцати лѣтъ, какъ по всей Ломбардіи отцы пріобрѣли самую незавидную репутацію.— Орденъ быстро прославился своимъ развратомъ; въ стѣнахъ его палаццо совершались безчисленныя преступленія; дошло до того, что монахи явились даже въ судахъ того времени. Многие изъ иноковъ заподозрѣны были въ совершеніи убійствъ, въ приготовленіи тонкихъ ядовъ, въ содержаніи домовъ ничего общаго не имѣющихъ съ воздержаніемъ и молитвою, что заставило великаго свѣтителя католическаго міра, дѣйствительный свѣточъ того времени, ярко горѣвшій въ Миланѣ на всю Италию, Св. Карла Барромейскаго, потребовать отъ папъ Пія IV и Пія V декрета объ уничтоженіи ордена. Тѣ не рѣшались на это, и только стѣснили орденъ умилатовъ, подчинивъ его строжайшему надзору архіепископовъ. Такъ продолжалось до 1569 года, когда одинъ изъ смиренныхъ иноковъ, патеръ Фарина, обозленный этимъ, въ самой капеллѣ Епископскаго дворца кинулся на Карла Барромейскаго, чтобы убить его. Покушеніе не удалось, но оно рѣшило судьбу ордена. Фарина былъ повѣшенъ, орденъ въ 1751 году уничтоженъ, а palazzo di Brera отданъ Карлу Барромейскому. Онъ основалъ въ немъ школу, передавъ ей управленіе іезуитамъ. Ловкіе послѣдователи Игнатія Лойолы скоро и самый дворецъ прибрали къ рукамъ, школу увеличили и отвели тутъ же помѣщеніе художникамъ, служившимъ ордену или работавшимъ на него. Имъ не только дали мастерскія, но не отказали и въ комнатахъ для ихъ учениковъ. Самое палаццо въ началѣ семнадцатаго столѣтія было совсѣмъ перестроено архитекторомъ Риккини. Такъ продолжалось до 1772 г., когда вліяніе іезуитовъ въ Миланѣ пало, но ихъ коллегія, подъ именемъ гимназій Бреры, еще существовала до 1830 г. Въ этомъ году дворецъ былъ отданъ городу. Съ тѣхъ поръ въ Брерѣ помѣщается „Академія изящныхъ искусствъ“ съ великолѣпною пинакотеккой, археологическимъ музеемъ и другими учрежденіями. Въ палаццо этомъ и теперь масса мастерскихъ для художниковъ и десятки залъ для самыхъ разнообразныхъ коллекцій. Школу изящныхъ искусствъ этого дворца посѣщаетъ болѣе тысячи учениковъ, въ числѣ которыхъ много весьма талантливыхъ людей. Миланъ не жалѣетъ средствъ на поддержаніе этого учрежденія, и мѣстные патриоты въ правѣ гордиться имъ, какъ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ ихъ дѣятельности.

Солнечные лучи наводнили въ этотъ день миланскія улицы.

Сплошная толпа Галлерей Витторіо кипѣла весело и радостно; боковыя улицы, узкія и тѣнистыя, казались совсѣмъ сонными; только изрѣдка изъ какого-нибудь окна, плотно прикрытаго жалюзи, звучали клавиши и чьи-то, надо сказать правду, фальшивыя трели и стакато.

— Это не наши! мгновенно обижался Аграте.

— Что не наши?

— Это, вѣрно, англичанка поетъ. Учится у кого-нибудь изъ нашихъ маэстро. Да, именно англичанка.

— Почему же англичанка?

— Потому что такія уши только и могутъ быть, что у англичанки. Инъ вретъ, инъ вретъ.

И какъ истый итальянецъ, Аграте остановился у окна, и повторилъ знакомый мотивъ, но несравненно правильнѣе. Пѣвица за жалюзи смолкла.

— Всѣ англичане bestii e canaglii! вдругъ обратился

онъ ко мнѣ.—Вы знаете, какую, было, штуку они сдѣлали съ нашей выставкой?

— Ну?..

— Прислали свои картины, только назвавшись итальянскими именами. Но мы ихъ узнали.

— Почему?

— Деревянно написано — нашего солнца нѣтъ. У нихъ мало пониманія природы. Все ужасно вѣрно и все ужасно скучно. Воздухъ въ картинѣ холодный, небо холодное, линіи слишкомъ правильныя, чтобы быть красивыми... А вотъ и Brera... la nostra Brera!

Улица, обставленная монументальными домами и молчаливыми, точно погруженными въ глубокія историческія размышленія, дворцами. Вотъ и палаццо delle Belle-arti. Прекрасный порталъ работы Джузеппе Пьермарини 1780 г. Мы остановились, любуясь его художественными деталями, изяществомъ и строгостью цѣлаго. Насквозь виденъ внутренній дворъ Бреры, въ два этажа окаймленный аркадами. Легкіе своды ихъ покоятся на красивыхъ колоннахъ. Великолѣпная лѣстница, смѣло очерченные купола, соразмѣрныя балюстрады кажутся высѣченною изъ мрамора и порфира поэмой. Самый дворъ въ сорокъ метровъ длины и тридцать ширины, весь покрытъ мраморомъ. Строгое спокойствіе и величавая простота. Видно присутствіе творческой мысли старыхъ зодчихъ въ каждой подробности, въ каждомъ орнаментѣ. Посреди статуя Наполеона Бонапарта. Разумѣется, только лицо императора. Торсъ—обнаженнаго римлянина съ изумительно исполненною мускулатурою, идущаго съ копьемъ въ рукѣ. Канова сдѣлала для этой статуи модель, а вылила ее извѣстный Ричетти въ Римѣ въ 1810 году. Заказанная вице-королемъ Евгениемъ Богарне для сената въ palazzo el vetico, она, въ 1813 году, была доставлена въ Миланъ и сорокъ шесть лѣтъ валялась гдѣ-то въ кладовой. Въ 1859 г. ее, наконецъ, поставили сюда. Впослѣдствіи дворъ Бреры испортили массою другихъ статуй. Онѣ торчатъ и на площади, и на лѣстницѣ, и подъ арками. Строгой простотѣ двора не идутъ и фрески, хотя талантливо выполненныя, но портяція впечатлѣніе бѣлыхъ мраморовъ этого величаваго сооруженія.

— Вотъ вамъ вкусы вашихъ художниковъ.

— Они ни при чемъ, вступился Аграте.—Фрески здѣсь были заказаны еще отцами іезуитами.

— И статуи, которыя портятъ всѣ перспективы?

— Упрекъ справедливый, но что же дѣлать, если у насъ столько знаменитыхъ людей. У насъ страсть къ „великимъ“. Вы знаете, въ Миланѣ это еще не такъ замѣтно, а вотъ будете въ Туринѣ, такъ тамъ на каждой улицѣ, не говоря уже о площадяхъ, монументы. Кому-кому только ихъ не воздвигаютъ. Есть, разумѣется, хорошіе. Но въ общемъ—точно на campo danto попалъ. Вамъ поставятъ памятникъ—и автору памятника—тоже памятникъ. Астрономамъ, механикамъ, поэтамъ, типографщикамъ, физикамъ, химикамъ, генераламъ, солдатамъ, каменщикамъ, кунцамъ, — всѣмъ, рѣшительно всѣмъ. У короля Витторо-Эммануэле былъ поваръ Мельци. Деревня Санъ-Мартино, откуда онъ родомъ, думала-думала, кому бы поставить памятникъ на площади—все равно фонтанъ собрались строить. Какъ ни размышляли, знаменитостей между ихними не оказывалось, взяли да и соорудили бюстъ повару.

Я разсмѣялся. Аграте сообразилъ, что онъ выдаетъ своихъ.

— Впрочемъ, это хорошая черта. Мы умѣемъ цѣнить выдающихся...

— Авторовъ соуса изъ капорцевъ съ оливками. Изобрѣтателей какой-нибудь необыкновенной поленты съ невинными воробьями.

— Вы, иностранцы, никогда этого не поймете.

Коллекція картинъ Бреры — одна изъ богатѣйшихъ въ Италиі.

По нимъ вы можете прослѣдить исторію искусства до самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ, хотя самые полные и характерные образчики относятся ко времени, начинающемуся съ 1700 года. Сюда были поставлены картины изъ упраздненнаго храма Космы и Даміана. Талантливый художникъ и ловкій человекъ, секретарь академіи, Джузеппе Босси, больше всего сдѣлалъ пріобрѣтеній для Бреры. Коллекціи, собранныя имъ, поистинѣ драгоценны. Миланская академія, впрочемъ, была счастлива въ выборѣ своихъ секретарей. Продолжателемъ дѣла Босси явился знаменитый Андреа Аппіани, сумѣвшій такъ обойти Наполеона I, что тотъ многія картины, купленныя для парижскаго Лувра, подарилъ Миланской Брерѣ. Андреа Аппіани пріобрѣталъ для здѣшней академіи цѣлыя галлерей, между прочимъ, безцѣнное хранилище маркиза Сампери изъ Волоньи, гдѣ первое мѣсто занимали „Адамъ и Ева“ Гверчино. Наконецъ, въ 1811 г., онъ собралъ изъ разныхъ церквей Милана старинныя фрески Бернардино Лупино... Къ услугамъ академіи явились потомъ декреты, ограничивавшіе число монастырей и религиозныхъ корпорацій. Послѣ этого сюда была передана такая масса коллекцій, что для нихъ уже не оказалось мѣста, и многія сданы въ кладовыя. Извѣстно, напримѣръ, что когда осматривали ихъ, то въ разномъ хламѣ, валявшемся безпорядочно по угламъ, нашли Гверчино и Микель-Анджело. Теперь академія имѣетъ и Рафаэля, и Джордано Бруно, и Карачіо, сверхъ уже названныхъ нами художниковъ. „Бракъ Дѣвы Маріи“ Рафаэля, написанный для церкви францисканскаго монастыря въ Гитта-ди-Кастелли, былъ проданъ генералу Ленки, который, въ свою очередь, переуступилъ его миланскому патрицію Джакомо Санназари за 3,500 франковъ. Миланскіе патриоты оставляли, по завѣщанію, свои коллекціи здѣшней академіи, и, не имѣя особенныхъ средствъ, этотъ городъ теперь справедливо гордится и своей Брерой, и своими археологическими кабинетами, и своей амброзіанской библіотеккой. Въ самомъ дѣлѣ, какая страна! Нѣтъ въ ней крохотнаго городка, гдѣ бы не было картинной галлерей и въ ней нѣсколькихъ перловъ искусства, несмотря на то, что вотъ уже нѣсколько столѣтій какъ ее безпощадно грабятъ иностранцы.

По роскошной мраморной лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ...

Картины за картинами уже молодыхъ художниковъ, приславшихъ ихъ изо всѣхъ городковъ Ломбардіи—и вдругъ, мы остановились изумленные. Аграта, какъ и я, зналъ и *Daria la Bella*, и *Nicolo il magnifico*. Реклама Роберта и Бертрама дошла даже до этого — и д'Анчуткина и Каркадилловъ или, какъ значилось на подписяхъ подъ портретами — *d'Anciutti la celebra artista di canto* и *Carcadillo l'emimente tenore* красовались на выставкѣ въ натуральную величину. Въ первый моментъ я даже глазамъ не повѣрилъ. Портреты были написаны извѣстнымъ художникомъ *Carianelli*, и, очевидно, онъ отлично понималъ, въ чемъ дѣло. И тотъ и другой портреты передавали знаменитыхъ пѣвцовъ со всѣми характерными ихъ особенностями. *Каріанелли* ни одною черточкою не уменьшилъ глупости и нахальства, написанныхъ на лицѣ *Дарьи la Bella*. Онъ даже слегка подчеркнулъ ихъ, повернувъ ея голову такъ, что вздернутый носъ и пренебрежительно сжатая губы выдавались еще рѣзче; что касается до *Nicolo il magnifico*, — то этотъ новый Козьма Медичисъ, казалось, съ полотна съ наивнымъ ужасомъ самоудивленія оралъ на весь Божій міръ — какіе таланты! *Каріанелли* ему чуть-чуть округлилъ глаза, приподнялъ брови — и *Каркадиловъ* являлся передо мной во всей своей неприкосновенности. И въ какіе костюмы одѣлъ ихъ злодѣй-художникъ. Она — являлась въ большомъ плащѣ паломницы изъ послѣдняго акта „Фаворитки“,

это при рыжей челкѣ на лобъ; онъ — въ какой-то ризѣ, очевидно, специально заказанной имъ для исполненія партіи воинственнаго пророка. Робертъ и Бертрамъ, видимо, серьезно принялись за дѣло...

— Я и забылъ вамъ передать, сегодня ужъ въ нѣсколькихъ газетахъ есть по поводу этихъ портретовъ замѣтки о „великихъ русскихъ артистахъ“.

— Ну!

— Да. Правда, что синьорина *Анчутти* въ дѣтствѣ была похищена изъ родительскаго замка...

— Откуда? откуда?

— Ну, изъ *castello*... Изъ замка, разумеется?

— Какъ это?

— Дикими индійцами.

— Это у насъ-то въ Россіи? Въ Костромской губерніи—индійцы.

— Разумеется, у насъ. Вѣдь, вы же рядомъ съ Индіей, иначе англичане такъ бы не тревожились.

— Ну, а дальше что?

— А дальше—дѣвочка бѣжала въ пещеры Сѣвернаго Кавказа, гдѣ ее воспиталъ эльборусскій медвѣдь...

— Что, что?

— *Il orso di Elborusso*, пока, наконецъ, ее нашли родители и отвезли въ Петербургъ къ императорскому двору...

— А про *Nicolo* что пишутъ?

— И про него, тоже... много... очень много... Его и художникъ изобразилъ въ воинственной позѣ. Онъ происходитъ отъ владѣтельныхъ принцевъ Черкасскіи...

Дѣйствительно, „пророкъ“ *Carcadillo* — на портретѣ держалъ въ рукахъ мечъ—остріемъ кверху. Совсѣмъ, какъ карточный валетъ...

— Ну, знаете, я всего ожидалъ, только не этого.

— Я знаю много знакомыхъ, которые нарочно ѣдутъ въ Геную слушать ихъ.

— *Анчутти* и *Каркадилло*...

— Да!.. Я думаю это кончится большимъ скандаломъ!

— Навѣрное... Вы не знаете, кто имъ устроилъ все это.

— Еще бы не знать. Это извѣстные неаполитанскіе жулики. Они уже не одного иностранца здѣсь обобрали. Тутъ американка одна пріѣзжала — шалая совсѣмъ и съ большими деньгами, такъ они ее заставили снять *Filarmonico* въ Веронѣ, набрать громадную труппу и на первомъ же спектаклѣ ее освистали!.. Бѣдная должна была оставить жалованье всѣмъ музыкантамъ, хорамъ, пѣвцамъ и пѣвицамъ и бѣжала отъ срама, а они продолжали дѣло въ свою пользу. Даромъ театръ достался, даромъ артисты, — а сборъ весь имъ. Дѣло выгодное.

— Какъ не стыдно Милану, что полиція здѣсь среди бѣла-дня терпитъ шайки такихъ плутовъ.

— А что же сдѣлаешь съ ними. Вы то подумайте: вѣдь, глупѣе пріѣзжающихъ сюда артистовъ изъ-за границы трудно себѣ даже представить что-нибудь. Вѣдь, эти же люди, съ деньгами въ рукахъ, бѣгаютъ по улицамъ и сами ищутъ помойную яму, куда бы имъ ихъ кинуть. Вѣдь, поумнѣе — у насъ и держатся, и деньги получаютъ, а эти сами за все платятъ, чтобы дать себя послушать, хотя въ большинствѣ и слушать-то некого—*cani*—собаки. Не поютъ, а воютъ. Вы думаете, мало здѣсь было такихъ? У *Ламперти* вонъ учится одинъ теноръ. Ему шестьдесятъ три года. Разумеется, онъ помѣшанный, а *Ламперти* продолжаетъ ему давать уроки и деньги беретъ, и каждый годъ общается рекомендовать его „*Фауста*“ пѣть! А самъ *Ламперти* — тоже, вѣдь, старъ, онъ уже слухъ потерялъ. „Все равно, говоритъ. Я по губамъ вижу, какъ ты поешь. Вѣдь, человекъ съ здоровой головою не пойдетъ же сюда... А полиціи—мѣшаться нельзя. Обойдное соглашеніе. Она по жалобѣ только. У насъ, впрочемъ, я бы иностранцу и жаловаться не совѣтовалъ.“

Разъ во Флоренци, у, дѣйствительно, талантливаго русскаго баритона вашего у Форрито и у его матери, — почтенная дама изъ хорошей фамилии и богатая — украли брильянтовъ и другихъ драгоценныхъ камней на тридцать пять тысячъ франковъ. Заявили они жалобу — и чуть сами виноваты не оказались. Рады были дѣло бросить. Потому что наша полиція подѣлилась съ ворами, ну, обокраденный и виноватъ... У насъ есть цѣлые классы народа, которые только эксплуатаціей иностранцевъ и живутъ.

— Нечего сказать — милая картина.
— А въ большинствѣ, сами прѣѣзжіе виноваты. Нужно видѣть ихъ, — совѣмъ шальной народъ. Явится — ни голоса у него, ни таланта — нельзя же то и другое создать ему. Или учиться слога ѣдутъ. У кого же здѣсь учиться? Шарлатаны — сплошь. Старыхъ хорошихъ пѣвцовъ нѣтъ, а новые всѣ въ родѣ Бутци или Ронзи... Къ нимъ и съ голосомъ прѣѣдешь — хриплымъ пѣтухомъ домой вернешься.

(Окончаніе будетъ).

Воспоминаніе о Памирскомъ походѣ 1892 г.

Записки очевидца Б. Л. Татѣева.

(Продолженіе).

Озеро Кара-куль находится на высотѣ 13,000 футовъ. Длина его около 30 верстъ. Сѣверный берегъ озера почти полу-круглый, а южный раздѣляется на два рукава, изъ коихъ одинъ длиннѣе другого. Какъ всѣ озера Памира, Кара-куль не имѣетъ почти совсѣмъ растительности, за исключеніемъ терескена, которымъ довольно обильно покрыты берега озера. Терескенъ — это растеніе, имѣющее большое моркововидное корневище съ немиогими отпрысками; оно не глубоко и не крѣпко сидитъ въ землѣ, а поэтому чрезвычайно легко добывается, даже ударами каблука. Надъ землею терескенъ имѣетъ видъ небольшихъ колючихъ кустиковъ съ зелено-оранжевыми мясистыми листиками. Это растеніе представляетъ изъ себя единственное и прекрасное топливо на Памирѣ, — оно отлично горитъ, какъ въ сухомъ, такъ и въ сыромъ видѣ, давалъ при этомъ очень сильный жаръ.

Его зелеными молодыми отпрысками не брезгаютъ и животныя, живущія на Памирѣ, и даже наши отрядныя вьючныя лошади ѣли его отпрыски, за немнѣнимъ, мѣстами, болѣе лучшаго корма; но въ иныхъ мѣстахъ не было и терескена. Терескенъ можетъ быть весьма удобопримѣнимъ къ постройкамъ, замятия въ этомъ случаѣ солому и хворостъ для крышъ. Нѣкоторые памирскія долины сплошь покрыты этимъ универсальнымъ растеніемъ, тѣсно сидящимъ на землѣ отдѣльными шапками, на протяженіи многихъ верстъ, и не будъ этого благодатнаго растенія, движеніе по Памиру представляло бы мало лишней и неудобствъ путешественнику.

Несмотря на отсутствіе растительности, обильное количество водной птицы встрѣчается какъ по берегамъ озера, такъ и на водахъ его.

Часовъ въ 7 утра 21-го іюня потянулся обозъ, конвоируемый ротой, вдоль восточнаго берега озера, по направленію къ югу. Идутъ солдаты, собирая по дорогѣ терескенъ и складывая его на вьюки, чтобы, придя на бивакъ, прямо грѣть чайники. Вотъ уже издали видѣются бѣленькія палатки расположившагося бивакомъ главнаго отряда. Всѣ веселы, и несмотря на тридцати-восьмиверстный переходъ, никто не чувствуетъ большой усталости. Но что это? Недалеко отъ бивака стоитъ группа солдатъ съ офицеромъ, не веселы ихъ лица, всѣ съ лопатами — только что окончили рыть яму, и одинъ еще стоитъ въ ней, выбрасывая камни. Подходятъ новопривышше и имъ остается только задать вопросъ: кому могла? Да, только вошелъ отрядъ въ область Памира, а уже одна жертва есть. Не вынесъ большой высоты и тяжести похода добровольно-поступившій на военную службу во 2-й турк. лин. бат. молодой саргъ Тилля и умеръ на южномъ берегу озера Кара-куль отъ паралича легкихъ, что было констатировано вскрытіемъ.

Палатки разбиты. Задумались чайники. Вездѣ слышны пѣсни. Гремить неизбѣжная гармоника, вѣчная спутница русскаго воина.

Завтра дневка — у всѣхъ отрадно на душѣ. 22-го утромъ отрядъ ушелъ, оставивъ третью роту дневать.

„И пошто это насъ все позади держать?“ обиженно ворчали солдаты. — „Успѣешь еще, не торопись, намозолишь подошвы о гали, тогда другое запоешь“, отвѣчалъ на жалобы старшій унтеръ, уже бывшій здѣсь въ прошлогоднюю рекогносцировку. На другой день, пройдя 45 верстъ, рота ночевала возлѣ леднаго озера, носящаго названіе Музь-куль, а 24-го, пройдя верстъ 15, остановилась бивакомъ недалеко отъ перевала Акъ-Байгаль, гдѣ командиръ третьей роты получилъ предписаніе объ оставленіи, съ отряднымъ транспортомъ, охотничьей команды 15-го турк. лин. бат., а остальнымъ двинуться на озеро Рангъ-куль, т. е. вслѣдъ за главнымъ отрядомъ. Всѣхъ же свободныхъ лошадей отправить на Боръ-да-ба за провіантомъ, а охотничьей командѣ, дождавшись подвоза его, доставить затѣмъ на р. Мургабъ.

И такъ, оставивъ охотниковъ 15-го баталіона, прочіе двинулись съ развѣтомъ къ перевалу Акъ-Байгаль. Этотъ огромный перевалъ въ 16,300 футовъ доставилъ не мало затрудненій отряду. Подъемъ его со стороны Музь-куля чрезвычайно крутъ, хотя и не очень продолжителенъ, затѣмъ переходитъ въ небольшой отлогій спускъ по гребню и, образуя сѣдловину,

сразу опять поднимается футовъ на тысячу, а ужъ съ этого мѣста начинается крутой и неудобный спускъ къ рѣкѣ Акъ-Байгаль. Здѣсь особенно давалъ себя чувствовать разряженный воздухъ, и только нѣкоторая уже привычка къ нему способствовала людямъ къ болѣе или менѣе усильному преодолѣнію такой значительной высоты, но зато тяжело навьюченные лошади и верблюды сильно страдали. Воздухъ оглашался все время ужаснымъ ревомъ верблюдовъ, падающихъ и задыхающихся, но нещадно подгоняемыхъ солдатами и керекешами; лошади срывались и катились съ вьюками внизъ, или изнеможенные падали на узкой, единственной тропѣ, загроможденной, такимъ образомъ, дорогу находящимся сзади. Солдаты, замученные ежеминутною вьючкой, садились на камни. Ноги подкашивались у нихъ. За переваломъ дорога потянулась вдоль русла рѣки Акъ-Байгаль, которую перешли въ бродъ около рабата № 1-го, куда подошли къ 9½ часамъ. Много утонуло вещей при переправѣ черезъ эту рѣку; тѣмъ болѣе, что переходить ее пришлось въ полную темноту. Пища, по причинѣ поздняго прихода кухонь — не варилась, а взамѣнъ ея командиръ роты выдалъ по полчаркѣ разбавленнаго водою спирта. На слѣдующій день, пройдя всего 15 верстъ, рота остановилась у рабата № 2-й, гдѣ и соединилась съ ожидавшей ее 4-ю ротой охотниковъ и отряднымъ лазаретомъ, а также здѣсь ожидало предписаніе двгаться прямо на Мургабъ, не заходя на Рангъ-куль. Больныхъ было довольно много, и даже одинъ конно-горецъ лежалъ въ тифѣ. На Мургабъ полубаталіонъ охотниковъ съ лазаретомъ прибылъ часамъ къ пяти слѣдующаго дня, т. е. 27 іюня, и сталъ бивакомъ вблизи кладбища Кара-гуль, не далеко отъ слиянія рѣкъ Акъ-Байгала и Акъ-су съ Мургабомъ. „Ну, слава Богу, отдохнемъ, наконецъ“, думалъ каждый, напившись чайку и отдыхая въ своей палаткѣ. На Мургабѣ предполагали пробыть нѣкоторое время, такъ какъ о дальнѣйшемъ движеніи пока распоряженій никакихъ не было.

Ну, и поплл же рыбы солдаты за время стоянки на Мургабѣ. Ловили ее просто палатками по нѣсколькимъ пудовъ. Рыба изъ семейства *Salmo fofo*, носящая названіе „османъ“, наизящнѣе всѣхъ рѣки и большинство озеръ Памира; она очень вкусна, но костлява и липнѣе при самой тщательной очисткѣ внутренностей и черной пленки, находящейся во внутренней части ея, пригодна къ употребленію въ пищу; въ противномъ случаѣ ею можно отравиться; нѣкоторые османъ попадались въ 1 аршинъ длиною.

29-го іюня пришелъ отрядъ съ Рангъ-куля; оказалось, что китайцы ранѣе казаковъ успѣли прибыть къ провіанту и убраться его. Ничего особеннаго за время пребыванія на Мургабѣ не случилось, и только 4-го іюля капитанъ генеральнаго штаба Скерскій выступилъ на рекогносцировку на Акъ-Ташъ съ первою сотнею казачьяго полка и черезъ Большой Памиръ долженъ былъ выйти къ озеру Яшилъ-куль, куда предполагалась рекогносцировка подъ начальствомъ самого полковника Іонова. 5-го іюня прибыла съ транспортомъ охотничья команда 15-го туркестанскаго линейнаго баталіона, а 6-го третья рота была порадована приятною новостью, что она, саперная команда, сотня казаковъ и взводъ конно-горной батарее, завтра выступятъ на озеро Яшилъ-куль, подъ начальствомъ самого начальника отряда. По доставленнымъ свѣдѣніямъ на Яшилъ-куль находятся афганцы, по сколько ихъ — ничего не было извѣстно.

Остающіеся провожали рекогносцировочный отрядъ съ музыкальной верстъ за 10 вверхъ по Мургабу, гдѣ, напившись чайку, отрядъ двинулся къ переправѣ Ша-джанъ. Весь слѣдующій день заняты были переправой черезъ Мургабъ. Пѣхоту и легкіе тюки перевозили казаки и керекешскія лошади, а провіантъ и фуражъ переправлялся на парусинои складной лодкѣ, перетягиваемой на другую сторону по канату. Орудія конно-горной батарее были разобраны и совьезены на верблюдовъ. Ночью былъ пойманъ афганскій джигитъ съ Алпчурскаго поста, посланный оттуда на развѣдки.

Этотъ джигитъ неожиданно паткнулся на русскій лагерь и былъ задержанъ; на допросъ оиъ кое-что сообщилъ объ афган-

Запорожець. Ориг. рис. (собств. „Нивы“), Ижаневича, грав. Мультановскій.

скомъ постѣ, стоящемъ на рѣкѣ Аличурѣ близъ озера Яшиль-куль, но его словамъ особаго значенія придано не было, ибо онъ могъ свободнo и сколько угодно вратъ, но тѣмъ не менѣе 9 июля отрядъ выступилъ, соблюдая всѣ мѣры предосторожности. Отъ капитана Скерскаго былъ полученъ планъ китайскаго укрѣпленія на Акъ-Ташѣ и донесеніе объ оцѣнкѣ этого укрѣпленія отъ китайцевъ. Отсюда было послано приказаніе на Мургабъ объ высылкѣ полуроты отъ 2-й роты, для разрушенія этой крѣпости, что было и сдѣлано — отъ укрѣпленія осталось лишь одно воспоминаніе. Само же укрѣпленіе представляло изъ себя не что иное, какъ курганчу, имѣющую по фронту 34 шага, а въ глубину 32 шага, съ 17-ю бойницами по длиннымъ и 13-ю по короткимъ фасадамъ, со стрѣлковыми ступенями и помѣщеніемъ для гарнизона и лошадей. Прибывъ въ мѣстечко, находящееся недалеко отъ заросшаго тальникомъ урочища Комарь-Утекъ, рекогносцировочный отрядъ сталъ бивакомъ, сдѣлавъ не болѣе 30-ти верстъ. На завтра предстоялъ 45-ти-верстный переходъ на Комень-Чатырь-ташъ; нужно было дать хорошенько отдохнуть людямъ. Подняли пѣхоту въ пятомъ часу, а въ пять начали выючку обоза, въ шесть же часовъ уже выступилъ авангардъ. Дорога тянулась широкою долиною, окаймленною довольно высокими горами, террасами поднимаея въ гору, что сильно утомляло пѣхоту, да къ тому же встрѣчный вѣтеръ несъ цѣлыя облака мелкаго песку. Къ полудню вѣтеръ усилился, и идти положительно стало невозможно: неское залягали глаза, трещалъ въ зубахъ, набирался въ носъ и уши; кромѣ этого, вѣтеръ такъ надѣлъ въ нихъ, что невозможно было слышать собственныхъ словъ. Постъ пятичасовой ходьбы былъ сдѣланъ двадцатиминутный привалъ, но воды не было, во рту пересохло, голова болѣла, а ноги совсѣмъ отказывались идти. Появилось много отставшихъ. На каждомъ шагу встрѣчались то сидящіе, то лежащіе, изнеможенные люди; но, вѣдь, не оставаться же одному въ степи — и каждый, дождавшись арьергарда, присоединяется къ нему и еле таща ноги плетется дальше. Одинъ изъ офицеровъ сѣлъ съ лошади и посадилъ на нее двухъ отставшихъ солдатъ, а самъ ведетъ коня въ поводу. Отдохнувъ посаженные, онъ на ихъ мѣсто сажаетъ другихъ и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока самъ не утомится. Вотъ на дорогѣ попадаются лежащій ничкомъ солдатъ, подвѣзжаетъ къ нему офицеръ — оказывается, изъ авангарда, офицеръ говоритъ ему, чтобы онъ всталъ, утѣшалъ близостью бивака.

— Ой, ваше благородіе! охаетъ лежащій, — не могу — всего разломил!

И офицеръ беретъ его къ себѣ на лошадь.

И часто повторяются подобныя сцены во все время этого тяжелаго безводнаго пути. Да и не мудрено при высотѣ 13,000 футовъ, идя въ гору, не утомиться, отдохнувъ лишь двадцать минутъ въ теченіе двѣнадцатичасовой ходьбы. Вотъ солнца уже не видно — шесть часовъ, а бивака все еще нѣтъ.

— Гдѣ же камень? кто знаетъ? изъ прошлогоднихъ? спрашиваетъ офицеръ у остановившихся перевести духъ солдатъ.

— А вонъ за эфтой горкой, ваше благородіе, указывал на небольшую горку отвѣчаетъ прошлогодній охотникъ, — какъ, значить, эгто, выйдемъ на верхъ, такъ и бивакъ увидимъ, ежели дальше не ушли! добавляетъ онъ, упирая на послѣднее слово, какъ бы боясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ „дальше не ушли“.

Офицеръ подбодряетъ солдатъ. Длинной вереницей, еле таща ноги, подобрались всѣ на горку, и радостный крикъ: „бивакъ!“ врвался изъ устъ каждого.

Сидятъ солдаты, положивъ возлѣ себя ружья и амуницію, и смотрятъ на большущій четырехугольный камень, лежащій среди громадной равнины, подъ которымъ блистаютъ огоньки костровъ и бѣлѣютъ освѣщенные вечернимъ закатомъ палатки.

Скоро всѣ подтянулись и, отдохнувъ минутъ десять, скорымъ шагомъ добрались до бивака. Да, вмѣсто сорока пяти верстъ, въ этотъ день сдѣлали добрыхъ пятьдесятъ съ лишнимъ. Слѣдующій переходъ на камень Потулакъ-кара-ташъ былъ немного короче, по условія дороги совершенно сходны съ предыдущимъ, развѣ вотъ воды было вполнѣ достаточно. Не далеко отъ камня Чатырь-ташъ стоитъ довольно интересная могила, кого — не удалось узнать; эта могила имѣетъ видъ часовни и состоитъ изъ четырехугольнаго корпуса съ конической, куполообразною крышею. Съ передней части сдѣланъ входъ въ видѣ небольшой пристройки со стрѣлчатою дверью. Внутренняя часть зданія довольно обширна и освѣщается отверстіями, продѣланными въ куполѣ, а также окномъ съ правой стороны. Одинъ совершенно старый киргизъ говорилъ, что его пращѣ еще рассказывалъ объ этой могилѣ, какъ о самой старой на Памирѣ, и между тѣмъ это строеніе, несмотря на весьма несообразную постройку, при самыхъ неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, держится такое продолжительное время. Очевидно, что прочность подобнаго строенія зависитъ отъ особаго приготовленія строительнаго материала. При подобной прочности, если оной возможно достигнуть, намъ, русскимъ, такія строенія, стоящія такъ долго въ совершенной исправности, несмотря на постоянные вѣтры и суровые морозы, господствующіе на Памирѣ, можно бы смѣло утилизировать

для военныхъ надобностей, если не войскъ, которымъ стоять въ этихъ мѣстахъ, вѣроятно, не придется, то для станцій вѣснаго телеграфа или же для помѣщеній почтовыхъ джигитовъ, которые, въ особенности, обставлены въ этомъ отношеніи чрезвычайно скверно, тѣмъ болѣе, что способъ построекъ очень простъ и дешевъ и весьма будетъ удобенъ, за невозможностью добыть строевого лѣса.

На бивакѣ у камня Потулакъ-кара-ташъ уже всѣмъ извѣстно было, что не далеко отъ озера Яшиль-куль, на лѣвомъ берегу рѣки Аличуръ, стоитъ афганскій постъ, состоящій изъ 12 афганцевъ и 7 шугнанцевъ. Постъ находится вблизи развалинъ китайской крѣпости Сума-ташъ. Киргизы жаловались полковнику Ионову на насилія со стороны афганцевъ, а одинъ старикъ со слезами на глазахъ рассказывалъ, что у него похищены имъ двѣ дочери-дѣвушки, которыхъ афганцы держатъ у себя. Ночью сотня казаковъ, съ начальникомъ отряда во главѣ, выступила на озеро Яшиль-куль, а лишь чуть разсвѣло, поднялась и пѣхота съ артиллеріей. Утромъ слышались выстрѣлы, но на нихъ никто не обратилъ вниманія, а когда пѣхота подошла къ мѣсту стоянки афганскаго поста, то застала уже все поконченнымъ съ афганцами. Оказалось, что была стычка, и изъ афганцевъ убито 8 человекъ и трое ранено, а съ нашей стороны тяжело раненъ въ ногу казакъ Борисовъ и нѣсколько человекъ съ легкими царапинами и ушибами.

Въ трехъ верстахъ отъ озера Яшиль-куль, на покрытомъ травою, лѣвомъ берегу рѣки Аличура, подъ высокимъ яромъ, расположились по четырехугольнику четыре юрты и одна палатка, верстахъ въ двухъ отъ которыхъ насилье красивыя лошади подъ наблюденіемъ одного изъ шугнанцевъ. Эти юрты съ палаткой и составляли жилище афганцевъ, находящихся на Аличурскомъ посту. Начальникъ поста, Гулямъ-Айдаръ-Ханъ, капитанъ афганской службы, съ подчиненными ему солдатами, и не дозвѣвали о томъ, что русскіе уже такъ близко, и капитанъ спокойно пилъ себѣ чай съ каймакомъ тогда, когда полковникъ Ионовъ на ярѣ отдавалъ приказанія, посылая одинъ взводъ по направленію къ озеру Яшиль-куль, который и остановился въ полуверстѣ внизъ по рѣкѣ Аличурѣ, отрѣзавъ такимъ образомъ отступленіе афганцамъ. Одинъ взводъ залегъ на ярѣ и зарядилъ винтовки, и одинъ взводъ былъ оставленъ позади. Взводы были чрезвычайно малочисленны, по причинѣ распылки казаковъ въ разныхъ части Памира. Капитанъ былъ чрезвычайно удивленъ сообщеніемъ посланнаго къ нему переводчика о томъ, что пришли русскіе, и что полковникъ Ионовъ проситъ его выйти къ нему. Онъ даже сразу не могъ понять, въ чемъ дѣло, но когда переводчикъ пояснѣлъ ему, что пришелъ русскій отрядъ, капитанъ приказалъ своимъ людямъ брать оружіе и вывелъ 12 человекъ на яръ.

Капитанъ, среднихъ лѣтъ мужчина, высокаго роста, стройный, съ красивыми черными глазами и весьма смѣлымъ взглядомъ; его правильныя черты лица доказывали, что онъ происходилъ изъ хорошаго рода. На немъ былъ бѣлый костюмъ, перетянутый поясомъ, за которымъ были заткнуты два пистолета, а на плечевой португелѣ болталась стальная пашка съ сильно изогнутымъ клинкомъ. Во время переговоровъ капитанъ держалъ себя чрезвычайно неприступно и даже довольно дерзко, по отношенію къ полковнику Ионову, а на предложеніе послѣдняго положить оружіе и слѣдовать за отрядомъ, отвѣтилъ полнымъ отказомъ; на угрозу же полковника Иова, принудить силою капитана оставить постъ, находящійся на нашей территоріи, былъ выстрѣлъ со стороны афганцевъ, послѣ котораго упалъ казакъ Борисовъ. Конечно, оставалось отвѣчать тѣмъ же. Сибиренные казаки, коихъ число не превышало числа афганцевъ, бросились на послѣднихъ. Капитанъ, выхвативъ пистолеты, два раза выстрѣлилъ въ полковника Иова и стоявшихъ за нимъ офицеровъ штабъ-ротмистра Гродненскаго гусарскаго полка Шереметьева, военнаго инженеря штабъ-капитана Серебренникова и штабъ-капитана телеграфнаго парка Колосовскаго, но, не понавъ, бросился съ пашкою на казаковъ и вскорѣ былъ убитъ хорунжимъ Баргинымъ изъ валавшея на землѣ винтовки раненаго казака. Одинъ за другимъ падали отстрѣливаясь афганцы, а бывшіе въ юртахъ открыли огонь по конному взводу, отрѣзавшему отступленіе. Вотъ одинъ афганецъ бросился въ рѣку, думая переплыть ее, но пуля догнала бѣглеца, и его трупъ унесло быстрымъ теченіемъ.

Подавъ отбой, палба продолжается; еще разъ слышенъ рѣзкій звукъ сигнальной трубы, и послѣ прекращенія огня изъ юртъ выходятъ нѣсколько человекъ, а по скату яра и возлѣ нихъ валяются въ разныхъ положеніяхъ убитые и раненые афганцы; нѣкоторые корчатся и стонутъ, но большинство лежитъ совершенно спокойно. Между послѣдними съ прострѣленной головой лежитъ и капитанъ Гулямъ-Айдаръ-Ханъ. Раненымъ, коихъ всего трое, подана медицинская помощь, къ слѣдующимъ приставленъ конвой. Подошла пѣхота и артиллерія. Сдѣланъ привалъ. Въ ротѣ тихо, нѣтъ ни веселаго говора, ни пѣсенъ; у каждого на умѣ, что, быть-можетъ, и его постигнетъ такая же участь, какъ и этихъ афганцевъ. Могила зарыта, пѣхота трогается дальше.

— Пѣсенники, на правый флангъ! раздается команда ротнаго командира, и веселая солдатская пѣсня слышится съ присвистываніемъ и прикрикиваніемъ на разные лады.

Тихо все на бивакѣ; нѣтъ ни обычныхъ пѣсень, и даже гармошки не слышать; все толкуютъ солдаты объ „афганцахъ“.

— Ну, и храбрые они, братцы, пра, храбрые, ни одинъ не здался, всѣхъ перехлопали; не положили, говорятъ, оружію, уставъ, молъ, не дозволяютъ, говорить одинъ солдатъ, сидя на корточкахъ и покуривая трубку.

— И што тутко за храбрость! Значитъ, у афганца солдатъ службу знаетъ, коли на постъ поставили, такъ, значитъ, и стой, хотя-бъ и „жизни“ опасность угрожала; ты, чай, самъ-то уставъ гарнизонный знаешь? А еще капралъ—ишь храбрость отыскалъ какую! Меня коли, этта, на постъ поставятъ, то я за 10 верстъ противника унохаю, а ёшь што?.. Спитъ себѣ, и не видитъ, что наши у него на носу... Тьфу, а не офицеръ! И увтеръ сердито силевывается, посылалъ разную ругань по адресу афганцевъ.

Показались казаки, несущіе на плечахъ посылки, на которыхъ лежалъ раненый казакъ Борисовъ—тяжелое шестіе.

Все смолкло, все превратилось во вниманіе. Раненый еле-еле стонетъ.

„Афганцы! афганцы!“ раздается крикъ, и всѣ бросаются смотреть плѣнныхъ, которыхъ вель конвой. Это были шуганцы и одинъ афганецъ, молодой красавецъ-юноша. Два пучка взбитыхъ волосъ, съ каждой стороны головы, красиво выбивались изъ-подъ прострѣленного въ двухъ мѣстахъ головного убора. Его красный мундиръ, прострѣленный подъ мышкою, былъ изорванъ, видимо, во время рукопашной схватки. Онъ шелъ, высоко поднимая голову и окидывая сверкающимъ взоромъ собравшихся солдатъ.

Шуганцы, тѣ почтительно шли съ грустными лицами, видимо, ожидая чего-нибудь страшнаго, ожидающаго ихъ въ русскомъ лагерѣ.

Раненые оставлены на попеченіе киргизъ на мѣстѣ стычки, одинъ уже умеръ—остались двое.

(Оконч. въ слѣд. №).

Изгнанники.

Есть радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли,
Добро считали зломъ
И мимо шли, и слезъ твоихъ не видѣли,
Назвавъ тебѣ врагомъ.

Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнанникомъ
И, какъ волна морей,
Какъ туча—въ небѣ, одинокимъ странникомъ
И не имѣть друзей.

Блаженны вы, бездомные, томимые
Печалью неземной,
Блаженны вы, презрѣнные, гонимые
Счастливою толпой!

Прекрасна только жертва неизвѣстная.
Какъ тѣнь хочу пройти,
И сладостна да будетъ ноша крестная
Мнѣ на земномъ пути.

О, вѣрь,—твое сокровище негнѣное—
Не здѣсь,—а въ небесахъ,
Въ твоёмъ стыдѣ—величье сокровенное,
Восторгъ—въ твоихъ слезахъ.

Умри, какъ жилъ,—дѣля грѣзы нѣжныя,
Не слыша дальнихъ бурь,—
И серафимовъ крылья бѣлоснѣжныя
Умчать тебя въ лазурь!

1893 г.

Д. Меренковскій.

Увядшія фіалки.

Разсказъ Андрея Терье.

Переводъ съ французскаго Н. Иискаго.

Художникъ Этьенъ Миллеръ поздно достигъ извѣстности. Онъ былъ сыномъ крестьянина. Непреодолимое стремленіе влекло его въ Парижъ, гдѣ онъ поступилъ въ академію художествъ съ платою за содержаніе по 800 франковъ; эта сумма выплачивалась управленіемъ его департамента.

Хотя онъ одаренъ былъ явнымъ, несомнѣнно сильнымъ и оригинальнымъ талантомъ,—а можетъ быть именно поэтому,—онъ очень долго не удостоивался первыхъ наградъ, и его не посылали въ Италію.

Запершись въ своей уединенной мастерской, онъ работалъ, чтобы кормиться; давалъ уроки, выставялъ ежегодно свои картины; но на картины эти критики не обращали вниманія. Этьенъ не хотѣлъ, однако, приравниваться къ вкусамъ публики, къ требованіямъ моды: онъ упорно продолжалъ писать картины изъ сельской жизни, картины, милыя ему съ дѣтства. Требования на художественномъ рынкѣ (къ сожалѣнію, есть и такой рынокъ) были совсѣмъ иныя, и Этьена упрекали въ недостаткѣ пониманія современныхъ вкусовъ; продавцы картинъ избѣгали его.

Ему было уже далеко за сорокъ, когда одна изъ его картинъ вдругъ получила огромный успѣхъ; мода пошла на сельскіе виды, и Этьена оцѣнили. Заказы посыпались къ нему: въ каждой картинной галереѣ, на каждой художественной выставкѣ хотѣли имѣть его картины. Онъ получилъ за нихъ и орденъ Почетнаго Легіона, и приобрѣлъ громкую извѣстность.

Но Этьенъ Миллеръ чувствовалъ уже усталость, вслѣдствіе долгой упорной борьбы съ нуждой; у него какъ бы не было молодости, и неожиданный успѣхъ не радовалъ его, а вызывалъ одну лишь грустную улыбку.

Докторъ сказалъ ему, что онъ боленъ и посоветовалъ ѣхать лечиться на Югъ. Въ началѣ января Миллеръ отправился въ Ниццу.

Онъ никогда еще не видѣлъ побережья Средиземнаго моря. Хрустальная прозрачность воздуха, налитаннаго благоуханіемъ эвкалиптовъ, теплота послѣ-полуденнаго солнца, серебристый свѣтъ, какъ бы засквашенный холмы, покрытые апельсинными и оливковыми деревьями, голубое море, тихо и ласково бьющееся о мягкіе живописные берега, наклоняющіяся надъ водою красныя группы анемоновъ и другихъ цвѣтущихъ деревьевъ, все это было прекрасно, какъ въ богато-поставленной на сцену фееріи... Онъ долго опомниться не могъ...

Дней черезъ 8 по приѣздѣ его въ Ниццу, утромъ, почтальонъ привнесъ ему надушеное письмо въ конвертѣ съ графскимъ гербомъ. Онъ не удивился:—газеты сообщили о приѣздѣ и адресѣ его, а съ того времени, какъ онъ сталъ знаменитостью, ему нерѣдко случилось получать приглашенія даже къ незакомымъ. Въ конвертѣ было два письма: одно было—приглашеніе аристократки-англичанки пріѣхать къ ней въ виллу Эндиміонъ на „garden party“, а другое слѣдующаго содержанія:

„Если г. Этьенъ Миллеръ пожелаетъ возобновить знакомство съ женщиной, бывшей его другомъ, то она рада будетъ встрѣтить его въ виллѣ Эндиміонъ. Она считаетъ бесполезнымъ дѣлать дальнѣйшія разъясненія. Ей хочется узнать—узнать, по прошествіи 25 лѣтъ, узнаеть-ли онъ ее?“

Графиня Юлія Соспелло.

Этьенъ съ удивленіемъ прочелъ это письмо. Фамилія была совершенно незнакома ему. Имя... Юлія?! Онъ много зналъ Юлій, въ то время, когда давалъ уроки. Которая же?

Онъ долго всматривался въ тонкій красивый почеркъ. Сильный запахъ духовъ, которыми надушенъ былъ конвертъ, ему казался знакомымъ. Вдругъ, какъ будто откровеніе осябло его. Ему показалось, что онъ видитъ мраморную лѣстницу великолѣпнаго дома въ Омальской улицѣ, куда онъ ходилъ давая уроки акварельной живописи молодой жепѣ банкира; вотъ онъ, молодой 28-лѣтній человекъ, взбѣгаетъ по лѣстницѣ, покрытой смирнскими коврами и уставленной голубыми цвѣтами, и входитъ въ рабочій кабинетъ, обтянутый стрымъ сукномъ; тамъ ожидаетъ его ученица; ей было лѣтъ двадцать пять... она была худощавая блондинка, съ нѣжными чертами лица, съ живыми черными глазами и нѣжнымъ бѣлымъ цвѣтомъ лица.

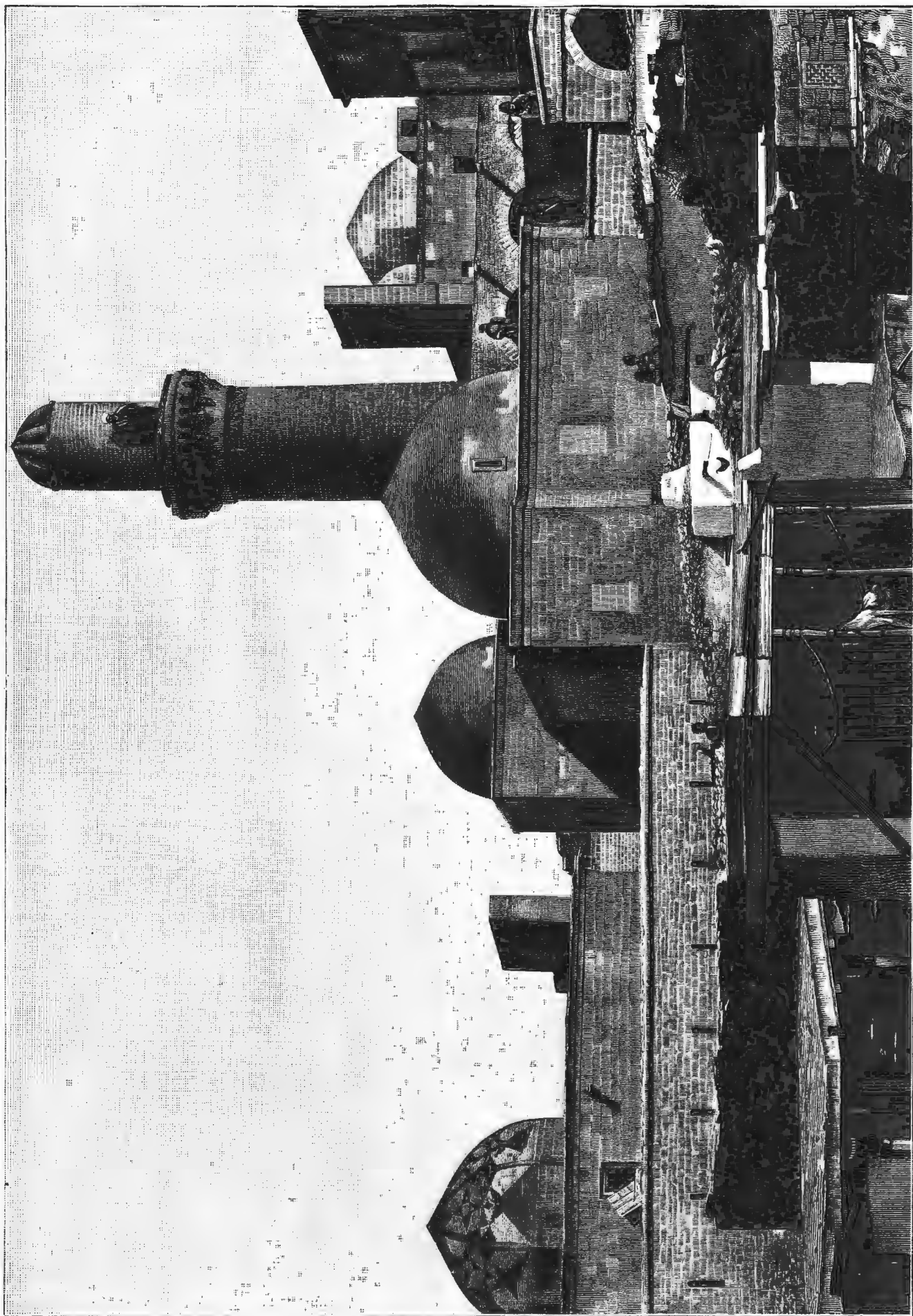
Однажды онъ явился на урокъ зпмою, предъ вечеромъ; лампа на бронзовомъ пьедесталѣ освѣщала жардиньерки, наполненныя фіалками и азалиями; въ углу стояло фортепіано; на стѣнахъ висѣло нѣсколько этюдовъ, а на каминѣ большой мраморный бюстъ Юдиенъ... И она, эта красавица-женщина, которой онъ давалъ уроки, какъ живая, стала предъ нимъ...

Имя ея было, дѣйствительно, Юлія, но фамилія мужа не Соспелло. Подпись на полученномъ письмѣ была сдѣлана, однако, ея рукою. Какая же перемена случилась съ нею? Любопытство Миллера было сильно задѣто, и въ назначенное время онъ отправился на виллу Эндиміонъ.

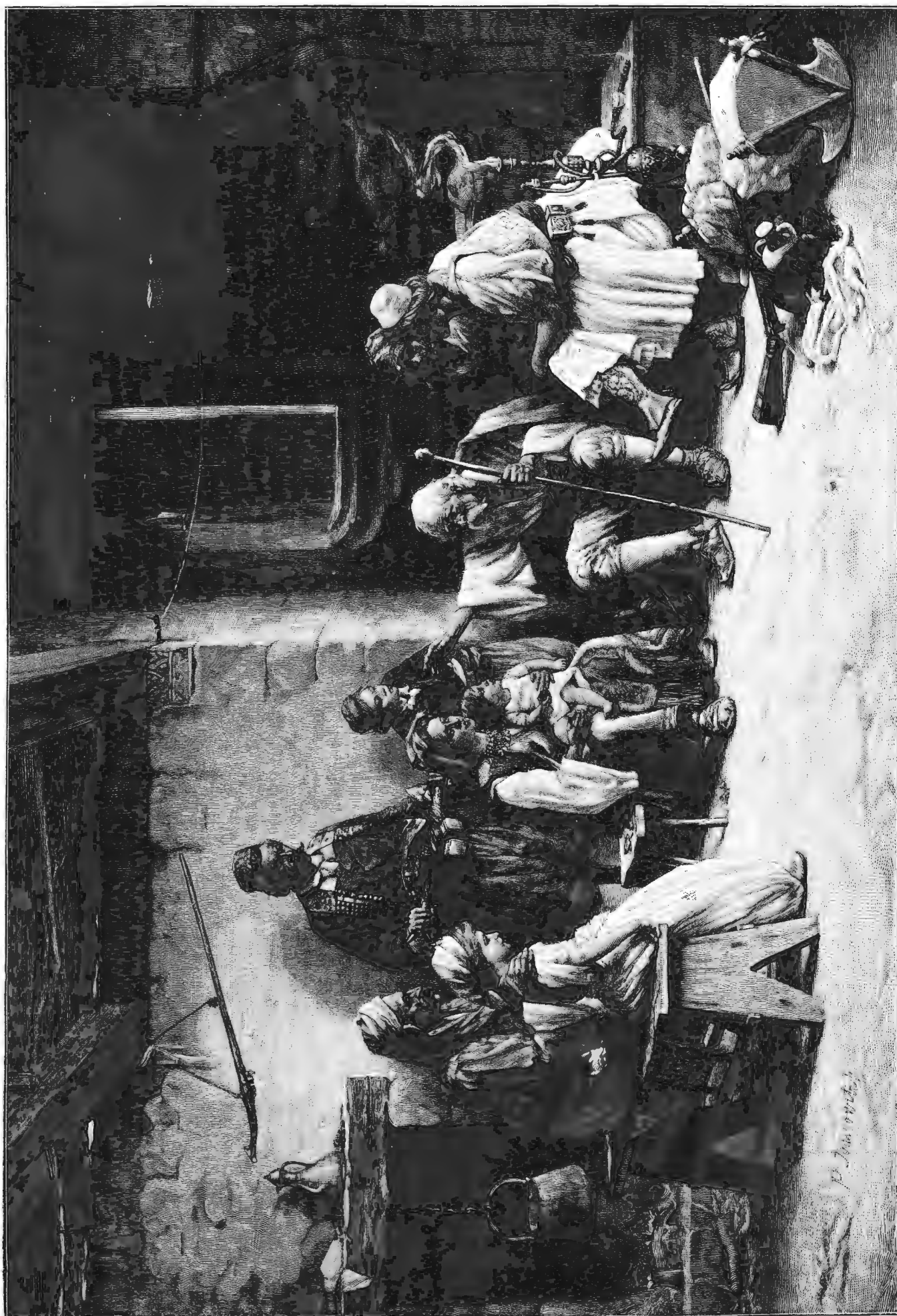
Вилла Эндиміонъ была за городомъ, близъ моря, на скатѣ одного изъ круглыхъ холмовъ, образующихъ какъ бы передовые посты гористаго кольца, опоясывающаго Ниццу. Едва успѣлъ Миллеръ поздороваться съ гостепріимной хозяйкой, онъ съ невольнымъ волненіемъ сталъ отыскивать глазами „свою Юлію“; большая часть гостей была въ саду. Онъ пошелъ въ садъ. Тамъ большое общество молодежи было занято лаунъ-тэнисомъ, крокетомъ...

Погода была великолѣпная: небо чисто-голубое, солнце обливало золотистыми лучами красивую виллу съ ея рамкой изъ пальмовыхъ, апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ; съ озаренныхъ имъ террасъ и мраморныхъ балконовъ видны были далеко окрестности и заливъ Ангеловъ, въ которомъ было слабое волненіе и чувствовалось вліяніе легкаго вѣтерка, рябившаго поверхность воды.

Игравшіе собрались группами на лужайкѣ; посреди розовыхъ

Ханскій дворець въ Бану. Съ фот. грав. Шллицеръ.

Разсказъ о битвѣ. Сцена изъ черногорской жизни. Съ картъ Говановича, грав. Пазе

кустарниковъ въ полномъ цвѣтѣ, оркестръ мандолинистовъ игралъ неаполитанскія пѣсни; дамы были въ свѣтлыхъ туалетахъ, мужчины — въ легкихъ пальто и въ круглыхъ шляпахъ.

Этьенъ Миллеръ безотчетно сталъ искать среди этой молодежи ту, которую онъ помнитъ цвѣтущей двадцати-пяти-лѣтней красавицей. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что со времени ихъ послѣдняго свиданія прошло уже двадцать пять лѣтъ и что теперь не здѣсь, не среди смѣющейся, веселой молодежи ея мѣсто... Да и самъ онъ... Въ это время онъ увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстоянн даму, которой блестящій туалетъ и, главное, осанка привлекли его вниманіе.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она повернулась къ нему, и Миллеръ вздрогнулъ, узнавъ вѣжныя черты ея лица.

Это была, несомнѣнно, его прежняя ученица изъ Омальской улицы, и въ блѣдомъ костюмѣ, при мягкомъ свѣтѣ, отгнѣнная кружевнымъ зонтикомъ, она казалась столь же прекрасной, какъ прежде. Съ минутой его охватила греза воскресшей юности, и его сердце забилося, какъ прежде, бывало, когда онъ входилъ въ сѣрый кабинетъ, украшенный цвѣтущими азалиями. Онъ подошелъ къ ней, поклонился и назвалъ себя.

Дама въ блѣдомъ улыбнулась и протянула ему руку.

— И такъ, вы узнали меня? сказала она.

— Конечно, отвѣтилъ онъ, пристально смотря на нее.

Они вышли на середину аллеи, ярко освѣщенную. Этьенъ теперь видѣлъ, какъ талія ея измѣнилась, какъ морщины шеи были довольно искусно прикрыты обитымъ вокругъ шеи боа; складки висковъ и губъ, выдающихся скулы, покраснѣвшія рѣсницы давали возможность замѣтить, несмотря на пудру, поблѣкшій цвѣтъ лица. Костюмъ былъ блѣдъ, какъ перо лебедя, и свѣжъ, какъ приколотый къ ея корсажу букетъ фіалокъ. Но это не могло помочь.

„Она еще болѣе измѣнилась, чѣмъ я предполагалъ“, подумалъ Этьенъ.

Настала довольно тяжелая минута молчанія. Этьенъ рѣшился предложить своей бывшей ученицѣ руку, и они пошли по аллеѣ.

Сначала они разговаривали о праздникѣ и случаѣ, который свелъ ихъ. Она объяснила ему, какимъ образомъ перемѣнилась или: ея первый мужъ умеръ, и потомъ она вышла замужъ за итальянскаго графа, который сдѣлалъ ее очень несчастной, вслѣдствіе чего она развелась съ нимъ. Она пріѣхала въ Каннъ, чтобы лѣчиться отъ боли въ груди, а въ Ниццѣ была случайно.

— Ну, а вы? спросила она.—Поговоримъ о васъ; я слѣдила за вашими успѣхами и гордилась тѣмъ, что была вашей ученицей. Вы теперь великій художникъ, вы не щадили трудовъ.

— Да, сказалъ онъ и улыбнулся; — но время такъ же не щадило меня, какъ я своихъ трудовъ. Я охотно отдалъ бы часть своего успѣха, чтобы стать вновь 28-милѣтнимъ.

— Ахъ, вы правы! Бѣтъ молодость... какъ прекрасна молодость! со вздохомъ проговорила она, завистливо поглядывая на грустную играющую въ мячъ.

— Въ такой странѣ, какъ эта, замѣтилъ онъ,—слѣдовало бы всегда быть молодымъ, чтобы не отличаться рѣзко отъ всего окружающаго. Посмотрите, какъ хорошо кругомъ!

Онъ показалъ ей на круглые холмы въ яркой зелени. Заходящее солнце освѣщало ихъ мягкимъ краснымъ свѣтомъ. Среди розовыхъ кустарниковъ, мандолинисты играли „Santa Lucia“.

— Эта пѣсня ничего не напоминаетъ вамъ? спросила она у Этьена.

Онъ задумался и не сразу отвѣтилъ:

— Да, она напоминаетъ мнѣ одинъ вечеръ, тотъ вечеръ, когда, послѣ урока, вы удержали меня обѣдать. Вашъ мужъ оставилъ насъ вдвоемъ въ залѣ. Помните, сколько цвѣтовъ было въ этой залѣ... Вы сѣли за фортепиано и стали играть мнѣ народныя итальянскія мелодіи. Вдругъ гребень выпалъ изъ вашихъ волосъ, и дивныя блѣкурные волосы разсыпались по плечамъ. Я какъ теперь вижу, какъ вы собрали и свернули ихъ... Вы и не подозрѣвали того, что я до сумасшествія влюбленъ былъ въ васъ, и въ тотъ вечеръ едва не признался въ этомъ...

Улыбка проскользнула по губамъ и блеснула въ глазахъ ея.

— Откровенность за откровенность! отвѣтила она.—Я все видѣла, отлично видѣла... женщины, вообще, очень скоро отгадываютъ это, и въ тотъ вечеръ, если-бы вы были менѣе сдержанны, если бы вы позволили себѣ говорить... Я могу теперь сознаться въ этомъ, когда наша молодость далеко уже!

Исхудавшія щеки графини покрылись густымъ румянцемъ, и волненіе придало ея лицу юношеское почти выраженіе, похожее на то, когда послѣдніе яркіе лучи солнца озаряютъ осеннюю зелень. Она какъ бы преобразилась вся...

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, онъ какъ будто охваченъ отъ волненія воскресшей любви, подобно тому, какъ можетъ охваченъ мягкой, но сильный запахъ букета вянущихъ фіалокъ. Но тутъ же почувствовалъ онъ горечь сожалѣнія:—что могло бы случиться,—можетъ-быть, не случится никогда!

— Сердце не старѣется, заговорилъ онъ, и говорилъ потомъ долго—о чемъ?—онъ самъ не зналъ, но слова такъ и лились у него...

Она молчала и внимательно смотрѣла, казалось, на голубую даль моря, на которомъ блѣлалъ парусъ. Вдругъ она остановила его, положивъ свою обтянутую перчаткой, маленькую ручку въ его руку...

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ: въ наши лѣта живутъ только воспоминанія. Она показала ему на молодыхъ людей, играющихъ въ мячъ.—Вотъ имъ можно говорить о любви и вѣрить ей... Не будемъ портить удовольствія встрѣчи; мы сказали другъ другу все, что хотѣли, — проведите меня до кареты. Поздно... Пора домой...

Не говоря больше ни слова, они прошли залы, и, когда карета подана была къ крыльцу, графиня обернулась къ Миллеру.

— Благодарю! сказала она. — Благодарю за то, что вы пріѣхали. Не знаю, увидимся-ли мы снова?

Она отцѣпила фіалки отъ корсажа и подала ихъ Этьену. Букетъ успѣлъ уже завянуть.

— Вотъ, сказала она, — храните этотъ букетъ въ воспоминаніе обо мнѣ.

Она сѣла въ экипажъ. Лакей захлопнулъ дверцу; графиня откинулась въ глубь, и недвижно стоявшій Этьенъ долго оставался такъ, пока карета не скрылась изъ глазъ его за холмомъ.

Солнце исчезло, и сумерки покрыли окрестность туманной дымкой. Ночь наступила.

Вѣтеръ, почти леденящій, поднимающійся въ Ниццѣ немедленно по заходѣ солнца, сразу смѣнилъ холодомъ тепличный воздухъ южнаго дня, и вмѣстѣ съ тѣмъ холоднѣе и холоднѣе становилось на душѣ Этьена.

Парацельсъ.

(400-лѣтіе со дня его рожденія).

Очеркъ Н. Ширяева. (Портр. на стр. 1128).

Знаменитый германскій медикъ Филиппъ-Аврелій-Теофрастъ Парацельсъ принадлежитъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, которые по временамъ являются для того, чтобы производить рѣшительные перевороты въ той или другой области человѣческихъ знаній. Парацельсъ жилъ въ эпоху реформациі, когда съ особенною силою развивалось стремленіе сбросить оковы и путы, наложенныя на свободное развитіе человѣческаго ума католическимъ обскурантизмомъ и жалкою средневѣковой схоластикою. Извѣстно, въ какомъ печальномъ положенн находились въ эту эпоху науки математическія и медицинскія. Переголковывая вкривъ и вкось устарѣлыя ученія Аристотеля, Гипократа, Галлена и другихъ, средневѣковые ученые считали себя свѣтлыми мудрости и не допускали никакихъ возраженій, считая каждую новую мысль дѣломъ самымъ опаснымъ, даже преступнымъ. Но духъ времени взялъ свое. Одновременно съ проповѣдью Лютера противъ насаждаемаго произвола, явились смѣлые проповѣдники новыхъ идей въ наукѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Парацельсъ. Правда, онъ не сдѣлалъ великихъ научныхъ открытій; но онъ своими сочиненіями пошатнулъ зданіе старой медицины и указалъ новые пути для дальнѣйшаго, болѣе правильнаго развитія медицинскіхъ знаній. Въ этомъ заключается главная заслуга Парацельса передъ потомствомъ.

Какъ и всѣ гениальные люди, Парацельсъ имѣлъ множество противниковъ, которые, конечно, постарались очернить его память; поэтому въ біографіи Парацельса встрѣчается много

нелюпей и противорѣчій. Впрочемъ, достовѣрно извѣстно, что Парацельсъ родился 5 декабря 1493 года въ Эйзидельнѣ, небольшомъ городкѣ въ швейцарскомъ кантонѣ Швицъ. О происхожденн Парацельса существуютъ разнорѣчивыя свѣдѣнія: одни говорили, что онъ былъ простаго званія, другіе, кажется, съ большею достовѣрностью, утверждали, что отецъ Парацельса былъ законнымъ сыномъ великаго магистра Тевтонскаго ордена Бомбаста-Гогенгейма. Первые годы своей жизни Парацельсъ провелъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Эйзидельнѣ, гдѣ отецъ его былъ докторомъ, а мать сестрою милосердія. Въ стѣнахъ того же монастыря Парацельсъ получилъ первоначальное воспитаніе. Бенедиктинцы славились своею ученостью, и потому являются странными обвиненія враговъ Парацельса въ томъ, будто бы Парацельсъ не только не зналъ языковъ греческаго и латинскаго, но даже плохо владѣлъ родною нѣмецкою грамотою. Другіе, менѣе пристрастные современники Парацельса, напротивъ, утверждали, что онъ еще въ дѣтствѣ имѣлъ столь необыкновенную память, что повторялъ наизусть слово въ слово главнѣйшіе діалоги Платона и зналъ почти всѣ математическія теоремы. Въ пользу этого свидѣтельства говоритъ также и то, что впоследствии Парацельсъ написалъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ 230 сочиненій философскихъ, 46 по химіи и 7 по математикѣ.—Дѣтство Парацельса прошло при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Говорятъ, что на пятомъ году отъ рожденія онъ скрылся изъ дома и сдѣлался пастухомъ;

къ этому прибавляютъ, что съ нимъ случилось *то же*, что было съ известнымъ философомъ Аделаромъ... По увѣренію одного изъ современниковъ, Парацельсъ еще въ юности, подобно всѣмъ студентамъ того времени, странствовалъ по Германіи, питаясь подаяніемъ. Потребность различныхъ впечатлѣній и природное любопытство побуждали его къ постояннымъ путешествіямъ; скитальческая жизнь приучила его къ безпорядочности; недостатокъ въ средствахъ побудилъ обратиться къ завятію шарлатанскими знаніями. Парацельсъ сдѣлался предсказателемъ, вызывателемъ духовъ, и, вообще, занялся изученіемъ алхиміи, хиромантіи, некромантіи и другихъ таинственныхъ наукъ среднихъ вѣковъ. Но, обладая умомъ острымъ и проницательнымъ, Парацельсъ скоро позналъ всю несостоятельность, какъ этихъ quasi-наукъ, такъ и, вообще, всѣхъ тогдашнихъ естественно-научныхъ знаній. Парацельсъ задумалъ учиться серьезно, и съ этою цѣлю посѣтилъ нѣкоторые германскіе университеты; тогда же онъ явился инангейскому аббату Тригеміусу, который прославился тѣмъ, что превратилъ весь свой монастырь въ высшую школу, гдѣ проповѣдывались самыя странныя мистическія ученія и изучались всевозможныя таинственныя науки (астрологія, магія, алхимія и пр.); тамъ же была лабораторія для разныхъ опытовъ. Пробывъ недолго въ этомъ монастырѣ, Парацельсъ отправился отыскивать на Сѣверѣ „магнитную гору“, о которой мечтали тогдашніе алхимики, смутно предугадывая будущее открытіе явленій „электро-магнетизма“. Парацельсъ посѣтилъ Трансильванію, Боснію, Венгрію, Польшу, Данію, Швецію и Норвегію; въ послѣднихъ изъ названныхъ странъ онъ отважно взлѣзалъ на свѣтныя горы и опускался въ бездонныя пропасти. Здѣсь же собиралъ онъ разные практическія свѣдѣнія отъ рукоконовъ, кузнецовъ, фабрикантовъ стеклянныя издѣлій и др. Парацельсъ самъ признавался, что для пріобрѣтенія медицинскіхъ знаній онъ входилъ въ сношенія съ колдунами, знахарями, старухами, могильщиками, даже палачами; многое узналъ онъ отъ монаховъ. Возвратясь изъ этого продолжительнаго путешествія въ Германію, Парацельсъ вступилъ въ имперскую армію въ званіи хирурга и векоръ носитель Францію, Италію, Испанію и Португалію. Сохранились свѣдѣнія, опровергаемыя, впрочемъ, врагами Парацельса, будто бы онъ сопровождалъ, въ качествѣ врача, сына какого-то татарскаго хана изъ Константинополя въ Монголію, и что въ это время пріобрѣлъ у какого-то грека рецетъ своей знаменитой „восточной тинктуры“; самъ Парацельсъ увѣрялъ, что учился тайнымъ знаніямъ въ Египтѣ и Аравіи.—Враги Парацельса говорили, что Парацельсъ такъ много не путешествовалъ; но въ такомъ случаѣ является непонятнымъ, откуда онъ могъ добыть столько практическихъ свѣдѣній.—Достоверно же то, что въ 1526 году Парацельсъ снова явился въ Германію, и въ слѣдующемъ году, по рекомендаціи и усиленнымъ просьбамъ теолога Эколампада, что занялъ катедру физики и медицины въ Базельскомъ университетѣ. Здѣсь Парацельсъ проявилъ во всемъ блескѣ силу своего ума и явился творцомъ новой науки—химіи, которой суждено было замѣнить алхимію со всѣми ея нелѣпостями. Парацельсъ сталъ читать свой курсъ химіи на латинскомъ языкѣ, вмѣсто германскаго; это содѣйствовало умноженію числа его слушателей, но тонъ и направленіе лекцій скоро возбудили противъ него гоненіе.—Извѣстна его выходка при началѣ чтенія лекцій: Парацельсъ, не входя еще на кафедру, приказалъ принести въ аудиторію большую жаровню съ раскаленными угольями, и, положивъ въ огонь сочиненія древняго врача Галлена и „медицинскій канонъ“ арабскаго врача Авиценны, провозгласилъ сильнымъ голосомъ: „Гибель Галлену и тебѣ, Авиценскому вепрю! Волоса моей прически и шурки моихъ башмаковъ гораздо умнѣе всѣхъ вашихъ книгъ!“—Тѣмъ не менѣе, слава Парацельса распространилась быстро.—Извѣстный ученый Петръ Рамусъ, слушавшій лекцій Парацельса, такъ отзывался о нихъ: „Парацельсъ носитъ самыя сокровенныя тайны природы; съ помощью своей необыкновенной проницательности онъ открылъ и изслѣдовалъ свойства металлическихъ веществъ; при этомъ онъ изслѣдуетъ даже тѣ болѣзни, которыя признаны всѣми за неизлѣчимыя“. Въ дѣйствительности, конечно, знанія Парацельса были значительны меньше, но извѣстность его была такъ велика, что многіе ученые и владѣтельные особы переносились съ нимъ и высоко цѣнили его мнѣніе и обращались къ нему за совѣтами. Не дремали и враги Парацельса. Парижскій университетъ предалъ его проклятію вмѣстѣ съ Лютеромъ; въ итальянскихъ университетахъ его называли „грубымъ невѣждою“; виртембергскій профессоръ Эрастъ поддалъ доносъ на Парацельса, обвиняя его въ отступничествѣ отъ католической религіи; о Парацельсѣ распускали слухи, что онъ на палкѣ или на черномъ козлѣ ѣздитъ на совѣщанія съ вѣдьмами. Враги Парацельса обвиняли его въ публичномъ пьянствѣ съ разными уличными бродягами; это обвиненіе, кажется, преувеличено; но достоверно, что Парацельсъ, дѣйствительно, не отличался воздержностью, что было, впрочемъ, обычнымъ явленіемъ между учеными того времени. Кстати будетъ замѣтить, что многіе утверждали, будто Парацельсъ не имѣлъ никакого ученаго диплома и назывался „докторомъ“ безъ всякаго на то права. Самолюбіе Парацельса

также не имѣло границъ; вотъ какъ, напр., отзывался онъ о самомъ себѣ: „Гиппократъ, Галленъ, Разесъ, Мезюе, Монтаньяна,—всѣ вы послѣдуйте за мною; господа ученые Парижа, Монпелье и Падуй,—вы тоже послѣдуйте за мною; и всѣ вы, живущіе на Рейнѣ и Дунаѣ, вы, жители острововъ Океана, вы, далматы и турки, говорю вамъ,—послѣдуйте за мною, потому что мнѣ принадлежитъ скипетръ медицины и свободныхъ искусствъ“. Парацельсъ увѣрялъ, что шпига, которую онъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то нѣмецкаго палача, подарила ему добраго генія, по имени Азота; стоя на кафедрѣ, Парацельсъ постоянно держался за эфесъ этой шпиги; по преданію, онъ въ ней хранилъ свои таинственныя цѣлебныя илюліи, называвшіяся „arsana“.—Недолго оставался Парацельсъ профессоромъ въ Базельскомъ университетѣ: онъ поссорился съ однимъ каноникомъ, оскорбилъ дерзкимъ письмомъ городскихъ судей и долженъ былъ выѣхать изъ Базеля. По просьбѣ друзей, Парацельсъ переѣхалъ къ Кольмарю, а затѣмъ снова пустился странствовать по Германіи, окруженный толпою послѣдователей. Въ новыхъ мѣстахъ встрѣчали его, какъ необыкновеннаго учителя, въ другихъ гнали, какъ шарлатана; въ это же время Парацельсъ написалъ нѣсколько сочиненій, и въ томъ числѣ „De natura rerum“ („О природѣ вещей“). Среди этихъ путешествій Парацельсъ умеръ въ городѣ Зальдбургѣ въ 1541 году, на 48 году отъ рожденія—по преданію, отъ подагры. Его похоронили въ зальбургской церкви св. Стефана; на гробницѣ сдѣланы надписи, въ которой было сказано, что „удивительный Θεосрастъ“ выше Аристотеля... Послѣдователи Парацельса говорили, что онъ былъ отравленъ врагами; но противники его оспаривали это и увѣряли, что онъ умеръ отъ наденія съ лѣстницы въ домѣ одного вельможи, приказавшаго вытолкать Парацельса за шарлатанство и обманъ; другіе же говорили, что Парацельсъ оиился вина въ кабацѣ.—Состоянія Парацельса не нажилъ и умеръ въ бѣдности.

Парацельсъ былъ смѣлымъ представителемъ мистической философіи; возобновляя мистцизмъ и кабалистику евреевъ, онъ старался соединить ихъ съ догматами христіанства. Энциклопедическій умъ его стремился къ тому, чтобы все объяснить, соединить и подвести подъ одно общее. Но, если въ настоящее время философскія мечтанія Парацельса не имѣютъ значенія, да и въ свое время не доставили ему славы, какъ философа и проповѣдника новыхъ идей, то имя его, какъ ученаго, останется навсегда безсмертнымъ. Парацельсъ считалъ химію основаніемъ всѣхъ естественныхъ наукъ, и медицину въ особенности, и старался показать приложеніе ея къ каждой наукѣ въ отдѣльности. Теорія, созданная имъ, была несовершенна: опредѣляя законы, по которымъ образуется вещество, и восходя до первоначальныхъ причинъ образованія тѣла, онъ нерѣдко принималъ свойство за самое вещество, качества элементовъ за самыя элементы. Но при всемъ томъ Парацельсъ далеко превзошелъ научныя понятія древнихъ: кромѣ началъ естественныхъ, онъ принималъ начала невидимыя, неосознаемыя, т. е. силы, скрытыя въ матеріи, жидкости невѣсомыя, законы движенія, притягиванія и отталкиванія атомовъ, словомъ, намекалъ на электричество, свѣтъ, теплоту и т. д.—Сочиненія Парацельса наполнены странными заблужденіями смѣлаго воображенія; во среди неправильныхъ заключеній, вытекавшихъ изъ ложныхъ началъ, встрѣчается множество самыхъ точныхъ и вѣрныхъ наблюденій и выводовъ. Лучшія сочиненія Парацельса слѣдующія: „Magna philosophia“ и „Archidoxis magica“, гдѣ изложены его открытія и теорія по химіи; „Liber paraganum“ и „Liber paragirum“, гдѣ изложены его медицинскія ученія, и, наконецъ, „Magna chirurgia“, заключающее весьма основательныя медицинскія наблюденія и выводы. Въ сочиненіяхъ Парацельса видно, что онъ догадывался о тѣхъ великихъ и незабвенныхъ открытіяхъ, которыя въ XVIII вѣкѣ прославили имена Лавуазье, Сегена, Лапласа и другихъ. Вопреки мнѣніямъ своего времени, Парацельсъ смѣло называлъ человека „высшимъ животнымъ“. Парацельсу принадлежитъ честь изслѣдованія важнаго отдѣла въ физикѣ—о явленіяхъ и законахъ минеральнаго магнетизма. Но самую важную его заслугу было введеніе въ медицину новыхъ основаній, именно примѣненіе къ ней химіи. Парацельсъ доказалъ, что лекарственныя пособія доставляетъ не одно растительное царство, но что и минералы составляютъ очень могучее средство. Такимъ образомъ Парацельсъ явился основателемъ той медицинской системы, которая носитъ названіе „ятрохиміи“, гдѣ лѣченіе основано на дѣйствіи химическихъ законовъ. Полное собраніе сочиненій Парацельса издаво было въ Женевѣ въ 1658 году. Въ прошломъ столѣтіи извѣстный Н. И. Новиковъ хотѣлъ, было, издать переводъ сочиненій Парацельса, и даже напечаталъ его „Химическую псалтирь или философскія правила о камнѣ мудрыхъ“ (Пер. съ нѣмецкаго, Москва, въ типографіи Донухова, 1784 г.), но 27 марта 1786 года императрица Екатерина II, указомъ на имя московскаго главнокомандующаго графа Брюса, запретила эту книгу. Въ этомъ указѣ „Псалтирь“ Парацельса и нѣкоторыя масонскія книги названы были „исполненными странными мудрствованіями или лучше сказать сущими заблужденіями“.

Стихотвореніе.

Полно, успокойся,
О, душа больная,
Не рошчи на небо,
Долю проклиная!—
Посмотри, какъ тихо,
Съ кротостью покорной,
Старый садъ роняетъ
Свой нарядъ узорный.
Что цвѣло весною,—
Осень все уноситъ,

И земля пощady
У нея не просить.
Съ неба голубого
Льетъ свѣтъ прощальный
На поля пустыя
И на лѣсъ печальный.
Тишина... Ни звука..
Лишь вздохнетъ, порокъ,
Вѣтерокъ, чуть слышно
Шевеля листовою,

Да чиликнетъ пташка
Робко, сиротливо,—
И опять все тихо,
Грустно, молчаливо...
Тутъ не мѣсто бурямъ
И тревогъ страстной..
Отдохни, усталый!
Отдохни, несчастный!

А. М. Федоровъ.

Къ рисункамъ.

Добрые друзья. (Рис. на стр. 1113).

Жучка отлично знаетъ то время, когда ея маленькій другъ, выпивъ свое молочко, докушнваетъ свой пирожокъ. Она весело подбѣжитъ къ нему и, ставъ на заднія лапки, помахиываетъ хвостикомъ и цѣбно взвизгиваетъ. И ребенокъ своими крохотными пальчиками всегда отломитъ кусочекъ и подбѣгнетъ со своимъ лохматымъ товарищемъ своимъ завтракомъ. Но сама Жучка никогда не отниметъ отъ него лакомаго пирога и зорко слѣдитъ, чтобы кто-нибудь не продѣлалъ того же съ ея баловникомъ или какъ-либо его не обидѣлъ.

Невѣста Нила.

(Рис. на стр. 1116).

Во все эпохи исторіи Египта съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидали разлигя Нила, такъ какъ, не наступитъ оно, Египетъ сталъ бы безлюдной пустыней и погибъ бы весь. Еще древнѣйшій греческій историкъ Геродотъ называетъ поэтому Египетъ подаркомъ Нила. Причины этого своеобразнаго, ежегодно повторяющагося разлигя священноустановлены лишь въ повѣйшее время. Древнеегипетскіе же жрецы говорили народу, что слеза богини Изиды заставляетъ выходить изъ береговъ воды Нила. Само собой разумѣется, такое выдающееся явленіе, отъ котораго зависѣла жизнь и благосостояніе цѣлой страны, по вѣрованіямъ древнихъ, должно было быть божественнаго происхожденія. Поэтому наступленіе этого событія сопровождалось каждымъ разъ особыми религиозными празднествами. Еще задолго до этого жрецы избирали изъ народа красивую дѣвушку, предназначавшуюся ими въ жертву священной рѣкѣ, для того чтобы Нилъ разлился по странѣ своимъ благотѣльными желтыми водами. Въ вѣнчальномъ уборѣ подводили жрецы „невѣсту Нила“ съ пышной церемоніей къ берегу рѣки и при громкихъ кликахъ народа стлкали на нее въ быстротекущую волну.. Благодаря просвѣтительному влиянію культуры, этотъ жестокой обычай приношенія въ жертву людей уничтоженъ, но и понынь въ Египтѣ, вмѣсто красивой живой дѣвчонки, ежегодно въ извѣстное время бросаютъ въ жертву рѣкѣ грубо слѣпленную изъ нильскаго ила куклу.

Зимняя идиллія. (Рис. на стр. 1117).

Замерзъ запущенный дикій паркъ.. Бѣлосвѣжимъ саваномъ занесло аллею.. Изрѣдка только раздастся гдѣ-нибудь на подернутыхъ инеемъ, уныло торчащихъ вѣтвяхъ старыхъ вязовъ рѣзкій гортанный крикъ вороны.. Среди мертвой тишины слышенъ каждый звукъ, каждый легкій шорохъ.. Вотъ что-то хрустнуло, посыпалось съ дерева сѣжинки.. Обломился отъ вѣтра тонкій сучокъ. Юркая векша смела своимъ длиннымъ пушистымъ хвостомъ свѣтъ съ сучьевъ.. У развѣсистаго дерева въ концѣ пустыннаго парка собрались единственные его обитатели.. Серны жадно пощипываютъ сѣно, заготовленное имъ заботливою рукою сторожа.. Чуя свободу и безопасность, прискакалъ и, насторожившись, усѣлся косою со своимъ вѣчно пугливо оттопыренными ушами.. Тутъ же приоткрылись рѣзко выдѣляющіяся на свѣту черныя фигурки вепшъ.. Всежъ имъ по сердцу эта безмолвная тишь.. Мертвый сонъ природы не страшенъ для нихъ.

Запорожець. (Рис. на стр. 1121).

Запорожцы, съ ихъ своеобразною жизнью и исторіей, за недавнее время стали предметомъ всеобщаго любопытства и вниманія. Одною изъ причинъ къ тому была извѣстная всей

Россіи картина И. Рѣпина. Вскорѣ послѣ того появилось чрезвычайно интересное изслѣдованіе о жизни запорожскихъ казаковъ Д. И. Эваринцаго, откуда узнаемъ, что они вначалѣ одѣвались просто, даже бѣдно, и ничего да казакъ были синонимы. Только когда запорожцы повоевали турецкую и татарскую землю, они одобычились, сдѣлались богаты всякимъ достаткомъ и стали одѣваться въ дорогое платье. Рисунокъ Ижакевича изображаетъ запорожца въ повседневномъ одѣяніи, которое, по словамъ французскаго инженера Боллана, въ XVII вѣкѣ состояло изъ рубахи, шароваръ, шапки и кафтана, сдѣланаго изъ толстаго сукна. Особенно извѣстна была нинземцамъ, да и до сего времени отличаетъ казака его шапка, высокая и острая, нерѣдко съ краснымъ или зеленымъ суковнымъ дномъ. Околошн шапки служилъ казаку нерѣдко карманомъ: туда онъ клалъ табакъ, огниво, рожокъ съ табакомъ, и особливо лодьку— какъ вынулъ изъ рта, такъ и положитъ за околошн шапки..

Феофрастъ Парацельсъ (по поводу 400-лѣтія со дня его рожденія). По портр. Уп. Л., грав. Шюблеръ.

Ханскій дворець въ Баку. (Рис. на стр. 1124).

Городъ Баку (въ юго-западномъ углу Апшеронскаго полуострова), построенный, какъ полагаютъ, еще во времена Сасанидовъ, т. е. въ VI вѣкѣ, послѣ арабскаго владычества подпалъ подъ власть Ширвапъ-Хановъ, пострадалъ отъ нападений Тохтамыша и Исмаила-Сафи и въ 1509 г. былъ завоеванъ персами. Впослѣдствіи завладѣли имъ турки, но персы, при Аббасѣ I, отбили его вновь. Въ 1723 году Баку, послѣ долговременной осады, сдался русской эскадрѣ Матюшкина, хотя въ 1735 былъ вновь уступленъ персамъ по Гаджинскому миру. Затѣмъ имъ завладѣли кубинцы. Въ 1806 году русскій полководецъ князь Цициановъ былъ измѣнически убитъ Бакинскимъ ханомъ, и городъ Баку былъ взятъ окончательно генераломъ Булгаковымъ.

Баку раздѣляется на, собственно, городъ или крѣпость и пригородъ. Крѣпость обнесена двумя стѣнами, изъ которыхъ внѣшняя построена Аббасомъ Великимъ, внутренняя же Муштафой-пашою. Стѣны эти окружены рвами и бастіонами, построенными русскими инженерами въ 1808 году.

Одною изъ замѣчательныхъ построекъ Баку считается Ханскій дворець, видъ котораго мы помѣщаемъ на стр. 1124.— Дворецъ построенъ въ 1380—90 годахъ персидскимъ шахомъ Халиль-умга.

При дворцѣ— мечеть, съ башнею, изображенною также на рисункѣ. Круглые куполы вокругъ нея покрываютъ бани и молельни.

Разсказъ о битвѣ. (Рис. на стр. 1125).

Просвѣщеніе только недавно начало распространяться въ Черной горѣ. Народу, окруженному со всехъ сторонъ врагами и вынужденному съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою независимость, некогда было учиться грамотѣ. Первая народная школа въ Цетинѣ была открыта только въ 1833 году, настоящимъ же распространеніемъ образованія страна обязана князю Николаю, открывшему нѣсколько школъ, мужскую семинарію въ 1869 г., и затѣмъ женскій институтъ.

Не удивительно, что число неграмотных черногорцев очень велико, и история народная передается до сего времени в живом слове стариков. Умерший художник П. Иовановичъ, который приобрѣлъ всемирную извѣстность прекрасными картинами изъ жизни поселенцевъ Адриатическаго побережья на Балканскомъ полуостровѣ, въ одномъ изъ своихъ произведенийъ передать въ лицахъ разсказъ старика о своемъ славномъ прошломъ.

Преосвященный Антонинъ, епископъ Псковскій и Порховской. (Портр. на этой стр.)

Въ мѣрѣ Иоаннъ Дмитріевъ Державинъ, сынъ священника Калужской епархіи. Родился 1831 года января 17-го; обучался въ Калужскомъ духовномъ училищѣ и въ Калужской духовной семинаріи. Въ 1850 г. поступилъ въ Московскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1854 году въ числѣ первыхъ кандидатовъ. Въ 1855 г. рукоположенъ во священники. Въ 1861 г. опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ Бѣлевскаго духовнаго училища. Состоялъ гласнымъ Бѣлевскаго уѣзднаго земскаго собранія, членомъ Бѣлевскаго училищнаго совѣта отъ духовнаго вѣдомства, цензоромъ проповѣдей, членомъ комитета Бѣлевской публичной библиотеки и неоднократно—строительныхъ и ревизіонныхъ комитетовъ. Послѣ смерти жены, оставшись одинокимъ, принялъ монашество въ 1875 г. и въ томъ же году опредѣленъ настоятелемъ Бѣлевскаго Спасопретворенскаго монастыря. Затѣмъ былъ благочиннымъ монастырей Тульской епархіи; въ 1878 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1881

Преосвященный Антонинъ, епископъ Псковскій и Порховской.
Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

году утвержденъ инспекторомъ Витебской семинаріи; черезъ два года назначенъ настоятелемъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря и членомъ Московской духовной консисторіи. Въ 1883 году возведенъ въ санъ епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи. Въ 1886 г. переимененъ на вакансію перваго викарія Литовской епархіи, епископа Ковенскаго; въ 1889 г. назначенъ на кафедру епископа Полоцкаго и Витебскаго. Изъ наградъ преосвященный Антонинъ имѣетъ ордена Св. Владиміра второй степени и Св. Анны первой степени. Отъ гражданъ г. Бѣлева, Тульской губерніи, въ выраженіе благодарности за 25-ти лѣтнюю службу въ ихъ городѣ, ознаменованную качествами истиннаго пастыря, поднеслъ ему наперсный крестъ съ украшеніями; а отъ 16-ти священниковъ г. Бѣлева, по случаю рукоположенія въ санъ епископскій, прислалъ ему глубоко-трогательный адресъ. Отъ гражданъ г. Твери, во главѣ съ начальникомъ Тверской губерніи, въ память служенія епископа Антонина въ этой епархіи, учреждена стипендія его имени въ Тверской Маріинской женской гимназіи. Отъ совѣта Тверскаго Братства Св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича—за исполненіе должности предѣдателя сего братства поднеслъ благодарственный адресъ со св. иконою небеснаго покровителя Братства. Отъ духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновъ г. Ковны, по инициативѣ коменданта военной крѣпости и начальника губерніи, въ память служенія епископа Антонина въ Ковнѣ, учреждена стипендія его имени въ школѣ Ковенскаго Братства Святит. Николая, на проценты съ капитала

Пожаръ въ Батумѣ, 9-го ноября. Съ фотогр. Н. Новикова, грав. М. Рашевскій.

въ 1600 руб., собраннаго по добровольной подпискѣ. Кромѣ сего, поднесены ему прочувствованные адреса: отъ соборнаго, военнаго и приходскаго духовенства (со св. иконой), отъ церковно-приходской школы Ковенской Воскресенской церкви. А отъ присутствовавшего въ Святѣйшемъ Синодѣ, въ Божѣ почившаго архіепископа Литовскаго и Виленскаго Алексія, присланы изъ Петербурга два глубоко-трогательныя письма, въ благодарность за исполненіе обязанностей викарія Литовской епархіи и председателя совѣта Виленскаго Свято-духовскаго братства, съ двумя святыми иконами. Нынѣ преосвященный Антонынъ назначенъ епископомъ Псковскимъ и Порховскимъ.

Пожаръ въ Батумѣ. (Рис. на стр. 1129).

9 ноября, около 9 часовъ утра, громкій, протяжный вой паровыхъ свистковъ гулко раздался по городу, возвѣстивъ жителямъ, что на разливочныхъ заводахъ нефтяныхъ маселъ пожаръ. Черные клубы густого дыма, прорѣзываемые огненными языками, представляли фантастическія картины; масса народу, устремляющагося къ заводамъ, быстро мчавшіеся фагоны и неутомимый гулъ свистковъ подтверждали катастрофу. Такъ какъ горѣлъ керосинъ, нефтяное масло, бензинъ и тому подобныя легко воспламеняющіяся вещества, то огонь, какъ пальцы перебѣгаютъ съ клавиши на клавишъ, перебѣгалъ съ бочки съ масломъ—на бочку, съ жестянки съ керосиномъ—на жестянку, со штабеля съ сухими досками—на штабель, съ бака съ нѣсколькими тысячами нудовъ керосина—на бакъ. Все это лопалось, разрывалось, наноминна пушечную пальбу и представляя изъ себя цѣлый хаосъ; жестянки же, падая обратно, представляли хлопья снѣга посреди желто-зеленаго пламени, происходившаго отъ всыхнувшей сѣрной кислоты, на черномъ фонѣ. Не успѣвалъ одинъ заводъ кончить свое существованіе, какъ загорѣвшійся паровикъ слѣдующаго завода самъ по себѣ начиналъ гудѣть со всей своей жизненной силой, затѣмъ все тише и тише, какъ бы умирая, и, наконецъ, въ предсмертной агоніи, зашипѣлъ и, издавъ послѣдній вздохъ, напоминающей пушечный выстрѣлъ, разрывается и летитъ кверху. Такимъ образомъ, огненные языки пробѣжали по семи заводамъ. Пожаръ начался на заводѣ Абрамовича, гдѣ производи-

лось приготовленіе колесной мази. Винновники пожара—несовершеннолѣтніе дѣти. Колесная мазь раскладывалась въ маленькіе фунтовые ящики, изготовляемые на заводѣ же дѣтьми отъ 6 до 14 лѣтъ (какъ это ни невѣроятно, но это фактъ), которые, пользуясь отсутствіемъ присмотра за ними старшихъ рабочихъ, задумали напиться чаю и съ этой цѣлью, избравъ укромный уголокъ, развели костеръ и заварили чай; огонь отъ костра перешелъ стружкамъ, отъ нихъ близъ стоящему мазуту, и катастрофа началась; мальчики же разбѣжались, не сказавъ никому ни слова. Огонь мгновенно распространился по заводу, и такъ какъ все, содержащее горячія вещества, лопалось, то масло широкою струею устремилось по канавѣ, идущей вдоль всѣхъ заводовъ. Рядомъ съ заводомъ Абрамовича, почти вплотную, расположены заводы и склады Быхова, Шхіянца, Жилквера, Смирнидса, Крысина, Фельдмана, Влея и Шахбазова. Благодаря такой скученности и полному отсутствію противопожарныхъ средствъ, огонь съ немовѣрной быстротой охватилъ всѣ эти заводы, а всыхнувшее масло, текущее по канавѣ, еще больше усилило пожаръ, который и занялъ громадную площадь. Энергичными усиліями нѣкоторыхъ лицъ горящее масло изъ канавы, идущей вдоль заводовъ, было отведено въ сторону, благодаря чему удалось спасти заводъ Манганева, съ громаднымъ складомъ сухого дѣса и керосина. Такимъ образомъ, къ 12 часамъ дня, огромная площадь заводовъ представляла изъ себя бунующее море огня, окутаннаго густымъ чернымъ дымомъ, который бороздили огненно-красные и желто-зеленые языки. Картина величественная, грандіозная, полная стихійной силы. Десятитысячная толпа народа, войска и всѣ начальствующія лица были на мѣстѣ пожара. Къ счастью, не было вѣтра, а потому энергичными усиліями войскъ, команды моряковъ съ „Уральца“, заводскихъ рабочихъ, добровольныхъ охотниковъ и несчастной батумской пожарной команды удалось къ 5 часамъ вечера локализовать пожаръ и отстоять заводъ Манганева и Цавьялова. Еще 13-го ноября, несмотря на то, что цѣлы сутки 10-го числа шелъ проливной дождь, догорали остатки уничтоженныхъ заводовъ. Убытки еще не приведены въ извѣстность, но, какъ говорятъ, они достигаютъ солидной цифры милліона рублей. Благодаря Бога, человѣческихъ жертвъ нѣтъ, кромѣ одного рабочаго, получившаго серьезные ожоги лица.

Н. Новиковъ.

Разныя извѣстія.

— 21-го ноября, Государь Императоръ, въ Собственномъ Его Величества дворцѣ (Аничковомъ), принималъ представлявшагося Его Величеству сына Бухарскаго эмира, его свѣтлость Миръ-Сейдъ-Алимъ-Джапъ-Тюра, поднесшаго Его Величеству присланные эмиромъ Государю Императору брильянтовые знаки бухарскаго ордена Короны.

— Высочайше повелѣно принять съ 1 января 1894 г. въ распоряженіе казны желѣзнодорожныя линіи, состоящія въ эксплуатаціи Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ: С.-Петербургско-Варшавскую, Московско-Нижегородскую и Николаевскую.

— 29-го ноября, въ залахъ запасной палаты Императорскаго Зимняго Дворца и галлерей рафаэлевскихъ ложъ, открылась для публики Высочайше разрѣшенная въ пользу состоящаго подъ Августѣйшимъ Государыни Императрицы покровительствомъ Императорскаго Россійскаго общества спасанія на водахъ выставка предметовъ, привезенныхъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изъ путешествія Его Императорскаго Высочества на Востокъ въ 1890 и 1891 годахъ.

— Министерствомъ Финансовъ изданъ циркуляръ въ подтвержденіе существующаго, почти не соблюдавшагося, закона о несомѣстности для однихъ и тѣхъ же лицъ должностей въ различныхъ банкахъ. Для большей гарантіи исполненія этого закона, теперь требуются отъ управляющихъ банками, членовъ управленія и совѣтовъ ихъ подписки въ томъ, что означенный законъ ими не нарушается, а также представленія въ кредитную канцелярію списковъ наличнаго состава служащихъ въ банкахъ и свѣдѣній о дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ этомъ составѣ.

— 19-го ноября, кievская археографическая коммиссія праздновала пятидесятилѣтіе своей дѣятельности.

— По свѣдѣніямъ, приводимымъ профессоромъ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба А. М. Золотаревымъ, общее число освидѣтельствованныхъ для опредѣленія степени годности къ военной службѣ за 10-лѣтній періодъ времени равнялось 3.141.000 чел. Изъ этого числа было забраковано, т.-е. освобождено отъ службы или получило отсрочку на нѣкоторое время, 35,6 проц.

— По свѣдѣніямъ, полученнымъ Министерствомъ Финансовъ отъ податныхъ инспекторовъ, положеніе озимыхъ всходовъ къ 1-му ноября представлялось еще болѣе благоприятнымъ, чѣмъ раньше, вслѣдствіе улучшенія ихъ въ южныхъ губерніяхъ. Въ настоящее время состояніе всходовъ представляется, въ общемъ, по всей Европейской Россіи весьма удовлетворительнымъ и особенно хорошимъ во всей черноземной полосѣ, а также и во многихъ уѣздахъ центральныхъ губерній. Исключеніе изъ этого составляютъ нѣкоторые уѣзды губерній сѣверныхъ, гдѣ положеніе всходовъ только посредственно, какъ вслѣдствіе поздняго сѣва, такъ и отъ избытка дождей осенью.

— Изъ Владикавказа сообщаютъ, что 20-го ноября, изъ второй буровой скважины на участкѣ Ахвердова забилъ фонтанъ легкой чистой нефти на двадцать сажень вверхъ, дающей 30.000 пуд. нефти въ часъ.

— 4-го ноября, скончался, въ Монтре, на 67 году, англійскій посоль при Русскомъ Дворѣ сэръ Робертъ Морьеръ. Спокойный посоль оставилъ по себѣ наилучшія воспоминанія въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

Политическое обозрѣніе.

Министерскій кризисъ во Франціи окончился благополучно. Президентъ палаты депутатовъ Казимиръ Перье и министр-президентъ Дююи помѣнялись мѣстами. Первый, послѣ долгаго колебанія, рѣшился стать во главѣ новаго министерства, и 21 ноября декларація его была прочитана въ палатѣ депутатовъ. Въ ней говорится, что Франція никогда такъ сильно, какъ теперь, не проявляла своего расположенія къ республикѣ, нерасположенія къ реакціонному образу правленія, уваженія свободы мышленія и сознанія. Никогда Франція такъ ясно не осуждала политики, руководимой абстрактными формулами, и никогда она не выступала съ такою энергіею за охраненіе порядка, противно теоріямъ извѣстной школы. Министерство полагаетъ, что оно будетъ дѣйствовать сообразно желаніямъ Франціи, если будетъ руководиться единствомъ и твердостью въ порядкѣ, противно теоріямъ извѣстной школы. Министерство ставитъ соціалистскимъ доктринамъ не презрѣніе, а плодотворную дѣятельность государственныхъ властей. Въ про-

граммѣ заявлено, что вслѣдствіе политической, на почвѣ которой, какъ это доказали „недавнія незабвенныя событія“, исчезаютъ всякія разногласія, будетъ всегда руководиться тѣмъ, чего требуетъ достоинство государства, достаточно сильнаго, чтобы провозгласить, что оно искренно желаетъ мира и будетъ защищать во всѣхъ концахъ свѣта права и интересы своей торговли и промышленности. Наконецъ, въ программѣ сказано, что министерство надѣется заглавить предубѣжденія противъ него и убѣдить своихъ противниковъ лояльностью своихъ заявленій и твердостью дѣйствій. Всѣ народныя представители будутъ пользоваться одинаковыми правами, если они будутъ вести борьбу мирнымъ оружіемъ свободы. Министерство, впрочемъ, надѣется встрѣтить постоянное содѣйствіе большинства, готового съ рѣшительностью служить одинаковымъ съ нимъ цѣлямъ. На ставшее вакантнымъ мѣсто президента палаты депутатами былъ избранъ Дююи, который, принимая это мѣсто 25 ноября, благодарилъ за избраніе

и сказал, что постарается обезопасить свободу прений и выполнить свои обязанности с присущими им приличием, умеренностью и безпристрастием. Въ заключение, новый председатель выразил надежду, что новая законодательная сессия оправдает надежду республики и отечества.

Въ германскомъ рейхстагѣ обсуждалось, 19-го ноября, предложение одного изъ вожаковъ центра, графа Гомпеша, объ отмене закона противъ иезуитовъ, закона, проведение котораго стоило въ свое время не мало усилий тогда могущественному Бисмарку. Гомпешъ, мотивируя свое предложение, ссылался, между прочимъ, на опасность, грозящую со стороны социал-демократовъ. Мантейфель, Мирбахъ, Маркардсенъ, отъ имени консерваторовъ, имперской партіи и національ-либераловъ, высказались, въ интересахъ конфессиональнаго мира, противъ предложения, равно какъ и Шредеръ, говорившій отъ имени свободомыслящаго общества. Членъ центра Либеръ отстаивалъ предложение, при чемъ возставалъ противъ взводимого на римскую курию обвинения въ томъ, что она ведетъ политику, враждебную національнымъ интересамъ Германіи. „Еще надѣясь, сказалъ ораторъ, кардиналъ Рамполла заявилъ, что курия систематически избѣгаетъ внимательства въ политическій дѣла, какъ тройственнаго союза, такъ и противныхъ ему союзовъ; если бы даже курия была къ этому расположена, то орденъ иезуитовъ тутъ, во всякомъ случаѣ, ни при чемъ; если бы курия намѣревалась держаться дружественной политики Франціи и

Россіи, то оказалось бы, что папская непогрѣшимость не распространяется на германскихъ католиковъ, коль скоро дѣло идетъ объ исполненіи ими политическихъ обязанностей передъ народомъ, имперією и страной. Католики твердо держатся образа дѣйствія, принятаго ими со дня учрежденія имперіи: вѣрность императору и имперіи, безавѣтная преданность отечеству. Самымъ великимъ днемъ для рейхстага будетъ тотъ, когда имъ будетъ отмененъ законъ противъ иезуитовъ“. Социалистъ Блоссъ, вельфъ Гаденбергъ, членъ народной партіи Рихтеръ, полякъ Радзивиллъ отстаиваютъ предложение, выставя на видъ, что они противники всякаго исключительнаго закона. При голосованіи предложеніе Гомпеша принято во второмъ чтеніи большинствомъ 173 голосовъ противъ 136. На другой день въ утреннихъ берлинскихъ газетахъ напечатана телеграмма изъ Познани съ извѣстіемъ, что архіепископъ Стаблевскій уже уведомленъ о намѣреніи прусскаго правительства вновь ввести преподаваніе польскаго языка въ программу народныхъ училищъ познанской провинціи. Въ *Koelnische Zeitung* сообщаютъ изъ Софіи, что арестованъ болгарскій офицеръ Ивановъ за намѣреніе сдѣлать покушеніе на жизнь принца Фердинанда. О намѣреніи Иванова случайно узнали за два дня до прибытія тѣла графа Гартенау. Ивановъ бѣжалъ, но его догнали. Онъ во всемъ признался. Арестовано тоже нѣсколько студентовъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ анархистской партіи.

Научныя и техническія новости.

— Фотографія сдѣлала новый шагъ впередъ: Виллонъ придумалъ способъ получать *фотографическія снимки на мраморѣ*. Неполитованная мраморная пластинка смазывается составомъ, который приготавливаютъ слѣдующимъ образомъ: на 500 частей бензина прибавляютъ столько же терпентинной эссенціи, 50 частей асфальта и 5 ч. чистаго воска. Когда пластинка обсохнетъ, ее кладутъ подъ негативъ и выставляютъ на солнце въ теченіе 20 минутъ. Полученный на мраморѣ снимокъ проявляютъ затѣмъ при помощи терпентинной эссенціи или бензина и промываютъ водою. Тѣ части мраморной пластинки, которыя должны остаться бѣлыми, покрываются спиртовымъ растворомъ красной камеди. Наконецъ, препаратъ погружаютъ въ какую-либо растворимую въ водѣ краску. Когда послѣдняя, по прошествіи нѣкотораго времени, проникнетъ во всѣ поры камня, то его надо вы-

нуть и отполировать. Въ результатѣ — превосходные снимки на мраморѣ.

— *Яича* можно долго сохранять въ видѣ порошка. Въ фарфоровую или стеклянную посуду наливаютъ желтки и бѣлки въ два миллиметра толщиной и ставятъ въ печь. Черезъ 24 часа получается твердая масса, которую растираютъ въ порошокъ. Сохранять его надо въ герметически закупоренной стеклянной посудѣ. Если фунтъ такого порошка развести въ 2 фунтахъ холодной воды, то получается масса, которая соответствуетъ по питательности сотнѣ яицъ. Изъ яичнаго порошка можно готовить всякія кушанья и даже широжное.

— Въ случаѣхъ *сильнаго кровоточенія* изъ носа, зубовъ или изъ раны на кожѣ совѣтуютъ вставлять въ видѣ томюша кусочки гриба изъ рода *Licoperdon* (дождевикъ). Грибъ этотъ легко узнать по облаку пыли, которое изъ него вылетаетъ, когда его раздавятъ.

Свойство этого растенія унимать кровь извѣстно было уже давно, но послѣдствіемъ было забито. Теперь о немъ напоминаетъ одинъ изъ сотрудниковъ американской медицинскій газеты, которому удалось останавливать кровотечения, противъ которыхъ всѣ остальные средства были безсильны.

— Симмонъ изобрѣлъ простой и дѣйствительный способъ *предохранить писанныя акварелью картины отъ вреднаго вліянія воздуха и влажности*. Онъ совѣтуетъ помѣщать такія картины въ ящики, одна сторона которыхъ сдѣлана изъ стекла (для разматриванія картины), а другая, деревянная, приподнимается (для помѣщенія картины). Изъ этого герметически закрытаго лица-рамы воздухъ выкачивается насосомъ Шпренгеля. Прикрѣпленный маленькій манометръ указываетъ, не проникъ-ли туда снова воздухъ, который немедленно выкачиваютъ обратно.

Библиографія.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Въ трехъ томахъ. Изданіе шестое, исправленное и дополненное авторомъ.

(Съ портретомъ автора, грав. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и автографомъ). Изд. А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ. 1893. Цѣна 3 р.

Полвѣка назадъ, привѣтствуя появившееся въ русской литературѣ новое дарованіе, знаменитый русскій критикъ Бѣлинскій писалъ: „антологическія стихотворенія г. Майкова не только не уступаютъ въ достоинствѣ антологическимъ стихотвореніямъ Пушкина, но еще едва-ли и не превосходятъ ихъ“, и выражалъ горячее желаніе, чтобы поэтъ не остановился на нихъ. Желаніи и надежды Бѣлинскаго давно сбылись въ полной мѣрѣ, и въ А. Н. Майковѣ мы имѣемъ одного изъ тѣхъ поэтовъ, которыми можетъ гордиться русская литература. На все „отозвался онъ сердцемъ своимъ“, на всѣ явленія жизни въ ея великомъ разнообразіи. Въ поэзіи Майкова соединяется глубокой философскій элементъ съ дѣтски-чистымъ созерцаніемъ и сочувствіемъ къ совершившейся и совершающейся жизни человечества и, въ частности, нашего общества. Стоитъ только прочесть его „Поля“, чтобы понять благородное духовное участіе поэта въ развитіи русской общественности, сочувствіе глубокое и, въ то же время, объективное, чуждое характера временнаго увлеченія. Въ 1874 году поэтъ писалъ Тютчеву:

„Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы
Стоять передъ тобой своей идеіи полны,
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,

СОДЕРЖАНІЕ: Дарья д'Анчуткина и банирскій теноръ безъ граціи. Изъ воспоминаній моего пріятеля. Повѣсть Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе). — Воспоминаніе о Памирскомъ походѣ 1892 г. Записки очевидца Б. Л. Тагѣва. (Продолженіе). — Изгнанники. Стих. Д. Мережковскаго. — Увидѣніа Фіалки. Рассказъ Андре Терье. Переводъ съ франц. Н. Ланскаго. — Парацельсъ. (400-лѣтіе со дня его рожденія). Очеркъ Н. Ширева (съ портр.). — Стихотвореніе А. М. Федорова. — Къ рисункамъ: *Добрые друзья* (съ рис.). — *Невѣста Нила* (съ рис.). — *Зимняя идиллія* (съ рис.). — *Запорожецъ* (съ рис.). — *Ханскій дворецъ въ Еану* (съ рис.). — *Разсказъ о битвѣ* (съ рис.). — Преподобный Антоній, епископъ Псковскій и Порховскій (съ портр.). — *Пожаръ въ Батумѣ* (съ рис.). — *Разѣйка извѣстія*. — Политическое обозрѣніе. — Научныя и техническія новости. — Библиографія. — О выставкѣ главнаго преміи „Нивы“ на 1894 г. Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — Объясненія. При семь прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА ДЕКАБРЬ (СОС. ФОНВИЗИНА, съ портр. его, грав. на стали); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ДЕКАБРЬ 1893 г. съ 37 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. величину и 18 рис. рукодѣльн. работъ и 12 рис. бумажн. украшеній для елки.

СПИСОКЪ БИБЛИОТЕКЪ, КНИЖНЫХЪ И ДРУГИХЪ МАГАЗИНОВЪ, ГДѢ ВЫСТАВЛЕНА
„Художественная премія НИВЫ на 1894 годъ“,

представляющая изъ себя

четыре художественныя приложенія:

1) **ОСТРОВЪ НАРГЕНЪ**, картина
 профессора Ю. Ю. Клевера. Печатана 15 красками.

2) **НЕРО-ФЮРДЪ ВЪ НОРВЕГІИ**,
 картина художника Расмуссена. Печатана 18 красками.

ДВА ОРИГИНАЛЬНЫЕ ОФОРТА
 проф. Ив. Ив. Шишкина:

3) „Дубовая роща Петра Великаго въ
 Сестрорѣцкѣ“ и

4) „Лѣсная рѣчка“.

Въ С.-Петербургѣ: въ Конторѣ жур-
 нала „Нива“, Невскій пр., д. № 6.

„ **Москвѣ:** въ отд. конторы „Нивы“ у
 Н. Н. Печновской (въ Петровскихъ ли-
 нійхъ), въ книжн. магаз. Готье, В. В.
 Думнова, „Новаго Времени“, А. Ланга,
 Ф. А. Богданова, Васильева, А. М. Зем-
 ского, Н. П. Карбасникова, Поста, И. Д.
 Сытина, А. Д. Ступина, А. Я. Панафидина,
 Н. И. Мамонтова, Александрова, Шапош-
 никова, Ласточкина, Глазунова, Аниси-
 мова, Вольфа, Леухина и въ Централь-
 ной Конторѣ Объявленій.

Въ Архангельскѣ: въ Обществ. библ.
 „Астрахани“ въ „Прикаспійск. книжн.
 магазинѣ“ и въ кн. складѣ „Народныхъ
 чтеній“.

„ **Анкерманѣ:** у кн. А. Анбиндера.

„ **Баку:** у книгопродавца Тараева.

„ **Ватумѣ:** у книгопр. М. Николадзе.

„ **Бердянскѣ:** въ кн. маг. Гаврили-
 цы и К^о и у книгопрод. Г. А. Эдигера.

„ **Борисоглѣбскѣ:** у П. Дурново.

„ **Брестъ-Литовскѣ:** въ кн. маг.
 Баргафига.

„ **Бѣлостокѣ:** у кн. І. Каганъ.

„ **Варшавѣ:** въ книжн. магаз. В. М.
 Истомина, Карбасникова и Флегонтова.

„ **Вильно:** въ кн. маг. Сыркина, Стра-
 нуна и Б. Траницкой.

„ **Витебскѣ:** у книгопродавцевъ Мен-
 дельсона и В. П. Магеровскаго.

„ **Владивостокѣ:** въ Морской Би-
 блиотекѣ.

„ **Владивостокѣ:** въ книжн. мага-
 зинѣ Червинской.

„ **Владимирѣ:** въ кн. маг. А. А. Бѣля-
 нкина, Е. В. Благосклоновой и И. П. Иванова.

„ **Вологдѣ:** въ маг. Д. В. Волоцкого.

„ **Воронежѣ:** въ кн. маг. М. П. Са-
 востьянова, Агафонова В. В. Юрневича
 и въ библиот. П. И. Медвѣдева.

„ **Выборгѣ:** у кн. К. Ольденбурга.

„ **Вяткѣ:** въ кн. маг. А. И. Залѣской.

„ **Гомель (Мог. г.):** у книгопродавца
 Я. Г. Сыркина.

„ **Гродно:** въ кн. маг. „Народная Польза“.

„ **Дерптѣ:** въ Русской Библиотекѣ.

„ **Динабургѣ:** у кн. К. Юзеса и у Я.
 Паденина.

„ **Екатеринбургѣ:** въ книжн. маг.
 Пономарева, Н. В. Пироговскаго и у кн.
 Бабинова.

„ **Екатеринодарѣ:** у кн. П. Т. Гал-
 ладжанца.

„ **Екатеринославѣ:** у книгопрод.
 Шаффермана, въ кн. маг. Ульмана и К^о и
 В. Е. Алексѣева.

„ **Елисаветградѣ:** въ книжн. мага-
 зинѣ Золотарева и Н. Н. Менницъ.

„ **Ельцѣ:** у кн. В. Д. Степанова.

„ **Житомирѣ:** у книгопр. Савчука.

„ **Иркутскѣ:** въ маг. при тип. Сизыхъ
 и въ кн. маг. Михайлова и Макушина.

„ **Казани:** у кн. А. А. Дубровина, Н. П.
 Алексѣева, Н. Я. Башманова, А. С. Дубро-
 вина и въ муз. маг. „Восточная лира“.

„ **Калугѣ:** въ кн. магазинѣ настѣдн.
 Мясникова и въ Городск. Общ. Библиот.

Въ Каменецъ-Подольскѣ: у кн.
 Д. Л. Лихмановича.

„ **Кишиневѣ:** въ кн. маг. М. О. Шаха,
 Лихтанскаго и Розенберга.

„ **Кіевѣ:** въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина,
 Корейво, гг. Гинтера и Малецкаго, Юган-
 сонна, И. И. Динтера и у И. А. Розова.

„ **Керчи:** въ кн. маг. А. Г. Державинъ.

„ **Ковно:** въ кн. маг. „Общ. любит.
 чтенія“ и въ магаз. І. С. Мандельштама.

„ **Козловѣ:** въ кн. маг. Муравьева, П. П.
 Дурново и С. С. Любавина.

„ **Костромѣ:** въ кн. маг. Бененева, Д.
 П. Бѣлянина и С. Н. Бубнова.

„ **Кременчугѣ:** въ библ. И. М. Садъ
 и въ кн. маг. С. Д. Галацкой.

„ **Кронштадтѣ:** въ кн. маг. „Кроншт.
 Вѣсти“ и въ магаз. В. С. Ченунова.

„ **Курскѣ:** въ кн. маг. Нашкина, Пере-
 плетенко, М. Н. Дружинина и К. И. Ива-
 новой.

„ **Кутаисѣ:** въ кн. маг. Бр. Чиладзе.

„ **Кѣльцахѣ:** въ магаз. Леонъ и К^о.

„ **Либавѣ:** въ кн. маг. Р. Пуце и Г. Л.
 Цимермана.

„ **Лебедяни (Тамб.):** въ магазинѣ В. И.
 Чурилина.

„ **Лодзи:** у кн. Р. Шатке и Г. М. Странуна.

„ **Лонжѣ:** въ магаз. А. Рихтера.

„ **Люблинѣ:** у кн. Низеветтера.

„ **Минскѣ:** въ кн. маг. Б. А. Городенска-
 го, въ библ. С. Ф. Савицкой, Е. Френкеля
 и В. Фрумина.

„ **Митавѣ:** у книгопр. Бестгорна.

„ **Мелитополѣ:** у кн. Г. И. Лифшица.

„ **Могилевѣ:** въ кн. маг. Сыркина.

„ **Моршанскѣ:** въ книжн. магазинѣ
 М. Прокофьева.

„ **Немировѣ (Под. г.):** у книгопро-
 давца Р. Шера.

„ **Нижнегъ-Новгородѣ:** въ кн.
 маг. „Первая Нижегород. артель“.

„ **Николаевѣ (Херс.):** у М. О. Шаха,
 М. А. Ефанова и въ маг. настѣдн. Гелера.

„ **Новгородѣ:** въ кн. маг. И. И. Дорреръ
 и въ конт. типогр. А. С. Федорова.

„ **Новочеркасскѣ:** въ кн. маг. П. В.
 Анашевой и въ маг. Прокофьева.

„ **Нѣжинѣ (Черн. г.):** въ магаз. Яку-
 бовича и Болотникова.

„ **Одессѣ:** у кн. Е. П. Распопова, въ кн.
 маг. „Новаго Времени“, Ансюка, И. А.
 Розова, Я. Х. Шермана, В. Г. Суворова,
 Свистунова, В. И. Романскаго, М. Шта-
 дельмейера и В. С. Ниселева.

„ **Омскѣ:** въ кн. маг. В. М. Орлова.

„ **Орлѣ:** въ кн. маг. В. Д. Нашкина,
 въ магазинѣ „Орловскаго Вѣстника“ и
 В. Д. Иванова.

„ **Оренбургѣ:** въ книжн. магазинѣ
 Мих. Арх. Братства.

„ **Острожскѣ (Вор. г.):** у И. Ф.
 Слюсарева.

„ **Пензѣ:** въ кн. маг. Н. А. Магницкаго,
 В. Н. Алексѣева и И. И. Добровольнаго.

„ **Перми:** въ кн. маг. О. П. Петровской.

„ **Петрозаводскѣ:** въ „Алексѣевск.
 Общ. Библиотекѣ“.

„ **Петроковѣ:** у кн. А. Панскаго.

Въ Пинскѣ: у кн. М. Н. Штрина.

„ **Полтавѣ:** въ кн. маг. Е. Ф. Бого-
 явленскаго и К^о.

„ **Полоцкѣ:** въ кн. маг. М. А. Екатова.

„ **Прагѣ (Австрія):** у Э. Валецка.

„ **Ресовѣ:** въ кн. маг. Ю. Вольфрама.

„ **Радомѣ:** въ магаз. Р. Чарнецкой и А.
 Цунера.

„ **Ревель:** въ кн. маг. Клуге и Штремъ,
 у кн. Вассермана и И. Д. Гаазе.

„ **Ригѣ:** въ книжнхъ магазинахъ А. В.
 Витлина, Н. Ниммеля, Дейбнера и Г. Геде.

„ **Ростовъ - на-Дону:** въ книжн.
 маг. Теръ-Абрамяна, Ф. С. Романовича
 и И. В. Намлюхина.

„ **Рыбинскѣ:** въ магаз. И. В. Смирнова.

„ **Рязани:** въ кн. маг. С. С. Шемаева.

„ **Самарѣ:** въ кн. маг. Плотинова и Грау.

„ **Саратовѣ:** въ кн. маг. Духовникова.
 „Приволжск. книжн. торговлѣ“ и въ кон-
 торѣ объявленій М. Н. Малкина.

„ **Севастополѣ:** въ книжн. магазинѣ
 О. А. Протополовой.

„ **Симбирскѣ:** въ кн. маг. К. И. Юргенса
 и Рыниной.

„ **Смирнополѣ:** въ кн. маг. Н. Н.
 Шматько, въ Городской Библиотекѣ и
 у кн. С. Б. Синани.

„ **Скопниѣ (Ряз.):** въ кн. маг. М. Л. Са-
 фопова.

„ **Славянскѣ (Хар.):** у А. В. Ман-
 дрынина.

„ **Смоленскѣ:** въ кн. маг. С. А. Кле-
 стова и въ библ. М. Ф. Лавровой.

„ **Ставрополѣ:** въ книжн. магазинѣ
 М. Т. Тимофѣева.

„ **Сувалкахѣ:** въ магаз. С. Левинов-
 ской.

„ **Таганрогѣ:** въ книжномъ магазинѣ
 П. И. Ливничаго и въ библиотекѣ Обще-
 ственнаго Соборанія.

„ **Тамбовѣ:** въ кн. маг. Зотова и А. М.
 Абрамова.

„ **Твери:** въ маг. Муравьева.

„ **Тифлисѣ:** въ кн. маг. „Центральная
 кн. торг.“, Л. Б. Хидденель и въ конт.
 А. И. Евангулова.

„ **Томскѣ:** въ книжн. магазинѣ Мануши-
 на и Михайлова.

„ **Туль:** въ кн. маг. Л. И. Пузыревскаго,
 В. П. Зѣтгинцева и А. Д. Львова.

„ **Уфѣ:** въ кн. маг. Блохина.

„ **Харьковѣ:** въ книжн. маг. „Новаго
 Времени“, въ библиот. Гусева, въ конт.
 Ф. Н. Константинова, у книгопр. П. А.
 Брейтигама, П. П. Джунновскаго, А. Де-
 дера, С. Я. Чаплыгина и Ф. А. Югансона.

„ **Херсонѣ:** въ кн. маг. М. О. Шаха.

„ **Хоролѣ (Полт.):** у Н. А. Фридмана.

„ **Черниговѣ:** въ книжн. магазинѣ
 Данюшевскаго.

„ **Череповцѣ:** въ книжн. магазинѣ
 Ф. Н. Лаговскаго и Н. Якубовича.

„ **Эривани:** у кн. С. Г. Теръ-Марти-
 росянца.

„ **Ярославлѣ:** въ книжн. магазинѣ
 И. И. Соболева.

„ **Феодосіи:** у книгопр. Л. М. Надель
 и въ магаз. Б. О. Фонштейнъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1894 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

По той-же причинѣ Контора проситъ всѣхъ желающихъ подписаться на „Иллюстрированную бібліотеку Нивы“, содержащую въ себѣ на 1894 г. „Всеобщую исторію“ проф. О. Іегера, поспѣшить присылкою требованій и подписныхъ денегъ.

К. ВОКЪ

бывшій БЮЛЕРЪ,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9.

Громадный выборъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей самыхъ разнообразныхъ цѣнъ! Иногородныя требованія исполняю немедленно, высылая заказъ наложеннымъ платежомъ. № 6673.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVIII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15--4

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (21)

Спеціалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Бібліотеки. Подробный пластр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 год. № 6283

ПИСАТЬ не только красиво но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кат. Э. Кондариусъ. № 6519 10-7

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
ТЕРСКАЯ, А. ГИЛЛИУСЪ ВЪ МОСКВѢ
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИ

Я. БЕККЕРЪ
Поставщикъ Его Величества Императора Всероссийскаго въ Петербургъ,
на углу Невскаго и Казанской площади, № 18/27.
РОЯЛИ И ПІАНИНО. № 6675
Прейсъ-курантъ бесплатно.

Выписывайте заблаговременно
♦ КЪ ПРАЗДНИКУ ♦
КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
только 4 р. 50 к.
Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секунды. ♦ 3 штуки часовъ 13 руб. 75 коп. ♦ 5 штукъ — 20 руб. ♦ Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6650

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 КОП. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП.

16 MÉDAILLES
EAU, PÂTE, POUDRE
PURES DE TOUT ACIDE
DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
CÉLÈBRES par leurs QUALITÉS
EN VENTE PARTOUT!

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА
Ц. № 6613 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ. 8-3
Пересылку тнаний по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. требованію за 42 коп.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

ПОЛИТІЙНИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННИЙ
АЛЬБОМЪ ДЛѢ МАРОКЪ.
Форматъ фоліо, 600 стран., сост. П. П. Кривингъ, въ роскоши. перепл. Цѣна 6 руб. (перес. за 10 ф.).
Продается во всѣхъ книжныхъ и нисче-бумажныхъ магазинахъ и у издателя № 6572 8-3
ОТТО КИРХНЕРЪ, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 14.

1-й ВЫГРЫШНИЙ
заемъ, 3 января тиражъ, продается на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб. (6-4)

ПАМЯТЬ.
„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“ книга (второе исправлен. и дополнен. изданіе) профессора мнемоники С. Файнштейна и печатныя условія за заочный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія забывчивости высылаются за шесть 7 коп. марокъ. Адресъ: Одесса, Екатерин. ул., д. Н. Актаровыхъ, № 28/28 н., кв. 2 в. Профессоръ мнемоники членъ Парижской Академіи С. Файнштейнъ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ наталогъ и новости русской литературы для семейнаго круга.
КАТАЛОГЪ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и иностранныхъ журналовъ № 6672 высылаетъ 3-10
БЕСПЛАТНО книжный магазинъ
Ф. В. ЦЕЦАНСКАГО, С.-Петербургъ, Невскій пр., 34.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЪ
Д. БЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.
Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца, Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 6262 11-11
Цѣна коробки 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

УКРАШЕНІЕ ДЛѢ ЕЛОКЪ
длѢ ГГ. ИНОГОРОДНЫХЪ СОСТАВЛЕНЫ КОЛЛЕКЦІИ:
ВЪ 5 Р. 10 Р. 15 Р. 25 Р. 50 Р. 100 Р.
и каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекція въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодны для большихъ семействъ, шноль, приютовъ, базаровъ, собраній, слаговорительныхъ цѣлей, пансіоновъ и пр.
Покорнѣйше прошу дать заказъ на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ нихъ составъ воплн всѣхъ заграничныхъ новостей, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.
Товаръ перес. наложен. платежомъ. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20-31.
БАЗАРЪ МАРОКЪ.

искусственными
ПРЕВОСХОДНЫМИ БРИЛЛІАНТАМИ:
БЕЗЪ ФОЛГЫ ИЛИ НАНЛАДНИ такъ что трудно отлич. отъ наст. брилліант.
№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 358. Золотая серьга. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 6578-8
№ 358. Золотая серьга на винтикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 85 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 55 к.
№ 306. Золотая брошка съ 8 брилліантами, похоже на браслетъ № 401. Шт. 10 р. 85 к., 2 за 19 р. 85 к.

Ф. ВИНТЕРА

ФАБРИКА и ДЕПО ЧАСОВЪ
по Невскому пр., домъ № 78, въ С.-Петербургѣ.

Рекомендуемъ громаднѣйшій выборъ часовъ всякаго рода съ ручательствомъ на два года.

Никелевые	отъ 6 руб. до 20 руб.
Стальные (черные)	8 " 30 "
Серебряные мужскіе	10 " 100 "
" дамскіе	10 " 30 "
Золотые дамскіе	25 " 225 "
" мужскіе	40 " 800 "
Стѣнные часы	2 " 200 "
Регуляторы двухъ-недѣльнаго завода	15 " 110 "
Столовые часы	4 " 275 "
Будильники	4 " 100 "
Симфоніоны (музыкальн. инструм.).	6 " 110 "
Понифоны	20 " 125 "
Башенные часы	150 " 4000 "

По желанію гг. покупателей часы высылаются съ наложеннымъ платежомъ. Подпись
И. № 6668

Большая Сѣверная Гостинница

С.-Петербургъ, Невскій пр., 118.
Завѣдо отдѣльные номера въ количествѣ ста нѣтъ, цѣною отъ 1 р. 25 к. до 15 р. въ сутки, помѣсячно по соглашенію. Ежедневно завтраки изъ 2 блюдъ 75 коп., обѣды 1 р. и 1 р. 50 к. Одинъ разъ въ недѣлю отъ 5 до 8 ч. вечера обѣды съ музыкой—съ лодкой и закуской 2 р. 50 коп. съ персоны.
С. № 6644 3—3

В. И. СОЛОВЬЕВЪ.

SINAPISME RIGOLLOT
Горчичники RIGOLLOT или Горчичники Булага.
ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ.—Требовать подлинныя изобрѣтателя P. RIGOLLOT, отпечатанную красными цвѣтомъ на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 6303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—9
Продается отомъ P. RIGOLLOT et Cie, 25, avenue Victoria, Парижъ.

КЕРОСИНОВАЯ РЕГЕНЕРАТИВНАЯ ЛАМПА „ЭЛЕКТРА“
Горитъ огнемъ низмъ, прекраснымъ, ровнымъ свѣтомъ (трудно отличимымъ отъ электрическаго), сжигаетъ въ 75 до 80 свѣчей, при расходѣ въ часъ керосину около 1/3 фунта. Эффектнѣйшее и богатѣйшее освѣщеніе, замѣнявшее всякое другое освѣщеніе въ хорошихъ магазинахъ, ресторанахъ, конторахъ, залахъ, училищахъ и проч. Ц. № 6611
Прейсъ-курранты высылаются за 7-ми коп. марку. Исключительная продажа въ конторѣ и складѣ Г. Эттингера, Варшава, ул. Св. Креста, 32.
Настоящія лампы „Электра“ имѣютъ надписи „О. Г. Эттингеръ, Варшава“.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ А. ЛЕМЕРСЬЕ.
Средство для смягченія кожи рукъ и лица. Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Проситъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Депо у А. Ралле и Н. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. Ш. № 6149 23—24

КОЛОСЬЯ
съ пересылкой и доставкой за годъ 8 р., 1/2 года 4 р., за границу за годъ 11 р. № 6671 3—1

ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ
7 годъ изд. Историко-литерат. журналъ. За годъ 6 р., за 1/2 3 р.; за границу 8 р. Цѣль: знакомить съ произведеніями мировыхъ гениевъ всѣхъ временъ и народовъ и, кромѣ того, научнымъ образомъ разрабатывать историко-литературные вопросы.

«Капризъ Невы»—Духи, О-де-колонъ, Мыло.
«Бѣлый Мюскъ»—Духи, О-де-колонъ, Мыло.
«Сафод»—Духи, О-де-колонъ, Мыло.
Самого высокаго достоинства.
ХВОЙНАЯ ЭССЕНЦІЯ для пульверизации комнатъ. Распространяетъ пріятный запахъ хвойнаго лѣса.
ТИМОЛОВЫЙ ЗУВНОЙ ПОРОШОКЪ.
ТИМОЛОВЫЙ ЗУВНОЙ ЭЛИКСИРЪ.
СПБ. Техно-Химической Лабораторіи.
Главный складъ и контора въ СПБ.—гѣ, площ. Александрискаго театра, № 9. Ц. № 6281 Отдѣленіе въ Москвѣ, Никольская, д. Шереметьева. 15—14
Складъ въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ „ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ (Годъ 28-й)
въ 1894 году будетъ выходить по той-же программѣ **СЕМЬ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ.**
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ, на полгода, на 3 мѣс. на мѣс.
Безъ доставки на годъ 7 р. 50 к. 4 р. 50 к. 2 р. 50 к. — р. 90 к.
Съ доставкою на домъ въ СПБ. 9 " " 5 " " 2 " 75 " 1 " 15 "
Съ пересылкою во всѣ города
Россійской Имперіи 10 " " 5 " 50 " 3 " " 1 " 15 "
За границу 16 " " 9 " " 5 " " 2 " " "
Подписка открыта въ главной конторѣ „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ“ въ С.-Петербургѣ, въ Симеоновской ул., № 5.
Для гг. служащихъ допускается разрѣзка платежа подписныхъ денегъ черезъ ихъ казначеевъ. № 6668
Подписка принимается только съ перваго числа наждаго мѣсяца.
Редакторъ Н. С. Худковъ.
Издатель С. Н. Худковъ.

Для удобства публики мы открыли **въ Москвѣ** въ роскошныхъ, только-что выстроенныхъ верхнихъ торговыхъ рядахъ противъ Кремля **новый магазинъ для розничной продажи** входъ съ Красной площади № 3 и 4, и съ внутренней галереи № 76, близъ Никольской.
Покорнѣе просимъ нашихъ гг. покупателей при прѣздѣ ихъ въ Москву, посѣщать магазинъ и обратитъ вниманіе на богатую выставку различныхъ сортовъ нашей обуви.
ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.
№ 6681

! НОВОСТИ! ДУХИ „НОЧНАЯ КРАСАВИЦА“.
! НОВОСТИ! ДУХИ „СУВЕНИРЪ“
КРОНШТАДТЪ-ТУЛОНЪ.
ИЗОБРЕТАТЕЛИ ДУХОВЪ
„ПЕРСИДСКОЙ СИРЕНИ“
ТОВАРИЩЕСТВО **БРОКАРЪ и К^о.**
Невскій, № 30. № 6653 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ (XIV Г. ИЗДАНІИ)
на иллюстрированный журналъ для дѣтскаго школьнаго возраста
„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ особенно рекомендованъ и допущенъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.; Святѣйшимъ Синодомъ для фундаментальныхъ библиотекъ и Учебн. Ком. Соеств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императ. цы Маріи.
Вступая въ четырнадцатый годъ своего существованія, журналъ „ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ постарается въ 1894 году дать своимъ читателямъ еще болѣе разнообразный „отдыхъ“. Для этого редакция вводитъ новый отдѣлъ игръ и занятій, который она постарается сдѣлать возможно полнымъ и разнообразнымъ. Въ началѣ канікулярнаго времени будетъ разослано безплатное приложение — богатъ иллюстрированная книга „СБОРНИКЪ ИГРЪ“ съ предисловіемъ известнаго знатока и защитника дѣтскихъ игръ въ Россіи д-ра Е. А. Покровскаго.
„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца въ объемѣ отъ 8 до 10 л. печатнаго текста со многими рисунками, съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ и подъ той же редакціей.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой по всѣмъ городамъ Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской 5 р. 50 к.
Адресъ редакціи: Москва, Смоленскій бульваръ, Волной Левинскій переулокъ, домъ Куряевыхъ. П. № 6899

ВЫБОРЪ ИЗЯЩНЫХЪ ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ
БАРХАТА И ПЛЮША
въ розничномъ магазинѣ
Бр. С. Г. ШЕЛАЕВЫХЪ
въ Москвѣ.
Пассаажъ СОЛОДОВНИКОВА, № 65, 66.

2-ой розничн. магазинъ въ Москвѣ: Верхне Торговые ряды, № 102—103. 4-4
Въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, Сурская линия, № 134. П. № 6587
Фабрика: въ Москвѣ, за Покровск. мостомъ.

Многа Рисунковъ
Утиральники
Этотъ утиральникъ изъ чистаго шелка дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна папки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пап. 2 руб., 4 папки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ — красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайлов. площ., д. Жербина, № 2.

ОСВѢЖАТЕЛЬ ПОДЪЯЛОКЪ
Фирма премірована на европейскіхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
Косметическіе спермацетовые, личные № 5898
УТИРАЛЬНИКИ.
Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна папки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пап. 2 руб., 4 папки съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ — красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ известныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайлов. площ., д. Жербина, № 2.

КАТАЛОГЪ НА 1894 г. СЪМЯНЪ
полный иллюстрированный съ подробнымъ пояснительнымъ текстомъ, выйдетъ изъ печати въ началѣ декабря сего года, желающимъ высылается бесплатно.
Торговый Домъ Н. В. ЛИСИЦЫНА Сыновей.
Москва: 1) Петровка, д. Пенскаго. 2) Мясницкая, д. Пегова. Ц. № 6063

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (9)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ Mimosa ЛОЗЕ Ixora-viola
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Открыта подписка на ежедневную газету
„НОВОСТИ“
и на иллюстрированный журналъ
„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“
1894 года.
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
на 1-е (большое) изданіе: На годъ, 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс. на 2-е (малое) изданіе: На годъ, 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.
Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.
Съ дост. по город. почтѣ . . . 16 — 9 — 4 50 1 80 9 — 6 — 3 — 1 —
Съ перес. иногороднимъ . . . 17 — 10 — 5 50 2 — 10 — 6 — 3 — 1 —
За границу 26 20 14 — 8 — 3 50 18 — 10 — 6 — 2 —

Подписывающіеся на „НОВОСТИ“ вмѣстѣ съ „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНЬЮ“ доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ на „Новости“ только одинъ рубль.
РАЗСРОЧКА годовой подписной цѣны допускается для гг. иногороднихъ подписчиковъ: 1-го изданія: при подпискѣ въ мартѣ — по 7 руб., и въ августѣ — 3 руб.; 2-го изданія: при подпискѣ — 4 руб., въ мартѣ и июль — по 3 руб.; для гг. городскихъ подписчиковъ: 1-го изданія: при подпискѣ въ мартѣ — по 5 руб. 50 коп., и въ июль — 5 руб.; 2-го изданія: при подпискѣ, въ мартѣ и июль — по 3 руб. **Добавочный рубль за журналъ „Петербург. Жизнь“ уплачивается при первомъ взносѣ.**
Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца текущаго года.
Деньги и письма адресуются: Петербургъ, въ контору газеты „НОВОСТИ“ (Б. Морская, № 33). Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Новости“.

По соглашенію редакціи газеты „НОВОСТИ“ съ издателемъ „Адресной Книги гор. С.-ПЕТЕРБУРГА“ на 1894 г. (3-й годъ изданія) П. О. Яблонскимъ, лица, подписавшіяся на годовое и полугодовое изданіе „Новостей“ на 1894 г. и до 15-го декабря сего года залюбовавшія желаніе приобрести „Адресную книгу на 1894 г.“, имѣютъ право на полученіе ея (въ конторѣ „Новостей“, начиная съ 26-го декабря 1893 г.) по уменьшенной цѣнѣ, а именно за 1 р. с., въ переплетѣ 1 руб. 50 коп. **Добавочный взносъ за „Адресную книгу“ дѣлается при самой подпискѣ на газету.** Доставка по почтѣ — за 5 фунтовъ по разстоянію.

Условія отдѣльной подписки на иллюстрированный журналъ
„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“
1894 года.
Подписная цѣна журнала: безъ доставки и пересылки: на 1 годъ — 5 р., на 6 мѣс. — 3 р., на 3 мѣс. — 1 р. 75 к. Съ доставкой и пересылкою: на 1 годъ — 6 р., на 6 мѣс. — 3 р., на 2 мѣс. — 1 р.

Программа журнала „ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“.
1) Живопись, скульптура и архитектура, картины историческія, бытовыя, характерныя и пейзажныя; изображенія выдающихся произведеній ваянія и зодчества, имѣющихъ вліяніе на развитіе искусства нашихъ дней, съ текстомъ къ нимъ.
2) Театръ: обзоръ новостей, драмы, оперы и балеты, постановокъ, костюма, грима, декораций и т. п. въ рисункахъ и текстѣ.
3) Музыка: обзоръ музыкальныхъ новостей и ноты.
4) Новости науки: популярный обзоръ прикладныхъ знаний, изобрѣтеній и открытій.
5) Портреты выдающихся общественныхъ дѣятелей, артистовъ, художниковъ и т. п.: бюстами и некрологи.
6) Статьи безлтеристическаго содержанія, какъ-то: разсказы, очерки, сценны, новѣйшія и романы.
7) Статьи, относящіяся къ спорту и къ выдающимся событіямъ столичной жизни.
8) Сценическія произведенія и стихотворенія съ соответственными этому тексту рисунками.
9) Карикатуры.
10) Объявленія. Ц. 6682

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.
Въ 52-хъ номерахъ „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ“ помѣщено болѣе 1200 художественныхъ рисунковъ, фотографическихъ снимковъ и портретовъ разныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей.
„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“, по содержанію своему, представляетъ иллюстрированную летопись текущихъ событій, и потому вышедшіе номера этого журнала навсегда сохраняютъ историческій интересъ.
Редакторъ-Издатель О. К. ПОТОВИЧЪ.

НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО КОНГО
носитъ имя изобрѣтателя Винтора Вассье. Складъ у Ф. Ф. Бо Младш. и Юр. Москва, Кузнечій мостъ, д. Третьякова. 26-3

МАНДОЛИНЫ.
Пріятный и легкій инструментъ для изученія отъ 6 р. и до 150 р.
Самоучитель съ нимъ по цифровой системѣ сост. Куликова. Ц. 2 р.
Выборъ нотъ для мандолинъ соло и съ аккомпаниментомъ гитары или фортепьяно, а также и для всѣхъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Р. № 6670
у Куликова.
Москва, Маросѣвская, д. Ефимова.
Преподать-курить бесплатно.

ЭЛЕОПАТЬ
Пр. КИНУНЕНЪ
ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптекахъ и космет. магазинахъ. Цѣна фл. содерж. 120 граммъ 1 р. 50 к. безъ перес.
№ 6565 (5)
Провизоръ Кинуненъ.
Просьба обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ
Тиль-Топъ
превосходно сдѣланы изъ тисненой кожи съ 3 отдѣл., съ инкарирован. замкомъ. Изящной и прочной работы.
Секретъ замка сообщается только покупателю и только онъ смѣлѣтъ открыть Тиль-Топъ.
Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к.
Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к.
Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоны, очень выстигательный: шт. 3 р. 75 к.; 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (11)
3 разные, по одному отъ каждаго, 8 р. 75 к.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ.
С. Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр. № 20-31.

Г. ВЕЙСЪ
56, НЕВСКОЙ ПРОСП.
Обувь мужская, дамская и дѣтская, громадный выборъ готовой и галоши Фетръ.
Обувь моего издѣлія отличается изяществомъ отдѣлки, легкостью, новизною фасоновъ и доброкачествомъ матеріаловъ, чему служитъ доказательствомъ полученная въ Парижѣ золотая медаль и медаль въ Чикаго. Для удобства публики значительно увеличенъ магазинъ. Всѣ заказы выполняются аккуратно и хорошо подъ личнымъ наблюденіемъ. Также обувь моего издѣлія можно получать единственно: въ Ростовѣ на Дону у П. И. Ильина, въ Одессѣ у Величонка и Кукуринкина, въ Харьковѣ у Прикъ и Токаревой, въ Кіевѣ у Шабардина. № 6646 4-3
Просьба требовать клейма магазина.
Въ С.-Петербургѣ единственно лишь въ моемъ магазинѣ, Невскій, 56. Гг. иногороднихъ прошу присылать старый сапогъ для мѣрки, которая по изготолвленіи колодки всегда будетъ имѣться въ магазинѣ.

ЭССЕНЦІИ СГУЩЕННЫЯ
ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ИЗЪ ОУЩЕН. ВОДНИ ДОМАШНИМЪ ПОСЫМЪ СПОСОБОМЪ РЕЗЕРВАТИВЪ.
Н. С. БАРОМЕНСКАГО
№ 4572
ПРИВЛЕК.
по 15 коп. на 1 БУТЫЛКУ:
АНГЛІЙСКАЯ ЖЕЛУДОЧНАЯ ПОЛЫННАЯ ХИМНАЯ РЯБИНОВАЯ ВИШНЕВАЯ
ДЛЯ ЛИКЕРОВЪ: БЕНЕДИКТИНЪ ЧАЙНЫЙ ШАРТЕЛЬ АБРИКОТЪ ВАНІЛЬНЫЙ И МНОГА ДРУГІЯ СОРТА.
ТРЕБОВАТЬ ВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКІХЪ БАНКАХЪ.
Главн. складъ въ конторѣ П. И. Виноградова, Москва, Рождественск., д. Влохной, № 2.

ПОЛЕЗНЫЕ И ПРИЯТНЫЕ ПОДАРОКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:
ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА, ПО КРАЙНЕ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

СКРИПКИ
 по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
 Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
 Фугляры для скрипки по 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 руб.
 Струны, канюль и все другія принадлежн.ости.
 Скрипки 3/4, 1 1/2 и 1 3/4 величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ, какъ и большія.
 Альта по 6, 12, 20, 30, 50, 75 и 100 руб.
 Смычки для альты по 2, 4, 6, 10 и 15 руб.

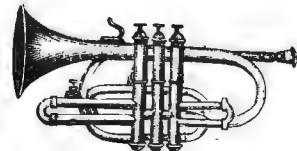

ВИОЛОНЧЕЛИ
 по 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
 Смычки для виолончели по 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 руб.
 Контрабасы по 35, 50, 75, 100, 150 и 200 руб.
 Смычки для нихъ по 2, 3, 5 и 10 руб.

ГИТАРЫ
 по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.
 (Гитары отъ 7 руб. и дороже имѣютъ механизмъ для струнъ).

ЦИТРЫ
 по 8, 12, 20, 40, 60, 80, 100 и 125 руб.

МАНДОЛИНЫ
 по 10, 20, 30, 50, 75, 100 и 125 руб.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ
 по 12, 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 р. (Отъ 50 р. и дороже собственной фабрики).
 Трубы, тромбоны, валторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы гелкионы, Охотничьи рожки по 3, 5, 6, 8, 12 и 15 р. Сигнальные рожки для пѣхоты по 4 р. Кавалерійскіе сигнальные трубы по 7 р.

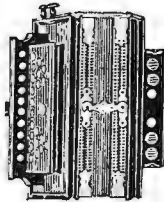

ФЛЕЙТЫ
 по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120, 160 и 250 руб.
 Отъ 60 р. и дороже собственной фабрики.
 Николо-флейты по 1 1/2, 3, 5, 6, 10 и 20 руб. Въ 20 руб. собственной фабрики.

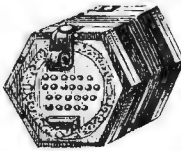
КЛАРNETЫ
 по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60, 75 и 90 р. Отъ 45 р. и дороже собственной фабрики. Трости и подушки.
 Барабаны по 4, 6, 10, 12, 15, 30 и 50 р.
 Барабаны большіе по 25, 35, 50, 60 и 90 руб.
 Тарелки 3 1/2, 5, 10, 15, 20, 35, 60 и 75 р.
 Бубны малаго формата въ 1 1/2 и 2 1/2 р.
 Бубны большого формата въ 4, 7 и 10 р.
 Треугольники по 75 к., 1 1/2 и 3 руб.
 Вунчуки по 25 и 45 руб.
 Ложки 3, 4 и 10 руб.
 Кастаньеты по 50 к., 1, 2 и 3 руб.
 Металлофоны для оркестра по 40, 60 р.
 Ксилофоны для оркестра въ 10 руб.

ОНАРИНЫ
 60 к., 75 к., 1, 1 1/2, 2, 2 1/2, 5 и 7 руб.
 Фарфоровыя въ 2 1/2 и 3 1/2 руб.

ПАЛКА-ФЛЕЙТА
 1, 2, 3 и 5 руб. Легко играть на ней.
 Воздушная гармонія въ 8 и 10 руб.

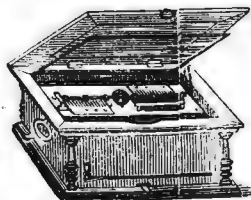

ГАРМОНИ
 фабрики Кальбе, лучшія въ мірѣ:
 Однорядныя въ 5 1/2, 6 1/2, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 9 1/2, 10, 10 1/2, 11, 12, 12 1/2, 14, 15, 18, 24 и 30 р.
 Двухрядныя въ 16, 18, 20, 24, 28, 30 и 36 руб. и въскія въ 22 руб.
 Трехрядныя въ 75 руб. и въскія въ 30, 50 и 75 руб.
 Рубныя гармоніи по 40, 60 к., 1 р. 25 к. и дороже.
 Бандионы 22, 33, 44 и 55 руб.
 Нѣмецкіе концертно по 4, 6, 10, 14 и 16 руб.

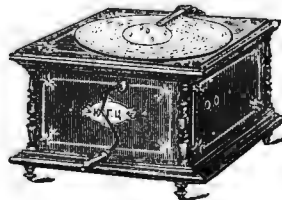
АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО.
 по 24, 30, 40, 55, 70, 85, 100, 125, 140, 160, 200 и дороже.
 Музыкальная шкатулка малыя съ ручкой въ 2 и 3 руб.
 Малыя заводныя въ 6, 9 и 15 руб.
 Большія заводныя въ 22, 24, 45, 65, 80 руб. и дороже.
 Большія заводныя съ колокольчиками и барабаномъ въ 150 и 200 руб.

ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛКИ
 съ музыкой 45 руб. Ноты по 3 к. коп.

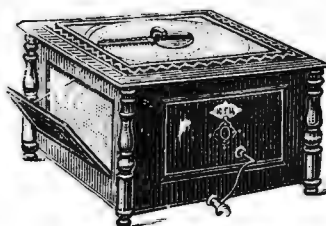

СИМФОНИОНЫ
 съ ручкой 7 руб. Пьесы по 35 к.
 Заводы. 40 тонн. 18 р. Пьесы по 35 к.
 Заводы. 60 тонн. 35 р. Пьесы по 70 к.
 Заводы. 84 тонн. 55 р. Пьесы по 85 к.
 Заводныя 84 тонн. Sublime Harmonie 100 р. Пьесы по 1 р. 10 к.
 Заводныя Sublime Harmonie Piccolo 150 руб. Пьесы по 1 руб. 75 коп.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ
 цѣна 7 руб. Ноты по 25 коп.

АРИСТОНЪ ОРГАНЪ
 цѣна 25 руб. Ноты по 60 коп.

ГЕРОФОНЪ
 съ припос. для громкой и тихой игры
 33 руб. Ноты по 60 коп.

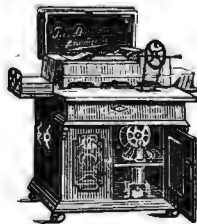

МАЛЫЙ ФЕНИКСЪ
 цѣна 14 руб. Ноты по 40 коп.

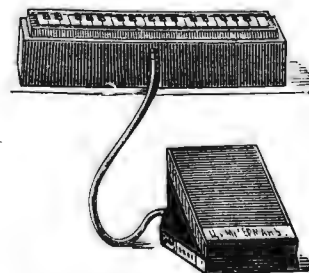
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ
 цѣна 35 руб. Ноты по 80 коп.

ОРКЕСТРЪ-МАНOPАНЪ
 очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 75 р.
 Ноты по 1 р. 40 к., 2 р. 80 к. и дороже.

ПИАНО-МЕЛОДИКО
 (новый механическій инструментъ со струнами) цѣна инструмента безъ нотъ 100 р.
 Ноты отдѣльно по 80 коп. за метръ (= 1 1/2 арш.)

САМОИГРАЮЩІЙ ПИАНО-ОРКЕСТРИОНЪ
 механическій музыкальный инструментъ со струнами, очень пріятнаго тона. Приходитъ въ дѣйствіе безопаснымъ маленькимъ двигателемъ. Цѣна безъ нотъ 250 р.
 Ноты по 80 коп. метръ.

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ
 въ 5, 17 и 23 руб.

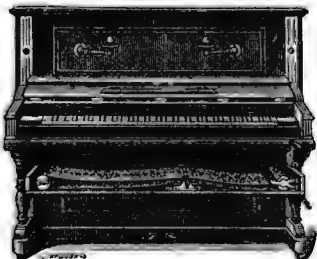
ГАРМОНИФЛЮТЫ
 3 окт. съ регист. 45 р.
 3 1/2 " " " трел. и сурд. 60 " "
 3 1/2 " " " " " " 75 " "
 4 " " " " " " 90 " "
 Желѣзныя складныя педали къ нимъ по 10 руб.

ФИСГАРМОНИ
 Инструменты весьма пріятнаго мягкаго тона, простой и прочной конструкціи, изящной отдѣлки. На фисгармоніи можно легко научиться играть и посредствомъ разныхъ регистровъ производить прекраснѣйшіе музыкальные эффекты. Играющему на фортепiano игра на фисгармоніи не составляетъ никакого затрудненія.
 Лучшихъ американскихъ и французскихъ фабрикъ, а также известнѣйшей фабрики Шидмалера, рекомендованная Главачемъ, Гензельтомъ, Листомъ и другими.
 Въ 100, 125, 130, 150, 160, 170, 180, 190, 210, 210, 225, 250, 300, 325, 350, 375, 400, 500, 550, 700, 800 и 1000 руб.

РОЯЛИ И ПИАНИНО
 лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ (также знаменитой Парижской фабрики Эраръ).
 Пיאнино въ 375, 425, 600 и 700 руб.
 Рояли отъ 500 до 1500 руб.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО
 прекрасный и практичный инструментъ, можно играть посредствомъ верченія ручки и какъ на обыкновенномъ пианино.
 Цѣна 600, 700 и доп. Ноты по 1 р. 50 к. за метръ.

Аппараты, которые можно приставлять къ роялю или пианино, и посредствомъ верченія ручкою отлично исполняютъ всевозможныя пьесы.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ
 Цѣна 200 руб.
 Ноты по 1 р. 50 к. за метръ (= 1 1/2 арш.).

МЕХАНИЧЕСКІЙ ПИАНИСТЪ.
 Цѣна 40 р. Ноты изъ картона за метръ 1 р.

ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ — БЕЗПЛАТНО.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. МОСКВА, Кузнецкій м., д. Захарыина.
 Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

При этомъ не прилагаются 2 объявленія: 1) для гг. городскихъ подписчиковъ отъ А. С. Шаманскаго въ Москвѣ; 2) для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ) и трактовъ 23 и 24) отъ А. В. Ситникова въ Бузурукѣ.
 Довод. цензур., СПб., 1 декабря 1893 г. Изданіе А. Ф. Маркова, СПб., Пелескія, б. Битумасовъ Марковъ/Ивановъ ч., № 1.

XXIV г.

№ 50

Выходит еженедельно, съ приложениемъ 12-ти еженеѣсныхъ книгъ „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

г. XXIV

1893

Выданъ 11 декабря 1893 г.

Ц. этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ до-
ставки въ
СПБ. 5 р.

Съ дост.
въ СПБ. 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою. 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи 7 р.

Подписка въ
РАЗСРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
см. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1893 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Худож. Альбомомъ, Сборникомъ, и пр.

Зима. Рис. І. Перро, грав. Бодъ

Дарья д'Анчуткина и банқирскій теноръ безъ граціи.

Изъ воспомнаній моего пріятеля.

Повѣсть Вас. И. Немировича-Данченко.

(Окончаніе).

VII.

Не помню, зачѣмъ, пришлось вскорѣ послѣ того мнѣ съѣздить въ Геную... Я не зналъ, куда мнѣ дѣваться тамъ, знакомыхъ въ этомъ городѣ еще не было, и письмами я не запасаю, разсчитывая остаться тамъ не болѣе двухъ-трехъ дней. Между тѣмъ, прошла уже недѣля, — а я еще и не предвидѣлъ дня моего отъѣзда оттуда. Все это время, куда я ни ходилъ, мнѣ всюду приходилось наталкиваться на громадныя афиши съ именами знаменитыхъ артистовъ il miracolo della Russia—eminente tenore Nicolò Carcadillo e il sole del arte Daria d'Anciutti la Bella (чудо Россіи — великій теноръ Николо Каркадилло и солнце искусства Дарья д'Анчутки — прекрасная). На трамваяхъ, въ кафе, въ ресторанахъ, въ отеляхъ, въ кондитерскихъ, въ аптекахъ, вмѣстѣ съ объявленіями о новыхъ слабительныхъ, въ газетахъ, на столбахъ, на порталахъ церквей, на тумбахъ, на памятникѣ Христофору Колумбу, на деревьяхъ въ мѣстномъ саду, на балюстрадахъ набережной, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, — всюду, сверху, снизу, съ боковъ вамъ мозолили глаза эти два великія имени. Счетъ мой подала прачка — на оборотѣ они; въ комодѣ я пошелъ зачѣмъ-то — они; купилъ въ магазинѣ носовые платки — ихъ завернули въ афишу съ ними. Короче, надо было или подчиниться своей участи, или бѣжать изъ Генуи. Газеты разсказывали о нихъ пѣлыя легенды. Въ узкихъ и черныхъ, какъ душа грѣшника, улицахъ нижняго города, собственно, скорѣе похожихъ на трещины — васъ по почамъ преслѣдовали какіе-то подозрительные незнакомцы. Вы отъ нихъ — они за вами, и, наконецъ, пагнавъ, вмѣсто того, чтобы потребовать отъ васъ кошелекъ или жизни, они скромно подносили вамъ печатную рекламу о Daria la Bella и Nicolò Carcadillo. Въ первый праздникъ городскимъ мальчишкамъ раздавали змѣевъ, на которыхъ тоже были написаны эти знаменитыя имена. Надоѣвъ землѣ — они залетали въ небеса. Наконецъ, пришли въ Геную русскія газеты и, о ужасъ! — и тамъ отставная лейбъ-пѣвица, одобренная японскими монархами, всюду разсказывала, предупреждая событія, замѣтки о небываломъ, безпримѣрномъ, блистательномъ и проч. и проч. и проч. успѣхъ ея ученика, Николая Каркадилова. Кажется, самый воздухъ былъ насыщенъ его славою. Все это настолько раздражило мое любопытство, что я послалъ узнать въ политеаму, когда будетъ репетиція „Пророка“, чтобы посмотреть на виновниковъ торжества. Она оказалась въ этотъ самый день. Я послалъ изъ вестибюля театра свою карточку, и Николо Каркадилло — краса и честь Ледовитаго океана (la gloria e la bellezza dell'Oceano glaciale), встрепанный, совсѣмъ ошалѣлый, съ восторгомъ самоудивленія въ испуганныхъ размѣрахъ собственнаго генія глазахъ — вылетаетъ ко мнѣ.

— Читали, слышали... Какіе таланты... Мы имъ покажемъ, — вы! И онъ, свернувъ кулакъ, какъ-будто какую-то громадную гиру, погрозилъ имъ въ пространство.

— Кому?..

— Что кому?

— Кому показывать собираетесь?

— Всѣмъ — которые... Пожалуйте... провіанту не прикажете...

Собачьи уши его щеки уже начали вздвигаться. Очевидно, въ Генуѣ онъ безъ провіанта не обходился.

— Съ моими жуликами знакомы?

— Съ какими жуликами?

— Агентami... Помните, тогда ужинали съ нами.

Первые воры; у насъ въ Орловской губерніи говорятъ про Ливны — Ливны всѣмъ ворами дивны. Ну, куда до этихъ... а народъ, надо говорить правду, ловкій, какъ работаютъ.

— Воображаю, сколько это вамъ и стоитъ.

— Обоимъ съ Дарьей?

— Ну-да.

— Ужъ сорокъ тысячъ франковъ вылетѣло. Но не жаль! На всѣ Европы подлецы прославили. Видали — всѣхъ портреты и въ одѣяніи...

— Что же вы голыхъ, что-ли, ожидали?

— Нѣтъ, но за одѣяніе здѣсь берутъ особо. Орловцы мнѣ телеграмму благодарственную послали.

— За что?

— Съ пьяныхъ глазъ, вѣрно... Опять же и то, прославилъ я ихъ на всю подвселенную. Даже тятенька пишетъ: „молодецъ Николка, старайся, — а мы всегда къ тебѣ съ нашимъ родительскимъ благословеніемъ...“ Я такъ думаю — послѣ сезона мнѣ орденъ дадутъ.

— За что?

— За трудолюбіе и искусство. У нихъ есть такіе. Маврикія, что-ли?.. Мои жулики ужъ разстараются. Бѣгаютъ пѣлые дни, языкъ высунувши. Сказываютъ, со всей Италиі пріѣдутъ насъ слушать.

— Смотрите, не осрамитесь.

— Мы-то... Не безпокойтесь. Такъ ихъ ушибемъ — въ родѣ какъ бы оглоблими по уху... Будутъ довольны... Сегодня у насъ репетиція... сейчасъ.

Я пошелъ за нимъ... На пути въ одномъ изъ коридоровъ Николо Каркадилло свистнулъ.

— Это я дежурнаго.

Къ намъ изъ темноты кинулся лакей, — съ бутылкою коньяку и рюмкой.

Чудо Ледовитаго океана хлопнуло двѣ сразу и пошло дальше.

Сцена — какъ всѣ сцены днемъ — была темна и казалась страшно грозной. Она была громадна. По срединѣ — свѣтлѣло отъ большой дыры въ потолкѣ. Края исчезали во мракѣ. Я чуть не ощупью пробрался къ рампѣ. За нею — лежала бездна, дѣйствительно, колоссальнаго театра, казавшаяся еще больше и бездоннѣе отъ заволакивавшей ее темноты. Чѣмъ-то холоднымъ, зловѣщимъ вѣяло оттуда. Еще впереди показывались длинныя ряды скамей, — позади не было видно ничего. Только гдѣ-то въ самой глубинѣ, должно быть, въ открытую дверь, слабо мигалъ едва замѣтный огонекъ газового рожка... Тамъ, въ этой глубинѣ — должно быть, были люди. Мы слышали ихъ голоса, но ихъ самихъ не видѣли. Ближе у рампы на своихъ мѣстахъ уже сидѣли музыканты, настраивая свои инструменты. Визгъ скрипокъ, скрипъ виолончелей, свистъ флейты, густыя октавы контрабаса, котораго точно кто-то охватилъ и душилъ безъ всякой пощады, глухіе удары барабана — все это безпорядочно, какимъ-то хаосомъ наполнило мрачный просторъ... Едва-едва можно было различить лица музыкантовъ. Въ этомъ полусвѣтѣ они казались какими-то выходцами съ того свѣта, привидѣніями, спиритическими спектрами, чѣмъ хотите, только не живыми людьми... На самой сценѣ что-то ворошилось, шумукало, двигалось, но что — какъ я ни напрягалъ зрѣніе — нельзя было различить. Еще дырявая полотноща кулисъ въ рамахъ, прислоненныхъ къ стѣнамъ, я видѣлъ, клочокъ какого-то безобразнаго дерева — тоже; но люди — точно проглатывались сумерками сцены... Только черезъ нѣсколько минутъ отдыха мои глаза привыкли — я разсмотрѣлъ мордастыхъ хористовъ,

ободранныхъ и ошлепанныхъ, изъ которыхъ точно мохъ росъ клочьями во всѣ стороны. Они хрипло кашляли, пробовали голоса—подъ-стать беспорядочному визгу скрипокъ, сморкались, бранили кого-то... Наконецъ, два знакомые уже мнѣ жулика вылетѣли на сцену, увидѣвъ меня—сдѣлали видъ, что страшно обрадовались, и принялись, подъ видомъ пожатія, дѣлать попытки вырвать мнѣ обѣ руки изъ плечевыхъ суставовъ. Убѣдившись, что руки сидятъ прочно,—они точно вспомнили что-то, забѣгали во всѣ стороны...

— La signorina, la signorina.

Дарья la Bella, видимо, играла здѣсь роль хозяйки. Она торжественно вступила на сцену. Впереди бѣжалъ какой-то лакей съ кресломъ, позади торныхалась костюмерская мамаша съ ридикюлемъ. Бульдогообразные хористы низко кланялись, изъ темноты вдругъ выдвинулись какія-то худыя, полуголодные хористки съ блѣдными лицами въ красныхъ пятнахъ, въ ковровыхъ шляхахъ и отрепьяхъ вмѣсто юбокъ. Онѣ тоже усердно привѣтствовали Дарью... Увидѣвъ меня, Дарья—дѣланно, усталымъ голосомъ и снисходительно, какъ и подобаетъ знаменитости, проговорила:

— А... вотъ и вы... я рада... Писать будете?

— Что?

— Обѣ намемъ успѣхъ...

— А вы въ немъ увѣрены?

Она подняла безволосыя брови къ рыжей чолкѣ и усмѣхнулась.

— Увѣрена! Развѣ вы не читали? Мы ужъ и теперь нафанатизировали публику. Сегодня у меня была серенада подъ окнами... Николай Ивановича вчера изъ кафе на рукахъ вынесли. Наша карьера сдѣлана. Я теперь иначе не согласна, чтобы пять тысячъ франковъ за каждый выходъ и за двадцать представлений впередъ.

— Гдѣ же это вамъ дадутъ?

— Въ американскихъ операхъ! выпалилъ откуда-то изъ сумрака Carcadillo.

Дарья Степановнѣ кресло поставили у рамы. Длинный, чахоточнаго вида, но съ такими голодными глазами, что страшно даже становилось вчужѣ, капельмейстеръ взвился надъ своимъ мѣстомъ. Обругался направо, обругался налево и постучалъ палочкою о пюпитръ. Визгъ скрипокъ замеръ. Стало тихо—только какой-то корнетъ еще пробовалъ голосъ, гудя, какъ чудовищный шмель въ темнотѣ. Еще разъ постучалъ maestro...

— Анабаптисты—пожалуйте... Я съ васъ начинаю сегодня.

Передъ рампою вдругъ показались три анабаптиста. Умирать буду—но, вѣрно, уже этакихъ не увижу. Посреди, прочно, на кривыхъ лапахъ, въ куцомъ пиджакѣ, стоялъ тучный паренъ, съ лицомъ... но позвольте, это было не лицо. Случалось-ли вамъ въ мясныхъ лавкахъ видѣть свиные морды, съ ползучими глазами. Ну, такъ вотъ, именно такая красовалась безъ шеи, прямо на чревъ, потому что у сего анабаптиста и груди не было, а животъ начинался сейчасъ же отъ подбородка. Направо отъ него, очевидно, отставной бравый берсальеръ—изображалъ стараго анабаптиста. У него усы были лихо закручены за уши, борода козлиная торчала впередъ, и, когда онъ снялъ шапку, кланяясь маэстро,—у него на головѣ не оказалось ни одного волоска. Даже традиционной бахромки надъ шейей не было! И самая шейя... Боже мой, чтѣ это была за шейя! Длинная, длинная. Казалось, что голова анабаптиста номеръ второй дѣлала тщетныя усилія оторваться отъ туловища, и шейя за нею вытягивалась въ ниточку, но, къ отчаянью этой головы, никакъ не соглашалась разорваться... Анабаптистъ № 3 былъ вида столь устрашающаго, что я отъ него попятился. Въ первый моментъ мнѣ показалось, что отъ него во всѣ стороны пышетъ адское пламя. Всмотрѣвшись, я убѣдился, что это рыжія лохмы необык-

новенной густоты пруть изъ него, откуда имъ и совсемъ не слѣдовало бы расти. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли даже онѣ и изъ рту у него не торчали—а что уши были въ рыжемъ мохѣ какомъ-то—это навѣрное... Когда господа анабаптисты запѣли, то оказалось, что этотъ—№ третій, цвѣта адскаго пламени, обладаетъ нѣжнѣйшимъ теноромъ и столь сладостнымъ, что во рту при-торно дѣлалось. Стремившаяся оторваться голова пѣла густымъ басомъ, при чемъ по вытянувшейся шеѣ точно перекатывался какой-то шарикъ, а чрево съ башкою мертвой свиньи обладало мужественнымъ баритономъ и даже дѣлало попытки жестикулировать, но такъ какъ руки у него были коротки, какъ лапы у моржа, то изъ этихъ попытокъ ничего и не выходило.

Капельмейстеръ бился, бился съ анабаптистами и, наконецъ, кое-какъ зашпопавъ эту расплывшуюся врозь тройку—прогналъ ихъ и потребовалъ хоръ воиновъ. Воины, какъ и слѣдуетъ воинамъ—носили на себѣ слѣды великихъ баталій. У одного были подбиты глаза, попорчены челюсти; у другого выломаны ноги. Кое-кто былъ подвязанъ. За воинами настала чередъ благородныхъ дѣвицъ, съ красными руками, какъ у судомоекъ, и съ такими сверхъестественными портретами, что даже maestro не выдержалъ и крикнулъ одному изъ жуликовъ:

— Carlo.

— Ессо?

— Гдѣ ты набралъ ихъ?..

— А что?

— Битая посуда.

— Ничего, сойдетъ. Подмажемъ... Краски, вѣдь, не жаль... Сойдетъ.

Благородныя дѣвицы смѣялись первыя...

Когда хоры были кончены—первые персонажи начали репетировать свои дуэты, терцеты, квартеты и т. д. Daria la Bella и Niccolo Carcadillo пѣли про себя. Мурлыкали что-то. Мурлыкали-мурлыкали,—наконецъ, маэстро не выдержалъ.

— Вы долго такъ будете репетировать про себя!

— Мы въ себѣ увѣрены, намъ не зачѣмъ.

— Да хоть для другихъ... Третью недѣлю мы здѣсь—а еще вашего голоса не слышали.

— Услышите на представленіи.

Между музыкантами послышался ропотъ.

— Я вамъ совѣтую... очевидно, maestro стѣснялся съ ними.—Я вамъ совѣтую все-таки попробовать голоса... Можетъ быть, ихъ не хватить на эту залу. Политеама, вѣдь, громадная...

— Не хватить? обидѣлся Николо.

— Да... Вы знаете у Арамбуро оказался слабъ по этому театру.

— У меня не хватить?.. Дарья Степановна, покажемъ-ка имъ... шарманщикамъ... Топоромъ въ носъ... Гаммочку унисономъ... ну-ка... Подальше, подальше... отвелъ онъ меня рукой.

— Почему подальше?

— Не равно ушибемъ. Потому у насъ голоса—то—дальнобойные. И ротъ раскройте.

— А ротъ зачѣмъ?

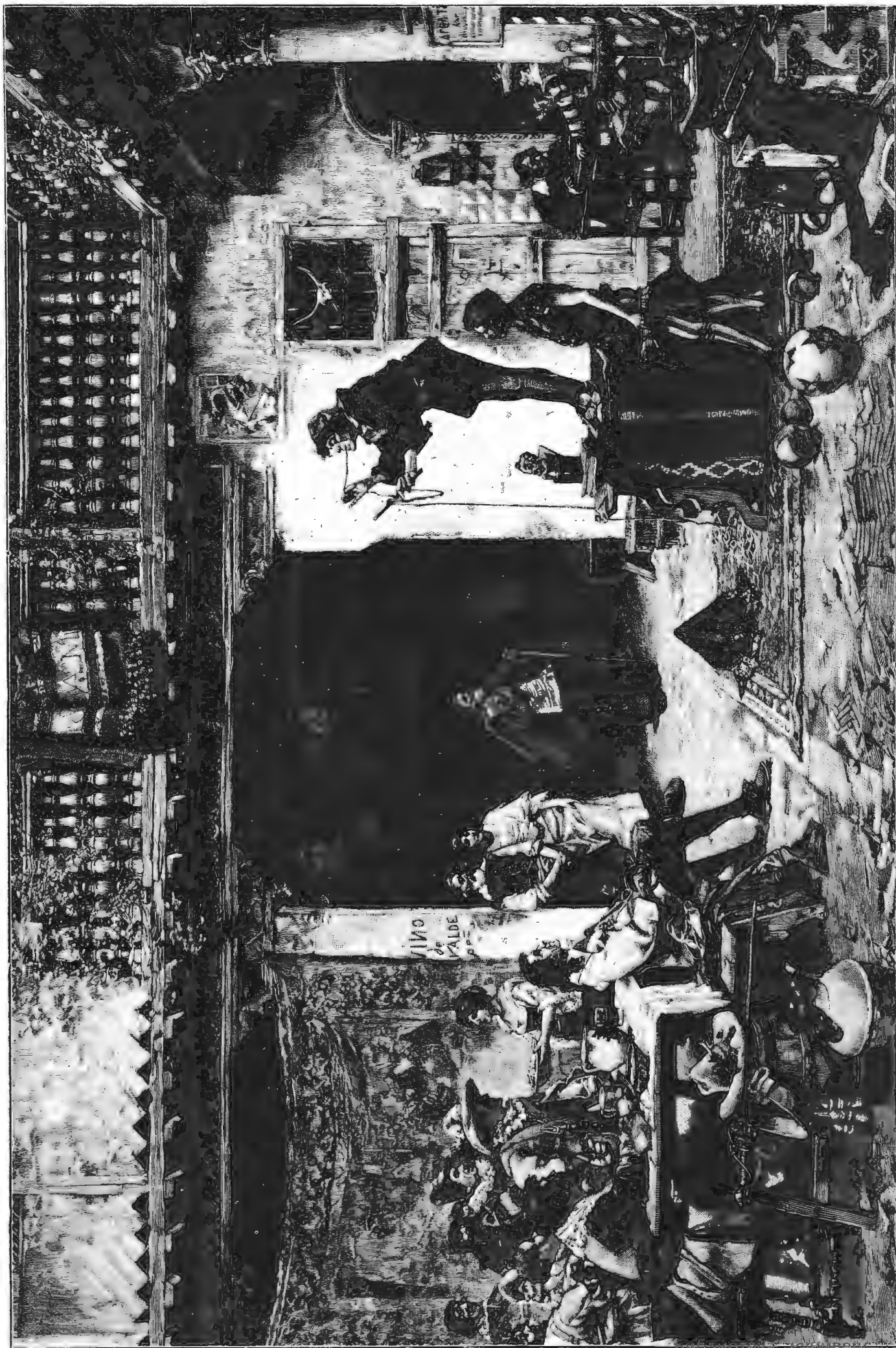
— Когда изъ пушки палятъ, всегда около рты настежь,—перепонка-то цѣлѣй будетъ. Ну, Дарья Степановна... Давайте!

И, дѣйствительно, дали!

Чахоточный маэстро чуть не полетѣлъ со своего стула. Меня отшибло въ сторону—и долго потомъ въ ухахъ звенѣло, а одного изъ жуликовъ, невзначай налетѣвшаго на пѣвцовъ, точно ураганомъ смыло куда-то.

— У насъ голосовъ нѣтъ! торжествовалъ Carcadillo.

Maestro, очевидно, еще въ себя не пришелъ и безпомощно моргалъ глазами. Хористы, какъ тараканы изъ щелей, выползли на сцену; музыканты тоже были ошеломлены...

Итальянскій фокусникъ. Съ карт. В. Марка, грав. Бошгъ.

Внутренность татарского дома въ Крыму. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Матвѣева, грав. Шлиперъ.

Николо недолго наслаждался всеобщимъ оцѣнѣніемъ.

— Не голоса-съ... а подлинное членовредительство! оглянулся на меня чудо Ледовитаго океана.

— *Che forza, che forza!* заметался во всѣ стороны ушибленный жуликъ.

— Однако, опомнился маэстро,—неужели же вы своими іерихонскими трубами думаете всю оперу fortissimo пропѣть?

— Не безпокойтесь. Мы и нѣжно можемъ. Я семь мѣсяцевъ нѣжности учился. Дарья Степановна, вы нѣжно, вѣдь, можете?..

— Отчего вы, въ самомъ дѣлѣ, не репетируете, какъ слѣдуетъ? вступился я...

— Когда же это знаменитости—да иначе... Мы, слава Богу, видѣли, сдѣлайте одолженіе. Этакіе голоса, да тратить даромъ.

Дарья—та уже заворачивала свое драгоценное горло въ боа и глотала какую-то гадость, помогавшую, какъ ее увѣрили кто-то, верхнимъ потамъ. Николо тоже, несмотря на тепло, закутался въ красный гарусный шарфъ и поднялъ воротникъ пальто. Сдвинувъ мягкую шляпу на затылокъ, такъ, чтобы изъ-подъ нея волоса дѣзли на лобъ, онъ подалъ руку д'Анчуткиной и побѣдоносно повелъ ее къ выходу. Въ театрѣ онъ замедлилъ на минуту, и свистнулъ. Дежурный лакей съ коньякомъ подлетѣлъ къ нему. Онъ наскоро проглотилъ свою порцію и, простившись со мною, направился къ ландо.

— Это вы чего же ландо держите? спросилъ я у Дарьи Степановны.

— Патти всегда въ ландо ѣздитъ. Жаль, у меня обезьяны и попугая нѣтъ... Я бы съ ними—по городу.

— Это еще къ чему?

— Тетрацидъ здѣсь съ попугаемъ ѣздитъ, а Теодорини—съ обезьяной.

Мнѣ такъ и хотѣлось отвѣтить ей: „вы и безъ того съ телянкомъ!“ когда рядомъ усѣлся Николай Ивановичъ—но я удержался.

— Приходите къ намъ—на вечернее суне! пригласилъ онъ.

— А развѣ утреннее бываетъ? засмѣялся я.

— А чортъ ихъ знаетъ. Можетъ быть, и бываетъ утреннее.

Спектакль былъ назначенъ черезъ четыре дня. За два—уже не было ни одного билета. Реклама сдѣлала свое дѣло. Жулики объявили абонементъ на пять представлений—и его расхватили. Мнѣ чудо Ледовитаго океана прислалъ билетъ ранѣе, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго дня.

VIII.

Признаюсь откровенно, еще ни одинъ спектакль не возбуждалъ у меня такого любопытства, какъ этотъ. Жулики, какъ называлъ ихъ Николай Ивановичъ, работали во всю. Вѣроятно, чтобы двинуть сильнѣе абонементъ, цѣлый день передъ кассою играла военная музыка. На стѣнахъ театра вывѣшены были громадныя портреты *Carcadillo* и *d'Ansiutti*, а когда стемнѣло—надъ нимъ взвилось нѣсколько ракетъ. Я явился за четверть часа раньше и думалъ, что буду первымъ, но около театра уже толпились массы народа. Барышники, купившіе билеты на-дняхъ, теперь распродавали ихъ въпятеро дороже. Я засталъ многихъ знакомыхъ изъ миланской печати.

— Вы что здѣсь? спрашиваю у одного.

— Нельзя—меня корреспондентомъ послала *la Perseveranza*... А вотъ изъ *Corriere della Sera!*

Ну, думаю, до чего восторжился *Daria la Bella*, когда узнаетъ, что на ея дебютъ командированы даже спеціальныя корреспонденты. На всѣхъ лицахъ читалось лихорадочное ожиданіе. Для итальянцевъ—дебюты знаменитыхъ пѣвцовъ—событіе, которое здѣсь всѣхъ

волнуетъ. Даже изъ Рима пріѣхало сюда нѣсколько человекъ.

— Судя по газетамъ—это будетъ истинный артистическій праздникъ, говорили они, самодовольно оглядываясь на толпу.

Разнесся слухъ, что старикъ Верди тоже здѣсь. Потому это оказалось чепухою, но въ данную минуту всѣ повѣрили и вслошались, и въ толпѣ радостно сообщали другъ другу:

— Вы знаете, сегодня будетъ въ ложѣ „великій старецъ“.

— Самъ божественный маэстро почтилъ дебютантовъ.

Я прошелъ за кулисы и сообщилъ объ этомъ чуду Ледовитаго океана. Чудо, дѣйствительно, оказалось чудомъ, даже не удивилось, а только съ чувствомъ восторженнаго удовлетворенія воскликнуло:

— Ай да мы... Орловскіе!

Въ камерино приносили счета изъ цвѣточныхъ магазиновъ—за букеты и вѣнки. Оказывается, что Николай Ивановичъ, при всей своей глупости, сообразилъ это,—самъ себя и Анчуткиной заказалъ всевозможныя подношенія отъ публики.

— Какъ вамъ не стыдно... замѣтилъ, было, я.

— Дай Богъ глазамъ здоровья—отмигаются.

— И кто васъ выучилъ этимъ мошенническимъ приемамъ?

— Филатова... Да, кромѣ того, я видѣлъ въ Москвѣ—Павловичъ сама себя подносила—даже столовое серебро. Позавтракаетъ—велитъ вымыть, а вечеромъ ей мужъ подносить, якобы отъ благодарной публики. Что-то, а коммерческую часть я отлично знаю!

Жулики мотались въ кассѣ и были необыкновенно серьезны.

За десять минутъ до начала спектакля, они выкинули объявленія: „на четыре первыхъ представленія всѣ билеты распроданы“—и заперли кассу.

Настроеніе публики въ залѣ было необыкновенно праздничное.

Всѣ не сводили глазъ съ занавѣса, изображавшаго необыкновенно толстомысаго ангела, летѣвшаго въ облакахъ, съ вѣнкомъ въ рукѣ. Внизу была написана Генуя... Чахоточный маэстро съ гордымъ видомъ усѣлся на свой стулъ. Въ театрѣ не оказывалось ни одного пустого мѣста. Даже въ ложи никто не опоздалъ. Дамы сверкали брильянтами, и только шелестъ вѣровъ нарушалъ почти священную тишину. Нетерпѣніе доходило почти до болѣзненнаго раздраженія... Я сидѣлъ рядомъ съ какимъ-то меломаномъ, который то краснѣлъ, то блѣднѣлъ... Наконецъ, маэстро застучалъ палочкой, и по всей залѣ пронесся одинъ общій вздохъ облегченія. Увертюру выслушали спокойно, и, хотя она была сыграна хорошо, никто даже не хлопнулъ, ни одинъ аплодисментъ не раздавался въ партерѣ. Публика берегла свои восторги для необыкновенныхъ дебютантовъ... На нихъ сосредоточивалось общее вниманіе. Наконецъ, мясистый ангелъ вздрогнулъ, сморщился, отъ него остались вѣнокъ и ноги, потомъ исчезли и они, и сцена со всѣми своими скверными декораціями открылась передъ нами. Къ счастью, итальянцы въ этомъ отношеніи нетребовательны вовсе. Они помирились и съ оборванными стѣнами и съ сѣробурными деревьями... Окрестности Дортрехта изображались сборною декораціей. Очевидно, жулики пустили на этотъ случай все, что у нихъ нашлось подъ руками. Въмѣсто Мааса въ глубинѣ было море; вмѣсто замка съ его башнями и подъемными мостами направо торчалъ порталъ собора изъ „Фауста“; фермы и мельницы налѣво замѣнялись кладбищемъ изъ „Донъ-Жуана“... Каватина Берты сошла не дурно. Невѣсту Иоанна Лейденскаго пѣла молодая начинающая итальянка и спѣла вѣрно, но только дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, чѣмъ она подкупила слушателей.

Они ей похлопали, но тотчас же насторожились — въ виду выхода Фидесъ-Дарьи, прекрасной тожъ. D'Anciutti была недурно нагримирована пожилой женщиной, такъ что о дѣйствительной ея красотѣ публика судить не могла. Дуэтъ съ Бертой она спѣла дрожащимъ отъ боязни голосомъ. Скромность и робость „знаменитости“ всегда льстятъ въ первый моментъ публикѣ. Генуэзская—въ этомъ отношеніи не исключеніе. Цѣлаго міра не боится, а насъ испугалась. И такъ какъ этотъ тысячеголовый звѣрь въ основаніи добръ, то онъ ей покричалъ „браво“, поаплодировалъ, такъ что она даже раскланялась, прижимая руки къ сердцу... Описанные мною на репетиціи три анабаптиста вызвали общій хохотъ,—еще усилившійся, когда Фидесъ спросила у Берты: „что это за зловѣщія фигуры?“ Отвѣтъ Берты, указывающей на нихъ, какъ на избранниковъ неба, поднялъ еще на нѣсколько градусовъ смѣшливость партера. Но, когда анабаптисты, и, главное, чрево съ мертвою свиною головой, подошли къ рампѣ и начали свое знаменитое:

Iterum ad salutaris undas,
Ad nos, in nomine Dei,
Ad nos, venite populi.

Весь театръ хохоталъ уже, какъ одинъ человекъ, такъ что знаменитая тройца не подъ аккомпаниментъ оркестра, а подъ этотъ гомерическій смѣхъ закончила свою партію... Какой-то шутникъ зааплодировалъ—всѣ подхватили. Мертвая свиная голова приняла это въ серьезъ и вернулась раскланяться. Трудно описать настроеніе, овладѣвшее всѣми. Анабаптистъ сталъ героемъ минуты. Два жулика чуть не выскакивали изъ-за кулисъ, зовя его назадъ, но онъ стоялъ у сфлерской будки, точно прикованный. Подъ общій и добродушный хохотъ—прошла вся сцена возмущенія крестьянъ, выходъ Оберталь, оказавшагося сноснымъ баритономъ. Только когда онъ запѣлъ: „прогоните ихъ изъ этого края (анабаптистовъ)“, кто-то сверху крикнулъ: „лучше отошли средняго въ мясную лавку..“—„Изъ него выйдетъ отличная мортаделла!“ подхватили внизу. Успокоились всѣ только къ романсу Берты, которая, очевидно, окончательно завоевала симпатіи публики. Сопрано ея на этотъ разъ звучало прекрасно. Она сама была хорошенькая и свой традиціонный пейзанскій костюмъ носила отлично, показывая стройныя ножки и шеголя тоненькой таліей. Ей уже зааплодировали всѣмъ театромъ, хотя еще не улегшаяся веселость сказала въ новой выходѣ. Когда графъ Оберталь приказалъ воинамъ увести ее къ себѣ въ замокъ, — все тотъ же голосъ сверху крикнулъ: „каналы, у него не дурень вкусъ...“ Въ антрактѣ всѣ толковали объ анабаптистахъ. O Daria la Bella еще нельзя было судить по этому акту. Въмѣсто лейденской гостиницы второго акта жулики поставили одну изъ замковыхъ залъ изъ „Лучиі“. И это сошло. Nicolo Carcadillo—въ роли трагирщика въ чулкахъ и курточкѣ—изумилъ всѣхъ. Этакое косолапости трудно было и ожидать. Ноги у него оказались кривыя, брюхо съ отваломъ. Но это, вѣдь, еще не могло помѣшать ему быть хорошимъ пѣвцомъ. И потому партеръ засмѣялся только, когда свиная голова нашла сходство въ Каркадилло съ царемъ Давидомъ, изображеннымъ въ Мюнстерѣ; но на томъ дѣло и покончилось. Мечтательную позу Каркадилло изображалъ, задравъ цуговку носа вверхъ и какъ-то лихо оттопыривъ руки. Свою фразу „ночь покрываетъ землю“ Каркадилло не спѣлъ, а какъ-то проглотилъ—но и это ему спустили — волнуется. Мы, вѣдь, требовательная публика, строгая публика, насъ всѣ боятся. И тысячеголовый звѣрь—промолчалъ... Онъ даже простилъ Юанну Лейденскому речитативъ, который тотъ проговорилъ, хуже чегъ нельзя. Свой романсъ, объ ожидающемъ его тихомъ счастьѣ, онъ—хоть и обучался, по его словамъ, пѣвности у Бутци—прооралъ такъ, что слушатели, не

ожидавшіе этого, растерялись и шиканье ихъ можно было принять насчетъ анабаптистовъ, которые и тутъ себя показали — такъ что уже со всѣхъ сторонъ закричали:

— Да уберите же скорѣе эту мортаделлу.

Къ счастью, три анабаптиста ушли, и партеръ успокоился.

Слова Юанна Лейденскаго о нихъ: „они ушли, благодареніе небесамъ, ихъ зловѣщее присутствіе помѣшало бы моему счастью!“ вызвали отвѣтъ сверху—„и нашему тоже!“ Берта, очевидно, очень понравилась публикѣ, потому что появленіе ея, растерзанной, съ растрепанными волосами, опять привело всѣхъ въ очень хорошее настроеніе. Но за то дуэтъ Каркадилло съ Фидесъ, сопровождаемой стражей невозможныхъ архаровцевъ—вызвалъ свистки... Разсѣянные и одиночные,—по они уже начали мѣнять атмосферу залы. Публика была еще такъ нагипнотизирована рекламами, что, очевидно, пока не дала себѣ отчета, въ чемъ дѣло, что случилось, какимъ чудомъ эти прославившіеся на всю вселенную артисты оказываются такими скверными пѣвцами... Вверху уже слышалось рокотаніе близкой грозы, такъ что, когда три пошехонца-анабаптиста опять явились на сцену — всѣмъ театромъ закричали на нихъ:

— Уберите этихъ бестій, вонъ!.. вонъ!..

Мортаделла, еще стоявшая у кулисъ, колебалась, какъ и замѣтилъ руки двухъ жуликовъ позади его. Они схватили анабаптиста за хвостъ и втянули его обратно въ кулисы.

Актъ окончился среди свистанья съ одной стороны, недоумѣнія съ другой. Этимъ воспользовалась клака и такъ энергично стала аплодировать, что многіе припали къ ней, и Анчуткина съ Каркадилло могли выйти и раскланяться. Въ слѣдующій выходъ на тѣ же отчаянные крики неистовствовавшей клаки они прихватили съ собою Берту—и къ клакѣ присоединилась публика партера. Но въ антрактѣ—на воздухѣ—потому что ночь была прелестная, звѣздная, теплая, и всѣ вышли изъ театра, слушатели начинали мало-по-малу освобождаться отъ гипноза рекламъ, объявленій и распушенныхъ о дебютантахъ басенъ. Настроеніе стало зловѣщимъ. Слышались возгласы: „какое нахальство! Мошенничество импресарио никогда не доходило до такого безстыдства!“

— Однако насъ надули.

— Эти двѣ деревяжки—Анчути и Каркадилло, просто, наглые каналы...

— Ихъ слѣдуетъ проучить.

— Теперь мы имъ себя покажемъ.

— И главное — посмотрите, какую они клаку себѣ устроили.

Когда по третьему звонку публика собралась — настроеніе залы было совершенно иное. Точно волны начинающейся бури катились издали. Атмосфера казалась разгоряченной. Тысячеголовый звѣрь глухо ворчалъ и готовился растерзать свою добычу. Всюду были видны перекошенные злыя лица. Особенно, тѣ меломаны, которые явились изъ Рима и Милана—они сидѣли блѣдные, съ сжатými губами, очевидно, едва-едва сдерживая негодованіе, клокотавшее въ ихъ груди. Итальянцы опредѣляютъ такое настроеніе публики, говоря, что она вся сидитъ и ждетъ съ ружьями въ рукахъ, con fucile in mano. Музыканты оркестра тревожно переглядывались. Я сидѣлъ впереди и разслышалъ, что одинъ говорилъ другому:—Ну, братъ, сегодня будетъ буря!—Да, отвѣчалъ тотъ... Я поближе шанку и пальто положилъ.—Ты думаешь, мы не окончимъ оперы?—Чудо будетъ, если третій актъ благополучно до конца дойдетъ. Ты знаешь, вѣдь—анабаптисты начинаютъ... По смотри, что выйдетъ. Да и наши дива, и чудо Ледовни таго океана... Я думаю, и имъ не поздоровится... — А

импрессарио?—Они оба вышли куда-то... Я искалъ ихъ—миѣ нужны деньги.—Неужели ты еще не получилъ перваго квартала?—Нѣтъ. Они просили подождать. Сборъ хорошъ. Они за четыре спектакля впередъ получили... У нихъ теперь больше 60,000 франковъ есть, а съ тѣмъ, что они взяли съ этихъ русскихъ—пожалуй, все 100! Есть изъ чего расплатиться.—Ну, тогда все равно. Пускай свищуть—не намъ, вѣдь... Да, разумѣется.—Изъ Милана сейчасъ можно будетъ выписать новыхъ пѣвцовъ.

Позади меня два какіе-то франта во фракахъ разговаривали въ иномъ тонѣ.

— Ты кушилъ тоже.

— Да... У меня полны карманы—позади.

— У меня—цѣлое кило почти.

— Мы ихъ поотчумемъ—картешью.

Они расхохотались...

— Только не сразу.

— Разумѣется...

Теперь я понялъ, откуда я уже съ минуты три чувствовалъ запахъ жареныхъ каштановъ.

За занавѣсомъ послышался звонокъ. Дирижеръ быстро шелъ къ своему мѣсту.

— Маэстро! кричали ему изъ публики.—Гдѣ вы это отыскали такихъ собакъ?

Онъ нахмурился и пожалъ плечами...

— Сегодня мы не окончимъ спектакля!.. сказалъ онъ первымъ скрипкамъ.

Вдругъ изъ-за правой кулисы вышелъ режиссеръ. Фракъ, очевидно, съ чужого плеча, съ громаднаго и рослаго человѣка, сидѣлъ на немъ, какъ хозяйскій халатъ на обезьянѣ. Фалды волочились по полу, рукава закрывали пальцы. Онъ поклонился налѣво, направо и въ середину.

— Милостивыя государыни и милостивые государи...

Всѣ стихли.

— Импреза, не имѣя возможности сейчасъ замѣнить трехъ анабаптистовъ, почтительнѣйше просить хоть на сей вечеръ простить этотъ неудачный выборъ... Завтра же они будутъ замѣнены другими... Что касается до дебютантовъ, знаменитыхъ артистовъ д'Анчутти и Каркадилло, то они, утомленные ренетциями и необходимостью выучить оперу на незнакомомъ имъ языкѣ, обращаются къ вашему великодушію...

— А утренняя цѣль? послышалось сверху.

— А реклама?

— А чудо Ледовитаго океана?..

Но режиссеръ, сдѣлавъ свое дѣло, теперь отвѣшивалъ опять прощальные поклоны направо, налѣво, въ середину, при чемъ ловко пущенный моими сосѣдями каштанъ попалъ ему въ самый носъ...

— Первый выстрѣлъ! проговорилъ кто-то.

Къ довершенію скандала, вѣсть спиною въ кулисы, режиссеръ наступилъ на фалды надѣтаго на немъ фрака и растянулся.

Вся публика громыхнула отъ смѣха. Я просто дрожалъ за бѣдныхъ анабаптистовъ... Итальянцы, особенно въ Генуѣ—безжалостны, какъ разойдутся. Миѣ особенно жалъ было несчастное чрево съ мертвою свиной головою... Но на ихъ счастье кто-то изъ партера крикнулъ:

— Эти три хориста—не виноваты. Голодные люди, и, вѣрно, ихъ за грошъ наняли.

— Разумѣется. Пускай ихъ лаютъ.

Теперь, очевидно, вся ненависть публики сосредоточивалась на чудѣ Ледовитаго океана... Занавѣсъ поднялся. Воины ввели плѣнныхъ. Хоръ оралъ: „Крови, крови, да погибнуть Іуды“. Три анабаптиста теперь ужъ возбуждали не негодование, а смѣхъ публики. Такъ что, когда Захарія запѣлъ свою воинственную арію, театръ подиѣвалъ ему съ урлыканьями и взвизгиваніями. А сверху чей-то жирный басокъ крикнулъ:

— Эй, дружище (amico) Mortadella... Брось-ка лучше

театръ и приходи ко миѣ—я тебѣ найду занятіе. Изъ тебя выйдетъ славный извозчикъ. Лучше возить публику, чѣмъ портить ей уши.

Сцена съ Оберталемъ прошла, благодаря баритону, отлично даже. Онъ свое „клянусь!“ далъ такъ, что ему зашлодировали. Я сталъ, было, успокаиваться. Авось не выйдетъ скандала. Тысячеголовый звѣрь опять подобрѣлъ и пришелъ въ хорошее расположеніе духа. Какъ ни плохи пошехонцы-анабаптисты, все-таки это были пошехонцы итальянскіе, и въ сценѣ, когда званіе Обертала открываеся—они увлеклись сами и увлекли слушателей. Но вотъ въ длинной, по самыя пяты, бѣлой, вышитой золотомъ туникѣ, въ золотомъ поясѣ, сверкала массою фальшивыхъ брилліантовъ, и такую же діадемою на головѣ—появился Іоаннъ Лейденскій. У Мейербера—этотъ моментъ поставленъ такъ эффектно, что даже чудо Ледовитаго океана произвело впечатлѣніе...

„Куда ведутъ этого плѣнника?“ величественно спросилъ Каркадилло. „На смерть!“ отвѣтилъ одинъ изъ архаровцевъ. „Кто смѣетъ здѣсь сказать: на смерть, если я говорю: да будетъ живъ“. Партеръ даже всколыхался при этомъ. Слишкомъ дѣйствовало на нервы... Но театръ скоро освоился съ этимъ, и ко времени молитвы „Пророка“—враждебное настроеніе прорывалось всюду въ шопотъ: „ну, теперь берегись. Теперь мы тебѣ покажемъ.“ Каркадилло, должно быть, угадывалъ это и безпомощно поглядывалъ на клаку. Когда капельмейстеръ кивнулъ ему—онъ открылъ ротъ такъ, что онъ сдѣлался похожъ на совершенно правильный кругъ устья трубы и пустилъ такую отчаянную ноту, что въ первую минуту театръ вздрогнулъ... Пользуясь этимъ и думая, что это великолѣпно, Николай Ивановичъ сталъ, по его любимому выраженію, „ушибать“. Ни ранѣе, ни послѣ я такого оранья не слышалъ. Такъ можно только съ отчаянія или съ перецуга... Боже мой, Боже мой, что подялось въ залѣ! По глазамъ Іоанна Лейденскаго было видно, что онъ совершенно утратилъ сознаніе окружающей его сумятицы. Они округлились, какъ и ротъ; онъ не сходилъ съ мѣста и, глядя въ упоръ на публику—оралъ, а публика ему, въ свою очередь, свистала, лаяла, мяукала, каркала, взвизгивала, хохотала, кричала: „Вонъ! Занавѣсъ! Деньги назадъ!“ Дамы смятенно въ ложахъ одѣвались, чтобы уйти; кое-гдѣ слышался уже трескъ ломаемой мебели... Скоро театръ грохоталъ, по Carcadio, очевидно, ничего не понимая, хотѣлъ все-таки докончить свою молитву среди оторопѣвшихъ и растерявшихся хористовъ... „Via, via... Diabolo, cane, Imbecile...“

— Пора? послышалось за мною.

— Начинай!..

И вдругъ въ бѣднаго Пророка полетѣла горсть жареныхъ каштановъ... Съ другого конца залы по тому же направленію направились апельсинны. Еще мгновение—и, право, я думалъ, что театръ развалится. Тысячеголовый звѣрь приходилъ въ бѣшенство. Музыканты повскакали съ мѣсть и искали своихъ плащей и шляпъ. „Деньги, деньги назадъ!.. слышалось отовсюду.—Квестура, гдѣ квестура!..“

— Да уходите же, чортъ васъ возьми! заоралъ maestro Николаю Ивановичу.

Тотъ не слышалъ и все продолжалъ пѣть, хоть оркестръ давно уже молчалъ.

Въ это время мѣтко пущенный апельсинъ попалъ ему прямо въ ротъ. Каркадилло задохнулся, подавился, оглянулся во все стороны посоловѣвшими глазами и, протянувъ руки впередъ—вдругъ кинулся со сцены прочь. Но, очевидно, онъ ослѣпъ отъ ужаса. Въмѣсто выхода въ кулисы—онъ подалъ лбомъ въ деревья, въ ихъ холстъ, въ дома и, наконецъ, остановившись спиною къ публикѣ, у задняго фона, безпомощно по полотнищу вскидывалъ руки, точно хотѣлъ, какъ муха, всползти по немъ къ потолку...

Литературный альбомъ. „Бояринъ Орша“, М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Рашевскій.

— Да уберите вонъ эту бестію!.. кричалъ партеръ въ то время, какъ наиболѣе безпощадные бомбардировали его, чѣмъ попало...

Наконецъ, на сцену выскочилъ квесторъ въ формѣ, схватилъ несчастнаго Іоанна Лейденскаго за шиворотъ и вывелъ въ промежутокъ между кулисами. Публика—орала. На сценѣ уже никого не было. Половина музыкантовъ изъ оркестра тоже разбѣжалась.

— Импрессарио, импрессарио! вѣзмъ театромъ кричали на сцену.

Тотъ же квесторъ вышелъ къ рампѣ и поклонился. Тишина воцарилась моментально.

— Милостивые государи... Пропшу васъ очистить театръ.

— Деньги назадъ!

— Я хотѣлъ распорядиться, чтобы касса выдала сборъ—по сей часъ мнѣ донесено, что оба импрессарио, захвативъ кассу со всѣми абонементными суммами, — неизвестно куда воровски бѣжали изъ города. Будьте увѣрены...

Но я уже ничего не могъ разслушать болѣе.

Подымалось истинное столпотвореніе вавилонское.

Я едва пробился къ выходу и поѣхалъ къ себѣ домой... Не успѣлъ я раздѣться и лечь въ постель, какъ ко мнѣ въ двери постучались... Я открылъ и отступилъ съ изумленіемъ.

— Это я-съ!..

И чудо Ледовитаго океана, воинственный пророкъ, самъ Николай Ивановичъ Каркадиловъ, дрожа, стуча зубами, какъ-то испуганно повизгивая, кинулся ко мнѣ.

— Ради Бога... спрячьте... убьютъ... боюсь... ей Богу, боюсь.

— Кто васъ убьетъ... что вы... успокойтесь... Вотъ выпейте воды...

Зубы его бились о стаканъ, онъ едва могъ выпить глотокъ, поперхнулся и оглянулся на двери.

— Ради Христа... заприте... заприте... комодомъ загородите...

Я сообразилъ, что толкомъ съ нимъ ничего не подѣлаешь. Взялъ его за воротъ и, поднявъ вверхъ, потрясъ. Потомъ изъ стакана плеснулъ ему воды въ лицо...

Онъ точно сталъ просыпаться.

— Ну... очнулись... Чье это на васъ пальто?..

— Батюшки мои!.. Это я со слѣпу квесторову шинель...

— И шляпа не ваша!

Онъ сбросилъ пальто, и я даже понялся отъ него.

Представьте себѣ, что онъ бѣжалъ изъ театра въ бѣлой съ золотомъ туникѣ Іоанна Лейденскаго, препоясанный мечомъ, съ нарукавниками и съ блестящей броней на груди!..

— Пошлите скорѣе пальто квестору, а то васъ за воровство арестуютъ.

— Голубчики... Спрячьте меня.

— Да куда васъ спрятать?..

— Подъ кровать... я, ей Богу, смироно... я мало мѣста займу... совѣзмъ упавшимъ голосомъ молилъ онъ.

— Гдѣ Дарья Степановна?

— Какая?

— И это вы забыли. Анчуткина ваша...

— Тамъ... махнулъ онъ куда-то въ пространство.—

Тамъ, если ее еще не убили...

Какъ ни было печально это мгновение, но я невольно разсмѣялся.

— А жулики-то ваши бѣжали...

Но онъ осоловѣло глядѣлъ на меня и всхлипывалъ...
конецъ.

Воспоминаніе о Памирскомъ походѣ 1892 г.

Записки очевидца Б. Л. Тартева.

(Окончаніе).

Отрядъ расположился на восточномъ берегу озера Ишпиль-куль, при впадѣніи въ него рѣки Аличюра, какъ разъ противъ развалинъ китайской крѣпости Сума-ташъ; расположился онъ на небольшомъ полуостровѣ, врывающемся острымъ мысомъ въ озеро.

Вечеромъ, 13-го іюля, пришла сотня съ капитаномъ Скерскимъ. Оказалось, что китайцы на Акъ-ташѣ встрѣтили его очень миролюбиво, конечно, изъ боязни, и безропотно исполнили его требованіе очистить укрѣпленіе и удалить. На слѣдующій день предпологалось выступленіе дальше, но не было фуражу, а, слѣдовательно, кавалерія не могла идти—пришлось ожидать ячменя.

Почти весь правый берегъ рѣки Аличуръ, при дельтѣ его, покрытъ тенлыми и горячими сѣрыми источниками, изъ коихъ самый горячій имѣетъ 70° R.; вода сѣрная, и свободная сѣра отлагается на прибрежныхъ камняхъ, которые, благодаря этому, мѣстами золотистаго и зелено-желтаго цвѣта. Одинъ изъ источниковъ былъ приспособленъ, съ помощью юрты, для болѣе или менѣе удобнаго купанья, и совершенно удовлетворялъ назначенію бани, что было чрезвычайно полезно всѣмъ безъ исключенія чинамъ отряда. Эти ключи находятся врозь развалинъ китайской крѣпости, на сѣверномъ берегу озера Ишпиль-куль, при впадѣніи въ него рѣки Аличуръ. Они весьма чисты, какъ у мѣстнаго населенія, такъ и у стоявшихъ здѣсь, до 1888 года, китайцевъ и у прогнавшихъ ихъ афганцевъ. Рабочіе, посылаемые на источники для устройства бани, чтобы не грѣть воду, употребляли воду источниковъ прямо для заварки чаю, остра, что, молъ, на Памирѣ во всякое время кнйтокъ есть, только чаю валл. Пили подобный чай многіе—и полатились. Къ вечеру лагерь и околотокъ наполнились страдающими разстройствомъ желудка.

Кромѣ развалинъ китайской крѣпости, здѣсь еще стоятъ двѣ могилы и китайская кумирня съ камнемъ для жертвоприношеній, украшеннымъ разными узорами, носящими названіе Сума-ташъ.

Крѣпость представляетъ изъ себя не что иное, какъ четырехугольное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ теперь уже обвалившеюся глинобитною стѣною и, видимо, съ проходомъ въ сѣверо-западной части. Стѣна удѣляла кое-какъ лишь съ южной стороны, съ другихъ же все давно обвалилось. Китайцы, занявъ Памиръ, выставили на этомъ мѣстѣ

свой никетъ и подчинили себѣ памирскихъ киргизъ. По указанію китайцевъ, стали назначаться у нихъ старшины, которые въ извѣстные сроки обязывались ѣздить на поклонъ къ китайскому уполномоченному на Памиръ, Джандарину,—въ этомъ и состояла ихъ вся повинность. Конечно, не обложивъ никакими податями, памирскіе киргизы съ радостью приняли такое выгодное для нихъ иго, но во время афганской смуты, бывшей въ 1888 году, афганцы выдвинули свои никеты на озеро Ишпиль-куль и прогнали китайцевъ за перевалъ Харгошъ, откуда послѣдніе и ушли въ свои владѣнія, а афганцы, разоривъ ихъ крѣпость, выставили на лѣвомъ берегу Аличюра свой постъ, который и былъ снятъ Памирскимъ отрядомъ 12-го іюля 1892 года.

17-го іюля были пойманы два афганца, одинъ изъ нихъ „рисоля“—кавалеристъ, выдававшій себя за простаго солдата, хотя по наружности онъ скорѣе напоминалъ офицера, чѣмъ обыкновеннаго солдата. Эти афганцы, не зная о случившемся 12-го іюля на ихъ посту, наткнулись на отрядный лагерь и пытались, было, бѣжать, но были задержаны въ одномъ изъ ущелій ночью. Конечно, они не сопротивлялись, и когда казаки обезоружили ихъ, „рисоля“ расхохотался, и на вопросъ черезъ переводчика, отчего онъ хохочетъ, отвѣчалъ: „мнѣ слѣшно, потому что я совѣзмъ теперь баба!“, т. е. безъ оружія.

Офицеры наши, бывшіе здѣсь, предупреждали его, что русскіе съ илѣнными обращаются хорошо, чтобы онъ не безпокоился за свою жизнь; но онъ на это возразилъ: „дайте мнѣ чаю и лепенекъ, а потомъ вѣшайте, только теперь я очень голоденъ“. Всю дорогу онъ шутилъ и велъ себя великодушно.

Этотъ кавалеристъ по происхожденію узбекъ, родители его бѣжали отъ казней Худояръ-хана и нашли пріютъ у афганцевъ, и вотъ онъ теперь на военной афганской службѣ.

Встрѣченные на Памирѣ афганцы были рослый, красивый народъ, имѣющій военную выправку. Волосы черные, съ взбитыми космами на вискахъ, брови густыя, стрѣлками расходящіяся отъ переносицы, глаза большіе, черные. Многіе бредотъ бороды и носятъ длинные усы, которые закручиваютъ. Одѣты они были въ красные суконные мундиры съ бѣлыми воротничкомъ и обшлагами, и бѣлыми же выпушками по борту и на мѣстѣ заднихъ кармановъ. Пуговицы мѣдины, съ англійскимъ королевскимъ гербомъ, и красные, кверху суживающіеся, потоны съ вышитой надписью S. Stafford—очевидно, мундиры англій-

ские. Брюки коричневые, и на ногах туфли или сапоги, смотря по тому, верхом-ли онъ или пѣший. Головной уборъ ихъ составляла высокая, усѣченнымъ конусомъ тюрбетка, повязанная чалмою.

Ружья системы Snider'a, съ трехгранными штыками, два патронташа на поясѣ—вотъ ихъ вооруженіе. Съ пѣшими ками обошлось отрядное начальство очень хорошо, и они пользовались всѣмъ, что только было возможно имъ дать изъ скудныхъ средствъ отряда. Скучно было стоять на одномъ мѣстѣ, хотѣлось скорѣе возвращаться, такъ какъ было уже извѣстно о предписаніи не ходить дальше. 14-го іюля пришла съ ячменемъ первая рота. Народу прибавилось, а тоска, по старому, стоитъ надъ бивакомъ. Настало 22-е іюля, торжественный день тезоименитства Государыни Императрицы; на этотъ день былъ назначенъ парадъ. Наканунъ, еще съ утра все числилось, чинилось, и въ по возможности привели себя въ парадный видъ. Въ день парада, съ праздничными лицами, выстроился полубатальонъ развернутымъ фронтомъ, а взводъ багарен приготовился къ производству салютационной стрѣльбы.

Вотъ идетъ начальникъ отряда, одѣтый въ китель съ шарфомъ, бѣлый Георгіевскій крестъ виднѣется у него въ петлицѣ, штабные чины слѣдуютъ за нимъ. „Смирно!“ раздастся команда.—„На плечо“.—„Слушай на-крауль!“ Музыка играетъ вѣтрѣчу. „Здорово, братцы!“ слышится голосъ полковника Іонова.—„Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!“ гудятъ въ отвѣтъ сотни здоровыхъ грудей. Начальникъ отряда, съ чарою въ рукахъ, говоритъ короткую рѣчь, въ которой высказываетъ, что, молъ, вотъ намъ и на Крышѣ міра приходится отпраздновать торжественный день тезоименитства нашей Матушки Царицы; пусть наши молитвы о Ней и наше громкое искреннее „ура“ принесутъ Ея Величеству счастье и долголетіе. „За здоровье Матушки Царицы, ура!“ И при грохотѣ орудій долго разливалося по ущельямъ эхо дружнаго, громкаго русскаго „ура“. Затѣмъ, послѣ тостовъ и церемоніала, нижшіе чины пили водку, а у начальника отряда былъ обѣдъ для гг. офицеровъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ каждый выступленія на Мургабъ,—надоѣло сидѣть безъ дѣла на Яшилъ-кулѣ, да и провіантъ приходилъ къ концу, между тѣмъ ячменя, просто, дѣвать некуда. Но вотъ, наконецъ, приказано готовиться къ выступленію 25-го іюля. Пѣнныхъ отпустили за часъ до ухода отряда. Какъ они довольны были, какое праздничное и счастливое было выраженіе ихъ лицъ, когда они проѣзжали мимо стоявшихъ уже въ ружьяхъ ротахъ, кивая головами офицерамъ, говоря: „Хощъ тюр! Хощъ тюр!“ (т. е.—прощайте, господа). Ихъ снабдили и лошадьми, и оружіемъ.

На обратномъ пути къ Мургабу переходы дѣлались значительно меньше тѣхъ, которыми шли наступательно. 26-го іюля отъ камня Чатыръ-танъ первая сотня казаковъ, подъ начальствомъ капитана Скерскаго, отправилась на рекогносцировку на Базай-и-гумбезъ, а 29-го іюля рекогносцировочный отрядъ вернулся на Мургабъ и сталъ бивакомъ близъ переправы Ша-джанъ, на 7 верстъ выше прежней стоянки, такъ какъ оставшіяся отрядъ уже раньше перешелъ на это мѣсто. 3-го августа третья рота, захвативъ вьючныхъ лошадей, верхами выступила къ перевалу Пшартъ, на рѣчку Джанъ-канды, гдѣ имѣется береза, а первая въ урочище Мадьянъ, по правому берегу Мургаба. Обвѣны ротамъ вмѣнено нарубить мало-мальски пригоднаго для постройки лѣсу и доставить его на бивакъ.

По рѣкѣ Джанъ-канды, какъ до, такъ и за переваломъ Пшартъ, встрѣчается, въ сравнительно обильномъ количествѣ,

береза. Сначала попадаются небольшіе кустки тальнику, а затѣмъ, увеличиваясь въ размѣрѣ, понадеется береза, доходи до 5 арш. вышнюю. Эти деревья у корни толсты и несообразно съ высотой суживаются къверху. На Мадьянѣ также понадеется береза, но значительно худшаго качества и въ очень небольшомъ количествѣ.

Вообще, всѣ деревья не представляютъ изъ себя строительнаго лѣса и пригодны лишь для весьма незначительныхъ построекъ. На истокахъ рѣки Кудары, близъ зимовки памирскаго разбойника Сахитъ-Назара, на границѣ съ Ромашомъ, встрѣчаются рощи довольно хорошей березы, есть урюкъ, яблоня и тополь, между которыми можно набрать пригодныхъ къ постройкамъ, но ихъ чрезвычайно мало, да и съ Кудары, благодаря скверному пути, доставка лѣса окончательно невозможна. 4-я рота, стоявшая нѣкоторое время на Кударѣ, все время пользовалась фруктами, стоя бивакомъ въ урюковой и яблоневои рощѣ.

Съ 12-го августа начались работы по устройству укрѣпленія въ 4-хъ верстахъ внизъ по Мургабу, возлѣ переправы Ша-джанъ, для остающихся на зимовку людей. Это укрѣпленіе не должно было имѣть стратегическаго значенія и, просто, представляло изъ себя ограду для приспособленныхъ къ зимнимъ помѣщеніямъ юртъ.

Погода все время стояла отвратительная, каждый день шелъ снѣгъ, по ночамъ вездѣ замерзала вода—начинались непогоды, а объ участіи отряда ничего неизвѣстно. Наконецъ, получилась столь жданная телеграмма, по которой на Мургабъ должны были быть оставлены 160 человекъ пѣхоты, 40 казаковъ и 8 офицеровъ, остальнымъ же предписано возвращаться въ Маргеланъ. Задавъ обѣдъ оставшимся товарищамъ, отрядъ 25-го августа двинулся на озеро Шоръ-кулъ (12,300 ф.), находящееся въ 30 верстахъ отъ стоянки на Мургабѣ. На срединѣ пути былъ полученъ начальникомъ отряда пакетъ, съ предписаніемъ остаться еще на 20 дней у озера Шоръ-кулъ.

Во время стоянки на оз. Шоръ-кулѣ была произведена рекогносцировка на перевалъ Абакъ-Берды, откуда получено было предписаніе полковника Іонова объ высылкѣ 1-й и 2-й ротъ на оз. Рангъ-кулъ, восточнѣе колодезь, для постройки тамъ укрѣпленія, въ которомъ должны были остаться 10 казаковъ, а также придти съ офицеромъ 40 человекъ пѣхоты. Окончивъ работу 3-го сентября и соединивъ съ отрядомъ, ожидавшимъ на Шоръ-кулѣ, выступили всѣ на Маргеланъ.

Обратный путь былъ положительно зимній—снѣгъ, вьюги и морозъ сопровождали каждый день отрядъ, и особенно сильная метель застала его на перевалѣ Акъ-Байталъ, и, лишь переваливъ Кизилъ-артъ, отрядъ пользовался уже до самаго Маргелана отличной погодой. Не доходя до укр. Гульча въ Суфи-курганѣ, отрядъ догналъ присланный съ офицеромъ изъ Рангъ-кульскаго укрѣпленія майоръ афганской службы—артиллеристъ, пріѣхавшій туда изъ Файзабада съ бумагами къ полковнику Іонову. Наконецъ, послѣ почти 4-хъ-мѣсячнаго скитанія по горамъ и доламъ Памира, отрядъ, встрѣчаемый всѣмъ гарнизономъ, вступилъ съ церемоніей въ Маргеланъ.

А тамъ, далеко, на Памирѣ, среди снѣговъ и бурановъ, устранивая себя, подъ руководствомъ военнаго инженера Серебренникова, зимнія жилища, осталась часть товарищей по походу, готовившихся упорно бороться съ суровой природою непригляднаго Памира.

КОНЕЦЪ.

Изъ жизни небесныхъ тѣлъ.

Д-ра Г. І. Клейна.

Во всемъ мірозданіи нѣтъ ничего не подверженнаго измѣненію. Начало и конецъ, жизнь и смерть—вотъ предѣльные точки общаго всему существующему закона развитія—закона, которому подчинены звѣзды небесныя. Сознаніе того, что солнце, луна и звѣзды, въ ихъ теперешнемъ видѣ, упоминаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ человѣческой мысли, заставляетъ насъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто неизмѣнное, стоящее внѣ вліянія вещей и времени. Съ той неизвѣданной, туманной поры, когда нога человѣческая впервые ступила на поверхность земли, наружный видъ нашей планеты значительно измѣнился; исчезли горы, возникли рѣки, острова отдѣлились отъ материковъ, и на мѣстѣ пустынныхъ стеней выросли непроходимые лѣса; изъ мрака неизвѣстности выступили новыя человѣческія племена и снова погрузились въ волны забвенія. Ничто не вѣчно подъ луною, говоримъ мы; а наука прибавляетъ: не вѣчны и небесныя тѣла; и они—явленія переходящія, живущія своей собственной жизнью, ограниченной временемъ... Современная культура прорѣзала окружающій насъ мракъ, какъ первый лучъ восходящаго солнца. Наука говоритъ, что нормальная продолжительность человѣческой жизни составляетъ семьдесятъ лѣтъ; если мы оглянемся въ прошлое, не далѣе какъ на пятнадцать поколѣній, мы очутимся уже среди всеобщаго варварства; если-же мы попробуемъ заглянуть въ будущее и задать себѣ вопросъ, что сохранится черезъ пят-

надцать новыхъ поколѣній изъ теперешнихъ человѣческихъ учреждений, мы должны будемъ отвѣтить: по всей вѣроятности—весьма мало или ничего. Вотъ эта непрочность человѣческихъ учреждений и заставляетъ насъ вѣрять въ неизмѣнность небесныхъ свѣтилъ, которой вовсе нѣтъ въ дѣйствительности. Положимъ, въ жизни планетъ, вѣка уподобляются минутамъ человѣческой жизни; но тѣмъ не менѣе и для этого время не проходитъ безслѣдно, и онѣ имѣютъ свою юность, свой расцвѣтъ и свое разрушеніе.

Но какимъ-же образомъ, спроситъ насъ, можетъ недолговѣчный родъ людской судить о возникновеніи и разрушеніи цѣлыхъ міровъ, о развитіи солнечныхъ системъ, продолжительность существованія которыхъ далеко превосходитъ продолжительность жизни нашей планеты. Конечно, не по собственному опыту, не по происшедшимъ на нашихъ глазахъ измѣненіямъ въ звѣздномъ небѣ. Великій Фридрихъ Вильгельмъ Гершель, который впервые научилъ человѣческій глазъ проникать въ тайны небесныхъ пространствъ, показалъ намъ, какимъ образомъ можно изъ существующихъ одновременно разнообразныхъ формъ небесныхъ тѣлъ, въ особенности, такъ называемыхъ, туманныхъ пятенъ, вывести заключеніе о ихъ постепенномъ развитіи, о *последовательности* ихъ образованія. „Съ этой точки зрѣнія,“ говоритъ Гершель, „небо уподобляется роскошному саду, представляющему великое разнообразіе явленій на обихъ цвѣтущихъ грядкахъ, и мы можемъ какъ бы

Св. Стефанъ Пермскій увлекаетъ за собой въ огонь зырянскаго волхва Пама.
 Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. Лебедева, антологія Репара.

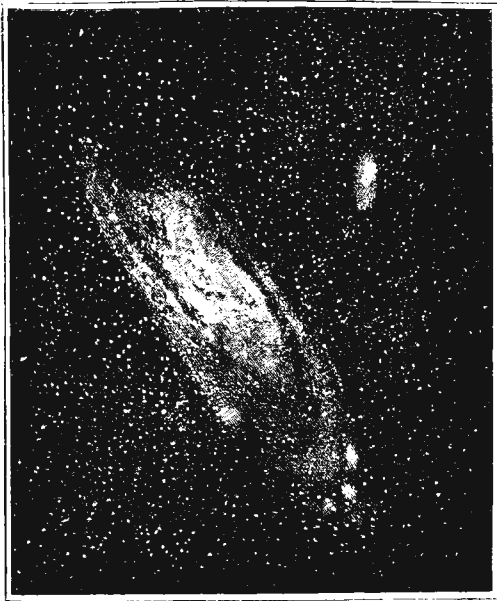
Сонъ Св. Цециліи. Съ карт. Э. Азамбръ, грав. Болъ.

растянуть ходъ нашихъ наблюдений на неизмѣримое протяженіе. Ибо, продолжая сравненіе съ растительнымъ царствомъ, не все-ли равно, живемъ-ли мы настолько долго, чтобы видѣть на одномъ и томъ-же растеніи появленіе почекъ, цвѣтеніе, обильное, созрѣваніе плодовъ и увяданіе, или мы наблюдаемъ послѣдовательныя стадіи развитія одновременно на различныхъ экземплярахъ одного и того-же растенія?»

Какую-же форму вещества въ мировомъ пространствѣ должны мы признать за первоначальную? По Гершелю таковую представляютъ слабо-свѣтящаяся, растянутыя туманныя пятна, не имѣющія опредѣленныхъ очертаній. Всѣ эти туманныя пятна, безъ исключенія, невидимы простому глазу, но количество туманнаго вещества, разсыпаннаго по небеснымъ пространствамъ, такъ велико, что, уже по выраженію Гершеля, превосходитъ всякое человеческое пониманіе. Вместе съ тѣмъ, туманная масса такъ тонка и разбѣжена, что мельчайшія, разбросанныя по ней звѣздки кажутся блестящими, а наиболѣе свѣтлыя туманности въ сравненіи съ ними представляются темными. Нѣкоторыя туманныя пятна кажутся свѣтлѣе, точно они плотнѣе, многія имѣютъ отдѣльныя свѣтлыя точки; встрѣчаются также туманности, или, по образному выраженію одного повѣйшаго астронома, настоящія гнѣзда тумана, очевидно, раздѣленныя на нѣсколько частей, тройныя, четверныя и болѣе.

Тамъ, гдѣ туманныя пятна имѣютъ опредѣленныя очертанія, они имѣютъ, болѣею частью, круглую или продолговатую форму. Круглыя туманности становятся иногда къ срединѣ постепенно свѣтлѣе, какъ будто въ центрѣ ихъ находится очагъ создающей и уплотняющей силы. То-же самое замѣчается и въ продолговатыхъ пятнахъ, т. е. очевидно, что въ нихъ происходитъ уплотненіе туманнаго вещества, образующее родъ ядра. Въ нѣкоторыхъ туманностяхъ замѣтенъ вокругъ ядра какой-то легкой свѣтъ, который Гершель сравниваетъ съ гривой. Туманности эти долго и живо занимали пытливыя умы Гершеля. «Строеніе ихъ такъ запутано и таинственно», говоритъ онъ, «что, при настоящемъ уровнѣ нашихъ познаній, было бы дерзостью стараться объяснить его; мы можемъ только сдѣлать нѣсколько предположеній, которыя поведутъ къ новымъ вопросамъ. Не указываетъ-ли грива на то, что часть туманнаго вещества, прежде чѣмъ примкнуть къ ядру, принимаетъ извѣстную форму, въ которой и окружаетъ ядро, въ концентрическомъ порядкѣ? Не вызовутъ-ли вещество — дерзнемъ мы задаться дальнѣйшими вопросами — при своемъ паденіи на ядро, родъ круговорота или вращательнаго движенія? Не должно-ли необходимо произойти такое явленіе, и не видимъ-ли мы здѣсь естественной причины, которая придаетъ небесному тѣлу, при самомъ его возникновеніи, уже вращательное движеніе?»

«Съ гениемъ состоитъ въ вѣчномъ союзѣ сама природа!» Эти слова поэта вѣрны и въ настоящемъ случаѣ. Гершель, можно сказать, инстинктивно угадал истину; упомянутыя туманности, дѣйствительно, составляютъ первыя стадіи въ образованіи солнечныхъ системъ. То, что великій Гершель могъ видѣть лишь несовершеннымъ своимъ тѣлеснымъ окомъ, стало теперь яснымъ и несомнѣннымъ, благодаря успѣхамъ оптики и фотографіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ само туманное вещество замечательно свое изображеніе на фотографической пластинкѣ, и, такимъ образомъ, яснымъ, понятнымъ языкомъ, подтвердило то, что Гершель прозрѣлъ своимъ умственнымъ взоромъ цѣлое столѣтіе тому назадъ. Упомянутыя выше гривы суть не что иное, какъ громадные круговороты туманнаго вещества; онѣ принадлежатъ къ особому классу туманностей пятнистѣ, такъ называемыхъ, «спиральныхъ туманностей», открытых впервые лордомъ Россомъ, при помощи его исполнскаго телескопа, и подробно наблюдавшихся въ повѣйшее время, въ еще болѣе исполнскаго телескопѣ, на горѣ Гамилтонъ, въ Калифорніи. Въ изображеніяхъ, полученныхъ наблюдателями съ этихъ, поетичнѣ, замѣчательныхъ созвѣздіи, можно различить свѣтящаяся изгибы туманнаго вещества; въ одномъ случаѣ они представляются въ видѣ улиткообразно свернутого каната, переходящаго на концахъ въ круглые узлы. При этомъ не надо забывать, что рѣчь идетъ о величинахъ, превышающихъ всякое человеческое пониманіе, и что мельчайшія туманныя точки въ этихъ образованіяхъ далеко болѣе по объему нашего солнца, а свѣтящаяся улиткообразные изгибы занимаютъ такія протяженія, въ сравненіи съ которыми разстояніе земли отъ солнца кажется совершенно ничтожнымъ.

Туманное пятно въ созвѣздіи Андромеды.

Итакъ, рѣчь идетъ здѣсь о процессахъ, весьма близко стоящихъ къ образованію цѣлыхъ мировыхъ системъ, о таинственной работѣ, производимой въ мастерскихъ вселенной. Изъ туманныхъ массъ изготовляются солнечныя системы, неподвижныя звѣзды и планеты, и изготовляются такимъ именно способомъ, какой предугадать прежде всего великій французскій математикъ Лапласъ. Наше солнце, напримеръ, по его гипотезѣ, представляло въ первобытныя времена огромнаго протяженія туманное пятно высокой температуры, которое вертѣлось вокругъ своей оси съ запада на востокъ. Вслѣдствіе постепеннаго охлажденія, вещество туманнаго пятна должно было все болѣе и болѣе сжиматься и, наконецъ, по извѣстнымъ законамъ механики, въ области экватора должно было отделиться свободно движущееся кольцо. Такъ какъ охлажденіе все продолжалось, а вместе съ тѣмъ и сжиманіе вещества, то, по прошествіи извѣстнаго времени, образовывались новыя кольца, и всѣ эти кольца непрерывно вертѣлись съ запада на востокъ, вокругъ центральной туманной массы. Чтобы кольца сохранили свою форму, потребовалась бы извѣстная равномерность въ строеніи и степени сжатости вещества во всѣхъ частяхъ, что трудно предположить въ дѣйствительности. Поэтому кольца должны были съ теченіемъ времени разрываться, и вещество ихъ, еще сохранившее жидкое или газообразное состояніе, свернулось въ клубки. Изъ этихъ расклеванныхъ туманныхъ клубковъ или шаровъ и возникли планеты. Каждый такой шаръ вертѣлся съ запада на востокъ вокругъ своей оси, и, во время его охлажденія, повторялись всѣ тѣ же процессы, которые совершались съ первоначальной туманной массой. Такимъ образомъ образовывались новыя кольца, изъ которыхъ, при ихъ распадѣ, возникли спутники планетъ.

Въ то время, какъ Лапласъ ставилъ свою знаменитую гипотезу образованія мировъ, онъ ничего не зналъ объ изслѣдованіяхъ Гершеля; по крайней мѣрѣ, онъ не упоминаетъ о нихъ. Лапласъ исходилъ скорѣе изъ другого факта, которымъ сумѣлъ воспользоваться съ большою оригинальностью, и который, дѣйствительно, въ высшей степени замѣчательнъ. Въ нашей планетной системѣ всѣ главныя планеты движутся съ запада на востокъ вокругъ солнца; само солнце движется съ запада на востокъ вокругъ своей оси; земля вертится въ томъ же направленіи вокругъ себя, точно такъ же, какъ Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Кроме того, луна движется съ запада на востокъ вокругъ земли; спутники Юпитера движутся въ томъ же направленіи вокругъ своей планеты, луны Сатурна — вокругъ своей. Такое общее движеніе съ запада на востокъ должно имѣть свою причину, и Лапласъ вычислилъ, что можно прозакладывать четыре тысячи милліоновъ противъ единицы за то, что тутъ играетъ роль не простая случайность, а скрытая, общая причина. Онъ сталъ доискиваться этой причины и нашелъ ее въ фактѣ упомянутого выше, общаго прохожденія всѣхъ планетъ изъ одной огромной туманной массы. Невольно захватываетъ духъ при мысли, что человекъ могъ угадать способы образованія всей солнечной системы и изслѣдовать тѣ процессы, которые совершались ранѣе существованія его родины, земного шара, равнѣе, чѣмъ солнце бросило свой первый свѣтовой лучъ! Великому уму, который, — какъ справедливо замѣчалось, — умѣлъ лучше всѣхъ другихъ избѣгать научныхъ ошибокъ, въ которыхъ легко вовлекаетъ фантазія, можно, по справедливости, вложить въ уста слова поэта:

«Я былъ при томъ, когда, объятая огнемъ,
Кипѣла, пѣнилась и клочотала бездна,
Когда Молоховъ молотъ, выбивая скалы,
Кидальъ на дальнія пространства ихъ обломки!...»

Совершенно вѣрно выразился Араго о Лапласовской теоріи образованія мировъ, сказавъ, что она должна считаться единственной, могущей по своей грандіозности, послѣдовательности и своему математическому характеру, послужить основаніемъ физической космогоніи, и единственной, нашедшей себѣ неопровержимое подтвержденіе въ повѣйшихъ астрономическихъ изслѣдованіяхъ. Въ настоящее время слова эти приобрѣли еще болѣе значеніе, чѣмъ можно было предполагать десятью лѣтъ тому назадъ. Кто могъ думать тогда, что усовершенствованной фотографіи удастся вырвать у міра туманную тайну ихъ исторіи, заставить ихъ начертать собственнымъ свѣтомъ свое собственное изображеніе? А между тѣмъ, это фактъ. Мы имѣемъ въ настоящее время фотографическія снимки съ одного изъ наибольшихъ туманныхъ пятенъ, снимки,

на которых зритель видит кольца и туманные клубки лавасовой теории, начертанные самой природой, безъ фальши, безъ натяжекъ, безъ малѣйшихъ ошибокъ, свойственныхъ всякому рисовальщику. Такое фотографическое изображеніе туманнаго пятна получило впервые 29-го декабря 1888 г. въ Ливерпулѣ и сдѣлано простымъ любителемъ астрономіи и фотографіи, нѣкоимъ Исаакомъ Робертсомъ.

Туманное пятно, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ созвѣздіи Андромеды и видимо простымъ глазомъ, въ ясныя ночи—когда извѣстно мѣсто его нахождения—въ видѣ блѣдной туманной звѣздочки. Въ сильныя телескопы можно различить, что оно имѣетъ продолговатую эллиптическую или веретенообразную форму, ближе къ серединѣ имѣетъ свѣтлое ядро и сопровождается сбоку маленькимъ кругловатымъ туманомъ. По всей туманности разбросаны тамъ и сямъ звѣзды; а въ августѣ 1885 г. показалась около центра желтоватая звѣздочка, которая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова исчезла и не показывалась больше. Нѣкоторымъ изъ послѣдователей казалось, что они видятъ внутри туманности мѣстами темныя полоски; другіе не могли различить ничего подобнаго, короче сказать, не были извѣстны никакія особенности ея строенія и образованія. И вотъ, 29-го декабря 1888 года названный Исаакъ Робертсъ попробовалъ снять эту туманность при помощи большого телескопа и очень чувствительной фотографической пластинки. Чтобы, несмотря на блѣдный свѣтъ туманности, получить достаточно ясное ея изображеніе, онъ долженъ былъ выдержать пластинку цѣлыя *четыре часа* и при этомъ непрерывно поворачивать телескопъ, сообразно движенію звѣздъ, для того, чтобы изображеніе на пластинкѣ не сдвинулось съ мѣста. Усильемъ этой трудной работы превзошелъ всякія ожидания. На пластинкѣ получилось изображеніе, существенно отличающееся отъ всего того, что раньше показывалъ глазу телескопъ. Туманное пятно оказалось системой колецъ, съ ядромъ посрединѣ, т. е. совершенно такимъ, какимъ оно должно было быть по теоріи Лапласа!

Никогда еще человѣческому взору не представлялось болѣе удивительной картины изъ міра туманныхъ пятенъ. На снимкѣ, безъ всякой помощи фантазіи, ясно виденъ плоскій туманный дискъ, находящійся въ стадіи образованія колецъ, съ нѣсколькими уплотненіями на этихъ кольцахъ, обозначающими, вѣроятно, зародыши новыхъ тѣлъ. А маленькое, сопровождающее главную туманность, туманное пятнышко есть, можетъ-быть, не что иное, какъ уже отдѣлившійся туманный шаръ, который движется вокругъ большого центрального тумана. Теорія Лапласа въ этомъ фотографическомъ снимкѣ торжествуетъ полную побѣду. Можно подумать, что туманность созвѣздіи Андромеды создана нарочно для того, чтобы оправдать эту теорію.

На прилагаемомъ рисункѣ дано возможно вѣрное воспроизведеніе фотографическаго снимка Робертса. Тутъ ясно видны, какъ самыя кольца, такъ и свѣтовые узлы на нихъ. Туманное пятно окружено со всѣхъ сторонъ болѣшими и меньшими звѣздочками, сгруппированными безъ опредѣленнаго порядка и, очевидно, не имѣющими никакого отношенія къ самой туманности. По всей вѣроятности, послѣдняя находится отъ насъ ближе этихъ звѣздъ; но какъ велико это разстояніе—неизвѣстно. Несомнѣнно одно, что оно достигаетъ многихъ тысячъ миллиардовъ миль, и что умъ нашъ не въ состояніи выстигнуть такого представленія о пространствѣ. Изъ безчисленныхъ звѣздочекъ, видимыхъ на рисункѣ одновременно съ туманнымъ пятномъ, лишь немногія были извѣстны раньше; ихъ нельзя было разглядѣть ни въ какой телескопъ, и лишь фотографическая пластинка почувствовала ихъ. А между тѣмъ всѣ эти звѣздочки, не исключая самыхъ малыхъ, суть отдѣльныя солнца, вѣроятно, подобныя нашему солнцу; всѣ онѣ — раскаленные тѣла, свѣтлѣющія неисчислимыя годы для неизвѣстныхъ намъ цѣлей,—тѣла, о которыхъ мы можемъ сказать только, что они существуютъ не для насъ. Предъ нами открывается новое представленіе о вселенной, которое превосходитъ все, что можетъ создать самая смѣлая фантазія. Какъ свѣздики, носятся солнца и планеты въ безграничной вселенной; пространство, время и матерія являются передъ нами въ такихъ размѣрахъ, которые подавляютъ всѣ наши представленія. Тѣла, величиною съ наше солнце, играютъ во

вселенной едва-ли большую роль, чѣмъ капли воды въ океанѣ, чѣмъ песчинки на берегу морскомъ. Каждая изъ звѣздочекъ на прилагаемомъ рисункѣ имѣетъ свою мировую исторію, каждая образуетъ свой особый міръ, отдѣленный отъ другихъ неизмѣримыми разстояніями. Каждая представляетъ огромную раскаленную массу, подобную нашему солнцу, и спектроскопъ открылъ намъ, что на всѣхъ звѣздахъ неба, извѣстныхъ простымъ тѣла, какъ водородъ, азотъ, натрій, магній, находятся въ состояніи раскаленнаго газа, какъ и на нашемъ солнцѣ. Со своей маленькой, темной земли,—которая, съ разстоянія неподвижной звѣзды уже ничѣмъ не заливаетъ болѣе о своемъ существованіи,—человѣку удалось, при помощи своего разума и удивительныхъ примѣровъ новѣйшаго времени, проникнуть въ эти отдаленныя сферы, подсмотреть процессъ образованія мировъ, прочесть на звѣздахъ былую исторію своей родной планеты, и изъ прошедшаго и настоящаго, вывести заключенія о томъ, что еще дремлетъ на лонѣ будущаго, но должно неминуемо наступить рано или поздно, потому что оно естественно, необходимо.

Какъ все, имѣющее начало, должно имѣть конецъ, такъ и звѣздамъ, образовавшимся и еще имѣющимъ образоваться изъ первобытнаго туманнаго вещества, не суждено вѣчно существованіе. Уже тотъ фактъ, что неподвижныя звѣзды подобны нашему солнцу и подобно ему непрерывно лученускаютъ теплоту, доказываетъ, что каждая звѣзда съ теченіемъ времени должна охладиться. Изъ самосвѣтѣщаго солнца она превратится въ темное, оконечное тѣло такой чудовищно низкой температуры, какой мы вовсе не знаемъ по опыту. Научно установлено, что когда солнце перестанетъ посылать землѣ свое тепло, температура на поверхности нашей планеты опустится настолько ниже нуля, что не только всѣ извѣстныя намъ жидкости замерзнутъ, но самый атмосферный воздухъ утратитъ газообразное состояніе и покроетъ землю въ видѣ твердаго тѣла. Безчисленныя свѣтящіяся неподвижныя звѣзды являются не только источниками тепла, но и жизни, и движенія. Слѣдуетъ предположить, что вокругъ многихъ или большинства изъ нихъ движутся темныя планеты, о которыхъ мы не знаемъ и никогда не узнаемъ ничего опредѣленнаго. Несомнѣнно одно, что всѣ неподвижныя звѣзды, а въ томъ числѣ и наше солнце, когда-нибудь израсходуютъ всю свою теплоту, такъ какъ она есть лишь остатокъ той теплоты, которая образовалась во время процесса свергиванія въ шаръ туманнаго вещества. Поэтому, въ будущемъ, небесныя тѣла ожидаютъ, несомнѣнно, мракъ и холодъ; безсиліе и смерть будетъ концомъ ихъ космической жизни. Есть не мало звѣздъ, на которыхъ уже замѣтны слѣды начинающейся старости; свѣтъ ихъ сдѣлался красноватымъ, что служитъ признакомъ того, что самый сильный жаръ уже давно миновалъ и наступило значительное уменьшеніе теплоты. По прошествіи неисчислимыхъ тысячелѣтій, звѣзды эти совсѣмъ погаснутъ. Наше солнце, своимъ синевато-бѣлымъ свѣтомъ и жаромъ, превосходящимъ всякое сравненіе съ земными источниками тепла, показываетъ, что ему суждена еще долгая жизнь. Но и оно не сможетъ избѣжать общаго закона, и оно когда-нибудь погаснетъ, и для земного шара наступитъ время, когда не будетъ болѣе свѣта! Всякій слѣдъ человѣческаго рода до тѣхъ поръ давно исчезнетъ, всякое воспоминаніе о людскихъ горестяхъ и радостяхъ, о великихъ человѣческихъ дѣяніяхъ перестанетъ существовать, ибо не останется смертныхъ существъ, въ сознаніи которыхъ они могли бы найтись откликъ. То, что для насъ еще скрывается въ мракѣ будущаго, въ другихъ солнечныхъ системахъ, конечно, не разъ уже наступало, такъ какъ несомнѣнно многія солнца успѣли погаснуть въ теченіе времени. Съ другой стороны нельзя сомнѣваться, что приготавлиются новыя образованія, какъ въ туманномъ пятнѣ Андромеды, гдѣ мировое вещество уже свергивается въ будущія солнца и планеты. Такимъ образомъ, во всей вселенной происходитъ постоянное возникновеніе и уничтоженіе, расцвѣтъ и увяданіе, въ безостановочномъ движеніи космическихъ силъ. Когда оно окончится, неизвѣстно никому, но должно окончиться—неминуемо. Наука изслѣдуетъ цѣль явленія звено за звеномъ, но не можетъ достигъ ни начала, ни конца этой цѣли; одна лишь вѣра можетъ поставить въ началѣ ея божественныя слова: „Да будетъ!“ (С.)

Къ рисункамъ.

Зима. (Рис. на стр. 1137).

И все для сердца и для глазъ
Такъ было холодно-безсвѣтно,
Такъ было грустно-безотвѣтно,
Но чья-то пѣнь вдругъ раздалась.

И вотъ какимъ-то обаяньемъ,
Туманъ, свернувшись, улетѣлъ;
Небесный сводъ поглубѣлъ
И вновь подернулся снѣгомъ,
И все опять зазеленѣло,
Все обратилось въ веснѣ...

И эта грѣза сыплась мнѣ,
Пока мнѣ птичка ваша пѣла.

Тютчевъ.

Итальянскій фокусникъ. (Рис. на стр. 1140).

Таинственность примааниваетъ къ себѣ людей доверчивыхъ и простодушныхъ, и люди ловкіе умѣютъ пользоваться ею. Фокусники существовали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Начиная съ древне-египетскихъ жрецовъ до настоящихъ дней встрѣчаются фокусники, и имена многихъ изъ нихъ вмѣстѣ съ ихъ невѣроятными продѣлками сохраняются въ потомствѣ.

Картина В. Марка изображаетъ итальянскаго фокусника

добраго старога времени. Посреди двора остеріи, взгромоздятся на столы, продѣлываетъ онъ свои незатѣливыя штуки передъ многочисленною публикою, собравшеюся туда.

Внутренность татарскаго дома въ Крыму.

(Рис. на стр. 1141).

Путешествующимъ по Крыму хорошо знакомы по наружному виду безразличныя и неуклюжія постройки изъ безформенныхъ камней, въ которыхъ живутъ мѣстные обитатели — татары. Неприглядная внѣшность не заманиваетъ во внутрь саекъ и внутренняя обстановка ихъ мало кому извѣстна. Но подобное равнодушіе узнать, какъ живутъ у себя дома татары, невольно вызываетъ сожалѣніе у всякаго, кому удалось побывать у татарина въ гостяхъ. Чистыя, невисокія горницы, по ровному каменному или глиняному полу перѣдко бывають застланы мягкими коврами самыхъ прихотливыхъ восточныхъ рисунковъ. Вокругъ стѣнъ устроены мягкія диваны, поверхъ которыхъ стѣны прикрыты тканями или коврами. Широкій очагъ освѣщаетъ горницу, придавая ей по вечерамъ заманчивыи и живописный видъ.

Литературный альбомъ. „Бояринъ Орша“, М. Ю. Лермонтова.

(Рис. на стр. 1145).

Рисунокъ Р. Штейна иллюстрируетъ ту сцену поэмы М. Ю. Лермонтова „Бояринъ Орша“, когда отецъ въ послѣдній разъ видитъ озорившую его дочь, „какъ трупъ безданный съ давнихъ норъ“, лежащую на цвѣтномъ коврѣ.

„Когда-жъ безумца увели,
И шумъ шаговъ умолкъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,—
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,

Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...“

Святой Стефанъ Пермскій увлекаетъ за собой въ огонь зырянскаго волхва Памы.

(Рис. на стр. 1148).

Въ концѣ XIV вѣка еще только одинъ отдаленный уголокъ древней Руси оставался непросвѣщеннымъ проповѣдью Христова ученія: — то былъ богатый и обширный Пермскій край. Заселившее этотъ край зырянское племя, и по природѣ своей мало общительное, преимущественно занимавшееся звѣроловствомъ, въ своихъ дремучихъ неспеходныхъ лѣсахъ, не допускало къ себѣ никакихъ проповѣдниковъ и унорно отклонялось отъ всякаго общенія съ крещенымъ русскимъ людомъ, побуждаемое къ тому своими волхвами, которые сильно вліяли на народъ, грозя ему гнѣвомъ боговъ и всякими напастями, въ случаѣ, если бы допущена была перемѣна вѣры. Важнымъ препятствіемъ къ распространенію христіанства въ Пермскомъ краѣ было и то, что русскіе проповѣдники не знали зырянскаго языка, а зыряне не хотѣли учиться русскому языку — и такъ весь этотъ край оставался въ смыслѣ проповѣди „незасѣленнымъ полемъ“, которое еще ожидало своего сѣятеля. Апостоломъ слова Христова и просвѣтителемъ зырянъ явился Святой Стефанъ, родившійся въ городѣ Устюгѣ (нынѣ Вологодской губ.). Онъ былъ сынъ соборнаго причетника Симеона и жены его Маріи, и уже отъ ранняго дѣтства проявилъ необычайныя способности и любовь къ книжному ученію. Грамотѣ онъ научился очень быстро, и, еще будучи отрокомъ, былъ уже канонархомъ и чтецомъ соборной церкви. Немного спустя, онъ такъ пристрастился къ чтенію книгъ, что даже сталъ удаляться отъ дѣтскихъ игръ, и, обладая превосходною памятью, весьма легко овладѣлъ зырянскимъ языкомъ, которому научился отъ зырянъ, наѣзжавшихъ въ Устюгъ и даже проживавшихъ тамъ по торговымъ дѣламъ. Около 1365 г. онъ постригся въ ростовскій монастырь Св. Григорія Богослова, постригся въ монахи и исключительно предался изученію Св. Писанія и чтенію священныхъ книгъ, которыхъ въ монастырской библиотекѣ было много. Здѣсь же научился онъ и языку греческому и рѣшился посвятить себя проповѣди въ Пермскомъ краѣ, пользуясь своимъ знаніемъ зырянскаго

языка. Долго готовился онъ къ выполненію этого благого дѣла; для этого онъ составилъ пермскую азбуку, пользуясь, отчасти, буквами славянскаго и греческаго алфавитовъ, отчасти, тѣми знаками, которые зыряне издавна употребляли для разныхъ замѣтокъ въ домашнемъ обиходѣ. По изобрѣтеніи азбуки, Стефанъ перевелъ на зырянскій языкъ нѣкоторыя русскія книги, необходимыя для церковнаго богослуженія, собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о Пермской землѣ и ея жителей, и въ томъ 1379 г., получивъ архиепископское благословеніе въ Москвѣ, Стефанъ принялся за свое великое дѣло. Много лѣтъ провелъ Стефанъ въ неопуемыхъ трудахъ, среди безпрерывныхъ опасностей, проповѣдуя Слово Божіе зырянамъ-язычникамъ. Его чрезвычайная кротость и сила убѣжденія дѣйствовали на умы, и масса обращенныхъ имъ зырянъ возрастала съ каждымъ днемъ. На мѣсто языческихъ капищъ, украшавшихся въ лѣсныхъ тущахъ, явились построенныя Стефаномъ храмы, пріятнѣе зырянъ-язычникамъ и торжественностью служенія. Но нѣкоторая часть населенія еще

упорствовала, поддерживаемая въ суевѣріи волхвами, во главѣ которыхъ стоялъ нѣкто Памъ, котораго всѣ зыряне боялись, какъ злого заклинателя и волшебника. Тогда Стефанъ, твердый вѣрою въ Бога, предложилъ Паму состязаніе, которое бы при всенародномъ множествѣ могло всемъ явно доказать — чья вѣра сильнѣе и истиннѣе: христіанская или зырянская? Состязаніе должно было состоять въ томъ, чтобы, вмѣстѣ, рука-о-руку, и Стефанъ, и Памъ, прошли черезъ пылающій костеръ, а затѣмъ, вмѣстѣ же опустились бы въ прорубь-рѣку Вычегды. Кто выйдетъ изъ этого испытанія невредимымъ — тотъ и въ вѣрѣ долженъ одолѣть своего противника. Народъ толпами собрался смотрѣть на это состязаніе. Зажгли пылающій костеръ на берегу рѣки, — и Стефанъ съ такою увѣренностью ринулся къ огню, таща за собою и Паму, что тотъ, въ страшномъ испугѣ, налѣ къ его ногамъ и просилъ пощады. Точно такъ же отрекся Памъ слѣдовать за Стефаномъ и въ прорубь-рѣку Вычегды, и призналъ, что онъ побѣжденъ „человѣкомъ Божьимъ“. Тогда народъ, странно возмущенный малодушіемъ кудесника, схватилъ его и хотѣлъ убить. Св.

Александръ Янковлевичъ Максимовъ.
Съ фот. Яковлева, грав. Шюллеръ.

Стефанъ не допустилъ этого, а только приказалъ Паму удалиться изъ Пермскихъ предѣловъ и не смущать болѣе своими наветами повообращенныхъ христіанъ. Этотъ-то торжественный моментъ состязанія и былъ избранъ талантливымъ художникомъ для картины, помѣщаемой нами въ нынѣшнемъ № **Нивы**.

п. п.

Сонъ Св. Цециліи. (Рис. на стр. 1149).

Порочный Римъ погибалъ въ междоусобіяхъ и распущенности. Отъ дверей хижинъ до ступеней трона — повсюду замѣчалось паденіе нѣкогда могучей и великой державы. Тѣ, кому отвратительно и невыносимо было окружающее, бѣжали съ лица земли, въ темныя и тихія катакомбы, гдѣ свѣтъ Христовъ освѣщаль угнетенныя души римлянъ, жаждавшихъ истины. Свѣтъ этотъ проникъ и въ душу молодой и знатной римлянки, по имени Цециліи, имѣвшей большое пристрастіе къ музыкѣ и перѣдко усаждавшей окружающихъ своимъ дарованіемъ. Однажды ей привелось слышать во снѣ чудное пѣніе ангеловъ, и съ той поры

„Звукъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“...

И она долго пыталась хотя въ слабой степени передать чудныя мелодіи своего видѣнія, пока не изобрѣла инструментъ — органъ, до сего времени сопровождающій церковное пѣніе лютеранъ и католиковъ при ихъ богослуженіи. Но не долго наслаждалась Цецилія своимъ открытіемъ. Ея чудная музыка и восторженныя пѣнопѣнія обратили на себя вниманіе гонителей христіанства, и Святая дѣвственница погибла отъ слѣпой злобы враговъ ея. Сначала она была брошена въ кипящую воду, а черезъ три дня обезглавлена. Св. 1021 г. Св. Цецилія Западною Церковью причислена къ лику Святыхъ.

А. Я. Максимовъ. (Портр. на стр. 1152).

Капитанъ 2-го ранга Александръ Яковлевичъ Максимовъ родился 3 сентября 1851 г. въ Царскомъ Селѣ. Воспитывался въ Морскомъ училищѣ (до того въ 5 С.-Петербургской классической гимназій), курсъ котораго окончилъ въ 1872 г. съ отличнымъ успѣхомъ (первымъ, и записашъ на мраморную доску). Литературную свою дѣятельность А. Я. началъ въ томъ же году печатаніемъ въ журналѣ „Всемирный Путешественникъ“ очерковъ о кругосвѣтномъ плаваніи корвета „Аскольдъ“, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1875 г., подъ заглавіемъ „Вокругъ свѣта“. Въ 1874 г. А. Я. переехалъ въ Сибирскую флотилію, въ которой прослужилъ 5 лѣтъ. Пребываніе А. Я. Максимова на этой глухой, отдаленной окраинѣ послужило матеріаломъ для ряда его талантливыхъ рассказовъ изъ жизни Уссурийскаго края, изъ которыхъ очень много было помѣщено въ *Нивѣ*. Изъ нихъ мы упомянемъ болѣе крупные, выдающіеся какъ по оригинальности сюжета, захватывающему интересу, такъ и по цѣнности своей въ этнографическомъ отношеніи. Такъ, за послѣдніе годы, въ *Нивѣ* 1887 года помѣщенъ былъ его рассказъ „Скигалецъ“, 1889 г. — „Два миссіонера“, 1890 года — „Понѣ Симеонъ“, 1891 г. — „Полсутокъ на деревѣ“, 1892 г. — драма на морѣ „Тюлений островъ“. Первая серия беллетристическихъ произведеній А. Я. была вынуждена отдѣльнымъ изданіемъ въ 1883 г., а затѣмъ вторымъ изданіемъ въ 1887 г., подъ заглавіемъ „На далекомъ Востокѣ“.

Академикъ Н. С. Тихонравовъ. (Портр. на этой стр.).

Мѣсяць тому назадъ, 28 октября, въ день 75-ти-лѣтней годов-

щины Тургенева въ Московскомъ университетѣ. Это мастерское сообщеніе было послѣднимъ словомъ, произнесеннымъ покойнымъ въ общественной аудиторіи. 8 ноября онъ заболѣлъ инфлуэнцей, черезъ два дня слегъ въ постель, инфлуэнца осложнилась воспаленіемъ легкихъ и плевры, и 27 ноября, въ 4 ч. 40 м. дня, крупный русскій талантъ угасъ навсегда.

Когда появились въ печати первыя работы Тихонравова, покойный профессоръ С. П. Шевыревъ печатно заявилъ: „Отъ дѣятельности г. Тихонравова и ожидаю весьма добрыхъ плодовъ для исторіи русской словесности“. Слова Шевырева оказались пророческими: невозможно въ небольшой биографической статьѣ перечислить результаты той громадной работы, которую принесъ покойный академикъ русскому обществу своимъ словомъ и дѣломъ, своими прекрасными талантливыми рѣчами и глубоко научными трудами. Онъ выяснилъ вліяніе новѣйшей литературы на общее образованіе, ее значеніе для развитія правовъ и общественной жизни. Онъ поставилъ основные вопросы исторіи литературы на строго-научную почву и указалъ методъ ихъ всесторонней разработки. Его образцовыя изданія литературныхъ памятниковъ освѣтили картину духовной жизни народной массы, а объясненія этихъ памятниковъ ознакомили съ древнимъ бытомъ и народною поэзіей. Полное собраніе сочиненій П. В. Гоголя, нынѣ изданное А. Ф. Марксомъ въ пяти томахъ, было редактировано, исправлено и дополнено покойнымъ академикомъ, который до послѣдняго дня своей жизни занимался изученіемъ текста сочиненій нашего великаго представителя реализма въ русской словесности.

Въ концѣ 50-хъ годовъ Н. С. Тихонравовъ предпринялъ цѣнное изданіе періодическаго сборника, подъ заглавіемъ: „Лѣ-

Николай Саввичъ Тихонравовъ († 27 ноября 1893 г.).
Съ фот. Фишера, грав. Шюблеръ.

Городъ Мелила, мѣсто дѣйствія испанско-марокканской войны. Съ рис. Дай, грав. Шлипперъ.

щины И. С. Тургенева, Николай Саввичъ Тихонравовъ чувствовалъ себя вполне здоровымъ, председательствовалъ въ торжественномъ засѣданіи Московскаго общества любителей россійской словесности, и сдѣлалъ цѣнное сообщеніе о пребы-

тении русской литературы и древности“, вышедшаго въ пяти томахъ и представляющаго изъ себя сборникъ литературныхъ работъ, относящихся къ древней народнои жизни. Въ 1863 году Н. С. Тихонравовымъ изданы „Памятники отреченной русской

литературы" (поэтическія дополненія къ библейской исторіи, чудесныя и легендарныя событія, народныя предразсудки). Часть работы покойнаго была посвящена старой исторіи русскаго театра.

Первый печатный труд покойнаго появился въ 1850 г. въ „Москвитинѣ“, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ по поводу статьи „Современникъ“: Кай Вадерій Катгуль и его произведенія“. Въ это время Н. С. былъ студентомъ-новичкомъ главнаго педагогическаго института, восемнадцатилѣтнимъ юношей, мечтавшимъ понасть на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, комплектъ слушателей котораго былъ переполненъ. Первая литературная работа обнаружила въ юношѣ недюжинныя дарованія и доставила ея автору покровительство М. П. Погодина. Юношѣ открылись двери Московскаго университета. Окончивъ курсъ первымъ кандидатомъ, покойный сдѣлался учителемъ московскихъ кадетскаго корпуса и гимназій. Однако, его обширныя знанія и серьезныя литературныя труды вскорѣ предоставили ему университетскую кафедру, которую онъ занялъ въ 1857 году въ качествѣ адъюнкта для чтенія лекцій по педагогикѣ, затѣмъ, въ 1859 году, профессора русской литературы. Профессорскую кафедру покойный занималъ 30 лѣтъ. Его лекціи всегда были полны новизны, свидѣтельствующей о томъ, что самъ профессоръ увлекался своимъ любимымъ предметомъ и постоянно шель впередъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. Ученые труды доставили покойному дипломъ доктора русской словесности (1870 г.) и званіе ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности (1890 г.). Съ 1877 г. по 1883 г. онъ былъ ректоромъ Московскаго университета и въ послѣднее время председателемъ Общества любителей россійской словесности, въ которомъ сдѣлалъ цѣльныя сообщенія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Щепкинѣ и др., а также председателемъ Московскаго отдѣленія театральнаго-литературнаго комитета. Умеръ Н. С. Тихомировъ далеко не старымъ: ему недавно мишувъ 61 годъ. Онъ сынъ мѣщанина Калужской губерніи, родился 3 октября 1832 года.

Н. Афанасьевъ.

Городъ Мелила. (Рис. на стр. 1153).

Пронсшедшее между Испаніей и Марокко, по незначительному поводу, столкновение обратилось въ серьезную войну. Первымъ поводомъ къ неприязненнымъ отношеніямъ послужили, какъ извѣстно, требованія рифскихъ кабилловъ приостановить начатыя вновь испанцами работы по укрѣпленію испанскаго портового города Мелилы. Когда комендантъ Мелилы, генералъ Маргалло, наотрѣвъ отказалъ имъ въ этомъ, расположенныя вокругъ города кабилльскія племена, въ ночь на 2-е октября (нов. ст.), напали на маленький испанскій отрядъ, находившійся для охраны работъ въ блокаузѣ, и въѣ укрѣпленій. Для освобожденія храбро отражавшей нападеніе команды, генералъ Маргалло сдѣлалъ вылазку, при чемъ былъ убитъ кабиллами. Испанія требовала отъ Марокко за это удовлетворенія, и султанъ Марокко, въ принципѣ, готовъ его дать. Но авторитетъ его у населяющихъ востокъ и побережье Марокко берберійскихъ племенъ очень не великъ: они признаютъ его своимъ духовнымъ, но никонимъ образомъ не свѣтскимъ главой, считая себя въ этомъ отношеніи независимыми отъ него; тѣмъ болѣе, что рифскіе кабиллы обступили хорошо вооруженной 20,000-й толпою Мелилу. Испанцы, между тѣмъ, отправили туда два армейскіе корпуса, которымъ, съ помощью подкрѣпленій, подъ предводительствомъ генерала Кампоса, пришлось употребить не мало усилій, чтобы отразить кабилловъ. Теперь есть надежда на примиреніе съ кабиллами. Предводитель ихъ, Араафъ, далъ Кампосу обѣщаніе, что неприязненныя дѣйствія не возобновятся, и что онъ останется въ Мелилѣ до тѣхъ поръ, пока спорный вопросъ не будетъ улаженъ. По приказанію Араафа, кабиллы разрушили устроенныя ими на испанской территоріи трашенъ.

Профессоръ Е. В. Павловъ. (Портр. на стр. 1156).

Въ плеядѣ славныхъ русскихъ хирурговъ, которымъ масса большихъ обязана своимъ выздоровленіемъ, принадлежитъ почетное мѣсто профессору Военно-Медицинской Академіи и главному врачу больницы Александровской Общины сестеръ Краснаго Креста, Евгению Васильевичу Павлову, полезной врачевной дѣятельности котораго исполнилось 9 декабря двадцать пять лѣтъ. Профессоръ-юбиляръ пользуется солидной и вполне заслуженной извѣстностью въ медицинскомъ мірѣ и громадной популярностью среди публики. Имя его, какъ изслѣдователя вооруженія арміи малокалиберными ружьями въ военно-санитарномъ отношеніи, не беззавѣстно также не только въ русскіхъ, но и въ иностранныхъ военныхъ сферахъ. Дѣятельность же юбиляра, какъ военнаго врача на полѣ военныхъ дѣйствій, занесена на страници исторіи послѣдней русско-турецкой и черноморской войны.

Евгеній Васильевичъ опытный хирургъ-практикъ и теоретикъ. Онъ занимался въ продолженіе многихъ лѣтъ изученіемъ и изслѣдованіемъ тѣхъ антисептическихъ условий, которыя обуславливаютъ благоприятный исходъ умѣлой операци. Имъ произведенъ рядъ опытовъ надъ хлопчатобумажной ватой и

обыкновенной корнѣй, какъ перевязочными средствами, и изобрѣтена особая система обезвреживанія всего того, что окружаетъ больныхъ (бѣлья и перевязочнаго матеріала), при помощи перегрѣтаго пара въ дезинфекціонномъ котлѣ. Помимо массы удачныхъ операцій, произведенныхъ профессоромъ, онъ удѣляетъ изъ своихъ непродолжительныхъ досуговъ время для описанія выдающихся болѣзненныхъ случаевъ и для цѣльныхъ научныхъ выводовъ изъ своихъ многочисленныхъ наблюденій. Что же касается блестящихъ результатовъ его практической дѣятельности, то они рельефно вырисовываются изъ слѣдующихъ цифровыхъ датъ: въ больницѣ Александровской Общины съ 1884 по 1892 годъ произведено непосредственно Е. В. Павловымъ и подъ его ближайшимъ руководствомъ 744 операцій, изъ которыхъ 723 закончились выздоровленіемъ оперируемыхъ.

Е. В. Павловъ — сынъ кавалериста-офицера. Его отецъ отводилъ въ воспитаніи сына видное мѣсто физическимъ упражненіямъ. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ былъ знакомъ уже съ ружейными и сабельными приѣмами и съ верховой ѣздой. По окончаніи курса въ Воронежской гимназій, въ которой юноша съ особенной любовью занимался естественными науками, онъ поступилъ въ Военно-Медицинскую Академію, называвшуюся тогда Медико-Хирургической. Въ Академіи юбиляръ кончилъ въ 1868 году курсъ съ серебряной медалью и былъ прикомандированъ ко 2-му сухопутному С.-Петербургскому госпиталю. Въ слѣдующемъ году онъ приобрѣлъ званіе военно-полевого хирурга, а затѣмъ исполнилъ обязанности старшаго ординатора Семеновскаго Александровскаго госпиталю, будучи одновременно врачомъ сперва Новочеркасскаго полка, потомъ 22 ой артиллерійской бригады.

Послѣ удачной защиты докторской диссертациі, Е. В. Павловъ прикомандировался въ 1873 году къ Медико-Хирургической Академіи и, въ качествѣ приватъ-доцента, читалъ одинъ изъ отдѣловъ хирургической патологіи. Избравъ своей спеціальностью хирургию, юбиляръ искалъ возможности практиковаться сообразно своимъ наклонностямъ, и вскорѣ, въ 1875 г., получилъ приглашеніе быть хирургомъ Крестовоздвиженской общины, а черезъ годъ завѣдывать женскимъ хирургическимъ отдѣленіемъ при Свято-Троицкой общинѣ сестеръ милосердія. Когда вспыхнувшее въ Герцеговинѣ возстаніе вызвало войну Черногоріи съ Турціей, онъ, по приглашенію Краснаго Креста, отправился вмѣстѣ съ сестрами Крестовоздвиженской общины на Балканскій полуостровъ, въ Черногорію; когда же разгорѣлась русско-турецкая война, находился въ районѣ нашей Дунайской дѣйствующей арміи. Хирургическая дѣятельность въ это время находила широкій просторъ среди тѣхъ раненыхъ, и Е. В. Павловъ успѣлъ выдѣлаться, какъ умѣлый и опытный операторъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Е. В. Павловъ продолжалъ читать лекціи въ Академіи, въ 1883 году былъ приглашенъ въ качествѣ главнаго доктора Александровской общины Краснаго Креста, въ 1888 году занялъ, въ качествѣ профессора, академическую кафедру оперативной хирургіи, въ 1890 году—кафедру десмургіи и механургіи и сталъ читать новый предметъ: военно-полевую хирургию. Вообще прожизнѣдѣтельность Евг. Васильевича можно сказать, что она отличается разносторонностью и плодотворностью результатовъ. Самой же главной его заслугой является созданіе благоустроенной больницы Александровской Общины, описаніе которой читатели найдутъ въ этомъ же номерѣ „Ильи“.

Больница Александровской Общины.

(Рис. на стр. 1156).

Чистота, масса свѣта, теплый свѣжій воздухъ, которымъ дышится легко, просторъ—таково общее впечатлѣніе хирургической больницы при Александровской Общинѣ сестеръ милосердія. Обстановка отличается изысканностью и даже художественна. Стѣны и потолки окрашены масляной краской въ бѣлый цвѣтъ съ различными легкими оттѣнками: желтоватымъ, зеленоватымъ, голубоватымъ и др. Мебель, ради чистоты, вся бѣлая. Малѣйшее пятнышко на ней замѣтно. У оконъ и въ углахъ залъ чудныя тропическія растенія.

Операционный залъ представляетъ изъ себя отдѣльный стеклянный навильонъ. Свѣту масса. Потолокъ, стѣны—все это стеклянныя рамы. Полъ изъ метлахскихъ плитъ—гладкая, непроницаемая поверхность. Посрединѣ три высокіе операционные стола, покрытые бѣлыми клеенчатыми подушками. Близъ стѣнъ, на столахъ и въ шкафахъ—препараты, инструменты и антисептическія средства, необходимыя при операціи. Но особенно изобилуетъ операционный залъ водою, чистою и стерилизованною, т. е. обезвреженною. Вода эта получается путемъ filtraціи и перегона въ спеціальныхъ цѣльныхъ аппаратахъ. Отопленіе прекрасное и при помощи техническихъ сооружений легко измѣняемое. Температуру можно регулировать по желанію. Вентиляція устроена согласно послѣднимъ научнымъ требованіямъ. Раньше, чѣмъ теплый воздухъ попадетъ въ залъ, онъ пройдетъ два раза черезъ ватный фильтръ. Убітвенныя гипсовыя бациллы, такимъ образомъ, удаляются даже изъ воздуха, не говоря уже про то, что ихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ препаратовъ упо-

требляемых при операции. Для вытяжки воздуха существуют особые каналы, кончающиеся в подполье.

При такой обстановкѣ оперируемый застрахованъ отъ вредоносныхъ бактерий. Во время операции, столы иногда сдвигаются, образуя одинъ длинный или широкій столъ. После операции больного обмываютъ и уносятъ. Загрязненный залъ приводится въ порядокъ. Кровь, испорченная вата, отбросы гнилостнаго мяса уничтожаются черезъ сжиганіе въ особоприготовленной печи. Столики и полъ основательно обмываются горячей водой. Залъ переполняется паромъ, который, осѣдая, увлекаетъ съ собою малѣйшую воздушную пылинку на полъ, а затѣмъ въ сточную трубу.

Обезвреживаются перевязочные матеріалы и инструменты, при помощи стерилизующаго аппарата, находящагося одной своей половиной въ стерилизационной камерѣ и другой въ особой комнатѣ для матеріаловъ, смежной съ операционнымъ заломъ. Вся суть стерилизаціи (обезвреживанія) въ громадномъ паровомъ котлѣ. Онъ имѣетъ нѣсколько выдвижныхъ шкапиковъ по окружности. Туда кладутъ вату, марлю и перевязочныя средства, а также бѣлье. Все это уже начисто вымыто. Въ двойныя стѣнки котла выпускается перегрѣтый паръ. Онъ пережариваетъ все, что помѣщается въ шкапикахъ. Затѣмъ выпускается въ цилиндръ нагрѣтый до 90 градусовъ воздухъ. Вата, марля и другіе предметы осушаются. Процессъ конченъ, вещи вынимаются уже въ комнатѣ для матеріаловъ изъ другихъ дверей шкапиковъ. Сухой жаръ является такимъ образомъ гибелью разныхъ вредоносныхъ бактерий.

Достойна вниманія также комната, гдѣ больные подвергаются предъ операцией дѣйствию хлороформа. Ихъ хлороформируютъ не сразу, а раньше употребляютъ бромистый этиль, чѣмъ избѣгается продолжительная борьба нервнаго человѣка съ усыпляющимъ свойствомъ хлороформа. Бромистый этиль сразу ошеломляетъ больного. Раньше, чѣмъ попасть въ „хлороформирию“, больной подготовляется. Онъ съ утра въ день операции ничего не ѣстъ. Кишечникъ очищается слабительными. Въ хлороформириѣ—кушетка и маска Эсмарха. Большой, зналъ, что его будутъ оперировать, не сознаетъ еще близости операции. Такое отсутствіе неприятнаго ощущенія находится въ зависимости отъ того, что хлороформированіе происходитъ внѣ операционнаго зала. Орудія операции не видно. Большой ложится на кушеткѣ. Голова его покоится на маленькій подушкѣ. Къ лицу подносятъ маску Эсмарха, пропитанную бромистымъ этиломъ и хлороформомъ. Большой забываетъ, быстро усыпляется: онъ говоритъ для операции.

Что касается самыхъ палатъ для больныхъ, то тамъ съ большого, занимающаго отдѣльную комнату, вѣшается за содержаніе и дѣненіе 100 р. въ мѣсяцъ. Находящіеся въ общихъ палатахъ платятъ ежемѣсячно 50 руб. Общій видъ палатъ отличается бѣлизною: все обрешено въ бѣлый цвѣтъ. Мягкая мебель отсутствуетъ. Окна украшены прозрачными бѣлыми тюлевыми гардинами. Отъ всѣхъ предметовъ получается пріятное впечатлѣніе. У кровати столики въ видѣ небольшої этажерки со шкапикомъ внизу и мраморной доской вверху. Въ отдѣльныхъ палатахъ имѣются зеркала и принадлежности будуара. Всѣ больные въ бѣлыхъ нижнихъ одѣлахъ.

Всѣ палаты выходятъ въ коридоръ, соединяющій ихъ съ заломъ-столовою, съ читальнею, съ церковью и другими общими комнатами. Библиотека больницы богата содержательными книгами. Въ убранствѣ помѣщенія всюду, помно чистоты и порядка, комфорта.

Амбулаторія общины отдѣлена отъ больницы.

Наше описаніе было бы неполнымъ, если не упомянуть про

сестеръ милосердія, которыя находятся постоянно при больныхъ и оберегаютъ ихъ своимъ добросовѣстнымъ сердечнымъ уходомъ отъ антигигиеническихъ условій. Одна сестра помогаетъ проф. Павлову при операцияхъ, другая заведуетъ больницей, третья совершаютъ перевязки, четвертая ухаживаютъ за тяжело-больными, въ качествѣ сидѣлокъ.

Джонъ Тиндаль. (Портр. на стр. 1157).

22 ноября въ Лондонѣ скончался знаменитый англійскій естествоиспытатель Джонъ Тиндаль. Покойный погибъ жертвою несчастной случайности. Г-жа Тиндаль, дочь лорда Гаммильтона, по ошибкѣ, дала мужу огромную дозу хлорола, вместо лѣкарства, предписаннаго врачами. Она заявила слѣдователю, что, замѣтивъ свою ошибку, тотчасъ-же воскликнула: „О, Джонъ, я дала тебѣ хлоралу!“ Знаменитый ученый отвѣтилъ: „Бѣднужка, ты убила твоего Джона!“ Принятое сейчасъ же имъ самымъ рвотное не помогло. Врачи, пользовавшіе покойнаго, выразились о г-жѣ Тиндаль: „Мы никогда не видѣли жены болѣе преданной вчера и болѣе несчастной сегодня.“

Покойный ученый родился 21 августа (нов. стиля) 1820 г. Происходя изъ бѣдной ирландской семьи и обладая выдающимися природными способностями, Тиндаль занялся самообразованиемъ и провозвѣдъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ разныхъ мѣстностяхъ Великобританіи тригонометрической съемки. Рѣшившись заняться серьезно физическими науками, онъ отправился въ 1848 г. въ Марбургъ, къ знаменитому Бунзену; проработавъ у него довольно продолжительное время, онъ перѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ занимался въ лабораторіи Магнуса. Вернувшись въ 1853 г. въ Англію, онъ былъ вскорѣ приглашенъ въ лондонскій королевскій институтъ на кафедру физики. Съ этого времени начинается рядъ его ученыхъ работъ, доставившихъ ему мировую извѣстность. Первые годы своей дѣятельности Тиндаль посвятилъ изученію явленій „диамагнетизма“ и некоторыхъ тѣлъ и поляризаціи свѣта. Желая изучить глетчеры, Тиндаль предпринялъ въ сообществѣ съ знаменитымъ физиологомъ Томасомъ Генри Гекеломъ въ 1856 г. путешествіе въ Швейцарію. Въ 1857—59 годахъ онъ продолжалъ тамъ свои изслѣдованія и результаты ихъ изложилъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „The glaciers of the Alps“ (Альпійскіе ледники). Въ срединѣ зимы 1859 г. Тиндаль провелъ нѣсколько дней сряду въ свѣту на вершинѣ Монтаувэръ и наблюдалъ движеніе „леднаго моря“. Занявшись вслѣдъ затѣмъ изслѣдованіемъ лучистой теплоты, покойный ученый посвятилъ ему много летъ и добился блестящихъ результатовъ. Онъ доказалъ, что не воздухъ самъ, а заключающіеся въ немъ водяные пары задерживаютъ страшное испареніе въ пространство лучистой теплоты, благодаря чему земля наша обитаема. Вопросу о теплотѣ посвященъ знаменитый его трудъ „Heat as a mode of motion“ (Теплота, какъ видъ движенія). Въ журналахъ „Philosophical Transactions“ и „Philosophical Magazine“ ознакомилъ онъ культурное человечество со своимъ физическимъ методомъ самопроизвольнаго зарожденія. Кромѣ того, Тиндаль сдѣлалъ еще въ высшей степени интересныя наблюденія надъ распространеніемъ звуковыхъ волнъ. Покойный во всѣхъ своихъ трудахъ держался основнаго закона новѣйшей физики—закона сохранения энергіи. Изъ ряда многочисленныхъ его трудовъ извѣстно его капитальное изслѣдованіе „Dust and disease“ (Пыль и болѣзни). Тиндаль интересовался и общественными, и политическими вопросами своей страны. Изъ ряда его публичныхъ лекцій особенно замѣчательна лекція, читанная имъ въ Вельфаствѣ въ 1875 г., въ собраніи британскаго общества, „О материализмѣ въ Англій“.

Библиографія.

П. П. Гнѣдичъ. Кавказскіе рассказы. Съ 71 рисункомъ **М. М. Далькевича.** Цѣна 1 р. 50 к. Симпатичный талантъ П. П. Гнѣдича извѣстенъ читающей публикѣ, и новымъ подтвержденіемъ несомнѣнности этого таланта служить вышедшая недавно, небольшая книжка его „Кавказскіе рассказы“. Живость изложенія, отдѣлка слога и картинность, свойственная этому автору, и въ названныхъ рассказахъ выказались въ полной силѣ. Книжка иллюстрирована художественно, съ превосходно исполненными рисунками въ текстѣ **М. М. Далькевича.**

„Русскій карманный календарь для всѣхъ“ на 1894 г. (XX-й годъ). Цѣна 15 к. и *St. Petersburgischer deutscher Familien-Kalender für das Jahr 1894 (XXVI Jahrg.)*. Цѣна 15 к., съ приложеніемъ къ каждому изъ нихъ плановъ С.-Петербургскихъ Императорскихъ и частныхъ театровъ и црква Чиницелли. Календари эти, издаваемые **И. А. Глешке**, составлены очень толково, заключають въ себѣ много полезныхъ справокъ для каждого свѣдѣній и, благодаря своей дешевизнѣ, всѣмъ доступны. Изданы календари очень чисто.

Вышли слѣдующіе календари на 1894 годъ, издаваемые Эдуардомъ Гоппе, на русскомъ, французскомъ и вѣмецкомъ языкахъ, съ отрывающимися на каждый день листками:

1) „Календарь-ежедневникъ“ (годъ XXIII) съ 2 безлатными приложеніями: а) справочную книжку и б) табель-

календаремъ, заключающими въ себѣ всѣ необходимыя календарныя свѣдѣнія.

Календарь приклеенъ къ накѣ съ изящною литографіею въ 5 красокъ по рисунку въ русскомъ стилѣ художника **К. Брожа.** Цѣна 75 коп., съ перес. 1 р. 25 к.

2) „Календарь для хозяекъ“ (годъ XII) съ 2 безлатными приложеніями: а) поваренною книжкою и б) табель-календаремъ. На оборотѣ каждаго отрывающагося листка этого календаря напечатано меню на слѣдующій день. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

3) „Большой ежедневникъ“ (годъ VI), отличающійся отъ „Календаря-ежедневника“ лишь вдвое большимъ размѣромъ. Цѣна 1 р. 25 к., пересылка за 4 фунта.

Изданія эти давно извѣстны публикѣ и своимъ обычнымъ достоинствамъ обязаны своей популярности.

К. Л. Риккеромъ издана и выпущена въ свѣтъ „Занесенная книга **К. Риккера**“ (XXIV годъ изданія), по обыкновенію, въ нѣсколькихъ изданіяхъ, съ приложеніемъ 4 картъ: Средней Россіи, Европы, Азии и всего свѣта. Отличаясь массою общепользыхъ свѣдѣній, изданная очень изящно, „Занесенная книга **К. Риккера**“ составляетъ удобную потребность каждаго дѣловаго человѣка. Цѣна занесенной книги въ изящномъ холщевомъ переплетѣ съ 2 страницами (отрывными) на каждый день 1 р. 80 к., съ цѣлою страницей—1 р. 20 к., съ 1/2 стр.—1 р., съ 1/4 стр.—80 к., съ 1/8 стр.—75 к., съ 1/16 стр.—75 к.

Политическое обозрѣніе.

Еще не успѣло улетѣть всеобщее негодованіе, вызванное посылкою адскихъ машинъ Германскому императору и канцлеру фонъ-Каприви, какъ свѣстіе о новомъ злодѣяніи уже разлетѣлось по блгу-свѣту, повсюду встрѣчая откликъ соболъзанованія къ потерпѣвшимъ и чувство омерзенія къ тѣмъ выродкамъ чловѣчества, которые безъ дѣли и причины постребляютъ изъ-за угла ни въ чемъ неповинныхъ и мирныхъ гражданъ.

27 ноября, во французской палатѣ депутатовъ, ровно въ 4 часа, во время преній о депутатскихъ полномочіяхъ Мирмана, среди залы вдругъ раздался страшный взрывъ; моментально зала наполнилась дымомъ, во всѣ стороны разлетѣлись осколки какого-то снаряда, послышался трескъ стекла. Оказалось, что въ залу, съ правой стороны трибуны, брошенъ адекій снарядъ. На трибунахъ возникла ужасная паника; женщины, обезумѣвъ отъ страха, бѣжали; нѣсколько зрительей были ранены; и въ коридорахъ палаты замѣчалось очень сильное волненіе. Большая часть депутатовъ поспѣшно вскочила съ мѣсть, чтобы бѣжать, но президентъ палаты, Дююи, остался спокойно на президентскомъ креслѣ и предложилъ коллегамъ послѣдовать его примѣру, что они и сдѣлали. Г. Дююи, оцарапанный осколкомъ снаряда въ лобъ, спокойно

показалъ: „Подобныя покушенія смущать палату не могутъ, и я предлагаю ей продолжать свои труды. Когда очередной порядокъ будетъ исчерпанъ, бюро исполнитъ свой долгъ“. Слова эти, вызвавъ горячія рукоплесканія, навсегда останутся въ памяти, какъ замѣчательный примѣръ исполненія своего долга. По окончаніи засѣданія, г. Дююи былъ предметомъ восторженной оваціи. Депутаты, журналисты, публика кричала: „Да здравствуетъ Дююи!“, Дююи отвѣчалъ: „Да здравствуетъ республика!“

Сейчасъ-же послѣ взрыва было отдано приказаніе закрыть всѣ выходы палаты и позаботиться о раненыхъ. Всѣ свободныя помѣщенія Бурбонскаго дворца обратились въ временныя лазареты, въ которыхъ медики изъ числа депутатовъ оказывали первую помощь. Раненыхъ насчитывается 67 чловѣкъ, но счастью, почти всѣ не опасно.

Извѣстіе о взрывѣ въ первый моментъ произвело въ Парижѣ удручающее впечатлѣніе, но хладнокровіе Дююи точно передало въ послѣдствіи всѣмъ, и къ вечеру городъ былъ совсѣмъ спокоенъ.

Публика изъ палаты была выпущена послѣ тщательнаго допроса, при чемъ на первое время арестовали до 60 чловѣкъ.

Винновникомъ взрыва оказался одинъ изъ раненыхъ, нѣкто

Профессоръ Евгеній Васильевичъ Павловъ (по поводу 25-лѣтія его дѣятельности). Съ фот. Ясвина грав. Шюблеръ.

Операціонный залъ.

Хлороформированіе.

Стерилизаціонный аппаратъ.

Общій видъ больницы.

Больничная койка.

Хирургическая больница при Александровской общинѣ сестеръ милосердія.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, автотипія Демчинскаго.

Вальинъ, назвавшій себя Маршалемъ и цинически признавшійся въ своемъ гнусномъ поступкѣ.

За границей повсюду парижскій взрывъ произвелъ удручающее впечатлѣніе. Палата депутатовъ получила живыя доказательства симпатій со стороны итальянскаго, бельгійскаго и швейцарскаго правительствъ, а также отъ английскихъ, австрійскихъ и голландскихъ палатъ. Пана выразилъ чрезъ нунція французскому правительству свое негодованіе по поводу возмутительнаго покушенія въ палатѣ депутатовъ и полную симпатію къ мысли, поданной дипломатическимъ путемъ одною иностранною державою о международномъ соглашеніи противъ анархистскихъ злодѣяній.

Нашъ *Journal de St.-Petersbourg* пишетъ по тому-же случаю: „Снодвиженіи или „мстители“, какъ они себя называютъ, Раванолой и Палласовъ — стали, повидимому, примѣнять нынѣ систему массоваго избиенія. Взрѣды за гекатомбою въ барселонскомъ театрѣ они намѣревались учинить другую гекатомбу въ законодательномъ собраніи, и, конечно, не можетъ служить для нихъ смягчающимъ обстоятельствомъ фактъ, что никто при этомъ не былъ убитъ. Раненые, однако, къ сожалѣнію, имѣются. Взрывъ въ Бурбонскомъ дворцѣ произведетъ вездѣ большое впечатлѣніе, потому что онъ является новымъ симптомомъ кроющейся въ анархизмѣ опасности, производящей которую становится все болѣе и болѣе настоятельно необходимымъ. Взрывъ этотъ возбудитъ повсемѣстно негодованіе и осужденіе тѣхъ преступленій, которые своими воз-

Джонъ Тиндаль († 22-го ноября 1893 г.). По фот. грав. Шюлеръ.

мутительными преступленіями сами себя ставятъ въ обществу“. Заграничная пресса высказывается въ томъ-же духѣ, а *Fremdenblatt* говоритъ: „Подъ впечатлѣніемъ злодѣйствъ, совершаемыхъ ограниченными, пзвращенными, болѣзненными вырожденными-анархистами, нельзя такъ строго осуждать среднѣе вѣка, когда въ борьбѣ съ такими же вырожденными не довольствовались одной смертною казнью, а подвергали ихъ особымъ жестокимъ пыткамъ и мученіямъ, чтобы страхомъ удерживать отъ злодѣйствъ людей, которые нисколько не боялись смерти. Общество обязано прежде всего позаботиться о своемъ спокойствіи, оно должно рѣшительно прийтись за анархистовъ, схватить этотъ приракъ, и раздавить его желѣзною рукою.“

Въ органѣ центра германскаго рейхстага *Koelnische Volkszeitung*, напечатано письмо владѣльца мельницъ въ западной Германіи. Въ письмѣ указывается на то, что мукомолы и сельскіе хозяева вовсе не заинтересованы въ сохраненіи высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ относительно Россіи съ тѣхъ поръ, какъ эти пошлины понижены были въ пользу другихъ государствъ. Въ обмѣнъ услугъ желѣзнодорожной промышленности можно, слѣдовательно, понизить на столько же пошлины и на русскій хлѣбъ. Изъ этого видно, что и въ рядахъ центра начинается исчезать оппозиція противъ торговаго договора съ Россіей. Но все-таки она еще очень велика, хотя есть надежда, что торговый договоръ съ Россіей увѣнчается тѣмъ-же успѣхомъ, какъ и торговые договоры съ Румыніей, Испаніей и Сербіей, только что принятые рейхстагомъ не безъ борьбы съ консерваторами.

Разныя извѣстія.

— 1-го декабря, с.-петербургское дворянство чувствовало французскаго посла графа Монтебелло обѣдомъ въ Дворянскомъ собраніи.

— Памятникъ, воздвигнутый по Высочайшему повелѣнію на берегу озера Иссык-куль надъ могилою нашего перваго изслѣдователя Амія, Н. М. Пржевальскаго, въ настоящее время уже оконченъ. Величественный памятникъ, состоящій изъ высокой скалы, сложенной изъ нѣсколькихъ каменныхъ глыбъ, на вершину которой какъ будто только что спустился огромный бронзовый орелъ съ лавровой вѣткой, замѣчательно гармонируетъ съ живописной природой и рисующимися вдали горами, уже окутанными въ блестящій снѣговой покровъ.

— По распоряженію Главнаго Штаба предоставлено воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній право проѣзда по правительственнымъ финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ III классѣ по льготному тарифу (со скидкой

50 проц.), съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для сего на желѣзныхъ дорогахъ въ Имперіи.

— У отдѣла Русскаго технического общества поставили устроить въ 1894 г. фотографическую выставку. Экспонентами могутъ быть только русскіе фотографы. Иностранцы фотографы будутъ участвовать не иначе, какъ по приглашенію организационнаго комитета выставки.

— При Императорскомъ русскомъ обществѣ акклиматизаціи въ Москвѣ учреждено флористическое отдѣленіе. Задача отдѣленія — провѣрять и сводить воедино добытыя путемъ мѣстныхъ наблюденій данныя по практической ботаникѣ.

— Французскій ученый Миланъ Эдваръ принесъ въ даръ зоологическому музею Московскаго университета богатую и цѣнную коллекцію шкуръ животныхъ, собранную на островѣ Мадагаскарѣ.

— 4-го декабря, въ Солянскомъ городкѣ, открытъ обширный кустарный базаръ, устраиваемый съ цѣлью установленія непосредственной связи между производителями и потребителями.

— Предложенное еще покойнымъ митрополитомъ Платономъ возобновленіе въ Кіевѣ живописи Великой лаврской церкви рѣшено, въ настоящее время, осуществить.

— Въ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, учреждено благотворительное общество „Христіанская помощь“. Главная задача этого общества — бороться съ нищенствомъ убогихъ стариковъ и дѣтей. Для первыхъ общество учредило богадѣльню, а вторыхъ старается приучить къ ремесламъ.

— На-дняхъ опубликованъ новый тарифъ на заграничные фрукты, преимущественно на апельсины и лимоны. Ставки новаго тарифа значительно ниже прежнихъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1894 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

По той-же причинѣ Контора проситъ всѣхъ желающихъ подписаться на „Иллюстрированную бібліотеку Нивы“, содержащую въ себѣ на 1894 г. „Всеобщую исторію“ проф. О. Іегера, поспѣшить присылкою требованій и подписныхъ денегъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Дарья д'Анчуттина и банкирскій теноръ безъ граци. Изъ воспоминаній моего пріятеля. Повѣсть Вас. в. Немировича-Данченко. (Окончаніе). — Воспоминаніе о Памирскомъ походѣ 1892 г. Записки очевидца Б. Л. Тагѣева. (Окончаніе). — Изъ жизни небесныхъ тѣлъ. Д-ра Г. І. Клейна (съ рис.). — Къ рисунку: Зима (съ рис.). — Итальянскій фонизмъ (съ рис.). — Внутренность татарскаго дома въ Крыму (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Бояринъ Орша“. М. Ю. Лермонтова (съ рис.). — Святой Стефанъ Пермскій увлекаетъ за собой въ огонь зырянскаго вождя Пана (съ рис.). — Сонъ Св. Цециліи (съ рис.). — А. Я. Мансимова (съ портр.). — Анатоміи Н. С. Тихонравовъ (съ портр.). — Городъ Мелла (съ рис.). — Профессоръ Е. В. Павловъ (съ портр.). — Больница Александровской Общины (съ рис.). — Джонъ Тиндаль (съ портр.). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1894 г. — Шахматы. — О подпискѣ на „Иллюстрированную бібліотеку „Нивы“ 1894 г. — Объявленія.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
 С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-28
 Иллюстрированные прейсъ-курранты по потребованіямъ высылаются безвозмездно.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО

въ изображеніяхъ

Державныхъ его правителей

съ пояснительнымъ текстомъ.

Альбомъ изъ 70 лист. in folio съ рисунк. профессора В. П. Верещагина.

Цѣна съ перес. 7 руб.

Требованія адресуются: С.-Петербургъ, книжные магазины и въ складъ: Вас. Остр. Академія Художествъ, профессору В. П. Верещагину. № 6696

ВОДА и ПУДРА КОРИАРИА
 Постепенно окрашивающая и нестирающаяся краска для волосъ, бороды и бровей.
 Главный складъ для Россіи:
 Петербургская Химическая Лабораторія
 Измайловскій просп. № 27.

РЕ. № 6018 2-2

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

Ц. № 6613

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦИИ.

8-4

Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. требованію за 42 коп.

Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

СТРОИТЕЛЬ ЛѢСО-ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗАВОДОВЪ В. В. КОШНИНЪ

устанавливаетъ лѣсо-технические заводы для добычанія: древеснаго спирта, уксусно-кислой извести, уксусной кислоты и уксусной эссенции. № 670

Продукты имѣющие громадный спросъ Дѣло приноситъ до 50% гдѣ лѣсъ дешевле. За подробностями обращаться: въ г. Тулу, В. В. Кошнину.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

МАГАЗИНЪ КОВРОВЪ

МАТЕРІЙ ДЛЯ МЕБЕЛИ СПЕЦИАЛЬНО

Гостинный дв., Зеркальная линія, по Садовой улицѣ

№ 56. КАШИНЦЕВА. № 56.

Домъ существуетъ съ 1766 года.

Шелковыя, шерстяныя, пеньковыя и бумажныя матеріи, лучшихъ иностранныхъ и русскихъ фабрикъ. Ковры бархатные и булавчатые, русскіе и иностранные, всевозможныхъ размѣровъ и цѣвъ. Эскимстеръ и восточные ковры. Тюль, гардины, ламбрекены, покрывала. Скатерти всѣхъ сортовъ и величинъ. Готовыя портьеры и стори. Агранжеи, кисти и шнуры. Кустарныя издѣлія.

ПОЧЕТНЫЙ ОТЗЫВЪ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ 1889 ГОДА.

Цѣны безъ запроса. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ магазинъ закрытъ.

Господамъ членамъ 0—ва потребителей для моряковъ „Бережливость“—условенная скидка. № 6700

16 MÉDAILLES
EAU, PÂTE, POUDRE
PURES DE TOUT ACIDE

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
 DE LA FACULTE DE MEDECINE DE PARIS

CÉLÈBRES par leurs QUALITÉS
 EN VENTE PARTOUT.

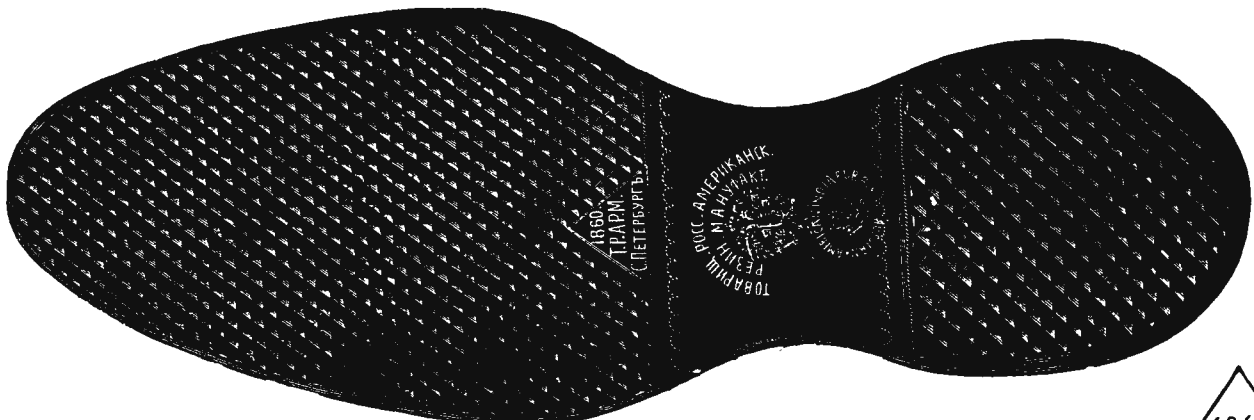
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-17

въ особенности на ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ

право пользованія которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

Москва
Английский магазин
ШАНЖОМЪ
Высшая и выдает
Фабричный мостъ №3.
БЕВЛАТНО
новый
Трейс Журналъ
ТОВАРОВЪ
Ювелирные, Серебряные, Парфюмерные, Мануфактурные, Цукерные, Текстиль, Детские, Одежда, Дамские Костюмы, и пр.

П. № 6704

1894 годъ.
ОСКОЛКИ
 Подъ редакціи Н. А. ЛЕЙКИНА.
 Ежедневный иллюстрированный юмористический журналъ большого формата съ картинками (въ краскахъ и черными). 52 №№ въ годъ: до 1000 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарды, загадки на премию.
 Въ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:**
ЮМОРЪ № 6676 3—1
Н. С. ТУРГЕНЕВА
 въ рисункахъ.
 Цена за журналъ:
 съ перес. и дост.: на годъ 9 р., на полгода 5 р.; безъ перес. и дост.: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к. За границу на годъ 10 р.
 За пересылку преміи прилагаются не полагается. Допускается разорочка. Подписка принимается въ Главной Конторѣ журн. „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Спасской ул., д. № 17.
 Редакторы-изд.: Н. Лейкинъ и Р. Голикъ.

„РОДНИКЪ“
 журналъ для дѣтей школьнаго возраста,
„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“
 ежемѣсячный педагогическій листокъ,
 издаются въ Петербургѣ подъ редакцію **Е. Сысоевой и Алексѣя Альмедингена.**
„РОДНИКЪ“ выводитъ каждое 1-го числа книжками большого формата со многими рисунками.
 Одобренъ и рекомендованъ всѣми вѣдомствами. Почетный дипломъ съ педагогич. выст. 1888 г.
Воспитаніе и Обученіе посвящено вопросамъ семейнаго воспитанія и обученія и дѣтскаго чтенія.
 Условія подписки на 1894 г.:
 За 12 книгъ РОДНИКА съ дост. и перес. 5 р. Тоже съ приложеніемъ 12 №№ „Воспитанія и Обученія“ 6 р. Отдѣльно за 12 №№ „Воспитанія и Обученія“ 2 р.
 Адресъ Конторы: *Петербургъ, Невскій, д. 106. При книжн. магазинѣ Н. Морева. Мт. № 6691*

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
 Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
 (15) **МИНДАЛЬНОЕ** № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
 Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
 Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ соевѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитывается въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цена за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к.
 Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписку А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Носетической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайл. пл., д. Жербяна, № 2.

КРАСИВО ПИСАТЬ
 внушается вслѣдъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФИИ А. КОССОДО.**
 Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 6208 52—31
 За 2 семикопѣечныя марки высылается пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

Только что вышло изъ печати:
КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЙ И ЮНОШЕСТВА,
 который, по обращенію къ издателю его, А. Ф. Девриену, въ СПб. Вас. Остр. Румян. пл., соб. д., высылается бесплатно.

По новой системѣ № 6152
КРАСИВО ПИСАТЬ
 и двойной итальянской 10—6
БУХГАЛТЕРІИ
 выучиваю великаго заочно (посредствомъ письменныхъ сношеній); за усвѣхъ гарантія. Пробный урокъ выслать бесплатно. По окончаніи курса выдаю свидѣтельство. Москва, Покровка, А. С. Шиманскому.

СЪМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ Г. ЛАУБЕРЬ.
 Фирма существуетъ съ 1852 г. С. № 6697 2—1
 С.-Петербургъ, Малая Конюшенная, д. № 5.
 Огородныя, луговины, цвѣточныя и древесныя сѣмена. Садовые инструменты, какъ-то: лопаты, вилы, ножицы, вилы, грабли, сириски и лейки. Каталогъ выйдетъ въ срединѣ декабря и высылается по желанію бесплатно.

КОЛОСЬЯ
 съ пересылкой и доставкой за годъ 8 р., 1/2 года 4 р., за границу за годъ 11 р. № 6671 3—2
 Ежемѣсячный журналъ литературы, науки, искусства
 и общественной жизни. XI годъ издаванія.

ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ
 7 годъ изд. Историко-литерат. журналъ. За годъ 6 р., за 1/2 3 р.; за границу 8 р.
 Цель: знакомить съ произведеніями мировыхъ гениевъ всѣхъ временъ и народовъ и, кромѣ того, научнымъ образомъ разрабатывать историко-литературные вопросы.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1894 Г.
ЗА ТРИ РУБ.
ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
РУСЬ.

Желая сдѣлать чтеніе ежедневной газеты общедоступнымъ, мы предпринимаемъ съ 1 Января, съ Божіею помощію, при главномъ и постоянномъ участіи талантливаго писателя К. Тхоржевскаго, изданіе ежедневной газеты, **ЗА ТРИ РУБЛЯ** съ пересылкою. Въ газетѣ будутъ помѣщаться: передовыя статьи, правительственныя извѣстія, телеграммы Сѣвернаго Агентства и собственныя письма изъ разныхъ мѣстъ провинціи, хроники: петербургская, внутренняя, иностранная, судебная, художественная, фельетоны, маленькіе рассказы, сцены изъ жизни, загадки, коммерческой, биржевой, театральныя и справочный отдѣлы. Военные поддѣлки будутъ получать еженедѣльно приказы за недѣлю. Въ газетѣ будутъ всѣ новости и интересующія всякаго извѣстія. Подписка на газету допускается для служащихъ и для дуковенства съ разсрочкою по 1 рублю въ третью. Допускается подписка на четверть года, съ 1 Января, съ 1 Апрѣля и съ 1 Октября, по 1 рублю за четверть года.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА № 6576 (4)
 и принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, Большая Итальянская, № 37. За подписку въ другомъ мѣстѣ редакція не отвѣчаетъ.
 Редакторъ-Издатель князь Мещерскій.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОКЪ НОТЫ.
 Только что вышло изъ печати 50 пѣсенъ русскаго народа для одного форта съ текстомъ арт. Н. Артемьевымъ. Ц. 2 р. 50 к.
БУБЕНЧИКИ сборн. 50-ти соевымъ нотамъ. пѣс. Н. Артемьевымъ. Ц. 1 р.
АЛЬБОМЪ народ. танц. и пѣсн. арт. В. Ф. Клинова. Ц. 1 р. 50 к.
СРЕДИ ЦЫГАНЪ сборникъ 25 люблн. цыганск. пѣсенъ Н. И. Шинкина и друг. Ц. 2 р. 50 к.
 Продается у издателя **Н. Х. ДАВИНГОФЪ.**
 С.-Петербургъ, Б. Морская, 28 (уг. Горюховой), Госпитальный дворъ, № 12 (по Невскому). Заказы изъ провинціи исполн. немедленно, а также наложен. платеж.

НОВОСТЬ! КОШЕЛЕКЪ-ПОРТМОНЪ
Типъ Тонъ
 превосходитъ по сдѣланъ изъ телячьей кожи съ 8 отдѣл., съ никелирован. замкомъ. Изящной и прочной работы. Секреть замка сообщается только покупателю и только онъ сумѣетъ открыть Типъ-Тонъ. Дамскій: шт. 2 р. 75 к.; 2 за 4 р. 95 к. Мужской: шт. 3 р. 25 к.; 2 за 5 р. 75 к. Гармонный: бока раздвигаются какъ у гармоніи, очень вмѣстительный: шт. 3 р. 75 к. 2 за 6 р. 75 к. № 6547 (12) 8 разные, по одному отъ каждого, 8 р. 75 к. Пересылаю наложеннымъ платежемъ. С. Петербургъ, БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., №20-31.

№4711.
РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
 Самое нѣжное глицериновое мыло, **ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ**
 благодаръ своимъ отличнѣйшимъ качествамъ, приобрѣла большую извѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономя вълѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы — вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 2—1
 Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ проситъ обращать вниманіе на утвержд. фабрич. марку № 4711.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРЕСЛ. КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

XXV ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВА“ ЮБИЛЕЙНЫЙ XXV 1894 ГОДЪ.

иллюстрированный журнал—для семейного чтения—литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными прилож., премиями и пр.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в С.-Петербургѣ, в Конторѣ Редакціи, Невскій пр., № 6.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Юбилейный годъ! „Нива“ вступить съ началомъ будущаго 1894 г. въ XXV годъ своего существованія.

До сихъ поръ „Нива“ давала въ приложеніяхъ сочиненія, тщательно редактированныя и изданныя и, по возможности, дополненныя, такихъ классическихъ русскихъ писателей, произведенія которыхъ составляютъ уже достояніе всего общества. Произведенія же писателей, послѣ смерти которыхъ не истекло еще *пятидесяти лѣтъ*, являются, какъ извѣстно, по закону, собственностью наследниковъ, которые, какъ частныя лица, не могутъ удешевить изданія настолько, чтобы сдѣлать его доступнымъ для большинства читающей публики.

Для этого нужны неключительныя средства. Не постоянно относительно этихъ средствъ, мы имѣемъ возможность дать въ будущемъ, юбилейномъ году „Нивы“ ея подписчикамъ, какъ *бесплатное приложеніе*.

Сочиненія О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Имя Достоевскаго слишкомъ извѣстно въ Россіи, и кому изъ грамотныхъ русскихъ людей не дорого оно?—Своими, исполненными жизненной правды и глубокаго психологическаго анализа произведеніями онъ сумѣлъ пробудить въ человѣческомъ сердцѣ лучшія его чувства. Въ виду этого понятно желаніе каждаго не только прочесть произведенія О. М. Достоевскаго, но и имѣть ихъ у себя; въ отдаленной же продажѣ стоятъ они слишкомъ дорого, и потому мы въ правѣ рассчитывать на сочувствіе нашихъ подписчиковъ, давая *бесплатно*, въ видѣ приложенія къ „Нивѣ“ на 1894 годъ, *въ новомъ, тщательно сверстномъ и просмотрѣнномъ изданіи*, слѣдующія

СОЧИНЕНІЯ

О. М. ДОСТОЕВСКАГО

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ КНИГАХЪ:

КНИГА I. Бѣдные люди. Ром. Двойникъ. Петерб. поэма. **КНИГА II.** Господинъ Прохарчинъ. Разск. Романъ въ девяти письмахъ. Хозяинъ. Пов. Ползунковъ. Слабое сердце. Пов. Чужая жена. Честный воръ. Изъ записокъ неизвѣстнаго. Елка и свадьба. Изъ записокъ неизвѣстнаго. **КНИГА III.** Бѣлая ночь. Сентимент. ром. Нечочка Незванова. Маленькій герой. Изъ неизвѣстн. мемуар. На Европейскія событія 1854 года. Стих. Дядюшкинъ сонъ. Изъ мордасовск. воспом. **КНИГА IV.** Село Степанчиково и его обитатели. I и II часть изъ записокъ неизвѣстнаго. **КНИГА V.** Записки изъ Мертваго Дома. Ром. въ двухъ част. Северный анекдотъ. Разск. **КНИГА VI.** Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Записки изъ подполья. Пов. Крокодилъ. Необычн. событ. Пов. Игрокъ. Ром. (Изъ записокъ молодого человѣка). **КНИГА VII.** Униженные и оскорбленные. Ром. въ 4-хъ част. съ эпилог. **КНИГА VIII.** Вѣчный мужъ. Разск. **КНИГА IX.** Преступленіе и наказаніе. Ром. въ 6-ти част. съ эпилог. Части I, II и III. **КНИГА X.** Преступленіе и наказаніе. Ром. въ 6-ти част. съ эпилог. Части IV, V и VI. **КНИГА XI.** Идіотъ. Ром. въ 4-хъ част. Части I и II. **КНИГА XII.** Идіотъ. Ром. въ 4-хъ частяхъ. Части III и IV.

Всѣ эти **ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ**, издано изданныя, будутъ разосланы подписчикамъ „Нивы“ въ теченіе 1894 года **ПО ОДНОЙ КНИГѢ ВЪ НАЧАЛѢ КАЖДАГО МѢСЯЦА**—безъ какихъ бы то ни было доплатъ на пересылку и дополнительныхъ взносовъ.

Къ первой книгѣ будетъ приложенъ портретъ

О. М. ДОСТОЕВСКАГО,

гравированный на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и биографическій-литературный очеркъ о О. М. Достоевскомъ, вновь составленный для этого изданія В. В. Розановымъ.

Что касается остальныхъ произведеній О. М. Достоевскаго: „Бѣсы“, „Подростокъ“, „Дневникъ писателя“ и „Братья Карамазовы“, то мы **нынѣ же** принимаемъ на себя обязательство дать ихъ, какъ бесплатное приложеніе при „Нивѣ“ 1895 года, заручившись уже теперь правомъ на это, согласно нотаріальному договору, заключенному нами съ законными наследниками О. М. Достоевскаго.

Такимъ образомъ, наши подписчики въ теченіе 1894 и 1895 годовъ получаютъ, въ видѣ бесплатнаго приложенія,

Полное собраніе сочиненій О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Несмотря на такое капитальное прилож., какъ сочин. О. М. Достоевскаго—программа „Нивы“ въ 1894 г. будетъ еще увеличена.

Чтобы удовлетворить самыя взыскательныя требованія читателей, которые могли бы опасаться, что они получаютъ въ видѣ новѣйшихъ произведеній современныхъ писателей меньше литературнаго чтенія,—мы дадимъ, кромѣ сочиненій О. М. Достоевскаго, еще

„ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“,

которыя будутъ заключать въ себѣ **ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО СТОЛЬКО ЖЕ ЛИТЕРАТУРНАГО МАТЕРІАЛА**, сколько помѣщалось въ книгахъ „СБОРНИКА НИВЫ“ и будутъ выдаваться при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца—и будутъ содержать въ себѣ романы, повѣсти и разказы современныхъ авторовъ. Въ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ“ и въ „Нивѣ“ въ 1894 году будутъ помѣщены, на ряду съ другими, слѣдующія литературныя произведенія: Н. Д. Ахшарумова „Въ потемкахъ совѣсти“, бол. ром. (посмертный).—С. Н. Атавы (Терпигорева) „Князь Иванъ“, разск.—Марна Басанина „На порогъ жизни“, пов.—Ник. Бутовскаго „Военные этюды“, рядъ разказовъ.—В. Величко „Ничего святого“, шутка для сцены.—Е. Вернеръ (Авторъ „Альпійской феи“) „Вольной дорогой“, бол. ром.—И. Д. Голицына (Муравлина) „Невѣста“, пов.—Дѣдова „Путешествіе въ Стокгольмъ“, путевыя впечатл.—Дра А. Елисева „Роза Ливана“, пов.—В. П. Желиковской „Возмездіе“, фантаст. разск.—М. Ф. Каменской „Бабушкинъ внукъ“, бол. ром. въ трехъ ч.—Н. Максимова „Фанатики на Новой землѣ“, разск.—Р. Л. Маркова „Драма на глухомъ хуторѣ“, пов.—Н. Д. Маслова „Мѣсто по протекціи“, пов. (посмертная).—П. Н. Полевого „Пятно“, пов.—Я. П. Полонскаго „Чужія роли“, ком. въ 4-хъ д.—И. Потапенко „Безъ боя“, пов.—Сер. Пронскаго „У чужого очага“, великовѣстская нов.—Гр. Е. А. Салиаса „Тартюфочка“, ист. ром. изъ конца XVIII в.—Графа Соллогуба „Свѣтлана“, разск.—Н. Станюковича „Картинки морской жизни“ (изъ воспом. бывшаго моряка), и пр., и пр.

Кромѣ главнаго, бесплатнаго приложенія сочиненій О. М. Достоевскаго и „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній“, „Нива“ дастъ своимъ подписчикамъ въ будущемъ 1894 г. еще

ЧЕТЫРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) **ОСТРОВЪ НАРГЕНЪ**, картина проф. Ю. Ю. Клевера. Печатана 15 красками.
- 2) **НЕРО-ФИОРДЪ ВЪ НОРВЕГІИ**, карт. художн. Расмуссена. Печатана 18 красками.
- 3) **ОРИГИНАЛЬНЫЯ ОФОРТА** проф. Ив. Ив. Шишкина:
 - 3) „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и
 - 4) „Лѣсная рѣчка“.

КАЖДАЯ изъ вышеозначенныхъ картинъ имѣетъ слѣдующую величину: 11½ вершк. ширины и 8¾ вершк. вышины.

Номера „Нивы“ останутся въ прежнемъ объемѣ, дающемъ возможность помѣщать въ нихъ до 1500 столбцовъ текста и до 500 гравюръ и рисунковъ въ годъ.

Читатели, непрежнему, найдутъ въ нихъ, на ряду съ новѣйшими беллетристическими произведеніями, научныя статьи, обстоятельныя популярныя очерки по всѣмъ отблдамъ челоѣческаго знанія, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, замѣтки по вопросамъ общественной и политической жизни и свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, представленныя въ описаніяхъ и рисункахъ.

Относительно *художественнаго отдѣла* въ 1894 г., на стран. „Нивы“ будутъ воспроизведены наиболѣ выдающіяся картины съ русскихъ и иностранныхъ выставокъ, иллюстрированы всѣ важныя современныя событія, даны бытовые рис. и пр., и пр. Прилагаемый при „Нивѣ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

будетъ заключать въ себѣ, непрежнему, 12 №№ новѣйшихъ парижскихъ модъ (въ теченіе года около 300 прекрасно выполненныхъ модныхъ гравюръ по послѣдн. парижскимъ фасонамъ), съ 12 прилож. рисунк. **РУКОДѢЛЬНЫХЪ И ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ** (около 300 рис. и около 300 чертеж. выкр. въ натур. велич.). При первомъ № будетъ приложенъ стѣнной календарь, издано отпечатанный красками.

Такого расширенія, какъ самаго журнала, такъ и размѣровъ приложеній къ нему, никогда не было еще въ „Нивѣ“, но на будущій юбилейный годъ мы рѣшились на это въ надеждѣ, что количество подписчиковъ будетъ соответствовать тѣмъ жертвамъ и усиліямъ, какия мы понесли для нихъ.

ШАХМАТЫ, под редакцией Э. С. Шифферса.

Решения задач, помещенных в № 40 "Нивы".

№ 19. Н. И. Максимова (СПб.). Мать в 2 хода.

1. ♔ h1-c1, ∞; 2. Мать различными способами.

№ 20. Г. Несл (Прага) Мать в 3 хода.

1. К. d5-b6, Кр. d4; 2. e5, ∞; 3. ♕ ♣.

1. . . . , К. b8, ∞; 2. К. d7+, ∞; 3. ♕ ♣.

1. . . . , d6-d5, 2. ed; ∞; 3. ♕ ♣.

1. . . . , c4-c3; 2. ♕. f5+, Кр. d4; 3. 4 ♕ ♣.

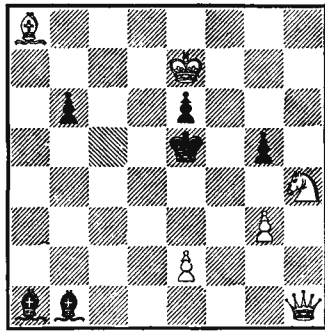
3

2

1

В задачку № 19 вкралась ошибка, а именно: послѣ 1. . . К. e3! на втором ходу мать невозможна. В виду этого авторъ исправилъ задачу. Въ исправленномъ видѣ задача представляется, какъ показано на диаграммѣ.

Черные.

Бѣлые.

Мать в 2 хода.

Матч М. И. Чигорина съ д-ромъ З. Таррашемъ.

Десятая партія матча.

Игралъ 14-го октября.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

1. e2-e4 e7-e6	12. С. e1-d2 ♕. d5-d7	22. ♕. e4-f5 ♕. c5-d6
2. ♕. d1-e2 С. f8-e7	13. ♕. e2-e4 Кр. g8-h8	23. ♕. f5-e4 ♕. c8-d7
3. К. b1-c3 d7-d5	14. С. d2-c3 С. e7-c5	24. Л. d1-d3 С. e6-d5
4. d2-d3 К. g8-f6	15. ♕. e1-c4 С. c5-b6	25. ♕. e4:d5 ♕. d7:d5 ♕
5. g2-g3 0-0	16. К. f3-h4 С. g4-e6	26. С. g2:d5 Л. d8:d5
6. С. f1-g2 К. b8-c6	17. ♕. e4-a4 Л. a8-d8	27. К. h4-f5 Л. f8-d8
7. К. g1-f3 e6-e5!	18. Л. a1-d1 ♕. d7-c8 ♕	28. Л. d2-e2 g7-g6
8. e4:d5 К. f6:d5	19. ♕. a4-e4 ♕. c6-d5	29. К. f5-e3 Л. d5-d7
9. К. e3:d5! ♕. d8:d5	20. ♕. e4-f5 С. d5-e6	30. Кр. g1-g2 С. b6-d4
10. 0-0 С. c8-g4	21. ♕. f5-e4 С. e6-d5	31. Л. e1-b1 Кр. h8-g7
11. Л. f1-e1 f7-f6		

Примѣчанія къ партіи.

- 1) Не хорошо было бы 9. К: e5, К: e3; 10. bc, К: e5; 11. ♕: e5, С: b4 и т. д.
- 2) Лучше было 18. . . . ♕: f7; послѣ 19. С: c6, bc; 20. ♕: c6, С: d5, и т. д. бѣлые подвернулись бы страшной атакой.
- 3) И теперь нельзя брать c6.
- 4) Повторенія ходовъ дѣлаются для выигрыша времени; по условію, каждый игрокъ обязанъ сдѣлать не менѣе 15-ти ходовъ въ часъ.
- 5) При положеніи ферзя на f7 не произошло бы мѣны ферзей.
- 6) У обѣихъ сторонъ нѣтъ шансовъ на выигрышъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“ НА 1894 ГОДЪ,

СОДЕРЖАЩУЮ ВЪ СЕБѢ:

„ВСЕОБЩУЮ ИСТОРИЮ“,

соч. проф. Оскара Іегера, въ четырехъ объемистыхъ томахъ.

Въ текстѣ будетъ помѣщено болѣе 1000 художественныхъ гравюръ и около 80 отдѣльныхъ картинъ, отпечатанныхъ черною и цвѣтными красками.

Всѣ четыре тома выйдутъ въ свѣтъ въ теченіе 1894 года, въ 12 выпускахъ, по одному выпуску ежемѣсячно, подъ редакцію профессора

П. Н. Полевого.

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“ проф. Оскара Іегера—трудъ замѣчательный по своимъ достоинствамъ научнымъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передать его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ.

Эту книгу мы рѣшились представить русскимъ читателямъ въ полномъ ея объемѣ и во всей красотѣ той превосходной иллюстраціи, которая составляетъ драгоцѣнное дополненіе къ ея тексту.

Важнымъ преимуществомъ этого прекраснаго труда слѣдуетъ, конечно, считать то строго-критическое отношеніе проф. О. Іегера къ непомѣрно-разросшемуся историческому матеріалу, которое даетъ ему возможность устранять излишнее, а все важное распределять и представлять вниманію читателя въ такомъ видѣ, что онъ можетъ легко и удобно обозрѣвать каждую эпоху въ ея важнѣйшихъ лицахъ и событіяхъ.

„Всеобщая Исторія“ Оскара Іегера, согласно общепринятому распредѣленію историческаго матеріала, раздѣляется на четыре тома, изъ коихъ первый заключаетъ въ себѣ Древнюю исторію; второй—Среднюю; третій—Новую и четвертый—Новѣйшую исторію.

Главное достоинство иллюстраціи заключается не только въ ея художественномъ исполненіи, а въ томъ, что всѣ рисунки воспроизведены по памятникамъ, живописующимъ эпоху, къ которой рисунки относятся.

Тщательный выборъ иллюстрацій, тѣсная связь ихъ съ текстомъ и строгая соразмѣрность между внѣшнею и внутреннею сторонами книги—въ высокой степени способствуютъ ясности и наглядности изложенія и живо переносятъ воображеніе читателя къ временамъ минувшимъ.

Твердо увѣренные въ томъ, что издаваемое нами сочиненіе будетъ удостоено особеннаго вниманія публики, мы назначаемъ для всѣхъ желающихъ приобрести „Всеобщую Исторію“ проф. Оск. Іегера условія, въ высшей степени доступныя и для каждаго удобныя.

Подписная цѣна за все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, составляющихъ четыре объемистые тома, около 2400 страницъ и заключающихъ въ себѣ болѣе 1000 художественно-выполненныхъ гравюръ и около 80 отдѣльныхъ картинъ, отпечатанныхъ черною и цвѣтными красками.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	12 РУБ.		Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ.	14 РУБ.
Безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской	13 РУБ.		Съ пересылкою за границу.	16 РУБ.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

ВЪ ДВА СРОКА:		ВЪ ТРИ СРОКА:		ВЪ ЧЕТЫРЕ СРОКА:		ВЪ ШЕСТЬ СРОКОВЪ:	
Безъ дост.	Съ дост. и перес.	Безъ дост.	Съ дост. и перес.	Безъ дост.	Съ дост. и перес.	Безъ дост.	Съ дост. и перес.
при подпискѣ.	6 р.	при подпискѣ.	4 р.	при подпискѣ.	3 р.	при подпискѣ.	3 р.
къ 1 юня.	7 "	къ 1 марта.	5 "	къ 1 февраля.	4 "	къ 1 февраля.	4 р.
		къ 1 юня.	4 "	" 1 апрѣля.	3 "	" 1 апрѣля.	2 "
				" 1 юля.	3 "	" 1 юля.	2 "
				" 1 августа.	3 "	" 1 августа.	2 "

Отдѣльные выпуски сочиненія Іегера не будутъ продаваться, за исключеніемъ ПЕРВАГО ВЫПУСКА, который выйдетъ въ свѣтъ въ началѣ декабря с. г. и будетъ продаваться ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАНІЙ А. Ф. МАРКСА, НЕВСКІЙ, № 6, и у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ ВЪ МОСКВѢ, ПЕТРОВСКІЯ ЛИНИИ, а также у всѣхъ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ, и будетъ высылаться иногороднымъ, желающимъ ознакомиться съ этимъ цѣннымъ изданіемъ, при выпискѣ прямо изъ С.-ПЕТЕРБУРГА, изъ конторы изданій А. Ф. МАРКСА, за ОДИНЪ РУБЛЬ, который можно присылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

22 декабря 1893 года поступитъ въ продажу въ Конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. № 6):

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1893 г.,

заключ. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и, между прочимъ, слѣдующихъ произведеній: „Джеттатура“, бол. пов. графа Е. А. Салиаса, „Воля судьбы“, бол. истор. ром. въ 3-хъ част. кн. М. Н. Волконскаго, „Дарья д'Анчуткина и банкирскій теноръ безъ грации“, больш. пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Сильный человекъ“, разск. К. Орловскаго, „Искатель приключеній“, больш. пов. П. А. Ясинскаго, „Сапфиръ Миркиевичъ“, сказка Кота-Мурлыки, „Первый блинъ да комомъ“, разск. П. Н. Полевого, „Лента“, эскизъ О. Чюминой, очерки изъ путеж. въ Китай бр. Грумъ-Гринмайло „Въ верховьяхъ р. Манасъ“, „Литературныя бесѣды“ А. И. Введенскаго и пр. и пр.

Къ этому тому бесплатно прилагается:

1) Двѣнадцать книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научныхъ статей, научной лѣтописи, библиографіи, задачъ, игръ, смѣсокъ и, между прочимъ, слѣдующихъ выдающихся произведеній: „Превратность судьбы“, разск. Ив. А. Гончарова, „Железная дорога“, очеркъ Евг. Маркова, „Сморчки“, пов. Сергѣя Атавы, „Альпійская фея“, больш. ром. Е. Вернера, „Дворецъ Аль-Мансура“, поэма-легенда Вас. И. Немировича-Данченко, „Сутки на позиціи“, разск. И. В. Тхоржевскаго, „Бабушка“, разск. С. Н. Шубанскаго, „Въ овечьей шкурѣ“, разск. П. Н. Полевого, „Дипломатъ“, ком. О. Чюминой, „Звѣзда“, больш. ром. въ 2-хъ част. И. Н. Потенно, „Одинъ изъ многихъ“, пов. Н. Д. Маслова, „Майя“, фантастич. пов. В. П. Желиховской, „Отецъ-командиръ“, разск. Н. Бутовскаго, „Волшебникъ Мерлинъ“, драм. поэма А. Львовой, „Геній“, разск. гр. Соллогуба, „Первое счастье“, карт. съ натуры М. Крестовской, „Штандартъ“, историч. разск. А. П. Полевого и проч. и проч. Стихотворенія: Булацеля, Велико, Мережновскаго, Полонскаго, Фета, Фофанова и др.

Три изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ собранія произведеній: М. В. Ломоносова, Импер. Екатерины II и Д. И. Фонвизина. Каждое изъ этихъ сочиненій издано въ видѣ отдѣльнаго, совершенно самостоятельнаго тома, съ гравированными на стали портретами авторовъ.

2) Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ: известнѣйшихъ художниковъ а именно: Александровскаго, Бегрова, Васильевскаго, Каразина, Лебедева, Манарта, К. Маковского, Рѣпина, Сверчкова и Трутовскаго. Карт. выдаются въ издѣл. папкѣ, укрѣп. акварелью Н. Н. Каразина.

3) 12 №№ 12 ЛИСТОВЪ ежемѣсячнаго приложенія: „Парижскія моды“, съ массою модныхъ гравюръ и рисунковъ.

4) ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Цѣна этому тому со всеми приложениями 5 рублей. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фунта по почтовой таксѣ. Желающие имѣть изданіе въ роскоши, контор. переплетяхъ, благоволятъ прилагать за переплетъ тома „НИВЫ“ 1 р. 50 к. и за 6 перепл. на „Сборникъ“ (3 перепл. на книги „Сборника“ и 3 перепл. на соч. Ломоносова, Екатерины II и Фонвизина)—1 р. 50 к. На укупорку переплетеннаго экземпляра гг. иногородные благоволятъ прилагать за ящикъ 75 коп.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (87)
Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составѣ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4 книжки. Мѣ. № 6685

До 30 августа 1893 г. вышлн слѣдующія 130 біографіи: **ПРОПОПА АВААНУМА**, Андерсена, Аристотели, Байрона, Бѣрье, Беккариа и Бенгата, Вакона, Вѣлинскаго, Карла Бэра, Беранже, Бетховена, Вокжана, Вомаарше, Боткина, Джордано Бруно, Рих. Вагнера, Леонардо да Винчи, Волкова (основателя рус. театра), **ВОЛЬТЕРА**, Воронцовыхъ, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, Глинки, Говарда, Гюголи, Гринбофова, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дагерра и Шизеа, Даламбера, Данте, Дарвина, Дашковой, Демиловыхъ, Державина, Дефо, Женнера, Лекенса, Достоевскаго, Иоанна IV Грознаго, Кальвина, Канкрина, **КАНТЕМИРА**, КАНТА, Каразина (основателя харьк. университета), Карлейля, Келлера, Колузаба, Конфуція, Кольцова, Коперника, **БАРОНА Н. А. КРОФА**, Крамского, Крылова, Кювье, Лавуазье, Лангаса и Эйлера, Лейбница, Лермонтова, Лессинга, Линннстона, Линкольна, Липши, Лойоли, Локка, Ломоносова, Ляйбеля, Мейербергера, Микель-Анджело, Милли, Мицкевича, Мольтера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, Никитина, Никона, Новикова, Ньютона, Р. Оуэна, Наскаля, **ПЕРОВА**, Песталюцци, Пирогова, **ПИСАРЕВА**, Потемякина, Пржевальскаго, Прудона, Пушкина, Рабле, Рафаэля, Ринелле, Савонаролы, Сакія-Муни (Будды), Салтыкова, Свифта, Сенковского, В. Скотта, **АДАМА СМИТА**, Сперанскаго, Стефенсона и Фультона, Струве, Стюлли, **СЕРОВА**, Теккерей, Торивемады, Уатта, Уинннскаго, Фараделъ, Фонвизина, Франклина, Цингилі, Шиллера, Шопенгауэра, Шопена, Шумана, Щенкина, Эдисона и Морзе, Джордж-Элиота, Юма, **ВЕДОТОВА**.

Жирными заглавными буквами обозначены біографіи, вышедшія за послѣдніе 3 мѣсяца. Главный складъ изданій въ книжн. магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лентуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

СЪЕМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ В. Е. ГРАЧЕВА.
СПБ. Дровяная ул., собствен. домъ 7, противъ 12 роты Измайловскаго полка. Иллюстрированный каталогъ высылается по присылкѣ 75 к., которыя возвращаются при заказѣ не менѣе 5 р. Прейсъ-курантъ—бесплатно. № 6687

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смѣтченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просятъ обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Дено у А. Ралле и Н. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. Ш. № 6149 23—25

Я. БЕККЕРЪ

Поставщикъ Его Величества Императора Всероссийскаго въ Петербургѣ,
на углу Невскаго и Наванской площади, № 18/27.
РОЯЛИ И ПИАНИНО. № 6675 (2)
Прейсъ-курантъ бесплатно.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

ежедневная газета, выходящая въ семь столбцовъ убористаго шрифта. Форматъ — самыхъ большихъ ежедневныхъ изданій.
Программа — общегазетная. | Самая дешевая газета.
Въ 1893 г. было напечатано 20 большихъ романовъ и свыше 100 разсказовъ.
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
5 руб. въ ГОДЪ, 3 руб. въ ПОЛГОДА и 60 коп. въ МѢСЯЦЪ.
Ц. № 6688 3—1 Адресъ: МОСКВА, „Русскій Листокъ“.

КАЖДАЯ ДАМА

стремится имѣть шикарную и изящную талию!
достичь этого легко при помощи патентованныхъ практичнѣйшихъ крючочковъ и петель ПРИМА!
ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.
Рис. съ нѣмѣшими крючками и петлями. | Рис. съ патентов. крючками и петлями.
Послѣ 4-хъ-недѣльнаго пошитія лифа. | Послѣ 4-хъ-мѣсячнаго ношенія лифа.
Платье, снабженное патентованными крючками и петлями ПРИМА, никогда не теряетъ своего фасона ни при какой работѣ, благодаря чему подчасъ громадная экономія въ платкахъ при незначительной затратѣ.
Крючки и петли ПРИМА не портятся, а потому возможны ихъ отпарывать отъ испорченнаго платья для повторенія на новое.
Вездѣ внаряды и складки. | Внадъ и склад. вѣтъ: модъ какъ новыиъ.
На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ действительности же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.
Патентованные крючки и петли ПРИМА не слабуютъ отъ времени, не сгибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.
Пашивать эти застежки очень легко; при каждой карточкѣ прилагается подробное наставленіе. № 6538 12—7
Патентованные крючки и петли ПРИМА имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ.
Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ.
С.-Петербургѣ, 4 рота, 16—собств. домъ.

УКАЗАТЕЛЬ ФАБРИКЪ и ЗАВОДОВЪ.

Новая книга (3-е издание)
По свѣд. Департамента Торгозла и Мануфактуръ
сост. Орловымъ и Будаговымъ.

Цена 5 руб., въ лан. переплетъ 6 р. 75 к., въ коленкор. 6 р. безъ пересытки. Въсов. за 4 фута. Складъ изд. въ СПб., зданіе Министерства Финансовъ, типографія В. Ф. Киршбаума. № 6692

Готовится къ печати:

Собрание сочиненій АНДЕРСЕНА.

Изд. безъ предварт. цензуры, въ 4 томахъ (16 выпускахъ). Перев. съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Ц. безъ дост. 6 р., съ перес. 8 р. На изд. будетъ открыта подписка въ скоромъ времени въ магазинахъ „Новаго Времени“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

ежемѣсячный, литературно-научный и политическій журналъ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

Въ 1893 г. въ „Съв. Вѣст.“ было напечат.: „СУРАТСКАЯ КОФЕЙНЯ“ гр. Льва Толстого, „ПУСТОПЫЛСЫ“ разск. Н. Лтскова, „МЕЧТАТЕЛЬ“ разск. въ стих. Я. Полонскаго, „СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГЪ“ ром. И. Баранцевича, „АЛИ“ разск. П. Боборыкина, „ДЕРЕВНА НАНДЖАНА“ сказ. Нота Мурлыки, „ВЪ СЛОВОДЪБЪ“ разск. Ольги Шапиръ, „СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ“ пов. И. Поталенно, „КОНЕЦЪ ВЯРЮКОВСКОЙ ДАЧИ“ разск. А. Михайлова (Шеллера), „ВЪ ОГОНЬ И ВЪ ВОДУ“ пов. С. Смирновой, „СОРОКОВОЙ БЪСЪ“ М. Альбова, статьи: „НЕДѢЛАНІЕ“ гр. Льва Толстого, „КНИГООШОШИ И ОФЕНИ“ А. Пругавина, „О ВЛІЯНІИ МУЗЫКИ“ проф. И. Тарханова, „ЖЕНЩИНА-ПРЕСТУПНИЦА“ проф. И. Фойницкаго, „ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНИКЪ“ его-же, „ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОКТРИНЫ ПРОШЛАГО ВѢКА“ проф. М. Новалевскаго, „ПИСЬМА ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА“ В. Стасова, „ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА 60-ХЪ ГОДОВЪ“ Н. Ге, „О ПРІТВОРНЫХЪ ВОЛЪЗНІЯХЪ У ДѢТЕЙ“ д-ра В. Янубовича, „О ЖЕНЩ. ВРАЧАХЪ И ЖЕНСК. ВРАЧ.“ КУРСАХЪ“ д-ра Г. Герценштейна, „НАУКА, ФИЛОСОФІИ И РЕЛИГІЯ“ А. Волынскаго, „БЪЛИНСКІЙ“ его-же, „СОВРЕМЕННЫЯ НЕРВНЫЯ БОЛѢЗНИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА“ проф. П. Новалевскаго, „ЕДИНСТВО ГЕРМАНИИ“ Л. Полонскаго, „ВОЛГА И ВОЛГАРИ“ А. Субботина и мн. друг. Кромѣ того печат. въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ:

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 гг.). Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Бесѣды Государя, Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинки и др. Новымъ годовымъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разслана бесплатно вѣщатель. въ 1893 г. 1 ч. Записки Смирновой въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ А. О. Смирновой. № 6699 2—1

Ежемесячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлы. 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Огляны о новыхъ книгахъ. 4) Письма: изъ Америки В. Мань-Гаханъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись. 7) Изъ жизни, науки и литературы. 8) Литературная замѣтка А. Волынскаго.

Условія подписки: По полугодіямъ. По четвертямъ года.

Безъ доставки въ СПб. На годъ.	Январь.	Юль.	Январь.	Апрѣль.	Юль.	Окт.
конторъ журнала.	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.
Безъ дост. въ Москвѣ въ отдѣленіяхъ нонт.	12	50	6	50	6	—
съ доставкой въ СПб.	12	50	6	50	6	—
съ перес. въ Имперіи.	13	50	7	—	6	50
за границей.	15	—	8	—	7	—

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить по-мѣсячно за ругат. казначеевъ. Учащимъ и учащимся льготы по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМ. въ Главн. Конторѣ, СПб. Троицкая, 9, и въ Отдѣлѣ: въ СПб. въ кн. маг. Фену и въ Москвѣ въ конт. Печковской. Во всѣхъ кн. маг. Карбасникова и Нов. Времени, Оглобина (въ Кіевѣ), Башмакова (въ Казани) и др. Съ 1 дек. открыто въ Москвѣ отдѣленіе редакціи и конторы: Тверская, д. Сазикова. Издательница Л. Гуревичъ. Редакторъ М. Альбовъ.

БЕЗПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ журнала „БУДИЛЬНИКЪ“ на 1894 годъ.

Годовые подписчики на „Будильникъ“ въ 1894 г. (въ Москвѣ 9 р., а для иногороднихъ 10 р.) выигрываютъ:

- 200,000 курьезныхъ фактовъ столичной и провинціальной жизни.
- 75,000 карикатуръ общественной жизни, политики и театра.
- 10,000 (а можетъ быть и меньше) художественныхъ карикатуръ знаменитаго карикатуриста Ф. Гретца изъ Вѣны, приглашеннаго къ участію въ 1894 г. въ журналъ „Будильникъ“.
- Постоянное приложеніе къ каждому изъ 50 номеровъ журнала съ а) юмористическимъ календаремъ, б) веселыми пѣснями текущаго репертуара и в) разсказами изъ иностранной юмористики.
- Годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, главный выигрышъ:

„ФАУСТЪ“

бессмертное твореніе Гете, въ лучшемъ переводѣ Н. В. Трунина, съ десятью большими иллюстраціями художника-академика К. А. Савицкаго, исполненными фототипіей О. Ренаръ.

Полугодовые подписчики (въ Москвѣ 4 р. 50 к., для иногороднихъ 5 руб.) получаютъ половину выигрышей, но безъ права на главный выигрышъ („Фаустъ“).

По письменному соглашенію, ред. жур. „Будильникъ“ великодуш-но допускаетъ разсрочку: 5 р. при подпущкѣ и 5 р. 1 июня 1894 г.

Подписныя деньги—10 р. за годъ и 5 р. за 1/2 г.—просятъ адресо-вать: въ Москву, въ редакцію журн. „Будильникъ“

ФАБРИКА и ДЕПО ЧАСОВЪ Ф. ВИНТЕРА

по Невскому пр., домъ № 78, въ С.-Петербургѣ.
Рекомендуетъ громаднѣйшій выборъ часовъ всякаго рода съ ручательствомъ на два года.

Никелевые	отъ 6 руб.	до 20 руб.
Стальные (черные)	8	30
Серебряные мужскіе	10	100
„ дамскіе	10	30
Золотые дамскіе	25	225
„ мужскіе	40	800
Стѣнные часы	2	200
Регуляторы двухъ-недѣльнаго завода	15	100
Столовые часы	4	275
Будильники	4	100
Симфоніоны (музыкальн. инструм.)	6	110
Привинны	20	125
Вахенные часы	150	4000

По желанію гг. покупателей часы высматриваются съ наложеннымъ платежомъ. Подроб-ные прейсъ-курранты высылаются бесплатно. Ц. № 6667 2—2

МОЗГАВЛЯЕМЪ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ
XIX годъ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ годъ XIX.

„СТРЕКОЗА“ ОРГАНЪ ОСТРОСЛОВІЯ И ВЕСЕЛОПРАВІЯ.

для годовыхъ подписчиковъ
ТРИ ВЕЗІЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ.

- 1) II-й томикъ „РУССКОЙ ЛИРЫ“ въ роскошномъ переплетѣ. Въ составъ его войдутъ наиболѣе удачныя стихотворная вѣщцы преимущественно поэтовъ новѣйшаго времени.
- 2) Роскошный АЛЬБОМЪ-КАЛЕЙДОСКОПЪ in folio, въ изящной обложкѣ, отпечатанный на превосходной бумагѣ и содержащій разнообразныя вещи изъ области живописи, литературы, музыки, игръ, загадокъ, гаданій, и проч. Эта необычная главная премія „СТРЕКОЗЫ“ будетъ первымъ у насъ по своей оригинальности изданіемъ. Наконецъ 3-ю премію составитъ КАЛЕНДАРЬ „СТРЕКОЗЫ“ НА 1896 г. съ многочисленными рисунками и виньетками, во вкусѣ парижскихъ новогодиныхъ альманаховъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ съ преміями: въ СПб.—гдѣ безъ доставки 8 р. 50 к. въ С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 р. 25 к. съ доставкой 9 р. — съ доставкой. 4 р. 50 к. во всѣ города 10 р. — во всѣ города 5 р. — за границу 12 р. — за границу 6 р. — 1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться преміями, при подпискѣ на оба 1/2 годѣ доплачиваютъ по 50 к. за каждое.

Редакція и контора помещаются: 80, Фонтанка, на углу Лешукова пер., въ СПб. Издатель Г. К. Корифельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Бузал).

ПОСТУПИЛЪ въ ПРОДАЖУ
ЦѢНА 15 КОП.
ЗАКАЗЪ БАНД
28 КОП.

КАЛЕНДАРЬ

СОВРЕМЕННЫМЪ СТУПИНА НА 1894 г.
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,
СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ

АВГУСТЪ ИШАГО СЕМЕЙСТВА,
72 ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
(попы и вселенскіе, продолженіе) и приложеніемъ отъ него календаря, карты Европ. Россіи въ краскахъ и карты Сибир. жол. дор. Благодаря богатству содержанія, полнотѣ и точности справокъ, свѣдѣній, а также изяществу рисунковъ и портретовъ, онъ заслужилъ множество лестныхъ отзывовъ и периодич. печати. На 1 р. высыл. Банда, на 2 р. 11 экз., на 3 р. 18 экз.

Вѣсто желоча марканъ,
ПОЛУЧАТЬ МОЖНО у ИЗДАТЕЛЯ
МОСКВА,
А. Д. СТУПИНА НИКОЛЬСКАЯ УЛ.,
рядомъ съ Ремесленной впадою. Складъ въ С.-Петербургѣ,
у ТУЗОВА, КАЗИНА, СЫТИНА и ПАНДЕРИДИНА
и въ всѣхъ книгопродавцевъ въ Россіи.

Г. № 6656 2—2

МЫСЛИ О БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Мысли благоговѣйнаго христіанина о церквяхъ или обществѣ вѣрующаго, о храмѣ, о литургіи и о православномъ богослуженіи вообще. Изъ дневника Кронштатскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. М. 1894 г. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к., въ хорошемъ 2 р.

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Извлеченіе изъ дневника протоіерея Іоанна Сергіева (Кронштатскаго). М. 94 г. 2 тома съ портрет. автора, исполнен. фототипіей. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. и коленк. 3 р. 50 к. ПРОДАЮТСЯ у книгопродавца А. Д. Ступина, Москва, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Уравою. На пересылку прошу прилагать 20 коп. на каждый рубль.

Прекрасные подарки!
НОТЫ-НОВОСТИ:
 Бирюльки. Нов. сборн. легк. мел. пьесъ въ четыре руки подъ ред. проф. Лютъ. Ч. I и II по 1 р., въ-стѣ 1 р. 50 к., въ роск. пер. 2 р. 50 к.
 Что мнѣ сыграть? 77 легк. пьесъ и танц. въ 2 руки сост. Назель. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
 Маленький Листъ. 70 легк. пьесъ и танц. въ 2 руки сост. Назель. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
 Развеселые вечера. Альбомъ любимѣйшихъ танцевъ нынѣшн. сезона. Роск. изданіе. 1 р. 50 к.
 Цыганскія ночи. 50 цыг. нѣс. д. пѣвня съ акк. форт. 2-лести; кажд. по 2 р. 50 к., въ перепл. по 3 р. 50 к.
 Album des dames, сод. нов. салонныя пьесы 1 р., въ перепл. 2 р.
 Музыкальн. картины въ свѣт. писанія. 14 характер. пьесъ средн. трудн. соч. К. Рейнеке. 4 тетради по 1 р.
 Школы-самоучители для всѣхъ инструментовъ въ народн. экономическ. изд. Циммерманъ рекомендуетъ.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 С.-Петербургъ: Б. Морская, 34 и 40.
 Москва: Кузнецкій м., д. Захарына.
 Всылка немедленно.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ
 каталогъ и новости
 русской литературы для семейнаго круга.
КАТАЛОГЪ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
 и
 иностранныхъ журналовъ
 № 6672 высылаетъ 3—2
ВЕСЛАТНО
 книжный магазинъ
Ф. В. ЦЕЦАНСКАГО.
 С.-Петербургъ, Невскій пр., 34.

Выписывайте заблаговременно
 ♦ КЪ ПРАЗДНИКУ ♦
КАРМАНЫЕ ЧАСЫ
 только 4 р. 50 к.
 Английскія, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. ♦ 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. ♦ 5 штукъ — 20 руб. ♦ Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6638

1-й
ВЫИГРЫШ-
НЫЙ
 заемъ, 3 лираги тиражъ, продается на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, СПб. (6—5)

СТРАХОВАНІЕ
ПАССАЖИРОВЪ
 ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.
 Страховые билеты Общества „Россія“ продаются **НА ВОКЗАЛАХЪ ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ** предъ отходомъ поездовъ и во всѣхъ агентствахъ этого Общества. В. № 6626 6—2

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
 Часы никель отъ 6 р. 50 до 15 р.
 стальной черн. отъ 11 до 25 р.
 серебряные отъ 12 до 50 р.
 золотые отъ 25 до 500 р.
 регуляторы двухчелюстного завода отъ 17 до 55 р.
 Высылаю наложен. платежѣмъ Иллустр. прейсъ-куранты безплатно.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обратн. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15—5

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ РОЖДЕСТВУ.
РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:
СКАЗКИ,
 собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.
 ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. И. ПОЛЕВОГО,
 со множествомъ иллюстрацій П. ГРОТЪ-ЮГАННА.

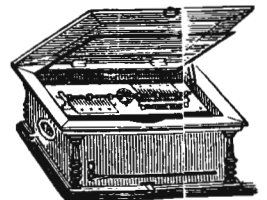

„Сказки“ представляютъ собою **БОГАТО** изданный томъ, — въ 4-ю долю листа, **на лучшей веле-невой бумагѣ**, — заключающей въ себѣ **548+XII** стран. и около **240** **высоко-художественныхъ** рисунковъ и виньетокъ.
 Цѣна этому богато изданному тому **12 р.**, съ перес. **14 р.**
 Въ роскошномъ колѣнкоровомъ переплетѣ, съ изящными тисненіями золотомъ и красками и цвѣтнымъ обрѣзомъ **14 р.**, съ перес. **16 руб.**

Это роскошное изданіе можно рекомендовать, какъ прекрасный и полезный подарокъ къ Рождеству. Изданіе будетъ **вполнѣ закончено къ 15-му декабря.** Желающихъ получить „Сказки“ просить заблаговременно прислать требованія и деньги, чтобы заказы ихъ могли быть исполнены своевременно.
 Для гг. подписчиковъ продаются колѣнкоровыя крышки для переплета полнаго собранія „Сказокъ братьевъ Гриммовъ“ по указанному образцу. Цѣна крышки **1 р. 25 к.**, съ пересыл. **2 р.**

ПОЛЕЗНЫЕ И ПРИЯТНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:
 лучшаго качества, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ:

ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛКИ
 съ музыкой 45 руб. Ноты по 3 коп.
СИМФОНІОНЫ
 съ ручкой 7 руб. Пьесы по 35 к.
 Заводи. 40 тонн. 18 р. Пьесы по 35 к.
 Заводи. 60 тонн. 35 р. Пьесы по 70 к.
 Заводи. 84 тонн. 55 р. Пьесы по 85 к.
 Заводные 84 тонн. Sublime Harmonie 100 р. Пьесы по 1 р. 10 к.
 Заводные Sublime Harmonie Piccolo 150 руб. Пьесы по 1 руб. 75 коп.

СИМФОНІОНЫ

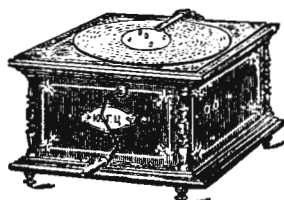
ГЕРОФОНЪ
 съ приспособ. для громкой и тихой игры 33 руб. Ноты по 60 коп.
МАЛЫЙ ФЕНИКСЪ
 цѣна 14 руб. Ноты по 40 коп.
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ
 цѣна 35 руб. Ноты по 80 коп.
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
 очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 75 р. Ноты по 1 р. 40 к., 2 р. 80 к. и дороже.
ПИАНО-МЕЛОДИКО
 (новый механическій инструментъ со струнами) цѣна инструмента безъ нотъ 100 р. Ноты отдѣльно по 80 коп. за метръ (= 1 1/2 арш.).

САМОИГРАЮЩІЙ ПИАНО-ОРКЕСТРІОНЪ

механическій музыкальный инструментъ со струнами, очень пріятнаго тона. Приводится въ дѣйствіе безопаснымъ маленькимъ двигателемъ. Цѣна безъ нотъ 250 р. Ноты по 80 коп. метръ.
 Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ
 цѣна 7 руб. Ноты по 25 коп.
АРИСТОНЪ ОРГАНЪ
 цѣна 25 руб. Ноты по 60 коп.
 Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

АРИСТОНЪ ОРГАНЪ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ. Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

НОВОСТИ для каждого полезны!!!
 Вновь изобрѣтены особые приборы-машинки для всакой комнатной и охотничьей обуви, а равно для галошъ. — Эти машинки нисколько не замѣтны и не издаютъ звука при комнатной ходьбѣ, также не портятъ полость, но на улицѣ, когда сколько, при незначительномъ нажимѣ легко открываются и вполнѣ гарантируютъ каждого (даже со слабыми ногами), чтобы не упасть. Особенно это важно для охотниковъ, ибо нередко бываютъ несчастные случаи при паденіи съ заряженными ружьями. Эти машинки можно прибавить также ко всякой обуви. **Цѣна имѣетъ отъ 1 р. до 2 р.**, съ перес. во всѣ города **2 р. 25 к.** Имѣются только въ магазинѣ обуви ортопедиста А. И. Высоцкаго въ С.-Петербургѣ, Николаевскій ул., д. № 14.
НОВОСТЬ ВТОРАЯ! Дамскія и мужскія высокія галоши фетровыя, низъ обтанутый кожей безъ шва: очень легки, прочны, теплы и сырости не боятся. Обувь мужская, дамская и дѣтская новѣйш. фасон. Охотнич. сапоги изъ новозобрѣтенной непромокаемой юфти. Заказы исполн. въ теченіе сутокъ. Прейсъ-куранты выс. за четыре 7 коп. марш. Всѣмъ учащимся скидка до 20%. Валенцы изъ снотоваго войлока высшаго качества, теплые, всякаго рода сапоги и чулки. № 6693
А. И. ВЫСОЦКІЙ.
 Подписчикамъ „Развѣдчикъ“ дѣляется скидка отъ 15 до 30%. СПб. Николаевскій ул., № 14.

PARFUMERIES
IXORA
ED. PINAUD
 Savon... à l'IXORA
 Essences... à l'IXORA
 Huile... à l'IXORA
 Poudre de Riz à l'IXORA
 37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS
GRAND PRIX
EXPOSITION-PARIS 1889

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ,
 самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемая по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Чѣмъя скрипка для учителя (собств. изобрѣт.). Мастерская для новичковъ. Рекомендациі отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Зингеръ и проч. Полѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
 Фабрика струнныхъ инструментовъ.
 Ц. № 6648 Нрейцнахъ. 4—2

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
 начиная отъ 12 руб. до 500 руб. блей.
 СОБСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ,
 УСТРОЕННЫЯ ЦѢЛЫМЪ,
 ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ БРУНО ЗЕНГЕРЬ И К^О
 С ПЕТЕРБУРГА, НЕВСКІЙ ПР. № 25-1.
 ОПТ. СКАДЪ-ВАРИАНТЪ ВОИНСКАГО ПУТЬЯ

ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ДИЗОЛИНЪ
ДЕЗОДОРИЗАЦІОННАЯ
ЖИДКОСТЬ
 Разр. СПб. Врачеб. Управ. Прод. въ лучш. аптеч. магаз. Оптов. продажа въ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
 СПб. площ. Александринск. театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметьевы. Варшава, Новый свѣтъ, 37. 8—8

XXIV г.

№ 51

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

1893

Выдава 18 декабря 1893 г.

Ц. этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Navas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ до-
ставки въ
СПБ. . . . 5 р.

Съ дост.
въ СПБ. . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою. . . . 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

Подписка въ
РАЗРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
съ. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1893 г. продолжается, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1893 г. №№ „Нивы“, со всѣми прилож., Худож. Альбомомъ, Сборникомъ, и пр.

Маленькій разбойникъ. Съ карт. Мазотта, грав. Кирмэсй.

Горсть брильянтовъ.

Быль конца прошлаго столѣтія **Кн. М. Н. Волконскаго.**

I.

Петиметръ.

Ваня Красноярскій, сынъ Захара Ивановича Красноярскаго, бригадира, участника Миниховскихъ походовъ, героя Очакова и Ставучанъ, имѣлъ полное право поступить въ гвардію и, записанный еще съ дѣтства въ одинъ изъ лучшихъ полковъ въ Петербургѣ, отправился туда, по достиженіи 18-ти-лѣтняго возраста, нацѣлствуемый благословеніями и молитвами матери и краткимъ наставленіемъ отца:

— Служи вѣрой и правдой, будь честенъ, ничего не проси и ни отъ чего не отказывайся.

Съ Ваней, проведеннымъ все свое дѣтство и юность въ родной Красноярскѣ, деревнѣ отца, и рѣдко бывавшимъ даже въ провинціальному ихъ городкѣ, былъ посланъ въ столицу старый крѣпостной слуга Захарычъ, на рукахъ котораго и выросъ, и воспитался Ваня.

У Красноярскихъ въ Петербургѣ жила дальняя родственница ихъ, богатая и важная дама, Анна Дмитриевна Борзая, о которой Красноярскіе изъ своего далека имѣли весьма высокое представленіе, и которую считали до нѣкоторой степени своею покровительницей, благодаря ея связямъ и богатству. Мать Вани, помня, что ея сыну придется ѣхать на службу въ Петербургъ, изъ году въ годъ къ большимъ праздникамъ посылала съ оказіей Аннѣ Дмитриевнѣ транспортъ гусей, индѣекъ, яблочковъ моченыхъ и всякихъ вареній и солений, которые та благосклонно принимала и постоянно „отписывала“. Письма ея, послѣ полученія приношеній, носили характеръ манифеста, но это служило лишь къ явшему увеличенію уваженія къ ней со стороны Красноярскихъ. И они оставались очень довольны.

Теперь, когда наступило, наконецъ, съ такимъ страхомъ ожидаемое матерью Вани время ѣхать ему въ Петербургъ, было отправлено предварительно письмо къ Борзой, сочиненное самимъ бригадиромъ при совмѣстномъ обсужденіи съ „ихнимъ засѣдателемъ“, челоуѣкомъ столичнымъ и не уступавшимъ, по мнѣнію сосѣдей, въ слогѣ самому Ломоносову.

Въ письмѣ говорилось, что Красноярскіе, чувствуя глубоко все благодаренія, оказанныя имъ Анной Дмитриевной, просятъ ее принять сына ихъ, Ваню, и не оставить его высокимъ покровительствомъ своимъ.

Хотя до сихъ поръ все благодаренія Борзой по отношенію къ Красноярскимъ заключались лишь въ томъ, что она получала ихъ гостинцы, она приняла все-таки слова какъ нѣчто должное, и не отказалась „продолжать“ благодарствовать имъ, отписавъ, что сынъ ихъ, Иванъ, можетъ пріѣхать прямо къ ней и жить у нея во флигелѣ, а она поручить своему сыну Андрею заняться молодымъ малымъ.

Судьба „молодого малаго“ была рѣшена такимъ образомъ, и онъ явился въ Петербургъ, въ сопровожденіи Захарыча, прямо въ домъ къ Борзой.

Его неуклюжій, деревенскій возокъ вѣхалъ во дворъ богатаго каменнаго, съ гербомъ на фронтонѣ, дома Борзой, и съ первой же минуты ихъ появленія тутъ Захарычъ сильно нахмурился, а Ваня испыталъ какое-то смутное, неясное чувство обиды. Возокъ ихъ вызвалъ цѣлый рядъ насмѣшекъ со стороны кучеровъ и толкавшейся на дворѣ челяди. Но Захарычъ съ серьезнымъ и рѣшительнымъ лицомъ, съ непривычною для Вани въ немъ солидностью, разспрашивалъ и распорядился. Ваня рѣшился вылѣзть изъ угла возка только тогда, когда возокъ подѣхалъ, наконецъ, къ крыльцу того именно флигеля, гдѣ было приготовлено имъ помѣщеніе, и когда Захарычъ самъ побывалъ во флигелѣ, и

тоже съ непривычною для Вани официальною проговорилъ ему, открывъ дверцу:

— Здѣсь-съ, пожалуйста выходите!..

Помѣщеніе—двѣ комнаты и людская—приготовленное для нихъ, показалось Ванѣ чудомъ роскоши въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ у себя въ деревнѣ, хотя это были въ домѣ Борзой самыя обыкновенныя комнаты, въ которыхъ жилъ когда-то гувернеръ Андрея.

Но очутившись въ этихъ комнатахъ и чувствуя сознание, что онъ, наконецъ, пріѣхалъ, что долгій и утомительный путь оконченъ, Ваня Красноярскій повеселѣлъ и потребовалъ скорѣе одѣваться.

Было около одиннадцати часовъ. Ваня, привыкшій обѣдать въ деревнѣ въ двѣнадцать, рѣшилъ, что поспѣеть еще до обѣда познакомиться съ хозяевами...

Захарычъ, не обращая вниманія на повеселѣвшаго Ваню, продолжалъ хмуриться, но все-таки, постоянно исчезая куда-то и возвращаясь то съ холодной водой для умыванія, то съ горячей для бритья, то еще съ чѣмъ-нибудь, сообщалъ собираемымъ имъ на лету у хозяйской прислуги свѣдѣнія про господъ въ руководствѣ, очевидно, Вани.

Такъ, Ваня узналъ отъ него, что молодой Борзой живетъ отдѣльно, вблизи главнаго корпуса дома, что у него свой собственный штатъ прислуги и свои лошади и кучера, что сама барыня заправляетъ всемъ, а барчукъ, по молодости, ни во что не входитъ и знаетъ только съ важными барами...

Ваня рѣшилъ, какъ одѣнется, отправиться сейчасъ же къ молодому Борзому, познакомиться съ нимъ, а затѣмъ пойти вмѣстѣ представиться самой Аннѣ Дмитриевнѣ.

Ваня видѣлъ до сихъ поръ только такихъ молодыхъ людей, какъ самъ онъ, а потому и въ Борзомъ думалъ встрѣтить сверстника себѣ, который, вѣроятно, обрадуется ему и приметъ его, какъ хозяинъ и столичный житель, подъ свое покровительство, и расскажетъ ему все, и покажетъ. Объ Аннѣ Дмитриевнѣ Ваня, изъ рассказовъ Захарыча, вынесъ впечатлѣніе, какъ о женщинѣ строгой, и уже заранѣе въ душѣ побаивался ея, но надѣялся на помощь ея сына, съ которымъ рассчитывалъ непременно подружиться.

И онъ пошелъ къ „Андрюшѣ“ (такъ уже онъ мысленно называлъ молодого Борзого) въ самомъ отличномъ расположеніи духа и съ самыми радужными надеждами.

Но разочарованіе явилось, какъ только онъ вступилъ въ покои „Андрюши“.

Во-первыхъ, онъ ужасно удивился, когда, спросивъ у лакея, можно-ли видѣть молодого барина, получилъ въ отвѣтъ:

— Не знаю-съ. Надо доложить... Только что встать изволили.

— То-есть, какъ же это встать? переспросилъ Ваня, и не подозрѣвавшій, что можно спать дольше семи часовъ утра.—Развѣ они больны были?

Лакей осклабился и съ извѣстной гордостью отвѣтилъ:

— Въ полномъ здоровьи находятся. Вчера изъ „клоба“ поздно пріѣхали и сегодня къ князю не ѣдутъ.

— Къ какому князю?

Лакей уже окончательно посмотрѣлъ на Красноярскаго сверху внизъ, какъ бы говоря ему: „да ты, кажется, совсѣмъ сѣрый“,—и, бросивъ небрежно въ отвѣтъ: „къ его сіятельству князю Платону Александровичу“, пошелъ докладывать.

Ванѣ пришлось долго ждать. Наконецъ, появился снова лакей, но не прежній, а другой, и попросилъ Ваню войти въ гостиную и опять „подождать“.

Если Ваня показались роскошными комнаты, отведенные для него, то гостиная, въ которую вошелъ онъ, была такова, что у него глаза разбѣжались и онъ растерялся даже. Потолокъ весь былъ расписанъ цвѣтами и амурами. Стѣны—затянуты серебристо-сѣрымъ штофомъ. Надъ большимъ мраморнымъ каминомъ висѣло венеціанское зеркало и около стоялъ экранъ, на которомъ были вышиты птицы. Коверъ съ букетами затягивалъ всю комнату. Мебель была розовая, съ фарфоровыми разрисованными вставками. На стѣнахъ висѣли картины. На одной изъ нихъ барыня въ желтой съ голубымъ шелковой робѣ, съ перьями на головѣ и палочкой въ рукахъ, сторожила овечекъ, совсѣмъ не похожихъ на тѣхъ, которыхъ видалъ Ваня у себя въ Краснояровкѣ, въ овчарнѣ. На другой картинѣ кавалеръ надѣвалъ атласный башмачокъ на ножку красавицы, и возлѣ нихъ тоже были овечки. У окна гостиной стояла золотая клѣтка, и въ этой клѣткѣ сидѣлъ попугай. Ваня никогда не видывалъ живого попугая. Онъ слышалъ только, что они могутъ говорить человѣчески. Попугай сильно заинтересовалъ его. Онъ подошелъ къ клѣткѣ. Попугай въ это время преспокойно чистилъ клювомъ крыло, но когда Красноярскій подошелъ къ нему, встопорчился весь, перебралъ по жердочкѣ ногами, замахалъ головою, и вдругъ какимъ-то страннымъ говоромъ произнесъ:

— Будешь... будешь... княземъ... дурракъ...

Ваня, несмотря на то, что зналъ способность попугая разговаривать, все-таки вздрогнулъ. Попугай клюнулъ озлобленно клѣтку.

„Занятно, подумалъ Ваня,—и попугай есть у него... Какъ это лакей сказалъ, гдѣ онъ былъ вчера—„клубъ“ какой-то. Нужно будетъ спросить, что это такое...“

И первоначальное представление его о молодомъ Борзомъ совершенно измѣнилось. Судя по обстановкѣ, въ которой тотъ жилъ, это была далеко не ровня ему, Ваня. Красноярскій заглянулъ въ щелку чуть растворенной двери въ сосѣднюю комнату. Тамъ кругомъ стояли богатые шкафы съ книгами—очевидно, библиотека.

„О, онъ должно-быть умный!“ подумалъ опять про Борзого Ваня.

„Дурракъ...“ прокартавилъ попугай.

Ваня опять вздрогнулъ.

Въ это время дверь растворилась, и изъ-за нея слышался голосъ:

— А, Красноярскій, какъ васъ номинуютъ—войдите сюда.

Краснояскій прошелъ черезъ библиотеку и очутился въ спальнѣ. Онъ съ перваго разу испугался—думалъ, что по недоразумѣнью попалъ не въ спальню къ Борзому, а въ комнату молодой дѣвушки.

И тутъ стѣны были покрыты штофомъ, но только голубымъ, и полъ затянута ковромъ. Надъ кроватью висѣлъ кружевной пологъ. Противъ окна стоялъ туалетъ съ зеркаломъ въ серебряной рамѣ и множествомъ пузырьковъ и баночекъ. У туалета сидѣлъ, очевидно, самъ Борзой. Но онъ не обратилъ никакого вниманія на вошедшаго Ваню.

Вокругъ него суетился господинъ, великолѣпно одѣтый въ шелковый кафтанъ. Они говорили по-французски и, очевидно, спорили.

Борзой повторялъ все „à la grecque“, а господинъ въ шелковомъ кафтанѣ „à l'oiseau royal“.

Наконецъ, шелковый кафтанъ побѣдилъ и принялся за щипцы, грѣвшіеся тутъ же на туалетѣ, на какомъ-то хитромъ приспособленіи. Когда споръ былъ оконченъ, Борзой обернулся къ Ванѣ:

— Ну, покажи себя, проговорилъ онъ, и оглядѣвъ Ваню, сказалъ что-то по-французски господину.

Оба они засмѣялись.

Пока Борзому припекали различными щипцами во-

лосы, онъ задавъ нѣсколько вопросовъ Ванѣ, и такъ, между прочимъ, сказалъ:

— Что-жъ ты не сядешь... садись!..

Краснояскій сѣлъ, и съ тѣмъ же любопытствомъ, съ которымъ разсматривалъ попугая, сталъ слѣдить за тѣмъ, что происходило передъ его глазами.

Долго провозившись съ завивкою пучкей, французъ надѣлъ, наконецъ, на лицо Борзому маску и сталъ пылить ему на голову надушенной пудрой, отъ которой Ваня чихнулъ нѣсколько разъ, что вызвало новый смѣхъ.

Напудривъ Борзого, французъ ушелъ, не поклонившись даже Ванѣ.

На смѣну французу явились лакеи.

Краснояскій и представить себѣ не могъ, что можетъ въ дѣйствительности существовать такое платье, гдѣ даже на спинѣ подкладка была шелковая, и такое тонкое бѣлье, которое надѣвали на Борзого.

— Это что-жъ такое? спросилъ онъ, не утерпѣвъ и показывая на кружева, которыя держалъ лакей въ рукахъ.

Борзой снова разсмѣялся.

— Это? Развѣ ты не знаешь, что такое манжеты? удивился онъ.—Покажи ему, велѣлъ онъ лакею.

Ваня посмотрѣлъ.

— Такихъ у нашей губернаторши нѣтъ, сказалъ онъ.

— Ужъ конечно—нѣтъ... подхватилъ Борзой.—Эти мнѣ тысячу рублей стоятъ.

— Тысячу рублей? чуть не привставъ, переспросилъ Красноярскій.

Наивность его, видимо, потѣшала молодого Борзого.

— Что-жъ, у князя есть кружева, отвѣтилъ онъ,—которыя—30,000 однихъ манжеты куплены.

Краснояскій чувствовалъ себя все болѣе и болѣе неловко.

— Это у князя Платона Александровича? робко произнесъ онъ.

Ему хотѣлось узнать, какой это князь.

— Ну, да, всеконечно.

— А какъ его фамилія?

— Кого, князя? ты не знаешь фамиліи князя Платона Александровича? Да ты совсѣмъ изъ другого монда прѣхалъ, мой любезный!.. Ты не знаешь князя Зубова?..

Ваня покраснѣлъ, понявъ, что должно-быть очень стыдно не знать, кто такой князь Платонъ Зубовъ.

И Борзой сталъ объяснять ему, что князь Зубовъ теперь „въ случаѣ“, что это первое лицо во всей Россіи, и что онъ, Борзой, у этого перваго лица состоитъ въ куртизанахъ, присутствуетъ при его туалетѣ и даже обѣдаетъ иногда у него... И что сегодня не поспѣлъ къ „туалету князя“ потому только, что вчера долго засидѣлся въ „клубѣ“.

Ваня ужасно хотѣлось спросить, что такое „клубъ“, но онъ воздержался, боясь вызвать опять насмѣшку...

Наконецъ, Борзого одѣли, опрыскали духами, онъ вырѣзалъ маленькіе кружочки изъ черной тафты и наклеилъ ихъ одинъ на щеку, другой на лобъ.

Лакеи ушли.

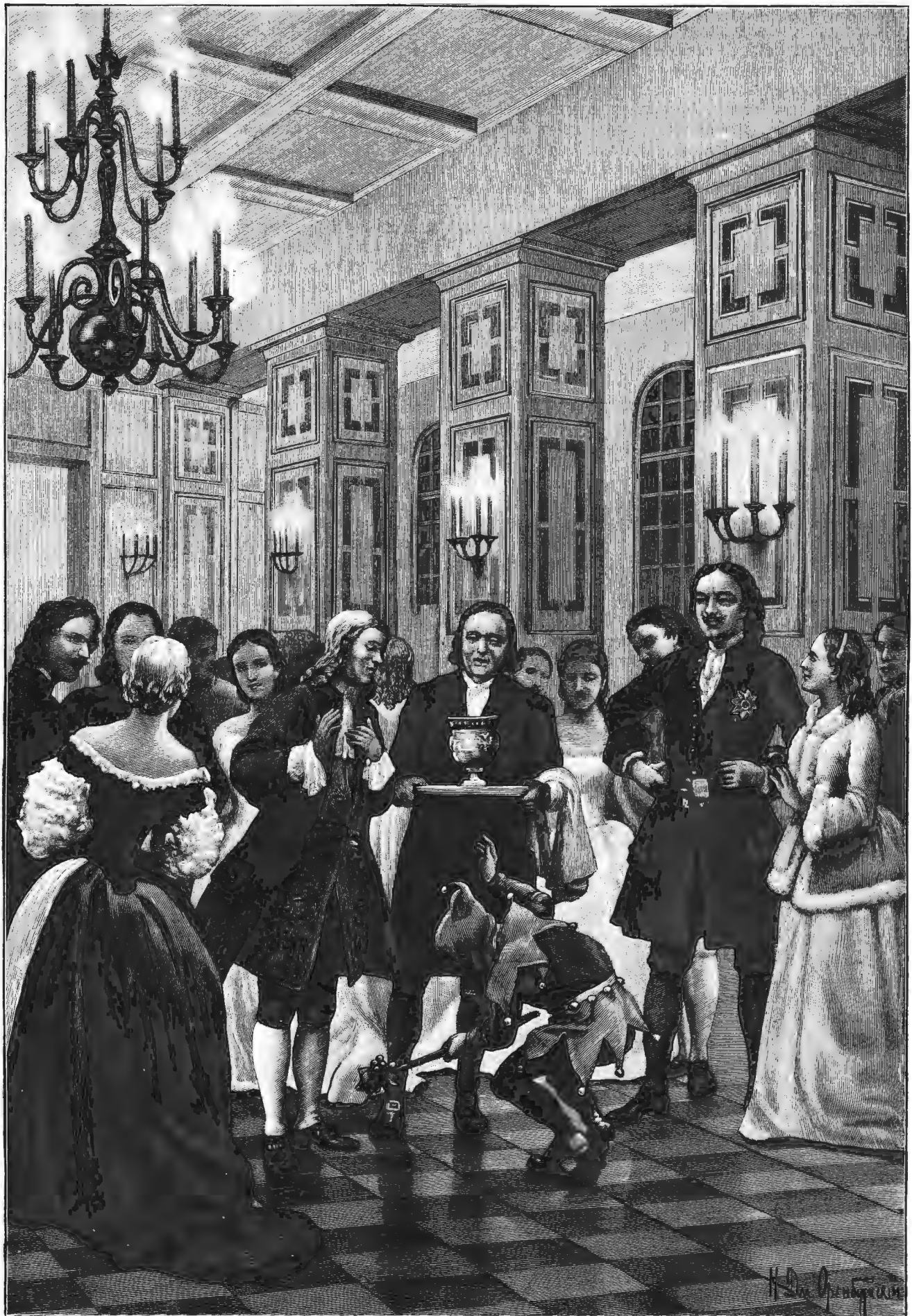
Борзой, повидимому, былъ совсѣмъ готовъ. По крайней мѣрѣ, онъ, повернувшись передъ зеркаломъ и при сѣвъ, проговорилъ:

— Ну, вотъ и я!.. Теперь мнѣ пора...

И онъ протянулъ руку Красноярскому.

— Вы уѣзжаете развѣ? спросилъ тотъ,—а я хотѣлъ просить васъ, чтобы вы представили меня вашей матушкѣ...

И Ваня покраснѣлъ до ушей. До сихъ поръ онъ избѣгалъ говорить Борзому „ты“ или „вы“ и старался составлять фразы безлично, но тутъ, къ досадѣ своей, у него сорвалось это „вы“, и онъ чувствовалъ, что такъ и впредь будетъ обращаться къ этому господину, который, не обвиняясь, „тыкалъ“ его...

Начало общественных увеселений въ Россіи. Ассамблея при Петръ Великомъ. Потчиваніе провинившагося гостя кубкомъ „Большого орла“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. Дмитріева-Оренбургскаго, грав. Хелмицкій.

Иллюстрація Гротъ-Юганна къ Гриммовской сказкѣ „Братецъ и сестрица“.
Гравюра, извлеченная изъ изданія А. Ф. Маркса „Сказки Бр. Гриммовъ“.

Борзой поднялъ брови и показалъ пальцемъ наверхъ.
— Туда? проговорилъ онъ, —туда я хожу только за деньгами... и всегда предпочитаю ходить въ такихъ случаяхъ одинъ... нѣтъ, ужъ ты презентуйся самъ... Ахъ, кстати, вдругъ добавилъ Борзой, — у тебя есть деньги?..

— Есть...

— Видишь-ли, я вчера проигралъ въ карты... У тебя гдѣ деньги?..

— У Захарыча, смущаясь, произнесъ Ваня.

Такого разговора онъ ужъ никакъ не ожидалъ.

— Кто это Захарычъ?

Ваня объяснилъ.

Борзой опять захохоталъ.

— И много? спросилъ онъ.

— Двѣсти рублей.

Борзой махнулъ рукой и, уходя уже, проговорилъ:

— Ну, мнѣ надо тысячу!..

Ваня только руками развелъ.

II.

Куртизаны.

Въ тотъ же день Борзой полетѣлъ къ своимъ товарищамъ, такимъ же „петиметрамъ“, какъ и онъ, и рассказалъ, что у него есть для нихъ новинка, — удивительная!.. Онъ описалъ Ваню Красноярскаго самымъ смѣшнымъ образомъ, передавалъ въ лицахъ его разговоры, неуклюжія манеры, описывалъ его деревенскій костюмъ и говорилъ, что если они хотятъ посмѣяться его „бономи и семплисите“, то нужно поспѣшить, и онъ ручается, что этотъ „соважъ“ уморитъ ихъ со смѣху.

Въ своемъ экстазѣ Борзой забылъ даже о неприятности вчерашняго проигрыша въ клубѣ, который ему нечѣмъ было заплатить. Онъ ходилъ къ матери просить тысячу рублей, но она наотрѣзъ отказала, сказавъ, что на прошлой недѣлѣ Андрей получилъ пятьсотъ рублей, и этого ему довольно.

Въ кругу молодыхъ людей, состоявшихъ, по французскому выраженію, „куртизанами“, а по-русски просто прихлебателями князя Зубова, заинтересовались диковинкой, появившейся у Борзого. Борзой, къ страшному своему удовольствію, былъ „въ модѣ“ цѣлый день и ѣздилъ, и рассказывалъ, и всѣ спрашивали его и слушали... Вечеромъ, на балу, даже самъ Зубовъ сказалъ Борзому:

— А я слышалъ, у тебя раритетъ какой-то?

Борзой такъ и расцвѣлъ весь.

— Чудо, ваше сіятельство, чудо, дитя лѣсовъ и пустыни... преинтересно...

И онъ рассказалъ нѣсколько уже сочиненныхъ имъ за день анекдотовъ про Красноярскаго, которые заставили смѣяться его сіятельство, князя Зубова.

Ваня, между тѣмъ, не подозревавшій, что служить предметомъ столькихъ толковъ, сидѣлъ у себя въ комнатѣ сильно смущенный.

Неужели всѣ молодые люди таковы въ столицѣ, неужели и онъ, чтобы не краснѣть, долженъ носить кружева тысячныя, проигрывать огромныя суммы въ карты, спать подъ кружевнымъ балдахиномъ и повѣсить на стѣну картинку, на которой кавалеръ надѣваетъ башмачокъ дамѣ?

Но откуда-жъ взять деньги на это?

Все его теперешнее богатство — двѣсти рублей, хранившіяся у Захарыча и казавшіяся тамъ, въ деревнѣ, очень и очень крупной суммой, оказывались здѣсь такими грошами, о которыхъ и думать даже было нечего...

И невольно мысли, одна другой мрачнѣе, замелькали въ головѣ бѣднаго Вани. Для его молодости, неопытности и свойственнаго юношескому характеру малодушія много было заманчивой прелести во всемъ томъ, что, какъ онъ видѣлъ, окружало Борзого. Было, правда, что-то тутъ такое, что инстинктивно претило Красно-

ярскому, но, несмотря на это, такъ и лѣзъ въ голову обидный вопросъ, отчего и онъ не можетъ такъ же вотъ жить, наслаждаться, а главное, не краснѣть за себя передъ какимъ-нибудь Борзымъ, въ сущности, такимъ же простымъ смертнымъ, какъ и онъ... Обидно, досадно, больно это было, но что же дѣлать?

„Хоть бы мало-мальски прилично обставиться, и то не хватить двухъ тысячъ“, думалъ Ваня, хотя совершенно не отдавалъ себѣ отчета, почему именно *двухъ* тысячъ не хватить... Одно только было ясно и несомнѣнно, что на двѣсти рублей ему положительно ничѣмъ въ Петербургѣ обзавестись нельзя.

— А что, деньги у тебя? спросилъ онъ у Захарыча, вошедшаго такъ, будто по своему дѣлу, но, въ сущности, зорко присматривавшемуся къ нему.

Захарычъ глянулъ на него исподлобья.

— У меня, гдѣ же имъ и быть... А вамъ что?..

— Нѣтъ, ничего, я такъ... Что-жъ, тебѣ нравится здѣшнее житье?..

Захарычъ отвернулся и ничего не отвѣтилъ.

— Покой-то какіе тутъ, продолжалъ Ваня.— Ты въ самомъ домѣ былъ, видѣлъ?.. У молодого барина былъ?

— Былъ.

— И поугая видѣлъ? спросилъ опять Красноярскій, думая, что такая диковинка, какъ поугай, непременно ужъ должна заинтересовать Захарыча и вызвать его удивленіе.

Но Захарычъ, попрежнему, остался равнодушнымъ.

— Это скворецъ-то заграничный?..

— Какъ—скворецъ?

— Ну, разумеется, у насъ скворцы говорятъ. Вонъ у дьячка покойнаго въ *нашей* церкви (вы его помните не можете, махоньки были) скворецъ тоже ученый былъ, такъ всякій напѣвъ зналъ и слова тоже мудрыя, а это что-жъ: одно названье и видъ заграничный, клювъ крючкомъ и въ перѣ сѣрый, а супротивъ дьячковскаго скворца ему не устоять. Ругается онъ и только. Кабы заняться, такъ можно какъ слѣдуетъ выучить...

— А ты развѣ умѣешь?

— А вы спросите, чего Захарычъ не умѣетъ...

И начавъ говорить о своихъ талантахъ, Захарычъ незамѣтно перешелъ на воспоминанія о Краснояркѣ, и думы Вани направились совсѣмъ въ другую сторону. Вскорѣ послѣ того, какъ молодой Борзой произвелъ среди петиметровъ сенсацію своими разсказами о Красноярскомъ и даже показалъ его нѣкоторымъ изъ нихъ, Зубовъ послѣ своего утренняго туалета, на которомъ присутствовали не только петиметры, но и нѣкоторые старые вельможи, оставилъ у себя нѣсколькихъ „куртизановъ“, въ томъ числѣ и Борзого, завтракать. Ему было скучно одному, и онъ хотѣлъ провести время среди такихъ же молодыхъ людей, какъ и самъ былъ. Последніе дни все къ нему приходили съ бумагами, которыми онъ и не понималъ, хотя старался показать обратное, и терпѣть не могъ... Онъ хотѣлъ попробовать устроить у себя „молодой“ завтракъ, не развеселить-ли его хоть это. Все ему пріѣлось, наскучило и надоѣло.

Но и завтракъ, позвидимому, не обѣщаль особеннаго веселья. Петиметры-куртизаны были въ восторгѣ, старались изо всѣхъ силъ вести оживленный разговоръ, но шутки ихъ казались плоскими и остроты не забавными.

Зубовъ сидѣлъ у письменнаго стола и, зѣвая, предавался любимому своему занятію — пересыпанью брильянтовъ и драгоценныхъ камней изъ ладони въ ладонь и на столъ. У него для этого была цѣлая шкатулка, верхомъ наполненная камнями.

— Боже мой, какая тоска все-таки! зѣвая, проговорилъ онъ.— До вечера еще сколько времени осталось, нужно прожить его, а дѣлать нечего...

— А что же вечеромъ? спросили его.

— Вечеромъ хоть комедія въ театрѣ, авось, она по-забавитъ.

— А вотъ если устроить „живую комедію“ сейчасъ! сказалъ кто-то изъ петиметровъ.

— Какъ же—сейчасъ?

— Да такъ, ваше сіятельство,—вотъ Борзой чудеса рассказывалъ про какого-то „соважа“, который очень интересенъ; если бы вы приказали ему привезти эту занятную персону сюда, можетъ-быть, презабавный бы фарсъ вышелъ.

Зубовъ улыбнулся.

— А въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ,—поѣзжай, Борзой. Этого, разумѣется, было достаточно, чтобы Борзой полетѣлъ кубаремъ.

Черезъ очень короткое время онъ явился съ Красноярскимъ.

Сначала, какъ только Борзой явился за нимъ, Ваня ни за что не хотѣлъ ѣхать къ Зубову.

Съ каждымъ днемъ пребыванія его въ Петербургѣ, чадъ и угаръ окружающей его жизни охватывали его все болѣе и болѣе. На яву и во снѣ, въ особенности, во снѣ, онъ грезилъ деньгами, при посредствѣ которыхъ онъ могъ бы зажить вольготно и счастливо. Счастье заключалось въ равенствѣ съ такими людьми, какъ Борзой и его товарищи. Конечно, Красноярскій считывалъ служить и заниматься службой, быть дѣльнѣе этихъ людей, но, по внѣшности, по обстановкѣ онъ чувствовалъ необходимость, по возможности, не отстать отъ нихъ.

Теперь комнаты, въ которыхъ онъ жилъ и которые въ день пріѣзда показались ему такими роскошными, были слишкомъ просты для него; свой лучший кафтанъ (сколько говорилось объ этомъ кафтанѣ въ деревнѣ, и какъ хлопотали о немъ, и какъ правились онъ тамъ всѣмъ!), этотъ кафтанъ онъ считалъ „постыднымъ“...

И когда Борзой явился къ нему съ требованіемъ ѣхать сейчасъ къ Зубову, онъ въ первую минуту показалъ на кафтанъ, говоря, что нужно ему подождать, пока будетъ готовъ новый, который онъ уже заказалъ себѣ.

Но Борзой такъ раскричался, такъ торопился, просилъ, уговаривалъ и приказывалъ, что Ваня самъ не помнилъ хорошенько, какъ очутился въ каретѣ, которая неслась уже во весь скокъ по направленію къ дворцу.

И пріѣхавъ къ Зубову, Красноярскій былъ словно какъ въ бреду; онъ не вполне ясно сознавалъ, что, собственно, происходитъ или произошло съ нимъ. Все это было какъ-то вдругъ, туманъ какой-то, суета Борзого, потомъ скачка въ каретѣ, потомъ роскошь, такая роскошь, что глаза разбѣжались, и, буквально, голова закружилась... И въ этомъ туманѣ выдѣляется одна центральная фигура, передъ которой не только онъ самъ, но и Борзой, и всѣ окружающіе тушуются:—это молодой красавецъ, писаный красавецъ, лѣниво облокотившійся на столъ, медленно пересыпая свободною рукой драгоцѣнные камни, которыхъ передъ нимъ стоитъ полная шкатулка...

Такъ вотъ онъ, Платонъ Зубовъ!.. Онъ даже и не кивнулъ головою на простой, русскій поклонъ Вани, вызвавшій неудержимый, громкій смѣхъ. Онъ только глянулъ на него и, когда кругомъ размѣялись, тоже показалъ свои крѣпкіе, бѣлые, ровные зубы въ улыбкѣ, еще болѣе скрасившей его и безъ того красивое лицо. Кругомъ заговорили, засмѣялись еще.

„Можетъ-быть, это такъ они, между собою, не надо мной“, подумалъ Ваня, стараясь успокоиться, но все время чувствуя на себѣ всеобщіе взгляды и страдая за свой кафтанъ, и уже внутренно браня себя, зачѣмъ пріѣхалъ.

Къ нему безпрестанно обращались съ вопросами, заговаривали съ нимъ. Онъ отвѣчалъ. Но не успѣвалъ онъ рта раскрыть, какъ раздавался уже хохотъ.

Наконецъ, онъ сѣлъ въ сторонку и замолчалъ.

„И что я вамъ сдѣлалъ?“ какъ бы спрашивалъ онъ, оглядываясь кругомъ.

Зубовъ какъ будто развеселился.

Къ Борзому онъ сталъ внимательнѣе, чѣмъ къ другимъ, и когда тотъ похвалилъ стоявшій на окнѣ кактусъ въ цвѣту—рѣдчайшій экземпляръ, присланный Зубову только что въ подарокъ кѣмъ-то изъ иностранныхъ пословъ, Зубовъ небрежно спросилъ его:

— Вамъ нравится?

Борзой сталъ хвалить еще больше.

— Я вамъ велю прислать этотъ цвѣтокъ, проговорилъ Зубовъ, и всѣ петиметры съ нескрываемою завистью обернулись на Борзого, но каждый постарался стать къ нему любезнѣе.

И словно въ программу этой любезности къ Борзому тоже входило приставанье къ привезенному имъ на общую потѣху Красноярскому: къ Ванѣ стали снова обращаться съ нарочно глупыми вопросами:

— Вы видали кактусъ?

— А затылокъ свой видѣли?

— А стекла въ окнахъ?

— А правда, что внутри Россіи сырое мясо ѣдятъ?..

Безсильная злоба подымалась уже въ душѣ Вани. Онъ отлично понималъ, что надъ нимъ смѣются, и понималъ, для какой роли его привезли сюда.

Онъ сжималъ кулаки и кусалъ губы, но дѣлать было нечего. Не слѣдовало ѣхать—это другой вопросъ.

И Ваня давалъ себѣ слово и дѣлалъ всевозможныя заклятья, что никогда уже ни за что не поѣдетъ по приглашенію Борзого и къ нему не пойдетъ... Ни за что!..

Когда пошли всѣ завтракать, Красноярскій думалъ, авось, не замѣтятъ его, и остался послѣднимъ въ кабинетѣ, надѣясь, что о немъ позабудутъ, но нѣтъ—вспомнили.

За нимъ пришелъ Борзой, потомъ еще нѣсколько человѣкъ и насильно почти потащили въ столовую. Его усадили за столъ.

За столомъ опять начались придирки и приставанья. Его потчивали, угощали, наливали ему вина.

— А отчего не пьете ничего господинъ... Красновка? вдругъ сказалъ, къ общему удовольствію, сосѣдь Красноярскаго, молодой человѣкъ, съ тупымъ, но нахальнымъ лицомъ.

И онъ взялся за бутылку, чтобы налить въ рюмку Красноярскаго.

Тотъ побагровѣлъ весь. Выпитое вино и долго сдерживаемое возбужденіе подѣйствовали на него, наконецъ.

— Это вы ко мнѣ-съ? спросилъ онъ.

— Да, къ вамъ-съ... отвѣтили ему въ тонъ.

— Ну, такъ я вамъ, сударь, скажу, что моя фамилія не Красновка, а Красноярскій, и это—дворянская, честная фамилія, за честь которой, если вы позволите оскорбить меня, я разведусь съ вами поединкомъ! вдругъ выпалилъ Красноярскій, и на этотъ разъ всѣ притихли.

Зубовъ поморщился.

Это было подъ самый конецъ завтрака. Почти сейчасъ же, можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого инцидента, встали изъ-за стола.

Перейдя снова въ кабинетъ, Зубовъ опять сѣлъ къ столу и принялся перебирать камни, но вдругъ остановился, сталъ внимательнѣе вглядываться въ нихъ, высыпалъ всю шкатулку на столъ и оглянулся на стоявшаго возлѣ него Борзого.

— У меня камней не хватаетъ, а передъ завтракомъ всѣ были, сказалъ онъ, такъ, впрочемъ, что остальные не могли слышать.

Онъ зналъ, оказывалось, всѣ свои камни наперечетъ.

Борзой, совершенно спокойный, наклонился къ нему.
— Не можетъ быть, чтобы кто-нибудь изъ здѣсь присутствующихъ... началъ онъ.

Зубовъ обвелъ глазами всѣхъ находившихся въ комнатѣ. Они всѣ очень весело разговаривали, послѣ завтрака, очевидно, сдѣлавшись посвободнѣе. Одинъ Красноярскій сидѣлъ въ углу, пасунившись.

— А за него вы отвѣчаете? показавъ глазами Зубовъ на него.

Борзой вдругъ густо покраснѣлъ.

Зубовъ понялъ, что причина этой красноты та, что Красноярскій былъ привезенъ Борзымъ.

— Можно сдѣлать обыскъ... сказалъ Борзой, совсѣмъ понижа голосъ, почти на ухо Зубову.

— Здѣсь, у меня? поморщился тотъ.

— Можно сдѣлать такой финтъ, чтобы всѣ сняли кафтаны и камзолы, и подъ этимъ предлогомъ...

Зубовъ кивнулъ головой.

Борзой подошелъ къ остальному обществу и вмѣшался въ разговоръ.

Черезъ нѣсколько времени онъ очень ловко предложилъ идти всѣмъ играть на бильярдѣ.

Всѣ согласились и шумно направились въ бильярдную. Тамъ Зубовъ первый показалъ примѣръ и снялъ не только кафтанъ, но и камзолъ, предложивъ и остальнымъ сдѣлать то же самое.

Всѣ, въ особенности, тѣ, у кого, какъ у Борзого, рубашки были изъ тончайшаго батиста, успѣли послѣдовать его примѣру. Только Красноярскій оставался стоять, въ углу у стѣнки, не двигаясь.

Самъ Зубовъ подошелъ къ нему.

— А что же вы?

— Я... ваше сіятельство, отвѣтилъ Красноярскій, титулуя Зубова, потому что всѣ титуловали его кругомъ,—на бильярдѣ не играю.

Зубовъ вспыхнулъ.

— Но разъ я снялъ кафтанъ и камзолъ—этикетъ требуетъ, чтобы всѣ сдѣлали то же самое. Я вамъ приказываю снять кафтанъ.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо Вани.

Онъ стоялъ, опутивъ глаза и безсильно держа руки.

— Ну, что же? повторилъ Зубовъ.

— Ваше... сіятельство... я не могу... не могу снять кафтана!.. чуть слышно проговорилъ онъ.

Зубовъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Я, къ сожалѣнію, знаю, почему вы не можете снять вашего кафтана, сказалъ онъ.—Стыдно. Ступайте сей же часъ вонъ отсюда. Слышите!..

И онъ показавъ Красноярскому на дверь.

Ваня стоялъ, какъ ошеломленный, словно не понимая, что съ нимъ.

— Слышали—вонъ ступайте! раздавался надъ его ухомъ выразительный шопотъ Борзого.

И Борзой, крѣпко захвативъ его за локоть, почти насильно вывелъ изъ комнаты.

III.

Скверное дѣло.

Произойди такое дѣло въ чьемъ угодно домѣ—очень можетъ быть, что оно осталось бы безъ послѣдствій и не сдѣлало бы никакого шума, но пронажа горсти брильянтовъ у самого князя Зубова не могла пройти безслѣдною. О ней узнала сама императрица, и полицейскіи и судебныя власти, всѣ, какъ одинъ человекъ, стали на ноги, чтобы во что бы то ни стало найти украденныя драгоценности.

Путь поисковъ былъ ясень. Не только подозрѣніе падало на явившагося недавно изъ далекой глуши „молодчика“ Красноярскаго, но даже существовала полная увѣренность, что кража произведена имъ.

Всѣ находившіеся у князя были люди богатые или,

по крайпей мѣрѣ, извѣстные за таковыхъ,—одинъ Иванъ Красноярскій завѣдомо былъ нищій почти въ сравненіи съ ними. Ясно, что онъ могъ польститься на драгоценныя камни. Затѣмъ вспомнили, что онъ одинъ оставался въ кабинетѣ, когда всѣ уже ушли въ столовую завтракать, и, главное, не пожелалъ снять кафтана, когда всѣ это сдѣлали совершенно охотно, при чемъ снятые кафтаны были осмотрѣны самимъ княземъ на всякій случай, но нигдѣ брильянтовъ не оказалось.

Красноярскаго арестовали. Отъ него требовали полного признанія, но онъ не сознавался ни въ чемъ, а упорно утверждалъ, что никакихъ брильянтовъ не бралъ и въ мысляхъ не имѣлъ брать ихъ. Самый тщательный обыскъ, сдѣланный у него, не открылъ ничего: брильянты исчезли. Допрашивали слугу Красноярскаго, старика крѣпостного, но тотъ повторялъ только, что животь готовъ положить свой, что барчукъ его, Иванъ Захарычъ, не могъ на такое скверное дѣло пойти. Старикъ рыдалъ навзрыдъ во время допроса, клялся и божился, но ни слезамъ его, ни клятвамъ никто не внялъ. Ничего не добившись отъ Захарыча, его прогнали и больше не тревожили.

У Борзыхъ, конечно, не стали держать человекъ арестованнаго Красноярскаго, и Захарычъ поселился по соседству у одной вдовы бывшаго придворнаго истопника, принявшей въ немъ участіе изъ жалости и уваженія къ его старости, хотя сама она была тоже не молодыхъ лѣтъ.

Захарычъ вполнѣ понималъ, что во всемъ Петербургѣ, кромѣ него, стараго, никого нѣтъ у его „дѣтяти“, какъ онъ мысленно до сихъ поръ еще называлъ Ваню, и некому, рѣшительно некому, кромѣ него, заступиться за „дѣтятку“, но что же онъ, холопъ, крѣпостной человекъ, можетъ сдѣлать?—Кто станетъ его слушать, кто обратитъ на его слова вниманіе?..

Захарычъ, однако, ночи не спалъ, думая о томъ, что сдѣлать, чтобы не дать въ обиду барчука, возвращеннаго и взлѣбляннаго имъ съ дѣтства и порученнаго его попеченію.

Къ кому обратиться?

Захарычъ помнилъ, что у нихъ, въ провинціи, когда ему случалось ѣздить по барскимъ дѣламъ въ городъ, во всѣхъ мѣстахъ могущественною силою было одно всегда лицо—„секретарь“. Секретарь захочетъ—и все будетъ.

Онъ зналъ, что и тутъ, въ столицѣ, разъ забрали его дѣтятку, значитъ—писали бумаги, подшили ихъ въ синюю обертку, стало „дѣло“, а разъ есть „дѣло“, значитъ, и „секретарь“ существуетъ.

Подробности происшествія у Зубова Захарычъ зналъ до самыхъ мельчайшихъ тонкостей черезъ прислугу Борзыхъ, которая съ тѣхъ поръ, какъ стряслось надъ ними несчастіе, совершенно измѣнилась къ старику.

На дворнѣ у Борзыхъ его жалѣли, и прислуга, слыша, что говорилось въ барскихъ комнатахъ, передавала все подробно Захарычу. А говорилось, видно, много, потому что что ни день, то Захарычъ получалъ дополненія или разъясненія.

Отъ самого Вани узнать онъ ничего не могъ. Красноярскій пріѣхалъ отъ Зубова внѣ себя, растерянный, разстроенный. Захарычъ сталъ его разспрашивать, но ничего не могъ добиться толкомъ. Понялъ только, что Ваню крѣпко обидѣли чѣмъ-то. Въ тотъ же вечеръ пришли и забрали его.

Съ тѣхъ поръ Захарычъ не видѣлъ своего „дѣтяти“

По чувству, по душѣ онъ готовъ былъ идти на какую угодно казнь и пытку, доказывая, что его барчукъ не станетъ чужимъ пользоваться, а, напротивъ, свое еще всѣмъ отдастъ, но долженъ при этомъ былъ сознаться, что обстоятельства говорятъ противъ. Какъ это все случилось—Захарычъ не зналъ, но видѣлъ, что

Мученица. Съ карт. Эрлихъ, грав. Бонгъ.

есть причины обвинить Ваню. Зачѣмъ онъ остался одинъ въ кабинетѣ, зачѣмъ кафтана не снять?

Передъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ Захарычъ становился втупикъ, и все-таки не могъ допустить, что сынъ Захара Ивановича, бригадира Красноярскаго, пошелъ на такое подлое дѣло.

Начавъ искать „секретаря“, Захарычъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока, дѣйствительно, не нашелъ его въ подлежащемъ вѣдомствѣ и мѣстѣ.

Секретарь за двѣ красненькія (изъ двухсотъ рублей, хранившихся у Захарыча) устроилъ ему „свиданіе“ съ заключеннымъ Ваней.

Ваня очень обрадовался ему. Оба они заплакали, обнялись. Ваня поклялся ему на образъ, что не только горсти брилліантовъ не бралъ, но даже не прикоснулся ни къ одному камешку. Захарычъ повѣрилъ ему и сталъ спрашивать о кафтанѣ.

Ваня закрылъ лицо руками и снова заплакалъ.

— Не могъ я снять, заговорилъ онъ,—этого кафтана, потому что, во-первыхъ, не зналъ, на какой конецъ требуютъ съ меня это, а главное, потому, что на спинѣ у меня въ этомъ кафтанѣ, замѣсто подкладки, подшиты лоскуты матушкиной юбки. Она, вѣдь, мнѣ юбку, чуть-ли не лучшую, на подкладку-то дала. Все равно, говорила, кромѣ Захарыча да тебя никто не увидитъ, что у тебя подшито тамъ, такъ что-жъ тутъ тратиться, а, вѣдь, знаешь, юбка-то была съ разводами и цвѣтами... съ цвѣтами, Захарычъ, всхлипнувъ, повторилъ Ваня,—такъ какъ же мнѣ было при всѣхъ показать это, вѣдь, и безъ того надо мной смѣялись... а тутъ вдругъ еще съ цвѣ...тами...

И Ваня снова залился слезами...

— Голубчикъ ты мой, бѣдненькій... приговаривалъ Захарычъ.—Вѣрь ты мнѣ, что никогда Господь не попуститъ неправдѣ совершиться... Испытаніе пошлетъ Онъ, если съ пути человекъ, угодный Ему, свернуть вздумаетъ, по правда всегда наружу выйдетъ... Будемъ надѣяться на Его милосердіе, а я, что могу, буду стараться: случись что съ тобою, все равно въ гробъ лягу.

Такъ на этомъ и разстались старый слуга и его юный, оставленный на его холопскія заботы, барчукъ.

Теперь Захарычъ словно головою выше сталъ. Ни малѣйшаго уже сомнѣнія не было у него, что не виновать его Ваня.

Главное темное обстоятельство было выяснено. Кромѣ того, онъ возлагалъ большія надежды на секретаря. Секретарь для него былъ все. По его мнѣнію, онъ могъ, если бъ захотѣлъ только, все сдѣлать.

Онъ явился къ секретарю весь сияющій.

— Помогите, заговорилъ онъ,—будьте отцомъ милосерднымъ, теперь досконально знаю, что Иванъ Захарычъ Красноярскій не виновентъ.

И она объяснилъ причину, почему не снялъ Ваня кафтана. Но на секретаря это объясненіе вовсе не подействовало такъ радостно, какъ на него самого. Оно, въ сущности, никакъ не подействовало на секретаря.

— Конечно, разныя экспликаціи бываютъ юридически уголовныхъ конъюнктуръ!.. сказалъ онъ, поднявъ брови.

Захарычъ ничего не понялъ изъ этой фразы, но убѣдился по тону, которымъ она была произнесена, что и секретарь совершенно равнодушенъ къ „ихъ“ дѣлу.

Онъ зналъ „обычай“ и постарался заинтересовать секретаря.

— Мои господа за деньгами тамъ, коли расходы какіе нужны, не постоятъ.

Секретарь сталъ какъ будто внимательнѣе и произнесъ со вздохомъ:

— Съ деньгами сдѣлать все можно: и оправдать, и окончательно обѣлить, смотря какія деньги...

— Большія! съ увѣренностью рѣшилъ Захарычъ.

— Ну, а какъ все-таки?

— Да ежели, чтобъ совсѣмъ обѣлить, такъ полтора-ста рублей можно дать.

Секретарь вытянулъ губы.

— Э-э... свистнулъ онъ,— на этомъ и мараться не стоить.

— Можно и сто шестьдесятъ, поправился Захарычъ, думая, что эта ужъ цифра, навѣрное, прельститъ секретаря.

Но тотъ только головою помоталъ.

— Неужели-жъ и ста восьмидесяти будетъ мало, уже упавшимъ голосомъ проговорилъ Захарычъ.

Это было все, чѣмъ могъ располагать онъ.

Секретарь рукою махнулъ:

— Тутъ дѣло тысячами пахнетъ, любезнѣйшій, а ты съ пустяками суешься...

Захарычъ переступилъ съ ноги на ногу, смялъ шапку въ рукахъ и, поднявъ на секретаря глаза, совсѣмъ полные слезъ, спросилъ:

— Неужели-жъ такъ и пропадать барскому дитяти не за что?..

Но секретарь не сталъ разговаривать дольше.

„Тысячами пахнетъ! разсуждалъ Захарычъ, идя домой,—сто восемьдесятъ рублей—пустяки для нихъ; ну, народъ, ну и кровопивцы же... Это чтобы невиннаго-то обѣлить!..“

Онъ зналъ, что тысячей не откуда взять не только ему, но и самимъ господамъ его. А что сдѣлается со стариками, какъ они узнаютъ, что случилось съ ихъ ненагляднымъ Ванюшей...

„Ее-то, голубушку-барыню, жаль!“ думалъ Захарычъ, и крупныя слезы текли по его старческимъ, сморщеннымъ щекамъ...

IV.

Правда.

Захарычъ рѣшился на послѣднее средство. Пошелъ онъ просить „тысячъ“ у самой Анны Дмитриевны Борзой, которая хотя и велѣла прогнать его, чтобъ онъ и на глаза не смѣлъ показываться, но Захарычъ думалъ, что все-таки упросить ее.

Однако, у Борзой даже докладывать о немъ не захотѣли.

— Говорятъ тебѣ, пояснялъ ему самъ дворецкій,—что и беспокоить не смѣемъ, такой ужъ приказъ вышелъ. Сказано—нельзя.

— Нельзя, повторялъ онъ на безконечныя просьбы Захарыча,—и радъ бы, да нельзя.

Въ это время въ офиціантскую, гдѣ объяснялся дворецкій съ Захарычемъ, вбѣжалъ мальчишка-казачокъ, который былъ при молодомъ баринѣ.

Правое ухо у него было изсиня-красное и ревѣлъ онъ благимъ матомъ.

— Ты чего? окликнулъ его дворецкій.

— Да какъ же, Фока Васильичъ, за што-жъ онъ дерется!—Онъ говоритъ: ты, говоритъ, мнѣ растенію княжескую залилъ, что князь мнѣ прислалъ, повяла она; а вотъ крестъ святой—я не заливалъ, а самъ видѣлъ, какъ онъ въ землѣ копался, камушки оттуда вытаскивалъ—оттого она и повяла, а онъ меня за ухо...

Захарычъ такъ и задрожалъ весь.

— Ка... какіе камушки? чуть выговорилъ онъ.

— Извѣстно,—самоцвѣтныя.

Дворецкій, взглянувъ на Захарыча, должно-быть, тоже сообразилъ...

— Чтобъ и духу твоего не было! крикнулъ онъ на казачка,—болтай тутъ вздоръ всякій... Ты у меня повтори только... запорютъ тебя до смерти... покажутъ, какъ за господами подсматривать... и, обернувшись къ Захарычу, онъ добавилъ, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе:—Ну, Матвѣй Захарычъ, это ужъ выходитъ не нашего ума дѣло. Вы меня не путайте—все равно отре-

кусь,—да и вамъ не совѣтую. Потому, госпожа Борзая всегда сильнѣе господъ Красноярскихъ окажется...

— Ну, а Богъ-то сильнѣе всѣхъ будетъ! проговорилъ въ свою очередь Захарычъ, и сталъ собираться уходить.

Въ домѣ Борзыхъ видѣли его еще одинъ только разъ—въ тотъ же день вечеромъ. Больше онъ не показывался.

Въ этотъ вечеръ лакей, вынесшій чистить попугая молодого барина и отлучившійся, нашелъ въ клеткѣ птицу мертвою...

Прошло двѣ недѣли.

И вдругъ во дворцѣ случился переполохъ. Разказывали слѣдующій, почти невѣроятный, случай:—Государыня, имѣвшая обыкновеніе вставать очень рано, въ шесть часовъ утра, какъ всегда, встала, зажгла свѣчи, перешла въ уборную, гдѣ извѣстная ей камчадалка Алексѣева подала ей теплую воду для полосканія горла и ледъ для обтиранія лица, и затѣмъ отправилась въ свой рабочій кабинетъ, куда подали ей кофей. Сидя за кофеемъ, императрица услышала, что въ сосѣдней комнатѣ говоритъ кто-то. Она прислушалась.

— Красноярскій не виноватъ, услышала она ясный, но довольно странный чей-то говоръ.

— Красноярскій не виноватъ, повторили опять.

Государыня встала и вышла въ сосѣдную пріемную. Тамъ никого не было, но слова слышались въ третій разъ тѣ же самыя.

Тогда она догадалась, въ чемъ дѣло.

Въ комнатѣ стоялъ попугай въ клеткѣ, купленный недавно и принесенный вчера только сюда.

Государыня, память которой сохраняла иногда фамиліи, разъ, мелькомъ, услышанныя, вспомнила, что имя Красноярскаго почему-то знакомо ей, и недавно.

Это заинтересовало ее.

Немного погодя, попугай повторилъ опять свою фразу.

Въ тотъ же день Екатерина велѣла навести справку, откуда былъ купленъ попугай во дворецъ.

Оказалось, что онъ былъ приобрѣтенъ при посредствѣ Алексѣевой. Алексѣева же узнала о попугаѣ черезъ вдову бывшаго дворцоваго истопника, съ которой знакома давно. У вдовы живетъ на квартирѣ старичокъ. Онъ и предложилъ продать попугая, такъ какъ, якобы, у него это былъ послѣдній источникъ для получения какихъ-либо средствъ.

Старичокъ этотъ—Матвѣй Захаровъ, крѣпостной че-

ловѣкъ господъ Красноярскихъ, изъ которыхъ одинъ обвиняется въ кражѣ у сіятельнаго князя Платона Александровича горсти брильянтовъ.

Государыня, получивъ эти справки, ничего не сказала, но Алексѣевой велѣла негласно провести къ себѣ стараго и вѣрнаго слугу Красноярскихъ.

Захарычъ явился и, повалившись въ ноги, разказалъ все дѣло, какъ зналъ, разказалъ, что дѣлалъ все, что могъ, но нигдѣ его не слушали, и тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ своей хитрости. А попугая досталъ слѣдующимъ образомъ:—у одной генеральши, въ сосѣднемъ домѣ съ тѣмъ, въ которомъ онъ жилъ теперь, околѣлъ попугай, какъ разъ въ тотъ день, когда Захарычъ узналъ отъ казачка о камняхъ. Попугай этотъ былъ точь-въ-точь такой, какъ Захарычъ видѣлъ въ комнатахъ Борзого. Онъ счелъ такое совпаденіе знаменательнымъ, и тутъ же ему пришелъ въ голову его смѣлый планъ. Подмѣнить живого попугая на мертваго было легко, тѣмъ болѣе, что Захарычъ зналъ время, когда чистили попугая. Въ недѣлю онъ научилъ попугая говорить нужныя ему слова и продалъ его во дворецъ, въ надеждѣ, что онъ будетъ поставленъ въ покои государыни.

Екатерина велѣла въ тотъ же день бывшему у ней съ докладомъ оберъ-прокурору лично разобрать это дѣло, и изъ подробнаго слѣдствія выяснилась полная невиновность Красноярскаго.

Уличенный Борзой сознался во всемъ: онъ проигралъ въ клубѣ солидный кушъ, просилъ денегъ у матери, которая ему отказала, пытался занять, но и въ долгъ ему не дали, и тогда онъ рѣшился взять горсть драгоценныхъ камней изъ шкатулки князя Зубова, увѣренный, что это для князя такіе пустяки, которые онъ не замѣтитъ. Камни же онъ засунулъ въ землю горшка кактуса, подареннаго ему въ тотъ же день княземъ. Такимъ образомъ, собственно, брильянты не онъ унесъ, но они были ему присланы вмѣстѣ съ кактусомъ.

Успѣлъ же онъ продѣлать все это, когда выходилъ изъ столовой звать Красноярскаго и остался одинъ въ кабинетѣ послѣ того, какъ Красноярскаго увели...

Оправданный Красноярскій поступилъ въ полкъ и впоследствии отличился подъ командою самого Суворова.

Фамилія его, подъ которою онъ дѣйствуетъ здѣсь, въ разказѣ,—вымышленная. Мы-бы сообщили настоящую, если-бы имѣли на то право.

конецъ.

Въ чемъ счастье?

Индійскій разказъ Ар. П—а.

Въ южной Индіи, въ Пугнапурѣ, жилъ богачъ. Пятьдесятъ тысячъ рупій стоилъ одинъ дворецъ его, весь изъ чернаго мрамора, а цѣнность хранившихся въ подвалахъ этого дворца сокровищъ превышала всякое представленіе человѣческое.

И позвалъ однажды богачъ этотъ трехъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Дѣти мои! Нѣтъ богаче меня никого на свѣтѣ, и, чтобы не дѣлать моего богатства, хочу я сдѣлать своимъ наследникомъ одного только изъ васъ. Вотъ три шкатулки изъ слоновей кости. Въ каждой изъ нихъ по четыре тысячи рупій. Возьмите ихъ и ступайте на три года, куда хотите. Я положилъ оставить наследство тому, кто самъ сумѣетъ устроить свою жизнь счастливѣе другихъ.

Три года миновали, какъ одинъ день.

Наступилъ срокъ, когда вернуться сыновьямъ. Старикъ-отецъ устроилъ пиръ и позвалъ на пиръ множество гостей.

Только что гости начали пировать, раздвинулись парчевые занавѣсы входа, и вошелъ купецъ въ дорогихъ одеждахъ.

Онъ поклонился хозяину и заговорилъ:

— Я Лахмана, старшій сынъ твой. Три года тому назадъ я вышелъ изъ этого дома, чтобы устроить самому жизнь свою счастливо. Видѣлъ я, что всѣ люди стремятся къ наслажденію и понималъ, что средство для полученія счастья на землѣ—золото. И накупилъ я благовоищаго масла, куреній, ароматовъ и приностей, приобрѣлъ верблюдовъ, нагрузилъ ихъ слоновью костью и шелками и отправился торговать въ далекія страны. Я куска не доѣдалъ и ночей не досыпалъ и

трудился безъ устали. Теперь я достигъ большого богатства не снявъ за меня рабы, а я могу ни въ чемъ себѣ не отказывать.

Гости почтительно смотрѣли на Лахману.

— И ты счастливъ? спросилъ его отецъ.

— Когда я былъ въ горахъ Кафиристана, отвѣчалъ Лахмана, — услышалъ я разъ, лежа въ шатрѣ, какъ погонщикъ моихъ верблюдовъ илъ пѣсню. Пѣсня эта была полна выраженія свободы и счастья и запала глубоко мнѣ въ душу.— „Можно быть счастливымъ и въ рубищѣ погонщика“, подумалъ и впервые тогда...

— Ну, а самъ ты, ты счастливъ? снова спросилъ отецъ Лахману.

Но Лахмана не отвѣтилъ. Ему нечего было больше отвѣтить на этотъ вопросъ.

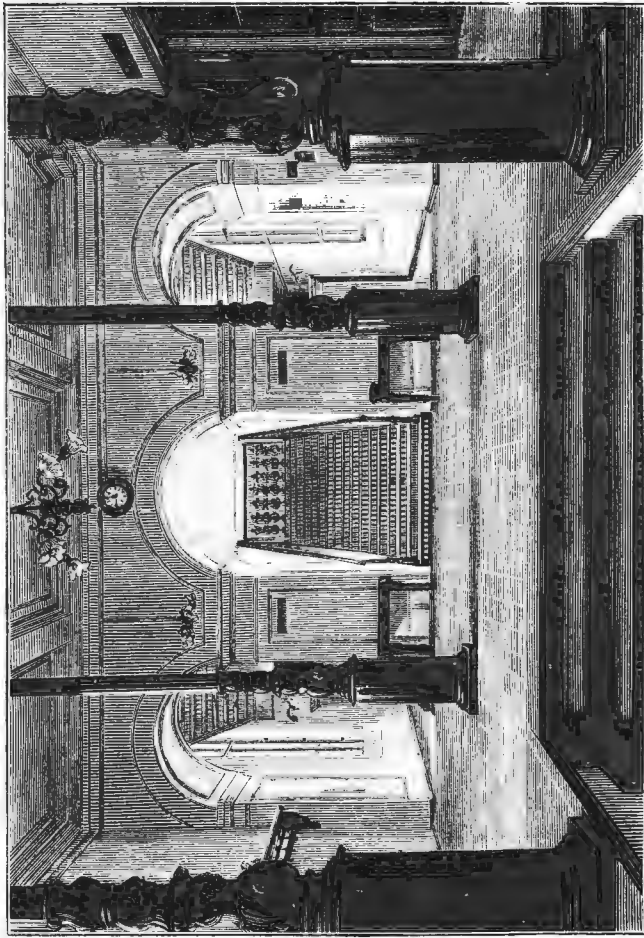
Въ это время крики и шумъ раздались у входа. Слуги не хотѣли впустить на пиръ нищаго, желавшаго пройти туда. Но онъ растолкалъ слугъ и ворвался въ покои.

— Я Дасарата! крикнулъ онъ хозяину, — я второй сынъ твой! Всѣ ахнули.

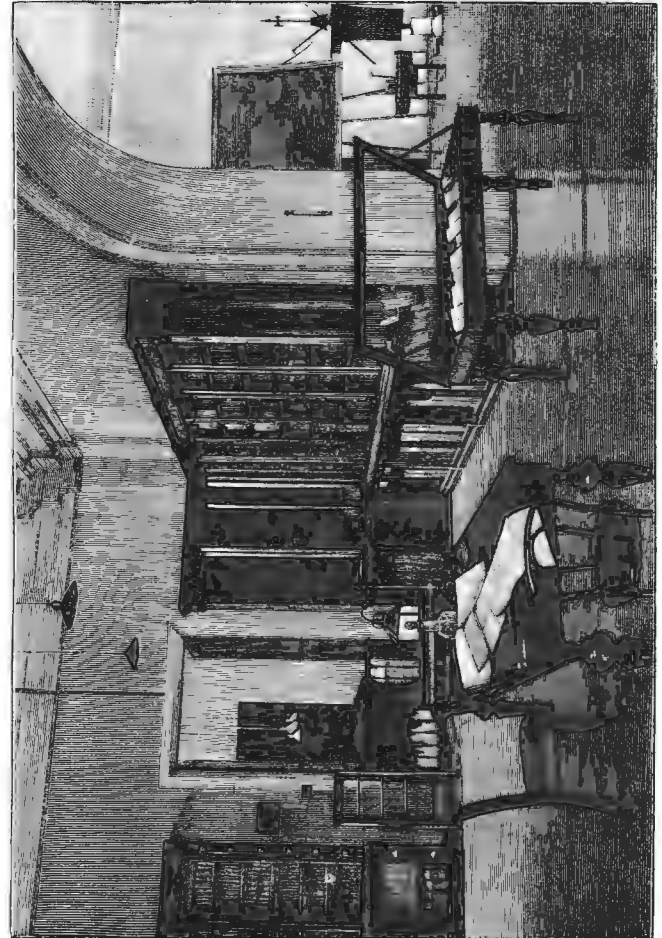
— Не удивляйтесь нищетѣ моей и лохмотьямъ моимъ... Я Дасарата—говорю вамъ.

Отецъ узналъ въ нищемъ, дѣйствительно, сына своего Дасарату.

Деньги свои я отдалъ бѣднымъ, говорилъ Дасарата, — я жилъ въ городахъ среди людей и видѣлъ, какъ зло и несчастіе царитъ вездѣ. Ваши войска убиваютъ людей. Вы угнетаете не-

Вестибюль и парадная лѣстница.

Библиотека и музей.
Съ фот. грав. Шлшперъ.

Внѣшній видъ здания учрежденій.

Аудитория для народныхъ чтеній на 600 слушателей.
Нарышкинскія учрежденія въ г. Тамбовѣ.

Нильская лошадь (гиппопотамъ). защищающая своего дѣтеныша отъ нападенія пантеры. Ориг. рис. Ф. Шпехта, грав. А. Шпехтъ.

винныхъ. Васъ уничтожаютъ излишества, голодь и болѣзни. Вы, ничтожныя черви, забыли добродѣтель и Брам! Я не могъ жить среди васъ, гдѣ все тѣнь и тщеславіе, гдѣ нѣтъ справедливости, я ушелъ въ пустыню. И тамъ, наединѣ, искалъ Нирванши... Вѣра распустилась въ душѣ моей, какъ цвѣтокъ лотоса, и стала я отшельникомъ, чтимый даже браминнами...

— Но счастливъ-ли ты, сынъ мой? спросилъ старикъ.

Дасарата взглянулъ на отца, приложилъ руку къ головѣ и задумался.

— Я помню ночь, заговорилъ онъ тихо.—Гроза разразилась надъ пустыней. Молнія разсѣкала небо. Высокія палмы пригнбались съ трескомъ къ землѣ. Казалось, самыя камни подымались вихремъ... И я, застигнутый бурей, сталъ искать убѣжища... Вдругъ, вдали, мигнулъ огонекъ. То была хижина парія. Я подошелъ и увидѣлъ, какъ горѣлъ огонь на очагѣ. Парій сидѣлъ у огня и дѣти были возлѣ него. Они ужинали. Жена его качала младенца. Потрескивающей хворостъ огонька, видимо, такъ тепло согрѣвалъ ихъ, и было что-то въ этомъ огнѣ спокойное, ласковое, оградное и... незнакомое мнѣ... Я не осмѣлился войти къ печистому парію... Я ушелъ, но съ тѣхъ поръ мыслю, что и я могъ бы сидѣть такъ же, окруженный семьею, испытывая ласку ея, а между тѣмъ я одинокъ и не нуженъ никому, стала неотвязчиво преслѣдовать меня... Некого мнѣ любить и некому любить меня...

И слезы показались на глазахъ Дасараты.

Только-что отошелъ онъ въ сторону—мѣсто его заняла толпа

молодыхъ людей, только-что вошедшихъ на пиръ. Весельемъ и радостью повѣло отъ нихъ. Среди нихъ былъ человекъ высокаго роста въ бѣлой одеждѣ. Онъ оглядѣлъ гостей и поглотился.

— Рамахандра, сынъ мой! воскликнулъ хозяинъ, узнавъ его сейчасъ же.

— Я, родитель! отвѣтилъ тотъ спокойно.—Какъ отблескъ тихихъ звѣздъ въ капляхъ росы, какъ эхо соловьиной пѣсни въ лѣсу, какъ отблескъ спящаго неба въ глазахъ святого, да отвѣтятся въ сердцахъ вашихъ мое благословеніе!.. Кто я—спросите окружающихъ меня: это друзья мои, мои ученики... (онъ показалъ на молодыхъ людей). Жизнь—загадка, счастье—знаніе, но знаніе безъ любви,—это скала безъ лѣсу. На ней не поютъ птицы, на ней не шепчутся ручьи, только черныя тучи, какъ черныя мысли, повисаютъ порою. Я любилъ людей и стремился къ истинѣ. Теперь во дворцѣ и хижинѣ меня встрѣчаютъ съ улыбкою радости. Вся Индія поетъ мои пѣсни и ученики сходятся ко мнѣ. Любо думать Рамахандрѣ, что онъ принесъ людямъ хоть крупицу пользы или минуту удовольствія...

— Ты счастливъ, Рамахандра? въ одинъ голосъ спросили его братья.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ,—но, кажется, я менѣе несчастенъ, чѣмъ другіе.

Отецъ обнялъ своего младшаго сына, а Лахмана и Дасарата опустили головы...

Начало общественныхъ увеселеній въ Россіи.

Очеркъ Н. Ширева. (Рис. на стр. 1168).

Приходится вспомнить о довольно курьезномъ „юбилей“.—Сто семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, 26 ноября 1718 года, петербургскій генералъ-поліцеймейстеръ Девіеръ (впоследствии графъ) объявилъ волю Петра Великаго объ учрежденіи „ассамблей“*, т. е. общественныхъ собраній для пріятнаго препровожденія времени. Насколько занимало царя это дѣло, видно изъ того, что онъ собственноручно написалъ начало и первые три пункта „объявленія какимъ образомъ ассамблеи отправлять надлежитъ“ и, кромѣ того, самъ составилъ окончательную редакцію этого достопамятнаго документа. Въ такомъ видѣ повелѣніе Петра Великаго объ ассамблеяхъ вошло въ „Полное Собраніе Законовъ“ (изд. 1830 г., т. V, № 3246) подъ названіемъ „объявленія генералъ-поліцеймейстера Девіера о порядкѣ собраній въ частныхъ домахъ и о лицахъ, которые въ оныхъ участвовать могутъ“.

Есть полное основаніе думать, что сначала Петръ Великій не хотѣлъ придавать ассамблеямъ значенія оффиціальнаго учрежденія. Въ московской синодальной типографіи сохранился печатный экземпляръ „объявленія“ объ ассамблеяхъ съ собственноручными поправками Петра. На этомъ экземплярѣ былъ напечатанъ слѣдующій заголовокъ: „Объявленіе нижеставшимъ Господамъ, которыя назначены въ нижеположенномъ реестрѣ, какъ онымъ содержать ассамблеи, тому предлагаются три семь пункты“. Петръ зачеркнулъ все, напечатанное послѣ слова „объявленіе“ и написалъ такъ: „какимъ образомъ ассамблею быть надлежитъ“. Въ томъ же экземплярѣ есть пунктъ, который не вошелъ въ окончательную редакцію „объявленія“; вотъ этотъ пунктъ: „Также объявляется при семь реестрѣ, кому ассамблеи держать, которыя начнутся отъ 27 числа сего мѣсяца. Первая будетъ у князя-папы, а потомъ будутъ слѣдовать другія, кому сказано будетъ отъ того хозяина, у кого будетъ сидѣть на ассамблеѣ, а тотъ хозяинъ повиненъ спрашивать о томъ у принципаловъ, и у кого означать ассамблеѣ быть, то повиненъ оный хозяинъ тогда объявить тому, кому повелѣно имѣть ассамблею“. Далѣе слѣдуетъ списокъ 27 лицъ, въ числѣ которыхъ упомянуты: первымъ—„князь-папа“ (Н. М. Зотовъ); „Санктъ-петербургскій Архіерей Стрешневъ“ (бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ); „Вице-Адмиралъ Петръ Михайловъ“ (самъ Петръ Великій); „Шаутъбейнахтъ Свѣтльшинъ К. Меньшиковъ“. Изъ этихъ титуловъ въ списокѣ видно, что „ассамблеямъ“ не придавалось тогда особаго значенія, потому что въ оффиціальномъ актѣ шуточные и невѣрные титулы были бы неумѣстны. Самъ государь не хотѣлъ выставить своего настоящаго имени; титулъ „князя-папы“ былъ шуточный, Стрешневъ числился „архіереемъ“ во „всешутѣйшемъ и всеискупѣйшемъ соборѣ“; Меньшиковъ былъ фельдмаршаломъ, а въ списокѣ названъ морскимъ чинномъ шаубейнахта, равнявшася контръ-адмиралу.

Изъ вышеизложеннаго видно, что прямого указа объ ассамблеяхъ не было; но такъ какъ все, исходившее отъ могучей воли царя, исполнялось строжайшимъ образомъ, то и „объявленіе“ объ ассамблеяхъ принято было, какъ законъ.

Современныхъ русскихъ описаній „ассамблей“ не сохранилось; подробности объ „ассамблеяхъ“ сохранились только въ запискахъ голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца и брауншвейгскаго резидента Вебера**. Изъ „Дневника“ Берхгольца

знаемъ любопытную подробность, что на ассамблеяхъ у хостыхъ вельможъ (какъ, напримѣръ, генералъ-адмиралъ графъ Э. М. Апраксинъ) дамы не бывали; Берхгольцъ сообщаетъ также, что, если собраніе было у женатаго и жена была на лицѣ, то свѣзжались всѣ дамы и устраивались танцы; одна мужская компанія на ассамблеяхъ, по словамъ Берхгольца, наводила только скуку; гости разговаривали, играли въ шахматы, курили табакъ и пили. По словамъ Вебера, видѣннаго ассамблеи съ самаго ихъ начала, эти собранія устраивались съ 1719 года три раза въ недѣлю; каждое знатное лицо обязано было въ теченіе зимы устроить у себя ассамблею. Самыя ассамблеи Веберъ описываетъ такъ: „Одна комната назначена для танцевъ, другая для всякаго рода карточной игры и особенно для шахматной (въ которой отличаются самыя простыя русскіе люди), въ третьей комнатѣ курятъ и ведутъ бесѣды, а въ четвертой женщины играютъ въ фанты и другія забавныя игры. Хотя на ассамблеяхъ никому не предлагается вина или водки больше того, сколько кто самъ пожелаетъ, кромѣ случаевъ (которые вѣрѣдко повторяются), когда кто поступитъ въ противность установленнымъ правиламъ, тѣмъ не менѣе иной русской порядочно напиивается и смотритъ на учрежденіе ассамблей, какъ на одно изъ лучшихъ нововведеній“. Когда Дворъ жилъ въ Москвѣ, ассамблеи происходили въ первопрестольной столицѣ. Камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, бывшій въ Москвѣ въ началѣ 1722 года на торжествахъ по случаю заключенія Ништадскаго мира, говоритъ въ своемъ „Дневникѣ“ слѣдующее о тогдашнихъ ассамблеяхъ: „Скажу здѣсь вкратцѣ, что такое эти ассамблеи, и какія при нихъ соблюдаются правила. Онѣ устроены на манеръ петербургскихъ, которыя, по именному повелѣнію императора, бывають ежегодно зимою. Онѣ распределяются между всѣми вельможами, но безъ соблюденія особеннаго порядка или послѣдовательности; здѣшній комендантъ спрашиваетъ или его величество императора (когда онъ бываетъ здѣсь), у кого онъ прикажетъ быть собранію, или самихъ вельможъ, когда и какъ имъ удобнѣе, и затѣмъ, прежде нежели общество разоидется, объявляетъ гостямъ, гдѣ имъ собраться въ слѣдующій разъ. Въ Петербургѣ это дѣлаетъ обыкновенно генералъ-поліцеймейстеръ. Прійти на ассамблею имѣетъ право всякій. Хозяинъ не долженъ никого ни встрѣчать въ комнатѣ, ни провожать, хотя бы то былъ самъ императоръ. Въ комнатѣ, гдѣ танцуютъ (если есть мѣсто или въ ближайшей къ ней), должны быть приготовлены: столъ съ трубками, табаконъ и деревянными лучинками (которыя употребляются здѣсь вмѣсто бумажекъ для закуриванія трубокъ) и еще нѣсколько столовъ для игры въ шахматы и шашки; но карты на ассамблеяхъ не терятся и не подаются. Хозяинъ, хозяйка или кто-нибудь изъ домашнихъ открываютъ танцы, послѣ чего, смотря по мѣсту, одна или двѣ пары могутъ танцовать минуэтъ, англезъ и польскій по желанію; при минуэтѣ однакожь соблюдается правило, что его можетъ начинать не всякій, а только тотъ кавалеръ или та дама, которые, протанцовавъ минуэтъ, снова танцуютъ его, выбирая уже, кого хотять, и такъ идетъ по порядку, все равно танцовала-ли одна пара или нѣсколько паръ. Если же танцующіе хотять послѣ минуэта танцовать англезъ или польскій, то объявляютъ объ этомъ, и тогда кавалеры, желающіе участво-

* Отъ французскаго слова assemblee — собраніе, създъ.

** Книга Вебера: „Das Veränderte Russland“ („Преобразованная Россія“) издана была первоначально во Франкфуртѣ въ 1720 году. Русскій переводъ ея — въ „Рус-

скомъ Архивѣ“ 1872 года. „Дневникъ“ Берхгольца напечатанъ былъ на нѣмецкомъ языкѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, а на русскій языкъ переведенъ (въ 4 частяхъ) въ 1858—1862 гг. (2-е изд. въ 1863 г.).

вать въ таицѣ, выбираютъ себѣ дамъ; но дамы не выбираютъ кавалеровъ, представляя это обыкновенно послѣднимъ.—Что мнѣ не нравится въ этихъ ассамблеяхъ, такъ это, во-первыхъ, то, что въ комнатахъ, гдѣ дамы и гдѣ танцуютъ, курятъ табакъ и играютъ въ шашки, отчего бываетъ вонь и стукотня, вовсе неумѣстная при дамахъ и при музыкѣ, и, во-вторыхъ, то, что дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, такъ что съ ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова; когда не танцуютъ, — всё сидятъ, какъ пѣмье и только смотрятъ другъ на друга“.

Приведенные рассказы Вебера и Берхгольца, несмотря на нѣкоторое разнорѣчье въ подробностяхъ (например, относительно игры въ карты), свидѣтельствуютъ, что ассамблеи скоро сдѣлались принадлежностью русской общественной жизни. Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ, зимою, о собраніи на ассамблею возмѣчалось „барабаннымъ боемъ“, что очень не нравилось иностраннымъ министрамъ, которые считали неприличнымъ являться по подобному сигналу и ожидали повѣстокъ. Петръ Великій, его супруга Екатерина, вдовствующая царица Прасковія Феодоровна (супруга Иоанна Алексѣевича), дочери Петра, цесаревны Елисавета и Анна, герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ, женившійся въослѣдствіи на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, посѣщали ассамблеи и принимали участіе въ танцахъ. Самъ Петръ устраивалъ свои ассамблеи въ „почтовомъ домѣ“ (гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ), для чего приготовлены были тамъ особыя комнаты.

Для русскаго общества „ассамблеи“ оказали только ту пользу, что содѣйствовали въ значительной степени водворенію въ немъ „европейскаго лоска“. Русскіе люди дѣлательно занялись искусствомъ одѣваться по послѣдней модѣ и совершенствоваться въ танцахъ и манерахъ. Уже въ 1720-хъ годахъ Берхголецъ находилъ, что разодѣтыя по французской модѣ и нарумяненные по той же модѣ русскія дамы, „мало уступали пѣмкамъ и француженкамъ въ тонкости обращенія и свѣтскости, а иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже имѣли надъ ними преимущество“. Учителями танцевъ на первыхъ порахъ являлись плѣнные шведскіе офицеры, но скоро ученики переделали учителей, и въ танцахъ сдѣлали большыя успѣховъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ познаніяхъ. Берхголецъ называетъ сорокалѣтняго генералъ-прокурора сената Ягужинскаго „царемъ всѣхъ баловъ“. Образчикомъ его танцевальскыхъ талантовъ можетъ служить слѣдующій рассказъ того же Берхгольца объ оригинальномъ танцѣ на ассамблеѣ у Шафировъ: „Между прочимъ, онъ (т. е. Ягужинскій) устроилъ одинъ танецъ, состоявшій изъ 11 или 12 паръ, которымъ самъ управлялъ и который продолжался по крайней мѣрѣ часть... Началъ онъ съ очень медленнаго, но при этомъ исполненнаго прыжковъ, англеса; потомъ перешелъ въ польскій, продолжавшійся чрезвычайно долго, и съ такими прыжками, что надобно было удивляться, какъ дамы, уже порядочно такъ потанцовавши, могли выдерживать его. Тотчасъ по окончаніи польскаго составила новый танецъ (который не знаю, какъ назвать), похожій нѣсколько на штирійскій; въ немъ опять странно прыгали и дѣлали разныя, весьма забавныя фигуры. Однакожь генералъ этимъ не удовольствовался: не находя болѣе новыхъ фигуръ, онъ поставилъ всѣхъ въ общій кругъ и предоставилъ своей дамѣ, г-жѣ Донухиной, начать родъ арлекинскаго танца, который всѣ по порядку должны были повторять за ней, съ тѣмъ, чтобы кавалеръ слѣдующей пары выдумывалъ что-нибудь новое, ближайшій къ нему также и т. д. Въ числѣ многихъ выдумокъ были слѣдующія: г-жа Донухина, протанцовавъ нѣсколько въ кругу, обратилась къ Ягужинскому, поцѣловала его, потомъ стаяла ему на носъ парикъ, что должны были повторить всѣ кавалеры и дамы. Генералъ стоялъ такъ прямо и неподвижно, какъ стѣна, даже и тогда, когда его цѣловали

дамы. Одинъ, сдѣлавъ передъ избранной дамой глубокой реверансъ, цѣловалъ ее; другіе, протанцовавъ нѣсколько разъ въ кругу, начинали нить за здоровье общества; третьи дѣлали щелчки въ воздухъ; четвертые вынимали средни круга табакерку и нюхали табакъ (маленькая дочь сирини Черкасской дѣлала это такъ мило, что всѣ восхищались)... Но лучше всѣхъ сдѣлалъ генералъ Ягужинскій, который былъ послѣднимъ: замѣтивъ, что нѣкоторые, не участвовавшіе въ танцѣ, смѣялись, когда въ кругу цѣловали дамъ, или когда дамы должны были цѣловать кавалеровъ, онъ вышелъ изъ круга и перецѣловалъ всѣхъ зрительницъ, которыя, такъ неожиданно пойманныя, уже не смѣли отказываться цѣловать его и другихъ. Этимъ танцемъ балъ окончился“.

Сохранилось извѣстіе, что Петръ Великій, не довольствуясь бывшими на ассамблеяхъ танцами: мнугомомъ (но русски „мновова“), „шпостель-мновогетъ“ и др., изобрѣлъ собственный танецъ, въ родѣ „гросфатера“ (стариннаго нѣмецкаго танца, съ участіемъ стараго и мадаго). Этотъ танецъ состоялъ въ томъ, что отъ 60 до 100 человекъ, подъ звуки похороннаго марша, двигались погребальнымъ шествіемъ; вдругъ, по данному знаку, музыка переходила въ веселую, дамы оставляли своихъ кавалеровъ, брали новыхъ между нетанцовавшими; кавалеры ловили дамъ или искали другія; поднималась ужаснѣйшая толкотня, бѣготня, шумъ, крикъ; самъ Петръ, Екатерина и вся царская фамилія участвовали въ этой бѣготнѣ; по но данному знаку все опять приходило въ порядокъ, и тѣ, которые оставались безъ дамъ, подвергались штрафу: ихъ заставляли выпить „кубокъ большого орла“. Этотъ пресловутый кубокъ во время ассамблей всегда находился въ одной изъ комнатъ, и отъ осушенія его не освобождался никто ни подъ какимъ предлогомъ.

Первая ассамблея состоялась 7 декабря 1718 года, въ домѣ генералъ-адмирала Ѳ. М. Апракена. Съ кончиною Петра Великаго (въ 1725 г.) ассамблеи окончились. Сохранилось любопытное архивное свидѣніе, что предполагалось также учредить ассамблеи для духовенства. По приказанію вице-президента св. Синода, архіепископа Новгородскаго Феодосія, 26 декабря 1723 года сдѣлано было распоряженіе, чтобы на ассамблеи являлись члены св. Синода и служащіе въ подчиненныхъ Синоду присутственныхъ мѣстахъ. Изъ сохранившагося списка бывшихъ на ассамблеѣ 29 декабря лицъ видно, что присутствовали: 1 архіепископъ, 8 архимандритовъ, 2 игумена, 1 казначей и 8 свѣтскихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ оберъ-прокуроръ. Собраніе проходило въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ, и началось въ 3 часа пополудни. При этомъ, какъ сказано въ современномъ документѣ, „въ монастырѣ для сего ассамблеи былъ изготовленъ столъ“.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, будто бы петровскія ассамблеи были первыми въ Россіи балами. Но изъ тѣхъ свидѣній, которыя приведены въ нашей статьѣ, достаточно выясняется, что такое предположеніе ошибочно. Общественныя увеселенія, называемыя „балами“ (bal), начались во Франціи въ концѣ XIV вѣка. Въ концѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV, балы достигли наибольшаго блеска и стали служить для всей Европы образцомъ подобнаго рода увеселеній. Непременными условіями ихъ сдѣлались: избранное образованное общество и особенная роскошь въ обстановкѣ и костюмахъ; балы сдѣлались общественными праздниками, на которые могли являться только тѣ, которые могли „показать себя“. Такіе балы, дѣйствительно, явились и въ Россіи, но гораздо позднѣе,—въ половинѣ XVIII вѣка. Что же касается петровскихъ ассамблей, то ихъ, по справедливости, можно считать только началомъ, вообще, общественныхъ увеселеній въ Россіи.

Къ рисункамъ.

Маленькій разбойникъ. (Рис. на стр. 1165).

Насѣдка вывела цыплятъ. Ихъ увидавъ, малушка-крошка сказала брату, а тотъ радъ былъ позабавиться немножко. И вотъ, когда курица сидѣла, нахохлившись и спрятавъ подъ себя все свое потомство, дѣвочка подкралась къ ней и ухватила за крылья. Какъ пуховые шарикъ, желтые, черные и пестрые, раскатились изъ-подъ нея цыпята, и маленькій разбойникъ тщетно старается поймать птичекъ, убѣгающихъ отъ него съ шумомъ.

Братецъ и сестрица. (Рис. на стр. 1169).

Мачиха-вѣдма гонитъ братца и сестрицу изъ родительскаго дома. Они убѣгаютъ въ лѣсъ, но и тамъ ждетъ ихъ злоба мачихи, которая заколдовала всѣ ключи и источники лѣсные: къ которому бы изъ нихъ ни наклонился братецъ, страшный голосъ шепчетъ ему, что онъ, напившись воды, обратится то въ хищнаго, то въ дикаго звѣря. Наконецъ, измученный жаждою, онъ не можетъ воздержаться, пьетъ изъ какого-то родника воду—и обращается въ козлика. Сестра не покидаетъ его, и они живутъ мирно и уединенно въ забытой лѣсной

хижинѣ. Но вотъ король той страны заѣзжаетъ однажды въ лѣсъ на охоту. Охотники гонятся за козликомъ, и тотъ, слегка раненый, даетъ имъ возможность выслѣдить свое убійцине. Король со свитою приходитъ къ хижинѣ, беретъ къ себѣ въ замокъ сестрицу-красавицу и братца-козлика и женится на сестрицѣ. Для бѣдныхъ сиротъ настаетъ, наконецъ, красныя дни; но мачиха-вѣдма узнаетъ объ этомъ, и въ то время, когда у сестрицы родился красавецъ-королевичъ, вѣдма подмѣняетъ сестрицу своею дочкою, а несчастную, ослабѣвшую королеву обрекаетъ на смерть. По счастью, ей чары оказываются не достаточно сильными:—королева по ночамъ приходитъ любоваться на своего младенца-сына, король узнаетъ объ ея посѣщеніяхъ, подстергаетъ ее и узнаетъ отъ нея страшную тайну. Вѣдму, по его приказанію, сжигаютъ, чары ея пропадаютъ, и братецъ получаетъ обратно свой прежній человѣческій образъ.

Таково содержаніе сказки, къ которой относится помѣщаемая на стр. 1169 гравюра, заимствованная нами изъ серии иллюстрацій художника Гротъ-Юганна къ „Сборнику Сказокъ“, собранныхъ братьями Гриммами. Какъ извѣстно уже читателямъ, „Сборникъ“ этотъ составилъ въ нынѣшнемъ году

томъ выходящей отдѣльными выпусками „Иллюстрированной библиотеки Пивы“, и въ настоящее время сброшюрована и поступила въ продажу въ красивомъ переплетѣ. Книга эта можетъ служить прекраснымъ подаркомъ на слку.

Мученица. (рис. на стр. 1173).

Что ждетъ несчастную страдальцу: новыя-ли муки, или быстрая смерть искупленія? Со страхомъ и трепетомъ устремила она свой взглядъ, полный надежды на милосердіе Всевышняго, и искрення вѣра въ Него заставляетъ ее позабыть недавнія мученія, слѣды которыхъ видны на ея изможденномъ тѣлѣ и изодранной одеждѣ.

Нарышкинскія учрежденія въ г. Тамбовѣ.

(Рис. на стр. 1176).

Городъ Тамбовъ можетъ, по справедливости, гордиться своими „Нарышкинскими“ учрежденіями. Они помѣщаются въ большомъ, каменномъ, двухъэтажномъ зданіи, которое выстроено на средства оберъ-камергера Высочайшаго Двора Эммануила Дмитриевича Нарышкина и пожертвовано имъ въ собственность городу. Тутъ находится: Историческій музей, библиотека, читальня и залъ для народныхъ чтеній, а всѣ эти учрежденія, вмѣстѣ взятая, представляютъ изъ себя, въ высшей степени, полезную общественную школу, дающую любознательнымъ тамбовцамъ богатые средства для самообразования...

Тамбовскій Историческій музей составленъ изъ археологическихъ и историческихъ предметовъ, собранныхъ въ разное время, въ видѣ пожертвованій, Тамбовской губернской ученой архивной комиссіей и комитетомъ губернскаго музея. Въ настоящее время, губернской музей изъ стараго своего помѣщенія переведенъ въ новое Нарышкинское зданіе, при чемъ всѣ витрины и шкафы, прекрасно приспособленные къ размѣщенію предметовъ, устроены тоже на средства Эммануила Дмитриевича.

Что касается библиотеки, то она составлена изъ двухъ фамильныхъ библиотекъ—Полѣнова и Воейкова—и содержитъ въ себѣ болѣе 4000 названій (томовъ, разумѣется, еще больше)—преимущественно русскихъ писателей. Драгоценность ея заключается въ книгахъ изъ собственной библиотеки цѣлца Екатерины—Державина, перешедшей по наслѣдству къ В. Д. Полѣнову и завѣщанной имъ г. Тамбову. Эта библиотека имѣетъ тѣсную связь съ народной читальней, устроенной на средства Эммануила Дмитриевича. Въ читальнѣ уже теперь есть много книгъ, какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго содержанія, но составъ ея будетъ ежегодно пополняться новыми произведеніями отечественной литературы, для каковой цѣли пожертвовано неизвѣстнымъ лицомъ, черезъ г. Нарышкина, 10,000 р.

Наконецъ, четвертое учрежденіе, помѣщающееся въ новомъ зданіи—это прекрасная аудитория для народныхъ чтеній, со всѣми необходимыми приспособленіями, какихъ не найдется даже въ столицахъ. Она обладаетъ замѣчательными акустическими свойствами и можетъ вмѣстить въ себя 600 слушателей. Въ ней все обдумано, предусмотрено и исполнено красиво, величественно и, въ то же время, съ любовью и сознаниемъ полезности этого рода учрежденій для народнаго образования.

Вотъ что говорили, по этому поводу, членъ совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія—И. П. Хрущевъ на торжественномъ освѣщеніи 18-го іюля настоящаго года этихъ учрежденій: „Тутъ будутъ произноситься чтенія, цѣльныя по содержанию, отрѣзняющія людей отъ злобы дня, поднимающія ихъ до уразумѣнія давнихъ судебъ Церкви Божіей и подвиговъ св. угодниковъ, воссламеняющія духъ повѣстанъ о годинахъ печали и славы отечества, дающія представленія о чужихъ

страхахъ и ихъ диковицахъ, о бытѣ русскихъ людей на крайнемъ Сѣверѣ и въ стенахъ прикасійскихъ, о сибирскихъ инородцахъ, Крымѣ, Волгѣ и Кавказѣ... Тутъ вывоется слеза сочувствія къ Капитанской дочкѣ, къ дочери старика Никиты—Парашѣ-Сибирячкѣ... Тутъ раздадутся доступные отрывки изъ Пушкина и Гоголя и, главное, въ связи съ картинами, облегчающими усвоеніе прослушаннаго“... И дѣйствительно, давно уже замѣчено, что народныя чтенія только тогда возбуждаютъ интересъ и привлекаютъ къ себѣ массы слушателей, когда они сопровождаются иллюстраціями различныхъ событій при помощи волшебнаго фонаря. Подвигъ Эммануила Дмитриевича и заключается въ томъ, что онъ первый рѣшился сдѣлать столь крупную затрату на это дѣло...

Такимъ образомъ, въ будущемъ „Нарышкинскія“ учрежденія несомнѣнно принесутъ роднѣ величайшую государственную и общественную пользу. Въ нихъ найдутъ необходимыя для себя свѣдѣнія и молодой учитель, и студентъ, прѣхавшій на праздники домой, и всякій любознательный тамбовецъ, а простой народъ, забывъ о разгулѣ, въ самой удобной и изящной обстановкѣ получитъ даровое и полное интереса развлеченіе... За такой подвигъ благотворительности Э. Д. Нарышкинъ удостоился Высочайшей благодарности.

Все зданіе, выстроенное архитекторомъ А. С. Четвериковымъ, имѣетъ 69 аршинъ въ длину, 21 арш. въ ширину и столько же въ вышину,—съ двумя пристройками такихъ же размѣровъ. Во второй этажъ ведутъ двѣ несгораемыя лѣстницы. Потолки верхняго этажа сдѣланы изъ гофрированнаго желѣза, на желѣзныхъ балкахъ; полы асфальтовые, а надъ тремя калориферами—изъ бетонныхъ плитъ. Кромѣ того, зданіе снабжено всѣми удобствами: духовымъ отопленіемъ, водою, тремя пожарными кранами и электрическимъ освѣщеніемъ, на устройство котораго израсходовано 11,000 р. Общая же сумма издержекъ, понесенныхъ жертвователемъ, простирается до 298,000 р., при чемъ изъ этого количества 200,000 руб. положены Эммануиломъ Дмитриевичемъ въ Тамбовское отдѣленіе Государственнаго банка въ обезпеченіе учрежденій на чѣхныя времена...

И. В. Богдановичъ (по поводу 150-ти-лѣтія со Дня его рожденія).
Рис. и грав. А. Нейманъ.

Нильская лошадь (гиппопотамъ), защищающая своего дѣтеныша отъ нападенія пантеры.

(Рис. на стр. 1177).

Путешественникъ по Египту, проѣзжая по Нилу, напрасно будетъ искать страшныхъ чудовищъ этой священной рѣки, о которыхъ повѣствуютъ не только древне-египетскія надписи, но и позднѣйшія свѣдѣнія. Въ Египтѣ они уже давно уничтожены. Чтобы найти ихъ, нужно направиться гораздо дальше, къ самымъ источникамъ Нила. Начинаютъ они попадаться южнѣе города Харгума. Ни одно млекопитающее не представляетъ такой колоссальной, безформенной массы, такой отталкивающей наготы. Тамъ, гдѣ берега рѣки поросли вкусными, сильно мучнистыми растеніями, нильская лошадь остается постоянно въ водѣ; гдѣ же берега голы, она вылазаетъ изъ воды и направляется за пищей на берегу. Часто можно видѣть и лежащаго на берегу и грѣющагося на солнцѣ ея дѣтеныша, за которымъ она слѣдитъ, выказывая большію о немъ заботу. Но изъ воды ей не всегда удается замѣтить угрожающую опасность. Бываетъ, что подкрадываясь пантера наскокитъ на добычу... Но надъ берегомъ вздымается ужъ громадная безобразная морда, раскрывается колоссальная пасть и схватываетъ пантеру. Раздается ревъ, хрустъ костей—и снова все тихо. Старая нильская лошадь бросаетъ мертваго врага на землю и начинаетъ топтать его своими неуклюжими ногами. По натурѣ очень мирная, нильская лошадь впадаетъ въ страшное бѣшенство, когда угрожаетъ опасность ея дѣтенышу. Тогда,

Вновь открытая 8 декабря 1893 г. синагога въ С.-Петербургѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. Рашевскій.

по словам Брема, она взбудораживает всю воду, вздымая огромные волны. Сила ее движений так велика, что она, как доказано, может поднять и разрушить средней величины судно. Лодка Ливингстона была развита поднята наполовину из воды старой пильской лошадью, дѣтенышъ которой былъ наканунѣ убитъ козьемъ; при этомъ она поглотила одного человѣка изъ команды. Взрослая пильская лошадь не имѣетъ среди звѣрей ни одного равнаго ей по силѣ врага. Только человѣкъ побѣдоносно враждуетъ съ ней, какъ изъ-за тѣхъ опустошеній, которыя она причиняетъ растеніямъ, такъ и изъ-за ея зубовъ, напоминающихъ слоновою кость. (Э.).

И. Ѡ. Богдановичъ. (Портр. на стр. 1180).

Иванъ Ѡдоровичъ Богдановичъ родился въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, 23 декабря 1743 г. Получивъ, по тогдашнему обыкновению, первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, онъ въ 1754 году опредѣлился „юнкеромъ“ въ юстицъ-коллегію, въданную высшею наблюденіе за судопроизводствомъ. Тогдашній президентъ этой коллегіи Желябужскій, замѣтивъ въ 11-ти-лѣтнемъ „юнкерѣ“ особенную способность къ наукамъ, позволилъ ему учиться въ „математической школѣ“, бывшей при „Сенатской канторѣ“. Но самъ Богдановичъ, часто бывавъ въ театрѣ, почувствовалъ охоту посвятить себя драматическому искусству и даже просилъ театральнаго директора, М. М. Хераскова, о принятіи въ актеры. Херасковъ, однакоже, отговаривалъ 15-лѣтнему Богдановичу поступать на сцену, но записать его въ Московскій университетъ, предоставивъ ему также пребываніе въ своемъ домѣ. Въ 1760 году началось изданіе, при университетѣ, ежемѣсячнаго журнала *Полезное увеселеніе*, въ которомъ появились первые литературные опыты Богдановича, въ видѣ мелкихъ стихотвореній. Въ 1761 году Богдановичъ опредѣленъ былъ „надзирателемъ надъ университетскими классами“, а въ 1762 г. избранъ былъ въ члены „комиссіи торжественныхъ приготовленій“ по случаю востесвѣ на престолѣ Екатерины II, при чемъ имѣлъ порученіе составить надпись для триумфальныхъ воротъ. Въ 1763 году, по рекомендаціи княгини Е. Р. Дашковой, получилъ должность „переводчика“ и въ томъ же году началъ издавать журналъ *Невинное упражненіе*. Здѣсь онъ помѣстилъ весьма удачный переводъ поэмы Вольтера: „На разрушеніе Лиссабона“ и много своихъ собственныхъ стихотвореній. Въ 1765 году, состоя „переводчикомъ“ при иностранной коллегіи, Богдановичъ издалъ въ Петербургѣ свою поэму: „Сугубое блаженство“, въ которой изобразилъ картину „Золотого вѣка“, успѣхи гражданской жизни и науки, злоупотребленіе страстей и спасительное дѣйствіе законовъ и царской власти. Поэма эта, впрочемъ, не обратила вниманія публики на автора. Собственно, пѣвѣстность Богдановича началась съ 1778 г., когда онъ принялъ участіе въ журналѣ *С.-Петербургскій Вѣстникъ* и, какъ выразился Карамзинъ, „положилъ на алтарь славы свою „Душеньку“, поэму, заимствованную изъ сочиненія знаменитаго Лафонтена, воспользовавшагося сюжетомъ Апулея. Карамзинъ сдѣлалъ, въ *Вѣстникѣ Европы* 1803 г., сравненіе поэмы Богдановича съ Лафонтеновою и почти во всѣхъ мѣстахъ показалъ превосходство русской передѣлки. Еще ранѣе принята была эта поэма публикою очень сочувственно; въ 1778 году, графъ Михаилъ Ѡдоровичъ Каменскій, на свой счетъ, напечаталъ 1-ю часть; въ 1783 году вышло полное изданіе поэмы; послѣ того она была перепечатана нѣсколько разъ. Затѣмъ Богдановичъ написалъ лирическую комедію „Радость Душеньки“, драму „Славяне“ и двѣ небольшие театральныя пьесы изъ русскихъ пословицъ. За эти произведенія Богдановичъ получилъ отъ императрицы Екатерины II золотую табакерку и перстень. Продолжалъ писать стихотворенія, Богдановичъ удачно перевелъ французскія стихотворенія въ честь Екатерины, сочиненныя Вольтеромъ, Мармонтелемъ и др.

Съ 1780 г. Богдановичъ состоялъ членомъ С.-Петербургскаго государственнаго архива, въ 1788 г. назначенъ предѣвателемъ этого архива, а въ 1795 г. уволенъ съ полнымъ жалованіемъ, прослуживъ 41 годъ. Проживъ недолго въ г. Сумахъ (Харьк. г.), Богдановичъ въ 1798 г. переселился въ Курскъ. По вступленіи на престолъ Александра I (въ 1801 г.), Богдановичъ сочинилъ пѣснь въ честь государя, за что получилъ перстень. Въ 1802 г. онъ занемогъ и скончался въ своей деревнѣ 6 января 1803 г. — Богдановичъ былъ членомъ бывшей Россійской Академіи, которая въ 1806 г. напечатала въ своемъ изданіи „Сочиненія и переводы“, оставшіяся незаданныю при жизни автора, поэму Богдановича „Добромысль“, первое изданіе которой вышло въ Москвѣ въ 1805 году. Полное собраніе сочиненій Богдановича вышло въ 1809—1811 гг. въ Москвѣ, въ 6 частяхъ, съ портретомъ автора. Въ память Богдановича, въ тогдашнихъ русскихъ журналахъ напечатаны были стихи.

Въ 1834 году, въ Курскѣ, тогдашній курскій губернаторъ, Павелъ Николаевичъ Демидовъ, соорудилъ памятникъ Богдановичу.

Открытие синагоги въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 1181).

8-го декабря происходило торжественное открытіе новой постоянной синагоги, сооруженной трудами и изживеніемъ

петербургской еврейской общины и помѣщающейся на углу Офицерской и Большой Мастерской улицы.

Церемонія открыта была шестіемъ старѣйшихъ членовъ общины, во главѣ съ раввиномъ, изъ бокового зала, предназначеннаго для совершенія обряда вѣчанія. Дверь, ведущая изъ вестибюля въ синагогу, была открыта серебрянымъ ключомъ предѣвателемъ правленія общины, барономъ Г. О. Гипцбургомъ. При входѣ, шестіе было встрѣчено пѣніемъ хора, скрытаго отъ глазъ публики и помѣщавшагося выше женской галереи надъ главнымъ входомъ. Приблизившись къ кивоту, шестіе остановилось, и предѣватель правленія, съ двумя ассистентами, зажгетъ неугасимую лампаду. Послѣ этого, шестіе направилось обратно въ боковой залъ, откуда возвратилось уже со свѣтками завѣта. Восемь заслуженныхъ и выдающихся членовъ общины удостоились чести нести эти свѣтки. Каждый изъ несшихъ ихъ имѣлъ возлѣ себя по два ассистента, державшихъ зажженные свѣчи въ рукахъ. Въ главный алтарь, въ которомъ стоялъ предѣватель канторъ, вошли только лица, несшія свѣтки, и раввины.

С.-петербургскій раввинъ, д-ръ философіи Драбинъ, совершилъ молебствъ за здравіе и многолѣтіе Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Царствующаго Дома, высшихъ сановниковъ, мѣстныхъ властей, за процвѣтаніе отечества, города, общины, представителей зодчества и художества и жертвователей, трудами и жертвами которыхъ была воздвигнута открытая синагога. Послѣ того канторомъ было совершено заупокойное богослуженіе по въ Божѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II, Высочайше разрѣшившемъ построить синагогу (16 сентября 1869 г.).

Синагога построена въ строгомъ мавританскомъ стилѣ, по плану гг. Бахмана и Шапошниковъ. Заложена была синагога 10 лѣтъ тому назадъ и обонлась болѣе чѣмъ въ 500,000 руб. Кивотъ, въ которомъ хранятся свѣтки написаннаго на пергаментѣ Священнаго Писанія, богато убранъ золотыми украшениями. Остальное убранство синагоги до нельзя скромное, ничего рѣзющаго глазъ. Освѣщается синагога газомъ, отапливается паромъ.

Взрывъ адскаго снаряда во французской палатѣ депутатовъ. (Рис. на стр. 1184).

Подробности взрыва, совершеннаго злодѣйской рукой анархистовъ во французской палатѣ депутатовъ извѣстны уже нашимъ читателямъ изъ „Политическаго обозрѣнія“, помѣщеннаго въ прошломъ № 50 *Нивы*. Помѣщенный у насъ на стр. 1184 рисунокъ изображаетъ эту страшную сцену. На первомъ планѣ видѣляется мужественная фигура новаго президента палаты Дюлюи, не потерявшаго присутствія духа и, не сходя съ своего мѣста, энергично обращающагося къ собранію со своими незабвенными словами: „Засѣданіе продолжается“.

Г. А. Лееръ. (Портр. на стр. 1185).

4-го декабря исполнилось 35 лѣтъ профессорской и учено-литературной дѣятельности генераль-лейтенанта Генриха Антоновича Леера, стоящаго нынѣ во главѣ высшаго военнаго учрежденія въ Имперіи, въ качествѣ начальника и профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Какъ начальникъ, Г. А. пользуется репутаціей справедливаго, доступнаго и отзывчиваго педагога, а какъ профессоръ—серьезнаго ученаго, въ совершенствѣ знающаго свой предметъ и охотно дѣлящагося своими знаніями и опытомъ со своими слушателями. Его лекціи отличаются строгой системой, чуждой всякой отвлеченности; разборы его въ деталяхъ конкретны и касаются исключительно трактуемаго предмета.

У Г. А. Леера и по его учебникамъ обучались и обучаются не только всѣ офицеры нашей арміи, но его учебники переведены нѣсколько разъ въ Пруссіи, Германіи, Австріи и Швеціи, и по нимъ обучаются и офицеры иностранныхъ армій.

Г. А. Лееръ былъ первый изъ военныхъ ученыхъ, составившій курсъ стратегіи—философіи военнаго дѣла.

Генрихъ Антоновичъ Лееръ родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 4 апрѣля 1829 года; мать его была французка, отецъ, по происхожденію пѣмецъ, служилъ въ пугачевскомъ вѣдомствѣ во время управленія министерствомъ Путей Сообщенія генераломъ Беданкуртъ. Съ 1818 по 1837 годъ отецъ юбиляра, Антонъ Лаврентьевичъ Лееръ, въ качествѣ старшаго архитектора, строилъ на Нижегородской ярмаркѣ Гостиный дворъ. Г. А. десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ помѣщенъ въ Ларинскую гимназію, гдѣ обучался до 5-го класса включительно, а затѣмъ перешелъ въ Главное Инженерное училище (нынѣ Николаевское). По окончаніи курса въ училищѣ и затѣмъ въ Инженерной академіи въ 1850 г., перешелъ въ саперы на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ войнѣ 1851 года. Въ 1852 году, Г. А. Лееръ, получивъ за кампанію старшинство въ чинѣ, поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская Академія Генеральнаго Штаба). По окончаніи академіи, Г. А. Лееръ былъ зачисленъ въ Генеральный Штабъ. Въ 1854 г. возгорѣлась война съ Англіей, Франціей и Турціей, и Г. А. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ войскъ, расположенныхъ для защиты береговъ Эстляндіи, гдѣ находился до 1856 г.; съ этого года Г. А. посвятилъ себя педагогической дѣятель-

ности въ качествѣ преподавателя тактики въ корпусѣхъ, военныхъ училищахъ, а затѣмъ и Николаевской Инженерной академіи. Въ 1858 году, 4 декабря, Г. А. былъ избранъ адъюнктомъ-профессоромъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, гдѣ читаетъ лекціи и до настоящаго времени, т. е. 35 лѣтъ. Научные труды юбиляра нашли себѣ оцѣнку не только въ Россіи, но и за границей. Королевская шведская академія военныхъ наукъ избрала генерала Леера своимъ почетнымъ членомъ. Генералъ Лееръ имѣетъ всѣ русскіе ордена до Александра Невского включительно, французскій орденъ Почетнаго Легіона; нѣсколько разъ ему было выражено Монаршее благоволеніе. Кромѣ этихъ наградъ, въ 1872 году генералу Лееру Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Величества.

А. Х.

Профессоръ Л. В. Поповъ. (Портр. на стр. 1185).

9-го декабря, въ одно время съ профессоромъ К. О. Славянскимъ, исполнилось двадцатипятилѣтіе ученой дѣятельности на помощь страдающему человечеству профессора Военно-Медицинской Академіи Льва Васильевича Попова.

Л. В. Поповъ родился въ 1846 г. въ станицѣ Мелеховской, Области Войска Донскаго. По окончаніи курса въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ, онъ поступилъ въ Воронежскую духовную семинарію, откуда уже въ 1863 г. зачислился въ студенты Медико-Хирургической Академіи. Блестящія его способности и любовь къ медицинѣ дали ему возможность еще на третьемъ курсѣ заниматься въ лабораторіи профессора Сѣченова. Окончивъ въ 1868 г. курсъ Академіи съ серебряной медалью, онъ былъ оставленъ на три года при Академіи и опредѣлился ординаторомъ въ клинику покойнаго С. П. Богкина, профессоромъ которой онъ теперь и состоитъ. Въ декабрѣ 1871 г. Л. В. былъ удостоенъ степени доктора медицины, а въ 1872 г. былъ командированъ за границу. Въ Берлинѣ онъ занимался въ лабораторіяхъ и клиникахъ знаменитыхъ Рудольфа Вирхова и Траубе, а также посѣщалъ и другіе университетскіе города. Результатомъ занятій за границей явилось нѣсколько работъ, составившихъ ему имя въ медицинской литературѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ въ 1875 г. съ блестящимъ успѣхомъ доцентировалъ при Академіи по кафедрѣ общей патологіи и діагностики. Начавшаяся въ 1877 г. война съ Турціей увлекла Л. В., въ качествѣ врача л.-гв. Гренадерскаго полка, на театръ военныхъ дѣйствій въ дунайскую дѣйствующую армію. Вместе съ полкомъ онъ перешелъ въ тяжести войны и совершилъ трудный переходъ черезъ Балканы. Ревностно и самоотверженно сражаясь съ тифозной эпидеміей, развившейся въ войскахъ, онъ заболѣлъ самымъ тифомъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Л. В. было предложено конференціей Академіи вести преподаваніе общей патологіи въ 1878—79 учебномъ году. Въ 1881 г. Л. В. былъ назначенъ профессоромъ госпитальной терапевтической клиники въ Варшавскій университетъ, гдѣ и находился до апрѣля 1890 г., когда былъ переведенъ въ Петербургъ на освободившуюся за смертью С. П. Богкина кафедру академической терапевтической клиники. Профессоръ Л. В. Поповъ извѣстенъ, какъ ученый, дѣятельно работающій для развитія медицины, какъ профессоръ-клиницистъ, посветившій свои силы воспитанію и образованію молодыхъ врачей, и какъ врачъ-практикъ у постели больныхъ и консультантъ-диагностъ и терапевтъ въ кругу

товарищей-врачей. Его ученая дѣятельность началась со студенческой скамьи и касалась, главнымъ образомъ, разработки вопросовъ внутренней медицины: измѣненій крови и ея элементовъ, болѣзней желудка (процессы броженія), холеры, тифозныхъ болѣзней (ислѣдованіе мозга при нихъ и мышечной ткани и пр.), болѣзней печени, почекъ, легкихъ и сердца. Еще въ бытность ординаторомъ С. П. Богкина, онъ произвелъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, удостоившихся полного одобренія со стороны покойнаго славнаго клинициста.

Л. В. Поповъ 6-го ноября текущаго года конференціей Военно-Медицинской Академіи избранъ въ званіе академика. Печатныхъ работъ насчитывается у него 35.

Профессоръ К. О. Славянскій. (Портр. на стр. 1185).

Кронидъ Фодоровичъ Славянскій родился 2 февраля 1847 г. въ С.-Петербургѣ. По окончаніи въ 1862 г., съ серебряною медалью, курса въ Спб. Ларинской гимназіи, К. О., 16-ти-лѣтнимъ юношей, поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Въ 1868 г. онъ блестяще окончилъ въ ней курсъ съ золотой медалью и преміей. Кромѣ того, онъ былъ оставленъ по конкурсу на 3 года для усовершенствованія въ наукахъ. Избравъ своей специальностью акушерство и гинекологию, К. О. поступилъ ординаторомъ въ акушерско-гинекологическую клинику Академіи.

Удостоенный въ 1871 году степени доктора медицины, К. О. получилъ званіе приватъ-доцента Академіи, а въ началѣ 1872 г. былъ посланъ на два года за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія. По возвращеніи изъ-за границы онъ былъ назначенъ баталіоннымъ врачомъ 13-го Вѣловскаго полка, но желая непременно остаться въ С.-Петербургѣ и продолжать заниматься въ академической клиникѣ. Ему удалось получить мѣсто сверхштатнаго акушера при полиціи. Въ августѣ 1877 г. К. О. получилъ кафедру акушерства и женскихъ болѣзней, съ клиникой. Въ качествѣ профессора и завѣдующаго госпитальной клиникіи онъ привелъ ее въ научный порядокъ, устроилъ при ней лабораторію и патолого-анатомическій музей для подробной разработки клиническаго матеріала. До К. О. клиника не располагала ни однимъ инструментомъ, если не считать стараго оловяннаго трубчатого зеркала, и никакимъ научнымъ пособіемъ. Стараніями юбиляра въ клиникѣ была широкая примѣненіе антисептики, какъ средство предупреждать зараженія. При немъ процентное отношеніе заболѣваній и смертности между роженицами пало до минимума. Проведенныя гинекологическія операціи и обширныя чревосѣченія сопровождалась прекрасными результатами. Въ 1883 г. онъ перешелъ на кафедру акушерско-гинекологической клиники. При немъ клиника, какъ и слѣдуетъ быть, стала разсадникомъ практическаго наученія техники приемовъ акушерско-гинекологическихъ операцій, при чемъ учащійся не только видитъ, какъ оперируютъ, но оперируетъ и самъ. Въ 1888 г. К. О. напечаталъ первый томъ „Частной патологіи и терапіи женскихъ болѣзней“.

Во все продолженіе столь почтенной и неутомимой ученой дѣятельности К. О., напечатано около 50 работъ, не считая редакцірованія различныхъ изданій. Онъ состоитъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ многихъ, русскихъ и иностранныхъ, медицинскихъ ученыхъ обществъ. Въ 1885 г., по его инициативѣ, было основано Акушерско-гинекологическое общество въ С.-Петербургѣ.

Политическое обозрѣніе.

Новый итальянскій кабинетъ, послѣ цѣлаго ряда затрудненій, сформировался 3 декабря подъ главенствомъ извѣстнаго сторонника тройственнаго союза г. Крипси. Но въ составъ его вошли лица различныхъ политическихъ группъ, такъ что „коалиціонное“ министерство представляется какою-то амальгамой членовъ правой, центра и лѣвой, при чемъ въ него вошли представители почти всѣхъ итальянскихъ провинцій. Такъ, министромъ финансовъ и временно завѣдывающимъ министерствомъ казначейства является баронъ Сидней-ди-Сонцино, происходящій изъ богатой протестантской фамиліи Тосканы. Онъ депутатъ отъ Флоренціи. Талантливый финансистъ и особенно экономистъ, новый министръ много занимался столь важнымъ для Италіи аграрнымъ вопросомъ. Его книга о бытѣ сицилійскаго сельскаго населенія—капитальный трудъ въ этомъ отношеніи. Онъ принадлежитъ къ умѣренной партіи, сторонникъ сбереженій.

Министръ общественныхъ работъ, сенаторъ Джузеппе Саррако, родомъ изъ Пьемонта, членъ правой.

Министръ народнаго просвѣщенія, членъ лѣвой, Гвидо Баччелли, пользуется большою извѣстностью въ медицинскомъ мірѣ. Родился въ Римѣ и состоитъ съ 1870 г. профессоромъ анатоміи и патологіи при римскомъ университетѣ. Въ палатѣ постоянно обращалъ вниманіе своими рѣчами по вопросамъ, касающимся народнаго просвѣщенія.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Альбертъ Бланшъ принадлежитъ къ числу дипломатовъ старой школы, родомъ изъ Савойи. Былъ

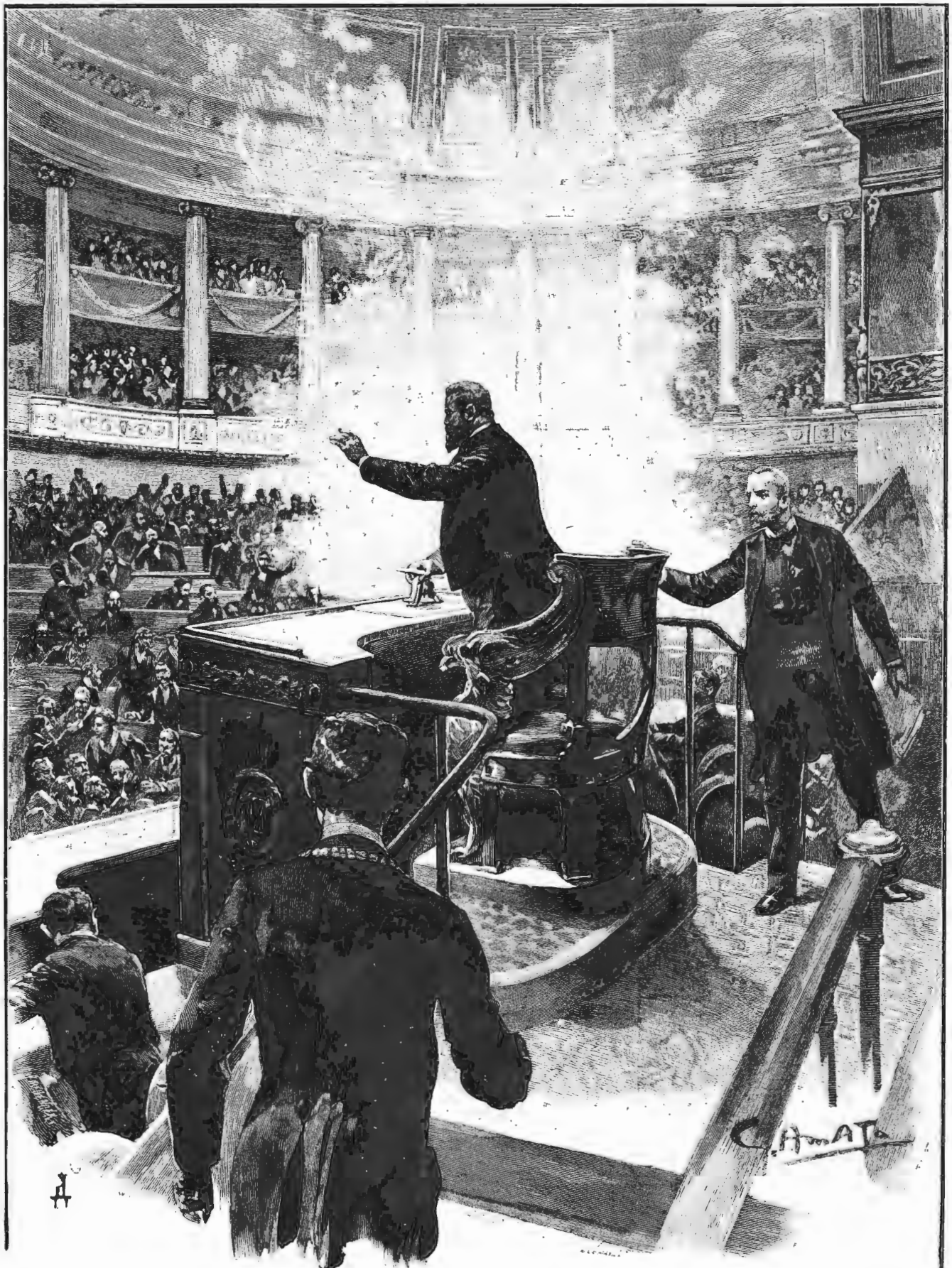
долго товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ во время господства правой, къ которой принадлежитъ и по сіе время. За послѣднее время былъ посломъ въ Константинополь. Французская печать встрѣчаетъ назначеніе Блана довольно сочувственно, и полагаетъ, что по своимъ умѣреннымъ и независимымъ стремленіямъ онъ явится противовѣсомъ не въ мѣру подчеркнутой *военной* политики „друга Бисмарка“ г. Крипси.

Военный министръ Могенни, офицеръ генеральнаго штаба, членъ правой. Въ военномъ вопросѣ будетъ, вѣроятно, руководствоваться указаніями министра-президента.

Морской министръ Моренъ, генуэзецъ, членъ правой, говоритъ, зная свое дѣло.

Министръ юстиціи Календа — неаполитанецъ, а министръ почтъ и телеграфовъ—пьемонтецъ.

Программа, съ которою выступилъ г. Крипси отъ имени новаго министерства, 8 декабря, рисуетъ страну въ незавидномъ положеніи. Глава министерства, послѣ горячаго призыва къ согласію партій и къ совмѣстному дѣйствію правительства и парламента, заявилъ, что положеніе отечества весьма серьезно. Въ виду этого онъ проситъ партіи оставить на нѣкоторое время расшири, объявляетъ упрощеніе администраціи съ цѣлью достиженія наибольшихъ сбереженій, при чемъ, однако, присовокупилъ, что не слѣдуетъ предаваться иллюзіи, будто время жертвъ прошло. Программа встрѣчена рукоплесканіями въ центрѣ и лѣвой. Вице-президентъ палаты, Вилла, объявляетъ, что Цанарделли, который неудачно пытался сфор-

Взрывъ адскаго снаряда во французской палатѣ депутатовъ. Президентъ Дюпюи успокаиваетъ собраніе словами: „Засѣданіе продолжается“. По рис. Ш. авторини Н. Демчинскаго.

мировать министерство, отказался от председательства въ палатѣ. Криспи и другіе депутаты просятъ палату не принимать отставки Цанарделли. Просьба Цанарделли отвергнута единогласно, за исключеніемъ двухъ или трехъ социалистовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ у побережья Германіи была замѣчена яхта, заподозрѣнная въ шпионствѣ. Дѣйствительно, на яхтѣ два французскіе офицера занимались съемкою укрѣпленій. Они были тотчасъ арестованы и въ началѣ декабря предстали предъ судомъ въ Лейпцигѣ, по обвиненію въ государственной (?) измѣнѣ.

Обвиняемые, Дегуни и Дельгэ-Мальвагъ, не отрицали того, что они изслѣдовали германское побережье, но это было ихъ частнымъ дѣломъ, и никакихъ порученій военныхъ французскихъ властей они не исполняли. Какъ ни отгакивая, вообще, шпионство, но, съ одной стороны, такое открытое признаніе, вызывающее строгую кару, а съ другой — предположеніе, что могутъ понастаться и германскіе шпионы, казалось, должны были заста-

Г. А. Лееръ, начальникъ Никол. Академіи Генеральнаго Штаба (по поводу 35-лѣтней ученой и профессорской дѣятельности). По фот. грав. Шюблеръ.

потери деньгами и трудомъ, и требовалъ, чтобы одинъ изъ офицеровъ, арестованныхъ какъ шпионы, былъ приговоренъ къ заключенію въ смиригельномъ домѣ на пять лѣтъ, а другой офицеръ къ тому же наказанію на четыре года. Необходимо, говорилъ онъ, отбить у французовъ охоту избирать германскіе порты для изслѣдованія французскихъ офицеровъ. Несмотря на такое обвиненіе, Дегуни приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 6 лѣтъ, Дельгэ къ тому же наказанію на 4 года. Приговоръ этотъ, избавляющій отъ категории офицеровъ, даже въ Германіи многими встрѣченъ сочувственно.

Въ Лондонѣ 7-го декабря, въ палатѣ общинъ, Гамильтонъ предложилъ вотировать резолюцію, касающуюся необходимости усиленія флота. Гладстонъ, въ свою очередь, предложилъ контръ-резолюцію, указывающую на то, что долгъ правительства принимать необходимыя мѣры для защиты государства и охраны его интересовъ. Гладстонъ присовокупилъ, что палата общинъ должна положиться на правительство относительно своевременнаго внесенія необходимыхъ предложеній;

Профессоръ Военно-Медицинской академіи Левъ Василевичъ Поповъ (по поводу 25-лѣтня дѣятельности). Съ фот. Здобнова грав. Шюблеръ.

Профессоръ Военно-Медицинской академіи Кронидъ Федоровичъ Славянскій (по поводу 25-лѣтня проф. дѣятельности). Съ фот. Шапиро грав. Шюблеръ.

вить имперскаго прокурора быть довольно осторожнымъ и сдержаннымъ въ своемъ обвиненіи; тѣмъ не менѣе, онъ въ своей рѣчи указываетъ, что долженъ быть принятъ въ соображеніе фактъ, какъ, съ „одобренія французскаго военнаго министерства“, обвиняемые офицеры занимались систематически шпионствомъ, вслѣдствіе чего Германія понесла большія

предложеніе же Гамильтона онъ, премьеръ, считаетъ за выраженіе порицанія. Послѣ продолжительныхъ преній, во время которыхъ Бальфуръ сильно нападалъ на Гладстона, предложеніе Гамильтона было, большинствомъ 240 голосовъ противъ 204, отвергнуто, а контръ-предложеніе Гладстона принято единогласно.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1894 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

По той-же причинѣ Контора проситъ всѣхъ желающихъ подписаться на „Иллюстрированную бібліотеку Нивы“, содержащую въ себѣ на 1894 г. „Всеобщую исторію“ проф. О. Йегера, поспѣшить присылкою требованій и подписныхъ денегъ.

Разныя извѣстія.

— 6-го декабря, въ день Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, въ Исаакіевскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Палладіемъ, въ сослуженіи съ архіереями, архимандритами и соборнымъ духовенствомъ, совершена божественная литургія.

— 26-го ноября, Ея Императорское Величество Государыня Императрица изволила пожаловать женщинамъ - врачамъ: Эрнротъ, Ельциной, Румянцевой-Геллеръ, Павловской, Прокофьевой, Башевской и Павлиновой подарки (серебряныя вещи), за безвозмездный приемъ приходившихъ больныхъ въ амбулаторной поликлиникѣ общины сестеръ милосердія Св. Георгія.

— Августѣйшій генераль-губернаторъ города Москвы одобрилъ и утвердилъ проектъ устройства въ Москвѣ Дома Трудолюбія и въ

связи съ нимъ сельско-хозяйственной колоніи въ Московскомъ уѣздѣ.

— Шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, генераль-лейтенантъ баронъ Фредерикъ, назначенъ помощникомъ министра Императорскаго Двора.

— Изъ завѣщаннаго П. А. Чихачевымъ капитала въ 100,000 франковъ Парижской академіи наукъ для выдачи ежегодной преміи за полезныя труды по географіи и естествознанію Азии, впервые присуждена французской академіей премія въ 3,000 фр. извѣстному нашему путешественнику Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

— 6-го декабря, Орловскій Бахтина кадетскій корпусъ праздновалъ пятидесятилѣтіе со дня своего открытія.

— Московской городской думой предоста-

влено въ распоряженіе комиссіи по физическому образованію нѣсколько городскихъ площадей для устройства катковъ и организаціи общественныхъ физическихъ упражненій.

— Согласно епархіальнымъ отчетамъ, во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи число церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности достигаетъ почти 19,000. Въ нихъ обучается до 518,000 дѣтей.

— 4-го декабря скончалась старѣйшая русская писательница-педагогъ, Екатерина Алексѣевна Сысоева, имя которой въ теченіе многихъ лѣтъ пользовалось большою популярностью въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи.

— Въ Берлинѣ скончался недавно извѣстный философъ Мишлэ, прозванный послѣднимъ гегелианцемъ. 1-го декабря онъ успѣлъ отпраздновать 92-ю годовщину со дня своего рожденія.

С М Ъ С Ъ .

Музыкальныя новости для елки. Подъ названіемъ „Бирюльки“ выпущенъ извѣстнымъ педагогомъ, профессоромъ К. Лютшъ, сборникъ прелестныхъ вещицъ для фортепiano въ 4 руки (изданіе Юлія Генриха Циммермана, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ). Этотъ сборникъ смѣло можно рекомендовать всѣмъ учителямъ и родителямъ, какъ пріятный и цѣнный подарокъ къ предстоящимъ праздникамъ. Весьма изящно изданный сборникъ, въ которомъ обращено особенно большое вниманіе на аппликатуру, составленъ съ большимъ вкусомъ, умѣлой рукой опытнаго педагога изъ лучшихъ произведеній французской музыкальной литературы послѣднихъ лѣтъ и безспорно доставитъ удовольствіе родителямъ и ученикамъ.

Тѣмъ же издателемъ выпущено новѣйшее фортепiano произведеніе знаменитаго Карла Рейнеке (автора сборника „Музыкальный дѣтскій садъ“ и извѣстнаго сочиненія „Отъ колыбели до могилы“), подъ названіемъ: „Музыкальныя картины изъ Священнаго Писанія“. 14 характеристическихъ пьесъ средней трудности. Эти, дѣйствительно, красивыя и задумчивыя, роскошно изданныя и тѣмъ не менѣе всѣмъ доступныя пьесы послужатъ достойнымъ предношеніемъ къ предстоящимъ праздникамъ.

Изданы эти пьесы въ 4-хъ отдѣльныхъ тетрадяхъ, всѣ тетради вмѣстѣ въ одномъ томѣ, въ роскошномъ переплетѣ, а также и отдѣльными нумерами.

Рѣшеніе ребуса на преміи № 21

(помѣщеннаго въ № 46 „Нивы“ 1893 г.).

(Съ персидскаго).

Мы, люди—шахматы живые; Всѣ движемся, по волѣ рока,
Играетъ нами рокъ слѣпой.. На *поль* жизненномъ, друзья!
О, эта рѣчь моя не ложна, И, угонленные, уходимъ
Клянусь въ томъ истинной святой! Мы въ *нички*, въ гробъ небытія..

П. Порфирьевъ.

Молотовъ (ы) Лошата (ю) Дианазонъ (и) Шлемъ (а) Хомуть, Магнитъ (а) Тузь (ы) Жерновъ (и) Винтъ (ы, е, и) Гиря, Рупоръ (а, е) Трубка (ы) Нога (а) Монета (и) Рогъ (о) Кнутъ (ы) Сабля, Лукъ (ѣ) Пенснъ (о, й, о, э) Треугольникъ (а) Ромбъ (ѣ) Часы (ы) Миллиникъ (о, я) Ножицъ (е) Лекало (о) Жукъ, Носорогъ (а) Кирка, Луна (я) Наковальня (у) Сабрикъ (ы) Вѣеръ (ѣ) Топоръ (о) Мечъ (ы, и) Серія, Тарелка (и) Ножицъ (о, й) Салогъ, Вѣснъ (а) Тачка (о, й) Елака, Слоны (ѣ) Дека, Ведро (и) Жукъ (е) Мельница, Ставни (я) Палитра (о) Ваза (о) Лѣстница (ѣ) Револьверъ (о) Колесо (а) Наперстокъ (а) Пала (о) Лампа (ѣ) Жерновъ (и) Замокъ, Ножицы (е) Нога, Нога (о) Монета (ы) Дуга, Рыба (у) Звѣзда (ы, я, и, у) Точка (о) Мельница Луна (е) Наковальня, Номеръ (ы, е, у) Хорда (о) Дѣва (и) Мечъ (ы) Марка (ы, Веретено (ѣ, я) Щипцы (и) Колокольчикъ (ы) Вилка (ы) Гербъ, Рама (о) Бюстъ (ы) Ножицъ (е) Бикъ (ы) Терка (и, я).

Всѣхъ вѣрныхъ рѣшеній этого ребуса прислано отъ 2392 лицъ, именно отъ 1522 горожанъ и 870 городскихъ подписчиковъ, и изъ нихъ по жребію преміи получили слѣдующія лица:

I. „Фаустъ“, Гете:

- 1) А. Гребневъ, СПб., Моховая, 45.
- 2) П. И. Преображенскій, Кострома, Окружной судъ.

II. „Полное собраніе сочиненій Гоголя“:

- 1) Н. С. Куприяновъ, СПб., уг. Разъѣзжей и Ямской, д. Сидорова.
- 2) Н. Шелудновскій, Старый Осколъ.

III. „Сказки братьевъ Гриммъ“:

- 1) Ученица Катя, СПб., Басейная, № 28, швейцару.
- 2) Герентьевъ, полковникъ, Москва, 1-й Кадетскій корпусъ.
- 3) А. И. Афанасьевъ, Череповецъ, Новгород. губ.

IV. „Художественный альбомъ Нивы“ за 1891 г.:

- 1) Н. Гольбенъ, СПб., Государственный Контроль.
- 2) Ф. Ф. Журавлевъ, СПб., Шпалерная ул., № 6, кв. 12.
- 3) Г. Н. Кругликовъ, Москва, Смоленскій бульваръ, д. Шнейдера.
- 4) А. Сытинскій, Гельсингфорсъ, Сѣверная Магазиная, № 4.
- 5) В. Грановская, Таганрогъ, Елизаветинская ул., № 105.

V. „Художественный альбомъ Нивы“ за 1892 г.:

- 1) Н. Петипа, СПб., Фонтанка, № 53, кв. 22.
- 2) А. Г. Славяновъ, СПб., 1 рота Измайлов. полка, д. Тарасова, кв. 86.
- 3) А. Поноровскій, студентъ, Москва, Сергіевъ Посадъ, Духовная Академія.
- 4) С. Е. Рѣшетниковъ, Саратовъ, Хлѣбная торговля.
- 5) И. Д. Фортунатовъ, Тула, Петровская ул.

VI. „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“:

- 1) И. А. Суворовъ, СПб., Горный институтъ.
- 2) Е. Маанъ, СПб., Знаменская ул., д. 40, кв. 35.
- 3) А. Е. Румянцевъ, Москва, Арбатъ, д. церкви Троицы.
- 4) Л. А. Нинольскій, священникъ, ст. Павлино, Бостромской губ.
- 5) Константиновичъ I, поручикъ, Урочище Лагодехи, Тифлисскаго губ., 15-й гренадерскій Тифлисскаго полкъ.

VII. „Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова“:

- 1) А. А. Шагинъ, СПб., заводъ Посселя.
- 2) В. Ф. Витте, СПб., Вас. остр., 5 л., Средній пр., № 25.
- 3) В. В. Скалкина, Москва, Савольники, Старослободская ул.

4) И. И. Добротинъ, Гродно, 103 полкъ.

5) Г. В. Ланге, губ. г. Владимиръ, Студеная гора, д. Головаткина.

VIII. „Въ старой Москвѣ“, гр. Е. А. Саліаса:

- 1) А. Мальковъ, СПб., Большая Итальянская ул., Кадетскій корпусъ, кв. 28.
- 2) Г. Мокевъ, СПб., Собственная Е. И. В. канцелярія.
- 3) Л. В. Кикина, Москва, Лефортово, Кдѣтскій плацъ, д. Кикина.
- 4) Н. Е. Кузьминъ, учнт., ст. Сима, Влад. губ.
- 5) Н. В. Васильевъ, уѣздный врачъ, Кишиневъ.

IX. „Шесть разсказовъ“ Лебедева (Н. Морской):

- 1) С. И. Ивановъ, СПб., В. О., 1-й Кадетскій Корпусъ.
- 2) Г. Набоковъ, СПб., Центр. Управл. Главн. Общ. Рос. жел. дор., Фонтанка, 129.
- 3) А. и С. Владиславлевы, Москва, Кисловка, домъ церкви Бориса и Глѣба, квартира діакона Владиславлева.
- 4) Г. И. Адамовъ, студентъ, Новоры, Владимірскаго губ., домъ дѣснаго.
- 5) О. И. Фельднеръ, Невъ, Михайловская ул., д. № 17.

X. „Разсказы и очерки“, Вс. Соловьева:

- 1) С. I. Съдлатый, СПб., 1 рота Измайловскаго полка, д. 5.
- 2) А. Ф. Антоновичъ, СПб., В. О., 19 лин., д. 16, кв. 37.
- 3) Н. В. Чичкинъ, Москва, Тверская ул., д. Филипова.
- 4) Л. В. Оиновъ, преподав. гимназіи, Митава.
- 5) С. А. Голозовъ, Кронштадтъ, Господская ул., д. Коргуевой, № 41, кв. 9.

XI. „Книжка Острожская“, Вс. Соловьева:

- 1) И. Сирия, СПб., Выборгская стор., Полуостровск. набережн., д. 25/2, кв. 20.
- 2) Баронъ А. фонъ-деръ-Ропль, СПб., уголь Екатеринбургскаго пр. и Крюковскаго канала, д. 43/11, кв. 17.
- 3) Н. М. Староскопскій, Москва, Солянка, Николаевск. женск. учнт.
- 4) Н. Г. Соломатинъ, Выборгъ, Выборгскій крѣпостной батальонъ.
- 5) Ф. Ф. Акоронко, Могилевъ, Дѣвировскій пер., д. Шенелева.

XII. „Касиновская невѣста“, Вс. Соловьева:

- 1) Е. Де-Сентъ-Лоранъ, СПб., Петерб. стор., Каменноостр. просп., д. 39, кв. 5.
- 2) А. Оцко, СПб., Выборгск. стор., Полуостр. наб., д. 15, кв. 2.
- 3) Графиня Келлеръ, Москва, Садовая, д. 141.
- 4) П. Кокинъ, Тверь.
- 5) Н. А. Сидоровъ, Ялта, имѣніе Массандра.

XIII. „Юный Императоръ“, Вс. Соловьева:

- 1) А. Ермолинъ, СПб., Канцелярія монетнаго двора.
- 2) Н. Т. Курновскій, СПб., С.-Петербург. конт. Императ. театровъ.
- 3) Н. В. Атамановъ, Москва, Лазаревскій институтъ, Армянскій пер.
- 4) П. А. Символь, Вильна, Управл. Подѣск. ж. д.
- 5) Н. И. Успенскій, Новгородъ-Северскій, Черниг. губ.

XIV. „Навожденіе“, Вс. Соловьева:

- 1) М. Брошель, СПб., Фонтанка, д. 45, кв. 8.
- 2) М. Локоть, студентъ, Спб. Лѣсной институтъ.
- 3) М. Н. Халаева, Москва, Арбатъ, Серебряный пер., д. Кошкина.
- 4) С. Цанинъ, Севастополь, Б. Морская.
- 5) Книгиня Андроникова, Ботлихъ, Дагестанской области. Окружной начальникъ Андійскаго округа.

XV. „Ревизоръ“, Н. В. Гоголя:

- 1) Ф. Н. Индрисонъ, СПб., Вознесенск. пр., д. 47, кв. 30.
- 2) М. М. Ледерле, СПб., Милліонная, д. 29, кв. 15.
- 3) Н. П. Лебедевъ, Москва, Правленіе общества Московско-Казанской ж. д.
- 4) С. И. Смирновъ, подручникъ, Харьковъ, Московская ул., Магазины Б. Т. Смирнова.
- 5) Е. Г. Застѣчная, Книгининъ.

Гг. городскіе подписчики, на рѣшенія которыхъ пали преміи, благоволятъ пожаловать, съ подписнымъ билетомъ, за полученіемъ ихъ въ помѣщеніе конторы „Нивы“ (Невскій, № 6), а гг. многогородныхъ подписчиковъ преміи высылаются почтою. Имена остальныхъ гг. подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія ребуса, вслѣдствіе ихъ многочисленности, редакція, къ сожалѣнію, напечатать не можетъ за недостаткомъ мѣста.

СОДЕРЖАНІЕ: Горсть брильянтовъ. Быль конца прошлаго столѣтія. Кн. М. Н. Волконскаго.—Въ чѣмъ счастье? Индійскій разсказъ Ар. П-а.—Начало обществен- ныхъ увеселеній въ Россіи. Очеркъ Н. Ширяева (съ рис.).—Къ рисункамъ: Маленькій разбойникъ (съ рис.).—Братецъ и сестрица (съ рис.).—Мученица (съ рис.)— Нарышкинскія учрежденія въ г. Тамбовѣ (съ 4 рис.).—Нильская лошадь (гиппопотамъ), защищающая своего дѣтенуша отъ нападенія пантеры (съ рис.).—И. Ѳ. Бог- дановичъ (съ портр.).—Открытие синагоги въ С.-Петербургѣ (съ рис.).—Взрывъ адскаго снаряда во французской палатѣ депутатовъ (съ рис.).—Г. А. Лееръ (съ портр.).—Профессоръ Л. В. Поповъ (съ портр.).—Проф. К. Ѳ. Славянской (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—Разная извѣстія.— Смѣсь.—Рѣшенія задачъ (см. стр. 1189).—Матчъ М. И. Чигорина съ д-ромъ Э. Таррашемъ (см. стр. 1189).—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

Я. БЕККЕРЪ

Поставщикъ Его Величества Императора Всероссийскаго въ Петербургѣ,

на углу Невскаго и Назанской площади, № 18/27.

РОЯЛИ И ПИАНИНО.

№ 6675 (3)

Прейсъ-курантъ бесплатно.

САРИНКА И САРИНСКАЯ ЧЕСУЧА

Ц. № 6618

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦІИ.

8—5

Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ на свой счетъ. требованію за 42 коп.

Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ

А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Средство для смягченія кожи рукъ и лица.

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просьба обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЬЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодерминъ, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Депо у А. Галле и Н. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. Ш. № 6149 28—26

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИМѢНІЕ

купить желаю въ С.-Петербургской или Новгородской губерніяхъ. Возможно подробная предложенія съ обозначеніемъ цѣны прислать въ С.-Петербургъ, Почтамтъ, до востребованія, предъявителю кредитнаго билета № 393818. № 6705

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

для взрослыхъ и дѣтей 12—5 выучиваетъ добросовѣстно, дешево и скоро. Переговоры до 12 ч. дня. Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

ИСУСЪ

(сынъ Навина). Повѣствован. изъ библейск. времени ГЕОРГА ЭБЕРСА. Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. худож. А. Земцова. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15—6

НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—24
Иллюстрированные преісъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Новая американская скоропечатающая машина

„ГАЛЛЪ“

№ 6228 (9)

Лучшая пишущая машина въ мірѣ. Одна и та же машина пишетъ на всѣхъ языкахъ, каждый языкъ по десяти и болѣе различныхъ шрифтовъ. Цѣна машины 75 р., каждаго шрифта 3 р. Описаніе съ изображеніемъ машины въ натуральную величину и пробныя шрифты безплатно. Единственный представитель для всей Россіи Торговый домъ Э. ШТЕМПЕЛЬ въ г. Одессѣ. Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

ежедневная газета, выходящая въ семь столбцовъ убористаго шрифта. Форматъ — самыхъ большихъ ежедневныхъ изданій.

Программа — общегазетная. Самая дешевая газета. Въ 1893 г. было напечатано 20 большихъ романовъ и свыше 100 разсказовъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

5 руб. въ ГОДЪ, 3 руб. въ ПОЛГОДА и 60 коп. въ Мѣсяцъ. Ц. № 6688 3—2 Адресъ: МОСКВА, „Русскій Листокъ“.

Касимовская неѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 30 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

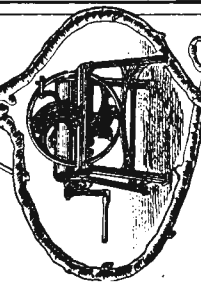
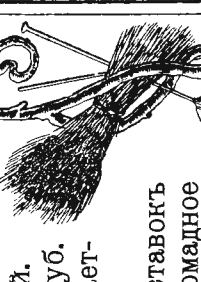
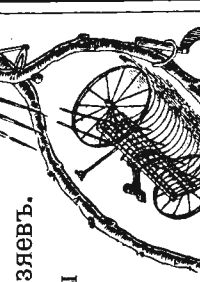
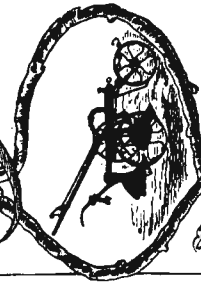
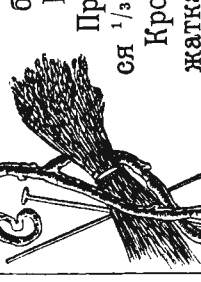
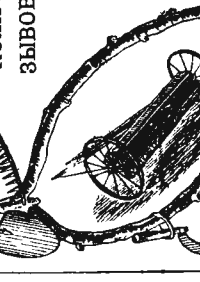
ФАБРИКА ЗЕМЕЛЬЧЕСКИХЪ МАШИИ И ОРУДІЙ
В.Д. МАТІАСЪ и СЫНОВЬ
БЕРДЯНСКЪ.

Изготовляемъ болѣе 3000 разныхъ машинъ въ годъ. Такъ какъ премиранныя жатка наша съ ручнымъ сбрасываніемъ въ громаднѣе спрѣсъ и приходитея часто отказывать обращающимся поздно съ заказами сельскимъ хозяевамъ, то просимъ заказы высылать заблаговременно, во избѣжаніе претензій.
Цѣна жатки 165 руб.
При заказѣ прилагается 1/3 стоимости.

Кромѣ премій съ выставокъ жатка наша имѣетъ громадное количество похвальныхъ отзывовъ опытныхъ хозяевъ.

Прейсъ-куранты
бесплатно.

№ 6711

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

22 декабря 1893 года поступитъ въ продажу въ Конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. № 6):

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1893 г.,

закл. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и, между прочимъ, слѣдующихъ произведеній: „Джеттатура“, бол. пов. графа Е. А. Салиаса, „Воля судьбы“, бол. истор. ром. въ 3-хъ част. кн. М. Н. Волконскаго, „Дарья д'Анчуткина и банкирскій теноръ безъ граціи“, болш. пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Сильный человекъ“, разск. К. Орловскаго, „Искатель приключеній“, болш. пов. І. І. Ясинскаго, „Сапфиръ Миріиѣвичъ“, сказка Кота-Мурлыки, „Первый блинъ да комомъ“, разск. П. Н. Полевого, „Лента“, эскизъ О. Чюминой, очерки изъ пуеш. въ Китай бр. Грумъ-Гринмайло „Въ верхояхъ р. Манасъ“, „Литературныя бесѣды“ А. И. Введенскаго и пр. и пр.

Къ этому тому бесплатно прилагается:

1) Двѣнадцать книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научныхъ статей, научной лѣтописи, библиографіи, задачъ, игръ, смѣсокъ и, между прочимъ, слѣдующихъ выдающихся произведеній: „Превратность судьбы“, разск. Ив. А. Гончарова, „Железная дорога“, очеркъ Евг. Маркова, „Сморчки“, пов. Сергея Атавы, „Альпійская фея“, болш. ром. Е. Вернера, „Дворецъ Аль-Мансура“, поэма-легенда Вас. И. Немировича-Данченко, „Сутни на позиціи“, разск. К. В. Тхоржевскаго, „Бабушка“, разск. С. Н. Шубинскаго, „Въ овечьей шкурѣ“, разск. П. Н. Полевого, „Дипломатъ“, ком. О. Чюминой, „Звѣзда“, болш. ром. въ 2-хъ част. И. Н. Поталенно, „Одинъ изъ многихъ“, пов. Н. Д. Маслова, „Майя“, фантастич. пов. В. П. Желиховской, „Отецъ-командиръ“, разск. Н. Бутовскаго, „Волшебникъ Мерлинъ“, драм. поэма А. Львовой, „Геній“, разск. гр. Соллогуба, „Первое счастье“, карт. съ натуры М. Крестовской, „Штандартъ“, историч. разск. А. П. Полевого и проч. и проч. Стихотворенія: Булацеля, Велико, Мережновскаго, Полонскаго, Фета, Софянова и др.

Три изъ этихъ книгъ закладываютъ въ себѣ собранія произведеній: М. В. Ломоносова, Импер. Екатерины II и Д. И. Фонвизина. Каждое изъ этихъ сочиненій издано въ видѣ отдѣльнаго, совершенно самостоятельнаго тома, съ гравированными на стали портретами авторовъ.

2) Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ: 10 картинъ извѣстнѣйшихъ художниковъ а именно: Александровскаго, Бегрова, Васильевскаго, Каразина, Лебедева, Манарта, Н. Маковского, Рѣпина, Сверчкова и Трутовскаго. Карт. выдаются въ издѣл. панкѣ, украин. акварелью Н. Н. Каразина.

3) 12 №№ ежемѣсячнаго приложения: „Парижскія моды“, съ массою модныхъ гравюръ и рисунковъ.

4) 12 листовъ ежемѣсячнаго приложения рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Цѣна этому тому со всѣми приложениями 5 рублей. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фута по почтовой таксѣ. Желające имѣть изданіе въ роскошн. коллѣктор. переплетѣхъ, благоволятъ прилагать за переплетъ тома „НИВЫ“ 1 р. 50 к. и за 6 перепл. на „Сборникъ“ (3 перепл. на книги „Сборника“ и 3 перепл. на соч. Ломоносова, Екатерины II и Фонвизина)—1 р. 50 к. На укупорку переплетеннаго экземпляра г. иногородные благоволятъ прилагать за ящикъ 75 коп.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 6554 6-8
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по В. Дубинкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

БЕЗПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ
журнала „БУДИЛЬНИКЪ“ на 1894 годъ.

Годовые подписчики на „Будильникъ“ въ 1894 г. (въ Москвѣ 9 р., а для иногороднихъ 10 р.) выигрываютъ:
1) 200,000 курьезныхъ фактовъ столичной и провинціальной жизни.
2) 75,000 карикатуръ общественной жизни, политики и театра.
3) 10,000 (а можетъ быть и меньше) художественныхъ карикатуръ знаменитаго карикатуриста Ф. Гретца изъ Вѣны, пригласеннаго къ участию въ 1894 г. въ журналъ „Будильникъ“.
4) Постоянное приложение къ каждому изъ 50 номеровъ журнала съ а) юмористическимъ календаремъ, б) веселыми піесами текущаго репертуара и в) разсказами изъ иностранной юмористики.
5) Годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, главный выигрышъ:
„ФАУСТЪ“
бессмертное твореніе Гете, въ лучшемъ переводѣ Н. В. Трунина, съ десятью большими иллюстраціями художника-академика К. А. Савицкаго, исполненными фототипіей О. Ренаръ.
Полугодовые подписчики (въ Москвѣ 4 р. 50 к., для иногороднихъ 5 руб.) получаютъ половину выигрышей, но безъ права на главный выигрышъ („Фаустъ“). № 6651-3
По письменному соглашенію, ред. жур. „Будильникъ“ великодушн. допускаетъ разсрочку: 5 р. при подпущкѣ и 5 р. 1 июня 1894 г.
Подписная деньга—10 р. за годъ и 5 р. за 1/2 г.—просятъ адресовать: **ВЪ МОСКВУ**, въ редакцію журн. „Будильникъ“

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокуроухъ, желтая вода для брюнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ Дрогистовъ Россіи. № 5420 (39)

„Капризъ Невы“—Адуи, О-де-колонъ, Мыло.
„Бѣлый Мюскъ“—Адуи, О-де-колонъ, Мыло.
„Сафо“—Адуи, О-де-колонъ, Мыло.
Самого высокаго достоинства.
ХВОЙНАЯ ЭССЕНЦИЯ для пудеризаціи комматъ. Распространяетъ пріятный запахъ хвойнаго лѣса.
ТИМОЛОВЫЙ ЗВУНОЙ ПОРОШОКЪ.
ТИМОЛОВЫЙ ЗВУНОЙ ЭЛИКСИРЪ.
СПБ. Техно-Химической Лабораторіи.
Главный складъ и контора въ СПБ.—гѣ, площ. Александринскаго театра, № 9. Ц. № 6281 Отдѣленіе въ Москвѣ, Никольская, д. Шереметьева. 15—15
Складъ въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, 37, и въ лучшихъ магазинахъ Имперіи.

КАЖДАЯ ДАМА стремится имѣть шикарную и изящную талию!
достичь этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крюч-ковъ и петель ПРІМА!
ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.
Рис. съ нынѣшними крючками и петлями. Рис. съ патентов. крючками и петлями.
Послѣ 4-хъ-недѣльнаго ношенія лифа. Послѣ 4-хъ-мѣсячнаго ношенія лифа.

Платъе, снабженное патентованными крючками и петлями ПРІМА, никогда не терять своего фасона ни при какой работѣ, благодаря чему пользуется громадн. олономъ въ платьяхъ при незначительной затратѣ.
Крючки и петли никогда не портятся, а потому возможно къ обновленію отъ изношеннаго платья, для испрѣвленія въ поворѣ.
Бездѣ въядины и складки. Влад. и склад. нѣтъ; видъ какъ новый.
На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ дѣйствительности-же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

Патентованные крючки и петли ПРІМА
не слабѣютъ отъ времени, не сгибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на талии всегда безъ складокъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.
Нашивать эти застежки очень легко; при каждой карточкѣ прилагается подробное наставленіе. № 6538 12-8
Патентованные крючки и петли ПРІМА имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ.
Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ.
С.-Петербургъ, 4 рота, 16,—собств. домъ.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.
СЪ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ.
Ц. № 6707 2-1
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи.
Требовать: **ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТИСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.**
!!ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!!
При покупкѣ просятъ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.

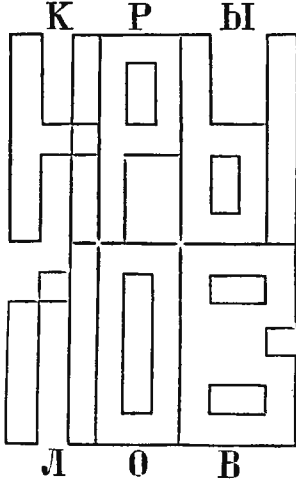
Рѣшеніе задачи № 22
(помѣщенной въ № 48 „Нивы“).

П. И. Чайковскій.

Мазена, Евгеній Опѣгнѣт,
Кузнецъ Вакула, Пиковая дама.

Слова: 1) Паганини, 2) Муза,
3) Венеція, 4) Пикколо, 5) Вѣкъ,
6) Гопакъ, 7) Везувій, 8) Де-
канъ(ъ), 9) Сайма, 10) Чай.

Рѣшеніе задачи № 15
(помѣщен. въ № 21 „Нивы“).

Рѣшеніе задачи № 18
(помѣщенной въ № 38 „Нивы“).

За начало пословицы выбрать
букву Р и, пропуская 18 буквъ,
прибавлять по одной буквѣ.

„Работай до поту, такъ и
поѣшь въ охоту“.

Матчъ М. И. Чигорина съ д-ромъ З. Таррашемъ.

Девятая партія матча. *)

Играна 13 окт. 1893 г. Длѣлась 7½ часовъ.

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Таррашъ.	Чигоринъ.	Таррашъ.	Чигоринъ.	Таррашъ.	Чигоринъ.
Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. e2-e4	e7-e5	6. С. b5-a4	b7-b5	11. С. b3-c2	К. e1-d2
2. К. g1-f3	К. b4-c6	7. С. a4-b3	d7-d5	12. Ф. d1-d2	К. c6-e7
3. С. f1-b5	К. g8-f6	8. d4-e5	С. e8-e6	13. К. f3-g5	К. e7-g6
4. 0-0	К. f6-e4	9. e2-c3	С. f8-c5	14. Ф. d2-e2	Ф. d8-d7
5. d2-d4	a7-a6	10. К. b1-d2	0-0	15. С. e1-e3	С. e6-g4

*) 1-я и 2-я помѣщены въ № 41 „Нивы“; 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8 въ Сборникѣ „Нивы“ № 11 за ноябрь 1893 г. и 10-я въ № 50 „Нивы“ 1893 г.

- 16. Ф. e2-d3 С. e5-e3
- 17. Ф. d3-e3 h7-h6
- 18. e5-e6 f7-e6
- 19. К. g5-e5 Ф. d7-e6
- 20. Ф. e3-e6 С. g4-e6
- 21. С. e2:g6 e7-c5
- 22. Л. f1-e1 Л. f8-f6
- 23. С. g6-h5 Л. a8-d8
- 24. Л. e1-e3 Кр. g8-f8
- 25. Л. a1-e1 Л. d8-d6
- 26. f2-f4 g7-g6
- 27. С. h5:g6 Л. f6:g6
- 28. f4-f5 Л. d6-f6
- 29. f5:e6 Кр. e8-e7
- 30. Л. e1-d1 Л. f6:e6
- 31. Л. e5:d5 Л. d6:d5
- 32. Л. d1:d5 Л. e6-e2
- 33. Л. d5:c5 Л. e2:b2
- 34. Л. c5-c6 Л. b2:a2
- 35. Л. e6:h6 a6-a5
- 36. h2-h4 a5-a4
- 37. Л. h6-a6 Л. a2-c2
- 38. Л. a6-a5 Кр. e7-f6
- 39. Л. a5:b5 Л. e2:c3
- 40. Кр. g1-h2 Кр. f6-g6
- 41. Л. b5-a5 a4-a3
- 42. g2-g3 Л. c3-c2
- 43. Кр. h2-h3 Л. c2-a2
- 44. Кр. h3-g4 Л. a2-a1
- 45. Л. a5-a6 Кр. g6-f7
- 46. Кр. g4-g5 a3-a2
- 47. g3-g4 Кр. f7-e7
- 48. Л. a6-a7 Кр. e7-e8
- 49. h4-h5 Кр. e8-f8
- 50. h5-h6 Л. a1-b1
- 51. Л. a7:a2 Кр. f8-g8
- 52. Л. a2-a3 Кр. g8-h7
- 53. Л. a8-a7 Кр. h7-h8
- 54. Л. a7-f7 Л. b1-b5
- 55. Кр. g5-g6 Л. b5-b6
- 56. Л. f7-f8 Л. b6-b8
- 57. g4-g5 Л. b8-a8
- 58. Л. f6-f5 Кр. h8-g8
- 59. Л. f5-d5 Л. a8-b8
- 60. Кр. g6-h5 Л. b8-a8
- 61. g5-g6 Кр. g8-h8
- 62. Л. d5-f5 Л. a8-g8
- 63. g6-g7 Сдался

Примѣчанія къ партіи.

- 1) Здѣсь продолженіе 8... К. c6-e7, какъ игралъ Чигоринъ въ 1-й партіи матча, считается еще сильнѣе.
- 2) На 13. Ф. g5, лучшій отвѣтъ черныхъ 13... f7-f6; если 14. Ф. h5, то 14... g6; 15. К. h6, К. f5 и т. д.
- 3) Если 15. Ф. h5, то 15... h6; 16. К. e6, Ф. e6, и на 17. С. f5, Ф. e7; 18. e6, fe; 19. С. g6, Л. f2! и у черныхъ побѣдоносная атака.
- 4) Ошибочно было бы брать e6 слономъ по причинѣ 19. К. e6 и т. д.
- 5) Послѣ 19. С. g6, hg; 20. Ф. g5, С. f5 и т. д. игра черныхъ была бы сильнѣе.
- 6) Этотъ ходъ повлекъ за собой потерю нѣшки; чернымъ слѣдовало соглашаться на ничью, предложенную имъ бѣлыми.
- 7) Послѣ 28... С. f5; 29. Л. f5+, Л. g6; 30. Л. fe5!, чернымъ также едва ли удержать нѣшку и или с.
- 8) При взятіи нѣшки ладьей, черные точнѣе возвращаютъ нѣшку.
- 9) Ходъ 34. a2-a4 ведетъ къ ничьей.
- 10) Рѣшительная ошибка; послѣ 43... a3-a2! игра должна была быть ничьей, черные, угрожая пешкою a2-a1 Ф., легко задерживаютъ бѣлые нѣшки королемъ и ладьей.
- 11) Черные грозили 47... Л. g1.
- 12) Можно было прямо 58. Кр. h5; напр. 58. Кр. h5, Л. b1; 59. g5-g6, Л. h1+, Кр. g5, Л. g1+; 61. Кр. f6, Л. h1; 62. h7+, Кр. h8; 63. g7+, Кр. h7; 64. Кр. f7 и выигрываютъ.
- 13) Можно было также 62. h6-h7, съ послѣдующими Кр. h6 или Л. d7+.
- 14) Если 63... Кр. h7, то 64. Л. f8, Л. f8; 65. gf. С. или К+ и выигрываютъ. Ферзь или ладья на f8 дѣлаютъ патъ. Если 65. gf К+, то Кр. g8; 66. Кр. g6 и т. д.; если же 66. h7+, то 66... Кр. h8 и ничья.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ

новаго роскошнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА НИВЫ“.

годъ второй (1894) содержащей въ себѣ:

„ВСЕОБЩУЮ ИСТОРИЮ“,

соч. проф. **ОСКАРА ІЕГЕРА,**

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ОБЪЕМИСТЫХЪ ТОМАХЪ.

Въ текстѣ будетъ помѣщено болѣе 1000 художественныхъ гравюръ и около 80 отдѣльныхъ картинъ, отпечатанныхъ черною и цвѣтными красками.

Всѣ четыре тома выйдутъ въ свѣтъ въ теченіе 1894 года, въ 12 выпускахъ, по одному выпуску ежемѣсячно, подъ редакцію профессора

П. Н. Полевого.

Подписная цѣна за все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, составляющихъ четыре объемистые тома, около 2500 страницъ, и заключающихъ въ себѣ болѣе 1000 художественно-выполненныхъ гравюръ и около 80 отдѣльныхъ картинъ, отпечатанныхъ черною и цвѣтными красками:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	12 РУБ.		Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ.	14 РУБ.
Безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печниковой.	13 РУБ.		Съ пересылкою за границу.	16 РУБ.

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

ВЪ ДВА СРОКА:		ВЪ ЧЕТЫРЕ СРОКА:		ВЪ ШЕСТЬ СРОКОВЪ:	
Безъ дост.	Съ дост. и перес.	Безъ дост.	Съ дост. и перес.	Безъ дост.	Съ дост. и перес.
при подпискѣ.	6 р. 7 р.	при подпискѣ.	3 р. 4 р.	при подпискѣ.	3 р. 4 р.
къ 1 юня.	6 " 7 "	къ 1 февраля.	3 " 4 "	къ 1 февраля.	2 " 2 "
ВЪ ТРИ СРОКА:		къ 1 апрѣля.	3 " 3 "	къ 1 апрѣля.	2 " 2 "
Безъ дост.	Съ дост. и перес.	къ 1 іюля.	3 " 3 "	къ 1 іюня.	2 " 2 "
при подпискѣ.	4 р. 5 р.	къ 1 іюля.	3 " 3 "	къ 1 іюля.	2 " 2 "
къ 1 марта.	4 " 5 "			къ 1 августа.	1 " 2 "
къ 1 іюня.	4 " 4 "				

Для гг. служащихъ допускаются еще болѣе льготныя условія, при коллективной подпискѣ за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ. За подробностями гг. просимъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“.

Подписка на это изданіе принимается въ главной конторѣ журнала „Нива“, въ СЛБ., Невскій, № 6, и во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Только что вышедшій первый выпускъ содержитъ въ себѣ: Исторію Древнюю—отъ возникновенія первыхъ государствъ до установленія спартанской гегемоніи въ Элладѣ—съ 90 иллюстраціями въ текстѣ и 11 отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, и высылаеся каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 1 рубль почтовыми марками.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром. хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. II, 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

16 MÉDAILLES
EAU, PÂTE, POUDRE
PURES DE TOUT ACIDE

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
DE LA FACULTE DE MEDECINE DE PARIS

CÉLÈBRES par leurs QUALITÉS
EN VENTE PARTOUT.

Громадѣйшій выборъ
КОНЬКОВЪ
разныхъ системъ отъ 1 руб. до 12 руб.
Починка и никелировка коньковъ принимается въ спеціальному магазинѣ стальныхъ издѣлій А. О. БРАБЕЦЪ, С.-Петербургъ, Б. Морская № 40. Мт. № 66-3
Иллюстрированный прейсъ-кур. безплатно.

ПРОДАЕТСЯ
имѣніе около 400 дес., въ томъ числѣ 18 дес. виноградниковъ, на южномъ берегу Крыма, съ жилыми постройками, погребями и инвентаремъ. За условіями можно обратиться къ Вд. Матіасъ и С-ямъ въ Бердянскѣ.

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ.
Пріятный и легко изучаемый инструм.: въ 1 часъ можно выучиться играть; 3-хъ пед. отъ 2 р. 50 к. и 6 пед. съ минорн. аккорд. отъ 5 р. Цифровые самоучители въ книг. соч. Куликова по 50 к. Р. № 6689
Прейсъ-куррантъ безплатно
у **Куликова,**
Москва, Маросѣвка, Д. Еремѣева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1894 ГОДЪ

на

„АРТИСТЪ“

(ГОДЪ 6-Й)

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1894 году „АРТИСТЪ“ будетъ выходить
ЕЖЕМЪСЯЧНО 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО УВЕЛИЧЕННОЙ ПРОГРАММЪ.

Будутъ значительно расширены отдѣлы: ХУДОЖЕСТВЕН-
НЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ общали свое сотрудничество:
К. М. Быковский, проф. Вилье, Н. Н. Ге, Н. В. ДОСЪКИНЪ, П. В. ЖУ-
КОВСКИЙ, А. А. КИСЕЛЕВЪ, В. М. Михеевъ и др.

ВЪ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ будутъ печататься преимущественно ори-
гинальныя произведенія. Будутъ напечатаны романы, повѣсти и рассказы А. П. Че-
хова, П. Д. Боборыкина, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Л. Ф. Нелидовой, Д. Н. Ма-
мина (Сибиряка), И. А. Салова, К. Н. Станюковича, Вл. И. Немировича-Данченко, Е. П. Гославскаго, Т. Л. Куперникъ и др.

Съ 1894 года будетъ прибавленъ отдѣлъ «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ». Въ этомъ отдѣлѣ будутъ пери-
одически появляться: «ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ» И. И. Иванова.

Въ журналъ попрежнему будутъ появляться статьи по искусству; статьи по исторіи искусства, драма-
тическія и музыкальныя произведенія новѣйшаго репертуара и снимки съ картинъ и рисунковъ и портреты,
исполненные

ГЕЛЮГРАВИЮРОЙ, ФОТОТИПІЕЙ, ХРОМОГРАФІЕЙ (въ краскахъ) и проч.

Въ журналъ принимаютъ участіе гг.: Вл. А. Александровъ, А. С. Аренскій, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н.
Веселовскій, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, И. И. Ивановъ, А. А. Киселевъ, Ц. А. Кюи, А. П.
Ленскій, А. А. Луговой, К. Е. и В. Е. Маковскіе, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Вл. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. По-
тапенко, И. М. Прянишниковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, К. Н. Ста-
нюковичъ, проф. Н. И. Стороженко, кн. А. И. Сумбатовъ, В. С. Стрѣова, А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, И. В. Шпа-
жинскій, И. Л. Щегловъ, и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: безъ доставки на годъ 10 р., на полгода 6 р.; съ доставкой
и пересылкой на годъ 12 р., на полгода 7 р.; съ пересылкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.
Подписка на 1893 г. продолжается. Подписка на 1893 г. принимается только годовая.

„Театральная Библиотека“.

(ГОДЪ 4-Й).

Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 8 до 12 актовъ драматическихъ произведеній. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
для подписчиковъ на «Артистъ» безъ доставки на годъ 3 р., на полгода 2 р.; съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р., на полгода 3 р. Отдѣльно отъ «Артиста» безъ доставки на годъ 7 р., на полгода 4 р.; съ
доставкой и пересылкой на годъ 8 р., на полгода 5 р. Подписка на 1893 годъ продолжается и принимается
только отъ подписчиковъ на „Артистъ“.

Подписная цѣна на оба журнала вмѣстѣ безъ доставки на годъ 13 р., на полгода 8 р.; съ доставкой и
пересылкой на годъ 16 р., на полгода 10 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
и затѣмъ ЕЖЕМЪСЯЧНО по
а при подпискѣ на оба журнала вмѣстѣ—
по полной уплаты всей подписной суммы.

1

при подпискѣ на одинъ журналъ — 2 рубля
до полной уплаты всей подписной суммы,
3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до

Контора редакціи въ Москвѣ, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ.

№ 6716

1894 ГОДЪ.

ОСКОЛКИ

Подъ редакціею Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористический журналъ большого формата съ картинками (въ краскахъ и чернилахъ). 52 №№ въ годъ; до 1000 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарady, загадки на премию.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:**

ЮМОРЪ № 6676 3-2

Н. С. ТУРГЕНЕВА

въ рисункахъ.

Цѣна за журналъ: съ перес. и дост.: на годъ 9 р., на полгода 5 р.; безъ перес. и дост.: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к. За границу на годъ 10 р.

За пересылку преміи прилагать не полагается. Допускается разсрочка. Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журн. „Осколки“ въ С.-Петербурѣ, въ Спасской ул., д. № 17.

Редакторы-изд.: Н. Лейкинъ и Р. Голикъ.

ЭССЕНЦИ
ОГУЩЕННЫЯ

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ИЗЪ ОЧИЩЕН. ВОДКИ ДОМАШНИМЪ СПОСОБОМЪ ВЪЗМ. МАЛЫМЪ КОЛ.

Н. С. БАРОМЕНСКАГО

ПРИВИЛЕГ. № 4577

по 15 коп. на 1 бутылку.

АНГЛИЙСКАЯ ЖЕЛУДОЧНАЯ ПОЛЫННАЯ ХИННАЯ РЯБИНОВАЯ ВИШНЕВАЯ

ДЛЯ ЛИКЕРОВЪ: БЕНЕДИКТИНЪ ЧАЙНЫЙ ШАРТРЕЗЪ АБРИКОТИНЪ ВАНІЛЬНЫЙ

ДЛЯ НАПИТКОВЪ: СЪ ОРАКЪ ПО 10 КОП. СЪ СЛИВОЧНЫМЪ КЛУБНИЧНЫМЪ АНАНОЧНЫМЪ

ТРЕБОВАТЬ ВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ БАНКАХЪ

Главн. складъ въ конторѣ П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, д. Бюхиной, № 2

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОКЪ.

Фирма премірована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія подделокъ, прощу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговн. антегарскихъ товаровъ, Казанская, 12, и во всѣхъ известныхъ антегарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи. — Главн. складъ для всей Россіи А. Энглундъ, СПб. Михайловская пл., д. Жербина, № 2.

Много Рисунковъ

9-й Годъ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ „Сельскій Хозяинъ“ К. Магницкаго на 1894 г. Ср. съ пересыл. Спб. Надеждинск. № 43

№ 6674 2-2

Главное депо часовъ

НЕВСКІЙ ПР. № 42.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Преисъ-Кур. Высыл. Безпл.

НОВЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ для семейнаго чтенія

„БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!“

НЕОБХОДИМО ВЪ КАЖДОЙ СЕМЬИ!

Здоровье составляетъ, безъ сомнѣнія, высшее благо человека въ „нашъ нервный вѣкъ“. По жѣткому выраженію Фейхтерслебена „здоровье есть только житейская формула правды, добра и красоты“. Здоровью и посвящается нашъ журналъ.

Какъ сохранить здоровье, какъ предотвратить все вредное для организма, какъ обращаться съ простыми заболеваниями до прибытія врача, что дѣлать въ несчастныхъ случаяхъ, какъ воспитывать дѣтей на началахъ рациональной гигиены, какъ устроить свою жизнь, чтобы сохранить свѣжесть духа и крѣпость тѣла, равновѣсіе умственныхъ и физическихъ силъ, однимъ словомъ, „какъ намъ жить, чтобы здоровыми быть!“ — вотъ что ставитъ себѣ цѣлью журналъ „Будьте здоровы!“ и что послужитъ предметомъ подробнаго разсмотрѣнія на его страницахъ.

Девизъ журнала такимъ образомъ ясенъ изъ самаго его названія: „Будьте здоровы!“ Его предполагаемая аудиторія — семья, публика въ широкомъ значеніи этого слова. Мы именно стремимся создать журналъ для семейнаго чтенія, дать рядъ популярныхъ, простыхъ, понятныхъ каждому образованному лицу.

№ 6698 3-1

И если наша цѣль будетъ достигнута, то мы льстимъ себѣ надеждой, что нашъ журналъ — первый русскій популярный журналъ такого рода — сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ естественно быть, — **необходимой настольной справочной книгой въ каждой семьѣ.** Домашній врачъ-гигиенистъ есть лучшей совѣтницей и другъ семьи и наше искреннее желаніе, наша дорогая цѣль, — замѣнить своимъ журналомъ семью этого недостающаго ей теперь друга.

А затѣмъ — „Будьте здоровы!“

Редакторъ-издатель Д-ръ И. И. Зарубинъ.

Журналъ „Будьте здоровы!“ выходитъ съ 1 января 1894 года 2 раза въ мѣсяцъ въ числѣ большого формата со многими рисунками и приложеніями. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 5 руб. въ годъ и 3 руб. за полгода.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, 3-я Рождественская улица, № 19. Подписка принимается въ конторѣ редакціи и во всѣхъ болѣе известныхъ книжныхъ магазинахъ столицы и провинціи.

„НЕДѢЛЯ“

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій: еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“.

„НЕДѢЛЯ“ выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ.

„КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ выходятъ ежемѣсячно, въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ.

Соединеніе еженедѣльной общественно-политической газеты съ ежемѣсячнымъ литературно-критическимъ журналомъ даетъ возможность редакціи „НЕДѢЛИ“ охватывать въ своемъ изданіи всѣ вопросы и интересы текущей жизни, подлежащіе вѣдѣнію періодической печати.

Подписка на 1894 г. открыта.

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ и журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ — девять рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Пвановская, 4. № 6716 3-1

Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.

Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 рис. Переводъ Б. Порозовской. Цѣна каждого тома — 60 коп., въ папѣ — 75 коп., въ переплетѣ по 3 тома — 2 р. 50 коп. Ф. Павленковъ считаетъ не лишнимъ предупредить, что его изданіе является самымъ полнымъ изъ всѣхъ находящихся въ обращеніи „Полныхъ собраній“ Сказокъ Андерсена, какъ по количеству самыхъ сказокъ, такъ и по числу рисунковъ.

ПОЗДРАВЛЯЕМЪ! ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ! XIX ГОДЪ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ГОДЪ XIX.

„СТРЕКОЗА“

ОРГАНЪ ОСТРОСЛОВІЯ И ВЕСЕЛОПРАВІЯ.

для годовыхъ подписчиковъ ТРИ ВЪЗДАТНЫХЪ ПРЕМИИ.

1) II-й томикъ „РУССКОЙ ЛИРЫ“ въ роскошномъ переплетѣ. Въ составъ его войдутъ наиболее удачныя стихотворныя вещи преимущественно поэтовъ новѣйшаго времени.

2) Роскошный **Альбомъ-калейдоскопъ** in folio, въ изящной обложкѣ, отпечатанный на превосходной бумагѣ и содержащій разнообразныя вещи изъ области живописи, литературы, музыки, игръ, задачъ, гаданій, и проч. Эта немалая главная премія „СТРЕКОЗЫ“ будетъ первымъ у насъ по своей оригинальности изданіемъ.

Наконецъ 3-ю премію составитъ **КАЛЕНДАРЬ „СТРЕКОЗЫ“ НА 1895 г.** съ многочисленными рисунками и вырезками, во вкусѣ парижскихъ новгородныхъ альманаховъ. № 6665 3-2

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ съ преміями:	ПО 1/2 ГОДИЯМЪ безъ преміи:
въ СПб — гдѣ безъ доставки 8 р. 50 к.	въ СПб — гдѣ безъ доставки 4 р. 25 к.
съ доставкой 9 р. —	съ доставкой 4 р. 50 к.
во всѣ города 10 р. —	во всѣ города 5 р. —
за границу 12 р. —	за границу 6 р. —

1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться преміями, при подпискѣ на оба 1/2 годія дополняютъ по 50 к. за каждое.

Редакція и контора помещаются: 80, Фонтанка, на углу Лешугова пер., въ СПб.

Издатель Г. К. Коцифельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Бука).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ КАТАЛОГА Близкаго магазина Гросманъ и Кнебель, Москва, Петровскія линіи 13, закупщикаго цѣлый рядъ богато иллюстрированныхъ изданій, которыя предлагаются по значительно удешевленнымъ цѣнамъ.

ИЗЯЩНЫЕ ПОДАРОКЪ КЪ РОЖДЕСТВУ:

Альбомъ геліографуръ съ картинъ русскихъ художниковъ съ полнотѣйшими текстами профессора А. Н. Шварца. 24 геліографуры, исполненныя въ знаменитой мастерской В. Ангерера въ Вѣнѣ. Цѣна вмѣсто 30 р. — 18 рублей.

Томъ въ роскошной папѣ 20 рублей.

Томъ на японской бумагѣ 50 рублей.

Альбомъ геліографуръ изъ собранія картинъ К. П. Солдатенкова, въ роскошной папѣ. **Вмѣсто 15 р. — 10 рублей.**

„Современныя нимфы“ 12 изящно исполненныхъ геліографуръ, изображающихъ 12 нимфъ, соответствующихъ 12 мѣсяцамъ года, въ изящной папѣ. **Вмѣсто 15 — 10 рублей.**

Русскій художественный архивъ 1892 — 1893 г. 60 лучшихъ переносимыхъ фотографическихъ снимковъ и 314 страницъ текста. **Вмѣсто 12 р. — 6 р.**

Томъ въ роскошномъ переплетѣ 8 руб.

Художественный литературный сборникъ „На память“. **Вмѣсто 5 р. — 2 р. 50 к.**

Кремль въ Москвѣ, сост. Фабрицусъ. **Вмѣсто 10 р. — 5 р.**

Томъ въ роскошномъ переплетѣ 6 руб.

Альбомъ Всероссийскій художественно-промышленной выставки въ Москвѣ въ 1882 г. въ роскошной папѣ. **Вмѣсто 25 р. — 6 р.**

1. Э. Вессели, О распознаваніи и собраніи гравюръ. **Вмѣсто 3 р. — 1 р. 50 к.**

Salon Illustré 1892 и 1893 гг. по 4 выпуска — 170 фотографій. **Вмѣсто 4 р. — 3 руб.** за каждый годъ.

Figaro-Salon (Снимки съ картинъ Парнаской художественной выставки) 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891 и 1892 гг. **Вмѣсто 6 р. — 3 р.** за каждый годъ.

Catalogue Illustré de la société nationale des Beaux-Arts 1890, 1891 и 1892 гг. **Вмѣсто 1 р. 75 к. — 1 р.** за каждый годъ.

Illustrirter Katalog der internationalen Kunstausstellung zu München 1890. **Вмѣсто 1 р. 75 к. — 1 р.**

Lossow, Götterdekameron. Вм. 6 р. — 4 р.

Zick, Das goldene Zeitalter. Вм. 6 р. — 4 р.

Zick, Aphrodite und ihr Gefolge. **Вмѣсто 6 р. — 4 рубля.**

Zick, Bacchus und sein Gefolge. **Вмѣсто 6 р. — 4 руб.**

Le nu d'après Boucher. **Вмѣсто 15 р. — 8 р.**

L'art français 1789 — 1839 г. въ роскош. перепл. **Вмѣсто 32 р. 50 к. — 18 руб.**

Société d'Aquarellistes français et Grands peintres français et étrangers. **Вмѣсто 320 р. — 220 руб.** а также отдѣльно: первое 120 руб., а послѣднее 100 руб.

Racinet, Le costume historique, большое изданіе. **Вмѣсто 250 р. — 150 руб.**

Томъ малое изданіе **вмѣсто 125 р. — 80 р.**

Grundriss der Keramik Bezug auf Kunstgewerbe. **Вмѣсто 25 р. 20 к. — 12 р.**

L'ornement polychrome томъ I, **вмѣсто 80 р. — 50 р.** № 6710

Томъ томъ II, **вмѣсто 100 — 70 р.**

La céramique japonaise. Вм. 25 р. — 15 р.

Histoire de l'Art decoratif. Вм. 40 р. — 25 р.

Полный каталогъ высылается по требованію за три 7 к. марки.

ПИСАТЬ не только красиво но и скоро въ виду выкупа въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдмунда. За двѣ 7 коп. марки высылка условій и пробное письмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кал. Э. Кондарисъ. № 6519 10-8

Г. М. ЛЕВИНСОНЪ

ВЪ ОДЕССѢ.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ

ФАБРИКА ВУЛКАН.

КАУЧУКОВЫХЪ

ШТЕМПЕЛЕЙ

и ГРАВЕРНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ.

БЕЗПЛАТНО

ВЫСЫЛАЕТЪ

КАТАЛОГИ

съ ПРЕЙСЪ-КУРАНТАМИ.

АГЕНТЫ

ПРИГЛАШАЮТСЯ

ПОВСЕМѢСТНО

АДРЕСЪ: ВЪ ОДЕССУ.

Г. М. ЛЕВИНСОНЪ.

П. № 6708 2-1

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшего английскаго колленкора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанными красками, на 1893 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к

ЭЛЕОПАТЬ

Пр. КИНУНЕНЬ

ДЛЯ ВОЛОСЪ.
ЭЛЕОПАТЬ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больши. аптекахъ и космет. магазинахъ. Цѣна фл. содержитъ 120 граммъ 1 р. 60 к. бѣтъ перес. № 6565 (6)

Провизоръ Кинунень.

Просить обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. Провизоръ Кинунень. Главный складъ: Демидовъ пер., № 1.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ
каталогъ и новости
русской литературы для семейнаго круга.

КАТАЛОГЪ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
и
иностранныхъ журналовъ
высылаетъ 8—30
№ 6672

БЕЗПЛАТНО

книжн. магазинъ
Ф. В. ЩЕПАНСКАГО,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 34.

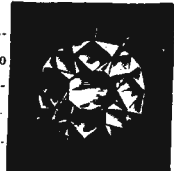
Г. ВЕЙСЪ

56, НЕВОСКІЙ ПРΟΣП.
„Обувь мужская, дамская и дѣтская, громадный выборъ готовой и галопъ Фетръ“. Обувь моего издѣлія отличается изяществомъ отдѣлки, легкостью, новизною фасоновъ и добротачествомъ матеріаловъ, чему служитъ доказательствомъ полученная въ Парижѣ золотая медаль и медаль въ Чикаго. Для удобства публики значительно увеличенъ магазинъ. Всѣ заказы выполняются аккуратно и хорошо подъ личнымъ наблюдениемъ. Также обувь моего издѣлія можно получить единственно: въ Ростовѣ на Дону у П. И. Ильина, въ Одессѣ у Безикевича и Куркуркина, въ Харьковѣ у Приля и Токаревой, въ Кіевѣ у Шабардина. № 6646 4—4

Просить требовать клейма магазина. Въ С.-Петербургѣ единственно лишь въ моемъ магазинѣ, Невскій, 56. Гг. иногороднихъ просить присылать старій сапогъ для мѣрки, которая по изготовленіи колодки всегда будетъ пмѣяться въ магазинѣ.

Новѣйшіе твердые ЧИКАГСКІЕ ИСКУССТВЕННЫЕ БРИЛЛЯНТЫ

получены изъ Чикагской выставки, замѣчательное по драганіе по блеску, и гра- нированъ на стоящимъ, пастощ. въ золот. и серебран. оправѣ: кольца, серьги, брошки, браслеты, шпильки и проч.

продаетъ складъ фабрика „П А Р И Ж С К А Я К О М П А Н І Я“ въ Варшавѣ, Бѣлая ул., № 10. Каталогъ съ 1000 рисункъ 50 коп. марками.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ РОЖДЕСТВУ.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ: СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.
Переводъ подъ редакцію П. Н. ПОЛЕВОГО,
со множествомъ иллюстрацій П. ГРОТЪ-ЮГАННА.

„Сказки“ представляютъ собою **БОГАТО** изданный томъ, — въ 4-ю долю листа, наилучшей веле- невой бумагѣ, — заключающей въ себѣ **548+XII** стран. и около **240** вы- соко-художественныхъ ри- сунковъ и вышетоковъ.

Цѣна этому богато изданн. тому **12 р.**, съ перес. **14 р.**

Въ роскошномъ колленкоровомъ переплетѣ, съ изящными тисненіями золотомъ и красками и цвѣтнымъ обрѣзомъ **14 р.**, съ перес. **16 руб.**

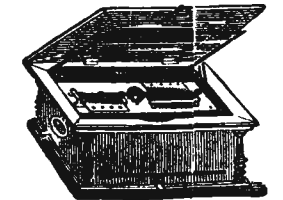
Это роскошное издание можно рекомендовать, какъ **прекрасный и полезный подарокъ** къ Рождеству. Желаящихъ получить „Сказки“ просить **заблаговременно** прислать требованія и деньги, чтобы заказы ихъ могли быть исполнены своевременно.

Для гг. подписчиковъ продаются колленкоровыя крышки для переплета полнаго собранія „Сказокъ братьевъ Гриммовъ“ по указанному образцу. Цѣна крышки **1 р. 25 к.**, съ пересл. **2 р.**

ПРУШИНСКІЙ Свб., Невскій, 20. **ЛЕНИНГССЪ и ГИОЗІИПЪ**
высылаютъ за заказы руб. **0199** № (4)
ВЕСЬ СЕКРЕТЪ КРАСИВАГО ПОЧЕРКА. ижють честь сообщить, что они доставля- ютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2450

ПОЛЕЗНЫЕ И ПРИЯТНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

лучшаго качества, по крайне утѣреннымъ цѣнамъ:
ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛКИ
съ музыкой 45 руб. Ноты по 35 коп.

СИМФОНІОНЫ
съ ручкой 7 руб. Пьесы по 35 к.
Заводы 40 тонн. 18 р. Пьесы по 35 к.
Заводы 60 тонн. 35 р. Пьесы по 70 к.
Заводы 84 тонн. 55 р. Пьесы по 85 к.
Заводные 84 тонн. Sublime Harmonie
100 р. Пьесы по 1 р. 10 к.
Заводные Sublime Harmonie Piccolo
150 руб. Пьесы по 1 руб. 75 коп.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ
цѣна 7 руб. Ноты по 25 коп.

АРИСТОНЪ ОРГАНЪ
цѣна 25 руб. Ноты по 60 коп.

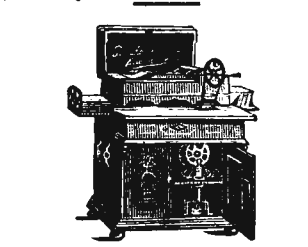
ГЕРОФОНЪ
съ приспос. для громкой и тихой игры
33 руб. Ноты по 60 коп.

МАЛЫЙ ФЕНИКСЪ
цѣна 14 руб. Ноты по 40 коп.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ
цѣна 35 руб. Ноты по 80 коп.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 75 р.
Ноты по 1 р. 40 к., 2 р. 80 к. и дороже.

ПИАНО-МЕЛОДИНО
(новый механическій инструментъ со стру- нами) цѣна инструмента безъ нотъ 100 р.
Ноты отдѣльно по 80 коп. за метръ
(= 1 1/2 арш.)

САМОИГРАЮЩІЙ ПИАНО-ОРКЕСТРИОНЪ
механическій музыкальный инструментъ со струнами, очень пріятнаго тона. Приводится въ дѣйствіе безопаснымъ маленькимъ двигателемъ. Цѣна безъ нотъ 250 р.
Ноты по 80 коп. метръ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ. В. Морская. № 34 и 40. Москва. Кузнецкій м. д. Захарьина.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ), Лифляндской губ. и высылаетъ бесплатно и франко **КАТАЛОГЪ СЪЯМНАМЪ** огороднымъ, двѣтвоннымъ и эконо- мическимъ, 500 сорт. **РОЗНАМЪ**, грунтовымъ и оранжерейнымъ, **ГЕОРГИНАМЪ**, **ГВОЗДИНАМЪ**, цвѣточ. лукович- нымъ, воздушн. и тепличн. растениямъ, фрук- товымъ и украсительнымъ № 6709

ДЕРЕВАМЪ и **КУСТАРНИКАМЪ**, клюбуинамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказан. пере- мѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, п. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ краин. цѣтъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (22)
Спеціалистъ хронометровъ. С.-Петербургъ, Невскій пр. № 52 прот. Лип. Лубл. Библиотеки. Подробный извѣст. прейс- курантъ по востреб. безплат- но. Пересылка на счетъ ма- газина. Ручательство на 2 года. № 6283

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ
въ **СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „ЯКОРЬ“**

ИНСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1872 г.
Основной и запасный капиталы 3.900,000 руб.

ПРИМѢРЪ. Отецъ семейства, 35 лѣтъ отъ роду, страхуетъ 10,000 руб., которые долж- ны быть выданы жѣнѣ и дѣтямъ **НЕМЕД- ЛЕННО ПОСЛѢ СМЕРТИ.** За такое страхо- ваніе онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 68 руб. и пользуется **ОСОБЫМИ ЛЬГО- ТАМИ НА СЛУЧАЙ НЕСПОСОБНОСТИ КЪ ТРУДУ** или, по желанію, **УЧАСТИЕМЪ ВЪ ПРИБЫЛЯХЪ** Общества.

Страхованія принимаются на сумму отъ 1,000 до 50,000 руб. на жизнь одного лица. **ЗАСТРАХОВАННЫЙ КАПИТАЛЪ ВЫДАЕТСЯ И ВЪ СЛУЧАѢ СМЕРТИ ОТЪ ЭПИДЕМИЧЕ- СКОЙ БОЛѢЗНИ.**

Отвѣтственность Общества на случай не- способности къ труду начинается съ момента заключенія страхованія. При заключеніи страхованія съ участіемъ въ прибыляхъ Об- щества первый дивидендъ страхователямъ назначается послѣ **ТРЕТЬЕГО ГОДА** страхо- ванія. № 6713 6—1

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ Москвѣ (Большая Лубянка, № 11), въ С.-Петербургской конторѣ (Гороховая, № 12) и во всѣхъ Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.

НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО КОНГО

носитъ имя изобрѣтателя Винтора Вэссье. Складъ у Э. Э. Во Младш. и К. Мосина, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова. 26—5

1-й ВЫИГРЫШ- НЫЙ
заемъ, 3 января ти- раяжъ, продажа на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, С.ПБ. (6—8)

Рождественский вечер

Дозволено цензурою, 9 декабря 1893 г.

Печатано въ артистическомъ заводѣ А. Ф. МАРКОВА, СІБ.
Библиотека Руниверс

XXIV г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIV

№ 52

Выходитъ еженедѣльно, съ приложеніемъ 12-ти еженеѣсячи. книга „Сборника“, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертеней и выкроекъ.

1893

Выдавъ 24 декабря 1893 г.

Ц. этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1894 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за
стороню непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Navas по 3 fr.; для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ до-
ставки въ
СПБ. . . . 5 р.

Съ дост.
въ СПБ. . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою. . . . 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

Подписка въ
РАЗРОЧКУ на
1894 г. также
принимается въ
2, 3 и 4 срока.
Подробности
см. въ объявл.
„Нива“ № 41,
стр. 928 и 929.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВЪ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Рождественскій сонъ. Съ карт. Розенберга, грав. Бонгъ.

Ваня.

Рассказъ

Кн. Дм. Голицына-Муравлина.

Когда пробило четыре часа, чиновникъ для письма Ивановъ аккуратно спряталъ перья, карандаши и бумагу въ ящикъ стола и тихою, робкою поступью вошелъ въ кабинетъ экспедитора Фролова.

— Павелъ Петровичъ, мнѣ сегодня разрѣшите по-раньше домой... У меня елка.

Фроловъ, очень добродушный и толстый человекъ, весело переспросилъ:

— Елочка? А вы все мнѣ сдали?

— Какъ же съ-съ... Списокъ чиновъ, два доклада и десять писемъ къ членамъ остзейскаго комитета.

— Ну, и ступайте съ Богомъ... Я и прочихъ скоро распушу... Время праздничное... А для кого елка-то?

— Для сына, для Вани... семь лѣтъ. Славный такой.

Ивановъ едва не прослезился. Онъ не могъ говорить о сынѣ иначе, какъ съ приятной болью въ душѣ. Тускло живется, страдно, а придешь домой, именно въ то мѣсто, гдѣ ощущаешь свою бѣдность, и посмотришь на сына, такъ думается: ради этого ангела судьба сжалится...

И большой сегодня праздникъ. Ваня будетъ радоваться. Радость Вани—счастье всѣмъ.

— Да, это хорошо, одобрилъ Фроловъ,—но дѣти народъ такой, что...

Онъ не успѣлъ договорить, потому что за его спиной энергично задребезжалъ телефонъ.

Давъ отвѣтный звонокъ, Фроловъ приложилъ трубку къ лѣвому уху и членораздѣльно проговорилъ:

— Канцелярія отчетнаго министерства... Я, ваше высокопревосходительство...

Ивановъ угадалъ, что говоритъ самъ министръ, и замеръ, боясь шелохнуться.

Фроловъ слушалъ и отвѣчалъ:

— Точно такъ... слушаю-съ, слушаю-съ... трое налицо... лучше всѣхъ Ивановъ... онъ здѣсь, ваше высокопревосходительство... слушаю-съ... изволите приказать немедленно?... слушаю-съ... будетъ исполнено.

Волновался Ивановъ, не понимая.

Экспедиторъ повѣсилъ трубку на мѣсто и прервалъ сообщеніе двумя короткими звонками.

— Возьмите два листа слоновой бумаги и отправляйтесь къ министру, сказалъ онъ,—его высокопревосходительство мнѣ телефонируетъ, что требуется немедленно переписать докладъ. Онъ выкинулъ двѣ строки. Желаетъ, чтобы въ его присутствіи.

Ивановъ совершенно упалъ духомъ. „А елка? думалъ онъ.—А елка?“

— Полно! утѣшилъ его Фроловъ,—вы должны гордиться тѣмъ, что вашъ прекрасный почеркъ доставляетъ вамъ такую честь.

Иванову очень хотѣлось отвѣтить, что Ваня отнесется къ такой чести равнодушно, и что подобныя отличія ничего кромѣ тяготъ не приносятъ... да и ждать дома будутъ, станутъ беспокоиться. Ваня заплачетъ... Если Ваня заплачетъ, то ничто не поправитъ такой бѣды.

— Ну, скорѣй! нетерпѣливо произнесъ Фроловъ.

Пришлося идти. Вереницею длинныхъ коридоровъ, держа въ рукѣ обложку, гдѣ лежали листы слоновой бумаги, Ивановъ пробрался на квартиру его высокопревосходительства. Въ прихожей, курьеры отнесли къ нему сочувственно:

— Чтò, жучать?

Одинъ изъ нихъ пошелъ докладывать. Иванова позвали въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ самъ министръ, котораго чиновникъ для письма никогда еще такъ близко не видѣлъ. „Какой серьезный!“ подумалъ онъ.

Совсѣмъ напрасно онъ такъ подумалъ. Его высокопревосходительство вовсе не былъ серьезенъ. Онъ веселился сердцемъ при мысли о томъ, что сейчасъ распахнетъ двери въ гостиную и впуститъ туда, къ подаркамъ, своего сына, Ваню, семи лѣтъ.

— Господинъ Ивановъ? спросилъ министръ,—садитесь сюда. Перепишите осторожно и быстро.

Онъ указалъ ему на стулъ, на столъ и на перечернутый докладъ.

„Въ черновомъ не могъ исправить!“ съ досадою подумалъ Ивановъ, отвѣшивая глубокой поклонъ.

— Садитесь же. Пишите. Я долженъ черезъ часъ послать.

Ивановъ сѣлъ, дичась роскошныхъ канцелярскихъ принадлежностей.

Съ этой минуты, его высокопревосходительство пересталъ имъ интересоваться, даже совсѣмъ забылъ о немъ.

— Ваня! крикнулъ онъ.

Ивановъ вздрогнулъ, точно ему показалось, что сейчасъ войдетъ его сынъ.

Но вошелъ сынъ министра, сытый мальчикъ, съ розовыми щечками, хорошенькій и веселый блондинчикъ. Горько стало чиновнику для письма. Ежели бы его Ванѣ да такое здоровье!

— Останься здѣсь, подожди, я тебя сейчасъ позову, ласково проговорилъ министръ и вышелъ. Ему хотѣлось бросить послѣдній взглядъ на всѣ подарки... надо устроить такъ, чтобы у сынишки глаза разбѣжались.

Ваня остался въ кабинетѣ, съ полнымъ сознаниемъ предстоящаго удовольствія. Покачалъ онъ сперва правой ногой, потомъ лѣвою, а затѣмъ сталъ съ интересомъ смотрѣть на чиновника... „Какое у него смѣшное лицо! И почему онъ моргаетъ? Онъ глупый... навѣрно, глупый!“

Ивановъ тоже на него глядѣлъ, машинально вытирая перо. Онъ всѣхъ и все теперь здѣсь ненавидѣлъ. Злила его обязанность писать, злила чужая радость, здоровье этого чужого Вани оскорбляло. Скверныя чувства гуляли у него по душѣ.

Работы хватить на полчаса... нѣтъ, на часъ. Въ часъ Ваня успѣетъ заплакать, видя, что папы нѣтъ.

Вдругъ, Ваня замѣтилъ: — Какой вы смѣшной!

Очевидно, онъ былъ избалованъ и привыкъ выражать свои мысли очень откровенно.

— Какой вы смѣшной! У васъ носъ, какъ картошка.

...Тамъ, на Петербургской, въ тѣсной квартирѣ, другой Вани часто говоритъ своему отцу: „папочка, носъ у тебя, какъ картошка“...

Вотъ, должно быть, почему эти слова такъ обрадовали Иванова. Ему захотѣлось встать и броситься къ „генеральскому“ ребенку, цѣловать его. Но страхъ его обуялъ.

Придвинувъ къ себѣ бумагу, онъ сталъ выводить буквы. Онъ думалъ о томъ, что всѣ дѣти ангелы, и что ради нихъ надо любить весь міръ.

Старательно писалъ онъ, осторожно торопясь, и если что-нибудь его злило, то единственно мысль о томъ, что министръ разсердился бы, если бы узналъ о его желаніи расцѣловать и затормозить сына его высокопревосходительства.

Подъ Рождество.

(Святочные очерки изъ солдатской жизни на окраинахъ).

К. Тхоржевскаго.

Тяжело, грустно встрѣчать большіе праздники, какъ Рождество Христово, на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ, отъ близкихъ людей. Сколько воспоминаній проснется, сколько дорогихъ, родныхъ лицъ пронесется въ мысляхъ у человѣка, если у него сердце не обратилось подъ ударами судьбы въ камень, если онъ летѣеть воспоминанія о родномъ гнѣздѣ, семьѣ, своемъ дѣтствѣ... И встрѣчается, обыкновенно, такой праздникъ съ тихой грустью на душѣ, и, навѣрно, выкатится слезинка изъ суроваго глаза даже стараго солдата, не привыкшаго къ особеннымъ нѣжностямъ...

Такое общее настроеніе невольно чувствуется въ казармахъ уже за два, за три дня до праздниковъ. и чѣмъ отдаленнѣе мѣсто, куда заброшена часть, чѣмъ диче и пустыньнѣе вокругъ—тѣмъ ярче бросается въ глаза это тихо-радостно-грустное настроеніе...

Дикъ и пустыненъ островъ Мюльгенгольмъ, высушившійся среди волнъ бурнаго моря, недалеко отъ устья большой судоходной рѣки.

Непривѣтливъ здѣсь климатъ, непривѣтливо вѣчно волнующееся море, непривѣтлива бѣдная сѣверная природа.

Пески, болота, густой сосновый лѣсъ... Глазу отдохнуть не на чемъ.

Начиная съ октября, солнце только чуть-чуть поднимается надъ небосклопомъ, въ видѣ большого огненнаго шара; освѣтитъ, освѣтитъ оно немного своимъ красноватымъ, негрѣющимъ свѣтомъ, напоминающимъ улыбку на застывшемъ лицѣ мертвеца, и опять скроется на горизонтѣ, точно погрузится въ сѣро-синее море и только зажжетъ багрово-красную, будто кровью подернувшуюся зарю, которая, постепенно блѣднѣя и мѣняя свои тоны, быстро погаснетъ, и наступитъ темная, глухая, безконечная ночь.

Только въ концѣ апрѣля дни дѣлаются длиннѣе, солнце начинаетъ понемногу грѣть и вызывать къ жизни заснувшій въ тяжеломъ снѣ островъ.

Собщеніе съ твердой землей прерывается иногда на цѣлыя недѣли.

Жителей, кромѣ постоянного небольшого гарнизона, состоящаго изъ крѣпостной пѣхоты и артиллеріи, на островѣ нѣтъ. Три деревянныя казармы, на каменныхъ фундаментахъ и три, четыре офицерскіе домика съ палисадниками—вотъ всѣ жилыя постройки на этомъ клочкѣ суши, который находится подъ постояннымъ страхомъ быть поглощеннымъ моремъ. Зато по берегамъ возведены грозныя батареи, вооруженныя еще болѣе грозными орудіями,—на одинъ зарядъ этого чудища современнаго искусства идетъ 32½ пуда пороха и 36 пудовъ картечи!..

Эти батареи, какъ наиболѣе возвышенные пункты, служатъ единственнымъ спасеніемъ для гарнизона на случай наводненія. День и ночь охраняются онѣ часовыми, и эта охрана составляетъ главную службу всего войска.

Зима—это самое тяжелое время на островѣ: все населеніе не имѣетъ въ этотъ періодъ почти свободной минуты: люди или въ караулѣ на батареяхъ, или расчищаютъ снѣжные заносы. А вьюга неугомима и дѣлаетъ свое дѣло: утромъ разгребутъ снѣгъ, отроютъ проходы, орудія, пороховые погреба, а къ вечеру опять все занесено, опять иди на работу.

Было 24 декабря.

На одной изъ самыхъ большихъ батарей, обстрѣливающей и устье, и часть моря, на третьемъ посту

лѣваго фланга—отъ 9-го траверза до 15-го—стоялъ на часахъ рядовой Порошинъ.

Время шло уже къ вечеру; огненный большой солнечный шаръ, о какомъ понятія не имѣютъ наши жители Юга, совершивъ свой короткій путь, закатился, и на небѣ заиграла пурпуровая заря, обливая своими розовато-фіолетовыми отбѣнками и льды, нагромоздившіеся по побережью фантастическими скалами, которыя блестящи, точно онѣ изъ хрусталя были сдѣланы, и незамерзшую часть моря, казавшуюся съ берега темпой туманной полосой. И еще холоднѣе, еще непривѣтнѣе дѣлалось отъ этого освѣщенія...

Тяжелыя свинцовыя тучи, тоже окрасившіяся по краямъ пурпуромъ, медленно, тяжело ползли по безцвѣтному, такому же, какъ и все окружающее, холодному небу.

Вѣтеръ дулъ ровно и сильно, вздымая то здѣсь, то тамъ снѣжные вихри.

Морозъ крѣпчалъ.

Порошинъ уже болѣе часа маршировалъ по своему посту, то поднимаясь на валъ, откуда открывался безпредѣльный видъ на полузамерзшее море, устье рѣки и отдаленную крѣпость, рѣзко выдѣлявшуюся своими брустверами и высокой колокольней на свѣтломъ фонѣ неба,—то спускаясь внизъ, во внутренность батареи, подъ облещенныя вѣтви одинокихъ деревьевъ, разбросанныхъ группами въ разныхъ направленіяхъ.

Сначала онъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ какъ о своихъ прямыхъ обязанностяхъ, зорко посматривалъ по сторонамъ и въ видѣ развлечения, да и для пользы отчасти, разъ пять повторилъ про себя свою „сдачу“: „постъ № 3. Охранять лѣвый флангъ батареи отъ 15-го траверза до 9-го. Подъ сдачей находится: шесть орудій, два пороховые сарая, телефонная будка, шесть расходныхъ погребовъ, пять запасныхъ лафетовъ, *электрическій* звонокъ, двѣнадцать дверей, двадцать четыре окна, пять замковъ, пять печатей, будка, постовой тулупъ, кнѣги, свистокъ“.

Хотя онъ и былъ грамотенъ, но заучить всю „сдачу“ было для него все-таки очень трудно, и много вечеровъ просидѣлъ онъ, повторяя ее, пока, наконецъ, не заучилъ съ нужной твердостью, безъ сбивки; а то, бывало, на запятыхъ отвѣчаетъ взводному все твердо, а какъ дойдетъ до телефонной будки,—сейчасъ—стонъ!.. и занется... Поправится кой-какъ, а тутъ „электрическій“ звонокъ опять все дѣло испортитъ. И вотъ теперь, повторяя всю сдачу и чувствуя, что знаетъ ее хорошо, твердо, онъ испытывалъ особенное удовольствіе и полное душевное спокойствіе, ибо нетвердое знаніе чего бы то ни было, относящагося къ караульной службѣ, могло повлечь большія непріятности... Комендантъ крѣпости всякій разъ, какъ пріѣзжалъ на островъ, начиналъ экзаменовать солдатъ въ знаніи караульнаго устава и, Боже сохрани, если кто-нибудь сбивался или отвѣчалъ неправильно!.. Тутъ поднималась такая гроза, въ которой попадало и караульному начальнику, и дежурному по карауламъ офицеру, и даже ротному и батальонному командирамъ.

Благодаря этому сознанию, что его никто не собьетъ, Порошинъ чувствовалъ себя ни хорошо, ни плохо, а просто спокойно какъ-то, и даже думъ въ головѣ никакихъ не было.

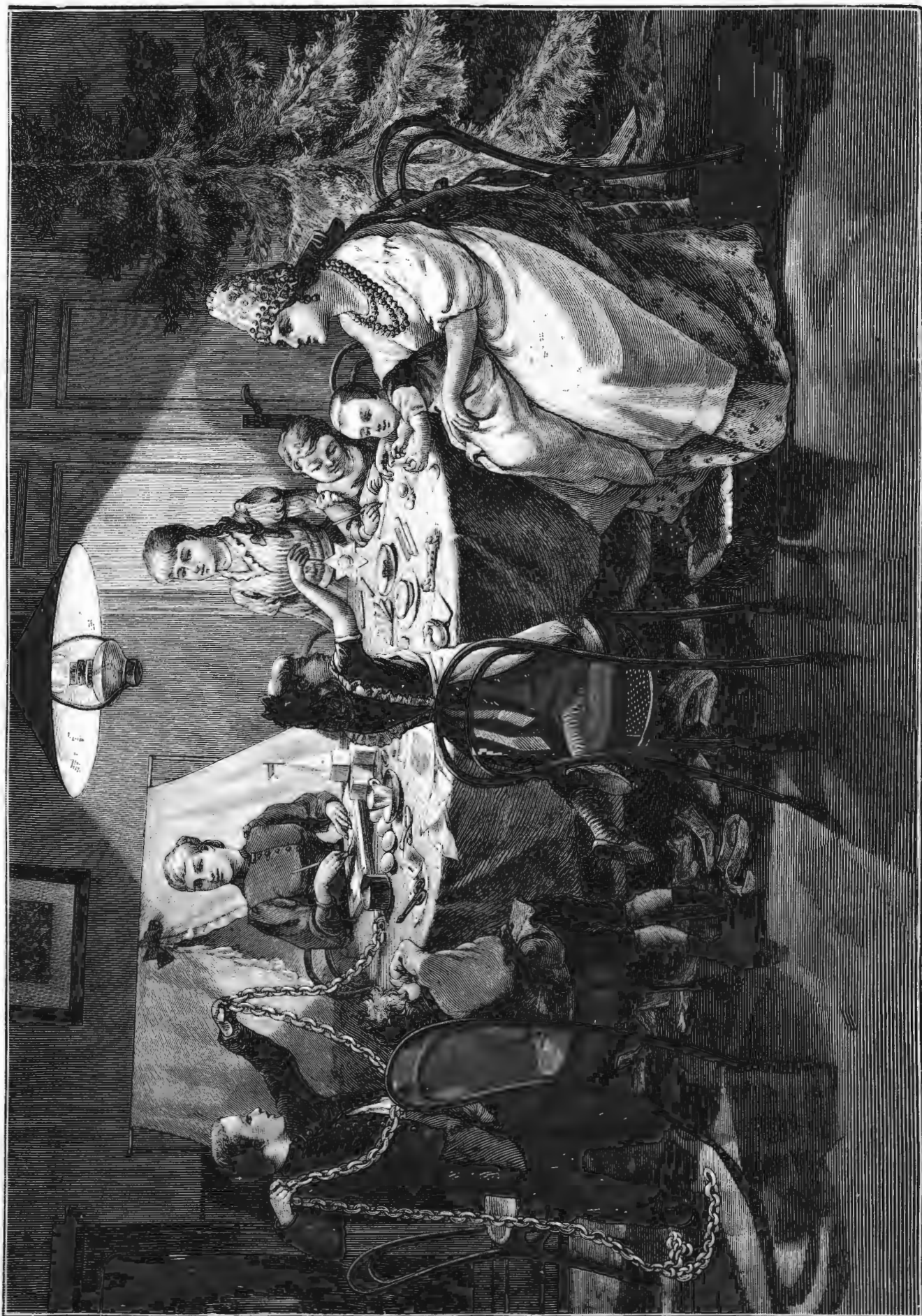
Уже въ двадцатый разъ обошелъ онъ весь свой постъ, и въ двадцатый разъ, взойдя на валъ, окинулъ взглядомъ все пространство, доступное его взору,—вдругъ, изъ крѣпости донесся до него ясный, густой ударъ колокола, и невольно онъ вздрогнулъ, остановился, какъ

Вилевский алтарь (ясль), устроенный в церкви Михаила Архангела в Спб.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. М. Рашевский.

Вилевская звезда (место рождения Спасителя), устроенная в церкви Михаила Архангела в Спб. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. Рашевский.

Рождественскіе дни. Приготовленія къ елкѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Флюгелъ.

вкочанный, и, вытянув шею, стал прислушиваться къ могучему металлическому звуку, который, как бы расплываясь въ воздухѣ, замиралъ въ отдаленіи... За первымъ ударомъ послѣдовали второй, третій, и далеко понесся по дикимъ дюнамъ въ открытое море церковный благовѣстъ, призывавшій къ молитвѣ. И вдругъ отчего-то больно-жалось сердце у Порошина—точно кто его взялъ въ руку да и сдвинулъ изо всей силы!.. Духъ даже захватило, отъ тупой, невыносимой боли.

„Отчего бы это?“ недоумѣвалъ солдатъ, машинально приложивъ руку къ груди, какъ бы зажимая рану,—и на минуту изъ глазъ у него исчезли и очертанія крѣпости, и льды, и багровая погасающая заря, и чудовища-орудія, и передъ помутившимся, какъ бы внутри себя устремленнымъ взоромъ, возстала другая картина.

Маленькая стенная деревушка-выселокъ вся потонула въ снѣгахъ, только безобразныя косматыя соломенные крыши—точно нечесанныя головы крестьянскихъ ребятишекъ—выглядываютъ кое-гдѣ изъ-подъ общаго бѣлаго, какъ изъ парчи сотканнаго, покрова и показываютъ, что и здѣсь есть жилье человѣческое, и здѣсь живутъ люди. Онъ сидитъ въ ихъ курной избѣ съ почернѣвшими, на сквозь прокоптившимися стѣнами, воздухъ густой, тяжелый... Въ углу, на кучѣ соломы телокъ мычитъ; пѣтухъ, примостившись надъ нимъ, на краю лавки, хлопаетъ крыльями; старикъ-дѣдушка—севастопольскій солдатъ—кряхтитъ на полатяхъ; отецъ, тоже старикъ ужъ, озабоченно съ хомутомъ возится, чинитъ его; дѣти на полу изъ щепочекъ избу строятъ; жена его, Катерина, качаетъ люльку, привѣшенную къ дрючку... И вдругъ, точно такой же, какъ и теперь на этой далекой чужбинѣ, раздался благовѣстъ въ сосѣднемъ селѣ, версты за три отъ нихъ... Какъ засуетились всѣ, захлопотали, собираясь въ храмъ Божій!.. Даже дѣдушка, и тотъ полѣзъ съ полатей...

И не чувствуетъ солдатъ, что вѣтеръ все крѣпчаетъ, что совсѣмъ уже темно стало, что давно уже отвернулась у него пола постового тулуна и всего его засыпало густой снѣжной пылью...

Въ то же время въ казармахъ шла суетня страшная, особенно во 2-й пѣхотной ротѣ, которая въ этотъ день вся была свободна отъ караула: одни вили гирлянды изъ вѣтвей можжевельника, для украшенія стѣнъ и столбовъ въ помѣщеніи; другіе, подъ руководствомъ унтеръ-офицера 2-го взвода Максимова, клеили изъ разноцвѣтной бумаги транспаранты на окна, фонарики и т. п., третьи изъ кусочковъ тростника низали подвѣски на подобіе люстръ; ротный маляръ, Богъ его знаетъ, откуда, досталъ сусальнаго золота и золотилъ желѣзныя печи; всѣ были заняты и всѣхъ эти предпраздничныя работы такъ же интересовали, какъ дѣтей убираніе елки. Со стороны смѣшно, но въ то же время и умилительно было смотрѣть, какъ какой-нибудь бородачъ, чуть не въ сажень ростомъ, солдатъ, съ нахмуреннымъ, дѣловымъ выраженіемъ лица, неловко нанизывалъ кусочки камыша, которые все вываливались или раздавливались въ его закорючлыхъ пальцахъ. Но больше всего было хлопотъ въ задней половинѣ казармы, гдѣ, подъ руководствомъ ефрейтора Уткина, устраивали сцену для театра и вѣшали занавѣсь, сшитую изъ „дачекъ*), одолженныхъ нѣкоторыми солдатами, давшихъ ихъ съ условіемъ не рѣзать, чтобы потомъ можно было сшить рубашки.

Ефрейторъ Уткинъ, съ глазами цвѣта варенаго судака, бывший „на волѣ“ приказчикомъ и говорившій поэтому особенной приказчицей скороговоркой съ проглатываньемъ цѣлыхъ слоговъ и даже словъ,—былъ страстнымъ поклонникомъ Мельпомены и былъ душой всей

этой затѣи, возникшей по его же инициативѣ; онъ даже и пьесу сочинилъ самъ.

Произошло это такимъ образомъ.

Когда онъ явился къ ротному командиру испросить разрѣшеніе на устройство спектакля, то ротный командиръ—добродушный боевой капитанъ—предложилъ, было, ему выбрать какую-нибудь пьесу изъ изданій Березовскаго, но Уткинъ доложилъ, что онъ самъ сочинилъ „драму“ (онъ именно такъ и называлъ свое произведение) подъ заглавіемъ „Местъ мертвеца“ и просилъ позволенія поставить именно ее. „Драма“ эта была составлена по нѣсколькимъ книжкамъ изданій Сытина и вышла чѣмъ-то совсѣмъ несообразнымъ: тутъ былъ и Милордъ—аглицкій-баронъ, и княжна Тамара, и разбойники, даже оборотень—и въ концѣ концовъ рѣшительно нельзя было понять, въ чемъ дѣло, кто кого любить, кто кому служить и кто кого преслѣдуетъ.

Ротный командиръ, взявшій это замѣчательное произведение на цензуру, дочитавъ до конца, только руками развелъ и, недоумѣвая, произнесъ:

— Да, братъ!.. Тутъ, дѣйствительно, такая у тебя драма написана, что самъ чортъ ногу сломитъ!..

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!.. подтвердилъ Уткинъ самодовольно.

— А поэтому, продолжалъ ротный,—совѣтую тебѣ выбрать что-нибудь тамъ въ ротной библиотекѣ.

Но Уткинъ просилъ разрѣшить играть „Местъ мертвеца“ и категорически заявилъ, что солдаты, бывшіе на считкѣ (онъ съ особенной гордостью произнесъ—*на считкѣ*) и на первыхъ „репертичкахъ“, драму очень одобряютъ.

Ротный былъ побѣжденъ этимъ доводомъ и разрѣшилъ новую драму къ представленію. Уткинъ принялся за дѣло съ рѣдкой энергіей, достойной удивленія—создавая все изъ ничего и доставая такія вещи, найти которыя положительно казалось невозможнымъ—нарики даже досталъ.

Главную роль Милорда—аглицкаго-барона онъ взялъ на себя, вторую главную роль атамана разбойниковъ властно взялъ старшій унтеръ-офицеръ Поливкинъ, несмотря на товарищескія отговариванья фельдфебеля, который былъ того убѣжденія, что унтеръ-офицеру неприлично быть комедіантомъ; остальные—были розданы болѣе или менѣе грамотнымъ или расторопнымъ солдатамъ.

Уткинъ просто на части разрывался,—въ одно и то же время и играя, и режиссируя, и подавая реплики, такъ какъ суфлеръ—ротный писарь—плохо разбиралъ писанное, хотя не сознавался въ этомъ и все сваливалъ на свою близорукость; но отъ того-ли, отъ другого-ли, только онъ все подсказывалъ не кстати, или опоздавъ, или забѣжавъ впередъ... Сильно огорчалъ Уткина и Поливкинъ, который былъ очень хорошимъ, даже отличнымъ унтеръ-офицеромъ и оказался совсѣмъ плохимъ актеромъ. Уткинъ изъ кожи лѣзъ, поправляя его, указывая, гдѣ ему слѣдуетъ стать, гдѣ сѣсть, по труды почти пропадали даромъ, а Поливкинъ, видимо, началъ обижаться, хотя молчалъ и не показывалъ еще ничѣмъ своего неудовольствія. Будь Поливкинъ простымъ смертнымъ—Уткинъ давно бы прогналъ его за неспособность, но Поливкинъ былъ начальствомъ, и поневолѣ приходилось мириться съ обстоятельствами.

Благодаря необыкновенной энергіи Уткина, дѣло съ постройкой сцены, кулисъ и тому подобнаго подвижалось необычайно быстро; даже съ занавѣсью справились легко; правда, блоки визжали и иногда веревки высакивали изъ нихъ, такъ что занавѣсь, поднявшись до половины, вдругъ останавливалась, приходилось лѣзть подъ потолокъ, и вправлять веревки въ блоки, на что уходило минуты двѣ, пока она вновь начинала подниматься; но визжанье блоковъ большинству даже нравилось, придавая нѣкоторую торжественность,

*) Кусокъ холста, выдаваемый отъ казны на рубахи.

а минутныя задержки въ поднятїи занавѣси были сущими пустяками. Когда занавѣсь была окончательно устроена и суфлерская будка поставлена, Уткинъ, окинувъ все своимъ недремлющимъ окомъ, рѣшилъ, что можно приступить къ послѣдней, генеральной репетиціи; онъ съ серьезнымъ и важнымъ видомъ, приличествующимъ случаю, вышелъ на авансцену и торжественно закричалъ на всю роту:

— Господа артисты, прошу васъ пожаловать на генеральную репетицію.

Это воззваніе произвело магическое дѣйствіе. „Артисты“ потянулись на сцену; нѣкоторые, изъ болѣе простоватыхъ, при словѣ *генеральная*, испуганно оглянулись на входную дверь и торопливо стали застегиваться, будучи вполнѣ увѣрены, что сейчасъ войдетъ комендантъ крѣпости; вообще же, всѣ побросали свои работы и столпились передъ сценой, въ ожиданіи посмотрѣть представленіе.

Занавѣсь, завизжавъ блоками, опустилась, и оттуда донеслись торопливые шаги, стукъ молотка и сдержанный шопотъ Уткина, что-то приказывавшаго; пошли, было, любопытные, которые, приподнявъ занавѣсь, хотѣли посмотрѣть—что тамъ дѣлается, но ихъ прогнавъ Уткинъ, объявивъ, что „входъ за кулисы строго воспрещается“.

Минуть черезъ десять занавѣсь взвилась, и передъ изумленными зрителями открылся настоящій лѣсъ, сдѣланный изъ свѣже-срубленныхъ деревцовъ елокъ и сосенъ. Шопотъ удивленія пробѣжалъ по рядамъ невзыскательныхъ зрителей, и не успѣлъ еще онъ улечься, какъ изъ-за лѣвой кулисы показался Уткинъ въ „вольномъ“, т. е. въ статскомъ платьѣ, изображавшій Милорда—англискаго-барона; онъ былъ встрѣченъ дружнымъ хохотомъ; раздался даже восклицаніе:

— Мотри, мотри, ребята, Уткинъ-то нашъ—чисто баринъ!..

— Ахъ, дуй его горой!..

— Ну, и ловокъ же парень!..

Всѣхъ интересовало именно то, что Уткинъ, ефрейторъ Уткинъ—и вдругъ въ „вольной одеждѣ“ да еще съ тросточкой. Но самъ Уткинъ былъ положительно возмущенъ этимъ хохотомъ; при первомъ же выходѣ у него было сильно драматическое мѣсто; онъ строго взглянулъ на публику и началъ говорить свою роль, расхаживая по сценѣ и помахивая тросточкой.

Репетиція началась.

Только одинъ солдатъ изъ всей роты не смотрѣлъ на репетицію—рядовой Тарасовъ; онъ сперва тоже сунулся, было, за толпой къ сценѣ, но сейчасъ же отошелъ въ сторону и усѣлся въ углу на свою койку. Ему сильно было не по себѣ: больно тоска по родинѣ и по своимъ забирала... Онъ, вообще, тосковалъ, понавъ на службу; сегодня же, въ канунъ великаго праздника, ему было особенно тяжело, и онъ просто не зналъ, куда дѣваться. Вдругъ ему пришло въ голову письмо домой написать, и онъ радостно ухватился за эту мысль и даже повеселѣлъ немного; кстати Тарасовъ былъ грамотенъ и могъ самъ писать, хотя и не очень хорошо.

Пошелъ Тарасовъ въ солдатскій буфетъ *), купилъ за копейку листъ почтовой бумаги съ конвертомъ, попросилъ у завѣдывавшаго буфетомъ ефрейтора чернильницу и тутъ же усѣлся за однимъ изъ столовъ писать письмо.

„Дорогимъ родителямъ моимъ Ануфрію Павловичу и Матренѣ Герасимовнѣ“, выводилъ онъ старательно аршинными буквами, „во первыхъ строкахъ сего письма земно кланяюсь и шлю сыновнее почтеніе и прошу вашего родительскаго благословенія, могущаго мнѣ быть

*) При каждой части устроены лавочки-буфеты, гдѣ солдаты могутъ за очень дешевую цѣну покупать чай, сахаръ, бумагу, иголки и т. п. Горячая вода дается даромъ.

по самый гробъ жизни навѣки перушимымъ. И еще кланяюсь женѣ моей...“ и далѣе на всѣхъ страницахъ онъ все писалъ поклоны родственникамъ, свойственникамъ, кумовьямъ, мучительно напрягая память, чтобы не пропустить кого-нибудь, и только въ самомъ концѣ приписалъ: „а стоимъ мы теперь не въ городѣ и не въ деревнѣ,—а такъ себѣ, и кругомъ вода“.

Окончивъ письмо, Тарасовъ тяжело вздохнулъ: онъ такъ усталъ, пока его писалъ, какъ будто на немъ цѣлый день воду возили. Перечитавъ посланіе, онъ остался доволенъ... Чувствовалось, правда, тамъ—гдѣ-то въ глубинѣ души, что чего-то нехватаетъ, что надо было написать что-то еще—что бы могло выразить и объяснить его душевное состояніе и то положеніе, въ какомъ онъ находится, и очень это чувствовалось, но какъ надо это сдѣлать, что именно написать—онъ никакъ не могъ дать себѣ отчета. Вѣдь, не писать же, въ самомъ дѣлѣ, что отъ тоски дѣваться незнаешь куда, что снѣга занесли весь островъ, что въ караулъ черезъ день ходить приходится!.. Такъ подробно только въ книжкахъ пишутъ, а не въ письмахъ.

Запечаталъ онъ конвертъ, наклеилъ марку, бросилъ письмо въ ящикъ и съ облегченной душой вошелъ въ помѣщеніе, чтобы посмотрѣть на репетицію. Въ это время на сценѣ происходило самое интересное явленіе: атаманъ разбойниковъ сражался съ тремя мертвецами, которые хотѣли его куда-то утащить; но только, было, онъ приблизился къ толпѣ зрителей, какъ позади раздался начальнической голосъ фельдфебеля:

— Вы что это тамъ, срамники, дурацкую комедію ломаете?!.. Люди теперь въ храмѣ Божьемъ молятся, а они шутовъ разыгрываютъ!.. Кончить сейчасъ!..

Изъ-за кулисы на сцену выскочилъ Милордъ и жалобно заговорилъ:

— Господинъ фельдфебель, мы сейчасъ кончимъ!.. Позвольте доиграть... Это, вѣдь, послѣдняя репетиція; завтра вся рота въ караулѣ, а послѣзавтра самый спектакль!..

— Сказано—кончить!.. Ну, и никакихъ!.. отвѣчалъ фельдфебель.

— Левъ Егорычъ! еще жалобнѣе заговорилъ Милордъ-англискій,—вѣдь, здѣсь, все равно, ни церкви нѣтъ, ничего, все равно, молиться негдѣ...

— А вотъ я тебя посажу въ карцеръ, тамъ будешь у меня знать, гдѣ молиться слѣдуетъ!.. Сейчасъ отецъ дьяконъ изъ крѣпости прїѣдутъ: приказано всѣхъ на молитву въ первую артиллерійскую роту собрать, добавилъ онъ мягче.

Репетиція прекратилась, и люди стали собираться къ молитвѣ.

Но дьяконъ не прїѣхалъ: на морѣ разыгрался страшнѣйшій штормъ, который сломалъ весь ледъ, согналъ его къ берегу и заторилъ имъ устье рѣки; вода вслѣдствіе этого выступила поверхъ льда, стала быстро прибывать и заливала островъ. А вѣтеръ все крѣпкъ, какъ будто порывался сорвать все съ лица земли; столѣтнія деревья гнулись и трещали, точно хворостинки, крыши растаскивало по кусочкамъ, снѣгъ, переносимый съ мѣста на мѣсто цѣлыми сугробами, заваливалъ все встрѣчавшееся ему на пути.

Все населеніе острова было въ переполохѣ, перетаскивая имущество на чердаки, въ ожиданіи, что вода зальетъ всю сушу и нижніе этажи. Въ этой горячечной суетѣ прошла вся ночь Сочельника, и только къ утру, когда вѣтеръ сталъ стихать и вода пошла на убыль,—люди успокоились и подумали объ отдыхѣ.

Блѣдное утро съ сѣрымъ небомъ вступало въ свои права.

На концѣ молла, у самаго маяка, собралась группа солдатъ посмотрѣть, что надѣлала за ночь буря. Зрѣлище было, дѣйствительно, интересное: закованное, было,

уже въ льды море сбросило съ себя ледяныя цѣпи и, волнуясь еще правильно идущими грядями волнъ, съ шумомъ разбивавшихся о каменную стѣну молла, представляло изъ себя при лучахъ восходившаго солнечнаго шара волшебно-красивую картину, блестящую самыми яркими, оригинальными красками.

Среди кучки любителей природы были, въ числѣ прочихъ, и наши знакомцы: Тарасовъ, Порошинъ и Уткинъ; впереди же всѣхъ стоялъ молодой, красивый офицеръ, начальникъ охотничьей команды, подпоручикъ Солнцева.

Опершись на винтовку, захваченную имъ съ собой „на всякій случай“, онъ задумчиво устремилъ свой взглядъ въ даль и, любуясь открывавшимся передъ нимъ чудно-волшебнымъ видомъ стихавшаго моря, вспоминалъ эпизоды изъ своего дѣтства.

Солдаты, благодаря присутствію офицера, вели себя сдержанно, держась „на чеку“, и только шопотомъ передавали другъ другу свои замѣчанія и впечатлѣнія.

Всеобщее вниманіе привлекали тюлени, изрѣдка появлявшіеся на поверхности воды, чтобы глотнуть воздуха.

— Ровно человѣкъ!.. замѣтилъ Порошинъ, обращаясь къ Тарасову и указывая ему на смѣшную, отфыркивающуюся голову тюленя, распростертыя лапы котораго, напоминавшіе собой руки, еще болѣе придавали этому морскому звѣрю сходство съ купающимся человѣкомъ.

Въ это время года тюлени часто появлялись около острова. Обыкновенно они держались вдали отъ берега, на этотъ же разъ выныривали все ближе и ближе. Солнцева давно уже замѣтилъ ихъ приближеніе и выжидалъ только удобнаго мгновенія, чтобы пустить зарядъ, но случай долго не представлялся. Стрѣлять на удачу ему не хотѣлось, чтобы не отпугнуть отъ берега эту оригинальную дичь.

Наконецъ, одинъ изъ тюленей высунулся всего въ какихъ-нибудь пятидесяти шагахъ; Солнцева вскинулъ винтовку, щелкнулъ выстрѣлъ, и тюлень, пораженный въ голову, всплылъ на поверхность, судорожно забивъ лапами.

Раздались радостныя восклицанія солдатъ, но въ то же время послышались и сожалѣнія, что нельзя будетъ достать добычи.

— Какъ нельзя?! А это что! воскликнулъ Порошинъ, указывая на перевернутую старую лодку со щелями, лежавшую на молѣ; тутъ же валялась и шара весель.

— Нешто возможно!.. Она дырявая! заговорили нѣкоторые изъ солдатъ.

— Ну, такъ что, что дырявая?! Чай не черезъ море переѣзжать!.. Ваше благородіе, дозволейте, мы съ ефрейторомъ Уткинымъ лодку спустимъ, обратился онъ къ Солнцеву, вытягиваясь въ струнку и прикладывая руку къ козырьку.

А онъ и Уткинъ—оба состояли въ охотничьей командѣ.

Подпоручикъ оглянулся на докладывавшаго и окинулъ его съ ногъ до головы испытующимъ взглядомъ. Ему самому страстно хотѣлось достать убитаго звѣря, который представлялъ серьезный охотничій трофей, и трофей этотъ лежалъ такъ близко отъ молла,

что охотничья страсть невольно разжигалась; но въ то же время онъ, при взглядѣ на вздымавшіеся нѣжныя валы и на то, что вѣтеръ тянулъ съ берега въ море, понималъ всю опасность этого предпріятія. Колебаніе продолжалось нѣсколько секундъ: молодая кровь взяла перевѣсъ надъ разсудкомъ. Хотѣлось и тюленя достать, и удалъ свою попробовать.

— Ладно! произнесъ онъ.—Ребята, тащи лодку!

Вся кучка солдатъ разомъ прилипла къ лодкѣ и мгновенно столкнула ее по нагромоздившимся льдинамъ на воду.

Первымъ вскочилъ въ лодку Солнцева и крикнулъ:

— Ну, кто со мной?

Порошинъ и Уткинъ въ одну секунду очутились въ лодкѣ, держа въ рукахъ весла.

— Ваше благородіе, позвольте и мнѣ!.. раздался голосъ, и изъ толпы выступилъ Тарасовъ.

— Садись!

Тарасовъ выринулъ въ лодку, въ которую уже начала набираться вода; остальные безмолвствовали; многимъ изъ нихъ тоже хотѣлось блеснуть своимъ молодечествомъ, но не хватало духа: больно ужъ страшно кипѣло море.

— Отталкивай! крикнулъ Солнцева, помѣтившійся на кормѣ и взявшій въ руку вмѣсто руля широкую доску.

Лодка легко скользнула на воду и, подхваченная волной, разомъ взлетѣла на гребень сѣдого вала, а въ слѣдующую секунду погрузилась въ зияющую пропасть между грядями волнъ. Нѣкоторые изъ оставшихся на берегу невольно вскрикнули, считая смѣльчаковъ-охотниковъ погибшими; но управляемая твердой рукой Солнцева лодка, значительно уже наполнившаяся водой, опять взлетѣла птицей на слѣдующій валъ и опять исчезла за нимъ, чтобы черезъ секунду вновь появиться на поверхности.

Въ нѣсколько ударовъ весель лодка достигла трупа убитаго животнаго; Солнцева нагнулся, чтобы схватить его, но въ ту же секунду произошло что-то необыкновенное. Налетѣвшій валъ не взбросилъ на себя утлое судно, а поглотилъ его, и когда прокатился далѣе, то на поверхности воды оказалась только лодка, перевернутая вверхъ дномъ, и около нея туша тюленя... Людей не было видно. Черезъ мгновеніе въ одномъ мѣстѣ высунулась чья-то рука, въ другомъ показалась голова, и потомъ, сколько ни смотрѣли въ волны стоявшіе на маякѣ и охваченные ужасомъ солдаты, они ничего не видѣли, кромѣ трупа тюленя и перевернутой вверхъ дномъ лодки, все дальше и дальше уносимыхъ волнами въ море...

Холодная вода, охватившая охотниковъ, такъ сковала ихъ члены, что они не успѣли даже побороться со стихіей...

Тѣла утонувшихъ не были найдены.

Солдатскій спектакль, за смертью главнаго исполнителя, Милорда—аглицкаго-барона, такъ и не состоялся.

Тѣни минувшаго.

(Рождественская сказка въ октавахъ).

А. Додэ.

1.

Морозъ крѣпчалъ, и дѣлался суровымъ,
Какъ издавна бываетъ въ декабрѣ.
Лежалъ вездѣ пушистый снѣгъ покровомъ
И зданія казались въ серебрѣ.
Разставшия съ гостепріимнымъ кровомъ
Своихъ друзей—по кварталу Марэ
Походкою лѣнливой и усталой
Въ сочельникъ шель прохожій запоздалый.

2.

Онъ подошелъ къ отелю. Тутъ порталъ,
Украшенный маркизскими гербами
Таинственно изъ мрака выступалъ,
Какъ бы оживъ подъ лунными лучами.
Онъ стариной глубокою дышалъ,
И съ башнями своими и рядами
Затѣйливыхъ фронтоновъ и колоннъ—
Казалось, жилъ своимъ прошедшимъ онъ.

Явленіе ангела пастухамъ. Съ ориг. рис. А. Цика, грав. Кнезпигъ.

3.

Когда луна сквозь кружево узора,
Гранитнаго, на темный мраморъ плитъ
Струила свѣтъ—казалось, что царить
Средь этихъ стѣнъ безмолвіе собора.
Но поутру все измѣняло видъ:
У входа въ домъ читалось: «*Контора*»,
И вывѣской украшенъ былъ фасадъ,
Гласившей: «*Водъ и лимонадовъ складъ*».

4.

Приказчики здѣсь суетились массою,
По всѣмъ угламъ разложенъ былъ товаръ,
Загромоздившій дворъ и тротуаръ,
И публика толпилась передъ кассой.
И вотъ теперь вліянье лунныхъ чаръ,
Явившихся обманчивой прикрасой
Для старыхъ стѣнъ—такъ измѣнило домъ,
Что сталъ чужимъ его хозяинъ въ немъ.

5.

Съ волненіемъ прошелъ онъ дворъ пустынный,
Куда луна струила блѣдный свѣтъ,
И поднялся по лѣстницѣ старинной
Въ громадный залъ, а нынче—кабинетъ.
И, проходя по анфиладѣ длинной,
Подумалъ онъ: «А хорошо, что нѣтъ
Возможности изъ гроба встать, сюрпризомъ
Маркизѣ, жившей здѣсь съ своимъ маркизомъ!»

6.

Но не успѣлъ подумать онъ, какъ вдругъ
Въ тиши ночной и полумракѣ зала
Онъ съ улицы услышалъ громкій стукъ!
Открылись ворота массивнаго портала
И, пропустивъ толпу нарядныхъ слугъ
И рядъ каретъ—захлопнулись. Сначала
Лишь факеловъ виднѣлся яркій свѣтъ
Да пышный рядъ портшезовъ и каретъ...

7.

Послышались движеніе и шорохъ,—
Прибывшіе входили въ старый домъ:
Красавицы въ изысканныхъ уборахъ,
Съ серебрянымъ, какъ флейта, голоскомъ,
Толпа мужчинъ, съ улыбкою во взорахъ,
Напудренныхъ, съ косою кошелькомъ...
Таинственно шуршали шелкъ и ленты,
И смѣхъ звучалъ, въ отвѣтъ на комплименты.

8.

Они вошли воздушною и странной
Толпою въ домъ. И тихій шумъ шаговъ,
И голоса, и легкій смѣхъ жеманный—
Все вѣяло въ нихъ памятью вѣковъ
Исчезнувшихъ. Отъ пудренныхъ головъ
Стоялъ кругомъ, казалось, туманный,
Душистый паръ... Едва вошли они—
Во всемъ отелѣ вспыхнули огни.

9.

Онъ засіялъ отъ верху и до низу!
И живопись, поблѣкшая, вдоль стѣнъ
Что шла цвѣтной гирляндой по карнизу,
Являя рядъ наивно-милыхъ сценъ—
Вмигъ ожила, какъ будто по капризу
Волшебника. Къ несчастію, замѣнъ
Парчи, ковровъ и мебели съ рѣзбою,
Виднѣлись лишь ящики съ водою.

10.

На этотъ съѣздъ хозяинъ, какъ въ туманѣ,
Глядѣлъ при блескѣ призрачныхъ огней,
Глядѣлъ на лица блѣдныя гостей
И ихъ одежду узорчатая ткани.

Напоминало сборище тѣней
Пчелиный рой весною на полянѣ,
Когда, бродя въ прибрежномъ лознякѣ,
Мы слышимъ ихъ жужжанье вдалькѣ.

11.

Тутъ странная произошла ошибка:
Толпа гостей нашла бутылокъ рядъ,
И всѣ, сочтя шампанскимъ—лимонадъ,
Открыли ихъ. Вмигъ расцвѣла улыбка
На всѣхъ устахъ, и оживился взглядъ.
Откуда-то виолончель и скрипка
Раздались вдругъ... Для призраковъ легко
Счесть лимонадъ за чистое клико.

12.

Послышались аккорды менюэта.
Какъ сохранить умѣли всѣ кадансъ!
По правиламъ строжайшимъ этикета
Быль дамами исполненъ реверансъ.
Мотивъ звучалъ наивный, какъ романсъ,
Иль мадригалъ. Струились волны свѣта,
И отражалъ поблѣкшій рядъ трюмо—
Танцующихъ подъ музыку Рамо.

13.

Хозяинъ лишь смущенно, виновато
Стоялъ вдали. Онъ слышалъ, какъ маркизъ,
Кому отелъ принадлежалъ когда-то,
Взглянувъ въ окно и увидавъ карнизъ,
Гдѣ вывѣска пестрѣла,—громко брата
Вдругъ подозвалъ, воскликнувъ: «Вотъ сюрпризъ!»
И всѣ кругомъ—нарядные вельможи,
Красавицы—всѣ разсмѣялись тоже...

14.

Но вотъ зарп дрожашее мерцанье
Проникло въ залъ предвѣстникомъ утра,
И сгладило предметовъ очертанья,
Смѣшало ихъ. Порталь и часть двора,
Гдѣ лунное струилось сіянье—
Окрасила дневныхъ лучей игра,
Замолкли вдругъ Рамо фіоритуры
И таяли танцующихъ фигуры...

15.

Казалось, сливаясь съ полутьмою,
Контуръ ихъ все гасли и блѣднѣли;
Какъ замиралъ аккордъ виолончели...
Вездѣ огни погасли чередой,
Стихало все въ пустѣющемъ отелѣ.
Лишь въ комнатѣ дремали угловой
Два скрипача, но дымкой предразсвѣтной
И ихъ черты заволоклись замѣтно...

16.

Все болѣе свѣтлѣла даль небесъ.
Среди двора, какъ смутное видѣнье,
Мелькнули два носильщика, портшезъ,
И женская головка въ углубленѣ...
Но вотъ и онъ подъ сводами исчезъ,—
Лишь факель тлѣлъ, упавшій на камень,
И до верху товаромъ нагруженъ,
Вѣзжалъ во дворъ громаднѣйшій фургонъ.

17.

Тутъ фабрикантъ съ сомнѣніемъ во взорахъ
Взглянулъ вокругъ. Ужель то было сномъ?
Красавицы въ изысканныхъ уборахъ,
Съ серебрянымъ, какъ флейта, голоскомъ,
И менюэтъ, и платьевъ легкой шорохъ?
Попрежнему глядѣлъ угрюмо дворъ,
Лишь суета не поражала взора:
На Рождество закрылася контора.

О. Чюмина.

СОНЪ ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Святочный рассказ Ар. П—а.

На дворѣ морозъ и вьюга. Вѣтеръ подымаетъ тонкія струйки снѣга и кружитъ ихъ по пустыннымъ улицамъ, словно тѣни идутъ дозоромъ. Тусклые фонари то раздуваются широкимъ пламенемъ, то мигаютъ, какъ блестящія точки. Извозчикъ ситъ въ саняхъ, закутавшися поloseю, и усталая лошада его дремлетъ, чуть-чуть склонившися на-бокъ, и безслышно поводитъ ухомъ. Черныя оголенные деревья сквера отбрасываютъ едва замѣтныя тѣни на снѣгъ отъ прячущейся за тучи луны.

Я сижу одинъ въ своей комнатѣ. Снѣгъ до половинъ занесъ окна. Последніе уголья въ печкѣ гаснутъ, всыхивая, словно не желая разстаться съ жизнью... Вѣтеръ завываетъ и гудитъ въ трубы все объ одномъ и томъ же...

«Я былъ молодъ, и любилъ, и надѣялся на счастье... и чуялъ въ себѣ силу...»

— Гдѣ эта сила? эта мощь и надежда?

Гаснутъ последнія искры, и въ трубы гудитъ жалостно и безотрадно...

«Была весна. Помню, мы плыли въ лодкѣ. Солнце закатывалось, освѣщало пурпуромъ тонкія облачка, и вода переливалась, словно расплавленный металлъ. Я не могъ наглядѣться на ту, которая была тутъ, со мною, близко, рядомъ... Не могъ опомниться отъ своего счастья... клялся въ вѣчной любви...»

— Гдѣ эта любовь? Гдѣ это объясненіе юности?

Догорѣли уголья, погасли искры...

«Проходитъ годъ за годомъ, зима смѣняется весной и наступаютъ снова зима. Однѣ звѣзды кажутся вѣчными, но и то только кажутся... И всего быстрее смѣняется человекъ, поколѣбіе—поколѣбіемъ... Каждая пядь земли, на которую мы ступаемъ, неизмѣнно служила ужъ отжившимъ поколѣбіямъ. Были нынѣ мысли, нынѣ нравы, нынѣ одежды...»

— Ахъ, этотъ вѣтеръ! Зачѣмъ гудитъ онъ, зачѣмъ гудитъ!..

Едва мелькнуло это у меня,—вѣтеръ въ трубы пересталъ выть. Въ комнатѣ было темно, только лунный свѣтъ игралъ на стеклѣ оледенѣлаго окна.

Вдругъ передо мною, на столѣ, не знаю, какимъ образомъ, появился маленькій старичокъ въ мѣховой шапкѣ и шубкѣ, сѣпчаной свѣтлой. Сдѣлая борода его серебрилась, какъ снѣгъ. Въ снѣгу были его неуклюжіе сапоги изъ толстой кожи...

Въ одной рукѣ онъ держалъ маленькую елку съ зажженными свѣчами, блестящими, какъ разноцвѣтныя звѣздочки; въ другой — мѣшокъ, завязанный золотой ленточкой.

— Что тебѣ нужно? удивился я.—Вѣдь, ты—грѣза дѣтской фантазіи...

Онъ улыбнулся.

— Какал-жь я грѣза, отвѣтилъ онъ,—если ты меня можешь видѣть?—Завтра праздникъ, и я несу дѣтямъ подарки. Ты, вѣдь, тоже неразумное дитя, прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь,—тебѣ я тоже дамъ подарокъ.

И онъ поставилъ свою елку въ вазочку для нерьевъ, развѣзая мѣшокъ и высыпая мѣ на столъ груды золоченыхъ орѣховъ.

Я взялъ одинъ въ руки.

На немъ было написано: «Богатство».

Тогда стало понятно, зачѣмъ пришелъ ко мнѣ старичокъ, и что за подарокъ онъ принесъ. Онъ—угѣшитель моей тяжелой жизни.

Держа въ рукѣ этотъ золотой орѣхъ, я видѣлъ, какъ моя скромная комната превратилась въ роскошные хоромы. Мраморный камень запылялъ предо мною, статуи забѣлѣли въ углахъ, и картины появились на стѣнахъ. Тигровая шкура

разостлалась у меня подъ ногами, и золотое перо очутилось у меня въ рукѣ... Я почувствовалъ независимость и увѣренность богатаго человека, покою котораго охраняютъ слуги. Я сознавалъ возможность удовлетворить своимъ вкусамъ и прихотямъ. Я видѣлъ себя путешествующимъ по всему міру, былъ на балу въ Парижской оперѣ, качался на верблюдѣ въ африканской пустынѣ, проникалъ въ тайники египетской пирамиды, присутствовалъ на ученомъ митингѣ Англии, пилъ чай въ цвѣточномъ домѣ Китая... Всюду я чувствовалъ себя, какъ дома, потому что богатство всюду—званный гость.

Голова у меня кружилась...

Я взялъ чернильницу и ударилъ по орѣху, чтобъ скорѣй овладѣть его драгоценнымъ ядромъ.

Орѣхъ треснулъ, развалился и... только пылъ поднялась отъ него. Золоченый орѣхъ оказался пустышкой.

Я взялъ другую и прочиталъ на немъ: «Слава».

Дикарь живъ насущными потребностями, культурный человекъ стремится къ излишку, т. е. къ богатству, но только избранные жаждутъ славы. Точно струна, дрогнуло въ душѣ моей горделивое чувство самолюбія. Что значитъ богатство въ сравненіи съ бессмертіемъ имени, которое носишь? Слава, это—любовь и уваженіе современниковъ, это—симпатія и удивленіе грядущихъ поколѣній. Я вспомнилъ молодость многихъ гениевъ, трудившихся гдѣ-нибудь на чердакѣ въ холодѣ и голодѣ и достигшихъ, наконецъ, всеобщей любви, и почувствовалъ въ себѣ силу дарованія, которое обыкновеннаго смертнаго дѣлаетъ царемъ;—ибо его суда бонтея человечество...

«Къ тому, что вѣчно, что не тлѣнно, какъ побрякушки нашей жизни, къ славы—надо стремиться!», подумалъ я и съ радостью разбилъ орѣхъ.

Но снова только пылъ поднялась отъ него, и второй орѣхъ оказался пустышкой.

На третьемъ орѣхѣ было написано: «Знаніе».

Все смѣшалось предъ моими глазами; людей я вовсе пересталъ видѣть. Все, что хотѣ тѣнь носило тщеславія, хотѣ однихъ намека на желаніе выдѣлиться, исчезло во мнѣ. Одно стремленіе ощущалъ я въ себѣ,—стремленіе къ истинѣ. Съ восторгомъ я слѣдилъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, я сталъ понимать щебетаніе птицъ, по одной кости я могъ узнать весь скелетъ и съ замираніемъ сердца читалъ нисымена давно забытыхъ народовъ. Я умѣлъ лѣчить больныхъ и зналъ, какъ устроить государственныя порядки въ странѣ. Я вѣрилъ въ науку, она была моимъ служеніемъ, и, отбросивъ все мелочи людскаго ничтожества, какъ восточные мудрецы, я наслаждался мыслью...

Вдругъ передо мною промелькнули слова Соломона:

«Умножающій свои знанія, умножаетъ свою скорбь.»

«Неужели это правда?» подумалъ я.

И разбилъ я третій орѣхъ—и онъ оказался пустышкой, и старичокъ мой залезъ звонкимъ и лукавымъ смѣхомъ.

Онъ исчезъ.

Въ это время въ комнату внесли лампу и вбѣжалъ мой сынъ. Ему всего три года. Онъ очень маленькаго роста. Глаза сѣрые и хитрые. Кто его знаетъ, зоветъ «Плутикъ».

Захвативъ на столѣ скорлупу отъ орѣховъ, въ одну секунду онъ распылялъ ее по всей комнатѣ.

Я нагнулся, поднимая ребенка съ полу и поцѣловалъ. Онъ обвилъ ручонками мою шею. И я былъ вновь счастливъ, вновь...

Игрушки.

Очеркъ В. Адамовича.

Давно уже признано за-безспорную истину, что игрушки имѣютъ важное воспитательное значеніе... По мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетовъ въ дѣлѣ воспитанія, игрушки, если только онѣ сдѣланы художественно, вызываютъ въ ребенкѣ первыя эстетическія представленія, воспитываютъ чувство изящнаго, закладываютъ въ немъ первыя понятія объ окружающемъ мірѣ и даютъ ему возможность провѣрить посредствомъ ихъ свои наблюденія.

Вотъ что говорить по этому поводу П. Литвинскій въ своемъ докладѣ объ игрушечной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Маленькій человекъ постоянно всматривается въ окружающую его жизнь... Онъ внимательно слушаетъ и лай собаки, и игру на фортепiano, и крикъ ивѣтуха; съ любопытствомъ смотритъ на дворника, очищающаго мусоръ, на извозчика, бѣдущаго мимо оконъ, и солдата, марширующаго по улицѣ. У него является потребность побесѣдовать о видѣнномъ, подумать о замѣченномъ, и онъ испытываетъ тоскающее чувство, не будучи въ состояніи передать того, что гвоздемъ зашло въ его юной головкѣ: ему не хватаетъ ни словъ, ни умѣнья передавать свои впечатлѣнія... И тутъ игрушка является ему на помощь... Мальчикъ, видѣвшій ученье солдатъ, набираетъ одно-

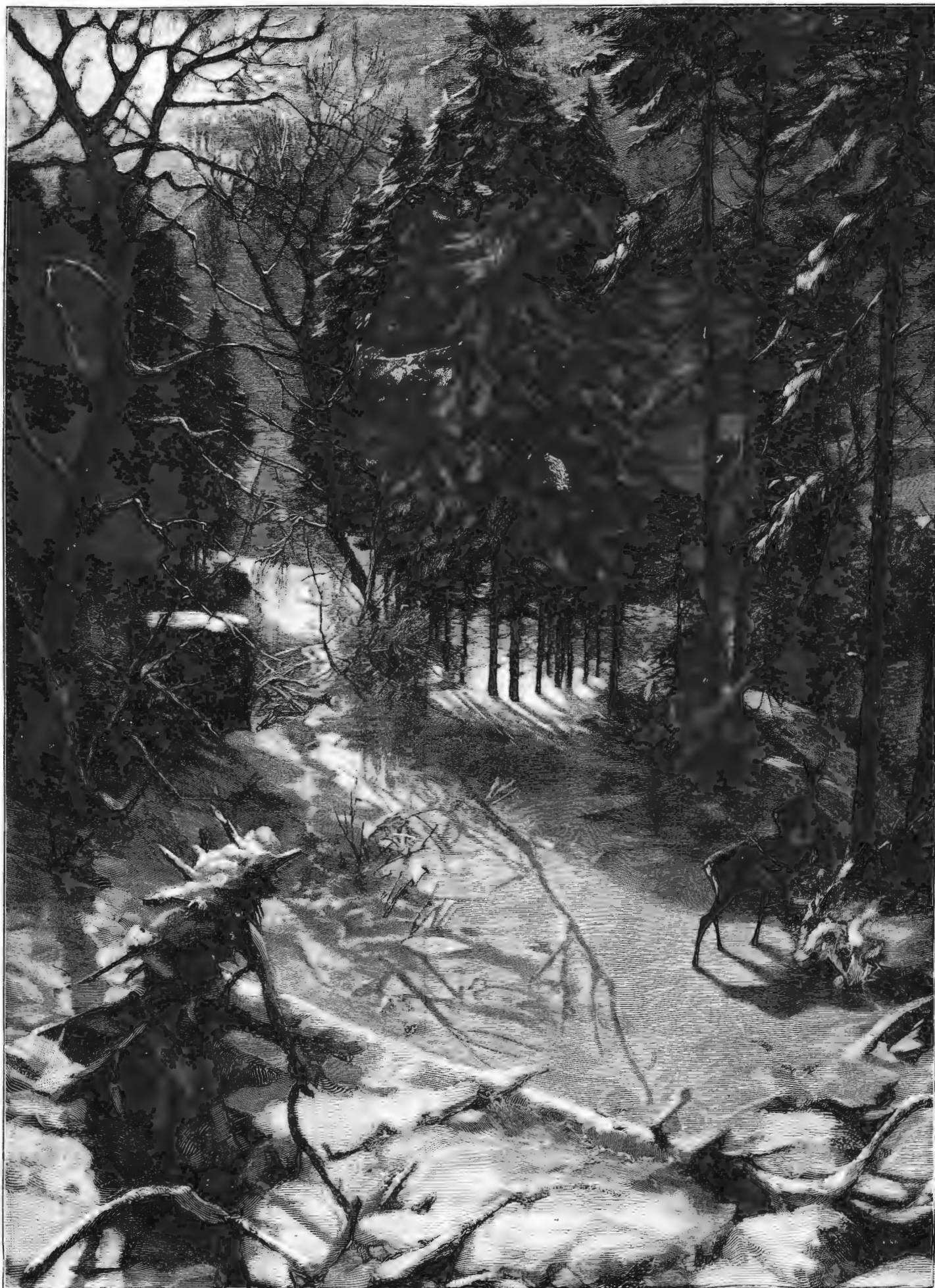
родные предметы и начинаетъ съ ними продѣлывать все хитрости заинтересовавшей его маршировки; дѣвочка, видѣвшая мытье и глаженіе, старается раздобыть гдѣ-нибудь побольше триконокъ и съ великимъ усердіемъ моетъ ихъ и гладитъ. Какъ легко все замѣченное передать, показать посредствомъ игрушки, и какъ много пришлось бы потратить ненужныхъ словъ!»

А сколько новыхъ мыслей даетъ ребенку блестящая огнями и украшениями рождественская елка! Въ ней, точно въ зеркалѣ, отражается весь міръ фантазіи, грезившейся ему до сихъ поръ во снѣ, созданный фантастическими сказками и чудесными рассказами бабушки, тетушки, няни. Точно по волшебству, какая-то добрая фея таинственною рукою собрана и принесла изъ-за тридцати земель, изъ тридцатаго государства золотые домики, дворцы, заколдованныхъ принцевъ, ужасныхъ змѣй, золотыя и серебряныя рыбки, сладкія лѣства, показала все это въ самомъ пышномъ, блестящемъ зеленомъ нарядѣ, сулила ему въ будущемъ богатство, счастье и радость...

Если декорация какого-нибудь волшебнаго балета производитъ чарующее впечатлѣніе даже на взрослыхъ, то не удивительно, что видъ блестящей рождественской елки охватываетъ волшебною силою впечатлительную душу ребенка, будитъ его воображеніе и уноситъ въ область чудеснаго!

Щелкунчикъ. Съ карт. Р. Вэле, грав. Кеэбергъ.

Рождественская ночь въ лѣсу. Съ карт. Р. Вэде, грав. Бонгъ.

Многие даже полагают, что подобными развлечениями, а равно и удачным выбором игрушек, можно давать первые толчки къ развитію всевозможных вкусовъ и къ образованію всего міросозерцанія ребенка... Но для того, чтобы игрушки достигли подобной цѣли, необходимо, чтобы онѣ правильно воспроизводили дѣйствительную жизнь и приближались болѣе или менѣе къ художественной формѣ, чтобы фигуры людей, животныхъ и предметовъ были соразмѣрны въ своихъ частяхъ и не производили отталкивающаго впечатлѣнія несоответствующимъ сочетаніемъ красокъ и уродствомъ формъ...

Между тѣмъ, достаточно самаго поверхностнаго взгляда, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало удовлетворяютъ высказаннымъ требованіямъ наши игрушки.

До самаго послѣдняго времени, когда у насъ начало понемногу развиваться фабричное и ремесленное производство игрушекъ*), почти единственными поставщиками этого рода товара были кустари-игрушечники — люди бѣдные, которымъ недоставало ни умѣнья, ни техническихъ приемовъ, ни хорошихъ моделей и красокъ. До какой степени неудовлетворительны въ качественномъ отношеніи издѣлія кустарей, можно судить изъ слѣдующаго факта, перѣждо встречающагося въ самомъ центрѣ игрушечнаго производства, а именно — въ Сергѣевскомъ посадѣ Московской губерніи, гдѣ производство игрушекъ существуетъ уже съ незапамятныхъ временъ: — сами кустари очень хорошо сознаютъ недостатки своей работы и потому всегда имѣютъ у себя въ запасѣ *издѣлія московскія*, сработанные или въ Москвѣ, или за границей, которые и предлагаютъ покупателямъ, въ случаѣ, если тѣ потребуютъ игрушекъ лучшаго достоинства... У нихъ же самихъ нѣтъ ни достаточныхъ средствъ, ни знаний, чтобы улучшить свое производство.

Игрушечники принадлежатъ къ самому бѣднѣйшему классу деревенскаго населенія: многие изъ нихъ, не имѣя собственнаго крова, занимаютъ углы у болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Въ какой-нибудь ветхой лачужкѣ, засыпанной снѣгомъ, стонущей подъ напоромъ вѣтра, кустарь-игрушечникъ еще ночью поднимаетъ жену и дѣтей, чтобы посидѣть съ „товаромъ“ къ самому бойкому времени, т. е. къ рождественскимъ праздникамъ. При тускломъ свѣтѣ лучины, ежась отъ холода, молчаливо начинаетъ свою работу семья подъ звуки зимней вьюги, затнувшей свою однообразную пѣсню въ дымовой трубѣ... Отецъ „рѣжетъ“ или „лѣпитъ“, жена — краситъ, дѣти — клеятъ... и, такимъ образомъ, игрушка, перейдя нѣсколько рукъ, является въполнѣ изготовленной... Возможна-ли художественность въ такого рода обстановкѣ и при подобныхъ условіяхъ? Уродливые формъ, безжизненность фигуръ, дикое сочетание красокъ поражаютъ глазъ и неприятно дѣйствуютъ на эстетическое чувство каждаго, привыкшаго встрѣчать въ натурѣ иные образцы. А между тѣмъ, такого товара готовится болѣе, чѣмъ на 1 мил. рублей, изъ котораго болѣе 600 т. приходится на одну Московскую губернію, а остальные 400 т. на Владимірскую, Вятскую, Тульскую и друг. Производствомъ игрушекъ, обыкновенно, заняты цѣлыя деревни, въ которыхъ всѣ, отъ мала до велика, иногда по 18 часовъ въ сутки, трудятся надъ изготовленіемъ солдатиковъ, лошадокъ, барабановъ, пушекъ, грибовъ, грмушекъ и т. д. Число всѣхъ кустарей-игрушечниковъ въ одной Московской губерніи болѣе 2000.

Въ нѣсколько болѣе благоприятныхъ условіяхъ находится игрушечное производство въ дер. Богородской, Владимірской губерніи, благодаря дѣятельности одного замѣчательнаго человека, а именно художника Елистратова, происходившаго изъ богородскихъ крестьянъ. Будучи еще маленькимъ ребенкомъ, Елистратовъ поражалъ своихъ однодеревенцевъ, какъ умственными способностями, такъ и искусствомъ дѣлать игрушки. Самый лучший и опытный работникъ во всей оклицѣ не могъ сдѣлать такой лошади, какою она выходила изъ юныхъ рукъ маленькаго Елистратова. Старикъ въ недоумѣніи почесывали затылки, ворочая въ своихъ рукахъ полныя жизненности фигуры солдатиковъ, изготовленныхъ быстроглазымъ мальчуганомъ. Неучи-кустари поражались той художественностью, той „живостью“, какъ выражались они, которою дышала работа маленькаго Елистратова. „Ужъ очень мозголовый былъ онъ человекъ и большую имѣлъ развязность въ головѣ“, вспоминаютъ о немъ до сихъ поръ богородцы. Быть можетъ, и талантъ Елистратова погибъ бы такъ же, какъ гибнетъ много великихъ талантовъ у насъ на Руси, но случай далъ возможность ему выдвинуться изъ толпы крестьянъ и выказать свой талантъ во всемъ блескѣ. Въ сороковыхъ годахъ, въ царствованіе Николая I, Елистратовъ былъ сданъ въ рекруты, попалъ въ гвардію, и сталъ жить въ Петербургѣ. Здѣсь, въ свободное отъ занятій время, онъ совершенствовался въ искусствѣ, которому научился въ родной деревенской глуши, и въ концѣ-концовъ рѣшился сдѣлать изъ дерева фигуру царя. Вскорѣ, повинуясь талантливой рукѣ, дерево ожило, и въ казармахъ полка предстала передъ удивленными солдатами модель царя, „какъ двѣ капли воды похожая на настоящаго государя“. Начальство тоже любовалось дивной

работой, и сочло своимъ долгомъ доложить объ этомъ царю. Императоръ Николай I понялъ, что въ этомъ простомъ, не имѣвшемъ солдатъ скрывается недоюжный талантъ, и потому приказалъ принять Елистратова въ Академію Художествъ, а императрица подарила ему въ награду золотыя часы.

Сдѣлавшись художникомъ, Елистратовъ, однако, не забылъ своей родной глуши, но временамъ навѣщалъ свою деревню и обучал богородскихъ крестьянъ нѣкоторымъ техническимъ приемамъ, указавъ на несовершенство прежнихъ издѣлій, доказывая необходимость вдумчиво относиться къ работѣ, придавать соразмѣрность частямъ фигуръ и т. д. Благодаря сердечному отношенію къ дѣлу, Елистратовъ достигъ извѣстныхъ результатовъ. Раньше, до Елистратова, богородцы изготовляли исключительно „длинную рыбку“, т. е. такія игрушки, которые не получали на мѣстѣ окончательной отдѣлки, а отправлялись въ соседнее село (Троицкій Посадъ), гдѣ имъ придавали болѣе благообразную форму и пускали „подъ краску“. Теперь же, благодаря дѣятельности Елистратова, богородцы стали готовить „бѣлье“ или „рѣзь-бѣлье“, т. е. такія отдѣланные и очищенные игрушки, которые не нуждаются въ дальнейшей отдѣлкѣ, а прямо, безъ краски, въ своемъ натуральномъ древесномъ видѣ, поступаютъ въ продажу. Кроме того, подъ вліяніемъ Елистратова, многие изъ богородскихъ крестьянъ достигли большого искусства въ игрушечномъ производствѣ, и далеко перещеголяли въ этомъ отношеніи кустарей-игрушечниковъ всѣхъ другихъ губерній, которые до послѣдняго времени коснѣлись въ невѣжествѣ, такъ какъ не произвели на свѣтъ другого Елистратова... А при подобныхъ условіяхъ, наблюдаемое за послѣднее время развитіе „моды“, и происходящая отсюда неустойчивость игрушечныхъ формъ, чрезвычайно гибельно отражаются на кустарномъ производствѣ.

На первый взглядъ кажется, что игрушки менѣе всего подвергаются вліянію „моды“, такъ какъ потребителями ихъ являются дѣти, вкусы которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ одинаковы... Но на дѣлѣ выходитъ иначе. При выборѣ игрушекъ покупатели менѣе всего обращаютъ вниманія на вкусы и прихоти ребенка. Очень многие стараются купить такую игрушку, чтобы заставить дѣтей сидѣть „смирно“, другие хотятъ подарить такую игрушку, которая понравилась бы *маленькому* ребенку, третьи стараются преподнести что-нибудь „новенькое“, руководствуясь въ этомъ случаѣ исключительно личнымъ вкусомъ. Это требованіе „новенькаго“ достигнуто такими невѣроятными предѣловъ, что въ настоящее время въ одной Московской губерніи вырабатывается болѣе 8,000 различныхъ видовъ игрушекъ, но и это количество уже оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія публики. Чрезвычайной подвижностью моды объясняется также отсутствіе прейсъ-курантовъ въ игрушечномъ дѣлѣ, хотя такыя существуютъ при всѣхъ видахъ производства. Всѣмъ, напримѣръ, памятно еще знаменитое „кри-кри“, которое быстро было продано на миллионы франковъ, вызвало даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ извѣстныя мѣры полиціи, и такъ же быстро и безслѣдно сошло со сцены. При такихъ условіяхъ рынка кустарю-игрушечнику, не обладающему необходимымъ запасомъ свѣдѣній и не имѣющему хорошихъ моделей, остается только одно: выдумывать новые сюжеты и формы „*изъ головы*“, но много-ли новаго въ состояніи выдумать голова, которая не знакома съ основными требованіями техники, которая не видѣла хорошихъ образцовъ, и у которой нѣтъ многого достоинства, кромѣ наслѣдственной рутинны.

Гораздо большаго развитія и совершенства достигъ игрушечный промыселъ въ Германіи, гдѣ онъ имѣетъ, собственно, два центра: въ Баваріи — городъ Нюрнбергъ и Тюрингенскія горы и въ Саксоніи — Рудныя горы. О размѣрахъ этого производства можно судить уже изъ того факта, что въ однихъ Тюрингенскихъ горахъ изготовленіемъ игрушекъ занято болѣе 50,000 человекъ, которые, однако, въ матеріальномъ отношеніи еще хуже обставлены, нежели наши крестьяне Московской губерніи... Немногіе изъ нихъ имѣютъ кусочекъ огорода, для большаго числа же игрушечный промыселъ даетъ единственное и притомъ чрезвычайно скудное, средство къ существованію. Есть, напр., солдатки, которые продаются на наши деньги по 5 коп. за 60 штукъ, а въѣдъ, каждый солдатикъ долженъ быть вырѣзанъ, покрашенъ нѣсколькими красками, къ нему нужно приклеить руки, ноги и т. д. 12 игръ кегель, т. е. 108 штукъ, хорошо отточенныхъ и отдѣланныхъ, стоятъ только 30 коп.! Не удивительно, поэтому, что лишеныя германскихъ кустарей достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Въ продолженіе цѣлой недѣли они кормятся сухимъ картофелемъ, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ даже куса сала, мечтаютъ о томъ днѣ, когда колбасники варятъ колбасу... По установленному издавна обычаю, колбасники раздаютъ жителямъ ту воду, въ которой варились колбасы. И вотъ, въ этотъ радостный день, съ самаго ранняго утра, мужчины и женщины, съ горшками въ рукахъ, толпятся передъ колбасными, съ нетерпѣніемъ ожидая той минуты, когда отворятся двери, и имъ станутъ выдавать отварную воду. Всѣ они заранѣе предвкушаютъ наслажденіе имѣть въ этотъ день къ обѣду, кромѣ картофеля, еще „мясной супъ“. А колбасники, между тѣмъ, забоглись о томъ, чтобы никого не обидѣть и всѣмъ одинаково сдѣлать

*) Фабрично: Мажонтова, Шварцкопфа — въ Москвѣ. Фирсе — въ Ригѣ; ремесленно: Канаева, Аргемьева, Лейзелана, Шмидтъ — въ Петербургѣ и Сѣрна и Колдмейченко — въ Москвѣ.

„праздник“, разбавляют безъ церемоніи этого отваръ холною водою.

Производство игрушекъ въ Германіи, развиваясь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ (чуть-ли не съ XIV вѣка), успѣло достигнуть нѣвѣстной степени совершенства. Разсчитанный и систематической нѣмцѣ сумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами раздѣленія труда. Въ одной деревнѣ сосредоточились издѣлія изъ папье-маше, въ другой—изъ дерева, въ третьей—изъ жести; въ предѣлахъ же каждой деревни одинъ дѣлаютъ кареты, другіе — сани, третьи — лошадокъ, четвертые — солдатиковъ и т. д. Однако, необходимо замѣтить, что между отдѣльными производителями нѣтъ ни единодушія, ни взаимнаго довѣрія. Всѣ страшно боятся конкуренціи, и потому ревниво оберегаютъ всѣ тайны производства отъ посторонняго глаза. Каждый хозяинъ относится съ чрезвычайнымъ недоверіемъ ко всякому, желающему познакомиться съ изготовленіемъ игрушекъ, вслѣдствіе чего добиться позволенія осмотрѣть мастерскую чрезвычайно трудно: нужно пользоваться особенною благосклонностью хозяина, чтобы тотъ рѣшился дать свое согласіе на это. Этотъ духъ исключительности завѣщанъ кустарямъ еще древними цехами, которые обязывали своихъ членовъ безусловно сохранять въ тайнѣ всѣ новыя открытія и изобрѣтенія. Говорятъ, что когда въ 1348 году одинъ мастеръ, по имени Рудольфъ, изобрѣлъ способъ вытягивать проволоку, то это изобрѣтеніе въ продолженіе цѣлаго столѣтія составляло великую тайну одного нюрнбергерскаго цеха, который не желалъ открытъ ее міру. Отослуду, даже изъ Франціи, стекались въ Нюрнбергъ мастера, чтобы выучиться новому искусству и овладѣть важною тайною, вслѣдствіе чего цехъ получалъ огромныя барыши. Эти старинныя традиціи глубоко укоренились въ народѣ, и отъ цеховъ перешли въ семьи, которыя въ настоящее время представляютъ изъ себя производительную единицу. Мужъ, жена и дѣти, даже отъ 5—6-ти-лѣтняго возраста, и рѣдко такой же мальчуганъ-ученикъ, — вотъ обыкновенный контингентъ маленькой игрушечной фабрики. Мужъ дѣлаетъ головки, жена шьетъ изъ колена коря туловища, причисываетъ волосы, дѣти раскрашиваютъ, приклеиваютъ руки и ноги, и работа кипитъ, потому что товаръ дешевъ, плата низка, и много нужно сдѣлать куколъ, чтобы заработать на дневное пропитаніе. Стоящій во главѣ семьи отецъ твердо держитъ бразды правленія, то и дѣло понукаетъ семью.

Долгое время, съ начала самаго возникновенія игрушечнаго производства, т. е. съ XIV и вплоть до XVII столѣтія, Германія не имѣла себѣ достойныхъ соперниковъ и наводила всѣ рынки этимъ товаромъ, но несчастная 30-ти-лѣтняя война, заставившая Германію напрягать свои силы на отстаиваніе религіозной свободы, погубила всю тамошнюю промышленность, а вмѣстѣ съ нею и игрушечную. Когда вопль, сложивъ свой мечъ, возвратился домой, чтобы вновь приступить за работу, тогда оказалось, что онъ отвыкъ отъ прежняго труда, и ему уже было не по силамъ бороться съ развивающеюся промыш-

ленностью Франціи. Издѣлія французскія стали превосходить германскія и качествомъ, и замѣчательной, изящной отдѣлкой, вслѣдствіе чего сбытъ германскихъ игрушекъ началъ уменьшаться и падать все ниже и ниже. Тогда было признано необходимымъ приблизиться къ поднятію образованія среди игрушечниковъ. Съ этою цѣлью, еще въ 1792 году, въ Нюрнбергѣ образовалось общество для поощренія отечественной промышленности, которое въ 1848 году добилось отъ баварскаго правительства пособія въ размѣрѣ 2 мил. рублей, а затѣмъ, одну за другою, учредило въ центрахъ игрушечнаго производства школы для обученія кустарей рисованію, крашенію и моделированію. Въ настоящее время такія школы существуютъ въ Нюрнбергѣ, въ Зоннебергѣ (въ Тюрингенскихъ горахъ), въ Зейфельдѣ, въ Грюнхайншѣ (въ Рудныхъ горахъ).

Школы не замедлили оказать самое благотворное вліяніе. Кустари, ознакомившись съ составленіемъ красокъ и строевіемъ тѣла людей и животныхъ, начали върнѣ воспринимать дѣятельность; куклы, солдатки, волки, собаки потеряли свой уродливый характеръ и стали гораздо благообразнѣе, а краска перестала поражать глазъ дикостью сочетанія различныхъ цвѣтовъ.

Но этимъ дѣятельность общества не ограничилась. Векорѣ, въ 1873 году, въ Нюрнбергѣ была учреждена постоянная выставка образцовъ пли, върнѣ, цѣлый промышленный музей, въ который вложено было болѣе полумилліона рублей. Въ немъ устроена химическая лабораторія, гдѣ производятся опыты надъ красками, справочная контора, гдѣ всякій даромъ получаетъ всевозможныя свѣдѣнія о сиротѣ и цѣнѣ на товаръ, а также постоянная выставка необходимыхъ рисунковъ и моделей, которыхъ собрано по всѣмъ отраслямъ производства, въ томъ числѣ и игрушечнаго, болѣе 50,000, такъ что каждый можетъ найти себѣ рисунокъ по своему желанію.

Благодаря такимъ энергическимъ мѣрамъ, германскія игрушки съ успѣхомъ выдерживаютъ конкуренцію французскихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ гораздо дешевле послѣднихъ. Вообще, необходимо замѣтить, что игрушки принадлежатъ къ категоріи самаго дешеваго товара уже по самому своему существу, такъ какъ предназначаются такого рода потребителямъ, которые менѣе всего склонны заботиться о предметахъ своей собственности. Однако, существуютъ въ исторіи примѣры, когда на игрушки тратились колоссальныя деньги. Такъ, напр., Людовику XIV, во время его дѣтства, была подарена игрушка, которая стоила 25,000 ливровъ. Это была цѣлая армія серебряныхъ солдатъ, состоявшая изъ 20 эскадроновъ кавалеріи и 10 полковъ пѣхоты, при помощи которыхъ юный король долженъ былъ наглядно изучать военное искусство. Вслѣдствіи, однако, снуети много лѣтъ, когда военныя неудачи расшатали государственную казну, и потребовались средства на содержаніе дѣятельной арміи, Людовикъ XIV вспомнилъ про свою игрушку, велѣлъ отправить ее на монетный дворъ и отчеканить деньги, при помощи которыхъ велѣ уже настоящую войну!

Виолеемъ въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 1196).

Немногіе изъ обитателей Петербурга знаютъ, что въ Малой Коломнѣ, при церкви Воскресенія Христова, извѣстной въ народѣ болѣе подъ именемъ храма Михаила Архангела, устроено весьма сходное подобіе Виолеемскаго вертепа, прославленнаго Рождествомъ Спасителя. Мысль соорудить подобіе этой святыни возникла одновременно съ началомъ работъ по постройкѣ самаго храма, т. е. въ половинѣ 1840-хъ годовъ. Но въ 1859 году Воскресенскій храмъ былъ освященъ, а вертепъ оставался, по немнѣнью средствъ, недокопченнымъ до 1880 года, когда, наконецъ, послѣдовало его освященіе и открытіе. Желая, чтобы подражаніе вертепу было исполнено въ возможной точности, комитетъ по постройкѣ храма собралъ всѣ бывшія въ то время, описанія Виолеемскаго шецера, а также изображенія ея, между которыми первое мѣсто занималъ рисунокъ извѣстнаго академика Воробьева, который, по повелѣнію Императора Александра, на мѣстѣ снималъ виды святыхъ мѣсть въ Палестинѣ. На основаніи этихъ описаній и рисунковъ сдѣлана была модель Виолеемскаго вертепа; эту модель одобрил лично посѣщавшій Св. Землю: извѣстный русскій путешественникъ А. С. Норовъ и академикъ Воробьевъ, которые признали ее во всемъ сходною съ Виолеемскимъ вертепомъ; послѣ этого модель предназначена была служить образцомъ при постройкѣ вертепа въ Воскресенской церкви. Во время постройки этой церкви модель стояла во временномъ храмѣ, а теперь желающіе могутъ видѣть ее въ существующей церкви въ ризницѣ.

Всѣ бывшіе въ Св. Землѣ и въ послѣднее время, подтверждаютъ замѣчательное сходство устроеннаго въ Петербургѣ подражанія съ настоящимъ вертепомъ.

Какъ извѣстно, Св. вертепъ въ Виолеемѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ, сильно углубился отъ наносной земли; поэтому туда спускаются по каменной лѣстницѣ; по той же причинѣ въ вертепѣ темно. Въ подражаніе этому и вертепъ при Вос-

кресенской церкви устроенъ въ нижнемъ (подвальномъ) отдѣленіи храма, и туда устроенъ сходъ по лѣстницѣ. Вертепъ освѣщается множествомъ золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, прикрѣпленныхъ цѣпочками къ потолку; то же соблюдено и въ подражаніи вертепа; на вступающихъ туда въ первый разъ это зрѣлище производитъ глубокое впечатлѣніе. Лампады указываютъ путь къ двумъ главнымъ святынямъ вертепа: мѣсту Рождества Спасителя и яслямъ, гдѣ Онъ былъ положенъ. Такъ какъ въ Виолеемскомъ вертепѣ престолы открыты (т. е. католической формы), то и въ вертепѣ при церкви Воскресенія соблюдено то же. На православныхъ посѣтителей такая католическая обстановка вертепа производитъ также особое впечатлѣніе. Надъ мѣстомъ Рождества Христова возвышается мраморный престолъ, поддерживаемый двумя мраморными столпами, между которыми на полукруглой стѣнѣ изображены 12 апостоловъ и передъ каждымъ изображеніемъ — лампада. На полу подъ престоломъ — свѣтлая металлическая звѣзда. Вокругъ звѣзды, находящейся въ Виолеемскомъ храмѣ, сдѣлана надпись: „*Nic de Virgine Maria Jesus Christus natus est*“ (т. е. здѣсь отъ Дѣвы Маріи родился Исусъ Христосъ); но въ петербургскомъ подражаніи вертепу надпись эта замѣнена другою: „*Видѣвши же звѣзду, возрадовашася радостію веліею зѣло*“ (Матѣ. гл. II, 10). Напротивъ престола Рождества Христова — престолъ, на которомъ — мраморныя ясли съ прекраснымъ изображеніемъ Младенца Исуса внутри. Вблизи яслей — престолъ, на которомъ камень съ слѣдующею надписью: „*Кусокъ мрамора, который покрываетъ ступень лѣстницы, по которой сходять отъ мѣста Рождества Христова къ яслямъ Виолеемскимъ, данный митрополитомъ Діонисіемъ Виолеемскимъ въ 1850 году князю Петру Андреевичу Вяземскому. Княземъ Вяземскимъ камень сей переланъ сенатору Ивану Савичу Горюхи, а снмъ послѣднимъ пожертвованъ въ Воскресенскую Мало-Коломенскую церковь*“. Престолъ, на которомъ лежитъ этотъ

камень, означает мѣсто, гдѣ волхвы поклонились Спасителю. Въ нижнемъ отдѣленіи Воскресенской церкви, гдѣ устроенъ вертепъ, есть еще два особые придѣла, построенные по обычному православному порядку: правый — Рождества Христова (освященъ въ 1887 году) и лѣвый — Св. Іоанна Предтечи и Св. Николая Чудотворца (освященъ въ 1880 году, вмѣстѣ съ вертепомъ). Вертепъ имѣетъ въ длину болѣе 5 сажень, въ вы-

шину — около 1½ сажени; приблизительно та же мѣра и въ Введенскомъ вертепѣ.

Хотя вертепъ въ Мало-Коломенской Воскресенской церкви бываетъ обыкновенно запертъ, но доступъ туда для всѣхъ свободный. По вторникамъ, послѣ поздней литургіи, въ вертепѣ читается акафистъ, если только въ этотъ день не случится праздника.

Къ рисункамъ.

Рождественскіе дни.

(Рис. на стр. 1193, 1197, 1204, 1208, 1209, 1212, 1213).
Наступилъ праздникъ Рождества Христова—дѣтскій празд-

крѣляютъ веревочки къ сладостямъ и золоченымъ орѣхамъ или напизываютъ ихъ на длинныя нити, чтобы затѣмъ развѣсить красивыми фестонами на игольстыхъ вѣтвяхъ зеленой елки..

Любящая мамаша. Съ карт. О. Пильца, грав. Крей.

никъ! Только тамъ, гдѣ растутъ ребятки, гдѣ каждый день приноситъ новыя заботы о нихъ, но гдѣ труды и тяжесть этихъ заботъ заставляютъ забывать любящее сердце родителей,—только тамъ знаютъ, какой торжественный и веселый праздникъ доставляетъ рожденіе Спасителя міра.

Задолго до наступленія его повсюду становится замѣтнымъ приближеніе Рождественскихъ дней.

На улицахъ увеличивается движеніе и суматоха; магазины переполняются покупателями, которыхъ заманиваютъ торговцы блестящей и роскошной выставкой своихъ товаровъ на окнахъ лавокъ. Устраиваются временные базары и ярмарки игрушекъ, сластей и всевозможныхъ бездѣлушекъ. Передъ входами у лавокъ кой-гдѣ выставляются елки, образуя необычную для городского жителя, красивую группу зелени посреди уличной сутолоки. На торговыхъ площадяхъ и близъ рынковъ во множествѣ появляются со всею живностью рождески, установленные длинными рядами. Домовитыя хозяйки и заботливыя матери въ наши дни, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, спѣшатъ повсюду сдѣлать нужныя закупки. И дома жизнь приняла нѣсколько иной круговоротъ. Тамъ, гдѣ собираются „устроить елку“ (а гдѣ ее теперь не устраиваютъ!) — идетъ снѣжная и занятная работа—покрасивѣе убраться вѣчно-зеленое деревцо. За приготовленіемъ нарядовъ для него иногда пограчиваетъ не мало вечеровъ вся семья. Одни вырѣзаютъ изъ цвѣтной, серебряной и золотой бумаги разныя украшенія для елки, складываютъ и клеятъ звѣзды, фонарики, бомбоньерки, цѣпи, при-

Наступаетъ канунъ Рождества — Сочельникъ. Принимаются за украшеніе елки. Въ нѣкихъ семьяхъ дѣлаютъ это въ тайнѣ отъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, маленькихъ, у которыхъ бѣдное сердечко день-деньской томится отъ любопытства и нетерпѣнія поскорѣ увидѣть знакомую по прежнимъ годамъ, разукрашенную и свѣтящуюся елку. Въ тѣхъ же семьяхъ, гдѣ дѣтвора сама принимаетъ участіе въ украшеніи рождественскаго деревца, шуму и гаму нѣтъ конца, и веселый смѣхъ иногда смѣняется горькими слезами. Въ концѣ концовъ дерево разукрашено, подарки разложены по мѣстамъ... Всѣми жданный вечеръ окуталъ землю темнотою. На небѣ заискрились звѣзды, и, какъ отраженіе ихъ, во многихъ окнахъ засвѣтились огоньки на елкахъ. Весело толятся вокругъ нихъ виновники торжества, охвативъ жадными ручонками подарки и не спуская глазъ съ лакомага дерева. Когда утихнутъ первые восторги, дѣти начинаютъ показывать другъ другу свои обшювы и подарки, отъ которыхъ ихъ нельзя оторвать и съ которыми порою приходится уложить спать, въ часъ всеобщаго отдохновенія. И когда успокоительный сонъ спойдетъ на ихъ разгоряченные головки, иной малютка и во снѣ не выпускаетъ изъ объятій очаровавшую его куклу, а другой, раскинувшись на цуховой подушкѣ, грезитъ пережитымъ радостнымъ вечеромъ. Утромъ, пробудившись, первую заботою у него бываетъ какой-нибудь паяцъ, который тутъ же, сидя на подушкѣ, киваетъ своею носатою головою въ колпакѣ съ погремушкой, точно желая „добраго утра“. А если, ко времени пробужденія, чья-либо баловливая рука принесетъ и оставитъ у кровати

Рождественское утро. Бука! Сь карт. Э. Паферь, грав. Кирзей.

новый подарок,—сколько удивления и восторгов доставляет он пробудившемуся дитяти! А затѣмъ долго еще подарки составляютъ предметъ развлечения и заботы милыхъ дѣтей, которые, усѣвшись порою тутъ же подъ елкой, на полу, усѣяномъ осыпавшимися хвоей елки, забавляются новыми подарками, позабывъ про недавнихъ своихъ друзей—старыхъ игрушки. Но случается, что одна изъ нихъ, особенно полюбившаяся, долго еще развлекаетъ своего маленькаго обладателя, и порою можно заприимчивитъ, долгое время спустя Рождества, какъ будущая заботливая мать бережно забавляется со своею любимою куклой, подаренной ей на Рождество.

Явление ангела пастухамъ. (Рис. на стр. 1201).

Въ масляной ропѣ, верстахъ въ двухъ отъ Вифлеема, расположенной въ неглубокой долинѣ, до сихъ дней сохраняется бѣдная, полузаброшенная часовня. По преданію, она поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ, въ ночь рожденія нашего Иисуса Христа, явился Ангелъ, возвѣстивъ имъ радостную и давножданную вѣсть о рожденіи въ городѣ Давидовомъ Спасителя, который есть Иисусъ Христосъ.

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣчѣхъ благоволеніе“, вѣдалъ пастухамъ небожитель, и, когда ангельское пѣніе замерло въ тишинѣ звѣздной ночи, они пошли въ Вифлеемъ, чтобы узнать о томъ, „что возвѣстилъ имъ Господь!“

Рождество Христово въ рисункахъ Иванова.

А. А. Ивановъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ художниковъ, авторъ знаменитой картины „Явленіе Христа народу“, извѣстенъ у насъ большаго, именно, только какъ авторъ названной картины. Спросите многихъ, что сдѣлалъ еще Ивановъ?—Любой не „специалистъ“ по исторіи живописи затруднится дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. А между тѣмъ Ивановъ, еще будучи въ Римѣ, задумалъ грандіозный проектъ, который и поглотилъ все его вниманіе въ послѣдніе годы его жизни (1848—1858 гг.). Въ „Воспоминаніяхъ“ его брата (архитектора) мы видимъ и ближайшій поводъ, который натолкнулъ его на эту мысль. Дѣло въ томъ, что 1848 годъ отразился очень печально на русскихъ художникахъ, проживавшихъ въ Римѣ. Не только нечего было и думать о какихъ-либо вспоможеніяхъ со стороны правительства, но существовало на дѣлѣ приказаніе выѣхать изъ Италіи даже и тѣмъ, кто желалъ оставаться тамъ на свой счетъ. Вслѣдствіе этого картина Иванова „Явленіе Христа народу“ была оставлена неоконченною за недостаткомъ средствъ. Ивановъ, оставившійся въ Римѣ, принялся дѣлать рисунки, которые и составляютъ, собственно, альбомы, оставшіеся послѣ него. Къ этому побудило Иванова еще и слѣдующее обстоятельство: онъ увидѣлъ, что на имѣвшіяся у него деньги (въ 1848 году скончался его отецъ, оставившій каждому сыну по 3,000 р.) онъ своей картины не кончить, какъ слѣдуетъ, потому что, при приближеніи къ окончанію, требовались большія издержки на модели; между тѣмъ какъ композиціи, которыми онъ теперь завялся, не требовали издержекъ ни на модели, ни на краски. Поэтому онъ предпочелъ заняться этими композиціями, выжидая лучшаго времени, наступленіе котораго, однако, слишкомъ запоздало. Занявшись этими рисунками, онъ вскорѣ увлекся ихъ основною мыслью, которая мало-по-малу развилась въ цѣлый грандіозный проектъ, о которомъ мы упомянули.

Проектъ Иванова заключался въ слѣдующемъ: изобразить въ композиціяхъ всю жизнь и всѣ дѣянія Христа.

Онъ проектировалъ исполненіе всего живописью на стѣнахъ, въ особу на то посвященномъ зданіи,—конечно, не въ церкви. Сюжеты располагались такимъ образомъ: главное и большое поле каждой стѣны должна была занимать картина или нѣсколько картинъ одного изъ главнѣйшихъ событій въ жизни Христа; подъ нею же, или подъ ними (по борту, если можно такъ выразиться, хотя это слово не совсемъ въ данномъ случаѣ у мѣста) должны были быть представлены, тоже въ фресковой живописи, но уже въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, относящіеся къ этому событію или происшествію, или нарощія на него послѣдствія преданія или сказанія, или сюжеты изъ Ветхаго Завета, въ которыхъ говорится о Мессіи, или происшествія подобныя, случившіяся въ Ветхомъ Заветѣ, и т. д.

По сообщеніямъ брата Иванова, всѣ эти композиціи, наполняяція альбомы и большую часть отдѣльныхъ рисунковъ, сочинялись, набрасывались на бумагу углемъ и потомъ отдѣлялись, такъ сказать, разомъ, одновременно. И такъ работалъ постоянно Ивановъ въ теченіе 8 лѣтъ, съ 1850 г. до начала 1858—года его побѣдки въ Петербургѣ и кончины. Что это именно было такъ, какъ сообщалъ братъ Иванова, можно судить уже и потому, что самый рисунокъ всѣхъ этихъ композицій свободенъ отъ всякой манерности и сдѣлался легкимъ и покорнымъ выраженіемъ мысли. Многие изъ рисунковъ были смты и перерисованы. Все это былъ не простой капризъ, начатый и брошенный; напротивъ, это былъ опредѣленный планъ, который сильно занималъ Иванова подъ конецъ его жизни. Всѣ эти рисунки и альбомы, послѣ смерти Иванова, поступили въ собственность его брата, который по завѣщанію распорядился съ ними слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ библейскихъ рисунковъ, менѣе оконченные и едва набросанные, числомъ 89, поступили сейчасъ же послѣ его смерти въ Московскій Публичный Румянцевскій музей; а другіе—болѣе отдѣльные

Рождественская ночь въ лѣсу. (Рис. на стр. 1205).

Тихая морозная ночь окутываетъ землю... Съ темнаго неба льетъ луна свой кроткій свѣтъ на лѣса и дома, окутанные снѣгомъ, который мириадами искр переливается въ его лучахъ. Красные огоньки въ окнахъ домовъ привѣтливо манятъ къ себѣ запоздалаго путника, по въ эту ночь рѣдко кто ступаетъ: всѣ стараются быть дома, въ кругу своей семьи, чтобы въ радости и веселіи встрѣтить день рожденія нашего Иисуса Христа...

Поклоненіе волхвовъ и пастуховъ.

(Рисунокъ на обложкѣ).

Первыми пришли поклониться родившемуся Иисусу пастухи, навѣщенные Ангеломъ, и волхвы, руководимые звѣздою. Волхвы, падши, поклонились Ему и, открывъ сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну.

Когда же они отошли, Ангелъ Господень явился во снѣ Иосифу и сказалъ: „встань, возьми Младенца и Матерь Его и бѣги въ Египетъ и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ, ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его“.

Онъ всталъ, взявъ Младенца и Матерь Его ночью и пошелъ въ Египетъ. И тамъ былъ до смерти Ирода. Такимъ образомъ исполнилось пророчество:—изъ Египта воззвалъ Я Сына Моего. (Осн 11, 1).

и особенно важныя, въ количествѣ 169, должны были поступить туда же, но послѣдствія, послѣ того, какъ будутъ изданы *Прусскимъ Археологическимъ обществомъ* въ хромофотографіяхъ и гравюрахъ. Въ настоящее время всѣ рисунки уже изданы Прусскимъ Археологическимъ обществомъ, въ прекрасныхъ большихъ альбомахъ, чрезвычайно тщательно.

Послѣдствіемъ возникло предположеніе, что мысль приняться за эти замѣчательныя композиціи возникла у Иванова подъ вліяніемъ знакомства и разговоровъ съ Гоголемъ, но предположеніе это оказалось невѣрнымъ, какъ это выяснилъ братъ Иванова въ письмѣ къ В. В. Стасову. Вотъ что онъ, между прочимъ, пишетъ по этому поводу: „Могу васъ увѣрить, что ошибаюсь сильно: этотъ переводъ не Гоголь произвелъ, а 1848 годъ. Не забудьте, что мы съ братомъ были въ Римѣ личными свидѣтелями всего, тогда происшедшаго (это, вѣроятно, намекъ на римскую революцію). Мы съ нимъ читали въ то время все, печатавшееся какъ въ Римѣ, такъ и во французскихъ газетахъ. Въ тотъ годъ всѣ книгопродавцы римскіе доставляли очень дѣльныя, но строго запрещенныя (папскимъ правительствомъ) книги съ необычайной скоростью и легкостью; мы же съ своей стороны не знали. Гоголь же отъ 1848 года нисколько не перемѣнился и, вмѣсто того, чтобы остаться во что бы то ни стало за границей, онъ послѣдно уѣхалъ въ Россію и, потомъ, молиться Гробу Господню, что, я помню, не мало изумляло брата. Братъ никогда не былъ одиѣхъ мыслей съ Гоголемъ, онъ съ нимъ вступательно никогда не соглашался, но въ то же время никогда съ нимъ и не спорилъ, избѣгая по возможности непріятныя и, скажемъ откровенно, даже дерзкіе отвѣты Гоголя, на которые Гоголь со своей гордостью не былъ скупъ. Вспомните только то, что Гоголь все болѣе и болѣе впадалъ въ бѣготство, а братъ, напротивъ, все болѣе и болѣе освобождался и отъ того немногаго, что намъ прививаетъ воспитаніе“.

Вотъ рисунки, относящіеся къ Рождеству Христову или на сюжеты изъ Ветхаго Завета, близкіе къ этому событію: 1) Привѣтствіе Маріи Елизаветой, 2) То же съ перемѣнами, 3) Исаія съ сыномъ передъ царемъ Ахазомъ, 4) Благовѣщеніе, 5) Сонъ Иосифа: „Не бойся принять Марію“, 6) Еще Благовѣщеніе, 7) То же, съ перемѣнами, 8) Волхвы, пришедшіе на поклоненіе Христу, 9) Пастухи, славящие Рождество Христово, 10) Еще сонъ Иосифа, 11) Ангелъ возвѣщаетъ пастухамъ о Рождествѣ Христовомъ, 12) Волхвы, увидѣвшіе звѣзду на Востокѣ, 13) Поклоненіе пастуховъ, 14) Еще Благовѣщеніе, 15) Еще Исаія съ сыномъ передъ царемъ Ахазомъ, 16) Ангелъ возвѣщаетъ женѣ Маной зачатіе Самсона, 17) Жена Маной указываетъ мужу на ангела, 18) Господь является родителямъ Моисея, 19) Еще Благовѣщеніе, 20) Еще Благовѣщеніе, 21) Привѣтствіе Маріи Елизаветой и 22) Валаамъ и звѣзда его (это—одинъ изъ малыхъ верхнихъ сюжетовъ на стѣнѣ Рождества Христова, т. е. на той стѣнѣ, гдѣ главный сюжетъ — „Рождество Христово“). Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ только набросаны углемъ; другіе—тронуты сѣней, третью—тронуты акварелью, и только очень немногіе болѣе или менѣе закончены акварельными красками. Однако, несмотря на эскизность всѣхъ этихъ рисунковъ, они представляютъ огромную художественную цѣнность, какъ чрезвычайно изящнымъ рисункомъ, такъ и замѣчательной композиціей. Взятые вмѣстѣ, они представляютъ изъ себя прекрасную, полную галерею изображеній, относящихся къ „Рождеству Христову“, иллюстрируя это великое событіе съ различныхъ сторонъ, и, такъ сказать, въ послѣдствіемъ развитіи мысли художника, который старался изобразить не только само событіе, но и всѣ тѣ религіозные моменты, которыми это событіе подготовлялось въ религіозномъ сознаніи въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Такого грандіознаго замысла не найдется ни у одного въ мірѣ художника. В. Чуйко.

Библиографія.

В. П. Желиховская. Мое отрочество. Изд. ред. журнала „Дѣтское Чтеніе“. Спб. 1893. Цѣна 1 р. 20 коп.

Книга г-жи Желиховской назначена, очевидно, въ дѣтскія руки, и въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ полныхъ симпатій. Г-жа Желиховская много видѣла, много уже испытала въ своей дѣтской жизни. Передъ вами то новолжскія степи, то городская жизнь, то Кавказъ и Закавказье, а это одно уже даетъ ей воспоминаніямъ серьезный интересъ; а книга написана прекрасно. Но, по нашему мнѣнію, есть въ книгѣ г-жи Желиховской элементъ, стоящій выдѣлкомъ интересовъ, есть факты и разъясненія, которые дѣтямъ всякаго возраста не доступны, но которые придаютъ книгѣ интересъ болѣе общій. Въ воспоминаніяхъ г-жи Желиховской мы въ средѣ выдающихся людей. Дѣдъ автора—знаменитый генералъ Фадѣевъ, мать—писательница Ганъ (Зинаида Р.—ва), ее сестра—извѣстная писательница Блаватская, ее тетка, съ которой она вмѣстѣ и проводитъ у бабушки дѣтство,—замужемъ за Ю. О. Витте. Наконецъ, ее бабушка, Фадѣева—замѣчательнѣйшая по своему образованію для своего времени женщина. Уже значеніе этихъ людей невольно выводитъ автора изъ сферы дѣтскихъ интересовъ, хотя книга, несомнѣнно, будетъ прочтена и дѣтьми съ удовольствіемъ и съ пользою.

Почитать-бы. Рассказы и стихотворенія для дѣтей **Н. И. Познякова.** Съ 45 рисунками. Изданіе А. Ф. Девриена.

Тотъ фактъ, что книга эта выпущена въ свѣтъ вторымъ изданіемъ и что 1-е ее изданіе одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, говоритъ самъ за себя. Книга написана живымъ, литературнымъ языкомъ, составлена очень разнообразно. Наряду съ интересными, написанными умѣлой рукой знатока дѣтской литературы, оригинальными рассказами и стихотвореніями, въ книгѣ помѣщены хорошо переведенныя стихотворенія изъ иностранныхъ извѣстныхъ авторовъ, въ томъ числѣ изъ Гёте, Бреть-Гарга, Конпе, Шамиссо и др. Издана книга очень изящно и довольно богато иллюстрирована.

Два героя. I. Въ Новомъ Свѣтѣ. II. Завоеваніе Мексики. (Изъ исторіи открытій Америки). Составилъ по Фалькенгорсту Э. Гранстремъ. Спб. Тип. Стасюлевича. (1893). Цѣна въ перепл. 2 р.

«Два героя»—это *Колумбъ* и завоеватель Мексики *Кортесъ*. Перваго мы, впрочемъ, почти не видимъ въ рассказѣ, но за то въ яркихъ краскахъ выступаютъ передъ нами тѣ люди, которые сопровождали его въ Новомъ Свѣтѣ, обуреваемые жадной золотомъ. Рассказъ ведется отъ имени Якова де-Маркена, племянника того настоятеля монастыря Ла-Рабида, Хуана Переца де-Маркена, который помогъ Колумбу получить средства для своего великаго открытій отъ королевы Изабеллы. Завоеваніе Мексики рассказано такъ, какъ оно было въ действительности, и беллетристическій элементъ не занимаетъ во всемъ повѣствованіи значительнаго мѣста. Тѣмъ не менѣе, рассказъ въ высшей степени интересенъ. Книга предназначена для дѣтскаго чтенія и годится для дѣтей именно старшаго возраста, ими только она можетъ быть понята вполне, съ тѣми нравственными уроками, которые вытекаютъ изъ исторіи открытій и завоеванія Америки. Издана книжка великолѣпно, отлично иллюстрирована отбѣльными картинками и виньетками, и продается въ роскошномъ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ.

Въ лѣсахъ Флориды. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составлено по Берингъ-Гульду и Брюнэ М. Гранстремъ. Спб. Тип. Стасюлевича. (1893). Цѣна въ переплѣтѣ 2 р.

Если дѣтскія книги должны соединять въ себѣ серьезность содержанія и интересное изложеніе, то къ немногимъ изъ нихъ приложима такая характеристика въ такой степени, какъ «Въ лѣсахъ Флориды». Составитель умѣлъ выбрать хорошіе источники и воспользовался ими прекрасно. Рассказъ состоитъ въ томъ, что

три мальчика и одна дѣвочка случайно унесены были въ лодкѣ въ море и пристади къ одному изъ заброшенныхъ острововъ близъ Флориды, гдѣ и должны были жить самостоятельно, пока не были отысканы родителями. Вѣчный прототипъ подобныхъ рассказовъ, конечно, «Робинзонъ», котораго никогда и не превзойдутъ. Но разсматриваемая книжка ставитъ дѣтей въ современныя условія жизни, они въ достаточной мѣрѣ снабжены всеми орудіями труда, и ихъ дѣло только сумѣть трудиться; главною своею цѣлью она имѣетъ познакомить маленькихъ читателей съ далекой страной и своеобразною жизнью ея природы. Книжка годится для дѣтей средняго возраста. Издана она и иллюстрирована роскошно, въ превосходномъ переплетѣ, и можетъ служить хорошимъ праздничнымъ подаркомъ.

Мари-Роберъ Гальтэ. Исторія одного маленькаго человѣка (сочиненіе, одобренное Французской Академіей). Переводъ съ французскаго **М. Гранстремъ.** Изданіе второе. Съ 90 рисунками. Спб. (1893). Цѣна въ перепл. 2 руб.

Въ посвященіи этой книжки сказано: «Тебѣ, который съ пятнадцати лѣтъ сталъ уже опорой семьи и не испугался жизни, я посвящаю исторію другого мужественнаго ребенка. Пусть жизненная борьба, которая сдѣлаетъ тебя человѣкомъ, окончится и для тебя такъ же счастливо, какъ кончилась для него!» Въ этихъ словахъ—идея книжки: указаніе ея назначенія. «Маленькій человѣкъ», герой рассказа, долженъ служить примѣромъ для всѣхъ. Едва вступающій въ юношескій возрастъ и видя, что родные его нуждаются въ его помощи, онъ смѣло выходитъ на борьбу съ жизнью. Не безъ увлеченій, даже не безъ просупковъ, онъ въ концѣ концовъ трудомъ, а главное искреннимъ стремленіемъ къ честному труду создаетъ себѣ въ обществѣ солидное положеніе. Какъ водится, въ подобныхъ заграничныхъ книжкахъ подобнаго рода идеалъ жизни, однако, чисто буржуазный. «Маленькій человѣкъ» нашъ достигаетъ, собственно, хорошаго жалованья—и, конечно, женится на «образованной» и не бѣдной барышнѣ, хотя самъ образованіемъ не блистаетъ. Изданіе иллюстрировано и въ роскошномъ золотообрѣзномъ переплетѣ.

Чарльсъ-Диккенсъ. Скрятя. Святочная сказка. Переводъ **А. Каменскаго, съ очеркомъ жизни Чарльса-Диккенса.** Новгородъ. 1894. Цѣна 50 коп.

Было бы совершенно излишне говорить о литературныхъ достоинствахъ прелестнаго святочного рассказа Диккенса, но необходимо отмѣтить, что переводъ его, сдѣланный г. Каменскимъ, очень удаченъ, сохраняя характерный Диккенсовскій юморъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ не изданъ въ столицѣ съ хорошими картинками и въ хорошихъ переплеткахъ, какъ это заведено; онъ былъ бы отличномъ праздничнымъ подаркомъ для дѣтей, сохраняя всю прелесть и для взрослыхъ.

Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ рассказовъ В. П. Авенариуса. Съ портр. автора, грав. на деревѣ Кизелемъ въ Берлинѣ, и съ 14 отбѣлъ. рис. Загорскаго и Никитина. Спб. 1893. Цѣна 1 р. 50 коп.

Литература нашихъ дней отличается обиліемъ всякихъ «воспоминаній». Само собою разумѣется, что въ огромномъ большинствѣ интересъ ихъ не въ личности авторовъ, а или въ художественности изображенія жизни, какъ она является въ воспоминаніяхъ, или въ описываемыхъ фактахъ, имѣющихъ интересъ общественный, и т. п. Первому изъ этихъ условій книга г. Авенариуса вполне и удовлетворяетъ. Опытный дѣтскій писатель, авторъ съ удивительною живостью воспроизводитъ дѣтскую жизнь и дѣтскую душу; и вы читаете его воспоминанія, какъ *типическое* изображеніе жизни, забывая, что описываются факты действительные, а не художественно сконпированные. Такъ что личный характеръ придаетъ иногда книгѣ почти одинъ только портретъ автора. Издана книга прекрасно, напечатана крупнымъ шрифтомъ и украшена недурными картинками.

Политическое обозрѣніе.

Приближающійся къ концу 1893 г. черезъ нѣсколько дней перейдетъ въ исторію, съ отмѣткой мирно прожитого года. Дѣйствительно, европейскія государства, въ полномъ вооруженіи, сохраняли „лучшія отношенія“ другъ къ другу, обрашая избытокъ своихъ военныхъ силъ для разрѣшенія колониальныхъ вопросовъ къ выгодѣ и славѣ своей и, конечно, къ пораженію своихъ дикихъ противниковъ.

Франція увѣнчалась славою въ тонкинскомъ столкновеніи и въ войнѣ съ дагомеянами, короля которыхъ Бегаццна еще продолжаютъ преслѣдовать.

Англійскіе колонисты побѣдоносно отражаютъ нападеніе матабиле, а испанцы побѣждаютъ въ Меллѣ кабилловъ. Наконецъ, Италия, только что получившая новое министерство, во главѣ съ Крипи, который многимъ напятье также и по итальянскимъ дѣламъ въ Африкѣ,—одерживаетъ блестящую побѣду надъ отрядомъ деришей „въ 6000 ружей и 4000 пикъ“, подъ начальствомъ Хамеда-Али, того самаго, который разбилъ абиссинскаго негуса Юанна, умершаго отъ ранъ, полученныхъ въ борьбѣ съ этимъ военнопочальникомъ. Таковы въ краткихъ

словахъ военные подвиги европейцевъ, которые, благодаря Бога, жили въ истекшемъ году миролюбиво другъ съ другомъ.

Но благополучіе отъ взаимнаго миролюбія во многихъ странахъ умалялось враждою политическихъ партій, съ ихъ эгоистичными кружковыми интересами. Эта партійная борьба разрушала экономическое благосостояніе въ однихъ государствахъ, въ родѣ борьбы аграріевъ съ русско-германскимъ соглашеніемъ, въ другихъ доходила до преданія своихъ политическихъ противниковъ суду, обвиняя ихъ въ государственной измѣнѣ, какъ это случилось съ двадцатью пятью делегатами румынской національной партіи въ Трансильваніи, казненными въ прошломъ году въ Вѣнѣ съ петиціей на имя Австрійскаго императора противъ притѣсненія румынъ мадьярами, или разрѣшалась „по-просту“, самосудомъ и убійствомъ, подобно убійству Мреа въ Прагѣ.

Однако, не отъ однихъ политическихъ недуровъ приходило въ Европѣ дрожать за свою свободу, благосостояніе и жизнь. За послѣдніе мѣсяцы надъ нею распростеръ свои крылья болѣе опасный и непримиримый призракъ анархизма,

проявившіи свои омерзительныя дѣйствія безчеловѣчными взрывами въ Барселонѣ, Марселѣ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ. И только тогда, когда грянулъ громъ, западно-европейскія правительства встрепенулись и суровою карою по суду людскому хотѣли устранить анархистовъ, которые утратили страхъ передъ судомъ Божиимъ и укорами собственной совѣсти.

что она стремится къ уничтоженію всего существующаго; эта секта сама поставила себя внѣ закона.

Миръ впервые принужденъ считаться съ невѣдомымъ до нынѣ фанатизмомъ или, вѣрнѣе, съ нравственной проказой, примѣра которой еще не бывало въ исторіи.

Пора, давно пора, положить предѣлы распространенію этой ужасной заразы.

100 лѣтъ назадъ. Наши прабабушки на рождественскомъ базарѣ. Рис. В. Цеме, грав. Клоссъ.

Но считается съ этими извергами рода человѣческаго все-таки нужно, при этомъ нельзя ограничиться лишь подавленіемъ ихъ; необходимо также, какъ говорилъ во французскомъ сенатѣ президентъ его г. Шальмель-Лакуръ, сдѣлать невозможными или труднѣе осуществимыми эти систематическія злодѣянія. Нужно, главнымъ образомъ, искоренить возбуждающую отвращеніе секту, провозгласившую обществу войну, отвергающую всѣ основы нравственности и открыто провозглашающую.

Правительство, говорилъ почтенный президентъ сената, можетъ приступить къ своей задачѣ съ полною увѣренностью; оно найдетъ поддержку въ общественномъ мнѣніи, среди всѣхъ республиканцевъ, среди представителей всѣхъ партій; оно можетъ рассчитывать на содѣйствіе общественныхъ властей, на содѣйствіе сената.

Франція, а вмѣстѣ съ нею, прибавимъ отъ себя, и всѣ государства, пораженныя недугомъ анархизма, должны отвоевать

свою безопасность; они достигнуть этого своимъ мужествомъ, присоединяющимся къ мужеству правительства; необходимо, чтобы страна сама выступила противъ злоумышленниковъ, — отъ этого зависить безопасность гражданъ и государства, будущность его, свобода и честь нации.

Пожелаемъ отъ души, чтобы вышеприведенныя слова не остались одними словами, и чтобы съ окончаніемъ 1893 г. кончилисъ и всѣ бѣды отъ подобныхъ лицъ, а въ наступающемъ 1894 вышній миръ, вмѣстѣ съ миромъ внутренней общественной жизни, принесъ бы свои богатия и щедрія милости!

С М Ъ С Ъ .

Какъ проводили наши предки „Рождество Христово“. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича въ 1649 году сказано было: „Вѣдомо намъ учинилося, что на Москвѣ, напередъ всего въ Кремлѣ, и въ Китаѣ, и въ Бѣломѣ, и въ Земляномъ городѣхъ, и за городомъ, и по переулкамъ, въ навечеріе Рождества Христова кликали многіе люди *Каледу* и *Усень*, а съ навечеріи Богоявленія кликали *Пугу*; да въ Москвѣ жъ чинится безчинство; многіе люди поютъ бѣсовскія, сквернословныя пѣсни и многіе-жъ люди бранятся межъ себя... И всякою непотребною лаею, и жены и дѣвцы бранятъ позорными словесы. — Да и на Рождество Христово и до Богоявленія дѣи собираются на игрища, сборища бѣсовскія, да пьяны жъ ходять на Москвѣ поны, и иноки, и великихъ чиновъ христіане, безчинною бранью бранятся, и дерутся, и бьются, кричать и вопять, и безъ памяти упиваются, и многіе люди, ереси послѣдующіе, бороды брѣютъ, и въ воскресные дни сидятъ въ харчевняхъ, и до обѣдни продаютъ всякій харчъ... Скоморохи съ домрами (т. е. съ музыкальными инструментами), и съ дудами, и съ медвѣдями ходятъ, и дару Божію хлѣбу поругаются всякою животнo скотское, и звѣрино и птичье некутъ!“

Московский Стоглавый соборъ 1551 года осуждалъ „еллинское бѣсованіе“, различныя игры и плясанія въ навечеріе Рождества и Богоявленія. — „Книга Кормчал“ (пзданная въ 1653 г.) строго осуждала и запрещала святочныя переряживанья мужчинъ въ женщинъ и наоборотъ. Въ 1684 г. патриархъ Іоакимъ называлъ святочные веселія „скверными бѣсовскими дѣйствами и игрищами“; называлъ ряженыхъ „неподобными отъ Бога созданіями“; оны же запрещалъ хоронить гдѣ бы то ни было убиенныхъ и ошнвшихъ на святочныхъ гуляньяхъ. Цари подавали примѣръ благочестія во время Рождественскихъ праздникоу, но народъ не слушался.

Царь Петръ Алексѣевичъ въ первые же годы своего царствования въ 1698 г. уже устроилъ слѣдующую потѣху: „Здѣсь“ (т. е. въ Москвѣ), разказываетъ известный путешественникъ по Россіи Корбъ, „въ день Рождества устраивается пышная комедія. По выбору царя значительнѣйшіе москвитине возводятся въ разныя духовныя достоинства; одинъ играетъ роль патриарха, другіе митрополитовъ, архимандритовъ, поповъ, дьяконовъ и др. Каждый, кто по царскому указанію получить одно

изъ этихъ званій, долженъ надѣть соответственное оному одѣяніе. Его Царское Величество представляетъ дьякона. Театральный патриархъ въ сопровожденіи мнзыхъ своихъ митрополитовъ и прочихъ лицъ числомъ около 200, прокатился въ 80 саняхъ черезъ весь городъ въ Нѣмецкую Слободу, съ посохомъ, въ митрѣ и съ другими знаками своего достоинства. Въ домахъ всѣхъ куцовъ и богатѣйшихъ москвитинъ воспѣвались хвалы родившемуся Богу при звукахъ музыки, нанятой хозяевами дома за большія деньги... Въ каждомъ домѣ разставлены столы съ холодными яствами изъ опасенія, чтобы гости не застали враслохъ!“ Потѣха эта понравилась Петру такъ, что оны и въ послѣдующіе годы повторялъ ее въ Москвѣ и Петербургѣ, но, съ тою разницею, что компанію составлялъ извѣстный „веселянѣйшій соборъ“ кардиналовъ съ княземъ *напою* — Зотовымъ во главѣ и въ сопровожденіи слугъ князя-напы, набранныхъ изъ величайшихъ пьяницъ и притомъ уродовъ. По смерти Зотова, въ 1723 г. сдѣлавъ былъ напою Бугурлинъ, а послѣ него провантскій чиновникъ Строгость. Въ концѣ своего царствования и Петръ разжаловалъ Строгоста, а затѣмъ вся эта шутка была уны чтожена. Но раньше этого въ 1723 г. 25 декабря Петръ ѣздилъ „славить“, и все по чинамъ: сначала къ *архіепископш* (тещѣ извѣстнаго Остермана — Стрѣшневой), потомъ къ князю-напѣ, а затѣмъ къ женѣ князя-напы, прозванной *епископшей*. Въ 1722 г. Петръ въ

Новый другъ.

одеждѣ кардинала все время ѣздилъ по Москвѣ „славить“ у русскихъ и иностранцевъ. — Напрасно возставалъ противъ этого митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патриаршаго престола; Петръ отвѣчалъ, что „это вовсе не духовное дѣло и что въ дѣла политическія духовенству вмѣшиваться не слѣдуетъ“. — Голицы же въ своихъ „Дѣяньяхъ Петра Великаго“ указываютъ, что тѣ, которые уклонялись отъ славленія и святочныхъ потѣхъ, были биты кнутомъ и батогами, а священникамъ запрещено было незадолго до смерти Петра ходить безъ зова для славленія. — Въ теремахъ и дворцахъ русскія царевны тоже шумно срывали „святки“, рядились вмѣстѣ съ сѣнными дѣвушками, пѣли святочные пѣсни и гадали. — При Елизаветѣ Петровнѣ святки справлялись по-старинному; она сама любила рядиться въ мужской костюмъ и пѣла святочные пѣсни. Собиравшіеся къ двору являлись только безъ масокъ. При Екатериинѣ II святочные вечера устраивались въ Эрмитажѣ; играли въ фанты, въ кошку-

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше просить гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1894 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

По той-же причинѣ Контора просить всѣхъ желающихъ подписаться на „Иллюстрированную бібліотеку Нивы“, содержащую въ себѣ на 1894 г. „Всеобщую исторію“ проф. О. Іегера, поспѣшить присылкою требованій и подписныхъ денегъ.

мышку, въ билетикъ, въ веревочку, въ жмурки. Разъ императрица приняла участие въ игрѣ въ фанты и какъ разъ выпулся ея фантъ, въслѣдствіе чего ей по условію игры выпало съѣсть на ночь. Императрица исполнила это и сказала: „Всякій должезъ исполнять законы фантовъ; вы знаете наше условіе: *чины за дверями*“. (Такова была надпись на дверяхъ Эрмитажа).

Отгадать будущее—было всегда общею слабостью людей, и можно безъ ошибки сказать, что гаданія столь же древни, какъ и исторія человечества.

Вѣра въ чудесное и во всё времена была свойственна человѣческому духу, и онъ никогда не могъ отрѣшиться отъ этой вѣры. Гаданія съ ихъ всевозможными вариантами, вѣра въ предсказанія, въ колдуновъ, во вліяніе нечистой силы—не были поколеблены даже распространеніемъ христіанства.

Человѣку какъ-то не живется безъ суевѣрія, и жизнь его выходитъ не въ жизнь, если онъ не будетъ обмануть собственнымъ воображеніемъ!

Христіанство принесло намъ свои торжественные праздники, которые сдѣлались народными, но язычество какъ бы для поминокъ оставило намъ и свои праздники. Какъ-то странно покажется съ перваго взгляда, какъ могутъ существовать среди народа эти грубыя суевѣрія, но это при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи во многомъ объясняется тѣмъ, что воображеніе у человѣка почти всегда беретъ верхъ надъ дѣйствительностью. Отсюда исходитъ начало суевѣрныхъ вѣрованій. Вотъ откуда родились наши русалки, водяные, лѣшіе, вѣдьмы, домовые, и явились они силами враждебными, потому что самая природа, среди которой поселила ихъ народная фантазія, не дѣлала человѣка, а чаще враждовала съ нимъ, и въслѣдствіе этого человѣкъ не обольщался природой, а смотрѣлъ на нее со страхомъ. Самое христіанство подавало суевѣрнымъ людямъ поводъ къ его профанаціи. Такъ, напримѣръ, въ старыя годы, по прославленіи Христа, священники во многихъ мѣстностяхъ, по просьбѣ женщинъ, садились на порогъ или на разостланную шубу передъ порогомъ для того, „чтобы водились куры“.

Въ старину святки, вообще, принадлежали преимущественно дѣвушкамъ: онѣ гадали о своихъ „суженыхъ“, угадывали будущее, иѣли подблюдныя пѣсни и проч. Гаданія всегда служили необходимою принадлежностью и особенностью святокъ. Еще Пушкинъ говорилъ о своемъ времени:

Настали святки! То-то радость!
Гадаетъ вѣтрена младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо.—
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

Не ходитъ на горы, не качается на качеляхъ, не потѣшается игрою скомороховъ, не отвѣдать сладкихъ яствъ—значило въ старину или жить въ горькой бѣдѣ, или же въ старости лежать на смертномъ одрѣ, сидѣть калѣжкой безъ ногъ.

Но всё эти черты стараго вѣка, теперь почти исчезаютъ. Теперь и въ большей части деревень, если гадаютъ, то больше спрашиваютъ у прохожихъ имя, глядятся въ зеркало, кормятъ пѣтуха и т. п. Въ городахъ и это мало гдѣ дѣлается; даже ряженые не смѣютъ слишкомъ широко гулять изъ опасенія попасть „къ мировому“ по обвиненію въ нарушеніи общественного порядка.

Что такое „Коляда“, до сихъ поръ съ точностью не опредѣлено. Достоверно извѣстно, что у древнихъ славянъ былъ идолъ, называвшійся колядою; одинъ изъ нихъ стоялъ въ Кіевѣ, чѣмъ-то въ родѣ олицетворенія солнца; самое же названіе производятъ отъ древняго слова: „коло“—кругъ, что, конечно, могло напоминать изображеніе солнца; замѣчательно, что праздникъ въ честь Коляды соединялся съ праздникомъ—бога Тура. Это послѣднее обстоятельство сдѣлало праздникъ весьма безчестнымъ, и это значеніе праздника, еще въ XVII вѣкѣ, продолжалось.

Теперь „колядовки“ уже не составляютъ народнаго праздника. Впрочемъ въ Малороссіи ходятъ не только дѣти, но и взрослые колядовать подъ окна и пѣть пѣсни, за что получаютъ разные подарки. Въ Великороссіи главное отличіе святокъ составляетъ еще и до сихъ поръ хожденіе для славленія Христа.

Маски составляютъ тоже необходимую принадлежность нашихъ святокъ. Изобрѣтеніе масокъ въ глубокой древности имѣло символическое религиозное значеніе, когда жрецы хотѣли олицетворять боговъ; потомъ, еще у древнихъ грековъ, маски сдѣлались принадлежностью театра, а затѣмъ такое же значеніе получили маски у европейскихъ народовъ. Христіанство осуждало игры, гдѣ играли главную роль маски; но онѣ всегда и вездѣ нравились, какъ забавная игрушка. Когда маски появились въ Россіи—неизвѣстно; но какъ видно изъ исторіи Карамзина, при Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ князь Михаилъ Рѣпинъ скорѣе рѣшился умереть, чѣмъ надѣть маску, которую расстлалъ ногами въ присутствіи цари со словами: „Пристало ли государю быть скоморохомъ!“ Однакоже изъ нѣкото-

рыхъ имѣющихся историческихъ указаній видно, что маски были у насъ значительно распространены въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а въ XVIII всякіе запреты на нихъ были сняты. Не ридиться въ маски не такъ еще давно считалось тѣмъ же, чтобы не справить какъ слѣдуетъ „святокъ...“ Но было же время, когда даже музыкальные инструменты считались орудіемъ дьявола, а уличные русскіе артисты,—скоморохи,—слугами дьявола; при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ разъ сожжено было семь возовъ съ музыкальными инструментами и воспами, принадлежавшими скоморохамъ; очень можетъ быть, что эти скоморохи, имѣя шутковскіе костюмы, въ которыхъ давали народу даровыя представленія у царева кабака, употребляли и маски...

Парфюмерная фабрикація въ Грассѣ на Ривьерѣ. Когда распѣтается жасминъ и поля усыяны уже распустившимися розами, весь Грассъ тонетъ въ одуряющемъ благоуханіи цвѣтовъ. Работа кипитъ въ это время,—работаютъ день и ночь, чтобы какъ можно скорѣе уловить этотъ дорогой ароматъ. Дѣлается это троякимъ способомъ: во-первыхъ, помощью ошпариванія болѣе грубыхъ душистыхъ травъ, какъ напр. англійская или перечная мята, лаванда, тимьянъ, желѣзнякъ и гераній, которыми усыяны дѣльныя поля; во-вторыхъ, общеизвѣстнымъ способомъ—дистилляціей, которой подвергаются роза, сирень, геліотропъ, темная фіалка и т. д., и, наконецъ, въ-третьихъ, холоднымъ способомъ: пармскія фіалки, душистый желтоцвѣтникъ, жасминъ. Послѣдній способъ самый продолжительный, самый дорого-стоящій, но за то и самый вѣрный, сообщаякій каждому фабрикуту настоющей, чистый запахъ того цвѣтка, имя котораго онъ носитъ. Восемьдесятъ дѣвушекъ занимаютъ на фабрикѣ развѣшиваніемъ, сортировкой, насыпкой и собираніемъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ мужчины работаютъ у машинъ и колбъ. Свѣщенные цвѣты кладутся кучами на длинный столъ, за которымъ сидятъ около 20 дѣвушекъ; изъ нихъ каждая имѣетъ передъ собой раму, по величинѣ и по формѣ вполнѣ напоминающую половинку двустворчатого окна. Стекло этой рамы покрыто съ обѣихъ сторонъ смѣсью телячьего жира съ масломъ. Дѣвушка сыплетъ на верхнюю сторону столько цвѣтовъ, сколько можетъ легко пристать къ стеклу, подобно тому, какъ хозяйки набрасываютъ нарѣзанныя миндальныя въ сладкій пирогъ; затѣмъ накладываютъ раму на раму, до нѣсколькихъ сотъ, по десяти штукъ въ каждомъ ряду. Ароматъ цвѣтовъ на самой нижней рамѣ переходитъ совершенно въ теченіе сутокъ въ жиръ лежащихъ надъ ними рамъ. На слѣдующій день, поблекшіе и пожелтѣвшіе цвѣты выбрасываются и замѣняются новыми. Процедура эта повторяется отъ восьми до десяти разъ. Пропитанная этимъ нѣжнымъ ароматомъ помада, частью, въ такомъ видѣ, какъ она есть, продается маленькимъ парфюмеріямъ, частью же складывается въ большой, герметически закрывающійся, мѣдный чайъ, въ который прибавляется значительное количество спирту. Съ помощью вращающагося колеса помада эта избалтывается до тѣхъ поръ, пока она не отдастъ спирту все всоанное изъ цвѣтовъ, и въ силу закона тяготѣнія опускается на дно. Оставшаяся эта жировая масса употребляется для мыль, мазей, помадъ и проч., между тѣмъ какъ вся ароматная эссенція въ видѣ духовъ собирается въ маленькіе флаконы. На мѣстѣ духи эти стоятъ шестую часть своей продажной цѣны. Всѣ здѣсь занимаются исключительно цвѣтоводствомъ, а потому самая дешевая зелень и плоды стобятъ очень дорого. (и. э.)

О новомъ средствѣ противъ ожоговъ всѣхъ степеней, превосходящемъ всё практиковавшіяся до настоящаго времени въ практической медицинѣ лекарства, сдѣлалъ сообщеніе въ медицинскомъ обществѣ 9 ноября с. г. прив.-доц. М. Ю. Гольдштейнъ. Средство это—растворъ марганцово-кислаго калия, который можно получить въ любой аптекѣ безъ рецепта врача. Соль эта была испытана, по предложенію докладчика, во многихъ мѣстахъ Россіи, и отовсюду получены извѣстія объ очень усилѣнномъ лѣченіи ожоговъ и ранъ. Она по быстротѣ дѣйствія превосходитъ всё извѣстное до сихъ поръ средства. Мальчикъ 6 лѣтъ опрокинулъ на себя самоваръ съ горячей водою и обварилъ себѣ сильно переднюю поверхность обѣихъ бедеръ. Боль была чрезвычайно сильна. Истертая въ порошокъ марганцово-калевая соль была растворена до насыщенія въ горячей водѣ. По охлажденіи, растворомъ этимъ были смазаны больныя, обваренныя мѣста. Смазыванія дѣлались черезъ каждыя двѣ минуты, и послѣ 5—10 смазываній кожа сначала побурѣла и затѣмъ почернѣла. Мальчикъ вскорѣ, вмѣсто жгучей боли, сталъ испытывать ощущение пріятнаго покалыванія и черезъ часъ уже игралъ, совершенно позабывъ о боли. Докладчикъ, производя опыты надъ больными, произвелъ опыты и на себѣ. Во время работы въ лабораторіи лопнула колба съ кипящей водою, и вода обожгла тыльную часть кисти руки. Одну часть обожженнаго мѣста М. Ю. Гольдштейнъ смазалъ растворомъ марганцово-калевой соли, а другую—содой. Результатъ получился такой: на мѣстѣ, смазанномъ марганцовой солью, боль перестала быть ощутимой черезъ 4 минуты; тамъ же, гдѣ было смазано содой, боль длилась еще полтора часа. На рану, особенно содержимыя не достаточно чисто и гнойныя, соль эта дѣйствуетъ также благотворно, дѣйствуя преимущественно на тѣ мѣста ея, которыя не поддаются надеждѣ на быстрое заживленіе. Докладчикъ даетъ этимъ фактамъ слѣдующее научное объясненіе. Когда растворъ марганцово-калевой соли приходитъ въ соприкосновеніе съ различными органическими веществами, то онъ разлагается и распадается на вѣдную щелочь, кислородъ, или даже озонъ, и бурюю окись марганца. Вѣдая щелочь

дѣйствуетъ на ткани прижигающе и убивая микроорганизмы, кислородъ окисляетъ, сжигаетъ, дезинфицируетъ и дезодорируетъ, и затѣмъ всё мѣста, подвергшіяся дѣйствію фдкой щелочи и кислоты, немедленно же покрываются слоемъ бурой окиси марганца, которая предохраняетъ отъ дѣйствія воздуха. Такимъ образомъ, по словамъ докладчика, не только прямыя наблюденія, но и теоретическое разсмотрѣніе, явно показываютъ, что растворъ марганцово-каліевой соли представляетъ изъ себя лучшее средство при ожогахъ.

Успокоеніе волнъ мыльнымъ растворомъ. Докторъ Кенпенъ, завѣдывающій германской морской обсерваторіей, предложилъ капитанамъ судовъ примѣнить въ видѣ опыта къ успокоенію морскихъ волнъ мѣсто масла мыльный растворъ. По произведеннымъ Кенпенемъ опытамъ трехъ-процентный мыльный растворъ производитъ такое же дѣйствіе, какъ и масло; при чемъ мыльный растворъ можно имѣть всегда въ любомъ количествѣ на суднѣ, и, кромѣ того, онъ гораздо дешевле масла. Какъ извѣстно, опасные грозно вздымающіеся гребни волнъ улегаются путемъ покрыванія водной поверхности масломъ или мыломъ, въ силу того, что между успокоившейся водой и колеблющимся воздухомъ образуется изолирующая ее отъ него плотная поверхность. По полученнымъ затѣмъ свидѣніямъ отъ капитановъ, какъ паровыхъ, такъ и парусныхъ судовъ, производившихъ упомянутыя испытанія, новый способъ успокоенія волнъ оказался вполнѣ пригоднымъ. (э.)

Интересная археологическая находка сдѣлана г. де-Зарцакомъ при разрѣшенныхъ ему турецкимъ правительствомъ раскопкахъ въ Халдеѣ, въ одномъ древнемъ замкѣ ассирійскихъ царей. Имъ найденъ колоссальный наконечникъ копья изъ мѣди или изъ бронзы, 14 сантиметровъ ширины и 80 сант. длины. Въ короткомъ древкѣ просверлено для прикрѣпленія наконечника шесть отверстій. На наконечникѣ копья грубо выгравированъ левъ съ расправленными когтями. Внизу имѣется надпись, ничего однако не упоминающая о владѣльцѣ этого копья. Ученые археологи, видѣвшіе копье, не преминули высказать взглядъ, что удивительное копье это должно было принадлежать халдейскому геркулесу, Издубару. Такимъ образомъ, здѣсь идетъ рѣчь объ въ высшей степени цѣннымъ памятникѣ изъ халдейскихъ временъ и объ оружіи, болѣе древнемъ, чѣмъ многие доисторическіе экземпляры оружія. (э.)

Гильомъ Франсуа Рузаль (ум. 1770 г.), извѣстный провозвѣстникъ знаменитаго Лавуазье въ реформированіи химіи, отличался также замѣчательной преданностью къ своимъ занятіямъ, доходившей до полного самоотверженія. Несмотря на то, что ему постоянно приходилось имѣть столкновения со своими начальниками изъ-за чрезмѣрной траты дорогихъ химическихъ препаратовъ, и что всѣ его слушатели были на него въ претензіи за чрезмѣрно продолжительное чтеніе лекцій, ревность его къ любимому дѣлу ничуть не умалилась.

Однажды это чрезмѣрно ревностное отношеніе къ дѣлу чуть не стоило ему жизни. Происходило это въ химической лабораторіи Парижскаго ботаническаго сада. Рузаль демонстрировалъ предъ аудиторіей въ 200 человекъ одинъ сильно взрывчатый препаратъ.

— Господа, сказалъ онъ, продолжалъ все сильнѣе размѣшивать нагрѣвавшуюся жидкость.—Видите вы этотъ сосудъ надъ жаровней? Какъ только я перестану размѣшивать, моментально послѣдуетъ взрывъ, и всѣ мы взлетимъ на воздухъ. Прошу васъ, будьте внимательны.

И, какъ это ни было невѣроятно, но онъ, дѣйствительно, пересталъ размѣшивать. Не успѣло пройти и мгновенія, какъ раздался страшнѣйшій взрывъ, всколебавшій все зданіе; сосудъ и жаровня были уничтожены совершенно, стекла разлеглись вдребезги, и пораженные слушатели въ ужасѣ вылетѣли въ садъ, вполнѣ убѣжденные, что профессоръ поплатился за свой безумный опытъ жизнью. Но какими-то чудесами Рузаль только отбросило въ сторону, и онъ не получилъ почти никакихъ поврежденій. Приподнямаяся, онъ произнесъ знаменитыя свои слова, ставшія крылатыми во Франціи: „Да, да, все это было очень хорошо, но все-таки въ другой разъ мнѣ этого не сдѣлаемъ!“ (и. э.)

Нѣтъ ничего невозможнаго. Герцогъ Креки, представлялся, въ качествѣ посланника отъ Людовика XIV, протектору Англии Оливеру Кромвелю, торжественно вручилъ ему въ спеціальной аудіенціи свои вѣрительныя грамоты. Къ несказанному изумленію, могущественный владетель Англіи, прочтя первыя лишь строки грамоты, повернулся къ герцогу спиной и продолжалъ вести себя такъ, какъ будто-бы въ залѣ вовсе и не было французскаго посланника. Герцога это страшно взорвало, но онъ, какъ истый дипломатъ, въ силу разныхъ соображеній рѣшивъ, что не слѣдуетъ обнаруживать своего гнѣва, воздержался во-время и обратился лишь за разъясненіемъ къ государственному секретарю Турлову.

Тотъ только плечами повелъ.

— Право, я не знаю, что могло разсердить моего начальника, сказалъ онъ.— Не было-ли чего въ самомъ обращеніи письма?

— Нѣтъ! замѣтилъ Креки.— Обращеніе это не можетъ разсердить никого. Да вотъ оно все: „Его высочеству Оливеру, лорду-протектору Англіи, Шотландіи и Ирландіи“. Помилуйте, что-жъ тутъ можетъ быть обиднаго. Чего-жъ еще?

— Да, я тоже думаю такъ, замѣтилъ Турловъ.— Быть-можетъ, его высочество ожидали отъ его величества, короля Французскаго, болѣе краткаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе лестнаго обращенія.

— Какого, напримѣръ?

— Напримѣръ, такого: „Дорогому брату нашему Оливеру, лорду-протектору“.

Креки было этого достаточно. Онъ сейчасъ-же далъ знать объ этомъ въ Царикъ. Тамъ извѣстіе его вызвало въ придворныхъ кругахъ большое волненіе. Король Людовикъ XIV сказалъ по этому поводу своему первому министру Мазарини, что онъ никоимъ образомъ не можетъ такого человѣка, какъ Оливеръ Кромвель, назвать своимъ братомъ.

Мазарини усмѣхнулся и проговорилъ:

— Король, нѣтъ ничего невозможнаго. Вы назовете, вы должны назвать этого Кромвеля даже своимъ отцомъ, если только хотите добиться отъ него того, что вамъ нужно.

Еще очень молодой тогда Людовикъ далъ себя уговорить, и Креки получилъ вѣрительныя грамоты съ „указаннымъ“ обращеніемъ. Онъ принятъ Кромвелемъ вторично и осыпанъ всяческими милостями.

Новый способъ печенія хлѣба безъ дрожжей. Изъ муки, воды и соли приготавливаютъ тѣсто и помѣщаютъ его въ герметически закрытый сосудъ,—въ который затѣмъ пускаютъ струю угольной кислоты, имѣющейся теперь въ продажѣ. Давленіе доходитъ до шести килограммовъ на квадрат. сантиметръ. Постоянно помѣшивая, остужаютъ тѣсто на одинъ часъ въ сосудѣ, послѣ чего формуютъ и пекутъ хлѣба, отличающіеся большими вкусовыми достоинствами.

Для предохраненія водопроводныхъ трубъ отъ промерзанія, слѣдуетъ, по совѣту „Bulletin technologique“, прикрывать ихъ слоемъ древесныхъ опилокъ и сверхъ опилокъ—древесною корою, съ положенными на нее кусками негашеной извести, величиною съ куриное яйцо. Дѣйствіемъ сырости развивается въ негашеной извести теплота, которой вполнѣ достаточно для предохраненія отъ замерзанія проходящей по трубамъ воды, въ теченіе всей зимы. Древесная кора предназначается для предохраненія трубъ отъ прикосновенія съ кусками извести, разбѣдающей металлъ. Этимъ же способомъ можно и отогрѣвать промерзшую въ трубахъ воду.

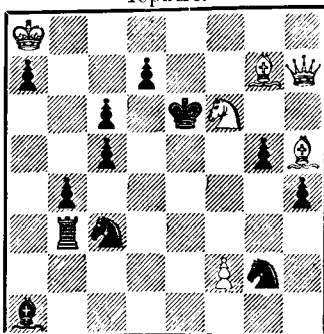
Самымъ холоднымъ мѣстомъ въ мірѣ долженъ считаться г. Верхонискъ въ Сибири, въ которомъ наблюдалась температура въ —39° Р., а средній минимумъ—27,1° Р. Самыя же жаркія мѣста—пустыня рѣчки Колорадо, гдѣ атмосфера нагрѣвается до +53,3° Р., и годовое колебаніе температуръ доходитъ до 88° Р.

Землетрясеніе было въ Персіи, въ Кучанѣ, причинившее много несчастій. Первый толчокъ раздался 17-го ноября въ 7 час. 30 м. вечера и разрушилъ весь городъ и всѣ селенія на 7 миль кругомъ. Изъ 20,000 душъ населенія погибло около 12,000. Землетрясеніе продолжалось до 24-го числа. Разразившаяся 23-го ноября буря увеличила бѣдствіе населенія, расположившагося на поляхъ.

Шахматная задача № 23.

М. Фейгеля въ Вѣнѣ.

Черные.

Бѣлые.

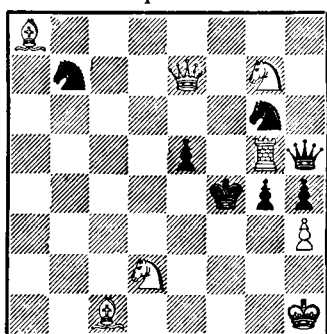
Мать въ 3 хода.

Шахматная задача № 24.

Р. Томсона.

1-я премія на конкурсѣ 2-хъ годовыхъ задачъ журнала „Schoolmaster“.

Черные.

Бѣлые.

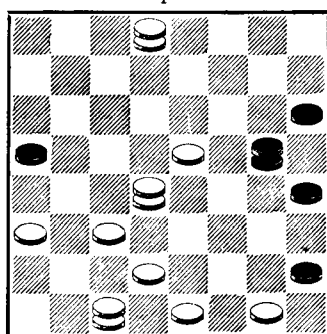
Мать въ 2 хода.

Шашечныя задачи

А. И. Шошина („Шахматн. Обзор.“).

№ 25.

Черныя.

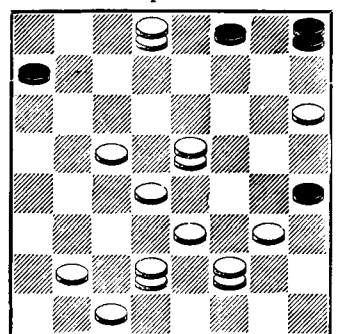

Бѣлые.

Запереть три простыхъ.

№ 26.

Черныя.

Бѣлые.

Запереть даму и три простыхъ.

Къ нашимъ читателямъ.

Черезъ нѣсколько дней по выходѣ этого номера, въ которомъ мы, по обыкновенію, обращаемся къ нашимъ читателямъ,— наступитъ новый, юбилейный для *Нивы*, двадцать пятый годъ ея изданія. Въ теченіе четверти вѣка работали мы и полагаемъ, что за это время достаточно прочно установилась между *Нивой* и ея читателями связь, которая послужитъ залогомъ успѣха нашего журнала и на будущее время. Пожелавъ видѣть наступающій 1894 годъ, мы даемъ, какъ бесплатное приложеніе при *Нивѣ*, „Сочиненія Ф. М. Достоевскаго“, автора, исключительно стоящаго въ нашей литературѣ, произведенія котораго должны составить главное основаніе домашней бібліотеки каждого образованнаго человѣка. Вслѣдствіе дороговизны, сочиненія эти до сихъ поръ не были доступны по цѣнѣ большинству, для котораго мы и даемъ случай приобрести ихъ нынѣ, какъ *бесплатное приложеніе* при *Нивѣ* за 1894 г. Подписчики же, которые имѣютъ сочиненія Достоевскаго въ одномъ изъ прежнихъ изданій,—могутъ передать полученное ими при *Нивѣ* новое изданіе одному изъ членовъ семьи въ видѣ, поистинѣ, цѣннаго подарка. Подарокъ этотъ будетъ совершенно самостоятельнымъ приложеніемъ къ журналу, самый же журналъ останется въ прежнемъ своемъ видѣ, и въ наступающемъ году *Нива* дастъ, кромѣ сочиненій Ф. М. Достоевскаго, въ самомъ журналѣ и въ новыхъ „Литературныхъ приложеніяхъ“ столько же произведеній, сколько привыкли получать ея подписчики въ послѣдніе годы.

Художественную премію *Нивы* на 1894 г. составятъ, какъ извѣстно уже, два офорта Шишкина, собственноручно травленные имъ: „Лѣсная рѣчка“ и „Дубовая роща Петра Великаго“, затѣмъ—двѣ воспроизведенныя красками картины: Ю. Ю. Клевера „Островъ Наргенъ“ и художника Расмуссена „Неро-Фіордъ“.

Въ серединѣ каждаго мѣсяца будутъ даны при *Нивѣ* въ будущемъ году „Ежемесячныя литературныя приложенія“, въ каждый выпускъ которыхъ войдетъ приблизительно столько же литературнаго матеріала, сколько было въ сборникахъ, выходившихъ при *Нивѣ*.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ № 1 *Нивы* начался стихотвореніемъ нашего маститаго поэта А. Н. Майкова, и теперь, въ юбилейный годъ, мы начнемъ первый выпускъ новыхъ литературныхъ приложеній строками того же поэта, приславшаго намъ новое свое стихотвореніе для приложеній *Нивы*. Затѣмъ, въ первомъ же выпускѣ, будетъ помѣщена полностью новая четырехактная комедія Я. П. Полонскаго: „Чужія роли“, имя котораго одинаково съ А. Н. Майковымъ дорого русскимъ читателямъ...

Въ томъ же первомъ выпускѣ читатели найдутъ рассказъ С. Н. Тернигорова (Сергѣй Атава)— „Князь Иванъ“, рассказъ Франсуа Коппе и т. д.

Такимъ образомъ мы можемъ надѣяться, что наши литературныя приложенія при *Нивѣ* сразу обратятъ на себя должное вниманіе и наравнѣ съ номерами *Нивы* представятъ занимательный, полезный и разнообразный матеріалъ для чтенія.

Только что вышелъ и разосланъ подписчикамъ I выпускъ

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ“

профессора О. ТЕГЕРА,

переводъ подъ редакцію

профессора П. Н. ПОЛЕВОГО.

Этотъ выпускъ содержитъ въ себѣ: Исторію древнюю—отъ возникновенія первыхъ государствъ до установленія спарганской гегемоніи въ Элладѣ—съ 90 иллюстраціями въ текстѣ и 11 отдѣльными приложеніями, отпечатан. черною и цвѣтными красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе, выходящее въ 1894 г. въ видѣ 12 ежемѣсячныхъ выпусковъ, 12 р., съ перес. 14 р.

Допускается разсрочка на самыхъ льготныхъ условіяхъ (подробн. въ предыдущихъ №№ «Нивы»).

Первый выпускъ высылается каждому, кто желаетъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, за 1 руб. (который можно присылать почтовыми марками). При подпискѣ на все изданіе этотъ рубль вычитывается съ подписной суммы.

Требованія просятъ адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Невскій просп., № 6.

КОЛЕНКОРОВЫЯ КРЫШКИ

на книги „Сборника Нивы“ за 1893 годъ.

Крышки изготовлены изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ изысканными тисненіями золотомъ и краскою. Всего 6 крышекъ, изъ которыхъ три на полн. собр. соч. Ломоносова, Екатерины II и Фонвизина, и три на „Сборникъ“ (въ каждую крышку переплетается 3 книги Сборника). Цѣна одной крышки 25 коп., съ перес. 60 коп., а всѣхъ шести 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нивы“, Невскій, 6.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1893 г.,

закл. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр.

Къ этому тому бесплатно прилагается:

Двадцать книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній, научныхъ статей, научной лѣтописи, бібліографіи, задачъ, игръ, смѣсь.

Три изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ собранія произведеній: М. В. Ломоносова, Импер. Екатерины II и Д. И. Фонвизина. Каждое изъ этихъ сочиненій издано въ видѣ отдѣльнаго, совершенно самостоятельнаго тома, съ гравированными на стали портретами авторовъ.

Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ:

10 КАРТИНЪ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: Александровскаго, Бегрова, Васильевскаго, Каразина, Лебедева, Манарта, Н. Мановскаго, Рѣпина, Сверчкова и Труговскаго. Карг. выдаются въ изящн. папкѣ, украш. акварелью Н. Н. Каразина.

Цѣна этому тому со всѣми приложеніями 5 рублей. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошн. коленкор. переплетахъ благоволятъ прилагать: за пересл. тома „НИВЫ“ 1 р. 50 к. и за 6 перепл. на „Сборникъ“ (3 перепл. на книги „Сборника“ и 3 перепл. на соч. Ломоносова, Екатерины II и Фонвизина)—1 р. 50 к. На укупорку переплетеннаго экземпляра гг. иногородные благоволятъ прилагать за ящикъ 75 коп.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинь — Духи для комнатъ № 6412 (10)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ *Mimosa* ЛОЗЕ *Ixora-viola*

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Игральные карты, по новейшим изслѣдованіямъ врача Раппена, служатъ гѣздами для различныхъ видовъ микроорганизмовъ, изъ которыхъ попадаются и вредные для человѣка, напр. золотистый гроздековъкъ. Это слѣдуетъ принять во вниманіе многимъ игрокамъ, имѣющимъ привычку, при сдачѣ картъ, смачивать пальцы слюной, благодаря чему легко возможна передача заразныхъ болѣзней.

Къ самымъ долговѣчнымъ деревьямъ принадлежатъ, по словамъ „La science illustrée“: ольха, достигающая возраста 365 лѣтъ, площадь—450, каштанъ—600, дубъ—1500, тисъ—2800 и баобабы—5700 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Вана. Разсказъ Ив. Дм. Голицына-Муравлина.—Подъ Рождество. (Святочные очерки изъ солдатской жизни на окраинахъ). И. Тхоржевскаго.—Тѣни минувшаго. (Рождественскія сказки въ октавахъ). А. Додз.—Сонъ въ 3 мнѹю новъ. Святочный разсказъ Ар. П.—а.—Игрушки. Очеркъ В. Адамовича.—Виелемъ въ Петербургѣ (съ 2 рис.)—Къ рисункамъ: Рождественскіе дни (съ 7 рис.).—Явленіе ангела пастухамъ (съ рис.).—Рождественская ночь въ лѣсу (съ рис.).—Помоненіе волховъ и пастуховъ (рис. на обложкѣ).—Рождество Христово въ рисункахъ Иванова.—Библиографія.—Политическое обозрѣніе. Смѣсь.—Шахматы.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—Къ нашимъ читателямъ.—Объявленія.

СТРАННИЧКА ДЛЯ ДѢТЕЙ (на внутр. сторонѣ обложки): Надя и Нина. Разсказъ для дѣтей.—Тягость. Русская сказка.—Сабо и лудоръ. Французская сказка.—Черная шахта. Германская сказка.—Горсть земли. Индійская сказка.

При этомъ № прилагается оглавленіе „Нивы“ за 1893 годъ.

Издатель А. Ф. Мав'съ. Редакторъ Ив. М. Н. Волонскій.

16 MÉDAILLES
EAU, PÂTE, POUDRE
PURES DE TOUT ACIDE

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
DE LA FACULTE DE MEDECINE DE PARIS

CÉLÈBRES par leurs QUALITÉS
EN VENTE PARTOUT

ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО № 5930 (15)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для пѣкноти лица. Цѣна 50 коп. Остерегайтесь поддѣловъ. Требуется подписис А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ
только 4 р. 50 к.

Англійскіе, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа, и указатель секундъ. ♦ 3 штуки часовъ 12 руб. 75 коп. ♦ 5 штукъ — 20 руб. ♦ Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6638

Открыта п. д. с. на 1893 годъ на издаваемые при С.Н.Б. духовной академіи „ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ и „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

„Церковный Вѣстникъ“ будетъ знакомить съ современною церковною жизнью, не упуская изъ вниманія и соприсасающей съ нею жизни свѣтскаго общества; въ „Христіанскомъ Читеніи“ будутъ печататься оригинальныя и переводныя статьи преимущественно историческаго, апологетическаго и назидательнаго содержанія, а также толкованія на книги Ветхаго Завета. № 6719

Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала 7 р. съ пересылкою; отдѣльно по 5 руб. Иногородные адресуются такъ: В. Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Читенія“, въ С.-Петербургѣ. Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголь 7-й ул. и Дегтирной, д. № 28—30, кв. № 8). Редакторъ проф. А. Л. Пухинъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкія пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—25

Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованію высылаются безвозмездно

SINAPISME RIGOLLOT
Горчичники RIGOLLOT или Горчичная Бумага.

ПРИНЯТЫ ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ.—Требуется подписис изобрѣтателя Р. RIGOLLOT, отпечатанную красными чернилами на каждомъ листѣ и на каждой коробкѣ. № 5303 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. 10—10

Продается оптомъ Р. RIGOLLOT et Cie. 21, avenue Victoria. Парижъ.

Я. БЕККЕРЪ
Поставщикъ Его Величества Императора Всероссийскаго въ Петербургѣ,
на углу Невскаго и Казанской площади, № 18/27.

РОЯЛИ И ПИАНИНО. № 6675 (4)
Прейсъ-курантъ бесплатно.

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ
А. ЛЕМЕРСЪЕ.
Средство для смягченія кожи рукъ и лица.
Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Просьба обращать вниманіе на имя изобрѣтателя А. ЛЕМЕРСЪЕ, которымъ снабженъ каждый флаконъ настоящаго желе-филодермина, такъ какъ появились поддѣлки съ точнымъ подражаніемъ упаковки и ярлыковъ. Делю у А. Галле и Н. въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. III. № 6149 28—27

КАЖДАЯ ДАМА стремится имѣть шикарную и изящную талию!
достичь этого легко при помощи патентованныхъ практичѣйшихъ крючочковъ и петель Прима!
ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСПРАВЛЯЕТЪ ЛЮБОЙ ПОКРОЙ.

Послѣ 4-хъ-недельнаго ношенія лифа. Послѣ 4-хъ-недельнаго ношенія лифа.

Платье, снабженное патентованными крючочками и петлями Прима, никогда не терять своего фасона ни при какой работѣ, благодаря чему пользуется громаднаго экономіи въ платьяхъ при значительной затратѣ.

Крючки и петли Прима не портятся, а потому возможно ихъ опрыскать отъ нечистоты платья, для чего вѣнчикъ на новъ.

Безъ впадины и складки. Влад. и складъ нѣтъ, модъ какъ новыи.

На вышеприведенныхъ рисункахъ, крючки и петли показаны снаружи для болѣе нагляднаго поясненія, въ дѣйствительности-же они пришиваются внутри и снаружи ихъ не видно.

БЕЗПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ
журнала „БУДИЛЬНИКЪ“ на 1894 годъ.

Годовые подписчики на „Будильникъ“ въ 1894 г. (въ Москвѣ 9 р., а для иногороднихъ 10 р.) выигрываютъ:

- 1) 200,000 курьезныхъ фактовъ столичной и провинціальной жизни.
- 2) 75,000 карикатуръ общественной жизни, политики и театра.
- 3) 10,000 (а можетъ быть и меньше) художественныхъ карикатуръ знаменитаго карикатуриста Ф. Гретца изъ Вѣны, приглашеннаго къ участію въ 1894 г. въ журналъ „Будильникъ“.
- 4) Постоянное приложеніе къ каждому изъ 50 номеровъ журнала съ а) юмористическимъ календаремъ, б) веселыми піесами текущаго репертуара и в) разсказами изъ иностранной юмористики.
- 5) Годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, главный выигрышъ:

„ФАУСТЪ“
бессмертное твореніе Гете, въ лучшемъ переводѣ Н. В. Трунина, съ десятью большими иллюстраціями художника-академика К. А. Савицкаго, исполненными фототипіей О. Ренаръ.

Полугодовые подписчики (въ Москвѣ 4 р. 50 к., для иногороднихъ 5 руб.) получаютъ половину выигрышей, но безъ права на главный выигрышъ („Фаустъ“). № 6651 5—4

По письменному соглашенію, ред. жур. „Будильникъ“ великодушнo допускаетъ разсрочку: 5 р. при подпущкѣ и 5 р. 1 іюня 1894 г.

Подписныя деньги—10 р. за годъ и 5 р. за 1/2 г.—просить адресовать: въ Москву, въ редакцію журн. „Будильникъ“

Патентованные крючки и петли ПРИМА
не слабуютъ отъ времени, не сгибаются, не растягиваются, а постоянно находятся въ вертикальномъ положеніи, отчего лифъ на такихъ складкахъ, и не уродуютъ, а напротивъ исправляютъ всякую фигуру.

Нашивать эти застежки очень легко; при каждой карточкѣ прилагается подробное наставленіе. № 8538 12—9

Патентованные крючки и петли Прима имѣются во всѣхъ лучшихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ.

Единственный оптовый складъ у Бр. ЭРЛЕНБАХЪ.
С.-Петербургъ, 4 рота, 16.,—собств. домъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

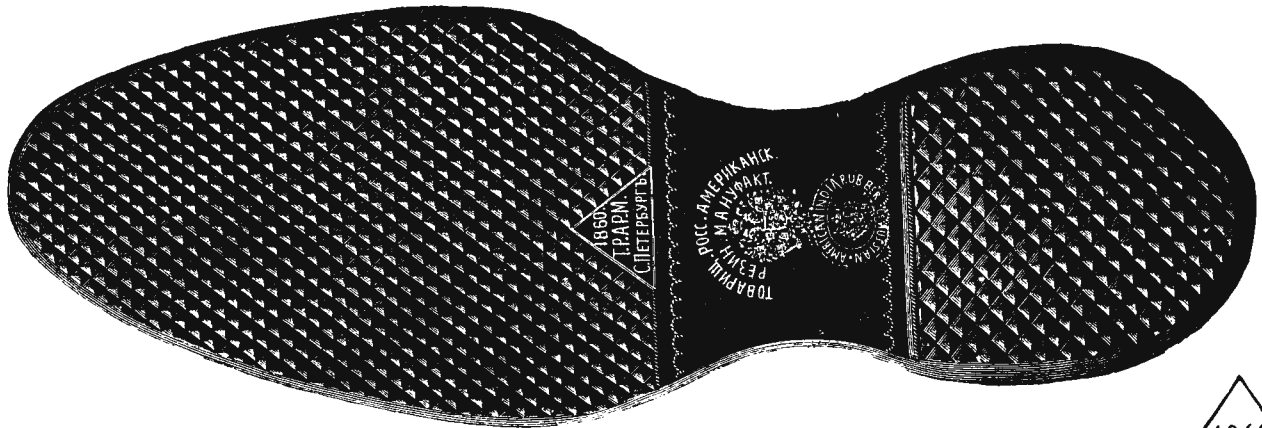

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6372 26-18

въ особенности на **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ**

право пользования которымъ принадлежитъ исключительно Товариществу Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры, и голъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА ежемѣсячный, литературно-научный и политическій журналъ „СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

Въ 1893 г. въ „Сѣв. Вѣст.“ было между проч. напечатано: „СУРАТСКАЯ КОФЕЙНЯ“ гр. Льва Толстого, „ПУСТОЦЯСЫ“ разск. Н. Лѣнова, „МЕЧТАТЕЛЬ“ разск. въ стих. Я. Полонскаго, „СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГЪ“ ром. Н. Баранцевича, „АЛІ“ разск. П. Боборынина, „ДЕРЕВНА НАНДЖАНА“ сказ. Нота Мурлыки, „ВЪ СЛОБОДКѢ“ разск. Ольги Шалирь, „СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ“ пов. И. Потапенко, „КОНЕЦЪ ВИРЮКОВСКОЙ ДАЧИ“ разск. А. Михайлова (Шеллера), „ВЪ ОГОНЬ И ВЪ ВОДУ“ пов. С. Смирновой, „СОРОКОВОЙ ВѢСЬ“ М. Альбова, статьи: „НЕ-ДѢЛАНІЕ“ гр. Льва Толстого, „КНИГОНОШИ И ОФЕНИ“ А. Пругавина, „О ВЛІЯНІИ МУЗЫКИ“ проф. И. Тарханова, „ЖЕНЩИНА-ПРЕСТУПНИЦА“ проф. И. Фойницкаго, „ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОКТРИНЫ ПРОШЛАГО ВѢКА“ проф. М. Ковалевскаго, „НИСЪМА ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА“ В. Стасова, „ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА 60-ХЪ ГОДОВЪ“ Н. Ге, „О ПРИТВОРНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ У ДѢТЕЙ“ д-ра В. Янубовича, „О ЖЕНЩ.-ВРАЧАХЪ И ЖЕНСК. ВРАЧ. КУРСАХЪ“ д-ра Г. Герценштейна, „НАУКА, ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ“ А. Волынскаго, „БЪЛІНСКІЙ“ его-же, „СОВРЕМЕННЫЯ ПЕРВЫЯ БОЛѢЗНИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА“ проф. П. Ковалевскаго, „ЕДИНСТВО ГЕРМАНИИ“ Л. Полонскаго, „ВОЛГА И ВОЛГАРИ“ А. Субботина и мн. друг. Кромъ того печат. въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ.

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 гг.). Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Бесѣды Государя, Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинки и др. Новымъ годовымъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разослана бесплатно 1 ч. Записокъ Смирновой въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ.

Ежемѣсячные отдѣлы: 1) Областной и земскій отд. 2) Провинціальная печать Л. Прокурова. 3) Отзывы о новыхъ книжкахъ. 4) Письма: изъ Америки В. Манъ-Гаканъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая дѣлоснѣ. 7) Театръ. 8) Изъ жизни, науки и литературы. 9) Литературныя замѣтки А. Волынскаго.

Условія подписки:

	По полугодіямъ.			По четвертямъ года.		
	Январь.	Іюль.	Июль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.
Безъ доставки въ СПб. На годъ.	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.
въ Москвѣ	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.
въ Москвѣ съ доставкой въ СПб.	12 р. 50	6 р. 50	6 р. 50	3 р. 50	3 р. 50	3 р. 50
съ перес. въ Имперіи.	13 р. 50	7 р. 50	7 р. 50	3 р. 50	3 р. 50	3 р. 50
За границей.	15 р. —	8 р. —	8 р. —	4 р. —	4 р. —	4 р. —

Подписка на всѣ означенные сроки. Разрѣшеніе плателей. Служащѣ могутъ вносить по-мѣсячно за ручат. казначейств. Ущамъ и учащимся льготы по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМ. въ Главн. Конторѣ, СПб. Троицкая, 9, и въ Отдѣлѣ. въ СПб. въ кн. маг. Фену и въ Москвѣ въ конт. Печковской. Во всѣхъ кн. маг. Карбасникова и Нов. Времени, Оглоблина (въ Кіевѣ), Башмалова (въ Казани) и др. № 6692 2-2

Съ 1 дек. открыто въ Москвѣ отдѣленіе редакціи и конторы: Тверская, д. Самикова.

Издательница Л. Гуревичъ. Редакторъ М. Альбовъ.

НОВЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ для семейнаго чтенія „БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!“

!!!НЕОБХОДИМО ВЪ КАЖДОЙ СЕМЬИ!!!

Здоровье составляетъ, безъ сомнѣнія, высшее благо человѣка въ „нашъ первый вѣкъ“. По мѣткому выраженію Фейхтерслебена **здоровье есть только житейская формула правды, добра и красоты**. Здоровью и посвящается нашъ журналъ.

Какъ сохранить здоровье, какъ предотвратить все вредное для организма, какъ бороться съ простыми заболѣваніями до прибытія врача, что дѣлать въ несчастныхъ случаяхъ, какъ воспитывать дѣтей на началахъ рациональной гигиены, какъ устроить свою жизнь, чтобы сохранить свѣжесть духа и крѣпость тѣла, равновѣсіе умственныхъ и физическихъ силъ, однимъ словомъ, **какъ намъ жить, чтобы здоровыми быти!** — вотъ что ставитъ себѣ цѣль нашъ журналъ „Будьте здоровы!“ и что послужитъ предметомъ подробнаго разсмотрѣнія на его страницахъ.

Девизъ журнала такимъ образомъ ясенъ изъ самаго его названія: „Будьте здоровы!“ Его предполагаемая аудиторія — семья, публика въ широкомъ значеніи этого слова. Мы именно стремились создать журналъ для семейнаго чтенія, дать рядъ популярныхъ бесѣдъ, понятныхъ каждому образованному лицу. № 6698 3-2

И если наша цѣль будетъ достигнута, то мы льстимъ себя надеждой, что нашъ журналъ — первый русскій популярный журналъ такого рода — сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ естественно быть, — **необходимой настольной справочной книгой въ каждой семьѣ**. Домашній врачъ-гигиенистъ есть лучший совѣтникъ и другъ семьи и наше искреннее желаніе, наша дорогая цѣль, — замѣнить своимъ журналомъ семью этого недостающаго ей теперь друга.

А затѣмъ — „Будте здоровы!“

Редакторъ-издатель Д-ръ И. И. Зарубинъ. Журналъ „Будте здоровы!“ выходитъ съ 1 января 1894 года 2 раза въ мѣсяцъ въ крупномъ форматѣ со многими рисунками и приложениями. Подписка дѣла съ доставкой и пересылкой 5 руб. въ годъ и 3 руб. за полгода. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, 3-я Рождественская улица, № 19. Подписка принимается въ конторѣ редакціи и во всѣхъ болѣе известныхъ книжныхъ магазинахъ столицы и провинціи.

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОБНЫЙ ФЛАКОНЪ 10 КОП.

Парфюмерн. магазинъ Г. ПОПА. Пассажъ № 52. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЗВАНІЕ ЛУЧШИХЪ ДУХОВЪ:

Эссенция букета	Віолетъ де Парма	Бѣлая роза
Жокей клубъ	Резеда	Милль Флёръ
Букетъ Императрицы	Люби меня	Анациъ
Илангъ-Илангъ	Степной букетъ	Гладиолъ
Майскій-Ландышъ	Ірисъ	Киссъ де Квикъ
Бѣлый геліотропъ	Эдельвейсъ	Испанская кожа
Бѣлая лилія	Жасминъ	Савонъ сѣно
Сирень перс.	Орнопанаксъ	Черемуха
Лавкой	Шипръ	Lilaz Heuri
Фіалка	Букетъ де Царя	Lotus.

ПРОБНЫЕ ФЛАКОНЫ ВЫСЛАЮТСЯ НЕ МЕНЬШЕ 10 ФЛАКОНОВЪ ЗА 1Р. 40К. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ ГОРОДА РОССИИ. (Иром: СИБИРІИ)

ВѢСТНИКЪ ВИНОДѢЛІЯ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,
издаваемый под редакціей **ВАСИЛІЯ ТАЙРОВА.**

Открыта подписка на 1894 г. ♦ Подписка на 1892 и 1893 гг. продолжается.

Журналъ будетъ выходить, попрежнему, безъ предварительной цензуры, книжками въ четыре печатныхъ листа, по самой обширной программѣ и при постоянномъ сотрудничествѣ виднѣющихся иностранныхъ и русскихъ ученыхъ и спеціалистовъ, какъ это было въ первые годы изданія. Ц. № 6718

«Вѣстникъ Винодѣлія» РЕКОМЕНДОВАНЪ Учеными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Государственныхъ Имуществъ.
Подписная цѣна на годъ, съ пересылкою и доставкою, шесть рублей.
Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, № 71.

ПОЗДРАВЛЯЕМЪ! ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ!

XIX годъ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ годъ XIX.

„СТРЕКОЗА“ ОРГАНЪ ОСТРОСЛОВІЯ И ВЕСЕЛОПРАВІЯ.

Для годовыхъ подписчиковъ
ТРИ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ.

1) II-й томикъ „РУССКОЙ ЛІРЫ“ въ роскошномъ переплетѣ. Въ составъ его войдутъ наиболѣе удачныя стихотворныя вещи преимущественно поэтовъ новѣйшаго времени.

2) Роскошный **Альбомъ „КАЛЕЙДОСКОПЪ“** in folio, въ изящной обложкѣ, отпечатанный на превосходной бумагѣ и содержащій разнообразныя вещи изъ области живописи, литературы, музыки, игры, задачъ, гаданій, и проч. и проч. Эта небывалая главная премія „СТРЕКОЗЫ“ будетъ первымъ у насъ по своей оригинальности изданіемъ.

Наконецъ 3-ю премію составятъ **КАЛЕНДАРЬ „СТРЕКОЗЫ“ НА 1895 г.** съ многочисленными рисунками и вынетками, во вкусѣ парижскихъ новогородныхъ „кальманавовъ.“ № 6665 3—3

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ съ преміями:		ПО 1/2 ГОДИЯМЪ безъ преміи:	
въ СІБ.—гдѣ безъ доставки	8 р. 50 к.	въ СІБ.—гдѣ безъ доставки	4 р. 25 к.
съ доставкою	9 р. —	съ доставкою	4 р. 50 к.
во всѣ города	10 р. —	во всѣ города	5 р. —
за границу	12 р. —	за границу	6 р. —

1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться преміями, при подпискѣ на оба 1/2 года доплачиваютъ по 50 к. за каждое.

Редакція и контора помѣщаются: 89, Фонтанка, на углу Лептукова пер., въ СІБ.
Издатель Г. Н. Коппельдѣ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Буква).

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе

Ф. ПАВЛЕНКОВА:

М. № 6724

6-й томъ СОЧИНЕНІЙ ДИККЕНСА (полное собраніе).

Въ этомъ томѣ помѣщены романы: „Записки Пиквикскаго клуба“ и „Тяжелыя времена“. Содержаніе предыдущихъ томовъ: 1-й — „Давидъ Копперфильдъ“, 2-й — „Домби и Сынъ“, 3-й — „Холодный домъ“ и „Повѣсть о двухъ городахъ“, 4-й — „Крошка Дорритъ“ и „Большія ожиданія“, 5-й — „Нашъ общій другъ“ и „Оливеръ Твистъ“. — 7-й томъ „Николай Никльби“ и др. печатается. Цѣна наждаго тома 1 р. 50 коп.

САРИШКА И САРИШСКАЯ ЧЕСУЧА

Ц. № 6618 **СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦІИ.** 8—6
Пересылку тканей по заказамъ фирма Альбомъ съ образцами высылается по принимаетъ **на свой счетъ.** Требуванію за 42 коп.
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

„НЕДѢЛЯ“

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій: еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“.

„НЕДѢЛЯ“ выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ. „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ выходятъ ежемѣсячно, въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ.

Соединеніе еженедѣльной общественно-политической газеты съ ежемѣсячнымъ литературно-критическимъ журналомъ даетъ возможность редакціи „НЕДѢЛИ“ охватывать въ своемъ изданіи всѣ вопросы и интересы текущей жизни, подлежащіе вѣдѣнію периодической печати.

Подписка на 1894 г. открыта.

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ и журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ — **девять рублей** въ годъ, съ доставкою и пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 4. № 676 3—2

Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

5 Р.

„НОВОСТИ ДНЯ“

9 Р.

НА 6 МѢС.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.
ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НА ГОДЪ.

Живая общедоступная форма, всеобъемлющая полнота и чуткая отзывчивость ко всему выдающемуся въ русской жизни, — вотъ тотъ девизъ, который избрала себѣ разъ навсегда и котораго неуклонно держится наша газета.

Богатый матеріалъ, который даютъ „НОВОСТИ ДНЯ“ своимъ читателямъ, распределяется въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА — официальный отдѣлъ правительственныхъ распоряженій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ — политическая и общественная жизнь иностранныхъ государствъ. „НОВОСТИ ДНЯ“ отводятъ много мѣста и собственнымъ корреспондентамъ изъ главнѣйшихъ заграничныхъ центровъ — ПАРИЖА, БЕРЛИНА, ВѢНЫ, РИМА, МИЛАНА, ЛОНДОНА, НЬЮ-ІОРКА и друг.

ХРОНИКА. — Факты и слухи, сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ области законодательной и общественной жизни.

ТЕЛЕГРАММЫ — отъ собственныхъ корреспондентовъ и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. Ежедневныя телеграммы нашихъ корреспондентовъ передаютъ всѣ важнѣйшіе факты и имѣютъ особенное значеніе для провинціальныхъ читателей, получающихъ такимъ образомъ интересныя сообщенія на одинъ или даже на два дня раньше.

МОСКОВСКІЯ НОВОСТИ — дневникъ Москвы и подмоск. мѣстностей, полный отчетъ о событіяхъ и происшествіяхъ прошлаго дня.

ЗА ДЕНЬ — ежедневный фельетонъ столичной жизни.

ЕЖЕДНЕВНО ИНТЕРЕСНЫЙ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

„НОВОСТИ ДНЯ“ даютъ еженедѣльно роскошно исполненные портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, составляющихъ интересъ дня. Такихъ портретовъ будетъ дано, какъ и въ текущемъ году, болѣе 500, при чемъ будутъ помѣщены и портреты общественныхъ дѣятелей провинціи. Ни одна газета до сихъ поръ не дала такъ много изящно выполненныхъ портретовъ, и „НОВОСТИ ДНЯ“ являются съ этой стороны одной изъ самыхъ интересныхъ газетъ.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „Новостей Дня“ съ бесплатнымъ еженедѣльнымъ приложеніемъ **ОСТАЕТСЯ БЕЗЪ ИЗМѢНЕНІЯ.**

съ доставкою во всѣ города Россійской Имперіи **9 руб.**, на 6 мѣсяцевъ **5 руб.**

Адресъ: Москва, Мясницкая, главная контора газеты „Новости Дня“.

Ц. № 6720

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшего англійскаго колленкора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанными красками, на 1893 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

ЛЕВШИНЫ и ПУШИНЫ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается вѣстникъ-иранскій журналъ „Нива“. № 2450

„НУВЕЛЛИСТЪ“

5 руб. безъ доставки, 6 руб. съ доставкой. МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

и МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА. 55 годъ изданія.

Въ 1894 году „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, ежемѣсячно тетрадями. Годовой экземпляръ составитъ обширный томъ въ 400 страницъ и дастъ до 100 новыхъ фортеп. пьесъ въ двѣ и четыре руки, танцевъ и русскихъ романсовъ, а также легкихъ пьесъ для дѣтей. Мт. № 6723

ПРЕМИЯ

Полная опера для фортепиано въ двѣ руки, или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ и два портрета знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.

Подписка въ С.-Петербургѣ, у М. Бернарда, Большая Морская, 26; въ Москвѣ, у П. Юргенсона, Неглинный, 10.

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей Н. А. ЛЕЙКИНА.

Ежедневный иллюстрированный юмористическій журналъ большого формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными). 52 №№ въ годъ; до 1000 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарлады, загадки на премію.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:**

ЮМОРЪ № 6678 3-3

Н. С. ТУРГЕНЕВА

въ рисункахъ.

Цѣна за журналъ: съ перес. и дост.: на годъ 9 р., на полгода 5 р.; безъ перес. и дост.: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к. За границу на годъ 10 р.

За пересылку премій прилагаемы не полагается. Допускается разорочка. Подписка принимается въ Главной Конторѣ журн. „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Спаской ул., д. № 17. Редакторы-изд.: Н. Лейкинъ и Р. Голине.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕМІЯ КУР ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ИСУСУСЪ

(сынъ Навина). Повѣствован. изъ библейск. времени ГЕОРГА ЭБЕРСА. Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. худож. А. Земцова. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 21 к.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ РОЖДЕСТВУ.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:
СКАЗКИ,
собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.
ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ П. Н. ПОЛЕВОГО,
со множествомъ иллюстрацій П. ГРОТЪ-ЮГАННА.

„Сказки“ представляютъ собою **БОГАТО** изданный томъ, — въ 4-ю долю листа, налучшей веле- невой бумагѣ, — заключающій въ себѣ 548+XII стран. и около 240 вы- соко-художественныхъ ри- сунковъ и виньетокъ.

Цѣна этому богато издани. тому 12 р., съ перес. 14 р.

Въ роскошномъ колленкоровомъ переплетѣ, съ изящными тисненіями золотомъ и красками и цвѣтнымъ обрѣзомъ 14 р., съ перес. 16 руб.

Это роскошное изданіе можно рекомендовать, какъ прекрас- ный и полезный подарокъ къ Рождеству.

Желающихъ получить „Сказки“ проситъ заблаговре- менно прислать требованія и деньги, чтобы заказы ихъ могли быть исполнены своевременно.

Для гг. подписчиковъ продаются колленкоровыя крышки для переплета полнаго собранія „Сказокъ братьевъ Гриммовъ“ по ука- занному образцу. Цѣна крышки 1 р. 25 к., съ пересл. 2 р.

КЪ ПРАЗДНИКАМЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

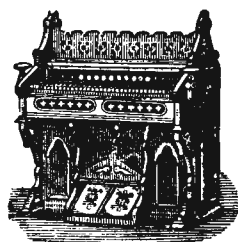
поступила въ продажу новая книга: № 6723

ЛАСТОЧКА. Разсказы для юношества Е. Тихоновой, съ 6-ю раскра- шенными картинками. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Продается въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

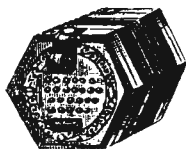
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарына. Рекомендуетъ лучшаго качества, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ:

ФИСАРМОНИ

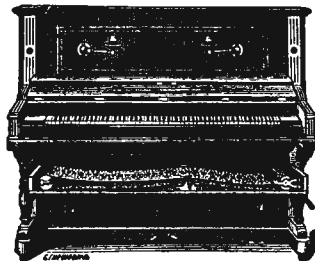
инструменты весьма пріятнаго мягкаго тона, простой и прочной конструкціи, изящной отделки. На фисармоніи можно легко научиться играть и посредствомъ разныхъ регистровъ производить прекраснѣйшіе музыкальные эффекты. Играющему на фортепиано игра на фисармоніи не составляетъ никакого затрудненія. Лучшихъ американскихъ и французскихъ фабрикъ, а также извѣстѣйшей фабрики Шидмайера, рекомендованная Главачемъ, Гензельтомъ, Листомъ и другими. Въ 100, 125, 130, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 225, 250, 300, 325, 350, 375, 400, 500, 550, 700, 800 и 1000 руб.

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО

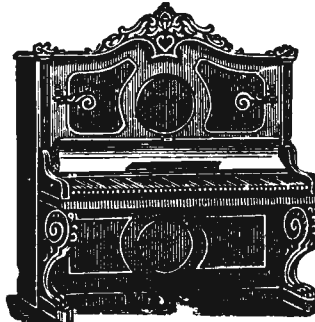
по 24, 30, 40, 55, 70, 85, 100, 125, 140, 160, 200 р. и дороже.

Подробный иллюстрированный прейс-курантъ бесплатно.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО

прекрасный и практичный инструментъ, можно играть посредствомъ верченія ручки и какъ на обыкновенномъ пианино. Цѣна безъ нотъ 600, 700 руб. и дороже. Ноты по 1 р. 50 к. за метръ.

РОЯЛИ И ПИАНИНО

лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ (также знаменитой Парижской фабрики Эраръ).

Пианино въ 375, 425, 600 и 700 руб. Рояли отъ 500 до 1500 руб.

Подробный иллюстрированный прейс-курантъ бесплатно.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для кожи лица и рукъ.

При покупкѣ настоящаго вазелиноваго мыла Голлендера, просимъ обращать вниманіе на утвержденную Правительствомъ фабричную марку и подписи Г. Голлендеръ и требовать всегда мыло Голлендеръ. Цѣна 30 к. Вазелиновая жирная пудра . . . кор. 60 к. Вазелиновый колыдь-кремъ . . . бан. 35 к. Вазелиновая помада . . . бан. 35 к. Ландышевое молоко . . . фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. (7) № 6340

С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1. Продажа въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

PARFUMERIES

IXORA ED. PINAUD

Savon à l'IXORA

Essences . . . à l'IXORA

Huile à l'IXORA

Poudre de Riz à l'IXORA

37, BOULEVARD DE STRASBOURG

PARIS

GRAND PRIX

EXPOSITION-PARIS 1889

ОТКРЫТА ПОДПИСНА

на 1894 г. на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

10-й годъ изданія.

Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Ежедневное изданіе, необходимое для техника ремесленника, кустара, сельскаго хозяина, любителя ремесла, для школы и во всякой семьѣ.

№ 6717

Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты и понятныя описанія новостей по **всѣмъ ремесламъ и крупнымъ техническимъ производствамъ** со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ изобрѣтений, инструментовъ, станковъ, машинъ и всякихъ полезныхъ присоединеній для мастеровъ и хозяиновъ. Къ 50-ти №№ прилагаются 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ изобрѣтений: для столярныхъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Русселя и др.) и проч. и проч. Каждому годовому подписчику высылаются **вмѣстѣ съ вышедшими №№-ами КРОМЪ ТОГО:** 1) Календарь для ремесленниковъ и 2) Справочная книга по разнымъ ремесламъ.

Каждый подписчикъ найдетъ въ **РЕМ. ГАЗ.** и въ **руководствахъ, изданныхъ редакціей, много такихъ указаній, которыя принесутъ ему ЗНАЧИТЕЛЬНЫЯ ВЫГОДЫ.**

6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой, за 1/2 года 4 руб.

Подписка принимается: въ РЕДАКЦІИ журнала и во **ВСѢХЪ** книжн. магазинахъ.

„Рем. Газ.“ рекомендована Мин. Нар. Просвѣщенія.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАНДЪ И СЪ
ГОРОХОВСКОЮ УЛ. У КРАСНАГО МОРТА № 17.
ЧАСЫ НИКОЛЬ ОТЪ 6 Р. БОДЪ 15 Р.
СТАЛЬНЫЯ ЧЕРНЫЯ ОТЪ 11 ДО 25 Р.
СЕРЕБРЯНЫЯ ОТЪ 12 ДО 50 Р.
ЗОЛОТЫЯ ОТЪ 15 ДО 100 Р.
РЕГУЛЯТОРЫ ДЕВЯТИДЕСЯТИЛЕТНЯГО
ЗАВОДА ОТЪ 17 ДО 25 Р.
ВЫСЛАЖИ НАПРАВЛЕН. ПЛАТИНЫ И ИХЪ ТР.
ПРЕСЛ. КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

